БОЛЬШЕВИК

N 1

1 АПРЕЛЯ

1924
МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"

H8
B6

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

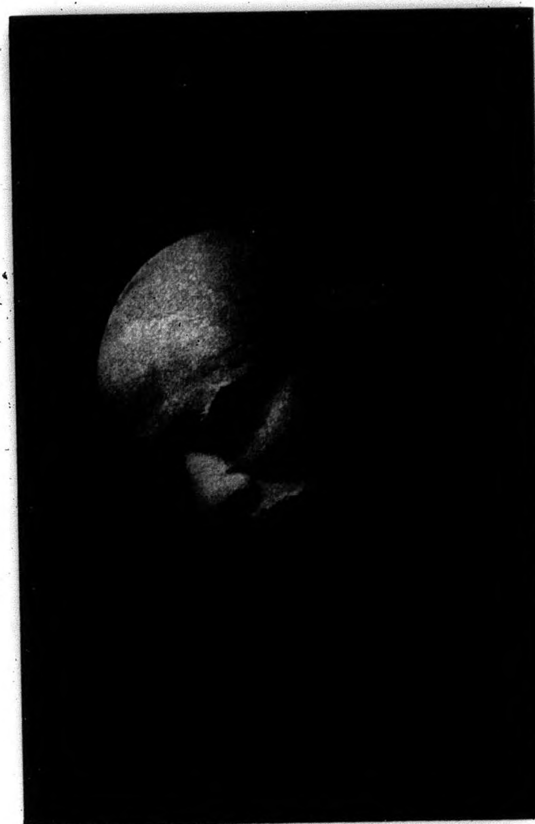
ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ.

МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Главлит 19.086 Тираж 15.000 экз.

Типогр. „Красный Пролетарий" Издательства „Красная Новь", Пименовская, 1/16.

Снимок с маски В. И. ЛЕНИНА
работы скульптора Меркурова.

Наши задачи.

«Большевик» выходит в свет после того, как навсегда закрыл глаза Ленин — создатель большевизма. Без Ленина коммунистическое движение будет продолжать великую борьбу и работу по свержению буржуазного господства, по утверждению пролетарской диктатуры и коммунистического строя.

История, как бы «нарочно», поставила коммунизм перед небывало суровыми испытаниями. История как бы говорит коммунистам: вот страна отсталая, неграмотная, нищая, разоренная, с гигантским преобладанием непролетарских элементов,—здесь стройте социализм, здесь докажите, что даже при небывало трудных условиях сможете вы прочно закладывать фундамент нового мира. Если грядущее ваше, — идите к своей цели, несмотря ни на что!

Мировой капитал раскинул по суровым равнинам России гигантскую сеть фабрик и заводов. На полуварварской российской почве он создал пролетариат, который еще в начале 90-х годов Г. В. Плеханов сравнивал с молодым гигантом.

Со стихийным движением этого молодого гиганта соединилась революционно-марксистская программа, и в результате создался российский большевизм.

Его программные, тактические и организационные основы были заложены и в общих чертах оформлены уже в десятилетие, 1894 — 1904 годы. Вся дальнейшая история большевизма есть история борьбы за руководство, за гегемонию в единой с меньшевиками партии, в рабочем классе, во всей стране. Главнейшие корни большевизма имеют тридцатилетнюю историю. За тридцать лет эти корни крепли и ширились, но не перерождались, не изнашивались. Большевизм не «старится», как не может состариться пролетарская революция, пока она не переделает весь мир.

Основная наша задача — это защита и обоснование исторического большевизма, борьба против всяческих попыток искажения и извращения его основ.

Международный социал-демократический центр (Каутский, Бауер, Гильфердинг, Лонге, Аксельрод) специализировался на том, что именем Маркса искажает и опошляет марксизм. Уже теперь мы имеем попытки—именем Ленина исказить и опошлить ленинизм. Уже теперь производится покушение на самое ценное достояние мирового рабочего класса — на чистоту принципов ленинизма. Здесь мы будем вести самую беспощадную борьбу. Никому и никогда российские большевики не позволят «приспособить» ленинизм к оппортунизму, независимо от того, являются ли подобные попытки результатом злостных искажений или добросовестных заблуждений.

Долой обывательщину в политике! Только партию беречь, только о партии беспокоиться беспрерывно, не останавливаясь ни перед чьим авторитетом, когда речь идет об уклонах от ленинизма, когда вопрос касается интересов партии! Этому учил нас Ленин, этим правилом надлежит руководствоваться всем большевикам.

«Большевик» хочет быть боевым органом Ленинской партии, органом направления, тем, чем были в свое время «Вперед», «Пролетарий», «Звезда».

Мы были, есть и будем твердокаменными. Кто устал от тяжелых битв, кто уже мечтает о спокойной пристани и тихих берегах, — тому с нами не по дороге... Большевизм был, есть и будет армией беспощадной, ни на час не прерывающейся войны против старого мира. Условия и формы войны меняются, непримиримость и ненависть наша к миру рабства и угнетения— не изменится никогда... В духе большевистской ненависти к старому миру, в духе непримиримости, твердокаменности, стойкости будем воспитывать мы новые, молодые кадры «ленинского призыва». Мы будем бороться против ликвидаторства, отреченства, скептицизма, неверия, усталости.

Мы хотим быть органом всегда пытливой, критической, большевистской партийной мысли. Беспокойство за наше великое дело, неудовлетворенность тем, что есть, и вечное стремление к тому, чтобы сделать лучше. Постоянная самокритика, смелая, беспощадная, но всегда правильно распределяющая свет и тени, ибо, ведь, несмотря на все наши недостатки, мы—лучшая партия в мире, мы представляем самый передовой в мире класс, и будущее только нам принадлежит.

Да, грядущее только нам принадлежит, но строим мы его на старой почве и из материала, старым миром оставленного На каждом шагу мертвое хватает живое и тянет назад...

«Большевик» будет бороться против косности, ограниченности, самодовольства. Великое дело только начато, коммунизм — весь в будущем, и его работники не могут, не смеют успокоиться на том, что есть. В грядущее надо глядеть, о великих мировых целях и задачах нужно помнить. Ибо кто не идет вперед, тот неизбежно катится назад.

Перед пролетариатом капиталистических стран на ближайший исторический период стоит задача борьбы за власть. Для успешного разрешения этой всемирно-исторического значения задачи необходимо усвоение и применение к условиям конкретной обстановки великого опыта русской партии и русской революции.

Наша российская борьба и победа опирались на опыт борьбы английского, французского, немецкого рабочего движения. Применив этот опыт к своеобразным условиям России, обогатив этот опыт новыми достижениями, новыми орудиями пролетарской борьбы (всеобщая стачка, восстание, Советы, фабзавкомы, пролетарское государство, Красная армия и т. д.), российские рабочие подняли пролетарское дело на небывалую доселе высоту.

Этот концентрированный опыт вековой пролетарской борьбы должен быть усвоен коммунистическим движением мирового пролетариата. Без этого не может быть успешной борьбы и победы. И поскольку на данной стадии исторического развития большевизм является олицетворением этого концентрированного опыта, постольку в известном смысле большевизация мирового коммунистического движения является насущной задачей момента. Впервые слово о «большевизации» было сказано немецкими коммунистами. Недавний пленум ЦК КПГ заявил: «Лозунгом Коминтерна должно быть не разбольшевичение РКП, а обольшевичение европейских партий».

Одна часть мировой буржуазии, при деятельном участии социал-демократии, снова пытается вильсонизировать Европу, чтобы «демократическим» путем упрочить всевластие капитала. Другая часть буржуазии, также при содействии социал-демократии, пытается фашизировать Европу, чтобы беспощадными мерами военно-погромного подавления рабочего класса утвердить полновластие капитала. В интересах спасения пролетариата, спасения всех трудящихся, коммунисты должны неустанно работать над тем, чтобы большевизировать Европу.

Мы обращаемся к нашей славной большевистской партии, к ее старым испытанным кадрам, к ее растущему молодняку, мы обращаемся ко всем работникам мирового коммунизма — с просьбой связаться с нами теснее, делиться мыслями и опытом, сооб-

щать о своих сомнениях, выдвигать новые проблемы, намечать решения.

Мы хотим быть органом оживления, усиления, укрепления партийной мысли, органом проявления идейной самодеятельности партии. Вопросов так много, работы такая пропасть, трудности так колоссальны! Мы подняли на свои плечи гигантскую тяжесть. Мы нанесли старому миру слишком большой удар, чтобы он мог дать нам хотя бы передышку. Беспрерывная борьба на всех фронтах продолжается. Поэтому — сегодня надо быть сильнее, чем были вчера, и завтра надо быть сильнее, чем сегодня.

Сильнее и крепче на всех фронтах — политическом, военном, хозяйственном, идеологическом!

Л. Каменев.

Ленин.

С концом XIX столетия кончается последний период «мирного» органического развития капиталистического общества, — период, начавшийся в крови Седана и парижских коммунаров. Новый XX век открывает период политических и социальных катастроф: войны, национальные революции (русская 1905 г., турецкая, китайская, персидская, португальская), колониальные восстания, национальные столкновения, перестройка государственных границ идут непрерывной чередой и во втором десятилетии сливаются в мировую войну и мировое возмущение пролетариата. Азия и Африка втягиваются в общее движение, и новые сотни миллионов людей в революционных формах выступают на историческую арену.

В этой обстановке происходит крушение величайшей европейско-азиатской монархии Романовых. Именно этой международной обстановкой, обстановкой приближающегося крушения всего капиталистического общества, объясняется важнейшая особенность русской революции: сближение, почти полное слияние краха полицейско-крепостнического государства и крушения господства капитала (1905 г. — февраль 1917 г. — октябрь 1917 г.). Эта особенность хода революционного движения в России не могла явиться результатом той или иной программы, той или иной политической партии. Она была результатом своеобразного сочетания национальных особенностей русской экономики (слабость национальной буржуазии, социальная мощь пролетариата крупных фабрично-заводских центров, революционное положение крестьянства, убедившегося на деле, что оно может получить земли крепостников-помещиков только из рук пролетариата, захватившего власть) с обстановкой мирового состязания крупнейших империалистических держав и революционным пробуждением Востока.

Вот в этой-то атмосфере подготовки и развития величайшего массового революционного подъема, шедшего ко все более и более острым формам борьбы, на переломе двух всемирно-исторических эпох, в стране, соединяющей властвующую Европу империалистов с миром порабощенного Востока колониальных рабов, — и мог только воспитаться и вырасти теоретический руководитель и практический вождь мирового пролетариата в его восстании против буржуазии.

После того, как гений Маркса, опиравшийся на революционные традиции классических буржуазных революций и на революционный опыт 40—60-х годов, заложил основы программы и тактики мирового рабочего движения, Германия, Франция, Англия, отчасти и Россия дали рабочему движению первоклассных ученых, пропагандистов, популяризаторов, агитаторов и организаторов. Никто, однако, из этой великой плеяды работников рабочего дела (Бебель, Жорес, Гэд, Адлер, Плеханов) не перешел той грани, которая отделяет эпоху обучения, просвещения и собирания сил рабочего класса от эпохи штурма буржуазных твердынь старого мира. Для новой эпохи они оказались мертвы— и это стало ясно уже задолго до 4 августа 1914 года.

Ясная формулировка новых задач и тактики новой эпохи в мировом рабочем движении была выработана не на кафедре германского рейхстага, не на трибуне французских рабочих собраний, не в правлениях английских тред-юнионов, не на страницах «Neue Zeit», а на подпольных собраниях русских пролетариев-революционеров, где Ленин обсуждал и взвешивал тактику борьбы против царизма, опиравшегося на все силы международного капитализма.

Тактика, здесь обсуждавшаяся, задачи, здесь формулировавшиеся, не могли замкнуться в узко национальные рамки, рамки Российского государства, уже потому, что враг, против которого велась борьба, черпал свои силы во всей мировой организации капитала. Французская биржа и английский империализм, связавшие прямым союзом свои судьбы с русским капиталом и властью русской буржуазии, сами толкали мысль передовых русских революционеров на международную арену, заставляли их ставить все вопросы своей борьбы в мировом масштабе. Милюков, Керенский и Церетелли, торжественно подтвердившие верность союзникам царизма, ничего не изменили в этом отношении: всемирный размах мысли, включение в сферу своих непосредственных интересов вопросов и проблем мирового пролетарского движения навязывались руководителю русского пролетариата самым историческим положением России за последние 25 лет больше, чем представителю рабочего движения какой бы то ни было другой страны.

17 лет назад, в эпоху первой Думы, самый сильный, самый умный (и потому наиболее ценимый Лениным) идейный противник Ленина Г. В. Плеханов спрашивал Ленина: где в его программе гарантии от реставрации? — Ленин отвечал: «Полной гарантией от реставрации в России (речь шла о гарантиях при победе демократической революции) может быть исключительно социалистический переворот на Западе. Другой гарантии нет и быть не может... Чтобы удержать за собой победу, чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен нерусский резерв... Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе... Вопрос сводится к тому, как именно и чем именно может революция в России облегчить или ускорить социалистическую революцию на Западе».

Это сказано не в 1920, не в 1917, не в 1914, а в 1906 г. И как не случаен этот ответ, как не случайно то, что отсталая земледельческая Россия стала первой страной социалистической революции, так не случайно, что революционное учение Маркса, извращенное и охолощенное оппортунизмом вождей на Западе, в руках Ленина вновь стало тем знаменем, под которым пролетарии «штурмуют небо», т.-е. тем, чем его создал и что в нем видел сам Маркс.

Историческая обстановка в Европе 1870—1900 гг. сложилась так, что учение Маркса в руках его учеников стало больше всего орудием объяснения хода исторического развития и прогноза светлого будущего. Те элементы этого учения, которые звали к непосредственному революционному действию масс, которые заключали в себе не объяснение истории, а руководство для восставшего против буржуазии пролетариата, забывались и выветривались. Для русского пролетариата дело обстояло не так: на очереди дня стояло именно восстание, и он воспринял учение Маркса целиком, принужденный отстаивать против укоренившегося оппортунизма в особенности те черты учения Маркса, которые под презрительной кличкой «бланкизма», «заговорщичества», «утопизма» отвергались западно-европейскими мещанами от социализма, а вслед за ними и русскими оппортунистами-социал-демократами.

Для Ленина теория Маркса также непреложна и целостна, является таким же ничем не заменимым орудием анализа, как основные алгебраические формулы для строителя-инженера. Ее практические выводы (учение об обострении классовой борьбы, о гражданской войне, о диктатуре пролетариата, о государстве), которые делают его учением боевого, воинствующего класса, которые зовут к наступлению, именно в работах Ленина получили ту разработку, которой не могли, не хотели дать западно-европейские теоретики: для них в эпоху после 1870 г. это было просто не интересно. А Ленин именно за эти части учения Маркса вел бесчисленное количество войн с оппортунистами всех стран и всех мастей. Когда в 1901 г. Ленин писал, что социалистическая организация должна быть готова к «подготовке, назначению и проведению всенародного вооруженного восстания», среднему социал-демократу Европы это не могло не казаться порождением варварски-отсталых условий борьбы в России. Но внимание к этим именно вопросам, сочетание марксизма с непосредственно-революционным движением широких масс сделало то, что когда вопрос о восстании пролетариата стал на очередь дня во всей Европе, масса европейских рабочих именно в статьях, в работах и в опыте Ленина должны искать ответов на насущные вопросы своего движения.

Страстное отстаивание боевых выводов учения о классовой борьбе, тех выводов, что вольно и невольно притуплялись в предшествующую эпоху, беспощадная борьба с малейшим отступлением от революционной теории, постоянная готовность остаться одному против «всех» — против «всех» на верхушках, за то в теснейшем единении с подлинными рабочими массами, — во имя «ортодоксального», т.-е. революционного марксизма, — вот та новая струя, которую в первую очередь внес Ленин в теорию и практику мирового социалистического движения. «Сектантство»

и «раскольничество» — так пытались клеймить тактику Ленина мещане. Исторически же «сектантство» и «раскольничество» Ленина были только необходимым и неизбежным средством отстаивать и развивать те именно непосредственно-революционные стороны марксизма, которые стали живой водой для мирового пролетариата к концу империалистской войны.

И Каутский, и Плеханов, и Гэд вели великолепную и плодотворную борьбу с оппортунизмом Бернштейнов и Мильеранов. Ясно, однако, что плоскость и захват этой борьбы были другие. Отстаивая в ряду с Каутским — (аграрный вопрос) — и Плехановым — (философия марксизма) — основы Марксова учения, Ленин поставил на очереди сначала в русском, а затем и в международном движении те вопросы непосредственного массового движения, которых те споры не затрагивали. Из сферы общих вопросов капиталистического развития и парламентской тактики вопросы были перенесены в сферу непосредственной борьбы восставшего и восстающего против капиталистического общества пролетариата — и тут-то оказалось, что непроходимая пропасть лежит не между Плехановым, Каутским, Лениным — с одной стороны — и Бернштейном — с другой, а между Лениным — с одной стороны — и Плехановым, Каутским, Гэдом и Бернштейном — с другой. В тяжелой, «сектантской», «раскольничьей» двадцатилетней борьбе Ленина начала новой теории и новой тактики новой всемирно-исторической эпохи боролись и в борьбе росли против лучших представителей умиравшего периода истории рабочего движения. Мертвое хотело заглушить живое, но живое выжило и победило, и через головы живых мертвецов протянуло руку вечно-живым коммунарам Парижа и заветам Маркса.

Как бы в предвидении этой борьбы Ленин писал еще в 1901 г.: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда итти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не примирения». Это было верно в 1901 году, это верно и сейчас.

Если новая постановка новых вопросов теории и практики рабочего движения есть одна сторона того, что внес Ленин в мировое пролетарское движение, то новое отношение к роли масс в историческом строительстве является другой стороной того же.

И к этому вопросу необходимо подойти исторически. С 1848 и по 1905 гг. — за исключением краткого периода Парижской Коммуны — массы трудящихся в Европе не появлялись на улицах ее благоустроенных городов в качестве хозяев и строителей жизни. Парламентарии замещали народ, а парламентские столкновения — уличную борьбу. Вопрос о власти, о насильственном перемещении власти из рук одного класса в руки другого был снят с очереди. Социалисты опирались на пролетарскую массу, но в качестве парламентариев и членов правлений союзов предпочитали действовать за нее, больше всего избегая ее непосредственных активных действий. На этом пути официальная социал-демократия зашла в тупик. Затхлая атмосфера этого тупика заставила Розу Люксембург года за 1½ до войны забить тревогу и вновь выдвинуть вопрос о непосредственных «массовых действиях» рабочего класса. Между тем русский пролетариат с начала века жил в атмосфере непосредственных массовых действий, прямых столкновений с охранителями государственного порядка, а в 1905—6—7 годах неоднократно оказывался победителем в этих столкновениях и хозяином улицы. Он знал, что именно его массовыми открытыми действиями решается вопрос о власти, и что нет других способов решить этот вопрос. Вопросы о непосредственной активности масс, о их самочинной свободно-складывающейся организации, о сочетании политической и экономической борьбы, о захватном осуществлении «свобод», о захвате власти в центре и в отдельных городах бастующими, демонстрирующими и вооруженными рабочими были самыми насущными, практическими вопросами движения. Практика этого самочинного, ломающего легальные рамки, идущего к захвату власти, массового активного движения пролетариата нашла в Ленине своего выразителя. Он предвидел его теоретически, взвешивая в начале 900-х годов возможные формы борьбы пролетариата, он защищал его в 1905—7 гг., он отстаивал традиции именно этого движения в глухую пору реакции 1908—12 гг., он опирался на него, чтобы вырвать власть из рук буржуазии в 1917 г., он положил его — и теоретически и практически — в основу строительства первого пролетарского государства.

Недоверие к кромсанию законопроектов парламентскими болтунами и абсолютная уверенность в том, что только непосредственное участие в историческом строительстве самих порабощенных миллионов трудящихся способно вывести человечество из тупика — естественно укрепились в этой обстановке и стали исходным пунктом всей дальнейшей тактики Ленина. А только это и могло быть исходным пунктом всякой успешной политики в тот момент, когда мировая война вызвала к исторической жизни миллионы наемных рабов капитала. Именно в подобной теории больше всего нуждался мировой пролетариат, оказавшийся перед разбитым корытом надежд «реформистов» на смягчение противоречий и мирное перерождение капитализма в социализм. «Наступает — писал Ленин в 1906 году — период непосредственной политической деятельности «простонародия», которое попросту, прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпаются мысль и разум миллионов забитых людей, просыпаются не для чтения только книжек, а для дела, живого человеческого дела, для исторического творчества».

Написать эти слова в 1906 году значило переместить весь центр тяжести понимания европейского социализма, значило открыть новый период пролетарской борьбы, значило указать основные руководящие принципы тактики пролетариата, пере-

ходящего от предварительного собирания сил к восстанию против капитала.

На почве этого абсолютного доверия к историческому творчеству трудящихся масс, творящих новый мир — по слову Ленина — со всей своей «девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью», — разрешена Лениным труднейшая для современного мирового движения пролетариата проблема — проблема власти, вековыми усилиями попов, юристов, государственных людей, профессоров и поэтов закутанная во все обманы мистики и метафизики.

«Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти. Ничего скрытного, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты—рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты—наш товарищ. Выбирай своего депутата, сейчас же, немедленно выбирай, как считаешь удобным,—мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего совета рабочих депутатов, крестьянского комитета, совета солдатских депутатов. Это — власть открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли».

Пролетариат России, Финляндии, Венгрии, Германии в 1917—20 гг. на деле стал осуществлять эти слова 1906 г., казавшиеся тогда неслыханной ересью и бывшие на деле предвидением единственно возможных и неизбежных форм государственного строительства пролетариата, восстающего против старого мира.

Все государственное искусство Ленина в том, что он знал, что масса, миллионы трудящихся сделают то, что надо, что у пролетарского государства нет иных интересов, кроме интересов этих миллионов, что они сделают в сотни раз лучше, чем самая революционная канцелярия, и что основная и исчерпывающая задача заключается в том, чтобы втянуть эту массу всю донизу, до дна в государственную работу.

На это глубокое доверие к коллективному разуму трудящихся опиралась та воля к победе, без которой В. И. Ульянов не стал бы Лениным, и без которой дело ленинизма не могло бы осуществиться. У Ленина воля к победе, готовность взять власть не были чертой индивидуального характера, — любви к власти у Ильича не было ни на один грамм; — это было выражение новых настроений миллионов, коллективного, тяжкой ценой купленного сознания их, что без решительной победы, без завоевания власти, без готовности этой властью орудовать, как рабочий орудует молотом, нет выхода из тупика. Воли к победе, решимости победить, смелости взять на себя все — все без исключения — последствия решительной победы не было в европейском социализме 1870 — 1900 гг. Рабский страх перед победой, социология трусов — остаются и до сих пор основным признаком мирового меньшевизма. Именно этот страх рабов перед собственной победой превращает меньшевистских вождей — по слову Ленина — из рабов капитализма в его холопов, в хамов и лакеев своих господ.

Ленин знал: для того, что выйти на широкую дорогу, рабочее движение должно прежде всего расстаться с этой психологией. «Не может быть и речи об энергичном, успешном сборе армии, руководстве ею без уверенности в том, что мы «смеем» победить», — писал Ленин. Вот почему уже накануне первой русской революции, в 1905 г., перед лицом меньшевиков он ребром поставил проблему победы пролетариата.

«Смеем ли мы победить? Позволительно ли нам победить? Не опасно ли нам победить? Следует ли нам побеждать? Странный на первый взгляд вопрос этот, однако, был поставлен и должен был быть поставлен, ибо оппортунисты боялись (-ятся. Л. К.) победы, отучивали (-ают. Л. К.) пролетариат от нее, пророчили (-чат. Л. К.) беды от нее, высмеивали (-вают. Л. К.) лозунги, прямо зовущие к ней». Если гениальностью назвать умение выразить, сформулировать и сделать общепонятными мысль и чувство, зреющие в глубинах наибольшего количества людских существ и открывающие им новые исторические пути,— то перед нами именно такая гениальная мысль, охватывающая подавляющее большинство всего человечества, формулирующая его наиболее глубокие и потаенные чувства, единственно открывающая ему дорогу к будущему.

Реальным воплощением этой гениальной постановки вопроса был знаменитый ответ Ленина на вопрос о власти на первом съезде Советов в 1917 г.,—ответ, предопределивший не только октябрьскую революцию, но и победу октябрьской революции. «Он (Церетелли, или Керенский, или кто-то еще: — история, запомнившая на веки ответ Ленина, уже забыла имя вопрошателя) говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю — есть; наша партия от этого не отвертывается: каждую минуту она готова взять власть целиком».

Этим, смехом и возмущением встреченным, заявлением воли рабочего класса к победе, решимости его взять на себя власть и все ее последствия открывается новая эпоха в истории социализма и рабочего движения, а следовательно, и в истории судеб человечества.

Ленин всей своей личностью, своими идеями, своей работой не только воплощал новую эпоху рабочего движения с его революционным подъемом и «волей к победе». Он — победил на деле, что было труднее.

Ленин не только указал пути победы, он удержал плоды победы, что было еще труднее.

Эту победу он завещал нам развивать и расширять. Это можно сделать, лишь вооружившись оружием ленинизма.

Г. Зиновьев.

Ленинский призыв и наши задачи.

Приглядываясь к тому, как складывается Коминтерн в целом, и как развиваются отдельные, наиболее важные, его секции, обобщая, в особенности, опыт нашей собственной партии—Российской Коммунистической Партии,—приходишь к заключению, что в развитии коммунистических организаций можно различать четыре следующих периода.

П е р в ы й период—процесс становления коммунистической партии. Ее развитие из недр старой социал-демократии: большинство современных коммунистических партий, в особенности те из них, которые являются ныне массовыми коммунистическими партиями, вышли из недр социал-демократии. Кризисы, связанные с переходом от социал-демократизма к коммунизму. Расколы и группировки, обусловленные этим переходом. Словом,— р о ж д е н и е коммунистической партии.

В т о р о й период—борьба уже сложившейся коммунистической партии за влияние на массы, за завоевание такого влияния, которое обеспечивает большинство в рабочем классе. Лозунг «к массам» является знаменем этого периода.

Т р е т и й период—борьба за власть. Опираясь на сочувствие большинства рабочих, компартия завоевывает власть. Но на завтра после завоевания власти начинаются новые трудности. Пролетарская революция борется за свое существование. Передовые слои рабочих остаются верными коммунистической партии и в этот переходный, полный мучительных трудностей период. Широкие же слои рабочего класса временами переживают колебания. Бывают моменты, когда трудности революции отпугивают даже большинство рабочих. Это кульминационные пункты борьбы пролетарской революции за свое существование.

Ч е т в е р т ы й период—победа пролетарской революции обеспечена, плоды революции очевидны для всей рабочей массы, главные трудности остаются позади. Те слои рабочего класса, которые колебались не раз в наиболее трудные минуты третьего периода, теперь целиком и беззаветно переходят на сторону коммунистической партии.

Большинство коммунистических партий Запада в настоящий момент находятся на пути от первого периода развития ко второму. Между тем и другим периодами существует, разумеется, ряд переходных ступеней. Заканчивается дело оформления коммунистических партий, подводится итог полосе кризисов, свя-

занных с р о ж д е н и е м компартий, и началась уже интенсивная борьба за завоевание влияния на большинство рабочего класса.

Наша Российская Коммунистическая Партия прошла уже через оба первых периода и заканчивает третий период. Великое значение того движения, которое получило название «Ленинского призыва», в том и заключается, что оно знаменует благополучное окончание третьего периода и открывает уже, быть-может, первую главу четвертого периода.

Переходный период—период борьбы победившей пролетарской революции за свое существование—продолжается в нашей стране вот уже седьмой год. За это время не раз наблюдались серьезные колебания среди рабочего класса. Эти колебания, например, к весне 1921 года были настолько сильны, что революция висела на волоске. Слишком велики были препятствия, стоявшие на пути революции. Слишком больших жертв революция требовала в это время от рядового рабочего.

В 1923 году начинается перелом. Рабочая масса почувствовала, что в связи с окончанием гражданской войны и введением нэп'а, дело пошло к лучшему. К моменту XII Съезда партии мы имели уже возможность констатировать, что «партия как бы во второй раз завоевала пролетарские массы». Но особенно наглядным становится это теперь. Новый «Ленинский призыв» есть определенный и т о г р е в о л ю ц и и. Партия пожинает обильный урожай потому, что благополучно заканчивается целая глава в истории нашей революции.

В течение всех первых трех периодов своего существования коммунистическая партия по правилу не может объединять в своих рядах большинства рабочих. В тот или другой момент борьбы коммунисты могут иметь на своей стороне с о ч у в с т в и е большинства рабочего класса. Но организовать в р я д а х п а р т и и большинство рабочих, иметь в ч и с л е ч л е н о в к о м п а р т и и прямое большинство пролетариата, коммунисты в эти три периода не могут.

Причины ясны. В первый период компартия по правилу еще настолько слаба, что о завоевании большинства вообще не может быть и речи. Во второй период коммунисты обыкновенно наталкиваются на бешеное сопротивление со стороны буржуазии. Пока у власти буржуазия, она, разумеется, не даст коммунистам легально сорганизовать в своих рядах большинство рабочих. Она прибегнет к тюрьмам, к каторге, к расстрелам, к массовым кровопусканиям, чтобы не допустить до этого. В третий период этому мешают объективные трудности революции и неизбежные колебания, в связи с этими трудностями, в широких кругах пролетариата.

В стране первой победоносной пролетарской революции, в нашей стране этот третий переходный период затянулся на целых семь лет. Насколько можно предвидеть, года два-три еще понадобится на то, чтобы окончательно изжить эти трудности. И лишь приблизительно к первому десятилетию существования Советской власти пролетарская диктатура справится с главнейшими трудностями настолько, что партия пролетарской диктатуры

сможет начать четвертый период своего существования. В ряды нашей коммунистической партии начнут входить все или почти все рабочие. Понятия «рабочий класс» и «рабочая партия» станут синонимами. Российская Коммунистическая Партия обеспечит себе не только безраздельное влияние на абсолютное большинство рабочих, но и прямо сорганизует большинство промышленных рабочих в своих рядах.

Блестящая кампания в связи с происходящим «Ленинским призывом» важна не только тем, что она даст нам определенное количество новых членов партии. Нет, она говорит нам о чем-то большем: о коренной перемене во взаимоотношениях между партийным авангардом и всей беспартийной рабочей массой, о таком количественном изменении взаимоотношения между рабочей партией и рабочим классом, которое скоро перейдет в качественное изменение. За первой волной последует вторая и третья. Новые сотни тысяч рабочих будут вливаться прямо в ряды Российской Коммунистической Партии. К первому десятилетию существования Советской власти рабочий класс и Российская Коммунистическая Партия будут одно и то же—не только в том старом смысле, что Российская Коммунистическая Партия защищает коренные интересы всего рабочего класса в целом, но и в том смысле, что РКП прямо будет охватывать в своих рядах уже и организационно большинство рабочего класса.

* * *

Ход кампании оказался более успешным, чем мы могли ожидать. К началу марта число заявлений по всему Союзу ССР достигло 183.000. Задача, поставленная Всесоюзной парт-конференцией—принять новых 100.000 рабочих от станка—будет превзойдена двое. Центральный Комитет поступит, по нашему мнению, правильно, если он поощрит все местные организации не приостанавливать столь блестяще развившуюся кампанию и доведет «Ленинский призыв до двухсот тысяч. В этом случае в нашей партии будет около 600.000 членов, из которых до 300.000, т.-е. 50%, будут составлять рабочие от станка. А вместе с теми рабочими, которые заняты в аппарате управления, мы будем иметь не меньше четырехсот слишком тысяч членов партии рабочих, т.-е. больше $^2/_3$ партии составят рабочие.

Какие именно элементы из рабочих составили основу «Ленинского призыва?» Мы пытались выяснить этот вопрос на двух, специально созванных по нашей инициативе совещаниях в Ленинграде и в Москве, где присутствовали, кроме организаторов крупнейших коллективов, по два товарища из новых членов партии «Ленинского призыва», приглашенных с самых крупных фабрик и заводов Москвы и Ленинграда. На этих совещаниях высказывались десятки ораторов с мест.

Что прежде всего бросалось в глаза на этих совещаниях, так это то, что новые члены партии «Ленинского призыва» зачастую не просто рядовые рабочие, а крупнейшие индивидуальности из рабочей среды. Да это и понятно. Как и в предыдущие годы, партия наша составлялась путем выделения и систематического отбора из рабочей среды всего того, что было в ней самого сильного и яркого, так и теперь впереди рядового рабочего в «Ленинский призыв» пошли наиболее выдающиеся люди, которые стоят выше середняка, те рабочие-передовики, за которыми идут десятки и сотни рядовых рабочих, а иногда целые мастерские, целые заводы. Как сказал на московском совещании один такой рабочий (представитель бывш. Гужон, ныне—«Серп и Молот»)—в «Ленинский призыв» подобрались рабочие, «как ягодка», один к одному. В каждой мастерской, в каждом цеху имелись выдающиеся беспартийные рабочие, пользовавшиеся большим авторитетом, по которым равнялись другие беспартийные. «Смотри, Трошкин вступил в партию, пойду и я»—так формулировал свои впечатления рабочий с Мостяжарта.

Вступило много рабочих, исколесивших последние годы всю Россию, побывавших на фронтах, в деревне — люди, которых судьба бросала из одного места в другое, и которые за эти годы чрезвычайно выросли и в политическом, и в культурном отношениях. «Шкурников нет»—так единодушно формулировали положение рабочие на ленинградском и на московском совещаниях. «Мы все друг-друга знаем насквозь и шкурников не пропустим».

— Почему не входили до сих пор?

— «Считали себя неотшлифованными, теперь немного отполировались».

— «Как-то стыдно было в 1924 году входить; нужен был массовый толчок».

— «Семейное положение мешало».

— «Не до того было. Вернулся с фронта—надо было как-нибудь промыслить кусок хлеба и пристанище».

— «Теперь умер Ленин, пропал великий человек. Пошли среди нас разговоры, беседы. Тут все и откликнулись: пойдем в партию»—так формулировал свои выводы пожилой рабочий железнодорожник.

— «Материальное положение мое улучшилось, в хлебе больше не нуждаюсь, могу отдаться работе. А товарищи говорят: давно пора, давно пора, и так, мол, опоздал. А со смертью товарища Ильича открыли дверь в партию»—так говорил на ленинградском совещании представитель путиловских рабочих «Ленинского призыва».

— «Вошли самые здоровые круги, чистейшей воды пролетарии, на 90%. Раньше колебались, смотрели на вопрос о вхождении в партию спустя рукава. Теперь, когда умер Владимир Ильич, нужно сплотиться»—говорил рабочий Семенов со строительной верфи в Ленинграде.

— «Колебались...теперь пора. За себя скажу: довольно за чужой спиной, пора подставлять свою. Надо итти в партию»—рабочий с пролетарского завода (бывш. Александровские мастерские).

— «У меня сын и дочь комсомольцы. Ходила в делегатках от работниц два года. Со смертью Ильича мы с дочерью и сыном решили, что должна я войти в партию. Теперь «провокаторствую» среди более молодых работниц, чтобы и они входили.

Все откликаются» — работница с «Красного Ткача» (бывш. ф-ка Торнтон).

— «Теперь новое строительство. Почему же мы должны стоять в стороне? Пойдем и мы»—рабочий бывш. Семянниковского завода, ныне—им. Ленина.

— «Беспартийные рабочие разделились: одни ругали большевиков, другие—защищали вот уже два-три года. Эти последние и вливаются теперь в партию. Да из числа тех, которые ругали, другие говорят: коммунистов не переспоришь, коммунисты оказались правы, пойдем в партию и мы»—рабочий Балтийского завода.

— «Раньше, бывало, один оратор говорит одно, другой—другое, эсеры—свое, меньшевики—свое. Рабочий, мало разбиравшийся, оставался в сомнении. Теперь мы все увидели, где правда. Где рабочие, там и я»—рабочий с электро-станции в Ленинграде.

— «Раньше пугали: вот, коммунисты, погодите, вот повесят вас. Иные были в сомнении» — работница с ф-ки им. Желябова.

— «Смерть Ильича. Дело неважно. Работал он (В. И.) раньше один за всех, а теперь не вышло бы так, что один—туда, другой—сюда. Нас может победить буржуазия, а Ленинград—революционное гнездо, тогда всем нам отвечать придется. Пойдем в партию» — рабочий гвоздильного завода.

— «Вещь очень раздумчивая—почему в партию пошли. Долго думали. Но рабочий так считает: раз пошел по прямому пути—не свертай, не крути налево, направо. Теперь мы поняли заветы Ильича» — рабочий с «Русского Кабеля» в Москве.

— «Часто ставятся у нас лекции о религии, о планетах, о рабочем движении. Многому мы научились за последние годы. Открытые собрания ячеек посещали мы несколько месяцев, вот и поняли правду партии»—рабочий-железнодорожник бывш. Александровских мастерских в Москве.

— «Многие посещали партшколу. У нас большой дом—коммуна, хорошая библиотека, светлое помещение. Чем дома вечер провести—ходили на лекции, постепенно втянулись. А тут смерть Владимира Ильича»—рабочий водопроводчик в Ленинграде.

— «Ленин умер, теперь мы должны пойти, не жалеть своей капли крови»—рабочий «Красного Выборжца» в Ленинграде.

Нередко самими рабочими отмечается и то, что последняя дискуссия расшевелила значительные круги передовых рабочих, бывших беспартийных, заставила их вдуматься в положение и толкнула их в партию.

— «Во время дискуссии мы убедились, что партия действует так: хорошее — в сторонку, плохое — на помойку», — так говорил на московском совещании рабочий гужоновец.

Суммируя все это, можно сказать, что главные причины успеха «Ленинского призыва» сводятся к следующему:

1. Улучшилось хозяйственное положение республики.
2. Улучшилось материальное положение рабочих.
3. Поднялся культурный уровень рабочих и выросла их активность; стали понимать, что подход к серьезной хозяйственной и государственной работе возможен только через партию.

4. Партия, несмотря на отдельные недочеты, в общем была на высоте задачи и внушила величайшее уважение всем сколько-нибудь активным слоям пролетариата.

5. Смерть Владимира Ильича, громом поразившая всех нас, разбудила в рядовом рабочем лучшие его задатки, затронула самые лучшие струны его души и *ускорила* приход всех этих десятков и десятков тысяч рабочих в нашу среду.

«Критики» старой Ленинской партии во время недавней дискуссии не находили слов для того, чтобы достаточно клеймить нашу партию, которую они изображали, как засохшую ветку, как организацию, удушаемую «секретарским бюрократизмом», «иерархией», «аппаратчиной» и т. п. «Партия живет на два этажа: в верхнем решают, в нижнем только узнают о решениях»—так писали вожди «оппозиции».

Два этажа!! Эта «теория» двух этажей, в сущности говоря, была только вариантом соответствующей «теории» Мартова, который в свое время писал против большевиков, что они разделяют партию на «заезжателей» и «заезжаемых»... Если бы в этой пошлой «теории» было хоть слово правды, тогда то, что мы видим теперь, когда с таким энтузиазмом и почти благоговением 200.000 лучших рабочих нашей страны вливаются в нашу партию, должно было бы показаться просто необъяснимым чудом.

На самом деле чудес, конечно, не бывает. Партия пожинает то, что она посеяла. То, что происходит сейчас на наших глазах, не есть «Чудо святого Антония». Нет, здесь подводится итог революции, итог работе нашей партии. И если это великое событие в жизни нашей партии стало вместе с тем «итогом» для легковесной оппозиции, то тем хуже для нее и тем лучше для большевистской партии. Партия наша—величайшая коммунистическая партия в мире, а вовсе не пленница «секретарской иерархии» и вовсе не жертва «парт-аппаратчины». Простые рабочие с Гужона подвели прекрасный итог легковесной критике: «хорошее—в сторонку, плохое—*на помойку*!»

* * *

С чего начать работу над новым «Ленинским призывом»—с учебы, *или* с привлечения к практической работе? Когда мы ставили этот вопрос перед самими товарищами из «Ленинского призыва» на названных двух совещаниях, мы получали почти единодушный ответ: с *учебы*!

Хотим учиться. Прежде, чем давать нам работу—научите нас. Жажда к знанию небывалая.

Дайте нам школы политграмоты, кружки по истории партии, школы марксизма, дайте нужные книжки, поставьте, как следует, клубы и т. д.

— «Сразу работу давать нам никак невозможно. Партия должна сначала «экспертизывать» нас»—так говорил рабочий железнодорожник на московском совещании.

Под «экспертизыванием» он понимал и воспитание, и проверку, и партийную обработку.

В устах товарищей, которые только что приходят в партию,

такие заявления понятны. Мы, тем не менее, думаем, что дело учебы и партвоспитания нельзя отделить от участия в практической работе. Задача партии заключается в том, чтобы одновременно в широчайших размерах поставить дело партвоспитания нового «Ленинского призыва» и сразу же начать вовлекать этот призыв в практическую работу. Только на практической работе в профсоюзе, в кооперативе, в расценочной комиссии, в культурно-просветительном кружке, в жилтовариществе, в обществе смычки рабочих с крестьянами, в комиссии помощи школе, на работе народного заседателя, делегатки от работниц, цехового уполномоченного от профсоюза, в цеховой парт'ячейке и т. п. могут начать прилагать свои силы новые члены партии, из которых мы постепенно выдвинем сотни и тысячи людей на более крупные, на самые выдающиеся посты по управлению хозяйством и государством.

Еще один важный момент. «Ленинский призыв» охватил все возрасты рабочих. Двинулась и молодежь, и средний возраст от 30 до 40 лет, и более пожилые. «Я одногодок Ильича, мне в марте исполнилось 54 года»—говорил не без гордости на московском совещании рабочий с Госзнака. Это обстоятельство служит лишним доказательством того, что нынешнее движение в пользу вступления в партию отражает все прослойки нашего пролетариата.

Вопрос о позициях нашей партии в деревне, о работе партии в деревне, несомненно, станет одним из главных вопросов на предстоящем XIII Парт-Съезде. Новый «Ленинский призыв» и этот вопрос ставит в новом свете. Теперь мы получим возможность после известной подготовки сделать эту новую 200-тысячную массу рабочих до известной степени коллективным организатором и воспитателем деревни. Теперь вполне своевременно выдвинуть вновь вопрос о применении принципа землячеств при организации всестороннего обслуживания деревни рабочими-коммунистами и сочувствующими.

Нет никакого сомнения в том, что Центральный Комитет партии сделает все возможное, чтобы вовлечь «Ленинский призыв» в дело подготовки предстоящего XIII Парт-Съезда. Все важнейшие вопросы порядка дня XIII Парт-Съезда, как и основные результаты недавно закончившейся партдискуссии, за которой следили почти все беспартийные рабочие (а нынешний «Ленинский призыв» и подавно), должны стать предметом самого широкого, систематического предварительного обсуждения среди рабочих «Ленинского призыва».

Наконец—последнее по счету, но не по важности—для дела поднятия производства в нашей государственной промышленности новый «Ленинский призыв» сыграет решающую роль.

— «Даже в том, как движутся сейчас станки на заводе, чувствуется другое настроение»—так говорил на московском совещании секретарь ячейки АМО.

Именно так!! Первейшей задачей нового «Ленинского призыва» является—поднять наше государственное хозяйство, не отрываться от производства, научиться соединять работу на фабрике или заводе с общественной работой в партии, в профсоюзе, в советской организации. Такова задача дня. Лучшие наши рабочие умели вести революционную работу во времена царизма после 10—12-часового рабочего дня на капиталистической каторге. Теперь, когда мы работаем на заводах только 8 часов, когда условия труда становятся сравнительно нормальными, мы сумеем это сделать и подавно.

Партия обновляется. Мы принимаем в свою среду 200.000 лучших рабочих нашей страны. Мы принимаем их на седьмом годе существования пролетарской диктатуры, когда весь рабочий класс нашей страны вырос на целую голову. Мы принимаем их в момент, когда ушел от нас великий вождь и учитель. Дверь в нашу партию эти новые товарищи открывают с глубоким душевным волнением. Стоит только побывать на теперешних наших собраниях новых членов партии, чтобы сразу почувствовать, что партия начинает новую великую главу. Таких собраний, какое нам довелось посетить на днях за Невской заставой (собрание новых членов партии около 5.000 человек), мы не видали еще никогда. Как будто в море выкупался—таково впечатление товарищей, посещавших эти собрания...

В то же время партия приступила к систематическим мерам по очистке наших организаций от ненадежных, мелкобуржуазных, неустойчивых элементов. Постоянно самоочищаясь и систематически воспринимая в свою среду все, что созревает и подрастает лучшего в рабочем классе нашей страны, мы делаем из нашей партии организацию, вылитую из одного куска. Постепенно создается положение, при котором в РКП войти может только рабочий; все остальные—лишь в особом порядке. Партия вновь становится рабочей и по своему составу.

Если к старому героическому кадровому ленинскому ядру старых рабочих большевиков прибавить те изумительные по своей жизненности новые слои рабочих, которые идут к нам в партию теперь в лице нового «Ленинского призыва»—становится ясно: РКП снова и снова окажется на высоте исторических требований, она сумеет бороться против перерождения. РКП не на словах, а на деле выполнит заветы почившего великого вождя.

P. S. Целый ряд практических вопросов, связанных с «Ленинским призывом», автор разбирал более детально в статье «Новый Ленинский призыв и новая глава в жизни нашей партии», напечатанной в «Правде» и перепечатанной, как предисловие, в нашей «Истории РКП». Интересующихся отсылаем к этой работе.

В. Астров.

К вопросу о кулаке.

Из „литературных мечтаний“ заграничной белогвардейщины.

„Сердечный друг, желанный друг!
„Приди! Приди! Я твой супруг“.

I.

Российская эмиграция стосковалась по «суженому-ряженому», который все не присылает, да не присылает за ней сватов из «родных» краев. По некоторым признакам, в последнее время таким «суженым-ряженым» для нее делается деревенский кулак.

Когда тов. Ларин затронул вопрос о кулаке в своей статье: «Кулацко-эсеровская ориентация» («Правда», № 3), то передовик милюковских «Последних Новостей» написал:

> «Возражения Ларина против разрушения русской промышленности нужно признать, конечно, основательными: альтернатива здесь одна—Россия—«колония». Но вывод из этих возражений—отнюдь не тот, который делает Ларин от имени левого центра (?) ЦК. Вывод тот, что, для избежания порабощения иностранцами, нужно восстановить русский торгово-промышленный класс. Страх перед тем, что «кулацкое (т.-е. крестьянское) государство» на это не согласится,—совершенно напрасен. Или, точнее говоря, этот страх реален лишь до тех пор, пока торгово-промышленным классом является, в действительности, трест, а на бумаге—держатель диктаторской власти, пролетарий. Держателя этой власти «буржуазное» крестьянство, действительно, не потерпит. Но оно охотно примирится с естественным и неизбежным последствием восстановления «буржуазного» строя. Оно признает частного промышленника так же, как признало частного торговца,—и будет ему так же радо, ибо получит от него продукт, во всяком случае, не по тем ценам, какие теперь вздуваются трестами. Это только будет означать, что поставленное верх ногами народное хозяйство вернулось к своему исходному положению». («Последние Новости», Париж, 17 января 1924 г.).

Эта цитата очень выпукло обрисовывает основы тактики кадетов, этих наиболее серьезных и последовательных политических представителей российской буржуазии. Присмотримся внимательно к позиции милюковской газеты. В чем ее сущность?

Партия буржуазии не хочет превращения России в «колонию» для иностранного капитала, но только потому, что надеется еще восстановить отечественный «торгово-промышленный класс», эксплоатировать рабочих и крестьян в свою, «российски»-буржуаз-

ную пользу. Она не отказалась от надежды на «национальное возрождение» русской буржуазии.

Кадет берет в кавычки слово «кулацкое» и «буржуазное» крестьянство, приравнивая их к крестьянству вообще, сознательно затушевывая классовую рознь в среде крестьянства, готовясь и ожидая увидеть кулака во главе всего крестьянства.

«Крестьянское» (читай кулацкое) государство—уверяет кадет—безусловно согласится на восстановление «отечественного» российского торгово-промышленного класса.

В этом Милюков (или его передовик) прав. Кулацкое государство, которое нарисовал в своей статье т. Ларин, есть абстракция. На практике господство кулака через день привело бы к господству буржуазии вообще,—прежде всего—буржуазии городской. Говорить, что кулацкое государство не в абстракции, как у т. Ларина, а в жизни сохранит национализацию промышленности, конечно, не приходится, если не иметь в виду короткого, чисто переходного, периода времени. В том-то и заключается «классовая правда» милюковской тактики, что от пролетариата власть может перейти, в конечном счете, только к буржуазии, ибо только эти два класса способны удержать в своих руках крупное производство страны.

«Крестьянство» не согласится терпеть пролетариев у власти, говорит милюковский передовик. Если подменить словом крестьянство слово «кулачество», как это делает автор, то и тогда вовсе не обязательно, чтобы всегда и во всех случаях кулак шел свергать Советскую власть. «Истина всегда конкретна». Идут же с нами на деловое хозяйственное сотрудничество нэпманы и концессионеры, отложив на-время политическое попечение ради житейского попечения. Идет, может пойти и кулак. Но, конечно, есть большая политическая опасность, заключающаяся в том, что ни один из кулаков и нэпманов не откажется использовать первую трудную для нас минуту в целях свержения Советской власти. Приятнее быть домовладельцем, чем квартирантом, да еще квартирантом при 10% норме. Если же брать крестьянство без кавычек, среднее и бедное, то оно не только «терпит», но и поддерживает рабочих у власти уже седьмой год, вследствие той политики, которую рабочие проводят.

Крестьянство,—говорит автор из «Последних Новостей»,—уже «признало» частного торговца. Да, но оно «признало» и кооперативную, и государственную торговлю, и признает ее еще больше по мере снижения цен на продукты промышленности государственными предприятиями. Мы постараемся добиться того, чтобы за нами снизил цены и частный торговец, чтобы крестьянин знал, что торговца к этому принудило пролетарское государство, и посмотрим, кого тогда будет «признавать» крестьянин, даже покупающий товары у этого частного торговца.

Частный промышленник даст крестьянину товары дешевле трестов. Это уже коренной вопрос: кто кого? Это еще требуется доказать на деле, а не на бумаге, хоть бы и «Последних Новостей». За это мы еще боремся и поборемся. Мы отлично знаем, что на седьмом году после захвата земли кре-

стьянин нас не будет держать у власти за одно то, что мы, «хорошие ребята», отдали ему в Октябре землю и защитили его в гражданской войне от Деникиных, Врангелей и Милюковых. Этой заслуги нашей из памяти крестьянина ничем не выжечь, но одной этой заслуги недостаточно. Поэтому, мы устанавливаем смычку с хозяйством крестьянина. Он хочет через рынок,— мы ему уступаем. У нас есть определенная тактика по отношению к среднему и бедному крестьянству, в наших руках власть и крупное производство, а этого пером не перешибешь, хоть бы и милюковским.

Если «крестьянство» признает частно-промышленный класс, то наше хозяйство и наш строй перевернутся вверх ногами. Смотря, как брать «крестьянство»: в кавычках или без кавычек. Если без кавычек, то, конечно, да. Против воли и интересов огромного большинства населения никакая власть сколько-нибудь значительное время продержаться не сможет. Но если бы частного капиталиста «признала» кулацкая прослойка, не ведущая за собой средняков и бедняков, то до «вверх ногами» было бы еще очень, очень далеко.

Разобранная нами цитата хорошо иллюстрирует основную линию современных политических стремлений русской буржуазии. Милюков располагает фигуры на своей шахматной доске таким образом: капиталист—кулак—крестьянин. Он хочет в деревне зацепиться за кулака, который, составляя сцепку, промежуточное звено в цепочке, по его плану, должен потянуть за собой крестьянскую массу. «Хороша» милюковская программа, да... покачто, она только пишется за границей.

В 1921 году кадетская партия раскололась. Левое (милюковское) крыло ее объявило себя республиканским и продекламировало о своей вражде к поместному землевладению [1]). Эволюция это, или тактика, спрашиваем мы? Конечно, тактика.

Кадеты не перестали быть партией буржуазии. Буржуазный строй не мыслим без крупного сельскохозяйственного производства. С точки зрения темпа капиталистического развития, конечно, не безразлично, восстановит ли буржуазная власть, в случае победы, старых помещиков, или насадит новых. Но, пока-что— словеса, даже против старого, дворянского помещичьего класса у лево-кадетов есть только словеса. Дела их говорят совсем, совсем другое.

С 1905 по 1917 год Милюков ползал по царским передним. В феврале 1917 года он изо всех сил подпирал падавшую монархию. С февраля по октябрь он был врагом демократической республики, ярым защитником помещичьей собственности. В партии монархистов и помещиков он сидел до 1921 года, ожидая торжества генеральских белых армий. И вот, когда не осталось никаких надежд на восстановление монархии и поместий, он вдруг, в одну ночь, «переродился», то бишь, перерядился в республиканца и исконного врага дворян-помещиков.

---

[1]) См. об этом статью тов. Вардина: «Раскол партии кадетов». («Красная Новь», № 3, 1921 г.).

Не ясно ли, что при первой надежде на возврат старого строя от «демократической» фразеологии останется один дым? Не ясно ли, что Милюковы идут на прямой обман, желая купить крестьянскую массу—чем же? Обещанием «признать» «земельные завоевания», которые давно на деле, а не в обещаниях, закреплены не кадетами, а большевиками и самими крестьянами, закреплены в кровавой борьбе против Деникиных, Врангелей, Милюковых!

Дешево стоит такая тактика, которая задним числом «обещает» крестьянам то, что ими уже взято. Этого не могут не понять и сами кадеты. Прошлое слишком разоблачает их. Им нужна ширма, нужна новая маска, нужны подставные лица, которые бы с новым лицом, в новом платье, армяцкого покроя, попытались завоевать на сторону кадетов крестьян, против большевиков.

Милюков ищет подставных лиц. Политически это выражается в «демократически-республиканском блоке» с новоиспеченными «крестьянскими» (кулацкими) «демократами». Чтобы познакомиться с этим новым лицом, уже после-нэповского происхождения (наш кулак, кстати, в значительной мере также после-нэповский), можно взять программу и идеологию группы «Крестьянская Россия», с конца 1922 года издающей в Праге свои сборники (их вышло, кажется, 7). Для наших целей удобнее взять самый первый, программный сборник, которым группа объявила о своем существовании, еще до сформирования «дем.-респ. блока». Группа заявляет о своей «формальной беспартийности», что служит ей лишь для того, чтобы оправдать нарочито-«широкую» программу, дающую место даже самому заурядному кадетизму, и ничуть не мешает стремиться к образованию новой партии.

Различие между кулацкой платформой этой группы и буржуазной программой кадетов не классовое, ибо кулак есть также капиталистик-буржуа, а чисто-видовое, второстепенное, мало существенное. Один запевает, другой подпевает,—вот и все отличие «Крестьянской России» от ее хозяев-кадетов, как мы сейчас это увидим.

II.

В программе и в направлении «Крестьянской России», не останавливаясь на ее чисто-политической стороне, далеко не удовлетворяющей требованиям даже развернутой буржуазной демократии (напр., игнорируется женское равноправие, самоопределение наций и пр.), мы отметим три социально-характерных черты: 1) откровенный буржуазно-собственнический дух, 2) фразы о «классовой» партии всего крестьянства и 3) широкие надежды на «демократическую интеллигенцию», которая, собственно, и создает эту «крестьянскую» партию.

Кулацкую, а не просто мелкобуржуазную природу «Крестьянской России» выдает полное отсутствие в ее программе характерного для мелкобуржуазного народничества требования об отмене, или хотя бы о стеснении наемного труда в земледелии. О наемном труде вообще говорится очень кратко: «Система мероприятий по охране наемного труда в формах, не противоречащих общенародным интересам» (Сб. I, «От редакции», стр.4).

Слой деревни, политическим представителем которого намеревается стать группа, не боится пролетаризации, подобно широкой массе мелких товаропроизводителей. Наоборот, «Кр. Россия» озабочена тем, чтобы наемный труд не охранялся чересчур, во вред «общенародным» (буржуазным) интересам.

Аграрную революцию, проводимую Советской властью в России, эти «крестьяне» желают пересмотреть. На возврате помещиков они прямо не настаивают, но считают необходимым «отказ при установлении форм землевладения и землепользования от единого шаблона» и «разрешение аграрного вопроса применительно к местным исторически сложившимся нормам землевладения и организационно-производственного типа».

Не трогай кулака там, где он «исторически сложился», прочь «шаблон», т.-е. то всеобщее душевое поравнение земли, которое провела Советская власть! Таков смысл этого пункта.

Авторы статей требуют, преимущественно, земельной собственности, мелкой и даже капиталистической, подчеркивая, иногда, принадлежность «верховного» права на землю государству («демократической республике с устойчивой исполнительной властью»). Здесь, таким образом, намечается довольно последовательная буржуазная национализация земли, которая, теоретически, служит лучшей формой землевладения для быстрого развития капитализма.

Протеста против капитализма, который лежит в натуре мелкого производителя, в кулацкой программе не только нет, а есть откровенный пункт, столь любезный сердцу гг. Милюковых:

«Энергичное содействие восстановлению буржуазно-экономических отношений в промышленности, торговле, кредите и других областях хозяйства» (стр. 4).

От народнической идеологии, протестовавшей против капитализма, сохранились совершенно ничтожные привески, перемешанные с «самодельной» утопической фразеологией. Так, Сергей Маслов, статьей которого («Восходящая сила») открывается сборник I, пускается в пустяковые и бессодержательные исторические параллели. В XVIII веке, говорит он, на историческую сцену пришла буржуазия, в XIX — пролетариат; а в XX — крестьянство. В чем дело? Какой новый способ производства несет этот класс? Ничего вразумительного на сей счет С. Маслов не предлагает вниманию своего читателя. Между тем, этот «ура-крестьянский» мотив, «для ради важности», с огромной высокопарностью звучит чуть ли не во всех статьях.

Если откинуть в этой идеализации крестьянства чисто-шарлатанские ноты, то от нее останется старое, как мир, народническое и ревизионистское заблуждение о несравненной живучести мелкого трудового производства и мелкой собственности в сельском хозяйстве. Кадетам, конечно, мало важно, понимают ли Масловы свою роль капиталистических приказчиков, или нет, лишь бы действовали.

Итак, перед нами бацилла кулацкой идеологии, продукт искусственного разведения в заграничных кадетских парниках, с целью пересадки ее на русскую почву. Обращает внимание откровенно-собственнический, буржуазный характер этого нового

эмигрантского образования, в отличие от спевшего свою песенку эсерства. Времена сменились. Помещичьих имений, дележку которых можно было облекать в «социалистические» одежды, в России более нет. Социализм, в настоящем смысле слова, приблизился и показал себя с невыгодной (для кулака) стороны. Старая кличка «эсер» слишком себя скомпрометировала в Октябре, в гражданской войне, чтобы служить приманкой для кулацкой массы.

Социализм в сознании мужика сливается с понятием «коммунизм», «коммунистическая партия». Со всех точек зрения, кончая простой потребностью яснее размежеваться с врагом—большевизмом, для контр-революции выгоднее не связывать себе рук «социалистической» наклейкой. Милюков, сверх того, из опыта «коалиции» твердо запомнил, что «социалисты» способны только путаться под ногами. Поэтому блок с более «реалистической» группировкой он ценит выше блока с «социалистами», считая их комедию сыгранной. С своей точки зрения, конечно, он прав.

Кулацкая «бацилла» пускается в путь, намереваясь повести за собой всю крестьянскую массу. В том же программном заявлении («От редакции») мы читаем:

> «Крестьянство думает о защите своих интересов собственными (кур. ред. «К.Р.») силами, оно не желает более чьей-либо опеки и рвет узы, связывавшие его с политическими партиями. Идея своей крестьянской партии широко бродит в умах» (стр. 4).

«В умах» заграничной белогвардейщины, следовало бы добавить, пока-что.

Простачек Пешехонов, энес, в свое время вломился в амбицию по поводу «классового» характера лозунга «крестьянской» партии. Он написал в «Днях» (10 декабря 1922 г.):

> «Классовый характер партии и даже просто наименование ее «крестьянской», несомненно, лучше чем что-либо другое, могут обеспечить ей популярность в крестьянских массах, и, пожалуй, тем быстрее и легче, чем эти массы в политическом отношении невежественнее. Даже разговоривать много не придется, достаточно, ведь, сказать только: ваша «собственная» партия, «крестьянская»,—это каждый дурак поймет, и запишется в партию, а если не запишется, то голос-то наверняка подаст за нее. Охотники поиграть на этой струнке всегда, конечно, находятся. Напомню, что у нас уже были «селянские» министры,—и многие крестьяне, быть-может, всерьез считали их за «собственных министров» (курс. наш. В. А.).

Вот уж нашел человек, чем «стращать» кадетских подголосков! Чтобы «каждый дурак» и политически-«невежественная» масса пошли за ними — именно этого-то и добиваются герои из «Кулацкой России», которые не могут завоевать сочувствия без обмана масс, политически-невежественных. Дальнейшие рассуждения Пешехонова на эту тему также совершенно беспомощны. Вот что он, например, пишет:

> «Представьте себе, в самом деле, что каждый класс обзавелся бы своей партией... И вот на государственной арене появились бы: партия крестьян, партия рабочих, партия купцов, партия фабрикантов, партия ремесленников и т. д. Во что тогда превратилась бы государственная жизнь?».

Эти бесподобные филистерские очки прехладнокровно снял с пешехоновского носа Милюков, напомнивший ему

«опыт трудовой группы в государственных думах. Крестьянские депутаты предпочитали трудовиков какой-угодно демократической государственной партии, как ни случайно и смутно было это искусственное объединение, отнюдь не начавшееся с составления программы. Было немало и демагогии положено на образование этих эфемерных крестьянских объединений» («Последние Новости», 12 дек. 1922 г.).

«Было немало и демагогии положено»,—недурной «исторический урок», извлеченный кадетами из опыта с трудовиками. А главное, ни одна «демократически-государственная партия» не смогла установить смычки с крестьянскими депутатами без посредства трудовиков. Это—основное, что вынесли кадеты из своей думской практики.

Им нужны подставные группы, чтобы вести за собой крестьянство. На эту роль Милюков выдвигает С. Маслова и К°. Только до трудовиков «Кр. России» очень, очень далеко. Трудовики в основе были крестьянской группой, а не объединением литераторов, сидящих на реках вавилонских.

Подчеркивание роли интеллигенции в деле «защиты интересов крестьянства, собственными силами...» крестьянства (см. выше), настолько выдает «Кр. Россию», что об этом распространяться совсем излишне.

Таковая беглая зарисовка контуров нового эмигрантского образования. Пока Советская власть умелой тактикой по отношению к крестьянству сохраняет с ним крепкий союз, эмигрантщина будет вариться в собственном соку. Но случись то или иное серьезное и длительное недоразумение у пролетариата с крестьянством, наметься между ними более или менее глубокая щель, как из этой щели выскочит кулак, чтобы подорвать диктатуру пролетариата. Тогда мы столкнемся с лозунгами и идеологией, которая нам может воспроизвести (трудно сказать, насколько близко и точно) идеологию «Кр. России». С этой точки зрения мы и остановили на ней внимание читателя.

III.

Как же обстоит дело с кулаком у нас, в Советской России, если подойти к вопросу не с узко-политической стороны, не с точки зрения текущего момента, а в общем разрезе нэп'а?

Для ответа на этот вопрос остановимся на том, якобы марксистском, анализе, который дают меньшевики.

В январском № 1 (71) «Социалистического Вестника» Д. Далин пишет о «Расслоении новой деревни», предрекая гибель Советской власти от нарождающегося кулацкого элемента, который-де поведет за собой всю деревню против большевиков.

Автор третирует с высока тех «наивных коммунистов», которые «воображают», будто «в условиях товарно-денежного хозяйства» подъем земледелия пойдет путем «социальной гармонии», когда «вся стомиллионная крестьянская масса, вся сразу и равномерно, подымается с низшей ступеньки на высшую» и т. д.

«Наивные коммунисты», которые не знали бы о постоянном зарождении капиталистических отношений на почве товарно-денежного хозяйства и, следовательно, о процессе расслоения деревни при новой экономической политике,—такие «наивные коммунисты» существуют только в наивном воображении Далина. Он сам, в том же столбце, говорит о мерах, которыми коммунисты борются с новым кулачеством, препятствуют его росту; борются, значит, знают, что оно может расти и, частью, растет.

Никто не поверит Далину, что коммунисты думают «запретить кулаков»—и дело, дескать, в шляпе. «Сделать невозможным укрепление нового класса при помощи милиции, ГПУ и трибуналов. Классический образец социальной утопии»,—изощряется меньшевик, запомнивший из всех советских завоеваний, по понятным причинам, только одно ГПУ и трибуналы. Ни от трибуналов, ни от иных мер диктатуры мы не откажемся, ни в угоду меньшевикам, ни кулакам. Но мы не такие простаки, чтобы не понимать, что политическая борьба должна в подоснове иметь экономические мероприятия. Свергнув буржуазию, мы отобрали у ней фабрики и заводы и пустили ее на все четыре стороны. Кулаки политической власти не держат, мы их в политике не трогаем, пока они нас не трогают. Экспроприировать их, как городскую крупную буржуазию, мы не собираемся. Мы всего лишь ставим рамки для капиталистического накопления в деревне, воспрещая куплю-продажу земли, отменив на нее частную собственность, ограничивая и уравнивая земельные наделы, стесняя аренду и употребление наемного труда в сельском хозяйстве. Огромная масса крестьянства нас в этих предохранительных против кулачества мерах поддерживает, этого нельзя не видеть.

Эта масса, полагает Далин, со временем очутится в экономической зависимости от кулаков. Но самому Далину отлично известны меры, предупреждающие эту зависимость, экономические меры борьбы с ней. Дадим слово самому меньшевику. В той же самой статье он пишет:

«Кооперативы всех родов и видов—могучее орудие в борьбе мелкого крестьянства против кабалы в ее различных формах»... «Далее, сельскохозяйственный кредит в силах освободить от финансовой, почти кабальной, зависимости от деревенской буржуазии»... и т. д.

Не очевидно ли, что нам бьют челом нашим же добром? Кооперация и сельско-хозяйственный кредит есть основные мероприятия Советской социалистической политики в деревне. Ими подрывается и со временем подорвется экономическая, а следовательно, и политическая сила кулака в деревне.

Меньшевик пишет, большевики проводят. Из-за чего бы, казалось, вопить о «социальных утопиях» большевиков? Но не тут-то было. Для кооперативов, оказывается, необходимо не только «право на независимую организацию», но и «та политическая атмосфера, в которой это право превращается в реальность». Только тогда «постепенно вырастут всевозможные кассы и местные сельско-хозяйственные кредитные учреждения».

В большевистской деревне царит «подавление всякой общественной жизни», между тем, как «в борьбе с социально-политическим засильем деревенской буржуазии свобода политической самоорганизации играет очень важную роль».

Словом, нужна учредилка. Хочешь с кулаком бороться—дай ему «свободу политической организации». Так рассуждает этот политический недоумок, в детстве зашибленный «демократией».

Становится совсем забавно, когда он же начинает нас уверять, что «всякая диктатура в деревне не только взращивает антиреволюционные элементы деревни, но и вручает им постепенно всю полноту власти»,—когда он рассказывает нам «о целых сельских советах и исполкомах, порабощенных этим новым классом». Это называется: сперва под видом борьбы с кулачеством потребовать политических прав кулачеству, а затем, под тем же флагом борьбы с кулачеством, объявить войну советам.

Что у нас кулаки пролезают в деревенские и волостные советы, мы это знаем не хуже меньшевиков. Но мы боремся с этим не на словах, а на деле, пользуясь Советской конституцией, лишающей избирательных прав нетрудящегося. Рабочие и крестьяне знают, какую борьбу с кулаком вели и ведем мы, и какую вела керенская, сибирская, самарская, грузинская «демократия».

Далин выдает себя ссылкой на швейцарскую кооперацию. Такую кооперацию, как в Швейцарии, он считал бы идеалом для России. Ему нужна кооперация не в Советской, а в капиталистической России. Тогда пошла бы музыка не та. Тогда нашлись бы у меньшевиков и «средства, и меры противодействия абсолютизму деревенского капитала». Такая кооперация не остановила бы расслоения деревни, но это расслоение, происходящее в рамках кооперации, «вовсе не означало бы неизбежно экономической и политической кабалы для всей крестьянской массы».

Кулак бы рос, но новый, передовой кулак фермерского типа, вытесняя «классический и поныне здравствующий тип сельского ростовщика». Различие типов передового и отсталого капиталиста, как правильно замечает Далин, относится не только к деревне. «Купцы-самодуры, герои Островского—носители капитализма в такой же мере, как и индустриальные магнаты современной Англии».

Есть капитализм отсталый, есть передовой. Мы, меньшевики, мы—авангард (!), мы за... передовой капитализм. В век крушения магнатов мы—за магнатов, только против «самодуров»... За беленький, не черненький капитализм...

Оставим меньшевика созерцать «заднюю» буржуазии. В нашем Советском строе кооперация может не быть и, при нашем руководстве, не станет орудием капитализма, сепаратором, отделяющим кулацкие сливки. Мы можем, если захотим и приложим усилия и внимание к этому, если будем одерживать новые успехи в хозяйстве, сделать нашу кооперацию орудием социализма, вырывая ее из рук кулаков там, где она уже стихийно попала в их руки. Для этого мы должны превратить кооперацию в объединение широчайших масс бедного и среднего крестьянства.

Этот путь к социализму особенно ярко осветила нам статья

В. И. Ленина: «О кооперации» (26-го мая 1923 года). Вот что написал здесь т. Ленин:

> «На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимая того, какое исключительное значение имеет эта кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина»... (курсив В. И. Ленина).
>
> «Собственно говоря, нам осталось «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «Только» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы»... (Соч., т. XVIII, стр. 140—144)

Далее Ленин пишет о фантазиях старых «кооперативных социалистов», в роде Роберта Оуэна, которые думали, что кооперация есть социализм уже при капитализме. Если «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совпадает с социализмом» (выражение принадлежит Ленину), то только потому, что мы сперва произвели Октябрьскую революцию, передавшую власть и средства производства в руки пролетариата.

Наш взгляд на кооперацию будет ясен из сопоставления его, с одной стороны, с кооперативным утопизмом в духе Роберта Оуэна (и русского народничества) и, с другой стороны, с меньшевистским догматизмом.

Утописты полагают, что развитие кооперации в капиталистическом строе ведет к социализму [1]).

Меньшевики заучили то положение, что развитие кооперации в товарном строе есть одна из форм развития капитализма. Дальше этого заученного положения меньшевики не идут.

Ленинизм идет дальше, он вводит новое условие: диктатуру пролетариата, и говорит, что рост кооперации при диктатуре пролетариата есть социализм.

Это не значит, что всякая кооперация у нас уже есть социализм. Это значит, что мы можем, если захотим, выбить кулака из кооперации и на-ряду с этим, в итоге неустанной, огромной и трудной культурнической работы, вовлечь все население в кооперацию.

На этом пути нам будут мешать господа из «Кулацкой России» и «Социалистического Вестника», оформляющие классовое сознание нарождающегося (и внутри, и вне кооперации) кулака, сторонника развития капитализма, а не социализма. От исхода борьбы с кулаком внутри кооперации зависит, куда, в какую сторону кооперация у нас пойдет. И здесь стоит общий вопрос: «Кто кого?». Удастся ли нам против кулака повести кре-

---

[1]) Кстати, на такой позиции стоит, напр., и Ст. Иванович, поместивший в сб. II—III „Крестьянской России" статью „Деревня в социальной революции". Здесь он признает возможным переход крестьянства постепенным путем к социализму через кооперацию. Но при этом вокруг деревни им мыслится буржуазная демократия и капитализм. Ст. Иванович—правейший меньшевик, не считающий себя ни в коем случае народником. Так перепутались карты за границей.

стьянскую массу в кооперацию? Или кулак поведет ее за буржуазией, против нас?

Преобладающим классом населения в России являются мелкие производители, работающие на рынок. В 90-х годах Ленин дал характеристику социальным устремлениям мелкого производителя, определив их, как протест против крепостничества и против капитализма [1]). Тогда мелкий производитель, будучи зажат в тиски между двумя различными общественными системами, боровшимися и переходившими одна в другую, тщетно метался в поисках «своего», «третьего» пути (в идеологии—народнические утопии). Перефразируя это определение Ленина на современный лад, можно сказать, что характерной особенностью социальных устремлений мелкого производителя сейчас является его одновременный протест и против капитализма, и против социализма.

Но если в дореволюционной России и крепостничество, и капитализм могли только конкурировать между собой в жестокости, с какой и та, и другая система эксплоатировала или разоряла крестьянина, мелкого производителя, то сейчас дело обстоит иначе. Капитализм несет огромному большинству крестьянства беспощадную экспроприацию и разорение. Социализм — наоборот — способен равномерно повысить жизненный уровень и уровень хозяйства всей массы крестьянства путем кооперации. Протест против социализма поэтому обусловлен лишь косностью, привычкой, хозяйственной и культурной отсталостью, а помимо этого, кроме этого, он рождается лишь по мере выделения кулацкой верхушки, сознательно идущей на капитализм против социализма.

Рост этой верхушки с ростом рынка обусловлен, в частности, слабостью кооперации в деревне, способной дать городу расширение рынка без кулака и помимо его.

Класс мелких собственников, товаропроизводителей, в капиталистическом обществе гибнет, мучительно и болезненно разоряясь. В Советском строе кооперация временно сохраняет этот класс, ставя его в экономическую зависимость от пролетарского государства, от пролетарской промышленности. В этих условиях отмирание частной собственности в деревне пойдет медленно, постепенно и безболезненно, вслед за успехами сельскохозяйственной техники, вслед за электрификацией и т. д. Безболезненно врастая в социализм, постепенно переставая быть особым классом мелких собственников, как пролетариат постепенно перестает быть классом рабочих, нанимающихся к капиталистам, — крестьяне будут выигрывать, как трудящаяся масса, улучшая свое положение, облегчая условия труда. Таковы основные перспективы социализма в нашей деревне.

От нас зависит на протяжении всего пути к социализму налаживать и беречь смычку интересов рабочих и крестьян.

Эта задача безусловно разрешимая, как показал $6^1/_2$-летний опыт диктатуры пролетариата, при 3-летнем опыте нэп'а. Пусть

[1]) «Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве». Соч., т. II, стр. 10 и др.

господа Далины продолжают самоутешаться пустыми, заученными и непонятыми общими формулами о, якобы, «неизбежном» падении Советской власти в отсталой стране. Мы же будем каждую новую трудную задачу, какая бы она ни была, ставить по-ленински конкретно, учитывая особенности своей страны и конкретно решать, с ясным пониманием нашего пути к социализму.

На меньшевистские пророчества и на кадетско-кулацкие планы мы ответим продолжением старой ленинской тактики по отношению к крестьянству, усилением смычки с середняком, поддержкой бедняка, созданием и укреплением организаций деревенского батрачества, сохранением рамок для экономических аппетитов и пресечением контр-революционных политических вылазок кулачества, если бы оно сделало серьезную попытку политически себя проявить.

А. Слепков.

К третьей годовщине кронштадтского мятежа.

(Март 1921 г.—март 1924 г.).

Статья первая.

I. Социально-экономические предпосылки Кронштадта.

Диктатура пролетариата существует седьмой год. Но она не просто существует; за эти шесть с лишним лет она окрепла, усилилась, починила свой экономический фундамент.

Правда, каждый день приносит с собой все новые трудности, и эти трудности мы признаем громадными, но насколько мы теперь сильнее, чем в 1919—1921 гг.!

Нашим успехам мы в значительной мере обязаны уменью и смелости смотреть прямо в глаза опасности.

Наша партия никогда не смотрела на строительство социализма, как на легкое дело; на другой день после Советского переворота она сказала устами тов. Ленина, что строить социализм в России будет труднее, чем на Западе, хотя захват власти и дался нам легче, чем он дается нашим западным товарищам.

И только благодаря отсутствию самообмана, благодаря внимательнейшему изучению этих трудностей, необходимому для того, чтобы погасить фитиль снаряда, пока последний еще не разорвался,—только благодаря этому мы так сильны теперь.

Из каждого поражения, провала, потрясения, горячего боя и трудного положения мы выходили с новым опытом, новыми уроками, с обостренным нюхом на грядущие опасности. Три года тому назад мы пережили опаснейший момент, труднейшие для диктатуры пролетариата исторические минуты.

Но вновь и вновь мы желаем приковать наш взор не к моменту нашего триумфа, не к праздничным дням пролетарской революции, а к этим тяжелым дням, когда перед нами стояли большие опасности. Уроки этих дней мы понесем с собой для борьбы с новыми опасностями, могущими встретиться на нашем далеко не легком, но единственно верном пути к коммунизму.

До 1921 года мы не могли строить социалистического производства, ибо мы должны были биться до последней капли крови за политические условия, необходимые для этого строительства, т.-е. за диктатуру пролетариата.

Но когда мы эти политические условия отвоевали, наши экономические условия значительно ухудшились. Наша истрепанная национализированная промышленность, разрушавшаяся из года в год, имела к началу 1921 года очень плачевный вид.

Прежде всего оскудела добыча топлива для промышленности, что можно видеть из следующей таблицы, характеризующей динамику каменноугольной и нефтяной промышленности [1]).

Виды минер. топлива.	Добыто миллионов пудов.				
	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Каменн. угля	1.738	1.510	541	338	272
Нефти	602	522	232	269	233

Замена каменного угля худшим дровяным топливом, однако, не могла удовлетворить топливного голода промышленности.

Для примера берем таблицу дровяного потребления группой заводов «Гомзы», включающей 10 крупнейших металло-обрабатывающих предприятий [2]).

Затрачено заводами Гомзы куб. саженей дров.

В 1916 г.	383.000
„ 1917 „	338.000
„ 1918 „	253.000
„ 1919 „	186.000

Одновременно с топливным голодом назревает и кризис сырьевого снабжения.

Производство сырья для хлопчато-бумажной, льняной, солеваренной, свекло-сахарной отраслей промышленности сократилось за войну и годы военного коммунизма в несколько раз.

Принимая по статистическим данным ВСНХ производство 1913 г. за 100, мы получаем следующую картину к началу 1920 года [3]).

	1913 г.	1919 г.
Хлопок	100	22
Лен	100	17
Сах. свекла	100	27
Соль	100	15

[1]) Данные заимствованы из VIII тома, I выпуска «Трудов ЦСУ». М. 1923 г.

[2]) Настоящие данные взяты из статистико-экономического очерка М. Смит о промышленности в сб. материалов «Продовольственная политика в свете общего хоз. строит. сов. власти». Госиздат М. 1920 г., стр. 11.

[3]) Там же, стр. 14.

Совершенно неизбежным следствием расстройства топливного и сырьевого снабжения явилось резкое сокращение производства во всех отраслях промышленности.

Состояние текстильного производства, динамика которого нашла весьма слабое и неточное отражение в статистике, можно иллюстрировать картиной массового закрытия хлопчато-бумажных фабрик.

В 1919 г. из 217 национализированных хлопчатобумажных фабрик действовало 116; в 1920 г. из 215—только 97 [1]).

Типическими для динамики тяжелой индустрии являются данные об изменениях в выплавке чугуна [2]).

	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Выплавлено тысяч пудов . .	231 тыс.	184 тыс.	31 тыс.	7 тыс.	7 тыс.

В результате сокращения производства вступил в силу и процесс распыления пролетариата.

Если к 31 авг. 1918 г. мы имели еще 1.400 тыс. чел. фабр.-зав. рабочих, то к 1 марта 1919 г. их число падает до 1.200 тыс. чел., а к 1 января 1920 г.—ниже 1 миллиона [3]).

Этот процесс распыления пролетариата, отливавшего в деревню, обусловливался не только сокращением промышленности; не в меньшей мере он был обусловлен и сокращением реальной заработной платы, связанным с обесценением бумажных денег.

Не имея ни необходимого золотого обеспечения, ни здорового промышленного базиса,—Советская власть, фактически запретившая торговлю, вместе с тем вынуждена была прибегать к усиленнейшей бумажной эмиссии, имеющей своим следствием параллельное падение реальной ценности бумажных денег, находящихся в обращении.

Этот процесс обнаруживается следующей таблицей [4]).

К какому времени.	Общая сумма денег в обращении (милл. руб.)	Их реальная ценность. (милл. руб.).
1 ноября 1917 г.	22.446	2.200
1 январь 1918 „	27.312	1.315
1 январь 1919 „	60.764	370
1 январь 1920 „	225.014	93
1 январь 1921 „	1.168.596	69

[1]) Труды ЦСУ, т. VIII, вып. 1.

[2]) Там же.

[3]) См. раб. Ларина «Очерк хозяйственной жизни», написанную на основе статист. матер. ЦСУ, ВСНХ и ВЦСПС» в сб. Ларина и Крицмана «Очерк хоз. жизни и орг. нар. хоз. в Сов. России», Госиздат, Москва, 1920 г., стр. 41.

[4]) См. «Проф. Н. Л. Юровский. На путях к денежной реформе». М. НКФ, «Фин. Газета» 1927 г., 19—21 стр.

Падающая бумажная валюта имеет своим неизменным спутником падающую реальную заработную плату. Так, к началу 1918 г. рост цен в Москве обогнал рост заработной платы в 3,6 раз, в январе 1919 г.—в 17 раз, а в конце 1920 года—в 52 раза.

В 1920 году денежный заработок московского рабочего составлял от 8 до 20% фактической нормы потребления рабочего [1]).

Это обстоятельство имело своим следствием укрепление связи рабочих с деревнею, в которой рабочий восполнял заработную плату.

Именно в этой связи следует понимать усиление длительных отпусков, прогулов, особенно замечавшихся в месяцы земледельческих работ.

Получая довольно значительную часть своих средств существования из деревни, часть рабочего класса 1920—начала 1921 гг. деклассировалась не только в социально-экономическом, но и в идеологическом отношении.

Пишущему эти строки выпало на долю наблюдать чрезвычайно сильный сдвиг в социально-политической идеологии значительных групп рабочих эпохи военного коммунизма.

Еще в 1919 году на заводах и фабриках Москвы при обсуждении вопросов, связанных с реализацией продразверстки, рабочие говорили:

«М ы в городе пухнем с голоду, а о н и в деревне пухнут от обжорства».

К началу 1921 года слышались уже другие речи. На ряде м е т а л л и ч е с к и х заводов рабочие говорили коммунистам:

«В ы требуете о т н а с в деревне хлеба, а что в ы даете взамен?».

Этот сдвиг представится совершенно ясным, если к этому добавить, что на вопрос о степени связанности рабочих с деревней, в ячейке отвечали:

«Процентов 60 имеют связь с деревней».

Вопрос о формах этой связи не может быть, к сожалению, разрешен из-за отсутствия необходимых объективных материалов.

Но факт деклассирования известной части пролетариата в обстановке промышленной разрухи, факт укрепления связи рабочего с деревней, факт мелко-буржуазного перерождения идеологии части рабочего класса в рассматриваемый нами период совершенно очевидны.

Так подготовлялась кронштадтская идеология в опорных пунктах революции, в промышленных центрах.

Но и с т о ч н и к о м этой идеологии, как мы уже отметили, являлась для города д е р е в н я.

На ее состояние в 1921 году и следует теперь обратить внимание.

Октябрьская революция не только вырвала землю из рук помещика и передала ее в руки крестьянства; она обострила внутри-крестьянские классовые конфликты; она открыла поход на сельского капиталиста, на кулака.

[1]) Данные взяты у Б. Лившица. «Проблема зараб. платы», М. 1922 г., изд. ВЦСПС, стр. 25—26.

Комбеды были орудием этой противокулацкой революции. Результатом этого похода на кулака явилось некоторое его подавление.

Струмилин, подведший итоги статистического обследования деревни по 7 разно-типным губерниям, приводит следующую таблицу, характеризующую внутреннюю динамику крестьянского хозяйства [1]).

Группы населения	% хозяйств по годам.		% населения по годам.	
	1917 г.	1920 г.	1917 г.	1920 г.
1. Зажиточные гр.	13,5	11,7	18,1	14,8
2. Середняки	42,7	40,8	46,4	44,8
3. Маломощные	43,8	47,5	35,5	40,4

Из этой таблицы явствует:

1) что эпоха военного коммунизма, несколько снизила общий имущественный уровень крестьянского хозяйства;

2) что крестьянская буржуазия явилась наиболее пострадавшей, благодаря классовой политике Советской власти в деревне.

Еще более красноречивы данные о «динамике обеспеченности посевами по типам хозяйств», в которых площади посева в 1917 г. принимаются за 100 [2]).

Типы хозяйств по 7 губерням.	Общая площадь посевов в десятинах.		Число десятин посева на 100 душ.	
	1917 г.	1920 г	1917 г.	1920 г.
1. Зажиточные	100	53,8	100	56,8
2. Середняки	100	93,7	100	85,2
3. Маломощные	100	150	100	118

Здесь уже можно наблюдать не только картину передвижек между разными типами хозяйств, но и внутренние изменения этих типов.

Зажиточные не только изменились в числе, но и обладают теперь меньшей посевной площадью на душу, чем раньше; середняки тоже сдали немного; зато у маломощных посев на душу значительно увеличился.

Анализ данных о динамике обеспечения рабочим скотом по типам хозяйств дает материал для аналогичных выводов.

[1]) Ц.К. РКП. Сб. «Крестьянское хоз. за время революции», изд. «Красная Новь», М., 1923 г., стр. 102.

[2]) Там же, стр. 104.

И здесь налицо некоторый подъем маломощного хозяйства, идущий параллельно с некоторым опусканием среднего хозяйства и наиболее значительным минусом у буржуазных зажиточных групп крестьянства [1]).

Типы хозяйств по 6 губерниям.	Абсолютные цифры.		На 100 душ населения.	
	1917 г.	1920 г.	1917 г.	1920 г.
1. Зажиточные	100	67,6	100	70,9
2. Середняки	100	93,0	100	83,8
3. Маломощные	100	129,0	100	103,0

Все эти данные говорят об одном: они говорят об осреднячении деревни за период 1918—1920 гг., о падении буржуазного хозяйства, о нивелировке крестьянских хозяйств.

Таковы итоги комбедовской кампании. Но у этих итогов есть свои чрезвычайно важные социально-политические последствия.

Деревня 1917—1919 гг. была ареной обостренной внутренней классовой борьбы крестьянской бедноты против крестьянской буржуазии.

Этот классовый антагонизм деревни укреплял нас, расширяя сферу революционного влияния пролетариата.

К 1921 году обстановка в деревне изменилась. Изменилась не только в том смысле, что крестьянство после поражения ряда белогвардейских армий почувствовало себя крепко на отнятой у помещика земле и перестало нуждаться в пролетарском государстве, как военном руководителе против воинствующего и борющегося за землю помещика.

Изменилось и потому, что с нивелировкой крестьянского хозяйства внутренний антагонизм в деревне ослаб.

Позиция пролетариата в смысле классово-бедняцкой опоры ослабла, а в громадной массе крестьянства, наоборот, стали живее действовать факторы некоторой солидаризации вместо прежних факторов внутренней борьбы.

Деревня глядела на город уже не двуликим Янусом, одно лицо которого выказывало расположение пролетарскому городу, а другое кулацкую ненависть; у деревни появилось некоторое общее выражение, которое отнюдь не было выражением готовности итти за пролетарским городом при всяких условиях.

Крестьянство хмурилось и проявляло тягу к новой системе

[1]) Там же, стр. 118.

экономических отношений, более удовлетворяющей крестьянина, как частного хозяйчика и товаропроизводителя.

Военный коммунизм положил запрет на торговлю.

Эта торговля тем не менее стихийно прорывала натурально-хозяйственные отношения военно-коммунистического режима, появившись в невиданной для нас форме—«торговли из-под полы».

На этом «подпольном» рынке складывалась чрезвычайно благоприятная для сельского производителя конъюнктура: хлеб был на рынке самым знатным барином,—цены на него росли, и особенно сильно с 1920 г.

Достаточно указать, что, например, на московских рынках цены на хлеб выросли с начала 1920 года до начала 1921 года в $11^1/_2$ раз, в то время как цены на одежду и обувь только в $7^1/_2$ раз, а цены на бакалейные непродовольственные товары меньше, чем в 4 раза [1]).

Эти «ножницы» были мощной пружиной порыва крестьянства к товарно-хозяйственным отношениям; порыва, определившего собою политическую атмосферу в советской деревне начала 1921 года и положившего печать на настроение рабочих, связанных с деревней.

Таковы были объективные социально-экономические условия, создавшие почву для кронштадтских настроений. В этих условиях наша партия не повинна: они создались железной логикой гражданской войны.

Продолжение этой войны могло бы совершенно истощить наши силы, так как дальнейшее развитие намеченных выше тенденций выбило бы из-под наших ног тот пролетарский фундамент, на котором Октябрьская революция построила рабочее государство. Однако, история нам улыбнулась.

II. Политические предпосылки Кронштадта.

К началу 1921 года мы вышли из полосы войн и могли заняться хозяйственным строительством.

Но как строить хозяйство? Можно ли продолжать прежнюю военно-коммунистическую хозяйственную политику, или нужно переходить к новой системе экономических отношений и к какой именно?

Теперь нам представляется совершенно ясным, что если бы мы перешли к нэпу в январе 1921 года, мы, вероятно, не имели бы Кронштадта. Мы не могли перейти к нэп'у в военный период, но в январе 1921 г. мы могли это сделать. Но велика сила инерции! Мы не смогли быстро освободиться от военно-коммунистических традиций.

Дискуссия о профсоюзах, предшествовавшая Кронштадту, обнаружила не только тот факт, что часть нашей партии держала

[1]) Данные вычисления на основании таблицы, приведенной в «Трудах ЦСУ», т. XIV, вып. I, М., 1923 г., стр. 121.

курс на дальнейшее завинчивание военного коммунизма; она обнаружила также, что, понимая необходимость считаться с крестьянством в экономической политике, партия в целом еще не нашла формы смычки с крестьянством.

Очертания нэп'а, вероятно, уже в эти дни намечались в сознании т. Ленина, раньше других умевшего схватить историческую исключительность момента и найти новые методы партийной работы в новых условиях.

Но это были только контуры: великий зодчий хотел примерить, подсчитать, проверить, чтобы не прогадать.

Но дискуссия, показавшая, что партия не пойдет дальше по пути военно-коммунистического строительства,—имела и отрицательные последствия.

Она показала, что наша партия не совсем единодушна, что в нашей партии пошатнулась дисциплина, что в нашей партии появились фракции.

Это было недопустимым излишеством партии, возглавлявшей диктатуру рабочего класса в обстановке, обрисованной нами выше.

На это с полным основанием указывал тов. Ленин на X съезде:

«...Едва ли многие из вас не оценят эту дискуссию, как непомерную роскошь. От себя же лично я не могу не добавить, что, на мой взгляд, эта роскошь была совершенно непозволительной, и, что, допустив такую дискуссию, мы, несомненно, сделали ошибку.

Не видя того, что мы в этой дискуссии выпятили вопрос, который по объективным условиям не может стать на первом месте, что мы пустились роскошествовать, не видя того, до какой степени мы отвлекаем внимание от насущного и грозного, лежащего так близко перед нами вопроса о том самом кризисе...» [1]).

Дискуссия, обнаружившая трения в правящей партии, бесспорно, несколько развязала стихию за пределами партии, ослабила влияние партии на пролетариат в критический, сложнейший момент.

Во второй половине февраля 1921 г. на ряде петроградских заводов, в связи с уменьшением продпайка, вспыхнули забастовки.

Эти забастовки были не первыми. Чрезвычайно тяжелые материальные условия и раньше толкали наименее выдержанных рабочих на экономические стачки, еще больше ухудшавшие трудное положение пролетарского государства. «Волынили» и в 1919 и в 1920 году.

Но в этих стачках начала 1921 года появилось нечто новое. Во-первых, к требованию увеличения пайка присоединилось требование о снятии заградительных продовольственных отрядов, объективный смысл которого заключался в снятии запрета с торговли; во-вторых кое-где стали читаться меньшевистско-эсеровские прокламации,

[1]) Собр. соч. Ленина, том XVIII, в. I, стр. 111.

одно появление которых раньше вызывало у рабочих реакцию в форме прекращения «волынки», ибо рабочие меньше всего хотели, чтобы их возглавляли социал-предатели.

27 февраля среди забастовавших появилась прокламация с следующими призывами:

«Необходимо коренное изменение всей политики власти; и, в первую очередь, рабочим и крестьянам нужна свобода. Они не хотят жить по большевистской указке, они хотят сами решать свою судьбу. Товарищи, поддерживайте революционный порядок. Организованно и настойчиво требуйте:

Освобождения всех арестованных социалистов и беспартийных рабочих. Отмены военного положения, свободы слова, печати и собраний для всех трудящихся. Свободных перевыборов завкомов, профсоюзов и советов. Созывайте собрания, выносите резолюции, посылайте к властям делегатов, добивайтесь осуществления ваших требований!».

28-го в Невском районе была расклеена более откровенная прокламация:

«Мы знаем, кто боится Учредительного Собрания. Это те, кому грабить нельзя будет, а придется еще отвечать перед народными избранниками за обман, грабеж, за все преступления.

Долой же ненавистных коммунистов! Долой Советскую власть! Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!».

Нисколько не удивительно, что меньшевики и эсеры (вторая прокламация — явно эсеровского происхождения, первая может иметь авторами и меньшевиков) разбрасывали и расклеивали такие прокламации. Это не ново. Новым было то, что эти прокламации читались и даже производили впечатление. Советское правительство не могло не почуять в этих новых явлениях большой политической опасности, угрозы делу рабочего класса.

Меньшевики и эсеры пытались сыграть на стихийном недовольстве наименее сознательных групп рабочего класса, чтобы свернуть шею рабочему государству.

Они воспользовались для этого появлением крестьянофильских настроений в этих группах рабочих, деклассированных и окрестьянившихся.

Их первоначальный, частичный успех был в значительной мере обусловлен разбавлением питерских рабочих масс мобилизованными в порядке трудовой повинности крестьянами, к тому же оставшимися безработными после закрытия ряда заводов.

Меньшевистско-эсеровская контр-революция готовила Вандею.

Однако, слишком еще много было революционной энергии и коммунистического закала в петроградской организации, снабжавшей в течение ряда лет всю Россию выдержаннейшими работниками; слишком много жизни и организованности было в передовых слоях питерской рабочей массы, чтобы Вандея могла найти опорный пункт в самом Петрограде. Этим опорным пунктом явился Кронштадт, в котором тон задавали матросы.

За время гражданской войны с 1917 по 1921 гг., когда, по сути дела, флот почти бездействовал, старые матросские кадры распылились, уступив место молодежи, вышедшей из деревни.

Накануне Кронштадта редко можно было найти среди матросов стариков, бывших в плаваниях, вынесших ранее на своих плечах октябрьский переворот.

Чрезвычайно характерно, что в самой матросской среде в эти годы непрерывно наблюдался антагонизм между старыми матросами, составляющими незначительное меньшинство, и количественно подавлявшим молодняком.

Эпитет «клешник»—применялся не вообще к матросу, а к матросу, принадлежность к флотской службе которого можно определить только по «клешу», ибо в плаваниях он не был, стажа и квалификации не имеет и т. д.

Словом, кронштадтский матрос 1917 г. и кронштадтский матрос 1921 года—это типы различного социально-психологического облика.

Вот этот-то новый матрос, деревенский парень, одетый в матросский костюм, и был основной социальной силой взбунтовавшегося Кронштадта.

Что побудило этого матроса подняться против диктатуры пролетариата? («Бросим наш обманчивый лозунг «диктатура пролетариата!»—взывает «коммунист» Коскин в «Известиях Ревкома» от 9/III). Об этом лучше всего сказали сами кронштадтцы на страницах газеты «Известия Врем. Ревкома матросов, красноармейцев и рабочих гор. Кронштадта».

(Характерно, что «матросы и красноармейцы» предшествуют «рабочим», — это мелочь очень показательная!).

Почти все статьи, цитаты из которых мы здесь сейчас приведем, написаны без подписи, идут от редакции, и потому могут характеризовать идеологию «передовых» кронштадтцев, руководивших движением.

«То, что сейчас происходит—читаем мы в № 9 «Известий»—подготовлено самими же коммунистами, их трехлетней кроваво-разрушительной работой. Письма из деревень полны жалоб и проклятий коммунистам. Наши тт., возвратясь из отпуска, полные гнева и возмущения, поведали нам об ужасах, творимых большевиками по всему миру русской земли» [1]).

Дело совершенно ясное: зарядка Кронштадту дана деревенскими настроениями. Но какие же эти настроения?

«Прав был крестьянин, сказавший на VIII съезде Советов: «все обстоит хорошо, только... земля-то наша, да хлебушко ваш; вода-то наша, да рыба-то ваша; леса-то наши, да дрова-то ваши». Но беспокоиться труженику не надо. Ленин обещает «сделать целый ряд уступок мелкому хозяину, дать ему известные рамки свободного хозяйства. Как старый «добрый» помещик, он собирается сделать ряд небольших уступочек, чтобы потом еще крепче зажать в клещи диктатуры партии, что ясно из фразы: «конечно,

[1]) «Известия Вр. Кронштадтского Ревкома», от 11/III 1921 г., обращение к тт. рабочим и крестьянам».

без принуждения не обойдешься, ибо страна страшно обнищала и устала» [1]).

Особенно возмущаются кронштадтцы «насаждением» советских хозяйств.

«Они кричат с кровавых подмостков,—пишет моряк Коптелов [2]), — что вся земля крестьянам, а заводы рабочим. Между тем коммунисты понастроили коммунальные хозяйства, заняв лучшие участки земли, и сели на шею беднейшего крестьянина плотнее и крепче помещика».

Если в этой статье еще пользуются аргументацией от «беднейшего», то в другой статье от редакции обижаются за кулака.

«Все трудовое крестьянство было объявлено врагом народа, сопричислено к кулакам. Предприимчивые коммунисты приступили к разорению и занялись насаждением советских хозяйств, усадеб нового помещика-государства. Вот что при большевистском социализме получило крестьянство вместо свободного труда над освобожденной землицей» [3]).

Эти отрывки очень характерны для большинства статей газеты. О рабочих вы можете встретить в статьях лишь самое беглое замечание, «за-кампанию», так-сказать. Впрочем, «за-кампанию» поминается и «трудовая интеллигенция»...

«Вырастало новое коммунистическое крепостничество. Крестьянин обращался в советских хозяйствах в батрака, рабочий в наемника на казенной фабрике. Трудовая интеллигенция сводилась на нет» [4]).

Не правда ли, эта тречленная формула кажется старой,—старой,—как старо Учредительное Собрание, как стары застывшие формулы застывшего в политическом небытии б. «председателя Учредительного Собрания» и всей его партии?

Особенно мило положение о том, что «трудовая интеллигенция сводилась на-нет». Да, действительно, свелась «на нет».

Бедная «трудовая интеллигенция», бедные ее заграничные идеологи, политическая значимость которых тоже свелась на-нет!

Но Кронштадт им открывал перспективы.

III. О программе Кронштадта.

С какою же программой выступил Кронштадт против рабочего государства? Как известно, движение началось с частичных волнений на судах, объединившихся в общекронштадтское движение на большом митинге, где была принята «резолюция общего собрания команд 1-й и 2-й бригад линейных кораблей, состоявшегося 1-го марта».

[1]) См. «Известия», № 13, от 15/III, ст. «Торговый Дом Ленин, Троцкий и К°.».
[2]) См. «Известия», № 12, 14/III, ст. «Вставай униженный».
[3]) «Известия», № 14, 16/III. ст. «Социализм в кавычках».
[4]) «Известия», № 10, 12/III, ст. «Этапы революции».

Эта резолюция и является единственным документом программного характера, хотя крайняя случайность целого ряда поправок и добавлений сильно затрудняет рассмотрение этой резолюции, как программной декларации. Что в этой резолюции характеризует социально-экономические устремления кронштадтцев?

Четыре пункта резолюции могут дать представление об этих устремлениях:

§ 8. Немедленно снять все заградительные отряды.

§ 9. Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.

§ 11. Дать полное право действия крестьянам над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, т.-е. не пользуясь наемным трудом.

§ 15. Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом» [1]).

Для рабочих—«уравнение пайков»; для крестьян—свобода торговли (немедленное снятие заградительных отрядов), «полное право действия над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот»; «свободное кустарное производство». Правда, запрещение наемного труда остается попрежнему.

Взятая изолированно, эта программа вполне покрывается нэп'ом. Требования крестьянства, в их экономической части сформулированные кронштадтскими матросами, не могли бы служить основанием гражданской войны.

Но... как много зависит от того, что следует после «но»!

Но при каких политических условиях эта экономическая программа мыслится кронштадтцами, как выполнимая? И это «но» оказалось барьером, разделившим противников в гражданской вооруженной схватке.

«Бросим наш обманчивый лозунг «диктатура пролетариата!» [2]).

А посему: «долой диктатуру коммунистов!».

«Здесь совершился новый великий революционный сдвиг,—читаем мы в № 6 «Известий». — Здесь поднято знамя восстания для освобождения от трехлетнего насилия и гнета владычества коммунистов, затмившего собой трехсотлетнее иго монархизма.

«Здесь, в Кронштадте, положен первый камень третьей революции, сбивающей последние оковы с трудовых масс и открывающей новый широкий путь для социалистического творчества!..

«Настоящий переворот дает трудящимся возможность иметь, наконец, свои свободно-избранные советы, работающие без всякого насильственного партийного давления, пересоздать казенные профессиональные союзы в вольные объединения рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции...» [3]).

[1]) См. «Известия» № 1, 3/III, «Резолюция общего собрания команд 1-й и 2-й бригад линейных кораблей, созывавшегося 1 марта 1921 г.
[2]) «Известия», № 7, 9/III «Призыв» Коскина.
[3]) «Известия», № 6, 8/III, «За что мы боремся».

«Советы... без всякого партийного давления». Но разве не в декларативной резолюции кронштадтцев написано в § 2:

«Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий»?

Но эти внутренние противоречия программы не столь уже решающи и важны, как мало важна и субъективная мотивация этих программных положений. Важно вот что: какой объективный смысл имеет, какие объективные результаты несет с собой эта политическая программа?

Простая принадлежность к рабочему классу и особенно к крестьянству отнюдь не является гарантией от контр-революционности. Высказываясь за безоговорочную свободу «слова, печати» и, добавим от себя, организации—мы открываем клапан для контр-революции.

Разве антоновщина, вошедшая в историю как кулацкое восстание, не шла под флагом крестьянской беспартийности, в то время, как она имела бесспорное руководство со стороны эсеров?

Далее: «Свободу слова и печати для анархистов и левых социалистических партий»...

Предположим, что «левые» нужно понимать самым ограничительным образом, включая в эту категорию левых меньшевиков и левых эсеров.

Но эти партии показали себя объективно, как партии контрреволюционные. Если они будут определять политику «беспартийных» советов, то они сдадут власть буржуазии, как предлагали сдать ее в 1917 году.

«Левые» меньшевики... Но «левый» меньшевик Мартов—член ЦК меньшевистской партии, а «правый» Дан—тоже член ЦК той же партии. Где же кончается Мартов и начинается Дан?

А разве неизвестно, что когда дело доходит от общих деклараций к действию, Мартов всегда уступает место Дану? Что же говорит этот Дан в кронштадтские дни?

«Для настоящего момента считаю в России,—заявляет Дан на допросе после ареста,—необходимым, в интересах трудящихся и особенно пролетариата, сохранение Советской системы, но с тем, чтобы эта система была, согласно теории ее и ее конституции, действительным свободным самоуправлением трудящихся, а не замаскированной формой партийной диктатуры. (Что это? Не мотивировка ли кронштадтской программы?—А. С.).

Что касается дальнейшей эволюции этой системы к совершенным демократическим формам, в которых, по моему убеждению, только и может быть осуществлено социалистическое переустройство общества, то темп и характер такой эволюции настолько зависят, с точки зрения интересов рабочего класса, от ряда непредвиденных ныне международных и внутренних факторов, что ни о какой твердой связанности в этом отношении для нашей партии не может быть и речи».

Итак: во-первых Дан не мыслит себе результатов Кронштадта без дальнейшей эволюции к «совершенным демократическим формам,» совершеннейшей из которых для него является буржуазно-демократическая республика; во-вторых, он не считает себя нужным связывать в выборе методов этого перехода, а к числу этих методов, как известно из истории меньшевизма, принадлежат и военные заговоры совместно с белогвардейцами против рабочей диктатуры.

Разве не ясна теперь эта объективная логика социального сцепления?

1. Кронштадтцы — за предоставление свободы «слова, печати», организации—левым меньшевикам.

2. Левые меньшевики малым отличаются от правых и состоят с ними в одной организации, с одним ЦК, во главе, в котором реальными руководителями являются правые меньшевики.

Давая свободу мартовцам, тем самым дают свободу дановцам.

3. Дановцы, принимая «беспартийные» Советы, как отправной пункт, имеют свободу борьбы за буржуазно-демократическую республику, т.-е. за передачу власти буржуазии.

От беспартийных советов—к буржуазной реставрации,—вот тот путь, на который вступил Кронштадт в марте 1921 года.

Эту логику понимали и понимают большевики и потому они подавили кронштадтский мятеж, как мятеж контр-революционный.

Такова была почва Кронштадта и его программа.

Как протекало кронштадтское восстание? Как Кронштадт был встречен различными классово-партийными группировками в России и за границей? Каковы практические уроки кронштадтского мятежа?

Об этом—в следующей статье.

И. Степанов.

„Истинное христианство“ в откровении тов. Луначарского.

(**А. В. Луначарский**. „Христианство и марксизм. Изд-во „Красная Новь“. М. 1923 г. Стр. 33).

Брошюра получилась из доклада, когда-то прочитанного тов. Луначарским.

Было бы лучше, если бы он никогда не делал этого доклада. Если же с ним случилась такая оплошность, было бы лучше, если бы его не стенографировали. И величайшей услугой для автора было бы, если бы дело предали забвению и не печатали стенограммы.

В широких партийных кругах существует представление, будто воззрения тов. Луначарского отличаются некоторой неустойчивостью, и будто он давно и вполне отрешился от блужданий своей юности, выразившихся в книге „Религия и социализм“, в которой он хотел принизить научный социализм до степени религии.

Ничего не может быть неосновательнее таких легких взглядов на тов. Луначарского. Последние литературные произведения тов. Луначарского одно за другим показывают, что акты отречения, которые лежат между его юностью и зрелым возрастом, были временными колебаниями, мимолетными приступами малодушия, что глубокое религиозное ядро осталось в нем незатронутым, и что еще вполне вероятен полный возврат к апостольским начинаниям молодых лет.

В этом отношении достаточно красноречивы отдельные места из недавней статьи тов. Луначарского, напечатанной в журнале „Красная Новь“ (декабрь 1923 г.),—да, пожалуй, и весь колорит этой статьи. Статья называется „Мораль и свобода“. Но ее не с меньшими основаниями можно было бы назвать и так: „Любовь к свободе“, или „Свобода в любви“, или „Любовь на свободе“, и т. д., и т. д. То молодое ядро, которое тов. Луначарский хранит в себе под случайными наслоениями и скорлупой зрелых лет, прорывается в этой статье в выражениях, которым могут только сочувствовать митрополит Антонин или митрополи Александр Введенский...

„Когда мы переходим к оценке самой нравственной морали, если мы не хотим ограничиться простым и пустым констатированием, мы должны сверить ее с какой-то о б ъ е к т и в н о й моралью, с какой-то б е с с п о р н о й, о б щ е ч е л о в е ч е с к о й моралью. Отсюда потребность, и з в е ч н а я, можно сказать, потребность со стороны ученых этиков

в построении ее“ (стр. 132). (Отдельные слова, как и ниже, подчеркнуты мною).

И дальше: „И с к а н и е п р а в д ы б о ж и е й, что фактически означает п р а в д ы б е з у с л о в н о й, с т о я щ е й в ы ш е к р и т и к и, искание это присуще человеку. Иначе и быть не может“ (133).

Дело не только в выражениях, но и в самых мыслях. После всех блужданий, скитаний и колебаний, тов. Луначарский опять охвачен благочестивою жаждою абсолюта.

П о п о в щ и н а, которую так беспощадно и так справедливо бичевал Л е н и н лет пятнадцать тому назад, опять бурной волной прорывается в творениях тов. Луначарского.

И как-будто для того, чтобы еще ярче документировать свой покаянный возврат к прошлому, тов. Луначарский пишет еще такую колоссальную фразу, от которой всякий коммунист „поедет в Ригу“, не получив установленной визы:

„Когда-то я предлагал, в виду того, что миросозерцание марксизма всеохватывающее и дает удовлетворение всей той жажде, которая прежде утолялась религией, не чуждаться признавать и марксизм,—это и Дицген признавал,—тоже р е л и г и е й (подчеркнуто тов. Луначарским) высшего порядка“ (133).

Но, очевидно, вспомнив тот прием, который это предложение встретило у тов. Ленина 15 лет тому назад, тов. Луначарский добавляет: „Но мне указывали, что разница слишком велика для того, чтобы допустить смешение наименований“.

Если тов. Луначарский признает эти указания правильными, зачем же повторять старую расслабленную и расслабляющую чепуху?

Пора нам всем крепко-накрепко зарубить на носу: всякого, кто недостаточно ясно представляет себе абсолютную несовместимость марксистского и религиозного миросозерцания, необходимо безотлагательно отправлять на элементарные курсы политграмоты, не взирая на его советскую степень и коммунистический ранг.

Поповство, которое только местами откровенно пробивается в статье „Красной Нови“, расцветает махровым цветком в брошюре „Христианство и марксизм“. Бесподобны уже самые первые строки этой брошюры:

„Товарищи, темой сегодняшнего доклада является параллель между христианством и марксизмом. Для лиц, непосредственно знакомых с социологическими основами этих двух явлений, такое сопоставление не покажется странным, потому что в настоящее время эти две идеологии—марксизм, с одной стороны, и христианство, с другой,—являются двумя, правда, не единственными силами, но, во всяком случае, могучими силами, которые оспаривают друг у друга душу человечества“ (стр. 3).

В своем благочестивом воспарении тов. Луначарский приписал к христианству все человечество. С презрением, достойным какого-нибудь колонизатора, он забыл о магометанстве, конфуцианстве и т. д. и религию какой-нибудь $^1/_5$ или даже $^1/_6$ человечества превратил в религию всего человечества. Только в пламенном воображении христианского миссионера христианство, фактически находящее лишь немногих прозелитов среди нехристианских народов, может считаться той „могучей силой, которая оспаривает (у марксизма!) душу человечества“.

Пышной фразой является и то, что говорит тов. Луначарский о современной роли марксизма. Охотно допускаем, что в душе тов. Луначарского идет незаконченная борьба марксизма и христианства. Охотно

соглашаемся, что в его душе марксизм сделал уже большие завоевания. Но было бы прискорбным недоразумением думать, что и всего европейского человечества марксизм коснулся так же ощутительно, как души тов. Луначарского. А для внеевропейского человечества идейное богатство марксизма почти вовсе не существует.

Для тов. Луначарского сопоставление христианства и марксизма оправдывается не только тем, что эти две идеологии в настоящее время ведут борьбу за обладание душой человечества, но и тем, что „христианство и марксизм—это две величайшие идеологии, выдвинутые и созданные пролетариатом,—это две пролетарские (подчеркнуто автором) доктрины, которые переживали совсем различные судьбы. Продукты различных эпох, они по существу своему—идеологии пролетариата“ (стр. 4, подчеркнуто мною, И. С.).

Затем следует длинное рассуждение о роли идеологий в классовой борьбе вообще, об их различной окраске, о борьбе идеологических систем, как отражении выступления новых классов на историческую арену, и т. д. Все время читатель остается при убеждении, что христианство и марксизм „по существу своему—идеологии пролетариата“.

На стр. 6 тов. Луначарский старается поглубже вдолбить эту,—очевидно, чрезвычайно ценную для него,—мысль в голову слушателя и читателя. Он еще раз повторяет: „вот относительно пролетариев можно сказать, что мы не имеем никаких пролетарских идеологий, за исключением двух колоссальных массивов. Один—это марксизм со всеми предпосылками к нему, постепенно выросший из буржуазного строя, гигантский горный кряж, гигантский теоретический хребет, который называется научным социализмом. Это—одна пролетарская идеология. На очень большом расстоянии от него, на расстоянии двух тысяч лет, стоит христианство“ (стр. 6). И это—другой „колоссальный массив“ „пролетарской идеологии“.

Само собой разумеется, в дальнейшем тов. Луначарский выясняет, что античный пролетариат был пролетариатом деклассированным, паразитическим пролетариатом, стоявшим вне всякого производства и потому отделенным от современного пролетариата „дистанцией гигантской“. Да и как бы тов. Луначарский не отметил этого: марксизм все же еще борется с христианством за власть над его душой.

Но в своем докладе он ставит главное ударение не на то, что античный пролетариат бездельников отделяется от современного пролетариата более глубокой и непереходимой пропастью, чем, например, античный рабовладелец от современного буржуа, а на то, что римский пролетариат, как-никак, все же был пролетариат. И не случайно он начинает с положения, что христианство—пролетарская идеология, один из двух колоссальных массивов пролетарских идеологий. Марксизм еще не вполне отвоевал его душу от христианства.

Христианство, далеко не побежденное марксизмом, бодро звучит из следующей фразы: „Христианство—тоже создание, по преимуществу, пролетария, и его истинный дух (подчеркнуто мною, как и в дальнейшем, где нет особых оговорок,—И. С.) поддерживался постольку, поскольку различные слои, различные новые формации пролетариата, преемственно друг от друга, дух истинного христианства перенимали“ (6 стр.).

Это—не случайная обмолвка, а проявление подлинной, истинной религиозной сущности тов. Луначарского, готового признать и марксизм

„тоже религией высшего порядка“; если бы вот ему в свое время не указывали на полную недопустимость „смешения наименований“ (извольте-ли видеть, только „наименований“!). На стр. 21 он с серьезнейшим видом пишет слова „сущность христианства“ и видимо не откажется обрисовать ее с большей отчетливостью, чем любой поп. На стр. 25 он признает толстовство „довольно чистой формой христианства“. На стр. 24, коснувшись отношения марксизма к христианству, он заявляет: „Отсюда борьба не только против христианства искаженного, против того церковного христианства, против которого и каждый подлинный христианин должен был бы бороться, ибо церковное христианство есть сдача позиции „дьяволу“, но и против подлинного христианства“.

Тов. Луначарский подходит к христианству не как научный исследователь, а как поп или сектант. Он хочет раскрыть в христианстве какую-то сущность („истинный дух христианства“), какой-то абсолют, и не видит в нем продукта длинного исторического развития.

Вместо ответа на его изумительные историко-религиозные откровения я ограничусь выписками из своей брошюры „О живой церкви“ (М. 1922. Стр. 27—29).

„Все церковные реформации и революции (а теперь добавлю: и тов. Луначарский, религиозное ядро которого пробивается через марксистскую скорлупу) претендовали на то, что наконец-то они восстанавливают „истинное учение Христово“ во всей его первоначальной чистоте“.

Но для научного исследователя „истинного христианства“ не существует, или,—что то же,—для него одинаково „истинно“ христианство всякой эпохи, всякой стадии развития и всякого класса, который в ту или иную эпоху, на той или иной ступени своего развития, усваивает христианство и, усвоивая, претворяет его по-своему, видоизменяет в зависимости от своих особых потребностей. Только так оно и могло перейти из Галилеи в Рим и из Рима к варварским народам, только так и могло просуществовать два тысячелетия, сохраняя единое название „христианства“, несмотря на все свои видоизменения и эволюцию.

„Писания—ветхий завет и новый завет—не представляют чего-то единого, внутренно согласованного, общего по источникам, по авторам, общего хотя бы по той социальной основе, на которой возникали идеологии этих произведений.

„В них отслоились и напластовались многие десятилетия, в некоторых случаях—многие столетия классовой борьбы, с ее колебаниями и превратностями, с ее нередкими сменами побежденных и победителей.

„При сводке устных сказаний и преданий, сопровождавшей их запись, вопиющие противоречия затушевывались, элементы, слишком не согласуемые с основными частями, попросту отбрасывались...

„Составление и запись канонических книг христианства начались к концу первого века по так-называемом рождестве христовом и заняли не меньше столетия. Научная критика давно показала, что никакие ученики Иисуса не имели ни малейшего касательства к составлению евангелий. Евангелия—сборники преданий, записи, разделенные несколькими поколениями. В них сведены и отнесены к одному лицу сказания о разных лицах,—часто совершенно мифических,—ходившие по религиозным общинам. В них отслоились и римские, и иудейские культурные влияния, в них начала новую жизнь сирийская, египетская, месопотамская религия.

А так как различные сказания отражали различные стадии борьбы в иудейско-римском обществе, и так как различные общественные классы и различные группы этих классов налагали свой отпечаток на эти сказания, то совершенно естественно, что после сводки их в цельные литературные произведения, называемые евангелиями, получились явные противоречия и несогласованности...

„Что же удивительного, если папа, Лютер и Мюнцер (а теперь добавлю: и тов. Луначарский) в свое время уверяли, что только один из них дает чистое, неискаженное учение христианства, а остальные двое преднамеренно и злостно его искажают и фальсифицируют?"

Не может быть иных методов изучения христианства, этой столь заведомо и явственно синкретической религии! И не дело марксиста становиться стороной в склоке попов и сектантов и заявлять: истинно в христианстве только то, что несет на себе печать паразитического пролетариата древнего Рима. И тем менее приличествует марксисту умиляться перед этим „истинным христианством".

Если, говоря о христианстве, тов. Луначарский усиленно подчеркивает, что это — пролетарская идеология, и лишь во вторую очередь отмечает, что античный пролетариат был паразитствующим пролетариатом деклассированных элементов, если христианство должно у него таким образом получить освящение от пролетариата, то марксизм окропляется у него святой водой христианства. Чего стоит одно такое, например, место:

„Как старый пролетариат (такой псевдоним избирает тов. Луначарский для римского паразитического пролетариата) противополагал себя миру господ, так и новый пролетариат противополагает себя миру капиталистов. Как старый пролетариат находил, что мир лежит во зле, так и новый пролетариат находит, что мир лежит во зле. Как старый пролетариат эгалитаристичен, т.-е. считает, что нужно стремиться к равенству, так и новый стремится к созданию такового общества, при котором было бы возможно на земле равенство. Как у старого пролетариата был свой золотой век, свое царство божье, так и у нынешнего пролетариата есть свой золотой век, свой миф о крушении мира, свой апокалипсис и свой счастливый исход из этой борьбы. Только он для этого не ждет внешней силы" и т. д. (стр. 23).

Бернштейн и проч. ревизионисты конца прошлого века немало издевались над „Zusammenbruchstheorie", которая превращалась у них в успокоительную для буржуазии „Zusammenbruchslegende", — в легенду о катастрофе, имеющей надвинуться на буржуазное общество, столь же лишенную реальных оснований, как хилиастические ожидания первых христиан.

Неотъемлемой оригинальностью тов. Луначарского останется то, что его не стошнило, когда он на седьмом году после действительно совершившегося крушения мира применяет к оправдавшемуся научному предвидению современного пролетариата названия „миф о крушении мира" и „апокалипсис"..

Поскольку тов Луначарский ищет социальных корней первоначального христианства в декассированном пролетариате древнего Рима, выброшенном из всякого производства, он в общем следует за Каутским („Предшественники научного социализма". Т. I. Отдел первый, глава первая, 3 и 4. Очень поучительно также обратиться к отделу второму, глава первая, 6, где Каутский, выясняя особенности первоначального христианского аскетизма, говорит, что на него наложили свой отпечаток „выдающиеся особенности босяцкого пролетариата: леность, крайняя неопрятность и тупоумие"). Между Каутским и тов. Луначарским „всего лишь" та маленькая разница, что Каутский изучает явления, как марксист, а тов. Луначарский славословит, как поп, и на каждом шагу в умилении повторяет: „Это в высшей степени нелепо, но, вместе с тем, и в высшей степени трогательно" (19 стр.).

Чтобы дать некоторое представление о том, с каким умилением размалевывает тов. Луначарский религию деклассированных элементов древнего Рима, приведу несколько выдержек:

„Пролетариату, — говорит автор, — очень трудно выбрать для него (для бога) образ. Царь ему ненавистен. Он хотел бы иметь такого бога, который был бы похож на него, на пролетария. Он хотел бы иметь такого бога, чтобы ему в глаза плевали, как ему, пролетарию, плюют, чтобы это был и бог, и свой брат. Вот ты мне какого бога подавай! Такого бога, который был бы на пролетарский лад, а не на царский... Нужно такое слово божье (подчеркнуто автором), такой разум божий, который есть грань безграничного, многогранного божества, обращенная к вам, — это и есть сын божий, друг божий, это есть излучение бога" (17—18 стр.).

В борьбе против идеалистической философии мы как-то и не заметили, что в нашей собственной среде пустозвонная декламация и форменная поповщина выдают себя за продукты марксистского анализа явлений.

Вот еще одна цитата, — пора же, наконец, чтобы все увидали, что представляют религиозные писания тов. Луначарского, и круто осадили его.

„И у еврейских пророков много говорилось об истинном праведнике, который будет страдальцем. Но почему он должен терпеть — так, ни за что, ни про что, в качестве страдающего праведника, и за это, во имя заслуг этого праведника, будет прощен мир? Когда все это превращается в легенды, говорится о том, что будет такой отрок, который явится на коне, не с мечом, не по вашему барскому образцу, а кровно обиженный, такой праведный, такой кроткий и такой несчастный, что у самого абсолютного бога слезы из глаз польются, и за великие заслуги его, и за его кровь, безвинно пролитую, простит бог людей, простит за сына человеческого, которого он считает своим сыном, божиим. Вот краски, которые мог брать пролетарий, и он их брал во всем обилии" (18 стр.).

Всякий поп, получив такие каскады елея и елейности от тов. Луначарского, должен будет сказать: „Прощаются тебе грехи твои, раб божий Анатолий! Гряди по избранному пути, сын мой, и твоя мятежная душа найдет успокоение!"

Трудно представить себе, что наделает тов. Луначарский своими писаниями в провинции, среди наших малоискушенных антирелигиозников. Они отнесутся всерьез к таким выступлениям, — и затем еще дадут десять очков вперед тов. Луначарскому в своих собственных выступлениях. Они-то уж, действительно, отожествят христианство с марксизмом и начнут бить попов „истинным христианством" и „истинным Иисусом".

Будем справедливы к тов. Луначарскому: он не только умиляется и молитвословит, — он хочет быть и научным исследователем, критическим историком христианства. Он ищет корней представлений об униженном, страдающем, умирающем и воскресающем боге христианства.

Однако, мы не будем долго останавливаться на „научных" экскурсах

брошюры: потребовалась бы большая работа для того, чтобы разобрать скоропалительные утверждения тов. Луначарского.

Он, например, ищет в истории религиозного развития своеобразной „смычки" между античным паразитическим пролетариатом и крестьянством и уверяет, будто идею умирающего и воскресающего бога создало крестьянство, и будто „беспризорные пролетарии восприняли религию страдающего бога у крестьян" (11 стр.).

Ясно, что тов. Луначарский слишком торопится и без всяких оснований отожествляет земледельческие области и народы с крестьянскими областями и народами. Христианство могло воспринять и действительно восприняло жреческую разработку этого мифа, зародыши которого относятся, по всей вероятности, к родовому периоду развития, когда не было крестьянства, как особой экономической категории.

По мнению тов. Луначарского, паразитический пролетариат мог просто усвоить у мелкой буржуазии и крестьянства и „другой элемент христианства — эгалитаристический (стремление к равенству)" (11 стр.). Разыскивая таким образом социальные корни христианства, тов. Луначарский приходит на той же странице буквально к следующему заключению: „В евангелии нет абсолютно ни одного изложения, которого нельзя было бы найти у пророков или их последователей". Вот и разбирайтесь после этого, что же остается от повторяемого на разные лады утверждения тов. Луначарского, будто „христианство и марксизм—это две величайшие идеологии, выдвинутые и созданные пролетариатом,—это две пролетарские доктрины", и т. д. Античный пролетариат, ветхозаветные пророки, крестьянство, как творцы основных элементов христианства,— все перемешано в кашу, в которой меньше всего остается на долю пролетариата.

Нелегко было бы разобраться и в том нагромождении противоречивых и, скажем, рискованных положений, которое содержится в следующем местечке стр. 12:

„Апостол Павел, который является, скажу мимоходом, представителем мелкобуржуазного извода христиан,—апостол, наиболее любимый впоследствии лютеранами и кальвинистами (движения мелкобуржуазные), — говорил: „не трудящийся, да не ест", — он сам был мелким ремесленником, ткачом палаток. Его любимой провинцией была Македония, где жила крепкая буржуазия, его любимые люди, которым он пишет,—это довольно зажиточные торговцы, домовладельцы, землевладельцы и т. д.".

Так что же является решающим для характеристики Павла: его ли ремесленнический, мелкобуржуазный уклон, или тяготение к „крепкой буржуазии"? Повидимому, для тов. Луначарского—это одно и то же. В таком случае понятно, что лютеран и кальвинистов (напр., кальвинизм гугенотов или в Нидерландах?) он называет „движениями мелкобуржуазными".

Но какая же цена такому классовому анализу идеологий?

Тем не менее тов. Луначарский очень доволен и общими, и частными результатами своих историко-религиозных экскурсов. На стр. 10 он говорит: „Я хочу указать тут то, чего ни одна история религии не подчеркивает",—однако, мне думается, что и после тов. Луначарский не будет подчеркивать, если это будет критическая история религии.

На стр. 16 тов. Луначарский с умилительным самолюбованием говорит

о себе: „Как я не плохо сказал в одном докладе о христианстве,— ждите, чтобы, земля была оккупирована небесной Красной армией".

Излишняя скромность, тов. Луначарский! Читатели признают, что он не плохо выразился и в тех местах своих священных писаний и докладов, которые приведены выше, и в тех бесконечно более многочисленных местах, которых мы не приводим за недостатком места.

Не исключается, впрочем, такая возможность, что многие читатели, спросив себя: в результате что получилось?—ответят словами тов. Луначарского: „Нечто, хотя и довольно бессмысленное, но до крайности трогательное и утешительное" (19 стр.). Вот только насчет трогательности этого „бессмысленного" они, пожалуй, сильно разойдутся с тов. Луначарским.

———

Ил. Вардин.

Меньшевики и РКП.

Очередной поворот меньшевизма.

25 февраля 1924 года вождь партии меньшевиков Дан выступил с докладом на тему о кризисе большевистской диктатуры. Доклад был прочитан в эмигрантском собрании в Берлине, под председательством другого вождя меньшевистской партии Абрамовича. Основные положения доклада сводятся к следующему.

Октябрьская революция была продолжением и завершением февральской революции. Массы свергли царизм во имя земли, мира, воли. Февраль не смог разрешить эти основные задачи,—его дело завершил Октябрь. Буржуазно-демократические цели революции были достигнуты. Тут большевикам и надлежало поставить точку. Но они попытались навязать стране коммунистические утопии. Против этих утопий еще весною 1918 года поднялось широкое народное движение. Но это движение было прервано чехо-словацким восстанием, созданием белых фронтов. Массы снова перешли на сторону большевиков. Советский режим укрепился. С окончанием гражданской войны массы опять начали борьбу с большевизмом и вынудили его к нэп'у. Результатом нэп'а явилось некоторое улучшение положения. Но в общем он обнаружил свою несостоятельность. Все дело в том, что экономическая уступка буржуазии не была дополнена политическими уступками. В результате—широкое недовольство растет среди рабочих, в армии и особенно среди крестьянства. Это недовольство и служит объективным свидетельством кризиса диктатуры. Где выход? Что нужно делать? Ответ Дана на эти вопросы мы приведем в изложении эсеровской газеты „Дни". Вождь русского меньшевизма говорил:

„Большевизм должен быть сменен политическим правопорядком, но необходимо в борьбе учитывать реальную обстановку. Большевизм подготовил аппарат для бонапартистского переворота, он пропитывает армию, чиновничество, учащихся ненавистью к демократии, весь построен на слепом подчинении, распылении, отрицании самодеятельности; в среде старой и новой буржуазии он создал кадры бонапартистов, готовых разделить власть над трудящимися, и сегодня Россия еще не собрала сил, чтобы осуществить демократическую республику; она, конечное, но не начальное звено грядущего процесса. Необходимо соглашение с революционными

элементами, находящимися внутри РКП, и с революционно-крестьянскими группировками. При таком положении немедленное осуществление лозунга демократической республики было бы так же несвоевременно, как был в свое время лозунг учредительного собрания.

Переход от нынешнего режима должен быть постепенным, и демократическая республика осуществима станет лишь тогда, когда переход к ней созреет у всех революционных и классово-сознательных элементов".

Отвечая на вопросы левого эсера Штейнберга, Дан заявил, что для него приемлем лево-эсеровский лозунг: „Честные советы"! —как переходная к полной демократии форма власти.

Таким образом, доклад о „кризисе диктатуры" окончился провозглашением нового поворота меньшевизма, его новым „подевением". Лозунг демократической республики снимается с порядка дня. К демократизму меньшевизм отныне собирается итти под флагом советизма,— в блоке с „революционными элементами, находящимися внутри РКП".

Вспомним кратко путь меньшевизма за годы революции, и смысл нового поворота для нас станет совершенно ясным.

От февраля до октября. Партия меньшевиков в коалиции с кадетами утверждает „демократию". Партией руководит вождь левого центра Дан в союзе с Либером—вождем правого крыла партии. „Либердан"— это не только уничтожающая кличка, данная сатириком,—это целая программа, тактика, вся сущность меньшевизма. „Либердан" — это символ „демократии", которая пытается народную революцию превратить в содержанку мирового империализма... Вождь левого меньшевизма Мартов в этот период капиталистического господства находится в оппозиции,— либердановщина его почти совершенно вытесняет из партии.

От октября до Бреста. Революция своей победой разрывает коалицию меньшевиков с кадетами. Дан вынужден считаться с фактом поражения буржуазии: он делает поворот налево и заключает союз с Мартовым. Либер изолирован. Меньшевизм кокетничает с молодой властью советов. Правые спрятались. Даже Дана редко видно. Меньшевизм представляет „левый", „лойяльный" Мартов.

От Бреста до октября 1918 г. Положение советской власти отчаянное. Белые фронты. Интервенция. Голод. Разруха. Белый террор. Все фракции меньшевизма сплачиваются на лозунге беспощадной, непримиримой, всесторонней борьбы с властью советов. Мартов—Дан—Либер дружно работают во имя свержения „ненавистной диктатуры" и восстановления власти учредительного собрания. Поворот направо—полный.

Октябрь—декабрь 1918 г. Советская власть удержалась. Последняя демократическая попытка (самарская учредилка) крахнула. В средней Европе вспыхнула революция. Меньшевизм делает поворот налево. Лозунг учред. собрания объявлен контр-революционным и снят с порядка дня. Правая снова в оппозиции.

От Германской революции до варшавского отступления. Европейский пролетариат потрясает основы капитализма. Мартов вынужден заявить, что большевизм—мировое явление. Партия меньшевиков держит курс на мировую социалистическую революцию. Российскую революцию она объявляет гигантским бродилом, приводящим в движение весь мир. С „демократии" срывает блестящий покров и она предстает перед

народом в ее настоящем виде, как „демократия равноправных собственников". (Апрельские тезисы 1920 г.). Меньшевики в этот период—за „власть трудящихся". Они настаивают только на точном соблюдении... советской конституции. Но одновременно правые меньшевики внутри Советской России участвуют в антисоветских заговорах. Но одновременно вне советских пределов—во всех без исключения генеральских „демократиях"—меньшевистские организации всеми силами поддерживают режим буржуазно-помещичьей реакции.

От Варшавы до Кронштадта. Мировое рабочее движение медленно пошло на убыль. Партия меньшевиков медленно начинает поворот направо. Почти два года молчавшие правые поднимают голову и обрушиваются на лево-центровый ЦК за сдачу им „демократических" позиций. ЦК уступает давлению правых, партия целиком поддерживает Кронштадт. Ее лозунг: „Свободно избранные Советы"!—как переходная к демократии форма власти.

От Кронштадта до осени 1922 г. Мировая реакция укрепляется. Капитал повсюду переходит в наступление. Партия меньшевиков быстро катится вправо. Мартов разъясняет, что лозунги в роде: „власть трудящихся", „соблюдение конституции", „свободно избранные Советы" и т. д. имели целью „пробить брешь" в советскую систему и открыть дорогу демократии. Он требует уничтожить „бесправие буржуев". Демократия в качестве актуального лозунга еще не выдвинута.

Осень 1922 года. Октябрьская революция „разъяснена", как революция буржуазная. То, что ею руководили коммунисты, это—„маскарад истории". Этот маскарад нужен был для пафоса борьбы. Ныне эпоха войн и революций окончилась. Капитализм на многие десятилетия упрочился. Социализм осуществится постепенно на почве демократии—без революционной борьбы, без восстаний, без диктатуры. Маркс, Энгельс, Лассаль, Бебель, Либкнехт, прежний Каутский, мечтавшие о революции, были просто утопистами. (Далин: „После войн и революций").

В октябре 1922 г. Мартов выступил в „Социалистич. Вестнике"—центральном органе партии меньшевиков—с программной статьей „Наша платформа". Мартов писал:

> „Основная политическая задача момента может быть формулирована в нашей программе, как борьба всеми средствами организованного массового движения за переход к нормальному режиму демократической республики... Этой основной задаче партия подчиняет свои частные тактические задачи". („Соц. Вестник", № 19).

В следующем номере „Соц. Вестника" от 19 октября Дан в статье „Борьба за демократию" писал:

> „Теперь именно „формальная демократия" должна стать нашей ближайшей целью. . Такие очередные лозунги, как „свобода для трудящихся", должны по этому окончательно исчезнуть из нашей агитации,—тем более, что с окончанием гражданской войны исчезли и основания к „лишению прав" известных слоев—и замениться ясным и определенным требованием политической свободы и политических прав для всех". И дальше: „Организация массового рабочего движения на почве выдвигания „частичных" демократических требований, объединенных общим стремлением к ликвидации большевистского режима путем замены его демократической республикою". (Подчеркнуто везде Даном).

В октябре состоялось всероссийское совещание партии меньшевиков, которое лозунг демократической республики провозгласило истинно-пролетарским, очередным боевым лозунгом партии.

Знамя демократической республики снова объединило все течения в партии. На октябрьском совещании было достигнуто соглашение с правыми, которые с конца 1918 года бойкотировали центральные учреждения партии. После принятия „демократической" платформы правые согласились войти в центральный и местные комитеты. Перед ними были открыты страницы центрального органа. Это обстоятельство полностью использовали правые, которые в статьях Аронсона и Кучина-Оранского защищали на страницах „Соц. Вестника" необходимость вооруженного восстания против власти Советов.

Но, объединившись с правыми на платформе „демократической" реставрации капитализма, меньшевизм лишился своего левого фланга. За весь период революции меньшевистская партия „отдает" коммунистической партии свои лучшие, наиболее революционные, пролетарские элементы. Уходят виднейшие левые вожди (Мартынов, Рожков, Ерманский, Семковский, Плесков, Горев и др.). Уходит вся рабочая часть партии. Начинается широкая работа по самоликвидации меньшевистских организаций. Фактически партии нет,—остались небольшие кружки литераторов и пропагандистов, не имеющих никакой связи с рабочим классом...

* * *

При таких условиях партия меньшевиков провозглашает новый поворот „налево". „Демократическая республика" отодвинута подальше. „Ясное и определенное требование политической свободы и политических прав для всех",—т.-е. „свободы" и „прав" и для Милюковых, Деникиных, Врангелей, Бурцевых, Савинковых, Черновых,—это „ясное и определенное требование" снято с очереди. Меньшевизм снова „изменяет" демократии. „Очередной лозунг", который, по словам Дана, „окончательно" должен был „исчезнуть" из меньшевистской „агитации", этот компромиссный, переходный лозунг „честных советов" снова выдвигается на передний план.

Чем объяснить этот восьмой поворот меньшевизма на протяжении шести лет?

Дан говорит о „кризисе диктатуры". Но если бы диктатура, в самом деле, переживала кризис,—разве он хоть на один момент отказался бы от лозунга демократии? Кризис диктатуры, слабость диктатуры, это значит, что шансы буржуазии увеличились,—значит, нужно итти к ней навстречу, нужно концентрировать все внимание на классическо-буржуазном лозунге „демократии". Когда революция переживает кризис, когда пролетарской диктатуре грозит опасность, меньшевик бросается вправо, в объятия буржуазии. В феврале 1924 года партия меньшевиков поворачивает „налево" потому, что диктатура сильна, что добиваться „свободы и прав для всех",—дело теперь явно безнадежное.

Еще и года не прошло с тех пор, как меньшевизм предвкушал свою полную победу над коммунизмом. В номере от 24 апреля 1923 года

„Соц. Вестник", констатируя „растущий призрак „меньшевизма" внутри РКП", с гордостью восклицал:

„Растет стихия демократии. Коммунизму приходится на каждом шагу натыкаться на „меньшевистские уклоны" и крепкими словцами клеймить „дезертиров". Когда меркнет ореол диктатуры,—растет влияние демократизма. И каждый новый день, и каждый новый акт большевизма льет воду на нашу мельницу".

„Растет стихия демократии". Эти слова были подчеркнуты меньшевистским органом. „Меркнет ореол диктатуры,—это был главный мотив в походном марше меньшевизма. А восемь месяцев спустя Дан уже не обещает близкую победу демократии,—дело откладывается на неопределенное, далекое будущее. Знамя свернуто, и рыцари демократии с печальным взором смотрят на „ореол диктатуры", который упорно не „меркнет", не падает, не сдается.

Дан говорит о бонапартизме. Это не ново. Меньшевизм, начиная поворот направо, оглашал при этом воздух криками о бонапартизме. И единственное спасение от бонапартистского перерождения Советской власти он видел... в демократии. Переход к режиму демократии,—писал Мартов в цитированной выше статье,—настоятельно необходим—

„в особенности в интересах предотвращения той контр-революционной опасности, которая зреет в недрах самого, большевиками созданного, военно бюрократического аппарата: опасности бонапартистского завершения красной диктатуры, которое, политически обездолив трудящиеся массы, поставит в привилегированное положение новую русскую буржуазию". („Соц. Вестн." № 19, 1922 г.).

Дан в своей статье „Борьба за демократию" спрашивал: „Есть ли шансы предотвратить бонапартистскую ликвидацию большевистского режима"? И отвечал: „Возможность предотвращения бонапартистского исхода кризиса с каждым днем убывает". Но дело не безнадежно. Демократическая республика может спасти положение. Дадим „свободы и права" всем (в том числе, разумеется, и типичнейшим бонапартистам—всем этим Врангелям, Савинковым, Деникиным),—и опасность бонапартизма может быть избегнута.

Совершенно неопровержимый факт: осенью 1922 года „бонапартистская опасность" является для меньшевиков главнейшим аргументом в пользу немедленной борьбы за демократич. республику. В феврале 1924 года та же партия тем же бонапартизмом аргументирует необходимость поворота от демократии в сторону советизма! И в том, и в другом случае крики о бонапартистской опасности являются бессовестной демагогией политических банкротов, которые не смеют прямо и открыто мотивировать свои шаги теми соображениями, которые на деле руководят ими.

Дан с печалью констатирует, что „сегодня Россия еще не собрала сил, чтобы осуществить демократическую республику". Замечательное признание! А в октябре 1922 года, когда вы, граждане, объявляли лозунг демократии „истинно-пролетарским требованием", когда вы провозглашали свое „ясное и определенное требование политической свободы и политических прав для всех",—как тогда обстояло дело с „силами"? Разве эти „силы" были тогда собраны? Разве с тех пор они растаяли?

Сил за буржуазную демократию не было в России тогда, как нет ее сейчас. Меньшевики только надеялись, что рабочий класс под их руководством вырвет у большевиков „свободы" и „права" для буржуазии, помещиков, белого офицерства и генералитета. Меньшевики рассчитывали, что пролетариат начнет эту самоубийственную борьбу, что он увлечет в данном случае за собой и крестьянство. Дан в цитированной уже статье писал:

„Наша тактика должна ставить себе задачей постоянное выдвигание требования демократических прав, „частичных" лозунгов и стремиться на почве отстаивания этих требований сплачивать все разрозненные части пролетариата между собою и пролетариат в целом с крестьянством" („Соц. Вестн.", № 20, 1922 г.).

Меньшевистская „тактика" была очень хороша для Рябушинского, Милюкова, Деникина, Балаховича. Но именно поэтому она оказалась неприемлемой для всякого честного пролетария. Именно поэтому последние рабочие группы покинули гражданина Дана. Не только российские рабочие не захотели перерезать горло своей власти в пользу буржуазии, но, наоборот, в течение 1923 года самые последние по своей сознательности пролетарские отряды „подтянулись", выдвинулись вперед, сплотились вокруг своей власти и вокруг своей партии. И когда из рядов этого героического российского пролетариата вышла первая сотня тысяч рабочих и работниц и вступила в ряды РКП, Дан воочию убедился, что „сегодня Россия еще не собрала сил, чтобы осуществить демократическую республику; она—конечное, но не начальное звено грядущего процесса".

Эти строки пишутся в момент, когда свыше 200.000 пролетариев подали заявление о вступлении в РКП. Перед лицом этого небывалого в истории факта, быть-может, гражданин Дан разрешит нам несколько изменить его формулу: „Демократия—конченное, давно разбитое звено давно окончившегося процесса"... Что умерло — то умерло.

Что означает новый поворот меньшевизма? Это—невольное признание непоколебимой прочности пролетарской диктатуры... Рабочий класс нельзя использовать в качестве прямого орудия для буржуазного переворота. Его нельзя поднять на прямую борьбу против власти Советов. Необходимо вновь искать обходные пути, необходимо снова перекраситься в защитный цвет. Революция оказалась несравненно сильнее, чем можно было думать. Необходимо по возможности приспособиться к ней. Так рассуждают Даны, Далины, Абрамовичи.

С другой стороны, нужно спасать собственную партию. Нужно сохранить хоть какие-нибудь связи с рабочим классом. Ибо если меньшевик не связан с теми или иными слоями пролетариата, то как он сможет выполнить роль буржуазного агента в рабочем классе? А если меньшевик эту роль не выполняет, то кому он тогда нужен?

Опыт показал меньшевикам, что с откровенной программой капиталистической реставрации итти к русскому рабочему нельзя. Значит, этой гнусной программе нужно придать более благородный вид. Стало быть,—да здравствуют „честные Советы!" При их помощи меньшевизм рассчитывает осуществить самый нечестный, самый подлый, самый преступный план ликвидации первой в мире пролетарской власти...

Наконец, „полевение“ понадобилось меньшевикам для того, чтобы открыть себе возможность проникнуть на правый фланг советского фронта. На этот счет нужно поговорить подробнее.

Меньшевистские планы в отношении РКП.

Временное правительство низложено. Всероссийский Съезд Советов взял власть в свои руки. Но „демократия“ не складывает оружия. Съезду Советов политически противопоставлен комитет спасения, в военном отношении—армия генерала Краснова. Партия меньшевиков представлена в комитете спасения. „Рабочая Газета“ — центральный орган этой партии— на первой полосе печатает приказы Краснова, воззвания Керенского и комитета спасения. Партия меньшевиков всемерно поддерживает попытки контр-революции мерами военного подавления ликвидировать молодую власть Советов.

В самый короткий срок попытка терпит крах. Юнкерское восстание, поднятое в Петрограде комитетом спасения, подавлено красногвардейцами. Армия Краснова-Керенского побеждена и распалась. Краснов в плену, Керенский бежал...

3 (16) ноября 1917 года Дан говорил на собрании объединенных меньшевистских фракций ЦИК'а, предпарламента, Съезда Советов, Петроградского Совета:

> „Наша задача — отделить большевизм от рабочего движения. Сохраняя преемственность этой линии, можно менять свое практическое поведение в зависимости от обстановки момента. В первые дни заговора была надежда, что он (т.-е. большевистский заговор) может быть ликвидирован военной силой. Но попытка оказалась неудачной, нападение на Петроград сделало защиту Петрограда делом пролетариата... Поэтому мы встали на точку соглашения. Соглашение невозможно без раскола в большевизме... Когда этим соглашением мы отвлечем от большевиков более здоровые элементы пролетарских масс, тогда создастся почва для подавления солдатчины, группирующейся вокруг Ленина и Троцкого“ [1]).

Соглашение—раз не удалось прямое военное подавление. Соглашение— чтобы расколоть большевиков. Раскол—чтобы впоследствии подавить „солдатчину, группирующуюся вокруг Ленина и Троцкого“. Такие планы возникли в голове вождя меньшевизма на другой день после нашей победы.

План этот тогда провалился так же, как и план прямой военной ликвидации большевизма. Но меньшевизм на всем протяжении революции имел в своем арсенале и оружие прямой вооруженной борьбы, и оружие „соглашения“. „Соглашение“ всегда мыслилось им как средство откола от большевизма тех или иных групп. Раскол большевизма всегда мыслился меньшевиками как средство ликвидации диктатуры. Отсюда—положительное отношение меньшевиков ко всякой оппозиции внутри РКП, правой или левой, „реалистической“ или „утопической“. Вот факты.

31-го января 1921 года Дан пишет из Москвы со Съезда Советов одному из членов меньшевистского ЦК:

1) „Раб. Газета“, № 204, 5 (18) ноября 1917 г.

> „Разложение большевизма идет гигантскими шагами вперед, хотя на этот раз и удалось склеить рассыпающуюся храмину целым рядом гнилых компромиссов... Я почти не сомневаюсь в том, что наступающий год будет годом острого внутреннего кризиса большевизма... Линия нашей партии в этом кризисе, по-моему, не должна возбуждать сомнения: мы должны быть с рабочей, социалистической частью большевизма, хотя бы ее пробуждающаяся оппозиция и была пропитана романтическими, утопическими элементами“.

Почему вождь самой „реалистической“ меньшевистской партии готов поддержать оппозиционные элементы большевизма, несмотря на их „романтизм“ и „утопизм“? Да потому, что его интересуют не эти элементы сами по себе,—его интересуют последствия, результаты раскола и разложения РКП. Дан готов поддержать самую „левую“ оппозицию, ибо он уверен, что если большевизм распадется на фракции и группировки,— это и будет началом конца диктатуры.

Исходя из этого основного взгляда, меньшевистская партия в свое время одобрительно отнеслась к группе „демократического централизма“ и „рабочей оппозиции“. Вот что писал „Социалистический Вестник“ в номере от 16 февраля 1921 года.

> „Пусть сейчас „рабочая оппозиция“ еще чисто-синдикалистски замыкается в узкие рамки чисто-хозяйственных отношений и, строя схему самоуправления рабочего класса в области производства, упускает из виду самоуправление политическое... Логика жизни и их собственный опыт скоро и наглядно покажут им всю неразрывную связь между „экономикой“ и „политикой“. И уже сейчас среди многочисленных групп и фракций, образовавшихся за последнее время в рядах РКП, имеется группа сторонников рабочего демократизма. Это—Сапронов, Бубнов, Осинский и другие коммунистические „конституционалисты“. Правда, они еще очень слабы и числом и духом... Но они уже посягнули на чистоту „диктатуры“. И логика борьбы и жизни и их убедит современем, что без свободы даже (!) для „меньшевика и эсэра“ не может быть свободы и для массы коммунистов, что „конституция“ должна соблюдаться не только внутри комм. партии, но и для всей демократии страны“.

Вы,—говорили меньшевики вождям „рабочей оппозиции“,—вы еще непоследовательны, вы не связываете концов с концами. Но это ничего: „логика жизни“ и „собственный опыт“ научат вас итти... по нашему „демократическому“ пути.

Вы,—говорили меньшевики нашим „конституционалистам“,—вы еще „очень слабы и числом и духом“. Но это ничего: для начала совершенно достаточно, что вы „уже посягнули на чистоту диктатуры“. В отношении вас, как и в отношении всех политических деятелей, обязательна „логика борьбы и жизни“. Это логика от нынешней вашей „конституционности“ толкнет вас в сторону демократии для „всей страны“.

Вот почему меньшевики прощали „раб. оппозиции“ ее „сумбурность и половинчатость“. Прощали, ибо „Соц. Вестник“ считал, что, несмотря на все свои недостатки, „раб. оппозиция“ представляет собою „элемент прогресса по сравнению с Троцким-Дзержинским“. „Элемент про-

гресса"! меньшевистского, „демократического", ликвидаторского „прогресса"! Вот почему меньшевики прощали „сапроновцам" (выражение „Соц. Вестника") „беспомощность" их „конституционализма". Прощали, ибо считали, что, несмотря на всю их „детскую наивность", „сапроновцы" „много прогрессивнее Зиновьева". „Соц. Вестник" считал, что „раб. оппозиция" и „демократический централизм"—это „новые молодые ростки". Но меньшевистский орган хотел большего. Он выражал надежду, что внутри РКП назреют еще более „здоровые и прогрессивные элементы". „Соц. Вестник" писал:

„Произойдет, надо надеяться, еще не одна перегруппировка сил внутри начавшей разлагаться РКП. Чем шире и глубже будут становиться слои, осознавшие бесплодность и гибельность нынешней военно-бюрократической, террористической диктатуры, тем вернее народится, в жестокой борьбе со старым, новая, более прогрессивная сила, с которой, быть-может, будет и по пути социалистически-марксистскому пролетариату, руководимому нашей партией". („С. В." № 2, 16/II 21 г.).

Нужно признаться, ожидания меньшевиков в известной мере оправдались: на почве, подготовленной „молодыми ростками", в нашей партии „назрели" такие „прогрессивные элементы", как „Рабочая Правда" и „Рабочая Группа". Меньшевики просчитались только... в основном: „прогрессивные элементы" ни в какой степени не поколебали прочности РКП. С „Рабочей Правдой" меньшевистскому „пролетариату" было вполне „по пути", ибо идеология „Раб. Правды" это—неоменьшевизм. „Соц. Вестник" окружал атмосферой сочувствия все „прогрессивные элементы" РКП. Но ничего существенного для контр-революции из всей этой истории не получилось...

Вернемся, однако, к тому периоду, когда меньшевики мечтали о „более прогрессивной силе". „Социал-демократия,—писал Мартов в „Соц. Вестнике" 1 ноября 1921 года—социал-демократия

„свои надежды на... исход из нынешнего положения ставит на оформление в ныне переживающем идейную смуту большевистском лагере элементов, сохранивших социалистические образ и подобие и потому способных, после отказа от экономической утопии, разорвать и с ее порождением—утопией диктатуры меньшинства".

План совершенно ясный, „надежды" весьма заманчивы, тактическая линия, из этого плана вытекающая, тоже не может вызывать сомнений. Поддержать „социалистические" элементы в РКП, содействовать по возможности их оформлению, и „надежды" могут быть оправданы... Два с половиной года тому назад эти „надежды" были открыто высказаны покойным вождем меньшевизма!

20 июля 1922 года, в связи с вопросом об едином фронте, Мартов снова возвращается к данной теме. Он пишет:

„Когда находящаяся сейчас в рядах большевистской партии часть рабочего класса откристаллизуется в отдельную—хотя бы утопическо-коммунистическую,—но пролетарски-классовую партию, вопрос об едином пролетарском фронте в России примет тот же вид, что и везде".

Когда такие группы, как „Рабочая Оппозиция", „Рабочая Правда", Рабочая Группа РКП", сторонники демократически-„конституционной"

„анонимной платформы" и т. п. „откристаллизуются в отдельную—хотя бы утопическо-коммунистическую партию", тогда меньшевизм готов пойти на создание единого фронта. Мартов ставил вопрос очень верно,—с точки зрения буржуазии, конечно. „Утопически-коммунистическая партия", в роде германской партии крайне „левых" коммунистов,—кому она страшна? Ее всегда с большим умением и с большой охотой возьмет на буксир любой социал-демократический ловкач типа Вандервельде. Такая „пролетарско-классовая", т.-е. замкнутая, цеховая, сектантская партия может служить невинным, но тем более прекрасным „украшением" левого крыла оппортунизма. И мы видим, что повсюду „левые", „чисто-рабочие" коммунисты, анархисты, „чистые" синдикалисты фактически служат „левым" дополнением меньшевизма.

Этого хочет меньшевизм и для России. Коммунистическая партия, если она „утопическая", по-меньшевистски „чисто-рабочая",—иными словами, не способна привлечь на свою сторону, на сторону рабочего класса все слои трудящихся, и, таким образом, не может стать руководящей силой в стране, если у нее нет исторической перспективы и исторического размаха,—такая „коммунистическая" партия—сущий клад для меньшевизма.

И подобный клад Мартов искал в России! Но не успел найти. Соратники его вряд ли в этом отношении окажутся счастливее. З 20 лет своего героического существования РКП прошла слишком большую школу, чтобы колебания отдельных ее групп не превратились в историческую глупость и преступление...

Однако, меньшевики все явления российской политической жизни оценивали и продолжают оценивать с точки зрения их влияния на судьбу РКП. Болезнь Ленина летом 1923 года Дан определил как смертельную „болезнь режима". В № 13—14 „Соц. Вестника" Дан писал:

„Острота противоречий, созревших под крышею большевистского режима, достигла уже той степени, когда лишь инерция исторически омертвевшей традиции, воплощенной в личности „вождя", поддерживает неустойчивое равновесие и мешает взрыву антагонизмов". Отсюда Дан делал следующие выводы: „Уход Ленина устраняет один из важнейших моментов, задерживавших острую борьбу противоречивых сил. В этом смысле уход этот мог бы быть фактором прогрессивного порядка, если бы самые эти силы представляли собою организованные и классово-сознательные общественные единицы".

Дан был убежден, что смерть Ленина последует немедленно, что „Советская Россия идет к политическому кризису" (подчеркн,то Даном), что наступают „последние часы", что нужно действовать, дабы надвигающийся кризис сделать „спасительным кризисом революции". Что же для этого нужно? Дан считал, что „задачи всех социалистов и революционных демократов, в том числе и тех, которые внутри коммунистической партии способны еще встать выше жалких интриг и борьбы честолюбий", заключаются в собирании и сплочении сил рабочего класса и крестьянства во имя демократии...

Когда Ленина не станет—мечтал Дан,—„коммунистические пауки, заключенные в кремлевской банке, пожрут друг друга". Пока „пауки" будут „пожирать" друг друга—я привлеку на свою сторону „социалистов и революционных демократов" из РКП. Вместе с Лениным исчезнет ненавистная диктатура и воцарится демократия

Смерть великого пролетарского вождя явится „фактором прогрессивного порядка“...

Так мечтал Дан—обер-негодяй меньшевизма—в июле 1923 года. Первая часть его отвратительных мечтаний осуществилась 21-го января 1924 г. В этот день Ленина не стало. Несколько дней спустя передовица „Соц. Вестника“ оповестила весь мир, что со смертью Ленина неизбежно умрет и большевизм. Даны и Далины думают, что настала пора, когда должна осуществиться вторая часть их мечтаний. Они ищут „социалистов и революционных демократов“ внутри РКП. Они провозглашают необходимость „соглашения с революционными элементами, находящимися внутри РКП“. Чтобы облегчить задачу этого соглашения, меньшевизм делает поворот „налево“, снимает с порядка дня одиозный лозунг демократической республики, становится на почву „советизма“, чтобы сделать себя „приемлемым“ для „революционных элементов“ из РКП.

Но к каким именно „элементам“ адресуются меньшевики? Излагая „новую платформу“ меньшевизма, Мартов писал в октябре 1922 года:

> „Мы и теперь не отвергаем общего соглашения всех социалистов, включая и коммунистов или ту часть их, которая, при вероятном распаде нынешней РКП, соберет в себе оставшиеся субъективно верными пролетариату ее элементы... Основным условием этого соглашения должно быть признание того, что период революционной диктатуры, оправданной фактом гражданской войны, закончился, и что основной задачей этого соглашения является переход к правовому режиму демократии“.

Последнее условие, как мы видели выше, смягчено: меньшевики готовы договориться и на основе „честных Советов“. Но кого, какие именно группы считают они способными найти „общий язык“ с меньшевиками? Ответ на этот вопрос мы получим, выяснив отношение меньшевиков к политическим спорам внутри РКП.

Меньшевики и наша партийная дискуссия.

Начнем с дискуссии эпохи 12-го съезда. Как меньшевистская партия расценивала происходившие в это время внутри нашей партии споры? 24 апреля 1923 года „Соц. Вестник“ писал:

> „Борьба платформ и фракций накануне и во время партийного съезда отражает первые шаги процесса образования в недрах „единой и сплоченной“ РКП различных классовых идеологий. И в то же время в этих идеологиях отражаются с поразительной ясностью потребности и запросы сегодняшнего дня, в них отливаются те требования, которые хозяйственный процесс ставит правящей партии“.

Какие это именно „потребности и запросы?“ Ликвидация диктатуры, отвечает меньшевистский орган. Хозяйственное развитие страны повелительно требует „правового строя“. В таком строе заинтересованы все классы населения. Их идеология проникает в ряды РКП. В результате —„борьба платформ и фракций“.

Какая фракция и в какой мере отражает эти „потребности и запросы?“ „Соц. Вестник“ отвечает:

> „Слабость и трусость мысли, отличающая все новейшие фракции коммунизма, мешает „хозяйственникам“ додумать свою мысль до конца. Эта мысль означает не что иное, как ликвидацию диктатуры и установление хотя бы некоторой законности“.

Словом, фракция хозяйственников, по мнению меньшевиков, в основе стояла на правильном пути, объективно вела дело к „ликвидации диктатуры“. Но она проявляла непоследовательность, останавливалась на полпути, не „додумывала свою мысль до конца“.

„Соц. Вестник“ переходит к фракции „сапроновцев“. Меньшевистский орган пишет:

> „Старая фракция „демократического централизма“ также оттачивает оружие свое к съезду. Осинский выступает—не в первый раз—со своим очень умеренным проектом введения законности, при сохранении коммунистической диктатуры... Как ни ублюдочна мысль Осинского, в ней, как и в целом ряде других платформ, находит свое выражение главное требование наиболее живых элементов большевизма в настоящий момент: эмансипация от РКП. Свобода от партийных приказов, каждодневных директив, монопольных прав „партбилета“, бессмысленных окриков, невежественных контролеров, никчемных назначенцев. От этого еще очень, очень далеко до демократии. Но в этом заключена ликвидация диктатуры, т.-е. режима, стоящего выше законности и конституционных норм. Ликвидация диктатуры—не демократия, но первый шаг к демократии“. („Соц. Вестник“, 24 апр. 1923 г.).

„Главные требования“, так решительно формулированные меньшевистским органом, являлись, как известно, боевыми лозунгами оппозиции в дискуссии зимы 1923 года. „Бессмысленные окрики“ „аппаратчиков“, их „каждодневные директивы“, убивающие „всякую самодеятельность“, „бюрократическое самомнение“ „никчемных назначенцев“, „партийные приказы“ вместо „партийного самоуправления“... Положительно,—весною меньшевики предвосхитили те формы, в которые зимою отлилась оппозиция. В период 12-го съезда оппозиция была чрезвычайно скромна. Но меньшевики уловили основную тенденцию оппозиционной идеологии и чисто интуитивно выкроили практические лозунги, которые неизбежно из нее вытекали.

„Эмансипация от РКП“. „Свобода от партийных приказов“. Упразднение „невежественных контролеров“. Никто из оппозиционеров так не выражался в период 12-го Съезда. Но за юридическими хитросплетениями т. Осинского, за его лойяльнейшими на вид предложениями „урегулировать“, „упорядочить“, „уточнить“ взаимоотношения между партийным и советским аппаратом скрывалась объективно иная суть, скрывалась, как неизбежное следствие предпринятой передвижки,—„эмансипация РКП“, скрывалась „ликвидация диктатуры“.

Партия заметила эту величайшую для революции опасность и стре-

вогой констатировала ее. Меньшевик заметил в позиции наших „конституционалистов“ типа Сапронова-Осинского „первый шаг к демократии“ и с удовлетворением констатировал этот факт.

Подводя итоги 12-му Съезду, „Соц. Вестник“ подчеркивал наличность в РКП „внутреннего меньшевизма“ и уверял, что будущее принадлежит именно ему, меньшевизму. В эпоху революционного подъема—рассуждал меньшевистский орган — большевизм являлся силой, притягивавшей все колеблющиеся элементы. Ныне эпоха реакции, пролетариат обороняется, и совершенно естественно, что в такие моменты меньшевизм перетягивает на свою сторону определенные слои коммунизма. Отсюда неизбежность „внутреннего меньшевизма“ в РКП, неизбежность отколов и расколов в коммунизме.

Что реакция усиливает меньшевизм — это бесспорно. Что эпоха поражений и неудач затрудняет положение революционной партии пролетариата, что на почве разочарований возникают отколы и расколы—это ясно. Весь вопрос в том, что меньшевистский орган переоценил силу и продолжительность европейской реакции, недооценил силу сопротивляемости передовых элементов рабочего класса и совершенно забыл, что российский пролетариат—это победоносный пролетариат, следовательно, меньшевизму бесполезно мечтать здесь о завоеваниях. Наличность реакции в Европе, рост буржуазии в стране могут вызывать — и вызывают—мелкобуржуазные, меньшевистские, полуменьшевистские уклоны. Но в стране победоносной революции, при наличности здорового рабочего класса и крепкого большинства пролетарской партии, эти уклоны, если их во-время разоблачить и решительно осудить, не приведут к срыву диктатуры. Вместе с тем и опасность серьезных отколов и расколов исключается, ибо притягательная сила большевизма в стране победоносной пролетарской революции необычайно велика, а притягательная сила меньшевизма равна нулю.

Сильнее, чем когда-либо за последние годы, меньшевистские уклоны проявились в РКП во время зимней дискуссии 1923 года. Меньшевистская партия, естественно, рассчитывала серьезно „заработать“ на этой дискуссии. Что же на деле получилось? Дискуссия укрепила РКП, и меньшевизму пришлось подтвердить это укрепление диктаторской партии своим... отступлением...

Но это было в итоге дискуссии. А в начале надежды были самые розовые. 10 января 1924 г. в „Соц. Вестнике“ в письме из Москвы читаем:

> „В коммунистической среде чувствуется полная растерянность. Масса самых разнообразных настроений. Некоторые даже начинают поговаривать об „амнистии меньшевикам“... Симптоматично! Идейные коммунисты истомились в конец. Устали до последних пределов. Нет былой активности, нет веры в необходимость делаемого. Дух кризиса и страха перед безвыходностью положения веет над всем этим. И при этом—полная беспомощность.
>
> Конечно, сейчас не может быть и речи об изменении политической обстановки. С этим подождем... Влияние изменившегося положения внутри РКП на общую обстановку скажется не сразу. Но ясно, что эта дискуссия оставит больший след внутри РКП в смысле определенных идейных и организационных сдвигов, чем все предыдущие“.

А в передовице того же номера „Соц. Вестника“ меньшевики декламировали:

> „Так от волны к еще более сильной волне. От бури к шторму, сметая любезный диктаторам „штиль“.
>
> Рабочий класс снова на передовых позициях в борьбе за демократическую, возрождающуюся Россию“.

„Идейные коммунисты“, усталые, истомившиеся,—конечно, от диктатуры. „Безвыходность“ и „беспомощность“, над всем веющая. Меньшевики, уверенные в себе и готовые „подождать“. Рабочий класс, под знаменем меньшевизма поднявшийся во имя демократии... „Хороша была кобыла,—только мертвая была“.

Оппозиция не совсем удовлетворяла меньшевиков.

> „Сильные в своей критике, непреодолимые, когда вскрывают „оборотную сторону“ безраздельной диктатуры и „монополии легальности“, оппозиционеры начинают беспомощно лепетать и произносить нечленораздельные звуки, когда твердокаменные аппаратчики начинают их допрашивать с пристрастием об их положительных требованиях“ („Соц. Вестник“, 10 января 1924 г.).

Меньшевистский орган понимает, что неспособность оппозиции выдвинуть положительную программу проистекает от того, что она отражает различные, противоречивые влияния. Он считает, что „оппозиция исторически прогрессивна, поскольку выражает собою протест более живых и активных социальных групп против мертвящей диктатуры“. Но, с другой стороны, некоторые элементы оппозиции тянут к „военному коммунизму“, и это накладывает на них печать „экономической реакционности и обреченности“. В общем же,—констатирует центральный орган меньшевиков, — „победа „оппозиции“ означала бы, помимо воли ее вождей и теоретиков, непосредственный прорыв нынешней диктатуры“. Это и придает оппозиции „исторически-прогрессивный“ характер, ибо,—говорит Дан в статье „Начало конца“—„необходимо приведение „политической надстройки в соответствие с „экономическим базисом“, необходима „замена диктатуры правовым политическим строем“. Дан находит, что борьба за „демократическую государственность“, вообще „вся классовая борьба, порожденная современным развитием России, насильственно втиснута в рамки диктаторски-властвующей партии“. Разные группировки отражают настроения различных классов. Веления жизни врываются в пределы партии. „Оппозиция впитала в себя все виды недовольства существующим строем“. Под видом борьбы за „внутрипартийную демократию“ выступает „великая проблема ликвидации диктатуры и политического раскрепощения страны“.

Оппозиция делает великое дело: она „пробивает первые бреши в мертвящем политическом режиме диктатуры“. Но Дан считает, что она нерешительна, непоследовательна. Дан приглашает оппозицию, в „особенности пролетарское, социалистическое крыло ее“, дать себе отчет „в исторических условиях и смысле своей собственной борьбы“ и сделать „все выводы из своей собственной позиции“.

Что это все значит? „Исторические условия“ требуют „увенчания“ нэп'а экономического нэп'ом политическим. Смысл борьбы оппозиции заключается именно в „политическом раскрепощении страны“. Из этого — говорит Дан,—нужно сделать „все выводы“. Какие именно? Дан отвечает: Необходимо „вынести свою тяжбу с „аппаратчиками“ за грани партии“, необходимо „поставить политическую проблему во всей полноте“, нужно повести борьбу за „демократию государственную“, нужно „сделаться сосредоточием демократических социальных сил“, нужно, наконец,—„не поддаваясь запугиваниям, смело повернуть от специфического „ленинизма“ на путь революционной классовой социал-демократии“ („Соц. Вестник“, № 2, 25 янв. 1924 г.).

Вот что предлагал гражданин Дан—„в особенности пролетарскому, социалистическому крылу“ оппозиции. Вот к кому адресовался он 25 февраля 1924 г. Вот где лидер меньшевизма ищет себе союзников.

* * *

Нам скажут,—и мы это знаем,—предложение Дана всеми элементам оппозиции будет отвергнуто с негодованием. Но дело не в этом. Суть вопроса заключается в том, что была занята такая позиция, была выдвинута такая платформа, которая объективно открывает ворота „демократической“ контр-революции, которая сближает оппозиционеров с меньшевиками, которая возбуждает у меньшевиков (а также эсеров, кадетов) надежды на срыв диктатуры извнутри, которая дает Дану основания преподать некоторым элементам оппозиции политические советы и предлагать им соглашение...

Была допущена такая крупная политическая ошибка, которая злейшим врагам революции дала повод искать в РКП „революционные элементы“, которые согласились бы сделать „все выводы“ из допущенной ошибки, которые согласились бы ошибку развернуть в чудовищное преступление.

Всесоюзная партийная конференция осудила поведение оппозиции, как мелкобуржуазный уклон. Отношение вождей меньшевизма к оппозиции бесспорно свидетельствует о том, что уклон был необычайно сильный. Но, с другой стороны, вынужденный поворот Дана подтверждает, что из дискуссионного кризиса пролетарская диктатура вышла окрепшей, что меньшевистские надежды потерпели крах...

Партия сказала решающее слово по спорным вопросам. Дискуссия окончена. Но обоснование принятых партией решений, разъяснение допущенных ошибок, идейное преодоление всех и всяческих уклонов продолжается.

И. Краваль.

Денежная реформа.

Основным достижением за последний хозяйственный год в нашей экономической политике является переход к твердой валюте, в связи с внедрением червонца и твердой казначейской валюты в наше денежное обращение.

Денежная реформа, проводимая сейчас Сов. властью, не есть ведомственная реформа только Наркомфина,—она есть следствие общего подъема нашего народного хозяйства. Только на основе общего оздоровления производства и роста товарности хозяйства успешное завершение денежной реформы является возможным. Подъем нашего хозяйства характеризуется следующей таблицей [1]):

Продукция по ценам довоенного времени (милл. руб.).

Годы.	Промышленная стоимость окончательных продуктов. Крупная и средняя.	Ремесленная и кустарная.	Итого.	Сельское хозяйство (валовая продукция):
1913	3.721,0	730,0	4.451,0	6.639,8
1921	669,0	260,0	929,0	3.535
1922	1.056,2	415,0	1.471,2	3.931,0
1923	1.293,5	500,0	1.793,5	4.094,5

Из этой таблицы видно, что наше хозяйство по сравнению с 1921 г. значительно поднялось. Кроме того, в течение 1923 г. особенно быстрым темпом поднималась крупная промышленность. В то время, как сельское хоз-во дает прирост на 4%, ремесленная и кустарная промышленность на 20%, крупная и средняя промышленность дают увеличение на 22,4%.

[1]) См. Рыков. Хоз. положение Советских республик и очередные задачи экономич. политики, стр. 12.

Данные Госплана о валовой продукции цензовой промышленности целиком подтверждают эти выводы [1]);

Валовая продукция цензовой промышленности по довоенным ценам.

Годы.	Абсолютные числа в милл. руб.	В % к 1913 г.
1920—21	930,0	16,5
1921—22	1356,2	24,3
1922—23	1957,8	34,8

В то время как в 1920—21 г. валовая продукция нашей пром-ти была равна всего 16,5% от продукции 1918 г. к 1924 году она поднялась уже до 84,8%.

На этот же процесс оздоровления нашего хоз-ва указывают и данные о росте реальной ценности всей денежной массы, начиная с июля 1921 г.

Реальная ценность всех денежных знаков, находившихся в обращении, выражалась:

В 1913 г.	1.700 мл. руб. [2])
„ 1921 г. (июль)	29,1 „ „
„ 1922 г. (январь)	60,9 „ „
„ 1923 г. (январь)	117,5 „ „
„ 1924 г. (январь)	362,1 „ „

В довоенное время на территорию, входящую в настоящее время в СССР, приходилось около 1700 мл. руб. денег. К июлю 1921 г. реальная ценность дензнаков упала до 29,1 мл. руб. Начиная с июля 1921 г. она неуклонно из года в год растет, отражая тем самым общий подъем хозяйства. Наиболее быстрый рост (больше чем в 3 раза за 1 год) мы имеем в 1922—23 г., что объясняется как ростом товарности хоз-ва (переход от натурналога к смешанному), так и более быстрым темпом подъема промышленности за 1922—23 каз. год.

Современная денежная реформа началась вместе с выпуском банкнот (червонцев) Госбанком в конце 1922 г., и в течение всего 1923 г. мы наблюдали процесс усиленного внедрения твердой валюты в товарное обращение.

Следующая таблица характеризует этот процесс:

---

1) См. Краткий отчет Госплана, стр. 239.

2) Приблизительная цифра для территории, входящей в настоящее время в СССР.

Реальная ценность всей денежной массы и процентное соотношение между различными видами ее.

На 1-е число месяца.	Ценности всей бум. денежной массы.	Совзнаки в % к общей ценности денег.	Червонцы в % к общей ценности денег.	Обязательства центрокассы НКФ в % к общей ценности денег.	Сертифик. НКПС в % к общей ценности денег.	Казначейск. билеты в % к общей ценности денег.	Серебро в % к общей ценности денег.
Январь 1923 г.	117,5 млл. р.	97	3	—	—	—	—
Февраль „	135,5 „ „	93,7	6,3	—	—	—	—
Март „	151,2 „ „	89,4	10,6	—	—	—	—
Апрель „	177, „ „	83,8	14,5	1,7	—	—	—
Май „	178,3 „ „	74,5	21	4,5	—	—	—
Июнь „	183, „ „	67,5	25,9	6,6	—	—	—
Июль „	211,2 „ „	56,3	33,2	10,5	—	—	—
Август „	247,1 „ „	44,9	44,9	10,2	—	—	—
Сентябрь „	278,6 „ „	29,9	58,9	11,2	—	—	—
Октябрь „	297,8 „ „	19,1	69,8	11,14	—	—	—
Ноябрь „	340, „ „	21,7	63,8	13,3	1,2	—	—
Декабрь „	352,8 „ „	20,1	63,3	15,2	1,4	—	—
Январь 1924 г.	362,1 „ „	16,2	64,7	16,5	2,6	—	—
Февраль „	382,1 „ „	10,5	67,5	18,8	3,2	—	—
Март „	433,7 „ „	5,1	66,2	18,8	4,4	4,5	1,0
13 марта	450,5 „ „	2,9	65,2	18,1	4,0	8,3	1,5

Из этой таблицы видно, что как общая ценность обращающихся денег, так и та роль, какую играет в ней червонец, систематически из месяца в месяц растут [1]). К 1/II на совзнак приходится уже всего 10,5 общей суммы. Рост же общей суммы денежного обращения, выраженной в твердой валюте, является косвенным показателем роста производительных сил страны, роста продукции ее, роста товарности хозяйства.

Только на основе этого общего подъема и оздоровления народного хозяйства появилась возможность создания второй

---

1) Рост роли червонца прерывается в октябре-ноябре, в период усиленной совзначной эмиссии для хлебозаготовок.

предпосылки денежной реформы—в виде ориентировочного бюджета на твердой червонной основе. Нынешний бюджет составлен в золотых рублях—в унифицированной устойчивой валюте страны. Этим самым бюджет принял характер реального бюджета, на основе которого все хозяйственные и административные органы должны вести свою работу по определенному плану.

Бюджет текущего 23—24 хоз. года в полной мере учел интересы успешного завершения денежной реформы. Общая сумма бюджета 23—24 хоз. года исчислена в размере 1 мд. 750 мл. черв. рублей, из которых уже только 180 мл. руб. составят дефицит, не покрытый нормальными налогами, доходами от госпредприятий и кредитными операциями, в то время как в 1922—23 хоз. году эмиссионный доход составил около 400 мл. рублей.

Ориентировочный бюджет на текущем хозяйственном году показывает совершенно несомненное оздоровление нашего государственного хозяйства. В то время, как за прошлый год государственная промышленность получила из бюджета 175.348.864 руб. (на восстановление основного и оборотного капитала, покрытие дефицита, электростроительство и т. д.), в текущем году намечена сумма лишь в 69 мл. руб. Нефтепромышленность, получившая в прошлом году 22.768.806 руб., в нынешнем году становится бездефицитной. Каменноугольная промышленность, получившая в прошлом году из бюджета 28.998.330 (тов. рублей по индексу Госплана), теперь получает только 16 мл. Металлическая промышленность вместо 33.047.210 в прошлом году получит в нынешнем 25 мл. Кроме того, транспорт быстро приближается к бездефицитности: если дотация транспорту в прошлом году достигла 140 мл. руб., то теперь есть надежда свести дефицит к 35—40 мл. рублей.

Все государственное хозяйство, совершенно бесспорно, укрепляется и идет по пути оздоровления, но дальнейшая борьба за реальный и сбалансированный бюджет является и впредь одной из самых важных предпосылок для успешного завершения денежной реформы. В отношении сохранения устойчивости бюджетного плана—как это своевременно подчеркнули ЦКРКП (б) и НКРКИ СССР, необходима «строжайшая финансовая дисциплина». Потому, что прорыв бюджетного фронта способен срывом денежной реформы произвести такой разгром наших финансов и промышленности, который отбросит все наше хозяйство на несколько лет назад. Только величайшая бережливость в расходовании государственных средств со стороны хозяйственных, профессиональных и советских организаций способна облегчить дело нашей победы на хозяйственном фронте.

Третьей предпосылкой удачи денежной реформы являются те достижения, какие мы имеем в области внешней торговли. До середины 1923 г. мы ввозили иностранных изделий больше, чем вывозили. Со второй половины 1923 г. общий подъем нашего хозяйства дал возможность достигнуть благоприятного торгового и платежного баланса, который дает возможность поддерживать устойчивость нашей твердой валюты по сравнению

с иностранной на внутреннем и внешнем рынках. Благодаря своей устойчивости по сравнению с лучшей иностранной валютой, червонец почти целиком вытеснил из внутреннего обращения иностранную валюту, отвоевав тем самым новые позиции для своего приложения. Активный баланс за 1922—23 год выразился в сумме свыше 23 милл. зол. руб. *).

Четвертой предпосылкой для успешного проведения реформы является существование установившегося товарного оборота с более или менее устойчивыми товарными ценами. Этого в настоящее время еще нет, и нет, главным образом, по причине параллельного существования падающей совзначной и твердой валюты. Это условие в процессе самого проведения денежной реформы необходимо шаг за шагом отвоевывать. Только устойчивые цены делают устойчивым наш госбюджет и тем самым являются одной из основ нашей денежной реформы. Совзнаки, занимавшие около 10% от общей денежной массы, были основным дезорганизатором цен. Несмотря на то, что относительный размер совзнаков в общей сумме обращающейся денежной массы был очень незначителен, падающая совзначная валюта, благодаря быстроте ее циркуляции, играла значительную роль в обороте, оказывая свое дезорганизующее влияние на строение цен.

Введение в каналы денежного обращения твердой валюты (серебро и медь), а также постановление СНК СССР от 7—III о порядке выкупа совзнаков по твердому курсу, должно содействовать снижению как оптовых, так и, главным образом, розничных цен, и стабилизации их на сниженном уровне.

Частный торговый капитал, не желая расставаться с высокими прибылями, на снижение цен добровольно не захочет пойти. Рабочее государство в состоянии экономическими мероприятиями заставить их снизить цены. Правительство путем «внутренней товарной интервенции», направляя в рабочие центры массы продуктов промышленности и сельского хозяйства и продавая их по сниженным ценам, вынудит и частного торговца продавать по сниженным ценам, иначе он лишится своей клиентуры.

Одним из основных вопросов, связанных с современной денежной реформой, является вопрос о ликвидации товарного рубля, в связи с переводом зарплаты на червонное исчисление, согласно постановлению СТО от 29—II—24 г.

Постановление XII партконференции по вопросу о зарплате говорит о том, что подъем зарплаты должен находиться в достаточном соответствии с подъемом хозяйства страны. Основным требованием современного момента должно быть сохранение реального уровня заработной платы. Государство в связи с денежной реформой должно будет преодолеть величайшие трудности. Оно должно будет пойти на сокращение дотации промышленности и транспорту. Оно должно будет в течение ближайших месяцев сократить кредитование промышленности и экономить буквально на всем. Но государство не может и не должно пойти на снижение реального уровня зарплаты рабочих.

[1]) См. Экономич. обзор., стр. 110.

Постановлением СТО от 29—II вопрос о методах исчисления зарплаты решен окончательно: все расчеты по зарплате будут производиться в червонном исчислении. Постановление СТО от 1—III—24 г. 1 р. 50 к. в твердой валюте приравнены для 1 пояса одному товарному рублю, потому что правительство надеется целым рядом экономических мероприятий цены снизить именно до такого соотношения.

Для того, чтобы сохранить реальную зарплату на определенном уровне, временно будет производиться доплата на дороговизну.

Государство, вводя новую денежную валюту, не могло изъять из сферы ее применения такого значительного круга отношений, какой охватывается зарплатой, потому что это могло бы отразиться отрицательно на судьбе денежной реформы. С другой стороны, установлением прибавок на дороговизну в соответствии с движением стоимости бюджетного набора, оно гарантирует рабочему реальный уровень зарплаты.

Благополучное же завершение денежной реформы даст возможность государству более успешно бороться с дороговизной и, таким образом, это поведет к росту реальной зарплаты, не говоря уже об общем оздоравливающем влиянии твердой валюты на рост промышленности, что, в свою очередь, должно будет вести и к соответствующему росту зарплаты.

Таким образом, широкие рабочие массы в первую очередь заинтересованы в успешном завершении реформы. Товарный рубль ликвидирован в интересах всего народного хозяйства в целом и, прежде всего, в правильно понятых интересах рабочего класса и крестьянства.

Подытоживая основные причины, приведшие к современной денежной реформе, мы обнаруживаем, что таковыми являлись:

а) общий подъем всего хозяйства в целом,
б) оздоровление бюджета,
в) активный торговый и платежный баланс,
г) вытеснение иностранной валюты с внутреннего рынка,
д) незначительная роль совзначной валюты в общей массе денежного обращения.

Условиями, необходимыми для успешного завершения денежной реформы, являются:

а) дальнейший подъем хозяйства,
б) сохранение устойчивости бюджета, путем всемерного сокращения расходов,
в) сохранение активности торгового баланса,
г) уничтожение совзнака,
д) уничтожение товарного рубля в связи с переходом к унифицированной твердой валюте,
е) отказ от натурналога и переход к денежному, в целях увеличения товарности рынка,
ж) упорядочение рынка путем снижения цен и стабилизации их на сниженном уровне.

Анализ условий, при которых денежная реформа сможет быть успешно проведенной, говорит о том, что у нас есть все шансы за то, что рабочий класс, руководимый РКП, с этой проблемой справится. Но для успешного завершения денежной реформы, мы ни на минуту не должны упускать из виду тех о п а с н о с т е й, которые угрожают ее успешному завершению и не должны прекращать борьбы против всего угрожающего срыву ее.

А такие опасности есть. Прежде всего, следует отметить, как это правильно подчеркнул т. Каменев в своем докладе на пленуме МК РКП, что «д е н е ж н а я р е ф о р м а в с т р е ч е н а в ш т ы к и н э п о м». Успешно завершенная денежная реформа должна будет взнуздать частный торговый капитал, сократив поле деятельности для всяких спекулятивных сделок, возможных при падающей валюте. Кроме того, проводимое в связи с денежной реформой снижение как оптовых, так и розничных цен должно ударить по частному посреднику особенно сильно. Сейчас внимание всей партии и всего рабочего класса должно быть направлено на борьбу за с н и ж е н и е р о з н и ч н ы х ц е н, чтобы не дать возможности частному торговому капиталу расти за счет госпромышленности и потребителя. Пока государство снижало оптовые цены, частный капитал не возражал, ибо это сулило рост его прибыли при неизменной рознице. Против снижения розничных цен он развивает и разовьет бешеное сопротивление, которое должно быть преодолено коллективными усилиями рабочего класса и Коммунистической партии.

Кроме того, некоторые частные капиталисты, купившие у госпромышленности товары в кредит, жаждут уплатить по кредитам обесцененным червонцем, а для этого необходим срыв денежной реформы. Эти чисто-экономические мотивы и являются причиной той бешеной штыковой атаки, какой встретили нэпачи нашу денежную реформу.

Это о с н о в н а я у г р о з а нашей денежной реформе, потому что рост розничных цен неизбежно повлечет за собой рост номинальной зарплаты, выраженной в червонных рублях, что грозит прорывом бюджетного фронта. Кроме того, рост номинальной зарплаты при снижении оптовых цен может повлечь дефицитность безубыточных теперь отраслей промышленности, что, в свою очередь, может привести к срыву бюджета по линии увеличения дотаций. А срыв бюджета может явиться несомненной причиной срыва денежной реформы и нашего разгрома на хозяйственном фронте.

Именно поэтому ЦК РКП в своем обращении ко всем организациям РКП (б), указывая на необходимость «величайшей экономии средств», говорит, что «денежная реформа должна быть поставлена в центре всей партийной и советской работы, **и н т е р е с а м е е у с п е х а д о л ж н ы б ы т ь п о д ч и н е н ы д р у г и е и н т е р е с ы**» (Разрядка наша, И. К.).

Кроме того, интересы укрепления экономического союза рабочего класса с многомиллионным крестьянством властно требуют успешного завершения денежной реформы. Крестьянин заинтересован в денежной реформе не меньше рабочего. Он страдал от падающей валюты еще больше, чем рабочий. Если рабочий мог с небольшими потерями страховать свой заработок от обесценения в сберегательных кассах, то у крестьянина такой возможности не было. Благодаря неустойчивой валюте крестьянин должен был

страховать себя от потерь тем, что воздерживался от продажи своей продукции на падающую валюту. Сейчас серебряные полтинники и гривенники будут лучшими нашими агитаторами в деревне, доказывающими несомненное оздоровление нашего хозяйства.

В то время, как большинство капиталистических стран имеют падающую валюту, Союз ССР переводит весь свой денежный оборот целиком на твердую валюту, уже теперь с успехом конкурирующую с наиболее устойчивыми в мире валютами—английской и американской не только на русской, но и на Нью-Иоркской биржах. Биржевые данные говорят о падении курса английского фунта стерлингов с 940 черв. коп. до 836 черв. коп. на 26-е марта. Доллар упал с 220 черв. коп. в январе 24-го г. до $194^3/_4$ коп. на 26-е марта. Показательным является также тот факт, что на америк. бирже (Нью-Иорк) червонец котируется выше всякой другой иностр. валюты.

Наша твердая валюта не только облегчит и улучшит материальное положение крестьянства и рабочего класса и даст возможность снизить цены, сделав товары более доступными массовому потребителю, но она же, являясь показателем нашего экономического роста и нашей прочности, в значительной степени будет содействовать притоку иностранного капитала к нам. Ибо основу для всех коммерческих расчетов в виде устойчивой валюты власть Советов создала быстрее, чем это смогут сделать (если они это смогут) многие могущественные «великие» и «малые» капиталистические державы.

Ленин в своем докладе на IV конгрессе Коминтерна сказал: «Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизовать этот рубль, значит, мы выиграли. Тогда все эти астрономические цифры, все эти триллионы и квадрильоны ничто. Тогда мы сможем наше хозяйство твердо поставить и твердо вести».

Сейчас мы к этому подошли.

В ответ на все попытки срыва нашей денежной реформы мы, Советский Союз, должны доказать всему миру, что наших позиций на хозяйственном фронте мы не сдадим и денежную реформу успешно завершим. Порукой тому должно явиться единство воли и строжайшая дисциплина в рядах рабочего класса и крестьянства.

М. Танин.

Советский Союз и буржуазные государства.

(Обзор.)

2-го февраля нас признала де-юре Англия, 7-го февраля — Италия, 13 февраля—Норвегия, 20 февраля—Австрия 8 марта—Греция, а 15 марта—Швеция. В тот же день НКИД получает сообщение из Пекина от т. Карахана о том, что достигнуто соглашение с китайским правительством на основе признания нас де-юре. В последнюю минуту, однако, это соглашение срывается вследствие давления на китайское правительство со стороны Франции, Америки и Японии. Но имеются все основания полагать, что под напором взбудораженной этим саботажем китайской общественности, пекинское правительство вынуждено будет подтвердить свое признание.

Все эти признания де-юре—лишь последующее юридическое оформление признания нас огромной экономической и политической силой в международном масштабе.

Англо-советские отношения.

В Англии враги наши не успокоились. Реакционеры вдруг забеспокоились о судьбе „угнетенного" грузинского народа. Уже несколько раз после признания депутаты буржуазных партий задавали представителям правительства Макдональда в парламенте вопрос о том, распространяется ли это признание и на „угнетенную Красной Армией Грузию".

Не подлежит никакому сомнению, что здесь орудуют прогнанные из Грузии меньшевики. Трудящиеся массы Грузии с презрением отвернулись от них. Свыше 12-ти тысяч человек—все честное пролетарское, что было в грузинской соц.-д-тии, порвало с меньшевиками и перешло на сторону „угнетателей".

Жордания и Церетелли этим не смущаются и пытаются мобилизовать все силы реакции против Советского Союза.

Но ренегатов и на сей раз постигла позорная неудача. Они не добились у Макдональда, у товарища по интернационалу, того ответа, который им нужен был. А спикер (председатель) палаты впервые остановил антисоветских интерпеллянтов замечанием, чтобы они не вмешивались во внутренние дела дружественной державы. Макдональд и спикер, как официальные лица, вынуждены были отклонить домогательства врагов

СССР. Помимо того, английское министерство иностранных дел опубликовало меморандум об СССР, в котором отмечается факт вхождения Грузии в состав признаваемого де-юре СССР. Таким образом, интриги меньшевиков потерпели крах.

Тот же саботаж налаживающихся англо-советских отношений проявился и в других фактах. Бывш. министр Ллойд Гримм задал вопрос Макдональду, будет ли он настаивать на возмещении убытков английских граждан в России. Макдональд ответил, что он не сможет связать себя обещаниями.

А другой депутат-консерватор добивался, чтобы правительство пересмотрело вопрос об англо-советской конференции в виду того, что СССР отказывается вступить в Лигу Наций, на что ему представитель правительства Понсонби вполне резонно ответил, что в своих отношениях с другими странами правительство не может исходить из того, что оно должно иметь дело только с государствами, входящими в состав Лиги.

Словом, несмотря на лучшие намерения со стороны Советского правительства, следует и впредь ожидать подобного саботажа со стороны наших врагов в Англии. Эти враги сидят в самом аппарате „форейн оффис" (министерство иностранных дел) и в его представительствах за границей, где остались на местах все старые „керзонята". В этом смысле следует отметить „деятельность" английского посла в Риге — Вона: когда сотрудникам советских учреждений в Риге приходится обращаться по делу в английское посольство, они там подвергаются чисто контр-разведочному допросу и всяким неприятностям. Вообще упомянутый представитель Макдональда в Латвии, очевидно, не намерен сделать логических выводов из факта признания СССР Англией. И он, без сомнения, не единственный среди представителей форейн оффис на местах.

Нужно, однако, надеяться, что англо-советская конференция в Лондоне будет происходить в более благоприятной атмосфере. На ней придется договориться по целому ряду весьма важных вопросов: взаимные претензии, долги, кредиты, торговые вопросы и т. д. Советское правительство, согласно заявлению в Генуе и Гааге, готово обсуждать вопрос о долгах, но выдвигает в качестве предпосылки к их признанию предоставление СССР кредитов, которые дали бы нам возможность поднять наше хозяйство, разрушенное блокадой и интервенцией наших кредиторов, и добросовестно выполнять взятые на себя обязательства. Оно готово обсуждать вопрос об убытках, понесенных британскими гражданами вследствие революции, но на началах полной взаимности.

И нужно приветствовать инициативу преданных своей Советской родине научных деятелей, создавших общество содействия жертвам интервенции путем собирания соответствующих материалов, установления пострадавших лиц и т. д. Этим научным работникам, без сомнения, удастся найти справедливый критерий для определения этих убытков. Это уже их дело, дело экспертов. Но невольно напрашивается мысль,—что если общество воспользуется критериями самого английского форейн оффис (10 тыс. фунтов стерлингов за агента контр-разведки),—тогда наш счет составит весьма солидную сумму...

Ход предстоящей конференции зависит от общей позиции Макдональда в „русском вопросе", а эта позиция характеризуется следующим:

с одной стороны, он сознает огромное значение сближения с СССР для смягчения промышленного кризиса в Англии и борьбы с безработицей, а также в виду все обостряющейся англо-французской борьбы; но, с другой стороны, он боится влияния СССР на Востоке и к тому же он всегда смотрит с опаской в сторону консерваторов и либералов, от отношения которых зависит судьба его кабинета. К тому же он не свободен от влияния упомянутых „керзонят". О последних Лэнсбери, соратник Макдональда, заявил в Лондоне на рабочем митинге в память В. И. Ленина, что—„будет употреблено влияние, чтобы свернуть Макдональда с правильного пути...", а потому рабочие должны быть на-чеку. Он также сообщил, что чиновники форейн оффис инспирируют „Таймс" против СССР.

Итак, сам Лэнсбери боится, как бы его друг Макдональд не свихнулся... Тем больше оснований для того, чтобы не строить себе чрезмерных иллюзий в оценке перспектив англо-советских отношений при „рабочем" правительстве Макдональда.

Отношения с Францией.

Еще более сложны наши отношения с Францией. Здесь также действуют противоположные силы. С одной стороны, сознание, что чем позже последует признание, тем дороже оно будет стоить, что борьба с Англией, экономические интересы и целый ряд других вопросов требуют хороших отношений с СССР, а с другой стороны, давление самых тупых элементов национального блока, страстное желание получить долги на-ряду с упорным нежеланием возместить убытки от интервенции. И над всем этим, конечно, слепая ненависть к Советской власти.

В результате—зигзагообразная политическая линия и нерешительность, парализующая прогресс советско-французских отношений. Кризис, в связи с решением французского суда по делу Бунятиан-Опторг, все еще не разрешен. Этот приговор открывает возможность конфискации советского имущества во Франции по дутым искам эмигрантов б. собственников в России. При таком положении вести торговлю невозможно, и наше правительство вынуждено было ответить на этот враждебный акт со стороны Франции приостановкой деятельности торгового представительства в Париже. Это произвело настолько большое впечатление, что французское правительство, с целью смешать карты и успокоить общественное мнение, пустило в печать инспирированное сообщение, что с его стороны, якобы, нет препятствий к открытию переговоров с Советским правительством, но последнее, мол, от этого уклоняется.

26 февраля отдел печати НКИД опубликовал сообщение, в котором он категорически опровергает заявления французской печати. Касаясь услуг со стороны „посредников" (Бенеша), сообщение говорит: „Наше правительство продолжает настаивать на том, что только при непосредственных переговорах возможно достигнуть соглашения".

7 марта Пуанкаре произносит речь в палате депутатов, в которой он милостиво заявляет, что „даже" русский народ может избрать себе такое правительство, какое оно желает. В то же время официоз Пуанкаре изо дня в день повторяет, „что интересы Франции и России не сталкиваются ни в одной точке земного шара". Но вслед за этим идут дела, наглядно показывающие что стоят эти слова. 12 марта французский посол в Бе-

кине передает китайскому правительству ноту о „правах“ Франции на Восточно-Китайскую ж. д., с целью срыва китайско-советских переговоров. А 13 марта Пуанкаре проводит через парламент ратификацию акта о захвате Бессарабии Румынией. В ответ на этот возмутительный вызов Чичерин в ноте от 15 марта на имя Пуанкаре заявляет, что французское правительство „солидаризуется с нарушением прав Бессарабии и Советского Союза... и ответственно поэтому за убытки, причиняемые Советскому Союзу оккупацией (Бессарабии)“.

Между тем торговые и общественные круги Франции все настойчивее требуют соглашения с СССР. Из последних фактов в этом смысле следует отметить вручение представителями 300 крупных фирм меморандума президенту Мильерану,—меморандума с требованием открытия официальных переговоров с Советским правительством.

Дойдет ли дело до таких переговоров еще при правительстве Пуанкаре,—сказать трудно. Внутренний ход событий во Франции дает основания полагать, что на смену правительству национального блока придет левый блок. Такой оборот, без сомнения, ускорит дело советско-французского сближения.

Италия.

Наши отношения с Италией вступают в период, когда нужно претворить в жизнь цели, поставленные торговым договором и возобновлением дипломатических отношений. Для нас договор предусматривает беспошлинный ввоз в Италию леса, льна, руды, пушнины и т. д. Наша задача теперь сводится к тому, чтобы наладить этот ввоз и таким образом получить те капиталы, которые нам будут нужны для закупок предметов итальянской электрической, химической и др. отраслей промышленности.

Итальянские капиталисты очень заинтересованы торговлей с СССР. Италии нехватает основных элементов производства—угля, железа и нефти. Кроме того, она ввозит хлеб. Все это ставит ее в экономическую и, следовательно, до некоторой степени политическую зависимость от Англии, Франции и Америки. Вступая на путь сближения с СССР, который может дать Италии необходимое ей сырье, Муссолини надеется получить большую самостоятельность в своей внешней политике и возможность „развития на Восток“, как он недавно выразился.

Преследуя ту же цель, Муссолини стремится к сближению с Польшей. Под этим углом зрения следует рассматривать предоставление крупными итальянскими банками займа Польше, политическое значение которого усиленно подчеркивается ныне близкой Муссолини „Джиорнале д'Италиа. Естественно, возникает вопрос, как отзовется это сближение на итало-советских отношениях. Комментарии той же „Джиорнале д'Италиа“ в этом отношении дают основания для бдительности.

Германия.

Развитие наших отношений с Германией идет за последнее время весьма удовлетворительно. Объясняется это тем, что германские правящие круги, несмотря на страхи насчет „большевистского влияния“, все же отдают себе ясный отчет, что единственное спасение Германии в дружбе с СССР, этой единственной силой, успешно борющейся с западным империа-

лизмом. Именно таким сознанием была проникнута последняя речь Штреземена о германско-советских отношениях в связи с вопросом о Лиге Наций.

Постепенно подвигается вперед выработка торгового договора консульских, судебных, воздушных и др. конвенций; постановлениями германского суда по делу парохода „Петер Берг“ (ныне „Лозовский“) и по так-называемому „делу конского волоса“. Германия окончательно признала правомочность наших декретов о национализации; налажен вывоз хлеба в Германию; сданы крупные концессии (Крупп, постройка ж. д. в районе Красный холм); учреждено много смешанных обществ (Дерулюфт, Дерутра, Русстранзит и т. д.) и ведутся переговоры о новых обществах и концессиях.

Америка.

„Русский вопрос“ стал в Америке, как и в других странах, серьезным внутренне-политическим вопросом. Вокруг него происходит упорная борьба. В одном лагере находятся段 мининдел Юз, черносотенный „Американский легион“ и другие реакционные силы и группы капиталистов, которые, как и все капиталисты, ненавидят Советскую республику, но, в отличие от других, не заинтересованы в торговле с СССР. В этой же теплой компании „маститый“ председатель федерации труда Гомперс, все еще пользующийся влиянием среди коренных американских рабочих, которые составляют „рабочую аристократию“ в силу того, что более тяжелая и вообще менее выгодная работа достается неграм и эмигрантам.

В другом лагере—капиталистические группы, ожидающие выгод от торговли с Советской Россией и от концессий, прогрессивный блок с Бора и Лафолеттом во главе, неопределившиеся, прогрессивные течения, находящие свое отражение в прессе Херста, у которых „про-русские“ настроения сплетаются с про-германскими, наконец, радикальная интеллигенция (органы „Нейшен“ и „Нью Републик“). Что передовые рабочие борются за признание Советского правительства,—это само собой.

Борьба этих течений нашла свое выражение в послании Кулиджа от 6 декабря м. г., в котором он изъявил готовность итти на самые широкие уступки в целях „спасения русского народа“, и в последовавших за этим посланием возмутительных выпадках Юза.

Теперь про расследование об „ужасных разоблачениях“ Юза что-то не слышно —сенаторам не до того. Все блюстители морали, поучающие большевиков образцовому демократическому управлению народом, никак не могут очиститься от „нефтяных“ грехов и грешков...

Между тем, под шумок нефтяного скандала, Юз продолжает свою тактику саботажа, как это ясно сказывается в интригах американского посла в Пекине против китайско-советского сближения.

Серьезного перелома в американско-советских отношениях приходится ожидать в случае победы на ноябрьских выборах прогрессивного блока, что весьма вероятно. Но „эпидемия признания“ сможет захватить Америку и раньше.

Наши отношения с Японией.

Америка с большой подозрительностью следит за каждым шагом Японии, и вступление последней на путь нормальных отношений с СССР, естественно, даст толчок и американской дипломатии.

Как же обстоят дела на советско-японском фронте?

За последнее время Советское правительство вынуждено было ответить на недружелюбные акты Японии репрессивными мерами. Наши пароходы в японских портах вынуждены подчиняться неслыханному режиму: наша готовность помочь японским трудящимся, пострадавшим от землетрясения, встретила такой прием у японских властей, и нам ставились такие условия, что мы вынуждены были отказаться от наших предложений. Другого исхода не было, так как мы не имели никаких гарантий, что помощь действительно попадет к тем, кому она предназначена—трудящимся. Далее, когда т. Слепак обратился за разрешением на въезд в Японию в качестве корреспондента Роста, от него потребовали подписки, что он не будет заниматься пропагандой.

В ответ на все это Советское правительство вынуждено было, раньше всего, отказать в признании японскому консулу во Владивостоке. И действительно, присутствие японского консула на территории СССР, при недопущении советских консулов в Японию, было бы явной политической несуразностью. Далее, было предложено японским корреспондентам оставить территорию СССР.

Характерно, что японский мининдел назвал все эти наши, вынужденные, ответные шаги „недружелюбными актами". Однако, наша тактика возымела желательное действие. Японское правительство поручило своему послу в Пекине г. Иошазава вступить в переговоры с т. Караханом и указать ему, что оно намерено возобновить дипломатические сношения с СССР.

Вполне возможно, что на сей раз намерения Японии серьезны, и что соглашение будет достигнуто. Один из важных моментов, до сих пор удерживавших Японию от признания Советского правительства,—боязнь выступить раньше великих держав,—теперь значительно ослаблен, а реально экономические и политические интересы Японии толкают ее на путь признания СССР.

Китай.

Здесь вопрос осложняется зависимостью Китая от „великих держав", в частности от Америки и Японии. Не менее важным тормозом является раздробленность страны, отсутствие единого правящего центра.

Под влиянием враждебных влияний китайские власти в Манчжурии за последнее время совершили по отношению к нам целый ряд враждебных актов, против которых т. Карахан заявил самый решительный протест. Под теми же влияниями все еще тормозится решение вопроса о Китайско-Восточной железной дороге. Далее, 20 февраля многочисленная китайская банда, очевидно, поддерживавшая связь с регулярными частями, сделала грабительский налет на нашу территорию в окрестности Жаровки.

Но параллельно с этим движение за сближение с СССР захватывает все более широкие слои пробуждающихся китайских общественных элементов—студенчества, профессуры, прогрессивных политических деятелей, молодой национально настроенной буржуазии и т. д. Эти настроения лучшей части огромного 400 миллионного народа выливаются в форму глубоко-знаменательной, поистине исторической, демонстрации в связи с кончиной Ленина. Под давлением этих нарастающих сил, китайское правительство, наконец, набирается храбрости и выражает свое согласие на возобновление дипломатических сношений с СССР. Но, как уже указывалось в начале обзора, в последнюю минуту его охватывает страх перед собственной храбростью, и оно, уступая давлению империалистических держав, отказывается утвердить соглашение, выработанное его особоуполномоченным Ван-Чен-Тингом. И опять-таки этот поступок китайской дипломатии вызывает в народных массах такое возмущение политикой своего правительства и такие демонстрации сочувствия по адресу представителя другой договаривающейся стороны, которым не было и нет равного в истории международных отношений между капиталистическими странами.

Другие страны.

В области наших взаимоотношений со странами Малой Антанты следует отметить открывшуюся 24 марта в Вене советско-румынскую конференцию. Центральным вопросом на ней является вопрос о Бессарабии, грабительски захваченной Румынией в начале февраля 1918 г., когда она воспользовалась слабостью Советской России.

Здесь уместно будет напомнить дальнейшие этапы этого грабежа: 5 марта 1918 г. румынское правительство подписывает мирный договор с РСФСР, по которому она обязуется в течение двух месяцев эвакуировать Бессарабию. Но захватчики договора не исполняют и приступают к насаждению своей власти с помощью штыка и кнута и политического шантажа. Вначале румынские бояре еще считают нужным заигрывать с „самостоятельной" „Молдавской республикой", но 27 марта румынские войска окружают бессарабскую раду и заставляют ее подписать акт о присоединении к Румынии. 25 ноября 1918 г., без оповещения депутатов, при отсутствии кворума, кучка румынских агентов в „Сфатул Церий" (рада) провозглашает присоединение Бессарабии к Румынии.

Этот вопрос и будет обсуждаться на венской конференции. О позиции советской делегации по этому вопросу распространяться не приходится. Она будет требовать самым решительным образом освобождения трудящихся масс Бессарабии от ига бояр.

Другие страны Малой Антанты—Чехо-Словакия и Юго-Славия,—несмотря на отсутствие между ними и СССР таких расхождений, как между Румынией и СССР, пока еще не решаются окончательно порвать со своей старой политикой. Бенеш за последнее время не перестает заявлять о своей „принципиальной готовности" признать советское правительство. Он даже предлагал взять на себя роль посредника между Францией и СССР. Но наша дипломатия дала понять Бенешу, что мы в посредниках не нуждаемся, тем более в таких, которые сами еще не урегулировали своих отношений с нами.

Двойная игра Бенеша решительно разоблачена весьма интересным дипломатическим документом, распубликованным по инспирации английского министра иностранных дел. Этот документ—циркулярное письмо Пуанкаре к французским дипломатическим представителям за границей, в котором он сообщает, что, судя по разговору с Бенешем, последний не сделает ничего такого, что „оказалось бы выгодным для большевитского правительства", и ориентируется на эмигрантов, будущих „апостолов (!) союза между Чехо-Словакией и Францией", с одной стороны, и „будущей Россией", с другой. Подлинность этого красноречивого документа, датированного 25 октября 1922 г., Бенеш даже не пытается оспаривать. Зато

он энергично отрицает разоблачения „Берлинер Тагеблатт“ об агрессивном характере франко-чешского соглашения по отношению к СССР.

Вся эта политика Бенеша тем более вредна для Чехо-Словакии, что последняя, как вновь созданное государство, больше нуждается в нашем признании, чем Советская Россия в признании со стороны Чехо-Словакии.

То же самое относится к созданной в силу непризнаваемой нами „версальской системы“ Юго-Славии. Вряд ли правительства Чехо-Словакии и Юго-Славии не понимают этих простых фактов. Но они не решаются предпринять какие-нибудь шаги без согласия Парижа. Впрочем, быть-может, сознание, что им, как малым государствам, еще более рискованно ждать, придаст им немного храбрости.

В развитии наших отношений с окраинными государствами следует отметить балтийскую конференцию в Варшаве (16—17 февраля).

По мысли польских дипломатов эта очередная конференция должна была выработать общую платформу в отношении СССР.

Уяснить себе смысл этой „общей платформы“ не трудно, если вспомнить, что одна из основных целей польской дипломатии—это создание барьера против СССР от Балтийского до Черного моря, с Польшей в роли часового.

Но правящие круги остальных балтийских государств отдают себе отчет в том, что эта политика, направленная против СССР, есть политика авантюр, и они проявляют большую сдержанность по отношению к польским планам. Именно поэтому финляндский сейм в 1922 г. отказался ратифицировать варшавское соглашение против СССР, выработанное под влиянием Польши. Но польская дипломатия упорно преследует свою цель. Она пыталась проводить ее и на последней конференции, но опять без серьезного успеха. „Голос Правды“, орган Пилсудского, даже пишет, что „конференция похоронена по первому разряду“. И на сей раз представитель Финляндии, министр иностранных дел Энкель, выступал против польских планов, и конференция ограничилась вынесением постановлений по маловажным хозяйственным вопросам.

Было бы, однако, неосторожностью закрывать глаза на опасность со стороны польских проектов, хотя их осуществление пока не удается. Если, с одной стороны, трезвый смысл буржуазии балтийских стран подсказывает ей необходимость сохранения дружбы с СССР и опасность со стороны польского империализма, то, с другой стороны, она, верная классовой природе своей, полна ненависти к „большевистской России“.

Вот почему план белой Польши, вообще говоря, не лишен реальной почвы.

Этот план польской дипломатии—служить барьером, а не мостом между СССР и Западом—сказывается и в той неистовой шумихе, которую подняла печать буржуазных партий и „пилсудчиков“ по поводу статьи „Экономической Жизни“ от 8-го марта в связи с переговорами о советско-польском торговом договоре. В этой статье, лишенной всяких политических тенденций, доказывалось, что об'ективные экономические интересы СССР и самой Польши никак не могут укладываться в некоторые пункты рижского договора. Упорно закрывая глаза на этот реальный экономический факт, польская печать своей тенденциозной политической кампанией только затрудняет выработку торгового договора—этой элементарной предпосылки добрососедских отношений между Польшей и СССР.

СССР, Лига Наций и Римская конференция.

Общий курс на „признание“, естественно, ставит и перед так-наз. Лигой Наций вопрос об урегулировании отношений с СССР. Этот вопрос становится еще более актуальным в связи с попыткой Макдональда реорганизовать Лигу привлечением СССР и Германии, что должно—по его замыслу—ослабить влияние зарвавшейся Франции. С другой стороны, наше вступление в „концерт“ „великих“ держав ставит нас лицом к лицу с вопросом о нашем отношении к Лиге Наций. Можем ли мы, живя в капиталистическом окружении, ограничиться голым отрицанием всяких инструментов урегулирования международных отношений, как бы они ни были несовершенны и малодейственны в условиях капитализма? Не ослабим ли мы своей международной позиции, оставаясь в гордом блестящем одиночестве? Не дадим ли мы этим орудие в руки врагов, которые будут обвинять нас в саботаже дела мира? (Именно в таком духе и был предъявлен запрос правительству в английском парламенте одним консерватором).

Ответ на эти вопросы мы находим в ответе нашего наркоминдела (от 12 марта) генеральному секретариату так.-наз. Лиги Наций. Приводим наиболее существенные выдержки из этого чрезвычайно важного документа по официальному сообщению НКИД:

Советское правительство отвергает нынешнее устройство так-называемой „Лиги Наций“, являющейся фактически политическим орудием определенной коалиции держав. Со етское правительство во всей своей политике стремится содействовать улажению мировых антагонизмов, предотвращению новых войн и защите слабых народов от сильных, оно из'явлеят полную готовность обсуждать какие бы то ни было планы, имеющие целью выполнение этих задач, но оно решительно отказывается при этом оказывать поддержку проведению таких планов, которые при своем практическом осуществлении могли бы послужить орудием в руках одних государств или одной группировки государств для удовлетворения своих сепаратных интересов или своих агрессивных намерений по отношению к другим государствам и которые могли бы в этом отношении даже ухудшить современное положение дел. Оно отвергает поэтому всякие планы всемирной организации, заключающие в себе постановления о принудительных мерах со стороны какого-либо международного учреждения по отношению к отдельным государствам. Такая система неизбежно сделается орудием в руках наиболее влиятельной группы держав. Советское правительство считает в настоящее время всемирную международную организацию же ательной лишь на основе добровольных соглашений, без применения принудительных мер по отношению к каким либо государствам, в форме, хотя бы, конгрессов всех правительств, добровольно сговаривающихся об интересующих их вопросах.

Что же касается вопроса о сокращении вооружений, то НКИД в своем ответе указывает, что с целью скорейшего и наиболее успешного осуществления всеобщего сокращения вооружений следует совершенно отделить этот вопрос от более общего вопроса о всемирной международной организации...

Комиссия и общее собрание Лиги Наций действовали как-раз наоборот, сначала подчиняли сокращение вооружений принятию всеобщего политического договора о гарантиях против войны и, наконец, в проектах комиссии и общего собрания взаимно соподчиняли сокращение вооружений и всеобщий договор против войны. Практически это означает фактическую отсрочку и того, и другого.

Советское правительство настаивает на немедленном международном обсуждении вопроса о параллельном пропорциональном сокращении вооружений всех стран с точной фиксацией максимума постоянных армий, морских и воздушных флотов каждого государства. Должна произойти фиксация военного бюджета каждой страны, и должен быть поставлен в одно и то же время роспуск всех нерегулярных военных организаций; в одно и то же время Советское правительство рекомендует также организацию подконтрольных пограничных зон.

Советское правительство указывает в заключение, что разоружение и устранение опасности войны не будут, даже в малейшей мере, достигнуты без участия СССР".

Последнее обстоятельство, очевидно, учитывается даже т.-н. Лигой Наций. Вот чем об'ясняется тот факт, что формально непризнающая нас Лига Наций пригласила Советское правительство на конференцию по сокращению вооружений. В виду нашего отказа послать представителей в Швейцарию, Лига Наций перенесла место конференции из Женевы в Рим. (Правда, официально перенос конференции мотивировался другими причинами, но истинная причина для всех, и прежде всего для швейцарской буржуазии, была ясна.)

Римская конференция была созвана с целью распространения на другие страны решений вашингтонской конференции. Хотя наше правительство относится отрицательно к Лиге Наций, и решения вашингтонской конференции уже обнаружили на практике свою полную несостоятельность, оно все же не отказалось от участия в конференции. Советское правительство всегда поддерживало всякую попытку в деле сокращения вооружений, если даже оно не имело особых шансов на успех.

На римской конференции мы очутились перед единым фронтом „союзников", которые пытались за собой закрепить высокий тоннаж, установленный в Вашингтоне, а за нами—наш нынешний тоннаж, чрезвычайно низкий в количественном и качественном отношениях. Державы - „миротворцы" хотели оставить нам всего лишь 142 тысячи тонн против установленной в Вашингтоне нормы — Англия и Соед. Штаты по 525 тысяч тонн, Япония—315 тыс., Франция и Италия—по 175 тыс. тонн. Чтобы уяснить себе смысл этих цифр, нужно иметь в виду, что наш флот должен быть распределен в 5-ти несообщающихся между собой морях.

Что, в отличие от целей других морских держав, наши цели—чисто-оборонительные, явствует из всей политической линии нашей дипломатии. В Лозанне наши представители требовали закрытия проливов для военных судов; в Риме наши эксперты требовали закрытия для военных судов небалтийских государств—Бельтов и Зунда.

Но этих гарантий безопасности нам упорно не дают. Вот почему мы должны быть на чеку. Положение серьезное. Всюду идут лихорадочные вооружения—на суше, на воде, под водой и в воздухе. Мы пока одни во враждебном окружении. И мы еще далеко не достаточно сильны. Не будем себя обманывать: наш морской флот слаб, воздушный флот только начинает развиваться по настоящему; в военной химии и других областях военного дела нам теперь не под силу спорить с техникой врагов. Всего этого не скроешь. Враг знает это. Нужно, наборот, подчеркивать перед массами эти слабые стороны, чтобы вовлечь их в дело обороны нашего социалистического отечества, чтобы налечь посильнее и принести побольше жертв для наших красных военных сил.

Конечно, слабость наша относительная. У нас есть большое преимущество—пространство, огромные людские резервы и героическая готовность масс к жертвам в защиту завоеваний революции. Но нужно думать о том, чтобы борьба не стоила нам слишком больших жертв. А для этого нужно поднять обороноспособность страны во все отраслях военного дела.

В. А.

Внутреннее обозрение.

I.

Все и всяческие надежды на успехи контр-революции тщетны, пока крепок союз рабочих и крестьян, под руководством коммунистической партии.

За истекший год мы могли еще раз проверить в массовом масштабе политическое доверие крестьян к рабочим и их партии. Такой проверкой служила кампания перевыборов в Советы. Крестьянство проявило возросший интерес к выборам. Сообщения с мест единодушно свидетельствовали о падении абсентеизма. Крестьянин, поправляя свое хозяйство, тянется к более активному участию в политической жизни страны. По подсчетам Наркомвнудела, в 1922 году принимало участие в выборах сельсоветов 22,3% всех избирателей, в 1923 году—35,8%.

Эти цифры важны не с точки зрения их абсолютной величины. Кто же не знает, что 50% избирателей в деревне падает на женщин, которые к общественной жизни будут пробуждены не декретами о полном равноправии, а только успехами социалистического строительства в деревне? Кто не знает вообще известной косности, к общественным делам, присущей самой „природе“ крестьянина, как мелкого собственника?

Приведенные цифры важны не абсолютным, а относительным их значением. За один год политическая активность крестьянства возросла в полтора раза. Пусть статистика, возможно, неточна в ту или другую сторону, но несомненно, что в основе ее лежит совершенно определенный, всеми подтверждаемый факт.

Не идет ли эта политическая активность мимо, или прочь от коммунистической партии? И здесь итог благоприятен нам. Растущие политические симпатии крестьянства, в общем, на стороне нашей партии. Достаточно сравнить процент коммунистов в составе сельсоветов, волсоветов и волисполкомов для 1922 и 1923 годов. В сельсоветах он поднялся с 6,1% до 7,9%, в волсоветах с 11,7% до 17,3%, в волисполкомах—с 40,1% до 46,5%.

Цифра 7,9% коммунистов в составе сельсоветов может на первый взгляд показаться совершенно ничтожной, но суть вопроса поможет нам понять „постороннее свидетельство“ из заграничного белогвардейского „Руля“. Оценивая итоги перевыборов советов в 1923 г., в № 978 этой газеты Н. С. Тимашев пишет:

„В зарубежной прессе часто проскальзывает мысль, что при выборах в сельские советы коммунисты успехом не пользуются... Тем не менее приведенное утверждение вызывает во мне сомнение, так как за время

пребывания в Советской России я установил, в качестве недопускающего изъятия, нижеследующий тезис: если при каких-нибудь выборах число коммунистов среди избирателей равно или меньше числа подлежащих избранию, то коммунисты оказываются избранными поголовно. Я полагаю, поэтому, что просто компартия, долженствующая посредством своих не совсем 400.000 членов держать в руках центральное, губернское и уездное управление, фабрики и заводы, железные дороги, армию, высшую и среднюю школу и т. д., не может уделить деревне больше 25.000 человек“.

Таков „не допускающий изъятия тезис“, который, конечно, в общем верен. Автор его, разумеется, выдумывает в объяснение его „норму неписанного права, предоставляющую каждому коммунисту персональное право участия в соответствующих органах“, но суть здесь не в нормах, а в политическом и деловом доверии, которым пользуется в деревне партия, как организованная сила.

К концу прошлого года союз рабочих и крестьян едва не стал под угрозу, едва не был надрезан известными „ножницами“. Советское государство проявило удивительную силу экономического давления, очень быстро осадив скачку цен промышленных товаров, и сейчас вопроса о ножницах уже нет.

Непосредственный эффект этого поворота руля в экономике советским государством уже сказывается на оживлении товарного оборота между городом и деревней. Достаточно указать на огромный рост спроса на сельскохозяйственные машины со стороны крестьянства разных концов России, который принес нам февраль месяц, вслед за снижением цен на машины до довоенных. В газетах замелькали сообщения с мест в роде следующих:

„Ростов-Дон, 27 февраля... Перед заводом „Красный Аксай“ зачастую стоят вереницы крестьянских подвод за покупкой сельскохозяйственного инвентаря“.

„Полтава, 27 февраля... В города приходят крестьянские ходоки, которые справляются об условиях отпуска машин“.

„Екатеринбург, 27 февраля... За последний месяц продано сельскохозяйственных орудий на 60.000 руб., что в 2 раза больше, чем за весь истекший год“.

„Житомир, 27 февраля... За последние десять дней волынская контора „Село-техники“ продала машин на 14.000 зол. руб., что превосходит оборот предшествовавшего полугодия“.

Все эти телеграммы, помеченные одним числом, на удачу взяты нами из одного номера центральной газеты. Мы не приводим подобные же сообщения из того же номера газеты, поступившие из Вологды и Чернигова. Нельзя не признать всего этого крайне характерным.

Но помимо непосредственного хозяйственного эффекта от смыкания ножниц, велико политическое и историческое значение проделанного нами крупнейшего экономического маневра. Советское государство показало, что оно способно регулировать рынок, считаясь с интересами крестьянского хозяйства, дорожа смычкой с ним. Это есть наша политическая победа над буржуазией, неспособной даже к подобию таких маневров, невозможных при частно-хозяйственной инициативе. Один факт удачи первого серьезного опыта с регули-

рованием рыночных цен во всесоюзном масштабе не может не вселить уверенность в удаче всего НЭП'а, в правильности нашего пути к социализму. На этом пути, конечно, будут и неудачи, и ошибки, которые придется поправлять, но в общем и целом, руль НЭП'а у нас в твердых руках и управлять им мы учимся и научаемся.

Судьба смычки переходит из сферы ножниц — в плоскость другой, небывалой в практике Советской власти, экономической задачи, огромной по трудности и по значению. Успех или неуспех денежной реформы—вот что непосредственно определит на ближайшие годы ход хозяйственного возрождения страны и крепость союза рабочих и крестьян.

В многочисленных беспартийных конференциях, по всей России, крестьянство широким сочувствием встречает введение устойчивой валюты, обеспечивающей нормальный рыночный оборот. Но это сочувствие может смениться опасным скептицизмом, если только наш твердый рубль почему-либо пошатнется. Вся партия, сверху донизу, должна понять гигантское, как хозяйственное, так и политическое, значение этого вопроса. Ему должно быть отдано не меньше, а больше внимания и активного содействия, чем ликвидации ножниц.

Устойчивая валюта, это — наш хозяйственный Перекоп. Возьмем ли мы его? Должны взять,—значит, возьмем!

Пока же, в переломный, до известной степени, момент в хозяйственном отношении, сверх того—перед весенними месяцами (когда бедняк остается без хлеба, и усиливается его зависимость от кулака), мы с особым вниманием должны следить за малейшими колебаниями в настроениях крестьянства, без всякого излишнего розового оптимизма.

Кулак за период НЭП'а слегка подрос и округлел. Рост его экономически, в известной мере, неизбежен при свободе торговли. Простое товарное производство в стихийном развитии непрерывно рождает капиталистическое. Политически же он нам, несомненно, может быть опасен, как посредствующее звено от городской буржуазии— к крестьянской массе.

Симптомы такой политической роли кулачества уже имеются. Надо, чтоб над ними призадумалась вся партия. Из двух губерний от января месяца мы имеем сообщения о случаях выставления кулаками, правда, крайне весмелого и неясного, требования „обще-крестьянского союза". Это требование просочилось там даже на съезды советов, где среди делегатов-крестьян встретило должный отпор. Не пользуясь избирательными правами, кулак выкидывает лозунг своей собственной легализации, толкается в двери советской общественности под маской „обще-крестьянского союза". Такой „союз", куда входил бы и кулак, может притти только на смену Советам. Это мы должны сказать твердо и ясно. В требованиях такого „союза" замаскирован все тот же старый, дискредитировавший себя в крестьянстве лозунг „учредилки". Это мы должны разъяснить среднему и бедному крестьянству там, где его попытаются провоцировать агенты буржуазии, инспирируемые из-за границы.

Вопрос об организациях беднейшего и среднего крестьянства (комитеты взаимопомощи, незаможных крестьян на Украине, комитеты бедноты и т. д.), разумеется, ничего общего с подобными лозунгами не имеет.

II.

В рабочей среде политическое настроение твердое и устойчивое. У нас были и могут быть временные частичные недоразумения из-за ненормальностей с выдачей заработной платы. В связи с переходом к твердой валюте на первых порах возможны отдельные шероховатости и неровности чисто-переходного характера. Мы всеми силами должны этих шероховатостей избегать и возможно глаже, без всяких ухабов перевалить за Перекоп,—на рельсы выплаты заработной платы в твердой валюте по нормально выработанным ставкам.

Но всем ясно, что какие бы то ни было недоразумения на этой почве носят случайный и временный характер. Линия на улучшение быта рабочих, столь твердо определившаяся уже за истекший год, взята нами и на будущее время. А за вычетом чисто-бытовых, других недоразумений у рабочей массы с Советской властью быть не может.

Можно лишь добавить, что серьезность предпринимаемых нами хозяйственных мер, в связи с близостью весны,—традиционного времени всяких „кризисов",—заставляет каждого партийца, профессионалиста, хозяйственника с особым вниманием отнестись к вопросам рабочего быта в текущий и наступающие месяцы.

Свои политические симпатии широкая масса российского пролетариата только что выявила с необычайной яркостью, убедительной даже для самых злейших из наших врагов, в дни, последовавшие за кончиной В. И. Ленина. Были заводы, где при этой тяжелой вести целые рабочие собрания становились на колени, чтобы исполнить „Похоронный марш". Многие тысячи писем и резолюций неподдельной искренности, с выражением беспредельной любви к своему Ильичу, как лучшие венки, стекались на его могилу. Старая Москва со дня своего основания никогда не переживала таких величественных демонстраций, как в продолжение целой недели, недели о Ленине.

Если в крестьянских резолюциях, несмотря на их полную благожелательность к Советской власти, чассто звучали нотки тревоги, как бы партия не изменила ленинской политике по отношению к крестьянству, то рабочие массы выразили полное, безусловное и безраздельное доверие ленинской партии—не словом, а делом—массовыми вступлениями в РКП. Партия не должна ослаблять той связи, какая еще и еще раз завязалась между ней и массой в эти дни. Партия всячески должна укреплять эту связь.

Косвенным показателем небывалого усиления авторитета нашей партии в рабочей среде явилась самоликвидация остатков меньшевизма в России. Процесс развала захватил как-раз те места, где, в силу большей мелкобуржуазности населения, меньшевизм продержался дольше всего. Начавшись с Грузии, развал перекинулся в города Юга России и нашел встречные отклики из ряда других мест. Особенно ценен и симптоматичен был повальный переход на нашу сторону рабочих-меньшевиков, „последних из могикан", без которых „партия" либер-данов остается просто заграничной интеллигентской богемой. Меньшевистскую редьку история с корнем вырвала из рабочей почвы.

III.

Дискуссия, наперекор злопыхательским пророчествам наших врагов, в партийной толще не оставила трещины. Конечно, было бы смело утверждать, что спустя полтора месяца по окончании дискуссии разногласия изжиты совсем, чтобы никогда не воскреснуть. Но даже в московских Вуз'ах мы наблюдаем процесс вполне нормального изживания всех следов фракционности. Партия проявила редкое единодушие в осуждении уклона, чем весьма облегчила возвращение на партийную дорогу тем, кто временно заблуждался.

Кончина вождя, потрясшая не только партию, но и весь пролетарский мир, еще более сплотила нас, и теперь партийная жизнь определенно вошла уже в деловую колею. На первом месте из внутрипартийных задач стоит переварка в большевистском партийном котле „ленинского призыва". Своевременно брошенный лозунг орабочения партии уже дал результаты, превосходящие ожидания Всесоюзной конференции.

На призыв „100.000 рабочих в партию!" откликнулось вдвое больше рабочих. Как правильно указывал в своих статьях т. Зиновьев, мы стоим перед периодом, когда с каждым хозяйственным успехом новые массы рабочих будут вступать в РКП, встречая наше приветствие.

С другой стороны, мы постараемся систематическим пересмотром наших рядов освобождаться от идейно и социально чуждых нам элементов (не говоря уже, конечно, об элементах „краснощековского" толка).

Из организационных мероприятий особое значение имеет переброска в деревню 3.000 партработников, которая проводится сейчас. Необходимость в усилении деревенских ячеек сознается всеми. 3.000—это капля в море. За этим должен последовать систематический отбор партийцев в деревню.

Наконец, перед партией стоит огромная задача выработки новых кадров рабочей и партийной интеллигенции, на плечи которой должно лечь дело социалистического строительства как сейчас, так и, в особенности, в будущем. Это культурно-партийная проблема необыкновенной трудности.

Истекшая дискуссия, когда среди коммунистического студенчества мелкобуржуазные колебания нашли себе наиболее подходящую зыбкую почву, ясно показала, насколько неудовлетворительно мы ставим это новое и сложное дело. Не останавливаясь перед трудностями, мы его будем продолжать, используя впервые в истории возможность в массовом масштабе оплодотворить опыт практически-революционной борьбы пролетариата усвоением теории этой борьбы.

Партия осталась без Ленина, но с ленинизмом, с его огромным практическим опытом, с научно разработанной теорией. Этот опыт и теорию мы положим в основу воспитания новых кадров, не позволяя никому ленинизм исказить или извратить.

Ленин и ленинизм.

Письмо Г. В. Плеханова В. И. Ленину.

Серьезное изучение того нового, что внес Ленин в теорию и практику мирового движения пролетариата, невозможно без сопоставления его идей и его работы с идеями и работами крупнейших представителей социализма конца XIX века. На страницах, которые «Большевик» посвятит непосредственному изучению Ленина, нам придется, вероятно, не раз остановиться на разногласиях, глубокой пропастью отделивших В. И. Ленина от Г. В. Плеханова. Именно потому для начала мы даем место письму Г. В. Плеханова Ленину, которое хорошо характеризует эпоху сотрудничества Плеханова и Ленина.

Письмо относится к тому времени, когда оба они входили в редакцию «Искры» и «Зари», и имеет своим предметом статью Плеханова «Cant против Канта или духовное завещание г. Бернштейна», впервые напечатанную в № 2—3 «Зари» (декабрь 1901 г.). Письмо Плеханова является ответом на недошедшее до нас письмо Владимира Ильича, заключавшее в себе указание Вл. Ильича на допущенную Плехановым ошибку в его статье с Бернштейном о значении факта увеличения (в Германии) количества средних крестьянских хозяйств и занимаемой ими площади. Мы не располагаем рукописью статьи Плеханова и потому не можем восстановить того места ее, которое вызвало замечание В. И. Исправленный Владимиром Ильичем абзац статьи Плеханова приводится нами в примечаниях к письму.

Л. К.

I.

26 авг. 1901.

Дражайший genosse Петров [1]).

Великое вам спасибо за ваше замечание относительно моей статьи против Бернш(тейна). То, что вы заметили, это не описка, а непростительное невнимание. В том виде, какой имеет теперь это место, оно не может, конечно, остаться. Необходима поправка, о которой я и прошу вас. Вы понимаете мою мысль: относительное увеличение площади хозяйств названной категории ничтожно (следовательно, значение); из этого следует, что несмотря на абсолютное увеличение, хозяйства этой категории не росли быстрее других категорий, а это именно и надо доказать, ибо в последнем счете вопрос решается отношениями.

Но далее отмеченного вами места у меня идет предположение о том, что средний размер хозяйств названной категории, вероятно, уменьшился. Это место необходимо выкинуть, ибо оно теперь лишается всякого смысла [2]).

Прошу вас, сделайте указанные поправки *).

Заглавие статьи, по моему, должно быть таково: Cant против Канта, или духовное завещание г. Бернштейна.

Эпиграфы: 1) Умер, Касьяновна, умер, болезная... Некрасов; 2) Die Toten reiten schnell... G. A. Bürger.

Под статьей прошу поставить: август, 1901 [4]).

Если вам не нравится заглавие,—придумайте другое, но, по-моему, это недурно.

Кстати: Прошу вас, прибавьте в подходящем месте примечание такого рода (ка). Мы и до сих пор не можем понять, за что собственно Каутский благодарил Бернштейна на Штутгардтском партейтаге. Книга Каутского: „Bernstein und das Sozialdemokratische Programm" вполне подтверждает нашу мысль о том, что благодарить было не за что [5]).

Я вотирую теперь против помещения статьи Нахамкеса и прошу считать мой прежний вот уничтоженным [6]).

Приговор относительно Струве все-таки должен быть приведен в исполнение. Не забывайте, что решено перепечатать заявление южнорусского рабочего и прибавить: Если это верно и проч. „Если" вполне гарантирует вас на случай ошибки [7]).

Werther genosse, не щадите наших политических врагов; они не пощадят нас. По ком-нибудь из нас придется панихиду петь, как говорит купец Калашников: наша борьба есть борьба на-смерть; давите голову змеи, пока можете давить ее.

Крепко жму руку. Еще раз спасибо.

P. S. Еще: раз статья о Берн(штейне) пойдет как статья, то надо разбить ее на главы. Сделайте это [8]).

II.

Женева, 26 авг. 1901.

Carissimo amico [9]).

Вот вам еще докука: добавление к одному из примечаний в моей статье против Бернш(тейна).

Оно должно быть помещено там, где я привожу латинское правило Ньютона (примечание по поводу монизма), и непосредственно за этим правилом; тысячу раз прошу извинить меня за беспокойство [10]).

Преданный Вам **Г. Плеханов.**

*) Чуть было не забыл: у меня в статье говорится о мелких фермерах в Англии. Я говорю, что мелкие землевладельцы называются там british slaves. Внизу есть ссылка на Final Report, но страница не указана, ибо этот report у Вас. В ем отмечено карандашем место о british slaves Поставьте страицу в моей статье [3]).

Примечания к письму.

[1]) «Genosse Петров»—товарищ Петров. «Петров»—конспиративное имя Вл. Ильича, которым он назывался в сношениях с Группой «Освобождение труда» еще с 1895 г.

[2]) Исправленный Владимиром Ильичем текст соответствующего места статьи Плеханова гласит:

«Во-вторых, ссылки г. Бернштейна на распределение поземельной собственности так же неточны, как неубедительно его указание на рост числа умеренных доходов. Вот один из многих примеров.

Он говорит, что в Германии группа средних крестьянских хозяйств увеличилась в период 1882—1895 гг. почти на 8 процентов, а занимаемая ими площадь на 9 проц. (стр. 110). Но какой смысл имеют данные об увеличении абсолютного числа хозяйств или размера площади одной категории хозяйств, если не сообщается все число хозяйств и вся культурная площадь в стране? А если принять во внимание это обстоятельство т.-е. рассмотреть размер доли средних крестьянских хозяйств в общем числе хозяйств и в общем итоге площади, то окажется, что площадь, занимаемая в Германии хозяйствами этой категории, испытала лишь совершенно ничтожное увеличение. В 1882 г. она составляла 11,90 проц. всей поземельной площади, а в 1895—12,37 проц., увеличение составляет, стало-быть, менее половины процента. Но это мы говорим о всей поземельной площади Германии. А что касается собственно сельскохозяйственной площади, то хозяйства указанной категории составляли в 1882 г. 12,26 проц., а в 1895 г.—13,02 проц.; увеличение не превышает 0,75 проц. Это так мало, что странно и употреблять здесь слово: увеличение».

Положение дел в германском земледелии так сложно, что в суждениях о нем никак нельзя довольствоваться голыми статистическими цифрами, а необходимо принимать в соображение географические особенности каждой данной местности, равно как технические и экономические особенности каждой отдельной категории хозяйства, а также изменения этих особенностей, совершающихся в рассматриваемые периоды. («Заря», № 2—3, стр. 220. Перепечатано в собр. соч. Г. В. Плеханова, т. XI, стр. 36).

[3]) На самом же письме Плеханова Владимир Ильич отметил карандашем требуемую страницу («page 36») и перенес ее на рукопись Плеханова.

[4]) Эпиграфы и дата внесены Вл. Ильичем в статью Плеханова. См. «Заря», № 2—3, стр. 204 и 225.

[5]) Эти слова внесены Вл. Ильичем в статью Плеханова в виде примечания. См. «Заря», № 2—3, стр. 222, примечание первое.

[6]) Речь идет о статье Ю. М. Стеклова, присланной в редакцию «Зари» и содержавшей разбор статьи В. И. Ленина «С чего начать?», напечатанной в № 4 «Искры». Статья Ю. Стеклова в «Заре» напечатана не была.

[7]) Дело идет об участии П. Б. Струве в подаче прошения рабочими стачечниками о помиловании. Подробнее инцидент этот будет освещен при опубликовании писем Ленина, в которых упоминается об этом эпизоде.

[8]) Владимир Ильич выполнил просьбу Плеханова. Статья была напечатана в «Заре» с подразделением на главы. На самом письме Плеханова рукой Владимир Ильича сделан план разбивки статьи на главы. Этот план имеет следующий вид: «Стр. 2—I, стр. 10—II, стр. 28—III, стр. 46—IV, стр. 56—V, стр. 73—VI, стр. 92—VII.» В этих отметках Вл. Ильича арабские цифры обозначают, видимо страницы плехановской рукописи, а римские—нумерацию глав. В «Заре», однако, статья разбита не на VII а на VIII главок.

[9]) «Carissimo amico» — «дорогой друг». Следующая ниже записка составляет продолжение предыдущего письма и написана в тот же день, но на отдельном листке бумаги и с новым обращением.

[10]) «Добавление» напечатано в указанном Плехановым месте («Заря», № 2—3, стр 217, прим.) и гласит следующее:

«Г. Бернштейн не понимает, что если развитие общественных—и в последнем счете экономических—отношений не представляет собой коренной причины развития так-называемого духовного фактора, то этот последний развивается сам из себя, а это саморазвитие духовного фактора есть не более, как одна из разновидностей того саморазвития понятий», против которого наш «критик» предупреждает своих читателей, как против одной из опасных приманок гегельянской диалектики».

В. И. Ленин и РКИ.

Ниже мы печатаем письмо В. И. Ленина, адресованное члену коллегии РКИ т. Коростелеву. Этот документ, относящийся к лету 1921 года, уже намечает тот подход к РКИ, который был дан Влад. Ильичем в своей известной статье о рабкрине.

В начале июля 1921 года В. И. имел беседу с тов. Коростелевым. В статье, напечатанной газ. „Труд" от 27 янв. 1924 года, т. Коростелев так изложил разговор с ним тов. Ленина:

— Мы ввели НЭП, но мы очень мало пока знаем, как он будет развиваться и какие препятствия стоят на пути. Нам нужно максимальное обеспечение правильного развития новой экономической политики. У нас в аппарате косность, бюрократизм, неповоротливость. Хорошее дело могут испортить. Вот вы, член коллегии НК РКИ, значит—член правительства, доступ вам на все фабрики и заводы открыт; вы рабочий и, следовательно, легче, чем рабкриновские чиновники, можете подойти к рабочим. Подберите небольшую группу рабочих с заводов и немного честных спецов; возьмите несколько предприятий, обследуйте их, как они снабжаются топливом, продовольствием, деньгами; узнайте, кто и что мешает их работе, привлеките их к ответственности и постарайтесь оказывать, пользуясь вашей властью, помощь и содействие предприятиям и рабочим.

Если нам удастся устранить препятствия, которые лежат на пути новой экономической политики, то это будет очень показательно, особенно здесь, в Москве, и будет иметь большое политическое и, в дальнейшем, экономическое значение.

Надо напрячь все силы, чтобы было поменьше неудач; надо не падать духом из-за неудачи, а настойчиво и терпеливо проделывать работу снова и снова. В Москве гораздо труднее работать, чем в провинции—больше бюрократизма и избалованных „верхушечных" людей...

Вот письмо т. Ленина.

Тов. Коростелев!

Дело вашей комиссии—исключительно важное, ответственное и трудное.

Надо все силы напрячь, чтобы у вас было поменьше неудач; и не падать духом из-за неудач, а настойчиво и терпеливо про-

должать работу снова и снова. В Москве гораздо труднее работать, чем в провинции,—больше бюрократизма, больше развращенных и избалованных „верхушечных" людей и т. д.

Но зато работа в Москве будет иметь громадное показательное и политическое значение.

По-моему, надо бы вашей комиссии попробовать сообразовать свою работу с „наказом СТО".

Главное—не разбрасываться, а взять лучше немногие заведения, небольшие задачи, поставить себе в начале скромные цели, но их осуществлять упорно, не забывая начатого, не бросая на полдороге, а доводя до конца.

Постепенно, но обязательно привлекать беспартийных из числа заведомо честных и уважаемых в каждом районе рабочих. Не жалеть времени и труда на приискание их, на ознакомление с ними.

Их понемногу и осторожно вводить в работу, пробуя подыскать вполне подходящее для каждого, соответствующее его способностям, занятие.

Главное приучить рабочих и население к комиссии в том смысле, чтобы они увидели помощь от нас; главное—завоевать доверие массы, беспартийных, рядовых рабочих, рядовых обывателей.

Именно вам, как председателю комиссии и как человеку центра, члену коллегии „нелюбимой Раб. Кр. Инспекции" это будет нелегко. Но в этом вся суть.

Надо всячески и во всех возможных отношениях показать и (добиться) (осуществить) на деле помощь, хоть в маленьком (размере), но реальную. Только опираясь на это, можно двигаться дальше.

Прошу вас написать мне или, если вам писание не нравится, позвонить по телефону — можно из моего кабинета, спокойнее, чтобы мы могли обменяться мнениями о работе вашей комиссии.

Письмо это покажите другим членам комиссии, если находите это своевременным.

С к. пр. Ленин. 26/VII.

P. S. Основная задача комиссии: поднять хозяйство, улучшить постановку дела, добиться реальной личной ответственности. Надо бы взять для этого еще несколько учреждений: столовку, баню, прачечную, общежитие и т. п.

Международное революционное движение.

Макс Левин.

Новый курс Германской коммунистической партии.

Октябрьское поражение.

В октябре Германская коммунистическая партия потерпела сильное поражение. Но это поражение не было катастрофическим ни для пролетариата, ни для партии в целом. Катастрофическое поражение потерпело лишь правое (Брандлер-Тальгеймер) крыло партии, которое обнаружило неспособность использовать для свержения буржуазии объективно крайне революционную обстановку.

Октябрьское поражение вызвало столь сильную борьбу течений внутри партии, что потребовало срочного вмешательства Исполкома Коминтерна. Ноябрьской расширенный пленум Ц.К. К.П.Г. сделал попытку ликвидировать октябрьские ошибки, но попытка не удалась. Тотчас после пленума борьба внутри партии разгорелась во-всю. Образовался центр, насчитывавший в Ц.К. большинство, однако, не опиравшийся на крупные, решающие и сплоченные организации в партии. Появилась статья тов. Зиновьева о «германской колчаковщине», вызвавшая решительный отпор со стороны оппортунистов, в частности, со стороны товарища Тальгеймера. Статья тов. Зиновьева, метко вскрывшая в корне ложный подход к оценке октябрьского поражения со стороны правых элементов К. П. Г., рассматривавших создавшееся положение в свете «победы фашизма» над «ноябрьской республикой», сразу изолировала сторонников Брандлера-Тальгеймера.

Вмешательство Исполкома К.И. заключалось в подробном обсуждении всех связанных с партийным пооктябрьским кризисом вопросов на совещании, состоявшемся в январе т. г. в Москве с представителями всех трех течений в К.П.Г. и в решительной критике ее правого крыла. В результате тщательного обсуждения создавшегося положения в партии были приняты три резолюции: общая резолюция об уроках германских событий и ближайших задачах партии, резолюция о тактике партии в профессиональном движении и, наконец, резолюция об изменении организационного строения партии.

Общая резолюция в свое время была опубликована в русской прессе. Она подвергала подробнейшему анализу деятельность партии после августовской стачки, беспощадно вскрывала все допущенные ею ошибки и намечала новую линию поведения партии. Основное указание резолюции: К.П.Г. должна превратиться в массовую боевую партию, которая создаст единый фронт снизу и поведет массы на решающую борьбу с фашистско-социал-демократическим правительством.

По вопросу о работе в профсоюзах Исполком Коминтерна дал следующие указания [1]): со всей решительностью бороться против лозунга ухода из профсоюзов; создавать и укреплять комфракции в союзах; бороться против раскольнической политики социал-демократов, отстаивая сохранение единства профсоюзов; исключенных из профсоюзов революционных рабочих, а также неорганизованные слои рабочего класса объединять отдельно, в зависимости от местных условий, применяя разнообразные методы (учреждение фабзавкомов, контрольных комиссий, комитетов безработных, создание параллельных союзов, исключенных, всеобщих рабочих комитетов и т. д.); с вождями социал-демократии, с верхушками реформистских профсоюзов никаких переговоров не вести, добиваясь создания единого фронта снизу, вступая с этой целью в переговоры и соглашения с местными массовыми организациями профсоюзов; силы коммунистов необходимо концентрировать для работы на предприятиях и в фабзавкомах, с целью сделать фабзавкомы исходной и опорной точкой всей работы партии в массах; экономической борьбой рабочих К. П. Г. должна руководить, связывая эту борьбу с общими историческими задачами рабочего класса, с необходимостью захвата власти.

Резолюция Исполкома о перестройке типа организации К.П.Г. подчеркивает необходимость перенесения центра тяжести организации на фабрично-заводские ячейки, как основы партийного задания. До сих пор партия основывалась на организации членов по местожительству.

Вот те основы, на которых К. П. Г. должна перестраивать свои ряды и восстановить боеспособность партии.

Коммунисты и рабочая масса.

Каково же положение К. П. Г. после московского совещания?

Нам кажется, что в общем и целом линия, выработанная на январском совещании, уже оправдала себя. Мы говорим в общем и целом, ибо борьба течений в партии, разумеется, продолжается. да и никто не ожидал от принятых тезисов каких-либо чудес в смысле мгновенного уничтожения всяких трений, превращения партии в монолит. Таких чудес не бывает.

Окончательное оформление линии партии должно будет произойти на предстоящем вскоре партийном съезде. Резолюции

[1]) Ср. тезисы „О работе коммунистической партии в профессиональном движении". „Красный Интернационал Профсоюзов". № 1 (36). Январь 1924 г., стр. 52-54.

ИККИ отнюдь не преследовали утопической цели искусственного уничтожения существовавших глубоких разногласий внутри партии, а создание для партии такого положения, для большинства ее такой обстановки борьбы, которые гарантировали бы К.П.Г.:

1) сохранение партийного единства;

2) предотвращение дальнейших грубых оппортунистических ошибок, путем нейтрализации правых элементов партии;

3) создание дискуссионной атмосферы, обеспечивающей плодотворную подготовку партийного съезда;

4) наличность временного (до съезда) руководства, соответствующего линии большинства партии;

5) избавление партии от той лихорадки, в которую она впала в связи с поражением в октябрьские дни.

Насколько массы партии здоровы, а вся партия, несмотря на понесенное ею тяжелое поражение, разочарованность в вождях, загнанность в подполье и некоторую стабилизацию экономического и финансового положения страны, сохранила свою притягательную силу для пролетариата в целом, показывает целый ряд выборов в органы местного самоуправления за январь и февраль, т. г., напр., коммунальные выборы в Саксонии, выборы в ландтаг в Тюрингии и Мекленбурге, выборы в сенат в Любеке и Бремене, а также выборы в ландтаг в Саарской области. Массы отчетливо продолжают ориентироваться влево. Партия и в подполье в общем сохранила свою организацию.

Парламентские и коммунальные выборы в отдельных государствах Германии дали столь характерную картину тенденции развития классовых противоречий в стране, что будет не лишне познакомить с ними читателя более подробно.

Повсюду выборы, несмотря на правительственный террор против запрещенной, нелегальной К.П.Г., дали победу крайним лагерям: коммунистам, с одной, фашистам разных оттенков, с другой стороны.

Выборы в ландтаг в Тюрингии. 10/III 1924 года.

Участвовало в выборах свыше 90% пользующихся избирательным правом граждан против 72,5% в 1921 году.

		Получили:		
В 1924 году.	Коммунисты	161.000	голосов—13	мандатов
„ „ „	Социал-демократы	203.000	„ —17	„
„ „ „	Националисты (фашисты и прочая черная сотня)	81.000	„ — 7	„
„ „ „	Союз порядка (коалиция буржуазных партий середины)	421.000	„ —35	„
„ 1921 „	Коммунисты	73.000	„ — 6	„
„ „ „	Социал-демократы (в то время еще две партии независ. и соц.-дем.)	265.000	„ —22	„
„ „ „	Все остальные буржуазные партии, вместе взятые	337.000	„ —27	„

Таким образом, коммунисты приобрели 88.000 новых голосов и 7 новых мандатов, социал-демократы же потеряли 62.000 голосов и 5 мандатов.

Во всех промышленных районах Тюрингии коммунисты получили большинство пролетарских избирателей.

Выборы в ландтаг в Мекленбурге.

В 1924 г.	К. П. Г.	42.436 голосов,	мандатов 9	(в 1921 г. 15.328 гол. манд. 3)
„ „ „	Соц.-дем.	67.840 „	„ 14	(„ „ „ 137.971 „ „ 28)

Участвовало в выборах 95% населения.

Выборы в ландтаг в Саарской области (оккупированной Францией).

В 1924 г.	К. П. Г.	39.311 голосов	(предыдущ. выбор. 14.699 гол.)
„ „ „	Соц.-дем.	44.000 „	(„ „ 88.000 „)

Итак, соц.-демократы потеряли ровно половину прежних голосов, коммунисты же почти в три раза увеличились.

Выборы в Любекский сенат. 10/II 1924 г.

Коммунисты	8.896 голосов	— 10 мандатов	(раньше 5 мандат.)	+5
Соц.-демократы	25.256 „	— 28 „	(„ 37 „)	—9

Таковы же результаты выборов и в Бремене, о которых у нас под руками нет цифровых данных.

Коммунальные выборы в Саксонии. 13/I 1924 г.

Г. Лейпциг.	Соц.-дем.	30.721	(предыдущ. 141 000)
„ Дрезден.	„	81.607	(„ 121 967)
„ Лейпциг.	Коммунисты	68.752	(„ 30.846)
„ Дрезден.	„	39.370	(„ 13.651)

В больших городах, где социал-демократический аппарат еще силен, потеря социал-демократов от 30—40%, в провинции, где партбюрократы слабее, от 40—50%.

В Хемнице, Цвикау, Фрейберге, Плауене (все главные, чисто промышленные центры Саксонии) число коммунистов почти сравнялось с числом голосов, поданных за социал-демократов, в менее крупных местах, как Пирна, Лимбах, Ауэ, коммунисты получили даже больше голосов, чем соц.-демократы.

К.П.Г. удвоила голоса, в маленьких городах увеличилось количество коммунистических голосов, даже втрое и вчетверо. Последние выборы в саксонский ландтаг в 1921 г. дали коммунистам 276.000 голосов. Теперешние коммунальные выборы дали более 500.000 гол. И это после тяжелого поражения партии, при режиме белой диктатуры, которая всячески затрудняла избирательную кампанию партии и всячески способствовала успехам правых партий.

Внутреннее состояние КПГ.

В только-что вышедшем приложении к январской книжке журнала «Коммунистический Интернационал» под заглавием «5 лет Коминтерна в решениях и цифрах» читаем:

«В январе 1923 г. число членов равнялось 192.000 мужчин и 26.000 женщин. Всего—218.000 платящих взносы членов, при числе местных организаций—2.481. В настоящее время в партии 350.000—400.000 членов».

Не знаем, насколько последние цифры соответствуют действительности. Нам они кажутся несколько преувеличенными. Несомненно, однако, что партия ныне сильнее, чем год тому назад. При этом нужно помнить, что партия переживает внутренний кризис, не могла еще вполне оправиться от нанесенных ей в октябрьские дни ударов и не сумела еще в достаточной степени разобраться в новой хозяйственной ситуации страны, создавшейся в результате искусственной стабилизации марки.

В настоящее время в партии идет оживленная дискуссия как по принятым в Москве тезисам, так и по вопросу об отношении к внутрипартийной дискуссии в РКП.

Расширенный пленум ЦК, состоявшийся 19 февраля т. г., на котором, вопреки всем препятствиям, оказались представлены полностью все округа, выявил свое отношение к кризису, переживаемому партией после октябрьского отступления. Предстояло высказаться по поводу решений, вынесенных Московским совещанием. На голосование была поставлена нижеследующая резолюция, внесенная за подписью нынешнего большинства ЦК и левой оппозиции, т.-е. 21 члена ЦК:

«ЦК КПГ присоединяется к решению Исполкома по вопросу о политическом положении в Германии, о профсоюзах и организационной перестройке партии и в интересах консолидации партии приветствует результат совещания, как решительную ориентировку влево и решительный шаг в борьбе против правых опасностей и группировок в Коминтерне и в германской коммунистической партии».

После часового доклада представителя большинства по вопросу о тактических разногласиях и Московском совещании слово для 45-минутного доклада было предоставлено содокладчикам,—представителю левой оппозиции и представителю правой группы. Последний решительно отверг выработанную совместно с президиумом Коминтерна тактическую линию, выразившуюся в политической резолюции. После двухчасовых прений, в процессе которых высказались все течения, всеми, т.-е. 22 голосами против 2, была принята внесенная большинством ЦК резолюция.

Согласно состоявшемуся соглашению, малый ЦК, директория партии, составлен таким образом, что преобладание обеспечено большинству, но ответственность за работу ЦК несет и левая оппозиция.

В заключение была принята еще следующая резолюция:

«Расширенный пленум ЦК КПГ, собравшись для проведения в жизнь принятых в Москве решений относительно консолидации партии, в этот момент вдвойне тяжко чувствует утрату товарища Ленина, чей авторитет сплачивал и руководил Коминтерном и РКП.

Расширенный пленум ЦК приветствует ЦК РКП, призванный продолжать начатое Лениным дело, и требует от имени революционного пролетариата Германии, чтобы были приняты меры для скорейшего издания произведений Ленина в доступной для германского пролетариата форме, дабы КПГ, в процессе своего развития, изучая труды нашего великого вождя и учителя, скорее и основательнее научилась применять на деле революционный марксизм во всей его актуальной боевой силе».

Ц.К. еще в январе выпустил специальный номер журнала «Интернационал» с материалами, характеризующими в тезисах и статьях политические позиции имеющихся в партии трех направлений, а также специальный номер того же журнала, посвященный дискуссии в Р.К.П.

Действующий ныне Ц.К. К.П.Г. был составлен согласно директивам, данным резолюцией московского совещания в январе т. г. и состоит из представителей центра и левого крыла. Какова политическая линия этого ЦК? В середине февраля в нелегальном еженедельном центральном органе К.П.Г. «Falme der Revolution» («Знамя Революции»)) появилось воззвание «К партии».

Оно гласит:

Товарищи! Со времени октябрьского поражения германского пролетариата прошло всего 4 месяца. За это время безработица и неполный рабочий день обрекли на голодную смерть новые сотни тысяч пролетариев, все права пролетариата были раздавлены военным сапогом. 8-часовой день был фактически отменен, население Прирейнской и Рурской областей еще глубже было придавлено объединенными силами французского и германского капитала, а наша партия, единственная революционная партия германского пролетариата, была загнана в подполье и подверглась жесточайшим преследованиям со стороны военных диктаторов и их прислужников.

Главная вина за отнятие прав у рабочего класса и за подавление его революционной партии лежит на социал-демократии. Слишком долго надеялась наша партия на то, что «левые» вожди социал-демократы, сулившие рабочим массам борьбу с правым ЦК партии, предпримут хотя бы единый шаг для отпора наступлению буржуазно-фашистской контр-революции. Социал-демократия блестяще вела свою игру, строго распределив роли. Эберт, Зольман, Вельс и Северинг «осторожно, тактично и продуманно» вплоть до деталей вели в угоду Кару и Стиннесу, Секту и Тиссену генеральное наступление на пролетариат. Они удушили при помощи рейхсвера тюрингский и саксонский пролетариат под предлогом выступления против Баварии. Они шаг за шагом осуществляли свой стратегический план, направляемый против 8-часового рабочего дня и выдачи пособия безработным.

А Леви и Розенфельды, Дитманы и Цейгнеры прибегали в своей игре к священным клятвам, разглагольствовали о своей готовности к совместной борьбе, пытались таким образом спасти доверие к социал-демократической партии, а в решительную минуту всегда ударяли в спину революционной массе и ее вождю коммунистической партии. Они оставались в этой предательской партии, несмотря на то, что она в октябрьские дни открыто действовала как пособница буржуазно-фашистской контр-революции, они остались в социал-демократической партии, несмотря на то, что ее представители в правительстве объявили осадное положение. Они остались в партии, несмотря на то, что она продолжала сотрудничать с Сектом и Стиннесом и благожелательно отнеслась к запрету коммунистической партии. Они остались в партии открытого предательства, участвуя таким образом в этом предательстве, неся за него свою долю вины и ответственности.

«Левые» вожди социал-демократы показали себя, как наихудшие и наиопаснейшие агенты капитала, завоевывающие при помощи радикальной фразеологии доверие честных рабочих, револю-

ционеров, чтобы тем гнуснее этим доверием злоупотреблять. Без помощи социал-демократии и реформистских профсоюзных вождей предпринимателям в Германии не удалось бы добиться столь желанной на протяжении целого пятилетия отмены 8-часового рабочего дня и одновременного обречения новых миллионов безработных на невыносимый голод.

Единственным положительным результатом октябрьского поражения является все сильнее укореняющаяся в широких слоях пролетариата, все ярче и ярче вспыхивающая *ненависть к социал-демократии*. В Саксонии и Тюрингии, в Любеке, Мекленбурге и Бремене,—всюду, где при выборах диктатура вынуждена была дать высказаться массам,—все громче и громче звучало:

Мы не верим больше социал-демократам!

Этот факт растущего отхода от социал-демократических вождей и организаций дает нам право надеяться, что в будущем удастся успешно вести борьбу против капиталистического ига, добиться освобождения и установить власть пролетариата.

Это освобождение масс из-под влияния контр-революционных организаций, разумеется, не совершится само собой. Оно требует от нас работы, работы и еще раз работы.

Наипервейший долг каждого коммуниста на предприятии, каждого отдельного члена неуклонно растущей, изо дня в день завоевывающей себе большее влияние германской коммунистической партии, *усиливать священную ненависть к октябрьским предателям и указывать массам выход*. Каждая стачка, всякая борьба за кусок хлеба должны вводиться в общее русло борьбы за *диктатуру пролетариата*, единственно способной спасти массы, принести им освобождение!

Путь улучшений—это путь к власти, но путь к власти требует в качестве предварительного условия *полного освобождения из пут и оков*, связывающих искренне стремящиеся к освобождению германские массы со всякими желтыми, буржуазными, фашистскими контр-революционерами, социалистически - реформистскими организациями.

В этой области ГКП предстоит громадная работа. Накануне новой борьбы, пред лицом намечающегося подъема волны экономических и политических конфликтов, ГКП должна готовиться к *последнему бою пролетариата за власть*. Созревши и научившись в тяжком горниле страданий, выпавших на долю германской пролетарской массе, переходившей благодаря реформистским путам и неправильному руководству от поражения к поражению, партия ныне должна развернуть

Наисильнейшую и наивеличайшую активность.

Кто устал, кто поддался пассивности, кто вышел из неудачной борьбы с сомнениями и безнадежностью, тому не должно быть места в партии. *Пролетариат не хочет умирать*, он жаждет освобождения. *Единственная партия, ведущая пролетариат на борьбу, должна быть живым, ярким воплощением лучших революционных качеств класса*. Каждый член партии должен разъяснить каждому рабочему роковую роль социал-демократии в борьбе пролетариата. Каждый коммунист должен проявлять величайшую активность во всех боевых выступлениях, направленных против капитала и профсоюзной бюрократии. Этого требует партия от всех своих членов и всех ей сочувствующих. Позорным и несовместимым с достоинством германского пролетариата является факт, что и по сей день от 40 до 50% рабочих голосуют за фашистскую буржуазную социал-демократию. Вина за этот позор падает и на каждого коммуниста. Его обязанность сделать надлежащие выводы.

Задача партии не только в том, чтобы глубже, прочнее и крепче *охватывать массы при всех частичных боевых выступлениях* и с беспощадной правдивостью указывать единственный путь, ведущий пролетариат к власти. В противовес всем пособникам капитала она должна быть

также и подлинным вождем масс в *непосредственной борьбе за власть*. День ото дня в партии растет и крепнет сознание, что партия должна *сплотиться в железное, прочное большевистское ядро*.

Из октябрьского поражения пролетариата партия сделала *два существенных вывода*:

Она признала, что борьбу нельзя *довести до победоносного конца* до тех пор, пока рабочая масса еще цепляется за реформистских вождей. Далее она признала, что революционная партия должна беспощадно и без остатка вытравить в собственных рядах последнюю тень иллюзии, рассчитывающей на поддержку со стороны левых социал-демократических вождей и других спутников капитала и безоговорочно дать понять каждому своему члену, что в борьбе против капитала и его партий, в том числе и социал-демократической, руководить и проводить борьбу и нести знамя впереди борющегося пролетариата может только одна ГКП.

За усвоение этих обоих уроков партия борется. Каждому, кто будет этому мешать, она скажет: прочь! Каждого же, кто будет этому противодействовать, она устранит. Германская коммунистическая партия—не давая себя сбить с толку исходящим от буржуазии и социал-демократии попыткам разложения рядов революционного пролетариата — бесстрашно и решительно повела борьбу

против опасности правого уклона

и против тех товарищей, которые не дерзают сделать со всеми вытекающими отсюда последствиями эти два вывода из октябрьского поражения. Партия отчетливо сознает, что эта внутренняя дискуссия знаменует для партии не шаг назад, а шаг вперед.

С полной серьезностью ЦК партии указывает на *рост фашистского движения*, захватывающего даже широкие слои рабочего класса. Речь идет о тех рабочих, которые, преступной политикой социал-демократии, были с головой выданы классовому врагу,—правому крылу буржуазии. Партия должна напрячь все свои силы, чтобы толкнуть массы на путь революционного пролетариата, беспощадно и энергично опрокидывая мнимо-«народнические» организации.

Два года назад, после постигнувшего партию поражения, Пауль Леви объявил ГКП трупом. Ныне ГКП, опираясь на сочувствие доброй половины германского пролетариата, прочно и нерушимо стоит на своем посту. При наличии серьезной работы ГКП скоро станет руководящей партией германского пролетариата, его единственной партией.

Активность и *полная ясность*—таков лозунг момента. Обладая суровой спайкой, будучи построена на *производственной основе*, глубоко пустив корни в массы пролетариата, беспощадно борясь *против социал-демократии и реформистского наследия*, отстаивая каждую позицию в *профсоюзах* и рабочих организациях, партия с новой силой и новым воодушевлением будет готовиться к решающей борьбе.

ЦК ГКП призывает всю партию с величайшей энергией отмести последние *остатки депрессии*, дружно сплотиться вокруг ЦК ГКП, основательно продискутировать все вопросы во всех организациях и сделать последние выводы из обильных уроками последних событий в смысле *конкретной политической работы*, теснее спаять свои ряды, ясно и недвусмысленно указывать путь жаждущей выхода из бедствий и страданий широкой трудящейся массе.

Берлин, 19 февраля 1924 г.

ЦК ГКП.

(Секция Коминтерна).

КПГ и РКП.

По вопросу о партдискуссии в Р.К.П. в нашем распоряжении имеются следующие 3 документа:

1) Резолюция расширенного пленума ЦК КПГ по вопросу о дискуссии в РКП.

Резолюция гласит:

«Расширенный пленум ЦК шлет привет ЦК РКП и высказывает свое удовлетворение по поводу того, что РКП вышла из дискуссии еще более сильной и единой, чем она была прежде. КПГ с величайшим интересом следила за борьбой большевистского ЦК и подавляющего пролетарского большинства РКП против мелкобуржуазной и антибольшевистской по своим тенденциям оппозиции. КПГ ясно поняла, что пред. лицом растущих трудностей не все части партии все еще одиноко стоящего пролетарского государства, после смерти Ленина, способны одинаковым темпом и с одинаковой непреклонностью проводить наступление и отступление, диктуемые гигантской борьбой российского пролетариата. Лишь испытанный большевистский ЦК способен сохранить партию единой и повести ее к дальнейшим победам. Лозунгом Коминтерна должна быть не дебольшевизация РКП, а большевизация европейских партий, дабы они сумели вести массы в победоносный бой. В борьбе против ликвидаторского течения, представляющего для Коминтерна величайшую опасность при медленном темпе нарастания революционной волны, европейские коммунистические партии, не впадая в детскую болезнь левизны, должны выкристаллизовать в себе большевистское ядро. В своей борьбе против появившейся на горизонте ревизионистской опасности ЦК РКП может рассчитывать на полную поддержку со стороны германской коммунистической партии».

2) Резолюция по вопросу о российской партдискуссии, принятая Центральным Комитетом Берлин-Бранденбургского округа 15—II 1924 г.:

«Берлинская организация присоединяется к политической линии ЦК РКП и рассматривает политические последствия защищаемых оппозицией РКП тенденций, как чрезвычайно опасные и ведущие к меньшевизму. Она против этих тенденций, проявляющихся в международном масштабе как тенденции ликвидаторские, будет вести беспощадную борьбу.

Центральный комитет призывает всех пролетариев РКП дружно сплотиться вокруг большевистского ЦК РКП и, проводя в жизнь руководящие постановления о партийном строительстве, опубликованные ЦК и ЦКК 5—XII 1923 г., отказаться от какой бы то ни было поддержки руководящих российской оппозицией товарищей, политический характер коих, как видно из поведения Радека в Коминтерне и из резолюций Пятакова по хозяйственному вопросу, должен быть каждым коммунистом квалифицирован как оппортунизм, который, в случае, если бы он победил, имел бы роковые последствия для Коминтерна».

3) Подробная оценка российской партдискуссии, изложенная в «Материалах для докладов», изданных политическим секретариатом Берлин-Бранденбургской организации.

Приводим наиболее существенную часть посвященного этому вопросу § III названных «материалов»:

«1) Дискуссия началась в РКП после появления дискуссионной статьи Зиновьева, указывавшего на необходимость сдвига внутриполитической линии в сторону усиления внутрипартийной активности и демократизма.

2) Этому предшествовала острая дискуссия на закрытых заседаниях расширенного пленума ЦК партии, на которых Троцкий выступал в качестве оппозиционера, поддержанный целым рядом товарищей, в большинстве своем стоявших вне рядов ЦК.

3) Объективной причиной этого конфликта был наступивший в России крупный экономический кризис, вызванный несоответствием цен на продукты промышленности, с одной стороны, и продукты сельского хозяйства, с другой.

Попытки разрешения этого кризиса породили в России два политических течения в РКП: из них одно было представлено ЦК и громадным большинством партии, другое оппозицией. Но в политическом отношении ясно его формулировала лишь группа Троцкого—Радека—Пятакова.

4) Однако, на первых порах дискуссия в РКП пошла в другом направлении и вращалась вокруг вопроса о внутрипартийном демократизме. В этом отношении ЦК в принятой им 5 декабря обширной резолюции по вопросу о партийном строительстве признал, что многое в партии должно быть изменено. Исчерпывающим образом, и без обиняков, в ней было указано на опасность отчуждения партии от масс, сказавшегося, например, в августовских стачках. Эта обширная и единогласно принятая резолюция, в сущности говоря, целиком разрешала вопрос о партийном строительстве.

5) Несмотря на это, дискуссия после опубликования этой резолюции приняла еще более ожесточенный характер, при чем в рядах самой оппозиции оказалось несколько совершенно различных течений.

В то время, как Преображенский считал вопрос «собственно говоря» разрешенным, Сапронов, шедший дальше, требовал «гарантий», другие товарищи из той же группы повели борьбу против «аппарата», которая в случае успеха грозила бы самому существованию партии. Одновременно письмом Троцкого и последующей его статьей была начата борьба против ЦК и его политики, правда, на первых порах в замаскированном виде. Был поставлен вопрос о реформистском перерождении старой гвардии, об отношениях «молодежи» к «старикам». Нападки эти подхватил и конкретизировал Радек. Радек, пытавшийся на первых порах разыграть буферную группу, стал всюду трубить о «расколе» внутри ЦК, рассказывая анекдоты в роде того, что Троцкого саботируют, а также, что он (Радек) мобилизует КПГ и Коминтерн против русского ЦК для урегулирования «русского вопроса».

6) Толкам о хозяйственной политике ЦК положил конец, опубликовав в декабре обширную резолюцию по вопросу о хозяйственной политике, вынудив, таким образом, оппозицию точно формулировать свои взгляды. На крупном собрании партработников в Москве Пятаков выступил содокладчиком и огласил резолюцию, при чем тут же обнаружилось, что шедшие до той поры за оппозицией рабочие элементы в такой политике участвовать не станут».

В заключение говорится:

«Долг К.П.Г всецело поддержать в этом кризисе политику ЦК и самый ЦК и отстаивать эту политику, как большевистскую, против всех нападений справа. В союз этот должны быть вовлечены все коммунистические элементы Коминтерна».

„Я был, я есмь, я буду"...

Первого марта Эбертом снято чрезвычайное положение, и тотчас воспрянула вся коммунистическая партия Германии. Повсюду, как грибы после дождя, стали снова выходить запрещенные эбертовской военщиной коммунистические газеты, заработали партийные типографии, возвращены партийные помещения. Снова революционный пролетариат гордо и во всеуслышание бросил свой вызов республике насилия и гнета: „Я был, я есмь, я буду". Со страниц „Роте Фане" — центрального органа компартии—этот гордый клич разнесся по всей стране. Повсюду массы горячо приветствуют снова открыто поднимающий свою голову славный революционный авангард. Бодрое настроение, бодрый дух, бодрая воля— вот что ныне чувствуется в германском пролетариате. Об этом свидедельствуют как нарастающая экономическая борьба, так и выборы в фабзавкомы и местные органы самоуправления. Повсюду массы проявляют свою искреннюю симпатию к КПГ, как к верному другу трудящегося народа, преданному сыну пролетарской революции. Пять месяцев КПГ успешно сопротивлялись бешеному натиску разъяренных фашистов и социал-демократической сволочи с Эбертом во главе; не сломил ее воли роспуск КПГ и всех пролетарских органов революционной классовой борьбы; не сломило ее и тяжелое октябрьское поражение и не менее тяжелый внутренний кризис.

Только-что полученные нами номера вновь легально выходящего „Роте Фане" свидетельствуют о сильном охватившем широкие массы подъеме. Повсюду разгорается борьба против цинично наступающего капитала: в Рурской области двухмесячная героическая борьба металлистов, упорная борьба против удлинения рабочего дня портовых рабочих Бремена, Гамбурга, Бремергафена. Уже появились первые симптомы назревающей острой экономической борьбы рурских углекопов.

Всюду, как политическую, так и экономическую борьбу пролетариата возглавляют коммунисты. Закипела и кампания по выборам фабзавкомов.

Охватившая широкие массы партии дискуссия по резолюциям, принятым на январском совещании в Москве, а также обсуждение их на целом ряде окружных партийных конференциях, дали несомненную победу левому крылу партии. Вот краткая сводка предварительных результатов партийной дискуссии.

Окружная конференция Гессен-Франкфурт большинством голосов против одного высказалась за левых.

Окружная конференция Среднего Рейна и Кельна высказалась за левых при четырех голосах против.

Область Южной Рейнландии, Вестфалии — 60 голосов против 2 (за центр) высказались за левых.

Крупные собрания ответственных работников гг. Дюсссельдорфа и Золингена почти единогласно приняли резолюцию левых. В Силезии—38 против 11, в Гессен-Касселе—13 против 12, в Северной Баварии—9 против 6, в Тюрингии—14 против 11 голосов.

Из районных конференций на сторону левых стали следующие:

Все бранденбург-берлинские конференции и собрания ответственных работников; все конференции Побережья, Гамбургского и Рурского округов, районные конференции в Гагене, Ганновере, Южном Гарце, Гильдесгейме, Цейтсе, Виттенбурге, Мансфельде, Вальденбурге, Мюнхене, Буркштадте, Элинитсе, и, наконец, Лейпциге (последние три саксонские города).

Кроме того, левые получили большинство на областных конференциях Бадена, Пфальца и Саарской области.

За центр высказались:

Окружная конференция Восточной Пруссии, районная конференция в Галле, а также несколько конференций в Хемнице.

Таким образом, левому крылу на предстоящем в ближайшеее время партийном съезде обеспечено большинство.

В первом легальном номере „Роте Фане" от 1-го марта помещено воззвание к рабочим, заканчивающееся следующим призывом:

„Коммунистическая партия не даст себя испугать насилием или заменить демократическими сладостями. Она идет во главе пролетариата, твердо направив свой взор к своей цели в полном сознании своей обязанности крепко держать связь с массами, всегда с массами бороться, всюду массами руководить. Будь то в подполье или при открытом существовании, будь она легальна или нелегальна, коммунистическая партия Германии всегда останется смертельным врагом буржуазного порядка, защитником и авангардом всех угнетенных, всех трудящихся. Ее боевой клич останется кличем, раздавшимся еще в дни первого ее выступления:

Долой диктатуру буржуазии! Долой направленное против пролетариата чрезвычайное положение!

Да здравствует пролетарский фронт отпора наступлению капитала!

Да здравствует революционная борьба за освобождение пролетариата!

Да здравствует пролетарская диктатура!"

Р. Стюарт.

Рабочее правительство в Англии.

В апреле 1919 года Джемс Рамсей Макдональд, нынешний премьер-министр Великобритании, поместил в „Юманите“ передовицу, в которой он выражал сожаление по поводу возникновения III Интернационала и утверждал, что фактически не было никакого повода для разрыва с II Интернационалом. Он писал:

„Меня, лично, этот факт глубоко огорчает,—ведь, социалистический Интернационал в настоящее время достаточно открыт для всех видов социалистической мысли, и, несмотря на все теоретические и практические несогласия, порожденные в нем большевизмом, я не вижу причин, почему левое крыло его должно отделиться от центра и образовать самостоятельную группу. Прежде всего нужно помнить, что мы переживаем еще период родов революции. Формы власти, возникшие в результате политических и социальных потрясений, вызванных войной, еще не оправдали себя и не могут быть рассматриваемы, как окончательно установленные“.

Далее он указывает, что, „когда в России вспыхнула социалистическая революция, никто не подозревал, что Советы займут в правительстве то место, которое они завоевали с тех пор“.

Отвечая Макдональду, т. Ленин писал:

„Рамсей Макдональд, как видит читатель, старается доказать ненадобность раскола. Напротив, именно его неизбежность вытекает из того, как рассуждает Рамсей Макдональд, этот типичный представитель II Интернационала, достойный соратник Шейдемана и Каутского, Вандервельде и Брантинга и т. д., и т. д.

Статья Рамсея Макдональда есть лучший образчик тех гладких, благозвучных, шаблонных фраз, повидимому, социалистических, которые во всех передовых капиталистических странах издавна служат для прикрытия буржуазной политики внутри рабочего движения“.

Утверждение, что роль, которую играли Советы в России, была непредвиденной, было опровергнуто Лениным, как „буржуазная ложь“: задолго до захвата власти советами, большевики именно предвидели ту роль, которую сыграют Советы...

Ныне гр. Макдональд — этот буржуазный оппортунист и филистер, которого так безжалостно клеймил Ленин,—является первым министром Георга V, короля Великобритании и ее заокеанских доминионов и выполняет роль агента британского империализма.

Какова политика, которую вели и ведут Макдональд и его драгоцен-

ное рабочее правительство? Для чего заседают в „рабочем кабинете“ этот хитрый прожектёр со своими виконтами и лордами?

Макдональд уже перестает даже думать о социализме. Пацифисты 1914—18 гг. в роде Лича (Leach) из Независимой рабочей партии защищают теперь и подготовляют расширение и **усиление воздушного флота**, этого наиболее удобного орудия для кровавого подавления восстающих народов британских колоний.

В первые же дни своего прихода к власти **Макдональд обратился к индийским националистам с предостерегающей нотой**, в которой он писал, что **не допустит никакого насильственного нарушения конституции и законов**, на основании которых Великобритания управляет своими колониями и доминионами.

Вот уж подлинно, собака лает, как хозяин велит. Независимая рабочая партия, чьим идеологическим наставником Макдональд состоял в течение многих лет, и которая, подобно своему учителю, раболепствует перед капиталистами, позволяет редактору своего официального органа „Нью Лидер“—Брэйльсфорду—выступать против железнодорожников, бастующих в целях улучшения своего положения. Даже Лэнсбери,—пустой, сентиментальный Лэнсбери,—приглашен читать рабочему классу проповеди о необходимости терпения и рассудительности, дабы рабочее правительство не встретило в своей работе никаких затруднений. Тупые, но рассчетливые „вожди“ рабочего движения даже и не помышляют о том, чтобы их правительство активно стало на сторону рабочих и боролось за их интересы против капиталистов.

К счастию, есть указания на то, что **рабочие не будут сохранять терпение**. Железнодорожники, по крайней мере, часть их, объявили забостовку, и, несмотря на то, что большинство рабочих, занятых на железных дорогах, их не поддержало, они сумели предотвратить на некоторое время снижение заработной платы. За ними забастовали докеры, отрезавшие подвоз продовольствия из всех портов Соединенного Королевства и добившиеся повышения заработной платы. Следующими будут горнорабочие, решившие отказаться от продления соглашения с предпринимателями, на основе которого они работали за мизерную плату со времени своего тяжелого положения в 1921 году.

Какую позицию занимают прежние защитники бастующих—вожди рабочего движения—в этой борьбе? Ту же, что занимал Ллойд-Джордж Представляя интересы „нации“ и „общества в целом“, они настаивают на мнимой нейтральности. Они (зачастую, при соучастии вождей бастующих) организуют штрейкбрехерство, препятствуя приостановке некоторых важных функций, как, например, перевозка почты и т. д. Вот что, например, ответил бывший постоянный функционер федерации горнорабочих Великобритании Веррисон Хартсгорн на запрос в палате общин по поводу задержания бастующими докерами американской почты в Плимуте:

„Я полностью учитываю важность этого дела. Я весьма сожалею о том, что в отправке почты из Плимута произошла задержка. Рассылка по всей стране заграничной почты является насущной потребностью нации, и правительство принимает необходимые меры для гладкого функционирования этого аппарата. **Могу заверить досточтимых джентльменов, что принятые меры обеспечат отправку почты без всякой дальнейшей задержки**“.

Что это, как не типично буржуазный образчик парламентаризма и несомненное доказательство того, что рабочие министры и в дальнейшем будут пользоваться рабочим министерством, как штрейкбрехерским агентством? Да, этой публике ничего не стоит договориться с профсоюзными вождями, которые являются кровью от ее крови и плотью от ее плоти? Но рабочие переходят в наступление и продолжают экономическую борьбу. Забастовки разоблачают подлинный характер вождей Рабочей партии и их правительства лучше любого пропагандистского аргумента. Макдональд хитер и коварен, как говорил Ленин, но его действия труднее будет истолковывать в разных смыслах, чем его слова. А влияние Коммунистической партии и все нарастающее движение меньшинства в союзах горнорабочих, металлистов и других мы используем для разоблачения позиции „и нашим, и вашим", занимаемой этими вождями II Интернационала, от которого они, по словам Макдональда, готовы отречься, как только его решения станут противоречить интересам Британской империи.

Г. Войтинский.

Партия Гоминдан и китайская революция.

В январе этого года народно-демократическая партия Китая Гоминдан, впервые за 20 лет своего существования, созвала конгресс и приняла устав и программу. Это следует расценивать, как событие большой важности для национального движения Китая. То, что партия Гоминдан, подготовлявшая и проводившая революцию 1911 года, не имела до сих пор ни программы, ни устава, ни регулярного списка членов и не вела политической пропаганды, а занималась исключительно вооруженной борьбой против китайских милитаристов, особенно усилившихся с помощью мирового империализма после революции 1911 года, заставляло многих думать, что партия Гоминдан немногим отличается от партии северных милитаристов, Бэйянской партии.

Китайские массы в последние несколько лет, до прошлого года, также перестали видеть разницу между военными действиями Сун-Ят-сена, вождя партии Гоминдан, и У-Пей-фу, Цао-куня или Чжан-Цзо-лина, принадлежащими к партии Чжили, являющейся орудием соперничающих между собой империалистических групп в Китае.

Массы не могли видеть разницы между освободительным движением, руководимым Сун-Ят-сеном, и военными походами и междуусобной войной разных дудзюнов (феодальных князьков Китая), по той простой причине, что партия Гоминдан не выявляла достаточно четкой линии по отношению к империализму в Китае и не искала связей с широкими массами трудового населения в городах и с крестьянами в деревнях.

Поэтому и военные успехи не давали Сун-Ят-сену возможности укрепляться на той территории, которою он овладевал. Его правительство не имело корней в населении, и его войско не составлялось из трудовых масс Китая, знающих, что они борются за национальное освобождение. Войско партии Гоминдан нанималось из безработных элементов городов и пауперизированных крестьян.

Стоило лишь Сун-Ят-сену потерпеть военные поражения, как его правительство свергалось; Сун-Ят-сен снова делался политическим эмигрантом, а партия Гоминдан переставала быть политическим фактором в большинстве провинций Китая. Так было в 1920 г., когда Сун-Ят-сену удалось на время захватить Кантон, так было в 1922 г., когда один из его ближайших соратников и член партии Гоминдан, ген. Чен-Цзюн-мин, ему изменил и вошел в контакт с У-Пей фу, находящимся под влиянием англо-американского капитала.

Однако, волна освободительного движения в Китае, начавшая разливаться по всей стране после мировой войны и Версальского мира, не могла не повлиять на партию Гоминдан. Версальский мир узаконил захватническую политику Японии, выразившуюся в известном 21 требовании [1], а также принял по отношению к Китаю американский принцип „открытых дверей“, т. е. доступа в Китай американского империализма на равных правах с другими империалистами.

С другой стороны, молодая коммунистическая партия Китая, организовавшаяся в 1920 г. и уже успевшая связаться с рабочими массами, давшая свои жертвы в первой грандиозной забастовке Китая, в феврале прошлого года на Пекин-Ханькоуской ж. д., еще в 1922 г. выпустила манифест к демократическим организациям Китая, предлагая единый фронт против империализма, за демократизацию страны, против отечественного милитаризма.

Китайская коммунистическая партия стремилась связаться с Гоминдан, чтобы повлиять на нее в сторону оформления национального движения, как движения антиимпериалистического, с одной стороны, и уничтожающего остатки феодализма и демократизирующего страну—с другой.

Нелегко было молодой коммунистической партии, основная задача которой в данное время заключается в том, чтобы способствовать кристаллизации нарождающегося пролетариата, создавать и развивать рабочие классовые организации,—нелегко было этой партии, еще малочисленной и незакаленной в борьбе, понять и проводить в жизнь другую задачу, данную ей Коммунистическим Интернационалом—суметь сочетать классовую пролетарскую борьбу с национальным движением в стране.

Однако, Компартия Китая приступила к выполнению этой задачи и с честью ее выполняет. По инициативе и при участии китайской Компартии созывался первый конгресс национальной партии Гоминдан, при участии и с помощью китайской Компартии была выработана программа Гоминдан, в которой основные принципы этой партии: национализм, демократизм и государственный социализм, интерпретируются таким образом, чтобы способствовать развертыванию национального движения с юга Китая на север, вовлекая в борьбу против империализма широчайшие массы трудового населения городов и крестьянства.

В манифесте партии Гоминдан, принятом 20 января сего года на первом ее конгрессе, между прочим, говорится:

„Гоминдан не может не продолжать бороться всеми силами за освобождение китайского народа от двоякого гнета, опираясь на широкие массы крестьян, рабочих, интеллигенции и среднего торгового класса. Национализм для каждого из этих слоев означает уничтожение гнета иностранного империализма. Если для торгово-промышленных слоев национализм означает избавление от иностранного экономического гнета, исключающего возможность развития национального хозяйства, то для трудовых слоев национализм означает избавление и от ставленников империализма, милитаристов и капиталистов как иностранных, так и национальных, хищнически эксплоатирующих их жизненные интересы. Вся задача борьбы за национальное освобождение для широких народных масс заключается в антиимпериализме.

Партия Гоминдан покажет на деле, что там, где империализм в результате национальной борьбы ослаблен, массы получают возможность лучшего развития и укрепления своих организаций для дальнейшей борьбы. Гоминдан докажет, что его принцип национализма воплощает в себе понятие здорового антиимпериалистического движения; для этого он должен всеми силами поддерживать организации народных масс, этим самым развязывая национальную энергию. И только в глубокой связи с массами Китая залог достижения действительной национальной независимости страны“.

Тот, кто знаком с деятельностью Гоминдана за последние несколько лет, не может не сказать, что такого рода понимание национализма свидетельствует об огромном сдвиге в идеологии и тактике этой партии. Не менее знаменателен и другой пункт манифеста, где говорится о демократизме:

„В условиях современного общества так-называемый демократизм вырождается в систему и аппарат угнетения народных масс буржуазией. А демократизм Гоминдана—это народовластие всего народа, а не только меньшинства его. Демократизм Гоминдан рассматривается не с точки зрения „врожденных прав человека вообще“, но как принцип, соответствующий революционной потребности в данное время в Китае. Власть принадлежит только гражданам республики и очевидно, что нельзя давать власть противникам революции. Точнее говоря, в то время как всеми правами и свободами должны пользоваться те элементы населения и организации, которые стоят на платформе действительной борьбы против милитаризма,—эти свободы ни в коем случае не распространяются на те элементы и организации в Китае, которые способствуют иностранным империалистам и их ставленникам—китайским милитаристам“.

Само собой разумеется, что от обещания национальной партии до желания и умения выполнить обещанное—дистанция огромная. Нет сомнения в том, что в широких массах китайского народа эти принципы найдут глубокий отклик и будут содействовать сплочению масс вокруг Гоминдана, поскольку он поведет борьбу против империализма.

Не менее важна с точки зрения революционизирования масс и вовлечения их в борьбу против империализма программа-минимум Гоминдана, в которой, между прочим, имеются следующие пункты:

„1. Все договоры между Китаем и другими державами, благодаря которым в Китае было установлено и поддерживаемо право экстерриториальности, иностранная юрисдикция или иностранные суды,

[1] Эти требования были предъявлены японским послом в Пекине китайскому президенту Юаншикаю в 1915 году. Главные из них: Шаньдунская провинция и порт Киао-Чао переходят к Японии. Япония получает преимущественные права на эксплоатацию природных богатств Китая, Японии предоставляется право контроля над китайскими жел. дорогами и т. д.

точно так же, как и договоры, дающие иностранным державам право управления таможней в китайских портах, равно как и всякие другие договоры нарушающие суверенитет Китая, должны быть отменены. Вместо них должны быть заключены новые договоры на основе полного равенства с другими державами и полного уважения ко взаимному суверенитету".

И дальше 5-й пункт, гласящий:

„Долги, заключенные неответственными правительствами, подобными правительству, ныне захватившему национальную власть в Пекине, долги, идущие не на увеличение благосостояния народа, но для поддержки и продолжения милитаристской тирании, подкупов и частной наживы, не будут оплачиваемы китайским народом.

Державы и все заинтересованные лица, дающие подобные займы, настоящим предупреждаются о том риске, которому они подвергаются".

В области внутренней политики партия Гоминдан в своем манифесте обещает борьбу против дудзюната (система военных генерал-губернаторов), облегчение крестьянского налогового бремени, содействие крестьянам в переселении и культивировании новых земель, всеобщее избирательное право, рабочее законодательство, свободу печати, слова и т. д., всеобщее образование.

Нельзя сказать, чтобы такого рода программа была приемлема для всех членов Гоминдана. Часть этой партии состоящая из представителей торгового капитала, находящихся со времени китайской революции на Филиппинских островах, на Яве, в Сингапуре, сделавшихся одновременно отчасти землевладельцами, отчасти промышленниками и, благодаря финансовой поддержке, оказываемой ими партии, еще продолжающие иметь влияние в Гоминдане, будет против такого рода демократизма. При помощи своих сторонников они несомненно будут тянуть Сун Ят-сена назад. Вот здесь Коммунистическая партия Китая и должна будет показать свое уменье поддерживать левое крыло Гоминдана, разоблачать малейшую ошибку националистов, могущую вести к отрыву от масс, что в условиях Китая, страны полуколониальной, означает сближение с империалистами.

Нам думается поэтому, что устав, чрезмерно централизующий партию, может в будущем стать опасным для левых элементов Гоминдана и в процессе дальнейшего развития может превратить Гоминдан в чисто-буржуазную партию, национальную в ином смысле, чем этого требует манифест ее первого конгресса.

Задача наших товарищей китайских коммунистов состоит в том, чтобы внутри Гоминдана добиваться большего демократизма, дабы иметь больше простора для маневрирования левыми элементами Гоминдана.

Во всяком случае, начинается новая фаза в национально-освободительном движении Китая, чреватая крупнейшими последствиями.

Тивель.

Вопросы индийской революции.

Когда думаешь:

В Индии 320 миллионов населения, народы Индии имеют за собой могучую тысячелетнюю культуру; природные богатства страны колоссальны; в XVII—XVIII веках Индия была богатой промышленной страной, вывозившей даже в Европу большое количество мануфактуры,—встает основной вопрос:

Каким образом англичанам удалось овладеть страной, распространить свое влияние на всю огромную территорию Индостана, почти равную Европейской России, держать в течение 2-х веков народы Индии в угнетении, препятствовать экономическому развитию страны?

Разрешение этого вопроса необходимо для уяснения современного политического положения, для понимания характера и перспектив индийского национального движения.

Территория Индии никогда не находилась под единой властью. Нужно помнить, что и до сих пор Индия отнюдь не представляет собой единого целого ни в национальном, ни в этнологическом, ни в религиозном отношениях. На полуострове Индостана мы находим представителей почти всех человеческих рас. Пестрота языков, наречий—их в Индии 360—и религий оставляет далеко за собой многообразие Европы. При нормальном ходе экономического развития Индия представляла бы собой ряд отдельных государств, весьма разнящихся друг от друга в экономическом и в культурном отношении: Бенгал и восточное побережье Индии с богатыми залежами железа и угля, и аграрный Пенджаб или Синд,—их развитие сложилось бы совершенно различно.

Когда англичане в поисках источников сырья появились в XVII веке в Индии, страна находилась в состоянии бесконечных феодальных войн. Мирное развитие земледелия и ремесла, оживленная внутренняя и внешняя торговля сильно страдали от междоусобиц и дворцовых переворотов. Но туземный торговый капитал, хотя уже подчинивший своему влиянию феодальных властителей, ссужая их средствами для ведения войн, был еще слишком слаб, чтобы вырвать политическую власть из рук феодалов, сила которых уже клонилась к упадку; он еще не был достаточно развит, чтобы положить начало созданию национальных государств.

Но эта революция близилась. Третье сословие, и ремесленники, и земледельцы, жаждали конца феодальной анархии. Торговый капитал должен был рано или поздно притти к власти. И когда в стране появились представители могучего торгового капитала, капитала английского, им удалось, при поддержке местного, торгового капитала, при молчаливой поддержке масс крестьян и ремесленников, эту революцию осуществить. Власть из рук феодалов перешла в руки пред-

ставителей торгового капитала, но это был капитал не местный, а чужеземный.

В первый период своего проникновения в страну англичане явились революционерами, но этим периодом их революционизирующая исторически прогрессивная роль и закончилась [1]). Плоды этой революции обратились не на пользу туземного торгового капитала, не для дальнейшего экономического и социального развития страны; они были целиком использованы в интересах иностранного капитала. Процесс экономического развития Индии был извращен, приостановлен, обращен вспять. Ремесло было разрушено, хотя оно еще не уступило место машинному производству, а было только стеснено товарами иностранного происхождения. Индийские купцы оказались отрезанными от своих обширных иностранных рынков и превратились в посредников и агентов английского капитала Земледелие постепенно было также вовлечено в орбиту капиталистического влияния, но лишь в отношении характера использования продуктов земледельческого труда и выбора рода культуры. Землевладение попрежнему оставалось мелким, землепользование — малокультурным, но крестьянин—мелкий арендатор (в Индии вся земля принадлежит государству и сдается в аренду или непосредственно земледельцам, или крупным арендаторам, которые сдают ее мелкими участками дальше) вынужден был возделывать не то, что ему было выгодно, а те продукты, которые нужны были английской промышленности — хлопок, технические растения. И все продукты его труда становились предметом торговой спекуляции. Таким образом, земледелие подвергалось всем отрицательным сторонам капиталистического воздействия, не пользуясь его положительными сторонами, — улучшением способов обработки, прекращением раздробления обрабатываемой земли, препятствующей введению рациональных методов.

Однако, процесс экономического развития страны не мог быть приостановлен навсегда. Туземные купцы в роли посредников и крупные арендаторы обросли капиталом, который они могли применить только в промышленной области. Внешний рынок был для них закрыт, земледелие не давало простора для деятельности. И туземная промышленность начинает развиваться,—медленно, мучительно, с трудом преодолевая сопротивление англичан.

Некоторые отрасли промышленности — горная, которая захвачена англичанами, кораблестроительная, которая была просто запрещена, железнодорожное строительство и эксплоатация жел. дор., — это право принадлежит только государству,—до сих пор закрыты для местного капитала. С тем большей интенсивностью стали развиваться другие отрасли, главным образом текстильная — обработка хлопка, шерсти, джута и металлургическая.

Война 1914 — 18 гг., временно лишившая англичан возможности интенсивно использовать Индию, как рынок сбыта и до известной степени как источник сырья, заставила их ослабить вожжи. Индийская промышленность получила сильный толчок к развитию и развернулась чрезвычайно быстро. В третьем десятилетии XX века Индия оказалась одной из 8-ми величайших промышленных стран мира.

[1]) Подробно об этом процессе см. в книге т. Роя—„Новая Индия“, Госиздат, 1922 г.

Экономический рост страны естественно сопровождался развитием национального самосознания индийской буржуазии и интеллигенции. Индийская интеллигенция, фактически порожденная самими англичанами, в результате оказалась застрельщиком антианглийского движения. Когда англичане укрепились в стране, они нуждались в человеческом материале для обслуживания своего административного и торгового аппарата, в проводниках своего культурного влияния. Они открыли большое количество школ и создали обширный класс интеллигенции, воспитанной на английской культуре и служившей англичанам опорой и противовесом против реакционных феодальных, консервативных слоев туземного общества.

Но по мере того, как укреплялась экономическая база для борьбы за автономию, индийская интеллигенция ту же самую идею конституционности и демократии, которую она усвоила, воспитываясь на английской культуре, обратила против англичан, требуя применения конституционности и демократии и у себя на родине.

Индийское национальное движение зародилось, как движение национальной буржуазии, руководимое и идеологически оформленное индийской интеллигенцией. От этого конституционного и лояльного движения скоро отделилось движение мелкой буржуазии и радикальной интеллигенции, которым было не по пути с крупной и средней буржуазией и бюрократической интеллигенцией, договаривающимися с англичанами на основе раздела политической власти между капиталом английским и капиталом индийским. Мелкая буржуазия и низшие слои интеллигенции пошли своим путем, начав свое национальное движение с терроризма, а в дальнейшем служа основой движения пассивного сопротивления и бойкота.

Параллельно с ростом промышленности шло создание индийского рабочего класса, у которого только теперь начинает формироваться чувство классового самосознания, и который лишь в самое последнее время начинает оказывать влияние на политическую жизнь страны.

Совершенно самостоятельно развивается крестьянское движение, насчитывающее уже несколько десятилетий. В последние годы оно было вовлечено в общенациональное движение бойкота.

Из взаимодействия этих четырех движений — буржуазии крупной и средней, буржуазии мелкой и радикальной интеллигенции, рабочего класса и крестьянства складывается борьба Индии за национальное освобождение. Уже самое сочетание таких элементов, интересы которых противоречат друг-другу, делает процесс этой борьбы чрезвычайно сложным, зигзагообразным, что отчасти и объясняет это изумительное историческое явление:

Полтораста тысяч иностранцев (таково число англичан в Индии) в течение двух веков держат в экономическом, социальном, культурном, политическом угнетении население в 320 миллионов.

М. Зеликман.

Рабочее движение в капиталистических странах.

(Обзор за февраль.)

Начало текущего года может быть характеризовано тем, что отдельные пролетарские отряды то здесь, то там начинают переходить от обороны к наступлению. Но наступление рабочего класса наталкивается на организованное сопротивление капиталистов, ободренных своими успехами в борьбе против рабочего класса в течение истекшего года, в особенности последней четверти его, когда движение германских революционных рабочих было сломлено объединенным фронтом всех «живых сил» Германии от Секта-Стиннеса до Эберта-Гильфердинга включительно.

Среди наступательных вылазок пролетариата за февраль текущего года первое место занимают английские рабочие. Едва успела закончиться железнодорожная забастовка, как началось движение докеров, забастовавших 16-го февраля. Но забастовку докеров нельзя рассматривать, как изолированный от движения других частей английского рабочего класса акт. Наоборот, эта забастовка тесно связана с тем, что происходит в английском рабочем классе. А в нем происходит движение не только среди работающей армии, но и в армии безработных. Безработица охватывает 10—11% всех организованных рабочих (на 11 февраля по официальным данным зарегистрировано 1.153.000 безработных). Она превратилась в обыкновенное для Англии явление. Между тем, до войны безработных обыкновенно числилось в среднем от 1,2 до 2% организованных рабочих. Поэтому вопрос о безработице является для Англии одной из основных проблем.

С приходом к власти Рабочей партии эта проблема принимает особую остроту. Английские рабочие не лишены, как известно, иллюзий на счет так называемого рабочего правительства. Поэтому, мы наблюдаем теперь среди английских рабочих движение, напоминающее некоторым образом движение среди рабочего класса Англии почти сто лет тому назад, когда английские рабочие апеллировали к либеральной части английской буржуазии, предъявляя ей ряд требований, названных «хартией» отчего само движение получило название чартистского движения). Подобное «чартистское» движение происходит сейчас среди безработных.

7-го февраля была выпущена программа требований, выдвинутая Генеральным Советом Конгресса трэд-юнионов и Комитетом организации безработных. Эта программа, прозванная «хартией безработных», является одним из первых выступлений объединенного совета обеих организаций, основанного после последнего конгресса трэд-юнионов, на котором было положено начало совместной деятельности Генерального Совета и организации безработных. «Хартия» эта состоит из следующих 6 пунктов:

1) Работа или достаточное содержание для всех безработных. Усиление государственного пособия, которое должно выдаваться через профсоюзы. Дело пособий безработным не должно больше находиться в руках управления по делам помощи бедным.

2) Немедленное проведение в жизнь правительственных планов организации работ, на которых должны быть заняты безработные для работы по своей специальности по ставкам трэд-юнионов и на тех же условиях, что и члены трэд-юнионов.

3) Создание государственных мастерских по выработке предметов для надобностей государственных учреждений и для их обслуживания.

4) Уменьшение рабочего дня, с тем, чтобы дать работу безработным: нормальный рабочий день должен устанавливаться согласно требований данного производства.

5) Создание профессиональных школ для безработных, где они смогут учиться, получая при этом содержание. Школы создаются, главным образом, для безработных подростков и инвалидов—участников войны.

6) Снабжение рабочих жилищами по их средствам.

Одновременно с хартией конгресс трэд-юнионов и организация безработных выпустили воззвание к членам профсоюзов и рабочей партии и ко всем живущим наемным трудом с призывом поддержать эти требования.

Эта программа требований, предъявленная безработными, ставит правительство Макдональда в довольно затруднительное положение. Рабочее правительство не спешит пойти навстречу требованиям рабочих масс. Вопрос об увеличении пособий и о реорганизации самой системы страхования—о передаче дела страхования из рук «попечительств о бедных» в руки классовых рабочих организаций—остается открытым. Правительство в своих официальных заявлениях (программная речь Макдональда, беседа Клайнса с представителями муниципалитетов крупных промышленных центров) указывает, что оно прежде всего будет заботиться об улучшении положения торговли и промышленности, что де приведет «к коренному разрешению» вопроса. Но эти объяснения не удовлетворяют безработных. Разговорами об общем улучшении положения страны либеральное и консервативное правительства кормили их слишком долго, от рабочего правительства безработные настойчиво ждут немедленного облегчения своей участи. Но этого-то сделать не может такое рабочее правительство, какое имеется сейчас в Англии.

При таком положении дел среди рабочих масс Англии союз транспортников и чернорабочих постановил объявить с 16-го февраля забастовку во всех английских портах, если к тому времени не будет достигнуто соглашение с всеанглийским советом предпринимателей, пользующихся трудом портовых рабочих. Четырехдневные переговоры между докерами и предпринимателями не привели ни к каким результатам, в виду отказа предпринимателей выполнить требования докеров, т.-е. увеличения заработной платы на 2 шиллинга в день с тем, чтобы дневной минимум для крупных портов составлял 12 шиллингов и для мелких портов—11 шиллингов, при соответствующем увеличении сдельной заработной платы и гарантированной неделе для всех зарегистрированных докеров. Удовлетворение этих требований увеличило бы заработную плату в целом на 2 миллиона фунтов стерлингов в год для $^1/_2$ миллиона докеров, в то время, как доходы портовых предпринимателей составляют около 19 миллионов фунтов стерлингов в год.

Требование докеров дают значительный простор для соглашения и в общем они сводятся к следующему:

1) Заработная плата должна быть не ниже бывшей до сентября 1922 года

2) Нужно ввести новую расценку сверхурочных работ.

3) Заработная плата не должна автоматически изменяться при повышении или понижении товарного индекса.

4) Должна быть гарантирована определенная недельная заработная плата, независимо от количества фактически проработанных дней.

Эти требования союза поддерживаются родственными союзу организациями. Общее число членов заинтересованных союзов достигает миллиона человек, но помимо докеров они объединяют также значительное число рабочих других категорий. Так, например, союз транспортников и чернорабочих, число членов которого достигает 300.000 человек, имеет в своем составе только около 100.000 докеров.

В ответ на эти требования предприниматели предложили 1 шиллинг увеличения зарплаты, относительно же 2-го шиллинга выразили согласие передать этот вопрос на рассмотрение арбитражного суда и по отношению к вопросу о гарантированной неделе—созвать конференцию для его разрешения. Эти предложения были отвергнуты докерами, и 16-го февраля во всех портах Великобритании бастовало свыше 125.000 рабочих.

С самого начала забастовки докеры показали небывалую в истории их

союза солидарность. *Во всех портах одновременно прекратилась работа. Рабочие с величайшей решительностью заявили об их намерении бороться до конца*, не отступая ни на один шаг. Бастующие пользовались симпатиями всего рабочего класса Англии. В Ливерпуле, в знак солидарности, 2.000 кладовщиков и несколько сот рабочих буксирных пароходов прекратили работу. Рабочие буксирных пароходов других портов последовали примеру ливерпульских товарищей. В Глазго рабочие, непосредственно связанные с докерами, отказались служить в качестве штрейкбрехеров. Железнодорожники Шотландии заявили, что в случае привлечения штрейкбрехеров, они немедленно примкнут к бастующим докерам. В Саутгамтене 500 истопников из 600 прекратили работу в знак сочувствия докерам. В Бракдфорде 1.600 транспортных рабочих заявили о своей готовности поддержать бастующих докеров всеми возможными мерами. 18-го февраля большинство рабочих союза грузчиков кораблей в Лондоне, вопреки инструкции своего союза продолжать работу, на работы не явились и те, которые явились, были допущены к работе бастующими докерами в виду их незначительного количества.

В первый день забастовки в отдельных портах портовые предприниматели пытались сорвать забастовку. В одних случаях, предлагая немедленную прибавку в 1 шиллинг, в других—предлагая 2 шиллинга. Но все эти предложения были отвергнуты рабочими, которые не желали заключить частичные соглашения с работодателями.

На состоявшемся 19-го февраля экстренно созванном Генеральном Совете профсоюзов было единогласно заявлено о полной солидарности с бастующими докерами и все объединенные профсоюзы призывались всемерно содействовать бастующим докерам, для того, чтобы обеспечить полную победу. В рабочих кругах эти резолюции считались особенно важными для поднятия духа бастующих.

Английское правительство не смогло оставаться в качестве лишь постороннего зрителя. Оно вмешалось тем, что начало искать «начало всех начал» забастовки. 19-го февраля министром труда—Шоу была назначена комиссия по расследованию причин забастовки. Комиссия сохраняет за собой право допрашивать всех, но не носит характера арбитражного суда, и решения комиссии не обязательны. Эта комиссия занялась своей исследовательной работой не без участия тех 51 пароходных обществ, которые представлены в английской палате общин 24 депутатами.

20-го февраля велись беспрерывные переговоры между представителями союза докеров и предпринимателями, 21 утром пришедшими к соглашению, которого нельзя считать победой докеров. Условия соглашения таковы: 1) заработная плата увеличивается на 1 шиллинг немедленно, а с 2-го июня с/г. увеличивается еще на 1 шиллинг в день и 2) согласие предпринимателей на 44-часовую рабочую неделю. Эти условия, которые лидеры докеров считают удовлетворением на 98% требований бастовавших, встретили дружный отпор среди докеров. Но на ряде митингов, проведенных по всей стране среди бастовавших докеров, лидерам удалось получить согласие большинства на прекращение забастовки на указанных выше условиях.

Во *Франции* февраль месяц прошел в проведении среди рабочих лозунга Унитарной Конфедерации Труда *о повышении заработной платы* на 6 франков в день или 1.800 франков в год. Это движение за повышение заработной платы встретило живой отклик массы рабочих и служащих, среди которых почти стихийно вспыхивают забастовки на почве требования увеличения заработной платы. Это *движение идет параллельно с падением курса франка и ростом дороговизны*. За год оккупации Рура франк сделал следующий скачек: 16-го февраля 1923 г. за фунт стерлингов платили 77 франков, 15-го т/г.—96,7 франка. С тех пор франк продолжал падать. За этот же период цены продуктов поднялись почти вдвое. Так, например, стоимость 100 кило картофеля поднялась с 28 до 48 фр., сахар с 191 фр. до 283, масло с 1.200 до 1.700 (за 100 кило). В такой же приблизительно пропорции возросли цены на одежду, обувь и т. п. Кроме этого, последний закон о квартирной плате поднимает ее на 80%. Если ко всему этому прибавить проведенный правительством закон о повышении всех налогов на 20%, то понятно будет, насколько все это отражается на положении трудящихся.

Для отпора дружному наступлению капиталистов требуется единодушный отпор рабочих масс. Это единодушие во Франции еще труднее сорганизовать, чем в какой-нибудь другой стране. Но, несмотря на сопротивление вождей реформистской Конфедерации Труда, массы заставляют вожаков конфедерации осуществить единый фронт. 17-го февраля состоялось совместное заседание представителей Унитарной и Реформистской Федерации строительных рабочих. Обе эти федерации сошлись на том, что необходимо восстановить единство всех строительных рабочих. Основой соглашения является Амьенская программа, из которой, однако, реформисты стремятся вытравить революционные пункты. Созыв объединительного съезда предполагается на 4-е мая т/г.

В борьбе французских рабочих следует отметить за февраль *забастовку сапожников*, охватившую рабочих 70 обувных фабрик. Забастовка проходила очень дружно и штрейкбрехеров почти не встречалось. Главное требование—увеличение заработной платы. Рабочие достигли увеличения от 12 до 25 франков в неделю в зависимости от специальности. Кроме того, в некоторых предприятиях рабочим удалось добиться оплаты недельного отпуска в году, а в некоторых, сверх того, *признания предпринимателями фабрично-заводского комитета в качестве официального представителя рабочих, регулирующего вопросы тарифов и внутреннего распорядка*.

В *Польше* промышленный кризис, еще более обострившийся последние месяцы вследствие попытки польского правительства стабилизировать марку, вызвал усиленный натиск капиталистов на рабочих. Это наступление капитала в Польше имеет двоякий характер: вследствие депрессии в экономической конъюнктуре происходит или полное закрытие фабрик или сокращение производства на продолжающих работать, это, так-сказать, «естественная» причина, а к ней прибавляется сознательное стремление предпринимателей использовать благоприятную ситуацию для наступления на рабочих.

Такое положение на польском рынке труда объясняет одну из причин *огромной безработицы в Польше*. Газеты переполнены сообщениями *о новых сокращениях штатов* на различных фабриках и заводах и новом усилении безработицы.

Но для того, чтобы ясно представить себе картину безработицы, необходимо к числу бесспорно безработной массы прибавить еще и те массы рабочих, которые заняты всего один-два дня в неделю, не говоря уже о тех (а к ним принадлежит громадное большинство), которые заняты только три дня в неделю.

Приблизительную картину безработицы в текстильной промышленности можно себе представить по данным статистического отдела лодзинского магистрата, опубликованным в первых числах февраля. Согласно этим данным:

6 дней в неделю работает 8% общего числа рабочих.
5 дней в неделю работает 2% общего числа рабочих.
4 дня в неделю работает 12,5% общего числа рабочих.
2—3 дня в неделю работает 40% общего числа рабочих.
1 и совсем без работы—37,5% общего числа рабочих.

Более или менее полную картину сокращения производства в различных областях промышленности дают нижеприведенные цифры, почерпнутые нами из интервью председателя центрального союза промышленников, помещенного в «Речи Посполитой». По сравнению с декабрем 1923 г., производство сократилось: в текстильной промышленности—на 40%, в металлообрабатывающей—на 60%, в химической—на 60%, в стекольной—на 62%.

Начиная с января 1924 года, стоимость продуктов первой необходимости стала резко догонять довоенную стоимость для того, чтоб значительно ее обогнать уже в конце месяца. Так, в первой половине января цены на продукты первой необходимости достигают 109% довоенных, во второй половине января уже 128%, а в начале февраля свыше 135%.

Небольшими отрядами повести успешную борьбу при этих условиях рабочий класс Польши не может. Поэтому сквозь строй пепеэсовских заграждений все больше просачивается стремление рабочих к установлению *единого рабочего фронта*. Более активные рабочие видят возможность подготовки единого фронта посредством созыва рабочего съезда. Поэтому лозунг рабочего съезда все больше проникает в рабочую среду, но осуществление созыва съезда еще стоит под вопросом, так как и сам съезд и подготовка к нему неминуемо встретит массу препятствий.

Тяжело попрежнему положение *германского пролетариата*. Безработица одолевает германских рабочих. О точном числе безработных

и работающих неполное время трудно получить точные цифры, и хваленая некогда немецкая аккуратность окончательно в этом отношении скомпрометирована теперь путаными сплошь и рядом статистическими данными. Например, газета Стиннеса «Deutsche Allgemeine Zeitung» от 1/I оценивает число безработных и работающих неполное время в 4—5 миллионов, а центральный орган германской социал-демократии, «Vorwärts», от 5/II отмечает, что к 13/I насчитывалось: 1.429.000 безработных и 400.000, работающих неполное время и получающих пособие.

Что касается заработной платы германских рабочих, то в нашем распоряжении имеются данные по январь, которые приводит официальный орган государственной статистики «Wirtschaft und Statistik» (№ 3, за первую половину февраля с. г.). Из этих данных видно, что с октября—ноября начался перелом в сторону медленного увеличения зарплаты, которая не только не достигала довоенного уровня, но еще не догнала даже высоты первой половины 1922 г. В виду огромного интереса, который представляет кривая изменения зарплаты, мы приведем из указанного выше источника следующую табличку, представляющую среднее недельной заработной платы в золотых марках:

МЕСЯЦЫ.	Квалифиц. рабочий.		Неквалифиц. рабочий.	
	В марках.	В %%.	В марках.	В %%.
1913 г.	35,02	100	24,31	100
Апрель 1922 г.	25,17	71,5	22,79	93,4
Октябрь „	19,20	54,8	17,19	70,7
Январь 1923 г.	17,05	48,7	15,45	63,6
Апрель „ „	25,96	74,1	23,34	96,0
Июль „ „	16,80	48,0	15,06	62,0
Октябрь „ „	18,22	52,0	15,74	64,8
Декабрь „ „	24,53	70,1	20,66	85,0

При анализе этих цифр не следует забывать, что они исчислены на основе официальных курсов и в действительности отстоят от реальной довоенной марки. Но приблизительную картину зигзагообразного движения зарплаты они все-таки дают. Рядом с данными о заработной плате мы находим в том же номере указанного источника показательные данные относительно снижения цен за последние три месяца. Следующая табличка показывает снижение цен на предметы первой необходимости (в триллионах бумажных марок):

Предмет.	Стоимость на		%% снижения (—) или повышения (+).
	26/XI—23 г.	4/II — 24 г.	
Питание	119,58	68,55	— 43
Отопление и освещение	13,99	11,43	— 18
Одежда	25,99	20,48	— 21
Жилище	1,15	7,98	+ 594
Всего	160,71	108,44	— 33

По отношению к этой таблице необходимо сделать ту же оговорку, что и к предыдущей, так как приведенными данными следует пользоваться, как ориентировочным материалом, а не как абсолютно точными итогами. В особенности это относится к переживаемому Германией периоду, когда судьба марки так изменчива и так часто подвергает германскую валюту мучениям «падучей болезни». О полной стабилизации марки еще пока не может быть и речи. Для этого придется раскошелиться германскому капиталу, который пока пытается спасать «свое отечество» за счет трудящихся масс. Это видно из тех тяжелых налогов, которые взвалены на плечи тех, кто живет своим трудом.

На налоговом обложении зарплаты останавливается подробно т. Геллейн в № 12 «Inprekorr» от 25 января с/г. Из проводимой т. Геллейном подробной таблицы мы возьмем несколько данных, характеризующих увеличение налогов в 1924 г. в сравнении с 1914 г. Тогда получим в процентах от дохода (в зол. марках):

Недельный заработок.	Налог в 1914 г.		Налог в 1924 г.	
	Холостой.	Семейный.	Холостой.	Семейный.
20 марок	1,1	—	4,0	2,8
40 „	3,1	2,6	7,0	4,9
57 „	3,7	3,1	7,9	5,5

В среднем получается, что налоговое обложение возросло вдвое по сравнению с довоенным, в то время как по официальным приведенным нами данным, заработная плата составляет всего лишь ²/₃ довоенной.

Приведенная выше таблица о зарплате дает среднее для всей Германии, но если остановиться на отдельных отраслях труда, то эти числа меняются. Например, для квалифицированного металлиста мы получаем 69,8% довоенной к началу т/г. И это отчасти объясняет то, что на происходившем в Касселе съезде металлистов (18—23 февраля) представители реформистов, с Дисманом во главе, должны были вести осторожную тактику и не слишком распоясаться, потому что хвалиться им особенно не чем было. Коммунистическое крыло насчитывало на этом съезде около 150 из 400 делегатов, среди которых «левые» с.-д. также насчитывали 150, а правые реформисты—100.

На этом съезде металлистов коммунисты предлагали «левым» с.-д. блок против правых, с условием выбросить последних из правления союза. Это предложение коммунистов было отклонено «левыми», и 252 голосами было избрано старое правление. Съезд подтвердил производимые ранее исключения коммунистов, но вместе с тем вынес порицание «Форвертсу» за его нападки на Межрабком и дал отпор раскольническому предложению реформиста Уриха о лишении мандатов группы коммунистических делегатов (60 мандатов). Несмотря на то, что союз металлистов насчитывает 25% безработных и 50% работающих неполную неделю, съезд ничего конкретного не предпринял, кроме общей резолюции о повышении выдаваемого пособия и сохранения 8-час. рабочего дня, хотя профсоюз металлистов чаще других союзов разрешал нарушение 8-мичасового рабочего дня. Не обошлось, разумеется, и без того, чтобы не лягнуть Профинтерн, что было выполнено Ильгом, представителем от амстердамского объединения металлистов.

Реформистские говоруны на сей раз оставили революционную фразу, стремились изолировать коммунистическое крыло, с которым они всячески избегали установить деловое сотрудничество.

В конце нашего обзора коснемся кратко конгресса Японской Федерации Труда и демонстрации китайских железнодорожников.

В начале февраля текущего года состоялся конгресс Японской Федерации Труда, на котором присутствовали 170 делегатов. В результате трехдневных дебатов конгресс вынес резолюции: 1) о борьбе против проведения

закона о преследовании социалистов, 2) протест против погромов в Корее и Камейдо и за организацию массовых митингов протеста, 3) за немедленное признание правительства СССР, 4) за образование новой специальной организации для поддержки забастовок, 5) за организацию новых отделов федерации: а) женского отдела и б) политического отдела в целях образования политической партии и для борьбы за рабочее законодательство, 6) за образование Биржи Труда, открытие пролетарских воскресных школ, установленных дней пропаганды, 7) за сотрудничество с крестьянским союзом и 8) отмену системы обязательных сверхурочных работ. Конгресс закрылся при пении революционных песен.

7-го февраля, в годовщину кровавой расправы, учиненной генералом У-Пей-Фу над рабочими железнодорожной линии Пекин—Ханькоу, китайские власти, чтобы помешать демонстрациям в память расстрелов, распорядились закрыть целый ряд железнодорожных месткомов, при чем было опечатано все делопроизводство и подвергнуты арестам и высылке активные профработники.

Репрессии, однако, не помешали железнодорожникам организовать съезд, который состоялся в Пекине. Съезд вынес резолюцию о поддержке национально-революционного движения в Китае и присоединение к Профинтерну. Постановлено также организовать национальную федерацию железнодорожных союзов Китая. В сильной степени разрозненные, эти союзы и на этот раз встретят, вероятно, серьезные затруднения в своих попытках к объединению, так как и железнодорожная администрация, и местные военные власти, и центральное правительство примут все меры против объединения наиболее революционных элементов в китайском рабочем движении, каковыми, несомненно, являются железнодорожники.

Критика и библиография.

„Деловая оппозиция“ и ревизия ленинизма.

В. Ваганян. В. И. Ленин о задачах внутрипартийного строительства. Изд. „Московский Рабочий“, 1924 г., стр. 66.

Ошибается тот, кто развернет названную книжку с ожиданием познакомиться с действительными взглядами В. И. Ленина на партийное строительство. Широкий заголовок прикрывает узкую практическую цель этой выпущенной в разгар дискуссии брошюры: защитить точку зрения оппозиции по организационному вопросу. Осужденная Всесоюзной партийной конференцией, эта точка зрения сама по себе потеряла всякую злободневность и интерес. Полемика с автором по существу ее была бы совсем скучна, поскольку вся партия широко обсуждала эти вопросы. Но безусловно заслуживают внимания и строго-критического отношения ссылки автора на В. И. Ленина и некоторые теоретически неверные положения.

С первых же страниц бросается в глаза неправильная и вульгарная постановка вопроса о ревизионизме. Автор спрашивает:

> „Является ли современная оппозиция деловой оппозицией или она возникла на основе ревизии теоретических воззрений В. И. Ленина? (Курсив наш.—В. А.)

Если да, то, по мнению автора, право большинство партии в своем резком отпоре оппозиции, если нет, то разговоры о ревизии есть „спекуляция именем учителя“. Были ревизионисты, говорит автор, но что они критиковали? Марксизм,—

> „т.-е. ту самую теорию, которая являлась наилучшим идеологическим выражением революционных стремлений пролетариата“. (Курсив снова наш.—В. А.)

Все это не совсем точно. Ревизионисты пересматривали не только теорию, но и практику революционного марксизма. Равным образом, марксизм (и ленинизм) есть не только определенные „теоретические воззрения“, но и метод революционного действия, внутреннюю сторону которого эти воззрения составляют. Оппозицию обвиняли как-раз, в первую голову, в пересмотре (ревизии) организационной практики ленинизма, за чем, конечно, стояло отступление и от организационных взглядов Ленина.

Упирая на теорию, т. Ваганян только отводит нас в сторону от сути спорного для него вопроса. Но оказывается, что это уклонение в сторону вовсе не случайно. За ним обнаруживается непонимание того, что такое ревизионизм вообще? Оказывается, что т. Ваганян не

склонен подводить под понятие „ревизии“ ревизию в организационном вопросе.

Ревизионист, по мысли т. Ваганяна, лишь тот, кто ревизует программу и основы тактики. Он неоднократно высказывается в таком смысле:

„Кто сейчас из членов нашей партии может быть назван оппортунистом, пересматривающим основы партийной программы и тактики?“ (стр. 9).

„Необходимо признать ненаказуемость оппозиции, коль скоро она не представляет собой, с той или другой стороны, оппортунизма по отношению к принципам программы и тактики“ (67), и т. д.

А как же с оппортунизмом в организационных вопросах? Или такого оппортунизма и ревизионизма не было и нет? Известно, как меньшевики обрушились на Ленина за самую формулировку, которая казалась им нелепой: „оппортунизм в организационных вопросах“. Известно, что писал Аксельрод в 1904 году:

„Со своим слабым рассудком я не в состоянии понять, что это за штука такая „оппортунизм в организационных вопросах“— выдвигаемый на сцену, как нечто самостоятельное вне органической связи с программными и тактическими взглядами“. (См. „Искра“ за 2 года; ч. II, стр. 149).

Т. Ваганян написал книжку: „Ленин о задачах внутрипартийного строительства“, т. е. об организационном вопросе. И вот, в ней, кажется, нет даже слова „организационный оппортунизм“. Почему бы, хотя для „очистки совести“, не упомянуть об организационном оппортунизме, с которым так воевал Ленин? Почему бы не привести, например, такие строки из Ленина:

„Неудивительно, что Каутский приходит к заключению:

„Может-быть, ни в каком другом вопросе ревизионизм всех стран не отличается такой однородностью, несмотря на все его разновидности, всю его разноцветность, как именно в организационном вопросе“. Основные тенденции ортодоксии и ревизионизма в этой области и К. Каутский формулирует при помощи „страшного слова“: бюрократизм versus (против) демократизма“. (Курсив наш.—В. А.)

Как мы видим, Ленин здесь солидаризируется с Каутским в том, что у ревизионизма есть своя, особая, основная тенденция в организационном вопросе,—тенденция провозить свой багаж под флагом демократизма. Чего стоит книжка об организационных взглядах Ленина, которая не берет из Ленина характеристики основных тенденций организационного оппортунизма, а выхватывает случайные цитаты?

Неверно, что оппортунист только тот, кто критикует программу и основы тактики. Самый рядовой рабфаковец и комсомолец разобьют т. Ваганяна в этом пункте, ибо всякий знает, что раскол на II съезде произошел не по программе, и не по тактике, а по организационным вопросам. Целый год (1903—1904) этот раскол углублялся, еще не переходя в плоскость тактики, а в программную область он перешел гораздо позднее. За этот первый год раскола Ильичом была написана специальная брошюра, из которой мы только-что взяли слова о „бюрократизме против демократизма“. Это единственная брошюра, которая посвящена исключительно организационному вопросу, которая наиболее систематически и полно выражает взгляды Ленина по внутрипартийным вопросам. И это произведение ни разу не цитируется тов. Ваганяном в книжке, которую он назвал „Ленин о задачах внутрипартийного строительства“.

„В частности,—говорит т. Ваганян,—мы не сможем подробно остановиться на чрезвычайно интересной его брошюре „Шаг вперед, два шага назад“ (29 стр.)

Это „в частности“, „чрезвычайно интересной“ и „не сможем“—просто бесподобно. Это ли не „толкование“ Ленина?... На наш взгляд это не только бесподобное, это беспардонное толкование.

Замечательно, что т. Ваганян свой взгляд на ревизионизм, как на исключительно программное и тактическое извращение марксизма, пытается почерпнуть не у Ленина, а у Плеханова. Книжка о Ленине у т. Ваганяна открывается (видимо из „благоразумия“) не ленинскими, а плехановскими цитатами, на протяжении первых 3—4 страниц. Следовало бы помнить, что в организационном вопросе Плеханов, поскользнувшийся на лимонной корке пресловутой кооптации[1]), не столь великий авторитет, чтоб его приглашать в подмогу к Ленину. Поступая так, рискуешь очутиться в компании Плеханова против Ленина.

Плехановские лавры вообще не дают спать нашему автору. Он, видимо, „толкует“ Плеханова так, что каждый, твердящий „диалектика, диалектика“, есть уже правоверный диалектический материалист. Обвинение в „метафизике“ в устах т. Ваганяна—самое страшное обвинение. „Метафизик“ для него—это все равно, что „гусак“ для гоголевского Ивана Ивановича.

И обвинение в метафизике он направо и налево бросает своим противникам. Нам кажется, что этого „гусака“ с полным правом должно возвратить обратно самому т. Ваганяну. Верно, что Ленин был диалектиком, отрицая абсолютные формы организации, годные для всякой обстановки. Но он был диалектиком не только поэтому. Сверх того, он умел определить, чем отличается новая обстановка от прежней? Какие появились новые условия и что новое они привносят в организационные задачи партии?

„Диалектика“ же т. Ваганяна заключается в том, что он сколько-нибудь подробно (и то с „разборцем“) цитирует Ленина, лишь кончая эпохой борьбы с ликвидаторством, затем совершает беглый „наезд“ (в главе „заключение“) на десятилетие 1914—1924 и совершенно не оценивает того нового, что приключилось за эти годы—диктатуры пролетариата, не пытаясь спросить себя: как отразился приход партии к власти на постановке организационных задач? Этого анализа у т. Ваганяна нет и следа, а у Ленина он есть. Стоит открыть „Детскую болезнь левизны в коммунизме“, и мы прочтем, хотя бы, такие строки:

„Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата“ (соч. т. XVII, стр. 133. Курсив наш.—В. А)

[1]) После второго съезда Плеханов, разорвав с Лениным, кооптировал в редакцию „Искры“ меньшевиков.

Диалектиком был тот, кто боролся против опасности фракций и группировок, грозящих развалом власти, кто считал возможным проводить демократию сейчас только при отсутствии фракций и группировок. Диалектиком был Ленин, когда он на X съезде, вместе с резолюцией о демократии, провел резолюцию и о запрещении фракций, на которой, кстати сказать, т. Ваганян тоже „не смог остановиться", не упомянув о ней (видимо, из „благоразумия") ни единым письменным знаком.

Вся книжка построена так, как-будто бы у автора был расчет специально „ваганянизировать" ленинизм, изобразив его, как „демократизм против бюрократизма". Даже бросая политический лозунг своей брошюры— требование „уставных гарантий" против меньшинства,—автор хочет опереться на Ленина. Когда-то, во фракционной борьбе с меньшевиками, Ленин говорил о „выработке гарантий прав меньшинства. Эту фразу теперь т. Ваганян пытается повернуть против большинства нашей партии. Он пишет:

„Утверждение (т. Ленина.—В. А.), что права меньшинства должны быть оговорены уставом—сохраняет силу и по сей день" (стр. 39).

„Редакция Ц. О. напрасно сводит спор к разного рода пустякам; спор идет именно об этом: определите точно, по-ленински, без уверток, пределы прав меньшинства в партии; ссылка на единство партии не аргумент—мы все без исключения за единство партии, мы все против фракций!" (Заключительная фраза брошюры, стр. 67).

Здесь заключено, по меньшей мере, тройное политическое лицемерие.

Во-первых. Права меньшинства не только „должны быть оговорены уставом", а они оговорены уставом партии. Например, треть партии имеет право созвать экстренный партийный с'езд, всякий вопрос свободно обсуждается до момента принятия решения, и т. п.

Во-вторых. Если кто-либо выражает недовольство уставом партии и теми „пределами прав меньшинства", которые в нем установлены, то общепринятый способ узнать, чем вызвано недовольство, заключается в том, что недовольный связно и точно формулирует проект своих поправок. Ни в книжке т. Ваганяна, ни вообще в дискуссии оппозиция не внесла ни одной конкретной поправки к уставу партии. Для партии оставлена единственная возможность узнать истинные намерения оппозиции, это—„чтение в сердцах"... Партия должна догадываться! При всей неблагодарности подобного время препровождения, догадаться, однако, не трудно. Тов. Ваганян „против фракций", но он ни словом не обмолвился против группировок. Между тем, требование свободы группировок, выдвигаемое оппозицией, ему было отлично известно (еще бы!) и только это требование, по сути дела, и мотивирует вся книжка тов. Ваганяна.

Было бы честнее не заставлять партию „читать в сердцах". Надо было или открыть забрало, или не выступать с брошюрой. „Диалектик" тов Ваганян, как правоверный противник всякого „или—или"(!), выбрал... середину.

Третье лицемерие заключается в том, что ленинский партийный устав хотят изменить, якобы, „по-ленински". Выходит совсем не по-ленински, а „по-ваганяновски", и отнюдь не „без уверток"

Вопрос ясен. Тов. Ваганяна не удовлетворяет устав большевистской партии, представляющий из себя конденсированный организационный опыт большевизма. Не смея открыто сказать это, т. Ваганян хочет взорвать устав, требуя таких гарантий, которых большевистский устав не может дать. Деловые гарантии устав дает. Фракционных он дать не может.

Нельзя не отдать должное т. Ваганяну. В „ваганизации" Ленина он проявил известную ловкость рук. Почему бы ему не поучиться, например, глотать шпаги? Было бы больше толку, чем от написания такой брошюры, про которую можно только сказать, что если она еще лежит у кого-нибудь из читателей на столе, то это очевидный недосмотр.

Место ее под столом.

В. Астров.

Маленькая книжка с большими ошибками.

А. Мартынов. Великий пролетарский вождь. Изд-во „Красная Новь". Стр. 32. 1924 г.

В маленькой книжке т. Мартынова, посвященной В. И. Ленину, содержится много ценного, но, к сожалению, немало и досадных ошибок. Ценные замечания т. Мартынова относятся, главным образом, к его воспоминаниям, ошибки он допустил при попытке дать историческую оценку нашим старым политическим разногласиям.

Давая оценку личности Ленина, т. Мартынов пишет:

„Передо мной прошли почти все оставшиеся в живых деятели прежнего героического народовольческого и землевольческого революционного поколения, а когда я эмигрировал, я познакомился с крупнейшими вождями западно-европейского социалистического движения. И вот, когда я сравнивал всех этих людей с Владимиром Ильичом, я говорил себе: „Ни один из них не похож на Ленина, он какой-то особенный человек!" Больше всего этот человек меня поразил своей революционной дерзостью. До 1901 г. я о нем не слышал, я не знал о его существовании: он казался мне совсем новым человеком в революции, и меня поражало, как этот молодой человек осмеливается вступать в бой со всей русской социал-демократией, как он осмеливается ломать все старые традиции германской и мировой соц.-демократии, как он осмеливается беспощадно критиковать все старые революционные авторитеты, кроме одного авторитета—Карла Маркса.

Владимир Ильич был не только врожденный вождь, но именно врожденный плебейский, пролетарский вождь. У него не было и следа русской интеллигентской дряблости. Этот человек обладал могучей, железной волей, и исторические корни его сидели глубоко в недрах русского трудового народа. Только оттуда, из толщи этих трудовых низов, у нас выходили такие железные люди".

Тов. Мартынов рассказывает о своей первой встрече с Лениным. Это было в 1901 г. Шла беседа:

„о программе, о политических задачах партии и о политической тактике, и никаких разногласий у нас как-будто не было. Но вот

в конце беседы Ленин обращается ко мне с вопросом: „Ну, а как вы относитесь к моему организационному плану?". Тут я сразу ощетинился: „В этом пункте я с вами совершенно не согласен. Ваш план организации напоминает мне организацию македонских боевых чет. Вы предлагаете ввести в партию какую-то военную дисциплину; ни у нас в России, ни в Западной Европе ничего подобного не видали социал-демократы". Владимир Ильич, прищурив глаза, усмехнулся и ответил мне: „Вы только в этом пункте со мной не согласны, а в этом вся суть, и разговаривать нам с вами, значит больше не о чем". И мы разошлись... на долгие годы.

„Тогда—замечает т. Мартынов,—я не мог понять, как можно разойтись из-за разногласий в организационных вопросах, когда выяснилось, что мы по всем политическим вопросам совершенно солидарны. Теперь я это хорошо понимаю".

Почему в 1901 г. можно было расходиться из-за разногласий по организационным вопросам? Когда партия только создается, только строится,—организационный вопрос для нее именно и является основным, решающим. Без организации, без аппарата партия не может бороться. Чтобы партия завтра могла действовать во имя своей программы на основе определенной тактики, она сегодня должна создать свою собственную организацию, должна построить свои собственные ряды.

Далее. Партия борется постоянно. Поэтому для партии, в особенности для такой партии, главную силу которой составляет широкая масса, организационный вопрос постоянно является важнейшим вопросом. Живые люди, составляющие партию, строятся во имя определенной цели, применяют определенную тактику, и способ построения, способ „формирования", степень дисциплинированности этой боевой политической армии,—все это имеет решающее значение в борьбе за основные цели партии. Если „партийная армия" плохо организована, если она подвергается разлагающему влиянию вражеских агентов, если в ней дисциплина расшатана, если доверия между „верхами" и „низами" нет,—самая лучшая программа остается простой бумажкой, и самая совершенная тактика останется неприменённой, ибо применять ее практически могла бы только боеспособная армия.

Этому всегда учил Ленин передовые элементы пролетариата. К сожалению, во время партийной дискуссии конца 1923 года мы встретили в нашей собственной партии непонимание всей огромной важности организационного вопроса,—вопроса о партаппарате, о дисциплине, о взаимоотношении между массой и вождями и т. д.

Вернемся к тов. Мартынову. Он пишет:

> „Второй раз Ленин произвел на меня ошеломляющее впечатление, когда он издал свою книжку „Что делать?". Ленин знал, конечно, что я в „Рабочем Деле" принадлежал к левому крылу; он знал, что я, как бывший народоволец, был „политиком", и внутри „Рабочего Дела" и „Союза социал-демократов" вел борьбу против „экономизма". Но он убедился уже из первого свидания со мной, что я в борьбе с „экономизмом" остановился на полпути, что в организационном вопросе я с ним не пойду, и поэтому он решил как-раз против меня направить главный удар с правильным стратегическим расчетом, что непоследовательный противник опаснее последовательного".

Вот тут и начинаются ошибки т. Мартынова. Он уверяет, что всегда был „политиком" и внутри организации экономистов вел борьбу против экономизма. Об этом говорит т. Мартынов и в своих печатающихся в журнале „Красная Новь" статьях „Великая историческая проверка". Вот это утверждение и нуждается в поправке.

Ленин нападал на т. Мартынова и рабочедельцев не за то, что они отрицали „политику", а за то, что они проповедывали рабочему классу тред-юнионистскую политику, что они принижали значение социал-демократической сознательности, преклонялись перед „стихией" массового движения.

Ленин боролся с т. Мартыновым и рабочедельцами за то, что они защищали последовательных экономистов, прикрывали их. Дело было не в том, будто тов. Мартынов „в борьбе с экономизмом остановился на полпути", а суть вопроса заключалась в том, что т. Мартынов не вел никакой борьбы с экономизмом, что он, напротив, был главным теоретиком антиискровского направления партии. Всякому известно, что в начале XX века социал-демократия делилась на искровцев (Ленин, Плеханов, Мартов, Аксельрод) и антиискровцев—рабочедельцев, экономистов (Мартынов, Кричевский, Иваньшин, Акимов). По середине между этими двумя основными группировками стояла незначительная примиренческая группка „Борьба" (Стеклов, Рязанов). То, что т. Мартынов примыкал, как он говорит, к „левому крылу" экономизма, не меняет того факта, что экономизм и рабочедельчество (т. Мартынов был главным редактором „Рабочего Дела"!) это был единый фланг в рядах социал-демократии. И на этом фланге „левизна" т. Мартынова никому, очевидно, не вредила...

Бесспорно замечание т. Мартынова относительно того, что „непоследовательный противник опаснее последовательного". Мы не думаем, чтобы в 1901—1903 гг. т. Мартынов был „непоследовательным" противником искровства. Но, вообще говоря, и т. Ленин всегда предпочитал открытых врагов... В 1909 году, воюя против ликвидаторов партии справа и „слева", он вспоминал прошлое и говорил:

> „Среди рабочемысленцев—открытых и честных экономистов—было немало людей, которые заблуждались искренно, не боясь защищать своего мнения, и которым нельзя было отказать в уважении,—а у заграничной компании „Рабочего Дела" преобладало специфическое интриганство, заметание следов, игра в прятки, обманывание публики"...

Следует отметить, что тов. Ленин имел в виду прежде всего политику Б. Кричевского.

Перейдем к следующей ошибке, несколько иного характера, чем предъидущая. Позицию Ленина в 1905 году тов. Мыртынов формулирует следующим образом:

> „Диктатура пролетариата и крестьян не есть задача сегодняшнего дня. Нужно быть Дон-Кихотом, чтобы утверждать, что мы уже сегодня можем осуществить эту диктатуру; но вся историческая обстановка говорит за то, что мы уже сегодня должны взять курс на диктатуру пролетариата и крестьян. Перед нами две возможности: либо наша революция

закончится выкидышем, сделкой буржуазии с помещиками и с монархией, либо она победит до конца, и тогда она при современных русских условиях неизбежно вынесет к власти пролетариат, опирающийся на многомиллионное крестьянство, и тогда она неизбежно приведет у нас к беспощадной войне между этими классами и контр-революционной буржуазией. Кто не хочет диктатуры пролетариата и крестьян, должен уже заранее отказаться от победы революции".

В 1905 году лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата выдвигался именно как „задача сегодняшнего дня",—не в том конечно, смысле, что партия (фракция) большевиков звала немедленно на баррикады, а в том смысле, что развернувшуюся революцию эта партия хотела поставить на рабоче-крестьянские рельсы. По Мартынову выходит, будто летом 1905 года лозунг диктатуры большевиками был выдвинут „вообще", а не как актуальный, боевой лозунг. Ленин говорил о двух возможностях: либо сделка царизма и либерализма, либо диктатура пролетариата и крестьянства. И он предлагал не „взять курс" на эту диктатуру, а звал массы на отчаянную всенародную борьбу во имя этой диктатуры, он считал борьбу и победу задачей „сегодняшнего" исторического „дня"... Ленин ни минуты не сомневался, что „уже сегодня", т.-е. летом и осенью 1905 года—во время всеобщих стачек и восстаний—„мы... можем осуществить эту диктатуру"...

Но о какой диктатуре шла у него речь? Тов. Мартынов все время смешивает две формулировки: 1) „Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства". 2) „Диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство". У читателя может получиться впечатление, что это одно и то же. На самом деле эти две формулировки выражают две различные точки зрения. Первая формулировка была выдвинута в 1905 году большевиками, вторую защищали Парвус и Троцкий. На одной страничке говоря о диктатуре пролетариата, на другой—о диктатуре рабочих и крестьян, т Мартынов—невольно, конечно—сбивает с толку малоискушенного читателя...

Диктатура пролетариата означает социалистическую революцию. Россия 1905 года для такой революции ни в какой мере не была подготовлена. Европа „воспринять" такую революцию, оказать ей поддержку не могла. Диктатура пролетариата и крестьянства означала до конца доведенную, „на сто процентов" осуществленную буржуазно демократическую революцию, не копирующую „классические" образцы, нового типа революцию, которая, однако, основ капитализма не подрывала...

Однако, т. Мартынов уверяет, что „Ленин в 1905 году еще неясно представлял себе характер русской революции". В чем эта „неясность" выражалась? В том, оказывается, что Ленин „еще считал ее (революцию) буржуазной". Странно, весьма странно! Тов. Мартынов, видимо, совершенно забыл взгляды Ленина и большевиков на характер революции 1905—06 гг. Взгляды эти были необычайно ясны. Большей ясности изложения, чем это достигнуто Лениным в своей книжке „Две тактики" (июнь 1905 г.), желать невозможно. И в этой работе Ленин ни минуты не сомневается в буржуазном характере развертывающейся революции.

Но он пытался вбить в голову меньшевикам две очень несложные мысли: 1) буржуазная революция может быть куцой, приводящей к власти либералов, и может быть радикальной, народной, сметающей все остатки феодализма и царизма, демократизирующей страну, открывающей дорогу вперед широчайшим народным массам; 2) буржуазный либерализм не может, не хочет, неспособен довести буржуазную революцию до конца, ибо он боится остаться один без царя и помещика лицом к лицу с пролетариатом, ибо он добивается не революционного свержения, а парламентской сделки с царизмом. Меньшевики никак не могли понять этой разницы между двумя буржуазными революциями. А сейчас тов. Мартынов уверяет, будто Ленин в 1905 году „неясно представлял себе характер русской революции". Нет, у Ленина в этом отношении все обстояло более, чем благополучно. В книжке „Две тактики" он писал:

„Демократический переворот в России есть революция, по общественно экономической сущности своей, буржуазная. Это верное марксистское положение недостаточно просто повторять. Его надо уметь понять и уметь применять к политическим лозунгам... Демократический переворот буржуазен. Лозунг черного передела или земли и воли... буржуазен. Но мы, марксисты, должны знать, что нет и быть не может другого пути к настоящей свободе пролетариата и крестьянства, как путь буржуазной свободы и буржуазного прогресса. Мы должны не забывать, что нет и быть не может в настоящее время другого средства приблизить социализм, как полная политическая свобода, как демократическая республика, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Как представители передового и единственно-революционного, без оговорок, без сомнений, без оглядок назад, революционного класса, мы должны как можно шире, смелее, инициативнее ставить перед всем народом задачи демократического переворота".

После этой подробной и необычайно ясной выписки, надеемся, тов. Мартынов вместе с нами признает, что Ленин достаточно „ясно" „представлял себе характер русской революции"...

По вопросу об отношении к другим партиям взгляд Ленина т. Мартынов излагает следующим образом:

> „Мы не будем поддерживать других революционных и оппозиционных партий и групп, мы заставим их нас поддержать".

Никогда Ленин не говорил: „Мы не будем поддерживать другие революционные партии и группы". Он говорил как-раз обратное: мы будем поддерживать в борьбе с царизмом всякую революционную и оппозиционную партию и группу, мы будем поддерживать всякий действительно революционный и действительно оппозиционный шаг любой буржуазной партии. И Ленин на самом деле поддерживал, входил в соглашения с революционными и оппозиционными партиями и группами.—поддерживал до тех пор и постольку, пока и поскольку эти партии и группы были на деле революционными или оппозиционными. Из ряда фактов подобного рода достаточно отметить только два. Девяностые годы. Ленин-Плеханов находятся в союзе и поддерживают так-наз. „легальных марксистов"—заведомо буржуазную группировку. 1917 год. Ленин поддерживает и находится в союзе с партией левых эсеров—заведомо мелкобуржуазная группировка.

Заключая соглашения с непролетарскими партиями и группами, Ленин

никогда не забывал основного: классовое сознание пролетариата затемнять нельзя, ненадежность союзника ему должна быть ясна, замалчивать разногласия и замазывать принципиальную пропасть, отделяющую пролетарскую партию от ее временных буржуазных союзников, невозможно...

Да, большевики поддерживали против русского царизма все революционные и оппозиционные партии. Используя опыт русских большевиков, Коммунистический Интернационал поддерживает против мирового империализма все революционные и оппозиционные партии. В Турции Коминтерн поддерживает партию Кемаля-паши, в Индии—националистов, в Китае—партию Гоминдан, и т. д., и т. п. Сегодня эти партии борются против империализма, милитаризма, реакции,—их нужно поддержать,—в историческое завтра многие из них неизбежно станут орудием империализма и реакции. Массы уже сейчас знают их истинную природу—половинчатость, непоследовательность, нерешительность. Коммунисты об этом говорят слишком ясно. Перейти от поддержки к беспощадной борьбе они смогут достаточно быстро...

Тов. Мартынов переходит к выяснению позиции Ленина в национальном вопросе. По его мнению, Ленин рассуждал вот как:

„Пусть национальности, угнетаемые нашим державным народом, получат свободу на самоопределение, вплоть до отделения. Пусть угнетенные нации устраивают свою судьбу, как хотят“. (Подчеркнуто т. Мартыновым).

В 1911—1912 годах меньшевики параграф 9-й нашей старой программы о праве наций на самоопределение стали толковать в том смысле, что это означает право на что-угодно—и на областное самоуправление, и на территориальную автономию, и на культурно-национальную автономию, и на отделение. Ленин решительно выступил против такого толкования. Он доказывал, что право на самоопределение означает право на отделение. Он разоблачал обман меньшевиков, пытавшихся культурно-национальную автономию протаскивать под флагом самоопределения. В ряде своих работ Ленин высказался по этому вопросу со всей ясностью и категоричностью. Он говорил: не „вплоть до отделения“, а именно отделение. Этот ленинский взгляд был зафиксирован в резолюции летнего 1913 года совещания нашей партии. Здесь мы читаем:

„Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т.-е. на отделение и образование самостоятельного государства, то с. д. партия безусловно должна отстаивать это право“. И дальше: „Вопрос о праве наций на самоопределение (т.-е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического способа решения вопроса об отделении) непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации“.

Этот документ, написанный рукой Ленина, достаточно авторитетно разъясняет ошибку т. Мартынова: право на самоопределение означает не „вплоть до отделения“, а именно только право на отделение. Для нашей партии этот вопрос, как видим, официально был решен еще в 1913 году... Чтобы на этот счет не было никаких сомнений, приведем еще одну цитату из статьи Ленина о праве наций на самоопределение. Вот что говорит Ленин:

„Самоопределение наций в программе марксистов не может (подчеркнуто Лениным) иметь, с историко-экономической точки зрения, иного значения, кроме как политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства“.

Далее Ленин разъясняет, „почему под правом „самоопределения“ нации нельзя, с с.-д. точки зрения, понимать ни федерации, ни автономии“. Таким образом, давно выясненный в борьбе с меньшевиками (и кадетами) вопрос тов. Мартынов запутывает.

В заключение—вопрос о партстроительстве. Тов. Мартынов пишет:

„Ленин перестраивал нашу социал-демократическую партию на якобинский лад и установил в ней режим диктатуры для того, чтобы лучше справиться с современными жирондистами-соглашателями в социалистическом мире. И когда мы теперь оглядываемся назад, для нас становится ясным, какой исторический смысл имела эта диктатура в партии. Она была необходимой предпосылкой для осуществления диктатуры пролетариата в стране“.

И тут в ошибку впадает тов. Мартынов: ленинская партия построена отнюдь не на „якобинский лад“. Говорить об якобинской диктатуре внутри большевистской партии могут только люди, которым всякая дисциплина, всякий революционный порядок кажется светопреставлением. Диктатура—это неограниченное господство, диктатура не признает никаких законов, она сама творит свои законы. Наша партия управляется на основе демократического централизма. Как же этого не понять?

Ленин внес порядок и дисциплину в пролетарскую партию. Он повел решительную борьбу против интеллигентской распущенности и анархического индивидуализма. Меньшевистские сверхчеловеки завопили о диктатуре, об „осадном положении“ в партии. Тов. Мартынов, оказывается, по сие время считает, что Ленин ввел ужасную якобинскую диктатуру в партию. Только раньше, в бытность свою меньшевиком, он считал, что это очень плохо, а теперь считает, что это очень хорошо...

Ил. Вардин.

Борьба классов и русская историч. литература.

М. Н. Покровский. «Борьба классов и русская историческая литература». Ленинград. «Прибой» 1923 г. Тираж 10.000.

Настоящая работа М. Н. Покровского, представляющая из себя цикл лекций по историографии, прочитанный им в Зиновьевском университете, кладет начало марксистской разработки вопроса о русских исторических школах.

Это, действительно, первая марксистская работа по русской историографии.

Правда, прошлый год в печати появились две книги, имеющие прямое отношение к русской историографии, но их нельзя назвать в строгом смысле этого слова ни историографическими, ни марксистскими.

Мы имеем в виду работу проф. В. И. Пичеты «Введение в русскую историю» и книгу Нечкиной о русских марксистских историках.

Первая книга, во-первых, валит в одну кучу источниковедение с историографией, во-вторых, отличается замечательной пустотой содержания; вторая весьма интересна в разработке части проблем, обнаруживает большую

наблюдательность автора, но обнаруживает непонимание автором метода диалектического материализма, вследствие чего основной методологический стержень работы оказывается неверным (достаточно указать, что при характеристике марксистского метода автор «забыл» про диалектику, а потому проворонил и социальную революцию). Так что и эту работу нельзя назвать марксистской.

Вот почему работа тов. Покровского имеет такое исключительно важное значение.

Буржуазные историки изучали почти исключительно древности: у них не хватало ни смелости, ни крупицы научной объективности—для работы над изучением буржуазного строя и его тенденций.

Этим занялись позже меньшевики,—и при изучении философии истории XX века нам больше всего придется возиться с меньшевиками, стянувшими узел своих исторических воззрений в 4-х томнике «Общественное движение в России в начале XX века».

Разбираемые же тов. Покровским исторические школы разделились и оформились по различному подходу к вопросам происхождения крепостного строя и государства.

Логическая, методологическая критика различных исторических школ, критика их положений с точки зрения соответствия фактической действительности—даны исключительно удачно и ново.

Как во всех своих работах, тов. Покровский чужд шаблона. Рисунок его работы изящен и тонок, положения остры и четки, критическая часть язвительна и убедительна. Читается книга поэтому легко и увлекает с первых страниц.

Эта работа не только ценна, как таковая, но она ценна и как стимул к ряду новых работ: в ней налицо установка совершенно новых проблем интересных и методологически важных.

Лекционное происхождение настоящей работы, конечно, сказалось на диспропорциональности частей и неровности изложения.

Глава о Рожкове получилась слабее и менее серьезной, чем другие, при втором издании ее не мешало бы развернуть, ибо нельзя согласиться с автором, что «рожковщина» менее опасна, чем «плехановщина». Это несогласие вытекает из несогласия с социальной характеристикой анализируемых исторических школ, даваемой тов. Покровским. Изобразить Плеханова—идеологом технической интеллигенции, а Рожкова—до-технической—это, может-быть, и любопытная и интересная попытка, но аргументация мало убедительна.

Почему внеклассово-оборонческая теория государства есть теория технической интеллигенции? Почему именно интеллигенции? Ведь, это откровенно буржуазная теория,—это открытие сделал впервые сам тов. Покровский и нечего бояться ставить точки над и.

Несомненно, буржуазным течением в марксизме является и рожковщина, имеющая своей задачей вытравить из марксизма диалектику, теорию революции. Несомненно такой объективный смысл кроется в этой классификационной лестнице Рожкова, когда понятие революция покрывает собой и переход от охоты к скотоводству и социалистическую революцию пролетариата. Опошление теории революции, замазывание сути и смысла социальной революции—вот смысл рожковщины.

Плехановщина и рожковщина есть буржуазная ревизия метода диалектического материализма с двух концов: тонкий Плеханов приступает к этой ревизии с материалистического конца, облекая ревизию в изящные диалектические формы, менее тонкий Рожков, оставаясь на почве примитивного материализма,—насилует диалектику.

Переходя к частным положениям, нельзя не отметить, что объявление религии из страха смерти, которое тов. Покровский поддерживает и в этой книжке,—должно быть отвергнуто как методологически неправильное. Это объяснение увековечивает религию, делая ее внеисторической, постоянно-действующей силой. Меньше всего эта теория подходит такому тонкому диалектику-историку, как тов. Покровский. Не совсем понятны попытки отыскать начало оппортунистического уклона у Плеханова в его сфере исторического развития, данной в первой работе о монистическом взгляде. Политика там совсем не отодвигается от экономики, и схема совершенно правильная. Очень удачна приложенная в конце книги статья по

поводу первой главы книги т. Троцкого «1905 г.» В этом споре тов. Покровского с тов. Троцким прав, безусловно, первый,—и включение статьи в брошюру, бесспорно, поможет выветриванию неверных исторических взглядов из коллективной головы современного учащегося поколения.

В заключение горячо рекомендуем книгу тов. Покровского, новую по замыслу, богатую и интересную по выполнению и прекрасную по форме.

А. Слепков.

Н. Бухарин. Энчмениада. „К вопросу об идеологическом вырождении". Госиздат, Изд. М. 1923. Стр. 72.

Переживаемые нами годы мирного строительства несут с собою рабочему классу не меньшее число опасностей, чем прошедший период вооруженной борьбы. Либо загнанные в подполье, либо никого не занимающие ранее враждебные и чуждые пролетариату идеологические течения вновь появляются на божий свет и начинают вербовать себе сторонников.

Почвой, их питающей, оказываются раскрепощенные нэпом стихии, находящие себе иногда выразителей среди наиболее неустойчивых элементов самой нашей партии. Ревизия при этом очень часто начинается по линии чистой теории, философии, в областях, кажущихся наиболее удаленными от действительной борьбы классов и наименее ощущающих давление господствующей революционной марксистской теории и партийной тактики. Книга т. Бухарина посвящена разбору одной из таких попыток пересмотра философии диалектического материализма—„энчмениаде".

С каждым новым успехом естествознания за последние десятилетия все более и более оправдывалась материалистическая точка зрения на природу и человека. Вместе с тем в то же время сохранение тех или других элементов идеалистических воззрений на мир сделалось жизненной потребностью буржуазии в ее борьбе с марксизмом и рабочим классом. Столкновением этих двух исключающих друг-друга течений и характеризуется современное состояние науки.

В психологии, как и во всех других областях знания, идеализм так же потерпел за последнее время немало поражений. Торжествовавшее некогда представление о душе, как о некоей особенной от тела и господствующей над ним сущности, не мирилось с требованиями, предъявляемыми опытом. Сменившее его учение о психо-физическом параллелизме [1]) оказалось несовместимым с данными современного знания, указывающими на зависимость психического от физического, обусловленность одного другим. Тогда идеализм отступил на новую позицию (в сущности старую, которую занимал в XVII в. Декарт) Предметом научного познания может быть только материя, занимающая некоторое определенное место в пространстве. В науке о человеке мы можем изучать лишь внешние его проявления, его реакции на раздражения извне, его поведение. Внутренний же мир человека, им в себе сознаваемый, есть нечто особое, что должен изучать не натуралист, а философ и что не имеет никакого касательства к материи.

---

[1]) Учение, согласно которому психическое и физическое представляют два параллельных ряда, не зависящих друг от друга.

Материализм принимается, как рабочая гипотеза ученого исследователя и отрицается, как философская система, объективно отражающая действительный мир. Тем самым к внутреннему, субъективному, якобы непознаваемому точной наукой миру человека приоткрывается дверь вере и метафизике.

На позиции этого буржуазного позитивизма стоит по сути дела Э. Энчмен, сколько бы он ни „прорывался" к пролетариату и Марксу. Различие между ним и современным позитивистом типа Павлова такое же, какое есть между образованной западно европейской буржуазией и невежественными торгашами наших дней, дорвавшимися до „благ жизни", но не имеющими никакого отношения ни к точной науке, ни к производству.

В основе своей теории „непространственных внутренних, душевных, нематериальных явлений" в „новой биологии" есть типичная идеология лавочника, подчиняющегося на рынке являющимся ему в вещной форме общественным отношениям и в то же время убежденного в своем особом, никому неведомом „я", в скрытом от чужих глаз и неузнаваемом в других „я", которому он служит.

Марксизм, вскрывающий социальную обусловленность человеческих чувств и понятий, имеет с этим так много общего, как с китайской империей. Впрочем, это непонимание общественной природы человека типично не только для Энчмена. Так, например, и у Павлова исходным пунктом анализа всегда является индивидуум с врожденными ему рефлексами и инстинктами, среди которых оказывается даже „прирожденный рефлекс рабской покорности" (Павлов, 212).

Упростительство же Энчмена, решающего своими 15 анализаторами все проблемы земли и неба, скорее всего соответствует вульгарному практицизму буржуазии наших дней, не несущей с собой миру уже никаких откровений и жаждущей „отборной пищи", которая быстро и легко позволяла бы достигать ей органического „оптимума".

Ничего общего не имеет с марксизмом, т. е. диалектическим материализмом, и самая постановка Энчменом вопроса о „непространственных" и „пространственных" явлениях. Совершенно неверно, что наш внутренний мир, наши субъективные переживания есть нечто, абсолютно оторванное от проявлений нашего тела, нечто, невыразимое нами и непознаваемое в другом. Еще в XVIII в. французский матреиалист Ж.-Б. Робине писал, что „душа... достигает знания самой себя лишь посредством опыта, который она делает о своих способностях; и так как она зависит от тела во всех своих действиях, то ему именно она обязана всем, что знает о себе самой". Субъективно переживаемое человеком не есть что-то оторванное от объективного мира, психическое есть свойство материи, материей создаваемое и посредством материи являющееся. Старик Гегель с полным правом писал, что „речь и работа суть обнаружения, в которых индивид. . дает внутреннему совершенно выйти во вне себя и представляет его другому".

Действительный дуализм оказывается не у марксистов, которых в нем обвиняет Энчмен, а у него самого, вырывающего непроходимую пропасть между „пространственным" и „непространственным", в конце-концов неизвестно чем определяемым. Если единственной подлинной достоверностью для нас обладает только наша психика, то как от нее перекинуть, по Энчмену, мост к другим людям?

Декарту помогал некогда господь бог. Кто ныне поможет нашему „мессии"?

Книжка т. Бухарина дает прекрасный, как по содержанию, так и по форме, разбор и логических построений Энчмена, и общественного смысла его теории. В ней читатель найдет подробный разбор всех злоключений нашего горе-философа. Нужно настоятельно рекомендовать ее нашей молодежи, которая получит из нее хорошую теоретическую закваску против идеализма вообще. Что же касается самого Энчмена, то ему, очевидно, уже ничто не поможет. Он возвещает близкое отмирание разума, логики, познания (!) и т. д., и замены всего этого вздора „единой системой органических движений". Сам он вступил уже на этот путь. Его книга сама действительно представляет собою в своей пустой претенциозности сплошное органическое движение, но... чего только именно?

Ник. Карев.

Редакция: Н. Бухарин. Ил. Вардин. Л. Каменев.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

МОСКВА, Воздвиженка, 9.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

на

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

„БОЛЬШЕВИК“

под редакцией Н. Бухарина, Ил. Вардина, Л. Каменева.

Журнал ставит своей задачей освещать важнейшие вопросы момента под углом зрения ленинизма.

В ЖУРНАЛЕ СЛЕДУЮЩИЕ ОТДЕЛЫ:

I. Руководящие статьи по основным вопросам политики и экономики текущего дня, политики и практики РКП, по теории и практике марксизма.

II. Двухнедельные обзоры: внутриполитическое обозрение, экономика Советского Союза, внешняя политика, иностранная жизнь, капиталистическая мировая экономика, международное движение, белая печать.

III. „Ленин и ленинизм“. В этом отделе систематически будут опубликовываться важнейшие документы и материалы из жизни и деятельности Ленина. Кроме того, будет дан цикл статей о ленинизме.

IV. Критика и библиография.

Журнал предназначается для самых широких слоев членов партии и передовых элемен. рабочего класса.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Воздвиженка, 9. Телефоны: 3-84-23; кремлевский 3-90. Прием по делам редакции во все дни, кроме праздников, от 12 — 2 часов дня.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на месяц—60 к., на 3 мес.—1 р. 75 к., на 6 мес.—3 р. 50 к., до конца года—5 р.

КОЛЛЕКТИВАМ СКИДКА

ЗАКАЗЫ направлять в Торгсектор Издательства—Москва, Воздвиженка, 9.

ПРОДАЖА—в книжных магазинах издательства в Москве:

1) „Серп и Молот“ — площадь Свердлова, 2-й дом Советов,
2) „Красная Новь“ — Сретенка, 8.

В Ленинграде в отделении издательства — Проспект 25 Октября, 66.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

МОСКВА, Воздвиженка, 9.

Н. ЛЕНИН (В. И. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПО ТЕМАМ:

1. Основные задачи партии при Нэпе . . . . 80 к.
2. Социалистич. революция и задачи просвещения 40 к.
3. О партийном строительстве за 20 лет. (Разошлось, готовится II дополнен. издание).
4. Задачи рабочей печати. (В печати).
5. Коммунистический интернационал. (В печати).
6. Крах II интернационала. (В печати).
7. Подготовление большевизма. (В печати).
8. Две тактики (меньшевики и большевики в революции). (Готовится к печати).
9. Аграрный вопрос. (Готовится к печати).
10. Рабочий класс и крестьянство. (Готов. к печати).
11. Литературные характеристики. (Готов. к печати).

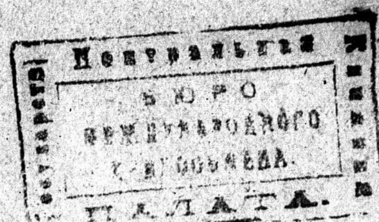
1. Карл Маркс.—Краткий биографический очерк с изложением марксизма, 2-е изд. . . . . 15 к.
2. Государство и революция. (В печати).
3. Империализм, как новейший этап капитализма. 30 к.
4. Лучше меньше, да лучше. (Готов. новое издание с предисловием Н. К. Крупской).
5. О кооперации . . . . 10 к.
6. К 8-му марта . . . . 12 к.

ЗАКАЗЫ направлять в Торгсектор Издательства—Москва, Воздвиженка, 9.

ПРОДАЖА—в книжных магазинах издательства в Москве:

1) „Серп и Молот“ — площадь Свердлова, 2-й дом Советов,
2) „Красная Новь“ — Сретенка, 8.

В Ленинграде в отделении издательства — Проспект 25 Октября, 66.

БОЛЬШЕВИК

№ 2

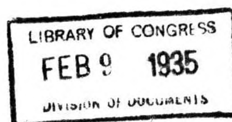
15 АПРЕЛЯ

1924

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

СОДЕРЖАНИЕ.

Главлит № 21637. Тираж 8.000.

3-я типо-литография «Транспечати» Петровка, Салтыковский, 9.

Н. Бухарин.

О ликвидаторстве наших дней.

I. Крах иллюзий пролетарской революции.

Маркс писал, что пролетарские революции постоянно критикуют самих себя. Это понятно. Ибо ни одна буржуазная революция не имеет перед собою таких оригинальных проблем, ни одна из них не поставлена пред такими принципиально новыми задачами, перед которыми неизбежно становится всякая пролетарская революция и в ее первоначальной фазе, когда пролетариат борется за власть, и на дальнейших этапах ее развития, когда пролетариат побеждает, укрепляет свою диктатуру и борется за изменение способа производства, являясь уже фактически,— хотят или не хотят того отдельные группы, слои, прослойки и даже некоторые классы,— руководителем всего общественного целого.

Эти сложность, новизна, оригинальность, трудность задач, стоящих перед победоносным пролетариатом, вызывают ряд ошибок, иллюзий, неправильных оценок, ложных ориентирующих попыток в его практике. И отсюда-то и вытекает та трезвая самокритика, в которой вырабатывается правильная линия поведения. В огне этой самокритики сгорают и исчезают без следа иллюзии детского периода, реальные отношения выступают во всей их трезвой наготе, и пролетарская политика приобретает иногда— по внешности — менее патетический, но зато более уверенный, прочный, плотно прилипающий к действительности — и потому гораздо вернее изменяющий эту действительность—характер.

С этой точки зрения переход к новой экономической политике явился крахом наших иллюзий. Противники коммунизма, бесконечно пустые меньшевистко-эсеровские болтуны, наравне с признанными оракулами нашей подлой либеральной буржуазии, оценивали и оценивают переход к новой экономической политике, как крах коммунизма. Заметьте: в этой оценке с ними сходятся и „сменившие вехи“ российские интеллигенты, надеющиеся на эволюционное перерождение пролетарской диктатуры в российскую великодержавность буржуазно-демократического образца. Они „приемлют“ Советскую власть не как диктатуру пролетариата, а как власть „Новой России“. Они не разделяют глупого афоризма салопниц: „Ничто не ново под луной“. Но в то же время они уверены, что с другого конца мы придем

к „Великой России“ господина Петра Струве, который так неудачно служил своей Прекрасной Даме под подозрительно-шарлатанскими знаменами „истинно-русского“ барона Врангеля.

Таким образом, все оттенки буржуазной мысли и мелкобуржуазного недомыслия трогательно объединились на одной платформе: новая экономическая политика есть крах коммунизма. Для полноты картины напомним, что точно так же оценивали положение вещей и теоретики международной социал-демократической гнили. Эта падаль тоже ухватилась за возможность констатировать пресловутый „крах“.

И только одна сила занимала, занимает и будет занимать принципиально иную позицию: рабочий класс и его революционная партия — партия коммунистов.

Что же по сути дела „крахнуло“? Крахнул „военный коммунизм“, как система, и крахнула идеология военного коммунизма, то-есть те иллюзии, которые имелись налицо в нашей партии. Это вовсе не значит, что военно-коммунистическая система была в основе своей для того времени неправильна. В условиях внешней и внутренней блокады мы вынуждены были действовать так, как мы действовали. Но в том-то и дело, что мы не представляли себе всей относительности военно-коммунистической политики.

Тогда мы думали, что наша мирная организаторская работа, наша экономическая политика, строительство нашего хозяйства, будут дальнейшим продолжением централизаторского планового хозяйства этой эпохи. А так как и в то время уже было достаточно много нацентрализовано, то отсюда, естественно, возникало представление о близости вполне прочно поставленного на ноги социалистического планового хозяйства. Другими словами: военный коммунизм мыслился нами не как „военный“, то-есть пригодный только для определенной ступени в развитии гражданской войны, а как универсальная, всеобщая и, так-сказать, „нормальная“ форма экономической политики победившего пролетариата. Простые рационализированные формы строжайшей экономии при падении производительных сил принимались за рациональные формы мирной хозяйственной политики. И в этом, в своей основе, заключались иллюзии того периода. Они неизбежно должны были пасть, как только отпали нормы и идеология военного времени. Тогда сразу всплыло море новых вопросов настоящей хозяйственной политики; на арену выступила вся пестрота хозяйственных форм, заговорившая — а кое-где и завопившая — голосами своих классовых носителей. Иллюзии военного коммунизма лопнули в тот самый час, когда пролетарская армия взяла Перекоп.

II. Путь к коммунизму.

С точки зрения „сознания“ эпохи военного коммунизма новая экономическая политика была несомненным и очень крупным отступлением; с точки зрения реальной революционной линии она была предпосылкой, первым шагом, общим необходимым условием действительной хозяйственной политики пролетариата, то-есть политики, ориентирующейся на развитие производительных сил страны.

Если смотреть на весь переходный от капитализма к социализму период под углом зрения алгебры высшего порядка, то-есть наиболее абстрактно, тогда мы получим картину роста планового общества, строящегося пролетарской диктатурой. Но в действительности дело не так просто, не так однотонно, потому что в самом переходном периоде есть много переходных форм. План не устанавливается сразу, априорно, сверху, рационалистически. На деле он может лишь вырасти вместе с ростом крупного социализированного производства, вместе с его централизацией, под постоянным давлением упорядочивающего начала государственной власти рабочего класса. Это не значит, что он возникает только стихийно. Пролетариат имеет в своих руках достаточно весомую величину в виде крупной промышленности и транспорта, которыми он может управлять, и которые он может направлять. Но он неизбежно должен считаться с громадным давлением разрозненных мелких хозяйств, вся распыленность и мелкобуржуазная ограниченность которых выражается в слепой, но еще мощной рыночной стихии, химически выделяющей купца и идущей в объятия новой буржуазии.

Переходный период в переходном периоде выражается в целом ряде фактов; в пестроте хозяйственных форм, начиная от социалистической госпромышленности, продолжая мелкобуржуазным крестьянским хозяйством на государственной земле и кончая хозяйством частного капиталиста, нэпмана; он выражается в рыночных отношениях, в силе денег, в анархичности общественного хозяйства в его целом; он выражается в капиталистических формах и методах хозяйственной политики наших госпредприятий, хотя эти формы и методы имеют совершенно антикапиталистическое содержание; он выражается в разнообразии хозяйственных стимулов и в удивительном сочетании этих стимулов; наконец, он выражается в молекулярном процессе борьбы антагонистических форм хозяйства и всех соподчиненных этим формам элементах. Таким образом, классовая борьба пролетариата принимает невиданные и крайне оригинальные формы: это есть борьба пролетарской крупной промышленности за господство над частным капиталом. А отсюда — в более конкретном разрезе: классовая борьба пролетариата за влияние над крестьянством принимает характер борьбы против частного капитала за хозяйственную смычку с крестьянским хозяйством через кооперацию и госторговлю. А отсюда, в свою очередь, классовая борьба пролетариата против собственнических вожделений мелкой буржуазии, даже деревенской, есть борьба за кооперирование крестьянства и за электрификацию.

В период гражданской войны речь шла о ясных категориях политики: бей буржуазию, ищи союзников в крестьянстве, давай отпор вандейцу-кулаку. Эти основные проблемы классовой борьбы надевают теперь на себя хозяйственный костюм, но от этого ни на дюйм не перестают быть проблемами классовой борьбы: госпромышленность против капиталиста, смычка с кре-

стьянством против торговца; кооперация и электрификация—орудие в борьбе за постепенное преодоление мелкой собственности. Другими словами: раньше классовая борьба носила для нас, в первую очередь, военно-политический ударный характер; теперь же она стала носить мирно-хозяйственно-органическую физиономию. Победа в *этом* типе классовой борьбы (мы отвлекаемся здесь от проблем внешнего порядка) и есть окончательная победа социализма.

Можно подойти к вопросу и иначе, примерно так. При капиталистическом режиме налицо борьба самых различных форм. Но общая тенденция развития заключается в том, что крупное производство побеждает своего более мелкого противника, вытесняет его, преодолевает его и, в конце-концов, становится экономическим диктатором страны. В *пределе* мы имели бы здесь государственный капитализм (не в нашем русском, а в западно-европейском смысле слова). *Формально* мы имеем то же и у нас. Но с той принципиальной, существеннейшей разницей, что крупное производство у нас находится в руках *пролетарского* государства. Это крупное производство ведет борьбу с частным, более мелким, капиталом. Оно *конкурирует* со своим врагом. Оно пользуется при этом капиталистическими методами, и даже все счетоводство („калькуляция") ведется в капиталистических формах. Но объективно эти формы и методы обслуживают другой класс, т.-е. пролетариат. Процесс этой конкурентной борьбы должен обеспечить победу *крупному* производству, т.-е. нашему, пролетарскому. А по мере этих побед, по мере централизации хозяйства, по мере кооперирования крестьянства (все эти процессы регулируются и направляются диктаторской властью рабочего класса) будет все более реальным и хозяйственный план, который все скорее будет превращаться в действительный план *всего общественного производства*. В *пределе* мы будем иметь здесь не государственный капитализм, а *социализм*, так как чистые формы пролетарской общественной собственности вытеснят и государственно-капиталистическое (концессии, аренду, частный капитал, регулируемый нами, и проч.). Таким образом, наша конкурентная борьба теперь, внешне чрезвычайно похожая на ту борьбу, которую ведет крупный капитал с капиталом мелким, *по сути дела*, т.-е. *с точки зрения классов*, имеет резко выраженный пролетарский, антикапиталистический, социалистический характер.

„Декретами не построишь социализма",—любили говорить наши противники, когда диктатура рабочих экспроприировала экспроприаторов, цвет российских промышленных и торговых тузов. Конечно, одними декретами социализма не построишь. Нельзя его построить и одной голой экспроприацией. Но эта экспроприация, овладение командными высотами хозяйственной жизни, открыла этап *такой* форме классовой борьбы, открыла путь *такой* конкуренции хозяйственных типов, из которых неизбежно вырастает социалистический строй.

Преимущества крупного производства, которые в *наших* условиях суть преимущества пролетариата, не могли существовать в условиях падения производительных сил, хозяйственного

распада, отсутствия источников сырья и топлива, полного отсутствия управляющих и знающих кадров. Но они неизбежно будут выявляться все резче и резче по мере роста производительных сил, роста крестьянского рынка теперь, когда у нас есть уже топливо, сырье и, что является колоссально-важным фактором,—знающие и умелые товарищи, прошедшие уже достаточную школу суровой хозяйственной борьбы.

III. О ликвидаторстве наших дней.

Путь к коммунизму, таким образом, оказался вовсе не таким простым, каким мы предполагали раньше. Мы избавились от иллюзий, что само по себе означает нашу крупную победу: ведь, в переходный период пролетариат, по выражению Маркса, должен переделывать и свою собственную природу. Но этот гораздо более трудный и извилистый путь, несмотря на то, что он обещает нам победу, требует от нас и величайшей энергии в классовой борьбе. Более того: он сопровождается не только трудностями, *непосредственно* вытекающими из логики этой своеобразной борьбы (например, трудностями в деле осуществления лозунга „учитесь торговать"), но и совершенно новыми трудностями социального порядка внутри самого борющегося пролетариата. Сюда относятся все проблемы так-называемого перерождения, когда перед рабочим классом и его партией возникает задача *дополнительной* борьбы уже в пределах самого рабочего фронта.

Таким образом, задача усложняется по *новой* линии. И опять-таки: теперь совершенно ясно, что это—не случайность, что эта проблема, наоборот, будет играть довольно крупную роль в любой рабочей революции. И здесь, следовательно, иллюзия более прямого и гладкого пути лопнула.

Крах иллюзий до известной степени аналогичен поражению. С известной точки зрения (очень условной и относительной) он сам может быть рассматриваем как поражение, хотя реально он является победой: он является поражением с точки зрения тех самых иллюзий, которые потерпели крах и, следовательно, с точки зрения реальных носителей этих иллюзий.

После всякого поражения появляются дезертиры. Но, если проанализировать ряды этих дезертиров, то всегда оказывается, что они вербуются из среды наименее устойчивых, наименее выдержанных бойцов.

В пролетарской армии таковыми являются мелкобуржуазные и интеллигентские элементы. Они могут легко увлекаться и итти на горячий штурм, но они так же легко выдыхаются, впадают в отчаяние, истерически „сомневаются", „теряют веру", впадают в скептицизм, „хнычут", „пересматривают" или же ударяются в какую-либо „высокую" область, предоставляя тащить лямку „верующим".

Тогда они, на самом дне отщепенства, разыгрывают из себя аристократов духа, которые высоко посматривают на то, из чего „все равно ничего не выйдет".

Картину такого бегства, бегства в настоящем смысле этого слова, мы видели после поражения революции в 1905 году, когда тысячи ушли от рабочего класса и ушли навсегда.

Некоторую аналогию мы имеем и теперь, после краха иллюзий. И здесь точно так же интересно проследить, как строится идеологическая цепочка отщепенства.

В демократической революции 1905 года либеральная буржуазия еще до декабрьского восстания перешла открыто в контр-революционный лагерь. Она стала центром идейного притяжения для тех попутчиков рабочего класса, которые после декабря массами стали покидать его ряды. Меньшевики стали плевать на восстание московских рабочих и пошли на сделку с кадетами; открытые дезертиры прониклись настроениями „Вех"; кое-кто из бывших „максималистов" начал обзывать русский народ несмысленной Фефелой, ради которой господам героям и стараться-то, в сущности, нечего. И так далее, и тому подобное.

Еще до Октябрьской революции из лагеря пролетариата и крестьянства ушли меньшевики и эсеры, подобно кадетам в 1905 году. Но после краха иллюзий военного коммунизма эти меньшевики и эсеры стали центром идейного притяжения для дезертиров. С этой точки зрения чрезвычайно любопытен был бы анализ таких группировок, как „рабочая группа" (мясниковцы) и „Рабочая Правда". Крах иллюзий они приняли за крах коммунизма и, начав с „левой" критики нашей партии, сделали (в особенности „Рабочая Правда") полный оборот в 180°, придя целиком к меньшевистской концепции.

„Рабочая Правда", начав с критики РКП, как партии, якобы, предавшей Октябрьскую революцию, закончила свою карьеру критикой Октябрьской революции, т.-е. свернула на дорожку Либерданов в октябре 1917 года. Мясниковцы, начав с критики внутрипартийной „диктатуры" в ковычках, дошли до критики диктатуры пролетариата и до лозунгов, объединяющих всех врагов Советской власти, начиная от Милюкова и кончая Даном. И все эти почтенные люди—и Даны, и „Заря", и эсеры, и дезертиры—все в одну дудочку кокетничают сантинэповскими мотивами, хотя политически требуют нэповской „демократии".

Все это—пропащие люди. Хуже всего, однако, то, что у нас есть — зачем это скрывать? — скрытые скептики, в особенности из среды квалифицированной учащейся молодежи. Среди них считается признаком дурного тона говорить о нашем продвижении вперед, и, наоборот, они чрезвычайно охочи, с видом своего собственного превосходства (на то, ведь, они и „критически-мыслящие личности", не в пример всем прочим!) сладострастно посудачить о наших болезнях, промахах и ошибках.

Не священная тревога за судьбу революции живет в них, а глубоко скрытое неверие в наше будущее. Не поисками положительных решений они живут, а более „высокой" деятельностью, перед которой бледнеет „злоба дня сего".

Вот этот тип собачьей старости, который идейно родственен дезертирству, но облекается в туманную вуаль „высокого и прекрасного", нужно лечить, пока не поздно. Как резко контрастируют с ними свежие рабочие силы, которые сотнями тысяч при-

ходят к нам в ленинском призыве! Какой глубокой уверенностью, каким громадным социальным оптимизмом проникнуты эти новые ряды! И они видят тысячи трудностей, и они видят громадные болячки на нашем теле. Но у них все дышит активной творческой уверенностью в том, что все трудности мы победим, если сплочены и дружны будут наши стальные ряды.

И в этом смысле то громадное обновление, которое переживает наша партия, само по себе служит могучим признаком роста пролетарской страны. Ликвидаторству приходит волею пролетариата бесславный конец.

Новые статьи В. И. Ленина.

Ниже мы печатаем разысканную на-днях в архиве т. Ленина статью, которая до сих пор не видела света. Статья эта писана для журнала „Коммунистический Интернационал“ (приблизительно в феврале или марте 1922 г.) и была задумана, как продолжение тех „Заметок публициста“, которые Владимир Ильич помещал тогда почти в каждом номере „К. И.“.

Я помню, как В. И. обещал закончить эту статью для очередного номера „К. И.“, а потом так и не сделал этого из-за усталости и обременения работой.

По вопросу о роли Павла Леви во время третьего конгресса были значительные расхождения и внутри русской делегации. Свою ошибку в этом вопросе В. И. не раз признавал в устных беседах. Он сделал это, оказывается, и письменно. Заявлением В. И. в печатаемой статье кладется конец не лишенному интереса спору в связи с важным эпизодом, имевшим большое значение для определения тактики Коминтерна.

Что касается Серрати, то столь резкая оценка его тов. Лениным относится к моменту небольших ошибок т. Серрати и наиболее неверных его выступлений против Коминтерна. В этом месте мы вычеркиваем из рукописи В. И. несколько резкостей вызванных страстностью борьбы, и мы совершенно уверены, что поступаем в этом отношении в духе В. И. Он первый вычеркнул бы теперь все эти резкости, и первый порадовался бы возвращению т. Серрати в ряды Коминтерна, — тем более, что т. Ленин высоко ценил способности т. Серрати.

Статья, хотя и незаконченная В. И., появляется как нальзя более во-время. Вскоре предстоит пятый конгресс Коминтерна, перед которым пройдут многие из проблем, затрогиваемых в этой статье. Германская компартия вновь переживает острую внутреннюю борьбу. Находятся ультра-„левые“ товарищи, которые апеллируют к ошибке покойной Розы Люксембург в 1903 г. против взглядов Коминтерна, например, в организационном вопросе. Этим товарищам особенно полезно будет прочитать то, что об этом говорит В. И. Находятся охотники распространяться о „кризисе“ Коминтерна. Этим товарищам особенно полезно будет прочитать то, что т. Ленин говорит о „не шумной, не яркой, не крикливой, не быстрой, но глубокой работе создания в Европе и в Америке настоящих коммунистических партий“. А то, что сказано В. И. „о восхождении на высокие горы“ и, в особенности, „о вреде уныния“, очень и очень небесполезно будет прочитать и перечитать многим „критикам“ политики РКП.

Г. Зиновьев.

I.

О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т. п.

Заметки публициста.

Вроде примера.

Представим себе человека, совершающего восхождение на очень высокую, крутую и неисследованную еще гору. Допустим, что ему удалось, преодолевая неслыханные трудности и опасности, подняться гораздо выше, чем его предшественники, но что вершины все же он не достиг. Он оказался в положении, когда двигаться вперед по избранному направлению и пути оказалось уже не только трудно и опасно, но и прямо невозможно. Ему пришлось повернуть назад, спускаться вниз, искать других путей, хотя бы более длинных, но все же обещающих возможность добраться до вершины. Спуск вниз на той невиданной еще в мире высоте, на которой оказался наш воображаемый путешественник, представляет опасности и трудности, пожалуй, даже большие, чем подъем: легче оступиться; не так удобно осмотреть то место, куда ставишь ногу; нет того особо приподнятого настроения, которое создавалось непосредственным движением вверх, прямо к цели, и т. д. Приходиться обвязывать себя веревкой, тратить целые часы, чтобы киркой вырубить уступы или места, где бы можно было крепко привязать веревку, приходится двигаться с черепашьей медленностью и притом двигаться назад, вниз, дальше от цели, и все еще не видеть, кончается ли этот отчаянно опасный, мучительный спуск, находится ли сколько-нибудь надежный обход, по которому можно бы опять, смелее, быстрее, прямее двинуться вперед, вверх к вершине.

Едва ли не будет естественным предположить, что у человека, оказавшегося в таком положении, являются, несмотря на то, что он поднялся неслыханно высоко, — минуты уныния. И, вероятно, эти минуты были бы многочисленнее, чаще, тяжелее, если бы он мог слышать некоторые голоса снизу, наблюдающие из безопасного далека, в подзорную трубу, этот опаснейший спуск, который нельзя даже назвать (по образцу „сменовеховцев“) „спуском на тормозах“, ибо тормоз предполагает хорошо рассчитанный, уже испробованный экипаж, заранее подготовленную дорогу, испытанные уже ранее механизмы. А тут ни экипажа, ни дороги, вообще ничего, ровно ничего испытанного ранее.

Голоса же снизу несутся злорадные. Одни злорадствуют открыто, улюлюкают, кричат: сейчас сорвется, так ему и надо, не сумасшествуй. Другие стараются скрыть свое злорадство, действуя преимущественно по образцу Иудушки Головлева; они скорбят, вознося очи горе. „К прискорбию, наши опасения оправдываются. Не мы ли, потратившие всю жизнь на подготовку разумного плана восхождения на эту гору, требовали отсрочки восхождения, пока наш план не кончен разработкой? И если мы так страстно боролись против пути, оставляемого теперь и самим безумцем (смотрите, смотрите, он пошел назад, он спускается вниз, он целыми часами подготовляет себе возможность

подвинуться на какой-нибудь аршин. А нас поносил подлейшими словами, когда мы систематически требовали умеренности и аккуратности!)—если мы так горячо осуждали безумца и предостерегали всех от подражания и помощи ему, то мы делали это исключительно из любви к великому плану восхождения на данную гору, чтобы не скомпрометировать этот великий план вообще".

К счастью, наш воображаемый путешественник, в условиях взятого нами примера, не может слышать голосов этих „истинных друзей" идеи восхождения, а то бы его, пожалуй стошнило. Тошнота же, говорят, не способствует свежести головы и твердости ног, особенно на очень больших высотах.

II.

Без метафор.

Пример—не доказательство. Всякое сравнение хромает. Это—истины бесспорные и общеизвестные, но их не мешает напомнить, чтобы нагляднее представить границы значимости всякого сравнения вообще.

Российский пролетариат поднялся в своей революции на гигантскую высоту, не только по сравнению с 1789 и 1793 гг., но и по сравнению с 1871 годом. Надо как можно трезвее, яснее, нагляднее дать себе отчет в том, что именно мы доделали и чего не доделали, — тогда голова останется свежею, не будет ни тошноты, ни иллюзий, ни уныния.

Мы „доделали" буржуазно-демократическую революцию так „чисто", как никогда еще в мире. Это — величайшее завоевание, которого никакая сила назад не возьмет.

Мы доделали выход из реакционнейшей империалистической войны революционным путем. Это — тоже такое завоевание, которое никакая сила в мире назад не вернет, и завоевание тем более ценное, что реакционные империалистические бойни неизбежны в недалеком будущем, если сохранится капитализм; а люди XX века не очень легко удовлетворяются второй раз „базельскими манифестами", которым в 1912 и 1914—18 годах одурачили себя и рабочих ренегаты, герои 2-го и 2½ Интернационалов.

Мы создали советский тип государства, начали этим новую всемирноисторическую эпоху — эпоху политического господства пролетариата, пришедшего на смену эпохе господства буржуазии. Этого тоже назад взять уже нельзя, хотя „доделать" советский тип государства удастся лишь практическим опытом рабочего класса нескольких стран.

Но мы не доделали даже фундамента социалистической экономики. Это еще могут отнять назад враждебные нам силы умирающего капитализма. Надо отчетливо сознать и открыто признать это, ибо нет ничего опаснее иллюзий (и головокружения, особенно на больших высотах). И нет решительно ничего „страшного", ничего дающего законный повод хотя бы к малейшему унынию в признании этой горькой истины, ибо мы всегда исповедывали и повторяли ту азбучную истину марксизма, что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран. А мы все еще пока одни, и в стране отсталой, в стране более других разоренной сделали невероятно много. Мало того: мы сохранили „армию" революционных пролетарских сил, мы сохранили ее „маневренную способность", мы сохранили ясность головы, позволяющую нам трезво учесть, где, когда и на сколько надо отступить (чтобы сильнее прыгнуть); где, когда и как именно надо приняться за переделку недоделанного. Погибшими наверняка надо бы признать тех коммунистов, которые бы вообразили, что можно без ошибок, без отступлений, без многократных переделываний недоделанного и неправильно сделанного закончить такое всемирноисторическое „предприятие", как завершение фундамента социалистической экономики (особенно в стране мелкого крестьянства). Не погибли (и вероятнее всего, не погибнут) те коммунисты, которые не дадут себе впасть ни в иллюзии, ни в уныние, сохраняя силу и гибкость организма для повторного „начинания сначала" в подходе к труднейшей задаче.

И нам тем менее позволительно впадать хоть в малейшее уныние, тем менее есть оснований для этого, что кое в чем мы при всем нашем разорении, нищете, отсталости, голоде, начали двигаться вперед в области подготовительной к социализму экономики, тогда как рядом с нами, во всем мире, страны, более передовые, в тысячу раз более нас богатые и военно-могущественные, продолжают двигаться назад в области „ихней" ими прославленной, им знакомой, сотни лет уже испытанной, капиталистической экономики.

III.

Об охоте на лис; о Леви, о Серрати.

Говорят, самым надежным способом охоты на лис является следующий: прослеженных лис окружают на известном расстоянии веревкой с красными флажками на небольшой высоте от снегу; боясь явно искусственного „человеческого" сооружения, лиса выходит только тогда и только там, где эта „ограда" из флажков приоткрывается; а там ее и ждет охотник. Казалось бы, осторожность для такого зверя, которого все травят, качество самое положительное. Но и тут „продолжение достоинства" оказывается недостатком. Лису ловят именно на ее чрезмерной осторожности.

Должен покаяться в одной ошибке, которую мне довелось сделать на 3-м съезде Коминтерна тоже из-за чрезмерной осторожности. На этом съезде я стоял на крайнем правом фланге. Убежден, что это была единственно правильная позиция, ибо весьма многочисленная (и „влиятельная") группа делегатов, со многими немецкими, венгерскими и итальянскими товарищами во главе, занимала неумеренно „левую" и неправильно левую позицию, слишком часто заменяя трезвый учет не очень благоприятной для немедленного и непосредственного революционного действия обстановки усиленным маханьем красными флажками. Из

осторожности, в заботе о том, чтобы этот несомненно неправильный уклон в левизну не дал ложного направления всей тактике Коминтерна, я защищал Леви всячески, высказывая предположения, что он потерял голову (я не отрицал, что он потерял голову), может быть, из чрезмерного испуга перед ошибками левых, и что бывали случаи, когда потерявшие голову коммунисты потом опять „находили" ее. Допуская даже перед натиском „левых", что Леви меньшевик, я указывал, что даже такое допущение не решает еще дела. Например, вся история 15-летней борьбы меньшевиков с большевиками в России (1903—1917) доказывает, как доказывают это и три русских революции, что меньшевики в общем были безусловно неправы, что они были на деле агентами буржуазии в рабочем движении. Это—факт бесспорный. Но этот бесспорный факт не устраняет того факта, что в отдельных случаях меньшевики бывали правы против большевиков, например, в вопросе о бойкоте столыпинской думы в 1907 году.

Со времени 3-го съезда Коминтерна прошло уже 8 месяцев. Видимо, наш тогдашний спор с „левыми" уже устарел, уже решен жизнью. Я оказался неправ насчет Леви, ибо он с успехом доказал, что попал на меньшевистскую дорожку не случайно, не временно, не только „перегибая палку" против опаснейшей ошибки „левых", а надолго, прочно по всему своему естеству. Вместо того, чтобы после 3-го конгресса Коминтерна честно признать необходимость снова попроситься в партию, как должен бы поступить человек, временно потерявший голову в раздражении на некоторые ошибки левых, Леви принялся мелко пакостить партии и из-за угла ставить подножки ей, т.-е. оказывать фактические услуги агентам буржуазии из 2-го и $2^1/_2$-го Интернационалов. Разумеется, вполне правы были немецкие коммунисты, которые ответили на это, исключив недавно из своей партии еще нескольких господ, оказавших тайно поддержку Павлу Леви в этом благородном занятии.

Развитие германской и итальянской коммунистических партий после 3-го конгресса Коминтерна доказывает, что ошибка левых на этом конгрессе ими учтена и исправляется—понемногу, медленно, но неуклонно; решения 3-го конгресса КИ проводятся лойяльно в жизнь. Преобразование старого типа европейской парламентской, на деле реформистской и лишь слегка подкрашенной в революционный цвет, партии в новый тип партии, в действительно революционную, действительно коммунистическую партию — это вещь чрезвычайно трудная. Пример Франции показывает эту трудность, пожалуй, всего нагляднее. В повседневной жизни переделать тип партийной работы, преобразовать обыденщину, добиться того, чтобы партия стала авангардом революционного пролетариата, не отходя от масс, а все более и более сближаясь с ними, поднимая их к революционному сознанию и революционной борьбе — это самое трудное, но и самое верное дело. Если европейские коммунисты не используют для этого коренного, внутреннего, глубокого переделывания всей постройки и всей работы своих партий того (вероятно, очень короткого) промежутка между периодами особого обострения революционных битв, который переживали многие коммунистические страны Европы и Америки в 1921 году и в начале 1922 года, то это будет с их стороны величайшим преступлением. К счастью, опасаться этого нет оснований. Не шумная, не яркая, не крикливая, не быстрая, но глубокая работа создания в Европе и Америке настоящих коммунистических партий, настоящих революционных авангардов пролетариата начата, и эта работа идет.

Политические уроки даже из наблюдения такой тривиальной вещи, как охота на лис, оказываются небесполезными: с одной стороны, чрезмерная осторожность приводит к ошибкам. С другой—нельзя забывать, что, если заменить трезвый учет обстановки одним „настроением" или маханьем красными флажками, то можно сделать ошибку уже непоправимую, можно погибнуть при таких условиях, когда хоть трудности и велики, но гибель ничуть, ни чуточки еще не обязательна.

Павел Леви желает теперь особо выслужиться перед буржуазией—и, следовательно, перед 2-м и $2^1/_2$-м Интернационалами, ее агентами, — переиздавая как-раз те сочинения Розы Люксембург, в которых она была неправа. Мы ответим на это двумя строками из одной хорошей русской басни: орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда под небо не подняться. Роза Люксембург ошибалась в вопросе о независимости Польши; ошибалась в 1903 году в оценке меньшевизма; ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в июле 1914 года рядом с Плехановым, Вандервельдом, Каутским и др. объединение большевиков с меньшевиками; ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 года (при чем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 и начале 1919 годов исправила большую часть своих ошибок). Но, несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом: и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и полное собрание ее сочинений (с которыми невозможно опаздывают немецкие коммунисты, извиняемые лишь отчасти неслыханным количеством жертв в их тяжелой борьбе) будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира. „Немецкая социал-демократия после 4-го августа 1914 г. — „смердящий труп",—вот с каким изречением Розы Люксембург войдет ее имя в историю всемирного рабочего движения. А на заднем дворе рабочего движения, среди навозных куч, куры в роде Павла Леви, Шейдемана, Каутского и всей этой братии, разумеется, будут особенно восторгаться ошибками великой коммунистки. Каждому свое.

Что касается до Серрати, то итальянские коммунисты, воспитывая настоящую партию революционного пролетариата в Италии, будут иметь теперь наглядный образец меньшевизма перед глазами рабочих масс. Не сразу, не без многих повторных наглядных уроков скажется полезное, отталкивающее действие этого образца, но скажется оно непременно. Не отрываться от масс, не терять терпения в тяжелой работе практического разоблачения перед рядовым рабочим всех Серрати: там, где Серрати говорят „а", повторять „минус а"; воспитывать массы неуклонно к революционному миросозерцанию и революционному

действию; пользоваться практически и практично великолепными (хотя и дорого стоящими) наглядными уроками фашизма—и победа за итальянским коммунизмом обеспечена.

Леви и Серрати характерны не сами по себе, а как современный образец крайнего левого крыла мелкобуржуазной демократии, „ихнего“ лагеря, лагеря международных капиталистов, против нашего лагеря. „Ихний“ лагерь злорадствует, ликует или проливает крокодиловы слезы весь, целиком, от Гомперса до Серрати, по поводу нашего отступления, нашего „спуска вниз“, нашей новой экономической политики. Пусть злорадствуют. Пусть выделывают свои клоунские упражнения. Каждому свое. А мы не дадим себя во власть ни иллюзиям, ни унынию. Не бояться признавать свои ошибки, не бояться многократного, повторного труда исправления их—и мы будем на самой вершине. Дело международного блока от Гомперса до Серрати—дело погибшее.

Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге.

Настоящий замечательный документ написан В. И. Лениным 4-го декабря 1922 года и был предназначен в качестве инструкции нашей делегации, отправлявшейся на конференцию II Интернационала в Гааге по вопросу о борьбе против войны.

Г. З.

По вопросу о борьбе с опасностью войны в связи с конференцией в Гааге я думаю, что самый большой трудностью является преодоление того предрассудка, что этот вопрос простой, ясный и сравнительно легкий.

— Ответим на войну стачкой или революцией,—так говорят обыкновенно все виднейшие вожди реформистов рабочему классу. И очень часто кажущаяся радикальность этих ответов удовлетворяет и успокаивает рабочих и крестьян.

Может быть, самый правильный прием состоял бы в том, чтобы начать с самого резкого опровержения подобного мнения. Заявить, что особенно теперь, после недавней войны, только самые глупые или безнадежно лживые люди могут уверять, что подобный ответ на вопрос о борьбе против войны куда-нибудь годится; заявить, что „ответить“ на войну стачкой невозможно, точно так же, как невозможно „ответить на войну“ революцией в простейшем и буквальном смысле этих выражений.

Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается, и как беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны.

Надо объяснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны, и почему оно не могло обстоять иначе.

Надо объяснить, в особенности, значение того обстоятельства, что „защита отечества“ становится неизбежным вопросом, который громадное большинство трудящихся будет неизбежно решать в пользу своей буржуазии.

Поэтому разъяснение вопроса о „защите отечества“,—во-первых; во-вторых, в связи с этим, разъяснение вопроса о „пораженчестве“, и, наконец, разъяснение единственно возможного способа борьбы против войны, именно сохранение и образование нелегальной организации для д л и т е л ь н о й работы против войны всех участвующих в войне революционеров—все это должно быть выдвигаемо на первый план.

Бойкот войны—глупая фраза. Коммунисты должны итти на любую реакционную войну.

Желательно на примерах, хотя бы немецкой, литературы перед войной и, в частности, на примерах Базельского конгресса 1912 г. показать с особенной конкретностью, что теоретическое признание того, что война преступна, что война недопустима для социалиста и т. п. оказывается пустыми словами потому, что никакой конкретности в подобной постановке вопроса нет. Никакого действительно жизненного представления о том, как война может надвинуться и надвинется, мы не даем массам. Напротив, господствующая пресса каждый день в необъятном числе экземпляров затушевывает этот вопрос и распространяет относительно него такую ложь, против которой слабая социалистическая пресса совершенно бессильна, тем более, что и в мирное время они держатся по этому пункту в корне неправильных взглядов. Коммунистическая пресса в большинстве стран, наверное, осрамится тоже.

Я думаю, что нашим делегатам на международном конгрессе кооператоров в трэд-юнионистов следовало бы разделить между собою задачи и разобрать все те софизмы, которыми оправдывают войну в настоящее время с самой детальной подробностью.

Может быть, самым главным средством привлечения масс к войне являются именно те софизмы, которыми буржуазная пресса оперирует, и самым важным обстоятельством, объясняющим наше бессилие против войны, является то, что мы либо этих софизмов не разбиваем заранее, либо еще больше отделываемся по отношению к ним дешевой, хвастливой и совершенно пустой фразой, что мы войны не допустим, что мы вполне понимаем преступность войны, и т. п. в духе Базельского манифеста 1912 года.

Мне кажется, ч т о, е с л и у н а с б у д е т н а Г а а г с к о й к о н ф е р е н ц и и н е с к о л ь к о ч е л о в е к, с п о с о б н ы х н а т о м и л и д р у г о м я з ы к е с к а з а т ь р е ч ь п р о т и в в о й н ы, то всего важнее опровергнуть мнение о том, будто п р и с у т с т в у ю щ и е являются противниками войны, будто они понимают, как война может и должна надвинуться на них в самый неожиданный момент, будто они сколько-нибудь сознают способ борьбы против войны, будто они сколько-нибудь в состоянии предпринять разумный и достигающий цели путь борьбы против войны.

В связи с недавним опытом войны мы должны разъяснить, какая масса и теоретических и житейских вопросов станет на другой день после объявления войны, отнимая всякую возможность у громадного большинства призываемых относиться к этим вопросам со сколько-нибудь ясной головой и сколько-нибудь добросовестной непредубежденностью.

Я думаю, что разъяснять этот вопрос надо с необыкновенной подробностью и разъяснять его надо двояко.

Во-первых, рассказывая и анализируя, что было во время предыдущей войны, и заявляя всем присутствующим, что они этого не знают, или что они притворяются знающими это, на самом же деле закрывают глаза на то, в чем состоит самый гвоздь вопроса, без знания которого ни о какой борьбе против войны не может быть и речи. По этому пункту, я думаю, необходим разбор всех оттенков, всех мнений, которые среди русских социалистов возникли тогда по поводу войны. Необходимо доказать, что эти оттенки возникли не случайно, а будучи порождены самой природой современных войн вообще. Необходимо доказать, что без анализа этих мнений и без разъяснения того, как они неизбежно возникают и как они имеют решающее значение для вопроса о борьбе с войной, без такого анализа ни о какой подготовке к войне и даже о сознательном отношении к ней не может быть и речи.

Во-вторых,—надо взять примеры теперешних конфликтов, хотя бы и самых ничтожных, и разъяснить на их примере, как война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали их договора с Турцией, или между Америкой и Японией из за пустяковинного разногласия по любому тихо-океанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров, или из-за споров об их таможенной или вообще торговой политике и т. д., и т. д.

Мне сдается, что, если будут малейшие сомнения насчет возможности вполне свободно сказать всю свою речь против войны в Гааге, то следует обдумать ряд хитростей для того, чтобы сказать, хотя бы, только главное, а затем издать то, что не удастся досказать, брошюрой. Надо итти на то, чтобы председатель оборвал.

Я думаю, что для этой же цели в делегацию должны быть приглашены кроме ораторов, способных и обязанных сказать речь против войны в целом, т. е., развивая все главные доводы и все условия борьбы против войны,—еще владеющие всеми тремя главными иностранными языками люди, которые посвящали бы себя разговорам с делегатами и выяснению того, насколько ими поняты основные доводы и насколько есть надобность в постановке тех или иных аргументов, или привлечения примеров.

Может быть, по ряду вопросов способно оказать серьезное действие только привлечение фактических примеров из области прошлой войны. Может быть, по ряду других вопросов серьезное действие можно оказать лишь разъяснением современных конфликтов между государствами и их связи с возможным вооруженным столкновением.

По вопросу о борьбе с войной мне помнится, что есть целый ряд заявлений наших коммунистических депутатов как в парламентах, так и в речах вне парламентов, заявлений такого рода, которые содержат в себе чудовищно неправильные и чудовищно легкомысленные вещи насчет борьбы с войной. Я думаю, что против подобных заявлений, особенно, если они делались уже после войны, надо выступить со всей решительностью, беспощадно называя имена каждого подобного оратора. Можно смягчить как угодно, особенно, если это нужно, свой отзыв о таком ораторе, но нельзя пройти молчанием ни одного подобного случая, ибо легкомысленное отношение к этому вопросу есть такое зло, которое перевешивает все остальное и к которому быть снисходительным абсолютно невозможно.

Есть ряд решений рабочих съездов, безнадежно глупых и легкомысленных.

Надо собрать немедленно все и всякие материалы и обстоятельно обсудить и все отдельные части и частицы темы и всю „стратегию“ на съезде.

С нашей стороны будет нетерпима по такому вопросу не только ошибка, но и существенная неполнота.

Ленин.

4/XII 1922 г.

А. Слепков.

К третьей годовщине Кронштадтского мятежа [1]).

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Кронштадт на пути к буржуазной диктатуре.

История показала себя в нашу эпоху войны безжалостной по отношению к мелкой буржуазии.

Между февралем и октябрем 1917 года фиктивно у власти стояла мелкая буржуазия, а фактически правил крупный капитал. В 1918 году мелко-буржуазная учредилка возродилась при поддержке чехо-словацких войск, но эта учредилка вынуждена была вести чисто буржуазную политику изъявилась лишь подготовительной ступенькой к прямой диктатуре помещичье-капиталистического блока, представленного Колчаком.

Эпоха гражданской войны, наконец, знает момент, когда у кормила государственной власти стояли меньшевики (Грузия), но и эта мелко-буржуазная власть защищала интересы не только буржуазии (отечественной и иностранной), но и интересы феодального землевладения. Мелко-буржуазная в субъективно-классовом отношении власть вела всегда объективно-буржуазную или даже помещичье-крепостническую политику.

Иначе и не может быть в эпоху краха капитализма и социалистической революции. Социалистическая революция подготовлена экономической и политической гегемонией города над деревней.

Города являются мощными центрами передовой техники, более высших экономических форм, высшей стадии общественных отношений.

Город подчинил себе деревню в эпоху капитализма и технически, и экономически, и политически.

Вот почему капиталистический или социалистический город, а не мелко-буржуазная деревня—определяет государственную политику эпохи социальной революции. Эту мысль очень выпукло выразил Ленин в статье „Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата".

[1]) Данные, приводимые в этой статье без ссылок, взяты автором из следственного материала ГПУ по Кронштадтскому делу.

„Сколько бы мелко-буржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами (Черновы, Мартовы, Каутские, Лонге, Макдональды и К-⁰), ни разбивали себе лоб перед богинями „равенства", „всеобщего голосования", „демократии", „чистой демократии" или „последовательной демократии", от этого не исчезнет экономический и политический факт неравенства города и деревни. Это—факт, неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму в частности.

Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно ведет за собой деревню. Деревня неизбежно идет за городом. Вопрос только в том, какой класс из „городских классов" сумеет вести за собой деревню, осилить эту задачу, и какие формы это руководство города примет" [1]).

Кронштадт—это волна мелко-буржуазной крестьянской контрреволюции против пролетарского города, против диктатуры пролетариата.

И с железной неизбежностью Кронштадт, разомкнувшись с пролетарским государством, потянулся к буржуазной гегемонии.

Мы уже показали, что политическая программа Кронштадта открыла путь к буржуазному реставраторству. Одно знакомство с этой программой в первые дни войны дало основание российской коммунистической партии охарактеризовать движение, как контр-революционное. Одна эта программа дала нам основание утверждать, что в Кронштадте зреет генеральская диктатура.

Эта диктатура не успела осуществиться, не имела времени занять господствующее положение, но в этом неповинны руководители Кронштадтского мятежа—это было исключено геройством боевого авангарда российского пролетариата, в невероятно трудных условиях вернувшего Кронштадт Советской России. В развитии же мятежа Кронштадтский Ревком шаг за шагом приближался к установлению буржуазной гегемонии. Эта тенденция буржуазно-политического реставраторства проявлялась и в объективной логике политического поведения „беспартийного" Ревкома и в динамике субъективных устремлений руководителей мятежа.

Следует, прежде всего, развеять легенду о формальной беспартийности Кронштадтской власти.

Посмотрим на Ревком.

Ряд показаний о Петриченко, председателе Ревкома, обнаруживает в нем быв. члена партии левых эсеров. Заведывающие гражданскими делами члены Ревкома Вальк и Романенко—члены меньшевистской партии, член Ревкома и редакционной коллегии Орешин—член партии энесов. Фактическим руководителем „Известий" был активный член партии с.-р. максималистов Ламанов, а деятельнейшим сотрудником, написавшим большинство статей в „Известиях", Был Путилин, член партии энесов.

[1]) Собрание соч. Ленина, т. XVI. стр. 442. курсив т. Ленина.

Заведующий Кронштадтским Совнархозом принадлежит к меньшевистской партии.

Если принять во внимание, что меньшевики, эсеры и энесы сознательно маскировали свою партийность под личиной „беспартийного" Совета, и что они предпочитали выдвинуть фиктивными руководителями, за спинами которых действовали они, беспартийных, то картина получится довольно поучительная.

Даже при такой политике мелко-буржуазных партий командные высоты в Совете были заняты настоящими или бывшими членами этих партий; при чем, бросается в глаза значительное участие членов партии энесов, т.-е. самой правой, самой близкой к буржуазии, самой контр-революционной „социалистической" партии.

Но наиболее крупным удельным весом в Кронштадтском „правительстве", несомненно, отличались эсеры.

Впрочем, между эсерами, меньшевиками и энесами в их практической деятельности обнаружилось почти полное единодушие по основным вопросам.

Основной тенденцией в этой деятельности было усиление репрессий и гонений на коммунистов и рост сближения с буржуазной контр-революцией.

Предоставляя свободу действий „левым социалистам", кронштадтцы с первого дня мятежа начали применять насилие к коммунистам. Уже во 2 № „Известий" Ревком вынужден опровергать слухи о том, что „арестованным коммунистам чинится насилие" [1]).

В № 7 от 9/III сообщается, что „на форту" „Красноармейский" находившиеся там коммунисты усердно вели свою злостную агитацию и давали команде чувствовать, что они являются еще господами их и не собираются уступать своего места.

При попытке уйти с форта, эти „коммунисты в числе 50 человек были задержаны, обезоружены и отправлены в распоряжение Временного Ревкома" [2]).

В следующем № „Известий" Ревком обращает внимание кронштадтцев на то, что „среди населения еще не мало шпионов-коммунистов, сеятелей ложных слухов".

Временный Ревком предупреждает, что „против сеятелей ложных слухов будут приняты решительные меры, диктуемые обстоятельствами военного времени" [3]).

Нас нисколько и не на минуту не удивляет, что кронштадтцы применяли насилие, запретили свободу слова, собраний, организаций. Мы этой свободы организации лишаем контр-революционные партии, а кронштадтцы, давая свободу организации „левым социалистам", меньшевикам, эсерам и „народным социалистам", т.-е. партиям, заведомо контр-революционным, лишали свободы только коммунистов, объявляли вне закона только революционно-пролетарскую партию.

Подавляя одной рукой коммунистов, руководители мятежа другую руку все решительней и безоговорочней протягивали

[1]) „Известия" Врем. Кроншт. Ревкома № 2, 4/III „От Врем. Ревкома".
[2]) „Известия" № 7—от 9/III.
[3]) „Известия" № 8—от 10/III „От Врем. Ревкома".

Кронштадтской белой спецовской офицерщине, игравшей функционально иную роль, чем при Советской власти.

Кронштадтцы субъективно были возмущены тем, что в красной печати их изображали орудием в руках военной белогвардейщины, но объективно такой взгляд был бесспорным.

У нас спецовский военсостав находится под постоянным и тщательным политконтролем пролетарской партии; у кронштадтцев этого не было. Фактическим верховодом военной борьбы был штаб, руководимый спецами. Возглявлялся штаб начальником штаба крепости, быв. подполковником Соловьяновым, начальником оперативной части штаба крепости генштабистом Арканиковым и начальником артиллерии, бывшим генералом Козловским.

Если еще 6-го марта на совещание в штабе были приглашены делегаты от морских и сухопутных частей, то уже после этого собрания делегатов больше не приглашали, и штаб действовал вполне самостоятельно.

Правда, Ревком имел право формального контроля, но во всех случаях спора между Ревкомом и Соловьяновым, как это обнаружилось на следствии, „Ревком всегда уступал спецам из штаба".

Снявши политических руководителей военных сил—коммунистов, мятежники обеспечили белому спец-офицерству возможность самостоятельного военно-политического действия.

Обеспечивая своей политикой в „армии", если можно назвать армией сравнительно небольшие воинские силы Кронштадта, гегемонию белого спец-офицерства, кронштадтцы нащупывали все ближе и конкретнее пути и формы смычки с западно-европейской контр-революцией.

Через неделю после разрыва с Советской Россией—Кронштадт принял контр-революционного гостя.

Им оказался, бывш. командир „Севастополя" барон Вилькен, возглавлявший комиссию американского „Красного Креста". Этот барон Вилькен был известен в матросской среде, как самый свирепый зубр царского флота, и одно известие о его прибытии в Кронштадт вызвало в Советской армии, противостоящей Кронштадту, подъем политического настроения.

Вилькен предложил Кронштадту от американского „Красного Креста" помощь продовольствием и медикаментами, которые должно было переправить контрабандой через Финляндию.

Ревком согласился на эту помощь контр-революционной организации, при чем, члены Ревкома Вальк и Перепелкин не отрицают на следствии, что им вполне ясны были политический смысл этой сделки с контр-революцией и обязательства, налагаемые таким сотрудничеством.

Правда,—кронштадтцы колебались, вступая в блок с явной контр-революцией.

На одном из последних заседаний Ревкома разбиралось обращение Чернова, предлагавшего вооруженную и прочую помощь под условием, что Кронштадт примет лозунг борьбы за Учредительное Собрание.

Несмотря на поддержку члена Ревкома меньшевика Валька и

колебания других членов Ревкома, Чернов не собрал здесь за свое предложение большинства.

Однако, на заседании Ревкома 13 марта руководители мятежа вынуждены были констатировать, что изолированное существование Кронштадта далее немыслимо. Необходимо или капитулировать перед Советской Россией или обратиться к широкому сотрудничеству с капиталистическим миром.

Ревком принял решение обратиться с воззванием о помощи ко всему миру—и нашел возможным принимать помощь в различных формах, откуда бы она не следовала.

Возможность и неизбежность такого решения предвиделись Ревкомом еще до этого заседания.

В № 8 „Известий“ от 10 марта, и в радио пролетариату всех стран, Ревком заявляет: „Если бы наша борьба затянулась, мы, может-быть, и будем вынуждены обратиться к внешней помощи продовольствием ради наших раненых героев, детей и гражданского населения“.

Такова логика гражданской войны: или с буржуазией или с пролетариатом.

Восставши против пролетарского государства, Кронштадт неотвратимо подвигался к смычке с буржуазией.

„Беспартийные Советы“—мелко-буржуазные партии—крупная контр-революционная буржуазия, таковы звенья цепи, приковавшей Кронштадт к мировой контр-революции.

Если „демократическое“ мелко-буржуазное звено тянулось к мировой буржуазной цепи из Кронштадта, то мировой капитал торопился сомкнуться своим звеном с Кронштадтом, протягивая к нему встречные щупальцы.

Мы не будем здесь подробно излагать литературно-политическую шумиху русской белой эмиграции, поднятую вокруг Кронштадта. Общий итог этой шумихе тов. Ленин подвел в политическом заключении брошюры „О продналоге“:

„Свыше полусотни заграничиых белогвардейских русских газет развивают бешеную по энергии кампанию „за Кронштадт“... Умный вождь буржуазии и помещиков кадет Милюков терпеливо разъясняет дурачку Виктору Чернову прямо (а сидящим в Питерской тюрьме по их связи с Кронштадтом меньшевикам Дану и Рожкову косвенно), что не к чему торопиться с Учредилкой, что можно и должно высказаться за Советскую власть—только без большевиков“ [1]).

Нас интересует здесь больше фактическая, материальная, объективная, социально-политическая сцепка, чем сцепка субъективно-идейная.

На одном из известных нам примеров мы и должны сейчас выявить эту объективную социальную сцепку.

Созданное эсерами в Париже в половине 1920 г. „Внепартийное объединение“, поставившее себе задачу организовать внутри России блок контр-революционных сил для свержения Советской власти и подготовить новые интервенции, необычайно воспрянуло духом, когда получило известие о Кронштадтском восстании.

[1]) Н. Ленин. Собр. сочинений, том XVIII, ч. I, стр. 229.

Эсеры готовят вооруженную подмогу Кронштадту.

У нас нет еще всех необходимых данных, вскрывающих размеры и методы эсеровской контр-революционной работы в связи с кронштадтскими событиями.

Однако, некоторые косвенные, хотя и отрывочные данные у нас есть.

Возьмем хотя бы следующий отрывок из протокола Адм. Центра этого „Внепартийного объединения“, руководимого эсерами [2]).

Утреннее заседание Адм. Центра.

3 апреля 1921 г.

Присутствуют: Авксентьев, Брушвит, Зензинов, Керенский, Роговский и Фабрикант.

Слушали:

1. Доклад Брушвита о его поездке в Балтику.
2. О работе в Финляндии.

Ингерманландцы в хороших отношениях с финами и склонны сотрудничать с нами. Представитель Ингерманландской организации Тюнни сочувствует нашей деятельности. В Финляндии находится около 15 тысяч мужчин ингерманландцев, из коих три тысячи могут быть мобилизованы. Во время Кронштадтского восстания ингерманландцы хотели выступить в помощь кронштадтцам и дать 300 лошадей.

В. М. Черновым переведено в Финляндию в распоряжение Тюнни 10.000 фр.

Таким образом, эсеры финансировали организацию, обязующуюся выступить в помощь Кронштадту против Советской России.

Кто же субсидирует эсеров?

Раньше всего русские заграничные „толстосумы“, как ласково именует капиталистов эмигрантов в одном из своих писем член Ц.К. П.С.-Р. Зензинов.

В письме своем от 13 марта Зензинов пишет Роговскому:

„Вчера мы получили от вас из Парижа перевод в 50 тыс. франков и от Бахметьева по телеграфу—25 тысяч долларов. Бахметьев, кроме того, телеграфирует, что надеется в ближайшем будущем прислать сюда еще“.

В этом же письме Зензинов пишет [1]):

„Для осуществления этого (продпомощи Кронштадту) необходима гарантия около шести миллионов чешских крон... Вам в Париже виднее, где можно такую гарантию найти—быть-может, у русских банков и промышленников, у Денисова, о готовности которых помочь сейчас Кронштадту теперь много пишут „Последние Новости“ и „Общее Дело“...

[2]) См. „Работа эсеров за границей“. По материалам парижского архива эсеров.
[1]) Там же, стр. 27.

Итак, первый источник—русские эмигранты „толстосумы".

В другом письме Зензинова, относящемся уже к декабрю 1921 г., мы натыкаемся на описание беседы Зензинова с чешским премьер-министром Бенешом.

> „Мы—заявляет Бенеш,—считаем вашу работу полезной и нужной как для России, так и для нас. Поэтому мы не допустим, чтобы ваша работа прекратилась. Но эта работа, в отличие от прошлого, должна происходить по определенному хозяйственному плану. С января вы будете получать на „Еженедельник" 50 тысяч крон. Я лично постараюсь эту сумму увеличить до шестидесяти или шестидесяти пяти".

Так излагает речь Бенеша сам Зензинов [2]).

Отсюда уже явствует связь эсеров с иностранным капиталом, в данном конкретном случае—чешским.

В письме от 8 марта в Париж Зензинов заявляет:

> „Одна беда—нужны деньги купить гарантии. Нам здесь кажется,—за это дело должен вплотную взяться Керенский в Париже (с *официальными кругами* и с русскими толстосумами)".

Парижские официальные круги фигурируют на-ряду с толстосумами, как объекты „доения".

Итак, иностранный капитал второй финансовый источник эсеров.

Мы можем теперь изобразить ряд реальных сцеплений кронштадтцев с явно контр-революционными силами.

Кронштадтцами фактически руководят бывшие и настоящие члены мелко-буржуазных партий (с.-д., с.-р., н. с.).

Эти последние лишают свободы слова, печати, организации коммунистическую партию.

Военная спецовская верхушка „эмансипирована" от контроля коммунистов, и белому офицерству обеспечено фактическое господство в Кронштадте.

Кронштадтцы изолируют себя от Советской России.

Они принимают помощь американского „Красного Креста".

Американский „Красный Крест" есть белая организация, содержащаяся на средства капиталистов.

Французские и чехо-словацкие „официальные круги" и русские эмигранты снабжают средствами эсеров.

Эсеры нанимают ингерманландцев для борьбы с Советской Россией.

Ингерманландцы готовят военную поддержку Кронштадту.

Правда, все эти сцепления суть *процессы*, оборванные на середине нашей победой, но *объективную историческую* роль кронштадтского мятежа они рисуют достаточно ясно.

Кронштадт объективно был третьим этапом в наступлении контр-революции на пролетарское государство.

---

[1]) Там же, стр. 25.

Первый этап характеризуется очень примитивной расстановкой враждебных сил: *помещичье-капиталистическая белая армия против красной рабоче-крестьянской* (Корнилов, Каледин, Дутов), или — англо-германо-французские войска капиталистических государств против революционных войск российского рабочего государства.

Второй этап. Цепочка удлиняется; мелко-буржуазные партии *под своим флагом* организуют восстание против диктатуры пролетариата. Бело-помещичье-буржуазная диктатура укрепляется за счет мелко-буржуазной контр-революции (эсеровская учредиловка—Колчак-Деникин; меньшевистская Грузия—западно-европейский капитал).

Появляются два звена контр-революционной цепочки: *меньшевистско-эсеровская контр-революция и белая диктатура.*

Третий этап. Кронштадт: три звена—„*беспартийные*" *кронштадтские мятежники, эсеро-меньшевики, русская и иностранная капиталистическая реакция.*

Контр-революция была бита в эпоху гражданской войны во всех этих трех этапах борьбы, борьба передвинулась в наши дни в полосу „мирной" эволюционной, но по классовому смыслу той же схватки различных социально-экономических формаций. Мы должны победить ее в этой полосе, учитывая уроки гражданской войны.

Практические уроки Кронштадта.

В этой новой и последней полосе классовой борьбы в эпоху *нэп'а* мы должны помнить о следующих уроках Кронштадта.

1. Мы можем и должны вести политику прижимки *капиталистических* слоев крестьянства, мы можем в нашей *экономической политике пренебречь* пожеланиями и стремлениями крестьянской *буржуазии*; но *мы не можем и не должны*, если желаем укрепления пролетарского государства, *не считаться с устремлениями и минимумом экономических требований крестьянства, как социального носителя простого товарного хозяйства.*

Товарность хозяйства и частное производство на трудовой основе—вот этот минимум требований.

Только исходя из этих условий, в нашем хозяйственном строительстве, мы вырываем в деревне почву из-под контр-революции.

При этом не следует забывать, что простая декларация о разрешении товарности и частного трудового хозяйства—ничего не значит. Надо, чтобы крестьянское хозяйство имело экономические условия, необходимые для реализации прав на простое товарное хозяйство. Правильно указывалось неоднократно, что раздвижение „ножниц" или чрезмерно высокий и пестрый налог—могут свести на нет эти права.

Каждодневно и в каждом звене цепи экономических мероприятий крестьянское хозяйство, как простое товарное хозяйство,

должно учитываться как отправной пункт, как объект приспособления, долженствующего укреплять пролетарское государство.

2. По линии политического укрепления Советской власти,— максимум активно-враждебного внимания ликвидаторским лозунгам политического „нейтрализма".

С этой точки зрения необходим свирепый отпор Сапроновским устремлениям к отодвиганию советского аппарата от партийного. Наши задачи в деревне диаметрально противоположны этим устремлениям. Симптоматичным является для наших дней учащение требований об организации „крестьянских профсоюзов". Идейные истоки этого лозунга—за рубежом; на этом начинают играть и Милюков, и Дан и Чернов.

Кронштадтская ставка на беспартийных советах была бита; новая ставка делается на „беспартийные" крестьянские профессиональные объединения.

Ответом на это течение должна быть новая кампания за организацию пролетарских и полупролетарских сил деревни под руководством РКП.

3. В нашей внутрипартийной политике следует, еще и еще раз учтя уроки Кронштадта, не забывать:

а) об опасности внутрипартийного фракционного ращепления, политически развязывающего социальные стихии вне партии.

Расшатывая дисциплину внутри партии, мы ослабляем руководство партии над пролетариатом и гегемонию пролетариата над крестьянством.

Партия есть Гордиев узел, связующий своим единодействием пеструю систему социальных сил советского общества; развязывая этот узел, мы развязываем и обусловленное и реализованное им сцепление советского общества.

б) о необходимости тщательного периодического фильтра молодых непролетарских кадров партии.

Кронштадтская организация РКП потеряла за время кронштадтского мятежа около 900 членов партии, перешедших на сторону мятежников.

В громадной своей массе это не рабочие и из молодняка, имеющего 1—2-летний партийный стаж [1]).

С этими уроками и сознанием громадных трудностей впереди мы будем укреплять в массах политическую идеологию не Кронштадта начала 1921 г., а нашего, октябрьского, красного Кронштадта—„красы и гордости революции".

---

[1]) Это прямо-таки бросается в глаза при чтении „Кронштадтских Известий".

И. Степанов.

Может ли ВСНХ делать погоду? [1]).

I.

Я имею в виду экономическую погоду, погоду в общем ходе нашего промышленного производста.

Итак, может ли ВСНХ делать экономическую погоду?

Я отвечаю: да, в известных, ограниченных пределах, но все же он может делать погоду. И во всяком случае об этом стоит подумать, а подумав и обсудив, осторожно поставить первые опыты.

Во время партдискуссии, именно при обсуждении нашей экономической политики, сдва ли не центральным пунктом споров сделался вопрос об активном торговом балансе: должны ли мы вывозить за границу на большие суммы, чем ввозим оттуда, и заставлять заграницу оплачивать избыток нашего ввоза фунтами стерлингов и долларами, которые будут составлять наш актив, наш чистый денежный выигрыш от внешней торговли (активный торговый баланс)? Или же, напротив, всю выручку от нашего вывоза мы сейчас же должны затрачивать на приобретение за границей недостающих у нас продуктов, не останавливаясь при случае перед доплатами загранице дополнительных сумм (пассивный торговый баланс).

Оппозиция в конце-концов признала, что для нас необходим активный баланс, но, говорила она, достаточно будет, если его активность, т.-е. превышение заграничных денежных платежей нам над нашими обязательствами по отношению к загранице, будет умеренная, приближающаяся к нулю. Достигнуть этого очень легко: денежные избытки, которые нам до сих пор доставляла внешняя торговля, надо использовать на создание иностранной товарной интервенции. А эти ужасные слова означают простую вещь: надо употребить чистую выручку от иностранной торговли на приобретение за границей предметов широкого потребления, например, ситца. Этим, по словам представителей оппозиции, достигались бы двоякого рода цели. Во-первых, конкуренция иностранного ситца заставила бы наши тресты понизить свои расценки. Во-вторых, деревня быстрее получила бы необходимые для нее товары, что послужило бы толч-

---

[1]) Печатается в порядке обсуждения. *Ред.*

ком для энергичного расширения земледельческого производства.

Пример был выбран не из удачных. Наша текстильная промышленность вообще способна еще к очень большому расширению, достаточно быстрому для того, чтобы удовлетворить внутренний спрос на мануфактуру. Что касается снижения цен, оно, как показал опыт последних недель, может и без „иностранной товарной интервенции" вынуждаться в пределах, соответствующих интересам этой промышленности и общим интересам нашего союза. Конкуренция необходмма для выравнивания цен книзу при капиталистическом производстве. У нас же имеются более прямые способы установления нормальных цен. Мы еще далеко не использовали и не могли использовать этих способов, так как предпосылки для энергичного и планомерного их применения создаются только полным проведением теперешней денежной реформы. А затем для всякого ясно, что никуда не годилась бы такая экономическая политика Советской власти, которая не направляла бы главных усилий на развитие собственной промышленности.

Но что же в таком случае делать с теми миллионами фунтов стерлингов, крон, марок и франков, которые, благодаря внешней торговле, осаждаются в Наркомфине и Госбанках?

Спору нет, известные запасы иностранных ценностей необходимы для того, чтобы совершать обычные, абсолютно необходимые для нас закупки за границей. Еще бóльшие запасы требуются для того, чтобы, какие-нибудь непредвиденные случайности не застали нас неподготовленными. Например, если бы хлопок у нас не уродился, нам пришлось бы усилить ввоз заграничного хлопка. Не повредят значительные денежные запасы и в том отношении, что некоторые из наших добрых соседей должны знать, что неприятности, которые они захотели бы причинить нам, по крайней мере в первые недели не заставят нас производить суровые налоговые нажимы и не сорвут наших твердых денег. И, наконец, запасы ли золота, запасы ли заменяющих его долларов и фунтов стерлингов служат надежным обеспечением твердости наших денег, и червонца, и построенного на нем казначейского билета.

Но уже здесь возникает вопрос: как это червонец может обеспечиваться фунтами стерлингов, лежащими, скажем, в Госбанке? Очевидно, он обеспечивается в той мере, в какой, скажем, трест, покупая для себя машины в Англии, может купить на червонцы фунтов стерлингов и отправить последние в Англию. Но для этого требуется сравнительно небольшой запас стерлингов. Точнее говоря, не надо никакого запаса, так как Англия покупает у нас больше, чем мы у нее, а потому, оплачивая разницу, дает нам новые и новые миллионы фунтов стерлингов. Зачем они нам? Что делать с ними?

А дальше—еще хуже. Вдруг Макдональд захочет и сумеет сосватать нас со своими приятелями английскими капиталистами, и те ухнут по нашему Союзу хорошим займом,—так с миллиард фунтов стерлингов, т. е. более 8 миллиардов червонных рублей. Он нас положительно убьет своим великодушием. По этому займу нам придется уплачивать ежегодно почти полмиллиарда одних

только процентов. А что мы сделаем из бумажных фунтов стерлингов? Да и с золотыми было бы не лучше.

Я преднамеренно беру фантастические цифры, чтобы вопрос выступил перед читателями ясно и выпукло. Существо дела не изменяется от того, что сверх безусловно необходимых запасов иностранных ценностей иностранная торговля будет увеличивать их ежегодно не на миллиарды, а на десятки, а затем и на сотни миллионов рублей. Для чего нам эти иностранные деньги? Уж не правы ли оппозиционные экономисты, которые советовали ухнуть эти избытки за границу и превратить их в иностранные товары: отказаться от удержания активного торгового баланса и смело пойти на пассивный?

II.

Я предлагаю очень простой выход из тех ужасов, которые приносит нам активность нашего торгового баланса и в еще большей мере принес бы серьезный иностранный заем:

ВСНХ должен делать экономическую погоду.

Он должен осторожно подойти к этой задаче, но тем не менее современем должен подойти к ней.

А Наркомфин (или Госбанк,—финансово-технические различия в данной связи не играют роли), поскольку имеются действительные избытки над необходимым обеспечением твердости наших денег и над запасами на разные случайности, должен открыть кредиты на производство соответствующих опытов.

Что все это означает, выясняю на нескольких произвольно взятых примерах.

И до войны мы покрывали собственной добычей только небольшую долю нашей потребности в свинце, меди, цинке и вынуждены были в больших количествах ввозить из-за границы эти металлы, потребление которых, в особенности меди и цинка, все более возрастает с развитием современной промышленности. Что касается свинца и меди, развитие собственного добывания их имеет очень большое значение для повышения обороноспособности страны. Во многих областях нашего Союза природные условия для развития соответствующих производств в высокой степени благоприятные: Киргизская степь, Алтай, Риддер, Урал, Закавказье, частью Предкавказье обладают прекрасными месторождениями руды указанных металлов. Месторождения эти находятся либо в небольшом расстоянии от каменно-угольных залежей, либо в непосредственном соседстве с мощными источниками гидравлической силы, которые делают легко осуществимым электролитический способ добывания красного и белого металлов.

Капитал, получавший громадные барыши в других сферах, едва лишь подходил к этому делу, которому однако предстоит огромное будущее: наш Союз, при сравнительно небольших затратах, в непродолжительном времени сумел бы не только полностью покрыть собственные потребности в меди, свинце и цинке (попутно и в серебре), но и утвердить за собой влиятельное положение на мировом рынке этих цветных металлов.

Должны ли мы ждать концессионеров, которые, вне всяких сомнений, вынуждены будут притти к нам под давлением объективных обстоятельств? — или же можем кое-что сделать и сами?

Мой ответ таков: можем и должны кое-что сделать, не откладывая дела в особенно долгий ящик. Мы должны использовать первый же случай, когда у нас в запасах золота и иностранных ценностей окажется „свободных" два — три десятка миллионов рублей.

От опытных инженеров я знаю, что десятка миллионов рублей будет достаточно, чтобы заложить прочный и жизнеспособный медный завод на Урале или Кавказе, и с десятком же миллионов рублей можно приступить к добыванию белых металлов на Алтае. Небольшие затраты потребовались бы для быстрого развития добычи на некоторых золотых приисках.

Итак, предположим, что Высшему Совету Народного Хозяйства открыт кредит в размере 10 миллионов рублей из тех сумм, которые оставила у нас активность нашего торгового баланса, и которые существуют в виде $1^1/_2$ милл. фунтов стерлингов. Эта сумма, конечно, будет затрачена не разом, а в один—два года. Часть ее, скажем, 4 милл. рублей будет затрачена за границей а оплату (фунтами стерлингов) таких предметов оборудования, производства которых почему-нибудь нельзя ожидать от нашей промышленности.

Остальные 6 милл. рублей будут затрачены внутри и потому выдаются нашими деньгами: червонцами и казначейскими билетами. Соответственно можно увеличить эмиссию (выпуск) банкнот. Они полностью, рубль за рубль, обеспечиваются остающейся неизрасходованною суммой фунтов стерлингов.

Но, скажут, добавочная эмиссия банкнот увеличит количество денег, уже находящихся в обращении, а это может угрожать понижением курса, т. е. срывом нашей твердой валюты.

Такая опасность действительно угрожала бы нам, если бы шесть миллионов рублей были выпущены, например, для повышения окладов совслужащим, работа которых не даст нам дополнительных реальных ценностей.

Насколько велика она в том случае, когда дополнительные деньги затрачиваются с производительными целями?

III.

Первым делом придется приступить к строительным работам по сооружению завода, например, на Южном Урале, по устройству гидроэлектрической станции и т. д.

Те сотни рабочих, которые будут привлечены к этому делу, за два года получать в виде заработной платы 2 милл. рублей.

Они будут расходовать эти деньги на земледельческие продукты и мануфактуру, а те суммы, которые перейдут в оплату земледельческих продуктов от рабочих к крестьянам, последние в свою очередь станут расходовать на приобретение разных продуктов промышленности. Таким образом, получится толчок к расширению ряда промышленных отраслей. Каждый рубль из двух миллионов, затраченных на заработную плату, будет совершать непрерывно обороты: от рабочего к крестьянину, от крестьянина в мануфактурный магазин, оттуда в кассу треста, из этой кассы на машиностроительный завод, отсюда за донецким углем и т. д. Следовательно, каждый дополнительный рубль послужит орудием дополнительного усиленного обращения,—дополнительного к уже существовавшему, и постольку не окажет никакого давления на курс уже обращающихся денег.

С другой стороны, это оживление будет не искусственным, не фиктивным, не бумажным, а почвенным, реальным оживлением. Ведь строительные рабочие отрабатывают каждый рубль, и не просто отрабатывают, а создают полтора-два рубля в виде сооружаемого ими завода. А затем, по истечении двух лет, завод заработает и начнет выбрасывать на рынок медь. Дополнительные деньги потребуются для ее обращения и для ряда обращений и оборотов, связанных с ее обращением. Деньгами, вырученными за медь, завод оплачивает рабочих и приобретаемые им с других заводов предметы для возобновления оборудования, каменный уголь, серную кислоту и проч.; рабочий покупает на свои деньги земледельческие продукты у крестьянина; тот затрачивает их на мануфактуру, а частично и на присоединение своего села к электро-станции и т. д., и т. п.—десятки и сотни взаимно перекрещивающихся и переплетающихся сделок, для обслуживания которых денег в количестве двух милл. рублей будет уже далеко недостаточно.

Так как сотни новых рабочих получат заработок сначала по постройке завода, а затем в его нормальной текущей работе, то безработица сократится и возрастет внутренний платежеспособный спрос на земледельческие продукты. Соответственно уменьшится наш вывоз этих продуктов, и активность нашего торгового баланса понизится в своей степени. Каждый новый шаг в собственной промышленности будет приводить к относительному (а впоследствии и к абсолютному) сокращению вывоза хлеба по сравнению с внутренним потреблением: это явление—постоянный спутник индустриализации всякой страны. Относительно, а затем и абсолютно, будет сокращаться также вывоз яиц, птицы, мяса, льна, пеньки, марганцевой руды, нефти и т. д.: с успехом делая экономическую погоду, ВСНХ будет вести к такому положению, что мы сами сумеем их потреблять и перерабатывать.

Поскольку все это так будет, в общем складе внешней торговли обнаружатся тенденции от активного к пассивному балансу. Но предполагается, что предыдущий период активности оставил у нас достаточные запасы иностранной валюты (в нашем примере забронировано специально для медного завода 6 милл. фунт. стерлингов), и потому мы можем производить необходимые закупки за границей.

А затем вновь построенный завод начнет действовать и, выбрасывая медь на рынок, соответственно сокращать наши затраты на иностранную медь. Это поведет опять к усилению актив-

ности нашего торгового баланса и станет освобождать новые и новые запасы иностранной валюты в наших хранилищах.

Но, как следует из всего предыдущего, нет никаких оснований бояться этого результата,—и нет никаких оснований искать спасения от таких ужасов в „иностранной товарной интервенции", в энергичной закупке за границей предметов массового потребления. Вместо того, чтобы затрачивать свободные средства таким непроизводительным способом, в известном смысле транжирить их, в тысячу раз полезнее будет производительное использование этих средств внутри страны, на развитие нашей собственной промышленности.

Я должен признаться, что меня не особенно угнетает даже мысль о многомиллиардных займах, которые в одно прекрасное утро преподнесет нам наш приятель Макдональд или какой-нибудь добрый американский дядюшка. По каждому занятому миллиону нам придется уплачивать одних процентов 50—60 тысяч руб. ежегодно, потом к этому присоединится 30—40 тысяч рублей на погашение займа. Постольку каждый заем несет в себе тенденцию к снижению активности общего расчетного баланса, предполагает вывоз от нас, не оплачиваемый заграничными деньгами, и постольку же каждый миллион займа фактически дает нам меньше свободных средств, чем миллион рублей, осадившийся в нашем активе от превышения нашего вывоза над нашим ввозом. Значит, здесь меньше придется ломать голову над вопросом, куда его девать, как пристроить с той целью, чтобы двинуть нашу промышленность вперед.

С течением времени, — в значительной степени благодаря активной политике „делания погоды",—наша промышленность разовьется настолько, что мы захватим заметное место на мировом промышленном рынке, и наш общий платежный баланс будет активным уже не потому, что мы выбрасываем много хлеба и всяческого сырья, а потому, что вывозим большое количество фабрикатов. Наступит, наконец, такая полоса в нашем развитии, когда в интересах нашей промышленности и в интересах всего хозяйства Союза надо будет вывозить продукты промышленности за границу, не требуя их немедленной оплаты. Что тогда делать?

Да то и делать: надо будет вывозить промышленные продукты за границу, не требуя от нее немедленных платежей, т.-е. надо будет экспортировать капитал.

Это значит: надо будет нашими средствами проводить железные дороги в Турции, Персии, Китае, надо будет брать на себя оборудование в этих странах каменно-угольных копей, доменных печей, разработку руд, постройку заводов и т. д. Это надо будет делать также для того, чтобы освободить эти страны от их тепершнего глубоко трагического положения, когда каждый свой шаг на пути к развитию современной экономики они оплачивают тем, что западный и японский капитал все туже затягивает на их шее долговую петлю, все глубже закабаляет их.

Мы с радостными чувствами можем смортеть на те денежные избытки, которые приносит нам иностранная торговля. Это — реальная опора и для нашего собственного движения, и для той активной внешней экономической политики, которая принесет освобождение наших соседей от капиталистического рабства, которая впервые поставит наши политические отношения с этими странами на реальный базис и закрепит их экономической заинтересованностью.

Такая внешняя политика, опирающаяся на экспорт капитала, будет одинаково необходима, советизируются ли соседние страны в сколько-нибудь близком будущем, или же они еще сравнительно долгое время останутся в теперешнем положении. Во втором случае эта политика — необходимое условие ослабления их рабской зависимости от иностранного капитала и, следовательно, их ускоренного движения к советизации. Во втором случае она еще более необходима, чем в первом.

IV.

Из 10 милл. рублей, находящихся в виде фунтов стерлингов и ассигнованных на организацию разработки уральских медных руд, 4 милл. рублей в фунтах стерлингов затрачено на приобретение заграничных машин, 2 милл. рублей в фунтах же стерлингов послужили обеспечением для выпуска соответствующей суммы банкнот, которые послужат для оплаты рабочих. Английской валюты остается еще на 4 милл. руб. Что делать с ними?

Они должны послужить обеспечением для эмиссии дополнительных банкнот еще на 4 милл. рублей, которые пойдут на приобретение с заводов Союза таких предметов, как кирпич, цемент, стекло, кровельное железо, стальные балки, кирки, вагонетки, рельсы для подъездных узкоколеек и т. д. Эти деньги, представляя дополнительный реальный спрос, — реальность которого определяется производительным предназначением строящегося завода,— поведут к расширению производства на целом ряде заводов. Постольку они произведут на них, на земледелие и т. д. такое же действие, с которым мы уже познакомились, изучая путь двух миллионов, затраченных на заработную плату, и такое действие, как выпуск на рынок меди, добытой на новом заводе.

Но вот здесь-то мы и наталкиваемся на те реальные границы, которые объективными условиями ставятся „деланию экономической погоды" через ВСНХ. Он не может творить промышленное оживление из ничего. Наркомфин сорвал бы всю денежную систему и бросил бы всю промышленность в жесточайший кризис, если бы ему пришла в голову блажная мысль „оживлять" нашу промышленность нерасчитывающим и неучитывающим печатанием банкнот.

При „делании погоды" необходимо исходить из строжайшего учета существующих реальных возможностей; из данного состояния наших производительных сил и из данного распределения их между различными отраслями. Вопреки известным воззрениям Туган-Барановского, не прилив или отлив денежного (или, еще уже, но и ближе к его воззрениям: кредитного) капитала, а состояние и соотношения производственного капитала являются действительным базисом промышленных коньюнктур и возможностей.

Миллионы дополнительных банкнот ничему не помогут, если не будет в срок тех вагонеток и машин, которые червонцами должны быть передвинуты на строящийся медный завод, если не будет той дополнительной стали, которую они должны перебросить на машиностроительный завод, и если не будет того чугуна и угля, в котором нуждается дополнительное производство стали. Ненужные для передвижения товаров дополнительные червонцы окажутся избытком над действительными потребностями обращения и всей своей массой произведут понижательное действие на их общий курс. Твердая валюта будет сорвана и разрушена.

Конечно, с течением времени производительные силы вырастут и по-новому перераспределяться между различными отраслями промышленности. Но мы, во всяком случае, должны исходить из существующих пропорций и из того соображения, что должны рассчитывать на более или менее постепенные сдвиги в этих пропорциях. Иначе нам угрожала бы та опасность, что заказы не будут выполнены в безусловно необходимый срок, что другие заказчики и покупатели будут обмануты в своих рассчетах, а это нанесет удар соответствующим отраслям, откуда задержки и перебой распространятся на всю область промышленности, а затем ударят и по земледелию. Вместо оживления экономики, будет обеспечен жестокий кризис и развал, вместо желанной „весны", будет сделана суровая экономическая „осень" или „зима".

Я думая, что наиболее подходящими для первых „опытов" окажутся новые для нас отрасли, в которых производство еще надо создать и сбыт для которых можно считать обеспеченным. Сюда относятся, например, добывание „белых металлов" (свинца, цинка), в значительной степени меди, но затем и производство целлюлозы с примыкающими к нему производствами (напр., бумаги). Для устройства этих производств придется сделать значительные закупки за границей (приобретение машин и вообще предметов оборудования).

Конечно, эти производства должны создаваться (или возрождаться) с самого начала в наиболее совершенных, европейских или американских технических формах. Тогда они сумеют и без каких-либо искусственных мер утвердиться на внутреннем рынке, а затем начать постепенное выступление на мировой рынок, где общая коньюнктура для них очень благоприятная.

Нам здесь не обойтись без привлечения опытных иностранных инженеров, а на первых порах и квалифицированных иностранных рабочих. Вообще надо будет строить не по кустарному, без излишней спешки и торопливости, но серьезно, прочно и основательно.

По всей вероятности, в данной связи не следует пренебрегать и „желтым металлом", золотом, особенно в тех случаях, когда относительно небольшие затраты способны оправдаться в довольно короткое время. А у нас такие возможности в некоторых областях золотодобывающей промышленности несомненно имеются. Но и в этом случае рациональнее всегда будет не подновлять старинку, а строить по-новому, что предполагает, между прочим, и приобретения за границей предметов оборудования, и привлечение иностранных техников.

Есть все основания ожидать, что в некоторых из отмеченных отраслей мы, не дожидаясь иностранных концессионеров, достаточно быстро и с относительно небольшими затратами получили бы достаточно удовлетворительные результаты и для этих отраслей, и для всей нашей промышленности.

Однако мне думается, что нам незачем стойко воздерживаться от осторожного перенесения „опытов" делания экономической погоды в такие захудалые и заброшенные отрасли нашей промышленности, как тяжелая металлическая промышленность. Конечно, оживление тех отраслей, на которые мы, согласно предыдущему, направим все свое внимание, косвенно, но в многоразличных направлениях, отразится и на ней. Но на этом нельзя останавливаться. Целый ряд соображений говорит за то, что из существующих отраслей промышленности мы должны для проложения новых капиталов избрать прежде всего такие, которые наиболее отстали, которые надо наиболее подправить и подтянуть. А крупная металлургическая промышленность находится именно в таком состоянии.

С этой точки зрения большого внимания заслуживает, например, речное и морское судостроение. За фрахты мы переплачиваем иностранным судовладельцам крупные суммы, которые могли бы пойти на пользу нашей промышленности. Речные же транспортные средства справляются только с небольшой долей необходимейших перевозок.

При выборе сфер приложения нового капитала вообще следует считаться с такими соображениями: необходимо, чтобы от этих сфер движение как можно быстрее передавалось целому ряду других производств, доставляющих материалы и предметы оборудования для создаваемых или расширяемых производств; необходимо, чтобы эти сферы играли или способны были играть значительную роль в общей экономике страны; желательно—в особенности на первых порах, когда наши свободные ресурсы так ограничены и только условно могут считаться свободными,—чтобы период оборудования новых производств не был слишком продолжительным, чтобы первый приступ к делу, первые затраты на него и появление его продуктов на рынке разделялись относительно небольшим промежутком времени.

При соблюдении этих условий, при надлежащем учете наличных производительных сил, всякая рациональная затрата на расширение последних быстро оправдает себя. Она послужит новым приводом ремнем, который сообщит ускоренное движение соприкасающимся с нею отраслям промышленности и земледелию, от них жизнь и движение передается дальше,—и вся наша экономика будет пульсировать ускоренным темпом.

В деле финансирования начинаний ВСНХ значительные затруднения будут создаваться существом нашей денежной системы. По своей основной единице, по мерилу стоимости и по величайшей солидности металлического обеспечения, она—монометаллическая золотая система. Она—золотая система и в том смысле, что казначейские билеты и банкноты фактически являются не бумажными деньгами в точном значении слова, а кредитными деньгами и что они с большой легкостью обме-

ниваются на иностранную валюту по твердому курсу, если дело идет об устойчивых иностранных валютах. Но так как золото фактически не вступает во внутреннее обращение, то приходится действовать ощупью при определении того предела в эмиссии банкнот и казначейских билетов, за которым угрожала бы опасность инфляции, т. е. превышения той суммы денег, которую способно поглотить обращение без понижения курса денег. Именно потому, что нет надежного автоматического регулятора, наше финансовое ведомство вынуждено действовать с величайшей, в некоторых случаях, вероятно, с чрезмерной осторожностью и, быть может, иногда сжимать размеры эмиссии больше, чем требуют объективные обстоятельства. А это не может не отразиться на его отношениях ко всякой попытке ВСНХ расширить свою производственную программу. Действительный выход из этого тягостного положения, думается мне, способно дать только введение во внутреннее обращение действительного золота в таком количестве, чтобы прилив и отлив денег чутко следовал за действительными потребностями коммерческого оборота. В противоположность некоторым представителям бывшей оппозиции, я думаю, что в интересах нашего промышленного развития нам придется сделать этот шаг, и что после стабилизации нашей денежной единицы его сделать нетрудно, опираясь, между прочим, и на активы, оставленные внешней торговлей.

При условии внимательного учета, при надлежащем закреплении финансовой базы, при правильном выборе первоначальных направлений „экономического наступления", при известной решительности, даваемой знанием реальных соотношений нашей экономики, ВСНХ с большой надеждой на успех мог бы приступить к „деланию погоды".

Он должен сделать этот шаг, он не может откладывать его на неопределенное время.

Иностранная жизнь.

А. Стецкий.

„Оздоровление" Германии.

Осенью прошлого года опасность пролетарской революции заставила германскую буржуазию энергично взяться за „оздоровление" страны. В первую очередь ею ставится задача политического „оздоровления", т. е. устранения той непосредственной опасности, которая грозила со стороны рабочего класса. Для выполнения этой задачи пускаются в ход белый рейхсвер, генеральская диктатура и исключительное положение. Вместе с тем, меняется внешняя политика: Германия признает вторую „пассивную" войну проигранной и сдается на милость Пуанкаре. Политика сопротивления сменяется политикой выполнения.

Усмиряя рабочий класс методами военной диктатуры, германская буржуазия вместе с тем проводит целый ряд экономических мероприятий, которые должны были ослабить хозяйственный кризис, поставивший страну на грань революции.

Стабилизация марки, отмена восьмичасового рабочего дня и снижение заработной платы—должны были экономически „оздоровить" страну и тем самым устранить основную причину революционного кризиса.

Попытаемся исследовать эти экономические мероприятия и выяснить, насколько буржуазии удалось выполнить задачу „оздоровления" и восстановления нарушенного равновесия капиталистического хозяйства Германии.

Стабилизация марки.

Огромные расходы по поддержке сопротивления в Руре, а затем и все общегерманские расходы германское правительство покрывало путем выпуска бумажных денег. Однако, наивно было бы думать, что причиной фантастической германской эмиссии была горькая нужда капиталистической Германии. В этой эмиссии, в постоянном падении курса марки были кровно заинтересованы капиталистические магнаты. Эмиссионный налог ложился на тех, кто не имел в своих руках реальных ценностей и твердой иностранной валюты, т. е. в первую голову на рабочих и служащих, а затем—на мелкую буржуазию, на мелких рентьеров. Что касается Стиннесов, то денежная эмиссия дала им возможность не только возложить на эти слои все бремя государственных расходов, которые под конец на все 99,3% покрывались путем эмис

сии, не только свести к минимуму на издержки производства, жел.-дор. перевозок и пр., что позволило им успешно конкурировать на внешнем рынке своим „бросовым" экспортом, но и попросту экспроприировать слои мелкой буржуазии и рентьеров. Отсюда упорное сопротивление капиталистических магнатов всем попыткам приостановить падение марки весной прошлого года.

Однако, осенью дальнейшее продолжение эмиссии становилось невыгодным и опасным для германской буржуазии. Те слои, которым приходилось расплачиваться за эмиссию, разгадали, в конце концов, механику эмиссионной политики, позволявшую перекачивать расходы из их карманов в карманы капиталистических акул и в государственную кассу. Падающая марка из средства покрытия расходов государства и обогащения Стиннесов превращалась в фактор революции. Ее ежедневное падение подогревало революционное настроение в стране. Вместе с тем, марка достигла такой глубины падения и такого темпа, что являлась угроза окончательного разрыва всех связей капиталистического хозяйства. В стране начался стихийный переход к твердому золотому исчислению и к замене падающей марки всякого рода устойчивыми денежными суррогатами и иностранной валютой. Марка была использована, таким образом, до конца, и перед правительством был поставлен во всей остроте и неотложности вопрос о денежной реформе.

Условия, в которых проводилась эта реформа, были, можно сказать исключительными. Наша денежная реформа проводится в условиях хотя и постепенного, но неуклонного подъема народного хозяйства, роста продукции и промышленности и сельского хозяйства, роста товарооборота. К проведению реформы в Германии было приступлено в момент неслыханного глубокого хозяйственного кризиса: ноябрь-декабрь, месяцы проведения реформы, являются рекордными в отношении сокращения продукции, роста цен и кризиса сбыта. У нас реформа была начата после основательной подготовки, лишь после того, как удалось наладить поступление налогов, достигнуть известного равновесия между доходами и расходами, отодвинуть эмиссию, как источник доходов на задний план. Германское правительство берется за реформу при ужасающем дефиците в государственном бюджете. В последнюю десятидневку ноября прошлого года (разгар проведения реформы) государственные доходы составляли 15,1 миллионов зол. марок, расходы 258,7 миллионов, а дефицит—243,6 миллионов золотых марок. Поступления представляли, таким образом, лишь 6% расходов. При таких хозяйственных условиях и при таком состоянии бюджета денежная реформа являлась предприятием в высшей степени отчаянным. Если германская буржуазия решалась итти на эту реформу, то лишь потому, что предшествовавшая политика завела ее в тупик, из которого другими средствами выбраться было нельзя.

Основными элементами денежной реформы были: отказ правительства от эмиссии в целях покрытия дефицита, стабилизация старой бумажной марки и организация нового рентного банка, с правом эмиссии банкнот. В последнем—центр тяжести реформы. Банкноты рентного банка составляют теперь основу новой гер-

манской валюты, а кредиты этого банка дали правительству возможность покрывать в первые месяцы дефицит, отказаться от использования для этой цели эмиссии и стабилизировать старую бумажную марку, приведя ее в твердое соотношение с рентной маркой и с иностранной валютой.

Рассмотрим эту сторону реформы. Новый рентный банк независим от правительства. В его учреждении участвуют представители сельского хозяйства, промышленности, торговли и банков. Капитал банка в размере 3.200 миллионов марок состоит не из золота и не из реальных ценностей, а из долговых обязательств, которые вносят представители перечисленных групп, при чем одна половина этой суммы вносится представителями сельского хозяйства, другая половина—представителями промышленности, торговли и банков. На всю сумму долговых обязательств, т.-е. на 3.200 миллионов марок банк составляет закладные 5% листы и, пользуясь ими, как покрытием, выпускает в обращение свои банкноты—рентные марки.

Банк должен был выдать правительству 300 миллионов марок в качестве беспроцентной ссуды и затем, в течение 2-х лет, предоставлять 6% кредит в 900 мил. рентных марок.

Что же представляет собою рентная марка? Ее отличие от прежней бумажной марки состоит в том, что ее эмиссии поставлены известные пределы, она—по закону—не может превышать суммы, имеющихся в банке долговых обязательств (ипотек), т.-е. 3.200 миллионов марок. Однако, при большом дефиците, при острой нужде государства в средствах, всегда можно ожидать, что правительство само нарушит этот закон и теми или другими средствами заставит правление банка перешагнуть через поставленные эмиссии границы. Что такого рода возможность существует, показывают неоднократные попытки министра финансов Лютера получить в банке добавочные кредиты после того, как правительство в течение 2-х месяцев израсходовало не только 300 мил. беспроцентной ссуды, но и почти целиком, те 900 мил., которые оно должно было расходовать в течение 2-х лет. Поэтому опасность новой инфляции лежит черной тенью и на новой рентной марке с самого момента ее появления.

Несмотря на свое родство с прежней бумажной маркой, рентная марка была в общем с доверием принята оборотом в качестве твердой валюты. Правда, предшествовавшая практика эмиссии, состояние хозяйства. Причина такого благоприятного приема реформы лежит в другой области. Доверие и стабилизация валюты явились следствием доверия и стабилиции капиталистических отношений. Это последнее было укреплено поражением рабочего класса, введением белой диктатуры и начавшимся под ее прикрытием наступлением капитала на рабочий класс, наступлением, которое окрыляло надежды на ослабление хозяйственного кризиса.

Интересно отметить, что денежная емкость рынка сразу возросла в несколько раз с введением новой твердой валюты. В октябре ценность всей бумажно-денежной массы составляла около 416 мил. золотых марок, с суррогатами около 600 мил. зол. марок. В

конце же декабря, после проведения реформы, по сообщению министра финансов Лютера в обращении было:

Банкнот Рейхсбанка	400	милл. золотых марок.
Рентных марок	1.200	„ „ „
Мелких купюр зол. займа	300	„ „ „
Суррогатов	500	„ „ „
Всего	2.400	милл. золотых марок.

По сообщению стиннесовской „Дейтше Альгемайне Цайтунг“ от 14/III—24 г. к этому времени в обращении находилось уже 2.600 милл. марок. Таким образом, количество денег в обращении после реформы увеличилось больше чем в 4 раза. Это увеличение количества произошло, повидимому, за счет уменьшения той молниеносной скорости, с какой обращалась прежняя падающая марка.

Реформа финансов и налоговая политика.

Такое состояние бюджета, при котором налогами покрывалось лишь от 1% до 6% государственных расходов, было явно несовместимо с проводившейся денежной реформой, с переходом на твердую валюту. Оно должно было заставить правительство снова прибегнуть к эмиссии и тем сорвать денежную реформу. От этой опасности германское правительство спасается первые месяцы реформы кредитами Рентного банка, покрывая при помощи их колоссальные месячные дефициты. Вместе с тем, правительство направляет свои усилия к тому, чтобы привести бюджет в более нормальный вид. Эту задачу оно стремится выполнить, подходя с обоих концов бюджета: и со стороны доходной части и со стороны расходной части.

Что касается первой части, то здесь правительство принимает целый ряд мер, чтобы повысить поступления в казну: налоги уже в октябре—ноябре переводятся на золотое исчисление; разрабатывается целый ряд правительственных распоряжений, вводящих новые или видоизменяющих старые налоги; подоходный, налог на наследства, на биржевой оборот и проч. В общем, правительству приходится почти заново воссоздавать всю налоговую систему. Какова классовая сущность этой системы, создавшейся под прикрытием генеральской диктатуры, увидим далее.

Вместе с тем, правительство принимает ряд мер к сокращению государственных расходов. Прекращение поддержки пассивного сопротивления в Руре сняло значительное бремя с государственного бюджета. Однако, одного этого было недостаточно для того, чтобы создать хотя бы приблизительное равновесие бюджета. Содержание железных дорог, которые при смехотворно низких тарифах, составлявших для промышленников одно из основных условий их дешевого бросового экспорта, работали фактически за счет государства,—составляло вторую большую статью расходной части бюджета. Германскому правительству, в целях уменьшения дефицита, приходится отказазаться от удовольствия оказывать капиталистам эти даровые услуги: железные дороги переводятся сначала на твердое исчисление, а затем и со-

всем снимаются с государственного бюджета и переходят на хозрасчет. На хозрасчет переводятся также почта и телеграф.

Завершением всех этих мер по сокращению государственных расходов явился план уменьшения государственного аппарата: правительство решило выкинуть за борт армию в 500.000 служащих и рабочих государственных учреждений и предприятий. Этот план начал энергично проводиться с января, при чем за первые полторы недели было сокращено 52.000 человек. Эта мера дополнялась увеличением рабочего дня для оставшихся, уменьшением жалованья и заработной платы, перенесением сроков выплаты из одного месяца в другой.

Посмотрим, каких результатов добилось германское правительство своей политикой оздоровления финансов. Официальные отчеты министерства финансов дают следующую картину состояния бюджета после проведения реформы [1]):

В миллионах золотых марок.

	Декабрь.	Январь.	Февраль.
Доходы	164,5	440,8	340,1
Расходы	499,4	442,7	478,6
Дефицит	—334,9	—1,9	—138,5

Нельзя отрицать, что германскому правительству удалось достичь некоторых успехов в своей финансовой политике; во всяком случае, выбраться из того катастрофического положения, в котором оно находилось несколько месяцев назад. Поступление доходов значительно повысилось, и, если рассматривать движение доходов по десятидневникам, то это повышение поступлений пока продолжается систематически; расходы несколько сократились. Однако, дефицит остается весьма значительным, несмотря на то, что в эти отчетные месяцы Германия находилась в сравнительно благоприятном положении, ей фактически почти не приходилось выполнять своих обязательств по отношению к Антанте.

На чьих плечах строится новая финансовая система? На этот вопрос дают ответ развернутые цифры государственных доходов за февраль этого года, опубликованные в „Die Rote Fahne“ от 20/III—24 г. Государственные доходы складываются из поступлений от налогов на заработную плату, подоходного налога, налогов на оборот, на общества, на биржевой оборот и векселя, наконец, из пошлин и специального рурского налога. Что касается социально-классового распределения этих налогов, то на рабочих падает прежде всего налог на зарплату; налоги на оборот и пошлины точно так же в конечном счете перекладываются на широкие слои населения, т.-е. в Германии, главным образом, на рабочих и служащих. Налоги подоходный, на векселя, на биржевой оборот и точно так же некоторые единовременные отчисления, падают, главным образом, на класс капиталистов. Подведем цифровые итоги налоговым долям рабочих и буржуазии.

[1]) „Д. А. Z.“ от 7 марта 1924 г.

Доля рабочих и служащих.

Налог на зарплату	64	миллиона зол. марок.
Налог на оборот	103	" " "
Добав. налог на оборот	6	" " "
Пошлины	63	" " "
	236	миллионов.

Доля буржуазии.

Подоходный налог	66,5	миллионов.
Налог на общества	27,0	"
Налог на биржев. оборот и векс.	37,0	"
Единовременные налоги с отчислением	28,0	"
	158,5	миллионов.

Таким образом, в то время, как трудящиеся массы выплачивают ежемесячно государству около 236 миллионов золотых марок, буржуазия выплачивает лишь 158,5 миллионов, т.-е. 60% суммы, извлекаемой из пролетарских слоев. Эти цифры лучше всего говорят о том, за чей счет производится оздоровление государственных финансов Германии. Они же показывают, что буржуазия ничуть не изменила своей политики прошлого года и лишь проводит ее другими методами. Политика покрытия государственных расходов путем эмиссии, падавшей своей тяжестью исключительно на слои рабочих, служащих и мелкой буржуазии, сменилась политикой выжимания средств из тех же слоев при помощи налогового пресса.

Ликвидация 8-часового рабочего дня и снижение заработной платы.

К осени прошлого года наступает конец того промышленного оживления, которое наблюдалось в Германии в течение последних лет. В нашей прессе не раз указывалось на искусственный характер этого видимого промышленного расцвета. Он тесно был связан с падающей валютой, налоговой и железнодорожной политикой Германского правительства.

При падающей валюте один факт разницы между внутренней покупательной способностью марки и ее курсом на иностранных биржах давал огромное преимущество германским экспортерам. Сверх того, падающая валюта снижала до минимума некоторые издержки производства, как например, расходы на заработную плату и до нуля—накладные расходы, связанные со всякого рода налогами. Точно так же до минимума сводились и расходы по железнодорожным перевозкам, благодаря политике баснословно-низких тарифов, делавших железные дороги весьма убыточными для государства и очень выгодными для германских капиталистов. Дешевизне германских товаров способствовала и дешевизна рурского угля. Все эти условия позволяли германским промышленникам держать цены на свои фабрикаты значительно ниже средних цен мирового рынка и благодаря этому находить легкий сбыт своим товарам.

Осенью с переходом от бумажно-денежного исчисления к золотому, а затем с переходом к твердой валюте—положение быстро и резко меняется. Все те элементы издержек производства, которые сводились на-нет падающей валютой, получают теперь реальное значение и снова становятся фактором образования цен.

Новый курс финансовой политики делает реальными величинами налоги и акцизы. Перевод железных дорог на хозрасчет взвинчивает сразу железнодорожные тарифы. Уголь дорожает, так французы начинают накладывать на вывозимый из Рура в неоккупированную Германию уголь—пошлины. Все это вместо взятое дает колоссальный толчок росту цен, которые поднимаются выше цен мирного времени и выше среднего уровня цен мирового рынка.

Журнал „Wirschaft und Statistik“ дает следующую картину движения индекса оптовых цен в Германии в конце прошлого года:

1923 г.

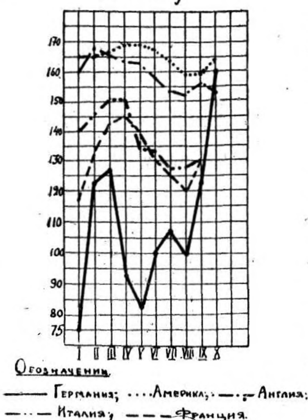
1913 г.	VIII.	IX.	X.	XI.	XII.
100	85,8	101,7	117,9	139,9	126,2

Таким образом, уровень цен в Германии, бывший в августе ниже уровня мирного времени на 15% превысил последний в ноябре на 40%.

Из „Die Wirtschaftskurve der Frft. Z.“ взята нижеследующая таблица, показывающая движение индекса германских оптовых цен по сравнению с индексами других стран.

Таблица доведена лишь до 1-го ноября прошлого года. Так как в ноябре происходил еще значительный рост цен, то кривая индекса германских оптовых цен должна была подняться по вертикали еще выше и обогнать кривую Америки. Это движение цен при обнищании широких слоев населения Германии вызвало острый кризис сбыта внутри страны. Вместе с тем оно обозначило конец дешевого германского экспорта. И, действительно, подъем цен быстро отражается на экспорте. Следующая таблица, взятая из выше цитированного номера „Wirtschaft und Statistik“ показывает по месяцам движение германского ввоза и вывоза в миллионах золотых марок.

	1923 г.	1923 г.			1924 г.
	Ежем.	X.	XI.	XII.	I.
Ввоз	933	435,7	434,0	492,0	568,0
Вывоз	843	564,8	514,0	561,0	431,0

Таким образом, ввоз систематически возрастает из месяца в месяц, а вывоз с колебаниями сокращается. Активный торговый баланс прошлого года начинает сменяться пассивным торговым балансом. Эта перспектива сокращения вывоза, связанная с кризисом сбыта внутри страны, создала новые большие затруднения для германской буржуазии. Вопросы внешней торговли всегда имели первостепенное значение для германии, как промышленной страны. Германия должна вывозить для того, чтобы иметь возможность закупать сырье для своей промышленности. Теперь вопрос экспорта приобретает еще большее значение: Германия должна вывозить для того, чтобы иметь возможность выполнять свои репарационные обязательства. Ликвидация этого кризиса экспорта и кризиса сбыта внутри страны являлась поэтому вопросом жизненной необходимости для капиталистической Германии. Она могла произойти только путем возврата к прежним дешевым ценам. Но как вернуться к этим дешевым ценам? Денежная реформа закрыла путь использования для всей этой цели падающей валюты. Задача достижения бюджетного равновесия исключает возможность пользоваться бесплатно услугами железных дорог и государственных учреждений.

Поэтому буржуазия выставляет новую и вместе с тем старую как сам капиталистический мир программу: цены должны быть снижены за счет рабочего класса: рабочий должен больше трудиться и довольствоваться меньшей заработной платой для того, чтобы сделать германскую буржуазию снова конкурентноспособной на мировом рынке. От прежних „тонких" методов эксплоатации рабочих буржуазия переходит, таким образом, к методам простого и грубого давления на рабочий класс с целью изменить рабочий день, понизить заработную плату и тем самым удешевить германские фабрикаты.

Эта программа находит энергичную поддержку в германском правительстве. Любопытно в этом отношении письмо министра финансов Лютера к министру труда, опубликованное в двадцатых числах января. В этом письме Лютер требовал от министра труда не более не менее, как активного вмешательства в отношения между капиталистами и рабочими в целях снижения заработной платы и увеличения рабочего дня.

„Оздоровление финансового положения государства,— говорилось в этом письме, может быть достигнуто в конечном счете только тогда, когда и частное хозяйство путем соответствующей нужде политики заработной платы (т. е. ее понижением) вызовет

понижение цен и повышение сбыта, которое сделает его жизнеспособным и позволит ему конкурировать на мировом рынке".

С начала декабря отменой 8-ми часового рабочего дня начинается проведение в жизнь этой программы. 8-ми часовой рабочий день не был санкционирован в Германии специальным законом, а лишь одним из правительственных демобилизационных распоряжений 1918 г. В декабре прошлого года германское правительство, воздав честь 8-ми часовому рабочему дню и оставив его, как „принцип", отменяет его обязательность. Оно предоставляет право при заключении доворов между капиталистами и рабочими удлинять рабочий день сверх 8-ми часов, при чем, если рабочий день удлиняется до 9-ти часов, то за лишний час рабочий получает плату как за обычный час; лишь при удлинении рабочего дня сверх 9 часов рабочие получают за эти добавочные часы плату, как за сверхурочные.

Тотчас по опубликовании этого постановления промышленники начинают кампанию пересмотра договоров с профсоюзами с целью увеличения рабочего дня. За одно они стараются провести повсюду и снижение заработной платы. Для того, чтобы облегчить себе это предприятие, они стремятся вогнать клин между отдельными категориями рабочих: между обученными и необученными, старыми и молодыми, ставки которых были значительно сглажены во время революции. В некоторых округах (в Берлине, Руре, Бадене—среди металлистов, в приморских городах — среди портовых рабочих и рабочих верфей) капиталисты наталкиваются в своих попытках ликвидировать 8-ми часовой рабочий день на ожесточенное сопротивление рабочих. Конфликты приводят к применению самых острых мер экономической борьбы как с той, так и с другой стороны: стачек и локаутов. Эти столкновения, начавшиеся в конце декабря, продолжаются в январе, феврале и марте почти по всей Германии. Эта борьба, однако, оканчивается неудачей германских рабочих. Сдавленные тисками военной диктатуры, предаваемые профсоюзами, поддерживающими политику капиталистического „оздоровления", имея за своей спиной колоссальную армию безработных — рабочие оказываются в большинстве случаев не в состоянии противостоять натиску капитала. 8-ми часовой рабочий день ликвидируется почти по всей Германии.

В заключение приведем для характеристики положения рабочих маленькую таблицу относительно почасовой оплаты берлинских рабочих в январе этого года, взятую из стиннесовской газеты „Д. А. Z." от 13/III—24 г.

	1912 г.	1924 г.	% к 1913 г.
Каменщики	82 пф.	63 пф.	76%
Машиностроительные рабочие	78 „	61,9 „	78%
Вспомог. строительные рабочие	57 „	56 „	98%

Из цифр, даваемых стиннесовской газетой, которую никак нельзя упрекнуть в пристрастии к рабочим, видно, что номинальная заработная плата берлинских рабочих держится сейчас на уровне 76—80% довоенной; что касается реальной заработной платы, то ее, учитывая падение покупательной способности марки, можно считать не более 60% довоенной.

Итоги.

Каковы же результаты пятимесячной „оздоровительной“ политики германской буржуазии?

Мы уже видели, что несмотря на все усилия германскому правительству не удалось достигнуть решающих успехов в финансовой реформе; ей не удалось установить бюджетного равновесия и устранить дефицит. Такое положение все время угрожает срыву денежной реформы. Поэтому, для того, чтобы обеспечить твердую валюту по крайней мере для избранных: для крупнокапиталистических слоев и для экспортеров, германское правительство проектирует устройство золотого банка с участием иностранного капитала. Этот проект фактически обозначает передачу твердой валюты Германии в руки иностранного капитала.

Экономическое наступление капиталистов на рабочий класс дало некоторые результаты в смысле некоторого понижения цен, что вызвало расширение рынка и, начиная с января, известное оживление промышленности. Однако, кризис продолжает оставаться острым. Количество безработных достигает 5 миллионов человек.

Не решены и проблемы, имеющие решающее значение для капиталистической Германии. В порядке дня стоит репарационный вопрос, Германия снова перешла к политике „выполнения“ и не сегодня-завтра ей придется начать уплату по ее обязательствам Антанте. В какой бы форме ни совершалось это выполнение: в форме уплаты репарационных платежей, подобно тому, как в прошлые годы, — в форме передачи железных дорог и части промышленности антантовскому капиталу,—без серьезных потрясений это дело для Германии не обойдется.

Не решен вопрос экспорта. Несмотря на снижение цен, экспорт продолжает сокращаться, так как уровень цен продолжает оставаться на высоте, делающей невозможным этот экспорт в прежних размерах. Для того, чтобы его увеличить, у германской буржуазии два средства: или усилить еще больше давление на рабочий класс, или прибегнуть снова к практике падающей валюты. Последние сообщения из Германии, говорящие о намерениях некоторых крупнопромышленных кругов снова подтолкнуть марку—показывают, что эта возможность не исключена. В таком случае, Германии придется еще раз проделать прошлогодний путь со всеми его последствиями.

Главное же заключается в том, что вся система „оздоровления“ строится на спине рабочего класса. Политика оздоровления“ сопровождается чрезвычайным обострением классовых противоречий. В прошлые месяцы рабочий класс, деморализованный октябрьским поражением, не смог оказать сильного сопротивления наступлению капитала. Последние сведения указывают, что положение в этом отношении начинает меняться. По всей Германии снова развертывается полоса стачек: рабочий класс встанет на ноги и приступит с новыми силами к борьбе. Эта борьба поставит под вопрос не только систему „оздоровления“, но и капиталистическую систему Германии вообще.

М. Н. Рой.

Индия и английское рабочее правительство.

Общеизвестный факт, что английское рабочее правительство пришло к власти не благодаря своей парламентской мощи, а по милости либеральной партии. Без поддержки либералов кабинет Макдональда не смог бы прожить и одного дня. И действительно, Макдональд взял на себя ответственность по образованию рабочего правительства лишь после того, как либералы заверили его, что они не только будут голосовать за его поправку к речи короля, но и поддерживать правительство, пока оно будет у власти.

Эту скрытую коалицию не удалось бы провести только из-за прекрасных глаз Макдональда. Стремление либералов свергнуть консерваторов не было настолько сильным, чтобы заменить этих последних правительством „социалистов“. Макдональду пришлось дорого заплатить за эту скрытую коалицию, которая сделала возможным его пребывание в доме № 10 по Даунинг-стрит [1]).

Цена, которой была куплена весьма сомнительная поддержка либералов, была очень высока. Этот факт не всеми учитывается. Та часть Лэйбор-парти, которая не допускала открытой коалиции с либералами, была бы очень изумлена, если бы только подумала о том, как много было принесено в жертву из рабочей программы.

Налог на капитал и национализация копей,—таковы были два принципа, составлявшие отличие программы Лэйбор-партии от программы либералов. Эти принципы были без всяких околичностей вычеркнуты из области практической политики. Тот самый Сноуден, который несколько недель назад заявлял, что без налога на капитал не удастся спасти народное хозяйство Великобритании, сегодня, в качестве министра финансов, с неменьшим энтузиазмом работает над задачей спасения британского капитализма без налога на капитал. Вопрос о национализации оказался забытым как-раз в самое подходящее время. Обязанности Ходжеса в адмиралтействе не позволяют ему ломать себе голову над другими вопросами. Радикализм Смайли очевидно ослабел с годами или же Смайли изумлен быстрым ходом событий, вызываемых „интеллигентами“ в рабочем движении. Как бы то ни было, от национализации пришлось отказаться, потому что этого требовали либералы. Они не позволили бы никакой игры со „священным правом собственности“.

[1]) Улица где помещается дом английского премьер-министра. Ред.

В дополнение к большим уступкам, которые Макдональд сделал в области внутренней политики, ему пришлось также дать гарантию, что он не предпримет ничего такого, что хоть сколько-нибудь могло бы ослабить Британскую империю. При этом он принес в жертву два своих наиболее драгоценных принципа, а именно; разоружение и самоопределение. Разумеется, он не сознается в том, что эти принципы принесены в жертву. Фактически он все еще разглагольствует о разоружении и самоопределении. Но то же самое делают и Ллойд-Джордж и Асквит. Военная мощь Британской империи останется неослабленной и при режиме Лэйбор-парти. В своей программной речи в парламенте Макдональд заявил, что вопрос о разоружении будет обсуждаться таким образом, чтобы нисколько не ослабить оборонительных сил страны.

Что касается принципа самоопределения, то Макдональд забыл о своих собственных словах точно так же, как и первосвященник этого культа, покойный Вудро Вильсон. Даже до прихода власти Макдональд устами своего коллеги Дж. Томаса неоднократно весьма недвусмысленно намекал, что под эгидой рабочего правительства империя будет находиться в полной безопасности. Теперь он поставил этого Томаса (который, по его собственным словам, любит империю и гордится ею) во главе министерства колоний, проникнутого духом Уинстона Черчиля и герцога Девонширского, бывшего министра колоний.

Мистер Макдональд поступил с тремя китами Британской империи: Индией, флотами и воздушными силами так мудро, что вполне заслужил одобрение „Таймс". На другой день после сконструирования рабочего кабинета „Таймс", этот рупор империализма, поздравлял Макдональда со счастливым подбором чиновников на эти три имеющих жизненное значение для империи поста. И действительно, подбор лиц, назначенных на посты заведующих министерствами по делам Индии, воздушной обороны и админиралтейством изумили всех, кто питал еще какие-нибудь иллюзии по отношению к „рабочему правительству", возглавляемому Рамсеем Макдональдом.

Опытный администратор колоний сэр Сидней Оливьер был назначен статс-секретарем по делам Индии; лорд Чельмсфорд, прославившийся своими действиями в Амритсаре[1]) и не являющийся членон Лэйбор-парти, стал главой адмиралтейства, а выдающийся представитель военной клики генерал Томсон был назначен „хранителем" воздушного флота, этого будущего стержня всякой армии.

Так как буржуазии было разрешено выставить своих часовых в крепости рабочего правительства, то она и выставила их в трех важнейших пунктах. Томас оказался вполне надежным для того, чтобы ему можно было поручить управление „самоуправляющимися" колониями. Он—ярый сторонник развития империи он выступает за британские вклады не только в виде капитала, но и в виде рабочей силы для эксплоатации „неистощимых богатств наших роскошных владений".

[1]) В 1918 г. в г. Амритсаре было произведено избиение и растрел с аэропланов мирной толпы демонстрантов. Ред.

Макдональд, однако, не все учел, принося эти жертвы,—по крайней мере, в одном отношении. Являясь избранным главой британской Лейбор-парти, он призван по своему благоусмотрению искажать ее программу,—при условии, конечно, что его паства примирится с таким искажением.

Но либеральный смысл веры Макдональда, в частности, учение о самоопределении, являющееся его принципом, создало ему поклонников даже в среде вождей индийского национализма. Они с надеждой взирали на приход Макдональда к власти, видя в этом начало эры, когда в Индии будет проведен в жизнь принцип самоопределения. Одна из жертв, которую принес Макдональд либералам при своем приходе к власти, выразилась, однако, в том, что он выбросил за борт своих индийских поклонников. При этом он расплачивался монетой, которая ему не принадлежала. Индийские националисты не уполномачивали его истолковывать в своих интересах стремления индийского национализма и не признавали за ним привилегии высокомерно диктовать им линию поведения. Поэтому, Макдональд своей индийской политикой взбудоражил осиное гнездо. Приход Лэйбор-парти к власти преисполнил националистическую Индию возмущением и разочарованием, но не надеждой и радостью, как это имело бы место, если бы Макдональд не принес свой социализм в жертву на алтарь интересов империи.

Правда, уверовав в Макдональда, индийские националисты оказались на ложном пути. Макдональд много писал об Индии, но он никогда не требовал для Индии права самоопределения. Это право он весьма энергично отстаивал только для... Грузии. Но были и другие причины, которыми объяснялся предвзятый оптимизм, господствовавший в Индии в отношении рабочего правительства. Этот оптимизм был вызван заявлениями некоторых выдающихся лидеров Лэйбор-парти, которые считались специалистами по индийскому вопросу, а именно: полковника Вэджвуда и Бена Спура. Эти джентльмены посетили Индию в самый разгар кампании „отказа от сотрудничества" (non cooferation) [1]). Они присутствовали также на нагпурской сессии национального конгресса (1921), когда была в окончательном виде принята программа „отказа от сотрудничества". В том же году они присутствовали и на первом заседании всеиндийского конгресса профсоюзов в качестве представителей „братской" английской Лэйбор-парти. Правда, вернувшись в Англию, полковник Вэджвуд высказался против политики „отказа от сотрудничества", Являвшейся в то время широким массовым движением, преисполненным революционных возможностей. Тем не менее, он одобрял национальные требования и намекал, что как только Лэйбор-парти придет к власти, эти требования не будут оставлены без внимания.

В течение прошлого года, когда возможность прихода к власти рабочего правительства стала более осязательной, в Индии

[1]) Массовое движение, шедшее под лозунгом отказа от сотрудничества и бойкота всего английского без применения „насильственных" средств. Ред.

стали рассчитывать на кандидатуру Вэджвуда на пост статс-секретаря по делам Индии. Но эти надежды оказались преждевременными. Велико было разочарование индийской прессы, когда Макдональд не назначил Вэджвуда статс-секретарем по индийским делам. Выбор не пал даже и на Бена Спура. Назначение сэра Сиднея Оливьера было в такой же мере неприемлемым для Индии, в какой оно представлялось желательным для британского господствующего класса. На рядового индийца не производит никакого впечатления то обстоятельство, что новый статс-секретарь по делам Индии является старым фабианцем. Что оказывает влияние на суждение рядового индийца,—так это то обстоятельство, что сэр Сидней в течение многих лет состоял на колониальной государственной службе, а это учреждение вызывает в Индии глубокую ненависть и вполне основательные подозрения. Конечно, и от прихода к власти в Индии полковника Вэджвуда лишь очень немногие индийские националисты ждали чуда. Однако, в свете его заявлений казался естественным известный оптимизм. Но именно те заявления, которые пробудили в Индии проблески надежды, лишили полковника поста, который он бы с удовольствием занял.

Но в чем же состояло преступление благородного полковника? Выступил ли он за свободу Индии, обещал ли он хотя бы удовлетворение совершенно закономерных и скромных требований индийской буржуазии? Ничего подобного. Не далее, как в 1921 году, когда Вэджвуду еще не приходилось рассчитывать на то, что ему придется нести ответственность за пост статс-секретаря, он осуждал пассивное сопротивление, руководимое Ганди. Таким образом, мы ошибемся, если будем думать, что он стал бы настаивать на добросовестном применении в Индии принципа самоопределения.

И тот факт, что даже он оказался неподходящим в качестве статс-секретаря Индии, свидетельствует об явно империалистическом характере так-называемого рабочего правительства. Назначение Вэджвуда прежде всего произвело бы в Индии прекрасное впечатление. Но оно же могло бы вызвать известные затруднения пробудив необоснованные надежды.

Послание, которое Макдональд отправил в Индию тотчас же по своем приходе к власти, известно всем. Под этим посланием мог бы подписаться и всякий другой буржуазный премьер-министр. Могут, пожалуй, задать вопрос, почему его послание носило столь обескураживающий характер? Для этого было серьезное основание: послание противополагалось тем заявлениям, которые исходили от Вэджвуда, преполагавшегося статс-секретаря по делам Индии. Если бы Макдональд не отмежевался от политики, которую обещал вести полковник Вэджвуд, сделавшись статс-секретарем, то он не заслужил бы благоволения буржуазии, без которого он не мог сделаться премьер-министром Британской империи. Но одного удаления болтливого полковника было бы недостаточно. Премьер-министр должен был заявить, что он не разделяет его взглядов.

Выступая 12-го января в университете федерации труда Вэджвуд сказал:

„На примере Индии обнаружится подлинный характер рабочего правительства. Лэйбор-парти надеется преодолеть затруднения, ускорив превращение Индии в **самоуправляющийся доминион**. Это не есть только вопрос финансов, обороны и внутреннего порядка, здесь идет речь о завоевании симпатий индийских националистов путем такой коренной уступки... Цель Лэйбор-парти заключается в создании британского государства из народов различной расовой принадлежности и в создании свободного союза свободных народов".

Это было слишком для английской буржуазии. Она не могла позволить, чтобы к власти пришла партия с такими „пагубными идеями". Это было бы нелепо. Когда Макдональд жадными глазами считал голоса либерального меньшинства, господствующего в настоящее время в самом демократическом в мире парламенте, ему напомнили о нескромных заявлениях его коллеги. Для того, чтобы заслужить милость либерального крыла буржуазии, он должен был покаяться в грехах своего не совсем дипломатического собрата. Он должен был игнорировать слова простодушного полковника и сообщить своим индийским поклонникам, что право на самоопределение—прекрасная вещь, когда она не затрогивает слишком близко интересов империи; когда же дело касается безопасности Британской империи, то он не потерпит никаких „штук" (это вежливое словцо он впоследствии повторил по отношению к великой державе, с которой хотел договориться).

Но Макдональду приходилось считаться не только с отечественной буржуазией. Он должен был учитывать также и мнения различных колониальных деятелей. Заявление полковника Вэджвуда взбесило их, и они категорически заявили, что им совершенно безразлично, что думает и как поступает рабочее правительство; они сумеют защитить свое привилегированное положение. Так, например, авторитетнейший полуофициальный калькуттский „Инглишмэн" писал:

„Полковник Вэджвуд должен был бы отдавать себе отчет в том, что одним росчерком пера нельзя осуществить самоуправление Индии. Самоуправление может быть осуществлено лишь путем изменения или отмены закона, а это невозможно без согласия парламента. Но при своем нынешнем положении Лэйбор-парти едва ли может рассчитывать на осуществение такой меры без поддержки либералов, а приверженцы Ллолейд-Джорджа едва ли станут голосовать за преждевременное проведение в жизнь того, что их лидер назвал „экспериментом".

Орган колониальных властителей храбро принял вызов (если это было вызовом).

„Если бы полковник Вэджвуд все еще намеревался следовать такой пагубной тактике, то ему пришлось бы считаться с вице-королем. Мы полагаем, что лорд Рединг послужит для слишком стремительного статс-секретаря весьма необходимым отрезвляющим буфером".

Таково реальное соотношение сил. Что остается делать, если находишься у кормила власти, но не обладаешь ею? Надо показать себя „практическим политиком" и принести в жертву

все программы и принципы, если они препятствуют овладению властью.

Буржуазная классовая диктатура не может быть преодолена решением парламента, являющегося тоже лишь орудием буржуазии. С другой стороны, господствующий класс всегда будет сильнее нас, если мы не решимся вырвать власть у него из рук, помогая угнетенным расам вступить на путь восстания. Но британская Лэйбор-парти в своем нынешнем составе не желает ни того, ни другого. Ее позиция—это демократия в метрополии и империализм в колониях.

Отвергая национализацию и налог на капитал, рабочее правительство доказало свою „способность“, править в метрополии. Угрожающе занося руку над Индией, экс-пацифист Макдональд убедил британскую буржуазию в метрополии и в колониях, что он сможет удержать в подчинении угнетенные расы, что он прежде всего, является британцем и лишь во вторую очередь социалистом. Приведем здесь некоторые „крылатые“ слова, которые он бросил индийским националистам, с надеждой взиравшим на него, как на человека справедливых принципов и прежде всего, как на вождя британского пролетариата, который не имеет никакого основания испытывать особенной привязанности к империи, даже если его вожди ею гордятся. В своем известном обращении к Индии Макдональд сказал:

„Я не вижу для Индии надежд, если она сделается ареной борьбы между конституционализмом и революцией. Никакую британскую партию не удастся запугать угрозой насилия и политикой, способной расстроить управление страной. И если некоторые индийские круги воображают, что это не так, то грядущие события их жестоко разочаруют. Я обращаюсь ко всем добрым друзьям Индии с призывом сблизиться с нами, а не отдаляться от нас, притти к нашему взгляду и уверовать в нашу добрую волю“.

Значение некоторых из этих выражений громадно. Макдональд рассеивает всякие сомнения, которые могли почему-либо возникнуть в отношении империалистической политики Лэйбор-парти. Вместо того, чтобы дать какое-либо указание на то, что сохраняя верность своему символу веры—праву на самоопределение и демократии, он как-нибудь изменит нынешнее, несомненно, безответственное и автократическое управление Индией, Макдональд обязывает Лэйбор-парти подавлять всякую попытку индийского народа, направленную к освобождению.

А по чьему адресу брящает Макдональд оружием? По адресу индийских националистов, являющихся преданными сторонниками конституционализма, который столь дорог мистеру Макдональду. Он просит их „притти к нашему взгляду и уверовать в нашу добрую волю“, но он забывает, что не всякий считает его тем, кем он сам себя считает. Индийцы так же мало могут положиться на его взгляд и на его добрую волю, как на взгляд и добрую волю лорда Керзона. За Керзоном они могут, по крайней мере, признать заслугу постоянства в принципах, чего нельзя сказать о Рамсее Макдональде.

Со времени прихода к власти рабочего правительства эти взгляды неоднократно выражались в индийской прессе. Лишь недавно умеренный вождь националистов, выступая в индийском законодательном собрании [1]), констатировал, что Индия сомневается в добрых намерениях нового рабочего правительства.

Идя по следам Керзона, Макдональд завоевал себе благодарность британской буржуазии, которая делает его руками свое грязное дело. Но ход событий жестоко разочарует его, если он полагает, что ему и его коллегам удастся создать рабочий империализм.

Индийский народ будет свободным,—это так же несомненно, как то, что британский пролетариат перерастет своих нынешних вождей. Если бы Макдональд с ласковым и приятным выражением на лице держал бы Индию в ежовых рукавицах, то ему удалось бы привлечь на свою сторону индийскую буржуазию, и она саботировала бы борьбу Индии за освобождение. Но позиция рабочего правительства косвенным образом помогла делу индийской свободы, дезавуировав рабочую аристократию и так-называемый социализм Независимой Рабочей Партии.

---

[1]) Высший законодательный орган Индии, права которого, однако, сильно урезаны. Решения его подвержены вето вице-короля Индии. Ред.

Американец.

Нефтяной скандал в Америке.

Грандиозный скандал, разыгравшийся ныне в Северо-Американских Штатах и перещеголявший собой знаменитую европейскую „Панаму“ конца XIX века, поражает весь мир подлинно-американским масштабом и обнаруженной „организацией“, соответствующей последнему слову техники. Лишь в стране миллиардеров, гигантских машин, в условиях бешенного темпа концентрации капитала, авантюра жадных акул—двух нефтяных королей Америки—могла принять столь гигантскую форму, захватив в свой порочный круг почти всех государственных деятелей страны. Нет невиновных и неприкосновенных. Все, начиная с самого президента и кончая блестящей плеядой адвокатов, весь деловой, почти весь правительствующий мир Америки, все буржуазные партии и группы все газетные тресты оказываются забрызганными этой черной липкой жидкостью — драгоценной калифорнийской вайомингской нефтью.

Что значит в сравнении с этой чудовищной распродажей оптом и в розницу государственных богатств, почти-что забавная история о подкупах французской прессы, которую в течение двух месяцев излагает Суварин на страницах „Юманите!“ Что в сравнении с этой шайкой государственных грабителей из почтенных секретарей департаментов по морским и внутренним делам—какой-нибудь несчастный грабитель из предместья Сити, который за взлом несгораемого шкафа подлежит карающему мечу правосудия!

По крылатому выражению сенатора Кинга, Гари Синклер, один из главных участников нефтяного скандала и вместе с тем владелец самой лучшей скаковой лошади в Америке, по всей вероятности, научился на скачках быстроте действия, проявленной в разыгравшейся авантюре. Кто же опередит в таком случае господина Синклера или господина Фолла—секретаря департамента по внутренним делам [1]), который с не меньшей ловкостью и выгодой для собственного кармана, распродал государственные нефтяные участки?

В сенатских кулуарах, как сообщают газеты, циркулирует шуточная „телеграмма“, якобы полученная американским правительством от правительства СССР, о том, будто Чичерин отправил Юзу ноту, в которой заявляет, что правительство СССР отказывается признать правительство Северо-Американских Соединенных Штатов вследствие разыгравшегося в Америке нефтяного скандала. Пока не будут наказаны все взяточники, советское правительство-де отказывается вступать в какие-либо сношения с американским правительством.

[1]) Секретарю департамента по внутренним делам соответствует министр внутренних дел.

Шутке этой, исходящей, как говорят, от друзей сенатора Бора, нельзя отказать в остроумии и в достаточной дозе злой иронии. Вот уже поистине, когда детским лепетом звучат упреки невинного господина Юза или какого-нибудь другого представителя государственных администраций в „незаконностях“ и „несправедливостях“ советской власти. Кстати, г. Юзу, бросившему свои разоблачения „советской пропаганды“, не до этого теперь. Нефтяное дело вытеснило все остальные дела. Скандал приковал к себе внимание всей Америки, и многие из партийных дельцов крепко потирают уже руки в надежде нажить выгодный капитал на „нефтяном предприятии“.

Для производства расследования ассигновано, как пишут, 100.000 долларов. Президент Кулидж заявил, что будет предпринято расследоавние „вне партий“ и силами, независящими от департамента юстиции (что является прямым ударом по этому департаменту). В задачу расследования входит выяснения преступных действий административных лиц и законности сдачи нефтянных концессий.

Сведения, идущие от сенатской следственной комиссии, работа которой длится уже третий месяц, говорит о все новых и новых разоблачениях, привлекающих к делу все новых виновников.

Мы постараемся здесь изложить кратко историю этого дела, которое с успехом может быть квалифицировано как чисто-уголовное.

* * *

В период президентства Тафта вопрос о переводе судов морского ведомства с угля на нефть был окончательно разрешен в положительном смысле, было решено перейти на нефте-топливо и вся строительная программа морского ведомства была построена на этом решении. Но зависимость флота от нефти создавала необходимость наличия нефтяных запасов. Многие эксперты доказывали, что при теперешнем темпе расходования нефти в Соединенных Штатах всей нефти может хватить лишь на 20—25 лет. Перевод судов на нефть означал еще большое потребление этого продукта и совершенно естественно, что у морского департамента явилась мысль о необходимости выделения части лучших государственных нефтеносных земель для изъятия их из продажи и закрепления за ведомством в качестве резерва. 27-го сентября 1909 года Тафт сделал распоряжение об изъятии части земель „для настоящих и будущих потребностей американского флота“. 25-го июня 1910 года конгрессом был принят специальный закон, уполномочивавший президента на этот шаг. Под настойчивым давлением морского департамента президент издал приказ 2-го

сентября 1912 года о создании нефтяного резерва № 1. 13-го декабря того же года был создан резерв приказом № 2. Оба эти резерва находились в Калифорнии.

Политика Вильсона в этом вопросе была точно также направлена к закреплению резервов за флотом, в лице морского ведомства. 30-го апреля 1915 года Вильсон приказом создал резерв № 3, самый богатый, в штате Вайоминг, так-называемый „Типот Дом" (гора в этом месте имеет форму чайника—„Типот").

Столь внезапное выделение нефтяных резервов и особая забота о них со стороны правительства сильно обеспокоило нефтяных королей, которые не брезгали никакими средствами для получения этих земель для личных эксплоатаций. Пускались в ход самые разнообразные хитрости и уловки; производилось давление на конгресс, чтобы добиться изменения нефтяной политики. И попытка эта некоторым образом удалась, так как закон 4-го июня 1920 года средактирован таким образом, что секретарь морского департамента при желании мог бы изменить всю нефтяную политику. Так, в этом законе говорится, что „секретарю флота поручается принять во владение все имущество в пределах морских нефтяных резервов, консервировать и разрабывать и использовать его, как он найдет нужным, непосредственно или путем контракта, сдавать в аренду или иначе...".

Этот закон открыл широкое поле деятельности для сенатора Ф о л л а (от штата Нью-Мексико), сделавшегося в марте 1921 г. секретарем внутренних дел в кабинете Гардинга и известного в Сенате своей постоянной борьбой против консервации не только нефтяных земель, но лесных, угольных и проч. Он всегда выступал за передачу их в частные руки для эксплоатации. Большая часть государственных нефтяных земель находится в ведении секретаря внутренних дел и почти все они (17.622.000 акров) сданы частным лицам. Под резерв флота было отведено лишь 51.623 акра (находящихся в ведении морского департамента).

С переходом власти к республиканцам (во время кабинета Гардинга) Фолл, секретарь внутренних дел, повел самую энергичную борьбу за передачу в его ведение резервных нефтяных участков флота, находящихся, как мы уже сказали, в ведении морского ведомства. Морской секретарь (министр) Д е н б и, наперекор всей бывшей 13-летней политике, сводившейся к консервации нефтяных резервов, поддержал Фолла. Несмотря на резкий протест общественного мнения, президент Гардинг в порядке административного приказа в мае 1921 года санкционировал передачу „администрирования" резервных участков флота департаменту внутренних дел, возглавляемому все тем же Фоллом.

Фолл самым быстрым темпом начал работу по сдаче нефтяных земель в руки частных лиц. Так, в апреле 1922 года Фолл подписал контракт с специально образовавшейся компанией „Маммотс Ойл Компани" (компания Синклера) на эксплоатацию резерва № 3 в Вайоминге. Этот договор был подписан морским секретарем Денби. Все это было сделано в самом строгом секрете и на запросы представителей прессы, в связи с разными слухами в департаменте внутренних дел отговаривались незнанием этого факта или опровержением его. До сдачи „Типот Дом" был сдан

также один из двух резервов флота в Калифорнии, а впоследствии и другой. Концессию получила „Пан Америкен Петролеум энд Транспорт Компани", возглавляемая некием Д о г е н и, старым другом Фолла, одним из самых крупных нефтяных королей Америки. (Запасы нефти в „Типот Дом" исчисляются стоимостью в полмиллиарда долларов; оба калифорнийские резерва исчисляются также в полмиллиарда).

Предлогом для сдачи этих концессий Фоллом был выдвинут тот факт, что по соседству этих земель частные компании добывают нефть, якобы выкачивая запасы из резервных участков, что, таким образом, казна потерпела большие убытки, и что единственным выходом являлась сдача этих земель в частные руки. Получалось, что некоторым образом страна оказывалась даже облагодетельствованной остроумным планом г. Фолла.

Рьяным противником и разоблачителем новой нефтяной политики выступил известный Л а ф о л л е т, представитель левого крыла республиканской партии, пытающийся оздоровить эту партию. Лафоллет в апреле 1922 года внес в сенат резолюцию с предложением секретарю внутренних дел прислать в Сенат документы, относящиеся к концессиям на резервные земли. Тогда же он огласил письмо Д а н и э л ь с а, бывшего морского секретаря при Вильсоне, в котором последний указал, что концессионные заявления были предъявлены от имени лиц, работающих на чикагских бойнях, которые по расследованию всего дела заявили, что они никогда не подавали заявлений относительно нефтяных земель и что они подписали предъявленные им заявления под таким впечатлением, что это—избирательная петиция.

Несколько дней спустя Лафоллет, получив, повидимому, кое-какие сведения о преступном характере сделок, внес в свою резолюцию пункт о расследовании всего дела комиссией государственных земель. В своей речи в Сенате он подчеркнул, что ему кажется совершенно невероятным, как морской секретарь мог согласиться на передачу своих резервных земель департаменту внутренних дел, возглавлявшемуся Фоллом, всем известным противником консервации. Из дальнейших сообщений Лафоллета мы узнаем много пикантных моментов этой медленно развертывающейся перед нами ужасающей картины грабежа среди белого дня, совершенного официальными представителями власти. Так, мы узнаем, например, что каждый флотский офицер, которому было когда-то поручено изучить нефтяные резервы, и который поддерживал секретаря Даниэльса в его борьбе, с приходом новой администрации откомандировывался в дальнее плавание. Лафоллет разъяснил также историю образования синклеровской „Маммотс Ойл Компани", отметив особо, выражаясь вульгарно, удивительную ловкость рук, проявленную в этом деле самим Синклером. В то самое время, как официальные лица департамента внутренних дел заверяли представителей прессы, что резерв № 3 не сдан, один господин, известный в нефтяных, скаковых и административных кругах (читай—Гарри Синклер), опубликовал интервью „Нью-Йорк Уэрльд", в котором заявил, что сделка закончена и договор подписан.

В противовес ссылке департамента внутренних дел на то, что нефть из „Типот Дом“ выкачивается соседями, Лафоллет огласил телеграммы официального геолога штата Вайоминга и других лиц, произведших специальное расследование по этому делу, в которых доказывалась невозможность этого выкачивания. Но Лафоллет заявил, что если бы даже мнение экспертов было неправильно, то неужели же у государства нет средств воспрепятствовать расхищению народных богатств, столь ценных для обороны страны, частными грабителями? Лафоллет взял под сомнение столь странно проявленную в этом деле слабость со стороны правительства. Намекая на роль ответственных сенаторов и конгрессменов в защите интересов нефтяных компаний Лафоллет заявил, что ему кажется непостижимым, чтобы члены палаты и представители сената могли внести и защищать законопроекты, которыми отбиралась у правительства нефть, необходимая в будущем для флота, и делать это в интересах частной нефтяной компании, как, например, „Стандарт Ойл“.

Интересно место речи Лафоллета, в котором он характеризует нефтяных монополистов Нового Света. По его словам, нефтяная монополия, возглавляемая одной из самых влиятельных нефтяных компаний „Стандарт Ойл“, наиболее дерзкой, бесстыдной и агрессивной нарушительницей закона, с которой какой-либо законодательной палате приходилось иметь дело. Эта монополия разорила людей во всей стране, и во многих случаях довела своих конкурентов до самоубийств. Она содержала на жаловании служащих своих конкурентов, покупая у них секреты своих хозяев. По словам Лафоллета, имеются целые томы показаний, полученные комиссиями конгресса, подтверждающие каждое его заявление. Лафоллет так закончил свою речь:

„Нефтяные монополисты подкупали правительственных служащих, безжалостно расхватывали и эксплоатировали естественные богатства страны и систематически обирали народ своими грабительскими ценами. Они не могли бы этого делать, если бы не имели своих слуг в Сенате, палате и в кабинетах каждой администрации“.

Резолюция Лафоллета о расследовании дела была принята Сенатом 29-го апреля 1922 года. Расследование длилось очень долго и не дало особых результатов. „Нечистый“ характер сделок подозревался многими, но до последнего времени вопрос вращался лишь в плоскости выгоды или невыгоды концессионных сделок для правительства.

Свое подлинное освещение дело получило лишь в прошлом году, после совершенно случайного заявления соседей Фолла по поместью (у Фолла имеется большое поместье в Штате Нью-Мексико) в сенатскую комиссию о том, что в 1922 году, вскоре после того, как Фолл не в состоянии был покрыть даже своих налогов, он внезапно предпринял дорого стоящие строительные работы и купил новое скотоводческое хозяйство. Объяснение Фолла, что на покупку нового хозяйства им были заняты деньги (сто тысяч долларов) у некоего Мак-Лина, собственника полуофициоза „Вашингтон Пост“ и близкого друга Гардинга, было опровергнуто через некоторое время им самим. Он, по его словам, у Мак-Лина денег не брал, взял у него лишь чеки, которые потом вернул, но, имея чеки, он достал деньги у другого лица, которое он отказался назвать. Вскоре затем Фолл очутился во Флориде и зарегистрировался под чужим именем в гостинице, где проживал одновременно Мак-Лин. Согласно заявлению сенатора Каравея, демократа, Фолл писал на счетах гостиницы „Получить от Мак-Лина“. Мак-Лин заявил, что он не уполномачивал на это Фолла.

Все эти неожиданные открытия полупинкертоновского характера быстро наэлектризовали и без того сгущенную атмосферу.

Но с этого момента разобраться в этом запутанном деле, где оказались замешанными десятки адвокатов, сотни дельцов, их помощников и всяких добрых посредников и маклеров—является весьма трудной задачей; вряд ли с ней справится сенатская комиссия, назначенная президентом республики, который сделал бы правильнее, пригласив для раскрытия преступления самого Шерлок-Холмса со сворой полицейских собак.

С каждой новой картиной этой грандиозной американской фильмы, которая могла бы с успехом демонстрироваться под громким названием „Нефтяной скандал или шайка американских грабителей“, с кинематографической быстротой появляются перед нами все новые герои, с развитием действия все больше и больше впадающие в панику и замешательство.

Главным участником преступления после Фолла является уже упомянутый нами, всем известный нефтяной король Гарри Синклер, который, как оказывается, своевременно поддержал пришедшее в упадок хозяйство г. Фолла, за что и получил от последнего небольшую мзду в виде государственных нефтяных участков. Показания Арчибальда Рузвельта, бывшего президента субсидируемой Синклером „Юнион Петролеум Компани“, приоткрыли занавес над ужасающей картиной подкупов и расхищений народного достояния. Но тут появляется новый герой—нефтяной магнат Догени, получивший (как мы упоминали выше) калифорнийские концессии за какие-то 100 тысяч долларов, которые он, оказывается, как близкий друг все того-же Фолла, дал последнему взаймы на покупку скотоводческого хозяйства (в доказательство Догени даже предъявил расписку, но, к сожалению, без подписи, которая оказалась оторванной и хранилась почему-то для безопасности в сейфе жены Догени). Любопытно, что во время своих показаний Догени заявил, что бывший секретарь финансов в кабинете Вильсона Мак-Аду (он же зять Вильсона), один из наиболее видных демократическик кандидатов в президенты в предстоящей выборной компании, вскоре по выходе из кабинета поступил на службу к нему и получил в качестве адвоката 250 тысяч долларов. Догени также показал, что демократ Грегори (бывший секретарь юстиции) тоже был одно время у него на службе.

Щадя время читателя, мы ограничимся приведенными здесь именами, замешанными в этом нефтяном скандале, так как дальнейшее перечисление их мало изменяет существо дела.

Показания со стороны Фолла, заявившего в своем письме сенатской комиссии от 23-го декабря 1923 года, что он „никогда не получал от упомянутых лиц (т.-е., от Синклера и от Догени)

ни одного сента, ни в связи с нефтяными концессиями, ни с чемлибо иным", были опровергнуты заявлением самого Догени. Опровергнута была и часть в отношении Синклера. Личный адвокат Синклера в показании заявил, что Фолл получил через него в июне 1923 года 25 тысяч долларов облигациями и 100 тысяч наличными, якобы для того, чтобы он мог поехать с Синклером в Россию.

Чем кончится расследование этого дела; будут-ли посажены именитые преступники на скамью подсудимых—трудно сказать. Пока что, сенатская комиссия по совету адвокатов, по крайней мере, решила не очень беспокоить Фолла и не настаивать на его допросе, от которого он всяческими способами старается отбояриться. А что касается Синклера, то он своевременно успел удрать в Европу, благоразумно скрыв место своего пребывания. Последние газетные сообщения говорят, что неожиданно вернувшийся беглец категорически отказался дать какие-либо показания сенатской комиссии, но опубликовал пространное сообщение, в котором указывает, что одолжил бывшему министру внутренних дел Фоллу 25 тысяч долларов после того, как Фолл подал в отставку. Но, по словам Синклера, он дал эти деньги Фоллу, чтобы тот мог расплатиться со своими долгами, прежде чем отправиться в СССР вместе с Синклером. Сенат, в свою очередь, поднял дело против Синклера, которому предъявляют обвинение в „презрении" к Сенату.

Нефтяной скандал, расследование которого откроет еще, наверное, немало темных пятен на ярком солнце американского золота, пока что, сослужил другую большую службу как политический фактор, в смысле крупнейшего агитационного средства для борющихся партий в приближающейся выборной кампании. Политические партии широко используют его. Прогрессисты и особенно демократы мечут гром и молнии. Правые республиканцы во главе с Ленрутом, председателем сенатской комиссии, занимающейся расследованием этого дела, пробовали отвертеться от него, но, учитывая позицию демократов и прогрессистов и впечатление, произведенное скандалом на страну, должны были присоединиться к демократам и 31 го января голосовать за их резолюцию о возвращении морскому ведомству части его земель. Если бы не демократ Мак-Аду (один из крупных кандидатов на пост президента), небескорыстное участие которого в судьбах калифорнийской нефти сильно скомпрометировало предвыборную „невинность" демократов, последние могли бы с полным триумфом побить на приближающихся выборах своих конкурентов.

Во всяком случае, скандал, несомненно, отразится на судьбах республиканцев. Так, председатель Демократического Национального Комитета заявил, что Типот Дом'ская эпопея является „величайшим политическим скандалом этого и какого угодно другого поколения", и что она сделается дополнительным политическим козырем в кампании 1924 года. В штате Орегон, например, демократы уже ввели специальный боевой избирательный значек для петлиц—изображение чайника („Типот").

Хайрам Джонсон (кандидат в президенты, прогрессист) также не замедлил использовать скандал в своей борьбе с кандидатурой Кулиджа, стараясь навязать последнему вину в этом деле. Одновременно некоторые республиканские сенаторы делают вылазку против Мак-Аду.

До окончании работы сенатской комиссии трудно предсказать все последствия этого скандального дела.

Мы также, за неимением места, не говорим здесь о той грязной роли, которую сыграла в этом деле буржуазная пресса, собравшая немалую толику во время обделывания столь выгодного „нефтяного предприятия".

Агитационное значение нефтяного скандала колоссально. Он подобен страшной бомбе, разорвавшейся внезапно в атмосфере американских „демократических добродетелей и свобод". Никакая коммунистическая пропаганда, никакая работа Коминтерна не могут более удачно и сильно разоблачить грабительскую и хищническую сущность буржуазного мира.

Э. Бранд.

Экономический кризис в Польше.

Вслед за Австрией и Германией Польша переживает „стабилизационный кризис“. С половины января курс марки по отношению к доллару держится на одном уровне—$9^1/_2$ миллионов марок за доллар. Является ли это только временной задержкой падения марки, подобной тем, какие уже имели место зимой 1921/2 года при мин. финанс. Михальском и в первой четверти 1923 года, или же началом оздоровления польских финансов, — это вопрос особый и мы к нему вернемся.

Какова бы ни была дальнейшая судьба марки, ее внезапная стабилизация после периода стремительнейшего падения привела к глубокому и острому экономическому кризису. Кризис этот назревал давно, его предсказывали и с беспокойством ожидали экономисты и политики. К нему неуклонно вело углубляющееся с каждым месяцем противоречие между общим ростом производства и внешней торговли и катастрофическим положением государственных финансов.

Польша, вопреки распространенным в России взглядам, за последние годы добилась значительных успехов по восстановлению своей промышленности и земледелия.

Посевная площадь достигла довоенного уровня во всей Польше, за исключением особенно пострадавших от войны белорусских и украинских земель (так-называемых „восточных окраин“), где сокращение посевов исчислялось в 1922 году в 11%. Сбор хлебов в 1923 году, благодаря хорошему урожаю, превысил довоенный уровень (за исключением пшеницы), и Польша, которая ряд лет привозила хлеб, располагает в настоящем году значительными хлебными излишками (36 милл. пуд. ржи, 12 милл. пуд. ячменя, 45 милл. пуд. овса).

Легкая промышленность, в первую очередь текстильная, достигла и даже отчасти превысила довоенный уровень. Потребление хлопка возросло с 2,2 милл. пудов в 1921 году до $3^1/_2$ милл. пудов в 1923 году, т.-е. составило 60% потребления СССР в 1922/3 хозяйственном году. Число веретено-смен в крупных хлопчато-бумажных фабриках (90% всей промышленности) было равно в среднем 2.200 тыс. в сутки, т.-е. на 40% выше довоенного числа. Потребление заграничной шерсти возросло с 640 тыс. пудов в 1921 году до 1.250 тыс. пуд. в 1923 году, т.-е. равно приблизительно потреблению СССР в истекшем году

Однако, шерстяная, равно как и льняная, промышленность не достигла довоенного уровня.

Добыча угля составила 36 милл. тонн (2.200 милл. пудов), т.-е. 89% довоенной добычи, добыча нефти около 720 тыс. тонн (44 милл. пудов), т.-е. 68% добычи 1913 года.

Хуже обстоит дело с металлургией. Производство чугуна в б. русской Польше достигло только 27% довоенного уровня (112 тыс. тонн — 6,8 милл. пуд. вместо 418 тыс. тонн). Производство стали и железа—42% (249 тыс. тонн вместо 588 тт.). Верхнесилезские домны дали около 400 тыс. тонн чугуна, т.-е. около 65% довоенной продукции. В целом производство чугуна равно половине довоенного.

Внешняя торговля развивалась из года в год. В 1923 году Польша имела активный торговый баланс. Привоз за первые 10 месяцев 1923 года составил 178 милл. долларов, вывоз—197 милл. долл. Крупнейшим предметом вывоза является верхнесилезский уголь (28,6% вывоза), который продавался, главным образом, в Германию. Важную роль играли вывоз тканей и пряжи (15,7%), главным образом, в Румынию, кроме того в Австрию, Японию и англ. колонии, вывоз леса и лесного полуфабриката (10,4%), главным образом, в Германию, металлических полуфабрикатов и изделий (10,2%), нефтепродуктов (5,4%), сахару, цинка. В привозе главную роль играло текстильное сырье, пряжа и ткани (24%), металлические изделия (21,4%), из чего половину составляли разные машины, колониальные товары и съестные припасы.

Однако, это видимое благополучие покоилось на непрочных основаниях. Промышленность в Польше восстановилась за счет правительственных субсидий в виде долгосрочных кредитов, исчисленных в бумажных обесценивающихся марках. Промышленники брали из кассы Гос. банка сотни, погашали же долг, возвращая десятки, а иногда и единицы. Благодаря беспрестанному падению марки по отношению к твердым валютам, промышленность пользовалась экспертной премией, так как цены внутреннего рынка не поспевали за стремительным ростом доллара и стояли не только ниже мировых цен, превышающих, как известно, на 50%, паритет золота, но стояли ниже довоенного уровня по отношению к золоту. Вот таблица, рисующая движение индексов в золотом исчислении за 1923 год.

	Продовольствие растит. происх.	Текстильн. сырье и фабр.	Металлы и уголь.	Общий оптов.	Бюджетн. набор.
1914	100	100	86,6	100	100
1923 I (конец мес.)	82,9	121,2	119,1	77,1	45
„ III „ „	92,2	135,0	94,7	97,3	75
„ VI „ „	64	127,9	108,2	77,1	53
„ IX „ „	68,8	177,4	84,1	95,3	71
„ X „ „	48	175,2	107,4	72,5	42 7
„ XI „ „	66,3	170,2	110,1	81,1	54,6
„ XII „ „	75,7	177,5	140,4	95,0	79,8

В первом полугодии 1923 года, когда марка с половины февраля до конца мая почти не падала, цены, не переставая расти,

постепенно догоняли уровень золота. В июне начинается новое падение марки и снова индексы не поспевают за долларом. Самый быстрый темп падения марка приобретает в октябре (курс доллара увеличивается в четыре раза) — это и есть месяц самых низких реальных цен. Однако, уже в декабре индексы догоняют золото, особенно индексы угля и промышленных товаров.

Благодаря экспортным премиям и низким убыточным жел.-дорожным тарифам, вывоз развивался, но народное хозяйство от этого мало выигрывало. Это была распродажа Польши спекулянтами, которые вырученную валюту складывали в заграничных банках. Несмотря на активный платежный баланс, в котором большую роль играют сбережения эмигрантов во Франции и Америке, в Польше царил валютный голод. Никто не хотел держать марки, все гонялись за долларом и фунтом. Сбережения в марках были невозможны — всякое сбережение приводило к вывозу капитала в форме покупки валюты или заграничных ценностей.

Аккумуляция капитала в Польше прекратилась. Реальная ценность новых эмиссий акций падала из года в год. Она составила в 1921 году 12,6 милл. долл., в 1922 г.—6,3 милл. долл., в 1923 г.—3,7 милл. долл.

Приток заграничного капитала был ничтожен. Слабое развитие металлургии и металл. промышленности, производящих средства производства, застой строительного дела, отражали тот же факт прекращения образования постоянного капитала.

Причиной падения марки был непрерывный поток эмиссий, составляющих главный источник доходов Польской республики. Бюджетный дефицит, покрываемый эмиссией, рос из года в год.

В 1922 г. дефицит административного бюджета составил 42 милл. долл. (доходы 84, расходы 126 милл.), дефицит жел. дород—36 милл. долл., общий дефицит 78 милл. В 1923 году дефицит админ. бюджета — 60 милл. долл. (доходы — 75, расходы — 135), дефицит жел. дорог — 62 милл. долл., общий дефицит 122 милл. долл.

Чтобы выкачать эту сумму из населения при помощи эмиссии, нужно было увеличить темп эмиссии. В 1922 году долг государства в эмиссионном банке увеличился в 3 раза, в первом полугодии 1923 г. в $4^1/_2$ раза, во втором же полугодии в 37 раз (за весь год в 165 раз). Но цены и курс доллара росли скорее, чем эмиссия. Реальная ценность всей денежной массы в обращении уменьшалась по мере роста темпа эмиссии. Эта ценность составляла 78 милл. долл. в конце 1921 года; 53 мил. долл. весной 1923 г. и упала в октябре до 14 милл. долл. (при населении в 30 миллионов жителей).

К концу года положение стало невыносимым для всех, кроме валютчиков и промышленников, которые наживались на инфляции в первой ее стадии. Всякая калькуляция стала невозможной, сумма всех кредитов, предоставленных госбанком и банками промышленности сжалась до смешной суммы нескольких миллионов долларов, представляющей стоимость полуторадневной продукции. Реальные цены начали перегонять доллар. „Ножницы“ раздвигались и били по крестьянству. Разразился кризис в текстильной промышленности. Паника царила повсюду...

Последний час для денежной реформы как-будто пробил. Премьер-министр Грабский, взявший власть 17 декабря с единственной целью спасения финансов, получил от сейма почти неограниченные полномочия. Первым делом он перевел все налоги, пошлины, сборы, тарифы на золотое исчисление. До сих пор они были исчисляемы в бумажных марках, так что, напр., прямые налоги дали в 1923 году, благодаря обесценению марки, 11% предполагаемой суммы. Во-вторых, декретировал немедленный взнос аванса в 27 миллионов долларов на поимущественный налог. В-третьих, затеял основание частного эмиссионного банка с капиталом в 20 милл. долларов для выпуска новой твердой валюты. До момента открытия этого банка, а момент этот не кажется еще близким, нет в Польше реального твердого измерителя, кроме доллара, но сделки в долларах воспрещены. Золотой измеритель является только индексом, назначаемым каждый день правительством, основанным на официальном биржевом курсе доллара.

Мероприятия Грабского увенчались временным успехом. Сильный налоговый нажим заставил держателей валюты бросить ее на рынок; спрос на нее уменьшился из-за полного кризиса текстильной промышленности, главного потребителя валюты. Доллар стабилизировался.

Но переход налогов и тарифов на золотое исчисление привел немедленно к переводу всех цен и кредитов на золотое исчисление, т. е. привел к стремительному подъему всех цен до уровня золота и вскоре превысил его. В конце января оптовый индекс достиг уже 111 (по отношению к золоту), бюджетный набор 128.

Это была полная революция цен. По сравнению с октябрем индекс бюджетного набора возрос реально в 3 раза. Высокие золотые цены и золотые тарифы жел. дорог оказались непосильными для польского экспорта. Экспорт леса прекратился совсем. Промышленный кризис охватывал одну область за другой. В Лодзи в начале февраля только 7 тысяч рабочих работало полную неделю, 68 тысяч работало не больше 3 дней; то же самое во всем текстильном округе. Паровозо- и вагоностроительные заводы, от которых правительство в виду сбережений хочет добиться аннулирования или рассрочки заказов, увольняют рабочих и сокращают работу до 3 дней в неделю. Из 67 стеклянных заводов 40 бездействуют. Закрываются спичечные и цементные фабрики.

В Польшу начинают приливать немецкие и чешские товары, которые теперь оказываются дешевле польских. Даже румынская нефть начинает в Польше конкурировать с галицийской. Промышленники воют: требуют повышения пошлин понижения тарифов, отмены налога от оборота при экспортных операциях, государственных кредитов.

Капиталисты идут в поход против заработной платы, понижают ее, требуют перехода на 10-часовой рабочий день. Правительство частично уступает, по-

тому что финансовая реформа обречена на провал, если не удастся преодолеть кризиса производства.

Какие надежды на то, что польской буржуазии удастся оздоровить финансы?

Прежде чем ответить на этот вопрос, приведем одну интересную цифру: в ноябре расход на армию составлял 63% всего расхода, в декабре же—72% и превышал весь доход. Первым условием устранения дефицита является уменьшение затрат на милитаризм.

Польша во многом походит на Францию: широкий аграрный базис, уголь, металлургия, текстиль, мелкобуржуазное засилие, политика „престижа" и милитаризма, контраст между хозяйственной мощью и развалом финансов. Только Польша в три раза беднее Франции, и имеет неразрешенные аграрный и национальный вопросы.

Но оставим эту параллель. Премьер-министр Грабский не сомневается в успехе своих реформ. В конце марта он произнес речь, преисполненную безоговорочного оптимизма. Вот уже третий месяц,—говорит он,—как марка стабилизирована; печатание марок на нужды казначейства приостановлено в январе—они печатались еще в феврале, но только для кредитования промышленности и торговли и для закупки иностранной валюты, припрятываемой до сих пор населением и хлынувшей теперь на рынок. Таким образом, валютный запас госуд. банка возрос с $2^1/_2$ до 19 милл. долларов, стоимость же денежной массы возросла в четыре раза, достигая 57 миллионов долларов. Дефицит изжит, поступления от налогов превышают предположения, месячные расходы можно определить в 20—22 милл. долларов. Подписка на акции золотого эмиссионного банка дала блестящие результаты: заявки населения достигают 90% предполагаемого капитала в 19 милл. долларов, так что вскоре можно будет выпустить обеспеченную валюту. Промышленный кризис изживается,—начиная с 8 марта, безработица уменьшается.

Этот казенный оптимизм вызвал критику представителей буржуазии. Они обращают внимание на то, что финансовая реформа не может быть успешна при падающем производстве, и что схема поступления налогов, которая не считается с этим фактом, является нереальной. Но важнее другое обстоятельство: расходная смета составлена в индексных (товарных) франках, приходная же—в золотых франках. Между тем как индексный франк в момент составления сметы стоял ниже золотого, рост реальных цен изменил это соотношение в обратное, и потому бездефицитность бюджета являеття иллюзией.

Грабский, повидимому, сам про себя тоже об этом знает—иначе трудно бы объяснить, почему пошел на кабальную сделку с итальянским банком „Банка Коммерцияле". Этот банк предоставляет Польше заем в 400 милл. лир, из которых, однако, Польша получает только 320 милл. на руки. Процент определен в $10^1/_2$, не считая амортизационных взносов. В конечном счете Польша получает 14.7 милл. долларов и должна по ним уплачивать по 2,9 милл. долларов в течение первых пяти лет, по 2,5 милл. долларов в течение следующих, или 17—20% в год. Притом

польская табачная монополия является залогом. В случае войны и оккупации Польши неприятелем за итальянцами обеспечивается право вывесить итальянский флаг на государственных табачных фабриках.

Прислушаемся еще к мнению крупного буржуазного эксперта.

Гильтон Юнг, английский эксперт, в меморандуме, представленном в феврале польскому правительству, перспективы финансовой реформы рисует в следующем виде. Польша—страна богатая, трудолюбивая, и т. д., но ей не достает опыта. Нужно увеличить доходы, уменьшить расходы и получить заграничный заем. Сумма месячных расходов не должна превышать 14 милл. долларов—больше Польша расходовать не в состоянии. Январская стабилизация ненадежна, непрочна, так как она основана на доходе специальном, неповторяемом каждый месяц. Без сокращения военных издержек, увеличения косвенных налогов, сдачи в аренду жел. дорог изжитие дефицита немыслимо. Заграничный заем почти неизбежен, но заграничный капитал даст деньги, только получив полный контроль над их расходованием. (Отмечу, что Юнг предлагает выпустить золотую валюту параллельно с бумажной маркой, т. е. позаимствовать от большевиков червонец!).

Такова оценка Юнга. Эта оценка трезвого буржуа. Он предвидит для Польши, как выход из кризиса, судьбу Австрии.

Рабочие и крестьяне предлагают другой выход. Спасти независимость Польши от акул международного капитала могут только те, которых называют изменниками и врагами отечества.

Польша вошла в полосу длительного кризиса. На его фоне развивается борьба рабочих против наступления капитала, против понижения реального заработка, за 8-часовой рабочий день, за обеспечение безработных.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

М. Танин.

Международная политика.

Англо-французские отношения.

В феврале член английского правительства Гендерсон заявил: „Версальский договор основан на том ложном предположении, что экономическое благосостояние некоторых стран может быть разрушено без последствий для экономического благосостояния других стран..." „Всякий, кому дорог всеобщий мир должен настаивать на безусловном пересмотре Версальского договора, как в смысле экономическом, так и в смысле территориальном".

Правда, английский премьер Макдональд заявил, что он не несет ответственности за это выступление его министра. Но такой дипломатический жест не меняет положения, тем более, что он был сделан в весьма вялой форме. И недаром выступление Гендерсона произвело такое ошеломляющее впечатление во Франции, в Польше, Чехо-Словакии, Юго-Славии...

Письмо Макдональда.

Переписка Макдональд—Пуанкаре проливает яркий свет на зловещий характер англо-французской борьбы. Несмотря на все дипломатические оговорки о необходимости добиться соглашения, переписка доказывает, что серьезное соглашение между Англией и Францией невозможно. Более того, сама переписка еще более обостряет положение. Макдональд говорит довольно откровенно: „Английский народ опасается милитаризации Франции и с тревогой следит за созданием баз французского военного воздушного флота, не только на Востоке, но и на Западе. Нас смущает также интерес, проявляемый Францией к военной

организации новых государств Центральной Европы. Возникает вопрос, почему деятельность военных министров этих стран финансируется французским правительством, в то время как британский плательщик налогов должен ежегодно изыскивать средства для покрытия 30 миллионов фунтов стерлингов в год, составляющих проценты на заем, заключенный в Америке, тогда часть этих платежей могла бы быть покрыта Францией в счет ее долга нам? Франция не только не пыталась сделать этого, но даже и не высказалась по этому поводу".

Переходя далее к вопросу о репарациях и оккупации Рура и Рейна, Макдональд так же открыто заявляет:

„Наши точки зрения расходятся по самым основным пунктам... Английским народом восстановление понимается более широко, как восстановление разрушенных рынков, восстановление покупательной способности, морской и международной торговли, уничтожения резкого колебания валюты и разрешение вопроса о безработице".

Здесь Макдональд затрогивает самый больной для Англии вопрос. Действительно, Англия в несравненно большей степени, чем Франция, находится в зависимости от экономического обмена с внешним миром. Ллойд Джордж это выразил недавно в яркой форме следующими словами: „Наполеон бросил нам, что мы нация лавочников. Да, это так. Мы величайшая нация лавочников в мире". И далее он жаловался: „О хлебе насущном—вот о чем думает народ. Из груди его вырывается старый вопль: дай нам, боже, и в этот день наш хлеб каждодневный".

Положение отчаянное. Мечты о самодавлеющей в экономическом отношении Великобританской империи рассеялись, как дым. В колониях идет зловещий для метрополии процесс индустриализации. В Индии развивается самостоятельная текстильная промышленность. И развивается она по линиям современной техники, а не по рецепту идеалиста Ганди, проповедующего бойкот английских текстильных товаров при возвращении к ручному ткацкому станку. Ввоз из Англии в Индию все падает. В Канаде английский капитал вытесняется американским, опирающимся на свои огромные преимущества в смысле рессурсов и географической близости. Египет тоже быстро индустриализируется. На этой именно почве и развиваются политические опасности в колониях, угрожающие самому существованию империи.

В Европе—падение покупательной способности населения, танец валют, политическая неустойчивость, парализующая солидную торговлю, грубый напор французской тяжелой индустрии, пьющей кровь из „версализированной" Германии. Словом, английский капитал с ужасом чувствует, что на него отовсюду наседают...

Вот в каком положении Макдональд пишет французскому премьеру.

Ответ Пуанкаре.

Что же отвечает Пуанкаре?

Он всей душой стремится к миру. Им руководят „не узкие эгоистические чувства, а лишь желание обеспечить прочный мир в Европе“... „Ни один разумный француз никогда не помышлял об аннексии хотя бы малой части германской территории“. А что касается утверждений злых языков о том, против кого направлена лихорадочная постройка французского воздушного флота, то „неужели действительно есть англичане, полагающие, что Франция способна готовиться к братоубийственной войне против их страны? Наша военная авиация предназначается исключительно для защиты Франции от попытки реванша со стороны Германии“.

О, святая невинность!

А по существу? Что с Руром? Что с деньгами?

„Мы заняли Рур с целью заставить Германию урегулировать ее обязательства к нам... Этот способ давления, как мы уже заявляли,—прекратится в тот день, когда Германия выплатит свои долги“...

А что касается долгов, то:

„Позвольте мне выразить вам (т.-е. Макдональду) благодарность за ваше заявление, что вы рассматриваете вопрос о междусоюзных долгах, как вопрос, тесно связанный с репарационным. Крайне желательно, чтобы эти вопросы были урегулированы одновременно“.

К этому шифру требуется ключ.

В ноте от 22 августа 1923 г. Пуанкаре заявляет, что пар. 231 и 232 версальского мирного договора устанавливают приоритет репараций, т.-е. возмещение убытков от военных разрушений над возмещением расходов на военные цели и над военными долгами. А так как Германия никогда не будет в состоянии удовлетворить заведомо невыполнимые требования французских шейлоков, то это означает, что Пуанкаре из Рура не уходит и уходить не желает и долгов не платит и платить не желает.

Подоплека нажима Макдональда.

Таковы основные факты. Вся показанная готовность Пуанкаре к уступкам, в связи с работами комиссии экспертов—это не больше как маневр. „Пуанкаре уступит в маловажных пунктах, чтобы с большим успехом сосредоточить силу своего противодействия на основном вопросе“... Так оценивает тактику Макдональда „Нью Стэтсмен“ (2/II).

„Наши интересы властно требуют—продолжает этот орган, идейно близкий к Макдональду,—чтобы Германия была в состоянии мира, а не хронической войны, чтобы ее финансы были стабилизованы, чтобы ее рынок был открыт для нас. Возможно, что в абстрактной форме французы согласятся с нами. Но необходимо помнить, что к вопросу следует подойти конкретно... Необходимо, чтобы французы эвакуировали Рур... Необходимо, чтобы вопрос о французском долге был разрешен, и упреки в британской жадности и ссылки на бедность Франции не остановят нас в нашем требовании“...

Таким образом, мы видим, что приход к власти „рабочего“ правительства в Англии не только не смягчает, но обостряет англо-французский антагонизм, и этот факт находит свое яркое выражение в дипломатической дуэли Макдональд—Пуанкаре. Объясняется это, конечно, не тем, что Макдональд борется с французским империализмом, как интернационалист со всяким империализмом. Мотивы, побуждающие Макдональда к этой борьбе, чисто великодержавного свойства. Он борется с врагом Великобританской Империи. И в этом отношении у него руки не связаны так, как у Болдуина, которого постепенно отдергивали „дайгардс“—твердокаменные консерваторы, представители родовой знати, сердцу которых Франция особенно любезна, как оплот мировой реакции.

Недаром французская печать так удрученно реагировала на смену кабинета в Англии и на последние выступления Макдональда. Она весьма правильно предвидела усиление темпа англо-французской борьбы.

Международное положение Германии.

На приход к власти Макдональда в Германии возлагали большие надежды. Макдональд стал для значительных кругов германского народа чем-то в роде Вильсона № 2. Когда получилось долгожданное известие, что Макдональд приглашен к „его величеству“ в Бэкингемский дворец для образования кабинета „Форвертс“ прямо ликовал. Шутка ли, премьер Англии, могущественной Англии,—„свой человек“, товарищ по интернационалу. Как не радоваться? Ведь открываются широкие перспективы освобождения Рура и Рейна, решения репарационного вопроса и т. д.

Но вот пошли разочарования. В письме к Пуанкаре Макдональд пишет:

„Эта цель (установления доверия между народами) может быть частично достигнута путем местного разоружения и создания нейтральных зон между некоторыми государствами, под совместной или даже коллективной гарантией... В обсуждении этого вопроса Лига Наций могла бы, по моему мнению сыграть значительную роль“.

Это значит—и Германская с.-д. печать сразу поняла намек,—что вместо того, чтобы вырвать Рур и Рейн из когтей Пуанкаре и благородно вернуть их германскому народу Макдональд намерен вырвать часть добычи для себя, для империи своего короля. Это значит, что по талонной книжке Лиги Наций „товарищ Макдональд“ вместе с Пуанкаре выпишут себе новый мандатик на Рурскую и Рейнскую провинции. Это значит, что временные компромиссы между Англией и Францией будут заключаться за счет Германии.

И еще один характерный факт. У себя на родине Макдональд не находит более радикального способа для борьбы с безработицей, как постройка крейсеров и миноносцев. Этим, кстати, дает либералу Кэнворти повод задать иронический вопрос — не лучше ли затеять „добрую“ войну, тогда безработица совсем исчезнет. Но в отношении Германии у него другая тактика. Он посылает совету послов в Париже меморандум, в котором поддерживает предложение Франции о контроле над вооружением Германии.

Как мыслится оздоровление Германии при участии Англии, видно из проекта комиссии экспертов, в которой участвует и делегат Макдональда.

По сообщениям газет, проект этот сводится к следующему:

1) предоставление Германии моратория на 3 года к тем, чтобы она выплачивала ежегодно 300 миллионов золотых марок;

2) образование международного общества, выпускающего долгосрочные обязательства на сумму в 10 миллиардов марок под залог фондов германской промышленности; 60 проц. облигаций этого общества получает репарационная комиссия, а 40 проц.—германское правительство;

3) предоставление германским правительством международному обществу концессии на германские железные дороги сроком на 50 лет, при чем, половина акций и облигаций общества вручается репарационной комиссии и половина—Германии; в случае если железные дороги дают недостаточно прибыли, представитель союзников в управлении железных дорог автоматически занимает пост главноуправляющего дорогами;

4) выпуск ежегодно международного займа в $2^1/_2$ миллиарда золотых марок впредь до восстановления бюджетного равновесия Германии. Для осуществления этого займа создается международный банк, в административном совете которого половину членов составляют представители Германии.

5) помимо того, по истечении моратория Германия должна будет уплатить единовременно 2.500 миллионов золотых марок.

Что означает этот план „спасителей“ Германии? Во-первых, передачу в руки ростовщиков международного капитала всей богатейшей сети железных дорог. Достаточно на минутку призадуматься над тем, что значит железнодорожная сеть в такой высоко развитой капиталистической стране, как Германия, чтобы уяснить себе, что это есть отказ от важнейших суверенных прав государства. Во-вторых, господство иностранных капиталистов в банкнотном банке, т. е. полное закабаление Германии, низведение ее на ступень колонии мировых хищников, а в частности превращение пролетариата в кули английских, французских, американских и др. банкиров.

А что же останется после всех этих неслыханных жертв с Рейнской и Рурской областями? Будут ли они возвращены Германии? Тут комиссия экспертов отделывается туманной фразой об „устранении французского управления“, т. е. о замене его англо-франко-бельгийским управлением.

Но репарационная канитель и на этом не кончается. Решения комиссии экспертов не обязательны для правительств, и ее рекомендации вряд ли сдвинут вопрос с мертвой точки зрения. Но курс на „австризацию“ Германии взят твердо и направляется он не только Пуанкаре, но и Макдональдом.

Банкротство германской буржуазии.

Германская буржуазия своей самостоятельной национальной внешне-политической линии не имеет. Она больше не способна бороться за национальную независимость. Перед лицом революции она думает только о том, как бы найти защиту против „своих“ рабочих у тех же чернокожих из французских колоний, о присутствии которых на германской территории она разводит такую лицемерную шовинистическую демагогию.

Выступление Штреземана на съезде народной партии в Ганновере (30 марта) как нельзя лучше отражает эту политику германской буржуазии. С одной стороны, храброе выступление против „ужасных марксистских идей“, а с другой—трусливое отступление перед западными империалистами. Если отбросить во внешнеполитической части этой речи пустую фразеологию, то сущность ее сводится к следующему:

„Сопротивление в Руре должно быть прекращено“ (оно фактически давно уже прекращено, и Штреземан, очевидно, хочет покончить и с его жалкими остатками).

В случае освобождения оккупированных областей германское правительство согласно на „превращение рейхсбанка в международный банк, находящийся под международным контролем“ и на превращение железных дорог в акционерные общества, где решающее влияние будет, конечно, за иностранными кредиторами.

Словом, Штреземан идет на капитуляцию. Вся его политика направлена лишь к тому, чтобы при новой форме эксплоатации германского народного добра, германские капиталисты не были окончательно оттеснены иностранцами и чтобы заставить пролетариат подчиниться этой эксплоатации.

Единственное, на что у германских капиталистов теперь хватает смелости, это добиваться пересмотра Дюссельдорфского соглашения, закрепляющего за Францией фактический контроль над всей рурской угольной промышленностью. В этом они встречают поддержку у Англии. Очень возможно, что вместо французского контроля богатейшая рурская и вся, вообще, рейнско-вестфальская промышленность попадут под двойной контроль Франции и Англии.

Новое в политике Италии.

Международное положение Германии находится отчасти под влиянием другого фактора—политики Италии. Этот фактор за последнее время начинает приобретать все большее значение

в силу политики Муссолини. Воинствующий национализм, как продолжение идеи „гармонии классов"—основной элемент фашизма. Итальянские фашисты мечтают о восстановлении былой славы древнего Рима. Победы на внешнем фронте, шовинистический угар им необходим для того, чтобы отвлечь внимание трудящихся масс от „проклятых" вопросов внутренней политики. Вот почему появление у власти Муссолини сразу ознаменовалось усиленной активностью во внешней политике Италии (наскок на Корфу, пробная высадка десанта в Танжере, союз с Испанией, нажим, а затем соглашение с Юго-Славией, решительный подход к „русскому вопросу" и т. д.).

Но что касается выбора между Англией и Францией, то здесь политическая линия Муссолини весьма зигзагообразна. Объясняется это тем, что Италия почти в одинаковой степени боится как Англии, так и Франции. А с другой стороны в Лондоне и Париже не доверяют Муссолини, хотя все же хотели бы привлечь его на свою сторону в одном случае против Макдональда, в другом—против Пуанкаре.

Для этой неустойчивости взаимоотношений между Италией и ее союзниками характерно сообщение „Дейли Герольд" из авторитетных французских источников, что Муссолини пригласил к себе французского посла в Риме и, указав ему на систематическое увеличение английской эскадры в Средиземном море и на укрепление морской базы в Мальте, намекнул на необходимость итальянско-французского соглашения против Англии.

В области экономической Муссолини настойчиво добивался широкого льготного снабжения усиленно покровительствуемой им отечественной тяжелой промышленности французской рудой и уменьшения пошлин на итальянские товары во Франции. Далее он дал понять, что соглашение может быть расширено привлечением Испании и превращено в латинский союз против Англии.

Но через пару недель тот же хорошо осведомленный корреспондент „Дейли Геральд" сообщал, что как только Муссолини дали понять с французской стороны о неприемлемости его требований относительно руды, он уже стал угрожать Франции соглашением с Англией.

В этом непостоянстве новой политики Италии есть, однако, одна постоянная упорная цель—экспансия (распространение) во чтобы то ни стало. Это чрезвычайно осложняет всю европейскую обстановку.

С приходом к власти фашизма в международных отношениях Европы прибавился еще один важный фактор, толкающий Европу по пути к лихорадочному вооружению—по пути к войне.

Что скажет Америка?

Совершенно естественно, что при такой перегруппировке сил, при таком общем нащупывании новых путей и общей напряженности атмосферы взоры всех спорящих капиталистических государств Европы обращены в сторону заокеанского империалистического колосса—Соед. Штатов. Для того, чтобы сыскать благоволение „американского дядюшки", Англия, закабалив себя на целых 64 года, не получая ни сантима от Франции, терпеливо платит американскому правительству 180 миллионов долларов в год; Франция, „делая хорошую мину в плохой игре", соглашается на передачу вопроса о германской платежеспособности комиссии экспертов с американцем (генералом Дауэсом) во главе; „великие" и малые государства с мольбой взирают на огромную, туго набитую мошну в руках „американского дядюшки",—словом Америка в центре внимания.

Какова же политика этой крупнейшей империалистической силы в мировом масштабе? Эта политика отличается нерешительностью, обратно-пропорциональной огромным возможностям американского империализма. Это парадоксальное положение объясняется внутренними политическими причинами.

Дело вот в чем: несмотря на то, что экспансивный американский империализм объективно никак не может вместиться в рамки старой политики „блестящей обособленности", ее традиции все еще сильно тяготеют над американской внешней политикой. Малейший промах, малейшая неудача в политике вмешательства в европейские дела сильное орудие в руки сторонников старой политики.

Но в то же время не подлежит сомнению, что в борьбе течений за и против вмешательства в европейские дела сторонники вмешательства постепенно берут верх. Могущественнейший американский капитал с его гигантскими финансовыми и военными ресурсами отбрасывает сковывающие его традиции „блестящей изоляции" и начинает давить на все рычаги международной политики.

Трудно оценить и охватить все последствия этого факта. Отметим только один момент, имеющий немалое значение для развития революционного движения. Выступая в роли банкира, точнее говоря, ростовщика по отношению к европейским странам, Америка, без сомнения, будет там оказывать давление в смысле „оздоровления" хозяйства и финансов и установления „прочного порядка". Что это значит—общеизвестно: сокращение зарплаты, удлинение рабочего дня, борьба с профсоюзами, борьба со всем революционным движением. Этот контр-революционный элемент американского вмешательства не следует упускать из виду при оценке общего международного положения и его будущих перспектив.

„Разоружение".

Поскольку Америка выступает на европейской арене она любит играть роль беспристрастного миротворца. И действительно, Америка искренно желает разоружения... Европы так же, как Макдональд искренно желает разоружения Франции и Германии, так же, как Пуанкаре... и т. д. и т. д.

Недавно американский сенат принял резолюцию прогрессистов о созыве новой международной конференции по сокращению вооружений, но Кулидж и Юз высказываются против этого.

Показателем насыщенности мировой атмосферы милитаризмом является римская конференция, созванная Лигой Наций для распространения благих решений Вашингтонской Конференции на другие государства, не участвовавшие в последней. Характерно, что в Риме были представлены все бывшие союзники, и Япония в том числе, а также СССР. Но Соедин. Штаты даже не послали своего „наблюдателя", как они поступают в аналогичных случаях. Для „результата" конференции характерно, что после ее закрытия Муссолини созвал совещание адмиралов, на котором произнес речь о необходимости немедленно приступить к усилению итальянского флота. Кроме того, Италия взяла на себя выполнение других военных заказов для Испании. Даже южно-американские государства-карлики никак не могли договориться между собой на конференции. Испания—та просто ушла с конференции, потому что политика крупных держав, в частности Англии, сводилась к тому, чтобы закрепить за собой преимущества вашингтонского соглашения за счет малых стран и СССР.

Правда, рабочее правительство Англии сделало красивый жест, отказавшись от постройки морской базы в Сингапуре. Но следует иметь в виду, что против этого проекта высказывались и многие эксперты по чисто техническим соображениям. Как бы то ни было, этот факт абсолютно не меняет общего положения. Для характеристики последнего приведем несколько любопытных фактов и цитат.

„Манчестер Гардиен", по либеральному обычаю уснащая свои комментарии пацифистскими вздохами, пишет по поводу дебатов о воздушном флоте на заседании английского парламента от 19 февраля:

„Конкретную фактическую сторону дебатов обрисовать нетрудно; если бы вопреки желаниям и стараниям всех здравомыслящих и приличных людей, вспыхнула война между Англией и Францией, она происходила бы в воздухе в первую очередь, а может-быть исключительно в воздухе".

„Материалисты"—по терминологии „М. Г."—в парламенте говорили по существу так (как выглядят „идеалисты"—это мы увидим ниже):

„Если будут бомбардировать Лондон, бомбардируй Париж еще сильней".

Этот любовный романс, обращенный к союзнице Франции, называется entente cordiale—„сердечное соглашение"...

И далее другие заповеди:

„Старайся (бомбардировкой) убить детей врага в кроватях на 10% больше, чем он убивает твоих. Око за око, аэроплан за аэроплан, убитую женщину за убитую женщину. Но все с надбавкой".

И орган либералов вразумляет читателя, что на 600 боевых аэропланов Франции, Англия имеет только 80.

А теперь посмотрим, что говорят „идеалисты". Очевидно к ним „М. Г." склонен причислять выступавшего в дебатах товарища министра воздушной обороны Вилльяма Лича, члена рабочей партии. (Несколько слов об этом „рабочем" министре. Он так же, как и его отец—текстильный фабрикант. Указывая на это обстоятельство, специальный сборник изданный Рабочей партией по случаю прихода к власти, умильно прибавляет: Мистер Лич живой пример того, что Рабочая партия не классовая партия...").

Так вот у этого „идеалиста" Лича хватило „идеализма" ровно настолько, чтобы сказать красивую лицемерную фразу: „Если хочешь мира, готовься к миру", вместо старой: „Если хочешь мира, готовься к войне". Но вслед за этим он при возгласах „Позор!" со стороны некоторых левых рабочих депутатов заявил, что он хотя противник соревнования с Францией, но „пока" оставляет в силе все планы старого адмиралтейства. Эти планы исходят из старого положения—равенство с любой другой державой, в настоящих условиях—равенство с Францией.

Но это не удовлетворило адмирала Ситера, для которого они слишком „идеалистичны".

— Ну, воскликнул он, если мы в деле нашей безопасности в воздухе будем полагаться на заповеди нагорной проповеди—так помоги нам, бог!

Недаром говорят, что для англичан нет ничего более святого, чем библия. Этот благочестивый адмирал, очевидно, выдвигает лозунг Кромвеля: „На бога надейся, а порох держи сухим".

И действительно, порох в складах Англии и Франции не только сух, он уже в значительно подогретом состоянии... Это—не фраза, это объективная действительность... Один из наиболее видных английских журналистов Остин Гаррисон писал недавно в пацифистском „Форейн Офферс" („Иностранные дела"):

„Только война может разрешить создавшееся положение, только крах"...

А Ллойд Джордж заявил в одной из своих речей:

„Дела тревожны,—зловещи: только кончилась великая война, а теперь в Европе под ружьем больше солдат, чем до войны, несмотря на то, что 10 миллионов убили. Народы готовятся. Народы изобретают орудия войны. Сатана опять начинает шалить".

И в самом деле, „сатана шалит" и в правящей Рабочей партии. В „Нью Стэйтсмен"—органе фабьянцев—мы уже слышим совсем новые нотки:

„Рабочая партия вовсе не пацифистская партия... Если бы нам пришлось подвергнуться воздушной атаке со стороны Франции, нашей единственной защитой была бы еще более разрушительная атака против Парижа... Мы должны быть благоразумны и усилить наш воздушный флот".

Вот как заговорил журнал группы, имеющей своего представителя в английском „рабочем" правительстве (Вебб)! Вот до чего накалена атмосфера. Готовится новая война, непомерно

более разрушительная, чем „великая война". В этой войне удушливые газы в комбинации с воздушным флотом сыграют чудовищную разрушительную роль. Война неизбежна. Атмосфера уже начинает насыщаться теми удушливыми газами, которые принесут ужасную смерть целым армиям, целым городам, миллионам мужчин, женщин и детей. Мир может спасти от новых неслыханных ужасов только пролетарская революция.

P. S. После того, как статья была сдана в набор, англо-французские отношения еще более обострились в связи с резкими выступлениями английской печати по поводу нового шахматного хода Пуанкаре — муссирования старого вопроса о „гарантиях безопасности для Франции".

Сдвиг в Америке в пользу более активного вмешательства в европейские дела, все огромное значение которого обрисовано в обзоре, находит свое подтверждение в оживленном интересе американских политических кругов к докладу экспертов и в резолюции консервативного республиканца-сенатора Пепора в пользу созыва международной конференции по вопросам о сокращении вооружений, международном суде и. т. д.

Освещение этих вопросов в связи с дальнейшим развитием событий—в следующем обзоре.

Т. К.

Советский Союз и буржуазные государства.

После сорванного западными империалистами советско-китайского соглашения на основе признания нас де-юре, в процессе „признаний" наступила заминка. Более того, последние недели прошли под знаком усиления враждебности к нам со стороны некоторых капиталистических стран. В этом отношении весьма знаменательна

Венская конференция.

Конференция открылась 27-го марта. Не прожив и недели, она 2-го апреля была сорвана румынской делегацией на Бессарабском вопросе. Румынские дипломаты сразу обострили положение тем, что сделали поистине смешную попытку взять нашу делегацию „нахрапом". Бессарабский вопрос—заявили они—исключается из дискуссии; для Румынии, это решеный вопрос—и факт приезда Советской делегации уже является выражением согласия с такой точкой зрения (!).

Но бело-румыны сейчас же почувствовали, что вопрос далеко не решен для другой стороны, для СССР, следовательно, он и вообще не решен. Председатель советской делегации тов. Крестинский заявил:

> „Правительство СССР, а до образования Союза СССР правительства РСФСР и УССР, никогда не давало своего согласия на присоединение Бессарабии к Румынии и рассматривает оккупацию Бессарабии в 1918 г. румынскими войсками, оккупацию, продолжающуюся доныне, как насильственный захват этой области.
>
> Румынское правительство само не стояло вначале на той точке зрения, которую оно сейчас выдвигает. Так, румынское командование, вводя в январе 1918 г. свои войска в Бессарабию, объявило населению Бессарабии, что введение войск носит временный характер, и что румынские солдаты вернутся на родину".
>
> „Наконец, сам председатель румынского совета министров Авереску в марте 1918 г. подписал с представителем Советского правительства Раковским и военно-революционными организациями румынского фронта и Одесской области

соглашение, по которому обязался от имени румынского правительства очистить в двухмесячный срок Бессарабию от румынских войск".

Касаясь принципиальной стороны вопроса, тов. Крестинский заявил:

„Союзное советское правительство подчеркивает, что в бессарабском вопросе оно не стоит на точке зрения исторических прав по отношению к Бессарабии, унаследованных ими от царского правительства. Советское правительство не стремится во что бы то ни стало удержать Бессарабию в составе СССР".

За этим последовало то предложение, которое окончательно сбило с позиции румынских империалистов и разоблачило их перед лицом всего мира: последовало предложение об опросе самого населения Бессарабии—о плебисците.

„Если бы румынское правительство,— аргументировала наша декларация,— думало, что подавляющее большинство бессарабского населения искренно считает себя румынами и желает вхождения Бессарабии в состав Румынии, румынскому правительству нечего было бы опасаться результатов плебисцита и уклоняться от него".

Но румынское правительство, конечно, так не думает, оно имеет все основания опасаться плебисцита, и его дипломаты отклонили наше требование неуклюжей смешной ссылкой на то, что оно „вызвало бы разногласия среди союзников, признавших присоединение Бессарабии к Румынии!" В ответ на повторное предложение тов. Крестинского о плебисците на заседании от 2 апреля румынской делегации осталось только заявить, что ее вовлекли в невыгодную сделку; из обмена мнений в Лозанне у румынских дипломатов составилось, дескать, впечатление, что советское правительство откажется от Бессарабии, а тут—плебисцит. „В виду позиции Советского правительства—говорилось в румынской декларации—румынская делегация считает необходимым прервать конференцию до того момента, пока советское правительство откажется от своей точки зрения".

Советско-румынское соглашение сорвано, но бессарабский вопрос поставлен. Весь мир теперь знает, что это вопрос нерешенный. Но этого мало. Выдвигая лозунг плебисцита, советская делегация дала толчок к постановке в балканизированной Европе ряда аналогичных вопросов.

Румынская „демократия" беспощадно угнетает три миллиона венгерцев, украинцев, молдаван, немцев, болгар и т. д. Но аналогичное положение существует и в Польше, и в Чехо-Словакии, и в Юго-Славии, и других странах, и среди угнетенных национальностей этих стран лозунги советской делегации на Венской конференции найдут широкий отклик.

Зато совсем иначе реагировали на Венскую конференцию империалисты. Особую роль здесь играла

Франция.

Ратификация французским парламентом грабительского захвата Бессарабии и та щедрая поддержка, которая оказывалась французской дипломатией Румынии в связи с конференцией свидетельствует, как сильны еще во Франции враждебные нам факторы.

Бессарабский вопрос—не следует этого забывать—был пробным камнем для французской дипломатии. Либо курс на сближение с Советской Россией и тогда, по крайней мере, нейтралитет в бессарабском вопросе, либо старый курс: Румыния и Польша против СССР и, следовательно, санкция румынского грабежа. Пуанкаре выбрал второй курс, и мы очутились в полосе ухудшения франко-советских отношений. И характерно, что такой курс как-раз совпадает с поворотом французских правящих кругов на несколько градусов влево, в связи с вхождением в преобразованный кабинет Пуанкаре представителей правой части левого блока,—Жувенеля и Лушера. Впрочем, это неудивительно, если иметь в виду, что часть радикалов голосовала в палате депутатов заодно с черносотенцами Национального Блока за ратификацию румынского захвата.

Следует подчеркнуть все эти факты, чтобы трезво оценить перспективы наших взаимоотношений с Францией в связи с ожидаемой там победой левого крыла буржуазии на предстоящих в начале мая выборах. Нужно иметь в виду, что если во Франции и идет значительный сдвиг в пользу сближения с СССР, то над французской дипломатией тяготит проклятие инерции всей послевоенной политики румынско-польско-прибалтийского кордона против большевистской СССР.

Благоприятнее развивались за последние время наши

Отношения с Англией.

В первых числах апреля в Лондон выехала наша делегация на предстоящую советско-английскую конференцию. На этой конференции будут разбираться вопросы огромнейшего для нас значения. Нам будут предъявляться претензии о долгах, о компенсировании британских граждан за национализированное имущество; с другой стороны, мы будем предъявлять наши крупные контр-претензии; будет разбираться вопрос о кредитах, об урегулировании множества других вопросов, которые должны составить базу для установления нормальных экономических и политических отношений между обеими странами.

Каковы перспективы англо-советской конференции? Что с нашей стороны будет сделано все возможное для взаимно-выгодного соглашения, об этом распространяться не приходится. Но приходится серьезно опасаться влияний со стороны т.-н. британских кредиторов и скрытого саботажа тех органов старого государственного аппарата, которые будут соприкасаться с переговорами. Дурным предвестником в этом смысле является бешеная атака лордов Керзона и Эммота против СССР и русской политики Макдо-

нальда на заседании палаты лордов от 26 марта. У бывшего главы „форейн оффис" (министр иностранных дел) к обычному керзонизму еще прибавилось раздражение человека, оставшегося не у дела, и он распоясался во-всю. После выпадов вроде того, что „в Южной Африке работают большевистские агентства, деятельность которых направлена к разрушению Ю.-Африканского союза", Керзон бросил провокационную фразу, рассчитанную на то, чтобы напугать обывателя и несознательного рабочего:

„Российское правительство—сказал он—потребует долгосрочных кредитов... не для того, чтобы давать заказы британским заводам, а для того, чтобы восстановить свою собственную промышленность и конкурировать с промышленностью нашей страны". (Возгласы лордов: Внимание! Внимание!) И с типично керзоновским цинизмом, руководитель английской внешней политики прибавил: признанием Советского правительства „мы отказались от наиболее действительного средства давления" (Таймс 27. 3).

Эта атака имела определенную конкретную цель—создать тяжелую атмосферу вокруг открывающейся конференции. Отсюда и злостная кампания против тов. Ротштейна, назначенного генеральным секретарем делегации, провокационные слухи, будто т. Литвинову отказано в визе и т. д.

Наши отношения с Италией.

С 23 марта вступил в силу торговый договор и таможенная конвенция с Италией. Этот договор, на ряду с полным признанием СССР де-юре, содержит и признание нашей монополии внешней торговли и регулирует правовое положение нашего торгпредства в Италии, предоставляя ему ряд льгот. Таможенная конвенция предусматривает обоюдные пошлинные льготы. Все это открывает широкие перспективы для торговли и политического сближения между обеими странами. Как результат договора, следует, между прочим, отметить создание в Венеции общества торговли с СССР с капиталом в 100 миллионов лир. С точки зрения политической важно отметить, что Италия, в отличие от Франции, не ратифицировала постановления совета послов, „отдавшего" Бессарабию Румынии.

Характер японской политики.

Япония, вслед за Францией, поторопилась занять враждебную позицию по отношению к СССР, изъявляя готовность ратифицировать грабительский захват Бессарабии. Тут как-будто сказалось своеобразная солидарность захватчиков (северный Сахалин), а в еще большей степени новый агрессивный поворот японской политики на Дальнем Востоке.

Этот поворот проявился в целом ряде враждебных актов и весьма подозрительных закулисных махинациях. Опасаясь общего соглашения между нами и Китаем, и в частности соглашения по вопросу о восточно-китайской железной дороге, японское правительство через своих бесчисленных агентов стало оказывать давление на правительство Китая в его попытке сближения с СССР. Одновременно оно опять приступило к мобилизации остатков белогвардейщины на Дальнем Востоке и стало якшаться с бандитом Семеновым, который стал подвизаться в Токио. А в иностранной печати вдруг стали появляться кем-то инспирированные сообщения о том, что СССР якобы готовится к военным действиям с Китаем в связи с разрывом советско-китайских переговоров в Пекине. Все это должно было служить дипломатическим прикрытием для концентрации японских военных сил в Корее и южной Манчжурии.

Что все это означает? Неужели Япония готовится к новой интервенции после печального опыта старой? Возможно, что японские империалисты еще раз хотят использовать белогвардейщину, как пушечное мясо в деле дипломатического нажима на СССР накануне неизбежных серьезных переговоров об урегулировании взаимных отношений. Возможно, что японские империалисты хотят повторить прием 2-го апреля 1922 г., когда японские войска накануне окончания переговоров в Дайрене неожиданно напали на войска Дальне-Восточной Республики, да еще подняли гвалт в своей и иностранной прессе, будто коварные большевики нанесли удар в спину японскому гарнизону.

Эта политика авантюр получает опору в дальне-восточных интригах Франции против нас. За первой нотой, имевшей целью сорвать советско-китайское соглашение в середине марта, в начале апреля последовала другая нота с предъявлением „прав" на русскую концессию в Ханькоу. Таким образом, мы видим, что политика Франции как бы дополняет политику Японии, и невольно возникает вопрос, нет ли здесь сознательного определенного согласования?

Роль Америки.

Еще Вашингтонская конференция ясно выявила, что проникновение в Китай составляет основную цель американского империализма, упорно добивавшегося на конференции признания принципа „открытых дверей". Время истекшее после Вашингтонской конференции, прошло для Соединенных Штатов под знаком значительного подъема промышленности и расцвета грюндерства (создания новых предприятий); стремительная тяга разбухшего американского капитала в Китай еще более усилилась. Но как ни широки китайские „открытые двери", американскому и японскому империализму не пройти через них одновременно. Отсюда—прогрессирующее обострение американско-японского антагонизма на Дальнем Востоке; отсюда такое положение: американская дипломатия интригует против нас в Китае и зарится на Восточно-Китайскую жел. дорогу не меньше, чем Япония; но в то же время она косвенно действует нам на руку, не допуская чрезмерного усиления японского влияния. (По той же причине Юз, не пригласивший Советского правительства на Вашингтонскую конференцию, все же играл на ней роль „защитника интересов русского народа"). Еще больше оснований для Америки—а также

для Англии—не допускать единого японско-французского фронта на Дальнем Востоке.

Что касается общих настроений в Америке по отношению к нам, то интерес к СССР, за последнее время ослабленный всепоглащающим нефтяным скандалом, снова несколько оживился в связи с другим скандалом—разоблачениями капитана Мартина о контрреволюционной деятельности АРА в эпоху интервенции.

В общем, общественный сдвиг в Америке в сторону признания СССР постепенно углубляется и еще более углубится в связи с приближающимся разгаром предвыборной кампании. От исхода этих выборов зависит и будущее развитие советско-американских отношений. Если останется у власти—как ее называют в Америке—„старая гвардия" или „машина" ныне правящей республиканской партии, развитие пойдет медленным темпом. Если победит прогрессивный блок—а это весьма вероятно — дело пойдет значительно быстрее. Но так или иначе, законы „признания" писаны и для Америки. Это, очевидно, понимают командующие капиталистические круги. Так, например, орган финансистов „Уолл Стрит Джорнал"— в передовой от 28-го марта, озаглавленной „Великан пробуждается", писал по поводу возрождения нашего хлебного экспорта.

„Россия возрождается... Русская валюта одна из немногих, которая котируется выше доллара... Население (Америки) начинает высказывать интерес к СССР... Ничто больше не может задержать окончательного восстановления СССР".

Малые страны.

Чехо-Словакия все еще не вышла из состояния „принципиальной готовности признания" с неизбежным „но"... Юго-Славия ждет примера храбрости со стороны Чехо-Словакии, а последняя не спускает глаз с Франции. Бельгия по той же причине не решается итти дальше переговоров о советской торговой базе в Антверпене; Голландия, несмотря на то, что ее печать открыто высказывает тревогу, как бы Антверпен не отвлек советской торговли от Амстердама и Ротердама, медлит с переговорами и заявляет устами своего мининдел Карнабека, что, дескать, „признание СССР де-юре—вопрос чрезвычайно сложный".

Явный поворот к худшему наметился в Польше. Герой киевского похода (в два конца) Пилсудский опять начинает появляться на политической сцене. Польские военные круги принимают визит представителя румынского генштаба Флореску, а польский военный министр Сикорский предпринимает инспекционную поездку вдоль восточной границы и произносит речь о необходимости увеличить воздушный флот. В то же время польская дипломатия продолжает свою политику, направленную против СССР в прибалтийских странах. И вряд ли приходится сомневаться, что такой факт, как отказ Латвии подписать с нами договор о ненападении, нейтралитете и транзите, в значительной степени связан с влияниями из Варшавы.

Много внимания уделяли в Польше укрупнению Белоруссии. У нас это произошло очень просто. Раз интересы культурного и хозяйственного развития Белорусской Советской Социалистической Республики требуют такого укрупнения, то это в конечном счете—при нашей государственной системе—выгодно и для всего Союза. И вопрос был решен путем простого соглашемежду РСФСР, УССР и БССР.

Но почему польская буржуазная печать уделяет столько внимания этой внутренней передвижке границ между союзными республиками в СССР и комментирует его чуть ли не как враждебный акт по отношению к Польше? Потому что национальный вопрос для нее слабая сторона, а для нас — сильная. Недаром „Курьер Варшавский" писал по поводу укрупнения Белоруссии:

„Вдоль нашей восточной границы растет и углубляется русский гипноз. Мы видим, что наиболее национально настроенные украинцы, (а в другом месте статьи речь идет о белоруссах) ориентируются на большевиков"...

P. S. Из фактов, имевших место во время верстки номера, должны быть отмечены следующие:

Наглое вмешательство Пуанкаре в пользу киевских предателей из „Центра Действия" (телеграмма на имя Чичерина от 7-го апреля).

Ответная нота тов. Чичерина от 11-го апреля, которая „с негодованием отклоняет попытку французского правительства вмешаться в судебное разбирательство дела о киевских шпионах и изменниках".

Запрос Де-Монси о возобновлении сношений с СССР и сравнительно корректный по форме, но непримиримый по существу ответ Пуанкаре.

Дальнейшие нападки консерваторов на Советское правительство, выразившиеся в запросах правительству на заседании палаты общин от 7-го апреля.

Освещение этих фактов в связи с дальнейшим ходом событий в следующем обзоре.

В. А.

Внутренняя жизнь.

К положению в деревне.

В нашей партии все шире и шире обсуждаются вопросы, связанные с работой в деревне. Предстоящий XIII съезд партии в первую очередь займется этими вопросами.

Не случайность, что деревня еще и еще раз становится в порядок дня партийного съезда. Подпочвенные экономические и социальные процессы за годы НЭП'а уже успели произвести довольно значительное изменение в облике советского села. Вновь всплывает и обостряется вопрос о кулаке и бедняке. Местами это начинает получать даже и политическое выражение. На одном полюсе деревни, как мы отмечали прошлый раз, просачивается кулацкое требование „крестьянского союза". На другом стихийно, без всякого нашего вмешательства возрождаются комитеты бедноты. Вот что, например, гласит отчет о пленуме Уральского областного комитета партии:

„Сообщения из деревни говорят, что последнее время тяга кулаков и полукулаков к организованным выступлениям в той или другой форме увеличивается; с другой стороны, в последнее время наблюдается тяга к самостоятельной классовой организации „для борьбы против богатых" со стороны деревенской бедноты, особенно из числа бывших рабочих и красноармейцев. В Сарапульском округе зарегистрированы два случая возникновения таких, своего рода, „комбедов", без участия местных парторганизаций. Беднота организуется медленнее, чем кулачество, и со стороны местных деревенских парторганизаций, вследствие их слабости, до последнего времени не было должной помощи бедноте в этом направлении".

Таким образом, со стороны бедноты мы видим совершенно инстинктивный жест самозащиты от домогательств кулачества. Два Сарапульских „комбеда" не могут нами расцениваться иначе, как симптом, признак усиливающейся классовой борьбы в деревне, которая, при известных условиях, может еще более разрастись и углубиться.

В данный момент, на данной стадии развития классовых противоречий в даревне, кулацкое влияние еще не представляет сколько-нибудь реальной угрозы Советской власти и нашей пар-

тии. Наоборот, как мы отмечали прошлый раз, крестьянство на перевыборах советов проявило возросший интерес к работе советов и рост политического доверия к РКП. Может лишь встать вопрос, не изменилось ли положение к концу зимы, к весне, как ко времени наиболее трудному для бедных слоев крестьяства?

Есть данные утверждать, что особых серьезных перемен в настроении крестьянства не произошло. Так, можно уже определенно констатировать, что „Ленинский призыв" рабочих в нашу партию вызвал встречный отклик и в среде крестьянства. Из ряда губерний сообщают о многочисленных заявлениях, в которых крестьяне просят принять их в партию, нет оснований усомниться, что идет именно бедный или средний элемент крестьянства.

Кроме того, еще более чутко чем партия отмечает подобные настроения в среде крестьянства наш Коммунистический Союз Молодежи. Всю эту зиму местные организации комсомола почти всюду стояли перед фактом широкого наплыва крестьянской молодежи, желающей вступить в союз.

Это—массовый и потому бесспорный показатель, если угодно—„барометр" деревенских настроений, и, опять-таки, совсем не кулацких настроений. Широкая масса крестьянства, проявляя рост политической активности, сейчас идет за нами, а не за кулаком. Мы должны следить за дальнейшими колебаниями в деревне, используя и закрепляя всеми путями то влияние на крестьянскую массу, которое мы уже имеем.

Сейчас мы уже стоим перед посевной и вообще весенней кампанией в деревне. Крестьянские посевы на текущий год снова возросли, почти достигнув военного времени и дойдя до четырех пятых довоенного уровня. Виды на урожай удовлетворительны, а местами хороши (см. „Правду" от 5 апреля № 78).

Стихийных или вообще захватывающих все крестьянское хозяйство кризисов и катастроф в этом году ожидать мы, пока что, никаких оснований не имеем.

Однако, теперь было бы ошибкой от перспектив общего подъема крестьянского хозяйства непосредственно и огульно заключать к укреплению нашего политического влияния в деревне. Так суммарно мы могли еще рассуждать в первые годы нэп'а, когда крестьянство было наиболее нивеллировано, осереднячено. К этому положению сейчас мы вносим корректив на расслоение крестьянства, которое происходит на наших глазах. Поэтому, мы не просто должны, в предстоящую весеннюю кампанию „помогать крестьянскому хозяйству", но мы должны обратить внимание на классовый характер этой помощи, помочь бедняку и середняку, шире поставить вопрос о кооперировании массы крестьянства, о кредите, кооперации и маломощным крестьянам, о семссуде именно им и т. д.

Серьезность процессов, происходящих в деревне, необходимость лучше к ним присмотреться и научиться на них экономически влиять, заставляет всю партию уделить особое внимание предстоящей весенней кампании.

Вместе с тем, мы должны обратить сугубое внимание на вовлечение крестьянства в нашу общественную жизнь в деревне, в работу советов, комитетов взаимопомощи в кооперацию, в культурничество и т. д.

Мы должны стараться дать деловую работу, привлечь к участию в новом строительстве каждого крестьянина, желающего так или иначе помочь Советской власти в разрешении различных деревенских общественных нужд.

Нужно оживить работу волостных советов тем более, что новые бюджеты дают некоторую возможность для расширения их деятельности.

Словом, советскую общественность в деревне мы должны твердо и неуклонно противопоставлять кулацким влияниям и их лозунгам.

Профессиональный союз работников земли и леса (Всеработземлес) должен также, не замыкаясь в рамки цеховых интересов, сыграть политическую роль в деревне, захватывая и организуя батрацкие элементы, работающие у кулаков. Надо сознаться, что эта сторона в деятельности союза еще слаба. Так на 1-ое января 1924 года из 281.012 членов союза батраков было 22.026, или 7,8%; членов коммун и артелей—530 человек (0,2%). Итого во внегосударственных предприятиях и учреждениях (совхозы, лесное хозяйство) занято лишь 8% членов союза. Что касается движения общего количества членов союза, то к августу 1921 года он дорос до 761.240 членов, зачем началось падение до 249.072 к 1 января 1923 г. Весь прошлый год шел медленный рост до 296.410 на 1-ое ноября, и лишь за конец года, в связи с сокращением совхозов, цифра снова несколько упала—до 281.012 чел.

Кроме задачи оживления деятельности Всеработземлеса, актуальной делается задача привлечения всей массы деревенского учительства на нашу сторону. В значительных кругах оно уже становится советской интеллигенцией. Наша задача: всячески ускорять этот естественный процесс, энергично борясь с буржуазной идеологией за овладение этим культурным приводным ремнем к многомиллионному крестьянству.

Говоря о смычке города с деревней, нельзя пройти мимо огромной роли, какую здесь играет Красная армия. Достаточно вспомнить отъезжающих сейчас в деревню отпускников. Пролетарский город провожает их многочисленными „вечерами смычки", субботниками по починке обуви и обмундирования и проч. У редакции „Крестьянской газеты" каждое утро толпятся отпускники в очередях за подпиской.

Характерен пример гомельских рабочих: завод „Двигатель революции" дарит пяти товарищам-отпускникам, односельчанам села Воздвиженки, Ставропольской губернии, плуг своего изготовления. Другой завод „Пролетарий"—дает соломорезку семи односельчанам той же губернии, уезжающим в отпуск из Красной армии. В Тифлисе отпускники организуют ряд экскурсий на фабрики. Рабочие всюду подписываются на газеты отпускникам. В Ленинграде отмечено много случаев, когда отпускники просили оставить их добровольцами в Красной армии.

Отпускники едут обмундированными. На год со дня мобилизации они будут пользоваться льготами по обзаведению хозяйством,—семссудой—в первую очередь, лесом по пониженным ценам, правом на внеочередное решение их земельных дел, внеочередным пользованием живым и мертвым инвентарем с прокатных пунктов и т. д.

Мы сумели сделать нашу Красную армию одним из могучих приводов от города к деревне и, в первую очередь, рассадником культуры, грамотности, сознательности и пролетарского влияния.

Параллельно с отпусками проводится новый призыв в армию родившихся в 1902 году. Мы, наконец, переходим к плановому регулированию личного состава армии, кончая с одной из болезней нашей армии—текучестью ее состава. В этом один из залогов усиления боеспособности армии. Вместе с тем, в Советской Республике призыв в Красную армию есть не только военно-техническое, но и политическое задание, к содействию которому на известный срок должны быть призваны все наши организации и учреждения.

Партия и РКСМ.

Вопрос о приеме в партию крестьян, конечно, не может быть поставлен нами так широко, как в отношении рабочих. Каждый крестьянин, если только он не батрак-пролетарий, является мелким собственником и по своей природе особо подвержен влияниям буржуазии. Мы не можем, поэтому рисковать огромным разбуханием партии за счет колеблющегося мелкособственнического элемента. Партия должна остаться преимущественно рабочей по своему составу. Но понятно, что лучших революционных крестьян, в особенности из зарекомендовавших себя на гражданских фронтах и из бедняков, мы должны отобрать и принять в свои ряды. Они будут незаменимы для нас в деле влияния на деревню.

Несколько иначе мы подойдем к приему крестьянской молодежи в РКСМ. Конечно, и здесь должны быть строго отсеяны кулацкие или хулиганские элементы, пробирающиеся в союз с целью его разложения. Конечно, и здесь мы должны быть строги в отборе. Но все же в союз мы должны больше принять крестьян, чем в партию. Комсомол в деревне уже становится деревенской школой коммунизма, и это его значение сейчас мы должны усилить.

В комсомольских организациях кое-где на этот счет еще существует известная косность, инерция и пережитки, если так можно выразиться, узкой цеховщины. Считают, что союз существует только для рабочей молодежи и ничего иного не хотят знать. Надо каждому комсомольцу у кого существует такое настроение, разъяснить, что интересы рабочего класса состоят не в том, чтобы китайской стеной отгородиться от крестьянства, в том числе и от крестьянской молодежи, а в том, чтобы взять под свое влияние, под свою гегемонию крестьянство, и то революционное, что живет в лучшей части крестьянской молодежи. Не бояться (!) крестьянской молодежи, а сохра-

нять политическое влияние коммунистической партии над ней внутри, и вне союзов молодежи.

Таким образом, для руководящих кадров рабочей молодежи союз явится школой коммунизма, помимо прочего, и еще в одном отношении: в смысле учобы тому, как проводить влияние пролетариата на крестьянство. Это будет лучшей подготовкой к работе в партии и в советах.

Именно по этой линии идут резолюции, принятые по вопросу о работе в деревне последним апрельским пленумом ЦК РКСМ. Вместе с тем, встает задача укрепления деревенских и уездных организаций союза, а для партии—усиления идейного влияния на союз сверху донизу, так как ясны и опасности, которые может принести союзу слишком широкий приток новых, в особенности мелко-буржуазных, элементов.

Резолюция Пленума ЦК РКСМ „Об итогах обсуждений очередных задач союза" в пункте о деревне гласит:

> „Расширяя сеть деревенских организаций союза и количественно увеличивая состав деревенских ячеек, союз должен в первую очередь, завоевать беднейшие низы деревни, т.-е. ориентироваться при приеме в союз в постановке деревенской работы на беднейшую крестьянскую молодежь, с.-х. рабочих и батраков. Одновременно нужно вовлекать в наши ряды и лучшую часть середняцкой крестьянской молодежи. Пленум ЦК особенно подчеркивает, что с задачей расширения нашего слияния в деревне мы сможем справиться лишь в том случае, если деревенская работа будет проводиться не только комитетами и инструкторами союза, но и всем союзом в целом. Поэтому необходимо широкое развитие и укрепление работы по шефству горорганизаций над деревенскими организациями союза".

В своей внутренней жизни наша партия сейчас занята коммунистической обработкой нового ленинского призыва. ЦК РКП, в согласии с принятым курсом на рабочую демократию в партии, вынес постановление о предоставлении вновь вступившим рабочим права участия в выборах на ближайший партийный съезд. Таким образом, партия им сразу дает не одно книжное, но и практически-политическое воспитание.

Кружки партийного самообразования и курсы ленинизма растут все еще не по дням, а по часам. Но в то же время начинается и работа по выдвижению рядовиков партийцев из „ленинского призыва" на ответственные посты. В Ленинграде новые члены партии систематически проводятся в бюро ячеек. В Москве намечено выдвижение „трехсот" для работы в губернском и всероссийском масштабе.

Вместе с тем, началась самочистка партии от социально-чуждых элементов. В Москве районные тройки чистят от 20 до 30 процентов (а местами и больше) общего количества советских и вузовских ячеек. (Рабочие ячейки чистке не подлежат).

У некоторых товарищей родились опасения, что чистка примет характер огульного исключения „оппозиции". Подобные сомнения были вынесены тов. Миньковым на страницы „Правды" и были рассеяны тт. Сольцем и Ярославским (см. „Правда" № 81 от 9/IV—24 г.). Разумеется, принадлежность к оппозиции во время минувшей дискуссии не может остановить партию от исключения того или иного чуждого партии товарища. Соображения в роде того, „что скажет Марья Алексеевна" никакой роли в наших рядах играть не могут. Но не менее понятно, что при исключении из партии голосование за линию ЦК во время дискуссии также не может служить для всех и вся „свидетельством о благонадежности".

Для партии осужденный ею мелкобуржуазный уклон явился лишь косвенным показателем зараженности ее организма мелкобуржуазными, не переварившимися в партии элементами. При чистке же кандидатура каждого товарища обсуждается исключительно индивидуально и вопрос о нем решается его партийной активностью, связью с массовой работой, коммунистической выдержанностью и т. п. Внимательное отношение, которое старые рабочие-партийцы проявляют при чистке ячеек, гарантирует ее успех и большую пользу для партии.

В ближайшее время вся партийная жизнь встанет под знак подготовки к XIII партийному съезду.

* *
*

Из отдельных фактов политического значения серьезного внимания заслуживает только закончившийся киевский процесс контр-революционного „Центра Действия". Его мы коснемся в следующем номере журнала.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзор литературы о Ленине и ленинизме.

I.

Все величие, ценность и близость большого человека чувствуешь особенно остро тогда, когда этого человека теряешь. Смерть тов. Ленина, вызвав необычайное движение в широких массах трудящихся, приковала внимание этих масс к фигуре великого вождя. Интерес к Ленину в рабочей и крестьянской среде растет, да и партийные тт. желают лучше знать Ленина, знать его жизнь, его деятельность, его особенности.

Вот почему в последние дни на книжном рынке появилось много новых работ о Ленине.

Мы намереваемся здесь остановить внимание тт. пока на четырех книжках о Ленине.

Для беспартийной массы предназначается брошюра В. И. Невского „Ленин" (Госиздат, 1924 г., 39 стр. Тираж 30 тыс.), вышедшая уже давно и теперь переизданная, и новая брошюра И. Ходоровского „В. И. Ленин" (Госиздат, 32 стр. 1924 г. Тираж 50 тыс.).

Обычным недостатком наших популярных брошюр является отсутствие живого конкретного материала, ярких и интересных примеров, некоторая суховатость этих работ.

Этих недостатков не чужды и названные брошюры, хотя и в разной степени.

Сравнивая эти две популярные брошюры, мы не можем не отдать предпочтения первой.

Во-первых, потому, что она написана много проще, чем вторая,—и может быть понята даже малограмотным крестьянином; во-вторых, потому, что она вполне освещает деятельность тов. Ленина и, в третьих, потому, что ленинизм представлен выпукло, благодаря постоянному противопостановлению ленинской тактики—тактике меньшевиков.

Желательно только, чтобы при переиздании своей брошюры тов. Невский разбил ее на главы, что облегчит понимание общего плана работы. Брошюра тов. Ходоровского может обслуживать рабочего, но для крестьян она трудна.

На партийного середняка рассчитана блестящая по форме и увлекательная по содержанию брошюра Г. Зиновьева „В. И. Ленин" (Изд. „Красная Новь", 1924 г., 40 стр. Тир. 55 тыс.), к которой приложена статья: „Кончина Ленина и задачи ленинцев".

Брошюра представляет из себя чуть измененную речь т. Зиновьева, произнесенную им на заседании Петросовета в связи с покушением эсеров на т. Ленина в 1918 г.

Вся эта речь дышит глубокой любовью к вождю, тонким пониманием его тактики и изобилует живыми, интересными примерами, знать которые дано не каждому. Горячо рекомендуем ее каждому партийцу для первоначального знакомства с Лениным и ленинизмом.

Книжка тт. Н. Н. Попова и Я. А. Яковлева „Жизнь Ленина и ленинизм" („Красная Новь", Москва, 1924 г., 114 стр. Тираж 50 тыс.) рассчитана на более подготовленного партийца.

Предисловие гласит, что „брошюра написана тт. Поповым и Яковлевым в течение двух суток".

Эта спешность выполнения, несомненно, положила на работу товарищей отпечаток схематичности. В первой, в общем недурной, статье тов. Н. Н. Попова „Жизнь Ленина" бросается в глаза диспропорциональность работы: период до войны 1914 г. получил освещение на 25 страницах, эпоха войны и революции получила отражение всего на 7 стр. (90-е гг.—6 стр. „Мировая война и февральская рев."—2 стр.).

Первые главы подкрепляются цитатами из Ленина,—последние этих цитат совсем не имеют.

Эта диспропорциональность работы исключает возможность выяснения роли Ленина, как партийного теоретика и практика эпохи финансового капитала и социалистической революции.

Та же схематичность работы мешает автору остановиться на крайне важном моменте разногласий по принципам партийной организации между большевиками и меньшевиками на II съезде, и разногласиях по аграрному вопросу на Стокгольмском объединенном съезде (в то время как этот вопрос был узловым, стягивающим воедино все тактические проблемы) и т. д.

Статья тов. Яковлева „Ленинизм", несмотря на ту же схематичность, написана прекрасно.

Узлы завязаны у места, цифры подобраны исключительно удачно, статья продуманная.

Нельзя лишь согласится с следующим положением тов. Яковлева.

„Много есть людей, которые могут дать прекрасный анализ соотношения классовых сил как в русском, так и в международном масштабе. Анализ соотношения классовых сил в превосходной форме не раз давал и Мартов, который войдет в историю, как пример сильного ума, не умеющего от превосходной теории перейти к революционной практике и потому запутавшегося безнадежно и утонувшего в болоте мещанства II Интернационала" (51 стр.)

Насчет „превосходной формы" не спорим, но против способности „дать прекрасный анализ соотношения классовых сил"— категорически протестуем. Практический оппортунизм меньшевиков увязывается в их теоретический оппортунизм.

Этот теоретический оппортунизм налицо в работах меньшевиков, где речъ идет о классовой природе государства, и тем более в работах, дающих анализ классового переплета в определенный исторический момент.

Меньшевики — и Мартов вместе со всеми — преувеличивали всегда роль буржуазно-либерального течения, всегда недооценивали роль крестьянства и даже не понимали социальной природы самодержавия.

Все это старо, как мир, но если потребуется, можно доказать и еще раз.

А. Слепков.

С. Пионтковский. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. Популярно-исторический очерк. 124 стр. Госиздат, издание Истпарта.

Нельзя не приветствовать, когда наши историки, наконец, вылезают из архивного хлама всяческих „писцовых книг" и берутся за обработку свежего материала по истории XX века, тем более—по истории Октябрьской революции. Но нельзя забывать, что в этом случае на историков ложится гораздо большая ответственность. Если мы с легким сердцем можем допустить в нашей среде различные точки зрения, например, на происхождение Дмитрия Самозванца, то на социальный смысл Октября у партии есть вполне точный, казалось бы, не допускающий различных толкований взгляд. Это—взгляд т. Ленина, выраженный им неоднократно, но яснее всего в статье, „К четырехлетней годовщине Октябрьской революции" (соч. т. XVIII, ч. I). Его и следует держаться историкам-коммунистам, к числу которых принадлежит т. С. Пионтковский.

„Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как „побочный продукт" нашей главной и настоящей пролетарски-революционной, социалистической работы",— пишет здесь т. Ленин. Буржуазно-демократическая революция „перерастает" в социалистическую:—„вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую" (365—366 стр.).

Т. Пионтковский, взяв в основу этот взгляд Ленина, однако, ни мало его не продумал и грубо исказил. Его книжка, изданная, и рекомендованная Истпартом, пользующаяся широким распространением среди учащихся, распространяет исковерканный взгляд на социально-исторический смысл Октября.

В качестве примеров, которые должны иллюстрировать „двойственность", „двуликость" Октября, автор приводит декреты о рабочем контроле, об учреждении Совета народного хозяйства и о национализации банков. Спрашивается, что в этих декретах буржуазно-демократического? Ровно ничего. Буржуазно-демократическое содержание революции заключалось в чистке социально-экономических отношений страны от остатков крепостничества. Ленин в указанной статье перечисляет эти остатки: монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религия, угнетение национальностей. Ни к одному из них ни один из приведенных т. Пионтковским декретов отношения не имеет. Эти декреты как раз рисуют только социалистическое, обращенное к будущему лицо Октября.

Не выдерживают никакой критики рассуждения в роде следующих:

> „В вопросе о собственности двойной характер Октября выявился особенно резко"... В декрете о рабочем контроле— „замечательно то, что с одной стороны, он говорит лишь о контроле, упоминает „владельцев" и, с другой стороны,— об обязательности постановлений рабочего контроля, т. е. тем самым превращая органы контроля в органы управления и, следовательно, уничтожая частную собственность на средства производства" (116).

Если буржуазно-демократическую сторону Октября видеть во временном сохранении частной собственности, то с этой точки зрения и нэп, и вообще все переходные к социализму мероприятия будут одной стороной—буржуазно-демократическими. Но это — явная нелепость. К чистке от крепостничества никакого отношения не имеет временное сохранение капиталистической собственности. Непонимание термина „буржуазно-демократическая революция" отражается и в том, что автор не критически, сплошь и рядом, подменивает этот термин другим: „мелкобуржуазная революция". На стр. 117, например, он говорит о том, „как тесно связаны между собой два лика революции, как, несмотря на внутренние противоречия, они переходят один в другой — мелкобуржуазный в социалистический".

Эта подмена терминов теоретически никуда не годна. Говоря о „двух ликах", надо отличать характеристику революции по ее объективно-историческому смыслу от характеристики по движущим силам. „Социалистический лик" — это характеристика по объективному смыслу. „Мелкобуржуазный лик"— по субъективному содержанию, по движущим силам, если иметь в виду крестьянство. Употреблять эти слова рядом, говорить, что одно переходит и перерастает в другое,— есть путаница. Чтобы сказать так, вместо слова „мелкобуржуазный" надо поставить „буржуазно-демократический", а это не одно и то же, как ошибочно полагает тов. Пионтковский. Мелкая буржуазия может являться движущей

силой социалистической революции, как пролетариат — гегемоном в буржуазно-демократической.

Это теоретическая путаница выражается и в беглой характеристике, которую т. Пионтковский дает 1905 году. Приводя (на стр. 7) цитату из старой статьи тов. Троцкого, цитату не большевистского содержания (в ней проблема завоевания власти для пролетариата в 1905 году выводится из отсутствия в России „крепкой и сильной мелкой буржуазии, по отношению к которой рабочие были только вспомогательным отрядом", а о роли крестьянства совсем не упоминается), т. Пионтковский солидаризируется с ней, и, перевернув страницу, пишет, что в 1905 году „пролетариат объективно боролся за свою диктатуру". Значит ли это, что 1905 год признается „объективно", в зародыше, социалистической революцией („перманентная" революция по тов. Троцкому)?

Подобная ошибка может иметь в своем корне только то, что пролетариат был, действительно, главной силой революции 1905 г., что его недостаточно активно поддержали крестьяне. В этом смысле революция была пролетарской. Но объективно-исторические рамки делали для пролетариата и крестьянства невозможным в 1905 году скачек к социализму. Пролетарская революция, как видим, была буржуазно-демократической. Этого противоречивого факта т. Пионтковский осмыслить не мог, ибо он не разграничил объективную сторону общественного сдвига от классово-субъективной.

Любопытно, что по Пионтковскому пролетариат в 1905 г. боролся за „свою" диктатуру, а для характеристики пролетарской диктатуры 1917 г. автор довольствуется популярным определением „рабоче-крестьянской" власти, „классовой власти... пролетариата и многомиллионного крестьянства", и т. п. Ошибочно полагать, что название „популярно-исторический очерк" избавляет от труда над теоретическим продумыванием формулировок. Именно популярная литература должна бы сделать известной каждому рабочему ту оговорку, которую, в ответ на реплику т. Бухарина во время дискуссий о профсоюзах, сделал Ильич, написавший в статье „Кризис партии" следующее:

> Говоря о дискуссии 30 декабря, я должен исправить еще одну свою ошибку. Я сказал: „У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское". Тов. Бухарин сразу же воскликнул: „какое?" А я в ответ ему сослался на только-что закончившийся VIII съезд Советов. Читая теперь отчет о дискуссии, я вижу, что я был не прав, а тов. Бухарин прав. Мне надо было сказать: „Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-1-ых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население, и, во-2-ых, рабочее государство с бюрократическим извращением" (соч., т. XVIII, ч. I, стр. 83).

Кроме теоритических ляпсусов, в книжке есть и чисто-исторические. Неверно утверждение, что уже перед войной в 1905—12 гг., российский капитализм переходил „от монополистического

капитализма к государственно-монополистическому". Для указанного периода характерно еще только укрепление монополистического капитализма. Ссылка на Ленское т-во мало убедительна. Кстати,— не „банковый" капитал есть высшая форма капитала, как то сказано на 1-ой странице, а финансовый.

Описывая этапы революции 1917 года, автор не оттеняет классового сдвига, происшедшего в июльские дни, и совсем не останавливается на VI съезде партии, который дал оценку этому сдвигу и сменил лозунги, временно отодвинув на второй план „власть советам" и бросив лозунг „долой диктатуру империализма". „Подступы к Октябрю" автор датирует, в общем, с корниловщины, между тем это поверхность явлений. Противоречия сентября — октября сложились окончательно уже в июле, когда фактически к власти пришла воинствующая реакционная клика.

Перечислять отдельные более мелкие ошибки и поспешные заключения, которые „походя" делает автор повсюду, утомительно и не нужно. В общем и целом, для книжки характерно отсутствие монизма, единства и выдержанности, наличие разбросанности и эклектизма. Правильные положения перепутаны с ошибочными. Вывод, который надо сделать из разбора книжки— это необходимость компетентной редактуры для всей популярщины, которая сейчас в обилии издается и которая, конечно, адски нужна. Популярную книжку об Октябрьской революции прочтет всякий. И именно поэтому наше требование к ней прежде всего—теоретическая выдержанность, а потом—все остальное. Хороших популяризаторов у нас достаточно. Надо лучше сорганизовать и контролировать их работу.

В. Астров.

М. Болдырев. Новая волость. Изд. „Красная Новь" 1924 г. Стр. 54.

На наш книжный рынок выбрасывается огромное количество литературы по так-называемым „общим" вопросам. Тем разительнее бросается в глаза скудость этого рынка в другом отношении. Крайне мало книг, учитывающих наш практический опыт в разных областях,—в политической, хозяйственной, культурной,— и делающих этот опыт достоянием широких партийных и трудящихся вообще масс. Почти совсем нет книг о современной деревне.

Наши издательства в этом отношении бессознательно продолжают худшие традиции буржуазных издательств. Литература, учитывающая практический опыт строительства, издается почти исключительно ведомствами и носит ведомственный, непопулярный, недоступный массе характер.

Некоторый ведомственный отпечаток лежит и на брошюре т. М. Болдырева „Новая волость". Но, несмотря на это, мы остановим на ней внимание читателя. Автор оперирует только с данными Смоленской губернии, трактуя вопрос не о деревне вообще, а о работе волисполкомов. Вопрос о советском аппарате в деревне еще долго, видимо, будет для нас „перманентным" вопросом, требуя новых улучшений и реформ.

В Смоленской губернии проделывается, и вообще удачно, опыт укрупнения волостей. Вместо прежних 234-х волисполкомов, намечено оставить 91, с перенесением их в естественные, экономические центры,—к станциям жел. дорог, в торговые села, к большакам и пр. Вместо сидящих в 234 волисполкомах 1.872 человек в 91 останется 1.032, по 12 человек на волисполком. Вместе с тем, число сельсоветов сокращается с 3.757 до 2.203. В общем людское сокращение аппарата превышает 1.000.

Не следует думать, что сокращение преследует цель непосредственной бюджетной экономии. Наоборот.

„Ведь дешевле того,— пишет автор,— что стоил наш низовой аппарат в 20, 21, 22 и 23 годах, когда мы его почти не снабжали, он стоить нам не будет. Он будет стоить много дороже“.

Вместо 150.000 зол. рублей, ассигнованных на губернский низовой аппарат в прошлом году, теперь, в 23-24 г., ассигнуется 420.000 рублей.

Зато положение служащих значительно улучшается и волисполкомы ставятся в нормальные условия для работы, удовлетворяя лучше и полнее нужды крестьянства. Опыт сокращения уже в 1923 году проделан в одном, чисто крестьянском Сычевском уезде. Из 22-х волисполкомов с 176 служащими создано 5, с 60-ю сотрудниками, а число сельсоветов сокращено с 184 до 114. Вместе с тем, ассигнования на низовый аппарат в уездном масштабе возросли с 14.000 до 40.000 руб.

Работа новых исполкомов была обследована представителями губернии и Наркомвнудела. Оказалось, что посещаемость их населением возросла, вместе с падением посещаемости уездного центра. Дела решаются быстрее, лучше, справки делаются точнее, лучше знают свою волость и т. д. Крестьяне выражают удовлетворение реформой. Бестолковица заменилась работой. Активность волостной сети возросла во много раз. Отдаленность от деревень заставила лишь передать некоторые второстепенные функции сельсоветам (запись рождений, смертей, выдача удостоверений, заверений личности и пр.).

Укрупненный волисполком, как отмечает автор, сможет взять на себя более активно удовлетворение и экономических и культурных нужд населения: „Воскресенский ВИК отремонтировал помещение волисполкомов, нардом, школы, починил и построил несколько мостов. „Вот это исполком, настоящий хозяин“,—говорят крестьяне. „В жизни волости даже побитые стекла имеют крупное политическое значение“,—с известным основанием замечает автор брошюрки.

Встает еще целый ряд вопросов, требующих разрешения в связи с волбюджетом, с необходимостью дать лучших работников, более приспособив для этого партком и т. д. Но первый опыт уже крайне ценен, к нему должно быть привлечено внимание партии, он должен быть оценен не только с одной Смоленской „колокольни“. Автор замечает, между прочим, что, напр., для северных губерний и казачьих областей многое из предлагаемого им не подойдет.

Выпуск подобных книжек,— еще более популярных и охватывающих современное состояние северной деревни вообще, а не только состояние одного советского аппарата,— можно лишь порекомендовать нашим издательствам, а чтение их — читателю-партийцу.

А.

„Рабочий корреспондент“, ежемесячный журнал, под редакцией М. И. Ульяновой, Керженцева, Сосновского, Попова-Дубовского и др. 1924 г., № 1 (январь), № 2 (февраль).

Среди многих журналов специального характера в последнее время выделился и бросается в глаза „Рабочий Корреспондент“. Это журнал, имеющий не только профессионально-групповой интерес; это орган, имеющий крупнейшее значение. „Рабочий Корреспондент“—это весьма немаловажный рычаг в деле „изменения мира“ в направлении к коммунизму. Организовать и воспитать стихийно выделяющиеся из рабочей среды литературно-политические силы—это значит не только обеспечить успех рабочих газет и журналов, увеличить в числе, укрепить и воспитать рабкоровскую организацию,— одновременно это значит обеспечить культурно-политическую смычку с широкими массами пролетариата, обеспечить растущее влияние действенного марксизма на рабочий класс через рабочих же.

С этой точки зрения нельзя не приветствовать настоящий журнал, перед которым развертывается большое будущее. В самих потребностях и условиях коммунистического строительства заложены объективные предпосылки роста, влияния и успеха этого журнала. Но журнал хорош не только тем, что своим появлением он удовлетворяет важную объективную общественно-политическую потребность; он хорош тем, что правильно, актуально и деловито эту потребность удовлетворяет, что постановка журнала свидетельствует о правильном субъективном подходе журнала к разрешению больших объективных задач, стоящих перед революцией на данном участке идеологического фронта.

Первый программный номер журнала открывается статьей тов. Бухарина: „Диктатура пролетариата и рабкоровские организации“. Тов. Бухарин определяет в этой статье место и роль рабкоровской организации, как очень важного колеса в общем механизме советского коммунистического строительства.

Государственное строительство может протекать успешно при наличии добровольных объединений „сотен и тысяч маленьких и больших, быстро движущихся обществ, кружков, объединений, которые были бы подсобной силой этих основных организаций, которые помогли бы величайшему делу, делу связи с массой“. Такие добровольные объединения разного типа имелись и имеются в буржуазном обществе.

„Пролетариат есть класс, гораздо менее анархический, чем буржуазия,— это мы знаем чуть ли не с детских пеленок. Ясно поэтому, что он должен развить эту деятельность в гораздо большем масштабе, чем буржуазия“.

Тов. Бухарин приводит далее примеры таких добровольных объединений в советской России („общество хозяйственной разведки", „клуб красных директоров", „деловой клуб", „лига Время", кружки самообразования и т. д., и т. п.).

Основная черта этих организаций—добровольность, подбор по влечению, по любви к тому или иному делу.

Рабкоровская организация—одно из крупнейших по политическому значению добровольное объединение, помогающее пролетарскому государству приводить широкие массы в движение для разрешения больших культурно-политических задач.

Но и его успех зависит в громадной степени от того, как будет организовано это объединение.

Пуще всего следует бояться „казенщины". Рабкоровская организация объединяет „любителей дела, а не патентованных, назначенных сверху, чиновных корреспондентов".

Такой принцип организации исключает и возможность законодательной, „декретирующей" деятельности объединения; это организация, помогающая советами, моральным воздействием, взаимопомощью и пр.

Руководство партии обеспечит правильное направление в этой работе рабкоровского объединения.

Таковы основные положения этой статьи.

Самым актуальным, „гвоздевым" вопросом в первом номере является вопрос о принципах организации рабкоров: назначенство, выборность или добровольчество? В большей своей части этой проблеме посвящена статья тов. Н. Борисова „Итоги совещания рабкоров". Ее разрешением занята и тов. М. Ульянова в статье „О методах привлечения рабкоров". Проводимая в журнале точка зрения о добровольчестве, как принципе построения рабкоровской организации, представляется нам единственно политически правильной. Совершенно права тов. М. Ульянова в возражениях тов. Урицкому (ст. в № 8 „Журналиста"), который пишет: „Избранный рабкор, которого все знают и уважают (раз его выбрали),—самый желанный рабкор. Но и для своих избирателей он приобретает значение официального лица"...

> „Глубокое непонимание всей сути работы среди рабкоров,—отвечает тов. Ульянова,—чиновничий подход к делу чувствуются в каждой строчке приведенной цитаты (один заголовок статьи „Как быть с рабкорами?"—чего стоит). Не поздоровится нашему молодому рабкоровскому движению, если „секция печати будет вести среди них основную работу" (предложение тов. Урицкого) таким образом. Не чиновники, „не официальные лица" нужны редакции с заводов, с ними живой работы не разовьешь, а именно те „никем не выбираемые и никому не известные" рабкоры, пишущие „по доброй воле", которых редакция должна притянуть ближе к работе, заинтересовать ею, воспитать на ней опытных рабкоров, пользующихся весом и уважением и у администрации, и у рабочих, и у редакции, не потому, что они выборные, а потому, что они проделали большую работу и на этой работе доказали свою пригодность быть рабкорами".

Журнал уже с № 1-го дает богатейший материал. Здесь и практика рабкоров с их „успехами и неудачами", и интересный обзор „Стенной газеты на заводе", и обзор роста рабкоровских организаций, и литературно-художественный уголок, и „Популярно-научный справочник", и „Что читать рабкору". Редакции следовало бы, пожалуй, поработать над устранением некоторой пестроты и дробности этих многочисленных отделов: следовало бы упростить внутренюю архитектонику журнала, объединив ряд отделов под более общим разделом.

Недостаточно хорошо поставлен отдел: „Что читать рабкору?". Журнал должен взять на себя популяризацию идей марксизма-ленинизма в рабкоровской среде.

В отделе „Что читать" следует с простотой и обстоятельностью дать ряд программок чтения по различным вопросам.

Рабкор должен найти в своем журнале не только обоснование правильной линии поведения в своей рабкоровской работе, но и помощь в деле политического самообразования.

Второй №, развивая более конкретно задачи рабкоров в наши дни, намечает смычку рабкоровского движения с крестьянско-корреспондентской и военкорской организацией. Хотелось бы рассказать подробнее и о № 2 но нашей задачей сейчас является лишь дать общую политическую оценку журнала и остановить на нем внимание партии.

Журнал, повторяем, очень хороший, политически важный, и является далеко небезынтересным не только для рабкоров, но и для всякого профессионала-партийца.

Шар.

От редакции.

Статья тов. Мартынова „Неудачное подражание" (ответ на статью Вардина „Маленькая книжка с большими ошибками") за неимением места не могла войти во вторую книжку „Большевика" и будет напечатана в следующем номере нашего журнала.

Редакция: Н. Бухарин. Ил. Вардин. Л. Каменев.

30к

БОЛЬШЕВИК

№ 3—4

20 МАЯ

1 9 2 4

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 20 МАЯ 3—4

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. БУХАРИНА, Ил. ВАРДИНА, Л. КАМЕНЕВА

1924
МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

Главлит № 21521. Тираж 30.000 экземпл.

Типогр. „Красный Пролетарий" Изд-ва „Красная Новь". Пименовская ул., д. 1/16.

Большевистский съезд без Ленина.

Когда 14 марта 1898 года в Минске собрался первый съезд нашей партии, Владимир Ленин находился в сибирской ссылке. Съезд декларировал объединение отдельных кружков в партию. Это было возможно потому, что с 1895 года на российскую историческую арену появился рабочий класс, и с этим классом связалась революционная социал-демократия, руководимая Лениным. Без ленинского «Союза борьбы», без ленинской брошюры о «друзьях народа», без этого гениального манифеста российского коммунизма, 14 марта 1898 года провозгласить образование партии российского рабочего класса было бы невозможно.

Когда 25 июля 1917 года в тогдашнем Петрограде собрался шестой съезд нашей партии, Владимир Ленин скрывался от эсеро-меньшевистских ищеек в кустарниках у Сестрорецких озер. Партия к этому времени уже почти была загнана в подполье «революционной» властью. Подгоняемая буржуазией, военщиной, мещанством, эта власть пыталась раздавить партию борющегося рабочего класса. Из своего «демократического» подполья Ленин руководил съездом побежденной временно, но не сломленной, не согнутой, не поколебавшейся партии.

Когда 17 апреля 1923 года в Москве открылся двенадцатый съезд большевистской партии, наш Ленин, наш Ильич лежал больной, почти безнадежно-больной. Руководить съездом он не мог. Но партия была пронизана мыслями и волей Ленина, и ее съезд безошибочно разрешил основные вопросы момента.

23 мая 1924 года откроется тринадцатый съезд нашей партии, а Ленин навсегда покоится в мавзолее на Красной площади Москвы. На 10-ти съездах Ленин лично руководил большевиками. Первым актом тринадцатого съезда будет—склонить голову перед прахом великого товарища, друга, вождя.

А второй акт съезда, а содержание всей работы съезда, всей работы партии и Интернационала составит продолжение, упрочение, расширение дела Ленина. 200.000 пролетариев ленинского призыва,—это решение рабочего класса неуклонно итти вперед по ленинскому пути. Не было, нет и не будет колебаний! Партия большевиков, партия мирового коммунизма действует, пронизанная мыслями и волею Ленина, действует, прочно стоя на несокрушимой основе ленинизма.

И потому наша мировая партия, наше международное движе-

ние, даже после потери великого вождя, идейно несравненно богаче, организационно несравненно прочнее, чем любая партия, любое движение в мире. Без Ленина, но с ленинизмом идет уверенно и смело коммунизм к грядущим битвам и победам. Без Ленина, но с ленинизмом строит социализм несокрушимая Коммунистическая партия большевиков великого Советского Союза.

* * *

В какой социально-политической обстановке приступает к работе съезд Коммунистической партии Советского Союза? В чем заключаются основные черты текущего политического момента?

Рост народного хозяйства, оживление экономической жизни города и деревни вызывает усиление экономической мощи не только пролетарского государства, но и буржуазии, средней и мелкой. В деревне растет кулак, в городе—торговля, отчасти мелкопромышленная буржуазия.

На противоположном полюсе мы видим: в деревне—отслоение маломощного и беднейшего крестьянства, в городе—численный рост, качественное улучшение, социальную консолидацию пролетариата, материальное положение которого заметно улучшилось.

Экономическое упрочение и социальная консолидация основных классов советского общества вызывает усиление их политической активности. В буржуазном обществе экономический рост страны политически прежде всего и больше всего идет на пользу имущим классам. Опираясь на свое экономическое могущество, капиталистические классы все сильнее и все глубже проникают в «душу» неимущих и малоимущих слоев и подчиняют их своему политическому и духовному влиянию.

Одна из важнейших и прогрессивнейших особенностей советского режима в том и состоит, что этот режим отнимает у эксплоататорских классов возможность серьезного политического и идеологического влияния на массы и, наоборот, открывает небывало широкий политический и культурный простор перед пролетарскими и полу-пролетарскими слоями. Экономически усиливающейся буржуазии и кулачеству, обслуживающей их части интеллигенции пролетарское государство ставит и будет ставить преграды на пути политического и идеологического расширения и укрепления. Наоборот, чем дальше, тем все больше позиций отвоевывает пролетариат у буржуазии, еще достаточно сильной своей старой культурой, знаниями, навыком...

Возвращаясь к характеристике текущего политического момента, необходимо отметить, как явление последнего периода, некоторые настроения отлива, появление скептицизма, ликвидаторских ноток. Социальная основа подобных настроений—желание буржуазных слоев общества повернуть страну на рельсы «чистого» капитализма, покончить с социалистическими «утопиями», заключить революцию в национально-демократические рамки, решительно отказавшись от мировых революционных задач.

Субъективная основа проявляющихся ликвидаторских настроений—усталость, надломленность наименее выдержанных, наименее устойчивых «попутчиков» революции, «остывших» в эпоху великих будней, ищущих покоя. «Попутчики» пришли к революции из рядов интеллигенции и радикальных кругов мещанства. Но далеко не все оказались способными стать постоянными спутниками революции. Совершенно естественно, что подобные элементы раньше всех почувствовали усталость, раньше всех поддались влиянию новой буржуазии и отразили ее стремление—ликвидировать революцию, перевести страну на капиталистические рельсы.

Пролетариат, как класс, Коммунистическая партия, как целое, совершенно чужды настроениям скептицизма и неверия. Наоборот, никогда рабочий класс и ее партия не жили такой интенсивной жизнью, никогда не были они так далеки от всяких мыслей о сдаче своих исторических позиций, как в переживаемую нами эпоху. Но это не значит, что настроения скептицизма не затронули и рядов партии, союза молодежи, профсоюзов. Влияние буржуазии проникает, пытается все сильнее проникнуть в организованные ряды пролетариата.

И тут мы подходим к следующей характерной черте текущего момента. Дело в том, что наши главные политические враги, не полагаясь на собственные силы, для данного момента снимают с порядка дня лозунг непосредственной вооруженной борьбы с большевизмом, признают невозможным прямым ударом ликвидировать республику советов. Враги наши переходят к «осаде» Коммунистической партии.

Главные надежды они возлагают на в н у т р е н н и е п р о ц е с с ы в рядах Коммунистической партии и Советской власти, на ее п е р е р о ж д е н и е, р а з в а л и р а с п а д. Пользуясь внутренними расколами в рядах Компартии, буржуазия рассчитывает упрочить свои э к о н о м и ч е с к и е позиции, расширить к у л ь т у р н о-и д е о л о г и ч е с к и е позиции, путем о б в о л а к и в а н и я отдельных слоев партии и власти, найти кое-какие п о л и т и ч е с к и е зацепки, охватить экономически (прежде всего посредством торговли), а затем и политически, крестьянство. Когда этот сложный процесс достаточно развернется, буржуазия рассчитывает практически поставить вопрос о «штурме» твердынь большевизма.

Таковы существенные черты текущего политического момента. Какие основные проблемы выдвигают они перед Коммунистической партией Советского Союза?

* * *

Новая экономическая политика нашими врагами была понята, как возможность безграничного расширения позиций частного капитала в у щ е р б экономическим позициям государства. В э т о м полагали меньшевики, эсеры, кадеты «п р и н ц и п» нэпа. С этой точки зрения сохранение «командных высот» за государством они считали нарушением провозглашенного на X съезде РКП нэповского «принципа», проявлением непоследовательности со стороны большевистской партии. Еще более вопиющим нарушением принципа, еще большей непоследовательностью—прямо-таки «анахронизмом», «нелепостью» признавали наши политические враги сохранение диктатуры пролетариата после того, как была «развязана» неповская «стихия».

Понятно, что мы совершенно иначе смотрели и смотрим на новую экономическую политику. Достаточно сказать, что это есть политика советского государства, которое было, есть, хочет быть и будет государством рабочего класса. Новая экономическая политика, как и всякая иная политика, служит целям данной власти, данной руководящей партии. Она означает, во-первых, что советское государство воспринимает капиталистические методы и формы хозяйствования, подчиняя эти формы и методы интересам рабочего класса, наполняя эти формы новым содержанием. Само собой, пролетариат применяет эти старые капиталистические формы и методы (хозрасчет, калькуляция, рынок, конкуренция, биржа, банки) с большими «поправками» и, учась на опыте, постепенно будет заменять их новыми формами и методами хозяйствования...

Новая экономическая политика означает, во-вторых, что советское государство, вместо внеэкономического принуждения буржуазии, вступает с ней в экономическое соревнование, причем, там и постольку, где и поскольку государство само сможет справиться с проблемами хозяйства, оно выступает в роли единственного хозяина. Нэп неизбежно «сокращается», поле деятельности частного капитала суживается. Для политических врагов Советской власти это—нарушение «принципов нэпа», возвращение к «военному коммунизму», для нас это—успех советского государства, движение его вперед на основе новой экономической политики.

Такова общая постановка вопроса о новой экономической политике, до сих пор не понятая социал-демократами, либералами, реакционерами всего мира. Как стоит вопрос конкретно на четвертом году новой экономической политики?

Отступление 1921-го года имело основной задачей — восстановить и закрепить на новой основе связь с крестьянством. Ленин на XI съезде в своей программной речи неоднократно подчеркивал необходимость «сомкнуться с крестьянской массой», отступивши, сомкнуться с «рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но за то так, что действительно будет двигаться вся масса с нами». Задача, по мнению Ленина, заключалась в том, чтобы «между той новой экономикой, которую мы начали строить..., и крестьянской экономикой... установить «смычку»». Что именно могло явиться основным орудием смычки? На этот вопрос Ленин отвечал:

«Крестьянин знает рынок и знает торговлю. Прямого коммунистического распределения мы ввести не могли. Для этого нехватало фабрик и оборудованья для них. Тогда мы должны дать через торговлю, но дать это не хуже, чем это давал капиталист, иначе такого управления, народ вынести не может. В этом весь гвоздь положения».

В торговле—«гвоздь положения». К ней допущены старый купец, старый приказчик. Происходит соревнование между частной и государственной торговлей. Кто дешевле будет доставлять крестьянину товар, тот и установит смычку с ним. Если коммунисты—говорил Ленин—не научатся торговать, то их крестьянин, несмотря на все их прежние заслуги, «пошлет ко всем чертям». Надвигается «решающий экзамен». Его можно выдержать, с крестьянством можно сомкнуться—побив купца, капиталиста, людей старой буржуазной экономики, по линии мирной, но решающей борьбы на почве умелого хозяйствования, в частности, умелой торговли.

Кто кого? Частный капитал одолеет советское государство, одолеет коммунистов, или коммунисты, опираясь на политическую власть, опираясь на командные высоты в экономике, поставят дело таким образом, что частный торговец не будет нужен крестьянину? Так ставил вопрос Ленин на XI съезде партии. Он выдвигал перед партией, перед рабочим классом новые боевые задачи. Он звал коммунистов—вместе с крестьянской массой в «сто раз медленнее, но твердо и неуклонно итти вперед, чтобы она всегда видела, что мы все-таки идем вперед».

Не о сдаче позиций, не о капитуляции перед капитализмом говорил Ленин, а вместе с ним и вся партия, весною 1923 года. В новых формах, при новых условиях партия продолжала революционную борьбу и работу во имя социализма. Она с открытыми глазами смотрела на опасности и намечала способы борьбы с ними. В резолюции о профсоюзах XI съезд партии, между прочим, говорил:

«Пролетарское государство, не изменяя своей сущности, может допускать свободу торговли и развитие капитализма лишь до известной меры и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определения форм, порядка и т. д.) частной торговли и частно-хозяйственного капитализма. Успех такого регулирования зависит не только от госвласти, но еще больше от степени зрелости пролетариата и трудящихся масс вообще, затем от уровня культуры и т. д.».

Если капиталистические отношения развиваются без «меры» и границ, если нет «государственного регулирования», пролетарское государство «изменяет своей сущности», оно начинает перерождаться в обычное буржуазное государство. Но удержать частный капитал в определенных рамках, это значит выдержать с ним соревнование, это значит его преодолеть.

Решение всех этих задач—не вопрос месяцев и одного-двух лет. Тут сложный и длительный период, во время которого пролетариат должен учиться, приобретать навык, подняться на более высокую ступень культуры. Кто кого? Этот вопрос решается путем серьезной, упорной, продолжительной борьбы, не прекращающейся ни на один день. На какой стадии развития этой борьбы находится в настоящее время республика Советов?

В торговле частный капитал захватил весьма сильные позиции. Купец наступает, государство обороняется. Задача, поставленная Лениным в марте 1922 года, разрешена в слабой степени. Смычку с крестьянством устанавливает частный капитал. Дальнейшее развитие в данном направлении грозит пролетарской власти величайшими опасностями. Проблема внутренней торговли это есть проблема рабоче-крестьянского союза. Ныне это главное звено той цепи, которая при-

вязывает друг к другу пролетариат и крестьянство. Через частную торговлю буржуазия пробирается к «мужику». Частный торговец объективно (а нередко, вероятно, и субъективно) становится политическим агентом эсеров, меньшевиков, кадетов.

Вот почему мероприятия Советской власти по организации внутренней торговли, в особенности организация Комвнуторга, вызвали в белой печати страшный вой. На защиту частной торговли единодушно стали эсеры, меньшевики, кадеты, при чем, все они вопрос о внутренней торговле совершенно справедливо связали с вопросом о взаимоотношениях между Советской властью и крестьянством. В этом смысле крайне характерна передовица милюковской газеты «Последние Новости». В № от 8-го мая левокадетская газета писала:

> «Советская власть все более принуждена разжимать руку, державшую крестьянство за горло. Правда, остается еще монополия промышленности и внешней торговли и привилегированное положение советских органов в области внутренней торговли. Как мы отмечали в одной из последних статей, в настоящее время имеется в виду еще усилить эту последнюю привилегию путем борьбы с частной оптовой торговлей и с самостоятельной деятельностью крестьянской кооперации. Но использование этих монополий все время вертится в заколдованном кругу: низкие цены на хлеб приводят к «ножницам», к кризисам сбыта в государственной промышленности, высокие цены увеличивают расходы этой промышленности. *Центральный вопрос и экономического и политического положения сводится к тому, когда крестьянство решительно потребует ликвидации этих преград, стоящих на пути его свободного экономического развития.*
>
> Когда оно этого потребует, то борьба будет для Советской власти безнадежной».

Если буржуазии удастся перетянуть крестьянство на свою сторону, если оно поддержит чисто буржуазную программу безграничного расширения частного капитала, всевластия частного капитала, тогда, пожалуй, «борьба будет для Советской власти безнадежной». Но для этого необходимо, чтобы предварительно коммунисты обанкротились, чтобы они показали свою неспособность установить экономическую смычку с «мужиком». Тогда в самом деле крестьянин—как выразился Ленин на XI съезде—пошлет нас «ко всем чертям». Буржуазия и ее агенты всемерно этому будут содействовать. Но вопрос этот—«центральный вопрос и экономического и политического положения»—решает борьба, в которой положение Советской власти, несмотря на некоторые неудачи, достаточно прочно. Вся партия, весь рабочий класс бьет ныне в одну основную точку, решает—и решит!—одну основную задачу овладения внутренней торговлей.

Программа буржуазии формулирована милюковской газетой ясно: ликвидация государственной промышленности и торговли, т.-е. ликвидация социалистической экономики, «самостоятельная» крестьянская кооперация, т.-е. кооперация, дополняющая буржуазную экономику. Эта милюковская программа бесспорно разделяется всеми имущими слоями страны, всеми теми груп[illegible], эксплоататорский размах которых сильно сокращается советским режимом. Но гигантское большинство народа, среднее и беднейшее крестьянство ни в какой мере не заинтересовано в восстановлении буржуазной власти. *Рассудок* никогда не подскажет крестьянину отдать предпочтение буржуазному режиму перед режимом пролетарским. Но крестьянин, неся за спиною темное наследие веков, нередко действует не по указаниям рассудка, а под влиянием *предрассудков*. С другой стороны, нельзя забывать и той бесспорной истины, что крестьянин, как мелкий собственник, постоянно колеблется между буржуазией и пролетариатом.

Все эти обстоятельства выдвигают на первый план необходимость *развертывания политической работы в деревне до невиданных доселе пределов.* Экономические мероприятия должны сопровождаться мероприятиями политическими. Направление нашей работы в известном смысле намечают наши враги. В цитированной выше передовице милюковской газеты читаем:

> «На низших ступенях советской иерархии в деревне развилось, по всем сведениям, *вполне реальное самоуправление*: монополия Компартии, обращающая выборы в городах и на съездах в фикцию, не имеет значения в пределах села и волости, где коммунистов почти нет и партийная организация выборов вообще не нужна, так как все друг друга знают. *Бедность государственой власти*, приведшая к передаче почти всех местных административных функций на местные средства, содействует этой *автономии деревни*. Вычеркнув сельские школы из бюджета, предоставив это дело самим крестьянам, на началах частных соглашений с учителями, Советская власть нанесла жестокий удар народному образованию. Зато, поскольку *сельская школа* существует, она *зависит от населения, а не от власти*. Неудивительно, что вопрос об отношениях с *сельским учительством* сильно заботит советскую печать. При таких условиях мало помогут разговоры о «культурном шефстве» и «культурной смычке».

Враг указывает наши слабые места. Советский аппарат, местные финансы, школа, учительство и—кооперация, вот точки, куда со всей энергией необходимо бить. «Реальное самоуправление»—это значит аппарат, захваченный кулаками, агентами буржуазии, и действующий *против* Советской власти. Учительство—это вопрос об осуществлении культурно-политической смычки между городом и деревней. Кадетская газета надеется, что обстоятельства в деревне работают на буржуазию. Она все силы приложит к тому, чтобы добиться своего. *Борьба за политическую «душу» крестьянина снова становится в порядок дня.*

Переходя к экономической стороне вопроса, милюковская газета и здесь находит много для буржуазии отрадного. В деревне

«идет процесс социального расслоения». За годы разрухи «создались резкие экономические различия на почве владения скотом и инвентарем. Ссуда этих предметов создает новые отношения экономической,—а вероятно, и социальной,—зависимости». Большевики насаждают кооперацию. Но и в кооперации и в комитетах взаимопомощи «зажиточные элементы, зачастую, играют преобладающую роль». И большевики тут ничего поделать не могут, ибо «раз Советская власть не в состоянии оказать деревенским экономическим организациям сколько-нибудь серьезной материальной помощи, то руководящая роль зажиточного крестьянства в этих организациях становится неизбежной».

Словом, положение блестящее: буржуазная агентура в деревне имеется, кулак командует и завтра еще энергичнее будет командовать...

Милюковы запели слишком рано. Однако, зевать нельзя: обязательна самая энергичная работа по линии экономической и политической во имя осуществленя ленинского лозунга о смычке. «В этом весь гвоздь положения».

Буржуазия тянет крестьянство назад, к «нормальному» капитализму. Советское государство ведет крестьянство вперед, к социализму. Пролетариат отказался от «ускоренного Коммунизма» военной эпохи, он идет медленно, он, говоря словами Ленина, начинает с того, что крестьянину «понятно, знакомо и сейчас доступно». Но идет пролетариат все же вперед и ведет крестьянство тоже вперед, поднимает его из вековой тьмы, невежества, косности.

В числе средств, которые крестьянину «понятны, знакомы и сейчас доступны», первое место занимает кооперация. Буржуазия хочет превратить ее в орудие реакции. Пролетариат должен превратить—и превратит—кооперацию в орудие медленного, но уверенного движения стомиллионной крестьянской массы к социализму.

* * *

Только с точки зрения укрепления рабоче-крестьянского союза, т.-е. с точки зрения сохранения пролетарской диктатуры, должны мы рассматривать все основные вопросы текущего момента. Интересами сохранения власти рабочего класса определяется наше отношение ко всем основным проблемам современности.

Острая борьба на экономическом фронте сопровождается гораздо менее заметной, но по существу не менее острой борьбой на идеологическом фронте. Буржуазные взгляды и настроения проникают во все щели. Художественная литература, всяческие специальные издания, школа, служат ареной, на которой разыгрывается нешумная, но политически крайне важная борьба между идеологией революции и идеологией буржуазно-мещанской реакции. Отмеченные выше настроения упадка и скептицизма находят свое выражение в печати и до сих пор должного отпора не встречают.

Необходимо снова заострить оружие идеологической борьбы. Малейший, самый на первый взгляд незначительный уклон в сторону реакции, мистицизма, упадочничества, будет ли это проявляться в художественной литературе, театре, или экономической литературе, необходимо подвергать беспощадной, уничтожающей, марксистской большевистской критике. Всяческие мотивы скептицизма, ликвидаторства, ренегатства, под каким бы соусом они ни подавались, должны беспощадно разоблачаться и клеймиться.

Печать наша, наши партийные органы должны следить за малейшими попытками некоммунистических течений, идеологически воздействовать на промежуточные слои населения, прежде всего, на крестьянство. Такие попытки могут принимать подчас совершенно невинные формы, но от этого по существу они не становятся менее опасными и вредными.

Одна из центральных проблем текущего момента — вопрос о молодежи. Молодежь проявляет самый обостренный интерес к вопросам политики, морали, искусства. Мучимая противоречиями переходной эпохи, волнуемая заминкой в международном рабочем движении, она страстно ищет ответов на бесчисленные вопросы. Известная часть молодежи, разумеется, отражает настроения буржуазии и мещанства, облекая это в формы, внешне, конечно, далекие от мещанства. В общем, в исканиях, современной молодежи часто немало отрыжек прошлого, но, несомненно, еще больше в них частиц исторического завтра.

Необходимо проникнуться интересами молодежи, необходимо ее вопросы превратить в вопросы всего советского общества. Необходимо вокруг «молодежных» вопросов развернуть широкую идейную войну, безжалостно вскрывая все и всяческие уклоны, ошибки, заблуждения, втягивая в эту войну работников разного возрастного состава. В общую идеологическую войну с представителями буржуазных школ и направлений молодежь должна быть втянута, как наиболее подвижная часть идеологического фронта.

Из отдельных уклонов, пытающихся утвердиться среди нашей молодежи, главнейшего внимания заслуживает уклон, сущность которого сводится к недооценке значения крестьянства. Этот уклон выступает под внешне «левым» лозунгом «классовости», но по существу мы имеем здесь проявление цеховщины, синдикализма, — чего хотите, но только не той революционной пролетарской классовости, которая исходит из понимания исторической миссии рабочего класса, как класса-вождя, класса-руководителя всеми угнетенными и эксплоатируемыми слоями народа.

Сторонники лозунга «классовости» на деле проявляют полное непонимание того, что пролетариат Советского Союза может осуществить свои исторические задачи только в союзе с крестьянством, только привлекая на свою сторону его лучшие передовые элементы, только ведя за собою всю многомиллионную массу мелкособственнического населения. Они не понимают, что социалистическая переработка деревни еще целиком впереди, что эта великая задача на девять десятых должна быть разрешена теперешней молодежью, что, следовательно, революционно-коммунистическая база в деревне с каждым годом должна расширяться, а не суживаться. Между тем, под лозунгом «классо-

вости» кроется тенденция разрыва между пролетарским городом и крестьянской деревней, тенденция отказа от руководящей роли пролетариата. В своей основе — это ликвидаторская идея. Уже сейчас подавляющее большинство молодежи решительно отклонило этот ликвидаторский уклон. Наша смена идет и пойдет дальше по ленинскому пути, т.-е. по пути теснейшего союза между пролетариатом и крестьянством, по пути руководства рабочим классом крестьянскими массами.

Свои внутренние вопросы коммунистическая партия, разумеется, может решать исключительно с точки зрения сохранения диктатуры пролетариата. Партия должна усиливать свою боеспособность на всех фронтах—политическом, хозяйственном, идеологическом, культурном. Партия должна усилить свою внутреннюю прочность, чтобы и при усложняющихся условиях сохранить свое руководящее положение.

В чем, с этой точки зрения, заключался главный смысл пережитой партией дискуссии? Каково было основное содержание платформы оппозиции?

Отражая давление непролетарских слоев, оппозиция стремилась пробить первую брешь в системе диктатуры, сделать первый шаг в сторону демократии. Никакого иного объективного смысла линия оппозиции не имела. Это сразу поняли все без исключения политические враги коммунизма, одобрившие оппозицию за то именно, что она наносит первые удары диктатуре, что она открывает путь к демократии.

Платформа оппозиции это—платформа ликвидаторства. Ликвидация начиналась сразу по нескольким основным линиям: партийной, советской, хозяйственной. По партийной линии ленинизм подвергался основательной «ревизии», при чем «ревизия» начиналась с разводнения ленинизма, с попытки доказать, что ленинизм составился из различных идейных прослоек. Пытались представить дело таким образом, будто теории, с которыми большевизм постоянно вел борьбу, являются составной частью большевизма. Для такого утверждения было только то основание, что носители этих теорий с некоторого времени примкнули к большевизму. В итоге получался большевизм не исторически цельный, а сборный, лоскутный.

Из такого понимания большевизма логически вытекала необходимость борьбы против «стариков», «аппарата», «традиций». Теория сборного «большевизма» по организационной линии подразумевала превращение единой ленинской партии в союз различных автономных фракций и группировок. Но это было бы уже началом конца диктатуры.

Партию нашу хотели превратить в блок равноправных течений, опиравшихся на различные социальные элементы. Партию нашу хотели не только разбольшевичить, но и распролетарить. В основном оппозиционном документе—брошюре тов. Троцкого «Новый курс»—мы читаем:

«Фабрично-заводские ячейки по классовому составу своему являются, разумеется, коренными. Но тот факт, что они составляют одну шестую часть партии, и что наиболее активные элементы партии изъемлются из них и вводятся в партийный или государственный аппарат, не позволяет партии пока еще, к несчастью, опираться только или даже преимущественно на производственные ячейки. Рост этих последних, будет надежнейшим измерителем успехов партии в области промышленности и вообще хозяйства и, вместе с тем, лучшей гарантией сохранения ее пролетарского характера. Но вряд ли можно надеяться на их быстрый рост уже в ближайшее время. Партии придется, следовательно, в ближайший период обеспечивать свое внутреннее равновесие и свою революционную линию, опираясь на ячейки разного состава». («Новый курс», стр. 36).

Эта цитата замечательна во многих отношениях. Прежде всего она показывает необычайный дар политического предвидения тов. Троцкого. В середине января 1924 года он не надеется на «быстрый рост уже в ближайшее время» фабрично-заводских ячеек, а несколько недель спустя в партию вливаются сотни тысяч пролетариев от станка. Бесспорно, что новый поворот рабочей массы к своей партии наметился еще весною 1923 года, проявился он наиболее ярко в бесчисленных демонстрациях солидарности, устраивавшихся во всех концах Советского Союза к 25-летию нашей партии. Ленинский призыв фактически начался именно в период XII съезда партии. Тов. Троцкий этого не видел и потому не надеялся на рост рабочих ячеек. Большевистский Центральный Комитет это ясно видел и потому он—до смерти В. И. Ленина—объявил о стотысячном призыве. Вхождение новых десятков тысяч рабочих в партию было политически подготовлено всем предшествующим. Смерть Ленина дала толчок новым десяткам тысяч, которые, возможно, при жизни вождя некоторое время еще подождали бы взвалить на себя тяжелое бремя обязанностей члена РКП. Но во всяком случае «быстрый рост» рабочих ячеек именно «в ближайшее время» партии был обеспечен.

Тов. Троцкий на все это закрывал глаза, он не видел новых сил, поднявшихся в рабочем классе, он был полон скептицизма. От теоретического разводнения большевизма он совершенно естественно переходил к социальному разводнению большевистской партии. Ревизуя ленинизм, он одновременно отодвигал на второй план пролетарское ядро партии, превращая партию из пролетарской—в сборную. «Партии придется... обеспечивать свое внутреннее равновесие и свою революционную линию, опираясь на ячейки разного состава». Единственный смысл этого заявления таков: «ячейки разного состава» равноценны. Равноправные фракции и группировки, представляя различные социальные слои в партии, договариваются между собою и таким путем устанавливают «внутреннее равновесие». Нет пролетарской партии-монолита, остается широкая народная партия, в которой гегемония уже не принадлежит рабочему классу. Вот что говорил тов. Троцкий о «социально-групповом составе» партии:

«Фабрично-заводские ячейки, обеспечивающие связь партии с основным классом революции, составляют ныне одну шестую часть партии.

Советские ячейки, при всех своих отрицательных сторонах, обеспечивают партии руководство государственным аппаратом, чем и определяется большой удельный вес этих ячеек. Высокий процент старых работников участвует в партийной жизни через посредство этих советских ячеек.

Крестьянские ячейки дают партии некоторую, хотя и чрезвычайно распыленную пока, связь с деревней.

Военные ячейки осуществляют связь партии с армией и через нее—преимущественно с деревней.

Наконец, в ячейках учебных заведений все эти тенденции и влияния сочетаются и пересекаются».

Положение ясное. Фабрично-заводские ячейки составляют в партии ничтожную часть. Надежд на их численный рост нет. Советские ячейки имеют «большой удельный вес». Крестьянские и военные ячейки весьма важны. Все ячейки хороши, все они нужны. Но молодежь, это—лучший «барометр», а старики «перерождаются», партию заедает «секретарский бюрократизм» и т. д. и т. п.

Отсюда ясно: партии придется опереться «на ячейки разного состава»—прежде всего, на вузовские ячейки, обладающие всеми нужными качествами, на советские ячейки, имеющие «большой удельный вес», располагающие «высоким процентом старых работников»...

Это была программа упадочничества. Если бы партия послушалась тов. Троцкого, она бы ни в какой мере не смогла «обеспечить... свою революционную линию». Эту линию нельзя обеспечить, отодвинув на второй план ячейки, связывающие партию «с основным классом революции».

Большевистская партия не пошла по ликвидаторскому пути тов. Троцкого. Она добилась того, что фабрично-заводские ячейки из одной шестой части партии превратились в ее подавляющее большинство. Она решительно взялась за чистку «ячеек разного состава»—тех ячеек, которые, по мысли тов. Троцкого, должны были послужить «опорой» партии. Партийным лозунгом в дискуссии стало: еще большая большевизация, еще большая пролетаризация РКП! Ликвидаторские уклоны потерпели жестокое поражение. В идейно-политическом и организационном отношении большевистская партия осталась монолитом.

* * *

30 лет тому назад В. И. Ленин в брошюре «Что такое друзья народа» писал:

«На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

Гениальное пророчество Ленина сбылось. Седьмой год русский пролетариат идет в авангарде международной пролетарской борьбы за коммунистическую революцию.

Большевизм—явление мировое. Он не может быть втиснут в национальные пределы. Всякая попытка замыкания нашей революции в российские национальные рамки является ликвидаторством.

Октябрь победил под знаком мировой пролетарской борьбы. Мировые задачи стоят перед нашей партией на-ряду с национальными,—вернее, ее национальные и интернациональные задачи неразрывно сливаются. Национальная ограниченность является врагом революции, и против него большевизм ведет непримиримую борьбу.

Историческая задача заключается в том, чтобы российскую пролетарскую победу развернуть в победу европейскую, а затем мировую. Съезд Коммунистической партии большевиков Советского Союза будет всеми силами работать над тем, чтобы приблизить осуществление этого великого завета мирового пролетарского вождя Ленина.

А. Слепков.

Об „уклонах" и возможных путях возможного перерождения.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Гнуснейшим извращением марксизма является толкование его, как фаталистической теории.

Марксизм вскрывает закономерности общественного развития, правильно обнаружив эти закономерности, он становится орудием теоретического предвосхищения хода социальных событий, подготовляя этим предвосхищением почву для верной политической линии поведения пролетарской партии.

Подходя к ревизии теории марксизма, как системы закономерностей общественного развития, оппортунистическая школа Бернштейна попыталась придать марксизму характер фаталистической теории.

Если Маркс прав, что в тенденциях развития капитализма заложены его гибель и торжество социализма, то о чем же беспокоиться революционной партии пролетариата? Сама история оправдает правильность прогноза Маркса, она старается за социализм и нечего своей суетливо-революционной работой форсировать наступление неизбежного, исторически неотвратимого момента социалистической революции. Таков смысл позиции Бернштейна, который пользуется буржуазными теориями для изничтожения марксизма.

Фаталистический момент типичен и для меньшевизма. В эпоху первой русской революции 1905—6 гг. меньшевики, поняв объективно-буржуазный характер революции, никак не могли усвоить, что эту революцию нужно сделать, что для ее совершения мало «понимания», нужно революционное действие, нужна агрессивная политика пролетарской партии, упирающаяся в «демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства».

Тот же самый фатализм сквозит из каждого положения каутскианской системы «социалистической революции», в основе которой лежит теория органического «вызревания» социализма и его стихийно-мирного осуществления.

Нет ничего более далекого от марксизма, чем эта поповская интерпретация его.

Политический смысл ее заключается в расслаблении пролетариата, притуплении его классовой инициативности, кастрировании его революционности.

Марксисты понимают закономерности общественного развития, вскрывая их даже в рыночной стихии товарно-капиталистического общества, но, в противоположность фаталистам, они понимают тот простой факт, что история делается людьми, что тенденция социалистической революции может быть реализована только путем революционного действия, направление которого должно быть обусловлено учетом этих закономерностей.

Революционный марксизм вырос, окреп, побеждал, побеждает и будет побеждать, непрестанно учитывая неразрывность революционной теории и революционного действия.

Революционная теория обязывает к изучению различного рода взаимо- и противоборствующих тенденций общественного развития, к сознательному действию, способствующему усилению революционных и ослаблению враждебных нам сил.

Наша партия привела российский пролетариат к государственному господству. Диктатура рабочего класса сделала за годы своего существования крупные успехи, и медленно, но верно продвигается к социализму.

Однако, и в эту эпоху мы настолько же далеки от фатализма, насколько были далеки от него в досоветский период.

С той же, как и прежде, внимательностью, мы обязаны присматриваться к противоречивым процессам общественного развития, с еще большей бдительностью следя за враждебными нам тенденциями социального развития, с еще большей энергией борясь в нашей практически-политической деятельности с теоретически осознавшими себя враждебными нам силами.

Исключительно важным вопросом с этой точки зрения является вопрос о возможном «перерождении» партии, об уклонизме в нашей партии, намечающем вехи к возможному перерождению ее.

II.

Рабочий класс борется и боролся за власть в условиях экономического, политического и культурного господства буржуазии.

Занимая командные высоты, капитал мог систематически подвергать разложению пролетариат и его политические организации, подчиняя своему гибельному влиянию в первую голову те слои рабочего класса и его партии, которые по объективному положению наиболее предрасположены к соглашательству. Выясняя условия возникновения и развития политических рабочих организаций, мы можем обнаружить те каналы, по которым буржуазная идеология легче всего просачивается в рабочий класс.

Во-первых, политические организации пролетариата неизбежно включают в свой состав значительные слои интеллигенции, ибо пролетариат, подготовляющий социалистическую революцию против капитала, в отличие от буржуазии, является не

только бесправным в политическом отношении, но и экономически угнетенным, следовательно, он не имеет прибавочного продукта, необходимого для достаточного выделения культурно-политического авангарда из своей социальной среды.

Эта интеллигенция, живущая в условиях индивидуализированного труда, воспитанная на буржуазной культуре, вступая в партию пролетариата, приносит в нее и присущую ей предрасположность к буржуазным влияниям. Таким образом, в интеллигентском секторе рабочей партии мы имеем первый слабый участок, через который с наибольшей легкостью при определенных условиях проникают лазутчики буржуазии в лагерь пролетариата...

Поскольку рост стихийного революционного движения пролетариата сопровождается отслаиванием наиболее передовых, энергичных и сознательных бойцов в партию, последняя начинает терять свой преимущественно интеллигентский характер.

Но и пролетариат не рождается в результате «непорочного зачатия». Он происходит в громадной массе от разорившейся мелкой буржуазии, оплодотворенной в ее идеологии буржуазией (в Западной Европе таким социальным родителем пролетариата явилась преимущественно ремесленная мелкая буржуазия, у нас в России—крестьянство).

Вступая в ряды пролетариата, эти вчерашние частные хозяева и товаропроизводители зачастую не теряют связи со своим частным хозяйством и после вовлечения в промышленную рабочую армию.

Черпая материал из этой части пролетариата, не отдифференцировавшейся от мелкой буржуазии, а также включая в свои ряды и непосредственно крестьян, ремесленников и т. п., политические организации рабочего класса тем самым создают себе второй слабый участок фронта против капитала.

Далее. Процесс общественного и технического разделения труда дифференцируют пролетариат, намечая в среде самого рабочего класса различие в экономическом положении отдельных групп рабочих. Квалифицированнейшая верхушка рабочего класса, особенно категории, в которых вновь возрождаются, правда, на иной основе, чем у ремесленника, тенденции индивидуализации труда,—подвержены забвению общеклассовых интересов в угоду цеховым устремлениям.

Эти тенденции получают благоприятные условия для соответствующего социально-политического проявления, благодаря буржуазной политике подкупа.

Рабочая аристократия, таким образом, является третьим участком политического фронта пролетариата, наиболее подверженным буржуазному влиянию.

Значение этой последней социальной категории, как фактора соглашательской политики, особенно характерно для развития капиталистических стран Запада.

Именно эти прослойки рабочих политических организаций по своему объективному положению отличаются особой чувствительностью по отношению к буржуазным влияниям в эпоху господства капитала. Меняется ли положение дел в эпоху диктатуры пролетариата? Конечно, значительно меняется. Но все же, имеются ли в нашей Коммунистической партии эти прослойки и заложены ли в самых объективных условиях их социального бытия возможности антикоммунистических течений?

На этот вопрос следует ответить, бесспорно, утвердительно. Во-первых, если капитал у нас и не стоит у власти, то на целом ряде участков экономического фронта, главным образом, в области товарного обращения, частный капитал может временно укрепляться, усиливая свой удельный вес в общехозяйственной жизни.

Во-вторых, капитал силен культурными традициями буржуазного общества. При скудости наших сил, громадном объеме задач, мы не можем очень быстро критически переварить буржуазную культуру, воспринимая полезное, отбрасывая вредное, создавая свою культуру.

Укрепление капитала и его экспансия в экономической и культурной области суть опаснейшие процессы текущего момента. Возьмем, к примеру, положение партийной интеллигенции в наших ВУЗ'ах.

На 132 тысячи студентов ВУЗ'ов к 1-му декабря 1923 г. приходится менее 15% рабочих и детей рабочих, свыше 58% падает на служащих, интеллигентов и их детей, около 27%—крестьян и их детей.

Члены партии составляют в этом студенчестве менее 6%, члены РКСМ менее 5%, беспартийные студенты—90%. Если этот язык цифр переложить на язык социальных отношений, то что мы будем иметь?

Небольшая горстка партийных студентов окружена советски-настроенным студенчеством, это последнее в своем быту находится в сфере воздействия сменовеховской интеллигенции; в свою очередь, последняя есть левый соглашательский фланг на буржуазном антикоммунистическом фронте.

Неудивительно, что именно здесь мы имеем наименее выдержанный сектор нашей партии.

То же самое с хозяйственными и советскими учреждениями. Коммунист-хозяйственник окружен советски-настроенными спецами; последние подвержены воздействию нэпманской буржуазии и т. д.

Так обстоит дело с условиями работы партийной интеллигенции.

Теперь о рабочих, не отдифференцированных от деревни.

Эпоха первоначального социалистического накопления сопряжена с отчуждением известной части прибавочного продукта мелкой сельской буржуазии в фонд пролетарского государства. Перспективно-исторически, этот прибавочный продукт обеспечивает хозяйственное благополучие сельского производителя; но в первые годы нэп'а, когда он берется без немедленной компенсации, он является, с точки зрения мелкого буржуа, непроизводительной данью городу. Правда, эта дань менее страшна,

чем дань помещику, но все же она расценивается именно как дань. Эти настроения среднего крестьянства могут явиться фактором солидаризации с крепким мужичком, кулаком.

Нашей задачей является усиление противоположных факторов путем кооперирования средняка, соответствующей налоговой, кредитной политики и т. д. Однако, поскольку в массе трудового крестьянства имеются настроения против пролетарского государства, связь рабочего (и партийца тоже) с деревней может дать ему мелкобуржуазную зарядку.

Рабочая аристократия в России вообще, и в советских условиях в частности не играет столь значительной роли, как на Западе, но она имеется и несомненно должна быть учтена.

В эпоху нэп'а, конечно, мы не можем и не должны в нашей тарифной политике проводить полную нивеллировку заработной платы, ибо это противоречит интересам развития производительных сил в советской промышленности. Однако, поскольку РКП, руководящая Советской властью, является партией всего рабочего класса, она заботится о относительной нивеллировке, о поднятии заработной платы наиболее плохо оплачиваемых слоев даже тогда, когда это сопряжено с приостановкой роста таковой у наиболее хорошо оплачиваемых групп.

Поскольку, таким образом, в прежнее соотношение заработных плат вносится изменение, временно ущемляющее цехово-настроенные верхушечные группы рабочих, постольку создается почва для возможных группово-цеховых настроений и в тех слоях рабочей части партии, которая представляет эти группы.

Особенно остро эта цеховщина может проявляться в том случае, если условия рынка ставят группу заводов, находящихся на коммерческом расчете, в исключительно хорошие условия.

Следует отметить, что эта цеховщина может быть характерной в определенные моменты и для более широких слоев пролетариата. Далее, он может проявляться преломленно в партийной среде на расширенной базе, являясь, таким образом, фактором цехового уклона в партийной политике.

Не следует, однако, из вышеизложенных положений делать выводы махаевского, крестьянофобского и т. п. типов. Как положения, характеризующие массовые процессы, они представляются бесспорными; но это совсем не исключает того, что мы должны строить партию, исходя из имеющегося людского материала, что состоящий в партии интеллигент должен пользоваться всеми правами члена партии; что мы не только можем, но и должны принимать в партию лучших и наиболее тяготеющих к РКП рабочих, связанных с деревней, бедняков-крестьян и даже средняков-крестьян.

Необходимо только самое бдительное, самое напряженное внимание к тем процессам, которые происходят в подвергнутых рассмотрению слоях партии.

Не следует, далее, полагать, что каждая из этих группировок партии может послужить субъектом самостоятельного уклона. Действительность может подарить нас различным сочетанием этих группировок. История рабочего движения показала, что оппортунистическое меньшевистское течение возглавлялось интеллигентской частью партии, но опиралось на рабоче-аристократические слои печатников и т. п., что кронштадтские настроения, получившие политическое оформление в меньшевистско-эсеровской программе, имели опору в крестьянском охвостье пролетариата и т. д.

Нам важно уловить те элементарные тенденции, из различных сочетаний которых могут образоваться не-коммунистические уклоны в Коммунистической партии.

III.

Коммунистическая партия должна была выдержать на пути к диктатуре пролетариата большую и длительную борьбу внутри рабочего движения. Врагами, «в борьбе с которыми внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм», были, во-первых, оппортунизм, во-вторых, мелкобуржуазный революционаризм.

Серьезнейшие расхождения в тактике с этими течениями вынуждали большевиков вступить на путь расколов. Каждое течение было особо организационно оформлено, представляло особое партийное образование. Именно благодаря этому расколизму мы имеем теперь боеспособную, революционную партию. Несомненно, что теперь обстановка значительно изменилась.

Расколизм в наших условиях, когда партия руководит правящим пролетариатом, есть начало гражданской борьбы внутри советского фронта.

Это необходимо учитывать.

Однако, в условиях оживления буржуазии и мелкобуржуазного окружения—единственная легальная партия пролетариата, каковой является Коммунистическая партия, далеко еще не единая по своему социальному составу, не может не отражать в настроениях отдельных своих членов и групп буржуазного и мелкобуржуазного влияния.

Это влияние проявляется в виде уклонов, которые у нас принято называть «правыми» и «левыми». Как партия, видящая в этих уклонах бледное продолжение тех течений, «в борьбе с которыми внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм»,—РКП будет бороться с этими течениями.

Как партия, учитывающая особое положение правящей партии, РКП будет стараться не допустить раскола.

Избегнуть этого раскола можно только захватывая болезнь в зародыше, преодолевая уклон в его еще зачаточной форме, справляясь с уклоном в его еще утробном состоянии.

Именно этими соображениями руководствовался т. Ленин, когда он провел на X партсъезде резолюцию об анархо-синдикалистском уклоне в нашей партии. Этот уклон мы захватили, преодолели, осудили в самом зародыше; партия приобрела обостренное внимание к течениям анархо-синдикалистского порядка, как вредным течениям.

Захватив болезнь в самой начальной ее стадии, фиксировав внимание всей партии на ней, как на болезни, мы предотвра-

тили ее развитие, усиление, разрушительные процессы внутри партии.

Мы должны быть теперь еще бдительнее, чем раньше, должны уметь захватить уклон в его становлении.

В этой борьбе с уклонами следует прежде всего освободиться от предрассудков о принципиальной разнице «правых» и «левых» уклонов. Вообще, это ничего не говорящая терминология. Есть ли разница в объективно-историческом смысле уклонов? — Никакой.

С точки зрения интересов пролетариата совершенно безразлично, какой уклон ослабил диктатуру пролетариата, «правый» или «левый».

Предположим, что правые и левые уклоны имели бы в нашей партии более крупный успех. Разве объективно не все равно, привели ли диктатуру пролетариата к гибели «левые коммунисты», втянувшие в 1918 г. бессильную Советскую Россию в войну с Германией или «правые» товарищи, ликвидировавшие монополию внешней торговли и обеспечившие капиталу благоприятные условия в борьбе с социалистическим хозяйством? — И то и другое течение имело бы объективно контр-революционный смысл, как бы ни была революционна и различна внешняя субъективная мотивировка «уклонистов».

Это — во-первых.

Во-вторых, нам представляется, что и правые и левые уклоны имеют то основное общее, что они являются мелкобуржуазными. На самом деле. Посмотрим на прошлое, из которого растут наши уклоны.

Большевики боролись с оппортунистами. Оппортунисты соглашательствовали, т.-е. тянули пролетариат к таким компромиссам, в которых он должен был сдать капиталу свои основные классовые позиции.

В этом соглашательстве отражается преклонение мелкого буржуа перед всесилием капитала.

Что было движущей пружиной меньшевистской политики погони за «цензовыми» буржуазными элементами, как не эта мелкобуржуазная загипнотизированность частного хозяина и товаропроизводителя, который каждодневно убеждается на рынке в превосходстве и силе капитала? «Без капитала не обойтись, без уступки ему ничего не сделать»,—таков смысл этой жалкой позиции.

Теперь о «левых» течениях. Чем они грешили? Всегда тем, что они не учитывали роли крестьянства в революции, необходимости в своей тактике исходить из сочетания революционного движения пролетариата с крестьянским, а поэтому отрицали и отвергали такие компромиссы, в которых основные классовые позиции пролетариата не уступались, но реализация которых укрепляла пролетариат, иногда даже спасая его положение.

Откуда берется у «левых» эта политика изолированного действия пролетариата? Это своеобразная цеховщина в политеке, принесенная из мелкобуржуазной среды, в которой родился пролетариат, ограниченность, индивидуализм, замкнутость мелкого

производителя. Отдельные группы рабочих и их идеологи перерабатывают эти элементы мелкобуржуазной идеологии в рабоче-цеховую идеологию, которая находит политическое выражение в «левых» тенденциях изолированного действия пролетариата.

Именно этой политической цеховщиной дышали все выступления «левых» отзовистов и ультиматистов, ею же проникнуты все выкладки «левых» коммунистов в дни Бреста («крестьянство воевать не хочет, повоюем сами!»), в период профсоюзной дискуссии и т. д.

На этом пути идеологического развития крестьянская ограниченность и цеховщина мелкого производителя диалектически обратились в рабочую цеховщину, объективно направленную против смычки с крестьянством.

Из этого следует, что правые и левые уклоны родственны не только по объективно-исторической роли, но и по социальному мелкобуржуазному характеру их идеологии.

Не следует поэтому всерьез принимать во внимание аргументы некоторых уклонистов, что, дескать, мы все же «левые», «революционные».

На самом деле, какой уклон: «правый» или «левый», представляла оппозиция в последней дискуссии?

В самом начале дискуссии оппозиция представляла как-будто бы «левый» уклон, а к концу не только отступила от организационных принципов большевизма, но некоторые лидеры ее установили идейную смычку с правыми оппортунистическими течениями Коминтерна на Западе.

IV.

Какого рода уклонов мы можем ждать в эпоху нэп'а в нашей партии, учитывая враждебные нам тенденции развития, заключающиеся в советском обществе, учитывая классовые взаимоотношения, социальный состав и социальные связи нашей партии?

Прежде всего следует отметить возможность кулацко-крестьянского перерождения нашей партии.

Недавно на одном партийном собрании, при обсуждении вопроса о нашей политике в деревне, ряд товарищей выступил с предложением развязать капитализм в деревне. Нам неоднократно приходилось спорить с некоторыми коммунистами, защищающими эту столыпинско-советскую политику в деревне.

По сути дела аргументация в защиту этой политической линии—чисто-меньшевистская. Во-первых, дескать, развязать капитализм следует, исходя из понятной необходимости развития производительных сил. Во-вторых, буржуазная дифференциация в деревне, сопровождающаяся пролетаризацией большей части крестьянства, расширяет сферу нашего непосредственного влияния в деревне, как партии пролетариата и бедноты. В третьих, приводят следующий аргумент: если мы допускаем капитализм в городе, то почему на него положен запрет в деревне? Согласование городской и деревенской экономической политики должно итти именно по пути развязывания капитализма в дерев-

не. Эта мотивация настолько же теоретически наивна, насколько политически контр-революционна.

В самом деле. Если бы мы так плоско, не по-марксистски, понимали критерий развития производительных сил, как эти товарищи, то мы никогда не сделали бы социалистической революции.

Мы знаем, что развитие производительных сил в мировом масштабе стесняется господствующей капиталистической системой производственных отношений. Только при социализме, т.-е. принципиально иной системе отношений, установление которой невозможно без социалистической революции и диктатуры пролетариата, это противоречие производительных сил и производственных отношений исчезнет.

Однако, революция неизбежно потрясет старую капиталистическую производственную систему и ведет к временному падению производительных сил, но эта эпоха падения производительных сил исторически есть эпоха, обеспечивающая условия для не стесняемого социальными условиями развития производительных сил при социализме. Подъем производительных сил может начаться только после окончания периода военно-гражданской борьбы. Однако, поскольку этот подъем начинается на товарной основе и в условиях экономического соревнования с капиталом—при чем, крупнейшее преимущество социалистического хозяйства перед буржуазным заключается в поддержке пролетарского государства,—производительные силы развиваются одновременно и в системе буржуазных производственных отношений и в системе отношений социалистических. Если производительные силы в капиталистической системе развиваются быстрее и за счет развития производительных сил социализма, то мы становимся перед началом нового цикла капитала, что исторически означает новую полосу стеснения развития производительных сил.

Таким образом, даже частичные успехи развития производительных сил в капиталистической системе исторически есть препятствие для развития производительных сил во всей общественной системе.

Если, наоборот, производительные силы социализма растут за счет развития производительных сил капитализма, мы имеем укрепление строя, в котором производительные силы не стесняются складом производственных отношений.

Критерий производительных сил у Маркса иной, чем у меньшевиков и у тех товарищей, среди которых меньшевистская аргументация имеет успех.

У нас не может быть чисто-технического взгляда на развитие производительных сил. Нам важно не просто развитие производительных сил в деревне, а их развитие в системе социалистических отношений. Именно в этом направлении пойдет кооперирование бедноты и средняцкой массы деревни.

Дифференциация, будто бы, расширит пролетарскую и полупролетарскую социальную базу коммунизма. Но, во-первых, ведя в деревне «фритредерскую» политику и обеспечивая тем самым условия установления экономической и идеологической гегемонии кулака в деревне, рабочее государство тем самым подготовляло бы ликвидацию своей политической гегемонии; во-вторых, масса среднего и бедного крестьянства, разоряемая всевластным кулаком, конечно, отказала бы Советской власти в политическом кредите. Развязывание буржуазной стихии в деревне есть кулацкая политика и как таковая она должна быть отвергнута, встречена в штыки.

Несомненно, что имея в руках социалистическую промышленность, мы тем самым имеем мощное орудие борьбы с частным капиталом не только города, но и деревни.

Однако, поскольку, во-первых, наша экономическая экспансия в деревне весьма сильно ограничена слабым уровнем промышленно-социалистического производства, во-вторых, деревня в полосе обращения отделяется от нас сферой господства капитала в розничной торговле,—постольку с капиталом деревни, который к тому же вырастает в трудно уловимых и регулируемых формах, бороться труднее, чем в городе.

Эти трудности становятся еще более ясными, если вспомнить, что в городе мы боремся с капиталом, имея крупные концентрированные сильные политические организации рабочего класса, а в деревне таких организаций мы почти не имеем.

Вот почему нельзя совершенно идентифицировать нашу политику по отношению к капиталу в городе и деревне.

Мы еще не имеем в нашей партии выявленные и систематизированные кулакофильские тенденции, но настроения подобного рода имеются.

Если в области внутренней экономической политики такой уклон можно характеризовать как «советско-столыпинский», то в области внешней экономической политики он проявляется в стремлении прорвать монополию внешней торговли. Кулак желает непосредственной смычки с западным капиталом для получения более дешового промышленного продукта, с одной стороны, и уменьшения издержек обращения, с другой.

В этой же внешней политике для кулакофильской тенденции вероятна позиция большей уступчивости при различного рода экономических сделках с западным капиталом (заведомо невыгодные концессии, денационализация).

По сути дела, — это мыслимое крестьянское перерождение было бы лишь исходным пунктом для перерождения буржуазного, ибо капиталистическая политика в деревне непременно уперлась бы в капиталистическую политику в городе. Таким образом, кулакофильская позиция есть шаг к позиции «Рабочей Правды», которая, в свою очередь, по своему существу является позицией меньшевистской.

Но если такова развернутая позиция кулакофилов, то начальные формы ее проявления конкретно предугадать трудно. Надо смотреть в оба в этом направлении.

Надо следить за развитием капитализма в деревне, противопоставляя ему кооперативный фронт массы бедного и среднего крестьянства.

Однако, не следует и здесь за формой проглядывать содержание.

Тов. Ленин указал нам в двух своих последних статьях «О кооперации» пути к социализму в деревне.

Но когда он пишет, что «у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения», что при «условии максимального кооперирования населения сам собой достигает цели... социализм»,—когда он пишет это, то он указывает нам основную точку приложения наших сил, но отнюдь не понимает кооперирования формально.

В первомайском № «Правды» (1924 года) тов. Сарабьянов в статье: «Массы через кооперацию к социализму»—дает несколько неосторожных формулировок, пытаясь разъяснить эти статьи тов. Ленина.

«Практически теоретизирующий Ленин не мог не сказать, что при прогрессивном режиме диктатуро-пролетарского общества мелкобуржуазная масса не может выступать против пролетариата.

«Не может выступать»! Не слишком ли это «кооперативно», тов. Сарабьянов?

Может выступать, и если не выступает в наши дни с оружием в руках, то на экономическом фронте может выступать против нас каждодневно.

Кооперативная теория врастания крестьянства в социализм—отнюдь не есть «принятие» народничества в своеобразной форме.

Если в наших условиях усиливающейся дифференциации крестьянства говорить тысячу и один раз просто «мелкобуржуазная масса», не различая в ней разных социальных групп; если затем уже на основании этой подстановки утверждать, что эта «масса» не может выступать против пролетариата, то тогда ничего не стоит перейти к такому пониманию, вернее, непониманию, кооперации, при котором видят только ее форму, но не видят содержания.

На самом деле, не может ли кулак на целом ряде участков кооперативного фронта «мирно врасти» в кооперацию, как ее господин?

Не имеются ли такие процессы в деревне?

Ну, не правда ли, тов. Сарабьянов, что рост кулацкой кооперации не равнозначен социализму?

Если бы в нашей практике исходили из формального понимания положения «кооперация—это социализм», то мы с кооперативной фразеологией помогли бы укрепляться кулаку.

Кстати, партии следует заняться теоретической разработкой вопросов крестьянского хозяйства и кооперации: исключительно опасным нам представляется тот факт, что будущий советский агроном и будущий советский кооператор получает теоретическую закваску не от марксистов, которые блестяще отсутствуют на этом фронте идеологической борьбы, а от народников и буржуазных экономистов. (Так обстоит дело, например, в сельскохозяйственной академии им. Тимирязева и в высшем кооперативном институте).

Теперь о другой возможности перерождения.

Эта другая возможность заложена в укреплении цехово-идеологических тенденций в части нашей партии.

Если бы, например, при проведении крупнейших экономических реформ, мы исходили бы при разработке маневрового плана из учета интересов изолированного пролетариата, не понимая того, что реальные интересы рабочего класса могут быть представлены только партией, ведущей широкую политику, учитывающей взаимоотношения классов,—то мы подготовили бы крупнейшие поражения диктатуре пролетариата.

Возьмем пресловутый вопрос о «ножницах». Смотря с цехово-рабочей точки зрения—мы должны были бы настаивать на «наибольшей прибыли» и пр.; расценивая этот факт под углом смычки пролетариата и крестьянства, являющейся непременным политическим условием успешного строительства социализма, мы высказались бы именно так, как высказалась наша партия. По сути дела, рабочий класс здесь временно отказался от увеличения своей заработной платы на ряд ближайших месяцев, чтобы обеспечить рост ее в недалеком будущем на основе укрепляющегося производства. Цеховой подход привел бы к отказу от широкой политики, обеспечивающей гегемонию пролетариата в советском обществе, а, стало-быть, и обеспечивающий успехи социализма.

Возьмем другой пример. Мы проводим сейчас денежную реформу, ибо всем ясно, что без твердой валюты немыслим прочный производственный успех. Для того, чтобы эту стабилизацию провести, мы бьемся за низкие цены. Это, в свою очередь, обязывает нас продавать продукты промышленности по пониженным ценам; последнее, под углом зрения сегодняшнего дня, ухудшает положение пролетариата и т. д., и т. п.

Однако, если подходить к вопросу не с сегодняшними настроениями цеховика-рабочего, а учитывая перспективу, нужно поступать именно так, как поступаем мы.

Суть этого возможного уклона ясна. Когда нам предлагают вести политику, не учитывающую социальных отношений эпохи, когда суживают теоретически громадный объем наших задач до задачи строительства социализма в обществе, состоящем только из пролетариата, при чем, даже в этом выдуманном чисто-пролетарском обществе вся общественная политика расценивается не перспективно, а под углом зрения только сегодняшнего дня,—тогда мы имеем уклон, который отдает той мелкобуржуазной цеховщиной, какой характерен был для «левых» уклонов. По сути дела, это было бы отказом от руководящей политической роли и отказом от марксизма. Еще в «Что делать?» тов. Ленин писал:

«Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, тот не не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических, вернее даже сказать, не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении всех классов общества».

Все это так же свежо и верно в 1924 г., как было верно в эпоху борьбы большевизма с экономизмом.

Мы затронули в этой статье вопрос о возможном перерождении только в самой общей постановке.

В следующей статье мы наметим третью возможную линию возможного перерождения (о так-наз. «технически-организаторской интеллигенции»).

Тогда нам будут ясны основные линии, по которым следует ожидать опасных уклонов в нашей партии.

Наметив эти линии возможного перерождения, мы, однако, отдаем себе ясный отчет в разнице между линией перерождения и частными временными тактическими маневрами, допустимость и целесообразность которых должна учитываться и определяться отдельно в каждом конкретном случае. Необходимо бороться лишь тогда, когда цепь политических выступлений направляется по линии социального перерождения, когда мы имеем тактический уклон от большевизма.

Но основные линии, по которым следует ожидать опасных уклонов в нашей партии, представляются нам именно такими. Конечно, в действительности дело может и не начаться с тактических разногласий; разногласия могут вестись в плоскости организационной; но разве не ясно, что это две стороны одной и той же медали?

Разве различные установки организационного вопроса не упираются—сознательно или полусознательно—в разные оценки социальных отношений?

Наша партия ныне сильнее, чем когда бы то ни было, но именно поэтому она может теперь не только бороться с уже выявившимся уклонизмом, но и предвидеть возможные новые формы его проявления. Будем же глядеть в оба!

В. Астров.

Один из примеров мелкобуржуазного перерождения.

(О программе „мясниковщины").

Пути, по которым буржуазная и мелкобуржуазная идеология пробирается в ряды нашей партии, требуют изучения. Изучение это невозможно вести чисто-абстрактным путем одних общих рассуждений. Вместо этого полезней внимательно присмотреться к тем частицам партийной ткани, которые на наших глазах уже начали социально перерождаться, сходя с точки зрения пролетариата, переходя с его правильной линии поведения на классово-чуждые рельсы.

Одним из примеров такого мелкобуржуазного перерождения является так-называемая «Рабочая Группа», возглавляемая исключенным из РКП и Коминтерна Мясниковым. История образования и ликвидации этой «Группы» имеет свой интерес, но мы оставляем ее вне поля зрения нашей статьи, обратясь исключительно к политической программе «Группы», как она изложена в ее «Манифесте» и в обращении «К коммунистам всех стран».

I.

„Пролетарская" демократия.

Исходной точкой аргументации «Манифеста» является то положение, что класс, борющийся за власть, «проповедует гражданскую войну», а класс, стоящий у власти, «проповедует гражданский мир». Если с этим положением и можно согласиться, то лишь при очень условном и определенном толковании слов «гражданская война» и «гражданский мир».

Можно согласиться с тем, что лейт-мотивом идеологии господствующего класса, на протяжении всего периода его господства, является проповедь классового гражданского мира. Но, во-первых, это еще ровно ничего не говорит о тех методах и формах борьбы, при помощи которых господствующий класс в каждый отдельный момент поддерживает свое господство внутри страны. Буржуазия во время войны, проповедуя «бургфриден», поддерживала его путем массовых расстрелов рабочих, ведя

гражданскую войну во имя гражданского мира. Во-вторых, сама «проповедь» гражданского мира существенно различна, например, в устах буржуазии, желающей увековечения классовой эксплоатации, и в устах пролетариата, стремящегося к уничтожению классов.

Если взять лозунг «гражданской войны», то и для него действительны те же ограничения. Во-первых, если никакой класс, без обострения классовой борьбы не может вырвать власти у врага, то в отдельные периоды развития классовой борьбы применяются отнюдь не методы гражданской войны. Пример: тактика частичных требований, блоков и компромиссов, которую иногда применяют коммунисты,—готовит в буржуазных странах гражданскую войну, но сама еще не является гражданской войной. Во-вторых, пути к власти для разных классов существенно различны. Если пролетариат не может взять власти без гражданской войны, то буржуазия сплошь и рядом «врастает» в феодальную власть. «Манифест» впадает в полный конфуз, когда заявляет, в угоду своей «диалектической» схеме, что русские кадеты 1905 года были сторонниками гражданской войны с самодержавием. Этого не было. Борясь за власть, кадеты боялись гражданской войны, оглядываясь на рабочих и крестьян, дрожа за собственную шкуру.

«Манифест» рассматривает свою «диалектическую» схему смены лозунгов, как универсальную, охватывающую все революции всех времен, и, вместе с тем, одинаково относит ее и к лейтмотивам классовых идеологий и формам борьбы, спутывая понятия координирующего лозунга эпохи и лозунгов действия в каждый отдельный момент.

Эта путаница есть основа всего недомыслия в «Манифесте».

Расточая много фраз о «войне кровавой и суровой», о необходимости «сеять ветер, ибо хотим бури»,—«Манифест» с необыкновенной елейностью «отдыхает» от словесных кровопролитий на периоде диктатуры пролетариата:

> «Но еще с большей силой мы будем проповедывать гражданский мир и в человеках благоволение во всех странах, где пролетариат победит и станет у власти».

Кроме сказанного, здесь требуется еще одно замечание. Свергнув буржуазию, пролетариат «проповедует» ей «мирное» подчинение диктатуре пролетариата. Но это не мешает диктатуре пролетариата «проповедывать» и готовить новую гражданскую войну за захват власти во всем мире. Пролетарская страна обращается, до известной степени в военный лагерь мирового пролетариата. Можно ли называть это, с легким сердцем, проповедью «в человеках благоволения? Не запутывают ли вопрос такие «лозунги»?

Вся беда этой «диалектики» здесь заключается в том, что «все страны, где пролетариат победит», выдергиваются совершенно абстрактно из империалистического окружения. Стоит вспомнить об этом, как елейные и смешные слова о проповеди «благоволения в человецех» становятся непростительны в устах столь «кровопролитного» (для других стран, кроме собственной) расейского «революционера» Мясникова.

Он старается изобразить нашу гражданскую войну 1918—20 годов, как исключительно оборонительную. Пролетариат,—говорит он,—в 1917 году хотел, чтобы буржуазия покорилась «без драки», но она ответила войной. Рабочий класс ответил тем же, но он «фактически хотел мира».

Исторически это совершенно верно. Российский пролетариат в 1918—20 гг. хотел мира, ибо страна была разорена, армии не было, диктатура его только еще укреплялась. Но нельзя особые исторические условия России 1918—20 годов возводить в универсальный мировой принцип пролетарской борьбы.

Принципиально вполне мыслимо, что пролетарская диктатура начнет войну «наступательную», с целью помочь победить, захватить власть рабочим других стран. Ошибка «левых» в дни Бреста заключалась не в том, что они хотели сопротивлением на немецком фронте вызвать революцию в Германии, а в том, что они переоценивали наши реальные возможности для этого. Ошибка наступления на Варшаву, опять-таки, была в чем-угодно, но не в том, что мы хотели этим ускорить революцию на Западе.

Пролетариат берет власть в одной или нескольких странах не затем, чтобы почивать на лаврах, проповедуя «в человецех благоволение» (!), а для того, чтобы ускорить победу коммунистической революции в мировом масштабе.

И он должен это делать, в меру всех тех сил, которые у него имеются.

Для Запада «Манифест», исходя из своего вульгарного и упрощенного толкования лозунга гражданской войны до захвата власти пролетариатом, отвергает тактику единого фронта и борьбу за частичные требования.

Зато «единый фронт» принимается «Манифестом» там, где РКП его категорически отвергает, именно—в России.

Автор «Манифеста» органически не способен принять тактику единого фронта иначе, как истое соглашательство, как капитуляцию перед заграничными меньшевиками и эсерами. Он понимает только одну революционную тактику: «набить морду» (его буквальное выражение) буржуазии и социал-предателям. Все остальное от лукавого. Что тактика единого фронта есть подготовка гражданской войны, разоблачение социал-прохвостов, а не соглашательство с ними, это недоступно его мышлению, имеющему претензии на диалектичность.

Для России политическая программа «Манифеста» состоит в так-называемой «пролетарской демократии»:

«Единый фронт в России равен пролетарской демократии»,—гласит заголовок раздела VII.

Здесь еще раз обнаруживается коренное непонимание революционной сути тактики единого фронта. «Единый фронт» наивно понимается «всерьез», как настоящее соглашательство с мелкобуржуазными партиями, а не тактика завоевания на свою сторону идущих за ними масс. В таком виде он отвергается для Запада и—увы!—в таком же виде он принимается

для Советской России, где пролетариат стоит у власти, хотя здесь давно массы уже с нами.

Такой «единый фронт в России», понятно, является гигантским шагом назад от диктатуры пролетариата—к буржуазной демократии, ибо он означает, прежде всего — легализацию эсеров, меньшевиков, анархистов и др. партий. Промежуточность этой программы, половинчатость этого шага назад к учредилке (подчеркнутая в названии: «пролетарская» демократия) состоит в том, что эти партии легализуются только среди рабочих.

Аргументация «Манифеста» в этом центральном пункте его программы заслуживает быть приведенной здесь, как заключающая в себе полную ликвидацию идеи диктатуры пролетариата. Вот она:

> «У нас коммунистического рабочего класса нет. Есть просто рабочий класс, среди которого есть большевики, и анархисты, и эсеры, и меньшевики (все это не обязательно партийные), а лишь по складу мыслей своих. Какое отношение к нему? Никаких рассуждений с кадетами, буржуа, профессорами, адвокатами и докторами, здесь одно лекарство—мордобитие, другое дело с рабочим классом. Нам надо его не в страхе держать, а идейно влиять на него и вести за собой, а потому не принуждение, а убеждение; вот линия, вот закон» (стр. 52).

Что означают такие слова, как: «у нас коммунистического рабочего класса нет»? Если взять их отдельно от остальной фразы, то в них можно вложить различный смысл.

Первое. Рабочий класс потому не «коммунистичен», что еще нет коммунистического строя. Подобный «смысл» был бы бессмыслицей, ибо в коммунистическом строе не будет никаких, в том числе и «коммунистических» (?), классов.

Второе. Рабочий класс потому не «коммунистичен», что он не весь входит в коммунистическую партию. Тогда он не «коммунистичен» не только «у нас», но всегда и везде, ибо условия, когда он весь смог бы войти в коммунистическую партию, создадутся лишь при наступлении коммунизма, когда пролетариат уже исчезнет как класс.

Третье. Рабочий класс России не поддерживает коммунистов. Это явная неправда, очевидная даже для наших врагов. За коммунистами идет на протяжении семи лет революции огромное большинство рабочих, а меньшевики, эсеры, анархисты не пользуются почти никаким влиянием среди рабочих.

Четвертое. Пролетариат потому не «коммунистичен», что он не является историческим носителем коммунизма. Вот единственное толкование слов манифеста, имеющее принципиальный смысл. Из отрицания такой коммунистичности российского пролетариата, действительно, с неизбежностью вытекает признание равноценности для него всех партий: большевики, меньшевики, кадеты, эсеры и пр.

Но подобное утверждение покоилось бы на полном забвении классовых интересов пролетариата, на шарлатанской подмене понятий. Вместо рабочего класса с определенными интересами, вытекающими из его объективного положения в современном обществе, которое толкает его к борьбе за коммунизм, перед нами оказался «рабочий класс», как простая сумма личностей, не связанных ничем друг с другом, исповедующих разные взгляды и защищающих разные социальные интересы.

«У нас коммунистического рабочего класса нет»! Это чудовищное утверждение представляет собой настоящий перл ликвидаторства в устах того, кто продолжает считать себя коммунистом (!). Если рабочий класс—не коммунистический, а «просто» рабочий класс, то и диктатура его не коммунистическая, а «просто» диктатура. Для осуществления ее, конечно, не надобно коммунистической партии, достаточно «просто рабочих» партий. Как все это необыкновенно «просто» в устах... «коммуниста»!

У нас есть коммунистический рабочий класс, господа Мясниковы! У него есть одна рабочая партия, та самая, из рядов которой вы, ренегаты, переметнулись в стан буржуазии. Взгляните на сотни тысяч ленинского призыва; вспомните историю героической борьбы русских рабочих на всех фронтах, — кто их вел к победе, кому беззаветно доверяла «не обязательно партийная» масса, чья она была «по складу мыслей своих»?

Кого победили русские рабочие в гражданской войне, если не меньшевиков, эсеров и буржуазию? И вот, эти партии наравне с большевиками фигурируют в «Манифесте», как партии в среде «просто рабочего класса». Им предоставляют полное право начать сызнова подготовку гражданской войны против рабочего класса, пользуясь легальностью и свободой («убеждение, а не принуждение»).

«Среди» и «просто» рабочих могут быть, конечно, не только социалистические партии и анархические группы. Среди них, конечно, найдутся и кадеты (не буржуа, зачем же; не профессора, не доктора, не адвокаты, а «рабочие»!) и монархисты.

«Милости просим!»—отворяет им ворота широкая «пролетарская» демократия. Все «свой брат»—«рабочий»... Что истинный смысл «мясниковщины» именно такой, в этом не остается никакого сомнения после того, как Мясников еще в 1921 г. выставил требование «свободы печати от монархистов до анархистов включительно».

Рассуждая так, пришлось бы отрицать за рабочими право изгонять из своей среды штрейкбрехеров!..

Называть подобную демократию «пролетарской», значит бесстыдно издеваться над словом «пролетариат» и «пролетарская демократия».

Хоть ты и в новой коже, а сердце у тебя все то же,—так остается сказать новоиспеченным «коммунистам-демократам». Их программа на деле защищает свободу для буржуазии. Под маской рабочего ни кадет, ни меньшевик, ни эсер, ни монархист не перестают быть наймитами буржуазии. Наоборот. Рабочее происхождение монархиста, меньшевика, кадета, эсера делает его, по своему, еще более вредным и опасным для диктатуры пролетариата, незаменимым, с точки зрения буржуазии, сотрудником ее. Разве это нуждается в пояснении для того, кто хочет (как авторы «Манифеста») хотя бы считаться коммунистом?

Но, помимо этого,—какое ГПУ сможет уследить, кто поступает на наши фабрики под видом рабочих, кто приходит к ним и собирается вместе с «рабочими» кадетами, эсерами, кто пишет из-за границы и подполья в их «рабочие» (!!) газеты (кто руководит ими из-за границы и подполья—это уже заведомо известно гг. Мясниковым)?..

Кадеты, эсеры, меньшевики, анархисты есть буржуазные и мелкобуржуазные партии. Дать свободу этим партиям не только в среде целого рабочего класса, но даже хотя бы в одном уголке советской общественности (например, хотя бы, рабочие библиотеки, или рабочий театр), и в то же время воображать, что это будет не свобода буржуазии дурачить рабочих, а нечто другое,—это значит по-мелкобуржуазному мечтать, закрыв глаза на действительную борьбу классов.

Свою «пролетарскую демократию» «Манифест» приурочивает в России к периоду нэпа, когда пришло время для лозунга гражданского мира. В ответе Мясникову в 1921 году Ленин признавал, что «кто не понимает смены лозунга гражданской войны лозунгом гражданский мир, тот смешон, если не хуже» (см. соч. т. XVIII, ч. I, стр. 339). Видимо, это брошенное мимоходом замечание окрылило Мясникова на вышеприведенную «диалектику».

Но, во-первых, Ленин говорил не «вообще» о ходе революций, а об определенном периоде в русской революции. Во-вторых, Ленин понимал лозунг «гражданский мир» совсем не по-мясниковски. Отвергая «свободу печати от монархистов до анархистов включительно», как свободу политической организации буржуазии и ее вернейших слуг, Ленин писал:

«Вы забыли мелочь, совсем малюсенькую мелочь, именно: мировую буржуазию и ее свободу покупать себе газеты, покупать себе центры политической организации» (там же, стр. 341).

Окончание гражданской войны для Ленина не означало прекращение «принудительности» в классовой борьбе с непролетарскими партиями.

Итак, политическая программа мясниковщины по отношению к пролетариату объективно состоит в попытке развязать буржуазные и мелкобуржуазные влияния на пролетариат. Таков классовый смысл этой, на словах «пролетарской», демократии.

Естественно, что, будучи агентом чуждых влияний в пролетариате, мясниковщина раскрывает им двери и в пролетарскую партию, в среду РКП.

Она делает это уже самым фактом своего существования, как подпольная фракция внутри РКП, проводящая свое влияние на партийную линию поведения всеми доступными средствами. Она, таким образом, разлагает партию не только проповедью своих мелкобуржуазных взглядов, расходящихся с программой и основами тактики партии, но и организационной формой своего существования, поскольку всякая фракционность есть опасность раскола, грозящего гибелью диктатуре пролетариата.

Это есть двоякое: идейное и организационное разложение РКП. Об «идеях» мясниковщины мы будем говорить еще ниже. Остановимся здесь на ее партийно-организационных позициях.

«Манифест» уже не рассматривает РКП, как нечто единое и цельное. Партии в большевистском значении слова, т.-е. партийного большинства, устойчивости и преемственности в программе, тактике и организационных принципах, для него не существует. Когда «Манифест» не соглашается с партией, то он говорит не о партии, а о «руководящей в РКП (б.) группе».

Большинство партии—не партия, а «руководящая группа». Мы, мясниковцы, тоже группа, хотя еще и не руководящая.

Хорошо «руководящей группе», ей не нужна фракционная организация, у нее в руках партийный аппарат. А разве мы хуже другой «группы»? Что ж, что у нас пока нет в партии большинства? Владейте аппаратом, а нам дайте возможность строить свою фракционную организацию, авось мы вас современем вышибем и весь аппарат в свои руки заберем.

Вот каков ход рассуждений мясниковщины.

Оно построено на представлении о коммунистической партии, как о «федерации» различных групп, группочек, фракций, течений и т. д., и т. п. Его принцип: «Живи и жить давай другим».

Нетрудно видеть, как это рассуждение мясниковцами сначала применяется к рабочему классу, а потом к его партии.

Живи, коммунистическая партия, среди рабочих, но давай жить и анархистам, и меньшевикам, и кадетам, и эсерам.

Живи, «руководящая группа», в РКП, но давай жить и мясниковцам (и «демократическим централистам» и др. «течениям»).

«У нас коммунистического рабочего класса нет»,—таков вывод из применения принципа «живи и жить давай другим» к рабочему классу.

У нас есть коммунистическая партия, господа мясниковцы, вод из того же принципа по отношению к партии.

У нас есть коммунистическая партия, господа мясниковцы, так же, как есть и коммунистический рабочий класс. Партия не то, что вы хотите видеть в ней через ваши мелкобуржуазные очки. В партии господствует не «группа», а учение Ленина, ведущее за собой огромное большинство, сильное своим полным единодушием в вопросах программы, тактики, организации и во всяком практическом действии.

Не обманывайтесь, или—не обманывайте других!

Раздуть фракционность в РКП—такова практическая цель мясниковцев. Под флагом борьбы с «руководящей группой», конечно, легче провозить свой мелкобуржуазный багаж, чем, называя вещи своими именами, объявлять войну всей партии.

Но раздуть фракционность всего легче под соблазнительным для массы знаменем демократизма в партии. И вот, съезды партии именуются «съездами партийно-советских чиновников», объявляется, что ЦК РКП «сажает в ГПУ» всякого, кто его критикует и т. д., и т. п.

Мясниковцы ставят в неразрывную связь демократию в партии с своей «пролетарской демократией». О платформе «либе-

ралов в РКП», появившейся анонимно перед XII съездом, «Манифест» пишет, критикуя их «половинчатость» с своей точки зрения:

> Ленин (в статье о РКИ) «идет навстречу либералам, обещает их включить в состав расширенного ЦК и ЦКК, ну, они, ведь, дальше этого и не идут. А само собой, разумеется, как только они окажутся в Цека, будет мир и в человецех благоволение. Разглагольствуя о свободной дискуссии внутри партии, они забывают маленькую мелочь—пролетариат. Ведь, без свободы слова пролетариату никакой свободы внутри партии никогда не было и не будет (стр. 91).

Мы уже знаем, что «свобода слова пролетариату», на языке мясниковцев, фактически означает свободу слова буржуазии и ее слугам. Точно так же ясно, что и «свобода внутри партии», которая ставится в связь со свободой буржуазии вне партии, есть понятие, отличное от нашего, большевистского понятия свободы в партии. Мясниковская «свобода в партии» есть свобода проповедывать противопартийные взгляды и организовывать фракции.

Такая «свобода в партии», действительно, тесно смыкается с квази-«пролетарской» демократией, ибо и то и другое есть развязывание буржуазной и мелкобуржуазной стихии в пролетариате и внутри его партии.

II.

«Пролетарская демократия» и Советы.

Исходя из своей политической программы «пролетарской демократии», «Манифест» берется за «реформирование» советской системы на основе «фабричных» советов.

Каковы же главнейшие предложения авторов «Манифеста»?

Уже требование свободы меньшевикам, эсерам и др. в рабочей среде означает допущение этих партий к руководству советами. РКП теряет не только монополию легальности. РКП теряет монополию руководства советами.

Это есть шаг к кронштадтской программе: «Советы без большевиков». Это есть советы еще с большевиками, но уже не только с ними, а вообще со всеми партиями (в том числе и советы с кадетами и монархистами...), какие только существуют и могут существовать «в рабочей среде».

Далее. Все острее критики существующей советской системы «Манифест» направляет исключительно на коммунистическую партию, объективно подготовляя тем самым «советы без коммунистов».

Главную опасность для Советской власти «Манифест» видит в перерождении. Кого? «Коммунистических чиновников», «слоя, занимающего командные посты», «кучки спевшихся и плотно осевшихся людей, спаянных единым желанием сохранить и политическую и экономическую власть в своих руках, конечно, из самых высоких соображений: во имя интересов пролетариата и мировой революции», и т. д.

Речь идет не о перерождении спецов,—ибо какое значение для них имеет мировая революция?—речь идет о коммунистах. И вот, от коммунистов он апеллирует на словах к массе, на деле—к меньшевикам, эсерам, анархистам, кадетам.

Этот «просто рабочий класс» (!!) «спасет» от перерождения нашу партию. Не беда, что кое-кто из этих «спасителей» (не все ли?) ничего другого, кроме бесконечной вражды, не питает к мировой революции и коммунистическому пролетариату...

Вражда к бюрократизму есть законнейшее явление, которое следует поощрять и культивировать в рабочей среде, но, борясь с бюрократическим злом, нужно уметь сохранять, укреплять и использовать централизованный аппарат власти.

Плохо, когда люди не умеют делать первого. Не умнее их анархисты, которые вообще «отрицают» государственный аппарат. К анархистам скатывается «Манифест», когда пишет, что вновь организованные фабричные советы «заменят наших высокоумных товарищей, управляющих хозяйством и страной».

Фабричный совет сам страной управлять не может. Для этого всякие советы, в том числе и «фабричные», должны будут выделить, волей-неволей, «высокоумных» товарищей». Реальное содержание анархистской фразы «Манифеста» может быть только одним: меньшевики, или эсеры, или кадеты, заменят большевиков. Место коммунистической «сплоченной группы» будет занято эсеровской и т. п. «сплоченной группой». Все остальное — сплошная пустая фраза и ложь. Масса может сменить, но не заменить собою вождей.

Кто говорит иначе, тот лжец, или недоумок. Исторической необходимости в политических вождях не будет только в коммунистическом строе.

Итак, и крики о «перерождении», и демагогия о невиданной «массовости» новых советов, бьют в одну цель: в РКП, в ее гегемонию, в ее главенство в советах.

Пойдем дальше.

По мнению автора «Манифеста»,—«теперь приходится говорить не об улучшении советов, а об организации их» (стр. 84).

Иными словами, советов уже нет?

Вообще — ничего нет. Коммунистического рабочего класса — нет. Коммунистической партии — нет. Советов — нет. Остался один «человек на голой земле»—один «спаситель революции», «рабочая» мясниковская «группа»...

Таково сплошное ликвидаторство, преподносимое нам «Манифестом».

Вместо коммунистического рабочего класса перед нами предстала коалиция «рабочих» партий, как-то: кадетов, меньшевиков и др. Вместо РКП—коалиция фракций, течений, группировок. Что же останется от советов?

В чем же будет заключаться «организация их»?

В возврате вспять, к тем временам, когда советы еще не стояли у власти.

Вот как, по «Манифесту», они создавались когда-то:

> «В дни наивысшего революционного подъема рабочего класса, каждый цех завода выбирает депутата *для предъявления требований администрации и правительству*. Эти депутаты цехов *для согласования своих требований* сходятся на совет, совещаются—это и есть Совет Депутатов».

Так было, говорит «Манифест», и в 1905, и в 1917 годах. Уже тогда дело происходило *не совсем «так»*. Можно ли, без оговорок назвать задачу *захвата власти*, и вообще *руководство всей революцией*, какое осуществляли Советы и в 1905, и тем более в 1917 году, «предъявлением требований администрации и правительству»?

Это—явная натяжка. Подобная характеристика не исчерпывала бы *даже* роли профсоюзов, не говоря уже о советах.

Но взглянем на дальнейшее описание судьбы советов. В 1917 г. развертывающаяся революция продиктовала рабочим советам объединение сначала с солдатскими, потом с крестьянскими.

При переходе к ним власти им пришлось «почти целиком заняться *политической борьбой* с восставшими бывшими рабовладельцами»... «*За это время черты их производственности стираются*»...

Те-те-те! Это уже не история, а фантазия чистейшей воды. *Во-первых*, «политическая борьба с рабовладельцами» и *до* захвата власти составляла *главную* сторону в деятельности советов. «Производственность» же в этот период только зарождалась, если под этим понимать зародыши рабочего контроля.

Во-вторых, после захвата власти политика осталась главной отраслью деятельности советов, как органов власти, но «производственность» *не только не «стиралась»*, а *расцвела* пышным цветом, ибо известно, что именно на период 1918—20 гг. падают массовые национализации предприятий советами.

Но, говорит «Манифест», это было «единоличие», упразднение коллегиальности, и прочее: «А где же Советы Рабочих Депутатов на фабриках и заводах? Их нет»...—восклицает автор. Выходит, что *единоличие не было советским управлением*? Остается неизвестным, в чьих же руках находилось производство, хотя «Манифест» божится и клянется, что власть держал пролетариат.

Но, вот, гражданская война окончена. В положении советов наступает «диалектический» (ну, конечно же, диалектический!) *возврат* к исходной точке. Надо «повернуть не на словах, а на деле весь государственный аппарат *лицом к производству*», а для этого надо «воссоздать» советы *не такими, какими их сделало пребывание у власти*, а *по-старому, до-октябрьскому типу*. Точнее, к тому типу, какой для до-октябрьских советов нарисовало воображение автора «Манифеста».

«Повернуть весь государственный аппарат к производству»,—это пока еще просто фраза. Что *конкретное* скрывается за ней? Точных формулировок, к сожалению, в «Манифесте» нет.

Фабричные и заводские советы берут в свои руки управление предприятиями на местах,—таков единственный принципиально-«новый» смысл, до которого возможно докопаться при внимательном чтении. «Организовать советы на всех национализированных фабриках и заводах»... говорится в начале стр. 84-й, а в конце ее: «Эти же Советы Рабочих Депутатов, встав во главе производства, *во главе управления фабриками и заводами*»..., повернут «весь государственный аппарат лицом к производству».

Советы эти, на съездах, будут выбирать (на съездах непосредственно? видимо, так) правления трестов, синдикатов и т. д.

Роль профсоюзов при этом такова:

«*Советы управляют—союзы контролируют*, вот суть взаимоотношения между этими двумя организациями в пролетарском государстве» (стр. 88). К сожалению, недостаточно ясно, в чем же разница между советами и союзами. Так, например, местный совет депутатов, положим, *управляет* фабрикой. В то же самое время о местной ячейке «производственно-профессионального» союза говорится:

> «Местные заводские ячейки государственных фабрик и заводов превращаются, таким образом, в орган *контроля*».

Чем отличается местная «ячейка» союза, с точки зрения ее состава, от местного совета, кто управляет и кто контролирует на местах—неизвестно.

В довершение всего, говоря о контрольной роли союзов, *о роли партии* в деле контроля над советским производством, «Манифест» молчит, а слияние советской РКИ с партийной ЦКК встречает в штыки, как «бюрократическое», якобы, измышление.

Вопрос о соотношении рабочих и крестьян в советах, выдвинутый революцией, совершенно игнорируется «Манифестом». В ряде глав признается и одобряется новая экономическая политика, но все это остается в стороне, когда речь заходит о советах. Здесь как-будто для автора остается вопрос только об одном рабочем классе.

Ставить вопрос о создании аппарата власти *так*, т.-е. не учитывая *основного условия* удержания самой власти в руках пролетариата, каковым условием является союз с крестьянством, экономический—в нэпе, *политический*—в *советах*,—ставить вопрос так, значит вступить на путь убийственный для диктатуры пролетариата.

Итак, мы ясно видим тенденцию мясниковщины *передать производство и контроль в руки профсоюзов, или советов, организованных по типу союзов, игнорируя роль партии и роль крестьянства в советах*.

Это есть мелкобуржуазный *синдикализм* чистейшей воды.

В данном случае важны не столько практические предложения автора о реорганизации советов (трудно даже точно установить, что именно предлагается), сколько именно *ход* и *уклон* мысли автора. Революция-де «навязала» советам *политику* (т.-е. *определенную* политику, в форме руководства коммунистической партии), надо «повернуть» советы от политики (от партии) к «производству». Революция, мол, «навязала» советам *руководство крестьянами* теперь, когда «производство» завоевано, надо *замкнуть* советы в рамки «до-

революционные», в рамки чисто-рабочие, в рамки фабрик и заводов, почти-что слить с профсоюзами. Только так можно последовательно и принципиально защищать те позиции, которые выдвигает «Манифест».

Не случайно отводится на второй план политика (партия) и в то же время игнорируется союз с крестьянством. Не случайно, ибо вопрос об отношении к крестьянству есть коренной вопрос политики пролетариата в России. Не случайно, ибо этот вопрос может быть решен в советах выгодным для диктатуры пролетариата образом только одной коммунистической партией, а никоим образом не «просто» рабочими, — кадетами, анархистами, беспартийными, эсерами или меньшевиками.

Не случайно «производственность» советов в «Манифесте» идет по линии замкнуто-«рабочего» управления предприятиями, ибо именно в деле управления крупной промышленностью политический недоучет роли крестьянства перейдет и в экономический разрыв социалистической промышленности с крестьянским хозяйством.

Можно сказать, что мясниковщина в вопросе о советах с двух сторон подходит к одной и той же политической линии. С одной стороны—советы без коммунистов. С другой стороны—рабочие без крестьян (следовательно, и крестьяне без рабочих).

Раскол партии с советами, рабочих с крестьянами — это две стороны одной и той же медали, это — программа мелкобуржуазного разложения диктатуры пролетариата.

III.

Социальные корни «мясниковщины».

Подводя вкратце итоги, можно установить три основных направления, по которым мясниковщина ревизует основы ленинизма и тактику РКП. Эти три направления следующие:

Во-первых. Развязывание буржуазной и мелкобуржуазной стихии внутри пролетариата («пролетарская демократия») и внутри коммунистической партии (тоже «пролетарская демократия», включающая фракционность). Это проникновение враждебных сил объективно подготовляет раскол в пролетариате и раскол в партии, что неминуемо ведет к гибели диктатуры пролетариата.

Во-вторых. Лишение советов руководства и главенства в них коммунистической партии, подготовка раскола между партией и советами, т.-е. рабоче-крестьянской массой, что объективно, прямо или через ряд промежуточных ступеней, ведет к полной буржуазной реставрации.

В-третьих. Ослабление связи рабочего класса с крестьянством в советах, означающее, в тенденции, раскол между пролетариатом и крестьянством, неминуемо ведущий к гибели диктатуры пролетариата в России.

Всякий видит, что здесь ревизуются именно основы большевизма-ленинизма. Диктатура пролетариата в России держится

союзом рабочих с крестьянами и руководством РКП. Под союз рабочих и крестьян подкладывают мины. Коммунистическую партию отрывают от власти и, вдобавок, раскалывают ее (партию) фракционностью.

Людям, упорно защищающим подобные тактические принципы (принципы ликвидации диктатуры пролетариата), не место в РКП, и они из ее рядов изгнаны.

Их программа есть типичная программа современного ликвидаторства, выходящего, под давлением нэп'а, из рядов нашей партии.

Какова же социальная подкладка этого современного ликвидаторства?

Общеизвестный факт укрепления благосостояния и роста мелкой буржуазии, как деревенской, так и городской, служит достаточным ответом на этот вопрос в его общей форме. Окрепшая мелкая буржуазия политически «оживает», сея сомнения в твердости и спасительности диктатуры пролетариата. Класс, не умеющий самостоятельно строить, но умеющий разлагать чуждый ему общественный порядок, эта мелкая буржуазия политически выявляет себя, главным образом, требованиями отрицательного свойства: советы без коммунистов, партия без стеснения свободы фракций и группировок, крестьянство без пролетарского руководства и т. д.

Мелкобуржуазная программа есть программа сплошных расколов и разложения. Иначе и не должно быть, пока объективной задачей мелкобуржуазной контр-революции в России остается ликвидация (внутреннее разложение и гибель) диктатуры пролетариата.

Дело такой контр-революции ликвидировать, а строить придет настоящая, буржуазная контр-революция.

Но указание на рост политической активности мелкой буржуазии, колеблющейся между капитализмом и социализмом, решает вопрос о социальной подпочве современных ликвидаторских уклонов в РКП лишь, повторяем, в общей форме, в смысле их объективно-классовой роли в нашей стране. Не имея особых своих партий, мелкая буржуазия навязывает политическое представительство отдельным, наименее устойчивым элементам из рядов РКП.

Но остается еще вопрос, почему мелкобуржуазные настроения могут находить и находят «созвучные» отклики в рабочей среде?

Наиболее резко мелкобуржуазные колебания проявила часть нашего пролетариата в кронштадтские дни 1921 года. Объективные условия, вызвавшие колебания тогда, заключались в процессе деклассирования пролетариата, оборотной стороной которого (процесса) явилось усиление связей пролетариата с деревней, требовавшей тогда свободы товарооборота.

Мы, конечно, не застрахованы в будущем от повторения аналогичных тяжелых объективных условий. Но, оглядываясь на истекшую пару лет (1922—1923), нельзя не видеть, что условия менялись в обратную сторону. Процесс деклассирования промышленного пролетариата заменился ростом и улучшением ма-

териального положения пролетариата. При этом рабочий и безработный идет уже не из города в деревню, как это было в 1921 г., а из деревни в город.

При таких условиях, когда экономические связи рабочей массы с мелкой собственностью не укрепляются, а порываются, естественно, мы видим не взрыв мелкобуржуазной стихии внутри рабочего класса, а подъем классового сознания рабочих, выразившийся в ленинском призыве и пр.

Однако, это верно для массы рабочих, для ее классового массива, большинства. Но это не значит, что в пролетариате совсем исчезли отдельные группы и слои, которые даже на фоне общего классового роста способны временно поддаться мелкобуржуазной деградации.

Наш рабочий, как и прежде так и всегда, и везде) черпается преимущественно из мелкой буржуазии. Даже оторвавшись от мелкой собственности экономически, рабочий способен некоторое время идеологически (и психологически) воспроизводить мелкого буржуа, его иллюзии, его колебания. Определение общественного сознания общественным бытием есть процесс, происходящий не сразу, не в один день.

Когда власть находилась в руках буржуазии, то нужны были многие десятилетия (если не столетия), чтобы пролетариат из «класса в себе» мог превратиться в «класс для себя». У нас этот процесс идет скорее, пойдет еще скорее, но все-таки он останется процессом и для него нужен не один день.

Если с этой точки зрения подойти к периоду 1922—1923 гг., когда зародилось течение «мясниковщины», то мы должны будем искать ее корней в той мелкобуржуазной ограниченности, которая, в форме цеховщины, воспроизводится у ничтожных групп рабочих (ибо ее политический удельный вес именно ничтожен), в условиях роста их материального благосостояния за годы нэп'а.

Весь рабочий класс России, улучшая свое экономическое положение, черпает в этом новые силы для дальнейшей борьбы за коммунизм, за уничтожение классов. Всякое бытовое улучшение рассматривается им, как ступень, средство для усиления дальнейшей борьбы.

Но в его среде есть незначительные группы (лучше оплачиваемые, или связанные еще с мелкобуржуазной средой), которые смотрят на улучшение своего материального положения по-мелкобуржуазному. Для них нэп — не есть трудный и чреватый опасностями этап борьбы. Для них нэп, это — тихая пристань. Они почувствовали возможность лучше жить, отдохнуть от гражданской войны и революционных потрясений, и кроме этого ничего не хотят знать. «После нас — хоть потоп»...

Это — глубоко-обывательское, по сути дела мелкобуржуазное настроение, но оно овладевает частью пролетариата и даже частью нашей партии.

«Они» устали от гражданской войны и хотят «гражданского мира», прекращения классовой борьбы. Зато «они» чересчур «требовательны» к пролетариям других стран, чье дело — «кровавая война» с буржуазией. «Их утомила» диктатура пролетариата, «они» желают легализовать эсеров, меньшевиков и т. п. В «их», «рабочей» среде — «все равны»: большевики, меньшевики, кадеты. «Все — рабочие»... Им надоела «политика», они хотят заняться только хозяйством, «производством». Им нет дела ни до крестьянства, ни до кого другого, кроме самих себя («просто — рабочие»)...

Все это — обывательская «простота», которая, однако, хуже воровства, так как она пахнет изменой боевым задачам своего класса.

Может возникнуть, однако, такой вопрос. Одна из основных тенденций мясниковщины состоит в недоучете роли крестьянства в деле удержания диктатуры пролетариата. Говоря более общо, «недоучитывается», с точки зрения пролетариата, роль мелкой буржуазии. Можно ли характеризовать, как «мелкобуржуазный», тот уклон, который «недоучитывает» мелкую буржуазию? Не парадокс ли это?

Парадоксальность здесь чисто-кажущаяся. Были же в российской социал-демократии оппортунисты «рабочедельцы», отрицавшие допустимость блоков с либералами, что не мешало им проводить в рабочей среде буржуазные и мелкобуржуазные тенденции? Не заключается ли, с другой стороны, мелкобуржуазная революционность сплошь и рядом в огульном отрицании блоков и компромиссов с мелкой буржуазией?

В данном случае, при «недоучете» крестьянства, мы имеем, с одной стороны, предательство общеклассовых интересов пролетариата под видом (в форме) защиты «чисто-рабочих» интересов; с другой стороны, так-сказать, «смотри на обороте»: мелкобуржуазная тенденция под видом (в форме) «разрыва» с мелкой буржуазией.

Та же самая крестьянская, мелкобуржуазная (вообще), ограниченность воспроизводится на новой базе, в новых социальных условиях, как социальный «атавизм», пережиток прошлого, отрыжка. Новые условия требуют новой формы и подчас эта форма прямо противоположна прежней, хотя и выражает то же самое (мелкобуржуазное, крестьянское) социальное содержание.

Подобные «овидиевы превращения» совсем не редкость в истории оппортунизма, анархизма и мелкобуржуазной «революционности».

* * *

«Мясниковщина» в цепочке мелкобуржуазных влияний на пролетариат представляет собою не единственное звено, точно так же, как она не может служить «шаблоном» для этих влияний. Они проявляются в различной форме и бывают различны по глубине.

Беря современные мелкобуржуазные влияния, развившиеся, или находящиеся в зародыше, около и отчасти внутри рабочего класса, мы могли бы их расположить, примерно, в следующем нисходящем порядке:

1. Меньшевики (и эсеры), требующие полной буржуазной демократии. Сюда относится, в основном, и «Рабочая Правда».
2. Мясниковщина с ее «пролетарской демократией», откры-

вающая перед буржуазией возможность утверждения своих позиций в рабочем классе.

3. «Оппозиция» в РКП, разнородная по составу, но единая в стремлении ревизии большевизма, осужденная январской всесоюзной конференцией, как мелкобуржуазный уклон, как проявление буржуазного влияния на отдельные отряды пролетариата.

При этом, если взять меньшевизм, мясниковщину и «оппозицию» 1923—24 годов, то придется отметить, что недоучет роли крестьянства в революции составляет существенную черту всех этих трех течений, хотя, конечно, в различной форме и в различной степени.

Объективная сцепка, ступенчатость указанных трех группировок, отнюдь не требует от нас одинакового отношения к ним. Грубо-демагогически поступали те товарищи из «оппозиции», которые говорили: «раз вы обвиняете нас в меньшевизме, то исключайте из партии!».

Еще т. Ленин разъяснял т. Шляпникову и «рабочей оппозиции» в 1921 году, на X съезде партии, что слово «уклоны» взято именно потому, что уклон может быть исправлен внутри партии. Он соглашался даже на еще более мягкое слово, если б это слово было предложено.

Именно так партия взглянула на последнюю «оппозицию». Партия ее уже изживает, почти безболезненно, без единого откола.

Иное отношение к мясниковцам, подрывающим основы партии, не желающим знать партдисциплины, не подчиняющимся постановлениям ее съездов и ЦК, проводящим свою, отличную от партии, тактику, создавшим свою особую организацию. Разлагать свои ряды РКП не позволит.

Но методы борьбы с уклонами уже не составляют предмета нашей статьи. Ограничимся сделанной здесь беглой характеристикой одного из примеров мелкобуржуазного перерождения.

А. Стецкий.

Основные вопросы внутренней торговли.

„Вопросы торговли становятся перед партией во весь свой рост". Из резолюции XIII партконференции.

I.

Промышленность и рынок.

Советский Союз вступил в четвертый год нэп'а. И именно теперь те задачи, которые в общих чертах намечались перед партией три года тому назад, те опасности и трудности, которые тогда партия предвидела, встают перед нею реально, практически в их полном объеме.

Особенно относится это к вопросу, который является осью новой экономической политики,—вопросу смычки между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством.

Прошлые годы нэп'а промышленность развертывалась, главным образом, на базе городского рынка. На этом рынке она реализовала и реализует теперь большую часть—70% своей продукции, в то время как на долю крестьянского рынка приходилось лишь 30%. Крестьянство в эти годы обслуживалось главным образом частной мелкой промышленностью, арендованной и кустарной, которая в отличие от государственной промышленности 70% своей продукции реализовала на крестьянском рынке и лишь 30% на городском. «Таким образом, крестьянство живет своим обособленным рынком, реализует на этом рынке хлеб и получает за него от местной мелкой промышленности необходимые товары. А городская промышленность живет своим замкнутым городским рынком и только-только начинает выступать на рынок крестьянский» *).

Опасности такого положения очевидны. Процесс превращения крестьянского хозяйства в самодовлеющее целое, со своим собственным рынком и своей частной промышленностью, составляет самую непосредственную и сильную угрозу для рабочей диктатуры и социалистического хозяйства. Он может привести к крушению нашу экономическую политику. Но такое положение является нетерпимым уже сейчас и с точки зрения интересов дальнейшего развития нашей крупной промышленности.

Базируясь на городском рынке, промышленность достигла своих первых успехов, подняв свою продукцию с 15% довоенного уровня

*) «Русская промышленность в 1923 г.» Изд. ВСНХ.

в 1920—21 гг. до 33—35% в прошлом году. Темп восстановления был достаточно быстрый: в течение двух лет продукция промышленности была увеличена в два раза. Однако, объем городского рынка весьма ограничен. Его узость ставит определенные границы развитию нашей промышленности и теперь можно говорить с уверенностью, что промышленность к этим границам уже подошла. Если раньше промышленность не испытывала особых затруднений в сбыте, то теперь для всех отраслей тяжелой и легкой индустрии этот вопрос встал в самой острой форме. Он стоит сейчас перед такими отраслями, которым, как, например, нефтепромышленности, никогда раньше не приходилось особенно заботиться о сбыте своей продукции и искать для нее покупателей. Расширение производства упирается сейчас не в недостаток сырья или топлива, не в ограниченность финансирования и кредитования, а в вопросы сбыта продукции.

Для того, чтобы продолжать свое развертывание, восстанавливать свою продукцию прежним темпом, промышленность должна перейти на более широкую рыночную базу. Такой базой является крестьянский рынок. Опыт осеннего кризиса сбыта и его отражение на промышленность подтверждает это положение. До октября прошлого года, несмотря на усиливающееся расхождение ножниц, несмотря на рост цен промышленных фабрикатов, продукция промышленности непрерывно увеличивалась и особенных затруднений со сбытом продуктов не было. Ежемесячная ценность продукции государственной промышленности возросла в круглых цифрах с 85 миллионов довоенных рублей в октябре 1922 года до 110 миллионов в сентябре 1923 г. Октябрь прошлого года дал максимальную цифру в 120 миллионов рублей.

Осенью промышленность сделала первый раз в большом масштабе попытку выйти на крестьянский рынок. Эта попытка окончилась неудачей. Крестьянство объявило, по выражению тов. Каменева, забастовку: оно не приняло фабрикатов промышленности из-за высоких цен. Следующие данные ВСНХ о ежемесячной продукции в первое полугодие 1923—24 гг. показывают, как отразился на государственной промышленности этот отказ крестьянства от покупки товаров:

Октябрь 1923 г.	120	милл. рублей.
Ноябрь „	115	„ „
Декабрь „	113	„ „
Январь 1924 г.	118	„ „
Февраль „	119	„ „
Март *) „	115	„ „

Цифры указывают, таким образом, на некоторое понижение продукции. Крестьянский рынок не принял продукцию промышленности, и в результате мы имеем остановку ее подъема. Очевидно, городской рынок уже не может служить базой дальнейшего развертывания промышленности, дальнейший ход зависит от того, сумеет или нет промышленность разрешить проблему перехода на крестьянский рынок. «Строить на этом (городском) рынке подъем нашей промышленности невозможно. Единственная здоровая почва для восстановления промышленности—это ориентировка на широкий крестьянский рынок» **).

*) Данные за март неполные.
**) „Русская промышленность в 1923 г." Изд. ВСНХ, стр. 13.

Осенний кризис показал и те препятствия, которые стоят перед нашей промышленностью на пути к крестьянскому рынку. Первым препятствием являются ножницы. О них много говорилось на XII партсъезде и после него. Однако, несмотря на эти разговоры, ножницы продолжали раздвигаться и цены на промышленные фабрикаты повышались в течение всего лета. Осенью эти ножницы практически обернулись против нашей промышленности и грозили срезать ее успехи. Борьба с ножницами является, поэтому, первым условием успешной ориентировки промышленности на крестьянский рынок. Оживление конъюнктуры, усиление спроса из деревни, которое происходит теперь и которого партия достигла в результате своей борьбы с ножницами и регулирования цен, говорит за то, что этим путем можно добиться значительного расширения емкости рынка и тем самым обеспечить дальнейшее развертывание нашей промышленности.

Препятствие лежит и в слабой организации нашей торговли с деревней. Кризис выявил неприспособленность, громоздкость, бюрократичность наших торговых органов и кооперации; малый охват ими деревенской торговли. Острота осеннего кризиса в значительной степени объяснялась тем, что массы товаров вместо того, чтобы находиться в деревенских лавках, лежали на городских складах синдикатов, торгов и кооперации. «В настоящее время,—говорит проф. Кафенгауз,—эти относительно небольшие запасы товаров давят на рынок понижающе и тормозят дальнейшее развитие производства, главным образом, потому, что все эти запасы сконцентрированы в центре и в немногих наиболее крупных центрах» *).

Поэтому ориентировка промышленности на крестьянский рынок делает необходимой соответствующую ориентировку на деревенскую торговлю и наших торговых органов, прежде всего кооперации. Перед партией стоит задача приспособления этих органов к деревенской торговле, их упрощения, придания им большей гибкости для того, чтобы проложить через них дорогу фабрикату нашей промышленности в самую глубь деревни.

Не так давно внимание партии и Советской власти приковывали к себе вопросы организации промышленности и ее финансирования; снабжения ее топливом и сырьем. Этими вопросами, главным образом, определялось развертывание промышленности. Теперь времена изменились. Организация промышленности закончена; топливом и сырьем она обеспечена; финансовое положение ее значительно крепче, чем раньше. На первый план выдвигаются сейчас вопросы рынка, сбыта продукции. «Вопрос организации торговли является боевым для предстоящего года»,—говорится в отчете ВСНХ II Съезду Советов СССР. От решения этой проблемы рынка и торговли зависит теперь дальнейший ход восстановления нашей промышленности.

*) «Русская промышленность в 1923 г.» Изд. ВСНХ.

II.

Частный капитал.

Три прошедшие года нэп'а были не только годами социалистического накопления, подъема государственного хозяйства; они были также годами накопления и роста частного капитала. О том, что рыночная стихия, свобода торговли породит неизбежно капитализм, не было ни у кого сомнений. На этот неизбежный рост частного капитала, на опасности, которые грозят рабочей диктатуре с этой стороны, Ленин указывал в каждой своей статье и речи, посвященной новой экономической политике. Теперь эта опасность приняла реальный облик. Вопрос: кто кого перегонит, кто захватит в свои руки смычку, товарооборот с крестьянством, ставится практически, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Частный капитал действовал эти три года, рос и накоплялся, главным образом, на рынке, в сфере товарооборота. Здесь он делал свои первые шаги и здесь он добился первых успехов. О том, каковы эти успехи, можно судить по данным, собранным статистикой НКФ и опубликованным в № 6 «Экономического обозрения».

Следующая таблица дает картину роста количества торговых заведений государственных, кооперативных и частных по СССР.

Количество торговых предприятий по СССР

(в абсолютных и относительных числах).

Виды торговли.	Октябрь - Декабрь 1922 г.		Январь—Март 1923 г.		Апрель—Сентябрь 1923 г.	
Государствен. . .	2.481	1,4%	7.707	1,9%	11.215	2,6%
Кооперативн. . . .	8.076	4,6%	25.978	6,4%	27.820	6,5%
Частных	165.903	94,0%	373 277	91,7%	390.287	90,9%

Если рассматривать процентные отношения и относительный рост предприятий каждой группы, то картина получается как-будто утешительная: государственные и кооперативные предприятия растут относительно несколько быстрее частных. Однако, их количество тонет в массе частных предприятий, составляя за последний период лишь 9,1% общего числа предприятий. К этому необходимо добавить, что количество государственных и кооперативных предприятий увеличивается, главным образом, по графам крупных предприятий городского типа. Мелкая разносная, палаточная и лавочная торговля находится целиком от 78,4 до 99,4% в руках частных торговцев. А торговля этого типа и есть деревенская торговля. Таким образом, перевес в деревенской торговле находится определенно на стороне частного капитала. Обследование деревенской торговли, произведенное Комвнуторгом в прошлом году и показавшее, что по отдельным районам в руках частных торговцев находится от 74% до 95% деревенской торговли, подтверждает правильность этого положения.

Каков удельный весь частной торговли, и какова ее тенденция,— показывает следующая таблица оборотов государственной, кооперативной и частной торговли:

Оборот в тысячах золотых рублях и в процентах.

Виды торговли.	1922 года.				1923 год.			
	Окт.—Декабрь.		Январь—Март.		Апрель—Июнь.		Июль—Сент.	
	Всего р.	%	Всего р.	%	Всего р.	%	Всего р.	%
Государств.	82.975	19,1	55.932	10,1	53.591	12,5	73.216	11,6
Кооператив.	37.791	8,7	61.410	11,1	64.794	15,2	84.622	13,4
Частная . .	314.215	72,2	435.079	78,8	309.415	72,3	472.312	75,0
Итого . .	431.981	100	552.421	100	427.800	100	630.150	100

Цифры говорят не только о внушительности оборотов частной торговли и ее удельного веса; они показывают весьма значительный темп роста этих оборотов и вместе с тем увеличение удельного веса частной торговли. В то время как оборот государственной торговли несколько понизился, оборот частной торговли вырос за год на 50%, а удельный вес ее в обороте страны повысился с 72,2 до 75%. Кооперативный оборот, правда, рос сильнее, но доля его 13,4% в обороте страны весьма незначительна.

Перед нами, таким образом, весьма серьезное и абсолютное, и относительное увеличение роли частного капитала в нашей торговле. Если принять во внимание, что некоторая доля оборота, особенно оборота частного капитала, ускользает от учета НКФ, то это усиление частного капитала в действительности, вероятно, еще больше.

Каково соотношение государственного, кооперативного и частного капитала по отдельным видам торговли,—можно судить по следующим данным ЦУС, относящимся к концу 1922 г.:

Область применения.	Государствен капитал.	Кооперативный.	Частный.
Розничная торговля . . .	6%	10%	84%
Оптово-розничная	38.9%	10,7%	50,4%
Крупно-оптовая	77.%	9%	14%

Таково положение, зафиксированное нашей статистикой свыше года тому назад. Оптовая торговля и значительная часть оптово-розничной торговли находились тогда в руках государственных органов, и благодаря этому государство экономически держало рынок в своей власти

и могло им командовать. За это время положение изменилось. Предыдущие таблицы показали значительное усиление роли частного капитала в общем обороте. Безусловно, эта роль усилилась и в оптово-розничном обороте.

Процесс накопления частного капитала, укрупнение отдельных состояний продвинулось вперед. Частный капитал уже не довольствуется своей ролью в розничном и оптово-розничном обороте. Он пытается теперь захватить прочные позиции, в опте и делать свою собственную торговую политику. Статистика Московской Товарной Биржи, играющей весьма значительную роль в оптовом обороте страны, отмечает за последнее время значительное усиление частного капитала в биржевых и внебиржевых оборотах, особенно в покупках. Серьезного внимания заслуживает то, что частные оптовики стремятся захватить в свои руки, прежде всего, наиболее ходкие товары широкого потребления. В торговле мануфактурой и мясом частная торговля приняла размеры, которые должны вызвать тревогу партии. Оптовая торговля мясом на 70% находится в руках частных торговцев. Роль частного капитала в оборотах по покупкам мануфактуры поднялась с 27% в сентябре прошлого года, до 53% в январе этого года, а в настоящее время составляет около 60%. В то же время в оборотах по продаже мануфактуры доля частного капитала измеряется всего несколькими процентами. Это обстоятельство указывает на то, что частные оптовики придерживают мануфактуру. С какой целью это делается,—ясно само собой. Здесь мы видим серьезную попытку частного капитала противопоставить государственному регулированию торговли и нашей политике цен регулирование торговли и цен в своих интересах, путем сосредоточения в своих руках запасов ходких товаров.

Каково может быть наше отношение к этим фактам роста частного капитала?

Разумеется, сейчас не может быть никакой речи о радикальном вытеснении частного капитала из всех областей торговли. Кооперативный и государственный аппараты еще слишком слабы и не в состоянии заменить собою сеть многотысячных предприятий, которыми частная торговля раскинулась по нашей республике, особенно в деревне. Попытка такого вытеснения частной торговли явилась бы полным крушением новой экономической политики: частный розничник, особенно в деревне, выполняет в данное время, при недостаточном развитии кооперации, необходимую для нас роль, являясь передатчиком городских товаров в деревню. К этому надо добавить, что частный капитал в розничной торговле не представляет для нас серьезной опасности, так как он распылен, раздроблен на мелкие и мельчайшие частицы.

Однако, мы не должны ни на минуту забывать, что мельчайшие частицы частного капитала кристаллизуются и будут кристаллизоваться все сильнее в более крупные, что они станут подчинять себе все больше не только одну деревенскую торговлю, но и всю деревенскую экономику, и что поэтому необходима усиленная работа над укреплением кооперации в деревне, приспособлением ее к деревенской торговле, обеспечением ее конкуренции с частным торговцем.

Серьезнее обстоит дело с вопросами оптовой торговли. Этот вид торговли представляет одну из командных высот в нашей системе государственного капитализма. Сохранение ее в своих руках дает возможность государству распоряжаться рынком. Поэтому наступление частного капитала на эту высоту составляет для нас самую непосредственную угрозу, которую необходимо теперь же отвести.

Те успехи, которые частный капитал делает теперь в опте, являются в значительной степени результатом нашего собственного недосмотра и попустительства. Не так давно, частный капитал наживался на неумении торговать наших госорганов, на комиссионных посреднических операциях между ними и проч. Факты говорят о том, что и сейчас мы в некоторых отношениях сами помогаем крупному частному торговцу. Данные о сделках между госорганами и частными торговцами показывают, что частные торговцы получают товары от госорганов на гораздо более выгодных условиях, чем госорганы от частных торговцев.

Несмотря на острую нужду в средствах кооперации и госорганов, наши банки продолжают оказывать довольно крупный кредит частным торговцам, особенно путем косвенного кредитования. Наконец, до сих пор многие тресты предпочитают сбывать товар (иногда по нужде, из-за недостатка средств) частному оптовику, вместо кооперации. Необходима борьба прежде всего с этим попустительством.

Кроме того, можно теперь уже провести целый ряд мер, которые дадут возможность ограничить поле деятельности частного оптовика и усилить влияние государства на рынке. Эти меры заключаются в установлении непосредственной связи между торговыми госорганами и частным розничником. Частный розничник теперь торгует товаром государственных предприятий, но этот товар он получал через частного оптовика. Установлением непосредственной связи синдикатов и трестов с частным розничником не только устраняется посредник-оптовик и сокращается его поле деятельности, но одновременно ставится в зависимость, под контроль и регулирующее воздействие государства и розничная торговля. Тем самым делается крупный шаг в деле проведения системы государственного капитализма.

Ясно, что всеми этими мерами не удастся сразу уничтожить уже существующий в опыте частный капитал; быть-может, удастся лишь несколько замедлить темп его развития. Встает вопрос, какими же мерами его обезвредить? Радикальные меры в роде дробления и конфискации не решают вопроса, так как, пока существует нэп, рыночная стихия будет снова и снова выделять из себя этот крупный оптовый капитал. Единственный выход, указанный Лениным в его статьях о новой экономической политике,—это включение частного капитала в систему государственного капитализма, подведение его под контроль наших государственных органов. Путем акционирования частного капитала, создания смешанных обществ мы можем не только обезвредить частный капитал, но и регулировать его деятельность, использовать его в своих целях и заставить делать нашу политику. Этот метод придется, очевидно, применить до той поры, покуда наши синдикаты, тресты и кооперации, окрепнув и научившись торговать, не вытеснят совершенно частный капитал путем конкуренции с оптового рынка.

III.

Новый курс в кооперации.

Нашим главным орудием в борьбе против частного торгового капитала является кооперация. Однако, значение кооперации в советских условиях далеко не исчерпывается этой борьбой. Владимир Ильич в своих последних статьях первый указал на то, какую исключительную роль должна играть у нас кооперация и в деле строительства социализма. «У нас действительно,—говорил он,—раз государственная власть в руках пролетариата, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас действительно задачей осталось только кооперирование населения. Никакие другие премудрости не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму».

Нечего и говорить,—мы еще очень далеки от задачи поголовного кооперирования населения и полного вытеснения частного капитала в торговле кооперацией. Сам Владимир Ильич считал, что для этого нужна целая историческая эпоха в одно - два десятилетия, нужна целая культурная революция, особенно в деревне, поголовная грамотность и т. д. Но нашла ли кооперация, по меньшей мере, правильный подход, нужные методы и организационные формы для того, чтобы приступить к выполнению своей грандиозной исторической задачи?

Осенний кризис, помимо всего прочего, выявил такие недостатки в организационных формах и такие уклоны в работе кооперации, которые ставили сильное препятствие ее успешному развитию и затрудняли ея работу невыполнением задачи, указанной Владимиром Ильичем. Он доказал необходимость перестройки кооперативного аппарата и изменения направления его работы. Осенний кризис представляет поэтому очень важную дату в истории нашей кооперации.

В эпоху военного коммунизма кооперация была распределенческим органом государства. С переходом к новой экономической политике ей предстояло сделаться органом широких потребительских масс, в первую очередь рабочих и крестьян, формой их добровольного объединения для удовлетворения своих потребительских интересов, помимо частного торговца. Разумеется, такой крутой поворот не так то легко было сделать, тем более, что переход на самостоятельную чисто-кооперативную работу совершался не сразу, и кооперация еще в 1921 году занималась товарообменом по заданиям и планам Наркомпрода. Задержкой в этом превращении государственного органа в настоящую потребительскую кооперацию являлся и запоздалый переход на добровольное членство, начавшийся лишь в прошлом году. Поэтому традиции военного коммунизма, централистского государственного органа, были изжиты кооперацией не сразу. Они сказывались и сказываются еще теперь на кооперативном аппарате, на характере работы кооперации и мешают ей установить прочные, живые непосредственные связи с обслуживаемой ею потребительской массой.

Кооперация перешла в 1921 году на хозрасчет с большим недостатком оборотных средств. Вместо того, чтобы пополнить эти средства, опираясь на потребителей, заинтересовывая их в кооперативной работе, привлекая их к участию в кооперации, кооперативные организации пошли по линии наименьшего сопротивления и занялись увеличением этих средств посредством торговли. Прибыльный торговый оборот, а не обслуживание в первую очередь потребительской массы, стал целью кооперативных организаций и в значительной степени самого Центросоюза. Такое направление работы имеет свою логику и эта логика не замедлила сказаться на кооперации. Кооперация стала гнаться за прибыльным товаром и пренебрегать товаром малоприбыльным. В кооперативных лавках можно было достать духи и помаду, предметы роскоши и вино, но нельзя было достать основных предметов широкого потребления: соли, керосину, сахару. Эти товары, являющиеся как-раз предметами широкого потребления рабочих и крестьян, были в загоне у кооперации и, как малоприбыльные, были отданы ею частному торговцу. Когда правительству пришлось взяться за регулирование цен, оно столкнулось с большими трудностями, т. к. именно в регулировании первейших предметов необходимости кооперация не могла оказать поддержку правительственным органам: этих предметов не было в кооперативных лавках.

В результате этого уклона в работе, кооперативные организации превратились или были близки к тому, чтобы превратиться в обычные торговые учреждения, а сам Центросоюз стал крупной торговой конторой, занимавшейся разнообразными операциями, мало имевшими отношения к кооперативному делу. Занявшись чистой торговлей, кооперация повернулась спиной к широкой потребительской массе и оторвалась от нее. С полной явностью это противоречие кооперативной практике ея задачам выяснилось с момента кризиса, когда Центросоюз, на складах которого скопились товарные массы на полтораста миллионов рублей, вынужден был, как владелец этой массы, противодействовать понижению цен во избежание убытков, вместо того, чтобы содействовать тому понижению цен в качестве органа потребительских интересов населения.

Но, занявшись чистой торговлей, кооперация все же плохо справлялась с задачей конкуренции с частным капиталом. Объясняется это, главным образом, сложным, громоздким, централистским построением кооперативного аппарата и его работы. Главным закупщиком товаров для кооперации был Центросоюз. Отсюда товар направлялся к потребителю, и, прежде чем попасть ему в руки, он должен был пройти ряд ступеней кооперативной лестницы. Прохождение этой лестницы сопровождалось прогрессивным увеличением цены товара, при чем иногда увеличением не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Данные Комвнуторга, относящиеся к октябрю прошлого года, дают следующую картину роста цен на отдельных ступенях кооперативного аппарата. (Трестовская отпускная цена принимается за 100):

	Ситец.	Гвозди.	Керосин.	Сахар.	Соль.
В Губсоюзе	174	136	100	162	107
„ Райотделен.	191	149	109	169	105
„ губернск. ЕПО . . .	186	127	110	151	114
„ уездн. ЕПО	182	146	119	158	109
„ сельск. ЕПО	243	177	128	222	121

Таким образом, в результате движения по кооперативному аппарату цена на ситец возрастала почти в 2,5 раза. Со спичками дело

обстояло так, что в некоторых местах их цена увеличивалась в 5 раз. Эти факты показали, что причины «ножниц» лежат не только в промышленности, а и в организации торгового аппарата и прежде всего кооперации, и что борьба с «ножницами» должна также по линии упрощения и удешевления кооперативного аппарата.

Другим следствием чрезвычайного централизма всей кооперативной системы было то, что места часто не могли получить нужных им товаров и получали такие, которые не находили себе сбыта среди местного населения. При бюрократическом строго централистском построении системы это было неизбежно.

Уроки кризиса заставили и партию, и кооперацию приступить к пересмотру организации кооперативного аппарата и направления его работы. Результаты этого пересмотра заключаются в том, что кооперации нужно стать настоящей потребительской кооперацией, взять курс на потребителя, подчинить свою работу не интересам чистой торговли, а интересам потребителей, упростить и удешевить свою организацию, сделать ее более гибкой и подвижной.

В области организационной работы кооперация соответственно новому курсу должна приступить к укреплению и расширению сети низовых кооперативов, которые непосредственно обслуживают рабочего и крестьянского потребителя. Эта линия организационной работы была намечена уже четвертым ноябрьским собранием уполномоченных Центросоюза. «Центром тяжести всех организационных мероприятий ближайшего времени,—говорилось в резолюции собрания,—должна стать широкая действительная организация потребителя в городе и деревне в кооперативные потребительские общества». Укрепление и расширение этой низовой сети должно послужить прочным фундаментом дальнейшего развития кооперации.

В области торговой деятельности кооперации этот новый курс диктует переход на обслуживание потребительских нужд, в первую очередь рабочего и крестьянина. Кооперация должна прекратить торговлю товарами, не являющимися предметами широкого потребления. Вместо парфюмерии, вин, предметов роскоши—соль, сахар, керосин, спички, ситец должны занять главное место в ее товарном ассортименте. Необходимо высвободить кооперативные средства из всех операций, не имеющих отношения к кооперативной работе, из торговли «прибыльными» товарами и обратить их на торговлю предметами широкого потребления. Ассортимент товаров, которыми торгует Центросоюз и который достиг 2000 названий, должен быть максимально сокращен в этом направлении.

Переход на добровольное членство необходимо ускорить и закончить в ближайшее время. Добровольное членство укрепит связь потребителя с кооперацией и увеличит его заинтересованность в работе своего кооператива, внимание к нему. Нет сомнения, что при осуществлении этого перехода рабочие и крестьяне будут крепко держать в руках свои кооперативы и заставят их служить своим потребительским интересам, а не интересам чистой торговли. Вместе с тем, этот переход дает кооперации необходимые оборотные средства в виде паевых взносов, значение которых в капиталах кооперации было до сих пор очень незначительно, и которые представляют главный здоровый источник кооперативных средств.

Что касается упрощения кооперативного аппарата и его удешевления, то оно должно выразиться в ликвидации целого ряда промежуточных ступеней между кооперативной периферией и Центросоюзом. Постановление в этом смысле было внесено уже на четвертом собрании уполномоченных Центросоюза. «Количество посредствующих звеньев,—говорится в резолюции собрания,—должно быть сокращено. Для настоящего момента оно должно состоять, как общее правило, не более чем 3, включая Центросоюз, по товарам всесоюзного значения, и не более 2—3 по товарам местного значения». Суть этой реорганизации заключается в том, что вместо пятиступенной организации,—Центросоюз, крайсоюз, губсоюз, райсоюз, потребобщество—устанавливается трехстепенная система: Центросоюз, райсоюз, потребобщество. Проведение этой системы безусловно упрощает и удешевляет кооперативную организацию.

Сам Центросоюз должен перестать быть крупной оптовой конторой, с колоссальными массами товаров на складах,—конторой, занимающейся самыми разнообразными операциями. Центр тяжести его работы переходит на комиссионную посредническую деятельность между кооперативными организациями. Вместе с тем, в целях упрощения отношений между кооперацией и госпромышленностью, на местах необходимо установить непосредственные, помимо Центросоюза, связи кооперации с государственными трестами и синдикатами.

Таково в общих чертах содержание нового курса.

Быстрый рост оборотов кооперации, центральной и низовой, достигнутые уже успехи в деле сокращения накладных расходов, улучшения аппаратов, вытеснения в отдельных местностях частного торговца показывают, что кооперация настойчиво, усиленно и небезрезультатно работает над тем, чтобы перейти к осуществлению задачи, указанной В. И. Лениным. Нет сомнения, что новый курс, взятый кооперацией, послужит основой еще более быстрого и успешного ее развития.

IV.

Регулирование торговли и цен.

Прошедшие годы нэп'а были годами чрезвычайно быстрого, стихийного развития товарного оборота. Не так давно еще вся торговля сосредоточивалась на базарах, шла по ларькам, палаткам и возам, носила узко-местный характер. Теперь мы имеем крупные торговые фирмы и организации, государственные, кооперативные и частные, оборачивающие товары на миллионы и сотни миллионов рублей, имеющие свои отделения и ведущие свои операции во всех концах Советского Союза. Некоторое представление о темпе развертывания торговли дают биржевая и ярморочная статистика: так, обороты Московской товарной биржи увеличились в течение 1922—23 г. в 11 раз, обороты Нижегородской ярмарки с 62.801.778 зол. рублей в 1922 году поднялись до 394.208.620 рублей в 1923 году.

В первый период нэп'а нельзя было еще думать о регулировании торговли, т. к. не было видно, как и что, какими средствами нужно регулировать. Поэтому партии и правительству пришлось ограничиться организацией в 1922 году комиссии по внутренней торговле при СТО, главной задачей которой было лишь наблюдение за рыночным оборотом

и придание ему организованных форм. Рыночной стихии было предоставлено развертываться самой по себе, и Комвнуторг стремился лишь дать определенные правовые формы, в которых могла бы развертываться торговля. Вместе с тем, Комвнуторг содействовал восстановлению таких торговых аппаратов, через которые торговля могла бы итти организованным порядком, и которые давали бы возможность следить за всеми процессами, происходящими на рынке и учитывать их. Такими торговыми аппаратами были биржи, ярмарки и торговые палаты. Особенное значение для наблюдения за рынком имеют биржи (их теперь насчитывается около 100 в Союзе), т. к. на них сосредоточивается почти весь оптовый оборот страны. Биржа является теперь не только барометром рыночной конъюктуры: она дает возможность судить о том, кто и как торгует, как складываются взаимоотношения государственных, кооперативных и частных организаций и по каким линиям направляется их деятельность. Таким образом, биржа дает основной материал для оценки рынка и основы для нашего воздействия на него.

Пролетарское государство не могло, однако, предоставить рынку действовать и развиваться по своим собственным законам. Необходимо было прежде всего руководство государственными органами и кооперацией в их выступлениях на рынке: государство, конечно, не могло предоставить им торговать, как вздумается, и ожидать, пока неумолимая рыночная конкуренция сама автоматически выправит их ошибки, приводя к крушению все плохо приспособленные, неумело торгующие организации или нанося им жестокие удары. При наличии быстро растущего частного капитала такая политика грозила самыми серьезными последствиями. *Регулирование было необходимо еще и потому, что рыночная анархия должна была в конце-концов отразиться и на производстве, подвергнуть его действию своих стихийных законов, сделать невозможным какое-либо планомерное его развертывание и построение.* Это обстоятельство с полной очевидностью было вскрыто осенним кризисом. Если бы государство не выступило осенью со всей политикой цен и представило бы кризис своему собственному развитию, мы имели бы все обычные классические последствия кризиса: катастрофическое падение цен, крушение ряда торговых и промышленных организаций, потрясение и застой всего народного хозяйства.

Комвнуторг начал свою работу руководством торговых выступлений трестов, синдикатов и кооперации. Прежде всего необходимо было добиться установления непосредственной смычки этих организаций между собою на рынке. Как известно, первое время наши организации, часто находившиеся друг подле друга, осуществляли эту смычку через частного посредника—комиссионера, чем немало способствовали его обогащению. Двухлетними усилиями партии и Комвнуторга удалось частного посредника устранить и наладить торговые отношения между госорганами и кооперацией непосредственно. Затем встал вопрос о внесении большой планомерности в торговлю госорганов и устранения между ними конкуренции. Чрезвычайный универсализм наших торговых органов, стремление вести торговлю чуть ли не всеми имеющимися на рынке товарами и выходить далеко за пределы своего естественного рынка приводили их к частым столкновениям, в результате которых терпели убытки обыкновенно обе стороны. В то же время отсутствие планомерности, сговора, объединения приводили к тому, что, например,

при всякаго рода заготовках сырья, закупках хлеба сами государственные организации своей конкурентной борьбой так поднимали цены, что делали невозможным дальнейшее продолжение своей работы.

Все эти факты заставляют государство через Комвнуторг воздействовать на торговые организации, разграничивать сферы влияния между ними, объединять их, когда нужно, для выступления общим фронтом и подчинять их торговую деятельность интересам государства в целом.

Высота накладных расходов торгов и синдикатов выдвинула необходимость сокращения и удешевления их аппаратов, рационализации их работы. Для того, чтобы устранить эти накладные расходы, Комвнуторгу прежде всего пришлось обратить внимание на сеть представительств трестов, синдикатов и торгов, которая раскидывалась ими чрезвычайно широко, без учета действительного значения данного рынка для сбыта их товаров. Над пересмотром и сокращением сети этих представительств, объединения их функций, передачей их местным торговым органам. Комвнуторг работал и продолжает работать теперь. С той же целью снижения расходов по содержанию торговых аппаратов Комвнуторгом разработаны проценты предельных накидок на товары на различных ступенях товарного оборота.

Эта работа уже дала некоторые результаты. Непомерные накладные расходы, достигавшие 50% и больше, приводятся к норме. Однако, работа в этом направлении, по удешевлению и рационализации торговых аппаратов, должна продолжаться и дальше, так как мы еще очень далеки от тех «европейских» методов торговли, о которых писал Владимир Ильич. Какой простор представляется еще для деятельности Комвнуторга в этом направлении,—показывает следующая таблица продажных рыночных цен по сравнению с трестовскими ценами. (Трестовская цена принимается за 100. Данные Комвнуторга).

	1923 г.			1924 г.	
	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль
Сах. песок	155	138	128	120	119
Соль	124	125	135	146	156
Керосин	111	110	102	113	124
Гвозди	138	134	134	129	140
Ситец	182	167	161	159	166

Вопрос о регулировании цен особенно остро встал осенью в связи с кризисом сбыта. В течение лета тресты, несмотря на все постановления XII партсъезда, непрерывно повышали цены на свои товары, пользуясь благоприятной конъюктурой, и стремясь восстановить возможно быстрее свои оборотные капиталы. К осени расхождение цен на продукты промышленности и сельскохозяйственные товары достигло максимального предела. Наступил кризис сбыта. Правительство не могло допустить стихийного развития кризиса, т. к. это грозило тяжелыми потрясениями всему хозяйственному организму. Оно выступило со своей политикой цен, поставив задачей путем максимального снижения цен на промышленные товары и повышения на сельскохозяйственные добиться сближения «ножниц». Понижение цен на промышленые фабрикаты происходило не только за счет прибылей трестов и синдикатов, но и за счет уменьшения накладных расходов в торговле и в производстве.

Параллельно был принят ряд мер, направленных к повышению цен на продукты сельского хозяйства, при чем главную роль здесь играл экспорт хлеба за границу. О том, каких успехов достигла Советская власть в этой своей политике, дают представления следующие таблицы индексов Госплана и конъюнктурного института Наркомфина:

Оптовый индекс Госплана.

	1/II—23 г. (к XII партсъезду).	1/X—23 г. (максимум).	1/III—24 г.	1/IV—24 г.	1/V—24 г.
С.-х. товары	0,76	0,54	0,95	0,92	0 93
Промышлен. товары . .	1,34	1,72	1,30	1,31	1,31

Розничный индекс НКФ.

С.-х. товары	91	0,67	0,96	1,02	1,07
Промышлен. товары . .	110	1,35	1,03	0,96	0,92

Таким образом, оптовый индекс Госплана показывает в марте значительное сближение лезвей ножниц, а розничный индекс конъюнктурного института полное их совпадение. Расширение емкости рынка, увеличение спроса на промышленные товары и, что особенно важно, *увеличение этого спроса именно со стороны деревни*, общее оживление конъюнктуры, сказывающееся теперь во всех отраслях промышленности доказывает правильность взятой правительством и партией линии регулирования рынка и цен.

Опасения внушает лишь начавшееся снова в апреле некоторое *раздвижение* «ножниц» в оптовом индексе Госплана. Оно показывает, что рано еще успокаиваться достигнутыми успехами, что еще предстоит серьезная борьба в этом направлении. Тем более, что если даже в скором времени удастся совершенно ликвидировать «ножницы», *работа в деле регулирования цен должна пойти по линии приближения к мировому уровню нашего уровня цен, значительно еще превышающего мировой.*

В другой форме вопрос о воздействии на рынок встал перед нашим правительством в связи с *денежной реформой*. Для успеха денежной реформы необходимо было не допустить какого бы то ни было повышения цен, т. к. это грозило срывом реформы, а, наоборот, добиться их понижения. Для осуществления этой задачи были избраны основные предметы широкого потребления, запасы которых имелись в достаточном количестве в руках государства: хлеб, соль, сахар, керосин, ситец. Пользуясь этими запасами, своевременно доставляя их в решающие пункты и интервентируя ими на рынке, государство *добилось стабилизации цен на время проведения реформы*. Попытка частных торговцев вызвать повышение цен сосредоточивая в своих руках ходкие товары и воздерживаясь от продаж, были биты. *Государство вышло победителем в этой борьбе и достигло полного успеха в своей политике.*

Таким образом, рынок и торговля все более выдвигаются на первый план. Быстрый и угрожающий рост частного капитала, необходимость объединения выступления наших органов на рынке, внесения планомерности в их деятельность, создания их общего фронта против частного капитала и, наконец, необходимость предупреждения всякого рода потрясений и катастроф, которые неизбежно порождает анархическая рыночная стихия,—все это ставит во всей широте вопрос государственного воздействия на рынок и планомерного регулирования рыночных отношений. В связи с этим стоит состоявшееся недавно превращение комиссии по внутренней торговле в Наркомат, через который государство и будет проводить теперь свою политику воздействия на рынок.

Однако, на этом успокаиваться нельзя. *Партия сама должна зорко следить за стихийными процессами, происходящими на рынке, и своевременно замечать новые явления, порождаемые им, чтобы не оказаться* перед неожиданностями, которые могут опрокинуть нашу политику.

И. Степанов.

Кооперация в переходную эпоху.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Потребительская кооперация.

I.

26 мая исполнится ровно год с того дня, как впервые были опубликованы (в «Правде») известные мысли Владимира Ильича о кооперации. С того времени они были перепечатаны в сотнях тысяч экзмпляров, миллионы раз цитировались и излагались. С самого начала все почувствовали, что они дают нечто принципиальное, методологическое, руководящее,—что они намечают возможность такого практического подхода к различным видам кооперации, при котором она превращается в действительный элемент строящегося социалистического общества.

Тем не менее, можно полагать, что Ленин не один раз выругался бы, если бы он посмотрел на ту практическую беспомощность и безрукость, с какою не столько пользуются его мыслями на деле, сколько снова и снова повторяют их: дают неленинское применение практически заостренным ленинским мыслям.

Такая судьба до известной степени была предопределена с самого начала. Теоретики-марксисты вообще мало занимались теорией кооперации. Пока господство капитала не было ниспровергнуто,—а оно до сих пор ниспровергнуто только в России,—решающие линии борьбы проходили (и проходят) не в этой области. Именно на выяснение этого и были направлены главные силы теоретиков научного коммунизма. Они должны были разрушать кооперативные иллюзии, должны были доказывать, чего, вопреки уверениям реформистов, кооперация не может дать рабочему классу при господстве буржуазии,—должны были отвоевывать у реформистов те слои рабочего класса, которые, захваченные реформистской кооперацией, откалывались от революционной армии пролетариата, отвлекались от боевых задач.

Значит, коммунистическая теория кооперации неизбежно била в одну точку, сосредоточивалась преимущественно на выяснении, в каких областях кооперативная форма бессильна, несостоятельна. А затем, в течение последнего года, нашим теоретикам было положительно некогда заняться этим вопросом и заново перетряхнуть его в том направлении, какое намечает предсмертное завещание Владимира Ильича.

От тех людей, которых сами работники кооперации, русской и иностранной, исстари признают своими теоретиками, нельзя ожидать каких-либо плодотворных шагов. Марксизм им чужд, они представляют одну из главных и наиболее правых интеллектуальных сил самого правого оппортунизма. Они до сих пор чувствуют себя до крайности неуютно в советском строе, который на их взгляд способен только губить и искажать великую кооперативную идею; все их помыслы до сих пор тяготеют к «нормальной» кооперации в «нормальном» эксплоататорском обществе; они тянут и будут тянуть не к использованию кооперации в интересах социалистического строительства, а к возрождению при помощи кооперации хотя бы некоторых элементов разрушенного буржуазного общества. Нам от них нечего ждать. Или, вернее, мы можем ждать от них только засорения тех голов, обработка которых, к сожалению, нередко до сих пор оставляется за ними.

Мы, коммунисты, должны опять заняться кооперативной теорией. Но уже не для того, что выяснить, чего кооперация не может дать при господстве капитала, а для того, чтобы выяснить, что кооперация способна дать при диктатуре пролетариата.

Первым делом мы должны понять мысли Ленина об этом предмете, затем проверить их, конкретизировать, а потом, пользуясь ими, как методическими указаниями, посмотреть, кае применение они могут найти в нашей практике.

II.

Для некоторых,—впрочем, для очень немногих, что хорошо с точки зрения действительного понимания ленинизма,—мысли о кооперации были новым подтверждением их старого мнения, будто Ленин—гениальный оппортунист.

По разным поводам они с величайшей настойчивостью высказывали это мнение в речах, в статьях и даже в драматических произведениях. Однако, несмотря на все усердие в отстаивании этого мнения, оно в одинаковой мере свидетельствует о полной спутанности и хаотичности представлений о том, кем был Ленин, и что такое оппортунизм.

Чисто-словесный, филологический подход к делу не приличествует марксистам, когда речь идет о реальных отношениях современной жизни. Слово «банк» происходит от одного итальянского слова, означающего «скамья». Это дает нам некоторую зацепку для изучения тех примитивнейших операций, из которых в ряде столетий развилось грандиозное банковое дело нашего времени. Но мы ни на шаг не продвинемся в понимании этого дела, мы придем к фантастическим представлениям о нем, если будем на разные лады выворачивать и описывать тот бесспорнейший факт, что эмбрион будущих банков каким-то образом был первоначально связан с самой простецкой скамьей.

Все пространные рассуждения об оппортунизме, будто бы характернейшей черте Ленина,—настолько характерной, что для прославления ее потребовалась даже целая драма,—в конечном счете основана на подобного рода невинных филологических упражнениях. Opportune, opportunitas с разными их производными означают действие в направлении, покровительствуемом обстоятельствами, использование каждого удобного случая, извлечение выгод из сложившейся обстановки.

Так как всякий политик должен учитывать реальные возможности момента, и так как Ленин, по признанию даже врагов, гениальнейший политик, то получается, казалось бы, бесспорнейший логический вывод: Ленин был величайшим оппортунистом.

Я не знаю, много ли существует возможностей больше исказить, изуродовать действительное существо ленинизма, стереть резкую разграничительную черту, отделяющую его от всех политиков буржуазии, до реформистов включительно, чем при таких подходах к выяснению дела его жизни.

Существо оппортунизма надо выяснять, исходя не из корня этого слова, а из реальных фигур оппортунистов, живших и действовавших в истории, и из современного значения этого слова, прилагаемого к живым политикам.

Так, например, Кромвель не был оппортунистом. Почему? Да потому, что с начала и до конца он опирался на джентри, мелкое и среднее дворянство, а также на богатое, сильное крестьянство, шел с ним, не сворачивая в стороны, рубя головы старинной аристократии, но не давая спуску, беспощадно расправляясь и со всеми низовыми, действительно народными течениями английской революции. А джентри в данную эпоху расчищала дорогу колониально-судовладельческой буржуазии, которая впоследствии по-своему закрепила завоевания «славной революции», заменив одну династию другой. Кромвель был представителем не оппортунизма, а полной и решительной противоположности ему: значительной классовой выдержанности и последовательности.

Бриан—одна из самых махровых фигур оппортунизма, потому что у него нет ни малейшего признака каких бы то ни было принципов. Он начал как самый необузданный, «левый» синдикалист. Когда увидал, что это не создаст ему политической карьеры, сделать большой сдвиг к интеллигенции, к средним слоям, а теперь склонен больше опираться на легкую промышленность. Но если учет обстоятельств покажет ему, что более прочного и влиятельного положения можно достигнуть в качестве делопроизводителя тяжелой промышленности, он передвинется в эту сторону и выступит ловким, искусным, тонким, но, тем не менее, все же продолжателем Пуанкаре.

Макдональд выдвинулся на политическом горизонте, как один из лидеров рабочего класса, поставлен во главе министерства голосами рабочих, которые хотели осуществить через него свои насущнейшие требования, а на практике выявляется как политик, не перешагивающий за границы приемлемого для средней буржуазии и в настоящее время определенно ищет опоры у нее и мелкобуржуазных элементов. Он—яркий пример оппортунизма, характернейшей чертой которого является полная свобода от каких бы то ни было классовых регуляторов и от верности какому-либо определенному классу.

Ллойд-Джордж—не менее красочная фигура оппортуниста. Делая свою политическую карьеру, он с великой непринужденностью перемётывается от одного к другому классу: то он идет сообща с промышленностью против землевладения, то в стремлении быстрее справиться с противниками заманивает рабочих необузданной демагогией (период налоговых реформ и проведения законов о некоторых видах страхования рабочих), то делает громадный поворот вправо и оказывается во главе либерально-консервативного кабинета, знаменующего полную капитуляцию легкой промышленности перед землевладением и тяжелой промышленностью, то опять пускается в заигрывание с пролетариатом, что мы, возможно, увидим в непродолжительном времени, если Ллойд-Джордж признает целесообразным оттянуть от Макдональда мелкую буржуазию и часть рабочей аристократии.

И Ллойд-Джордж, и Макдональд, и Бриан, в зависимости от своих оценок наиболее благоприятных шансов своей политической карьеры, могут совершить еще много передвижек от одного класса к другому. Они не сделают только одного сдвига: в сторону революционного пролетариата, в сторону партии, которая решительно и безоговорочно ведет пролетариат к созданию условий, при которых только и могут получить действительное удовлетворение его классовые интересы.

Если подходить к делу не безжизненно, абстрактно, филологически, а по-марксистски, то будет ясно, что основная характеристика оппортунизма вовсе не в том, что он тщательно учитывает реальные возможности и во всякий момент ставит перед собою и перед идущей за ним армией осуществимые задачи; и не в том основная характеристика оппортуниста, что он старается разрешить эти задачи с наименьшей затратой сил, без их ненужного расточения. Оппортуниста нельзя понимать в его противоположности утописту,—утопист в настоящее время вообще не мог бы быть политиком,—в его сближении с политиком, который обладает высоко развитым реалистическим чутьем действительности: без такого чутья и способности учета вообще немыслим ни один крупный политик *). Классовые измены—вот в чем существо оппортунизма, вот в чем его марксистская характеристика.

Классовая измена не всегда бывает рассчитанной, сознательной, обнаженно карьеристской. И не всегда она предполагает внезапный шаг или однократный акт, который проводит резкий рубеж между прежней и новой классовой позицией. Классовая измена может быть перманентным предательством, хроническим состоянием. Случай такого рода оппортунизма мы наблюдаем, например, когда названием партии прикрывается совершенно противоположное классовое существо, которое получает правильное выражение не в названии, а в действиях (германская социал-демократическая партия,—в действительности охранная стража современного капитализма; английская «независимая рабочая партия»,—на практике вовсе не рабочая по направлению своей деятельности, так как она равняется в первую очередь по буржуазии; наши социалисты-революционеры, до бешенства враждебные социализму и революции; наши же меньшевики—социал-демократы, о которых можно сказать то же, что о германских с.-д.).

Современный оппортунизм—это оруженосец, которого буржуазия посылает в бой за ее существование, и который должен замедлять и по возможности парализовать решительное наступление рабочего класса на командные позиции капитализма, на ключи к этим позициям. Действительную борьбу за пролетарские интересы оппортунизм должен подменивать простой видимостью этой борьбы.

---

*) Когда Бебель заявил: «в политике мы все оппортунисты», он брал это понятие в его противоположности утопизму.

Таково объективное значение оппортунизма в его наиболее характерных для современности формах.

III.

Сказать о Ленине, что он был оппортунистом, значило бы сказать о нем несосветимую чепуху.

Он был бы действительным оппортунистом, если бы, например, делая поворот к нэп'у, превращался из борца за рабочий класс в вождя новой буржуазии, если бы изменял таким образом свою классовую опору.

Точно так же, если бы он был оппортунистом, тот глубокий практический интерес, который он неизменно проявлял к кооперации с 1918 г., и который в заметках 1923 года нашел только особо сильное, концентрированное выражение, должен был бы получить такое истолкование: почувствовав, что с рабочим классом недалеко уйдешь, и что с ним трудно удержать политическую власть в своих руках, Ленин стал искать опоры в реформистских работниках потребительских обществ и в кооперативно организованной крестьянской массе.

Достаточно написать эти слова,—и сразу становится ясно, какой пошлостью является сближение Ленина с оппортунистами, если понимать последний не в обывательском и филологическом, а в единственно приемлемом для марксиста классовом значении. Вольное употребление слова «оппортунизм» способно повести только к величайшей путанице.

Не зачем повторять, что Владимир Ильич представлял изумительнейший пример классовой выдержанности, не знавшей никаких колебаний и отступлений. С юношеских лет и до своих последних дней он неизменно отыскивал пути, которые должны привести пролетариат через революционную борьбу к коммунизму,—к пролетарскому коммунизму.

В своих мыслях о кооперации Ленин указывает, что рабочий класс, действительно завоевавший всю полноту политической власти, может использовать и кооперацию для непосредственного социалистического строительства.

Со времени Октябрьской революции,—пишет Владимир Ильич,—«кооперация получает у нас совершенно исключительное значение». Мечтания старых кооператоров часто смешны своей фантастичностью. Они—

> «не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплоататоров. Теперь у нас это свержение состоялось, и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью.
>
> У нас, действительно, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения... В самом деле, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэп'е так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения.
>
> Вот это-то обстоятельство недооценено многими нашими практическими работниками. На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимая того, какое исключительное значение имеет эта кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина.

Наметив ряд мер финансово-политического характера, способных оздоровить кооперацию и содействовать вовлечению в нее всего населения, Владимир Ильич еще раз упоминает о фантастических, частью романтических и даже пошлых мечтаниях старых кооператоров, которые мечтали о том, «как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовой мир (так-называемый гражданский мир)».

> «А, ведь, в этом опять-таки главное. Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм, так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении»...
>
> «Но посмотрите,—продолжает он,—как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплоататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на-время и условно эксплоататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса.
>
> Теперь мы в праве сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится («если ограничиться внутренними экономическими отношениями»,—отмечает в дальнейшем В. И.) мирную, организационную «культурную работу».

Таковы в основных чертах последние мысли В. И. о кооперации и ее роли в социалистическом строительстве. Я счел необходимым еще раз воспроизвести их с некоторыми сокращениями: недавно мне пришлось убедиться, что их то ли не знают, то ли не понимают даже некоторые из людей, считающих себя вполне подготовленными марксистами и ленинцами.

А теперь обратимся к проверке и конкретизации этих сжато формулированных Лениным принципиальных, методологических положений.

IV.

Ленин говорит о кооперации вообще и только местами отмечает особо задачи, стоящие перед потребительской кооперацией и особо перед кооперацией мелких деревенских производителей (крестьян). Мы должны разобрать эти задачи раздельно,—раздельно выяснить, чего должны ждать от одного вида кооперации и чего от другого.

Прежде всего, сфера распространения тех и других кооперативов совершенно различная.

Обще-экономические предпосылки развития потребительской кооперации таковы: отделение индивидуального производителя от средств и условий производства, превращение рабочей силы в товар, а ее меновой стоимости—в цену, т.-е. вытеснение натуральных форм заработной платы денежной формой.

Из этого следует, что при громадном преобладании в деревне натурально-хозяйственных форм, при перевесе вознаграждения натурой даже батрака (жилье и продовольствие от нанимателя), развитие потребительской организации поставлено в чрезвычайно узкие рамки. Та часть продуктов крестьянского хозяйства, которая должна составить его потребительный фонд, входит в таковой в своей натуральной форме (хлеб, мясо, частью ткани), без предварительного превращения в деньги. Только с малой долей потребительского бюджета крестьянин (отчасти и батрак) появляется на рынке, и эта доля так мала по своей абсолютной величине и распространяется на такое малое количество предметов потребления (соль, сахар, некоторое количество мануфактуры, мыло, керосин, спички и т. п.), что *выдержанно-кооперативные принципы снабжения населения этими предметами не могут найти в деревне широкого применения*. Собственно кооперативная торговля, кооперативные лавки, приближающиеся к городскому типу, могут стать на собственные ноги только в *больших деревнях*, которые являются *центрами для снабжения окрестных селений* (крупные базары) или в которых затрачивается известная доля заработков промышленных пролетариев (ими ли самими, когда они приезжают на побывку, или их семьями, получающими от них поддержку из города).

Областная дифференциация сельского хозяйства создает более широкую почву для потребительской кооперации в деревне. Усиливая производство молочных продуктов, все больше переходя на культуру технических растений (лен, конопля) или масляничных семян (те же растения и подсолнух), расширяя возделывание овощей, фруктов и ягод (огороды и сады), крестьянин вынужден все бо́льшую долю своей потребности в хлебе и мясе покрывать на рынке, все более значительную часть своих продуктов превращать в деньги с тем, чтобы потом эти деньги превратить в средства существования. Здесь потребительская лавка может ожидать настолько крупных оборотов, что она способна оправдать свои расходы и начать борьбу за вытеснение мелких лавочников, которые выкручиваются чрезмерным вздуванием цен, фальсификацией продуктов и доставкой их из соседнего города на собственной спине.

В последние месяцы, обсуждая вопросы торговли, у нас нередко обнаруживали забвение этих самоочевиднейших необходимых предпосылок для развития потребительской кооперации. Ей склонны были поставить в упрек, что она до сих пор захватила то ли 10, то ли даже всего 6% деревенской розницы, а 90% оставила в руках частного торговца. Неужели воображают, что от кооператоров зависит перевернуть эти отношения? Чисто-кооперативными методами, т.-е. применением самодеятельности и полной самоокупаемости к мелким деревенским лавочкам невозможно добиться подобного результата.

Здесь в особенности полезно будет вспомнить предложения Ленина, заключающиеся все в тех же заметках его о кооперации:

> «Надо поставить кооперацию политически так, чтобы кооперация вообще и всегда имела известную льготу, но чтобы эта льгота была чисто-имущественный льготой... Поддерживать его (кооперативный строй) надо в настоящем смысле этого слова, т.-е. под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота,—под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором *действительно участвуют действительные массы населения*.
>
> Ряд привилегий экономических, финансовых и банковских—кооперации; в этом должна состоять поддержка нашим социалистическим государством нового принципа организации населения. Но этим задача только еще поставлена в общих чертах, потому что тут остается еще неопределенным, неописанным детально все содержание задачи практически, т.-е. надо уметь отыскать ту форму премий (и те условия выдачи их), которую мы даем за кооперирование, ту форму премий, при которой мы достигаем цивилизованного кооператора».

И в тех деревнях, где более или менее назрели предпосылки для потребительской кооперации, условия для ее развития на первых порах столь тяжелы, что без государственной поддержки в той или иной форме она не может упрочиться. Что касается областей, где господствует натуральное хозяйство и потребитель-крестьянин связан с рынком лишь незначительной частью своего экономического бытия, нет оснований особенно огорчаться, если кооперация только медленно будет вытеснять частных торговцев. Не потребительская кооперация дает здесь главный путь для подхода к крестьянину.

Необходимо помнить, что крестьянин—в очень малой мере покупатель средств существования. Крестьянин прежде всего—мелкий «самостоятельный» производитель, располагающий собственными или полученными от государства (земля) средствами и условиями производства. А потому для него требуются в первую очередь такие формы кооперации, которые подходят к нему не как к «непроизводительному» потребителю, не как к покупателю *средств существования*, а как к «производительному» потребителю, как к покупателю *средств производства*. И требуются для него также такие виды кооперации, которые помогают ему: 1) в самом земледельческом производстве, 2) в переработке земледельческих продуктов, 3) в их сбыте, в превращении в деньги.

Потребительская кооперация, пожалуй, могла бы взять на себя снабжение крестьянина некоторыми средствами производства и таким образом отчасти компенсировать себя за ограниченность торговых оборотов с средствами потребления, но лишь в очень слабой мере потому что она, как собственно потребительская кооперация, способна удовлетворительно справиться со снабжением очень немногими средствами производства, необходимыми в крестьянском хозяйстве. В деревенской кооперативной лавке должна быть колесная мазь и гвозди. Но уже серпы, косы, грабли, кровельное железо, а в особенности семена, искусственные удобрения, плуги, веялки, сеялки и т. п. предметы, на которые крестьянин должен затрачивать заметную долю своей покупательной способности, не могут быть охвачены потребительско-кооперативной торговлей, у которой нет и, как у таковой, не может быть для этого достаточно компетентных работников. «Интегрирова-

ние» здесь может только напортить и навредить, да еще так, что впоследствии будет трудно исправить дело. Эту отрасль торговли следует передать тем формам кооперативов, которые должны обслуживать крестьянство именно в его качестве совокупности мелких производителей, располагающих средствами и условиями производства, нуждающихся в их замене, пополнении и усовершенствовании и не менее нуждающихся в правильной организации сбыта продуктов своего «самостоятельного» производства.

Об этих формах кооперации речь будет во второй статье. А теперь мы можем сосредоточиться на потребительских обществах.

В результате всего предыдущего мы пришли к выводу, что первая и главная область их распространения—крупно-промышленные центры и вообще город, где от натурального хозяйства сохранились жалкие остатки, и где имеются достаточно обширные группы населения (рабочие и служащие), которым приходится обращаться к рынку, чтобы превратить свои денежные заработки в средства существования.

V.

В настоящее время нет необходимости останавливаться на тех иллюзиях, которые сеяли кооператоры, уверяя, будто все категории рабочих в равной мере могут использовать мирные кооперативные методы для улучшения своего положения. Они, например, закрывали глаза на тот факт, что только политической и экономической борьбой возможно уничтожить разнообразнейшие, в том числе и гнуснейше-ростовщические методы truck-system'ы, т.-е. расплаты товарами, при которой денежная часть заработка рабочего падала почти до нуля. Они умалчивали, что кооперация дает только одну возможность: наиболее рационально, с наименьшей данью в пользу торговца, использовать получаемый денежный заработок, но вовсе не дает возможности повысить величину этого заработка и сократить продолжительность рабочего дня. Они совершенно игнорировали тот факт, что ниже оплачиваемые категории рабочих осуждены были оставаться в долговом рабстве у мелких лавочников и, вынужденные жить без семьи, кое-как перебивавшейся в деревне, не имели собственного хозяйства, а потому никак не могли связаться с потребительской кооперацией.

Политическая борьба в ее кульминационной форме октябрьского вооруженного восстания разом внесла колоссальные изменения в эту область. Концентрировав свою боевую энергию почти в однократный акт захвата власти, пролетариат создал условия, при которых общее повышение заработной платы, подтягивание низших категорий заработков и т. д. совершается в основном путем своеобразных административных распоряжений пролетарского правительства, поддерживающего постоянный контакт и сотрудничество с профсоюзами, и находит свою границу только в общем уровне производительных сил. Здесь указания на громадную роль кооперации, которая уничтожение власти производственного капитала должна дополнить и завершить уничтожением зависимости от торгового капитала, не затушевывают действительного положения, а указывают настоятельнейшую практическую задачу, стоящую перед рабочим классом. Подчиненный рабочему классу производственный аппарат и столь же подчиненный ему распределительный аппарат—это действительно, и даст нам социализм («просто рост кооперации для нас тождествен с ростом социализма».—Ленин).

Фантастика и—в объективном значении—ложь кооператоров заключались в их фразе: «рабочий подвергается эксплоатации не только как производитель (продавец рабочей силы), но и как потребитель (покупатель средств существования)». Они замазывали тот факт, что в современном обществе торгово-капиталистическая эксплоатация носит производный характер, что основной, первичный факт для капитализма—власть производственного капитала, и что без низвержения его господства рабочий никогда не избавится от капиталистических цепей.

При нэп'е рабочий класс сохраняет в своих руках все ключи к своему производственному положению, которые после Октябрьской революции он захватил национализацией крупной промышленности. Повышение заработной платы достигается не борьбой, а совершенно иными методами, при которых главную роль играет совместное выяснение общего хозяйственного положения профсоюзами и хозяйственными органами и деловой учет реальных возможностей (исключение составляют предприятия, отданные в аренду капиталистам). Рабочему остается одно: распространить свою власть и на сферу обращения,—в данной связи на ту ее часть, в которой происходит превращение денежной заработной платы в средства существования. А это и есть общепризнанная, специфическая область деятельности потребительской кооперации.

С какой бы стороны мы ни подошли к делу, мы неизменно увидим, что наша потребительская кооперация в настоящее время не только может, но и должна ограничиваться своими прямыми задачами.

При господстве капитала мы требовали, например, чтобы кооперативы часть своих средств затрачивали на культурно-политические цели, потому что во многих случаях это давало единственную возможность пробить брешь в отупляющей сети буржуазных просветительных учреждений, которые в первую очередь задавались подготовкой рабов для капитала. В настоящее время все наши образовательные учреждения во власти рабочего класса, и было бы только дроблением и распылением сил, если бы мы стали создавать через кооперативы параллельную систему однородных учреждений.

При господстве капитала мы клеймили так-называемый «нейтрализм» потребительской кооперации, т.-е. безучастное отношение к политической и экономической борьбе рабочего класса, и говорили, что, направив все возможные силы на энергичную помощь этой борьбе, кооперативное движение тем самым содействовало бы своему собственному укреплению и росту. Теперь, когда в руках рабочего класса все ресурсы и все колоссальные возможности государственной власти, он, непосредственно распоряжаясь ими через советы, может только усмехнуться, если кооператоры предложат ему так организовать торговое дело, чтобы оно давало некоторые доходы для партии или для профсоюзов. Он ответит: ничего этого мне не надо, все это ни к чему. Занимайтесь своим прямым делом, торгуйте так, чтобы в розничной торговле накидки к фабричным ценам или к себестоимости приближались к нулю, постарайтесь охватить своим распределительным механизмом все население, в первую очередь промышленное и городское, а затем, при содействии государства, и деревенское, не уклоняйтесь от своей основной задачи: от создания широкого общественного аппарата, который на-ряду с производственным аппаратом, уже подчиненным в своей промышленной части рабочему классу, действительно должен дать все, что здесь требуется для осуществления социализма.

Но тот же направляемый рабочим классом распределительный механизм частично начинает вовлекать в социалистическую систему и крестьянство, поскольку он овладевает снабжением деревни средствами личного потребления (в противоположность производительному, о котором речь ниже). Конечно, здесь мелкобуржуазное экономическое существо деревенского производителя пока нисколько не изменяется,—но важно уже и то, что расторгается звено, дающее буржуазии зацепку в деревне.

Кооперация потребителей устраняет в первую очередь торговую капиталистическую прибыль, поскольку она захватывала те сферы торговли, которые снабжали рабочих средствами существования. Она вела в том же направлении, как и производственный капитал, который с большим успехом заменял самостоятельного торгового капиталиста своими комиссионерами, служащими, подчиненными агентами, комми-вояжерами, и который даже формально-самостоятельного торгового капиталиста фактически превращал в своего агента, работающего на условиях, строго и до мелочей предуказываемых промышленным капиталистом. Потребительская кооперация, с своей стороны, суживала и ограничивала торговую прибыль, как доход особого класса.

Однако, кооперативы на этом не останавливались. Достигнув известной степени укрупнения, преодолев первоначальную раздробленность, возвысившись до областных объединений, а затем и до создания национальных союзов оптовых закупок (своего рода «центросоюзов»), потребительская кооперация все более обращалась к сфере производства. Начиная с устройства пекарен, она переходила к производству одежды, к приобретению мельниц, сыроварен и т. д., обзаводилась собственным обозом с ремонтными мастерскими, затем пароходами и т. под.

Вот здесь-то и расцветал пышным цветом «кооперативный кретинизм», который, пережевывал старую прудонистскую жвачку, действительно, «не понимал основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплоататоров». Он раздувал свыше всякой меры свои маленькие практические достижения («мы бомбардируем капиталистическое общество ковригами кооперативного хлеба»). Он закрывал глаза на тот факт, что собственное производство кооперативов может захватить, да и то частично, лишь производство предметов существования рабочего класса и немногие непосредственные соприкасающиеся с ним отрасли. Да и эти производства захватывало до тех пор, пока ими мало интересовался современный капитал, закреплявший и быстро расширявший свое господство в решающих отраслях, в тяжелой промышленности и в транспорте.

Кретины от кооперации всеми силами сеяли в рабочем классе прудонистские иллюзии, будто без классовой борьбы, мирными способами, расширяя потребительские кооперативы, сосредоточивая в них свою покупательную способность и увеличивая затраты на организацию собственных производств, кооперация ведет рабочий класс к созданию нового мира, к полному освобождению от капитала. Отвергая организацию пролетариата для революционной классовой борьбы, кретины от кооперации единственную и основную задачу видели в «кооперативном воспитании», т.-е. в мелкобуржуазном перерождении всей пролетарской психики.

И в этой области положение в Советском Союзе решительнейшим образом изменилось. Пролетариат уже непосредственно сам управляет

решающими отраслями промышленности. Производство средств производства и дальнейший массовый транспорт находятся целиком в его руках, и он же диктует условия, на которых сюда в единичных случаях допускается капиталистический предприниматель. Что касается производства средств личного потребления, он, руководясь исключительно своими соображениями экономической целесообразности, или оставляет его в прямом ведении органов Советской власти (советов народного хозяйства), или допускает сюда капиталистического предпринимателя, или управляет производством через кооперативную организацию, которая теперь является всецело подчиненной ему организацией.

При господстве капитала одной из пышных фраз кооператоров было: «через изменение потребительского бытия рабочего класса к изменению его производственного бытия», что означало для них: через создание потребительских обществ и организацию при них кооперативных производств мирным путем к упразднению капитала посредством постепенного сужения той сферы деятельности, которая остается за ним. В настоящее время подрезаны все корни у подобного рода иллюзий, так как сферу производственного капитала рабочий класс уже подчинил себе октябрьским переворотом. Если он теперь оставляет и, быть-может, со временем несколько расширит число производств, передаваемых в управление потребительской кооперации, это не создает и не создаст каких-нибудь принципиальных изменений в его производственном положении.

Главные непосредственные перемены, внесенные октябрьским переворотом в отношение пролетариата к потребительской организации, определяется тем, что ее возможная роль обрисовывается теперь с величайшей четкостью, что совершенно уничтожается та почва, на которой раньше вырастал кооперативный кретинизм, тормозивший поступательное движение рабочего класса.

От потребительской кооперации рабочий класс требует теперь в первую очередь одного: она должна создать настолько совершенный распределительный аппарат, чтобы он доставлял средства личного потребления с минимальными надбавками к себестоимости. Она, работая с максимальной экономностью и пользуясь в абсолютно необходимых случаях финансовой помощью государства (в особенности при распространении на деревню), должна вести к окончательному вытеснению капитала из сферы обращения средств личного потребления.

В деревне потребительской кооперации предстоит сыграть известную роль и в разрешении некоторых задач, связанных со стремлением рабочего класса создать новую организацию производства не только в городе, но и в деревне.

Но основная форма деревенской кооперации, от которой пролетариат может многого ждать, это—не организация покупателей средств личного потребления, не потребительское общество, а организация мелких производителей, различные виды объединения этих производителей. И вот здесь-то пересмотр тех воззрений на возможную роль этой формы кооперации, которые были совершенно правильны при господстве капитала, должен быть особенно внимательным, широким и всесторонним.

Но об этом—в следующей статье.

Ленинский кружок лекторского курса Свердловского университета.

Об основных ошибках теории „перманентной революции“ [1]).

I.

Теория «перманентной революции» представляла собой попытку своеобразной оценки характера, перспектив и движущих сил революции 1905 г. Творцами этой теории являлись Парвус и тов. Троцкий. Сколько-нибудь значительной роли эта теория не играла ни во время революции 1905 г., ни после. Поэтому говорить о ней в настоящее время можно было бы только в специальных исторических работах, да и то вскользь.

Но эта теория косвенно может сыграть известную роль, поскольку всплывающие теперь вокруг нее разногласия могут служить исходным пунктом более глубоких и опасных разногласий внутри нашей партии. То, что споры вокруг этой теории возникли в период попыток ревизии тактических основ ленинизма, персональное совпадение защитников этой теории со сторонниками бывшей оппозиции и т. п. дает основание предполагать, что маленькие разногласия по этому вопросу могут сыграть роль тех «маленьких» разногласий, которые являлись исходным пунктом больших потрясений в рядах нашей партии. Поэтому внимательный разбор и критика этой теории являются теперь необходимыми.

В каком отношении находится теория «перманентной революции» с меньшевистской и большевистской (ленинской) концепциями революции? Сторонники теории «перманентной революции», отрицая всякую связь ее с меньшевизмом, дают два объяснения. Одни утверждают. что теория «перманентной революции» совпадает с ленинской оценкой революции. Другие, не отрицая разногласия между Лениным и Троцким по этому вопросу, признают «ошибочность» ленинской оценки и правильность троцкистской, при чем Ленину отводится все же честь «уразумения» своей «ошибки» и присоединения к тов. Троцкому. Взаимная противоречивость этих двух доводов очевидна и тем более характерно,

---

1) Настоящая статья является результатом коллективной работы Ленинского кружка лекторского курса Свердловского университета. Вопрос был обсужден на двух специальных занятиях кружка. Специально выбранная комиссия переработала и проредактировала проект статьи, представленный докладчиком, т. Струевым. После зачтения настоящей статьи на общем собрании кружка было постановлено: просить редакцию «Большевика» напечатать ее от имени кружка.

что часто оба эти довода приводятся одними и теми же товарищами в зависимости от обстоятельств, времени и места,—когда как удобнее.

Характерно, что сам тов. Троцкий в брошюре «Новый курс» (стр. 50—51) развивает вторую версию. В предисловии к брошюре «Итоги и перспективы», написанном в 1919 г., т. Троцкий, не отрицая разногласий, совсем обходит вопрос о том, каким образом они разрешены. Такой же характер носит подстрочное примечание (нечто в роде небольшого предисловия) к статье «Наши разногласия» в книге «1905» (издание 1922 г., стр. 270), по ясному же смыслу другого подстрочного примечания в средине этой же статьи (стр. 285) прямо следует, что большевики только потому не играют в революции 1917—24 г. контр-революционной роли, что отказались от своей старой оценки революции («совершили идейное перевооружение») и присоединились к тов. Троцкому.

Ясно, что принятие этого объяснения вносит целую революцию во все прежние наши представления об историческом развитии большевизма. Если данное объяснение верно, тогда неправ т. Зиновьев, когда он говорит об органическом развитии большевизма *): большевизм становится подлинно революционным только с 1917 г., когда в его ряды вошли сторонники теории «перманентной революции», принесшие большевизму свою оценку революции и подлинную революционную традицию, единственными хранителями которых до 1917 г. являлись т. Троцкий и его сторонники (Троцкий и Парвус в 1904—1907 гг., «нефракционная» фракция троцкистов в период между двумя революциями, «межрайонцы» до июля 1917 г.).

Несомненно, что в настоящее время внесение полнейшей ясности в оценку теории «переманентной революции» жизненно необходимо, и что не только присоединение к этой теории, но и просто благодушное к ней отношение может привести к опасным последствиям.

Очевидно, что для понимания теории «перманентной революции» необходимо ясное представление о тех оценках революции 1905 года, какие давались меньшевиками (Мартовым, Плехановым, Мартыновым и др.) и большевиками (Лениным).

II.

В основном, вопрос о характере нашей тогдашней революции разрешен был партией задолго до самой революции. Это разрешение вопроса получило свою формулировку в программе партии, а именно в программе-минимум. В общем содержание революции сводилось к уничтожению всех остатков феодализма, крепостничества как в экономическом, так и в государственно-правовом строе России. Экономические и политические изменения, могущие произойти в результате революции 1905 г., при предположении даже наибольшего ее успеха, не затрогивали основ капитализма, а наоборот, расчищали почву для быстрого развития капитализма. В этом именно смысле революция 1905 г. определялась Лениным, как революция буржуазная.

Меньшевики, непосредственно из того положения, что наша революция буржуазная, не анализируя особенностей этой революции,

---

1) См. Зиновьев. Сочинения, том I, предисловие.

строили свою схему движущих сил революции. Революция буржуазная, она не отвечает основным классовым требованиям пролетариата, которого удовлетворит только революция социалистическая. Пролетариат и его партия не может себя связывать ответственностью за ограниченный (буржуазный) характер настоящей революции. Поэтому он, если бы даже и мог (но он не может), не должен, не смеет стремиться к обеспечению революции своим руководящим в ней участием. Это привело бы его к растворению в буржуазной демократии, к отказу от самостоятельных социалистических задач, к подчинению их буржуазно-демократическим задачам. Пролетариат не может и не смеет в данной революции победить.

Именно так ставился меньшевиками вопрос в основном для тогдашнего периода меньшевистском документе—брошюре тов. Мартынова «Две диктатуры». Мартынов именно пугал перспективой победы. До чего доводил Мартынова страх перед возможностью победы, показывает тот факт, что он в этой брошюре договорился до того, что, если бы мы смогли предвидеть возможность такой победы,—

> «... мы не имели бы исторического права уже в абсолютистской России строить свою самостоятельную политическую партию. Мы должны были бы ограничиться одной социалистической пропагандой» [1].

Исходя из этих соображений, меньшевики ставили все судьбы и перспективы революции в зависимость от роли и поведения в ней буржуазии (а не пролетариата), т. е. отдавали ей роль гегемона в этой революции:

> «Предстоящая революция не может реализовать никаких политических форм против воли всей буржуазии, ибо она будет хозяином завтрашнего дня»,—

заявлял Мартынов в той же брошюре **).

Крестьянству никакого самостоятельного (от городской буржуазной демократии) революционного значения меньшевики не придавали. Оно распыленно, в его среде не может быть единства, т. к. оно дифференцировано, оно выставляет часто реакционные лозунги (или идет за реакционными лозунгами народничества), оно политически малосознательно и может служить опорой реакции и т. д., и т. п.

Иначе строил свою схему движущих сил революции Ленин. Не отрицая и даже подчеркивая (против эсеров) буржуазный характер нашей тогдашней революции, Ленин не ограничивался голым повторением этой формулы и бессодержательными аналогиями с западноевропейскими революциями, а исследовал особенности в отношении наших классовых сил в нашей русской буржуазной революции.

Эти особенности заключаются в чрезвычайной остроте у нас аграрного вопроса. Революция вызвана конфликтом между развивающимся у нас капитализмом и старыми крепостническими формами эксплоатации, сохраняющимися благодаря политическому господству крепостников-помещиков. По условиям, созданным у нас реформой 1861 г.

---

[1]) Мартынов. «Две диктатуры». Изд. «Книга» 1918 г., стр. 74.
[2]) Там же, стр. 77. Подчеркнуто Мартыновым.

развитие капитализма шло по двум линиям: 1) развитие крестьянского хозяйства в капиталистическое и 2) превращение крепостническо-помещичьего в капиталистическое же. Верно общее положение, что развитие капитализма уперлось в противоречащие ему остатки крепостничества. В этом смысле сохранение остатков крепостничества стало объективно совершенно невозможным, и победа капитализма неизбежна: нет таких сил, какие могли бы остановить теперь это развитие капитализма.

Но и в дальнейшем это развитие возможно двумя путями, проложенными всем предыдущим историческим развитием. На пути дальнейшего капиталистического развития крестьянского хозяйства стоят помещичьи латифундии, крупное крепостническое землевладение. Без его уничтожения немыслим в данное время и в данных условиях действительный капиталистический прогресс сельского хозяйства. Крестьянская борьба против помещичьих имений выражает собой путь превращения теперешних худосочных крестьянских хозяйств в фермерско-капиталистические хозяйства американского типа.

Другой объективно возможный путь дальнейшего развития капитализма в сельском хозяйстве—путь перерождения помещичьих крепостнических латифундий в капиталистические экономии юнкерского прусского типа.

Первый путь—есть путь революционный и наиболее радикальный очищающий Россию от пережитков крепостничества. Второй путь—это путь медленной, мучительной эволюции.

Между размахом экономических преобразований и размахом политических преобразований существует определенное соотношение. Двум объективно возможным исходам революции в экономической области—в политической соответствуют: полная демократизация государственного строя в первом случае, конституционный выкидыш—во втором. Революция и в том, и в другом случае будет буржуазной, но в зависимости от соотношения классовых сил, выступающих в революции, в зависимости от результатов их борьбы стоит выбор или последовательной, до конца доведенной революции (как, например, Великая Французская революция XVIII века) или революции половинчатой, незаконченной (как, напр., немецкая революция 1848 г.).

Отсюда ясно, что гвоздем, «оселком» нашей революции является аграрный вопрос, а исход ее стоит в тесной, непосредственной связи с тем, как будет вести себя крестьянство [1]). А это последнее обстоятельство зависит в первую очередь от того, сумеет ли пролетариат поднять крестьянство до уровня понимания необходимости решительной борьбы с царизмом. Смешение крестьянства со всей буржуазией, умаление роли крестьянства означает на деле отказ от задачи поднять это крестьянство на борьбу со старым строем, следовательно, отказ от решительной, доведенной до конца буржуазно-демократической революции.

Поскольку революция очищает почву для капитализма, постольку

---

[1]) Тов. Ленин, определяя нашу революцию 1905 г. как буржуазно-демократическую, часто употреблял еще выражение «крестьянская революция». Всякая крестьянская революция есть революция буржуазная,—но не всякая буржуазная революция бывает революцией крестьянской—говорил т. Ленин, характеризуя особенности нашей революции. (См. Ленин «Аграрная программа... «Собр., сочин. т. IX, стр. 533—567).

буржуазия заинтересована в этой революции. Но, поскольку такая революция создает условия для успешной борьбы рабочего класса против буржуазии и тем, следовательно, угрожает самому существованию буржуазии, постольку последняя кровно заинтересована в сохранении таких остатков крепостничества, на которые она может опереться в своей борьбе против пролетариата. Отсюда непоследовательность буржуазии, ее колебания между революционным народом и царизмом, неизбежность его перехода на почву сделок с царизмом, а не революционного его свержения.

Пролетариат заинтересован в буржуазной революции и потому, что она приближает его к самостоятельной основной его цели—социалистической революции, и потому, что в данное время он страдает не только от капиталистических форм эксплоатации, но и от остатков старых крепостнических форм. Пролетариат заинтересован, следовательно, в революции глубже, полнее, последовательнее, чем буржуазия. В старом строе он ничего не теряет, через новый демократический строй он придет к социалистической революции, и потому он последовательно до конца и может, и будет бороться против старого строя. Он, тем более, не должен связывать себя «волею всей буржуазии», как ему предлагают меньшевики.

Итак, меньшевистская оценка движущих сил революции отводила буржуазии роль гегемона, роль пролетариата сводила к толканию вперед буржуазии путем непосредственного воздействия на волю этой буржуазии, а не революционного воздействия на правительство [1]), роль крестьянства не учитывала совсем, или, вернее, недооценивала, принижала. Большевистская оценка роль гегемона в революции отводила пролетариату, ход и исход революции ставила в зависимость от поведения крестьянства. Эти две оценки определили собой основные моменты в тактике большевиков и меньшевиков. В общем тактическая позиция меньшевиков сводилась к формулам: 1) «общенациональная коалиция во имя классической буржуазной революции» и 2) «оставаться крайней оппозицией по отношению ко всем возможным формам политического господства буржуазии, могущим возникнуть в ходе и результате революции». Большевистская тактическая позиция выражалась лозунгом «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

III.

В чем же заключалась та оценка революции, какую давали в своей теории «перманентной революции» Парвус и Троцкий? Во избежание упреков в «фальсификации истории», примем ту общую формулировку этой теории, какую дает сам т. Троцкий после Октябрьской революции. Приводим в порядке «исторической последовательности» все такие формулировки. В своих «Итогах и перспективах» т. Троцкий писал:

> «Защищавшаяся автором точка зрения может быть схематически формулирована так: начавшись, как буржуазная по своим ближайшим задачам, революция скоро развернет могущественные классовые противоречия и придет к победе, лишь передав власть единственному классу, способному стать во главе революционных масс, т.-е. пролетариату. Став у власти, пролетариат не только не захочет, но и не сможет ограничиться буржуазно-демократической программой. Он сможет довести революцию до конца только в том случае, если русская революция перейдет в революцию европейского пролетариата. Тогда буржуазно-демократическая программа революции будет преодолена вместе с ее национальными рамками, и временное политическое господство русского рабочего класса развернется в длительную социалистическую диктатуру. Если же Европа останется неподвижной, буржуазная контр-революция не потерпит правительства трудящихся масс в России и отбросит страну далеко назад от демократической республики рабочих и крестьян. Став у власти, пролетариат должен будет поэтому не ограничивать себя рамками буржуазной революции, а развернуть тактику «перманентной» революции, т.-е. уничтожить границы между минимальной и максимальной программой социал-демократии, переходить ко все более и более глубоким социальным реформам и искать прямую непосредственную опору в революции на европейском Западе [1]).

[1]) Классическое выражение этой тактики меньшевики дали в т.-н. «Земской кампании». см. Ленин, т. VI, «Земская кампания и план «Искры».

В предисловии к своей книге «1905» т. Троцкий пишет:

> «Мудреное название это («перманентная» революция. Авторы) выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат, а этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками революции. Наоборот, именно для обеспечения своей свободы, пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе на арене мировой революции пролетариата. Взорвав в силу исторической необходимости ограниченные буржуазно-домократические рамки революции, победоносный пролетариат вынужден будет взорвать ее национально-государственные рамки, т.-е. должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой» [2]).

Наконец, в своей дискуссионной брошюре «Новый курс». тов. Троцкий писал следующее:

> «Перманентная революция в точном переводе означает постоянную или непрерывную революцию. Какая политическая мысль вкладывается в эти слова? Та мысль, что для нас, для коммунистов, революция не заканчивается после достижения того или иного политического завоевания, той или другой социальной реформы, а развивается дальше и пределом ее для нас является только социалистическое общество. Таким образом, раз начавшись, революция, поскольку мы в ней участвуем, тем более руководим ею, ни в каком случае не приостанавливается на каком-либо формальном этапе, наоборот, мы непрерывно и постоянно ведем ее вперед, разумеется, в соответствии со всей обстановкой, до тех пор, пока революция не исчерпает всех возможностей и ресурсов движения... В условии России это означало: не буржуазная республика, и даже не демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, а рабочее правительство, опираю-

[1]) Л. Троцкий. «Итоги и перспективы», изд. 1919 г., стр. 4—5.
[2]) Л. Троцкий. «1905». Изд. 1922 г., стр. 4—5.

щееся на крестьянство и открывающее эру международной социалистической революции» [1]).

Прежде всего из приведенных формулировок может создаться то неправильное представление, что все социал-демократы (в том числе и большевики), кроме тов. Троцкого, ограничивали задачи пролетариата буржуазной революцией и были против революции социалистической. На самом деле вопрос шел не о том, необходимо ли нам вообще вести пролетариат к социалистической диктатуре, а о том, можно ли это делать сейчас, в данный момент, **в момент подготовки к революции 1905 года**. Во-вторых, приведенные формулировки отличаются гораздо более выдержанной и стройной... схематичностью, по сравнению с теми, какие т. Троцкий давал до февральской революции, т.-е. когда он разрабатывал свою теорию. **Тогда** все эти положения были утоплены в море фраз, **теперь** они выужены оттуда и скомбинированы (очень неудачно, как увидим ниже) под схему... Октябрьской революции. В-третьих, здесь недостаточно ясно подчеркнуто, **к какой** революции относятся эти формулировки: 1905 или 1917 г. Хорошо, что всем уже заранее известно, что теория перманентной революции представляет собой попытку оценки революции 1905 г. В-четвертых, в этих формулировках недостаточно четко выделено главное, основное, что составляет ее гвоздь, и чем она отличается и от большевистской и от меньшевистской оценки революции. Это основное—оценка характера и движущих сил революции.

Ход рассуждений т. Троцкого приблизительно таков.

По ближайшим своим целям наша революция буржуазная. И все же, несмотря на это, по своему характеру революции не буржуазная. Почему? Потому что главной движущей силой этой революции, **за отсутствием буржуазной демократии**, должен явиться пролетариат, а он не может ограничиться рамками буржуазной революции и вынужден будет перейти к революции социалистической. Уже в этом основном рассуждении скрываются основные ошибки тов. Троцкого. Пролетариат явится главной движущей силой в революции не потому, что ему принадлежит в ней гегемония, как указывал тов. Ленин, а по злой, вынужденной необходимости, потому что классического гегемона буржуазной революции—буржуазной демократии—у нас, к сожалению, совсем нет. По мысли тов. Ленина гегемония в нашей буржуазно-демократической революции принадлежит пролетариату, а у тов. Троцкого получается, что классическим гегемоном в буржуазной революции является буржуазия. Что это заключение не является вольным истолкованием,—докажет сам тов. Троцкий. Вот что он писал в своей статье «Политические письма»:

> «Может-быть, с какой-нибудь абстрактной... точки зрения можно утверждать, что было бы очень хорошо, если бы у нас была руководящая якобинская партия с перспективой диктатуры в будущем, с обязательством выполнять черную работу в настоящем, а мы сохранили бы за собой только чисто-политическое руководство пролетариатом. Но этого нет, черная работа должна быть выполнена, и нам необходимо, потому что мы честные революционеры, взять ее на себя, а это значит монополизировать ее. Выполнение этой черной работы революции, организация боевого выступления, становится в данный момент нашей высшей политической обязанностью» [2]).

[1]) Л. Троцкий. «Новый курс». Изд. 1924 г., стр. 50—51.
[2]) Сборник «Искры» «За два года», ч. II, стр. 173, изд. 1906 г.

Итак, революция—это «черная работа». Хорошо бы ее возложить на «руководящую якобинскую партию». Мы сохранили бы тогда за собой «чисто-политическое руководство». Однако, «этого нет, черная работа должна быть выполнена нами». А раз мы беремся за дело, то мы его обязательно должны «монополизировать».

«Руководящая якобинская партия»—это партия буржуазной демократии. Если бы такая партия нашлась, тов. Троцкий уступил бы ей гегемонию — «с перспективой диктатуры в будущем», а рабочей партии оставил бы «чисто-политическое руководство», т.-е. **участие** в политической деятельности при гегемонии буржуазии.

История навязывает рабочей партии выполнение «черной работы». Она—гегемон поневоле. А гегемонию тов. Троцкий понимает весьма вульгарно: кто гегемон, тот «монополист» революционной работы. При «монополии» пролетариата, крестьянство, понятно, превращается в его простой придаток.

Роль крестьянства сводится к «поддержке» рабочего правительства. На чем основывается это определение роли крестьянства?

Как у меньшевиков, так и у тов. Троцкого крестьянство не игнорируется совершенно. Но как у меньшевиков, так и у тов. Троцкого совершенно ясно проглядывает непонимание доминирующей, первенствующей роли в нашей революции «крестьянского», аграрного вопроса. Крестьянство несознательно, распылено, оно может в лучшем случае «поддержать»... у меньшевиков — буржуазию, у Троцкого (раз буржуазная демократия отсутствует совсем)—пролетариат. При всей своей несознательности (вернее, благодаря своей несознательности) это-то крестьянство может сделать. Так именно и формулировал тов. Троцкий:

> «русская буржуазия сдает пролетариату все революционные позиции. Ей придется сдать и революционную гегемонию над крестьянством. При той ситуации, которая создается переходом власти к пролетариату, крестьянству останется лишь присоединиться к режиму рабочей демократии. Пусть даже оно сделает это не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму» [1]).

Мартов в 1909 г. признал «справедливость» именно такой постановки вопроса об отношении к крестьянству. Ленин, возражая Мартову, писал в статье «Цель борьбы пролетариата в нашей революции»:

> «Всего более неверно третье из приводимых тов. Мартовым мнений тов. Троцкого, которое кажется тов. Мартову «справедливым»: «Пусть даже оно (крестьянство) сделает это («присоединится к режиму рабочей демократии») не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму». **Пролетариат не может ни рассчитывать на несознательность и предразсудки крестьянства, как рассчитывают на них и опираются на них владыки буржуазного режима, ни предполагать сохранение в революционный период хотя бы обычной несознательности и пассивности крестьянства** [2]).

Как добиться поддержки крестьянства? Какова должна быть тактика пролетарской партии по отношению к крестьянству? Из разобранной выше оценки крестьянства тов. Троцким ясно, что предлагаемая

[1]) Л. Троцкий: «Итоги и перспективы», стр. 43.
[2]) Ленин, Собр. сочин. том XI, часть I-я, стр. 229 подчеркнуто нами.

им в теории «перманентной революции» тактика в лучшем случае могла представлять собой Bauernfangen («уловление крестьянства»)—худший вид демагогической тактики, всегда резко порицаемой тов. Лениным [1]). На деле, фактически тов. Троцкий неизменно и всегда поддерживал масловско-плехановскую, т. е. меньшевистскую тактику по отношению к крестьянству—знаменитую «муниципализацию» против большевистской «национализации» [2]). Характерно и показательно общее отношение тов. Троцкого к масловским работам по аграрному вопросу. Вот какую оценку давал тов. Троцкий главной работе Маслова, обосновывающей программу «муниципализации»:

> «книга Маслова представляет капитальное исследование русских аграрных отношений. И научная ценность этой работы так значительна, что автору можно простить не только крайнее несовершенство ее формы, но даже и его совершенно несостоятельную переработку марксистской теории земельной ренты» [3]).

Тов. Ленин, разбирая масловские работы, доказал их «совершенную несостоятельность» и в теоретическом, и в политическом отношении и доказал, что эта несостоятельность объясняется (между прочим) тем, что Маслов произвел «пошлую ревизию» теории земельной ренты Маркса. Связь между программой муниципализации и отрицанием абсолютной земельной ренты Ленин доказал. А тов. Троцкий, расшаркиваясь перед «значительной научной ценностью», «прощает» (!!) за нее» переработку Марксовой теории земельной ренты!

Таково отношение тов. Троцкого к крестьянству, как оно выявилось в теории «перманентной» революции. Когда теперь тов. Троцкий в своей книжке «Новый курс», «разводя руками», недоумевающе спрашивает: в чем выразилась его недооценка крестьянства, требует «цитат» и «доказательств», то мы можем тут сделать двоякого рода предположения: или тов. Троцкий и до сих пор не понял того, что говорили и писали Ленин и другие большевики о крестьянстве, и чем отличается от ленинской оценки крестьянства его, Троцкого, оценка, или же т. Троцкий забыл все, что он сам писал по этому поводу, когда был еще «троцкистом», а не коммунистом. Если так, тогда понятно, почему тов. Троцкий так иронически относится к «воспоминаниям молодости» некоторых «ближайших учеников т. Ленина» [4]).

IV.

Этим, собственно, исчерпывается критика основных ошибок теории «перманентной» революции. Ошибок более мелких, фальшивых нот и непоследовательности можно отыскать еще сколько-угодно. Можно было бы продолжать сравнение троцкистских и ленинских постановок целого ряда вопросов, нс в этом вряд ли есть большая нужда,

---

1) См. Собр. сочин., том IX, стр. 499—504.

2) См. об этом «Итоги и перспективы», стр. 68—71.

3) «Пролетариат и русская революция», статья из «1905», стр. 258. Почему т. Троцкий, перепечатывая в 1922 г. эту статью (написанную в 1908 г.) не сделал к выписанному месту никаких оговорок? Неужели он и теперь остается при старом мнении?

4) См. «Новый курс», стр. 50 и след.

раз обнаружены ошибки тов. Троцкого по основным вопросам: о характере и движущих сил революции.

Однако, необходимо остановиться еще на паре главных, излюбленных аргументов, какие выставляются теперь в защиту теории «перманентной» революции. Правда, против всех них можно было бы сказать одно: раз допущена ошибка в оценке роли крестьянства, все остальные положения этой теории, если бы даже они были тысячу раз верны, не делают верной всей теории. Какой смысл имеют, например, рассуждения о перспективах революции после победы пролетариата, если не обеспечено главное условие самой победы: союз с крестьянством?

Но вот здесь-то и выступает первый, главный и самый ходячий аргумент: теория «перманентной» революции делала ставку не на крестьянство, а на международную социалистическую революцию.

На чем основывалась эта «ставка»? Если в Западной Европе положение было таково, что социалистическая революция там могла быть поставлена в порядок дня, то тов. Троцкий должен был дать анализ этого положения, доказать неизбежность международной социалистической революции, так, как это сделали большевики в период империалистической войны. Такого анализа, таких доказательств тов. Троцкий не дал и не пытался дать. Он основывался не на исследовании объективного развития классовой борьбы в Западной Европе, а на том, что «победоносный пролетариат... должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой» (см. выше выдержку из предисловия к «1905»). Одно «сознательное» стремление победоносного русского пролетариата еще не делает международной русской революции. Очевидно, это сознательное стремление должно было бы выразиться в каком-либо внешнем предприятии «рабочего правительства»?

Но это было бы чистейшим авантюризмом, ничего общего с «основной стратегической линией большевизма» не имеющим. Большевики не зарекались, конечно, от активного вмешательства в ход западноевропейского революционного движения. Примером тому может служить варшавское наступление 1920 г. Но это последнее не являлось авантюризмом, потому что задача его сводилась к установлению смычки между уже победившим русским пролетариатом и активно борющимся за власть западно-европейским рабочим классом. Налицо было уже революционное движение на Западе, направленное к захвату власти. Если бы теперь, весной 1924 года, когда в Европе нет прямой борьбы за власть, кто либо предложил бы повторить варшавский опыт, это было бы авантюризмом. Именно такой характер носит та формулировка международных задач революционного русского рабочего класса в 1905 году, какая давалась в теории «перманентной» революции.

В условиях 1905 года наиболее реальной, исторически законной формой «вмешательства» русского пролетариата в революционное движение всего мира было свержение международного жандарма,—опоры реакции на Западе и на Востоке—русского самодержавия. Эта задача исчерпывалась большевистской формулой «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Разрешение этой внутрироссийской задачи открывало гигантские международные перспективы. Если неудачная революция 1905 года рас-

качала весь мир, то победоносная революция, разумеется, дала бы небывало мощный толчок мировому революционному движению. «На другой день» после нашей революции открылась бы новая эпоха взаимодействий, взаимоподдержки российской революции и европейского рабочего движения. Ленин еще в 1902 году предвидел, что низвержение царизма «сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата». В 1906 году на Стокгольмском съезде Ленин, отвечая Плеханову, указывал, что окончательной гарантией упрочения русской революции является революция европейская. И тут же Ленин российскую революцию назвал «крестьянской» революцией. В союзе с крестьянством, повышая его сознательность, завоевывая его доверие, мы должны завершить нашу национальную революцию, и это сделает нас «авангардом международного революционного пролетариата». Так ставил вопрос Ленин. Тов. Троцкий, как мы видели выше, подходил к вопросу с другого конца...

В 1917 году положение по сравнению с 1905 годом меняется в том смысле, что февральская революция, свергнувшая самодержавие, не только не расстраивала ряды международного империализма (как это было бы при свержении самодержавия в 1905 году), а, наоборот, укрепляла их, поскольку власть от германофильствующего двора, подготовлявшего сепаратный мир, перешла в руки империалистической русской буржуазии, собиравшейся вести войну до «победного конца». Поэтому в 1917 году лозунг буржуазно-демократической революции устарел. Итти вперед можно было только, идя к социализму. Не итти вперед означало итти назад к монархии, к власти помещичье-буржуазного блока. В этих условиях 1917 года, при наличности реальных предпосылок социалистической революции на Западе, октябрьская социалистическая революция действительно обеспечивала успех международной социалистической революции. Недаром первые же шаги Советской власти в деле мира внесли глубокий прорыв в империалистический фронт. А в 1905 году лозунг «перманентной» революции был ни к чему. «Опираться» на перспективу международной социалистической революции, отказываясь от использования реальной опоры, крестьянства—это стратегия очень странная. Тем более странны претензии выдать ее за «основную стратегическую линию большевизма».

Аргумент второй не менее ходячий, чем первый: большевики в 1917 году отказались от своей тактики, как от ошибочной, и приняли троцкистскую.

Во-первых, разница между тактикой большевиков в первой революции 1905 г. и в революции 1917 г. определяется разницей между революцией буржуазно-демократической и революцией социалистической.

Эта разница в характере революции объясняется не изменениями в головах большевиков, а изменением в объективном положении мирового хозяйства и соотношении классовых сил, изменениями, внесенными империалистической войной и февральской буржуазной революцией.

Во-вторых, Октябрьская революция прошла отнюдь не по троцкистской «схеме». Что из этой схемы могли взять большевики? Ведь, не масловскую же тактику в отношении крестьянства! Лозунг захвата власти? Но, во-первых, как известно, честь «изобретения» этого лозунга принадлежит не т. Троцкому, а, во-вторых, октябрьская революция

прошла не под путанным лозунгом «перманентной» революции (не буржуазной, но и не социалистической), а под ясными лозунгами социалистической революции. Дальше. Внешне революция протекала как-будто бы по схеме тов. Троцкого: буржуазная революция (февраль) перешла в социалистическую национальную (октябрь), из национальной в мировую социалистическую. Получилась непрерывная революция. Но эта «непрерывность» совсем не та и не в силу тех причин, о которых писал в 1905—16 гг. Троцкий. Логика событий совершенно иная. По Троцкому революция 1905 года «поневоле» должна была стать социалистической, т. к. пролетариат, вынужденный быть главной движущей силой в буржуазно-демократической революции, не сможет самоограничиться, несмотря на то, что объективных предпосылок к социалистической революции в России нет. А в 1917 году именно объективное положение обусловливало неизбежность социалистической революции, и пролетариат не потому, что не мог самоограничиться, а сознательно держал курс на социалистическую революцию. Притом же, вопреки схеме Троцкого, русский пролетариат совершил свою социалистическую революцию при активной и энергичной поддержке крестьянства. Различие в международной обстановке и в постановке международных задач рабочего класса уже освещено выше. Из этого ясно, что только поверхностные люди могут утверждать, что революция 1917 года прошла по схеме теории «перманентной» революции Троцкого. Между тем, т. Радек, например, именно это хочет сказать, когда говорит: «На самом деле то, что выдвигал Троцкий против Ленина в 1905 году, оказалось вторым этапом революции».

Когда теперь (в брошюре «Новый курс») тов. Троцкий пишет, что «через теорию «перманентной» революции был прямой путь к ленинизму, в частности, к апрельским тезисам 1917 года», то, к сожалению, это звучит двусмысленно, между тем, как в данном случае более чем в каком-либо другом не нужно было допускать никакого тумана и никакой неясности. Если тов. Троцкий хочет этой фразой сказать, что т. Ленин к своим апрельским тезисам пришел «через теорию «перманентной» революции» тов. Троцкого, т. е., выражаясь проще, заимствовал свою тактику у тов. Троцкого, то это так и нужно было написать и доказать. Если же тов. Троцкий хотел этим только сказать, что теория «перманентной» революции для него лично явилась мостом, по которому он пришел от меньшевизма к большевизму, то это тоже нужно было написать ясно, без двусмысленности. Если тов. Троцкого нужно понимать в этом последнем смысле, то это означает, что теория «перманентной» революции представляет собою чрезвычайно громоздкую, неуклюжую и путаную постройку—хорош мост, по которому пришлось итти 12 лет! Но тов. Троцкий и теперь не отказывается от своей теории, и до сих пор упорствует в своих старых ошибках. Значит, он думает, что Ленин и большевики восприняли его теорию. Но тогда для нас ясно, что тов. Троцкий и теперь все еще идет по тому же мосту и еще не пришел вплотную к большевизму. Мост-то оказывается «перманентным»!

Большевизм заимствовал свою «основную стратегическую позицию» у тов. Троцкого! Но, ведь, тов. Троцкий, как мы видели выше, сам ее заимствовал в своей большей части у меньшевиков... Как видим, отсюда, от этой печки, от одной невинной фразы, чрезвычайно удобная дорожка к ревизии ленинизма.

Итак, основными ошибками теории «перманентной» революции являлись: 1) игнорирование буржуазного характера революции и 2) недооценка крестьянства. С методологически-марксистской точки зрения для этой теории характерен ярко выраженный эклектизм. Ничего оригинального на самом деле в этой теории нет. «Оригинальность» ее заключается только в том, что она эклектически соединяет в одну «теорию» кусочек от большевизма («плохо, вульгарно понятую большевистскую тактику в отношении пролетариата) и кусочек из меньшевизма (меньшевистскую тактику в отношении крестьянства и меньшевистский взгляд на то, что пролетариат не может быть гегемоном в буржуазно-демократической революции).

V.

Двум возможным исходам революции соответствовали две комбинации классовых сил в России. Довести до конца революцию мог только пролетариат в союзе с крестьянством. Буржуазия стремилась к сделке с помещичьим самодержавием в целях половинчатой, ублюдочной революции и боролась за влияние на массы. Этим двум комбинациям классовых сил соответствовали две линии поведения, две тактики, предлагавшиеся в пролетарской партии в первой русской революции. Большевистская тактика, зовущая пролетариат вместе с крестьянством на беззаветную борьбу с самодержавием, шла по первой линии. Меньшевистская тактика развращала пролетариат приспособлением его к либерально-монархической буржуазии, отдавала крестьянство под влияние этой буржуазии и, следовательно, шла по второй линии развития. Тактические испытания, данные историей в 1905 году, окончательно обнаружили революционно-пролетарский характер большевизма и оппортунистически-мелкобуржуазный—меньшевизма.

Представителем каких групп являлся тов. Троцкий? Были только две комбинации классовых соотношений (пролетариат и крестьянство, буржуазия и помещики), были только две принципиально выдержанные линии поведения: большевистская и меньшевистская. Этим объясняется незначительность влияния и троцкистской теории революции. Гвоздем русской революции был вопрос о крестьянстве. Поскольку в этом вопросе позиция т. Троцкого сходилась с меньшевистской, вся его позиция в целом шла (менее последовательно, чем меньшевистская) по второй линии. Но чем же объяснить «очень революционный» характер теории тов. Троцкого? Ведь признавал же тов. Троцкий революционные методы борьбы? Можно ли примирить этот факт с утверждением об оппортунистическом характере позиции тов. Троцкого?

Для оппортунизма отнюдь не характерно постоянное отрицание революционных методов борьбы. Что «экономисты» были оппортунисты, в этом теперь никто не сомневается. Но вождь экономистов Мартынов, оставаясь экономистом, в 1901 году, когда тов. Ленин (и вся старая «Искра») ставили в порядок дня упорную будничную работу над созданием кадров революционной пролетарской партии, под влиянием известий об оживлении рабочего движения в России, выкидывал (в «Рабочем Деле») лозунг «итти на штурм» самодержавия. И Мартынов[1])

[1]) Тот же т. Мартынов, оставаясь меньшевиком, работал вместе с тов. Троцким и Парвусом в «Начале»: он тоже был «левее» Ленина.

тогда считал себя «левее всех». «Отзовизм», «ультиматизм,—наконец позже—«рабочая группа», «рабочая правда» и т. п. течения в нашей партии были (теперь это тоже для всех несомненно) оппортунистическими течениями, но прикрывались они чрезвычайно революционной фразеологией и, во всяком случае, считали себя «революционнее» большевиков. Об эсерах и говорить нечего: «р-р-революционнее нас не было, нет и не будет ни одной партии в мире»,—основной тон всех их декламаций.

Беда оппортунизма заключается в том, что он в своих порывах «революционизма» всегда беспочвен, он не видит масс, которые нужно повести в борьбу, и потому «революционизм» оппортунистов всегда авантюристичен. Вторая его беда заключается в том, что он выдвигает лозунги штурма тогда, когда обстановка выдвигает на очередь задачу осады, или только упорной подготовки к штурму, когда же дело доходит до действительного штурма, оппортунисты чаще всего тащат рабочий класс на соглашение с врагом.

Так что признание теорией «перманентной» революции революционных методов борьбы отнюдь не противоречит характеристике ее, как разновидности оппортунизма. Теория тов. Троцкого была «левее» большевистской (тов. Ленин называл ее «несуразно левой перманентной революцией». См. журнал «Просвещение», май 1914 г., стр. 102—103). Но это не мешало тов. Троцкому поддерживать меньшевиков против большевиков во всех важнейших вопросах тактики. Лозунг «захвата власти пролетариатом», чрезвычайно революционная постановка международных задач рабочего класса и т. п. «левые» прелести теории «перманентной» революции не мешали тов. Троцкому объединяться с Масловым в вопросах аграрной программы, или, например, на лондонском съезде стоять за принятие в партию Прокоповича—заядлого и заведомого ревизиониста, фактически кадета и т. д., и т. п. Из практики тов. Троцкого до 1917 г. можно было бы дать бесконечно много иллюстраций к его «теории перманентной революции».

В брошюре «Новый курс» тов. Троцкий, протестуя против «кивков» в сторону теории «перманентной» революции, приглашает всех действительно интересующихся его теорией, «а особенно молодежь», не пугаться слова «перманент» и «с карандашем в руках» заняться ее изучением. Мы последовали этому совету. Результат наших работ мы отдаем на суд партии.

С. Дубровский.

Мелкобуржуазные теории аграрной эволюции *).

„Теория некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе ...есть, в сущности, теория громадного большинства буржуазных профессоров, буржуазных демократов-оппортунистов в рабочем движении всего мира, т.-е. новейшей разновидности тех же буржуазных демократов. Не будет преувеличением сказать, что эта теория есть иллюзия, мечта, самообман всего буржуазного общества". (Н. Ленин. „Новые данные о законах развития капитализма в земледелии").

Вопрос о крестьянстве и о работе в деревне занимает одно из первых мест в жизни нашей партии. Однако, не только партия уделяет особое внимание этим вопросам.

Товарищи, следившие за современной литературой по аграрному вопросу, несомненно, заметили за последнее время значительное оживление интереса к вопросам аграрной эволюции.

В 1919—20 годах появились работы Челинцева, Макарова и Чаянова по исследованию крестьянского хозяйства. В 1923 г. началась полемика в связи с книжкой Литошенко: «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства», в которой он выступил с критикой современных так-называемых неонароднических теорий, представляемых тремя названными выше авторами. Литошенко в противовес их пониманию крестьянского хозяйства, как семейно-трудового, выдвинул его понимание, как приобретательского. В ответ Литошенко появилась небольшая работа одного из представителей критикуемой школы Студенского «Очерки по теории крестьянского хозяйства». Чаянов выпускает, правда, в Германии, книжку по теории семейного хозяйства, в которой он подводит итог прежним эмпирическим работам этой школы. Вокруг теории крестьянского хозяйства закопошились и белогвардейцы. В Праге издается специальный журнал «Крестьянская Россия». В «Экономическом Вестнике», редактируемом Прокоповичем, помещаются статьи Бруцкуса и Прокоповича по вопросам эволюции и современного состояния крестьянского хозяйства. Как мы читаем в «Руле» 28/III 24 г., в конце марта в Праге в семинарии П. Б. Струве делает доклад Челинцев о русском крестьянском хозяй-

*) Настоящая статья является небольшим отрывком из готовящейся к печати брошюры под тем же названием.

стве (одновременно с аналогичной дискуссией в Москве в «исследовательском институте при Тимирязевской с.-х. академии»—показательно!).

Суханов выпустил «Очерки по экономии сельского хозяйства», в которых, повторяя свои прежние попытки, стремится подвести марксистский фундамент под народническую схему эволюции сельского хозяйства.

В наших сельскохозяйственных вуз'ах оживленно дебатируются вопросы, связанные с пониманием крестьянского хозяйства и его эволюции. Дебаты обычно ведутся нашими партийцами против проповедуемых им с кафедр не-марксистских теорий крестьянского хозяйства.

Полемика ведется вокруг вопросов, конечно, «академических». (В некоторых почтенных собраниях считается «не-академичной» и ненаучной классовая характеристика отдельных течений!) Вопрос идет, по внешности, о таких как-будто чисто-теоретических вещах, как нужна или не нужна особая теория крестьянского хозяйства, применимы ли категории политической экономии к явлениям крестьянского хозяйства, каково соотношение и судьбы крупного и мелкого хозяйства и т. п.

На самом деле вопрос идет, конечно, не только о теоретических вещах. Теоретические споры отражают лишь те социальные сдвиги, или, вернее, тенденции сдвигов, которые сейчас обнаруживаются в русской деревне. По существу вопрос идет о судьбах современной деревни, о соотношении классовых сил и о перспективах смычки крестьянства с социалистическим городом.

Если в области идеологии появилось нечто новое или, просто, вновь обнаружился интерес к чему-нибудь старому,—это уже первый признак нового явления в области экономии и в области классовых отношений.

Кратко рассмотреть эти новые идеологические образования, установить их связь с наметившимися процессами в современном крестьянском хозяйстве и является нашей задачей в настоящей статье. В дальнейшем мы критически рассмотрим каждую теорию в отдельности.

„Неонародники".

Громадное преобладание в России крестьянства и его активнейшее участие в революции не могли, конечно, не оказать влияния в области теоретических построений, особенно в области теории аграрного вопроса. Еще накануне революции в России создалась целая плеяда мелкобуржуазных теоретиков, которые преблагополучно существуют и по сей день. Мы имеем в виду, прежде всего, так-называемых ново-народников, представителей «организационно-производственной теории» или, точнее—теории «семейно-трудового хозяйства». Наиболее видные представители этого течения—Чаянов, Челинцев, Макаров, Рыбников и др.

Весьма распространенным является сравнение этой группы со старым народничеством. Их даже называют неонародники *).

Однако, между народничеством конца XIX века и современной «организационно-производственной школой»— дистанция огромного размера.

*) См. Литошенко, „Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства", Москва, 1923 г., стр. 4.

Старое народничество создавалось в момент внедрения капитализма в русскую деревню, когда он, врываясь, как разрушительная для полунатурального строя сила, ломал все старые устои, пролетаризовал крестьянство, выбрасывал его в города, уничтожал крестьянское хозяйство, как таковое. Вполне понятно, что в таких условиях мелкобуржуазные идеологи заостряли вопросы борьбы с капитализмом.

В этот момент народническая литература оказывалась «неприемлющей капитализма». Она была полна «капиталистической паники». Преобладали темы о «разорении», об «оскудении», о «нуждах деревни» и т. п.

Подъем крестьянского хозяйства после революции 1905—06 г. значительно укрепил позиции сельской буржуазии, а главное, значительно пополнил ее ряды. Она нашла себе место под капиталистическим солнышком и в условиях буржуазно-помещичьего строя. Продолжая быть оппозиционной,—но только оппозиционной—поскольку она вела борьбу с помещиками за прибавочную стоимость,—сельская буржуазия теперь занята не столько организацией борьбы с помещичьей властью, сколько вопросом организации своего хозяйства, его развития и укрепления в хозяйственной борьбе с крупно-капиталистическим помещичьим хозяйством.

Развитие обслуживающих крестьянское хозяйство агрономических и кооперативных организаций выдвинуло соответствующие кадры интеллигенции, связанной с крестьянством, или, точнее, с сельской буржуазией. Вот эта интеллигенция—агрономы, кооператоры и, разумеется, профессора, обслуживающие сельскохозяйственные учебные заведения,—и является сейчас носительницей и выразительницей мелкобуржуазных идей. Этого долго доказывать не приходится. Это признают и сами кооператоры и агрономы. Например, один из теоретиков нового течения Макаров *) говорит, что для успешного понимания крестьянского хозяйства необходимо «заразиться психологией хозяина», в которой он видит много «этически ценного, бодрого и красивого». По его мнению, «агрономическая помощь и кооперативное движение требуют своего социально-этического обоснования». Этим Макаров бессознательно подчеркивает, что интеллигенция, обслуживающая какой-либо класс или классовую группу, должна проникнуться — «заразиться» психологией этого класса.

Накануне войны интересующее нас направление занималось, главным образом, эмпирическим исследованием крестьянского хозяйства. Эти исследователи собрали довольно богатый материал, но, к сожалению, весьма часто испорченный, благодаря неправильному собиранию и обработке. Оформление этих теорий уже наступает в эпоху самой революции, и не случайно, конечно. *Победа крестьянства в революции, уничтожение помещичьих хозяйств, усиление, благодаря этому, среднего крестьянства, и частичное окрестьянивание бедноты,—все это не могло не оказать влияния на рост и оформление мелкобуржуазных теорий крестьянского хозяйства.*

*) Н. Макаров, „Крестьянское хозяйство и его эволюция", том I, Москва, 1922 г., стр. VI.

Как-раз в годы революции появляются работы Челинцева *), Макарова и др. Наконец, мы имеем уже попытку теоретического обобщения этих работ в вышедшей на немецком языке книжке Чаянова **), в которой он исследует «чистую культуру» мелкобуржуазного хозяйства. Так как на других работах нам уже приходилось останавливаться в печати, и так как работа Чаянова представляет собой, как это он и сам считает, синтез всех предшествовавших эмпирических исследований данной школы, то мы на этой работе и остановимся.

Самым достопримечательным в разбираемой работе является *попытка ниспровержения марксистского метода в приложении к пониманию «природы» крестьянского хозяйства.* Конечно, в книжке даже и речи о марксизме нет. Он и до сих пор, по обыкновению буржуазных профессоров, просто замалчивается. Речь идет лишь о теоретических положениях «классической политической экономии». Чаянов уже в самых предпосылках своего анализа старается создать такие его условия, которые заранее исключили бы возможность, как он думает, объяснить явления крестьянского хозяйства в обычных рамках «классической политической экономии» ***). Так как суть марксизма заключается в учении о прибавочной стоимости и о классовой борьбе, то он берет бесклассовое общество—абстрактно взятое общество чисто-мелкобуржуазного хозяйства. Объектом его исследования является хозяйство, не применяющее наемного труда и пользующееся силами только своей семьи. Как он выражается, он исследует «*чистую культуру семейного хозяйства*» ****). Классическая политическая экономия (и марксизм) рассматривает все явления экономики, как явления прежде всего общественные, и вот Чаянов берет хозяйство, которое, по его мнению, в своем развитии определяется не экономическими факторами, а *биологическим—эволюцией семьи.*

По его мнению, количество работников в крестьянской семье определяет количество труда, которое может быть ею израсходовано, как-будто размер трудовых затрат семьи не определяется размером хозяйства. Мы знаем, что даже в конструировании семьи у крестьянства на первом месте стоит не биологический мотив, который у интеллигента окрашивает брак в розовые краски лирического чувства, а чисто-хозяйственный. Крестьянин и до сих пор подбирает прежде всего работницу, часто с соответственным имуществом—приданым. Если даже взять хозяйство, не применяющее наемного труда, то и в нем брак или прием зятя является средством пополнения рабочих сил семьи. Не хозяйство приспособляется к семье, а семья к хозяйству.

Также совершенно неправильно выставленное им положение, что трудовые затраты определяются *потребностями* семьи. Потребность, как это считает и сам Чаянов, настолько неопределенная величина, что ни в коем случае не может служить определяющим моментом

*) И. И. Челинцев, „Теоретические основания организации крестьянского хозяйства", Харьков, 1919 г. Его же, „Опыты изучения организации сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативной агрономической помощи на примере Тамбовской губернии", Харьков, 1919 г.

**) Alexander Tschaianow, Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landbau, Berlin, 1923.

***) Чаянов. Цит. соч., стр. 7.

****) Там же, стр. 8—10.

для хозяйственной деятельности. Наоборот, «потребность» и потребление каждой крестьянской семьи, как это показывают бюджетные данные, исключительно определяются размером ее хозяйства.

В нашу задачу не входит подробная критика всей работы Чаянова, но мы должны заметить, что установление примата потребления и биологического момента в крестьянской семье ему нужно для того, чтобы доказать, что категории стоимости, ренты и т. п., так же, как и законы воспроизводства средств производства, которые он неправильно называет капиталом, являются принципиально отличными от тех категорий, которыми оперирует «классическая политическая экономия». Исследования этих категорий он пока не дает, только обещает дать. Не нужно быть пророком, чтобы предполагать неизбежность при его методе повторения им всей вульгарщины современных психологических школ.

Хотя, по мнению Чаянова, семейное крестьянское хозяйство является в корне отличным от капиталистического, он все же не отрицает влияния капитализма на развитие сельского хозяйства, надеясь, однако, на противодействие ему кооперации (стр. 109). Не отрицает он и наличие диференциации крестьянства *). Но и здесь у него впутывается семья, как главный фактор этой диференциации. Сравнивая материалы XVIII и XIX вв., указывающие на наличие расслоения в том и другом веке, он сводит это расслоение к эволюции семьи **)! Пользуясь заведомо негодными для установления динамики расслоения крестьянства материалами Кущенко по обследованию Суражского уезда, Черниговской губ., а также материалами послереволюционной нивеллировки крестьянства, он затушевывает этим действительное расслоение, имевшее место в России накануне революции. Он не только «устанавливает» факт преобладания мелкого производства в России. Оперируя исключительно цифрами о процентном отношении числа мелких хозяйств к общему числу хозяйств в европейских странах, несмотря на заведомую недопустимость подобного приема, он пытается утверждать, что семейное хозяйство господствует в европейском земледелии, давая значительную долю с.-х. продукции. Между тем, европейские мелкие хозяйства в большинстве уже не сельские. Как показывают статистические обследования: почти 100% из них существуют заработком от индустрии, транспорта и торговли, крупные же хозяйства не семейные, так как они нанимают батраков ****).

В работе Чаянова много и еще «интересных» по своей путанице и недопустимым методологическим приемам мест, но разбор их пока-что мы должны оставить.

Несомненно, все попытки Чаянова из нутра крестьянского хозяйства, из крестьянского окошка объяснить все хозяйственные процессы обречены на полную неудачу. Крестьянское хозяйство лишь частица всего народного хозяйства, и только так его можно рассмотреть. В своем объяснении крестьянского хозяйства, в понимании основных категорий этого хозяйства он повторяет весь теоретический обман современных буржуазных теорий политической экономии и самообман крестьянина, наивно думающего, что именно его семья и его воля являются основными факторами, определяющими его хозяйственную деятельность, плохо отдающего себе отчет в тех внешних силах, которые фактически руководят всей его хозяйственной деятельностью.

*) Там же стр. след. 102—104.
**) Те же, стр. 95.
***) Для примера сошлемся хотя бы на такую страну мелкого земледелия, как Баден. См. Landwirtschaft, Forstwirschaft Iagd und Fischerei im Grosseheroqtum Baden 1914 и 1915 г. (см. распределение сельских хозяйств по их главному занятию).

Вред этой теории заключается в том, что она поддерживает иллюзии о каких-то качественных преимуществах мелкого крестьянского хозяйства *), тогда как основной задачей сейчас является выявление всей нерациональности мелкого хозяйства, существующего, как говорил Ленин **), за счет хищнической растраты своих собственных сил, сил своей семьи, средств производства и т. п.

Отрицательная роль книжки состоит и в затушовывании экспроприирующего влияния на крестьянство торгового и ростовщического капитала. Этого влияния Чаянов не отрицает ***), однако, в своей книжке он уделил этому более чем скромное место. Между тем, по его словам, книжка нашла себе широкое распространение в странах мелкого земледелия—Индии, Китае и других колониальных странах. Полагаем, что этим вниманием книжка обязана не только самим мелким производителям, а тем, которые озабочены их идеологической обработкой. Отчего врагам крестьянина не распространять книжку, в которой так много говорится, что судьба крестьянской семьи находится в ее руках, зависит прежде всего от размеров ее трудовых сил и запросов потребления, в которой много говорится о самоэксплоатации крестьянина, и чрезвычайно мало или почти ничего об эксплоатации его действительными врагами—крупным землевладением, торговым и ростовщическим капиталом, в противовес которым выдвигается безобидное кооперирование?..

Такова теория крестьянского хозяйства семейно-трудовой школы в ее статике. В динамике, если сравнить настоящую работу Чаянова с предыдущими, мы наблюдаем несомненно сдвиги в сторону локализации семейного хозяйства и перенесения внимания на развитие прочих видов хозяйств. Чаяновым выдвигается теория диференциальных оптимумов, которая, несомненно, является фактически сдачей позиций мелкого хозяйства, а теоретически не менее надуманной, чем его теория мелкого хозяйства.

Методологически эти сдвиги идут, несомненно, по линии современных буржуазных экономических школ психологического направления.

Эти сдвиги находятся в теснейшей связи с теми тенденциями сдвигов, которые наблюдаются в современном нашем хозяйстве, именно тенденциями рецидива капитализма и нарождения новой буржуазии.

Идеологи кулацкого хозяйства.

В последнем отношении чрезвычайно характерно, что от этой школы окончательно откололся Бруцкус, который уже давно выступает, как апологет не мелкого, а крупного капиталистического фермерского хозяйства. Как в статьях и работах, появившихся в России, так и за гра-

*) Там же, стр. 5 и 40.
**) Н. Ленин „Аграрный вопрос“, 1408 г., стр. 215.
***) Цит. работа, стр. 109.

ницей, он является горячим защитником «столыпинской» ставки на деревенского кулака.

Отражая то же самое новообразование в русской деревне выступает и Прокопович *). Для этого бывшего «марксиста» характерна не только апология кулацкого хозяйства, но также и полный отказ от марксистской методологии. За революцию он окончательно растерял последние остатки марксистского метода, если таковые в ничтожной мере у него и сохранялись. Отметим, как курьез, его совет Ленину поучиться у Черненкова **). У петуха бы поучился!..

Этот бывший марксист пытается всяческими способами отвергнуть какую бы ни было закономерность в эволюции крестьянского хозяйства. Он говорит, что вообще нет никаких абсолютно необходимых путей развития исторических явлений. В зависимости от условий, в которых находится крестьянство, например, в зависимости от урожая (!), крестьянское хозяйство может нивеллироваться и диференцироваться.

Понятно, почему Прокопович после революции начинает отрицать установленные Марксом законы общественного развития. Какие же эти законы, если по ним, в трактовке Прокоповича и К°, никакой пролетарской революции в России не должно было быть, а она совершилась? Если, по этим же законам Прокоповича, Советская власть должна была пасть через три недели, а она преблагополучно существует целые годы? Ясно, что такие «законы» для Прокоповича не подходящи. Долой эти законы! Куда лучше по принципу: «не то дождик, не то снег, не то будет, не то нет».

Зато Прокопович хорошо знает, что вредна та политика, которая разрушает крупные хозяйства и насаждает мелкие ***). В чей огород камешек—читатель догадывается сам. Политически Прокопович солидаризуется, конечно, с Бруцкусом и ему подобными.

Одновременно с этими теоретиками фермерского хозяйства выступает и Литошенко ****), который в выпущенной им брошюре обрушивается на семейно-трудовую теорию с точки зрения несоответствия ее задачам буржуазного развития. В противоположность пониманию крестьянского хозяйства, как трудового и потребительского, он выдвигает его понимание как приобретательского, руководящегося в своей действительности именно этими «психологическими мотивациями». Мотивации его идут под лозунгом приобретательства. Читатель, конечно, узнает в этом отображение идеологии современного героя капиталистического накопления с его лозунгом: «хапай, где только возможно».

Этот теоретик героев современного накопления не прочь и пофилософствовать. Но его философия несложна, как несложна идеология того класса, который он представляет. У него в жизни борются две силы—«эволюция и прогресс», доброе и злое начало.

«Эволюция,—поучает он читателя в первых же строках своей книги,—это мертвый бездушный, лишенный творческой мысли, разумного

---

*) См. его статьи в „Крестьянской России", № 2—3, а особенно в „Экономическом Вестнике", № 2—„Динамика крестьянского хозяйства".

**) „Эконом. Вест". стр. 45.

***) Прокопович, там же, стр. 53.

****) Литошенко, „Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства", Москва, 1923 г.

смысла процесс, движение, в котором нет начала и конца, нет добра и зла, нет истины и заблуждения», а «теория прогресса ставит вопрос о конечном назначении и судьбах человечества, она верит, что история имеет смысл, она верит в силу человеческого разума, и конечное торжество его над неразумной причинностью» *).

Если же расшифровать весь смысл его формулы, то получается более, чем ясная картина в отношении русского сельского хозяйства. «Эволюция»—это, видите ли, тот «бездушный процесс», который «ведет, если не завел» Россию в тупик, именно привел Россию к тому состоянию, что ей грозит «судьба Китая» **). Но, оказывается, этот Китай не китайский, а русский. Крестьянское хозяйство, говорит Литошенко, двумя страницами выше, «пожрав помещичье хозяйство, принимается за свои собственные верхи, затем сердцевину, и, наконец, начинает вариться в собственном соку нищеты и беспомощности». Вот вам эволюция! А хотите прогресс—извольте: «государство должно взять под свое покровительство, быть-может, временно более слабый, но единственно прогрессивный»... «экономический фактор» и поясняет: «развитие потребностей и ставка на сильное хозяйство, таковы основные черты политики, рассчитанной на разряжение крестьянского хозяйства, и, следовательно, на увеличение производительности сельского труда» ***).

Вот вам и прогресс, — какой?—читатель легко узнает—кулацкий прогресс.

Конечно, под такой «прогресс» надо подвести теорию. И вот, Литошенко жестоко критикует своих соратников. Для него, конечно, «трудовая потребительская теория крестьянского хозяйства есть запоздалое отображение давно изжитого натурально-хозяйственного строя» ****). На все крестьянское хозяйство он смотрит глазами своего «приобретательского хозяйства»,—для него деревня существует только, как таковая. О тех, которым нечего приобретать, он умалчивает. Диференциации крестьянского хозяйства для него не существует. В самом деле, что иное может сказать Литошенко про крестьянское хозяйство, если он является адептом современных архибуржуазных теорий, считающих, что даже рабочий, и тот ведет приобретательское хозяйство—и у него есть свой капитал, только «индивидуальный»? Вот вам и лови капиталиста, когда сам рабочий оказывается также капиталистом!..

Литошенко в одном из своих выступлений строил сложную систему классификации экономических явлений, которая должна была с несомненностью установить, что крестьянское хозяйство есть именно приобретательское хозяйство. Но весь смысл такой «систематики», конечно,—ввести наибольшую бессистемность, спутать все карты, чтобы все хозяйства были «приобретательски серы». Кому это выгодно,—вряд ли нужно пояснять.

Итак, Чаянов и К° пока-что все еще являются идеологами, главным образом, той мелкой сельской буржуазии, которая хочет жить «по справедливости»—работать в

---

*) Литошенко, „Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства", стр. 3.

**) Там же, стр. 106.

***) Там же, стр. 46.

****) Там же, стр. 24.

меру своих семейных сил (да на что нам наемные батраки!), лишь бы быть сытым; которая, когда позволяют размеры ее хозяйства, если и хочет капиталец приобрести, то, во всяком случае, старается, пока-что, свою семейно-трудовую невинность соблюсти. Литошенко же,—представитель современного воинствующего героя первоначального накопления,—приобретай, «хапай»—и все тут. Особой теоретической силы и ума для этого не требуется, а все остальное у теоретиков этого направления имеется.

Сухановские поправки марксизма.

Чтобы закончить наш сжатый очерк современных мелкобуржуазных теорий, нам нужно еще остановиться на работах Н. Суханова, который, несомненно, представляет собою особую разновидность мелкобуржуазных теоретиков. Он считает себя марксистом. Хотя, как мы будем говорить далее, у него и путанная голова, но все же—доброе сердце. «Я убежден,—говорит он,—что защищаю именно те позиции, какие должны быть свойственны марксизму» *), хотя он и знает, что защищаемые им тезисы «вероятно (!) доселе не встречают всеобщего признания» **). Его задача—«вскрыть некоторые предрассудки, пересмотреть шаблоны, отвергнуть упрощения некоторых из марксистских авторов» ***).

В какую же сторону идут Сухановские «поправки марксизма»? Оказывается, в сторону установления того, что «в пределах буржуазного строя» «сельскохозяйственная промышленность эволюционирует от экстенсивного земледелия к интенсивному, от коллективно-крупного к семейно-мелкому, от капиталистического к трудовому, от разделения продовольственных и товарных функций между отдельными хозяйствами к соединению этих функций в одних и тех же хозяйствах» ****).

Как видим, у Суханова марксизм наизнанку,—вместо устанавливаемой марксизмом концентрации—у него раздробление, вместо торжества крупного торжество мелкого, да еще «семейно-трудового» производства! Вот вам сухановская «поправка» марксизма. Очевидно, Суханов, называя себя марксистом, считает, что основным признаком марксиста является отрицание марксизма. Вот уже подлинно: «избави нас бог от таких друзей, а от врагов мы и сами избавимся»!

Как же Суханов обосновывает такую существеннейшую поправку? Конечно, с цифрами в руках. Для России он считает доказанным (?), что развитие идет по его схеме,—и это после работ Ленина!

А что он сделал с Америкой! Даже в отношении американского земледелия он трубит, что и «здесь огромное большинство хозяйств должны быть отнесены к мелким и трудовым», и только одну пятую он относит к капиталистическим *****). Как же он это проделывает? Очень

*) Н. Суханов, „Очерки по экономии сельского хозяйства", 1924 г.
**) Там же, стр. 3.
***) Там же стр. 60.
****) Там же, стр. 76.
*****) Там же, стр. 246.

просто,—берет процентное отношение мелких хозяйств по отношению к крупным и, конечно, доказывает, что мелких—большинство. Ни данных о применении наемного труда, ни других данных он не приводит. Уменьшение числа батраков он объясняет победой трудового хозяйства; насколько машина вытеснила рабочую силу,—он, конечно, умалчивает. Что касается динамических данных, то в отношении всех стран он берет сравнение хозяйств во времени по их площади, несмотря на то, что недопустимость подобного приема уже достаточно твердо установлена, по крайней мере, у марксистов. Только благодаря сравнению хозяйств по их земельной площади он и может ввести читателя в заблуждение относительно факта разложения крупных хозяйств в Европе, но в отношение Америке даже и этом, прием показывает рост крупных. И нужна исключительная тенденциозность Суханова, чтобы развитие капитализма в американском земледелии превратить в его разложение.

Теоретическое обоснование разложения капитализма у Суханова чрезвычайно примитивно. Он полагает, что разложение земледельческого капитализма неизменно вызывается развитием индустриального капитализма **). Он считает последний не другом земледельческого капитализма, а его врагом ***). Индустриализация страны, по его мнению, вызывает отлив рабочих рук от сельского хозяйства и тем самым подъем заработной платы, что и заставляет, будто бы, капиталистическое хозяйство отказываеться от применения наемного труда.

В доказательство этого еще в 1908 году Суханов в своей работе: «К вопросу об эволюции сельского хозяйства» ****), поместил таблицу, в которой сопоставляются два статистических ряда: размеры хозяйств по районам России и процент «промышленников», т.-е. крестьян, уходящих в промысел. Эту таблицу Суханов выдвигает, как своего главного боевого слона. На самом деле она не доказывает того, что ею хотелось доказать самому Суханову. Из того, что хозяйство в нечерноземном центре мельче, чем на юге, юго-востоке, отнюдь не следует, что в этих районах капитализм разлагается. Например, в Тульской губернии обеспечение крестьян землею значительно ниже, чем в Новороссии, но капитализм от этого там вовсе не разлагался, а, наоборот, весьма успешно развивался, хотя, благодаря малоземелью, диапазон этого развития был значительно слабее, чем в многоземельных районах. Суханов историю подменяет географией. Но этого мало. Из всего индустриального развития Суханов взял только промыслы, между тем, промыслы отнюдь не могут представлять собою весь индустриальный капитализм. Пролетаризация населения, вылущивание «промышленников» и земледельцев, это лишь одна сторона развития капитализма. Суханов, пространно толкуя о влиянии индустриального капитализма на сельское хозяйство, не остановился на другой стороне этого влияния, на углублении внутреннего рынка для этого хозяйства, росте цен, повышении земельной ренты и предпринимательской прибыли. А между тем, последнее с

**) Там же, стр. 122.
***) Там же, стр. 117.
****) Н. Суханов, „К вопросу об эволюции сельского хозяйства", 1908 г., стр. 296.

лихвой компенсирует капиталистическому хозяйству повышение расхода на заработную плату. Суханов не остановился на том, что индустриальный капитализм, отнимая живой труд от сельского хозяйства, возвращает его в конденсированном виде, в виде сельскохозяйственных машин и орудий. Только благодаря тому, что Суханов влияние промыслов выдавал за влияние всего индустриального капитализма в сельском хозяйстве, он и пришел к таким парадоксальным выводам, что, будто бы, индустриализация страны ведет за собой разложение сельскохозяйственного капитализма. Из факта же разложения земледельческого капитализма, он пришел к весьма мрачным политическим выводам. С этой-то стороны его теория и вредна.

Вопрос о развитии земледельческого капитализма нас интересует постольку, поскольку не победила еще мировая революция, и для нас вопрос о привлечении крестьянства на сторону революции отнюдь не является второстепенным. Развитие капитализма, с этой точки зрения, может нас интересовать с двух сторон: во-первых, со стороны обобществления им сельскохозяйственного производства, как ступени к социалистической организации земледелия, а, во-вторых, со стороны развития внутренних противоречий капиталистического строя, которые подготовляют революционный взрыв в деревне.

После работы Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» только заведомо недобросовестные люди могут приписывать марксистам надежды на полное исчезновение крестьянства к моменту пролетарской революции и на полное обобществление капитализмом сельского хозяйства.

Мировая социалистическая революция, которая приближается с головокружительной быстротой, не будет ждать, пока запоздавший земледельческий капитализм будет наверстывать потерянное время (а отстал он отнюдь не по тем причинам, которые изображает Суханов). Очевидно, лишь социализму придется завершить технически переворот в деревне. Таким образом, беда не в том, что, как говорит Суханов, «земледельческий капитализм никогда не разложит крестьянского хозяйства»,—это еще полбеды, беда заключалась бы в том, если бы он не разлагал крестьянского хозяйства. Ведь вся революционность мелкого крестьянства определяется именно тем, что Суханов так упорно отвергает, именно раскрестьяниваньем крестьянства, экспроприацией деревенской бедноты и середняка. Как бы медленно этот процесс ни протекал, именно эта экспроприация обеспечивает выступление крестьянства в союзе с пролетариатом и обеспечивает также идеологическое влияние пролетариата на крестьянство. Характерно, что в России даже явно мелкобуржуазные партии именовали себя «социалистическими». Как удачно заметил М. Н. Покровский, самозванцы в прежнее время в России именовали себя царями, а в эпоху русской революции—«социалистами», иначе бы они не имели влияния на массы.

И вот, поскольку Суханов своей теорией фактически отрицает революционизирующую роль капиталистического развития в деревне, он и приходит к весьма пессимистическим выводам относительно роли крестьянства в революции. С этой точки зрения его теория вредна и реакционна.

Итак, мы весьма бегло просмотрели наиболее видные течения в современных мелкобуржуазных теориях аграрного развития. Мелкобуржуазная стихия захлестывает теоретически высоты. Необходимо нашей партии быть на-чеку. Особенное внимание должно быть уделено нашей молодежи, которой в вузах приходится выдерживать борьбу с проповедуемыми с кафедр мелкобуржуазными теориями. Надо у нее выработать и заострить критическое чутье, тем более, что она после гражданской войны, сильная в критике оружием, не всегда еще в совершенстве владеет оружием критики.

Нам необходимо, как можно больше делать для изучения работ Ленина по аграрному вопросу. Это наилучшее средство отточить оружие критики.

А. Мартынов.

Неудачное подражание.

В партдискуссии, как известно, большой успех имела речь т. Сталина о «шести ошибках т. Троцкого». Тов. Вардин пытался проделать этот же опыт со мной. Когда появилась в печати моя популярная брошюра «Великий пролетарский вождь», тов. Вардин, нагрузившись цитатами из Ленина, и вооружившись лупой, стал сопоставлять отдельные выражения моей брошюры с соответственными и несоответственными текстами из Ленина и в результате этого «исследования» он у меня тоже открыл шесть «ошибок». Открытия тов. Вардина, думается мне, тоже будут иметь успех, только в обратном смысле. Они послужат образчиком того, как не следует изучать, как не следует понимать, как не следует толковать Ленина. Они еще раз подтвердят то, на что сам Ленин обращал внимание своих читателей в предисловии к его сборнику—«За двенадцать лет», а именно, что для его понимания недостаточно выучить на-зубок тексты его писаний, что надо еще знать, в какой конкретной обстановке та или иная статья писалась, что надо еще уметь рассматривать его политические выступления в исторической перспективе.

Рассмотрим последовательно в том порядке, как их разбирает тов. Вардин, мои шесть мнимых ошибок.

П е р в а я о ш и б к а. Я писал в брошюре: «Он (Ленин) убедился уже из первого свидания со мной, что я в борьбе с «экономизмом» остановился на полпути, что я в организационном вопросе с ним не пойду, и поэтому он решил как-раз против меня направить главный удар с правильным стратегическим расчетом, что непоследовательный противник опаснее последовательного». Тов. Вардин, внимательно перечитав книжку «Что делать?» Ленина, ни слова там не нашел о моей хотя бы и непоследовательной борьбе с «экономизмом», и потому он решил, что «тов. Мартынов не вел никакой борьбы с «экономизмом», и это если я защищал «политику», то лишь трэд-юнионистскую политику. Если бы тов. Вардин не только читал «Что делать?», но и подумал бы о том, в какой конкретной обстановке эта книга писалась, у него должен был бы возникнуть вопрос: почему Ленин наиболее ядовитые стрелы направил против Мартынова, несмотря на то, что Мартынов был единственным из видных «рабочедельцев», которого Ленин попытался на описанном мной свидании перетянуть на сторону «искровцев», несмотря на то, что Мартынов был единственным «рабочедельцем», который был приглашен в редакцию «Искры» сейчас же после раскола партии. Но тов. Вардину не дано умение связывать тактику Ленина с конкретной обстановкой данного момента, поэтому подобный вопрос у него не воз-

никал. В действительности же дело обстояло так. Еще во время моего участия в «Южном Рабочем» в 1900 г. я, будучи недоволен узкой «трэд-юнионистской» постановкой нашей партийной работы, стал читать рабочим лекции по русской истории, которые я впоследствии, накануне моего вступления в редакцию «Рабочего Дела», издал в виде особой книжки, заслужившей сугубое одобрение со стороны тов. Плеханова, ведшего тогда отчаянную борьбу с экономистами. Затем, уехав за границу и вступив в заграничный «Союз русских социал-демократов», я в Берлине вместе с Базаровым решил начать внутри Союза борьбу против «экономизма». С этой целью я, между прочим, послал в редакцию «Рабочего Дела» статью «Очередные вопросы», направленную против «экономизма»,—статью, принятие которой я поставил условием моего вступления в редакцию, и которая действительно была помещена Кричевским в 9 № «Рабочего Дела» с оговоркой от редакции. Главные два кита, на которых держался, как известно, «экономизм», были: «теория стадий» (сначала рабочим нужно говорить о ближайших экономических нуждах, а потом о ближайших, касающихся только рабочих политических требованиях, а потом уже о низвержении царского самодержавия) и теория постепенного завоевания «частных прав». Против этих-то двух китов и направлена была моя статья. В первой части я доказывал, что «теория стадий» исходит из нелепого представления, что рабочие представляют какую-то особую категорию «экономических людей», что всякий человек, и рабочий в том числе, имеет то или иное мировоззрение, хотя бы смутное, хотя бы наивное, и что рабочие интересуются поэтому не только вопросами заработной платы. Во второй части я доказывал, что частичные завоевания коалиционных прав, а тем более закрепление этих завоеваний в самодержавной России, есть чистейшая утопия, что, как только развернется пролетарская борьба, это неизбежно вызовет у нас движение других общественных классов, и в результате все царское самодержавие затрещит по всем швам, что коалиционные права рабочие завоюют у нас не до, а после падения царского самодержавия. Читатель видит, что моя статья была направлена как-раз против трэд-юнионистской политики наших экономистов, хотя я в этой статье не употреблял выражения «трэд-юнионизм» и сознательно избегал слова «экономизм» из дипломатических соображений. Почему же Ленин с особенной силой именно на меня обрушился? Потому что я вел непоследовательную и нерешительную борьбу с экономистами, избегая даже употребления этого слова, потому что я счел возможным сидеть в одной редакции с беспринципным эклектиком Кричевским и даже с ярым экономистом Иваншиным для сохранения «доброго мира» в организации, потому что я стоял за единство организации во что бы то ни стало, не говоря уже о том, что я, как неоформленный меньшевик, принципиально был против ленинского якобинизма. Ленин обрушился против меня с особенной силой за то, что я пытался изнутри реформировать «Рабочее Дело», затягивая его неизбежную смерть, за то, что я старался гальванизировать труп.

В т о р а я о ш и б к а. Я писал,—что Ленин, выдвинув накануне 3-го съезда партии лозунг «диктатуры пролетариата и крестьян», знал, что в тот момент ее еще невозможно было осуществить, «но вся историческая обстановка говорит за то, что мы уже сегодня должны взять курс на диктатуру пролетариата и крестьянства». Тов. Вардин, не задумываясь даже о той обстановке, при которой этот лозунг был выдвинут

Лениным, возражает мне: «Ленин ни минуты не сомневается, что «уже сегодня», т.-е. летом и осенью 1905 года, во время всеобщих стачек и восстаний, «мы можем осуществить эту диктатуру»... Так говорит тов. Вардин. А послушаем, что говорил об этом сам Ленин. Свой доклад по этому вопросу на 3-м съезде Ленин начинает следующими словами: «Моя задача—изложить постановку вопроса об участии социал-демократов во временном революционном правительстве. На первый взгляд может показаться странным, что подобный вопрос возник. Можно подумать, что дела социал-демократов обстоят великолепно и вероятность их участия во временном революционном правительстве очень велика. На самом деле это не так. Обсуждать этот вопрос с точки зрения ближайшего практического осуществления было бы «дон-кихотством».

Соответственно с этим Ленин в проекте резолюции, которую он предложил на этом съезде, говорил пока осторожно лишь о «допустимости» участия при известных условиях. Дальнейшие комментарии излишни.

Третья ошибка. Тов. Вардин утверждает, что я смешивал большевистскую формулировку «революционная и демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» с формулировкой Троцкого «диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство». Это пустяки. В брошюре я вовсе не касался формулировки Троцкого, но в «Красной Нови», где я говорил о ней, я резко противопоставлял ее большевистской формулировке. Тов. Вардин далее пытается разъяснить мне «две очень несложные мысли: 1) буржуазная революция может быть куцой, приводящей к власти либералов, и может быть радикальной, народной, сметающей все остатки феодализма... 2) буржуазный либерализм не может, не хочет, не способен довести буржуазную революцию до конца» Это действительно несложные мысли, и тов. Вардин напрасно старается мне их пояснить: я сам их не хуже г. Вардина изложил в своей брошюре. Но я, излагая большевистскую формулировку («диктатура пролетариата и крестьянства») и подтверждая ее правильность для 1905 года, все же присовокуплял, «что Ленин в 1905 году еще не ясно представлял себе характер русской революции, считая ее буржуазной», и что правильнее в то время обосновал большевистскую тактику Каутский, утверждавший, что русская революция будет новым типом революции, стоящим на меже между старыми буржуазными и новыми социалистическими революциями. Возражая против этого моего утверждения, т. Вардин вопрошает меня: неужели мне не ясно, что буржуазные революции могут быть различные, что они могут быть половинчатые, могут быть решительные, доведенные до конца. Это мне совершенно ясно было, т. Вардин, но мне ясно также и другое, что вы даже не понимаете, о чем вопрос идет, что вы даже не понимаете всей трудности задачи, которую должен был решить Ленин. Что революция по своему экономическому содержанию могла быть буржуазной и в случае сделки либералов с царизмом, и в случае полной демократизации страны,—совершенно ясно. Но труднее решить было другой вопрос: могли ли бы мы удержаться строго в рамках экономической программы буржуазной революции в условиях диктатуры пролетариата и крестьянства, не вынудила ли бы нас сама логика революционной диктатуры выйти за эти рамки? Вот тут-то я склонялся к точке зрения Каутского, утверждавшего, что наша революция в деревне в аграрной области будет чисто-буржуазной, но что на-ряду с этим нам придется сделать такие вторжения в городскую капиталистическую промышленность (национализация монополизированных отраслей промышленности), которые хотя еще сами по себе не будут означать социализма, но которые поднимут нас «во всяком случае на ближайшую ступень к социализму». Поэтому мне казалось, что нашу революцию уже в 1905 г. во всех смыслах правильнее было бы определить не как буржуазную революцию, а как новый тип, находящийся на меже между буржуазными и социалистическими революциями.

Так я думал, но это была ошибка, как я в этом убедился после, когда я внимательнейшим образом перечитал все, что Ленин когда-либо писал об аграрном вопросе и о характере русской революции. Но этой моей действительной и единственной ошибки тов. Вардин как-раз по иронии судьбы и не понял, потому что это связано с очень трудным и сложным вопросом, а тов. Вардин хорошо усвоивает лишь «несложные мысли». Суть моей ошибки заключалась в следующем: Ленин правильно утверждал, что аграрный вопрос стоит в центре русской революции, что экономический характер ее определяется в зависимости от того или иного способа решения аграрного вопроса, и что при любом из способов он будет решен по-буржуазному. Ленин далее тоже думал (чего я раньше не предполагал), что при радикальном решении аграрного вопроса, возможном лишь при диктатуре пролетариата и крестьян, мы, может-быть, будем вынуждены выйти экономически за пределы чисто-буржуазной революции; но он понимал, что закрепить мы сможем только буржуазные завоевания революции; если нас не поддержит социалистическая революция на Западе, что в условиях 1905 г. было проблематично, то нам после того, как мы зайдем слишком далеко вперед, придется отступить. В виду того, что этот шаг к социализму после победы революции в условиях 1905 г. был бы, таким образом, только зигзагом, Ленин основательно считал ненужным и даже вредным заранее зафиксировать его в экономической программе революции, ибо это только бы затруднило наш путь к победе, вставляя преждевременно клин между пролетариатом и крестьянством. Этот ход мысли Ленина лучше всего показывает, каким он был гениальным стратегом, но как-раз это ускользает от внимания тех, которые облегчают себе задачу понимания Ленина крайне упрощенной постановкой вопросов, как это делает тов. Вардин. Подробнее об этом вопросе я останавливаюсь в своей статье «Ленин и аграрный вопрос в России», которая печатается во 2-м номере «Коммунистического Интернационала».

Четвертая ошибка. Излагая взгляд Ленина по вопросу об отношении к другим партиям в «искровский» период, я писал: «Мы не будем поддерживать других революционных и оппозиционных партий и групп, мы заставим их нас поддержать». По этому поводу тов. Вардин возражает: никогда Ленин этого не говорил. «Он говорил как-раз обратное: мы будем поддерживать в борьбе с царизмом всякую революционную и оппозиционную партию и группу, мы будем поддерживать всякий действительно революционный и действительно оппозиционный шаг любой буржуазной партии». В подтверждение этого тов. Вардин ссылается на союз Ленина и Плеханова с «легальными марксистами» в 90-х гг., на союз нашей партии с левыми с.-р. в 1917 г. и на тактику Коммунистического Интернационала по отношению к партиям Кемаля-паши в Турции, националистов—в Индии и партии «гоминдана» в Китае. Больше чем где бы то ни было тов. Вардин здесь показал, как он мыслить неисторично, он тут путает один принцип абстрактный, при-

менимый к самым различным историческим условиям, с другим принципом, отличным от первого, меняющимся в зависимости от конкретной исторической обстановки. Т. Вардин говорит, что мы должны поддерживать всякий действительно революционный и действительно оппозиционный шаг любой буржуазной партии. Это святая истина, и эту истину одинаково признавали и большевики, и меньшевики. Эта истина одинаково применима и к России, и к Китаю, и к 1905, и к 1917 году. Но я говорил не о поддержке того или иного оппозиционного или революционного шага, не о поддержке революционного или оппозиционного движения, а о поддержке оппозиционных и революционных партий. Это «две большие разницы», тов. Вардин! Этот вопрос решается с точки зрения конкретной исторической ситуации. В обстановке, в которой наша партия находилась в эпоху первой революции, меньшевики и большевики на этот вопрос давали два противоположных ответа. Исходя из своей схемы, что в буржуазной революции сначала должна прийти к власти либеральная буржуазия, а потом радикальная буржуазия, и что в обоих случаях наша партия должна сохранить положение лишь крайней левой оппозиции, меньшевики утверждали, что мы должны на первом этапе революции поддерживать либеральную «партию» в ее борьбе с царским самодержавием, «стараясь придать ей храбрость». На этом основана была известная меньшевистская «земская кампания» в 1904 г. На этом впоследствии была основана поддержка в думе кадетской партии, выдвинувшей лозунг «ответственного министерства». Большевики, наоборот, исходя из того, что наша партия должна иметь гегемонию в революции, что она должна стоять во главе всех эксплоатируемых и угнетенных слоев населения и всех демократических элементов ее, с первого же момента оформления либеральной партии ставила себе целью путем ее беспощадной критики оторвать от нее все демократические элементы, которые за нею еще идут, и повести их за собой, пристегнуть их к своей революционной колеснице. Вот это-то я и выразил в вышеприведенных словах, подвергшихся критике тов. Вардина. Утопив вопрос об отношениях к революционным или оппозиционным партиям в вопросе о нашем отношении к оппозиционному и революционному движению, тов. Вардин проглядел коренное, принципиальное разногласие в тактике большевиков и меньшевиков (слона не заметил!). А между тем, Ленин уже в первой своей статье, вскрывшей на конкретном вопросе две тактики в нашей партии, именно в статье «Земская кампания и план «Искры», подробно развил то, что я изложил в краткой форме. В этой статье мы читаем: «Когда либералы выступили самостоятельным органом и с особой политической программой, задача воздействия пролетариата на «общество» естественно изменилась: ...наше воздействие на либеральные слои приняло форму постоянных указаний на непоследовательность и недостаточность политического протеста господ либералов... Социал-демократы критикой этой половинчатости подталкивают постоянно либералов, отрывают все большее количество пролетариев и полупролетариев, а отчасти и мелких буржуа от либеральной демократии на сторону рабочей демократии». Это была основная позиция Ленина в эпоху первой революции. Иная ситуация была в 90-х годах. Тогда Ленин и Плеханов действительно вступили в «союз» с «легальными марксистами». Но и тогда Ленин был далек от того, чтобы поддерживать легальный марксизм, как таковой. Отмежевавшись от него уже в первой статье против Струве, он затем не поддерживал легального марксизма,

а лишь совместно с ним бил народников и пользовался теми легальными журналами и газетами, которые можно было основать только при содействии легальных марксистов, для того, чтобы проводить в них свою революционно-марксистскую точку зрения, для того, чтобы привлекать демократические элементы «общества» на сторону рабочей демократии. И «союз» большевиков с левыми эсерами в 1917 году ничего общего не имел с поддержкой партии левых эсеров. Напротив того, большевики в то время заставляли эсеров поддерживать дело большевистской партии.

Можно ли утверждать, что с точки зрения Ленина его позиция по отношению к оппозиционным и революционным партиям в эпоху первой русской революции обязательна для всех времен и народов, как обязательна во всех случаях поддержка всякого действительно оппозиционного и революционного движения? Отнюдь нет. В своем споре с Плехановым относительно тактики Маркса в Германии после 1848 г. Ленин говорит, что тогда плехановская тактика была уместна, поскольку буржуазная демократия была сильна и имела все шансы притти к власти при следующем подъеме революции, а организация коммунистов была крайне слаба. В России же в эпоху первой революции эта тактика насквозь оппортунистична, в виду того, что у нас ситуация противоположная: у нас как-раз социал-демократическая партия сильна и имеет все основания—с шансом на успех—взять курс на диктатуру пролетариата и крестьянства, между тем, как либеральная демократия во всех смыслах ничтожна. Из этого следует, что и в странах Востока неприменима в полной мере та тактика, которую Ленин применял в условиях русской революции, поскольку в той или другой из стран Востока имеется сильное национально-революционное движение мелкой буржуазии и еще слабая сравнительно пролетарская партия.

Пятая ошибка. Излагая взгляды Ленина на национальный вопрос, я приписывал ему такую мысль: «Пусть национальности, угнетаемые нашим державным народом, получат свободу на самоопределение вплоть до отделения». Слова «вплоть до отделения» я писал курсивом и, расшифровывая эту формулу, я говорил только о том, как Ленин отстаивал право всякой угнетенной национальности на отделение и образование самостоятельного государства. Никакого другого содержания я в приведенную мною формулу в своей брошюре не вкладывал. С другой стороны, тов. Вардину известно (ибо на это указывал в своих статьях т. Ленин), что я еще в 1903 году, на Лондонском съезде, будучи в программной комиссии восставал против расплывчатого понимания самоопределения. Из протоколов 1903 года Ленин приводит следующую выдержку: «Мартынов находит, что слову самоопределению нельзя придавать широкого толкования; оно значит лишь право наций на обособление в отдельное политическое целое, а отнюдь не областное самоуправление». Несмотря на это, тов. Вардин считает нужным мне разъяснить эту давно известную мне истину на том основании, что общая формула, приведенная мною, дескать, двусмысленная и противоречит взглядам Ленина: «Не вплоть до отделения,—говорит т. Вардин,—а именно только право на отделение», признавал Ленин. Но эту формулу, т. Вардин, я не сам выдумал, я взял ее из официального, чрезвычайно важного документа, подписанного тт. Сталиным и Лениным. Этот документ—«Декларация прав народов России», в которой написано черным по белому: «Исполняя волю этих съездов, Совет Народных Комиссаров

решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1) Равенство и суверенность народов России.

2) Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства... Под этой декларацией, как известно, написано: «Именем Республики Российской Народный Комиссар по делам национальностей Иосиф Джугашвили-Сталин.

Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин)».

Таким образом, тов. Вардин обязан теперь доказать, что Сталин и Ленин 2-го ноября 1917 года изменили ленинской позиции в национальном вопросе. Желаю ему успеха в этом предприятии.

Шестая и последняя ошибка. Я писал, говоря об «искровском» периоде: «Ленин перестраивал нашу социал-демократическую партию на якобинский лад и установил в ней режим диктатуры для того, чтобы лучше справиться с современными жирондистами—соглашателями в социалистическом мире. И когда мы теперь оглядываемся назад, для нас становится ясным, какой исторический смысл имела эта диктатура в партии. Она была необходимой предпосылкой для осуществления диктатуры пролетариата в стране».

Против этого т. Вардин возражает: «Ленинская партия построена отнюдь не на «якобинский лад». Говорить об якобинской диктатуре внутри большевистской партии могут только люди, которым всякая дисциплина, всякий революционный порядок кажется светопреставлением. Диктатура—это неограниченное господство, диктатура не признает никаких законов, она сама творит свои законы. Наша партия управляется на основе демократического централизма. Как же этого не понять?»

В этом возражении оказывается двоякое глубокое непонимание т. Вардиным истории большевистской партии. Во-первых, я в цитированных словах охарактеризовал, как Ленин строил партию в период старой «Искры», в период, когда наша партия была еще в подполье и когда она по своему составу была еще интеллигентской; в этих условиях Ленин действительно устанавливал в партии режим диктатуры в том смысле, что тогда партия строилась только сверху, что директивы («законы») диктовались только сверху, и что дисциплина партийная была тогда несравненно более строгая, чем когда бы то ни было впоследствии в большевистской партии. Она была настолько строгая, что уральские комитетчики, например, защищали в то время даже принцип личной диктатуры. Впоследствии, когда стало возможно открыто организовать партию, и когда большевистская партия всосала в себя много пролетарских элементов, режим диктатуры сменился демократическим режимом,—режимом демократического централизма. Но это нисколько не опровергало целесообразности «диктатуры», царившей в первый искровский период нашей партии, а во-вторых,—и это особенно важно,—якобинский дух продолжал царить в большевистской партии и во все последующие годы, ибо именно «якобинизм», которым Ленин пропитал большевистскую партию еще в искровский период, составлял и продолжает составлять наиболее характерную и отличительную черту большевистской партии от всяких других. Этот якобинский уклад партии выражается в наличности крепкого центрального ядра партии, состоящего из профессиональных революционеров, способных обеспечить осуществление революционной гегемонии пролетариата, в железной дисциплине партии и в беспощадной борьбе с современным социалистическим жирондизмом, т.-е. с буржуазными влияниями, проникающими в партию. Именно «якобинизм», а не «демократический централизм», есть то, чем большевистская партия отличается от других. Демократический централизм существует и в других партиях. Его готовы были признавать и меньшевики, его даже выставила как боевой лозунг на своем щите пресловутая оппозиционная группа «демократического централизма», которую не без основания обвиняли в отступлении от большевизма. Говоря о старо-искровском периоде, Ленин в своем предисловии в сборнике «за 12 лет» писал: «все позднейшие споры между с.-д. шли о том, как направлять политическую деятельность рабочей партии в тех или иных отдельных случаях. Тогда же речь шла об определении самых общих основ и коренных задач всякой социал-демократической политики вообще». В чем же заключались эти общие основы всякой революционной социал-демократической политики? Это Ленин формулировал в своей брошюре «Шаг вперед—два назад». Анализируя борьбу двух течений на Лондонском съезде нашей партии 1903-го года, Ленин пишет, что по всем вопросам там обнаруживался «антагонизм современных якобинцев и современных жирондистов социал-демократии». В частности, этот антагонизм проявился и в организационных спорах на этом съезде: «Кто отстаивает «пролетарские тенденции в нашем движении», кто подчеркивает, что рабочий не боится организации, что пролетарий не сочувствует анархии, что он ценит стимул «организуйтесь», кто предостерегает от буржуазной интеллигенции, насквозь пропитанной оппортунизмом? Якобинцы социал-демократии. И кто протаскивает в партию радикальную интеллигенцию, кто заботится о профессорах, гимназистах, об одиночках, о радикальной молодежи? Жирондист Аксельрод вместе с жирондистом Либером». В заключение он говорит: «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ». Эти слова имеют огромное принципиальное значение. Они имеют историческое значение. Якобинский дух, который царил в революционном и социалистическом движении в эпоху, начавшуюся великой французской революцией и закончившуюся Парижской Коммуной, на долгие годы угас. Этот дух возродился лишь на заре первой русской революции. И носителем этого духа был т. Ленин. Отправляясь от якобинизма искровского периода, Ленин в 1905 году поднял вопрос о действии не только «снизу», но и «сверху», о борьбе за власть, и выдвинул лозунг «диктатуры пролетариата и крестьянства». Отправляясь от этого же, он пришел к своим «тезисам» 1917 года и к Октябрьской революции.

Поэтому я с полным основанием сказал, что перестройка нашей партии на якобинский лад еще в искровский период была необходимой предпосылкой для осуществления диктатуры пролетариата в стране в будущем. Не понимать этого и противопоставлять якобинизму демократический централизм, значит мало понимать в истории большевистской партии. В последнем заключается не шесть, а одна, но крупная ошибка т. Вардина.

От редакции. Ответная статья тов. Вардина по техническим причинам не могла войти в настоящий номер и будет напечатана в следующей книжке «Большевика».

Литературное наследство В. И. Ленина.

Об авантюризме.

Статья тов. Ленина «Об авантюризме», первоначально напечатанная в № 7 журнала «Рабочий» в 1914 году, не вошла в 12-й том собрания сочинений. Когда она была найдена в результате «раскопок» в московских книгохранилищах, 12-й том находился уже в переплете.

Как видит читатель, статья главным образом направлена против политики Плеханова, издававшего с 18-го мая 1914 г. еженедельную газету «Единство», с лозунгом «единства живых сил» марксизма в России...

Эта статья показывает отношение Ильича к вопросу об «единстве» и «фракционности», к вопросу, так волновавшему нашу партию во время последней дискуссии. Плеханов, отвечая на эту статью Ленина в № 4 «Единства», писал, что дело «примирения» всех фракций встречает единственное препятствие в «злой воле фракционеров» и что «поглотить» все «течения» Ленину никогда не удастся. Этим ярым «фракционером» и был, по мнению Плеханова, В. И. Ленин, не желавший превращать партию в парламент, где свободно существуют различные «фракции и группировки».

Когда марксисты говорят об авантюристичности известных группок, они имеют при этом в виду вполне определенные общественно-исторические особенности такого явления, с которым надо быть знакомым всякому сознательному рабочему.

История российской социал-демократии кишмя-кишит группками, которые возникали «на час», на несколько месяцев, не имея никаких корней в массах (а политика без масс есть авантюристическая политика), не имея никаких серьезных и прочных идей. В стране мелкобуржуазной, в исторический период буржуазных перестроек неизбежно присоединение к рабочим разношерстной интеллигенции, неизбежны попытки основания ею всяческих группок—авантюристических в указанном смысле слова.

Рабочие, не желающие давать себя водить за нос, должны строго проверять всякую группку и с точки зрения серьезности ее идей, и с точки зрения корней в массах. Не верит на-слово, проверять строжайше—вот лозунг марксистов-рабочих.

Припомним борьбу «искровства» и «экономизма», 1895—1902 годы. Это были два течения социал-демократической мысли, одно—пролетарское и марксистское, проверенное трехлетней кампанией «Искры», проверенное всеми передовыми рабочими, которые признали своими точные, ясные, оформленные решения об «искровской» тактике и организации. «Экономизм» был тече-

нием буржуазным, оппортунистическим, подчинявшим рабочих либералам.

Кроме этих двух серьезных течений, была масса беспочвенных группок («Свобода», «Борьба», группа берлинских листков и т. д.), которые давно забыты. В этих группах было немало честных и добросовестных с.-д., но они оказались авантюристами в том смысле, что ни прочных, серьезных идей, программы, тактики, организации, ни корней в массах у них не было.

Так, и только так, изучая историю, вдумываясь в идейное значение определенной проповеди, проверяя фразы фактами, должны подходить серьезные люди к оценке теперешних течений и группок.

«На слово» верят одни дурачки.

«Правдизм» есть течение, давшее точные марксистские ответы, резолюции (1908, 1910, 1912, 1913 февраль и лето) по всем вопросам тактики и организации и программы. Преемственность этих решений со времен старой «Искры» (1901—3) выдержана строжайше, не говоря уже о лондонском (1907) съезде. Правильность этих решений проверена 5—6-летним (1908—1914) опытом всех передовых рабочих, которые признали эти решения своими. «Правдизм» объединил на деле $^4/_5$ сознательных рабочих России (5.300 групп рабочих с.-д. из 6.700 за $2^1/_2$ года).

Ликвидаторство есть течение. У него есть почти 20-летняя история, ибо оно—прямое продолжение «экономизма» (1895—1902) и порождение меньшевизма (1903—1908). Либерально-буржуазные корни и либерально-буржуазное содержание этого течения признано решениями (1908 и 1910; недаром их боятся даже опубликовать полностью ликвидаторы!!). Либеральные идеи ликвидаторов связаны и цельны: долой подполье, долой китов, за открытую партию, против «стачечного азарта», против высших форм борьбы и т. д. Сочувствие ликвидаторам в либерально-буржуазном «обществе» и у кадетов, и у беспартийной (и околопартийной) интеллигенции давнее и прочное. Ликвидаторство серьезное, только не марксистское, не пролетарское, а либерально-буржуазное течение. О «мире» с ликвидаторами могут говорить лишь люди без головы.

Теперь возьмите все остальные группки, желающие тоже быть «течениями». Перечислим их: 1) впередовцы с Алексинским; 2) тоже с Богдановым; 3) тоже с Воиновым; 4) плехановцы; 5) «большевики-партийцы» (на деле примиренцы: Марк Зоммер с домочадцами); 6) троцкисты (т.-е. Троцкий, даже без Семковского); 7) «кавказцы» (т.-е. Ан—без Кавказа).

Мы перечислили те группки, о коих было в печати, в России и за рубежом, заявлено, что они желают быть особыми «течениями» и группами. Мы старались перечислить все русские группки, оставляя в стороне не-русские.

Все эти группки, без единого исключения, один сплошной авантюризм.

Почему? Где доказательство? — спросит читатель.

Доказательство—история последнего десятилетия (1904—1914), самого богатого событиями и самого знаменательного. Деятели всех названных группок обнаружили за эти 10 лет самые беспо-

мощные, самые жалкие, самые смехотворные колебания по серьезным вопросам тактики и организации, обнаружили полную неспособность создать течения, имеющие корни в массах.

Возьмем лучшего из всех, Плеханова. Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников.

Но с 1903 года по вопросам тактики и организации Плеханов колеблется самым смешным образом: 1) 1903, август—большевик, 2) 1903, ноябрь (№ 52 «Искры»)—за мир с «оппортунистами»-меньшевиками; 3) 1903, декабрь—меньшевик и ярый; 4) 1905, весна, после победы большевиков,—за «единство» «враждующих братьев»; 5) 1905, с конца до половины 1906—меньшевик; 6) половина 1906—начинает иногда отходить от меньшевиков и в Лондоне, 1907, порицает их (признание Череванина) за «организационный анархизм»; 7) 1908—разрыв с ликвидаторами; 8) 1914—новый поворот к ликвидаторам. Плеханов проповедует «единство» с ними, не умея двух ясных слов сказать, каковы же условия единства? Почему оно стало возможно с господином Потресовым? Где гарантии выполнения тех или иных условий?

После опыта такого десятилетия мы ручаемся, что Плеханов способен дать брызги, но «течения» здесь нет и не будет.

Мы вполне понимаем правдистов, которые охотно печатали статьи Плеханова против ликвидаторов: разве можно было правдистам отклонять статьи, вполне проводившие решения 1908–1910 гг. против ликвидаторов? Плеханов принялся теперь повторять за ликвидаторами, за Богдановым и проч. фразы о единстве «всех течений». Мы решительно осуждаем этот прием, с которым надо вести беспощадную борьбу.

Нигде в мире рабочие партии не объединяют интеллигентских группок и «течений», а объединяют рабочих на условии 1) признания и проведения определенных марксистских решений по вопросам тактики и организации; 2) подчинения меньшинства сознательных рабочих большинству их.

Это единство на почве безусловного отречения противников подполья осуществлено правдистами за $2\frac{1}{2}$ года (1912—14) на $\frac{4}{5}$. Сколько бы правдистов ни ругали пустые люди фракционерами, раскольниками и проч., от этих фраз и ругани факт единства рабочих не исчезнет...

Плеханов грозит теперь разрушить это единство большинства. Мы спокойно и твердо заявляем рабочим: не верьте словам, проверяйте их фактами, и вы увидите, что каждый шаг каждой из названных выше авантюристических группок будет все нагляднее обнаруживать их беспомощные и жалкие колебания.

Письма из далека [1].

ПИСЬМО 2-ОЕ.

Новое правительство и пролетариат.

Главный документ, которым я располагаю по сегодняшнее число (8—21 марта), это—номер английской консервативнейшей и буржуазной газеты «Times» (Таймс) от 16-III со сводкой сообщений о революции в России. Ясно, что источника, более благоприятно, выражаясь мягко, настроенного к правительству Гучкова и Милюкова, найти нелегко.

Корреспондент этой газеты сообщает из Петербурга от среды 1—14 марта, когда существовало еще только первое временное правительство, т.-е. думский Исполнительный Комитет из 13 человек, с Родзянкой во главе и с двумя, по выражению газеты, «социалистами» Керенским и Чхеидзе в числе членов,—следующее:

«Группа из 22 выборных членов Государственного Совета, Гучков, Стахович, Трубецкой, проф. Васильев, Гримм, Вернадский и др. отправила вчера телеграмму царю, умоляя его для спасения «династии» и пр. и пр. созвать Думу и назначить главу правительства, пользующегося «доверием нации». «Каково будет решение императора, который сегодня должен приехать, еще неизвестно в данный момент,—пишет корреспондент,—но одна вещь совершенно несомненна. Если его величество не удовлетворит немедленно желаний самых умеренных элементов среди его лойяльных подданных, то влияние, которым пользуется теперь Временный Комитет Государственной Думы, всецело перейдет в руки социалистов, которые хотят учреждения республики, но которые не в состоянии установить какого бы то ни было упорядоченного правительства и неизбежно повергли бы страну в анархию внутри и катастрофу извне»...

Неправда-ли, как это государственно-мудро и как это ясно? Как хорошо понимает английский единомышленник (если не руководитель) Гучковых и Милюковых соотношение классовых сил и интересов! «Самые умеренные элементы из лойяльных подданных», т.-е. монархические помещики и капиталисты, желают получить власть в свои руки, превосходно сознавая, что иначе «влияние» перейдет в руки «социалистов». Почему же именно «социалистов», а не кого-либо еще другого? Потому что английский гучковец отлично видит, что никакой другой общественной силы на политической арене нет и быть не может. Революцию совершил пролетариат, он проявил героизм, он проливал кровь, он увлек за собой самые широкие массы трудящегося и беднейшего населения, он требует хлеба, мира и свободы, он требует республики, он сочувствует социализму. А горстка помещиков и капиталистов, с Гучковыми и Милюковыми во главе, хочет обмануть волю или стремление громадного большинства, заключить

[1]) Писаны в марте 1917 года в Швейцарии. В свое время в „Правде" было опубликовано только письмо 1-ое. Ред.

сделку с падающей монархией, поддержать, спасти ее: назначьте Львова и Гучкова, ваше величество, и мы будем с монархией против народа. Вот весь смысл, вся суть политики нового правительства.

А как оправдать обман народа, одурачение его, нарушение воли гигантского большинства населения?

Для этого надо оклеветать его—старый, но вечно новый прием буржуазии. И английский гучковец клевещет, бранится, плюет и брызжет: «анархия внутри, катастрофа извне», «никакого упорядоченного правительства»!!

Неправда, почтенный гучковец! Рабочие хотят республики, а республика есть гораздо более «упорядоченное» правительство, чем монархия. Чем гарантирован народ от того, что второй Романов заведет себе второго Распутина? Катастрофу несет именно продолжение войны, т.-е. именно новое правительство. Пролетарская республика, поддержанная сельскими рабочими и беднейшей частью крестьян и горожан, одна только может обеспечить мир, дать хлеб, порядок, свободу.

Крики против анархии прикрывают лишь корыстные интересы капиталистов, желающих наживаться на войне и на военных займах, желающих восстановить монархию против народа.

«Вчера, — продолжает корреспондент, — социал-демократическая партия выпустила воззвание самого мятежнического содержания, и воззвание это было распространено по всему городу. Они (т.-е. социал-демократическая партия) чистые доктринеры, но их власть на совершение зла громадна во время, подобное настоящему. Г. Керенский и г. Чхеидзе, которые понимают, что без поддержки офицеров и более умеренных элементов народа они не могут надеяться на избежание анархии, принуждены считаться со своими менеее разумными товарищами и незаметно их толкают к занятию позиции, которая усложняет задачу Временного Комитета»...

О, великий английский дипломат-гучковец! Как «неразумно» проболтали вы правду!

«Социал-демократическая партия» и «менее разумные товарищи», с которыми «принуждены считаться Керенский и Чхеидзе», это, очевидно, центральный или петербургский комитет нашей восстановленной январской конференциею 1912 года партии, те самые «большевики», которых буржуа всегда ругают «доктринерами» за верность «доктрине», т.-е. началам, принципам, учению, целям социализма. Мятежническим и доктринерским ругает английский гучковец, явное дело, воззвание и поведение нашей партии за призыв бороться за республику, за мир, за полное разрушение царской монархии, за хлеб для народа.

Хлеб для народа и мир—это мятежничество, а министерские места для Гучкова и Милюкова, это—«порядок». Старые, знакомые речи!

Какова же тактика Керенского и Чхеидзе, по характеристике английского гучковца?

Колеблющаяся: с одной стороны, гучковец хвалит их, они-де «понимают» (пай—мальчики! умницы!), что без «поддержки» офицеров и более умеренных элементов нельзя избежать анархии (а мы-то думали до сих пор и продолжаем думать, согласно нашей доктрине, нашему учению социализма, что именно капиталисты вносят в человеческое общество анархию и войны, что только переход всей политической власти к пролетариату и беднейшему народу способен избавить нас от войн, от анархии, от голода!).

С другой стороны, они-де «принуждены считаться» «с своими менее разумными товарищами», т.-е. с большевиками, с Российской Социал-Демократической Рабочей Партией, восстановленной и объединенной Центральным Комитетом.

Какая же сила «принуждает» Керенского и Чхеидзе «считаться» с большевистской партией, к которой они никогда не принадлежали, которую они сами или их литературные представители («социалисты-революционеры», «народные социалисты», «меньшевики-окисты» и т. п.) всегда бранили, осуждали, объявляли ничтожным подпольным кружком, сектой доктринеров и т. п.? Где же и когда это видано, чтобы в революционное время, во время действия масс по преимуществу, политики, не сошедшие с ума, «считались» с «доктринерами»??

Запутался бедный наш английский гучковец, не свел концов с концами, не сумел ни целиком налгать, ни целиком сказать правды и только выдал себя.

Считаться с Социал-Демократической Партией центрального комитета принудило Керенского и Чхеидзе влияние ее на пролетариат, на массы. Наша партия оказалась с массами, с революционным пролетариатом, несмотря на арест и высылку в Сибирь еще в 1914 году наших депутатов, несмотря на отчаянные преследования и аресты, которым подвергался Петербургский Комитет за свою нелегальную работу во время войны против войны и против царизма.

«Факты—упрямые вещи», говорит английская пословица. Позвольте вам напомнить ее, почтеннейший английский гучковец! Факт руководства или по крайней мере беззаветной помощи петербургским рабочим в великие дни революции со стороны нашей партии должен был признать «сам» английский гучковец. Факт колебаний Керенского и Чхеидзе между буржуазией и пролетариатом он должен был признать равным образом. Гвоздевцы, «оборонцы», т.-е. социал-шовинисты, т.-е. защитники империалистской, грабительской войны, вполне идут теперь за буржуазией; Керенский, войдя в министерство, т.-е. во второе Временное Правительство, тоже вполне ушел к ней; Чхеидзе не пошел, он остался колеблющимся между Временным Правительством буржуазии, Гучковыми и Милюковыми, и «временным правительством» пролетариата и беднейших масс народа, Советом Рабочих Депутатов и Российской Социал-Демократической Рабочей Партией, объединенной Центральным Комитетом.

Революция подтвердила, следовательно, то, на чем мы особенно настаивали, призывая рабочих к отчетливому уяснению классовой разницы между главными партиями и главными течениями в рабочем движении и в мелкой буржуазии,—то, что мы писали, например, в женевском «Социал-Демократе», № 47, почти полтора года тому назад, 13 окт. 1915 г.:

«Участие социал-демократов во временном революционном

правительстве мы считаем попрежнему допустимым вместе с демократической мелкой буржуазией, но только не с революционерами-шовинистами. Революционерами-шовинистами мы считаем тех, кто хочет победы над царизмом для победы над Германией, для грабежа других стран, для упрочения господства великороссов над другими народами России и т. д. Основа революционного шовинизма — классовое положение мелкой буржуазией. Она всегда колеблется между буржуазией и пролетариатом. Теперь она колеблется между шовинизмом (который мешает ей быть последовательно-революционной даже в смысле демократической революции) и пролетарским интернационализмом. Политические выразители этой мелкой буржуазии в России в данный момент—трудовики, социал-революционеры, «Наша Заря» (ныне «Дело»), фракция Чхеидзе, Организационный Комитет, г. Плеханов и т. под. Если бы в России победили революционеры-шовинисты, мы были бы против обороны их «отечества» в данной войне. Наш лозунг—против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, против них и за союз международного пролетариата для социалистической революции».

Но вернемся к английскому гучковцу.

...«Временный Комитет Государственной Думы»,— продолжает он,—«оценивая опасности, стоящие перед ним, умышленно воздержался от осуществления своего первоначального плана арестовать министров, хотя это можно бы было сделать вчера с наименьшими трудностями. Дверь была таким образом открыта для переговоров, благодаря чему мы («мы»—английский финансовый капитал и империализм) можем получить все выгоды нового режима, не проходя через ужасное (чистилище) испытание Коммуны и анархию гражданской войны»...

Гучковцы были за гражданскую войну в их пользу, они против гражданской войны в пользу народа, т.-е. действительно большинства трудящихся.

...«Отношения между Временным Думским Комитетом, который представляет всю нацию (это Комитет-то четвертой Думы, помещичье и капиталистической!) и Советом Рабочих Депутатов, который представляет чисто классовые интересы (язык дипломата, слыхавшего одним ухом ученые слова и желающего скрыть, что Совет Рабочих Депутатов представляет пролетариат и бедноту, т.-е. $^{9}/_{10}$ населения), но во время кризиса, подобного настоящему, имеет огромную власть, вызвали не мало опасений среди рассудительных людей, предвидящих возможность столкновения между тем и другим,—столкновения, результаты коего могли бы быть слишком ужасны.

«К счастью, эта опасность была устранена,—по крайней мере, для настоящего времени (заметьте это «по крайней мере»! благодаря влиянию Керенского, молодого адвоката с большими ораторскими способностями, который ясно понимает (в отличие от Чхеидзе, который тоже «понимал», но по мнению гучковца должно быть менее ясно?) необходимость действовать вместе с Комитетом в интересах его избирателей из рабочего класса (т.-е. чтобы иметь голоса рабочих, заигрывать с ними). Удивительное со-

глашение было заключено сегодня (среда 1-14 марта), благодаря чему всякие излишние трения будут избегнуты».

Какое это было соглашение, между всем-ли Советом Рабочих Депутатов, каковы его условия, мы не знаем. О главном английский гучковец на этот раз промолчал совсем. Еще бы! Буржуазии не выгодно, чтобы эти условия были ясны, точны, всем известны,—ибо тогда труднее будет для нее нарушить их!

Предыдущие строки были уже написаны, когда я прочел два очень важные, сообщения. Во-1-х, в парижской консервативнейшей и буржуазнейшей газете «Le Temps» («Время», от 20-III текст воззвания Совета Рабочих Депутатов о «поддержке» нового правительства, во-2-х, выдержки из речи Скобелева в Государственной Думе 1-14 марта, переданные одной цюрихской газетой (Neue Züricher Zeitung 1 Mit-be, 21-III) со слов одной берлинской газеты (Natonal Zeitung).

Воззвание Сов. Раб. Деп., если текст его не искажен французскими империалистами, является замечательнейшим документом, показывающим, что петербургский пролетариат, по крайней мере в момент выпуска этого воззвания, находился под преобладающим влиянием мелко-буржуазных политиков. Напомню, что к политикам этого рода я отношу, как отмечено уже выше, людей типа Керенского и Чхеидзе.

В воззвании находим две политические идеи и соответственно этому два лозунга:

Во-первых. Воззвание говорит, что правительство (новое) состоит из «умеренных элементов». Характеристика странная, совсем неполная, чисто либерального, не марксистского характера. Я тоже готов согласиться, что в известном смысле,—я покажу в следующем письме, в каком именно,—всякое правительство должно быть теперь, после завершения первого этапа революции «умеренным». Но абсолютно недопустимо скрывать от себя и от народа, что это правительство хочет продолжения империалистской войны, что оно—агент английского капитала, что оно хочет восстановления монархии и укрепления господства помещиков и капиталистов.

Воззвание заявляет, что все демократы должны «поддержать» новое правительство и что Совет Рабочих Депутатов просит и уполномочивает Керенского принять участие во Временном Правительстве. Условия—проведения обещанных реформ еще во время войны, гарантия «свободы культурного» (только??) развития национальностей (чисто кадетская, либерально-убогая программа) и образование особого комитета для надзора за действиями Временного Правительства, комитета, состоящего из членов Совета Рабочих Депутатов и из «военных».

Об этом комитете надзора, относящемся к идеям и лозунгам второго порядка, речь пойдет особо ниже.

Назначение же русского Луи Блана Керенского и призыв к поддержке нового правительства является, можно сказать, классическим образцом измены делу революции и делу пролетариата, измены именно такого рода, которая и погубила *) целый ряд

*) В рукописи В. И. значится „которые и погубили".

революций 19-го века, независимо от того, насколько искренни и преданы социализму руководители и сторонники подобной политики.

Поддерживать правительство войны, правительство реставрации пролетариат не может и не должен. Для борьбы с реакцией, для отпора возможным и вероятным попыткам Романовых и их друзей восстановить монархию и собрать контр-революционное войско, необходима совсем не поддержка Гучкова и Ко, а организация, расширение, укрепление, пролетарской милиции, вооружение народа под руководством рабочих. Без этой главной, основной, коренной меры не может быть и речи ни о том, чтобы оказать серьезное сопротивление восстановлению монархии и попыткам отнять или урезать обещанные свободы, ни о том, чтобы твердо встать на путь, ведущий к получению хлеба, мира, свободы.

Если Чхеидзе, который вместе с Керенским был членом первого Временного Правительства (Думского Комитета из 13 лиц), не пошел во второе Временное Правительство действительно по принципиальным соображениям вышеуказанного или подобного характера, тогда это делает ему честь. Это надо сказать прямо. К сожалению, такое толкование противоречит другим фактам и прежде всего речи Скобелева, который всегда шел рука об руку с Чхеидзе.

Скобелев говорил, если верить вышеназванному источнику, что «социальная (очевидно, социал-демократическая) группа и рабочие имеют лишь легкое соприкосновение (легкий контакт) с целями Временного Правительства», что рабочие требуют мира и, что если продолжать войну, то весной все равно будет катастрофа, что «рабочие заключили с обществом (либеральным обществом) временное соглашение (eine vorläufige Waffenfreundschaft), хотя их политические цели, как небо от земли, далеки от целей общества», что «либералы должны отказаться от бессмысленных (Unsinnige) целей войны» и т. п.

Эта речь—образец того, что мы назвали выше, в цитате из «Социал-Демократа» «колебанием» между буржуазией и пролетариатом. Либералы, оставаясь либералами, не могут «отказаться» от «бессмысленных» целей войны, которые определяются, кстати сказать, не ими одними, а англо-французским финансовым капиталом всемирно-могучей, сотнями миллиардов измеряемой силы. Не либералов надо «уговаривать», а рабочим разъяснять, почему либералы попали в тупик, почему они связаны по рукам и по ногам, почему они скрывают и договоры царизма с Англией, и проч. и сделки русского капитала с англо-французским и проч. и т. д.

Если (тов.) Скобелев говорит, что рабочие заключили с либеральным обществом какое-ни-на-есть соглашение, не протестуя против него, не разъясняя его вреда для рабочих с думской трибуны, то он тем самым одобряет соглашение. А этого делать никак не следовало.

Прямое или косвенное, ясно выраженное или молчаливое одобрение Скобелевым соглашения Совета Рабочих Депутатов с Временным Правительством есть колебание Скобелева в сторону буржуазии. Заявление Скобелева, что рабочие требуют мира, что их цели, как небо от земли, далеки от целей либералов, есть колебание Скобелева в сторону пролетариата.

Чисто-пролетарской, истинно-революционной и глубоко-правильной по замыслу является вторая политическая идея изучаемого нами воззвания Совета Рабочих Депутатов, именно идея создания «Комитета Надзора» (я не знаю, так ли он именно называется по-русски; я перевожу вольно с французского), именно пролетарски-солдатского надзора за Временным Правительством.

Вот это дело! Вот это достойно рабочих, проливавших свою кровь за свободу, за мир, за хлеб для народа! Вот это—реальный шаг по пути реальных гарантий и против царизма, и против монархии, и против монархистов Гучкова-Львова с Ко! Вот это—признак того, что русский пролетариат, несмотря ни на что, ушел вперед по сравнению с французским пролетариатом 1848 г., «уполномачивавшим» Луи Блана! Вот это—доказательство, что инстинкт и ум пролетарской массы не удовлетворяется декламациями, восклицаниями, посулами реформ и свобод, званием «министра по уполномочию рабочих» и тому подобной мишурой, а ищет опоры только там, где она есть, в вооруженных народных массах, организуемых и руководимых пролетариатом, сознательными рабочими.

Это—шаг по первому верному пути, но только первый шаг.

Если этот «Комитет Надзора» останется учреждением чисто-парламентского, только—политического типа, т. е. комиссией, которая будет «задавать вопросы» Временному Правительству и получать от него ответы, тогда это все же останется игрушкой, тогда это—ничто.

Если же это ведет к созданию, немедленно и во что бы то ни стало, действительно всенародной, действительно всех мужчин и всех женщин охватывающей рабочей милиции или рабочего ополчения, которое не только заменило бы перебитую и устраненную полицию, не только сделало невозможным восстановление ее никаким ни монархически-конституционным, ни демократически-республиканским правительством, ни в Питере, ни где бы то ни было в России,—тогда передовые рабочие России действительно становятся на путь новых и великих побед, на путь, ведущий к победе над войной, к осуществлению на деле того лозунга, который, как говорят газеты, красовался на знамени кавалерийских войск, демонстрировавших в Питере на площади перед Государственной Думой:

«Да здравствуют социалистические республики всех стран»!

Свои мысли по поводу этого рабочего ополчения я изложу в следующем письме.

Я постараюсь показать там, с одной стороны, что именно создание всенародного, рабочими руководимого ополчения есть правильный лозунг дня, отвечающий тактическим задачам своеобразного переходного момента, который переживает русская революция (и всемирная революция), а с другой стороны, что для успеха этого рабочего ополчения оно должно быть, во-первых, всенародным, (до) массовым до всеобщности, охватить действительно все способное к труду население обоего пола; во-

вторых, оно должно переходить к соединению не только чисто-полицейских, но обще-государственных функций с функциями военными и с контролем за общественным производством и распределением продуктов.

Н. Ленин.

Цюрих 22/13 марта 1917 г.

P. S. Я забыл пометить предыдущее письмо 20 (11) марта.

ПИСЬМО 5-ое.

Задачи революционного пролетарского государственного устройства.

В предыдущих письмах задачи революционного пролетариата в России в настоящий момент были намечены следующим образом: 1) суметь подойти наиболее верным путем к следующему этапу революции или ко второй революции, которая 2) должна передать государственную власть из рук правительства помещиков и капиталистов (Гучковых, Львовых, Милюковых, Керенских) в руки правительства рабочих и беднейших крестьян, 3) это последнее правительство должно организовать по типу Советов рабочих и крестьянских депутатов, именно 4) оно должно разбить, совершенно устранить старую и обычную во всех буржуазных государствах государственную машину, армию, полицию, бюрократию (чиновничество), заменив эту машину 5) не только массовой, но и поголовно-всеобщей организацией вооруженного народа. 6) Только такое правительство, «такое» по своему классовому составу («революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства») и по своим органам управления («пролетарская милиция») в состоянии успешно решить чрезвычайно трудную и безусловно-неотложную, главнейшую задачу момента, именно: добиться мира, притом не империалистического мира, не сделки между империалистскими державами о дележе награбленной капиталистами и их правительствами добычи, а действительно прочного и демократического мира, который не достижим без пролетарской революции в ряде стран. 7) В России победа пролетариата осуществима в самом близком будущем лишь при условии, что первым шагом ее будет поддержка рабочих громадным большинством крестьянства в борьбе его за конфискацию всего помещичьего землевладения (и национализацию всей земли (ест) если принять, что аграрная программа «104-х» осталась по сути своей аграрной программой крестьянства). 8) В связи с такой крестьянской революцией и на основе ее возможны и необходимы дальнейшие шаги пролетариата в союзе с беднейшей частью крестьянства, шаги, направленные к контролю производства и распределения важнейших продуктов, к введению «всеобщей трудовой повинности» и т. д. Шаги эти с безусловной неизбежностью предписываются

теми условиями, которые создала война и которые даже обострит во многих отношениях послевоенное время; а в своей сумме и в своем развитии эти шаги были бы переходом к социализму, который непосредственно, сразу, без переходных мер, в России неосуществим, но вполне осуществим и насущно-необходим в результате такого рода переходных мер. 9) Задача немедленной и особой организации в деревнях советов рабочих депутатов, т.-е. советов сельско-хозяйственных наемных рабочих, отдельно от советов остальных крестьянских депутатов, выдвигается при этом с крайней настойчивостью.

Такова, вкратце, намеченная нами программа, основанная на учете классовых сил русской и всемирной революции, а также на опыте 1871 и 1905 гг.

Попытаемся теперь бросить общий взгляд на эту программу в целом, останавливаясь попутно на том, как подошел к этой теме К. Каутский, крупнейший теоретик «2-го» (1889—1914) Интернационала и виднейший представитель наблюдаемого во всех странах течения «центра», «болота», колеблющегося между социал-шовинистами и революционными интернационалистами. Каутский подошел к этой теме в своем журнале «Новое Время» (Die Neue Zeit, № от 6 апр. 1917 г. по новому стилю), в статье «Перспективы русской революции».

«Прежде всего,—пишет Каутский,—мы должны выяснить себе задачи, стоящие перед революционным пролетарским режимом» (государственным устройством).

«Две вещи,—продолжает автор,—настоятельно необходимы пролетариату: демократия и социализм».

Это совершенно бесспорное положение Каутский выставляет, к сожалению, в непомерно общей форме, так что оно ничего, в сущности, не дает и ничего не выясняет. Милюков и Керенский, члены буржуазного и империалистского правительства, охотно подписали бы это общее положение, один в первой, другой—во второй его части.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Вл. Сорин. Учение Ленина о партии (организационные основы ленинизма). Изд. М. К. Р. К. П. 1924 г., 10.000 экз. 240 страниц.

Эта книжка должна сейчас занять одно из первых мест в той партийной литературе по ленинизму, которая в большом количестве появилась за короткий срок, истекший со дня смерти В. И. Ленина. Это место принадлежит ей по целому ряду соображений. Она отвечает наиболее острой нужде партии, поскольку для воспитания ленинского призыва и вообще молодых кадров партии прежде всего необходимо ленинское «учение о партии». Как показала недавняя дискуссия, в наших условиях организационный фронт партийной линии есть один из наиболее подверженных атакам мелкобуржуазной стихии. Книжка отличается общей выдержанностью с точки зрения ортодоксального марксизма и ленинизма, что резко противопоставляет ее такой ревизионистской макулатуре по организационным вопросам, которую выпустил, например, В. Ваганян.

Будучи выдержанно-ленинской, книжка Сорина вместе с тем трактует вопрос и достаточно полно. При всем том, она невелика (240 страниц очень небольшого, почти карманного формата) и хорошо, вполне доступно изложена, отличаясь хорошим, внимательным и обильным подбором цитат из произведений Ленина. Эти цотаты, умело комментированные, и составляют содержание книжки.

Книжка содержит 9 глав. Первые четыре посвящены уяснению основных организационных принципов большевизма. Следующие пять глав носят исторический характер и прослеживают историю ленинской борьбы за создание партии от 90-х годов до настоящего времени.

В первой же главе, отмечая гибкость большевистской организации, изменчивость ее форм в зависимости от условий борьбы и революционной целесообразности, автор ставит преграду ревизионизму, подчеркивая, что при всем том партия «во всяком положении отстаивает коренной тип большевистской организации».

Дальнейшее обоснование этого коренного типа организации начинается с выяснения роли сознательности и теории в стихийном рабочем движении. Придавая огромное значение революционной теории, без которой нет революционного действия, ленинизм был непримирим в борьбе с искажениями марксизма, с оппортунизмом. Вторую главу автор за-

канчивает цитатой из Ленина об «авторитетах», где Ленин указывает, что рабочему классу «нужны авторитеты, но, разумеется, в том только смысле, в каком молодым рабочим нужен опыт старых борцов»... «Этот авторитет есть авторитет более разносторонней борьбы в тех же рядах социалистической армии».

Следующая глава посвящена вопросам дисциплины, централизма, активности, внутрипартийной критике. Автор выясняет мелкобуржуазную подоплеку отрицания дисциплины и глубоко-буржуазный характер высмеивания нашей дисциплины, как «рабства», «слепого повиновения», «казармы» и пр.

Четвертая глава выясняет взаимоотношения класса и партии и вообще ленинскую «цепочку»: вожди—партия—класс—масса.

Далее идут исторические главы. Наиболее важны две последние—8-я и 9-я: 1908—1917 годы и эпоха диктатуры пролетариата. 8-я глава, в частности, подробно характеризует, цитатами из Ленина, прежние (дореволюционные) взгляды т. Троцкого по организационному вопросу и правильно ставит их в связь с ошибками т. Троцкого в дискуссии 1923—4 гг. 9-я глава вкратце характеризует «левый коммунизм» 1918 года (анти-брестизм), «демократический централизм» 1920—21 года и «рабочую оппозицию» 1920—21 гг. В заключение, книжка дает ленинское понимание единства партии, подчеркивая вред фракционности, ведущей к расколам, и необходимость борьбы с ней.

Недочетом книжки является некоторая децентрализованность в расположении материала, слабое выделение основного стержня в построении книжки. Большое количество мелких подглавок не объединено общими заголовками, что может затруднить усвоение рядовому читателю. Точно так же, в заключительных выводах сделано лишь суммарное перечисление организационных традиций большевизма, без их систематизации.

Популярное, вполне доступное каждому грамотному рабочему и партийцу изложение дает основание надеяться на широкий успех книжки т. Сорина в партийной массе, не говоря уже о партийных школах, курсах и вузах, где она станет незаменимым пособием по организационному вопросу.

В. Астров.

Ф. И. Михалевский. Начальный курс политической экономии.

Книжка тов. Михалевского не есть простое, более или менее оригинальное, повторение уже имеющихся у нас учебников и «курсов» политической экономии. Наоборот. В ней сделана определенная попытка пойти «навстречу новым веяниям, наметившимся в преподавании политической экономии» (из предисловия т. Дволайцкого).

О существе этих новых веяний товарищи, изучавшие и преподававшие политическую экономию, надо полагать, осведомлены достаточно. Тем более, что разногласия, возникшие на этой почве, поднимались и в печати и на специальных дискуссиях.

Суть споров заключается в том, каким образом и способом связать в преподавании—экономическую теорию вообще, теорию капитализма в особенности, с практикой, с наличной и пережитой экономической действительностью.

Книжка т. Михалевского является одним из ответов на этот вопрос. Новые веяния отразились в ее построении, в двойственном изложении предмета, в виде двух концентрических кругов, охватывающих капитализм. Из них последний представляет собою изложение теоретической экономии, как таковой. Первый же служит к нему введением. Здесь рассматриваются вопросы капиталистического развития,—техники, форм производства, форм капиталистической собственности, вопросов денежного обращения, положения рабочих и т. д. Изложено все это живо, конкретно, с достаточным количеством иллюстрации и фактического материала. Теоретическая часть написана уже гораздо труднее.

Какова связь обеих частей курса? Сам тов. Михалевский характеризует ее, определяя первую часть как описательную, вторую как теоретическую. Так оно и есть. Осознанию капитализма предшествует предварительная ориентировка в его явлениях. Теоретическому анализу предпосылается знакомство с понятиями, взятыми из непосредственно наблюдаемой или наблюдавшейся действительности. Систематике предшествует классификация.

К сожалению, такая связь вряд ли может удовлетворить требованиям, выдвинутым практикой наших партшкол. Конечно, т. Михалевский проявил большое чувство такта, поставив «описательную» и «теоретическую» части отдельно, не перемешав их в одной куче, как предлагают некоторые работники наших школ. Методологические стержни политической экономии марксизма выделяются поэтому отчетливо. Однако, если считается необходимым «конкретизировать» теоретическую экономию, то здесь способ т. Михалевского явно недостаточен.

Можно двояко представить комбинацию конкретного материала с теоретическим анализом. Или фактические данные иллюстрируют анализ,—тогда, само собой разумеется, не нужно двухэтажного построения курса. Или конкретный материал служит и в учебнике исходным пунктом, но тогда вопрос стоит серьезно, и его нельзя разрешить простым описанием того, что позднее будет рассмотрено теоретически. Здесь необходимо, чтобы двойственность изложения отражала двойной путь, по которому идет экономическая мысль при анализе товарного общества: от конкретности к «общим абстракциям» и от этих последних обратно к воспроизведению конкретного (см. об этом у Маркса, во «Введении к критике политической экономии»).

То, что в марксистских учебниках политической экономии, да и в самом «Капитале», зафиксирована лишь вторая половина указанного пути, и является причиной недовольства нашими теперешними учебниками и программа политической экономии, создающей впечатление некоего «талмудизма», который ничего не дает для того, чтобы разобраться в теперешней, окружающей нас действительности. Отсюда вытекает то, что ликвидация недовольства может быть достигнута лишь восполнением теоретического, дедуктивно построенного, анализа — обратным, ему предшествующим.

Это далеко не то, что дает курс т. Михалевского. Это, как видим, не есть простая «описательная часть», не есть лишь знакомство с понятиями, явлениями. Наоборот. Здесь должна быть дана постановка вопросов, которые будут разрешены в теоретической части, с непременным указанием на эту последнюю.

В то время как теоретическая часть распутывает узлы товарного общества—первая должна была показать его во всей запутанности, неразберихе, господствующей на видимой поверхности явлений, показать фетишистское прикрытие и замазывание антагонизмом различными экономическими категориями (заработная плата, прибыль и т. д.).

Особенно богатый материал для характеристики конкретной видимости дает наша теперешняя действительность, с ее иррациональными категориями в отличие от действительной сущности явлений.

Книжка тов. Михалевского не отвечает выдвинутым здесь требованиям. Даже фетишизм товарного общества рассматривается лишь в теоретической части; да и здесь дается лишь в общей характеристике, а не в развернутом виде; многоэтажные фетишистические наслоения в капиталистическом обществе специально с этой стороны не анализируются нигде; прибыль, которая с этой точки зрения не может быть понята без предварительного рассмотрения заработной платы, поставлена в главе IX, тогда как заработная плата идет в главе XI. Поэтому мы не согласны с тем, что эта книжка действительно идет «навстречу новым веяниям». Попытка сделана, но осуществление ее далеко нас не удовлетворяет. «Конкретику», предшествующую теории, мы мыслим иначе.

Мы воздерживаемся от ряда замечаний по существу некоторых вопросов, так как предлагаемый курс интересовал нас лишь со стороны его соответствия с «новыми веяниями» в преподавании политической экономии. Укажем лишь, что курс тов. Михалевского по полноте охвата предмета, по способу рассмотрения вопросов, несомненно, должен завоевать подобающее ему место в наших партшколах. Имевшиеся у нас учебники приходилось или читать лишь частично (Богданов) или же дополнять другими источниками (изложение Каутским I тома «Капитала»). Теперь это неудобство устраняется.

Повидимому, лишь из скромности т. Михалевский назвал свой курс «начальным». Товарищи, уже имеющие некоторые «начальные» познания в области политической экономии, также найдут в нем немало интересного. А ряд вопросов (так, например, учение о воспроизводстве) прямо требует от такого читателя некоторого предварительного навыка и предварителных сведений.

А. Зайцев.

Г. И. Крумин. „Пути хозяйственной политики“. Изд. „Эконом. Жизни“. 1924 года.

Эта небольшая брошюра т. Крумина является, несомненно, ценным вкладом в популярную литературу по основным вопросам экономической политики.

Первая глава посвящена общей характеристике экономики Союза и преобладающей в ней роли сельского хозяйства. Следующие главы посвящены вопросам планирования, где автор подробно останавливается на выяснении предпосылок, необходимых для ведения пранового хозяйства и того, что сделано за последний год в области планирования. Автор считает, что „должен быть отметаем, как возможный (и имеющий место) уклон в смысле преуменьшения роли планового момента или даже отказ от него, так и возможный (и имеющий место) уклон в смысле переоценки значения планирования, как не учитывающий в должной мере преобладающей роли крестьянского хозяйства в экономике страны“.

Следующая глава посвящена выяснению „основных причин нынешнего кризиса сбыта". Приходится пожалеть, что этому важному вопросу посвящено всего 2 странички.

Дальнейшие главы посвящены основным вопросам промышленности. Удачно изложены и хорошо подобраны таблички (из Отчета ВСНХ II съезду СССР) о росте госпромышленности за последний хозяйственный год.

Также кратко автор останавливается на торговле, организации промышленности и реорганизации ВСНХ и заканчивает свою брошюру боевым вопросом современной экономической политики, вопросом денежной реформы, указывая, что „в деле завершения денежной реформы чрезвычайно важно не запоздать".

Брошюру тов. Крумина следует рекомендовать для самого широкого распространения среди рабочих массовиков. Этого она заслуживает за популярность языка, четкость формулировок и небольшой, но умело систематизированный цифровой материал. Брошюра безусловно заслуживает переиздания, причем, желательно, чтобы автор несколько развернул некоторые главы и усилил книжку введением большего количества конкретных данных о современном состоянии хозяйства.

И. К.

Н. В. Святицкий. «Организация российской государственной промышленности». (Библиотека фабрично-заводского рабочего выпус. III Изд-во ВСНХ).

Брошюра написана, как гласит об этом ярко-красная обложка, для библиотек фабрично-заводстого рабочего. Состоит она из небольшого количества страниц (52) и, как нам кажется, из очень солидного количества ошибок.

Первая глава озаглавлена «Капиталистическое и социалистическое хозяйство». Автор, давая определение социалистического общественного строя, говорит: «Обязанностью каждого гражданина в социалистическом государстве (подчеркнуто мной) является участвовать своим трудом в общем хозяйственном процессе страны. Взамен он получит право получения от государства всего необходимого для своей жизни, для удовлетворения своих нужд» (стр. 6). Автор здесь говорит о социалистическом обществе и, превращая его незаметно в государство, тем самым впадает в противоречие с ленинским (ортодоксально-марксистским) учением о государстве, как «органе насилия и угнетения одним классом другого», органе классового общества. В социальном (бесклассовом) обществе государство, как форма, отомрет, вместе с отмиранием классов и классовой борьбы.

На следующей странице мы имеем следующий перл учености: «При таком строе совершенно отпадет необходимость в товарном и денежном обращении, которое является сущностью строго капиталистического строя». Спрашивается: не хочет ли «ученый» секретарь ВСНХ Р.С.Ф.С.Р. доказать рабочим, что эпоха диктатуры пролетариата, при условии существования товарного хозяйства, а следовательно и денежного обращения, как сущности товарного хозяйства—является «строго капиталистическим строем?» Нам думается, а опыт диктатуры пролетариата это доказал, что необходимость «в товарном денежном обращении» может явиться временной «сущностью» не только «строго капиталистического строя», но и переходной эпохи от диктатуры пролетариата к бесклассовому обществу.

Чтобы установить социалистическое хозяйство в его чистом виде, необходимо, по мнению автора, наличие многих условий, из которых он считает главнейшими: 1) промышленность и сельское хозяйство страны должны быть настолько развиты, чтобы продукция их могла удовлетворить действительную потребность в ней населения страны; 2) общая сознательность населения и проникновение в него социалистических принципов должно быть настолько велико, чтобы каждый трудящийся проникся сознанием, что от его индивидуального труда зависит общее благо.

Нам кажется, что автор на главнейшие предпосылки социалистического хозяйства даже и намека во всей своей книжке не сделал.

Для того, чтобы начать строить социалистическое хозяйство, прежде всего, необходимо разрушить государственную машину помещиков и капиталистов и заложить основы своего рабочего государства. Государственный капитализм к социализму не приведет без диктатуры пролетариата, без захвата власти и овладения средствами производства в виде фабрик, рудников и помещичьих земель и т. д. Доказательством тому может служить госкапитализм в западной Европе и Америке, странах технически гораздо более развитых, чем наша. Социалистическое хозяйство явится результатом хозяйственного подъема только при условии установления диктатуры рабочего класса. А коммунистическое сознание будет оформляться у многомиллионных масс трудящихся по мере подъема хозяйства и социалистического строительства.

Вся первая глава научно-тереотически неверна, а политически вредна, потому что она никакого правильного понятия ни о капиталистическом хозяйстве, ни о предпосылках социалистического хозяйства не дает. Она не только не разъяснит рабочему разницы между капиталистической организацией производства и социалистической, а, наоборот, затуманит то правильное представление, которое у него установилось на основе собственного опыта. Эта глава по существу направлена против второй «главной» предпосылки социалистического хозяйства подъема «общей сознательности населения».

Вторая глава называется «Национализация (огосударствление) промышленности». Недостатком ее является то, что автор совсем не разъяснил рабочим, почему эта национализация необходима и почему без нее невозможно социалистическое строительство. Надо было объяснить, что до тех пор, пока рабочие «стихийно» или по определенному плану не национализируют промышленности, до тех пор фактическим диктатором будет капитал, владеющий всеми основными орудиями производства. Какую роль сыграла национализация в строительстве нашей государственной промышленности и почему она была необходима—на этом надо было остановиться более подробно, а что она проходила первое время стихийно это общеизвестно.

Далее на стран. 8-й автор пишет: «Теперь одним грандиозным капиталистом становилось государство (подчеркнуто нами—К.), собственник всех фабрик и заводов, всех средств производств в стране, накапливающий капиталы и торгующий продукцией, выработанной своими предприятиями». Итак, рабочее государство—это один грандиозный капиталист. Так ли уж оно ничем от капиталиста не отличается, или может-быть, сущность нашего государства совсем другая? Пора бы на 7 году революции перестать писать такие глупости в книжках для рабочих библиотек.

Дальше на этой же странице автор пишет: «Главнейшей задачей этого государственного капиталистического (?) периода является восстановление и дальнейшее развитие промышленной жизни страны». Нам кажется, что главное дело не в том, чтобы поднимать промышленную жизнь страны вообще, потому что подниматься она может за счет роста частного к. торгового и концессионного капитала, а в том, чтобы поднимать государственную промышленность, укрепляя ее социалистический сектор. Вот на этот-то вопрос, насколько наша современная форма организации государственной промышленности соответствует заданию этого подъема, мы и искали ответа в книжке, но, увы! его не нашли.

На стран. 9-й автор в главе под названием «Что такое трест?» не проводит никакого разграничения между капиталистическим трестом и советским и тем самым создается впечатление, что по существу разницы между ними нет. В действительности же трест советский, как одна из форм организации нашей государственной промышленности, имеет очень мало общего с капиталистическими трестами, которые организуются в целях монопольной эксплоатации рынка совершенно независимо от того, как это отразится на других отраслях производства и на всем хозяйстве в целом. Здесь автором дается и неправильное толкование причин промышленных кризисов, которые, по Святицкому, происходили «в значительной мере в силу неорганизованности и несогласованности действий капиталистов». Если это так, то эпоха кризисов вместе с переходом к монополистическому капитализму должна бы стать эпохой давно превзойденной. Мировой военный кризис 1914—1918 г. и последующий промышленный кризис 1920—1921 г. являются лучшим доказатель-

ством того, что это не так, и основная причина не в несогласованности действий капиталистов.

Дальше автор переходит к вопросам, связанным с реорганизацией ВСНХ, и дает обильный статистический материал (значительно устаревший для 1924 г., когда была выпущена книжка), о количестве рабочих, количестве предприятий, входящих в тресты и т. д. В популярной брошюре для рабочих следовало бы цифровой материал больше систематизировать, уменьшив тем самым его количество, а то получается перегруженность цифрами. Не установлены причины реорганизации ВСНХ и ее целесообразность с точки зрения интересов всей госпромышленности. В главах, посвященных концентрации промышленности, автор не доказывает экономической необходимости и целесообразности концентрации с точки зрения интересов всего государственного хозяйства и в первую очередь в целях борьбы за удешевление продукции, что не безинтересно не только для рабочих, но и для крестьян.

Здесь же автор, не доказав необходимости концентраций, приводит данные об освобождаемом, вследствие концентрации, количестве рабочих (см. стр. 31 и след.). Не мешало бы для объективности привести данные, указывающие на рост количества занятых рабочих в нашей госпромышленности, независимо от происходящей концентрации. Без этого выяснения целесообразности концентрации, выгодности ее и т. д., и при выводе, что «пересмотр трестов в смысле сокращения числа существующих трестов и образования более мощных и крупных объединений, путем слияния отдельных трестов воедино, уже теперь можно сказать не дал сколько-нибудь значительных результатов» (стр. 36),—создается впечатление о бесполезности этой работы, что отнюдь не способно содействовать активной поддержке рабочими проводимой концентрации, без чего сама концентрация успешно завершенной быть не может. Кроме того, брошюра изобилует досадными опечатками, напр., на стр. 52 написано: «трестов, подчиненных ВСНХ, РСФСР числится 3018», что является заведомой ерундой.

На стр. 27 вместо—не обладая необходимым количеством денег, написано: «обладая необходимым количеством денег», благодаря чему весь смысл фразы искажается.

К редактированию изданий для библиотеки фабрично-заводского рабочего следует относиться более внимательно, а настоящая брошюра для этой библиотеки совершенно не пригодна, потому что она не только не разъясняет разницы между капиталистической организацией производства и организацией нашей государственной промышленности, а запутывает ее.

И. Краваль.

Редакция: Н. Бухарин. Ил. Вардин. Л. Каменев.

СОДЕРЖАНИЕ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО В. И. ЛЕНИНА.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ГУМ

ВСЕ ДЛЯ ВСЕХ

ВЕРХНИЕ ТОРГОВЫЕ РЯДЫ

ЗДЕСЬ ВСЕ КУПЛЮ,
ЧТО НУЖНО МНЕ
НЕ ТРАТЯ ВРЕМЯ В БЕГОТНЕ

НИ ОДНОЙ ТРУДОВОЙ КОПЕЙКИ ЧАСТНОМУ ◆◆◆◆◆ ТОРГОВЦУ. ◆◆◆◆◆

ВСЕ В КООПЕРАТИВ. — РАБОЧИЙ И СЛУЖАЩИЙ ВСЯЧЕСКИ УКРЕПЛЯЙ СВОЙ КООПЕРАТИВ.

КТО ПОКУПАЕТ У ЧАСТНОГО ЛАВОЧНИКА—ПОДДЕРЖИВАЕТ СВОЕГО ЗЛЕЙШЕГО ВРАГА. ◆◆◆◆

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ
(М. С. П. О.)

МСПО об'единяет 500 кооперативов с 525.000 членами. Снабжает потребительские кооперативы г. Москвы и губернии продуктами питания и предметами широкого потребления.

Заготовляет через свои областные и губернские конторы (Украинская, Юго-Восточ..ая, Сибирская, Курская, Тамбово-Воронежская, Орловская и Петроградская). Райотделения, а также п.рвичные кооперативы и крестьянские общества: зерно, хлеб, крупу всех сортов, мясо, рыбу, масла, лен, пеньку, кожсырье и т. д. Снабжает крестьянское население семенами и сельскохозяйств. инвентарем.

Производит всякого рода операции по покупке, продаже, товарообмену и сбыту разного рода продуктов и предметов широкого потребления.

Во всех районах города имеет: 13 универсальных магазинов, 24 хлебопекарни, 18 столовых, 45 продовольственных магазинов, 15 рыночных палаток, 10 собственных промышленных предприятий.

В семи уездных городах Универмаги.

Всего в Москве МСПО и первичные кооперат. имеют около 500 предприятий. В губернии кооперативные организации и МСПО имеют более 900 предприятий.

ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ, КАК МОСКОВСКОГО СОЮЗА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ, ТАК И ПЕРВИЧНЫХ КООПЕРАТИВОВ Г. МОСКВЫ, ПРОДАЖА ПРОИЗВОДИТСЯ ПО ПОНИЖЕННЫМ ЦЕНАМ.

В Москве торговля в кооперативных магазинах производится и в ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ.

МСПО имеет свой собственный авто- и гуже-транспорт.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ТОТ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ, КОТОРЫЙ МЫ ДОЛЖНЫ ПОДДЕРЖИВАТЬ СВЕРХ ОБЫЧНОГО, ЕСТЬ СТРОЙ — ◆◆◆◆◆◆◆◆ КООПЕРАТИВНЫЙ. ◆◆◆◆◆◆◆◆

ПОСЕЩАЯ АККУРАТНО СОБРАНИЯ СВОЕГО КООПЕРАТИВА, ИНТЕРЕСУЙСЯ ЕГО РАБОТОЙ. ◆◆◆ ХОРОШО РАБОТАЮЩИЙ КООПЕРАТИВ — ЗАЛОГ ТВОЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ. ◆◆◆◆

60

БОЛЬШЕВИК

N 5—6

ИЮНЬ

1 9 2 4

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*Строка*	*Напечатано.*	*Надо.*
88	4	организованные черты	организационные черты
89	Вверху	Петров.	Н. Петров.
139	2	опасность. Выдвигая	опасность, выдвигая
140	14	одна с другой, интересовались, как бы	одна с другой, интегрировались, как бы
140	28	: середняк дает	: середняк тает
140	10 (снизу)	система законов, и налоговая система наша на бумаге	система наша на бумаге
141	20	остановиться в брошюре	остановиться на брошюре
11	25	к ним писателя	к ним читателя

Главлит № 21756. Тираж 27.000 экземпл.

Типогр. „Красный Пролетарий“ Изд-ва „Красная Новь“. Пименовская ул., д. 1/16.

Значение XIII съезда РКП.

В апреле 1923 года, когда собрался XII съезд Российской коммунистической партии, мировая политическая обстановка характеризовалась следующими основными явлениями: мировой фашизм все еще шел по восходящей линии, реакция, казалось, безраздельно царствовала во всей Европе. В Лондоне командовал Керзон, в Париже—Пуанкаре, в Берлине стоял у власти Куно,—прямой ставленник крупной буржуазии, а итальянский фашистский диктатор находился на самом верху своей славы и могущества.

Европейская реакция чувствовала себя настолько прочно, что она дерзнула сделать два резких вызова по адресу Советского Союза. Нота Керзона и убийство тов. Воровского должны были свидетельствовать о том, что в Европе командующей силой продолжает быть фашистская реакция. Руководящий орган русских черносотенцев «Новое Время» выстрел в тов. Воровского охарактеризовал, как первый выстрел европейской контрреволюции, как начало серьезного наступления на республику Советов со стороны фашистско-буржуазной реакции. Рабочее движение только еще подавало слабые признаки оживления, только отдельными своими выступлениями намечал пролетариат переход от обороны к наступлению на капитал.

Внутреннее положение Советского Союза в период XII съезда характеризовалось значительными успехами как по линии экономической, так и по линии политической. Сельское хозяйство и промышленность уже явно к этому времени вышли из состояния хронического кризиса и медленно, но неуклонно поднимались в гору. Политическое положение Советской власти и коммунистической партии было непоколебимо. В сознании и в настроении рабочего класса и широких кругов трудящихся наметился явный перелом в пользу коммунистической партии и Советской власти. После ужасных годов гражданской войны, после небывалых испытаний голода, холода, болезней рабочий класс, на основе новой экономической политики, получил первое, само по себе незначительное, но по сравнению с ужасным прошлым все-таки весьма существенное улучшение материального положения.

Вопрос о хлебе уже тогда для рабочего класса почти-что не стоял. Это улучшение материального положения позволило рабочему классу спокойно взвесить все минусы и плюсы своей власти и безоговорочно, во всех своих частях, встать на ее поддержку. В период XII съезда руководители коммунистической партии могли констатировать как бы вторичное завоевание широчайших кругов рабочего класса на сторону коммунизма.

Но затруднений на пути Советской власти было и в этот период более, чем достаточно. Основные затруднения заключались в явлении, которое на XII съезде получило образное название «ножниц». Цены на продукты сельского хозяйства отставали от цен на продукты городской промышленности. Это обстоятельство грозило срывом смычки между рабочим классом и крестьянством. Одновременно целый ряд отраслей промышленности, вследствие их слабой организации, неумения приспособиться к рынку, работал в убыток.

Внутри и около партии выявились первые признаки болезненного состояния. Внутри партии отдельные товарищи, которые обычно выступали в роли оппозиционеров, и на этот раз стали возвышать свой голос против «официального курса». Ничего определенного, ничего конкретного, никаких ясных требований эти товарищи в тот период партии не предъявляли. Но тенденция к повороту на «новые» рельсы, тенденция к ревизии ленинизма, тенденция к «смягчению» диктатуры выявилась в период XII съезда совершенно явственно. И наши политические враги, с вполне понятным волнением и известными надеждами следившие за нашими внутрипартийными спорами, позицию «критиков» расценили именно как попытку начать ликвидацию диктатуры.

Около партии и отчасти внутри партии оформились ко времени XII съезда явно ликвидаторские, ренегатские группы, как «Рабочая Правда» и «Рабочая Группа».

Такова была та обстановка, в которой приходилось работать XII съезду—и работать без Ленина! Партия надеялась, что Ленин может поправиться. Центральный Комитет, в ожидании улучшения здоровья своего руководителя, отложил созыв съезда на месяц. Но положение больного вождя не улучшалось, и съезду пришлось собраться без Ленина. Но в своей работе он опирался не только на программные и тактические основы ленинизма, не только на тридцатилетний опыт борьбы под руководством Ленина, но и на практическую программу, незадолго перед съездом намеченную тов. Лениным. Программа эта была изложена в знаменитой статье о рабкрине.

Исторические задачи, стоявшие перед партией, XII съездом были разрешены правильно. Жизнь целиком оправдала те основные решения, которые были приняты съездом. Ни внутренняя оппозиция, ни внешние враги партии не решались утверждать, что съездом были допущены большие принципиальные ошибки—с точки зрения сохранения и упрочения пролетарской диктатуры. Взрыв бешенства и ненависти, вопли разочарования, раздавшиеся в стане врагов революции в итоге работ XII съезда, блестяще свидетельствовали о том, что партия пошла по единственно правильному пути.

* * *

В мае 1924 года, когда собрался XIII съезд Российской коммунистической партии, мировая политическая обстановка характеризуется следующими основными явлениями:

Мировой фашизм, мировая реакция вступила в полосу кризиса. Она явно стоит на ущербе. В крупнейших странах Европы в настроении широких пролетарских и мелкобуржуазных масс произошел заметный перелом. В центре реакции, во Франции, правительство Пуанкаре и Мильерана, правительство воинствующего крупного капитала, должно было уступить место правительству левого блока—блока средней и мелкой буржуазии и части рабочего класса.

Правительство Керзона и Болдуина, правительство великобританской воинствующей реакции, вот уже 6 месяцев, как вынуждено было сдать власть правительству английской рабочей партии—правительству «умеренного» империализма.

В Италии выявились первые явные признаки недовольства масс фашистским режимом. Внешним отражением этого факта является, с одной стороны, необычайно резкая борьба между оппозицией и правительственной партией в итальянском парламенте, с другой стороны, резкие внутренние трения и конфликты в самой фашистской партии. Классовая борьба внутри этой партии принимает совершенно конкретные формы. Фашистские профсоюзы все чаще приходят в резкое противоречие с общей политикой фашистского правительства.

Парламентские и коммунальные выборы в Чехо-Словакии, Дании и ряде других стран свидетельствуют об общем значительном сдвиге влево в политических настроениях широких масс.

Своеобразное положение мы имеем в Германии. Выборы 4 мая ослабили те срединные партии, которые в других странах Европы выдвигаются на передний план. В выборах потерпела серьезнейшее поражение социал-демократия, потерпели сильную неудачу другие лево-буржуазные партии. Выборы усилили партию революции (коммунисты) и партию воинствующей реакции (националисты). Но ни партия революции, ни партия реакции для данного момента не располагают еще достаточными силами для того, чтобы начать прямую борьбу за власть.

В результате неустойчивое положение сохраняется, у власти осталось промежуточное правительство Маркса—правительство лево-буржуазных партий, поддержанное социал-демократией.

В Америке сдвиг влево выразился в том, что мелкая буржуазия создает свою среднюю третью партию, на-ряду с двумя основными партиями буржуазии—республиканской и демократической.

В Японии на выборах победила оппозиция, выражающая интересы буржуазии. Правительство крупных феодалов и дворцовой камарильи уже подало в отставку, и его место заняло умеренно-буржуазное правительство виконта Като.

О чем все эти факты говорят? В мире создалась новая социально-политическая обстановка. Эпоха капиталистической реакции, эпоха капиталистического наступления на рабочий класс, продолжавшаяся весь 1921, 1922 и первую половину 1923 года, сменяется новой эпохой, которая будет характеризоваться усилением, расширением, укреплением революционного рабочего движения.

Реакция вынуждена делать первые уступки новым настроениям. Крупный капитал вынужден сделать шаг назад и согласиться на выдвижение вперед более умеренных буржуазных партий и «рабочей» социал-демократической партии.

Как в 1919—20 гг., так и в открывающуюся перед нами эпоху *социал-демократия, в союзе с левым крылом буржуазии, должна спасти могущество крупного капитала от напора рабочего класса*, задержав начавшееся движение исключительно на реформистские рельсы.

Но буржуазия в настоящее время имеет значительно меньше шансов на спасение при помощи социал-демократии. Во всех без исключения капиталистических странах со все возрастающей силой действуют коммунистические партии. На фоне общего полевения растут и укрепляются партии революции. Если в 1919—1920 гг. в Европе была революционная обстановка, но не было революционной партии, то в открывающуюся революционную эпоху рабочий класс Запада революционную партию иметь бесспорно будет. Боевой силе крупного капитала—фашизму—противостоит боевая сила пролетариата—коммунизм, большевизм.

В значительной степени под влиянием изменяющейся мировой общественно-политической обстановки складывается общественно-политическая обстановка и в Советском Союзе. Оживление рабочего движения Запада, частичное отступление мировой реакции, выдвижение вперед партий соглашательских,—все эти объективные признаки некоторого ослабления воинствующего мирового империализма совершенно естественно учитываются пролетариатом советских стран. Правительство пролетарской диктатуры, считаясь с изменяющейся в революционную сторону мировой обстановкой, может действовать уверенно, может быть менее уступчивым...

Проходит эпоха, когда история основные вопросы решала *эволюционно*. На смену ей идет новая эпоха, когда история будет решать вопросы *революционно*. Страны пролетарской диктатуры не останутся в стороне от приближающихся мировых битв. Строительство в Советском Союзе под влиянием новой обстановки естественно пойдет более ускоренным темпом и с меньшими уступками капиталистическим началам. Под влиянием изменяющейся мировой обстановки политические и экономические позиции советского государства усиливаются.

Чем характеризуется внутреннее положение Советского Союза? Мы имеем бесспорные значительные успехи, даже по сравнению с периодом XII съезда, как по линии экономической, так и по линии политической. Производство в сельском хозяйстве и промышленности расширилось, денежная реформа проведена, транспорт прочно стоит на ногах, с топливом дело благополучнее, чем когда-либо после начала войны. Ножницы сжаты.

Но, разумеется, достаточно и затруднений. Основное—смычку с крестьянством устанавливает частный торговый капитал. Государство и кооперация сильно отстают. Создается большая политическая опасность для пролетарской диктатуры. В городе партия и рабочий класс стоят перед новой труднейшей *проблемой безработицы*.

Внутреннее политическое положение характеризуется усилением активности основных классовых сил. Усиление политической активности рабочего класса нашло свое выражение в ленинском призыве, в разнообразнейших организациях, основанных на самодеятельности, в безостановочном росте этих организаций, росте всех вообще объединений рабочего класса,—партийных, профессиональных, комсомольских, пионерских, культурно-просветительных... Показателем большого политического и культурного роста трудящихся является значительное увеличение распространения печати... В работу по линиям партийной, советской, профессиональной втягиваются значительные отряды молодых сил, выросших в революции, ею воспитанных, ею заряженных для великой борьбы и работы во имя грядущего.

Затруднение, пока незначительное, но при нашей невнимательности могущее вырасти в большую опасность, заключается в усилении политической активности новой, городской и сельской буржуазии. Выражающая настроения и интересы буржуазии часть интеллигенции пытается начать борьбу во имя устранения ее политического бесправия. Старые, разбитые в революции политические партии пытаются нащупать новую почву и на новой основе, уже при поддержке вырастающей на основе новой экономполитики буржуазии, добиться осуществления своих целей.

Признание Советского Союза рядом капиталистических держав—одно из свидетельств усиления пролетарской власти и ослабления воинствующего империализма. В чем его всемирно-историческое значение? Признание дается в момент отступления фашизма и начинающегося наступления рабочего класса. Признание

Советского Союза является признанием революции. Оно происходит после провала интервенции, после краха генуэзской попытки мирным путем заставить нас сдать мировому капиталу наши основные позиции. Признание дается после того, как «неисправимость» большевиков стала для всех очевидной. При этих условиях признание Советского Союза означает признание со стороны буржуазии, что она не в состоянии заделать брешь, произведенную Октябрьской революцией в здании мирового империализма.

Когда в 1920 году Антанта признала республику грузинских меньшевиков, буквально на другой день после этого на правительственном здании в Тифлисе было снято красное знамя и водружено трехцветное национальное знамя. Признание нас капиталистическими государствами означает не свертывание, а расширение и усиление влияния красного знамени революции.

Но это же признание, установление «нормальных» отношений с руководящими капиталистическими государствами вызывает появление новых, *добавочных* опасностей (напр., усиление экономического нажима мирового капитала в направлении нашего частнохозяйственного перерождения).

* * *

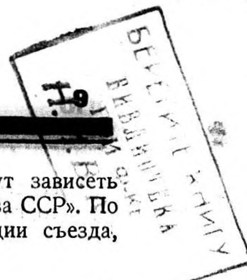
В 1921—23 гг. фронт советских республик примыкает к отступающему фронту мирового пролетариата. Весной и летом 1924 года фронт пролетарского Советского Союза примыкает к мировой пролетарской армии, от обороны переходящей в наступление. Новая эпоха в мировом рабочем движении начинается со второй половины 1923 года. Осеннее поражение германского пролетариата не меняет исторической обстановки. Это поражение явилось эпизодом приблизительно такого же значения, как наш Брестский мир. После своего поражения наша германская партия получает на выборах около четырех миллионов голосов и открыто идет к захвату власти.

Мы шли под знаком подъема и внутри, и вовне. Поэтому партия оказалась в силах парализовать, преодолеть внутреннюю оппозицию, отражавшую влияние новой буржуазии на наименее устойчивые элементы партии.

Центральный Комитет большевистской партии предстал перед съездом с блестящим итогом проделанной за год работы, с ясным представлением о существующих опасностях и новых проблемах, с общим планом преодоления этих опасностей, решения очередных проблем.

Как выполнил поставленные историей задачи съезд партии, навсегда оставшейся без Ленина?

Вопросы внутренней торговли и кооперации—заявил съезд—«становятся *центральными* на целый период времени. От

правильной политики партии в этих вопросах будут зависеть дальнейшие успехи хозяйственного строительства Союза ССР». По существу вопроса о внутренней торговле в резолюции съезда, между прочим, читаем:

> «Чем больше развиваются производительные силы страны, чем богаче становится СССР продуктами промышленности и сельского хозяйства, чем более вовлекается в общую хозяйственную жизнь крестьянское хозяйство,—тем большее значение приобретают вопросы товарооборота, и тем настоятельнее необходимость планомерного руководства рынком со стороны Советской власти.
>
> Распыленное состояние мелкого крестьянского хозяйства делает в данный момент неизбежным обслуживание его в весьма значительной части частным торговым аппаратом. Партия, однако, опираясь на национализированную промышленность и транспорт, на государственную организацию кредита, монополию внешней торговли и государственную организацию оптовой торговли, а также на развивающуюся кооперативную сеть, должна стремиться *систематически и в возрастающей степени подчинять своему руководящему влиянию весь процесс рыночного товарооборота, снабжения и распределения*».

Далее резолюция подчеркивает, что «основными методами в деле овладения рынком должны явиться *не меры административного воздействия*, а усиление экономических позиций государственной торговли и кооперации». Суть вопроса заключается в том, что мы не можем допустить сокращения товарооборота, не можем оставлять крестьянина без нужных ему предметов. Если мы административными мерами «притесняем», «сокращаем» частную торговлю в то время, когда у нас не налажена государственная и кооперативная торговля, то тем самым мы способствуем сокращению товарооборота, оставляем крестьянина без нужных ему предметов,—иными словами, наносим ущерб народному хозяйству, и вызываем законное недовольство крестьянина. Но если у нас наш государственно-кооперативный торговый аппарат налажен, если мы можем снабжать потребителя дешевле, чем частный торговец, и товарами лучшими, чем он, тогда частный капитал будет побит наиболее нормальным, т.-е. экономическим путем. Тогда меры административного воздействия не понадобятся: купец сам ликвидирует свое предприятие и поступит к нам на службу.

Переходя к вопросу о кооперации, съезд говорит:

> «Развитию социалистического хозяйства и непосредственной смычке государственной промышленности с крестьянским хозяйством ставится прямая угроза в виде еще нераз-

витого рынка, но уже в большинстве захваченного частной торговлей. Создается противоречие,—когда промышленность находится в руках государства, а посредником между ней и крестьянином выступает частная торговля. Вот почему задача развития кооперации есть прежде всего задача вытеснения из торговли частного капитала и тем самым создания сплошной связи между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью».

Противоречие необходимо ликвидировать: продукты государственной промышленности должны направляться в деревню по государственно-кооперативной торговой линии. Это и будет осуществлением действительной смычки между городом и деревней. Торговля в руках частного капитала—это подрыв смычки, это опаснейшая угроза установления политической смычки между буржуазией и крестьянством. Поэтому вопросы торговли и кооперации съездом объявлены центральными на ближайший исторический период.

Разрешение поставленной задачи возможно комбинированными действиями сверху и снизу. От центральной партийно-советской организации до деревенской партийно советской ячейки—по всей линии должна итти согласованная работа. Но успех всего дела зависит от правильности или неправильности работы на самом верху и на самом низу. Сейчас, когда на верху дана ясная директива, когда партийный съезд вынес ясные постановления, центр тяжести в решении вопроса перемещается на уезды и волости. Там нужно строить непосредственно связанный с крестьянином торговый аппарат. Там на месте нужно побить в мирной конкурентной борьбе частного купца. Там нужно мобилизовать все прогрессивные и культурные силы для кооперативного строительства. Там на месте необходимо оказать решительное политическое противодействие попыткам кулака увлечь за собою среднее и бедняцкое крестьянство.

В итоге—на очередь выдвигается грандиозная организационная, экономическая, культурно-просветительная, партийно-политическая работа в деревне. Все данные говорят за то, что в смысле организации и просвещения деревни нами сделано страшно мало, что первые вполне доступные и приемлемые для крестьянства шаги в направлении социалистического строительства не сделаны. Работа тут предстоит небывало-широкая и, по всем признакам, бесспорно плодотворная. У подавляющего большинства крестьянства нет таких интересов, которые бы ставили его в серьезное противоречие с городским, стоящим у власти пролетариатом. Нашей работой мы сможем достичь в деревне замечательнейших результатов. Свыше миллиона коммунистов и комсомольцев, опираясь на активное содействие

всего передового, что есть в рабочем классе и крестьянстве, опираясь на аппарат власти, на печать, школу, театр, культработу,—смогут твердо поставить—и поставят!—деревню на социалистические рельсы.

Вслед за В. И. Лениным, партийный съезд основным содержанием деревенской работы считает кооперативное строительство. Съездовская резолюция цитирует Ленина, который, между прочим, говорит:

> «Власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую до известной степени имеем право третировать теперь при нэп'е так же,—разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения».

Ставя в центре кооперативную работу, партия в деревне должна решить и ряд других важнейших очередных задач. В подробнейшей резолюции-инструкции съезд наметил всесторонний план работы в деревне. Гигантские силы партии и всего рабочего класса будут брошены на эту великую работу. Попытки буржуазии снова перетянуть на свою сторону крестьянство потерпят крах.

Следующий центральный вопрос съезда—о работе среди молодежи. Все огромное значение данного вопроса съезд мотивировал следующим образом:

> «В эпоху переходного времени вообще, мирно организаторского периода его в частности, в конкретных условиях так-называемой новой экономической политики в особенности,—проблема культурного уровня трудящихся вообще и кадрового коммунистического состава во всех областях хозяйственной, административно-политической и идеологической жизни в особенности является основной и центральной проблемой.
>
> Вопрос о том, победит ли социалистическая экономика, или культурное превосходство и навыки квалифицированных функционеров капиталистического общества (интеллигенции со старыми взглядами, торговцев, частных капиталистов и т. д.) заставит нас последовательно отступать и внутренно перерождаться,—этот вопрос будет решен в значительной мере в зависимости от того, удастся ли про-

летарскому государству в достаточной мере расширять круг кадрового коммунистического состава и обеспечить в прогрессивно возрастающей мере коммунистическую переделку подрастающих поколений. Поэтому вопрос о молодежи имеет поистине громадное значение».

Исходя из этой основной точки зрения, съезд подчеркивает абсолютную необходимость обеспечить «преемственность опыта, традиций и заветов основного капитала победоносного рабочего движения, который заключается, прежде и раньше всего, в нашей партии, а поскольку речь идет о прослойках внутри этой последней—в ее наиболее закаленной и опытной старой гвардии». Но этого мало. Необходимо, с другой стороны, чтобы основные кадры партии понимали всю важность вопроса о молодежи, чтобы они проявляли чуткость к новым запросам и понимание новых потребностей, возникающих среди молодежи.

Резолюция съезда дает ответы на все основные вопросы юношеского движения, имея в виду основную задачу, стоящую перед победоносным пролетариатом: «обеспечить... коммунистическую переделку подрастающих поколений».

В области внутрипартийных вопросов съезд прежде всего заявил:

> «Нашим лозунгом должно быть: добиться, чтобы в течение ближайшего года в партии было больше половины ее состава рабочих от станка. Этот лозунг должен в основном определить задачи всей нашей партийной работы на ближайший период».

Признав кампанию ленинского призыва законченной, съезд отметил, как ее существенный недостаток, слабое вовлечение в партию работниц и рабочей молодежи.

Съездом намечены следующие основные очередные внутрипартийные задачи:

1) Партийно-политическое воспитание и втягивание в государственную работу ленинского призыва.

2) Усиление и систематическое втягивание фабрично-заводских ячеек в производственную и вообще в хозяйственную работу.

3) Оживление работы Советов, профсоюзов, фабзавкомов, всестороннее содействие «развертыванию пролетарской общественности, иначе говоря, развертыванию подлинной рабочей демократии»,—содействие различным организациям, опирающимся на общественную самодеятельность пролетариата, — при условии непременного партийного руководства, разумеется.

4) Использование ленинского призыва для усиления нашей работы в деревне. Укрепление новых форм связи с деревней—землячества, рабочие общества по культшефству над деревней и т. д.

5) Систематическое усиление пролетарского ядра партии, прежде всего, за счет работниц и рабочей молодежи.

Далее, съезд наметил ряд практических задач в области печати, пропаганды, информации, распределения работников и т. д., и т. п.

Мы не подводим полных итогов работам съезда. В одной статье сделать это невозможно. Съезд затронул массу разнообразнейших проблем, вынес слишком много важнейших решений. Задачей всей партии, всех передовых элементов рабочего класса является внимательнейшее изучение основных материалов и документов съезда—в подлиннике. Главные доклады съезда дают исчерпывающую картину общественно-политической жизни не только Советского Союза, но и всего мира. Резолюции дают программу действий на ближайшие годы по всем основным направлениям. Вся партия имеет ясную директиву, прочную опору в своей многообразной, неслыханно сложной работе.

* * *

Подводя итоги прошлому и намечая новые пути, партийный съезд совершенно естественно уделил немало внимания оппозиции. Шесть месяцев, протекших со времени начала дискуссии, дали огромное количество фактов, подтвердивших глубокую ошибочность точки зрения оппозиции. Казалось, вопрос для настоящих партийных большевиков должен был быть ясным: допущена ошибка, нужно открыто ее признать. Докладчик Центрального Комитета тов. Зиновьев так именно и ставил вопрос. Он говорил:

> «Самое умное и достойное большевика, что могла бы сделать оппозиция,—это то, что делает большевик, когда ему случается совершить ту или иную ошибку,—выйти на трибуну партсъезда и сказать: я ошибся, а партия была права»...

Тов. Зиновьев подчеркивал, что признание со стороны оппозиции своих ошибок является единственным средством «действительно ликвидировать дискуссию и кончить ее раз и навсегда». Оппозиция в лице тт. Троцкого и Преображенского поступила как-раз наоборот: она осталась на своих старых позициях, она объявила решения XIII партконференции в отношении оппозиции неправильными, несправедливыми. В своей каучуковой речи тов. Троцкий в новых, еще более туманных, чем раньше, выражениях, но по существу в прежнем виде отстаивает основные мысли, формулированные им в его небольшевистской брошюре «Новый курс». Тов. Троцкий торжественно подчеркивал, что он подчинится решениям партии. Но это заявление немногого стоит: член

большевистской партии, не подчиняющийся решениям этой партии, останется вне ее рядов. Это ясно и не об этом речь. Суть вопроса заключается в том, что партии нужно «стопроцентное большевистское единство». Но такое единство не может мириться с отстаиванием полуменьшевистских взглядов.

Еще на XII съезде оппозиция была предупреждена. Докладчик Центрального Комитета тов. Зиновьев заявлял:

> «Всякая критика партийной линии, хотя бы так-называемая «левая», является ныне объективно-меньшевистской критикой...
>
> Объективно это есть поддержка меньшевизма. Меньшевизм старой классической марки погиб. Со смертью Мартова,—это был последний человек, у которого, может-быть, была искра совести,—меньшевизм теперь пойдет за савинковцем Ивановичем. Этот меньшевизм не страшен, а опасна та «левая» критика, которая вертится около нас, путается между ног,—она опасна, и мы должны ей дать отпор».

Речь шла, конечно, не о деловой критике, а о критике политической, «платформенной». Осенью 1923 года партия получила эту «критику» в невиданных дотоле размерах и формах. «Официальная линия» была атакована и «справа» и «слева». И совершенно очевидно, что эта внутренняя «критика», этот внутренний полуменьшевизм и четверть-меньшевизм был в тысячу раз более опасным, чем меньшевизм стопроцентный, меньшевизм внешний, настоящий. Диктатура зимой 1923—24 гг. могла получить смертельный удар только от оппозиции, только от внутренних «критиков», вооруженных революционной фразой и самыми добрыми намерениями, но объективно выполнявших антипролетарское и антиреволюционное дело.

Почему вся белогвардейщина стала на сторону оппозиции? Почему меньшевики, эсеры, кадеты свои главные надежды возлагали на победу оппозиции? Потому, что при существующем соотношении общественных сил ударом извне нас не свалить, а если удар будет изнутри, если основа диктатуры—партия будет разбита, расщеплена на разные группировки, тогда буржуазия может легко победить. Суть вопроса заключается в том, что в эпоху революции достаточна малейшая передвижка власти, чтобы затем неудержимо покатилось все вправо. Эту малейшую, едва заметную передвижку хотела произвести оппозиция. Борьба против «аппарата», «старой гвардии», «традиций», «секретарского бюрократизма» и т. д., и т. п. объективно имела одну основную цель: отодвинуть в сторону ныне руководящую группу и заменить ее другой, «новой», более «демократической» группой. Эта незначительная на первый взгляд передвижка явилась бы началом конца диктатуры.

Оппозиция настаивает на своей ликвидаторской платформе. Это значит, что организационно потерпев полнейший крах, в идейном отношении она пытается сохранить себя. Следовательно, самая непримиримая борьба против оппозиционного ликвидаторского круга идей должна продолжаться. Всестороннее разъяснение сущности оппозиционных уклонов, обоснование и популяризация принятых партией по данному вопросу решений совершенно необходимы. Вожди оппозиции не захотели окончательно ликвидировать весь вопрос. Они продолжают утверждать, что правы были именно они, и что, следовательно, партия ошибалась. Но дискуссия давно окончена. Партия давно сказала свое решающее слово. И партия будет отстаивать свое решение всеми средствами. В своей среде она не позволит никому выступать с ликвидаторской критикой против линии, объединившей всю партию.

Вся партия постоянно будет помнить слова тов. Зиновьева на XII съезде:

> «Мы должны знать, что самым опасным является не тот меньшевик, который с физической смертью Мартова и с политической смертью Дана пошел к Ивановичу, а опасен тот, кто хочет прикрыться нашей партией, который ходит вокруг да около партии и говорит, что и с уставом, и с программой он согласен, но хочет «только» немножечко пересмотреть крестьянский вопрос, чуть-чуть изменить положение в национальном вопросе, пытаясь в той же форме протащить великодержавный шовинизм и хоть немножко насчет диктатуры партии пересмотреть».

Партия будет, как раньше, так и впредь,—предупреждать, предостерегать, просить, убеждать всех товарищей — не становиться на самый опасный путь политической, платформенной «критики». Но если предупреждения и предостережения, просьбы и убеждения останутся напрасными, тем хуже для «критиков»: они перестанут существовать для партии. А «стопроцентного большевистского единства» никакая сила в мире не нарушит. Уверенная в себя, сильная, бодрая, закаленная в боях, пойдет большевистская партия вперед, навстречу гигантским мировым битвам,—несмотря ни на что!

Н. Бухарин.

Второй Интернационал под флагом „левого коммунизма“.

«Одна из величайших услуг, оказанных нам законом против социалистов,—это то, что он освободил нас от навязчивости немецкого студента с социалистическим налетом. Теперь мы достаточно сильны, чтобы переварить и немецкого студиоза, который начал снова распространяться. Вы сами, действительно, уже кое-что сделали и должны знать, как мало молодые литераторы, приставшие к партии, дают себе труда изучать экономику, экономическую историю, историю торговли, промышленности, земледелия, общественных форм. Сколько из них знают о Маурере только одно имя! Нахальство журналиста должно все преодолеть. Часто дело обстоит так, как-будто эти господа думают, что для рабочих все годится».

Энгельс. Письма к Конраду Шмидту.

Коммунистический Интернационал и отдельные его секции быстро шагают вперед. Но в то же время уже теперь совершенно ясно обозначилась одна опасность, мимо которой мы ни в коем случае не можем пройти. Это—опасность, вытекающая из недостаточной марксистской выучки, если можно так выразиться, недостаточной теоретической культуры в среде коммунистических партий. Между тем, опыт рабочего движения в целом ряде стран прекрасно показал нам, что пренебрежение этой стороной дела, узкий «практицизм», который не интересуется «высокими материями» теории, очень часто связан с оппортунистическим вырождением. Теоретическая «беззаботность», «толерантность», «терпимость» и прочие добродетели, свойственные обывателю, неизбежно приводят, в конце-концов, к таким «практическим» результатам, которые влекут «беззаботных» со стихийной силой за пределы революционного движения. Вот почему внимание к теории — с одной стороны, величайшая теоретическая нетерпимость, с другой, в значительной мере обеспечили большевистской партии то единство воли и ту закалку в борьбе с оппортунизмом, которыми наша партия имеет все основания гордиться.

К сожалению, далеко не так обстоит дело, если мы рассматриваем весь Коминтерн в целом. Если у нас возможен целый ряд вырожденческих теорий (напр., «енчменизм»), то за границей мы имеем неизмеримо более серьезные симптомы болезни. При этом характерно то, что на-ряду с извращениями марксизма, идущими со стороны образованных полумарксистов (в роде профессора Корша в Германии, профессора Грациадеи в Италии, полупрофессора Лукача в Венгрии и т. д.), которые ведут свою атаку на материализм (Корш—Лукач) или на экономическое учение Маркса (Грациадеи), мы имеем уже выступления безграмотных полузнаек из примкнувших к рабочему движению интеллигентиков, в роде того студиоза, о котором писал Фридрих Энгельс. Эти люди не прочь поэксплоатировать и Маркса, и Ленина, с которыми они по правилу так же хорошо знакомы, как с китайским языком. Они прекрасно чуют, куда дует ветер: при правом курсе—они самые правые, при левом они самые левые. Но так как никакого стержня в их soi disant «идеологии» нет, то немудрено, что у них (быть-может, независимо от их воли и сознания) имеется «влеченье, род недуга» к буржуазным теориям, хотя это не мешает им истошным голосом подчеркивать на всяком шагу свою левизну, божиться пролетариатом и его святыми, паясничать и выступать в роли радикальных шутов, тем более, что это не требует большого умственного напряжения и в лучшем случае предполагает лишь талантливые ноги.

Мы здесь разберем одно такое цирковое выступление, некоего товарища Бориса в № 10—11 журнала «Die Internationale», теоретического органа германской компартии. Нашей задачей не будет здесь разбор всех «аргументов» этого товарища, посвященных им разбору программных проектов, предоставленных еще IV конгрессу Коминтерна. Известна мудрая пословица, что один, деликатно выражаясь, не совсем гениальный человек может задать столько вопросов, что на них не смогут ответить десять мудрецов. Нашей задачей не является также ни перечисление всех примеров борисовского невежества, ни ответ на комплименты по адресу ряда товарищей (Бухарин—«взбесившийся мелкий буржуа», Варга—буржуа, Тальгеймер—«мелкий буржуа» «с люмпенпролетарским оттенком» и проч., и проч.). У нас есть более «скромная» задача: показать, как под крикливо-радикальной фразой наш герой протаскивает идейную контрабанду Второго Интернационала в наши ряды. Вот это нужно показать товарищам-рабочим, чтобы предупредить их, раскрыв идейный обман.

I. Оправдание империалистского грабежа.

Одним из самых важных вопросов (а с социологической точки зрения самым важным вопросом), который проводит борозду между коммунизмом и социал-демократией, является вопрос о ко-

лониях, их эксплоатации, экономических последствиях этой эксплоатации и, с другой стороны, о нашей политике в этих областях. Еще Энгельс с замечательной теоретической прозорливостью писал о влиянии колониальной политики на развитие рабочего движения. Заскорузлость, консерватизм, тупость английского рабочего класса Энгельс выводил из монопольного положения Англии на мировом рынке, из подкупа рабочего класса со стороны буржуазии за счет ограбления колоний. Энгельс прямо писал даже о «буржуазном пролетариате» в Англии. Вся революционно-марксистская литература видела в этом основу социал-шовинизма и оппортунистического перерождения социал-демократии. Отсюда идет жестокая критика против социал-демократии. И только постольку, поскольку признается эта основа, возможна правильная революционная тактика. Лишь на этой основе индустриальный пролетариат может победить империализм, взрывая его не только в метрополиях, но и со стороны его колониальной периферии. Недаром Ленин еще в начале войны во главу угла ставил деление стран на страны великодержавные (субъект эксплоатации) и на колонии и полуколонии (объект империалистической эксплоатации). В этом сила Коминтерна. В этом, повторяем, одно из самых существенных, самых важных отличий коммунистических партий от партий социал-демократического предательства.

Теперь слушайте, что преподносит нам наш «вумный» критик из «левых»:

> «Что должно это обозначать, что буржуазия повышала заработную плату континентальных рабочих и заинтересовывала их благодаря этому в грабеже? Европейские и американские рабочие эксплоатируются. Рабочие получают ценность своей рабочей силы, т.-е. средств потребления, которые необходимы для сохранения и воспроизводства их класса. Сумма средств существования должна, следовательно, быть достаточной, чтобы работающий индивидуум (!) мог быть сохранен, как работающий индивидуум, в своем нормальном жизненном состоянии и мог быть увековечен путем размножения. Благодаря борьбе рабочие достигли известной высоты жизненного уровня. Предварительным условием этого было развитие производительных сил. Заработная плата континентальных рабочих не была повышена буржуазией в целях подкупа рабочего класса путем каких-то сверхприбылей. Вообще не бывает вовсе никаких сверхприбылей, бывает только простая прибыль, и она создается прибавочным трудом в производстве (336).

Далее, ученый Борис, отмечая факт диференциальной прибыли, продолжает свою «аргументацию»:

> «Необходимо различать сверхприбыль в промышленности от сверхприбыли в сельском хозяйстве. Сверхприбыль в индустрии не поддается фиксации, она получается технически самыми прогрессивными производственными единицами (Betrieben). Но нет таких производственных единиц, которые бы постепенно были самыми прогрессивными. Сегодня одни, а завтра другие предприятия получают эту прибыль (336). «Нельзя говорить о сверхприбылях, получаемых из колоний» (337).

И в результате этого «анализа» критик восклицает: «И вот предлагается Коминтерну возвысить эту примиряющую классы чепуху («diesen klassenversöhnenden Unsinn»; разумеется, учение о сверхприбыли, получаемой из колоний. Н. Б.) до степени программы» (337).

Прежде всего, насчет «чепухи». Раскрываем Маркса, автора, которого, надеемся, храбрый Борис не считает еще (пока, по крайней мере) «взбесившимся буржуа». Его-то критик должен знать, если он (критик) не прямой шарлатан. Берем II том, II часть «Теорий прибавочной ценности» («Theorien über den Mehrwert», II², §§ 279, 280), отдел о Джоне Стюарте Милле. Читаем:

> «Сэй в своих примечаниях к переводу Рикардо сделал только одно правильное замечание о внешней торговле. Прибыль может быть получена (gemacht) и путем ловкости (Prellerei), таким путем, что один получает, когда другой теряет. Потеря и получка внутри одной страны уравниваются. Не так обстоит дело между различными странами. И даже согласно теории Рикардо — чего Сэй не замечает — три рабочих дня одной страны могут меняться на один день другой. Закон ценности здесь существенно видоизменяется (erhält hier wesentliche Modifikationen). Или: как внутри одной страны квалифицированный труд относится к неквалифицированному, простому, так трудовые дни разных стран относятся друг к другу. В этом случае более богатая страна эксплоатирует более бедную; даже тогда, когда последняя выигрывает от обмена, как это развил Д. С. Милль в своих «Some unsettled questions etc.» (последний курсив наш. Н. Б.).

Итак, почтеннейший Борис, как же быть с Марксом? Сталобыть, и бедный Маркс несет «классовопримирительную бессмыслицу»? Предположим. Но не ясно ли тогда, что не мы «принципиально противоречим» марксизму, а наш одновременно развязный и безграмотный критик?

Диференциальная прибыль, почтеннейший, получается, действительно, наиболее прогрессивными технически единицами. Это знает каждый, кто читал хоть первый том «Капитала». Но нужно иметь поистине сумасшедшую фантазию, чтобы думать, что «сегодня» одна страна, а завтра другая менялись местами по линии технической структуры. А, ведь, именно эту бессмыслицу предполагают глубокомысленные рассуждения Бориса. Другими словами, разница между колониями и метрополиями, фундаментальнейшая разница структур нашего времени, для Бориса не существует: у него и колонии, и метрополии танцуют мирный идиллический менуэт, а сам Борис наигрывает на пастушеской свирели. Поистине, странный «марксизм», подозрительный до чрезвычайности, но зато зело приятный во всех отношениях для буржуазии.

Итак по Марксу (натурально, не по Борису: кроме разницы имен между обоими историческими персонажами есть еще кое-какие малюсенькие различия) бедные страны эксплоатируются богатыми, даже когда бедные страны получают выгоду от обмена. Но это последнее обстоятельство вовсе не обычно. В действительности есть еще ряд других обстоятельств, которые объединяются понятием грабежа. Ведь, только по Борису исто-

рия идиллична, хотя Борис делает вид, что он читал и Маркса, и Розу Люксембург. Но что же это означает? Это и означает получение сверхприбыли, существующей вполне реально, вопреки борисовским заклинаниям, которые имеют столько же общего с наукой, сколько всякие заклинания вообще.

Так обстоит дело со сверхприбылью. Теперь насчет заработной платы и «подкупа рабочего класса». Если смотреть на дело не глазами теоретика-марксиста, который ex officio обязан видеть дальше своего носа, и теперь, в нашу эпоху, обязан исходить из анализа связей мирового хозяйства, а глазами только англичанина или только немца, или только американца, тогда Борис прав точно так же, как прав любой буржуа или любой социал-патриот. Но совсем не так рассматривает вопрос революционный марксист.

В самом деле. Даже, по выражению Энгельса, «буржуазный пролетариат» получает свой доход в виде заработной платы, т.-е. получает ценностный эквивалент своей рабочей силы (если мы абстрагируем от разницы между ценностью и ценой). Но почему заработная плата английских рабочих выше, чем индусских? Почему их квалификация иная? Почему их жизненный уровень различен? Почему, наконец, производительные силы в Англии растут быстрее, чем в английских колониях? И нет ли здесь некоторой закономерности?

Конечно, многие—и в том числе Борис—не любят обременять себя вопросами. Зачем им это? Ведь, в их распоряжении, кроме ног, имеется еще арсенал ругательств, достаточно убедительный для дураков.

Между тем, стоит только поставить эти вопросы, чтобы увидеть суть дела.

Именно потому производительные силы развиваются неравномерно, что одни страны эксплоатируют другие. Именно потому в метрополиях быстрее идет накопление, что они, метрополии, получают сверхприбыль. Именно поэтому существует объективная возможность, так-сказать, «заработной сверхплаты», которая есть, конечно, заработная плата, точно так же, как сверхприбыль есть прибыль, а не зеленый сыр и не ругательства Бориса. Но эта повышенная заработная плата имеет своей основой эксплоатацию колоний. Поэтому здесь и образуется та относительная «общность интересов» между буржуазией и пролетариатом, о которой мы говорили в нашем проекте программы.

Следовательно, теоретическая (если можно употребить это слово по отношению к Борису) точка зрения нашего критика есть буржуазная точка зрения, есть позиция II Интернационала, которая протаскивается в наши ряды.

В связи с этим «теоретическим» позором стоит и практически-политическая позиция Бориса в национальном и колониальном вопросе. Он, изволите ли видеть, настолько «левый», «чисто-пролетарский» и прочее «индивидуум», что ему зазорно бороться вместе с национально-революционными частями буржуазии, даже мелкой буржуазии. Он для виду требует немедленного социализма даже для бушменов. Но ему претит национально-освободительная борьба. На практике же это означает отказ от поддержки всех тех национально-освободительных движений, которые дезорганизуют капиталистическую систему. Точно так же, как Гильфердинг и К° издеваются над «муллами из Хивы», «туркестанцами» и проч., так и «левый» Борис на самом деле является не чем иным как обыкновеннейшим социал-шовинистом, надевшим на себя маску левого коммунизма.

С такими людьми нам не по дороге.

II. Теория „процветания капитализма".

Если «товарищ» Борис договорился до того, что стал отрицать эксплоатацию колоний, то здесь один шаг и до того, чтобы договориться до фактического оправдания империалистических войн. Ибо, ведь, война есть продолжение политики, только другими средствами. Это положение стало трюизмом.

Оправдание войны имеется у Бориса в той форме, в какой оно было «разработано» у наиболее плоских и вульгарных умов буржуазии. Во время войны, в особенности в ее начале, некоторые буржуазные экономисты, особенно усердно припадавшие к стопам господствующей финансово-капиталистической клики, выдумали теорию, по которой война ничего, кроме промышленного процветания, не приносит. Свойство вульгарного экономиста, ведь, в том и состоит, чтобы видеть только поверхность явлений. Действительно, в начале войны безработица повсюду сокращалась, промышленность разрасталась, так-как спрос на предметы военного снабжения вызывал, в свою очередь, добавочный спрос на уголь, железо, сталь и т. д. Но эти милые люди не видели, что в то же время шло перераспределение производительных сил в сторону непроизводительного потребления: вместо частей основного капитала стали производиться пушки, которые, как известно, не входят в производственный процесс, и т. д. Поэтому неизбежно дело пришло к разрушению производительных сил. Мы не говорим уже о прямом разрушении их в результате военных действий. Ведь, каждому мальчику известно, что убито 10 миллионов человек, разрушено громадное количество материальных ценностей.

Скажут: но кто же против этого спорит? Теперь, когда даже самый узколобый буржуа понял, что этакая война отнюдь не означает всеобщего благополучия?

Кто спорит? Борис спорит.

После того, как сей почтеннейший критик «опроверг» наши положения о сверхприбыли из колоний, он—все с такой же развязностью—заявляет:

«Еще глупее (noch toller) становятся эти тезисы в отделе, который посвящен военному и послевоенному периоду» (337).

Итак:

«Нельзя также говорить об уничтожении производительных сил благодаря войне (durch den Krieg)» (344).

«Он (т.-е. я. Н. Бух.) утверждает, что война привела к уничтожению громадного количества средств производства. Как-раз обратное является правильным (Gerade das Gegenteil ist richtig). Производственный аппарат мира в конце войны сделался больше, чем до войны, производительные силы развились, производство идет на расширенном базисе» (337).

«Текущий мировой кризис капитализма не есть кризис недопроизводства, как это считают Бухарин и Варга. Таких кризисов вообще не бывает» (338).

Следовательно, если, например, 10 миллионов человек убито, то это означает, что производительные силы тем самым возросли; если половина Северной Франции была сожжена, то это означает прирост постоянного капитала. Если взорваны сотни километров рельсового пути, то это, несомненно, означает быстрый рост железнодорожной сети. Если вместо машин и сельскохозяйственных орудий выделываются снаряды, то это означает положительное улучшение промышленности и земледелия: ведь, и снарядами хорошо вспахивали землю. Если были горы трупов, то зато удобрялась почва. Разве это, в самом деле, не благословение божие, которое «удвоило производственный аппарат» общества?

Странным образом, люди в ряде мест положительно вымирали от голода: но это, ведь, и есть показатель развития производительных сил. Странным образом, даже зажиточные слои, специфически капиталистические, беднели: но, ведь, это и есть, очевидно, признак процветания. Странным образом, число самых необходимых продуктов уменьшалось. Но это как раз и нельзя назвать недопроизводством.

Такова сумасшедшая логика Бориса.

Если он ссылается на то, что Америка распухла, то он, действительно, не ошибается. Но тот факт, что даже теперь, через шесть лет по заключении «мира» мировая добыча чугуна и стали меньше довоенной, то это, очевидно, является случайностью, на которую можно плюнуть.

Вообще, в этом пункте Борис, который—вероятно, бессознательно—плагиирует наиболее тупых экономистов эпохи военного угара, обнаруживает и некоторые логические способности. Он берет мою формулировку понижающегося воспроизводства и говорит:

«Я позволяю себе последовать за нею и продолжить формулу математически» (337).

В конце он получает нуль, что совершенно правильно при продолжении формулы до нуля. Можно даже «математически» «продолжать» дальше, вплоть до «минус бесконечности» $(-\infty)$. И тут Борис празднует победу:

«Это означает, что Бухарин серьезно держится того мнения, что коммунистический хозяйственный порядок должен начинать буквально с нуля...» (337).

Это было бы остроумно, если бы только не было бесконечно глупо. Ибо «математически» продолжать процесс можно. Но откуда следует, что это продолжение (математическое) соответствует реальности? Как можно временное понижение производительных сил превращать в абсолютное? И как не совестно перед людьми обнаруживать такое и относительное, и абсолютное невежество?

Остается спросить лишь Бориса, на кой чорт пролетариату бороться против войн, если они несут за собой благодать всеобщего процветания, если нельзя говорить о разрушениях?

Перед нами—апология не только колониальной политики, но и империалистических войн, апология устойчивости капитализма, оправдание самых чудовищных его преступлений. Это хуже, чем теории Гильфердинга и К°. Это—настоящее проституирование марксизма.

В связи с этой «теорией процветания» (Prosperitätstheorie) стоит и положение, что социализм нельзя «строить на разрухе»—мотив, который мы давным-давно слышали от Каутских и меньшевистских dii minores всех мастей. Поздравляем «товарища» Бориса с этой теплой и «революционной» компанией!

III. „Теория кризисов" т-ща Бориса.

Итак, кризисов недопроизводства «вообще не бывает». Их выдумали Бухарин и Варга. Но Борис—глубокий мыслитель. Он подбирается и к мысли, что вообще кризисы отжили свой век. На стр. 338 он замечает:

«Одновременно (с ростом органического состава капитала. Н. Б.) повышается планомерность в руководстве производством».

А дальше он «углубляет» эту мысль следующим образом:

«Чем выше органический состав данной отрасли, тем планомернее управляется эта отрасль. Повышение планомерности (der Planmässigkeit) ведет, разумеется, не к ослаблению, а к обострению конкурентной борьбы. Планомерное руководство производством ведет к планомерному ограничению производства, которое отчасти заступает место кризиса» (339).

«Чем выше органический состав капитала, тем планомернее руководство» 339).

На это место нужно тоже обратить серьезное внимание. Планомерное руководство обостряет, по Борису, конкуренцию.

Что это означает? Это может означать, если только фраза имеет хоть какой-нибудь смысл, лишь одно: вышеупомянутое руководство уменьшает или уничтожает конкуренцию в *той* отрасли, где оно возникло, но зато *обостряет* конкуренцию *между* объединенными отраслями. *Иначе* представлять себе дело нельзя, ибо *внутри* планомерно руководимой отрасли конкуренция *не может* обостряться.

Но что же в таком случае значит, что планомерность частично уничтожает *кризисы*? Что планомерность способствует уничтожению противоречий внутри отрасли, планомерно руководимой, это понятно. А что происходит в хозяйстве, *в его целом*? Ведь, именно *об этом* идет разговор. И здесь Борис отвечает: кризисы этой планомерностью вытесняются.

Это есть не что иное, как старая, престарая *ревизионистская* теория. Она была провозглашена еще блаженной памяти Эдуардом Бернштейном, который, в своей погоне за «эволюционным» развитием, выставил картели, как средство преодоления злосчастных промышленных кризисов, не дающих покою гуманным, просвещенным, добродетельным буржуа. До сих пор не было в среде коммунистов людей, относящихся без *ненависти* к этой теоретической розовой водице. Теперь, как мы видим, появляются развязные молодые люди, которые эту жалкую маниловщину преподносят в теоретическом журнале коммунистической партии. И находятся «ученые» редакторы, которые пропускают этот вздор без единого примечания, без единого возражения, без *попытки* возражения!

Ну, времена! Ну, нравы!

Борис вещает:

> «Чем выше органический состав капитала, тем планомернее руководство» (339).

Итак:

1. Производительные силы растут даже во время войны.

2. Рост этих производительных сил выражается в росте органического состава капитала.

3. Рост органического состава капитала выражается в росте планомерного руководства.

4. Рост планомерного руководства выражается, в свою очередь, в частичном вытеснении кризисов.

Отсюда, как дважды два, вытекает (*здесь-то* мы имеем полное право продолжить тенденцию): *развитие капитализма означает тенденцию к вытеснению кризисов.*

Таков результат «исследования» Бориса по этой линии. Удивительное дело! Куда ни взглянешь — перед нами переодетый *реформист*, к тому же изрядно невежественный.

* * *

Мы разобрали только самые существенные пункты в рассуждениях этого в высшей степени претенциозного автора, который поучает нас, что есть разница между рабом и рабочим, что в капиталистическом строе есть буржуазия и пролетариат и тому подобным открываемым Борисом Америкам. Но выделенные нами пункты имеют существенное значение потому, что они вскрывают *истинную* физиономию автора. Оправдание колониальной политики, экономическое оправдание империалистических войн, апология устойчивости капитализма, отрицание его наиболее кричащих противоречий, все это—от Второго Интернационала.

И сколько бы ни кричал автор, что он не хочет иметь дела с крестьянством, что он желает только полной социализации (вплоть до социализации мелких хозяйчиков), ибо «всю буржуазию нужно послать к чорту» (стр. 341), что он не желает иметь дела с колониальными национально-революционными движениями, что он—против единого фронта, что он—за социализм повсюду, вплоть до самых отсталых колоний, и притом за социализм самый немедленный, самый полный, самый пролетарский и т. д., и т. п.—все равно мы ему верить не можем.

Такие «авторы», которые протаскивают к нам контрабандным путем гнусную идеологию социал-шовинистов по *существеннейшим*, кардинальнейшим пунктам, по самым основным вопросам нашей эпохи, неизбежно—если только они не исправятся под ударами критики—будут тянуть в сторону буржуазии.

Им можно дать прежде всего один совет: учиться, учиться и еще раз учиться. Не быть похожим на энгельсовского студиозуса, который был и пребывает в качестве вредного микроба в порах партийного организма.

Прим. ред. Как известно редакции ЦК герм. партии открыто осудил выступление т. Бориса, которое критикуется в предлагаемой статье т. Бухарина.

А. Лозовский.

Международное рабочее движение и III конгресс Профинтерна.

Перелом в международном рабочем движении.

Перелом в международном рабочем движении наметился приблизительно с начала 1924 года. Основные характерные черты его—это не только оборонительные массовые действия рабочих, но и ряд наступательных действий в целях отвоевания потерянных позиций. В этом отношении крайне характерны громадные стачки, имевшие место недавно в Англии, ряд стачек в Германии, особенно происходящая сейчас стачка немецких горнорабочих, оживление в рабочем движении Франции и т. д. В отдельных странах и в отдельных производствах буржуазия вынуждена итти на уступки, как это имело место в Англии и во Франции, что свидетельствует о том, что в рабочем классе накопилось довольно большое количество энергии, и мы вступили в полосу оживления.

Однако, было бы ошибкой сказать, что период наступления капитала закончился, что началось уже наступление рабочих. Мы присутствуем при первых симптомах начавшегося оживления, длительность которого, конечно, довольно трудно определить. Одно ясно, что оживление будет расти, размах конфликтов увеличиваться, и для некоторых стран, особенно для Германии и Польши, они могут привести к очень серьезным потрясениям.

Это начавшееся оживление в экономической, стало-быть, и в политической борьбе нужно иметь в виду при определении нашей тактики. Перед революционными профсоюзами возникает целый ряд новых вопросов, на которые требуется немедленный ответ. Положение сейчас сложилось таким образом, что **не только политические, но и экономические бои рабочего класса приходится вести против социал-демократии и амстердамских союзов**. Это заставляет революционные союзы тщательно продумать свою дальнейшую линию и выработать такие меры борьбы, путем которых удалось бы сломить сопротивление не только буржуазии, но и международного реформизма.

Рост революционного профдвижения.

За последние месяцы можно констатировать довольно значительный рост революционного профдвижения во всех странах. Особенно ярко это проявляется в **Англии**, где правительство Макдональда дает предметный урок придворного социализма рабочим массам. Среди горнорабочих, металлистов, транспортников, деревообделочников Англии влияние сторонников Профинтерна значительно выросло. Не случайно генеральным секретарем Британской Федерации углекопов избран сторонник Профинтерна, Кук, не случайно также целый ряд левых лидеров профессионального движения послали последнему конгрессу Британской коммунистической партии свои приветствия. Рабочие массы Великобритании, находившиеся в течение долгих десятилетий в аполитичном состоянии и верившие в то, что Макдональд их действительно приведет мирным путем, без потрясений и гражданской войны, к овладению политической и экономической властью в стране, начинают раскусывать эту карикатуру на рабочее правительство.

Таким образом, Макдональд, сам не желая этого, работает всеми силами в нашу пользу. С таким же успехом действует и председатель Амстердамского Интернационала, Томас, нынешний министр английских колоний и хранитель благополучия британского империализма. Выступление рабочего правительства и рабочих лидеров против стачек, защита правительством денежного мешка, не могли не вызвать глубокого разочарования в массах. А разочарование в реформизме означает переход на нашу сторону.

Такую же передвижку влево мы замечаем и во **Франции**, где реформизм окончательно выдохся. Он связал свою судьбу с левым блоком и ждет от левого блока разрешения всех сложных социальных проблем. Французский реформизм имеет еще влияние на избирательную массу. Наиболее отсталые слои рабочих идут за ним, и с ним приходится считаться, как с силой консервативной. Но в смысле боевом он совершенно сошел на-нет. С ним предприниматели перестали считаться. Раньше они все же прислушивались или делали вид, что прислушиваются, к Жуо. Теперь они открыто говорят, что им эта болтовня надоела и заявляют, что у них есть более серьезные дела, чем выслушивание самого болтливого, самого пустого и самого напыщенного из амстердамских краснобаев. Унитарной Конфедерации Труда удалось провести за последние месяцы целый ряд очень серьезных кампаний и увлечь за собой довольно значительные массы. Правда, она не осуществила всего того, что ей хотелось, но это потому, что она натолкнулась на сопротивление анархического крыла, «революционность» которого заключается в том, что оно

путается в ногах Унитарной Конфедерации Труда, стараясь всеми силами дезорганизовать революционное рабочее движение в пользу реформистского.

Большое оживление надо отметить также в Германии. Октябрьско-ноябрьское поражение хотя и вызвало большое замешательство в рядах рабочего класса, но гораздо меньшее, чем можно было ожидать. Уже в феврале, марте и апреле произошел целый ряд серьезных классовых стычек, при чем рабочие показали, что они готовы бороться не только против капитализма, но и против реформизма.

Оживление надо отметить и в Италии, и в целом ряде других стран.

Закончившиеся выборы в Италии, в Германии и во Франции также свидетельствуют о подъеме среди рабочих. Коммунистические партии, особенно в Германии и во Франции, получили довольно большое количество голосов, что свидетельствует о большом недовольстве в массах и нарастающей революционной волне. Этот рост революционного профдвижения все время шел под флагом Профинтерна, даже в тех странах и тех производствах, где об этом не говорилось открыто, ибо всякое революционное профдвижение не может не итти под флагом Профинтерна.

Разложение амстердамцев.

Разложение Амстердамского Интернационала и примыкающих к нему организаций значительно усилилось за последнее время. Прежде всего амстердамские союзы пережили большой организационный кризис. Наиболее остро кризис этот охватил германское профдвижение, где потери насчитываются миллионами. Одновременно союзы пережили также и финансовый кризис. Это ощущалось, главным образом, в Германии. Но самый острый и наиболее опасный для Амстердамского Интернационала кризис—это политический маразм, охвативший все примыкающие к Амстердамскому Интернационалу организации. Если проследить деятельность амстердамцев за последние 5—6 месяцев, то наиболее характерная особенность их заключается в том, что руководящее ядро Амстердамского Интернационала все более и более откровенно становится фашистско-штрейкбрехерским. Эту роль открыто играют немецкие амстердамцы, в скрытой форме ее играют реформисты других стран. Особенно это проявилось в последних экономических боях в Германии, где рабочим приходилось вести ожесточенную борьбу не только против буржуазии, но и против своих руководителей.

Это не могло не обострить недовольства, давно уже существующего в рядах Амстердамского Интернационала, и оно нашло

свое выражение в оформлении левого крыла, которому предстоит на ближайшем конгрессе Амстердамского Интернационала в Вене померяться силами с правым крылом. На первый взгляд бой на венском конгрессе будет итти по второстепенным вопросам: о том, каковы должны быть взаимоотношения между Амстердамским Интернационалом и интернационалами по производствам. Но на самом деле в организационном споре перекрещиваются довольно большие политические разногласия. Левое крыло Амстердамского Интернационала (главным образом, транспортники, пищевики, швейники и др.) требует для интернационалов по производствам автономии в целях создания единого фронта с революционными союзами. Руководящее ядро Амстердамского Интернационала категорически высказывается против этого. Дело идет, стало-быть, о большом политическом споре, с кем заключать единый фронт, с левыми рабочими или с левой буржуазией. Мы уверены, что победит правое крыло, но левые рабочие не смогут долго мириться с диктатурой штрейкбрехеров в Амстердамском Интернационале. Победа правого крыла будет поистине Пирровой победой на венском конгрессе Амстердамского Интернационала.

Разрушение или завоевание профсоюзов.

Нам приходится вновь ставить этот вопрос и ставить его потому, что штрейкбрехерская роль амстердамцев, их наглое поведение по отношению к революционным рабочим породило в некоторых странах, главным образом, в Германии, течение, настаивающее на необходимости уйти из насквозь прогнивших профсоюзов. Этот вопрос стоял уже в порядке дня немецкого рабочего движения в 1919—1920 гг. Правда, амстердамская верхушка в то время не дошла еще до такого падения, как сейчас, но и тогда уже она сидела по уши в грязи. Известно, что германская коммунистическая партия раскололась на съезде в Гейдельберге по этому вопросу. Большинство высказалось за разрушение союзов, при чем союзы эти остались невредимыми, а себя разрушила лишь коммунистическая рабочая партия Германии; меньшинство же, наметившее под влиянием Коминтерна и, главным образом, Ленина правильную линию по вопросу о профдвижении, выросло сейчас, несмотря на ряд тяжелых поражений, в мощную массовую коммунистическую партию.

В этом вопросе нам нужно откинуть все моральные и сентиментальные соображения. С тем, что амстердамская верхушка стала еще гнуснее, чем была, вряд ли кто-нибудь будет спорить. Но отсюда до ухода из союза—дистанция огромного размера. Мы никогда не понимали завоевание союза, как завоевание касс или домов, а как завоевание сознания рабочего

класса. Задача заключалась в том, чтобы оторвать массы от реформистской идеологии и тактики. Тактика амстердамцев заключается в том, чтобы как-нибудь избавиться от нас. Они делают свои расчеты приблизительно следующим образом: революционное крыло растет; если не избавиться от него сейчас, то через 2—3 года оно захватит в свои руки профсоюзы. Но для того, чтобы не брать на себя одним раскола, надо спровоцировать наиболее нетерпеливых членов союзов, заставить их уйти под влиянием оскорбленного самолюбия. Отсюда индивидуальные и коллективные исключения, отсюда требования о том, чтобы выборные давали подписку о своей преданности Амстердамскому Интернационалу и проч. Мы были бы плохими революционерами, плохими коммунистами, если бы поддались на провокацию амстердамцев и облегчили бы им их задачу. Нет, что бы амстердамцы ни делали, коммунисты должны оставаться внутри союзов, бороться за влияние на массы, при чем оставаться до тех пор, пока им не удастся выкинуть из профсоюзов всех предателей и ренегатов.

Борьба за единство в профдвижении.

Это можно будет сделать только в том случае, если неустанно, с неослабной энергией вести нашу борьбу за единство в профдвижении. Здесь-то мы наталкиваемся на большие трудности, которые вызываются наличием разнообразных форм революционного профдвижения. Помимо параллельных, общепрофессиональных национальных объединений, мы имеем сейчас во всех странах отколовшиеся и исключенные союзы, при чем эти отколовшиеся и исключенные, естественно, стремятся к расширению своих кадров. В Германии, в Чехо-Словакии, в Соединенных Штатах, в Голландии, везде и всюду возникают следующие вопросы: 1) Нужно ли вести борьбу за единство при наличии отколовшихся союзов? 2) Каковы должны быть взаимоотношения между самостоятельными союзами и меньшинствами внутри старых союзов? 3) Нужно ли создавать специальные органы, объединяющие всех сторонников Профинтерна в каждой стране?

Из всех этих вопросов наиболее важный—это вопрос о том, должны ли мы продолжать борьбу за единство профдвижения, или же открыто заявить о том, что наступил момент для раскола его? В этом вопросе наибольшие колебания появились в Германии. Там имеется целая группа товарищей, которая считает лозунг единства профдвижения уже изжитым. Зачем, говорят эти товарищи, мы будем бороться за единство, если никакое единство невозможно с реформистами? Зачем мы будем выдвигать лозунг, который встречает только лишь недоверие и озлобление масс? Надо вообще покончить с союзами, найти другую базу для нашей работы (фабзавкомы).

Коммунисты совершили бы непоправимую ошибку, если бы отказались от лозунга борьбы за единство, предоставив этим самым монополию единства реформистам. Наша борьба за единство не является, как это подчеркивают реформисты, «сплошной демагогией». Мы действительно хотим единства, мы добиваемся его. Разница между нами и реформистами заключается в том, что мы хотим единства для борьбы, они хотят единства для классового сотрудничества. Разница достаточно серьезная для того, чтобы провести серьезную грань между основными течениями и в международном рабочем движении. Борьба за единство остается и дальше нашим лозунгом. Даже в тех странах, где мы имеем уже параллельные организации (Франция, Чехо-Словакия), даже там, и особенно там нужно вести упорную и отчаянную борьбу за единство всего рабочего класса. Только ведя такую борьбу, мы сможем, действительно, собрать массы, объединить их в действии и повести за собой.

Организация неорганизованных.

Тактика реформистов привела к довольно сильному понижению количества членов союзов во всех странах, и, естественно, перед коммунистами встает вопрос о том, как быть с теми миллионами рабочих, которые вышли из союзов и тем увеличили кадры неорганизованных. За исключением нескольких стран, где процент организованных очень высок, большинство рабочих стоит вне профессиональной организации. Достаточно взять Америку, которая имеет до 30 миллионов рабочих и служащих, и где в союзах находится меньше 4-х миллионов человек, чтобы увидеть, какая колоссальная задача еще стоит перед нами. Но даже в таких странах, как Германия и Англия, мы имеем миллионы рабочих, которые стоят вне организации.

Как подойти к этим массам? Как втянуть их в борьбу? Ведь, если мы оставим их вне союзов, то они могут сделаться простым оружием в руках фашистских и националистических организаций. Немецкие товарищи пытались дать ответ на этот вопрос, но до сих пор они конкретно его не разрешили. Смешно было бы выдумывать какие-нибудь новые организации для неорганизованных, или строить паралелльно с существующими союзами новые союзы для неорганизованных. Очевидно, нужно найти какую-нибудь специфическую организационную форму для охвата этой массы, для того, чтобы закрепить наше влияние на нее.

Другой организации, кроме фабзавкома, для этого не выдумаешь. Фабзавкомы, контрольные комиссии, затем во время конфликтов стачечные комитеты,—вот основные органы, вокруг которых нужно собирать рабочих всех направлений. В тех производствах, где союзов нет, а таковые имеются, напри-

мер, в довольно большом количестве в Соединенных Штатах, нужно приступить к созданию профсоюзов вообще. Теоретически говоря, все формы организации хороши, которые дают нам желательный эффект, но в том-то и дело, что для этой цели нельзя выдумать какую-то особую новую форму. Через фабзавкомы и через боевые органы руководства стачками можно добиться полного доверия со стороны неорганизованных рабочих и органически связать их с нашими организациями.

О фабзавкомах.

Казалось бы, что по этому вопросу все сказано. Но это только кажется. На самом деле, если присмотреться к работе фабзавкомов в разных странах, мы увидим, как мало рабочие одной страны знают об имеющемся опыте в других странах, как мало используется то, над чем уже билась мысль рабочих. Фабзавкомы имеются в Западной Европе только в зачаточном состоянии. Фабзавком—орган единства рабочего движения и непосредственный представитель трудящихся данного предприятия. Здесь нужно проявить максимальную энергию и инициативу. Даже в Германии, где мы имеем довольно большое движение фабзавкомов, оно также еще не отлилось в определенные рамки. Что же сказать о других странах, как Австрия, Чехо-Словакия и др.? Во Франции мы присутствуем только лишь при первых шагах по созданию фабзавкомов. В Англии движение это заглохло. В Соединенных Штатах оно почти не существует. Между тем, никакое серьезное революционное профдвижение невозможно, если оно не будет иметь в своей основе фабрично-заводские комитеты.

Было время, когда спорили по вопросу о том, как строить фабрично-заводские комитеты, все ли рабочие должны выбирать фабзавком, каковы функции фабзавкомов, и т. д. Этот период теоретических споров прошел. Нужно заняться практическим построением фабрично-заводских комитетов. Построение фабзавкомов нужно считать главнейшей задачей сторонников Профинтерна, особенно в тех странах, где движение расколото, где в каждом предприятии существуют рабочие, примыкающие к двум или больше союзам. Объединить всю рабочую массу вокруг фабзавкома, превратить фабзавком в руководящий предприятием орган, не бояться расширения сферы деятельности и компетенции фабзавкома, привлечь фабзавком к руководству экономической борьбой, к участию в создании комитетов действия и боевых органов руководства стачками, сделать фабзавком центром притяжения для всех неорганизованных, для работниц и молодежи, воспитывать фабзавком и через него кадры рабочих, подготовляя этим возможность введения рабочего контроля,—вот те простые, но в высшей степени важные задачи, которые стоят в этой области перед сторонниками Профинтерна.

Рабочее движение в колониальных и полуколониальных странах.

На Востоке формы современного рабочего движения причудливо переплетаются с остатками средневековья и здесь больше, чем где-либо. Профинтерн может принести пользу. За последний год амстердамцы пытаются проникнуть на Восток. Они заманивают японских рабочих в Международное Бюро Труда. Они подмигивают индусским рабочим и все это с единственной целью не дать революционному движению развиться в этих странах. Между тем, Ближний, Средний и Дальний Восток, жестоко эксплоатируемые европейским и американским империализмом, просыпается к новой жизни. Мы чрезвычайно мало знаем о положении рабочих в этих странах, об уровне их жизни, их потребностях и т. д. Надо создать серьезный кадр востоковедов из революционных профессионалистов. Надо добраться до наиболее отдаленных и эксплоатируемых уголков колониальных и полуколониальных стран. Надо путем созыва специальных совещаний и конференций делиться опытом с отставшим колониальным рабочим движением. Пути в этой области—необъятные. Здесь мы прежде всего связаны незнанием языков, тем, что колониальный мир мало знаком, что рабочее движение этих стран еще очень молодо, и что оно проникнуто националистическим духом, при чем причиной этого национализма является жестокая эксплюатация европейским империализмом этих отсталых стран.

Особенно большие обязанности по отношению к рабочим колониальных стран лежат на рабочих метрополии, и в первую очередь на рабочих Англии и Франции. От них требуется большая работа среди трудящихся «своих» колоний. До настоящего времени еще почти ничего не сделано в этой области. Между тем, ни для кого не тайна, что британский империализм будет незыблем до тех пор, пока ему будут обеспечены, как объекты эксплоатации, Индия и другие колонии. То же можно сказать относительно Франции и таких стран, как Голландия, Бельгия, Италия и др. Нельзя убить империализм одной только работой в колониальных и полуколониальных странах. Эта работа должна итти параллельно в метрополии и колониях. Стратегическая задача заключается в координации действий пролетариев господствующей и угнетенной нации.

Борьба против фашизма.

Борьба против фашизма и особенно против фашистских профсоюзов остается важнейшей задачей революционных профсоюзов Как обстоит дело в настоящее время? Приятно нам это или нет, но фашисты пользуются влиянием в рабочих массах. Хотя итальян-

ские фашисты преувеличивают свои силы, но если даже уменьшить их цифры, то все же остается несколько сот тысяч рабочих, находящихся под их влиянием. Успехи фашистов заметны также в Германии. Им удалось проникнуть на некоторые заводы. Их патриотические профсоюзы, опираясь на банды реакционного офицерства и студенчества, пытаются играть определенную роль в социальной борьбе. Борьба с фашизмом должна итти не только в тех странах, где он стал уже силой, но и там, где он только нарождается. В Бельгии, Франции, Америке, Англии, Чехо-Словакии, Венгрии, везде имеются фашистские организации, которые пытаются демагогическими способами проникнуть в рабочие массы. Надо задушить эти организации в самом зародыше. Но как это сделать?

Помимо антифашистских боевых пролетарских отрядов, необходимо повести большую агитационно-пропагандистскую работу по разоблачению фашистской идеологии. Это тем более легко сделать, что фашистские обещания могут быть проверены в настоящее время на итальянском опыте. Этот опыт (отмена 8-часового рабочего дня, отмена рабочего законодательства, убийства, аресты, разгром профессиональных организаций и проч.) необходимо популяризировать возможно шире. Необходимо, чтобы каждый рабочий воочию убедился в том, что несет ему победа фашизма.

С другой стороны, организация самообороны и антифашистских отрядов заставит колеблющихся рабочих выбирать между своими и чужими. Надо отдать справедливость фашистам; они очень активны и своею активностью часто увлекают рабочих. Активности фашистов нужно противопоставить удесятеренную активность революционных элементов в профдвижении. Фашизм есть превентивная контр-революция. Надо принять поэтому превентивные меры против фашизма.

Профсоюзы и спортивное движение.

Пролетарский спорт становится с каждым днем очень серьезной силой. Миллионы пролетарской молодежи увлекаются спортом, при чем и здесь, как и в других областях, буржуазия значительно опередила нас. Помимо замкнутых буржуазных спортивных кружков, имеются смешанного типа кружки и организации, при чем буржуазия старается культивировать спорт для спорта, т.-е. отвлечь внимание рабочих от истинной роли пролетарского спорта. Спорт меньше всего является самоцелью. Это средство не только для физического оздоровления рабочих масс, но и политической борьбы. Существующие реформистские организации и их интернационал в Люцерне, ничем не отличаются по своей идеологии от 2-го и Амстердамского Интернационалов.

Между тем, во многих странах (Франция, Чехо-Словакия, Германия) имеются серьезные спортивные организации революционной молодежи. В чем заключается задача профсоюзов в этой области? Надо оказать содействие в смысле оформления сознания спортивных кружков и организаций. Надо сделать спортивные организации орудием борьбы против капитализма. Надо иметь в виду, что эти организации лучше всего могут служить боевыми ударными частями против фашизма и контр-революции. Надо бороться всеми силами и средствами за овладение спортивным движением, за превращение спортивных организаций в орудие социальной революции. В этом отношении наши профессиональные организации почти ничего не сделали. Между тем, такое игнорирование спорта и спортивных организаций может привести к крайне печальным результатам. С одной стороны, часть рабочих будет увлечена буржуазным спортом, в другой части рабочих будут господствовать безраздельно реформисты. Не нужно забывать, что во всех серьезных социальных битвах спортивные организации не могут не играть серьезной роли. Они будут против нас, если мы будем пассивны, они будут с нами и за нас, если мы проявим необходимую активность и революционную энергию.

Тактика единого фронта.

Хорошую политику можно делать, когда имеется хорошая организация, а сама хорошая организация может существовать только при хорошей политике. Эта связь между организационными и политическими вопросами особенно ясна, если мы проследим деятельность РКП, Коминтерна и Профинтерна.

Нужно ли менять нашу тактику для того, чтобы осуществить стоящие перед нами задачи? Есть товарищи, которые провозгласили необходимость «новой» тактики. В чем же должна заключаться эта новая тактика? В том, чтобы отбросить лозунг единства профдвижения, высказаться против тактики единого фронта и за раскол. Мы уже говорили выше о лозунге единства и о расколе в профдвижении. Остается сказать несколько слов о тактике единого фронта. Те, кто возражает против этой тактики, не замечает того, что они именно благодаря ей и выросли. Та же германская коммунистическая партия, где имеется довольно серьезное настроение против тактики единого фронта, выросла, несмотря на целый ряд ошибок, именно благодаря этой тактике. Особенно наши немецкие товарищи настаивают на том, что тактика единого фронта должна проводиться только снизу. Меньше всего это может быть общеобязательным принципом и правилом поведения. В одних странах и одних производствах выгодно применять тактику единого фронта снизу, в других и снизу, и сверху. Это зависит от времени, места и обстановки борьбы. Не

потому тактика единого фронта давала иногда плохие результаты, что ее применяли сверху, а потому, что ее плохо применяли. Международная конференция транспортников (май 1923 г.) была опытом применения тактики единого фронта сверху. Но вряд ли найдется хотя бы один самый принципиальный противник единого фронта, который не признал бы громадного политического значения этой попытки.

Стало-быть, тактика единого фронта остается и на будущее время важнейшим методом классового маневрирования. Нужно ее уточнить, тщательно прорабатывать каждую кампанию, уметь быстро менять свою диспозицию, чутко прислушиваться и присматриваться к новым явлениям в рабочей среде. В одних местах применять тактику единого фронта только снизу, в других местах и снизу, и сверху, имея всегда в виду одну и ту же цель—привлечение массы на свою сторону, во что бы то ни стало.

Еще один в высшей степени важный вопрос стоит перед профессиональным движением всех стран. Это отношение между профсоюзами и рабочим правительством. Взаимоотношения между революционными союзами и революционным правительством совершенно ясны. Там, где правительство является органом диктатуры пролетариата, как в Советской России, там революционные союзы оказывают этому правительству всяческую поддержку и помощь, ибо они являются опорой пролетарской диктатуры. Ну, а как-быть с рабочим правительством типа английского? И здесь положение очень ясно. Рабочее правительство в Англии представляет собою разновидность коалиционного правительства. Прежде всего нужно разоблачать коалиционный характер этого правительства и его робость, его боязнь решительных действий, полный отказ от каких бы то ни было серьезных социальных реформ и капитуляций перед буржуазией.

Но одного словесного разоблачения здесь недостаточно; его нужно разоблачать не только словом, но и фактами. Широкие массы рабочих, в частности английских (такое же положение мы имеем сейчас в Дании) еще верят в это правительство. В них сильны еще демократические парламентские иллюзии. Надо предъявлять этому правительству конкретную программу в области социального законодательства, улучшения условий труда, налоговой системы, по колониальному вопросу и т. д. Надо заставить эти правительства, чтобы они открыли все свои карты. А это можно сделать только в том случае, если мы будем настойчиво требовать осуществления конкретной программы, увлекая за собой на этот путь массы. Там, где существует рабочее правительство, сторонники Профинтерна должны с особой тщательностью и с особым вниманием и умением проводить тактику единого фронта по отношению к тем массам, которые поддерживают рабочее правительство.

Мы видим, таким образом, какие громадные и сложные проблемы стоят перед революционным профдвижением всех стран. Путь очень трудный и извилистый. Надо завоевать еще десятки миллионов рабочих, в борьбе против буржуазии, ее государства и ее реформистов. Путь очень трудный, но он все-таки будет пройден.

Конгресс Амстердама.

Состоявшийся 2—7 июня в Вене конгресс Амстердамского Интернационала целиком и полностью подтвердил наши предположения. Левое крыло на этом съезде нашло подкрепление в лице представителей английских трэд-юнионов, которые выступили за соглашение с профсоюзами СССР. Камень, брошенный рукой англичан, всполошил все реформистское болото. Один за другим выходили социал-демократические зубры и вопили против Коминтерна и Профинтерна. «Соглашение с русскими союзами,—заявил представитель германских союзов, социал-фашист Грассман,—станет возможным, если эти последние освободятся от влияния Советского государства и Компартии». Вот она, мечта международного реформизма! Быть под руководством фашистской социал-демократии—это можно, а вот связать свою судьбу с компартией, это противоречит всем «божеским и человеческим» законам. Убогие людишки, стоящие во главе Амстердама, так-таки не могут понять и никогда не поймут, что компартия это душа и мозг нашего профдвижения, и что требовать от русских профсоюзов «развода» с компартией так же остроумно, как требовать от разбойничьей Лиги Наций установления справедливости на земле. Об этом мы неоднократно сообщали реформистам, но эти дубиноголовые продолжают свою скучную канитель при всяком удобном и неудобном случае.

Левое крыло Амстердама в лице Перселя, Кука, Бромлея и Фиммэна пыталось уговорить реформистских зубров в необходимости восстановить единство международного движения и войти в соглашение с профсоюзами СССР, но гораздо легче телеграфному столбу оспу привить, чем реформистов в таком «зазорном» деле убедить. Вообще англичанам не посчастливилось—они предложили высказаться за национализацию шахт, железных дорог и пр.,—конечно, ничего этого не было принято.

Чтобы не оттолкнуть англичан, комиссия конгресса приняла резолюцию, в которой глухо и двусмысленно сказано, что президиум должен вести переговоры с русскими союзами, но... на основе статутов и принципов Амстердамского Интернационала. Некоторые из членов левого крыла ухватились за эти двусмысленные фразы, желая из этого сделать «либеральные» выводы, но эти прекраснодушные товарищи скоро убедятся в том, каков истинный смысл лицемерных фраз. Для того, чтобы не оставалось никаких сомнений в дальнейшей политике Амстердамского Интернационала,

съезд так составил Бюро и Генеральный Совет, что от них на тысячу верст несет социал-фашизмом. Чтобы успокоить англичан, им предоставлено место председателя (Персель), а дальше идут вице-председатели Жуо, Мертенс, Лейпарт, секретари—Удегест, Зассенбах, Броун, (левый); члены Генерального Совета Стенгюнс, Ясцай, д'Аррагона, Тайэрлэ, Жулавский, Грассман и т. д. Кроме Перселя и Броуна каждое имя—это целая программа предательства и измены.

Правые одержали победу, но эта победа им очень дорого обойдется, ибо англичане вряд-ли согласятся играть роль марионеток в руках этих социал-фашистских молодцов. Прав, тысячу раз был прав Ленин в своей оценке Амстердамского Интернационала: «Амстердам, желтый Интернационал—писал Ильич—больше чем Лига Наций вреден и опасен сейчас мировой революции. Через Легиных, Гомперсов и Жуо буржуазия пытается сделать из Амстедамского Интернационала профессиональных союзов такое же орудие своих грабительских целей, каким были социал-демократические партиив сего мира в течение империалистической войны». То, что было верно в 1920 году, стало еще вернее в 1924 г.

К счастью, Амстердам уже давно не тот, каким он был несколько лет тому назад; он основательно подточен и неуклонно идет по нисходящей линии. Недалеко то время, когда Профинтерн станет единственной организацией в мировом профессиональном движении.

А. Стецкий.

Завершение денежной реформы.

I.

Вот уже четвертый месяц идет, как мы живем в условиях твердой валюты. Бумажно-денежный хаос, который почти восемь лет царил в нашей стране, остался—будем надеяться навсегда—позади и скоро станет далекой, мало похожей на правду, былью. Советский знак, стабилизованный в марте, недавно окончательно сошел со сцены: его место во всех порах товарооборота заняли устойчивые деньги—червонцы, казначейские билеты, серебро. Трудности, связанные с последним этапом реформы: ликвидацией совзнаков и замещением их устойчивыми деньгами, преодолены; болезненные явления, возникшие в критический момент перехода к новой валюте—изжиты. Пора поэтому подвести предварительные итоги реформе.

Говорят иногда, что реформа закончена только в техническом отношении и что лишь в этом смысле можно говорить об ее итогах. Конечно, если смотреть на всю реформу, как на простую операцию замены одних бумажек другими, то эта замена далеко не решает дела и ее конечные результаты остаются под вопросом. Но в том и дело, что наша реформа далеко не представляет собою только техническую операцию: она явилась результатом целого ряда экономических и финансовых мероприятий Советской власти в течение последних двух лет. Переход к твердому золотому исчислению, организация кредита и банковского дела, выпуск червонцев, достижение активного баланса, налоговая политика и сокращение дефицита—таковы отдельные звенья той цепи мероприятий, которые подвели нас к твердой валюте. Денежная реформа, т.-е. окончательная ликвидация совзнаков и замена их по всему фронту твердой валютой, является лишь последним звеном в этой цепи. Но она также не была делом одной только техники. И тот факт, что наша страна в продолжение свыше трех месяцев имеет твердую валюту, что пляска цен прекратилась, что червонец равняется с лучшими и твердыми мировыми валютами по довоенным паритетам—это есть определенный экономический результат всей совокупности перечисленных мероприятий.

Конечно, этим не сказано еще, что у нас нет затруднений теперь и не будет их завтра. Но задачи нашей финансовой политики те-

перь, после проведения реформы, уже существенно другие: они сводятся к вопросам о том, как удержать добытую с трудом твердую валюту и как предохранить ее от колебаний и падений. Эти задачи будут стоять перед нами не только сегодня или завтра, а год, два и больше, пока у нас денежная система будет существовать в том виде, как теперь создана и с той разницей, что по мере укрепления и роста нашего хозяйства решение этой задачи будет становиться все легче.

II.

Последние решающие месяцы реформы были временем окончательной ликвидации использованных до конца и отслуживших свою службу совзнаков и замены их новыми твердыми деньгами. Условия этой замены были подготовлены совершившимся ранее, в течение 22 и 23 года, переходом к твердому золотому исчислению. Т. к. к моменту реформы не только цены всех товаров, но и заработная плата исчислялись, в золотых рублях, то быстрое проникновение новой валюты в оборот было значительно упрощено и облегчено. Один из трудных моментов в реформах такого типа, как наша, состоит в переводе товарных цен, выраженных в старых деньгах, на новые деньги. Обычно этот переход к новым ценам производится стихийно самим рынком; цены понижаются далеко не в соответствии с установленным официально отношением старой валюты к новой и неравномерно для отдельных товаров. Все это в результате запутывает кредитные и торговые отношения и вызывает острые, болезненные потрясения тех и других. Для нашей реформы этого затруднения не существовало. Наша новая валюта в конечном счете связанная с золотом и его представляющая могла сразу опереться на уже вошедшие в практику золотые цены и прямо, без всяких сложных курсовых пересчетов совзначных цен в новые, приступить к выполнению своих функций в товарном обороте.

Дело облегчалось еще тем, что червонец, являющийся основным ядром нашей денежной системы, уже годом раньше проник в оборот и занял в нем крепкие позиции. В течение года он успел завоевать себе всеобщее доверие и успешно конкурировал как с обращавшейся нелегально золотой царской десяткой, так и с иностранной валютой. Естественно, что и новые казначейские деньги, опирающиеся на червонец и связанные с ним, также должны были быстро найти общее признание и без всяких заминок войти в оборот.

Основная трудность при введении новых денег заключалась в невозможности точно, количественно определить потребность рынка в новых деньгах. К моменту проведения реформы $^{8}/_{9}$ ценности денежной массы приходилось на долю устойчивых денег,— банкнот и сертификатов и лишь $^{1}/_{9}$ на долю совзнаков. Однако, удельный вес совзнаков в обращении был значительно больше: меньшую свою ценность совзнак возмещал несравненной быстро-

той оборота. В то время как червонцы и отчасти сертификаты придерживались и припрятывались населением, выполняя главным образом роль средства сохранения ценности, страховки от потерь на падении курса, совзнаки, обращаясь в конце своих дней с молниеносной быстротой, почти целиком обслуживали товарный оборот. При таких условиях трудно было учесть, какое точно количество твердой валюты должно было заместить советские знаки. Ясно было, что с введением твердых денег горячечная лихорадка денежного обращения должна прекратиться и что оно примет более спокойный и замедленный темп; следовательно, потребуется больше твердых денег, чем совзнаков для того, чтобы при этом замедленном темпе обращения обслужить весь товарный оборот. Однако, нельзя было высчитать точно, на сколько больше и какое именно количество твердых денег можно выпустить, не опасаясь их обесценения.

С другой стороны, существовали предположения, что с проникновением в оборот твердых денег на сцене появятся припрятанные ранее червонцы, т. к. нужда в страховке от обесценения по мере проведения денежной реформы должна была исчезнуть. При таких условиях эмиссия банкнот в прежних размерах представляла серьезную опасность; вновь выпущенные червонцы, вместе с появившимися снова в обороте ранее припрятанными,—могли привести к переполнению оборота, т. е. к новой инфляции. Эти обстоятельства заставили НКФ чрезвычайно осторожно подойти к выпуску новых казначейских билетов и червонцев. Эмиссия червонцев была сокращена до минимума: в то время как раньше эмиссия червонцев доходила до 30 и 50 милл. рублей в месяц, в марте месяце она была ограничена до 7 миллионов рублей. Т. к. выпуск червонцев в обращение производится путем кредитования промышленности и торговли, то сокращение червонной эмиссии обозначало прежде всего сокращение кредитования промышленности и торговли. Такое резкое сжатие кредитов разумеется тяжело и болезненно должно было отразиться на нашем хозяйстве.

Выпуск казначейских билетов совершался так же осторожно, небольшими дозами, на основании особых постановлений СТО СССР. Таких постановлений было пять за это время: 5/II в выпуске казначейских денег на 25 миллионов рублей, 22/II на 30 миллионов рублей, 26/III на 25 милл., 9/IV на 30 милл. и в конце мая на 30 милл. В связи с этой осторожностью, которую многие считают чрезмерной—в выпуске казначейских денег стоит разменный голод, охвативший страну в марте и продолжавшийся до средины апреля.

Как мы видели, ценность совзнаков, находившихся к моменту реформы в обороте, была незначительна, и она возмещалась лишь их молниеносной быстротой обращения. Высчитано, что совзнак обращался в 3 и 6 раз скорее червонца. После стабилизации совзнаков скорость их обращения значительно уменьшилась, т. к. они

перестали «жечь руки». В результате в обороте сразу образовалась пустота, которую не могли заполнить незначительные порции казначейских денег. Остро дал себя знать недостаток денег и, главным образом, мелких разменных купюр. Вместо лажа на червонцы, появился лаж на мелкие деньги и на совзнаки. Товарный оборот резко сократился и в некоторых местах снова начал принимать натуральные формы. Однако, создавшийся голод на деньги сыграл и положительную роль: он привел к тому, что население жадно набрасывалось на новые деньги и они быстро, без заминок, проникали в оборот.

Сокращение кредитования, тяжесть которого пала, главным образом, на промышленность, и разменный голод, ударивший по товарному обороту—это две жертвы, которые нашему хозяйству пришлось принести в связи с проведением денежной реформы. Теперь эти болезненные явления изжиты без тяжелых последствий. Сокращение кредитов промышленность перенесла, не прибегая к свертыванию производства. Наоборот, в то время, как в прошлые годы апрель давал обычно сокращение производства на 23-29% по сравнению с предыдущими месяцами, в этом году апрельская выработка осталась на одном уровне с мартовской. Денежная масса увеличилась с начала реформы до конца мая более, чем в полтора раза—с 311 милл. рублей до 473 милл. рублей, при чем количество червонцев осталось почти на одном уровне (это подчеркивает правильность сокращения эмиссии червонцев), а увеличение больше всего происходило за счет казначейских денег, мелких купюр, которые настоятельно требовались рынком. В результате—соотношение между мелкими и крупными купюрами стало приближаться к нормальному; в мае мелкие купюры ниже 10 рублей составляли 33% денежной масс. Дальнейшего сокращения товарооборота уже не происходит: наоборот, апрель и май показывают увеличение оборота по сравнению с мартом, при чем важно, что это увеличение происходит, главным образом, в провинции. Вместе с тем, миновал кризис и в кредитных учреждениях: отлив вкладов приостановился и снова началось их увеличение. Все это говорит о том, что решительный и острый момент проведения денежной реформы остался позади и что поступательное движение нашего хозяйства на основе твердой валюты уже началось.

III.

Внешний курс, отношение своей валюты к иностранной и внутренний курс ее, состояние цен внутри страны, являются основными условиями оценки валюты.

При господстве капиталистических отношений, свободе товарообращения с заграницей особенное значение приобретает внешний курс. Обычно он служит лучшим барометром, показывающим

состояние валюты и отражающим все ее колебания. Поэтому первым условием реформ и залогом ее успеха в капиталистических государствах считается достижение твердого отношения к иностранной валюте, устранения чрезмерных колебаний внешнего курса отечественной валюты. Путем регулирования внешнего курса происходит обычно и выравнивание в желательном направлении цен внутри страны.

В нашем Союзе капиталистические отношения ограничены и подчинены социалистическим ядром хозяйства; товарный оборот с заграницей находится в руках государства, осуществляющего монополию внешней торговли. Однако, и у нас курс нашей валюты по отношению к иностранной приобретает чрезвычайно важное значение. Наша страна уже не является блокированной страной: она включена в систему мирового хозяйства. С каждым месяцем торговые отношения с заграницей растут и расширяются. Ясно, что с ростом внешней торговли нашей валюте нельзя было оставаться оторванной от иностранных валют. Мы не можем торговать с заграницей, покупать у нее и продавать ей, если у нас нет возможности сравнивать свои цены с ценами мирового рынка, что возможно лишь через сравнение валют, и если организации, ведущие внешнюю торговлю, не могут обменивать нашу валюту на иностранные и обратно. Рост внешней торговли неизбежно привел нас к установлению на фондовых биржах смычки между нашей валютой и валютами капиталистических стран. Разрешение сделок с иностранной валютой, котировка ее на наших фондовых биржах явилась для нас не средством пускать пыль в глаза иностранцам, как утверждают некоторые белые экономисты, а необходимым результатом восстановления нашей страной связей с мировым рынком и включения ее в общую систему мирового хозяйства.

Дело осложняется лишь тем, что против нас действует еще финансовая блокада. Капиталистические страны до сих пор не допускают официальной котировки червонца на своих биржах. Однако, прорыв этой блокады уже намечается. Прибалтийские страны, крепче других капиталистических стран связанные с нами и зависящие от нас, уступили здравому смыслу и разрешили котировку червонца на своих биржах. Что касается других капиталистических стран, то хотя они и отказываются еще признавать червонец де-юре, однако, он обращается на крупных биржах де-факто и сделки с ним происходят. При таких условиях покупательная сила червонца по отношению к иностранной валюте приобретает важное значение для оценки состояния и нашей денежной системы. И тот факт, что червонец равняется теперь по довоенным паритетам с наиболее устойчивыми мировыми деньгами—долларами и фунтами стерлингов, в то время как валюта «победительницы» Франции расценивается в четыре раза ниже довоенного паритета,—является солидным показателем успеха реформы и твердости нашей валюты.

Но смычка нашей валюты с иностранной важна также вслед-

ствие особого характера нашей денежной системы. На червонце написано, что он равен 10 руб. золотом. Однако, это еще ничего не говорит о том, какую реальную ценность представляет червонец. Он обеспечен золотом, но не обменивается на золото и последнее вообще имеет в стране только очень ограниченное, нелегальное хождение, главным образом, по рукам нэпманов, спекулянтов и контрабандистов. При таком положении вещей, золотой номинал червонца был бы пустой абстракцией, если бы червонец не находился в определенной связи с твердой иностранной валютой. Лишь приобретая по отношению к последней устойчивый курс на внешнем рынке, червонец делается реальной и вполне определенной величиной и на внутреннем рынке. Через свою связь с золотыми валютами он перестает быть абстракцией, становится и внутри страны представителем золота, являющегося мировыми деньгами.

Эмигрантские газеты любят говорить об искусственности высокого внешнего курса червонца. Этот-де курс является показным и совершенно не соответствует низкой покупательной силе червонца внутри страны. Он объясняется, мол, тем, что в Советском Союзе существует монополия внешней торговли и активный торговый баланс. Не будь этих двух вещей, червонец быстро сорвался бы с теперешних довоенных паритетов и полетел бы вниз. Иногда такие разговоры слышатся и у нас. Нет сомнения, что монополия внешней торговли облегчает регулирование курса червонца в то время как активный баланс является основой его устойчивости. Но об искусственности говорить теперь, когда торговый оборот с заграницей выражается в сотнях миллионах рублей (за первые 5 месяцев 1923—24 г. весь оборот 219,7 милл. руб.)—нелепо. Всякое сильное расхождение покупательной силы червонца внутри страны с его курсом по отношению к инвалюте при таком большом объеме внешней торговли немедленно отразился бы на последней и сделал бы невозможным экспорт наших товаров. То, что наш экспорт растет и что он дает нам прибыль, служит лучшим опровержением этих белогвардейских мудрствований...

Однако, в критические месяцы реформы и еще в настоящее время решающим фактом является покупательная сила новых денег на внутреннем рынке. От того, как здесь складывались и складываются отношения между товарами и деньгами, от состояния цен, в значительной степени зависит успех реформы.

Время, предшествовавшее реформе, характеризовалось причудливой пляской цен и их непрерывным ростом. Цены росли не только в совзначном, но и в золотом исчислении. Так как, оборот, особенно розничный, обслуживался, главным образом, советскими знаками, то быстрое падение последних, доходившее до нескольких процентов в день, приводило к необходимости повышения в целях страховки и золотой цены товара, которая реализовалась обычно падающими совзнаками. Совзнак тянул, таким образом, за собой

и червонец, вызывая своим непрестанным падением через повышение золотых цен, понижение покупательной силы червонца. Это особенно относится к последним месяцам перед реформой.

Существовала большая опасность, что этот рост цен может продолжаться по инерции и после введения новых денег. Если бы это случилось, реформа была бы сорвана. Возраставшие на рынке цены через ряд передаточных звеньев (заработная плата, увеличение расходов госучреждений) должны были предъявлять повышенные требования к государственному бюджету и приводить к новой эмиссии. Поэтому опасность повышения цен необходимо было устранить в этот критический момент реформы во что бы то ни стало.

Эта опасность могла быть устранена только путем планомерного воздействия государства на рынок. Условия реформы,—быстрый переход на полном ходу с падающей валюты на твердую,—необходимо требовали выступления государства на рынке с целью смягчить болезненные явления, связанные с этим переходом и в критический момент своим воздействием на цены обеспечить проведение реформы. Что вмешательство государства в рыночные отношения при таких обстоятельствах неизбежно, показывает пример Германии. Несмотря на то, что буржуазное правительство Германии свято соблюдает принцип частной собственности, свободы инициативы и конкуренции частных предпринимателей, в решающий момент проведения своей денежной реформы оно должно было поступиться своими принципами и несколько ограничить эти свободы. Правительственные органы и магистраты вынуждены были производить давление на торговлю с целью не только остановить повышение цен, но и дать толчок к их понижению, при чем это давление производилось исключительно мерами административно-полицейского воздействия: судебными преследованиями, штрафами, и проч., а отчасти мобилизацией в соответствующем направлении общественного мнения.

У нас воздействие на рынок шло по другой линии. На опыте прошлых лет, дореволюционных и послереволюционных, мы могли убедиться, что одними приказами рынком командовать нельзя и что самыми строгими распоряжениями нельзя понизить цены на продукты, если для этого нет экономических предпосылок. С другой стороны, в руках нашего государства имеется такая большая экономическая сила, которая одна при соответствующем использовании могла дать нужные результаты, и сыграть решающую роль. Поэтому наше правительство ограничилось мерами экономического регулирования рынка. Комвнуторг, на основании анализа себестоимости продукции, снижал цены на промышленные товары, и, опираясь на имеющиеся в руках государственных органов запасы товаров, закреплял рыночные цены на определенном уровне. Что касается сельскохозяйственных товаров, в особенности хлеба и других продуктов питания, то тут подействовала

соответствующая политика в области заготовок—давление на цены заготовляющих госорганов, а с другой стороны, использование имевшихся у государства запасов хлеба. Пользуясь этими запасами и интервентируя ими в наиболее угрожаемых и важных пунктах—больших городах и промышленных областях—удалось вызвать не только стабилизацию, но и понижение цен на некоторые важнейшие продукты питания.

Эта политика блестяще оправдала себя и дала нужные результаты. Воздействие государства сказалось на всем рынке; не только кооперативные и государственные учреждения снизили цены, но это вынуждены были сделать—не под административным давлением, а под давлением конкуренции—и частные торговцы; понижение цен коснулось (за некоторыми исключениями, как, например, мясо) не только тех продуктов, которые были объектами регулирования, но и остальных. Пляска цен прекратилась, и вот уже свыше трех месяцев мы имеем устойчивые цены и устойчивую валюту.

IV.

Наша задача состоит теперь в том, чтобы—как это подчеркнуто резолюцией XIII съезда—закрепить и удержать денежную реформу.

Удержим мы твердую валюту или нет, это зависит не только от нас, но и от обстоятельств, которые лежат вне нашей воли. Мы не гарантированы от того, что нам не придется встретиться с серьезными затруднениями. Керзоновский ультиматум прошлого года и теперешний конфликт с Германией показывает, как легко и неожиданно наша страна может оказаться перед лицом всякого рода осложнений с враждебными капиталистическими странами. Неурожай в Поволжье также памятен всем. Разумеется, катастрофа в наших отношениях с капиталистическими государствами или внутреннее бедствие, в роде неурожая и голода в Поволжье, могут нанести сильный удар нашей валюте.

Но пока нет оснований печально смотреть в будущее. Наши отношения с капиталистическими странами развиваются под знаком признаний СССР де-юре и непосредственная военная опасность с этой стороны в настоящий момент не грозит. Данные о состоянии посевов и погоды позволяют надеяться на средний урожай, который при соответствующем использовании должен вызвать дальнейшее оживление торговли и промышленности, а вместе с тем укрепить наше финансовое положение и денежную систему.

Реально над нашей новой валютой висят две угрозы. Первая—это дефицит в государственном бюджете. Правда, дефицит не представляет теперь уже такой острой опасности, как раньше. В настоящее время он составляет 20% государственного бюджета, в то время как в 1922—23 гг. он составлял 39%, в значительной степени он покрывается теперь кредитными операциями государства. Что касается эмиссии, как источника покрытия дефицита, то в текущем году при помощи эмиссии покрывается всего от 8 до 10% государственных расходов, тогда как в соответствующие месяцы прошлого года покрывалось около 25%. Если бы удалось сохранить бюджет на уровне прошлого года, то дефицит, возможно, превратился бы в совсем незначительную величину. Однако, правительство не пошло на это, так как в таком случае пришлось бы сильно урезать потребности нашего хозяйства и задержать темп его восстановления. Наш теперешний дефицит является, таким образом, в отличие от дефицитов предыдущих лет, или от дефицитов капиталистических стран, расходующих колоссальные средства на вооружения,—производительным дефицитом, результатом того, что государство затрачивает значительные средства, превышающие налоговые поступления, на развитие нашего хозяйства. Дефицит существует не на фоне разрушения хозяйства и военного непроизводительного потребления, а на фоне восстановления хозяйства, производительного потребления и накопления. Он сопровождается ростом хозяйства и товарооборота. В таких условиях денежная эмиссия для покрытия дефицита, в том случае, если он соответствует потребностям развивающегося товарооборота, не представляет опасности. Добавочные деньги целиком поглощаются оборотом, не вызывая повышения цен.

Та часть дефицита, которую правительству предстояло покрыть с момента начала реформы, т.-е. с марта до конца года, т.-е. 1 октября, эмиссией, составляет около ста миллионов рублей. Значительная часть этой суммы уже покрыта. Денежная масса, находившаяся к концу мая в обращении, составляла 473 миллиона рублей. В то же время по расчетам Госплана потребность рынка в деньгах к осени составит от 600 до 700 миллионов рублей, причем около 150 миллионов рублей, составляющих добавочную потребность рынка, правительство должно будет выпустить специально на кредиты по хлебозаготовкам. Таким образом, возможность покрыть дефицит введением добавочного количества денег имеется и может быть использована без вреда для валюты и хозяйства.

Однако, эти цифры показывают, что государство стоит в этом отношении у предела и что всякий неосторожный шаг в эмиссии может привести к новой инфляции со всеми ее последствиями. Поэтому особенно важно именно теперь серьезное внимание к работе налоговых органов, всяческая поддержка их в деле повышения налоговых поступлений, и вместе с тем усиленная работа по реализации государственных займов. Только таким путем сможем мы отойти от опасного предела эмиссии и отвести первую угрозу, висящую над новой валютой.

Другая опасность для новых денег заключается в особенности процесса восстановления нашего хозяйства. Этот процесс восстановления идет далеко не так гладко, и плавно, как нам бы хотелось. Отдельные отрасли хозяйства развиваются неравномерно, с неодинаковой быстротой. Пропорциональность и равновесие между отдельными частями вследствие этого постоянно нарушается и изменяется. А это, в свою очередь, отражается на рыночной конъюнктуре, вызывает ее неустойчивость и постоянные колебания цен. Весь процесс хозяйственного восстановления приобретает поэтому волнообразный кризисный характер.

Ярче всего сказывается это на взаимоотношении двух основных элементов нашей хозяйственной системы: промышленности и сельского хозяйства. В 1921—22 году сельское хозяйство стояло на низком уровне, отчасти вследствие неурожая, цены на сельскохозяйственные продукты были высокие, на промышленные низкие. К осени 1923 года мы оказались на гребне другой волны: сельское хозяйство обогнало промышленность в своем восстановлении; избыток хлеба на внутреннем рынке вызвал наибольшее за весь период нэп'а падение хлебных цен, что свело в связи с высокими ценами промышленных товаров к минимуму покупательную способность крестьянства. Продукты промышленности не находили сбыта в деревне. Разразился кризис сбыта, который грозил превратиться в тяжелый общий кризис всего народного хозяйства и не превратился лишь благодаря своевременному вмешательству государства в его ход.

Эта неустойчивость хозяйства, отношений между отдельными его частями, колебания цен представляют серьезную опасность для нашей не окрепшей еще денежной системы и могут нанести ей сильные удары. Задача государства заключается поэтому в том, чтобы своевременно предупреждать эти колебания, ослаблять их и устранять их болезненные последствия.

В настоящее время, в связи с повышением покупательной способности крестьянства, вследствие экспорта хлеба за границу, понижением цен на промышленные товары—наблюдается оживление конъюнктуры. Спрос со стороны крестьянства увеличивается. Предметы крестьянского потребления находят быстрый и беспрепятственный сбыт в деревне. Не только распроданы все старые запасы ходких товаров, но есть опасность, что производство не сможет угнаться за ростом спроса. При таком положении к осени, когда спрос еще более усилится, страна может оказаться перед товарным голодом, который неизбежно вызовет новый скачок цен, потрясение рынка и тем самым потрясение денежной системы.

Поэтому необходимо теперь же соответствующий нажим на производство, создание товарных запасов для того, чтобы удовлетворить этот возрастающий спрос и предотвратить опасность, угрожающую нашему хозяйству и новой денежной системе.

Ив. Капитонов.

Безработица в Советском Союзе.

I.

С переходом к нэп'у хозяйство Советского Союза получило известные объективно-экономические гарантии от той волны разнообразных, часто неожиданных, ставящих под вопрос само существование хозяйственной системы пролетарской диктатуры, спицифических кризисов военного коммунизма, которые в виде топливных, продовольственных затруднений беспрерывно волновали нашу страну. Как отмечалось на XIII съезде партии, наше хозяйство—и промышленность, и сельское хозяйство—развивается, обнаруживает все признаки здорового роста на основе принятого курса экономической политики. Нэп выдержал экзамен. Он остается основой хозяйственной политики для России «всерьез и надолго».

Но было бы непростительной чванливостью и просто политической близорукостью не замечать тех серьезнейших трудностей и опасностей, которые несет нам нэп. И эти «скверны нэп'а» кроются вовсе не только в его извращениях, перебоях нормального хода машины, а и в ее нормальной работе. Вместе с увеличением товарооборота, ростом промышленности создается почва для появления особой самостоятельной прослойки новой торговой буржуазии и для возможности ее политической консолидации; вместе с ростом производительных сил деревни делается возможным и почти неизбежным известная хозяйственная диференциация крестьянства и выпирание на политическую арену деревенского богатея; осенний кризис прошлого года, связанный с «ножницами»—явление того же порядка,—перебои хозяйства из-за неурегулированности, стихийности всей хозяйственной системы в целом в известной мере стали неизбежным явлением в начальный период господства новой экономической политики.

Эта двусторонность, эта неизбежная противоречивость всех явлений нашего хозяйственного развития сказывается и на состоянии самого рабочего класса. Процесс распыления пролетариата, вызванный катастрофическим падением нашей городской промышленности и бедственным положением городов, прекращает-

ся с переходом к нэп'у. Начался и успешно развивается противоположный процесс—процесс консолидации рабочего класса, собирания его в крупных промышленных центрах. Разбежавшиеся во время голодовок по деревням квалифицированные рабочие, пролетарии старой закалки начинают возвращаться в города, в промышленность.

Но и этот процесс имеет оборотную сторону. Рабочие возвращаются из деревень вовсе не прельщенные золотыми посулами города, а скорее потому, что деревня выпирает их, потому, что при господстве обмена и частно-хозяйственного присвоения деревня не дает возможности существования всей громадной массе мелких хозяйчиков, осевших в деревне. Деревня выплевывает излишки своего населения в городские центры, вовсе не сообразуясь с «поглотительной» способностью этих последних, вовсе не дожидаясь запроса из сферы промышленного труда. На-ряду со старыми рабочими, вынужденными временными дезертирами промышленности, в города хлынула масса крестьянского молодняка, не находящая применения своим силам в деревне. Все это явления, совершенно неизбежные и даже—известной своей стороной—для нас желательные, но они в современных условиях означают не что иное, как рост безработицы со всеми ее последствиями.

Параллельно наплыву свободных, излишних рабочих рук из деревни, в городах протекает встречный процесс, усугубляющий и обостряющий безработицу. Рационализация промышленности и государственного аппарата неизбежно приводит к выталкиванию всех лишних рабочих, которые держались в производстве, или, вернее, около производства, исключительно благодаря ненормальному разбуханию людского обслуживающего аппарата, или нездоровому рассеиванию работников среди большого количества полуработающих предприятий, которое вызывало неполное использование каждого рабочего в отдельности. «Сокращение», «разгрузка»—эти нормальные, обычные в наши дни явления, одновременно свидетельствуют и об оздоровлении нашего хозяйства, о росте производительности труда, о сокращении непроизводительных растрат человеческой рабочей силы и, с другой стороны, о выталкивании занятых до сих пор рабочих в армию безработных, о росте безработицы и ее мук, растущих вместе с ростом количества незанятых рабочих.

Таким образом, обе стороны роста и внутренней консолидации пролетариата—и собирание рабочих в крупных промышленных центрах, и повышение производительности труда рабочих, занятых в промышленности,—имеют свою оборотную сторону. Безработица выступает теперь пока как неизбежный спутник тех здоровых процессов в хозяйстве, ради которых мы согласились на обходный путь новой экономической политики. Поскольку мы приемлем нэп, т.-е. господство на первое время стихийно-рыночного начала, подчинение нашего хозяйства анархическому регулированию рынка, поскольку мы приемлем, следовательно, капиталистическую форму организации и регулирования хозяйственной жизни,—постольку на-ряду с подъемом производительных сил, на-ряду с расширением базы социализма—пролетарской крупной промышленности, мы должны будем еще долго переживать и неизбежные теневые стороны избранного нами пути: рыночную неурядицу, частичные кризисы сбыта, безработицу и пр.

II.

Последние месяцы характеризуются как-раз таким ростом безработицы, который заставляет партию снова и снова обратить свое внимание на трудность положения, на теневые стороны нашего хозяйственного строительства, замазывать, подрумянивать которые мы никогда не стремились. Официальный оптимизм и самохвальное пустозвонство никогда не были чертами большевизма. Не глупая самовлюбленность и не паническая растерянность перед препятствием, а трезвый учет всех трудностей, приковывание к ним внимания партии, выбор необходимых мер борьбы и единодушная, упорная, настойчивая работа над устранением этих трудностей,—вот линия большевистской партии.

Положение с безработицей сейчас действительно угрожающее. Достаточно будет сказать, что общее количество безработных, зарегистрированных на бирже труда по СССР, свыше 1.300.000 человек. Сюда входит, конечно, довольно большое количество фиктивных безработных и неменьше полузанятых рабочих, но не следует обольщать себя мыслью, что фактическое состояние рынка труда расходится с официальной статистикой в благоприятную сторону. Скорее наоборот. Количество незарегистрированных безработных в городах, громадный слой скрытых, потенциальных безработных в деревне, значительная групп полубезработных,—все они должны увеличить официальную цифру.

Если эти 1.300.000 безработных вставить в общую рамку нашего хозяйства, то картина станет еще более серьезна. Надо иметь в виду, что мы все еще далеко не достигли довоенного уровня развития промышленности, что в нашей крупной индустрии занято рабочих пока только 1.625.000 человек. Эта цифра говорит нам, правда, что наша промышленность еще должна сильно расшириться, и что при расширении она способна поглотить довольно большое количество незанятых теперь рабочих. Но соотношение рабочих, занятых и безработных, показывает, что теперь пока положение довольно грозное.

Это сопоставление 1.300.000 и 1.625.000 человек несколько смягчается от того, что среди безработных далеко не все индустриальные рабочие. Общая сумма безработных

по основным градациям распределяются следующим образом: 472.500 (35%)—интеллигентского труда, 337.500 (25%,)— *индустриальных рабочих*, 351.000 (26%)—*чернорабочих* и 189.000 (14%)—прочих профессий. Таким образом, количество претендентов на роль рабочего, занятого в индустрии, уменьшается по меньшей мере вдвое (35% интеллигентного труда и 14% «прочих» нельзя считать резервной *промышленной* армией в буквальном смысле этого слова). Однако, если мы попытаемся проследить тенденции распределения безработицы, то найдем, что *роль индустриальных рабочих в резервной армии растет*; так, в абсолютных цифрах: безработных индустриальных профессий было на 1 января 1923 г. 141.000, на 1 января 24 г.—уже 310.000 и на 1 апреля 24 г.—343.600 человек. Повышается и удельный вес их. К декабрю 1922 года индустриальные рабочие составляли 21% от общего количества безработных, а на 1 апреля 1924 г.—25%; возросло также значение чернорабочих с 20% до 25,6% за те же сроки. Растет и удельный вес более квалифицированной рабочей силы, мужской: в конце 1922 г. было мужчин 44%, теперь—53%. Эти цифры показывают, что массовый рост безработицы вследствие сокращения госаппарата, столь характерный для 1921—22 г., теперь уступает по своему значению основному процессу накопления промышленной резервной армии, болезненному явлению, неизбежному, однако, на первых шагах возрождения нашей промышленности.

При анализе цифр поражает не абсолютное количество безработных, а рост их и темп этого роста. На 1 января 1923 г. безработных было 641.000, на 1 января 1924 г.—1.240.000 и на 1 апреля 1924 г.—1.369.000 человек.

Откуда же притекают на переполненный рынок труда эти новые и новые десятки тысяч рабочих, свободных и ищущих применения своей рабочей силы? По данным Наркомтруда, безработица по своим причинам распределяется следующим образом:

1. Сокращение по штату и вследствие ликвид. предпр.	46,6%
2. Уволенные по другим причинам	17,8%
3. Демобилизованные	2,2%
4. Совсем не работавшие по найму	23,4%
5. Неработавшие по найму с 1 января 1923 г.	10%
Всего	100%

Эти данные, на первый взгляд, противоречат нашему предположению, что основной источник безработицы—деревня, поставляющая самые значительные кадры безработных: целых 64,4% составляют, как мы видим, уволенные по тем или иным причинам из предприятий рабочие. С другой стороны, эта же цифра должна как-будто рассеять мнение о прекращении распыления пролетариата и начавшейся его консолидации. Но все это только на первый взгляд. Действительно: за тот же год, с января по декабрь 1923 года, количество рабочих, *занятых* в крупных промышленных предприятиях, *возросло* с 1.410.000 до 1.625.000 человек. Таким образом, здесь мы имеем *рост безработицы наряду и параллельно росту действующего пролетариата*. Что же означают в таком случае 64,4% выброшенных из предприятий в армию безработных?

Здесь мы имеем, очевидно, все ту же двусторонность хозяйственных явлений эпохи нэп'а. По сути дела здесь перед нами здоровый процесс собирания старых рабочих, процесс подбора наиболее квалифицированных, наиболее производительных работников в нашей крупной промышленности. За время гражданской войны и голодовки не только распылялись основные кадры пролетариата, не только происходило рассасывание рабочих окружающей деревней, но и состав занятых рабочих качественно терпел существеннейшие изменения. Молодой, неопытный, малоквалифицированный новичок стал играть заметную роль в наших предприятиях. Великая перепутаница специальности и квалификации досталась нэп'у в наследство от военного коммунизма. Поэтому, естественно, теперь рабочий состав предприятий обнаружил некоторые признаки текучести. Возвращающиеся и приходящие теперь вновь из сельских местностей рабочие, часто оказываются более производительными, более приспособленными к данным условиям развития промышленности, чем занятые в предприятиях до них. *Происходит вытеснение уже занятых рабочих «новичками»*, и отсюда мы имеем 64,4% безработных, уволенных из предприятий при общем росте занятой рабочей армии.

Пролетариат, таким образом, не просто растет количественно, но одновременно и выравнивается *качественно*. На наших глазах происходит *оздоровление рабочего класса*, подбор и размещение работников соответственно интересам развивающейся индустрии. И этот здоровый по существу процесс в обстановке новой экономической политики получает уродливую форму роста безработицы, роста количества рабочих, выброшенных из промышленности в ряды резервной промышленной армии.

III.

Безработица, разумеется, в известной степени неизбежна, но до какой степени она разрастется, как она отразится на различных слоях пролетариата, насколько болезненно будут действовать ее яды на самих безработных,—все это в значительной мере определяется нашей хозяйственной политикой, работой партийных и профессиональных организаций. *При решении основных хозяйственных вопросов партия должна всегда перед собой иметь также и проблему безработицы, проблему, бичующую всеми скорпионами нищеты и голодовки непосредственного носителя и руко-*

водителя пролетарской диктатуры—человеческие кадры рабочего класса.

Группа безработных интеллигентного труда (35%) является и по своему происхождению и по своим перспективам наиболее устойчивой, наиболее застойной. Бывшие советские служащие, молодые студенты, перепроизводство которых вынудило только-что происшедшее сокращение личного состава вуз'ов, не может в ближайщему будущем дать ни существенного увеличения безработных, ни значительного сокращения; эта группа менее всего зависит от текущей хозяйственной политики правительства, менее всех других в своих колебаниях определяется состоянием промышленности. Далее, при быстрейшем подъеме народного хозяйства, безработица среди этой группы будет рассасываться лишь медленно и постепенно, поскольку отдельные представители ее не перейдут на другой род занятий—в торговлю, посредничество, шиберство и др., что при общем подъеме весьма вероятно.

Остальные безработные вербуются, как указано выше, в основном из двух источников: это или пришедшие из деревни новые рабочие (совсем не работавшие по найму—23,4% + неработавшие по найму с 1/I 23 г. — 10% + 2,2% демобилизованных, — всего 35,6%), или, вытолкнутые все теми же деревенскими пришельцами промышленные рабочие. Как по своим причинам, так и по перспективам, безработица этих групп определяется одними и теми же факторами. Создает безработицу и в первом, и во втором случае наплыв рабочих в торгово-промышленные центры из сельскохозяйственных районов республики; сокращение или рост безработицы и в первом, и во втором случае определяется темпом развития нашей крупной промышленности: втягивание безработных в сферу промышленного труда вместе с развитием индустрии должно одинаково благоприятно отразиться как на крестьянских выходцах, так и на промышленных рабочих, вытесненных из предприятий.

В этой группе безработных мы имеем теснейшую связь судьбы их с состоянием народного хозяйства и, следовательно, с тем или иным направлением нашей хозяйственной политики. Само собою очевидно, что рост крупной промышленности сразу втянет значительные массы безработных этой категории и довольно ощутительно смягчит остроту самой безработицы. Таким образом, самым радикальным разрешением вопроса здесь было бы наиболее быстрое развертывание пролетарской крупной промышленности; вся основная работа партии по подъему и расширению нашей крупной промышленности идет здесь по линии с безработицей, по линии ее сокращения. Но хозяйственный подъем определяется не одним нашим стремлением к подъему, а зависит также от массы объективных, выходящих за пределы досягаемости сознательного воздействия факторов. Развитие промышленности, в силу ряда причин, не может итти так быстро, как это было бы необходимо

для поглощения всех безработных, для ликвидации безработицы при помощи только этого пути. А раз это так, то мы вынуждены искать других подсобных путей, смягчающих действие растущей волны безработицы на основные пролетарские кадры.

Прежде всего здесь во весь рост встает значение политического момента во всяком хозяйственном вопросе. «Чистое хозяйствование», подчинение хозяйственной политики только моментам технической рациональности или выгодности, или даже только интересам развития производительных сил республики, было бы близорукой политикой, забывающей тот простой факт, что и хозяйство, и политика строятся живыми людьми. В управлении, регулировании государственной промышленности этот политический момент выступает на первый план, когда решаются, например, вопросы свертывания, концентрации предприятий. И то и другое часто необходимо в интересах повышения производительности труда, и то и другое является мерами оздоровления нашей государственной промышленности, но было бы хозяйственным головотяпством забыть о крупнейшем политическом значении иной концентрации, если она связана с увольнением тысяч занятых до сих пор рабочих. По этому вопросу партия уже выработала твердый курс: не увлекаться отвлеченными планами рационализации, всегда иметь в виду политическую перспективу и осторожней со всякими широковещательными реорганизациями промышленности, столь болезненно отражающимися на рабочем классе.

XIII съезд партии во главу угла предстоящей хозяйственной деятельности пролетарского государства поставил задачу ограничения роли растущего частного капитала, главным образом, в торговле. Частный капитал слишком широко распустил свою паутину, пора посократить его значение, сказал съезд нашей партии. Но это вовсе не значит, что мы отменяем свободу торговли, что мы административным кулаком будем вышибать частный капитал из его позиций. Все, что ведет к сокращению оборота, все, что идет в ущерб расширения производства, должно быть отброшено. Борись с частным капиталом, экономически вытесняя его, замещая его в хозяйственном значении.

То же самое можно сказать и относительно нажима на частно-капиталистические образования в области ремесла и промышленности. Поменьше головотяпства! Административная рука пролетарской диктатуры со всей силой своего нажима должна появляться лишь там, где мы в государственной или кооперативной форме способны заместить, заменить частного хозяйчика. Мы нашим налоговым прессом и подсобным административным аппаратом, должны давить частный капитал ровно настолько, чтобы он всегда готов был испустить дух, но не задохся бы в наших объятиях преждевременно. Это означало бы не только ничем не

оправданное сокращение производительных сил страны, а и одновременное выбрасывание в ряды безработных новых и новых групп рабочих. Легкомысленная беззаботность в этом вопросе менее всего допустима. Всякое оттягивание свободных рабочих сил, поскольку оно не вступает в основное противоречие с условиями пролетарской диктатуры, должно расцениваться как положительный факт, за который мы готовы кое-что и стерпеть.

IV.

Но, конечно, центр вопроса не здесь,—он, как и почти все основные проблемы революции, находится в области соотношения города с деревней. Деревня, главный поставщик безработных, кроет в себе силы и возможности смягчить, свести безработицу на нет и, с другой стороны, затопить города и промышленные центры серым потоком крестьянских выходцев. От того, как сложится хозяйственная обстановка в деревне, зависит также и количество выбрасываемых в города свободных рабочих рук. Но, в противоположность городу, здесь не всякий подъем, не всякое развитие хозяйства ведет к всасыванию большого количества рабочей силы в производство. Если рост производительности сельского хозяйства происходит за счет внутреннего перераспределения производственных ресурсов между отдельными хозяйственными группами деревни, проще говоря,—если подъем хозяйства базируется на подъеме кулацких хозяйств за счет и в ущерб мелкому трудовому хозяйчику,—этот подъем, это развитие отнюдь не следует считать благоприятным симптомом с точки зрения ликвидации безработицы. В самом деле: если, разорив 5—10 своих более слабосильных соседей, деревенский богатей повысит продуктивность своего (и находящегося в его эксплоатации) хозяйства, если даже тем самым повысит и общий уровень производительности сельского хозяйства данного района, то, с точки зрения воздействия на рабочую силу, это неизбежно будет означать прогрессирующее вытеснение бывших самостоятельных хозяйчиков из среды земледельческого труда, растущее выбрасывание на рынок труда свободных рук, во что бы то ни стало ищущих постороннего приработка.

Таким образом, если в городской промышленности всякое расширение производства одновременно означает сокращение безработицы, то в сельском хозяйстве наша политика должна ставить себе существенно иные, более сложные задачи. Не стремление расширить и поднять производство во что бы то ни стало, а забота о всеобщем, по-возможности равномерном подъеме хозяйства всех групп крестьянства. Столыпинская «ставка на сильного» была бы в наших условиях ударом в спину городского промышленного пролетариата. Деревня должна хозяйственно держать максимум рабочих сил в сельском хозяйстве, пока наша растущая крупная промышленность не сможет безболезненно поглощать всех излишков рабочей силы, накапливаемых деревней в процессе ее хозяйственного роста.

Здесь, как мы видим, линия борьбы с безработицей совпадает с общеполитической линией партии в деревне. Поддержать, не дать окончательно хозяйственно погибнуть бедняку, сорганизовать его вместе с трудовыми элементами деревни против растущего в своем значении кулака, добиться общего подъема деревни без разорения отдельных ее экономических групп, и параллельное развитие коллективных форм хозяйствования—вот в грубых чертах наша общеполитическая задача в деревне. С точки зрения частного вопроса о безработице это и будет означать: поддержать и, тем самым, задержать в деревне наиболее вероятного и наиболее близкого кандидата в резервную промышленную армию, создать условия, при которых городская промышленность не будет ощущать на себе громадной тяжести «деревенских бегунов».

Основное стремление, основная цель партии—строительство коммунизма в условиях мелко-крестьянского большинства—в данном случае, как мы видим, целиком совпадает с задачами, выдвигаемыми трепещущей злободневностью. Это не только доказывает нам правильность курса партийной политики в деревне, но и дает гарантии, что проведение общих директив партии не будет задержано малой их связью с текущими задачами. Сегодняшний день—1.300.000 безработных по СССР—вот что стимулирует всю партию сосредоточить свои усилия на деревенском участке фронта ради осуществления директив нашей общеполитической линии.

Но на-ряду с этими общими задачами в области экономической политики, мы ни на минуту не должны забывать также и того, что безработица, растущая безработица—факт, что сотни тысяч человек не могут при создавшихся условиях найти приложения своим силам и обречены поэтому на все ужасы нищеты и голодовок. Опасность опускания в разряд люмпенов сейчас вполне реально стоит перед большими группами пролетариев.

Партия имеет все основания бить в набат. Необходимо, чтобы все партийные организации, вплоть до мельчайших ячеек, знали об опасности и обратили бы свое внимание на дело непосредственной помощи безработным. Необходим партийный глаз, чтобы средства, отпускаемые государством на дело помощи безработным (организация общественных работ, социальное страхование и пр.), использовались с максимальным результатом, чтобы ни одна лишняя копейка не была перерасходована на «аппаратные издержки».

С другой стороны, партия должна обратить все внимание

на самое направление борьбы с безработицей. Мы заинтересованы в высвобождении из-под этого ярма в первую голову определенных групп безработных. Среди них имеется незначительная по количеству (2,2%), но значительнейшая по своему политическому характеру группа демобилизованных. Ставить в общий ряд, в общую очередь с другими демобилизованных красноармейцев могут только пустые формалисты, насквозь проплесневевшие бюрократы. Людям, ради интересов всего государства в целом оторванным от производительных занятий на несколько лет, эти занятия должны быть предоставлены в первую очередь. То же самое и с остальными группами. Деревенский новичок, только впервые появляющийся в городе, еще не порвавший окончательно со своим сельским хозяйством, и старый пролетарий, попавший под сокращение, обреченный с длительной безработицей на вырождение в люмпена, не могут расцениваться одинаково. Сухая, бездушная формалистика тут неуместна, недопустима.

Главную же часть заботы о наличных безработных, конечно, должны взять на себя профессиональные союзы. Они должны взять на себя инициативу и руководство кампанией помощи безработным. Профсоюзы должны побудить широкие рабочие массы осознать свою кровную связь с временно-безработным товарищем, должны вызвать массовую волну рабочей помощи безработным.

С другой стороны, безработные не должны чувствовать себя изгоями в рабочей среде. Среди безработных членов профессиональных союзов, равно как и среди остальных безработных, значительным темпом должна вестись партийная и профессиональная работа. И партия, и профсоюзы должны на это дело найти и силы, и средства. Массовое участие рядовых членов партии и рядовых членов профессиональных союзов в контроле и организации помощи безработным—лучший залог того, что наибольшее количество пролетариев переживет временное лихолетье и с новым подъемом промышленности войдет в производство.

Партия, а вместе с ней и все организации рабочего класса, должны остановить свое внимание на тяжелой проблеме безработицы и на-ряду с мерами общехозяйственной политики, направленными на подрыв самих корней, самих источников безработицы, заняться всесторонней работой по облегчению тягостей безработицы.

А. Кравченко.

Из дневника занятий с „ленинцами“.

Новый призыв в партию подводит вплотную к вопросам современной политики и экономики большое количество рабочих от станка. Некоторые из них, быть-может, и не войдут в партию ее членами, но желание быть в курсе всех событий, как происходящих в СССР, так и за пределами его, стремление разбираться во всех мероприятиях Советской власти, во всех постановлениях партии останется у них прочно.

Волна подъема, происходящего сейчас на наших глазах, вынесла середняка-рабочего наверх, заставила его если, как правило, не говорить, то ставить вопросы. Прислушаться к ним очень важно, они вскрывают затаенные думы и тревоги, обнаруживают все те сложные процессы, которые за годы революции произошли в сознании рабочих масс. Особенно нужно это знать каждому пропагандисту, ибо это означает прощупать основы для правильного ведения работы в дальнейшем, наметить построение той или иной программы занятий, определить метод работы по ней.

В качестве сырого материала решаюсь опубликовать некоторые свои наблюдения во время занятий в одной из сокращенных школ политграмоты для кандидатов РКП (б.).

Эта школа насчитывала 25 рабочих. Большим плюсом являлось то, что все они были грамотные. На вопрос: читают ли газеты,— почти все ответили утвердительно. Большинство получает газеты по подписке. Возрастный состав школы таков:

Членов РКСМ.	5	человек.
От 22 лет до 30	9	„
„ 30 „ „ 45	9	„
„ 45 „ „ 62	2	„

Основное ядро таким образом составили вполне уже зрелые, сознательно пережившие Октябрьскую революцию, товарищи.

Мужчин—24, женщин—1. Еще один штрих состава: двое—бывшие члены партии, ушедшие из нее с приходом нэп'а. Теперь они снова возвратились к ней.

Первое занятие (по программе Агитпропа ЦК РКП) прошло, главным образом, в рассказывании. Знакомились друг с другом. Тем не менее уже к концу занятия определенно наметился пункт, вокруг которого сосредоточилось внимание «ленинцев», который вызвал вопросы, обмен мнениями. Этот пункт — вопрос о пролетариате-гегемоне. Как это выходит, что меньшинство глава всем? Как объяснить право на диктатуру рабочего класса крестьянам?

На этом вопросе остановились основательно. Договорились о том, что один из слушателей возьмется прочитать и разобрать статью тов. Зиновьева, имеющуюся в приложении к «Истории партии» — «Большевики и гегемония пролетариата», а потом расскажет ее нам. В дальнейшем выяснилось, что и эта статья не разрешила всех сомнений. Требовали конкретных доказательств своих прав быть гегемоном, особенно интересовались перспективами современной техники. Все вместе читали и построчно разбирали цитируемые тов. Зиновьевым слова Владимира Ильича: «Это положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы», и т. д.

Эту тему необходимо развить в ряде популярнейших брошюр, говорящих не общими фразами, а на простейших жизненных примерах объясняющих руководящую роль пролетариата в хозяйственной жизни, политической и т. д.

Экономизм был быстро и вполне сознательно забракован.

— Без политики экономику не оправдаешь.

— Одно дело, только с разных сторон смотрится.

Характерно еще, что суровые речи Владимира Ильича на II съезде партии об обязанностях члена партии, о необходимости железной дисциплины воспринимались как само собою разумеющееся.

— Хочешь иди, хочешь не иди, никто не неволит, а пошел, так держись.

— Нехватает чего—не ходи, лучше около стой и помогай, так пользы больше будет.

Второе занятие, темой которого были события 1905 года и наступившая затем контр-революция, прошло очень оживленно. Больше говорили сами слушатели. Мне приходилось только рядом вопросов направлять их мысль в ту или другую сторону, подталкивать к выводам.

Почти все оказались участниками событий 1905 года в крупных пролетарских центрах (Москва, Коломна). На-перебой делились воспоминаниями.

Совершенно естественно вышло, что центральным вопросом стал вопрос о вооруженном восстании.

Прочитали статью Владимира Ильича «Уроки московского восстания» (т. VII, ч. 2) Слушали ее, затаив дыхание. Поражала точность описания происходившего в Москве, свежесть мыслей.

— Как-будто сегодня писал.

После чтения началось обсуждение. И вот тут-то произошел весьма показательный разговор. Он настолько характерен, что хочется записать его полностью.

— Урок-то этот хорошо запомнил,—сказал товарищ Д., 42 лет, до того времени молчавший,—надо, мол, беспощадно истреблять военных и гражданских чиновников, в 17 году сразу принялись за них. Случай такой вышел. Иду я по улице, в апреле примерно, с двумя товарищами, а навстречу офицер в погончиках.

— Почему погоны?—спрашиваем.—Снимай-ка, гражданин.

— А он: деньги у тебя есть?

— Мое, мол, это дело,—хоть есть, хоть нет; не краду их, зарабатываю.

— А он опять: покажи деньги, коли есть.

— Вынул я бумажку, а он тычет: видишь царский герб?

— Ну, вижу.

— Ну вот, когда ты от этих денег откажешься, тогда и я погоны сниму—и деньги царские, и погоны царские.

— Я деньги сейчас же все в клочки, да и за погоны! Так и содрали, им спуску давать нельзя было.

Глаза товарища Д. оживленно блестели, он весь горел ненавистью к заправилам старой жизни, готовностью к борьбе с ними.

А через несколько минут, когда говорили о значении вооруженного восстания для европейских рабочих, разбирали причину неудачи осеннего (1923 г.) движения германского пролетариата и ужас теперешнего экономического положения рабочих масс, тот же товарищ Д. с потухшим взглядом кривил губы в недоверчивую усмешку.

— Что, товарищ Д., не верите плохой жизни немецкого рабочего?

— Не хуже нашего.

Уходя с занятий, узнала, что товарищ Д. получает по 6 разряду в месяц 24 р., с нагрузкой в 100% вырабатывает 48 р. Но не всегда бывает нагрузка. А семья у него большая—сам-семь.

Третье занятие. Империалистическая война (ее причины, влияние на хозяйственную жизнь Европы, на положение рабочих и крестьян в России) оказалась достаточно знакомым вопросом. Надо было только систематизировать имеющиеся сведения и сделать их как бы преддверием февральской революции.

Это прошло довольно быстро и оживленно. Для анализа февральских событий прочитали тезисы Владимира Ильича от 4-го апреля. Опять слушали напряженно.

— До сих пор еще кой-чего не доделали, что тогда указал.

— А что?

— Да вот хоть насчет чиновников, «платить им не выше средней платы хорошего рабочего», а они все еще на нашей шее сидят.

— Легче Коминтерн создать было, чем эту братву одолеть.

И сколько ни толковали и на этот раз, и потом, почему пришлось и приходится спецставки платить, для рабочих вопрос о «чиновниках» продолжает быть, хотя и объяснимым, но «больным».

Внимание на этом занятии сконцентрировалось вокруг подготовки и осуществления Октябрьской революции. И тут самым жгучим вопросом стал вопрос: почему мы первые осуществили прорыв буржуазного фронта. При чем этот вопрос переходил сейчас же в другой: хватит ли у нас силы в отсталой стране справиться с задачами социалистического строительства?

Интересно, что когда мною было предложено прочесть кому-нибудь и разобрать для всех две статьи Владимира Ильича «Удержат ли большевики власть», «Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата», послышались голоса:

— Чего читать «Удержат ли большевики власть»? удержали, ясно.

Это говорилось отнюдь не потому, что не хотели читать, а потому, что другая мысль занозила мозги: удержать удержали, а что сделали и что сделаем с этой властью?

После занятий долго толковали с некоторыми «ленинцами» про те-

перешнюю жизнь. Пошли в столовку Нарпита. С тоскою один показывал на бутылки пива на столиках и говорил:

— Ну, зачем разрешили все это? В получку это бывает! Жены, дети бегают за мужьями, отцами, упрашивают отдать деньги, все пропьют.

Обыденная жизнь массовика рабочего давить на сознание, заставляет с тревогой проверять все достижения.

Четвертое занятие началось с разбора статьи «Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата». Товарищ А. довольно удачно справился с задачей, хорошо иллюстрировал на цифрах нашу тактику в октябре. Это дало возможность провести параллель с теперешним положением в Германии, доказать всю несостоятельность формулы русских меньшевиков в октябрьские дни и немецких с.-д. в наши о победе пролетарской революции только при наличии абсолютного большинства за нее.

Пришлось довольно значительную часть времени потратить на меньшевиков. И что интереснее всего—не на критику их позиции в октябрьские дни и позднее в дни гражданской войны, а на то, чего же они сейчас хотят? как относятся к Советской власти, которая вопреки их предсказаниям очень прочно существует? Некоторые думали, что меньшевиков теперь и совсем нет; удивились, что у них есть свой ЦК, журналы. Страшно просили показать и почитать им их.

Когда кончали уже занятия, удалось принести два № «Социалистического Вестника» (конец апреля, начало мая). Читали статьи, касающиеся ленинского набора («Крапленные карты»), письма из Москвы, о наших вуз'ах и т. д. Сначала слушали очень внимательно, старались вникнуть в слова далеких людей, потом на лицах появилось недоумение, которое быстро сменилось брезгливостью.

— Как им не стыдно,—вырвалось у одного рабочего.

— Так это то же, что наши «толстопузые» говорят.

То, что их, ленинцев, меньшевики считают бессмысленной скотинкой, которую Сталин, Ярославский и Зиновьев погнали голосовать за себя против оппозиции, было воспринято как прямое оскорбление рабочим. Не было после чтения страстных разговоров и споров, только глаза ушли глубже и еще раз «почитать меньшевиков» не просили.

Новым значительным показался разбор вопроса о Брестском мире. Самый факт был хорошо известен, не вызывал сомнений в правильности решения его, но захватил подход к нему Владимира Ильича. Долго обсуждали его слова: «Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен ползать на брюхе в грязи, тогда ты не революционер, а болтун» (в некоторых конкретных условиях исторической действительности, при условии принципиальной твердокаменности). Революционная работа, вместо героического вооруженного восстания, победного массового движения, повернулась к аудитории будничным лицом. Хотели хорошенько взглядеться в это лицо. Сами связали эту мысль с только-что пережитым (и переживаемым еще).

Занятие пятое начали с разбора статьи «Удержат ли большевики власть». Остановились довольно подробно на вопросе о связи в те дни нашей партии с крестьянством, разобрали тогдашние положения Владимира Ильича о рабочем контроле, о вматывании широких слоев трудящихся в государственный аппарат.

Простые конкретные примеры (стр. 236—239 т. XIV, ч. 2) того, как мы будем подтягивать самых забитых, задавленных тружеников к делу управления и распределения, зазвучали в нашем «ленинском уголке» бодро и свежо.

Оживились «ленинцы», и начались рассказы, как теперь приходится доделывать то, что тогда указал Ильич. Перевыборы жилтовариществ дали огромный интересный материал для беседы.

Потом перешли к теме занятия. Экономика после Октябрьской революции. Сознательно все оно было построено мною на анализе цифр, которые привели бы к правильному пониманию экономических взаимоотношений между рабочими и крестьянами в этот период. Записывали, вычисляли, выводы делали сами. В этом деле помогли «Календарь коммуниста» и статья т. А. Слепкова в № 1 журнала «Большевик» «К третьей годовщине Кронштадтского мятежа». Основные черты «военного коммунизма», его положительная роль были таким образом проработаны. Одновременно необходимость перехода к нэп'у вытекла органически и стала неопровержимой.

— А все-таки при военном коммунизме лучше было.

Это был общий вздох.

Занятие шестое было целиком посвящено разбору нэп'а. И вот на этом-то занятии особенно ярко всплыло многое, что наболело.

— Нэп—уступка крестьянам, это хорошо, но почему нэпманы пухнут?

— Помог нам нэп, верно. Как теперь прихлопнуть его?

Беремся за решение этой задачи в стране, где 130 мил. населения, а фабрично-заводских рабочих $1^1/_2$ миллиона, в стране, где промышленность в среднем достигает около 40% довоенной выработки.

— Прихлопнуть нэп—не выходит дело.

— «В обход» надо.

— Ну неужто же морды эти сократить нельзя?—вырывается страстным воплем. И делится впечатлениями: пошли «в центр» поглядеть—страшно стало. Сколько праздных разодетых людей, ненужных вещей!

— Откуда такие средства берутся?

Начинаем толковать, как можно ущемить нэпмана, всех тех, кто приближается к нему. Об этом готовы говорить без конца.

Особую непримиримость обнаруживают те товарищи, которые уходили из партии при повороте к нэп'у.

За последние годы они поняли нэп, как политический шаг, осознали его положительные стороны, но тем острее работает мысль над тем, как изжить нэп, тем больше кипит сердце против всякой городской накипи нэп'а. Вот почему нашим журналам, газетам как можно больше в статьях, сценках, рисунках надо бичевать нэп. Бичевать в его отвратительной подлинности,—это будет близким рабочему.

Разбирали заключительное слово Владимира Ильича на XI съезде партии о том, как надо наступать. По этому вопросу надо очень много писать и толковать. «Диалектика» последнего времени: переход к нэп'у и переход к «умелому» наступлению на нэп. Самый злободневный вопрос сейчас. На следующих занятиях разбирали (доклады) по статьям т. Ленина «О продналоге» и его речь на 7 московской губконференции («От штурма к осаде»).

— Труднее всего, что под носом, понимать.—Так формулировали впечатление от этих статей докладчики.

— Назад хорошо видишь и вперед как-будто лучше, а вот около— темно, путаешься.

Но ведь, мы сильны, власть в наших руках, этому и было посвящено седьмое занятие. Все казалось обеспечивало спокойное течение занятия: тема хорошо знакомая, на практике проверенная. И действительно сначала гладко шло. Но, как только дошло дело до волисполкомов, конец спокойствию.

Рабочие хорошо связаны с деревней. И почти каждый начал рассказывать о слабости сельских советов, о неналаженности там аппаратов.

Рассказы так и сыпались, при чем, все они кончались примерно таким образом:

— И чего это уком смотрит!

— Чего губком делает?

Пришлось, что-называется, в лоб поставить вопрос:

— А чего смотрит и делает само население?

Спор разгорелся во всю. Одни доказывали, что без правильного распределения работников сверху ничего не выйдет, другие переносили центр тяжести на рост сознательности и организованности масс.

Больше всего указывали на разложение «администраторов». Опять на сцену выступил нэп.

— Нэп—нэп'ом, но неужто твердых людей подобрать нельзя?

— А люди это кто?

— Мы сами. Подпирать надо со всех сторон, тогда лучше дело пойдет.

Как это ни странно покажется на первый взгляд, но и на этом занятии и позднее приходилось сталкиваться со своеобразной идеализацией тех, кому приходится управлять, руководить работой.

Трудность выковывания устойчивой идеологии, роль коллектива при этом, обязанности каждого члена коллектива,—это все вопросы, требующие большой разработки не только в форме популярных брошюр, но и художественных произведений.

Необходимо тут же отметить еще один момент, который в дальнейшем нам надо практически изживать: из общего количества слушателей (25 ч.) только двое, да и то, в первые годы революции, были членами Совета (один районного московского и один в провинции).

Помимо власти две могучих организации помогут нам справиться с нэп'ом: профессиональные союзы и кооперации. Профдвижению и кооперации пришлось посвятить целиком восьмое занятие. Характерно: секретарь кружка предупредил меня, что «кооперацией мало интересуются». В это время как раз стали в газетах появляться отчеты о XIII съезде партии, появился доклад тов. Зиновьева (отчет ЦК).

Начали, действительно, вяло.

— Что ж кооперация? Вот было собрание. Ввели опять на книжку брать. Да еще хотели и всякие спиртные напитки давать.

— Ну, а вы что?

— Поднялись, конечно.

Выяснилось, что на собрании целый бой был и отстояли-таки запрещение в долг давать выпивку.

— Вот тетрадку ученическую в кооперативе не купишь, в город надо ехать, а новые пивные все открываются.

Действительность заслоняла четкость вопроса. Пришлось опять прибегнуть к железной логике Владимира Ильича. Начали вслух читать его последнюю статью о кооперации, разбирать ее. Несколько раз перечитывали место:

«Но чтобы достигнуть через НЭП участия в кооперации поголовно всего населения,—вот для того требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками и без материальной основы, без известной степени обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д.—без этого нам своей цели не достигнуть. Все дело теперь в том, чтобы уметь соединить тот революционный размах, тот революционный энтузиазм, который мы уже проявили в достаточном количестве и увенчали полным успехом, уметь соединить его (тут я почти готов сказать) с уменьем быть толковым и грамотным торгашом, какое вполне достаточно для хорошего кооператора».

Тут обо всем пришлось толковать: и о необходимости грамотности, и о нашей бестолковости, а самое главное о том, что значит быть толковым торгашом.

Некоторые опять-было пошли по линии наименьшего сопротивления:

— Надо частную торговлю уничтожить.

Но что это значит для крестьян? Уничтожить их право свободно распоряжаться хлебом. Можно ли это сделать сейчас?

Нет.

— Закрыть рынки в городах, частные магазины.

Справляются ли наши государственные органы, кооперативы с задачами снабжения населения нужными товарами?

Начались рассказывания:

— Картошки в кооперативах нет.

— Захотел мальчонке сапоги купить в обувных магазинах Гума (все прошел),—одна неподходящая пара, а на Сухаревке сколько-угодно.

Вот и надо учиться «умело» торговать.

Упорно хотели выяснить разницу между кооперацией прежде и теперь. Что такое кооперация и кооперирование, о котором говорил Владимир Ильич?

Беседа затянулась, интерес к вопросам кооперации вспыхнул. Но именно только вспыхнул, и надо много дров, чтобы вспышка превратилась в мощное горение, в работу над развитием кооперации, в огне которой сгорит частная торговля, а вместе с ней и НЭП.

В руках частной торговли—64 процента, в руках государства—36. Эти цифры покоя рабочим не дают и не дадут.

— Надо сделать обратно!

При разборе вопроса о профессиональных союзах больше всего интересовались тем, о чем дискуссия шла в 1920—21 г. Захватила оценка момента Владимиром Ильичом. А когда толковали о задачах профсоюзов в настоящее время, внимание сосредоточилось на вопросе: от кого защищают профсоюзы рабочих в советских республиках. Опять разговоры об «аппаратах» Советской власти, о неразрешенной еще

полностью задаче овладения ими. Медленность процессов втягивания «своих» во все уголки управления угнетала; указывали, что мертвое хватает живое, на трусость, боязливость в этих вопросах. Интересовались очень тем, как осуществляется постановление МК о привлечении к ответственной работе 300 «ленинцев».

Девятое занятие отвели вопросам международного рабочего движения. На этом занятии с особенной отчетливостью выявилось то, что приходилось наблюдать и в предыдущие занятия: какое огромное количество фактических сведений накопилось за годы революции у рабочих. Митинги, доклады, лекции сделали свое дело. В потоке будничных дней теряются приобретенные знания, но стоит только немного поворошить память, и нужные представления быстро появляются.

Парижская Коммуна, как конец I Интернационала. Кто может рассказать о Парижской Коммуне? Когда она была? И на перебой трое начинают рассказывать.

Первый конгресс II Интернационала. Когда он был? Не помните ли чего-нибудь об этом конгрессе?

И т. С., 47 лет, отчеканивает:

— Плеханов сказал тогда: «Русская революция победит, как революция рабочего класса, или не победит вовсе».

Мне кажется, что мы мало учитываем «капитал» современных рабочих, а он очень значителен. Выявляя его, опираясь на него, можно гораздо больше сделать за десять занятий, чем это кажется сначала.

Вопросы, которые интересовали:

Почему в Германской коммунистической партии две части? Отчего Великобританская партия так мала?

Заползала тревога:

Не может ли случиться с коммунистическими партиями то же, что с социал-демократическими?

На десятом занятии по материалам ЦК познакомились с процессами (статистического порядка) внутри партии после революции, связав это с разобранными раньше процессами в нашей экономике. Затем перешли к вопросам внутрипартийной жизни, к последней дискуссии.

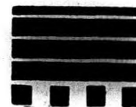
Последнее занятие (одиндцатое) целиком было посвящено разбору партийной программы. Предварительно она по частям была распределена между занимающимися, и каждый делал «доклад», который дополнялся, обсуждался. Интересное вступление было во время разбора пунктов о религии: «безбожниками» были все, не нашли ни одного колеблющегося, были только некоторые расхождения в тактике, особенно внутри семьи. Но вот выступил т. С., 47 лет, много работавший раньше в Питере, начитанный. Смысл его выступления сводился к тому, что корни религии лежат глубже, чем это многим кажется, что «религия связана с такими вопросами, как нравственность, а эти вопросы всем интересны. Наша пролетарская классовая нравственность неизвестна еще широко, и вот сбиваются часто люди, да еще какие люди: Горький, Богданов, Луначарский. Только такой «великий садовник», как тов. Ленин, мог подрезать эти ветви, направить их на правильный путь.

Многое видят, многое глубоко понимают «ленинцы».

В заключение хочется отметить один необходимейший момент в дальнейших занятий с «ленинцами»: надо потратить несколько часов в процессе занятий на обучение их тому, как надо записывать услышанное, как читать (статью, брошюру, книгу), как готовиться к докладу. Сделать это во время занятий в сокращенных школах политграмоты, конечно, было нельзя, но в процессе дальнейших занятий обязательно.

К сожалению, мне не пришлось видеть занятий в других кружках, не могу сравнить уровня развития «ленинцев». Представитель от райкома, который был на последнем собрании школы и принимал участие в работе, определил этот кружок, как средний.

Не делаю выводов из всего сказанного, ибо это были бы выводы из чрезвычайно ограниченного круга наблюдений. Хотелось просто запечатлеть черты работы с «ленинским призывом», положить почин собиранию материалов.

В. Астров.

О „скептицизме", „критике" и собачьей старости.

Излишняя претенциозность бывает забавна. Например, ленинградский журнал «Звезда» при выходе в свет в начале текущего года объявил, что он намерен продолжать «вековую традицию» петербургских «толстых журналов». Всякому, кто помнит «тощий» внешний вид большевистского «Просвещения» 1912—1914 годов и «толщину» «Вестника Европы», «Русской Мысли» и пр., приходится недоумевать, о каких «вековых традициях» говорят товарищи, в лучших намерениях которых мы, впрочем, сомневаться не можем?..

С таким же недоумением берешь в руки журнал «Октябрь Мысли». Заголовок обещает «море зажечь», — претенциозности через край. Но подумали ли редакторы хотя бы над буквальным смыслом заголовка, дающего лицо их журналу? Журнал обещал быть марксистским. «Октябрь» мы понимаем, как пролетарскую революцию. Нужен ли, спрашивается, Октябрь марксистской м ы с л и? Не поздненько ли браться за пролетарскую революцию в области м ы с л и после Карла Маркса?

Можно сколько-угодно ссылаться на иной, метафорический смысл выражения: «Октябрь мысли»,—но от этого оно не перестанет быть марксистски безграмотным в буквальном его значении. Можно, однако, простить всякое лишнее словце журналу на худой конец даже в заголовке, е с л и на деле, по содержанию, это—марксистский журнал. Но когда и такого «е с л и» нет, то очевидно, что двумысленное, растяжимое, резиновое знамя выдает (и прикрывает одновременно) резиновую «мысль».

Просмотрим бегло содержание номера 3—4. Начнем с «интимного» отдела «Переписка с читателем». Студентка фон'а Е. П. обвиняет журнал в отсутствии марксистского подхода к вопросам литературы. Редакция в своем ответе читательнице открыто признается, по сути дела, в отсутствии всякой точки зрения на сей

предмет, казалось бы, немаловажный в деле культурного строительства пролетариата. Мотивировка этого «воздержания» крайне занятна. Редакция заявляет, что она «далека от всех литературных группировок», и продолжает:

> «Вся та литературная дискуссия, литературная неразбериха, создавшаяся в последние 1½—2 года, зависит, главным образом, о т н а ш е й п у т а н о й, н е о т с т о я в ш е й с я, н е в ы к р и с т а л л и з о в а в ш е й с я о б щ е с т в е н н о с т и. О т с у т с т в и е о р г а н и з о в а н н о й, к л а с с о в о о ф о р м л е н н о й о б щ е с т в е н н о с т и, естественно, порождает пузыри мутные, со смесью всех цветов. О т с ю д а ж е н е у с т о й ч и в о с т ь л и т е р а т у р н ы х г р у п п и р о в о к».

Мысль, сказать правду, «путаная», «неотстоявшаяся», но все же ее действительное содержание сомнению не подлежит. Литературная неразбериха выводится из «отсутствия организованной, классово оформленной общественности» у нас, т.-е. в Советской России (в данном случае—в Москве, где появились «пузыри мутные, со смесью всех цветов»).

О какой общественности в Советской России может итти речь? Ясно: о партии, о советах, о профсоюзах, о комсомоле и т. д. Все это, оказывается, не есть «классово оформленная общественность». Но, ведь, такова п р о л е т а р с к а я общественность, которая в стране диктатуры пролетариата «оформлена» (!!) так четко и последовательно, к а к н и г д е в м и р е.

Можно ли ее назвать «путаной», «невыкристаллизовавшейся»?! М о ж е т - б ы т ь, н е о б э т о й «о б щ е с т в е н н о с т и» и д е т р е ч ь?.. Таков вывод, единственно напрашивающийся у читателя.

Непролетарской, б у р ж у а з н о й общественности в «классово оформленном» виде у нас действительно нет. Но, ведь, мы стараемся и постараемся, чтобы она никогда более не воскресла. Неужели редакция «Октября Мысли» тащит нас «назад к капитализму»?

Вряд ли она открыто признается в этом л о г и ч е с к о м выводе из ее собственных слов. Но логика остается логикой. К тому же дальнейшие рассуждения редакции поневоле укрепляют нас в нашем выводе. Она дает целую «философию» нашей «новой общественности».

Свои идеологи, свои художники,—говорит редакция,—растут и у крестьянства, и у буржуазии, и у пролетариата. Растет и «новая интеллигенция», которую редакция ставит просто «на-ряду» с указанными классами, не разделяя интеллигенции рабочей, крестьянской и нэпмановской. Наконец, редакция отмечает «пробуждение угнетенных до того национальностей, выявление ими своего лица (п о м и м о к л а с с о в о г о р а с с л о е н и я)». В скобках будь сказано: выявление национального лица п о м и м о (?) классового расслоения,—это если и не «переворот» («Октябрь»), то все же некоторый «заворот» в мысли...

В чем видит редакция свои задачи по отношению к идеологам и художникам разных классов? В идейной критике их с точки зрения пролетариата? Формулирует ли она эту точку зрения согласно своему пониманию? Ничуть не бывало.

До мировой революции, говорит редакция, мы «не можем вытравить» у себя в стране буржуазных «остатков», а поэтому надо их... «вскрывать» (?):

> «Из всего сказанного ясно (сказанное заключается в приведенном нами простом перечислении «общественных сил» — В. А.) ни «Октябрь Мысли», ни «Леф», ни «На посту», ни «Воронский с его попутчиками». «Октябрь Мысли», пытаясь вскрыть новые общественные силы, тем самым прощупывает пути нашего литературного будущего».

«Вскрыть» и «прощупать» «идеологов и художников» всех классов,—нечего сказать, «ясная» формулировка задач журнала, посвященного вопросам культурного строительства пролетариата, в особенности, если предпосылкой этой формулировки служит утверждение, что у нас «нет классовооформленной общественности»!..

Плохо, когда своей точки зрения на тот или иной вопрос нет. Но это полбеды. Скверно то, что люди начинают «умствовать» и подыскивать теоретические аргументы в пользу и в защиту своей безыдейности. Волей-неволей они скатываются к дурно пахнущим аргументам «резинового», крайне растяжимого характера.

Редакция уверяет, что она далека от «литературных группировок». Нам кажется, это не так. Она, видимо, далека лишь от идейной позиции в этой области. Зато ее обывательское внимание привлекают, видимо, «склочные» стороны «литературной неразберихи».

> «Была «Кузница» — лопнула раз. Из ее осколка родился «Октябрь». «Кузница» сидела, работала, пузырилась, и еще раз лопнула. Новый осколок прилип к Союзу Писателей. «Октябрь» родил «Рабочую Весну» и «Молодую Гвардию». Поработали, покричали — лопнули. Высыпались из «Октября», из «Рабочей Весны», а «Молодая Гвардия» совсем развалилась, и осколки сбились вокруг «Красной Нови», организовав группу «Перевал»..., и т. д.

Вот вам история литературных группировок в том виде, в каком она интересует «октябристов мысли»! Спрашивается: кто, кроме узкого круга втянутых в групповую борьбу или специально занимающихся «литературной неразберихой» лиц, вынесет что-нибудь из подобной «философии современной литературы»? Что здесь сказано по вопросу о социальном и идейном характере литературной борьбы? Ничего. А только это и интересно, и нужно широкому кругу читателей.

Точно так же и в рецензиях о «Лефе», о «Молодой Гвардии», о «На посту».

Рецензия о «На посту» носит особенно «смачный» характер. Читатель узнает все «смертные грехи» этого журнала: его «заушают», а он, оказывается, «высунул свою злобно ощетинившуюся морду (так и написано) и облаял (!), да как следует, своих гонителей и хулителей»... «На посту» употребляет и «нечистоплотные приемы борьбы», и «грязные плевки»; фигурирует перед вами и «зловонный сок», и «напоститская какофония», и «слащаво-слюнявое (!) самохваление», и т. д., и т. п. Это и называется «вскрывать новые общественные силы». Остается только совершенно неизвестным, за какие же взгляды «Октябрь Мысли» так «вскрыл», или «облаял», выражаясь его собственным языком, своего противника? И совсем уж становишься втупик, когда в заключение, после букета отборной ругани, «Октябрь Мысли» делает такого рода заявление: «Нельзя не согласиться и с целым рядом суждений и напоститских выводов»...

Подобные «отзывы» есть не что иное, как безыдейный хлам, который следовало бы постыдиться преподносить читателю.

От литературной «позиции» «Октября Мысли» перейдем к его политической позиции.

Отдел «По страницам печати» позволяет нам проверить, как «вскрываются новые общественные силы» в области политики. В редакционной заметке «К проверке вуз'овских ячеек» эта проверка сопоставляется с ленинским призывом.

И вот — никакого положительного отношения к ленинскому призыву. Вместо этого — «страхи» и опасения за подлежащего проверке «студента-партийца».

Рассуждение о ленинском призыве настолько «бьет в нос» своим скептицизмом, что его следует привести здесь:

> «Вне всякого сомнения, в нашей молодой общественности (и здесь «молодая» «общественность»? — видимо, эта терминология не случайна.— В. А.) ленинский набор в партию и одновременно чистка непролетарского состава партии имеют громадное историческое значение.
>
> Учесть полностью результаты этого момента в настоящее время не представляется возможным. В этой области можно сделать лишь гадательные выводы с той или иной точностью. В самом деле, до этого членов партии от станка было 17—18%. В 1½—2 месяца партия делает громадный скачок,—вливается до 200 тысяч членов от станка, т.-е. количество членов партии от станка повышается до 45—50%. Учесть все значение этого момента можно лишь по истечении определенного периода времени, когда вновь вступившие в ряды партии войдут в ее жизнь и работу. Но чистка вскрыла целый ряд вопросов, разрешение которых стало задачей дня. Один из таких вопросов — положение студента-партийца».

И автор заметки переходит к чистке. Приводя в выдержках полемику тт. Семашко и Ярославского в «Правде», автор заключает так:

> ...«Малейшие промахи в этом вопросе, и научный фронт нами будет оголен. Исключенные в глазах беспартийных, несомненно, теряют всякий авторитет

и как оторвавшиеся от земли и в небо не попавшие будут предметом издевательства и насмешек с обеих сторон. В итоге резерв наш по замещению командных ролей уменьшится, и наглость наших буржуазных противников в соответственной степени возрастет».

Это уже нечто похуже резиновой мысли. Рассчитывая на читателя, главным образом, студента-партийца, журнал подыгрывает на его дурных струнках, противопоставляя его рабочему от станка.

Что-де выйдет из притока в партию 200 тысяч рабочих, это еще «гадательно», а вот «научный фронт» (!) пока-что может быть оголен. О «чрезмерном усердии чистильщиков» «Октябрь Мысли» считает политически целесообразным вопить.

Поражает своим обывательским характером тот «довод», что вычищенные «теряют авторитет» у беспартийных и подвергаются «издевательствам и насмешкам», якобы, с обеих сторон.

Если вычищается заведомый шарлатан, то он, конечно, не застрахован от «издевательств». Но разве от этого теряет «научный фронт» или «командные» резервы?

Если же исключается за отрыв от партии серьезный работник в своей специальности—медик, техник, агроном и т. п., то из чего видно, что над ним будут «издеваться»?

Однако, подобные случаи исключения будут редки. На деле серьезный работник в своей специальности чаще всего умеет быть партийцем, находит возможности выполнять свои обязанности. И уж, конечно, ниоткуда не следует, что наш «научный фронт», а тем более «командные роли», якобы, пополняются или могут пополняться из людей, партийно не выдержанных. «Малейшие промахи», конечно, будут, но значение их останется столь же «малейшим», и вопить о них нет никаких оснований.

Из статей имеет претензии на некоторые общие социально-политические «прогнозы» статья М. Костерина «Опасные признаки». Претензию, но не более.

Автор ставит большой вопрос о возможных путях нашего «идеологического» перерождения. Уже в самой постановке вопроса чувствуются недомыслие и фальшь: «Если,—пишет он,—много говорят о социальном перерождении, то сравнительно мало об идеологическом». А «последнее»... «может итти параллельно социальному перерождению».

Идеология не есть явление, «параллельное» социальным явлениям, а одно из социальных явлений. «Идеологическое перерождение» идет не «параллельно» социальному, а является одной из сторон социального перерождения. Противопоставлять одно другому, как это делает автор статьи в приведенных нами словах, бессмысленно.

Это неуменье связать идеологию с ее классовыми корнями чувствуется во всей статье. Автор претендует на выводы, общезначимые для всей нашей партии, говорит довольно беспорядочно

о возможном перерождении «директоров, госторговцев, администраторов», нашей молодежи и пр.

И вместе с тем, статья обходит полным молчанием самые крупные факты проявления ревизии марксизма-ленинизма за последние годы, как околопартийного («Раб. Группа», «Раб. Правда»), так и внутрипартийного характера («Раб. Оппозиция», «Дем. Централизм», недавняя оппозиция).

Автор произвольно выбирает из области извращений марксизма одну область — попытки «биологизирования» марксизма. Но даже и в этой области автор не дает цельного и систематического анализа этих извращений, приводя случайно выхваченные факты, подчас даже и неудачные. Достаточно сказать, что в число «идеологических перерожденцев» попал тов. М. Н. Покровский за то, что он характеризовал царскую семью Романовых-последышей, как психически ненормальных людей.

По мнению М. Костерина, личная переписка Романовых их сумасшествия не обнаруживает. Можно с легким сердцем предоставить М. Костерину полное право заниматься психо-физиологической реабилитацией распутиниады. Но не меньшее право, надеемся, имеет историк-марксист держаться другой точки зрения на этот частный, конкретный вопрос простого исторического факта. И становится смешно, когда в указании на психическую ненормальность распутиниады М. Костерин, придираясь к отдельным фразам М. Н. Покровского, усматривает «капитуляцию марксизма перед биологизмом», отрицание социальных причин действий Романовых (?) и в заключение выдает «нашему маститому историку» «перерожденческий» аттестат. Лучше, если бы «маститым историкам» поменьше говорили комплиментов да подобросовестней толковали.

Есть в статье и прямые ляпсусы, в роде того, что «организаторский труд предрасполагает к идеализму» (?!). Предоставляем автору объяснить, перерождение в какую сторону от марксизма обозначают такие формулировки?

Не обходится и без... ушей. «Уши» выглядывают из якобы «абстрактных» положений, фраз, направленных «так себе», «вообще», «в пространство», в роде следующих:

«И все это (выхолащивание марксизма. — В. А.) возможно будет происходить под видом защиты ортодоксии и «настоящего Маркса». Возможна и такая перспектива: попытки отстаивать пролетарское содержание марксизма будут объявлены (кем объявлены?—В. А.) ересью, извращением и уклоном. Так было в эпоху перерождения идеологии бедняков—первобытного христианства—в идеологию господствующего класса. Перерожденное христианство объявлялось самым ортодоксальным, истинным, все же отклонения от него—ересью».

Это называется «метафора», не хуже «Октября Мысли»! Но мы поступим с этой «метафорой» просто и откровенно. Одной из вреднейших для партии ошибок тов. Троцкого в минувшую дис-

куссию явилось внесение им в обиход нашей партии небольшевистских приемов внутрипартийной полемики, именно дипломатии внутри партии. Эта ошибка началась с пресловутого письма о Бернштейнах и Гэдах, учениках Маркса. И она дает, как мы видим, свои развращающие плоды.

Приведенная нами цитата М. Костерина—яркая иллюстрация к этому. Она—«тонкий намек на толстое обстоятельство», намек, очевидный для всякого, но сделан он в такой форме, что против буквального смысла его возразить ничего нельзя.

И мы сделали бы ошибку, занимаясь абстрактно обсуждением выставленного М. Костериным положения. Его надо сопоставить с той конкретной обстановкой, в которой пишутся и печатаются подобные заявления. Конкретная обстановка заключается в том, что еще не остыли следы от только-что закончившейся дисскуссии, где господствующее течение в нашей партии (ленинизм) осудило, объявило уклоном («ересью, извращением») ошибки оппозиции. И вот под невинным «христианским» видом примеров из христианской истории автором протаскивается... «намек» на то, что-де неизвестно, кто защищал «пролетарское содержание марксизма»,—тот, кто «объявил», или тот, кого «объявили» уклоном.

Это есть полемический разврат. Большевики так внутри своей партии не спорят.

Найдутся, может-быть, благодушные люди, которые объявят нашу критику чересчур «придирчивой», излишне «мелочной» и пр. Такие люди обнаружили бы несерьезное отношение к вопросам сплоченности и единства внутри партии.

Партия может нормально жить при наличии внутрипартийной критики, но только при том условии, если эта критика ведется открыто и с фактами, с аргументами в руках критикующего.

Иначе это все, что угодно,—зубоскальство, подсиживание, демагогия, — но только не здоровая внутрипартийная критика. Иначе это внесение политического разврата и нездоровой атмосферы взаимного ни на чем не основанного недоверия в партийную среду.

В отделе «Книги» помещена рецензия (автор—М. К.) о двух первых номерах журнала «Большевик». Здесь уже «классово оформленная» точка зрения «октябристов мысли» прямо приложена к вопросу о «недавней оппозиции». Здесь до известной степени «пробный камень» для журнала «Октябрь Мысли».

Автор рецензии обвиняет «Большевика» в том, что в нем помещен «ряд заушений (?) бывшей оппозиции». «Ряд авторов считает своим долгом лягнуть ее» (т.-е. недавнюю оппозицию).

Конечно, если бы журнал ЦК допускал совершенно необоснованную, без фактов и без аргументов, «травлю» бывшей оппозиции, то это не было бы к его чести. Но одно дело—травля, «заушение», другое—разъяснение ошибок оппозиции, деловая, настойчивая пропаганда партийной точки зрения. К последнему обязан не только журнал ЦК, но и каждый член партии, обязан общепартийными решениями. Чем больше будет этой пропаганды, чем удачнее будет она по форме, тем скорее мы забудем про «оппозицию», тем лучше для партии, для диктатуры пролетариата, для революции.

В чем же видит рецензент «заушения» оппозиции «Большевиком»? Читаем:

> «Даже статья о Кронштадте за уши притянута к оппозиции»... «Как будто бы есть какие-либо дурачки, способные поверить, что оппозиция в партии могла привести к Кронштадту».

Никто не писал в «Большевике», например, о том, что оппозиция 1923 года едва не привела к Кронштадту; точно так же никто не утверждал (для ради «метафоры» в духе М. Костерина, см. выше), что оппозиция 1921 года повинна в Кронштадтском мятеже. Было бы непомерной глупостью утверждать подобные вещи; это было бы действительно «заушением» оппозиции.

На деле автор статьи о Кронштадте, т. Слепков, вопроса об оппозиции 1923 года совсем не затрогивал (если не считать упоминания о тов. Сапронове в связи с его тенденцией «отодвигать советский аппарат от партийного»), а по отношению к дискуссии 1921 года он выставил положения, являющиеся совершенно бесспорными. Он привел слова т. Ленина о том, что дискуссия была «непомерной роскошью», что она «отвлекла внимание от насущного и грозного», и сделал вывод, что дискуссия ослабила партию и влияние партии на беспартийную массу в критический для революции момент. Все это составляет неотъемлемую часть исторического опыта нашей партии, а не «заушение оппозиции», не «намеки», а исторические факты.

Далее, т. Слепков, сделал выводы: «а) об опасности внутрипартийного фракционного расщепления» и «б) о необходимости тщательного периодического фильтра молодых непролетарских членов партии» (в связи с переходом части кронштадтской организации на сторону восставших). Имеет ли МК что-нибудь возразить против этих выводов?

Вместо возражений он бросает общую фразу о том, что оппозиция не «могла» привести к Кроншадту. Что это значит? Какая оппозиция? 1921 года? Она ослабляла партию, но, конечно, к Кронштадту «привели» другие причины. 1923 года? Она не «могла привести» к Кронштадту уже потому, что не было серьезных расхождений между рабочим классом и крестьянством.

Может-быть, автор хотел сказать, что и в будущем никакая оппозиция не может привести к новому «Кронштадту»? Такая абстрактная постановка была бы неправильна. «Может» или «не может»,—это зависит от условий.

Спрашивается после этого: кто же «притянул за уши» оппозицию к Кронштадту—т. Слепков или его рецензент?..

Тов. Слепков написал, что «если б мы перешли к нэп'у в январе 1921 года, мы, вероятно, не имели бы Кронштадта». Цитируя эти слова, рецензент, тем не менее, упрекает автора в «нестерпимом (!) апологетизме», в «потуге» доказать, «что партия была невиновна в обстановке, создавшейся перед Кронштадтом и вызвавшей его».

Признать, что партия могла избежать Кронштадт, это и значит признать партию «виновной», если только можно говорить о «вине» партии, впервые в истории боровшейся в столь трудной обстановке.

У автора действительно, есть замечание о «невиновности» партии, но оно относится к тем «объективным социально-экономическим условиям» (нивеллировка крестьянства, «ножницы» цен, деклассирование пролетариата в связи с развалом промышленности и пр.), которые, по мнению автора, «создались железной логикой гражданской войны». Никакого «противоречия», на котором хотел поймать рецензент т. Слепкова, у последнего не имеется.

Далее. Тов. Вардин доказал цитатами из меньшевистских журналов, что меньшевики сочувствовали бывшей оппозиции в ее борьбе с ЦК. И вот рецензент пишет:

> ...«Раз меньшевики строили свои надежды на оппозицию, то, значит, оппозиция играла на-руку меньшевикам. Слабоват силлогизм и стар. «Вильгельм надеялся на большевиков, значит»... Вот откуда аргумент т. Вардина».

Ошибается и на этот раз наш «октябрьский мыслитель». Аргумент этот ведет начало, по меньшей мере, с Бебеля, который говаривал: если меня хвалит буржуазия, значит, я сделал глупость; или... с Ленина, который неоднократно отмечал, подчеркивал, разъяснял политический смысл того, например, факта, что кадеты в спорах между меньшевиками и большевиками всегда становились на сторону меньшевиков.

В добавление к этому следует помнить, что общепартийная критика ошибок оппозиции (вплоть до официальных резолюций) вполне установила элементы меньшевизма в этих ошибках. Следовательно, тов. Вардин занимался не «силлогизмами», а еще раз проиллюстрировал и подтвердил фактами правильность партийной точки зрения.

Коренное обвинение, выдвигаемое «Октябрем Мысли», в лице рецензента МК журналу «Большевик», заключено в двух следующих фразах:

«Самокритики в журнале нет и следа».

«Дух апологетизма веет над журналом».

Последние подчеркнутые нами слова необычайно метки. И «Большевик» может с честью сказать:

— Да, виновен в «апологетизме» (в защите) партии и ленинизма.

Но «вина» ли это?

Действительная вина, может-быть, заключается лишь в том, что в первых номерах этот журнал не успел обратить свое внимание на все темные стороны, заглянуть во все уголки партийной жизни, в том числе и во все литературные закоулки и задворки, чтобы метлой самого непримиримого «апологетизма» вымести оттуда всякий сор и хлам.

Наш рецензент не понимает, как наивно его противопоставление: «есть апологетизм, нет самокритики». Апологетизм партийности и состоит в непримиримой самокритике партии, т.-е. в критике внутрипартийных уклонений и ошибок. И в первых номерах, в последующих, и в частности в настоящих строках, сотрудники «Большевика» посильно выполняют эту задачу.

«Критика» «Октября Мысли» несколько иная. «Октябрь Мысли» «критически» относится к ленинскому призыву; «критически» относится к чистке вуз'овских ячеек; «критически» относится к пролетарской общественности; «критически» относится к «апологетизму» партийности...

Наконец, вот его «критическое» отношение к современному политическому моменту:

> «Хорошо говорит редакция («большевика». — В. А.) о беспокойстве. Безработица, тяжелое положение пролетариата, малые успехи госпромышленности, большие — частного капитала заставляют думать, и напряженно думать, всякого коммуниста».

В общем контексте, на общем фоне всего, что написано в «Октябре Мысли», эти слова звучат весьма определенным настроением. Они годны прямо в «Социалистический Вестник».

Партийный «апологетизм» вовсе не обязывает нас закрывать глаза на темные явления нашей жизни, или носить розовые очки. Но еще менее допустимо однобоко-«критическое», скептическое освещение фактов, подобное приведенному.

Безработица есть. Но говорить о ней, не говоря, что она сопровождает собою процесс общего роста промышленности и пролетариата за последние годы, это значит однобоко освещать факты.

Положение рабочих отнюдь не блестяще. Но если говорят: «тяжелое положение пролетариата», то позволительно спросить: по сравнению с чем? С годами военного коммунизма? Или с первыми годами нэп'а?!

Успехи госпромышленности не бог знает какие, но они огромны по сравнению с тем развалом, который остался позади.

Ставить рядом с «малыми успехами госпромышленности» «большие частного капитала» можно, только оговорив, что част-

ный капитал одерживает успехи почти исключительно в области торговли, а не промышленности. Иначе это есть извращение фактов в угоду интеллигентскому брюзжанью и «скепсису»...

«Думать и думать» каждому коммунисту над нашими неудачами надо, но не надо вдаваться в уныние и пессимизм, не надо забывать и наших успехов. Характерно, что, не говоря о денежной реформе ни слова, автор бездоказательно ругает статью тов. Краваля о денежной реформе за «казенный оптимизм». Где? В чем? Разве тов. Краваль не писал о «бешеном сопротивлении частного капитала», которое грозит нам «разгромом на хозяйственном фронте, если вся партия не возьмется за реформу? Или он обязан был «критически» ныть вместо того, чтобы призвать партию к энергичной работе?..

Товарищ Бухарин («Большевик», № 2) необыкновенно метко выразился о «скрытых скептиках», у которых «считается признаком дурного тона говорить о нашем продвижении вперед». Ими владеет «неверие в наше будущее». Это — «тип собачьей старости, который идейно родственен дезертирству». Его действительно «нужно лечить, пока не поздно».

Ил. Вардин.

„Углубленные“ ошибки тов. Мартынова.

Бесспорно, что литература о В. И. Ленине имеет величайшее политическое значение. Тут всякая ошибка, всякий вольный или невольный уклон наносят прямой вред нашей партии. Каждая, на первый взгляд самая незначительная, ошибка может иметь своим результатом большие и опасные уклоны в головах сотен тысяч. Ведь, ленинизму обучаются сейчас буквально миллионы.

Особо сугубого внимания заслуживают работы таких авторитетных лиц, как тов. Мартынов. Сотнями тысяч, особенно из молодежи, каждое его слово будет воспринято, как бесспорная истина.

Вот почему мы считали необходимым отметить ряд ошибок в книжке т. Мартынова «Великий пролетарский вождь». (См. «Большевик», № 1). К сожалению, т. Мартынов не исправляет ошибки, а со всей решительностью их «углубляет». В итоге мы получаем неверную, искаженную картину нашего партийного прошлого, неверную, искаженную характеристику политической линии большевизма.

Тов. Мартынов настаивает на том, что он в качестве «левого» боролся с экономизмом. Если это утверждение верно, то тогда большевикам нужно переучиться, тогда им надобно отбросить все то, что говорили большевистские историки и публицисты, и прежде всего Ленин, о роли тов. Мартынова в экономизме, и принять новую, мартыновскую постановку вопроса об его роли. Большевики никогда не делали существенной, принципиальной разницы между различными вождями экономизма, между «Рабочим Делом» и «Раб. Мыслью». Всякая попытка такую разницу найти является попыткой ревизовать взгляд большевиков на экономизм.

Тов. Мартынов уверяет, что он боролся с экономизмом. Летом 1914 года В. И. Ленин в статье «Из прошлого рабочей печати» писал:

> «Главными органами «экономистов» были «Рабочая Мысль» (1897—1900) и «Рабочее Дело» (1898—1901). Во главе «Раб. Дела» А. Мартынов—видный меньшевик и теперь ликвидатор».

Если бы человек, стоявший «во главе» экономистского журнала, действительно боролся против этого направления, то что бы получилось? Или экономизм был бы ликвидирован, или т. Мартынов был бы лишен звания вождя экономистов. Экономизм, как известно, был ликвидирован не тов. Мартыновым, а в результате беспощадной борьбы с ним.

Но это очевидное соображение недостаточно «глубоко» для того, чтобы тов. Мартынов мог его признать справедливым. Историю своей «борьбы» с экономизмом т. Мартынов излагает так:

«В Берлине вместе с Базаровым решил начать внутри Союза борьбу против «экономизма». С этой целью я, между прочим, послал в редакцию «Рабочего Дела» статью «Очередные вопросы», направленную против «экономизма»,—статью, принятие которой я поставил условием моего вступления в редакцию, и которая действительно была помещена Кричевским в 9 номере «Раб. Дело» с оговоркой от редакции. (Курсив наш).

Далее т. Мартынов уверяет, что статья его была направлена против «главных двух китов, на которых держался» экономизм: против: 1) «теории стадий» и 2) «теории» постепенного завоевания «частичных прав».

Картина получается изумительная. Существует целое политическое направление, претендующее на руководящую роль в рабочем классе, располагающее совершенно определенной платформой («два кита»), имеющее органы печати и т. д. Появляется тов. Мартынов и заявляет вождям этого направления: «Я хочу бороться с вами, я считаю необходимым уничтожить «главные два кита» вашей платформы. Если согласны уничтожиться,—напечатайте мою уничтожающую «главных два кита» статью, и тогда я вступлю в вашу редакцию». Ультиматум т. Мартынова принимается, статья печатается «с оговоркой», т. Мартынов становится «во главе» экономистского органа, все направление продолжает существовать и бороться. Все «киты» целехоньки. Как же это могло случиться, что день принятия ультиматума т. Мартынова не стал последним днем экономизма? Ответ на этот вопрос мы получим, когда ознакомимся с той редакционной «оговоркой», которой Кричевский сопроводил статью т. Мартынова. В этой оговрке говорится:

«Эта статья написана до последних событий в России, которые, можно сказать, опередили практические выводы автора. Тем не менее, она не теряет своего глубокого интереса в качестве новой попытки выработать принципы политической тактики рабочего движения на основе анализа как психики рабочего, так и в особенности самодержавного строя.

При сложности затронутых вопросов исчерпывающий разбор их, разумеется, невозможен в размерах одной статьи. Но вопросы, по нашему мнению, поставлены автором верно, и их подробное исследование в том же направлении может сильно содействовать дальнейшему усилению политического духа нашего рабочего движения.

Мы делаем оговорку лишь относительно нескольких огульных взглядов автора на «легальный марксизм». Ни Бельтова, ни Волгина нельзя, конечно, упрекнуть в затуманивании «революционно-политической стороны учения Маркса». Этого нельзя сказать относительно «легального марксизма» новейшей формации с их попытками пересадить бернштейнианские взгляды на русскую почву».

Вот оговорка, которою сопроводила редакция «Рабочего Дела» статью тов. Мартынова. Мы привели оговорку целиком, от первой до последней строчки. И снова перед нами раскрывается изумительная картина: редакция печатает статью, только уступая ультиматуму тов. Мартынова, но в редакционном примечании не только не заявляет своего несогласия с автором, а наоборот, в основных пунктах с ним солидаризируется: вопросы Мартыновым поставлены «верно», их необходимо «исследовать в том же направлении». Но как же так? Где же следы «боев?» Где же разногласия? Где хотя бы малейший признак опасений со стороны «Рабочего Дела», что его «главных два кита» могут быть Мартыновым уничтожены?

«Рабочее Дело» оговаривается «лишь относительно» Плеханова: защищает его от Мартынова. Но главная линия спора лежала не в данной плоскости. Главное было в «двух китах». Но за них Кричевский не тревожился. Мартынов шел не для борьбы с экономизмом, а для его подкрепления с левого фланга. Поэтому он мог очутиться «во главе» экономистского органа. При начавшемся оживлении революционного движения «левый» оппортунист именно и был необходим для прикрытия «нормального» оппортунизма.

Тов. Мартынов был «левым» среди экономистов, потом был «левым» среди меньшевиков. Но «левым» был среди меньшевиков и Мартов. «Левыми» являются в рядах европейской социал-демократии Фридрих Адлер, Лонге, Пауль Леви, Розенфельд. Значит ли это, что эти «левые» борются против мирового меньшевизма? Значит ли это, что бесспорно левый в меньшевизме Мартов, левый в экономизме Мартынов боролись против меньшевизма и экономизма? Конечно, нет. Наоборот, «левые» спасают социал-демократию, без «левых» меньшевизм лишился бы последней опоры в рабочем классе. Когда левое крыло российского меньшевизма было ликвидировано, одновременно оказались порванными последние нити, связывавшие меньшевиков с рабочими. Левая социал-демократия осенью 1923 года буквально спасла германскую буржуазию от революции. Без своего «революционного» фланга германскому меньшевизму не удалось бы спасти себя от развала и буржуазию от краха.

Политически «левые» элементы оппортунизма являются вреднейшими врагами рабочего класса. Но стояние на левом фланге облегчает отдельным лево-оппортунистическим элементам переход на сторону революции. Именно потому, что такие элементы субъективно считают себя действительно левыми, действительно революционными, они могут поддаться влиянию революции, перейти на сторону рабочего класса после его победы, а иногда и во время решающей борьбы. Что тов. Мартынов боролся с экономизмом (и меньшевизмом) это, конечно, пустяки. Но что «левизна» облегчила ему лично возможность перехода на сторону коммунизма—это бесспорно.

Из нынешних левых социал-демократов Европы, после победоносной революции, не мало перейдет в ряды компартии. Коммунисты будут приветствовать такой переход. Коммунисты будут знать, что именно левые, объективно наиболее вредные революции, пока они остаются социал-демократами, субъективно более подготовлены к переходу на сторону победоносной революции. Такой переход будет приветствоваться всеми искренними друзьями рабочего класса. Но всякий сознательный рабочий стал бы громко смеяться над тем бывшим левым социал-

демократом, который стал бы уверять, что он в качестве «левого» в свое время боролся против социал-демократии...

Таким образом, т. Мартынов не смог справиться со своей собственной политической историей. Мудрено ли, если он не справился с историей и тактически-организационными основами большевизма?

Тов. Мартынов уверяет, что весной 1905 года Ленин считал «донкихотством» обсуждение вопроса о диктатуре пролетариата и крестьянства «с точки зрения ближайшего практического осуществления». Он оперирует фразой из секретарской записи речи Ленина и игнорирует практику большевизма на протяжении всего 1905 года, игнорирует печатные документы, совершенно бесспорно свидетельствующие, что большевики стремились «получить» диктатуру в результате осенней и зимней вооруженной борьбы 1905 года. Лозунг диктатуры был выдвинут большевиками не «вообще», а именно «с точки зрения ближайшего практического осуществления». Если бы диктатура не была лозунгом ближайшего периода, то она вообще не была бы... лозунгом. Это легко можно понять, если не «углублять» вопроса.

Представлял ли ясно Ленин в 1905 году характер происходившей тогда революции? Нет, отвечает т. Мартынов. Точнейшие выдержки из ленинской брошюры «Две тактики» его не удовлетворяют. Тов. Мартынов переходит в наступление, обращаясь ко мне, говорит:

> «Вы даже не понимаете, о чем вопрос идет, вы даже не понимаете всей трудности задачи, которую должен был решить Ленин. Что революция по своему экономическому содержанию могла быть буржуазной и в случае сделки либералов с царизмом и в случае полной демократизации страны—совершенно ясно. Но труднее решить было другой вопрос: могли ли бы мы удержаться строго в рамках экономической программы буржуазной революции в условиях диктатуры пролетариата и крестьянства, не вынудила ли бы нас сама логика революционной диктатуры выйти за эти рамки?»

Будьте милосердны, тов. Мартынов, не гамлетизируйте Ленина, не придумывайте трагедий, которых у него не было! Перед Лениным вовсе не стоял «роковой вопрос» о том, что делать с победоносной революцией. Этот вопрос «угнетал» в 1905 году вас, тов. Мартынов (брошюра «Две диктатуры»), он волновал т. Троцкого, который считал, что мы обязательно должны будем выйти за буржуазно-демократические рамки и на этой почве поссориться с крестьянством.

Ленина занимал прежде всего и раньше всего вопрос о том, как получить победоносную буржуазно-демократическую революцию. Ленин твердо знал, что мы можем получить именно буржуазно-демократическую, крестьянскую, «плебейскую» революцию. Ленин знал, что такая революция не отделена китайской стеной от социалистической революции, что вообще «чистых» буржуазных, «чистых» социалистических резолюций в природе не бывает. Преобладающие же черты характера революции 1905 года для Ленина, для большевиков были несомненны.

Еще раз, тов. Мартынов: не сочиняйте для Ленина трагедий, которых у него не было. Вопрос о характере, движущих силах и перспективах революции большевики сформулировали с классической ясностью в мае 1905 года. В извещении избранного на третьем съезде Центрального Комитета говорилось:

> «Проведение победоносной революции, отстаивание ее завоеваний возлагает гигантские задачи на плечи пролетариата. Но пролетариат не испугается великих задач. Он с презрением отбросит от себя тех, кто сулит ему несчастья от победы. Российский пролетариат сумеет исполнить свой долг до конца. Он не испугается трудной задачи участия во временном революционном правительстве, если эта задача выпадет на его долю. Он сумеет отбить все контр-революционные попытки, беспощадно раздавить всех врагов свободы, грудью отстоять демократическую республику, добиться революционным путем осуществления нашей программы-минимум. Не страшиться, а страстно желать этого исхода должны российские пролетарии.
>
> Победив в предстоящей демократической революции, мы сделаем этим гигантский шаг вперед к своей социалистической цели, мы сбросим со всей Европы тяжелое ярмо реакционной военной державы и поможем быстрее, решительнее и смелее пойти к социализму нашим братьям, сознательным рабочим всего мира, которые так истомились в буржуазной реакции и духовно оживают теперь при виде успехов революции в России. А с помощью социалистического пролетариата Европы мы сумеем не только отстоять демократическую республику, но и пойти к социализму семимильными шагами».

Вот ответ вам, тов. Мартынов! Задача, которая вам казалась, и задним числом все еще кажется, трагической, на деле для большевиков не была трагической. Вы должны согласиться, что в этом боевом манифесте ленинской партии очень, очень ясно поставлен вопрос о характере революции 1905 года, и о социалистических перспективах, что здесь нет и тени гамлетизма, интеллигентского праздновздыхательства, резонерства. А мысли, изложенные в извещении ЦК, легли потом в основу ленинской книги «Две тактики», в основу всей большевистской тактики 1905—1907 гг. Поэтому неправ Мартынов, когда он говорит:

> «Правильнее в то время обосновал большевистскую тактику Каутский, утверждавший, что русская революция будет новым типом революции, стоящим на меже между старыми буржуазными и новыми социалистическими революциями».

Заслуга Каутского заключалась в том, что он понял сущность русской революции, не поддался на «хитрость» Плеханова, подсказывавшего ему либеральную точку зрения на нашу революцию, что он воспринял основы большевистской тактики и удачно их сформулировал. Это вовсе не было излишней скромностью со стороны Каутского, когда он в русских делах объявлял себя «учеником» русских революционеров. Он был именно учеником, ибо российское рабочее движение уже в то время стояло в авангарде мирового революционного движения.

Вопрос об отношении к буржуазным партиям и группам. В брошюре т. Мартынова напечатано:

«Мы не будем поддерживать других революционных и оппозиционных партий и групп, мы заставим их нас поддержать, мы заставим их пристегнуть себя к нашей пролетарской колеснице».

В такой общей форме это неверно. Выглядит внешне «революционно», но по существу неверно. Тов. Мартынов и сам чувствует, что хватил тут через край, и потому пускается в длиннейшие рассуждения на счет «конкретной исторической ситуации», споров между большевиками и меньшевиками и т. д. Вопрос запутывается.

Только-что приведенная выписка тов. Мартынова дает не верную общую, принципиальную постановку вопроса. Второй съезд партии по вопросу об отношении к либералам принял резолюцию Плеханова - Ленина, которая поможет нам разобраться в данном вопросе. Съездовская резолюция гласит:

«Принимая в соображение: а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом; б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; но что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявились эта ограниченность и недостаточность.

Второй очередной съезд Российской Социал - Демократической Рабочей Партии настоятельно рекомендует всем товарищам обращать в своей пропаганде внимание рабочих на анти-революционный и противопролетарский характер того направления, которое выразилось в органе г. П. Струве».

Эта революция соединяет в себе постановку общую, принципиальную, и конкретную, практическую. В 1895—900 гг. социал - демократы поддерживают группу Струве, одновременно «разоблачая ограниченность и недостаточность» представляемого Струве класса. В 1903 г. группа Струве занимает позицию анти - революционную, и против нее ведется беспощадная борьба. В 1924 году коммунисты Китая поддерживают революционно - буржуазную партию Гоминдан, входят в ряды этой партии. Пройдет немного лет, партия Гоминдан станет силой антиреволюционной, и тогда коммунисты, уже сейчас «разоблачающие недостаточность и ограниченность революционизма китайской «передовой» буржуазии, перейдут к решительной борьбе с Гоминданом.

Тов. Мартынов, «углубляя» вопрос, пытается представить дело таким образом, будто возможно поддерживать революционное и оппозиционное движение буржуазии, не поддерживая соответствующих партий. Каждое серьезное движение организуется политической партией или группой. Если движение прогрессивно, революционно, и пока движение прогрессивно и революционно, понятно, организующую это движение партию или группу поддержать необходимо.

Весьма оригинально разделался тов. Мартынов с национальным вопросом. В его брошюре Ленину приписывается такая мысль:

«Пусть национальности, угнетаемые нашим державным народом, получат свободу на самоопределение, вплоть до отделения. Пусть угнетенные нации устраивают свою судьбу, как хотят».

«Самоопределение, вплоть до отделения», это значит—и автономия, территориальная и культурная, и областное самоуправление, и отделение. «Вплоть до»... подразумевает промежуточные инстанции до отделения. Меньшевики, когда они с 1911 года стали «приспособлять социализм к национализму» (выражение Плеханова), пытались представить дело таким образом, что, мол, понятие самоопределения включает в себя и право на культурно - национальную автономию.

Наша партия против такого толкования решительно выступала. Мы доказывали, что право на самоопределение означает только право на отделение, что попытка меньшевиков «расширить» понятие самоопределения на деле означает их отказ от права на отделение, их готовность итти навстречу великодержавным стремлениям либералов, превратившихся в национал - либералов. В тезисах Ленина: «социалистическая революция и право наций на самоопределение» (апрель 1916 г.) читаем:

«Право наций на самоопределение означает исключительно право на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации. Конкретно, это требование политической демократии означает полную свободу агитации за отделение».

Итак, не—«вплоть до отделения», а исключительно отделение. Теперь тов. Мартынов разъясняет, что и он «никакого другого содержания в приведенную формулу... не вкладывал». Но ведь, бесспорно, что формула «вплоть до»... включает в себе и «другое содержание», кроме отделения, вернее, по конкретному политическому смыслу эта формула исключает право на отделение. Так это или нет? Если тов. Мартынов в самом деле «никакого другого содержания... не вкладывал», то зачем ему понадобилась эта, в самом лучшем случае, двусмысленная формула? Человек в 1903 году «восставал против расплывчатого понимания самоопределения», а в 1924 г. хватается именно за самую «расплывчатую» (в самом лучшем случае) формулу и выдает ее за большевистскую.

Но—заявляет т. Мартынов—формулу: «самоопределение вплоть до отделения»—я взял «из официального, чрезвычайно важного документа, подписанного тт. Сталиным и Лениным». Документ этот—«Декларация прав народов России», принятая Совнаркомом 2 ноября 1917 года. И тов. Мартынов победоносно заключает: «Тов. Вардин обязан теперь доказать, что тт. Сталин и Ленин 2 ноября 1917 года изменили ленинской позиции в национальном вопросе». Совсем не остроумно, совсем не убийственно, тов. Мартынов. Ленин и Сталин подписали и декрет о социализации земли. Этим они измены ленинской позиций в земельном вопросе не совершили. Однако, на том основании, что декрет подписан Лениным, было бы совсем не остроумно приписывать большевистской партии эсеровские аграрные формулы. Советский документ одно, а партийный—другое, тов. Мартынов.

Решающее значение для выяснения интересующего нас вопроса имеет программа нашей партии. Вот что мы там читаем:

«В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетаемых стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение».

После такой формулировки не можем, т. Мартынов, признать за нашу, за партийную—формулу в самом лучшем случае двусмысленную, по существу—меньшевистскую.

Если бы тов. Мартынов неточное выражение употреблял в газетной статье или агитационной речи, это было бы еще терпимо: мало ли какие небрежности допускаем мы в текущей агитации. Но он неточное выражение употребляет в книжке, по которой люди будут учиться, он на этом неточном выражении настаивает, а это уж дело серьезное.

«Ленин,—говорит тов. Мартынов,—перестроил партию на новый якобинский лад». Что это конкретно означает?

В чем основная черта якобинства конца 18-го века? В понимании исторической миссии буржуазии, как класса-гегемона, долженствующего выступить во главе нации против феодализма. В решительной смелой борьбе за власть. В сочетании действий «сверху» с действиями «снизу»—действий диктаторской власти и широчайшей революционной массы. В беспощадной террористской борьбе против всех врагов революции.

В мае 1904 года—ровно 20 лет назад—Ленин заявляет: «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ». Что это означало? В каком виде представлял Ленин якобинство 20-го века? В виде партии пролетариата, сознавшего свою историческую миссию, как класса-гегемона, класса-руководителя всеми трудящимися массами. Эта якобинская партия должна была повести рабочий класс к беззаветной борьбе за власть, должна была научиться—как правильно отмечает и тов. Мартынов—сочетать действия «снизу» с действиями «сверху», беспощадно, «плебейски» расправиться со всеми угнетателями. Вот что было главное у Ленина. У якобинцев конца 18-го века он мог научиться не построению партии, а беззаветной революционной смелости, героизму, способности и дерзанию поднять на свои плечи великую историческую тяжесть... И Ленин, ведь, не ошибся: после Великой Французской Революции до Октября не было настоящей социальной революции.

Как ставит вопрос тов. Мартынов? В основном он в 1924 году повторяет мысли, высказанные в 1905 году. В своей книжке «Две диктатуры» тов. Мартынов писал:

«Главную добродетель пролетариата он (Ленин) видел в «пролетарской дисциплине», понимаемой не в высоком, социал-демократическом смысле этого слова, а в смысле фабричном, казарменном (курсив мой, И. В.) в смысле готовности подчиниться партийному центру... Это, как Плеханов выразился, теоретическое «грехопадение» Ленина, несомненно, объясняется его практическими якобинскими тенденциями»... (Стр. 10).

Значит, суть вопроса в том, что «практический якобинизм» влияет на характер построения партии. Но причем здесь Марат и Робеспьер? Совершенно не при чем, и тов. Мартынов поясняет:

«Я говорю здесь не о якобинцах эпохи Великой Французской Революции и Конвента, а об их позднейших подражателях, якобинцах-заговорщиках, которые в некоторых отношениях представляли каррикатуру на великих якобинцев».

Вот кто, по тогдашним взглядам тов. Мартынова, вдохновлял Ленина в его партийно-организационной политике: не «великие якобинцы», а «якобинцы-заговорщики». В другом месте своей брошюры тов. Мартынов говорит об «якобинской бакунистско-нечаевской организации», которая, по его мнению, дала «совершенно точный прообраз ленинского организационного плана». И когда теперь тов. Мартынов снова говорит о том, что Ленин «перестроил партию на новый, якобинский лад», то это утверждение по существу является воспроизведением старых взглядов тов. Мартынова. «Якобинский лад»—это означает—«бакунинско-нечаевский» (и ткачевский?) «лад». И в 1905 и 1924 году у тов. Мартынова одинаковое понимание, вернее, непонимание природы нашего партийного механизма. Но отношение разное: в 1905 г. он очень осуждает «якобинский лад», в 1924 году—очень его одобряет.

Ленин не строил никакой сверхъестественной партии, он не устанавливал никакой необычайной внутрипартийной диктатуры. Он строил подпольную партию, способную к руководству в борьбе, он опирался на добровольцев-единомышленников, добровольно подчинявшихся самой строгой дисциплине; добровольно подчинявшихся своему ЦК. Тов. Мартынов думает, что раз в подполье партия строилась сверху (а когда она не строится сверху—от съездов, ЦК, областных конференций и т. д.?), то, значит, в ней господствовал авторитарный принцип. Непонимание, полное непонимание, тов. Мартынов. Вот вы в брошюре цитируете прекрасные строки из «Что делать»: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки... Мы соединились по свободно принятому решению»...—цитируете эти чудесные строки и не понимаете, что нельзя итти, «крепко взявшись за руки», если эти руки не скрепляет великий порыв, величайшее братское доверие. Вы говорите об «якобинском ладе» и понятия не имеете о том, что означала для подпольной партии Надежда Константиновна Крупская, к которой протягивались истинно братские нити со всех концов страны...

Если бы наша партия попыталась утвердиться на «якобинском» «режиме диктатуры», она никогда не стала бы первой пролетарской партией мира. История получила бы пример еще одной бланкистской, нечаевской заговорщической организации, но на якобинский организационный «лад» партию, подобную большевистской, построить было бы невозможно. Ленинская партия вобрала в себя все ценное из организационной практики английского, французского, германского рабочего движения, обогатила опыт этих стран опытом борьбы российского рабочего класса. На-ряду с чертами «якобинизма» наша партия восприняла и черты германского социал-демократического движения. Большевизм и в организационном отношении означает не копирование эпигонов якобинства, а использование, гигантское обога-

щение, широчайшее развитие на новой основе старых форм политической борьбы всемирного пролетариата.

Организованные черты «якобинизма» в нашей партии вопреки тому, что всегда говорили меньшевики, никогда не господствовали. Вот почему даже в подполье она была во много раз демократичнее любой английской, французской, американской легальной парламентской буржуазной партии, где кучка вождей решает все вопросы, а масса членов партии не знает ничего. Партия пролетарских якобинцев 20-го века, партия диктатуры и стальной дисциплины—самая истинно-демократическая партия в мире. Кто этого не понимает,—тот еще не стал большевиком.

* *
*

Совершенно естественно, что тов. Мартынов, в течение десятилетий боровшийся с большевизмом, за два года пребывания в нашей партии не успел избавиться от всех старых ошибок. Эти ошибки, при их обнаружении, партия будет отмечать, а тов. Мартынов, на наш взгляд, должен их исправлять, а не «углублять». Не всякая ошибка может быть опасной. Но всякая «углубленная» ошибка таит в себе ряд больших опасностей.

Петров.

С „исправленным“ Марксом против коммунизма.

(По поводу второго издания книги: **А. Богданов и И. Степанов.** «Курс политической экономии». Том II. Выпуск 4-й. «Общая теория капитализма. Коллективистический строй». Издание 2-ое, переработанное и дополненное. Госиздат. 1924. Стр. 360. Тираж 10.000 экз.).

До сих пор у нас как-то мало обращалось внимания на то, что экономическая теория А. Богданова резко отличается в целом ряде кардинальнейших пунктов от общепризнанных марксистских положений, что в лице А. Богданова мы имеем представителя совершенно иной системы взглядов, чем ортодоксальный марксизм. Отношение к работам А. Богданова скорее создалось как-раз обратное: они печатаются за советский счет, распространяются в громадном количестве экземпляров, рекомендуются в партшколах и вузах, как учебники, и т. д.

Какова причина столь печального недоразумения,—трудно сказать. Вернее всего—много причин: и отсутствие на русском языке более разработанного руководства по политической экономии; и сотрудничество с А. Богдановым в его экономических работах коммунистов И. И. Степанова и Ш. М. Дволайцкого; и несомненный талант Богданова в изложении предмета, и мн. др. Во всяком случае учебники по политической экономии А. Богданова до настоящего времени у нас фактически «вне конкуренции» и являются наиболее ходовыми, наиболее распространенными. Кто не знает «Курса политической экономии», или «Краткого курса экономической науки», или «Начального курса политической экономии», или «Введения»? А между тем, целый ряд основных положений, на которых построены эти работы, абсолютно неприемлемы для ортодоксального марксиста; не менее неприемлемы, чем философские взгляды Богданова, на которые так обрушился в свое время тов. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме».

Хотя в предисловии к первому изданию «Курса политической экономии», помеченном 1918 годом, заявлялось: «Выпуск этот написан А. Богдановым; редактирован, конечно, обоими авторами»; второе издание как переработано, так и редактировано, повидимому, одним А. Богдановым. Об этом можно судить на основании предисловия к настоящему изданию, в котором А. Богданов всюду говорит только от своего лица. Об этом в еще большей степени можно судить на основании целого ряда «поправок» и «дополнений», внесенных во второе издание: антикоммунистический и ревизионистский их характер слишком определенен, чтобы авторство работы могло быть приписано коммунисту. Надо думать, что находящаяся на обложке марка «А. Богданов и И. Степанов»

на данное издание перешла с предыдущего просто в силу инерции, так же, как и сама книжка в переделанном виде продолжает носить прежнее заглавие, считаясь, как ранее, 4-м выпуском II тома «Курса» *).

Может - быть, появление в свет «переработанного» и «дополненного» «Курса политической экономии», в котором Богданов - экономист встает перед нами, так-сказать, в «сконцентрированном» виде, заставит отнестись к нему иначе, чем у нас обычно относились к распространенному и пользующемуся слишком благосклонным вниманием первому изданию. Сколь бы ни были «покладисты» коммунисты, но должен же быть, наконец, предел их «терпимости», должны же они когда - нибудь заявить протест против беспардонного опошления и упрощения экономического учения Маркса! Должны же они, наконец, увидеть, что богдановская «обработка» Маркса годится только для нападения на его дело—на коммунизм!

Если до сих пор богдановский ревизионизм как-будто не выходил из рамок «теории», то ныне он призывается служить «практике». Система «поправок к Марксу» и «новых толкований» рано или поздно обнаруживает себя как враждебная пролетариату идеология. Но если она вначале, когда не выходит за рамки «теретических» вопросов, не всем еще представляется в своем истинном виде, будучи замаскирована грудой, якобы, научных доводов, то при своем «развитии» вынуждена договорить все до конца, поставить все точки над «и». Извращение методов Маркса начинает приносить достойные плоды.

Если до сих пор не все еще марксисты давали себе отчет, что в лице А. Богданова мы имеем дело с кардинальным извращением Маркса; если до сих пор Богданов - экономист, вместо надлежащей критики встречал с нашей стороны отношение какого - то безразличия и безучастия, то теперь эти времена прошли. Появление второго, «переработанного» издания «Курса» **обязывает** нас так или иначе реагировать на него.

Гвоздем книги, безусловно, можно считать вновь введенную главу «Военно - Экономические формации»,—главу, предназначенную А. Богдановым для экономического «объяснения» (вернее, «разоблачения») системы коммунизма, как она выявилась после Октябрьской революции у нас, в Советской России. Эта глава целиком политическая, хотя и преподнесена под экономическим соусом. Очень тонко, с чисто - меньшевистской вкрадчивостью, А. Богданов проводит свой «анализ» нашей борьбы за социализм, не все договаривает до конца, но, во всяком случае, действует достаточно «толково», чтобы у неискушенного читателя—студента, губпартшкольца и т. д. создать чисто - нэповское представление о коммунизме.

На первый взгляд может показаться неожиданным этот выпад против коммунизма, даже для тех товарищей, которые знают, какую антисоветскую позицию А. Богданов занял после Октября. Наша публика, в особенности учащаяся молодежь, слишком привыкла считать его экономические работы 100%-ым марксизмом. Однако, в том - то и дело, что в экономической теории не менее, чем в философии, Богданов уже

---

*) **От редакции.** Мы уполномочены заявить, что тов. Степанов в составлении и редактировании второго издания 4-го выпуска не принимал решительно никакого участия.

давно подверг Маркса «пересмотру» снизу доверху, в первую очередь «пересмотрев» его метод.

Занятые по горло разрешением животрепещущих практических задач, мы просмотрели разлагающее влияние богдановской «методологии», и уже теперь можем заметить кое - какие отрыжки «богдановщины» в новейших проектах программ политической экономии. Нам некогда было заняться критикой этого quasi - марксизма и выровнять по отношению к нему свою собственную линию. Но теперь мы не только должны, но вынуждены этим заняться.

Работа критики облегчается тем, что в новом издании мы находим специальное «Методологическое введение», где расхождение Богданова с марксизмом представлено в наиболее отчетливой форме. Внешне глава посвящена вопросу о том, является ли теоретическая экономия наукой специально для капитализма, излишней для других общественных формаций, или она нужна и для них. По существу же она трактует вопрос о содержании Марксовой методологии.

Присмотримся в первую очередь к этой «методологической» главе.

*
* *

В главе о «Месте теории капитализма в экономической науке» А. Богданов утверждает, что неправильно считать политическую экономию только теорией менового общества или теорией капитализма: Этот этап (капитализм) должен быть изучаем лишь «с гораздо большей обстоятельностью, чем другие» (стр. 19), но и только. В общем же и целом, политическая экономия, по мнению Богданова, всецело растворяется в «экономической науке». «Для нас,—говорит он,—теория капитализма представляет лишь аналитический момент в одном из этапов единой экономической науки» (стр. 19).

Для вящшей убедительности своего похода против политической экономии, А. Богданов пытается привлечь на свою сторону самого Маркса.

> «Маркс первоначально, кажется, даже не хотел сохранять за новой наукой старое обозначение. Он назвал свою работу «Капитал» критикой политической экономии, без всякого пояснения; а при ниспровергающем характере его критики это всего скорее можно понять в смысле **отрицания политической экономии** вообще, как науки буржуазной, которая одна до Маркса носила это имя. Но старый термин удержался, его применяют и к новой науке, несмотря на его исторические, и даже собственно филологические недостатки: ведь, не о «политике» в теперешнем значении этого слова идет в ней дело. А вместе со старым термином удерживаются и некоторые старые недоразумения.
>
> Одно из них для нас в данный момент особенно важно; оно относится **к определению самого предмета политической экономии**: многие марксисты (Гильфердинг, Бухарин и др.) понимают ее именно как теорию капитализма, или, общее, товарного хозяйства, но и только его» (стр. 9—10).

Прежде всего необходимо разобраться, какое «методологическое» значение имеет этот поход А. Богданова против политической экономии, как теории капитализма? Только ли здесь вопрос о названии, об его исторических и филологических недостатках, или что-то большее?

Из подчеркнутых мест в только-что приведенной цитате видно, что вопрос идет об «определении самого предмета политической экономии».

Должна ли теоретическая экономия иметь предметом своего исследования то своеобразие проблем, которые впервые возникают лишь в товарно-капиталистическом обществе, или нам нужна только «экономическая наука», изучающая общие законы экономического развития общества? Уже отсюда явствует, что А. Богданов клонит в сторону подмены предмета марксистской политической экономии.

Значит, не столь уж невинным должен нам представляться богдановский поход против теории капитализма: он означает, по существу, подстановку для теоретической экономии иных задач, чем какие поставил Маркс. А это не может не означать еще большего расхождения в вопросе о методе исследования.

Конечно, мы не собираемся сказать, что А. Богданов уделяет капитализму недостаточно внимания.—Если говорить о количественной стороне, то, скорее, надо признать обратное; ведь, рассматриваемая работа даже носит заглавие «Общая теория капитализма». Вопрос заключается в другом: не выбрасывается ли вместе с политической экономией, как теорией только менового общества, тот особенный метод, которым Маркс исследовал законы этого общества? Посмотрим, как у А. Богданова обстоит дело с Марксовым методом исследования.

Увы!—он оказывается «видоизмененным» до неузнаваемости. Ведь, А. Богданов считает, что

> «теория капитализма представляет лишь аналитический момент в одном из этапов единой экономической науки, исторической в своем целом, по своему основному характеру» (стр. 19).

Растворение «теории капитализма» в «экономической науке» неизбежно приводит к понятному движению—от более высоких методов Маркса к упрощенным, более элементарным. А. Богданов обязывает свою «экономическую науку» быть «исторической в своем целом, по своему основному характеру». А чтобы застраховать себя от упреков в пренебрежении «теорией», он переводит спор в ту плоскость, что «история народного хозяйства» не может быть научной без «теории», что «всякая экономическая формация подлежит теоретическому анализу» (стр. 17).

Что ж, мы согласны, что всякая «история» должна быть оплодотворена «теорией», именно—теорией исторического материализма. Но значит ли это, что «история» и «теория»—тождественные понятия, покрывают одно другое? Ни в каком случае: история, в отличие от собственно теории, является наукой «идеографического, т.-е. чисто-описательного типа». К числу наук собственно теоретических мы отнесем и «теоретическую экономию» или, как ее чаще называют, «политическую экономию», т.-е. науку о законах товарно-капиталистического общества. Это не значит, что мы ее хотим совершенно лишить «историзма»: было бы большой ошибкой оторвать экономическую теорию капитализма от истории... Однако, вместе с Бухариным мы должны сказать, что «исторический» характер законов политической экономии не превращает последнюю в науку идеографического, т.-е. чисто-описательного типа. Напротив: «в силу теоретико-познавательного своеобразия системы конкуренции, которая приводит с собой как наибольшее число теоретических задач, так и наибольшую трудность их решения, анализ капиталистической действительности представляет особый интерес и придает особый логический вид экономической науке, которая исследует закономерность стихийной жизни современного общества, выводит законы, независимые от сознания людей, «регулирующие естественные законы, на манер закона тяжести, когда над вашей головой обрушивается дом». («Политическая экономия рантье», стр. 49).

Отожествив экономическую «теорию» с «историей народного хозяйства», А. Богданов выхолостил и самый метод экономического исследования, сведя его целиком к методу «исторического сопоставления». Вот несколько «образцов» богдановской трактовки методологии Маркса.

> «В основе марксовского разоблачения фетишизмов товарного общества лежит метод исторического сравнения».
>
> «За теоретическим анализом, как его предпосылка, скрывается историческое исследование» (стр. 14).
>
> «Исходным пунктом всякого «абстрактно-теоретического» построения служит, лишь в обобщенном и упрощенном виде, исторически наблюдаемое соотношение» (стр. 16).

Из этих цитат видно, что А. Богданов преподносит нам в «упрощенном виде» самый метод марксизма—диалектику. Конечно, повторяю, историческая точка зрения является одним из главных требований диалектического метода. Но наша диалектика была бы очень плоска, если бы пользовалась только «методом исторического сравнения», как предлагает Богданов. И прежде всего она была бы лишена способности исследовать специфические общественные отношения капитализма, исходя из его собственной основы. Правда, упрощалась бы и самая задача исследователя, но в той же мере и решение задачи становилось бы все более неудовлетворительным.

Поэтому мы считаем правильным противопоставить богдановскому «методу исторического сравнения» диалектический метод марксизма, в следующей, например, формулировке Бухарина:

> «Во-первых, нужно каждую форму общества понять и исследовать в ее своеобразии.
>
> Во-вторых, нужно каждую форму изучать в процессе ее внутреннего изменения.
>
> В-третьих, необходимо каждую форму общества рассматривать в ее возникновении и в ее необходимом исчезновении, т.-е. в ее связи с другими формами».
>
> («Теория исторического материализма», стр. 72).

Исследовать капиталистическую форму общества в ее своеобразии это и значит принять во внимание ее основные черты, отличающие капиталистический «производственный организм» от всякого иного. Ибо исследование капитализма и есть исследование того, что отличает капитализм от всякой другой общественной структуры. Если же мы отвлечемся от этих особенностей, которые типичны для капитализма, то будем иметь дело лишь со всеобщими категориями, пригодными для всяких общественных производственных отношений и потому не объясняющих исторически определенного, совершенно своеобразного процесса развития современного капитализма.

Здесь полезно еще напомнить слова Плеханова о диалектике (см. «Основные вопросы марксизма», стр. 21):

> «Диалектику многие смешивают с учением о развитии и она, в самом деле, есть такое учение. Но диалектика существенно отли-

чается от вульгарной «теории эволюций», которая целиком построена на том принципе, что ни природа, ни история не делают скачков, и что все изменения совершаются в мире лишь постепенно».

Другими словами: постепенно накопляющиеся количественные изменения в определенный момент делают неизбежным «скачок», переход количества в качество. История экономического развития именно через такой скачок и привела человечество к капитализму: достаточно вспомнить процесс первоначального накопления и ряд буржуазных революций. Возникают совершенно новые общественные отношения, качественно иные, правильно понять которые, подходя лишь с прежними методами, невозможно. Своеобразие проблем, которое впервые здесь встают для теоретического исследования, требуют дальнейшего диалектического развития познавательного метода. Абстрактно-аналитический метод Маркса тем и характеризуется, что он адэкватен тому предмету, который исследуется при его помощи,—капитализму. Этот метод и составляет основу и сущность марксистской политической экономии. От него-то и предлагает нам отказаться А. Богданов, сводя все дело к «историческому сравнению».

А. Богданов объявляет особые методы политической экономии, как теории капитализма, не объективными с точки зрения марксиста. На стр. 13-й он говорит:

«Формы мышления, объективные в рамках буржуазных производственных отношений, следовательно, объективные для буржуазной науки. Но объективны ли они для марксистской экономии? Конечно, нет».

И далее очень оригинально «объясняет», как надо понимать известное марксистское положение, что политическая экономия создалась в рамках капиталистических отношений и вышла из них.

«Однако, и она (политическая экономия марксизма) создалась в «рамках» капитализма? Да, она вышла из «рамок» его специфических производственных отношений. Как это возможно?

Исторически это стало возможно потому, что на арену социальной жизни вышел класс, принципиально борющийся против этих специфических отношений; и исследователь, становящийся на точку зрения этого класса, принципиально освобождается от их идеологической власти».

Значит, по Богданову, политическая экономия марксизма вышла из «рамок» капиталистических производственных отношений не тем путем, что она восприняла, усвоила, продолжила, усовершенствовала и завершила методы объективного познания капиталистических производственных отношений, начало которым было положено буржуазными предшественниками Маркса, во главе с классиками... Нет, из «рамок» капитализма вышел класс, «принципиально борющийся против капитализма», т.-е. пролетариат... И вместе с ним на землю впервые снизошла «пролетарская наука»!

Здесь, пожалуй, наиболее ярко у А. Богданова вместо марксистской диалектики выступает метафизика. Последняя, как известно, рассматривает все вещи неподвижными, существующими как «предметы». Диалектика же говорит: «все течет, все изменяется». Каждый «предмет» есть в сущности «явление». В каждую данную минуту он и есть, и не есть. Возьмем «пролетариат»: мы обязаны рассматривать «пролетариат», как «явление», беспрерывно развивающееся, т.-е., во-1-х, развивающееся из чего-то; во-2-х, в каждый данный момент еще не развившееся. Слишком смелым должен быть экономист, чтобы утверждать, что с определенного момента пролетариат уже «вышел», как «класс». И еще большая смелость нужна, чтобы провозгласить полный разрыв между «буржуазной» и «пролетарской» объективностью.

Мы напомним несколько исторических фактов: когда Маркс диалектически завершал дело, начатое классиками, «пролетариат», как класс, не только еще окончательно не сложился, но и идеологически был в плену у буржуазных и добуржуазных мировоззрений; политически и экономически он сплошь да рядом был реакционен (ср. борьбу против машин, против труда женщин и иностранных рабочих, создание общих полу-профессиональных, полу-цеховых союзов вместе с хозяевами и т. д.). Тут уже Богданов ничего не сможет поделать иначе как «упростить» понятие «пролетариат», представить его как нечто оформленное, определенное, неизменяющееся и ему, Богданову, хорошо известное, чтобы дать возможность своему «исследователю» прочной ногой встать «на точку зрения» этого класса. Тут уже без метафизики никак не обойтись.

Не меньше метафизики и во взглядах Богданова на свою «пролетарскую науку». Последняя должна представлять не дальнейшее развитие объективных научных методов, оставленных в наследство буржуазией, а лишь «организовать» материал, собранный буржуазной наукой. (Ср. А. Богданов, «Наука об общественном сознании», стр. 228, 238 и др.). Предполагается, что «пролетарская» точка зрения, под углом которой будет «организовываться» этот материал, уже есть; т.-е. что она или существует извечно, или, во всяком случае, в совершенно оформленном виде родилась, как только «вышел класс». Родилась от «непорочного зачатия», подобно Исусу от девы Марии, без всякой преступной связи с «буржуазною» наукой...

Собственно говоря, более точной датой появления этой «пролетарской науки» надо считать тот момент, когда она в готовеньком виде, как deus ex machina, выскочила из головы А. Богданова. Ибо до Богданова ни «классовой» «пролетарской политической экономии», ни особой «пролетарской культуры» у нас никто еще сколько-нибудь серьезно не пытался культивировать.

Выше мы уже говорили, что Богданов старается привлечь на свою сторону Маркса, заявляя, что он «первоначально, кажется, даже не хотел сохранять за новой наукой старое обозначение».

Конечно, в высшей степени поучительно проникнуть, так-сказать, в духовную лабораторию Маркса и проследить, как развивались и складывались его взгляды. Но при этом надо не забывать одного: весь проделанный наукой, в лице Маркса, тяжелый исследовательский путь может быть правильно понят лишь с точки зрения конечного его результата. Или как говорит сам Маркс:

«Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, избирает вообще говоря, путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается post factum (потом, впоследствии), т.-е исходит из готовых результатов процесса развития».

(«Капитал», том I, стр. 144).

Так именно поступал сам Маркс, когда он писал, например, свои «Теории прибавочной стоимости», где учение всех предшествовавших ему экономистов он разобрал с точки зрения развития учения о прибавочной стоимости, которое окончательно сформулировано было лишь Марксом. Поэтому и в данном случае важно не то, что Маркс «первоначально» хотел сделать,—важно то, к чему он пришел. Пришел же он к тому, что завершил дело, которое начато было с несомненным успехом физиократами и классиками во главе со Смитом и Рикардо. Пришел он именно к созданию политической экономии, как теории капитализма, изучающий капитализм на основе им самим создаваемых отношений. Буржуазия должна была положить начало объективной науке политической экономии, но по объективным же причинам она не могла довести этого дела до конца.

С известного момента исторического развития политическая экономия начинает представлять уже новый класс—пролетариат. Чем более развивается последний, чем более оформленной становится классовая борьба, тем менее объективной становится буржуазная наука, превращаясь в чисто-классовую. Но зато наука находит себе опору в новом классе, единственном, могущем быть объективным,—в пролетариате. По мере того, как последний развивается, становится все более неизбежным, что научная точка зрения совпадает с точкой зрения этого класса, как самого прогрессивного и незаинтересованного в сохранении капиталистического способа производства.

Маркс далеко не так безапелляционно третировал буржуазную политическую экономию, как это делает А. Богданов. Наоборот, он подчеркивает ее высокое научное достоинство, пока у буржуазных ученых была возможность беспристрастного изучения предмета.

> «Поскольку политическая экономия является буржуазной, т.-е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях.
>
> Возьмем Англию. Ее классическая политическая экономия относится к периоду неразвитой классовой борьбы. Последний великий представитель английской классической экономии, Рикардо, сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли, прибыль и земельной ренты, наивно рассматривая эти противоположности, как естественный закон общественной жизни».

Но вот—

> «Буржуазия во Франции и Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной экономии».

(Послесловие ко 2-му изданию I тома «Капитала»).

С точки зрения А. Богданова, не может быть каких-то особых методов в изучении капитализма в отличие от общих методов истории экономического развития в целом. Между тем, вся политическая экономия классиков и их предшественников именно и представляла собой разработку таких абстрактно-аналитических методов, которые должны были бы сделать возможным познание законов менового общества, исходя из его собственной основы. Маркс не только не отбросил этих попыток, но он довел их до конца, очистил от ошибок и обогатил привнесением методов историзма, материализма, диалектики. Как сам Маркс, так и его ученики всегда до сих пор подчеркивали генезис основных категорий марксистской теоретической экономии, их непосредственное примыкание к «предшественникам», главным образом, к классикам.

А. Богданова мало печалит, наконец, и то обстоятельство, что, отрицая теорию капитализма, как особую науку, он убегает с единственного поля сражения, где он может биться со своими противниками (буржуазными экономистами) оружием того же порядка, что у последних: объяснением специфических капиталистических отношений, пользуясь теми объективными научными достижениями, в которых и буржуазия сыграла в свое время не последнюю роль, которые ею принимаются и—плохо ли, хорошо ли—понимаются. Пролетариат не выполнил бы своей исторической миссии, если бы он, последовав совету Богданова, замкнулся в скорлупе своей собственной «пролетарской науки», вместо того, чтобы пойти и разгромить буржуазную, переставшую быть объективной, «науку» в ее собственном лагере.

Теперь еще несколько слов о методе трактовки в экономических работах А. Богданова. Одна из отличительных черт последнего заключается в том, что он всегда готов дать читателю законченное определение любого вводимого им понятия. В то время как Маркс с самого начала вводить читателя в сферу высочайших абстракций, которыми и оперирует с первой до последней страницы своих экономических работ, А. Богданов, можно сказать, ни на минуту не отходит от конкретного материала, слепо следуя за ним, лишь «упрощая» и «обобщая» его. Конечно, изложение, благодаря этому, делается легко и удобо-читаемым: конкретное, хотя бы и по-богдановски «упрощенное», всегда легче дается, чем абстрактное...

Это очень удобно для читателя, это подкупает, но правильно ли это, как метод? Сопоставим его с методом Маркса: если вы находите у А. Богданова в готовом виде определение категорий «капитал», «стоимость» и т. д., то у Маркса вы их не найдете, или, вернее, найдете их в разных местах в виде частичных определений (напр.: «Капитал не есть вещь, а общественное отношение, опосредствованное вещами», стр. 790; «Деньги и товары отнюдь не являются капиталом сами по себе», стр. 736, и т. д.). Лучше сказать, все труды Маркса есть одно целое развертывание и определение его основных категорий, введенных им с самого начала в исследование. Именно в этом—секрет невероятной мощи, заключенной в работах Маркса, и именно этим качеством не отличаются работы А. Богданова.

Если уж оценивать Маркса со стороны изложения, то следует сказать, что более всего силен он там, где наименее конкретизирует, где он более абстрактен.

По поводу некоторых неудачных толкователей Маркса Энгельс заметил в предисловии к третьему тому «Капитала», что они впадают в недоразумение, когда думают, будто Маркс дает определение нам, где он в действительности развивает, и не понимают того, что «у Маркса вообще пришлось поискать точных, готовых, раз навсегда составленных определений».

Недостаток места заставляет нас опустить целый ряд ложных утвер-

ждений А. Богданова, коими переполнено его «Методологическое введение», да и вся книга. Лишь упомянем его «оригинальный» «закон населения», «теорию социального приспособления», определение понятия «производительный труд» и т. д., и т. п. Упомянем также его положение что политическая экономия должна охватывать не только все имевшие до сих пор место общественные формации, но обязана даже разработать «экономически-организационную теорию» для будущего общества; непризнание этой богдановской истины должно, будто бы, приводить к кризисам, подобно поразившему национализированную промышленность в Советской России после 1920—1921 гг. (см. стр. 18—19). Богданову постоянно приходится при этом то явно, то потихоньку «разъяснять» Маркса, ссылаясь на недоразумения в марксовом тексте и т. д. (стр. 28, 169 и др., ср. его «Философию живого опыта»). Однако, для критики богдановского ревизионизма по всему фронту нужна особая работа. Поэтому мы ограничимся изложенным и перейдем к другой интересующей нас главе, показывающей нам ревизию Маркса «в практическом применении».

* * *

Введенная во второе издание книжки новая глава «Военно-экономические формации» заслуживает особого внимания нашей партии, так как всей тяжестью она направлена против нее. В ней дается «теоретическое» объяснение системы «военного коммунизма», системы советов и т. д.,—одним словом, всего того, что мы до сих пор считали марксизмом, претворенным Лениным в практику.

Какими же чертами характеризует А. Богданов систему коммунизма?

Во-1-х, «военный коммунизм трудовых классов», т.-е. наш период «военного коммунизма» 1918—21 гг., ставится им на одну доску с системой «военно-государственного капитализма» Германии, как вещи совершенно одного и того же порядка. И в том, и другом случае мы имеем, по Богданову, «внедрение в капитализм элементов военного коммунизма» (стр. 256). И тот, и другой находят у него совершенно одинаковое объяснение—в катастрофе и в строении современной армии. И тот, и другой определяются как «коммунизм крайности», как «осадный коммунизм», как «социализм дележа» и т. д.

> «В осажденных городах создается» «осадный коммунизм»: если угрожает неопределенно долгое прекращение всякой доставки продуктов, то власти, *хотя бы политически и самые консервативные*, вынуждаются организовать равномерное распределение, конфискуя частные запасы» (стр. 257).

Итак, «военный коммунизм» разъяснен: это не ступень к социализму, для него не диктатура пролетариата характерна,—характерно только «осадное положение». Точно такой же «осадный коммунизм», по А. Богданову, случается, когда корабль попадает на рифы у пустынного острова, «как бы ни было велико уважение капитана, экипажа и пассажиров к принципу частной собственности». Такой же «осадный коммунизм», не более, наблюдался, будто бы, в Парижской Коммуне (хотя известно, что последняя совершенно не знала сколько-нибудь значительных продовольственных затруднений и, тем не менее, декретировала выборность всех органов управления, снижение высоких окладов

чиновников до уровня заработка рабочего, заменила парламент единой законодательно-исполнительной корпорации и т. д.).

Таким образом, величайшее всемирно-историческое значение периода военного коммунизма, как первого этапа нашей социалистической революции, замолчано, смазано. Богдановская характеристика, наоборот, внушает мысль о случайном и преходящем характере начатого социалистического строительства вообще. Не может же «социализм», выросший из «осадного положения», быть долговечным!

Во-2-х, А. Богданов старается объяснить «военный коммунизм» исключительно как «коммунизм потребительский», производя его от «потребительско-коммунистической организации армии». Последняя-де во время войны достигала 10%—15% ко всему населению.

> «И вот с армии элементы потребительского коммунизма стали постепенно распространяться на все общество» (стр. 259).

И лишь в силу того, что «коммунистическое» распределение оказывается бессильным без соответствующего регулирования производства, «коммунистический принцип простирает свое влияние и на сферу производства» (стр. 260).

Итак, согласно Богданову, произведенная нами национализация производства может быть понята лишь в рамках «осадного коммунизма». Очевидно, что теперь она является анахронизмом, плодом недоразумения и лишь ждет своей отмены... Иного вывода у неискушенного читателя не может закрасться в голову от тонко и тщательно сформулированных положений А. Богданова.

В-3-х, мы находим в книжке совершенно недвусмысленный выпад А. Богданова против методов внешней политики советов, которую он характеризует как «антисоциалистическую».

> «Антисоциалистическим моментом постановки задачи следует признать и тенденцию к национально-государственной «автаркии», к тому, чтобы обходиться по возможности без продуктов других стран, устранить международную экономическую взаимозависимость. Социализм же, в современном его понимании, невозможен вне связи мирового хозяйства, или, по крайней мере, большей его части, — масштаб, который должен гарантировать не только действительную и нормальную автаркию, но и безопасность от милитаристической борьбы со стороны отсталых организаций» (стр. 262).

Следовательно, во-первых, социализм, даже в переходной форме диктатуры пролетариата, «невозможен вне связи мирового хозяйства», и у нас, очевидно, не диктатура пролетариата, а одно недоразумение, в котором социализмом даже и не пахнет. Во-вторых, практикуемый нами «социалистический протекционизм», который мы считаем единственно возможной формой внешней экономической политики в период всеобщего протекционистского увлечения, в эпоху экономического наступления финансового капитала, надо упразднить, как «антисоциалистический» и заменить, очевидно, миролюбивой «свободой» торговли.

Что такая концепция марксизмом и не пахнет,—понятно само собой. Но приведенная цитата содержит в себе еще одну неправильную мысль, именно, что социализм невозможен иначе, как в мировом масштабе. Как полное осуществление идеала, это верно, однако, спор заключается в другом: должен ли социализм сразу начать свое существование «в мировом масштабе», или, по крайней мере, в масштабе «большей его части»? Возможен ли переход на сторону социализма сначала всего лишь

одной страны, которая будет противостоять, таким образом, всему капиталистическому миру? Судя по Богданову, об этом и говорить нельзя, и, следовательно, наш Союз ССР называется «социалистическим» опять-таки неправильно...

Поучительно противопоставить «теории» А. Богданова мысль, высказанную Лениным по данному вопросу еще в 1915 году, за два года до Октябрьской революции:

> «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, стал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая, в случае необходимости, даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств».
> (Н. Ленин. «О лозунге Соединенных Штатов Европы», напечатано в «Соц.-Дем.», № 44, от 23 августа 1915 года; цитировано по сборнику «Избранные речи и статьи», т. II).

Гениальный вождь коммунизма еще задолго до революции предвидел то положение, в котором находится наша борьба за социализм сейчас. А ослепленные ненавистью к коммунизму меньшевиствующие «экономисты» даже теперь не в состоянии разобраться в обстановке. Вот куда скатываются герои «поправок» к марксизму!

В-4-х, апогея своего А. Богданов достигает, когда начинает давать классовую характеристику системе пролетарской диктатуры в России и других советских странах. Она, оказывается, менее всего пролетарская, на самом же деле—крестьянская!

А. Богданов буквально утверждает следующее:

> «От трудового блока Парижской Коммуны новейший коммунистический блок резко отличается участием крестьянских низов. Во Франции буржуазия повела за собой крестьянство и его силой подавила Коммуну. В России, напротив, крестьянская в большинстве своем армия разгромила господствующие классы, и вообще главные массы крестьянства поддерживали Советскую власть...
> Венгрия, где советская власть держалась больше четырех месяцев и без внешнего вмешательства имела бы все шансы вообще удержаться, есть страна, подобно России, экономически отсталая и потому особенно пострадавшая от войны, притом тоже с преобладанием крестьянского населения и с сильным еще до войны аграрным движением.
> Бавария — наиболее крестьянская из стран Германии» (стр. 265, 266).

Ни слова о рабочем движении как определяющем моменте нашей революции. Указание на то, что пролетариат стал руководящей силой, отсутствует даже в той глухой форме, как это сделано Богдановым в последнем издании «Науки об общественном сознании». Полное замалчивание факта пролетарской диктатуры, полное умолчание факта крушения собственно крестьянских движений и мелкобуржуазных партий: эсеров, меньшевиков, «зеленых», «учредилки» и т. д.

Зато подчеркнуто «участие крестьянских низов». Подчеркнуто столь энергично, что опять-таки у неискушенного читателя создается концепция нашей революции, как революции буржуазной, крестьянской, но не пролетарской.

* * *

Итак, устами известнейшего экономиста-писателя, «марксиста», дана исчерпывающая экономическая, историческая и классовая характеристика системы советов, системы коммунизма. Характеристика определенная, недвусмысленная, хотя и очень хитро проведенная под маской «марксизма», объективности, исторического беспристрастия.

Теперь становится до очевидности ясным, с какой идеологией в лице А. Богданова мы имеем дело, какая значительная пропасть отделяет последнего от марксизма.

В области философских вопросов это, собственно, давно стало бесспорным местом. Своим «Эмпирионизмом», «Тектологией» и «Философией живого опыта» А. Богданов много лет назад уже отмежевался от школы Маркса. Надгробное напутствие над ним давно уже прочтено—взять работы Ленина, Деборина, Плеханова. И только наше пренебрежение «теорией» позволяло до сих считать Богданова-экономиста марксистом.

Исследователь, отказавшийся от диалектики Маркса, становится метафизиком. Лишая свою «науку» единственно научного метода, он не может более служить пролетариату. Наоборот, он *должен объективно* теперь оформлять сознание каких-то других общественных групп, враждебных рабочему классу. Он должен «критиковать» и «разъяснять» пролетарскую революцию, объективно работая тем самым против нее.

Развивается классовая борьба, начинается полоса революций... Передовая часть рабочего класса мобилизует все силы для закрепления одержанной победы... Марксизм полностью оправдывает себя, как программа революционного действия... Какое отношение может вызывать к себе революция со стороны тех, кто опошлил, «упростил» Маркса, отошел от него? Ничего, кроме бешеной ненависти. Последняя начинает руководить пером «ученого» и превращать «науку» в средство борьбы с революцией.

Мы должны признаться, что недостаточно оценивали до сих пор всю опасность меленьких теоретических расхождений и уклонов. Теперь лишний раз мы можем увидеть, как далеко эти расхождения ведут на практике.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Пауль Фрейлих.

Политические партии Германии и выборы в рейхстаг.

Успех Г. К. П.

ГКП вступила в избирательную борьбу при неблагоприятных условиях. Подъем, оживлявший партию в прошлом году, сильно спал. Всеобщая симпатия пролетариата и средних слоев уменьшилась, частично даже перешла к крайней правой. Партия пережила долгий тяжелый период подполья. Это, конечно, сильно подорвало ее организацию. К этому еще прибавились аресты, оторвавшие от работы тысячи лучших товарищей. Руководящие силы партии должны были перегруппироваться, отчасти вследствие преследований, а также и вследствие новой ориентации партии. И это также вредило работе во время переходного периода. Нельзя отрицать и того, что в партии отчасти под впечатлением партдискуссии, отчасти, как реакция против прежнего перенапряжения сил, наступила опасная пассивность. Спорадически даже высказывалось мнение, что партия не должна участвовать ни в выборах, ни в парламентской работе,—мнение, являвшееся возвратом к уже покинутой точке зрения; в других областях подобный возврат вспять выявился еще резче. Запрещения газет (например, «Роте Фане») не прекращались даже во время выборов. К этому еще присоединилось известное успокоение рабочего класса. Правда, за последнее время шла тяжелая борьба за 8-часовой рабочий день и повышение заработной платы. Но уже не было бродила—постоянно падающей валюты. Безработица сильно уменьшилась. Хотя положение рабочих и плачевное, все же наступила стабилизация, несколько успокаивающая их. До известной степени удовлетворена потребность, постоянно живущая в широких пролетарских массах,—потребность в новых иллюзиях, позволяющих верить, что на почве капитализма еще возможно длительное улучшение их положения.

*) Помещаемые ниже статьи тт. Фрейлиха, Трена и Реммеле написаны для журнала «Коммунистический Интернационал» и печатаются в № 3—4 названного журнала. Мы эти статьи печатаем с разрешения редакции «К. И.». По техническим причинам статьи нами несколько сокращены.

Редакция.

Все эти обстоятельства привели к значительному усилению социал-демократии. Она ликвидировала свои внутренние неурядицы и, хотя бы временно, в ожидании выборов, объединила правое и левое крыло после того, как улегся спор о мандатах. Совместно они выступили с непревзойденной демагогией. Если верить им, руки их не были запятнаны кровью империалистской и гражданской войны, а сами они были совершенно неповинны в диктатуре генералов и крупного капитала. Напротив, эта партия разыграла роль защитницы рабочего класса, за которую, видите ли, нужно голосовать для спасения ею же уничтоженного 8-часового рабочего дня и демократии. Добиваясь этого, она, как всегда в опасные для нее моменты, действовала, «разоблачая» ГКП. Избирательная атмосфера была насыщена «холерными бациллами», поднимался призрак германской чека, с кинжалом за голенищем, бомбами в карманах брюк и пулями дум-дум в револьвере. Даже Макса Гельца использовали, как козырь, против ГКП, изобразив его раскаявшимся грешником.

Разумеется, в партии уже давно задумывались над возможным исходом выборов. Почти все время рассчитывали на 50 мандатов, а в последние недели полагали, что и этот расчет слишком оптимистичен. Серьезные расчеты буржуазных газет приходили к тем же выводам. Если партия получила $3^3/_4$ миллиона голосов и 62 мандата, то это можно считать значительным успехом. Учитывая все условия, при которых происходили выборы, можно сказать, что этими $3^3/_4$ миллионами коммунистических избирателей мы обязаны отнюдь не благоприятной конъюнктуре. Эти избиратели составляют массу, доверие которой к ГКП прочно завоевано. Это является плодом нашей работы и нашей борьбы.

У нас нет оснований почить на лаврах, констатировав этот факт. Как бы он ни поднимал нашу самооценку, как бы он ни усиливал наше влияние и наш престиж,—у нас все же еще нет оснований для ликования. Результат выборов даст нам целый ряд жестоких уроков.

Дробление на партии.

Иностранные товарищи прежде всего поразятся тому, что в выборах участвовало 25 партий. К утешению их можно сказать, что в действительности раздробленность зашла гораздо дальше. Дело в том, что по отдельным избирательным округам имеется большое число мелких партий, объединившихся на время выборов с другими партиями и поэтому не фигурирующих в общем итоге. Это раздробление является показателем глубокого социального разложения германского народа. Политика банкротства порождает в недрах старых партий оппозиционные течения, стремящиеся к самостоятельности. Это проходит всюду красной нитью.

От германской национальной партии откололись «народники». От германской народной партии незадолго до выборов откололось правое крыло тяжелой индустрии, образовав национально-либеральную партию, заключившую союз с националистами. Партия центра все более подпадает под опеку юнкеров и королей угля. Это привело к возмущению в ее мелкобуржуазной и пролетарской части, в результате чего была сделана попытка образования христианской рабочей партии. В буржуазных кругах, особенно среди интеллигенции, царит недовольство против монархизации Германской республики. Поэтому в противовес демократической образовалась республиканская партия. Она явилась утешительным доказательством того, что в Германской республике имеется 47.000 республиканцев. Есть и еще новые партии. Так, например, образовалась партия наемного труда. Ее физиономия еще не вполне выяснилась, как и самое название ее довольно туманно. Она выросла из слоев служащих, преследует, главным образом, профессиональные цели и является до некоторой степени протестом против политики амстердамцев. Далее, имеются политические шарлатаны, собирающие вокруг себя партии. Более или менее серьезно еще можно отнестись к «союзу безденежного хозяйства и свободной страны», который стремится осуществить валютные идеи Сильвио Гезелля, являющиеся попыткой почистить шкуру капиталистам, вместо того, чтобы убить зверя и шкуру с него содрать, но венцом всего является так-называемый союз рейхсвера. Он объединяет приверженцев «пророка» Хейсера, претендующего на диктаторство, о котором нельзя наверное сказать, является ли он авантюристом или сумасшедшим, или тем и другим вместе. Чего он собственно хочет, он еще ни разу не сказал на понятном человеческом языке. Но тот факт, что за него голосовало 24.000 избирателей, доказывает, до чего глубоко расшатана психика немецкого народа. Открыто распространяются самые нелепые суеверия, настоящий политический дадаизм. Результаты выборов показывают, что вся эта партийная мелкота потерпела поражение. Перейдем теперь к анализу цифровых данных.

Буржуазные партии.

Начнем с рассмотрения буржуазных партий. С небывалой ясностью выявляется сдвиг вправо. Германская народная партия потеряла треть, демократы—больше четверти своих голосов. Баварская народная партия также потеряла 230.000 голосов. Зато германские националисты выиграли 1,5 миллиона голосов, и вновь возникли две сильные правые партии—«сельский союз» (Тюрингия, Баден) с полумиллионом и «народники» (фашисты) с 2 миллионами голосов. Всюду утверждали, что фашисты потерпели поражение; даже в нашей партии высказываются такие мнения. «Роте Фане», например, в статье от 6-го мая пишет:

«Результаты выборов показывают, что партия частично направила свои силы в ложном направлении. Мы боролись против призрака фашизма, как такового, и просмотрели, что «народническое» движение со своим гитлеризмом, своими революциями в пивных, своими людендорфскими уловками, нелепым антисемитизмом, националистическим боевым криком против Франции, никем уже не принимаемым всерьез, своей развращенностью, шаткой парламентской тактикой—уже сильно скомпрометировало себя. Кто-то сказал: Тирпиц победил Людендорфа. Это только внешнее впечатление. Крупно-капиталистические аграрные бароны тяжелой промышленности и умеренные мелкобуржуазные националисты, идущие за ними,—вот кто победил Гитлера, победил в корне испорченное мещанство. Германские националисты, а не народники, повлекли за собой и потащили на выборы мещан, далеких от политики женщин, мелкобуржуазно настроенных рабочих. Это весьма важный симптом политического положения и серьезный урок для партии, требующий перегруппировки сил: фронт должен быть повернут против германского националистического крупного капитала, а не против мелкой буржуазии».

Этот взгляд мы считаем опасным. У нас нет оснований так легко относиться к народническому вопросу, т.-е. к фашизму. Несколькими легкомысленно брошенными замечаниями нельзя покончить с движением, сразу захватившим 2-миллионную массу. Конечно, перед демагогами-фашистами встанут адские трудности, как только потребуются практические решения. За последнее время они без успеха пытались обойти рабочих обещаниями, несмотря на то, что они состоят на содержании у крупного капитала, против которого они метали гром и молнии. Пользующиеся наибольшим влиянием лидеры их, будучи крайними реакционерами, так тесно связаны с капитализмом, что, конечно, не смогут сдержать ни одного из данных обещаний. Они сами будут попирать ногами интересы мелкой буржуазии. Опыт должен показать, не слиняет ли их национализм от необходимости парламентаризма. Есть серьезные основания ожидать раскола в фашистском движении. Но он может принести нам пользу лишь в том случае, если мы ни на минуту не ослабим своего внимания по отношению к фашизму и усилим направленную против него деятельность.

То, что в приведенной цитате сказано о германской национальной партии, можно считать правильным. Но при этом заявим, что эта партия, или хотя бы одно крыло ее, ничем не отличается от фашистского движения, и что именно поэтому ей удалось завоевать симпатию «испорченного мещанства», далеких от политики женщин и мелкобуржуазно настроенных рабочих.

Практически борьба против германской национальной партии выразится, главным образом, в усилении сельской пропаганды. Дело в том, что партия пользуется наибольшим влиянием в зе-

мледельческих провинциях, например, в Померании (здесь 50% всех голосов отдано за националистов), во Франкфурте-на-Одере (40%), в восточной Пруссии (40%), в Потсдаме (Бранденбургская провинция 32%), в Лигнице (Силезия 30%), Блеславле (29%), Мекленбурге (20%). Этой партии удалось также в большей степени, чем прежде, привлечь на свою сторону мелкую городскую буржуазию; за исключением католических областей, она почти везде стоит первой в ряду буржуазных партий.

Фашисты, напротив, в некоторых индустриальных областях пользовались большим успехом, чем в земледельческих. Это видно из следующих цифр: Тюрингия дала фашистам 242.000 голосов, Франкония (Бавария) — 164.000, Ганновер — Брауншвейг — 83.000, Цвикау — Хемниц — 7.100, Лейпциг—55.000, Мерзербург—Галле—62.000. Все эти цифры заставляют призадуматься.

Из всех правительственных партий один только клерикальный центр сохранил свою прежнюю численность. В течение многих поколений он держит под своим влиянием значительные массы рабочих; несмотря на гнусную политику этой партии, ее пролетарская часть почти не пошатнулась. Мы говорим почти, так как ниже мы покажем, что и твердыня центра может быть поколеблена. В крупных городах влияние центра падает, но он имеет еще большие резервы в мелких городах и деревне.

Социал-демократия.

Самое жестокое поражение пришлось на долю объединенной социал-демократической партии Германии. Выборы явились для нее расплатой за ее преступления. Положение создалось такое, как-будто никогда и не существовала независимая с.-д. партия, имевшая 5 миллионов последователей. За четыре года она потеряла эти 5 миллионов голосов без остатка.

И все же эта социал-демократия имеет еще 6 миллионов сторонников. Все еще на $2^1/_4$ миллиона больше, чем ГКП. Несмотря на то, что эта партия дала такие страшные уроки германскому пролетариату, несмотря на войну, на Носке, на Эберта и на Секта,— шесть миллионов сторонников, одобряющих ежедневные предательства, совершаемые партией, и полных доверия к ней, несмотря на всю свою нужду и нищету.

Цифры эти объясняют тяжелый путь страданий, пройденный пролетарской революцией в Германии. Эти 6 миллионов, которых до сих пор ни собственный опыт, ни пролитая кровь, ни нужда ничему не научили, являются тяжелым баластом для революционных сил в момент борьбы. Но как же объяснить существование этих шести миллионов голосов? Никогда нельзя забывать, что с.-д. партия накопила 50-летние традиции. 50 лет под-ряд эта партия была признанной, ни в ком не вызывавшей сомнения представительницей рабочего класса. Нынешняя с.-д. партия не только получила в наследство весь аппарат и весь штаб, состоящий из старых работников, она не только опирается на сильную государственную бюрократию, находящуюся в ее распоряжении, она все еще живет наследием прошлого. Половина этого наследия уже растрачена, но, даже опираясь на его остатки, объединенная с.-д. партия все еще является влиятельным фактором. Чтобы правильно понять это, нужно вспомнить, что в 1920 г. ГКП после стольких героических боев, после капповского путча, ясно выявившего опасность реакции, под свежим впечатлением новой гнусной измены в Берлине, в Руре, в Средней Германии, что, несмотря на все это, ГКП имела только 440.000 последователей.

Правда, социал-демократия уже не та, что прежде. Ниже мы приводим цифры, из которых явствует, что она вытесняется из областей, в которых сконцентрирована крупная индустрия. Так, она всюду вытесняется с крупных предприятий; крепкие корни у нее теперь только еще в средних и мелких предприятиях, в мелких городах или деревнях. Значительная часть ее сторонников принадлежит к слоям, сравнительно поздно примкнувшим к рабочему движению—к служащим, чиновникам и т. п. Она опирается особенно на женщин-работниц. При каждых выборах производились опыты по учету голосования обоих полов порознь (разные урны, разные цвета бюллетеней). И всегда женщины оказывались более реакционными, чем мужчины. Меньше всего ГКП получила пользы от женских голосов. Таким образом, за объединенной с.-д. партией идут элементы, менее всего имеющие значение в революционной борьбе. Если сравнить между собой ГКП и объединенную с.-д. партию, то уже сейчас ГКП окажется более могучей силой, но роль объединенной с.-д. партии состоит именно в том, что она защищает капиталистический «порядок», привлекающий 6-миллионную массу. Этим она расстраивает лагерь пролетарской революции, ослабляет и парализует пролетарских борцов. Поэтому ни в коем случае нельзя считать достаточной борьбу против вождей объединенной с.-д. партии посредством только пропаганды. Должны быть использованы все возможности для образования вместе с с.-д. рабочими единого боевого фронта во всех тех случаях, когда влияние вождей не в силах разрушить этот общий фронт. Эти рабочие должны притти к убеждению, что не мы виноваты, если единый фронт срывается. Таким методом мы скорее завоюем массы.

Выборы в рейхстаг обнаружили один отрадный факт. Не существует более буферной партии между социал-демократами и коммунистами. Прежняя независимая с.-д. партия растаяла: от нее остались лишь две секты: независимая с.-д. партия (направление Теодора Либкнехта) и социалистический союз (направле-

ние Ледебурга). Всякое практическое значение, как в политике, так и в сознании рабочего класса, они потеряли.

Общий итог выборов дает для рабочих партий потерю в 1.800.000 голосов, буржуазные же партии выиграли 2.800.000 голосов. Доля рабочих партий с 41,7% всех поданных голосов уменьшилась до 34%. Таковы губительные последствия политики социал-демократов. Конечно, те миллионы, которые перешли к буржуазии, никогда не были серьезными борцами, но они были полны доверия, которым низко злоупотребляли: это резко отбросило их в противоположный лагерь, главным образом, к крайним правым. В 1912 году социал-демократия насчитывала 4½ милл. голосов. Если учесть, что новые цифры наполовину состоят из женских голосов, и что избирательный возраст понижен с 25 до 21 года, то станет ясным, что за последние 12 лет—за эти 12 лет—влияние партии в сущности не возросло. Единственным достижением является качественное изменение коммунистической партии.

Г. К. П.

Результат выборов дает возможность проследить, где и насколько глубоко ГКП проникла в массы. Действительно, ясная картина, которая показала бы нам слабые места наших достижений, могла бы получиться лишь при детальном изложении результатов. Пока-что мы должны придерживаться данных по отдельным избирательным округам.

Среди этих избирательных округов имеются следующие сельские области с крупным землевладением: восточная Пруссия, Франкфурт-на-Одере, Померания, Лигниц и Мекленбург. Во всех этих округах ГКП далеко отстает от других партий. Ее доля в общем числе голосов колеблется между 6 и 8%. Эти области представляют большие трудности для пропаганды. Между тем, опыт показал, что сельскохозяйственных рабочих этих провинций можно завоевать без особого труда, если только подвергнуть их методическому воздействию. Тот факт, что именно здесь социал-демократия получила такой значительный перевес, несмотря на дурную славу политики германского союза сельскохозяйственных рабочих, а также тот факт, что громадная масса этих рабочих голосовала за германских националистов,—все это должно побудить нас к гораздо более интенсивной работе в этих областях, чем до сих пор. Это одна из необходимых задач для подготовки гражданской войны. Успех рабочих крупных городов в решающих боях в значительной степени будет зависеть от активности сельскохозяйственных рабочих, так как именно эти области дают лучшие контр-революционные войска, которые необходимо парализовать тут же на месте, чтобы обеспечить первые решающие успехи в промышленных округах. Известно также, что, в случае серьезной борьбы с контр-революцией, городам грозит блокада и голод. Эта блокада может быть сломлена только благодаря выступлению сельскохозяйственных рабочих в союзе с железнодорожниками. Итак, в этой области предстоит серьезная работа.

К сельским областям с преобладанием средней и мелкой промышленности относятся Потсдам I и II (сюда же относятся и Потсдам, Штандау и западные районы Берлина, а на окраинах Берлина также и пролетарские и крупно-индустриальные пригороды), Бреславль (с округой, крупными поместьями и угольным районом Вальденбургом в Силезии, Везер-Эмс с Бременом), восточный Ганновер, Кобленц-Трир, Шлезвиг-Гольштиния (также с крупными поместьями и городами Альтоной, Килем, Любеком), Баден, Гессен, Пфальц и Бавария. Во всех этих областях социал-демократия имеет еще перевес над нами. Правда, сюда относятся районы, в которых до сих пор всецело господствовала социал-демократия, и куда нам очень трудно было проникнуть, а именно—Бреславль, Ганновер, Гессен. Мы и здесь неуклонно продвигаемся. Стратегическое значение этих районов несколько меньше.

Средняя индустрия преобладает в Магдебурге, Галле, Мерзебурге (химическая, буро-угольная, электрическая промышленность), южном Ганновере, Тюрингии, Саксонии. Со времени раскола независимой с.-д. партии из этих избирательных округов под нашим влиянием находился только район Галле-Мерзебург. Так же, как и германская с.-д. партия, мы здесь потеряли часть голосов в пользу буржуазных партий, развернувших именно здесь сильную фашистскую пропаганду. В Тюрингии фашисты также добились крупных успехов. Это, главным образом, те области, в которых живы еще давнишние социалистические традиции. Здесь находятся лучшие организации германской с.-д. партии.

Берлин и Гамбург являются избирательными округами исключительно крупно-городского характера. В Берлине мы теперь и в смысле численности почти сравнялись с объединенной с.-д. партией. В крупных предприятиях мы уже давно имеем перевес. Гамбург всегда считался самым крепким оплотом социал-демократии. Казалось, что эта позиция обеспечена давностью традиции, наличием партийной, профсоюзной и кооперативной бюрократии и целым поколением, крепко придерживающимся старины. Мы сделали здесь громадный шаг вперед. Этот успех можно причислить к самым блестящим из всех достигнутых за время этих выборов, т. к. он завоеван путем величайшего напряжения сил и имеет большое значение для революционного движения.

Области тяжелой индустрии: западный и восточный Дюссельдорф, северная и южная Вестфалия, Аахен-Кельн (частью тяжелая индустрия, текстильная индустрия и т. п.) и Оппельн

(Верхняя Силезия). Здесь мы, благодаря крупным выступлениям рабочих, сделали величайшие успехи и оставили далеко позади себя Германскую с.-д. партию также и в численном отношении. Это особенно ясно вырисовывается при внимательном рассмотрении важнейших центров индустрии.

Мы стали руководящей партией в таких городах, как Бохум, Гильзенкирхен, Гаген, Бюр, Герне, Дюссельдорф, Ремшейд, Эссен, Мюльгейм. Но здесь сильное влияние имеет также партия центра, понесшая значительные потери в таких местах, как Эссен, Мюльгейм и Кельн, но все же в общем удержавшая свою позицию. Мы напоминаем то, что уже было сказано об этом выше. Особенное значение имеет тот факт, что нам удалось получить перевес над объединенной с.-д. партией в Кельне: Кельн всегда был крепким оплотом этой партии: теперь эта крепость взята.

Анализ избирательных округов, таким образом, обнаруживает, что партия развивалась «нормально». Главные центры пролетариата находятся в наших руках или близки к тому, чтобы быть завоеванными нами. Впредь нужно будет обратить больше внимания на организацию питательных пунктов.

Чем объясняется наша неудача в Саксонии и Тюрингии по сравнению с выборами в местные ландтаги, имевшими место в январе—феврале? Дело обстоит так: в январе и феврале еще звучали отголоски великого октябрьского движения. Тем временем наступил целый ряд событий, неблагоприятных для нас. Прежде всего, партия за последние месяцы была очень пассивна. Она почти совсем отказалась от того давления, которое она прежде производила на Германскую с.-д. партию. Опыт показывает, что мы бывали в состоянии сплотить партию, когда с.-д. партия выступала против нас. Когда же мы производили планомерное наступление на нее, в ней всегда возникало брожение, и обнаруживалась ее слабость. Ослабление давления с нашей стороны позволяло социал-демократии сплотиться и вернуть уже потерянное.

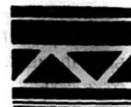
Перспективы.

ГКП вступает теперь в рейхстаг в числе 62 депутатов; она, следовательно, настолько сильна, что ее голос уже не может быть задушен мелкими интриганами порядка дня. Она использует этот прирост, чтобы в своей непримиримой вражде к буржуазии с удвоенной силой бороться против обмана парламентаризма. Кроме того, она будет иметь возможность более решительно и успешно воздействовать на массовое движение с парламентской трибуны постольку, поскольку это будет зависеть от ее фактического положения в рейхстаге.

Но она наверняка недолго будет иметь эту возможность, именно благодаря ее силе. Германская буржуазия не может отказаться от парламентского одеяния, но в то же время она уже не может управлять парламентарно. Поэтому этот рейхстаг сыграет еще более жалкую роль, чем предыдущий. Он будет служить, когда это потребует его повелитель—крупный капитал; он спрячется в угол, когда его прогонят пинками.

Правда, он будет иметь ту заслугу, что отрезвит широкие массы, отдавшие сейчас свой голос правым. Едва ли возможно, чтобы германских националистов миновал тяжелый путь в Каноссу. Крупный капитал требует подчинения своим сделкам с иностранным капиталом, т.-е. превращения Германии в колонию.

Но это значит, что германский рабочий класс должен потерпеть еще больший голод и еще более рабский труд. Несмотря на все поражения германского пролетариата, он неизбежно поднимется к решающей борьбе против своих классовых врагов. В этих боях вождем будет ГКП. Прошедшие выборы дадут ей возможность опереться на более крепкое сознание своих сил и на большее доверие рабочих масс.

Альбер Трэн.

Выборы во французский парламент и революционные перспективы.

Наличные политические формации.

На выборах 11-го мая 1924 года выступали, с одной стороны, блок рабоче-крестьянский, с другой стороны, буржуазные блоки—национальный и левый.

Блок национальный не всюду выступал одинаково. В одном месте он выявлял свое подлинное лицо, в другом облачался в более или менее прозрачную маску. Во многих департаментах он отмел в сторону наиболее компрометирующие правые элементы, из тактических соображений затушевал несколько свою непримиримую платформу и выступал в строго пуанкаристском духе.

Пуанкаре со свойственной ему настойчивостью в достижении целей и гибкостью тактических маневров является душой национального блока, представляя интересы тяжелой промышленности и связанного с нею финансового капитала и, равным образом, интересы крупного земельного капитала.

Под финансовым давлением соперничающей Англии и держащих в своих руках судьбу франка С. Штатов правительство Пуанкаре вынуждено было отказаться—по крайней мере, внешне—от политики аннексий и политического дробления Германии.

Но делая это, национальный блок жертвовал лишь второстепенным, в интересах более существенного.

Прибирая к рукам рурский уголь и предпринимая энергичное наступление на рабочий класс, национальный блок стремится понизить себестоимость производства при помощи дешового угля и дешовых рабочих рук.

Национальный блок мечтает подчинить всю Европу гегемонии своей тяжелой промышленности, сохранить за собой и завершить свое господство путем колониальной экспансии и военных побед.

Построенный на основе современной промышленности империализм национального блока хранит вместе с тем традиции Людовика XIV и Наполеона I.

Блок левых, в рядах которого объединились радикальные лидеры буржуазии и реформистские лидеры пролетариата, в избирательном отношении организован единообразно по всей Франции; он имеет в основе чисто - негативную тенденцию; лозунг его—«разбить национальный блок».

По существу блок левых является выразителем интересов обрабатывающей промышленности и связанного с нею финансового капитала, а также интересов капитала банковского, независимого или наполовину зависимого от промышленности.

Обрабатывающая промышленность не так непосредственно, как промышленность тяжелая, заинтересована в войне и в ее подготовке. При помощи биржевых спекуляций и участия в заграничных предприятиях банковский капитал приобретает до известной степени интернациональный характер.

Вот почему блок левых проявляет меньше национальной узости, чем пуанкаризм и даже проповедует расплывчатый пацифизм в духе Лиги Наций, прикрывая в действительности тонкую и весьма коварную дипломатическую игру империалистов.

Разумеется, ни блок национальный, ни блок левых ни выдвигают на первый план действительные интересы капитала, выразителями коих они являются. Они, наоборот, окутывают их лживой идеологической дымкой с целью сбить с толку трудовые массы и увлечь их на сторону одной из буржуазных фракций.

Германию заставят платить силою; этого требует престиж, слава, величие Франции,—говорит национальный блок.

Германия заплатит добром,—да здравствует гражданский мир внутри страны и примирение народов, да здравствует Лига Наций,—говорит блок левых.

А за этой ложью кроется алчная и упорная погоня за максимальными дивидендами тех, кто спекулирует на патриотических и интернациональных идеалах трудовых масс.

Очутившись перед лицом буржуазных блоков, коммунистическая партия стала строить блок рабоче-крестьянский, мыслимый ею не только как избирательная формация, но и как организация, создаваемая для борьбы на всех фронтах, включая сюда агитацию, демонстрацию, стачку и восстание.

Служа выразителем интересов трудовых масс, руководимых пролетариатом и его коммунистической партией, рабоче-крестьянский блок держит курс на образование рабоче-крестьянского правительства, призванного организовать борьбу пролетариата за власть с целью последующего установления диктатуры пролетариата.

Брешь в едином фронте буржуазии.

В 1919 году по окончании войны французская буржуазия с ужасом лицезрела революционный натиск масс. Недовольство солдат, ожидавших демобилизации, недовольство демобилизованных, которым трудно было найти работу, дороговизна жизни и

безработица—все это порождало сильное брожение в рядах пролетариата. Стачки вспыхивали стихийно. Первое мая все провели со скрещенными руками.

Буржуазия почуяла опасность. Союз экономических интересов вложил миллионы в избирательную кампанию. Пред лицом рабочей угрозы в рядах национального блока объединилась вся буржуазия, от радикалов и почти до роялистов.

Так увидела свет только-что скончавшаяся палата, возглавляемая национальным блоком.

За последние 4 года буржуазия постепенно наверстала ею потерянное. Она ловко обманула пролетариат и использовала вождей социал-демократов, чтобы его расколоть и усыпить некоторую его часть. Чтобы сохранить за собой все уменьшавшееся влияние и возможность дальше предавать рабочий класс, реформистские вожди, не задумываясь, стали осуществлять раскол в большинстве организаций.

Вместо того, чтобы бороться против буржуазии, рабочие вожди, реформисты и синдикалисты, повели борьбу против коммунистов.

Имея дело с пролетариатом раздробленным, ослабленным и усыпленным, буржуазия перестала стесняться. Она повела на рабочий класс энергичное наступление, экономическое и политическое. Понижение заработной платы, отмена 8-часового рабочего дня, если не юридическая, то фактическая, предпринимательский нажим, прижим и увольнение чиновников, расстрелы бастующих рабочих, все было пущено в ход с целью сломить сопротивление рабочего класса. В то же самое время, путем ряда искусственных мер, как-то: займов и выпуска казначейских обязательств, национальному блоку удалось восстановить, правда, внешне и преходяще, экономическое и финансовое равновесие настолько, чтобы, по крайней мере, нейтрализовать и поймать на удочку иллюзий значительную часть пролетарской массы.

Избежав революционной опасности, различные фракции буржуазии, представленные национальным блоком и блоком левых, стали бороться между собой на почве второстепенных разногласий.

Во Франции почти не существует т.-н. вертикальных трестов, концернов, обнимающих собой все производство, от добычи сырья и его переработки до транспортирования готовых продуктов к внутренним и внешним рынкам сбыта. В настоящее время финансовый и промышленный капитал, как общее правило, стремятся построить подобные концерны для каждой крупной отрасли производства.

Весь вопрос в том, предстоит ли этим трестам находиться под гегемонией крупной промышленности и крупной металлургии или же промышленности обрабатывающей. Это противоречие интересов, наблюдаемое внутри буржуазии, как класса, и является подоплекой борьбы блока национального с блоком левых.

Если правильно, что объективно положение во Франции не только остается, но и делается все более и более революционным, то не менее правильно и то, что революционная воля рабочей массы ныне тусклее, чем в 1919 и 1920 годах, и едва начинает разгораться.

Брешь в едином фронте буржуазии свидетельствует о том, что она в данный момент чувствует себя достаточно сильной, чтобы позволить группировкам капиталистических интересов, вести между собой открыто политическую борьбу.

Таков закон конкуренции при буржуазном строе.

В обстановке, созданной выборами, использовать эти противоречия в интересах пролетариата может иной раз и наша партия, и она ни в коем случае не должна пренебрегать подобным случаем ни в парламенте, ни в ином месте; но при этом надлежит сохранять в полном объеме свою независимость, отдавая себе ясный отчет в том, что, когда дело дойдет до серьезной классовой борьбы, во враждебном лагере объединятся все силы капитала. **Два буржуазных блока еще не знаменуют две в корне различных политики.**

Блок левых лишь недавно стал явно отмежевываться от блока национального. Вожди-радикалы в 1919 году прошли в парламент по списку, возглавляемому Мильераном и Пуанкаре и избранием своим были обязаны миллионам, вложенным в избирательную кампанию союзом экономических интересов, объединившим в своих рядах крупных капиталистов, нажившихся на войне.

Нынешние лидеры радикальной буржуазии санкционировали репрессии, обрушившиеся в 1920 году на бастовавших железнодорожников, свыше 20.000 коих было выброшено на улицу железнодорожными компаниями; они прикрывали расстрелы стачечников в Гавре. Бриан произвел оккупацию нескольких германских городов; Эррио заявлял относительно Рура, что это—дело чести Франции, и что французские войска не могут быть отозваны без гарантии уплаты причитающихся с Германии репараций.

Даже депутаты-социалисты ограничивались так-называемой «лойяльной оппозицией» правительству Пуанкаре. По существу они никогда не боролись всерьез и всеми средствами против той политики, которую они отрицали на словах. Вот почему социалистическая партия всегда отвергала предложения коммунистов относительно единого фронта, в частности, и в тот момент, когда Коммунистический Интернационал и Профинтерн, после вторжения французов в Рур, предложили реформистским Интернационалам подготовить и организовать сообща всеевропейскую стачку для отведения выдвинутой оккупацией Рура угрозы империалистской войны.

Франция, в руках которой сосредоточено 60% имеющейся в Европе железной руды, может укрепить свое положение крупной капиталистической державы, лишь обеспечив себя рурским углем.

Чтобы обеспечить расширение рынков сбыта для продуктов французской промышленности, чтобы гарантировать безопасность вложенных за границей французских капиталов, блок левых нуждается во Франции империалистической, сильной, внушающей страх и уважение. Это заставляет его стремиться, подобно национальному блоку, к гегемонии французского капитала, при межсоюзной эксплоатации Германии вообще и Рура в частности.

Блок левых так же нуждается в колониальной экспансии и военных вооружениях, как и блок национальный. Ведь, нужно запасаться нефтью для флота и для грядущей войны. Французский капитализм, независимо от того, какая фракция окажется во главе, примет участие в мировой борьбе империализмов за нефть. И, наконец, все равно, будет ли у власти Пуанкаре или радикальная буржуазия, французское капиталистическое правительство ни в коем случае не будет спокойно взирать на развитие германской революции.

Политика подготовки «проволочных заграждений», «карантинного окружения» пролетарской Германии характерна для буржуазных блоков, как бы они ни именовались. При помощи военных миссий, субсидий, займов и капиталистической интервенции они стараются создать в лице Польши, Румынии, Чехо-Словакии и Бельгии (не считая фашистской Италии) контр-революционные базы для борьбы с красной Германией.

Вне всякого сомнения, путем торговых сношений блок левых будет пытаться разложить, подкопать изнутри советский строй, будучи в то же время готовым в любой момент прибегнуть к вооруженной интервенции против русской революции при помощи вассальных государств, получающих за это особую плату: Польши и Румынии.

За небольшими изменениями политика блока левых по существу та же, что и национального блока, это есть политика милитаристская, антипролетарская, контр-революционная.

Результаты выборов.

В парламент избрано: 11 консерваторов, 137 республиканцев, 92 депутата республиканской левой (Пуанкаре) и 34 независимых радикала, итого 274 депутата, склонных проводить политику, родственную политике Пуанкаре. Блок левых получил 272 места, при чем распределяются они так: 127 радикалов-социалистов, 39 республиканцев-социалистов, 102 социалиста и 4 фроссардиста. Коммунистическая партия получила 26 мест.

Надо сказать, что хотя за коммунистов и голосовала лишь одна десятая избирателей (900.000), выборы 11-го мая совершенно ясно показали, что общественное мнение в целом явно «ориентируется» влево.

Трудящиеся массы отмели в сторону политику империалистских внешних авантюр и внутренних репрессий, политику правительства Пуанкаре. Но на-ряду с этим массы трудящихся в своем большинстве обнаружили наличие в них реформистских иллюзий и веры в то, что блок левых, социалисты и Лига Наций, при помощи парламентских комбинаций, в рамках конституции и существующего строя могут улучшить их положение.

Противоречие между старой палатой и общественным мнением ныне исчезло, и рабочие получают теперь возможность проверить на практике, что такое блок левых, и избавиться от иллюзий, этим блоком посеянных.

В то же время политическая линия палаты, раньше пролегавшая правее политической линии сената, ныне передвинулась влево.

Правительство Пуанкаре, разбитое на выборах, парламентским путем у власти остаться не может. Оно располагало бы максимум 274 голосами, имея против себя 272 голоса, принадлежащих блоку левых и 26 принадлежащих коммунистам, итого 298.

С другой стороны, коммунисты, если и могут от случая к случаю голосовать за тот или иной законопроект, вырванный их давлением у блока левых и благоприятный пролетариату, то ни в коем случае не могут голосовать за правительственную декларацию министерства, формируемого блоком левых, и служащего орудием в руках буржуазии, и не могут войти составной частью в устойчивое большинство, большинство правительственное.

Весьма вероятно, что социалисты войдут в правительство или тотчас же или несколько недель спустя. Это участие в правительстве не преминет вызвать в рядах социалистической партии кризис. По мере того, как в процессе новых комбинаций правительственное большинство будет постепенно расти вправо, кризис будет обостряться и все большее и большее количество рабочих-социалистов станет поглядывать в сторону коммунистов.

Этот кризис неизбежно найдет свое отражение и в рядах парламентской социалистической фракции, которая разойдется в голосовании. Кризис социалистической партии приведет к развалу блока левых, и не трудно предугадать, что в результате целого ряда министерских кризисов образуется правительство «блока центра», захватывающее довольно далеко вправо.

Таким образом, если завтра предстоит, пожалуй, играть главную роль Эррио, то послезавтра ее будет играть Бриан.

Таким образом, надо ждать попыток нащупывания такой политики, которая бы примиряла интересы различных групп буржуазии, растворяла бы в себе существующие между ними второстепенные разногласия и была бы синтезом непримиримого узкого национализма Пуанкаре, с одной стороны, и более широкого понимания международных потребностей и характерной для блока левых, более ловкой маскировки империализма.

Нечего и говорить, что, в случае удачи эта попытка объединения сил буржуазии ставила бы под сугубую угрозу пролетариат, который уже и сейчас должен под руководством коммунистической партии готовиться к предстоящей на протяжении ближайшего ряда лет суровой борьбе и парированию яростных атак.

Развитие внутреннего положения.

Острый мировой кризис, встряхнувший весь капиталистический мир в 1919—20 году, отразился на Франции с запозданием на несколько месяцев, притом в смягченной форме.

Страна-победительница, располагающая кредитом, создаваемым иллюзией победы и имеющая прочный земледельческий базис, Франция восстановила до некоторой степени в капиталистическом мире равновесие, правда, временное, но все же помешавшее быстрому развертыванию великой пролетарской борьбы.

Искусственный характер относительного подъема французского народного хозяйства столь очевиден, что его признают и о нем говорят сами капиталисты. Далекие от того, чтобы возгордиться своим привилегированным положением, французские капиталисты, подобно предоставленному воле волн кормчему, с тревогой и страхом озираются на волнующий вокруг них океан капитализма, потрясаемый страшными кризисами. В ежедневных газетах крупных промышленников и крупных банкиров, как, например, в «Информасион Финансьер», чувствуется, на-ряду с тревогой, и отсутствие веры в прочность капиталистической основы, на которой они орудуют.

Оккупация Рура, парализовавшая часть французского производства, обусловившая падение франка и сделавшая необходимым увеличение налогов на 7 миллиардов в год, вызвала во Франции одновременно с колоссальной дороговизной и панику в финансовых кругах, достигшую своего кульминационного пункта в марте.

Правительство Пуанкаре вынуждено было на это реагировать тем сильнее, что на носу были выборы. Но с дороговизной уже нельзя было справиться, и восстановить в виду выборов стоимость франка можно было лишь путем искусственных мер, дающих временные результаты.

Необходимо было как можно скорее прибегнуть к займу в размере сотен миллионов долларов и десятков тысяч фунтов, прибегнув к помощи английских и американских банков.

Когда нужно будет по этим займам платить, и когда наступит срок погашения выпущенных в обращение в 1922 и 1923 году на 15 миллиардов казначейских обязательств, придется вновь искать денег и прибегнуть к инфляции, неизбежно приводящей к вздорожанию жизни.

А затем, за исключением немногих стран (Бельгия, Италия), жизнь в Европе почти всюду значительно дороже, чем во Франции. Даже в Германии в настоящий момент самый плохенький обед обходится в 25—30 франков, т.-е. в 4—5 дороже, чем в Париже. Но несомненно, что низкие цены французского рынка станут расти и постепенно достигнут уровня цен мирового рынка, что опять-таки вызовет новый рост дороговизны.

Ввергнутые в нищету рабочие массы поведут борьбу, а буржуазное правительство, каково бы оно ни было,—блока левых или иное,—не преминет прибегнуть к политике, носящей все более и более антипролетарский характер.

Быстрая пауперизация рабочей массы, быстрая пролетаризация мелкой буржуазии, разочарование пролетарской массы, увядание социалистических иллюзий, период правительственной неустойчивости и вытекающая отсюда слабость государства,—все эти факторы столь же благоприятны для роста коммунизма, как и для роста фашизма.

Непосредственная борьба коммунизма против крупного капитализма осложнится борьбой за мелкую буржуазию, которую мы будем стараться увлечь в лагерь революции, а крупная промышленность и крупные банки будут стараться завоевать на сторону национализма и фашизма, в лагерь контр-революции.

Почти полная невозможность правильного функционирования парламентского строя и образования какими бы то ни было путями прочного правительственного большинства внутри палаты, только-что избранной, позволяет считать весьма вероятными распад палаты в течение ближайшего законодательного периода и попытки новых выборов со стороны правительства—соучастника буржуазии—в обстановке фашистского террора.

Итак, начиная с этого момента, наша партия должна готовиться и готовить массы к борьбе как политической, так и вооруженной против грядущего фашизма.

Не забывая, что главная наша работа должна протекать в среде пролетариата, мы должны в то же время повести агитацию и в среде городской и сельской мелкой буржуазии, вербуя ее в лагерь коммунизма или, по меньшей мере, препятствуя использованию ее в качестве орудия для фашистских насилий.

Развитие внешнего положения.

Чтобы утвердить и расширить свое влияние в мире, Франция, как капиталистическая держава, должна добыть себе уголь, необходимый для ее металлургии. Французский капитализм независимо от того, какая буржуазная фракция будет осуществлять политическое руководство, может утвердить свою промышленную гегемонию в Европе, как основу своей гегемонии политической и военной, лишь наложив руку на Рур.

Обладание Руром, ежегодно дающим свыше 100 миллионов тонн угля, обеспечивает капитализму, который будет держать его в своих руках, промышленную и политическую гегемонию в мирное время и хорошие шансы в случае войны.

Империализм французский и империализм английский соперничают из-за Рура, пожалуй, еще больше, чем из-за сферы колониального господства. Британский капитализм допустил оккупацию Рура только потому, что осложнения в Индии, Египте и Ирландии не позволяли ему вплотную вмешаться в дела Европы. Остановка рурского производства в результате борьбы между французским империализмом и оказавшим пассивное сопротивление германским капитализмом, устранив временно с поля сражения германского конкурента, дала возможность Англии ослабить кризис безработицы и завоевать новые рынки.

Не следует забывать, что необузданный во время войны рост промышленного аппарата, обслуживающего мировое производство, превысил возможность потребления, производимого в мирное время трудовыми массами всего мира. Ища сбыта избыточным продуктам своего производства, империалисты оспаривают друг у друга старые и новые рынки, и это быстрым темпом ведет нас к новой империалистской войне. Если имеющихся рынков сбыта недостаточно для поглощения всех производимых товаров, если необходимо сократить часть производственного аппарата, каждый империализм старается, чтобы это сокращение было произведено его соперником.

В тот день, когда Франция, одолев германское сопротивление, сможет, наконец, утвердить свою гегемонию в Руре и захочет воспользоваться плодами своей политики грабежа, выступит Англия со своим вето.

Обладание Руром играет столь решающую роль в деле конкуренции и междоусобной империалистской войны, что захват Рура и восстановление Францией его производства равносильны были бы немедленной подготовке к войне между Францией и Великобританией.

Но народные массы Франции и Англии еще необработаны достаточно для новой войны. Таким образом, положение диктует компромисс.

Блок левых в Париже и рабочее правительство в Лондоне откликаются на объективно создавшуюся необходимость компромисса в рурском вопросе между двумя соперничающими империализмами и создают капиталистическое объединение с целью эксплоатировать Рур.

На основе этого объединения и предстоит развернуться соперничеству Франции и Англии, могущему привести к новой империалистской войне.

Рурский компромисс будет протекать, таким образом, под прикрытием и за ответственностью партий II Интернационала, что даст возможность соперничающим империализмам вернуть себе в нужный момент полную свободу действия друг против друга. Итак, с международной точки зрения пребывание у власти блока левых соответствует на некоторый период, не могущий быть длительным, потребностям европейского капитализма.

На протяжении этого года нам суждено присутствовать при воскрешении демократических иллюзий в среде европейской рабочей массы. По всей вероятности нам предстоит пережить краткий период пребывания у власти партий II Интернационала в главных государствах Европы. Противоположность методов II и III Интернационала резко перебросится в государственную область. II Интернационал ясно покажет рабочим, что он интернационален лишь постольку, поскольку он помогает капиталу грабить мировой пролетариат, последовательно побеждаемый в каждой из его национальных секций, начиная с пролетариата германского.

Массы увидят, что в конце-концов, II Интернационал представляет собою лишь сборище партий, находящихся в вассальной зависимости от своей национальной буржуазии, вплоть до «священного единения» и участия в новой империалистской войне. Вынужденный отражать в своей среде противоречия, раздирающие его на отдельные национальные части, иными словами, противоречия капиталистические, II Интернационал быстро пойдет по пути разложения и скоро выявит себя перед лицом всего света в своем подлинном виде,—как орудие грабежа и удушения пролетариата, управляемое капитализмом.

Французская коммунистическая партия на выборах.

Выборы 11 мая служат одновременно выражением наличной в рабочей массе воли отмести в сторону империалистскую и антипролетарскую политику Пуанкаре и, с другой стороны, наличия в ней реформистских иллюзий.

Французская коммунистическая партия должна стимулировать во французской рабочей массе волю к борьбе и при свете опыта неустанно бороться против всех реформистских иллюзий.

Старая объединенная социалистическая партия, существовав-

шая до Турского съезда, получила в 1919 году 1.600.000 голосов. Ныне мы, коммунистическая партия, сумевшая выявить свой пролетарский и революционный лик, получаем 900.000 голосов.

Избирательный успех социалистической партии объясняется тем, что она увлекала за собой политически отсталых рабочих, до сих пор шедших за буржуазными партиями, и расширила базу своего влияния в сторону вечно колеблющейся мелкой буржуазии. Партия социалистов стала партией рабочей пассивности и мелкобуржуазной робости. Она не имеет будущего.

Социалистическая партия—лишь промежуточное звено. Грянет беда,—и громадная часть пролетариата и мелкой буржуазии выйдет из состояния пассивности, а вместе с тем, из социалистической партии, и ринется в социальную битву, примкнув к лагерю коммунистов или фашистов.

Вожди-социалисты, давно уже подменившие борьбу против буржуазии борьбой против коммунистов, по всей вероятности поступят подобно своим братьям, германским социал-демократам, и образуют крыло французского фашизма, если коммунизм и пролетариат не найдут в себе достаточно силы для искоренения в самом зародыше всякой попытки буржуазного террора, направленного против рабочего класса, причисляя сюда и попытки анархо-фашизма, который на протяжении последнего года уже несколько раз давал о себе знать.

Превращение анархистского еженедельника «Ле Либертер» в ежедневный орган в период избирательной кампании, попытка использовать для борьбы с нашей партией кровавый митинг на улице Гранж о-Дель, где полицейские провокаторы, затесавшись в ряды анархистов, стреляли в рабочих, и сорвавшийся к счастью саботаж нескольких публичных собраний, предпринятый либертариями,—все это факты, позволяющие нам причислить анархистских лидеров к блоку левых и предфашизму.

Ограниченный горизонт анархистских вождей и полнейшее отсутствие в них чутья международной действительности превратят их, в конце-концов, в бунтовщиков-националистов и в добровольцев фашизма в тот момент, когда условия существования станут для рабочих еще более трудными.

Наша французская партия может почерпнуть из результатов недавних выборов могучую веру в борьбу, которую ей предстоит продолжать против буржуазии и ее союзников—анархистов и социалистов.

Если, с одной стороны, на долю нашей партии не приходится и одной двадцатой общего количества мест в парламенте, то, с другой стороны, за нее подана одна десятая общего количества голосов и одна шестая голосов пролетариата и крестьянства.

900.000 избирателей голосуют за партию, насчитывающую в своих рядах 55.000 членов, иными словами, каждый коммунист пользуется влиянием в 16—17 рабочих семействах.

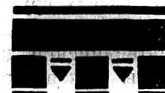
Вот широкое поле для политической и организационной работы Французской коммунистической партии. Давление со стороны почти целого миллиона пролетариев, притом наиболее сознательных, начавших понимать революционный язык, которым говорит наша партия, будет внешней подмогой агитации нашей парламентской фракции,—агитации, находящей себе все более и более могучий отклик в массе, до сих пор за нами не шедшей.

Париж, население которого составляет одну десятую населения всей Франции, Париж, насчитывающий 4 миллиона жителей, в том числе 1 миллион рабочих, и при существующей во Франции централизации правительственной власти, имеющий решающее значение в деле революции, дал нам 14 мест из 56, и то количество голосов, которое получали в 1919 году объединенные социалисты в целом. Ясно, что подавляющее большинство парижского заводского пролетариата сочувствует коммунистам.

Сенская федерация—это наша партийная организация, наиболее приближающаяся к подлинно-коммунистическому типу; она основательно поработала в профсоюзном движении, создала сотню заводских ком'ячеек, выполняющих на месте производства задачи, диктуемые партией, и курс, ею взятый, всегда и во всех существенных вопросах совпадал с линией Коминтерна. Влияние федерации, мерилом которому служат выборы 11 мая, дает лучшее оправдание политики и революционных принципов организации, проповедуемых Москвой.

Наша партия и впредь должна настойчиво итти путем единого пролетарского фронта и рабоче-крестьянского блока во всех областях своей работы. В некоторых районах, как Адуль, Эроль, Мозель, Сарт во время происходивших там стачек крестьяне уже снабжали необходимым продовольствием рабочих.

Этот союз надо укрепить и придать ему общий характер в процессе борьбы городских и сельских тружеников под руководством пролетариата и его коммунистической партии.

Г. Ремме ле.

Итоги съезда Германской коммунистической партии.

Период развития партии, завершенный последним (7 — 10 апреля) съездом ГКП, несомненно, был одним из наиболее значительных и поучительных в революционной истории германского пролетариата, и даже не одного только германского. Все секции Коминтерна принимали живейшее участие в борьбе, имевшей место в среде германской партии. Исполком Коминтерна в сознании лежащей на нем ответственности за отдельные секции коммунистического движения редко проявлял такую сугубую осторожность и такое особое внимание к истории развития какой-либо секции, как в данном случае. Коминтерн и братская российская партия приняли выдающееся участие в подготовительных работах к съезду, в целях облегчить германской партии те непомерные затруднения, которые громоздились на ее пути. Ибо до сих пор ни разу еще политическое поражение не вызывало в истории Германской коммунистической партии такого глубокого кризиса, какой разразился после банкротства партийной политики прежних партийных руководящих органов.

В течение шести месяцев в партии шла пламенная борьба фракций за руководящее направление партийной политики и, следовательно, за руководство партией.

В течение шести месяцев все силы, вся энергия идеологии и организации пошли на борьбу за тактические различия, за первенствующее положение отдельных групп, как представительниц определенных идеологий и воззрений. Действенная сила партии вовне, в организации и объединении пролетариата, в воздействии на пролетарские массы в классовой борьбе была почти-что совсем парализована.

Партия была в сознании пролетариата полгода в «отпуску», ориентируясь в это время в методах и тактике борьбы и стараясь найти, прежде всего, самое себя в путанице разноречивых мнений и воззрений. Такой роздых партии отбросил ее, разумеется, значительно назад, так как классовая борьба пролетариата не ждет, пока коммунистическая партия приведет в порядок свои боевые ряды.

Отсутствие одухотворяющей партийной энергии в пролетарских боях послужило сигналом для буржуазии, для начала ее общего наступления на пролетариат и успешного осуществления ее давнишних желаний—отмены восьмичасового рабочего дня и других враждебных рабочим мероприятий. Вначале эти мероприятия были встречены пролетариатом с тоскливым безразличием. Но вскоре последовал отпор, и мы были свидетелями того, как у этого, столь бесконечно изголодавшегося и тысячью нужд истощенного пролетариата явилась огромная сила противодействия, которую можно было бы назвать прямо беспримерной. И на этот раз опять, как во всех пролетарских движениях в Германии, пролетариат Рейнской области шел впереди. Несмотря на саботаж профсоюзов, несмотря на соглашение профсоюзной бюрократии с предпринимателями об отмене 8-часового рабочего дня, рейнский пролетариат вел жестокий бой против этого замысла. За этим последовала борьба на прибрежье рабочих верфей и портов. На юге, в Людвигсгафене, поднялись химики, сопротивление которых буржуазия считала окончательно сломленным еще в прошлогодней борьбе, благодаря голоду и локауту передовых революционных борцов.

Таким образом, повсюду из глубины революционной волн выросло сопротивление пролетариата, и как-раз в это время наша партия была в отпуску. У нее не было ни должного единения, ни энергии, чтобы с былым энтузиазмом примкнуть к пролетариату и мужественно повести его вперед. Разумеется, те округа, в которых разыгралась указанная борьба, исполнили свой долг. Но былая энергия всей партии, с которой она вся целиком отдавалась борьбе пролетариата, была парализована и надломлена. Таким образом, задачей партийного съезда было положить конец такому состоянию и поставить партию вновь во главе борющегося пролетариата.

Борьба различных внутрипартийных группировок при подготовке к съезду была весьма своеобразна. С разгромом политики прежних партийных органов получились группировки: правая, центр и левое крыло. Правая ликвидировалась организационно одновременно с провалом ее политики. В течение четырехмесячной борьбы, во время и после московских совещаний (январь 1924 г.) правое крыло не выступало ни разу, как сплоченная организация; за исключением округа Эрцгебирге-Фохтланд, где это направление при 100 делегатах было представлено четырьмя, во всех прочих округах оно не нашло ни одного сторонника. Естественным последствием этого явления была борьба между левым крылом и центром.

Дал ли съезд те результаты, которых от него ожидали? Оба докладчика, как правой, так и центра, полемизировали, главным образом, только друг против друга, не затрогивая основных линий прошлой политики.

Тем временем прежняя оппортунистическая правая успела вновь поднять голову, не вызвав надлежащего отпора ни со стороны докладчиков, ни со стороны всего съезда.

Представитель правого крыла имел возможность, не встретив возражений, доказывать, что его тактика — правильна, как теперь-де доказано письмами тов. Зиновьева и Исполкома, и что решения московской конференции были, по существу, неправильны. Брандлер мог доказывать, что со времени московских совещаний в настроении Исполкома произошел резкий перелом, и что Исполком, еще в январе ведший решительную борьбу с правой опасностью, теперь еще с большей решительностью борется с левой опасностью. Эта демагогическая, искусно обставленная вылазка нашла себе союзника в лице докладчика группы центра, подчеркнувшего, что опасность с правой стороны была еще в январе значительна, а в настоящее время не представляет более никакого значения, почему борьба должна быть направлена, главным образом, против левого крыла. Со своей стороны, докладчик последнего пришел к другому заключению, а именно, что «опасность грозит из центра».

* * *

Но, насколько ошибочны были эти воззрения,—поспешило доказать на съезде само правое крыло. Оно предложило съезду проект резолюции, который доказал, что оно ничему не научилось из октябрьских событий.

Вот что значится в его «резолюции к докладу о политическом положении»: «Основные лозунги — рабочее правительство, овладение реальными ценностями и промышленный контроль— имели смысл объединяющих, организующих сборных лозунгов и последовательных целей», и за сим следует: «Тактика единого фронта оказалась в основных чертах правильной и плодотворной. Ее результаты таковы: отрыв широких рабочих масс от социал-демократии, образование широкого круга сочувствующих вокруг ГКП и развитие и расширение пролетарских классовых организаций. Между тем, поставленные себе партией «последовательные цели» не были осуществлены».

Чего хочет этим сказать правая? Она и на этот раз защищает тот взгляд, что развитие происходит по эволюционной, а не революционной кривой. В качестве главных лозунгов тактики единого фронта выдвигаются так-называемые «последовательные цели», а именно, рабочее правительство, овладение реальными ценностями и промышленный контроль, последним «этапом» которых является диктатура пролетариата. Кривая эволюции знаменуется здесь последовательным расширением власти революционного пролетариата и постепенным оттеснением власти капитала.

Борьба с правыми оппортунистическими тенденциями в ГКП вызвала к жизни в левой партийной группе целый ряд воззрений, которые известны в истории партии под именем детской болезни левизны. В течение партийной дискуссии вделилась резко очерченная группа, именующая себя выразительницей теорий и основных воззрений Розы Люксембург. Эта крайне-левая группа состоит из интеллигентов, в своем большинстве лишь с недавних пор участвующих в коммунистическом движении. Благодаря совершенному уклонению правой группы от участия в прениях, на съезде создалась картина отступления на задний план представителей правых уклонений и очень сильного вступления вперед так-называемой группы Розы Люксембург.

Что же олицетворяет эта группа? Письмо Зиновьева выделило лишь один критерий этой крайней левой, а именно организационный вопрос. Но этот вопрос является лишь одним из звеньев той цепи вопросов, которые подняты крайней левой. При более внимательном ознакомлении с нею мы встречаемся здесь с очень многими старыми знакомыми. Еще перед IV международным конгрессом тт. Тальгеймер, Брандлер и другие обсуждали в связи с прениями о программе Коминтерна предполагаемые теоретические основы Коммунистического Интернационала. Эти прения вращались, главным образом, вокруг вопроса об экономических принципах, выдвинутых Розой Люксембург в ее «Накоплении капитала», в противоположность экономическому учению, излагаемому Лениным, Бухариным, Варгой и др. Группа Брандлера еще тогда стремилась в связи с этим дать русским товарищам бой по всей линии в защиту взглядов Розы Люксембург. Был намечен целый ряд молодых экономистов для собирания материалов о капиталистическом развитии в последнее время. Эти материалы должны были лечь в основу предполагавшихся прений. Но взгляды Розы Люксембург на формы организации и на роль партии в революционной борьбе находятся в теснейшей связи с ее основными экономическими воззрениями, а потому нельзя говорить о большевизации партии и одновременно защищать экономические взгляды Розы Люксембург. Это поняли и германские коммунисты. Поэтому предполагалось в прениях о программе выдвинуть на первый план основные вопросы об экономическом развитии и, разрешив их, объясниться с русской партией по вопросам об организационной форме и о роли партии. Был поставлен вопрос: «германский коммунизм или русский коммунизм», «Ленин или Роза Люксембург»?

V международный конгресс, на котором эти вопросы должны будут подвергнуться более тщательному рассмотрению, даст разрешение всем деталям и частностям, связанным с этим комплексом вопросов. Нашей задачей является лишь наметить очертания тех из них, которые составляют в настоящее время предмет спора в германской партии. На IV конгрессе программные вопросы не бы-

ли еще подняты, и надежды на их разрешение возлагались на предстоящий V конгресс. Теперь перед нами удивительное явление: борцы за идеи Розы Люксембург в ультра-радикальной драпировке появятся на арене борьбы совместно со старыми борцами правого крыла, подтверждая старую истину, что детские болезни левизны рождаются на навозной куче правого оппортунизма.

Для всякого пережившего многолетние тактические бои в ГКП совершенно ясно, что воззрение Розы Люксембург о формах организации, о роли партии в борьбе пролетариата, о централизме партийной демократии, о нейтрализации мелкобуржуазных слоев, о мелком крестьянстве и аграрном вопросе, о национальном вопросе и империализме и т. д.,—что все эти взгляды, выдвигаемые теперь крайними левыми, как «жгучие вопросы дня», могут быть объяснены только недозрелостью революционной эпохи, в которой жила и действовала Роза Люксембург. Этим интеллигентам не понять того, что закономерное и неизбежное развитие организационного революционного аппарата партии все более должно будет по мере развития революционной борьбы пролетариата приближаться к организационным формам русских большевиков. Лозунг крайних левых: «назад к Розе Люксембург» равносилен лозунгу: назад к «постепенному упорядоченному» развитию; он означает разрушение подготовки к революции и пребывание в бездействии в ожидании «внезапности» революции, которая должна «явиться и пробиться сама собой».

Но не все левое крыло в его организованной форме, как оно было известно в партии до октябрьских событий, одобряет эти воззрения и возвращение к уровню дореволюционной эпохи; наоборот, руководящие круги левых принуждены были уже начать борьбу с крайней левой группировкой и с ее программой, являющейся наследием прошлого. В статье, посвященной итогам съезда, руководители левого крыла высказываются в следующих словах против крайних левых:

> «Так же быстро партия преодолеет и то течение, которое под видом, якобы, весьма радикальных формул, на самом деле проводят в партию контрабандным путем меньшевистские воззрения: по вопросу об организационной форме партии—«демократия, но не централизм», по аграрному вопросу—«не надо мелкокрестьянского движения» и по национальному вопросу—«мы не можем революционно использовать порабощенную нацию, борющуюся с империализмом»! Съезд настойчиво предостерегает против таких настроений и течений. Партия их лучше и скорее всего преодолеет беспощадным искоренением сверху донизу всех оппортунистических пережитков и активной боевой политикой при борьбе за ближайшие цели, всегда твердо имеющей в виду пролетарскую революцию и подготовку к ней».

Так легко, однако, как себе представляют руководители левых, не удастся преодолеть эти крайние «левые» течения. Последние уже начали борьбу против старых левых руководителей, группирующихся вокруг Маслова и Тельмана, и сделали первые шаги, чтобы оформиться организационно. Борьба с этим направлением для успешного его преодоления должна будет вестись настойчиво и энергично.

Германская революция в соответствии с могучими, глубоко вкоренившимися в стране капиталистическими силами и их воздействием на пролетариат, самая трудная и поучительная. Гигантские задачи ждут разрешения от ГКП. Для того, чтобы партия могла эти задачи разрешить, она должна быть единой спаянной партией, с безусловным доверием относящейся к своим вождям. Последний партийный съезд, несомненно, значительно подвинул партию вперед, но он еще не высказал заключительного суждения и не произнес последнего решения о том пути, который должен избрать германский пролетариат, чтобы добиться окончательного освобождения и победы.

Очень остроумно представитель Исполкома охарактеризовал и резко отверг на съезде эту постепенческую теорию развития: «Правые,—сказал он,—представляют себе дело следующим образом: сначала-де мы завоюем рабочее правительство вместе с Цейгнером, затем следует овладение реальными ценностями в союзе с Гильфердингом, контроль над промышленностью вкупе с Робертом Шмидтом и, наконец, диктатура пролетариата, рука-об-руку с Носке и Шейдеманом. В этом представлении отражаются вновь коренные ошибки иллюзий, обнаруженных правыми уже на Лейпцигском съезде и нашедших свое выражение в следующем лозунге: надо постараться давлением масс оторвать социал-демократию от левого крыла буржуазии и заставить ее примкнуть к правому крылу пролетариата. Это воззрение вполне совпадает с перспективой о дальнейшем революционном развитии, начертанной Брандлером незадолго до банкротства его политики. После забастовки, направленной против кабинета Куно, он формулировал предполагаемое им дальнейшее развитие событий следующим образом: «Мы низвергли Куно и его правительство, представлявших крайнюю правую буржуазию и олицетворявших интересы синдикатов и трестов, и добились теперь осуществления широкой коалиции посредством нашей массовой политической забастовки. Широкая коалиция от Штреземана до Гильфердинга равным образом будет в ближайшее время дискредитирована широкими массами и должна быть ликвидирована; пролетарская борьба укажет, как на единственный выход, на рабочее правительство. Саксонский опыт с рабочим правительством во главе повторится во всегерманском масштабе. Рабочее правительство в Республике означает расширение власти пролетариата и постепенное оттеснение буржуазии».

Эта постепенческая теория исходит из представления, что социальное развитие протекает в «упорядоченных» границах, и что расширение власти пролетариата постепенно и исподволь вытесняет власть буржуазии, которая должна будет в определенный момент исчезнуть перед властью пролетариата. Это представление в своих основных чертах почти не отличается от социал-демократической теории постепенного прироста силы пролетариата и перехода власти к нему от буржуазии. Если в этой теории правые и уделяют место вооруженному восстанию пролетариата, то лишь в той форме, что последний во всех указанных этапах этого «логического и упорядоченного» развития должен будет защищать свои позиции при помощи вооруженной рабочей армии. Восходя по этой эволюционной кривой, пролетариат остается постоянно на «почве конституции и законного порядка», меж тем как его противник, вооруженная буржуазия, не остается на этой «законной почве», что дает зато возможность очень красиво поморализировать.

С этой точки зрения только и становится вполне понятным саксонский эксперимент и позиция партии по отношению к саксонскому рабочему правительству. Вся аргументация и все воззвания наших саксонских товарищей носили этот эволюционный характер с сильным отпечатком пацифизма.

Эти основные воззрения, приведшие в октябре к катастрофе коммунистического движения в Германии, вновь проявили себя во всем блеске на последнем съезде. Основательный, наглядный и грубый урок, данный в октябрьские дни германской буржуазией революционному пролетариату и коммунистическому движению, прошел совершенно бесследно для группы Брандлера.

Революционное развитие происходит не по равномерно подымающейся кривой, но как-раз наоборот. Революционные успехи сменяются поражениями и крупными победами контр-революции, которые порождают вновь новые революционные бои. Лишь в резких сменах подъема и падения революционной кривой можно усмотреть признаки революционных эпох действительно крупного значения. В этом состоит огромное различие в понимании исторического процесса между нашей, марксистской идеологией, и той, которая была навязана группой Брандлера германской партии.

Необычайно юмористически звучало, когда группа Брандлера пускалась в ее резолюциях в следующие рассуждения: «Итак, тактика единого фронта была революционной тактикой. Но она привела к оппортунистическим отклонениям... Эти отклонения были замечены прежними руководящими партийными органами совместно с Исполкомом Коминтерна, которые и вступили затем с нами в борьбу».

Когда группа Брандлера, а вместе с ней и левые, делают упрек представителям центра в том, что и он участвовал в этих оппортунистических отклонениях и поддерживал их, то это, говоря просто, есть извращение той борьбы, которая велась в рядах ГКП. Саксонская политика протекала в течение многих месяцев под знаком союза с социал-демократией; и как-раз на этой союзной политике, не имевшей уже ничего общего с тактикой единого фронта, обнаружилась слабость германской партии. Подвергая критике эту союзную политику, мы в одной из своих статей в «Южно-германской Рабочей Газете» высказывали следующие соображения:

«Социал-демократическим и беспартийным рабочим левые социал-демократы, состоящие с нами в союзе, кажутся представителями социал-демократии вообще. Поддерживая правительство социал-демократов, мы уже не можем предложить ничего более того, что мы дали этому правительству, а рабочие массы остаются при этом там, где они находятся и теперь, то-есть—у социал-демократов. Все сводится к вопросу: за какой партией следуют массы, и за каким партийным лозунгом последуют они в решительный час. Ответ на этот вопрос решающе предопределяет революционную стратегию. В этом направлении тактика единого фронта, как она применялась в Саксонии, вызвала длительное состояние кризиса и значительный упадок в революционном воспитании и сознании масс». Насколько обоснована была эта критика ложного применения тактики единого фронта в Саксонии, доказало несколько недель спустя полное банкротство политиков из лагеря постепеновцев.

Шестимесячная партийная дискуссия почти единодушно осудила политику Брандлера. Только в округе Эрцгебирге—Фохтланд остались еще кое-какие следы его последователей. ¾ членов партии приняли линию левых. Исчезли ли из партии правые опасности и правые оппортунистические идеологии? Ни в коем случае. Добрые старые знакомые из рядов правой и весьма скоро вновь выступают под маской ультра-радикальных левых.

Как-раз эта своеобразная перегруппировка внутри ГКП обнаруживает справедливость старых наблюдений: правые тенденции скрываются за дутой фразеологией мнимо-революционных звонких фраз, они подобны сладкому яду, проникающему насквозь организм партии под видом «естественно-необходимых, логических» этапов развития, и рекламируют сами себя в качестве «единственно правильных» методов с помощью случайных и временных успехов. Опасность, которая кроется для революционного развития в правых тенденциях, не так легко распознается, как опасность левых уклонений, и лишь в решающие моменты революционных боев они ведут к кризису и катастрофе. Правые тенденции всегда таят в себе зерно ликвидаторства самостоятельного революционного движения. В правом направлении ликвидаторство имеет перед собой бесконечную цепь точек соприкосновения и возможностей для полного слияния с буржуазией.

Н. С—кий.

Крестьянский Интернационал.

Международный Крестьянский Совет—Красный Крестьянский Интернационал имеет огромное значение в международном революционном движении рабочих, ибо он проводит в жизнь идею союза рабочих и крестьян,—смычку города с деревней в международном масштабе. Его возникновению предшествовали попытки разных политических лагерей, стремящихся организовать крестьян для использования их как нового мощного фактора в классовой борьбе.

Еще до империалистической войны возникла мысль организации Крестьянского Интернационала. Первыми пытались заполучить крестьянство реакционеры, чтобы их направить против усиливающегося революционного рабочего движения. Некоторые деятели из германской партии центра и партии стран средней Европы, находящихся преимущественно под влиянием католического духовенства, решили создать Черный Крестьянский Интернационал, но реакция признала даже такой интернационал опасным для себя.

Реакционеры, прежде всего, боялись, что крестьяне, будучи организованы и выведены за пределы своих стран на арену международной политики, под лозунгом солидарности и братства крестьян всего мира, сознают противоречие своих классовых интересов с буржуазией и восстанут против нее. Поэтому Черный Крестьянский Интернационал в самом зародыше был уничтожен.

Второй попыткой создания Крестьянского Интернационала является попытка болгарского крестьянского диктатора Стамболийского. Он исходил из другой точки зрения, он верил в самостоятельную роль крестьян, как правящего обществом класса, и стремился создать Зеленый Крестьянский Интернационал.—Эта попытка имела место в мае 1922 года, когда Стамболийский осуществил в Болгарии диктатуру крестьянства. Однако, попытки остались безрезультатны, хотя и произвели много шуму во всем мире.

Стамболийский и прибывшие к нему в гости представители нескольких аграрных стран Европы не могли составить общей программы для продолжительного и прочного сотрудничества между крестьянами разных стран.

Последствия войны, обрушившиеся на крестьянство, и усиливающееся наступление против них капитала и борьба за землю одновременно призвали к жизни многие организации крестьян политического характера, и среди них мысль объединения в международном масштабе для борьбы против всемирной реакции становилась все более и более

популярной. С другой стороны, Октябрьская революция показала рабочим огромное значение крестьянского вопроса. В июне 23 года, во время заседания Пленума Исполкома Коминтерна, когда обсуждался вопрос о рабоче-крестьянском правительстве, один из крестьянских парламентских депутатов-коммунистов, т. Домбаль, выступил с инициативой созыва международной крестьянской конференции. Предложение его было поддержано тт. Зиновьевым, Бухариным и др. Действительно, мысль эта оказалась чрезвычайно жизненной и своевременной. Условия дня созыва международной крестьянской конференции сложились весьма благоприятно. В это время происходила Всесоюзная сельскохозяйственная выставка в Москве. Крестьянские деятели сорока национальностей, прибывшие на выставку, сошлись на первую международную крестьянскую конференцию.

Приветствуя конференцию, тов. Зиновьев говорил:

«Наш учитель тов. Ленин, который еще не вполне оправился от болезни, но, однако, получил уже в последнее время возможность знакомиться с политическими событиями, проявляет особый интерес к этому съезду крестьян. Я получил точные сведения относительно того, что составом съезда и его материалами, характером и прочими сведениями, которые имеются в газетах относительно этого съезда, тов. Ленин интересовался в первую очередь. Если у нас есть человек, который имеет особенно острый глаз относительно того, чтобы из всего вороха событий взять самое главное, то, что является узловым пунктом в истории, так это В. И. Ленин. Теперь целый ряд исторических событий обрушивается на нашу голову. И все искусство политики вождя-организатора рабочей массы в нынешнее время должно заключаться в том, чтобы из этой массы исторических событий выбрать то, которое является узловым. Я думаю, что не зря Владимир Ильич проявляет такой интерес к этому съезду».

Конференция прежде всего обратила внимание на опасность возникновения новых войн и на последствия минувших. Затем конференция разбирала вопрос об ухудшающемся с каждым днем положении крестьян капиталистических государств, эксплоатируемых торговым капиталом, трестами, монопольными и другими объединениями капиталистов. Одновременно делегаты ознакомились путем совещания и личного осмотра с положением русских крестьян до революции и после нее. Кроме того, обсуждался вопрос о кооперации на Западе и в России, и детально рассматривался вопрос отношения крестьянства к рабочему классу, о методах борьбы крестьян за землю и власть, вопрос союза рабочих и крестьян и организационный вопрос.

На основе этих материалов конференция пришла к выводу, что устранение всех бедствий, которые обрушиваются на крестьян капиталистических государств, невозможно путем реформ в рамках существующего строя, и определенно высказалась за его низвержение.

Пример Болгарии, где крестьянская диктатура потерпела полный крах, а с другой стороны, пример России, где крестьяне в союзе с рабочими добились победы, убеждал конференцию, что только путем революционного союза с рабочим классом сможет освободиться крестьянство от эксплоатации и гнета помещиков и капиталистов.

Конференция для созданного Крестьянского Интернационала, под названием Международного Крестьянского Совета, приняла лозунг: «Крестьяне и рабочие всех стран, соединяйтесь»!

Кроме политической работы, Международный Крестьянский Совет должен проводить и экономическую, стремясь к смычке рабочего города с крестьянской деревней, и поэтому решено организовать при его генеральном секретариате Международный аграрный институт.

Значение этой конференции и ее решений громадны, ибо в первый раз в истории собравшиеся крестьянские представители сорока национальностей Европы, Азии, Америки и колоний, в числе которых находились вожди разных радикальных крестьянских партий, союзов, лиг, синдикатов и вообще различных политических и экономических организаций, крестьянские депутаты парламентов и т. д., нашли политическую и экономическую платформу для сотрудничества крестьян всего мира между собою и с рабочим классом.

За этими, лучшими, наиболее передовыми представителями крестьян, несомненно, пойдут многомиллионные крестьянские массы, ибо они представляют действительно их интересы. Крестьянский Интернационал приобрел везде среди крестьян огромную популярность, с неожиданной быстротой начал расти и в настоящее время объединяет крестьянские организации разных стран, насчитывающие несколько миллионов членов: например, в Германии объединено под лозунгом Рабоче-Крестьянского Союза около полутора миллиона крестьян. Так же весьма значительные успехи и в других странах. Пока налажена связь с крестьянством Франции, Германии, Польши, Чехо-Словакии, Латвии, Болгарии, Юго-Славии, Кореи, Средней Азии, Китая, Италии, Румынии, Соединенных Штатов Северной Америки, Канады, Мексики, Бразилии, Аргентины, Аравии и ряда колоний.

Начали выходить крестьянские газеты и журналы в разных странах, которые проводят программу Крестьянского Интернационала. Генеральный Секретариат Международного Крестьянского Совета занялся вопросом внутренней организации, обработкой и разрешением ряда принципиальных вопросов, организацией Международного аграрного института, своих секретариатов и издательских отделов в ряде стран, прежде всего в Германии, Франции и Америке, налаживанием связей с крестьянством целого ряда других стран, организацией постоянной международной хроники крестьянского движения и т. д.

Международный Крестьянский Совет выпустил ряд воззваний: по общим вопросам, касающимся крестьян всего мира, крестьянской молодежи и крестьянок, фашистского террора, празднования 1-го мая, как торжества рабоче-крестьянского союза, народов колоний, 5-й годовщины Коминтерна, международного дня работниц и крестьянок, кончины Ленина и т. д., а также по специальным вопросам, относящимся к крестьянскому движению Польши, Румынии и т. д. Воззвания эти были широко распространены. Кроме того, в разных странах были опубликованы постановления первой международной крестьянской конференции. Приступлено к изданию органа МКС, журнала «Крестьянский Интернационал» и «Международной Крестьянской Библиотеки». Пока вышли первые номера на разных языках.

Конечно, работа находится в самом зачатке, как и сама организация, которая существует едва несколько месяцев. Что, однако, особенно тормозит развитие этой новой необходимой организации для усиления революционного движения трудящихся, это, прежде всего, или равнодушное отношение компартий многих стран, не дающих себе вполне

ясного отчета в своих обязанностях по отношению к крестьянскому движению и об организационных задачах компартии в деревне.

Главная задача V-го конгресса Коминтерна, в повестке дня которого стоит вопрос о Крестьянском Интернационале, должна заключаться в том, чтобы изжить эти предубеждения к активной работе среди крестьян, это действительно печальное наследие эпохи II Интернационала, который проводил исключительно узко-цеховую работу и игнорировал столь могущественного союзника, каким являются в борьбе с капитализмом сотни миллионов трудящихся крестьян. Завоевать эту массу на свою сторону и направить ее против буржуазии—является важнейшей задачей революционного авангарда рабочего класса всех компартий в настоящую революционную эпоху, ибо это имеет решающее значение для пролетарской революции во всем мире.

Характерным для переживаемой нами эпохи является стремление крестьян стать **политическим фактором**, организоваться и освободиться от опеки буржуазии. Использовать это стремление в революционных целях, стать руководителем борьбы крестьянских трудящихся масс за освобождение под лозунгом революционного рабоче-крестьянского союза, способствовать наибольшему развитию Крестьянского Интернационала—это одна из важнейших задач каждой из компартий.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Наша деревня.

Я. Яковлев: «Наша деревня». Новое в старом и старое в новом. Изд-ство «Красная Новь», Москва 1924 г. 176 стр., цена 70 коп.

Тов. Ленин решительно предостерегал от общих фраз и благих пожеланий, которыми нередко наполнялись партийные резолюции и тезисы о работе в деревне. «Вместо этого,—писал он XI съезду,—лучше взять данные практического опыта хотя бы даже по одному уезду, хотя бы даже по одной волости, и разработать их не академически, а практически...

...Резолюцию съезда ЦК (о работе в деревне.—И. Ф.) приготовить таковую (примерно): «Факты показывают и специальная комиссия съезда подтверждает, что главный недостаток партии в области работы в деревне — неизучение практического опыта, это корень всех бед и всего бюрократизма. Съезд поручает ЦК с этим в первую очередь бороться».

В прошлом году ЦК партии осуществил прекрасный ленинский совет: на изучение практического опыта партийно-советской работы в деревне была послана специальная комиссия. Эта мера оправдала себя, и в нынешнем году накануне XIII партсъезда ЦК повторил опыт обследования деревни. Тезисы тов. Калинина о работе в деревне, одобренные ЦК и принятые съездом, в своей основе имели данные, достигнутые учетом деревенской действительности.

В результате этих же работ написана и превосходная книжка тов. Яковлева «Наша деревня». Тов. Яковлев, вместе с группой других товарищей, в том числе и местных работников, обследовал Знаменскую волость Тамбовской губернии. Конкретными примерами и точными фактами жизни этой волости он и иллюстрирует современную советскую деревню. Свои данные по Знаменской волости тов. Яковлев сверил с результатами одновременно произведенных обследований волостей Иваново-Вознесенской, Кубано-Черноморской, Саратовской, Алтайской губерний, Башреспублики и Туркестана. В основном данные обследований оказались сходными, и, таким образом, выводы и обобщения автора имеют для российской деревни общезначимый характер.

Коренное достоинство брошюры именно и заключается в ее конкретности. В работе тов. Яковлева нет ни одного вывода, не подкрепленного яркими фактами, что и делает ее чрезвычайно убедительной.

Подзаголовок, данный автором брошюре, уместен и характерен: «новое в старом и старое в новом». В сочетании, в своеобразном переплете в борьбе элементов старого и нового проходит сейчас экономическое и культурно-политическое развитие деревни, ее органический, мучительно-трудный, но неуклонный и несомненный рост.

«Приемы общественной работы, психология, быт деревни определяются, прежде всего, тем, что нам еще приходится бороться за вытеснение сохи плугом» (курсив автора). Вот это старое и основное наследие прошлого (соха), от которого и посейчас, и еще надолго будут проистекать многие «качества».

Но в то же время «война и революция провели ряд глубоких борозд в нынешней деревне»...

Революция взрыхлила почву для такого темпа культурного, политического и хозяйственного роста деревни, которые были бы не мыслимы без революции»... (6 стр.).

Нет такого хозяйственного, бытового, административного явления в деревне, в котором бы на-ряду с ростками нового мы не нашли следов цепких лап старого.

И в основном, в условиях рабоче-крестьянской государственной, пролетарской диктатуры—борьба между старым и новым есть борьба за путь исторического развития: вперед к социализму или назад к капитализму. На примере Знаменской волости тов. Яковлев утверждает одну весьма важную для практической работы коммуниста истину: нельзя подходить с формально-абсолютной оценкой ни к одному из явлений социально-экономической жизни деревни. Пример—совхоз. Мы расцениваем наши совхозы, и вполне законно, как островки социалистического хозяйства в мелко-хозяйственном мире деревни, как командные высоты, с которых прогрессивными методами хозяйствования, успехами максимальной продукции мы будем бомбардировать мелко-хозяйственную стихию. Для нас совхозы не просто государственные хлебные фабрики, но прежде всего показательные фабрики, рассадники высшей сельскохозяйственной культуры.

А на деле? Тов. Яковлев рассказывает о двух обследованных им совхозах. Первый, Воронцовский, имеет в наличности все возможности к прекрасному ведению хозяйства. О нем крестьяне рассказывают: «От совхоза нам помощи нет никакой, ничем он нам не помогает... Совхоз не только местному населению, но и государству вреден,—он государству ни фунта хлеба не дал, только берет от государства хлеб. Живет на одной мельнице; мельница одна на районе: поневоле к ней пойдешь. Мельница на воде работает. На той мельнице и дурак работать будет. Она вертится и все тут. Такой совхоз ущерб всему государству дает».

«К сожалению,—заключает с грустью тов. Яковлев,—при дальнейшей проверке эти крестьянские выводы заведующий совхозом никак не мог опровергнуть» (82 стр.).

Другой совхоз—Знаменский. «Если бы этот совхоз принадлежал графу Строгонову (прежнему владельцу), то хозяин не мог бы ни одного дурного слова сказать о своем приказчике: имение находится в порядке, недурно обрабатывается, даже дает некоторый доход» (88 стр.). А между тем, на собрании представителей крестьян совместно с заведующим совхозом крестьянами было предъявлено совхозу 30 обвинений.

В основном эти обвинения сводятся к тому, что в отношении к кре-

стьянам совхоз абсолютно ничем не отличается от старого помещичьего имения.

«Дважды отвечал на крестьянские обвинения заведующий совхозом Иванов, Григорий Тарасович,— рассказывает тов. Яковлев.—И столько в его ответах было барского презрения и пренебрежения к мужику, что караул кричать надо, если подобные отношения к крестьянам имеются хотя бы еще в трех десятках совхозах по всей России, ибо вред от этого не только крестьянству, но и партии огромный» (94 стр.).

Таковы командные высоты социалистического хозяйства в Знаменской волости.

На примере обоих совхозов автор делает выводы, каким путем должно итти советское хозяйство в деревне, чтобы выполнить подлинную роль социалистического рассадника.

Не будем перечислять их, отметим лишь, что они просты, конкретны, исполнимы и несомненно бьют в цель: сблизить совхоз с крестьянством, сделать из него организующий центр на доступную его влиянию округу.

Другой пример, где подход с формальной оценкой может оказаться также чрезвычайно ошибочным и сугубо вредным. Мы весьма высоко расцениваем значение кооперации (и сельскохозяйственной в особенности) в системе советского строительства.

«Социализм—это Советская власть плюс электрификация, плюс кооперация». (Из речи т. Кржижановского на XIII партсъезде). В нашей партии это можно считать общепризнанной формулой, оставленной нам еще тов. Лениным. Но обратимся к действительности. Тов. Яковлев целую главу своей книги назвал: «Хищнический капитализм под кооперативной вывеской» (стр. 57).

«В Знаменской волости,—пишет он,—имеется 4 сельскохозяйственных товарищества, охватывающих очень большую группу крестьян и очень недурно работающих (курсив мой И. Ф.). Исследование этих товариществ обнаружило, что ничего кооперативного в них нет,—есть только аренда государственной земли крепкими крестьянами, которым выгодно пользоваться кооперативной маркой» (курсив мой).

Многие крестьяне не вошли в эти кооперативы по бедности, и их отношение к означенным кооперативам самое враждебное.

Вот наиболее характерные отзывы таких беднейших крестьян: «Я их знаю, кооперативную партию,—у кого скот, инвентарь, тот и кооператор»...

Другой: «Я просился в кооперацию, а меня не приняли, говорят: много вас таких»...

...«Спекулянят только землею кооперативы» и т. д. все в этом роде.

«Капиталистические начала,—заключает тов. Яковлев,—получили под кооперативной вывеской наиболее благоприятные для себя условия... А мы принимаем их (эти кооперативы) за кооперацию, в сводках губернских, РСФСР и союзных, считаем сотни тысяч кооперативных крестьян, ублажаем себя, якобы, имеющимся примером движения к социализму, в то время, как в действительности есть движение к капитализму» (65 стр.).

Конечно, и отрицательные образцы совхозов и рост капиталистических отношений под маской кооперации отнюдь не опорочивает общего значения в движении к социализму совхозов и кооперации в целом. Но тов. Яковлев правильно и своевременно сигнализирует опасность. Выдвигая на первый план обе формы внедрения социалистических начал в деревне.

Обратимся к противоположным примерам. Модной темой эмигрантской белогвардейщины в последнее время является поселочное движение крестьянства. В этом движении, где, естественно, собственнические чувства крестьян находят сильное отражение, эмигрантская пресса видит, во-первых, уступку Советской власти столыпинщине, а во-вторых, надеется здесь именно обрести рычаг, чтобы сбросить с российской действительности ненавистную покрышку социализма и Советской власти.

Поселочное движение приняло широкие размеры в 1922 г. В 23 году, в связи с отменой льгот переселяющимся, оно резко падает. Отмену льгот для поселкового выселения тов. Яковлев считает «ошибкой, могущей принести большой вред движению вперед крестьянского хозяйства»... «Необходимо,—говорит он,—восстановить в том или ином размере льготы для хозяйства, желающих переселиться». В чем дело?

А вот в чем:

«В поселочном движении, которое является одним из наиболее приемлемых для крестьянства способов выхода из земельного неблагоустройства, много таких простейших элементов работы сообща, от которых можно двигаться дальше по пути кооперирования» (стр. 71).

Свою мысль автор иллюстрирует примером поселка Поддубровка, образовавшемся в 1922 г.:

— «Поддубровские хозяева живут дружно. Их хозяйство такое, что приходится дружными быть,—чтобы залежь поднять, двумя и тремя лошадьми работать приходится. Спариваются они иногда подвое, потрое. На весь выселок 7 плугов приходится, ими и обходятся. Платы за плуги владельцы плугов не берут: все время приходится, по недостатку, одному у другого одолжаться. Если плуг поломают, исправляют вместе... «Приходится дружными быть, так как нет у нас таких хозяев, чтобы один все имел»...

Народ передовой, хотя и трудно было, а больше четверти земли под зябь выпахали» и т. д., и т. п. Как Ленин умер, «мороз пошел у крестьян по коже, страшно стало, что будет, но увидели после,—как Ленин распорядился, так и идет»... «Имеются среди поселковых кандидаты в РКП.»...

Такой поселок,—говорит тов. Яковлев,—небольшого размера, с землей стянутой в один кусок, без чересполосицы и дальноземелья, представляет собой исключительно благоприятную почву для объединения кооперативного типа и для перехода к культурным способам ведения хозяйства».

Дальше автор шаг за шагом рассматривает ряд примеров, где крестьяне работают сообща, где имеются естественные и хозяйственно-прогрессивные зачатки кооперирования, то новое, что на почве хозяйственных недостач, с одной стороны, а на взрыхленной революцией почве—с другой, является пока слабыми рычажками, а может стать мощным рычагом к массовому кооперированию деревни, к ее движению по пути к социализму.

И... «задачей партийной работы в деревне в течение ближайшего периода является—прощупать любой росточек, любой зародыш, любой пример, любую форму такой работы, где уже теперь начинают вместе

работать лучше, чем врозь, от кооперирования сбыта и отдельных элементов крестьянского производства до всестороннего кооперирования сельского хозяйства».

Нам кажется, однако, что, в общем правильно намечая путь кооперирования деревни и правильно предостерегая от заскоков от «излишней регламентации», тов. Яковлев в категорическом запрещении примерно «слияния сельскохозяйственной и потребительской кооперации» сам перегибает палку. Пишущему эти строки пришлось быть свидетелем нарождения и роста кооперации в Восточной Сибири (в Верхоленском уезде Иркутской губ.) в 1916 году. Без всякого искусственного насаждения, с бурной стремительностью вырастали здесь кооперативные объединения, при чем одна форма кооперации вызывала к жизни другую, и практически, без всяких насильственных действий, эти формы связались одна с другой, интересовались, как бы не резало ухо это словцо: кредитная, производственная (сельскохозяйственные машины, кожевенный завод, маслобойни) и потребительская.

Поэтому навязывать искусственное слияние, конечно, не годится, но подталкивать к связи к сочетанию действий, а отсюда и к объединению всех видов кооперирования отнюдь не вредно и запрещать не следует.

Очень ценные данные приводит автор о классовом расслоении современной деревни. Эта часть брошюры, пожалуй, наиболее ценна и интересна. Ибо здесь лежит главная опасность к тому, что хозяйство дает серьезный крен в сторону капитализма. В деревне происходит процесс, обратный тому, какой был в эпоху военного коммунизма. Тогда шло общее равнение, осереднячивание крестьянства. Нэп, вовлекший крестьянское хозяйство в товарный оборот, приостановил процесс равнения, а затем сменил его процессом расслоения: середняк дает с двух концов, с одного вырастая до размеров кулацкого хозяйства, а с другого снижаясь в бедноту. С началом нэп'а партия предвидела неизбежность этого процесса, позднее о нем не раз писалось, но, по преимуществу, на основе предположений или случайных сведений. Данные работы тов. Яковлева дают возможность как бы прощупать этот процесс, осязать его конкретные опасности и принять ряд тоже конкретных мер к его обезвреживанию для массы малоимущих крестьян.

Происходит не только расслоение крестьянства, но и следующее параллельно ему закабаление деревенской бедноты кулачеством.

Брошюра указывает яркие примеры, как это закабаление происходит и на разных «одолжениях» бедноте, и на починке инвентаря, и их запашке, и на сдаче земель в аренду. А советский закон, защищающий интересы бедноты, карающий кулака? Беда в том, что «до бедняка не доходит закон» (стр. 32).

«У нас написано очень много хороших законов, и налоговая система законов, и налоговая система наша на бумаге права бедняков защищает очень не плохо... Но всуе законы писать, если их не исполнять. И величайшей политической задачей в предстоящем году является задача добиться хоть наполовину выполнения законов» (43 стр.).

На кого опереться в разрешении этой задачи? Конечно, прежде всего на наши партийные ячейки в деревне. Для этого нужно, чтобы деревенские ячейки решительным образом изменили характер своей работы. Вот что рассказывает тов. Яковлев о знаменской ячейке РКП. В ней 17 членов и 2 кандидата, из них только один крестьянин без

административных занятий, так-сказать от сохи, остальные—советские чиновники и служащие.

«Состав ячейки определяет ее работу. Ячейка живет как-будто вне села. Вопросы о положении сельского хозяйства ни разу не обсуждали... Ячейка ни разу не ставила вопроса о землеусторойстве, хотя отсутствие землеустройства исключает какой бы то ни было серьезный подъем крестьянского хозяйства... Вопрос о положении маломощных крестьян, об условиях найма лошади и сдачи земли, о работе комитета взаимопомощи не обсуждали ни разу» и т. д., и т. п. «Ячейка, как целое, как низовая организация РКП, не существует»...

А между тем, сами члены ячейки заявляли следующее: «Если бы повести настоящую работу среди крестьян, если бы показать заботу об их хозяйстве, о землеустройстве, можно бы много хороших крестьян привлечь в партию, главным образом, из бедняков»... (160 стр.).

В этом заявлении сформулирована подлинная и наиболее существенная задача, стоящая сейчас перед коммунистами в деревне. Если ячейка приступит к ее разрешению, приложится и многое другое, и в частности «честный советский аппарат», в котором, как свидетельствует обследование, в деревне настоятельная нужда.

Мы не имеем возможности подробнее остановиться в брошюре тов. Яковлева, в частности, на его данных о новом в культурной жизни деревни и на роли деревенской интеллигенции: агронома, учителя, землеустроителя.

В этих главах рассеяно много интересных и свежих наблюдений и сделанных на их основе выводов. Отсылаем непосредственно к ним писателя. Лишь пару замечаний.

Тов. Яковлев дал ряд штрихов об отношении деревни к попу, но самого попа упустил совершенно. И это жаль. Этот обломок старого еще очень заслуживает серьезного внимания. Это первое. Второе—об антирелигиозной пропаганде. Тов. Яковлев объем и метод антирелигиозной пропаганды сводит «к систематической постановке естественно-научной пропаганды. Объяснить происхождение града, дождя, засухи, появление вредителей, объяснить и продемонстрировать свойства почвы, действие удобрений—наилучший способ антирелигиозной пропаганды, наилучший способ борьбы с нынешним крестьянским богом».

Другого способа он не указывает, и можно думать, что, по мнению автора, он единственный. Это, конечно, неверно. Исходить, конечно, нужно из быта крестьян. Но нельзя упускать из виду, какую роль в деревнях играли и продолжают играть религиозные «прения» православных и сектантов. Эти прения всегда привлекали большие массы интересующихся. Тем более интерес возбуждается в деревне обсуждением наиболее кардинального вопроса—о существовании бога. Об этом есть достаточно свидетельств.

Антирелигиозная пропаганда, разбор «священных» заблуждений, освещение происхождения религий и т. д.—все это привлекает внимание крестьян, нужно и может быть полезным. Вопрос лишь в умене правильно подойти к делу. Но это относится не только к религиозному, но и ко всем другим вопросам.

В общем, книжку тов. Яковлева надо рекомендовать самым настоятельным образом всем партийным товарищам и всем передовым рабочим, всем, кто в той или иной степени связан с деревней и деревенской работой.

И. Флеровский.

Ленин и аграрный вопрос в России.

А. С. Мартынов: Ленин и аграрный вопрос в России. Издание «Красная Новь» 1924 г., 82 стр. Тираж 20.000 экз.

Тов. Мартынов различает три фазы в отношении Ленина к аграрному вопросу в России: 1) предреволюционная эпоха 1894—1903 гг., 2) первая русская революция 1905—1907 гг. и 3) февральская революция 1917 года и до 1923 года. В трех главах книжки последовательно разбираются эти три периода. Наибольшее место уделяется последнему—февральско-октябрьскому.

В первой главе, кладя в основу ту постановку аграрного вопроса, какую дал тов. Ленин в брошюре 1894 года «Что такое друзья народа, и как они борются против с.-д.?», тов. Мартынов разбирает вопрос, почему при очень радикальной аграрной программе, намеченной в указанной брошюре (конфискация без выкупа помещичьих и прочих земель), аграрная программа, предложенная Лениным и принятая II съездом партии, носила умеренный характер. Правильно разрешая этот вопрос так, как разрешал его тов. Ленин в период первой революции *) тов. Мартынов недостаточно резко и отчетливо подчеркивает ошибочность нашей первой аграрной программы и потому обходит главную причину этой ошибочности, а именно переоценку степени капиталистической диференциации в нашей деревне,—переоценку, сделанную и тов. Лениным, и всей партией до периода первой русской революции **). Как увидим ниже, обойдя это положение, тов. Мартынов неправильно разрешает вопрос о сущности разногласий по аграрному вопросу между тов. Лениным и Троцким.

Вторая глава, посвященная обзору этой первой революции, представляет наибольший интерес, поскольку в ней тов. Мартынов не только излагает известные мысли тов. Ленина, но и дает свой анализ ряду вопросов. Но именно в этой части главы содержится ряд ошибок, ряд отклонений от ленинских взглядов. Две главнейшие ошибки следующие:

1) Разбирая большевистский лозунг того времени: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», тов. Мартынов задается вопросом: как представлял себе тов. Ленин перспективы после победы революции? Отвечая на этот вопрос, тов. Мартынов пишет: «Предполагать, что тов. Ленин в 1905 г. не понимал неизбежных последствий установления режима диктатуры пролетариата, что он не понимал, что эта диктатура будет гнать революцию за буржуазные пределы, совершенно невозможно» (стр. 39, подчеркнуто нами). Ставя так вопрос, тов. Мартынов неизбежно должен был запутаться, что он и сделал: выводы тов. Мартынова, в общем, сводятся к тому, что Ленин представлял перспективы революции 1905 года так же, как и тов. Троцкий, но, как более, чем Троцкий, тактичный политик, Ленин не считал возможным открывать свои перспективы, так как это могло отпугнуть крестьян.

В основе здесь та же ошибка, какую тов. Мартынов делал в 1905 году, а именно непонимание лозунга «революционно-демократическая

*) См. Ленин. „Аграрная программа с.-д. в первой русской революции 1905—1907 гг.", гл. II: „В чем ошибки прежних программ с.-д". Изд. 1919 г, стр. 47—50

**) См. Ленин. „Аграрная программа с.-д." и т. д, стр. 88—89.

диктатура пролетариата и крестьянства», подмена его лозунгом «диктатуры пролетариата», непонимание разницы, вообще соотношения между революцией буржуазно-демократической и революцией социалистической. Это—старая ошибка тов. Мартынова, являющаяся логической основой всех его (и других меньшевиков) ошибок в 1905 году. Как видим, та же ошибка и теперь приводит его к неверным выводам.

2) Касаясь основ спора между Лениным и Троцким, тов. Мартынов пишет:

«Спор между Лениным и Троцким в 1905 году вытекал из того, что тов. Троцкий, в отличие от Ленина, недооценивал огромное значение крестьянства в политической жизни России» (стр. 35). Это правильно. Но дальше тов. Мартынов продолжает:

«Правильно отмечая обнищание и пауперизацию нашей деревни, обремененной непосильными государственными платежами, он недооценивал элементы капиталистического развития в деревне» (стр. 35—36, подчеркнуто нами). Это уже совершенно неправильно. Тов. Троцкий, так же, как и меньшевики, совершенно наоборот, переоценивал «элементы капиталистического развития в деревне». Глубокая диференциация в среде крестьянства, вытекающая отсюда распыленность его, отсутствие в крестьянстве «единой воли» и проч., и т. п. последствия капитализма в деревне не дают возможности говорить о крестьянстве, как о классе, и опираться на все крестьянство, а выдвигают на первый план задачу классового воспитания пролетарских элементов в деревне и т. д. и т. п.— вот к чему сводились взгляды *и* меньшевиков, *и* тов. Троцкого. Тов. Ленин, наоборот, не отрицая факта диференциации крестьянства, не отказываясь от задачи классового воспитания и организации с.-х. рабочих, говорил, что основными классовыми противоречиями в деревне являются не противоречия капиталистического характера между отдельными слоями крестьянства, а противоречия между крепостниками - помещиками и крестьянством, как классом феодального общества. В основе споров между Лениным и Троцким (и всеми меньшевиками) лежало именно такое понимание крестьянской экономики. Тов. Мартынов дает диаметрально противоположное освещение.

Третья глава, посвященная февральской и октябрьской революциям, носит более повествовательный, чем аналитический характер. Это понятно: еще не пришло время, когда можно было бы удариться в историзм по поводу нашей теперешней революции. Однако, и здесь тов. Мартынов допускает одну грубейшую ошибку.

Еще во второй главе, касаясь все тех же споров с тов. Троцким, тов. Мартынов, между прочим, говорит:

«Это был тот же спор, который еще позже... Ленин вел против тов. Троцкого, доказывая ему, что у нас в России не «рабочее государство, а рабоче-крестьянское», к тому же с бюрократическими извращениями» (стр. 36).

В третьей главе, тов. Мартынов опять повторяет:

> «...Ленин... многозначительно (!?) напомнил, что в России «на деле» не рабочее государство, а рабоче-крестьянское, и притом осложненное бюрократическим извращением» (стр. 69).

Это извращение Ленина, извращение тем более недопустимое, что сослаться на незнакомство с работами Ленина т. Мартынов, конечно, не может. Приведенная т. Мартыновым цитата из Ленина

сказана последним в речи от 30 декабря 1920 г., помещена она в XVIII томе сочинений Ленина, тоже вышедшем давно. Цитату легко найти на стр. 12-й. А на стр. 33-й того же тома, в статье «Кризис партии», статье, относящейся к той же дискуссии о профсоюзах и помеченной 21 января 1921 года, есть такое место:

«Говоря о дискуссии 30 декабря, я должен исправить еще одну свою ошибку. Я сказал: «У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское». Тов. Бухарин сразу же воскликнул «какое?» А я в ответ ему сослался на только-что закончившийся VIII съезд советов. Читая теперь отчет о дискуссии, я вижу, что я был неправ, а тов. Бухарин прав. Мне надо было сказать: «Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население, и, во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением» (подчеркнуто везде мной.—И. С.).

Как мог тов. Мартынов, ссылаясь на слова Ленина о том, что «наше государство рабоче-крестьянское», цитируя соответствующие выдержки из Ленина, замалчивать, не цитировать приведенной выше мной выдержки из того же Ленина? Таких приемов, особенно когда дело касается такого важного вопроса, как сущность нашего, советского, государства, практиковать не следует. Если тов. Мартынов не согласен с Лениным 21 января 1921 года, а более согласен с Лениным 30 декабря 1920 года, он должен был об этом заявить прямо и изложить основания таких взглядов.

Нам требуется изучение Ленина. Требуется передача его в понятном для масс, но не извращенном, виде. Нам больше чем что-либо другое требуется основательное изучение работ Ленина по аграрному вопросу. Разбираемая книжка тов. Мартынова только в том случае будет отвечать в полной мере этому жизненному требованию, если тов. Мартынов тщательно исправит ее, удалив важнейшие ошибки.

Ив. Струев.

О Владимире Ильиче.

Н. К. Крупская—«О Владимире Ильиче». Изд-во «Красная Новь».

Эту маленькую книжку в 24 страницы спокойно нельзя читать. В ней помещены статьи и речи тов. Крупской, уже появлявшиеся в печати. Но собранные вместе, они создают цельный незабываемый образ, они производят сильнейшее впечатление. Бесспорно, это лучшая книжка о личности В. И. Ленина. Тов. Зиновьев уже отмечал, что в трагические дни смерти Владимира Ильича именно Надежда Константиновна нашла на торжественном заседании II Съезда Советов самые нужные слова...

Вот некоторые характерные места из книжки. В статье «О Владимире Ильиче» (стр. 12) тов. Крупская пишет:

> «О Владимире Ильиче очень много пишут теперь. В этих воспоминаниях Вл. Ильича часто изображают каким-то аскетом, добродетельным филистером-семьянином. Как-то искажается его образ. Не такой он был. Он был человеком, которому ничто человеческое не чуждо. Любил он жизнь во всей ее многогранности, жадно впитывал ее в себя».

Книжка т. Крупской тем, между прочим, и ценна, что она просто, по-человечески рассказывает о великом человеке. В этом смысле она может служить образцом для всех, кто вздумал бы писать о Ленине.

Располагая такой книжкой, как книжка тов. Крупской, мы тем самым имеем твердую основу для борьбы со всякими попытками искажения образа нашего вождя, будет ли это в статьях, очерках или художественной литературе.

Что в широких непролетарских кругах о Ленине-человеке существует самое фантастическое представление,—это общеизвестно. Но зачастую даже в близкой к нам среде мы сплошь и рядом наталкиваемся на непонимание основных личных черт Владимира Ильича. Например, нередко можно встретить взгляд, что Ленин был человеком слишком «жестким», даже «бессердечным», что тонкие движения души ему были чужды... Надежда Константиновна рассказывает о глубокой личной привязанности к товарищам по работе, как об одной из характернейших черт Валдимира Ильича. Но,—замечает она,—

> «личная привязанность к людям никогда не влияла на политическую позицию Вл. Ильича. Как он ни любил Плеханова или Мартова, он политически порвал с ними (политически порывая с человеком, он рвал с ним и лично, иначе не могло быть, когда вся жизнь была связана с политической борьбой), когда это нужно было для дела.
>
> Но личная привязанность к людям делала для Вл. Ильича расколы неимоверно тяжелыми. Помню, когда на втором съезде ясно стало, что раскол с Аксельродом, Засулич, Мартовым и др. неизбежен, как ужасно чувствовал себя Вл. Ильич. Всю ночь мы просидели с ним и продрожали. Если бы Вл. Ильич не был таким страстным в своих привязанностях человеком, не надорвался бы он так рано».

Далее тов. Крупская подчеркивает снова, что «меньше всего был Ильич... тем добродетельным мещанином, каким его иногда теперь изображают». Партия обязана внимательно следить за тем, чтобы литература о Ленине, в особенности предназначенная для широкого распространения, была безусловно доброкачественна, чтобы Ленина не изображали «добродетельным мещанином». Отделы печати и агитпропы наших партийных комитетов должны принять особые меры против опошления и извращения образа Ленина в огромной и разнообразной литературе—центральной, областной, уездной. Строжайший критический разбор выходящей литературы о Ленине—важнейшая задача нашей руководящей печати...

Книжка тов. Крупской отпечатана в количестве 25.000 экз. Но она должна быть распространена в миллионах экземпляров. Лучшей массовой книжки о Ленине у нас нет и в ближайшее время вряд ли будет. Ее можно и нужно дополнить кратким биографическим очерком, и тогда она будет совершенно незаменимой. Книжка доступна всякому грамотному человеку. Книжка нужна всем интересующимся личностью Ленина, всем, от беспартийных рабочих и крестьян, до самых «ответственных работников» включительно.

Книжка тов. Крупской должна быть переведена на иностранные языки для самого широкого распространения во всем мире.

Ил. Вардин.

Несовременный „Современник".

(«Русский Современник». Литературно-художественный журнал, издаваемый при ближайшем участии М. Горького, Евг. Замятина, А. Н. Тихонова, К. Чуковского, Абр. Эфроса. Ленинград, 1924 г. Книга первая. Стр. 349. Тираж 5.000 экз.).

Еще XI съезд партии отметил, что в условиях нэп'а буржуазия неизбежно будет пытаться использовать в своих интересах такие области, как высшая школа, художественная литература и т. д. До сих пор, однако, художественные идеологи старой и новой буржуазии не выступали в пределах Советского Союза сплоченным отрядом. Они пытались поодиночке просочиться в наши партийно-советские журналы, альманахи и издательства. Они пытались распространять свои мысли и настроения под маркою советских органов. Ныне перед нами—выступление буржуазной литературы уже в открытом виде, без забрала, в качестве организованного отряда. № 1 журнала «Русский Современник». как-раз представляет из себя первое выступление этого отряда.

Сотрудников «Русского Современника» можно разбить на две основных категории: на неприемлющих и «приемлющих» революцию. Это деление проходит красной нитью через все отделы журнала. Остановимся первоначально на первой категории.

Прежде всего бросаются в глаза по обыкновению талантливые, сжатые и энергичные стихи Анны Ахматовой. Гибнет и рушится грешный Содом. Праведник Лот с семьею, не оглядываясь на погрязший в разврате город, идет за посланником бога. Но его жена, слишком сросшаяся с Содомом, не может так легко расстаться с ним. Тревога говорит ей:

Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.

Жена Лота, как известно, жестоко поплатилась за эту привязанность к прогнившему миру: она превратилась в соляной столб.

Кто женщину эту оплакивать будет,
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

Можно ли желать более откровенного и недвусмысленного признания в органической связанности с погибшим старым миром? Можно ли желать еще более отчетливого доказательства глубочайшей нутряной антиреволюционности Ахматовой? Ахматова—несомненная литературная внутренняя эмигрантка. И подумать только, что высокопросвещенному ком-меценату Н. Осинскому два года назад упорно хотелось разглядеть у этой последовательной и последней поэтессы дворянства какие-то проблески революционности! Надеюсь, что после стихов, помещенных в «Русском Современнике», даже тов. Осинский бросит разговорчики о близости к нам ахматовской поэзии.

Не менее определенен и матерой упадочник Федор Сологуб. Автор «Навьих чар» горько сетует на совершающиеся гигантские сдвиги:

Не слышу слов, но мне понятна
Твоя пророческая речь.
Свершившееся—невозвратно,
Здесь ничего не уберечь!

Однако, для Соллогуба не все потеряно. Есть еще надежда, что, несмотря на революцию, в конце-концов, все останется по-старому

Душа, как птица, мчится мимо
Ночей и дней, вперед всегда,
Но пребывает невредимо
Времен нетленная чреда.
Напрасно бледная Угроза
Вооружилася косой,—
Там расцветает та же роза
Под тою ж свежею росой.

Однако, видимо, эта философская надежда мало успокаивает. Эпоха крушения старого мира слишком властно напоминает о себе:

Безумствует жестокий рок,
Ничья вина не искупима.
Изнемогающий пророк!
Судьба к тебе неумолима.
На склоне утомленных дней
Последнюю познал ты сладость,—
Тебя сжигающих огней
Мучительную, злую радость.
Вся безнадежность так ясна!
Так вся безвыходность знакома!
И в шелестиных голосах
Все то же бормотанье рока,
И в этих бледных небесах
Мерцанье горького упрека.

Я сделал такие большие выдержки из этих стихов потому, что стихи Сологуба являются чрезвычайно интересными политическими документами (в художественном отношении они мало ценны и далеко уступают старым стихам хотя бы того же Сологуба). Дело не в том, что Сологуб в этих стихах сознательно проклинает Октябрьскую революцию, Советскую власть и т. д. Может-быть, он и имел в виду такие политические цели, а, может-быть, он менее всего думал касаться политики. Но как бы там ни было, в этих двух стихотворениях прекрасно передано, как воспринимают нашу эпоху осколки старого барства и связанных с ним слоев интеллигенции.

Не меньшей антиреволюционностью отличается и «Рассказ о самом главном» Евгения Замятина. Судьба червяка, судьба революции и судьба какой-то фантастической гибнущей планеты,—все это поста-

влено в один мистический ряд, тонко подчеркивающий, что наша героическая борьба ни на йоту не значительнее судьбы червяка, и что вообще все наши дела—ничто перед мистической властью космоса. К этому надо добавить явное обессмысливание конкретных проявлений классовой борьбы, огромную порцию интеллигентской рефлексии и фальшивое изображение коммуниста. Впрочем, чего иного можно ждать от Замятина?

А София Парнок пытается в конце журнала подвести теоретическое обоснование под контр-революционные писания Ахматовой, Сологуба и Замятина:

> Ну, а что, если вдруг окажется, что такая одинокая, такая «несегодняшняя» Ахматова будет современницей тем, кто придут завтра и послезавтра?
>
> А что, если взяткой сегодняшнему дню откупаешься от вечности?... Разве так уж ненужна вам вечность, поэты сегодняшнего дня?

Эти строки, полемизировать с которыми не стоит труда, доказывают, что появление в журнале контр-революционных по существу произведений—отнюдь не случайность. Значительная часть сотрудников «Русского Современника»—дети старого мира, у которых—«все в прошлом», которые только и живут мечтами об этом старом мире. Недаром во втором своем стихотворении Ахматова с таким пафосом повествует о фантастической пирушке пяти лежащих в земле джентльменов и лэди. Воистину, стихи Сологуба и Ахматовой и рассказ Замятина, это—заздравные тосты на вечеринке мертвецов:

Хозяин, поднявши полный стакан,
Был важен и недвижим:
«Я пью за землю родных полян,
В которой мы все лежим».

«Русский Современник» менее всего современен. К нему скорее применимо название, данное своим статьям 1917 года одним из ближайших сотрудников нового журнала Максимом Горьким,—«Несвоевременные мысли».

Но рядом с писателями старого мира, рядом с плакальщиками о дореволюционной России, мы находим в «Русском Современнике» и ряд так-называемых попутчиков, т.-е. писателей, если и не революционных, то, во всяком случае, «приемлющих» революцию. Тут фигурируют Пильняк, Горький и т. д. Что объединило их с Ахматовой и Сологубом? На это нетрудно ответить. Великорусский национализм,—вот платформа, на которой сошлись и обменялись рукопожатиями Ахматова и Горький, Чуковский и Пильняк. Самое название журнала подчеркивает его националистический уклон. «Русский Современник»! Не говоря уже о термине «пролетарский» (этого никто и не требует), хотя бы поставили «Советский», наконец, «Российский». Нет, именно русский! Где уж тут говорить о Советском и Российском, когда Алексей Вагин печатает в журнале сильное стихотворение, очень напоминающее империалистические песни Редиарда Киплинга,—целый восторженный гимн завоеванию диких племен новгородскими ушкуйниками, этими пионерами торгового капитала!

Действительно, произведения, «приемлющие» революцию, носят в «Современнике» определенно националистический характер и далеки от подлинной революционности. Борис Пильняк в наброске «Два рассказа» попрежнему подходит к Октябрьской революции, как к стихийному мужицкому бунту. То, что русская революция победила только благодаря руководству пролетариата, то, что в России совершается «первая в мире машинная революция», все это Пильняк понял (если понял) лишь головой. Творчески он этого не прочувствовал, художественно не воплотил. Слепая стихия, земляная тяга, которой в былине так и не одолел удалой Вольга Святославович,—вот что выпирает у Пильняка, вот что заслоняет всю революцию. Такое восприятие революции—безусловно искаженное восприятие.

Нечего и говорить, что тем же грехом больны и бесконечные перепевы Николая Клюева, безуспешно пытающегося в течение шести лет окулачить и революцию, и Ленина.

Очень удачно сформулировал основы такого подхода к революции пресловутый Корней Чуковский в своей статье об А. Н. Толстом:

> «Лишь через патриотизм пришел Алексей Толстой к революции, иначе не мог,— пробовал, но ничего не выходило: старые липы были вырублены таким озорным топором, что от них даже пней не осталось. Алексей Толстой, оглянувшись, увидел, что вокруг одно только Дикое поле. И всей своей очень русской кровью почувствовал, что это Дикое поле родное, что озорная рука, вырубавшая старые липы, тоже не чужая ему. Ощутил это именно кровью, безо всяких теорий—не умом, а хребтом, и все в русской революции стало ему понятно и близко. Если революция—Россия, значит, революция прекрасна. Всякий иной подход к революции был бы у Алексея Толстого неискренен. Он любит ее лишь постольку, поскольку видит в ней национальные черты».

Разумеется, было бы совершенно бесполезно искать у Чуковского,—этого фельетонного идеалиста, социологического объяснения своеобразного восприятия революции у Толстого, но самый факт подмечен чрезвычайно верно.

К сожалению, и другой ближайший сотрудник журнала Максим Горький не менее далек от понимания подлинного смысла нашей эпохи. Давно прошли те времена, когда Горький был славным «буревестником» первой революции, когда он пел славу «безумству храбрых», когда он в драме «Враги», в повести «Мать» пытался стать на точку зрения рабочего класса. Ныне—это размагниченный интеллигент, сердито ворчащий на революцию и не понимающий ее. Статья Горького о Ленине содержит массу ценного фактического материала, но какое непонимание Ленина и ленинского дела обнаруживает в ней Горький! Я не имею здесь достаточно места, чтобы подробно останавливаться на этой любопытнейшей статье, но несколько примеров горьковского подхода к Ленину все-таки надо привести:

> «Человек изумительно сильной воли, он был, во всем остальном типичным русским интеллигентом. Он в высшей степени обладал качеством, свойственным лучшей русской интеллигенции—самоограничением, часто восходящим до самоистязания, самоуро-

дования, до рахметовских гвоздей, отрицания искусства, до логики одного из героев Л. Андреева:

«Люди живут плохо,—значит, я тоже должен плохо жить».

Тов. Н. К. Крупская уже достаточно категорически опровергла обывательскую болтовню об аскетизме Ленина, и нет нужды особо возражать Горькому. А чего стоит такая снисходительно - высокомерная тирада по адресу Ильича:

«Может-быть, Ленин понимал драму бытия несколько упрощенно и считал ее слишком легко устранимой,— так же легко, как легко устранима вся внешняя грязь и неряшливость русской жизни».

Неудивительно после этого, что Ильич смотрел на Горького «с явным сожалением», что горьковские ходатайства о людях вызывали у Ленина «жалость» к Горькому, «почти презрение».

Общая физиономия журнала ясна. Он объединяет или писателей, не приемлющих революции и тоскующих по старому миру, или писателей, «приявших» национальную и мужицкую сторону революции. И совершенно непонятно, что здесь делает Бабель, как в эту реакционную компанию затесался действительно революционный поэт Н. Асеев. Сотрудничество последнего (ай да «левый фронт»!) в «Русском Современнике» не может быть оправдано ничем, ибо политически «Русский Современник» означает не что иное, как блок художественных идеологов господствовавших до революции классов с художественными идеологами новой буржуазии, мечтающей об обволакивании и буржуазном «перерождении» Советской власти. И совершенно безразлично, сознают ли Горький, Ахматова, Пильняк и др. свою объективную роль. Это появление на идеологическом фронте открытого литературного отряда буржуазии является фактом большого политического значения,—фактом, который требует немедленных и серьезных шагов в целях противопоставления фронту Замятиных, Чуковских, Сологубов, Пильняков, фронта пролетарской и революционной литературы.

В заключение, я считаю необходимым кратко остановиться на некоторых моментах, затронутых в статье Б. Эйхенбаума «В ожидании литературы». Эйхенбаум—один из видных работников «Опояз'а» (общества изучения поэтического языка), один из видных представителей формального метода художественной критики. По авторитетному разъяснению Б. Арватова, Эйхенбаум, вместе с Жирмунским, составляет в Опояз'е «крайнюю правую, стоящую на точке зрения полного обособления поэзии от критики»*). Этот заведомо идеалистический и чуждый нам критик стремится в своей статье доказать, что социологическая критика зашла в тупик, и выход—только в формальном методе. Между прочим, Эйхенбаум в своей статье касается литературной дискуссии, происходящей сейчас между различными группами писателей-коммунистов. Вот что пишет он о книгах тов. Воронского:

«Воронский начал с очень резких и решительных статей, но постепенно тон его стал смягчаться. Из прокурора или судебного следователя Воронский превратился в своего рода правозаступника современной литературы — особенно, когда ему пришлось вступить в полемику с «вульгарными марксистами» из журнала «На Посту». Он не хочет и не может рубить с плеча, как делают «напостовцы», потому что видит, что факты противоречат схемам, но выйти из этих схем тоже не может. Тем самым, позиция его становится двойственной, а статьи его—не столько критическими, сколько просветительными и защитительными. Он прибегает к помощи Белинского и начинает старательно доказывать, что искусство—познание жизни, что оно дает объективные истины и т. д. Вопросы эти не так просты, чтобы можно было их разрешить ссылками на Белинского. И что же тогда остается от марксизма?

В борьбе с «напостовцами» Воронский, в конце - концов, дошел почти до формализма, от которого был прежде очень далек».

*) См. „Печать и Революция", № 7 за 1923 г., стр. 59.

Приведя далее цитату из книги тов. Воронского о недопустимости подмены оценки писателя оценкой идеологии, Эйхенбаум далее пишет:

«Да, нам к этому нечего прибавить, но, ведь, сам Воронский не так давно (1922 г.) упрекал Зощенко за его идеологическую неопределенность».

Статья Эйхенбаума—серьезнейшее предостережение некоторым нашим партийным критикам, теряющим отчетливость классовой постановки вопроса.

Г. Лелевич.

Редакция: Н. Бухарин. Ил. Вардин. Л. Каменев.

Что нужно ИЗБЕ-ЧИТАЛЬНЕ?

КНИГИ, ГАЗЕТЫ, ПЛАКАТЫ и ДРУГОЙ ИНВЕНТАРЬ!

Где его достать?

ГЛАВНЫЙ ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РЕСПУБЛИКИ

СНАБЖАЕТ

ИЗБЫ-ЧИТАЛЬНИ

комплектами и инвертарем, содержащими книги по политграмоте, обществоведению, прикладным знаниям, сельскому хозяйству, кооперации, естествознанию, истории и географии, медицине и ветеринарии и проч., журналами и газетами на год, портретами, плакатами и географическими картами, справочным материалом, пособием по ликнеграмотности и малограмотности, письменными принадлежностями, играми и т. д.

Комплекты ТРЕХ ТИПОВ для НИЗШЕГО, СРЕДНЕГО И ВЫСШЕГО ТИПА изб-читален

Стоимость комплекта для I-го типа **60** руб., для II — **110** руб., для III — **145** руб. (по оптовой цене).

РАССРОЧКА ПЛАТЕЖА на ГОД и СВЫШЕ (по условию).

ЗАДАТОК ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КОМПЛЕКТА ДЕСЯТАЯ ЧАСТЬ СТОИМОСТИ.

Перепродажа комплектов преследуется законом, как за продажу государственного имущества.

ИЗБЕГАЙТЕ ПОСРЕДНИКОВ!

Требуйте каталог, бланк договора и условие подписки:

МОСКВА, Сретенский бульвар, 6, Юшков пер., Главполитпросвет, Секретариат, ФОНД ИНВЕНТАРИЗАЦИИ.

БОЛЬШЕВИК

№ 7—8

15 ИЮЛЯ

1924

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

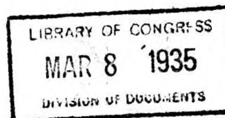
№ 15 ИЮЛЯ 7—8

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Н. БУХАРИНА
ИЛ. ВАРДИНА
Л. КАМЕНЕВА

1 9 2 4
МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КРАСНАЯ НОВЬ

Главлит № 24371 Москва. Тираж 27.000 экз

4-я Тип. „Мосполиграф“ Маросейка, Армянский пер., 6.

Г. Зиновьев.

К итогам Конгресса Коминтерна *).

Суровая подпольная закалка.

Я сегодня, товарищи, поделюсь с вами, и то в очень немногих словах, некоторыми соображениями о ходе работ 5-го Конгресса Коминтерна. Он еще, как вам известно, не закончился: его работы находятся в полном разгаре, но уже сейчас возможно подвести первые итоги.

Главный и основной итог, на мой взгляд, заключается в следующем. За эти годы молодые коммунистические партии прошли испытание огнем. Я к вам приехал с Итальянской комиссии, и поэтому ближе всего напрашивается итальянский пример.

Какое испытание может быть более серьезным, чем то, которое пережила итальянская партия за последние полтора-два года? Хуже режима Муссолини ничего не придумаешь. Коммунистов убивали и убивают направо и налево. Муссолини, сам вышедший из рядов социалистической партии, отлично знает всех наших деятелей. Он создал невероятный режим фашистского насилия. Более серьезного испытания для коммунистической партии представить невозможно. Однако, даже это самое ужасное испытание итальянская коммунистическая партия, при всех ее теоретических слабостях, несомненно выдержала.

Самое интересное—это сведения о ходе работы на местах. Центральный Комитет партии, при фашистской диктатуре Муссолини, все время почти сидел в тюрьме. В ряде фабрично заводских центров ни один член Центрального Комитета в течение полутора-двух лет не мог быть, и многие из них считали, что в данных фабричных центрах совершенно заглохла работа. Что же оказывается? Работа нисколько не заглохла и даже медленно двигалась вперед. Рабочие коммунисты, внедрившиеся в фабрично-заводскую жизнь, сами, собственными силами, под перекрестным огнем неприятеля, все-таки складывали кирпич за кирпичом, и теперь, когда работать стало чуточку повольнее, Центральный Комитет убеждается, что всюду, где были на местах рабочие группы, они не только не уничтожены за время фашистского террора но, напротив, выросли, окрепли и политически возмужали.

Аналогичное можно сказать относительно целого ряда других партий. Они прошли через нелегальный период, через политическое подполье, которое в Европе нисколько не легче, чем было у нас, а иногда гораздо более трудно, потому что у нас все-таки все были против царя, за исключением небольшой горсточки населения, между тем как в Европе в целом ряде стран

*) Речь на выпуске курсов Секретарей Укомов 30.VI 1924 г.

фашистский террор и просто буржуазный террор опирается на значительные слои крупной и мелкой буржуазии, социал демократии, и там коммунисты не имеют сочувствия ни в какой другой среде, как только в среде рабочих. Им приходится, повторяю, работать в гораздо более трудных условиях, чем приходилось нам в царской России, ибо вся политическая обстановка против них. Там подполье тяжелее, чем было наше. Теперь ряд партий прошел эту суровую школу, и они вышли оттуда закаленными, с гораздо более крепкими корнями в рабочих массах, чем до сих пор. Это есть первый основной итог.

Один из русских товарищей, сам непосредственно не участвовавший в коминтерновской работе, но имеющий очень внимательное ухо и хороший глаз, наблюдая за работой Конгресса, сказал, что это уже не гости, как было раньше, приезжавшие в Москву, и не молодые коммунистические группы, чувствовавшие себя учениками на Конгрессах Коминтерна, в то время как мы были тогда хозяевами, радушно их принимавшими. Такое время прошло. Это теперь хозяева Коминтерна, такие же, как и мы. Они все имеют за плечами огромный опыт.

Кривая социал-демократии идет вниз, наша—вверх.

Сидят делегации, как немецкая, среди которой много рабочих, имеющих за плечами по 5 лет тюрьмы; сидят даже самые скромные делегации, как испанская, оставившая дома несколько сот товарищей в тюрьмах. Испанская партия прошла через целую полосу подполья и нанесла чувствительный удар не только социал-демократии, но и анархо-синдикализму, который был модным в Испании. Теперь мы имеем гораздо более возмужавшие партии, воспринявшие опыт не только русской революции, на которой они учились и воспитывались, но имеющие свой собственный опыт, который, конечно, незаменим, ибо только при наличии его могут создаться действительно широкие, настоящие пролетарские революционные партии.

Бросается в глаза громадное количество выросшей силы. Никогда я не имел еще такого чувства колоссального роста наших сил, как на этом 5-ом Конгрессе, когда численно некоторые партии идут уже в уровень с самыми старыми социал-демократическими и даже явно их обгоняют. Кривая социал-демократии идет вниз, а наша — вверх. Это чувствуется на парламентских и коммунальных выборах, и на профсоюзных, и на выборах в фабзавкомы, и во всех других отраслях нашей работы. Пройдет 2—3 года, и эти партии под знаменем Коминтерна станут настолько прочно твердой ногой во всех самых крупных передовых странах капитализма, что не найдется той силы, которая сможет их опрокинуть.

Большевизация партий.

Второй большой итог работ 5-го Конгресса—это стремление большевизировать все партии. Главный лозунг на нем—большевизация партий. Как на третьем Конгрессе основной лозунг был: „к массам“, и на четвертом—„тактика единого фронта“, так пятый, в дополнение к основным лозунгам и решениям 3-го и 4-го конгрессов, выдвигает лозунг—„большевизации партий“.

Мы предупреждаем наши коммунистические партии от перенесения всего того, что они видят у нас, целиком в свою среду. Мы напоминаем им то, что писал Владимир Ильич в своей работе: „Детская болезнь левизны в коммунизме“ о международном значении русской революции:

„Первые месяцы после завоевания пролетариатом политической власти в России (25/X (7/XI) 1917) могло казаться, что громадные отличия отсталой России от передовых западно-европейских стран сделают революцию пролетарата в этих последних очень мало похожей на нашу. Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение. И я говорю здесь о международном значении не в широком смысле слова: не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение, в смысле воздействия ее на все страны. Нет, в самом узком смысле слова, т. е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции (Гл. I. В каком смысле можно говорить о международном значении русской революции“, стр. 1).

Под большевизацией рабочих партий Европы мы, разумеется, понимаем это последнее. Они не могут переносить на свои страны то, что было специфически российским в нашей революции, что было вызвано нашей обстановкой, но они могут и должны перенести на свои партии то, что в большевизме есть обще-значимого, международного, что действительно составляет основу большевизма, как первой победоносной пролетарской партии, как первой победоносной пролетарской революции. Это основное в лозунге—„большевизация партий“.

Крестьянский вопрос.

И, наконец, третий итог, выделяющий данный Конгресс от предыдущих,—это отношение к работе среди крестьянства. Громадное большинство наших партий до сих пор были рабочими партиями в узком смысле этого слова. Конечно, большевики—рабочая партия и ни в коем случае не рабоче крестьянская. Мы были, остаемся и будем рабочей партией в широком смысле этого слова. Но мы должны работать, должны принимать участие в борьбе, и мы знаем, как учил Владимир Ильич, что, оставаясь рабочей пролетарской партией, мы обязаны вместе с тем итти во все слои населения, как он писал в своем „Что делать“ *), и, главным образом, в те, которые являются

*) „Мы должны также уметь устраивать собрания с представителями всех и всяческих классов населения, какие только хотят слушать демократа. Ибо тот не социал демократ, кто забывает на деле, что „коммунисты поддерживают всякое

основным союзником пролетариата—в крестьянские массы. Западно-европейские партии этого до сих пор не сделали, потому что у них еще очень жива старая парламентская социал-демократическая традиция, гласящая, что если мы рабочая партия, то стало-быть ко всему остальному мы отношения не имеем. Мы должны действовать только в рабочем классе.

Эта идея по внешности принимает иногда довольно радикальный характер, но это сердцевина меньшевизма, это цеховой взгляд на нашу партию. Последовательный меньшевизм в эпоху своего и всего Второго Интернационала расцвета так и считал: мы рабочая партия, стало-быть—наше дело работать в рабочем классе, профсоюзах. Наше дело заботиться о поднятии заработной платы рабочих. Не наше дело думать о том, как построить организацию крестьян, какие будут группировки среди крестьянства. Эти идеи оставили большой след во многих коммунистических партиях, родившихся, как известно, из недр Второго Интернационала. Они в среде коммунистических партий нащупали себе союзников, прикрывавшихся соображениями левизны и доказывавших, что наша пролетарская партия не может заботиться о каком-то там крестьянстве. Одна из важнейших идей, которую выдвинул Владимир Ильич еще на Втором Конгрессе, это его резолюция по аграрному вопросу. Вот что он писал в ней:

„Только городской и промышленный пролетариат, руководимый коммунистической партией, может избавить трудящиеся массы деревни от гнета капитала и крупного помещичьего землевладения, от разрухи и от империалистических войн, неизбежных снова и снова при сохранении капиталистического строя. Трудящимся массам деревни нет спасения иначе, как в союзе с коммунистическим пролетариатом, в беззаветной поддержке его революционной борьбы за свержение ига помещиков (крупных землевладельцев) и буржуазии.

С другой стороны, промышленные рабочие не могут выполнить своей всемирно-исторической миссии освобождения человечества от гнета капитала и от войн, если эти рабочие будут замыкаться в узко-цеховые, узко-профессиональные интересы и самодовольно ограничиваться хлопотами об улучшении своего, иногда сносно-мещанского, положения. Именно так бывает во многих передовых странах с „рабочей аристократией“, которая является основой якобы социалистических партий II-го Интернационала, представляя на деле злейших врагов социализма, предателей его, мещанских шовинистов, агентов буржуазии внутри рабочего движения. Действительно революционным, действительно социалистически-действующим классом пролетариат является лишь при условии, что он выступает и поступает как авангард всех трудящихся и эксплоатируемых, как вождь их в борьбе за свержение эксплоататоров, а это невыполнимо

революционное движение“, что мы обязаны поэтому пред всем народом излагать и подчеркивать обще-демократические задачи, не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о своей обязанности быть впереди всех в постановке, обострении и разрешении всякого обще-демократического вопроса“ (V том, собр. соч., глава III. Трэд-юнионистская и социал-демократическая политика, стр. 186).

без внесения классовой борьбы в деревню, без об'единения трудящихся масс деревни вокруг коммунистической партии городского пролетариата, без воспитания первых последним“ (Из резолюции по аграрному вопросу, тезис первый).

Ленин учил нас учитывать социальные прослойки, которые мы имеем в центральных странах Западной Европы. Мы тезисы Владимира Ильича приняли, но претворить их в жизнь в полной мере не удалось, а между тем настало время, когда мы должны практически поставить во всей широте крестьянский вопрос.

Буржуазия пытается вовлечь крестьянство в свои партии

Мне пришлось цитировать на пятом Конгрессе недавнее заявление перед баварским ландтагом одного из консервативных депутатов его, который, выступая перед самыми черносотенными зубрами, сидящими там, утверждал, что у них без пяти минут двенадцать—революция. Разве вы не видите—говорил он,—что у нас в Германии существует не только громадная коммунистическая опасность со стороны рабочих, что не сегодня-завтра у нас возникнет крестьянская революция. И он прибавляет: крестьянская революция это самая жестокая революция. Это значит, пахнет кровью. Это значит, что будут пожары, что будет полыхать пламя в усадьбах помещиков, что головы помещиков будут повешены на шестах и т. д. Одним словом, он попутно довольно-таки образно обрисовывал, что такое крестьянская революция.

Если в баварском ландтаге черносотенный депутат, в такой типично-промышленной стране, как Германия, где крестьянства, как такового, очень мало, если он так говорит, если так вынуждены говорить консервативные депутаты, то этот факт еще резче подчеркивает, что положение дел становится все более острым в этой области.

В Румынии Авереску, типичный представитель контр-революции, собирает с'езд крестьян. Правда, только зажиточных, но уже тот факт, что ему нужно собрать на с'езд тысячи мужиков, пусть даже и зажиточных, показывает, что политическая самодеятельность крестьянства после первой империалистской войны становится гораздо более сильной. Можно указать еще и на крестьнские с'езды, устраивающиеся мелко-буржуазными польскими партиями, где также с'езжаются сотни и тысячи крестьян.

Это делается не от хорошей жизни. Мелко-буржуазные и буржуазные партии начинают привозить тысячи крестьян на свои контр революционные с'езды. Они это делают не из большой любви к крестьянству,—с их точки зрения крестьянин должен пахать, а не ехать на с'езды, и рабочий должен работать у станка. Что касается рабочих, то буржуазия уже привыкла к тому, что они организовываются, имеют свои партии и свои с'езды, но что касается крестьянства, то приманка их на с'езды—политическая новинка, и если буржуазные и мелко-буржуазные партии вынуждены созывать на с'езды тысячи крестьян—это говорит о том, что крестьянин после бури, вызванной первой империалистической войной, не таков, каким был до войны.

Крестьянство—ленинизм—революция.

И это совершенно понятно. Война имела массу плохих сторон, но и одну хорошую сторону. Она растормошила народ, вытащила крестьянина за околицу его деревни, собрала сотни тысяч и миллионы людей вместе, показала город, показала „цивилизованных" людей, бросала с места на место, вышибала, как выражается Маркс, из них „идиотизм деревенской жизни". Французский крестьянин после империалистической войны не таков, каким был до войны. Немецкий, румынский, польский крестьянин все это не те люди, это уже совсем другая ступень политического развития, это уже другое крестьянство.

Вот почему теперь идеи ленинизма в этой области приобретают грандиозное международное значение. Идеи ленинизма стоят еще только в начале своих настоящих международных триумфов. То, что мы видели до сих пор, было эпизодом, было только прелюдией, только первым действием.

Если вспомнить, что представляет собой крестьянство сейчас в Центральной Европе и в Восточной, особенно взбаламученной первой империалистической войной; если вспомнить, что все крестьянство было встревожено войной, как улей, и до сих пор это волнение еще не улеглось, тогда очевидно будет, что идеи ленинизма относительно союза рабочего класса с крестьянством только начинают свое триумфальное шествие из нашей страны в центральные страны Европы и на Восток. Мы стоим перед началом побед идей ленинизма в крестьянском вопросе в международном масштабе, и мы к этим победам придем.

На Конгрессе вы рядом с типичным западно-европейским парламентарием-коммунистом, выбранным рабочими Парижа, имеете рабочих-полукрестьян, приехавших к нам из Прикарпатской Руси, где коммунистическая партия недавно одержала блестящую победу среди крестьян. Вы имеете перед собой товарищей, представляющих собой новое поколение вождей рабочих, вышедших из международного комсомола, лучших старых французских рабочих, лучших рабочих Рура.

Когда я говорил несколько раз о новом поколении руководителей Коминтерна, я чаще всего останавливал свое внимание на этих новых молодых товарищах, которые уже на наших глазах сложились или складываются в настоящих вождей коммунизма. Я мог бы вам по именам назвать несколько товарищей, которые еще 3—4 года тому назад были французскими комсомольцами, а теперь члены французской партии, депутаты. Они уже посидели во французских тюрьмах и успели приобрести громадную популярность среди рабочих масс.

Рядом с этим новым поколением, с этими фигурами новых руководителей, рядом с ними вы видите новое поколение вождей, вышедших не из рабочей молодежи, а из среды революционного крестьянства. Опять-таки здесь я мог бы назвать несколько типичных фигур, очень сильных, очень крупных, которым принадлежит будущее в международном рабочем движении, и которые вышли из самых глубин революционного крестьянства, такого, каким мы его знаем, после первой империалистической войны.

Сила Коминтерна именно в том, что он сейчас вовлекает не только новые тысячи борцов рабочего движения, но и таких выдающихся представителей крестьянства. Мировая революция, разумеется, будет развиваться в первую очередь и прежде всего в рабочей среде и через рабочий класс, но она будет пополняться новыми слоями, в том числе и крестьянством.

Восток уже имеет свои „Группы Освобождения Труда".

И, наконец, последнее, чем выделяется наш Конгресс, что придает ему небывалую жизненность и мощь—это участие в нем целого ряда представителей Востока, причем, из самых отдаленнейших уголков. Года 3—4 тому назад товарищи с Востока приезжали к нам как гости, приезжали присмотреться к нам, послушать и поучиться у первого проповедника мировой революции—Владимира Ильича. А теперь они приезжают как представители, конечно, еще очень маленьких, но все-таки уже партий и партийных групп. Это уже представители организаций, роль которых сейчас на Востоке подобна той, которую у нас играла „Группа Освобождения Труда".

Когда вы видите индуса-коммуниста т. Роя, когда вы видите представителя с острова Явы, китайцев, бывших одиночками 2—3 года тому назад и приехавших теперь гораздо более многочисленной группой, когда видите японских товарищей, вы чувствуете, что это именно есть то, чем была „Группа Освобождения Труда" у нас.

Но они имеют то преимущество перед „Группой Освобождения Труда", что они могут действовать в такую революционную эпоху, когда весь мир переживает невероятной мощности социальные сдвиги, когда на 1/6 части света существует Советская власть, когда существует подлинно-революционное международное товарищество рабочих—Коммунистический Интернационал, рассматривающий споры, ведшиеся десятилетиями и ныне изживаемые в десятки месяцев, а то и скорее.

Международное коммунистическое движение молодежи, как я уже говорил, дало целый ряд замечательных фигур. На глазах у нас подрастает целый ряд молодых коммунистических дубков, из которых несомненно выростут настоящие могучие дубы коммунизма.

Прибавьте к этому начало работы в глубинах, в низах крестьянства, всколыхнувшемся после первой империалистической войны и давшем тоже целый ряд крепких коренастых черноземных фигур, будущих деятелей Коминтерна. Если присовокупить к этому целый ряд уже сложившихся коммунистических партий или групп на Востоке, аналогичных нашей „Группе Освобождения Труда", тогда увеличивается наша уверенность в том, что не на словах, а на деле нам удастся осуществить мировую победу идеи ленинизма. Мы имеем работников не только изучающих ленинизм, но и готовых отдать свою жизнь за его идеи.

Р. К. П. (б) и Коминтерн.

Наша партия, как была, так и остается до сих пор руководящей партией Коминтерна, но от этого наша партия с готовностью отказалась бы. Это не только фраза Мы согласны выдвинуть на эту роль другие партии, более передовых стран, как только они станут покрепче.

И уже сейчас, по мере того, как крепнут наши братские партии, мы стараемся шаг за шагом перекладывать часть функций на тех руководителей и те группы, которые новая партия выдвигает.

Мы имеем, например, перед собою немецкую делегацию. С точки зрения общей культурности, несомненно, что некоторые рабочие их сильнее наших, но что касается партийно-революционной закалки, то они, не говоря уже о молодых партиях, конечно, отстают в высокой степени от каждого из нас.

Мы можем предсказать вам, что здесь мы опытнее самых крупных социал-демократических партий, ведущих за собой миллионы рабочих. Наше преимущество заключается в том, что мы проделали три революции и в течение шести лет проводим диктатуру в нашей стране и, при том, до последнего года,— под руководством такого гениального вождя, как Владимир Ильич. Их несчастье заключается в том, что они пережили только одну революцию, и то полу-буржуазную; их лучших вождей буржуазия успела просто-на-просто истребить физически, и они должны были выдвигать руководителей из средних товарищей, учащихся маневрировать и проделывать все то, что нам удалось проделать под руководством общепризнанного руководителя и учителя.

Но, товарищи, нам есть еще чему поучиться и у них, как и им есть чему поучиться у нас. Они с величайшей готовностью учатся всему тому, что могут почерпнуть у нас Но мы должны кое-чему поучиться у них, а чем дальше, тем шире будет поле нашей учебы.

Ленинизм—знамя Коминтерна.

Впечатление, с которым уходишь с пятого Конгресса (я говорю это не потому, что выступаю на торжественном вечере и нужно говорить приятные вещи, а потому, что это верно),—ощущение необ'ятно выросшей количественно и качественно силы. У каждого члена Конгресса самое добросовестное стремление быть настоящим ленинцем. Не все еще знают, что такое ленинизм, но все стремятся быть ленинцами. У всех искреннее желание построить партию на началах ленинизма.

Целое новое поколение вождей выдвинулось из самой гущи народных масс. Это уже не те молодые товарищи, которые 5 лет тому назад еще на все смотрели наивными глазами и не понимали, что за слово ленинизм, были одиночками в своей собственной стране; у них голос возмужал, они говорят так, что чувствуется в нем звон металла, чувствуется, что теперь они не одиночки, чувствуется, что это застрельщики пролетарской революции, мировой партии ленинизма, которую, можно ручаться головой, мы построим, и даже можно сказать, что в очень значительной степени уже построили.

Крестьянский Интернационал должен стать могучей организацией.

Товарищи, не всякий слой крестьянского и городского населения в уездах в состоянии интересоваться идеями Коминтерна. Мы не виним крестьянина за то, что он думает больше о семенном фонде, нежели о Коминтерне. Ничего худого в этом нет, но, несомненно, крестьянская молодежь, растущая политически, не может не интересоваться международной организацией пролетариата и крестьянства и должна ею интересоваться.

В этом году, как вы знаете, положено начало международному об'единению крестьян. Эта организация еще в зародыше, но я считаю, что она с великим будущим. Вы знаете из печати, что Владимир Ильич, будучи уже совершенно больным, когда не мог почти читать газет, проявлял особенное внимание именно к этому международному об'единению крестьян. Когда он узнал, что в Москве открылась международная крестьянская конференция, он интересовался каждым даже незначительным фактом из ее работы. Тот факт, что, будучи уже совершенно больным, Владимир Ильич так сильно интересовался этим делом, показывает все великое значение этой организации, не давшей еще и первых ростков. Это только семена, брошенные в землю, но эта организация, несомненно, свои ростки даст, ибо эта идея об'единения крестьянства носится в воздухе. Это пытается сделать буржуазия, десятки лет и сотни лет политически эксплоатировавшая крестьян и вызывавшая крестьянские революции. Если крестьянство до сих пор никак не могло победить, то по той простой причине, что в силу условий своей экономики, крестьянство не приспособлено для самостоятельной роли и всегда в конце концов шло на буксире за той или другой более организованной силой.

Крестьянское движение ряд столетий шло на буксире у более или менее либеральной буржуазии. Но в этот исторический момент, когда действительно великое крестьянское движение, которое еще только зарождается, может и должно пойти на буксире у революционного пролетариата, я думаю, что та организация международного крестьянства, которая родилась в текущем году и которой мы должны уделить громадное внимание—есть зачаток, зародыш великого движения, которое станет непреодолимой силой для капиталистического общества, регулируемой и управляемой международной коммунистической партией. И тогда нас никто не победит.

Коминтерн—наша партия в мировом масштабе.

Я думаю, куда бы вас судьба ни забросила теперь, вы будете интересоваться не только идеями нашей собственной партии, но и идеями нашей партии в более широком смысле слова, ибо Коминтерн это есть наша партия в мировом масштабе.

Вы будете продолжать интересоваться ростом Коминтерна, ростом его движения. Он чрезвычайно оригинален, в каждой стране имеет целый ряд чрезвычайно интересных особенностей.

Нет более интересных вещей для нас—коммунистов, как изучать этот рост во всей Европе, во всех стадиях в каждой отдельной стране. Может быть вам не удастся следить во всех отраслях за этим движением, но во всяком случае вы сможете следить за основным и вы должны свои уезды знакомить все шире и шире с идеями Коминтерна.

Оно не должно быть формальным. Деревня не только должна знать имя Розы Люксембург, но и что такое международная организация крестьянства.

Надо, чтобы деревня знала, какие трудности на нашем пути, как растет международное рабочее движение, как сливаются эти два ручья, как рабочее движение постепенно начинает присоединять к себе крестьянское, как растет движение на Востоке.

Вы помните, как Владимир Ильич в последние дни своей жизни не раз указывал на Восток, не раз говорил нам, что если Запад является основным ядром пролетариата, то основные массы, миллионы, десятки миллионов, сотни миллионов крестьян живут на Востоке, и там начинается настоящий под'ем. Он знаменует собой превращение нашей революции из европейской в мировую.

Нам еще предстоят большие бои.

Вы должны будете познакомиться с этим движением, со всеми силами его. Это тем более необходимо, что крестьянство составляет основу нашей армии, которой в грядущих боях суждено еще сыграть большую роль. Громадные бои еще впереди. Несомненно, правдив прогноз Владимира Ильича, говорившего в 1920—21 г., что это только первая очередь, первый тур войны кончается. Пройдет несколько лет, и начнется второй тур. Так и будет. Мы не можем знать, как это произойдет и кто будет нападать, а кто обороняться. Будет ли это наступительная или оборонительная война? Мы знаем, что Макдональд и нынешние пацифисты отделываются тем, что льют сейчас по кружке пацифистского елея во взбаламученные милитаристские волны. Но разве ими успокоишь эту разнузданную стихию.

Нашей Красной армии, основу которой составляет крестьянство, придется еще бороться за коммунизм. Мы вошли в такую полосу, когда жизнь интернационализировалась не в тезисах, не путем резолюций, а интернационализировалась на деле, в действительности. Мы видели недавно на Конгрессе замечательную сцену, как рабочие Ленинграда братались с рабочими немцами, рабочие Треугольника, путиловцы подносили знамя германским рабочим химического завода и т. д.

Мы все друг другу говорили: во втором Интернационале это было бы совершенно невозможно. Во втором Интернационале такие простые сцены братания рабочих друг с другом за последние десятилетия стали политически невозможными. Но из этих

простых сцен братания вытекало, как наш Коммунистический Интернационал становится повседневностью, как все ниже и ниже идет об'единение. Уже не только государство с государством, партия с партией органически сближаются, но завод с заводом, а завтра будет мастерская с мастерской. Все ближе и ближе становится об'единение, все теснее и теснее звенья, и не потому, что хорошие речи говорились об интернационализме, а потому, что сама жизнь действительно интернационализировалась. Вот откуда жгучий интерес у наших крестьян к германской революции, интерес, который будет расти вместе с ростом сознательности крестьянства ко всему, что представляют собой международные и интернациональные интересы пролетариата.

А. Тальгеймер.

О программе Коминтерна.

На Конгрессе Коминтерна я сделал краткое сообщение о дискуссиях, имевших место до сих пор в программной комиссии Коминтерна. Здесь я намерен сделать несколько поясняющих и уточняющих замечаний.

О формах перехода к социализму

и в частности, об общем значении „новой экономической политики и военного коммунизма“.

Несомненно правильно рассматривать основные черты НЭП'а, как общие формы переходного времени к социалистическому хозяйству. Основной чертой его является тесная связь с формами *) капиталистической экономики, прежде всего с формами распределения (форма заработной платы в деле снабжения рабочих и форма капитала для средств производства) при измененном социальном содержании (прибыль, земельная рента, проценты являются преимущественно формами дохода уже не капиталистов, а рабочего класса). Рабочий класс, владеющий решающими для всего хозяйства средствами производства и транспорта, является уже не только получателем заработной платы, но и владельцем прибавочной стоимости (в ее различных формах). Это является характерным экономическим выражением, с одной стороны, совершившейся социальной революции, а с другой стороны, того факта, что эта революция еще носит на себе отпечаток общества, из которого она вышла.

Таков общий закон перехода к социализму, формулированный Марксом:

...„Здесь мы имеем дело с коммунистическим обществом не в том виде, в каком оно развилось на своей собственной основе, а, наоборот, в каком оно еще только выходит из капиталистического общества,—значит, еще покрытым во всех отношениях—экономическом, нравственном, умственном—родимыми пятнами старого общества, из лона которого оно выходит. Сообразно с этим отдельный производитель получает от общества обратно, за всеми вычетами, ровно столько, сколько отдает ему, а отдает он ему свое индивидуальное количество работы. Так, общественный рабочий день представляет сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время отдельного производителя есть доставленная им часть об-

*) О формах здесь говорится в тесном смысле слова, в отличие от способа производства.

щественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что отдал ему столько-то труда (за вычетом труда в пользу общественных фондов), и за эту квитанцию получает из общественных складов средства потребления в количестве, стоющем такого же количества труда. Сколько труда он отдал обществу в одной форме, столько же и получает обратно в другой.

Здесь, очевидно, господствует принцип, тождественный с тем, который регулирует товарный обмен, поскольку последний есть обмен равноценностей. Содержание и форма изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего кроме своего труда, а с другой стороны, ничто не может перейти в собственность индивидуума, кроме индивидуальных средств потребления. Но что касается распределения их между отдельными производителями, то здесь господствует тот же самый принцип, что и при обмене товарных эквивалентов: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой. Поэтому здесь равное право—все еще по своему принципу буржуазное право, хотя принцип и практика и не ссорятся более, тогда как при товарном обмене, обмен эквивалентов существует только в среднем, а не в каждом отдельном случае“... (Маркс. Замечания на программу германской рабочей партии. Госизд. 1923 г. стр. 53—54).

—„Так как подобного рода формы производства, совершенно не отвечающие капиталистическому способу производства, могут быть подведены—и не без известной правильности—под капиталистические формы дохода, то тем сильнее упрочивается иллюзия, что капиталистические отношения являются естественными отношениями всякого способа производства“...

...„Надо, впрочем, сказать, что такого рода подведение всех хозяйственных форм под господствующие было свойственно и прежним способам производства, напр., феодальному. Производственные отношения, совершенно не отвечавшие ему, стоявшие совершенно вне его, подводились под феодальные отношения, напр., в Англии tenures in common sacage (в противоположность tenures in knight's service), хотя они предполагали исключительно денежные повинности и лишь по имени были феодальными“... (Маркс. „Капитал“ т. III ч. 2 стр., 405—6).

Этот закон может быть формулирован в программе Коммунистического Интернационала только в его наиболее общей форме. Конечно, он должен претерпеть некоторые изменения, соответственно особой структуре хозяйства отдельных стран, к которым он применяется; но эти изменения нисколько не меняют общей основы закона. Нигде, даже в странах с наиболее высоко развитым капитализмом, не представится возможным, после совершившегося захвата политической власти рабочим классом, совершить скачок непосредственно от форм капиталистического хозяйства к формам совершенного, коллективистического, планомерного, всеобъемлющего хозяйственного строя. Находящееся в руках рабочего класса хозяйство, развиваясь сначала по линии экономических форм капитализма, постепенно изживет старые

формы и перейдет к новым, соответствующим его измененному социальному содержанию.

Основными моментами, решающими для видоизменений переходных форм к социализму в отдельных странах, я считаю следующие:

1) Уровень развития капиталистической централизации и концентрации капитала и ее формы к моменту захвата власти. При этом нужно принять во внимание то, что капиталистическое хозяйство отдельных стран перейдет в руки рабочего класса, конечно, не в его наиболее развитой форме, а в более или менее упадочном состоянии. Дальнейшее развитие экономических форм начнется только после восстановления наивысших форм старого общества. Такова качественная сторона дела.

2) Количественное соотношение между капиталистическим хозяйством и размерами некапиталистического ремесленного производства, крестьянским хозяйством и т. п. Мерилом для этого соотношения в первую очередь является соотношение между ценностями ежегодно произведенных продуктов, а во вторую очередь— между количествами занятых в том и ином производстве лиц. Экономическая отсталость России состояла не в качественной отсталости ее капиталистической индустрии, а в незначительности удельного веса ее в общем хозяйстве страны. В общем можно сказать, что в отсталых странах сравнительно запоздалое развитие, а вследствие этого и незначительные размеры капиталистической индустрии, транспорта и т. п. обратно пропорциональны качественной высоте этой индустрии. При этом не надо упускать из вида того, что по мере развития пролетарской революции нужно будет рассматривать уже не каждое хозяйство различных стран в отдельности, а хозяйства всей области, охваченной революцией.

3) Условия захвата власти, особенно продолжительность того промежутка времени, по истечении которого буржуазия будет побеждена и практически прекратит борьбу. А это в свою очередь зависит от силы и длительности классовой борьбы внутри страны, а также от состояния международной классовой борьбы.

Все эти факторы существенно влияют на степень централизации планового хозяйства в период НЭП'а, на степень вовлечения в эту централизацию мелких и средних хозяйств, на размеры вольного рынка и т. п. В общем и целом, можно сказать, что в странах, достигших более высокого капиталистического развития, с самого начала влияние планового хозяйства и вовлечение в него мелких и средних хозяйств будет очень велико.

Конкретные детали этого вопроса выявятся только на опыте.

Какую роль будет играть военный коммунизм? Является ли он только „ошибкой"? Во время перехода от военного коммунизма к Нэп'у, конечно, в первую очередь, необходимо было выявить его ошибки. В то время военный коммунизм мог показаться слишком быстрым и решительным переходом к социализму, по сравнению с которым Нэп являлся как бы отступлением. В известной ограниченной степени это верно, особенно если обратить внимание на некоторые теоретические толкования, связанные с военным коммунизмом (напр., на представление о возможности

уничтожить деньги путем прогрессирующего обесценения их и т. п.) В настоящее время мы, исходя из практического опыта, можем лучше оценить историческую роль военного коммунизма, независимо от сопровождавших его ошибочных представлений. Военный коммунизм, как форма перехода к социализму, сошел со сцены. Но он должен быть признан, как более или менее неизбежная, как более или менее длительная ступень или предпосылка к Нэп'у. Основные причины военного коммунизма были двоякого характера: во первых, необходимость привести буржуазию к полному подчинению, вырвать из ее рук все экономические средства властвования, в то время, когда она еще пользовалась ими в гражданской войне как боевыми позициями против рабочего класса—только после этого страна созрела для Нэп'а. Без этой предпосылки Нэп был бы невозможен. В других странах, как и в СССР, буржуазия подчинится, конечно, также только после того, как она исчерпает в борьбе все свои силы; и там также для покорения буржуазии необходимо будет сначала захватить и разрушить больше экономических позиций, чем можно будет удержать. Но тот момент, к которому буржуазия капитулирует перед пролетарской революцией, в различных странах наступит в разное время.

Второй причиной неизбежности военного коммунизма явилась необходимость снабжения Красной армии и городского населения продовольствием и военными припасами во время гражданской революционной войны. К этому имелись две предпосылки: 1) существование запасов, оставшихся от прежнего режима и необходимость рационально распределить их, 2) передача помещичьих земель крестьянам, благодаря чему они воспринимали реквизицию продовольствия как оплату расходов по захвату земли. И в других странах также вначале дело едва-ли обойдется без принудительных реквизиций у крестьян. А с запасами старого режима дело относительно будет обстоять еще хуже.

Исходя из всего этого, общая программа Коминтерна должна будет ограничиться тем, чтобы в самой общей форме определить те условия, которые могут сделать необходимыми мероприятия военного коммунизма.

В стадии непосредственной подготовки к захвату власти отдельные страны, исходя из существующего положения, должны будут создавать для себя более конкретные планы и должны быть готовы к быстрым и решительным изменениям, согласно требованиям момента.

Дифференциация внутри рабочего класса.

Здесь имеется опасность слишком строгого разграничения: об'ективное единство пролетариата, как класса, является залогом того, что в конце длительного исторического процесса коммунистической партии удастся осуществить суб'ективное единство его сознания. Именно в этом заключается роль коммунистической партии внутри рабочего класса; при осуществлении этой задачи она наталкивается не только на об'ективные препятствия, в виде дифференциации рабочего класса в процессе производства и в виде наличия различной степени идеологического влияния буржуазии; она наталкивается на совершенно сознательное стремле-

ние буржуазии увеличить рознь внутри рабочего класса путем целого ряда экономических мероприятий (различие заработной платы мужчин и женщин, квалифицированных и неквалифицированных рабочих, взрослых и подростков и т. п.), но на помощь коммунистической партии приходит преобладающая об'ективная тенденция упадочного капитализма понижать, и тем самым выравнивать различия жизненного уровня внутри рабочего класса, а также ограничивать размеры квалифицированной рабочей силы по сравнению с неквалифицированной.

Типизация отдельных стран.

Типизация отдельных стран по отношению к революционной стратегии и тактическим принципам должна быть как можно более упрощенной и должна быть рассчитана на основные типы революции, исторически стоящие на очереди.

Основными моментами являются следующие:

1) В соответствующей стране может предстоять типично-пролетарская революция. Встает вопрос, в какой стадии развития по отношению к этой революции находится данная страна?

Поясняю: совершенно очевидно, что в Соединенных Штатах, Англии, Германии мы имеем дело с типом пролетарских революций, что период буржуазных революций во всех этих странах можно уже считать завершенным. В то же время они находятся в различных стадиях развития по отношению к пролетарской революции.

Об'ективными основами этих различных фазисов являются:

а) большая или меньшая степень и глубина потрясения хозяйственного равновесия.

б) размеры и глубина потрясения политической мощи буржуазии.

Суб'ективная сторона этих процессов выражается в следующем:

а) существует ли в данной стране коммунистическая массовая партия или имеются только коммунистические тенденции, группировки, зародыши;

б) находится ли коммунистическая массовая партия в той стадии, когда она еще борется за руководство рабочим классом и остальными слоями трудящихся.

в) находится ли коммунистическая партия в стадии перехода к непосредственному наступлению в целях завоевания власти, в стадии проникновения в массы конечных лозунгов коммунизма.

2. Соответствующая страна еще не имеет дела непосредственно с пролетарской революцией, но с комбинацией буржуазной и пролетарской революции или, иными словами, с буржуазной революцией, которую необходимо перевести в пролетарскую.

Таков тип „запоздалых" буржуазных революций. Ни тот, ни другой тип не может быть рассматриваем изолированно. Так, например, российские революции 1905—1906 г. и 1917 г. не могут быть поняты иначе, как на фоне общего развития социализма в Европе. Выступление русского рабочего класса отражает всю сумму вышедших из недр рабочего класса социалистических и революционных идей, оно является только частью революционного движения рабочего класса всего мира, так же как российская буржуазия выступает только, как часть мировой буржуазии. Этот тип, конечно, также имеет самые разнообразные разновидности и оттенки.

Комбинированные буржуазно-пролетарские революции, переживаемые в настоящее время или предстоящие в ближайшем будущем, уже по одному тому имеют общий исторический фон и историческую связь между собой, что в одном месте (в России) уже произошел прорыв капиталистического фронта, а в ряде других капиталистических стран уже развиты массовые коммунистические партии.

Этот общий исторический фон и историческая связь определяют также и все течение революции буржуазно-пролетарского типа.

3. Момент национального и колониального восстания, национального освобождения от империалистического рабства и национального об'единения.

Этот момент может сочетаться с каждым из первых двух типов революций и с различными видоизменениями и фазисами этих типов. Так, например, предстоящая революция в Германии может быть рассматриваема, как комбинация пролетарской революции с национальным освободительным движением; революция в Индии соединяет момент национального освобождения и об'единения и колониального восстания с моментом буржуазно-пролетарской революции.

Все индивидуальные типы революции могут быть сведены к различным комбинациям этих трех элементов. Страны советского типа, взятые в отдельности, находятся уже, в строгом смысле этого слова, по ту сторону революции, т. е. в стадии социалистической эволюции; но взятые в общей мировой связи, они все еще находятся в стадии революции, до тех пор, пока пролетарская диктатура еще не достигла перевеса в мировом масштабе над мировой буржуазией.

Классификация стран с точки зрения революционной стратегии резко отличается и иногда даже прямо противоположна их классификации с точки зрения зрелости для перехода к социализму. Для последней решающей является степень развития и относительные размеры капиталистического производства в целом и в отдельных его частях.

К дискуссии по аграрной программе.

Точка зрения германского ревизиониста Давида в аграрном вопросе (тенденция к созданию мелких и средних крестьянских хозяйств) отличается от точки зрения Каутского своей активной, но мелко-буржуазной и реакционной установкой. Точка зрения Каутского ориентируется на социалистическое крупное производство в сельском хозяйстве, но рассчитана на пассивное историческое развитие внутри капитализма, хотя это отчасти должно было бы быть активным делом пролетарской диктатуры.

Крестьянство рассматривается здесь, как об'ект автоматического экономического процесса, но не как об'ект революционной

стратегии и сознательного социалистического строительства со стороны борющегося за власть или уже победившего пролетариата.

Коммунистическая точка зрения коренным образом отличается от обеих вышеизложенных. Она активно революционна в двух направлениях: во-первых, в смысле приближения крестьянской бедноты к рабочему классу для общей борьбы за власть. Во вторых, в смысле планомерного развития крестьянского хозяйства в социалистическое крупное производство, при помощи социалистической индустрии и транспорта и путем воспитательного воздействия господствующего пролетариата.

Создание новых мелких крестьянских хозяйств является для коммунизма не целью, как для Давида, а только переходной стадией, исходя из которой, ведется курс на крупное социалистическое сельско-хозяйственное производство. Таким образом, различие между коммунистической и социал-реформистской, или попросту реакционной, точкой зрения глубоко принципиально.

О новых формах буржуазного господства.

Здесь важно отметить, что фашизм, как тип, невозможен без национальных разновидностей. Фашизм, как таковой, следует понимать как реакционное массовое движение, поднятое после революционных потрясений прежними господствующими классами, главным образом, крупной буржуазией, и опирающееся преимущественно на мелкую буржуазию. В зависимости от организованности и силы крупной буржуазии, по сравнению с мелкой буржуазией и рабочим классом, формы проявления фашизма, а также и его методы, различны в отдельных странах. Сравним, например, Италию и Германию. В Германии крупная буржуазия не нуждалась в „походе на Рим“ переодетой фашистской мелкой буржуазии. „Поход на Берлин“ мелко-буржуазного крыла германского фашизма превратился в гитлеровский фарс в мюнхенской пивной. В Германии центром является организованное регулярное классовое войско крупной буржуазии—рейхсвер. Фашизм здесь господствует, но не управляет. Обычный буржуазный государственный аппарат становится фашистским.

Вышеизложенные замечания являются лишь дополнением к заслушанным на Конгрессе докладам, которые скоро должны появиться в печати.

Москва, 30 июня 1924.

Н. Бухарин.

О некоторых задачах нашей работы в деревне.

Сейчас довольно значительная масса нашей квалифицированной партийной молодежи (учащихся и кончивших учебные заведения) раз‘езжается на лето по провинциальным городам и селам Советского Союза. Не подлежит никакому сомнению, что роль этой силы будет довольно значительна. Вот на эту тему нам и хотелось бы сказать несколько слов.

1. Изучение деревни.

Одной из главнейших задач, которые стоят на очереди дня, является задача изучения деревни. Не стоит тратить много слов на тему о важности этого вопроса. Но обязательно нужно понять, до какой степени мало знаем мы деревню. Между тем, если мы вспомним наше собственное прошлое, то увидим, как пристально присматривалась всегда наша партия к аграрному и крестьянскому вопросам, как тщательно изучали наши партийные теоретики эту сторону общественного развития России. Наличность хорошо поставленной земской статистики давала возможность марксистской обработки ее данных. Под лупу марксистского анализа брались мельчайшие процессы, происходившие в деревне. Работа велась упорная, систематическая, не ограничивавшаяся только мелочным анализом, но и дававшая блестящие теоретические обобщения. Стоит вспомнить лишь „Развитие капитализма в России“ В. Ильина. Теоретические работы по аграрному вопросу, которые выдвинул русский марксизм, являлись наиболее важными работами в этой области. И обработка материала и теоретическое продумывание вопроса до конца, до самых основных его глубин,—все это было в нашей партии.

Теперь, к сожалению, дело изменилось и изменилось к худшему. Если взять вопрос об обработке материала, то, во-первых, у нас нет таких данных, как данные земской статистики; во-вторых, у нас до чрезвычайности мало людей, которые обрабатывают и скудные данные, имеющиеся налицо. В области чисто-теоретической доминирует мелкобуржуазная и либеральная доктрина Чаянова, Кондратьева и прочих профессоров „русской“ школы. Что противостоит им здесь? Позор признаться, но нужно признаться: очень мало, почти ничего. И это при общепризнанной гегемонии марксизма в Советском Союзе! Такое положение вещей абсолютно нетерпимо, недопустимо. Оно прямо опасно. Удивительное дело! В то самое время, когда все мы кричим и вопим

о „смычке", принимаем резолюции и еще раз резолюции, у нас нет даже более или менее сносной информации о деревне, за исключением нескольких экспедиционных обследований, которые, конечно, ни в коей мере не могут дать нам целой картины. Вся буржуазная шваль, вся эмигрантщина, от Прокоповичей до великих князей, спекулирует сейчас на крестьянство, издает сборники, „исследования" etc. А мы, которые теоретически понимаем всю важность проблемы, готовы изучать какие угодно вопросы, писать и издавать какие угодно книжки, но только не об этом, хотя „это" и почитается самым важным из того, что у нас есть.

Здесь нужно самым радикальным образом переломить настроение. Товарищи, раз'езжающиеся по деревням и по провинциальным городишкам, должны использовать летнее время для самого внимательного изучения деревни. Они должны заглянуть в наши статистические учреждения, они должны и сами сделать все возможное, чтобы пособрать материал, планомерно вести наблюдение за теми процессами, которые совершаются в деревне (прежде всего, конечно, за экономикой), они должны—хотя бы кустарным образом—сделать все возможное, чтобы на место двух-трех обследований мы к осени получили целый ряд таких обследований. Эта работа более необходима, чем всякая другая.

В связи с ней необходимо будет „немножко" иначе повести и научно-учебную работу в наших экономических семинариях. Часть товарищей нужно прямо бросить на изучение современных отношений в Союзе. Мы должны создать здесь научную литературу; только так можно подвести действительную основу для научной марксистской политики по отношению к деревне.

2. Советская общественность в деревне.

Все сведения, которые идут из деревни, говорят о громадной жажде знания, о культурном росте в наших селах и деревнях. Иначе и быть не могло, после такой встряски, какую представляют из себя пережитые и переживаемые события. Как использовать эту под спудом лежавшую энергию, разбуженную громом революции? Как направить ее в русло, по которому должно течь развитие нашего Союза, идущего по пути к социализму? Общие задачи, общие пути указаны здесь нашими с'ездами, и на этом мы не будем останавливаться. Нам хотелось бы сказать несколько слов на другую тему, на тему о роли нашей культурно уже отшлифованной молодежи, которая будет работать в деревне или будет с этой деревней соприкасаться.

Эта роль должна быть теперь, в теперешних условиях, в значительной мере ролью культуртрегерской. Только обеспечив культурную гегемонию в деревне, будем мы в состоянии обеспечить себе и гегемонию политическую. В чем заключается основная опасность сейчас? В большей культурности кулака, в том, что полунищие деревенские власти часто живут на хлебах кулака и попадают от него в полную зависимость; в том, что кулак, опираясь на свою зажиточность и на нищету других, забивает остальных своей большей грамотностью, ловкостью и находчивостью, знаниями, связями и проч. и проч.

Ему нужно уметь противопоставить честных, выдержанных, опытных, дельных коммунистических культуртрегеров.

Но перед этими товарищами стоит сложнейшая задача. Они должны суметь овладеть идейно очень широким слоем, в первую очередь деревенской молодежи, у которой наиболее остро стоит вопрос о „новой жизни". Здесь нужно прямо поставить, нам думается, вопрос о развитии советской общественности на селе. Что мы под этим разумеем?

Вот что. Нужно направить развивающуюся энергию крестьянства, в особенности крестьянской бедноты и бедняцкой молодежи, по руслу образования всевозможных добровольных кружков, обществ и т. д. и т. п. „Общество друзей многополья", общество „Долой неграмотность", общества и кружки агропропаганды, борьбы с алкоголизмом, борьбы с табаком, общества благоустройства деревни, помощи кооперациии и так далее — вот что мы имеем в виду. Необходимо, чтобы пионерами, застрельщиками, организаторами, „коноводами" этого дела и выступили коммунисты, комсомольцы, комвузовцы и другие партвузовцы. При умелом подходе к делу, при надлежащем подборе лиц, при деловитости их, можно захватить под наше коммунистическое влияние очень значительный круг лиц. А именно это то и нужно.

В связи с этим стоит и проблема привлечения лучших элементов деревенской интеллигенции: агрономов и учителей. Если мы—отчасти при их помощи—сможем создать, наладить, укрепить культурные гнезда, все гуще рассаживая их по лицу советской земли, то тем самым мы решим одну из самых головоломных задач нашего строительства.

Здесь главное—это то, кто будет с нашей стороны таким культурным пионером. Хороший работник, знающий, тактичный, осторожный, не фразер, не „командир", а действительный советник и энтузиаст своего дела, может сделать чудеса. И если наши товарищи из учащихся проникнутся вот этой миссией и поставят себе целью ее выполнить по мере сил и возможностей, мы будем иметь довольно крупные результаты в общем балансе нашей общественной работы.

На этом пути, нам кажется, только и может быть решена задача контроля низов, борьбы с бюрократизмом и так далее. Ведь, не подлежит никакому сомнению, что главная трудность в решении это задачи, поставленной и так ярко обоснованной Владимиром Ильичем, заключалась в отсутствии достаточно культурных людей из низов, в отсутствии целого ряда дополнительных канальчиков, по которым энергия масс притекала бы к партии, союзам, органам государственной власти. Задачей тех культурных оазисов, о которых мы говорили выше, будет укрепление советской общественности на деревне и вместе с тем подведение действительно прочного базиса под строительство всенародного контроля.

Конечно, эту задачу можно решить лишь при умелом руководстве и умелой организации разнообразных культурных ячеек. Нужно помнить, что здесь необходимо наше идейное

влияние, что организационные формы должны быть таковы, чтобы при помощи минимума коммунистов охватить максимум беспартийных крестьян. Задача не из легких. Но это—задача, которая —с точки зрения всего исторического процесса—является одной из самых благородных и одной из самых благодарных задач, какие только стоят у нас на очереди дня.

3. Культура советского чиновничества.

В связи с этим стоит и другой вопрос, который играет крайне существенную роль в действительной жизни и поэтому неизбежно принимает политический характер. Мы говорим о культуре советского чиновничества, в особенности о советских работниках в деревне.

Мы ставим вопрос здесь довольно остро и резко. В переходный период чиновничество до известной степени неизбежно. Оно исчезнет лишь тогда, когда культурный уровень масс настолько поднимется, и общественное сознание будет бить настолько горячим ключом, что каждый на деле будет принимать участие в управлении. Но беда наша в том, что у нас наши советские чиновники часто не имеют свойств хороших чиновников и отличаются качествами, которые ни в коем случае не могут быть терпимы. Это явление понятно. Во-первых, громадную роль играет нужда, в особенности в низовом аппарате. Во-вторых, это—неизбежное явление переходного времени. Мы разрушили старые нормы чиновничьей добродетели, с'ели чиновника с потрохами, дискредитировали его в общественном сознании, но не успели еще выработать своих правил, своих норм, своих порядков, не успели еще создать среди наших совслужащих такого рода связующее и очищающее начало, каким у буржуазной бюрократии была корпоративная честь и профессиональная добродетель. Нам нужно создавать культуру работников нашего совапарата, формировать их идеологию; эта идеология должна бичевать, клеймить позором, ставить бубновый туз всякому совработнику, который груб, лает на посетителей, отсылает их без нужды от Понтия к Пилату, лихоимствует, страдает ком—или просто чванством, задирает нос, неряшничает, нерадив по службе и так далее.

Все эти весьма элементарные и весьма прозаические вещи категорически необходимы нам. Без них мы прожить не можем, в особенности в деревне. Мы массу теряем от того, что какой-нибудь „коммальчишка" об'являет себя всезнайкой, когда он ничего не знает; или, как власть имеющий, „командует", когда нужно и можно убедить; или хватается за мандат и проявляет административное усердие, когда нужно подумать и осторожно и терпеливо выжидать.

Все это кажется мелочью с точки зрения больших задач, громадных битв, великих перспектив. Но нужно отчетливо понять, что в этих-то мелочах и заключается фундамент нашего будущего, ибо это и есть составная часть той переделки человеческой „природы", о которой говорил еще Карл Маркс.

Товарищи, которые поедут в деревню, должны быть носителями этой „ответственной культуры" „ответственных работников". Это одна из важнейших задач. Ее решением, в первую голову, можно укрепить наш советский аппарат, в том числе и низовой, деревенский аппарат, приблизить его к населению и сверху помочь делу борьбы с бюрократизмом, который продолжает еще быть нашим бичом.

4. Воспитание молодежи и детей.

Необходимо обратить также внимание, дав здесь соответствующий толчок, на дело воспитание молодежи и детей крестьянства. Кроме обычной работы комсомола, нужно пробудить инициативу и двинуть вперед дело переработки самого молодого поколения, детей крестьянства. Если из теперешних взрослых и даже юношества мы, в первую очередь, должны готовить кадровый состав, то за этой задачей не следует упускать другой задачи: задачи подведения человеческого фундамента под все наше строительство. Как есть у нас оборотный и основной капитал; как есть у нас текущая хозяйственная работа—с одной стороны, и электрификация—с другой, точно так же и в деле переработки человеческого материала. Мы в более или менее пожарном порядке готовим активые кадры строителей; мы страхуем себя от всяких чужеродных влияний, не пуская в Комсомол и партию иначе, как под строгим социально-классовым отбором. Но за этим мы не должны забывать и того, что нам предстоит переделать весь человеческий материал. И здесь самой важной задачей, задачей, так сказать, электрификационной, является воспитание крестьянских детей. Наше пионерское движение развито крайне слабо как раз в деревне. Это дело нужно двинуть вперед с максимальной быстротой. Дети гораздо легче поддаются влиянию, а через них мы будем подкапываться и под основные устои деревенского экономического и идейного „Домостроя".

5. Против шаблона.

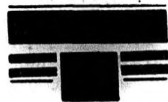
Во всей работе в деревне нужно остерегаться готовых мерок и шаблонов. Вообще, советский работник находится в более трудном положении, чем чиновник буржуазного государства. У того проторенные пути и дорожки, готовый штамп, готовые решения, проверенные десятками—если не сотнями—лет. Ничего подобного нет у нас. У нас поэтому ремесленник-чиновник—неподходящая фигура. Нам нужны люди, подмечающие все новое, оригинальное, свежее; люди, могущие понять это новое, сообразоваться с ним, форсировать рост этого нового, т. е. давать оригинальные решения.

Для этого нужна особая находчивость. К сожалению, ее не всегда хватает. Между тем, если мы хотим вести дело к социализму—а именно этого мы и хотим—необходимо самое внимательное нащупывание новых форм, зародышей и ростков этого нового в самых различных уголках общественного хозяйства, обще-

ственного быта, общественной психологии и идеологии. Только подмечая эти росточки, эти зеленя, мы можем двигать свое дело со всех концов, со всех сторон. Величайшим свойством тов. Ленина было именно то, что он всегда видел оригинальность положения, всегда отмечал—хотя бы самый малюсенький—зародыш нового, те звенья, за которые нужно тянуть, чтобы вытянуть, в конце концов, всю коммунистическую цепочку.

Об этой задаче точно также должны помнить наши товарищи, едущие в деревню. С каждым годом мы будем все сознательнее и сознательнее относиться к этой периодически повторяющейся работе. Эти летние культурно-политические кампании, этот живой культурный обмен веществ между городом и деревней будет воспроизводиться на все более широком основании.

Но нужно не дожидаться стихийных результатов этого процесса. Необходимо самым сознательным образом использовать этот опыт. Ибо—повторяем—у нас нет, с точки зрения пролетариата,—задачи более важной, чем задача правильного отношения между городом и деревней, деревней, о которой мы так позорно мало знаем.

Ник. Карев.

О группе „Рабочая Правда“.

I.

Когда говорят о возможности перерождения некоторых групп внутри нашей партии, то не всегда заслуженно в данном случае употребляют слово „перерождение“. Перерождение человека предполагает, что он когда-то был иным, чем в тот момент, когда злая судьба поймала его в свои цепкие лапы и направила по неправедному пути. Но кто бы назвал мошенника, прикинувшегося святым и в удобный момент обнаружившего свою истинную природу,—переродившимся? Тем более, что, как известно, и чрезмерная святость не лишена лукавства...

„Рабочая Правда“—прикидывается левой группой. Фразеология ее ультра-революционная и сугубо-пролетарская. Можно подумать, что авторы ее писаний спят и во сне заботятся лишь о нуждах и лишениях русских пролетариев, стонущих под гнетом советской власти и РКП. Несколько ее членов состояли даже членами нашей партии, правда, в огромном большинстве своем вступившими в нее намного позже Октябрьской революции и очень быстро дезертировавшими из нее под иные, более близкие их духу, знамена. Это того типа зеленая молодость, в которой больше плесени, чем зелени. Но все же на словах мы имеем перед собой как будто очень радикальную группу. Однако, только на словах. Задачей нашей статьи будет показать, как очень часто, подобно тому как, идя по кольцу слишком долго налево, в конце концов попадаешь направо, так же и в политической борьбе, под флагом весьма р-р-революционных и сокрушительных фраз, скрываются ренегаты пролетарской, действительно революционной борьбы. Это святая левизна того типа, которая очень часто оказывается хуже воровства. Очень и очень часто в отношении ее, как и в примере с „Р. П.“ („Рабочей Правдой“), нельзя говорить даже о перерождении. Через посредство всех подобных ей групп и фракций дезертируют от социалистической революции не настоящие ее ратники, не разлагающиеся от соприкосновения с чуждыми нам классами рабочие и коммунисты,—дезертируют люди, всегда очень мало общего имевшие с действительной борьбой пролетариата и идеологически ей чуждые.

„Рабочая Правда“ представляет собой пример не столько меньшевистско-буржуазного перерождения, сколько пример возрождения меньшевизма в нашей стране. Разобрать ее идеологию и программу значит показать массовику-партийцу те дрожжи, на которых вновь разбухает меньшевизм в современных условиях, те ошибки, на которых он растет.

Сама по себе группа „Рабочей Правды“ давно умерла и никогда никакой политической роли не играла. Мы позволим себе поэтому не особенно подробно разбирать ее практически-политические требования, тем более, что в них весьма мало нового, по сравнению хотя бы с меньшевиками, и оставим в стороне совершенно ее историю. Зато с тем большим вниманием должны мы будем сосредоточиться на ее идеологии, поскольку в ней мы находим целый ряд черт, которые сказываются и до сих пор в воззрениях некоторых групп внутри нашей партии. Это тем более важно, что в своих общетеоретических построениях „Р. П.“ опирается целиком и полностью на А. Богданова, книги которого, довольно далекие от марксизма, до сих пор, к сожалению, широко распространяются среди нашей молодежи.

При этом мы будем исходить главным образом из книги А. Богданова „Вопросы социализма“, вышедшей в 1918 г., т. е. после Октябрьской революции, и некоторым образом составляющей, в параллель старой книге Бернштейна, ревизионистское credo А. Богданова в отношении социалистической революции. Тожество взглядов „Р. П.“ и А. Богданова в вопросах теории, оценки нашей революции и задач пролетариата вряд ли нужно доказывать. Оно простирается вплоть до того, что проект общей части платформы „Р. П.“ заимствует у А. Богданова не только его идеи, но и его слова и выражения.

Начнем с рассмотрения общетеоретических взглядов „Р. П.“ и А. Богданова и их отношения к теории Маркса и Ленина. Тем самым мы должны будем прощупать те исходные принципиальные и методологические пункты, в которых коренятся все политические и тактические ошибки этих горе-героев нашего времени, выступающих во всеоружии богдановщины против нашей партии и пролетарской революции. Здесь для нас подтвердится старая истина марксизма, что теория и практика неотделимы друг от друга. Оппортунистическая практика неизбежно приводит в конце-концов к ревизии в теории (Бернштейн), ревизия в теории к оппортунистической практике (Богданов).

II.

Как известно, наша партия, рабочий класс в своей революционной работе опираются на учение Маркса, его теорию исторического материализма. Согласно этой теории не общественное сознание, идеология, определяет бытие, а общественное бытие определяет сознание. В основе человеческой истории лежит развитие производительных сил и соответствующих им систем производственных отношений. Они определяют собой разделение общества на классы, они составляют тот базис, на котором возвышается вся совокупность государственных, правовых и идеологических надстроек. Поэтому и освобождение рабочего класса может быть достигнуто, по Марксу, лишь путем революционной борьбы классов, результатом которой должно быть изменение самих материальных условий жизни общества, преобразование общественного производства на новых началах.

Таково учение Маркса. А. Богданов и группа „Рабочей Правды“—тоже „марксисты“. Ревизионизм почти всегда начинает с того, что не отрицает революционную теорию, а дает ей лишь новое истолкование, „дополняет“ и „подправляет“ ее, но непременно в „духе“ учителей. При этом достается по первое число „чересчур ортодоксальным“ ученикам, якобы гоняющимся за буквой учения и в ослеплении „авторитарной психологией“ не видящим ее сути.

Таким же путем идет и Богданов с „Рабочей Правдой“. Он тоже „марксист“, тоже всячески честит учеников типа Ленина, Плеханова (в философии) и др., тоже „развивает“ и „дополняет“ Маркса, но этот его дополненный марксизм нельзя назвать иначе, как марксизмом фальсифицированным. Нашей задачей будет показать, как из этого искаженного понимания марксизма вытекают с непреоборимой логикой все, и теоретические, и практические, ошибки и самого Богданова и его законных наследников на практике классовой борьбы — группы Р. П. Теоретические ошибки, отравленная пища для умов, в конце концов всегда приводят и к ошибкам практическим. Это можно показать на судьбах любого теоретического уклона и это же обязывает нас к такой бдительности в области революционной теории.

Рассмотрим же, в чем они заключаются у Богданова. Мы оставляем здесь в стороне его чисто-философские воззрения, в свое время разоблаченные Лениным, как идеалистические [1], и сосредоточимся исключительно на богдановской теории общества.

Богданов исходит из того положения марксизма, что хозяйственная, трудовая деятельность людей есть тот базис, развитие которого определяет собой всю человеческую историю. Трудовая деятельность людей совершается посредством орудий труда, при помощи которых человек овладевает природой и приспособляет ее к своим нуждам. Возникающие между людьми отношения в обществе определяются теми отношениями, которые устанавливаются у общественного человека к орудиям труда. Экономика определяется техникой. „Так техника первобытного человеческого общества с его стихийной связью орудий с общиной в целом определяет и первобытно коммунистический строй общины. Ремесленная техника, связь орудия с отдельным работником, соответствует обществу меновому, мелко-буржуазному, ранне-капиталистическому, индивидуалистическому общественному строю. Машинная техника создает сознательно организованную связь между орудием и коллективом работников („Рабочая Правда“ № 2, стр. 17). До сих пор все как будто верно, хотя подозрительно выпадение из хода рассуждений богдановцев производственных отношений. Ведь производительные силы, техника, определяют собой не непосредственно отношения между людьми в обществе, а определяют собой прежде всего те отношения, которые складываются между людьми в процессе производства, в классовом обществе—отношения владельцев условий производства к непосредственным производителям.

Далее, сами производительные силы это не просто техника, а техника вместе с рабочей силой, охваченная ее трудом. А если это так, то тогда и развитие техники совершается не изолированно от развития всего данного нам экономического строя общества,

1 См. Ленин—Материализм и эмпириокритицизм, соч. т. X.

данных производственных отношений, а во взаимодействии с ними. И лишь тогда, когда рост техники, производительных сил, достигает такого предела, когда он более не может ужиться в рамках данной экономической структуры, он вступает с ней в противоречие, совершается революция и появляется новая экономическая система.

К чему же здесь ведем мы и к чему ведет Богданов? Экономика определяется техникой. Если взять это в таком изолирующем одно от другого виде, как это имеет место у Богданова и у „Р. П.“, то неясно, чем же определяется техника, ее развитие? Поскольку мы отвлеклись совершенно от тех производственных отношений, в рамках которых происходит это развитие, например, для современной машинной техники,—от капиталистического производства, его потребностей, экономических движущих сил и т. д., поскольку перед нами вместе с орудием труда остается человек не как член того или другого класса, участник того или другого способа общественного производства (рабовладельческого, капиталистического и т. д.), а как просто человек, борющийся с природой и для этой цели употребляющий орудия труда. Тем же, что организует эту его деятельность, руководит техническим процессом, оказывается человеческая идеология, человеческое сознание. Во всем своем развитии, пишет Богданов, „идеология сохраняет тот же характер и значение: системы организующих форм производства, иначе говоря—организационных орудий общественного бытия людей“—(А. Богданов—Вопросы социализма, стр. 56).

Под флагом марксизма, таким образом, у Богданова на деле протаскивается самый неприкрытый идеализм. Достаточно привести, как иллюстрацию к этому, пример Богданова на той же странице. „Весь капитализм, - пишет он,—практически организуется при посредстве права частной собственности и морали индивидуализма“. Делать ударение на праве частной собственности в характеристике капитализма и не понимать, что право частной собственности есть лишь юридическое выражение для вполне реального господства частной собственности, а в том последнем вся суть дела—это ведь перл! Ибо что значит—капитализм „практически“ организуется? Имеет ли здесь в виду Богданов еще и его теоретическую организацию в своей собственной голове? И не организуют ли капитализм на самом деле не право с моралью, а экономические законы стоимости, конкуренции и т. д., только идеологическим и юридическим выражением которых оказываются право и мораль? Не указать на это, значит все на свете перепутать. Но зато, правда, тогда действительно идеология оказывается решающей силой исторического развития. Но если идеология оказывается организатором общественного строя, то спрашивается, как же все таки это примирить с марксизмом, который считает идеологию не базисом, не руководителем истории, а лишь одной из ее надстроек?

В ответ Богданов отрицает какое бы то ни было противоречие в своей теории и, наоборот, выискивает его у марксистов. Ответ его весьма прост. Идеология исторически вытекает из практической жизни, ее потребностей—рассуждает Богданов. Расписание поездов появилось позже изобретения паровоза. Но это не мешеет этому же расписанию управлять движением поездов в наше время. Никудышность такого тяжеловесного, поистине паровозного, аргумента очевидна. Если зависимость идеологии от базиса такова только, что немыслимо ее самопроизвольное зарождение, как немыслимо расписание движения поездов до изобретения паровоза, но в дальнейшем она независима от практической жизни и даже определяет ее, управляет ею—где же здесь хоть гран от марксизма?

Мы привыкли считать, что по Марксу идеология не только исторически возникает из общественного бытия людей, но и на каждой ступени своего развития определяется им.

Но, восклицает Богданов, тогда здесь противоречие в самом марксизме. С одной стороны, идеология, например, классовое сознание пролетариата—надстройка, а с другой—основная задача рабочей партии есть развитие этого классового сознания. Отрицая за идеологией руководящее значение на словах, его признают на практике. Разве это не противоречие?—и вновь нашим глубокомысленным философом все поставлено вверх ногами, на голову.

Основная задача рабочей партии есть социалистический переворот, путь к нему—организованная борьба рабочего класса. В этой борьбе рост классового сознания играет важнейшую роль, но марксисты никогда не учили, революционные марксисты, что идеология никакой роли не играет. Так же, как в противовес оппортунистам, они никогда не учили, что социализм осуществляется сам собой, без самостоятельной борьбы пролетариата и его партии. Но рост классового сознания рабочих сам есть, при всем его значении, производная роста классовой борьбы рабочих, материальных условий их существования и т. д. Вот эта-то сторона дела игнорируется Богдановым. Он совершенно не понимает диалектического взаимодействия между техникой, экономикой и идеологией, того, что, будучи одним из необходимейших орудий революционного переворота, идеология действует все же не изолированно, а сама в свою очередь определяется иными, более глубокими общественными причинами.

После же того, как Богданов изолировал идеологию от всей остальной совокупности общественной жизни, естественно, что она стала вполне самодовлеющей силой, неограниченно властвующей в области организации и управления человеческим обществом. Это подобно тому, как если бы инженер возомнил себя неограниченным господином в капиталистическом предприятии, забыв совсем о той решающей зависимости, в которой он находится от использующего его, правящего им капиталиста.

Насколько несостоятельна богдановская точка зрения, показывают два приводимых им же примера.

Что идеология имеет руководящее, направляющее значение, следует, по Богданову, хотя бы из примера войны. „Что может быть поразительнее сплочения враждовавших только что классов передовой страны—буржуазных, полубуржуазных и пролетарских, в один реакционный истребительный блок посредством националистической идеологии, как это было в начале войны?“—восклицает Богданов.

Но что же может быть поразительнее этого „об'яснения для детей“?

Мы вовсе не собираемся отрицать здесь роль, которую играло в руках буржуазии разжигание националистических страстей в отсталых и мелко-буржуазных слоях населения. Но разве этой причиной может быть об'яснено событие, захватывающее основные интересы различных классов да еще передовых стран? Всякому политическому младенцу известно теперь, что предательство с.-д. во время войны определялось не только той поистине беспримерной волной лжи, которая лилась буржуазией в ряды еще отсталых рабочих масс, но и заинтересованностью верхушек рабочей аристократии в результатах войны и успехе своей отечественной буржуазии. Но там, где дело касается реальных интересов, Богданов слеп на оба глаза.

Или другой, более невинный, но от того еще более смехотворный пример. „Распоряжением правительства, замечает Богданов, переведена часовая стрелка на час вперед—административная поправка к астрономической формуле—и изменяются условия производства (??), потребление топлива, осветительного материала и пр.“. Разве не блестящее доказательство управляющей роли идеологии? Переведите часовую стрелку—и условия производства изменились, потребление топлива и т. д. иные; без малого, переворот во всей общественной жизни. Чем не чудодейственная сила идеологии? Пример тем более нелепый, что, не говоря уже о с ног сшибательном значении подобного изменения условий производства, само оно вызывается, ведь, хозяйственными же потребностями и совсем не является продуктом чистого, организационного, идеологического творчества.

Везде и всюду, служебную и посредствующую в хозяйственной и общественной деятельности, роль идеологии Богданов возводит во всенаправляющего и всеуправляющего организатора.

Но при всей беспомощности подобного идеализма в об'яснении общественных явлений, он имеет определенный общественный смысл и из него вытекают вполне определенные политические выводы.

Ради них мы и позволили себе занять столько места теоретической критикой социологии богдановщины.

Итак, если „основное орудие самоорганизации человечества—его идеология, общественное сознание“, как пишет „Р. П.“, то тогда уже не отношение производителей к владению средствами производства, как у Маркса, определит собой деление общества на классы, а то, в чьих руках оказывается идеологический опыт, кто господствует в области общественного сознания. Отсюда основное противоречие эксплоататоров и эксплоатируемых у Богданова и „Р. П.“ должно подмениться противоречием между организаторами и организуемыми. Классы возникают не с появлением разделения труда и частной собственности, а с выделением „хранителей и носителей идеологии, знания и опыта“, организаторов, захватывающих в свои руки в силу этого своего положения производство,—т. е. точка зрения противоположная той, которую мы имеем у Маркса.

Отсюда схема деления истории на периоды ставится в зависимость от типа отношения организаторов к организуемым—патриархов, феодалов, буржуа и технической интеллигенции в государственном капитализме. В этой последней—соль системы. Типы эксплоатации, зависящие от того, владеют ли непосредственные производители условиями производства и какую мы имеем форму собственности, подмениваются типами организации. Богданову и „Р. П.“ мало дела до того, что вся эта схема не верна исторически, так как, например, весьма трудно указать, какую производственно-организационную роль играет современный рантье, пайщик какого либо акционерного общества. Богданов совершенно игнорирует тот факт, что в капиталистическом обществе организует не капиталист, а его капитал, на чем особенно настаивал Маркс. Но что до исторической правды Богданову? Разве дело в ней? Ведь истинно, по Богданову, лишь то, что социально значимо, т. е. попросту то, во что поверит большинство людей. Мало ли на свете дурачков и особенно в среде столь беспокоющей сердце Богданова интеллигенции?

Итак, классовое разделение общества проходит по линии организаторов и организуемых, исполнителей. Социализм должен привести нас к тому, что все человечество станет коллективным организатором общественной жизни. Идеологический опыт должен будет перестать быть достоянием небольшой группы людей и стать достоянием всех. Но если это так, то путь к социализму должен рисоваться Богданову совсем иначе, чем всем остальным грешным марксистам. И, конечно, тогда великим борцам за пролетарскую культуру из „Р. П.“ не по дороге с РКП. Разберем же, в чем здесь дело.

III.

Для марксистов, для большевиков, для ленинцев путь к социализму—путь классовой борьбы. В классовой борьбе пролетариат должен завоевать государственную власть, обобществить производство и, опираясь на свою диктатуру в государстве и на социализированную промышленность, построить такой общественный порядок, при котором отмерли бы сами общественные классы и государство. Для Богданова и „Р. П.“—все наоборот. Они совсем не понимают роли политической борьбы, для них не существует проблемы диктатуры пролетариата. О ней нет нигде ни слова. Если социализм дело только и прежде всего обобществления идеологии, то естественно, что путь к нему—культурное воспитание пролетариата, пролетарская культура. Так культурная задача не сопутствует политической, а подменяет ее. Преувеличенное воззрение на роль культуры, хотя бы и пролетарской, оказывается лишь ступенькой по пути на буржуазную точку зрения, по пути к меньшевизму. Если социализм есть проблема культуры, и путь к нему есть путь исключительно культурной работы, то это в переводе на политический язык есть чистейший реформизм и утопизм, чистейшая маниловщина. Ни Богданов, ни „Р. П.“ не понимают совсем тех специфических трудностей, которые стоят перед пролетариатом в деле строительства социализма в силу его особо угнетенного положе-

ния в буржуазном обществе (см. у Бухарина в статье „Буржуазная революция и революция пролетарская"). Утопия Богданова—это утопия такого типа „вростания в социализм", который навеки обеспечивает его невозможность. В этой подмене культурно-организационной задачей задачи политической—реакционность всей богдановской системы. Это подобно тому, как если бы мы лечили болезни вместо лекарств заклинаниями.

Но ход мысли Богданова не останавливается на одной „программе культуры".

Исходя из своей всеобщей организационной точки зрения, Богданов, а за ним и „Р. П.", как мы видели, рассматривает и социализм, прежде всего, как проблему организационную. В деле организации основное—план. План же есть явление идеологического порядка. Отсюда—всезаполняющий панидеологизм Богданова. Вот ход его мысли. „Хозяйственный", как и всякий вообще „план", есть сам по себе идеологическое построение, продукт тех или иных методов мышления, и путь к реализации плана идет всецело через развитие классового сознания, т. е. оформленной классовой идеологии". Богданову невдомек, что план носит действительно чисто идеологический, а потому и совершенно бесплотный, формальный характер лишь до тех пор, пока он измышляется из головы и, опираясь на одни голые „методы мышления", пока совершенно забывает о тех реальных элементах, через посредство которых он может быть осуществлен в действительности, что реальный план не носит поэтому характера вымученного выверта из предвзятых организационных методов, а создается путем учета и роста связи реальных хозяйственных сил.

И здесь технически-организационная задача заменяет собою политическую проблему отношений между классами, установления связи между ними в данной совершенно конкретной хозяйственной обстановке и т. д. так же как раньше ее подменяла проблема культурная. И в том и в другом случае уклон от марксизма и ленинизма, так как гениальность Ленина как раз и заключалась прежде всего в величайшем уменьи отыскивать звенья политической борьбы, отношений пролетариата и крестьянства и т. п. При выпирании культурного или технически-организационного момента неизбежны в первом случае недооценка роли политической и централизованной партии, переоценка роли идеологии; во втором случае недооценка политического руководства партии, переоценка организационно-технических методов и задач. И то и другое синтетически соединено в „Р.П."—отсюда ее сугубый теоретический ревизионизм и политический меньшевизм.

Самый путь к социализму поэтому для Богданова не „скачок, а трудный путь", в противовес Энгельсу. Никто, и, конечно, Энгельс в том числе, не думал никогда, что социализм может быть построен в пять минут. В данном случае смысл „скачка" у Энгельса в революционном осуществлении социализма, точно так же, как смысл „трудного пути" у Богданова в его реформистской „программе культуры".

IV.

Естественно, что общий реформистский дух учения Богданова должен был отразиться и на оценке им и его учениками нашей революции. Здесь, таким образом, мы подходим к непосредственным политическим требованиям „Р. П." Они могут быть характеризованы двумя словами: чистейший меньшевизм. Прежде всего это касается общей оценки переживаемой нами эпохи. Для Ленина это период загнивания капитализма, период социалистической революции. Для Богданова „социалистической революции в Европе, как и в России, теперь не будет (писано в 1908 г. Н. К.). В ней возможны лишь иные революции". Богданов из всех сил доказывает, что финансовый капитал во время войны потерял былое значение и возросло вновь значение промышленного капитала. Это ему нужно для того, чтобы показать способность капитализма восстановить свои силы, но на этот раз при содействии нового общественного класса — технической интеллигенции, организующей производство в новой форме, в форме государственного капитализма. Во всем этом Богданов остается верен своей организационной точке зрения, подменяющей борьбу противоречий гармонической организационной схемой. Отсюда же отрицательное отношение к большевистскому „максимализму" и трафаретно-меньшевистское выведение военного коммунизма из солдатской идеологии. Но что же такое тогда, с этой точки зрения, наша партия и октябрьская революция?

Большевизм был рабочей партией до „Октябрьской революции",—пишет „Р. П." До? Не лучше ли сказать, до тех пор к нему примыкал Богданов? Не правда-ли? „Р. П." видит, впрочем, также революционность б-ков и в их антимилитаристской позиции во время войны, но не понимает при этом, что и здесь гвоздь дела не в том, о чем говорит „Р. П.", а в требовании смены войны империалистической — войной гражданской. Точка зрения „Р. П." оказывается и в данном случае точкой зрения интеллигентского пацифизма, очень недалекого от меньшевиков.

Но чем же тогда была октябрьская революция? Революцией буржуазной—в унисcон с меньшевиками отвечает „Р. П." Однако, при этом она стремится прокричать и свою ноту, от которой получается такая какофония, что даже меньшевик Далин затыкает от нее уши, в, казалось бы, ко всякой пакости привыкшем „Соц. Вестнике".

Октябрьская революция, с точки зрения „Р.П.", установила в России государственный капитализм и Р. К. П. стала партией ныне господствующего класса—организаторской интеллигенции. В этом открытие „Р.П.",—РКП переродилась в партию организаторов и руководителей государственного аппарата, в партию новой буржуазии. Это открытие, надо отдать ему справедливость, вполне вытекает из всей теории богдановщины. Если организаторы и организуемые та линия, по которой проходит классовое деление общества, то естественно, что можно и ответственных советских работников, администраторов, специалистов превратить в особый общественный класс. Мало беды в том, что значительная часть такого, с позволения сказать, класса (спецы) после Октября саботировала изо всех сил, отчасти саботирует и до сих пор (дело Клера и др.) нашу

т. е. якобы свою, партию. Что до истины, когда зато есть прекрасная схема.

С точки зрения марксизма ошибка в ней совершенно очевидная. Перерождение определенных слоев нашей партии, занятых в хозяйственной и административной работе, возможно, частично даже совершается (свидетельство тому чистка), но корень дела совсем не в том, что те или другие группы исполняют организаторские функции. Если стать последовательно на эту точку зрения, то вообще надо признать вредной всякую организационную работу в силу неизбежного отрыва организатора от массы, — точка зрения попахивающая одновременно анархизмом и преувеличенной оценкой значения организатора, власти, столь типичная для интеллигентского и мелко-буржуазного индивидуализма. Дело в том, что в хоз. и админ. работе члены партии соприкасаются с *враждебной нам средой* и *материально* ставятся в такие условия, которые способствуют их разложению.

В *этом реальная* опасность и возможность перерождения, а не в богдановских небылицах. Вновь и вновь технический и организационный момент преобладает над политическим и классовым. Когда Богданов и „Р. П.“ пишут о перерождении в силу того, что партия или отдельные ее работники исполняют авторитарную, аппаратную роль, то это так же умно, как и об'яснение Богдановым оппортунистических и религиозных предрассудков из отсутствия у массы организационной точки зрения (см. наприм., „Вопросы социализма“, стр. 66). Наилучшим опровержением такого типа разговоров о перерождении партии является простой факт ленинского призыва. Но это не значит, что не надо закрывать глаза на *действительные* опасности перерождения, которые идут из нашего советского и хозяйственного аппарата, в котором представители нашего класса теснее всего соприкасаются с мелкой и нэповской буржуазией, в котором они ставятся в такие *материальные* условия, которые при современном хозяйстве, когда еще не отмерли остатки капитализма в нашей стране, облегчает для неустойчивых элементов отрыв от своего класса и разложение. Но это не имеет ничего общего с богдановским пониманием разложения в результате голого выполнения работником организаторской функции.

Еще большая путаница у „Р. П.“ по вопросу о нашем капитализме. Здесь же мы переходим к отношению „Р. П.“ к нэпу.

Схема очень проста. Раз у нас есть буржуазия и есть наемный труд, товарное обращение, значит наш строй буржуазный. Раз строй буржуазный — то нет рабочей власти, а у власти буржуазия. Схема чисто-меньшевистская. Так же, как и у меньшевиков ранее не было понимания возможности для пролетариата играть роль авангарда в буржуазно-демократической революции, так же и теперь Богданов и „Р. П.“, не понимают диалектического положения рабочего класса, допускающего в известных пределах рост капитала для укрепления своей социалистической промышленности с целью тем более верного уничтожения его в будущем.

Но какой же у нас капитализм, по теории „Р. П.“? Капитализм государственный. „Р. П.“ при том абсолютно не понимает того смысла, который вкладывал в этот термин Ленин. Она не видит капитализма там, где он зреет на самом деле, и ищет его там,

где его нет. Наша социалистическая промышленность для нее есть база государственного капитализма, в то время как она есть база социализма [1]). Основные же элементы государственного капитализма составляют сдаваемые нами в аренду и на концессии предприятия, смешанные общества. Самый всамделишний частный капитал представляют в Сов. России *частные* торговые и промышленные предприятия. Но их-то „Р. П.“ опасливо обходит. О новой буржуазии „Р. П.“ говорит, что „лавочники разные, арендаторы и другие собственники веса большого не имеют—капиталов у них мало“. Действительную опасность роста частного торгового капитала „Р. П.“ сознательно игнорирует, для нее она не существует. Более того, она заявляет, что производство должно быть восстановлено и развито путем рационализации производства (?) и путем привлечения иностранного капитала, концессии которому должны быть даны, но так, чтобы они не закабалили страну. Оговорка в устах „Р. П.“ для дурачков. О рационализации производства несколько слов ниже. Сейчас же экономическая программа „Р. П.“ очевидна—не угнетать частного торговца, пустить концессионера и бороться с государственной социалистической промышленностью. Замечательна в этом отношении точка зрения „Р. П.“ на экономическую борьбу рабочих и „производственную“ точку зрения. Много страниц посвящается во всех писаниях „Р. П.“ необходимости организации экономической борьбы рабочих за улучшение своего положения на государственных заводах. В этом направлении Р. П. не стесняется никакой демагогией. „Р. П.“ за стихийный экономизм рабочих, который требует переводить на рельсы борьбы с „коммунистическими фетишами“, против нашей партии и во вне и внутри ее. Но нигде нет ни слова об экономической борьбе на частных и концессионных предприятиях. Осуждая производственную точку зрения, как эксплоататорскую, „Р. П.“ вместо нее выдвигает невиннейшее требование рационализации производства, которое, очевидно, должно подменить политические проблемы, стоящие перед рабочими. Все тот же технически-культурный мотив. В такой форме экономизм „Р. П.“ оказывается простой попыткой буржуазии, как по своему об'ективному смыслу и в старом экономизме,—использовать стихийное рабочее движение в своих целях и направить его по анти-коммунистической и антисоветской линии.

Во всех рассуждениях „Р. П.“ о госкапитализме и наемном труде в Советской России основная ошибка та, что она совсем не понимает изменения положения наемного рабочего на предприятии с переходом его из рук частного капитала в руки рабочего государства. В данном случае, если отвлечься от части, отхватываемой у нас, в силу недостатков государственной торговли и т. д. частными посредниками и проч., мы уже не имеем эксплоатации в старом смысле слова. Рабочий никогда не будет получать полный продукт своего труда (см. у Маркса в „Критике готской программы“). Вся проблема заключается в том, чтобы он получал то, что может ему дать промышленность на данном уровне раз-

---

[1]) Ср. Ленинскую схему сосуществования у нас в России различных типов экономических структур в его брошюре о продналоге, а также его замечания в статье о кооперации.

вития производительных сил и за вычетом того, что совершенно необходимо для удержания его господствующего положения в обществе. Поэтому наш директор для рабочего не старый хозяин, наш наемный рабочий не только наемный рабочий, но и один из участников владения всем общественным производством. Отсюда и его заинтересованность не только в своей заработной плате, но и в процветании общественного производства. Но все это для „Р. П.“ книга за семью печатями. Вся ее революционность лишь в том, что она ничегошеньки не понимает в революции.

Правда, „Р. П.“ иногда не прочь отдать дань даже антинэповской фразеологии. Но это толко фразеология. Поддерживая все оппортунистические элементы, когда бы то ни было бывшие в нашей партии, в частности Мясникова, „Р. П.“ ругает его за синдикализм и утопизм. Антинэповская фразеология главным образом характерна для ее популярных изданий для рабочих. Здесь мы имеем обычную буржуазную агитационную двойную бухгалтерию.

Итог „Р. П.“ следующий—Октябрьская революция выявила неподготовленность пролетариата к организационной задаче, привела к власти техническую интеллигенцию, мы имеем не кризис, а под'ем капитализма, выход в том, чтобы пойти на выучку... ко всеобщей организационной науке и пролетарской культуре выпечки Богданова. Но отсюда не далеко до пути на выучку к капитализму!

V.

Политическая программа „Р. П.“ не дает ничего нового по сравнению с меньшевизмом. То же непонимание роли крестьянства (для члена группы Ивановой—оно лишь „пушечное мясо“, авантюристическая формула), так же нет ни слова о советах, то же требование демократии (только у Богданова откровеннее, чем у „Р. П.“—„как постоянный государственный порядок, эта (советская) система, очевидно, гораздо менее совершенна, чем парламентская демократическая республика и в сущности совсем непригодна“). То же требование свобод, отрицание „фетиша диктатуры“ и т. д.

А в заключение—логика для сумасшедших—требование в мировом масштабе единого фронта против организаторской интеллигенции, выделяющейся из среды рабочего класса. „Р. П.“ даже надеялась некогда использовать для этой цели Коминтерн, но тому помешала связь его с „капиталистической Россией“. В переводе на наш язык это означает, что „Р. П.“ рассчитывала на западно-европейское коммунистическое движение в тот период, когда оно было менее большевистским, чем сейчас. Хороший пример для тех, кто до сих пор не забыл фраз о русском засилии. Борьба против русского—в данном случае оказывается лишь маской для борьбы против большевистского.

На этом можно, пожалуй, и кончить наш разбор идеологии и программы „Р. П.“, поскольку тактика ее ничем не отличается от всех других такого же типа групп, всегда ставящих себе исходной целью расшатать основной устой нашей пролетарской диктатуры—нашу партию. Стоит отметить значение, придаваемое „Р. П.“ пролеткультам и требование эмансипации их от советских органов.

Мы позволили себе несколько смять изложение политических воззрений „Р. П.“ еще и потому, что меньше всего группа эта может рассчитывать на роль идеолога каких бы то ни было слоев рабочего класса, как это отчасти имеет место хотя бы в отношении мясниковщины. Диалектика судьбы богдановщины и ее последышей из „Р. П.“ в том и заключается, что, провозглашая, везде и всюду борьбу с технической и организаторской интеллигенцией и тем самым переоценивая ее роль, на деле сама богдановщина является ничем иным, как идеологией этого типа интеллигенции. Поэтому и в коммунистическом движении уклоны типа Богданова возможны скорее всего в интеллигентских группках к нему так или иначе примыкающих. Как раз для интеллигенции, мелко-буржуазной и буржуазной, наиболее характерны—эта преувеличенная оценка роли идеологии, схематизм, переоценка значения формы, организационного момента и недооценка учета той реальной обстановки, в которой развивается классовая борьба. Ремесленник умственного труда - интеллигент во всем прежде всего видит работу мышления, созданную в его уме схему и не видит скрывающуюся за ней и целиком определяющую действительные задачи политическую обстановку.

Отсюда вытекает для партии важнейший урок—обязательно следить за всеми ошибками в этом отношении, так как логика их развития, как показывает пример „Р. П.“, неизбежно ведет от марксизма и ленинизма к меньшевизму. Внимательнейшим образом следить за теми действительными процессами, которые совершаются в стране в отношениях между классами и внутри самих классов. Изучать элементы того действительного перерождения, которое определяется давлением на партию мелко-буржуазной и буржуазной стихии и которое, как мы видели на опыте „Р. П.“, приводит в конце концов к дезертирству от революции, защите интересов буржуазии против рабочего государства, хотя бы и под флагом фразеологии сугубого рабочелюбия, в конечном итоге—к отказу от самой мысли о социалистической революции, подменяемой культурным, хотя бы и пролеткультурным, постепеновством.

Эта идеология мелко-буржуазных и интеллигентских попутчиков революции, отходящих от нее, должна встретить беспощадный отпор со стороны партии, партии, которая никогда не позволяла затуманивать лежащую перед ней перспективу борьбы за социализм с иностранным и нэповским капиталом—бесплодными рассуждениями о перерождающихся организаторах и всеисцеляющем культурничестве.

А. Слепков.

Об уклонах и возможных путях возможного перерождения.

Статья вторая.

Некоторые процессы, играющие значительную историческую роль, протекают одновременно в ряде этажей социального здания. Обратимся хотя бы к следующему примеру. Необычайно крупной проблемой, которая встала перед рабочим государством в эпоху социалистического строительства, является проблема физического оздоровления рабочего класса, столетиями истощаемого капитализмом.

Разумеется, эта задача может разрешаться только по мере нашего экономического укрепления, по мере улучшения материальных условий существования рабочего, вместе с повышением культурного уровня и изменением к лучшему нашего быта. Словом, на 75% это есть задача профилактическая: у нас не будет болезненного, физически нездорового рабочего, если будут обеспечены хорошие—в социально-гигиеническом отношении—условия жизни.

Особенно трудной в этом отношении представляется нам проблема преодоления профессиональных болезней. При знакомстве с разными категориями рабочих крупного предприятия, особенно поражает тот факт, что в соответствии с дробным разделением труда, в рабочей среде имеется дробное разделение болезней по профессиям. Возьмите, например, какое нибудь крупное кожевенно-обувное предприятие. В дубильном отделении поражает высокий процент ревматиков, у собственно-сапожников—туберкулез; среди работающих над точной и мелкой отделкой—порча зрения и т. д. Бороться с этими профессиональными болезнями очень трудно потому, что в наших предприятиях чрезвычайно живучи еще и надолго неустранимы элементы дробно-мануфактурного разделения труда, неизбежно связанные с уродливой непропорциональностью в степени развития различных частей организма у рабочих различных специальностей.

До известной степени аналогичные явления имеются и в политической области, даже в рамках нашей партии.

Р. К. П. стоит перед громаднейшими задачами строительства социализма. Она правящая партия, внутри которой существует сильно дифференцированное разделение труда, являющееся базой для пестрых оттенков в общей коммунистической идеологии: НЭП создает обстановку, благоприятствующую развитию и проявлению в различных группах нашей партии тенденций центробежного характера.

Достаточно взглянуть на условия хозяйственного строительства социализма, чтобы увидеть эту особенность эпохи.

Город и деревня смыкаются через рынок; через рынок же происходит обмен веществ и между различными отраслями социалистической промышленности. Последнее обстоятельство маскирует социально-экономическое единство пестрого ряда различных советских производственных комплексов и возрождает в несколько иных формах и иной обстановке конкурентную борьбу внутри социалистической хозяйственной системы; борьбу, которая находит и свое идеологическое выражение в ведомственно-профессиональном уклоне у руководителей данного предприятия или группы предприятий.

Моменты антагонизма появляются и в более широком масштабе между различными организациями советского общества: профсоюзами и хозяйственными советскими учреждениями, организациями, руководящими производством и организациями распределительными и т. д. и т. д.

И всюду, на каждом участке советского фронта, в этих условиях дробного разделения труда в товарном обществе—неизбежно появляется уродливая гипертрофия ведомственно-профессионального идеологического момента, аспект профессиональной колокольни.

Бытовым явлением стали в наших условиях ведомственные трения: совершенно конкретное содержание в глазах всех имеют такие понятия, как „ведомственный подход“, „ведомственная слепота“ и т. д.

Эти явления учитываются нашей партией, которая правит возжами всего советского общества и координирует деятельность отдельных отрядов коммунистической армии: здесь с многих товарищей снимаются их ведомственно-профессиональные очки и перед ними развертываются общие задачи строительства социализма, которым подчиняется и частная работа этих товарищей.

Нас не занимает сейчас пестрое многообразие профессионально-ведомственных болезненных уклонов; нас интересует та общая тенденция, которая намечается в этом многообразии, то характерное и типическое, что является общим для самых пестрых форм этих уклонов.

Это общее, с нашей точки зрения, заключается в подмене политических проблем техническими, в уклоне, который можно назвать „техницизмом“.

II.

„Техницизм“ проявляется в самых различных отраслях нашей советской политики.

Обратимся, прежде всего, к промышленной политике.

Мы подчинили себе значительное количество спецов, ставших служить советской власти верой и правдой. Но много ли среди этих спецов доросло до общегосударственной точки зрения. Многие ли из них способны рассматривать свою хозяйственную деятельность в аспекте общесоциалистического хозяйственного строительства. Едва ли кто ответит на этот вопрос положительно. Типичный спец может недурно руководить технически-организа-

ционной работой предприятия, но соразмерить и сочетать эту работу с общим хозяйственным движением советского общества—он не в состоянии, ибо здесь встают во всей своей огромности и сложности вопросы *политики*.

Но спецовская однобокость не чужда зачастую и коммунисту-хозяйственнику. Когда мы разрешали вопрос о некоторых изменениях нашей промышленной политики для сжатия „ножниц" (что имело громадное *политическое* значение)—целый ряд хозяйственников был против снижения прибылей, ибо для них существовала только проблема технического оздоровления промышленности без тени понимания тех политических условий, которые необходимы для этого оздоровления.

Тем же техницизмом веет от преувеличения роли плановости в наших хозяйственных условиях; гипертрофия плановости, проявляющаяся в *переадминистрировании*—имеет почву в непонимании социально-политических условий хозяйственного строительства, в подмене политико-экономической организационно-технической проблемой[1]).

Проблема „ножниц" взволновала и *сельско-хозяйственных работников*.

Ряд товарищей тогда устно и письменно пытался доказать, что главная проблема не в „ножницах", а в развертывании работ по землеустройству.

Очень памятно нам выступление одного видного партийного практика-аграрника, доказывавшего, что повышать цены на продукты сельского хозяйства не стоит: главное, лучше поставить землеустройство и агрономическую пропаганду.

Ход рассуждений у товарища был, примерно, такой: хлеб дешев—это верно; но почему бы не посоветовать крестьянину за счет этого дешевого хлеба подразвить лучше животноводство, например, употребить этот хлеб на откорм свиней.

Мы не отличаемся магометанской нетерпимостью к свинье и совсем не возражаем против культуры свиноводства, но являлось бы свинством по отношению к крестьянству, если бы мы считали это предложение разрешающим проблему „ножниц".

Прекрасно, скажем мы: выкормим дешевым хлебом свиней. Но со свиньями-то что делать? Ведь „ножницы" постригли и крестьянскую свинью.

Технически-агрономическая работа нужна, но не нужно и *вредно забвение политико-экономических проблем, разрешение которых является условием, предпосылкой рационализации хозяйства*.

Совсем недавно мы имели литературную дискуссию о вопросах преподавания общественных наук в высшей школе, и здесь на *просвещенческом* фронте мы встретили тот же самый организационно-технический *подход* к вопросу громадной политической важности, *который* мы отметили выше в нашей хозяйственной политике.

Проблема заключалась, во-первых—в актуализации преподавания общественных дисциплин и, во-вторых, в согласовании их между собой.

---

[1]) Здесь „цеховщина" и „техницизм" встречаются вместе отнюдь не случайно; в некоторых отношениях это методологически родственные течения. А. С.

Некоторые товарищи полагали, что в целях лучшей *педагогической организации* материала следует соединить ряд общественных дисциплин, как то:—политическую экономию с экономической географией, историю—с историческим материализмом и т. д. и т. п.

Мы не против борьбы со схоластицизмом, не против методического освежения преподавания общественных наук,—мы за это.

Но едва ли марксист может стерпеть и не ринуться в драку, если под видом реформы *методики* преподавания ему подносят ревизию методологии марксизма, ибо разве соединение теоретической экономии (т. е. теории капитализма) с экономической географией не есть попросту уничтожение и первой, и второй, не есть результат непонимания методологии марксизма?

И здесь *педагогически-организационная* точка зрения заслонила *политико-методологический* аспект, обязательный для марксиста.

Аналогичный уклон в „техницизм" имеется буквально во всех отраслях нашей советской политики.

Все эти проявления „техницизма" свидетельствуют об одном: нам грозит опасность не только со стороны крестьянско-кулацкого уклона, не только со стороны „цеховщины", но и со стороны технически организаторского аполитицизма.

Этот последний уклон имеет и своего идеолога, логически развернувшего аргументацию за методологию „организаторско-технической интеллигенции": им является А. А. Богданов.

История сыграла с ним только ту же самую злую шутку, которую она сыграла с меньшевиками. Когда то меньшевики обвиняли большевиков в том, что последние своей тактикой подчиняют рабочее движение буржуазной гегемонии; будучи в своих собственных глазах идеологами самостоятельного классово-осознавшего себя движения пролетариата, меньшевики об'ективно, *на деле* приложили все силы к тому, чтобы обеспечить гегемонию буржуазии над пролетариатом.

Являясь вдохновителем контр-революционной „Рабочей Правды", которая писала о технически-организаторском буржуазном перерождении Р. К. П. и советской власти, А. А. Богданов на деле, фактически, по методологии своего мышления, является бесспорным идеологом именно техническо-организаторской интеллигенции.

Но кто-же теперь, после исторического разоблачения мелкобуржуазных партий, судит о социальной сущности политической партии по тому, чьей партией считает себя она сама?

Наша партия вслед за Лениным скажет: „Только круглый дурак верит на слово в политике".

А. Стецкий.

Новые откровения г. г. Гильфердинга-Каутского.

Одновременно с «Большевиком» в апреле этого года в Берлине начал выходить под редакцией Р. Гильфердинга, автора «Финансового капитала» и бесславного министра финансового правительства Штреземана ежемесячник «Общество», (Die Gesellschaft. Internationale Revue für Socialismus und Politik). В журнале принимают участие такие матерые представители II Интернационала, как Бауэр, Каутский, Вандервельде, Брантинг и проч. Каутский, растерявший на старости лет последние остатки марксистской идеологии и превратившийся в гнусного соратника королевских министров от социализма, шамкает по поводу выхода в свет этого журнала, что последнему предстоит сыграть для международной социал-демократии такую же роль, какую играл когда то „Neue Zeit", и стать теоретическим органом новой, четвертой фазы марксизма, характеризующейся приходом к власти рабочих правительств такого типа, как английское.

Букет имен, украшающих обложку журнала, дает уже представление об его физиономии. Конечно, с марксизмом журнал ничего не имеет общего, хотя ученые реформистские попы и продолжают по старой традиции прикрывать кое где для приличия свои рассуждения обрывками марксистской фразеологии. Не марксизм, а измена ему,—таков настоящий лозунг этой социал-предательской компании. Прикрашивание капиталистического общества, вместо его критики, затушевывание противоречий капитализма в его новой современной фазе, вместо их исследования и раскрытия, проповедь реакционных, мещанских иллюзий, против которых сами боролись когда то и Гильфердинг и Каутский—такова линия этого журнала. Он является, таким образом, органом, в котором находит себе теоретическое выражение и обобщение реакционная практика международной социал-демократии, направленная к защите и укреплению капиталистического строя (чего стоит один только призыв Каутского—содействовать восстановлению капиталистического производства), ее предательская политика по отношению к рабочему классу.

Но социал-демократия является еще крупной силой, главным врагом коммунистического движения. Поэтому не лишне познакомиться с тем, как расценивают теперешнюю обстановку ее теоретики, какие принципы тактики и какие задачи они теперь выдвигают.

* * *

Наибольший интерес представляют статьи Гильфердинга и Каутского. В своей руководящей статье «Проблема эпохи» (Probleme der Zeit) ех-министр Гильфердинг ревизует Гильфердинга—автора «Финансового капитала». Рассматривая изменения, происшедшие в капиталистической системе за время войны и в послевоенный период, автор при-

ходит к выводам, ликвидирующим основные положения «Финансового капитала».

Военный и послевоенный период капитализма характеризуется усилением тенденций концентрации. «Развитие картелей и трестов получает сильнейший толчок. Наступает конец эпохи свободной конкуренции. Большие монополистические об'единения становятся, в тесной связи с банками, в которых концентрируется и которым и предоставляется в распоряжение хозяйства общественный капитал, решающими властителями хозяйственной жизни. Разделенные раньше формы промышленного, торгового и банкового капитала стремятся к единству в форме финансового капитала. Это означает переход от капитализма свободной конкуренции к организованному капитализму». Отсюда можно было бы—следуя автору «Финансового капитала»—сделать выводы относительно дальнейшего обострения капиталистических противоречий, конкурентной борьбы между отдельными капиталистическими монополиями внутри страны и на мировом рынке, не изживания, а обострения кризисов, об усиливающейся опасности империалистических войн и проч.

Однако, ех-министр и теоретик II Интернационала приходит к прямо противоположным выводам.

«Это является попыткой регулирования и организации общественных производительных сил в интересах распоряжающихся средствами производства слоев... *Неустойчивость капиталистических отношений уменьшится, кризисы, или по крайней мере их действие на рабочий класс, смягчатся.* Планомерное распределение новых вложений капитала большими трестами, известная осторожность при новых инвестированиях основного капитала во время высокой кон'юнктуры соответственное регулирование кредитов со стороны больших банков, поддерживаемое соответствующей денежной политикой центрального банка, были бы средствами такой политики».

Таким образом, не обострение противоречий капитализма, а их смягчение, не усиление капиталистической анархии, а замена ее планомерным регулированием, не банкротство капитализма, а его восстановление и укрепление, вот что несет по мнению автора—новая фаза капитализма. И это пишется Гильфердингом, который в «Финансовом капитале» утверждал, что «капиталистический кризис как раз представляет явление мирового рынка,—и чем дальше тем больше», что, следовательно, изменения в структуре капитализма одной страны не спасают весь капиталистический мир от анархии и кризисов, что, наконец, и внутри страны «картели не могут воспрепятствовать возникновению кризисов: в такой же мере не могут они избежать их действия». Положение, очевидно обязывает: хоть и экс—но все-таки министр Гильфердинг, по долгу социал-предательской службы, повторяет теперь усыпляющую сказку вульгарных экономистов о преодолении кризисов. Повторяет в то время, когда капиталистическое хозяйство, вышедшее из состояния равновесия, запутавшееся в глубочайших противоречиях, в течение семи лет после окончания войны не может двинуться с места и продолжает биться в тисках хронического кризиса... [1]).

---

[1]) Любопытно сравнить эти рассуждения Гильфердинга насчет упрочения капитализма в после-военную эпоху с рассуждениями на ту же тему некоего „товарища Бориса" в № 11—12 „Die Internationale". Сдается, что сей „ультралевый" товарищ позаимствовал целиком свою теорию у социал-предателя Гильфердинга.

С другой стороны, по Гильфердингу «Новая эра» сулит рабочему классу значительное улучшение жизни. «В таком иерархическиом организованном капиталистическом хозяйстве модифицируются одновременно и отношения труда. Они приобретают устойчивый характер, безработица становится менее угрожающей, ее действия смягчаются путем (социального) обеспечения... Социальная реформа, в первую очередь в виде обеспечения на случай старости, инвалидности, безработницы, затем как средство, путем ограничения рабочего времени, сделать механизированный, но в то же время чрезвычайно интенсивный процесс труда сносным для относительно хорошо оплачиваемой рабочей армии,—обеспечит свое консервативное действие и будет вызывать приспособление (Anpassung) рабочего класса к этой хозяйственной системе». Что капиталисты крупнейших империалистических стран подкупали и подкупают свой рабочий класс за счет грабежа колоний и тем стараются «примирить» его с капиталистическим порядком—это правильно. Однако, хронический кризис, переживаемый в настоящее время мировым капитализмом—ослабляет возможности такого подкупа. В большинстве капиталистических стран, особенно в странах побежденных, буржуазия стремится переложить тяжесть кризиса на рабочий класс и за его счет восстанавливать свою хозяйственную систему. Не повышение, а понижение жизненного уровня,—сокращение реальной заработной платы; не улучшение, а ухудшение условий труда—ликвидацию восьмичасового рабочего дня и массовую безработицу принесла с собой новая эра капитализма. И потому не миром между классами, как того хочется реформистскому попу Гильфердингу, а обострением противоречий и борьбы между ними, выражающимся в периодических упорных стачках, вооруженных восстаниях рабочих, ставящих под вопрос капиталистический порядок—характеризуется эта новая эра.

Гильфердинга дополняет Каутский, возвещающий самоновейшую теорию крушения капиталистического общества.

«Конечно,—говорит он,—социализму должно предшествовать банкротство капитализма, *однако, его моральное банкротство перед массами, а не экономическое банкротство, как результат остановки* (Vergagen) *производства.* Капитализм ведет к социализму через перепроизводство, в то же время, как феодализм, именно вследствие растущего недопроизводства, позволил выступить капитализму, в роли экономического спасителя общества». *Таким образом, капитализм жизнеспособен до конца и обладает возможностями безграничного развития производства.* Азбука марксизма—противоречие между развитием производительных сил и экономической структурой общества, вызываемые этим противоречием хронические катастрофы, кризисы, а на определенной ступени—застой и разрушение производства, т.-е. экономическое банкротство капиталистической системы, банкротство, происходящее теперь на наших глазах—вся эта азбука повторенная и раз'ясненная автором на сотни ладов в многочисленных брошюрах, выбрасывается теперь за борт. Остаются лишь мещански-поповские фразы о моральном банкротстве.

* * *

Развитие капитализма за военный и послевоенный период усилило концентрацию капитала, привело к разорению промежуточные слои мелкой и средней буржуазии и к сосредоточению экономической силы в руках многих «властителей хозяйственной жизни». Оно завершило, таким образом, создание экономических предпосылок социализма и поставило последний в первый пункт порядка дня во всех передовых капиталистических странах. Какую же программу выдвигает в связи с этим социал-демократия?

Гильфердинг считает, что лозунгом эпохи является *«хозяйственная демократия»* (Wirtschaftsdemokratie). «Организованный капитализм будет устранен превращением иерархически организованного хозяйства в *демократически организованное.* Сознательное регулирование хозяйства немногими в их интересах будет заменено регулированием масс производителей. Так ставит капитализм, как раз тогда, когда он достигает своей высшей ступени—организованного по новому общества—проблему хозяйственной демократии».

Не нужно долго ломать головы над тем, зачем Гильфердингу понадобилась подмена термина социализм, пресным термином «хозяйственной демократии», который включает в себя все, что угодно, и под которым с радостью подпишется любой представитель кучки хищников финансового капитала, распоряжающейся всеми средствами производства капиталистических и колониальных стран. *Этот термин нужен Гильфердингу для того, чтобы прикрыть его отход от социализма, отказ социал-демократии от поставленной эпохой задачи непосредственного осуществления социализма.* Выдвигая этот лозунг «хозяйственной демократии» Гильфердинг переходит в ряды самых беспардонных апологетов капитализма, превозносящих, например, *акционерную форму* предприятий—одно из наиболее сильных средств подчинения производства в руках финансовой олигархии—как *форму демократизации капитала.*

С полной очевидностью реакционная сущность этой «хозяйственной демократии» вскрывается в рассуждениях Гильфердинга относительно способов ее осуществления. «Ясно, что установление хозяйственной демократии является неслыханно сложной проблемой, решение которой возможно лишь в длительном историческом процессе, в котором вызываемая концентрированным капиталом организация производства в то же время все более подвергается демократическому контролю...»

«Только в течение этого процесса приобретают производители способности и чувство ответственности, которые позволят им принимать в растущей мере участие в руководстве производством. Этот психологический переворот является необходимой предпосылкой хозяйственной демократии». И, наконец: «организованный капитализм, выдвигая проблему хозяйственной демократии, ставит производителей духовно перед новой ситуацией. Капиталистическим хозяйственным организациям противостоят теперь организации производителей. Выдвижение их (рабочих организаций) членов внутри иерархически организованного хозяйства становится содержанием их политики вместе с стремлением. *самим влиять на хозяйственные (капиталистические) организации и их демократически преобразовывать.* Фабричная демократия, усиление позиций фабрично-заводских комитетов, контроль над производством во всех нюансах слова вплоть до конечного осуществления хозяйственной демократии будет содержанием политики рабочих организаций. Профессиональные союзы перестают тем самым быть только органами социальной политики и становятся носителями демократической производственной политики».

Итак, осуществление «хозяйственной демократии» возможно по Гильфердингу лишь в результате длительного «эволюционного»—подчерки-

вает он—исторического процесса. Предпосылками осуществления этой демократии являются, во-первых, изменение психологии производителей, рост чувства ответственности за производство и пр., во-вторых, реформа воспитания, завоевание рабочим классом науки и культуры. «Мы должны,—говорит Гильфердинг, перефразируя лозунг фабианцев,—воспитать самих себя к господству над производством».

В «Финансовом капитале» Гильфердинг указывал, что эпохой выдвинута задача непосредственного осуществления социализма, что эта задача должна определять всю политику пролетариата. Теперь Гильфердинг старается отодвинуть социализм подальше, превратить его в мерцающую из глубины столетий конечную цель и предлагает рабочему классу заняться пока самовоспитанием и перевоспитанием, завоеванием права на полное и равное для всех образование, завоеванием науки и культуры и прочими хорошими вещами. А на счет социализма обождать: капитализм ведь еще крепок и способен к дальнейшему развитию.

Но главное не в этом. *Суть дела в том, что Гильфердинг обходит центральный вопрос о политической власти.* Осуществить эту самую «хозяйственную демократию» Гильфердинг предлагает в условиях диктатуры капитала. Что может быть нелепее при политическом и экономическом господстве магнатов финансового капитала, осуществляющих кое-где свою власть и при помощи, так называемых, рабочих правительств, предлагать рабочим организациям выдвигать своих членов на командные посты экономических организаций капитала, организовывать рабочий контроль над капиталистическими предприятиями, «демократически» преобразовывать капиталистические тресты, синдикаты и банки? Кто из магнатов финансового капитала, какой Крупп или наследник Стиннеса позволит подобное вмешательство в его дела и какое капиталистическое государство допустит подобное нарушение священных прав капиталистической собственности? У г. Гильфердинга был уже маленький опыт в этом деле.

Предоставим, однако, слово автору «Финансового капитала». «Экономическая власть знаменует в то же время власть политическую. Господство над хозяйством дает в то же время господство над политическими рессурсами государственной власти. Чем выше концентрация капитала в экономической сфере, тем неограниченнее подчинение государства. Это строгое сплочение всех сил государства представляется величайшим развитием его сил, *государство—непреодолимым орудием охраны экономического господства, а потому и завоевание политической власти—предпосылкой экономического освобождения*... Финансовый капитал в его завершении, это—высшая ступень полноты экономической и политической власти, сосредоточенной в руках капиталистической олигархии. Он завершает диктатуру магнатов капитала. Но он же делает... господство капитала во всякой стране все более несовместимым с интересами масс, эксплоатируемых финансовым капиталом, но им же и вызываемых к борьбе. В мощном столкновении враждебных интересов диктатура магнатов капитала превращается, наконец, в диктатуру пролетариата *).

Так говорил автор «Финансового капитала». Экс-министр Гильфердинг выдвигает теперь на место прежней программы *архи-реакционную, в современных капиталистических условиях—пошлую реформистскую программу мирного хозяйственного врастания в социализм, путем постепенного усиления влияния рабочих организаций на капиталистические*, «демократического» преобразования последних и проч. реформистской чепухи, имеющей один смысл: отвлечь внимание и силы рабочих масс от задачи ниспровержения капитализма на путь погони за безобидными мещанскими иллюзиями.

*) Гильфердинг. „Финансовый капитал" Изд. „Книга" 1918 г. стр. 552—553.

Необходимо остановиться еще на двух откровениях Каутского, относящихся к этому же вопросу. «Меня много упрекали с радикальной стороны, что я уже в начале революции (германской) выдвинул как ближайшую и важнейшую задачу восстановление производства. Думали, что это называется восстанавливать капитализм. Видеть во всеобщей остановке производства—так побивает Каутский своих оппонентов—подготовку социализма достойно мудрости тех, которые предполагают, что как раз тот момент, когда дом горит и есть наилучший, чтобы отделать этот дом по новому». Итак, необходимо сначала восстановить капиталистическое производство—потушить пожар мирового кризиса,—а затем уже думать о социализме. Десятичасовой рабочий день, снижение зарплаты, фашистская диктатура, позволяющая держать в узде рабочий класс—все это средства восстановления капиталистического производства. Ко всему этому Каутский и его партия приложили свою руку, мотивируя... стремлением осуществлять подготовку социализма.

Что касается ближайшей программы, то Каутский не требователен, да он и никогда не был таким. Вот что советует он Макдональду: «При теперешнем соотношении сил, введение социализма английским рабочим правительством исключено. *Оно (правительство) сделает уже много, если ему удастся то, о чем редактор нашего английского органа говорит так пренебрежительно: сделать капитализм немножко менее неприятным*».

Итак, не экономическое банкротство капитализма, а моральное; не разрушение капиталистической системы, а ее восстановление, не осуществление социализма, а маленькое смягчение капитализма—таковы три последние откровения социал-демократического Заратустры.

* * *

Замечательны рассуждения Гильфердинга относительно возможности новых войн, рассуждения, выявляющие действительную ценность той борьбы с военной опасностью, которую будто бы ведет II Интернационал. Гильфердинг утверждает ни больше ни меньше, как то, что военной опасности в настоящих условиях не существует или она стала значительно меньше. Указывая по старой памяти на стремление империалистских государств к экспансии, к господству на мировом рынке, которое приводит в конце концов к военным конфликтам между ними, он продолжает так: «Но война предполагает всегда известное равновесие сил, которое позволяет надеяться на победу каждой группе. *Неслыханная перетасовка сил после войны сильнейшим образом действует против (возможности) военного исхода, точно так же, как хозяйственное неравенство государств, а также неслыханное разорение, которое означает война.* Интересы англо-саксонских стран, особенно английских, заключаются скорее в закреплении и организации завоеванного, чем в новой территориальной экспансии, тем более, что военные и вызываемые ими революционные потрясения ускоряют национальный под'ем колониальных народов и их высвобождение из-под власти метрополии. В

одном направлении с этими интересами и соотношениями сил действуют интересы и демократических, добившихся большого влияния внутри государства—масс». Перетасовка сил, о которой говорит Гильфердинг, передел Европы, обострил отношения между отдельными капиталистическими странами. Вместо прежних противоречий англо-германских и франко-германских выдвинулись новые—англо-французские. Ни для кого не секрет, что осью европейской политики является англо-французское соперничество, ни для кого не секрет, зачем вооружаются сейчас Франция и Англия, растрачивая колоссальные средства на подводный, надводный и воздушный флот, на организацию химической войны, на всякого рода «культурные изобретения» вроде «дьявольских лучей», представляющих последнее слово техники истребления. А ученый поп Гильфердинг затушевывает тем временем противоречия между империалистическими странами-победительницами, между победителями и побежденными, противоречия, которые угрожают в любой момент, как это показал захват Рура, столкновение на Балканах и т. п., разрешиться новой войной, успокаивает рабочих и отвлекает их внимание от опасности войны и от борьбы с этой опасностью.

Мало того. Он предлагает вообще подвергнуть пересмотру прежнюю оценку империализма. «Не обозначает ли все это—видоизменение капиталистических стремлений к экспансии в направлении использования и сохранения мирового рынка в общих интересах? Не ведет ли это к *ослаблению военных тенденций* и не становится ли возможной политика, которую можно определить *как реалистический пацифизм? Идентичен ли действительно капитализм с войной, так что только через его преодоление можно обеспечить мир, и нельзя ли путем последовательной политики,* которая ограничивает суверенитет отдельных государств над государственной организацией (очевидно, Лигой Наций), *создать новые формы международно-правового порядка?* Не дается ли также здесь больше места эволюционному развитию, чем это полагалось раньше?»

Нет сомнения, что в ближайших номерах журнала Гильфердинг, или какой либо из его соратников, не замедлит разрешить эти вопросы положительно: так как они решены в этом смысле уже давно практикой социал-демократии, подменившей революционное разоблачение военных опасностей и революционную борьбу с империалистской войной, соглашательским замазыванием империалистских противоречий и предательским пособничеством войне.

Новый теоретический орган социал-демократии неизбежно проявил себя уже на первых шагах, как орган гнуснейшего ренегатства матерых апологетов «новой эры» капитализма.

* * *

С революционным марксизмом политика II Интернационала давно не имеет ничего общего. Между ними лежит не только пропасть: II Интернационал является самым ожесточенным врагом революционного марксизма. Задача нового теоретического органа социал-демократии состоит в том, чтобы закончить разрыв с марксизмом в теории. Новый орган должен привести теорию социал-демократии в полную гармонию с ее практикой, дать последней теоретическое завершение и обобщение.

Как мы видели—уже в первом номере сделано много в этом отношении. Теория укрепления капиталистической системы за послевоенный период, перехода капитализма в новую высшую стадию организованного капитализма, в котором разрешаются все неразрешимые капиталистические противоречия, смягчаются отношения между классами, преодолеваются войны и кризисы, наконец, теория мирного врастания в социализм путем «хозяйственной демократии»;—таковы элементы новой теоретической системы изобретаемой теперь Гильфердингом и К-о отчасти по старым рецептам Бернштейна.

Нашим западно-европейским товарищам коммунистам нельзя пройти мимо этих теоретических откровений вождей II Интернационала. Необходимо своевременно доводить эти откровения до сведения рабочих масс, разоблачать перед последними их реакционную сущность, чтобы тем самым ускорить процесс отхода рабочих от социал-демократии.

И. Краваль.

Заработная плата и производительность труда.

„Держать курс на под'ем заработной платы в соответствии с под'емом промышленности и производительности труда“).
(XIII конференция Р. К. П. Резолюция по экономической политике).

Проблема заработной платы и производительности труда в настоящее время сосредоточила в себе как в фокусе внимание наших хозяйственных и профессиональных организаций. Сама жизнь со всей остротой выдвигает эту проблему—как основную проблему хозяйственной политики для настоящего периода. От того, как будет она разрешена, в значительной степени будет зависеть дело восстановления нашего хозяйства.

Несмотря на то, что это восстановление требует от рабочего класса и крестьянства в настоящий момент величайших жертв в целях накопления новых рессурсов, советское государство уже теперь предоставило рабочему возможность без перенапряжения своих сил получать необходимые ему средства к жизни во все увеличивающемся масштабе

Данные о динамике заработной платы за период с 1921—22 г. по настоящее время говорят о неуклоном росте ее, выразившемся в повышении с 27,1% довоенного уровня в 1921—22 г. до 65% в январе—марте 24 г. [1]). При этом в заработную плату не включены расходы на соц. страхование, культнужды, коммунальные услуги и др. накладные расходы на рабочую силу, значительно возросшие по сравнению с 1913 годом.

Таким образом, если Советское государство вынуждено в значительных размерах присваивать прибавочный продукт труда рабочих для восстановления основного и оборотного капитала хозяйства, то уже теперь, по мере его восстановления, наше государство все большую часть вновь созданных ценностей возвращает рабочим в виде все возрастающей заработной платы. Наша система оплаты рабочей силы хотя *внешне* весьма похожа на капиталистическую (сдельщина), но по существу, по своему внутреннему содержанию ни в какой мере не может быть названа системой эксплоатации труда, потому что создаваемый прибавочный продукт идет целиком на расширение социалистического производства, на увеличение заработной платы, на то накопление экономической и политической мощи рабочего государства, которое только и может привести в конечном итоге к максимальному улучшению жизненных условий рабочего класса.

1) Данные ВЦСПС.

Здесь перед нами во всей широте встает проблема производительности труда. Именно потому, что мы сейчас еще невероятно бедны, а прибавочный продукт идет почти целиком на усиление хозяйственной мощи нашего Союза,—именно поэтому мы не можем и не должны позволять себе никакой расточительности в области использования рабочего времени. В области борьбы на хозяйственном фронте не менее чем в непосредственной боевой обстановке гражданской войны нужны точность, дисциплина и сознательность каждого бойца.

Каждый боец на любом участке трудового фронта должен знать, *чего* мы хотим и *как* мы можем добиться поставленной цели. Красная армия именно потому и оказалась победительницей в гражданской войне, несмотря на перевес технических орудий борьбы у противника, что каждый красноармеец знал, чего мы хотим и как мы можем добиться поставленной цели. Не меньшая, а во сто крат увеличенная сознательность и дисциплина, являются абсолютно необходимыми условиями для нашей победы на хозяйственном фронте.

Совершенно прав тов. Кактынь, указывая, что в «этой борьбе за будущее каждый рабочий час, давший максимальный эффект, становится решающим фактором в пользу Советского государства, в пользу рабочей власти, точно так же, как каждый потерянный час становится гирей, задерживающей восстановительный процесс нашего хозяйства. Нам необходимо добиться максимального трудового эффекта, добиться максимальной эффективности нашего рабочего дня в смысле создания и накопления тех благ, которые должны обосновать нашу хозяйственную мощь». [1]) Между тем, эта основная задача в нашем хозяйстве еще не только не разрешена, но только теперь ставится во всей широте. Если мы обратимся к нашей повседневной практике, то увидим, что на наших фабриках и заводах, в наших сов. учреждениях, на транспорте, в сельском хозяйстве и т. д. бесчисленное количество драгоценного рабочего времени пропадает бесполезно, как вследствие плохой организации дела, так и вследствие несознательного отношения к своему времени, вследствие нашей безалаберности и неаккуратности, вследствие того разгильдяйства и бюрократизма, которые мешают нам правильно использовать труд и рабочее время.

Данные хронометража на Московском машино-строительном заводе дают следующую картину рабочего дня на предприятии: 52%—основная работа, 22,9%—вспомогательная работа, и 24,2%—простой. Рабочий день представляет самую бессистемную смесь работы основной, работы вспомогательной и простоев. Трудовой режим отсутствует совершенно [2]). Квалифицированный рабочий из 8 ч. своего рабочего дня только 52,9% затрачивает на непосредственно производительную работу, остальное падает на простой и вспомогательную работу, которая с неменьшим успехом может быть выполнена рабочим самой низшей квалификации. И это при том положении, когда мы отнюдь не можем похвастаться перепроизводством *высококвалифицированной* рабочей силы. Обследование Тульского Оружейного завода показало, что загрузка станков колеблется там от 1½ до 3½ ч. На Даниловской камвольной фабрике нагрузка работниц трикотажного отделения составляет всего 44%, а при гребнечесальных машинах не более 30% [3]). В Пресненском Тресте рабочий день используется по времени только в 20—40% на

1) „Политика и практика зар. платы“ стр. 12, изд. „Эк. Жизни“.
2) См. „Организация Труда“. Орган ЦИТ-а при ВЦСПС № 1 стр. 29.
3) См. „Предприятие“ № 5, стр. 35.

таких работах, где возможно использование 8 час. рабочего дня до 70% [1]). Тартальщик в нефтепромышленности не использует рабочего дня в размере от 10 до 25% при 6 ч. рабочем дне. Таких примеров недостаточного использования как оборудования, так и рабочей силы, можно было бы привести большое количество. Аналогичные данные по обследованию, произведенному Центр. Инст. Труда дают возможность ему сделать следующий вывод: «Приведенный пример (о Мос. маш. тресте), не исключение. Вообще нужно заметить, что в подавляющем большинстве предприятий *трудового режима нет*. И лишь в редких случаях этот вопрос ставится практически» [2]). В этом отсутствии трудового режима, в низкой производительности труда, в нерациональном использовании рабочего дня и оборудования—кроется величайшая опасность как для всего нашего хозяйства в целом, так и для судеб рабочего государства.

* * *

Если проследить динамику заработной платы и производительности труда с октября 22 г. по декабрь 23 г., то мы увидим следующую картину.

КВАРТАЛЫ.	Ежедневная зараб. плата в условных моск. копейках.	Зараб. плата в % к кварталу 22—23 г.	Валовая выработка на 1 чел. в день в дов. руб.	Валовая выработка в % к 1 кварталу 22—23 г.
1	2	3	4	5
22—23 г.				
Октябрь—Декабрь (I кв.)	59,5	100,0	4,47	100
Январь—Март (II кв.)	72,9	122,5	4,72	105,5
Апрель—Июнь (III кв.)	76,6	130,0	4,99	111,5
Июль—Сентябрь (IV кв.)	74,6	126,0	5,06	113,1
23—24 г.				
Октябрь—Декабрь (I кв.)	83,7	140,7	5,31	118,8

Данные этой таблицы говорят о том, что в то время, как заработная плата за период с октября 22 г. по декабрь 23 г. возросла на 40,7%, валовая выработка на 1 чел.-день возросла всего только на 18,8%. За предыдущие 1¼ года рост производительности отстает, таким образом, от роста заработной платы,—факт, указывающий на неизбежность возрастания доли заработной платы в единице продукции, что должно приводить к увеличению ее себестоимости.

1) Организация Труда. Изд. ЦИТ-а при ВЦСПС № 1 стр. 30.
2) Там же.
3) Таблица составлена по данным ВЦСПС о заработной плате и данным Госплана о валовой выработке.

Если обратиться к данным за текущий хоз. год, то здесь перед нами развернется следующая картина:

	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Март.
	1923 года.			1924 года.		
Зарплата на 1 чел.-день в условных московских копейк.	80,8	86	84	92	90,7	94
В % к октябрю.	100	106,4	102,5	114	111	115
Валовая выработка на 1 чел. день по довоенным ценам	5,28	5,48	5,41	5,40	5,63	5,70
В % к октябрю	100	103,9	102,5	102,3	106,6	108,0

Анализ динамики заработной платы и валовой выработки за первое полугодие текущего хозяйственного года указывает на ту же самую картину дальнейшего отставания роста производительности труда рабочего от роста заработной платы. Заработная плата по данным Центрального Бюро Статистики Труда ВЦСПС возросла по сравнению с октябрем на 15%, в то время как валовая выработка возросла на 8%. Темп возрастания заработной платы почти вдвое обгоняет темп роста валовой продукции на 1 человеко-день. Такое положение следует признать не только ненормальным, но и угрожающим как развертыванию промышленности, так и дальнейшему росту заработной платы.

Теоретически могут быть мыслимы три источника для дальнейшего повышения заработной платы: а) повышение заработной платы за счет дотации государства, 2) повышение зарплаты за счет повышения цен продуктов промышленности и 3) повышение заработной платы за счет роста производительности труда.

Первый источник—дотация для государства, в основе которого лежит сотрудничество рабочих и крестьян, совершенно неприемлем, потому что это означало бы увеличение заработной платы за счет усиленного обложения крестьянства—что привело бы к сокращению емкости крестьянского рынка. А сокращение емкости рынка, сбыта изделий промышленности неминуемо должно приводить к свертыванию производства, что отнюдь не в интересах рабочего класса, не говоря уже о тех политических последствиях, какие могло бы вызвать подобное увеличение заработной платы. Кроме того, интересы окончательного закрепления денежной реформы не допускают и мысли о прорыве бюджетного фронта по линии увеличения дотации.

Повышение заработной платы путем увеличения себестоимости продукции неизбежно должно вести к повышению цен, а повышенные цены влекут за собой сокращение сбыта продукции и совершенно нежелательные кризисы сбыта. Осенний кризис сбыта в 1923 г. был ли-

квидирован достаточно быстро именно потому, что государство приняло все меры к быстрому снижению цен, а сниженные цены, став более доступными для массового покупателя, дали возможность выйти промышленности из осеннего кризиса, не свертывая производства. В капиталистическом государстве промышленник, стремящийся расширять производство и увеличивать свои доходы, не может и мечтать о поднятии продажной цены: этому мешает конкуренция. Советское государство в других интересах, в интересах сохранения и закрепления союза рабочих и крестьян, тоже не может и не должно итти на повышение цен. Поэтому этот второй из возможных источников роста заработной платы тоже в интересах самих промышленных рабочих и их государства не может быть использован для этой цели.

Нашему государству остается единственный выход — увеличение коэффициента производительности предприятия, путем увеличения выработки на каждого рабочего. Это единственное реальное средство—как для дальнейшего роста заработной платы, так и для под'ема всего нашего хозяйства в целом.

Этот фактор, позволяющий при капитализме странам с высокой стоимостью рабочих рук успешно конкурировать с теми, где стоимость рабочих рук низка, в условиях советской действительности должен явиться источником социалистического строительства. Темп социалистического строительства при советской власти целиком зависит от темпа роста производительности труда. Чем ниже производительность труда, тем меньше шансов оказаться победителем в том соревновании, которое происходит на хозяйственном фронте между нами и капиталистическими странами. Наоборот, чем выше производительность труда, чем быстрее будет восстанавливаться хозяйство, тем больше шансов на победу на этом самом важном в настоящий момент участке. Кроме того, нельзя ни на минуту упускать из виду, что обороноспособность нашей страны в очень значительной степени обуславливается нашими хозяйственными успехами или неудачами. Окружающие нас капиталистические страны весьма зорко следят за нашим хозяйственным развитием, и уже при первой крупной заминке на хозяйственном фронте становится весьма вероятной возможность предательского нападения со стороны буржуазных стран.

* * *

Между тем, анализ нашей конкретной хозяйственной действительности показывает, что в области производительности труда нам остается желать еще очень и очень многого.

Так, данные, полученные непосредственно от крупнейших предприятий путем анкетного обследования, произведенного ВСНХ, рисуют следующую картину.

Эти отчетные данные по крупнейшим предприятиям металлопромышленности говорят о том же факте несоответствия между производительностью труда и заработной платой, который неизменно приводит к удорожанию продукции. Даже на таких предприятиях, как Кольчугинский завод и Ленингр. Экономайзер, где количество рабочих превышает довоенное, где заработная плата на первом достигла довоенной,

		Число рабочих.	Стоимость продукции по довоен. ценам в месяц.	Выпуск на 1 рабоч. в м-ц по довоенным ценам.	В % к 1923 году.	Средняя месячная зар плата рабоч. в товар. руб.	В % к 1913 году.	На 100 руб продукции в довоеных цен расх на зарплату в товар. руб.	В % к 1913 г.
Красное Сормово	1913 г.	10.786	1.464.880	150,12	100	35,28	100	23,5	100
	II кв. 1923—1924 г. январь март	12.232*) 9.543	479.427	44,08	29,4	22,17	62,8	50,3	214
Брянский	1913	11.931	1.179.002	96,43	100	31,45	100	32,6	100
	II кв. 1924	6.764	225.616	33,16	37,7	20,03	63.7	64.7	199,5
Колчугинский Трест Économique Госпромцветмет	1913	2.823	1.004.451	358,00	100	31,00	100	7.8	100
	II кв. 1923—1924 г.	3.019	507.211	141,00	36,5	30,33	97,9	21,5	275,6
Ленинградск. крупного машиностроения	1913	3.170	1.004.618	329,53	100	43,00	100	13,0	100
	II кв. 1923—1924 г.	1.755	179.450	106,71	32,4	28,91	67.2	27,1	208,5
Экономайзер Ленинград	1913	362	52.310	144,05	100	21,77	100	16,0	100
	II кв. 1923—1924 г.	422	40.030	102,00	70,6	32,08	150,6	34,3	227

*) Произведенное с января по март сокращение вспомогательной рабочей силы на 2689 чел. совершенно не отразилось на размерах продукции.

а на втором значительно (на 50%) превысила довоенную, даже в этих предприятиях мы имеем выпуск на 1 рабочего на первом заводе равный 36,5%, а на втором 70,6% от выпуска 1913 года.

Отсюда следует, что даже доведение заработной платы до уровня довоенного и выше еще не обеспечивает параллельного роста производительности труда. Это говорит о том, что проблема производительности труда должна быть поставлена, как проблема величайшей важности пред всем рабочим классом во всей своей широте.

Из предыдущей таблицы видно, что доля заработной платы на 100 руб. продукции [1]) по перечисленным предприятиям в сравнении с 1913 г. возросла в среднем более чем на 100%. Здесь возможно возражение, что это, может быть, относится только к предприятиям металлопромышленности, но, что, быть может, в других отраслях промышленности, в особенности в легкой индустрии, мы увидим обратное.

Если обратиться к текстильной промышленности, то мы увидим, что в то время, как заработная плата по камвольному тресту превысила довоенную (вместо 18 р. довоенных, теперь 21,5 руб. товарных), производительность труда значительно ниже довоенной—около 60%. В связи с этим стоимость рабочей силы на единицу продукции возросла на 77% по сравнению с довоенной. В льняной промышленности заработная плата уже достигла довоенной,—вместо 16 руб. в 1913 г.—35 черв. руб. в марте 1924 г., валовая же продукция упала с 4,8 пудо-номеров на человека в 1913 г. до 3,1 пудо-номеров и 1 кв. 1924 г., т.-е. всего на 64%.

Все эти данные говорят о том, что средние цифры в 75% довоенной производительности и 65% заработной платы (см. «Экономич. Жизнь» № 198, ст. Рейнгольда, а также отчет о Пленуме ВЦСПС доклад Догадова) при проверке их на материале о состоянии заработной платы и производительности труда по отдельным предприятиям и трестам, оказывается, не выдерживают исытания. Данные говорят об обратном. Заработная плата по сравнению с довоенными нормами обогнала производительность труда. При этом при подсчетах не включены в заработную плату накладные расходы на нее в виде отчислений на социальное страхование, культнужды, санаторные койки и т. д., составляющие в среднем свыше 20% заработной латы. Такой оптимизм по вопросам производительности труда, усыпляющий бдительность рабочего класса и партии, ничего кроме вреда принести не может. Это не значит, что следует удариться в другую крайность—пессимизм. Это значит только, что в настоящее время необходимо, чтобы партия, профсоюзы и весь рабочий класс в целом сосредоточили свое внимание над разрешением проблемы заработной платы и производительности труда. Проблема производительности труда лобовой атакой разрешена быть не может, здесь требуется колоссальная, упорная и систематическая работа. Чем больше участников будет привлечено к этой колоссальной важности работе, тем быстрее мы сможем ее продвинуть вперед.

---

[1]) Заработная плата выражена в товарных рублях, а продукция в довоенных ценах. Сравнение хотя и грубое, но современная статистика, к сожалению, не выработала лучших методов учета.

* * *

Нет такой проблемы, которую не в состоянии были бы разрешить коллективные усилия трудящихся. В эту огромную работу по улучшению производства, по выявлению и исправлению всех технических, организационных и др. недочетов, имеющихся на наших предприятиях—должна быть в первую очередь вовлечена 200-тысячная молодая ленинская гвардия рабочих, влившаяся в нашу партию. Здесь широкое поле деятельности для развертывания нашей советской общественности. Здесь огромное поле для применения инициативы и самодеятельности по организации производственных совещаний, производственных ячеек на отдельных предприятиях по НОТ'у, ячеек «Лиги Времени», «По улучшению торговли», «Культуре ячеек» и т. п. На каждом предприятии в зависимости от состава рабочих, от отрасли производства и других условий может быть создана своя форма об'единений по добровольному вовлечению масс в эту работу. Ни один из наших молодых практикантов-студентов не должен вернуться осенью в ВУЗ, не оставив после себя на предприятии организованной им ячейки рабочих по улучшению производства. Каждый из них должен проделать маленькую исследовательскую работу о состоянии того предприятия, в котором он работает.

Так, и только так может быть поставлена проблема производительности труда. В том споре, какой ведется на страницах печати по этому вопросу, речь идет не о том, нужно или не нужно повышать заработную плату,—она у нас сейчас еще на таком уровне, что повышение ее будет неизбежным. В этом расхождений нет. Совершенно правильно и точно формулировал проблему заработной платы тов. Дзержинский [1]).

> «Вся проблема заработной платы заключается в том, где и *каким способом* найти средства для роста заработной платы при условии удешевления изделий промышленности и расширения их производства до размеров покупной способности и потребностей всего населения, в первую очередь крестьянства. ***В том, как найти эти средства и заключается вся проблема*** (подчеркнуто мной, И. К.).

> Далее, разрешая эту проблему, он говорит: «***зарплата может получить базу для своего роста, только при условии все увеличивающейся продукции и все уменьшающегося расхода на единицу изделий как рабочей силы, так и материалов, т.-е. при условии увеличения всей валовой продукции на одного участника производства независимо от причин этого увеличения***».

Правильная постановка и правильное разрешение проблемы заработной платы возможны только в связи с общей проблемой организации производства, потому что «проблема заработной платы—это, прежде всего, производственная проблема» [2]). Поэтому задача улучшения организации труда и производства во всем об'еме должна стать тем боевым знаменем, вокруг которого должны об'единиться хозяйственники профессионалисты и широкие рабочие массы. Всякое же противопоставление хозяйственников профессионалистам и, наоборот, как это

---

[1]) См. „Правда“ № 136 „К проблеме зарплаты“.

[2]) См. „Труды Госплана“. Струмилин. „Заработная плата как фактор производства“. Стр. 72.

пытался сделать тов. Кактынь [1]), как экономически, так и политически, совершенно несостоятельно.

Не может быть разнобоя по этому коренному вопросу нашей хозяйственной политики еще и потому, что по этому поводу мы имеем совершенно определенную директиву XIII всесоюзной конференции, которая обязывает «держать курс на под'ем заработной платы в *соответствии* с под'емом промышленности и производительности труда» (подчеркнуто мной И. К.). Поскольку темп роста производительности труда отстает от темпа роста заработной платы, постольку ближайшая задача заключается в том, чтобы все усилия сосредоточить на борьбе за увеличение производительности труда, рост которой создаст материальную базу и для роста заработной платы.

1) См. „Эконом. жизнь". 15 июня Кактынь. К проблеме зарплаты.

Ем. Ярославский.

Марксизм и анархизм в антирелигиозной пропаганде.

(По поводу статьи т. Полидорова в № 2—3 „Спутника Коммун.")

«Можно считать вполне установленным наличие двух течений в антирелигиозной пропаганде. Открытой полемики друг с другом они не вели, но различие в характере пропаганды, в постановке вопросов, в подходе к массам в достаточной мере выяснили. Пора уже *скрытую неоформленную борьбу* (подчеркнуто мною. Зачем же вы вели скрытую борьбу до сих пор? Е. Я.) вывести на свет и поставить на обсуждение перед партией.

Уже теперь вполне можно судить, какое именно из двух направлений оправдало себя в антирелигиозной пропаганде». (Спутник Коммуниста № 2—3 1924 г., орган МКРКП (б)).

На статью тов. Полидорова можно было бы не отвечать, если бы она не появилась в «Спутнике Коммуниста», органе крупнейшей организации, охватывающей почти десятую часть нашей партии. И хотя статья тов. Полидорова помещена в дискуссионном отделе и Московский Комитет считал таким образом вопросы, выдвинутые тов. Полидоровым, спорными, подлежащими дискуссии, обсуждению, однако, труднее всего *найти в этой статье бесспорные положения.* Дело не в отдельных частностях, деталях статьи тов. Полидорова,—отдельные, отрывочные мысли в ней могут быть и правильными, дело в самой постановке вопроса. Такая постановка вопроса уместна была бы в органе анархистов, отрицающих государство, в органе «немедленных социалистов», которые готовы проповедывать немедленный переворот во всех решительно общественных отношениях, абсолютно не считаясь с тем, существуют ли условия для этого переворота. К сожалению, статья появляется в органе партии, стоящей у власти в стране с мелко-буржуазным хозяйством, с крепко укоренившимися религиозными верованиями, с 95% населения, принадлежащего к разным религиозным культам, в стране, где, под влиянием экономических и политических перемен, под влиянием октябрьского и послеоктябрьского переворота, совершаются огромные сдвиги в религиозных настроениях масс. Чрезвычайно неблагодарная задача раз'яснять, *что партия обязана внимательнейшим образом изучить эти явления, различать отдельные их фазы, степени, оттенки, следить за столкновением отдельных групп, помогать трудящимся разбираться в сущности этих «реформаций», в возникновении новых церквей, новых сект.*

Главная ошибка тов. Полидорова заключается в том, что он ставит вопрос: *антиклерикализм или безбожие.* Разве марксист может ставить так вопрос: *«или—или», или* антиклерикализм, *или безбожие?* Марксист может поставить вопрос только так: *антиклерикализм и безбожие.* В самом деле, как рассуждает тов. Полидоров? Все церкви равны, все

религии равно вредны для рабочего класса, а поэтому незачем различать религиозные группы и делать вид, будто бы одна религиозная группа лучше другой. *В каком отношении* «лучше» или «*хуже*», *вот о чем надо думать.* Ведь религиозные организации не существуют для пропаганды *только* религиозных идей. *Религиозная организация в основе своей есть классовая организация.* Те или иные религиозные идеи только оболочка для прикрытия тех или иных классовых стремлений, иногда для прикрытия политических лозунгов, политической борьбы. В буржуазном государстве вопрос об отделении церкви от государства входит в состав последовательной буржуазной программы, ничего специально социалистического, коммунистического в пункте об отделении церкви от государства, конечно, нет. Однако, не забыл же тов. Полидоров, что наша партия до октября 1917 г. выдвигала именно это требование *буржуазной* программы, отделение церкви от государства и осуществила это требование одним из первых. Но партия наша не может ограничиваться провозглашением «свободы совести», отделением церкви от государства и школы от церкви. Процесс полного отделения церкви от государства, процесс освобождения трудящихся масс от всякой религии есть чрезвычайно длительный процесс. В течение еще многих лет, пока мелкособственническое хозяйство не будет заменено плановым социалистическим хозяйством, пока не наступит полное освобождение трудящихся от гнета экономического, от власти природы, останется власть религиозных отношений. Область их будет все более и более суживаться, но уже пережитые нами годы показали живучесть церковной организации. *Церковь приспособляется, и каждый коммунист, марксист, ленинист, а не анархист, обязан дать себе отчет, все ли равно ему, все ли равно трудящимся, как будут держать себя церковные организации по отношению к советскому государству, будут ли они вести яркую политическую борьбу, как вел ее Тихон и руководившаяся им православная церковь в первые годы революции, или эта церковная организация будет «лойяльна» по отношению к советской власти, не будет выступать враждебно против советского государства.* Всякий согласится, что это вовсе не все равно. И *с этой точки зрения, с точки зрения политической* мы обязаны очень внимательно изучить отношение к советскому государству различных религиозных групп и течений. И опять-таки: неужели это такой *дискуссионный* вопрос, котрый нужно было поднять в 1924 г., как это делает тов. Полидоров? При этом он приписывает мне точку зрения, которой я никогда не имел, мысли, которых у меня никогда не было, сваливает меня в одну кучу с т.т. Бонч-Бруевичем и Луначарским, тогда, как всем известно, что между моими взглядами на религиозные вопросы и взглядами тов. Луначарского ничего общего нет, между моими взглядами на сектантство и взглядами т. Бонч-Бруевича ничего общего нет. Тов. Полидоров пишет:

> «Считать, что для борьбы с религией сочинения Льва Толстого сослужат хорошую службу, опасный и вредный путь. По этому пути идут т.т. Луначарский, Бонч-Бруевич. Ему не чужд и Ярославский. Православие—мракобесие, а очищенная религия—это дело другое.
>
> Указанные авторы не видят, что образы бога, Будды, Христа вовсе не красивы.
>
> *Они не видят, как безобразны эти образы, как через надетую на них дымку вырисовывается наглое лицо капитала.* С таким вредным уклоном надо беспощадно бороться».

Можно было бы на это ответить в двух словах: это чистый вздор, никогда ничего подобного я не писал и не проповедывал, а писал и говорил как-раз обратное.

Чтобы не быть голословным, приведу выдержку из своей книги: «Как живут, родятся и умирают боги и богини» (стр. 36—38).

Говоря о классовом характере религии, я именно на примере Толстого раскрываю этот классовый характер.

> «Если мы возьмем (определение религии) Л. Н. Толстого, то на нем очень легко показать недостаточность и несостоятельность остальных. Во-первых, какая разница между «истинной и неистинной религией». Кто эту разницу устанавливает. Не ясно ли, что это тот же спор о ложных и истинных богах: на определенной ступени развития человечества для него является истинным именно тот бог, в которого он верит.
>
> ... Толстовец не замечает этого.—Он убежден, что спасение человека может прийти от таких религиозных людей, хотя бы они принадлежали к различным классам общества. Религию все эти люди об'являют делом «надклассовым». Поэтому Толстой проповедует: «Если он (религиозный человек) принадлежит к правящим классам, он не только не захочет скрывать истину ради выгод своего положения, но напротив, возненавидя эти выгоды, все силы своей души употребит на освобождение себя от этих выгод и на проповедь истины»... Если же он принадлежит к порабощенным, то точно так же, отказавшись от общего людям в его положении желания улучшить условия своей плотской жизни, такой человек не будет иметь другой цели, кроме исполнения воли бога». Никто не сумел бы так хорошо выразить вредную, противорабочую сторону религии, «истинной религии», как это сделал сам Толстой. И нельзя было лучше подчеркнуть именно *классовый характер* религии, как это сделал Толстой.
>
> В самом деле. Что он рекомендует «правящим», господствующим классам. Отказ от привилегий и выгод своего положения. Мы тысячи лет религиозной жизни имели позади, а примеры людей, которые отказывались бы от выгод своего положения — можно пересчитать по пальцам—абсолютно ни на волос не уничтожили зла в мире. Но зато это удобная ширма, за которой может скрываться какая угодно эксплоатация.
>
> А что такое религия порабощенным. Что она советует рабочей и крестьянской бедноте. Ведь толстовцы отлично знают, что множество преступлений совершается из-за ужасающей нищеты, из бедноты, что необходимо уничтожить причины и возможность голода, проституции и других социальных бедствий. Нет, отвечает толстовец-христианин, нехорошо. Совсем этого не нужно, *нужно отказаться* от общего людям в его положении желания улучшить условия своей плотской жизни». То-есть рабочий и крестьянин вовсе не должны есть досыта, одеваться в чистую одежду и обувь, жить в хорошо устроенном доме.
>
> Да ведь это же как раз и есть проповедь этих господ. Религия таким господам прямо на руку. Вот почему богатые люди так поддерживают попов.

* * *

Тов. Полидоров никакой Америки не открывает, когда говорит, будто с «очищенной» церковью идеологически бывает труднее бороться чем с «грубой». Но он не умеет совершенно рассуждать материалистически, как диалектик-марксист.

«Как мы должны оценить это «очищение». Считать его положительным или отрицательным. Гладить ли по головке таких попов нового типа, одобрять работу по очищению религии.

Т.т. Ярославский, Галкин и др. склонны отвечать: да. В издаваемом ими журнале «Безбожник» они постоянно отмечают факты такого очищения. И наоборот, нападают с несравненно большей силой на «тихоновщину».

Поэтому переносить центр тяжести антирелигиозной пропаганды на критику действий попов, их грязной жизни, нелепости обрядов, предпочитать более «чистые» обряды, это значит — *делать за попов и верующих дело реформации церкви, очищения религии*.

Не очищать мы ее должны, а *разрушать*. Не собирать анекдоты о попах—их тоже нужно использовать, но не в них главное направление критики. *Не антиклерикальную агитацию нужно вести, а безбожную*».

Чтобы читателю было ясно различие между точкой зрения марксистской и точкой зрения анархистской в *этом* вопросе, я приведу ряд выдержек из своих статей и статей тов. Горева-Галкина вместе с которым мы редактируем орган Главполитпросвета «Безбожник», который приобрел огромную популярность в деревне и перевалил с 6.000 тысяч тиража в короткое время до 90 тысяч к 15 июня и который выражает не только мою точку зрения, но и точку зрения руководящего органа партии в ряде существеннейших вопросов нашей борьбы с церковниками и религией. Уже в первом номере «Безбожника» мы читаем в статье тов. Флеровского (21 декабря 1922 г.) «Живая церокв и возрождение церкви:

«Обе группы заявляют о том, что они признают и революцию и даже социализм, *но к этим заявлениям нельзя относиться иначе, как к пустословию*. Уж очень поздно появились эти заявления. Да и не в словесных заявления суть, не слова нужны, а дела. Если ты действительно за революцию и за социализм—сними рясу, *перестань морочить голову людей кадильным дымом и стань в ряды революционеров. Но для этого надо перестать быть служителем религии. Религия и социализм две силы несовместимые и прямо враждебные*».

Неужели это сколько-нибудь похоже на поддержку живой церкви. Если назвать заявление живоцерковников пустословием, если сказать, что их учение несовместимо и враждебно учению рабочего класса, неужели в этом есть хоть малейший намек на поддержку живой церкви.

В № 7 от 23-1—23 г. в моей статье «Революция в производстве—революция в умах» я об'ясняю рабочим и крестьянам сущность того, что происходит в области религиозных верований в России. Я писал тогда:

«Церковь приспособляется. Либеральные богословы стремятся примирить науку с религией, доказать, что наука и религия едино есть. Они подделывают поэтому религию и науку одновременно».

И дальше, об'ясняя, почему под влиянием революции в производстве ослабляется влияние религии, я писал:

«Тем больше это ослабление теперь, когда на месте капиталистического государства складывается новое, коммунистическое. Старые производственные отношения рушатся, с ними рушатся и старая идеология и старая религия. Конечно, церковь старается приспособиться». Живая «она уже мертвая, ибо мертвая, «умирающая церковная организация держит в своих пальцах» живую, умирающую вместе с нею». То, что сейчас происходит, тот огромный интерес к безбожникам, те тысячи на диспутах по религиозным вопросам, те десятки тысяч антирелигиозных демонстраций-карнавалов, ведь это совсем особенное, новое. Многие не замечают, что здесь массы народа окончательно разрывают с отошедшей для них в прошлое религией, что наступает целая новая полоса безверия, безбожия, как наступает и создается новый общественный хозяйственный строй».

Не думает ли тов. Полидоров, что *такое* об'яснение необходимо и полезно, и что это об'яснение марксистское, и не находит ли он, что *такая линия* ничего общего не имеет с той, которую он мне пытается приписать?

В № 8 «Безбожника» от 4-II—23 г. тов. И. И. Степанов в статье «Чуют гибель» об'яснял значение выдвинутых живоцерковниками к поместному собору тезисов предстоящей реформы. Он писал:

«*По существу своего положения они не спасут* (они, то-есть, попы). Они и сами не верят в возможность какого бы то ни было возрождения церкви». Они понимают, что находятся на гибнущем, со всех сторон об'ятом пламенем научного знания, корабле»...

«Но не фантастическая рука фантастического библейского Иеговы, а самая реальная рука нового, освобождающегося от духовных цепей, человечества уже пишет на церковных стенах свое грозное «Мэнэ, тэкэл, фарес, взвесь, высчитай, измерь. Всяким богам и всяким церквам конец».

Неужели и здесь есть *хоть намек на малейшую поддержку* живой церкви.

Тов. Полидоров ставит нам в упрек, что, наряду с этим, мы помещаем корреспонденции, в которых ругают тихоновцев и «поддерживают» живоцерковников. Можно пожалеть только о том, что есть еще такие коммунисты, которые держатся взглядов, будто крестьяне и рабочие нуждаются в соске, и что им нельзя рассказывать о том, что делается в разных местах по отношению к различным церковным группировкам. Не думает ли тов. Полидоров, что *мы не обязаны* изучать то, что делается, что мы не обязаны освещать в своих газетах и журналах, посвященных вопросам антирелигиозной борьбы, все, что делается среди верующих?

В № 12 от 4-III—23 г. мною написана статья «*Вино старое, меха новые*», в которой я как раз определяю, в каком смысле нас больше всего интересуют различные церковные группировки. Я писал тогда:

«Нас мало интересуют догматические споры всех этих людей, групп и церквей. Мы знаем, что меньше всего живого сможет внести какая-нибудь живая церковь...

Для нас важно совершенно другое. Если церковь, какая бы то ни было, если какая бы то ни было церковная организация хочет существовать в советском государстве, она должна определить прежде всего свое отношение к этому советскому государству. Это *не только касается живой церкви*, которая стоит, конечно, *в этом*

отношении на более верном пути, чем многие другие, но это касается решительно всех организаций.

> «Антигосударственных организаций, чем бы они ни прикрывались, какими бы текстами священного писания всех времен они ни оправдывали себя, советское государство допустить не может, будет с ними вести борьбу».

Так вот, тов. Полидоров, в чем дело. *Вот в каком отношении* мы должны различать различные церковные группировки. *Нам вовсе не все равно, как эти группировки относятся к советскому государству.* Против тихоновцев мы вели ожесточенную борьбу не только в антирелигиозных журналах и диспутах, мы и административными мерами боролись с ними. Мы в тюрьмы сажали и даже казнили смертной казнью священников, которые проповедывали гражданскую войну против рабочего класса, против советского государства, которые призывали к неповиновению советской власти в вопросе об из'ятии церковных ценностей, которые организовали «Дружины святого креста» для Колчаковской и Дутовской армии. И мы держим себя совершенно иначе по отношению к Тихону и тихоновцам, когда они открыто раскаиваются в этих своих поступках и открыто об этом заявляют и призывают верующих к лойяльному отношению к советской власти. Неужели это не ясно? Только анархист может рассуждать так, как рассуждаете вы, т. Полидоров. Конечно, хорошо, если бы от наших с вами антирелигиозных выступлений, антирелигиозных статей и журналов, от ярких и талантливых карикатур тов. Моора и «Безбожнике у станка» и «Безбожнике» Главполитпросвета сами собою рушились церковные организации, сама собою уничтожилась религия, но ведь это уже не марксистская точка зрения—допустить что-либо подобное.

Тов. Полидоров поучает меня, что реформированная церковь может оказаться еще более опасной, чем старая тихоновская. Зачем и кому это нужно? Эту мысль я гораздо лучше т. Полидорова об'ясняю в своих статьях.

В № 20 помещена статья «Защитный цвет», мною написанная. И в этой статье я особенно предостерегаю против живоцерковников. Живоцерковники заявили, что они признают программу нашей партии, кроме пункта об антирелигиозной пропаганде. Я писал тогда:

> «Наше безбожие, наша борьба с религией вовсе не придаток к нашей программе. Это *безбожие является борьбой против всяких остатков порабощения трудящихся.* Наш материализм не отделим от нашей программы, от нашей борьбы, а религия враг материализма. Тем, кто отвергает наше безбожие, наш материализм, а признает кусочками нашу программу, пролетариат может сказать: «Устами чтут меня, а сердце их далеко от меня».
>
> «*Опаснее всего для трудящихся, если их обманет защитный цвет живоцерковников.* Живоцерковники правы, когда они осуждают тихоновщину, как контр-революцию, когда они стремятся установить признание законов советского государства. Но пролетариат этим нельзя подкупить. *Задача безбожника бороться со всякой религией, со всякой религиозной организацией, разоблачать всякие защитные одежды и показывать истинное лицо всякого духовенства.* И пусть не сетуют на нас, если мы это делаем открыто. *Мы делаем* это не для того, чтобы наставить на путь истинный живоцерковников священников, а *для того, чтобы рабочие и крестьяне, которым претит мертвая и смердящая тихоновщина, не обманулись словами о признании социальной революции».*

А теперь, тов. Полидоров, согласуйте это с тем, что вы написали обо мне, о моей точке зрения по этому вопросу. Не думаете ли вы, что это совершенно две разные вещи? Ту же точку зрения защищает в № 21 от 13-V—23 г. в передовой статье «Церковная реформация» и тов. М. Горев. Я не привожу здесь выдержек. Кто захочет проверить, тот убедится в том без всякого труда. Убедился бы в этом и тов. Полидоров, если бы он был несколько внимательнее к той точке зрения, которую он берется критиковать.

8-V—23 г. в № 22 «Безбожника» в передовой статье *«Бывший патриарх»* я пытался дать краткую оценку выступлениям Тихона. Если бы верно было то, что приписывает мне тов. Полидоров, то я бы должен был по этому поводу написать чуть не хвалебную статью Тихону. А что я писал на самом деле?

> «Мы безбожники,—писал я,—не видим особенных поводов радоваться даже в том случае, если гражданин Василий Белавин сделается самым «живым попом». *Мы будем разоблачать его так же, как мы разоблачаем и живую церковь. (Разоблачаем,* тов. Полидоров, *а не поддерживаем).*

И нам не безразлично, искренно ли отношение религиозных проповедников к советскому государству или они держат против него камень за пазухой. А по мнению тов. Полидорова я не должен был писать такой статьи, а просто, ничего не об'ясняя рабочим и крестьянам, кричать: не верьте Тихону, долой Тихона. Если бы я был анархистом, это было бы верно, но так как я коммунист, то я обязан был об'яснить *политическое значение* покаяния Тихона. А что касается отношения к самым церковным организациям, как к *религиозным* организациям, тоесть, отношения к ним, как к проповедникам религии, «Безбожник» всегда давал совершенно недвусмысленный ответ.

* * *

Думаю, что довольно я привел доказательств, которые рассеивают легкомысленное обвинение меня тов. Полидоровым в защите живой церкви, и надеюсь, что эти выдержки помогут читателям разобраться в разнице между анархистской и марксистской точкой зрения на антиклерикализм. По мнению тов. Полидорова, антиклерикализм есть просто на просто буржуазное занятие, которым непристойно заниматься коммунисту. Чтобы покончить с этим, я хотел бы ознакомить товарищей с тем, как относился к этому вопросу Ленин. Кстати, это поможет нам разобраться и в другом вопросе, нужна ли нам борьба с поповщиной, против которой также в сущности высказывается тов. Полидоров, когда ставит свой совершенно немарксистский тезис: *«Не антирелигиозную агитацию нужно вести, а безбожную».*

Тов. Ленин как бы предвидел возможность такой точки зрения, какую проповедует тов. Полидоров, и заранее давал ей отпор. Он писал:

> «Отделять абсолютной, непереходимой гранью теоретическую пропаганду атеизма, т.-е., разрушение религиозных верований у известных слоев пролетариата, и успех, ход, условия классовой борьбы этих слоев—значит рассуждать не диалектически, превращать в абсолютную грань то, что есть подвижная, относительная грань, значит насильственно разрывать то, что неразрывно связано в живой действительности».

И дальше Ленин поясняет, почему несостоятельна такая точка зрения: немедленно долой религию.

«*Анархист,*—писал Владимир Ильич,—*проповедуя войну с богом во что бы то ни стало, на деле помог бы попам и буржуазии* (подчеркнуто мною: Ем. Я.) (как и всегда анархисты на деле помогают буржуазии). Марксист должен быть материалистом, т.-е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т.-е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почву отвлеченной, чисто теоретической, всегда себе равной проповеди, а конкретно, на почву классовой борьбы, идущей *на деле* и воспитывающей массы больше всего и лучше всего. Марксист должен уметь учитывать всю конкретную обстановку. Всегда находить границу между анархизмом и оппортунизмом (эта граница относительна, подвижна, переменна, но она существует), не впадать ни в абстрактный, словесный, на деле пустой «революционаризм» анархиста, ни в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента, который трусит борьбы с религией, забывает об этой своей задаче, мирится с верой в бога, руководится не интересами классовой борьбы, а мелким, мизерным расчетцем: не обидеть, не оттолкнуть, не испугать, премудрым правилом: живи и жить давай другим, и т. д., и т. п.». (Собр. сочин., т. II, ч. I, стр. 255).

В статье «Классы и партии в их отношении к религии и церкви», написанной 4—17 июня 1906 г. (см. собр. соч. Н. Ленина, т. II, ч. I), Ленин дает анализ взглядов различных партий в буржуазном государстве на духовенство и религию. На этом примере мы опять-таки видим несостоятельность такой точки зрения, которую проповедует тов. Полидоров. Мы обязаны самым внимательным образом приглядываться к тому, как относятся разные классы, разные группы к церкви, к религии, к различным религиозным группировкам. Попутно Ленин дает урок, как надо вести антирелигиозную пропаганду.

«Крестьянин Рожков,—писал Владимир Ильич,—правда, обнаружил своею речью всю свою политическую бессознательность: он даже повторил пошлость кадетов насчет того, что союз русского народа помогает не укреплять, а разрушать веру, он не сумел изложить никакой программы. Но за то, *когда он бесхитростно стал рассказывать голую, неприкрашенную правду о поборах духовенства, о вымогательствах попов, о том, как требуют за брак, кроме денег, «бутылку водки», закуски и фунт чаю, а иногда спрашивают такое, что с трибуны я говорить боюсь»* (16 апреля, стр. 2259 стенографического отчета),—черносотенная дума не вытерпела, раздался дикий вой с правых скамей. «Что за издевательство? что за безобразие? вопили черносотенцы, чувствуя, что *простая мужицкая речь о поборах с изложением «таксы» за требы революцинизирует массы больше, чем какие угодно теоретические или тактические противорелигиозные и противоцерковные заявления* (подчеркнуто мною. Е. Ярославский). И шайка зубров отстаивающая самодержавие в III Думе, запугала своего лакея, председателя Мейендорфа и заставила его лишить слова Рожкова». (Собр. соч., т. II, ч. I, стр. 266—267).

Видите, т. Полидоров: по поводу этой речи Ленин говорит: «*Простая мужицкая речь о поборах с изложением таксы за требы революционизирует массы больше, чем какие угодно теоретические или тактические противорелигиозные и противоцерковные заявления*». А когда мы в «Безбожнике» в газете, которую мы направляем, главным образом, в деревню, печатаем десятки корреспонденций, писанных самими крестьянами о похождениях духовенства, мы, я думаю, выполняем как раз ту линию, которую так одобрил Владимир Ильич. Мы не теоретическими рассуждениями, не неудачными пересказами марксизма (над этими пересказами в другом месте иронизировал Владимир Ильич), а изображением конкретной действительности жизни духовенства ведем борьбу с церковью, борьбу с попами, борьбу с религией.

Теперь, я думаю, всякому ясно, что нельзя противопоставлять, как это делает тов. Полидоров, как два совершенно разных метода антиклерикализм *и безбожие*. Всякому, надеюсь, ясно, что марксист в период, когда еще существует церковь, и когда 95% крестьян являются верующими, может ставить вопрос только так: и антиклерикализм и безбожие. И никто не имеет права забывать, что по отношению к церкви, по отношению ко всякой религиозной организации у коммуниста в советском государстве есть политические задачи и никто не имеет права забывать, что отделять политические задачи от задач антирелигиозной пропаганды—это совершенно не марксистская, не диалектическая точка зрения.

* * *

А теперь по поводу истории религии. Точка зрения тов. Полидорова, насколько я знаю, и некоторых других товарищей, работающих в «Безбожнике у станка» такая: так как история религии совершенно не изучена или плохо изучена марксистами, то и незачем нам излагать историю религии. Чтобы не быть голословным, я привожу то, что буквально пишет тов. Полидоров:

«Древние религии плохо изучены. Руки марксистов к ним почти не прикасались. Религия—сложная идеология и об'яснить влияние мифов одной религией на другую, вследствие неразработанности истории религии, в данное время, невозможно».

«О связи с экономикой во всех таких толкованиях нет и помину.

Для борьбы с религией этот прием дает очень мало. Если Христос родился от девы и еще штук пять богов родились от дев, то эти сведения мало разрушают религию».

Я не стану спорить против совершенно бесспорного положения, что история религии марксистами не изучена. По вопросу о происхождении религии существует несколько различных точек зрения, но уже не таких диаметрально противоположных. Они различны не принципиально, во всяком случае, у марксистов. Но следует ли из этого, что мы марксисты не должны излагать историю религии так, как мы понимаем ее. Тов. Полидорову нельзя отказать в оригинальности его точки зрения, но согласитесь с тем, что в ней нет ни грана диалектического материализма. История религии изучена марксистами, пожалуй, не более и не менее, чем история семьи или история происхождения частной собственности, потому что материал для изучения истории религии и происхождения семьи и частной собственности в одинаковой степени нам мало доступен. Нам приходится пользоваться подсобными материалами, сравнительным языковедением, этнографией, антропологией. Если кто-нибудь скажет: так как история происхождения частной собственности марксистами недостаточно еще разработана, поэтому нельзя

излагать историю происхождения частной собственности, то мы только посмеемся над таким чудаком. Мы скажем: так как история происхождения частной собственности плохо разработана марксистами, то марксисты обязаны ее разработать незамедлительно. Они должны попытаться об'яснить все непонятные до сих пор моменты в этой истории. Почему же недопустимо проделывать ту же самую работу по отношению к истории религии, которую проделываю я, тов. Степанов и ряд других наших товарищей, интересующихся и занимающихся вопросами о происхождении религии. Можно критиковать те или иные наши выводы, считать их более или менее спорными, неверными, но сказать, как это говорит тов. Полидоров, что

> «все сравнения мифов разных религий, выискивания сходства между ними есть путь реформирования церкви, очищения религии, а не борьбы с ней»,—

это значит, выбрасывать из нашего марксистского багажа такие замечательные и живые для всякого марксиста работы, как работы Кунова (происхождение религии), Эйльдермана («Первобытный коммунизм и первобытные религии»), П. Лафарга («Миф о непорочном зачатии», «Об Адаме и Еве» и другие). Невежество—не доказательство. А, между тем, от таких утверждений в «Спутнике Коммуниста» веет величайшим невежеством, своего рода нигилизмом: не нашего, мол, ума дело это, пусть буржуазные ученые занимаются сравнением разных религий и т. п., а нам, марксистам, это ни к чему.

Марксистам, дескать, нечего и пытаться соваться в эту область своим коммунистическим рылом, в калашный ряд, где обильно упражняются буржуазные писатели. А что же мы тогда предоставим читателю для изучения истории религии. Не думает ли тов. Полидоров, что в этом отношении помещенная в «Безбожнике у станка» божественная кино-лента истории фирмы бога отца и сына заменит собою такую историю религии? Я вовсе не против того, чтобы историю религии преподносили в живой, увлекательной, остроумной, даже в игривой форме. Но ведь одной игривостью не заменишь интереса к этому вопросу в широких трудящихся массах. *Они хотят знать,* откуда произошла религия, как она складывалась, и *мы обязаны* рассказать им это. Ведь если встать на точку зрения тов. Полидорова, то нельзя было бы, например, в учебнике о первобытной культуре перечислять имена разных существующих и вымерших народов на том основании, что это скучно, что это утомительно. Поэтому мы будем продолжать эту работу изучения религии и советуем нашим товарищам антерелигиозникам: пусть вас не пугают имена и названия исчезнувших богов и богинь, ищите за ними тот общественный строй, который их выдвинул, общественные отношения, выдвинувшие веру в этих богов.

Раз заговорили уже о методах антирелигиозной пропаганды, нельзя пройти мимо еще одного вопроса, чисто тактического. Надо ли обязательно так сильно ругаться, так «крепко выражаться», как это делает «Безбожник у станка». В этом отоншении чрезвычайно характерна эволюция, проделанная «Безбожником». Первый номер, вышедший с тиражем в 20.000 был встречен, как новинка, как сенсация, сразу завоевал себе место. Номер 2, февраль 1923 г., вышел с обложкой со следующей подписью: (повидимому эти слова произносит рабочий, указывающий на символическое изображение иеговы) «Пора нам рассеять туман, который буржуазия на нас напустила. Долой эту сволочь, эту религию». Когда в прошлом году на 12-м с'езде партии была устроена

выставка «Безбожника» Московского Комитета, товарищи поступили очень хорошо, что целомудренно закрыли эту надпись, спрятали ее. Мне приходилось неоднократно спорить с товарищаим именно по этому вопросу: нужно ли употреблять такие выражения, или полезнее обходиться без них? И я считаю, что чем реже мы будем повторять в нашей антирелигиозной пропаганде пред крестьянскими и рабочими массами такие выражения, как «религия сволочь», тем скорей мы найдем дорогу к колеблющимся массам верующих. Этой точки зрения придерживаюсь я и сейчас. Мне кажется, эту точку зрения начинает усваивать и «Безбожник». Как бы то ни было, тон многих статей «Безбожник у станка», как и тон рисунков стал, конечно, терпимее. Можно только порадоваться, что редакция «Безбожника у станка» становится на эту позицию. Поэтому, Московскому Комитету надо решительно одернуть т. Полидорова, когда он продолжает проповедывать: *Скупиться на крепкие слова нечего*».

Опытных антирелигиозников у нас мало. Задача антирелигиозной пропаганды в общем и целом, конечно, определяется п. 13 программы РКП и решениями с'ездов партии. 13-й с'езд партии дал нам определенные директивы, но в рамках этих директив, конечно, большой простор для инициативы, для разработки различных форм и методов антирелигиозной пропаганды. Переиначивая определенную фразу о литературе, можно сказать об антирелигиозной пропаганде, что все виды антирелигиозной пропаганды хороши, кроме скучных. Достоинство «Безбожника у станка» заключается в том, что он сумел на три четверти выполнить эту задачу, изгнать скуку со страниц своего журнала. Но он не выполнит задачи марксистского органа, если он не изгонит из головы своих сотрудников те совершенно немарксистские мысли, которые заставляют их противопоставлять антиклерикализм безбожию в советском государстве.

Максим Полярный.

О путях к коммунизму в отсталых странах.

I.

Ленин в своем всемирно-историческом значении является творцом пролетарской революции и ее величайшим теоретиком и тактиком. «Ленинизм есть теория и практика пролетарской революции вообще, теория и практика диктатуры пролетариата в особенности», — пишет т. Сталин о сущности ленинизма.

В построении своей теории пролетарской революции для данной исторической эпохи Ленин исходит, между прочим, и из того основного факта, что «национальный» капитализм, переросший в высшую стадию своего развития—в империализм, есть *всемирная система финансового* господства и политического порабощения со стороны ничтожной кучки передовых стран громадного большинства населения.

С другой стороны, империализм углубил и довел до крайнего напряжения противоречие между кучкой передовых стран, закабаливших громадное большинство колониальных и полуколониальных стран, разделив мир на две неравные части (помимо классового антагонизма внутри каждой страны)—наций угнетающих и наций порабощенных. «Весь мир... разделяется в настоящее время на большое число угнетенных народов и ничтожное число народов угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой. Громадное большинство населения, около 70% населения земли принадлежит к угнетенным народам» (Ленин).

Для Ленина «самой важной основной идеей решений второго конгресса по нац. вопросу является «различие между угнетенными и угнетающими народами. Мы подчеркиваем это различие в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии»,—говорил Ленин.

В этом заключается одно из основных противоречий империализма, порождающих неизбежный взрыв пролетарской революции. Освободительное анти-империалистическое движение народов колоний и полуколоний представляет не меньшую опасность для империализма, чем восстание пролетариата передовых стран и наступление первого не менее реально и неизбежно, чем наступление второго.

Колониальные народы вместе и при поддержке (как в СССР) победившего пролетариата передовых стран свергают иго империализма, освобождаются от колониального гнета. Власть переходит в одних случаях прямо к пролетариату колониальных стран, при поддержке крестьянства, а в других — в руки национ. революц. буржуазии колоний с тем, чтобы через определенный период времени перейти окончательно в руки пролетариата и беднейшего крестьянства этих колоний.

Какими путями пойдет хозяйственное возрождение этих республик? Каково будет направление хозяйственного развития в окраинах с недоразвитым капиталистическим способом производства или даже с докапиталистической экономией? Неизбежно ли для первых, а, в особенности, для последних — прохождение этапа капиталистического развития?

Этот вопрос важен не только с чисто теоретической стороны— как проблема сочетания и соединения разных способов производства при переходной эпохе от капитализма к коммунизму. Нет—он представляет собой актуальной важности практический вопрос, от того или иного решения которого зависит судьба пролетарской революции, судьба миллионов колониальных рабов и полурабов. Эта проблема представит, несомненно, самую труднейшую задачу на другой день после свержения буржуазии в отсталых полукапиталистических странах.

Как известно, этим вопросом занимался впервые 2-й конгресс (1920 г.) Коминтерна и решен он был в сторону необязательности капиталистической стадии экономического развития.

Вот что говорил Ленин на конгрессе по данному вопросу:

«Постановка вопроса была (в комиссии конгресса М. П.) следующая: можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а Советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отдельных народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры бойцов, партийные организации, не только вести пропаганду за организацию крестьянских советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

Конгресс в указанном смысле вынес решение. Это было сказано и решено в середине 1920 года, когда Советская Россия еще не вышла из эпохи военного коммунизма, из эпохи войн и блокад. Тогда еще не было сколько либо значительного опыта положительного строительства национальных советских республик. Тем не менее, гениальность Ильича позволила наметить ему программу и путь, реальная постановка и осуществление которой только сейчас (четыре года спустя) становится возможной—пока что в рамках СССР.

Итак, с помощью победоносного пролетариата капиталистических стран, при его активной поддержке, отсталые колониальные народы могут и должны развиваться к коммунизму, минуя стадию капиталистического развития.

«Но позвольте, как же вы, коммунисты, игнорируете состояние производительных сил и данный уровень культуры, идеологии и проч.», спрашивает нас «ученый» меньшевик.

На этот «убийственный» вопрос у т. Ленина имеется, действительно, убийственный ответ.

Как известно, в коротенькой статье по поводу «Записок» Суханова Ленин возвращался снова к вопросу о теории пролетарской революции. Полемизируя с Сухановым по вопросу об уровне производительных сил и о предпосылках к революции, он пишет:

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот «определенный» уровень культуры), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».

С точки зрения начетчиков марксизма—тут полнейшая ересь, метафизика. Но с точки зрения революции, революционной практики (хотя бы СССР) это—истина, непреложный исторический факт.

Глубокий смысл этой цитаты будет яснее, когда мы к ней подойдем с точки зрения отсталых колоний или окраин какой-либо «великой» державы. Возьмем СССР и ее окраины—Туркестан, Башкирию, Киргизию и проч. Для последних уже факт (да какой еще!) завоевание Ленинской предпосылки для поднятия производительных сил и уровня культуры. Этой *политической* предпосылкой является рабоче-крестьянская власть на окраинах. Тут вещи представляются в обратном виде, ибо такова диалектика революционного развития. То, что при капитализме являлось целью и задачей—становится предпосылкой, а предпосылка при капитализме (культурный уровень и проч.)—целью и задачей революционного периода.

Вот почему, имея такую величайшую предпосылку, как рабоче-крестьянская власть—наши отсталые окраины (и в нынешнюю эпоху вообще все отсталые народы) могут идти смело прямой дорогой к социализму, не боясь ни прорицаний и ни наветов меньшевиков и всех слуг империализма.

Но возможна и другая ситуация. Представим себе, что пролетарская диктатура восторжествовала почти во всех государствах Запада и Америки. Так неужели, находясь в полном *социалистическом* окружении, имея гигантскую помощь международного пролетариата, восточные колонии и полуколонии должны будут проходить непременно этап капиталистического развития и неужели эти колониальные миллионные массы думать не смеют о социализме?

Ясно, что при подобной ситуации (а она неизбежна) лопнут всякие меньшевистские разговоры об уровне производительных сил.

Если мы говорим, что взрыв социальной революции и на востоке, подготовленный эпохой разлагающегося империализма, означает не что иное, как *непосредственную* борьбу за социализм, движение отсталых народов прямой дорогой к социализму, то означает ли это, что на Востоке возможна *только непосредственно* пролетарская революция, немыслима и невозможна революция буржуазная? Другими словами—каков будет характер революции на Востоке, каково будет соотношение между социалистической и буржуазной революциями на Востоке?

По этому вопросу Ленин дал косвенный ответ в своих работах, касающихся содержания и характера Октябрьской революции.

Прежде всего что такое само понятие «буржуазно-демократическое содержание» революции?

«Буржуазно-демократическое содержание революции, это значит очистка социальных отношений (порядков, отношений) страны от средневековья, от крепостничества, от феодализма.» (Собр. соч. т. XVIII, ч. I, стр. 364).

Переходя к 1-му этапу Октябрьской революции (до разгона учредилки) Ленин спрашивает: «Была ли тогда революция буржуазной? Конечно, да—постольку, поскольку законченым делом нашим было довершение буржуазно-демократической революции, поскольку еще не было классовой борьбы внутри «крестьянства».

Что же именно было «законченным делом» буржуазно-демократической революции? Ленин пишет: «Каковы были главнейшие проявления, пережитки, остатки крепостничества в России к 1917 году? Монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религии, угнетение национальностей... Возьмите любую из этих «авгиевых конюшен», вы увидите, что мы их вычистили начисто».

Если взять эту законченную и четкую характеристику задач буржуазно-демократической революции,—то мы сразу убеждаемся, что чистка этих «авгиевых конюшен» составит на первый период основную задачу революции на Востоке. Следовательно, не может быть никаких сомнений на счет неизбежности буржуазного характера революции на Востоке.

Основной вопрос тут заключается в следующем: остановится ли на этом революция на Востоке, или она перескочит через эту грань, не довольствуясь очисткой авгиевых конюшен феодализма, примется за очистку остатков буржуазных конюшен?

И на этот вопрос Ленин дает совершенно определенный ответ:

«Прежде всего мы, большевики, знаем, «что она (социалистическая революция) не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической», знаем, «что только борьба решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед», за ту черту, откуда начинается задача социалистической революции.

Ленин дает наглядную картину, как Октябрьская революция одновременно осуществляла задачи социалистической революции.

В чем выразились эти задачи?

«1) мы развернули, как никогда, силы рабочего класса по использованию им государственной власти, 2) мы нанесли всемирно ощутимый удар фетишам мещанской демократии, учредилке и буржуазным «свободам», вроде свободы печати для богатых, 3) мы создали советский тип государства,—гигантский шаг вперед после 1793—1871 годов» («Новые времена, старые ошибки в новом виде»).

Кроме того, в статье «О значении золота» Ленин добавляет к этим задачам:

4) «революционный выход из империалистической войны» и 5) «экономическое строительство основ социалистического уклада».

Никакое действительное и серьезное революционное движение не может ограничиться в странах Востока *только* чисткой авгиевых конюшен феодализма, оно должно и *вынуждено* будет сразу направить свое орудие против буржуазных основ в своей стране, а, следовательно, и против буржуазии всего мира. Поэтому революция на Востоке, безу-

сложно и неизбежно перерастет за грани буржуазно-демократической революции—превратится в социалистическую революцию.

Как происходит и при каких условиях будет происходить это перерастание буржуазной революции в социалистическую?

«Реформы, говорили мы всегда, есть побочный продукт революционной классовой борьбы».

«Мы решали вопросы в буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, *пролетарски*-революционной, социалистической работы... Буржуазно-демократические преобразования, говорили и доказывали делом мы, есть побочный продукт пролетарской, т.-е. социалистической революции... Первая перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерости первую».

Вот как, на основании опыта России, Ленин изображает соответствие между пролетарской и буржуазной революцией в эпоху империализма.

Остается выяснить вопрос, в какой мере сказанное может быть применимо, распространяемо на грядущие революции на Востоке?

Поскольку верен общий анализ мировой обстановки, постольку, конечно, верны и выводы о соотношениях буржуазной и пролетарской революции в применении к странам колоний.

Но «борьба и только борьба» решает в конечном счете, насколько буржуазный характер революции перерастает в социалистический.

Итак, было бы ошибочным предполагать, что на Востоке революция *непосредственно* примет чисто социалистический характер. Революция на Востоке прежде всего должна очистить (если возможно, то в такой же короткий срок, как в Октябре в России) остатки феодализма и крепостничества, с тем, чтобы при поддержке западно-европейского пролетариата—перейти к решению задач пролетарской революции. При известной ситуации борьбы, разрешение задач буржуазной революции (очень грандиозных в обстановке Востока) может произойти так быстро, «мимоходом», что они (задачи) в исторической перспективе превратится лишь в «побочные продукты» социалистической революции.

К последнему исходу борьбы должны стремиться все компартии стран Востока.

Борьба, несомненно, будет невероятно тяжелой, но восставшие миллионы трудящихся—способны будут творить чудеса мужества, силы и энергии.

III.

В своей речи на 2-м конгрессе т. Ленин говорил:

«Какие средства для этого (перехода к коммунизму в отсталых странах М. П.) необходимы, — заранее указать невозможно. Нам подскажет это практический опыт».

С того момента, как были высказаны эти слова, прошло три года, пока Ленин, в своей гениальной работе «О кооперации (1923 г.) дал ответ на поставленный им же вопрос (на 2-м конгрессе).

Со времени второго конгресса Союз ССР совершил переход к НЭП'у, накопил богатый опыт практического хозяйственного строительства в отсталых странах. Тем ценнее этот опыт, что он проделан в обстановке НЭП'а, т.-е. в обстановке, допускающей капиталистическое накопление наряду с социалистическим, в обстановке сотрудничества мелких производителей-крестьян с крупной социалистической промышленностью и торговлей. Правда, весь опыт накопляется лишь в рамках одного нашего Союза, при условиях международного капиталистического окружения. Но именно потому, что наш опыт обставлен самыми свирепыми трудностями, что он совершается при единоборстве Союза ССР со всем капиталистическим миром,—именно поэтому этот опыт приобретает исключительное, не только внутри-союзное, но и международное значение.

В какой же форме отливается у Ленина этот практический опыт в рамках нашего Союза?

Мы считаем, что наиболее законченное выражение итогов нашей работы, как первой страны, для которой строительство социализма стало практической задачей дня,—дано в последней замечательнейшей работе «О кооперации». В этой работе поставлены снова и снова проблемы социалистического строительства в условиях НЭП'а, намечены перспективы и дана общая схема перехода от капитализма через НЭП к социализму. В этой работе, служащей прекраснейшим дополнением (и даже прямым дополнением) к работе «О пропаганде», в наиболее отчетливой конкретной форме дано обобщение опыта работы Советской власти с точки зрения страны, с преобладанием мелко-товарного крестьянского хозяйства. Именно это последнее обстоятельство дает нам право толковать и связывать учение Ленина о коопераци в приложении ко всем крестьянским, колониальным и полуколониальным странам.

Прежде всего, в чем чисто экономическое различие кооперации при капитализме и при диктатуре пролетариата?

«При частном капитализме предприятия кооперативные отличаются от предприятий капиталистических, как предприятия коллективные от предприятий частных. При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу». «Кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом».

Вот почему должен совершенно измениться наш взгляд на кооперацию.

И вот почему «такое гигантское необ'ятное значение приобретает для нас кооперирование России».

Но кооперация имеет не только глубоко принципиальное значение. Она ценна больше всего с практической стороны, с точки зрения доступности и ясности для самих масс, «со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьян*».

«А, ведь, в этом, опять таки, главное»,—продолжает Ленин,—«одно дело фантазировать насчет всяких рабочих об'единений для построения социализма, другое дело научиться практически строить

этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении».

Эта «практичность, доступность для масс—придает наиболее жизненное значение кооперации перед другими формами рабочих и крестьянских об'единений. В этом залог успеха кооперативного строительства.

Какие же задачи отсюда вытекают?

> «Собственно говоря, нам осталось «*только*» одно: сделать наше население настолько «цивилизованым», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации... «*Только*» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму».

Однако, из всего сказанного, конечно, нельзя строить себе иллюзии о легкости социалистического строительства. Сам Ленин говорит, что для перехода к поголовному кооперированию населения нам потребуется целая историческая полоса, примерно определяемая им в одно-два десятилетия. В данном случае нас интересует не эта сторона. Мы хотим выяснить вопрос: какие пути и методы хоз. строительства нужны для перехода к социализму (при диктатуре пролетариата) от капиталистических и даже докапиталистических хоз. отношений?

И ясным неопровержимым ответом служит вышеприведенное суждение Ленина о кооперации. Кооперация, развивающаяся на земле и на средствах производства, принадлежащих государству, является основой того хозяйственного строя, из которого непосредственно вырастает социализм в странах с отсталой, мелко-буржуазной экономикой (конечно, при сочетании этой крестьянской экономики с крупной социалистической промышленностью данной страны или другой, но с победоносным пролетариатом). Та длительная эпоха, которая должна заполнить переход от докапиталистических отношений к социалистическим, она представлена будет эпохой кооперативного строя, эпохой своеобразного мелко-буржуазного кооперативного социализма, постепенно перерастающего в подлинный социализм, социализм на основе электрофикации и крупной индустрии.

> Ибо «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией,—это есть строй социализма» (Ленин).

Сплошное кооперирование населения неизбежный исторический этап идущего к социализму пролетариата в союзе с крестьянством. Кооперация не только мост между городом и деревней, но в большей степени это мост между капитализмом и социализмом.

Теперь попробуем конкретно подойти к хозяйственному развитию в наших нац. окраинах и рассмотрим, какое значение приобретает для них кооперация.

Почти во всех нац. окраинах СССР господствует мелко-товарное, частично и натуральное хозяйство, при ничтожных размерах промышленного развития. Уровень экономического и культурного развития весьма низкий. В прошлом эти окраины служили колонией для буржуазии и дворянства. Купеческий и ростовщический капиталы, проникшие туда, жестоко и хищнически эксплоатировали нац. окраины, с одной стороны ставя искусственные рогатки экономическому развитию их, а с другой—вывозя все накопленные населением ценности в метрополию. Словом, окраины доведены до нищенского положения. Фактическое неравенство с метрополией велико.

Задача российского пролетариата притти, по мере сил, на помощь этим жертвам империалистского грабежа. Помощь идет.

При таких условиях, как пойдет, по какому руслу хоз. развитие окраин?

Пролетариат, господствующий класс России, как сказано выше, начинает оказывать материальную и финансовую помощь нац. окраинам. Предположим, что эта помощь идет довольно широкой струей в наши: Туркестан, Киргизию, Татарию, Якутию и проч. Она используется для развития производительных сил окраин. Часть идет на развитие 1) государственной промышленности, 2) кооперации и госторговли, а часть на поддержку 3) крестьянского (скотоводчески-промыслового, земледельческого) хозяйства (последняя помощь совершенно неизбежна).

Одновременно начинается общий под'ем как государственного (социалистического), так и мелко-буржуазного хозяйства. Что вызывает параллельное развитие двух начал—социалистического и капиталистического. В скобках заметим, что социалистическое накопление производится капиталистическими методами.

Преобладание социалистического накопления за счет капиталистического может произойти в окраинах *только* в том случае, если финансовая и иная помощь центра будет велика настолько, что ее доля в общем национальном доходе (в данной окраине) будет составлять преобладающее значение. Вспомним, что в наших окраинах, в виду отсутствия так называемых командных опорных хозяйственных высот почти нечего противопоставлять росту частно-капиталистического накопления

Если же эта финансовая и иная помощь будет незначительна, то в окраинах на некоторое время безусловно преобладание капиталистического накопления будет происходить совершенно естественно и неумолимо.

IV.

Посмотрим теперь, нет ли в самих окраинах таких элементов хозяйства и таких слоев населения, которые могли бы составлять опору социализма?

Как уже указали, основа экономики окраин — мелкотоварное, частично-натуральное производство.

Но какое есть средство об'единения мелких производителей и воздействия на них?

В первую голову *кооперация*. Ее рост будет означать одновременно ослабление частного торговца, частного капиталиста.

> «Действительное кооперирование действительных масс населения» — вот что единственно доступно и возможно для самих окраин при их организованном выступлении против капиталистического накопления.

При внимательном подходе к экономике и социальной структуре окраин, мы можем найти много того, что само просится в кооперирование, в об'единение против нэпманов, реставрированной и новорожденной буржуазии.

Даже при слабой классовой дифференциации мы можем найти, примерно, такие слои населения.

1) Охотники-пушники. Совершенно естественно, что там, где они составляют значительную группу, и где пушной промысел для них составляет основной источник существования (Север, Якутия и др.), там

необходимо приступить к созданию промыслового кооперативного союза пушников-охотников.

2) Рыболовы. Аналогичное положение с охотниками.

3) Кустари (самых разнообразных профессий). Тут задача также ясна—их об'единить, кооперировать, отбить от частных спекулянтов. Организовать выгоднейший сбыт продуктов, кредитовать и проч.

4) С.-х. батрак. Здесь возможно их об'единение в полу-коопер., в полу - профессиональный союз или об'единение. Здесь задача партии серьезнее и поважнее. Тут нужна классовая организация.

5) Мелкие (лишь формально самостоятельные) скотоводы, земледельцы. В зависимости от местных условий—их можно слить с батраками, или организовать артели, коллективные хозяйства—активный элемент кресткомов.

6) Средняцкие элементы—всех родов хозяйства. Здес нужна величайшая осторожность. Действовать только примерами. Втянуть их в первую очередь в потребительскую кооперацию, ориентировать на советскую власть, втягивать в кресткомы и проч.

Таковы грубые схематичные формы работы среди социальных группировок населения наших окраин.

Таким образом, мы видим, что как экономика, так и соц. строй окраин—позволяет вполне развертывать работу кооперирования туземного населения. И только этот путь кооперирования (при условии всемерной помощи центра и партии) обеспечит усиление и господство социалистического накопления.

Партия должна направить все силы на работу кооперирования. Ибо «тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный» (Ленин).

Сверх-обычная помощь центра окраинам и сверх-обычная работа в нац. окраинах по созданию широкого кооперативного движения, комбинирование этих элементов, сочетание и смычка кооперативного об'единения мелких товаро - производителей с государственной промышленностью и торговлей, вот что нужно в первую очередь сделать в наших нац. республиках, вот по какому пути должно идти хозяйственное возрождение бывших царских колоний.

И вот почему кооперация в специфических условиях бывших колоний—приобретает исключительное, еще более гигантское значение, чем в России.

Вот почему вопросы кооперативного строительства должны стать в центре внимания компартии в окраинах.

Кооперация должна закрепить и завершить октябрьские завоевания. Кооперация должна подвести экономический фундамент под политические завоевания.

Процесс кооперирования населения окраин будет процессом ликвидации исторически-сложившегося, фактического неравенства. Рост кооперации в окраинах будет равносилием росту социализма. И именно кооперация послужит мостом от докапиталистической экономики окраин к коммунизму.

Мы думаем, что все сказанное Лениным о значении и роли кооперации в приложении к мелко - буржуазной, крестьянской экономике СССР и ее окраин целиком и полностью применимо и ко всем колониальным и полуколониальным народам и странам.

Как Индия, так и Китай (если взять пример с них) находятся в такой стадии хозяйственного развития, когда капитализм, проложив себе дорогу, растет семимильными шагами, но в то же время остатки мелкобуржуазного хозяйства настолько крепки, что они, несомненно, как преобладающая форма хозяйства (как и в СССР), переживут период социальной революции. И на другой день после нее—перед трудящимися массами Индии, Китая и др. стран встанет вопрос о постепенном продвижении к социализму. И все, что мы говорили о кооперации в обстановке СССР—будет с теми или иными изменениями, но в основном приложимо и к этим странам.

Кооперативный строй, о котором говорит Ленин—станет неизбежной, исторической эпохой на пути от полу-варварских, до-капиталистических способов производства к социалистическому. Кооперация для народов Востока послужит, таким образом, также мостом между ними и Западом. Именно через кооперативные предприятия будет пробивать себе дорогу высоко развитая техника индустрии и земледелия, через кооперацию будут приобщаться к западно-европейской и американской культуре эти отсталые и задавленые ныне империализмом народы.

Процесс этот будет длителен, а путь тернист, не сплошь усеян розами, но победоносный пролетариат передовых стран сделает все, чтобы ускорить этот процесс. Братская помощь социалистического Запада, наверное, в колоссальных размерах двинет дело внедрения крупной промышленности в отсталые страны. Но тем с большей силой будет вырастать значение кооперирования всего мелко-буржуазного многомиллионного населения, хозяйство которого составит рынок для расцвета крупной социалистической промышленности самого Востока.

Вот почему мы считаем, что Ленин в работе «О кооперации» не только продолжил свою работу «О продналоге», об экономике СССР и ее перспективах, но и продолжил свои исследования национального и колониального вопроса, в частности ответил на поставленный им же и оставленный открытым вопрос о путях к коммунизму в отсталых народах на 2-м конгрессе Коминтерна.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Мировая политика.

Основные линии.

Предлагаемый вниманию читателя сжатый обзор мировой политики—по отдельным основным странам и под углом зрения основных внешне-политических проблем,—отмечает, как основную характерную черту современного комплекса международных отношений, *переплетение двух тенденций:* тенденции к временному *сглажению* международных антагонизмов путем всяких компромиссов и сделок и—тенденции, выражающейся, наоборот, в *обострении* старых и *созревании* новых международных противоречий.

Если первая тенденция диктуется мировой буржуазии всем шатким укладом современных отношений—хронической социальной опасностью, всеобщей, еще не прошедшей, утомленностью от войны, но сильнее и прежде всего, в начале колоссальным, и теперь еще далеко не преодоленным, хозяйственным кризисом, неясностью ближайших экономических перспектив, необходимостью кое-как воссоздать единство мирового капитализма,—то, наоборот, противоположные тенденции заложены в самой антагонистической природе, в монополистических тенденциях современного империалистического капитализма.

Параллельное и скрещивающееся действие обоих противоположных тенденций может быть прослежено в политике более или менее всех стран, в сплетении, во внутренней динамике более или менее всех «проблем».

Доклад экспертов по репарационному вопросу представляет из себя, без сомнения, один из центральных пунктов в развитии современных внешне-политических отношений, представляет из себя *новый, крупный этап в мучительном, затяжном процессе обратного сращения мирового капиталистического организма в одно целое,* после того, как мировая война с ее многоразличными последствиями разорвала этот целостный и сложнейший организм на части.

Дальнейшим крупным фактором развития в ту же сторону является постепенное ослабление центробежных тенденций в С.-А. С. Штатах, постепенный катабазис С. Штатов с накопленным ими колоссальным богатством и излишками кредитного капитала в обедневшую капиталистическую Европу. Начинается процесс реставрации европейского публичного кредита. Силы взаимной сцепляемости не только европейского, но и мирового капитализма получают новый импульс.

Капиталистический мир явно вступает в *новую—вторую—полосу политики своеобразного крупно-капиталистического «пацифизма»,* политики компромиссов и оппортунистических сделок, лавирования, сглаживания противоречий после того, как первая, начавшаяся в конце 1920 г., полоса привела только к весьма частичным, а отчасти и просто противоположным результатам.

Мы думаем, что *эти тенденции* утомленного, обескровленного империализма наложат сильнее, непосредственнее других—антагонистических тенденций—свой *отпечаток на ближайшую фазу развития мировой политики.*

Но они не в состоянии будут преобразить всей природы современного империалистического капитализма, они не способны стать залогом его органической «реформы», которая выразилась бы в прочном обуздании, в приручении центробежных сил империализма.

Для возникающего шаткого равновесия сил будет представлять постоянную угрозу не только глубокое противоречие между установившимся в России строем и строем всего остального мира, не только факт некоторой неравномерности, так сказать, аритмичности всего исторического процесса развития, находящий свое выражение как в хозяйственной области в неравномерности развития кон'юнктуры, так и в политической области в неоднородном чередовании у власти различных буржуазных классов и партий.

Более того: мы наблюдаем, как *под покровом начинающего остывать внешнего слоя созданного Парижскими мирными переговорами в 1919 г. миропорядка более глубокий молекулярный процесс приводит постепенно к обострению старых международных противоречий и возникновению новых.*

Вся южная часть Центральной Европы и весь ее Юго-Восток еще только выходит из состояния небулозы.

Даже и доклад экспертов—эта конституционная хартия капиталистической Европы, успевшая пока об'единить на своей основе колоссальную коалицию, начиная от американских банкиров и кончая германскими социалистами,—буквально насыщен латентными (скрытыми) элементами международного соперничества и борьбы.

Но, повидимому, *главный узел будущих мировых конфликтов завязан на водах Тихого океана, где ни одна из основных капитальных проблем не приближена к своему разрешению, и где ныне скрещиваются основные линии мирового соперничества за обладание морями.*

Только более глубокое ознакомление с природою современного, столь отличного от предвоенных, мирового хозяйственного кризиса с его многогранными явлениями—колоссальным ростом производственного аппарата при одновременном сокращении возможности сбыта, значительным несоответствием в размерах производства в основных отраслях мирового хозяйства, небывалым быстрым процессом *индустриализации* стран, молодого, колониального капитализма и т. п.—только исследование этих основных явлений капиталистической современности *(к которому мы только еще подходим),* дало бы возможность измерить всю силу намеченных выше антагонистических тенденций.

Сложнейшее переплетение одних и других более подробно представлено в прилагаемом обзоре, причем, повторяем, нам думается, что хотя и в формах только лабильного равновесия, центростремительные тенденции капитализма будут первое время, повидимому, превалировать над центробежными.

Америка (Соединенные штаты).

Дезертируя из Европы, убегая от европейского хаоса и чересполосицы, Соединенные Штаты фактически только возвращались к своей традиционной политике участия в европейских делах только «постольку—поскольку», только по мере своих интересов и надобностей. Противоположность между картиной, какую представляла старая Европа в последние годы, и картиной развития в северо-американской республике—здесь новый небывалый кризис, завершаемый рурским спазмом, там процветание на основе национального рынка—противоположность эта была еще слишком бьющей в глаза, чтобы на некоторое время еще не укрепить в массах основ консервативной и реакционной политики изоляции, обособления от смутных и пока маловыгодных европейских дел. Год 1923 и начало 1924 еще не приносят в этом отношении существенных перемен: национальный рынок еще продолжает давать полное и весьма выгодное занятие промышленности. Сокращение вывоза при небывалой занятости индустрии, обнаруживает все громадные возможности местного рынка. Ранняя весна 1923 года является моментом апогея национальной кон'юнктуры.

Республиканское правительство, правительство крупнейшей капиталистической буржуазии с спокойным достоинством регистрирует факт признания Великобританией своего громадного долга Америке (что обходится британскому бюджету ежегодно жертвою приблизительно в 35 миллионов фунтов) и требует такого же поклона заокеанскому золотому тельцу от России.

Год 1923 и начало 1924 являются *периодом величайшей хозяйственной самонасыщенности, политического самодовления и самодовольства Штатов.* Этого самодовольства не в состоянии существенно нарушить и громкие *небывалые нефтяные скандалы,* обнаружившие еще раз всю беспредельную корумпированность господствующего режима. Эти скандалы успели только несколько ослабить шансы республиканской партии, оказавшейся несколько более скомпрометированной, нежели соперничающая с нею в борьбе за власть и за подачки нефтяных магнатов демократическая партия. В условиях сытой замкнутости заокеанского могучего капитализма замечается зато своеобразное *измельчание политической борьбы:* в начинающейся президентской избирательной кампании ни одна партия не выступает крупной, ясно очерченной политической платформой, и, повидимому, всего меньшую на этот раз роль играют в избирательных платформах внешне-политические лозунги.

И все же всем своим тяжелым весом Америка давит на раскромсанную и истощенную Европу. Политика «изоляции» является в последнем счете только кулиссою, методом, в котором есть столько же элементов нажима, шантажа, сколь и ханжества. По существу, грозный пафос расстояния, устанавливаемый между полными сундуками и европейской разоренностью, представляет из себя манеру и способ ставить Европе определенные предварительные условия: этими условиями, при которых Вашингтон и нью-иоркская биржа готовы снизойти к более тесному сотрудничеству со старым материком, является—*склонение Германии перед необходимостью репарационных платежей и примирение британских и французских методов действия.* Американский капитал, хотя и никогда не выходя из роли ближайшего партнера и союзника Англии, требует здесь жертв от всех: от Германии—отказа от надежды задним числом аннулировать факт и последствия союзнической победы, от Франции—отказа от милитаристских спекуляций на континентальную гегемонию, от Англии—отказа от увлечения континентальным соперничеством с Францией, в особенности в дезорганизующих бесплодных формах хаотического дергания не только ллойд-джорджевской, но и керзоновской политики.

Иначе говоря, по существу, европейская политика Соединенных Штатов есть *политика «замирания» Европы, политика сглажения антагонизмов, политика своеобразного капиталистического «пацифизма»— и в этом смысле, в своей основной тенденции, политика Соединенных Штатов совпадает с основной линией политики Великобритании.*

Все же с некоторыми существенными различиями: Великобритания—в особенности в лице Ллойд-Джорджа и Керзона—стремилась этой политике придать особый отпечаток *британской гегемонии.* Соединенные Штаты преследуют при этом цель некоторой общей *нивелляции.* В принципе все должны быть равны перед американским маммоном. Политика Великобритании оказывается по своим ближайшим целям более всего родственной политике Соединенных Штатов, но Соединенные Штаты стремятся регулировать эту политику, как это показал прошлогодний опыт с неудавшейся попыткой лондонской дипломатии созвать про тив воли Франции международную финансово-репарационную конференцию, как это еще раньше обнаружил провал попытки Бальфура—Ллойд-Джорджа установить между репарационным вопросом и проблемой межсоюзнических долгов. И, с другой стороны: милитаристские увлечения Франции представляются Вашингтону и Нью-Иорку определенным излишеством и бесчестием—в виду явной невозможности для Франции приступить по примеру Англии к уплате ее долгов Америке,—но американские банки в высокой степени заинтересованы сохранением ценности французских бумаг, и Морган поспешил в критическую минуту подкрепит падающий франк. В этом смысле политика С. Штатов не лишена и по отношению к Германии, и даже по отношению к Англии, *некоторого франкофильского оттенка.*

Вся пассивность американской внешней политики не помешала американским банкирам Дауэсу и Ионгу, хотя и под бутафорскою видимостью «неофициального» участия, *сыграть решающую роль в работах комиссии экспертов.*

Выраженная еще раньше с президентского места готовность С. Штатов принять *участие в международном верховном судилище,* пусть и не под непосредственными ауспициями Лиги Наций, показала всю условность политики изоляции, в которой растущая международная связанность Америки пробивает фактически брешь за брешью. И даже грандиозный нефтяной скандал сыграл здесь свою роль, поскольку он дал возможность заменить скомпрометированного генерального прокурора Догерти—Стоном (Stone), непосредственным доверенным лицом Моргана, представителя сильнее всего связанных с Европой «интересов».

До недавних пор идеи, враждебные политике изоляции, находили свою главную опору, с одной стороны, в *финансовом* капитале, со времен войны тесно связанном с союзническими странами и заинтересованном в применении своих колоссальных излишков, с другой стороны, в *фермерстве,* страдающем от ставшего хроническим, несоответствия между ценами промышленных и сельско-хозяйственных продуктов, несоответствия, об'ясняемого обнищанием европейских рынков при гро-

мадном, наоборот, увеличении производства основных сельско-хозяйственных продуктов в Штатах (за исключением хлопка), непрекратившемся и после наступления в Европе с концом 1920 г. громадного промышленного кризиса. (Средняя производства основных родов зерна для 23 г. выражается цифрою 111, а в рекордном 22 г.—цифрою в 131 при средней в 100 в 1919).

Наоборот, *промышленность*, колоссально развившая за последнее десятилетие свой вывоз в *неевропейские* страны, и, прежде всего, занятая за последние годы восстановлением всего расстроенного за время войны оборудования страны (что и явилось главною основою недавней высокой кон'юнктуры) была скорее носительницей узко-протекционистских тенденций, протекавших параллельно с политикой изоляции (от Европы).

Наступившая под влиянием такого мощного стимула, как военный и послевоенный экспорт, лихорадочная индустриализация (рост производственных способностей основной, металлургической промышленности не менее, чем на 50% при одновременном значительнейшем увеличении производства некоторых основных родов сырья—уголь, нефть) и чрезмерно быстрая по темпу колонизация, относительная «переколонизация»—страны, выразившаяся, в особенности в северо-западных Штатах, в небывалом росте земельной ренты, уже более неоправдываемом уровнем цен на сельско-хозяйственные продукты: все это вызвало некоторую *реакцию*. Эту реакцию мы находим не только в некотором мальтузианстве финансово-промышленных методов С. Штатов, в стремлении регулировать темп развития производства в особенности при помощи последовательной кредитной политики, но, прежде всего, в недавно решенном *существеннейшем ограничении иммиграции*, фактически закрывающем доступ в С. Штаты громадной эмигрантской волне из всего юга-востока и востока Европы. Этот акт громадного значения представляет из себя на вид новый крупный акт политики изоляции, по существу же он является, наоборот, показателем того, *что в лихорадочно ускоренном процессе своей внутренней колонизации, Сев. Америка достигла некоторого предела, некоторой грани в своем развитии, как колониальной страны*.

С наступлением некоторого момента насыщения этого процесса должны неизбежно усилиться *тенденции торговой экспансии во вне*.

Весна текущего года показала впервые с достаточной наглядностью *ограниченность, казавшегося неисчерпаемым, национального рынка:* в апреле месяце, хотя пока еще и при противоречивых признаках, наступает все же заметное *ухудшение кон'юнктуры* (сокращение производства стали примерно на 15%, дальнейшие сокращения в текстильной промышленности и т. п.). Явления эти неизбежно приведут *к усилению роли и промышленного фактора* в борьбе с политикой утрированного «изоляционизма». *Доклад комиссии экспертов, без сомнения, должен в этом отношении явиться поворотным пунктом. За докладом Дауэса скрываются руководящие американские банки,* уже предрешившие свое видное участие в первом, предвиденном в докладе Дауэса, репарационном займе в 800 миллионов марок, и готовящиеся к финансированию и в других формах германской промышленности. Колоссальное накопление золота в Соед. Штатах, концентрирующих ныне у себя немногим меньше половины всего мирового запаса, приводящее к обесценению золота (в настоящий момент приблизительно на 40%) и, стало быть, уменьшающее ценность не менее чем четырехмиллиардного золотого запаса Штатов (в том числе трех миллиардов долларов государственного федерального банка) и в то же время ухудшающиеся экспортные возможности по сравнению со всеми прочими странами с их валютою ниже золотого паритета,—эта золотая «опасность» все сильнее толкает финансовый капитал Америки в Европу, в которую он в последнюю послевоенную эпоху канализовал только немногим больше денег, чем в страны Дальнего Востока, и гораздо меньше, чем в американские страны (соответствующие цифры для 1923 г.—не считая конверсий—70 миллионов долларов для Европы, 50 милл. для стран Дальнего Востока и 93 милл. для стран Южной и Северной Америки). Это еще всего только начало медленного процесса, но и оно бесспорно обозначает *максимальную точку развития в политике «восстановления» европейского капитализма со времен прекращения мировой бойни*.

Это развитие соответствует общей, своеобразно «пацифистской» линии утомленного капитализма послевоенной эпохи. И в отношениях между обоими крупнейшими капиталистическими державами—Соед. Штатами и Великобританией—отношениях, носящих в себе могущественный зародыш единственного *мирового* антагонизма нашего времени, период своеобразного сотрудничества, соучастья в *об'единенном суперкапиталистическом англо-саксонском тресте*—продолжается. Доклад комиссии экспертов, без сомнения, обозначает собою *новый зенитный момент в развитии мировой гегемонии англо-саксонского капитализма*.

Смягчению антагонизма между обоими руководящими капиталистическими державами способствуют не только временный параллелизм их основных, диктуемых непосредственнейшими экономическими заботами в условиях мирового хозяйственного кризиса, стремлений к «замиранию» и к «возобновлению» европейского рынка.

В том же направлении действует и смягчение некоторых основных антагонистических моментов у обоих полюсов—британского и американского. Со стороны Америки назовем все более *явный провал надежд на возможность с'импровизирования торгового флота, способного соперничать с британским* (провал, выразившийся в истекшем 1923 году в серьезном дефиците линий, находящихся в управлении государства, либо переданных им в управление частных лиц).

Со стороны Великобритании назовем, прежде всего, еще гораздо более интенсивную поглощенность хозяйственными заботами при слабой надежде на быстрое полное восстановление, далее: растущую зависимость Канады от Соед. Штатов (и как рынка, и еще более как источника финансового капитала), наконец, растущие затруднения в основных колониях, прежде всего, в Индии. *Все это вместе существеннейшим образом сокращает свободу движения британского империализма на целую историческую эпоху* и заставляет его молчаливо мириться со многими фактами, в их числе с заметным усилением позиции Соед. Штатов в *Мексике*, где Юз своей решительной и последовательной поддержкой правительства Обрегона (признанием и впоследствии поддержкой деньгами и военным снаряжением) успел существенно обогнать Англию. Также и на Дальнем Востоке, со времен Вашингтонской конференции, все труднее можно представить себе со стороны Англии политику открытого антагонизма по отношению к Соед. Штатам. (И здесь глубокий социально-политический процесс, происходящий в сложном организме Индии, играет также некоторое задерживающее значение).

Наконец, и в сфере борьбы английских и американских трестов за нефть мы также наблюдаем несомненную detente: временное примире-

ние интересов уже состоялось в отношении бывших русских концессий в Северной Персии и все явственнее намечается в попытках сговоров на счет русской нефти с устранением Франции.

Вот более или менее формула теперешней действительности и ближайших перспектив. *Для ближайшего периода политический барометр по всей линии американской политики показывает на погоду. Но в то же время более глубокий исторический процесс, связанный неразрывно со всей природой современного капитализма, с его фатально монополистическими тенденциями, и в частности, со строем отношений, кристаллизующихся в бассейне Тихого океана, медленно, но неуклонно готовит опасность новых конфликтов.*

Признаки скрытых противоречий громадной потенциальной силы можно явственно различить в *политике вооружений* Соед. Штатов. Решения Вашингтонской конференции по существу никого не удовлетворили. Эти решения слишком явственно оставили широкую свободу для обхода установленных ограничений. Вся энергия подписавших Вашингтонское соглашение держав устремилась в сторону не только воздушного флота, но и тех категорий более легкого вспомогательного морского флота (подводные лодки, крейсера с водоизмещением ниже 10.000 тонн и т. п.), которых не коснулись Вашингтонские ограничения. Саботаж со стороны Франции на Вашингтонской конференции принес в результате «пользу» всем соперничающим морским державам. В этой сопернической борьбе Соед. Штаты не только не отстают, но из уст нового морского секретаря Штатов—Вильбуря мы услышали недавно, при внесении им в палату новых морских кредитов, знаменательное словечко о том, что в *области вспомогательного флота Америка должна обеспечить себе уже не только равную сильнейшим позицию, но «господствующее положение»*. Одновременно, со ссылкой на техническое несовершенство американского боевого флота, все учащаются в американской прессе утверждения, будто бы Америка и здесь оказалась обогнанной Англией, и будто бы фактическое соотношение сил боевого флота выражается ныне не в установленной конференцией формуле 3 : 5, но 3 : 4 : 5.

Пред лицом явных громадных затруднений, создаваемых *в Китае* всякой «конструктивно»-империалистской политикой, колоссальным социальным процессом, который в формах хронической гражданской войны потрясает эту огромную страну, Вашингтонский империализм держит себя пока в отношении японо-китайских проблем в осторожно выжидательной позиции. Но он ни на минуту не выпускает из глаз этих крупнейших об'ектов мировой политики. Добившись уже устранения Японии из Шандуня, он стремится держать и Россию подальше от Китая и вообще резервирует этот крупнейший оставшийся об'ект колониальной эксплоатации для будущих, более «благополучных» времен.

Неслыханно возросшая со времен войны *экономическая связанность Соед. Штатов с Японией,* занимающей ныне одно из первых мест в американском вывозе и почти первое место, во всяком случае, равное Англии и Канаде в американском ввозе, связанность еще усугубленная временными последствиями землетрясения, конечно, и бесспорно является по существу крупнейшим фактором *умиротворения* японо-американских отношений. Но основная, всеоб'емлющая внутренняя проблема Японии, вытекающая из факта ее относительно колоссального перенаселения, при слабости ее собственной питательной базы и нищете в области основных родов промышленного сырья, этим фактом не устраняется.

Упорство же, с каким, вопреки сопротивлению президента Кулиджа, обе американских палаты своей отменой, так называемого, «джентельменского соглашения» от 1907 г. фактически упразднили возможность японской иммиграции, обнаруживает ярко всю скрытую силу противоречий, и, создавая для Японии безвыходное положение, прямо-таки толкает ее именно в Китай, являющийся в то же время величайшим об'ектом скрытых вожделений других держав.

Наконец, некоторое уже указанное выше исчерпание внутреннего, национального рынка Соед. Штатов, относительная—с точки зрения темпа—«переколонизация», растущая в связи с этим необходимость искать компенсирующих *внешних рынков,* должна со временем неизбежно повести к обострению международного торгового соперничества, в первую голову соперничества с Великобританией. Знаменательным, почти сенсационным сигналом этого намечающегося процесса явился преданный гласности доклад Совета Американского Государственного Федерального Банка. Совет решительно возражает против взятия в основу нового германского Эмиссионного Банка, британского фунта стерлинга, как стоящего ниже золотого паритета. Всесильное американское банковское учреждение провозглашает принцип необходимости полного перехода всех европейских валют на золото, в противоположность британским финансовым кругам, отстаивающим принцип постепенности этого перехода. По смыслу это столкновение принципов эмиссионной политики обозначает собою ни что другое, как *стремление со стороны Соед. Штатов вытеснить фунт стерлинга, как основную меновую единицу в мировом торговом обороте, пошатнуть положение Лондона, как мирового финансового и расчетного центра, и в частности, вступить в прямую борьбу с другими державами за преобладающее влияние в Германии на основе, созданной докладом экспертов.*

Англия.

Уже почти целых четыре года основным фактом, налагающим свою печать на всю политику Великобритании, остается мировой хозяйственный кризис, который неизбежно должен бы особенно тяжело коснуться этой страны, связанной более всех остальных с мировым рынком. Все другие заботы—соперническая борьба с Францией за континентальную гегемонию, борьба за возвращение утерянных позиций на Дальнем Востоке, вырисовывающийся на историческом горизонте антагонизм с Соед. Штатами, единственный *мировой* антагонизм нашего времени—все эти заботы временно подчинены *основной, актуальнейшей и непосредственнейшей заботе—тяжелой борьбе за возможности сбыта, за восстановление разрушенного войною европейского рынка, за сохранение расшатывающихся устоев Британской империи.* Политика всех очередных британских правительств, коалиционного, обоих консервативных и рабочего правительства представляет из себя по существу только разные варианты этого политического лейтмотива.

Ллойд-Джордж кладет начало этой политике своеобразного крупно-капиталистического пацифизма, политике компромиссов, оттяжек, лавирования, замазывания антагонизмов. Попытки проводить эту политику, без сомнения, совпадают вначале с моментом апогея британских влияний на европейскую политику. Но эта политика, нашедшая свое внешнее выражение в бесконечном цикле международных конференций, не приводит к положительным результатам. Репарационные конферен-

ции приводят к поражению умеренной политики во Франции в лице Бриана, приходу к власти Пуанкарэ и в своем финале—к Рурской оккупации. Попытки решения «русского вопроса» на конференциях Генуэзской и Гаагской подготовляют только падение самого Ллойд-Джорджа. Средиземноморские увлечения британского премьера—Ллойдж-Джордж всегда представлял в системе британской политики узко-европейскую, а не мировую линию — приводят к разгрому Греции, сопровождаемому брюскированием доминионов. Единственное конкретное достижение этой эпохи—это Вашингтонские ограничения основных категорий морских вооружений. Но и это относительное достижение окупается фактическим признанием мирового почина и первенства Соед. Штатов: на Вашингтонской конференции Великобритания делает смиренный вывод из изменившегося в результате войны соотношения сил, она переходит официально на one power standard и жертвует под натиском Соед. Штатов и попадающей во все большую от них зависимость Канады своим двадцатилетним союзом с Японией, что меняет все соотношение сил на водах Тихого океана, приводит к постепенному, хотя еще только латентному обострению британских отношений с Японией и к планам постройки крупной базы в Сингапуре.

Политика нерешительности и компромиссов проводится и в самой империи по отношению к крупнейшим колониям: в Египте правительство метрополии колеблется между методами «сильной руки» лорда Алленби и либеральными начинаниями лорда Мильнера, в Индии политика метрополии выражается то жестокой бойней в Амритсаре, то реформой Монтегю-Чельмсфорд, вводящей своеобразный дуализм в управление этой величайшей из колоний.

В результате, бесплодная нервность и дергание ллойд-джорджевской политики приводит в беспокойство британские деловые круги, и с ними вместе деловые круги всего мира, жаждущие «спокойствия». Эти деловые круги обращаются против своего недавнего любимца—Ллойд-Джорджа.

Политика пришедших ему на смену консерваторов представляет из себя по существу только новый вариант той же политики оппортунизма и компромиссов, диктуемой насущнейшими нуждами британского торгового и промышленного капитализма.

Бонар Лоу в разгоряченную атмосферу ллойд-джорджевской политики привносит только одну новую нотку, нотку столь желанного «спокойствия». Это с таким треском возвещенное утомленным буржуа «спокойствие» оказывается бессильным помешать пред'явленному России авантюристскому ультиматуму Керзона. В Западной Европе политика «спокойствия», в виду явно беспокойного характера политики Франции, приобретает значение и смысл простого подчинения Франции, ее почину и ее «совершившимся фактам». На январской (1923 г.) парижской конференции Бонар Лоу просто умывает руки и после этого жеста Понтия Пилата дает Пуанкаре свое благословение на рурскую авантюру. Керзоновские метания и чисто дипломатические жесты силы, за которыми не следует действие, только подчеркивают унизительное бессилие лондонской дипломатии. В знаменитом сентябрьском коммунике британское правительство неожиданно открывает тождество своих взглядов с правительством Пуанкаре, и по существу толкает падающего—падающую Германию. *Вся политика Великобритании в период Рурской оккупации есть политика неверия в свои собственные силы,* политика,

строющая свои надежды только на сопротивлении Германии и внутреннем развитии в самой Франции.

Единственное практическое достижение политики «спокойствия» это:

а) во-первых, прекращение войны с Турцией, купленное ценою отказа от Севрского мира, принесения в жертву Греции и равнозначущее признанию собственного поражения;

б) во-вторых, соглашение с Соед. Штатами о платеже долгов, продиктованное, прежде всего, дефляционными интересами британских крупных банков и обременяющее новым тяжелым бременем британский бюджет.

Этой безжизненной и безыдейной политике Болдвин, став во главе того же консервативного правительства, пытается противопоставить конструктивную программу развития имперских связей, воссоздания империи, как самодовлеющего хозяйственного целого, спаянного системой протекционистских мер.

В *хозяйственном* отношении эта новая программа обозначает собой по существу торжественно засвидетельствованную потерю веры в возможность скорого «восстановления» Европы. Болдвин торжественно хоронит ллойд-джорджевские надежды, а сам Ллойд-Джордж, став во главе либеральной оппозиции, превращается постепенно в пессимиста. Болдвиновская утопия продиктована также несомненною боязнью опасности германской конкуренции после решения репарационной проблемы.

В *политическом* отношении программа Болдвина обозначает собою капитуляцию на европейском материке перед Францией.

Ошеломляющий провал протекционистской затеи приводит к власти Рабочую Партию, которую неизменное действие все тех же фактов—факта весьма медленного и неравномерного улучшения хозяйственной кон'юнктуры с сопровождающей ее громадной безработицей—заставляют по существу вести все ту же политику «восстановления» европейского и мирового капитализма средствами оппортунистических компромиссных и пацифических жестов. Все та же спекуляция на расширение возможностей сбыта при одновременном давлении рабочих масс, ищущих в этом вопросе не только материального удовлетворения, приводит правительство Рабочей Партии к безусловному формальному признанию Совроссии.

Дальнейший вариант в политике Рабочей Партии рядом с усилением пацифистской нотки, выразившейся, прежде всего, в отказе от постройки крупной морской базы в Сингапуре, вносит не столько даже более умелый, терпеливый, замаскированный дружественными фразами расчет на внутреннюю эволюцию в самой Франции, сколько счастливое стечение обстоятельств во времени: тот подарок судьбы, каким явилось для правительства Макдональда падение французского франка и вслед за ним падение и самого Пуанкаре вместе с национальным блоком. Этот *двойной крах,* которого чуть было не задержали совместно с Морганом и британские банки, своей акцией по поддержке франка, расчищает существенно путь для «примирения» англо-французских интересов и совместного «решения» репарационного вопроса, основанного на совместной, умело *дозированной эксплоатации Германии* без чисто разрушительных приемов в стиле Рурской оккупации, но зато в духе мальту-

зианского, ***кастрированного капитализма,*** исходящего из предпосылок длительно сокращенных возможностей мирового рынка. «Регулирование» германской хозяйственной жизни при помощи разных международных органов заменит с успехом всякие болдвиновские, протекционистские пошлины. Германская промышленность будет извлечена из мертвящих когтей французского милитаризма, наносящего удары и собственной стране, но зато опасность слишком свободного и скорого расцвета германского промышленного соперничества на мировом рынке будет задушена в зародыше, на самом месте возникновения этой опасности. Германскому национальному хозяйству будет дано право на дозированную жизнь, будет создан в центре Европы *капитализм второго разряда*.

В этом смысле и в этих пределах, без сомнения, оппортунистско-«пацифистская» политика Великобритании—как раз при рабочем правительстве—*подходит к своему относительно крупнейшему успеху*.

Этот успех, который, повидимому, наложит свой отпечаток на ближайшую эпоху, не мешает тому, что параллельно этим усилиям и потугам внешне-политического оппортунизма, в социально-политическом организме Великобритании продолжают и при рабочем правительстве, как и при предыдущих правительствах, развиваться более глубокие и длительные тенденции противоположного, *антагонистического* характера.

На это указывает уже тот факт, что *британские вооружения не только не сокращаются, но в некоторых категориях происходит даже их дальнейшее усиление*. Продолжается, прежде всего, энергичное строительство воздушного флота на основе провозглашенного консервативным правительством и направленного своим острием против Франции принципа **one power standard**. С незначительными сокращениями осуществляется даже в ускоренном темпе и судостроительная программа. Пацифистские соображения с легким сердцем приносятся в жертву неизменным историческим целям британского империализма, как и желание создать искусственно занятие для пары тысяч безработных и удовлетворить минимальной подачкой страдающую от безработицы миллионную массу. Единственным серьезным уклонением от консервативной программы вооружений является отказ от постройки крупной морской базы в Сингапуре, но и эта самая дешевая из пацифистских демонстраций, экономящая британскому бюджету немногим более одного миллиона фунтов в год, носит явно только временный характер. Несмотря на это, она вызывает резкое сопротивление не только британских империалистов, но и свирепо японофобски правящих групп тихоокеанских доминионов, являющихся в последнее время во всех отношениях сильнейшей колониальной опорой британской империалистской программы.

В отношении Германии, правительство Рабочей Партии при всем своем пацифизме оказалось, в результате, более близким британским консерваторам, нежели либералам, являющимся в силу специфической европейской ограниченности их политического горизонта, главными носителями противофранцузского антагонизма. Боязнь германской конкуренции и желание во что бы то ни стало обеспечить рынки сбыта британской промышленности, представляет из себя элемент некоторого скрытого родства между внешне-политическими целями, какие ставит себе Рабочая Партия и консервативная оппозиция. Факт преобладания безработицы и низкой заработной платы, как раз в отраслях промышленности, более всего связанной с внешними рынками, не остается без влияния ни на одну из британских политических партий. И *расчет на возможность регулировать и нормировать в будущем производство и*

международную торговлю Германии, является, по меньшей мере, таким же источником восторга всех трех британских партий пред докладом экспертов, как и надежда вывести, наконец, при его помощи Европу из состояния хронической политической анархии и хаоса. Макдональд об'единяет в одно специфическое целое оппортунизм либералов и их вражду к европейской политике Франции с франкофильством консерваторов, стремящихся, прежде всего, к ограничению и подавлению германского производства.

Несмотря на временный отказ Великобритании от постройки сингапурской морской базы, продолжающаяся неуклонно борьба за восстановление утерянного во время войны положения на Дальнем Востоке в условиях все возрастающих осложнений в Индии, постепенно приводит британскую политику в Тихом океане к подчинению политике Соед. Штатов и, стало быть, в той же мере постепенно обостряет ее отношения с Японией. Только громадные имманентные трудности китайской проблемы и невозможность в условиях господствующего маразма и кризиса мобилизовать для более или менее насильственного ее решения сколько-нибудь крупные силы и средства, навязывает пока Англии, также как и Соед. Штатам, тактику пассивного выжидания. Но британская пресса не устает изображать самыми мрачными красками внутреннее положение в Китае, и перспектива принятия против азиатской республики новых репрессивных мер уже начала было соблазнять воображение предшествовавшего Макдональду консервативного правительства.

Наконец, в отношениях с Россией правительство Макдональда, хотя уже и на основе факта безусловного признания Союза Советских Республик, по существу продолжает старую политику азиатского антагонизма, как и в основном спорном вопросе о долгах и возмещениях, старую политику крупной капиталистической буржуазии.

Германия и репарационный вопрос.

Место, которое занимает Германия в международной обстановке, все еще в первую очередь и больше всего определяется состоянием репарационной проблемы. В то же время Германия остается своеобразным центром мировой политики—не центром сил, которые, исходя из Германии, действуют во всех направлениях, но центром, вокруг которого неизбежно группируется большая доля основных факторов, определяющих международное положение. Но так как Германия является не единственным центром, а одним из центров, относительное значение которого представляет величину переменную, то для оценки международного положения всегда существенно установить тенденцию: возрастает или ослабевает удельный вес этого германского центра мировой политики.

Для настоящего момента можно с уверенностью констатировать тенденцию возрастания. Политическая эволюция в Англии и Франции, нашедшая выражение в правительстве Макдональда и в поражении национального блока на французских выборах; фактическое включение Соед. Штатов в круг активных участников решения репарационной проблемы, и, с другой стороны, при всех критических явлениях все же чувствительная консолидация грандиозного хозяйственного организма Германии—все это делает ту сферу, в центре которой лежит Германия, ареной для конкретной попытки осуществить более устойчивое, чем до сих пор, равновесие мировых хозяйственных и политических отношений.

* * *

В развитии репарационной проблемы в настоящее время приходит к завершению целый большой период. Германия еще раз фактически поставлена пред ультиматумом союзников и Америки с тем отличием от прежних, что требования этого ультиматума носят практический, по крайней мере, для ближайших лет, реально осуществимый характер. Германия уже приняла эти требования и на этот раз должна будет их осуществлять.

Но докладом экспертов и принятием его заинтересованными сторонами история не кончается. С этого момента начинается новый период, существенные черты которого уже заложены в теперешней ситуации. И если для ближайшего будущего на первый план выступает тенденция замирения и взаимного приспособления, то этим отнюдь не устраняются все прежние конфликты и не уничтожаются предпосылки для возникновения новых. Напротив, целый комплекс конфликтных возможностей заложен уже в самом приближающемся теперь к осуществлению соглашении.

* * *

Об'ективное суждение не может отказать докладу экспертов в большом остроумии и значительном размахе мысли. Авторы этого документа создали целую систему для разрешения основного противоречия репарационной *проблемы—противоречия между задачей выжать из Германии возможный максимум платежей и боязнью возродить Германию, как могучего экономического конкурента,* так как экономический под'ем и в особенности форсирование вывоза явились бы единственными реальными предпосылками платежеспособности Германии. Выработанная экспертами система должна, во-первых, *оградить* Германию сейчас и постоянно ограждать в будущем от экономической катастрофы, нормируя ее платежный баланс и создавая возможности кредита, во-вторых, *стимулировать* развитие производительных сил для усиления платежеспособности Германии, в-третьих, *сдерживать* это развитие в пределах, не допускающих превращения Германии в грозного экономического конкурента, и, в-четвертых, так *регулировать* перекачивание материальных благ из Германии в союзные страны, чтобы это не оказывало угнетающего действия на хозяйственную деятельность последних.

Поскольку такая система воплощена в виде ряда реально осуществимых мероприятий, она обещает для некоторого периода преодоление Германией острого кризиса и непосредственные выгоды для всех тех, кто заинтересован в Германии, с одной стороны, как в покупателе или как в поставщике необходимых продуктов, а с другой стороны, как в рынке для вложения капитала. Но как попытка регулировать развитие на ряд лет, на целый долгий период мировой истории, эта система представляет собою *грандиозную утопию идеологов послевоенного капитализма* и должна в процессе своего осуществления вызвать к жизни целый ряд противоречий, которые будут развиваться как в центре применения этой системы, т.-е. в Германии, так и среди настоящих и будущих кредиторов Германии.

* * *

Изрядная доля утопии имеется уже в основной идее достичь постоянного регулирования экономического обмена между Германией и внешним миром, в то время, как в самой Германии хозяйственная жизнь должна остаться нерегулированной, а в других странах не только не существует предустановленной гармонии интересов, но, наоборот, именно на почве эксплоатации Германии будут возникать все новые и новые противоречия. Но эта сторона имеет пока что лишь теоретический интерес, так как изобретенная экспертами система должна вступить в полное действие лишь через ряд лет. Раз'единяющие моменты, латентно имеющиеся в программе экспертов, могут сказаться в отношениях между странами Антанты сравнительно поздно.

Главный источник противодействующих тенденций будет находиться в самой Германии. На протяжении длительной практики должна будет вскрыться утопичность мысли, будто возможно то стимулировать в стране экономический под'ем, то снова, так сказать, «прижимать» ее экономическое развитие, чтобы постоянно держать развитие производительных сил в определенных искусственных границах. Немыслимо представить себе безболезненное течение этого процесса и то, чтобы национальный хозяйственный организм не стал резко реагировать против таких экспериментов. Вряд ли можно сомневаться, что по мере того, как Германия станет «свободнее дышать», в ней все больше будет наростать стремление к сопротивлению, и, что еще важнее, возможность это сопротивление оказывать. Этот процесс нельзя целиком отодвигать в некоторое неопределенное будущее. Он начинается уже теперь и будет развиваться вместе с первыми же этапами осуществления плана экспертов.

Но сейчас, независимо от различных внешних проявлений и даже вопреки им, огромная масса немецкого населения несомненно жаждет замирания и «возвращения к нормальности», на что дает надежды принятие плана экспертов. Индустрия, если не единодушно, то в ее главной массе и в лице решающих групп, определенно хочет возможно скорейшего соглашения на основе выработанного экспертами плана. Для нее возможность жить теперь важнее туманных перспектив относительно довольно далекого будущего. И так как на другой стороне, среди союзников, в настоящий момент победило стремление к соглашению, и неизбежный спор из-за дележа добычи пока отложен на неопределенный срок, то программа экспертов, как временное и предварительное решение, будет осуществлена с относительно незначительными трениями. Указанные здесь утопические моменты подчеркивают этот временный предварительный характер, предвещают накопление конфликтного материала на обеих сторонах, но не ослабляют значения достигнутого решения.

* * *

В начавшемся новом периоде развития брутальное насилие уступает место сложному механизму экономического взаимодействия, *хирургию сменяет терапия,* высоко современная по технике и насквозь капиталистическая по духу. Таков доклад экспертов. На место начатого Рурской оккупацией разрушения важнейших отраслей германской промышленности, он предвидит систему тормазов для будущего экономи-

ческого развития Германии; он исключает всякие анексионистские попытки вплоть до спекуляции на покровительстве сепаратизму, изживаемому теперь изнутри и самой Германией. Капитал ищет гарантий более верных, чем соглашение между правительствами, не в демократических международных организациях, в роде Лиги Наций, но в деловых соглашениях между заинтересованными группами. И доклад экспертов, освобождая основные индустрии Германии от военного гнета и политического шантажа, впервые открывает путь к осуществлению таких комбинаций, как «*Союз угля и железа*», между французской и германской индустрией, или возможное соглашение между германской и итальянской индустрией, лишенной и угля и железа, к созданию двусторонней *итальяно-германской* или «треугольной» *итальяно-германо-французской комбинации*.

Германские промышленники, требующие принятия доклада экспертов, конечно, прекрасно отдают себе отчет в тяжести налагаемого на германское хозяйство бремени. Но они идут на это не только ради спасения в данный момент, но и потому, что предвидят в будущем для себя гораздо более выгодную позицию, когда, перестраховав себя сетью соглашений с различными группами иностранного капитала, они смогут гораздо свободнее маневрировать, отыскивая себе союзников среди вчерашних врагов.

Наконец, для германского капитала тяжесть положения смягчается еще тем, что программа экспертов, поскольку она предусматривает давление на экономическую, в частности, финансовую политику государства, относительно больше идет навстречу стремлениям индустрии и закрепляет за ней некоторое преимущественное положение во внутренней политике.

* * *

Вся масса немецкого пролетариата и малоимущих слоев должна будет сильнейшим образом почувствовать тяжесть налагаемого на Германию бремени. Так, доклад экспертов самым прямым образом толкает германское правительство на усиление *косвенного обложения*, при чем, возможности такой формы эксплоатации населения оцениваются экспертами чрезвычайно высоко. Достаточно указать, что эксперты ожидают от обложения табака чистой прибыли 850 мил. марок, тогда как в довоенной неурезанной Германии вся стоимость потребления табака и табачных изделий равнялась приблизительно 1 миллиарду. Предписываемая экспертами *железнодорожная политика ляжет тяжелым гнетом на все население*, а в особенности на *железнодорожных рабочих и служащих*, так как рентабельность железных дорог будет повышаться в значительной мере за счет эксплоатации их труда.

Вообще, на почве осуществления проекта экспертов, неизбежно резкое обострение классовых противоречий. Борьба за распределение наложенных на Германию тягот неуклонно будет развиваться. Рурские промышленники уже ставят вопрос о *двенадцатичасовом* рабочем дне!

Пролетариат, руководимый компартией, всеми силами будет бороться против формулированного «экспертами» плана мирового капитала, того плана, в основу которого положено порабощение германского рабочего класса отечественному и мировому капиталу.

Беспощадно борясь против плана «экспертов», т.-е. против превращения Германии во «второразрядное» индустриальное государство, фактически в колонию Антанты и Америки, борясь против переложения главных тяжестей на плечи неимущих, коммунистическая партия — и только одна!—выступает, как руководительница освободительной классовой войны пролетариата, как вождь преданной буржуазией германской нации.

Основные моменты мировой ситуации в отношении СССР.

Первая фаза политики капиталистических держав по отношению к Советской России определялась вооруженным вмешательством. *Вторая*—надеждами на быстрое внутреннее перерождение большевизма в условиях политического и в особенности хозяйственного контакта с внешним капиталистическим миром. С исчерпыванием политики интервенции и рождением преувеличенных надежд на действия и амплитуду «Нэпа», отношения руководящих капиталистических держав входят в *третью полосу*, характеризуемую следующими основными моментами.

Хозяйственные перспективы Советской России, процесс восстановления ее хозяйства и ее международных связей оценивается в общем гораздо *более трезво, чем в первый период «Нэпа»*. В первый период тяжко страдающая от внезапно вспыхнувшего кризиса сбыта капиталистическая буржуазия и ее правительство (в первую голову правительство Ллойд-Джорджа) бросились чисто диллетантски в поиски новых рынков и возможностей, но сравнительно скоро буржуазия и ее политические приказчики спохватились, что, во-первых, и в предвоенную эпоху внешняя торговля России не играла решающей ни даже особенно крупной роли в общей системе мирового товарообмена (так, внешняя торговля огромной России не превышала торгового баланса маленькой Бельгии, а доля России в предвоенном вывозе Великобритании определялась парою процентов и т. д.), что, во-вторых, восстановление хозяйственных сил России и ее внешних торговых связей идет относительно медленным темпом (в вывозе Великобритании в минувшем 23 г. Россия занимает приблизительно то же самое место, что и Португалия), наконец, на опыте не одной только концессионной политики Совроссии капиталистические державы убедились, что они столкнулись в этой стране с духом революционной «замкнутости».

В связи со всем этим в отношениях держав наметилась полоса некоторого охлаждения надежд и некоторого длительного «разочарования», и, в результате, некоторого ослабления чисто экономического интереса к России. В нестройном «концерте» держав, Германия до последнего времени представляла в этом отношении только частичное, далеко не полное исключение.

Этой-же тенденции наметившегося относительного «охлаждения» способствовали и в известной мере продолжают способствовать некоторые крупные внутренние процессы в *потрясенном тройным действием войны, революции и кризиса организме мирового капиталистического хозяйства*. Послевоенный капитализм имеет уже за собою целую эпоху, когда он отстраивался не как целое, а, так сказать, периферически, по частям, разрозненными географическими этапами на основе *национальных* сил и возможностей отдельных, более или менее *самодовлеющих* в хозяйственном отношении стран. Классическим этому примером явились Соед. Штаты с их политикой изоляции и расцветом на основе внутрен-

него рынка. До некоторой степени, аналогичный случай представляла из себя Франция. Те-же расчеты (на этот раз утопичные) воодушевили собой недавнюю протекционистскую попытку Болдвина.

Эти попытки изоляции и экономического обособления не могли способствовать усилению тенденций к сближению с Россией, и Совроссия сама не обещала стать одним из тех географических этапов возрождающегося периферически капитализма.

После периода натиска и бури ллойд-джорджевского диллетантского пацифизма отрезвленный европейский капитализм *постепенно примирился на целую историческую эпоху с фактом сокращения, сужения своей базы эксплоатации* и в чисто географическом отношении, и в более общем отношении возможностей сбыта. (Мало того, в отдельных центрах он приступил даже к *свертыванию* своей разбухшей во время войны производительной базы, как в случае с Рурской областью, где на целый год было парализовано германское производство). Сужение русской части в европейском производственном аппарате ощущалось в этот мальтузианский период послевоенного капитализма тем менее болезненно, что *«отсутствующие» стандарты российского производства заменены были новыми, отчасти уже весьма крупными стандартами капиталистической индустрии, выросшими за последний десяток лет в целом ряде колониальных и полуколониальных стран.*

В частности и, по крайней мере, *финансовому капиталу* в связи с этим развитием колониального капитализма было куда направлять свои излишки с расчетом на крупную и, главное, верную добычу. Тем более, что прибыли финансового капитала сопровождались почти в каждом случае усилением экспортных возможностей стран-кредиторов и способствовали их основной тенденции укрепления их экономической связи с эксплоатируемыми колониальными странами.

Одновременно и параллельно становилось более ясным, что быстрая реставрация экономических сил Европы, и в частности России, требовала бы относительно крупных кредитных средств. Но ничто так медленно не возрождается, как разрушенный тончайший организм международного капиталистического кредита, представляющего собою строго математическую функцию расчета на верную и в каждый данный момент относительно максимальную прибыль.

Процесс возрождения кредитоспособности европейского материка уже намечается, но только это процесс по существу самый медленный и постепенный, при чем, отдельные крупные его этапы, как, прежде всего, германский этап, с точки зрения интересов крупнейших мировых кредиторов, получают некоторое право первенства перед другими этапами.

Т. о., некоторой революционной замкнутости Совроссии, стремящейся строго дозировать и регулировать свою экономическую связанность с внешним капиталистическим миром,—отвечала по *другую сторону* также некоторая замкнутость.

Вопреки этим тенденциям, в факте недавнего признания СССР правительствами Великобритании и Италии, и даже разгоревшимся некоторым соревнованием европейских буржуазных государств вокруг этого вопроса появилось некоторое несомненное *усугубление интереса к союзу революционных республик*. Факт сам по себе очевиден, но его размеры и значение определяются, усиливаются, или, наоборот, ограничиваются следующими тремя моментами:

а) факт этот в значительной степени восходит своим происхождением (в особенности, в случае с Англией) к симпатиям и давлению рабочих масс. Дальнейшие практические результаты этого факта признания определяются *в этой связи* силою и степенью этого давления.

б) Своеобразно возросший интерес буржуазных кругов капиталистических держав по отношению к Совроссии является в этой стадии в гораздо большей степени *интересом политического, нежели хозяйственного характера*. Этот политический интерес определяется, прежде всего, общим желанием довести, наконец, европейские отношения до некоторой «нормальности», до некоторого, хотя-бы «относительного», порядка, исключающего, или, по крайней мере, ослабляющего возможности новых конфликтов и потрясений. Во второй уже линии, этот интерес диктуется уже целые годы борьбой капиталистических держав за преобладающую долю влияния на Европейском Востоке и Юго-востоке. До сих пор эта борьба, протекавшая в явных и еще более в скрытых формах, являлась частью и функцией более общей борьбы британского и французского империализма за европейскую континентальную гегемонию. В последнее время в этой-же области выступили на сцену и некоторые специфические интересы фашистской Италии в связи с ее созревающими великодержавными устремлениями—в бассейне Средиземного и Черного морей и во всем Юго-востоке Европы.

Поскольку все эти интересы в этой первоначальной своей стадии преследуют более узко политические цели, они еще сами по себе не являются гарантией хозяйственного «сближения» с Россией на основе существенных уступок и серьезных инвестиций со стороны признающих или собирающихся признать СССР капиталистических держав (классическим примером в этом отношении может служить Раппальский договор, как акт, прежде всего, политический и не принесший в хозяйственной области крупных плодов).

в) В конечном счете интерес капиталистического мира в целом к Совроссии является пока *не столько интересом настоящего, сколько будущего времени. Находящиеся в состоянии хронического соревнования друг с другом, капиталистические державы стараются резервировать для себя это будущее России.* Это составляет по существу последнее слово их русской политики. По существу,—но в особенности в области конкретного, хозяйственного сотрудничества, это есть политика *терпеливого*, хотя и полного взаимной подозрительности *выжидания*. Россия представляется воображению капиталистической буржуазии всех стран крупнейшей и соблазнительнейшей *колонией будущего*. Но также и еще гораздо более, чем в отношении далекого Китая,—тут наблюдается некоторая несомненная аналогия — она учитывает полностью все имманентные неопредолимые трудности, стоящие на пути колонизационных устремлений.

Только взаимная грызня, боязнь опоздать и моменты особенной остроты хозяйственного кризиса заставляют политиков капиталистических держав по отношению к России выйти из состояния относительной пассивности.

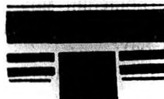
Доклад комиссии экспертов по репарационному вопросу, временно сближая друг с другом руководящие капиталистические державы всего мира и создавая почву для некоторого сращения европейских национальных капитализмов, — пусть и подкапываемого усугубленными в исторической перспективе антагонистическими тенденциями — воссоздает некоторые элементы *опасности общего сговора капиталистиче-*

7*

ских держав против СССР. Этого сговора теперь нельзя считать неизбежным. Но опасность образования *единого фронта капиталистических держав* для разрешения общим натиском русской «проблемы», без сомнения, вырисовывается на горизонте. Первые признаки подобной эволюции намечались еще и раньше в недавнее время и в Англии, и в особенности во Франции, а в настоящий момент зарождение подобных мыслей можно заметить и в Германии. В условиях современной социальной и экономической действительности весьма немного данных за то, чтобы эта опасность могла напомнить собою старый призрак вооруженной интервенции, поскольку в самой России совласть остается нерасшатанной. Но в своей борьбе за внешнеполитическое равноправие и за заинтересованное содействие иностранного капитала в восстановлении своих хозяйственных сил СССР может натолкнуться на новые затруднения.

Здесь, как и по всей линии взаимных отношений Совроссии и капиталистического мира, *основным регулятором были и остались, наряду с внутренней устойчивостью и силой Советской власти, об'ем и темп процесса восстановления хозяйственной жизни революционной страны.*

(Окончание следует).

Проект экспертов.

Попытка империализма крутыми, грубо-реакционными, фашистскими и полуфашистскими мерами решать основные вопросы политико-экономической жизни потерпели неудачу. Открытая воинствующая керзоно-пуанкаристская реакция вынуждена отступить. На передний план выступают «левые» партии буржуазии, в том числе и социал-демократия. Наступает «демократическая» эпоха, когда капитал более «мягкими» средствами будет делать свое кровавое дело мирового грабежа.

Как же при «полевении», при новом «демократическом» курсе решается репарационный вопрос? Декларация нового французского правительства, оглашенная вождем левого блока и премьер-министом Эррио, гласит:

«Мы имеем право на репарации, которые и хотим получить во имя международной справедливости и порядка... Хотя новое французское правительство относится враждебно к политике оккупаций и территориальных залогов, при настоящем положении дел в Германии, такая политика является необходимой не только со стороны Франции, но и со стороны всех народов, дабы обеспечить себя от возрождения наступательного националистического пангерманизма. В виду этого мы считаем *невозможным эвакуировать Рур,* пока не будут даны гарантии, предусмотренные экспертами относительно точного и равномерного выполнения Германией своих обязательств, при чем, эти гарантии должны быть переданы организациям, которые имели бы право располагать ими».

Эту длинную цитату из правительственной декларации сопоставим с весьма лаконической цитатой из обращения главы национального блока Мильерана к собранию французской торговой палаты. 24 февраля 1924 г. Мильеран заявил:

«Оккупация Рура всегда была в наших глазах средством, но не целью. Мы ждем того часа, когда завершатся переговоры, устанавливающие дату уплаты наших долгов и одновременной эвакуации Рура».

Разница между левой декларацией и правым заявлением, очевидно, лишь та, что декларация довольно пространно говорит о справедливости и других высоких материях и «пока» отказывается от эвакуации Рура, тогда как Мильеран вообще втирал очки. *Ни Мильеран, ни Эррио не хотят отказаться от Рура.* Мильеран это доказал на практике, а желание Эррио демонстрировало «левое» большинство сената 20 февраля 1924 года. Это *левоблокистское* большинство апплодировало Пуанкаре, когда он заявил, что его преемник, кто бы он ни был, вынужден будет продолжать его внешнюю политику.

Эррио будет продолжать внешнюю политику Пуанкаре хотя бы потому, что положение его в парламенте непрочно, что победа «левых» на выборах не была решительной. Сопоставим выборы 1924 года с выборами 1914 года—накануне войны. Партии, в ноябре 1919 года, на-

кануне первых послевоенных выборов составившие национальный блок, в парламенте 1914 года имели 189 голосов. Ныне, в парламенте 1924 г., их имеется 266. Партии, составляющие ныне левый блок, насчитывали в парламенте 1914 г.—397 депутатов, ныне—285. Большинство левого блока ныне, не считая 27 коммунистических голосов, всего на-всего сводится к 19 голосам. Вполне понятно, что левый блок никак не сумеет решиться теперь на такие радикальные шаги, на которые могли решиться, но не отважились, левые партии накануне разгара мировой войны, имея на своей стороне большинство в 208 голосов.

Разумеется и то, что левый блок теперь не то, чем были составлявшие его партии в 1914 г., ибо и мелкая буржуазия уже не та. Война не только перекроила карту Европы, но выкопала более глубокие рвы между классами. Мелкая французская буржуазия, которая пошла воевать по патриотическому зову своих вождей, разочаровалась уже в их шовинистическом лозунге: «немец за нас заплатит». Она уже не требует платежей «за все», а довольствуется хотя бы смягчением «дороговизны и сокращением налогового бремени». Но и для этого левому блоку опять-таки придется обратить свои взоры на немца, забраться в его кошелек. Репарационный вопрос остается в силе. Левый блок вынужден будет попытаться его разрешить, вынужден будет хотя бы в целях стабилизации франка.

Тут на сцену выступает известный проект экспертов. В чем его сущность? В журнале «Международная Жизнь»—орган НКИД—читаем:

«...Он (проект экспертов) представляет из себя... первую практическую, конкретную и весьма деловую попытку об'единить в одно целое две весьма конкретные и взаимно дополняющие друг друга цели: *сохранить экономическую жизнеспособность Германии* и, вместе с тем, *не допустить* того, чтобы она могла *развиться* в слишком опасного *конкурента* для других промышленных стран на основе своего усовершенствованного и расширенного производственного аппарата». («Междун. Жизнь», № 2—3, 1924 г.).

Эксперты согласны дать Германии возможность жить, но жить в рамках, предначертанных союзниками. Эту сложную задачу связать народ по рукам и ногам, не религиозными заповедями, нарушение которых смывает причастием, а довольно жестким канатом, эксперты намерены осуществить следующим путем:

1. Восстановить полное экономическое, политическое и административное *единство Германии.*

Это значит, что Франция должна будет эвакуировать свои войска из Рурского бассейна, который будет включен в границы Германии, как они предначертаны в Версальском договоре. Но эвакуация произойдет не без «продуктивного залога» которого все время добивается Франция.

2. *Продуктивными залогами* Германии, регулирующими правильное поступление репарационных платежей, должны быть все доходы от таможенных пошлин и налогов на алкоголь, табак, пиво и сахар. Минимум этих доходов должны быть не ниже 1.250 миллионов зол. марок в год.

Для контроля этих поступлений эксперты предлагают назначить *иностранного комиссара.* Последний не должен вмешиваться в дела немецкой администрации, занятой сборами этих «продуктивных залогов». Но эксперты оставили за союзниками право перенять в свои руки и административные функции, если Германия не выполнит требуемых от нее в этой области обязательств.

Чтобы получить эти «продуктивные залоги», как и репарационные платежи вообще в полноценной валюте, эксперты предусматривают стабилизацию германской марки путем *иностранного займа* в 40 млн. фунтов стерлингов, *мораториума* и путем оганизации нового *эмиссионного банка.*

3. Новый эмиссионный банк с основным капиталом в 20 млн. фунтов стерлингов будет иметь монопольное право эмиссии в течение 50 лет, он будет частным предприятием с участием иностранного капитала. В своих функциях по отношению к правительству и хозяйству Германии он заменяет государственный банк.

Правление банка, его руководящий орган, будет состоять исключительно из немцев. Подставители союзников, Соед. Штатов, Голландии и Швейцарии, по одному представителю от каждой страны, составляют иностранную половину «Главного совета банка». Для союзного контроля деятельности банка будет поставлен союзный комиссар. Получая право фиксировать официальную учетную норму, банк, будет фактически регулировать германский кредитный рынок.

Но это право банка является лишь одним из звеньев той цепи, которую союзники собираются набросить на Германию. Главные звенья составляют источники поступлений в счет репарационных платежей.

4. *Источники поступления репарационных платежей—железные дороги, промышленность* и *налоги.*

Железные дороги переходят в руки частного общества и будут эксплоатироваться на хозяйственных началах. Административный комитет состоит наполовину из немцев и наполовину из иностранцев. Иностранный комиссар будет контролировать деятельность железных дорог и поступления в счет репарации. Если доход будет ниже требуемого, комиссар имеет право повысить тарифы. Сверх того, репарационная комиссия получает пятипроцентные железнодорожные облигации на 13 миллиардов золотых марок.

От промышленности эксперты требуют промышленных шестипроцентных облигаций на 5 миллиардов зол. марок.

Для налоговых поступлений эксперты требуют максимального их повышения «до крайних пределов платежеспособности». Этой статье поступлений «эксперты уделили свое основное внимание», причем, *предпочтение* оказано ими *косвенным, а не прямым налогам,* т.-е. они *переложили налоговое бремя с буржуазии на широкие народные массы.*

5. Организуемый для расчетов переводный комитет должен ведать теми суммами, которые накопятся в эмиссионном банке для репарационных платежей. Перевод рапарационных сумм за границу должен происходить так, чтобы вывоз валюты или товаров не отразился на состоянии курса марки. Поэтому переводный комитет должен будет при каждом отдельном случае определить, какая сумма и в какой срок может быть вывезена за границу без ущерба для курса марки. Комитету предоставляется также право часть репарационных сумм не вывозить из Герамнии, а поместить в немецкой промышленности.

Здесь кроется невидимая статья дохода репарационной комиссии. Переводный комитет фактически сумеет регулировать вексельный кредит, устанавливать учетную норму, поддерживать одну отрасль немецкой промышленности в ущерб другой и толкать всю промышленность Германии в желанном для иностранного капитала направлении. Это—полная хозяйственная диктатура, предоставленная иностранному капиталу. Для того, чтобы всецело перенять в свои руки контроль над хозяйственной

жизнью Германии, *эксперты устраняют Германию из переводного комитета.* Он будет состоять из представителей союзников и Соед. Штатов и будет возглавляться агентом по репарационным платежам.

Такова в общих чертах сущность проекта экспертов. Проект оставляет открытым вопрос об общей сумме репараций, не говорит также, на какой срок он рассчитан. Для ближайших пяти лет он намечает следующие суммы репараций, подлежащих уплате:

Годы.	Миллиардов золот. марок.
1924—25	1.000
1925—26	1.220
1926—27	1.220
1927—28	1.750
1928—29	2.500

Германская буржуазия согласилась на этот бессрочный вексель. Она этот вексель готова подписать, ибо надеется, что для подавления пролетарской революции ее рейхсверу придет тогда на помощь союзный штык. Союзники будут ведь защищать интересы своих собственников на немецкой территории, а косвенно—интересы самих немецких капиталистов.

Таковы расчеты немецкой буржуазии. Даже националисты, эти патриоты независимой германской империи, протестуют только против теоретической части проекта. Они, видимо, одобряют его практику: 24 июня фракция националистов внесла в рейхстаг резолюцию относительно переговоров по поводу проекта экспертов. Резолюция только и требует, чтобы правительство торжественно протестовало против заявления доклада экспертов, что германское правительство ответственно за возникновение войны. И только! В «цивилизованной» Европе подписывается договор, порабощающий одну из самых передовых стран. Германская буржуазия соглашается на это порабощение, она *предает* свое собственное отечество, ибо это предательство ей выгодно, ибо всю тяжесть она надеется возложить на плечи пролетариата.

Но удастся ли осуществить план экспертов? Два основных препятствия на его пути. Первое—германский пролетариат. Он не может позволить,—он не позволит мировому капиталу за счет неслыханного ухудшения его положения устраивать свои дела. А второе препятствие заключается вот в чем.

Германия может платить бывшим союзникам только при условии восстановления ее промышленности и усиления ее вывоза. Но именно этого Франция и Англия боятся хуже смерти. Макдональд, тот самый Макдональд, который называет доклад экспертов «лучшей, богом ниспосланной (буквально!) возможностью», одновременно заявляет: «*Угроза Европе со стороны Германии состоит не в милитаризме, а в экономическом подавлении*». Пацифист Норман Энджелл пытается уговорить Макдональда: «Если германские химические краски, — пишет он,—должны стать средствами уплаты репараций, то не насаждайте же искусственно в странах Антанты химических фабрик для конкуренции с Германией». («Нойе Фрайе Прессе», 30 апреля).

Да, когда Германия превращается в колонию Антанты, когда англо-франко-американский империализм ставит всю ее промышленность под свой контроль, «конкуренция» теряет смысл, и она, вероятно, постепенно будет устраняться. Мировой капитал, очевидно, установит своеобразное «плановое начало», в основе которого будет лежать *совместное ограбление, совместное закабаление германского пролетариата.*

План экспертов удовлетворил *все партии, кроме коммунистической.* Социал-демократы немецкие, французские, английские приветствуют «счастливое» разрешение репарационного вопроса. В чем «счастье» заключается? В том, что германский капитал, контролируемый международным капиталом, забирает в свои руки государственные железные дороги, что рабочий день удлиняется, заработная плата сокращается, расходы на безработицу и социальное законодательство сокращаются, — словом, торжествует буржуазия *и вся тяжесть перелагается на плечи рабочего класса.*

План экспертов это—*единый фронт империализма и социал-демократии против рабочего класса,* не только германского, но и международного, ибо ухудшение положения германских рабочих рано или поздно означает ухудшение положения французских, английских, бельгийских рабочих. Далее—единый фронт против рабочего класса это—*единый фронт против Советского Союза,* авангарда мирового пролетариата. И вовсе не случайно, что именно в период обсуждения плана экспертов берлинская полиция учинила налет на наше торгпредство.

Мировой капитализм понимает основной смысл капиталистически-социал-демократического решения репарационного вопроса и мобилизует массы против закабаления немецкого пролетариата. *Конференция представителей компартий Германии, Франции и Бельгии* заявляет, что доклад экспертов представляет собою второй Версаль, что он обрекает пролетариат к каторжным работам, что против него необходима международная революционная борьба. Конференция представителей парламентских комфракций Франции и Германии единодушно намечает общий план борьбы против плана экспертов. Весь Коммунистический Интернационал будет поднимать мировой пролетариат против порабощающего германский народ плана экспертов.

Наброски В. И. Ленина по истории РКП.

Печатаемая ниже записка В. И. Ленина с планом работы **по истории партии** была послана тов. Бухарину в связи, если мы не ошибаемся, с заказанной Ц. К. статьей о нашей партии для иностранных товарищей.

В этой записке чрезвычайно интересной является попытка периодизации, где различные этапы партийного развития рассматриваются одновременно и под углом зрения источников возникавших разногласий и под углом зрения отношений между большевиками и меньшевиками. Крохотный, но великолепный набросок тов. Ленина, написанный на клочках бумаги (он дается нами с увеличением в несколько раз), проливает свет на споры, ведущиеся теперь в связи с некоторыми, уже появившимися, работами по истории нашей партии (А. Бубнова, В. И. Невского и др.).

Рукопись носит характер сжатого наброска также и по форме. Чтобы сделать ее удобочитаемой, мы сочли возможным расшифровать сокращения, сделанные в рукописи. Все, что не принадлежит перу т. Ленина, заключено нами в квадратные скобки.

Вот записка Владимира Ильича (см. вкладной лист):

1.

Перечень (хронол[огический]) **предшеств[овавших] расхождений.**

1903 X. Организ[ационный] в[опро]с. § 1 устава.
1904. Земск[ая] кампания.
1905 V. Отн[ошение] к рев[олюции], к ст[а]ч[ечной] б[орь]бе, к воор[уженному] восст[анию].
1905 VIII. Бойкот Г[осударственной] Д[умы] или участие?
1905 X.
1905 XII. Восст[ание] [декабрьское в Москве].
1906 I-III. Бойк[от] Г[осударственной] Д[умы] или уч[аст]ие?
1906 IV-V. Отн[ошение] к Г[осударственной] Д[уме] 1-го соз[ыва].
1906 VII. Отн[ошение] к в[ооруженному] в[осстанию].
„ IX. „ „ партиз[анской] б[орь]бе.
1907 I-II. Выб[оры] в II Д[уму]: лев[ый] бл[ок] или с к.-д.?
1907 IV. 2-ая Г[осударственная] Д[ума].
1909-10. Ликвид[атор]ство.
1911. Пленум Ц. К. Еди[нство] или раскол?
1912. Раскол (Ликвид[аторст]во).

1/ См. стр. 9.

Периоды (этапы) предшеств. раскола

X.1903. Образов. б-в. [illegible]

1904. Земск. кампания.

1905. V. Отн. к прав., к бурж. общ., к вооруж. восст.

1905. VIII. Бойкот Г.Д. [illegible]

1905. X

1905. XII. [illegible]

1906. I–III. Бойк. Г.Д. [illegible]

1906. IV–V. Отн. к Г.Д. 1го соз.

1906. VII. Отн. к [illegible]

" IX. " " [illegible]

1907. I–II. Отн. к II Г.Д. [illegible]

1907. IV. 3ья Г.Д.

1909. [illegible]

1911 [illegible]

1912. Раскол [illegible]

2//

1913. [illegible] ?

1913 Отн. к IV Г.Д.

1914 Отн. к имп. в-не

1917 II–III. Отн. к февр. рев.

1917 V. Коалиц. мин-во

1917 VII 1ый съезд сов.

1917. IX Корн. и Дем. Сов.

1917. X

[illegible]

1918 [illegible]

1919 " " " "

1920

1921.

3/// Число [illegible] с меньшевиками

(смена числен. соотношения)

1903 съезд: 20 / 24 — 44 голоса (одно из них)

1905. Два съезда [illegible]

1906. Стокг. съезд. [illegible] (4-го созыва)

1907. Лонд. съезд. [illegible] (5-го созыва)

(фракции в Гос. Думе)

1911–12: V. С. [illegible] (одна и 2 [illegible])

1917. VI = Всерос. съезд Сов.

1917. XI { 1 1/2 млн. / 9 млн. } Выборы в У.С.

1 1/2 месяца

3 мес.

4/// На враж-ии сме... [illegible]

т. Бухарин!

В связи с темой, которую Вы сегодня затронули у Цеткин, напомню Вам свои размышления. Я разграничил бы [illegible]: [illegible]

(α) смена, расхождения и раскола

(β) смена [illegible]

(γ) смена периодов [illegible] (м. б. в диаграмме [illegible]?)

[illegible] 1/XII Ленин

2.

1913. „Стач[ечный] азарт“ и т. д.
1913. Отн[ошение] к III к (?) Г[осударственной] Д[уме].
1914. Отн[ошение] к имп[ериалистической] в[ой]не.
1917 II-III. Отн[ошение] к февр[альской] рев[олюции].
1917 V. Коалиц[ионное] мин[истерст]во.
1917 VII. 1-ый с[‘ез]д сов[етов].
1917 IX. Корн[иловщина] и Дем[ократическое] Сов[ещание].
1917. Соввласть.
Террор.
Брест[ский] мир.
Заговоры и гражд[анская] в[ой]на.
1918. Гражд[анская] в[ой]на. Отн[ошение] ме[ньшеви]ков.
1919. „ — „ — „ — „ . — „
1919.
1920.
1921.

3.

Б[орь]ба б[ольш]е[ви]ков с ме[ньшеви]ками:
(смена числен[ных] соотношений).

1903. С‘езд $\frac{20}{24}$ 44 голоса (одна п[арт]ия).

1905. Два с‘езда. Za (Zirka) = (равны) приблизит[ельно] (две п[арт]ии).

1906. Стокг[ольмский] с[‘ез]д. Точно (7-10 голосов) **одна** п[арт]ия.

1907. Лонд[онский] с[‘ез]д. Точно (7-10 голосов) **одна** п[арт]ия. (Фракции в Гос[ударственных] Думах).

1910—12 Р[абочие] сборы (из сб[орни]ка о ликв[идатор]стве) (одна и 2 п[арт]ии).

1917 VI. Первый Всер[оссийский] С[‘ез]д Сов[етов].

1917 XI. { $1\frac{1}{2}$ (?) мил[лиона голосов]. Выб[оры] в У[чредительное] С[обрание]
9 мил[лионов голосов]

$\frac{1\frac{1}{2} \text{ милл.}}{9 \text{ милл.}}$

4.

Не взять-ли сие **канвой** для Вашей статьи? Или нечто в этом роде?

Т. Бухарин!

В связи с темой, к[ото]рую Вам сегодня поручил ЦеКа, посылаю Вам свои земетки. Я размышлял об этой теме и планировал:
(α) перечень **предметов** спора, расхождений и раскола.
(β) смена полос раскола и полос единства.
(γ) смена периодов б[о]л[ь]ш[инст]ва у ме[ньшеви]ков и у б[ольш]е[ви]ков (м[ожет]. б[ыть] в диаграмме можно представить?).

Черкните Ваше мнение... I/XII Ленин.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О книге проф. **Н. Д. Кондратьева и Н. П. Огановского.** „Перспективы развития сельского хозяйства СССР". Москва. 1924.

В предисловии читаем, что книга представляет два доклада, освещающие «важнейшие вопросы перспектив развития сельского хозяйства». В своих предварительных обще-методических замечаниях проф. Кондратьев отмечает, что перспективный план развития сельского хозяйства должен состоять из двух частей. «Первая часть должна содержать в себе по возможности обоснованное и по возможности количественно выраженное представление о вероятных и желательных перспективах развития сельского хозяйства. Вторая часть плана должна содержать ту систему принципов сельско-хозяйственной политики и ту систему согласованных с этими принципами мероприятий государства, которые направлены на осуществление упомянутых выше перспектив развития сельского хозяйства».

Рассматриваемый труд имеет дело только с первой частью, т.-е. с перспективами развития сельского хозяйства и лишь с некоторыми соображениями самого общего порядка о построении системы политики и мероприятий, поскольку обе части являются тесно связанными.

На страницах 29—32 проф. Кондратьев дает это «обоснованное и по возможности количественно выраженное представление о вероятных и желательных перспективах развития сельского хозяйства». Там-же, на странице 34, сам автор оговаривается, что считает «предложенное количественное выражение грядущих перспектив сельского хозяйства лишь, как самое приблизительное..., но тем не менее, некоторое значение за ним, если верны основы, на которых оно построено, необходимо признать».

Поэтому остановимся, главным образом, на этих принципиальных основах построения плана и ограничимся только отдельными замечаниями по поводу второй части книги.

К принципиальным основам проф. Кондратьев относит следующие четыре главные фактора развития сельского хозяйства: 1) рост населения, 2) разделение труда между городом и деревней и между отдельными сельско-хозяйственными районами, 3) рынок и 4) улучшение техники. Анализ их проходит через все три рассматриваемые периода: период до войны, период войны мировой и гражданской и период войны экономической политики. На предполагаемом изменении отношений между ними строятся перспективы развития сельского хозяйства в будущем.

Поэтому для оценки принципиального обоснования плана нам необходимо вкратце остановиться на рассмотрении природы каждого из этих отдельных факторов, чтобы сделать потом некоторые выводы об общем построении плана.

Начнем с первого и, повидимому, самого главного фактора—роста населения. Прирост населения в 19% связывается с таким же увеличением дохода от сельского хозяйства в первом и в третьем периодах; уменьшение населения во второй период вызывает деградацию сельского хозяйства; наконец, «темп прироста сельского населения мы можем признать за минимальный темп развития и самого сельского хозяйства» в будущем. Словом, плодитесь и размножайтесь и уплотняйте Советскую территорию—вот вернейший рецепт для под'ема сельского хозяйства! «С ростом плотности населения, как всегда, должно было итти и, действительно, шло увеличение разделения труда среди населения. Это разделение труда шло прежде всего в форме дифференциации между городом и деревней». (Стр. 7). Значит рост населения причина возникновения общественного разделения труда, отделения промышленного труда от сельского хозяйства?

Но в таком случае, следовало бы указать на те границы, за пределами коих прирост населения начинает вызывать общественное деление труда и опускаясь ниже коих это воздействие прекращается. В России во время войны убыль в сельском населении, по словам автора, содействовала упадку сельского хозяйства, но в Пруссии подобная же убыль, обусловленная войной, мы знаем, привела к большой механизации сельско-хозяйственного труда, следовательно, к повышению производительности его. Если движение производительных сил сельского хозяйства прямо пропорционально движению прироста народонаселения, то чем об'ясняется тот факт, что в различных странах изменение этого фактора в одном и том же направлении вызывает противоположные тенденции в развитии сельского хозяйства?

Восточная и Западная части Соединенных Штатов по густоте населения неодинаковы: в 1920 году на востоке на душу приходилось 7,4 акра, на западе—43,7. Сельское население с 1910 по 1920 г. на востоке увеличилось на 1,2%, на западе—на 6,6%. А доход с акра за то же время возрос: на востоке на 150, на западе—на 135,7%. Если прирост населения верный барометр развития производительности сельского хозяйства, то почему в Соед. Штатах меньшему приросту сельского населения на востоке соответствует большой прирост дохода, а на западе—наоборот? Почему, наконец, в штатах Новой Англии, Средне-Атлантических и Центральных северо-восточных тех-же Соед. Штатов абсолютное сокращение сельского населения сопровождается ростом производительности сельского хозяйства?

Если в результате прироста населения за одним плугом стали бы ходить два рабочих, или вместо прежнего одного пустили в работу два плуга, то от этого не повысилась, а понизилась бы производительность труда, следовательно, и сельского хозяйства. Этим мы хотим подчеркнуть, что каждая данная система техники требует *определенного* количества рабочих рук. И каждая машина, каждое орудие производства рассчитано на определенное количество работы. Отсюда следует, 1) что возросшее население прежде, чем оказывать то или другое влияние на производительность сельского хозяйства, должно соединиться со средствами производства на этих рациональных основах и 2) что «от степени развития производительных сил, или, что одно и то-же, от сте-

пени развития техники, зависит даже самая возможность численного прироста населения». (Бухарин—«Теория исторического материализма», ст. 135).

Прирост населения, таким образом, не является самостоятельным показателем прогресса сельского хозяйства, не есть причина этого последнего. Сам прирост населения зависит от развития производительных сил и приспособляется к нему на каждой данной ступени. Это приспособление выражается в абсолютном увеличении и относительном перенаселения на экстенсивной стадии развития сельского хозяйства и в абсолютном сокращении сельского населения на интенсивной стадии с тенденцией перехода относительного перенаселения в абсолютное.

Поэтому совершенно неосновательно на основе плотности населения делить Союз на районы интенсивного и экстенсивного сельского хозяйства. Это называется ломиться в открытую дверь и носиться над поверхностью экономических явлений. Словом, рост населения совершенно не пригоден для *об'яснения* под'ема сельского хозяйства или его регресса, хотя самый факт под'ема в довоенный и нэповский периоды стоит вне спора, равно как регресс—во время войны и революции.

* * *

Перейдем к другим факторам—разделению труда между городом и деревней, между отдельными сельско-хозяйственными районами и затем к рынку.

Экономическая сущность рынка сводится к определенному типу связей между обособленными товаропроизводителями. Рынок уже предполагает производителей, не удовлетворяющих целиком своих потребностей продуктами собственного труда, предполагает общественное разделение труда, в основе коего лежит разделение труда между городом и деревней. Но последнее вызывается не ростом населения—как старается убедить в этом автор, а развитием производительных сил. Отделение обрабатывающей промышленности от сельского хозяйства *превращает само земледелье в отрасль хозяйства, производящую на рынок*. А товарное производство есть начало развития капитализма и в промышленности и в земледелии. Развитие его вызывает не только дальнейшее углубление общественного разделения труда в городской промышленности, но сопровождается также неизбежным дроблением самого сельского хозяйства на отдельные отрасли и районы и системы земледельческого хозяйства, вызывая обмен не только между продуктами земледелия и промышленности, но и между различными продуктами сельского хозяйства, т.-е. сопровождается углублением рынка. Сельское хозяйство в этом процессе становится в подчиненную роль по отношению к промышленности, оно приспособляет свое развитие к требованиям города через рынок. Образование промышленных центров, увеличение их числа, концентрация в них все большего и большего количества населения не может не оказывать самого глубокого влияния на весь строй деревни, не может не вызывать роста торгового земледелия.

Этим мы хотим подчеркнуть, что основной фактор расширения общественного разделения труда в сельском хозяйстве и углубления рынка сбыта продуктов сельского хозяйства—это прогресс промышленного производства, что, однако, не мешает развивающемуся общественному разделению труда и углубляющемуся рынку оказывать обратное влияние на ускорение развития как промышленности, так и сельского хозяйства. Будучи сами следствиями — они становятся производными причинами и факторами.

Такой-же характер второстепенной причины носит и последний фактор улучшения техники сельского хозяйства.

Таким образом, авторы ограничились только анализом второстепенных взаимодействующих факторов развития сельского хозяйства на основании изучения конкретно-статистического материала вне связи с основным. Поэтому: 1) вывод, что сельско-хозяйственный прогресс довоенного периода, выражающийся в пяти тенденциях, вызван совокупностью этих второстепенных факторов, является *теоретически* необоснованным. 2) Установленные тенденции эволюции в отношении между этими факторами носят характер чисто эмпирического констатирования, от которого нельзя подняться до анализа основной причины, обуславливающей эти тенденции. А без последней невозможно дать теоретического обоснования динамики сельского хозяйства в будущем. Поэтому проф. Кондратьеву необходимо было ее внести извне в виде, так называемой, «внутренней инерции» развития сельского хозяйства. «Если эволюция сельского хозяйства в прошлом в довоенный период,—говорит он,—имела определенное направление, если в основных чертах это направление проявилось и в новом под'еме сельского хозяйства после установления новой экономической политики, то очевидно, что это направление эволюции коренится в достаточно глубоких и основных причинах. Очевидно, поэтому, что развитие сельского хозяйства обладает некоторой внутренней инерцией. Отсюда при учете дальнейшей эволюции сельского хозяйства, мы должны очень серьезно принять во внимание направление той инерции, которая есть в развитии сельского хозяйства» (Стр. 16). Как философов идеалистов из всех трудных положений выручал бог, так экономистов народнического толка выручает «внутренняя инерция», *особые* законы развития сельского хозяйства. 3) Поэтому прогноз о вероятных тенденциях эволюции сельского хозяйства, сообразованный с подобной основной причиной, не есть теоретическое обоснование проблемы, а только констатирование проблемы, к обоснованию которой нужно еще приступить. Нет ничего удивительного поэтому в том, что сопоставляя вероятное и желательное направление развития сельского хозяйства, «не трудно видеть, что между ними существует в основных чертах внутреннее соответствие» (Стр. 24). Но тут же автор успокаивает читателя пояснениями, что «при всем внутреннем соответствии желательного и вероятного развития сельского хозяйства в основе, остается значительное поле для сознательного вмешательства органов государства в развитие сельского хозяйства в целях приближения вероятного развития к желательному, в целях рационализации этого вероятного направления». Но это именно фразы для обнадеживания читателя, не вытекающие из самой теоретической концепции автора. 4) Никакого *теоретически-обоснованного* представления о вероятных и желательных перспективах развития сельского хозяйства автор не дал.

Действительная тенденция эволюции сельского хозяйства во всей его совокупности является продуктом столкновения различных причинных факторов, соотносительная роль которых может быть предусмотрена лишь в исследовании движения основного фактора, который их обусловливает. Такое исследование основного фактора в тесной связи с производными придало бы проблеме *теоретический характер*. Тако-

вым основным фактором, определяющим общее направление развития сельского хозяйства, является, как уже выше указано, крупное промышленное производство, в системе которого сельское хозяйство составляет лишь отдельную отрасль, подчиняющуюся общим законам развития капиталистической промышленности. Только при такой постановке вопроса можно было бы, с одной стороны, учесть удельный вес всех факторов, как главных, так и второстепенных, влияющих на развитие всего народного хозяйства, в том числе и сельского. С другой стороны, исходя из перспектив развития нашей промышленности на ближайшее будущее и соответствующего ему изменения в соотношении между отдельными второстепенными факторами развития сельского хозяйства—мы могли бы дать нужное теоретическое обоснование своим цифровым представлениям о желательном развитии сельского хозяйства.

Вторая основная теоретическая ошибка заключается в том, что принцип развития производительных сил из одной общественной формации—чисто капиталистической — переносится в общественную формацию переходного типа, представляющую соединение элементов социализма с капитализмом. Поэтому желательное направление совпадает с действительным теперешним и довоенным, и предлагаемые четыре директивных идеи, коими должна проникнуться система государственных мероприятий, как-то: 1) ставка на интенсификацию определенных районов, 2) на рационализацию экстенсивного хозяйства многоземельных районов, 3) на повышение товарности крестьянского хозяйства и 4) индустриализацию сельского хозяйства—по существу говорят о необходимости поддерживать и поощрять наметившиеся еще до войны и при нэпе тенденции развития сельского хозяйства.

А для ускорения темпа их, предлагается, чтобы система мероприятий государства стремилась: «1) развить самодеятельность и поднять хозяйственную инициативу массового населения, 2) стремиться к организации этой самодеятельности, в частности, к кооперированию крестьянских масс и 3) должна обеспечить условия накопления материальных ценностей в сельском хозяйстве.

Отправляясь от этих основных положений, продолжает автор,—и следует строить систему мероприятий в области сельско-хозяйственного кредита, в области рынка и цен, в области кооперации, в области переселения и колонизации, железнодорожных тарифов, таможенных тарифов и т. д.».

Предлагая такие основные положения, автор, очевидно, не учел той перемены политического строя, которая произошла в октябре 17 г. К диктатуре, которая держится на союзе пролетариата и беднейшего крестьянства, и которая должна все усилия направить на расширение социалистического оазиса в производстве, при одновременном под'еме производительных сил и при одновременном укреплении союза с беднейшим крестьянством—эти основные положения не подходят; по существу своему, они являются приемлемыми для всякого правительства, стоящего на защите интересов деревенского кулачества. Но у нас есть еще разоряющееся крестьянство, и для обеспечения устойчивости победы, мы должны притти ему на помощь.

Поэтому выдвинутые автором положения следовало бы заменить другими, а именно: 1) развитие производительных сил сельского хозяйства и постепенное направление их из русла индивидуального в русло коллективного хозяйствования, 2) поддержания соответствия между развитием производительных сил в промышленности и в сельском хозяйстве, 3) укрепление политического союза рабочего класса с беднейшим крестьянством. Если мы заменим эти три положения только что намеченными, то мы чисто капиталистическую линию развития сельского хозяйства заменим линией развития «через наиболее понятные, легкие и доступные крестьянству приемы кооперации к социализму», на чем совершенно правильно настаивает тов. Калинин в своих тезисах о работе в деревне («Правда», № 87).

Что касается второй части книги, составленной проф. Огановским, то она в части своей конкретно-статистической может дать некоторый фактический цифровой материал для ориентировки в некоторых вопросах для практических работников. К недостатку надо отнести то, что автор все время пользуется методом средних чисел, почему процессы дифференциации среди крестьянства, процесс накопления и темп его, действительное распредеелние наличного инвентаря живого и мертвого по хозяйствам различной мощности, и движение его перераспределения,—все эти процессы остаются затушеванными. А без учета всех их невозможно построить классовой политики в деревне.

Появление работы Кондратьева и Огановского под фирмой Земплана служит показателем того, насколько сильно влияние буржуазных аграрников *даже* в руководящих правительственных учреждениях.

На этом примере мы лишний раз убеждаемся в том, насколько небрежно относится наша партия к аграрной теории, насколько настоятельно необходимо в ближайшее время отрядить квалифицированных партийных т.т. для преодоления буржуазного засилья в руководящих земельных организациях.

Я. Берзтыс.

Марксизм и „марксизм".

(по поводу книги **Н. Н. Суханова.** Очерки по экономии сельского хозяйства. Издательство „Книга" Москва—Ленинград 1924 г.).

Сама по себе книга Н. Н. Суханова не представляет особого интереса, поскольку она является лишь подправленным, дополненным изданием прежних его статей. Однако, *в связи с книгой* возникает ряд интереснейших вопросов. В «Очерках по экономии сельского хозяйства» автор не дает, разумеется, новых теоретических положений и сколько-нибудь новых аргументов—стоит только сравнить «Очерки» с основным трудом его—«К вопросу об эволюции сельского хозяйства». Некоторые места поражают почти буквальным сходством.

Зато предисловия к этим книгам друг от друга радикально отличаются и по немаловажному вопросу. В предисловии к «К вопросу об эволюции сельского хозяйства», написанном в декабре 1908 года, на стр. 7—8 Суханов говорит:

> «Но как бы то ни было, будут ли основные положения этой работы (III части) утверждены, как несомненные и истины, или будут опровергнуты, как беспочвенные фикции,—во всяком случае, необходимо констатировать, что эти положения, по самому своему характеру, затрагивают основные пункты «наших разногласий» и что правильность или неправильность их должна решить судьбу существующих в России общественно-научных доктрин. Перед нашим

«марксизмом» ставится дилемма: или доказать, что положения эти несостоятельны..., или признать, что это направление, т.-е., главным образом, его самостоятельные практические проявления в русской жизни—не имеют ни малейших raisons d'être. Что же касается другого направления, то автор склонен думать..., что оно может твердо стоять на ногах *только* в случае правильности этих положений. Но если положения эти правильны, то оно действительно стоит на незыблемом фундаменте, прочно и непоколебимо».

Таким образом, марксизм посрамлен, «другое» направление стоит на незыблемом фундаменте. Что это за «другое» направление—ясно из контекста. Теперь посмотрим, что наш автор говорит в предисловии к «Очеркам по экономии сельского хозяйства».

«Я убежден, что защищаю на дальнейших страницах именно те позиции, какие должны быть свойственные *марксизму. (Стр. 3).*
И дальше.

«Но как бы то ни было, основным стимулом при опубликовании этих этюдов является утверждение марксистских принципов в экономии сельского хозяйства. Основной их целью является борьба с общераспространенными аграрными заблуждениями наших народников и западных ревизионистов». (Стр. 4).

Как уже упоминалось, вторая книга является почти что пересказом первой. Чем же об'яснить в таком случае сухановскую метаморфозу? Это превращение, чем бы оно ни вызывалось, интересно опять-таки не само по себе. Оно должно знаменовать целый перелом, целый переворот в понимании ряда вопросов. Сам Суханов об'ясняет свою «трансформацию» тем, что *по существу* изменений никаких нет, что нужно только дать теперь теории присущее ей наименование.

«Новое издание выходит в сильно исправленном, даже переработанном виде. Впрочем, *по существу* изменений тут почти нет—только частности. В сфере аграрной теории я никогда не примыкал ни к каким официальным марксистским течениям, всегда будучи марксистом. Думается, события теперь бесспорно доказали, что я был прав. Во всяком случае, мне и теперь, через 15 лет, отказаться,—кроме фирмы, марки, *по существу* дела,—совершенно не от чего». (Земельная рента и принципы земельного обложения. 2-е изд. 1922 г. Стр. 3).

Таким образом, меняется *только фирма, марка.* Что же произошло, что давало бы возможность на народнический фабрикат поставить марксистскую марку, или —как думает Суханов —снять с марксистского произведения марку народничества? И если действительный марксизм представляет теперь Суханов, то кто же прав, чья доктрина себя оправдала и что есть марксизм в аграрном вопросе, если народники начинают защищать марксизм против эпигонов народничества и «марксистских» ревизионистов? Все эти вопросы неизбежно всплывают, когда слушаешь откровения Суханова.

Пролетарская революция в России многое поставила на голову—в том числе и почти все социально-экономические проблемы. Мы уже на второй день пролетарской диктатуры превратились в «оборонцев», мы разом развенчали прелести «демократии», за которую сами до того боролись. С утверждением революции и «переоценка ценностей» проникала все более вглубь. Классическим образцом здесь является кооперация. Характер и задачи кооперации с пролетарским переворотом в корне изменяются. Тов. Ленин в своих последних статьях лучше всего доказал

это. Такой же переворот должен произойти, происходит и с пониманием аграрного вопроса. Старая теория, старые схемы не годны для страны победившего пролетариата.

Всякому теперь очевидно, что мелкое крестьянское хозяйство в значительной своей массе доживет, дожило до эпохи пролетарской диктатуры, когда развитие в сельском хозяйстве не может дальше итти по пути разложения мелкого натурального хозяйства внедряющимся в него и побеждающим капитализмом. Однако, *наперед* еще нельзя сказать, что марксистская доктрина обанкротилась, или, что народническое учение—это и есть марксизм высшей марки. Так, признание нами за кооперацией первенствующей роли в деле строительства коммунизма еще не говорит за то, что мы были неправы, критикуя «кооперативных социалистов», что мы теперь должны отказаться от такой критики. Вопрос решается практической проверкой.

В России после Октября мы имеем подавляющее большинство в сельском хозяйстве на стороне мелких собственников—крестьян. Капитализм в своей классически-чистой форме—крупного сельско-хозяйственного предприятия с наемными рабочими и машинной усовершенствованной техникой—отсутствует совершенно. Ублюдочные зародыши капитализма пока играют совершенно незначительную роль в общей системе сельско-хозяйственного производства Советской России. Перспективы для капиталистических образований также довольно плачевны,—сверх обычных, экономических затруднений, стоящих на пути капитала в сельском хозяйстве, теперь прибавляется еще упорное сопротивление середняцких слоев и общая политическая линия пролетарского государства. *Будущее не за капиталистическим сельским хозяйством.* Однако, это еще не значит, что *крупное, технически-передовое* хозяйство не имеет никаких шансов развития. Наоборот, и об'ективные экономические тенденции, и стремление пролетарской власти сходятся на перспективе укрупнения и технической рационализации сельско-хозяйственных единиц. Укрупнение это должно происходить путем развития коллективно-крупных хозяйств, путем кооперирования мелких самостоятельных производителей. Итак, будущее за коллективно-крупным хозяйством, но не в капиталистической форме, а в форме кооперативно-коммунистической.

Попробуем с этим сопоставить схему Суханова, которая имеет свойство оставаться одинаковой, какую бы марку ни наклеивал на нее автор. По Суханову, об'ективная экономическая тенденция всех капиталистических стран такова: капитализм не только не может вытеснить все другие формы сельского хозяйства, но он сам неизбежно должен деградировать, уступая свое место мелкому хозяйству самостоятельных одиночек-семей. И вовсе не потому, что крупное хозяйство имеет мало преимуществ перед мелким, вовсе не потому, что специфические условия техники сельско-хозяйственного производства неблагоприятны для развития крупного хозяйства. Наоборот. Крупное хозяйство, так же, как и в промышленности, здесь имеет все преимущества перед мелким, парцельным. Препятствует развитию капитализма не технический момент, а экономический. Экономический закон убывающего плодородия делает возможным расширение производства только при условии устойчивого повышения цен на продукты сельского хозяйства. Основного орудия капиталистов—низких цен нет в условиях сельско-хозяйственного производства. Это заставляет прибыль сельско-хозяйственных предприятий держаться постоянно на уровне более низком, чем средний.

Благодаря успешной, таким образом, конкуренции крестьянских хозяйств, работающих и вовсе без прибыли, капитализм отступает, очищая место мелкому частно-собственническому хозяйству.

Все это говорит за то, что только *экономические условия капитализма* мешают развитию крупного хозяйства в сельско-хозяйственном производстве. Если же строить крупные сельско-хозяйственные предприятия на основе не капиталистических методов, то результат должен получиться противоположный. В конечном счете должны победить производственные ассоциации мелких хозяйчиков, в какой бы форме коллективизация ни происходила: кооперирование, государственное обобществление и т. д. Таким образом, Суханов намечает следующую схему социально-экономической эволюции современного сельского хозяйства: крупно-капиталистическое производство, мелко-собственническое, коллективно-крупное (ассоциации производителей), коммунизм.

Схема Суханова, как мы видим, на первый взгляд, почти во всех деталях совпадает с нарисованной нами схемой эволюции форм нашего хозяйства в условиях диктатуры пролетариата. Теперь становится понятным, почему вдруг нашему автору захотелось сменить «марку». Что же, однако, это должно означать: мы ли превратились в народников, и Суханов только из деликатности одевает марксистский костюм; или же мы в своих действиях только теперь поступаем по марксистски, а истинным марксизмом является теория Суханова?

Ни то, ни другое. Суханов остается Сухановым, а марксизм—марксизмом. Здесь происходит обычное непонимание всего различия условий развития при капитализме, и в эпоху диктатуры пролетариата. Только подобная путаница позволила Суханову об'явить свои взгляды ново-марксистским откровением. Следует помнить, что тенденция от капиталистических форм к крупно-коммунистическим в нашем сельском хозяйстве намечается только потому, что *мы имеем в качестве предпосылки диктатуру пролетариата.* Если это «небольшое» условие забыть, то... Суханов станет марксистом.

Дела капитализма в сельском хозяйстве Советской России плохи вовсе не потому, что он «вообще» экономически не может конкурировать с мелким хозяйством. Мы знаем, что сейчас намечаются *противоположные* устремления—капитализм под различнейшими масками стремится доказать свою боеспособность, живучесть. В качестве гарантии против капиталистической линии развития выступают политические и экономические возможности пролетарской диктатуры—уничтожение частной собственности на землю, влияние крупной *пролетарской* промышленности, политика «кооперативного нажима» и все прочие, находящиеся в руках рабочего класса рычаги политической власти. Сельское хозяйство развивается даже в условиях диктатуры пролетариата не по схеме Суханова, хотя последняя до некоторой степени все же приближается к действительности. Даже и теперь вопрос еще стоит в плоскости *борьбы* двух тенденций. *«Кто кого»—этот вопрос разрешится только практически в повседневной борьбе нашей с зародышами капитализма.* Никакого «отмирания», экономического «отступления» капитализма в сельском хозяйстве не происходит, поскольку этому не содействует нажим со стороны пролетарского государства. Иллюзии безболезненного «самоуничтожения» капитализма питают вреднейшие наивно-детские заблуждения.

Нечего говорить, что схема Суханова к «чистому капитализму» неприложима вовсе. Здесь было бы неуместно давать развернутую критику теории Суханова, отметим только, что она покоится на нелепой теории убывающего плодородия, что она не учитывает всей сложности процесса внедрения капитализма в сельское хозяйство, что она склонна забывать поэтому те важнейшие процессы, которые происходят *внутри* мелкого, крестьянского хозяйства.

Интересующий нас вопрос о том, что есть марксизм в аграрном вопросе, разрешается, по нашему мнению, следующим образом. Увидев частичное *(частичное,* ибо и здесь вопрос разрешается только *после борьбы)* осуществление своих иллюзий в условиях диктатуры пролетариата, Суханов на весь мир об'являет, что вот он и только он оказался прав, истинный марксизм провозглашен им давным-давно, а большевиками принят в качестве руководящей директивы только теперь, после Октябрьской революции. На деле же Суханов попрежнему должен остаться во власти (уже новой) иллюзии—будто он марксист, а марксистское учение о капитализации сельского хозяйства остается попрежнему правильным и незыблемым, как правильным оказывается и изменение точки зрения после победы пролетариата.

Необходимо раз навсегда отмежеваться от подобного рода новоявленных марксистов, которые не замечая и не понимая колоссальнейшего переворота во всех социальных явлениях, произведенного пролетарской революцией, стремятся пустить в оборот свои старые взгляды под новой марксистской маркой, перенеся условия диктатуры пролетариата на развитие капитализма вообще.

Только радикальное изменение наших взглядов вместе с пролетарской революцией делает их *внешне похожими* то на взгляды оборонцев, то на «кооперативных социалистов», то на народников. И только тупоумие может здесь подсказать мысль о *пересмотре* основ марксизма.

Ив. Капитонов.

К. Корш. Марксизм и философия.

Статья тов. Корша, немецкого коммуниста, впервые появившаяся на немецком языке в «Архиве» Грюнберга, вышла в настоящее время отдельной брошюрой и в русском переводе.

Тов. Корш является одним из представителей той группы немецких коммунистов, которая пытается в настоящее время ревизовать философию ортодоксального марксизма—диалектический материализм, опираясь на Гегеля.

Интерес к Гегелю рос за время войны и революции одновременно в различных общественных группах. Известно значение, которое придавал изучению Гегеля тов. Ленин. Но если тов. Ленин настаивал на организации кружков *материалистических* друзей гегелевской диалектики для лучшего усвоения *марксова* метода, то немецкие меньшевики (напр. Кунов) и буржуазные философы хватались за Гегеля—теоретика государства и Гегеля—идеалиста. Ближе к этим последним склоняется и группа т.т. Корша, Лукача, Фогараши и других. Правда, надо отметить, что вся группа, и тов. Корш в особенности, весьма туманно формулирует свои взгляды, и уклоняется обычно от более подробного выяснения их по спорным вопросам, по тем вопросам, по которым она претендует сказать нечто новое. Подчас приходится более догадываться и читать между строк, чем опираться на буквальный текст статей ее последова-

телей. Но и имеющегося на бумаге достаточно, чтобы показать, что мы имеем пока еще не вполне развернувшийся, но грозящий вскоре развернуться во всю, уклон от марксизма.

Рассмотрим же с этой точки зрения брошюру тов. Корша.

Прежде всего, нужно отметить отношение тов. Корша к Марксу и Энгельсу. Для него их деятельность и мировоззрение не остаются в основе своей неизменными, начиная с «Немецкой идеологии» и кончая их смертью. Для тов. Корша Энгельс (и очевидно Маркс) в позднейших произведениях выражается *менее* «ясно», нежели в ранних работах (стр. 41—42). Корш противопоставляет Маркса и Энгельса раннего и позднего периодов их жизни, отдавая предпочтение первому перед вторым. При всей своей радикальности (Корш расхваливает Маркса, находящегося в 43—48 г.г. в «расцвете» своих сил, в период революции и т. д.)—на деле это типично ревизионистская точка зрения. Не даром в рецензии на статью тов. Корша в № 3 «die Gesellschaft» К. Каутский тоже принимает это противопоставление, с той лишь разницей, что он за старого Маркса против молодого.

Противопоставление молодого Маркса старому получается у Корша потому, что он хватается за молодого Маркса того периода, когда он еще не совсем был марксистом, когда он находился еще под влиянием Гегеля и Фейербаха. Недозревший Маркс так близок душе тов. Корша потому, что он сам не совсем марксист. И в нем еще настоящий Маркс, автор «Немецкой Идеологии» и «Капитала» борется с Гегелем. Происходит это потому, что тов. Корш не видит шуйцы Гегеля. Для него Гегель—материалист. Материализм для тов. Корша сводится лишь к связи теории с практикой (см. рецензию в № 10—11 «die Internationale» на книжки о Гегеле), а эта связь в свою очередь, по Коршу, «в эпоху Гегеля составляла жизненный принцип всей философии и науки» (26). Но такое определение философии Гегеля представляет ее в заведомо ложном свете, так как, во-первых, единство теории и практики само у Гегеля было чисто-теоретическим положением и, во-вторых, идеализм диалектики Гегеля заключался как раз в том, что борьбу противоречий он понимал как проявление саморазвивающейся идеи, а не как борьбу противоречий материального мира, производными от которой являются противоречия идей. Корш не понимает вообще смысла материалистической диалектики, поскольку он не выдвигает, как ее основной принцип, борьбу противоречий. Само единство теории и практики принимает у него идеалистический характер, поскольку он *отождествляет* теорию с практикой, при чем поэтому теоретическое преодоление предмета превращается у него и в практическое его преодоление.

Мы останавливаемся на всех этих теоретических ошибках подробнее, потому что в силу действительной связи теории с практикой, из них вытекают и определенные, *политически* опасные, ошибки т. Корша.

1) Прежде всего, тов. Корш, неверно противопоставляя молодого и старого Маркса, неверно поэтому же представляет историю марксизма за последние 80 лет. Для него она делится на три периода: а) до 1848 г., б) до конца столетия; в) до нашего времени. Таким образом, *смазывается вся эпоха II Интернационала* и соединяется в одно целое с деятельностью Маркса в I Интернационале. Для него «менее важными» оказываются: Парижская Коммуна, всемирно-историческое значение которой, как известно, очень высоко оценивалось Марксом и Лениным, основание и падение I Интернационала, основание II Интернационала (стр. 47).

2) Выпячивая чрезмерно роль теории, идей, Корш тем самым обосновывает теоретически того типа уклоны, которые всегда недооценивали роль организации *масс*, роль партийной дисциплины и подменивали потребность в *практическом* единстве партии разговорами о единстве, достигаемом исключительно на почве *теоретического* примирения различных партийных течений. Поэтому же в вышеназванном номере «die Internationale», в статье о «Ленине и Коминтерне», Корш высказывается против принятия программы К. И. и против установления сейчас уже принципов ленинизма, опираясь на то, что еще не достигнуто единство среди *теоретиков*-коммунистов, ленинцев, люксембургианцев и т. д. Он не понимает, что это единство может зависеть не только от силы убеждения (хотя бы ленинцев), а и от быстроты изживания мелкобуржуазных и с.-д. предрассудков в коммунистических партиях, что принятие определенной точки зрения может не отсрочить, а лишь ускорить этот процесс.

Наконец, придавая решающее значение в теории диалектики неверно им понимаемому принципу единства теории и практики, Корш тем самым становится на точку зрения Лукача, что в природе диалектики нет. Отсюда же его теория об отмирании философии марксизма вместе с отмиранием государства. Корш ссылается на слова раннего Маркса о необходимости осуществить философию, тем самым устранив ее. Корш не понимает при этом, что в данном случае Маркс, тогда находившийся еще под влиянием Фейербаха, говорит о необходимости осуществить в действительности чисто теоретический гуманизм немецкой философии того времени. Все это рассуждение на деле есть отказ от диалектического материализма, как метода познания и *природы* и общества, отказ от него, как от определенного мировоззрения, поскольку содержание марксистской философии и заключается на деле ни в чем ином, как в материалистической диалектике, и в этом смысле вместе с государством отмереть не может.

Как мы видим, книга Корша ревизует марксизм в ряде важнейших его положений. Тот факт, что она написана коммунистом только показывает, как неблагополучно по части теории в коммунистическом движении и как зорко мы должны следить за чистотой нашего идеологического знамени и нашего метода в классовой борьбе—марксизма.

Совершенно необходимо в этом отношении подвергнуть скорейшей подробной критике и в западной литературе все новейшие отклонения от марксизма, расчищая, таким образом, почву для воспитания возможно более широких кругов партий Интернационала в духе диалектического материализма и прививая им противоядие против всех и теоретических и политических ошибок.

Н. К.

С. Н. Гоанский. Очерки по политической экономии. Пособие для партшкол, парткружков, профкружков, рабфаков и самообразования. Вып. I.

Заработная плата. Издательство „Красная Новь". Москва, 1924 г.

«Каждый, кто будет заниматься по предлагаемой книге, ничему не должен верить на слово, а выводы делать исключительно на основании приведенных фактов»—эти слова, стоящие в самом начале предисловия

к рецензируемой книге, служат действительным исходным пунктом всех построений тов. Гожанского. Действительно, теоретические положения автора вытекают из того фактического материала, которым в изобилии снабжена книга. Это стремление непременно опереться на факты, это превосходное презрение ко всякому теоретическому анализу, ко всяким логическим доказательствам («ничему не должен верить на слово»), ко всякой абстракции, напоминает нам жаркие споры о методике преподавания предметов обществознания в высшей школе, которые в протекший учебный год охватили широкие круги педагогов-общественников.

Книга тов. Гожанского должна послужить для нас тем пробным камнем, о который должно разбиться то или иное направление методической мысли. Ибо здесь мы имеем уже не общие разговоры о необходимости изгнания схоластики и абстракции, не рассуждения о необходимости фактического фундамента для широких теоретических обобщений, а *практическую попытку* дать систематическое изложение одной из проблем политической экономии, исходя из «новых» методических требований. С другой стороны, мы теперь имеем возможность не ограничиваться только указаниями на неизбежное пагубное влияние «новых методических веяний», на марксистскую методологию общественных наук, а с фактами в руках (книжка Гожанского) должны показать, проявилось ли это влияние в данном случае, и если проявилось, то в чем именно.

Политическая экономия—преподавание ее—стояла в центре методических споров. Ради «изгнания схоластики» из этой особенно «талмудистской» науки предлагался сразу целый ряд реформ: прежде всего, необходимо уничтожить разделение между собственно политической экономией, экономической политикой и экономической географией; затем в качестве исходного пункта рассуждений необходимо брать конкретный жизненный материал—отсюда изменение в плане развертывания науки; дальше—необходимо брать материал близкий слушателю, и по времени («советская политическая экономия» наиболее ретивых «упростителей»). В дискуссии указывалось, что подобные методические эксперименты неизбежно приведут к извращению марксовой методологии, к вырождению теоретического анализа в простое обобщение повседневных фактов экономической жизни, т.-е. *к вульгарной политической экономии.*

Тов. Гожанский применяет в своем изложении в большей или меньшей степени все эти основные методические нововведения и поэтому, к сожалению, не удерживается в рамках марксистской методологии, а расширяет их в меру своих методических потребностей. Мы должны со всей серьезностью разобраться в степени и причине теоретического грехопадения тов. Гожанского, так как это имеет, несмотря на ничтожность повода, большой научно-теоретический и *политический* смысл.

В наше время, когда «внимание к теории» становится политической директивой, больше всего приходится опасаться теоретического разложения извнутри, под каким бы соусом оно ни подавалось. Теоретическая гегемония марксизма заставляет всякую буржуазную заваль одевать на себя «марксистский» костюм, и хуже всего, если из среды марксистов наблюдается встречное стремление обкарнать, подновить марксизм, «сделать его более понятным». *Всякое отступление от чистоты марксизма* в наших условиях означает внедрение буржуазного влияния, *означает частичную сдачу буржуазии политических позиций,* так как изгнание последышей капитализма из сферы науки стало теперь одной

из очередных *политических* задач. С другой стороны, в данном случае мы имеем попытку прорыва в наиболее опасном пункте научного фронта, в пункте, где наука становится массовой политической силой, перевариваясь в головах нашей партийной молодежи. Ведь, специальной задачей наши «обновители» себе ставят упрощение построения общественных наук *ради облегчения преподавания их.* «Облегченные», «обновленные», по-просту—извращенные, положения марксизма сразу, без всякого предварительного критического обстрела будут прививаться нашей учащейся молодежи—политическая опасность такого «методического маневра» бьет здесь в глаза.

«Не верить на слово»—в этой несколько грубоватой формуле уже выражена неизбежность извращения Маркса тов. Гожанским. Основа марксистской политической экономии и ее коренное отличие от всякой буржуазной вульгарщины состоит как раз в том, что она учит нас не *верить фактам капиталистической действительности.* Если верить фактам и *только им,* тов. Гожанский, то прибыль мы должны признать результатом лучшей организации предприятия, результатом машин, результатом торговой сделки и пр., и пр.; в заработной плате мы увидим оплату *всего* труда, отдаваемого рабочим капиталисту, в цене—результат частного сговора контрагентов торга и т. д. Фактов мало. Не просто из фактов делать обобщения требует марксистская методология политической экономии, а об'яснить эти факты, показать действительное их значение, вскрыв теоретическим анализом (неизбежно *абстрактным* анализом) социальную подоплеку их.

Но тов. Гожанский «не верит на слово», т.-е. никакого теоретического анализа социальных отношений не допускает. Посмотрим, что у него получилось. Прочтя книжку, с недоумением вопрошаешь себя: что сие—Туган, Железнов или Гожанский? И обладай тов. Гожанский в несколько большей степени профессорской солидностью в изложении—можно было бы ошибиться! *Никакого намека на марксистский анализ заработной платы в «труде» тов. Гожанского нет.* Заработная плата является в виде оплаты труда, и только в этой иррациональной форме служит выразителем оплаты рабочей силы. *Цена труда это* тот *факт* (факт, тов. Гожанский), который *единственно* существует на капиталистической поверхности, который скрывает, затуманивает отношения эксплоатации, стоящие за ним, который должен и может быть об'яснен только теорией ценности рабочей силы, основанной на общей теории ценности. Ничего этого тов. Гожанский не понял.

Он попросту приравнял заработную плату к ценности рабочей силы (точнее, представил, что ценность рабочей силы есть заработная плата). Поэтому никакого анализа социально-экономического значения этой категории не дано. Поэтому, уровень заработной платы выводится из обычного уровня потребностей рабочего, а этот последний из общего уровня богатства страны и соотношения сил классов. Схема как-будто не Марксова. Поэтому, различный уровень оплаты труда рабочих разной квалификации об'ясняется соотношением спроса и предложения на рабочем рынке. Поэтому, в *заработной плате* (а не в ценности рабочей силы) учитывается классом капиталистов необходимость содержания семьи рабочего (вульгарные апологеты капитализма горевать по поводу таких «марксистских» блестков не станут). Поэтому... в теории уровня заработной платы тов. Гожанский держится не-марксистских взглядов, впрочем—может быть, и наоборот.

В следующей главе: «Виды заработной платы» автор дает нам *голое описание* различных форм оплаты труда и их влияние на производительность и напряженность труда, без попытки дать какой-либо анализ значения этих форм в роли винтиков социального механизма капиталистической эксплоатации, прикрытой и скрытой целой сетью превращенных, ложных экономических категорий. Впрочем... такое теоретическое рассуждение есть.

«Поденщик получает свою плату после отработанного дня. Значит, его заработной платы должно ему хватить на день. Служащий обычно получает плату раз в месяц; он, стало быть, должен прожить месяц на свое жалование. Отсюда следует, что всякая заработная плата (!) должна дать возможность рабочему прожить определенное время: день, неделю, две недели, месяц и т. д. Значит, плата по времени—*повременная заработная плата*—основная форма заработной платы. Все другие формы заработной (платы?) исходят из этой основной».

Это самое теоретическое место из всей главы. И здесь аляповатая вульгаризация положений Маркса настолько бьет в глаза всем, кто сколько-нибудь с ним знаком, что приходится пожалеть, почему Гожанский *вовсе* не воздержался от теории.

Если заработная плата не служит специальной формой проявления и одновременно заволакивания капиталистической эксплоатации вообще, то с переходом к системе пролетарской диктатуры здесь ничего *принципиально* измениться не может. Так это и есть у Гожанского. Изменились, конечно, условия уровня заработной платы и его колебаний, но чтобы произошло какое-то *качественное* изменение роли заработной платы в ее функции экономической категории—этого т. Гожанский, конечно, не замечает. А между тем, это непонимание дает возможность роста настроений типа «Рабочей Правды» и откровенно «кронштадских». Если за марксистской фразеологией Гожанского кроется жалкая вульгарная болтовня, то за революционной, анти-буржуазно-коммунистической фразой может скрываться возможность совсем не коммунистических настроений.

Исключительно «теоретической» является глава VI. «*Превращение реальной заработной платы в рабочую силу*». Здесь автор хочет убедить весь свет в необходимости повышения заработной платы и для этого пускается в длинные вычисления количества поглощаемых человеком калорий и отдаваемой им рабочей энергии. Он утверждает, что с ростом заработной платы растет не только продукт труда, но и *ценность* этого продукта и растет в возрастающей прогрессии. Было бы грустно приводить здесь рассуждения тов. Гожанского. Калорийность, чистейший физиологизм—вот весь теоретический багаж нашего автора. От марксизма здесь не осталось даже и перьев—марксистской фразеологии. Преподносить подобную физиологистскую гиль нашей комвузовской молодежи, это вреднее всяких Енчменов в области философии.

На 110 страницах «очерков» тов. Гожанский расписался в своем теоретическом убожестве и в правоте тех, кто во время методической дискуссии предостерегал от всяких перегибов, ставящих под вопрос чистоту марксистской теории. Если теория приобретает для нас особо важное значение, то проникновение буржуазно-вульгарных отрыжек в изучение общественных наук нашей молодежью становится политической опасностью.

И. В—ан.

Белые финансисты о нашей денежной реформе.

В последнем, 3-м номере выходящего в Берлине под редакцией Прокоповича «Экономического Вестника», в котором участвуют такие научные «светила» эмиграции, как Струве, Бернацкий, Бруцкус, Чупров, помещены статьи о нашем денежном обращении. Статьи написаны незадолго до последних мероприятий по проведению денежной реформы, когда уже ясно обрисовались ее очертания, и содержат оценку как основ реформы, так и ее перспектив. В этом смысле они представляют большой интерес.

Первая статья Бернацкого, министра финансов правительства Керенского, «Проблема денежного обращения в России» посвящена, главным образом, червонцу, так как автор считает, что в «системе параллельного денежного обращения Советской России червонной валюте суждено заменить казначейскую».

Автор, конечно, не удовлетворен эмиссионным законом, находит в нем «технические дефекты», однако, вынужден заявить, что «приступ к осуществлению денежной реформы в таком виде (т.-е. путем эмиссии банкнот) можно было приветствовать». Он признает и успехи политики Госбанка. Анализируя отношение червонца к золоту на внутреннем рынке, автор приходит к выводу, что Госбанку удалось закрепить это отношение на определенном уровне: «С 1-го июня (1923 г.) картина меняется и внешним образом создается впечатление устойчивости новой валюты». Что касается до отношения червонца к иностранной валюте, то и здесь: «официальный успех... по причине отсутствия рынка и сосредоточения иностранной валюты лишь в руках лиц, имеющих постоянные сношения с государственными учреждениями, б ы л д о с т и г н у т» (стр. 89). На-ряду с этим, вместо определенных в законе 25%, «наличное покрытие превышает 50% выпущенных банкнот, что не может не импонировать при внешнем ознакомлении с фактами» (там же).

Но само собой разумеется, для белого финансиста все эти «импонирующие» факты денежной реформы являются лишь «видимостью», «внешней картиной», «большевистской шумихой». Он хочет разобрать «дело по существу». Зная Бернацкого, не нужно заглядывать в конец статьи для того, чтобы знать, к чему приведут эти рассуждения по существу. Разумеется, «денежная реформа и советская экономика» оказываются вещами «несовместимыми», «пресловутому червонцу» предсказывается скорая гибель и т. д. Иначе и быть не может. Но нас интересуют рассуждения Бернацкого не с той стороны. Важнее для нас знать, каковы те препятствия, на которые,—как надеется Бернацкий,—мы споткнемся при проведении денежной реформы, откуда грозят последней опасности.

По мнению Бернацкого, причина предсказываемой им неудачи реформы лежит, прежде всего, в положении и способе кредитования государственной промышленности. Собственно говоря, инфляция червонцев уже есть..., в виду особых условий кредитования промышленности: не имея возможности сбыть товар, государственные предприятия покрывают ссудами в Государственном и других банках свои кассовые дефициты. Именуются ли обеспечения векселями, или «долговыми обязательствами, обеспеченными материальными ценностями»,—в условиях советской жизни это значения не имеет: векселя

государственных предприятий вовсе не отражают действительного товарного оборота, являясь простыми долговыми расписками»... Под «мертвые» склады готовых товаров на огромную сумму в золоте «выпускаются банкноты, ненужные для оборота»... «Выпущенные при таких условиях банкноты неминуемо при встрече с «частной экономикой», как ненужные для оборота, должны будут оцениваться сами по себе, и никакие ухищрения с монополией «иностранной валюты» им не помогут» (стр. 95). В подтверждение автор приводит таблицу падения покупательной способности червонца во второй половине прошлого года.

Другая опасность, по мнению Бернацкого, грозит червонцу со стороны «частной экономики». В недрах этой частной экономики, оказывается, «царит настоящий старый золотой рубль». На этот настоящий царский рубль автор возлагает большие надежды, ожидая, что он своим самочинным появлением ликвидирует советскую валюту, подобно тому, как королевские золотые монеты ликвидировали ассигнаты в эпоху первой французской революции.

Наконец, третья причина ожидаемой г. Бернацким гибели червонца и крушения реформы таится в советских финансах. Правда, и тут положение дел таково, что Советская власть может похвалиться крупными успехами, которые и белый финансист не в силах отрицать: «Конечно, нельзя отрицать некоторых успехов в финансовых достижениях Советской России; но это, по существу, вовсе не строительство, а более или менее организованный финансовый нажим на частное хозяйство» (стр. 101). Успех и здесь оказывается лишь «внешней картиной», «видимым благополучием», за которыми сказывается «трагический характер пролетарских финансов». Вывод автора: «Пока Советская власть упорно держится за «хозяйственные командующие высоты»,—за национализированную промышленность и транспорт, — неизбежны колоссальные бюджетные дефициты, а это неминуемо повлечет эмиссию банкнот в казначейских делах» (стр. 96).

Что касается «настоящего царского рубля», то «дружные свидетельства наблюдателей русской жизни» ввели г. Бернацкого в большое заблуждение. Предметом «стихийного стремления народных сил» является сейчас отнюдь не старый—с николаевским клеймом—рубль, а новый, с серпом и молотом. Именно так говорят «дружные свидетельства наблюдателей». Старый рубль вытеснен на задворке, и ожидать его воскресения было бы так же нелепо, как и воскрисения царского режима.

Другое дело—это положение и способы кредитования промышленности и дефицит. Что здесь некоторые опасности существуют,—отрицать нельзя. Но мы видим эти опасности не хуже Бернацкого, боремся с ними и с каждым новым днем реформы и каждым шагом в ее проведении уменьшаем угрозу с этой стороны. Нет сомнения, что в следующем номере «Экономического Вестника» г. Бернацкому придется, нехотя и с кислой миной, признать успех конца денежной реформы, точно так же, как он вынужден был признать успех ее начала.

Вторая статья—А. Парков «Борьба за курс червонца и интересы народного хозяйства в Советской России»—является блестящим подтверждением того, какое большое значение имеет монополия внешней торговли и активный торговый баланс для успеха нашей

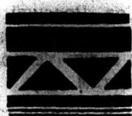
денежной реформы. Анализируя внутренний и внешний курс червонца, автор приходит к выводу, что Госбанку с большим успехом удалось поддерживать внешний курс червонца, чем внутренний. Это «свидетельствует о том, что для достижения удовлетворительных результатов внешнего курса червонца есть, несомненно, какие-то особо благоприятные обстоятельства, которых нет для сокращения внутренней покупательной силы червонца. Об этих обстоятельствах не трудно догадаться. Они кроются в том, что Советская власть искусственно изолировала народное хозяйство России от внешнего рынка и монопольно ведет и регулирует внешнюю торговлю» (стр. 110). «При настоящих условиях отсутствия внешних платежей по каким-либо другим обстоятельствам, кроме чисто-торгового, торговый баланс приобретает первенствующее значение в денежных расчетах между Сов. Россией и внешним рынком. Но Советская власть после первых лет торговли, когда закупка производилась на остатки золота, ведет теперь настойчиво и определенно борьбу за активный баланс» (там же).

Анализируя цифры ввоза и вывоза, автор приходит к заключению, что эта борьба успешна. «В последнее время баланс имеет тенденцию оставаться твердо активным». «Это обстоятельство, конечно, уменьшает необходимый спрос на иностранную валюту и создает благоприятные условия для удержания курса червонца в отношении к иностранной валюте. Кроме того, самый спрос на иностранную валюту монополизируется комиссариатом внешней торговли, имеющим возможность при участии комиссариата финансов регулировать цены на валюту (стр. 111).

Монополия внешней торговли и активного баланса,—продолжает автор,—дает возможность продления «нэп'а» и создает условия, при которых достигается видимость успехов в борьбе за внешний курс червонца. Стоит только разрушить те оковы, в которых находится внешняя торговля в Сов. России, как внешняя торговля оживится, спрос на иностранную валюту возрастет, что приведет к падению курса червонца» (стр. 112).

Попутно автор развивает свою программу по вопросу о внешней торговле. «Само по себе стремление к достижению активного баланса с точки зрения народного хозяйства должно быть рассматриваемо, как явление положительное». «Совершенно, конечно, бесспорно, что в России в будущем необходимо восстановить национальную промышленность» (стр. 111). Однако, эти общие правила оказываются непременимыми к Советской России, ибо тут дело идет о восстановлении «советской промышленности». Программа же автора заключается не в восстановлении, а в разрушении этой промышленности. Поэтому он не только ратует «за снятие оков» с внешней торговли и за свободный ввоз иностранных товаров, конкуренция которых не оставила бы, по мнению автора, и «следа» от советской промышленности, но согласен итти и на пассивный баланс: «Не страшен был бы первые годы и пассивный баланс, который, очевидно, неизбежен, и с которым надо бороться не изолированием России от внешнего мира, не потреблением создаваемых благ советским хозяйством, а восстановлением производительного частного хозяйства, с которым при иных условиях должен сотрудничать нужный нам иностранный капитал» (стр. 112).

Таким образом, „снятие оков“ с внешней торговли, которое вызвало бы падение червонца, допущение иностранной конкуренции, которая не оставила бы и «следа» от советской промышленности, а затем восстановление на развалинах советской промышленности «частного хозяйства» при сотрудничестве иностранного капитала. Такова экономическая программа эмиграции. Этой программе суждена участь тысячи других белогвардейских программ; она останется на бумаге,—на этот раз на бумаге «Экономического Вестника».

Редакция: Н. Бухарин. Ил. Вардин. Л. Каменев.

СОДЕРЖАНИЕ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 9 5 АВГУСТА

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Н. БУХАРИНА
ИЛ. ВАРДИНА
Л. КАМЕНЕВА

1 9 2 4
МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КРАСНАЯ НОВЬ

Главлит № 24 47 Тираж 30 000 экз.

4-я Типография „Мосполиграф". Москва, Армянский пер., д. 6.

Десятилетие мировой войны.

Пара недель понадобилась для того, чтобы весь капиталистический мир от Японии до Ирландии загорелся и — началась первая мировая империалистическая война. Пары недель оказалось достаточным для всемирного военного взрыва, ибо империализм целиком, во всех своих частях был подготовлен к тому, чтобы от одной искры загореться пламенем невиданных пожаров.

Война—это была величайшая победа капитализма и одновременно величайшее его поражение. Это была победа, ибо капитализм сразу все подчинил своей власти, своей воле,—даже и те силы, которые дотоле, казалось, находились в непримиримой вражде с ним: капитализм сразу выступил в качестве бесспорнейшего вождя и гегемона нации, всех ее классов. „Гражданский мир" означал „всеобщее" признание буржуазии единственным „спасителем" нации, государства, культуры.

Но одновременно война исторически была величайшим поражением капитализма, ибо она вскрыла его полное бессилие справиться со своими собственными противоречиями—без чудовищной растраты, разрушения расхищения колоссальнейших материальных благ, без уничтожения десятков миллионов человеческих жизней без того, чтобы в течение ряда лет превратить мир в одну гигантскую фабрику саморазрушения.

Основные итоги войны известны. По самой скупой официальной статистике убито 9.890.000, ранено 23.900.000. Количество убитых равно количеству населения всей Болгарии и Швеции. Количество увеченных равно количеству населения Швеции, Финляндии, Литвы, Эстонии, Болгарии. Военные издержки, не считая военных долгов, составляют около 500 миллиардов руб., военные разрушения — около 80 миллиардов руб. (одних пароходов потоплено на $3^1/_3$ миллиарда), материальные убытки от человеческих потерь — смерти, ранений, болезней — 15 миллиардов руб. Всего расходы, вызванные войною, и потери, вызванные войной, выражаются в сумме около 600 миллиардов руб. Что эта сумма означает?

До войны ежегодный национальный доход Америки выражался в сумме 70 миллиардов руб., доход Англии—22 миллиарда, Германии—21 миллиард, России—13, Франции—12, Австро-Венгрии—8. Всего шесть решающих стран мира получали ежегодно 146 миллиардов руб., т. е. $^1/_4$ того, что было загублено за четыре года четыре месяца войны. Кто, когда, какими путями, какими реальными средствами возместит человечеству эти неслыханные потери? Кто, когда, какими реальными средствами залечит эти раны, нанесенные миру капитализмом?

Империалистическая война исторически являлась величайшим поражением капитализма, империалистический мир обнаружил его

полнейшее банкротство—банкротство по линии политической, экономической, идеологической, банкротство решительное, непоправимое.

Начнем с идеологии. Ни одного слова правды относительно своей собственной войны империализм сказать не смел. Вся она была основана на невероятной лжи, на чудовищном обмане, лицемерии. В этом смысле война велась империализмом воровским способом. Этот способ мог удасться капитализму потому, что его целиком поддержала социал демократия. Но замечательно то, что капиталистические руководители мира не смели открыто проповедывать массам подлинные цели войны, ибо эти цели давным давно скомпрометированы, ибо подлинная военно-империалистская идеология—есть идеология бессмысленного чудовищного грабежа и насилия. Не смея говорить правду о своей войне, буржуазия творила легенды о войне „справедливой“, „освободительной“, о „последней войне“ во имя „права“ и „цивилизации“. Программа Вильсона, которую на словах принимали все империалисты, содержала в себе обещания об открытой дипломатии, о сокращении вооружений, об устранении всех „экономических барьеров“, о „всеобщей лиге наций в целях создания взаимных гарантий политической независимости и территориальной неприкосновенности как великих, так и малых государств“, и т. д. и т. п.

Программа Вильсона провозглашала „принцип справедливого отношения ко всем народам и национальностям и их праву на существование в одинаковых условиях свободы и безопасности в отношении друг к другу, все равно, принадлежат ли они к числу сильных или слабых народов. Если этот принцип не будет положен в самую основу международных отношений, то никакого международного права и справедливости быть не может“. Заключительные строки вильсоновской программы мира, оглашенной 8 января 1918 года, звучали так: „Наступил момент морального перелома, наступила последняя война за свободу человечества, и американский народ готов бросить на весы свое собственное могущество, свои высшие цели и стремления, самое свое существование и преданность идеалам“.

Такова была официальная программа и идеология войны всех воюющих держав, в том числе и вильгельмовской Германии, где также немало прекрасных слов было наговорено относительно „свободы“, „права“ и „справедливости“. Когда от слов перешли к делу, сначала в Германии и затем в странах Антанты эта вильсоновская программа, демократическая идеология войны, потерпела полнейший крах. Легенды о „справедливой“ войне были рассеяны, подлинные цели, подлинное лицо империализма раскрылось. И если широкие массы в войну вступали и войну проделывали, находясь под гипнозом „возвышенной“ идеологии империалистической войны, то уже после империалистического мира, сначала брестского, затем версальского, ценность этой великолепной идеологии для всех очевидна. Империализм лишился красивого идеологического прикрытия, ныне он стоит перед лицом человечества в виде чудовищного обнаженного зверя.

* * *

600 миллиардов, в том или ином виде загубленных на войне. Европа должна Америке 16 миллиардов руб., в том числе Англия 7 миллиардов. Союзники должны Англии 14 миллиардов, в том числе Франция—$4^1/_2$ миллиарда. Как, какими средствами, из каких реальных источников будут погашены эти долги? Когда и как будут созданы те новые богатства, часть которых может пойти на оплату долгов?

Победоносный антантовский империализм располагает при решении проблемы восстановления двумя основными источниками: 1) Германия, 2) „свой“ рабочий класс. Ограбление Германии все послевоенные годы шло весьма успешно, однако, воинствующая империалистская клика Франции добивается уничтожения Германии, как крупнейшей индустриальной державы, и окончательного упрочения военной и промышленной гегемонии Франции над Европой. Такое „решение“ репарационной проблемы резко обостряет внутренние отношения между союзниками. В итоге—новейшая попытка „справедливого“ решения вопроса в виде плана экспертов. Что касается другого источника „восстановления“—рабочего класса, то его эксплоатация за период наступления капитала (1921—23 г.г.) все возрастала. В 1924 г. намечается все возрастающая активность пролетариата, что „осложняет“ положение буржуазии, затрудняя ее работу по залечиванию ран послевоенного капитализма.

В чем сущность плана экспертов? По линии международной это означает: гегемония в Европе принадлежит не Франции, а Америке. С кем при этом Америка будет „сотрудничать“—с Англией или Францией,— этот вопрос окончательно еще не решен. По линии внутригерманской план экспертов означает переложение центра репарационных тяжестей на плечи рабочего класса. Репарационная доля германских рабочих увеличивается—ценою резкого ухудшения их положения. Но усиление эксплоатации немецкого пролетариата означает неизбежное ухудшение положения рабочего класса и других стран. Уже в международном масштабе капитализм восстанавливается ценою огромного понижения жизненного уровня пролетариата.

Но выработать „мудрый“ план экспертов не значит провести его в жизнь. Три основных препятствия лежат на пути осуществления этого плана.

Первое препятствие—Германия. Она „принимает“ проект экспертов, как приняла в свое время Версальский мир, как приняли мы в 1918 году Брестский мир. Всяческими путями осуществление этого плана Германия будет саботировать, при первой же малейшей возможности она попытается душащий ее репарационный план сорвать.

Второе препятствие—разногласия между Англией и Францией, Англией и Америкой. Лондонская конференция (июль-август 1924 г.), созванная в целях примирения расходяшихся точек зрения англо-франко-американской буржуазии, не даст этого примирения и дать не может, ибо ничего нового в политике Франции по существу нет, ибо Эррио продолжает Пуанкаре.

6 июля во французском сенате, после ораторской дуэли Пуанкаре-Эррио, между партиями национального блока и левого блока было достигнуто единогласие. Группа Пуанкаре во главе со своим шефом выразила доверие правительству Эррио потому, что заявления Эррио по вопросам внешней политики удовлетворили Пуанкаре и его партию. Но это значит, что серьезное, длительное примирение англо-французской политики становится невозможным.

Третье препятствие, стоящее на пути осуществления плана экспертов это—борьба германского и международного пролетариата против плана, в основе которого лежит безграничная эксплоатация рабочего класса. Каждая крупная стачка будет ударом по плану экспертов. Срыв попытки экономического закабаления пролетариата будет срывом этого „гениального" плана. Борьба в защиту 8 мичасового рабочего дня, борьба против уменьшения заработной платы это есть самая действительная борьба против репарационного плана мирового капитала... Проблема восстановления остается... проблемой.

Спасения ждут от Америки. Ллойд-Джорждж в книге „Мир ли это?" (Изд-во „Пучина" Ленинград-Москва, 1924 г.)— пишет:

„Существует ли единственная возможность справедливого и окончательного решения в деле репараций,—добиться присутствия представителя Северо-Американских штатов в учреждении, имеющем решить этот вопрос. Если Америка не примет участия в вопросе репараций: решение этого вопроса по существу будет отсрочено до роковогомомента непоправимого бедствия. Если Америка не может занять пустующего места в международном трибунале, который должен разрешить роковые для человечества спорные вопросы, то я не имею ни малейшей надежды на возможность какого бы то ни было улучшения в общем положении" („Мир-ли это?", стр. 55).

И вот, Америка пришла в Европу, точнее, вернулась в нее после ухода в 1919 году. Но оправдаются ли надежды бывшего премьера Британской империи? Спасет ли республика банкиров — Джек Лондон называл ее „республикой разжиревших свиней"—спасет ли эта великая республика доллара измученную истерзанную Европу? Ж. Кайо—бывший премьер Франции—иначе смотрит на дело, чем Ллойд-Джордж. В книге: „Куда идет Франция? куда идет Европа?" (Госиздат, 1923 г.) Кайо пишет:

„Одряхлевшая Европа стоит перед лицом Америки и других стран, находящихся в состоянии горячки и гипертрофии. Соединенные штаты, Япония, Канада, Австралия страдают от финансовой и экономической разрухи, от того, что не находят, как прежде, рынков на нашем полушарии и не получают больше оттуда фабрикатов (стр. 14).

Америка возвращается в Европу,—но у нее свои проблемы, свои кризисы. Она поддержит Европу, как веревка поддерживает повешенного. Америка будет „спасать" Европу в качестве своей.. колонии. В самом деле, с чем республика миллиардеров вернулась в Европу? В 1918—1919 г.г. значительные массы измученного войной мещанства и даже рабочего класса Европы от могущественной республики ждали чуда, ждали каких-то неиз'яснимых благ от Вильсона, от 14-ти пунктов его программы. Капиталистическая идеология войны не была еще разоблачена до конца, демократически-пацифистские иллюзии были еще сильны.

А теперь—с чем приходят Дауэс и Юз? С чем приходит Морган? Что несут они Европе, что несут Германии? План экспертов—какому из 14-ти пунктов вильсоновской программы соответствует он?

Заем в 200—300 миллионов рублей для Германии—вот то „чудо", которое обещает совершить моргановская „демократия", если.. если Европа будет вести себя прилично. Получив заем, Германия упрочит свои финансы и начнет аккуратно выплачивать репарационные суммы. А ее железные дороги, ее промышленность будет работать под „контролем" международного, т. е прежде всего и главным образом американского, капитала. „Контролируя" Германию, регулируя ее хозяйство, регулируя ее платежи, Америка тем самым фактически „контролирует" всю Европу, т. е. командует над Европой,—командует силою доллара.

Доллар—это самый передовой, самый ловкий самый бесцеремонный тип капитала. Что означает его гегемония в Европе? Будет ли это знаменовать собою торжество вечного мира и справедливости? Доллар приходит в Европу со всеми своими чертами и „привычками". К чему они сводятся? Жесточайшее колониальное подавление (Филиппины). Жесточайшее классовое подавление, бешеная борьба с рабочим движением, начиная от применения вооруженного штрейкбрехерства и провокации (пинкертоновщина), кончая фашизмом (Ку-Клус-Клан). Бесстыдные колониальные „революции" в соседних странах, обладающих ценными природными богатствами (нефть, золото и пр), с целью выставить оттуда соперничающий империализм („Мексиканские нравы"). Подкуп всех и вся, начиная от „социалистических" „рабочих" вождей и кончая министрами Жадность, тупость, ограниченность. Вот основные черты „спасающего" Европу доллара. Эти свои черты он неизбежно будет проявлять на каждом шагу. Стало-быть, не мир и покой, а кровь и ужас несет народам Европы республика миллиардеров.

Повидимому, „контролировать" Европу Америка хочет начать при сотрудничестве с Англией. Но одновременно из Южной Америки Англию американский капитал систематически и с большим успехом вытесняет. Для этой цели совсем недавно Америка в Бразилии сорганизовала маленькую „революцию", чтобы свергнуть там англофильское правительство. Кто может сомневаться в том, что в самое ближайшее время между Америкой и Англией начнется непримиримая борьба за окончательное утверждение господства над Европой, что доллар в широких размерах будет практиковать здесь свои мексиканско-бразильские опыты? Балканизированная Европа будет „мексиканизирована" и, пройдя через все колониальные испытания, будет закреплена за „республикой разжиревших свиней". От такой страшной перспективы Европу может спасти только пролетарская революция.

Но что означает тот факт, что капитализм довел Европу до состояния колонии, что Германия находится на положении колонии в колонии, что на почве разрешения репарационной проблемы центр Европы отдается американскому капиталу в полное распоряжение? На ряду с крахом идеологическим европейский капитализм потерпел крах экономический, исторического права на существова-

ние он более не имеет. Место обанкротившейся буржуазии должен занят пролетариат. Европа должна стать союзом советских республик. Только тогда она возродится к новой самостоятельной жизни. Только тогда колониальный гнет будет избегнут.

* * *

Как послевоенный капитализм решает политические и социальные проблемы? Начнем с вопроса о мире. Ллойд-Джордж в в своей книге: „Мир ли это?"—пишет:

„Европа стала милитаристичнее, чем когда бы то ни было. Экономическое восстановление Европы надолго отсрочено возникновением нового милитаризма. Старый континент бросает собакам войны тот хлеб, которым он должен был бы питать своих детей. Наступит день, когда эти псы в своей кровожадности бросятся на детей и пожрут их. Все как будто ждут в полном вооружении первой возможности снова начать резню. Европа является кипящим котлом адской ненависти между народами. Могущественные люди распоряжаются запасами топлива, разводят костер и раздувают его пламя". („Мир ли это?" Стр. 131).

В 1913 году в Европе под ружьем находилось 3.747.179 солдат, в 1922 году их было уже 4.354.965. И это после того, как Германия, Австрия, Венгрия, Болгария разоружены, а Советский Союз имеет армию вдвое меньшую, чем имела царская Россия. Но дело не только и не столько в количестве штыков и пулеметов, сколько в характере тех средств разрушения, которыми разпологает послевоенный капитализм. Авиация, военная химия, артиллерия—во всех этих областях сделаны гигантские успехи и делаются все новые и новые успехи. В распоряжении капитализма нет силы, которая была бы способна положить предел беспрерывному лихорадочному росту чудовищных средств разрушения, отравления, удушения, заражения (холерными, тифозными и т. п. бациллами). Появление „левых" министерств в Англии и Франции не меняет ничего: аппарат войны работает во славу империализма, не взирая на то, какие министры приходят и какие уходят. Ведь смена кабинетов не означает „смены" господствующей капиталистической системы. Америка, которая в глазах обывателя выступает в роли „миротворца", сама занимает виднейшее место в бешеной скачке вооружений, при чем, она близка к тому, чтобы обогнать здесь своего главного соперника—Англию.

В итоге, в десятую годовщину войны, после 6-ти лет мира—„Европа без мира", „Европа над бездной" (Выражения Фр. Нитти — бывшего премьер-министра Италии). Буржуазная Европа над бездной. Она неизбежно мчится в пропасть и тянет за собой трудящиеся массы. Всей Европе грозит гибель, если пролетариат не сбросит в пропасть обанкротившуюся, прогнившую буржуазную командующую верхушку...

Как послевоенный капитализм решает вопросы национальный и колониальный? До войны узлом национальных противоречий и конфликтов являлись на Западе Австро-Венгрия и Балканы. В результате Версальского мира не решена правильно и полностью ни одна национальная проблема. Балканы кипят в котле национальных противоречий сильнее, чем когда-либо. Вопросы македонский, хорватский, бессарабский и т. п. оказались неразрешимыми для буржуазии. Польша раздирается национальной борьбою белоруссов, галичан, украинцев. „Демократическая" Польша своей шовинистской политикой решительно восстановила против себя так наз. „национальные меньшинства". Крах национальной политики буржуазной Польши со всей определенностью вынуждена констатировать даже эмигранская печать в лице газеты „Последние Новости"—органа Милюкова.

Версальский мир создал новую национальную проблему—немецкую. Вопрос о немецких меньшинствах остро стоит в Польше и Чехо-Словакии. „Немецкий вопрос" обостряется тем, что Антанта не позволяет Австрии, лишенной в ее теперешнем виде возможности жить,—присоединиться к Германии.

Мы отметили только главнейшие национальные узлы послевоенной Европы. На-ряду с ними имеются десятки менее значительных по размаху, но не менее острых по характеру национальных конфликтов между старыми и новыми государственными образованиями Европы. Буржуазия может эти конфликты обострять и углублять, но мирно ликвидировать их она не имеет никакой возможности. Война была начата под лозунгом защиты „слабых народностей". Империализм не защитил ни одной действительно слабой народности,—он поставил десятки из них в условия новых насилий и угнетений.

Колониальный вопрос буржуазия решает совсем просто—тут все остается по-старому: колонии—собственность „великих держав", этим все сказано. В Индии, Китае, Марокко, Месопотамии империализм ведет беспощадную войну против всяких освободительных стремлений. „Полевение" правительств и в этом отношении не имеет никакого значения. Великобританскую политику империалистического насилия и угнетения с успехом продолжает „рабочий" министр Томас, по приказу которого английские аэропланы бомбардируют месопотамских повстанцев и который очень много говорит о преданности рабочего класса Империи. А „социалистический" премьер Англии Макдональд в первые же недели своей власти тоном русского царя крикнул индусам, чтоб они бросили всякие надежды насчет независимости.

В отношении колониальных и полу-колониальных народов Востока империализм признает только один аргумент—насилие. Никаких компромиссов он здесь не допускает. Народам Азии и Африки остается одно: империалистическому насилию противопоставить революционное насилие.

Перейдем к рабочему вопросу. В тайной записке, предназначеной для руководителей Версальской мирной конференции, Ллойд-Джорж в 1919 году говорил:

„Европа охвачена революционным настроением. В груди рабочих живет глубокое чувство, но не чувство недовольства, а чувство злобы и возмущения против довоенных условий жизни. Мы никогда не добьемся длительного успокоения, если мы поставим себе целью создать те же условия существования, какие были в 1914 году".

Итак, вождь английской буржуазии констатировал у пролетариата „чувство злобы и возмущения против довоенных условий жизни“. Он считал, что в результате мира буржуазия должна дать рабочему классу лучшие, чем до войны, условия жизни, чтобы примирить его с капитализмом. Очевидно, исходя из этого соображения Версальская конференция организовала Бюро Труда при Лиге Наций, а в 1919 г в Вашингтоне на специальной всемирной конференции представителей правительств, хозяйских и рабочих профессиональных организаций был признан в качестве нормального рабочего дня 8-ми часовой день. Всеми этими мероприятиями буржуазия, в момент всеобщего под'ема революционной волны, пыталась ослабить в рабочем классе „злобу и возмущение“ против капитализма.

Но ныне, в десятую годовщину войны, где та страна, в которой рабочему классу живется лучше, чем жилось до войны? Такой страны нет в мире. В результате войны пролетариат в своей массе повсеместно получил ухудшение условий труда. Капитализм за счет пролетариата воевал, теперь за его счет „чинится“, совершает новые авантюры, готовится к новым войнам. Совершенно естественно, довоенные условия жизни вызывали у миллионов трудящихся „чувство злобы и возмущения“. Какие же чувства должны вызывать нынешние условия жизни? Что должен думать и делать пролетариат, когда буржуазия не смеет даже обещать ему улучшение положения в ближайшие годы?

Новый „демократически-пацифистский“ период никаких изменений в положении пролетариата, разумеется, не вносит. Подобные вопросы решаются не доброю волею министров, а борьбою классов. С этой точки зрения весьма поучительно сравнить два „демократически-пацифистских“ периода. В 1919 году в Вашингтоне 8-ми часовой рабочий день узаконяется, 1924 год идет под знаком ликвидации 8-мичасового рабочего дня. В Германии, Италии, Венгрии, Польше это крупнейшее завоевание пролетариата ликвидировано. Буржуазия пытается победу, одержанную над пролетариатом средней Европы, превратить в общеевропейскую—ликвидировать 8-мичасовой рабочий день повсеместно.

В области заработной платы и охраны труда то же самое: в 1919-20 г.г. пролетариату уступают, ныне против рабочего класса ведется энергичнейший поход, ныне капитал всячески „экономит“ именно на пролетариате.

Почему такая разница—ясно всякому: 1919-1920 г.г.—это эпоха наступления пролетариата, эпоха мирового большевизма. Ныне пролетариат решительного наступления не ведет, инициатива находится еще в руках буржуазии и потому она не считает себя вынужденной делать пролетариату широкие уступки.

Но картина банкротства капитализма по линии политической и социальной очевидна. Вопросы войны и мира, национальный, колониальный, рабочий вопросы послевоенным капитализмом не только не разрешены - они обострены, углублены, расширены. Есть единственный путь для их действительного решения: революция.

* * *

В чем историческая задача пролетариата в нынешнюю эпоху войн и революций? В том прежде всего, чтобы использовать гигантский кризис капитализма, воспользоваться его полнейшим

банкротством и свалить его. Война означает прямую диктатуру умирающего капитализма. Историческим ответом на капиталистическую диктатуру может и должна явиться революционная диктатура пролетариата. Банкротирующая буржуазия революционно сменяется рабочим классом. Империалистической войне противопоставляется война гражданская, империалистическому плану восстановления—социалистический план восстановления. Задачу революционного свержения буржуазии и установления диктатуры пролетариат разрешит в том случае, если им руководит своя революционная партия.

Какова роль социал-демократии с точки зрения выполнения пролетариатом его исторической задачи? Она признала империалистическую войну — установила гражданский мир, голосовала военные кредиты, входила в буржуазные министерства. Социал-демократия признала Версальский мир, признала план экспертов. Она всячески помогает капитализму в его попытках преодолеть политические и экономические кризисы.

Империализм продолжает разбойничью внешнюю политику. Социал-демократия поддерживает эту политику, голосует кредиты на вооружения, соучаствует в подготовке новых войн. Однако, все это не мешает ей на словах выступать против войн, публиковать анти-военные резолюции и манифесты, даже угрожать в стучае войны политической стачкой. Все это—чудовищный обман масс, которые при первых же выстрелах будут преданы в руки военщины.

Социал-демократия вместе с фашизмом — охранной гвардией капитализма—обрушивается на пролетариат каждый раз, когда он, восстает против капитализма. Социал демократия саботирует, дезорганизует борьбу пролетариата в защиту его экономических позиций.

Словом, в войне и мире, в ошибках и преступлениях, во внутренней, как и во внешней политике социал-демократия покорно следует за буржуазией. У нее нет более программы, которая угрожала бы существованию капитализма, и нет тактики, кроме той, которая наиболее прочно привязывает пролетариат к колеснице империализма. Вместе с капитализмом мировая социал-демократия делит банкротство идеологическое, экономическое, политическое.

В чем теперь основное назначение социал-демократии? В том чтобы затруднить пролетариату понимание его исторических задач, чтобы убить в нем стремление решительной революционной борьбы с капитализмом. Величие и сложность эпохи требуют от пролетариата небывалой широты мысли, гигантского размаха, постановки перед собой великой задачи переустройства мира. Социал-демократия всячески отвлекает рабочий класс от широких исторических задач и пытается сосредоточить все его силы и внимание на вопросах будничных, повседневных. Она пытается уверить пролетариат, что он не способен к руководящей роли в стране, что он „пропадет“ без буржуазии.

25 лет тому назад Карл Каутский энергично боролся против Бернштейна за то, что он пытался „обескуражить пролетариат посреди борьбы недооценкой, без всяких оснований, его политических способностей“. Ныне этим „обескураживанием“ занимается вся международная социал-демократия,

во главе с тем же Каутским. Подчеркивая обязанность социал-демократии в отношении „расширения горизонтов пролетариата за пределы его минутных и профессиональных интересов“, 25 лет тому назад Каутский писал:

„Мы ставим перед ним (пролетариатом, И. В.) высокие цели, благодаря которым он сам начинает жить более высокой духовной жизнью; мы возносим его над мелкой будничной работой, которая необходима и настойчиво выдвигается самой жизнью, но именно поэтому сам пролетариат навязывает ее нам, при чем нам не нужно особенно горячо напоминать о ней. Постараемся же, чтобы мания ничтожества не деградировала пролетариат и его цели, чтобы дальновидную принципиальную политику не заменил переменный курс применительно к отдельным случаям, иными словами, чтобы трезвая будничность не взяла верх над идеализмом, чтобы не исчезло сознание громадных исторических задач, поставленных перед пролетариатом“. („Ответ Бернштейну“, стр. 241, изд. „Буревестник“, Одесса, 1905 г.).

То, что 25 лет назад делали бернштейниянцы, то ныне делает вся международная социал-демократия. Эта партия неустанно работает над тем, чтобы пролетариатом овладела именно „мания ничтожества“, чтобы он „деградировал“, опустился, забыл про свои великие цели, слился с ограниченным и тупым, „трезвым“ и „практичным“ мещанством. В море повседневной житейской мелочи, в болоте жалкого крохоборчества социал-демократия готова утопить основные исторические цели пролетариата. Нет уже более разговоров о том, чтобы перед рабочим классом ставить „высокие цели“, чтобы втягивать его в „более высокую духовную жизнь“. Все усилия социал-демократии направлены к тому, чтобы превратить рабочий класс в идейного нахлебника и приживальщика буржуазии.

Духовное старчество, дряблость, ограниченность, трусость—вот черты мирового меньшевизма, которые он пытается навсегда привить пролетариату. Второй Интернационал, это— Интернационал шамкающих стариков. Там даже физически юные являются духовно и политически дряхлыми. Все они думают, чувствуют, живут мыслями, настроениями, переживаниями последней четверти 19-го века. Социал-демократия, как и капитализм, это исторические покойники, которые еще не погребены.

Коммунизм—вот партия грядущего, вот партия молодых, смелых, дерзких. Вот кто отражает дух, запросы, веления новой эпохи—эпохи войн и революций. Вот кого не затронет „мания ничтожества“, вот кто ставит перед пролетариатом „высокие цели“, ведет его к великим историческим битвам и победам.

* * *

Какие изменения произвела война в мировой обстановке? Она еще более запутала основные противоречия капитализма. Она усилила гнет над классами и нациями, она увеличила нищету сотен миллионов, она разрушила слишком много, не создала взамен ничего.

Но на-ряду с войною действовала революция, из империализма вышедшая и империализм убивающая, революция, которая по-своему решает основные проблемы человечества. И если десятилетие войны не является триумфом капитализма, если над угнетенными классами и нациями не веет духом отчаяния и безнадежности, если, наоборот, буржуазию охватывает ужас перед лицом навороченных ею, неразрешимых для нее противоречий, то это потому, что революция была, есть и будет, что пушки стреляют не только по приказу империализма, но и против империализма.

Революция ликвидировала три империи—уничтожила давившую над всем миром чудовищную машину военно-полицейского насилия. Первый раз в истории, в России она привела к власти пролетариат, в Германии победу пролетариата сделала исторически очередной задачей. Революция избавила: Россию от полу-колониальной зависимости англо-французского капитала, Турцию—от неминуемой гибели, которая была предрешена стоящими на страже цивилизации „великими державами“. Революция пробудила и подняла против империализма сотни миллионов колониальных и полу-колониальных рабов капитала. Народы Востока на опыте убеждаются, что гнет империализма ослабевает по мере усиления революционного движения, что гнет империализма падает там, где побеждает пролетарская революция.

Революция только начала свое победное шествие. Угнетенное человечество приведено уже в движение, и никакая сила в мире не загонит более порабощенные империализмом классы и нации в спокойное стойло „нормального“ капитализма. Новая попытка „пацифистски-демократическими“ фразами обмануть массы—потерпит позорный крах. На деле не будет ни пацифизма, ни демократизма, ибо империализм остается в полной силе, ибо финансовый капитал командует над миром с небывалой откровенностью и цинизмом. Пацифизм, мирное сотрудничество, мирное соревнование невозможно, ибо невозможно мирными путями разрешить разрывающие капитализм противоречия. Пацифизм на деле невозможен,— возможна пацифистская фраза, возможны плохо прикрытые маневры под флагом пацифизма и демократизма.

Империализм в качестве основной решающей силы остается, и его войны тоже остаются. Нет иного пути для борьбы с империалистическими войнами, чем тот, который указывает Ленин:

„Нельзя вырваться из империалистской войны, из порождающего ее неизбежно империалистского мира,... нельзя вырваться из этого ада иначе, как большевистской борьбой и большевистской революцией . . . .

...Из империалистской войны, из империалистского мира вырвала первую сотню миллионов людей на земле первая большевистская революция. Следующие революции вырвут из таких войн и из такого мира все человечество“.

Ил. Вардин.

Эпоха войн и революций.

Наступает десятая годовщина мировой войны. Эррио и Макдональд—очередные спасители буржуазной Европы—на сто первой конференции снова и снова «укрепляют» всеобщий мир, порядок и благоденствие—на основе сотрудничества классов и гражданского мира между ними.

А в Москве окончил свои заседания 5 конгресс Коминтерна—конгресс мировой революционной партии, партии непримиримой классовой борьбы—гражданской войны с империализмом.

Реформа или революция? Восстановление капитализма «демократически»-фашистскими средствами или его революционное крушение?

* * *

Понять текущую политическую обстановку, составить правильный взгляд о перспективах, можно только, подходя к вопросу, *исторически*, взяв сравнительно широкое историческое поле для обозрения. Тот, кто оперирует только фактами текущего дня, кто не способен связать сегодня с историческим вчера, тому не дано правильно наметить и решение вопроса о перспективах.

Если взять отрезок времени примерно от начала второго десятилетия XX века и до наших дней, то мы констатируем *смену ряда исторических периодов*, когда рабочий класс то поднимается к борьбе, то снова уходит вглубь себя, чтобы снова подняться к более широкой борьбе. За сравнительно короткий срок—примерно 12—14 лет, мы насчитываем *пять* сменивших друг друга периодов.

Предвоенные годы проходят во всем мире под знаком *обострения классовых и национальных конфликтов*. Небывалые дотоле в Европе забастовки (Англия, Франция, Германия), массовое движение трудящихся городов на почве дороговизны, широкая политическая борьба против милитаризма, ряд революций на Востоке, первые брожения в колониях свидетельствовали о начале новой эпохи. В полосу лихорадочного состояния мир вступил еще после революции 1905—1906 г.г. Разгоравшийся пожар классово-национальной освободительной борьбы был потушен войной.

Военные (1914—1918) годы это—период «гражданского мира» между классами, когда пролетариат, руководимый социал-демократией, отказывается от самостоятельной классовой политики, когда он свои интересы подчиняет интересам защиты своего «отечества». Империализм торжествует по всей линии, он победил социализм, он подчинил его своей не только материальной, но и *духовной* власти. Империализм выступает в качестве бесспорного вождя нации, его идеология побеждает, пропитывает собою все идеологии,—за одним только исключением: большевизм, коммунизм не делает ни единой уступки империализму. Но большевизм в этот период—еще идея, не овладевшая массами и, следовательно, не ставшая *силою* в исторической борьбе.

1918—1920 г.г.—эпоха «мирового большевизма». Политическое могущество буржуазии расшатано, экономическая система капитализма подорвана. Массы требуют реализации широких обещаний военного периода. Массы «заражены» великим примером победы большевизма на востоке Европы. Возникает *Коммунистический Интернационал*—основная задача которого *развернуть российскую пролетарскую борьбу и победу—в борьбу и победу европейскую*. Мировая буржуазия отвечает на это наступление революции комбинированными средствами: внутри ведет «умеренную», «демократическую» политику вильсонизма, коалируется с социал-демократией, идет на ряд частичных уступок пролетариату, во вне предпринимает бешеное контр-наступление против революции: *интервенция* это—попытка мирового капитала затушить российский революционный очаг, заделать гигантскую брешь, образовавшуюся в здании империализма. Итог: мировой большевизм потерпел поражение в том смысле, что он не смог победить в *европейском* масштабе, империализм потерпел поражение в том смысле, что он не смог победить российскую революцию Отступив в борьбе с буржуазной Европой, большевизм «окопался» на неприступной советской земле. Отступив от советских стран, империализм перешел в наступление против внутреннего большевизма, против всего рабочего класса.

Наступление капитала (1921—1923 г.г.) по линии политической прежде всего означает захват власти партиями крайней реакции (в Англии—консерваторы, во Франции—национальный блок, в Италии—фашисты, в Германии—блок буржуазных партий, в Польше—народовые демократы, в Испании—фашисты, в Болгарии—фашисты, в Швеции—консерваторы). Умеренные, либеральные представители буржуазной реакции (в Англии—Ллойд-Джордж, во Франции—Бриан, в Италии—Факта, в Германии—Вирт, в Польше—Витос, в Швеции—Брантинг) отходят на второй план. По линии экономичесокй наступление капитала означало повсеместный планомерный нажим на позиции, завоеванные рабочим классом в эпоху мирового большевизма (8-часовой рабочий день, заработная плата, охрана труда).

Социал-деомкратию в состав правительств буржуазия больше не «принимает», в коалиции с меньшевизмом окрепшие буржуазные партии более не нуждаются. Когда, вследствие измены социал-демократии, рабочий класс приведен в состояние обороны, когда—при деятельнейшей поддержке меньшевистских партий капитализм упрочился, и он победоносно наступает—услуги лакейских социал-предательских партий более не нужны. «Отставка» совершенно не смущает и не огорчает осциалдемократию: она исполнила долг перед «отечеством», она спасла страну от ужасов «анархии»,—теперь все должно пойти «нормальным» порядком, т.-е. у власти должна стать «настоящая» буржуазия. Социал-демократия с облегчением сердечным провозглашает на весь мир «окончательное» упрочение капитализма, «окончательный» крах всех революционных «иллюзий». Наступившая эпоха,—заявляет теоретик русского меньшевизма Дан в своей книге в 1922 году,—это эпоха «*после* войн и революций», эпоха мирного сотрудничества наций, государств, классов, эпоха реформ и постепенного процветания на почве демократии. Революции—насильственной большевистской революции, той, которая рисовалась пылкому воображению «утопистов» Маркса, Энгельса, Лассаля, Бебеля,—такой революции не будет более никогда.

Так говорил теоретик российского меньшевизма. То же самое вещал и теоретик мирового меньшевизма Карл Каутский в книге: «Про-

летарская революция и ее программы». Насильственные перевороты допустимы—вернее, *были* допустимы лишь в прошлом, и только в отношении феодально-монархических, абсолютистских правительств. Но восставать против буржуазно-демократических правительств—это безумие, варварство. На почве демократии, в рамках демократии пролетариат, под руководством его наиболее сознательной, наилучше организованной, «процветающей части» (выражение Каутского) сможет постепенно, сначала в коалиции с буржуазией, а потом и самостоятельно, притти к власти: Маркс и Энгельс думали, что в переходный от капитализма к социализму период будет необходима диктатура пролетариата. Каутский считает, что это заблуждение: «естественной» формой власти в переходный период является не диктатура, а... *коалиция*. На основе этой ренегатской, отреченской, ликвидаторской программы *консолидируется* мировая социал-демократия в эпоху победоносного наступления мирового капитала.

А в 1918—1920 г.г., когда наступал пролетариат, когда буржуазия находилась в состоянии растерянности и даже паники, когда ее власть висела на волоске, социал-демократия была разбита на две части и действовала на основе двух программ. Правая часть, об'единенная во II Интернационале, целиком стояла на почве демократии и коалиции и *активно* воевала против революции—в союзе с военщиной, полицией, буржуазно-дворянской белой гвардией. (В Германии Носке—Шейдеман, в Польше Пилсудский—Дашинский, в России меньшевики активисты и т. д.). Левая часть социал-демократии, об'единенная в 2½ Интернационале, (Мартов—Дан в России, Криспин—Гильфердинг в Германии, Бауер—Адлер в Австрии и т. д.), выставляла лозунг «сочетания» диктатуры и демократии, советизма и парламентаризма, допускала ограничение политических прав имущих классов, декларировала необходимость революционного завоевания власти пролетариатом, но на всех этапах борьбы удерживала пролетариат от решительных действий, путалась у него в ногах, убивала в нем дух борьбы и всем этим *помогала* буржуазии удержать свои позиции, окрепнуть, а затем перейти в наступление. Когда социал-демократии показалось, что положение мирового империализма достаточно упрочилось, что революционные «иллюзии» в европейском рабочем классе надолго выветрились, она стянула свои фланги и в мае 1923 года на Гамбургском конгрессе образовала единый «социалистический» «рабочий» Интернационал. Основной для всякого класса вопрос о власти «социалистический» Интернационал оставил «*открытым*»! Но фактически, разумеется, конгресс целиком стал на почву коалиционного сотрудничества классов. «Социалистическим» министрам лишь предлагалось на время пребывания в буржуазном министерстве выйти из состава Исполкома Интернационала... О советизме и революции никто более не вспоминал. Ибо *социал-демократия об'единилась на основе капиталистической победы* и она хотела, чтобы эта победа была длительной, прочной, если не «вечной».

Новый перелом в мировой обстановке наметился во второй половине 1923 г. Надежды социал-демократии не оправдались: «нормальное» господство буржуази заколебалось слишком быстро. Пролетариат от обороны постепенно стал переходить к контр-атакам, предпринимать встречные бои, подготовлять наступательные действия—как по линии экономической, так и по линии политической. *Усиление активности пролетариата революционизирующе подействовало на значительные круги мелкой буржуазии*, ничего хорошего не получившей от укрепления

«нормальной» крупно-буржуазной власти. В результате, период от августа 1923 года по июнь 1924 года характеризуется общим постепенным усилением революционного и оппозиционного движения в Европе. Германские события осени 1923 года, революционные бои в Болгарии и Польше, поражение консерваторов в Англии и национального блока во Франции, кризис фашизма в Италии, поражение консерваторов в Японии—все эти факты свидетельствуют о том, что обстановка начала меняться в неблагоприятную для империализма сторону. С этой точки зрения большое *показательное* значение имеет оформление левого крыла в Амстердамском профсоюзном Интернационале, выступление левых вождей (Фиммен, Персель, Кук) с левыми речами на Венском (июнь 1924 г.) конгрессе этого Интернационала. В. И. Ленин учил нас оценивать «полевение» социал-демократических и профсоюзных вождей прежде всего и главным образом с той точки зрения, что это «полевение» *отражает* в слабой и приблизительной степени *действительное полевение рабочей массы, действительный рост ее сознательности и активности*. Когда социал-демократия «левеет», это вернейший признак того, что в глубинах пролетариата назревают великие события. «Леветь» начали профсоюзные вожди, ибо профсоюзы ближе, непосредственнее связаны с массой, чем развращенные сотрудничеством с буржуазией, поглощенные парламентскими комбинациями и махинациями, оторванные от рабочего класса партийные вожди. Но с расширением и усилением революционного движения постепенно будет оформляться и «левое» крыло социал-демократии. Осенью 1923 года революционная борьба германсокго пролетариата разрывала на части германскую социал-демократию. Ее спасла от развала победа буржуазии, после того, как она предварительно спасла... самую буржуазию. Ныне об'единенная социал-демократия повсюду служит опорой «демократической» власти. Однако, новая революционная борьба масс безжалостно *растреплет* социал-демократию, а победа пролетарской революции *ликвидирует* ее...

Да, «нормальное», так сказать, «единоклассовое» правление буржуазии оказалось недолговечным. На авансцену снова выдвигается отвергнутая так недавно вильсоновская всеспасающая, всеблагая «демократия», снова к власти призывается социал-демократия. О чем говорит этот факт? Почему вдруг настала «новая эра» вильсонизма? Что означает столь быстрое возвращение меньшевизма из «отпуска»?

Ответ один. Капитализм настолько внутренне прогнил, настолько он по сути дела беспомощен перед лицом гигантских противоречий, затруднений, проблем, настолько он не способен наладить нормальную жизнь, что как только пролетариат снова зашевелился, как только проявились первые признаки его активности, командующие группы буржуазии оказались вынужденными снова прибегнуть к помощи, к поддержке «процветающей», подкупленной, развращенной верхушке пролетариата, руководимой социал-демократией. Перед ней снова ставится задача: еще и еще раз помочь буржуазии выпутаться из трудного положения, еще и еще раз спасти ее от гнева пробуждающегося пролетариата. Стало быть, *«новая эра» свидетельствует не о силе, а о слабости, о внутренней подточенности капитализма*. Меньшевиков призвали вновь потому, что дела буржуазии очень плохи. Это она чувствует великолепно. Эррио в палате депутатов при обсуждении правительственной программы заявил буквально следующее:

«Мы стоим накануне очень больших затруднений. 1925 год—опасный год. Необходимо много осторожности и предусмотрительности».

Да, буржуазия не от хорошей жизни призывает Макдональдов, Ренoделей, Staунингов (датский премьер-министр), не от хорошей жизни призовет завтра Вандервельдов и Туратти. *Одного факта возвращения к власти социал-демократии было бы достаточно для того, чтобы заключить о глубочайшем кризисе империализма.*

Но если присмотреться поближе к послевоенному капитализму, то какая же картина открывается перед нами? В области *экономики* никто не верит в длительность и прочность хозяйственной стабилизации и хозяйственных успехов буржуазии. Не успели литературно-политические лакеи капитализма сочинить первые восторженные брошюры об «изживании» кризиса, как им уже приходится бить отбой: уже появились первые трещины в хозяйственно-производственной «твердыне» Америки, Англии, Германии, стонут от промышленного кризиса Польша и Румыния. Преданнейший буржуазии экономист Петр Струве об'яснил недавно в белой печати «секрет» небывалого промышленного процветания Америки: производилась гигантская работа по «починке» страны, по переоборудованию промышленности. За время войны,—говорит Струве,—все было запущено, никто не думал о ремонте, о строительстве, о замене изношенных машин новыми и т. д. Теперь Америка взялась за все это, и развернула небывало широкую работу по изготовлению средств производства, по ремонту старых и постройке новых домов, по проведению железных дорог, изготовлению автомобилей и т. д. На основе усиления производства расширился и внутренний рынок. Но вот средства производства готовы, дома построены, на каждые 5 человек приходится один автомобиль,—и... сокращается производство, ибо больше машин и домов не нужно. Придется еще больше сократить производство, ибо рынков недостаточно—гниющая Европа покупать не может, внутри фермеры разоряются и бегут в города. (Струве говорит, что чудовищно разбухшее во время войны сельское хозяйство Америки неизбежно должно сжаться до размеров довоенных). В перспективе—гигантский кризис промышленности, углубление и расширение кризиса сельского хозяйства.

Америка неизбежно идет к кризису, Европа по сути дела не выходила из состояния глубочайшего кризиса. *Неустойчивость валют наиболее ярко отражает* неустойчивость всей экономики. Милитаристическая горячка свидетельствует о том, что мир во власти слепой, безумной капиталистической стихии. Безработица для ряда стран, и прежде всего для Англии попрежнему является труднейшей проблемой. Основной для Европы вопрос о репарациях еще очень далек от разрешения, несмотря на план экспертов, несмотря на одобрение этого плана всеми буржуазными и социал-демократическими партиями, всеми правительствами. План экспертов натолкнется на решительное сопротивление пролетариата. Международный капитал увидит, что не все его планы осуществляются на деле. Чем больше будет проявлять себя поднимающийся к новой борьбе пролетариат, тем больше *добавочных* трудностей будет накопляться на пути буржуазии.

Подводя итоги французским выборам, вождь «левого» либерализма Милюков, писал:

> «Послевоенная жизнь в Европе продолжает быть трудной и тяжелой. Шесть лет прошло с тех пор, как народы сложили оружие, подписали договор о мире, а их правительства приступили к нахождению «устойчивого равновесия» государственной жизни. Работа движется, но в определенный срок избирающий народ в день выборов своим вотумом показывает то давление, которое испытывает народный барометр.
>
> «*Переменчивое*» — так можно охарактеризовать давление 1924 года в Западной Европе. *Выход еще не найден*, и, очевидно, что *вызвать бурю легче, чем потом «faire le beau temps» (делать хорошую погоду)*.
>
> (См. «Последние Новости», 13 мая 1924 г.).

«Переменчивое!» Либералу угодно дать метеорологическое название тому социально-политическому *сдвигу*, который происходит в массах. Но он понимает, что дело идет о серьезном. «Выход еще не найден». Капиталисты за шесть лет не нашли этого выхода, хотя никто им не мешал, никто их не блокировал, не осаждал, хотя они при всей разрухе, созданной их войной, располагали огромнейшими богатствами, опирались на превосходный аппарат, на богатейшую культуру, знание, навык. Все-таки «выход еще не найден», и поэтому очень легко можно «вызвать бурю». Какую? Милюков прозрачными намеками дает ответ. Он пишет:

> «Война не только разрушила Европу, но она переменила и *ожесточила* народную психологию... Сложив оружие, народ остался тем же народом, перенесшим всю тяжесть борьбы, принесшим неисчислимые жертвы, и он требует теперь себе за это *лучшей жизни*. Пока не будет достигнуто этого, «кризис парламентаризма» будет длиться там, где он есть, а где его нет—там *придут другие кризисы, но уже с явлениями едва ли «парламентарного характера»*.
>
> (Там же).

Вот откуда, значит, угрожает «буря»! Народ требует «лучшей жизни», а империализм дает жизнь худшую, чем довоенная, и с перспективой на ее дальнейшее ухудшение. Империализм грабит, угнетает, доводит до состояния нищеты не только пролетариат, но и *средние слои*—мелкую буржуазию, интеллигенцию. Но массы уж не те, какими они вошли в войну. Их «психология» изменена и «ожесточена». Сегодня они вызывают в решающих странах Европы парламентские кризисы. Но завтра, если буржуазия все еще не найдет «выхода», массы создадут империализму «другие кризисы, но уже с явлениями едва ли парламентского характера»—массы создадут *революционный кризис* империализма. Вот это и значит—«переменчивое».

И вот почему все мыслящее в буржуазии об'ято тревогой, вот почему печать неуверенности и неустойчивости лежит на всем, что делает буржуазия. Весьма, с этой точки зрения, показательно состояние нынешних парламентов. В Англии, Франции, Германии нет устойчивого парламентсокго большинства, стоящие у власти правительства опираются на комбинации разнородных сил, на непрочные, ненадежные коалиции. В самих парламентах—небывало резкие столкновения, постоянные скандалы, постоянные драки,—общая нервность и неустойчивость... Так бывает, когда создается положение «переменчивое», когда в воздухе пахнет приближающейся «бурей».

Полное бессилие парламентов еще Л. Мартов вынужден был констатировать в 1922 году в споре со своими,—как он их называл,—«либеральными социалистами». Мартов говорил о «фашистском коррективе» к парламентаризму, о всевластии банков, бирж, военщины, фактически сведших роль парламентов к нулю. Это было сказано в эпоху наступле-

ния капитала. Но кто скажет, что в нашу «демократическую» эпоху «фашистский корректив» менее чувствителен, что Макдональды и Эррио не находятся во власти империалистических концернов, банков, трестов, во власти военщины?.. Буржуазия сама себя лишает фактически парламентского прикрытия. Так бывает, когда появляется нечто «переменчивое»...

От «левого» кадета перейдем к «левым» меньшевикам. Как они смотрят на положение, на «судьбы капитализма» в Европе? Подводя итоги парламентским выборам в Германии и во Франции, «Социалистический Вестник»—центарльный орган меньшевиков, писал:

> «Уже английские выборы показали, что подпочвенные воды истории подмывают господство наиболее реакционных элементов буржуазии, ставших в странах Антанты у правительственного руля после того, как раз'единенный междуусобной борьбой пролетариат отступил на оборонительные позиции. *Молот острейших экономических, национальных и политических противоречий,* охвативших Европу после Версальского завершения мировой войны, с такой тяжестью ударявший по народно-хозяйственному организму побежденных стран, *не пощадил и торжествующих победителей,*—и те и другие оказались прикованными к одной *и той же несущейся в пропасть колеснице послевоенной Европы*». («Соц. Вестник», № 11, 28 мая 1924 г.).

«Несущаяся в пропасть» буржуазная Европа! Это сказано несколько сильнее и несколько точнее, чем метеорологическое «переменчивое». И это признание убийственно и для капитализма, и для меньшевизма, который совсем еще недавно об'явил оконченной эпоху войн и революций, который рисовал—и все еще рисует—перед пролетариатом исключительно мирные перспективы. Но не видеть то, что есть, меньшевики не могут. Новую «демократическую» вильсонистскую «эпоху» они оценивают следующим образом:

> «Новая международная ситуация приносит с собой *более мирные,* более культурные, более осторожные методы осуществления Версальского договора, чем изживаемая эпоха господства международной реакции. Но *от этого сами условия Версальского мира ни на чуточку не теряют своих пагубных последствий для всей хозяйственной и политической жизни Европы.* И от этого *проект экспертов,* стоящий на почве Версальских постановлений, не получает свойства чудодейственного средства, излечивающего все болячки послевоенного мирового хозяйства. Наоборот, он *сам несет в себе зерна новых затруднений и новых конфликтов,* которые неизбежно возникнут при проведении его в жизнь». (Там же).

Вот приговор, произнесенный самими меньшевиками над новейшей политикой мирового меньшевизма. Ибо ведь «более мирные, более культурные, более осторожные методы осуществления Версальского договора» практикуют именно вожди II Интернационала во главе с Макдональдом. Проект экспертов одобрен и выдается за самое действительное спасительное средство—Исполкомом II Интернационала, за план экспертов энергично стоят социал-демократические партии Франции, Бельгии, Германии, Австрии, Англии.

Мировой меньшевизм прочно уцепился за «несущуюся в пропасть колесницу послевоенной Европы», вместе с капитализмом он катится в историческую яму, и туда же тянет рабочий класс. Мировой меньшевизм и думать не смеет о пересмотре Версальского договора. В английском парламенте Макдональд ***высмеивает*** самую мысль о пересмотре. Это вполне понятно. Версаль это—высшее олицетворение политического творчества послевоенного капитализма. Меньшевизм в основном не может осуществлять иной политики, кроме той, которая намечена буржуазией.

Вернемся к «судьбам капитализма». В мае т. г. пленум ЦК партии меньшевиков выработал новую партийную платформу. Во вводной части этой платформы дается обстоятельная характеристика послевоенного капитализма. Платформа констатирует, что «послевоенный капитализм не в силах обеспечить длительного периода действительной устойчивости и органического под'ема, что он «перелагает всю тяжесть послевоенного бремени на плечи рабочих масс», что он «понижает уровень жизни рабочего класса» и всем этим «наново обостряет социальные отношения». В области экономики,—заявляет платформа,—«послевоенный капитализм не способен обеспечить столь быстрый экономический прогресс, какой требуется состоянием масс и гигантским разрушением производительных сил Европы». Наконец, меньшевистская платформа констатирует, что «послевоенный капитализм стоит перед лицом непрекращающегося роста сухопутных, морских, воздушных и иных вооружений на фоне массового обнищания и разорения в целом ряде стран и оказывается неспособным действительно обеспечить мир». Общий вывод, к которому приходит меньшевистская платформа, формулирован следующим образом:

> «Новая фаза капитализма, не устраняющая основного антагонизма капиталистической системы—противоречия между неслыханным дотоле планомерным сосредоточением орудий производства в руках немногочисленной олигархии частных собственников и гигантским обобществлением производства в целых огромных отраслях,—неизбежно ведет при колоссальном самосознании масс, с одной стороны, и господствующем состоянии социальной и политической неустойчивости, с другой, к дальнейшему *углублению и обострению социальных противоречий.* Борьба рабочего класса за *политическую власть* в целях устранения этих противоречий путем обобществления орудий производства, становится *основным содержанием ближайшей исторической эпохи».* («Соц. Вестник», № 12—13, 20 июня 1924 г.).

К этой характеристике послевоенного капитализма прибавить нечего. Самые крайние оптимисты из рядов коммунизма не давали более убийственной характеристики современного империализма, чем это сделано в платформе меньшевиков. И выводы, вытекающие из наличной социально-политической обстановки, также ясны меньшевикам: «Борьба рабочего класса за политическую власть... становится основным содержанием ближайшей исторической эпохи». А в цитированной выше статье об итогах французских и германских выборов «Соц. Вестник» высказывался еще более каетгорически: «*Без прихода рабочего класса к власти нет выхода из послевоенного тупика*».

Картина ясна. Капитализм находится в состоянии беспрерывного тягчайшего кризиса. *Эпоха войн и революций продолжается.* Рабочий

класс должен притти к власти. Только этим путем можно остановить колесо, катящееся в пропасть. Но приход к власти рабочего класса невозможен без реовлюционного свержения капиталистических правительств, без гражданской войны, без диктатуры. Новейшая форма обмана и предательства «левого» меньшевизма в том и заключается, что он, рисуя ужасную картину состояния послевоенного капитализма, декларируя необходимость прихода к власти пролетариата, вместе с тем уверяет рабочий класс, будто он сможет стать у власти без революции, на основе «корректированной» фашизмом демократии, парламентски используя затруднения капитализма. Это величайший обман. Если затруднения капитализма не будут использованы революционной партией для его *свержения,* если рабочий класс будет надеяться, что буржуазия, попав в «безвыходное» положение, сама добровольно сдатся, то новые и тягчайшие поражения пролетариату обеспечены. На 2-м конгрессе Коминтерна Ленин говорил:

> «Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя «доказать», что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не *усыпила* такое-то меньшинство эксплоатируемых такими-то уступочками, чтобы она не *подавила* такое-то *движение* или *восстание* такой-то части угнетенных и эксплоатируемых. Попытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и в словечки. *Настоящим «доказательством» в этом и подобных вопросах может быть только практика.* Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. *Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплоатируемыми массами, решительности, уменья, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции*».

Об'ективная обстановка в Европе революционная. Этого факта не могут скрыть ни либералы, ни меньшевики. Центр вопроса теперь находится в «суб'ективном факторе»,—в организованности и сознательности пролетариата, в его готовности к решающим битвам, в способности его коммунистического авангарда возглавить и завершить победоносно революционное восстание пролетариата. Революционная активность, воля, энергия рабочего класса и его партии,—эти «суб'ективные факторы» на фоне об'ективного кризиса капитализма имеют *решающее* значение. Меньшевизм отвлекает внимание рабочего класса от этого важнейшего обстоятельства и тем оказывает ценнейшую услугу капитализму. Полуменьшевистские элементы в коммунизме («правый уклон»), недооценивая значения «суб'ективных факотров», тем самым препятствуют победе пролетариата.

Буржуазия отнюдь не страдает грехом недооценки «суб'ективных факторов». Ее вожди всячески маневрируют, лавируют, сегодня выдвигают одни средства, завтра другие, после-завтра их сочетают, все время имея в виду одну основную цель: сохранение основ капиталистического господства. Какими средствами распологает ныне капиталистическая стратегия?

На первый план выдвинута вильсонистская «демократия». Задача заключается в том, чтобы пацифистскими фразами *отвлечь* внимание

пролетариата от революционной борьбы. Необходимо расколоть пролетариат, необходимо всячески препятствовать его об'единению на боевой платформе. Тут главная роль возлагается на социал-демократию, при обострении положения—в особенности на «ее» «левое» крыло.

Одновременно ведется энергичнейший натиск на коммунистическую партию. Социал-демократия воюет против коммунизма по преимуществу «идейно», подготовляя почву для «материального» воздействия со стороны фашистов, полиции и военщины. Задача заключается в том, чтобы разорвать связь между революционной массой и ее боевым авангардом, чтобы *обезглавить* пролетариат.

Наокнец, как одно из средств самозащиты умирающего капитализма, в «резерве» имеется *наступление* на внешний коммунизм, на Советский Союз. В зависимости от ряда конкретных условий, империализм снова может поставить все на карту и наброситься на республику Советов. Наличность «демократических» правительств является слабой гарантией в данном случае. Наоборот, в известном смысле «демократия» может стать весьма удобной для проявления империалистического авантюризма.

Необходимо иметь в виду, что буржуазия, выдвигая на передний план «демократию», одновременно оставляет на сцене вооруженный до зубов фашизм. «Деомкратия» не посмеет тронуть пальцем фашистские организации. Оружие в руках боевых шаек буржуазии сохраняется и приумножается. Малейшее изменение в соотношении общественных сил в пользу буржуазии или начало открытой гражданской войны будет означать, что «демократия» быстро получит по шапке и на авансцену снова выступит фашистско-консервативная реакция керзоновской, муссолинской, пуанкаристской или гитлеровской марки.

Смена боевых методов буржуазии может происходить быстро еще и потому, что если в 1919—1920 г.г. аппарат капиталистических государств был в корне расшатан, а фашизм только еще складывался, то ныне государственный аппарат буржуазии действует не плохо, а фашизм вполне сложился в качестве боевой гвардии капитализма. Кризис фашизма и реакции ни в какой мере не означает их решающего поражения. «Демократия» реакции не страшна, «демократия» сама находится в руках воинствующего империализма. *Судьба фашистско-империалистической реакции может быть решена только на баррикадах революционной гражданской войны.* И тут снова и снова решающее значение имеет коммунистическая партия. В августе 1921 года, в письме к немецким коммунистам, *Ленин* говорил:

> «Не терять хладнокровия и выдержки; систематически исправлять ошибки прошлого; неуклонно завоевывать большинство среди рабочих масс и в профсоюзах и вне их; терпеливо строить крепкую и умную коммунистическую партию, способную действительно руководить массами при всех и всяких поворотах событий; вырабатывать в себе стратегию, стоящую на уровне наилучшей международной стратегии самой «просвещенной» (вековым опытом вообще, «русским опытом» в особенности) передовой буржуазии,—вот что надо делать и вот что будет делать немецкий пролетариат, вот что гарантирует ему победу».

Фашизм это—практический результат учета буржуазией «русского опыта». Партии Коминтерна учитывают «русский опыт» тем, что по-

степенно «большевизируются», т.-е. приобретают необходимейшие качества боевой революционной партии. В 1918—1919 г.г. европейская буржуазия удержалась потому, что при революционной обстановке не оказалось революционной партии. При новой создающейся революционной ситуации, революционные партии, руководимые Коминтерном, налицо. Об'ективный и суб'ективный факторы сочетаются и дают максимум гарантии того, что из ближайшей неминуемой войны классов в Европе победителем выйдет пролетариат.

* * *

Эпоха войн и революций, открытая российским 905 годом, продолженная балканской войной, китайской революцией, мировой войной, Октябрьской революцией, средне-европейской революцией,—эта великая эпоха революционного крушения империализма и утверждения пролетарской диктатуры продолжается.

М. Покровский.

Как русский империализм готовился к войне.

Для начинающего марксиста всего труднее—выучиться мыслить диалектически, то-есть представлять себе каждое общественное состояние не как нечто неподвижное и замкнутое, точно и строго ограниченное, как спереди, так и сзади, а как нечто текучее, заключающее в себе одновременно и некоторые остатки прошедшего и рядом, некоторые зародыши будущего. У нас возможны споры чуть не в таком роде: с какого года в России «начался» империализм? И в то время, как одни уверенно заявляют: «не раньше 1906 года», другие готовы спуститься до 1900 г., если не до 1896 г.

И то, и другое, конечно, далеко от диалектики, как земля от Сириуса. Царская Россия была страной торгового капитала больше, чем на 50% еще и в 1915 году: кто этому не поверил бы, тому достаточно было бы посмотреть на Распутина. Абсолютизм, специфическая «форма правления» эпохи торгового капитала, был налицо в разгаре империалистской войны. А эпоха торгового капитала и эпоха империализма отделены, в Англии например, почтенным промежутком в полтора столетия. И в то же время, за десять лет до этого мы имеем ту же Россию, идущую на завоевание Китая во всеоружии *банкового* капитала, учреждающую Русско-Китайский банк в союзе с Лионским Кредитом, Генеральным Обществом и прочими левиафанами парижской биржи. Господство банкового капитала—это, как будто весьма характерный признак империализма: а именно, в русской *внешней* политике 90-х годов банковый капитал уже господствовал. Если припомнить, что в эти же дни налицо были и другие симптомы империализма, (колоссальные таможенные пошлины и стремление расширять все дальше и дальше таможенную границу, захват Маньчжурии, попытка захвата Кореи, о которой будущий русский министр иностранных дел Извольский отзывался, что она должна стать «второй Бухарой», и т. д.)—то может явиться искушение об'явить Россию находящейся «в стадии империализма» уже в дни Витте. Но тут полезно вспомнить, что *вся* эта машина держалась на *активном балансе*—а, стало быть, на русском *хлебном вывозе*. Без активного баланса не на что было бы строить броненосцы для империалистских захватов на Дальнем Востоке. А хлебный вывоз—какая это старая вещь! Ведь, около хлебного вывоза вертится история русской экономики еще в дни Александра I.

В особенности туго приходится не-диалектику с такой ультра-диалектической страной, как Россия. Мы недаром стали

первыми марксистами мира—под этим есть глубочайшая «материальная база». Нигде больше не встретишь такого диковинного сочетания политических форм эпохи первоначального накопления, недоконченного, неразложившего еще окончательно старых, «натуральных» форм хозяйства аграрного капитализма и надвигающегося уже, вполне отчетливо нащупываемого, финансового капитала Кто определял, в конце-концов, политическую линию поведения этого несуразного целого?

Отвечать на это приходится опять-таки с точки зрения диалектики. В развивающейся стране берет верх то, что толкает вперед, а не то, что тянет назад. К 1900 году было вложено в русскую промышленность.

Капиталов *русского* происхождения 447,2 милл. руб. 21,1%.

« *иностранного* « . . . 762,4 милл. руб. 35,9%.

« полученных от продажи русских фондов
« заграницей . . . . 915,6 милл. руб. 43,1%

Последняя группа, конечно, тоже должна быть причислена к капиталам «иностранного» происхождения—и обе последних группы, прежде, чем попасть в русскую промышленность, прошли через иностранные банки. Банковый капитал на 4/5 определял судьбы русского капитализма 90-х годов. Правда, это было «сращение» совершенно особого вида: почти в 50% всех случаев связующей пуповиной являлось государственное казначейство. Это вспрыскивало живую кровь в устаревший организм абсолютной монархии. Но в общем и целом экономическая картина не менялась. Основная зависимость все же шла по линии финансового капитала. Заведывавший в 1908 году снабжением русской армии генерал Поливанов записал в своем дневнике под 2 декабря: «У Столыпина сегодня был французский посол адм. Тушар просить, чтобы военное министерство заказами пушек не обошло завод Шнейдера, так как он слышал, что хотят заказать Круппу, а для успеха нашего займа во Франции лучше бы обращаться к французской промышленности».

Заказ, в конце-концов, попал не Шнейдеру и не Круппу, а русским заводам—но работавшим на французском капитале. Факт относится к 1909 году, когда гегемония банкового капитала в России била в глаза. Банки росли чудовищно—за промежуток с 1909 по 1914 годы их капиталы увеличились почти *вчетверо* (с 222 милл. зол. руб. до 836 миллионов—прирост 276%). Концентрированные ими частные «сбережения» только по 1912 год увеличились почти *вдвое*, (с 976 милл. руб. до 1.817 милл. руб.). Но характерно, что даже и в это время вся благодать держалась—и больше, чем могли бы то ни было—на хлебном вывозе. Затруднения с этим последним были главным из реальных поводов войны [1]). А, в то же время, уже в 1897 г. русское железо и русский каменный уголь были в руках 60 обществ, вложивших в дело иностранного (т.-е. пришедшего через банки) капитала на 223 милл. рублей.

[1]) См. статью пишущего эти строки в „Пролетарской Революции“ „Как началась война 1914 года?“

Было уже тут «сращение» или нет, не будем на этом останавливаться, это вопрос больше теоретический. Ясно одно; огромное участие не-русских капиталов в русском хозяйстве должно было выводить это последнее из национальных рамок и заставлять его разделять судьбы мировых кон'юнктур. И если признать, что западный—английский, французский, германский—капитал уже целиком вошел к этому времени в финансовую стадию, русский капитализм не мог избежать общей участи. Национальная политика была для него закрыта, даже если бы он и хотел ее вести. Русско-турецкая война 1877—78гг. была последним проявлением этой национальной политики—и уже ее неудача, подчеркнутая неудачей болгарской политики Александра III в 80-х гг., означала невозможность национальных войн и для России.

Следующая война, русско-японская 1904—1905 гг., носит уже отчетливо империалистический характер, не отличаясь в этом отношении от испано-американской войны в 1898 г. и англо-бурской 1899—1901 гг. Резкий идеологический протест против японской войны, доходивший направо до «освобожденцев», выпускавших анти-военные прокламации, тем и об'ясняется, что русская буржуазия и обслуживавшая ее интеллигенция еще всецело жили понятиями эпохи промышленного капитализма, с его деланным пацифизмом и лицемерным отвращением к оружию (которое, однако, выделывалось и употреблялось в промышленную эпоху в достаточном количестве). К 1914 году идеология догнала экономику, и против империалистской войны протестовал уже один пролетариат.

Вот отчего, если архи-нелепо искать русских корней разразившегося в 1914 году мирового конфликта в пределах «роковой недели» 24 июля—1 августа этого года, не многим более глубоко привлекать к делу и только последние 3—4 г. перед конфликтом, как это делает большинство исследователей и не столь близоруких, как Каутский [1]). В литературе, посвященной «предвойне», не цитировался, кажется, до сих пор один драгоценный источник—показания Колчака перед следственной Комиссией в Иркутске. Колчак непосредственно после русско-японской войны стоял чрезвычайно близко к русскому военно-морскому центру и «присутствовал на всех решительно обсуждениях вопросов, которые касались флота». И вот что он показывал следственной комиссии:

«Еще в 1907 г. мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом, германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т. д. совершенно определенно и неизбежно указывало нам на эту войну, начало которой мы определяли к 1915 г. В связи с этим надо было решить следующий вопрос. Мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее будет исходить от Германии, знали, что в 1915 г. она начнет войну. Надо было решить вопрос, как мы должны на это реагиро-

[1]) Как одну из последних сводных работ, см. статью Bernadott E. Schmidt „Amerikan Historical Review“, апрель 1924 г. Автор использовал все, напечатанное до этого времени, кроме некоторых русских публикаций.

вать. После долгого и весьма детального изучения, исторического и военно-политического, было решено, как морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии, что союза с Германией заключить нельзя, и что эта война должна будет решить в конце-концов вопрос о славянстве—быть или не быть ему в дальнейшем. Были известные группы, которые резко расходились с этой точкой зрения и указывали на необходимость союза с Германией, но та политическая обстановка, которая была положена в основание, показывала, что война произойдет с союзом срединных империй. Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной и даже при определении начала ее ошиблись только на полгода, да и немцы сами признают, что они начали ее раньше, чем предполагали».

Мы не будем останавливаться на вопросе, кто «начал» войну. Подробный ответ на это дан в другом месте [1]). Да Колчак делает и излишним этот вопрос.

«Для того, чтобы выработать программу, надо было иметь определенного противника и определенный срок. Этот срок был фиксирован 1915 г., главный же противник был определен, как Германия».

Немец должен был напасть, хочет или не хочет. А по существу дела, руководители германской политики были бы, разумеется, круглыми идиотами, если бы они стали дожидаться, пока русская «программа» будет совсем готова—т.-е. пока русские станут сильнее немцев на Балтийском море. Если бы русский генеральный штаб не поторопился, войну, с точки зрения простоватого «общественного мнения», можно было бы начать куда чище [2]).

Что сухопутные коллеги адмирала Колчака были ничуть не менее предусмотрительны, показывает ряд отметок в уже цитированном выше по другому поводу дневнике Поливанова. По отношению к сухопутной армии этот, заведывавший всем военным снабжением, генерал был осведомлен не хуже, чем Колчак о флоте. Прежде всего он подтверждает своим дневником всецело показания своего собрата по морской части. Под 25 мая 1907 года (еще до разгона 2-й Думы—т.-е. до «официального» конца революции...) он записал:

«С 11 час. у меня был генерал Протопопов. Он заседает в Комиссии ген.-ад'ютанта Дикова по программе судостроения. Задумывают широкие планы на два миллиарда, ссылаясь на испрошенное высочайшее повеление; Совет Государственной Обороны оставляют в стороне; хотят устроить заседание под председательством государя; дело ведется в секрете, но заводчики, повидимому, знают, что им нужно».

Под 14 декабря 1909 г.:

«К 9 час. веч. совещание у председателя Совета Министров для обсуждения программ судостроительной и крепостной. Сущность программы Морского Министерства: создать на Балтийском море цельную эскадру, которая могла бы действовать наступательно, когда Германия ведет войну на два фронта, и оборонительно на линии укреплений Ревель—Паркалауд, когда неприятельский флот сильнее; для этого надо построить 8 линейных кораблей с соответствующим количеством крейсеров и подсобных судов».

Сухопутная подготовка начинает как будто особенно остро чувствоваться в 1910 году, когда в марте была проведена «чистка» корпусных командиров, а в мае началось обсуждение новой военной программы в Комиссии Государственной Обороны. Нет надобности говорить, что октябристское большинство 3-й Государственной думы было всецело на стороне программы, и штатские «оборонцы» даже опережали военных. Под 13 мая этого года Поливанов записал:

«А. И. Гучков предупредил меня, что в субботу вечером будет назначено заседание Комиссии Государственной Обороны по кредитам на оборону, где затронут возможность выделить кое-что на весну, дабы дать работу по изготовлению орудий и снарядов заводам, остающимся без работы. Он намекнул, что было бы полезно, если бы приехал и сам военный министр...».

Под 15 мая:

«К $8^1/_2$ час. веч. я прибыл в Государственную Думу, где застал уже военного министра; пришел председатель Комиссии кн. Шаховской и предупредил министра, что сегодня первое собрание для изучения новой программы обороны. Заседание началось с того, что я изложил сущность программы, затем пошли перекрестные разговоры, и прения приняли весьма доброжелательный для военного министра характер. Нам ставили на вид, что мы должны требовать все, что нужно для обороны, не стесняясь Мин. Финанс.; постановили, что надо выяснить, что надо дать теперь же, главным образом, для заказов артиллерии, и это выяснение производится первоначально в особой подкомиссии...».

«Валяйте во всю, денег жалеть не будем»! («тем более, что они пойдут в наши же карманы»)—так можно охарактеризовать позицию «благонадежных» думских элементов. Не только штабы, но и российская буржуазия была в эти годы совершенно готова воевать. Не менее готов был и глава всей системы. Под 9 ноября Поливанов записывает:

«В разговоре с военным министром был затронут еще вопрос о вызове командующих войсками Западных округов для проверки их подготовки к управлению армиями. Здесь неизбежно возникла необходимость установить, кто же будет командовать всеми армиями. На докладе государю его величество изволил указать, что верховное командование он берет на себя. Но так как нельзя же привлекать его величество к занятиям военной игрой, то полагалось бы на военной игре

---

[1]) См, статью в „Пролетарской Революции“

[2]) Для нечитавших статьи в Пролетарской Революции“ и вообще для незнакомых с деталями предвоенной истории 1914 г. напомним вкратце, что повод к войне был создан русским главным штабом, провоцировавшим, путем ложного сообщения сербскому штабу, убийство Эрцгерцога Франца-Фердинанда 28 июня 1914 г.

иметь в роли главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича...».

Эта военная «игра» была столь нешуточной, что отмена ее—по «интриге» Николая Николаевича—едва не повела за собою отставки военного министра Сухомлинова [1]). От него же узнаем, что приготовления к этой военной игре—в сущности, экзамену будущих полководцев—продолжались несколько месяцев. А в каком духе должна была быть ведена «игра», показывает откровенное признание Сухомлинова, что целью всех его военных реформ было «превратить русскую армию из чисто оборонительного оружия, каким она была еще в 1909 году, в наступательное оружие первого сорта» [2]).

В этой именно связи Сухомлиновым было проведено то изменение мобилизационного плана, которое делало *частичную* мобилизацию технически почти неосуществимой. Сухомлинов откровенно признается, что о частичной мобилизации он думал с большой неохотой—ибо с 1909 года был твердо убежден, что Россия идет к войне с Германией, и ей понадобится напряжение *всех* сил, поэтому нечего тратить времени по пустякам. Но он в своей откровенности идет еще дальше. Он в корне разрушает официальную концепцию русской «Оранжевой книги» о том, будто эта всеобщая мобилизация могла носить *оборонительный* характер. Он приводит в высочайшей степени любопытное высочайшее повеление, спроектированное в 1912 году и не пущенное в ход Николаем из осторожности. Это высочайшее повеление гласило:

«Телеграфный приказ о мобилизации европейских военных округов, в случае политических осложнений на западной границе, следует рассматривать одновременно как приказ об открытии военных действий против Германии и Австрии Что, напротив, касается Румынии, то открытие военных действий должно последовать лишь по прямому приказанию».

Дневник министерства иностранных дел [3]) разрушил легенду о русском «оборончестве» в июле 1914 года. Теперь мы видим, что царское правительство неповинно было в этом оборончестве уже и в 1912 году. Готовилась *наступательная* война против Австрии и Германии, морально оправдываемая тем, что Германия «хочет напасть». Имея такого миролюбивого соседа, как царская Россия, хочешь—не хочешь, а нападешь... Если правильно указание Каутского, что в немецких военных кругах не рассматривали русскую мобилизацию 30 июля, как прямой вызов к войне, это свидетельствовало бы о крайней наивности этих кругов. При чем фиговый листок—«Германия хочет напасть»—вовсе не был обязателен, поскольку планы русско-германской войны строились и в те времена, когда Вильгельм, по собственному заявлению Николая, «был так дружески настроен, как никогда».

---

1) См. Erinnerungen последнего, стр. 294 и сл.

2) Там же стр 331.

3) См. цитир. статью в „Пролетарской Революции“.

Напечатанная до сих пор часть дневника А. Н. Куропаткина начинается с такой записи:

«Приехал в Петербург из Крыма 10 ноября. 12 ноября был у вел. князя Николая Николаевича. Сидел 2 часа. Все время обсуждали исполнение воли государя, дабы в случае войны Николай Николаевич был главнокомандующим войск германского фронта, а я—главнокомандующим войск австро-румынского фронта.

Николай Николаевич говорил мне, что им получено письмо государя, в котором значилось это предназначенье, при чем войска фронта, которыми я назначаюсь командовать, названы: австро-румынским фронтом. В том же письме значилось воля государя, чтобы и при этих назначениях высочайше утвержденное расписание № 18 осталось без перемены, с тем, чтобы изменения в плане действий, кои признает сделать нужным великий князь, отразились бы лишь на расписании № 19. В письме указывалось, что государь передал мне свою волю, дабы командующие войсками в округах были поставлены в известность о сих важных решениях государя. По этому вопросу вел. князь высказал мнение, что лучше, чтобы сам государь лично сообщил им об этом свою волю.

Мы обсуждали вопрос и о том, пускать ли В. В. Сахарова в одесский военный округ, или задержать его в главном штабе, дабы государь мог иметь в нем надежного начальника штаба верховного главнокомандующего. Условились, что надо задержать. Николай Николаевич сказал мне, что на должность начальника своего штаба он предназначил Палицына: я его давно знаю и мы друг друга догоняем. Я для этой должности наметил ген. Сухомлинова.

Наиболее тревожит меня предвзятость, повидимому, мнения Николая Николаевича относительно того плана, который он предложит государю, по получении по его приказанию плана, ныне принятого по расписанию № 18. Я указывал князю, что не позволит ли он мне с Сахаровым, в присутствии Палицына, ознакомить его самым подробным образом со всеми нашими расчетами и соображениями, на основании коих принят план № 18, что тогда он увидит лучше, что, по его мнению, следует переменить. Но Николай Николаевич стоял на своем, что ему этого не надо, как бы указывая, что решение его уже принято. Я всего более боюсь, что это будет решение для нас невыгодное—отдать без борьбы весь передовой театр и, не принимая боя на Нареве или у Белостока или Червоннoборской позиции, и отступить к Барановичам или Минску».

Эта запись помечена «17 ноября 1902 года». А от 9 числа того же месяца (все числа по старому стилю), мы имеем такую телеграмму Николая Вильгельму II:

«Очень благодарен за твое сообщение [1]). Я надеюсь, что и в других случаях мы всегда сможем рассчитывать на

---

1) Речь шла о свидании Вильгельма с англ. королем Эдуардом VII. Вильгельм хвастался, что он при этом случае произнес некоторую пацифистскую декларацию.

нашу взаимную искреннюю дружбу и на нашу любовь к миру». (!).

В следующем, 1903 году, генерал Сухомлинов, будущий военный министр, намечавшийся тогда в начальники штаба австро-румынского фронта, «пришел к твердому убеждению в неизбежности столкновения с габсбургской монархией». О планировавшимся уже столкновении с Германией теперешний германофил умалчивает—но что будущий начальник штаба Куропаткин не мог не быть посвящен в разговоры будущих командующих фронтами, это ясно само собою. 5 января этого же года Куропаткин, докладывая Николаю, отмечал, что «успехи Германии в Турции (занятие Гайдар-Паши, Багдадская жел. дорога, реорганизация турецких сил) могут *ускорить* столкновение России с Германией, или с Турцией, или с той и с другой».

Принципиального вопроса о русско-германской войне даже и не ставилось—это разумелось само собою: разногласие могло быть лишь о том, как *скоро* произойдет это—вопрос был о *темпе* исторического процесса, точь в точь, как для нас стоял вопрос о революции в промежутке 1907—1917 года. И так как темп событий, повидимому ускорялся, то уже пятого марта этого года Куропаткин переходит к планировке практических мероприятий.

«Вчера вечером у меня собрались в первый раз: Сухомлинов, Соболев, Протопопов, Гершельман, Маврин, Жилинский для выслушания моих указаний в качестве будущего, в случае войны, главнокомандующего о задачах III, IV и V армий.

На основании полученных мною дирректив я обязан представить государю общий по всем армиям план действий. Ранее сего требуется, чтобы мне представлены были планы действий частных армий. Еще раз на заседании подтвердилась наша неготовность к наступлению. Ни по одной из армий соображений о наступлении не составлено. Но и по обороне лучше других армий обставлена только IV армия, но и в ней позиции наши у Ровно, Луцка и Дубно скорее только обозначены, чем укреплены. Надо усиленно будет поработать. В III армии в оборонительном отношении ничего не сделано, а между тем на эту армию могут обрушиться очень большие силы австрийцев и вынудить III армию к отступлению к Бресту. Вероятно, в виду возможного быстрого прорыва германцев через Нарев, наступление придется вести к Влодаве и далее правым берегом Буга. Между тем местность по правому берегу Буга не подготовлена к действиям больших масс (пути, мосты), не обеспечена также возможность отступления III армии к Пинску, что может представиться необходимым.

На маневре сего года, с соизволения государя, я намереваюсь командовать армиею, собранною у Холма, которая для проверки наших предложений и будет отступать к Влодаве и далее на правый берег р. Буга».

Мы пропускаем дальше мало интересные теперь стратегические подробности. Но у генерала Куропаткина было наготове не только стратегия, но и политика.

разгромом первых австрийских корпусов, надо надеяться на оставление рядов австрийских войск массою славян. Надо умело воспользоваться первым же успехом и иметь людей, подготовленных еще в мирное время, дабы войти в быстрое сношение с потрясенными и колеблющимися еще элементами, дабы отторгнуть их из рядов австрийской армии. Операции между нашею границею и Львовом надо обдумать со всех сторон, надо организовать подвоз всех запасов. Надо передвинуть ко Львову осадный парк очень быстро. Надо затем, если Львов будет нами взят, организовать переход до Львова нашею колеею железной дороги, а далее—австрийскою. Надо организовать охрану тыла и охрану со стороны Карпат. Надо организовать охрану со стороны действий румыно-австрийской армии. При дальнейшем движении от Львова навстречу главным австрийским силам движение будет затруднено: 1) крепостью Перемышлем, 2) фланговым положением Карпат с их проходами. Марш выйдет как бы фланговым по отношению к Карпатам. Требуется очень тщательное изучение этой сложной обстановки, дабы избежать в возможной степени роковых случайностей. Подвоз запасов будет затруднителен, и при всем том требуется возможная быстрота действий. Успех этих действий не может быть обеспечен в достаточной степени, если ко времени появления IV и V армий в районе к западу от Львова—Ковель попадет в руки австрийцев».

Мы видим, что маньчжурский неудачник, как многие неудачники, был весьма предусмотрителен. Он предвидел, в сущности, все трудности будущей кампании 1914—15 гг.: и возню с Перемышлем, и затруднения со снарядами и т. д.. При этом он попутно разоблачает уже до конца сухомлиновское лицемерие, определенно подчеркивая, что на заседании, где Сухомлинов присутствовал, обсуждался вопрос о войне не только с Австрией, но и с Германией.

«Маленькая победоносная война» с Японией, рассматривавшаяся почти, как маневры в боевой обстановке, помешала разразиться большой войне на Западе в 1903—1904 годах. Вильгельм это великолепно предвидел—оттого «адмирал Атлантического океана» и подзуживал так «адмирала Тихого Океана» к авантюре, отправившей на дно Тихого Океана весь русский флот. Охваченный после Цусимы паникой и бессильной яростью против англичан одновременно, Николай минутно пошел даже на русско-германский союз (договор в Бьоркэ 24 июля 1905 г.)—тотчас же, правда, спохватившись. Особенно характерно это влияние *морского* поражения на Николая. Нам редко рисуется русско-германская война в этом аспекте—столкновения *на море*. Между тем, это была довольно естественная точка зрения. Именно с воды, с Финского залива, всего легче было нанести царской России решительный удар в центр—в форме ли нападения на Кронштадт, в форме ли высадки в Финляндии или в Эстляндии. Колчак подробно рассказывал на допросе, с какой горячей энергией он и его товарищи спешили заградить вход в Финский залив, начав эту работу уже 16—29 июля, накануне общей мобилизации.

В этой связи становится понятна мобилизация Балтийского флота *в первую* голову, о чем мы узнаем из дневника министерства иностранных дел: еще ни один баталион на суше не был мобилизован против Германии, а уже минные заградители вышли в море. Но еще более в этой связи становится понятна глубочайшая *стратегическая логика русско-английского союза*. Пока английский флот висел над берегами Германии со стороны Северного моря, она физически не могла перебросить главные свои силы в Балтику. Как бы ни хотелось Вильгельму одним ударом стать под «Петроградом», он никогда на это не пошел бы ценою потери Гамбурга и Бремена. Союз с Англией ручался Николаю за целость его столицы. Вот отчего, лишенный сразу и флота, и надежды на английскую помощь он мог впасть в такую прострацию, что соглашался даже на союз с Вильгельмом: при чем характерно, что первые разговоры об этом союзе пошли тотчас после «Гулльского инцидента» [1]), когда англо-русская война казалась в двух вершках.

Русско-японская война и последовавшая за ней революция оттянули русско-германскую войну на 10 лет. Но мы видим до какой степени Англия неповинна в «искушении» царской России. Последняя была «всегда готова» начать драку на Висле и Немане, и ее подталкивали в этом направлении не соблазны английских дипломатов, а миллиарды французского золота, влитые в русскую промышленность. *Желание воевать со стороны Франции было основным из войно-образующих факторов*. Не даром военная подготовка пошла уже без всяких перебоев с того момента, как во главе Франции стал Пуанкаре—война. Говорить только о русском империализме было бы половинчатым решением задачи: уже с конца XIX века мы имеем *русско-французский империализм*. На континенте Европы он стоял против германского империализма: английский был «третьим радующимся» в этом споре. В июле 1914 г. ему могло казаться, что он великолепно использовал континентальную драку, получив возможность раздавить своего главного конкурента,—Германию, и парализовать, самым фактом своей помощи, которого, возможного—судьбы атлантических берегов Франции, как и восточного берега Балтики одинакова решались в Лондоне. Лондон не предусмотрел одного: что может явиться *четвертый радующийся*, который положит в карман всех троих... Последствий этой своей ошибки Лондон не ликвидировал до сих пор. Ликвидировала ее пока только одна страна, на которую все участники смотрели только, как на запас пушечного мяса—а она неожиданно оказалась запасом самого сильного взрывчатого вещества, которое когда-либо знал мир.

---

*) „Гулльский инцидент"—расстрел, в припадке паники, эскадрой адм. Рождественского, шедшей под Цусиму, английских рыбачьих судов в Северном море, принятых за японские миноносцы. Это было в октябре 1904 г.

И. Рейнгольд.

К эволюции государственного бюджета С. С. С. Р.

I. Рост бюджета и национальный доход.

Эпоха мирного строительства выдвинула в качестве одной из главнейших задач, задачу финансового оздоровления Советской Республики, на базе упорядоченного бюджета и твердой валюты. В настоящее время от состояния государственных финансов зависит буквально все народное хозяйство страны. Промышленность не могла бы подняться и стать на ноги без разветвленной системы банковского кредита, а эту систему возможно было построить только на основе здоровой валюты. В свою очередь, здоровая валюта связана крепчайшими узами с здоровым государственным бюджетом, так как дефицитность бюджета вынуждает государство прибегать к покрытию этого дефицита, помимо нормальных источников, каковыми являются кредитные операции, к таким чрезвычайным ресурсам как эмиссия, а это означает прибавление нового потока бумажных денег к той массе, которая уже находится в обращении, дальнейшее обесценение бумажно-денежной массы и повторение этого цикла на основе все расширяющегося использования эмиссии, как бюджетного ресурса. Но и сельское хозяйство, являющееся опорой государственного бюджета и всего хозяйства не может развиваться без твердой валюты и такого построения налогов, которое было бы посильно для нынешнего уровня доходов, извлекаемых из сельского хозяйства. Естественно поэтому, что, начиная со второй половины 1922 года, основной задачей нашей финансовой политики явились упорядочение государственного бюджета и создание устойчивой валюты. Анализ трех бюджетов—1921—22, 1922—23 и 1923—24 гг. и сопоставление их с перспективами бюджета на 1924—25 год показывает основные этапы, которые мы прошли в ликвидации дефицитности государственного бюджета:

Года.	Общий размер бюджета	Эмиссия	% отношения эмиссии ко всему бюджету (за округлением)
1921/22	1.000	350	35
1922/23	1.388	387	27
1923/24	1.880	185	10
1924/25	2.080	—	—

(в миллионах золотых рублей, включая начиная с 1922—23 г. ДВО и Закавказье).

От года к году дефицитность государственного бюджета резко сокращается, и бюджет на 24—25 гг. составлен уже таким образом, что нет больше нужды прибегать к эмиссии, как к способу покрытия бюджетного дефицита. Эпоха эмиссионного хозяйства окончилась. Мы вступаем в новую полосу развития нашего государственного бюджета, когда нормальные расходы покрываются нормальными доходами, а так-называемые чрезвычайные расходы, совершенно неизбежные и необходимые в условиях перехода к социалистическим формам хозяйства, покрываются за счет чрезвычайных ресурсов, изыскиваемых государством главным образом за счет развития системы государственного кредита (займов).

Бюджет всегда был наиболее ярким и концентрированным выражением финансов страны и всей ее экономики. Сокращение дефицитности бюджета означает сокращение дефицитности хозяйства страны и рост этого хозяйства; но извлечь из растущего хозяйства страны ресурсы для питания всего нашего государственного аппарата и всей системы государственного хозяйства оказалось возможным лишь в результате напряженной трехлетней работы над построением упорядоченной, надежной налоговой системы и переводом на здоровые финансовые рельсы нашей промышленности и транспорта. Решающее значение при этом имело развитие товарного и денежного рынка, которое привело сперва к значительному сокращению, а потом и к полному исчезновению натуральной части и государственного и местного бюджета. На этой основе развертывалась на протяжении трех лет работа финансового аппарата по построению бюджета, причем *руководящей идеей, этой работы было максимальное возможное развитие налогов и доходов и ограничение расходов рамками, абсолютно неотложных потребностей*. Сопоставление 4-х бюджетов, составленных в условиях новой экономической политики, показывает динамику роста основных элементов доходной части бюджета: налогов, доходов от имуществ и предприятий, находящихся в руках Социалистического государства, кредитных операций и эмиссии:

	21/22 г.	22/23 г.	23/24 г.	24/25 г.
	(в миллионах ч. рублей)			
1. Налоги	450	405	623	832
2. Доходы от государст. имуществ и предприятий	199	511	850	1.048
3. Кредитные операции	1	85	222	200 (включая ремонтн. доход).
4. Эмиссия	350	387	185	—
	1.000	1.388	1.880	2.080

Первые три бюджета, в большей или меньшей степени, включали в себе натуральный элемент и если разделить наш бюджет на натуральную и денежную его части, то легко увидеть, как быстро увеличивается денежность хозяйства, что находит свое яркое отражение в бюджете:

	1921—22 г.		1922—23 г.		1923—24 г.		1924—25 г.	
	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %
Натуральная часть бюджета	550	55	158	11	55	3	—	—
Денежная часть	450	45	1230	89	1825	97	2080	100
	1000	100	1388	100	1880	100	2080	100

Текущий год является последним годом, сохраняющим слабые остатки эпохи натурального хозяйства, но уже бюджет на 1924—25 год будет целиком денежным. Если в 1921—22 году мы одной ногой в бюджете стояли на продналоге, другой на эмиссии, а все остальное не играло никакой серьезной роли, то в следующем 22—23 году сокращается значение эмиссии, уменьшается значение продналога, растут доходы от государственных имуществ и предприятий, а в 23—24 году мы уже не находим трудгужналога, а вместо целиком натурального продналога переходим к сельско-хозяйственному налогу, который на 4/5 вносится в денежной форме и только на 1/5 в форме натуральной; наконец с 1-го января 24 года, взимание сельско-хозяйственного налога в натуре совершенно прекращается. Ликвидация натуральной части бюджета имела для него огромное значение в смысле обеспечения большей реальности бюджета, значительного сокращения издержек по взиманию государственных налогов и устранения препятствий к дальнейшему развитию товарности крестьянского хозяйства, что чрезвычайно важно для под'ема продукции сельского хозяйства. До тех пор, пока крестьяне платили основной налог натурой, а не деньгами, это означало фактический бойкот государством своих собственных денег; это означало исключение громадного поля для приложения денег и сокращение сферы их обращения; переход от натуральной формы взимания налогов к денежной явился по существу первым и наиболее решительным шагом по пути подготовки денежной реформы.

Из приведенной выше таблицы роста бюджета, видно каким быстрым темпом идет увеличение общего размера нашего бюджета. Такого темпа не знала царская Россия, и мы в этом отношении проходим в один год такое расстояние, которое царская Россия в развитии своего бюджета проходила в течение нескольких лет. Это означает ускорение темпа удовлетворения наших потребностей, но, с другой стороны, естественно возникает вопрос о нормальности такого развития, вопрос о том, насколь-

ко параллельно с ростом бюджета растет национальный доход страны и не опережает ли значительно рост бюджета роста национального дохода.

Мы не располагаем достаточно точными данными о нашем национальном доходе. Да впрочем и в довоенное время соответствующие подсчеты не отличались особой точностью, но для общей ориентировки эти данные полезны; можно считать установленным факт увеличения нашего народного дохода с 6,5 миллиардов в 22—23 гг. до 8,5, намечающихся в 24—25 гг.,—и это позволило через инструмент государственного бюджета извлекать из национального дохода ту его часть, которая должна быть направлена на содержание государственного аппарата, армии, на поддержку транспорта, промышленности, строительство, электрификацию и создание сельско-хозяйственного кредита, при чем в общем и целом можно сказать, что развитие нашего бюджета шло параллельно росту дохода страны, может быть, немного его опережая. Если в 21—22 году мы при чрезвычайно низкой производительности труда и снизившемся уровне сельского хозяйства, извлекая для нужд государственного хозяйства ресурсы, затрагивали и основной капитал страны, то уже в 22—23 и в дальнейшие годы несомненно бюджетное бремя было облегчено. Чистая продукция сельского хозяйства и промышленности составляла в 21—22 гг.—3,7 миллиардов дов. рублей при бюджете в 1 миллиард, довоен. рублей, что означает немного меньше 1/3 дохода, в 22—23 г. чистый доход 4,9, а бюджет в черв. рублях 1,3 миллиарда (без ДВО и Закавказья), а в довоенных рублях бюджет вряд ли больше 1,0 миллиарда, что дает уже около 20%. Чтобы выявить линию развития бюджета, необходимо остановиться на более детальном анализе, как уже истекших 3-х бюджетных периодов, так и внесенного на рассмотрение Совнаркома проекта бюджета на 1924—25 год.

II. Первый ориентировочный бюджет (1922 г.)

Бюджет на период январь—сентябрь 1922 года составлялся дважды: в конце 21 г. и в мае 22 г. Первый бюджет получил название «жесткого» и был утвержден IV С'ездом Советов в сумме 1.877 миллион. довоенных рублей по расходу, 1.572 миллиона рублей по доходной части, при дефиците в 305 миллионов рублей. Он включал в себе громадное количество оборотных доходов и расходов, представлявших собой безденежные внутренние платежи ведомств друг другу. По сути дела этот бюджет отражал в себе целиком методы финансирования хозяйства, установившиеся в эпоху военного коммунизма с той лишь разницей, что, в отличие от предшествовавших ему бюджетов, он был составлен в золотых рублях, а не в совзнаках. Переход к новой экономической политике, сопровождавшийся выходом отдельных трестов и предприятий на вольный рынок с полным снятием их с госбюджета, неправильное исчисление и отражение в бюджете продукции промышленности и передача целого ряда расходов с государственного на местный бюджет, нанесли такие сокрушительные удары «жесткому» бюджету, что через несколько недель после его утверждения пришлось совершенно отказаться от попытки исполнять этот бюджет и приступить к составлению ориентировочного бюджета на тот же период январь—сентябрь (так называемый «ориентировочный бюджет») на принципиально других основаниях. В мае новый проект бюджета был внесен в Совет Народных Комиссаров в цифре кругло в 1,1 миллиарда, а Совнаркомом он был сведен таким образом, что расход исчислен в цифре 1.707 миллионов рублей, доход в 982 милл. при дефиците 752 милл. руб. или 42½% всего бюджета.

Исполнение этого бюджета показало, что хотя в смысле техники его составления был сделан громадный шаг вперед, но он был скорее выражением потребностей нашего государственного хозяйства, чем реальных возможностей для их удовлетворения. Бюджет был выполнен в действительности менее, чем на половину. Причины этого невыполнения заключаются в следующем: бюджет получил окончательное утверждение лишь в июле месяце, когда наша налоговая система оставалась еще весьма не развитой, и финансовый аппарат только организовался; сметные предположения были СНК несомненно преувеличены и недооценивали того обстоятельства, что переход от эпохи полной ликвидации налогов к их восстановлению затянется на значительный промежуток времени; наконец, и это было решающим обстоятельством, обесценение совзнаков влекло за собой и обесценение доходных поступлений, так как налоговые ставки и тарифы были установлены в совзнаках. Анализ динамики роста поступлений налогов за период январь—сентябрь показывает, каким быстрым темпом шло развитие налоговой системы. Если в январе 1922 г. все виды налогов дали 460 тысяч зол. руб., то в сентябре эта цифра увеличивается в пятнадцать раз и достигает 6.800 тысяч рублей.

Таким образом к концу этого бюджетного периода построение налоговой системы было вчерне закончено, основные налоги введены, и последующие годы немного прибавили новых налогов (подоходно-поимущественный, рентный доход, текстильный акциз). Транспорт и связь также не оправдали возлагавшихся на них ожиданий, и это об'ясняется крайне несовершенной тарифной политикой, которая тогда проводилась.

Что касается продналога, то поскольку он стоял в центре внимания, взимался в натуральной форме и поэтому не обесценивался, его поступление оказалось очень близким к сметным предположениям, и собранные за эти 9 месяцев 250 милл. пуд. ржаных единиц по ценам в момент их взимания стоили примерно 310 милл. зол. рублей. Ориентировочный бюджет был сведен с непокрытым дефицитом в 725 миллионов рублей; этот дефицит должен был покрываться за счет усиленного выпуска бумажных денег. Но, конечно, нельзя было в течение 9 мес. извлечь такой громадной суммы, если учесть, что стоимость всей денежной массы на первое января по Всероссийскому индексу кон'юнктурного института составляла около 95 милл. руб. Чем больше приходилось нажимать на печатный станок, тем меньше была эффективность эмиссии и несмотря на то, что в совзнаках эмиссия к маю месяцу увеличилась в 7 раз, реальная золотая стоимость ее месячного выпуска уменьшилась почти в 2 раза. Так рынок

дал нам в мае 1922 г. первый серьезный урок правильной оценки эмиссионных возможностей, и хотя эмиссионные иллюзии не раз давали себя знать в позднейших бюджетных построениях, но все же опыт бюджета 1922 г. помог быстрее эти иллюзии изжить.

Обзор бюджета на период январь—сентябрь 1922 года показывает, что этот бюджет является переходным к серии упорядоченных годовых бюджетов. Он сохраняет в себе еще слишком много черт переходной эпохи от военного коммунизма к нэп'у. Наконец, он является переходным еще и в том отношении, что после него бюджетные периоды устанавливаются не применительно к календарному году, как это было в царской России и в после—октябрьский период, а к хозяйственному году, начинающемуся 1-го октября. Для того, чтобы иметь возможность бюджет на 1922—23 года составить применительно к новому хозяйственному году, и пришлось бюджет на 1922 год планировать на 9 месяцев январь—сентябрь.

III. Бюджет 22—23 г. и законы об ограничении эмиссии.

Работа над бюджетом 1922—23 года ставила своей целью упрочить как доходную, так и расходную части, и построить его на основе более совершенной бюджетной техники. Внешне это одна из характерных черт, отличающих бюджет 1922—23 года от предшествовавших ему попыток составления бюджета.

Несмотря на то, что работа по бюджету на 1922—23 год была начата ведомствами еще в августе 1922 года, самый проект бюджета не получил в течение всего бюджетного года окончательного утверждения.

В силу затяжки утверждением бюджета, Совнарком решил образовать специальную бюджетную комиссию и дать ей задание сбалансировать бюджет на 1-е полугодие. Одновременно, по предложению НКФ, было внесено решение об ограничении размеров месячной эмиссии в 30 милл. руб. по курсу на 1-е число. Это был несомненно очередный шаг по пути упорядочения государственного бюджета. Изжита была иллюзия о возможности неограниченного расширения эмиссии, и за ее счет неограниченного расширения государственных расходов. Под весь бюджет подводилась некоторая устойчивая база, складывавшаяся из совершенно точно фиксированной суммы эмиссии на каждый месяц, плюс те доходы, которые можно было реально за соответствующий бюджетный период получить.

Принятое решение обязывало Комиссию Совнаркома свести государственный бюджет таким образом, чтобы эмиссия на 2-е полугодие составляло не более 180 милл. руб. Комиссия к концу июня закончила свою работу и пришла к следующим выводам на 2-е полугодие: доходы были исчислены ею в 650 миллионов, расходы—в 875 миллионов, и эмиссия определена примерно в 225 милл. руб. т.-е. на 45 милл. руб. больше, чем это разрешал установленный эмиссионный закон. Так как до конца бюджетного года оставалось уже всего 3 месяца и вновь пересматривать бюджет вряд ли было бы рационально, Комиссия ограничилась предложением Финансовому Комитету, утверждавшему месячные бюд-

жетные планы, исходить из необходимости сократить ассигнования Комиссии в процессе составления и утверждения месячных бюджетных планов таким образом, чтобы не выйти за пределы 30 милл. руб. эмиссии в месяц. В действительности однако даже предел в 30 милл. оказался слишком высоким и явно непосильным для всего народного хозяйства, и Сессия ВЦИК'а вскоре же постановляет ограничить этот предел с 1-го августа лишь 15-ю миллионами руб. золотом по курсу на 1-е число.

Сравнение налоговых поступлений за 2 бюджетных года показывает, что поступление денежных налогов превысило в 1922—23 г. более чем в 10 раз итоги 1922 года, при чем это повышение надо отнести, как за счет поступлений по новым налогам, так и за счет прироста поступлений по налогам, ранее функционировавшим.

В основе этого роста лежало оживление хозяйственной жизни страны и увеличение покупательной способности населения. Но, конечно, огромное значение имело улучшение налоговой работы и организация налогового аппарата, который все лучше и полнее учитывал об'екты обложения. Картину роста налоговых поступлений по кварталам дает следующая таблица. Общая тяжесть налогового обложения по госбюджету составляла немного меньше 4-х р. в среднем на душу населения, против довоенных 11 руб.

1922—23 год (в милл. черв. руб.). Без Д. В. О. и Закавказья.

По кварталам.	Всего поступило налогов.	Денежные.	Натуральные.
I кв.	67,8	29,2	38,6
II „	119,6	60—	59,6
III „	87,4	63,8	24,6
IV „	101,1	83,4	17,7

На протяжении 1922—23 года значительно выросла доходность транспорта. Этому способствовала новая тарифная политика, которая перешла от перевода золотых ставок по курсу, далеко отставшему от действительного роста цен, к коэффициентам, больше приближавшимся к индексу Госплана. Сперва этот коэффициент устанавливался раз в месяц, а во втором полугодии 2 раза, и завершением этой политики явился перевод тарифов на червонное исчисление с 1-го октября.

С другой стороны, общее оживление товарооборота, организация хлебного экспорта, развертывание угольной и нефтяной промышленности, сказалось на транспорте ростом грузооборота, и в соединении с реальной тарифной политикой это дало сравнительно с 1922 годом огромный финансовый эффект.

Годы.	Средн. количеств. погружен. в день вагонов.	Общ. количеств. отправленных грузов.	Доход.
1913	30,9 тыс	9.6 милл. пуд.	1,175 мил. р.
1921-22	9,6 „	2.4 „ „	75 „ „
1922-23	11,7 „	3.5 „ „	426 „ „

Расходы транспорта выросли еще сильнее, чем его доходы, и потребовали для своего покрытия сверх поступившей выручки—свыше 120 миллионов рублей дотаций.

Аналогичное транспортному, финансовое оздоровление наметилось и в части так-называемых неналоговых государственных доходов, под которыми следует разуметь доходы от всех прочих (кроме транспорта и связи) государственных имуществ и предприятий. Сюда относятся доходы от лесов, земельного и лугового фонда, промышленности, торговли, банков и т. д.

Промышленность, для которой 1922 год был годом реванша после периода разбазаривания промышленной продукции, накопила некоторую сверхприбыль на разнице в уровне цен на продукты сельского хозяйства и промышленности, но государство не регулировало этого процента накопления через государственный бюджет, и он протекал в значительной мере стихийно. То же самое надо сказать о банках и торговле. В бюджете 1922—23 года проблема развития неналоговых доходов была скорее поставлена, чем разрешена. Финансовые результаты кампании за усиление неналоговых доходов в общем довольно скромны и выражаются в цифре около 45 милл. руб. Наконец, что резко отличает доходную часть бюджета 1922—23 г., это развитие кредитных операций, создание целого ряда займов и заложение, таким образом, фундамента системы государственного кредита. Недостаток свободных наличных капиталов у населения подсказывал необходимость осуществлять, в первую голову, краткосрочные кредитные операции, при чем такие, которые имели бы так-называемое—податное обеспечение. Такой операцией явился хлебный заем, открывающий целую серию, уже осуществленных и намеченных к осуществлению, внутренних займов. Если 1-й хлебный заем, вследствие новизны дела, дал относительно скромные результаты, так как он и не был рассчитан, как крупное финансовое мероприятие, то уже 2-й хлебный заем дал государственному бюджету возможность сманеврировать в те месяцы, когда продналог был с'еден, а новый сельско-хозяйственный налог еще не поступал, и обеспечить регулярное удовлетворение бюджетных нужд. Поступления от хлебного займа в 1922—23 году составили без малого 40 милл. рубл. Чрезвычайно удачной оказалась сама идея увязки хлебного займа с обратным приемом его в погашение при уплате продналога, но реализация этой идеи оказалась возможной только потому, что процесс денатурализации крестьянского хозяйства уже зашел к этому времени достаточно далеко, и крестьяне зачастую предпочитали денежную уплату налогов натуральной. За этой первичной кредитной операцией последовал целый ряд более сложных и рассчитанных на более длительные сроки займов. Из них крупнейшее значение сыграл 1-й выигрышный заем. Реализация этого займа исходила из того, что держателями займа в Советском государстве должны быть прежде всего рабочие и крестьяне. Отмеченный выше факт бедности страны свободными капиталами исключал возможность реализации наших займов исключительно среди нэпмановской буржуазии. С другой стороны, участие широчайших трудящихся масс в государственном займе означало вместе с тем активное участие в оздоровлении государственных финансов, замедление темпа падения рубля в результате сокращения эмиссии и тем самым темпа роста цен и вздорожания жизненного уровня. 1-й выигрышный заем оказался крупнейшим подспорьем для государственного бюджета и дал в 1922—23 году 45 милл. руб., т.-е. столько, сколько дали все неналоговые доходы вместе взятые. Неверно, что это было результатом «принудительного» размещения 1-го выигрышного займа. В порядке коллективной и индивидуальной подписки и выдачи в заработную плату было размещено не более 25 миллионов. Остальные 20 миллионов были реализованы в порядке обычно существующем при размещении государственных займов, и надо отметить, что некоторый интерес к займу проявил даже частный капитал.

Наша основная задача—вовлечь крестьянство в государственные займы, связать его этим путем с интересами государственного бюджета и это будет означать в то же самое время укрепление политической связи между рабочим классом и крестьянством. Именно по этой линии, как мы увидим, при обзоре бюджета на 1923—24 год шла наша финансовая политика, развивая краткосрочный хлебный заем в кредитную операцию более широкого и длительного масштаба, каковой является первый крестьянский заем.

Мы уже отмечали, что бюджетный дефицит 1922—23 г. составлял 27% всего бюджета, а в абсолютных цифрах эмиссия, покрывавшая этот дефицит выразилась в цифре 387 миллионов рублей, включая в эту цифру 13 милл. руб. эмиссии закзнаков, выпущенных Закавказской Федерацией.

Где лежал корень дефицитности нашего государственного бюджета? Главная причина, конечно, заключалась в общем обеднении страны, в ненормально низком уровне цен на сельско-хозяйственные продукты, понижавшей платежеспособности крестьянства, от благосостояния которого, главным образом, зависит благосостояние бюджета и, наконец, в финансовой и экономической слабости в общем нашей промышленности и транспорта. В этом не трудно убедиться также из анализа расходной части бюджета на 1922—23 г.

1922—23 г. (в мил. черв. р.)

ДОХОДЫ.		РАСХОДЫ.	
А. Обыкновенные:		А. Обыкновенные:	
1. Прямые налоги и пошлины	230	1. Наркоматы	318
2. Косвенные налоги	175	2. Транспорт и связь . . .	580
3. Транспорт и связь	454	3. Оборона	242
4. Госуд. имущество и пред приятия	57	Итого обыкновенных . .	1.140
Итого обыкновенных . .	916	В. Чрезвычайные;	
		1. Промышленность	123
В. Чрезвычайные:		2. Сельское хозяйство . . .	64
1. Кредитные операции . .	85	3. Электрификация	28
2. Эмиссия	387	4. Кооперация	10
Итого чрезвычайных . .	472	5. Операции госуд. казначейства и разн. чрезв расходы	23
		Итого чрезвычайных . .	248
ВСЕГО . .	1.388	ВСЕГО . .	1.388

Сопоставление наших обыкновенных доходов с обыкновенными расходами дает дефицит по обыкновенной части бюджета в 360 с небольшим милл. руб. Из этих 360 милл. руб. надо около 160 милл. отнести на расходы, связанные с покрытием дефицита по транспорту и связи и по некоторым ассигнованиям, не являющимся в действительности обыкновенными расходами (как напр., покупка золота у трестов для увеличения государственного золотого фонда). Поэтому было бы правильно утверждать, что мы наши нормальные расходы свели с дефицитом в 200 милл. руб. или около 20% нормального бюджета. Если же взять весь бюджет в целом, то дефицит, покрываемый чрезвычайными ресурсами, в том числе и эмиссией, составил свыше 480 милл., а прибавляя сюда увеличение краткосрочного долга Гос. Казначейства, в результате операций с платежными обязательствами в цифре 36 миллионов, мы получим действительный размер нашего дефицита в сумме 516 милл. руб. или 1/3 расходов. Этот полумиллиардный дефицит, как указано было выше, только на 200 миллионов может быть об'яснен недоразвитостью всей нашей нормальной доходной части бюджета, а остальные 300 миллионов суть следствия дефицитности нашего хозяйства, потребовавшей от государственного бюджета целого ряда финансовых мероприятий по восстановлению промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли. Если бы нам не пришлось в 1922—23 г. покрывать дефицитности нашего государственного хозяйства, на что было израсходовано около 380 миллионов, мы могли бы уже в 1922—23 г. отказаться от эмиссии, которая тоже составляла несколько более 380 миллионов.

В наших чрезвычайных расходах наиболее крупное место заняла промышленность. Государственная поддержка национализированной промышленности производилась в 1922—23 г. следующими путями: 1) выдачей бюджетных ассигнований на увеличение основного и оборотного капиталов наших трестов, носивших безвозвратный характер, 2) выдачей бюджетных ассигнований на покрытие дефицита той или иной отрасли промышленности, явившегося следствием продажи продукции по ценам ниже себестоимости, 3) выдачей долгосрочных ссуд в бюджетном порядке, 4) оплатой государственных заказов и 5) коммерческим кредитованием через посредство Госбанка.

Ассигнования по 1, 2 и 3 пункту составили в общей сложности около 125 милл. черв. руб. Государственные заказы были оплачены на сумму около 300 милл. рублей. Наконец в порядке коммерческого кредитования промышленность получила около 175 милл. рублей. Всего, таким образом, приток средств в промышленность достиг весьма значительной цифры около—586 милл. руб. Это имело решающее значение для промышленности, позволило ей укрепиться и войти в 1923—24 год со значительно меньшим кассовым дефицитом, чем тот, с которым она вступила в 1922—23 г.

Крупные ассигнования были произведены также и по линии сельского хозяйства. Прямые ассигнования в форме целевого кредита, связанные с сельским хозяйством,—составили 43 милл. руб., и 20 милл. руб. пошло на экспорт сельско-хозяйственных продуктов и косвенно связаны с помощью сельскому хозяйству. Почти половина поступившего в госбюджет продналога была обратно возвращена крестьянам в той или иной форме, в частности путем организации сельско-хозяйственного кредита и здесь бюджет, как и в других областях народного хозяйства, выступил как инструмент перераспределяющий в соответствии с нашей политикой в деревне накапливаемые крестьянством капиталы.

Оглядываясь теперь назад и подводя бюджетные итоги 1922—23 году, можно высказать положение, что мы пожертвовали нашей совзначной валютой в интересах хозяйства и в частности промышленности;—это то самое явление, которое мы имеем возможность наблюдать до последнего времени почти по всей Зап. Европе, в частности во Франции и в Германии. Господство Стинеса в Германии означало не что иное, как диктатуру промышленности, подчинившей себе финансы и крах германской марки есть не что иное, как принесение ее в жертву интересам германской тяжелой индустрии поджавшей под себя германскую валюту. Падение французского франка означает такую же диктатуру французских промышленных кругов, использовавших французский франк для расширения работы предприятий и получения колоссальных сверх-прибылей на порче денежного обращения. Разница заключалась в том, что у нас эти процессы не протекали так стихийно, как на Западе и поддавались известному регулирующему воздействию государства, искавшего при разрешении вопроса о размере финансирования народного хозяйства некоторую среднюю линию, которая не привела бы к преждевременному краху совзнака. Сейчас можно утверждать, что эта линия все же в конечном счете, пролегала гораздо ближе к промышленности и транспорту, тем к интересам денежного обращения.

IV. Последний „эмиссионный“ бюджет.

В бюджете на 1923—24 г. был сделан такой шаг вперед, который в годы мирного развития страна делала в 5 лет. По абсолютным своим размерам бюджет 1923—24 года, исчисляемый в 1,880 милл. соответствует царскому бюджету в 1900 году, а бюджет 1922—23 г. Россия имела в 1894—1895 годах.

Бюджет вырос на полмиллиарда рублей—аналогию мы можем найти только в бюджете 1904 года, который увеличился на 600 милл. руб. против бюджета 1903 года. Но тогда это явилось следствием войны России с Японией.

В 1923—24 году указанное выше увеличение связано с чрезвычайно бурным развитием производительных сил страны, освобожденных от оков целиком натурального хозяйства и стимулированных денежной реформой и созданием твердой валюты. По некоторым подсчетам наш национальный доход увеличился в этот год на 25%. Это подтверждает и сравнение основных показателей кон'юнктуры народного хозяйства в 1922—23 г. и в 1923—24 годах.

Эти и многие другие данные показывают размах нашего хозяйственного развития, расширение товарооборота и вовлечение в него деревни, что было ускорено наметившимся с осени процессом сжатия ножниц, которые в конце 2 квартала пришли в общем к нормальному раствору.

	1 квартал 1922—23 г.	1 квартал 1922—23 г.
1. Стоимость всей денежной массы в обращении (в зол. руб. по Всер. Инд. Кон. Инстит.).	107,4 м. р.	172,5 м. р
2. Кредит по сводному балансу Госбанка (в черв руб.). . .	191,8 „ .	907,9 „ „
3. Обороты внешней торговли (в зол. руб. по довоен. цен.).	25,8 „ „	48,7 „ „
4. Обороты внутр. торговли (по данным Моск. Тов. Биржи в м. черв. руб.)	30,6 „ „	101,6 „ „
5. Грузооборот на транспорте (в милл. пуд.)	288	349

На этой основе увеличились поступления свыше чем на 200 милл. от прямых налогов против прошлого года на 250 от транспорта и связи и свыше чем на 50 милл. доходы неналогового характера. которые в этом году действительно стали давать государственному бюджету ощутительный доход.

До внесения уже разработанного бюджета, НКФ еще в августе—сентябре 1923 г., перед началом бюджетного года, внес и Правительство утвердило так-называемый *контрольный бюджет*.

Смысл этого акта заключался в том, что еще до начала бюджетного года были подсчитаны в Народном Комиссариате Финансов ожидавшиеся к поступлению в 1923—24 г. доходы, и на основе подсчета доходов, а также опыта 1922—23 года в распределении основных расходных назначений, были намечены контрольные цифры для ведомств и чрезвычайной части нашего бюджета, носящей восстановительный характер. За пределы этих контрольных цифр ведомства не должны были выходить и имели право лишь представить специальные сметы в случаях, когда потребности ведомства выходили за пределы контрольных цифр. Это, конечно, предрешало удовлетворение в первую очередь несущих потребности ведомств и всего государственного хозяйства, и лишь в случае, если бы остались еще свободные ресурсы—они могли бы быть обращены на удовлетворение дополнительно возникших потребностей.

Проект внесенный Наркомфином, предварительно в Госплан, подвергся при обсуждении в Госплане изменению: доходная часть его была несколько сокращена, а расходная увеличена, в результате чего Совнаркому был представлен несбалансированный бюджет в следующих цифрах:

(В милл. зол. руб.).

ДОХОДЫ:	НКФ.	Госплан.
1. Прямые налоги . . .	373	373
2. Акцизы	153	155
3. Тамож. доход.	100	80
4. Пошлины	28	28
5. Доходы от гос. имущ. и предпр.	93	92
6. Возврат ссуд пр. рода доходы	19	19
Итого . .	761	747
7. Дефицит, покрываемый кредитн. операц., реализов. валюты и эмиссией	250	250
	1,011*)	997

РАСХОДЫ:	НКФ.	Госплан.
1. Общесоюзн. ведом. .	69,1	69,8
2. Оборона	250	325
3. Дотац. трансп. и связи	33	103,5
4. Об'единен. ведом. . .	127	126
5. Необ'единен. ведом. .	149	157
6. Резервные фонды . .	52	62
7. Операции государст. казначейства	123,8	123,8
8. Финансир.:		
а) промышл. . . .	75	100
б) сел. хоз. . .	64	64
в) кооперации . .	15	15
г) коммунальный кредит	15	15
д) электрофик. и строит.	25	41,5
Итого по финан. .	194	235,5
	997,9	1.202,6

Сравнение показывает, что в оценке возможных доходных поступлений не было серьезных разногласий между Наркомфином и Госпланом—оба определяли этот доход в цифре около 1 миллиарда рублей без доходов транспорта и связи, являющихся в значительной мере оборотными, а если прибавить эти доходы, оценивавшиеся несколько больше чем в 600 милл. руб., то размер бюджета достигал 1.600 милл. руб. или 1.650 милл. руб. в зависимости от различной оценки доходных перспектив транспорта и связи.

В расходной же части наметились разногласия на сумму в 205 миллионов рублей, складывавшихся из следующих расхождений: по обороне—75 милл. руб., по транспорту и связи—70 милл. руб. и по финансированию основных отраслей государственного хозяйства—40 милл. руб., остальные разного рода расхождения более мелкого характера.

Совет Народных Комиссаров признал, что вариант Госплана является предельным и что в процессе анализа отдельных смет

*) Так как доходы от госуд. имущ. и предприятий в предположениях НКФ были внесены брутто, т. е. без исключения отчислений местам, то для сравнения их с цифрами Госплана следует их на соответствующую сумму понизить, и тогда доходы составят около 1 м-да руб. без доходов транспорта и связи.

и финансовых планов размер расходов должен быть сокращен и приближен к уровню ожидающихся доходов.

Таким образом, сбалансированного бюджета мы не имели, и лишь 31 декабря Народным Комиссариатом Финансов был представлен детальный разработанный бюджет в Госплан и Совнарком, рассмотрение которого затянулось, и утверждение последовало лишь недавно.

До утверждения годового бюджета государственное хозяйство финансировалось по квартальным и месячным бюджетным планам, которые строились до декабря на основе контрольного бюджета, разработанного НКФином. Бюджетная наша система текущего года несколько приближается к итальянской, где в начале года также составляется нечто в роде нашего контрольного бюджета, а к середине года, на основе опыта первого полугодия составляется и утверждается, так-называемый «упорядоченный бюджет». Трудность заключалась у нас, однако, в том, что наш *контрольный бюджет не был сбалансирован*, и что этот баланс мы пытались находить в масштабе трехмесячных и месячных бюджетных планах и в представленном годовом бюджете.

Дефицит, по варианту Госплана составлял 455 милл. руб., из которых непокрытыми оставались 205 милл. руб., по варианту НКФ, он составил 250 милл. руб., подлежавших покрытию кредитными операциями и эмиссиями.

Теперь, когда позади уже целое отчетное полугодие, интересно и поучительно проследить, как изменились эти первоначальные предположения в годовом проекте НКФина, и насколько этот проект соответствует фактическим доходам и расходам, иными словами, как балансировался бюджет за эти 6 месяцев, и есть ли уверенность в том, что составленный годовой бюджет является реальным, действительно сбалансированным бюджетом.

Свод бюджета Союза (без Дальне-Восточной Области Закавказья) по проекту НКФина имеет следующий вид:

ДОХОДЫ.		РАСХОДЫ.	
1. Прямые налоги	246,7	1. Общесоюзн.	84,2
2. Акцизы	169,5	2. Оборона	345
3. Там. доходы	66,5	3. Дотац. трансп. и связи	44
4. Пошлины	32	4. Об'ед. вед.	120
5. Доходы от гос. им. и предпр.		5. Необ'ед. вед.	138,6
(без транспорта и связи)	124,5	6. Резервн. фонды	67
6. Возврат ссуд и разн. рода		7. Операц. гос. казн.	117,5
доходы	14,7	8. Финансирование:	
		а) промышленности	68,3
		б) сел. хоз.	67,1
	653,9	в) кооперации	20
7. Дефицит, покрываемый кредитн. операц., реализ. валюты		г) коммун. кред.	2
		д) электрификац. и строит.	44
и эмиссией	463,6		
		Итого финансирование:	201,4
	1.117,5		1.117,5

Этот проект представляет собой *уже сбалансированный бюджет*, при чем общий размер его увеличился по сравнению с *контрольным бюджетом* на 100 слишком миллионов рублей. Это отнюдь не означает, что доходы были преуменьшены в первоначальном проекте НКФина, наоборот, они оказались сильно преувеличенными в части, касающейся прямых налогов, больше, чем на 120 милл. руб., и это преувеличение падает на единый сельско-хозяйственный налог.

По первоначальному проекту, сельхозналог должен бы дать 288 милл. золотых рублей, но низкие хлебные эквиваленты и обесценение денежной части налога, поступавшей в совзнаках, свело реальный размер поступлений к 168 милл. руб., и недобор, таким образом, составил около 120 милл. рублей.

Остальные части доходного бюджета изменились не столь значительно. Снизились таможенные доходы, рассчитанные на несколько иное соотношение между экспортом и импортом, чем то, которое реально сложилось, увеличились доходы от государственных имуществ и предприятий, в частности, от промышленности, в результате рассмотрения ее балансов.

Если, тем не менее, общий размер бюджета даже увеличился против контрольного, то это *означало в действительности увеличение дефицитности бюджета и необходимость изыскания новых источников (в частности, развития кредитных операций) для покрытия этого дефицита.*

Таким образом, против основных предположений, доходы уменьшились примерно на 100 милл. руб., и расходы увеличились на 100 слишком миллионов, в результате чего исчисленный дефицит увеличился более, чем на 200 милл. руб. и достиг 463 милл. руб.

Как предполагалось покрыть этот дефицит.

На 200 миллионов рублей займами, на 80 милл. реализацией валюты, поступающей за продаваемый государством заграницей хлеб и на 180 милл. руб. эмиссией.

Поскольку нормальная доходная часть бюджета вполне реальна и обоснована, центр тяжести бюджетного баланса перемещается таким образом в чрезвычайную часть бюджета, и в ней лежит решение бюджетной проблемы.

Три новых займа предприняты для сбалансирования бюджета: это 2-й выигрышный заем, крестьянский выигрышный заем и так-называемый гарантийный или 8% внутренний заем.

Они обращены к 3-м заимодавцам—к городской буржуазии, крестьянству и промышленности и должны дать в этом бюджетном году 120 милл. руб., при чем на долю городской буржуазии падает—35 милл. руб., столько же на промышленность и 50 миллионов на крестьянство.

Об'ективная предпосылка—денежность народного, и в частности крестьянского хозяйства налицо и наличие известных кассовых или вообще ликвидных резервов, накопленных в порах нашего хозяйственного организма несомненно. Будут неко-

торые технические трудности, но при энергичном содействии государственного и партийного аппарата они могут быть преодолены без особых затруднений. А для крестьянства заем представляет такие крупные выгоды, что с этой стороны трудно ожидать каких-либо неожиданностей.

Остальные 80 милл. руб. представляют собой кредитные операции, фактически уже осуществленные в первом полугодии этого бюджетного года, и среди них самое крупное место занимает 1-й выигрышный заем, давший до 50 милл. руб., а вместе с полученными от этого займа в прошлом году 40 милл.,— почти полностью те 100 милл. руб., на которые он был рассчитан.

Что касается размеров эмиссионного дохода, то теперь уже не подлежит сомнению, что он фактически уже получен и составит даже несколько большую цифру—185 милл. Возможность получения 185 милл. руб. эмиссионного дохода открыла денежная реформа.

Трудно думать, что мы могли бы получить эту сумму продолжая катиться по рельсам совзначной эмиссии, не говоря уже о том, что затянуть агонию совзнака на весь бюджетный год представлялось бы задачей явно утопической. Хотя 1-е полугодие бюджет исполнялся в совзнаках, но он был выражен в червонных рублях с переводом их при исполнении по курсу дня. Это выгодно отличает его от прошлогоднего бюджета, составленного в товарных рублях. Система счета в товарных рублях была чрезвычайно искусственна и затушевала реальный размер расходов по отдельным отраслям государственного хозяйства. Переход на твердую валюту делает наш бюджет более устойчивым и реальным, а опыт годовой работы и нащупывания наших доходных возможностей и расходных пропорций позволяет придать ему большую обоснованность в исчислении, чем в прошлом году.

Наконец ликвидация продналога и резкое сокращение натуральных элементов в бюджете в связи с уплатой большей части сельско-хозяйственного налога деньгами, внесли элемент значительного упорядочения в нашем основном крестьянском налоге.

Бюджет прошлого года, хотя точных данных нет еще в нашем распоряжении, может быть определен по предварительным данным в сумме—1.880.000 тыс. червон. руб. переводя совзнаки в червонные рубли по среднему курсу червонца на каждый месяц. Общие размеры бюджета увеличивается на 35% против прошлогоднего.

Анализ отдельных частей бюджета этого года и сравнение их с данными истекшего года, показывают, что увеличивается главным образом нормальная, обыкновенная часть наших доходов.

Государственные налоги и доходы (в милл. черв. руб.) включая ДВО и Закавказье.

(В дов. зол, руб.),	1913 г	1922—23	1923—24*)
1. Налоги (ден. и нат.)	1.140	405	623
Каз. в моноп.	840		
	1.980		
2. Транспорт—казенные ж. д. .	805	425	650
Частные ж. д.	370		
	1.175		
3. Связь	117	28	45
4. Госуд. имущество и предприятия	238	58	155
5. Кредитные операции . . . 6. Эмиссия	60	387	185
(без дох. от 4 жел. дор.) .	3.200	1.388	1.880

При общем увеличении бюджета на 500 милл., наши нормальные доходы возрастают на 560 милл., а чрезвычайные ресурсы выражающие собой в сущности размер нашего покрытого дефицита—сокращаются на 60 милл. руб.

Рост нормальных доходов—вот основная положительная черта нашего бюджета, и на ряду с этим надо отметить резкое сокращение дефицита, покрываемого эмиссией. Непокрытый бюджетный дефицит (эмиссию мы не можем рассматривать, как покрытие) составляет 180 милл. руб. или 15 милл. черв. руб. в месяц и несколько меньше 10% от всего бюджета. Во многих капиталистических странах дела обстоят бесконечно хуже. Для Польши, Австрии, Германии, Советский бюджет пока недосягаемый идеал.

Но здесь же необходимо подчеркнуть, что эти размеры дефицита не должны быть нарушены и расширены, имея в виду завершение первого этапа денежной реформы, т.-е. создание устойчивой валюты. Замена Советского знака твердой казначейской валютой требует сведения нашего дефицита к минимальным размерам.

Дальнейший анализ показывает, что почти половину увеличения наших доходов (225 милл.) дает транспорт. Этот рост является прямым следствием быстрого хозяйственного развития страны и роста товарооборота.

---

*) Цифры взяты за 9 месяцев по предварительным данным об исполнении бюджета и последние 3 месяца по 4 квартальному бюджету, утвержден Совнаркомом.

Прошлый год дал к концу года почти удвоение месячной выручки, что видно из следующего:

	Выручка жел. дор. по мес. (в мил. черв. рубл.) без ДВО и Закавказья	
	1922—23 г.	1923—24 г.
Октябрь	21,1	44,9
Ноябрь	15,7	48,7
Декабрь	18,9	44,7
Январь	22,6	43,4
Февраль	27,2	43,3
Март	42,3	50,7
Апрель	34.3	55,7
Май	37,0	55,4
Июнь	37,8	52,8
Июль	44,8	на 4-й квартал
Август	44.7	предположено
Сентябрь	49,0	179,8
	397,6	

Эта таблица показывает, что во втором полугодии 1922—23 года, когда реальная тарифная политика была осуществлена выручка жел. дор. держалась все второе полугодие на уровне превышавшем 40 милл. в месяц в то время, когда в октябре эта выручка составляла лишь 20 милл. рублей. По сравнению с довоенным доходом составлявшем в среднем 100 милл. руб. в месяц, это составляет свыше 40%. Но следует помнить, что и погрузка за прошлый год составляла всего лишь около 1/3 довоенной. Намеченная в бюджете цифра дохода дает увеличение против дохода прошлого года почти на 60% и требует ежемесячной выручки 55 милл. руб. Не много ли это? Опытная проверка первых 9 месяцев текущего бюджетного года подтверждает эти предположения. Средняя месячная выручка оказалась равной почти 50 милл. руб., а между тем в прошлом году соответствующая цифра составляла 30 милл. руб. кругло. Скорее наши плановые расчеты и предположения грешили до сих пор в сторону недооценки доходных возможностей транспорта.

Транспортная Секция Госплана, разрабатывая перспективный план транспорта, исходила из следующей перспективы:

Валовой доход на пятилетие:

	23 — 24 г.	24 — 25 г.	25 — 26 г.	26 — 27 г.	27 — 28 г.
Валовой доход ж. д.	570,6 м. р.	646,7	685,2	729,1	769,3

Между тем уже как мы указывали выше есть все основания рассчитывать, что в 1923—24 году выручка составит 650 милл. руб. т.-е. обгонит плановые предположения транспортной секции на целый год.

Но еще более резкое расхождение намечается на 1924—25 г. По проекту бюджета ожидается от жел. дорог валовой доход в 800 милл. руб., что обгоняет чуть ли не на пятилетие предположение секции, и это бесконечно ближе к истине, чем приведенные выше расчеты.

Уже в этом году возможно вместо 120 милл. руб. дотаций НКПС'у, выплаченных ему в прошлом году, ограничиться максимальной дотацией в 40 милл. руб.

Налоговые доходы дают увеличение в 208 милл. руб., которые слагаются из увеличения сельско-хоз. налога против продналога прошлого года примерно на 35 милл. руб., прочих прямых налогов (промыслового и подоходно-поимущественного) на 55 милл. руб., пошлин на 35 милл. руб. и наконец, роста акцизов свыше, чем на 90 милл. руб., связанного с увеличением производства и потребления продукции промышленности.

С точки зрения интересов трудящихся бюджет несет за собой не увеличение, а ослабление налоговых льгот, так как абсолютный рост налоговых поступлений в бюджете этого года поставлен исключительно в зависимость от общего роста нашего хозяйства, а налоговые ставки, в частности акцизы, снижены (на сахар, соль и керосин).

Большое увеличение против прошлого года произошло в так-называемых неналоговых доходах, т.-е. в доходах от лесов, промышленности, торговли, и банков. Это увеличение дает 80 милл. руб. В этом году неналоговым доходам уделено особое внимание. Нельзя мириться с положением, при котором страна с громадными лесными богатствами получает от них ничтожный доход, в прошлом году менее 15 милл. руб. против 90 милл. довоен. Здесь есть предпосылки для увеличения этого дохода, по крайней мере до довоенного уровня в ближайшие 2 года. Доходы от государственной промышленности, торговли и банков дали в прошлом году менее 4 милл. руб., а государство вложило в эти предприятия не-менее 100 милл. руб.. Отсутствие балансов не позволяло до сих пор извлекать накопленную за последние два года промышленную и торговую прибыль. Теперь эти балансы появились, и есть все основания рассчитывать, что по по балансам на 1921—1922 гг. (до 1 октября 1923 г.), мы получим от промышленности около 29 милл. руб. и все же это составляет примерно лишь 40% от тех сумм, которые промышленность получит по бюджету этого года от государства в виде дотации. Следовательно, промышленное сальдо остается пока дефицитным.

Статистические данные (Госплан), хотя они далеко не точны, указывают на следующие итоги работы нашей промышленности в 1922—23 г.

Чистая продукция 950 мил. руб.

Расходы промышленности:

Зарплата рабочим и служащим	250 м. р.
Начислен	50 „ „
Организац. расх.	100 „ „
Амортизация	100 „ „
Увеличен. оборотн. капит.	150 „ „
Восстан. основн. капитал	50 „ „
Налоги	100 „ „
Невыяснен. расх.	100 „ „

Можно оспаривать точность этих данных, но одно бесспорно: *истекший год был для промышленности годом накопления.*—В новый год наша государственная промышленность вступает с более благоприятными перспективами, чем в прошлом году. Оборотный капитал промышленности пополнен и оправился от истощения, пережитого в годы разбазаривания продукции промышленности; реализация продукции, по предположениям Бюджетной Комиссии ВСНХ, увеличится, и ожидаемая прибыль должна составить от 100—150 милл. руб., кассовый дефицит не должен по этим данным в наступающем году превысить 100—130 милл. руб., из которых 85 милл. руб. покрываются дотациями бюджету, между тем, как в прошлом году этот дефицит составил около 400 милл. руб.

Поддержка, оказанная нашей промышленности государственным бюджетом в прошлом году, как в форме прямых дотаций, так и в порядке государственных заказов, оставление в руках самой промышленности в течение двух лет накопленой ею прибыли, позволили нашей госпромышленности значительно окрепнуть для того, чтобы исполнить ныне пред'являемые к ней государственным бюджетом требования.

Накопление торговой прибыли, имевшее место последние 2 года шло еще интенсивнее, чем накопление производственной прибыли, и позволяет внести в бюджет по подсчетам Наркомфина до 17 милл. рублей, и, наконец, прибыль от операций Госбанка и других банков должна составить 10 миллионов рублей. Таковы персективы наших обыкновенных доходов.

Что касается чрезвычайных ресурсов, то программа в 200 милл. руб., как показал опыт истекшего года, не является чрезмерной. Процесс накопления, начавшийся с переходом на новую экономическую политику, развивается довольно интенсивно.

В городе и в деревне отлагается известное количество денежных средств, которые могут и должны быть помещены в государственные ценные бумаги, приносящие фиксированный доход. Конечно, трудно рассчитывать на значительное добровольное помещение этих капиталов спекулятивными элементами населения, ищущими более выгодного, но не производительного использования своих капиталов. Но тем более поэтому законным и целесообразным является применение к известным слоям населения методов принудительного размещения государственных займов. Программа кредитных операций предусматривает 2-й выигрышный заем, рассчитанный исключительно на размещении среди зажиточных слоев города, гарантийный заем, выпускаемый для помещения в нем высвобождающихся капиталов государственной промышленности (резервные капиталы) и др. государственных предприятий и учреждений и наконец, крестьянский заем, в основе которого лежит идея хлебного займа.

Ряд подсчетов показывает, что в истекшем году национальный доход составил около 50 руб. дов. на душу населения, (довоенный доход 101 руб.), что при населении в 130 милл. человек дает около 6,5 миллиардов дов. руб. Бюджет истекшего года поглотил около 1,4 милл. черв. руб., что (приравнивая черв. рубль довоенному) составит свыше 20% от национального дохода, а по довоенным ценам наш бюджет составил бы, вероятно, не более 1 миллиарда руб. или 15% довоенного.

Как бы осторожно ни оценивать перспективы национального дохода в 1923—24 г.г. мы в праве рассчитывать повидимому на 8 миллиардов дов. руб. дохода, и 1,9 миллиарда черв. руб. или 1,3 миллиарда дов. руб., намеченные на будущий бюджетный год, поглотят несколько более 15% этого дохода. Эти подсчеты весьма грубы (и в довоенное время они были далеки от точности), но они укрепляют вывод, что бюджет кругло в 1,9 милл. руб. является посильным для народного хозяйства, хотя и далеко не легким бременем.

По основным расходным назначениям бюджет представляет следующую картину по сравнению с прошлогодним:

Распределение расходов по бюджету (включая ДВО и Закавк.).

	1923–24 г.	%%	1922–23 г.	%%
1. Транспорт и связь	750 м.р.	39,9	580 м. р.	41,8
2. Армия	358 „	19,0	242,0	17,4
3 Наркоматы	59 „	24,4	318	22,9
4. Промышленность	85 „	4,5	123	8,9
5. Сельское хозяйство	60 „	3,2	64	4,6
6. Электрификация	48 „	2,6	28	2,0
7. Кооперация	20 „	1,1	10	0,7
8. Операц. гос. казн. и разн. расходы	10 „	5,3	23	1,7
Итого	1.880 м. р.	100,0	1.388 м. р.	100,0

Оговоримся, что фактически расход прошлого года не установлен, и речь идет лишь об открытых кредитах с некоторыми поправками.

Самое видное место в увеличении наших расходов занимает транспорт.

Наиболее крупное увеличение коснулось двух важнейших статей: зарплаты и эксплоатационных расходов.

Зарплата начала повышаться с мая 1923 г. по календарному плану, рассчитанному на увеличение ее к декабрю 1923 г.) на 50%. Это повышение ныне осуществлено, и дальнейшее повышение зарплаты возможно при условии большей доходности транспорта, чем это намечено по бюджету.

Повышение ассигнований на эксплоатационные расходы связано неразрывно с все увеличивающейся работой транспорта. Смета истекшего года была рассчитана на работу сети в 11,000 вагонов средней суточной погрузки, при пробеге паровоза в 192.000.000 верст, но действительность превзошла это программное задание, и в сентябре погрузка достигла свыше 13.000 вагонов в сутки, а в октябре превзошла 15.000. Свои предположения на 1923—24 гг. Наркомфин построил, исходя из перспектив работы сети в 15.000 вагонов средней суточной погрузки и пробега паровозов в 246,6 милл. верст. Погрузка должна увеличиться на 36%, и пробег почти на 29%.

Реализация таких успехов открывается возможностью сокращения расходов на топливо при более экономном его сжигании,

лучшем использовании подвижного состава и напряженной, непрекращающейся работы всего людского аппарата, обслуживающего транспорт над рационализацией нашего жел. дорожного хозяйства. Наконец, решающим фактором послужили влитые в транспорт в прошлом году огромные средства в порядке дотации, составившие около 120 милл. руб.. Все эти факторы позволяют рассчитывать на быстрый и прочный рост нашего транспорта в ближайшие годы.

Что касается увеличения расходов на армию, они вызваны главным образом повышением заработной платы командного и административно-хозяйственного состава, предпринятым во вторую половину истекшего года; военный бюджет поглощает около 20% всего бюджета, что несомненно является громадной тяжестью для советского государства. Но минимальные потребности обороны требуют при самом резком сокращении их, значительных ассигнований, которые очень заметны в нашем скудном (в абсолютном выражении) бюджете. В царском бюджете армия поглощала около 1 миллиарда руб., что превышало 30% царского бюджета; по сравнению с такими расходами, при необходимости держать технически более высоко организованную армию наш военный бюджет сравнительно скромен.

Остальная Наркоматская группа увеличивается заметно, и серьезное увеличение коснулось фонда зарплаты. В этом отношении истекший год ознаменовался известными успехами в области планирования зарплаты, более точного учета контингентов, снижения их и сокращения самого аппарата, при более или менее неизменном фонде зарплаты, что позволяло реально увеличить зарплату.

Зарплата повысилась и номинально и реально, хотя в общем продолжает оставаться на низком уровне. Дальнейшее значительное повышение в настоящем году невозможно и связано с дальнейшим сокращением госаппарата (что возможно) с большей его рационализацией, полным устранением так-называемых «бумажных душ».

Производительная часть нашего бюджета на 1923—24 гг. (исключая транспорт) связанная с непосредственным финансированием хозяйства, не очень значительна (180 милл. руб.), но надо учесть естественную разгрузку бюджета от финансирования целого ряда отраслей промышленности, перешедших на банковское финансирование. Из крупных отраслей промышленности на госбюджете остаются лишь металлическая и угольная промышленность. Фигурировавшая в прошлом бюджете нефтяная промышленность стала на ноги и с бюджета снята. Что касается сельского хозяйства, то около одной четверти взимаемого с крестьянства сельскохозяйственного налога возвращается последнему в виде сельско-хозяйственного кредита. Бюджет здесь выступает явственно, как инструмент классовой политики в руках пролетарского государства, позволяющий направить ту часть налога, которая берется с кулака, на поддержку бедняка и середняка крестьянина.

Ассигнования на электрификацию также заметно выросли. Решающее место в них (около 24 милл.) занимает Волховстрой, который решено закончить во-время: ряд других станций, мень-

ших по своему об'ему, но весьма важных для нашего хозяйства (Шатура, Красный Октябрь и т. д.) требуют дополнительных средств для их своевременного окончания. Повидимому неизбежен перенос части работы на будущий год.

Наконец, удваиваются ассигнования кооперации, перед которой стоят важнейшие хозяйственные и политические задачи и которая нуждается в серьезной государственной поддержке для успешной работы с развивающимся частным капиталом.

Что касается операции государственного казначейства, то здесь проходят статьи, главным образом, связанные с погашением займов (хлебный, сахарный и т. д.).

Если взглянуть на бюджет под углом его Союзной структуры можно по приблизительному подсчету установить прежде всего, что общесоюзные ведомства занимают в бюджете 85,9%, РСФСР—9,8%, УССР—2,3%, ЗСФСР—1,8%, БССР—0,2%, а доходы распределяются в следующем процентном соотношении: общесоюзные доходы 95,0%, РСФСР—3,2%, УССР—1,1%, ЗСФСР—0,6—, БССР—0,1%. Эти данные показывают, что часть общесоюзных доходов идет на покрытие дефицита Республик, которые не покрывают своих административных и культурных потребностей доходами, ими же администрируемыми.

Если подойти к бюджету под углом зрения территориального распределения доходов и расходов, мы приходим к этому же выводу:

Территориальное распределение доходов и расходов по Республикам (в милл. червонных рублей), по предварительным подсчетам.

ДОХОДЫ.		РАСХОДЫ.		ДЕФИЦИТ.	
				Абс. цифры	В % к расход.
РСФСР	1.252	РСФСР	1.458	206	16,5
УССР	325	УССР	333	8	2,4
ЗСФСР	68	ЗСФСР	76	8	11,8
БССР	22	БССР	24	2	8,3
	1667		1891		
Дефицит	224				
	1891				

Представленные своим собственным силам Республики не в состоянии покрыть свои потребности и потому, чтобы покрыть дефицит и поддержать государственную промышленность, сельское хозяйство, кооперацию, осуществить план электрификации, Союзу нужно прибегнуть не только к займам, которые в выше приведенные цифры вошли, но и к эмиссии.

Обзор бюджета к 1923—24 гг. показывает, что на основной вопрос о его реальности и обоснованности надо ответить утвердительно.

Но тем не менее и этот бюджет сохраняет название и значение ориентировочного, на основе которого составляются твердые квартальные и месячные бюджетные планы.

Недостаточная устойчивость наших экономических отношений, наличие казначейской эмиссии, как бюджетного ресурса отсутствие устойчивых, определившихся вполне планов ведомств не позволяют сделать этот бюджет твердым.

Но те успехи, которые достигнуты, позволили уже в последнем квартале этого года составить и утвердить первый твердый квартальный бюджет и хотя бюджет на 1924—25 гг. также остается ориентировочным, но повидимому будет последним ориентировочным бюджетом.

V. К твердому бюджету (1924—25 год).

Реформа денежного обращения, наложившая яркий отпечаток на всю хозяйственно-финансовую жизнь страны, должна была отразиться и на развитии госбюджета. Твердая валюта и непокрытый бюджетный дефицит—плохие соседи: они вместе не уживаются и дело кончается обычно тем, что-либо валюта перестает быть твердой, либо бюджет перестает быть дефицитным.

«Хорошие» бюджетные традиции требовали, чтобы к реформе денежного обращения приступать лишь тогда, когда бюджетный дефицит изжит. Мы же приступили к реформе денежного обращения в условиях непокрытого бюджетного дефицита и заранее учитывали неизбежность и необходимость использования новой валюты для бюджетных целей. Вполне естественно поэтому, что Западно-Европейская капиталистическая пресса встретила денежную реформу с величайшим недоверием, при чем основная аргументация базировалась на весьма скептической оценке перспектив нашего государственного бюджета. Вот что писала английская печать:

«Эмиссия бумажных денег играет совершенно исключительную роль в советском бюджете, как способ покрытия дефицита. В начале других средств для покрытия государственных расходов не имелось. Так в 1921 г. эмиссией было покрыто 90% советского бюджета, в 1923 г. около 38%. Бюджет 1924 г. не считая валового дохода дефицитных жел. дор., выражается в 1 миллиард расходов и приблизительно 600 милл. дохода. Дефицит 400—500 милл. будет покрыт на 21% эмиссией и больше чем на половину путем кредитных операций (принудительных займов и т. д.). Эмиссия не дает никаких доходов государству и роль ее постепенно понижается. Назначение всех новых казначейских знаков также как и серебр. и медн. монеты—покрыть дефицит бюджета 1924 г. Отменив советские бумажные дензнаки, эмиссия которых была безгранична, Советское правительство имеет в своем распоряжении червонцы и казн. знаки с эмиссией ограниченной. Совершенно ясно, что их постигнет роковая участь всех остальных бумажных денег, и они также будут вовлечены в бездну инфляции».

Другой орган пишет:

«Стабилизация новых казначейских знаков и червонцев может быть достигнута только посредством резкого сокращения госуд. расходов между тем как рост дороговизны влечет за собой и увеличение государственных расходов. Смета государственных органов на март месяц сокращена на 10% по сравнению с предыдущим месяц. и все же налоговые поступления не смогут покрыть и этот сокращенный расход и 1/5 гос. расходов предполагается покрыть разного рода эмиссией. Все это, конечно, не будет способствовать устойчивости новой бумажной валюты».

Таковы пророчества западно-европейских капиталистических оракулов о будущем нашего государственного бюджета. Мы указывали выше, как идет исполнение в 1923—24 гг. и насколько основательны предсказания буржуазной Европы. Теперь когда уже составлены исчисления проектов госбюджета на 1924—25 гг. мы можем «приоткрыть перед Европой край завесы» над ближайшим будущим советского бюджета. Общее построение этого бюджета имеет следующий вид.

ДОХОДЫ:		РАСХОДЫ:	
А. Обыкновенные доходы:		А. Обыкновенные расходы:	
1. Налоги	832 мил. р.	1. Общесоюз. ведомства .	1.323 мил. р.
2. Доходы от госимуществ и предприятий . .	1.038 „ „	2. Об'единен. ведомства .	110 „ „
Б. Чрезвычайные ресурсы:		3. Необ'единен ведом. .	200 „ „
		4. Резервн фонды и операц. госказначейства	275 „ „
1. Крелитоперац. и реализ. госфондов	130 „ „		1.908 мил. р.
2. Выпуск серебра и медной монеты	80 „ „	Б Чрезвычайные расходы:	
	210 мил. р.	1. Расходы по финансированию народн хоз-ва:	
		а) промышленности .	40 мил. р.
		б) сельск. хоз.	52 „ „
		в) электрификац. . .	35 „ „
		г) коммун. строит. . .	10 „ „
		д) проч. нужд. нар. хоз.	35 „ „
			172 мил. р.
ВСЕГО: . .	2.080 мил. р.	ВСЕГО: . .	2.080 мил. р.

Вопреки приведенным выше предсказаниям, бюджетные перспективы таковы: что мы не только не ожидаем увеличения дефицита в гос. бюджете, который вызвал бы необходимость в более широком использовании новой твердой казначейской валюты, а наоборот, можно с большей уверенностью утверждать, что для бюджетных целей в 1924—25 гг. не будет израсходовано ни одного рубля эмиссии казначейской валюты и что выпуск ее

будет регулироваться исключительно потребностями денежного рынка и размером эмиссии банкнот, для которой казначейская валюта является размененными деньгами. Но и весь размер бюджетного дефицита сократился очень резко против бюджета 23—24 г. и сведен всего к 10%, при чем эти 10%—покрываются нормальным бюджетным путем, а именно; кредитными операциями и использованием монетного дохода от выпуска серебряной и медной монеты. Вряд ли много стран Европы могут сейчас таким образом свести бюджет, как это удается нам, благодаря тому, что Советское государство держит в своих руках основные рычаги хозяйства и не является игрушкой интересов отдельных капиталистических групп, использовывающих во всех странах государственный бюджет в своих групповых интересах.

Советский Союз—и доказательством этого является составленный бюджет на следующий год и три предыдущих бюджета—нашел в себе достаточно твердости и силы, чтобы пойти на самоограничение и отказ в удовлетворении целого ряда потребностей или на расширение ассигнований на эти потребности лишь в той мере, в какой это действительно позволяют рамки гос. бюджета. С другой стороны мы все же видим, что бюджет 1924—25 гг. увеличивается почти на 10% против вероятного размера бюджета текущего года.

Ликвидация непокрытого бюджетного дефицита, следовательно, основная черта, характеризующая наш бюджет на 1924—25 г. В этом его принципиальное отличие от всех предшествовавших его бюджетов, составленных при НЭП'е. В бюджете сохранено деление доходов и расходов на обыкновенные и чрезвычайные при чем удалось свести его таким образом, что обыкновенные расходы почти целиком покрываются обыкновенными же доходами, а чрезвычайные расходы балансируются чрезвычайными ресурсами. Другими словами—бюджетная структура, с точки зрения даже самого придирчивого бюджетного теоретика, принимает у нас совершенно нормальный вид.

Сокращение государственного дефицита, стало возможным прежде всего в силу роста наших обыкновенных доходов и в первую очередь налогов. Если налоговая программа в 1923—24 гг. составила включая таможенные доходы и пошлины примерно 625 милл., то в предстоящем году она рассчитана почти на 830 милл., т.-е. увеличена больше, чем на 200 милл. Доход от транспорта увеличивается на 150 милл. и наконец доход от государственных имуществ промышленности, торговли и банков, увеличивается примерно на 50 милл.

Наоборот, наши чрезвычайные ресурсы, которые являются свидетельством известного напряжения гос. бюджета, сокращаются более чем на половину: вместо 430 милл. текущего бюджета в будущем бюджете намечается лишь 210 милл. Это сокращение падает на эмиссионный доход, который выпадает в размере 185 милл. руб. из бюджета и замещается использованием выпуска серебряной и медной монеты в размере 80 милл. Остальные 100 милл. падают на кредитные операции и реализацию экспортной валюты, которая в бюджете 1924—25 года уже фигурирует.

К исчислению возможных размеров бюджета 1924—25 г. следует подойти двояким путем: с одной стороны, на основании конкретного анализа тех возможностей, которые имеются по каждому отдельному доходному источнику, учитывая опыт накопившийся за последние 3 года. С другой стороны, сопоставление общих размеров бюджета с уровнем и ростом национального дохода позволяет сделать известное общее заключение о степени посильности бюджета для всего народного хозяйства. Конечно, подсчеты последнего рода, при несовершенстве нашей статистики, поневоле носят характер чрезвычайно грубый и приблизительный.

По этим подсчетам национальный доход наш в 1923—24 г. определяется цифрой в 8 миллиардов довоенных рублей. Есть ли основание рассчитывать на его увеличение в 1924—25 г., которое покрывало бы увеличение бюджета на 200 милл.? Несколько омрачившиеся перспективы урожая, а с другой стороны расширение площади посевов под технические культуры приводят к выводу, что в общем и целом стоимость продукции сельского хозяйства повидимому не увеличится против прошлогодней. Что касается перспектив роста продукции промышленности на основании дальнейшего ее развертывания, рационализации производства повышении производительности труда, то есть основания рассчитывать примерно на 25% увеличения. Покупательная сила города несомненно возрастет, при чем известную роль сыграет и сам государственный бюджет, как крупный госзаказчик с одной стороны и источник для повышения заработной платы для почти полтора миллиона человек находящихся на госбюджете, с другой стороны. Произведенные подсчеты дают в общем примерное увеличение национального дохода для будущего года в 400 дов. руб. или свыше 500 милл. черв. руб., при чем 3/5 этого увеличения, остается, таким образом, внутри хозяйства страны, а 2/5 будет из'ято для нужд бюджета. Если исходить из этих цифр и сравнивать с аналогичными данными в довоенное время, можно притти к выводу, что тяжесть давления бюджета на народное хозяйство во всяком случае не превысит довоенных соотношений.

По подсчетам Прокоповича, наш довоенный национальный доход составл. 16,4 миллиард., а на нынешней территории 13,6 миллиард., т.-е. цифру несколько больше чем в 1½ раза превышавшую нынешний доход, при чем бюджет доходил до 3,25 миллиард. руб. Наш нынешний бюджет по абсолютным своим размерам составляет около 60% бюджета 1913 года и соответствует примерно тому бюджету, который имела царская Россия в 1903 г. Но здесь не учтено падение покупательной силы наших денег и если по оптовому индексу Госплана перевести наш червонный рубль в довоенный, то придется уменьшить размер нашего бюджета примерно на 1/3 и считать его равным 1.300.000.000 дов. руб. С другой стороны надо внести известный корректив в бюджет 1913 года для того, чтобы его сделать сравнимым с нынешним бюджетом, прежде всего надо его уменьшить на ту часть, которая падала на отошедшие от нас части бывшей территории Империи. Эта поправка снизит бюджет 1913 г. до 2,2 миллиард. руб. Затем около 250 милл. фигурировали в царском бюджете,

как расходы на такие нужды которые теперь переданы на местный бюджет. Наконец платежи процентов по внешним долгам, поглощавшие около 300 милл. также должны быть обращены со счета, так как у нас нет этой внешней задолженности. В результате сравниваемая часть довоенного бюджета несколько превысит 2 миллиард., при нынешнем бюджете 1.300.000.000, что составит около 65% довоенного. Вывод из этих цифр, как будто напрашивается такой, что наш национальный доход сократился гораздо меньше, чем госбюджет, и что как будто бюджетное бремя сейчас легче, чем в довоенное время. Вряд ли такой вывод был бы правилен, так как платежеспособность сократилась отнюдь не в прямой пропорции с сокращением национального дохода, а в большей, ибо существует известный прожиточный минимум, который не может сокращаться значительно и сокращается лишь тот излишек, из которого и прежде платились всякого рода налоги, подати и т. д. из которого они платятся и сейчас. Вот почему надо считать бюджет примерно в 2.100.000.000 предельным, хотя в то же время и вполне выносимым на нынешнем уровне доходов страны.

Из 200 милл. увеличения по налогам, около 90 милл. падает на единый сельско-хозяйственный налог. Первоначальные предположения о поступлении единого сельско-хозяйственного налога исходили из несколько более благоприятной оценки перспектив урожая. Последние недели принесли некоторое ухудшение и омрачили эти перспективы. Это побудило Народный Комиссариат Финансов снизить исчисление дохода от сельско-хозяйственного налога, как по государственному бюджету, так и по местному в общей сложности на 50 милл. и ориентироваться на поступление сельско-хозяйственного налога в размере 350 мил. В государственный бюджет из этих 350 миллионов внесено 274 миллиона.

Второе крупное увеличение по налоговой части падает на акцизы в размере, несколько превышающем 75 милл. против прошлого года. В соответствии с намечающейся расширенной производственной программой по Сахаротресту и по текстильной промышленности и ростом потребления на продукцию этих отраслей, есть все основания рассчитывать на увеличение сахарного и текстильного акциза, а также табачного акциза, который обнаружил неуклонный рост.

Что касается доходов транспорта, то повидимому цифра в 800 милл. окажется реальной. Она основана на ожидаемой работе железных дорог примерно в 2.100 милл. пудо-верст пробега платных грузов. В этом году соответствующая цифра превысит 1.800 милл., но совершенно очевидно, что при расширяющемся товарообороте, при увеличении продукции промышленности в среднем на 25%, росте товарности сельского хозяйства, это ожидаемое расширение работы наших жел. дорог вполне обосновано. При этом условии мы будем иметь около 55% работы сети против довоенного времени. Поскольку траспорт переваливает за половину нагрузки довоенного времени, есть уже основания говорить, о возможности сведения его доходов и расходов без дотации со стороны государства, и на этом принципе построен транспортный бюджет, в расход внесена та же цифра,—800 милл.

Что касается дохода от государственных имуществ, предприятий и банков, возможно отметить ожидаемое увеличение лесного дохода на 20 милл. и увеличение дохода от промышленности примерно на 25 миллионов. Ожидаемое отчисление прибылей промышленности в казну составит, по предположению НКФ, не менее 50 милл., и доходы от промышленности начинают играть все более крупную роль в бюджете.

Наконец, что касается наших чрезвычайных ресурсов, то как было уже указано, здесь решающее значение имеют кредитные операции и в частности доход от второго выигрышного займа, который размещается одновременно с уплатой подоходно-поимущественного и промыслового налога (в размере 40 милл), от золотого 8% гарантийного займа, который является помещением для резервного капитала государственных предприятий (30 милл.) и, наконец, от крестьянского займа (50 милл.).

Переходя к расходной части бюджета надо отметить сдержанность в расширении ассигнований против прошлого года. Главное увеличение по общесоюзным ведомствам коснется транспорта в размере 100 милл. Эти ассигнования имеют в виду некоторое (10%) увеличение зарплаты и, главным образом техническое улучшение путей.

Несколько шире раздвинуты бюджетные рамки для Наркоматов необ'единенных, администрирующих наши культурные и социальные потребности. Эти необ'единенные Наркоматы составляют главную часть бюджета союзных Республик, и НКФ счел необходимым внести на утверждение правительства предложение об увеличении этих ассигнований на 20% против текущего года. Здесь имелось в виду расширение средств, ассигнуемых НКЗему и НКПросу, в первую очередь для поднятия заработной платы учителей, ученых, агрономов и стипендиатов ВУЗ'ов. Расширились значительно, на 100 милл. руб.,—операции государственного казначейства, куда входят ассигнования на приобретения серебра для работы монетного двора, а также расходы по закупке у трестов золота и платины с целью увеличения государственного золотого фонда. Затем возросли также расходы по уплате процентов по займам и по погашению их. Наши чрезвычайные расходы, т.-е. те, которые связаны с финансированием различных областей народного хозяйства, несколько сокращаются против прошлогодних—примерно на 50 миллионов. Эти сокращения достигнуты главным образом по ассигнованиям на дотации и ссуды промышленности, фигурирующие в бюджете в цифре 75 миллионов против 130 миллионов текущего года.

Промышленность крепнет, и есть возможность перейти от ассигнования по государственному бюджету, которое является далеко не лучшей формой поддержки нашей государственной промышленности, к другим более рациональным формам, в частности к расширению банковского краткосрочного кредита. Если в текущем году мы имели возможность безболезненно снять с госбюджета нефтяную промышленность, то и в наступающем году мы предполагаем целиком снять с бюджета угольную промышленность. Прямая дотация Донецкому бассейну уже сейчас значительно сокращена и снятие Донбасса с бюджетной дотации при одновременном расширении краткосрочного банковского кредита,

конечно, нисколько не подорвет финансовой устойчивости Донугля, а, наоборот, позволит перейти на коммерческие начала работы. Что касается металлопромышленности—неизбежно сохранение в бюджете прямых ассигнований. Металлическая промышленность еще не может быть поставлена в такие же условия, как уголь и нефть, но ряд мероприятий, в частности расширение государственных заказов металлопромышленности, обращение части сумм, ассигнованных по линии сельхоз. кредита на усиление работы металлопромышленности для крестьянского рынка и значительное увеличение нагрузки заводов металлической промышленности, позволяет рассчитывать на то, что в наступающем году в общем и целом, несмотря на сокращение прямой дотации, финансовое положение металлической промышленности упрочится.

Ассигнования на нужды сельского хозяйства оставлены почти в прежнем размере, с тем, что 25 милл. ассигнуется в капитал Сельско-хозяйственного банка, 7 милл. на нужды ирригации в Туркестане и вводится новое ассигнование, отсутствовавшее в бюджете текущего года, в размере 25 милл. на организацию широкой помощи пострадавшим от неурожая. Программа электрификаци предусматривает окончание наших крупнейших станций первой очереди, при чем общая сумма составит 35 милл.

В бюджете включено также ассигнование на расширение коммунального кредита в размере 10 милл. против 2-х милл. прошлого года. Востановление городов является сейчас такой задачей, откладывать которую дальше невозможно, и если попытка НК Фина в текущем году увеличить ассигнования на коммунальный кредит неудалась вследствие общего стесненного положения наших финасов, то планируя бюджет на будущий год, мы эти кредиты будем пытаться сохранить, направив их по линии городских коммунальных банков, которые за этот год окрепли и расширились. Наконец, новое ассигнование введено в годовой бюджет на организацию общественных работ в размере 10 милл.

Рост безработицы подсказывает необходимость разработки широкого плана общественных работ не только для городских квалифицированных рабочих, но и для части той безработных, которых будет гнать деревня. Таким образом, этот план должен предусматривать организацию общественных работ не только в городах, но и в местностях, особо пострадавших от неурожая (мелиоративные работы, ирригация и т. д.).

Такова общая картина бюджета. Если не произойдет какого-либо резкого ухудшения перспектив урожая, бюджет в 2,1 миллиарда, будет выполнен. Бюджет носит характер контрольного в том смысле, что на основании тех цифр, которые этим бюджетом, устанавливаются, все союзные ведомства должны планировать свои расходы. Те потребности, которые не смогут уложиться в эти рамки, войдут в дополнительные сметы ведомств республик, но шансы па удовлетворение они получат лишь в том смысле, если к моменту утверждения государственного бюджета общехозяйственные перспективы настолько улучшатся, что можно будет говорить о некотором раздвижении бюджетных рамок.

В общем и целом бюджет на 1924—25 год является еще одним доказательством устойчивости хозяйственной и финансовой системы Советского Союза, который находит возможности удовлетворять свои нужды, не прибегая ни к печатному станку, ни к внешним займам, бюджет решительно порывает с эпохой эмиссионного хозяйства и становится на путь нормального финансирования государственного хозяйства на основе более полного удовлетворения его основных потребностей и нужд.—Твердый бюджет еще не завоеван, но все предпосылки для твердого бюджета и нормального покрытия бюджетного дефицита уже даны упорной работой миллионов над возрождением нашего народного хозяйства.

В. Астров.

„Обновление“ кадетизма.

Белая российская эмиграция в данный момент не представляет из себя значительной общественной силы. В виду этого мы и не уделяем ей большого внимания. У читателя установилась даже привычка пробегать сведения и статьи из жизни эмиграции не иначе, как в порядке фельетонного или „послеобеденного“ чтения. Тем более, что среди этих сведений не раз попадались нам презабавные вещи, в роде знаменитых „тараканьих бегов“, организованных за рубежом „лучшими представителями“ нашего „образованного класса“.

Ничуть не переоценивая реального общественного веса эмигрантских кругов, однако, полезно иногда более внимательно и серьезно присмотреться к их идейной жизни. Владимир Ильич **Ленин** на III-ем Конгрессе Коминтерна (в 1921 г.) даже прямо советовал иностранным товарищам „систематически следить“ за процессами, происходящими в русской эмиграции, рекомендуя это занятие, как „весьма поучительное“:

„В некоторых отношениях мы должны учиться у этого врага“,—говорил он. Этот враг „очень хорошо осведомлен, великолепно организован“, у него есть „**хорошие стратеги**“.

„...Это не общая теория, это практическая политика и здесь видно, чему враг научился. Русская буржуазия за последние годы потерпела страшное поражение. Существует старое крылатое слово о том, что разбитая армия многому научается“...„В то время, когда мы одним натиском взяли власть, русская буржуазия была неорганизована, политически неразвита. Теперь, я думаю, **она стоит на высоте западноевропейского развития**“. (Курс. мой В. А.) (Соч., т. XVIII, ч. I, стр. 324).

Ленин, со свойственной ему резкостью в постановке вопросов, даже заявлял, что „классовое сознание буржуазии все еще выше классового сознания эксплуатируемых и угнетенных“.

Все это не лишне напомнить, с точки зрения автора данной статьи, поскольку у него нет большой уверенности в том, что к выбранной им теме товарищи отнесутся с достаточной серьезностью. Между тем, нам кажется, что вопрос об эволюции или об „обновлении“ русского либерализма (кадетизма) заслуживает внимания каждого партийца, желающего толком разобраться в современной политической обстановке.

Образованный лево кадетами и группой „Крестьянская Россия“ на Пражском „с'езде“, в конце декабря 1923 года, „Республиканско-демократический союз“ выпустил № 1 своего органа [1]).

[1]) „Свободная Россия“. Республиканско-демократический орган. № 1. Май, 1924 г. Берлин (164 страницы).

Срок выхода следующего №-ра пока остается неизвестным. № 1 вышел довольно жидковатым по об'ему и содержанию, но основные черты политической физиономии „союза“ он обнаруживает достаточно. Здесь помещены статьи П. Милюкова, С. Прокоповича, А. Аргунова, Ст. Ивановича и С. Маслова, а также программная и тактическая „платформа“ „союза“.

На декабрьском „с'езде“ в составлении этих „платформ“ участвовали и „народные социалисты“ (энэсы), но вступить в союз отказались из за разногласий организационного характера. Энэсы настаивали на более строгом отборе организаций, принимаемых в союз, по признаку партийности. Спевшиеся между собой лево кадеты и группа „Крестьянской России“, не желая связывать себя ориентировкой на старые партии, отклонили точку зрения энэсов и открыли доступ в союз для организаций „не строго партийного характера“. Вступление в „республиканско демократический союз“ не уничтожает самостоятельного существования партий и групп.

Таким образом, „союз“, с одной стороны, живет надеждами на „обновление“ старых белых партий, а с другой—не хочет искусственно ускорять этого процесса, применяя, пока что, принцип „lose Organisation“, предоставляя свободу организации своим членам. Передовик „Свободы России“ пишет:

„При всем сознании важности организации республиканско-демократических элементов как в России, так и за границей, инициаторы Союза полагают, однако, что время для создания новых политических партий еще не наступило и может наступить только в России, когда появится политическая возможность для этого. При этом легко может оказаться, что в составе союза найдется материал не для одной, а для нескольких политических партий. Так было, например, когда члены „Союза Освобождения“ распределились в 1905 году между различными политическими партиями“ (стр. 8).

Итак „республиканско демократический союз“ находится еще в зародышевом состоянии. Будучи озабочен, прежде всего, вопросом о привлечении новых членов, он не только не требует от них строгой партийности в настоящем, но даже и на будущее время обещает полную „беспартийность“ в характере „союза“ („несколько“ партий). Однако, присматриваясь к составу новорожденного „Союза“ не трудно видеть, что эта „беспартийность“ шита белыми нитками.

Никто из сколько нибудь знающих старинную российскую „общественность“ не станет отрицать, что из „имен“, стоящих во главе „республиканцев-демократов“, в сущности, только **одно** имя может претендовать на **самостоятельное** историческое значение. Это—П. Милюков, основатель и вождь кадетской партии, классовый „передовик“ русской буржуазии.

Остальные герои „демократически-республиканского“ толка,— Прокоповичи, Аргуновы, Масловы, Ивановичи,— представляя собою правейшее крыло эс-эровского и меньшевистского лагеря, как это доказано всем ходом нашей революции, не могли и не смогут претендовать ни на что иное, кроме как на роль подголосков при кадетском вожде. Эта мелкобуржуазная и интеллигентская хлябь, **в лучшем** для нее случае, находит свою социальную полочку в кулацких слоях крестьянства и в мещанстве наших городов. Эта „фракция“ русской буржуазии всем своим социальным

положением лишена возможности играть вполне самостоятельную историческую роль; таково же, почти с фатальной неизбежностью, и положение ее идеологов.

Вот почему правильнее, говоря о „республиканско-демократическом союзе“, иметь в виду первым делом Милюкова и его лево-кадетскую группу. В 1921 году Милюков порвал с правым крылом и центром старой кадетской партии, образовав „демократическую группу партии народной свободы“. Вслед за тем, он стал искать себе в союзники „крестьянских демократов“. Под крылышком милюковцев сложилась группа „Крестьянской России“, играющая роль искомого союзника лево-кадетов. „Сватовство“ с ней закончилось образованием „Республиканско-демократического союза“ в декабре 1923 года. Отныне Прокоповичи, Ивановичи, Аргуновы и Масловы находятся уже не только на „идейном содержании“, но и в прямом, формальном „браке“ с левыми кадетами.

Нельзя сомневаться в том, что первая скрипка в „Союзе“ останется за Милюковым. Именно ему служит „Союз“, как „беспартийная“ „привада“ для формирования кадетов будущей „обновленной“ партии народной свободы. Именно здесь, в „Союзе“ Милюков рассчитывает еще больше вышколить, еще больше приручить и тех „крестьянских демократов“, которые всякой буржуазной партии, борющейся против пролетариата, нужны, как подставные лица, обманывающие крестьян своей призрачной „самостоятельностью“ и „трудовическими“ фразами.

II.

Перейдем к „платформам“, опубликованным в № 1 „Свободы России“. Поскольку это—платформы соглашения, компромисса, они, очевидно, включают известный минимум демократических требований „Крестьянской России“, являющийся, в то же время, максимумом демократизма, приемлемого для „обновляющейся партии“ „народной свободы“.

Что г-да Прокоповичи и Ивановичи урезывают свои требования, приспособляясь к кадетам, это не ново и не так важно, в данном случае. Интересней то, как далеко „полевела“, уступая натиску времени, „народная свобода“, представленная Милюковым.

Из программной платформы наиболее важен и симптоматичен пункт V-й,—о земле, который начинается так:

„Признание происшедшего во время революции перехода земель к хозяйствам крестьянского типа и решительная борьба со всеми попытками восстановить дореволюционные земельные отношения или отчуждить землю из рук ее теперешних держателей“. (Стр. 10).

Таков пункт, официально подписанный Милюковым спустя несколько лет после того, как рабочие и крестьяне отняли силой землю у помещиков, которых защищал, вылезая из кожи, сам же Милюков[1]). Хорошая тема советскому карикатуристу!

В политической области приведенному пункту соответствует пункт „г“ параграфа 3-го „тактической платформы“:

„Союз...“ борется с течениями и организациями, ставящими своей целью восстановление монархии в России“. (Стр. 10).

[1]) Впрочем, этот пункт, равно как и следующий—о борьбе с монархистами—стоит в платформе Милюкова с 1921 года.

Что мещанские и „крестьянские“ демократы подмахнули эти строки, в том ничего особенного и интересного нет. Но совсем иной смысл и значение имеет подпись вчерашнего монархиста Милюкова. Это уже снова тема для фельетона...

Итак, члены „Союза“ об'единились, прежде всего, на отрицательном отношении к помещичьей реставрации, как в области земельных отношений, так и в политической области (монархия), отмежевываясь этим от „правых“ и черносотенцев. Побуждения, которые толкнули „Союз“ на этот шаг, однако, слишком прозрачны, чтобы видеть в разрыве с остатками помещичьего класса какой то особый „демократизм“ бывших „конституционных демократов“ (к.-д.). Эти побуждения выбалтывают сами авторы статей:

„Черная революция (т. е. контр-революция. В. А.) для России неопасна“,

сознается передовик (Стр. 3). А. Аргунов характеризует монархизм, как

„лишенный сословно-классовой базы, безвозвратно унесенной волнами революции, изжитый психологически населением“ (стр. 31).

Весь секрет в том и состоит, что „база“ „унесена“ революцией, и притом „безвозвратно“. Надежды на „черную революцию“ рухнули, она вряд ли возможна, по мнению „республиканцев демократов“. А если она уже стала невозможна („базы“ нет), то отчего не выразиться немного иначе: „неопасна“?.. Прочтут, подумают, что авторы действительные противники монархизма. Но стоит немного вникнуть в дело, как поневоле скажешь: хороши гуси! Защищали помещичий монархизм до тех пор, пока он был „опасен“, т. е возможен, начинают бороться с ним только тогда, когда он уже перестает быть „опасным“...

Эти признания „республиканцев-демократов“ весьма ценны в одном отношении. Их устами буржуазия признает, что мы, действительно, до-чиста вымели „авгиевы конюшни“ средневековья, т. е довели до конца буржуазно-демократическую революцию в России.

Борясь за восстановление старого помещичьего класса и монархии, либерализм пытался повернуть эту буржуазную революцию вспять. Отныне, в лице Милюкова, он отказывается от этого. Он отправляется в новую борьбу с пролетариатом уже от „признания“ свершившейся буржуазно демократической революции.

Такова основная, кардинальная „смена вех“ русского либерализма. Чтобы понять все ее значение, вспомним, как тов. Ленин характеризовал старый русский либерализм в дореволюционное время, в 1912-ом году:

„Русские помещики,—писал он,—от Пуришкевича вплоть до Долгорукова, воспитали и воспитывают нашу либеральную буржуазию в духе невиданного еще в истории сервилизма [1]), косности, боязни перемен“.

И здесь же Ленин противопоставлял либеральной буржуазии—другую буржуазию, которая растет из крестьянства, республиканско-демократическую:

[1]) Т. е. прислужничества, раболепия.

„Русские крестьяне—при данном экономическом и политическом положении России—представляют из себя буржуазный слой населения, из которого эпоха „столкновений“, эпоха буржуазных революций (в историко-методологическом значении этого слова), воспитывает, при направляющем участии со стороны рабочих буржуазию, не отличающуюся вышеуказанными приятными качествами“ („Просвещение“, январь 1912 г. Соч. т. XI, ч. 2, стр. 471. Курсив везде В. И. Ленина. В. А.)

О том же, в апреле 1912 года Ленин писал:

„В современной России есть две буржуазии. Одна, это—очень узкий слой зрелых и перезрелых капиталистов, которые в лице октябриста и кадета заняты на деле тем, что делят между собой и Пуришкевичами теперешнюю политическую власть, теперешние политические привилегии“.

„Другая буржуазия, это—очень широкий слой совсем незрелых, но энергично стремящихся созреть мелких и частью средних хозяев, преимущественно крестьян, которым на деле приходится решать вопрос вовсе не о привилегиях в теперешнюю эпоху исторической жизни России, а о том, чтобы не умереть с голода от Пуришкевичей. А это и есть вопрос о самых основах власти Пуришкевичей вообще, об источниках какой бы то ни было власти Пуришкевичей“ (курсив Ленина. Ниже—курсив мой. В. А.)

„Вся история политического освобождения России—есть история борьбы первой и второй буржуазной тенденции. Весь смысл тысячи и тысячи красивых слов о свободе и равенстве, об „уравнительном“ распределении земли и о „народничестве“ сводится к борьбе этих буржуазных тенденций. В итоге борьбы неизбежно получится вполне буржуазная Россия окрашенная сплошь или преимущественно в один из этих двух „цветов“. Нечего и говорить, что для наемного рабочего борьба эта отнюдь не безразлична, напротив, если он сознательный, то он вмешивается в нее самым энергичным образом, стараясь, чтобы крестьянин шел за ним, а не за либералом“.

(„Звезда“, апрель, 1912 г. Соч., т. XII, ч. I стр. 70—71).

Итак, „вся история политического освобождения России“ есть история борьбы „двух буржуазий“, при чем пролетариат стремится повести за собой одну (крестьянство) против другой. Приведенные формулировки являются одними из самых ярких ленинских формулировок стратегии большевизма в демократической революции. Они могут быть вполне оценены и продуманы только тем, кто не просто прочел, а проштудировал книгу Ленина: „Аграрная программа с.-д. в первой русской революции“ [1]). Она дает во многих отношениях более систематическую и законченную „философию“ демократической революции в России, чем знаменитые „Две тактики“ 1905 года.

Борьба за землю между крестьянами и помещиками составляла экономическую основу русской буржуазной революции. Капитализм мог развиваться в русском сельском хозяйстве двумя путями. Ленин писал:

„Буржуазное развитие может итти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплоатации буржуазными; оно может итти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма „нарост“ крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства. Эти два пути об'ективно-возможного буржуазного развития мы называли бы путем прусского и путем американского типа“ (т. IX, стр. 460).

1) Кстати эта книга (см. т. IX сочинений), написанная в 1907 г., до 1917 года не была издана и потому была недоступна широким кругам партии. Первые годы революции редко кому давали досуг браться за изучение старых произведений Ленина. Можно сказать, только в последние годы партия получает возможность систематически овладеть всем теоретическим наследством Ленина.

Иначе говоря, была „об'ективна возможна“ и аграрная эволюция, и аграрная революция.

С помещиком за эволюцию или с крестьянином за революцию? Так стоял вопрос. Пролетариат вел крестьянство по „американскому“, революционному пути. Кадеты пошли по эволюционному „прусскому“ пути, в хвосте у помещиков, против крестьян. Их аграрная программа была полустолыпинской, точно так же, как их политическая физиономия осталась конституционно-монархической.

Вернемся же к теперешнему „неокадетизму“. Не изменяет ли Милюков своей старой линии, поворачивая от союза с помещиком—к союзу с крестьянством, предавая своего бывшего „хозяина“? Не перестает ли, после своего поворота „влево“, Милюков быть вождем либеральной русской буржуазии, которую помещики воспитывали веками „в духе невиданного еще в истории сервилизма, косности, боязни перемен“? Не является ли „поворот“ Милюкова случайным колебанием одной из группок русских либералов, колебанием, которое не связано с какими либо серьезными переменами в соотношении классовых сил?

Словом, встает вопрос о социальной базе „обновленного“ кадетизма. На него следует ответить так.

Во первых, поворот Милюкова от помещика не случаен а связан с той перестановкой классовых сил, которая вызвана завершением буржуазно-демократической революции в России.

Во-вторых, при этом повороте Милюков не покидает своего прежнего классового базиса, попрежнему оставаясь вождем буржуазии.

В-третьих, поворот об'ясняется изменением положения и социального характера класса русской буржуазии, у которой отрезано ее помещичье (буржуазно-помещичье) крыло, в итоге завершенной буржуазно-демократической революции.

Буржуазно-демократическая революция, в ее экономической основе, у нас закончена [1]). Возврата к старому помещичьему строю в России больше нет. Это верно, по меньшей мере, за это 99 шансов из 100.

Помещичья контр-революция еще об'ективно была возможна в первые годы после Октября, когда социалистическая революция сочеталась с буржуазно-демократической, когда насиженные помещичьи гнезда еще сохраняли некоторую теплоту от только что слетевшего с них барского тела. Теперь революция становится чисто социалистической. „Возврат“, конечно, об'ективно возможен, но уже не к помещичьему, а к чисто буржуазному строю, с ничтожным удельным весом помещиков. Эту об'ективную перемену и учитывает Милюков, выражая интересы русской буржуазии в данной исторической обстановке.

III.

Итак, Милюков ушел от помещиков (и здесь будет, впрочем, точнее сказать, что рабочие и крестьяне „ушли [2]) его от

[1]) Точнее, кончается с приведением землеустройства, уничтожающего последние средневековые остатки, сохранившиеся еще в крестьянском землепользовании.

[2]) Как известно, уходя весной 1917 г из Временного Правительства, под давлением протеста против его внешней политики со стороны питерских рабочих, Милюков, на вопрос о причинах его ухода ответил: „меня ушли“.

помещиков). Но какие же он шансы имеет на осуществление, хотя бы временно союза с крестьянством, или частью крестьянства, без которого, как подсказывает Милюкову политический расчет, внутренняя контр-революция в России обречена на неуспех?.

Обратимся к положительной части земельных требований „республиканско демократического союза“. Уже цитированный пункт V-й программной платформы продолжается так:

„Образование из свободных земель государственного земельного фонда. Признание за земледельческим населением максимальной свободы в выборе форм землепользования. До восстановления нормальной народно-хозяйственной жизни в стране государственное, в интересах крестьянского хозяйства регулирование земельного оборота, совершающегося как „в порядке купли-продажи земли, так и путем аренды“ (стр. 10).

Частная собственность на землю („купля-продажа“ земли)— таково основное содержание этого пункта, таков вытекающий из него лозунг, могущий иметь тот или иной вес в среде крестьянства.

В частной собственности на землю может быть „заинтересован“ (по разному) тот, кто в состоянии „купить“ землю, и тот, кто хотел бы ее „продать“, то-есть богатый кулак и пролетаризующийся бедняк. Исторический опыт столыпинщины, в общем, подтверждает это; и скопление земли в одних руках, и обезземеление есть две оборотные стороны одного и того же процесса развития капитализма в земледелии. Но именно поэтому „заинтересованность“ в „купле-продаже“ земли у кулака и у бедняка в корне различна.

Покупка земли есть укрепление хозяйства. Продажа-разорение, бедствие, нечто „противоестественное“, с точки зрения интересов мелкого крестьянина, как хозяина. Именно поэтому частно-собственнические настроения сильнее всего у крепких, кулацких хозяев. Здесь они идут прямо по линии хозяйственного интереса. „Прикупить землицы“, в таких случаях означает сплошь и рядом „прианять работника“ и проч.

История показала, что, при несомненном наличии земельно-собственнических тенденций в среде кулачества (хуторяне, отрубники и пр.), преобладающая масса русского мелко-собственнического крестьянства и в 1905-07 годах и в 1917 году высказалась за отмену частной земельной собственности, за национализоцию земли (см. 242 наказа крестьянских советов в 1917 г., трудовики в Думах и пр.) Этих исторических фактов обойти нельзя. Однако надо понять историческую обусловленность подобных противособственнических настроений крестьства. Тогда они об'яснялись обстановкой буржуазно-демократической революции. В „Аграрной программе“ Ленин писал:

„Реальной экономической потребностью, которая заставляет массу крестьянства добиваться национализации, является необходимость коренным образом обновить все старые отношения землевладения „очистить“ все земли, приспособить их заново для нового фермерского хозяйства“ (соч., т. IX, стр. 530)

„Земля ничья“,—так крестьянин раньше говорил потому, что видел рядом с собой огромную помещичью латифундию, а в своем землевладении и землепользовании—средневековую чресполосицу, малоземелье и пр.

Национализация в буржуазной революции, писал Ленин:, „может оказаться простым переходом к разделу“.

„Если смотреть на национализацию, как на меру, всего более осуществимую в эпоху буржуазной (подчеркнуто нами: В. А.) революции, то такой взгляд неминуемо ведет к допущению того, что национализация может оказаться простым переходом к разделу“...

...„Приспособившиеся фермеры, обновившие все землевладение, могут потребовать закрепления этих новых земельных распорядков, т. е. превращения арендованных ими у государства участков в собственность“ (там же).

„При каких условиях“, спрашивает далее Ленин (оставаясь все время на почве перспектив буржуазной, а не социалистической революции), интересы фермеров могут потребовать раздела в собственность?“ И автор отвечает:

„Раздел может вызваться после периода революционной национализации, стремлением упрочить в максимальной возможной степени новые, соответствующие требованиям капитализма отношения землевладения. Он может вызваться стремлением данных владельцев земли увеличить свои доходы на счет остального общества. Наконец, он может вызваться стремлением „успокоить“ (или, проще говоря, придушить) пролетариат и полупролетарские слои, для которых национализация земли будет элементом, разжигающим аппетиты к социализации всего общественного производства. Все эти три возможности сводятся к одной экономической основе, ибо из укрепления, нового капиталистичего землевладения новых фермеров само собой вытечет и противопролетарское настроение и стремление создать для себя новую привилегию в виде права собственности. Значит, вопрос сводится именно к этому хозяйственному упрочению. Постоянным противодействием ему будет развитие капитализма, усиливающее превосходство крупного земледелия и требующее постоянной легкости „консолидации“ мелких фермерских участков в крупные. Временным противодействием будет колонизационный фонд России: упрочить новое хозяйство значит поднять земледельческую технику. А мы уже показали, что каждый шаг вперед земледельческой техники „открывает“ для России новые и новые площади из ее колонизационного фонда“ (т. IX, стр. 531).

Таким образом, в развитии капитализма Ленин находит и тенденции, ведущие к разделу, и тенденции, направленные против раздела, за национализацию.

К разделу толкает упрочение хозяйства „новых фермеров“ на другой день после национализации земли. Но дальнейшее развитие капитализма не только допускает сохранение национализации, но даже находит в ней лучшую форму землевладения, облегчающую процесс мобилизации земель. Легче арендовать землю у государства, чем покупать; в первом случае сберегается значительный капитал, идущий, вместо покупки земли, на производственные нужды.

Таков теоретический анализ Ленина по отношению к перспективам буржуазной национализации земли, уже устраняющий из поля своего внимания феодальные остатки. Попробуем внести в этот анализ поправку на условия социалистической национализации, проведенной у нас рабочим государством.

Поскольку это государство, все же, дает известную свободу капитализму в деревне, постольку имеет место упрочение „новых фермеров“ в деревне и постольку, следовательно, должны расти земельно-собственнические настроения. Так оно и есть в действительности.

С другой стороны, роль колонизационного фонда, как „временного противодействия“ разделизму, у нас целиком остается, и может быть усилена политикой Советской власти.

Что касается „постоянного противодействия“ разделизму, то здесь дело *в корне* обстоит иначе. У нас не развитие капитализма, а *строительство социализма* является этим „постоянным противодействием“. Пути социализма в сельском хозяйстве можно вкратце выразить двумя словами: *кооперация* и *электрификация*. Мы не останавливаемся здесь особо на разъяснение этих слов. Но надо помнить, что эти пути способны вовлечь широкую *массу мелких и средних* крестьян в русло социализма Они лежат по линии *интересов* этой массы, и потому им обеспечено реальное экономическое значение, хотя успехи их зависят во многом от развития не крестьянского, а городского социалистического хозяйства и промышленности. В меру развития кооперации и электрификации мы, следовательно, будем иметь и усиление *противособственнических, коллективистических* тенденций в среде крестьянства.

Ростки социалистической экономики у нас опираются на силу и влияние государственной власти, которая имеет ряд способов регулировать и подчинять себе капиталистически — „фермерскую“ стихию, начиная с регулирования промышленных цен, с установления ставок налога и т. д; *крупнейшим* рычагом этого государственного регулирования является *национализация земли*, отдающая в распоряжение государства все землеустройство и установление форм землепользования в стране. Именно национализация земли позволяет нам держать в цепях сельский капитализм, путем регулирования, ограничения землепользования и арендных отношений. Борясь против скопления земель в руках богатеев свыше определенных норм, мы тем самым, преграждаем путь деревенскому производительному капитализму. Отсюда, требование отмены национализации земли, требование свободной купли—продажи земли вытекают из интересов нарождающегося деревенского капитализма. Рано или поздно, он поставит это требование, как политическое, *если* процессы расслоения пойдут дальше так же, как они шли в последние годы, *если* в течение ближайших лет социализм, т. е. кооперация и электрификация, не сделают в деревне больших шагов. А это уже не вопрос теории. Это вопрос практики, вопрос ожесточенной борьбы на хозяйственном фронте, ведущейся, в конечном счете (если бы ход революции у нас зависел только от внутренних отношений), не на живот, а на смерть.

Таким образом, мы видим, что лозунг частной собственности на землю, б о аемый „республиканско-демократическим союзом“ и другими белыми партиями (вплоть до меньшевиков), объективно правильно учитывает и выражает очередное звено в цепи *капиталистических* тенденций сельского хозяйства в России. Национализация важнейшего *средства производства* в земледелии земли,—естественно является крупнейшей преградой капитализму, отмена ее была бы раскрепощение сельского капитализма.

В эту плоскость в недалеком будущем может перейти *очередное звено борьбы капитализма и социализма в деревне*. Конечно, теоретическое признание объективной правильности лозунга, с точки зрения буржуазной реставрации, еще нисколько не предрешает вопроса о степени его распространенности в массе в тот или иной момент. Здесь очень много зависит от нас самих, от нашей политики Но вся наша политика должна вестись нами с ясным пониманием роли национализации земли, как орудия социализма.

Национализация земли вовсе не абсолютный принцип коммунистических партий на всем протяжении переходного периода к социализму. В проекте программы Коминтерна вовсе нет требования национализации земли во всех странах, как непременного условия диктатуры пролетариата. Но *особые* условия России, где, во-первых, мелкое крестьянское хозяйство имеет гигантское преобладание и без смычки с ним, которую нужно налаживать в общегосударственном маштабе диктатура пролетариата продержаться не может, и где, во-вторых, в силу особо благоприятных исторических условий, национализация земли осуществлена,—эти обстоятельства заставляют нас считать национализацию земли одной из *основ* социализма в России. Исторически вытекшая из хода буржуазно-демократической революции национализация земли, как не раз повторял Ленин, в руках пролетариата стала *социалистическим* мероприятием, нанесшим первый в истории могучий удар одной из форм частной собственности вообще.

В платформе „республиканско-демократического союза“ следует отметить переходный характер разбираемого нами V-го (земельного) пункта Он принимается условно: „до восстановления нормальной народно-хозяйственной жизни“. Это значит, что руки ново-кадетов остаются несвязанными. Когда „нормальная“ жизнь наступит, т. е. когда революция будет окончательно раздавлена, тогда, конечно, у кадетов могут появиться и „справедливые“ идеи об оплате помещикам (крестьянами) отнятой земли, об отобрании крестьянских земель *буржуазным* государством и т. п

Выдвигая лозунг „купли-продажи земли“, как переходный, новокадеты хотят союза с новой „демократической“ крестьянской буржуазией. На нее россчитано и политическое требование республики, однако, с „мудрой“ редакцией соответствующего пункта. Речь идет вовсе не о четыреххвостке (всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право), которую мы все привыкли связывать с представлением о „демократической республике“. Российские „республиканцы демократы“ ограничиваются одним „*всеобщим*“ избирательным правом. Остальных трех „хвостов“ в их платформе не видать Они припрятаны, чтобы предоставить контрреволюции „полный ход назад“.

Нечего добавлять, что именно беднейшее и среднее *крестьянство* попало бы в первую очередь (вместе с пролетариатом) под это „сокращение“ в демократических принципах. Зато сельская буржуазия может смело успокоиться, как показывает опыт других „демократических“ республик, на „всеобщем“ избирательном праве. Ей и от него перепадет достаточно политических привилегий.

IV.

Подводя основные итоги милюковской классовой „стратегии“, можно установить следующее. Ставя целью восстановить в России капитализм, эта буржуазная стратегия ориентируется внутри России на блок городской и сельской буржуазии, под политиче-

ской гегемонией тех остатков и „сливок“ старой „передовой“, либеральной буржуазии, которые еще сохранились (и не могли не сохраниться после революции, происшедшей только в одной стране). Эта стратегия состоит в том, чтобы „принять“, в основном, свершившуюся буржуазно-демократическую революцию в деревне, исходить из ее результатов, как из непреложного исторического факта и перехватить эту революцию по дороге к социализму, прекратить ее дальнейшее развертывание в социалистическую, задержать ее на буржуазном этапе.

Это „приятие“ буржуазно демократической революции задним числом ведет к коренному тактическому пересмотру старого кадетизма. Кадетизм „эволюционирует“ постольку, поскольку меняется положение русской буржуазии. Тактический пересмотр кадетизма сводится к тому, что, по Ленинской терминологии, Милюков отрекается от защиты „прусского“, помещичьего капитализма в сельском хозяйстве (в политике—отказ от монархии), и вступает на путь защиты „американского“ пути, ликвидируя тем самым ту борьбу „двух буржуазий“, которая заполняла своим содержанием последние полсотни лет в истории „Российской империи“.

История еще раз иллюстрирует на больших фактах положения марксизма об относительной ценности лозунгов. Капитализм без помещиков и без монархии „американского“ типа, вырастающий из последовательной буржуазной демократической революции—такова была программа большевизма десяток лет тому назад. Теперь эту программу в основном перенимает буржуазный либерализм, конечно, за вычетом „революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства“, с ограничением „четв. разверстки“ и пр. И, в условиях развивающейся социалистической революции, когда то необыкновенная по своей теоретико революционной смелости программа большевиков становится наиболее последовательной и наиболее современной программой буржуазной контр революции.

„Американский путь“ —это как раз тот путь, на который хочет свернуть развитие России наша буржуазия, и это, здраво рассуждая, есть ее последний трезвый расчет. Не удастся он ей—все для нее пропало.

Но вступление на этот путь, естественно, дает буржуазии новых союзников. Если „другая буржуазия“,—крестьянские фермеры, на протяжении буржуазной революции, боролась с либерализмом, то теперь эта борьба отошла в прошлое. Исчез основной об'ект борьбы: помещичьи имения, о которых стоял вопрос: отойдут ли они, путем заклада, к банкирам, или, путем революции, к крестьянам?

На очереди—борьба буржуазии с социализмом. А здесь, забыв свои старые счеты, обе фракции буржуазии способны на более дружные совместные действия. Отсюда и для их политических представителей открывается большая возможность, чем раньше, выступать единым фронтом против большевизма.

Меньшевик и эсер, вообще мелкобуржуазный демократ наших дней значительно ближе к кадету, как и кадет к нему. Меньшевизм и эсеровщина окончательно становятся левым крылом буржуазии.

И это совсем не случайность. Таков социальный итог завершения целой эпохи буржуазно-демократической революции,

в процессе которой сгорел помещичий класс, отношение к которому разделяло мелкобуржуазную демократию и буржуазный либерализм.

Своеобразие данного момента нашей революции состоит именно в переходе от полосы, в которой сочетались буржуазно-демократическая и социалистическая революция, к полосе чисто-социалистической.

В свете этого перехода становится ясна закономерность, проявляющаяся в сближении кадетизма и мелко-буржуазного „демократизма“ в один контр-революционный блок европейского типа.

А. Слепков.

О пропаганде ленинизма в рабочей партийной школе.

I.

Несомненно, что различие аудиторий по их социальному облику, политическим взглядам, культурному уровню, возрасту и т. д. обязывает и к различному методическому подходу—в этих разных аудиториях. Плохим педагогом поэтому является тот, кто не учитывает в политико-воспитательной работе различия аудитории: было бы нелепицей, например, перенести программу и методы преподавания ленинизма, выработанные для рабочих-партийцев ленинского призыва, на какие-нибудь курсы преподавателей обществоведения в школах 2-й ступени.

Шаблонерство меньше всего вяжется с педагогикой вообще, и с политическим воспитанием в особенности.

Совершенно бесспорно также, что даже для *рабочей* партийной школы не может быть намечен такой план работы по пропаганде ленинизма, который одинаково подходил бы к школам различного типа. Первоначальная школа из рабочих ленинского призыва—это одно; а кружок по изучению ленинизма, составленный из занимающихся только в марксистских кружках квалифицированных партийных рабочих—совершенно другое.

Однако, обобщая опыт работы по пропаганде ленинизма в рабочих партийных кружках разного типа, мы можем наметить *некоторые общие моменты работы*, направление и характер которой определяется *общими особенностями* нашей *рабочей партийной* аудитории.

На кое-каких общих выводах мы и намереваемся остановиться в настоящей статье.

* * *

Самым спорным методическим вопросом при обсуждении проблем, связанных с преподаванием ленинизма, является обычно вопрос о *принципах построения программы*.

В этих спорах неизбежно противопоставляются друг другу принцип *исторический и логически-тематический*. «Историки» мотивируют свою позицию тем, что ленинизм может быть понят только в историческом его развитии. Особенно это относится к ленинской *тактике*. Диалектика этой тактики, историческая исключительность ситуаций и лозунгов, быстрая и гибкая смена тактических позиций в зависимости от изменения об'ективной обстановки это—*важнейшее, существеннейшее, практически ценнейшее* в тактике Ленина, не будет усвоено *без исторического изучения* борьбы Ленина. Чтобы понять ленинизм, как действенную теорию, надо идейно пережить весь тот путь, который прошла наша партия под руководством Ленина.

Поэтому следует поставить изучение ленинизма в рамки изучения теории партии.

Посылки здесь верные, но не правильно заключение.

Верно, что без истории партии, изучение которой должно быть в свою очередь поставлено в рамки истории классовой борьбы, нельзя понять диалектики ленинизма, как действенной теории.

Не верно, что следует ограничиться историческим построением. Исторический разрез недостаточен потому, что при нем *не ставятся в поле внимания*—во весь свой гигантский рост, *социально-политические проблемы в их настоящей, современной формулировке*.

Очень часто в ленинских кружках можно встретить значительную, историческую грамотность, на-ряду с полнейшей безграмотностью в вопросах *современного периода*.

Нам приходилось наблюдать, как настоятельно домогался руковод от совершенно «сырого» ленинца ответа на вопрос: «Из кого состояла «Группа Освобождения Труда?» и с торжеством получивши ответ: «Плюханов и Кислород»—совершенно не смущался тем, что для этого ленинца слово «Ком Интерн» было совсем непонятным.

Или в другом месте ленинцы очень детально выясняли, почему «Искра» печаталась на тонкой бумаге и совсем не представляли себе, почему партия перешла к НЭП'у и что из себя этот нэп представляет.

История партии необходима для ленинца, но особенность ленинизма, между прочим, всегда заключалась в умении использовать теорию для понимания сегодняшнего дня. Ленинизм актуален, в нем нет ни грана «академизма». Именно поэтому нельзя согласиться с таким преподаванием ленинизма, когда его подменяют *историей партии*.

С другой стороны для рабочей школы не годится и логически-тематический принцип.

Проработка *проблем* ленинизма в их теоретической постановке («Ленин и диктатура пролетариата, Ленин и пролетариат», «Ленин и крестьянство» etc) немыслима без предварительного знакомства с конкретно историческим материалом.

Теоретическая постановка проблем предполагает работу над обобщением различных конкретно-исторических процессов, которые должны предварительно представляться в их реальном, исторически-исключительном, контексте.

Предположим, что в кружке разбирается проблема «Ленин и крестьянство». Логический центр тяжести этой проблемы можно выразить следующим видоизменением темы: «*Ленин, крестьянство и социализм в отсталой стране*». Однако, выяснение этой теоретической проблемы непременно предполагает некоторое знакомство с крестьянским вопросом в революциях 1905 и 1917 гг.; крестьянский же вопрос в этих революциях в свою очередь не может быть выяснен без выяснения классовых отношений в революции, т.-е. хочешь не хочешь, должен предварительно познакомиться с *историей классовой борьбы*.

Вот почему мы являемся сторонниками *комбинированного* метода, сочетающего и исторический и логически-тематический подходы.

Раньше необходимо дать историю большевистской партии в связи с историей классовой борьбы: здесь следует уделить особое внимание *диалектике* ленинской тактики; затем поставить *проблемы* ленинизма в логическом разрезе и в современной их формулировке.

* * *

В наших партийных школах существует еще, если не метод, то тенденция к методу, на характеристике которого следует вкратце остановиться. Мы имеем в виду некоторых горе-«комплексников».

Всякому партийному педагогу известна попытка «комплексников» поставить изучение общественных дисциплин, *исходя* из современности, производства, локальности. Пожалеем немного наших мудреных «революционеров» в методике и избавим их от обязанности прорабатывать ленинизм, исходя из «производства» и «местных условий»: этой попытки не сделает даже самый «решительный» из них, хоть чуть понимающий ленинизм.

Но из современности наши «современные» педагоги исходить пытаются.

Уже давно в наших партийных школах нет-нет, да и появятся новые «прожекты» программ (разнообразие программ у нас удивительное!), построенные по принципу «современности, производственности и локальности». В частности, уже около года тому назад в некоторых партшколах и даже Комвузах появились программы по истории партии, построенные по «рачьему» методу.

Учащиеся должны раньше познакомиться с 12 партс'ездом, затем с 11-м, и шаг за шагом спуститься к истокам партийного движения.

Или, программа по истории России начинается с анализа нэпа, понимание которого предполагается данным, а затем, исходя из этого понятного всем современного *продукта* истории, начинают изучать его генезис.

В этих «прожектах» столько же наивности, сколько невежества.

На самом деле. Если нэп можно охватить научно примитивно, *без* понимания его исторической подготовки, *до* этого понимания, то тогда не зачем «забавляться» изучением истории, подготовившей этот нэп.

Зачем выяснять как и почему, каким путем натуральное, простое товарное, частно-капиталистическое, социалистическое социально-экономические течения сочетались в фокусе НЭП'а?

Но, конечно, суть дела и заключается в том, что НЭП *нельзя* понять без хотя бы примитивного выяснения особенностей развития русской революции, сочетавшей крестьянское движение с пролетарским. Или, обращаясь к истории партии,—разве можно хорошо понять современную позицию меньшевизма без его истории; или новый уклон в партии, без знакомства со старой внутрипартийной борьбой?

Современные партийные проблемы могут быть поняты *только* на основе *исторического* подхода к ним; и этот исторический аспект мышления мы обязаны культивировать у каждого партийца.

Исходя из этих соображений, мы не можем согласиться с такой постановкой занятий по ленинизму, при которой логически-тематическое построение *предшествует* историческому.

Раньше *история* ленинизма в связи с историей партии и классовой борьбы; *затем*—логически-тематическое построение.

* * *

Итак, мы предпосылаем изучению собственно ленинизма изучение истории партии.

Относительно истории партии мы должны сделать следующие методические замечания.

Во-первых. Для рабочей аудитории характерна конкретность мышления. Абстрактно-философские рассуждения, естественно, не возбудят в начинающем учиться рабочем партийце особого энтузиазма: они будут выслушаны, но никакого следа не оставят. Нам представляется, что, учитывая эту конкретность мышления, надо построить историю партии так, чтобы завоевать в начале каждого занятия сознание учащегося соответствующей *картиной*. Сначала надо дать *картину*, ясную и понятную в своей *конкретности*, зацепившую за сознание, завоевавшую внимание учащегося.

А этих картин в истории партии хоть отбавляй, ярких, сочных, иногда величественных *) и делающих сразу понятным, о чем *конкретно* идет речь.

Во-вторых. После картины нужно дать ее *анализ*, об'яснение, политические обобщения.

Так, например, мы знакомим учащихся с народничеством. Раньше всего даем картину народнического движения. Хождение в народ, бунтарство (нарисовать Чигиринский бунт), террористическая практика (картину ряда покушений). Затем после завоевавшей внимание учащегося и подведшей конкретную почву под аналитическую часть занятия картины,—мы ставим ряд вопросов: правильны ли с нашей точки зрения *методы* борьбы народников? Во имя чего боролись народники? Почему не верна народническая теория? *Сначала картина, потом анализ*. При постановке этой второй аналитической части *надо больше всего бояться многопроблемности:* следует выдвигать три-четыре узловых проблемы, не больше, чтобы из всякой лекции и беседы выпирали идейный костяк, план, основные моменты занятия: это—*непременное* условие усвоения проработанного.

В-третьих. История партии должна быть орудием политического воспитания коммуниста. Нам представляется, что не только курс в целом, в конечном счете, должен привести к правильному пониманию эпохи и партийных проблем современности; надо, чтобы *каждая* тема, *каждое* занятие помогало на опыте прошлого выяснить какой-нибудь кусочек современности.

Мы считаем необходимым завершить каждое занятие *увязкой в современность* на основе сходства или контраста в явлениях прошлого, изучаемого в истории партии, и настоящего. Так, например, мы занимаемся историей народничества. Нарисована картина движения, разобраны проблемы, выясняющие программу и тактику народников. Руководитель ставит вопрос об исторических наследниках народников. Какая партия, игравшая крупную роль в переживаемой нами революции, заимствовала у народников основы их программы и тактики? Идет разго-

*) Сколь много богатейших мотивов по истории рабочего движения пропадает для художника. Прямо иногда ругаться хочешь, когда видишь, какими жалкими мотивами вдохновляется современный художник. А что бы, например, перенести на полотно, как в южной стачке 1903 г. рабочие железнодорожники ложились сотнями на шпалы, чтобы остановить ж. д. движение?

Выразить художественно это могучее упорство молчаливо лежащих на шпалах, плечом к плечу пролетариев, как мчится поезд, управляемый машинистом, на лице которого выражение суровой послушности начальству вытесняется выражением захватывающего мятежного протеста, солидарности со стачечниками...

Или современная картина. В Норвегии 50% рабочих—без работы. Грандиозные забастовки. Бастующих рабочих полиция и войска со скал бросают в море. Какой сильной картиной, потрясающей и укрепляющей волю к борьбе, мог бы подарить нас хороший художник!

вор об эсерах. Эсеры сохранили даже прежние мелко-буржуазные методы борьбы. (Курс на крестьянство, бунтарство, Антоновщина и т. д., террор, покушения на вождей Р. К. П.). Но старые народники выступали против самодержавия, эсеры борются теми же средствами против пролетарского государства и т. д. Или вы разбираете вопрос о борьбе с экономистами. Дается картина рабочего движения, рисуются рабочие типы эпохи; дается анализ экономизма и его критика; далее следует увязка в современность. Вы ставите вопрос о причинах успеха экономистов в широких слоях рабочего класса. Выясняете, что в эту эпоху рабочий класс пополнился 1½ миллионами разорившихся крестьян. Выясняете, далее, что стачечное движение захватило широкие слои этих полу-крестьян, полу-рабочих, ставите в связь успехи экономистов с этим пополнением крестьянского охвостья в пролетариате.

Далее ставите вопрос о связи рабочего с деревней *теперь*. Значение этого факта. Роль этой связи с деревней в эпоху Кронштадта. Московский и Петроградский тип рабочего. Большая эмансипированность петроградского рабочего от деревни, благодаря развитию огородного дела,—большая чистота классовой идеологии питерца-рабочего.

Металлист и текстильщик. Сравнительная характеристика с точки зрения связи с деревней. Роль металлистов, в революции и т. д., и т. п.

Итак, каждое занятие строится по следующему плану: картина, анализ, увязка в современность.

* * *

Помещая ниже наш план занятий по истории партии, мы считаем необходимым сделать предварительно несколько поясняющих замечаний.

1) Это есть примерная программа, конкретизирующая общие положения, о которых мы говорили выше. Даем ее с целью иллюстрировать *метод,* но отнюдь не как план, рекомендуемый для буквального выполнения.

2) История партии рассчитана на 11 занятий, ибо такое количество занятий дает возможность нам более удобно распределить материал; конечно, в зависимости от условий, курс может быть сокращен или увеличен.

3) Мы указываем литературу для *руководителя;* для учащегося рекомендуем, как наиболее приличное пособие (хотя и не без недостатков), книгу тов. Зиновьева (которая сейчас перерабатывается).

А. Темы исторические.
(История РКП).

I. Тема. Предпосылки коммунистического движения в России в конце XIX века.

§ 1. Дать картину промышленного перерождения земледельческой России: образование капиталистических районов (Бакинский нефтяной район, Донбасс, Украинские свекольные районы и т. д.), появление заводов гигантов (Юзовский, Александрова). Размеры и масштаб промышленно-капиталистического роста в России конца XIX века (картины).

§ 2. Условия, содействовавшие росту капитализма: а) желдорстроительство, б) приток иностранного капитала (особенно французского и бельгийского), в) дешевая рабочая сила в связи с реформами 1891 года, г) покровительственная политика самодержавия.

§ 3. Образование рабочего класса в России, появление его из среды крестьянской (деревни), постепенное отдифференцирование от крестьян, значение последнего процесса; связь российского пролетариата с деревней в настоящее время; положительные и отрицательные стороны этой связи с точки зрения социалистического строительства.

Литература для руководов:

1. Сборник «Очерки реалистического мировоззрения» (статья Фин-Енотаевского «Промышленный капитализм в России»).
2. Туган-Барановский—Русская фабрика («Пореформенная фабрика»).
3. Общественное движение в России в XX веке, ст. Балабанова и Кольцова.
4. Покровский—т. IV «Конец XIX века».
5. Ленин—Развитие капитализма в России.
6. Дементьев—«Фабрика и что она дает».
7. Лященко—Очерки аграрной эволюции в России.

II. Тема. Преодоление народничества, как расчистка почвы для социал-демократии.

§ 1. Марксистские кружки 80-х годов, содержание их работы и столкновение с народниками.

§ 2. Картина народнического движения в России: хождение в народ, бунтарство, террористическая практика.

§ 3. Марксистская критика народничества: а) главная сила революции не крестьянство, как считали народники, а пролетариат, б) критика бунтарского метода, в) неправильный метод индивидуального террора, так, как убивая личность, не преодолеешь системы, для последнего необходима классовая борьба и массовая организация (террор только массовый, как одно из средств классовой борьбы).

§ 4. Во имя чего боролись народники? Дать их программу: а) считали возможным переход в соц. общество без капитализма (перескок через капитализм), б) вера в общину, как предпосылку соц. строя, в) крестьянство—главная сила соц. революции, д) интеллигенция—генер. штаб соц. армии.

Дать критику народнической программы:

а) не перескок, так как полнокровный, еще растущий капитализм на Западе и успехи его в России;

б) община не предохраняет от развития капитализма (дифференциация внутри общины);

в) Не мелко-буржуазное крестьянство, а коллективный пролетариат—гегемон соц. революции;

г) интеллигенция не играет решающей роли, как промежуточный слой: интеллигенция буржуазная, интеллигенция пролетарская и т. д.

§ 5. Народничество и с.-р. У них общие основные методы борьбы и программа, с той разницей, что народники, борясь против самодержавия, играли прогрессивно-революционную роль, а с.-р. в иных соц.-политических условиях, продолжая те же методы борьбы при диктатуре пролетариата, играли контр-революционную роль.

§ 6. Легальный марксизм. Социал-демократию поддерживала в борьбе с народниками часть либеральной буржуазии (первые ласточки русского капитализма), как Туган-Барановский, Струве и др. легальные марксисты, проявившие свою буржуазную физиономию при разложении народничества и при выступлении рабочего класса на арену борьбы.

Легальные марксисты, как попутчики соц.-демократии. Современные попутчики (сменовеховцы). Попутчики солидаризируются с нами не по основным вопросам программы и тактики, а лишь по частным моментами исторической борьбы.

Литература: 1. Богучарский—Активное народничество 70-х годов. 2. В. Фигнер—Запечатленный труд. 3. Ленин—Что такое друзья народа. 4. Ленин—Экономическое содержание народничества. 5. Покровский—Сжатый очерк (гл. о «Народнической революции»). 6) Процесс с.-р. в 22 году. 7. Тун—История революционного движения в России. 8. Дебагорий—Макриевич—Мемуары. 9. Плеханов—Наши разногласия. 10. Лэйч—Хождение в народ. 11. Лядов—История соц.-демократии, т. 1, 70—80 гг.

III. Эпоха борьбы революционной с.-д. с экономизмом.

§ 1. Картина экономического и правового положения рабочих и стачечное движение конца XIX века.

§ 2. Роль с.-д. в экономической борьбе рабочих: первые с.-д. кружки и организации, кружки пропаганды, гр. Благоева, гр. осв. тр., союзы борьбы за освобождение рабочего класса.

§ 3. Проблемы экономизма и политицизма (переход к политической борьбе).

§ 4. Борьба искровцев с экономизмом.

Основная характерная черта экономизма—крохоборчество; отказ от классовой революционной борьбы за социализм и переход на платформу борьбы за частичные реформы в рамках «вечного» капитализма; в этом же суть оппортунизма вообще.

II Интернационал, как типическая организация оппортунистов.

Литература: 1. Покровский — Сжатый очерк (ч. II, раб. движ.). 2. Астров—Экономисты—предтечи меньшевиков. 3. Лядов—Истор. с.-д., т. I. 4. Ленин—Что делать. 5. Плеханов—Вадемекум.

IV. Попытка овладения рабочим движением со стороны помещичьего государства и либеральной буржуазии.

§ 1. Картина роста массового политического рабочего движения в начале XX в.; демонстрация, (описать картину юж. стачек 1902—3 гг.), различные формы протеста, усиление руководящей роли с.-д.

§ 2. Были ли в рабочем движении какие-нибудь организации, неруководимые с.-демократией? Зубатовские организации. Картина деятельности зубатовских союзов в разных местах, частичные успехи (рост зубатовских союзов, шествие на могилу А. II и пр.); неудачи.

§ 3. *Социальный смысл этих организаций*—борьба М. В. Д. и Мин. Фин.; МВД—помещичье, желавшее овладеть рабочим движением, не останавливаясь перед частичной прижимкой капиталистов (как поддержка эконом. борьбы и пр.); МФ—буржуазное.

§ 4. *Экономизм и полицейский социализм* — встречные течения, зубатовщина (помещичья) сверху и экономизм — снизу. Об'ективно-одинаковый смысл этих двух течений.

§ 5. *Империализм и зубатовский метод.* — Зубатовский метод, в эпоху империализма—*фашизм* (фашистские профсоюзы); фашизм поддерживает экономические стачки; конечно, фашизм иное явление по соц. сущности, но общее сходство в методах овладения рабочим движением остается.

§ 6. *Оппортунизм и фашизм.* Фашизм сверху (как зубатовщина) и оппортунизм (как экономизм) снизу в настоящее время стремятся овладеть раб. движением для подчинения его капиталу.

Литература: 1. Лядов—История с.-д. 2. Астров—Корни меньшевизма. 3. Проф. Озеров—Рабочая политика в России в нач. XX века. 4. Григорьев—Полицейский социализм. 5. Красная летопись № 1 или 2. 6. Журнал Кр. Архив (№ 1 о зубатовщине). 7. Сандомирский—О фашизме.

V. Революция 1905-го года.

1. Картина основных моментов революции— 9/I, октябрь, декабрь, полоса наступления после декабря.

2. Классы и революция 1905 года—А) руководящая роль пролетариата (в январе, октябре, декабре).

Двоякая роль раб. класса—нанесение удара самодержавию и капитализму.Динамика стачечного движения: сначала сильный взрыв политического движения, затем полосы дробных, экономических стачек. Б) Крестьянство идет под руководством пролетариата: а) хронологически крестьянское движение следует после января, октября и декабря—сообща с пролетарским движением; б) зачинщиками рев. в деревне были, главным образом, выходцы из городов (рабочие, уходящие на заработок, отпускники и т. п.), в) динамика борьбы крестьян, как влияние пролетариата (вытеснение погромных форм борьбы стачечными), г) влияние пролетариата на крестьянство сказалось и в том, что крестьянство выступало с радикальными лозунгами национализации земли, чего никогда не было в крестьянском движении в др. странах.

В) Буржуазия в революции 5 года. Ее связь с самодержавием (крупные заказы, постройки ж. д. и пр.), связь с землевладением (много земли заложено в буржуазных банках); покровительственные пошлины. Самодержавие в условиях мирового—капиталистического окружения само внедряло капитализм в России (строительство жел. дорог для экспорта хлеба и проч.), шло перерождение помещичьего государства, которое становилось одновременно и капиталистическим государством; в с.-х. имениях частично происходила капитализация. Движение буржуазии в 1905 г. после 9/I до октября т.-е. до манифеста 17 октября) буржуазия спекулировала на рабочем движении, прикидываясь революционной, пока не добилась желательных уступок от самодержавия (17/X), после чего играла к.рев. роль.

§ 3. *Тактика б-ов и м-ов в 1905 году.* Главный вопрос был—проблема власти, остальные вопросы связаны с этой проблемой. Меньшевики пропагандировали восстание, а не организовывали его (а Плеханов говорил: «лучше бы не брались за оружие»). М-ки считали, что раз революция будет буржуазной, то надо поддерживать буржуазное правительство, подталкивая его путем «оппозиций» «снизу»; они боялись власти. Мартынов с испугом «что нам делать, если власть попадет в наши руки?». Тов. Ленин говорил,—гегемоном революции будет пролетариат вместе с крестьянством. Они должны формировать Временное Правительство и вымести крепостнические остатки. Если будет мировая революция, то мы поставим вопрос о переходе к социалистической революции, но до тех пор лозунг «перманентной революции» (Троцкий, Парвус), в русских условиях неверен. М-ки роль гегемона в революции уступали буржуазии, шли у нее в хвосте, а б-ки считали гегемоном про-

летариат, идущий в союзе с крестьянством. Нужно не только понять характер революции, но нужно эту революцию сделать.

§ 4. Особенности тактики б-ов и м-ов в революции 1905 года.

а) большевики—активисты, меньшевики—пассивисты;

б) большевики изучают новую конкретную обстановку, меньшевики подходят со старым шаблоном;

в) большевики поняли крупнейшую революционную роль кр-ва в революции, м-ки никогда не понимали этой роли кр-ва.

Литература: 1. Л. Троцкий—1905 г. 2. Ст. Ево-Маевского—(общественное движение XX века. 3. Покровский—вып. 3. Сжатый очерк. 4. Ленин—Две тактики. 5. Протоколы III и IV Об'един. Стокгольмского с'езда (речи Ленина и Плеханова). 6. Ленин—Рабочее движение в первой русской революции.

VI. Годы реакции (7—10 годы).

1. Установление столыпинского режима. Военно-полевые суды; чрезвычайное положение. Столыпинский «галстук» (виселица). Разгром с.-д. организаций. Провалы. Ликвидация нелегальных типографий.

2. Перестановка классовых сил: а) укрепление к-рев, самодержавие опирается: 1) на помещиков и 2) на буржуазию, так как у последней старх перед революцией. Уступки самодержавия (Дума—разделение власти), промышленная депрессия и надежды на субсидии и заказы.

3. Крепкий столыпинский облагодетельствованный мужичек.

б) *Ослабление сил революции.* Затишье в разбитом рабочем движении (безработица, локауты), коституционные иллюзии, особенно среди кр-ва. Бегство интеллигенции от революции (уход из партии). Порнография, скептитизм, мистика.

3. *Распад внутри с.-д.* в обстановке оторванности от рабочего движения. Группировки в с.-д.: а) ликвидаторы м-ки, б) м-ки партийцы, в) отзовисты и ультиматисты, г) философский ревизионизм (строительство, Багдановщина), д) твердокаменные б-ки, е) примиренцы.

4. О ликвидаторстве, как форме предательства и приспособленчества (приспособление ком. партии к об'ективно сложившимся обстоятельствам, принципиальное различие от ликвидаторского приспособления).

Литература: 1. Спиридович — (жандарм) «РСДРП». 2. Зиновьев—История РКП. 3. Лядов—История с.-д. 4. Сборн. «Марксизм и ликвидаторство» (Ленин, Зиновьев, Каменев). 5. Сборн. 25 лет РКП. 6. Полное собрание сочинений Ленина, т. XI, XII, ч. I.

VII. Годы под'ема (эпоха „Звезды и Правды").

1. Промышленный под'ем 10 г. и под'ем массового рабочего движения. Ленские расстрелы, как исходный пункт массового движения. Картины наиболее крупных стачек. Стачки по поводу отравления рабочих. Июльские дни 1914 года.

2. Борьба большевиков и меньшевиков за овладение массовым движением: м-ки против стачек, азарта, б-ки за придание ему характера политического массового рабочего движения.

Рабочее движение пошло за б-ми. Большевистский характер рабочего движения.

3. Чем подготовилось большевистское рабочее движение? Кристаллизация и отмежевание большевизма: а) по линии организационной—создание особого руководящего центра (Пражская конференция в противоположность меньшевистской организации — августовский блок). б) размежевание думских фракций; в) размежевание газет «Звезды» и «Правды»; г) размежевание во всех отраслях работы среди пролетариата (страховые кассы и т. д.).

4. Тактика расколизма и ее смысл. Кристаллизация боевых политических партий, не связанных сотрудничеством с реформизмом, как предпосылки победы революции (отсутствие этой предпосылки в Зап. Европе). (В рабочем движении Запада кристаллизация рев. партий происходит с запазданием в момент мировой соц. рев.).

Литература: 1. Из эпохи «Звезды и Правды» (под ред. Ольминского) т. I—III. 2. Зиновьев—История РКП. 3. Сб. «25 лет РКП». 4. Каменев—Между двумя революциями. 5. Правда о ленских событиях.

VIII. Война 1914 года.

1. Картина войны (издержки войны, колич. убитых, материальные убытки и т. п.).

2. Из-за чего загорелась война? Эпоха финансового капитала, борьба за раздел мира. Германия и Англия — основные враги, мотивы участия России в войне. Империалистические планы всех участвовавших в войне стран, нет стран обороняющихся, все нападающие с империалистическими целями.

3. Распад II Интернационала. Оборончество в разных партиях Интернационала, предательство интересов рабочего класса. Социальные корни оппортунизма.

4. *Рос. с.-д. и война.* Явное оборончество (Плехановская группа), Мартов, гр. Троцкого. Б-ки пораженцы. Лозунг превращения империалистической войны в гражданскую.

5. Противоимпериалистическая рев. работа б-ов в России. Выступление в Думе. Борьба вокруг воен.-пром. к-ов. Борьба с м-ми. Антимилитаристский характер русск. рев. движения.

6. Русский большевизм в первые попытки создания III Интернационала.

7. Борьба Интернационала с милитаризмом в наши дни. Пацифистский и революционный подходы к вопросу.

Литература: 1. Ленин и Зиновьев—Против течения. 2. Зиновьев—Война и кризис соц. 3. Меницкий—С.-д. во время войны. 4. Шляпников—Конец 17-го года. 5. Суханов—Почему мы воюем. 6. Сб. «Проблемы войны» (под ред. Т. Барановского), ст. Мукосеева «Экономические причины войны». 7. Покровский—Виновники войны в сб. «Внешняя политика».

IX. Революция 1917 года.

1. Картина февральского переворота. Бег событий. Июльские дни. Диктатура к-рев., представленная Керенским. Корниловщина. Октябрьский переворот.

2. Причина революции—разрушение хозяйства и обострение классовых противоречий, невозможность вести войну. Разложение самодержавия.

3. Проблемы мира, хлеба, свободы.

Невозможность их разрешения буржуазным правительством, правительство Керенского—продолжение политики вр. буржуазного правительства, коалиционные правительства и их неспособность разрешить эти проблемы. Только Октябрьский переворот разрешил то, что не разрешили ни буржуазное правительство, ни м-ки и с.-р.

4. Тактика мен-ов есть продолжение их тактики 1905 года (у власти буржуазия, м-ки ее подталкивают). Тактика б-ов—развитие тактики 1905 года, с тою разницей, что вместо демократической диктатуры пролет. и кр-ва, теперь лозунг диктатуры пролетариата, ибо созрела обстановка.

5. Эволюция тактики б-ов: а) пропаганда идеи «вся власть Советам» после февральского переворота без призвания к вооруженному восстанию; б) пропаганда идей вооруженного восстания, как единственного способа захвата власти в руки пролетариата с июльских дней; в) организ. подготовка к проведению восстания в Октябре, в момент слабости врагов.

6. Большевики выступали в Октябре против реформистов м-ов и против стихийного пучинского настроения, урок для Зап. Европы партии.

Литература: 1. Бухарин—Классовая борьба и революция в России. 2. Троцкий—Октябрьская рев. 3. Ленин—т. XIV, ч. 1 и 2. 4. Пролетарская революция № 3 (ст. Петропавловского). 5. Хрестоматия Пиантковского. 6. Хроника рев. 17 года. 7. Дж. Рид.—10 дней, которые потрясли мир.

X. Как расправились с досоветским наследством.

1. *Война.* Предложение о немедленном заключении мира. Антановский байкот. Сепаратный мир с Германией. Борьба в партии вокруг Брестского мира. Правильный прогноз Ленина.

2. *Учредилка.* Власть в руках раб. кл., но учред. созывается. Смысл—использование парламентаризма, заключающегося в обнаружении лица к-рев учред. (показали народу к-рев лицо учред. собрания и тогда разогнали).

3. *Связь с лев. с.-р.* Закон о соц. земли. Включение левых с.-р. в СНК, пока лев. с.-р. отражали рев. устремления кр-ва. Выступление лев. с.-р. против Брест. мира и разрыв с с.-р., поскольку они превратились в кучу к-ров интеллигентов.

4. *Борьба с буржуазией* (гражд. война). Три метода войны буржуазии: 1) русские и иностранные капиталисты и помещики выступают против рос. армии, 2) помещики и капиталисты выступают под прикрытием с.-р. и м-ов (Колчак, Грузия), 3) с.-р. и м-ки подготовляют буржуазную реставрацию под прикрытием беспартийной к-рев. (Кронштадт). Об'ективный смысл всех этих движений один и тот же.

Литература: 1. Протоколы VII с'езда. (речи). 2. Майский—Демократическая к-рев. 3. Ленин—XV том. 4. Протокол V с'езда Советов. 5. Астров—стат. в Спутнике Коммуниста, № 2 (о лев. с.-р.). 6. Покровский—4 года к-рев. 7. Журнал «Большевик», № 1—2. Слепков. К 3-й годовщине Кронштадта.

XI. Нэп и партия в эпоху первоначального соц. накопления.

1. Обоснование перехода к НЭП'у. Экономические предпосылки: разрушение промышл., необходим. возобновления товарн. отношений с деревней с точки зрения развития производства сырья и продуктов питания рынка. Разрушение с.-х., отсутствие у кр-ва стимулов к расширению хозяйства.

2. *Политические предпосылки.* Кр-н отстоял землю в гражд. войне от помещиков, он не желает поддерживать пролетарское государство только за прошлые благодеяния. Крестьянские волнения в 20 и 21 гг. Кронштадт.

3. Продналог: его смысл и значение.

4. Партийные с'езды и разработка проблем экономической политики; преодоление антинэповских течений раб. оппозиции. Проблема ножниц; проблема денег.

5. Борьба за дешевое государство, как условие смычки (Рабкрин).

Литература: Ленин—О продналоге; резол. X, XI, XII, XIII с'ездов партии (особенно речи Ленина на X и XI с'ездах). Ст. Ленина «О рабкрине».

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Мировая политика.

(Продолжение).

Франция.

По окончании войны крупная французская буржуазия полагала, что она может спокойно заняться утолением своих аппетитов. В течение целых трех лет Клемансо, Мильеран и Бриан, повидимому, верили в действенную силу межсоюзных переговоров. Пуанкаре, усиленно работавший над освобождением Франции из-под опеки Англии, все же тщательно старался избежать разрыва дружественного соглашения. Он подчеркивал, что «отстаивает права Франции» средствами самыми законными, самыми правомерными. Но в конце 1922 года Англия, в вопросе о репарациях и национальной безопасности, предложила меры настолько расходящиеся с планами, что пришлось прибегнуть к другому методу, методу силы.

Оккупацией Рура он наглядно показал, какую цель ставит себе буржуазная Франция. Она стремится установить свое первенство на европейском материке путем ослабления и закабаления германской тяжелой промышленности.

Год рурской оккупации прошел под знаком политики насилия. Во Франции на вершине власти очутились крайние империалистические элементы. Франция резко противопоставляла себя бывшим союзникам. Противоречие интересов между Францией и Англией настолько обострилось, что готово было уже вылиться в форму резкого конфликта.

* * *

Франция, на протяжении целых четырех лет наталкивавшаяся на всяческие преграды со стороны Англии и до крайности зависимая в финансовом отношении, сделала в 1923 году отчаянное усилие, с целью «пожать плоды своих побед». Путем оккупации Рура она рассчитывала освободиться от убийственного бремени военных расходов, переложив на Германию значительную долю их в форме репараций (32 миллиарда франков золотом). Рассчитывала она также освободиться и от своей задолженности Англии и Америки (30 миллиардов зол. франков). И, наконец, она рассчитывала вырвать у рурских магнатов согласие на прибыльное участие французских горно-заводчиков в металлургических и горно-промышленных предприятиях Прирейнской Вестфалии.

В конечном счете рурская политика не привела Францию ни к победе, ни к поражению. Если Франция и не извлекла из нее ожидаемых выгод, все же эта политика серьезно подорвала германское хозяйство, заставила немцев прекратить пассивное сопротивление, а германскую промышленность подписать договоры—правда, временные—продиктованные ей Микумом *). Держа Стинессов, Круппов и Тиссенов под вечной угрозой оккупации богатейших германских областей, Франция, разумеется, этим самым заставила Германию как можно скорее примириться с необходимостью франко-германского экономического союза. И, наконец, если рурская политика и восстановила против Франции соперничающую с ней Англию, то, с другой стороны, она возбудила в лондонском правительстве достаточно тревоги, чтобы заставить его пойти в деле уступок гораздо дальше, чем в Париже—в период дружественных переговоров.

* * *

Французской буржуазии не удалось пожать крупных плодов от обладания Рурским залогом: французское хозяйство не представляет собой достаточно мощной базы, чтобы нести на себе колоссальную надстройку внешней политики Пуанкаре.

Эта политика престижа и силы обходится чрезвычайно дорого. Она нуждается для своего подкрепления в громадных военных силах. Национальный блок вынужден был принять в марте 1923 года закон, увеличивающий мобилизационный состав сухопутной армии мирного времени до 700.000 человек (475.000 французов и 225.000 колониальных солдат). Он вынужден был пойти на крупные жертвы во имя увеличения флота, морского и воздушного.

Пуанкаристская политика, помимо того, требует привлечения на сторону Франции в качестве активных соучастников второразрядных государств, вассальная зависимость которых обходится Франции очень дорого. Менее, чем за год, Франции пришлось выдать заимообразно своим союзникам и друзьям свыше 2 миллиардов.

Будучи не в состоянии покрыть колоссальную стоимость этой политики нормальными бюджетными поступлениями, Франция в течение этих четырех лет прибегала к бешеным инфляциям и займам, фальсификации бюджета и баланса государственного банка. Государство разорено. Оно стонет под бременем долга (свыше 400 миллиардов бумажных франков), который тяжелым бременем ляжет на грядущие поколения и уже теперь ставит под вопрос дальнейшее существование политической власти буржуазии.

Еще в 1914 году, в пору своего расцвета, Франция не умела сбалансировать расходного бюджета, не составлявшего и 5 миллиардов золотых франков, т.-е. 15% общей суммы ее доходов. В 1924 году Франция, обнищавшая и обезлюдевшая, еще менее способна свести без дефицита свой нормальный бюджет, достигающий, не считая расходов по репарациям—30 миллиардов бумажных франков, что составляет приблизительно 40% общей суммы ее доходов. Так как $^5/_6$ этой суммы уходят на платежи по государственному долгу и на национальную оборону, ясно, что оздоровить бюджет невозможно без радикального изменения основного курса политики.

Несоответствие между экономической силой Франции и ее политической программой нашло свое яркое выражение в *падении франка*,—головокружительном к концу 1923 года. Пуанкаре пришлось наспех призвать на помощь Англо-Саксонский банк и купить его поддержку ценой унизительного обязательства, фактически отдающего француз-

*) Межсоюзная комиссия по контролю над металлургическими предприятиями.

ский бюджет под финансовый контроль Англии и Америки. Таким образом, *падение франка, в результате рурской политики, восстановило над Францией опеку Нью-Йорка и Лондона* и заставило ее временно отказаться от осуществления своей грандиозной программы.

К концу 1923 года падение франка вынудило Пуанкаре пойти на попятную. В первую четверть 1924 года, под влиянием того же фактора, ему пришлось занять еще более примирительную позицию. Разумеется, результаты выборов 11 мая значительно ускорят эту эволюцию, носящую поверхностный, а отнюдь не глубокий, характер.

* * *

Избирательная победа Блока Левых была совсем не столь блестяща, как обычно себе представляют. Партии Блока Левых (радикалы, республиканцы-социалисты и социалисты) получили около 3.900.000 голосов; партии Национального Блока—около 3.600.000.

Но Блок Левых выиграл больше мест, чем голосов. Умелое использование своеобразного французского избирательного закона обеспечило торжество демократическим партиям. И, действительно, Национальный Блок, не потерявший и одной десятой голосов, по сравнению с 1919 годом, лишился целой трети мест. Блок же Левых, собравший всего на одну десятую с лишним больше голосов, чем в 1919 году, приобрел свыше трети мест больше прежнего. На самом же деле, в последней избирательной кампании подлинно блестящую победу одержала коммунистическая партия: она получила свыше 850.000 голосов, т.-е. одну десятую всего количества поданных во Франции голосов, что при пропорциональной системе обеспечило бы ей 50 мест в парламенте.

Блок Левых будет иметь в палате большинство довольно таки незначительное и чрезвычайно неустойчивое. Партии, его образующие, корнями сидят в мелкой буржуазии, городской и сельской, в мелкой и средней промышленности и в тех социальных слоях, которые теснее связаны с рынком мировым, чем с рынком национальным. Вот почему Национальный Блок сохранил за собой позиции 1919 года в департаментах северных, западных и восточных, т.-е. в районах крупно-землевладельческих и крупно-промышленных. По той же причине он, как общее правило, потерпел фиаско в департаментах центральных, юго-западных и южных, т.-е. в районах, где преобладает мелкая земельная собственность, мелкая и средняя промышленность. Был он разбит и в портах морских и речных—Марселе, Лионе, Гавре, Руане, Бордо.

Новое большинство, несомненно, учтет социальный состав своей избирательной клиентуры. Очутившись у власти, оно постарается дать ей удовлетворение. Но правое крыло Блока (умеренные и радикалы) является выразителем *интересов перерабатывающей промышленности и коммерческих банков*. При первой же угрозе налоговой, экономической и социальной реформы подлинно народного характера, эти правые элементы станут в оппозицию к элементам социалистическим, образующим левое крыло блока-победителя. Умеренные радикалы сблизятся тогда с левыми республиканцами (левое крыло Национального Блока), среди которых найдутся и выразители интересов тяжелой промышленности.

Чтобы сохранить в своих руках власть, лидерам-радикалам и социалистам придется учесть произошедший сдвиг вправо значительной части их клиентуры, экономически еще более веской, чем количественно. Они пойдут на уступки этому течению, и тем самым выроют себе яму.

* * *

Победа Левого Блока только усиливает те примиренческие тенденции, начало которым, совсем не по доброй воле, положил Пуанкаре. Новые министры охотно откажутся от грандиозных отдаленных и опасных целей, намеченных их предшественниками. Политику первенства и престижа они постараются заменить политикой международного сотрудничества, политикой мелких выигрышей, довольствуясь реальными и непосредственными результатами, хотя бы и весьма скромными.

Они умножат декларации демократического и пацифистского свойства, они возродят вильсоновские иллюзии. Дружественное сближение межсоюзных львов! Острый кризис англофилии, попытка братания с Соединенными Штатами, заигрывание с Италией. Искренняя жажда мира с Россией и попытка сближения с нею, разумеется, с соблюдением необходимых предосторожностей. Сближение весьма осторожное и медленное, но серьезное и упорно налаживаемое, с задней мыслью возобновления экономического, политического и военного франко-русского договора, выгодного, между прочим, и тем, что он устранил бы серьезную опасность германо-русского соглашения и дал бы возможность Франции успешнее сопротивляться Англии. Возврат к более активной и дружественной политике в отношении Малой Азии, где Пуанкаре, поглощенный Руром, пренебрег и скомпрометировал интересы французской буржуазии.

Блок Левых постарается раздуть роль Лиги Наций в европейской политике. Он будет добиваться принятия в нее России и даже Германии, если только последняя даст достаточные доказательства наличия у нее доброй воли и покорности.

* * *

Правительство, будь то радикальное, радикально-социалистическое или радикально-оппортунистическое, неизбежно должно будет учесть глубокие изменения в структуре французского народного хозяйства.

Восстановление промышленности в опустошенных войной французских областях, переход в руки Франции лотарингской металлургической и текстильной промышленности, эльзасских минеральных залежей и громадных залежей металла на западе Алжира (по об'ему равных 70% всех европейских залежей железа), реализация богатств, которыми изобилуют громадные колонии (площадью в 12 кв. клм. и с населением в 60 миллионов жителей),—все это ведет к тому, что Франция—в былое время преимущественно земледельческая, с замкнутым до известной степени народным хозяйством, построенным до 1914 года на основе мелко-буржуазного производства, мало-по-малу превращается в крупную промышленную державу.

Вопрос об экспорте приобретает для Франции превалирующее значение. Отсюда—необходимость *империалистической* политики. Вынужденный временно отказаться от метода насилия, французский империализм за ширмой левого блока, перейдет к методам мирной экспансии. Иностранные продукты будут иметь более легкий доступ во Францию. Слывущий за богача владелец крупных предприятий экспортной промышленности мэр Лиона Эррио будет проводить политику с сильным креном в сторону свободного обмена.

* * *

Волей-неволей Блоку Левых суждено стать орудием крупного капитализма. Финансовое положение близко к краху. Восстановление государственных финансов и оздоровление финансового хозяйства требуют предварительной стабилизации франка, а для этого нужна помощь банков. Очутившись перед угрозой нового крушения денежной единицы, блок левых для получения поддержки от финансовых консорциумов вынужден будет дать им требуемое удовлетворение, т.-е. отказаться от осуществления своей демократической программы.

Он ограничится подражанием жестам Макдональда, жестам символическим и чисто платоническим. Несомненно, он подвергнет «рассмотрению» вопрос о сокращении срока отбывания воинской повинности и об установлении налогового режима, более благоприятного для рабочих. Но он не сумеет осуществить ничего сколько-нибудь серьезного. Он постарается возможно больше продлить оккупацию Рура. Он оставит в нетронутом виде военные силы Франции, не проведет никакой коренной финансовой или социальной реформы.

В виду несоответствия интересов различных классов, выразителями которых служат три партии из состава избирательного об'единения, именуемого Блоком Левых, новое парламентское большинство будет крайне неустойчивым. После усиленного крена в сторону левого социалистического крыла, оно сдвинется в сторону левого умеренного и остановиться в конечном счете на левом центре. Вначале это большинство с воодушевлением будет проводить политику национального примирения и международного умиротворения. Примирение поверхностное, умиротворение—временное.

Дав радикалам исчерпать себя у власти, крупный капитализм затем постарается разложить Блок Левых, внести рознь и расслоение в партию радикалов и в партию социалистов. А там он воспользуется первым удобным случаем, чтобы отстранить от власти всех искренних демократов и сформировать министерство «республиканского центра», опирающееся на левых республиканцев с участием нескольких новых ренегатов от радикализма и социализма.

После некоторой передышки и попыток Эррио и Макдональд дружно и мирно урегулировать хотя бы на время репарационный вопрос и граничащие с ним проблемы, война за европейскую гегемонию возгорится с удвоенной силой, правда, только в том случае, если положение французских финансов настолько улучшится, что французская буржуазия сочтет возможным возобновить войну.

Но даже и в период умиротворения, во время передышки, борьба между Францией и Англией будет продолжаться иными методами, но во имя торжества тех же принципов. Под внешней маской умиротворения будут назревать антагонизмы.

Устанавливая над Германией экономический контроль антантовской буржуазии, план экспертов этим самым отдает германское государство в жадные лапы бывших союзников. Осуществление этого плана даст Англии, Франции и Соединенным Штатам возможность помешать восстановлению нормального функционирования германского народного хозяйства и освободиться, таким образом, от германской конкуренции на мировых рынках. Помимо того, это обеспечит союзным державам долевое участие в германских промышленных предприятиях в размере 5 милл. зол. франков, что равносильно овладению самыми значительными отраслями германской промышленности.

Борьба за дележ добычи предстоит яростная. Франция постарается увеличить за счет Англии и Соединенных Штатов свою долю германской добычи. С этой целью она использует свое участие в межсоюзных или международных контрольных органах, предусматриваемых экспертами. В этой новой фазе борьбы за колонизацию Германии и за гегемонию на материке, французская буржуазия прибегнет к методу, более реальному, чем межсоюзные переговоры, удельный вес которых она могла уже учесть до января 1923 года, методу более гибкому и сложному, чем метод голого насилия, практиковавшегося на Руре в течение целого года. Она, несомненно, воспользуется привилегированным положением, обусловленным ее географическим положением и наличием мощной армии, чтобы принудить Германию к выгодному для французской промышленности интимному союзу лотарингского железа и вестфальского угля; оба государства считают этот союз одинаково необходимым, а, следовательно, он неизбежно и приведет к тому, что франко-германский антагонизм будет ослаблен, а франко-английское соперничество достигнет крайних пределов.

Италия.

Италия мало-по-малу приобретает значение *гораздо более мощного фактора мировой политики,* чем это было прежде. Это ведет *к новому сдвигу в соотношении сил* и к новым конфликтам.

В последнем счете причины этого надо искать во внутреннем развитии Италии в результате победоносной войны. Здесь надо учесть тот рост мощи, который явился результатом крушения плана Придунайско-Балканской монархии, целевой рост военных вооружений, быстрый расцвет экономических сил страны. С другой стороны, в том же направлении действует сознание итальянцами того факта, что страна их, в противоположность другим союзникам всемирной войны, пожала слишком мало плодов от одержанной ими сообща победы,—сознании, наложившем яркую печать агрессивности на всю политику Италии в отношении Англии и Франции. *Муссолини и фашизм* частично служат симптомами распада и разочарования, охватившего мелкую буржуазию; на-ряду с этим, они служат носителями и выразителями *новой эпохи расцвета итальянского капитализма,* посмертного «*возрождения*» в рамках старческого империалистического мира.

* * *

Сознание временной ограниченности возможностей для Италии в сфере господства французов на Средиземном море, судя по программным заявлениям Муссолини, дает итальянскому стремлению к экспансии в ближайшее время толчек преимущественно в восточном направлении, делая предметом ее вожделений *бассейн Черного моря и прибрежные страны—Турцию, Кавказ, Юг России и Нижний Дунай.* Торопливость Италии в деле признания Советской России, усиление Италией судоходства в Черном море, стремление заручиться со стороны России льготами для торговли через Кавказ с Малой Азией, быстрая ратификация Лозанского мирного договора и систематические попытки установления добрых отношений с Турцией, хотя бы и ценой уступок националистическим тенденциям ангорского правительства, *все это вместе взятое долж-*

но помочь экономическому проницанию в сферу Востока. Упорное цепляние Италии за Додеканез, как возможную в будущем базу для флота, свидетельствует о том, что за мирной политикой Италии кроется империалистическая подоплека, могущая в дальнейшем привести к конфликтам. Одновременно оккупация Италией этой группы островов служит весьма ярким, наглядным выражением антагонизма Италии к *Греции*, как к конкуренту в области морской торговли в восточном бассейне Средиземного моря.

* * *

Балкано-адриатическая политика Италии в основе своей имеет стремление *к политическому и стратегическому укреплению тыла* на Адриатическом море. Благодаря *договору в Фиуме и соглашению, гарантирующему свободное плавание по Адриатическому морю,* Италии удалось на несколько лет оттеснить Сербию от Адриатического моря. Благоприятствуя заострению белградской политики в сторону Балканского фронта, Италия преследует попутно и еще одну цель—двинуть силы *против Греции.* Здесь в противовес Англии, которая стремится к включению Греции в балканскую федерацию, Италия выдвигает идею о последующей коалиции между сербами и болгарами и о передаче Салоник сербам, Дедеагача—болгарам. Одновременно с этим, Италия хочет получить от Юго-Славии свободу проникновения в *Албанию,* как ключ к Адриатическому морю, обеспечивающий выгодную позицию в отношении Греции. Но главное, что делает возможным для Италии разрешение адриатического вопроса, так это—*усиление всей средиземной и европейской позиции Италии, которая лишь теперь получает возможность проводить, в том числе и в отношении Франции и Англии, политику подлинно великой державы.*

* * *

Параллельно с исканием политико-стратегического тылового прикрытия на Адриатическом море, выражением чего служит договор с Белградом, Италия с растущим успехом ищет себе *дипломатического прикрытия в центральной Европе, особенно в лице государств-воспреемников.* Сюда относятся—искание влияния в Польше, Венгрии, Австрии, недавнее соглашение с Чехо-Словакией; повсюду итальянская политика сводится к тому, чтобы положить конец одностронне французской ориентации этих государств.

Эта дипломатическая деятельность Италии в сфере, ориентирующейся до сих пор в сторону Франции, дополняется деятельностью финансового характера: таково участие в «оздоровлении» Австрии, Венгрии, табачный заем в Польше, подготовка к реализации займа для Юго-Славии и т. д.

* * *

Делу осуществления этой сознательно-заостренной в определенном направлении великодержавной политики Италии служит широкая программа *усиления морских и воздушных вооружений.* Боевая ценность имеющихся у Италии современных судоходных единиц, вероятно, уже превзошла то, что имеется у Франции; в области построения воздушного флота Италия, несомненно, играет громадную роль на Средиземном море; реорганизация уже имеющихся опорных пунктов для флота и проектируемое сооружение первоклассного базиса для флота в Южной Сардинии свидетельствует о наличии со стороны Италии твердого желания укрепить позиции великой державы и в западном бассейне Средиземного моря.

Общая тенденция итальянской политики направлена, правда, попрежнему, в большой степени, *против Франции, а одновременно с этим, несомненно, и против Англии.* На сосредоточение Англией флота в Средиземном море Италия реагировала гораздо сильнее, чем Франция. Одновременно с этим, политика Муссолини знаменует сильную реакцию против былого подчинения Италии Англии, характеризовавшего внешнюю политику Шанцера. Также *и в экономическом отношении* Италия стремится освободиться от односторонней зависиомсти (свой уголь она все в большей емре начинает получать из Америки). Сообразно этому и *в репарационном вопросе* она нащупывает и выявляет все более самостоятельную позицию.

Подводя итог, мы можем установить наличие общей *тенденции к независимому построению итальянской политики и завоеванию положения подлинно-великой державы,* в отличие от того придатка к Англии, коим была Италия на протяжении всего последнего полувека. Внешняя политика итальянских фашистов, правда, является продолжением былой осторожной, пацифистски компромиссной политики умиротворения Европы (хотя уже независимой от Англии и даже не останавливающейся перед созданием конфликтов, как это было с Корфу в 1923 году), но она все же всячески добивается *сдвига в соотношении сил во всей центральной и западной Европе, и тем самым, ведет неизбежно к новым конфликтам.*

Турция.

В общем итоге мировой войны, национальной освободительной войны против Греции и против Севрского постановления и Лозаннского мирного договора, оттоманское государство, простиравшееся раньше на 3 континента и дававшее широкий простор для сложнейшей динамики антагонистических интересов великих держав, превратилось в *чисто национальное государство с весьма ограниченными возможностями для политической хозяйственной деятельности иностранцев. В сфере внутренней политики и экономики* энергично и, повидимому, прочно, установился праивтельственный режим Кемаль-Исмета, полностью устранивший всякое влияние консервативных элементов и временно отстранивший буржуазно-либеральную, «младо-турецкую» оппозицию, сильно связанную в константинопольских кругах с иностранными интересами. Правительство Кемаль-Исмета можно охарактеризовать как коалицию крестьянских и военных элементов с демократически-националистическими тенденциями, крайне недоступную иностранному влиянию. *В политике проливов* Англия вынуждена была согласиться на отказ от всяких реальных гарантий и на предоставление маленькой националистической Турции чисто бумажной «свободы проливов», которая в английском понимании сводится к праву на свободный проход английского военного флота в Черное море против России.

Ограничение возможностей для деятельности иностранцев в Турции, благодаря уменьшению территории и враждебному иностранцам националистическому режиму, отсутствие прежнего выравнивающего соревнования интересов различных великих держав, почти полное, благодаря английскому давлению, вытеснение из Турции Франции, большие трудности даже для чисто экономического укрепления на турецкой почве Италии,—все это приводит к тому, что из всех западных держав,

в сущности только одна *Англия,* заинтересованная в сохранении настоящего положения из-за «свободы проливов», считается в своей мировой политике с новой Турцией, как с *положительным фактором.* Предпосылкой для успеха в Турции английской политики, ставшей после Лозанны весьма неустойчивой, является длительное *устранение Франции.* Осознание Турцией бессилия Франции, как политического противника Англии, весьма вредные для национального возрождения Турции претензии французского капитала (государственные долги, концессии),—все это позволяет предвидеть турецко-французский антагонизм еще на долгое время.

Англия совершила в Лозанне *полный пересмотр своей турецкой политики* и вернулась к политической линии прошлого столетия, т.-е. к отстаиванию самостоятельности Турции. Англия *может и должна* вести последовательную, дружелюбную по отношению к Турции, политику. Она может вести такую политику, потому что достигла одной из своих основных военных целей—отделения арабских областей, потому что тесная связь между Москвой и Ангорой ослаблена и, наконец, потому, что отмена османского халифата в самой Турции дает Англии полную свободу в ее арабской политике и в то же время уничтожает зависимость турецкой политики от позиции англичан по отношению к индийским мусульманам. *Моссульский вопрос* также не будет непреодолимым препятствием для дальнейшего англо-турецкого сближения, так как он создает возможность территориально-финансового компромисса, а быть может, и заключения английского займа в связи с урегулированием вопроса о моссульских границах.

Англия *должна* сохранять дружбу с Турцией, так как она отказалась не только от всех действительных гарантий в вопросе о проливах и от создания политических опорных пунктов для проливов, к чему она долго и упорно стремилась (Фракия), а также и от военно-морских ограничений Турции.

Средством, при помощи которого Англия стремится политически привлечь к себе Турцию, является *экономическая, финансовая помощь.* В области применения политически менее активного торгового капитала, Англия делает Турции такие уступки, что сплошь да рядом даже недостаточно энергично защищает интересы своих подданных. В противовес этому, уже в Лозанне, она путем различных комбинаций банковских групп пыталась подчинить анатолийские *железные дороги* преимущественно английскому контролю. Все эти попытки потерпели крушение, благодаря сильному политическому предубеждению ангорского правительства против всякого «мирного проникновения» иностранного капитала. По тем же причинам Англии до сих пор еще не удалось применение *второго существенного средства* для приобретения косвенного политического влияния,—предоставление крупного английского *займа для восстановления* Турции. Радикальная *политика секуляризации и модернизации* правительства Кемаль-паши, стремящаяся превратить Турцию в демократически-националистическую республику по западному образцу, далеко не оправдывает ожиданий западной «политики проникновения». После полной победы ангорского правительства над константинопольской оппозицией, Англия должна была отказаться от надежды использовать в своих целях «проникновения» Константинополь против Ангоры и младо-турецкие оппозиционные элементы, более доступные западному влиянию,—против кемалистского режима.

Аравия.

Арабское население Передней Азии, вовлеченное Англией под лозунгом «права наций на самоопределение» в войну с Турцией, не смогло осуществить задуманного им *великого аравийского союза федеральных штатов.* После войны оторванные от Оттоманской империи, населенные арабами области не воссоединились в единое аравийское целое, а, наоборот, стали об'ектом межсоюзнических империалистических вожделений и межсоюзной торговли друг с другом. Франция получила Сирию и силой захватила Фейсал, Англия присвоила себе, в виду имеющейся там нефти, Месопотамию, и по соображениям защиты побережья Суэцкого канала навязала сионистскую колониальную конституцию населению Палестины, на две трети состоящему из магометан.

Но вызванное самими западными державами *национальное возрождение арабов,* причисляющих себя к победоносным нациям всемирной войны, переживает лишь начальную стадию и в конечном счете будет иметь весьма крупное значение. Крупный толчок ему дают подрыв английского господства над Египтом и Лозаннская победа Турции. *Что касается Месопотамии,* то быстрое отступление Англии от применяемых ею там драконовских методов колониального управления, вызвавших крупное восстание 1920 года, и переход ее через аннулирование мандата Лиги Наций к заключению соглашения на началах почти равноправных, в обстановке яростной национальной оппозиции со стороны арабов, свидетельствуют о том, что и здесь Англия скоро будет низведена до роли, какую она играет теперь в Египте. *В Палестине* правительство Макдональда подтвердило свое намерение продолжать и в дальнейшем политику, нашедшую свое выражение в сионистской «Декларации Вальфура», но панарабское движение вынудит англичан от своей сионистской позиции отказаться. *В Сирии* положение Франции крайне неустойчиво, не только благодаря давно уже натянутым отношениям с Турцией, из-за Александретты и Антиохии,—но и в результате ошибок, совершенных французской администрацией; повидимому, правы были те, кто предсказывал, что Франции не удастся применять в Сирии методы, столь успешно применявшиеся Лиотеем в Марокко, и что ей предстоит быть из Сирии вытесненной. Панарабское движение враждебно Франции в еще большей степени, чем Англии, а движение это неминуемо перебросится на Сирию.

Упразднение турецкого Халифата, правда, открыло некоторые перспективы Англии, пытавшейся во время всемирной войны с выгодой для себя использовать потерпевшую крушение политику *арабского Халифата.* Но индийские и египетские магометане ставят признание какого бы то ни было халифа в зависимость от решения предстоящего лишь в следующем году всеисламского с'езда халифата, и пока что халифатские планы короля Геджаса временно могут считаться не удавшимися. Сюда присоединяется еще непримиримый, близкий к тому, чтобы вылиться в вооруженную борьбу, конфликт между эмиром Неджедским и юго-западным арабским вождем, с одной стороны и Гуссейном, как орудием Англии, с другой. Индийские мусульмане сделают все от них зависящее, чтобы перебросить борьбу против Англии из Турции в сферу, населенную арабами. Притязания арабского владыки на халифат имеют перспективу на успех у магометан лишь в том случае, если *на-ряду с решительным заострением против Англии борьба эта будет в то же время выразителем тенденций панарабского движения.* А это движение

стремится к основанию арабского союза федеральных штатов со включением в него Палестины и Сирии, и тем самым неизбежно вступающей *в конфликт с обеими западными державами.*

Суммируя, можно сказать, что *населенная арабами часть Передней Азии скоро приобретет громадное значение, как арена распада империалистических позиций как Англии, так и Франции.*

Египет.

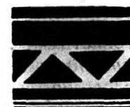
Египет, имеющий благодаря Суэцкому каналу важнейшее значение для британской мировой империи и зачастую трактуемый как легко уязвимое «горло» ее государственного организма, является в настоящее время *ареной чрезвычайно быстрого и неудержимого упадка английского господства.*

1. Англия уже свыше трех десятилетий фактически владела Египтом, раньше чем она решилась в начале мировой войны об'явить формально свой протекторат над ним. Но под давлением вызванного всюду войной национального освободительного движения Англия, вопреки имевшимся там у нее гарнизонам, осадному положению и успешному подавлению всех восстаний, спустя несколько лет по окончании войны была оттеснена на оборонительные позиции, без каких бы то ни было надежд на улучшение. Все компромиссные попытки затушевать английское господство, в роде начатых Мильнером в 1920 году переговоров с Заглул-пашой, приводили к противоположным результатам, и лишь усиливали враждебное Англии течение. В конечном счете, Англии пришлось выступить в *феврале 1922 года с декларацией, содержащей в себе, по крайней мере, номинальное, признание полной внешней и внутренней независимости Египта.*

2. Это *провозглашение независимости отнюдь не удовлетворило* национальные элементы, группирующиеся вокруг Заглула. Они отвергают одностороннюю британскую декларацию в качестве основы новой египетской конституции, хотя бы уже потому, что *Англия оставляет за собой право регулировать путем дальнейших переговоров между Лондоном и Каиром 4 наиважнейших пункта,* с явным намерением сохранить за собой в этой области господствующее положение. Сюда входят вопросы: 1) об обеспечении британской империи путей сообщения, особенно Суэцкого канала, 2) о защите Египта от чужеземного вмешательства, 3) об ограждении интересов иностранных подданных и меньшинств, 4) о Суданской конституции.

3. *Первые выборы* в создавшийся на основе этой новой конституции египетский парламент дали подавляющее большинство голосов вернувшемуся из изгнания Заглулу, выдвинувшему в противовес британской декларации 1922 года националистическую программу-максимум, обнимающую собой и те пункты, в которых делает оговорки Англия. *Выборы эти ярко как никогда еще на востоке,* показали, что, преследуя национальную цель освобождения от контроля чужеземцев, крестьянская масса *может сбросить с себя даже те экономические путы,* которые обычно столь сильно сковывают ее свободу мнения: многие всемогущие земельные лорды, кандидаты более умеренной партии дворянства, потерпели поражение в своих собственных районах, а восторжествовали *кандидаты Заглула.*

4) Четыре пункта, явившиеся предметом оговорок со стороны Англии, ярко свидетельствуют о том, что даруемая Англией *«независимость»—лишь мнимая* и заставляют думать, что в дальнейшем *между Египтом и Англией разыграется серьезный конфликт.* Многообещающую в будущем колониальную область, а именно, *южный* хлопковый район, Англия, повидимому, не намерена отдать Египту. Требование Англии, сводящееся к тому, чтобы ей было разрешено держать и впредь в Египте *гарнизоны,* хотя бы и не в столице его, рассматривается Египтом как недопустимое посягательство на его национальное достоинство, а отнюдь не как мера, связанная с защитой Суэцкого канала, так как доступ в Суэцкий канал фактически можно преградить лишь по одержании морской победы над Англией, а с востока, по исчезновении английского господства над Палестиной, Трансиорданией.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. Сталин. О Ленине и ленинизме. Госиздат. Москва. 1924 года. 50.000 экз.

Книга тов. Сталина пока является, несомненно, *лучшим* пособием по ленинизму, хотя она и не носит, не в приемр другим изданиям, громкого и претенционного наименования.

Существеннейшими достоинствами настоящей работы являются: 1) хорошая *планировка, 2) стройность и четкость в изложении* каждой главы, 3) *экономность в «словесности»* при богатстве суммы идей (хотя временами книга действительно написана *конспективно),* 4) очень ясное выявление главного принципа политики РКП: выражение исторических интересов пролетариата.

«Иные думают, что основное в ленинизме—крестьянский вопрос,—пишет т. Сталин в главе «Крестьянский вопрос»,—что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Это совершенно неверно. *Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата,* об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления. *Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть—является вопросом производным.*

Это обстоятельство, однако, не лишает его нисколько того серьезного, животрепещущего значения, которое, несомненно, имеет он для пролетарской революции».

Или в главе «Национальный вопрос»:

«Раньше национальный вопрос рассматривался реформистски, как отдельный самостоятельный вопрос, вне связи с общим вопросом о власти капитала, о свержении империализма, о пролетарской революции»... Ленинизм доказал, а империалистическая война и революция в России подтвердили, что национальный вопрос может быть разрешен лишь в связи и на почве пролетарской революции, что путь победы революции на Западе проходит через революционный союз с освободительным движением колоний и зависимых стран против империализма. *Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата»*.

Таким образом, работа имеет основную, совершенно бесспорную и, не в пример многим, четко выявленную идею.

Книга читается с большим интересом, ибо написана не шаблонно и убедительно.

* * *

Не совсем точной представляется нам трактовка вопроса о теории перманентной революции.

«Некоторые товарищи,—пишет т. Сталин,—оказывается, полагают, что Ленин пришел к этой идее (идее перерастания буржуазной революции в пролетарскую) лишь в 1916 году, что до этого времени он считал, будто бы, что революция в России задержится в буржуазных рамках, что власть, стало быть, из рук органа диктатуры пролетариата и крестьянства перейдет в руки буржуазии, а не пролетариата. Говорят, что это утверждение проникло даже в нашу коммунистическую печать.

Я должен сказать, что это утверждение совершенно неправильно, что оно совершенно не соответствует действительности.

Я мог бы сослаться на известную речь Ленина на XII с'езде партии (1905 г.), где он диктатуру пролетариата и крестьянства, т.-е. победу демократической революции, квалифицировал не как организацию порядка, а как «организацию войны»...

...Ленин предлагал *увенчать* дело революции переходом власти к пролетариату, между тем, как сторонники «перманентной» революции думали *начать* дело прямо с власти пролетариата, не понимая, что тем самым они закрывают глаза на такую «мелочь», как пережитки крепостничества, и не принимают в расчет такую серьезную силу, как русское крестьянство, не понимая, что такая политика может лишь затормозить дело завоеваний крестьянства на сторону пролетариата».

Здесь все верно и неверно.

Если теория перманентной революции распространить по отношению к России на весь XX век, то в общей форме—она правильна. В этой общей форме она наследована от Маркса Лениным. Разумеется, большевики добивались бы *преобладания* в органах демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, но отсутствие *мировой* революции, ее оттяжка—воспрепятствовали бы переходу к социалистической диктатуре пролетариата с захватом фабрик и т. д. Т.т. Троцкий и Парвус применили эту теорию конкретно к революции 1905 года, выбросив тактический лозунг *диктатуры пролетариата,* как заключительного звена перманентной революции в *1905 году.*

Заметьте это: в 1905 году, лозунг диктатуры пролетариата.

Такое применение теории перманентной революции имело несомненный практический политический смысл; оно-то и было ошибочным у т. Троцкого.

Тов. Сталин утверждает, что идея диктатуры пролетариата была не чужда тов. Ленину уже в 1905 году. Это верно и неверно. Верно, что тов. Ленин, учитывая перспективы *возможной* мировой социалистической революции, говорил о *возможном* переходе в фазу социалистической революции в России: *тогда перспектива диктатуры пролетариата* представлялась вполне реальной.

Однако, неверно, что тов. Ленин считал неизбежным превращение демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в диктатуру пролетариата. Неверно, потому что при задержке мировой социалистической революции—*внутренние* российские отношения ставили об'ективную преграду для этого превращения. Бланкистами большевики никогда не были. Тов. Сталин в главе «Стратегия и тактика» определяет первый этап в истории революции так: «1903 г.—февраль 1917 г.

Цель—свалить царизм, ликвидировать полностью пережитки средневековья». Это, несомненно, так. Конечно, это ни на минуту не исключало нашего курса на *мировую* социалистическую революцию, развитие которой могло совершенно изменить и нашу внутреннюю стратегическую установку, но с точки зрения *внутренних социальных отношений* России — мы находились в полосе *буржуазно-демократической революции*.

В статье «Социал-демократия и временное революционное правительство», написанной в марте 1905 года, тов. Ленин критиковал конкретное применение теории перманентной революции Парвусом.

Парвус утверждает, «что революционное временное правительство в России будет правительством рабочей демократии», что, «если социал-демократия будет во главе революционного движения русского пролетариата, то это правительство будет социал-демократическим», что социал-демократическое временное правительство «будет целостное правительство с социал-демократическим большинством».

Приведя эти цитаты, Ленин пишет:

«*Этого не может быть,* если говорить не о случайных, мимолетных эпизодах, а о сколько-нибудь длительной, сколько-нибудь способной оставить след в истории революционной диктатуре. Этого не может быть, потому что сколько-нибудь прочной (конечно, не безусловно, а относительно) может быть лишь революционная диктатура, опирающаяся на *громадное большинство народа*...

...Такой состав социального базиса возможной и желательной революционно-демократической диктатуры отразится, конечно, на составе революционного правительства, сделает неизбежным участие в нем или даже преобладание в нем самых разношерстных представителей революционной демократии. *Было бы крайне вредно делать себе на этот счет какие бы то ни было иллюзии*». (Т. VI, стр. 132).

В другом месте—тов. Ленин пишет еще более категорически, пишет так, что другого за это выпороли бы.

«Мы замечали уже в № 14 «Вперед», *что после теперешнего революционного под'ема реакция, конечно, будет неизбежна,* но она тем меньше отнимет у нас свободы, чем больше завоюем мы теперь и чем беспощаднее мы будем давить и уничтожать контрреволюционные силы в эпоху возможной (и желательной) демократической диктатуры». (Т. VI, стр. 210).

Все это вытекает из общей концепции Ленина о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.

Если революция в России замкнется в национальные рамки, то это только буржуазно-демократическая революция и задача партии большевиков заключается в создании демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, как орудия «плебейского» революционного переворота, как «железной метлы», которой будет выметено крепостничество, как власти, захватившей максимум (наделившей крестьян землею и пр.), чтобы отдать в эпоху неизбежной реакции минимум.

Если революция развернется в мировую, тогда другое дело, но именно *тогда* будем говорить и о *новых* лозунгах. Но исходить в тактике нужно из учета конкретных условий, базироваться на реальных факторах, а не на гадательных.

Тов. Ленин взял за исходный пункт российскую революцию 1905 года. Эта революция *могла* быть фактором мирового социалистического движения, но лишь в том случае, если бы мы обеспечили *успешное развертывание* российской революции; последняя же требует правильного учета классовых взаимоотношений, правильного лозунга, способного мобилизовать широкие массы, а таким лозунгом мог быть лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, но отнюдь еще не «социалистической диктатуры пролетариата».

Тов.-же Троцкий давал формальную теорию перманентной революции, строя свою тактику на гадательных перспективах мировой революции без учета конкретного соотношения сил в России, без конкретной почвы, опираясь на которую можно было бы эту мировую революцию прощупать. Эти методологические позиции повторились в споре о Бресте.

Ленин, учитывая настроение масс России в этот период, говорил: «надо заключить похабный мир, сохранить Советскую власть в России, как очаг грядущей мировой революции». Тов. Троцкий—подходил и к Бресту с точки зрения гадательных перспектив мировой революции: «Мировая революция *неизбежно* поддержит» и т. д.

Мы остановились подробно на вопросе о перманентной революции не потому, что считаем его сейчас *политически* актуальным: это, конечно, не так, но это и не академический ученый спор,—это вопрос *политической методологии*.

Следует отметить далее недостаточную полноту изложения в обосновании нэп'а (глава «Крестьянский вопрос»). Не полным представляется нам и выяснение предпосылок рабоче-крестьянской смычки в октябре 1917 г. Не отмечено, что крупнейшим фактором союза рабочих и крестьян явилось то обстоятельство, что буржуазия была против отдачи земли крестьянам потому, что помещичьи земли были заложены в банках буржуазии.

Крестьянство *вынуждено* было, если оно хотело земли, поддерживать пролетариат в его борьбе против капитала.

Таковы общие замечания по существу *содержания* книги, бесспорно *лучшей* из имеющейся литературы по ленинизму.

Ее *педагогическая* ценность представляется нам тоже очень значительной, хотя, конечно, книга рассчитана на уже подготовленного партийца, а не на ленинский набор, пособие для которого еще ждет своего автора.

Горячо рекомендуем книгу тов. Сталина как прекрасное пособие по ленинизму.

Слепков.

К. Шелавин. Введение в изучение ленинизма. 2-е изд. «Прибой». Лнгр. 1924 г.

В книжке тов. Шелавина прежде всего бросается в глаза скромность ее автора. Только ею можно об'яснить название книжки. «Введение» предрасполагает нас ожидать простого, популярного изложения основ ленинизма, где поневоле погашено всякое авторское «мудрствование». Между тем, здесь меньше всего простоты и популярности. Если даже не говорить сейчас о том, что автор по ряду вопросов отклоняется от обычной трактовки и дает свои «оригинальные» построения—о них речь ниже,—то все же книжку нельзя назвать популярной уже по своей форме. Популярность требует прежде всего *ясности* и *простоты*

изложения. Ясный для всякого план книги—требование безусловное для всякого «введения». Если же заглянуть хотя бы в оглавление рецензируемой книги, то невольно охватывает недоумение,—что хочет сказать автор, почему избраны именно эти вопросы, чем об'ясняется такая последовательность в развертывании темы. Например, основные подразделения таковы: I. *Роль В. И. Ленина в русском и международном рабочем движении.* II. *Значение организованности в классовой борьбе.* III. *Класс и партия. Класс земельных собственников.* IV. *Класс и партия. Пролетариат.* V. *Заключение.* Поражает прежде всего недостаточность об'хвата. Основное в учении Ленина—вопрос о диктатуре пролетариата как-то проглочен, смазаны и важнейшие тактические проблемы, составляющие отличительную суть ленинизма. Все расплывается в одном вопросе (правда, весьма важном) о классах.

Впечатление недостаточного об'хвата и сумбурности, беспорядочности развертывания изложения усиливается пропорционально количеству прочитанных страниц и к концу книги читатель должен будет пережить тягостное ощущение каши в голове, если книга *на голову* вообще окажет какое-либо действие.

Популярности в *изложении* у т. Шелавина еще меньше. Так, в своем «Введении» он успевает развернуть дискуссию с т. Бухариным по поводу определения классов, разбирает теорию земельной ренты, обрывками отсылает читателя к пагубным примерам—трэд-юнионизма и синдикализма—факты истории рабочего движения предполагаются уже известными—все это делает книжку понятной и удобочитаемой лишь для довольно подготовленных товарищей. Массовик ничего не может извлечь из нее уже из-за *формы* изложения.

Мы уже не говорим, что тов. Шелавин отличается своеобразным стилем, напоминающим иногда писания середины XIX века, а иногда конкретно—«Записки деда» К. Пруткова. Например:

> «В Англии—в означенные годы рабочий класс и слышать не хотел о социализме, и занимался лишь трэд-юнионистской борьбою—о чем мы в своем месте говорили, указывали причины означенного явления» (Стр. 131).

Или:

> «Основной он или не основной,—а уничтожить капиталистическую ренту в пределах капиталистического *государства* до сих пор не приходится, ибо земельные собственники не выражают, вообще говоря (за теми исключениями, кои мы указали в своем месте), желания расстаться со своею *собственностью*» (стр. 153).

Все «означенные» недостатки книжки, «кои» делают ее непригодной в качестве введения уже благодаря только *форме* можно было бы простить в случае внесения т. Шелавиным в сокровищницу ленинизма новых мыслей, положений, или хотя бы формулировок. К сожалению, и в этом автора обвинить нельзя. Там, где он правильно излагает положения ленинизма, он это делает обыкновенно при помощи цитат из Маркса и Ленина; там, где он пытается быть оригинальным, хотя бы в изложении—происходит путаница и извращение положений и Маркса и Ленина. Поэтому с точки зрения научно-познавательной «труд» тов. Шелавина возбуждает к себе интерес исключительно отрицательного свойства. Зато в этом смысле *вся книга* способна пробудить к себе внимательное отношение. Она сплошь усеяна «оригинальностями» тов. Шелавина, при разборе которых можно убедиться, как причудливо иногда переплетаются писательская претенциозность с абсолютным теоретическим невежеством, революционно-коммунистическая крикливая фраза с оппортунистической сущностью трактовки вопросов.

В силу «означенной» сумбурности в построении книги (что находит свое отражение и на порядке развертывания ошибок т. Шелавина) мы вынуждены будем отказаться от следования в разборе книжки за автором, выбрав основные узлы заблуждений т. Шелавина и сосредоточив на них свое внимание.

Теория империализма т. Шелавина.

Учение Ленина об империализме является его основной заслугой, отсюда проистекают и революционность ленинизма и разрешение национального вопроса и оценка значения крестьянства и вся большевистская тактическая линия.

> «*В этом отношении значение т. Ленина для международного рабочего класса совпадает, сливается с гигантской фигурой* (?) *Карла Маркса* (стр. 22).
>
> Что же такое империализм? Монополистический капитализм.
>
> «Что такое монополия? Откуда она взялась? Монополия выросла из концентрации производства на очень высокой ступени ее развития. Монополии привели к усиленному захвату важнейших источников сырья. Монополия выросла из банков... Власть кучки финансистов, иначе—финансовая олигархия, вот в чем проявляется монополия на высшей ступени развития капитализма—империализма.
>
> Монополия выросла из колониальной политики. Финансовому капиталу нужно сырье... Каждый империализм захотел монопольно овладеть колонией. *Только* германский капитализм, скажем, может властвовать в Южной Африке. *Только—он один* (монополия). Рядом с ним нет мест ни английскому, ни французскому» (стр. 23—24).

Конечно, монополистические тенденции финансового капитала являются одной из главных отличительных черт, характеризующих последнюю стадию капитализма, но нельзя же кроме монополии ничего не видеть. В империализме важен как раз не факт монополии—«монополия *выросла*»...—важно стремление к монополии, неизбежно вытекающее из качественного изменения структуры капитализма (акционерные общества, трестирование, слияние с банковым капиталом, раздел мира). Если бы монополия осуществилась, это и означало бы осуществление оппортунистической утопии о сверхимпериализме,—поскольку борьба капиталистических групп сохраняется и обостряется, постольку монополии еще нет, постольку несколько монополистов *борются за монополию.* Наконец, нельзя же все сводить к монополии. По Шелавину она как злой гений империализма лезет из каждой щели: из концентрации, из колоний, из банков. Что же в конце концов это за чудовище? Этого вы от Шелавина не узнаете. Сюда подходит и политическое господство «кучки финансистов» (Так уж и «финансистов»!) и колониальный грабеж, и торговая монополия, и концентрация.

Тов. Шелавин совершенно не понимает того, что финансовый капитал, империализм есть лишь особая стадия, особая *форма капитализма,* он везде сбивается на понимание его в виде одной империалистической страны, или даже отдельного капиталистического предприятия. Об этом говорят следующие перлы:

«Финансовому капиталу нужно сырье... Возможность, что несколько империалистов об'единятся в один (сверхимпериализм)..., что уничтожится конкуренция отдельных империалистов, а, стало-быть, и возможность войн... Развитие отдельных империализмов неравномерно. Силы отдельных империализмов разные. Один сильнее, другой слабее».

Таким образом, здесь вместо анализа экономических условий империализма, анализа уже данного Лениным, Гильфердингом, мы от Шелавина получаем только внешность империализма, правда, описанную, как мы видим, под впечатлением, почти панически. В частности, основного корня империализма международной экономической политики финансового капитала (экспорт капитала, таможенная война и пр.) автор совсем не задел.

А между тем, теория империализма должна об'яснить по Шелавину *все* в учении Ленина.

«Из учения Ленина об империализме вытекает его открытие крестьянства не только в русском масштабе, но и в международном масштабе, вытекает вся постановка национального вопроса.

С учением об империализме идет развитие и учение о государстве, как о форме диктатуры пролетариата, которая должна сменить господство финансовой олигархии» (стр. 34—35).

О связи крестьянского вопроса с империализмом нам еще придется поговорить, в заключение укажем, что и в вопросе о причинах гибели империализма у тов. Шелавина путаницы более, чем достаточно.

«Производство... в руках банкирских шаек... превращается в отчаянную борьбу (?) за дележ мира, потоки крови (!)... Оно превращается в величайшее угнетение целых народов и государств. Оно обнаруживает склонность *загнивать* (!?). Оно обнаруживает склононсть... производственную страну превращать в страну *паразитическую,* думать (??) не о развитии в стране производства...» (стр. 39).

Неграмотно составленные, общие крикливые фразы—вот вся аргументация почтенного автора.

Уж лучше было бы ограничиться совсем категорическим и совсем курьезным положением:

«А тов. Ленин сказал империализму так же, как и Маркс капитализму—ты должен погибнуть» (стр. 34).

«Все это *подлинная наука рабочей борьбы, все это глубочайшая* теория» (стр. 35) восклицает тов. Шелавин.

Читатель, конечно, придет к иному выводу.

Теория классов т. Шелавина.

Разбору вопроса о классах посвящено более $^2/_3$ книги тов. Шелавина, книги, посвященной ленинизму. Вопрос о классах Шелавин может быть даже немного непропорционально долго обсуждает. Однако, это не мешает ему в понимании класса и классовых отношений оставаться на позиции Каутского.

«Самостоятельно исследуя вопрос, Каутский приходит к выводу, что образует отдельные классы не только общность источников дохода, но также и вытекающая из нее общность интересов и общность противоположности другим классам, из которых каждый стремится присвоить источники доходов других, чтобы сделать доходнее свой собственный» (стр. 51).

Базируясь на этом определении класса автор ведет весь свой анализ в дальнейшем. Потребительская точка зрения, точка зрения источника дохода, оставляющая в тени производственные отношений людей, отношения людей между собой с точки зрения отношений их к факторам общественного производства, служит здесь базой для построения системы ленинизма. Источники дохода—капитал, земля, труд. Сколько резких уничтожающих слов написано по поводу этой пресвятой троицы Марксом. Но нужно поистине быть Шелавиным, чтобы в вопросе о классах Ленина сделать последователем Каутского.

Но, может быть, тов. Шелавин только по видимости принимает определение Каутского, или, может быть, он не видит никакого отличия этого определения от марксистского, ленинского. Такого рода сомнение сопровождает нас до самого конца книжки, где в «Заключении» Шелавин специально останавливается на вопросе об определении класса. Там он доказывает, что заподозривание Каутского в распределительской точке зрения ни на чем не основано, что определение Каутского и определение Бухарина по существу ничем не отличаются друг от друга. Шелавин вполне сознательно защищает Каутского.

«Может показаться, что Каутский проходит мимо «производственного анализа» и переносит все дело в область распределения *видов дохода.*

Такое предположение будет неправильно. Каутский говорит, что класс об'единяется *источником дохода.* Источник дохода в капиталистическом обществе как раз и предполагает: 1) отношения собственности (на землю, на средства и орудия производства), 2) роль в производстве.

Источником дохода рабочего являются его руки, доходом—заработная плата...» (стр. 149).

И далее:

«Но раз дело идет об определении понятия *класса,* то, как нам кажется, можно вполне еще пользоваться определением (первым) К. Каутского со всеми теми выводами, которые вытекают из него» (стр. 150).

Дело не в том, что источник дохода *связан* с производственными отношениями, а в том, чтобы уже в определении понятия класса эта связь была дана, чтобы социальные отношения производства выступали как первичный конститутивный признак классового дробления. Дело в том, чтобы внешним сходством источников дохода (земля, труд) не смазать кореного различия положения в общественном производстве отдельных общественных группировок. Дело в том, чтобы не скатиться на вульгарную, Марксом высмеянную формулу: капитал, земля, труд—процент, рента, заработная плата.

А тов. Шелавин видит сущность ленинизма как раз в этой формуле.

«Эти обстоятельства дают основание сохранять деление Каутского опять-таки со всеми выводами в отношении промежуточных слоев или промежуточных *классов*» (стр. 152).

Из трех классов—капиталисты, земельные собственники, рабочие—особенным вниманием автора пользуются земельные собственники, затем идет пролетариат, и совсем в загоне капиталисты.

«Земельный собственник получает поземельную ренту. При общей сумме национального дохода эта рента может повышаться либо за счет прибыли капиталиста, либо за счет заработной платы...

Если рассмотреть вопрос по отношению к тому, чем владеют земельные собственники, т.-е. пахотными участками, огородами, шахтами или земельными участками в городах, то об'единяющим их в один класс является все-таки (с точки зрения определения К. Каутского), во-первых, общность источника дохода (владение землей), во-вторых, общность противоположности к другим классам и, в-третьих, стремление повысить свою долю дохода из общей суммы дохода нации за счет других классов» (стр. 51—52).

Как мы видим, невинное «определение понятия класс» превращается уже в оппортунистическую теорию классов. По Шелавину существует *один* класс «земельных собственников», включающий в себя и полу-батрака крестьянина и полу-помещика.

Тов. Шелавин конечно видит отличия между этими категориями «земельных собственников», но он их представляет в недопустимо изуродованном виде частичных противоречий *внутри одного класса.* Так как, как тут, так и там источником дохода является земля, а доходом—земельная рента (единственные конститутивные признаки класса), то *основные* классовые интересы об'единяют всех «земельных собственников» против пролетариата и против капиталистов.

Для выяснения этого вопроса он становится на рискованный для недостаточно теоретически грамотного человека путь анализа ренты и поэтому допускает ряд грубейших ошибок.

1) Вводится осмеянная Марксом последовательность перехода к худшим землям, как причина ренты, 2) На-ряду с цитатой из Ленина о происхождении абсолютной земельной ренты из разницы органического состава капитала в промышленности и земледелии стоит собственное глубокомыслие: «*Это и есть абсолютная земельная рента.* Отчего она получилась? Оттого, что *вздулись* цены на хлеб» (стр. 62). Автор, конечно, и не подозревает, что здесь кроются два различных теоретических взгляда. 3) Полнейшее невежество проявляет наш теоретик в обще-экономических вопросах. Так, для анализа абсолютной земельной ренты ему понадобилось «органического строения капитала».

«Что такое органический состав капитала?

Органический состав капитала, по выражению Маркса, «определяется его техническим строением и отражает его».

В чем суть технического строения капитала?

В отношении *постоянного* капитала к *переменному.*

Что такое переменный капитал? Рабочая сила».

Здесь полнейшая теоретическая безграмотность целиком покрывается литературным нахальством. Всем известно, что Маркс никогда не мог и сказать такой чепухи, будто «органический состав капитала определяется его техническим строением», ибо *органический состав капитала и есть технический состав, ценностно выраженный.* В чем дело? Тов. Шелавин попросту процитировал вторую половину фразы Маркса, не поняв и опустив первую половину. У Маркса это место гласит так: «Я называю *органическим составом капитала* его состав, поскольку последний определяется его техническим составом и отражает в себе изменения технического состава» *). Шелавин этого понять не смог. Отсюда у него суть *технического* строения капитала в отношении капитала постоянного к переменному, т.-е. в *ценностном* соотношении частей капитала. Отсюда у него *переменным капиталом* оказывается рабочая сила, а не ее ценностное выражение, нелепость чего бьет в глаза.

*) „К. Маркс, Капитал“ т. I стр. 601.

Рядом с этими шедеврами невежества стоит такая совсем мальчишеская ошибка:

«Отношение прибавочного рабочего времени (часов) ко всему рабочему времени есть *норма прибавочной стоимости» (стр. 59).*

А ведь Маркс совсем популярно раз'яснял, что нормой прибавочной ценности будет отношение прибавочной ценности к *ценности рабочей силы,* или, соответственно, прибавочного времени к *необходимому* рабочему времени.

«Анализ» ренты, со всеми его злоключениями понадобился нашему «теоретику» для того, чтобы доказать, что, несмотря на некоторые различия по размерам владения, *конечные классовые признаки* у всех «земельных собственников» одинаковы.

«Не подлежит ни малейшему сомнению, что противоречия у мелкого собственника к крупным земельным собственникам налицо» (стр. 68).

Но с другой стороны:

«Общность дохода (дифференциальная рента) и вытекающая из нее общность интересов и общность противоположности к другим классам не подлежит никакому сомнению» (стр. 70).

Если тов. Шелавин и допускает борьбу между «коллегами по классу» как он выражается, то это лишь борьба более сильного и более слабого *конкурентов:*

«*Внутри* всего класса земельных собственников идет борьба богатых и бедных, сильнейших и слабейших, (из-за ?) естественного желания мелкого хозяина отстоять свою самостоятельность и не попасть в кабалу крупного земельного собственника» (стр. 67).

В общем, внутри «земельных собственников» отличия, подобные отличиям внутри пролетариата, внутри буржуазии и т. д. Ни больше, ни меньше.

И это ленинизм?

Проморгать основное, после борьбы рабочих и капиталистов, классовое противоречие между помещиками и крестьянами, посадить их за одну скобку «земельных собственников», забыть, что основой ленинизма в крестьянском вопросе является противопоставление крестьян крупным «земельным собственникам», от которых они находятся в различного типа кабале, не заметить, что крестьянство в отношении социальной системы эксплоатации стоит гораздо ближе к рабочему классу, чем к помещикам или их капиталистическим наследникам,—для этого поистине надо обладать «легкостью мысли» Шелавина.

Нечего и говорить, что никакого анализа прослоек *внутри* крестьянства наш автор дать не смог, ни, равно, выяснить тенденции внутренней эволюции крестьянства.

Тов. Шелавин утверждал, что Ленин «открыл» крестьянство благодаря его анализу империализма. Сам же Шелавин поступает как раз, наоборот. Он исходит из «абстрактной схемы классов», не уделяя анализу, конкретных условий развития различных группировок крестьянства ни грана внимания.

Об'яснение соотношения классов через «источник дохода», как мы видим, привело тов. Шелавина к *оппортунистическому замазыва-*

нию соотношения классовых сил внутри «класса земельных собственников».

Характерно, что при анализе рабочего класса тов. Шелавин употребляет как раз те же выражения: «внутриклассовые противоречия, борьба отдельных частей одного класса» и т. д.

В этом анализе есть, конечно, ряд неточностей, есть и прямо неверные места, но после такой «радикальной» ошибки, какую мы наблюдали в крестьянском вопросе, все это кажется мелочью, которая недостойна специального разбора.

Партия и партийная борьба.

> «*Основа всякой борьбы—это организованность.* В нынешние времена подобные слова—суть азбука» (стр. 37).

Но Шелавин знает также, что организованность организованности—рознь; он знает, что высшей формой организации является революционная партия пролетариата. Отсюда можно ожидать, что автор нам даст оценку различных типов организации рабочего класса с точки зрения его массовых задач. Определить задачи, поставить на место, указать роль и значение каждой организации (партия, профсоюз, стачка и пр.)—вот чего ожидаем мы от «Введения в изучение ленинизма». Но... на то наш автор—и Шелавин, чтобы обмануть наши ожидания.

Вместо этого, он длинно-длинно рассказывает о вреде трэд-юнионистской, синдикалистской и пр. организованности. Здесь форма организации играет для тов. Шелавина решающую роль. Именно трэд-юнионистская *форма* организации загубила английский и американский рабочие классы. Неправильная организованность рабочих Германии привела их в болото оппортунизма и пр. Стоит посмотреть хотя бы на подзаголовки : 3. *К чему привела организованность рабочих в Германии.* 4. Трэд-юнионизм и к *чему он приводит. Пример Америки.* 6. К чему приводит синдикализм. *Пример Франции.* Увлечение *формой* организации закрывает от тов. Шелавина социально-экономические корни оппортунистичности отдельных групп рабочего класса. Дело вовсе не только в том, что рабочие Америки или Франции не догадались сорганизовать революционную партию пролетариата—эту высшую форму организованности, а и в том, что об'ективные условия жизни рабочих этих стран вынудили их удовлетвориться оппортунистическими выродками организации.

> «*Высшая форма классового об'единения—революционная партия пролетариата*»...
>
> Надобно обратить внимание, что тов. Ленин говорит не просто о партии, а о *революционной* партии пролетариата (стр. 49).

Мысль правильная, хотя и неуклюже выраженная. Однако, это ведь не значит, что ее следует размазывать на десятках страниц, забывая важнейшую роль других массовых организаций пролетариата. Тактика единого фронта, вся работа Коминтерна по завоеванию массовых рабочих организаций становится совершенно непонятной с этой точки зрения.

В разборе взглядов Ленина на партию и партийное строительство следует отметить совершенно недостаточный анализ роли партии в руководстве рабочим классом и организованной стороны вопроса.

Из всей колоссальной важности вопросов строительства партии и задач ее в деле завоевания коммунизма тов. Шелавин выбрал вопрос о роли интеллигенции в построении партии рабочего класса, о стихийности и сознательности.

Если из книжки попытаться исключить цитаты из Маркса и Ленина, то вряд ли найдется хотя бы одно верное положение в этом «Введении».

Очевидно, только голод на популярную литературу по основам ленинизма заставил «Прибой» выпустить книжку Шелавина вторым изданием. Однако, нам кажется, литературный голод недостаточное оправдание для распространения «Введения» Шелавина, так как оно при любых условиях, кроме вреда, кроме извращения ленинизма, ничего дать не может.

М. В-ан.

Протоколы второго с'езда Р.С.-Д.Р.П.

Точная перепечатка с Женевского издания 1903 г. со вступительной статьей с примечаниями и заключительной статьей П. Н. Лепешинского. Истпарт. Изд-во „Прибой" Ленинград, 1924 г. 421 стр., плюс 130 стр. вступления.

Появился первый из поистине долгожданных томов, издание которых является одной из главных обязанностей Испарта. За «Протоколами II с'езда» должны последовать протоколы III, IV и V с'ездов, за 1905—1907 годы. Это—основной материал по дореволюционной истории партии и полная недоступность его читающей публике до сих пор составляла серьезное затруднение в деле изучения и распространения в массе знаний по истории партии.

Протоколы II с'езда, наиболее ранние (протоколов I с'езда у нас нет), лучше всего свидетельствуют, что история нашей партии—не «архив», неиссякаемый источник живой мысли и опыта, откуда мы будем черпать науку борьбы вплоть до момента победы коммунизма. Преемственность партийного опыта и партийных традиций так велика, что каждый современный партиец может с интересом (и с большой пользой) мысленно «посетить» второй с'езд партии, взяв в руки его протоколы. Второй с'езд был гордостью и торжеством партии российского пролетариата—это был *первый настоящий* с'езд. Такого с'езда, до Р. С.-Д. Р. П., не сумела созвать *ни одна* политическая партия в России. И его созвала, наперекор стихиям, наиболее гонимая и преследуемая царскими жандармами Р. С.-Д. Р. П., потому, что она была партией самого передового класса России, теперь стоящего у власти.

Но в час гордости и торжества, на II с'езде партию жестоко поразил начавшийся раскол. И когда вышли из печати его протоколы, то тов. Ленин призывал каждого члена партии к внимательнейшему и подробнейшему ознакомлению с ними уже для того, чтобы каждый «своим умом» мог изучить свежие следы раскола партии, доискаться корней и причин.

Организационный вопрос, совсем недавно, несколько месяцев тому назад волновавший нашу партию, послужил отправной точкой раскола на II с'езде. Читатель прочтет здесь и знаменитые речи Аксельрода и Мартова о профессорах и гимназистах (стр. 220, 224), о «каждом стачечнике» (стр. 220) речь тов. Троцкого об «удавной петле» Ленинского

§ I-го, об «интеллигентных одиночках», которых нет смысла «стеснять в правах состояния» (стр. 230), и стремительную отповедь Ленина:

«Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся), чем, чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии»... «*Поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше»... (стр. 232).*

Здесь и Плеханов еще выступает перед нашими ленинцами, отвечая оппортунисту Акимову:

«У Наполеона была страстишка разводить своих маршалов с их женами; иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен. Тов. Акимов в этом отношении похож на Наполеона—он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявлю больше характера, чем наполеоновские маршалы; я не стану разводиться с Лениным, и надеюсь, что и он не намерен разводиться со мною *(Тов. Ленин, смеясь, качает отрицательно головой) (стр. 123).*

Этой Плехановской «твердости» после с'езда хватило ненадолго. Мартов его развел с Лениным. Но уже на с'езде и самому Мартову пророчески предсказывает его дорожку все тот же крайний оппортунист, экономист Акимов, бросая реплику:

«Что же касается мнения тов. Мартова, что напрасны мои надежды на возникновение *иного течения* в нашей партии, то я должен сказать, что даже *он сам подает мне надежды*» (стр. 262).

Из обсуждения *программы* интересен ряд мест. Прежде всего—плехановское заявление об относительной ценности демократических принципов, которое он сделал вслед за Посадовским:

«Гипотетически мыслим случай,—сказал Плеханов,—когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права... Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права...»

И далее:

«Если бы выборы парламента оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а, если можно, то через две недели...» (стр. 156).

Как видим, большевики в 1917 и 1918 году отступили от плехановских рецептов только в том, что разогнали учредилку не через две недели, а через два дня.

При обсуждении аграрной программы («отрезков») суть будущего меньшевизма рельефно выразил Махов (Калафати), который заявил, что «*если крестьяне захотят поделить всю землю»,* то «*это будет уже не революция, а реакция (смех)»* (стр. 190). Еще бесподобнее трэд-юнионистскую узость экономизма тот же оратор выразил в словах:

«Что значит «поддерживать оппозиционное и революционное движение?» Если это значит способствовать развитию, то я решительно против; у нас единственный революционный класс—пролетариат, остальные—так себе: с боку припека *(общий смех)...* Да, с боку припека, и хотят только попользоваться. Я против того, чтобы их поддерживать. Мы будем вытаскивать для них каштаны из огня» (стр. 209—210).

Наконец, особо стоят дебаты о «стихийности» и «сознательности», которые поднял тов. Мартынов по поводу известных формулировок Ленина, данных им по этому вопросу в брошюре «Что делать?». Длинная речь тов. Мартынова (стр. 99—109) представляет из себя великолепный пример схоластики и талмудизма. Не внося никаких серьезных предложений или изменений в программу, оратор занимается буквоедством. Он выискивает отступления от марксизма в отдельных резких формулировках Ленина, вырывая их, во-первых, из текста всей брошюры, во-вторых, забывая их служебное значение в известной обстановке, имянно, в борьбе с увлечением экономизмом. По речи тов. Мартынова можно учиться, как *не надо* спорить марксистам.

Ленин писал, что рабочее движение «стихийно» стремится «под крылышко буржуазии», что рабочая масса в ходе экономической борьбы способна выработать только «трэд-юнионистское» сознание, что социалистическое сознание «извне» привносится в классовую борьбу пролетариата выходцами из буржуазной интеллигенции, что задача с.-д. состоит в «борьбе со стихийностью», в том, чтобы «совлечь» *) рабочее движение с его «стихийного» пути.

Правильно оценить эти формулировки можно, только сопоставив их с обстановкой спора. В каком случае они *могли бы* принести вред? Если бы в данный исторический период опасность для молодой с.-д. партии состояла в сектантстве, в бланкизме, в отдалении от массового движения, или в интеллигентском культурничестве, или в увлечении индивидуальным террором и пр. В *таких* условиях к неосторожным формулировкам о «борьбе» со стихийностью, об «извне внесенном» социализме и пр., пожалуй, могла бы прилипнуть оппортунистическая грязь.

Но в том-то и сила Ленина, что он имел исключительное чутье исторической обстановки. Очередная опасность заключалась в «экономизме», который представлял собою полную противоположность сектантству и бланкизму, был совсем другой, *оборотной* стороной их. Именно—*преклонение перед стихийностью* масс, растворение в массе, «хвостизм»—вот в чем заключалась тогда болезнь. А от *этой* болезни ленинские формулировки радикально вылечивали того, кто их продумывал до конца. Недаром первое поколение старой большевистской партии, недаром все большевики воспитались на «Что делать?».

Тов. Мартынов эту историческую *обусловленность* брошюры Ленина не выясняет с'езду. Вместо этого, он дает отвлеченную, абстрактную критику формулировок, критикует *буквы, а не дух* «Что делать?». И тов. Ленину в ответном слове (стр. 121—122) совсем нетрудно в двух словах опровергнуть длинную речь тов. Мартынова.

К протоколам II с'езда следует приступить, предварительно прочтя брошюру Ленина «Шаг вперед, два шага назад» (1904 г., соч. т. V), посвященную специально разбору этих протоколов, с диаграммой о важнейших голосованиях и пр. Не лишне было бы ее (и еще некоторые Ленинские документы прямо приложить к переизданным протоколам. Во всяком случае, было необходимо на страницы протоколов, имеющиеся в «Шагах», переправить применительно к новому изданию протоколов. Последние не поздно выполнить, хотя бы в ближайшем номере «Пролетарсокй Революции». Там же следует выправить опечатки, хотя бы наиболее важные. Например, Русов, произносящий при выборах речь, на которую ссылается Ленин в «Шагах», в новом издании

*) В протоколах опечатка: вместо „совлечь" напечатано „вовлечь" (стр. 102). На стр. 121 внизу, — в речи Ленина, также опечатка: вместо „фантом" напечатано „фактом".

протоколов без достаточных на то оснований, переодет в Гусева (стр. 300).

Приходится пожалеть об отсутствии предметного оглавления и указателя, что крайне затрудняет ориентировку в протоколах. Из первого издания перепечатано лишь ничего не говорящее оглавление заседаний («первое, второе» и пр.).

Приемчания к протоколам составлены тов. Лепешинским, в общем, хорошо и внимательно. Вступительная статья излишне растянута (130 страниц). В заключительной статье проявляется «недостаток, служащий продолжением достоинств» автора: пишущий очень популярно, тов. Лепешинский иногда сбивается на чересчур... «беллетристический» тон, не совсем идущий к изданию Протоколов партийного с'езда, в роде того, что:

«Ваши условия?—галантно спрашивает Ц. К. у оппозиции.— О, мне лишнего не нужно,—скромничает оппозиция.—Я попрошу у вас только четырех вещей: 1- кооптации четырех бывших редакторов в Ц. О., 2) кооптации определенного числа членов в Ц. К., 3) обеспечения двух мест в совете и 4) признания законности с'езда Лиги и ее администрации...

— Невозможно,—нервничает Ц. К.—Это же ведь неслыханная цена... Лойяльность на рынке котируется сейчас, поверьте на совесть, дешевле»...

Или, вот далее:

« — Пхе...—вздергивает носик, знающая себе цену оппозиция.—Какой невежа и нахал»... (т.-е., что про Ц. К. сказано). «Что это означает ультиматум?... А если я захочу наплевать на вашу последнюю цену?... Что же вы—из пистолета меня застрелите, что ли?»... (стр. 395).

И т. д., в том же духе.

Но, в общем, заключительная статья о ходе раскола после с'езда, нужна и интересна.

В. Астров.

Как не надо обучать экономической политике партии.

(Ю. Ларин: «Уроки кризиса и экономическая политика». Изд. «Моск. Рабочий». Москва 1924 г.).

Сложность экономической политики нашей партии в условиях переходного периода, при разрухе промышленности, преобладающем значении в нашем хозяйстве мелкого крестьянского хозяйства и т. д., требует крайне вдумчивого и внимательного отношения всех органов партии к об'яснению и раз'яснению нашей хозяйственной политики, особенно основ новой экономической политики, широким массам рабочего класса и трудового народа вообще. Со стороны рабочего класса требовалось много сознательности и практической выдержки, чтобы понять и принять, что, напр., в условиях 1921—22 гг. восстановление сельского хозяйства и помощь крестьянству должна была стоять на первом плане. Не напрасно Владимир Ильич почти год после введения новой экономической политики так тщательно раз'яснял широким слоям членов партии и рабочего класса именно основы новой экономической политики.

Между тем... между тем в этом отношении не все обстоит благополучно.

* * *

Несколько времени тому назад издательство Московского Комитета партии «Московский Рабочий» выпустило брошюрку т. Ларина «Уроки кризиса и экономическая политика». В этой брошюре т. Ларин разбирает все основные вопросы хозяйственного бытия и хозяйственной политики партии. В брошюрке использованы опубликованные в периодической печати статьи автора и—что очень приятно—«с исправлением в них ошибок и расчетов на основании последних более полных сведений», как заявляет сам автор *). Не будем отрицать, что отдельные главки в брошюре интересны и полезны, тем более, что в них устранены те положения, какие, в частности, нам приходилось в свое время критиковать. Но по *основному* вопросу—о новой экономической политике—что и как говорит автор? И как раз здесь рассуждения автора таковы, что только диву даешься. Автор со времени печальной (правильнее сказать, смешной) памяти группки «коммунистической реакции» конца 1921 г., оказывается, ***ничего не понял, ничего не усвоил.*** Для него все сводится к тому, что партия и Советская власть будто бы в 1924 г. возвращается к положениям этой интеллигентской группки «коммунистической реакции». Послушаем, однако, самого автора.

«Глупо винить за кризис отдельные ведомства и отдельные меры—виноваты все мы ,*виновата система*» (курсив автора. Г. К.). Уже это положение вводит нас в суть ларинских построений. И всего примечательней то, что автор все время, на всем протяжении брошюры, к месту и не к месту, напоминает, что такое-то положение выдвинуто за столько-то дней до опубликования резолюции ЦК «об очередных задачах экономической политики» (25 декабря), другое положение за столько-то дней, а все вместе «соответствуют» резолюции ЦК (см. предисловие).

Итак, в кризисе «виновата система». «Вполне могла быть устроена (устранена? Г. К.) бесплановость нашего собственного государственного хозяйства. Бесплатность (бесплановость? Г. К.) государственного хозяйства была сделана системой нами самими—нэп в его основном смысле (свобода крестьянского хозяйства) тут не виноват» (стр. 90). «Палка бесппланного нэп'а была слишком перегнута—вот урок нашего обидного поражения... Кто при виде нынешнего кризиса не понимает, что у нас неизбежно должен начаться теперь *вниамтельнейший пересмотр всех соответственных сторон нэп'а*—того могила исправит» (стр. 92). Бедный XIII с'езд партии, который не пожелал нэп'а пересматривать, а говорил даже о международной значимости новой экономической политики! Конечно, его исправит только могила, т.-е. окончательное торжество социалистического хозяйства.

В чем должен состоять пересмотр нэп'а? «Первоначальный нэп, как он был провозглашен и начал проводиться Вл. Ил. Лениным, состоял из двух элементов: признание *крестьянского рынка* и утверждение *планового начала* в государственном хозяйстве». «Нэп последнего периода (1922 и особенно 1923 гг.), нэп «развернутый» перешел от простого признания крестьянского рынка *к организации всей хозяйственной жизни, на основе экономической свободы,* на основе чрезвычайно слабо организованного увязывания государственным центром всех сто-

---

*) „Я не имею сейчас возможности проверять эти „исправленные“ цифры, хотя и с первого взгляда кое-что внушает сомнения“.

рон хозяйства». Вот почему «происшедший экономический кризис... не может не стать ***исходным пунктом пересмотра всей системы нэп'а, как она установилась в последнее время***» (стр. 91, 92, 100).

«В первой половине 1922 г. мы перешли от «новой экономической политики» (крестьянский рынок плюс план) к «новейшей экономической политике» (ставка на стихийное развитие с полным развертыванием «коммерческих принципов» в государственных предприятиях и с фактическим крупным ростом торговой буржуазии)». Нужно вернуться обратно к «новой экономической политике». Важнейшая составная часть этой «новой эконом. политики»—проект декрета о трестах, разработанный под руководством Ларина группкой «коммунистической реакции» в конце 21 года, следовательно, отмена декрета о трестах от 10/IV 1923 г. «Кто в самом деле помнит и соблюдает теперь нашу «великую хартию экономических свобод», скромно именуемую, «положением о трестах от 10 апреля 1923 года?» восклицает автор. «Прошло с полгода—«и что осталось от гордых сильных сих мужей? Их поколенье миновалось»—и без всякой войны центральная власть (вполне разумно, но вопреки декрету 10 апреля) ликвидировала свободу каждого хозяйственного об'единения определять свою политику цен—и тем самым вообще свою политику».

Таково построение автора, лежащее в основе всей брошюры.

Не будем останавливаться на карикатурном изображении периода 22 и 23 годов. Остановимся на делении—«новая» и «новейшая экономическая политика». Конечно, формула нэп'а, даваемая Лариным, *неверна*. Нэп отнюдь не есть крестьянский рынок плюс план. Даже в самые первые месяцы нэп'а говорилось о «свободном *местном* обороте», что отнюдь не обозначает свободы только крестьянского рынка. Нэп—это *рынок* плюс план, при чем такой план, который исходит как из основного, важнейшего фактора планирования, из рынка, емкости рынка. Вот почему Ленин и говорил, что меняется *подход* к плану.

Всем известно, что еще в сентябре 1921 г. Ленин говорил об отступлении к границам *денежного обращения* и государственного обращения и государственного регулирования купли-продажи. Тут же Ленин специально указывал, что коммунистическое производство и распределение и *в городе* потерпело поражение. Это было, повторяем, в конце 1921 г. Что касается 1922 г., то всем известна знаменитая речь Владимира Ильича в декабре на IV конгрессе Коминтерна, защищавшая всю политику партии до того момента. Мало того. Всем известна также (кроме, конечно, Ларина) статья Владимира Ильича о кооперации от начала *23 г.*, где Владимир Ильич указывает, что ошибка (я не помню сейчас дословно формулировки) отнюдь не в развертывании принципов хозяйственного расчета, степени этого развертывания, а в том, что позабыли о кооперации.

Поэтому XIII с'езд партии с полным правом констатировал, что партия осуществляла и осуществляет ленинскую хозяйственную политику. Номер Ларина об антиленинской политике партии с 1922 г. *не пройдет*. Этому не поверит и партийный молодняк. А если поверит, то быстро убедится, что ему вколачивается в голову ларинский вздор.

Затем, я имел неоднократно случай указывать, что совершенно неправильно противопоставлять плановость внутри государственного круга хозяйства бесплановости крестьянского хозяйства. В этом, между прочим, ошибка т. Троцкого, которую перенимает Ларин, желающий критиковать оппозицию. Это только показывает, как не сведены

концы с концами у Ларина... Отношения государственного круга хозяйства и стихии мелкого хозяйства в тысячу раз сложнее, чем противопоставление—плановость—бесплановость.

По человечеству, конечно, понятно, почему Ларин считает ленинскую хозяйственную политику только до конца 1921 г. Ибо в начале 22 года проект Ларина о госпромышленности был предан забвению. Напомню читателю, что проект этот заключался в том, что все госпредприятия считаются на государственном снабжении. Трестам и т. д. разрешалось реализовать на рынке определенный процент своей продукции, величина этой реализуемой на рынке части зависела от успешности госснабжения. Если предприятие в порядке госснабжения ничего не получает, то оно считается *на госснабжении* в размере нуля процентов... Вот к этой глупости советское хозяйство, будто бы, возвращается в 1924 г. Ничевошеньки-таки не понял и не понимает автор! Он только и знает, как подход к хозяйству со стороны распределения...

На стр. 104 автор пишет: «сопоставление моей статьи и резолюции ЦК и врагам и друзьям непреложно свидетельствует об изживании экономических разногласий внутри нашей партии». Не знаю, как врагам, но друзьям разногласия Ларина ничего не говорят...

* * *

Как рекомендует партийное издательство эту брошюру партийному молодняку, новым членам партии и т. д.? В предисловии тов. Стуков пишет: «не все положения и предложения тов. Ларина мы разделяем... однако, брошюра тов. Ларина в общем и целом ставит и решает вопросы в направлении тезисов ЦК об экономической политике». Такова рекомендация. Между тем, дело обстоит как раз наоборот: отдельные положения и предложения в духе резолюции ЦК, а «в общем и целом», по основным вопросам экономической политики,—ларинские сказки, путаница.

Закончим, с чего начали. Сейчас с особой тщательностью и серьезностью надлежит раз'яснять новую экономическую политику. Пора от приготовительного класса всем перейти в первый. Помочь этому—обязанность партийных литераторов, партийных издательств.

Г. Круминь.

Редакция: Н. Бухарин. Ил. Вардин. Л. Каменев.

СОДЕРЖАНИЕ.

БОЛЬШЕВИК

№ 10

5 СЕНТЯБРЯ

1924
МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

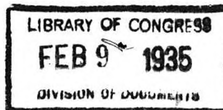
БОЛЬШЕВИК

К подписчикам журнала „Большевик“.

Редакция журнала „Большевик“ доводит до сведения всех подписчиков, что задержка в выходе № 10 журнала произошла вследствие перехода журнала из издательства „Красная Новь“ в издательство газеты „Правда“.

Редакция.

1924
МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРАВДА

Главлит № 24485 Москва. Тираж 80000.
Типо-литография „Искра Революции“ (б. 7-я) Мосполиграф, Филипповский пер., д. 11.

О задачах момента.

Строительство социалистического хозяйства, по сути дела, началось только с НЭП'а. В эпоху военного коммунизма мы заняли экономические и политические командные высоты, отстояли их в жесточайшей гражданской войне, огнем и кровью закрепили завоевания октября.

С 1921 года мы начали борьбу за строительство социалистической экономики.

Год за годом, медленно и тяжко, мы выкарабкивались из трясины послевоенной разрухи, поправляя истрепанную промышленность, обеспечивая минимально сносные условия для развития крестьянского хозяйства, нащупывая пути овладения рынком, упершись, на основе некоторого восстановления производств, в проблему твердой валюты, успешное разрешение которой имеет теперь уже реальные предпосылки.

Это—поистине громадный успех. На пути первоначального социалистического накопления, несомненно, труднейшими являются первые шаги, когда дорога еще неизвестна, шаг неуверен, на плечах тяжелое наследие хаотической полосы гражданской войны. Мы уже почти знаем путь, размерили наш шаг, ликвидировали часть гнетущего нас наследия. Но это наше укрепление, усиление диктатуры пролетариата, успехи социалистического производства протекают в условиях противоречивого развития, в необычайно своеобразной обстановке.

Основной тенденцией развития зрелого капитализма являлись капиталистическая концентрация и централизация.

Но этому периоду предшествовала эпоха первоначального капиталистического накопления. Для последней же, являющейся эпохой капитализма в становлении, характерна необычайная пестрота экономических форм, подчиняемых крупным капиталом и экономическими и внеэкономическими методами.

Еще большей пестротой экономических форм отличается эпоха первоначального социалистического накопления.

Но если в эпоху первоначального капиталистического накопления капитал был единственной мощной силой, способной подчи-

нить своему влиянию весь пестрый комплекс социально-экономических формаций, то в наших условиях, за определяющее влияние на эту пеструю экономическую систему борются капитализм и социализм. Борьба капитализма и социализма на первой стадии нашей эпохи усложняется именно этой пестротой.

А за первые годы НЭП'а социально-экономические отношения, несомненно, необычайно дифференцировались. Пролетарская социалистическая промышленность, ремесленное частное производство, частно-капитал. промышленность, госторговые организации, оптовики-капиталисты, розничный торговый капитал и мелкий зависимый от частного капитала торгаш, государственные банки, смешанные финансовые организации, ростовщического типа заимодавец,—эта пестрая картина борющихся взаимодействующих сил, сцепленных логикой экономического развития в противоречивое единство,—есть картина современного экономического комплекса в советском городе.

Советское хозяйство, коммуна, артель; крестьянское хозяйство полупролетарского типа; средняцкое хозяйство и крепкое, усиливающее свое влияние на деревню в целом, хозяйство кулака; кооперация разных типов, частный капиталист—таковы элементы деревенской экономики.

Город и деревня связываются все более тесными экономическими узами; первый влияет на вторую в направлении усиленной дифференцировки отношений. Оборотной стороной дифференцировки экономических отношений являются социальная дифференциация. Социальный состав советского общества необычайно усложнился, стал пестрее, многообразнее.

Кто кого? Кто подчинит себе эту пеструю систему социально-экономических формаций экономически, кто будет быстрее подчинять себе промежуточные формы политически и идеологически — капитал или социалистический пролетариат?

Каким образом в эту эпоху первоначального социалистического накопления подчинить переходные социально экономические формы социализму? — Такова проблема эпохи.

Еще более усложнится эта проблема после возможного заключения тесных экономических связей с мировым капиталом, получением займов, дачей крупных концессий и т. д.

С одной стороны—возобновление тесных экономических связей с мировым хозяйством — несомненно ускорит процесс восстановления нашего социалистического хозяйства, — и это соображение играет решающую роль в нашей политике внешних экономических соглашений; с другой стороны—это ставит ряд новых крупнейших проблем, обостряет нашу бдительность, требует новых сил и новых методов для борьбы за экономическую гегемонию в нашем Союзе.

Несомненным крупнейшим залогом успеха в этой борьбе является наличие в наших руках государственной власти.

Но эта последняя будет крупным положительным фактором только при правильной политике нашей партии, при величайшей внимательности ее ко всем протекающим вокруг нас социально-экономическим и политическим процессам.

Основная линия противоречий в нашем обществе пролегает между капитализмом и социализмом. Но разрешение этого противоречия в нашу пользу мыслимо только в том случае, если мы максимально преодолеем противоречия внутри советского антикапиталистического фронта, несомненно усиливаемые обстановкой товарно-капиталистического общества.

Умелая, сознательная тактичная ликвидация противоречий, могущих наметиться внутри советской системы — есть залог установления экономической гегемонии социализма в эпоху НЭП'а.

Сознательное установление внутреннего единства в наших рядах по всем линиям — это непременная предпосылка нашей победы. По каким именно линиям мы должны бороться за преодоление возможных противоречий?

Во-первых, крупнейшей опасностью может явиться рост противоречий социалистического города и мелко-буржуазной деревни. Задача заключается:

а) в унифицировании налоговой системы, в отношении крестьянства, учета платежеспособностей крестьянского хозяйства; б) в дальнейшем удешевлении продуктов промышленности, как условии завоевания крестьянского рынка; отсюда следует необходимость такой политики, при которой бы рост производительности труда обгонял рост заработной платы.

Во-вторых, следует всячески бороться с противопоставлением пролетарского государства массовым рабочим организациям. Конкретно—необходимо следить самым тщательным образом за взаимоотношениями государственных организаций и профсоюзов. Необходимо всемерно выпрямлять партийную линию в профсоюзах, против синдикалистских уклонов, против местной узко-профессионалистской точки зрения, противопоставляемой местами (правда, редко) государственной точке зрения, представляющей интерес пролетариата в целом и в развитии.

Борьба за повышение производительности труда в социалистической промышленности должна быть общей задачей и партийцев-хозяйственников и партийцев - профессионалистов.

В третьих, необходимо устранить значительную разницу в экономическом положении рабочих различных отраслей советской промышленности. Повышение заработной платы в ближайшее время, в первую очередь,

должно охватить наименее близкие к довоенному уровню группы рабочих. Широчайшая кампания с привлечением всех сил трудящихся по обеспечению безработных.

В четвертых — партийное единство. Борьба с уклонами, шатаниями, идеологической неустойчивостью — есть залог этого единства ленинской коммунистической партии.

Одновременно — борьба с такими уклонами в партийных организациях, которые имеют своим об'ективным смыслом расщепление партии. Внимательнейшее наблюдение за ассимиляцией новых кадров партии, вовлечение в работу молодняка и т. д и т. п.

Умело преодолевая внутреннюю неслаженность, обеспечивая единство действия всех наших организаций, представляя нашей партией единую, крепкую, единодействующую организацию—мы несомненно будем в борьбе с капитализмом иметь новые успехи в ближайшее же время.

Надвигающаяся осень может обострить целый ряд отмеченных нами противоречий большей или меньшей серьезности. И именно к осени нужно себе ясно и точно отдать отчет в предстоящих трудностях, ибо предвидение есть первое условие победы.

Н. Бухарин.

Противоречия современного капитализма.

В «Теориях прибавочной ценности» Маркс определяет апологетику, как такую систему взглядов на капитализм, которая видит единство капиталистических отношений, но не видит их внутренних противоречий, не дает анализа этих противоречий, не может понять капиталистического общества, как единства противоположностей, а потому не в состоянии правильно схватить внутреннюю механику капиталистического развития.

Коммунистическое общество есть общество организованное, «плановое», рационально развивающееся, обладающее способностью управлять своей собственной эволюцией. Капитализм подготовляет это общество, создает предпосылки будущей всесторонней организованности. Но эта историческая миссия капитализма своим пределом имеет вовсе не организованное общество, а величайший взрыв общественных противоречий, революцию. С другой стороны, у могилы капиталистического режима стоит не только возросший до последних границ классовый антагонизм, сильнейший динамит современности. Здесь воспроизведены на наивысшей ступени все противоречия капитализма: кризисы, конкуренция, войны. Революционно-марксистская теория рассматривает все движение капиталистического общества с точки зрения расширенного воспроизводства капиталистических противоречий: только тогда может быть дана картина буржуазного мира, соответствующая действительности.

Теперь человечество — и его пролетарская часть, и мародеры буржуазии — подводит баланс мировой войны, первой всесветной империалистской потасовки. Подводят этот баланс и социал-демократические апологеты капитализма, ex-министры буржуазных — королевских и республиканских — дворов, взыскующие мирного жития quasi-марксистские обыватели, универсально закутанные в пухлый халат дрянненького вильсонизированного марксизма, окропленного кровью жертв «демократического» режима Носке и К-о.

Таков г. Рудольф Гильфердинг, быстро вытесняющий на теоретическом кладбище социал-демократии своего крестного отца, учителя и наставника, Карла Каутского.

В № 1 своего журнала «Die Gesellschaft» («Общество») г. Гильфердинг поместил программно-теоретическую статью: «Проблемы времени». Мы не имеем возможности останавливаться на всех пунктах этой статьи, тем более, что о ней писали уже другие товарищи. Но нам хотелось бы все же сказать несколько слов по поводу некоторых рассуждений г. Гильфердинга.

Прежде всего проблема «организованного капитализма». Это, действительно, одна из «проблем времени». Но что дает нам здесь социал-демократическая теория?

Г. Гильфердинг совершенно правильно отмечает дальнейшую концентрацию и централизацию капитала, рост монополистических союзов etc.

«Это есть переход от капитализма свободной конкуренции к организованному капитализму».

«Одновременно с этим растет сознательный порядок и руководство хозяйством, которые имеют тенденции преодолеть имманентную анархию капитализма свободной конкуренции на капиталистическом же базисе».

Что же тут удивительного? Разве эта тенденция не отмечалась сотни раз и в нашей, коммунистической, литературе?

Да, отмечалась. Но только совсем «на другой манер», не так, как у г. Гильфердинга.

Этот последний не понимает, не видит, не хочет видеть, что тенденция к организованности развивается тоже в антагонистических, противоречивых формах. Апологет капитализма эти противоречия замалчивает, замалчивает то самое, что в первую голову должен открывать марксистский анализ.

Г-ну Гильфердингу уже мерещится, что наступает эра организованного капитализма, сознательно руководимого, без кризисов, без безработицы, с устойчивой и мудро регулируемой зарплатой и так далее.

Но ничего подобного в действительности нет, и—что более существенно—быть не может. Ибо уничтожение свободной конкуренции внутри капиталистических стран, преодоление здесь производственной анархии в то же время означает усиление «свободной конкуренции» между странами, рост анархии мирового хозяйства, другими словами, расширенное воспроизводство капиталистических противоречий.

Только ограниченная точка зрения «национального хозяйства», которая стала провинциальной точкой зрения заштатных захудалых профессоров, живущих в plusquamperfectum'е, может «отмыслить» мировое хозяйство. Г. Гильфердинг отлично видит это мировое хозяйство, когда до его уха доносится нежный звон американских долларов, этого чудесного элексира, оживляющего тощую немецкую марку, которая уже «три дня смердела», подобно евангельскому Лазарю, и которую раз и навсегда должен воскресить американский Христос в ботфортах генерала Дауэса. Но г. Гильфердинг слеп на оба глаза, когда нужно увидеть противоречия этого мирового хозяйства, глух на оба уха, когда эти противоречия кричат против апологетов отнюдь не мелодичными голосами.

Анархия «преодолена»! Кризисы «исчезают»! Но достаточно посмотреть хоть немного в лицо действительности, чтобы оставить эти поистине жалкие мечты. Мировое хозяйство сейчас менее едино, чем раньше—это признают решительно все исследователи. У всех на устах термины: «распад мирового хозяйства», «разложение мирового хозяйства» и т. д. А Гильфердинг с ясным лбом пишет о преодолении анархии.

Итак, на самом деле, реально, анархия капитализма не только не преодолена, она углубилась. Но она, действительно, изменила свою форму. Из дробной анархии бесчисленного количества отдельных маленьких хозяйственных тел, она превратилась в концентрированную борьбу империалистских громадин на мировом поле этой борьбы. Чем свирепее эта борьба, тем чудовищнее ее издержки. То же и с кризисами. Конечно, внутри возросших, укрупненных трестов анархия преодолевается, и внутренние «кризисы» здесь исчезают. Но было бы пустяковой и недостойной маниловщиной думать, что исчезают кризисы вообще. Недавний, крайне опустошительный, мировой кризис как будто бы должен был «вколотить диалетику» даже в социал-демократические черепа. Но, видимо, эти черепа так твердо утрамбованы прислужничеством, что их ничто уже не прошибет...

Однако, было бы несправедливостью по отношению к Р. Гильфердингу утверждать, что он совсем не понимает, где раки зимуют. Он, пожалуй, больше притворяется слепым и глухим: прося подаяния у богатых американских прохожих, разгуливающих по берлинскому проходному двору, он симулирует. Что-ж, и это в порядке вещей!

Г. Гильфердинг признает, что победа досталась англо-саксонскому капиталу; г. Гильфердинг готов помириться и с политической и с «духовной» «суприматией англо-саксов». И вот здесь то г. Гильфердинг и начинает открывать настоящий социал-демократический рай.

Марксизм до сих пор утверждал, что войны связаны с капитализмом нерасторжимой связью. Но наш «мыслитель» смело уничтожает этот «устаревший» взгляд.

Сперва он, подмигивая глазом в сторону «англо-саксов» с их превосходным «политическим и духовным habitus'ом», подползает на брюхе к «нужным» выводам:

«Интерес англо-саксонских государств, в особенности английского, идет больше по линии укрепления и организации уже завоеванного, а не по линии новой территориальной экспансии.... С этими интересами.... находится в полной гармонии интерес демократических... масс».

И далее, уже совсем откровенно:

«Разве капитализм действительно означает войну, так что мир может быть обеспечен только при полном его преодолении? Или-же можно создать путем последовательной (!) политики, которая ограничивает отдельные суверенитеты в пользу сверхгосударственной организации, новые формы политического миропорядка? Не дается-ли и здесь (?!! Н. Б.) больше места эволюционному развитию, чем это предполагалось до сих пор?».

И г. Гильфердинг дает понять, что он-то—горой за эволюцию против революции, за «Лигу Наций» против отдельных суверенитетов, за «англо-саксонскую» «суперматию», «habitus», доллар и прочие блага против тех событий, которые разыгрались в «восточной Европе» (и о которых он только презрительно бросает два слова—ведь, он «добросовестный», респектабельный «исследователь»!).

Итак, г. Рудольф Гильфердинг запоздало воскрешает «ультра-империализм» Карла Каутского, который проповедывал сию утопию еще в начале войны. Замечательна «ирония истории»! До войны Каутский тоже ужасно восхищался английским политическим «habitus'ом», считал английский империализм совершенно невинненьким, прямо-таки оплотом мира и благоговения «во человецех». И вот теперь, после того, как англо-русско-французская подготовка к войне документально установлена, после того, как мир (очевидно, тоже в «эволюционном порядке!») чуть не лопнул и не захлебнулся в крови, мысль социал-демократических теоретиков возвращается к исходному своему пункту, диалектически обогащаясь по дороге утерей и последних остатков марксистской совести.

Итак, г-н Гильфердинг ставит (и бормочет в утвердительном смысле ответ) вопрос об «ультраимпериализме».

Вообще говоря, этот империалистический «союз союзов», «надгосударственная организация», единый «мировой трест» и т. д. мог бы быть осуществлен двумя путями:

или путем соглашения;

или путем борьбы и победы сильнейшей группы;

Надеяться на первый путь—н е л е п о. Ибо соглашение возможно и реально только тогда, когда имеется равенство сил, когда невероятна победа, когда борьба безысходна. А кто же будет утверждать, что теперь есть равенство сил?

Второй путь—путь победы. Гильфердинг «берет за основу» победу «англо-саксов»; англо-саксонская «суперматия» является у него ф а к т и ч е с к о й «Лигой Наций».

Но и это — иллюзия. Прежде всего, потому, что внутри этой «суперматии» нет никакого единства, а затем потому, что существует миллион д р у г и х противоречий, которые делают этот «рай» вполне иллюзорным.

Конечно, победа Америки на лицо. Но отсюда, как до звезды небесной, далек «организованный» Америкой мировой капитализм. Америка, быть может, и хотела бы «посадить на паек», по выражению тов. Троцкого, Европу. Но одно дело «план», а другое—реальная действительность. Е с л и - б ы не было других противоречий, не было внутриевропейских конфликтов, е с л и б ы не было колониальных брожений, которые сразу могут изменить картину мира; если бы не было Востока (брожения в Китае); е с л и б ы не было сопротивления рабочего класса, е с л и б ы не было японско-американского противоречия и так далее и тому подобное; другими словами, е с л и б ы не было того, что есть, и было бы то, чего нет (т.-е. если бы существовала только одна, да и то непомерно удлиненная пан-американская тенденция), т о г д а мы имели бы «американскую» Лигу Наций, надмировой трест и европейские пайки, диктуемые американским дядюшкой.

Наша тактика не может пройти мимо такого крупного явления, как исключительное превосходство Америки. Но, с другой стороны, она должна опираться на анализ п р о т и в о р е ч и й в первую голову. Этот анализ и есть основная задача нашей т е о р и и. Только тогда мы будем в состоянии правильно определить нашу тактику, когда картина действительности будет стоять перед нами во всей ее конкретной сложности, составным и самым важным элементом которой является наличие противоречивых тенденций.

А. Тальгеймер.

Очередная задача.

(К вопросу о программе Коминтерна).

I. V Конгресс Коминтерна о программе.

V конгресс Коминтерна, хотя он и не довел еще дело до окончательного завершения, сделал все же в программном вопросе неоспоримый шаг вперед.

Конгрессом принят официальный проект программы, который должен лечь в основу дальнейшей дискуссии по программному вопросу. Окончательно завершить дело выработки программы предстоит VI конгрессу. Проект, принятый V конгрессом, должен теперь подвергнуться проверке в свете нового о п ы т а ближайших полутора — двух лет и широкой критике всех секций Коминтерна. Если он эту проверку выдержит, — а мы думаем, что он выдержит ее с честью, — значит, он достиг степени зрелости, необходимой для столь важного орудия революционной организации масс и может стать программой партии мирового коммунистического движения. С другой сторны, для самих секций он явится пробным камнем зрелости в теоретических вопросах, а такое испытание крайне необходимо ради создания ясности в учете наших сил. Дабы не предоставить ход и использование дискуссии воле случая, конгресс постановил создать постоянную программную комиссию, которая бы руководила дискуссией и учла ее итоги.

До сих пор в дискуссии по программному вопросу принимали участие, главным образом, только русская и германская секции. Обсуждение программ следует расширить и углубить, как в смысле числа участвующих в нем секций, так и в смысле содержания дискуссии. Основное средство для этого — сделать все дискуссионные статьи возможно скорее доступными в и н т е р н а ц и о н а л ь н о м м а с ш т а б е всем секциям. Следует покончить с таким положением вещей, когда, например, в русских теоретических органах происходит широкая дискуссия по вопросу о накоплении капитала, теоретическом об'яснении империализма, оставаясь в то же время недоступной другим секциям из-за отсутствия переводов.

II. Попытки капиталистической реставрации и программа.

Глубочайшим образом затрагивают обсуждение программы и требуют в связи с проработкой программы тщательнейшего и углуб-

ленного рассмотрения, происходящие сейчас попытки капиталистической реставрации большого масштаба: решение комиссии экспертов по репарационному вопросу, попытки урегулирования валютного вопроса в Германии, Польше, Венгрии, переговоры о признании СССР де-юре и втягивание его в систему международных кредитов и займов.

Общий анализ экономической и политической системы капитализма в его последнем империалистическом этапе этим не нарушается. Иное дело — к о н к р е т н ы й анализ отдельных ступеней империализма.

Как уже Ленин отметил еще на II конгрессе, — на что ссылался в своем докладе о мировом экономическом положении и тов. Варга—теоретически нельзя доказать, выберется ли еще раз капитализм из после-военного кризиса или нет. Опыт и только опыт покажет, насколько созреет в отдельных странах рабочий класс и его коммунистическая партия к моменту неизбежного столкновения классов и государств, сопровождающих всякую попытку восстановления, возрождения капитализма. Только организованностью и подготовленностью рабочего класса решится вопрос о дальнейшем развертывании прорыва капиталистического фронта.

С попытками капиталистической реставрации теоретики II Интернационала (в особенности Гильфердинг) связывают самые несдержанные фантастические надежды: устранение империалистических конфликтов, создание миротворческого сверх-империализма, к а п и т а л и с т и ч е с к о е устранение анархии производства и установление планового хозяйства, которое затем должно перейти (так-же, как и государство) в готовом виде, путем мирного перехода от этапа к этапу в рамках буржуазной демократии в руки рабочего класса.

Наш анализ должен не только абстрактно, но и совершенно к о н к р е т н о показать всю необоснованность и неосуществимость этих реформистско-пацифистских фантасмагорий. Мы не должны только побеждать взглядом, связанные с этими попытками реставрации, вопросы; мы должны их разложить на составные части и показать, как частичное и временное сглаживание острых углов внутри системы империализма подготовляют новые междуклассовые и междугосударственные конфликты на более расширенной базе.

III. Теоретические пробелы.

Единственная обстоятельная критика имевшихся после IV конгресса проектов программы принадлежит перу т. Б о р и с а, который выступил с ней в теоретическом органе КП Германии «Ди Интернационале». Статью эту можно рассматривать как коллективное критическое выступление «ультра - левой» группы в КПГ. Тов. Б у х а р и н в своем докладе по программному вопросу на V конгрессе с достаточной обстоятельностью занялся критикой т. Бориса. Он показал, что она состоит частью в отходе к реформистским воззрениям, частью — в простом непонимании вопросов.

Положительное содержание этой критики весьма минимально, что же касается отрицательного, то здесь она имеет определенное симптоматическое значение. Она показывает, что в нашем тео-

ретическом анализе послевоенного капитализма имеются еще пробелы, неясности и недочеты, а, может быть, даже ошибки.

Более молодое поколение интересующихся теоретическими вопросами товарищей имеет перед собою «Капитал» и «Теории прибавочной стоимости» Маркса; оно находит здесь углубленную, развивающуюся со строгой систематичностью, математически точную, отчетливую, охватывающую всю совокупность явлений теорию капиталистической экономики при отношениях свободной конкурренции. Недостает, однако, еще такой же строгой и систематической, исходящей из основных явлений, теории капиталистической экономики при отношениях к капиталистической монополии. Для создания такой теории мы имеем уже ряд более или менее хорошо разработанных трудов, подготовительных работ, монографий, абстрактных попыток схематизации,—всеоб'емлющего же, систематического построения все еще недостает. Или, говоря иначе: от «Капитала» к теории современного монополистического капитализма ведут пока лишь временные мостки, а не прочный мост. Нам кажется, что критика со стороны т. Бориса и других молодых товарищей (напр., критика, направленная против тов. Варга) является симптомом того, что эти пробелы, недочеты и противоречия дают себя уже чувствовать.

Причины этого недостатка углубленной теоретической работы ясны, как на ладони. Как в Советской России, так и на Западе революционная деятельность поглощала почти все силы. На Западе, в особенности за последний период, не хватало времени даже для воспитания новых, способных к самостоятельной теоретической работе товарищей. Мы наверняка, не будем больше иметь поколения, лучшие силы которого все свое время могли бы посвятить главным образом и в первую голову—теоретической работе. Период пролетарской революции требует постоянного комбинирования теоретической и практической работы.

Однако, это не избавляет нас от необходимости вплотную заняться вопросами как повышения общего теоретического уровня коммунистических партий, так и углубленной разработки теоретических проблем. Необходимо найти время для воспитания новых теоретических сил и для более широкой и интенсивной работы в области марксистской теории — теоретическая подготовка наших партий является одной из основных предпосылок и элементов их зрелости для победы, так же как и для социалистического строительства после победы.

Я укажу здесь только некоторые из имеющихся пробелов.

Теория денег оставлена нам Марксом лишь в черновой разработке. Анализ послевоенного хозяйства с его разнообразными и глубокими потрясениями в области валюты невозможно без охватывающей все эти явления теории денег, которая, с другой стороны, должна развертываться на основе оставленных Марксом общих положений. Как известно, тяжелые потрясения денежной и кредитной системы, явившиеся результатом французской революции и Наполеоновских войн, были опорным пунктом для исследований классической буржуазной экономии. Значительно более широкие и глубокие потрясения в этой области, имеющие место на более высокой стадии капиталистической системы и явившиеся

результатом мировой войны должны стать опорным пунктом систематического, марксистского теоретического анализа. Пока есть только подготовительные работы и монографии—и больше ничего.

Недостает также обстоятельной, исчерпывающей весь накопившийся со времени работ Маркса и Энгельса гигантский фактический материал, теории кризисов.

Не хватает также теории образования денег при монополистических отношениях, основанной на капиталистическом законе стоимости.

Здесь мы перечислили, поскольку речь идет об анализе капиталистического хозяйства, лишь некоторые из имеющихся налицо важнейших пробелов.

В продолжающейся еще дискуссии о теории накопления и экономической основе империализма, мы видим начало углубления экономического анализа. Можно рассчитывать, что в этой области в недалеком будущем будет внесена окончательная ясность.

IV. Дебаты о тактике на V конгрессе и программа.

Дебаты о тактике на V конгрессе и вопросы программы не лишены, разумеется, взаимной связи. V конгресс вынес решение, чтобы в общую программу было введено определенное обоснование переходных лозунгов и частичных требований. V Конгресс подверг проверке как тактику единого фронта вообще, так и лозунг рабоче-крестьянского правительства в особенности. Эти дебаты оказали на стратегическо - тактическую часть программы влияние в том смысле, что ей теперь недостает конкретного изложения тактики единого фронта, а равно и точной формулировки понятия «рабоче - крестьянское правительство». По мнению автора, здесь остаются пробелы, которые так или иначе должны быть позднее заполнены. Наличный и дальнейший опыт должен будет подтвердить или отбросить то или иное из представленных на конгрессе воззрений и дискуссия по этим вопросам только тогда принесет пользу, если она будет питаться из источников вновь накопляемого опыта.

Ампутация также была произведена в вопросах «красной интервенции» и о союзе советских государств с буржуазными. Здесь это, однако, произошло не потому, что состоялся пересмотр существовавших воззрений, а потому что формулировка этих пунктов не является для программы обязательной.

V. Новое в проекте программы.

За основу для дополнений, изменений был взят проект, представленный т. Бухариным IV-му конгрессу, причем были приняты в расчет основные идеи всех других проектов так же, как весь материал, явившийся результатом дискуссий в программной комиссии.

Существенно новое в нынешнем проекте конгресса, в сравнении с прежде представленными, сводится к следующему:

1. Введение, излагающее цель программы, ставящее ее в связь с организацией Коммунистического Интернационала, с Коммунистическим Манифестом, с традициями Союза Коммунистов и I Интернационала и дающее отчетливое изложение мировоззрения революционного марксизма.

2. Изображение капиталистических кризисов расширено, в особенности с помощью привлечения момента потребления рабочего класса, как момента расширенного производства, производства рабочей силы и как основного элемента противоречий системы вообще и особенно периодических кризисов.

3. Введен анализ несоответствия между промышленным и сельско-хозяйственным производством и торможения роста сельско-хозяйственного производства в специфических условиях капитализма.

4. Классовое противоречие взято не только как момент анархии производства, как нечто в нее привходящее, а так же как база капиталистической системы эксплоатации.

5. В качестве одной из предпосылок для возникновения новой формы общества, которой предстоит прийти на смену капитализму, в программу введена марксистская теория, как выдающийся инструмент пролетарской борьбы.

6. Важнейшие до-капиталистические социально-хозяйственные формы — примитивный коммунизм, феодализм, рабовладельческое хозяйство, торговый капитал, простое товарное хозяйство— приводятся в связь с господством крупного капитала.

7. Экономические предпосылки существования рабочей аристократии в империалистических государствах, подкуп этой рабочей аристократии с помощью извлекаемых из колоний сверх-прибылей и связь этой рабочей аристократии с оппортунистическим течением внутри рабочего движения.

8. Возможность восстановления в том или ином месте капиталистического строя и дальнейшего развития производительных сил, как основа дальнейшего углубления противоречий системы, новых еще более гигантских конфликтов и как угроза дальнейшему существованию самого человеческого общества.

9. Фашизм (рядом с социал-демократией и после нее), как организованное крупной буржуазией, преимущественно мелко-буржуазное контр-революционное массовое движение, преследующее цель восстановить крепость расшатанного буржуазного классового господства.

10. Анализ общих, не только российских, сторон «новой экономической политики» и военного коммунизма, т. е. общих форм перехода к социалистическому хозяйству. К основным чертам новой экономической политики, имеющим общее значение, отнесены следующие:

а) освобождение мелких и средних предприятий от пролетарской национализации, поскольку, во-первых, рабочий класс в первой фазе диктатуры не располагает необходимыми организаторскими силами для руководства этими предприятиями и, во-вторых, для того, чтобы не восстанавливать против себя средних слоев;

б) разнородность форм хозяйства, начиная с социализированной крупной промышленности и коллективно обрабатываемых крупных поместий до частно-собственнических мелко-крестьянских и кустарно-ремесленных хозяйств;

в) применение капиталистических форм и методов хозяйственной деятельности (хозяйственная калькуляция, денежная форма расчета, организация торговли, вплоть до организации бирж и банков, применения системы премирования, сдельной заработной платы и т. д. на фабриках)—все это с целью обеспечения пролетариату возможности вытеснения отсталых форм хозяйства при помощи регулировки рыночных отношений и конкуренции с этими формами хозяйства;

г) применение методов кооперирования к мелкому и среднему крестьянству.

Основной чертой военного коммунизма признается преобладание цели революционно - стратегической; здесь имеется в виду подрыв материальной базы враждебных пролетариату слоев. Обеспечение рационального использования наличных запасов.

Конкретные формы и об'ем применения как нэпа, так и военного коммунизма, находятся во вполне определенном взаимоотношении.

11. Выработка нашей аграрной программы сообразно тезисам II и IV конгрессов.

12. К программному лозунгу права самоопределения народов присоединяется требование равноправия всех народностей, всех составных частей нации, отмены всех исключительных законов, направленных против той или иной народности, борьба против капиталистических законов, ограничивающих иммиграцию и пропаганда против всех видов шовинизма и национализма.

13. Роль коммунистической партии, как авангарда рабочего класса, как живого воплощения всего предыдущего опыта революционной борьбы, как вождя класса, путеводной нитью которому служит теория революционного марксизма, как выразителя общих и длительных интересов класса, как представителя и творца единства его идеологии, воли и действия, как спаянной воедино демократическим централизмом революционной боевой организации, своей преданностью делу революции и своим правильным революционным руководством создающей и укрепляющей связь с классом в целом.

14. Стратегия коммунистической партии. Завоевание большинства рабочего класса, профсоюзов, рабочей молодежи, работниц, кооперативов и т. д.

15. Тактические принципы общего характера: обоснование переходных лозунгов и частичных требований так же, как и тактики единого фронта.

16. Признаки революционной ситуации и тактика партии.

17. Разные типы стран и различного рода применение коммунистических принципов.

В основу деления на типы, главным образом, положено следующее: характер предстоящих отдельным странам революций и место, занимаемое той или иной страной в империалистической системе — экономической и политической.

Этот заключительный раздел должен служить непосредственным переходом к программам отдельных секций.

VI. Дискуссия.

В обсуждении проекта должны участвовать не только верхи партийных работников отдельных секций, но и низы организаций. Резолюция V конгресса не ставит рамок программной дискуссии. Дело назначенной Исполкомом программной комиссии и ЦК различных партий — позаботиться о том, чтобы программная дискуссия действительно захватила глубины партий и послужила бы толчком к распространению и углублению теоретической подготовки партии.

А. Панкратова.

Борьба за единство мирового профдвижения.

„Завоевание членов Профсоюзов идеями коммунизма идет везде и неудержимо вперед во всех странах,—идет оно неправильно и неравномерно, преодолевая тысячи препятствий,— но оно неудержимо идет вперед".

Из письма т. Ленина I Конгрессу Профинтерна.

Международная кампания борьбы за единство профдвижения.

Проблема единства профдвижения теоретически и практически была поставлена Профинтерном и Коминтерном уже со времени первых конгрессов.

Но никогда вопрос практического проведения этого единства не стоял так остро и так настойчиво, как сейчас. Перед лицом продолжающего наступление на рабочий класс мирового капитала и перед опасностью назревающего раскола рабочего движения, провоцируемого профсоюзной реформистской бюрократией, вопрос о единстве—не на словах, а на деле—был поставлен в порядок дня международных рабочих организаций самими пролетарскими массами.

Вот почему не только июльские заседания недавно закрывшихся международных конгрессов Коминтерна и Профинтерна прошли под знаменем борьбы за единство профдвижения, но и Венский конгресс Амстердамского Интернационала профсоюзов, происходивший в июне с. г., прикрыл свою раскольническую позицию лозунгами единства.

В настоящий момент во всем капиталистическом мире развертывается широкая кампания борьбы за единство мирового профдвижения.

Воссоединение разорванных частей профдвижения, сплочение широких пролетарских масс,—как исключенных или ушедших из союзов, так и неорганизованных вовсе,—в мощные, революционные, готовые к боям с централизованной силой капитала, профсоюзы, собирание последних вокруг единого международного центра—Об'единенного Интернационала Профсоюзов, стоящего на позиции классовой борьбы, усиление работы революционных меньшинств в н у т р и п р о ф с о ю з о в и борьба их против профсо-

южной бюрократии,—такова конкретная программа ведущейся кампании.

Эта кампания имеет единственной целью — завоевание масс для коммунизма.

Весь предшествующий опыт борьбы показал, что без завоевания большинства в рабочем классе, без массовой организации для этой цели—пролетарская революция победить не может.

Завоевание профсоюзов—не их аппарата, а об'единяемых ими миллионных пролетарских масс—путем энергичной борьбы за единство профдвижения—в настоящее время является ударной задачей коммунистических партий во всем мире.

Проблема единства и ленинизм.

«Профсоюзы,—писал тов. Ленин,—были гигантским прогрессом рабочего класса в начале развития капитализма, как переход от распыленности и беспомощности рабочих к начаткам классового об'единения». («Детская болезнь левизны», гл. VI).

Дальнейшее развитие пролетариата,—учил тов. Ленин,—возможно только тогда, когда партия научится воспитывать профсоюзы, руководить ими, не забывая, что профсоюзы долго еще будут «школой коммунизма». «Иначе, как через профсоюзы, через взаимодействие их с партией рабочего класса, нигде в мире развитие пролетариата не шло и итти не могло». (Там же).

Такая оценка роли профсоюзов определяла и тактику большевизма в вопросе о профсоюзах. Большевизм всегда считал профсоюзы центрами внутри, вокруг которых группируются широкие пролетарские массы, и поэтому тактика раскола профдвижения ни при каких обстоятельствах не была в арсенале оружия большевизма. Наоборот, ленинизм в профессиональном движении прежде всего обозначал борьбу против раскола,—борьбу за единство в профдвижении. Борьба с меньшевиками, руководившими русскими профсоюзами до Октябрьской революции и даже некоторое время после революции, велась исключительно внутри союзов, на почве повседневной борьбы, путем постепенного отрывания одной части пролетариата за другой—из-под влияния меньшевизма. Борьба за единство профсоюзов была органическим свойством «профессиональных раскольников»—большевиков. А отсюда и непременное требование ленинизма—«работать там, где есть масса».

«Надо уметь приносить всякие жертвы, преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых что ни на есть реакционных, где только есть пролетарская и полупролетарская масса»,—писал тов. Ленин, беспощадно критикуя позицию «левых» коммунистов Германии, призывавших к выходу из профсоюзов.

«Непростительной глупостью, которая равносильна наибольшей услуге, оказываемой коммунистами буржуазии», считал тов. Ленин выход из общих профсоюзов и создание новых «выдуманных форм рабочей организации». «Не работать внутри реакционных профсоюзов—это значит, оставить недостаточно развитые или отсталые рабочие массы под влиянием реакционных вождей, аген-

тов буржуазии, рабочих аристократов или «обуржуазившихся рабочих», писал в той же брошюре тов. Ленин (гл. VI «Следует ли революционерам работать в реакционных профсоюзах»).

Именно это принципиальное положение ленинизма в вопросе о профсоюзах и определило позицию Коминтерна и Профинтерна, с самого их основания и до сих пор, в вопросе об единстве профдвижения.

Реформизм и коммунизм в вопросе об едином пролетарском фронте.

Реформистская социал-демократия в своей борьбе все еще исходит из предположения, что капитализм крепок и нерушим, что социальная революция—вопрос далекого будущего, что внутри капиталистического общества и государства рабочий класс может и должен, путем частичных реформ, завоевать себе известное политическое влияние и место.

Не замечая или не считаясь с тем, что эта старая, еще со времен Лассаля проводимая, тактика организации масс вокруг частичных требований, уже не отвечает ни степени развития капитализма, ни изменившейся политической мировой ситуации, ни возросшей политической и экономической роли пролетариата, реформизм все дальше уходит от конечной цели борьбы—за социализм—и все ближе смыкается с буржуазией в ее требованиях и целях.

Катясь по наклонной плоскости соглашения и единства—в целях и действиях—с буржуазией, реформистская социал-демократия правым своим крылом срастается с последней, фашизируется вместе с ней и все дальше уходит от единого пролетарского фронта на линию единого фронта с буржуазией.

Коммунистическая партия также не отказывается от борьбы за отдельные требования и реформы, касающиеся повседневных нужд пролетарских масс. Но она не выдвигает их, в качестве основных и конечных. Наоборот, она стремится, во имя этих насущных нужд пролетариата, оказать возможно большее давление на капиталистическое государство, перейти в непосредственную борьбу против буржуазии, и частичные, отдельные требования и реформы превратить или связать с революционными лозунгами и требованиями, сделать их первыми шагами по пути завоевания пролетариатом власти.

В этой своей позиции компартия исходит из совершенно иной оценки эпохи, нежели реформисты. Мы,—говорит она,—вступили в эпоху социальной революции, острого кризиса и быстрого разложения капитализма. Пролетариат—уже во имя самосохранения—не может и не должен ограничиться каким-нибудь одним или совокупностью частичных требований. Он вынужден наступать,—даже обороняясь,—по всему фронту борьбы с капиталом. Положение требует использовывать все нужды пролетариата, в целях пролетарского массового выступления. Единство рабочего класса, его солидарность и сплоченность, тактика совместного нажима на капитализм—вот единственно-правильный и возможный путь пролетарской борьбы в настоящий момент.

На этом пути предстоит ряд побед и поражений, сменяемых короткими промежутками перемирия. Каждую из этих стадий

борьбы необходимо использовать для дальнейшего укрепления своих боевых позиций, прежде всего, увеличением борющихся кадров, привлечением к борьбе, путем агитации, пропаганды или частичных выступлений за повседневные нужды пролетариата, все новых и новых масс.

Когда капитал в 1920—21 году развернул свое наступление против пролетариата, а рабочий класс еще не был—в своем большинстве—готов к борьбе за диктатуру пролетариата, коммунисты, исходя именно из этой принципиальной оценки положения, сразу правильно нащупали тактику дальнейшей борьбы—тактику единого пролетарского фронта.

Эта тактика, несмотря на отдельные ошибки, при ее проведении в той или иной стране, верна и поныне, ибо наступление капитала все еще продолжается, а пролетариат все еще не в состоянии перейти в широкое контр-наступление.

Тактика единого фронта в профдвижении—разновидность этой старой, в классовых боях испытанной, тактики, имеющей целью—от борьбы с реформистами внутри массовых организаций перейти, опираясь на отвоеванные у них массы, к последнему бою—и против капитализма, и против реформизма.

Мировой экономический кризис и наступление капитала.

Мнимо-благоприятная кон'юнктура в 1918—19 г. заставляла мировой капитал итти на некоторые уступки рабочему классу, проявлявшему в этот период ликвидации войны особенно боевую активность.

Рабочие Германии, Англии, Америки добились в эти годы такого повышения заработной платы, какого не могли добиться даже во время войны. Повсеместно был введен 8-часовой рабочий день для большинства рабочих—именно в 1919 г. В Англии и Германии, под нажимом масс, реформисты выступили с проектами национализации некоторых отраслей промышленности. Стачечная волна во всех странах значительно повысилась, результатом чего было всеобщее улучшение положения рабочего класса, ибо капитализм держался оборонительной тактики и шел на уступки. Но уже 1920 год—год неудачной для нас войны с Польшей и поражения итальянских и германских рабочих—знаменует перелом в международном рабочем движении.

Результаты войны и экономические последствия Версальского мира сказались в обострении мирового экономического кризиса. Сильная безработица, явившаяся в результате кризиса, сломила сопротивление и приостановила дальнейшее наступление рабочих. Боевая активность пролетариата, а вместе с нею и общий жизненный уровень его пошли на резкое понижение.

В 1918 г. в Англии бастовало 1.000.000 раб. с общей продолжительностью 6.730.000 дней. В 1919 г. число бастовавших увеличилось до 2.500.000 раб. в течение 34.000.000 дней. В 1920 г. число бастовавших уменьшилось до 2.000.000 чел. в течение 27.000.000 дней, а в 1921 г. бастовало всего 118.000 рабочих.

Приблизительно в таком же соотношении уменьшилась сопротивляемость рабочих и в других странах.

В 1922—23 г. мировой экономический кризис углубился. Возможности восстановления капиталистического хозяйства,

вследствие общего разрушения производительных сил, из-за изнашивания орудий производства, общего сокращения производства, в сравнении с довоенными и т. п., стали еще меньше. На шестом году после окончания войны общая сумма европейского производства понизилась до 70% своей довоенной величины. Покупательная способность европейских рынков, вследствие сильного понижения жизненного уровня масс, также значительно сузилась.

С другой стороны, борьба за постепенное экономическое и политическое освобождение колониальных и полуколониальных стран сократила возможность вывоза продуктов европейского производства на внеевропейские рынки.

В 1923—24 г. мировой экономический кризис принимает несколько своеобразный и даже скрытый характер. Он углубляется в одних странах (Германия) и как будто смягчается в других (Франция, Англия). Рурская оккупация, ценой дезорганизации хозяйственных основ средней Европы, дает видимость некоторого экономического оживления в странах-победительницах. Но послеверсальская Европа в хозяйственном отношении остается все также разорванной на части, с неизжитыми противоречиями, вызывающими глубокий экономический кризис. Проявлением последнего явились финансовая катастрофа в Германии и общий финансовый хаос в Европе. Такое экономическое положение Европы заставило капитал искать путей и способов спасения в усиленном наступлении на рабочий класс, с целью не только отнять завоевания предшествующих лет, но и в дальнейшем понизить до крайности его жизненный уровень.

Наступление капитала на 8-часовой рабочий день и на заработную плату дало следующие результаты.

Возьмем для примера Англию, как страну, наиболее устойчивую, ибо положение в других странах и, особенно, в Германии, было еще катастрофичнее.

В 1919 г. сокращения рабочего дня в Англии добились 6.000.000 рабочих, в общем, 6 недельных часов; в 1920 г.—полмиллиона рабочих на 3½ часа в неделю. В течение 1921—23 г.г. работали ежедневно 8 час. только процентов 60 рабочих. В 1923 г. шахтовладельцы пытались удлинить рабочий день углекопов, но встретили со стороны рабочих дружный отпор.

Еще хуже с оплатой труда. В 1920 г. повышение зар. платы приостановилось, а с 1921 по 1924 г. идет систематическое понижение.

В 1921 году оно коснулось 7.200.000 рабочих на сумму 300 милл. фунтов стерлингов.

В 1922 г. понижение зарплаты для 7.600.000 рабочих выразилось в сумме 220 миллионов фунтов.

В 1923 г.—3.000.000 рабочих на сумму 25.000.000 фунт.

И только в 1924 г. общая сумма месячной зарплаты повысилась для миллиона рабочих на 35.000 ф. ст., а для 480.000 раб. снизилась на 100.000 ф. ст.

Профинтерн и Амстердамский Интернационал перед лицом наступающего капитала.

Капитал развернул, таким образом, наступление по всему фронту. В ряде стран 8-часовой рабочий день был не только отме-

нен на практике, но и узаконен соответствующими постановлениями. При помощи реформистов рабочий класс, хотя и сопротивляясь, все же должен был уступить в вопросе о 8-часовом рабочем дне.

Наступление капитала облегчилось той огромной безработицей, какая, в результате кризиса, наступила во всех странах. Несмотря на некоторое оживление промышленности, даже в настоящее время в Англии зарегистрировано (к 1 мая 1924 г.) на бирже труда 1.040.000 безработных и не менее полмиллиона безработных на бирже труда в это время зарегистрировано не было.

В 1924 г. безработица (по официальным данным) уменьшилась на 9% против 14%, в декабре 1922 г. Но в отдельных производствах—причем среди рабочих основных отраслей промышленности—процент безработных значительно выше: среди текстильщиков—11,9%, среди металлистов—15,8% и среди транспортников—20,6% (данные к 25 февраля с. г.).

Армия безработных во всей Европе превышает в настоящее время 8—9 милл. человек, а вместе с семьями число доведенного до нищеты рабочего населения Европы достигает 18—20 милл. человек. Но буржуазия не только стремится отнять у пролетариата его экономические завоевания после войны, но и приспособить целям наступления на рабочий класс весь аппарат государственной власти. В помощь наступающему капиталу выступил целый ряд специально-созданных штрейкбрехерских организаций («Техническая помощь» в Германии, «Союз гражданских лиг» во Франции, «Союз общей взаимопомощи» в Польше, «Ку-Клукс Клан» в Америке и т. п.). Но, пожалуй, самую надежную помощь, в качестве штрейкбрехеров, оказывают капиталу реформистские профсоюзные вожди, срывая, с помощью находящихся в их руках профсоюзов, всякое крупное боевое выступление пролетариата (стачки докеров и жел.-дор. Англии, горнорабочих Франции, металлистов Германии и т. п.). Наступление капитала не встречает никакого сопротивления со стороны реформистских союзов. Наоборот, профсоюзные вожди заключают с капиталом тесный союз, подчиняя интересы рабочих масс интересам «восстановления хозяйственного организма» капиталистических государств.

Таким образом, концентрированным силам наступающего капитала повсюду противопоставляется разрозненное и распыленное сопротивление рабочих. Революционная оппозиция и примыкающие к Профинтерну союзы, правда, всегда становятся во главе стихийной борьбы рабочих масс, но им одним слишком трудно вести неравные бои с капиталом.

И все же борьба с наступлением капитала постепенно захватывает все более широкие рабочие массы, организующие ряд самостоятельных стачечных выступлений без согласия профсоюзов (так называемые «дикие стачки, наприм., стачка в Саутгемптоне в Англии, Людвигсгафенская стачка в Германии и ряд других).

Профинтерн, равно, как и примыкающие к нему отдельные профорганизации, учитывая вредные последствия этой разрозненной, разбивающей силы пролетариата, борьбы, неоднократно обращались к Амстердамскому Интернационалу с предложением о создании единого фронта борьбы с наступающим капиталом.

Этой борьбой за единый фронт против наступления капитала

и за единство профдвижения заполнена вся история существования Красного Интернационала Профсоюзов.

Коминтерн и его роль в борьбе за единство профдвижения.

Общая тактика революционных профсоюзов была ясно намечена еще резолюцией II конгресса Коминтерна (июль—август 1920 года). II конгресс разоблачил предательскую, реформистскую сущность только что созданного Амстердамского Интернационала Профсоюзов и об'явил его желтым об'единением Международного Бюро Труда при Лиге Наций. Но одновременно конгресс указал на безусловную необходимость работы в профсоюзах и на опасность добровольного устранения из профсоюзов или создания искусственных проф. об'единений.

Третий конгресс Коминтерна (июнь—июль 1921 г.), устами тов. Зиновьева, дал блестящую характеристику сущности и роли Амстердама, а также значения и условий борьбы с ним.

Борьба с Амстердамом—не простая фракционная борьба внутри профессионального движения. Это—классовая борьба. И она тем сложнее и запутаннее, что происходит на почве профессионального движения.

— Но,—говорит тов. Зиновьев,—если мы в этой борьбе победим, если мы разрушим этот последний бастион мировой буржуазии, то девять десятых наших трудностей будут преодолены. Амстердам — это новый продукт переходного послевоенного периода. Это—узловой пункт мировой реакции. И для нас нет более важной практической задачи во всем пролетарском движении, чем обнаружение подлинного лица Амстердама.

Каким же образом?

Третий конгресс дал определенный ответ: путем завоевания профсоюзов, путем участия во всей будничной и мелкой работе пролетариата, путем неустанной пропаганды идей коммунизма и систематической упорной подготовкой рабочих масс к предстоящим боям.

Лозунг III конгресса—«в массы»—остался целиком и для периода между III и IV конгрессами (12 июля 1921 г.—5 ноября 1922 года), когда капитал предпринимал общее, систематическое наступление против рабочего класса.

Успешное наступление капитала, проигранные стачки, длительная безработица и нужда, отсутствие помощи и поддержки со стороны профсоюзов, раздробленность сил пролетариата,—все это вызывало, с одной стороны, разочарование и уход широких масс из профсоюзов, с другой—рост революционной оппозиции среди оставшихся в союзах.

Численность экономических организаций пролетариата понизилась: профсоюзы, насчитывающие в 1920 г. около 25 милл., в 1922 г. имели не более 18 милл. а в настоящее время—не более 14 милл. членов.

С другой стороны, амстердамцы перешли к тактике организации расколов в профсоюзах, по мере того, как усиливалось внутри их революционное меньшинство и оппозиция официальной линии. Во Франции, Чехо-Словакии, Италии, а в последний год особенно в Германии, амстердамцы стали исключать не только от-

дельных членов профсоюзов—сторонников коммунизма, но и целые профсоюзы и даже их местные об'единения.

Рабочему классу угрожала серьезная опасность полного распыления и обессиления. И Коминтерн на мартовском пленуме 1922 г. должен был констатировать: «Амстердам оказался сильнее, чем мы думали, ибо буржуазия оказалась сильней. Но из этого только следует, что мы должны с еще большей энергией работать в профсоюзах». Пленум высказался за продолжение прежней линии в профдвижении: борьба против расколов, за единство профдвижения и завоевание профсоюзов изнутри.

Четвертый конгресс Коминтерна еще раз подчеркнул лозунг единства профсоюзов, особенно потому, что амстердамцы подготовляли раскол.

И, наконец, пятый—только что закончившийся—конгресс поставил вопрос о борьбе за единство в качестве актуальнейшей задачи ближайшего времени.

Профинтерн в борьбе за единый фронт и за единство профдвижения.

Если конгрессы Коминтерна определяли общую принципиальную позицию в вопросе о профсоюзах, то конгрессы Профинтерна давали уже практические, конкретные лозунги и директивы. Такой практической директивой была резолюция II конгресса Профинтерна, определявшая те элементарные задачи единого фронта, которые должны быть выполнены для борьбы с наступавшим капиталом.

Борьба против понижения зарплаты, за 8-ми часовой рабочий день, за охрану труда и социальное страхование, за права фабзавкомов, борьба против безработицы и штрейкбрехерских организаций,—вот программа конкретных требований пролетариата, которая должна была об'единить самые широкие рабочие массы.

II конгресс с полной определенностью высказался против раскола и за единый фронт: «Всякий раскол рабочих—говорит резолюция—это победа для капиталистов. Для того, чтобы нынешнюю оборонительную борьбу превратить в наступательную, необходимо прежде всего создать единый фронт».

Ответственность за раскол целиком и полностью должна нести профсоюзная бюрократия. Профинтерн и Коминтерн всегда первые брали на себя инициативу борьбы за единство профдвижения и неоднократно обращались к реформистам с предложениями единого фронта. Первой такой значительной попыткой осуществления единого фронта была берлинская конференция Исполкомов трех Интернационалов (2—5 апреля 1922 г.), избравшая—недолго после того просуществовавший — 9 членный Организационный Комитет, в числе задач которого была задача «неофициального об'яснения с Амстердамским Интернационалом Профсоюзов и с Красным Профинтерном, с целью изучения вопроса о восстановлении единого фронта профессиональных союзов в национальном и международном масштабе».

Ни конференция, ни избранная ею «комиссия девяти» ничего, однако, не сделали реального в этом направлении.

Вскоре после II конгресса Профинтерна, по почину уже Амстердамского Интернационала профсоюзов, был создан так называемый «Международный Конгресс Мира» в Гааге (10—15 декабря 1922 года). Профинтерн не получил приглашения, но ВЦСПС включил в свою делегацию членов Профинтерна. Русская делегация предложила конгрессу резолюцию о создании единого фронта; первый пункт резолюции выдвигал требование создания международного комитета из 3 политических и 2 профсоюзных интернационалов для об'единения всей борьбы пролетариата. Резолюция требовала также выработки мероприятий против дальнейшего раскола профсоюзов. Но предложение русской делегации об установлении единства профдвижения осталось без ответа, а резолюция была отклонена. Реформисты еще раз предпочли создать единый фронт с буржуазией и буржуазными пацифистами, чем с революционными рабочими.

Следующим этапом на пути к единому пролетарскому фронту была международная конференция коммунистических партий и революционных профессиональных организаций, собравшаяся в Эссене 6—7 января 1923 г. Конференция—перед опасностью рурской борьбы и нового наступления империализма на рабочий класс — конкретно поставила вопрос о создании единого пролетарского фронта и о методах борьбы с империалистической опасностью.

Вскоре после Эссенской конференции Коминтерн и Профинтерн,—уже поставленные перед фактом Рурской оккупации, — выступили с новым обращением ко II и к Амстердамскому Интернационалам, предлагая им единый фронт.

Но как призыв Эссенской конференции, так и это обращение 15 января 1923 г. остались без каких-либо практических последствий.

Между тем, угроза войны продолжала волновать рабочий класс. Необходимость найти такую платформу, на которой можно было бы об'единить пролетариат всех стран и сорганизовать его вокруг единого фронта борьбы против империализма, заставляла требовать установления единого фронта самые широкие массы.

Инициативой, шедшей из низов, — фабзавкомами из Рейнско-Вестфальской области—была созвана международная конференция всех рабочих организаций Европы, без различия политических направлений, состоявшаяся во Франкфурте (17—20 марта 1923 года).

Верхушки реформистских политических и профессиональных организаций бойкотировали франкфуртскую конференцию и даже повели против нее борьбу, призывая рабочих не принимать в ней участия. И все же тяга к единству в рабочем классе была так велика, что, вопреки решению своих вождей, на конференции присутствовали даже социал-демократические рабочие. Всего участвовало в работах конференции 50 делегатов-представителей революционных организаций всей Европы. Конференция постановила послать делегацию к Амстердамскому Интернационалу для создания, совместно с ним, единого фронта борьбы против Версальского договора, оккупации Рура и против наступающего капитала. Но, как и раньше, Амстердам отклонил это предложение. И все же Франкфуртская конференция—помимо и против воли Амстердама—внесла в ряды реформистских рабочих революцион-

ные идеи и выработала такие резолюции, которые сделали возможным привлечение к революционным лозунгам и тактике Профинтерна новых слоев рабочего класса, до сих пор находившихся под безраздельным влиянием реформизма.

Профинтерн продолжал мобилизовать массы вокруг лозунгов единства, определив на III сессии Центрального Совета Профинтерна (25 июня—2 июля 1923 года) следующим образом задачи революционных рабочих в борьбе за единый фронт и единство профдвижения:

«Совместные действия рабочих всех направлений являются предпосылкой успешной экономической борьбы и противодействия наступающему капиталу. Единый фронт—есть шаг к восстановлению единого национального и международного профдвижения. Это нужно сделать ясным каждому пролетарию. Центральной задачей в этой области является организационное построение единого фронта».

Органы борьбы за единство—международные комитеты пропаганды и фабзавкомы.

Каким образом—какими органами — осуществлял Профинтерн до сих пор эту свою центральную задачу — организационное построение единства?

Такими органами, в первую очередь, являлись международные комитеты пропаганды, а в некоторых странах, как в Германии,—определенное время и в определенных условиях, — фабзавкомы и близкие к ним—комитеты действия, контрольные комиссии, красные пролетарские сотни и т. п. массовые организации.

Задачи международных комитетов пропаганды резолюция III сессии Профинтерна определила таким образом:

«Основной задачей революционных союзов и созданных ими международных комитетов пропаганды является дальнейшее усиление пропаганды за единство и революционизирование существующих производственных интернационалов. Они должны решительно бороться против раскалывания профдвижения и исключения революционных элементов».

Осуществляя свои задачи, определенные таким образом Профинтерном, международные комитеты пропаганды ведут серьезную борьбу за об'единение всех рабочих данного производства в едином производственном Интернационале. Однако, это об'единение встречает самое серьезное противодействие со стороны Амстердама. Резолюция, принятая Амстердамом 8 ноября 1923 г., категорически воспрещает в какой-либо форме примыкать к какому-нибудь другому Интернационалу или входить в национальный профсоюзный центр, занимающий враждебную позицию к Амстердаму. Такого рода резолюция должна быть понята, как отказ Амстердама от единства профдвижения, поскольку запрещается об'единять в одном Интернационале разрозненные части профдвижения.

Добиться об'единения удалось пока только МКП пищевиков. В октябре 1923 г. в Интернационал пищевиков был принят русский союз пищевиков, а МКП, как выполнивший свою задачу, был распущен.

Большей или меньшей степени соглашения и единства добились также международные комитеты пропаганды металлистов, коммунальников, просвещенцев и транспортников. Особенно интересна борьба за создание единого фронта у транспортников.

В международном об'единении транспортников положение происходило очень быстро и сказалось не только на рабочих массах, но и на вождях. Благодаря этому, удалось, по инициативе русских транспортников, созвать в Берлине 23—24 мая 1924 г. международную конференцию транспортников, принявшую следующее знаменитое постановление об единстве:

«Признать необходимым восстановление единства профдвижения и обратиться с призывом ко всем национальным и международным профорганизациям последовать примеру транспортников и приступить к единству действий».

Но Бюро Амстердамского Интернационала открыло немедленную кампанию против этих решений, заявив, что «как созыв конференции, так и обнародование временного манифеста произошли без ведома Бюро, и потому последнее слагает с себя всякую ответственность за них».

Фабзавкомам также пришлось сыграть — особенно в Германии, где движение фабзавкомов приняло в 1922—23 г. широкий массовый характер, — немалую роль в проведении единого пролетарского фронта. С помощью фабзавкомов германский пролетариат создавал и другие органы единства — комитеты действия контрольные комиссии, пролетарские сотни и т. п., но деятельность всех этих организаций закончилась вместе с концом революционного движения в ноябре 1923 года.

Фабзавкомы, являясь органами пролетарской революции по преимуществу, вели ожесточенную борьбу с реформистской профсоюзной бюрократией. У части революционных рабочих даже являлась тенденция немедленно сделать фабзавкомы единственной формой экономического движения пролетариата, заменив ими реформистские профсоюзы. Эта вредная тенденция, вытекающая из неправильной оценки роли как профсоюзов, так и фабзавкомов, была, однако, вскоре ликвидирована.

Амстердамский Интернационал—организатор раскола рабочего движения.

Как относился Амстердамский Интернационал к неоднократным предложениям Профинтерна восстановить единство в профдвижении мы уже видели.

Амстердам, прикрываясь лозунгами и декларациями единства, обвиняя на всех перекрестках «московских раскольников» в нежелании этого единства,—на самом деле проводил глубочайшую раскольническую работу, результаты которой не замедлили сказаться в ряде стран, где профдвижение оказалось фактически расколотым, как это случилось во Франции и Чехо-Словакии. Уже при первых симптомах раскола во французском профдвижении Профинтерн предложил Амстердаму совместно вмешаться и предотвратить раскол Всеобщей Конфедерации Труда во Франции. Но Амстердам, выразив свое удовлетворение по поводу раскола, явившегося будто-бы результатом деятельности Коминтерна и Профинтерна, предложил отложить Конгресс Единства. Французские

амстердамцы хорошо подготовили раскол, сделав его неизбежным: они исключили из Конфедерации Труда большинство железнодорожников, исключили 20.000 стачечников Туркуэна, выбросили из федерации служащих, из федерации медицинских работников и других—ряд революционных местных союзов и т. п.

В Швейцарии также амстердамцами был исключен—единственно по причине своей революционности — ряд местных отделений профсоюза металлистов.

В Чехо-Словакии за революционность же было исключено 20.000 текстильщиков, а также исключены союзы деревообделочников и химиков—всего более 100.000 человек.

В Германии в течение 1922—23 г. прошла такая волна исключений из профсоюзов — в одиночку и целыми союзами — какой не было до того еще ни в одной стране. К Германии нам еще придется вернуться.

В Норвегии, где большинство рабочих 75% за Профинтерн—реформистское меньшинство угрожает немедленным расколом, в случае присоединения большинства к Профинтерну.

Такая же тактика роспуска целых союзов (в Варшаве, Лодзи), исключения отдельных членов, арестов коммунистических руководителей профсоюза и т. п. отличает и польских амстердамцев.

А наряду с репрессиями против революционных национальных союзов, Амстердам продолжает упорную борьбу против всяких революционных тенденций в международных федерациях по производству. Русские союзы не только не включаются в состав международных производственных интернационалов, но и — как правило,—не допускаются на их международные с'езды. И все-же Профинтерн и все его организации не только не отказывались, но усиливали свою борьбу против раскольнической политики Амстердама и за единство профдвижения. Идя на известные уступки и временные отступления от своих прав, ради сохранения единства в профдвижении, Профинтерн предлагал своим сторонникам оставаться в профсоюзах до последней возможности, а в случае исключения, продолжать борьбу за новое включение в состав обоих союзов.

Силы Профинтерна и Амстердам.

Исходит ли эта борьба за единство из слабости Профинтерна, как об этом любят кричать амстердамцы?

Отнюдь нет, ибо не только по своему удельному весу, но и по численности Профинтерн не представляет такой уж незначительной силы.

В отчете Венскому конгрессу (июнь 1924 г.) Амстердамский Интернационал насчитывает в рядах своих 22 организаций (из них 19 в Европе, 3—вне Европы: Палестина, Канада и Южная Африка) с общим числом членов в 16.528.072.

Еще недавно Амстердам утверждал, что насчитывает не менее 24 миллионов членов.

Но действительные цифры даже меньше указанных в отчете 16½ миллионов, ибо отчет считает, например, в АДДВ (германское об'единение профсоюзов) — 7.200.000, тогда как оно имеет сейчас не более 5.000.000 членов; в реформистской конференции Труда Франции насчитывает 750.000 членов, а в ней не более — 250.000, в Италии показывает 212.000, а на самом деле там не более 110.000 и т. п.

Так что с необходимыми поправками за Амстердамом во всем мире идет сейчас 10.000.000 рабочих [1]).

Что же представляет из себя численная сила Профинтерна?

Профинтерн об'единяет целые организации, отдельные союзы, меньшинства и группы 29 стран, при чем его организации находятся не только в Европе, но и решительно во всех частях света.

Но своих сторонников Профинтерн имеет и внутри реформистских союзов, которых численно учесть трудно и влияние которых сказывается обычно во всяких кампаниях и выборах. Во всяком случае, не менее ⅓ тех, кого Амстердам считает своими, фактически идут за Профинтерном.

Все организации, примыкающие к Профинтерну, могут быть разбиты на следующие группы:

1) Страны, общепрофессиональные центры которых целиком примыкают к Профинтерну:

СССР—(5.200.000), Австралия (400.000), Египет (50.000), Эстония (25.000), Персия (20.000), Ява (27.000), Чили (150.000).

2) Страны, где рядом с реформистскими существуют и параллельные революционные организации:

Франция (450.000), Чехо-Словакия (230.000), Голландия — (15.000), Латвия (15.000), Бельгия (15.000), Бразилия (40.000), Япония (неизвестно), Германия (Унион и независимые союзы 200.000), Греция (20.000).

3) Страны, где имеется серьезная оппозиция *внутри реформистских союзов*:

Германия (2.500.000), Польша (50%), Соединенные Штаты—(2.000.000), Италия (50%), Норвегия (50.000), Швеция (40.000), Австрия (100.000), Дания (10.000).

4) Страны, которые политически с нами, но по полицейским условиям не могут присоединиться к Профинтерну.

Финляндия (48.000), Юго-Славия, Румыния, Болгария, Италия, Испания.

5) Страны с национальными профсоюзами, внутри которых мы имеем своих сторонников:

Индия, Ирландия, Китай, Корея, Турция.

Каковы выводы?

Соотношение сил не дает права Амстердаму особенно гордиться: в Германии наши силы почти равны, во Франции мы имеем большинство, больше 60%, в Италии — 50%, в России — 100%, в Англии—от 20—25% и т. п.

Правда, *формально*, численно Профинтерн еще меньше Амстердама, но *фактически* наши силы более значительны, ибо всюду, где есть малейшая возможность, сторонники Профинтерна остаются *внутри* реформистских союзов.

---

[1]) Все цифровые данные взяты нами из отчетов Профинтерна, в частности, из последнего отчета Исполбюро III конгрессу Профинтерна, состоящемуся в июле 1924 года.

Как должно быть осуществлено единство?

Итак, основной вывод:

Кампания, начатая Коминтерном и Профинтерном, не есть признак или результат нашей слабости, а трезвый, революционный учет мировой обстановки, диктующей в интересах ускорения революционной борьбы во всем мире — нового обходного пути, новой атаки на капитал и на реформизм, его поддерживающий.

Каким образом оно может быть осуществлено?

Конгрессы Коминтерна и Профинтерна в принятых ими июльских резолюциях совершенно точно и ясно определили этот путь и способы осуществления единства.

Резолюция о единстве профдвижения гласит: «Эта кампания за единство в первую голову, и главным образом снизу, развиваемая в широких массах, должна поставить перед ними во весь рост и с полной отчетливостью—вопрос о создании единого Интернационала профсоюзов».

Одним из шагов в этом направлении должен явиться созыв «Об'единительного Интернационального Конгресса профсоюзов», на котором должны быть представлены организации, примыкающие к обоим Интернационалам (Москва и Амстердам), на основе пропорционального представительства, для выработки общего устава и создания исполнительных органов нового об'единенного Интернационала. Для этого Конгресс постановил действовать в двух направлениях: снизу—путем проведения широкой кампании за единство в рабочих массах, которые должны сами оказать соответствующее давление на свои профорганизации, и сверху—путем непосредственных переговоров с Амстердамом и с британскими тред-юнионами, представители которых, составляя левое крыло Амстердама, выступают внутри Амстердамского Интернационала, как сторонники единства профдвижения.

С другой стороны, Конгресс дал и всем отдельным профорганизациям, входящим в Профинтерн, право и возможность, не упуская ни одного благоприятного случая, входить в непосредственные переговоры с Амстердамом или с отдельными его частями по вопросу об установлении единого фронта.

Кроме того, Конгресс Профинтерна создал Комиссию мирового единства профдвижения из 17 представителей разных стран, —эта комиссия, под руководством Исполбюро Профинтерна, должна провести практическую работу по восстановлению единства профдвижения.

Резолюция Профинтерна, равно как и принципиальное решение Конгресса Коминтерна по вопросу об единстве профдвижения, вызвали целый ряд возражений, главным образом со стороны некоторых представителей германской делегации.

Но об оппозиции по этому кардинальнейшему вопросу (Германия), а также о точках зрения ей противоположных (Англия, Франция и Россия), мы поговорим в следующей статье, которая конкретно рассмотрит проблему борьбы за единство профдвижения в отдельных главнейших странах.

В. Кнорин.

Ленинский призыв, его состав и запросы.

1.

Прошло уже полгода с тех пор, как январьский пленум ЦК РКП (б), первый после смерти Ленина, предложил всем организациям начать кампанию по вербовке в партию 100.000 рабочих от станка. Первоначально намеченная ориентировочная цифра — 100.000 — в ходе кампании была значительно превзойдена и, по данным статотдела ЦК РКП (б), к концу кампании оказалось принятыми в партию кандидатами всего 179.653 товарища. Если до ленинского призыва общее количество членов и кандидатов нашей партии было 450.000, то новый состав кандидатов, влившихся в партию по ленинскому призыву, составляет 28,3% всей партии. Это настолько высокая цифра новых членов, что в состоянии глубоко изменить внутрипартийную жизнь и повлиять на партийную работу. Чтобы эти изменения и влияния были направлены в сторону укрепления старых ленинских принципов партийной политики, партия должна была в течение первой половины текущего года сосредоточить все свое внимание на политическом воспитании и втягивании в активную работу ленинского призыва. Теперь для первых групп ленинцев уже истекает шестимесячный кандидатский срок. В течение ближайших 3—4 месяцев весь ленинский призыв должен будет перейти из кандидатов в действительные члены партии и сравниться в партийных правах и обязанностях со старым составом партии. Это возлагает величайшую ответственность на старый состав партии, на обязанности которого лежит их политическое воспитание. Необходимо серьезнейшее изучение состава, запросов, нужд и склонностей всей массы ленинцев, от самых отсталых до наиболее передовых, ибо через них мы вплотную подходим к детальному изучению запросов, нужд и склонностей рабочих масс и к углубленной постановке партийной работы в фабрично-заводской ячейке, как это необходимо в теперешних условиях, при все еще продолжающихся экономических затруднениях, с одной стороны, и роста политической активности и общественной самодеятельности, с другой стороны.

Ленинский призыв далеко не равномерно распределяется по всей нашей партии. Из принятых 179.653 товарищей кандидатов-ленинцев больше половины (90.733) падает на 10 крупнейших промышленных центров, а другая половина распределяется по остальным организациям партии. Если во всей партии ленинцы составляют 28.3%, то по этим 10 промышленным районам они

составляют 40%, а по отношению к старому составу партии — 53,2%. Столь же радикально ленинский призыв изменяет соотношение нашей партии со всем рабочим классом. Мы почти повсеместно уже имеем на каждых 10 рабочих одного коммуниста, а по некоторым организациям даже на каждых 5 — одного. Наглядно это показывает следующая таблица:

Название организации.	Число принят. поленинскому призыву.	% ленинцев по отношен. ко всему сост. чл. и канд. партии до приз.	% коммунист. к общему числу всех рабочих.		% коммунист. у станка к общему числу рабочих.	
			До ленинского призыва.	После ленинск. призыва.	До ленинского призыва.	После ленинск. призыва
1. Московск. губ.	23.294	43,4	19,4	27,8	4,3	12,7
2. Ленинград. „	19.866	59,6	32,1	51,2	4,2	23,3
3. Тульская „	6.641	137,5	14,8	35,2	4,3	24,6
4. Донецкая „	18.651	147,7	7 8	19,3	2,6	14,1
5. Ив.-Вознес. „	3.922	78,6	7,7	13,7	3,1	9,2
6. Уральск. обл.	8.113	26,6	28,2	35,7	4,5	12,1
7. Нижегор. губ	3.116	31,6	23,1	30,4	4,4	11,7
8. Брянская „	1.080	30,3	19,3	25,1	3,4	9,3
9. Екатерин. „	2.595	39,0	35,1	48,7	6,2	19,9
10. Харьковск. „	3.455	32,1	42,4	56,0	3,1	16,7
Итого	90.733	53,2	20,0			14,5

По земледельческим губерниям и окраинам вес и значение ленинского призыва в составе партии и, следовательно, и в партийной работе значительно меньше. Так, по 9-ти типичным крестьянским губерниям ленинский призыв составляет только 23,3% общего числа коммунистов до ленинского призыва, по Туркестану — 24,9% (данные неполные), по Дальнему Востоку, тоже по неполным данным, — 22,6%. Но зато и в этих губерниях и областях ленинский призыв производит самый радикальный переворот в отношениях партии к беспартийным рабочим. Так, по Енисейской и Кубано-Черноморской губерниям после ленин-

ского призыва почти половина всех промышленных рабочих оказываются членами или кандидатами партии. Наглядно это показывает следующая таблица:

Название организации.	Число принят. поленинскому призыву.	% ленинцев по отношен. ко всему сост. чл. и канд. партии до приз.	% коммунист. к общему числу всех промышленных рабочих *).		% коммунист. у станка к общему числу рабочих*).	
			До ленинского призыва.	После ленинск. призыва.	До ленинского призыва.	После ленинск. призыва.
1. Воронежск. губ.	917	20,1	74.0	89,1	3,6	18.7
2. Курская „	1109	26,4	39,7	50,3	3,8	14,4
3. Орловская „	490	12,6	93,9	105,7	5,6	17,4
4. Тамбовская „	2.249	44,1	37,6	54,2	6,1	22,7
5. Самарская „	1.262	22,8	102,7	126,1	6,5	29,9
6. Саратовская „	2.539	29,1	75,5	97,5	12,4	34,7
7. Омская „	1.041	14,6	—	—	—	—
8. Куб.-Черн. „	1.521	14,9	1 3,7	142,1	30,3	48,7
9. Енисейская „	1.588	30,6	115,3	150,6	14,4	49.7
Итого	12,716	23	82,2	101,3	11,3	30,4

Однако, наше влияние на рабочую массу определяется не только количественным соотношением членов партии и беспартийных рабочих, но также и ролью и значением находящихся у станка членов партии в производстве, их производственным стажем и социальным составом. Данные (неполные), имеющиеся в нашем распоряжении, показывают, что ленинский призыв состоит в своей массе из наиболее квалифицированной части нашего пролетариата, пожилых, «серьезных» рабочих, имеющих большой вес в беспартийной рабочей массе и являющихся авторитетом в производстве. В сообщениях из ряда организаций отмечается, что процент квалифицированных рабочих достигает 60—80%, что, в среднем, производственный стаж ленинцев не меньше 10-ти лет. Для иллюстрации мы берем Красно-Пресненский район Московской организации, Бакинскую и Одесскую организации.

По Красно-Пресненскому району Московской организации принято всего 6.128 человек, из них рабочих — 5.806, служащих — 159, крестьян — 87 и прочих — 76. Положение рабочих в производстве и их социальные связи показывает следующая таблица:

---

*) Данные о числе рабочих для обоих наших таблиц взяты из сборника Ц.С.У. по состоянию к 1-му января 1923 г.

		Производствен. стаж.					Социальн. происх.				Чис. сохр. связь с деревней.
		До 3 лет.	С 3 до 10 л.	Свыш. 10 л.	Без указ.	Сред стаж.	Деди отец раб	Дед к. отец. раб.	Отец крест	Отец рем.	
Квалифиц.	3793	302	1367	2077	47	13,71	679	1008	1524	26	1119
Полуквалиф.	848	261	308	264	15	8,64	121	233	350	4	210
Неквалифиц.	1165	139	425	500	101	11,42	156	193	685	4	320
Итого	5806	702	2100	2841	162	12,53	956	1434	2559	34	1649

Из этой таблицы мы делаем тот вывод, что хотя ленинский призыв и состоит из наиболее квалифицированной части нашего пролетариата, однако, *наполовину он является пролетарским только в первом поколении. Половина всех ленинцев — сыновья крестьян*, а $^4/_5$ — *внуки крестьян*. Крестьянская кровь течет в их жилах и крестьянские нужды, радости и горести, естественно, близки их сердцу. Больше того, 28% из них еще сохраняют связь с деревней и, следовательно, являются полукрестьянами—полурабочими, иначе сказать, закоптевшими в фабричном дыму крестьянами. Такова картина по лучшему пролетарскому району г. Москвы. Мы уверены, что данные по другим районам и городам эту картину не изменяют. Могут быть только незначительные отклонения в ту или другую сторону.

По Бакинской организации в настоящее время из всех принятых по ленинскому призыву находится у станка — 96,5%, из которых до 1917 г. были рабочими — 6.254 чел. или 87% всего приема, крестьянами — 592 чел. или 8%, служащими — 165 чел. или 2% и прочими — 190 чел. или 3%. Сопоставляя общую цифру находящихся теперь у станка, с цифрой рабочих до 1917 г., мы приходим к выводу, что бакинские ленинцы — это рабочие, находившиеся у станка в течение всей революции, плюс незначительный процент (7,92%) опролетаризировавшихся во время революции крестьян (землепашцев в настоящее время— 0,8%), служащие и прочие в Бакинской организации среди ленинцев никакой роли не играют.

По Одесской организации средний производственный стаж— 10 лет. Процент рабочих-ленинцев, находящихся у станка свыше 20-ти лет, достигает 10—15%. Та активность, которую одесские ленинцы проявили на происходивших производственных совещаниях, говорит, что в партию вошла не только технически наиболее квалифицированная, но и политически наиболее квалифицированная и активная часть рабочих.

Мы взяли Одесскую и Бакинскую организации, которые менее всего связаны с деревней. Они не являются типичными. Гораздо более типична Москва. Но если мы перейдем от нее к менее промышленным и более отсталым городам северной и средней части нашей республики, то получим значительно менее квалифицированный и более связанный с деревней состав ленинцев. Из Вологодской губ. сообщают нам, что ленинцы, в большинстве своем, состоят из чернорабочих, а вологодский чернорабочий,

это — полукрестьянин, еще не порвавший связи с землей и находящийся на отхожих промыслах. Он так себя и считает находящимся временно в отлучке от деревни. Даже в Москве есть ячейки, которые по своим социальным связям делятся на две части: рабочих, уже связавших навсегда свою судьбу с фабрикой, и крестьян, все время оглядывающихся на свою деревню. Наиболее характерна Череповецкая губерния, в которой только по одному предприятию, в котором был значительный прилив ленинцев, отмечается 85% рабочих. На остальных же из всего состава работающих — только 30—40% рабочих, а остальные — крестьяне окрестных деревень, временно работающие по найму (напр., Андокская и Сойволовская бумажно-картонажные фабрики, Белозерский водный транспорт и т. д.).

Приведенные мною данные говорят, что в ленинском призыве мы имеем лучшую часть наших промышленных рабочих, наиболее авторитетных в производстве и целиком отражающих наш рабочий класс, но в то же время тысячью нитями связанных с деревней и с деревенским крестьянским хозяйством. Наш рабочий-ленинец имет два лица: одно обращено к нашей социалистической промышленности, над поднятием которой он работает и которое является его завтрашним днем, а другое обращено к деревне, к отцовскому или дедовскому хозяйству, которое является его вчерашним днем, над которым он уже не работает, от которого он ушел под давлением экономической нужды. На первом месте для него фабрика, вопросы о зарплате, элементарных удобствах рабочего быта, а когда эти его потребности удовлетворены, тогда он задается вопросом о деревенском хозяйстве, о мужицком быте. И если партия недостаточно чувствительна к деревенской неурядице, если он не находит достаточного раз'яснения партийной политики по отношению к крестьянству, он ищет сам выхода и иногда приходит к ложным заключениям.

Партия должна учесть этот двуликий характер русского пролетариата, нашедший полное отражение в ленинцах, а через них — в нашей партии.

II.

Наиболее квалифицированная часть рабочих является одновременно и наиболее культурной во всех отношениях. Но культурный уровень и этой, наиболе культурной, части российских рабочих низок. Нечего и говорить про неквалифицированных рабочих, про крестьянскую и полукрестьянскую прослойку. Партии придется приложить колоссальные усилия, чтобы поднять эту малокультурную, полупролетарскую массу ленинцев до высоты понимания основных задач партии, активного участия в нашей партийной жизни и умения проводить партийную линию в беспартийной рабочей среде. Без элементарной грамотности, без минимальной культурности нет и не может быть активного участия в политической жизни и партийной работе. На вопросах поднятия культурного уровня низовых слоев нашей партии и, прежде всего, рабочих ленинского призыва, в первую голову, должно быть сосредоточено наше внимание.

Что мы имеем на самом деле?

По Московской организации положение с элементарной грамотностью считается удовлетворительным. По Красно-Преснен-

скому району на 6.128 принятых по ленинскому призыву неграмотных всего — 88, из них 42 женщины, т. е. из всего состава неграмотных — 1,1%, а из всех женщин — 4,3%. Как общее правило, культурный уровень ленинцев выше окружающих беспартийных рабочих. В партию, в первую голову, шли те, кто чувствовал себя способным подняться до руководства беспартийной массой, до обще-политических задач. По Сокольническому району, как нам сообщают, только в исключительных случаях (напр., яч. службы пути Сев. ж. д., где 50% только что кончают школу грамоты) ленинцы по своему культурному уровню не стоят выше беспартийных рабочих. Значительно хуже дело в Харькове: по Основянскому району, напр., «до 75% всего состава ленинского набора политически и культурно малоразвиты и малограмотны»; по Ивановскому району «большинство ленинцев малограмотны, общеобразовательная подготовка в об'еме низшей школы или одного—двух лет сельской школы». Еще хуже дело в Бакинской организации, где получивших низшее образование — 51%, самоучек — 7,5%, малограмотных — 25% и неграмотных — 16%. При этом сами бакинцы настолько низко оценивают знания малограмотных, что об'единяют их в одну группу с неграмотными, вследствие чего мы получаем факт, что почти половина бакинских ленинцев не может свободно читать своей партийной газеты и следить за политической жизнью страны. Конечно, Баку исключение. Вследствие большого прилива в Баку тюркских рабочих, общий культурный уровень там понижается. Мы правильно сделаем, если в своей оценке положения будем исходить не из Баку, а из Москвы и Харькова, но и в таком случае перед нами стоит серьезная задача — поднять культурный уровень массы ленинцев, окончательно изжить элементарную неграмотность, которая и в Москве, и в Харькове продолжает существовать в виде малограмотности, покончить с положением, когда в столице находятся ячейки, в которых до 1/3 ленинцев не в состоянии читать свободно газету.

Низкий культурный уровень и малограмотность, отсутствие навыков пользоваться газетой и читать книгу, обыкновенно сопровождаются рядом бытовых явлений, как пьянство, домостроевщина, религиозные пережитки, антисемитские выходки и т. д. Все эти черты культурной отсталости имеют место среди некоторой части ленинцев так же, как они имеют место и среди наиболее отсталой части старого состава партии. Они в сильной степени будут мешать приобщению ленинцев к активной партийной работе и росту их авторитета среди беспартийных. С этими бытовыми явлениями, характерными для отсталых слоев рабочих, мы, однако, должны бороться не мерами дисциплинарного воздействия, а мерами поднятия их культурного уровня. Одной из основных черт коммуниста является не только его личная антирелигиозность, но и активная борьба против пережитков религии на основе материалистического мировоззрения. Но от ленинцев при вступлении в партию мы не требовали и не могли требовать законченного материалистического мировоззрения. Мы все помним многочисленные случаи, когда на собраниях по приему в партию старые рабочие и работницы давали обещание выбросить иконы и покончить с религией. Но антирелигиозность закрепляется только оформлением материалистического мировоззрения. Это

мировоззрение — хотя бы в самых элементарных формах — мы должны дать новому члену партии. Но это процесс длительный. Он может быть ускорен только тем, что, втягивая самых отсталых товарищей в активную политическую работу, мы ускоряем рост их культурности в небывалых размерах и с редкой быстротой изживаем домостроевщину, пьянство, религиозные пережитки, антисемитские выходки и проч. некультурные «шалости», вроде кулачного боя.

Мерилом культурного уровня для нас должна быть не только техническая грамотность и элементарные культурные навыки. Политическая грамотность, умение ориентироваться в окружающей среде и принимать участие в политической жизни страны являются другим, столь же важным мерилом культурного уровня. Только учитывая и элементарную, и политическую грамотность, мы получим правильную оценку культурного уровня ленинцев.

Мерилом политической активности и грамотности могут служить данные об участии в революционной и общественной жизни до вступления в партию, и об участии в гражданской войне. Процент служивших в Красной армии по Красно-Пресненскому району Москвы — 44,6%, по Хамовническому — 51%, по Нижегородской организации — 53%, по Брянской — 40%, по Смоленской — 35%. Следовательно, средний процент участников гражданской войны — 40%. Это говорит, что почти половина всех ленинцев активно переживала годы революции и кое-какой политический опыт приобрела. Если иметь в виду, что среди ленинцев, бывших участников гражданской войны, есть значительная часть крестьян и полукрестьян, то мы можем сделать заключение, что в крестьянской части ленинского призыва черты деревенской ограниченности и мелкособственническая психология гражданской войной в значительной части вытравлены. Поэтому, всякие преждевременные выводы, основанные только на деревенском происхождении и крестьянских связях, нужно считать необоснованными и преждевременными.

При рассмотрении вопроса о политической активности и участии в революционной и общественной жизни до вступления в партию, мы натыкаемся на три достаточно ясно определившиеся группы: 1) группа активных до вступления в партию (члены фабзавкомов, профуполномоченные, члены лавочных комитетов, работники низовой кооперации, клубные рабтники и т. д.), 2) группа политически пробудившихся в связи с общим политическим под'емом прошлого года и в связи со смертью Ленина, 3) группа политически малоразвитых и малоактивных и вошедших в партию по случайным причинам, иногда непартийного и даже шкурнического характера.

Точных данных о численном составе каждой из этих групп в нашем распоряжении нет. Нижегородская организация количество всех проявивших политическую активность до вступления в партию, интересовавшихся партийной работой, посещавших открытые собрания ячеек и кружков политграмоты, работавших в фабзавкомах, кооперации и в секциях совета и т. д., определяет в 62% всего ленинского призыва. Одесская организация называет эту группу значительной. По Красно-Пресненскому району — около 80% ленинцев из бывших содействующих, а более 10% всех ленинцев до вступления в партию находились на кооперативной, профессиональной и др. работе. Эта группа до вступления

ее в партию считалась резервом партии, была душой с партией, и теперь лишь оформила свое отношение к ней. Между нею и старым составом партии нет глубокой разницы. Она уже присмотрелась к тому, как работает партия, и легко усваивает ее тактические и организационные принципы.

Вторая группа товарищей, пробудившихся к политической жизни, в связи с прошлогодним под'емом и смертью Ленина, и двинутая в партию общим настроением, чувством солидарности с партией, потерявшей своего вождя, и искренним желанием теснее сплотиться вокруг нее, помочь ей и работать под ее руководством. Количественный состав этой группы еще труднее определить, но мы не будем далеки от действительности, если скажем, что она составляет от 20 до 40% всего состава. При этом, по рабочим губерниям, где процент прежде активно работавших с партией выше, процент этой группы спускается ниже, зато поднимается в губерниях с менее развитой пролетарской общественностью и менее квалифицированным пролетариатом.

Третья група — политически малоактивные, малоразвитые и случайные. Среди них есть такие, которые шли с намерением использовать партию в своих личных интересах, получить более выгодное место, застраховать себя от сокращения, добиться коекаких привилегий и т. д. Та осторожность, с которой партия подходила к вопросу о приеме, свела эту группу до минимума. Определить ее величину и значение возможно только в процессе работы, когда действительные намерения отдельных товарищей проявляются открыто, когда выясняется отношение каждого отдельного к партийной дисциплине и к партийным тягостям. Численным показателем этой группы до сих пор являются только выходы из партии. В некоторых организациях (Харьков) полагают, что при переходе из кандидатов в действительные члены, в общем по всей организации, отойдет 2—3%. До сих пор по Харьковской организации было не больше 10 исключений и случаев подачи заявлений об уходе из партии ленинцев. Приблизительно такие же цифры дают и другие губернии.

Эти данные говорят, что политическая активность и политическая грамотность ленинского призыва значительно выше элементарной грамотности, что поможет преодолеть те затруднения, которые встречаются в партии для вступивших в нее малограмотных. Когда бакинцы, грозненцы, астраханцы и другие жалуются на техническую неграмотность ленинцев, но одновременно отмечают их большую политическую активность, желание учиться и работать, то это означает, что техническая неграмотность будет преодолена, что партия сумеет поднять культурный уровень своих членов, что бояться неграмотности и отсталости нам нечего. Мы получили наиболее культурную часть рабочего класса. Когда эта наиболее культурная часть рабочих, вступивших в партию, видит, что она недостаточно культурна для того, чтобы быть политическим руководителем беспартийной рабочей массы, она проявит колоссальную энергию и приложит все старания, чтобы подняться еще выше.

Конечно, мы не должны закрывать глаза на последнюю, третью группу. Чем скорее недоброкачественный элемент отделится и отойдет от партии, тем для партии лучше. Но мы должны быть достаточно осторожны, чтобы не толкнуть к уходу тех, кто пришел к партии с чистым сердцем, но не в состоянии сразу подняться до необходимой члену партии политической активности.

III.

Что дал партии ленинский призыв за первое полугодие? Чего мы достигли в работе с ленинцами?

Ленинский призыв, в значительной мере, оживил низовую фабрично-заводскую ячейку и сблизил ее со всей массой беспартийных рабочих. В этом году уже невозможно повторение того, что было год тому назад, когда назревающие в рабочей среде серьезные конфликты оставались скрытыми от глаз партии. Партия получила крепкую связь с беспартийной рабочей массой, но одновременно сама стала в большей мере испытывать на себе давление их настроений, что требует от низовых партработников большей, чем до сих пор, выдержки, чуткости, авторитетности.

Наряду с изучением тактики и стратегии партии в школах политграмоты, ленинцы изучают ее в активной партийной работе. Данная XIII с'ездом директива о вовлечении ленинцев в активную партийную работу выполняется с успехом. Ряд организаций уже добился того, что каждый ленинец имеет уже какое-нибудь, хотя бы небольшое, поручение, на котором учится партийной работе. В Москве втянуто в активную работу уже свыше ¾ всего состава ленинцев, по большинству промышленных губерний приблизительно такое же количество. Активность среднего ленинца, как сообщают с ряда мест, не ниже активности рядового партийца из старого состава. На практической работе, на первых активных шагах, происходит сближение старого состава членов партии с ленинцами. И там, где ячейка была достаточно крепка и авторитетна, где ленинцы, еще до вступления в партию, привыкли прислушиваться к ее голосу и уважать и исполнять ее решения, там это сближение происходит легко и безболезненно. Там же, где старый состав членов партии был слишком слаб, чтобы руководить работой, и не пользовался достаточным авторитетом, встречаются перебои в работе и трения между ленинцами и старыми партийцами, там иногда замечается нарушение ленинцами партийной дисциплины.

Больше всего активности ленинцы проявляют в вопросах производственных и профессиональных, в которых легче всего ориентируются. Из ряда мест сообщают, что ленинцы на фабриках служат примером трудовой дисциплины и оказывают в этом отношении влияние на беспартийных рабочих, вследствие чего уменьшилось количество прогулов и увеличилась производительность труда. Но **перегрузка** ленинцев общественно-политической работой может привести к противоположным результатам. Из одной ленинградской фабрики уже сообщают, что, в связи с перегрузкой ленинцев общественной работой, производительность начала падать. Нужно учесть такие симптомы, чтобы не допустить в широких размерах подобных ошибок. Если мы оторвем ленинца от производства и вырвем его из рабочей массы, если мы его так загоняем школами и обязанностями, что он на фабрике уже не сможет быть образцовым работником и на него начнут смотреть, как на лодыря, мы потеряем половину наших достижений.

Но, наряду с этим, приходится отмечать, что в отдельных случаях, в производственно-развращенной среде, они становились носителями вредных настроений. Были отдельные случаи, когда ленинцы не только не участвовали в работе по поднятию норм выработки и установлению фактического восьмичасового рабочего дня, а, наоборот, препятствовали. Был случай в Царицыне, когда, при проведении профсоюзом снижения ненормально вздутой, по сравнению с другими категориями рабочих, заработной платы грузчиков, несколько человек-ленинцев пошли против профсоюза и партии и вели агитацию за забастовку и один даже, после всех необходимых раз'яснений участвовал в забастовке. Вероятно, такие факты есть и в других организациях. Они означают только то, что необходимо раз'яснять ленинцам нашу экономическую политику, вовлекать их в активную работу по поднятию производства, по проведению принимаемых профсоюзом, партией и фабричной администрацией мероприятий. Царицынские грузчики-ленинцы мотивировали свое участие в забастовке тем, что они должны быть с большинством рабочих, но когда им раз'яснили действительные обязанности члена партии и необходимость проводимой профсоюзом меры, они изменили свою точку зрения и пошли с союзом. То же будет везде при правильной постановке партийной работы.

Большие успехи достигнуты и в партийной работе. Во многих местах ленинцы уже вошли в состав бюро ячеек, назначены цеховыми организаторами, организаторами кружков и т. д. И в этой, совершенно новой для них, области работы они справляются с успехом.

Усвоить организационные принципы большевистской партии, научиться проводить партийное мнение в беспартийной массе, руководить массой, а не идти за ней, научиться большевистской партийной дисциплине — вот самое трудное дело, на котором ленинцы пока чаще всего спотыкаются.

«Бакинский Рабочий» пишет: «Сила нашей партии состоит в ее внутренней классовой спаянности, в ее железном единстве и твердой стальной дисциплине. В этом отношении, как мы наблюдаем из нашей партийной практики, с ленинцами обстоит еще не все благополучно. Дисциплина среди них пока хромает. Если взять, например, хотя бы такой случай, когда ленинцы при выборах фабзавкома «отвели» кандидата своей ячейки и провели «своего» кандидата, — это уже одно доказывает непонимание ими значения внутрипартийной дисциплины, разбивающее сплоченность и единство партии. И на эту сторону работы с ленинцами необходимо обратить сугубое внимание».

Подобные сообщения можно привести из многих городов, в том числе и из Москвы, где был ряд случаев, когда ленинцы не хотели подчиниться фракционной дисциплине и даже уходили из заседаний, чтобы уклониться от голосования за предложения ячейки.

Но, отмечая такие факты недисциплинированности, мы должны сказать, что они не должны быть приняты на веру и требуют серьезного анализа их причин. В большинстве случаев такая недисциплинированность проявлялась тогда, когда не было достаточной предварительной фракционной проработки вопросов или когда явно неавторитетное для ленинцев бюро ячейки хотело

проводить свои предложения во что бы то ни стало. А такие случаи, конечно, не могут быть поставлены в вину ленинцев.

Чтобы живая активная часть рабочих от станка вела себя, как дисциплинированные члены партии, для этого необходимо серьезное раз'яснение принципов большевистской партийной организации, с одной стороны, и оживление работы фракций в профессиональных, кооперативных и др. органах, с другой. Там, где на этот двусторонний путь стали, всякие недоразумения из-за дисциплины исчезают. Мы нигде не отметили сознательного выступления ленинцев против партии и ее организационных принципов. Наоборот, мы можем отметить, что желание быть дисциплинированным большевиком и нести все обязанности члена партии у ленинцев есть. И когда он уверен, что предлагаемое решение, с которым он не согласен, но за которое ему предлагают голосовать, не есть дело рук только малоавторитетной для него ячейки, а дело партии, что этого требует партийная дисциплина, — он принимает это, как должное.

Это и есть сознательная, суровая дисциплина, которую мы требуем от каждого члена партии.

Такое отношение к дисциплине помогает нам учесть настроение рабочих масс и результаты этого учета использовать в целях партии.

Но ленинцы помогают укрепить влияние партии не только на рабочих, но и на деревню. Те связи ленинцев с деревней, которые мы характеризовали цифрами в первой части настоящей статьи, дали повод XIII с'езду РКП указать на необходимость использования связи ленинцев с деревней для укрепления смычки рабочих и крестьян и для развития работы по культшефству. Ленинский призыв в эту работу внес много энергии и инициативы. Но в то же время, в виду своей политической неподготовленности, они иногда переносят настроения политически отсталой крестьянской среды в фабричные ячейки. Расслоение деревни, тяжелое положение бедноты, неналаженность низового административного аппарата, слабость сельской кооперации, отсутствие опытных политических руководителей в деревне и все экономические тяготы, ложащиеся на беднейшую часть крестьян, болезненно переживаются ленинцами, имеющими связь с деревней и являющимися в большинстве случаев сыновьями беднейших и средних крестьян. Рост кулачества, укрепление зажиточных слоев деревни и недостаточная поддержка государством деревенской бедноты расцениваются, как недостаточное внимание к нуждам деревни и деревенской бедноты. Все это дает повод говорить о крестьянофильских настроениях среди ленинцев или о крестьянском уклоне. На самом деле для таких разговоров у нас нет достаточных оснований. Нашей задачей является выяснение ленинцам условий восстановления нашего сельского хозяйства и нашей партийной политики в деревне. Если партия в достаточной мере выяснит ленинскому призыву свою крестьянскую политику, то ленинцы, безусловно, будут самыми верными ее проводниками. Невнимание к крестьянскому вопросу, небрежное отношение к нуждам деревни, о чем нам часто сигнализируют ленинцы, может вредно отразиться не только на настроениях ленинцев, но может повредить и делу всей партии.

В заключение мы можем сказать, что партия с ленинским призывом успешно справилась и в течение первого полугодия приобщила людскую массу, равную 40% ее состава, к активной политической работе. Но, учитывая сравнительную культурную и политическую отсталость ленинцев, партия и впредь должна будет сосредоточить свое внимание на вопросе о политическом воспитании ленинского призыва как на практической, ежедневной работе, так и в школах политической грамотности, в кружках ленинизма и марксизма. Ленинский призыв поднял фабрично-заводскую ячейку, придав ей принадлежащее по праву значение. Партия впредь должна будеть все свои воспитательно-просветительные планы, свои школы и газеты и издательскую работу приноровлять к запросам и нуждам партийца от станка, фабрично-заводской ячейки.

Но есть еще одна задача, про которую сейчас говорят мало. XIII с'езд, считая кампанию по ленинскому призыву законченной, предложил продолжать вербовку в партию рабочих от станка. Ленинград, Нижний эту задачу с успехом выполняют. Необходимо, чтобы другие организации не отставали.

Вербовка в партию рабочих от станка и после ленинского призыва не должна быть ослаблена.

А. Стецкий.

Перед новым хозяйственным годом.

(Статья первая).

I. Неурожай.

В нашей стране, где сельское хозяйство является преобладающим, хозяйственное положение в значительной степени определяется размерами урожая. Поэтому естественно, что именно теперь внимание партии, правительства и хозяйственных органов направлено на установление размеров урожая, на анализ обстановки, которая им определяется, и на выяснение тех хозяйственных и политических задач, которые из этой обстановки вытекают.

Нынешний урожай не оправдал надежд, возлагавшихся на него лишь несколько месяцев тому назад. Расширение посевной площади по всему Союзу, благоприятная зима и весна,—все давало основания надеяться, что урожай этого года значительно превысит прошлогодний. Но крестьянское хозяйство находится во власти стихии, и эта стихия на протяжении пары месяцев опрокинула все наши прежние расчеты.

Отсутствие дождей и жаркая погода—особенно на юго-востоке России—в течение решающих для урожая месяцев мая—июня привели к выгоранию посевов и трав. В некоторых районах действие засухи было настолько сильно, что озимые и яровые посевы ржи и пшеницы погибли совершенно или дают незначительный сбор в несколько пудов с десятины. Особенно пораженными засухой оказались некоторые уезды Самарской, Саратовской, Донской, Ставропольской, Харьковской губ. и почти целиком Терская губ., Кабардино-Балкарская область, Царицынская губ., Астраханская губ., Республика Немцев Поволжья и Калмыцкая область. Посевная площадь этих районов, где урожай в общем ниже 6 пудов на душу населения—определяется в 5.660.000 десятин, что составляет около 7% посевной площади всего Союза, а количество сельского населения этих районов определяется в 6.089.000 душ. Рядом с этими, остро пораженными засухой, районами, имеются и в центрально-земледельческом районе, и на Украине, и в Сибири районы с плохим урожаем, где, однако, размеры сборов в общем дают возможность крестьянству с трудом продержаться до нового урожая.

Одно лишь сопоставление приведенных выше цифр с цифрами 1921 г. показывает, насколько преувеличены все разговоры относительно повторения теперь неурожая 1921 г. В 1921 г. площадь неурожая определялась в 23 миллиона десятин, и количество насе-

ления пораженных неурожаем районов—в 26 миллионов душ. Таким образом, и по количеству населения, и по размерам посевной площади неурожай нынешнего года составляет. 25% неурожая 1921 года, т.-е. меньше последнего в четыре раза.

Однако, кроме этой количественной разницы, имеется и качественная. В этом году вместо сплошь неурожайных районов 1921 года наблюдается чрезвычайно пестрая картина чередования благополучных уездов, волостей, деревень и даже отдельных хозяйств с неблагополучными. С другой стороны, дожди, прошедшие в июле и августе, несколько улучшили состояние поздних культур-огородов и бахчей. В самых неурожайных районах отмечается средний и выше среднего урожай проса, кукурузы и хорошее состояние бахчей, огородов и виноградников. Эти обстоятельства сами по себе несколько облегчают положение населения.

Неурожай значительно изменил в худшую сторону расчеты относительно хлебного баланса Советского Союза. При нормальных условиях, в связи с расширением посевной площади, валовой сбор зерновых хлебов по всему Союзу должен был бы превышать 3.000 милл. пуд., что дало бы возможность экспортировать за границу около 400 милл. пудов, т.-е. в два раза больше, чем в текущем году и сделать большое продвижение вперед во всех областях нашего хозяйства. Теперь, по самым осторожным подсчетам цифра валового сбора колеблется несколько ниже прошлогодней—около уровня в 2.650 милл. пуд. Если прибавить к этому остатки от урожая прошлого года, определяемые в 150—200 мил. пуд., то общие размеры хлебных рессурсов Союза в этом году будут составлять свыше 2.800 мил. пуд. Обеспеченность населения хлебом выражается, по предварительным подсчетам ЦСУ, около 20 пуд. на душу, а излишки, за вычетом потребления сельского и городского населения, удовлетворения хозяйственных нужд, составят около полутораста мил. пуд. Эти цифры показывают, что Советский Союз располагает достаточными рессурсами для того, чтобы без посторонней помощи справиться с бедствием, постигшем отдельные его районы, оказать продовольственную помощь нуждающемуся населению и поддержать крестьянские хозяйства, пораженные неурожаем.

II. Борьба с последствиями неурожая.

Дело осложняется, однако, тем, что удар нанесен как раз районам, которые перенесли ужасную засуху 1921 года и еще не оправились от ее последствий. Нечего и говорить, что предоставленные самим себе эти районы не смогут справиться с бедствием, и крестьянское хозяйство их в этом случае окажется надолго подорванным. Для того, чтобы предотвратить хозяйственную гибель края и повторения в нем бедствий 1921 года, необходима помощь ему и со стороны правительства, и со стороны населения Союза.

Как только выяснились действительные размеры неурожая, и районы им охваченные, правительством была образована, под председательством тов. Рыкова, комиссия по борьбе с последствиями неурожая. Этой комиссией разработан и осуществляется теперь план конкретных мероприятий помощи населению и крестьянскому хозяйству неурожайных районов.

На первый план выдвигается именно этот последний вид помощи. Самое главное теперь—это помочь крестьянину удержать свое хозяйство, так как в противном случае, действие неурожая далеко выйдет за пределы нынешнего года и в продолжение ряда лет будет отражаться и на экономике края, и на экономике всей страны. Поэтому комиссией были прежде всего приняты меры по обеспечению засева озимого клина. Для этой цели требовалось заготовить и доставить на места 8½ мил. пуд. семян, причем почти все это количество необходимо было заготовить из нового урожая. Несмотря на чрезвычайно краткий двухнедельный срок—с 1 по 15-е августа, который был дан хлебозаготовительным организациям для выполнения этой задачи,—они с ней справились блестяще: заготовка и отгрузка семян была закончена ранее срока, а к двадцатым числам августа семена прибыли уже на места и отчасти через кооперативные организации, отчасти через земотделы были распределены среди крестьян. Эта семссуда дала возможность крестьянам не только сохранить озимый клин, но в некоторых уездах даже расширить его. В дальнейшем встанет задача обеспечения семенами ярового клина, причем для ее выполнения потребуется, вероятно, в 2½ раз больше семян, чем для озимого клина.

С тою же целью сохранения крестьянского хозяйства проводится ссуда крестьянам на прокорм скота. Общий размер этой ссуды определен в 8 милл. рублей. Она с осени будет выдаваться через Сельско-Хозяйственный банк и местные кооперативные учреждения, под залог скота, на срок от 1 года до 3 лет, в зависимости от мощности хозяйства. Несмотря на то, что эта ссуда предусматривает прокорм скота на протяжение 2 месяцев в южных и 3 месяцев в остальных районах лишь в половинной от обычной норме, тем не менее, при наличии некоторых собственных запасов, норма эта даст возможность крестьянству сохранить скот. Предполагается, что ссуда обеспечит прокорм от 85 до 90% крупного скота неурожайных районов. Мера эта тем более необходима, что одним из самых тяжелых последствий голодного 1921 года было катастрофическое уменьшение в Поволжье рабочего скота, чрезвычайно затрудняющее восстановление крестьянского хозяйства.

Второй важной задачей является обеспечение неурожайных районов продовольствием. Как только на местах стали вырисовываться перспективы неурожая, среди населения, перед которым встал призрак 1921 года,—началась паника. Все бросились запасаться хлебом, началась спекуляция, и хлебные цены сделали сильный скачек вверх. Необходимо было прежде всего прекратить эту панику и дальнейший рост цен, продвинув в неурожайные места достаточные массы хлеба. В июле эта задача под руководством Наркомвнуторга была выполнена, хлебные цены пошли на снижение, и паника среди населения прекратилась. В конце июля и первой половине августа можно было наблюдать в результате этих мер любопытное явление: в неурожайных районах хлебные цены стояли даже ниже, чем в производящих, где, в связи со спекуляцией на неурожае и семенными заготовками цены, в свою очередь, пошли вверх. Если принять местные оптовые цены на рожь (в южных губерниях пшеницы) за 100, то в июле они изменились по неурожайным губерниям следующим образом:

	IV/II	11/VII	21/VII
Саратовская	167	132	146
Донская обл.	146	106	89
Ставропольская	150	139	106
Царицынская	222	206	187
Терская	142	142	115
Пензенская	174	183	135

Снабжать неурожайные районы хлебом и поддерживать там хлебные цены на определенном уровне, необходимо будет и дальше в течение всего предстоящего года.

Однако, часть населения будет нуждаться и в более серьезной поддержке. Уже в сентябре—октябре количество нуждающихся в прямой продовольственной помощи, тех, у кого к этому времени иссякнут запасы хлеба и кто не сможет покупать этот хлеб даже по урегулированным ценам, достигнет 2 миллионов человек и с марта месяца—свыше 5 миллионов. Подготовить помощь этим группам населения необходимо теперь же.

Однако, комиссией решено, поскольку это позволяют государственные средства, связать эту помощь с работой по восстановлению хозяйства края и по созданию условий, хотя бы в минимальной степени предохраняющих его от действия засухи. С этой целью предпринимается ряд общественных работ, имеющих целью провести ряд агро-мелиоративных мер: по орошению, по обводнению, восстановлению полевого хозяйства, по увлажнению и лесонасаждению. На эти работы придется ассигновать около 24 милл. рублей. Они дадут заработок на срок около 6 мес. от 750 до 800 тысяч крестьян.

Наконец, важное место занимает и должна занимать помощь детям. На эту помощь правительством и общественными организациями ассигнуется 8 милл. рублей. Помощь эта—в отличие от прошлых лет будет оказываться детям на месте и не будет сопровождаться отрывом от семьи и хозяйства. Для детей школьного возраста будет организовано питание в школах, а на питание детей дошкольного возраста будут выдаваться денежные или продовольственные средства родителям.

Таковы главнейшие из намеченных и проводимых теперь мер по борьбе с бедствием. Дело партийных, профессиональных и кооперативных организаций—направить свое внимание и силы на то, чтобы этот план, все меры, которые предпринимает правительство, и средства, которые оно и общественные организации предоставляют, дали максимум полезного действия, а не остались только на бумаге. Вместе с тем, необходимо теперь же использовать соответствующее настроение среди крестьян, с целью пробуждения их собственной инициативы и самодеятельности в создании всякого рода обществ по борьбе с засухой, мелиоративные, для проведения агрономических улучшений. Крестьянские конференции и собрания должны сопровождаться лекциями и докладами агрономов. Ассигновать миллиарды на то, чтобы гарантировать край раз навсегда от неурожаев, наша страна в настоящее время не в состоянии; зато крестьянство само может, как это показал опыт этого года, путем улучшений, иногда незначительных, в культуре зерна, в системе полеводства, предохранить свой посев от действия засухи. Именно в эту сторону проведения агро-технических, доступных самим крестьянам мер, и должно быть направлено наше внимание и наша пропаганда.

III. Вопросы рынка.

Экономическая обстановка этого года значительно отличается от прошлогодней.

Одним из основных моментов, характеризующих эту обстановку, являются более высокие и продолжающие повышаться цены на хлеб. В то время, как в прошлом году в это время цена ржи колебалась в среднем от 30 до 50 коп. за пуд, теперь она колеблется около рубля. Даже в тех районах, где перспективы урожая являлись благоприятными, оптовые хлебные цены поднялись с мая месяца на 10—30%, а в районах неблагополучных по урожаю—на 64%.

Хлебные цены повышались на протяжении всего истекшего года. Однако, зимой повышение являлось результатом соответствующей политики правительства, имевшей целью ликвидировать «ножницы» и устранить тот разрыв, который возник между промышленностью и крестьянским хозяйством. Теперь этот рост цен происходит стихийно и, что особенно важно, он происходит, несмотря на приближающуюся реализацию урожая. Причиной его является прежде всего самый факт неурожая на юго-востоке, пестрота урожая в остальных районах Союза и начавшаяся в связи с этим спекуляция хлебом.

Если хлебный рынок будет предоставлен самому себе, рост хлебных цен продолжится и расхождение цен отдельных районов пойдет дальше,—население неурожайных районов, городское население и прежде всего рабочий класс, те слои крестьянства, которые прикупают хлеб,—будут поставлены в чрезвычайно тяжелое положение. Серьезные затруднения, политические и экономические возникнут тогда и перед советским государством. Поэтому одной из важнейших задач экономической политики в предстоящем году будет являться регулирование хлебного рынка, но уже не с целью повышения хлебных цен, а с целью остановки их роста и некоторого понижения, выравнивания цен по отдельным районам, наряду с этим обеспечение хлебом городов и неурожайных районов. Для выполнения этой задачи на протяжении всего года, в сложной обстановке, созданной неурожаем, необходимо сосредоточить в руках хозяйственных органов хлебные массы в четыреста миллионов пудов. От заготовительных организаций требуется большое напряжение, приспособление аппарата и планов к пестрой карте нынешнего урожая, согласованная политика для того, чтобы собрать своевременно эти хлебные массы и не дать их перехватить частным перекупщикам и спекулянтам.

Целью нашей политики регулирования не может, однако, являться снижение хлебных цен до прошлогоднего уровня, так как в этом случае снова повторились бы болезненные явления—«ножниц», кризиса сбыта, которые страна переживала осенью прошлого года. Хлебные цены, если они и будут снижены, останутся поэтому все-таки выше прошлогодних. С этим фактом более высоких хлебных цен необходимо считаться при оценке наших хозяйственных перспектив.

Другим фактом такого рода является ликвидация ножниц, близкое к нормальному отношение цен на промышленные и сельско-хозяйственные товары. В результате, вместо кризиса сбыта, который развертывался в прошлом году как раз в эти месяцы, теперь наблюдается, наоборот, несмотря на перспективы плохого урожая, усиливающийся спрос и голод на предметы массового, главным образом, крестьянского потребления.

Наконец, третьим отличительным моментом обстановки настоящего года является твердая валюта. В прошлом году мы переживали в это время борьбу червонной и падавшей бумажной валюты. Все потери и неудобства, связанные с последней, приходилось испытывать прежде всего крестьянину, так как эта бумажная валюта шла на обслуживание торговли с деревней. Это обстоятельство действовало в том же направлении, что и ножницы, т.-е. замедляло процесс укрепления связей крестьянского хозяйства с рынком и понижало его спрос на продукты промышленности.

Твердая валюта, высокие цены на хлеб, ликвидация ножниц и денежный налог — все это будет действовать теперь в другом направлении, в сторону большего вовлечения крестьянского хозяйства в рыночный оборот. У крестьянина будет больше побуждений выбрасывать хлеб и другие свои продукты на рынок и вместе с тем больше побуждений покупать промышленные товары, как для своего личного потребления, так и для удовлетворения нужд своего хозяйства. Процесс товаризации крестьянского хозяйства, расширения его связей с рынком пойдет в этом году несомненно быстрым темпом. Он будет происходить как в форме вовлечения в рыночный оборот тех крестьянских хозяйств, которые до сих пор мало или совсем не были связаны с рынком, так и в форме усиления «товаризации» уже связанных с рынком крестьянских хозяйств. В последнем случае крестьянин будет относительно большую, чем раньше, часть своих продуктов реализовать на рынке и все большее место в своем потреблении, личном и хозяйственном, отводить продуктам нашей промышленности. Высокие цены на хлеб означают значительное увеличение покупательной силы крестьянства по сравнению с прошлым годом. Процесс товаризации крестьянского хозяйства будет действовать в том же направлении. Все это вместе дает основания предполагать, что, если даже урожай этого года несколько меньше прошлогоднего—спрос со стороны крестьянства на продукты промышленности не только не изменится по сравнению с истекшим годом, но значительно возрастет. Крестьянский рынок, вследствие того, что крестьянин будет реализовать на рынке относительно большую долю своей продукции и по более высоким ценам, таким образом расширится и сможет поглотить больше промышленных товаров, чем в прошлом году.

Значит ли это, что вообще рынок для нашей промышленности расширяется?

На этот вопрос придется ответить отрицательно. Повышение цен на хлеб означает соответствующий вычет из доходов тех слоев населения, которые этот хлеб покупают. При одном уровне своих доходов рабочие, служащие, остальные слои городского населения, крестьяне, покупающие хлеб, будут вынуждены относительно большую долю своих доходов тратить на покупку хлеба и других сельско-хозяйственных продуктов. Соответственно этому, спрос их

на продукты промышленности должен неизбежно понизиться. Расширение крестьянского рынка будет поэтому происходить за счет сокращения городского рынка, и плюсы, которые получатся на одной стороне, будут уравновешиваться минусами на другой.

Этот процесс будет являться прогрессивным фактором для нашей промышленности, так как он будет сопровождаться качественным изменением спроса и будет толкать нашу промышленность к переходу на массовое производство, к выработке продуктов, нужных крестьянину. Но самый об'ем рынка останется, повидимому, прежним или, при теперешнем положении цен и доходов, увеличится лишь незначительно. Перед промышленностью встает поэтому задача найти выход из этого положения и, несмотря на всю трудность обстановки, отыскать способы, которые бы дали возможность расширить емкость всего рынка промышленных товаров и тем самым обеспечить, по крайней мере, прежний темп своего восстановления.

Ник. Карев.

Марксистская критика и критика марксизма.

„Свобода критики означает не замену одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуманной теории, означает эклектизм и беспринципность".

Н. Ленин („Что делать").

I.

Явления мимикрии и вырождения так же свойственны современному обществу, как и насекомым и пресмыкающимся животного царства. Однако, формы, в которых они развиваются у различных классов, бывают различны, в зависимости от природы и особенностей положения этих классов. Если представители вырождающейся буржуазии по большей части облачаются в ризы пророков, сквозь которые, однако, достаточно явственно вырисовываются гнойники, подтачивающие их организм, то люди, не выдерживающие всех тягостей пролетарской борьбы, чаще всего рядятся в мундиры присяжных критиков. В то время, как апостолы закатывающейся буржуазной культуры, которым, впрочем, даже из библейских апостолов родственен лишь один Иуда, провозглашают конец мира и во имя его торжество солдатского сапога (Шпенглер), в это же самое время кумиры оппортунизма служат беспрерывные молебствия богине свободы, прежде всего «свободы критики».

Марксизм в наше время в общественной науке возвышается, как скала, о которую бесплодно разбивается вот уже несколько десятков лет нескончаемый поток творений и писаний всех дипломированных слуг господствующих классов. Но в этом потоке мы можем разобрать совершенно отчетливо три течения, по очереди сменяющие друг друга в истории новейшего времени. Если на самой заре появления марксовской теории оружием, направленным против нее, был заговор молчания, если в следующий за ним период мир являлся свидетелем неслыханной демонстрации бездарностей, во всех углах нашего земного шара опровергавших марксизм, то в наш век борьба против марксизма расчитывает на успех лишь в том случае, если она сама выступает, подкрасившись под марксистский флаг. В наше время основным врагом марксизма является того типа марксизм, о котором еще Маркс говорил, что в отношении этого «марксизма» он—не марксист. Именно здесь все враги революционной теории ищут тот волшебный ключ, при помощи которого можно было бы открыть какой-

нибудь, хотя бы потаенный подземный ход в неприступную твердыню марксовской науки.

В настоящих условиях, и особенно, конечно, в условиях Советской России, нельзя выступать против марксизма с открытым забралом. Не только потому, что, как пишет один наш журнал [1]), «желающий что-либо сказать — не осмеливается, у него не хватает духа, он боится, как на это будут реагировать»,—так рассуждают только люди услужающие, вообще далекие от каких бы то ни было принципиальных споров,—но и потому, что марксизм стал ныне общепризнанной теорией, проверенной каждодневным опытом миллионных народных масс.

Человек, который в наше время выступил бы против марксизма с голым его отрицанием, незамедлительно похоронил бы себя без всяких почестей даже среди представителей «науки»—апостолов капитализма. Это—свидетельство огромной победы, одержанной марксизмом, но вместе с тем и огромных же для него опасностей. Не только сознательные враги пытаются подчас подкрепить свою нечленораздельную речь крупицами псевдомарксистской фразеологии, но и некоторые не особенно умные, а главное—не особенно устойчивые попутчики марксизма очень часто проносят, прикрываясь его знаменем, далеко не марксистские понятия и идеи.

Бороться с этими попутчиками и разоблачать их—одна из важнейших задач марксистской критики—основная ее задача. Эту задачу ставит перед подлинно марксистской критикой во всю ширь вся современная нам обстановка. Лишь неуклонно выполняя эту задачу, можно сохранить в чистоте знамя пролетарской революционной теории, знамя марксистской «догмы». Совсем незачем бояться этого слова. Под флагом борьбы против «догматического» марксизма всегда выступали самые далекие от марксизма реформисты типа Бернштейна. За «догму» Маркса, догму учения, об'единившего вокруг себя миллионы, оправдавшего себя на опыте более полустолетия ожесточеннейшей классовой борьбы, «догму»—критическую по самой своей природе, всегда выступало все, что было лучшего в рабочем движении. Если под прикрытием борьбы с «догматизмом» выступает на самом деле ревизия этой догмы, то обязанностью всякого марксиста является выступить за догму Маркса, против догмы критики во что бы то ни стало.

II.

Современная нам советская действительность есть в основном своем разрезе борьба двух существующих, противоположных друг другу сил—капитализма и социализма. Носителем социалистического начала является пролетариат, его партия, руководящаяся учением Маркса и Ленина; носителем капиталистического начала является нэповская буржуазия со всем штатом ее настоящих и возможных, сознательных и бессознательных сородичей и прихлебателей. Это основные, определяющие силы. В конечном счете всякое явление общественной жизни служит той или другой. В конечном счете всякое выяснение широким массам трудящихся

[1]) „Октябрь Мысли", № 5—6, стр. 17.

смысла их борьбы служить пролетариату, социализму, всякое затуманивание этой борьбы идет на пользу противоположной стороне. С этой, и прежде всего, с этой точки зрения, мы должны подходить ко всякому стоящему перед нами вопросу.

С этой же точки зрения мы должны подойти и к тем настоящим и возможным уклонениям от марксизма, которые порождает в современных нам условиях советская действительность, которые, к сожалению, на нашей почве расцветают уже пышными цветами, хотя и дают не особенно доброкачественные плоды. Нас интересуют в данном случае лишь основные тенденции. Мы не можем подробно разбирать здесь каждую из них. Нашей задачей будет лишь попытаться наметить важнейшие их социальные корни. Зная, где можно ожидать прорыва, легче заранее подготовиться его ликвидировать.

Из того соотношения между классами, которое мы имеем в Советской России, можно наметить несколько таких возможных путей, по которым может просачиваться в марксизм—и отчасти уже просачивается—чуждая нам идеология.

Это прежде всего влияние нэповской буржуазии, шире—возродившейся у нас рыночной стихии, товарного хозяйства, в условиях которого социалистическая индустрия борется с частным посредником, поднимающими голову кулаком и нэпманом. На нашу нэпманскую буржуазию нельзя переносить обычных шаблонов характеристики буржуазной идеологии. Это совершенно своеобразная социальная категория, появившаяся в совершенно необычных условиях. Больше всего у нее общих черт с буржуазией эпохи первоначального накопления. Но много и отличий. Она не призвана сыграть никакой прогрессивной исторической роли. Она—неизбежные faux frais врастания в социализм при условиях сохранения товарного хозяйства, особенно в отсталой стране. Она—класс почти без прошлого и без всякого исторического будущего. Это—дитя исторической минуты. Отсюда в ней чувство неустойчивости своего существования, узкий практицизм, погоня за удовольствиями, такими же легкими, как скоропреходящая судьба ее, и такими же грубыми, как культурно неотесана ее психология. Наш нэпман—незаконный, побочный сын эпохи, живущий краденым у нее и торопящийся его прожить. Он, может быть, даже материалист, но материалист в вульгарном смысле этого слова,—незабывающий оставить лазейку для бога и души, которые тоже ведь могут когда-нибудь пригодиться! Он — оригинал, бледной тенью с которого является Эммануил Енчмен.

Влияние нэповской буржуазии необязательно вовсе вульгарно представлять в виде непосредственного воздействия нэпманов на того или иного «идеолога» или в виде сознательного отхода к ним того или иного горе-мыслителя, или — еще хуже — горе-«марксиста». Идеологи классов воспитываются более тонким образом, их заражает самая обстановка, в которой они оказываются. У нас буржуазное влияние просачивается в мозги не особенно устойчивых людей через рынок. Это его духом питается всякого рода практицизм, скепсис по адресу теории, энтузиазм узколобо-понятой практики, переходящей в дурного тона практичность. Отраженным путем отсюда же идет поход на абстрактный анализ капитализма, его законов и т. д., в современной советской обстановке.

Ибо легко понять, что если следовать многим, очень увлекающимся конкретностью, комплексностью и т. д., товарищам, и заменить изучение марксовского анализа капитала—описанием и разбором советского хозяйства, то без абстрактного анализа Маркса не понять и социального смысла нашего хозяйства, борющихся в нем хозяйственных систем, путем их развития. Воистину только схоласт может отрицать связь теории с практикой, необходимость давать при обучении воспитываемому не одну голую теорию, а теорию, основанную на опыте, об'ясняющую практику. Но является худшего типа хвостицизмом, хотя бы и советским, недооценивать роль теории, той теории, которая выясняет законы развития капитализма, законы развития капиталистического общества, которая за преходящей пеленой явлений повседневной жизни учит видеть борющиеся классы.

Отражение все того же буржуазного влияния в современной нам философии мы находим и в возрождающемся ныне позитивизме, и в некритическом перенесении методов естественных наук на науки общественные, так характерном для буржуазной социологии [1]).

Современный позитивизм связан, главным образом, с именем Павлова. Мы вовсе не собираемся отрицать здесь гигантское значение опытов Павлова для материалистической философии. Вопреки своей воле, как ученый, Павлов работает на материализм. Это общепризнано. Но, к сожалению, до сих пор еще не общепризнано, что как только он сам переходит в область философии—он позитивист, как только же пытается перевести его теорию на рельсы общественной науки—так сейчас же мы имеем вульгаризацию марксизма, затуманивающую физиологическими аналогиями диалектику классовой борьбы. Можно сказать, что философски Павлов примыкает целиком к идеологу ранней французской буржуазии, Декарту, с его научным материализмом и философским дуализмом. Не даром же так влюблен в Декарта пытающийся исходить из Павлова, в своей вульгаризации последнего, несравненный Енчмен.

Таким образом первая опасность, нам грозящая, приводит к выводу—задача марксистской критики бороться со всеми отражениями буржуазной, рыночной стихии во всех этажах нашего идеологического здания—против пренебрежения к теории, против упрощенства и вульгарного практицизма, против позитивизма и отрыжек буржуазной социологии — за диалектический материализм, за теорию классовой борьбы Маркса.

---

[1]) См., напр., статью проф. Рейснера „Рефлексы академика Павлова и идеология в учении Маркса", во все том же журнале для „молодых, подростающих коммунистических сил"—„Октябрь Мысли", № 5—6, в которой он утверждает, что психологию класса мы, после открытий Павлова, Штейнаха, Воронова и др., должны изучать с точки зрения того, „в какой степени имеется расточительная трата человеческой энергии на внешнюю секрецию, и в какой основная энергия, путем внутренней секреции, переводится в различные разряды интеллектуальной и высшей (??) общественной (??) деятельности" (стр. 9).

Пусть сам читатель решит, какое все это отношение имеет к марксизму и насколько вредно подменивать физиологической фразеологией действительные задачи общественной науки—выяснение отношений, возникающих в обществе на почве собственности, классовой борьбы и т. д.

III.

Советская страна не принадлежит, и к счастью, и к сожалению, к сказочным странам, находящимся на краю света и отрезанным от всего мира. Мы живем в окружении распадающегося и злобствующего капиталистического мира. Предсмертные вопли одних его обитателей доносятся до нас так же, как и возгласы надежды других. И так же, как струны рояля, отзываются в тон на каждый соответствующий им звук, так же и различные классы внутри нашей страны тысячью нитей связываются с соответствующими классами, живущими по ту сторону границы. Однако, западная буржуазия поставляет нам свой гнилой товар не только для чувствующей непреодолимое к нему влечение нашей нэпманской буржуазии, но подчас заражает им и наиболее шаткие элементы в нашей собственной среде. Особенно трудно бывает бороться с этой контрабандой тогда, когда она преподносится под ярлыком науки, привлекая к новинке все, падкие к новому, во что бы то ни стало, головы. Естественно, при этом, что философия идеологического распада буржуазного Запада и у нас находит себе обильную почву в тех огромных процессах деклассирования и распада целых общественных классов, которые мы изжили за годы революции. На этой почве растет увлечение у нас фрейдизмом. Вместе с тем, до нас доносится как бы прянный запах Вены, замирающего города, столицы без страны, вертепа, в котором правят всесильные антантовские биржевики, все равно скрываются ли они за спинами социал-демократ. девственного тела Отто Бауэра или христианских социалистов, весь социализм которых в том, что они лишены какой бы то ни было собственной... воли. Дух венской богемы—родина проф. Фрейда. Это не значит, что мы отрицаем какое бы то ни было значение за отдельными положениями, особенно в ранних произведениях Фрейда. Но фрейдизм в целом, в последних его изданиях, особенно фрейдизм, как социология,—несомненная теория загнивающей психики. Сочетать его с марксизмом—поистине чудовищное дело! Заражаясь им, мы отдаем дань людям новой эпохи уходящему миру.

Такую же дань представляет собой проникающее и к нам увлечение в западно-европейской, даже коммунистической, литературе—Гегелем. Как и во всякой лжи, и в этой есть доля истины, может быть, большая, чем во многих других случаях. Увлечение Гегелем-диалектиком было совершенно законной и необходимой реакцией на оппортунистическое пренебрежение им у большинства теоретиков II Интернационала. Но вместе с тем, как революционные марксисты, во главе с Лениным, искали в Гегеле дополнения к Марксу, меньшевики искали в Гегеле противоядия марксовой теории государства (Кунов), а буржуазные апологеты—орудия против марксизма в самом его фундаменте. На почве всех этих течений в группах интеллигентов, примыкающих к коммунистическому движению и не обладающих достаточной материалистической культурой, Гегель был воспринят не только, как диалектик, но и как идеалист. Стал распространяться вместо диалектического материализма диалектический идеализм, иногда даже с примесью интуитивизма Бергсона. И здесь нашей задачей является повести решительную борьбу с этим новым вывертом псевдо-марксистской мысли, с мистикой, с логическим идеализмом, прикрывающимся якобы диалектическими фразами [1]).

Против идеализма, каким бы флагом он ни прикрывался, против мистики, против идеологии загнивающих классов, за марксизм, за материализм!

IV.

Третий источник опасностей, грозящих нам принести под оболочкой марксистской критики, развития марксизма—отрицание его, представляет крестьянская мелко-буржуазная идеология. Крестьянство неразрывно связано с рынком. В результате каждого нашего хозяйственного поражения, оно укрепляет нэповскую буржуазию. Оно—необходимый, но не всегда верный спутник пролетариата. Мы должны с величайшей резкостью выступать против всякой недооценки роли его, как союзника, для борющегося пролетариата. В союзе с крестьянством суть ленинской тактики. Но еще более преступно закрывать глаза на трудности этого союза. Не только политические, но и идеологические трудности. Надо понимать роль крестьянства, но нельзя окрестьяниться. Эта опасность есть. Она может и будет расти. Нужна величайшая ясность в этом вопросе, надо воспитывать в ней самые глубокие слои коммунистов, рабочего класса. Лишь совершенно здраво учитывая, как мы ведем мелкую буржуазию, куда она склоняется и куда мы должны и можем в данных условиях ее привести—можно не плестись в хвосте стихии, а руководить ею по направлению к социализму.

Влияние мелкой буржуазии, обывательщины, сквозит почти во всех творениях, направленных на требование «свободы критики» полных хныкающих жалоб на существующий якобы у нас застой в марксизме. Мелкий буржуа вечно недоволен, вечно чего-нибудь ищет, вечно чего то ждет и никогда не видит того, что действительно творится нового. Такова уж его социальная природа. Его собственная боязнь дотронуться до любого серьезного, теоретического или практического вопроса, потому что он никогда в себе неуверен, всегда боится сбиться, толкуется им как всеобщая болезнь, приводящая к состоянию «штиля». Он болеет «проклятыми вопросами». Он тянется «к практике». В теории ему скучна критика буржуазного строя, которая, ему кажется, ничего не об'ясняет в современности, так как он слеп на оба глаза в понимании того, как в этой современности именно отживающий и побеждаемый критикой, буржуазный строй борется со строем будущего. Он видит только настоящее, не видит в нем диалектической смены прошлого будущим. Он поэтому требует вроде того, как Ив. Меницкий в статье «О задачах современной марксистской критики», в «Октябре Мысли», чтобы марксистская мысль спустилась с «абстрактных философских высот на почву конкретной повседневной действительности». Он не понимает, что эти «высоты» сами отра-

[1]) См., например, у нас соответствующие места в работе С. Айнзафта, о теории равновесия т. Бухарина, в которой автор критикуя теорию равновесия, сам в то-же время заявляет „что развитие происходит лишь в области органического мира и человеческой истории" (у Лукача тоже диалектики в природе нет). Неясно только, как наша планета сумела тогда развиваться до появления организмов на земле.

жают действительность, составляют необходимую ее составную часть, необходимое ее орудие и что, наоборот, «конкретная повседневная действительность» сама есть нечто в высокой степени философское для материалиста, нечто такое, что нельзя понять и изменить не пользуясь оружием этой философии. Единственная программа, которую он может выставить, есть «критика».

Голос требования критики, не сопровождающийся анализом того, кого следует критиковать, за что и в чем—либо пустое место, либо беспредельная «тоска по родине» мелкого буржуа, как это и имело место в ревизионизме, для которого марксизм этой родиной не является.

Марксисты—за критику. Марксизм по самому существу своему есть оружие критики. Но не за беспредметную критику во имя критики, а только такой и является критика, когда ее требуют без конкретного анализа предмета критики.

Критика во имя критики превращается на деле из марксистской критики в критику марксизма [1]). Задача всякого марксиста против подобной критики тоже требовать свободы критики, свободы марксистской критики критиков марксизма.

Надо научиться раз и навсегда разграничивать то и другое. Надо учиться распознавать за излияниями сугубых любителей «критики», их подлинное некритическое—в сторону от марксизма, ленинизма — лицо. Задачей марксистской критики должно быть либо избавлять их от этой односторонности, либо заставлять обнаруживать обезображивающий их лицо флюс.

Мы—за критику. За критику с точки зрения марксистской «догмы» и все, что сейчас растет и зреет анти-марксистского на фоне происходящей у нас и во всем мире классовой борьбы, всего, что растет и зреет псевдо-марксистского в нашей собственной среде.

Здесь—основные опасности нашего времени. И если мы здесь будем в тысячу раз зорче, чем до сих пор, то прямые враги марксизма еще не раз переломают себе зубы о настоящую революционную теорию и, в конце-концов, настанет время, когда они потеряют не только исчезнувший уже у них зуб мудрости, но и голову.

---

[1]) Или, если сказать по существу нечего, принципиальных аргументов за душой нет, то в что-нибудь подобное заметке Б. Пепла в № 5—6 „Октября Мысли“—„О наших литературных нравах“, с подтасованными цитатами и неслыханным письмом в редакцию, с развязностью невежды, подменяющим спор по существу личными выпадами. Это воистину предел нравственного падения.

А. Слепков.

О пропаганде ленинизма в рабочей партийной школе*).

Вторая половина занятий — логически-тематическая проработка ленинизма — таким образом, уже имеет фундамент в виде конкретно-исторических знаний.

На основе последнего мы, безусловно, можем подвести членов кружка к разрешению проблем в их теоретической постановке.

Это неверно, что рабочая партийная аудитория не в состоянии осилить теоретических трудностей, связанных с этими проблемами.

В нашей литературе о Ленине, уже несколько товарищей (особенно четко тов. Бухарин) выявили одну из особенностей Ленина, как пропагандиста.

Ленин был первоклассным теоретиком. Для себя он продумывал всякую проблему во всей ее теоретической сложности и многосторонности. У Ильича нет ни одной газетной статьи, в подпочве которой не трепетала бы глубокая теоретическая мысль, не было бы большой продуманности проблемы со сложно-детальной аргументацией.

Все эти исторические, понятные широчайшим массам лозунги, за которыми шли миллионы («превращение империалистической войны в гражданскую», «власть Советам», «грабь награбленное», «смычка пролетариата и крестьянства»)—являются продуктом громадной теоретической работы.

Но Ильич переводил свою теоретическую аргументацию на язык миллионов, давал ей популярную формулировку, проделывал громадную педагогическую работу. И этому у него надо учиться.

Можно проработать проблему смычки пролетариата и крестьянства в квалифицированном марксистском кружке; здесь необходим большой научно-теоретический обхват и сложное теоретическое построение курса. Эту же проблему можно поставить — после проработки истории партии — в первоначальной рабочей партийной школе; здесь нужны та же теоретическая ясность и хорошая подготовленность руководителя, — но необходима и педагогическая обработка курса, некоторое методическое упрощение проблемы, конкретизация в постановке вопросов, что совершенно не исключает теоретического построения аргументации

---

*) См. Статью первую в № 9 „Большевика“.

и т. д., больше всего нужно бояться превращения занятия в сусально-беспроблемное, кастрированно-упрощенное словопрение о совершенно известных, затасканных, ничего нового не дающих положениях.

В педагогике так же, как и в политике, следует бороться с «хвостизмом». Нужно будить теоретическую мысль; опираясь на громадный политический опыт нашего партийного рабочего, воспитывать в нем навыки теоретического мышления, способствуя росту этого рабочего.

И лучшим, педагогически сильнейшим руководителем в этом деле будет Ильич, с его прекрасными статьями, популярными и вместе с тем теоретически-серьезными, с логически-заостренными углами.

Поэтому мы считаем необходимым во второй части занятий, непременно дать учащемуся самого Ильича.

Правда, раньше, чем Ильича будут понимать,—члены кружка пройдут полосу издержек обучения чтению вообще.

Здесь обычно встречаются два затруднения.

Во-первых, конкретное мышление не привыкшего к чтению участника кружка, будет упираться в частные положения; читающий будет понимать отдельные места, каждое в отдельности, и не понимать логической сцепки этих по отдельности понятых положений.

Нужно научить при чтении улавливать план всего куска, всей главы, всей статьи.

Поэтому следует прочитывать более или менее законченный логически кусок; затем нащупать его логический скелет, выявив и зафиксировав план, а затем уже обследовать каждое звено обнаруженной цепи положений.

На это надо потратить несколько занятий, ибо без умения уловить и понять план статьи нет умения читать.

Второе затруднение будет заключаться в непонимании многих слов и выражений; их обходить нельзя. К литературному языку надо приучать, раз'ясняя каждое слово, приучая его запоминать.

Несколько таких занятий по коллективному чтению — чрезвычайно облегчат проработку курса.

Наиболее удачно написанным пособием по ленинизму является книжка тов. Сталина—«О Ленине и ленинизме».

Можно поставить занятия по тому плану, по которому построена эта книга.

В нашей практике оправдывал себя, примерно, следующий план:

1. Ленин и диктатура пролетариата.
2. Ленин—партия—рабочий класс.
3. Ленин, крестьянство и коммунизм.
4. Ленин—партия—буржуазия.
5. Ленин и Коминтерн.
6. Ленин и национальный вопрос.
7. Ленин и организационные принципы большевизма.

Круг проблем, затрачиваемых этими темами, представляется нам в следующем виде.

I. Ленин и диктатура пролетариата.

1. Социально-политическая теория и практика. Неправильность положения о меньшевиках, как революционеров в теории и контр-революционеров в политической практике.

Контр-революционная теория увязывается в контр-революционную практику. (Оборонческая теория Плеханова в «Истории русской общественной мысли» перед войной и практически оборонческая позиция во время войны; ревизия марксистской теории классов А. А. Богдановым и «Рабочая Правда», как его идейное детище; Каутский, как ревизионист в теории социалистической революции и диктатуры пролетариата и реформист в практике и т. д.).

«Без революционной теории нет революционного движения». Ленин, как революционный теоретик и практик.

2. Проблема социалистической революции и диктатуры пролетариата, как основная проблема эпохи. Две теории двух Интернационалов. Каутский и Ленин, как антиподы.

Меньшевистская теория (Каутский).	Большевистская теория (Ленин).
Буржуазно-демократический парламентский строй.	Бурж.—парламентский строй.
Эпоха врастания в социализм от буржуазной демократии.	Социалист. революция, как насильственный переворот.
Коммунизм.	Эпоха диктатуры пролетариата, как эпоха врастания в социализм.
	Коммунизм.

У меньшевиков врастание в социализм начинается в условиях экономического и политического господства буржуазии, у большевиков—после социалистического переворота, отправляясь от диктатуры пролетариата.

3. Критика меньшевистской теории. Невозможность социалистического строительства без революционного преодоления буржуазии.

4. Меньшевистский и большевистский пути революции в их исторической конкретности.

«Рабочее» правительство Макдональда — и Советское правительство ССР.

Анализ их социального содержания и политики.

Литература для слушателей [*]): Ленин, Собр. соч. т. XVI, ст. «Выборы в Учредительное Собрание»; он же, т. XIV, ч. II. «Государство и революция» (особенно I и V главы, которыми, в крайнем случае, можно ограничиться). Для руководителей кроме того: Ленин, т. XV, «Пролетарская революция и ренегат Каутский»; Бухарин — «Атака», ст. «Теория пролетарской

[1]) Всюду, где мы указывали литературу, следует включать книгу Сталина, о которой мы уже упоминали в настоящей статье.

революции»; Каутский—«Диктатура пролетариата»; он же—«От демократии к государственному рабству».

II. Ленин—партия—пролетариат.

1. Класс и партия. РКП как выразитель интересов пролетариата в целом (а не отдельных его частей); и в развитии (т.-е. исторических, а не минутных, неправильно понятых «интересов»).

2. Стихийность массы и сознательность партии. Моменты, когда направление стихийно-массового и сознательно-партийного движения—одно (Октябрьская революция, например). Моменты, когда сознательно-партийное движение вынуждено противопоставить направлению стихийного движения масс свое направление (например, эпоха «Экономизма»).

Моменты, когда сознательно-партийная политика культивирует в стихийном движении его революционные элементы и преодолевает реакционные (например, наша тактика 9 января 1905 г.).

Сознательность партии и заключается в умелом представительстве реальных интересов пролетариата в целом и в развитии.

3. Неоднородность партии по социальному составу. Интеллигенция, рабочая аристократия, крестьянское охвостье в пролетариате — как наиболее подверженные влиянию буржуазии части партии.

4. Уклоны в рабочем движении, как продукт буржуазного влияния, выражающегося в различных формах. До диктатуры пролетариата эти уклоны—находят социально-политическое воплощение в особых партийных организациях (меньшевизм, левые организации), после установления диктатуры пролетариата, осуществленные чрез диктатуру партии — уклоны проявляются в более бледном виде—внутри коммунистической партии («уклончики»).

5. Характеристика уклонов. Общее во всех уклонах. (Уклонение от марксизма в практике сопровождается неизбежно ревизией его теории. Об'ективно-вредный характер всех уклонов с точки зрения реальных интересов пролетариата).

Различие уклонов. «Правые» и «левые» уклоны. Относительность этой классификации.

Правые уклоны—за такие соглашения с другими классами, в которых пролетариат должен уступить свои основные классовые позиции («соглашательство»).

Левые—против всяких соглашений, даже таких, которые укрепляют позицию пролетариата и спасают его положение (левый коммунизм, и его позиция в Бресте; рабочая оппозиция и отношение к нэп'у и т. д.). Цеховщина—в идеологии «левых», проявляющаяся теоретически в подмене многоклассового общества—обществом, состоящим из одного пролетариата.

6. В борьбе с этими уклонами и их представителями, как «врагами рабочего класса, вырос, закалился и окреп российский большевизм».

Проблема раскола. Различие в постановке проблемы до диктатуры пролетариата и во время последней. Раскол партии, стоящей у власти; есть раскол государственной власти. Необходимость исчерпывания всех возможностей воспитательного движения на «уклоняющиеся» части партии.

7. Партия, как руководитель всех организаций рабочего класса (госуд. власти, профсоюзов и т. д.). Борьба с «нейтрализмом» («нейтрализм профсоюзов»; «анархо-синдикалистический» уклон в нашей партии, как нейтрализм наизнанку; «беспартийность» Советов, отодвигание государ. аппарата от партии—сапроновщина—и т. д.).

Литература для слушателей: Ленин.—«Что делать?» (глава «Стихийность масс и сознательность партии»); он же—«Детская болезнь левизны» (главы: «Главные этапы в истории большевизма», «В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм», «Никаких компромиссов»); он же—«Новые времена, старые ошибки в новом виде». Для руководителей — все статьи Ленина против меньшевиков и левых, вплоть до XI с'езда партии.

III. Ленин, крестьянство и коммунизм.

1. Аналогичность основных тенденций в капиталистическом развитии сельского хозяйства и промышленности.

Борьба Ленина против ревизионистов и народников, опирающихся на ревизионистов.

Теоретическая критика. Конкретно-экон. анализ. Особенности диалектико-статист. метода исследования Ленина (изучение процессов, учет связи явлений, анализ противоречий в развитии общества). Применение этого метода к изучению деревни.

2. Замедление темпа развития капитализма в сельском хозяйстве, в связи с природно-естественно и социально-политическими (пережитки крепостного режима) условиями в сельском хозяйстве.

3. Неизбежность наличия в отсталых странах и колониях докапиталистических отношений в эпоху мировой революции.

Ленинская постановка вопроса о возможности перехода колониальных отсталых стран к социализму при условии победы пролетариата в экономически и политически решающих странах.

К моменту социалистической революции, когда в решающих, передовых, крупнейших странах, пролетариат имеет необходимые об'ективные предпосылки этой революции, существует еще большое количество земледельческо-колониальных стран, не прошедших через буржуазную революцию.

Проблема революционной смычки мирового города и мировой деревни. Как эта проблема решается II и III Интернационалом.

4. НЭП, как система сцепки социалистического города и простого товарного (в массе) хозяйства деревни.

Проблема революционной смычки города и деревни в России. Деревня освободилась в октябре от крепостнических пут, пролетариат от капиталистических.

Нэп и его смысл. Обеспечение условий товарного, частного

производства крестьянству в эпоху диктатуры пролетариата, который обладает основными средствами производства (фабрики, заводы, транспорт, земля) и имеет политическую власть.

5. Кооперативное вростание в социализм. Эсеровская постановка вопроса о «социалистическом» кооперировании крестьянства. Наша постановка вопроса.

Путь революции кооперации. Кооперация потребительская, промысловая, производственная. Путь от кооперации, как об'единения в области купли-продажи, в об'единение общественно-производственного характера.

6. Учет особенностей мелко-буржуазного производства, как условие успешности социализма в деревне.

Через кооперацию мы идем к уничтожению мелко-буржуазного производства, но эту задачу мы разрешим, только реалистически учитывая особенности мелко-буржуазного крестьянского производства, как об'екта приспособления, как данного отправного пункта пути к социализму.

Экон. политика и учет этого характера крест. хозяйства. Так называемая проблема «ножниц». Проблема твердой валюты в свете отношений пролетариата и крестьянства и т. д.

Учет роли и характера мелко-буржуазного окружения в нашей социально-политической работе (борьба за гегемонию в крестьянских советах, опора—в бедноте и с.-хоз. пролетариате, борьба против контр-рев. лозунгов «беспартийных Советов» и «беспартийных крестьянских профсоюзов»).

Внутрипартийные проблемы и учет роли и потенций мелко-буржуазного крестьянского окружения. Так наз. проблема «Чистой внутрипартийной демократии» и невозможность ее рассмотрения изолировано от учета классовых отношений в стране, в первую очередь учета роли крестьянства.

Литература для слушателей:

Ленин, т. XIV, ст.ст. «Крестьяне и рабочие», «Новый обман крестьян партией с.-р.», «Один из коренных вопросов»; Он же «О продналоге», ст.ст. «О кооперации», «По поводу записок о революции Суханова», доклад на II конгрессе по колониальному и национальному вопросу.

Для руководителей. Он же «Развитие капитализма в России»; весь IX том соб. сочинений; отчеты о деятельности ЦК на парт. с'ездах в эпоху диктатуры пролетариата, весь XVIII том.—собр. сочинений.

IV. Ленин — партия — буржуазия.

1. Тактика РКП по отношению к буржуазии в эпоху буржуазной революции. Использование буржуазного движения, однако без хвостиского приспособления к нему. Разоблачение буржуазии и борьба против организационных об'единений с политическими формациями либеральной буржуазии.

2. Социалистический переворот и тактика партии в отношении буржуазии. «За горло и коленом на грудь». Насильственное преодоление военно-политической мощи буржуазии; экспроприация экспроприаторов. Лишение буржуазии политических прав.

3. Эпоха нэп'а и наша политика в отношении буржуазии. Сохранение основных средств производства за пролетарским государством. Сохранение политической бесправности буржуазии.

Допущение буржуазного способа производства, регулируемого пролетарским государством и подчиненного законам пролетарского государства.

Смысл в увеличении прибавочного продукта пролетарского государства за счет буржуазии. Заключение экономических сделок, обеспечивающих рост социализма, более быстрый, чем рост капитализма (проблема «выгодности», концессионная практика и т. д.).

Использование противоречий между различными группами буржуазии (во внешней политике—в особенности).

Литература для слушателей: Ленин «О продналоге». для руководителей «Две тактики» (1905 г.). Он же, т. XI, ч. II, «Об уроках революции»; он же «Государство и революция»; XVII—XVIII тома собр. сочинений.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Е. Варга—„Очерки по аграрному вопросу“.

Том I, вып. I. «Московский Рабочий», 1924 г.

Не раз писалось в газетах и журналах, не раз говорилось на с'ездах, что слаб интерес к аграрному вопросу среди членов нашей партии, что слабо знание аграрных отношений. Этим об'ясняется отчасти то обстоятельство, почему в научной литературе вы находите популяризации VI отдела III-го тома «Капитала Маркса, кого угодно, только не ортодоксальных марксистов. Теорию земельной ренты Маркса старались ломать, калечить, ревизовать все, кому только не лень, а марксистских изложений этого отдела вы найдете с трудом. Можно без преувеличения сказать, что кроме известной главы Каутского в его «Аграрном вопросе» и Ленина в IX томе Собр. Сочин. мы не найдем марксистских выдержанных работ по этому вопросу. Борхардт, излагающий «Капитал», позабыл про VI отдел, как будто его совершенно не существует. Специальных монографий по теории земельной ренты в марксистской литературе не существует.

Между тем, практика революционной борьбы поставила в центре внимания аграрный вопрос. Октябрьская революция была вынесена до победного завершения на плечах рабочих и крестьян; сохранение завоеваний Октября мыслимо только при союзе рабочего класса с крестьянством как в области политики, так и экономики. Дальнейшее успешное развертывание мировой революции и завоевание власти пролетариатом «без создания прочных опорных пунктов среди сельского населения носит совершенно утопический характер» (стр. 7). Но решение этих задач требует от каждого агитатора и пропагандиста, от политика и стратега классовой борьбы, от хозяйственного работника—знания теории распределения доходов среди сельско-хозяйственного населения, знания тех слоев, на какие делится с.-х. население и знание тех интересов и чаяний, которыми живет каждый отдельный слой сельского населения. Поэтому наша партия в целом должна настроиться для преодоления этих задач. Изучение этих вопросов должно занять одно из первых мест в программах наших партшкол, начиная с низших и кончая высшими.

Рассматриваемый нами I-й выпуск «Очерков» в этом отношении имеет не только теоретический, но и чисто практический актуальный интерес. Он представляет из себя теоретическое введение, вернее, ключ к пониманию и сознательному усвоению содержания дальнейших выпусков об аграрных условиях отдельных стран, излагающих: необходимый статистический и описательный мате-

риал и важнейшие основы политической работы. I выпуск дает: 1) теоретическое исследование «на основе марксизма законов распределения доходов среди сельско-хозяйственного населения» (стр. 11); 2) «классовое деление с.-х. населения, принимая за основу его функции в производственном процессе и источники доходов» (стр. 38) и 3) дает ответ на вопросы: а) «какие из этих слоев положительно заинтересованы пролетарской революцией; б) какие слои могут быть нейтрализованы» (стр. 9). Выпуск чрезвычайно интересный по затрагиваемым им вопросам.

***

Самыми ценными являются главы VI, VII и VIII.

В главе VI автор дает классовое деление с.-х. населения, «принимая за основу его функции в производственном процессе и источники дохода... Исходя из точки зрения политической, мы намечаем прежде всего три основные группы:

I) классы, решительно враждебные пролетариату;

II) классы, колеблющиеся между пролетариатом и господствующим классом;

III) Пролетариат и полу-пролетарские слои».

К первой группе автор относит слои, живущие за счет прибавочной стоимости, безразлично в форме ли земельной ренты или прибыли, а именно: 1) крупных земельных собственников, не выполняющих в производстве никакой полезной функции; 2) земельных собственников, занимающихся лично хозяйством; 3) капиталистических арендаторов и 4) крупных крестьян.

Ко второй группе он относит: 1) среднее крестьянство и 2) мелких крестьян, для которых земля «естественное условие использования их собственной рабочей силы». Доход как тех, так и других слагается из ренты, прибыли и заработной платы.

Наконец, к третьей группе автор относит: 1) полупролетариев и 2) с.-х. пролетариат. Доход первых получается от продажи своей рабочей силы и от дохода с собственного хозяйства; доход вторых образуется из одной заработной платы.

«Характернейшей чертою всего с.-х. населения — говорит автор, — за исключением крайних групп, т.-е. безземельного пролетариата и крупных землевладельцев, является неустойчивое классовое положение. В то время, как в промышленности классовые деления являются резкими и заметными для всякого, в сельском хозяйстве наблюдаются постоянные, почти непрерывные переходы от безземельного пролетария через карликового крестьянина и арендатора к мелким и средним крестьянам, а от последних к крупным и богатым крестьянам. Переходные грани носят расплывчатый характер» (стр. 9).

Этим обстоятельством об'ясняются многообразие, сложность и запутанность классовых интересов между отдельными слоями с.-х. населения. В главе VII тов. Варга, разбирая противоположность и общность классовых интересов среди с.-х. населения, устанавливает классовые антагонизмы:

между получателями и плательщиками ренты;

между работодателями и рабочими;

между продавцами и покупателями средств питания;
между сельским населением и городской буржуазией и
между крестьянством крупным, средним и мелким вместе взятым и землевладельцами.

Однако, в этом сложном лабиринте можно наметить следующие основные линии этих антагонизмов:

1) «Полупролетарский элемент составляет, вместе с собственно с.-х. пролетариатом, подлинный пролетарский класс, базис диктатуры в сельских местностях.

2) Мелкие и средние крестьяне могут от диктатуры больше выиграть, чем потерять, и потому в борьбе за диктатуру могут быть, по меньшей мере, нейтрализованы.

3) Все трудящееся крестьянство — особенно в странах с преобладающим крупным землевладением феодального характера — постоянно страдает от земельного голода и в своих широких массах склонно вступить в классовый союз с пролетариатом в целях проведения аграрной революции» (стр. 48).

Отсюда уже можно заключить насколько широкие возможности имеются в деревне для гибкой политики коммунистической партии. Социал-демократия, «рассматривая все крестьянство безразлично, как корыстного продавца средств питания и врага промышленного пролетариата, оказывает услугу буржуазии, вбивая клин между теми двумя классами, совместное действие которых безусловно необходимо для разрушения капиталистического общественного строя в большинстве стран мира» (стр. 8). Поэтому в главе VIII автор главную задачу коммунистической партии в деревне усматривает в том, чтобы вырвать широкие массы трудящихся крестьян из-под идеологического влияния крупного крестьянства, связанного с буржуазией и землевладельцами, — и установить боевой классовый союз между пролетариатом и трудящимся крестьянством под руководством городского пролетариата и его авангарда—коммунистической партии.

Все три главы написаны простым, живым, популярным языком. Автор здесь обосновывает, раз'ясняет, обучает и организует. Они составляют самую лучшую, самую ценную часть «Выпуска».

Внимания заслуживают также главы IV и V,—о ростовщической ренте, цене земли и земельном ростовщичестве. В главе IV автор разбирает различия между собственно рентой и арендной платой, в связи с чем устанавливает «ростовщическую ренту в виде разницы между стоимостью рабочей силы и фактически уплачиваемою с.-х. рабочему более низкою заработною платою» (стр. 28). Эта «ростовщическая рента может принять, по словам автора, также форму ростовщической аренды, когда с трудящихся крестьян берется арендная плата, далеко превышающая ренту в народнохозяйственном смысле» (стр. 30). Нам кажется, что, прежде всего, здесь существует некоторая неясность или, вернее, неточность формулировки, аренда является конкретной формой всякой ренты, в том числе и ростовщической. Поэтому нельзя говорить, что в одном случае ростовщическая рента принимает, в другом—не принимает формы аренды.

Что же касается существа вопроса, то нам кажется, что ростовщической рентой можно назвать лишь тот излишек сверх собственно ренты, который своим происхождением обязан чрезмерной эксплоатации личного труда мелкого, некапиталистического арендатора, «которые с раннего утра до позднего вечера тяжким трудом возделывают землю» (стр. 33).

Ростовщическая рента, равно как и земельное ростовщичество, захватывает, главным образом, мелких производителей и представляет из себя не что иное, как особые методы первоначального накопления капитала в рамках капиталистического общества.

***

Теперь остановимся на тех пробелах, которые, по нашему мнению, имеют место в первом «Очерке».

Первый и самый крупный из них имеет место в теоретическом исследовании законов распределения доходов среди с.-х. населения, это—роль, приписываемая закону убывающего плодородия почвы в теории ренты Маркса.

Отметив, что в рабовладельческом и феодальном обществах происхождение дохода с земли не представляло собою экономической проблемы, что «такою проблемою доход с земли становится только при современном капитализме» (стр. 12),—тов. Варга следующим образом формулирует эту проблему:

«Если мы на основе марксовой теории стоимости утверждаем, что каждый товар обменивается в соответствии со своею стоимостью, что под стоимостью разумеется не что иное, как содержащееся в товаре рабочее время, что прибыль с капитала представляет собою произведенную рабочими и присвоенную капиталом прибавочную стоимость, то перед нами встает вопрос: каким образом возможен чистый рентный доход с точки зрения марксовой теории стоимости?..

Каким образом может капиталистический арендатор, хотя он уплачивает рабочим стоимость их рабочей силы и получает среднюю норму прибыли на вложенный им капитал, уплачивать сверх того ренту землевладельцу?»

Ответ на эти вопросы гласит: «Возможность для арендатора уплачивать земельную ренту об'ясняется тем, что капитал, вложенный в культурных странах в сельское хозяйство, доставляет более высокую норму прибыли, чем обычная для данной страны средняя норма».

Но в таком случае возникает новый вопрос: «Почему прибыль, производимая в сельском хозяйстве, не входит в общую массу прибыли, производимой в стране? Каким образом может арендатор выручать на товарном рынке прибыль, превышающую среднюю норму прибыли и почему он вынужден этот излишек сверх средней нормы прибыли отдавать землевладельцу?. Ответ на этот вопрос гласит: ... Основу возможности земельной ренты составляют частная собственность на землю и убывающее плодородие земли» (стр. 12, 13 и 14).

С последним положением автора мы никак не можем согласиться. Оно идет в разрез с учением Маркса, оно совершенно излишне для обоснования его теории ренты.

Какое содержание вкладывает тов. Варга в понятие «убывающего плодородия земли?». «Последнее заключается в том,—отвечает на наш вопрос автор,—что при каждой, исторически-дан-

ной технике земледелия валовой урожай с данной площади земли, начиная с известного пункта, может быть увеличен только за счет возрастающих издержек производства на единицу продукта. Это имеет место при данной технике земледелия. В случае же перехода к новой технике возможно увеличение производства и одновременное повышение сбора с единицы площади без возрастания издержек производства на единицу продукта. Но при каждой данной технике земледелия существует факт убывающего плодородия земли» (стр. 14).

Как видим, тов. Варга излагает закон убывающего плодородия земли с особыми ограничениями, обставляет особыми условиями. Его «закон» имеет место только «при каждой данной технике земледелия». Однако, от этого дело нисколько не изменяется к лучшему. Нелишним будет здесь напомнить нашим читателям, что и отец ревизионизма в аграрном вопросе—Э. Давид точно так же трактует закон убывающего плодородия почвы. Вот что говорит он по этому вопросу:

«Для общего хода исторического развития земледелия значение имеют успехи науки и техники, благоприятно влияющие на продуктивность сельско-хозяйственной работы. Закон понижающейся производительности почвы не мешает этому. Он вообще не касается вопроса о колебании продуктивности при переходе с одной научно-технической ступени на другую. Закон занят исключительно колебанием продуктивности на одной и той же научно-технической ступени. Каждое новое открытие или изобретение, вносящее улучшение в с.-х. производство, ставит закон понижения производительности почвы на новый базис». (Социализм и сельское хозяйство—2-е изд., Петербург, 1908 г., стр. 476).

В доказательство незыблемости пресловутого «закона» тов. Варга заявляет, что «если бы не было факта убывающего плодородия земли, и если бы возможно было при помощи увеличенной затраты средств производства и рабочих сил добывать с той же площади земли практически неограниченное количество продуктов при неизменяющихся издержках производства на единицу продукта (что имеет место в индустрии), то ничтожная площадь земли оказалась бы достаточной для того, чтобы снабдить средствами существования все человечество» (стр. 14). Как видим, и здесь тов. Варга повторяет тот обычный избитый довод в пользу закона убывающего плодородия земли, который в свое время приводился Давидом, Булгаковым, Масловым и всеми буржуазными экономистами. В свое время Маркс предвидел этот основной и единственный довод и назвал его «поверхностным взглядом» и добавил при этом: «хотя это считается особой невыгодой земледелия, но справедливо как раз обратное...» (Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 317).

Утверждение тов. Варги является не лишенным некоторого смысла, поскольку он остается на одной и той же ступени развития земледельческой техники, поскольку он предполагает последнюю застывшей на определенном уровне. В этом случае, при наличии, напр., одного плуга, требующего одного работника для своего обслуживания, прибавка к нему второго работника не увеличит производительности труда. Каждое орудие и машина предполагает уже заранее определенное количество рабочих рук, необходимых

для их рационального использования. Поэтому было бы более выгодным употребить в дело вместо одного—два плуга. Но это еще не доказывает, что третий плуг мог бы еще более увеличивать производительность. Дело в том, что опять-таки всякое орудие и машина рассчитаны на производство определенного количества работы при нормальных средних условиях. Их применение будет считаться производительным, рациональным только в том случае, если будет исполнен, по крайней мере, минимум этой работы. Отсюда вытекает, что поскольку два плуга успешно справляются с определенным количеством работы, прибавка к ним третьего для совершения той же работы будет непроизводительной затратой, не приносящей никакого дохода. Раз достигнута необходимая для рационального использования данных средств производства максимальная граница, то вся дальнейшая добавка труда явится бесплодной. Добавочное вложение капитала не только не даст добавочного, хотя бы относительно уменьшающегося, продукта, но вовсе не принесет ничего. Вот при такой постановке вопроса закон может иметь некоторое значение.

Но из только что сказанного вытекает такой вывод, что самое понятие «добавочного вложения капитала» на одной и той же площади предполагает изменение способов производства, т.-е. прогресс техники. Поэтому в оценке закона убывающего плодородия земли мы должны исходить не из статики, а из динамики земледельческой техники. Только при этом условии мы сумеем определить его истинное значение и место в экономике сельского хозяйства.

Технический прогресс, как все в природе и обществе, совершается диалектически. Всякий тип или система техники не есть что-то идеальное, совершенное, неизменное, а относительное. Всякая новая система техники уже с момента своего возникновения носит в себе недостатки, противоречащие с общей идеей данной системы. Мелкие технические изобретения или усовершенствования в основном типе, направленные на разрешение этих противоречий, еще более их усиливают, прибавляя к ним новые, накопляя их. На известной определенной ступени технического прогресса, наросшие противоречия из количества переходят в качество, разрешение становится возможным только путем замены прежнего типа новым, более совершенным, путем технической революции.

Одним словом, в действительном ходе развития техники мы имеем дело, с одной стороны, с периодами органического развития и роста, с периодами эволюционными, с другой—мы там имеем дело с революциями, коренными переворотами в господствующей системе техники. Периоды органического развития техники сменяются революциями и наоборот.

Соответственно этому действительному ходу развития техники мы должны различать два основных способа применения добавочных капиталов к одной и той же площади земли. Один способ применения добавочных капиталов будет иметь место в период органического роста техники, т.-е. на основе данной системы техники производства; другой—в периоде технической революции, т.-е. при переходе прежней системы техники производства в новую, более совершенную систему, при под'еме сельского хозяйства на

новую, техническую базу. Исторически они чередуются, сменяя друг друга.

В периоды органического роста техники не могут иметь места большие добавочные затраты труда и капитала, с значительным увеличением полезного от него эффекта. Они будут колебаться между минимумом труда, необходимым для хозяйств при этом состоянии техники, и максимумом, при превышении которого всякая дальнейшая прибавка труда непроизводительна. При сохранении этой системы техники и формы хозяйства увеличение количества продукта может совершаться, главным образом, лишь постольку, поскольку возможно дальнейшее увеличение культурной площади.

Но отнюдь не всегда и в этих узких пределах будет наблюдаться уменьшение производительности каждого такого добавочного вложения. Однако, когда совершился переход к новой форме хозяйства, когда водворилась новая система земледельческой техники, то эта новая форма хозяйства, усовершенствованная система техники производства при всяких условиях производительности труда означает возростание продукта, извлекаемого данным количеством труда и с данной площади земли, а также умножение избытка над средствами содержания этого труда, идущего на содержание неземледельческого населения. Поэтому очень правильно определил место и значение закона убывающего плодородия почвы Ленин, а именно: «Закон убывающего плодородия почвы вовсе неприменим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются; он имеет лишь весьма относительное и условное применение к тем случаям, когда техника остается неизменной... Вместо универсального закона мы получаем, следовательно, в высшей степени относительный «закон»,— настолько относительный, что ни о каком «законе» и даже ни о какой кардинальной особенности земледелия не может быть и речи... Вот почему ни Маркс, ни марксисты и не говорят об этом «законе», а кричат о нем только представители буржуазной науки, вроде Брентано, которые никак не могут отделаться от предрассудков старой политической экономии с ее абстрактными, вечными и естественными законами». (Собр. сочин., том IX, стр. 55).

Подобные же явления имеют место также в промышленности. Любая машина пока не износилась работает гладко, без перебоев, и поэтому до максимума развивает производительность труда. Но стоит только той же машине в результате долгой работы поизноситься, как производительность ее будет понемногу сокращаться. Ремонт, новые улучшения — все это поднимает ее производительность, но не в такой степени, как при этом возрастают издержки. Происходит вздорожание изготовляемых при ее помощи товаров, так как для получения все того же количества товаров приходится сделать известную затрату, приходится оплачивать нечто, что прежде не оплачивалось. Но стоит только изобрести новую конструкцию той же машины, как производительность ее возрастет быстрее, чем издержки на ее производство. Стоимость производимых при ее помощи товаров будет понижаться. Вследствие новых изобретений, и здесь могут быть произведены отдельные улучшения, но, предполагая данную ступень развития производительной силы, машина при употреблении может лишь ухудшаться... Хотя это считается особой невыгодой земледелия, но справедливо как раз обратное... При быстром развитии производительные силы плюс совокупность старых машин приходится заменять более выгодными, следовательно, они утрачиваются. Напротив, земля, если она правильно возделывается, все улучшается». (Капитал, III том, 2-я часть, стр. 317).

Словом, добавочные затраты капитала с уменьшающейся производительностью не представляют исключительного явления одного земледелия. В этом отношении нет никакого различия между сельским хозяйством и промышленностью.

Если бы закон убывающей производительности земли действительно господствовал в земледелии, то избыток, производимый каждым сельским рабочим уменьшался бы; уменьшалось бы также количество населения, которое живет за ее счет. Но действительность говорит обратное. Обратное говорят не только промышленные страны Европы, как напр., Германия, ввозящие жизненные припасы, но и Соедин. Штаты, вывозящие их. В Соедин. Штатах с 1840 по 1919 г. население увеличилось в 6⅓, промышленное население в 14,8 раз, количество же фермерских рабочих увеличилось только в 4,1 раз. Но возросшему в 4,1 раз количеству фермерских работников соответствует еще более быстрый прирост (в 9,8 раз) количества производимых им хлебов, результатом чего явилось увеличение продукции зерновых хлебов на душу населения с 59,7 до 92,9 пуд. (по 14 цензу 1920 года).

Таким образом, пресловутый закон убывающего плодородия почвы сводится на нет непрерывным прогрессом земледельческой техники. Последний дает возможность относительно и даже абсолютно сокращающемуся сельскому населению производить увеличивающееся количество земледельческого продукта на увеличивающееся количество народонаселения. Предсказывать же убывающее плодородие земли на далекое неизвестное будущее предоставляем пророкам и бездельникам.

Одним словом, ни с точки зрения теоретической, ни практической закон убывающего плодородия земли не выдерживает никакой критики. Между тем, тов. Варга продолжает возводить этот закон в особенность земледелия, создавая этим совершенную путаницу. Подобно буржуазным экономистам, он связывает этот закон с теорией ренты, и заявляет, что «факт убывающего плодородия земли образует основу как абсолютной, так и дифференциальной ренты» (стр. 15).

**
*

В каком смысле факт убывающего плодородия земли образует основу абсолютной ренты?

«Предположим, что в данный момент производство средств существования уже недостаточно для удовлетворения потребностей. Цены на средства существования поднимаются. Производство их должно быть увеличено. Такое увеличение производства возможно либо путем приложения нового капитала и труда к уже возделываемым участкам, либо путем обработки участков, до сих пор не возделывавшихся. Но приложение нового капитала наталкивается на узкие границы вследствие факта убывающего плодородия

земли». Тут же в скобках тов. Варга считает необходимым оговориться, что «Маркс в данном контексте не подчеркивает роли убывающего плодородия почвы, но весь ход его мысли был-бы лишен основания, если бы возможно было увеличение производства на уже возделываемых участках земли, без возростания издержек производства на единицу продукта» (стр. 16).

Действительно ли ход мысли Маркса был бы лишен основания без закона убывающего плодородия земли? Здесь тов. Варга переоценивает значение убывающего плодородия земли и не дооценивает роль частной собственности на землю.

Роль частной собственности в деле возникновения абсолютной ренты, прежде всего, оказывается в том, что она мешает свободным капиталам перетекать в еще незанятые земли, чем вызывает образование того излишка над регулирующей ценой производства, который представляет из себя, по Марксу, абсолютную ренту. Но этим роль частной собственности не исчерпывается. Конечно, в течение срока действия арендного договора арендатор откупился от монополии частной собственности на землю, т.-е. он будет присваивать себе всякую ренту, получающуюся от добавочных вложений капитала в течение срока действия арендного договора. Но и здесь поле приложения добавочных капиталов ограниченное. Дело в том, что дополнительно затраченный капитал, который по своей производительности одинаков с первоначальным капиталом на худшем сорте земли, уже не дает дифференциальной ренты. Поэтому такая дополнительная затрата капитала служит тем крайним пределом, за которым рента вообще начинает превращаться в среднюю прибыль. Но так как рента арендным договором заранее предвосхищена и закреплена за земельным собственником, то остается одно из двух: или продолжать добавочные вложения капитала за этим пределом и уплачивать часть ренты из средней прибыли на капитал, или же прекратить дальнейшие затраты капитала с тем, чтобы выручать среднюю прибыль на капитал. Конечно, всякий капиталистический арендатор будет выбирать второй путь. Пока существует институт частной собственности на землю, таковые добавочные затраты капитала невозможны, хотя средняя цена производства продукта для всего затраченного капитала была бы ниже регулирующей цены производства.

Следовательно, не убывающее плодородие земли, а частная собственность на землю здесь снова ставит границы дальнейшим приложениям капитала к одной и той же площади земли, при данных технических условиях производства. Лишь только достигнуты эти границы, как можно сказать, что капитал уже исчерпал все производительные возможности, которые ему открывались на данной ступени развития земледельческой техники. Я подчеркнул слово «земледельческой», так как в индустрии подобных ограничений капитал не знает. Отсюда и отсталость земледелия.

Словом, ход мысли Маркса не лишен основания и без закона убывающего плодородия земли. Его теория абсолютной ренты не нуждается в последнем для своего обоснования.

Далее, необоснованным является заявление тов. Варги, что во втором томе «Теории прибавочной стоимости» «Маркс дает другую, как мы полагаем, неправильную теорию абсолютной ренты, обосновывая ее различием органического состава капитала» (стр. 17, сноска 3). Надо сказать, что по существу марксовая трактовка абсолютной ренты в «Теориях» ничем не отличается от трактовки ее во II томе «Капитала». Речь может итти лишь о том, где эта трактовка получила более законченное выражение. Как в том, так и в другом труде Маркс проводит ту мысль, что монополия частной собственности на землю,—а не низкое строение земледельческого капитала—увеличивает цену на продукты сельского хозяйства и этим создает излишек над средней нормой прибыли, принимающей форму абсолютной ренты. Монополия на землю, как об'ект права, является, по Марксу, единственной причиной возникновения абсолютной ренты.

Низкое ли, высокое ли строение земледельческого капитала, это лишь условия, отличающие одну форму абсолютной ренты от другой, определяющие, будет ли абсолютная рента образовываться из стоимости продукта земледелия или из монопольной цены, превышающей стоимость этого продукта. Факт низкого строения земледельческого капитала свидетельствует только о том, что абсолютная рента представляет в этом случае часть прибавочной стоимости, созданной в самом земледелии. Повышение же строения земледельческого капитала до уровня состава среднего общественного капитала будет означать образование абсолютной ренты из прибавочной стоимости, созданной вне земледелия, т.-е. в промышленности.

Низкое строение земледельческого капитала является лишь выражением исторически создавшейся отсталости земледелия по сравнению с промышленностью, равно, как повышение строения земледельческого капитала до уровня, или выше, состава среднего общественного капитала означает, что интенсивная культура водворила в земледелии те же производственные отношения, какие являются типичными для промышленности. Следовательно, низкое или высокое строение земледельческого капитала,—это суть различные условия, которые обусловливают две формы абсолютной ренты, соответствующие различным историческим эпохам развития капитализма в земледелии.

В каком смысле факт убывающего плодородия земли образует основу дифференциальной ренты? «Основа дифференциальной ренты,—говорит тов. Варга,—составляет элементарный факт различий в естественном плодородии земли» (стр. 20). Но в силу какой причины на этом естественном базисе возникающая дополнительная прибыль принимает форму дифференциальной ренты?

Напомнив вкратце учение Маркса о стоимости, цене и прибыли, тов. Варга заявляет, что «описанный механизм образования цен действует только для тех отраслей производства, в которых производство может быть увеличено практически неограниченно, без возрастания издержек производства на единицу продуктов (стоимость издержек производства $= C + V$). Это имеет место во всех других отраслях производства, за исключением сельского хозяйства.»

Здесь ясно и ярко обнаруживается принципиальная разница между промышленностью и сельским хозяйством. Фабрикант, у

которого себестоимость продукта ниже по сравнению с его конкурентами, продает его по цене, немного ниже рыночной цены, с целью увеличить общую сумму своей прибыли посредством увеличения сбыта. Он следует такой политике, ибо он может производить неограниченно большое количество товаров с уменьшающимися издержками производства на единицу.

Сельско-хозяйственный же производитель, возделывающий пшеницу на лучшей земле, с более низкими затратами, не имеет никаких оснований продавать ее дешевле рыночной цены: ибо, вследствие факта убывающего плодородия почвы, он лишен возможности добывать на той же земле большее количество пшеницы такими же низкими издержками производства... Поэтому он не может подражать политике фабриканта, который сознательно понижает свою прибыль с единицы товара, чтобы, посредством расширения сбыта, увеличить общую сумму своей прибыли... В сельском хозяйстве не существует конкуренции между отдельными предприятиями (стр. 22 и 23).

Таким образом, тов. Варга, причину возможности дифференциальной ренты усматривает в факте убывающего плодородия земли. Не будь этого «факта», не было бы и никакого различия между промышленностью и земледелием. Как в первом, так и во втором имела бы место конкуренция между отдельными предприятиями, дополнительная прибыль вступала бы в общий процесс образования средней нормы прибыли.

Разберемся в приведенных доводах тов. Варги. Фабрикант, который фигурирует у автора, и «у которого себестоимость продукта ниже, по сравнению с его конкурентами», очевидно, пользуется каким-нибудь новым усовершенствованием в способе производства, что выделяет его из среды других, ставит в привилегированное положение. То, что он продает свой продукт «по цене, немного ниже рыночной цены», свидетельствует о том, что этот усовершенствованный способ производства пока еще не получил всеобщего распространения, а, напротив, находится в монопольном владении этого фабриканта. При этих условиях, действительно, этот фабрикант может не только побить своих конкурентов и увеличить общую сумму своей прибыли, но он может даже выручать некоторый излишек над средней нормой прибыли, т.-е. может выручать дополнительную прибыль. И если бы данный фабрикант сумел обеспечить монополию на данное техническое усовершенствование в способе производства, то эта дополнительная прибыль была бы закреплена за ним навсегда. Но обеспечить такую монополию в промышленности не представляется возможным. Каждое усовершенствованное орудие производства поддается свободному воспроизводству в любых количествах с одной стороны, и каждое из них, являясь товаром, рассчитано на массовое производство и массовый сбыт—с другой. Поэтому всякое техническое усовершенствование имеет тенденцию становиться достоянием всех фабрикантов, отчего дополнительная прибыль в промышленности получает эпизодический характер. В промышленности конкуренция принуждает производить товары при средних, одинаково благоприятных, условиях производства.

Мы вполне солидарны с тов. Варга, что «совершенно иное положение дел существует в сельском хозяйстве», но мы расходимся с ним в вопросе: что служит причиной этого «иного положения дел?»

В земледелии большая производительность одинаковых капитальных затрат зависит от естественной производительной силы земли, которой неодинаково наделены разные земельные участки. «С.-х. производитель, возделывающий пшеницу на лучшей земле с более низкими затратами», помимо средней нормы прибыли будет присваивать еще известный излишек в виде дополнительной прибыли. Дополнительная прибыль в земледелии могла бы исчезнуть только в том случае, если бы лучшей земли хватало для удовлетворения всей общественной потребности в продуктах сельского хозяйства, если бы капиталы с худших земель могли свободно переходить на лучшие земли, еще никем не занятые, если, следовательно, цена производства на худшей земле могла снизиться до цены производства на лучшей, вызывая одновременно понижение рыночной цены.

Однако, этого быть не может, Площадь всей земли—величина ограниченная, а равно является и ограниченной по своим размерам площадь лучшей земли. Последняя не поддается, подобно машине, свободному производству. В силу этой особенности, в земледелии конкуренция капиталов не может выровнить различия в условиях производства, поскольку одна лучшая земля не может удовлетворить общество продуктами сельского хозяйства. Здесь дополнительная прибыль закрепляется за капиталами, эксплоатирующими лучшие земли в силу ограниченности этих последних, в силу естественной монополии на землю, как об'ект хозяйства. Если бы не ограниченность земли, то между промышленностью и земледелием никакой разницы не существовало бы.

Итак, не факт «убывающего плодородия почвы», а ограниченность земли, или, что то же, монополия на землю, как об'ект хозяйства, — вот причина, порождающая дополнительную прибыль в земледелии на основе различий в плодородии и месторасположении отдельных участков земли, как на ее естественном базисе.

Не «вследствие факта убывающего плодородия почвы», а в силу той же ограниченности земли в сельском хозяйстве, в отличие от промышленности, «цена хлеба равна цене производства хлеба, производимого на худшей земле и необходимого для снабжения рынка. Все производители, возделывающие лучшие земли, выручают особый излишек, сверх прибыли (стр. 23).

Наличие дифференциальной ренты представляет собой не естественное явление, независимое от производственных отношений, как утверждает автор на стр. 20, а явление историческое.

Таким образом, можно сказать, что и дифференциальная рента нисколько не нуждается в факте убывающего плодородия земли для своего теоретического обоснования. Напротив, принятие этого мнимого «факта» в основу дифференциальной ренты привело автора к такому неслыханному утверждению, что в «сель-

ском хозяйстве не существует конкуренции между отдельными предприятиями», чем фактически закон трудовой стоимости устраняется из земледельческого производства и делается совершенно необ'яснимым неоспоримый факт поглощения мелкого производства крупным в сельском хозяйстве.

Следующая крупная теоретическая ошибка как раз связана с оценкой производительности крупных и мелких предприятий в сельском хозяйстве в гл. IX.

При сравнении производительности крупных и мелких предприятий,—говорит тов. Варга,—необходимо строго придерживаться научного метода, предполагающего равенство всех прочих условий; т.-е. мы должны предположить полное равенство плодородия земель, их положения, техники земледелия, специальной подготовки работников и руководителей, интенсивность труда и т. д. (стр. 58). Руководствуясь этим методологическим правилом, автор далее рассматривает под ряд, какова производительность крупных и мелких предприятий: 1) в смысле валового дохода; 2) в смысле величины ренты; 3) в смысле прибыли с капитала и 4) в смысле производительности труда,—и приходит к выводу, что «при полном равенстве всех прочих условий, крупное предприятие имеет решительное преимущество в производительности труда, однако, эта разница не имеет особенно большого экономического значения». Во всех остальных смыслах производительность мелкого предприятия не уступает, а порой даже превосходит производительность крупного. При прочих равных условиях, напр.. «валовой доход сельского хозяйства будет больше в мелких крестьянских предприятиях, чем в крупных капиталистических». (стр. 59). Ибо «крупное капиталистическое предприятие при повышении дохода наталкивается на границы возможного применения рабочих сил. Капиталистический сельский хозяин... будет применять рабочих для увеличения урожая лишь при том условии, если их добавочный труд доставляет ему также прибавочную стоимость, т.-е. повышает прибыль на вложенный капитал. Трудящийся же крестьянин в мелком предприятии будет применять рабочую силу свою и своей семьи до того пункта, где его труд не доставляет уже никакой прибавочной стоимости и, может быть, даже полной заработной платы» (стр. 58).

Как видим, тов. Варга становится на сторону защиты ревизионистского тезиса, который красной нитью проходит через весь труд Э. Давида «Социализм и сельское хозяйство», а именно: жизнеспособность мелкого производства в земледелии и превосходство его над крупным.

Основная теоретическая ошибка автора вытекает из того обстоятельства, что он в основу группировки хозяйств по размерам полагает размер площади земли. В свое время Ленин по этому поводу писал следующее: «Группировка по площади земли соединяет вместе крупные и мелкие хозяйства, раз они похожи по размерам землевладения, соединяет вместе хозяйства с совершенно различными размерами производства, такие, в которых преобладает семейный труд с такими, в которых преобладает наемный. От этого получается в корне неправильная, совершенно извращающая действительное положение дела,—но очень нравящаяся буржуазии—картина притупления классовых противоречий в капитализме. От этого получается не менее фальшивое и не менее нравящееся буржуазии прикрашивание положения мелких земледельцев, получается апологетика капитализма». (Собр. сочин., том IX, стр. 244).

«Главная линия развития капиталистического земледелия,—пишет там же Ленин,—состоит именно в том, что мелкое хозяйство, оставаясь мелким по площади земли, превращается в крупное по размерам производства, по развитию скотоводства, по размерам удобрения, по развитию применения машин и т. п.

Поэтому безусловно неправилен тот вывод, который получается при сравнении разных групп хозяйств по количеству земли, и который гласит, что с увеличением хозяйства уменьшается интенсивность земледелия. Единственно правильным, наоборот, является тот вывод, который получается при сравнении различных хозяйств по величине стоимости продуктов, и который гласит, что с увеличением размеров хозяйства увеличивается интенсивность земледелия» (стр. 243).

Вторая ошибка кроется в самом методологическом принципе, установленном автором. Равенство всех прочих условий по существу является равенством несравнимых величин. Все перечисленные автором хозяйственные признаки, будучи количественно равновеликими величинами или равными условиями, качественно будут совершенно различными в мелком и крупном предпрятиях. Следуя этому методу, автор пришел к такому заключению, что чрезмерный труд трудящегося крестьянина составляет выгодную сторону мелкого предприятия в сельском хозяйстве. Факт принижения капитализмом мелкого крестьянина и арендатора прикрывается здесь выкладками о размерах чистой прибыли на капитал и о величине земельной ренты. Весь же внутренний строй жизни и производства, вся качественная сторона мелкого и крупного предприятия затушевываются.

Поэтому Ленин говорит, что «по отношению ко всем и всяким сравнениям доходности мелких и крупных хозяйств в земледелии должны раз навсегда признать абсолютно негодными и вульгарно-апологетическими выводами, игнорирующие три обстоятельства: 1) как питается, как живет и как работает земледелец? 2) как содержится и как работает скот? 3) как удобряется и рационально ли эксплоатируется земля? Мелкое земледелие держится всяческим хищничеством: расхищением труда и жизненных сил земледельца, расхищением сил и качеств скота, расхищением производительных сил земли, а потому всякое исследование, не принимающее всесторонне во внимание все эти обстоятельства, представляет из себя просто ряд буржуазных софизмов». (Собр. сочин., том IX, стр. 114).

Не удивительно, что после всего этого автор приходит к выводу, что «главное средство производства в сельском хозяйстве, а именно сама земля, может подвергаться делению без значительного уменьшения ее производительной силы, считая последнюю как на единицу приложенного труда, так и на единицу земельной площади» (стр. 9). Мало того, автор договаривается до того, что размеры урожая с земли зависят не от степени интенсивности, не от размеров затраченного на единицу площади капитала, а «от культуры сельско-хозяйственного населения», что берется подтвердить статистическим путем. Однако, приведенная на стр. 61 таблица, дол-

женствующая подтвердить «параллелизм между высотой урожаев и простейшим мерилом общего состояния культуры, грамотностью»,—отнюдь этого не доказывает.

Надо заранее сказать, что если последующие «очерки» по конкретным аграрным отношениям будут построены на основе изложенного автором взгляда на мелкое и крупное производство в земледелии — то они не ответят интересам и желаниям читателей.

Я. БЕРЗТЫС.

Л. Д. Троцкий о Ленине.

Л. Д. Троцкий. О Ленине. Материалы для биографа. Госиздат. 168 стр. Москва, 1924 г.

В предисловии автор говорит, что «книга не закончена», что он и дальше будет «работать над ней, вносить в нее поправки, исправлять, уточнять и дополнять ее новыми эпизодами и главами». Книга охватывает: 1) период старой «Искры», 2) период от февральского переворота до лево-эсеровского восстания. В книгу вошло еще два отдельных очерка: «Ленин на трибуне» и «Филистер о революционере». В приложении даны некоторые прежние статьи и речи о Ленине.

Основное впечатление, которое получается от книги тов. Троцкого: она далеко не во всех частях сделана только «для биографа». Очерки: «Перед Октябрем», «Переворот», «Брест-Литовск» написаны полемически, с довольно прозрачными намеками, основная тенденция которых создать представление, что в решающие моменты только он, Л. Д. Троцкий, был с Лениным, что все, кроме него, колебались, ошибались, заблуждались. Если книгу тов. Троцкого прочтет человек, незнакомый с прошлым нашей партии, то он придет к убеждению, что никогда никаких разногласий между Лениным и Троцким не было. Между тем, ведь совсем еще недавно в книжке «Новый курс» тов. Троцкий сам заявлял, что он к ленинизму шел «с боями». Известно, что на протяжении ряда лет эти «бои» ему приходилось выдерживать прежде всего и главным образом... с Лениным». Почему из истории этих «боев» тов. Троцкий не привел «для биографа» ни единой строчки»? Этот вопрос тем более напрашивается, что о постоянных сотрудниках Ленина, составляющих основной кадр большевизма, тов. Троцкий говорит только постольку, поскольку необходимо напоминать об их ошибках. Впрочем, хорошо и довольно подробно отзывается он о... покойнике — Я. М. Свердлове.

Остановимся на некоторых ошибках тов. Троцкого.

Говоря о подготовке октябрьского переворота, Троцкий пишет: «Если бы мы не взяли власти в октябре, мы ее не взяли бы совсем» (стр. 65). В таком категорическом виде это утверждение неверно. Вопрос о захвате власти не решается исключительно по правилу: «лови момент», хотя момент ловить надо и зевать не следует. Однако, если партия восходящего класса данный благоприятный момент почему-либо упустила, то это не значит, что уже все пропало, что никогда более подходящая для захвата власти обстановка не повторится. Троцкому кажется, что один раз в жизни приходит «час» пролетариата, и если он этот «час» упустил, тогда прощай мечта о захвате власти. Это — политическая метафизика.

Рабочий класс рискует, быть может, не один раз упустить благоприятный момент. Это весьма вероятно, ибо он — класс угнетенный, лишенный необходимого политического опыта. Но когда пролетариат упускает момент захвата власти, инициативу берет в руки буржуазия и бьет его. Однако, разбитые армии, — любил говорить Ленин, — хорошо учатся. Научится на тяжелых уроках и пролетариат, победа которого исторически обеспечена, ибо буржуазия не способна справиться с основными противоречиями капитализма.

Свой метафизический «закон» об одном обязательном сроке для совершения переворота тов. Троцкий применяет к Германии. Он рассуждает следующим образом. Большевики совсем не взяли бы власти, если бы не взяли ее в октябре 1917 г. Из всех его рассуждений вытекает, что немецкие коммунисты не возьмут более власти, ибо они не взяли ее в идеально благоприятный срок — в октябре 1923 года.

Перейдем к другой ошибке т. Троцкого. На стр. 102 его книги мы читаем:

> «Газеты особенно ухватились за слова: «грабь награбленное» и ворочали их на все лады: и в передовицах, и в стихах, и в фельетонах.
>
> — И далось же им это «грабь награбленное» — с шутливым отчаянием говорил раз Ленин.
>
> — Да чьи то слова? — спросил я, — или это выдумка?
>
> — Да нет же, я как-то действительно это сказал, — ответил Ленин, — сказал, да и позабыл, а они уж из этого сделали целую программу. — И он юмористически замахал рукой».

Эта информация тов. Троцкого уже вызвала в нашей печати законнейший протест. Смысл сообщения тов. Троцкого сводится к следующему: для Ленина фраза «грабь награбленное» вовсе не имела боевого политического значения, он ее произнес «как-то», потом «позабыл», а «они» из случайной фразы «сделали целую программу».

Мы полагаем, что тов. Троцкий неправильно понял Ленина. Фраза «грабь награбленное» для определенной эпохи была именно «программным» лозунгом. Она вовсе не случайно и не один раз сорвалась с уст нашего вождя. К ужасу мещан и добродетельных лакеев буржуазии, ее Ленин повторял неоднократно, спокойно раз'ясняя всем меньшевикам и полу-меньшевикам, что «грабь награбленное» является переводом латинской фразы «экспроприация экспроприаторов».

Удастся или нет «ограбление грабителей»? Этот вопрос в первый период революции имел решающее значение. В январе 1918 года Ленин говорил агитаторам, посылаемым в провинцию:

> «Война внешняя кончилась или кончается. Это решенное дело. Теперь начало внутренней войны. Буржуазия, запрятав награбленное в сундуки, спокойно думает: «Ничего — мы отси-

димся». Народ должен вытащить этого «хапалу» и заставить его вернуть награбленное. Вы должны это провести на местах. Не дать им прятаться, чтобы нас не погубил полный крах. Не полиция должна их заставить, — полиция убита и похоронена, — сам народ должен это сделать, и нет другого средства бороться с ними.

Прав был старик-большевик, об'яснивший казаку, в чем большевизм. На вопрос казака: А правда-ли, что вы, большевики, грабите? — старик ответил: Да, мы грабим награбленное.

Мы в этом море потонем, если не извлечем из тех кубышек все запрятанное, все награбленное за все годы бессовестной, преступной эксплоатации.

Мы скоро проведем в Ц. И. К. закон о новом налоге на имущих, но вы это должны сами провести на местах, чтобы к каждой сотне, набитой во время войны, была бы приложена рука трудящегося».

Речь эта была напечатана в «Правде» 24 января 1918 года. Цитированная выше беседа относится, согласно указаниям тов. Троцкого, к первым неделям Октября, когда мы еще не сумели обуздать буржуазную и социал-предательскую печать. Никто ведь не подумает, что Ленин агитаторам мог говорить одно, а в частной беседе говорить другое. Несомненно, тут тов. Троцкий не так понял Ленина.

Ленин мог протестовать, как протестовали все мы, против уголовного толкования буржуазией и эсеро-меньшевиками лозунга «грабь награбленное», против сведения всего дела к простому грабежу, к анархическим «эксам» и т. п. Но отрицать в известном смысле «программный» характер лозунга «грабь награбленное», относиться к нему «юмористически» Ленин не мог.

Лозунг «грабь награбленное» — самый неприятный для буржуазии и мещанства из всех неприятных плебейских лозунгов революции. Всякая попытка его задним числом «раз'яснить», об'ективно не может быть понята иначе, как «переоценка» нашего прошлого.

Переходим к следующей ошибке тов. Троцкого. Речь идет о Бресте. Изложение тов. Троцкого способно создать впечатление, будто в брестский период Ленин, пожалуй, почти во всем, в конце концов, соглашался с ним, Троцким. Об историческом воздержании тов. Троцкого в ЦК, в самый решающий момент, в книге ничего не говорится. Но здесь не место подвергать рассмотрению старые ошибки тов. Троцкого, связанные с Брестом. Остановимся на одной новой ошибке. Провозглашая формулу: «Мира не подписывать, войну прекратить», мы,—указывает тов. Троцкий, — «прощупывали» Германию, выясняли, способна ли она наступать на революционную Россию. Риск был велик, но и ставка была велика. И далее тов. Троцкий замечает:

«Три года спустя, мы шли на риск — на этот раз по инициативе Ленина — прощупывания штыком буржуазно-шляхетской Польши. Мы были отброшены. В чем тут разница с Брест-Литовском? Принципиальной разницы нет, но есть разница в степени риска (стр. 88).

Вот образчик чисто отвлеченного, формального подхода к вопросу, — без конкретного анализа, без учета конкретной обстановки.

Между брестской попыткой «прощупать» и варшавским опытом «прощупывания» есть именно принципиальная, качественная разница.

Начать хотя бы с того, что формула: ни мира, ни войны означала пассивное состояние революционной страны. Варшава — это величайшая активность революции. Тут явная «принципиальная разница».

Далее. Что конкретно означает период перед Брестом? Забастовки, имевшие место в Германии и Австрии, не развернулись в широкую революционную борьбу по всему фронту. У российской революции нет армии, нет вообще государственного аппарата массы неслыханно устали от империалистической войны, массы психологически не вышли еще из старой войны. Военное поражение революции при этих условиях означает ее неминуемую гибель. Рисковать в данном случае, значит рисковать головой революции.

Что конкретно означает период Варшавы? Европа находится на «революционном положении». Даже английские меньшевики вынуждены стать во главе выдвинутых снизу комитетов действия. Даже II Интернационал вместе с Амстердамом вынуждены, считаясь с настроениями массы, признать и сделать вид, что организуют бойкот белой Польши. Революция располагает мощной армией. Массы имели уже некоторую передышку и понимают, что участвуют в новой, классовой войне. Возможное на войне поражение при этих условиях не угрожает жизни революции. Рисковать в данном случае не значит рисковать головой революции.

Таким образом, ясно, что разница между Брестом и Варшавой не «в степени риска», а именно принципиальная. В период Бреста даже при наличии сильной армии мы не могли вести себя, как в период Варшавы, — «прощупывание» штыком страны, без прямой революционной борьбы в этой стране, является авантюризмом. В период Бреста такой борьбы не было, и потому тогдашние «левые» речи о «мировой», «полевой», «революционной» войне являлись авантюристской фразой. В период Варшавы отказаться от «прощупывания» означало бы проявить национальную ограниченность, отсутствие размаха, политическую трусость...

Вот если бы тов. Троцкий все эти конкретные обстоятельства принял во внимание, он увидел бы, что между его брестской формулой и связанным с ним риском и варшавской формулой и риском была огромная принципиальная разница.

Возвращаясь к книге тов. Троцкого, необходимо сказать, что если-б можно было «вычесть» из нее неправильный политический уклон, остались бы в самом деле ценные «материалы для биографа» и для всей читательской массы вообще. В частности, глава «Ленин и старая «Искра» содержит в себе очень много важного и интересного. К сожалению, весьма мало надежд на то, чтобы сам автор занялся «вычитанием» политических уклонов и ошибок. Читатель, и в особенности биограф, сами, очевидно, проделают эту работу.

***

В журнале «Красная Новь» (июнь—июль 1924 г.) Г. Даян дает восторженный, но партийно совершенно неприличный отзыв о книге тов. Троцкого. В лице Даяна мы видим, как книгу тов. Троцкого воспринимает оппозиционный обыватель. Слушайте:

«Обычно принято думать, что партия всегда и неизменно покорно следовала за Лениным, трепетно ловила каждый взмах его дирижерской палочки. Троцкий эту легенду разрушает».

Где это «принято думать», что партия «покорно следовала», «трепетно ловила»? Среди обывателей всякого рода, в том числе и среди обывателей с партбилетом, вроде Даяна. Ведь надо быть мещанином до мозга костей, надо быть на все сто процентов чуждым большевистской партии человеком, чтобы написать эти жалкие, глупые, оскорбительные и для партии, и для покойного вождя слова.

Пойдем дальше. Троцкий приводит случай, когда Ленину — после февраля — приходилось выдерживать бои с товарищами, уклонявшимися вправо. Нельзя сказать, чтобы эта часть книги тов. Троцкого отличалась ясностью и четкостью изложения. И вот, посмотрите, как Даян толкует Троцкого:

«Автор (т.-е. Троцкий, И. В.) перечисляет ряд важнейших стычек между вождем и партией. Первая — по приезде Ленина из эмиграции, в связи с его тезисами. Второе столкновение произошло в связи с вооруженной демонстрацией 20 апреля. Третье — вокруг попытки вооруженной демонстрации 10 июня. Затем — конфликты, в связи с июльскими днями, с предпарламентом, непосредственно перед октябрьским этапом и после переворота (вокруг вопроса о коалиции с другими социалистическими партиями). Ленин оказался одиноким и в вопросе об отсрочке Учредительного Собрания (92 стр.). Пришлось ему также немало воевать по вопросу о переезде правительства в Москву (107)».

Вот как «переводит» Троцкого обыватель, который понятия не имеет о том, что происходило в большевистской партии. Эпизодические разногласия между Лениным и теми или другими товарищами, в разное время и по разным поводам — обыватель превращает в постоянные стычки между вождем и партией, именно партией, ни более и ни менее. Читатель нашего «толстого» журнала отныне знает, что Ленин в своей партии был бы совсем одиноким, если бы не Троцкий, который один его поддерживал...

Вот какими словами заканчивается рецензия Даяна:

«Помимо своей прямой задачи, работа Троцкого облегчит нам уяснить себе величавую фигуру самого Троцкого. Перед нами встает не только образ почившего вождя, но и образ сплетавшегося с ним в годы революции его героического сподвижника. В этом дополнительная заслуга книжки».

Кому нужна эта фальшивая декламация о «сплетавшемся» «героическом сподвижнике»? С одной стороны, создают впечатление, будто «партия» постоянно находилась в «стычке» со своим вождем, а с другой, — говорят о «сплетении». Кому нужна эта двойная неправда?

Большевистская партия вправе требовать, чтобы со страниц главного советского журнала не преподносились читателю обывательско-оппозиционные рассуждения о Ленине.

Ил. Вардин.

М. ЛЯДОВ. «Ленинизм». Доклад в Екатеринбургском клубе коммунистов 24 февраля 1924 г. Издан брошюрой, изд. «Уралкнига». Екатеринбург. 1924 г. 32 стр. Ц. 15 к.

Доклад тов. Лядова на три четверти представляет из себя популярное и, в общем, правильное изложение исторического развития тактики ленинизма. Общий недостаток изложения — чрезмерное упрощение вопросов. Но в первой четверти доклада (первые три главки) это упрощение частью переходит в неверность.

Такова, во-первых, главка «Роль крестьянства в России» (III). Тов. Лядов пишет (или говорит):

«**На Западе во всех странах и во всех революциях крестьянство играло реакционную роль.** Во Франции крестьянская масса была против революции 48 г., там же из крестьян вербовались отряды, которые расстреливали рабочих в июльские дни 1830 г.: там же крестьянская мелкая буржуазия породила бонапартизм, выдвинув Наполеона I, наконец, эта же крестьянская масса задушила Парижскую Коммуну 1871 г. Крестьянство—сплошная реакционная мелко-буржуазная масса, его нельзя считать активом революции,—учили западно-европейские социал-демократы. Ленин же вносит корректив. — **В России этого не может быть.** Поэтому нашу тактику мы должны строить на об'единении сил пролетариата и крестьянства» (курсив в цитате В. А.).

Это не совсем правильное толкование взглядов Ленина на роль крестьянства в европейских революциях. Сопоставим с этим, хотя бы, такие слова Ленина:

«Не было **ни одного** (курсив здесь и ниже принадлежит Ленину. В. А.) буржуазно-освободительного движения в мире, не дающего примеров и образцов «лево-блокистской» тактики, при чем **все** победоносные моменты этих движений связаны **всегда** с успехами этой тактики, с направлением борьбы по этому пути, вопреки колебаниям и изменам либерализма. Именно «левоблокистская тактика», именно союз городского «плебса» (=современного пролетариата) с демократическим крестьянством придавал размах и силу английской революции, XVII, французской революции XVIII века. Об этом Маркс и Энгельс говорили много раз не только в 1848 году, но и гораздо позже. Чтобы не приводить много уже раз приводившихся цитат, напомним переписку Маркса и Лассаля в 1859 году. По поводу трагедии Лассаля «Зикинген» Маркс писал, что коллизия, проведенная в драме, «не только трагична, но она есть именно та самая трагическая коллизия, которая совершенно основательно привела к крушению революционную партию 1848 и 1849 годов». И Маркс, уже намечая в общих чертах **всю** линию будущих разногласий лассальянцев и эйзенахцев, упрекал Лассаля, что он впадает в ошибку «тем, что ставит **лютеровско-рыцарскую** оппозицию выше **плебейско-мюнцеровской»** (соч. т. XI ч. 2, стр. 473. Статья «Принципиальные вопросы избирательной кампании». «Просвещение», № 2, янв. 1912 г.).

Легко видеть, что оценка роли крестьянства в западных революциях у Ленина и у Лядова не совпадают. Крестьянство играло там не только реакционную, но и революционную роль. «Открытие» Лениным роли крестьянства в буржуазно-демократической революции опиралось на международный, а не только национально-русский опыт. При этом, Ленин, как мы видим, теоретически опирался на Маркса, который в переписке с Лассалем имел в виду совсем **не** русский опыт. Учи-

тывая российские условия, Ленин лишь применил к ним **Марксову** «тактику левого блока». Это важно подчеркивать в нашей пропаганде с той точки зрения, чтобы не рисовать Ленина в национально-ограниченных цветах (у насде, «в России этого не может быть»), чтобы не отдавать «западно-европейского» Маркса, вопреки истине, в распоряжение меньшевиков. Излишнее преувеличение роли Ленина по отношению к Марксу здесь легко может превратиться в уменьшение действительного, **международного** значения Ленинской тактики.

Кроме того, в изложении тов. Лядова смазано различие роли крестьянства (в оценке Ленина) в две отличные друг от друга эпохи: в буржуазно-демократической и в социалистической революции. Без ясного разграничения этих двух эпох, которые у нас «перерастали» одна в другую, но которые ни у нас, и нигде, не тождественны одна с другой, нельзя понять **диалектику** развития ленинской тактики в отношении к крестьянству. Если, к тому же, т. Лядов особо подчеркивает «гибкость» ленинской тактики, для которой «нет вечных истин», которая изменяется «соответственно с изменившимися условиями», то пример отношения к крестьянству здесь дал бы наибольший материал для иллюстраций и обобщений. Наш союз с крестьянством и тот же, и не тот, по сравнению с этим союзом в 1905 году. Между тем, главка «Роль крестьянства в России» раз'ясняет только эту роль в буржуазной революции. Совсем мельком упоминается, что к социализму оно пойдет «вместе с пролетариатом», а в последующих главах тов. Лядов не касается этого вопроса. Не касается он и статьи В. И. Ленина «О кооперации». Без этого изложение **ленинизма** (см. заголовок брошюры), даже в одном докладе, нельзя считать вполне удовлетворительным.

Кроме вопроса о крестьянстве, вызывает недоумение название первой главы: «Ленинизм—претворенный в жизнь марксизм». Ленин, без сомнения, назвал бы это «выкрутасом».

Общая формула о ленинизме и марксизме должна охватывать основное сходство и основное отличие того от другого. Что же получается у тов. Лядова: общее—в том, что ленинизм есть марксизм, а различие—в том, что ленинизм это «претворенный в жизнь» (а марксизм, разве не «претворен в жизнь» до Ленина?)...

Нужно сказать правду: таких «выкрутасов» о ленинизме в нашем обиходе появилось уже «энное» количество: «марксизм в теории—ленинизм в практике», «ленинизм есть марксизм в действии» и т. п.

Кроме малой теоретической продуманности вопроса об отношении теории и практики в марксизме, эти формулировки ничего другого не обозначают.

Правильную мысль о единстве теории и практики в марксизме-ленинизме тов. Лядов излагает так:

> «Марксизм — это пролетарская наука, которая пытается преобразовать, переделать мир. Этого не понимали ближайшие ученики Маркса. **Они занялись изучением только (?) марксизма и думали, что этот этап можно искусственно отделить от преобразования мира.** В этом отношении они далеко отошли от действительного учения Маркса. **Ленин впервые попытался применить марксизм к жизни**: с первых же шагов своей деятельности наметил не просто пересказ, **переработку** (?), углубление марксизма, а претворение его в жизнь. Это он именно выполнил заветы Маркса. **То, что Маркс не мог сделать**, благодаря особым условиям, при которых он работал, при отсутствии массового классового движения,—**Ленин это сделал**».

Получается вульгаризация, способная создать неправильное представление о предмете.

Тов. Лядов говорит здесь о марксизме, как о **«науке,** которая пытается преобразовать, переделать мир». Нетрудно видеть, что этого определения марксизма тов. Лядов в приведенных строках до конца не выдерживает.

У тов. Лядова выходит, что Маркс, «благодаря особым условиям», не мог «применять к жизни».. **марксизма, как науки.** Иначе говоря, Маркс разработал только **теорию** марксизма, а Ленин—его **практику.** Подобный разрыв марксизма-ленинизма на две части в корне противоречит его сущности. Из признания этого разрыва проистекают, подчас, заявления о том, что меньшевики

искажают марксизм только в практике, а не в теории и т. п. По этой линии ведет нас положение тов. Лядова о том, что оппортунисты «изучали только» марксизм, оторвав его от практики. На самом деле оппортунисты не «изучали только», а искажали «перерабатывали» (кстати, этот термин, конечно, применим к ним, а не к Ленину) теорию марксизма. Если разрыв между еще сохранившейся революционной теорией и начинавшей уже господствовать оппортунистической практикой и был во II-м Интернационале, то лишь у **части** его (Плеханов, Каутский) и лишь в **первую** половину истории II Интернационала. Для бернштейнианства, наоборот, с самого начала был характерен не этот разрыв, а **единство (оппортунистической)** теории и практики.

Противопоставление ленинизма марксизму, как теории и практики (к этому сводится определение: «ленинизм это претворенный в жизнь марксизм») легко опровергается фактами. Ленин много внес в сокровищницу **теории** марксизма, так же, как в практику. Взять, хотя бы, учение об империализме, разработку учения о государстве, о партии и классе, о крестьянстве и т. д. С другой стороны, Маркс активно «претворял в жизнь», т. е. в практику, свое революционное учение, организуя I Интернационал, выступая политически в 1848, 1871 и др. годах.

При Марксе не осуществилась диктатура пролетариата, дело теории и практики которой гигантски двинул вперед Ленин. При Марксе не выросла еще могучая мировая коммунистическая партия. При Марксе капитализм не дожил до империалистической стадии и до своего краха. Можно и нужно указать, **что** внес Ленин в сокровищницу марксизма в теории и практике этих и других вопросов. Но нельзя противопоставлять ленинизм марксизму, как теорию и практику.

Ленинизм есть **современный** марксизм. В этом, кажется нам, **единственное** «отличие» его от марксизма Маркса. Это чисто **историческое** отличие, соответствующее отличию ранней и поздней эпох в рабочем и коммунистическом движении. В ленинизме законны только те «отличия» от марксизма, которые вытекают из отличия эпохи и исторического возраста. Все иные отличительные признаки, которые не связаны с этим или связаны **не только** с этим, суть прямые или косвенные извращения марксизма. Искать их у Ленина нельзя, приписывать их Ленину не нужно.

В. Астров

Н. БУХАРИН. Атака. Сборник теоретических статей. ГИЗ. Москва.

В мировом революционном движении наступила такая полоса, когда пролетариат имеет маленькую — вынужденную и готовую во всякий момент прорваться — передышку от непосредственных боев с винтовкой в руках за свержение буржуазного строя. Короткие промежутки между двумя кровавыми схватками пролетариат использует для подтягивания сил, для выравнивания рядов, для боевой выучки своего авангарда. Процесс роста, отбора здоровых боевых сил в западных капиталистических партиях, выражающийся в частичных кризисах и есть не что иное, как такое стягивание основных сил рабочего класса накануне нового боя.

Проверка рядов западной партии показала, что не все участки фронта одинаково укреплены; в частности, высота теоретической сознательности партийных масс и марксистская чистота теоретических воззрений руководителей партий явно недостаточны. Теоретические уклоны, переходящие в практической политике в более или менее откровенный оппортунизм или «левое» непонимание стоят сейчас в центре внимания всех западно-европейских коммунистических партий.

В ином разрезе те же процессы намечаются и в России. На первый взгляд волна увлечения нашей партийной молодежи разными «новейшими», а по-существу вульгарно-ревизионистскими теориями, вроде енчменизма, богдановщины, и пр. как будто схлынула, как будто в русской компартии начинает просыпаться вновь усиленный интерес к марксистской теории. Однако, если мы оглянемся на обстановку, в которой приходится работать русским коммунистам, то окажется, что все-таки теоретической выдержки мало, что теория у нас занимает недостаточно значительное место. Великий переплет социально-экономической структуры страны, сложившийся благодаря новой экономической политике,

чертовская сложность международной обстановки, намечающаяся в результате «нового курса» западно-европейских капиталистических государств по отношению к Советской Республике, — все это, при существовании одной легальной партии, создает условия неизбежных колебаний, отклонений внутри этой партии, в той части ее, которая не застрахована, не пропитана духом пролетарской борьбы, мысль которой недостаточно ярко освещается факелом марксистски-ленинской теории. Нужна высшая степень теоретической сознательности, чтобы противостоять напору непонятной новизны окружающих явлений, чтобы суметь их охватить и ими овладеть, не сбиваясь с пролетарской, коммунистической линии.

В «Атаке» т. Бухарина собраны его статьи, написанные в разное время и помещенные в различных марксистских журналах. Сюда вошли, прежде всего, пять статей, посвященных разработке экономической теории. Атака ведется здесь против новейших «светил» буржуазной политической экономии: **Бем-Баверка, Тугана-Барановского, Оппенгеймера, Струве.** Статья против Бем-Баверка является лишь началом той блестящей атаки против «австрийцев», завершение которой нашло себе место в «Политической экономии рантье» т. Бухарина, после которой научная ценность рассуждений теоретиков предельной полезности была подорвана навсегда, после которой стало почти невозможным критиковать «австрийцев», не повторяя аргументов т. Бухарина. Упомянутая статья является только **началом** атаки и потому **после** «Политической экономии рантье» она представляет интерес в качестве документа, показывающего путь развертывания критики психологической школы т. Бухариным.

Статья **«Теоретическое примиренчество» (теория ценности г. Тугана-Барановского)** (14-24 стр.) по своей сжатости представляет собой лишь наметку пути, по которому следует направлять критику Тугана; однако после десяти страничек статьи уже вполне рассеивается тот туман убедительности, который умеет напустить Туган на неопытного читателя своей развязностью, своей манерой держать себя до наглости солидно.

Зато другая статья, посвященная тому же Тугану: **«Политическая экономия без ценности (социальная теория распределения)»,** содержит в себе блестящий анализ теоретического вульгаризаторства, сохраняющей актуальное значение и по настоящий день. Опасность теоретического опрощенства выступает сейчас как одна из главных опасностей на теоретическом фронте. Товарищи часто думают, что достаточно кстати и некстати вспоминать классы и клясться классовой борьбой, чтобы быть марксистом, ленинцем, коммунистом. Такой товарищ крайне будет удивлен, если ему удастся заглянуть в Тугана-Барановского — в нем он принужден будет признать своего сотоварища по воззрениям. —Туган тоже говорит, оказывается, о классах, о классовой борьбе и о чем хотите. В своей статье т. Бухарин доказывает **всю недостаточность такого взгляда. Чтобы понять классовые отношения,** классовую борьбу **в современном обществе мало на них просто указать—** надо изучить весь сложный механизм экономики капитализма, надо вскрыть связь классовой борьбы и основных экономических законов анархического регулирования анархического общества. Категории политической экономии (ценность, цена и пр.), от которых Туган заранее сознательно отрывает построения теории распределения, должны быть изучены и приведены в необходимую связь с классовой структурой капиталистического общества. Только когда вскрыты внутренние экономические пружины классовых взаимоотношений, можно говорить **об анализе классовой борьбы.** Иначе это будет упрощенство, вульгарщина, туган-барановщина.

Остальные две экономические статьи: против Оппенгеймера и Струве показывают всю детскую беспомощность ученых профессоров буржуазии, когда они на открытой арене научной дискуссии пытаются противопоставлять свои взгляды взглядам марксизма. «Страшные танки» буржуазной учености превращаются под критическим пером т. Бухарина в жалких мосек, пытающихся доказать свое ученое превосходство и остающихся, по существу, все теми же моськами, несмотря ни на какое маскирующее оперенье ученой фразы.

Кто из нашей комвузовской молодежи не слыхал об Енчмене, кто иногда не «увлекался» им? Кто, с другой стороны, из нашей «нейтральной интеллигенции» не знает проф. Павлова и его контр-рево-

люционных воззрений? Этим злободневным темам посвящено в «Атаке» две полных остроумия и теоретически весьма ценных статьи. Особенный интерес и теоретическую ценность представляет из них первая статья, посвященная Енчменову.

Ряд статей **«Теория пролетарской диктатуры», «Буржуазная революция и революция пролетарская» и «Проект программы Коммунистического Интернационала»** посвящены теории и практике непосредственной борьбы пролетариата за свержение буржуазного строя и строительство коммунизма; здесь охватываются все вопросы пролетарской революции, начиная от обще-теоретического анализа необходимости диктатуры пролетариата и сущности этой диктатуры до анализа конкретных трудностей строительства коммунизма и выработки тактических лозунгов. Сочетание глубокой теории с практической политикой сегодняшнего дня — признак, всегда характеризующий революционную партию пролетариата — находит здесь наиболее наглядное выражение.

Особняком стоит статья **«Ленин, как марксист»,** получившаяся из реферата на эту тему на заседании Коммунистической Академии. Путаница относительно разграничения марксизма и ленинизма, господствовавшая в ряде писаний партийных товарищей, устраняется тов. Бухариным. Ленинизм не есть «практика» марксизма или «приложение» марксизма к жизни, — ленинизм это и есть революционный марксизм — глубочайшая теория и директива к практической борьбе пролетариата за свое освобождение. Если марксизм его эпигонами был теоретически извращен и практически сведен к пустым формулам и схемам — это еще не доказательство необходимости рассматривать марксизм как сухую отвлеченную теорию; у своих первоисточников марксизм оставался теоретической доктриной, дышащей революционной деятельностью и революционной практикой, одухотворенной самой глубокой теорией. Заслуга Ленина прежде всего в том, что он марксист, подлинный продолжатель революционной теории и практики основоположников научного социализма.

Исчерпать в рецензии значение книги т. Бухарина невозможно. Всякий сколько-нибудь мыслящий партиец должен самым серьезным образом постоянно контролировать себя со стороны подкованности в теории. И «Атака» тов. Бухарина должна в этом подковывании сыграть весьма значительную роль.

КАПИТОНОВ.

Г. В. ПЛЕХАНОВ: Анархизм и социализм, с предисловием Л. Дейча. Изд-тво «Буревестник». Краснодар, 1924 г.

Книжка Плеханова об анархизме, написанная в 1894 г., не принадлежит к числу лучших работ автора. Она дает типичную социал-демократическую, т.-е. в основе мещанскую критику анархизма. Вот как рассуждает Плеханов, например, **о тактике** анархизма:

«Герцен где-то рассказывает, что в одном маленьком итальянском городке он встречал только священников и бандитов; он был очень смущен тем, что никак не мог отличить, кто священник и кто бандит. В том же положении находятся теперь все беспристрастные люди по отношению к анархистам: **как угадать, где кончается «товарищ» и начинается бандит?** Даже самим анархистам это не всегда удается» (стр. 122 рецензируемого издания).

Человек, который так смотрит на дело, естественно, должен был придать своей критике более «криминальный», чем политический характер. В книжке — как указал Ленин в своей работе «Государство и революция» — обойден основной вопрос о государстве (см. ниже). В книжке нет серьезного анализа социальных основ анархизма. Указания вроде того, что анархисты это «собственные дети баловни» буржуазии, явно недостаточны. Плеханов видит тех анархистов, которые появляются на почве декаданса буржуазии, выходят из рядов буржуазной молодежи буржуазной интеллигенции, из среды «писателей и художников упадка» и т. д.

Анархизма, связанного с рабочим движением, отчасти с крестьянством, Плеханов не видит. Он считает анархизм настолько типично-буржуазным течением, что утверждает, будто «анархизм, дитя буржуазии, никогда не будет иметь серьезного влияния на пролетариат». Это предсказание Плеханова не оправдалось. Во Фран-

ции, Испании, Италии анархизм имел «серьезное влияние» именно на пролетариат. Плеханов ошибся в своем предсказании, ибо неверно оценивал анархизм: он считал его продуктом разложения верхов, между тем, как анархизм в равной степени является продуктом политической отсталости, выражением стихийного протеста, бунта, ненависти, отчаяния рабочих масс.

«Анархизм, — продолжал Плеханов свое предсказание, — будет все более и более превращаться в **буржуазный спорт,** предназначенный доставлять **«сильные» ощущения** индивидуумам, слишком много вкусившим от светских и полусветских удовольствий». Этого не случилось и случиться не могло, ибо анархия, наряду с убожеством и об'ективной реакционностью своей положительной программы, нес в себе сильную **революционную критику** капитализма. Эта критика открывала анархизму дорогу к сердцам пролетариев и она же делала анархизм достаточно опасным для буржуазии, чтобы не превратиться в «буржуазный спорт».

Беспорно то, что анархизм опирается на разнообразнейшие социальные элементы, что он рядом своих фракций тесно связан с буржуазией, интеллигенцией, мещанством, но в ряде стран сохранил кое-как связи и с отдельными группами пролетариата.

Коммунистическая литература по анархизму почти совершенно отсутствует. В плехановской книжке удовлетворительна историческая часть. Поэтому ее, в виду крайней нужды, можно переиздавать для масс, но при непременном условии сопровождения ее серьезным коммунистическим предисловием. А изд-ство «Буревестник», которое, оказывается, является **партийно**-кооперативным издательством, сопроводило книжку Плеханова предисловием меньшевика Л. Г. Дейча. Предисловие не улучшает, а **ухудшает** книжку Плеханова. Вот пример: Дейч рассказывает о парламентских успехах французских социалистов и о том вреде, который принесли им анархисты своей борьбой против.. правительства и буржуазии. Дейч пишет:

«Столь небывалый успех партии... не мог не возбудить чрезвычайных тревог среди господствовавшей буржуазии. Но последняя **не решилась бы прибегнуть к каким-либо репрессивным мерам, если бы на помощь не пришли анархисты».**

Обыватель всегда считал, что в репрессиях виноваты анархисты, социалисты, вообще революционеры. Нынешняя социал-демократия пытается вбить рабочему классу в голову мысль о том, что не будь коммунистов, не было бы реакции, фашизма, вообще репрессий со стороны буржуазии. Эту пошлую мысль о том, будто буржуазия нуждается в чьей-то «помощи» для борьбы с революционным движением, повторяет теперь Дейч.

Плеханов говорил о невозможности отличить анархиста от бандита. Дейч говорит о невозможности отличить анархиста от... провокатора. Он приводит, например, такие выдержки из книги сыщика Росиньоли: «Анархизм — создание префектуры», настоящих «анархистов вовсе нет», а имеются «просто воры», убежденные анархисты — это завлеченные провокаторами больные люди и т. д. Дейч все эти изречения **подтверждает.**

Книжку Плеханова Дейч оценивает следующим образом:

«Из среды единомышленников Плеханова пока никто не нашел нужным сделать какие-либо существенные дополнения, раз'яснения, а тем более опровержения, или поправки. Поэтому, «Анархизм и Социализм» для всех нас, марксистов, является **классическим произведением,** не теряющим с течением времени ни интереса, ни значения».

Это Дейч пишет в январе 1924 года, а в августе 1917 года Ленин вот что писал по поводу плехановской книжки об анархизме:

«Плеханов ухитрился трактовать эту тему (т.-е. анархизм. И. В.), **совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, именно отношение революции к государству и вопрос о государстве вообще.** В его брошюре выделяются две части: одна — историко-литературная, с ценным материалом по истории идей Штирнера, Прудона и пр.; другая часть — **филистерская,** с аляповатым рассуждением на тему о том, что анархиста не отличишь от бандита». (Государство и Революция»), т. XIV, т. 11, стд. 381).

Плехановскую книжку могут об'явить «классическим произведением» именно социал-демократические филистеры. Дейч сообщает, что в рядах европейской социал-демократии книжка имела «особенно большой успех», что переведена она была на немецкий язык никем иным, как Бернштейном. Все это понятно и вполне естественно. Только с какой стати наши партийные издательства старую филистерскую книжку переиздают с новым филистерским предисловием?

Ил. Вардин.

Редакция: **В. Астров, Н. Бухарин, Ил. Вардин, Л. Каменев, А. Слепков.**

ОГЛАВЛЕНИЕ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

БОЛЬШЕВИК

№ 11

20 СЕНТЯБРЯ

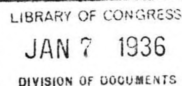
1924

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

ОГЛАВЛЕНИЕ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Главлит № 24097 Москва. Тираж 25000

Типо-литография „Искра Революции" (б. 7-я) Мосполиграф, Филипповск. п., 11.

О современном „экономизме".

Наша партия стала крупнейшей политической силой потому, что она никогда не была сектой. Преодолевая «стихийщину» и «хвостизм», сохраняя четкость революционной линии своего политического поведения, она ни на минуту не забывала, что революция есть явление массовое, что крупные успехи в революционной борьбе могут быть достигнуты только тогда, когда в движение приведены миллионы.

В этом свете особенно ярко выступает упорство партии в четвертьвековой борьбе за освобождение м а с с из-под оппортунистического влияния; историческая вереница схваток с меньшевиками и наиболее отсталыми закоснело-аполитичными группками рабочих — в профсоюзе, кооперативе, страхкассе, кассе взаимопомощи, на всякой конференции и на всяком с'езде, представляющем трудящиеся массы.

П а р т и й н о е влияние обеспечивало превращение этих разнообразных массовых организаций в составные части е д и н о г о мощного аппарата революционного движения; оно об'единяло эти разрозненные струйки революционного движения в мощный поток, сила которого служила и с т о р и ч е с к и м задачам борьбы пролетариата.

Еще более острой, кричащей необходимостью выступает роль партии, как руководителя всех массовых организаций в эпоху диктатуры пролетариата, в эпоху НЭП'а — в частности, и в особенности.

Борьба за социализм в эпоху НЭП'а передвинулась преимущественно в область э к о н о м и ч е с к о й борьбы. В таких условиях партия сугубо о б я з а н а руководить всеми массовыми организациями, имеющими прямое или косвенное отношение к строительству экономического фундамента социализма.

Наличие товарно-капиталистических отношений и капиталистических форм хозяйствования в Советской России усложняет обстановку строительства и создает предпосылки для центробежных устремлений различных организаций рабочего класса. Партия должна координировать действие всех факторов социалистического строительства, ее задачей является преодоление ве-

домственных и цеховых уклонов и подчинение частичной работы различных массовых организаций классово-пролетарскому делу борьбы за коммунизм, ибо только партия представляет интересы пролетариата в целом и в развитии. Вот почему в свое время Р.К.П. осудила тот уклон внутри партии, который выразился в стремлении отодвинуть и ограничить систематическое, непрерывное, непосредственное руководство партии Советами; вот почему она осудила анархо-синдикалистский уклон, пытавшийся заменить твердое партийное руководство в хозяйственном строительстве бесформенным руководством ассоциации «производителей».

Партия — и только она — руководит строительством социализма и через Советы, и через кооперативы, и через профсоюзы.

В наши дни партийное внимание должно быть приковано к проблеме поднятия производительности труда так, как оно было приковано в эпоху военного коммунизма к организации отпора Колчаку и Деникину и к реализации продразверстки. Это — основная центральная задача переживаемого периода. Но эта проблема стоит в тесной связи с проблемой заработной платы. За годы НЭП'а последняя значительно выросла, перегоняя рост производительности труда.

«По данным Госплана, — гласит об этом постановление Пленума Ц.К. Р.К.П. от 19 августа,—в то время, как средняя валовая суточная выработка одного рабочего в 14 главнейших отраслях национализированной промышленности возросла с октября 1922 г. до января 1924 г. на 23,3%,—средний поденный заработок одного рабочего возрос за то же время на 90%.

Этот процесс более быстрого роста зарплаты был до сих пор неизбежен и в общем закономерен. Заработная плата должна была так расти, чтобы достигнуть уровня обеспечения первой необходимости рабочего; это было, кроме того, и необходимым условием возможности быстрого и решительного поднятия производительности труда в дальнейшем.

Однако, длительное состояние такого соотношения между ростом зарплаты и производительностью угрожает интересам промышленности и государства. Рост производительности труда должен обгонять рост зарплаты. Только при этом условии будет создана материальная база и будут накоплены средства и для обеспечения роста зарплаты и для расширения производства».

Вся партия должна осмыслить эту задачу, как партийную задачу. Эта задача не просто хозяйственников, не просто дело, касающееся профессионалистов,—это проблема, стоящая перед всею партией; проблема, разрешение которой требует усилий всего партийного коллектива с его сложным разделением труда.

В этой борьбе за поднятие производительности труда партия должна выправить ведомственно-цеховые перегибы палки.

Когда хозяйственники, желая ускорить процесс первоначального социалистического накопления, непомерно вздули цены на продукты промышленности, что влияло на дальнейшее раздвижение «ножниц»—партия осудила эту «колупаевщину» и «разуваевщину». Она взяла курс на выправление узко-ведомственной политики хозяйственников.

В наши дни — несомненную и наиболее острую опасность представляют «экономистские» настроения некоторых групп профсоюзных работников.

В течение нескольких лет рост заработной платы обгонял рост производительности труда. А теперь мы обязаны преодолеть инерцию, провести громадную политически-пропагандистскую работу, начать большую работу по рационализации производства, научной организации труда, ибо «рост производительности труда должен обгонять рост зарплаты».

Если «в отставших (по высоте заработной платы) отраслях промышленности» пленум Ц.К. считает «необходимым продолжать курс на дальнейшее повышение номинала заработная плата, с обязательным учетом хозяйственного состояния и возможностей данной отрасли промышленности», то «в выдвинувшихся по высоте заработной платы отраслях легкой индустрии» признается «необходимым (временно) приостановить дальнейшее повышение зарплаты».

Нельзя сказать, чтобы все профессионалисты серьезно продумали и достаточно энергично стали проводить в жизнь эти решения пленума Ц.К. нашей партии.

Несомненно, что в настроениях рабочих мы можем встретиться с мотивами противоположного характера. Эти мотивы имеют и некоторый об'ективный, благоприятствующий их развитию фон.

Во-первых, заработная плата во многих случаях еще не достигла довоенного уровня.

Во-вторых, рабочий видит увеличение потребления у капиталиста и мелкого буржуа, что психологически не может не обострить стремления рабочего к дальнейшему улучшению своего стандарта.

В-третьих, революция увеличила кругозор рабочего, подняла его культурный уровень, что, в свою очередь, влечет увеличение минимума необходимых средств существования.

На этом об'ективном фоне намечается тяга к дальнейшему безостановочному и не всегда считающемуся с «хозяйственным состоянием и возможностями» — росту заработной платы.

Политическая задача наших дней заключается как раз в том, чтобы найти верный, реальный путь к этому решительному улучшению материальных условий существования рабочего. Но на этом пути «рост производительности труда должен обгонять рост зарплаты». Другого пути не дано. Ибо не обеспечив реального фонда для увеличения зарплаты, мы ее увеличить—безопасно для диктатуры пролетариата — не можем.

Вот почему наличие в некоторых кругах профессионалистов «экономистских» настроений, с партийной точки зрения, является политической опасностью, ибо «стихийщина» здесь вытесняет «сознательность».

Мы назвали эти настроения «экономистскими», ибо в них зародышево и неоформленно таятся элементы той идеологии, которая два с лишним десятилетия тому назад питала оппортунистическое крыло социал-демократии, носившее название «экономистов».

В чем заключалась основная ошибка «экономистов»? Это лучше всего сформулировано тов. Лениным, в его брошюре «Что делать», направленной против экономистов.

«Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же,—тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношениях всех классов современного общества».

«Экономисты» закрывали глаза на самодержавие, не свалив которого нельзя было расчитывать и на крупные успехи рабочего движения даже в области улучшения экономического положения рабочих; они уступали гегемонию в революционном движении буржуазии, которая не хотела революции; они проглядели крестьянство, которое являлось потенциально мощным союзником пролетариата в грядущей революции.

Да, экономисты «обращали внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно... на него же», и не имели «на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении всех классов современного общества».

Строительство социализма не протекает в утопическом обществе, состоящем из одного пролетариата. Борьба за социализм протекает в обществе, сцепленном политической властью пролетариата, сама необходимость которой об'ясняется наличием в этом обществе буржуазии и мелкой буржуазии.

Чтобы преодолеть буржуазное производство, необходимо побить его более высокой производительностью труда в социалистическом производстве.

Чтобы приобщить крестьянство к коммунизму, нельзя переходить граней, за которыми экономическая и политическая целесообразность превращается в свою противоположность.

Крестьянин требует твердой валюты, дешевого продукта и дешевого государства — все это упирается в проблему повышения производительности труда.

При разрешении этой проблемы вся партия должна иметь «на опыте политической жизни выработанные представления о взаимоотношении всех классов современного общества».

А эти представления обязывают нас бороться с тем комплексом настроений, который мы назвали современным «экономизмом».

И. Сталин.

К международному положению.

Я думаю, что для характеристики современного международного положения нет никакой необходимости учитывать все сколько-нибудь значительные факты, все без исключения особенности нынешней международной действительности. Для этого необходимо учесть лишь основные, решающие моменты современности. В настоящее время таких моментов имеется, по моему, три: а) наступление «эры» буржуазно-демократического «пацифизма», б) вмешательство Америки и лондонское соглашение Антанты о репарациях, в) усиление левых элементов в рабочем движении Европы и рост международного удельного веса Советского Союза.

Рассмотрим эти основные моменты.

I. Полоса буржуазно-демократического пацифизма.

Антанта оказалась бессильной справиться с результатами своих военных побед. Побить Германию и окружить Советский Союз удалось ей вполне. Составить план ограбления Европы ей также удалось. Об этом говорят бесчисленные конференции и договора государств Антанты. Но выполнить план ограбления она оказалась бессильной. Почему? Потому, что слишком велики противоречия между странами Антанты. Потому, что не удалось и не удастся им сговориться о дележе награбленного. Потому, что сопротивление стран, подлежащих ограблению, становится все более серьезным. Потому, что осуществление плана ограбления чревато военными столкновениями, а массы воевать не хотят. Теперь ясно для «всех», что лобовая империалистическая атака на Рур, рассчитанная на изничтожение Германии, оказалась опасной для самого же империализма. Ясно также и то, что откровенно империалистическая политика ультиматумов, рассчитанная на изоляцию Советского Союза, дает лишь обратные результаты. Создалась такая обстановка, что Пуанкаре и Керзон, служа империализму верой и правдой, обостряли тем не менее своей «работой» растущий кризис в Европе, вызывали отпор масс против империализма, толкали массы на революцию. Отсюда неизбежность перехода буржуазии

от политики лобовой атаки к политике компромиссов, от империализма открытого к империализму прикрытому, от Пуанкаре и Керзона к Макдональду и Эррио. Грабить мир без прикрытия, стало не безопасно. Рабочая партия в Англии и левый блок во Франции должны прикрыть наготу империализма. В этом источник «пацифизма» и «демократизма».

Иные думают, что буржуазия пришла к «пацифизму» и «демократизму» не от нужды, а по доброй воле, по свободному, так сказать, выбору. При этом предполагается, что буржуазия, разбив рабочий класс в решающих боях (Италия, Германия), почувствовала себя победительницей и теперь она может позволить себе «демократизм». Иначе говоря, пока шли решающие бои, буржуазия нуждалась в боевой организации, в фашизме, теперь же, когда пролетариат разбит, буржуазия не нуждается больше в фашизме и она может заменить его «демократизмом», как лучшим методом закрепления своей победы. Отсюда делается тот вывод, что власть буржуазии упрочилась, «эру пацифизма» нужно считать длительной, а революцию в Европе—отложенной в дальний ящик.

Это предположение совершенно неправильно.

Во-первых, неверно, что фашизм есть только боевая организация буржуазии. Фашизм не есть только военно-техническая категория. Фашизм есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-демократия есть об'ективно умеренное крыло фашизма. Нет основания предположить, что боевая организация буржуазии может добиться решающих успехов в боях или управлении страной без активной поддержки социал-демократии. Столь же мало оснований думать, что социал-демократия может добиться решающих успехов в боях или управлении страной без активной поддержки боевой организации буржуазии. Эти организации не отрицают, а дополняют друг друга. Это не антиподы, а близнецы. Фашизм есть неоформленный политический блок этих двух основных организаций, возникший в обстановке послевоенного кризиса империализма и рассчитанный на борьбу с пролетарской революцией. Буржуазия не может удержаться у власти без наличия такого блока. Поэтому было бы ошибочно думать, что «пацифизм» означает ликвидацию фашизма. «Пацифизм» в нынешней обстановке есть утверждение фашизма с выдвижением на первый план его умеренного, социал-демократического крыла.

Во-вторых, не верно, что решающие бои были уже, что пролетариат был разбит в этих боях, что буржуазная власть ввиду этого упрочилась. Решающих боев не было еще хотя бы потому, что не было массовых действительно большевистских партий, способных привести пролетариат к диктатуре. Без таких партий решающие бои за диктатуру в условиях империализма невозможны. Решающие бои на Западе еще предстоят. Были лишь первые

серьезные атаки, отбитые буржуазией, первая серьезная проба сил, показавшая, что пролетариат еще не в силах свергнуть буржуазию, а буржуазия уже не в силах сбросить со счетов пролетариат. И именно потому, что буржуазия уже не в силах поставить на колени рабочий класс, она оказалась вынужденной отказаться от лобовой атаки, пойти на обходные пути, пойти на компромиссы, прибегнуть к «демократическому пацифизму».

Наконец, не верно и то, что «пацифизм» является признаком силы, а не слабости буржуазии, что из «пацифизма» должно получиться упрочение власти буржуазии, отсрочка революции на неопределенный срок. Современный пацифизм означает приход к власти, прямой или косвенный, партий II Интернационала. Но что значит приход к власти партий II Интернационала? Это значит неизбежное их саморазоблачение, как лакеев империализма, как изменников пролетариата, ибо правительственная практика этих партий может привести лишь к одному результату: к их политическому банкротству, к росту противоречий внутри этих партий, к их разложению, распаду. Но разложение этих партий ведет к неминуемому разложению власти буржуазии, ибо партии II Интернационала являются опорой империализма. Могла ли пойти буржуазия на этот рискованный опыт с пацифизмом без особой нужды, по доброй воле? Конечно, нет! За период, после империалистической войны буржуазия второй раз проделывает опыт с пацифизмом: первый раз—непосредственно после войны, когда революция, казалось, стучалась в двери, и второй раз—в настоящее время, после рискованных опытов Пуанкаре и Керзона. Кто решится отрицать, что это метание буржуазии от пацифизма к оголтелому империализму и обратно не может пройти даром для империализма, что оно вышибает из обычной обывательской колеи миллионные массы рабочих, что оно втягивает в политику самые отсталые слои пролетариата, что оно облегчает их революционизирование? Конечно, «демократический пацифизм» не есть еще керенщина, ибо керенщина предполагает двоевластие, развал буржуазной власти и зарождение основ власти пролетарской. Но что пацифизм означает величайшую раскачку народных масс, их втягивание в политику, что пацифизм расшатывает буржуазную власть и подготовляет почву для революционных встрясок,—в этом едва ли можно сомневаться. И именно поэтому пацифизм должен привести не к упрочению, а к ослаблению буржуазной власти, не к отсрочке революции на неопределенный срок, а к ее ускорению.

Из этого, конечно, не следует, что пацифизм не представляет серьезной опасности для революции. Пацифизм ведет к подрыву основ буржуазной власти, он подготавливает условия, благоприятные для революции. Но пацифизм может привести к таким результатам лишь п р о т и в воли самих «пацифистов» и «демократов», лишь п р и бешеной разоблачательской работе коммунистических партий на счет империалистической и контр-революционной природы пацифистско-демократической власти Эррио-Макдональда. Что же касается воли самих пацифистов и демократов, что касается политики самих империалистов, то они, идя на пацифизм, преследуют лишь одну цель: обмануть массы звонкими фразами о мире для того, чтобы подготовить новую войну, ослепить их блеском «демократизма» для того, чтобы утвердить диктатуру буржуазии, усыпить массы шумихой о «суверенных» правах наций и государств для того, чтобы тем успешнее подготовить интервенцию в Китае, резню в Афганистане и в Судане, расчленение в Персии, околпачить их широковещательной болтовней о «дружеских» отношениях с Советским Союзом, о тех или иных «договорах» с Советской властью, для того, чтобы тем теснее связаться с вышибленными из России контр-революционными заговорщиками на предмет бандитских выступлений в Белоруссии, на Украине, в Грузии. Пацифизм нужен буржуазии для маскировки. В этой маскировке—главная опасность пацифизма. Добьется ли буржуазия своей цели обмана народа—это зависит от энергии разоблачательской работы компартий Запада и Востока, от их умения срывать маску с империалистов в пацифистском облачении. Несомненно, что события и практика будут работать в этом отношении на коммунистов, вбивая клин между пацифистскими с л о в а м и и империалистскими д е л а м и демократических прислужников капитала. Долг коммунистов—не отставать от событий и безжалостно разоблачать каждый шаг, каждый акт прислужничества империализму и измены пролетариату со стороны партий II Интернационала.

2. Вмешательство Америки в дела Европы и Лондонское соглашение Антанты о репарациях.

Лондонская конференция Антанты является наиболее полным выражением лживого, фальшивого буржуазно-демократического пацифизма. Если приход к власти Макдональда-Эррио и шумиха об «установлении нормальных отношений» с Советским Союзом должны были прикрыть и замаскировать ожесточенную борьбу классов в Европе и смертельную вражду буржуазных государств к Советскому Союзу, то соглашение Антанты в Лондоне должно прикрыть и замаскировать отчаянную борьбу Англии и Франции за гегемонию в Европе, возрастающее противоречие между Англией и Америкой в борьбе за господство на мировом рынке, нечеловеческую борьбу германского народа против колониального гнета Антанты. Нет больше войны между классами, конец революции, теперь можно будет кончить дело сотрудничеством классов,—вопят Макдональды и Ренодели. Нет больше борьбы между Францией и Англией, между Америкой и Англией, между Герма-

нией и Антантой, конец войне, теперь можно будет кончить дело всеобщим миром во главе с Америкой,—вторят им друзья по лондонскому соглашению и братья по измене делу рабочего класса, социал-демократические герои пацифизма.

Что же, однако, произошло на лондонской конференции Антанты?

До лондонской конференции репарационный вопрос решался Францией самостоятельно, более или менее независимо от «союзников», ибо Франция имела в репарационной комиссии обеспеченное большинство. Оккупация Рура служила средством хозяйственной дезорганизации Германии и гарантией того, что Франция получит от Германии репарационные платежи, уголь и кокс для французской металлургии, химические полуфабрикаты и краски для французской химической промышленности и беспошлинный ввоз эльзасских текстильных фабрикатов в Германию. План был рассчитан на создание материальной базы для военной и экономической гегемонии Франции в Европе. Но план этот, как известно, не удался. Метод оккупации привел лишь к обратным результатам. Ни платежей, ни поставок натурой в сколько-нибудь удовлетворительных размерах Франция не получила. Наконец, сам автор оккупации, Пуанкаре, оказался выброшенным за борт за его откровенно империалистическую политику, чреватую новой войной и революцией. Что касается гегемонии Франции в Европе, то она оказалась неудавшейся не только потому, что метод оккупации и откровенного грабежа исключал возможность хозяйственной смычки между французской и германской промышленностью, но и потому, что Англия была решительно против такой смычки, ибо Англия не могла не знать, что соединение германского угля с французским металлом, не может не подорвать английскую металлургию.

Что же дала взамен всего этого лондонская конференция Антанты?

Во-первых, конференция отвергла путь самостоятельного решения вопросов репарации со стороны Франции, признав, что конфликтные вопросы должны решаться в последнем счете арбитражной комиссией из представителей Антанты во главе с представителями Америки. Иначе говоря: если грабить Германию, так грабить сообща.

Во-вторых, конференция отвергла оккупацию Рура и признала необходимость эвакуации, хозяйственной (немедленно) и военной (через год или раньше). Мотивы: оккупация Рура на данной стадии опасна с точки зрения политического состояния Европы и неудобна с точки зрения организованного и систематического грабежа Германии. А что Антанта собирается грабить Германию основательно и систематически,—в этом едва ли может быть какое-либо сомнение.

В-третьих, отвергнув интервенцию военную, конференция вполне одобрила интервенцию финансово-хозяйственную, признав: а) необходимость создания эмиссионного банка в Германии, подконтрольного специальному иностранному комиссару; б) переход в частные руки государственных железных дорог, управляемых под контролем специального иностранного комиссара; в) создание так называемого «переводного комитета» из представителей союзников, сосредоточивающего в своих руках все репарационные платежи в германской валюте, финансирующего германские поставки натурой из платежных сумм, могущего вкладывать некоторые суммы репарационных платежей (в случае нецелесообразности их перевода во Францию) в германскую промышленность, и имеющего, таким образом, полную возможность держать в своих руках денежный рынок Германии. Едва ли нужно доказывать, что это есть превращение Германии в колонию Антанты.

В-четвертых, конференция признала за Францией право принудительного получения от Германии угля и химических продуктов в продолжении известного периода времени, но она тут же оговорилась, что за Германией остается право обращаться в арбитражную комиссию с требованием сокращения количества или даже прекращения этих принудительных платежей натурой. Тем самым она свела права Франции к нулю или почти к нулю.

Если ко всему этому добавить заем Германии в 800 миллионов марок, покрываемый английскими и, главным образом, американскими банкирами, если принять далее во внимание, что на конференции командовали банкиры, прежде всего, американские банкиры, то картина получится законченная: от французской гегемонии остались рожки, да ножки, вместо гегемонии Франции получилась гегемония Америки.

Таковы итоги лондонской конференции Антанты.

Иные думают на этом основании, что отныне противоречия интересов внутри Европы должны поблекнуть перед лицом гегемонии Америки; что Америка, заинтересованная в вывозе капитала в Европу, сумеет посадить европейские страны на паек и заставит их сидеть смирно, во славу обогащения своих банкиров; что мир в Европе, правда, принудительный, можно считать в виду этого более или менее обеспеченным, на более или менее продолжительный период.

Это предположение совершенно неправильно.

Во-первых, конференция решала вопрос о Германии без хозяина, без германского народа. Можно, конечно, «планировать» превращение Германии в завзятую колонию. Но пытаться превратить на деле в колонию такую страну, как Германия, теперь, когда даже отсталые колонии с трудом приходится удерживать в повиновении,—это значит заложить мину под Европу.

Во-вторых, конференция несколько отодвинула назад слишком выдвинувшуюся вперед Францию, ввиду чего естественно получился фактический перевес Англии в Европе. Но думать, что Франция может помириться с перевесом Англии,—значит не считаться с фактами, не считаться с логикой вещей, которая обычно оказывается сильнее всякой иной логики.

В-третьих, конференция признала гегемонию Америки. Но американский капитал заинтересован в финансировании франко-германской промышленности, в наиболее рациональном ее использовании, например, в духе комбинации французской металлургии с германской угольной промышленностью. Едва ли можно сомневаться в том, что американский капитал использует свои преимущества в этом именно, наиболее выгодном для него, направлении. Но думать, что Англия помирится с таким положением,—значит не знать Англии, не знать того, до чего дорожит Англия интересами своей металлургической промышленности.

Наконец, Европа не есть изолированная страна, она связана со своими колониями, она живет соками этих колоний. Думать, что конференция может что-либо изменить к «лучшему» в отношениях между Европой и колониями, что она может задержать или замедлить развитие противоречий между ними,—значит верить в чудеса.

Какой же из этого вывод?

Вывод один: конференция в Лондоне не разрешила ни одного из старых противоречий в Европе, но зато она дополнила их новыми противоречиями, противоречиями между Америкой и Англией. Несомненно, что Англия по старому будет углублять антагонизм между Францией и Германией для того, чтобы обеспечить свое политическое преобладание на континенте. Несомненно, что Америка, в свою очередь, будет углублять антагонизм между Англией и Францией для того, чтобы обеспечить свою гегемонию на мировом рынке. Мы уже не говорим о глубочайшем антагонизме между Германией и Антантой. Мировые события будут определяться этими антагонизмами, а не «пацифистскими» речами висельника Юза и велеречивого Эррио. Закон о неравномерном развитии империалистических стран и неизбежности империалистических войн—остается теперь в силе больше, чем когда бы то ни было. Лондонская конференция лишь маскирует эти антагонизмы для того, чтобы заложить новые предпосылки для их небывалого обострения.

3. Усиление революционных элементов в рабочем движении Европы. Рост международной популярности Советского Союза.

Одним из вернейших признаков неустойчивости «пацифистско-демократического режима», одним из несомненнейших признаков того, что сам этот «режим» является пеной на поверхности

от глубочайших революционных процессов, происходящих в недрах рабочего класса,—нужно считать решительную победу революционного крыла в компартиях Германии, Франции, России, рост активности левого крыла в английском рабочем движении и, наконец, рост популярности Советского Союза среди трудящихся масс Запада и Востока.

Компартии на Западе развиваются в своеобразных условиях. Во-первых, они неоднородны по составу, ибо они образовались из бывших социал-демократов, прошедших старую школу, и из молодых членов партии, не имеющих еще достаточного революционного закала. Во-вторых, кадры там не чисто большевистские, ибо на ответственных постах стоят выходцы из других партий, не успевшие еще порвать окончательно с социал-демократическими пережитками. В-третьих, они имеют перед собой такого опытного противника, как прошедшая огонь и медные трубы социал-демократия, все еще представляющая огромную политическую силу в рядах рабочего класса. Наконец, они имеют против себя такого могучего врага, как европейская буржуазия с ее испытанным государственным аппаратом, с ее всесильной прессой. Думать, что такие компартии способны опрокинуть «с сегодня на завтра» европейский буржуазный строй,—значит жестоко заблуждаться. Поэтому очередная задача состоит в том, чтобы сделать компартии Запада действительно большевистскими, выковать в них настоящие революционные кадры, способные перестроить всю партийную практику в духе революционного воспитания масс, в духе подготовки революции.

Так обстояло дело с компартиями Запада еще в недавнем прошлом. Но в последнее полугодие дело начинает меняться решительно к лучшему. Последнее полугодие замечательно в том отношении, что оно дает коренной перелом в жизни компартий Запада в смысле решительной ликвидации социал-демократических пережитков, в смысле большевизации партийных кадров, в смысле изоляции оппортунистических элементов. Какую опасность могут представить для революции социал-демократические пережитки в компартиях,—это с очевидностью вскрылось в печальном опыте с Саксонским рабочим правительством, когда оппортунистические лидеры попытались превратить идею единого фронта, как средство революционной мобилизации и организации масс, в метод социал-демократических парламентских комбинаций. Это был поворотный пункт, открывший глаза партийным массам и поднявший их против оппортунистических вождей. Вторым вопросом, подорвавшим авторитет правых лидеров и выдвинувшим на сцену новых, революционных вождей, нужно считать так называемый «русский» вопрос, т.-е. дискуссию в РКП. Известно, что группа Брандлера в Германии, и группа Суварина, во Франции, решительно поддер-

жали оппортунистическую оппозицию в РКП против основных кадров РКП, против ее революционного большинства. Это был вызов революционным рабочим массам Запада, определенно сочувствующим советской власти и ее руководителю — РКП. Это был вызов партийным массам и революционному крылу компартий Запада. Не удивительно, что вызов этот кончился полным разгромом группы Брандлера и Суварина. Не удивительно, что дело это нашло свой отклик во всех остальных компартиях Запада. Если к этому добавить факт полной изоляции оппортунистического течения в РКП, то картина получится законченная. V-й Конгресс Коминтерна лишь закрепил победу революционного крыла в основных секциях Коминтерна.

Несомненно, что ошибки оппортунистических вождей сыграли ближайшую роль в деле ускорения большевизации компартий Запада. Но столь же, несомненно и то, что тут действовали и другие, более глубокие причины: успешное наступление капитала за последние годы, ухудшение жизненных условий рабочего класса, наличие громадной армии безработных, состояние общей экономической неустойчивости капитализма, наростание революционного возмущения среди широких рабочих масс. Рабочие идут к революции и они хотят иметь революционных вождей.

Итог. Процесс окончательного оформления действительно большевистских партий на Западе, представляющих опору грядущей революции в Европе,—начался. Таков итог последнего полугодия.

Еще более тяжелы и своеобразны условия развития профессиональных союзов на Западе. Во-первых, они узки по своей «испытанной» цеховой практике и враждебны социализму, ибо, возникши раньше социалистических партий и развившись без их помощи, они привыкли кичиться своей «независимостью», цеховые интересы ставят выше классовых интересов и ничего, кроме «копейки на рубль», признавать не хотят. Во-вторых, они консервативны по духу и враждебны ко всяким революционным начинаниям, ибо они имеют во главе старую, продажную, подкармливаемую буржуазией профсоюзную бюрократию, всегда готовую отдать профсоюзы в услужение империализму. Наконец, они, эти профсоюзы, будучи об'единены вокруг Амстердамских реформистов, представляют ту самую многомиллионную армию реформизма, на которую опирается современный капиталистический строй. Конечно, кроме Амстердамских реакционных союзов существуют еще союзы революционные, примыкающие к Профинтерну. Но, во-первых, значительная часть революционных союзов, не желая учинять раскол в профдвижении, остается в составе Амстердамского об'единения, подчиняясь дисциплине последнего, во-вторых, в решающих странах Европы (Англия, Франция, Германия), амстердамцы все еще представляют большинство рабочих. Не следует забывать, что Амстердам об'единяет не менее четырнадцати миллионов профессионально организованных рабочих. Думать о том, что можно будет добиться в Европе диктатуры пролетариата против воли этих миллионов рабочих, — значит жестоко заблуждаться, сойти с почвы ленинизма, обречь себя на неминуемое поражение. Поэтому задача состоит в том, чтобы завоевать эти миллионные массы на сторону революции и коммунизма, освободить их из-под влияния реакционной профсоюзной бюрократии, или, по крайней мере, добиться того, чтобы они заняли в отношении коммунизма позицию благожелательного нейтралитета.

Так обстояло дело до последнего времени. Но в последние годы картина начинает меняться к лучшему. Родиной замкнутых и реакционных профсоюзов является Англия, бывшая некогда промышленно-капиталистическим гегемоном на мировом рынке. Падение этой монополии связывается с развитием финансового капитализма, характеризующегося борьбой ряда крупнейших стран за колониальную монополию. Империалистическая фаза капитализма несет с собой расширение территории для узких реакционных профсоюзов, но она же суживает материальную базу их, ибо империалистская сверхприбыль является об'ектом борьбы ряда стран, а колонии все менее склонны оставаться в роли колоний. Не следует также забывать, что война значительно подорвала производство Европы. Известно, что общая сумма производства Европы составляет ныне не более 70% довоенного производства. Отсюда сокращение производства и успешное наступление капитала на рабочий класс. Отсюда сокращение заработной платы, фактическая отмена 8-часового рабочего дня и ряд неудачных забастовок обороны, лишний раз демонстрировавших измену профсоюзной бюрократии рабочему классу. Отсюда колоссальная безработица и рост недовольства рабочих реакционными профсоюзами. Отсюда идея единого фронта в области экономической борьбы рабочего класса и план об'единения двух профсоюзных Интернационалов в единый Интернационал, способный организовать отпор капиталу. Речи реформистов на венском конгрессе Амстердамского Интернационала (июнь 1924 г.), о переговорах с «русскими» союзами и призыв английских профсоюзов на конгрессе трэд-юнионистов (начало сентября 1924 г.), к единству профессиональных союзов являются лишь отражением растущего напора масс на реакционную профсоюзную бюрократию. Самым замечательным во всем этом нужно считать тот факт, что именно английские союзы, являющиеся гнездом консерватизма и основным ядром Амстердама, берут на себя почин в деле об'единения реакционных и революционных профсоюзов. Появление левых элемен-

тов в английском рабочем движении — это вернейший показатель, говорящий о том, что «у них там», в Амстердаме, не все благополучно.

Иные думают, что кампания об об'единении союзов необходима именно теперь потому, что в Амстердаме появились левые элементы, которых, безусловно, нужно поддержать всеми силами, всеми средствами. Это неверно, или — точнее — это верно лишь отчасти. Дело в том, что компартии на Западе становятся массовыми организациями, они превращаются в настоящие большевистские партии, они растут и идут к власти вместе с ростом недовольства широких рабочих масс, что дело, стало быть, идет к пролетарской революции, но свергнуть буржуазию нельзя, не лишив ее опоры в лице реакционного Амстердама, завоевать диктатуру нельзя, не завоевав эту буржуазную цитадель в Амстердаме на сторону революции. Но сделать это односторонней работой извне нельзя. Добиться этой цели в данный момент можно будет лишь комбинированной работой изнутри и извне по линии обеспечения единства профдвижения. Вот почему вопрос об об'единении союзов и вхождении в международные производственные об'единения становится вопросом животрепещущим. Поддержать и толкать вперед левых, конечно, следует. Но действительная поддержка левых может получиться лишь в том случае, если знамя революционных союзов не будет свернуто, если реакционных лидеров Амстердама будут бичевать за их измену и раскольничество, если левых лидеров будут критиковать за их половинчатость и нерешительность в борьбе с реакционными лидерами. Только такая политика может подготовить действительное об'единение профсоюзов. В противном случае, может получиться такая же картина, какая получилась в октябре прошлого года в Германии, когда левая группа Леви была с успехом использована реакционной правой социал-демократией для окружения германских революционных рабочих.

Наконец, о росте популярности Советского Союза среди народов буржуазных государств. Может быть, самым верным показателем неустойчивости «пацифистско-демократического режима» следует считать тот несомненный факт, что влияние и авторитет Советского Союза среди трудящихся масс Запада и Востока не только не ослабевает, а, наоборот, растет из года в год, из месяца в месяц. Речь идет не о том, что Советский Союз получает «признание» в ряде буржуазных государств. Само по себе это «признание» не представляет еще чего-либо особенного, ибо оно диктуется, во-первых, потребностями капиталистической конкуренции буржуазных стран, стремящихся занять «свое место» на рынке Советского Союза, во-вторых,—«программой» пацифизма, требующего установления «нормальных отношений» с Советской страной, подписания хотя бы какого-нибудь «договора» с Советским Союзом. Речь идет о том, что нынешние «демократы» и «пацифисты» побили своих буржуазных конкурентов на парламентских выборах, благодаря платформе «признания Советского Союза, что Макдональды и Эррио пришли к власти и могут остаться у власти благодаря, между прочим, тому, что они блудят языком о «дружбе с Россией», что авторитет этих «демократов» и «пацифистов» является отраженным светом от авторитета Советской власти среди народных масс. Характерно, что даже такой всем известный «демократ», как Муссолини, считает нужным щегольнуть нередко перед рабочими своей «дружбой» с Советской властью. Не менее характерно, что даже такие, всем известные, хапатели чужого добра, как нынешние правители Японии, не хотят обходиться без «дружбы» с Советским Союзом. Мы уже не говорим о колоссальном авторитете Советской власти среди народных масс Турции, Персии, Китая, Индии.

Чем об'яснить этот небывалый авторитет и эту необычную популярность в народных массах чужих государств такой диктаторской и революционной власти, как власть Советская?

Во-первых, ненавистью рабочего класса к капитализму и его стремлением освободиться от него. Рабочие буржуазных государств сочувствуют Советской власти, прежде всего, как власти, свергшей капитализм. Представитель железнодорожников Англии, небезызвестный Бромлей, недавно сказал на конгрессе трэд-юнионистов: «капиталисты знают, что глаза рабочих всего мира устремлены на Россию и что, если русская революция победит, то сознательные рабочие других стран спросят себя,—почему мы так же не можем уничтожить капитализм?». Бромлей, конечно, не большевик. Но то, что он сказал, — это есть выражение чаяний и дум рабочих Европы. Ибо, почему бы, в самом деле, не сбросить европейский капитализм, если «русские» вот уже седьмой год, с пользой для дела, обходятся без капиталистов? Вот где источник громадной популярности Советской власти среди широких масс рабочего класса. Поэтому рост международной популярности Советского Союза означает рост ненависти рабочего класса всех стран к капитализму.

Во-вторых—ненавистью народных масс к войне и их стремлением разбить военные начинания буржуазии. Народные массы знают, что Советская власть первая открыла атаку против империалистской войны и, открыв атаку, подорвала войну. Народные массы видят, что Советский Союз является единственной страной, ведущей борьбу против новой войны. Они сочувствуют Советской власти потому, что она является знаменосцем мира между народами и верным оплотом против войны. Поэтому рост международной популярности Советской власти говорит о росте ненависти народных масс всего мира к империалистской войне и ее организаторам.

В-третьих, ненавистью угнетенных масс зависимых стран и колоний к игу империализма, их стремлением разбить его. Советская власть является единственной властью, разбившей цепи «отечественного» империализма. Советский Союз является единственной страной, строющей свою жизнь на началах равенства и сотрудничества наций. Советское Правительство является единственным в мире правительством, отстаивающим до конца единство и независимость, свободу и суверенность Турции и Персии, Афганистана и Китая, колониальных и зависимых стран всего мира. Угнетенные массы сочувствуют Советскому Союзу потому, что они видят в нем союзника в деле освобождения от империализма. Поэтому рост международной популярности Советской власти означает рост ненависти угнетенных народов всего мира к империализму.

Таковы факты.

Едва ли можно сомневаться, что эти три ненависти не послужат к укреплению «пацифистско-демократического режима» современного империализма.

На-днях министр иностранных дел Америки, «пацифист» и колчаковец Юз, издал черносотенную декларацию против Советского Союза. Несомненно, что лавры Пуанкаре не дают спать Юзу. Но едва ли можно сомневаться в том, что черносотенно-пацифистская декларация Юза послужит лишь к дальнейшему усилению влияния и авторитета Советского Союза среди трудящихся масс всего мира.

Таковы основные моменты, характеризующие нынешнее международное положение.

Э. Квиринг.

Об ошибке тов. Преображенского.

О Ленине и ленинизме за последние полгода написаны горы книжек, из которых только немногие являются результатом серьезной и углубленной работы авторов над изучением Ленина. Большинство этих произведений поверхностны, написаны наспех, почему не мало грешат и в отношении исторической точности и в отношении точности даваемых определений.

Нужно полагать, что здоровая критика поможет исправить целый ряд невольных ошибок авторов и в ближайшее время на книжном рынке останется лишь наиболее ценное из громадного количества литературы о Ленине и ленинизме.

Но есть ошибки и ошибки.

Одно дело ошибки невольные — от недостаточного знания вопроса или невнимательности—а другое дело ошибки, которые приводят к «особой» оценке ленинизма, которые подготовляют почву к ревизии ленинизма.

По таким ошибкам надо бить со всей силой, чтобы убить ревизионизм в самом зародыше.

Мы полагаем, что ряд таких ошибок допустил тов. Преображенский в своих статьях о Ленине, а то обстоятельство, что эти ошибки проходят через несколько его статей, показывает, что они не случайны и что перед нами попытка построения законченной системы взглядов на ленинизм.

Речь идет, прежде всего, об определении самого понятия— ленинизм и о некоторых частных, но весьма существенных вопросах.

Что такое ленинизм?

Слово ленинизм вошло в массовый обиход только за последние годы и потому его определение еще недостаточно общепризнано. Совершенно прав тов. Преображенский (см. о том же Бухарина, Сталина и др.), что ленинизм нельзя противопоставлять марксизму, или отрывать от марксизма, как самостоятельное учение.

Ленин — один из лучших марксистов. Марксизм лежит в основе всех его работ.

Но Ленин жил в другую эпоху, чем Маркс,—в эпоху развернутого империализма, создающего условия для прямых боев за социализм; соответственно этому Ленин пополнил марксизм и развил его.

Тов. Сталин дает следующее определение ленинизма:

«Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика проле-

тарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности. Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развертывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии—эру советов.

Вот почему ленинизм является дальнейшим развитием марксизма.

Мы полагаем, что это наиболее правильное, законченное и стройное определение, которое до сих пор было дано ленинизму.

Действительно, что характерно для Ленина, для всего большевизма? Что отличало его, начиная с 1903 года от российской, а позже и от международной социал-демократии? Именно то, что краеугольным камнем большевизма была «теория и тактика пролетарской революции вообще и диктатуры пролетариата в частности».

Все бои большевизма с меньшевизмом коренятся именно в разном подходе к задачам пролетарской революции и все характерно большевистское, что внес В. И. Ленин и теорию и практику революционного движения — и является ленинизмом.

Таким образом мы имеем полное право поставить знак равенства между понятиями большевизм и ленинизм.

Ленинизм — это теория большевизма, как громадного массового движения.

Посмотрим теперь как определяет ленинизм Преображенский:

«Ленинизм — это есть марксизм эпохи пролетарской революции и органического строительства социализма». Чем это определение отличается от определения т. Сталина? Внешне очень немногим: тов. Преображенский перед словами «эпохи пролетарских революций» пропустил слова «эпохи империализма», и этот пропуск не случаен.

Чтобы понять т. Преображенского приводим несколько пояснительных цитат из его статьи «Марксизм и ленинизм»:

«Естественно поэтому, что тогда, когда в мировом рабочем движении началась новая полоса, когда мировая война всколыхнула до основания и потрясла все здание капитализма, вместе с процессом революционизирования рабочего класса, разочарованного в войне, должен был возродиться старый подлинный марксизм».

«Это второе издание марксизма должно было полностью использовать все то революционное наследство, которое оставили Маркс и Энгельс; оно могло стать тем, чем оно есть, исходя не только из буквы учения Маркса и Энгельса, а прежде всего из революционного духа всего учения, из марксистского метода, примененного к новой эпохе. Гениальным представителем этого нового издания марксизма был тов. Ленин».

Значит, ленинизм, по Преображенскому, рожден «мировой войной», которая потребовала второе издание марксизма. Более категорически об этом говорит тов. Преображенский несколько дальше:

«В большевизме или ленинизме мы должны строго различать два периода — период, примерно, до мировой войны, и период с начала мировой войны. До мировой войны тов. Ленин хотя и стоял на точке зрения настоящего, неискаженного революционного марксизма, но не считал еще социал-демократов агентурой капитала в рядах пролетариата».

«Если бы, к нашему несчастью, т. Ленин закончил бы существование до развертывания мировой войны, никому из нас в голову не пришло бы говорить о ленинизме, как о каком-то особом издании марксизма, каким он являлся впоследствии».

«То, что делает наш революционный марксизм ленинизмом, за исключением организационного и отчасти аграрного вопросов, мы должны искать не в первой революции, а примерно с 1914 г., даты, с которой началась новая эпоха в рабочем движении».

Положения тов. Преображенского яснее ясного: ленинизм начинается с мировой войны; Ленин наиболее гениальный представитель этого нового издания марксизма.

До 14 г., дескать, никакого ленинизма не было, разве за исключением организационного и аграрного вопросов.

Итак, Преображенский разрывает большевизм на две части, два периода: до 1914 г. и после 14 г.

На этом изыскания т. Преображенского не заканчиваются. В другой книжке «В. И. Ленин» о тех же двух периодах в развитии гения Ленина он говорит:

«В развитии гения Ленина надо, мне кажется, строго различать два периода. Первый период — до мировой войны 1914 г., и второй период — до его кончины. В первый период дело шло в общем и целом о буржуазно-демократической революции, и талант Ленина мы должны исследовать под углом зрения того, насколько верно он наметил путь и основы междуклассовой (?!) тактики для пролетариата, вынужденного исторически довести до конца буржуазно-демократический переворот, не только преодолевая сопротивление помещиков и самодержавия, но и проводя его последовательно до конца против воли самой буржуазии и отчасти, даже самой буржуазной демократии».

«Во второй период дело шло о переходе буржуазно-демократической революции в социалистическую в обстановке мировой войны и о первых шагах по пути строительства социализма в крестьянской стране».

Дальше тов. Преображенский договаривается до такого перла: «Это вторая стадия развития ленинского гения. Этот второй период отнюдь не вытекал логически из первого».

Последнее утверждение тов. Преображенского является его центральной ошибкой.

По тов. Преображенскому выходит, что между Лениным до 14 г. и Лениным после 14 г. «нет логической связи»; что Ленин после 14 г. не связан всеми корнями с Лениным до 14 г.

Это значит, что большевизм - ленинизм в 14 г. делает крутой скачек, отрывается от своих старых корней, находит новую почву и начинает новую жизнь, логически не связанную со всеми корнями старого большевизма.

Ничего, мол, в старой большевистской гвардии не было принципиально отличного от бывших европейских ортодоксов типа Каутского.

Настоящий ленинизм и настоящие ленинцы выявились лишь в 14 году. Невольно возникает вопрос, не для того ли нужно такое разделение большевизма с превращением Ленина в одного из «гениальных представителей» марксизма второго издания, чтобы облегчить включение в ряды ленинцев бывших противников большевизма, занявших, начиная с 14 г., близкую к Ленину позицию?

Какой фракционный туман должен застилать глаза автору, чтобы надумать такой способ низведения всего старо-большевистского. Историю подлинного ленинизма по Преображенскому надо начинать с 14 года.

Мы видим, что из внешне-незначительной ошибки тов. Преображенского в определении ленинизма вытекают очень серьезные последствия, которые приводят тов. Прображенского к ревизии ленинизма.

Разница заключается в том, что эпоха социалистических революций начинается с мировой войны, а эпоха империализма значительно раньше. Из непонимания этой разницы вытекает ошибка т. Преображенского насчет ленинизма 14 г. и потому у него все получается неожиданно—вдруг. Разразилась в 14 году мировая война и подай ему соответствующее новое издание марксизма.

А где же подготовительный период, откуда взялась подготовленная почва? Разве мирвая война разразилась неожиданно, разве не было ясно, что она надвигается с совершенной неизбежностью? Разве действительные социалисты не готовились к ней? Разве система империализма была вскрыта только мировой войной? Разве империализм до войны не оказывал влияния на рабочее движение?

Тов. Сталин говорит: «Ленинизм вырос и оформился в условиях империализма, когда противоречия капитализма дошли до крайней точки, когда пролетарская революция стала вопросом непосредственной практики, когда старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма капитализма».

Тов. Преображенский проходит мимо этого подготовительного периода — поэтому он не понимает или не хочет понять, что вся история большевизма с 1903 до 1914 г. есть не что иное, как «история роста и оформления ленинизма в условиях империализма» и что из этого периода прямо вытекает ленинизм 14 года, ленинизм эпохи пролетарских революций.

Именно в период до 14 года заложены основы большевистской крестьянской и национальной политики, являющиеся до сих пор «китами» всей политики Коминтерна.

Как же можно игнорировать весь этот славный период оформления и укрепления большевизма!

Немаловажную роль играет также вопрос об оформлении Ленина, как вождя большевизма. И здесь т. Преображенский также впадает в серьезную ошибку.

Тов. Радек в своей брошюре «Жизнь и дело Ленина» приводит следующий разговор с т. Лениным:

«Ленин ребром поставил вопрос, что, собственно, представляет из себя политика Второго Интернационала: ошибку или предательство интересов рабочего класса. Я начал ему об'яснять, что мы стоим на грани двух эпох: эпохи мирного развития социализма в рамках демократии, и эпохи бури и натисков, что дело идет не только о предательстве вождей, а о позиции масс, которые, не найдя достаточно сил для сопротивления войне, подчинились политике буржуазии, что тяготы этой политики принудят массы порвать с буржуазией и вступить на путь революционной борьбы. Ленин оборвал меня словами: «Это есть историцизм, все находит об'яснение в смене эпох, но могут ли вожди реформизма, которые еще перед войной систематически вели пролетариат в лагерь буржуазии, которые с момента войны перешли в этот лагерь открыто, могут ли они стать проводниками революционной политики». (Стр. 25—26 «На могилу Ильича»).

Эта цитата бьет т. Преображенского не в бровь, а в глаз. Могут ли старые вожди реформизма, которые еще перед войной систематически вели пролетариат в лагерь буржуазии, стать вождями революции?

На самом деле, почему Ленин (по Преображенскому) вдруг в 1914 г. становится вождем рабочего класса всего мира? Почему он вдруг в 14 г. становится гениальным представителем «марксизма второго издания», логически будто бы не связанного с большевизмом.

Что это за «счастливый случай», который выдвигает в 1914 г. Ленина на первые позиции пролетарского фронта?

У т. Преображенского логического ответа на эти вопросы не имеется, кроме того, что:

«Лишь грандиозное сотрясение капиталистического мира, вызванное войной, лишь предчувствие топота пролетарских ног, идущих от окопов империалистической войны к баррикадам войны гражданской, лишь дыхание назревающей классовой битвы, лишь эти события, напирая на мозг Ленина и найдя в нем адэкватный отзвук, могли так высоко поднять его над изумленным миром, вызывая проклятия и злобу на одном полюсе, веру, энтузиазм и братскую поддержку на другом».

Но почему именно на мозг Ленина эти события оказали такое влияние и нашли там отзвук?

Где нити, которые помогли именно Ленину почувствовать «дыхание назревающей классовой борьбы» и т. п.

Почему на мозг Каутского те же события оказали влияние совершенно противоположное?

Ответ только один:

Вся революционная работа Ленина шла в направлении подготовки пролетарской революции. На всем протяжении своей деятельности и до 1914 г. и после него, Ленин — вождь пролетарской армии, подготовляющий эту армию к решающим боям за социализм. Ленин к 14 г. был готовым вождем пролетарской революции.

При этом Ленин был этим вождем в стране с наиболее революционной ситуацией.

II.

К своей основной ошибке в определении ленинизма т. Преображенский приходит, исходя из ряда неправильных предпосылок.

Одной из таких предпосылок является неправильное определение характера буржуазно-демократической революции 1905 г. и подхода к этому вопросу В. И. Ленина.

Тов. Преображенский говорит:

«Наша революция 905 г. не отличалась принципиально от других буржуазных революций» и соответственно всю работу большевизма до 14 г. сводит к работе в пользу буржуазно-демократической революции и только.

В этих утверждениях т. Преображенского кроется ошибка. Спрашивается: если бы русская революция (905 г.) кончилась победой последовательной рабоче-крестьянской демократии с революционным рабоче - крестьянским правительством так, как предполагали большевики, могла бы такая революция ограничиться национально-государственными рамками и закрепить господство капитала на долгие годы, соответственно буржуазно-демократическим революциям, скажем, 48 г.?

Ведь типичная «буржуазно-демократическая революция ограничена национально-государственными рамками и т. Преображенский, как бы в подтверждение этого не раз подчеркивает, что до 1914 г. Ленин был руководителем только российского движения.

Чтобы показать всю ошибочность утверждений т. Преображенского, посмотрим, как представлял себе Ленин перспективы русской буржуазно-демократической революции, для чего возьмем ряд выдержек из его произведений ранних периодов.

В 1894 году: «Когда передовые представители его (пролетариата Э. К.) усвоят идеи научного социализма, идеи об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну в сознательную классовую борьбу, тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции». («Что такое друзья народа», стр. 172).

В 1902 году: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции, сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше

в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией» («Что делать», стр. 43—44).

В 1905 г.: «Нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предержащих, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся — тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам,— «как это делается»; тогда революционный под'ем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий, тогда... но мы успеем еще не раз поговорить о том, что мы сделаем «тогда», поговорить не из проклятого женевского далека, а перед тысячными собраниями рабочих на улицах Москвы и Петербурга, перед свободными сходками русских «мужиков» (Том VI, стр. 129).

«И в этом перевороте со всей энергией будет участвовать революционный пролетариат, отметая от себя жалкий хвостизм одних и революционную фразу других, внося классовую определенность и сознательность в головокружительный вихрь событий, идя неуклонно и смело вперед, не страшась революционно-демократической диктатуры, а страстно желая ее, борясь за Республику и полную республиканскую свободу, за серьезные экономические реформы, чтобы создать себе действительно широкую и действительно достойную XX-го века арену борьбы за социализм». (Ленин, том VI, стр. 133).

В 1907 году: «Либо — разрушение помещичьего землевладения и всех главных устоев соответствующей старой «надстройки», преобладающая роль пролетариата и крестьянской массы при нейтрализации неустойчивой или контр - революционной буржуазии; наиболее быстрое и свободное развитие производительных сил на капиталистической основе при наилучшем, какое только мыслимо вообще в обстановке товарного производства, положении рабоче-крестьянской массы; отсюда создание наиболее благоприятных условий для дальнейшего осуществления рабочим классом его настоящей и коренной задачи социалистического переустройства». (Предисл. к «Развитию капитализма в России», т. 3, стр. 11).

В 1918 году: «Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. Сначала вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической), затем, вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплоатируемыми против капитализма, в том числе, против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов и постольку революция становится социалистической. Пытаться поставить искусственную, китайскую стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени об'едине-

ния его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом» (Ренегат Каутский, т. XV, стр. 508).

Что говорят все эти выдержки из произведений Ленина, количество которых можно бы во много раз увеличить?

Прежде всего они подтверждают, что Ленин никогда не рассматривал русскую революцию изолированно, как революцию, ограниченную национальными рамками.

Для Ленина было ясно, что вырвать из империалистской системы «самый могучий оплот европейской и азиатской реакции»,— это значит поколебать все здание империализма, это значит «зажечь революционный пожар в Европе».

Как же можно, оставаясь на почве ленинизма, утверждать, что «революция 905 года не отличалась принципиально от других буржуазных революций».

Отличалась и очень. Во-первых, тем, что она могла победить только как революция «рабоче-крестьянская», а во-вторых, тем, что она неизбежно дала бы толчек к пролетарской революции в Европе.

Могла ли бы в таких условиях укрепиться на долгие годы в России буржуазная демократия, наподобие буржуазных демократий Европы?

Ленин не устает повторять, что последовательная буржуазная демократия нужна лишь как «достойная XX века арена борьбы за социализм».

Не случайно Ленин в 17 г., отстаивая в партии свои апрельские тезисы, напоминает, что еще в «Двух революциях» (1905 г.) он писал:

«У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое—самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии. Ее будущее—борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм».

Значит, борьба за социализм не откладывается с установлением революционного правительства рабочих и крестьян. Значит, нет китайской стены между буржуазно-демократической и пролетарской революцией — ибо такое разобщение есть «величайшее извращение марксизма».

Можно ли после всего этого говорить, что до 14 г. у Ленина дело шло о типичной буржуазно-демократической революции» и только.

Дело шло, прежде всего, о свержении царского режима и доведении до конца буржуазно-демократической революции. Но Ленин никогда не скатывался до пошленького поклонения демократии: он всегда помнил и напоминал другим, что буржуазно-демократическая революция есть лишь этап к революции пролетарской. И Ленину было ясно, что развертывание пролетарской революции лучше всего обеспечивается тем, что пролетариат будет стоять во главе буржуазно-демократической революции.

Не скатываемся ли мы тем самым к теории перманентной революции?

На это дал ответ тов. Сталин.

Он говорит, что ленинский подход к революции тем отличается от подхода «перманентников», что последние в порядке революционной фразы, думали прямо начать с власти пролетариата, тогда, как Ленин предлагал увенчать дело революции переходом власти к пролетариату.

Ленин, учитывая роль крестьянства, помнил, что сперва со всем крестьянством против помещиков и царизма, а потом уже с беднейшим крестьянством против капитала — «перманентники» перескакивали через крестьянство.

Революция развивалась «по Ленину», разрешив тем самым спор.

III.

Вместе с «перманентниками» т. Преображенский недооценивает в ленинизме значение крестьянского вопроса.

Между тем, кому же неизвестно, что крестьянская политика один из китов большевизма и не с 14 г., а с революции 1905 г. и до настоящих дней.

«Ничего специфического в области теории по сравнению с традиционным марксизмом в большевизме до 14 г. не было»,— говорит т. Преображенский. Очень смело.

Послушаем по этому вопросу т. Зиновьева:

«Что нового сказал большевизм в области политической идеологии. Какие новые пути открыл большевизм для международного социализма. В чем заключается открытие, сделанное В. И. Лениным.

Если бы мы должны были ответить на этот вопрос в нескольких словах, мы сказали бы:

1. Большевизм первый в истории мировой классовой борьбы принял всерьез идею гегемонии пролетариата, поставив на практические рельсы то, что Маркс и Энгельс предвидели лишь теоретически.

2. Именно потому, что большевизм поставил вопрос о диктатуре пролетариата, как практический вопрос дня, он первый в истории международного социализма стал серьезно искать союзника для пролетариата.

3. И здесь главная заслуга большевизма — он нашел этого союзника в лице крестьянства.

4. В этом смысле можно сказать, что большевизм «открыл» роль крестьянства, как той силы, при завоевании которой на свою сторону только и становится возможным для пролетариата сыграть свою великую освободительную роль в мировой революции» (Т. 1, стр. 6, соч. Зиновьева).

Правильно это утверждение? — Безусловно. Именно большевики с 1905 г. правильно оценили роль крестьянства в революции буржуазной, а затем и пролетарской. Что еще более специфическое нужно, чтобы убедить т. Преображенского?

О характере крестьянской политики в последние годы едва ли приходится говорить. О союзе рабочих и крестьян знает последний комсомолец. Но нужно поставить другой вопрос, а именно: можно ли нашу теперешнюю политику в отношении крестьянства оторвать от той же политики в 1905 г.

Не вытекает ли непосредственно идея союза рабочих и беднейших крестьян в социалистической революции из идеи союза рабочих и крестьян в буржуазно-демократической революции?

Почему именно Ленин из русских социал-демократов выдвинул вопрос о союзе рабочего класса с крестьянством?

Почему меньшевики так воевали против этого лозунга?

Блестящий ответ дает тов. Сталин:

«В этом смысле крестьянский вопрос является частью общего вопроса о диктатуре пролетариата и, как таковой, представляет один из самых животрепещущих вопросов ленинизма.

Равнодушное, а то и прямо отрицательное отношение к крестьянскому вопросу со стороны партий II Интернационала об'ясняется не только особыми условиями развития на Западе, оно об'ясняется, прежде всего, тем, что эти партии не верят в пролетарскую диктатуру, боятся революции и не думают вести пролетариат к власти, а кто боится революции, кто не хочет вести пролетариев к власти, тот не может интересоваться вопросом о союзниках пролетариата в революции, для него вопрос о союзниках является вопросом безразличным, неактуальным» (стр. 77).

В этом сущность всего вопроса: отрицание союза рабочих и крестьян есть: «оборотная сторона отрицания диктатуры пролетариата» и, наоборот. Ленину нужна была теория союза рабочих и крестьян, потому что он всерьез ставил вопрос о диктатуре пролетариата и потому он по новому разрешил вопрос о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства и разрешил его до 1914 г.

Как же тов. Преображенский мог это упустить, разрывая большевизм на части.

IV.

Возьмем дальше нашу национальную политику. Тов. Преображенский сам говорит, что «в национальном вопросе Ленин является теоретиком нового направления в коммунизме».

Национальная программа большевизма, также один из китов ленинизма. Спрашивается: можно ли национальную политику ленинизма разорвать на две части до 1914 г. и после 1914 г.

Тов. Каменев во введении в XIX т. собр. сочинений Ленина, посвященному национальному вопросу, говорит:

«Особого внимания с точки зрения истории коммунизма заслуживает то обстоятельство, что в статьях по национальному вопросу за 1913—1914 г.г. — до начала империалистской войны фактически предвосхищены ответы на те коренные вопросы пролетарского движения, которые во весь рост были поставлены только империалистической войной. Та позиция, которую большевизм занял немедленно после августа 1914 г. по вопросу о «защите отечества», об отношении к «своей буржуазии», об «аннексиях» и т. п., была в большей степени подготовлена, именно в дискуссии по национальному вопросу 1913—1914 г.г.» (стр. 4, 5).

Тов. Сталин по тому же вопросу говорит:

«Раньше национальный вопрос рассматривался реформистски, как отдельный самостоятельный вопрос вне связи с общим вопросом о власти капитала, о свержении империализма, о пролетарской революции. Молчаливо предполагалось, что победа пролетариата в Европе возможна без прямого союза с освободительным движением в колониях, что разрешение национально-колониального вопроса может быть проведено втихомолку «самотеком», в стороне от большой дороги пролетарской революции, без революционной борьбы с империализмом. Теперь эту антиреволюционную точку зрения нужно считать разоблаченной. Ленинизм доказал, а империалистическая война и революция в России подтвердили, что национальный вопрос может быть разрешен лишь в связи и на почве пролетарской революции, что путь победы революции на Западе проходит через революционный союз с освободительным движением колоний и зависимых стран против империализма. Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата» (стр. 94—95).

Эти определения, безусловно, верны. В борьбе с мелкобуржуазным оппортунизмом, с одной стороны, и «левизной» (Р. Люксембург, Пятаков и др.), с другой, еще до 1914 г. создана ленинская национальная политика, которая лежит в основе политики Коминтерна и до сих пор.

Это настолько элементарно, что едва ли нужно приводить дополнительные доказательства.

Достаточно прочитать статьи Ленина периода 13 — 14 г.г. (т. XIX), чтобы в этом убедиться.

V.

Все приведенные данные показывают, что нельзя разрывать большевизм на две части до 1914 г. и после 1914 г., именуя ленинизмом только то, что началось с 1914 года.

Если мы пойдем этим путем, мы выбросим из ленинизма всю борьбу с меньшевизмом до 1914 г., крестьянский вопрос, национальный и организационный вопросы.

Большевизм целостен и монолитен до конца. Нельзя его растаскивать по камешкам. Нельзя принимать одно и отвергать или отодвигать другое.

Ленинизм можно взять только в целом и стать ленинцем можно только, изучив ленинизм во всех его исторических периодах.

Лучше всего об этом сказал сам Ленин в «Детской болезни» левизны:

«Большевизм существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 года. Только история большевизма за весь период его существования может удовлетворительно об'яснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата».

Это нужно хорошенько запомнить: только история большевизма з а в е с ь п е р и о д может удовлетворительно об'яснить и т. д.... Большевизм - ленинизм за весь период целостен, неразрывен, логически связан — отрицание этого приводит к ревизии ленинизма.

Ленинизм можно и должно изучать по периодам.

Не мог Ленин при всей своей гениальности, или, именно благодаря своей гениальности, в 1905 г. сказать то, что нужно было сказать в 1915 г.

Ленин всю массу своих теоретических положений всегда излагал применительно к практическим действиям.

Но одна основная мысль проходит через все произведения Ленина — это мысль о пролетарской диктатуре. По разному и с разных сторон подходил к ней Ленин, но она служила ему путеводной звездой.

Тов. Бухарин в статье: «Ленин, как марксист», говорит, что Маркс считал основой своего учения то, что оно «неминуемо ведет к диктатуре пролетариата».

Ленин всю свою революционную работу направлял к тому, чтобы осуществить диктатуру пролетариата.

В период 1905 — 1914 г.г. наиболее революционной ситуация была в России. Только победоносная революция в России могла дать толчек революции в Европе — и Ленин целиком отдает себя революционному движению России, почти не входя в интернациональное движение.

1914 год круто меняет положение.

Мировая война создает революционную ситуацию во всем мире и Ленин — вождь мирового коммунизма.

Тов. Преображенский говорит, что лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую лежит в основе ленинизма, что этот лозунг в 1914 г. сделал Ленина вождем рабочего класса всего мира (стр. 224 «Молодой Гвардии»). Правильно, что этот лозунг сделал Ленина вождем рабочего класса всего мира, но кто возьмется утверждать, что лозунг превращения империалистической войны в гражданскую впервые выдвинут Лениным в 1914 г. и он логически также не вытекает из предыдущей работы Ленина?

Я напоминаю статью Ленина в 1907 году о Штутгардтском международном конгрессе.

Вот что в ней Ленин говорит о войне:

«В зависимости от этих условий стоит выбор средств борьбы, причем, эта борьба должна состоять (это третий пункт недоразумений или недомыслия эрвэизма) не в одной замене войны миром, а в замене капитализма социализмом. Не в том суть, чтобы помешать только возникновению войны, а в том, чтобы использовать порождаемый войной кризис для ускорения свержения буржуазии. Но за всеми полуанархическими нелепостями эрвэизма, таилась одна практически верная подкладка: дать толчек социализму в том смысле, чтобы не ограничиваться парламентскими только средствами борьбы, чтобы развить в массах сознание необходимости революционных приемов действия, в связи с теми кризисами, которые война несет за собой неизбежно, в том смысле, наконец, чтобы распространить в массах более живое сознание международной солидарности рабочих и лживости буржуазного патриотизма». (Том VIII, стр. 502).

Что значит «использовать» порожденный войной кризис для ускорения свержения буржуазии»? Есть ли это что-либо иное, чем лозунг гражданской войны?

Выбор «средств борьбы» Ленин ставит в зависимости от условий.

Ленин, как известно, был одним из авторов Штутгардтской резолюции и с самого начала войны Ленин совершенно правильно обосновывал лозунг гражданской войны резолюциями Штутгардтского и Базельского (1912 г.) конгрессов II Интернационала.

Ленин применил этот лозунг к жизни, а старые вожди II Интернационала ему изменили.

Когда разразилась мировая война Ленин противопоставил ей идею мировой пролетарской революции.

Неужели же это нисколько не связано с позицией Ленина в 1907 г. в вопросе о войне, неужели это что-нибудь иное, чем «использование порождаемого войной кризиса для ускорения свержения буржуазии».

В 1914 г. тов. Ленин соответственно «условиям» обосновал превращение войны империалистической в войну гражданскую, «не в эту, так в ближайшую войну» (т. XIV, стр. 17).

В этом его великая заслуга, но кто не понимает, что вся работа В. И. Ленина с 1914 г. неразрывно связана со всей предыдущей историей большевизма — тот рискует наделать массу ошибок.

А. Тальгеймер.

Заметки о Форде.

I.

Автобиография Генри Форда [1]) вызвала сильнейший интерес к себе во всех странах и *у всех классов*. Занимаются обсуждением мыслей, высказанных в этой книге и германские капиталисты, и мелкие буржуа. Дискутируют о книге и русские рабочие.

В чем причина того, что это сочинение производит такое сильное впечатление во всех классах общества *именно теперь*? Ответ на этот вопрос представляет большой интерес для суждения об идейных течениях, существующих в данный момент в различных слоях общества.

Наш друг, Яков Вальхер, подверг книгу Форда, подробной критике с марксистской точки зрения. Он кладет в основу своих рассуждений текст Форда, чтобы опираясь на этот конкретный материал, вывести доказательство верности основных положений марксизма, чтобы на мелочах такого огромного предприятия, как завод автомобилей и тракторов Форда,—об'яснить основы экономического учения Маркса.

Но эту часть темы мы здесь оставим в стороне. Нам интересно здесь выяснить вопрос о появлении такой личности, как Форд, о вызванных ею влияниях и о том, как в ней отражается состояние массы.

2.

Нужно только сопоставить то идейное течение, исходя из которого написан шпенглеровский «Закат Европы» и биографию Форда, чтобы понять, как должна была подействовать «миссия» Форда на одряхлевшую капиталистическую Европу. Здесь—настроение упадка, смирения; всякая вера в себя пала, все унаследованные идеологии оказываются изношенными, на горизонте то сильнее, то слабее выделяется зарево пролетарской революции; государства и хозяйство народов шатаются под свинцовой тяжестью вооружений. А оттуда, из Америки доносится голос радостного оптимиста, перед глазами которого открываются *необ'ятные перспективы все еще внутри капитализма*, и перспективы *для всех классов*, для предпринимателя, для мелкого буржуа, для рабочего.

---

[1]) Генри Форд: „Моя жизнь и работа". Издано при содействии Самуэля Кроутера. Издание Пауля Листа, Лейпциг. VIII+328 стр.

Беспредельное расширение капитализма — не только для капиталистического класса в целом, но и для отдельных предпринимателей, и на основе этого всеобщего под'ема — всесторонняя гармония между классами, устранение, как по волшебству, мучительных «вопросов»!..

Все это опирается на смелую веру в могущество технического прогресса, на уверенность в силе рационально поставленной организации труда.

В этом великая магическая сила Форда.

И рядом с этим — полное забвение противоречий, имманентно присущих капитализму и ставящих об'ективные рамки техническому прогрессу и рационализации труда при *капиталистическом* строе.

Форд есть средоточие того, что называется «американизмом», как в его сильных сторонах, так и в его слабых, отсталых и даже комических сторонах.

3.

Сильная сторона американизма—рационализация производства, организации труда и постановки дела.

Тут нет ничего невозможного, тут все еще предстоит сделать

Традиция, рутина — все это зло.

«Знатоки-эксперты в деле не годятся: они слишком видят пределы возможного».

«Современный или, лучше сказать, будущий метод будет состоять в том, что каждая отдельная часть предмета будет изготовляться там, где ее лучше всего изготовляют, а затем целый предмет будет составляться в центрах его потребления». Необходимо планомерное снижение цен, чтобы предмет роскоши превращать в предмет массового потребления. Нужна децентрализация производства, начиная с известного пункта. Никаких лишних рук, никакого лишнего транспорта не должно быть. Прогрессивно растущая дифференциация специальностей, постоянное движение и течение работы, — вот в чем сущность истинного производства.

Необходимо наивозможнейшее *упрощение* продукта, наряду с его наибольшей прочностью.

Никакой бюрократии... Так получается, что заводы и предприятия Форда не знают никакой организации, никакой усовершенствованной системы начальства, там знают лишь небольшие титулы и не знают никаких конференций. «У нас имеется лишь столько конторских служащих, сколько безусловно необходимо; у нас не составляются никакие акты и, поэтому, нет никакой волокиты».

Необходимо свести до минимума цикл производства.

Нужно исключить из производства «мертвые пункты».

У деревни также есть свое «мертвое время», когда крестьянин должен итти на фабрику, чтобы помочь рабочему в изготовлении вещей, необходимых ему для двора. У фабрики также бывает свое мертвое время,—тогда рабочий должен итти в деревню и помогать убирать хлеб».

Форд спрашивает:

«Разве это несовместимо в промышленности, чтобы в различных ремеслах и специальностях, в одном за другим, работали те, кто к ним особенно способен?».

Никакой излишней централизации.

«Огромную фабрику не построишь у маленькой речки, а об'единение небольших фабрик, из которых каждая изготовляет только часть продукта, приведет к удешевлению всей работы по сравнению с тем, когда все изготовляется на огромном предприятии... Промышленность децентрализуется. Никакой город, если он погибнет, не построишь снова точно по прежнему плану. Уже одно это указывает, каков наш истинный взгляд на наши города... Большой город наших дней был расточителен, теперь он обанкротился, а завтра он перестанет существовать»...

Сельское хозяйство являет собой пример технической отсталости.

«Земледелие старого стиля, — это понятие, которое должно отойти в область романтизма. Это не значит, что теперь в деревне нечего будет делать. Труда не исключить ни из какой действительно-продуктивной жизни, но обработка земли механическим способом приводит к тому, что смертельно тяжелая, переутомляющая работа из деревенского обихода исчезает. Сельское хозяйство, построенное на индустриальных методах, снимает тяжесть с человека и перекладывает ее на сталь и железо. Мы только стоим у начала этого периода развития. Автомобиль произвел революцию в жизни крестьянина не как средство перевозки, а как силовой двигатель. Сельское хозяйство должно быть чем-то лучшим, чем деревенское занятие. Оно должно стать предприятием по изготовлению продуктов питания. Но если оно действительно станет предприятием, работающим на деловых основаниях, то фактическая работа в хозяйстве средней руки сможет быть выполнена в значительно меньшее число дней в году. Остальные дни года можно будет посвятить другому занятию. Полевая работа—слишком сезонная работа, чтобы она занимала человека целиком».

Сельское хозяйство являет собой пример технической отсталости.

Железные дороги должны бы управляться по таким же принципам, как и автомобильное предприятие Форда.

4.

Эта сторона вопроса прежде всего привлекает русских рабочих. Они чувствуют те необ'ятные возможности, которые предоставляет им их страна, и осуществление которых попадает к ним в руки, а уже не в руки олигархии эксплоататоров. Они одушевлены безграничной верой в возможности технического прогресса и в развитие организации труда. Они знают, что они во всем этом стоят еще у начала дела, что здесь еще все предстоит сделать. Они жаждут научиться всему, что им нужно,—даже у американского автомобильного заводчика Форда.

Когда подумаешь, что этот интерес к идеям Форда о рационализации производства и организации труда идет снизу, из масс, то этот факт свидетельствует об удивительной политической и общественной зрелости русского рабочего класса.

Рабоче-крестьянской России нужно лишь время для того, чтобы совершить величайшее чудо в производстве. А в капиталистических странах перед выполнением возможных технических чудес в производстве встают высокие стены системы общественных отношений. Советская Россия еще ползает на четвереньках в деле организации производства и труда. Но путь свободен!

Именно техническая и культурная отсталость этой страны заставляет ее проявлять величайшее дерзание и дает ей свободу движения при возведении здания новой жизни.

Старые же капиталистические страны на каждом шагу наталкиваются на препятствия, которые ставит перед ними старый порядок.

5.

Форд — самоучка. Он — сын фермера, обладающий природным техническим и организаторским талантом. Он работает постепенно, поднимаясь от кирки. Его жизнь, это — школа. То, что он самоучка, дает ему смелость переступать без смущения через рутину и традицию.

Из жизни фермера исходит постановка им цели в технике: сперва устранение тяжелой механической работы в сельском хозяйстве — сконструирование универсальной передвижной силовой машины для среднего крестьянского хозяйства—трактора. Отсюда он приходит к мысли об автомобиле. От автомобиля, который психологически делает крестьянина восприимчивым к способу пользования машиной — обратно к трактору.

Как сын фермера, он еще дома имеет в виду производство предметов массового потребления. Только на почве своеобразных условий фермерской жизни в Америке возможно появление такого типа, как Форд. Эта живая и подвижная в смысле расселения по территории масса представляет широкое поле для приложения сил Форда, у него здесь огромный радиус действия. Высоко развитая промышленность, обилие сырья в стране, технические рессурсы,—все к его услугам.

Техническая задача, которую поставил перед собой Форд, в маленькой стране немыслима.

6.

Экономическая причина головокружительного под'ема Форда и того факта, что он постоянно переживает своих конкурентов, лежит в беспрерывном повышении продуктивности работы его завода. Он всегда впереди. Его расходы по производству всегда ниже общего уровня. На этом и основано исключительное распространение его экономического могущества.

Из этого факта следует: если методы производства Форда станут общим достоянием, то это прекратит его личное движение вперед.

Если все предприниматели будут вести производство по способу Форда, то они в то же время приведут к исчезновению экономического типа Форда.

Миссия Форда в капиталистических условиях имеет лишь индивидуальный смысл. Но всякий индивидуальный предприниматель надеется быть тем, кто займет место Форда.

7.

Есть одна слабая сторона у Форда: в общественных вопросах он—новорожденное дитя. Опираясь на свой личный успех и на еще растущий американский капитализм, вообще, он гово-

рит об общественных вопросах с наивной уверенностью того, кто ничего не знает о выросших уже противоречиях в капиталистической системе производства.

Но это вообще типично для американской буржуазии. Ее общественное бытие и ее общественное сознание относятся друг к другу, как автомобиль к телеге, запряженной быками.

На капиталистическую Европу, травленную всеми собаками, обуреваемую тысячью проблем, это состояние американских дикарей, — уверенных в своей силе, — в общественных вопросах действует наподобие того, как на римлян императорской эпохи действовали германцы-дикари из первобытных лесов (но американские варвары в то же время господствуют в мировом хозяйстве!).

8.

Мелкий буржуа находит в Форде крупного капиталиста и подходит к нему под углом зрения мелкого буржуа, со своей нравственной меркой, с идеалами, симпатиями и антипатиями мелкого буржуа.

Карьера его идет от фермера — до промышленника-великана. Он поднялся собственными силами. «Честная работа», «классовая гармония», — вот что является содержанием его идеала. Личное руководство и работоспособность являются в его глазах решающими; он ведет полемику с банковым капиталом, выступает против евреев. Он ведет простой образ жизни.

Принимается им в рассчет и рабочий, превращенный в мелкого буржуа. И для него есть маршальский жезл в походном ранце Форда: высокие ставки зарплаты, постоянное наличие работы, участие в прибылях, прекрасный домашний очаг. Чего еще больше может желать «человеческое сердце»?..

Форд грандиозен и в то же время — смешон. Он грандиозен, как воплощение смелого прогресса в области техники и организации труда. Он смешон, как новорожденное дитя, когда он берется рассуждать о социальных вопросах современности.

В. Астров.

Мелко-буржуазное в Савинкове.

Это было в 1904 году. То были герои террористы, в революционно - авантюристическом безумии выходившие один-на-один против столетнего исторического чудовища царизма. Это о них вспоминает Борис Савинков:

— «Я помню летнее утро. Петроград. Измайловский проспект. Пыльные камни. На мостовой распростертый Сазонов, раненый, со струйкой крови. И я стою над ним. Рядом — разбитая карета Плеве, и пристав, с дрожащей челюстью, подходит ко мне, а у меня в руках револьвер...».

Это был 1904 год. И вот,—через четырнадцать лет,—1918 год. Те же имена, и снова рядом: Савинков и Сазонов. Все тот же Савинков, но только уже не тот, а другой Сазонов:

— «Я (Савинков), представляя Колчака, вошел в так называемую русскую делегацию. Ее состав общеизвестен: председатель —Львов, члены—Чайковский, Маклаков, Сазонов и я. Сразу получилось весьма странное смешение. С одной стороны, в Париже находился министр Колчака, министр иностранных дел Сазонов, а с другой — представитель Колчака — я...».

— «Сазонов оставался прежним царским министром и в беседах своих с иностранцами разговаривал так, как будто в соседней комнате сидит царь и он царя представляет».

От разбитой кареты царского временщика министра — в одну карету с бывшим царским министром. От поцелуев с Каляевым, идущим убивать великого князя Сергея Александровича—в об'ятья к теням, потомкам и холуям царствовавшего «дома». От организации покушений на царя—к массовым расстрелам рабочих и крестьян.

И, как итог этого исторического зигзага, истерический и позерски-жалкий самосуд:

— «Сколько же крови и слез! И из-за чего? И для чего? И почему? И где моя вина? И в чем моя вина? Осудите меня, как хотите, ведь большего суда, чем я сам над собой сделал, вы мне не дадите»...

Нас не может здесь особо занимать вопрос о степени искренности раскаяния со стороны этого, сыгравшего свою роль политического актера. По каким бы побуждениям не совершено это политическое «самосожжение», — оно совершено. Савинков, как личность, не интересует нас. Мы должны рассмотреть Савинкова, как политика, хотя бы и горе-политика, с общественно-классовой, а не личной стороны его поведения.

Зигзаг, проделанный Савинковым на протяжении двух русских революций 1905 и 1917—24 годов, типичен для всего нашего мелко-буржуазного «социализма», включая сюда всех эсеров и меньшевиков, вместе взятых. В этом отношении среди них могут быть лишь оттенки, нюансы: одни были менее революционны в борьбе с царем, чем другие; третьи, борясь с большевиками, оказались в более тесном блоке с помещиками и генералами, чем четвертые, и т. д. В судьбах всей мелко-буржуазной «демократии» в России эти частичные отличия не меняют ровно ничего. Ею проложен в истории революции один след, по одному направлению, и савинковский зигзаг не выходит из очертаний этого исторического следа. И даже его раскаяние, его «безоговорочно признаю советскую власть» есть не что иное, как симптом давно знакомого нам процесса перманентного распадения эсеро-меньшевизма. В жизни последнего этот ликвидационный процесс составляет необходимую и неот'емлемую сторону уже не первый год.

Савинков—один из многих. Но было бы ошибкой на этом основании совсем пройти мимо него, не остановившись на его политической роли. Было бы ошибкой,—ибо такие яркие примеры, как карьера Савинкова, не часто попадаются в лагере мелкобуржуазной ограниченности, «революционного» и оппортунистического филистерства.

* * *

На суде Савинков рассказывал о своей борьбе с Советской властью, каялся в своих заблуждениях, пытался оценить свое позорное поведение, найти ему хотя бы суб'ективное оправдание: он, Савинков, «не верил в победу большевиков», не мог знать, что русские рабочие и крестьяне в массе пойдут за большевиками»; ошибившись однажды в выборе пути, он, как революционер, обязан был идти до конца, испробовать все средства борьбы прежде, чем признать свою неправоту.

Перед нами, на всенародном «покаянии», обнажил себя и бичевал себя,—как никак,—видный политический деятель контрреволюции. И что стало бесспорным и ясным, так это полное отсутствие у него положительной политической программы в борьбе с большевизмом.

Он добивался временной диктатуры, но чьей диктатуры—«это не было указано», как ответил он, под смех присутствовавших, на вопрос председателя суда. Он добивался учредительного собрания, этой «мечты его жизни», но это была голая фраза. Что это будет за собрание, какому «народу» оно должно передать власть,—Савинков не знал.—«Мое мнение заключалось в том, что учредительное собрание не приведет к монархии»,—отвечал подсудимый, когда ему указали, что монархисты были тоже за учредительное собрание. Свою власть «навязывать» народу Савинков не хотел и надеяться не мог, не имея партии. Наиболее близкую к нему партию эсеров («я был пусть плохой, но эсер», говорит он) Савинков характеризует убийственно:

— «В эсеров я не верил, потому что я видел их полную растерянность, полное безволие, отсутствие мужества».

Если у него имелась политическая программа, то только и исключительно отрицательного свойства: свержение большевиков.

Поэтому он и шел, без разбора, со всеми, стоявшими на такой платформе.

Положительно, человек в политике играл в рулетку.

Долой советскую власть, а там будь, что будет! Было бы разрушено, а строить... будут другие. Это программа действий такого класса, который не способен строить. Если бы даже здесь была и суб'ективная «честность», и «убежденность», и «преданность» народу, которые в себе так воспевал на суде Савинков, то все же здесь нет ни грани политической мысли и политической самостоятельности. Удивительно ли, что люди с такой куриной слепотой в политике служили только навозом для утверждения господства эксплоататорских классов, игрушками в руках генералов?

«Иван непомнящий» в вопросах политики, Савинков вознаграждает себя цветистой мелодекламацией, проникнутой глубоким суб'ективизмом, народнической окраски, с изрядной приправой заурядмещанства.

Он шел против большевиков потому, что «не верил» в их победу,—как будто вера или неверие могут быть достаточны для решения таких кардинальных вопросов! Он патетически говорит о своем «долге» перед народом. Его больше всего гнетет мысль о том, что ему придется умереть непонятым и непрощенным:

— ...«Вольной вины за мной нет. Не было дня, не было часа, не было минуты, не было обстоятельств, при которых я искал бы личной выгоды, добивался личных целей, защищал бы интересы имущих классов».

Утешайтесь же, рабочие и крестьяне! Вас расстреливал не какой-нибудь мерзавец и негодяй, а убежденнейший революционер, по ошибке и весьма честно служивший контр-революции и имущим классом!

Стоя по колено в грязи и крови, он чист, как ангел. Его люди шпионили, но он — нет. Его люди занимались грабежами, но его «совесть чиста».

— «Движение (зеленое В. А.) выродилось в полуграбительство, в полушпионаж. Конечно, ответственность лежит на мне, потому что я это дело начал, но вместе с тем моя совесть чиста, потому что я этого не хотел».

Этому «революционному» филистерству в корне чужда простая мысль о том, что «совесть» политика отвечает не за «хотение», а за дела, и не за свои только, а за дела руководимых им и за все об'ективные результаты его поведения.

Некоторые места в речи Савинкова положительно как-то неловко слушать. «Старый революционер, друг Каляева и Сазонова» повествует о том, что «вырыло пропасть» между ним и большевиками: в Октябрьские дни большевики, оказывается, расстреляли его сестру и ее мужа... Конечно, Савинков уже до Октября боролся с большевиками. Конечно, он оговаривается, что он не «мстил» большевикам. Но тогда зачем же упоминать на суде, в политическом выступлении, об этом мелком и случайном, с точки зрения не обывателя, а политического деятеля, эпизоде?

Все это становится более понятно, когда вспомнишь, что Савинков—«Ропшин», автор «Коней», бледного» и «вороного», литературный певец индивидуалистического ренегатства и разочарования сперва в революции 1905 года, а теперь—разочарования в анти-

большевистском контр - революционном движении. Ведь это никто иной, как он сам, в лице «господина полковника» из «Коня вороного», сидя в походном шалаше добровольческой белой армии, записал в своем дневнике:

— «Россия—Ольга, Ольга—Россия. Если не будет Ольги, моя влюбленность в Россию потеряет свою глубину. Если не будет России, моя любовь к Ольге утратит всеоб'емлющий смысл. Жить в России без Ольги все равно, что влачиться с Ольгой в изгнании,— влачиться на «поломаных крыльях», дрожа и «прижавшись к праху». (Запись от 6 ноября, стр. 14).

А через несколько десятков страниц после таких слов об Ольге этот «господин полковник», уже «зеленый» бандит, с благородным безрассудством губит в шальном бою весь свой отряд из-за арестованной большевиками деревенской девки «Груши».

Мелко, мелко плавает наш «идейный» полковник — Савинков. Добро бы не было царя только в голове, а то ведь не оказывается царя и в «революционном» сердце. У нас в Р.К.П., подобный «революционер», который считал бы, к примеру, что «Ольга—Коминтерн», а «Груша—революция», за сто верст не был бы подпущен к партии, а в самом лучшем для него случае был бы исключен при первой же чистке за мещанское «обрастание».

* * *

Говоря о Ропшине—писателе, невольно вспоминаешь Толстого, о копировании которого Ропшиным большевистская пресса писала еще в эпоху реакции 1908—10 годов. (Кстати, с литературной стороны это подражание достаточно хиловато).

Владимир Ильич Ленин в 1908 году писал о Льве Толстом:

— «Толстовские идеи — это зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и закорузлой трусливости «хозяйственного мужичка»... «Солдат был полон сочувствия крестьянскому делу: его глаза разгорались при одном упоминании о земле. Не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы,—но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались; через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, они освобождали из-под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги, впрягались снова в ярмо—совсем в духе Льва Николаевича Толстого!» *)

Можем ли мы оценить савинковский авантюризм с той же исторической высоты, с какой В. И. Ленин оценил «непротивленческое» толстовство?

Известное отражение отдельных сторон русского крестьянства нашей эпохи было и в контр-революционной савинковщине с ее бандитизмом, «зелено-армейством» и терроризмом.

Наше крестьянство—«двуликий Янус».

---

*) Сочинения, т. XI, ч. I, стр. 117. Статья: „Лев Толстой, как зеркало русской революции".

С одной стороны,—крестьянство, тяготеющее к пролетариату и к уничтожению наемного рабства, к кооперации и к социализму. Совсем не эту сторону берет и отражает савинковщина.

С другой стороны,—века насилия, гнета и эксплоатации оставили на ногах крестьянства тяжелые кандалы социального и политического консерватизма. Слепой и фанатический инстинкт мелкого собственника, забитость, пассивность и придавленность, на преобладающем фоне которой всякий протест вспыхивает слепо и стихийно, подчас с косами и топорами, но без ясного осознания и формулировки целей и требований, без плана или стратегии, не разбираясь в союзниках, без учета обстановки и сил; эта слепая собственническая стихия, если она выходит из состояния политической пассивности, способна только бить, ломать и разрушать, но не созидать.

Если толстовщина отражала рабскую, стадную покорность этой стихии, то савинковщина,—гораздо мельче и менее ярко,— отражает ее бунтарство.

В борьбе с царизмом это было революционное бунтарство, хотя и обреченное, без руководства со стороны рабочего класса, на полный неуспех. Не то сейчас. Социальная суть савинковщины и та же, и не та: об'ективный смысл ее в корне изменился.

Контр-революционный савинковский авантюризм, это—зеркало закорузлой дикости и необузданности «ущемленного» диктатурой пролетариата невежественного рыцаря первоначального капиталистического накопления в деревне, находящегося в рабстве у звериного мелко-собственнического инстинкта. Неспособность к организованному массовому движению; отсутствие исторического будущего; оппортунистическая трусливость и отчаянная авантюристическая дерзость, как две нераздельных оборотных стороны в одном социальном типе, в одном лице,—такова савинковщина.

Герой и безмолвствующая толпа—это не просто порождение фантазии народничествующих интеллигентов, это — отражение жизни мелко-буржуазного класса, в рядах которого выбиваются из серых будней только отдельные лица с исключительной предприимчивостью, настойчивостью и энергией,—таково правило, верное как для «выхода в люди», так и для ухода в терроризм.

Мы называем Савинкова авантюристом не потому, что он — любитель приключений. Это чисто внешняя сторона, в которой может совсем не выражаться тот или иной вид политического авантюризма. Политически авантюризм—есть «политика без масс» (Ленин).

Возьмите, с этой точки зрения, Савинкова. Человек строит крепкую централизованную организацию: снизу каждый член организации знает только одного, сверху—четверых. Во главе — штаб, во главе штаба—он, Савинков. А где же масса? Где массовая партия? Где организованный в политическую силу класс?

Массы скинуты со счетов, кучка лиц остается организованной кучкой лиц. Итог:

— «Вот, пять лет я борюсь. Я всегда и неизменно побит. Почему?»... «Всю свою молодость провел в боевой организации. Что это значит? Это значит, что я жил под стеклянным колпаком. Это значит, что я никого не видал, кроме своих, строжайшая конспирация, абсолютные законы. Я не знал массы, я не знал народа, я не знал

крестьян, рабочих. Я любил их. Я готов был жизнь свою отдать и отдавал. Но интересы их, истинные их желания, естественно,—мог ли я знать? Я жил под стеклянным колпаком без имени, без семьи, без дома, каждую минуту под угрозой. Так я жил долго, до 1911 года. А с 1911 года—эмиграция. Но что такое эмиграция? Ведь эмиграция — тот же самый стеклянный колпак. Как я видел и что я видел? Россию я видел? Русский народ видел? Нет,—я чужих людей видел, чужой народ, чуждый мне»... «Боевая организация и эмигрантская жизнь — вот весь мой опыт».

Это есть об'ективно верное признание политического авантюриста. Это есть и приговор ему.

* * *

Не опирались на крестьянство,—говорит Савинков,—в этом ошибка русских контр-революционеров. Но ведь и не могла буржуазно-помещичья контр-революция опереться на крестьянство. А перестать быть помещичьей она не могла, пока не был в жестокой гражданской войне окончательно сломлен хребет социальных остатков помещичьего класса. Пока у них еще теплилась надежда, они дорого продавали свою жизнь. Контр-революции был в первую голову нужен военный аппарат, а все навыки, весь организационный опыт царской военщины был только у помещичьего класса. Дворянское офицерство почти поголовно, очертя голову, бросилось на Дон, в подполье, в эмиграцию.

Ну, а сейчас, когда помещичье крыло начинает терять гегемонию в контр-революции, — есть ли надежда у нее опереться на крестьянство?

У Ропшина в «Коне вороном» есть характерные места о «человеке будущего» в России, каким он рисуется автору:

— «Мы были барами, народолюбцами из дворян. Нас сменили новые люди. Они «мечтают» единственно о себе».

Все это у Ропшина в достаточной степени слащаво, надуто и ходульно, а главное — скопировано со старого народничества периода его мещанского вырождения. Однако, здесь есть нечто, типичное и для современности.

Как образец «нового человека», Ропшин приводит «Ивана Лукича».

— «Я хутор куплю,—говорит этот Иван Лукич.—А вы... Вы из бывших людей. Слопают вас».

— «Кто слопает?»—спрашивает Вреде, помещичий сынок и бывший гусарский поручик (как полагается, «совсем еще мальчик, белокурый, с розовыми щеками и с детским пухом вместо усов», «тонкие брови» и все прочее, за что его читателю полагается «жалеть»).

— «Да такие, как я»,—отвечает Иван Лукич.—«Хутор куплю, заведу голландских коров, лен посею и женюсь на богатой... Мне нужен порядок; я за собственность. А где собственность, там должен быть и закон».

— «А вы собственник?»

— «Нет. Но буду».

Он «работать хочет»:

— «Понимаете, для себя хочу, а не для барских затей или для социализации дурацкой. Ну, а при коммуне разве это возможно?

Ивану Лукичу «все равно—Совнарком, Советы, Учредительное Собрание или даже чорт собачий».

Он хочет «строить новую жизнь»:

— «Совдепскую»?

— «Нет, свою. Ну, а если даже совдепскую? Чем совдеп хуже земской управы».

Ропшину-Савинкову благоугодно было сделать так, что Иван Лукич пришел «строить новую жизнь» в «зеленую» банду прямехонько из Р.К.П. Пришел и «заявил мрачно»:

— «Я должен предупредить, что я большевик. Хочу стать зеленым».

Сколько во всем этом действительности и сколько просто благоугодного автору?

Насчет вырождения большевиков в хуторян что-то не слыхать. Конечно, бывают «обрастающие», но если это некий символ для нашей партии, то перед нами старая сменовеховская погудка, на которую можно только ответить: «блажен, кто верует».

Тип же «мечтающего единственно о себе»,—не желающего ни помещиков, ни «коммунии» Ивана Лукича схвачен, в общем, верно. Он прост и давно известен у нас решительно всем.

Сумеет ли он превратить «совдеп» в «земскую управу»? Опять старая сменовеховская погудка, которая забывает ту мелочь, что в «совдепе» Иваны Лукичи совсем не сидят, если они эксплуататоры,—а те, которые сидят, рядом с собой имеют бедняцкие и полупролетарские слои деревни и городских рабочих.

«Критическое» отношение самого Ропшина-Савинкова к Ивану Лукичу не новость, а перепев старого барски-интеллигентского народничества.

— Фи, мещанство, фи мечтают о собственности, — говорил старый народник, и, отворачиваясь от фактов, сочинял, называя их «социалистическими» всевозможные проекты укрепления мелкой собственности.

Непонимание своего классового значения, интеллигентское отскакивание от своего классового «базиса» всякий раз при прикосновении к нему, витание в облаках фразерства, боязнь запачкаться о мужицкий зипун и «провонять мужиком», таким, каков он есть,—все это на-лицо в «господине полковнике»—Савинкове.

Но на деле, когда в виде редких исключений народнический авантюризм ведет за собой не одних фанатиков, барчат и интеллигентов, а «зеленые» мужицкие банды, то лишний раз крахают при соприкосновении с жизнью старые утопические народнические иллюзии, сохранившиеся, как «атавизм», со времен борьбы с самодержавием. Жизнь обнажает социальный фундамент народничества в образе «крепкого» собственника—кулака.

* * *

Есть в последнем, поворотном выступлении Савинкова одна черта, делающая его выразителем довольно распространенного настроения, существующего в мелко-буржуазных массах и буржуазных кругах России. Это—нотки национализма.

У Савинкова это болезненный национализм политической приживалки, ущемленной в передних европейских министров за долгий период слезных заграничных скитаний.

— «Вот моя армия», — говорит Савинкову лорд Черчилль, показывая на карте расположение войск «русской» добровольческой армии.—«Я помню, как ноги у меня приросли к полу»; «я стиснул зубы и унижение свое положил в карман»,—рассказывает Савинков.

И вот, как один из важнейших итогов периода вооруженной борьбы с большевиками, признание:

— «А надо всем этим—иностранцы, иностранцы и иностранцы; надо всем этим сознание того, что я, русский, любящий свою родину,—в руках иностранцев, людей, которые ненавидят ее»... «Если ты русский, если ты любишь родину, если ты любишь свой народ, то преклонись перед рабочей и крестьянской властью и признай ее без оговорок».

Большевики оказались наиболее полно выражающими национальные интересы даже в глазах тех, что вчера говорил о «продаже России» ими. Сейчас, когда Советская власть на международной арене окончательно завоевывает прочное положение и почетное место для России, в этой стороне речей Савинкова заключается их основной политический итог.

Политика начинается там, «где миллионы». А если из речи Савинкова вычеркнуть этот националистически-сменовеховский момент, то в ней останутся лишь частичные разоблачения русской буржуазно-помещичьей и мелко-буржуазной контр-революции, которые немного прибавляют, в глазах масс, к тем политическим шишкам, которые уже нажила себе эта контр-революция.

А за вычетом этих разоблачений остаются «лирические» отступления, позерство, глубоко-интеллигентское самолюбование, способное разве лишь разбудить воображение институток, породы, слава «богу», вымирающей на Советской Руси.

Дж. Т. Мерфи

Полгода власти Рабочего Правительства.

(Письмо из Лондона).

С окончанием сессии нового парламента уместно будет подвести основные итоги внутренней и внешней политики—опирающегося на него рабочего правительства.

Сессия началась с того, что Макдональд принял тронную речь за основу своей правительственной политики, отказываясь от несения ответственности перед рабочей партией и независимой рабочей партии, и выступая, как человек беспартийный, ответственный только перед парламентом и «народом». Вместе с тем, партия Макдональда стала вести свою политику в рамках этих обещаний. Рабочая партия вынуждена была избрать особую «комиссию связи» для поддерживания контакта между правительством и исполкомом парламентской фракции рабочей партии, задача которой сводилась к тому, чтобы оказывать давление на правительство в тех случаях, когда оно уже слишком далеко уйдет от влияния партии. И характерно, что парламентская сессия заканчивается под знаком политической бури, во время которой действия рабочего правительства направляются рабочей партией в парламенте и вне его.

После упомянутого первого заявления в парламенте, которое было равносильно тому, что Макдональд согласен править, как глава коалиционного правительства, в порядке дня стал вопрос о признании СССР. Лозунг этот был весьма популярен в массах; русским вопросом началась парламентская сессия, русским вопросом она и закончилась в обстановке, доказывающей, как далеко ушло правительство Макдональда от рабочего класса и какой потребовался нажим для того, чтобы заставить его прислушиваться к голосу масс, ибо в течение всех четырех месяцев переговоров с советской делегацией, «рабочее правительство» боролось за интересы бондхольдеров (держателей ценностей) и бывших собственников, и только давление снизу заставило его взять примирительный курс, несмотря на беснование оппозиционных партий.

Этот нажим совпадает с тем моментом, когда «рабочее» правительство арестовывает редактора коммунистического «Воркерс Викли» («Рабочий Еженедельник») за крамолу. Опять рабочие возмутились, и правительство вынуждено было отступить. Но такие факты способствуют тому, что рабочие массы начинают более критически относиться к «рабочему» правительству, и если подписание англо-советского договора еще часто ставится в заслугу рабочему правительству, то все же рабочий при этом уже начинает мысленно делать оговорки, вспоминая, как этот факт произо-

шел. Рабочим не по душе все эти споры о долгах, и им неприятна забота правительства о собственниках. Все это заставляет их призадуматься.

В области социальных реформ следует отметить отмену перерыва в выдаче субсидий безработным после 24-х недель безработицы. (Перерыв этот должен был толкать рабочих к подысканию работы). Хотя эта мелкая реформа была элементарным долгом рабочего правительства, она вызвала большое удовлетворение среди рабочих. К тому же, правительство отменило некоторые обременения для рабочих в связи с социальным страхованием, как, например, появление перед особым комитетом из предпринимателей и рабочих в тех случаях, когда безработный уже получил в качестве субсидии такую сумму, которая превышает предусматриваемые нормы.

Далее рабочее правительство приписывает себе заслугу сокращения безработицы, но в какой мере это сокращение вызвано сознательной политикой рабочего правительства—это еще вопрос. Но, если даже так, то капиталисты от этого не пострадали, так как правительство здесь продолжало методы консерваторов и либералов. Рабочее правительство заняло такую позицию: вопрос о безработице не может быть решен до наступления социализма; но социализма, дескать, мы вводить не можем, так как у нас нет большинства в парламенте; остается только одно—как-нибудь помочь развитию капитализма и, таким образом, уменьшить безработицу.

Впрочем, в этом вопросе г. Сноуден, канцлер казначейства, лидер независимой рабочей партии, выражает другие взгляды. Он говорит, что разрешения вопроса о безработице следует искать по линии удешевления производства. Эту мысль он повторил несколько раз в своей речи на заключительном заседании парламентской сессии: «Если бы мы нашли способы развития судостроительной, металлургической и хлопчато-бумажной индустрии, безработица вошла бы в «нормальные» рамки. В этих целях министерство авиации ускорило постройку аэропланов, в частности моторов для них, что даст работу 15.000 рабочим. Конечно, эти аэропланы предназначены только для мирных целей, как, например, ...бросание бомб на непокорных туземцев в Ираке, Египте и Индии. Как бы то ни было, это один из способов разрешения правительством Макдональда вопроса о безработице, который был возвещен еще при постройке пяти крейсеров... Далее правительство ассигновало 5 милл. фун. стерлингов на постройку дорог. Кроме того, назначается особый комитет по электрификации, работы которого затянутся на 3 года и в распоряжение которого ассигновано 10 милл. фун. стерл. Предполагаются и некоторые другие мероприятия, на которые отпущено еще 3 милл. фунт. стерлингов. При осуществлении всех этих мер больше всего выигрывают подрядчики, так как все заказы передаются им. И неудивительно, что рабочие начинают спрашивать, где же, наконец, этот постепенный переход к социализму? Ведь, выходит наоборот, что рабочее правительство стало дойной коровой капиталистов.

Перейдем теперь к жилищному строительству, о котором так много говорят, и осуществления которого ждут с таким нетерпением. Рабочему правительству удалось продолжить действие закона, контролирующего квартирную плату в интересах квартиронанимателей, но оно потерпело поражение в вопросе о понижении квартирной платы и приостановки выселений. Так, например, в настоящий момент в Глазго собираются выселить 400 рабочих семейств. Правительство, однако, на этом еще может набить себе политический капитал, заявляя что оно хотело предупредить эти выселения, но помешали консерваторы и либералы.

Осуществление широкого плана жилищного строительства еще не началось. Согласно этому плану предполагается постройка 2.500.000 (два миллиона пятьсот тысяч) домов в течение 15 лет. В первый же год должно быть построено 90.000 домов с квартирной платой согласно довоенным нормам. Правительство будет субсидировать эти дома в размере 9 фунт. стерл., а муниципальные власти—4 фунт. стерл. и 10 шиллингов в год за каждый дом. Строить дома будут, главным образом, капиталисты-подрядчики, а не правительство. Подрядчики только джентльменски обещали не ударяться в спекуляцию и не использовать положения. Но как только осуществление жилищной реформы стало казаться реальным, цены на строительные материалы сейчас же поднялись. Стали также учащаться конфликты между рабочими и предпринимателями строительной промышленности. В связи с этим началась забастовка строительных рабочих, и министр здравоохранения Уитли, отец жилищной реформы, теперь пытается найти пути, как помешать строительным спекулянтам поднимать цены. Как бы то ни было, можно с уверенностью сказать, что и на этой реформе частные капиталисты не мало выиграют.

Далее, рабочее правительство восстановило комиссию по зарплате в сельском хозяйстве (Agricultural Wages Board). В то же время правительство согласилось субсидировать сахарную промышленность. Для 470.000 с.-хозяйственных рабочих установлена мизерная зарплата—27 шиллингов в неделю.

Правительство Макдональда приписывает себе особые заслуги в качестве миротворца в экономических конфликтах. Это больше импонирует предпринимателям, чем рабочим; рабочий чувствует, что во время забастовки рабочее правительство ему не помогает: он видит, как теперь, в связи с забастовкой грузчиков в Ковент-Гарден, полиция выступает в защиту штрейкбрехеров. Теперь, как и раньше, полиция зорко следит за забастовочными пикетами и всячески ограждает законный, т.-е. штрейкбрехерский, труд. В аналогичном положении находятся железнодорожники, которые помнят, как правительство употребляло штрейкбрехеров для доставки почты, как оно угрожало ввести в действие закон о чрезвычайных полномочиях и как некоторые члены рабочей партии высказывались за применение войск во время забастовок.

Что касается результатов выступлений правительства в роли миротворца в экономической области, то они могут быть иллюстрированы следующими цифрами. В течение первого месяца консервативного правительства в 1922—23 г. отмечено забастовочных дней 68.000, в которых участвовало 9.100 рабочих. В течение пятого месяца—834.000 дней при 86.000 рабочих; соответствующие данные при рабочем правительстве: первый месяц—629.000 рабочих дней при 82.000 бастующих, а пятый месяц—398.000 при 36.000 бастующих. Но правительство ставит себе в заслугу, что в то время, как в 1922 г. средняя продолжительность забастовки была 38 дней, в 1923 г.—14 дней, в 1924 она составляла лишь $8\frac{1}{2}$ дней.

Далее, рабочее правительство, как будто оно и в самом деле регулировало экономические процессы, выступая перед рабочими, приписывает себе заслугу, что при нем участились наступательные забастовки, в доказательство чего приводятся следующие

цифры: в 1922 г. была 131 забастовка против сокращения зарплаты и ни одной за повышение; в 1923 г.—84 против сокращения и только 9 за повышение. Между тем, с начала 1924 г., что совпадает с приходом к власти рабочего правительства, против сокращения зарплаты было только 20 забастовок, а за повышение—77. Цифры эти, конечно, весьма интересны, но говорят они о повышении активности рабочего класса, а не о заслутах рабочего правительства. Ибо, что касается последнего, то вся его роль сводилась к тому, чтобы своим посредничеством помешать этим забастовкам при выгодной кон'юнктуре.

Обратимся теперь к вопросу о бюджете. Бюджет рабочего правительства расхваливался его сторонниками на всех перекрестках, как бюджет для домашней хозяйки, т.-е. бюджет, уменьшающий дороговизну, и бюджет «дающий кое-что каждому». Теперь о бюджете что-то меньше говорят. Индекс дороговизны теперь поднялся до того же уровня, как и до нового бюджета: и здесь уже заметно начало разочарований.

Так обстоят дела в области внутренней политики. А в области внешней политики, в области колониальной политики? Тут, во всяком случае, империалистам жаловаться не на что. Империалистическая и ройялистическая пропаганда за последние 6 месяцев превосходила все, что было в области английского империализма. Были бомбардировки в колониях, велась борьба с крамольными элементами внутри империи и, в частности, в Индии. Вопрос о морской базе в Сингапуре опять всплывает, строятся новые крейсеры, усиливается воздушный флот, проводятся улучшения в армии и особые кампании для набора добровольцев. Версальский договор остается в силе и еще «улучшен» и закреплен печатью банкиров Уолл-Стрит, а план Дауэса восхваляется, как успех дела мира.

Чего же еще желать империалистам? Но как влияет все это на английский пролетариат? Это уже другой вопрос. Но, во всяком случае, можно сказать—разочарование усиливается.

И. Сталин.

О компартии Польши *).

— Товарищи! У меня нет достаточного материала для того, чтобы говорить с той решительностью, с какой выступали здесь некоторые ораторы. Тем не менее, на основании тех материалов, которые я все-таки раздобыл, и на основании прений, которые имели здесь место, я составил себе определенное мнение, которым я хотел бы поделиться с вами.

Несомненно, что польская партия переживает ненормальное состояние. Внутри польской партии кризис — это факт. Это признал тов. Валецкий, это признали вы все, это выявилось с очевидностью, поскольку здесь был констатирован разлад внутри ЦК польской партии между практиками из членов ЦК и лидерами ЦК. Более того. Сам ЦК польской партии на своих пленумах в декабре прошлого года и в марте этого года признал в своих резолюциях оппортунистичность целого ряда своих действий и осудил их без лишних слов. Кажется, дальше некуда идти. Все это говорит, повторяю, о несомненном кризисе компартии Польши.

Где причина этого кризиса?

Причина в некоторых оппортунистических грехах в практике официальных лидеров компартии Польши.

Позвольте привести несколько примеров, подтверждающих это положение.

«Русский» вопрос. Некоторые товарищи говорят, что этот вопрос, как вопрос внешней политики, не имеет решающего значения для польской партии. Это неверно. «Русский» вопрос имеет решающее значение для всего революционного движения как на западе, так и на востоке. Почему? Потому, что Советская власть в России — это база, оплот, прибежище революционного движения всего мира. И если в этой базе, т.-е. в России, партия и власть начинают колебаться, значит, все революционное движение во всем мире должно потерпеть серьезнейший минус.

У нас в РКП во время дискуссии начались колебания партии. Оппозиция, оппортунистическая по существу, своей борьбой против партии вела к расшатыванию, к ослаблению партии, стало быть, вела к ослаблению самой Советской власти, ибо партия наша — партия правящая, и она является основным руководящим началом государственной власти. Естественно, что колебания внутри РКП могли повести в дальнейшем к колебаниям, к ослаблению

*) Речь, произнесенная на заседании польской комиссии Коминтерна 3 июля 1924 г.

самой Советской власти. Колебания же Советской власти означают колебания революционного движения во всем мире. Именно поэтому разногласия внутри РКП и, вообще, судьба РКП не могут не иметь прямого отношения к судьбам революционного движения других стран. Вот почему «русский» вопрос, хотя он и является внешним вопросом для Польши, представляет вопрос первостепенной важности для всех компартий, в том числе и для польской компартии.

Итак, как отнеслись вожди польской партии к «русскому» вопросу? Кого поддержали они, оппортунистическую оппозицию или революционное большинство РКП? Для меня ясно, что вожди польской партии в первый период борьбы внутри РКП, борьбы с оппортунистической оппозицией, недвусмысленно поддержали эту оппозицию. Я не буду копаться в душе товарища Варского или Валецкого, для меня неважно, что думал Варский, когда он писал известную резолюцию ЦК компартии Польши за оппозицию. Для меня важны не намерения лиц, а об'ективные результаты этой резолюции. Об'ективные же результаты резолюции сводятся к тому, что она льет воду на мельницу оппозиции. Резолюция эта была поддержкой оппортунистического крыла РКП. В этом все дело. В период, когда ЦК польской партии принял эту резолюцию и послал ее в ЦК РКП, он представлял польское отделение оппортунистической оппозиции в РКП. Если считать, что оппозиция в РКП была некоторой фирмой, долженствующей иметь отделения в разных странах, то компартия Польши была тогда польским отделением этой фирмы. В этом суть оппортунистического грехопадения лидеров польской партии в «русском» вопросе. Это печально, но это, к сожалению, факт.

Германский вопрос. Он, после «русского» вопроса, имеет наиболее серьезное значение, во-первых, потому, что из всех европейских стран Германия наиболее чревата революцией, во-вторых, потому, что революционная победа в Германии есть победа во всей Европе. Если с какого-нибудь конца начнется революционная встряска Европы, то это с Германии. Только Германия может взять инициативу в этом отношении, и победа революции в Германии, есть полное обеспечение победы международной революции.

Вы знаете, что в истекшем году разгорелась борьба в компартии Германии между ее революционным большинством и оппортунистическим меньшинством. Вы знаете, до чего велико значение победы левого или правого крыла германской компартии для всего хода международной революции. И что-же? Кого поддержали лидеры ЦК польской компартии в этой борьбе? Они поддержали группу тов. Брандлера против революционного большинства германской компартии. Это признают теперь все, и друзья, и враги. Получилось то же самое, что и с «русским» вопросом. Если предположить, что в Германии существует некая фирма оппортунистической оппозиции коммунистической партии, то польские лидеры оказались польским отделением этой фирмы. Это опять таки печально, но с фактом ничего не поделаешь: факт нужно признать.

О методе борьбы с оппортунистической оппозицией. Тов. Костжева говорит, что они, т.-е. лидеры польского ЦК по существу за русский ЦК и, пожалуй, за германский ЦК в нынешнем его составе, но расходятся с этими учреждениями в

вопросе о методах борьбы с оппозицией. Они, видите ли, требуют мягких методов борьбы против оппозиции. Они за войну с оппозицией, но за такую войну, которая не влечет за собой жертв. Тов. Валецкий дошел даже до того, что воскликнул: помилуйте, мы за «тройку»! Я должен сказать, что никто не требует от Валецкого, чтобы он во всем поддакивал русскому ЦК. Затем, я не знаю, что это за «тройка», за которую так распинается т. Валецкий. Он забыл, что никто не обязан поддакивать во всем русскому ЦК. (Валецкий с места: «не обязан, но могу»). Конечно, можете, но надо же понять, что такое поведение ставит в неловкое положение и Валецкого, и русский ЦК. Дело вовсе не в поддакивании, а в том, что в России, в условиях нэп'а, народилась новая буржуазия, которая, не имея возможности выступать открыто на политической арене, старается прорвать фронт коммунизма изнутри, ища своих героев среди лидеров РКП. Ну, а это обстоятельство ведет к нарождению оппозиционных настроений внутри РКП, создавая почву для оппортунистического уклона. Дело, стало быть, в том, чтобы наши братские партии определили свое отношение к этому обстоятельству и заняли определенную позицию. В этом, повторяю, дело, а не в том, чтобы во всем поддакивать русскому ЦК.

Что касается умягченного метода тов. Костжевы, то должен сказать, что он не выдерживает ни малейшей критики. Тов. Костжева за борьбу с оппортунистической оппозицией, но за такую борьбу, которая не ведет к дискредитированию лидеров оппозиции, но, во-первых, история не знает такой борьбы, которая не влекла бы за собой некоторых жертв. Во-вторых, нельзя победить оппозицию, не считаясь с тем, что победа влечет за собой подрыв авторитета лидеров оппозиции, — иначе пришлось бы отказаться от всякой борьбы с оппозицией. В третьих, полная победа над оппозицией является единственной гарантией от раскола. Других гарантий партийная практика не знает. Об этом говорит вся история РКП. Германская социал-демократия еще в довоенное время, когда она была ортодоксальной, вела борьбу с оппортунизмом тем самым умягченным методом, о котором здесь говорит тов. Костжева. Но она добилась этим того, что победителем оказался оппортунизм, и раскол стал неизбежным. РКП вела борьбу с оппортунизмом, испытанным методом решительной изоляции оппортунистических лидеров. И она добилась того, что победил революционный марксизм, а партия приобрела исключительную сплоченность. Я думаю, что уроки РКП должны стать для нас поучительными. Метод борьбы, рекомендуемый тов. Костжевой, является отрыжкой социал-демократического оппортунизма. Он чреват опасностью раскола в партии.

Наконец, вопрос о руководстве партией. В чем состоит характерная черта в развитии коммунистических партий Запада в данный момент? Она состоит в том, что партии подошли вплотную к вопросу о перестройке партийной практики на новый, революционный лад. Дело идет не о том, чтобы принять коммунистическую программу и декларировать революционные лозунги. Дело идет о перестройке повседневной работы партии, ее практики, в том направлении, чтобы каждый шаг партии и каждое ее действие естественно вело к революционному воспитанию масс, к под-

готовке революции. В этом теперь суть дела, а не в принятии революционных директив.

Тов. Прухняк читал здесь вчера целую вереницу революционных резолюций, данных лидерами ЦК Польши. Он с победным видом зачитал эти резолюции, полагая, что руководство партии исчерпывается выработкой резолюций. Он и не догадывается, что выработка резолюций есть лишь первый шаг, начало руководства партией. Он не понимает, что основа руководства состоит не в выработке резолюций, а в их проведении, в их претворении в жизнь. В своей большой речи он забыл, ввиду этого, сообщить нам о судьбе этих резолюций, он не счел нужным сказать, выполнены ли эти резолюции и в какой именно мере выполнены компартией Польши. А между тем, суть партийного руководства состоит именно в выполнении резолюций и директив. Глядя на него, я вспоминал обычного советского чиновника, держащего «ответ» перед ревизионной комиссией. «Проведена ли такая-то директива», — спрашивает ревизионная комиссия. «Приняты меры», — отвечает чиновник. «Какие именно меры приняты», — спрашивает ревизионная комиссия. «Дано распоряжение», — отвечает чиновник. Ревизионная комиссия требует документа. Чиновник с победным видом представляет копию распоряжения. Ревизионная комиссия спрашивает: — «а какова судьба распоряжения, выполнено ли оно и когда именно?» Чиновник делает большие глаза, заявляя, что «сведений не получено». Ревизионная комиссия, конечно, привлекает такого чиновника к ответственности. Вот этого именно советского чиновника напомнил мне тов. Прухняк, когда он зачитывал здесь с победным видом революционные резолюции, об исполнении которых у него «сведений не имеется». Это есть не руководство партией, а издевка над всяким руководством.

Каковы же выводы? Выводы сводятся к следующему.

Во-первых. Я решительно против того, чтобы в предстоящей партийной дискуссии в Польше провести водораздел между бывшими П. П. С. и П. С. Д. Это было бы гибелью для партии. Бывшие П. П. С. и П. С. Д. давно уже слились в единую партию, они ведут совместную борьбу с польскими помещиками и буржуазией, и делить теперь их ретроспективно на две части было бы глубочайшей ошибкой. Борьба должна пойти не по старой линии П. П. С. и П. С. Д., а по новой линии изоляции оппортунистического крыла компартии Польши. Полная победа над оппортунистическим крылом — в этом гарантия от раскола и залог сплоченности партии.

Во-вторых. Я решительно против, так называемого, отсечения, т.-е. против удаления некоторых членов ЦК из состава ЦК. Я вообще против перекройки ЦК сверху. Вообще надо иметь ввиду, что хирургическая мера, производимая без особой нужды, оставляет в партии плохой осадок. Пусть сама компартия Польши перестраивает свой ЦК на предстоящем с'езде или конференции. Не может быть, чтобы растущая партия не выдвинула новых вождей.

В третьих. Я полагаю, что практические предложения, выдвинутые тов. Уншлихтом, вполне правильны. Было бы вполне рационально вместо нынешних Оргбюро и Политбюро, которые оторвались друг от друга, выдвинуть единый политический и практический центр, составленный из членов нынешнего ЦК Польши.

Тут высказывались сомнения на счет теоретических знаний и партийного опыта новых лидеров, выдвинутых революционной борьбой в Польше. Я думаю, что это обстоятельство не может иметь решающего значения. В жизни РКП бывали случаи, когда во главе громаднейших областных организаций становились рабочие с недостаточным теоретическим и политическим багажем. Однако, эти рабочие оказывались лучшими лидерами, чем многие интеллигенты с книжками в руках, но лишенные необходимого революционного чутья. Вполне возможно, что на первых порах дела пойдут не вполне гладко с новыми лидерами, но это не беда, — раз-два споткнутся, а там научатся руководить революционным движением. Никогда готовые лидеры не падают с неба. Они вырастают лишь в ходе борьбы.

И Краваль.

Проблема заработной платы и производительности труда.

(Опыт обследования Надеждинского завода).

„Лозунгом дня должно стать увеличение производительности труда, расширение производства, удешевление изделий промышленности. Все внимание и все силы партии должны быть обращены в эту сторону". Постановление пленума ЦКРКП.

Вопрос о производительности труда в его общей постановке получил уже достаточную разработку, а пленум ЦК РКП в своем постановлении принял, что рост производительности труда отстал от заработной платы и что поднятие производительности труда—боевая задача, без разрешения которой невозможно дальнейшее развитие промышленности, а также невозможен рост заработной платы. Поэтому работа по поднятию производительности труда должна стать ударной, на которую должны быть направлены все силы партийных, профессиональных и особенно хозяйственных организаций. В настоящее время, после абсолютно обязательного для всех решения пленума ЦК, центр тяжести работы переносится на предприятие. В связи с этим меняется и характер работ на ряду с обсуждением общих вопросов в их теоретической постановке, связанных с производительностью труда: необходимо переходить к обсуждению конкретных мероприятий, направленных в эту сторону в условиях каждого треста, фабрики и завода. В отношении производительности труда инициатива и энергия предприятия должны будут определить наши успехи. Претворение в жизнь необходимых мероприятий непосредственно на предприятии является сейчас наиболее актуальной задачей в области производительности труда. Эта задача с успехом может быть выполнена, если нам удастся вовлечь в эту работу всю рабочую массу.

Какое значение вопросу о производительности труда в борьбе с капитализмом придавал т. В. И. Ленин видно из следующей цитаты: *).

«производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда. Это есть дело очень трудное и очень долгое, но оно начато,—вот в чем самое главное» (разрядка наша. И. К.). «Коммунизм,—говорит Ленин,—начинается там, где проявляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.-е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, об'единенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских Республик».

*) См. собр. сочин. т. XVI, стр. 254.

«Коммунизм,—говорит Ленин,—есть высшая против капиталистической производительность труда добровольных, сознательных, об'единенных, использующих передовую технику рабочих» *).

Отсюда ясно, что всякий, кому дорого коммунистическое строительство, должен приложить все усилия к тому, чтобы всякими мероприятиями повысить производительность труда. Там, где плохо используется оборудование — степень его использования должна быть повышена, там, где не загружен рабочий день—должны быть приняты меры к его полной нагрузке полезной работой, там, где плоха организация производства—она должна быть улучшена путем устранения существующих недочетов и т. д., и т. п. Для разрешения этой «самой важной, самой главной для победы нового общественного строя проблемы» следует итти на повышение производительности как путем увеличения интенсивности труда, так и на повышение прозводительности путем ряда административно-технических мероприятий. Всякая односторонность по этому коренному вопросу была бы только задержкой и непростительной ошибкой, независимо от того, кто ее совершил.

Для того, чтобы наметить конкретные меры к повышению производительности труда, необходимо знать современное состояние предприятия со всеми его недочетами. При чем для большей точности, в смысле выявления действительной картины положения на предприятии, мы считаем методологически правильным сведение производительности труда и заработной платы к одному человеко-часу работы. Сравнение же на 1 человеко-день, месяц и год при разной продолжительности рабочего дня не в состоянии выявить картину достаточно точно. Для сравнения с 1913 г. мы зарплату и производительность труда тоже приводим к человеко-часу, предполагая, что продуктивность часа труда при 8-часовом рабочем дне должна быть во всяком случае не ниже продуктивности часовой работы при 12 часовом рабочем дне. Наоборот, опыт всех стран (к сожалению пока кроме нашей) показал, что часовая производительность труда при сокращении рабочего дня не снижается, а, наоборот, повышается. Этого корректива в свой анализ мы не вводим, чтобы не быть обвиненными в пристрастии. При анализе калькуляции мы берем расход на зарплату на 1 пуд изделий, при чем в зарплату мы включаем всю зарплату как в прямых, так и в цеховых расходах, потому что иначе получились бы

*) См. собр. сочин. т. XVI, стр. 255.

цифры не сравнимые с 1913 годом, в виду того, что целый ряд категорий рабочих, числившихся в 1913 г. производственными, теперь переведены во вспомогательные, как это имеет место в целом ряде заводов, и наоборот.

После этих предварительных замечаний, перейдем к анализу данных по основным производственным цехам Надеждинского завода.

Доменный цех.

Останавливаясь прежде всего на технических результатах по доменному цеху, следует констатировать, что они выше довоенных. Кроме двух работающих домен, в настоящее время заново переоборудованы две домны, готовые к пуску.

Выход на печь в сутки возрос с 4.084 п. в 1913 г. до 5.435 п. в I—III кв. в 1923—24 хоз. году, т.-е. на 33% выше довоенного, что об'ясняется тем, что в то время, как раньше 2 воздуходувки работали на 4 печи, теперь они работают только на 2 печи, кроме того, в шихту сейчас идет значительный процент стружки (около 20%), дающий до 92% выхода, в то время, как выход из руд едва достигает 50%. Засыпка и снабжение топливом и сырьем идет бесперебойно, потому что то техническое оборудование, которое раньше использовалось на 7 печей, теперь используется на 2 печи. Выход на 1 короб угля тоже достиг довоенного уровня. Выход на 100 п. руды незначительно отстает от довоенного времени. Если взять и сравнить количество рабочих в 1913 г. и в I—III кв. 1923—24 г., то теперь оно составляет 61% от довоенного, при чем процент производственных рабочих к общему числу рабочих упал с 73% в 1913 г. до 63%. Теперь штат на одну печь по сравнению с 1913 г. возрос с 163 чел. до 209 чел., что дает увеличение на 12,8%, вызванное частично переходом с 12-час. смены до 8-ми.

По доменному цеху можно констатировать, насколько преувеличен штат вспомогательных рабочих. Так, например, число аппаратчиков возросло с 0,85 на домну до 4-х. Нагребщиков угольн. склада возросло с 5,7 до 12 ч. Нагребщиков руды—с 10 до 15 чел. Горновщиков—с 7 до 15 чел. и т. д.

Теперь перейдем к анализу главного, к вопросу о том, какова продуктивность рабочего доменного цеха на 1 отраб. человеко-час.

В 1913 году фактическая выработка на 1 чело-день производственного рабочего равна была 37,93 пуда, что в переводе на 1 человеко-час дает 3,16 п., в II кв. продукция на 1 чел.-час—3,33 п., в II кв.—3,25 и III кв. 3,47, т.-е., если продукцию 1913 г. принять за 100 по I кв.—105%, II кв. дает 103%, III кв. дает 110%.

	Продукция на 1 раб. по цеху равна:		
	1913 г.	2,55 п.	100%
I кв.	1923—24 г.	2,63 п.	103%
II кв.		2,58 п.	101%
III кв.		2,78 п.	109%

Отчетные таблицы говорят о повышении продуктивности труда до 109% довоенного в наилучший период в III кв. текущего хозяйственного года.

Теперь перейдем к вопросу о заработной плате. Официальная справка доменного цеха говорит нам о следующих зарплатах в доменном цехе:

	1913 г.	36 р. 27 к.
I кв.	1923—24 г.	48 р. 42 к.
II кв.		50 р. 44 к.
III кв.		50 р. 73 к.

т.-е., если принять заработок 1913 г. за 100, то I кв. дает 133%, II кв.—139 и III кв.—140%. Теперь сведем эти данные к оплате на 1 человеко-час. Деление месячной зарплаты в 36 р. 27 к. на месяц, число человеко-часов дает нам 36 р. 27 к.; 328 м. ч/ч.—11,06 тов. копеек или 15,02 червонных с другой стороны, деление месячной зарплаты по цеху (из допол. таблицы о зарплате) на месячное число отработ. человеко-часов дает нам следующую картину:

			% к. 1913 г.
	1923 г. часовая оплата червон. коп.	15,02	100%
I кв.	1923—24 г.	22,69	151%
II кв.		25,37	169%
III кв.		23,51	156%

Сопоставление двух рядов цифр продуктивности труда и заработной платы, приведенных к 1 часу, говорит нам о значительном расхождении; в то время, как продуктивность достигла высшей точки, составя в III кв.: 109% от довоенного, часовая оплата за весь текущий год превысила довоенную, что говорит о том, что зарплата не только по темпу своего роста, но в абсолютных величинах значительно обогнала производительность труда.

Если же обратиться к отчетным калькуляциям, то мы увидим, что расход на зарплату возрос с 5—27 к. на пуд чугуна в 1913 г. до 7 р. 82 к., в черв. коп., в III кв. и составляет 148% от довоенной; если же принять во внимание также и социальные начисления на зарплату, то мы увидим, что расход на оплату труда составляет в III кв. 249, 24%, от расхода в 1913 г., это, конечно, ни в какой мере не говорит нам о благополучии в доменном цехе.

Хронометраж же, произведенный по доменному цеху, указывает на колоссальную незагруженность рабочего дня. По хронометражу загруженность рабочего дня фактической работой составляет для:

1.	Подмастерья	1 ч. 29 мин.	или		18,8% от 8-час. раб. дня.
2.	Бороздовые	2 ч. 30 „	„		31%
3.	Горновые	2 „ 50 „	„		35%
4.	Шлаковые	1 „ 28 „	„		18,8—
5.	Засыпщики шахты . .	1 „ 38 „	„		20—
6.	Каталя угля	2 „ 25 „	„		30,6—
7.	Каталя руды	1 „ 30 „	домна	№ 3	18,8—
8.	„ „	3 „ 39 „	„	№ 5	41,6—
9.	Машинисты и т. д. . .	1 „ 24 „	„		17.5—
10.	Грузчицы	5 „ 57 „	„		75—
11.	Каталя крупной руды .	5 „ 28 „	„		68—

Анализ хронометража выявляет одну из причин усиленного расхода на заработную плату. Рабочий день огромного большин-

*) Для перевода товарных копеек в червонные взято реальное соотношение между червонным рублем и товарным в период ликвидации товарного рубля, когда 1 товарный рубль равен был 1,36 червонных рублей.

ства рабочих загружен всего на 18—35%, и только несколько категорий рабочих используют свой рабочий день на 70—75% от 8-ми часов.

Это говорит о том, что в доменном цехе для претворения в жизнь директивы пленума ЦКРКП, говорящей о необходимости добиться «полной загрузки рабочего дня» и «правильного соотношения между производственными и подсобными рабочими» — огромное поле деятельности, как для хозяйственных, так и для профессиональных организаций, при чем это относится не только к доменному производству Надеждинского завода, а еще в большей степени к доменному производству других заводов, где производительность труда гораздо ниже и где, следовательно, степень использования рабочей силы еще хуже, чем на Надеждинском заводе. Эта низкая загруженность рабочего дня говорит о том, что в этой области можно достичь весьма значительных успехов, которые, в свою очередь, создадут материальную базу для повышения производительности труда путем технического переоборудования и дадут возможность нам самостоятельно, независимо от Западной Европы решить самую важную и трудную проблему коммунистического строительства путем повышения производительности труда.

Мартеновский цех.

В 1913 г. 6,4 мартеновских печей обслуживало 676 рабочих, а теперь в III кв. 1924 г. на 4 печи—783 рабочих, т.-е. мы имеем 63% от 1913 г. печей и 115% рабочих, что говорит о явно разбухшем их количестве.

Если взять на выдержку несколько профессий, то мы видим, что число газовщиков выросло с 2-х до 6, канавных, при работе 6 печей в 1913 г.—2 чел., а при работе 4-х печей—9 человек.

Рабочие на крышах	с 2	до 6
Дровоносов	с 4	до 9
Каталей	с 6,7	до 16,5

Особенно преувеличенным является по мартеновскому цеху штат неквалифицированных рабочих.

Технические результаты по мартену следующие:

Выход в сутки.

1913 г.	4456 п.	
I кв. 23—24 г.	3853 „	4228 или 94% от 1913 г.
II кв. „	4262 „	
III кв. „	4452 „	

Выход на 1 куб. саж. дров:

1913 г.	384
I—III кв. 23—24 г.	264,29

	1913 г.	в I—III кв
На 100 п. болванки: годного	94,7—	90,4 —
скрапу	4,7—	5,68—
угару	0,59—	3,88—

Несмотря на то, что в настоящее время в мартеновском цехе работают из 4-х печей три 50-тонных и 1—35-тонная, в то время,

как в 1913 г. из 7 печей только 2 были пятидесититонные и пять 35-тонных, выход в сутки ниже довоенного.

В отношении расхода топлива мы видим значительно—на 44%—преувеличенный расход топлива, что об'ясняется в значительной степени тем, что мартен перешел от переработки жидкого чугуна к лому и твердому чугуну, а процент скрапу и угару тоже значительно повысился.

Продуктивность 1 часа производственного рабочего по мартеновскому цеху выражается в следующих величинах:

	В смену.		В час.	% к 1913 г.
1913 г.	49,94 п.	: 12 ч.	4,16 п.	100
I кв. 23—24 г.	28,84 „	: 8 „	3, 6 „	87
II кв.	23,34 „	: 8 „	2,92 „	70
III кв.	29,37 „	: 8 „	3,67 „	88

а продуктивность труда на 1 цехового рабочего равна:

	В смену.		В час.	
1913 г	36,77 п.	: 12 ч.	3,06 п.	100
I кв.	16,54 „	: 8 „	2,07 „	68
II кв.	15,69 „	: 8 „	1,96 „	64
III кв.	20,64 „	: 8 „	2,6 „	85

По вопросу о зарплате, также, как и о фактической норме выработки, мы имеем совершенно точную справку:

1913 г.	—	44 р.	70 к.
I кв.	—	49 „	70 „
II кв.	—	49 „	99 „
III кв.	—	48 „	12 „

При исчислении зарплаты на 1 чел.-час. делим годовую сумму зарплат на годовое число отработанных человеко-часов 383.621 р. : 292.320 ч/ч.—13 к. довоенных или 17,7 червонных.

1913 года	зарплата	17,7	черв.	коп.	100%
I кв. 23—24 г.	„	20,86	„	„	118%
II кв. „	„	22,17	„	„	128%
II кв. „	„	21,99	„	„	124%

За I, II и III кв. поденная зарплата получена в результате деления квартальной зарплаты на квартальное число человеко-часов работы. Проверка цифры 1913 г. делением 44,70 к. на месячное число чел.-часов дает те же 13 довоенных копеек или 17,7 червонных.

Анализ же отчетных калькуляций подтверждает отставание производительности труда от заработной платы, выразившейся в том, что расход на оплату труда на 1 пуд выпущенной мягкой болванки увеличился с 4,5 коп. в 1913 г. до 10 коп. в I и II кв. и 8,8 коп. в III квартала, т.-е. расход на зарплату на 1 пуд болванки, если 1913 г. принять за 100, в I кв.—222, во II кв.—243 и в III кв. —196, а если включить и социальные начисления на зарплату, то получим следующую картину:

1913 года	5,87 коп.	100%
23—24 года I кв.	12,65 „	215%
„ „ II кв.	14,11 „	241%
„ „ III кв.	12,54 „	214%

Анализ, как отчетного материала, так и калькуляций, приводит к одному и тому же выводу.

Анализ хронометража фактического использования рабочего дня по мартеновскому производству выявляет следующую картину:

1. Старший при печи	5 час.	17 мин.
2. Подручные	3 „	52 „
3. Старшие канавные	5 „	25 „
4. Каменьщик	3 „	50 „
5. Подносчик	3 „	50 „
6. Шлаковщик	2 „	57 „
7. Женщина на крышках	2 „	42 „

Картина незагруженности рабочего дня, особенно для неквалифицированных рабочих, совершенно ясна. Кроме того, пуск новых двух домен в значительной степени может улучшить работ мартенирования в связи с переходом на жидкий чугун и даст возможность сократить штат, особенно вспомогательных рабочих, время которых меньше всего и теперь загружено продуктивной работой. Некоторым тормазом в смысле поднятия производительности труда могут служить требования инспекции охраны труда, не всегда считающейся с экономической целесообразностью и техническими возможностями. Конкретно, в отношении мартеновского производства инспекцией труда предложено на кран грузопод'емностью в 600 пудов ограничиваться грузом в 100 пудов до тех пор, пока не будут доставлены тормаза, а так как вес совка 40 пуд., то полезная грузопод'емность крана этим ограничивается, 60 пудами, вместо технически-возможных 560 пудов. Исполнение этого требования привело бы к колоссальному сокращению выпуска на 1 чел. и значительно сократила бы тем самым производительность труда. Лучше было бы, если бы инспекция, наряду с охраной труда, не забывала и об охране интересов производства, потому что и то и другое, неразрывно друг с другом связано. Сокращение производительности из этого требования не произошло только потому, что заместитель директора завода, кузнец Туманов, которому меньше всего свойственен бюрократический подход, предложил работать с полной загрузкой, взяв всю ответственность за последствия на себя. Там же, где во главе предприятия стоят не партийцы рабочие, а беспартийные специалисты, не всегда способные «брать ответственность на себя», требования такой, не в меру ретивой инспекции, могут сплошь и рядом приводить к значительному сокращению производства.

Рельсопрокатный цех.

В рельсопрокатном цехе число рабочих в 1923 году было равно 591, а теперь (III кв.)—725, т.-е. 123% от числа рабочих в 1913 году, при чем процент производственных рабочих к общему числу

в 1913 г. был равен 60%, а в 1923—24 г. в I кв.—36%, во II—33% и в III кв.—47,32%; это совершенно ясно говорит о том, что штат рабочих возрос, главным образом, за счет вспомогательных рабочих.

Продукция в пудах на 1 произв. рабочего в чел.-час.:

1913 года	6,27	к 1913 г.	100%
23—24 г. I кв.	3,55	„	56%
„ II кв.	4,25	„	68%
„ III кв.	5,32	„	85%

На одного рабочего по цеху:

1913 года	2,76	100%
23—24 г. I кв.	1,52	55%
„ II кв.	1,45	53%
„ III кв.	2,72	99%

Если взять продукцию на один человеко-час выраженной в довоенных ценах, то мы получим следующую картину:

1913 года	403774 р.	:	177600 ч./ч.	1 р. 27 к.	100%
23—24 г. I кв.	197889 „	:	14000 „	1 „ 41 „	62%
„ II кв.	118600 „	:	97135 „	1 „ 32 „	54%
„ III кв.	306295 „	:	124949 „	2 „ 2 „	101%

За 9 месяцев 1923—24 г. среднемесячная продукция на 1 чел. день—1 р. 72 коп. или 76% от 1913 года.

Для заработной платы по рельсопрокатному производству, если произвести пересчет на 1 отработанный человеко-час, то мы получим следующую картину:

			В % к 1913 г.
1913 г.	37 р. 58 к. : 300 ч./ч.	—16,9 черв. коп. 12,5 тов. коп. или	100
I кв.	получены делением	—23,14 „ „	137
II кв.	месячных зарплат на	—22,67 „ „	134
III кв.	месячное число проработанных чел.-час.	—24,37 „ „	144

Отсюда видно, что рабочий получает по сравнению с 1913 г. зарплату за 1 ч/ч. значительно больше довоенной и что производительность труда значительно отстала от зарплаты.

Анализ отмеченных калькуляций подтверждает повышенный расход на оплату труда по сравнению с 1913 г. (включая и соц. начисления), с 8,89 коп. в 1913 г. до 15,3 коп. во II кварт. 23—24 г. и 11,8 коп. в III квартале.

		В % 1913 г.
1913 года	8,89	100%
23—24 г. в I кв.	10,42	117,3%
„ в II кв	15,30	173%
„ в III кв.	11,81	133%

В итоге мы видим, что анализ на основе отчетных материалов проблемы зарплаты и производительности труда по рельсопрокатному цеху тоже подтверждает отстаивание роста производительности труда от роста зарплаты.

Сортопрокатный цех.

В сортопрокатном цехе число рабочих возросло по сравнению с 1913 г. с 480 до 502 в III кв., т.-е. на 5%, причем процент производственных рабочих упал по отношению к общему числу с 82% в 1913 г. до 45% в 1924 г., III кв. Производительность цеха в целом характеризуется следующими данными:

Стоимость средн. мес. в довоен. ценах.

1913 г.		143226 р.	100%
23–24 г.	I кв.	91104 „	63,61%
„	II кв.	99834 „	69,7%
„	III кв.	102651 „	71,75%

Продуктивность одного человеко-часа работы была равна:

1923 г.	143226	:	119040	—	1 р.	21 к.
I кв. 1923–24 г.	91104	:	78257	—	1 „	16 „
II кв.	99834	:	99874	—	—	99,9 „
III кв.	102651	:	90167	—	1 „	28 „

Среднемесячная продуктивность за 9 месяцев—880767 : 790589—1 р. 11 к. (92% от 13 г.).

Теперь посмотрим, как обстоит дело с заработной платой.

В 1913 г.	зарплата за 12 час. смену была	1—56 к.
1924 г. I кв.	„ 8 „	1—84 „
II кв.	„ 8 „	1—76 „
III кв.	„ 8 „	1—44 „

Переведя на человеко-час, получим:

1913 г.	17 черв. коп. или 13 тов. коп.	100%
1924 г. I кв.	23 „	135%
II кв.	22 „	139%
III кв.	18 „	106%

Если взять продуктивность на 1 ч/ч. в пудах, то получим следующую картину на рабочего по цеху на 1924 г.:

	1913 г.	I кв.	II кв.	III кв.
Сутунка	1,998	1,47	1,68	1,96
% к 1913 г.		0,74%	89%	98%
Обручка	0,46 п.	0,23	0,33	0,39
% к 1913 г.		50%	72%	85%

В то время, как заработная плата за один обработ. человеко-час достигала 106% от довоенной, продуктивность 1 ч. рабочего колеблется около величины в 85—90%—это говорит о том, что темп роста заработной платы значительно обгоняет темп роста производительности. Другой ненормальностью в сортопрокатном цехе является полное несоответствие процента приработка к фактически выполняемой норме, в то время, как минимальная норма в течение ряда месяцев не довырабатывалась, рабочий получал приработок в 60—80% в течение этих месяцев, как это видно из следующей выдержки из отчетных материалов цеха:

	Фактическая выработка от минимальной нормы. Сутунка.	% приработка.
Октябрь	93,6	69,1
Ноябрь	92,5	86,8
Декабрь	94,3	83,9
Январь	82,7	84,6
Февраль	84,4	60,9
Март	99,1	84,7

При таких условиях рабочий экономически больше заинтересован в том, чтобы стан стоял, чем в том, чтобы стан работал, ибо за простой, часто являющийся результатом небрежного отношения к машине, он получает не только полную ставку, но и приработок. Нам кажется, что для оздоровления производства желателен переход на прогрессивную премию, которая, кстати сказать, практиковалась в 1913 г. Другим крупнейшим пробелом в работе сортопрокатного цеха является колоссальная и совершенно недопустимая незагруженность рабочего дня, которая нашла свое отражение в хронометраже, показавшем, что рабочий день целого ряда профессий загружен всего на незначительную величину.

Вальцовщ. обжима	1 ч. 49 м.
Вальцовщ. бараб.	1 ч. 22 м.
Вальцовщ. „ 600	45 м.
Кочережник у печи	1 ч. 06 м.
Подручник у печи	1 ч. 33 м. и т. д.

И только в некоторых профессиях рабочий день загружен на 50—60%.

Теперь перейдем к краткому анализу калькуляции:

Зарплата на 1 п. прокатки в 1913 г.	10 чер. коп.	100%
1923—24 г.		
I кв. „ „ „ „	21 „ „	204%
II „ „ „ „ „	8 „ „	83%
III „ „ „ „ „	12 „ „	122,7%

если принять во внимание соц. начисления на зарплату, то тогда % вздорожания к 1913 г. в I кв. будет 116%
„ „ „ III „ „ 40,4

Доля же зарплаты в себестоимости продукции возросла с 12% в 1913 г. до 24% в I кв., 25% во II кв., 16% в III кв., т.-е. доля зарплаты в себестоимости значительно возросла.

Анализ всего материала по данному цеху говорит о том, что рабочий день загружен полезной работой в очень незначительной степени, и что правильная организация труда и лучшее использование оборудования могут дать значительный производственный эффект. Нормы выработки ниже технически возможных. Необходимо установление более правильного соотношения между производственными и вспомогательными рабочими.

Завод в целом.

Перейдем теперь к анализу материалов по заводу в целом. Количество рабочих в III квартале составляет 6.515 чел. или от 7.767 чел. в 1913 г.—84%.

Среднемесячная стоимость общего выпуска по довоенным ценам в месяц в 1913 г. 684.287, а в 1923—24 в I кв. 347.372 или 50,7% от 1913 г.

во II кв.	310.580	или	45%	от	13 г.
в III „	475.385	„	69%	„	„

Стоимость выпуска на 1 раб. в месяц:

в 1913 г.	88 р. 10 к.		—	100%
„ 22—23 г.	43 „ 12 „		—	49%
„ 23—24 „	52 „ 22 „	I кв.	—	59%
	45 „ 44 „	II „	—	51,6%
	72 „ 97 „	III „	—	82%

Среднемесячная зарплата рабочих в черв. рублях:

в 1913 г.	37—24	—	100%
„ 23—24 г. I кв.	54—09	—	143%
II „	51—41	—	136%
III „	48—03	—	127%

т.-е. за заработок по заводу в 127% от 1913 г. в III кв. рабочий фактически дает продукция 82% от довоенного; имеется совершенно несомненный факт отставания продуктивности труда от зарплаты, в результате которого доля зарплаты возросла в стоимости по довоенным ценам с 43% в 1913 г. до 103,6% в I кв.; 113% во II кв. и 65% в III квартале, т.-е. доля зарплаты в процентах к 1913 г. возросла в

I квартале	на	141%
II „	„	163%
III „	„	53%

Если взять и сравнить сумму выплаченных зарплат и продукцию за 1913 г. и за 9 месяцев текущего хозяйственного года, то мы получим следующую картину:

	Сумма выплаченной зарплаты. в чер. руб	% средне-месяч. к 1913 г.		Продукция % по довоен. ценам.	
1913 г.	282060	100%		686287	100
23—24 г.					
X	327522	117%		427968	62,5
X	295032	105%		344460	50,3
XII	300026	106%		269687	39,7
1	262312	93%		233757	34
2	297379	105		315537	46
3	343973	122%		382444	56
4	295445	105%		458411	67
5	289442	103%		496923	72,5
6	299946	106%		470813	69
9 мес.	зарплата.			9 мес. продукта.	
1913 г.	2538540	100%	1913 г.	6158583	100%
23—24 г.	2711077	107%	23—24 г.	3400000	55%

Из этой таблицы совершенно определенно видно, что в то время, как зарплата за 9 месяцев текущего хозяйственного года составляет 107% от зарплаты за 9 месяцев 1913 г., девятимесячная продукция предприятия составляет всего 55% от девятимесячной продукции 1913 г. величину в 2 раза большую при сравнении с 1913 г.

Дело не в том, что мы имеем переход с 2-х на 3-сменную работу, а в том, что рабочий сейчас в 1 час работы при 8-часовой смене не дает того, что он давал в 1 час работы при 12-сменной работе.

И это при том условии, когда во всем мире снижение рабочего дня привело не к снижению, а наоборот, к значительному повышению производительности, не только часовой, но и на поденщину.

Говоря о недочетах Надеждинского завода, нельзя обойти молчанием того недочета, от которого как от наследия эпохи «военного коммунизма» еще не в состоянии отделаться наши предприятия. Это политика полного самоснабжения, доходящая иногда до абсурда.

Например, на Надеждинском заводе в нескольких цехах велись поделочные работы, при чем себестоимость однотипной кровати в строительном цеху определялась в 4 р., в железнодорожном в 8 руб., а в механической мастерской в 17 руб. Себестоимость ведер в 2½ раза выше продажной кооперативной цены. Это, конечно, мелочи, но очень часто государству они стоят крупных сумм, особенно если принять во внимание, что буквально на каждом заводе мы имеем механические мастерския.

Часто созданные в эпоху военного коммунизма, стремящиеся изготовлять буквально все необходимое для предприятия. В результате из своих неприспособленных мастерских, предприятие получает «свои», но очень дорогие и плохого качества части машины, инструменты и т. д., а заводы, специально для этих работ приспособленные, у нас стоят незагруженные и потому вынужденные давать дорогую продукцию.

Незагруженность рабочего дня и недостаточное использование оборудования, явления типичные не только для Надеждинского завода. Если загруженность рабочего дня для Надеждинского завода составляет в среднем около 25—30%, то как же обстоит дело с загрузкой рабочего дня на предприятиях с еще более низкой производительностью труда? Можно с уверенностью сказать, что хотя там хронометраж еще не проводился, но картина будет еще менее отрадной. Мы обрисовали картину положения на заводе сознательно оттесняя отрицательные стороны, но не следует обойти молчанием того положения, что завод быстро изживает свои недочеты и в настоящее время профессиональные, партийные и хозяйственные организации все свое внимание сконцентрировали на вопросе о повышении производительности труда. Лучшим доказательством того, что завод быстро ликвидирует свои недочеты, является то что он увеличил свою продуктивность за 1 последний квартал на 53%. Гарантией того, что следующие месяцы дадут еще лучшие результаты, является то, что сейчас в эту работу вовлекается широкая рабочая масса, принявшая на партийном собрании решение «поднять производительность труда во чтобы то ни стало и приложить все старания к устранению всех недочетов, мешающих поднятию прозводительности труда».

А. Зайцев.

Единый сельско-хозяйственный налог.

Сельско-хозяйственный налог является чрезвычайно существенным звеном в системе нашего воздействия на явления, возникающие в связи с реализацией урожая или же приуроченные к этому моменту.

Хозяйственный год деревни закончен. Крестьянство произвело определенные массы продуктов. Шестнадцать миллионов крестьянских хозяйств учитывают результаты своего хозяйствования, приступают к их реализации и намечают перспективы для следующего хозяйственного года,—каждое по своему пониманию, хозяйственному положению. Из единичных актов реализации образуются массовые потоки сельско-хозяйственных продуктов (из деревни в город и внутри самой деревни). Точно также из многомиллионных, индивидуально намеченных перспектив дальнейшего хозяйствования складываются мощные потоки хозяйственных устремлений деревни. От силы, темпа и характера этих потоков зависит сила, темп и характер всей нашей хозяйственной жизни ближайшего периода. Ни то, ни другое не может быть оставлено без изучения. Ни то, ни другое не должно проходить мимо и вне нашего планомерного вмешательства.

Сельско-хозяйственный налог есть одна из форм подобного вмешательства. От того, *сколько* будет из'ято при помощи единого налога и *как* будет из'ято, зависит очень многое.

Условия текущего года чрезвычайно усиливают удельный вес этой формы воздействия на деревню. Сельско-хозяйственный налог 1924—25 г. не есть налог 1923—24 или 1922—23 г.г. Это не та неуклюжая, раздражающая крестьянство, форма, все положительные стороны которой уничтожались градом обложений, сыпавшихся в дальнейшем на того же самого мужика. Это не тот налог, который умудрялся втискивать все разнообразие условий и результатов крестьянского хозяйства по СССР в жесткие рамки 99 клеточек налоговой таблицы, затрудняя этим самым целесообразное воздействие нашей политики. Это—не прошлогодний налог, незначительность которого возмещалась невыгодным для крестьянина соотношением цен на сельские и городские продукты. Это не прошлогодний налог еще потому, что его истинный смысл уже не замазывается и не затирается отсутствием твердого ценностного измерителя и т. д.

Налог нынешнего года един и гибок. Он в максимальной степени учитывает многообразие обстановки крестьянского хозяйства. Он вбивает крестьянину в голову одну твердую цифру

и вбивает ее в такой форме, что самому простому становится ясна—а подавляющему большинству, понятна и близка—наша политика. Короче говоря, налог текущего года обладает неизмеримо более действенными свойствами. Он становится *действительным орудием нашей политики*.

Наша налоговая политика в деревне отправляется от необходимости развития производительных сил в сельском хозяйстве. В соответствующих пунктах «Положения» мы имеем поэтому своеобразную «налоговую пропаганду» организационно-технической революции в земледелии,—пропаганду, связанную с определенными, подчас очень существенными, имущественными льготами. Конечно, по самой своей природе, налог не может не иметь характера лишь поощрительного средства, и ни в коем случае созидательного. Не нужно поэтому переоценивать эту сторону единого налога. Она предполагает *уже начавшуюся* революцию. Что же касается самого начала, то технический переворот подталкивается сейчас не столько пропагандой и налоговыми льготами, сколько, во-первых, стихией ветра и дождя, периодически обрекающей крестьянина в жертву голоду, а, во-вторых, в еще большей степени—национализацией земли, уничтожившей преграду для свободного хозяйства и обеспечивающей крестьянину гибкость и применяемость к требованиям рынка. Это видно по площади посева засухоустойчивых хлебов и торговых культур, по некоторым из которых мы имеем значительное расширение даже против 1913 года: например, площадь под кукурузой увеличилась более, чем вдвое в 1913 г. 920.000 дес., в этом году около 1.900.000 д., под подсолнухом тоже (900.000 д. и 1.900.000 д.), под гречихой на 25% (1.900.000 д. и 2.400.000 д.), под просом на 50% 3.300.000 дес. и 5.000.000 дес.), под огородными и бахчевыми почти в полтора раза (2.800.000 дес. и 4.000.000 д.). Удельный вес площади перечисленных культур повысился больше чем вдвое, с 10% до 20% с лишним. Веления рынка и природы воспринимаются деревней, повидимому, сильнее, нежели предоставляемые ей по налогу льготы. Но если общественно-рыночные условия хозяйства (национализация, цены) даны, если дано *начало* хозяйственной революции, вызванное ими, то льготы по налогу представляют далеко не лишнюю меру, как добавочный стимул технического прогресса.

Но кто является *носителем* этого последнего? Это—кардинальной важности проблема, требующая самого пристального внимания. Это вопрос о тех *общественных формах*, какие примет развитие производительных сил деревни, которое мы хотим форсировать сел.-хоз. налогом.

Технический переворот требует определенных материальных условий для своего осуществления, требует известного накопления средств и технического навыка. Те 40—50 миллионов рублей, которые мы сможем выделить для этой цели из наших средств в 1924—25 году представляют, конечно, микроскопическую величину по сравнению с требуемой суммой. Здесь поэтому требуется мобилизация собственных крестьянских средств, требуется инициатива самого крестьянства. Но «крестьянская инициатива» здесь и в обстановке сегодняшнего дня представляет из себя в массе своей кулацкую инициативу. Деревенский кулак—вот кто концентрирует в настоящее время материальные средства для улучшенных тех-

нических приемов, накопленные им на почве сельского хозяйства и операциями ростовщического и торгового характера.

Как раз к реализации урожая деревня приурочивает ликвидацию различного рода сделок (аренды, найма скота, орудий и т. д.), имеющих своим следствием дальнейшее хозяйственное упрочение кулака-кредитора за счет массы должников. И период реализации урожая, лишний раз выставит перед нами процессы перераспределения производительных сил деревни в пользу ее небольшой верхушки.

Деревенский кулак—вот кто претендует сейчас на звание носителя технического процесса в деревне.

Это означает, что деревня стихийно толкается на путь буржуазных общественных отношений. В сущности говоря, и налоговые льготы, которые в сумме около 4-х миллионов рублей предоставлены крестьянству за улучшенные способы земледелия (мелиорация, новые насаждения, производство семян различных культур), должны, по условиям теперешнего периода, пойти почти целиком в пользу деревенских богатеев (далеко, конечно, не всех, а лишь немногих, культурных хозяев). Эти четыре миллиона рублей пойдут на их дальнейшее усиление. Они представляют собою плату, которую деревенская беднота и середнячество, в лице советской власти, дают кулаку за выучку. Это—своеобрзаный выкуп от нашего неумения.

Отказывать в этой льготе мы не можем, так как прочие меры практического воздействия, имеющиеся в нашем распоряжении, пока что менее действительны. Но обратить внимание на явления, связанные с нею, мы необходимо должны. Ибо нам важно не развитие производительных сил вообще, а развитие их в определенных, социалистических, или переходных к ним, формах.

«Положение о едином сельско-хозяйственном налоге» с большой силой выдвигает эту сторону нашей политики в деревне. Оно исходит в данном случае из необходимости максимальной помощи низшим слоям крестьянства, поощрения форм общественной обработки земли (колхозами, кооперативами, комитетами взаимопомощи). Двадцать процентов крестьянских хозяйств, т.-е. около трех с половиною миллионов бедняцких дворов в этом году освобождены от налога либо полностью, либо наполовину. Величина скинутого таким образом с бедноты налога составит солидную сумму, в 22—23 миллиона рублей. Подоходно-поимущественный тип сельско-хозяйственного налога позволяет переложить эти 22—23 милл. руб. на более зажиточные слои крестьянства, из которых лишь наиболее культурные получают, как было указано, 4-миллионную льготу.

Таким образом, если экономическая стихия деревни толкает ее на путь буржуазного развития, перераспределяя произведенные там средства в пользу кулачества, то острие нашей политики направлено в обратную сторону: налоговым перераспределением производительных сил деревни затормозить—в пределах экономической возможности и целесообразности—развитие в ней капиталистических отношений. Мы сейчас не настолько сильны, чтобы дать мощную и решающую поддержку социалистическим и переходным формам земледелия. Потому у нас и существует нэп, что мы пока что еще не в силах этого сделать. Наша текущая задача, разрешаемая, как налоговыми, так и кредитными и прочими мерами, сводится к тому, чтобы к моменту усиления материальных рессурсов социалистического влияния — нам не столкнуться с чересчур укрепившимися (за наш счет) буржуазными отношениями. Переложение налоговых тягот на носителей сельского капитализма с плеч деревенской бедноты, поэтому целиком оправдается как общими задачами нашей эпохи, так и конкретными задачами сегодняшнего дня. Не нужно, конечно, закрывать глаз на политические последствия, которыми чревата эта линия. Но тут за нами будет многомиллионная масса бедноты, освобождаемая нами от налоговых тягот за счет этих верхов. Нужно лишь закрепить наше влияние на середняка. Устранить те (может быть единичные) факты, когда, по некоторым сообщениям, середняк платит большую часть своего дохода, нежели кулак. Изучить это внимательнее, уточнить единый налог, как орудие социалистической политики, а также в области других мероприятий (кредит, кооперация и т. д.), бить в эту точку «с превеликим упорством».

Таковы задачи и характер нашего налогового вмешательства в массовые внутридеревенские потоки сельско-хозяйственной продукции.

Нет сомнения, что здесь имеется много такого, что подчинено нашему контролю и регулированию лишь в незначительной степени. Например, бич бедноты—осеннее и весеннее колебания хлебных цен. Мы не можем тут выделить, например, менее зажиточные слои крестьянства в смысле сроков уплаты сельхоз. налога с тем, скажем, чтобы хлеб реализовался ими для уплаты налога при более повышенных ценах, а остальными (более зажиточными) слоями в более низких ценах. При накоплении известного опыта, подобное варьирование сроков уплаты налога в зависимости от высоты налога могло бы представить не невозможную меру. Но опыта такого у нас еще нет, необходимые пропорции еще опытом не установлены. А пока, из колебаний хлебных цен, зажиточное крестьянство войдет укрепившимся за счет менее состоятельного. Здесь оно возьмет некоторый реванш за счет переложенных на него от бедноты 22—23 миллионов рублей.

Ряд серьезнейших вопросов возникает при рассмотрении товарных потоков между городом и деревней. Здесь вопросы сельско-хозяйственного налога переплетаются в сложном клубке с проблемой смычки государственной промышленности с крестьянской (т.-е. в массе своей, середняцкой) экономикой, проблемой цен, заработной платы, борьбой за твердую валюту, хлебозаготовительной политикой и т. д., и т. д.

Крестьянское хозяйство в текущем году находится в своей массе по отношению к городу на значительно укрепившихся позициях, если для сравнения брать истекший 1923—24 г. Это было целью нашей политики, с избытком нами достигнутой. Правда, размеры сельхозналога установлены в текущем году несколько повышенные (260 м. р., плюс надбавка в 90 м. р.), по сравнению с 1923—24 г. (всего взято от крестьянина около 320 м. р.). Процент повышения, впрочем, достигает лишь 10. Но этот излишек целиком покрывается из повышенной цены на хлеб. Приняв во внимание повышенный уровень цен, мы получим следующее примерное соотношение налога к чистому доходу сельского хозяйства.

	1923—24 г.[1]	1924—25 г.[2]
Валовой сбор зерн. хлебов, плюс запасы	3.100 м. п.	2.750 м. п.
Продовольствие и корм . .	1.800 » »	1.750 » »
Семена	580 » »	600 » »
Чистый остаток	720 » »	400 » »
Или в деньгах	385 м. р.	320 м. р.
Валовая продукция остальных отраслей с.-х. . .	1.700 м. р.	1.950 м. р.
Из них товарн. остатков .	645 » »	750 » »
Всего тов. остатков . . .	1.030 м. р.	1.070 м. р.

Тяжесть налогового обложения, взятого по отношению к чистому доходу сельского хозяйства (валовой сбор за вычетом продовольствия, корма и семян) выражается для текущего года в 32%. Для прошлого же года в 31%. Таким образом, некоторое увеличение абсолютной величины сельхозналога (на 10%) почти совершенно ликвидируется соотношением прошлогодних и нынешних цен и ростом культур незерновых.

Приняв в соображение, что в 1923—24 году мы перекладывали на крестьянина значительную долю эмиссионного налога, нужно будет сказать, что крестьянство получает в этом году большое облегчение.

А именно? 350 миллионам рублей, составляющим 8 с лишним процентов от валового дохода и 32% от чистого (за вычетом семян, продовольствия и корма) дохода сельского хозяйства,—противостоят 420 миллионов руб. прошлого года (вместе с эмиссионным налогом), что составляет 12,5% от валового дохода и 41% от чистого (в указанном смысле). К этой нагрузке должны быть добавлены средства, извлеченные из сельского же хозяйства в период особо высоких цен на продукты промышленности.

Таким образом, в прошлом году мы держали сельское хозяйство в чрезвычайном напряжении ее сил. Это напряжение должно было быть ослаблено. Крестьянская «лошадка» долго не выдержала бы такого груза. Сельское хозяйство сильно поддержало нашу промышленность в прошлом году. Оно приняло на себя тяжесть эмиссии. Оно много заплатило за нашу бесхозяйственность. И поэтому нужно уменьшить, ослабить чрезмерное использование рессурсов сельского хозяйства.

И мы это сделали. Мы изменили прошлогодние пропорции в распределении результатов нашего хозяйства в целом. Мы свели все сборы с сельского хозяйства к 350 милл. руб. Мы скинули с деревни часть тяжести, несмотря на наше напряженное положение в связи с недородом. Ибо нельзя нашей промышленности брать от сельского хозяйства слишком много. Это—отраженным ударом повлияет на самое же промышленность. Не скинуть—нельзя.

---

[1]) Вычисления В. Громана, несколько округленные.

[2]) Цифры, конечно, предположительные, с учетом некоторого сокращения продовольствия и корма (по случаю недорода), некоторого увеличения посевной площади 24-25 года. Валовая продукция не зерновых культур взята из расчета 20%—ного увеличения посевной площади (Огановский) и некоторого по животноводству.

Это и есть та целесообразная уступка, которую мы делаем середняцкому крестьянству. В дополнение к этой прямой уступке, крестьянство имеет возможность на одну и ту же сумму купить гораздо большее количество городских продуктов, вследствие сильно пониженных (против прошлого) цен. Все это—экономически вполне целесообразно, потому что, не уступая в основном позиций социалистического города, дает главной, середняцкой, массе крестьянства некоторый стимул к дальнейшему восстановлению сельского хозяйства.

Размеры сельско-хозяйственного налога, его удельный вес в общей продукции сельского хозяйства, таким образом не мешают этому процессу восстановления, а отчасти даже стимулируют: город берет у сельского хозяйства меньший процент его продукции.

В вышеочерченых размерах это можно считать «справедливой» уступкой. Но все же это — уступка, материальная уступка, измеряемая с лишним сотней милл. руб. И эту, недостающую по сравнению с прошлым годом, сумму, необходимо возместить. Возместить из других источников.

Здесь перед нами с новой стороны, в новом освещении встает злободневная проблема производительности труда в нашей государственной промышленности. Ведущаяся в этой области кампания, обосновывается и с этой стороны.

Указанные выше «справедливые» уступки развитию сельского хозяйства, могут быть сорваны (в ущерб социалистическому городу) ростом хлебных цен. Хлебные цены имели повышательную тенденцию вплоть до середины августа, когда можно было констатировать перелом. Теперь мы находимся, несоменно, в полосе понижательной тенденции. К 1-му сентября средняя цена пуда ржи по Европейской части СССР понизилась до 96 коп., с 1 р. 4 коп. на 21-е августа. Производящий район без недородных мест дал понижение за тот же период 12%. Этого еще мало; это далеко не то, что может переварить наш желудок. Необходим об'единенный фронт наших налоговых и хлебозаготовительных действий для достижения намеченной нами цифры (75 коп. за пуд). На некоторое время необходимо добиться некоторого понижения даже против этой цифры. Не нужно забывать, что на 80-ти миллионах пудов, которые мы должны по плану заготовить за август—сентябрь, мы переплачиваем не менее 10 миллионов рублей на излишек цены свыше 75 коп. Их придется возмещать из тех же хлебных цен.

Что же касается самой цифры 75 коп., то она представляется довольно реальной. Приведенная выше в табличке сумма хлебных остатков (400 м. п. против 700 м. п. прошлого года), которая будет брошена на рынок, дает базу, на которой мы сможем оперировать. Нужно только умелое маневрирование «в решающих пунктах, в решающее время». Маневрирование сводится к овладению механизмом спроса и предложения хлеба. При этом наши хлебозаготовительные организации будут выступать и на стороне спроса, и на стороне предложения, при чем эти операции должны быть строго согласованы с взиманием сельско-хозяйственного налога, стимулирующим предложение. Главные массы налога будут из'яты последовательно к 1-му ноября и к концу 1924 года. Это—решающие сроки, и к ним должна быть приурочена заготовка главных хлеб-

ных масс. К 1-му ноября должно быть сдано 45% налога (что составит цену 180—200 миллионов пудов ржи). И к этому же моменту наши организации должны заготовить 45% от намеченных в плане 380 милл. пудов., т.-е. 170 милл. пудов. К 1-му января должно быть сдано 70% налога и выполнен такой же процент заданий по хлебозаготовкам.

Таким образом, налоговые операции должны по плану развиваться строго параллельно с хлебозаготовительным планом. с тем, чтобы моменты концентрированного спроса падали на период аналогичного же предложения хлеба.

Роль сельско-хозяйственного налога, таким образом, выходит здесь далеко за пределы простой налоговой операции. Он становится здесь одним из решающих регуляторов хлебного рынка, хлебных цен, а, следовательно, и высоты заработной платы рабочим.

Конечно, все эти маневры требуют сильной и своевременной финансовой поддержки. Здесь для нас кроется большое испытание. Финансирование закупок, высокие цены на хлеб — все это ставит под угрозу покупательную способность нашего рубля и будет, таким образом, прощупывать основательность нашей денежной реформы. На это испытание необходимо ответить максимальным ускорением оборота нашего капитала, с одной стороны, и согласованным давлением на предложение хлеба и цены на него— с другой. Судя по цифрам необходимых заготовок и уплаты налога на 1-е ноября и 31-е декабря, нажим на предложение хлеба все же будет серьезный. Сельхозналог представляет достаточную силу для того, чтобы держать предложение крестьянством хлеба на необходимой высоте.

Однако, мы не должны упустить из виду и предложения остальных сел.-хоз. продуктов. Ведь, в конце-концов, оно может порвать наш фронт и сломать наш план заготовок, нашу политику цен, значительно уменьшить действенность нашего налогового пресса. Здесь необходимо усилить действие единого налога другими мерами. Из этих последних основным является стимулирование крестьянского предложения усиленным снабжением их удешевленными продуктами промышленности.

Такое место занимает сельско-хозяйственный налог в системе мероприятий, связанных с отношением социалистического города и деревни. Об'ективный смысл этого налога сводится к тому, чтобы привлечь мелкобуржуазную деревню к материально-финансовой поддержке социалистического строительства, чтобы (политикой цен и т. д.) обеспечить социалистическому городу справедливую долю в общей сумме производства, но таким образом, дабы востановление самого сельского хозяйства отнюдь не было задержано в своем темпе. Конечно, задача эта не из легких и требует много гибкости. Но для опасений последнего рода нет оснований. Деревня, как и город, подведет свой баланс с плюсом. Она уплатит почти такой же налог (в 350 м. р.), она вычеркнет из расходной графы эмиссионный налог (в 100 м. р.) а на оставшиеся 700 милл. рублей купит продуктов промышленности в полтора раза больше, чем в прошлом году могла купить на остаток в 600 милл. р.

А. Слепков.

О пропаганде ленинизма в рабочей партийной школе *).

V. Ленин, империализм и колониально-национальная проблема.

1. Эпоха финансового капитализма, как высшая стадия капитализма.

Колониальная политика империалистических государств. Войны, как метод конкурентной борьбы.

2. Национальное движение, как величайший фактор разрушения мирового капитализма.

Сочетание пролетарской революции с колониально-национальным антиимпериалистическим движением, как непременное условие победы мировой социалистической революции.

3. Лозунг национального самоопределения. Реформистское и революционное отношение к этому лозунгу.

4. Необходимость градуирования национальной политики в зависимости от исторической ступени развития данной страны.

Цель этой политики—в направлении национально-освободительного движения против империализма и об'ективного подчинения его интересам мировой пролетарской революции.

5. Колониально-национальная проблема в Советском Союзе (Союз Советских Республик).

Литература для слушателей: Ленин. — «Империализм, как новейший этап капитализма» (гл. «Империализм, как особая стадия капитализма» и глава «О колониальной политике империализма»); он же, т. XIX.—«Тезисы по колониальному и нац. вопросу на II конгрессе Коминтерна».

Для руководителя: весь XIX том Ленина; Бухарин—«Мировое хозяйство и империализм»; Сталин. Сб. ст.—«Марксизм и нац. вопрос»; он же — «Октябрьский переворот и нац. вопрос»; «Протоколы XII с'езда РКП» (дебаты по нац. вопросу).

VI. Ленин — РКП—Коминтерн.

1. Мировое хозяйство, мировое разделение труда, мировые социальные связи. Пролетарская революция, как неизбежно-мировое явление.

*) См. №№ 9 и 10 „Большевика“.

2. На пути к Коминтерну, как штабу мировой пролетарской революции.

I Интернационал; его предпосылки, деятельность и причины краха.

II Интернационал, его разложение и гибель.

Борьба за воссоздание Интернационала в эпоху мировой войны (Циммервальд и Кинталь).

3. Ленин о связи российской пролетарской революции с мировой.

Взгляд на российскую революцию, как на фактор мирового социалистического переворота. Воссоздание Интернационала с победой диктатуры пролетариата в России.

4. Борьба за пролетарские массы против II Интернационала. Единый фронт. Градуирование методов единого фронта в зависимости от соотношения классовых сил и характера социально-политической обстановки страны.

5. Борьба за овладение мелкой буржуазией, как союзником в борьбе с капиталом. Крестьянский Интернационал.

6. Борьба с правыми и левыми уклонами внутри Интернационала.

7. Организационные принципы III Интернационала. Построение организации «сверху» и «снизу».

Организационная инициатива «сверху» в первоначальный период организации Коминтерна. Так наз. 21 условие. Демократический централизм, как организационный принцип Коминтерна.

Литература для слушателей. Ленин. XIII том.—«Крах II Интернационала», он же—«Детская болезнь левизны». Он же—«Речи на конгрессах».

Для руководителей: Ленин и Зиновьев.—«Против течения». Они же—«За III Интернационал»; протоколы конгресса Коминтерна.

VII. Организационные принципы большевизма *).

1. Связь организационных вопросов с программными и тактическими. Партия строится соответственно целям, путям и средствам борьбы за коммунизм, т.-е. соответственно ее программе и тактике. Вопросы партийного строительства разрешаются с точки зрения задач партии в революции вообще и в данный момент ее, в частности. В силу этого, организационные вопросы всегда имеют определенное политическое содержание и не могут быть отделены от политики, т.-е. от борьбы за коммунизм.

2. Организационное обеспечение правильной политики коммунистической партии. Правильное выражение партией об'ективных исторических интересов пролетариата на каждой ступени развития революции должно быть обеспечено следующими условиями:

а) Партия вбирает в себя наиболее сознательное и передовое ядро рабочего класса (ячейка на предприятии—основная, первичная организация партии).

б) Не растворяясь в классе, но и не замыкаясь в секту, партия организационно связывается со всей массой рабочего класса (фракция в профсоюзах, фабзавкомах, кооперативах и пр.).

в) Являясь партией особого класса—пролетариата, но ограждая себя и от цеховщины,—партия организационно связывается с мелко-буржуазными массами, попутчиками пролетариата в революции (фракции в Советах Раб и Крест Деп., в парламентах и пр.).

3. Выходцы из других классов в пролетарской партии.

Ориентируясь преимущественно на рабочий состав, коммунистическая партия не закрывает дверей для выходцев из других классов, поскольку эти выходцы переходят на точку зрения пролетариата. Партия отвергает «махаевщину» так же, как и «крестьянофобство» внутри партии. Историческая неизбежность факта выработки марксистской идеологии интеллигентами. Отсутствие прибавочного продукта у рабочего класса, как причина его культурной отсталости по сравнению с буржуазией до диктатуры пролетариата. Идеологи из рабочих; малочисленность их в прежнее время, ускоренный рост их рядов при диктатуре пролетариата.

Преданность интересам пролетариата отдельных выходцев из других классов. Эти выходцы, как проводники оппортунизма, при массовой их проверке. Особая трудность переварки в партии лиц с социально чуждой и застарелой идеологией (выходцы из других партий).

4. Профессиональный революционер, как основной тип члена партии.

Особая трудность сохранить этот тип для правящей партии, которая ставит своих членов на обыденные профессии. С одной стороны, появляется опасность превращения коммуниста в советского служащего ведомственника и т. п. С другой стороны, под видом революционеров-коммунистов к партии примазываются карьеристы и проходимцы.

5. Накопление партийного опыта, как условие роста и побед партии.

Трудность выработки вождей, без которых невозможно устойчивое и правильное руководство партией. Важность преемственности партийного руководства. Проблема партийных поколений на Западе, в период измены старых вождей II Интернационала, и у нас. На Западе коммунистическая молодежь растет в борьбе со старыми «вождями», у нас молодежь перенимает в совместной работе незаменимый опыт старой большевистской гвардии, воспитавшейся в дореволюционном подпольи.

6. Демократический централизм, как основной принцип внутрипартийного строительства.

Централизм, включающий строжайшую дисциплину, как необходимейшее условие единого действия всей партии. Особая важность централизма и действия «сверху» в военные и

*) Настоящая глава, разработанная совместно с т. Астровым, дана здесь в виде тезисов, а не короткого плана в виду того, что разбираемая в ней тема, во 1-х, мало разработана в большевистской литературе и во 2-х, имеет особенно актуальное значение после пережитой партией дискуссии по организационному вопросу. Эти соображения—с нашей точки зрения—вполне извиняют некоторую диспропорциональность отдельных частей плана занятий.

вообще боевые периоды, а также при наличии мелко-буржуазной стихии вокруг партии.

Демократизм и равенство в партии, не как формальный мелко-буржуазный принцип, а как подчиненное целям борьбы, средство максимально выявить и отобрать все активные и здоровые силы, растущие «с низов» партии.

Демократизм не «противопоставляется» централизму, а оба они представляют из себя две оборотные стороны одного и того же принципа демократического централизма, выявляя каждый свои преимущества для партии в различные исторические периоды.

7. Гибкость организационных форм, изменение их в зависимости от хода классовой борьбы (соединение и смена периодов легальной и нелегальной работы; приход к власти и чистка партии; курс на свертывание и на развертывание демократии и т. п.). Из этого, однако, отнюдь не вытекает беспринципность в организационном вопросе. Основной тип большевистской организации и основные принципы ее построения не изменяются на всем протяжении борьбы.

8. Оппортунизм в организационных вопросах.

Оппортунизм, буржуазные и мелкобуржуазные влияния в организационном вопросе, также имеет свой особый тип, специфические формы проявления. Они ведут к ослаблению революционного действия партии через ее разложение и растворение в стихийном движении рабочих масс или же в других классах. Это разжижение, разводнение партии идет по трем основным линиям:

а) Организационное разжижение партии — подрыв централизма и дисциплины со стороны неустойчивых, преимущественно мелко-буржуазных элементов партии под флагом «демократизма», «свободы критики», «равенства» в партии и т. п. При этом, для оппортунизма характерно чисто формальное отношение к приведенным лозунгам. Эту тенденцию Ленин (в старое время и Каутский), определял, как «демократизм против бюрократизма».

б) Идейное разводнение партии. Подмена единства партии на идейной, принципиальной основе чисто формальным, внешним «единством» разномыслящих фракций, группок и лиц. Девиз этого беспринципного «примиренчества»: «живи и жить давай другим».

в) Разжижение социального состава партии классово-чужеродными и неперевариваемыми элементами.

Неоформленность оппортунизма, как его отличительное свойство, особенно при зарождении (пример последней дискуссии; см. об этом также: Ленин—«Шаг вперед, два шага назад»).

9. Вопросы единства и раскола.

1. Непримиримая борьба с уклонами, как залог единства партии, создающегося исключительно на идейной основе. Важность пресечения уклонов в зародыше.

2. Путь РКП к единству: борьба с меньшевизмом и «левизной». История раскола с меньшевиками:

а) Организационные разногласия 1903—4 г.г., превращение их в тактические и программные.

б) Об'единение с меньшевиками в 1905—1906 годах; его условия—тяга рабочих масс к единству, «полевение» меньшевиков вслед за под'емом революции.

в) Раскол в 1908—12 годах, вследствие углубления разногласий (ликвидаторство—законченный реформизм) и в условиях поддержки большевиков большинством сознательных рабочих, отвергнувших ликвидаторство (осуществление «единства снизу» в думской кампании, в страховой кампании, в легальной печати).

г) Приход к власти и вопросы единства:

1) Партия несет ответственность перед мировым пролетариатом, неизмеримо большую, чем раньше; 2) раскол партии грозит расколом и гибелью диктатуре пролетариата; 3) отколы ничтожных группок и отдельных лиц,—вроде Мясникова, «Рабочей группы», «Рабочей Правды»,—не есть раскол, если он не задевает массы; 4) особая опасность откола тех или иных вождей существует, как опасность раскола, постольку, поскольку (или: если) за ними могут пойти, при известных условиях, массы; 5) раскол партии в России неминуемо привел бы к гибели диктатуры пролетариата, если бы он проистек из раскола между рабочим классом и крестьянством или был бы об'ективно связан с расколом этих классов.

Литература для слушателей. — Ленин, «Детская болезнь левизны», главы II, IV, V и начало VI-ой. — «Что делать?, главы IV и V. — «Шаг вперед, два шага назад», главы «ж», «з», «и», «р».—«Заметки публициста» 1910 год; глава 1-ая: «Два взгляда на об'единение».

Литература для руководителя: Указанные выше брошюры и статья целиком.—Сборник: «Ленин о партийном строительстве». — Сорин: «Учение о партии». — Материалы последней партдискуссии.

* * *

Наш очерк был бы неполным, если бы мы не сделали в заключение несколько замечаний методического характера в узком смысле этого слова.

Каковы должны быть формы занятий? Какое место в общей системе занятий должны занимать лекция и кружковое занятие? Какова роль руководителя кружка?

Несомненно, что занятия должны быть основаны на самодеятельности учащихся. Форма кружкового занятия — с этой точки зрения—должна быть преимущественной, довлеющей. Однако, лекция в наших условиях еще далеко не потеряла своего практического смысла.

Во-первых, рабочий партиец—как правило—не имеет возможности читать на дому и нуждается в сообщении ему первоначальных фактических сведений, обобщение и анализ которых будет иметь затем место в кружке.

Во-вторых, мы почти не имеем литературы, популярной и живой, способной увлечь с самого начала; живая, хорошо задуманная и выполненная лекция может этот пробел заполнить.

Нам представляется, что от ¼ до ⅓ учебного времени должно быть отведено вводящим лекциям, проработка, усвоение и

углубление которых в остальное учебное время будет иметь место в кружках.

Следует при этом отметить, что наши партийно-пропагандистские организации почти совсем не дифференцируют пропагандистские силы; в то время как, несомненно, лектор должен отвечать *другим* требованиям, чем кружковод: хороший лектор может быть неважным кружководом, и, что еще чаще, приличный кружковод очень часто оказывается плохим лектором.

Однако, чем подготовленнее аудитория, чем она более грамотна и привычна к чтению, тем большую роль в учебной работе играет кружковое занятие. Содержание работы кружка слагается из трех элементов: 1) коллективное чтение, о смысле и месте которого в занятиях, мы уже писали; 2) собственно беседа под руководством педагога и 3) письменные работы.

При проведении беседы руководитель должен себя показать *руководителем*. Нам приходилось встречаться с такими пропагандистами, которые в кружковых занятиях предоставляли участникам кружка полнейшую свободу говорения на разбираемую тему; таким образом, план занятия, — вернее отсутствие этого плана выявлялось лишь к концу беседы.

Такой стихийщины в педагогике быть не должно. Руководитель должен иметь перед глазами *весь* план минимально — необходимого для политического воспитания своего кружка; он обязан иметь и *частный* план каждого занятия, определенный круг проблем, с его точки зрения обязательных для проработки. Этот план и должен быть раньше всего реализован в занятии. Нужно приучать кружок выяснять и разрешать проблему, по заранее выработанному плану,—умело и тактично отводить отклонения от темы, настойчиво фиксировать внимание на важнейшей—с точки зрения руководителя—проблеме. И лишь выяснив обязательный, намеченный в плане, круг проблем,—можно и должно приступить к выяснению частных и второстепенных вопросов, возникших у отдельных участников кружка. Руководитель кружка не просто председатель, он *руководитель-педагог*.

Мы указали далее, что необходимым элементом кружкового занятия являются письменные работы. Это положение может возбудить некоторые возражения и недоумения.

Однако, наш опыт убедил нас в педагогической целесообразности этих работ.

Закончив определенный круг проблем (напр., историческую часть курса ленинизма), мы намечали до 20 вопросов, и предлагали участникам кружка дать посильный письменный ответ на какое угодно количество и каких угодно из этих вопросов. Некоторые товарищи предпочитали отвечать на два-три вопроса, другие—на пять-шесть:—одни—давали обстоятельное освещение проблемы, другие — ограничивались коротеньким ответом, — но почти все активно реагировали на предложение руководителя.

Выбрав затем ряд ответов товарищей, мы подвергали их коллективному обсуждению и критике, повторяя и закрепляя в памяти все то, над чем работали в кружке перед этим. Особенно интересны бывали письменные работы в конце занятий. Здесь мы позволяли себе поставить более общие вопросы (напр., «Чем отличается наша теория социалистической революции от меньшевистской?» «Как мы приобщим крестьянство к коммунизму», «Победим ли мы или нет и почему?» и т. д. и т. д. Зачитав наиболее интересные и характерные ответы, мы ставили проблему на дискуссию и всегда выносили от такого занятия впечатление содержательной, весьма нужной, политически воспитывающей работы.

(Мы уже не говорим здесь о том, что практика письменных работ приучала участников кружка излагать *письменно* свои мысли).

Нельзя не рекомендовать, наконец, руководителю внимательнейшим образом изучать свою аудиторию. Руководитель должен знать, какую партийную работу несет каждый участник его кружка, какие конкретно-практические, бытовые проблемы его волнуют, и должен учесть эти проблемы при своей педагогической подготовительной работе. Таким образом, каждый участник кружка будет чувствовать — живую связь изучаемой теории с повседневной его практикой.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Об ошибках Гортера и тов. Степанова.

Герман Гортер. Исторический империализм. Приложение: И. Степанов. Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм.

Книжка Гортера предназначена для широкого круга читателей. Важность изучения исторического материализма широкими кругами членов партии и беспартийных рабочих, никем не может отрицаться. Осмыслить свой опыт, более или менее правильно и сознательно подойти к вопросам текущей, политической и общественной жизни, всякий член партии и рабочий сможет только, зная основные положения метода исторического материализма и умея ими пользоваться. К книжке, предназначенной для такого круга читателей, как основное требование, должно быть пред'явлено, ясное, четкое и правильное изложение основных категорий исторического материализма, покоющееся на жизненном, близком для рабочих иллюстративном материале. Уяснить же и понять сущность метода исторического материализма можно только при том условии, если мы поймем место и роль исторического материализма в общей системе марксистской теории. Рассматривая исторический материализм изолированно, оторванно от теории маркисизма, в особенности от философских основ марксизма, мы не только не будем знать этих философских основ марксизма, но мы ничего не поймем и в историческом материализме.

Среди марксистов II-го интернационала была распространена очень плохая теоретическая привычка принимать не всего Маркса, а только отдельные его части. Некоторые принимали теорию стоимости и соглашались на всякие идеалистические «поправки» к историческому материализму. Другие, отстаивая исторический материализм, охотно отбрасывали теорию стоимости. Но самой распространенной являлась и является третья «порода». Представители этой «породы» не прочь «друзьями счесться» и с историческим материализмом, и с экономическим учением Маркса, но они обнаруживают сильную нелюбовь к философским, материалистическим основам марксизма. Всех этих Фрицев и Максов Адлеров неудержимо влечет к себе бесвкусная и жиденькая каша махистской и кантианской философии. При их слабой «теоретической комплекции», чтобы хоть как нибудь устоять на ногах, им вредно пить «крепкое вино» диалектического материализма, которое по силам только стойким и крепким борцам за дело пролетариата — им надо пить пресную водичку. Естественным видом их пищи является «эклектическая похлебка». Не поняв философских материалистических основ марксизма, такого рода марксисты» утрачивают понимание живого единства, органической связи всех сторон марксистской теории и начинают калечить и коверкать даже те части марксизма, искренними сторонниками которых они себя заявляют. Диалектическое единство марксистской теории блестяще характеризует Плеханов в следующих словах: «Марксизм—не только известное экономическое учение (учение о характере и развитии производственных отношений, свойственных капиталистическому обществу); он не только известная историческая теория (исторический материализм); он так же не есть известное экономическое учение, плюс известная историческая теория. У Маркса, экономическое учение не поставлено рядом с исторической теорией: оно насквозь пропитано ею. То, что говорится у него о характере и развитии производственных отношений, свойственных капиталистическому обществу, является плодом изучения экономики данной эпохи с точки зрения исторического материализма. Вот почему безусловно правы те, которые говорят, что «Капитал» есть не только экономическое, но также историческое сочинение.

Однако, и это не все. Исторический материализм, с точки зрения которого Маркс изучал экономические отношения капиталистического общества, еще не составляет миросозерцания. Он — только часть материалистического понимания мира: материализм в его применении к области истории. Вот почему исторический материализм, — иначе: материалистическое об'яснение истории предполагает материалистическое понимание природы»... «Таким образом, марксизм представляет собою цельное и стройное материалистическое мировоззрение, и кто упускает из виду эту цельность его,—как материалистического учения, имеющего своим предметом не только историю, но также и природу, тот рискует очень плохо понять даже и те отдельные стороны этого учения, которые почему-либо привлекают к себе его внимание и пользуются его признанием. [1]).

Основным грехом Гортера и является его непонимание того, что исторический материализм покоится на фундаменте философского материализма. Очень интересны те мотивы, по которым Гортер противопоставляет исторический материализм философскому. «Ведь, противники и прежде всего верующие, начинают с того, что они сваливают в одну кучу оба вида материализма, и пользуясь отвращением верующих рабочих к первому, (т. е. философскому), подвергают опале второй». (18 стр.). Здесь Гортер ради того, чтобы приспособиться к мещанским и религиозным предразсудкам отсталых слоев рабочих, жертвует коренной философской, материалистической позицией марксизма. Здесь перед нами ясно вырисовывается одна из тех линий, по которой наметилось и шло идеологическое перерождение германской социал-демократии. Такую крупную теоретическую уступку мещанским предразсудкам делает Гортер, стоявший на левом крыле социал-демократии, и прикрывает Каутский, авторитетнейший представитель и вождь второго Интернационала, написавший к книжке Гортера предисловие, и не единым словом не оговоривший этой вопиющей ошибки Гортера.

Восставая против философского материализма, Гортер заявляет, что «исторический материализм, подобно всякой опытной

[1]) Плеханов. От обороны к нападению. 480, 481 стр.

науке, является средством достигнуть известного обще-философского миросозерцания». Но это общее представление о мире, к которому приближает нас исторический материализм, «не материалистически-механическое, равно, как и не христиански-католическое, не евангельское, не либеральное представление: оно — другое, новое понимание, новое созерцание». В этих словах скрывается та невероятная путаница, которая существует по основным вопросам материализма в голове Гортера. Он против материалистически-механического представления о мире и поэтому он против философского материализма вообще. Гортер понятия не имеет о том, что механический материализм это—частная форма материализма, и что быть против частного вида материализма еще не значит быть против материализма вообще. Он не слыхал также о том, что новейшей формой, которую принял материализм, является диалектический материализм. На протяжении всей книжки Гортер ни единым словом не упоминает о диалектике и диалектическом методе. Для него он просто не существует. Но еще более странно то, что тов. Степанов, взявшись в своем приложении к книжке Гортера поправить и раз'яснить его ошибку, впадает в точно такую же ошибку. Озаглавив свое приложение: «Исторический материализм и естествознание», тов. Степанов каким-то образом ухитрился совершенно обойти вопрос о диалектике и диалектическом материализме.

Непонимание Гортером сущности и роли диалектического материализма приводит к целому ряду неправильностей в его понимании исторического материализма и заставляет его платить, в области практической политики, обильную дань абстрактной метафизической, анти-диалектической революционности — «детской болезни левизны». Но и тов. Степанову не проходит даром такое холодное равнодушие к материалистической диалектике. Первым следствием такого невнимания к диалектике у тов. Степанова является упразднение марксистской философии. В виду того, что материалистическая диалектика исчезла из поля внимания Степанова, ему приходится об'явить тождество философского материализма и современного естествознания. По этому поводу он пишет: «Исторический материализм продолжает то дело, которое в одной своей части выполнено философским материализмом, или, употребляя более ясное и прямое выражение, выполнено современным естествознанием: для марксизма не существует области какого-то «философствования», отдельной и обособленной от науки: материалистическая философия для него—последние и наиболее общие выводы современной науки». (с. 152). Забыв, что существует метод материалистической диалектики, и что основная задача марксистской философии и заключается в выработке научной методологии, логики науки, т. Степанову ничего не осталось делать, как свести понятие марксистской философии к плоскому определению: «последние и наиболее общие выводы современной науки». Как раз по той причине, что игнорируемый т. Степановым диалектический метод начинает проникать в современные науки, особая наука, занимающаяся сводкой и регистрацией общих выводов отдельных наук становится ненужной. Чем единственно является и может являться марксистская философия, это ясно видно из следующего заявления Энгельса: «Поскольку в каждой отдельной науке пред'является требование выяснить свое положение по отношению к общей связи явлений и в сфере их познания, всякая особая наука об этой связи становится излишней. От всей прежней философии остается еще, в качестве самостоятельной науки, учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все прочее относится к положительной науке о природе и истории». [1]). Отсюда ясно, что Энгельс не растворяет марксистскую философию в положительных науках, а признает за ней самостоятельную область существования. Тов. Степанов же, совершенно упустил из виду активную, сознательную роль диалектического метода по отношению к современному естествознанию, в котором стихийно, бессознательно возникают зачатки диалектического материализма. Задача марксистской философии, которая разрабатывает и обосновывает всеобщие категории метода материалистической диалектики, по отношению к естествознанию заключается в том, чтобы «стихийные настроения» современного естествознания поднимать до уровня «сознательности».

Вторым следствием невнимания тов. Степанова к диалектике является его движение вспять от диалектического материализма к материализму механическому. Тов. Степанов знает, что нельзя быть марксистом, не будучи материалистом, но ввиду отсутствия у него ясного представления о диалектическом материализме и его отношении к другим формам материализма, ему приходится стать на путь механического материализма. Тов. Степанов, подобно Гортеру, знает только один вид материализма — материализм механический. Разница только в том, что Гортер отвергает механический материализм и думает, что он этим отвергает материализм вообще, а тов. Степанов, желая быть сторонником материализма, но не зная другого вида материализма, кроме механического, его принимает. По мнению тов. Степанова: «марксист должен прямо и открыто сказать, что он принимает это, так-называемое механистическое воззрение на природу, механистическое понимание ее. Недостойно марксиста приходить в трепет перед попами в угоду или давать грубые формулировки этого понимания и затем отмежевываться вообще от механистической точки зрения на процессе природы». (с. 166).

Вопросы о том достойно или недостойно марксиста придерживаться механистического понимания природы, мы сейчас и постараемся разобрать. Материализм не есть какая-нибудь постоянная, неизменная и самой себе равная величина, он имеет свою историю развития. Основное положение всякой формы материализма заключается в том, что признается об'ективное, независимое от человеческого сознания существование внешней природы. На этом общем базисе историческое развитие воздвигало разнообразные конкретные надстройки, создавая этим отличие одной формы материализма от другой. Энгельс писал в своем «Людвиге Фейербахе»: «материализм, подобно идеализму, прошел различные степени развития. Ему приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием, составляющим эпоху в естествознании. А с тех пор, как стали рассматривать с материалистической точки зрения историю, здесь также прокладывается новый путь для развития [2]). Для того, чтобы уяснить методологическую приро-

[1]) Энгельс „Анти-Дюринг" стр. 18.
[2]) Энгельс „Людвиг Фейербах" стр. 15.

ду диалектического материализма, мы вкратце остановимся на этапах развития материализма в новое время.

Материализм, как он проявился в начале истории новой философии, мы можем охарактеризовать, как материализм механический. Выдающимся представителем этой формы материализма является Декарт в области своей физики и Бэкон. Центральным вопросом этого периода истории философии является вопрос выработки нового метода познания, создания новой логики. Чтобы справиться с этой задачей представители философии должны были связаться с естествознанием, которое до них уже не осознанно и недостаточно планомерно применяло метод, который философам предстояло обобщить и принципиально обосновать. Новейшая философия, выполняя эту задачу, становилась самосознанием новейшего естествознания. Основными науками, на которых покоилось тогдашнее естествознание, были: математика и механика. Недаром декартово об'яснение природы покоится всецело на математико-механических принципах. Основной категорией в физике Декарта является категория чистого количества. Изменение и деление этого количества и составляет содержание жизни материальной природы. Понятие материи у Декарта «геометризировано» т. е. отождествленно с понятием пространства.

Дальнейшее историческое развитие и в особенности дальнейший рост естественных наук отрицает чистый механический материализм и ставит на его место французский материализм XVIII века. Французский материализм имеет двойственную природу: с одной стороны он включает в себя интерес к вопросам биологического естествознания, а с другой стороны—интерес к вопросам общественно-историческим, возникшим вследствие жгучей потребности французской буржуазии изменить старые феодальные производственные отношения, пришедшие в противоречие с ростом новых производительных сил. Конец XVII и начало XVIII века ознаменовались крупным под'емом и ростом биологических наук. Механические методы были перенесены в области органических явлений. Самое понятие механического претерпело под влиянием изучения организма, превращение, потеряв свой автоматический, безжизненный характер. Понятие материи у французских материалистов не исчерпывается механическим движением, а является единством движения и ощущения. «Человек-машина» Ламетри вовсе не то же самое, что «животное-машина» Декарта. Материализм обогатился, включил в поле своего внимания свойства организма и начал подходить в лице Гельвеция к материалистическому освещению общественной и исторической жизни человечества. База, на которой покоился французский материализм, расширилась по сравнению с чистым механическим материализмом, но отсутствие диалектического метода не дало возможности точно и ясно установить конкретные особенности, качественную определенность механических процессов в отличие от органических и наоборот. В развитом виде значение и роль категории качества была выяснена Гегелем. Если великие представители механического естествознания и механического материализма считали основной категорией — категорию количества, то Гегель, в противовес им начинает свою «Науку логики» с категории качества. Для Гегеля, конечно, не существует реально абстрактное качество. Для него существует только реальное единство, количества и качества—мера. Все, что существует в действительности, есть синтез количества и качества—мера. Начиная свою «Науку логики» с категории качества, Гегель подчеркивает важное значение качественно конкретного изучения действительности. Задача науки не может заключаться только в том, чтобы выразить мир в абстрактных, всеобщих формулах, чтобы все наличные различия свести к абстрактным тождествам, кроме того необходимо качественное изучение каждой особой части действительности. Познать закономерность всякого развития, заключающегося в исчезновении старых и возникновении новых, особенных состояний, можно только на основе качественно-конкретного исследования. Категория качества указывает ту линию, по которой проходит грань между формальной логикой и логикой диалектической. Формальная логика отрывает форму от содержания, для нее формы мышления не связаны с действительностью, диалектическая же логика выражает в мышлении действительное бытие. И только тогда, когда мы подходим к охвату нашим сознанием качественно-конкретного содержания всей действительности возникают все проблемы диалектической логики.

Из материалистов уже Фейербах понял важное значение качественно-конкретного момента. В своей «Истории новой философии» он писал: «Это без сомнения возвышенная и справедливая мысль, что движение есть принцип природы» и ошибка Гоббса и Декарта, по мнению Фейербаха, заключалась не в том, что они применяли этот принцип, но в том, «что они возвышали на степень всеобщего начала только частный случай движения, именно, движение механическое, определенное в математических признаках»... «Пока математические представления господствовали над умами, не мог возникнуть правильный взгляд на жизнь, на природу качеств, на то, что является спецефически-физическим. Математик должен возвести механическое движение на степень всеобщего принципа, а природу должен сделать машиной, в противном случае она для него не может быть конструирована. Качество, которое именно, одушевляет природу и составляет ее истинную физическую сторону, сводится к ее математической концепции, к чему-то превзойденному, идеальному, является простой акциденцией, чем-то не-реальным».

Из материалистов только Маркс и Энгельс первые полностью поняли значение качественного исследования действительности. Специфическую ограниченность старого, механического материализма по Энгельсу составляет: «исключительное приложение мерила заимствованного из механики, к химическим и органическим явлениям,—т. е. к таким явлениям, в области которых механические законы, хотя и продолжают, конечно, действовать, но отступают на задний план перед другими, высшими законами». Здесь Энгельсом выражено требование качественно-конкретного подхода к изучению явлений. Энгельс восстает против растворения органических и химических процессов в механических и считает необходимым открывать специфические, особые законы каждого из этих процессов. Требование качественно-конкретного исследования не разрешает нам применять механические и биологические аналогии и в области изучения общественно-исторических явлений.

[1]) Энгельс—Людвиг Фейербах стр. 15.

не отменяющих законы механики и биологии, но подчиняющихся высшим историческим законам. В историческом развитии разные формы материализма основывались на той или другой группе естественных наук. Тип связи между явлениями раскрывавшейся группой естественных наук, служивших основой данной форме материализма, распространялся на все остальные области. Диалектический же материализм есть высшая форма материализма, которая «отменяет» в Гегелевском смысле этого слова прежние, ограниченные формы материализма и покоится на изучении всей природы и человеческой истории. Диалектический материализм восстает против перенесения специфической закономерности данного вида процессов на другие формы и виды процессов и требует качественно - конкретного исследования каждой особой части действительности. Эта методологическая предпосылка диалектического материализма полностью подтверждается современным естествознанием. Имея в виду это подтверждение, тов. Ленин писал: «Как не диковинно с точки зрения «здравого смысла» превращение невесомого эфира в весомую материю и обратно, как ни странно отсутствие у электрона всякой иной массы, кроме электро-магнитной, как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электро-магнитных явлений и т. д. — все это только лишнее подтверждение диалектического материализма. Новая физика свихнулась в идеализм главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики. Они боролись с метафизическим материализмом. С его односторонней «механичностью», — и при этом выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка». [1]) Таким образом, мы ясно видим, что с точки зрения диалектического материализма недопустимо сведение всех процессов природы на механический процесс, и напрасно тов. Степанов авторитетно заявляет, что марксиста достойно только механическое представление о мире. «Это, конечно, сплошной вздор, будто материализм утверждал... обязательно «механическую», а не электромагнитную, не какую-нибудь еще неизмеримо более сложную картину мира, как движущейся материи». [2]). Тов. Степанов хотел исправить ошибку Гортера, но впал сам в крупную ошибку, только что нами разобранную. Вернемся же теперь вновь к ошибкам самого Гортера.

Из незнания диалектики Гортером вытекает его неправильное понимание категории производительных сил. Он ставит знак равенства между техникой, орудиями труда и производительными силами. «Техника, производительные силы, образуют базис общества». (с. 24). Если техника исчерпывает собою понятие производительных сил, то совершенно непонятно каким образом она может связываться с общественным развитием и воздействовать на его ход. Ограничивая категорию производительных сил понятием техники, мы метафизически отрываем основу человеческой истории от самой этой истории и неизбежно должны притти к нелепому заключению, что процессу самостоятельного автоматического развития техники параллельно протекает процесс обще-исторического развития. Производительной силой орудия труда. и не

[1]) Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. стр. 312.
[2]) Там же стр. 235.

только орудия труда, но в широком смысле слова средства производства могут быть только в диалектическом единстве с рабочей силой. «Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того, она подвергается разрушительному действию естественного обмена вещества. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из возможных в действительные и действующие потребительные стоимости». [1]) Только живое единство человеческого труда и средства производства составляет живую основу человеческой истории и дает нам возможность понять самому диалектику развития производительных сил и всей человеческой истории. (См. письмо Маркса к Анненкову).

Ошибка Гортера в вопросе о понимании завоевания государственной власти, игнорирование им понятия диктатуры пролетариата, переоценка натуралистического момента в процессе происхождения религий и неправильный уклон в понимании отношения рабочего класса к религии, правильно разобраны и освещены тов. Степановым в его приложении. Поэтому мы на этих вопросах не считаем нужным здесь останавливаться.

Приложение тов. Степанова, если бы оно не заключало в себе указанных двух грубых ошибок, могло бы сделать книжку Гортера, полезной для широких масс, книжку, которая хотя и не отвечает нашему основному требованию, дать четкое и правильное изложение основных категорий исторического материализма, но зато является книжкой, написанной живо и популярно. Можно только пожелать, чтобы тов. Степанов поосновательнее подумал над этим вопросом и исправил бы свои ошибки. Если же тов. Степанов считает возможным не отнестись к этому серьезно, то мы можем дать ему только единственный совет, не выдавать того, что является его «личным», «индивидуальным» взглядом. за марксистскую философию, за ортодоксальный марксизм.

Ян. Стэн.

Проф. А. А. Соколов. Проблемы денежного обращения и валютной политики. Стр. 304. Изд. Н. К. Ф., М., 1923 г.

Рецензируемая нами книга проф. Соколова, почти целиком посвященная т е о р и и денежного обращения, полгода тому назад появилась в издательстве Н. К. Ф. Казалось бы, если Н. К. Ф. издает книгу по теории денежного обращения, это должно означать, что выпускаемая им книга может служить некоторым руководством финансовой политики Н. К. Ф. Между тем, вряд-ли хотя один из руководителей нашей финансовой политики может признать книгу проф. Соколова способной служить в качестве такого руководства. Проф. Соколов по своим теоретическим воззрениям, сторонник «австрийской» школы, хотя в книге его нагромождено так много противоречий, что этим своим качеством он выделяется даже из среды единомышленников. Зачем же Н. К. Ф. понадобилось издавать такого рода т е о р е т и ч е с к у ю работу? Мы не

[1]) К. Маркс. „Капитал", I том. стр. 118.

хотим этим сказать, что надо запрещать издания не-марксистской литературы, но об издании их пусть позаботятся другие издательства.

Книга А. Соколова интересна, как показатель теоретического уровня нашей, да и не только нашей, буржуазной науки. Она претендует сказать новое слово по теории денег, исходя из основных положений австрийской школы. Теория денег всегда была камнем преткновения для этой школы. Многие из ее сторонников о него разбились, не сумев создать стройной теории денег.

Книга проф. Соколова интересна и в другом отношении: как показатель настроений «ученой братии». «Смена вех», которая чистыми политиками начала производиться приблизительно, с 1921 г., отразилась теперь и на научных исследованиях. Рецензируемая нами книга может служить таким образчиком. Не то, что автор ее отказался от привычного ему буржуазного мышления и перешел на сторону марксизма,—нет, этим и не пахнет,—но приспособление к советской действительности у него выражается в постоянных ссылках и заигрывании с Марксом и в придаче своим взглядам формы некоторого сходства со взглядами некоторых «марксистов» (Гильфердинга). Нельзя сказать, чтобы работа проф. Соколова от такого «сменовеховства» (когда автор, всецело разделяя основные положения психологической школы, старается выступить в форме, наиболее перевариваемой современной читающей публикой)—выигрывала бы в своей цельности.

Покажем на двух-трех проблемах, как то позволяет небольшая заметка, что новая работа проф. Соколова о деньгах не выводит из тупика противоречий буржуазную политическую экономию. Остановимся на проблемах сущности и ценности, двух основных проблемах, которым, собственно говоря, посвящена значительная часть книги.

Проф. Соколов, сторонник функциональной теории денег. Деньги для него только «технический инструмент хозяйственного оборота». Такой фетишистический взгляд на деньги, при исходных положениях суб'ективной школы, приводит его к пониманию денег как логической категории. Выражает эту свою последнюю мысль он достаточно рельефно. «От понятия цены и денег мы можем отрешиться только в единичном изолированном хозяйстве. Общественное хозяйство, каково бы ни было его устройство, трудно мыслить себе вне понятий цены и денег». Уже один этот выставленный тезис показывает, что мысль проф. Соколова никак не может выйти за круг буржуазного общества. Иного типа общественной связи, кроме буржуазного, проф. Соколов не представляет.

Прочитав этот выставленный тезис, всякий читатель, мало-мальски знакомый с историей, будет с нетерпением и интересом ждать доказательств проф. А. Соколова. Ибо на его долю выпадает почетная роль произвести революцию в наших современных познаниях в области социологии. Действительно, выставленное проф. Соколовым положение, обязывает его показать справедливость своих утверждений не только в отношении будущих обществ, но и в отношении прошедших, с до-меновым хозяйством; при чем в отношении последних нужны доказательства не только теоретического характера, но и установление исторического факта.

Доказательства теоретического свойства у него неоригинальны: они заимствованы у Маршала и сводятся в двух словах к тому, что суб'ективные оценки благ не совпадают, а потому всякое общество нуждается во внешнем об'ективном измерителе этих оценок.

Что же касается несовпадения его теоретических построений с фактами, то проф. Соколов этим не смущается. Очевидно, здесь вина не на стороне проф. Соколова, а на стороне фактов. И наш теоретик по денежному обращению вынужден по этому поводу превратиться на миг в «философа истории». Так как само натуральное хозяйство не могло создать такого измерителя (ибо деньги нельзя «выдумать»), то не послужило ли это обстоятельство,—меланхолически спрашивает проф. Соколов,—вместе с фактом неизбежности расхождения суб'ективных оценок и интересов в пределах сколько-нибудь крупной семьи, а тем более в пределах рабовладельческого ойкоса, одной из причин его разложения».

Что «философия истории» проф. Соколова явно неудовлетворительна, это ясно каждому; поэтому мы посоветовали бы ему лучше пересмотреть исходные положения своей школы.

Проф. Соколов и сам чувствует неудовлетворительность своей «философии истории». Поэтому он страницей позже пытается доказать, что всякое общественное хозяйство есть меновое. Под общественным же хозяйством он, видимо, понимает то, что у Струве определено термином «межхозяйственное об'единение», хотя об этом он прямо не говорит; определяет же его, как хозяйство, основанное «на широком разделении труда и охватывает целое множество свободных человеческих личностей, стремящихся к возможно более полному удовлетворению своих потребностей». Такое ничего не говорящее определение ему необходимо, чтобы доказать (что он и делает) невозможность перехода денежного менового хозяйства к организованному типу хозяйства, т.-е. невозможность существования социализма; при чем доказательства свои, которые он черпает из готового уже источника, — работ проф. Вагнера, — не носят теоретического характера.

Но, если всякое общественное хозяйство есть меновое, то как быть с «натуральными, до-меновыми типами хозяйства? Ведь они представляет собою то же общественное хозяйство! Сам проф. Соколов этого не отрицает. Значит, не только в единичном изолированном хозяйстве (которому С. противопоставляет натуральное хозяйство, как общественное А. Б.) мы можем отрешиться от понятия цены и денег» (тезис С.).

Итак, всюду такая путаница. Мало того, что его теория реакционна, но она еще путана.

Корень всей этой путаницы нужно искать в ложной теории ценности (суб'ективной), лежащей в основе его воззрений на деньги, а также в непонимании сущности типа связи менового хозяйства. Сущность последнего заключается не в том, что здесь происходит раздвоение «внутреннего психического обмена», как полагает проф. Соколов, а в том, что оно состоит из отдельных независимых друг от друга товаропроизводителей, и потому здесь отсутствует автогенное начало.

Не поняв социальной сущности денег и став на фетишистическую точку зрения, он естественно подошел и к проблеме сущности денег и запутался в ней.

Сущность денег у проф. Соколова характеризуется тремя моментами: 1) они только «технический инструмент хозяйственного оборота». Этот взгляд не нов; его придерживаются большинство буржуазных теоретиков (Визер, Гельферих, Зиммель, Кацененленбаум и др.); 2) деньги—это идеальная счетная единица. В этом отношении он всецело солидаризируется с Лифманом. «Учение Лифмана о деньгах как об идеальной счетной единице, представляется, несомненно, правым»; и в 3) деньги—не товар. В пользу этого говорит тот факт, утверждает проф. Соколов, что в качестве денег могут выступать, а в военное время исключительно выступали, бумажные деньги или неполноценные металлические.

Теоретически здесь смешение понятий денег и денежных знаков, а об'ективно здесь отражение иллюзий эпохи бумажно-денежного обращения.

Представления о деньгах, как об идеальной счетной единице, логически приводит к номиналистической теории, к неизбежному признанию денег искусственным общественным установлением и неизбежному признанию, что ценность денег «управляется волей людей». Все это более или менее понимает и сам автор книги. И поэтому он вопреки тому, что «учение Лифмана правильно», вынужден подвергнуть его, как и номиналистическую теорию, критике (см. стр. 23). Двойственность позиции проф. Соколова проявляется не только в основных вопросах, но и в частных его выводах. Так, исходя из взгляда на деньги, как на идеальную счетную единицу, он находит, что вся история денег ведет к чисто бумажно-денежному обращению, и что система такого обращения есть наилучшая система. И в то же время он пишет, что при существовании бумажно-денежного обращения наблюдается всегда стремление зафиксировать бумажно-денежную единицу путем закрепления определенного отношения к некоторой реальной, устойчивой ценностной величине, напр., к какой-либо обладающей достаточной стабильностью иностранной валюте или просто к золоту» (стр. 62).

Далее. Теоретически приходя к выводу, что бумажные деньги могут выполнять все функции денег, он, столкнувшись с фактом действительности хотя бы на нашей денежной системе, вынужден признать, что наш «советский рубль безусловно плохо выполняет функцию мерила ценности, и именно поэтому он плохо выполняет и функцию хранения и накопления ценностей» (96—97). Правда, автор здесь оговаривается: бумажные деньги плохо выполняют функцию мерила ценности, потому что их ценность неустойчива, а ценность неустойчива, потому что ненормальны хозяйственные отношения. Но во 1) капиталистическое общество нельзя мыслить без кризисов и потрясений; 2) неразменные бумажные деньги именно и выпускаются тогда, когда состояние хозяйства бывает ненормально. Указание на то, что при таком ненормальном состоянии невозможно и металлическое обращение, бьет мимо цели. Быть может, оно делает невозможным функционирование золота в качестве орудия обращения, ибо в качестве такового функционируют бумажные деньги, но зато они вполне могут служить, и служат, в качестве мерила ценности, а также орудия сохранения ценности, что даже для проф. Соколова является понятным.

Желая избегнуть тех опасностей, к которым приводит безоговоренное признание учения Лифмана, он вводит некоторый корректив. Он пытается доказать, что деньги, хотя не товар, все же ведут свое происхождение от товара, и что ценность их связана с теми меновыми пропорциями, которые установились, когда деньги еще не были товаром. Что этот корректив не спасает его от противоречий, мы видели; даже, наоборот, его коррективы, «с одной стороны, да и с другой стороны», создавая непоследовательность мысли, усугубляют и увеличивают только число противоречий.

Бесполезность этого последнего корректива для стройности теории проф. Соколова особенно ясно проявится при рассмотрении проблемы ценности денег, к которой мы сейчас перейдем.

Отметим только основные ошибки С. в вопросе о сущности денег.

1) Он неправильно определил сущность денег через их функции. «Функции денег, — справедливо говорит I. А. Трахтенберг,— вытекают из их сущности, а не сущность денег определяется их функциями».

2) Он смешал деньги с денежным знаком, деньги со знаком ценности.

3) Это обусловилось тем, что он, не понимая социальной сущности денег, исходил в своем анализе из функции денег, как орудия обращения. А это было им сделано под гипнозом бумажно-денежного обращения.

4) Его ошибки логически вытекают из его общей теории ценности (суб'ективной) и взгляде на деньги, как на логическую категорию.

Обратимся теперь к проблеме ценности денег. Проблема ценности (как и вообще все проблемы политической экономии) у марксистов и «австрийцев» ставится в различных плоскостях. Можно было бы ошибочность теории австрийцев показать, доказав неправильность их исходных пунктов. Но даже оставаясь в пределах их постановки, не трудно показать бессодержательность их теории, благодаря тем внутренним противоречиям, которые она в себе таит, а также бессилие ее перед фактами конкретной действительности.

Как же определяет ценность денег проф. Соколов? Он различает суб'ективную ценность и об'ективную. «Суб'ективная ценность денег определяется суб'ективною ценностью товаров и услуг, которые можно на них купить» (56). Но чем определяется это количество товаров? Ценами товаров! Но ценность товаров предполагает уже ценность (об'ективную) данной. Получается порочный круг. Суб'ективная ценность денег, которая должна определить об'ективную, сама определяется ею.

Об'ективная же ценность денег есть «их покупательная сила», явившаяся в результате столкновения суб'ективных оценок. Но покупательная сила денег или об'ективная ценность их есть статистически выведенная сумма цен товаров. Получается: об'ективная ценность товаров определяет их цены, которые, в свою очередь, определяют об'ективную ценность денег. Опять порочный круг.

Но, что интереснее всего, проф. Соколов не только не разрешил, но и увильнул от проблемы, на которой сломали себе шею не один теоретик предельной полезности: от проблемы образования об'ективной ценности из суб'ективной не показал механизма этого перехода.

Надо признаться, что суб'ективная ценность денег в его теории играет вообще незначительную роль и приклеена как-то механически (34).

Определение ценности денег проф. Соколовым, как видим, должно его привести к номиналистической теории. И он ее всецело не отвергает. Для него «деньги не суть **т о л ь к о** nomina» (значит всетаки nomina). Особенно в этом убеждают его некоторые явления бумажно-денежного обращения, ибо иначе «как может кусок бумаги, лишенный внутренней ценности, функционировать, как деньги» (44). Вот почему он настаивает на том, что деньги это только идеальные счетные единицы, что ценность денег не связана с ценностью валютного материала, что бумажные деньги—не «представительные» деньги.

Но, как мы уже указывали выше, проф. Соколов боится последовательности. И поэтому деньги у него «с одной стороны», «идеальные счетные единицы» или, как выражается Бендиксен, Jeneralnenner ценностей всех товаров, а «с другой»—не суть только nomina. Это бросающееся всем в глаза противоречие он пытается смазать «теорией» по внешности, очень схожей с теорией Гильфердинга.

Некогда деньги были связаны с вещной формой, они были товаром таким же, как и все другие. Ценность их определяется, как и ценность всех других товаров. И после того, как, при таких условиях закрепились в сознании людей определенные меновые пропорции между товарами, получилась возможность отрыва денег от их вещного покрывала, и они стали символом, унаследованным от вещного обращения меновых пропорций (см. стр. 59—60—61—62).

Разрешает ли эта часть теории проф. Соколова противоречия? Нисколько. Если деньги—символ исторически сложившихся меновых пропорций, и ценность денег непосредственно отражает эти пропорции, запечатлевшиеся в сознании людей, то ведь сама эта система пропорции все время меняется. В таком случае, где тот принцип, который регулирует ценность денег? И он отвечает: к о л и ч е с т в о денег (281). Да не подумает читатель, что проф. Соколов является просто сторонником количественной теории денег. Нет, и против нее он находит пространные возражения. Опровержению ее он посвящает целую главу в 100 страниц.

Противник количественной теории не замечает, что он сам типичнейший количественник.

Еще одно замечание. Проф. Соколов, собравший в своей книге все аргументы, которые когда-либо кем-либо были выдвинуты против «представительной теории», не замечает, что его теория есть тоже «представительная» теория. Разница только та, что у него денежная единица представляет не настоящую ценность металла, а ценность его, которую он имел до того, как деньги оторвались от своей вещной формы. Что его теория является «представительной» теорией худшего сорта, говорит хотя бы тот факт, что его теория неприменима к металлическим деньгам при открытой чеканке и не в состоянии об'яснить всех явлений при закрытой. Что же касается бумажно-денежного обращения, то его теория обязывает признать, что деньги и ценность их есть нечто условное, против чего возражает и сам автор; что бумажные деньги могут выполнять **в с е** функции (и мерила ценности и орудия сохранения ценностей), возражения на что можно найти у того же проф. Соколова. Против своей же теории выступает проф. Соколов, когда переходит к обсуждению практических вопросов, напр., о возможности и желательности перехода к металлической валюте. Так

он пишет: «Количество потребного металла в данном случае будет определяться потребностью оборота и **ц е н н о с т ь ю с о о т в е т с т в у ю щ е г о м е т а л л а**» (53).

Поражаешься, сколько мешанины и путаницы в этой книге! То он количественник, то он противник их; то деньги суть nomina, то деньги не суть только nomina и т. д. Можно было бы значительно умножить число примеров этой мешанины, обильно уснащающей об'емистый труд С. в 300 страниц. Да это незачем.

А ведь проф. Соколов—безусловный знаток денежного обращения. Но это только доказывает, до чего гнила теперь буржуазная теоретическая мысль.

А. Барсов.

С. КАНАТЧИКОВ. «История одного уклона». Изд-ство «Прибой». Ленинград, 1924 г., стр. 156.

Книжка тов. Канатчикова дает материалы к истории того уклона в российском рабочем классе, который связан с именем тов. Троцкого. Книжка вышла из дискуссии 1923—1924 г.г. и совершенно естественно носит на себе отпечаток тогдашней бурной, тревожной партийно-политической атмосферы.

Дискуссия окончена, но книжка тов. Канатчикова принадлежит к числу тех «материалов к дискуссии», которые сохраняют свою ценность на довольно продолжительное время. Дело в том, что, если дискуссия окончена, то обязательная работа по **раз'яснению** основных ошибок оппозиции ни в коем случае не может считаться законченной, и далеко еще не всеми извлечены все необходимые из дискуссии уроки.

**

В основном оппозиционном документе—брошюре «Новый курс»—тов. Троцкий заявлял: «Я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути». Тов. Канатчиков при помощи обильного фактического материала **показывает** тот путь, которым тов. Троцкий, начиная со 2-го с'езда партии, шел к «ленинизму». Проследить этот путь потому особенно важно, что тов. Троцкий, к сожалению, на его «надежности» настаивает.

Тов. Канатчиков на ряде примеров устанавливает совпадение теперешних взглядов тов. Троцкого с его старыми взглядами. В дискуссии 1923—1924 г.г. он к ряду внутрипартийных вопросов подходил так же, как подходил к ним в 1903—4 и 1910—14 г.г. Одна из основных ошибок тов. Троцкого к последней дискуссии — недооценка роли и значения партии, неправильное представление об ее структуре—сопутствует тов. Троцкого на всем его политическом пути.

В 1904 году в брошюре «Наши политические задачи» тов. Троцкий, осуждая методы большевиков во внутрипартийной политике, писал:

«Во внутрипартийной политике эти методы приводят... к тому, что партийная **организация «замещает» собою партию, ЦК замещает партийную организацию и, наконец, «диктатор» замещает собою ЦК»** далее, к тому, что комитеты делают «направление» и отменяют его в то время, как «народ безмолвствует». («История одного уклона», стр. 26).

Двадцать лет спустя, в 1924 г., в книжке «Новый курс», тов. Троцкий говорит:

«Тенденция партийного аппарата **думать и решать за партию** ведет в своем развитии к стремлению укрепить авторитет руководящих кругов только на традиции... **Партия живет на два этажа: в верхнем—решают, а в нижнем — только узнают о решениях».**

Тов. Канатчиков совершенно справедливо указывает, что здесь мы имеем простой перевод старых словечек о «замещении», о том, что «народ безмолвствует», о «диктатуре» верхов и т. д. На протяжении 20 лет к вопросу о внутрипартийной политике у тов. Троцкого, к сожалению, сохраняется почти один и тот же подход.

В другом месте своей брошюры тов Троцкий, возражая уральским большевикам, писал:

«Авторы документа имеют мужество открыто заявить, что диктатура пролетариата рисуется им, как **диктатура над пролетариатом: не самостоятельный рабочий класс, взявший в свои руки судьбу общества, а «сильная властная организация»,** господствующая над пролетариатом и, через него, над обществом, обеспечит переход к социализму... Для социал-демократов—«якобинцев», для бесстрашных представителей системы: **организационного заместительства** громадная общественно-политическая задача — подготовка класса к государственному господству—**подменяется** организационно-технической задачей—выработкой **аппарата власти».** («История одного уклона», стр. 45).

Как мы видим, оппозицией мало нового было сказано во время последней дискуссии. Это особенно наглядно станет, когда ознакомимся с прежними взглядами тов. Троцкого по вопросу о фракциях и группировках. В 1914 г. в своем журнале «Борьба» тов. Троцкий писал:

«Мы не связываем судьбу рабочего движения с судьбой большевизма или меньшевизма, ленинизма или ликвидаторства, взятых в отдельности. Опыт слишком ярко свидетельствует, что эти линии не расходятся на практике, а наоборот, неотвратимо сближаются **в направлении европейской социал-демократии. Воссоздания единства мы ждем поэтому не от победы одной фракции над другой, а от очищения социал-демократии от всех и всяких пережитков фракционности».**

«К самым острым вопросам движения мы хотим подходить **без предвзятости, враждебности** и **недоверия** к тем товарищам, которые думают иначе, чем мы. **В широкой, охватывающей десятки тысяч рабочих, марксистской общине не может быть разногласий и расхождений. Всякий член этой идейной общины имеет не только право, но и обязанность отстаивать свою точку зрения на общей для всех** программной основе. Но, выполняя эту обязанность, никто не смеет забывать, что **дело идет о разногласии в братских рядах,** спаянных общей программой и преданностью общему делу. Дисциплина и боевая сплоченность немыслимы без атмосферы **взаимного уважения и взаимного доверия,—и** кто посягает на эти **нравственные** устои, тот, каковы бы ни были его намерения, подкапывается под самое существование социал-демократии» («История одного уклона», стр. 90).

Этот дух всепрощения и примиренчества тов. Троцкий распространял и о «сближении в направлении европейской социал-демократии», говорил за четыре месяца до военного взрыва, когда русский меньшевизм и европейская социал - демократия обнаружили свою истинную сущность. Меньшевики - ликвидаторы для него были «братьями», от которых он под давлением революционного под'ема, медленно начал отходить, но с которыми он оставался в одной фракции и требовал «уважения» и «доверия».

Самое важное, однако, в том, что т. Троцкий партию представлял в виде «идейной общины», где «не может не быть разногласий и расхождений» Община — об'единение не боевое, **не действующее,** это не «аппарат», это об'единение разговаривающее. Для общины решающее значение имеет не боевая солидарность и дисциплинированность, а—«нравственные устои».

Когда в 1923—1924 г.г. оппозиция ратовала за «свободу группировок», за «свободу мнений» и т. д., она об'ективно вела дело к **ликвидации** боевой большевистской партии, этого **«диктаторствующего»** «аппарата» и к замене ее «идейной общиной», где было бы очень много «разногласий и расхождений», но при всем том господствовала бы «атмосфера взаимного уважения и взаимного доверия».

Да, мало нового сказала оппозиция в лице т.т. Троцкого, Преображенского, Сапронова, Стукова. Книжка т. Канатчикова документально показывает, что все ошибки оппозиции имеют определенное историческое прошлое.

Книжка т. Канатчикова дает ценнейшие материалы об отношении т. Троцкого к якобинству, к ликвидаторству, к революционному парламентаризму, к вопросу о характере революции и т. д. В приложении к книжке дан ряд ценных документов, в том числе статья В. И. Ленина против примиренческой позиции т. Троцкого.

К сожалению, книжка обрывается на 1914 г. Разногласия периода войны и революции в ней не нашли отражения. Вообще не дан анализ «левых» уклонов т. Троцкого. Но и в своем настоящем виде книжка даст совершенно необходимый нашему партийному молодняку материал. Написана она по большевистски, просто, без дипломатии.

Ил. Вардин.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. «В. И. Ленин». Изд. Ком. у-та имени Свердлова. Москва. 1924 г.

Последние месяцы выбросили на книжный рынок огромное количество литературы, посвященной Ленину и ленинизму. Совершенно очевидно, что появление этой литературы в таком количестве было вызвано всевозрастающей в ней, на книжном рынке, потребностью.

К сожалению, надо сказать, что количественно очень часто эта литература росла за счет качества.

Спрос растет, рынок требует, и литература о Ленине и ленинизме, самая ходовая и требуемая литература, буквально печется часами, днями.

Где-то и когда-то сделанные доклады (иногда удачные, а иногда и неудачные), наспех написанные брошюрки, наряду с действительно глубокой и ценной литературой по Ленину и ленинизму, в сотнях тысяч экземпляров печатаются, распространяются, читаются.

И благодаря своей легкости, незначительности размера и популярности изложения читаются в своей массе теми, кто не в состоянии отнестись к читаемой литературе достаточно критически, кто прочитанное принимает, главным образом, на веру.

Тов. А. В. Луначарский где-то и когда-то сделал доклад о Ленине, кто-то застенографировал, а Свердловский Университет издал.

То, что для доклада могло, пожалуй, «сойти» незаметно, то в уже отпечатанном виде, конечно, не могло, а главное не может и не должно остаться незамеченным.

Сама по себе, быть может, и интересная брошюра — доклад содержит такое количество непростительных промахов и ляпсусов, которые сводят на-нет все, несомненно имеющиеся в брошюре, достоинства.

Мы остановимся лишь на наиболее ярких ляпсусах, на наиболее бьющих в глаза.

Тов. Луначарский указывает, что среди социологов и политиков были разногласия в оценке грядущей революции:

«Одни говорили, что революция в России произойдет по типу малых революций... другие говорили, что она будет по типу Великой Французской Революции, может быть, даже превзойдет ее...».

Первые были, как известно, меньшевики, вторые—большевики. Кто же из них был прав, какие аргументы приводили те и другие?

«Аргументы, которые, как **показала дальнейшая действительность,** были все **правильны по своему».** (Курсив везде наш. К. Р.).

Как понять, что в аргументах оказались правильны и утверждения большевиков и меньшевиков? Да еще в аргументах, подтвержденных действительностью. Ведь сам Луначарский в только что приведенном отрывке указал, что меньшевики ожидали «малой революции» по типу революции в Германии или Австрии, а оказалось, что они в своем прогнозе ошиблись, что **действительность** показала, что они были **не правы,** их аргументы оказались для революции **не убедительны.**

Какие же аргументы противопоставляли сторонники «большой революции»,—большевики, сторонникам «малой революции»—меньшевикам?

«Первый аргумент, можно сказать, **сантиментального характера,** который, однако, оказался чрезвычайно верным и лично В. И. был в особенности подтвержден, был такой. —...героизм и энтузиазм интеллигенции не помирятся на малом. Это аргумент сантиментальный и **романтический,** но... **он подтвердился позднее».**

Про «героизм и энтузиазм» какой же это интеллигенции говорит т. Луначарский? Той, которая в июле 1917 года называла Ленина и его партию немецкими шпионами, которая через несколько месяцев, в Октябре, с оружием в руках в «женских», «юнкерских», «офицерских» и пр. и т. п. отрядах, выступала против Советской власти, против Революции, той интеллигенции, которая нас саботировала, которая покинула на произвол судьбы школы и больницы.

Ведь не героизмом и энтузиазмом ничтожной кучки интеллигентов, шедших в то время с большевиками, была проделана «Большая революция». За исключением быть может тех, про которых, как пишет сам т. Луначарский: «вчера еще был умный человек, а сейчас несет околесицу», конечно, никто из находящихся в то время в рядах партии **интеллигентов** не

возьмет на себя утверждать хотя бы нечто похожее на это.

Однако, эта «преувеличенная» оценка роли интеллигенции в революции имеет своей предпосылкой явно извращенное и абсолютно чуждое большевизму определение партии, ее существа и ее взаимоотношения с классом.

Как представляется «класс и партия», если судить по брошюре-докладу А. В. Луначарского. «Нельзя говорить, что рабочий класс сам найдет путь», потому что рабочий класс «в целом» «шкурнический», «обывательский». Этот путь рабочему классу укажет **партия** — «авангард русских рабочих и **интеллигенции**».

И тов. А. В. Луначарский старательно подчеркивает:

«В. И. чувствовал, что партию в России в течение долгого времени (относится к периоду II с'езда К. Р.) нельзя сделать **подлинно** рабочей, что она будет в значительной степени интеллигентской партией. **И это ее плюс.** Знающих людей много, и **не колоссальный минус наличие мелко - буржуазных наклонностей».**

Какая невероятнейшая путаница, какое смешение понятий. Когда и где В. И. **так** чувствовал?

Не подменивает ли автор своими переживаниями и чувствованиями переживания т. Ленина?

Что, наконец, означает **подлинно** рабочая партия? Не являются-ли какие-нибудь «христианские» рабочие партии, **подлинными** рабочими по теории т. Луначарского?

И с каких это пор стало **плюсом,** что партия пролетариата «в значительной степени интеллигентская партия», и **не минусом** «наличие мелкобуржуазных наклонностей?».

Ведь это поистине чудовищно! В течение десятков лет выковывалась партия пролетариата в беспощадной борьбе с мелко-буржуазными настроениями, проявлявшимися в ее отдельных частях. Вся история партии — это история борьбы с мелко-буржуазными тенденциями в партии, а вот у тов. Луначарского «наличие мелко-буржуазных наклонностей» оказалось не минусом.

«Плюсы» и «минусы» в определении тов. Луначарского мы оставляем на его совести, партия к этим определениям не имеет никакого отношения.

Останавливаясь на роли Ленина в революции пятого года, тов. Луначарский пишет: «Ленин тогда чувствовал себя совершенно беспомощным», и несколькими строчками ниже: «Вл. Ил. был совершенно беспомощен, почти, как рыба, выброшенная на берег».

Это явное неприличие в изложении и извращении фактов.

Переходя к характеристике Владимира Ильича, как личности, тов. Луначарский заявляет: «Как его (Ленина. К. Р.!) предшественник Петр Великий»... «ничему не даст итти своим чередом, от этого мученически и погиб».

И, наконец, «может быть Ленину до слез было жалко, но разве **ленинизм лично** мог кого-нибудь жалеть и кого-нибудь любить».

Не знаем, что может кому-нибудь дать подобная характеристика личности Владимира Ильича.

Если же ко всем перечисленным выше извращениям, неточностям и просто неудачным выражениям прибавить не перечисленные и технически безобразное выполнение брошюры, допустившее ряд грубейших, меняющих смысл и содержание фраз, опечаток, вроде того, что «не Ленин выдвинул тактику единого фронта», или «что в России два представительства» вместо правительства, то впечатление от брошюры остается не особенно хорошим. В том виде, какой брошюра имеет сейчас, кроме засорения некритических мозгов, она ничего не даст.

К популярной литературе, предназначенной для ленинцев, необходимо отнестись более серьезно и вдумчиво.

К. Розенталь.

М. БАСКИН. «Ленин, как материалист и диалектик». «Новая Москва», 1924 г., стр. 38. Тираж 10.000.

Среди проблем, встающих в связи с овладением ленинским наследством, далеко не последнее место занимает, конечно, вопрос о материализме и диалектике у Ленина. При этом, каждому ясно, что вопрос стоит не столько в том, чтобы указать, что В. И. был марксистом, сколько в том, чтобы детально исследовать, где и как материализм и диалектика проявлялись у Ленина, какую роль они для него играли.

Известна та страстность, с которой Ленин и революционные марксисты отстаивали, от-

стаивают и будут отстаивать каждую пядь своей теории, каждую «большевистскую запятую», потому что ошибка, искажение, перевирание в теории неизбежно влекут за собою ошибки в практике. Но исследование материализма и диалектики у Ленина важно еще и по той причине, что такое исследование, при отсутствии передержек и искажений, научает нас, последователей и преемников В. И., сознательно пользоваться полученным наследством.

Важность и значительность такой темы требует, чтобы всякая работа в этом направлении не была ни «наскокистой» (если можно так выразиться), ни небрежной. К сожалению, рецензируемая нами брошюра тов. Баскина страдает этими обоими недостатками.

На протяжении 38 страниц крошечного формата автор ставит и решает такие вопросы, как связь между Лениным и Марксом: Что такое материализм? (3 (!) страницы). Ленин, как материалистический политик. Что такое диалектика? Как Ленин пользовался диалектическим методом? (6(!) страниц). Легко понять, что уже одна только такая краткость не только должна смазать самую проблему до уровня пошлого выдергивания цитат из двух-трех работ Ленина, но и поставить автора на путь дешевой популярщины худшего толка.

Разберемся, однако, по существу, взяв несколько примеров.

Характеризуя материализм, автор считает достаточным остановиться только на трех пунктах: на материи, как на «некоем (?!) об'ективном, всегда существующем начале», на «материальных законах» общества и на том, что устами автора выражает, якобы, материалист так: «нужно брать вещи такими, какими они являются», не плакать, не смеяться, беспристрастно подходить ко всякому явлению»... (стр. 8—10).

Касаясь второго пункта—«материальных законов»—автор считает достаточным одной лишь цитаты из Маркса (пред. «К критике»), чтобы их характеризовать.

Не возражая, конечно, против ссылок на Маркса, мы, однако, думаем, что помещение этой цитаты в таком, мы бы сказали, сыром виде совершенно недостаточно и может создать не мало кривотолков.

Гораздо хуже рассуждения тов. Баскина о том, что такое материалист. «Материалист,—говорит Баскин,—верит опыту» (стр. 9), он не хочет «осуждать или поощрять, а просто» и т. д. (см. выше). Все это «просто» замечательно! Вопервых, мы «верим», а, во-вторых, мы «верим своему опыту». Не пахнет-ли это чем-то, против чего Ленин писал свою книгу «Материализм и эмпириокритицизм»? Затем, это—«не осуждать или поощрять». Не осуждайте нэпманов, не поощряйте госпромышленность--скажет человек, поверивший Баскину на слово. Автор же не сможет против этого протестовать.

Перейдем к из'яснениям т. Баскина по поводу диалектики. Мы узнаем: «рушатся и возникают новые планеты..., вымирают и образуются народы и племена, старые обычаи, идеологии, науки уступают место новым продуктам человеческого творчества» (слона—производительных сил—автор не приметил). Узнаем и то, что «ничто и никто не в состоянии остановить этого необычайного потока (почему—необычайного?). Все это, конечно, хорошо. Но причем тут Ленин, когда не указана диалектика капитализма? Совершенно непонятно. Непонятно и то, почему, «никто не в состоянии остановить этого необычайного потока» (стр. 26). Напротив, мы когда-то и где-то у Маркса и Ленина читали, что хотя «необычайных потоков» мы и не остановим, однако, в потоки обычные — общественные—можем вмешаться и даже не без успеха. И здесь у Баскина та ошибка, которая неизбежно приводит к фатализму.

Как бы то ни было, один закон диалектики автором описан. В числе других им отмечается скачок (причем связь его с количеством—качеством целиком мистична) и, конечно, «теза, антитеза и синтез». О борьбе противоречий — ни слова. А между тем, без последней невозможна ни диалектика, ни диалектический метод. Опять ошибка и ошибка здесь приводит к ошибке в понимании известного положения—«всякая истина конкретна». По Баскину (стр. 28) смысл этого положения только в том, что истина — не абстрактна. Не спорим. Но надо же знать пишущему о диалектике и о Ленине, что конкретность (об этом говорит Гегель) состоит и в совмещении противоположностей, как надо знать и то, что «по марксизму немножко учились, учились, как и

когда можно и **должно** соединять противоположности, **а главное** (курсив наш) в нашей революции за три и три с половиной года мы критически соединяли противоположности» (Ленин, соч., т. XVIII, к. I, стр. 14). Если бы т. Баскин это знал, он обратил бы более серьезное внимание и на диалектику и на применение ее Лениным. Автор этого не сделал и тем допустил еще одну ошибку. Посмотрим теперь, каков же, по Баскину, применялся Лениным материализм и диалектика. Заранее напомним, что это должно, очевидно, составлять центр всей брошюры, и ни одна, самая малейшая ошибка здесь недопустима. Вот что говорит автор о ленинской тактике в эпоху Бреста. Германский империализм наступает. Многие коммунисты настаивают на революционной войне. «Но Ленин рассудил иначе. Он, как истый материалист, отбросил суб'ективные ощущения, отвлекся от личных эмоциональных моментов, взял факты во всем их «неприглядном» виде и сделал неизбежный вывод,—нужна передышка» (стр. 19). По Баскину, следовательно, дело в том, чтобы «не плакать и не смеяться», все дело в суб'ективных моментах. Это, конечно, неверно. Дело заключалось не в суб'ективных моментах, а в разном анализе, в различном учете соотношения классовых сил, в том, как пользовались марксизмом различные товарищи.

Обратимся к диалектике. Последнюю автор видит у Ленина только в том, что вещи надо брать во всей их целости и совокупности (стр. 33), учитывая изменение обстановки. Но вся суть в том, что диалектика и ее применение Лениным не ограничиваются разным отношением в связи с новой ситуацией. Диалектика сквозит, ведь, буквально во всем, во всей практике революционной борьбы. Сквозит она и в определении момента перемены экономической политики, когда количественное накопление восстаний мелко-буржуазной стихии сигнализирует о возможном изменении «качества» государства («Советы без коммунистов»); сквозит она и в соединении таких «противоположностей», как пролетариат и крестьянство в единый крепкий союз, сквозит и во многом. Тут одним-двумя примерами не отделаешься, тут требуется серьезное и вдумчивое исследование. Автор же этого не замечает и тем самым очень мало, почти совершенно не освещает Ленина, как материалиста и диалектика...

Наша рецензия затянулась. Читатель может сказать, что не зачем было стрелять по воробьям. Но это было необходимо потому, что больно уж плохой и даже вредный воробей выпущен тов. Баскиным.

К. Милонов.

Редакция: **В. Астров, Н. Бухарин, Ил. Вардин, Л. Каменев, А. Слепков.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
газ. „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“

КРЕСТЬЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

1) Девичий век.
2) Спасайте поля от вредителей.
3) **Волжанин.** Как вести спорные земельн. дела.
4) Как получить землю в пользование.
5) Свинья—крестьянская копилка.
6) **Волжанин.** Переделы и выделы земли.
7) **Киселев.** Права наследников.

Цена каждой книжки 15 коп.

Астров. Ленин и рабочая печать в России. Цена 20 коп.

Борисов. „За правду“. Цена 40 коп.

С заказами обращаться по адресу: Москва, Тверская, 38, издательство „ПРАВДЫ“ и „БЕДНОТЫ“.

Цена 40 коп.

Издательство „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“
Москва, Тверская, 38.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

) на (

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

„БОЛЬШЕВИК“

под редакцией **Н. Бухарина, Ил. Вардина, Л. Каменева.**

Журнал ставит своей задачей освещать важнейшие вопросы момента под углом зрения ленинизма.

В ЖУРНАЛЕ СЛЕДУЮЩИЕ ОТДЕЛЫ:

I. **Руководящие статьи** по основным вопросам политики и экономики текущего дня, политики и практики РКП, по теории и практике марксизма.

II. **Двухнедельные обзоры: внутриполитическое обозрение, экономика Советского Союза, внешняя политика, иностранная жизнь, капиталистическая мировая экономика, международное движение, белая печать.**

III **„Ленин и ленинизм“**. В этом отделе систематически будут опубликовываться важнейшие документы и материалы из жизни и деятельности Ленина. Кроме того, будет дан цикл статей о ленинизме.

IV. **Критика и библиография.**

Журнал предназначается для самых широких слоев членов партии и передовых элементов рабочего класса.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверская 48. Телефоны 4—44—21.

Прием по делам редакции во все дни, кроме праздников от 12—2 ч. дня.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на месяц—60 к., на 2 мес.—1 р. 20 к., на 3 мес.—1 р. 75 к.,

Повышение означенных цен кем бы то ни было ВОСПРЕЩАЕТСЯ.

Подписную плату надлежит переводить по адресу:

Главная Контора „Правды“ и „Бедноты“
МОСКВА, Тверская, 38.

Подписка принимается также и в отделениях Издательства:

СЕВ.-ЗАП. ОБЛ. ОТД.— Ленинград, Проспект 25 Октября, 82.
ВСЕУКРАИНСКОЕ ОТД.— Харьков, площ. Тевелева, 17,

и в губернских отделениях:

Киев—Улица Ленина, д. № 26. **Одесса**—Улица Лесная, 5. **Ростов н/Д**—Б. Садовая, 51. **Бахмут**—пл. Свободы, 15. **Таганрог**—Улица Ленина, 23. **Луганск**—Улица Ленина, 43. **Екатеринослав**—Улица К. Маркса уг. Московской. **Нижний-Новгород**—Улица Свердлова, 5. **Краснодар**—Красная, 31. **Ярославль**—Дом Крестьянина. **Кострома**—Улица Октябрьской Революции, 4. **Брянск**—Улица III Интернационала, д. 63.

100

25-23. Русенской

БОЛЬШЕВИК

№ 12—13

20 ОКТЯБРЯ

1924

МОСКВА

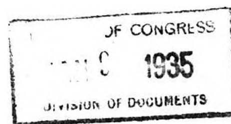
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Главлит № 26422 Москва. Тираж 85000

Типо-литография „Искра Революции“ (б. 7-я) Мосполиграф, Филипповский п., 11.

В. Молотов.

О производительности труда.

За последний год в центре нашей экономической политики стоял вопрос о снижении цен на промышленные товары. Осенний кризис прошлого года превратил эту задачу из экономической в основную политическую задачу Советской власти и нашей партии. Вопросы торговли и, прежде всего, снижение цен на промышленные товары стали центральным вопросом смычки города с деревней, смычки пролетариата с крестьянством. Борьба за смычку, за ее укрепление должна была усилиться по этой линии. Так и было сделано.

Советская власть взялась за меры по руководству рынком. Исправление низких сельско-хозяйственных цен и снижение во что бы то ни стало цен на промышленные товары, — так стояла задача. Труднее была вторая часть этой задачи, поэтому она и требовала к себе исключительного внимания.

За истекший с осени прошлого года хозяйственный год мы уже достигли некоторых результатов. Общее снижение промышленных цен за это время достигает 25—30%. На отдельные товары снижение цен достигнуто значительно больше. Но это, конечно, только начало. Борьба за снижение цен требовала, требует и будет еще требовать всяческого улучшения нашей торговли и, в первую голову, улучшения работы кооперации. Так важнейшей задачей в области торговли и, в частности, в работе кооперации является уменьшение разницы между оптовыми и розничными ценами. Необходимо во что бы то ни стало добиваться снижения розничных цен и максимально возможного приближения их к оптовым ценам. В этом (да и не только в этом!) направлении нам еще нужно очень и очень много поработать. Но борьба за снижение цен по линии торговли привела нас к новым задачам уже в области производства, к проблеме поднятия производительности труда.

Борьба за снижение цен должна теперь вестись не только за счет торговли, но и за счет производства. Иначе говоря, нам необходимо не только снижение торговых расходов, но нам необходимо также снижение стоимости производства товаров. Дальнейшие серьезные успехи в деле снижения промышленных цен упираются в производство, в проблему повышения производительности труда.

Экономическая сторона этого вопроса заключается в том, что в последние годы у нас рост производительности труда отставал от роста заработной платы. Здесь, однако, нужно добиваться ясности и правильности в постановке вопроса. Нам кажется, что экономически (и, тем более, политически) правильнее ставить вопрос не так, что рост заработной платы опережает рост производительно-

сти труда, а наоборот, — что рост производительности труда отстает от роста заработной платы.

В самом деле, проблема не в том, что у нас заработная плата высока. Заработная плата не достигает даже жалкого довоенного уровня. Поэтому нельзя ставить вопрос в плоскость снижения заработной платы. Как известно, и директивы партии за последние годы были другие. Партия стояла и твердо стоит за сохранение реального уровня заработка рабочего и за возможное дальнейшее повышение его. За предшествующий период значительное повышение заработка рабочего было не только неизбежно, но и необходимо, как первое и важнейшее условие оздоровления промышленности. И, тем не менее, теперь остро стоит вопрос о несоответствии роста производительности труда с ростом заработной платы. Теперь проблема заключается в том, что за ростом, за поднятием заработной платы в эти последние годы не поспевали рост и поднятие производительности труда. Таким образом, проблема состоит не в том, чтобы итти назад в определении уровня заработной платы, — а в том, чтобы итти вперед в повышении производительности труда.

В самые трудные месяцы перехода к твердой денежной валюте, партия неуклонно стояла на точке зрения сохранения реального заработка рабочего и дальнейшего увеличения его путем снижения цен и т. п. Этот курс партии не может быть изменен и теперь. Коммунистическая партия, партия рабочего класса, не может не понимать основного экономического и политического значения этого курса в вопросе о заработной плате.

Но руководящая партия пролетарской диктатуры не может не считать также своей задачей и дело поднятия народного хозяйства в целом. Здесь перед партией теперь во всей остроте встали новые задачи, и в первую очередь поднятие производительности труда.

Если за пятнадцать месяцев (с октября 1922 года по январь 1924 года) рост заработной платы достиг 90%, а рост производительности труда только 23 процентов, то такое расхождение между этими двумя линиями развития может или, вернее, могло продолжаться лишь в течение определенного, сравнительно непродолжительного периода. Ибо в дальнейшем, это повело бы к подрыву самой основы экономической системы. Следовательно, итти дальше по этому пути мы не можем. Мы должны добиваться и добьемся такого роста производительности труда, который не только не отставал бы, но обеспечивал бы и был бы основой для дальнейшего под'ема заработной платы. Такая задача нам была непосильна в предшествующий период. Теперь она стоит перед нами во весь рост. В этом заключается основная экономическая задача настоящего времени.

Какими путями мы можем и должны поднимать производительность труда? Здесь можно ответить общим указанием на необходимость использовать все пути. Поднятие производительности труда, иначе говоря, — увеличение количества производимых продуктов на одного рабочего должно опираться как на увеличение продуктивности индивидуального труда рабочего, на увеличение интенсивности его труда, на улучшение использования установленного рабочего времени, так в неменьшей мере на улучшение организации его труда, на улучшение техники производства, на усовершенствование методов работы предприятия в целом, на упорядочение всей организации государственного производства. Хозяйственник будет иной раз сосредоточивать главное внимание на росте интенсивности труда. Профессионалист нередко будет подчеркивать, главным образом, недостатки организации производства. Партия, представительница интересов пролетариата в целом, должна обратить внимание всего рабочего класса на наши недостатки и в том, и в другом отношении.

Рабочий класс поймет такую постановку вопроса о поднятии производительности труда, если будет смотреть на себя, как на хозяина производства, если он будет заинтересован во всяком улучшении организации производства, во всяком техническом усовершенствовании на пользу производства, во всяком новом приспособлении к поднятию производительности труда, а вместе с тем во всестороннем улучшении использования труда каждого рабочего, мастера, служащего, техника, инженера.

Сознательные рабочие должны организовать борьбу со всеми препятствиями на пути поднятия производительности труда. В это дело должны быть втянуты сами рабочие массы. Производственные совещания, производственные комиссии, вообще инициатива и активное участие самих рабочих в улучшении производства, в поднятии производительности труда должны развертываться все шире и шире. Рабочие должны ставить вопрос о производстве, о производительности труда во всем об'еме, во весь рост. Это не только единственно прочная опора и условие дальнейшего роста заработка рабочего, — но и экономического, культурного и политического развития пролетарского государства. Тем самым это вернейшая опора действительной победы пролетарской революции.

Кампании поднятия производительности труда должен быть придан характер упорной, систематической и длительной работы. От личной интенсивности труда, от трудового уплотнения рабочего времени, от поднятия индивидуальной продуктивности рабочих будет зависеть многое. Нет необходимости останавливаться на том, что попытки отдельных профессионалистов доказывать, что рост производительности труда не отстает от роста заработной платы, являются дурными попытками отрицать факты, доказывать недоказуемое. Эти попытки могут закрепить за такими товарищами только славу плохих профессионалистов и еще худших коммунистов.

Однако, поднятие производительности труда отдельного рабочего не может опираться просто на энтузиазм и стихийный порыв рабочих. Такие методы поднятия производительности труда годятся только на короткое время. Временный энтузиазм и вообще стихийность в настоящую пору не могут быть надежными помощниками в таком деле. Таким путем может быть удастся где-нибудь в отдельном месте и то, вернее всего, на непродолжительное время добиться некоторых результатов в поднятии производительности труда. Безусловно ошибочно и прямо вредно было бы рекомендовать такие методы, как общее правило. Дело поднятия производительности труда должно быть построено на правильном, систематическом, где можно научном улучшении организации производства и на сознательном отношении рабочих к необходимости систематически повышать количество производимых продуктов на отдельного рабочего и на всю рабочую массу предприятия в целом.

Кампания поднятия производительности труда, в сущности, должна только дать толчок работе, которую ни в какой обычный срок кампании уложить невозможно. Поднятие производительности труда на весь ближайший период—важнейшая и основная задача рабочего класса. Она сейчас начинается как кампания для того, чтобы в дальнейшем сделаться постоянной задачей наших хозяйственных органов, профессиональных союзов и всего рабочего класса. При такой постановке дела, расчет на временный энтузиазм, на стихийный порыв рабочих совершенно недостаточен и дает неправильный, ложный уклон самой кампании. Классовый энтузиазм пролетариата, конечно, должен быть вложен во все это дело. Но он должен претвориться в сознательную, постоянную и все развертывающуюся работу, всесторонне улучшающую всю постановку дела, все производство промышленных продуктов, тем самым повышающее количество и качество их в нашей государственной промышленности.

У нас имеются все основания расчитывать на то, что рабочий класс и его организации сознательно и активно принимаются за поднятие производительности труда. Но мы не должны забывать, что кампания производительности труда накладывает серьезнейшие обязанности не только на рабочих, но и на наши хозяйственные органы. В работе наших хозяйственных органов еще очень много недочетов. Недостаток опыта и умения в руководстве крупнейшими хозяйственными организациями, недочеты в организации производства на самом предприятии, недостаточно правильное использование труда специалистов, не всегда достаточно внимательное отношение ко всем сторонам и деталям производства, — все это не может еще не быть препятствием к росту производительности нашей промышленности. Кампания за поднятие производительности труда, пред'являет сейчас к нашим хозяйственникам повышенные требования в деле улучшения организации и техники производства. Необходимо, чтобы хозяйственные органы принимали все меры к действительному устранению организационных недочетов в производстве. Рабочие, активно участвующие в поднятии производительности труда, вправе требовать от наших хозяйственников, чтобы их непосредственные усилия в поднятии производительности труда не уничтожались и не стирались из за недостатков в организации производства. Рабочий вправе требовать, чтобы хозяйственник также повысил требовательность к самому себе, к своей работе в деле организации производства, как он, рабочий, пред'являет к себе повышенные требования в деле интенсификации труда. Кампания за поднятие производительности труда должна таким образом, вести к улучшению всей работы наших хозяйственных органов, к борьбе с бесхозяйственностью в наших промышленных органах, к выработке лучших методов организации производства и труда, к подбору на руководящие хозяйственные посты более опытных и умелых хозяйственников. Само собой разумеется, что не только хозяйственные и профессиональные органы, но также и советы и партийные организации, и вообще все организации пролетарского государства должны всячески помогать и участвовать во всей кампании поднятия производительности труда.

«Рабочий, улучшай работу, добивайся роста производительности труда, заботься об увеличении промышленных продуктов на твоей фабрике, в твоем заводе!», — эти лозунги должны сделаться понятными, не только рабочим. Они должны пойти в деревню, дойти до самых крестьянских глубин и должны быть правильно поняты нашим крестьянством.

Здесь должно раскрыться крупнейшее политическое значение этих лозунгов в настоящее время.

В самом деле. Лозунг увеличения производительности труда в настоящее время должен на практике найти свое выражение в дальнейшем снижении промышленных цен. Каждый действительный успех в производстве, в производительности труда помогает практическому осуществлению этой задачи. Практические успехи в этом деле будут обозначать удешевление промышленных товаров, увеличение их доступности крестьянству. А это и есть тот главный путь, по которому сейчас может и должна быть закреплена смычка города с деревней, смычка пролетариата с крестьянством.

Таким образом, каждый факт улучшения производства, каждый шаг в деле поднятия производительности труда имеет не только экономическое, но и громадное политическое значение во взаимоотношениях двух основных социальных сил в нашей стране. Чем больше будут наши успехи в экономической области и, прежде всего, в поднятии производительности труда, тем больше укрепится экономическая и политическая смычка крестьянства с пролетариатом.

Поэтому кампания поднятия производительности труда должна быть поставлена как важнейшая политическая кампания. А для этого она должна быть широко и правильно раз'яснена в деревне.

В крестьянскую среду нередко просачивается недоверие к рабочим. Это недоверие искусственно подогревается нашими врагами. Деревенское кулачье, в особенности, любит говорить о привилегиях и преимуществах городских рабочих. Оно нередко старается подчеркнуть, что Советская власть заботится, якобы, только о рабочих. Кулачье видит одну из своих задач в противопоставлении крстьянина рабочему, в сеянии между ними розни и вражды.

Вести, проникающие в деревню о кампании производительности труда на фабриках и заводах, оно также постарается использовать в целях противопоставления крестьянина «лодырю» — рабочему. Кое-где попытаются отдельные газетные заметки о бесхозяйственности на наших предприятиях использовать против самой Советской власти. Но эти попытки не оставят и следа в крестьянской массе, если партия и все сознательные рабочие и крестьяне обратят серьезное внимание на истинное значение и правильное проведение кампании поднятия производительности труда. Не только практические успехи этой кампании должны опровергать попытки противопоставления крестьян рабочим, но и само широкое раз'яснение крестьянам смысла и значения этой кампании имеет громадное политическое значение. Это раз'яснение должно убедить крестьянина в том, что рабочий Советской республики сам сознательно и самоотверженно борется за улучшение производства, за увеличение продуктивности государственной промышленности. Это раз'яснение должно показать, что рабочий сам пред'являет к себе большие требования, требует от себя и своих товарищей по труду

усиления интенсивности, содействия улучшению организации производства и всемерному росту производительности государственной промышленности. Наше раз'яснение должно убедить крестьян, что рабочий использует победу революции не в своих узких цеховых целях, не только в целях улучшения своего экономического положения, но и в целях улучшения экономической мощи всего рабоче-крестьянского государства. Таким образом, лозунг поднятия производительности труда в настоящих условиях должен служить закреплению смычки, увеличению спайки, выковыванию надежного обруча для союза рабочих и крестьян. Рядом с теми требованиями, которые Советское государство пред'являет к крестьянству, стоит теперь важнейшая задача пролетарской власти — поднятие производительности труда. Это — вопрос, который нужно рассматривать в настоящих условиях не только в смысле наших непосредственных экономических нужд, но и в свете основных задач смычки рабочего класса с крестьянством.

Наконец, остановимся на связи теперешней задачи поднятия производительности труда с дальнейшим этапом нашего хозяйственного развития.

Пролетарская революция лишила собственности и власти помещиков и капиталистов. Прежние богатства их перешли в руки рабочих и крестьян. Но много ценностей, много богатства пострадало и прямо уничтожено за годы тягчайшей гражданской войны. Все это нам необходимо теперь восстановить. И еще больше труда нужно положить на то, чтобы создать условия для дальнейшего общего роста рабоче-крестьянского государства.

Кампания поднятия производительности труда, являясь, как сказано, началом длительной, упорной и все развертывающейся работы, закрепляет экономический фундамент диктатуры пролетариата. Нам нужен этот фундамент для того, чтобы перейти к новым, более крупным и еще более важным задачам. Но мы не можем двигаться вперед иначе, как поднимая производительность труда, увеличивая количество производимых нашей промышленностью товаров, улучшая их качество и снижая цены на них, что в свою очередь, возможно лишь на основе перешедших к нам средств производства; совершенно очевидно, что хозяйственное развитие не может пойти иначе, как через и при помощи наличных производственных средств и экономических рессурсов. Поэтому наша задача в настоящее время — добиться при наличных средствах производства и при нашей новой системе организации производства и труда максимума хозяйственных результатов. На этой задаче мы должны сейчас сосредоточить наибольшее количество наших сил. Чем упорнее, чем систематичнее, чем продуктивнее мы будем работать по линии поднятия производительности труда, тем быстре мы подойдем к следующему этапу нашего хозяйственного развития.

Этот следующий этап хозяйственного развития — новая организация производства на основе электрификации.

К перешедшим к пролетарскому государству средствам производства Советская власть прибавила новую организацию производства и новую организацию труда. Правильное соединение этих новых элементов хозяйства со старыми, закладывает основу для действительно могучего развертывания социалистического хозяйства. Такое могучее развертывание экономических возможностей

социализма, однако, будет возможно только на основе электрификации промышленности и сельского хозяйства. Поэтому, повторяем, поднятие производительности труда имеет в настоящее время не только непосредственное экономическое и политическое значение для рабочего класса и крестьянства, но является также необходимым этапом, через который мы должны пройти для того, чтобы создать основу для развития всех хозяйственных возможностей социализма.

Наш путь — через поднятие производительности труда к социализму, на основе электрификации.

Ян Стэн.

Наша партия и вопросы теории.

Та обстановка, внутренняя и международная, в которой приходится действовать нашей партии, требует от нас весьма внимательного и серьезного отношения к вопросам революционной марксистской теории, этого компаса пролетарской революции. Но эта обстановка, выдвигающая значение теории, не только ставит препятствия на пути удовлетворения этой теоретической потребности, но и порождает тенденции и настроения противоположного характера.

Перегруженные партийно-организационной работой партийцы сплошь и рядом не имеют возможности заняться общетеоретическими вопросами марксизма, не могут теоретически осмыслить свой богатый практический опыт. На почве такой оторванности практики от теории начинает выростать теоретическая беззаботность, представляющая величайшую опасность для партии. Эта теоретическая беззаботность подчас переходит в активное отрицательное отношение к революционной теории. Любимым выражением товарищей, проникнутых такого рода настроением, является утверждение: «одно дело—теория, а совсем другое—практика». Отказ от революционной теории в области практической политики неизбежно влечет на путь «ползучего эмпиризма», на путь преклонения перед стихийностью и отказа от последовательной революционной политики; головы товарищей, лишенных твердых устоев марксистского мировоззрения, готовы подпасть в любую минуту под влияние всякой последней теоретической моды. В наше время большого урожая на всякого рода упростителей и извратителей марксистской теории, теоретическая беззаботность составляет благоприятную почву для распространения теоретического ревизионизма. По этому вопросы марксисткой теории должны быть поставлены перед вниманием как партийного актива, так и перед широкими массами партии.

Теория и практика с точки зрения марксизма.

Одной из основных особенностей современного буржуазного мышления является противопоставление теории и практики. Единственно истинной и достойной человека деятельностью является деятельность теоретическая. На практике может иметь место одно, в теории совершенно другое. Теория не сростается с практикой, а проверяет сама себя, исходя из собственных оснований. Немецкий философ Г. Шульце, стоящий по дороге от Канта к Фихте, защищая скептицизм, сомневающийся в существовании внешнего мира и отрицающий возможность об'ективного познания, восстает против доводов, заимствованных из человеческой практики и опровергающих точку зрения скептицизма. Имея в виду такого рода доводы, Шульце говорит: «Подобные доводы годятся только для черни, ибо мой скептицизм не затрагивает жизненной практики, оставаясь в пределах философии».

Практика у большинства буржуазных мыслителей отделена от теории глубокой пропастью. Практика не переходит в теорию и не является питательным материалом для развития теории. Диалектический материализм враждебен подобного рода противопоставлению теории и практики. Восставая против дуализма теории и практики, он защищает точку зрения их единства.

Указания на единство теоретического и практического действия мы находим уже у Гегеля. Но Гегель, будучи идеалистом, не мог говорить о единстве живой, непосредственной, материальной человеческой практики с теорией, являющейся лишь отражением и выражением в человеческой голове материально-практического отношения общественного человека к природе. Как идеалист, он мог говорить только о единстве теоретической и практической идей. Но Гегелю принадлежит та заслуга, что в решении вопроса о возможности об'ективного человеческого познания, он отказался от пути абстрактного теоретизирования и логических спекуляций, заявив, что этот коренной вопрос всей теории познания может быть решен только на основе всемирно-исторической практики человечества.

Этот новый подход к решению о возможности об'ективного человеческого познания был воспринят от Гегеля уже Фейербахом. Маркс, а вслед за ним и Ленин основным критерием об'ективности нашего знания и правильности наших действий также признают практику, понимаемую материалистически в широком общественно-производственном смысле. Ленин пишет: «Что точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» [1]).

Диалектический материализм в противовес старому механическому материализму отвергает созерцательное и требует активного, практического отношения к миру. Мало мир об'яснять, его надо изменять. В отношении нашей общественной практической деятельности отсюда следует вывод: «материализм включает в себя... партийность, обязывает при всякой оценке событий прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [2]).

Итоги нашей деятельности всегда проверяются практикой. Все политические и тактические лозунги находят свою окончательную проверку только в практике.

Диалектический материализм, ставя общественную практику в основу человеческого познания, не растворяет теорию, науку в практике, а признает их диалектическое единство. Для того, чтобы изменять мир, чтобы с успехом развернуть свою общественную историческую деятельность, мы должны знать направления общественного развития, нам должна быть известна основная закономерность той общественно-экономической формации, над превращением которой в другую, высшую формацию, мы работаем.

Для практически-политического действия мало знать общую закономерность капиталистического общества. Нужно еще суметь разобраться в каждой, особой полосе исторического разви-

[1]) Ленин „Материализм и эмпириокритицизм“ стр. 159.
[2]) Ленин. Собр. сочинен. Том II, 65 стр.

тия,—суметь верно понять экономическое и политическое положение и правильно определить тактическое поведение партии. Для того, чтобы не оставаться на поверхности политических и общественных явлений, чтобы не принять внешней видимости за сущность явления, а раскрыть их внутреннюю закономерность, надо прекрасно владеть методом материалистической диалектики и уметь им исследовать текущую действительность. Одним словом, для того, чтобы иметь успех в революционной практической деятельности, надо твердо стоять на почве революционной марксисткой теории. «Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории» [1]).

Задачи тактики как Маркс, так и Ленин определяли в соответствии с посылками своего диалектически материалистического миросозерцания. О том, что, только пользуясь методом материалистической диалектики, мы можем наметить правильные тактические пути, свидетельствуют следующие слова Ленина: «Лишь об'ективный учет всей совокупности взаимоотношений, всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет об'ективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношения между ними и другими обществами, может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т.-е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение, в свою очередь, рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и при том не в пошлом понимании эволюционистов, видящих лишь медленное изменение, а диалектически: «двадцать лет равняются одному дню в великих исторических развитиях, писал Маркс Энгельсу, хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по двадцать лет». На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту об'ективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так наз. «мирного» развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении конечной цели движения данного класса и создания в нем способностей к практическим решениям великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по двадцать лет» [2]).

Мы привели эту длинную цитату потому, что она ясно показывает, как глубоко Ленин понимал связь постановки тактических вопросов с диалектическим материализмом. Эти требования диалектического материализма Ленин гениально осуществлял на практике, вырабатывая стратегию и тактику классовой борьбы пролетариата. Ленин насквозь диалектичен. Он—живое воплощение единства теории и практики. Он умел пользоваться диалектическим методом не только в общем теоретическом анализе, но и в повседневной практической работе. Всем известны знаменитые ленинские «перегибы палки». Выставляя какое-нибудь новое тактическое положение, выдвигая какую-нибудь новую важную задачу

[1]). Сборн. „Против течения“ Стр. 274.
[2]) Сб. „Теория и практика диалектического материализма“. Стр. 325—32.

в области строительства советского государства, Ленин всегда заострял, «перегибал» постановку вопроса. Это заострение об'ясняется тем, что Ленин, как диалектический материалист, понимал, что новая постановка вопроса не упадет в пустое пространство, а встретится и должна будет вступить в борьбу с противоположной, старой постановкой вопроса. Поэтому новую точку зрения надо снабдить некоей дополнительной энергией, направленной к преодолению старых настроений.

Ленин всегда подчеркивал огромное значение диалектического материализма, марксистской теории для революционной практической борьбы. Вслед за Энгельсом, он признает не две формы борьбы (экономическую и политическую), но на-ряду с ними выдвигает и третью форму—борьбу теоретическую. Ленин признает чрезвычайную важность защиты позиций ортодоксального марксизма. Он издевается над теми, кто бросается фразами «об окостенении мысли, о догматизме», и провозглашает лозунт свободы критики, означающей не замену одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуманной теории.

Роль партии и теория.

Важность и исключительное значение теории для партии выдвигается той ролью партии, которую она призвана играть в историческом развитии и в общей системе организаций рабочего класса.

Деятельность партии представляет собою сознательное выражение бессознательного исторического процесса. Партия является сознательным руководителем и организатором масс рабочего класса, стихийно поднимающихся на борьбу с капитализмом. Партия защищает общие интересы всего класса, она борется за осуществление всемирно-исторической задачи рабочего класса. Роль передового авангарда партия может играть только при том условии, если она вооружена передовой теорией, дающей ей возможность понять динамику общественного развития и уловить «главный интерес» своего класса на каждом новом этапе борьбы. В идеологии партии, в революционной теории находит сознательное выражение стихийной тенденции исторического развития, и рабочий класс в лице партии достигает своего самосознания. Только через партию рабочий класс существует не только «в себе», но и для «себя».

Синдикалисты, не понимающие роль партии, не понимают и важного значения революционной теории. Для синдикалистов естественной и основной формой организации рабочего класса является синдикат, строящийся на основе общности экономического положения. Партия же, как говорят синдикалисты, есть союз идеологический, в который входят не только рабочие, но и члены других классов. Поэтому основной организацией, по мнению синдикалистов, должен быть профессиональный союз, построенный на экономической предпосылке, а не партия, покоящаяся на общности идеологии. В такой постановке сказывается неправильное понимание природы идеологии. Идеология не падает с неба, а вырастает из определенного общественного бытия, появляется на основе определенной экономической предпосылки, связана с определенным общественным классом. Поэтому совершенно нелепо считать идеологию каким-то внеклассовым или межклассовым явлением. Революционная марксистская теория является ни чем иным, как

концентрированным выражением основных, исторических интересов рабочего класса. Этим сказано, что идеология не есть что-то постороннее, не связанное с революционной борьбой рабочего класса, а является активным и необходимым орудием в этой борьбе. «Определенное бытием мышление, в свою очередь, является силой, необходимой для дальнейшего развития бытия. И чем больше развивается бытие, чем выше та ступень, на которую оно поднимается в своем историческом движении, тем необходимее становится для его дальнейшего развития им же определяемое мышление. Особенно важной станет роль определяемого бытием мышления в эпоху перехода от капитализма к социализму» [1]). Поэтому правильное представление об общественном развитии, т.-е. революционная теория играет активную, важную роль в освободительной борьбе рабочего класса.

Всякое теоретическое извращение и «критика марксизма» неизбежно влекут за собой вредные практические политические последствия. Отказ от революционной теории ведет к тому, что партия сворачивает с пути революционной борьбы и уводит на путь «хвостизма». Без революционной марксистской теории, вместо последовательной коммунистической, существует лишь политика трэд-юнионистская.

Важность теории в настоящий момент.

Кроме разобранных выше причин, сейчас действует еще целый ряд особых причин, усиливающих важное значение революционной теории.

Новейшая историческая эпоха есть эпоха умирающего империалистического капитализма, своим крахом подводящего нас к периоду всемирной социалистической революции. Тот факт, что в историческом развитии обозначилась новая эпоха, должен был иметь сильное влияние на дальнейшее развитие марксистской теории. Основу для дальнейшего развития материализма составляют не только великие открытия, составляющие эпоху в естествознании, но «с тех пор, как стали рассматривать с материалистической точки зрения историю, здесь также прокладывается новый путь для развития» [2]). Новая историческая эпоха должна была быть об'яснена с точки зрения диалектического материализма. Но этого мало. Охватывая методом диалектического материализма новую эпоху всемирной истории, необходимо было, вместе с тем, выработать стратегию и тактику пролетарской революции, ибо в эту эпоху более, чем когда-либо недостаточно только об'яснять мир, а необходимо заняться его изменением.

Ленин отстоял и защитил метод диалектического материализма от извращений, порождавшихся глубоким кризисом современного естествознания и оппортунистической эпохой II Интернационала. Пользуясь методом диалектичского материализма, очищенным от извращений, типичных для теоретиков II Интернационала, Ленин создал последовательную марксистскую теорию и практику эпохи краха капитализма и социалистической революции. Это дальнейшее развитие марксизма, перерастание марксизма

[1]) Плеханов. „От обороны к нападению“ Стр. 347.
[2]) Энгельс. „Людвиг Фейрбах“ 15 стр.

в ленинизм, есть ни что иное, как диалектически-материалистическое выражение об'ективно-материального процесса перерастания одной исторической эпохи в другую.

Когда история начинает давать богатый питательный материал для развития революционной теории, вместе с тем, возникает и почва для всякого рода «упрощенства» и вульгаризации. Сколько, например, говорится и пишется вздора о ленинизме и соотношении ленинизма к марксизму. Некоторые думают, что ленинизм есть простое осуществление марксизма на практике. Такая постановка вопроса, противопоставляющая теорию практике, совпадает с настроениями наших «упразднителей теории». У нас существует целая группа товарищей, которая, под предлогом «педагогических новшеств», всеми силами старается растворить теорию в практике. Это ни что иное, как непонимание диалектического единства теории и практики. Уничтожив марксистскую теорию, им приходится хвататься за голые факты эмпирической действительности и отказаться от понимания внутренней закономерности явлений. Вместо раскрытия внутренней сущности явлений, они останавливаются на их внешней видимости [1]).

На Западе, где сейчас коммунистические партии проходят период обобщения и осознания революционного опыта 1918—19—20 г.г. и укрепления своих организационных основ, мы замечаем явления обратного порядка.

Понимание взаимоотношения теории и практики, которые мы находим у Лукача и Корша, выражается в растворении практики в теории. Лукач основной категорией диалектического метода считает единство теории и практики. Диалектика по Лукачу приложима только к общественной исторической действительности, но ни в коем случае не к природе.

Единство теории и практики понимается Лукачем в смысле гегелевского единства теоретического и практического, дающего абсолютную идею. Поэтому у Лукача получается уклон в сторону суб'ективизма, идеализма. Лукачизм есть философское выражение «левого» коммунизма. Это становится понятным, если статью тов. Лукача, написанную им в 1921 г. в № 6 журнала «Интернационал» (центр. орган германской компартии) на тему «Стихийность массы и активность партии», поставить в связь с его философскими взглядами. В этой статье тов. Лукач ставит вопрос об обосновании особой «наступательной тактики». Вопрос о стихийности и сознательности Лукач решает не диалектически, как это делает Ленин, а впадает в суб'ективизм. Для Лукача соотношение экономики и идеологии в эпоху краха капитализма принципиально отличается от их соотношения в период нормального капиталистического развития. В период краха капитализма мы, по мнению Лукача, начинаем делать прыжок из царства необходимости в царство свободы, в том смысле, что идеология начинает господствовать над экономикой. Стихийное массовое рабочее движение показало свою границу и оказалось неспособным свалить капитализм, и поэтому партия, независимо от этого движения, должна начинать революционное наступление. К этому в сущности сводится вся «теория наступательной тактики» Лукача, которая и получает философское обоснование в его философских построениях. Замена практики

[1]) См., напр., книгу Гожанского „Очерки политической экономии“.

теорией, отрыв закономерности развития самосознания рабочего класса от общей закономерности исторического развития, что имеет место у Лукача, является суб'ективистским философским основанием, суб'ективистской тактики «левого ребячества».»

С подобного рода теоретическим ревизионизмом, возникающим из неверного обобщения и осмысливания революционного опыта рабочего движения, необходимо повести самую решительную борьбу, иначе он может причинить много практического вреда. Вместе с тем, надо подойти к последовательному обобщению этого практического опыта с точки зрения ортодоксального марксизма-ленинизма. Это ставит перед нашей партией, как авангардом Коммунистического Интернационала, трудные и большие теоретические задачи. Вопросы теории получают особенное значение для нашей партии еще потому, что беззаботность в теории к непониманию общих тенденций нашего развития, к утрате перспективы. Копание в голых эмпирических фактах, не освещаемых светом марксистской теории, дает основу для того, чтобы поскользнуться в своей практической работе и покатиться в сторону классового врага.

Борьба с теорией, растворение ее в стихийности практики, в наших условиях имеет только один социально-классовый смысл: содействие внедрения в наши ряды мелко-буржуазной и буржуазной идеологии. Только диалектическое единство «практической теории» и «теоретической практики» дает возможность предвидеть все изгибы и повороты на пути нашего движения к коммунизму и предохраняет нас от опасностей идеологического перерождения.

Вооружить партийный актив методом Маркса и Ленина, возбудить активность коллективной теоретической мысли—это важная практическая задача, которую партия поставила перед собою и которую мы во что бы то ни стало должны решить достаточно энергично и решительно.

А. Панкратова.

Проблема профдвижения в Германии.

«Мировое Шумахерство» и трудности борьбы за единство в разных странах.

В ряде этапов, пройденных Профинтерном в борьбе за единство (Гаагский конгресс, Берлинская, Франкфуртская, Эссенская конференции и другие международные выступления Профинтерна за единый фронт), встречалось не мало трудностей и принципиальных возражений не только справа, но и слева. Оппозиция, в виде так называемого, «международного шумахерства» (по имени недавно исключенного из германской компартии руководителя профсоюзной оппозиции в Германии — Шумахера), определилась не только ко времени последних конгрессов Коминтерна и Профинтерна. Она имеет свою давнюю и достаточно поучительную историю и свои глубокие корни в прошлом и настоящем профдвижении каждой страны, потому что основные трудности при разрешении проблемы единства в каждой отдельной стране как раз и заключаются в чрезвычайном разнообразии, пестроте и сложности мирового профессионального движения, обусловленных, в свою очередь, глубоким различием социально-экономического развития каждой страны.

Во всем об'еме проблема единства в отдельных странах не может быть нами поставлена в рамках настоящей статьи.

Мы попытаемся лишь в самых общих чертах проследить, как развивалась и какие результаты дала борьба за единство, и как относятся к этой борьбе коммунисты и реформисты в таких, с точки зрения прошлой тактики и будущих перспектив, наиболее интересных и решающих странах, как Германия, Франция и Англия.

Германия.

В Германии общая линия борьбы за единство встречала и до сих пор встречает наибольшие возражения и отклонения. Проблема единства профдвижения осложняется не только упорным сопротивлением немецких амстердамцев, но и сильной оппозицией со стороны революционного крыла.

К сущности принципиальных и фактических разногласий мы подойдем дальше. Сейчас попытаемся проанализировать соотношение сил организованной буржуазии и пролетариата, а затем учесть

силы реформистов и революционных рабочих, для того, чтобы убедиться, нужна ли в Германии и какие результаты дает тактика единого боевого пролетарского фронта.

Наступление капитала в Германии отмечается особенной остротой.

Мощь об'единенного капитала, — и количественная, и качественная, — очень велика. Все предприниматели об'единены в союзы, и все союзы входят в об'единения союзов. Таких центральных предпринимательских организаций в Германии имеется две: существующий с 1919 г. «Союз Германской Индустрии» и «Об'единение германских союзов работодателей». Последнее охватывает 100 тысяч предприятий с 8 мил. рабочих, первый является политическим диктатором Германии.

Этой мощи ц е л и к о м организованного и сплоченного крепкой внутренней дисциплиной капитала германский пролетариат противопоставляет очень немного. Сильно возросшие в числе членов в первые годы после войны и революции профсоюзы, с 1922 г., со времени наиболее горького разочарования масс в политике и силе профсоюзов, опять сильно понизились.

К концу 1922 года в Германии насчитывалось 18 мил. рабочих и служащих и около 3 мил. государственных муниципализованных чиновников. Из этого числа 13½ мил. было организовано в профсоюзы и распределялось между ними таким образом:

А. Л. Г. Б. *) — 8 мил. рабочих, 600.000 служащих и 350.000 чиновников. Гирш — Дункеровские союзы — 250.000 рабочих, 3 мил. служащих и 150.000 чиновников. Христианские и национальные союзы — 1 мил. рабочих, 500.000 служащих и 400.000 чиновников. Остальные желтые — 25.000 рабочих, 50.000 служащих и 6.000 чиновников. Синдикалистские — около 250.000 рабочих. Самостоятельные революционные — 190.000 рабочих. Самостоятельные нереволюционные (стоящие вне об'единений) — 200.000 служащих и 1 мил. чиновников (в том числе Всегерманский союз чиновников).

К началу 1924 года немецкий пролетариат мог противопоставить организованному капиталу еще более уменьшившиеся и дезорганизованные силы.

Официальный отчет Профинтерна за 1923—1924 г. констатировал, что к 1924 году в производстве осталось едва 13—14 мил., вместо 21 мил. в период 1919—1921 г.г.; количество же профессионально-организованных снизилось с 13½ мил. до 7 мил.; в том числе в «свободных» союзах осталось до 5 мил. рабочих, 400.000 служащих и не более 250.000 чиновников. В таком же соответствии потеряли своих членов и самостоятельные (нереволюционные) союзы. Христианские союзы понесли меньшие потери, а национальные даже местами усилились. Кроме того, создались новые, чисто фашистские, союзы. Если учесть, что все эти Гирш-Дункеровские, христианские и прочие желтые союзы в огромной мере находятся под непосредственным, а иногда почти исключительным влиянием и руководством капитала, то отсюда ясно, каким безоружным, сравнительно с мощно организованным капиталом, должен был предстать немецкий пролетариат перед лицом наступающего капитала.

*) От немецкого названия „Allgemeiner Deutscher Gewerkschafts-Bund". „Всеобщее Германское об'единение профсоюзов"—всегерманский центр т. н. „Свободных" профсоюзов.

Наступление капитала, усилившееся после октябрьского поражения германского пролетариата в октябре 1923 года, чрезвычайно тяжело отразилось на экономическом и правовом положении рабочего класса, еще более ослабив его силы.

Стинесовская «рабочая программа», после поражения осенью 1923 г., при содействии реформистских союзов, осуществилась на все 100%.

Заработная плата резко снизилась, достигая для наиболее хорошо оплачиваемых категорий, в лучшем случае, 60—65% довоенной. В месяцы финансовой катастрофы, осенью 1923 г., она достигла, в среднем, едва 25%, кроме того, заработок немецких рабочих понижается значительной дороговизной и налоговыми обложениями (10% заработной платы — госуд. налог, 7% — в больничную кассу, 7% — на социальное обеспечение, 1½% — на безработных, итого 25,5%, не считая взносов в профсоюзы). На понижение заработной платы оказала давление и все усиливающаяся безработица.

К началу декабря 1923 г. число пользовавшихся пособием безработных и полубезработных достигло 6 мил., в начале 1924 г. оно сократилось почти на половину.

Под угрозой закрытия предприятий, предпринимателям удалось почти повсюду отменить 8-часовой рабочий день. Как правило, прежняя 48-часовая рабочая неделя почти во всех отраслях производства заменена, в среднем, 60-часовой. Одновременно наступление капитала отразилось и на правовых, и политических завоеваниях рабочих: на ухудшении социального законодательства, в особенности на законах о социальном страховании, на сокращении прав фабзавкомов, на обессиливании рабочих рядов и их организаций, путем массовых увольнений, арестов и т. п.

И едва ли не главным фактором, ослабляющим сопротивление пролетариата наступающему капиталу, являлось то, что его органы борьбы — профсоюзы, руководимые реформистами, все больше перестают быть ими, из боевых пролетарских организаций превращаются в послушное оружие в руках буржуазии.

Фабзавкомы в борьбе за единый фронт в профдвижении.

Руководимая коммунистами оппозиция против реформистской линии профсоюзной бюрократии нашла свою организационную базу в лице созданной ноябрьской революцией новой производственной организации — фабзавкомов (вернее фабрично-заводских советов — Betriebsräte).

Стремлению определить роль и задачи новых организаций, в духе «делового сотрудничества» с капиталом, т.-е. роль охранителей интересов капиталистического хозяйства со стороны реформистских верхов, коммунисты противопоставили фабзавкомы, как новые органы пролетариата, созданные для революционных задач и экономической и политической борьбы пролетариата.

Борьба вокруг фабзавкомов и за влияние в них вскоре приняла самые серьезные размеры.

Движение фабзавкомов, особенно в связи с экономическим кризисом и наступлением капитала, приняло явно революционный характер. Влияние коммунистов в фабзавкомах росло. Фабзавкомы

вступили в решительную борьбу с профсоюзной бюрократией, добиваясь, вопреки им, установления единого фронта снизу, об'единяя для борьбы с капиталом и фашистами широкие массы, в том числе социал-демократические и профсоюзные, вокруг не только фабзавкомов, но и вокруг созданных ими контрольных комиссий и пролетарских сотен. Всегерманский конгресс фабзавкомов, состоявшийся после упорной борьбы с профсоюзной бюрократией, не желавшей допускать организации оппозиционных сил, в Берлине 23 ноября 1922 года, является одним из ярких моментов борьбы за единство.

Таким образом, давние и систематические измены реформистской профсоюзной бюрократии и ее раскольническая тактика в профсоюзах вызвали в рабочем классе Германии сильную оппозицию, получившую свое оформление и руководство после некоторых колебаний и отклонений в лице Германской коммунистической партии.

Деятельность и силы революционной оппозиции развернулись в трех направлениях:

а) в стремлении овладеть движением фабзавкомов;

б) в усилении влияния оппозиции внутри профсоюзов, с целью их революционизирования и завоевания, и

в) в создании и руководстве работой самостоятельных революционных профессиональных об'единений.

Фабзавкомы, как организации низовые и непосредственно отражающие настроение рабочих масс, гораздо легче поддавались революционизированию, и влияние в них коммунистов стало возрастать гораздо быстрее и ощутительнее, чем в профсоюзах.

Вот несколько характерных иллюстраций, рисующих успехи оппозиции в начале 1923 года. На выборах фабзавкомов в концерне Сименса, в Берлине, получили:

оппозиция — 56 мест (в прошлом году — 32);
об'ед. с.-д. — 46 мест (в пр. году — 64);
желтые и христианские союзы — 2 (вмесот 3).

В заводах «Адлер»:
оппозиция — 10 мест (вместо 8);
об'ед. с.-д. потеряли 3 места.

Предприятия акц. общества «Лоренс»:
оппозиция — 10 (вместо 5);
об'ед. с.-д. — 3 (вместо 7).

В фабзавкомы предприятий Круппа прошли 62 ком., из об'ед. с.-д. 11 синдик., 2 униониста и 18 беспартийных.

В 1923 году в общей сложности до 5.000 крупных завкомов были почти целиком завоеваны оппозицией.

В 1924 году во время выборов в фабзавкомы (март—май) результаты получились еще более благоприятные для оппозиции, тем более, что выборы проводились в период самого ожесточенного наступления капитала после осеннего поражения пролетариата в 1923 году.

Центральный совет революционных фабзавкомов из 1.000 предприятий, имеющих свыше 1.000 рабочих (а всего предприятий

в Германии имеется до 300.000), сумел охватить в своем отчете лишь 358 крупнейших заводов, 146 шахт и 6 заводов в Руре и все шахты в Саксонском угольном районе — Эльзниц-Люгау, в общей сложности 3,110 членов фабзавкомов. Они распределяются следующим образом:

Компарти и революц. оппозиция получила	1.629 гол.
Социал-демократия	802 »
Группа Гаммера в Унионе	74 »
Христианские профсоюзы	336 »
Польские	21 »
Синдикалисты	77 »
Гирш-Дункеровские	28 »
Неорганизованные	3 »
Желтые профсоюзы	3 »
Фашистский Веркбунд	1 »
Фашистские националистические	5 »
Беспартийные (сочувств. компартии)	132 »
Демократы	2 »

Особенно благоприятными оказались результаты выборов в Рурском районе, где из 1.149 членов фабзавкомов насчитывается 600 коммунистов. При чем самый крупный успех имел Унион, выступавший самостоятельно в Рурском, Саксонском и Силезском угольных районах.

Этот успех был бы гораздо значительнее, если бы не реформистский и предпринимательский нажим на революционных рабочих, исключаемых из профсоюозв и выбрасываемых из предприятий, как только они выставлялись в списках оппозиции. Фабзавкомы в течение 1922—1923 г.г., освободившиеся в значительной степени от влияния реформистских профсоюзов, все больше становились в центре движения, оттесняя профсоюзы. Но целиком завоевать фабзавкомы оппозиции далеко еще не удалось. Кроме того, компартия Германии, в частности ее прежний руководящий центр, не учли и не использовали в достаточной мере своего влияния в фабзавкомах и не развили в них соответствующей революционной работы. В решающих и важнейших отраслях промышленности фабзавкомы пока в большинстве реформистские. Их еще компартии предстоит завоевать.

Но как ни велико было значение фабзавкомов и сила коммунистического влияния в них, все же они не могли и не могут заменить профсоюзов.

Центром тяжести работы компартии попрежнему остается работа внутри свободных профсоюзов. И лишь по мере укрепления коммунистических позиций внутри профсоюзов возможно их завоевание.

Каковы же силы оппозиции внутри реформистских союзов?

Их можно учесть по результатам выборов в правления и другие руководящие органы профсоюзов и по выступлениям оппозиции на с'ездах и конференциях. И здесь, как при выборах в фабзавкомы, мы не имеем вполне точных статистических данных. Но сведения, представляемые профсоюзной прессой, все же дают нам представление о соотношении сил внутри свободных профсоюзов. Наиболее

сильное влияние имеет оппозиция в союзах: металлистов — около 200.000 членов, транспортников — около 200.000 членов, железнодорожников — около 150.000 членов, деревообделочников — около 150.000 членов, строителей — около 70.000 и т. д. Количество всех сторонников оппозиции в 1919 году на конгрессе в Нюренберге определялось в несколько сот тысяч человек, в 1922 г. на конгрессе в Лейпциге — 1½ мил., а в июне 1923 г. — 2½ мил. По данным 3 сессии Центрального Совета Профинтерна (25 июня — 2 июля 1923 г.), во всех свободных профсоюзах к этому времени имелось 2.688 коммунист. фракций и 2½ мил. членов, об'единяемых А. Д. Г. Б., которые находились не только под влиянием, но и общим руководством компартии. В 494 местных отделениях союзов коммунисты имеют большинство, в 731 отделении силы коммунистов или находятся в меньшинстве, или вовсе не имеют своих представителей.

Наибольшего влияния коммунисты достигли внутри свободных союзов ко времени Веймарской конференции 25 ноября 1923 года, на которой из общего числа 1.138 картелей было представлено свыше 200 картелей с коммунистическим большинством; на самом деле, их было в это время больше, но многие по финансовым и другим причинам не могли прибыть на конференцию.

Однако, в 1924 году положение изменилось в сторону ухудшения.

Начавшееся массовое бегство из профсоюзов, быстрое сокращение средств и аппаратов союзов, с одной стороны, и усилившаяся раскольническая тактика реформистов, исключивших за это время гораздо большее число членов и целых профорганизаций, чем во все предшествующие годы, с другой стороны,—привели к сильной дезорганизации профсоюзов, вообще, и рядов оппозиции, в частности.

Количественное влияние оппозиции, достигавшее в период наибольшего под'ема, осенью 1923 года, 3 мил., в 1924 году уменьшилось почти вдвое, главным образом, потому, что германская компартия на 50%—60% в настоящее время состоит из рабочих, выброшенных из производства и из профсоюзов.

Это об'ективное положение германской компартии, загнанной сначала в подполье, а сейчас существующей в полулегальных условиях, конечно, должно было отразиться и на результатах выборов в правления союзов и выборов делегатов на с'езды профсоюзов, происшедшие за это время. И все же эти результаты являются весьма показательными для усиления роста оппозиции, несмотря на крайне неблагоприятную общую обстановку.

Так, на с'езде германского союза металлистов, состоявшемся в Касселе в феврале 1924 года, несмотря на всяческие предвыборные ухищрения реформистов, присутствовало 400 делегатов, из которых 145 принадлежали к оппозиции, а 250 делегатов — к реформистам, при чем около 100 из них отнесли себя к «левым», сторонникам Диссмана.

По сравнению с прошлым с'ездом, число сторонников оппозиции увеличилось (с 15% до 35%), несмотря на то, что число членов союза во время кризиса, в конце 1923 г., уменьшилось с 1½ мил. до 1 мил. человек, и что, по заявлению Диссмана (в «Betriebsräte-Leitschrigit», февраль 1924 г.), около 25% членов союза совершенно безработные и 50%—работают не полное время. Точно так же можно

отметить рост влияния оппозиции и у текстильщиков. Этот союз — самый крупный после союза металлистов — пережил еще более тяжелый кризис. В начале 1923 года он насчитывал 700.000 членов, в сентябре 1924 года — 540.000, в начале 1924 г. — не более 250.000.

Организационное влияние оппозиции в начале 1924 года выражалось в следующих цифрах: из 350 местных отделений союза текстильщиков оппозиция имела в 220 свои фракции, в 50—60 правлениях местных отделений оппозиция находилась в большинстве, а 25 местных отделений и их правления были целиком в руках коммунистов. Но перед с'ездом (16—18 апреля 1924 года) целый ряд местных коммунистических отделений союза был исключен, большое количество мандатов оппозиции аннулировано, и в результате из 119 оппозиционных делегатов (30% всех делегатов) на с'езд было допущено только 54.

На с'езде союза горняков (16—19 июня 1924 года) выяснилось, что из 467.000 членов в 1921 г. на 1 апреля 1924 г. осталось 250.000. Они были представлены 146 делегатами, из которых около 40 делегатов (25—30%) примыкали к оппозиции.

Приблизительно с аналогичной картиной мы знакомимся и по данным других с'ездов крупных союзов *).

Всей работой оппозиции руководит созданный при Ц. К. Германской компартии профессиональный центр, подразделявшийся на 14 производственных секций, называвшихся после Веймарской конференции «комитетами спасения профсоюзов», а после января 1924 года — «комитетами защиты профсоюзного единства»; таким образом, в противовес обвинениям в раскольничестве со стороны амстердамцев, оппозиция определенно стала под знаменем единства профдвижения. Такую же роль взяли на себя фракции оппозиции и в межсоюзных местных об'единениях, так называемые «красные картели».

Силы оппозиции в самостоятельных революционных союзах.

Самый значительный из оппозиционных профсоюзов — Унион — работников физического и умственного труда, насчитывал в сентябре 1922 года 140.000 членов, при чем ядро его сил (80—100 тысяч) составляют, преимущественно, рурские горняки. Его влияние весьма сильно в Рурской области (там Унион сильнее реформистов) и значительно слабее в Силезии и Саксонии, где с 1923 года стали усиливаться самостоятельные синдикалистские организации.

В Унионе насчитывается 10—20% коммунистов, но фракции там не создавалось, пока Франкфуртский с'езд компартии, в апреле 1924 года, не постановил создать комфракцию в Унионе. Силы Униона ослаблялись также и постоянной внутренней борьбой, которая является следствием синдикалистски настроенной части членов Униона, не желавшей признавать руководства компартии и Профинтерна. В феврале 1924 года произошел в Унионе раскол, при чем большинство (80—85%) пошло за Профинтерном (Бохумский Унион).

*) Все цифровые сведения нами взяты из архива Профинтерна и из его информационных бюллетеней: „Межд. Раб. Движ.“ №№ 11, 18 – 19, 24 – 25, за 1924 г.

Значительным влиянием (особенно в Гамбурге) пользуется оппозиционный союз моряков (Шиффартсбунд), насчитывающий до 20.000 членов, затем союз исключенных строителей (главным образом в Хемнице, где он имеет около 20.000 членов), производственный союз химиков, возникший в декабре 1924 года в результате раскольнической политики амстердамцев, и насчитывающий теперь до 15.000 член., свободный союз железнодорожников, образовавшийся из нескольких оппозиционных отделов реформистского союза железнодорожников в начале 1923 года и имеющий также до 15.000 членов, союз работников земли и леса, создавшийся также в начале 1923 г. из исключенных реформистами членов союза сел.-хоз. рабочих, об'единившихся с батрацкой секцией Униона, наконец, небольшие местные союзы, создавшиеся б. ч. в результате их исключений реформистами в Лимбахе и Губене (текстильщики), в Гамбурге (портовые рабочие), в Берлине (переплетчики, портные и т. п.). В каждом из них насчитывается не свыше нескольких тысяч, к ним нужно присоединить также и исключенные картели (Ремшейд, Золинген, Эссен и др.).

Но в общем силы всех этих самостоятельных революционных профсоюзов не велики; создаются они, главным образом, для того, чтобы легче было организованным порядком вести борьбу за обратное вступление исключенных в общие профсоюзы.

Разногласия в Германской компартии по вопросу о тактике в профсоюзах.

а) Тактические разногласия в компартии до Лейбцигского конгресса.

Разногласия по вопросу о тактике в профсоюзах, существовавшие в рядах компартии с первых месяцев революции, в большой степени способствовали ослаблению и без того количественно и организационно довольно слабых профсоюзных революционных сил.

Постановление майского (1922 г.) пленума ЦК К. П. Г. от обязанности всех членов партии оставаться и работать в профсоюзах в духе решений Профинтерна и Иенского партейтага Германской компартии, встретило довольно серьезную оппозицию в лице, так называемого, «левого крыла» и особенно работников Униона.

Вопрос о «завоевании профсоюзов» встречает, прежде всего, принципиальное возражение, основанное на сомнении «завоевать» и «революционизировать» старые союзы без революции, в процессе обычной борьбы против реформистов и повседневного маленького дела. Оппозиция выдвигает свой план разрушения старых и создания подлинно-революционных производственных союзов, об'единяющих пока только революционно настроенных рабочих*).

Однако, конференция, а затем и состоявшийся расширенный пленум ЦК К. П. Г. (15—16 октября 1922 года) приняли резолюцию, в которой констатировалось:

1) правильность прежней тактики в отношении завоевания профсоюзов и необходимость ее решительного продолжения;

**) Дискуссию по этому поводу см. „R. F.“ № 251 от 1/IV и № 261, от 8/VI 1922 г.

2) необходимость углубления политической работы в союзах, в духе постановлений Иенского партийного с'езда;

3) необходимость борьбы с течением, высказывающимся за разрушение старых и организацию новых союзов и т. п. мнений, вырастающем на почве недовольства методами амстердамцев, а также из-за революционного нетерпения и недовольства медленным развитием работы компартии в профсоюзах *).

б) Веймарская конференция.

Отвращение масс к профсоюзам, оказавшимся бессильными перед лицом хозяйственной катастрофы и перед усилившимся наступлением капитала, повело к массовому бегству из профсоюзов и к их полному разрушению.

Под лозунгом «спасайте профсоюзы», Германская компартия созвала в декабре 1923 года Веймарскую конференцию, на которой, благодаря работе компартии в профсоюзах, присутствовало 271 делегат, хотя в это время чисто коммунистических картелей было не более 60.

Веймарская конференция в принципе решила сохранить прежнюю тактическую линию — «спасения профсоюзов» и «единства профдвижения». Но одновременно, под напором яркой оппозиции против профсоюзов, конференция приняла ряд практических предложений, направленных к радикальному преобразованию профсоюзов и выдвижению и укреплению фабзавкомов, в качестве основы революционного, перестроенного по производственному принципу, профдвижения.

Но даже это постановление Веймарской конференции не встретило полного сочувствия в «левой» части компартии, считающей, что профсоюзы, как они есть, гибнут, и что оставаться в них бесцельно. Тенденция создания новых революционных союзов усилилась. Намеченная Веймарской конференцией практическая программа наткнулась на сильное противодействие и почти не проводилась в жизнь.

в) Московская конференция в январе 1924 г.

Разногласия по вопросу о профсоюзах в Германской компартии достигли такой остроты, что Коминтерн и Профинтерн должны были вмешаться и созвать в январе 1924 года, в Москве, конференцию Германской компартии для пересмотра вопроса о тактике в профсоюзах. Конференция нашла некоторый средний путь, отказавшись от лозунга «спасения профсоюзов», но настаивая на сохранении лозунга «борьбы за единство» и против раскольнической политики амстердамцев. После конференции руководящий центр К. П. Г. дал общую директиву в этом направлении, указав, что лучшим средством завоевания профсоюзов является активное участие коммунистов в жизни профсоюзов, с целью превращения их в органы борьбы. Что же касается наиболее острого пункта разногласий — о роли и взаимоотношениях фабзавкомов и профсоюзов, то руководящее положение было таково: фабзавкомы должны стать фундаментом революционных производственных союзов, но не могут и не должны заменять собою профсоюзы. Если бы на фабзавкомы сейчас переложить обязанности профсоюзов, это означало бы

*) „Rote Fahne“ 10/X и 19/X 1922 г.

создание новых союзов и только усилило бы реформистов, ибо новые союзы в настоящее время оказались бы бессильными улучшить положение рабочего класса.

г) Оппозиция в компартии до Франкфуртского партейтага.

Однако, сомнения в возможности завоевания союзов не исчезли и после январской конференции.

Резолюция «левых» о профсоюзах была принята на ряде заседаний окружных комитетов и конференций.

И только на Франкфуртском партейтаге и на последующей затем конференции профработников-коммунистов (в апреле 1924 г.) удалось провести решения, обязывающие членов партии не выходить из профсоюзов и не допускать личной политики, учитывая, что борьба за единство — в период усилившейся реакции — является политической и исторической необходимостью.

Что касается вопроса о рабочем конгрессе, то Франкфуртский партейтаг наметил его основной задачей—сохранение единства и сплочения революционного профдвижения, а самый срок созыва конгресса отодвинул до июня.

Лозунги оппозиции в отношении рабочего конгресса определяли его задачи более широко:

— «Рабочий конгресс должен продолжить и последовательно развернуть все то, что начал всеобщий конгресс фабзавкомов еще в конце 1922 года. Его задача—это организация настоящего движения рабочих советов. Он должен вернуть рабочее движение Германии к лозунгам ноябрьского переворота, к лозунгам января 1919 года, — «Вся власть советам».

Но удалось созвать только два окружных рабочих конгресса: 25 мая — окружный конгресс Берлина—Бранденбурга, 1 июня — в Хемнице — окружной конгресс Саксонии.

Однако, решения конгрессов, вследствие их слабой, подготовки, большого практического значения не имели, а созыв Всегерманского рабочего конгресса пришлось отсрочить на более долгий срок.

На июньском конгрессе Коминтерна и июльском конгрессе Профинтерна тактика борьбы за единство вызвала противодействие, особенно сильное со стороны немецкой делегации, «левое крыло» которой, защищавшее крайнюю позицию создания новых профсоюзов, возглавлялось Шумахером.

Постановлениями конгрессов, шумахеровская тактика была решительно осуждена. Но даже после таких категорических решений конгрессов тактическая линия Коминтерна в Германии была усвоена не сразу. И пленум ЦК Германской компартии, состоявшийся 20 июля, принял по поводу V конгресса Коминтерна в вопросе о профсоюзах довольно неясную и двусмысленную резолюцию, гласившую, с одной стороны, о том, что германская компартия целиком принимает и приветствует решения конгресса о профсоюзах, а, с другой, — одобряя в принципе поведение своей делегации и об'ясняя ее сомнения и предостережения на конгрессе, — «раз'яснявшую», как сам ЦК К. П. Г. понимает решения конгресса Коминтерна при проведении их на практике.

Резолюция подчеркивала, что «все стремления, явные и тайные, которые ведут к ликвидации Профинтерна, ЦК решительно отвергает», и что соглашение с амстердамцами возможно только на почве принятия ими революционной программы Профинтерна *).

Однако, под руководством исполнительных органов Коминтерна и Профинтерна, линия Германской компартии в вопросе о борьбе за единство профдвижения за самое последнее время снова выпрямилась, доказательством чего является исключение из рядов компартии наиболее непримиримых «шумахеровцев», во главе с самим Шумахером, продолжавшим свою агитацию против решений конгрессов Коминтерна и Профинтерна по вопросу о единстве профдвижения.

С ожесточением и упорством реформисты противодействовали всякой попытке установления единого фронта с коммунистами. Когда последние выдвинули лозунг «единый фронт снизу», амстердамцы ответили сильнейшей кампанией исключений, расколом целых организаций и т. п. репрессиями.

АДГБ и целый ряд картелей вынесли постановления, призывающие всех членов и все органы АДГБ к твердому и решительному противодействию против всякой коммунистической работы внутри профсоюзов. Принадлежность к Профинтерну ведет к исключению из профсоюзов. Все общегерманские с'езды реформистских профсоюзов в течение 1923—1924 г.г. прошли под этим знаком раскола.

Решение Коминтерна и Профинтерна о единстве профдвижения было амстердамцами провозглашено, как «банкротство московской профсоюзной политики», с одной стороны, и как замаскированная новая попытка разбить профдвижение. Но в противоположность вождям, встретившим тактику единого фронта в профдвижении с прежним отпором, широкие профсоюзные массы Германии встретили решения конгрессов Коминтерна и Профинтерна весьма сочувственно. Кампания за единство в Германии, конечно, встречает и встретит еще очень большие трудности и препятствия, может быть даже бо́льшие, чем где-либо в другой стране. Но два основных фактора, определяющих успех кампании: готовность к ее проведению и понимание ее исторического значения, со стороны компартии, а также сочувствие и содействие широких партийных и беспартийных рабочих масс, — уже в Германии имеются налицо. А именно они-то и заставляют считать перспективы борьбы за единство профдвижения в Германии в настоящее время достаточно благоприятными.

---

*) „Rote Fahne“ № 75, 22 июля 1924 г.

М. Рубинштейн.

„Колонизация“ Европы американским капиталом.

(Итоги лондонской конференции)

Неумолимые законы капиталистического развития в его империалистический и монополистический период толкают концентрированный капитал за пределы национальных рамок, к демпингу (бросковому экспорту) и займам, колониальным авантюрам и подготовке войн. Мощный концентрированный капитал Соединенных Штатов не мог быть в этом отношении исключением. В 1917 г. интересы американских трестов толкнули Америку к вмешательству в европейскую войну. В поставку союзникам военного снаряжения, в займы и кредиты были вложены слишком большие капиталы, чтобы Морган и Рокфеллер могли примириться с угрозой потери дивидендов в случае победы Германии. Они решили «спасать» Европу, благо это спасение стоило довольно дешево, вернее, даже само по себе приносило новые прибыли. По мановению руки финансового капитала был пущен в ход гигантский аппарат воздействия на массы. Тысячи американских Джимми Хиггинсов одели винтовки и отправились «спасать цивилизацию от гуннов».

Наиболее видная роль во вмешательстве Америки в европейскую бойню принадлежала Рокфеллеру... В одном из самых критических моментов войны, в конце 1917 г. и начале 1918 г. Стандарт-Ойль предоставил Франции свои огромные запасы нефти, с помощью которых маршал Фош стремительными автомобильными переброскам целых дивизий отбил атаки немцев. Как заявил Керзон тотчас после перемирия, «союзники пришли к победе на волнах нефти», притекавшей из источников Рокфеллера, разумеется, не из-за его бескорыстной любви к прекрасной Франции. Мировая роль его треста в результате войны значительно выросла. Но в то же время и Морган, сосредоточивший значительную долю военных поставок и займов союзникам (в том числе и русскому царю) вышел из войны с новыми огромными богатствами.

После войны и Версальского договора крупный американский капитал временно несколько отдалился от европейских интересов, как бы переваривая внутри страны грандиозные военные прибыли. Капиталистическое развитие шло за счет внутреннего рынка и похода капиталов в Среднюю и Южную Америку, отчасти в Восточную Азию. Большинство стран Центральной Америки стали фактической колонией Соединенных Штатов, держащих на откупу президентов и министров, назначающих чиновников, держащих в своих руках железные дороги, пошлины, государственные банки.

Но это «воздержание» Соединенных Штатов от империалистической политики в Европе было только кажущимся. Все время

шло накопление интересов крупных американских трестов и финансовых групп во всех уголках мира, европейские долги властно напоминали о процентах. И когда внутри страны начал все более обозначаться кризис, в частности все более углублявшийся и затяжной кризис сельского хозяйства, сокращавший емкость внутреннего рынка, иностранные интересы финансового капитала и трестов выступили на передний план. И вот концентрированный американский капитал вновь вышел на большую дорогу колонизации Европы еще с большим размахом и мощью, чем во время войны.

Морган и Рокфеллер, с Америкой у их ног, делают на этот раз попытку создать капиталистический интернационал под своим руководством. Они снова готовы финансировать европейских капиталистов для борьбы с подымающим голову рабочим движением, для «научного» повышения эксплоатации европейских рабочих масс и нового передела прибылей.

Снова, как в 1917 г., европейская мелкая буржуазия, вкупе с реформистской рабочей аристократией и бюрократией, приветствуют американских «спасителей». Реформистская пресса всех стран и в первую очередь германская, захлебывается от лакейских восторгов, приветствуя нового хозяина, несущего «новую эпоху длительного мира и всеобщего хозяйственного процветания».

В Америке снова пускается в ход мощный аппарат воздействия на «общественное мнение», чтобы призвать широкие слои еще раз спасать Европу, пока еще не винтовками, а подпиской на облигации германского займа.

В Европе этот аппарат заменяют II и Амстердамский Интернационалы, на роли которых мы остановимся в дальнейшем.

В Европу опять польются американские доллары (выкаченные оттуда же во время войны), а затем, как полагается, в случае какой либо опасности процентам и дивидендам, за ними пойдут и солдаты.

Несколько переменились фигуры капиталистической трагикомедии. Первое место занял вместо Рокфеллера Морган. Переменились подставные куклы финансового капитала — вместо Пуанкаре — сладкоречивый Эррио. Императорская тога Ллойд-Джорджа очутилась на Макдональде. Но классовое содержание гигантской империалистической авантюры осталось то же.

Присмотримся к отдельным персонажам Лондонской конференции — долженствующей к десятилетию после начала войны принести, наконец, народам «мир и благоденствие» путем нового издания Версальского договора.

На лондонской конференции с небывалой ясностью проявилась одна из особенностей современного капитализма — безраздельное подчинение государственных аппаратов — королей, президентов, правительств — концентрированному финансовому капиталу. Все официальные участники конференции были как бы конторскими мальчишками на побегушках у финансовых королей. Официальные заседания были простой комедией для отвода глаз, так как вопросы решались не на них, а в гостинницах американских банкиров, приехавших в Европу для охоты за куропатками в Шотландии.

Хозяином конференции была, разумеется, американская делегация — представители Моргана и Рокфеллера, для которых министры европейских государств были только агентами должников, вымаливающих новые кредиты. 15—20 миллиардов долларов, которые Европа должна Америке, были тем весом, который делал американских банкиров повелителями гордой Антанты, несмотря на то, что формально они в конференции не участвовали.

Официальным агентом Моргана был Келлог — один из тех адвокатов Волстрит, которые представляют тресты на всех правительственных постах Соединенных Штатов. Он был фактическим послом Моргана в Англии для связи Волстрит с Сити и, несмотря на свое полное безличие, оказался пригодной для официальных ролей марионеткой.

Другой представитель Моргана — Оуен Ионг — назначен теперь «генеральным агентом по репарациям» с огромными полномочиями, данными ему лондонской конференцией и превращающими его как бы в директора «акционерного о-ва Германия». Он был последние годы председателем General Electric C° — моргановского электрического треста, стоящего во главе связанных в международном масштабе электрических обществ, разделивших весь мир на сферы влияния. Его германским разветвлением является известная Вс. Комп. Электр. (A. E. G.) и Ионг является поэтому старым сстоварищем крупнейших германских капиталистов, совместно с которыми он будет обделывать теперь новые крупные дела.

Наконец, ставший неожиданно столь популярной личностью Дауэс — также трестовский адвокат и интендантский «генерал» — является последнее время руководителем Illinois Central Trust C° — одного из многочисленных звеньев моргановского концерна.

Помимо этой теплой компании полуофициальных представителей заатлантической республики, на конференции и особенно на сопровождавших ее негласных совещаниях присутствовал ряд представителей других капиталистических групп Америки, во главе которых надо поставить «государственного секретаря» (министра иностранных дел) — являющегося представителем Стандарт-Ойль (трест Рокфеллера) в американском правительстве. Этот правительственный ходатай по нефтяным делам, игравший такую роль в Генуе (борьба за русскую нефть), и в Лозанне (турецкая нефть) на этот раз об'езжал европейские правительства, как своих наместников. В европейских делах Рокфеллер, повидимому, спелся на время с Морганом и американский финансовый капитал выступал на конференции едино, причем специальной задачей Юза было давление на некоторых французских должников.

Другим агентом Рокфеллера был Меллон — «хранитель казны» (министр финансов) Соединенных Штатов. Бывший директор крупного нефтяного общества, он и на новом посту остался «хранителем казны» Стандарт Ойль, усердно освобождая нефтяные общества от налогов и представляя в то же время стальные, угольные и водочные компании, а также 20 банков, в которых он играет видную роль. Присутствовали в Лондоне и представители более мелких групп, вроде Отто Кана из банкирского дома Kuhn and Loeb, руководящего международным «еврейским» финансовым капиталом, связанным в Германии с банком Варбурга (связи с Виртом, франкфуртскими банками и т. д.).

Все они на этот раз спелись с Морганом и попытки французов играть на их противоречиях оказались неудачными.

Наконец, в один из моментов, когда в связанных с лондонской конференцией закулисных переговорах наступила какая - то заминка, в Европу изволил отплыть для отдыха сам верховный повелитель — Пирпонт Морган, против обыкновения даже не на своей яхте, а на обыкновенном пароходе.

Представители Англии на конференции были золотой цепью связаны с американским капиталом, играли роль его рычага. Несмотря на огромные противоречия во всех частях света (правда, основное из них — борьба Стандарт Ойль с Шелл-Ройяль-Доч временно устранено их сговором) в основных европейских делах у них оказались важные общие задачи — помешать германской и французской конкуренции и отнять у французов распоряжение германскими репарациями.

Действительными представителями Англии на конференции были, разумеется, не Макдональд и Сноуден, выполнявшие совершенно другую роль, на которой мы остановимся в дальнейшем, а непосредственные агенты так называемой большой пятерки (big fives) — об'единения банков, всосавшего основной финансовый капитал Англии. Виднейшим из этих агентов был Мак-Кенна.

Делегат Франции Эррио — когда-то представитель «мирного» торгового и текстильного капитала, наглядно иллюстрировал в Лондоне железную закономерность современного капиталистического развития. Придя к власти, он перешел в руки всемогущего Comitee des Forges, использовавшего его так же, как и Пуанкаре. Им вертел на конференции Пино и крупные французско-американские банки, контролируемые Рокфеллером. Небольшого давления Юза и Моргана было достаточно, чтобы выравнять неровную линию французской делегации и заставить ее маршировать под американской командой.

Нечего и говорить о представителях более мелких стран, вроде Италии, делегатом которой был Стефани — агент Banca Commercale italiana, финансировавшего фашизм, победившего с помощью правительства конкурентов (группа Ansaldo) и ставшего центром хозяйственной и политической жизни страны.

Все они, как и делегаты Бельгии, послушно повиновались указаниям Америки и Англии.

Наконец, Германия, шкуру которой собрались делить в Лондоне, была представлена (к концу конференции) делегатами всех основных капиталистических групп. Маркс представлял «католическую» тяжелую промышленность (тресты Клекнера и Тиссена), Штреземан среднюю промышленность, министр финансов Лютер— концерн Стиннеса, Шахт — большие банки (б. ч. отделения американских). Как мы увидим позднее, в основных вопросах все эти группы сошлись, так как план экспертов давал и им долю участия в прибылях и неограниченные возможности эксплоатации внутри страны.

Мы видим таким образом, во всех делегациях банкиров и их непосредственных агентов, подлинный конгресс капиталистов, собравшихся на один из очередных переделов мира. Власть концентрированного капитала —трестов и банков над современным капиталистическим миром нигде, пожалуй, не сказалась с такой откровенно циничной ясностью, как на этом биржевом торжище, где

на официальных заседаниях занимались рассказыванием анекдотов, а в приемных банкиров решали судьбы Европы.

О чем же толковали в Лондоне банкиры и их агенты? На чем они сговорились?

Официальное содержание принятых решений довольно широко известно, и мы можем на нем остановиться лишь вкратце.

План экспертов был принят лондонской конференцией с несколькими, относительно несущественными изменениями. Его основой является установление ежегодных репарационных взносов Германии (2½ миллиарда марок в год с 1919 г. До этого переходные годы с меньшими взносами). Срок окончания этих взносов на конференции не обсуждался и остается неопределенным. В случае повышения хозяйственного благосостояния Германии, определяемого по особому индексу, соответственно повышаются и взносы. Взносы получаются из четырех источников: 1) из промышленных облигаций, 2) ж.-д. облигаций, 3) транспортных налогов и 4) непосредственных взносов из государственной казны.

Для обеспечения взносов с промышленности, получаемых посредством специально выпускаемых облигаций, залогом служат основные средства производства страны. Распоряжения ими поступает в руки антантовского комиссара, имеющего право продажи облигаций и являющегося, таким образом, как бы агентом по дальнейшему переплетению германского капитала с международным.

2-й источник репараций — железные дороги, является самым лакомым кусочком плана экспертов. Железные дороги Германии превращаются в грандиозное частное общество (около миллиона рабочих), руководство которым, посредством продажи облигаций, переходит к международному капиталу и назначенному им комиссару. Последний имеет право устанавливать тарифы и методы управления, а также передавать в аренду и продавать отдельные части железнодорожной сети. Это даст международному капиталу, помимо непосредственных доходов, возможность воздействия на все германское народное хозяйство, ключ к его командным высотам. По существу это тот же метод колонизации, который применялся европейским капитализмом в Африке и Китае, а американским в потерявших тень своей независимости государствах центральной Америки. Германия полностью превращается в промышленную колонию *), так как посредством жонглирования железнодорожными тарифами комиссар может поощрять или останавливать целые отрасли производства, в зависимости от интересов своих доверителей. Транспортные налоги дополнительно повышают ж.-д. тарифы, возлагая новое бремя на плечи широких масс, ощущающих его в виде повышения дороговизны.

Наконец, 4-й источник репараций—непосредственные взносы казны — получается целиком из косвенных налогов на основные предметы массового потребления. Для контроля над их получением опять-таки назначается специальный комиссар с подкомиссарами, имеющий право и самостоятельно от государственной власти вводить новые косвенные налоги.

Если принять во внимание, что и до введения плана экспертов из общей суммы германских государственных доходов более

*) Мы не можем здесь входить в теоретическое обоснование этого факта, являющегося как бы наглядным практичееким опровержением теории накопления Розы Люксембург.

¾ падало на плечи широких трудящихся масс, ясно, что эти новые «моргановские» налоги несут новую волну дороговизны, голода, чрезмерную работу одним и безработицу другим.

К международному финансовому капиталу переходит распоряжение всей валютой страны посредством особого банкнотного банка, в конечном счете непосредственно подчиненного комиссару по репарациям. Германский государственный банк становится одним из отделений банкирского дома Моргана.

За все эти прелести Германия получает заем в 800 миллионов марок, служащий для уплаты первых репарационных взносов и обеспечения валюты. Заем этот приносит международному капиталу хорошие проценты (номинально 8%, фактически больше) и в то же время золотой цепью связывает Германию по рукам и ногам.

По существу значительная доля плана экспертов сводится к обеспечению этого займа, о котором Макдональд торжественно заявлял, что основная задача лондонской конференции — гарантировать подписчиков на заем.

Лондонская конференция внесла в план экспертов несколько изменений, устанавливающих на неопределенное время поставки натурой — Франции — углем, красками, азотистыми веществами и специальную 26% отдачу с германских товаров, ввозимых в Англию.

Действительное экономическое и классовое содержание лондонской конференции гораздо глубже всех параграфов плана экспертов и официальных протоколов, являющихся только прикрытием закулисных сделок.

Основной ее смысл и содержание — это выход широким фронтом американского концентрированного капитала на европейскую арену, начало ее систематической колонизации. Американский финансовый капитал дает Германии заем, обеспечивает себе хорошие проценты (во всяком случае гораздо более высокие, чем на денежном рынке внутри Соединенных Штатов, где они не превышают теперь 2—3%) и для обеспечения этих процентов берет в свои руки контроль всей хозяйственной жизни страны. Делается это, отчасти, при сотрудничестве английского и французского капитала, которым обеспечивается солидная доля доходов, по существу посреднических, так как самостоятельные их действия связаны по рукам и ногам их собственной финансовой зависимостью от Америки.

В частности, распоряжение репарациями попадает под контроль американцев. Методы получения репараций — подчинение иностранным комиссарам финансов, ж. д., пошлин, государственных монополий и промышленности Германии, как мы уже упоминали, всецело напоминает довоенную практику европейских империалистов в Турции (знаменитый dette publique) или хозяйничанье Соединенных Штатов в центральной и южной Америке.

Одной из сторон этого создания международного акционерного общества по эксплоатации Германии является допущение в

него и германского концентрированного капитала, в частности, соглашение его с французской тяжелой промышленностью для совместной эксплоатации рурского угля и химической промышленности Бадена. Вопрос об очищении Рурской области (как известно, официально даже не обсуждавшийся в Лондоне и отложенный пока на один год) гораздо меньше интересует германские тресты, чем вопрос о «квоте» (доле участия) в среднеевропейском угольно-металлургическом тресте и международном финансовом «об'единении интересов». Многие из них определенно предпочитают защиту французских штыков суверенитету слабого и нерешительного правительства Германии. Многие частности плана экспертов, напр., денационализация ж. д., являются по существу выполнением того, к чему уже годы стремился Стиннес. И если союзники, в частности Франция, получают возможность не только контроля, но и полной приостановки целых отраслей германской промышленности, поскольку это соответствует их интересам, германский капитал это мало тревожит. Сращение его с международным финансовым капиталом зашло уже так далеко, что он имеет основания надеяться на полюбовное разрешение таких вопросов в общих интересах кучки международных капиталистов, да и отечественная промышленность вообще интересует его лишь постольку, поскольку она даст возможность большей эксплоатации, чем за границей.

Классовое содержание плана экспертов тесно связано с его экономическими следствиями. Американский капитал стремится в Европу, на этот раз прежде всего в Германию, в погоне за более высокой нормой прибыли. Вслед за официальным займом уже начался поток частных кредитов отдельным отраслям германской промышленности и отдельным концернам, — все с гораздо более высокими процентами, чем в задыхающемся от избытка золота денежном рынке Соединенных Штатов. Более высокие прибыли в Германии получаются в конечном счете из более высокой эксплоатации германских рабочих масс. Так же, как одной из основных пружин колониальной политики было стремление к использованию на месте дешевой и неприхотливой рабочей силы колоний, так американский капитал овладевает теперь Германией для превращения ее 30-миллионного пролетариата в мировых кули. Он хочет превратить Германию в гигантскую промышленную мастерскую, эксплоатируемую по научным методам массовой эксплоатации. Вследствие низкой покупательной способности германского населения, международный капитал получает в свое распоряжение громадный экспортный фонд дешевых товаров, благодаря которому он имеет возможность оказывать давление на рабочий класс, как других стран Европы, так и Соединенных Штатов. Этому содействует интенсификация труда в Германии, являющаяся одной из основных предпосылок плана экспертов и неизбежно отражающаяся на условиях труда в других странах. Недаром еще до введения плана экспертов в жизнь, усилилось наступление капитала на условия труда в Чехо-Словакии, Австрии и др. странах Средней Европы, неизменно мотивируемое невозможностью иначе бороться с возрождающейся германской конкуренцией. Ярким международным отражением этого положения явились также характерные прения по вопросу о 8-часовом рабочем дне на последней конференции Женевского Бюро Труда.

В самой Германии техническое проведение интенсификации труда международный капитал предоставляет крупным германским капиталистам, государственному аппарату и... германской социал-демократии. Оно должно состоять в окончательной отмене 8-часового рабочего дня, дальнейшем понижении заработной платы и уровня жизни, ограничении социального страхования, которое германские предприниматели хотят заменить своими милостивыми подачками, вернув, таким образом, Германию в социально-политическом отношении на 50 лет назад. Германские капиталисты лелеют и дальнейшие надежды, вроде плана создания назначаемых предпринимателями завкомов, воспитания узкой рабочей аристократии по американскому образцу и т. д.

На одном удлинении рабочего дня на 2 часа капиталисты могут заработать гораздо больше всей суммы репараций. Немудрено, что предпринимательские организации и тресты Германии, допущенные к участию в прибылях международного «об'единения интересов», ревностно принялись за выполнение этой основы плана экспертов — превращения промышленного сердца Европы в мощное орудие «социального демпинга».

Все решительно перечисленные выше взносы Германии союзникам тем или иным путем перекладываются на плечи трудящихся, оставляя солидные прибыли и промежуточному агенту— германскому концентрированному капиталу. Подчиненная роль германского капитала выражается при этом лишь в том, что американские хозяева и их антантовские агенты могут все время держать германский демпинг в желательных для себя рамках, подавляя там, где это им нужно, развитие целых отраслей германского народного хозяйства.

Было бы глубочайшей ошибкой думать, что этот хитроумнейший план создания капиталистического интернационала, долженствующий подчинить борющиеся группы капиталистов разных стран гегемонии Моргана, может устранить или хотя бы ограничить капиталистические противоречия. Правда, в борьбе против рабочего класса капиталистические тресты едины. Спор о том, как лучше проделать и охранить производимый над германским пролетариатом новый эксперимент — с помощью французских штыков или «мирным» путем, при помощи германской полиции и социал-демократии, является относительно незначительным эпизодом. Но в самом переделе добычи соглашение всегда будет кратковременным. Оттесненный Морганом на второй план и временно с ним столковавшийся Рокфеллер, несомненно, будет готовиться к новой борьбе. Капиталистические концерны отдельных стран всегда будут стремиться перегрызть друг другу глотки из-за «квоты» (доли участия) в международном об'единении. Обострение империалистических конфликтов во всех уголках мира не только не будет приостановлено, но еще более усилится на новой расширенной основе.

3*

А поэтому еще более усиленным темпом пойдут подготовка войн, вооружения, колониальные авантюры. Очередной передел мира, произведенный в Лондоне капиталистическими трестами и финансовыми группами, не является первым и последним. Борьба за эти переделы будет продолжаться все с большим ожесточением и остротой и положить ей конец может только победа пролетарской революции. Хитроумный план капиталистического интернационала так же способен начать «эпоху пацифизма», как европейская война и Версальский договор. Рассказывать басни об этой «эре» могут лишь, помимо непосредственных агентов крупного капитала, либо сознательные обманщики (вроде Гильфердинга и К-о), либо туполобые реформисты, не видящие дальше своего носа.

Роль международного реформизма в лондонской конференции чрезвычайно характерна.

Недавний официальный (а фактически и нынешний) руководитель II Интернационала Макдональд выступал в роли председателя конференции и примирителя враждующих групп. Весь аппарат II и Амстердамского Интернационала, с.-д. партийных и реформистских профессиональных организаций был приведен в движение, чтобы обеспечить устранение всяких препятствий к проведению в жизнь плана экспертов. Реформистская пресса буквально захлебывалась от восторга, славословя лондонских миротворцев. Рекорды лакейства были побиты германскими с.-д., всеми средствами пытавшимися уверить рабочих Германии, что их ждет спокойствие, рост заработной платы и всеобщее благополучие. «Форвертс» рисовал на первой странице американский доллар в виде солнца, восходящего над измученной страной, уверял, что лондонская конференция является «триумфом с.-д. политики выполнения» и план экспертов лишь воплощает в жизнь старые предложения с.-д.

Помимо непосредственной связи реформистской верхушки с международным капиталом, эта политика с.-д. имеет и другие основания. Отдельные стороны плана экспертов (стабилизация германской валюты, заем и т. д.) дают им возможность хотя бы на некоторое время поддержать пацифистские иллюзии рабочей аристократии, возродить надежды на возможность задержать социальную революцию.

Переживавшийся реформизмом глубокий кризис заставляет его жадно схватиться за эту соломинку, найти хотя бы на время новый лозунг для одурачивания рабочих масс и в то же время снова доказать концентрированному капиталу свою полезность для него. Лондонская конференция как бы дает реформистской рабочей бюрократии надежды косвенно принять участие в доходах международного концерна по эксплоатации Германии (а затем и всей Европы), возобновить ставшую было ненужной для капитала политику «делового сотрудничества», и тем продлить и замедлить процесс капиталистического распада и свою собственную агонию.

Отношение к плану экспертов с такой ясностью показало неразрывную связь международного реформизма с концентрированным капиталом, что лондонскую конференцию можно в этом отношении сравнить с днем голосования герм. социал-демократии за военные кредиты и вступления антантовских социалистов в «военные» министерства.

Коммунистические партии всех стран оказались единственной общественной силой, об'явившей плану экспертов, а с ним капиталистическому интернационалу решительную борьбу. Им еще не удалось увлечь на эту борьбу большинство пролетарских масс. Волю и решимость этих масс сковывает еще одна иллюзия, еще один мираж, но сама практика плана экспертов, развитие заключенных в нем неумолимых противоречий помогут разбить и эти иллюзии, заставить рабочие массы выйти на бой с концентрированным капиталом, освободить человечество от железной пяты Моргана и Рокфеллера.

Бор. Штейн.

Наступление англо-американского финансового капитала.

Как ни разнородны вопросы международной политики сегодняшнего дня, ни один из них не может быть правильно понят без учета и оценки того явления, которое следует назвать наступлением англо-американского финансового капитала. Это наступление во вне выражается в различных и, как будто бы не связанных друг с другом, явлениях международной политики. Только внимательный марксистский анализ обнаруживает во всех этих явлениях нечто общее, при чем это общее оказывается выступлением. и притом весьма бурным и активным англо-американского капитала.

В чем его сущность и в чем она выражается?

Как известно, основными кон'юнктурными факторами народного хозяйства Америки в этом году являются: золотое переполнение, с одной стороны, и исчерпание емкости внутреннего рынка—с другой. Количество золота, накопленного в настоящий момент в Америке, проф. Кассель определяет цифрой около 5 миллиардов долларов. Эта огромная масса давит и понижает процент на капитал. Исчерпание емкости внутреннего рынка оставляет огромные товарные массы, которые вызывают общую депрессию народного хозяйства. Выходом из создавшегося положения могут быть о т л и в з о л о т а н а в н е ш н и е р ы н к и, п о в ы ш е н и е с п о м о щ ь ю з о л о т ы х в с п р ы с к и в а н и й п о к у п а т е л ь н о й с п о с о б н о с т и в н е ш н и х р ы н к о в и п р и н у ж д е н и е и х к п о г л о щ е н и ю а м е р и к а н с к о г о э к с п о р т а. Этот последний значительно растет, но все же не в такой мере, в какой это необходимо американскому народному хозяйству.

План Дауэса является попыткой, при помощи экспорта в Европу значительного количества золота, поднять покупательную способность средне-европейских рынков и заставить их поглотить избытки американских товаров. Однако план Дауэса разрешает только часть европейской проблемы между тем, размах народного хозяйства Америки в настоящий момент значительно перерос даже и ту покупательную способность, которую средне-европейское народное хозяйство сможет приобрести в результате проведения проекта Дауэса.

Таким образом, совершенно очевидно, что Америка принуждена силой своего капиталистического развития к овладению новыми рынками. Это овладение американский капитал производит различными способами.

Первым плацдармом для наступления американского капитала явилась Германия.

Решение Лондонской конференции, представляющее собой видоизмененный проект Дауэса, имеет двоякую цель, долженствующую удовлетворить двойные притязания, пред'являемые международным капиталом к народному хозяйству побежденной Германии.

Трудно сказать, какая из этих целей превалирует над другой. Одна из них — извлечение систематического дохода из германского народного хозяйства, систематическая его эксплоатация по титулу репараций. В угоду этой цели германское народное хозяйство должно быть «восстановлено» с помощью англо - американского кредита, при чем «восстановленное» таким образом хозяйство Германии должно будет уплачивать ежегодную дань в 2.500 мил. зол. марок. Эти 2,5 миллиарда золотых марок вместе с процентами по займу, равно как и по ипотекам на германскую промышленность, должны будут составить денежную повинность Германии.

Второй целью лондонского соглашения является овладение реальными ценностями германского народного хозяйства. Не считая перехода под фактический контроль союзного капитала германских жел. дорог, с одной стороны, и той части германской промышленности, ипотечные обязательства которой будут находиться в руках генерального комиссара по ипотекам, — третья резолюция трансфертной комиссии (комиссии по переводам ценностей) лондонской конференции д а е т п р а в о г е н е р а л ь н о м у к о м и с с а р у п о п л а т е ж а м п р и о б р е т а т ь з а с ч е т р е п а р а ц и о н н ы х с у м м, п е р и о д и ч е с к и с к о п л я ю щ и х с я у н е г о, п р е д п р и я т и я, з а в о д ы, ф а б р и к и и р у д н и к и. Э т и м с а м ы м и н о с т р а н н ы й к а п и т а л п о л у ч а е т л е г а л ь н о е п р а в о о в л а д е н и я р е а л ь н ы м и ц е н н о с т я м и г е р м а н с к о г о н а р о д н о г о х о з я й с т в а.

Выше мы указали, что денежные обязательства Германии выражаются в ежегодной сумме в 2,5 милл. зол. марок, а если сюда присчитать проценты по займу и по ипотекам, то указанная сумма еще более возрастет. Если при этом принять во внимание, что сумма всего экспорта в Германии в 1923 г. составляла 5.350 милл. марок, что торговый баланс Германии резко пассивен, и что эта пассивность не покрывается, как до войны, значительной активностью ее платежного баланса,—нельзя будет не притти к выводу, что для удовлетворения хотя бы одной денежной повинности Г е р м а н и я в ы н у ж д е н а б у д е т с т р е м и т е л ь н о р а з в и в а т ь с в о й в ы в о з з а г р а н и ц у.

Казалось бы, что «оздоровление» германского народного хозяйства допускает и иной путь для покрытия репарационной повинности.

Впрыскивание в народно-хозяйственный организм Германии американских кредитов должно будет повысить экономическую жизнеспособность Германии и развить производительную силу ее хозяйства. Но именно здесь и заключается основное противоречие капиталистического «планирования».

Развитие германского народного хозяйства неизменно повлечет за собой увеличение конкурентной способности Германии на мировом рынке. Лондонская конференция недаром приняла постановление о праве комиссара по платежам скупать германские предприятия. Капиталистическая пресса союзников не скрывает уже сейчас той мысли, что н е з а м е д л и т е л ь н о н а ч н е т с я

скупка именно тех германских предприятий, которые конкурируют с союзными. Эта скупка будет иметь непосредственной целью приостановку конкурирующих предприятий. Исполняя задания союзного капитала, в Германии будут особенно усиленно работать сырьевые предприятия, поставляющие союзной промышленности необходимые ей первичное сырье и полуобработанные фабрикаты, и притом по ценам, установленным репарационной комиссией.

Отсюда следует, что проведение в жизнь плана Дауэса явится не началом общего расцвета германского народного хозяйства, а лишь приспособлением этого хозяйства к потребностям народного хозяйства победителей.

Лишь в той мере, в какой позволит та или иная вывозная отрасль союзной промышленности, союзный капитал будет давать возможность развиваться соответствующей ветви народного хозяйства Германии.

Достаточно вспомнить, что английское правительство уже восстановило 26-процентную пошлину с цены ввозимых в Англию германских товаров для того, чтобы убедиться в правильности высказанной мысли *).

Помимо целей перевода валюты, которые преследуются этой пошлиной, последняя должна будет служить заградительным оплотом против проникновения в Англию фабрикатов «восстановленной» германской промышленности.

Таким образом, не успевши еще подписать лондонского соглашения, направленного на «развитие» германского народного хозяйства, Англия ставит первую плотину на пути этого развития.

Вряд ли можно сомневаться, что такие же плотины будут поставлены всеми прочими союзниками, уничтожающими, таким образом, одной рукой то, что они делают другой.

Если развитие германского экспорта в сторону союзных стран обречено на систематическое и планомерное урезывание и сокращение, а в ряде случаев и на удушение со стороны союзного капитала, то тем более вырисовывается проблема развития этого экспорта в сторону Советского Союза, о чем мы будем говорить ниже.

Однако даже полное превращение народного хозяйства Германии в колониальное не может удовлетворить размаха наступления американского капитала. Только что закончив подготовительные работы, связанные с планомерным овладением европейским народным хозяйством, англо - американский капитал перебросил свою деятельность на Дальний Восток, для того, чтобы завершить дело колониального охвата сырьевых территорий и рынка Китая.

Вряд ли можно сомневаться в том, что начавшаяся интервенция союзных военных и морских сил в Южном Китае является не случайным эпизодом, а началом осуществления широко задуманного и давно подготовлявшегося плана.

Достаточно вкратце вспомнить дипломатическую историю Китая за последние несколько месяцев, чтобы убедиться в правильности этого заключения. При этом нельзя не отметить, что планомерная подготовка колониального захвата Китая соединенными

---

*) То же самое на-днях сделала и Франция.

силами международного капитала совпадает, тесно переплетаясь, с борьбой его против Советского Союза. Можно утверждать, что колониальный захват Китая и борьба против Советского Союза являются для иностранного капитала двумя сторонами одной и той же задачи. Такая постановка вопроса совершенно понятна и ясна, если учесть, что наиболее активным препятствием—для полного порабощения Китая иностранным капиталом является Советский Союз.

Эта роль Советского Союза и его дипломатической работы во внешней политике Китая понятна иностранному капиталу и учитывается им в качестве одного из серьезнейших элементов борьбы.

Этапы осуществления колониального плана международного капитала и этапы его борьбы с Советским Союзом за последние несколько месяцев находятся в тесной и постоянной зависимости друг от друга.

Достигнутое в марте 1924 г. соглашение между Китаем и СССР и подписанный тов. Караханом и представителем китайского правительства д-ром Ваном договор были немедленно учтены англо - американско - французской дипломатией, как удар по их влиянию в Китае. Соединенными усилиями они вынудили у китайского правительства отказ от состоявшегося соглашения и дезавуирование д-ра Вана.

Это давление на китайское правительство было одновременно актом борьбы против Советского Союза. Однако, международный капитал немедленно перевел этот успех в борьбе против Советского Союза в одну из форм осуществления своего колониального плана. Так, не прошло и трех недель после вынужденного отказа китайского правительства подписать договор с СССР, как созванное Макдональдом совещание послов Америки, Франции, Италии и Японии постановило пред'явить Китаю следующие требования.

1. Китай должен немедленно прекратить гражданскую войну.
2. Необходимо организовать специальную комиссию для консолидации внешних и внутренних долгов Китая с участием в комиссии представителей государств подписавших вашингтонское соглашение.
3. Эти государства образуют совещательный орган, который поможет Китаю реорганизовать его запутанные финансы и будет содействовать развитию внешней торговли.
4. Китайское правительство должно улучшить состояние своих железных дорог.

Как видно из только что перечисленных требований, иностранный капитал уже в мае этого года пытался навязать китайскому народу своеобразный «план Дауэса», направленный, как и его позднейший европейский набросок, в сторону колониального подчинения китайского народного хозяйства.

Нет никакого сомнения в том, что если бы союзному капиталу удалось исторгнуть согласие китайского правительства на осуществление вышеизложенных требований, Китай «мирным путем» превратился бы в колонию иностранного, главным образом, англо-американского капитала.

Однако, проведение этого плана путем простого пред'явления требований китайскому правительству не удалось.

Широкая волна возмущения, охватившая китайскую общественность, принудила слабое, колеблющееся пекинское правительство пойти на подписание соглашения с Советским Союзом. Оно было подписано непосредственно после того, как китайскому правительству стал известен план «мирного» превращения Китая в колонию.

Подписание советско-китайского договора нанесло серьезный удар идее дипломатического метода колониального охвата Китая.

Быстрый рост влияния Советского Союза в Китае, последовавший за подписанием соглашения, показал иностранному капиталу, что его дипломатическая работа должна быть на время оставлена и смениться работой штыка.

На долю дипломатов осталось нанесение мелких уколов как Советскому Союзу, так и китайскому правительству, в роде отказа дипломатического корпуса передать здание российского посольства его законному хозяину и т. д.

В то же время началась серьезная и планомерная подготовка вооружённого вмешательства в китайские дела для одновременного выполнения двусторонней задачи: устранения влияния СССР в Китае и превращения последнего в колонию иностранного капитала *).

То, что не удалось, при помощи «мирной» дипломатической работы, должно было удасться с помощью военного нажима.

Само собой разумеется, что капитал выбирает тот метод работы, который в данное время и в данном месте является наиболее эффективным и целесообразным.

Экономический смысл колониального похода англо-американского капитала на китайский рынок имеет глубокие корни в кон'юнктуре как американского, так и английского народного хозяйства. О кон'юнктуре американского капитала, вызвавшей его нападение на Китай, мы говорили выше. Необходимо отметить, что к проблеме овладения китайским рынком американский капитал подготовляется уже давно. Проведя на Вашингтонской конференции 1921—1922 г. принцип «открытых дверей», американский капитал сломил этим самым сопротивление Японии и открыл для себя свободную дорогу к китайскому рынку.

По этой дороге он и пошел в 1924 г. в союзе с английским капиталом.

Для того, чтобы понять, почему американский и английский капиталы сделались союзниками в деле овладения Китаем, необходимо отметить, что хозяйственная кон'юнктура Англии в 1924 г. совпадает с таковой же кон'юнктурой Америки, отличаясь от последней лишь меньшей резкостью и общими размерами кризиса.

Как и Америка, товарный рынок Англии в 1924 году стоит под определенным знаком депрессии и необходимости всяческого увеличения экспорта. Не следует забывать, что английский экспорт в первой половине 1924 г., продолжая оставаться пассивным, составляет лишь 70% импорта.

С другой стороны, накопление денежных капиталов в Англии довольно остро ставит вопрос об их приложении.

Таким образом, как и американскому капиталу, английскому необходимы внешние рынки.

---

*) Английская печать разоблачила эту совместную подготовительную работу г.г. Юза и Макдональда.

Империалистические цели Америки и Англии в китайском вопросе совпадают *).

Для дорисовки общей картины нападения иностранного капитала на Китай необходимо отметить несколько резервированную позицию Франции. Последняя обеспокоена возможностью англо-американского проникновения в южные области Китая, находящиеся в непосредственной близости от ее индокитайских владений.

Вот почему далеко еще не ясна та позиция, которую Франция займет в этой общей свалке. На фоне грандиозной борьбы, которая разыгрывается в Китае, борьбы двусторонней, имеющей целью колониальное овладение китайским рынком и оттеснение Советского Союза на запад от китайских границ, сравнительное небольшое и исторически малоценное значение имеют фактические данные начальной стадии борьбы.

Вопросы о южно-китайском правительстве Сун-Ят-Сена, о восстании купеческой организации и поддержке иностранным капиталом этой организации иллюстрируют лишь борьбу, но не совпадают с ней. Это лишь аксессуары колониальной интервенции. *Смысл и значение ее заключается в попытке вооруженного захвата англо-американским капиталом необходимых для его временного спасения внешних рынков.*

Устранение влияния СССР и насильственный разрыв связи между СССР и Китаем являются для иностранного капитала наиболее серьезным условием его победы.

Сохранение связи между Китаем и СССР и отражение иностранной интервенции также тесно связаны между собой, как и разрыв этой связи и превращение Китая в колонию англо-американского капитала.

Но ни Германией, ни Китаем не ограничивается наступление американских финансовых групп на остальные части мирового хозяйства.

В течение последних нескольких недель как американская, так и французская печать обсуждает — первая спокойно, а вторая с возрастающей тревогой — проект, предложенный председателем американской правительственной комиссии по погашению междусоюзнических военных долгов Герли.

Этот план, детали которого не в достаточной мере еще освещены, заключается в двух основных положениях: первым из них является обязательство Франции начать выплату своего военного долга Америке, чего Франция не делала в течение всего времени, прошедшего с окончания мировой войны, а вторым положением — *возврат обратно половины уплачиваемой каждый раз суммы, причем этот возврат должен происходить в виде покупки Америкой французских промышленных акций.* Таким образом, ежегодно на определенную сумму французские промышленные акции будут переходить в собственность американских капиталистов и, значит, *французская промышленность будет постепенно сосредоточиваться в американских руках.*

---

*) Координация действий английского и американского капитала в Китае тем более осуществима, что между ними вполне возможно разделение „сфер влияния“ и характера инвестирования капитала.

Американские официальные круги пока отказываются комментировать приведенный выше план, но, судя по всем данным, принадлежность его лицу, специально занимающемуся междусоюзными долгами, не оставляет сомнений в его огромном политическом и экономическом значении.

Особенно убеждает нас в серьезности этого плана та тревога, которой об'яты французские деловые круги. Они не скрывают своего беспокойства по поводу назревающего разрешения вопроса о французских долгах Америке в связи с планом погашения, разработанным Герли. Французский капитал прекрасно отдает себе отчет в том, какую опасность представляет осуществление этого плана для финансового и общеэкономического положения Франции.

Наступление американского капитала, подготовленное как золотым полнокровием Америки, так и кризисом перепроизводства, носит чрезвычайно бурный и стремительный характер. Вслед за началом осуществления плана Дауэса в отношении Германии и грандиозной колониальной авантюрой в Китае, американский капитал приступает к регулированию вопроса о междусоюзных долгах.

Само собой разумеется, что это регулирование отнюдь не имеет целью приток новых денежных средств в Америку, приток, от которого американское народное хозяйство могло бы только пострадать.

Регулирование вопроса о военных долгах делается для Америки исходной точкой финансово-промышленного проникновения в Европу.

Подобно тому, как соглашение об уплате английского долга Америке, заключенное в феврале 1923 г., сделалось отправной точкой для координирования совместных действий американского и английского финансового капитала, подобно этому план Герли намерен использовать вопрос о французских долгах Америке для овладения последней промышленными ценностями Франции.

Таким образом, Франция делается после Германии и Китая третьим участком фронта, на котором развертывает свое широкое наступление американский капитал.

В настоящий момент нет уже никаких сомнений в том, что на Лонодонской конференции французский капитал потерпел поражение и вынужден был сдать свои основные позиции капиталу англо-американскому.

Основная сдача позиций произошла в виде отказа Франции от плана создания франко-германского промышленного об'единения, представляющего угрозу как для Англии, так и для Америки.

Ни отсрочка военной эвакуации Рура, ни 16 миллиардов золотых франков, которые Франция должна будет получить в течение 35 лет от Германии в качестве своей доли репарации, ни, наконец, германские поставки натурой, которых Эррио удалось добиться на Лондонской конференции, не смогут компенсировать французскому капиталу провал его грандиозного плана промышленного об'единения в самом центре Европы, об'единения, гегемоном которого он мечтал сделаться.

Это поражение Франции произошло под влиянием сопоставления финансовых требований Америки и Англии, с одной стороны, и внутреннего финансового положения Франции, с другой.

Как известно, статья внешних военных долгов Франции составляется в основных цифрах из ее долгов Америке в 4 миллиарда долларов и Англии — в 500 миллионов фунтов стерлингов.

Если даже не считать процентов на эти долги, то и основная сумма составляет колоссальную цифру. Пред'явление требований об уплате этой суммы является одним из наиболее эффективных рычагов воздействия, как Америки, так и Англии на поведение Франции. Независимо от этих основных долговых обязательств Франция, еще при кабинете Пуанкаре, приняла на себя новые, получив от группы Моргана заем в 100 милл. долларов. Эта сумма была необходима Пуанкаре для спасения начавшего свое стремительное падение франка. Благодаря этому золотому вливанию франк был на некоторое время стабилизирован, но результатом этой помощи явилось обязательство, данное Пуанкаре, принять план Дауэса, против которого он первоначально восставал.

В сентябре этого года истек срок указанного займа, но финансово-бюджетные рессурсы Франции отнюдь не дали ей возможности уплатить занятую сумму. Группа Моргана постановила отсрочить Франции уплату этого займа. По непроверенным, но достаточно вероятным сведениям, эта же группа дала Эррио на Лондонской конференции обещание предоставить новый заем в 150 милл. долларов.

Трудно думать, чтобы, как отсрочка уплаты первого займа, так равно и получение второго — не были обусловлены серьезными обязательствами со стороны Франции по отношению к американскому капиталу.

Недаром целый ряд органов французской печати обвиняет Эррио в том, что он подчинил экономическую жизнь Франции влиянию американских финансовых кругов.

Эта констатация, несомненно, правильна. Остается лишь прибавить что подчинение французской экономики американскому капиталу является ценой за возможность осуществления попытки покрыть 8-миллиардный дефицит (в бум. франках) Франции в 1924 г., равно, как и залатать наиболее насущные и первоочередные ее финансовые нужды.

Будет ли осуществлен «план Герли» в отношени Франции, или финансовые круги Америки (в соглашении, очевидно, с таковыми же кругами Англии) выдвинут какой-либо иной вариант,— остается несомненной потеря надежд, питаемых французским промышленным капиталом на утверждение своей гегемонии в Европе.

Кульминационным пунктом этих надежд явился момент захвата Рура и Рейна в январе 1923 г.

Лондонская конференция августа 1924 года констатировала нисходящую линию мечты французского капитала о промышленной гегемонии в Европе. Вместо нее он стоит перед собственным подчинением англо-американскому капиталу.

Конечно, в ближайшее время французский промышленный капитал попытается отвоевать хотя бы некоторые позиции у своего соперника. Предстоящие в октябре этого года переговоры о торговом договоре между Францией и Германией дадут возможность французскому капиталу испытать свои силы и попробовать добиться непосредственно от Германии в той или иной форме осу-

ществления хотя бы укороченной программы франко-германского промышленного об'единения.

С другой стороны, поворот французской политики в сторону сближения с СССР диктуется теми же соображениями о «выпрямлении» своего экономического положения.

По этим двум направлениям и будет пытаться французский капитал отыграться и тем самым смягчить опасность, грозящую ему от применения плана Герли.

Какие последствия может иметь для СССР это наступление англо-американского капитала? Как мы указали выше, план Дауэса имел своей конечной целью направление германского экспорта на Восток. Когда в эпоху Каннской и Генуэзской конференций Ратенау выдвигал проект концерна для «оздоровления» России, думая с помощью этого концерна или, вернее, его прибылей уплачивать репарационные платежи, Германия еще почти не имела доступа на советскую территорию и могла указывать союзникам лишь на свой старый опыт и старые связи.

Теперь, когда после Раппальского договора прошло 2½ года, Германия имеет в своем активе серьезное развитие торговых связей с Советскими Республиками.

Недавно ликвидированный конфликт показал, насколько значительно то положение, которое занимает во внешней торговле Германии Советский Союз.

Развитие экспорта в Советский Союз делается, таким образом, одной из основных задач германской торговой политики.

К осуществлению этой задачи Германия, несомненно, и приступит с свойственной ей методичностью и организационной постановкой вопроса.

Поскольку это так, мы не можем не остановиться на предпосылках поставленной задачи.

В германской печати с некоторого времени утвердилось мнение, что Раппальский договор не оправдал возлагавшихся на него экономических задач. Бурного расцвета советско-германских торговых отношений не наступило.

Мы неоднократно указывали, что на пути этого бурного расцвета существовало два серьезных препятствия. Одним из них было отсутствие свободных капиталов на германском рынке в период 1922—1924 г.г. Вторым препятствием было нежелание германского народного хозяйства приспособиться и помириться с монополией внешней торговли Советского Союза. С большим трудом и величайшими организационными перебоями германские промышленники и торговцы уживались с новыми формами внешней торговли, созданными Октябрьской революцией.

С проведением в жизнь лондонского плана первое препятствие, как-будто бы, падает. Свободные капиталы на германском рынке появятся и их приложение в сторону советского народного хозяйства будет в известной мере обеспечено вышеуказанными особенностями проекта Дауэса.

Наоборот, второе «препятствие» — монополия внешней торговли — не только не исчезнет, но будет проявлять тенденцию к значительно

большей сопротивляемости, нежели это имело место до последнего времени.

Проекты, направленные в сторону наводнения Советского Союза германским экспортом во славу союзного капитала, встретят на советской границе организованную плотину, в виде монополии внешней торговли.

Если германское народное хозяйство на опыте 2½ лет, прошедших с момента Раппальского договора, убедилось, что монополия внешней торговли является незыблемым законом народной хозяйственной жизни Советского Союза, то еще в большей мере оно должно будет помнить об этом законе после англо-американских кредитных вспрыскиваний.

Указав на то, что на советской границе германский экспорт неизбежно встретит монополию внешней торговли, и что следствием этой встречи явится стремление так или иначе преодолеть эту преграду, мы оставили открытым вопрос о том, кто же будет эту преграду одолевать.

Исходя из того обстоятельства, что активным проводником в жизнь плана Дауэса будет, несомненно, не германский, а англо-американский капитал, нельзя было не притти к выводу, что этот последний начнет планомерное наступление на этот органический институт советского народного хозяйства.

Представители англо-американского капитала дали доказательство правильности этого суждения.

Почти одновременно декларация Юза и меморандум исполнительного комитета «Ассоциации британских кредиторов России» открыли наступление по экономическому фронту против СССР.

Мы не будем останавливаться на декларации Юза. Ее оценку в части, касающейся СССР, дала уже наша общая печать. Однако, мы не можем пройти мимо того факта, что устами Юза американский капитал заявляет о своем нежелании вступить в деловую связь с СССР до тех пор, пока последний не примет его условий.

Таким образом, Юз формирует лишь негативную сторону вопроса, оставляя в стороне перечисление тех конкретных условий, принятие которых обеспечило бы, с точки зрения американского капитала, восстановление экономической связи с СССР.

Эту положительную формулировку дает меморандум английских банкиров.

Наиболее интересным местом указанного меморандума является абзац о монополии внешней торговли. Мы считаем его наиболее интересным пунктом всего меморандума, как потому, что открытое нападение на монополию внешней торговли является новым пунктом требований иностранного капитала, по сравнению с обычно повторяющимися в течение 7 лет (уплата царских долгов и возвращение национализированной промышленности), так и потому, что новое требование пред'является именно теперь, когда монополия внешней торговли СССР является одним из серьезнейших препятствий к проведению в жизнь плана Дауэса.

Несмотря на то, что иностранный капитал в продолжение всего существования монополии внешней торговли неоднократно при самых различных переговорах поднимал свой голос против этого института, он никогда еще так открыто не формулировал своих требований.

Меморандум британских кредиторов заявляет, что «признание монополии советского правительства на внешнюю торговлю в торговом и навигационном договоре, а также присвоение советским коммерческим представителям дипломатического иммунитета абсолютно исключает возможность, в случае ратификации договора, возвращения в Россию коммерсантов, прежде имевших дела с Россией, для возобновления там своей коммерческой деятельности. Не принято никаких мер, которые облегчили бы британским коммерсантам от'езд в Россию для открытия экспортной торговли из Англии, но эта торговля сделана монополией советского правительства».

Таким образом, первый рейд экономического наступления на СССР начался.

Разделяя задачу на отрицательное и положительное резюмирование вопроса, англо-американский капитал вступил в бой.

Не может быть никаких сомнений в том, что за этой первой рекогносцировкой последует более глубокое продвижение к аванпостам противника.

Вне всякого сомнения, наступление англо-американского капитала имеет в качестве одного из «эвентуальных фронтов» и СССР. Наступая на последний, американский капитал, выполняет одновременно двойную задачу: экономическую и социальную.

Удвоенную бдительность и удесятеренную энергию в подготовке отпора должен проявить СССР.

Г. Войтинский.

Интервенция в Китае.

За последние несколько недель Китай становится центром внимания борющихся сил мира. Коммунистический пролетариат Европы и Америки все больше и больше начинает сознавать значение подымающихся многомиллионных народных масс Китая, Индии и других колониальных и полу-колониальных стран. Империалистические державы, управляющиеся в настоящей исторической полосе через посредство либеральной буржуазии и оппортунистической верхушки рабочего класса, вынуждены всем ходом мировых событий, вопреки своим программам и заявлениям, обнажать свои захватнические стремления в колониальных странах. События в Китае, бурно развернувшиеся за последнее время, открывают страницу того фазиса империализма, когда он, облеченный в христианско-демократически-пацифистскую тогу, вынужден в этом облачении огнем и железом покорять массы трудового народа Востока власти финансового капитала.

Почти одновременно с Лондонской конференцией империалистов Европы и Америки, проходившей под знаком столь давно обещанного «умиротворения» Европы, и на которой штык Франции был заменен тяжелыми цепями американского капитала, началось наступление этих же империалистов на Дальнем Востоке.

Какие условия заставляют империалистов развертывать в настоящее время наступательные действия по отношению к колониальным и полу-колониальным странам, и, в частности, к Китаю? Почему осенью текущего года свершилась целая цепь событий, начиная с Судана и Марокко, Персии, Афганистана, и кончая выступлением империалистов в важнейших портах Южного, Центрального и Северного Китая, выступлением, характеризующим агрессивный импульс империалистов?

Три причины, по нашему мнению, являются основными в этом вопросе.

Во-первых, неудержимое стремление части группы победительниц после мировой войны — Англии и Америки — окончательно и всецело подчинить своему влиянию не только разбитые во время войны империалистические державы, но и своих бывших союзников. Если Лондонская конференция в конечном итоге означает усиление англо-американского влияния в Европе за счет французского, то происходящая в настоящее время борьба китайских милитаристов на Дальнем Востоке, ведется за ликвидацию влияния другого «союзника» Англии и Америки — Японии.

Такое стремление еще до сих пор не дало окончательную победу одной группы империалистов и окончательную ликвидацию влияния другой. Во всяком случае, такие результаты достигаются

не «мирными» конференциями. Но эти конференции, нарушая бывшие соотношения сил, еще больше обостряют противоречие между империалистами и приближают время вооруженных конфликтов. Мы имеем пример «мирной» Вашингтонской конференции в начале 1922 года, которая, расторгнув англо-японский договор, создала еще более обостренные отношения между основными противниками на Тихом океане — Америкой и Японией — и первым следствием Вашингтонской конференции была вооруженная борьба в Северном Китае между милитаристами японской ориентации, с одной стороны, и американской, — с другой.

Другая причина теперешнего наступления и интриг империалистов в странах Востока, — это рост освободительного движения в этих странах, каковому в немалой степени способствуют противоречия между самими империалистами.

И, наконец, третья причина, — это все больше растущая популярность СССР среди широких народных масс всего Востока. В данной статье остановимся на первой причине.

Борьба империалистов за Китай после мировой войны.

К моменту окончания мировой войны империалистическим гегемоном в Китае была маленькая островная Япония.

Незаинтересованный непосредственно в происходившей свалке на материке Европы, молодой, полнокровный японский капитализм устремился в Китай, обладающий углем и железом, в которм так сильно нуждалась Япония, не имеющая этих основных элементов сырья в производстве. Но не только эти богатства влекли Японию в Китай. Расцвет японского капитализма после японско-китайской войны в 1894 г., когда Япония получила Формозу и влияние в Корее, увеличивает аппетит японской бюрократии и монопольного капитала, находившегося под протекцией правящей клики крупных землевладельцев и милитаристов. И это ведет к борьбе между царской Россией и Японией в 1905 году, в которой, как известно, Англия помогла Японии. Русско-японская война, несмотря на вмешательство Америки в лице Рузвельта в пользу России, все же дала Японии огромные преимущества на Тихом океане. Япония получает Ляодунский полуостров, который был арендован на 25 лет, начиная с 1898 года, царской Россией у Китая. Вследствие этого, в руки Японии переходит Порт-Артур и Дайрен, — два важных порта в Печилийском заливе, создающих непосредственную связь с богатейшей Шаньдунской провинцией и главной провинцией Северного Китая — Чжили. Беглый взгляд на карту Азии достаточен, чтобы понять, какие огромные возможности развертывались перед Японией в результате русско-японской войны. Из Мукдена, главного города Маньчжурии, Япония получает возможность построить железнодорожную ветку до Порт-Артура и, таким образом, вывозить земледельческие продукты из Маньчжурии через свой порт Дайрен. Одновременно она строит дорогу Мукден-Сеул и соединяет центр Маньчжурии с центром Кореи, соединив свою сферу влияния в Китае со своей колонией — Кореей.

Имея такие «преимущества» в Китае до мировой войны, Япония воспользовалась ослаблением империалистического нажима в Китае: присоединившись к английской группировке, как благодаря своему договору с Англией (1902 г.), так и понимая стоящие перед ней возможности поживиться за счет Германии, Япония отхватывает Шаньдунскую провинцию с прекрасным портом Циндао и с железной дорогой Циндао—Цзинань-фу.

Япония, однако, не удовлетворяется и такой сферой влияния. Ее надежды окрылены слабостью сопротивления Китая и затяжным характером мировой войны, и она уже в 1915 году, путем угроз, подкупов, провокаций, заключает тайный договор с китайским президентом Юань-Ши-Каем, по которму Китай должен был бы превратиться в полуколонию Японии. В этом договоре, известном под названием 21 требования, имеются пункты, согласно которым китайское правительство обязуется иметь японских инструкторов в армии, японских начальников полиции, японских советников в министерстве иностранных дел, не говоря уже о преимуществах для японских банков в угольной промышленности, в текстильной и т. д.

После нашей Октябрьской революции японские империалисты совершенно теряют чувство меры и всерьез начинают думать о захвате не только Китая и Маньчжурии, но и Монголии, и нашей Сибири, вплоть до Урала.

Под предлогом защиты пробиравшихся через Сибирь контрреволюционных легионов чехо-словаков, свергавших по дороге советскую власть, японцы высаживают десанты во Владивостоке, свергают там вместе с чехами в 1918 году советскую власть, пополняют свои десанты армией в 70—80 тысяч штыков, и посылают отряды на Кит.-Вост. жел. дор. в Харбин и другие станции этой дороги; одновременно они направляют свои отряды в Амурскую область, в Забайкалье (Читу), Иркутск и военную миссию в Омск к Колчаку.

Имея самое сильное влияние на центральное правительство в Пекине, Япония через племянника тогдашнего президента Китая Сюй-Ши-Чана, генерала Сю, проводит свою политику в Монголии, впоследствии (в 1920—21 г.г.) помогает бандам барона Унгерна совершать налеты в районе Троицко-Савска и в Иркутской губернии.

В таком положении, с такими планами застает Японию «мирная» Версальская конференция. Само собой разумеется, что разбойничья политика Японии по отношению к нашему государству, как и по отношению к Китаю, мало тревожила империалистов других держав, тем более, что по отношению к нам Япония действовала в рамках общеимпериалистического плана. Но ни Америка, ни Англия, ни другие «союзники» не могли мириться с тем, что Япония, воспользовавшись мировой войной, захватила исключительное влияние в Китае. И с этого времени начинается между империалистами борьба за Китай, вернее, за ликвидацию японского влияния в Китае.

Главным противником Японии в Китае выступают Соединенные Штаты Америки. Такое положение становится понятным, если вспомнить, что Америка ни до, ни после мировой войны не имела в Китае территориальных сфер влияния.

Америка рассматривала Китай, главным образом, как рынок сбыта, она стала ценить Китай, как место применения капитала лишь после мировой войны, когда миллиарды накопленного капи-

тала душили американскую промышленность в рамках Соединенных Штатов.

Но не меньшее значение, чем непосредственная торговля с Китаем и непосредственное помещение в нем капиталов, играли роль и стратегические соображения Америки.

С юга Китая, откуда на расстоянии двух дней езды, расположены Филиппинские острова (колония Америки с 1898 г), Америка лучше всего может контролировать эти свои владения и также наблюдать за базами английского империализма на Тихом океане— Гонконгом и Сингапуром. Из Южного Китая Америка лучше всего может сноситься с островами Голландской Индии, где находится нефть и резина, разрабатываемые англо-голландским капиталом, и куда устремляется за последнее время также американский капитал. Наконец, подсобный способ сношения с Австралией из Южного Китая в перспективе также должен прельщать Америку, стремящуюся играть роль первенствующей державы на всем Тихом океане. Уже теперь огромные американские теплоходы регулярно плавают по Тихому океану, устанавливая торговые связи с важнейшими центрами на Тихом океане. Рейсы Сан-Франциско, японские порты Шанхай, Гонконг, Филлипинские острова и обратно, с этого года прочно устанавливались, и Америка ищет возможности заходить в китайские порты, минуя Японию.

Чтобы иметь свободные пути в Китае для наивыгоднейшего использования его, как рынка сбыта, места приложения капиталов и места, откуда лучше всего протянуть лапы на южную часть Тихого океана, Америка после мировой войны должна была раньше всего умалить значение там Японии.

И на пути к достижению этой цели Америка раньше всего стремится бить Японию в Китае рублем.

Весной 1920 года представитель американских и английских банков Ламонд прибывает в Китай с планами учредить банковский консорциум, т.-е. единый интернациональный финансовый центр для эксплоатации природных богатств в Китае и индустриализации страны по общему для всех империалистов плану. Америка, как самая богатая страна, понятно, играла бы в консорциуме первую скрипку. Эта попытка «мирного» разрешения американо-японских противоречий в Китае с самого же начала потерпела крушение. Японское правительство, повидимому, давшее на Версальской конференции принципиальное согласие на такого рода консорциум в Китае, в 1920 г., не смогло совладать с «общественным мнением» монополистов и военщины и повело ярую атаку против Ламонда в Китае, разоблачив перед китайскими массами угрожающую им опасность со стороны об'единенного выступления империалистов. Выяснилось, например, что, в виде залога под займы, которые консорциум будет давать китайскому правительству, или отдельным милитаристам, консорциуму будет предоставлено право взимания земельных налогов с китайских крестьян, и ему будет предоставлено, кроме того, монопольное право на взимание косвенных налогов с некоторых предметов потребления первой необходимости.

И так как в то время в Китае было правительство, составленное после борьбы между армиями Дуань-Ци-Чжуя, ориентировавшегося на Японию, и отражавшими интересы Англии и Америки Цао-Куня и У-Пей-Фу, победившими японо-фильскую группиров-

ку и поэтому некоторое время игравшими более или менее самостоятельную роль, то разоблачения Японии вынудили пекинское правительство, в лице тогдашнего министра иностранных дел В. В. Иен, написать открытое письмо Ламонду с требованием опровергнуть сведения захватнических планов консорциума. Ответ последовал в такой форме, что китайская общественность не имела ни малейшей причины сомневаться в истинных намерениях империалистов.

После срыва плана консорциума Америка выступает в Китае с требованием «открытых дверей», с одной стороны, и защиты китайского суверенитета, — с другой.

«Мирная» Вашингтонская конференция, о которой шла речь в продолжение всей второй половины 1921 года, собиралась Америкой под знаком защиты китайской суверенности и сокращения морских вооружений, а на самом деле с целью расторжения англо-японского договора, дабы изолировать Японию на Дальнем Востоке, и с целью ослабления ее влияния в Китае.

Известно, что Америка добилась своей цели лишь отчасти. Вашингтонское соглашение в феврале 1922 года, действительно, ослабило японское влияние в Китае, но далеко не настолько, как формально было поставлено на конференции.

Чтобы создать такое положение в Китае, которое соответствовало бы фактически формальной победе Америки на Вашингтонской конференции, необходимо было разгромить реальную силу в Китае, поддерживаемую Японией, и создать такое центральное правительство в Пекине, которое слушалось бы Вашингтона и Лондона, а не Токио. И, действительно, через несколько месяцев после Вашингтонской конференции в северной части Китая разыгрывается кровавая борьба между У-Пей-Фу (англо-американская ориентировка) и Чжан-Цзо-Лином (японская ориентировка). Эта борьба продолжалась до тех пор, пока не получил известный перевес У-Пей-Фу над Чжан-Цзо-Лином, перевес, достаточный, чтобы увеличить влияние в Китае Англии и Америки, однако, не настолько, чтобы ликвидировать влияние Японии. Такое положение отражало настоящее соотношение сил между Америкой и Японией в то время.

С лета 1922 г. политическая жизнь Китая по настоящее время полна борьбой между этими империалистами. Малейшее ослабление Японии в национальном или интернациональном отношениях немедленно вызывало выступление Америки.

Успешная борьба наших партизанских отрядов и Красной армии против японских ставленников на русском Дальнем Востоке — меркуловцев, дидерихсов, капелевцев и проч., и окончательная ликвидация белых и черных правительств в Приморской области, вынуждает Японию убраться окончательно с нашей территории, и это отражается на японо-американских отношениях в Китае. Америка становится более агрессивной, и в 1923 году она изгоняет китайского президента Ли-Юн-Хуана и ставит на его место орудие американского капитала — Цао-Куня.

Прошлогоднее землетрясение в Японии, сделавшее ее во много раз беднее и слабее, чем раньше, вызывает в Америке новые стремления быстрее ликвидировать японское влияние в Китае. И она ищет повода, чтобы начать эту ликвидацию.

События, развернувшиеся в Китае несколько недель тому назад, являются завершением борьбы в Китае между англо-американским и японским империализмом. Снова принимают участие в борьбе те же китайские милитаристы — Чжан-Цзо-Лин и У-Пей-Фу. Снова они дерутся у Шанхай-Гуаня, там, где территориально граничат сферы влияния Японии со стороны Маньчжурии, Америки и Англии, со стороны Чжилийской провинции.

Но в настоящее время антогонизм между империалистами в Китае более обострен, чем в 1922 году, хотя бы потому, что одна сторона много слабее другой, в то же время сами китайские милитаристы более вооружены и располагают большими армиями, чем раньше. Таким образом, настоящая борьба чревата, несомненно, большими опасностями, чем все столкновения, которые бывали в современном Китае до настоящего времени.

Пойдут ли империалисты в своей борьбе в Китае так далеко, чтобы вызвать такое обострение отношений между Америкой и Японией, которое предполагало бы уже теперь непосредственное столкновение между ними? Можно полагать, что борьба такого оборота не примет. Япония будет стремиться при напряженнейшем отстаивании своих интересов, избегнуть, однако, столкновения с Америкой. Американское правительство, которому предстоит через два месяца пережить президентские и общие выборы в стране, вряд ли захочет испытать теперь на вопросе о войне отношение к себе широких рабочих масс и фермерства.

Возможный исход настоящей борьбы в Китае нам рисуется в вооруженном перемирии в Китае, с некоторым перевесом в сторону интересов англо-американского империализма. Причем все перемирие делается за счет перекраивания сфер влияния, за счет интересов трудовых масс Китая и отчасти СССР, поскольку мы соприкасаемся с Китаем.

С каждым годом для империалистов все больше исчерпываются возможности изживать свои внутренние противоречия путем мирных конференций, вооруженных перемирий, группирования и балансирования политических сил на мировой арене.

События в Китае обнажат перед лицом мирового пролетариата, как истинные стремления империалистов, так и огромные опасности новой мировой войны на Тихом океане, где интересы мирового империализма перекрещиваются, запутываются больше, чем где бы то ни было. Малейшее ослабление одной из сторон, балансирующих теперь равновесие на Дальнем Востоке, неминуемо вызовет невиданную еще до сих пор свалку мировых империалистов.

Коммунистический пролетариат Запада и трудовые массы Востока должны зорко следить за событиями на Дальнем Востоке и быть готовыми к борьбе с империализмом.

С. Тимов.

Финансовый кризис и национально-освободительная и классовая борьба в Румынии.

Румынская буржуазия проходит через тяжелую полосу своего существования. Финансовый кризис, переживаемый страной, достиг в настоящее время таких чудовищных размеров, что грозит весьма серьезными последствиями. Одними из таких последствий являются, несомненно, и крестьянские восстания, которые, начавшись на юге Бессарабии, нашли себе отклик и в других частях страны. И совершенно права была одна видная буржуазная румынская газета, когда только на этих днях писала, что два момента определяют всю политическую ситуацию страны; 1) финансовый кризис и 2) отношение Румынии к СССР в связи с бессарабским вопросом.

1. Финансовый кризис.

Румынская буржуазия, стоящая на высоте своего положения в деле порабощения чужих национальностей и подавления рабочего и коммунистического движения, оказалась банкротом в области экономической консолидации страны. Нефтяной промышленности ей до сих пор не удалось восстановить. Экспорт упал, несмотря на то, что страна, увеличившаяся в результате войны в $2\frac{1}{2}$ раза, располагает большими рессурсами, чем до войны. В то время, как в 1913 г. было вывезено 4.568.740 тысяч тонн, в 1922 г. вывезли только 3.881.156 т. т. Подвижной состав жел. дор. также находится в неудовлетворительном состоянии: по данным на 1924 год, он на 50% дефективен. Сельское хозяйство определенно пошло на убыль и даже, по официальным источникам, производительность его упала на 18,5%.

За то, если мы обратимся к данным об эмиссии Национального банка, то мы увидим, что в то время, как в 1914 г. количество выпущенных кредитных билетов равнялось 400 миллионов лей, в середине сентября текущего года эта сумма достигла 18.841 миллионов лей. Рост эмиссии привел к сильному обесценению румынской валюты, с одной стороны, и еще большему росту цен, с другой. В этом обстоятельстве крылась опасность к р и з и с а с б ы т а, который и начал себя давать чувствовать несколько времени тому назад. Кризис сбыта привел к сокращению производства, которое

выразилось в закрытии фабрик и заводов и увольнении рабочих. В настоящее время безработица господствует во всей стране. Увеличение безработицы, еще больше уменьшило покупательную способность масс, следовательно, увеличило кризис сбыта. В Румынии 82% населения составляет крестьянство, но покупательная способность его еще ниже покупательной способности городского пролетариата. Это об'ясняется тем обстоятельством, что в росте цен на продукты промышленности и сельского хозяйства существует определенная диспропорция. Если мы, сравнивая цены, примем за сто цены, существовавшие 1-го августа 1916 г., то увидим, что к 20-му августа 1924 г. цены на сельско-хозяйственные продукты увеличились в 41,55, а цены на промышленные—в 48.05. В сентябре разница еще больше увеличилась. Эта диспропорция беспрерывно уменьшала покупательную силу деревни и увеличивала кризис сбыта отечественной промышленности, работающей, главным образом, на крестьянский рынок.

Правительство, для того, чтобы приостановить падение леи и рост цен, сильно сократило эмиссию. Сокращение же эмиссии создало сильные денежные затруднения кредитующейся промышленности. Банки оказались неспособными притти на помощь ей потому что, крупные из них, сросшиеся после войны с промышленными предприятиями, вложив в них все свои капиталы, сами оказались в весьма затруднительном положении. В результате, страна очутилась перед лицом *сильного денежного кризиса*, подобного которому Румыния еще никогда не знала.

2. Революционное движение крестьянства.

Первым, кто реагировал на этот кризис, явилось *крестьянство*. Мы уже указывали выше на диспропорцию (несоответствие), существующую в ценах на продукты сельского хозяйства и промышленности. Эта диспропорция растет беспрерывно. На основе этого несоответствия цен создался *разрыв между городом и деревней*. По сообщению газет, в некоторых местах крестьяне начинают отказываться принимать бумажные деньги и переходят на натуральный обмен.

Для того, чтобы спасти государственный бюджет, румынское правительство увеличило все тарифы. Железнодорожный тариф увеличен на 25%, некоторые таможенные пошлины на целых 100%. Это привело к новому сокращению вывоза, что, в свою очередь, вызвало новое падение цен на сельские продукты. Например, в Ардяле только за одну неделю стоимость ржи упала с 70—71 тысячи лей за вагон на 67—66 т.; картофель с 25 на 15 т. лей и т. д. В области животноводства, благодаря высоким таможенным ставкам и стоимости перевозок по жел. дорогам, начала удачно конкурировать с Румынией на международном рынке Юго-Славия. Америка, Аргентина и СССР выступают конкурентами Румынии на хлебном рынке. Таким образом, румынское крестьянство оказалось в весьма невыгодном положении. Финансовый кризис ударил, прежде всего, по его интересам.

Налоговый пресс в Румынии давит с особенной силой. Внутренний долг ее, по вычислениям одного румынского банкира, достигает в настоящее время 35 миллиардов, а внешний 5½ миллиардов золотых франков. Румынское правительство выкупило

у помещиков земли, выдало им за них 15 миллиардов государственных обязательств и крестьянству приходится теперь расплачиваться за эту «экспроприацию». Но крестьянство ни в какой мере не удовлетворено земельной реформой. Прежде всего, не все крестьяне еще наделены землею. Лучшие участки земли отдаются чиновникам и ставленникам правительства. В Трансильвании правительство фаворизирует венгерским магнатам, в ущерб крестьянству. При этом в некоторых местах само крестьянство прогонялось из своих владений, а экспроприированная земля передавалась промышленным предприятиям. В старом королевстве землею наделялись лица, не имеющие на то права. В Буковине наделенные землею крестьяне, были вновь экспроприированы, при этом специальным законом были возвращены бывшим собственникам леса. Злоупотребления на этой почве происходили, понятно, и в Бессарабии; все это служит источником недовольства и возмущения крестьянства. В старом королевстве крестьянские частичные вспышки происходили часто, но они быстро подавлялись. За то широкий характер крестьянские волнения принимают в новоприсоединенных провинциях. Здесь к источникам общего недовольства прибавляется недовольство на почве национального и политического гнета. В силу своих центробежных стремлений, режим угнетения великодержавной румынской буржуазией здесь особенно силен, администрация здесь особенно подкупна, произвол жандармерии, господствующей в деревне, более велик, чем где бы то ни было. *Социальный гнет в новоприсоединенных провинциях является одновременно и национальным*, а крестьянское движение, вырастающее: 1) на почве обострения отношений между городм и деревней в связи с финансовым кризисом и 2) на почве недовольства способом разрешения аграрной проблемы и с целью, поэтому, захвата и раздела земли и инвентаря,—*вырастает из чисто социального движения в движение за национальное освобождение от господства иностранной буржуазии*.

Крестьянское движение началось в *Бессарабии* и носило глубоко социальный характер. Крестьяне *провозгласили советскую власть*, которая, например, в Татар-Бунарах просуществовала три дня. К движению, прежде всего, присоединился сельский пролетариат, в то время, как против восставших крестьян выступила армия и местное немецкое кулачество, что сообщило движению характер *гражданской войны между различными классовыми группировками*, с одной стороны, и *национальной борьбы против иностранных оккупантов*, с другой.

Несмотря на то, что революционное движение крестьянства было подавлено в крови, на него, спустя немного времени, откликнулось крестьянство *Добруджи*. Добруджа—это бывшая болгарская провинция, в которой революционные традиции четничества еше не изжиты. Добруджскому крестьянству живется не лучше бессарабского. Румынское правительство особенно сильно восстановило против себя эту часть крестьянства, так называемой, колонизацией. Румынская олигархия, не чувствуя под собой сильной почвы на периферии, населенной чужими национальностями, старается заселить эти провинции румынами. Но так как румынские крестьяне также не представляют сильной гарантии для румынской

буржуазии, то она предоставляет землю на границе, отбирая ее у местных крестьян, так называемому «национальному элементу», т.-е. бывшим солдатам, офицерам, отличившимся в последнюю войну, чиновничеству и пр. Эта колонизация особенно практикуется в Добрудже, вызывая недовольство местного крестьянства. Судя по телеграфным сообщениям, именно на этой почве и возникло крестьянское движение в Добрудже.

3. Обострение классовой борьбы и пролетариат.

Крестьянское движение является, конечно, признаком обострения классовой борьбы в Румынии. К сожалению, разрыв между городом и деревней, пробуждающий отсталые массы крестьянства к борьбе, происходит в тот момент, когда городской пролетариат менее всего способен притти на помощь крестьянству. Реакция, существующая в стране, не дает возможности компартии проявить какую бы то ни было легальную деятельность. В настоящее время, наиболее крупные промышленные центры находятся на осадном положении, которое ставит фактически нашу партию вне закона. В Бухаресте, например, существуют два приказа: № 1 и № 2, на основании которых можно предать суду любого человека, неугодного правительству. Вот некоторые выдержки из них:

> «Ст. 1. Будут подвергнуты наказанию, предусмотренному ст. 78 уголовного кодекса (заключение в тюрьму на 5—10 лет, а при смягчающих вину обстоятельствах, минимум на один год):
>
> а) Всякий, кто будет проповедывать письменно или устно изменение формы правления или уничтожение, или изменение силою законов и основ государства. b) Всякий, кто присоединится к агитации за какой-нибудь из перечисленных поступков. Существующие общества, преследующие подобные цели, будут распущены. c) Всякий, кто примет участие на каком-нибудь собрании, преследующем пропаганду этих поступков. d) Собственники, которые по доброй воле предоставят залы для устройства собраний и лекций. e) Всякий, кто напечатает на машине, шапирографе, напишет, издаст или распространит книги, брошюры, газеты, афиши или какой-нибудь другой материал, имеющий целью распространение вышеуказанных идей. f) На всякого, кто окажет какую бы то ни было помощь виновнику, будет возложена ответственность за один из вышеуказанных поступков, независимо от того, живет ли он в зоне осадного положения или нет. g) Всякий, кто будет вывешивать, выставлять или носить знаки или эмблемы, выражающие призыв или убеждения, противоположные законом и основам государства. h) Предусмотренные в этом приказе наказания, будут применены и к тем лицам, которые совершили поступки вне зоны осадного положения, но которые живут в этой зоне». (Приказ № 1).

Это настоящий к о д е к с б е л о г о т е р р о р а в Р у м ы н и и. Он издан специально для коммунистов и на его основании, в конце сентября месяца, в Бухаресте, военный суд судил 21 товарища за то, что они собрались создать кооперативное рабочее издательство. 16 из них были приговорены в общей сложности к 44 месяцам тюремного заключения.

При таком положении вещей, понятно, не может быть речи о какой-нибудь широкой деятельности. Партии приходится действовать подпольно. В последнем воззвании, нелегально выпущенном к крестьянству, партия раскрывает смысл происходящих сейчас в Румынии событий и предлагает свою программу в аграрном и национальном вопросе.

4. Перспективы классовой и национальной борьбы.

Однако, сколько бы буржуазия не загораживала себя драконовскими законами, ей не избежать своей судьбы. По всем видимостям, в ближайшем будущем классовая борьба еще больше должна будет обостриться. Румыния не так скоро выйдет из финансового кризиса, а когда выйдет, то только ценой уступок иностранному капиталу. Румынская буржуазия создала ряд ограничительных мер против иностранного капитала. Для того, чтобы получить у иностранных капиталистов заем и, таким образом, выйти из критического положения, румынская буржуазия вынуждена будет сговориться, в конце-концов, с иностранцами относительно их доли участия в деле эксплоатации румынского крестьянства и пролетариата. Сейчас намечается перспектива создания делового министерства из банкирских деятелей, которые и должны будут эту сделку произвести. Но новые займы—означают новые налоги, а усиленная эксплоатация отечественным и иностранным капиталом масс, вызывает нужду в еще более усиленном режиме, с целью подавления сопротивления этих масс. Пока буржуазия собирается это проделать в Бессарабии: увеличить жандармерию и «национальный» элемент. Поэтому, хотя, несомненно, что допущение в страну новых источников иностранного капитала, может уменьшить безработицу и вызвать экономическое оживление, все же столь же несомненно, что именно это оживление еще больше обострит противоречие классовых интересов.

Мы уже отметили, что классовая борьба в новоприсоединенных провинциях является одновременно и борьбой за национальное освобождение. В связи с событиями в Бессарабии, вопрос о последней снова всплыл на поверхность. Румынские публицисты зовут борющиеся партии забыть существующие между ними разногласия и об'единиться в общем деле «спасения» этой провинции. Румынская буржуазия уже не однажды давала пример классовой солидарности, несмотря на противоречие интересов отдельных клик,—перед лицом общего врага. Она, вероятно, не изменит себе и в данном случае. Но что характерно отметить в связи с этим вопросом, так это тот интерес, который буржуазное общество проявляет к создаваемой нами М о л д а в с к о й Р е с п у б л и к е.

С точки зрения национальной политики нашей партии, выделение молдаванского населения, населяющего Приднестровье, в самостоятельную государственную единицу — не представляет из себя ничего из ряда вон выходящего. Однако, создание этой республики, в своей исторической перспективе, волей-неволей связано с бессарабской проблемой и румынская правящая олигархия сразу эту связь усмотрела. Официальные круги делают вид, что они очень довольны этим фактом, усматривая в нем косвенное признание (?) за Румынией ее прав на Бессарабию. Они выражают надежду, — устами премьера правительства, — что создание

республики будут способствовать установлению дружеских отношений между СССР и Румынией. Но неофициальная пресса не скрывает своего беспокойства и распространяют самые нелепые и чудовищные слухи о нарождающейся республике. По ее мнению, СССР, создавая Молдавскую Республику, строит козни против румынского господства в Бессарабии, мало того, стремится... присоединить к себе... всю Румынию (??). Так дословно писала одна бухарестская газета.

О чем свидетельствует все это? Да о том, что наша национальная политика, нашедшая себе осуществление и на берегах Днестра, сильно беспокоит румынских сатрапов. Ведя пропаганду на этой почве против СССР, румынская печать в то же время пропогандирует (об'ективно) идею национального самоопределения народов, за которую наша компартия в Румынии так жестоко поплатилась, когда его выкинула в русско-румынской конференции в Вене. Эта идея становится все более и более популярной, обнаруживая самую слабую сторону в господстве румынской буржуазии над чужими национальностями.

Пути социальной революции в Румынии, поэтому, будут итти по двум руслам: классовой и национальной борьбы. Оба они, в условиях современной румынской действительности, друг друга дополняют. Это обстоятельство и служит залогом победы над капитализмом на этом национальном участке мирового фронта.

Н. Петров.

Возврат к аграрному протекционизму.

В качестве подачки националистами за принятие законопроектов, связанных с планом Дауэса, германское правительство Маркса развертывает программу аграрного протекционизма. Конец 1924 года должен ознаменоваться проведением в жизнь законов об установлении высоких, «покровительственных», таможенных пошлин на ввозимые в Германию из-за границы сельско-хозяйственные продукты, в первую очередь—на хлеб (рожь, пшеница).

Подготовляемая ныне таможенная реформа восстановит, повидимому, почти во всех частях систему покровительственных пошлин, действовавшую до войны. Всем своим существом она направлена к защите интересов крупных сельских хозяев, что, конечно, торжественно именуется «защитой отечественного сельского хозяйства». Всей своей тяжестью она обрушится на широкие массы потребителей и в первую очередь—на рабочий класс, хотя продажные перья будут доказывать как раз обратное.

Сущность практиковавшейся до войны таможенной системы в Германии сводилась в отношении сельско-хозяйственных продуктов к следующему. Весь хлеб, который немцы должны были ввозить к себе из-за границы (так как собственное производство не удовлетворяло потребностям страны). при переходе через границу облагался таможенной пошлиной. Размер последней был очень высок, достигая, для пшеницы (с 1902 года) 5½ марок с двойного центнера; это составляло от 25 до 35% цены самой пшеницы.

Рожь и ячмень были обложены 5 марками дв. центнера, овес—4 м., кукуруза—3 м., мука 10 марками 20 пфен. Но эти ставки существовали лишь для продуктов тех стран, с которыми были заключены особые договоры о там. тарифе («конвенциональный тариф»). Прочие же страны, при ввозе своих хлебов в Германию, платили пошлину гораздо более высокую.

Результат был тот, что цена на хлеб в Германии поднималась выше, чем на мировом рынке, например, в Англии (где пошлины не было). В 1913 году пшеница в России (Рига) стоила 1 руб. 16 к. пуд, в Лондоне—1 р. 24 к. п., в Берлине же она продавалась по 1 руб. 50 к. п., т. е. на 34 коп. (на 30%) дороже, чем в Риге, и на 26 к. (или 20%) дороже, чем в Лондоне. Таким образом затруднялся ввоз в Германию хлеба из-за границы, и немецкие «сельские хозяева», т. е. помещики крупно-кулаческое крестьянство могли продавать свой продукт по более высокой цене, выручая дополнительную прибыль.

Эта дополнительная прибыль, конечно, не могла быть одинаковой из года в год. Когда был неурожай—она была большой,

достигла размера всей пошлины и выручалась легко: товару не хватало. «Хуже» было в годы урожая, так как вследствие сильной внутренней конкуренции цены падали; тут и пошлины недостаточно помогали. Дополнительная прибыль сельских хозяев сокращалась, они начинали вопить об угрозе сельскому хозяйству и т. д.

Германское правительство, состоявшее из юнкеров, т. е. из партии крупных земельных собственников, нашло способ еще более энергично помочь «нужде» сельских хозяев и дополнило таможенную систему особой, т. н. «системой ввозных свидетельств». Последняя дала возможность вывозить хлеб из Германии за границу, несмотря на то, что цены внутри страны были гораздо выше международных.

Достигалось это таким образом. Всякий экспортер хлеба из Германии при переходе через границу получал «ввозное свидетельство», в котором отмечалось, сколько и какого хлеба вывезено. Свидетельство давало право ввезти в Германию без всякой пошлины такое же количество хлеба из-за границы, причем закон 1902 г. разрешил беспошлинный провоз по «ввозному свидетельству» не только хлеба, но и ряда других товаров, как-то: кофе, керосина. То-есть, можно было проделывать следующую операцию: купить в Пруссии партию ржи по ценам гораздо более высоким, чем в Англии, и отправить эту рожь в Лондон для продажи по тамошним ценам; при вывозе хлеба через границу получить «ввозное свидетельство», на основании которого обратно из Англии в Пруссию можно будет провезти, не платя пошлины, кофе, керосин, или какой-нибудь другой хлеб; всякий импортер кофе и под. продуктов поэтому охотно мог купить «ввозное свидетельство», что и давало возможность экспортеру прусской ржи не только не понести убытка от продажи в Англии по ценам ниже себестоимости, но выручить прибыль.

Какой же из всего этого получался результат? Из Германии было выгодно вывозить хлеб даже тогда, когда заграницей он стоил значительно дешевле; разницу в цене можно было с лихвой покрыть продажей «ввозного свидетельства». Таким образом искусственно поддерживался усиленный вывоз хлеба заграницу, несмотря на то, что его внутри страны не хватало. Отсюда—еще более высокие цены на с'естные припасы, а для «сельских хозяев»—еще более высокие прибыли. Получалось парадоксальное положение: Германия, нуждающаяся в хлебе сама, вывозила его заграницу, при чем хлеботорговцы находили выгодным вывоз не только в страны с недостатком хлеба (Скандинавский полуостров, Великобритания), но даже и в такую страну дешевого хлеба, как Россия! Последние 6 лет перед войной через западную границу бывш. Российской империи ежегодно привозилось из Германии не менее 6—6½ милл. пудов. Эта цифра сама по себе не очень велика (наш вывоз до войны равнялся 750 милл. пуд. в год), но она показательна. Она ярко подчеркивает, как далеко ушло германское правительство в деле защиты интересов своих «сельских хозяев».

Итак, в отношении сельско-хозяйственных продуктов, так же, как и в отношении промышленных изделий, Германия перед войной отгородила себя от внешнего мира посредством стены высоких таможенных пошлин. Процессу углубления международного разделения труда были и с этой стороны воздвигнуты таким обра-

зом, препятствия. В странах, сравнительно мало пригодных для развития сельского хозяйства, последнее стало поддерживаться искусственными мерами. Благодаря «системе ввозных свидетельств», направленной в особенности к поддержанию ржаных хозяйств, дело дошло даже до того, что Германия стала экспортировать ржи больше, чем импортировать (1908—1913 г.г.).

Для нашей страны этот факт имеет очень существенное значение. Наше крестьянство преимущественно производит не пшеницу, которой питается буржуазная Европа, а рожь. Последняя же у нас ранее сбывалась в Германию, так как другие страны ее покупали слабо. Введение Германией высоких покровительственных пошлин, искусственное поощрение вывоза и препятствие ввозу ржи, суживают рынок сбыта этого нашего продукта. Поэтому вопрос о величине таможенных ставок для наших хлебов в Германии давно уже сделался предметом серьезных международных переговоров. В торговых договорах, которые придется заключать СССР с Германией и другими странами, нам придется не один раз еще возвратиться к вопросу о пошлинах на советский хлеб.— Речь идет о сужении или расширении рынка для нашего хлеба.

Защитники высоких хлебных пошлин в Германии утверждают обыкновенно, что при благоприятных условиях, т. е. при высоких пошлинах и высоких ценах, Германия может развить сельское хозяйство настолько, что оно будет удовлетворять потребностям страны. Достичь такого положения особенно признается желательным во избежание недостатка в хлебе в случае войны. Любопытно теперь отметить, оправдались ли на практике эти расчеты на достижение независимости от заграницы в области снабжения хлебом?

Несмотря на то, что за последнее десятилетие перед войной урожаи значительно повысились, усиленный ввоз хлебов, особенно пшеницы, попрежнему остается необходимостью. Рост продукции сельского хозяйства, под влиянием искусственно вздутых цен, несомненно, есть. Но он не поспевает за ростом населения страны.

Последнее увеличивалось следующим образом:

1870 г.	40.818	милл.	чел.
75 »	42.729	»	»
1880 »	45.236	»	»
85 »	46.858	»	»
1890 »	49.428	»	»
95 »	52.280	»	»
1900 »	56.367	»	»
05 »	60.641	»	»
1910 »	64.926	»	»

Увеличивающееся население потребляет все большее количество хлеба; «отечественное» производство его растет, но не менее быстро принужден расти и ввоз из-за границы. Нужно к тому же заметить, что собственная продукция зерна в Германии развивается почти исключительно за счет более интенсивной обработки земли, а не путем расширения площади посева—последнее осуществимо лишь в сравнительно узких пределах. Если мы сопоставим рост населения с увеличением собственной продукции, импорта и экспорта пшеницы, то получим очень показательную картину:

Года.	Население в милл.	Продукция.	Ввоз.	Вывоз.
		в миллионах тонн.		
1895	52.280	3.172	1.338	0.070
1900	56.367	3.841	1.294	0.295
1905	60.641	3.699	2.288	0.165
1910	64.926	3.861	2.344	0.281

Таблица, бесспорно, говорит о том, что «покровительствование» германскому сельскому хозяйству не освободило Германию от самой очевидной зависимости в деле снабжения хлебом от заграницы. За 15-летний период усиленного протекционизма собственная продукция пшеницы выросла лишь на 22%, а привоз ее из-за границы—на 80%. Правда, в отношении ржи дело обстоит несколько более благополучно: вывоз ржи на некоторую величину стал даже больше ввоза (начиная с 1908 г.),—но это об'ясняется особым премированием вывоза ржи, благодаря «системе» ввозных свидетельств». Продукция ржи и пшеницы, вместе взятых, увеличилась за период 1893—1903 г.г. на 37%, а привоз обоих этих хлебов вместе—на 71%. Хлебные пошлины не оправдали себя, как средство сделать Германию независимой от иностранного хлеба.

Тем не менее—вновь и вновь поднимается вопрос о возврате на путь аграрного протекционизма... В чем секрет этой idee fixe («навязчивой идеи»)? — германских сельских хозяев интересует самый факт высоких хлебных цен, а следовательно—высоких дополнительных прибылей и высоких цен на землю. Это их об'единяет под знаменем «защиты сельского хозяйства», это заставляет их, в блоке с финансовым капиталом, ратовать за протекционизм вообще. Речь идет о перераспределении национального дохода между различными классами при чем таможенные пошлины выступают как орудие этого перераспределения.

В особой работе, посвященной «таможенным пошлинам как фактору распределения» *), я произвел по возможности точную оценку тех переплат, к которым вынуждается потребитель той или другой страны под давлением таможенной системы своего отечества. Получились следующие любопытные цифры для Германии:

На пшенице переплачивается	217,3	милл.	фр.
» ржи »	315,0	»	»
» ячмене »	328,8	»	»
» овсе »	280,0	»	»
» кукурузе »	30	»	марок.

А всего, таким образом, немецкий потребитель, в первую очередь, рабочий класс переплачивает на хлебе 171,1 миллиона франков, т. е. около 425 миллионов золотых рублей **). Действительная

*) Подготовляется к печати.

**) Исчисленные аналогичным способом переплаты для разных стран дали следующие суммы: Франция - 540 милл., Австро-Венгрия—366 м. фр., Италия 325 м. франк. Бельгия (3 фр. пошлина на овес)—18 м. фр., а все пять стран—2 миллиарда 394 миллиона золотых франков.

цифра переплат, вероятно, значительно выше, так как при вычислении приходилось из осторожности преуменьшать цифры. Итак, полмиллиарда рублей ежегодной дани — вот что означает германский аграрный протекционизм для германских «сельских хозяев».

Германская рабочая семья средней величины переплачивает на хлебе в среднем от 30 до 50 марок ежегодно, что при заработке около 1000 марок составит 3—5%. Таков размер того особого вида косвенного налога, который создается таможенной системой. Отличие его от прочих косвенных налогов заключается лишь в том, что только незначительная его часть поступает в казну (пошлина с ввозимого хлеба), большая же часть распределяется по карманам «сельских хозяев»—помещиков и кулачества, землевладельцев, хлеботорговцев-скупщиков и т. д.

Когда говорят, что высокие хлебные пошлины выгодны «сельскому хозяйству, то на первый взгляд кажется, что от вздорожания хлеба выигрывают все сельские хозяева. Не может быть ничего более неверного, чем подобное утверждение.

В Германии сельские хозяйства, по своей величине, на основании статистики 1895 г., могут быть разделены на следующие группы:

Разряды хозяйств по величине участка.	Число хозяйств-предприятий.		Количество годной для обработки земли.		Средний размер участка в гектарах.
	Абс. числа.	В %.	Абс. число в гектарах.	В %.	
1. От 0 до 2 гектар.	3.235.169	58,22	1.807.870	5,56	0,55
2. „ 2 „ 5 „	1.016.239	18,29	3.285.720	10,11	3,24
3. „ 5 „ 20 „	989.701	17,97	9.720.935	29,90	9,72
4. „ 20 „ 100 „	281.734	5,07	9.868.367	30,35	35,12
5. „ 100 „ и более гект.	25.057	0,45	7.829.007	24,08	313,16
	5.558.300	100	43.284.700	100	—

Первая группа имеет в лучшем случае 2 гектара на хозяйство. При урожае с гектара 20 квинталов пшеницы или 18 квинталов ржи эти хозяйства не смогут собрать более 12—15 квинталов, т. е. даже того количества, которое необходимо для собственного продовольствия и обсеменения. Всех сельских хозяев 1-й группы, три слишком миллиона человек, необходимо зачислить скорее в категорию покупателей хлеба, но уже ни в каком случае—не в категорию его продавцов. Вся первая группа прямо заинтересована в уничтожении высоких пошлин на хлеб, в понижении цен на последний; а эта группа одна составляет более половины всех сельских хозяев Германии (58,22%).

Вторая группа (1.016.239 хозяйств—18,29% всех сельских хозяйств Германии) имеет средний размер участка 3,24 гектара. Наиболее «охраняемые» культуры—пшеница и рожь—занимают

ежегодно 1—1½ гектара в среднем, что дает около 20—25 квинталов продукта. По покрытии семенного фонда (ок. 5 кв.) и фонда личного потребления (ок. 12—15 кв.), не остается для продажи почти ни одного фунта. Возможно, конечно, что хозяйства этой группы с предельным размером участка в 5 гектаров уже могут выбрасывать хлеб на рынок, но зато хозяйства меньшего размера, ближе стоящие к 1-й группе, а таких хозяйств — подавляющее большинство, этого делать не могут. Они скорее прикупают хлеб, чем продают его. Во всяком случае, группу в целом вполне можно считать нейтральной по отношению к хлебным пошлинам.

Третья группа обнимает «крепкое крестьянство», работающее на участке от 5 до 20 гектаров (в среднем 9,72). Здесь уже перед нами несомненно производство на рынок. Хозяйства этой группы ежегодно продают 30—60 квинталов хлеба и, таким образом, прямо заинтересованы в высоких ценах, так же как и следующие группы среднего и крупного землевладения. Чем выше группа по размеру своего участка, тем выше товарность ее продукта, тем в большей степени извлекает она выгоду из пошлин на хлеб. Все три последние группы обнимают 23½% всех сельских хозяйств Германии, т. е. меньше ¼; вот эта то ¼ и вопиет о «нуждах» сельского хозяйства и о необходимости для него протекционистской политики!

Итак, система аграрного протекционизма в том виде, как она практиковалась в Германии накануне войны, самым решительным образом влияла на экономическое положение двух противоположных классов страны. На одном полюсе—11¼ миллионов индустриальных рабочих с их семьями, плюс другие группы трудовых потребителей, вроде служащих, представители свободных профессий, карликовые хозяйства в деревне и т. д. Вся эта масса уплачивает ежегодную дань в полмиллиарда золотых рублей во имя поддержки и развития отечественного сельского хозяйства. Поддержки и развития большого не получается—сельское хозяйство по-прежнему не может покрыть потребностей страны. Зато получается совершенно несомненная сверх прибыль, текущая в карманы «сельских хозяев», т. е. их верхней четверти: помещиков и кулацкого крестьянства. Этот миллион хозяйств и составляет ту социальную группу, которая прямо и непосредственно заинтересована в высоких хлебных пошлинах и с интересами которой, в лице националистов и тевтонцев, ныне собирается считаться правительство Маркса-Штреземана.

Выступая против протекционизма, коммунистическая партия противопоставляет ему не программу фритредерства (свобода торговли), которая сама по себе есть политика одной из фракций буржуазии. Компартия выставит программу реальных классовых интересов—пролетариата и широких трудящихся масс. При этом она будет знать, что против нее активными защитниками аграрного протекционизма выступит лишь богатое меньшинство сельских хозяев. Германские юнкера попытаются, конечно, об'единить все крестьянство под лозунгом «защиты сельского хозяйства». Но компартия будет знать, что действительные интересы маломощного крестьянства не выигрывают от протекционизма; в классовых схватках вокруг протекционизма она постарается вывести широкие массы мелких крестьян из-под влияния кулацко-помещичьих верхов.

А. Стецкий.

Перед новым хозяйственным годом.

(Статья вторая *).

В предыдущей статье указывалось, что в связи с недородом при том строении цен и доходов, которые мы имеем теперь, нельзя надеяться на значительное, по сравнению с истекающим годом, расширение рынка для продуктов нашей промышленности. Те плюсы, которые получатся на стороне крестьянского рынка вследствие более высоких, чем в прошлом году хлебных цен, и в результате увеличения «товарности» крестьянского хозяйства, будут компенсированы уменьшением хлебных излишков крестьянства вследствие недорода и понижением спроса на продукты промышленности, в результате тех же более высоких хлебных цен, со стороны городского населения. В связи с этим остро встает вопрос о перспективах промышленности на предстоящий год.

Теперь ясно насколько пустопорожни были начавшиеся коегде, как только выяснились перспективы неурожая, панические разговоры о том, что может быть неурожай заставит нас свернуть промышленность. О свертывании, конечно, не может быть и речи, так как емкость для промышленности товаров во всяком случае не меньше прошлогодней. Действительная опасность заключается в том, что при данном существующем теперь соотношении цен на промышленные и сельско-хозяйственные товары сбыт первых натолкнется на пределы, которые не дадут возможности сохранить прежний темп развертывания промышленности. С этой опасностью, которая грозит тяжелыми последствиями для всего хозяйства, необходимо прежде всего считаться и ее нужно устранить.

Даже при том темпе восстановления промышленности, какой достигнут теперь, мы не успеваем удовлетворять растущие культурные и хозяйственные потребности страны. Целый ряд этих потребностей и нужд населения и хозяйства остаются неудовлетворенными. В этом мы убеждаемся каждый день на каждом шагу. Вместе с тем, даже теперь промышленность не успевает поглощать рабочую силу, притекающую из деревень, и уменьшить безработицу.

Если промышленность останется надолго на том же уровне или темп ее восстановления серьезно замедлится — это несоответствие между потребностями страны и теми средствами, которыми она располагает, станет еще острее. Рост безработицы будет итти

*) См. „Большевик"

еще более быстро. Не только станет невозможным дальнейший под'ем заработной платы, но будет поколеблен уровень ее, достигнутый за последние годы. Вместе с тем, под угрозу будут поставлены и успехи, которых мы добились в области финансов, завоевания бездефицитного бюджета и твердой валюты. Одним словом—серьезное замедление роста промышленности грозит серьезными осложнениями для всего нашего хозяйственного организма и может сопровождаться острым кризисом всего народного хозяйства. Основная задача экономической политики в предстоящем году будет состоять поэтому в том, чтобы обеспечить по крайней мере прежний темп роста нашей промышленности и предотвратить тем самым те болезненные последствия, которые влечет за собой остановка этого роста или замедление его темпа.

Несмотря на трудность обстановки, эта задача не является неразрешимой и промышленность сама обладает средствами ее решения. Емкость рынка отнюдь не представляет собою какой-то абсолютной, не поддающейся изменению, величины. Она определяется строением цен и доходов и изменяется в зависимости от их изменения. Азбучной истиной является положение, что при данном уровне доходов емкость рынка, например, для предметов личного потребления будет тем уже, чем выше цены на эти предметы и тем шире, чем цены ниже. Поэтому, если при том строении доходов и том соотношении цен на сельско-хозяйственные и промышленные товары, какие существуют теперь, в той обстановке, которая создана недородом, — рынок для промышленных товаров не может быть сколько-нибудь значительно шире, чем в прошлом году—то при изменении этих соотношений, при понижении цен промышленных товаров — емкость рынка для последних может быть расширена и сбыт промышленной продукции может увеличиться в тем большей степени, чем значительнее понижение цен. Только при этом условии — более низких цен— крестьянство и городское население сможет пред'явить большой спрос на продукты промышленности и приобрести большую массу последних, чем это было в истекающем году. Понижение цен промышленных товаров представляет, таким образом, в теперешних условиях единственное наиболее действительное средство расширения сбыта промышленной продукции, обеспечения в дальнейшем роста промышленности и безболезненного выхода из трудной обстановки предстоящего года.

В действительности этого средства мы уже имеем возможность убедиться на деле. В прошлом году этим путем был не только ликвидирован осенний кризис сбыта, грозивший тяжелыми последствиями для всей нашей хозяйственной системы, но и вызван на некоторые товары увеличенный спрос в размере, превысившем их предложение, что привело к голоду на мануфактуру, махорку, сахар и другие товары массового потребления. Тем самым был дан толчек расширению производства — более значительному, чем это предполагалось составленными ранее планами — в текстильной промышленности, например, приступлено к расширению производства на 30% выше первоначальных плановых предположений.

Необходимо заметить также, что расширение рынка для какой-либо одной отрасли промышленности, вызывающее соответствующий рост в ее производстве, означает увеличение возможностей сбыта продукции и дает толчек расширению производства в других отраслях, связанных с первой, и притом связанных далеко. Расширение производства текстильной промышленности, например, влечет за собой увеличение спроса на текстильное сырье—хлопок, шерсть, лен, на топливо, электрическую энергию, рабочую силу и проч. Эти отрасли точно также расширяют производство и пред'являют повышенный спрос другим; добавочное количество рабочих, привлекаемое на фабрики и заводы, пред'являет, в свою очередь, добавочный спрос на предметы личного потребления. Толчек, данный одной отрасли промышленности, расходится, таким образом, кругами по всей хозяйственной системе и вызывает соответствующее расширение производства и в остальных отраслях.

Укрепление советского хозяйства, которое явится в результате такой экономической политики, само по себе будет представлять большую победу рабочего класса. Однако, эта политика отвечает и более прямым, непосредственным интересам рабочих. Прежде всего, понижение цен на продукты промышленности, помимо всего прочего, представляет наиболее правильный способ компенсации рабочих за более высокие хлебные цены и сохранения прежнего уровня реальной заработной платы. Было бы тяжелой ошибкой со стороны рабочего класса отвечать на более высокие хлебные цены механическим повышением заработной платы, т. к. при настоящих условиях это вызвало бы рост цен на фабричные товары, противопоставило бы город деревне, привело бы к новому кризису сбыта и в конечном счете ударило бы по рабочему классу. Лишь этот метод решения задачи — не путем повышения, а понижения цен — дает возможность избежать противоречий и затруднений, неизбежно возникающих при повышении цен, не только сохранить, но и укрепить, расширить связь промышленности с крестьянским хозяйством, и вместе с тем удержать достигнутый уровень реальной зарплаты, а в дальнейшем возможно и увеличить его.

С другой стороны—расширение производства, которое явится результатом этой политики, скажется на безработице. Трудно сказать сейчас, возможно ли вообще будет приостановить рост безработицы в ближайшее время: это будет зависеть от темпа, каким пойдет дальше восстановление промышленности и сельского хозяйства. Ясно однако, что те условия, которые будут содействовать развертыванию промышленности, будут действовать, таким образом, и в сторону сокращения безработицы, во всяком случае, замедлять ее рост и облегчать ее бедствия. Пример той же текстильной промышленности, которая теперь при выполнении своей новой программы должна будет поглотить большую часть безработных текстильщиков, — достаточно показателен. Замедление роста безработицы или даже ее сокращение, как результат указанного выше направления экономической политики, является вторым фак-

том непосредственно улучшающим положение рабочего класса.

Разумеется, понижение цен нельзя провести механически, одними постановлениями или распоряжениями, так как это дало бы как раз обратные результаты: сокращение капиталов промышленности и сокращение производства. Понижение цен должно быть проведено за счет сокращения издержек производства, удешевления производства товаров — только тогда оно будет иметь реальное значение и даст все ожидаемые результаты. Здесь мы подходим к проблеме производительности труда, поставленной августовским пленумом ЦК партии. В эту проблему упираются теперь вопросы дальнейшего роста нашей промышленности, и смычки ее с крестьянским хозяйством, вопросы зарплаты и под'ема уровня жизни рабочего класса.

Проблема производительности труда не является связанной только с особенностями обстановки этих лет. Она представляет собою одну из проблем социалистического строительства в переходную эпоху. Осуществление социализма, особенно в такой отсталой, разоренной стране, как наша, невозможно без серьезных успехов в области производительности труда, без под'ема ее на более высокую, по сравнению с капитализмом, ступень. Социализма нельзя построить на устарелой допотопной технике, применяя первобытные способы организации труда, азиатски-расточительно расходуя рабочее время. Темп социалистического накопления, представляющего основное условие победы прогрессивных социалистических форм хозяйства над отсталыми товарно - капиталистическими, рост общественного богатства, являющийся основной базой — при диктатуре пролетариата — роста социалистической культуры — все это определяется в основном успехами развития производительности труда. Поэтому задача развития производительности труда является одной из центральных проблем экономической политики пролетариата в переходную от капитализма к социализму эпоху.

И в той хозяйственной обстановке, которая сложилась теперь, задача под'ема производительности труда становится, кроме того, неотложной, практической задачей дня. Она выдвигается со всей настоятельностью самой жизнью.

Расширение рынка, увеличение сбыта промышленной продукции возможно при сложившейся обстановке лишь путем понижения цен в результате удешевления производства. А последнее возможно лишь за счет увеличения производительности труда: общие статистические вычисления и данные конкретных обследований говорят о том, что именно низкая производительность труда является основной причиной дороговизны промышленных товаров.

Несмотря на то, что государственная власть находится в руках рабочего класса, что в его руках находится и промышленность и что рабочий класс, а не эксплоататоры, распоряжается своим трудом и продуктами этого труда, что введен восьмичасовой рабочий день — производительность труда теперь находится еще на уровне значительно более низком, чем это было до войны при помещичье-

капиталистическом строе. По чрезвычайно спорным средним статистическим данным она составляет от 70 до 75% довоенного уровня: по данным конкретных обследований отдельных предприятий — более точным и проверенным — она колеблется от 35% до 65% довоенной. Это значит, что 8-ми часовой рабочий день дает теперь меньше производственных результатов, чем давал не только 10—11-часовой дореволюционный рабочий день, но и чем давали 8 часов этого дореволюционного рабочего дня. Для получения того же самого производственного эффекта теперь приходится в общем затрачивать вдвое больше рабочего времени, чем раньше; другими словами то же количество рабочего времени, что и раньше, дает теперь в два раза меньший производственный результат. Конечно, по отдельным предприятиям имеются исключения из этого общего правила в виде более или менее значительных достижений в области производительности труда, но они не меняют общей картины. При таком состоянии производительности труда наши промышленные товары не могут быть дорогими.

Большими осложнениями угрожает также и отношение между ростом зарплаты и повышением производительности труда. Ряд бесспорных данных указывает на то, что в течение последних полутора лет рост зарплаты обгонял значительно рост производительности труда. В № 7—8 «Большевика» в статье тов. Краваля уже приведены соответствующие цифры: в то время, как средняя дневная зарплата возросла с октября — декабря 1922—23 года по январь 1924 г. на 40,7%, валовая выработка на один человеко-день возрасла за тот же период лишь на 18,8%. В течение первого полугодия 1923—24 г. никаких изменений в отношении между ростом зарплаты и производительности труда не происходило: оно продолжало оставаться прежним.

К каким последствиям приводят оба эти основные факта: низкий уровень производительности труда при сравнительно более высокой и продолжающей расти быстрее, чем производительность труда — зарплате, показывает маленький пример о взаимоотношении зарплаты и производительности труда в мартеновском производстве Надеждинского завода на Урале. В этом маленьком примере отражается целиком вся проблема *).

	1913	I кв. 1923/24 г.	II кв. 1923/24 г.	III кв. 1923/24 г.
Выработка мартена на 1 человека-час	3,06 п.	2,07 п.	1,96 п.	2,6
В процентах к 1913 г.	100%	68	64	86
Зарплата на 1 человеко-час.	13 к.	20,06 к.	22,17 к.	21,99 к.
В процентах к 1913 г.	100%	161	170	169
Зарплата на пуд мартена	5,87 к.	12,65 к.	14,11 к.	12,54 к.
В процентах к 1913 г.	100%	215	241	214

*) Данные работавшей недавно по этому вопросу на Надеждинском заводе специальной комиссии ВСНХ СССР.

Это положение ведет не только к тому, что мы вопреки завету Ильича дать деревне дешевый и доброкачественный продукт, даем ей дорогой и притом не всегда доброкачественный. Оно влечет за собою не только замедление, а возможно в некоторых случаях приостановку роста социалистического накопления, являющегося основным условием укрепления и развития в нашей стране социалистического ядра хозяйства, постепенной замены товарно-капиталистических форм. Оно, — если отношение между зарплатой и производительностью труда будет складываться и дальше точно таким образом, — может привести к тому, что ценность, вновь создаваемая рабочим классом, станет меньше той ценности, которую он получает в виде зарплаты. В таком случае рабочий класс возмещал бы часть зарплаты или за счет уже накопленных ценностей—т.-е. «проедал» бы накопленный ранее капитал, или возмещал бы часть зарплаты за счет крестьянства в виде ли налогов, через государственный аппарат, или в форме повышения цен товаров. И то, и другое означало бы не только крах новой экономической политики, разрыв союза между пролетариатом и крестьянством, но и крах всего дела строительства социализма.

Разумеется, все это пока лишь тенденция, которая не осуществилась в полной мере и не осуществится, так как ни партия, ни рабочий класс этого не допустят. Но тенденция эта чрезвычайно опасна и необходимо принять все меры к тому, чтобы ее парализовать. А парализовать ее можно в первую очередь и, главным образом, лишь путем поднятия производительности труда.

Имеется несколько основательных причин низкого уровня производительности труда. Прежде всего — устарелость и изношенность оборудования на большинстве наших фабрик и заводов. И раньше техника наших предприятий была значительно ниже, чем в передовых капиталистических странах В течение десятка лет — за время войны и революции нормальный процесс восстановления основного капитала был прерван: замена изношенных и устарелых частей оборудования новыми более усовершенствованными почти не производилась. В результате мы имеем на многих наших предприятиях машины и технические приспособления, которые установлены иногда полсотни лет тому назад и которые давным давно нужно было бы сдать на слом. Это обстоятельство не может не отражаться сильнейшим образом на уровне производительности труда.

Необходимо дальше отметить также неполную нагрузку предприятий, при которой не всегда можно рационально и в полной мере использовать как рабочую силу, так и оборудование. Затем, — отсутствие стандартизации производства, специализации предприятий, установки их на выработку в каждом из них немногих продуктов, но зато в массовом масштабе.

Все эти причины нельзя устранить легко и в течение короткого времени. В значительной степени они связаны с общими условиями, в которых находится и работает наша промышленность и могут быть устранены лишь по мере ее роста и накопления в ней капиталов. Это не значит, однако, что улучшения в этой области теперь — невозможны. Они могут и должны проводиться по линии концентрации и увеличения нагрузки предприятий, перевода их

на типовое массовое производство восстановления и улучшения оборудования.

Не менее, а, пожалуй, и более важными, чем перечисленные выше, причинами низкой производительности труда — являются недостатки организации труда на предприятиях и в связи с этим нерациональное и неполное использование рабочего времени. Обследования предприятий, произведенные по этому вопросу комиссиями ЦИТ'а, выявили в этом отношении картину, которая требует к себе самого серьезного внимания. Оказалось, что действительно затраченное на работу время составляет у некоторых групп рабочих от 20 до 30% рабочего дня. От 80 до 70% рабочего времени уходит или на совершенно бесполезную работу, которая иногда может быть устранена введением самых элементарных технических приспособлений или улучшений в организации и способах труда, или же свободное от всякой работы времяпровождение *). Нагрузка трех рабочих равна иногда нормальной нагрузке одного рабочего. Обследованием Надеждинского завода установлено по мартеновскому производству, что, например, вальцовщик барабана затрачивает в течение рабочего дня на основную работу лишь 1 час 42 мин., подручный у печи 1 час 43 минуты, кочережник у печи—1 час 6 мин. и, наконец, один из вальцовщиков барабана всего на всего сорок пять минут!

Ясно, что такое положение является в теперешних условиях, при нашей нищете и отсталости совершенно нетерпимым и что необходимо начать теперь же упорную работу — как в руководящих хозяйственных органах, так и на каждом предприятии — над тем, чтобы его изменить.

Одной агитацией, разговорами, резолюциями или административным наскоком этой задачи выполнить нельзя. Тут необходимо прежде всего тщательное деловое, всестороннее изучение условий, которыми определяется низкий уровень производительности труда и выработка деловых конкретных мероприятий по улучшению организации и способов труда, введению возможных при настоящих условиях технических приспособлений и улучшений, способствующих поднятию производительности труда. Работа в этом направлении должна вестись, как в руководящих хозяйственных органах, в ВСНХ, трестах, так и на каждом предприятии. Необходимо отмечать конкретно все деловые достижения в этой области и установить методы поощрения предприятий, организаций и групп рабочих за эти успехи и достижения.

Переход от агитации к делу — вот что необходимо теперь для того, чтобы добиться реальных результатов, которые укрепят советскую промышленность и все хозяйство нашего Союза.

---

*) См. напр. чрезвычайно интересные статьи т.т. Кутейщикова и Беспрозванного в № 2—3 „Организация Труда" за 1924 г..

И. Краваль.

Производительность труда и перезаключение коллективных договоров.

В начале нового хозяйственного года нам предстоит большая кампания по перезаключению коллективных договоров, и от того, как будет проведена эта кампания в очень значительной степени будет зависеть тот успех, которого мы должны достигнуть в течение ближайшего полугодия на нашем хозяйственном фронте. Поэтому этой кампании должно быть уделено исключительное внимание и проведена она должна быть с полным учетом всей современной хозяйственной обстановки. Вопрос о величине заработной платы, при условии существования Советской власти, разрешается, главным образом, в зависимости от наших хозяйственных возможностей, учесть которые обязан каждый хозяйственник, каждый профессионалист и каждый рабочий.

Одним из важнейших вопросов, играющих сейчас значительную роль при характеристике нашего хозяйственного положения, является вопрос о несоответствии в темпе роста между производительностью труда и заработной платой, вопрос о расхождении между заработной платой и производительностью труда. Принципиальная сторона этого вопроса достаточно разработана и освещена в печати. По этому вопросу мы имеем совершенно точно установленную картину и как результат очень внимательного экономического анализа действительности — директиву пленума ЦК РКП(б)[1]). Должны быть приложены все усилия как со стороны хозяйственников, так и со стороны профессионалистов и всего рабочего класса в целом в сторону подтягивания производительности труда с тем, чтобы она догнала и в дальнейшем имела возможность систематически обгонять заработную плату, чтобы мы могли иметь такое положение, которое наблюдается во всяком развивающемся, двигающемся хозяйстве.

Другим вопросом, характеризующим наши хозяйственные затруднения, особенно в тяжелой индустрии, является вопрос несвоевременной выплаты заработной платы. Несвоевременность выплаты является элементом, с одной стороны, задерживающим возможность быстрого повышения производительности труда, с другой стороны, она указывает на то, что наши предприятия, особенно предприятия тяжелой индустрии, находятся в весьма тяжелых финансовых условиях. Заработная плата не выплачивается своевременно не потому, что хозяйственники н е х о т я т этой заработной платы выплачивать, а потому, что хозяйственные возможности, столь узки, что предприятия, не имея финан-

*) См. „Правда" № 201 от 5/IX с. г.

совых ресурсов, п р и н у ж д е н ы е е з а д е р ж и в а т ь. Это говорит за то, что простое увеличение заработной платы и накладных расходов на нее привело бы к еще большей задержке, еще большей несвоевременности в выдаче рабочим заработка.

Нельзя упускать из виду и того обстоятельства, что денежной реформы мы окончательно еще не закрепили и что если-бы сейчас в большом количестве отраслей промышленности мы решили требовать увеличения заработной платы, то это с совершенной неизбежностью привело-бы при данных условиях к необходимости увеличения дотации этим предприятиям, а увеличение дотации также неизбежно должно прорвать наш бюджетный фронт и повести к срыву денежной реформы, вместо ее окончательного закрепления. Этого третьего, не менее важного обстоятельства, ни один хозяйственник, ни один профессионалист, ни один рабочий при предстоящем перезаключении коллективных договоров не должен упускать из виду.

Наконец, четвертый фактор связан с предстоящим и происшедшим снижением цен на продукты нашей промышленности. В течение последнего хозяйственного года, с октября по настоящее время, мы имеем снижение цен по всей нашей промышленности на 25,7%. В настоящее время предполагается по целому ряду отраслей новое снижение цен на продукты нашей промышленности. В этом снижении совершенно несомненно экономически заинтересован каждый рабочий, потому что оно при условии прежнего уровня номинальной заработной платы,—а на номинал заработной платы никто и не мыслит посягать,—является увеличением реальной заработной платы. Однако, здесь следует иметь в виду, что в текущем хозяйственном году снижение цен происходило не столько за счет уменьшения себестоимости продукции, сколько за счет снижения прибылей наших предприятий. Если же просмотреть по некоторым продуктам динамику их себестоимости, то мы увидим следующую картину: по данным Бюро Цен ВСНХ по Преснескому тресту производственная обработка пуда пряжи № 32 в первом квартале стоила 20 р. 50 к., а во втором квартале уже 23 р. 10 к.—не снижение, а повышение. По Московскому Об'единению стоимость производственной обработки повысилась в те же сроки с 19 р. 4 к. до 19 р. 74 к.; по Иваново-Вознесенскому— с 12 р. 70 к. до 14 р. 32 к.; по миткалю двухпудному с 15 р. до 17 р.; по ситцу с 16 р. 65 к. до 17 р. 81 к. То же самое наблюдается и по целому ряду других трестов.

По бердичевскому, одесскому, таганрогскому и московскому кожевенным трестам в октябре 1923 года, себестомость пуда кожи была 40 р. 91 к., в марте 48 р. 20 к., мартовская себестоимость выше октябрьской себестоимости на 9,7%[1]). При таком положении, когда себестоимость продукции растет, дальнейшее снижение цен должно уже будет идти не за счет сокращения прибыли промышленности, а за счет разбазаривания основного и оборотного капитала нашей промышленности. И в настоящее время устанавливаемые хозорганами на 24—25 г. продажные цены по целому ряду отраслей промышленности ниже себестоимости продукции. Для иллюстрации приведем несколько примеров. Стоимость обработки пряжи, на 24—25 г. определяется в 14 р. 59 к., фактиче-

*) См. Выпуск Кожевен. Синдиката № 7—8.

ская же стоимость обработки для многих трестов равна была 23 р., а для некоторых выше 23 р. Те-же самые данные можно привести по Азнефти. Себестоимость пуда нефти в 23—24 г. за все первое полугодие была 34 к., а проект снижения цен исходит из себестоимости в 31,24 к. Себестоимость галош в октябре 23 г. по данным Бюро Цен ВСНХ составляла 2 р. 99 к. (Кр. Треуг-к), а в июне 1924 г. она поднимается до 3 р. 20 к. (по восстановительной калькуляции). Цена же на 24—25 г. устанавливается в 3 руб. Таким образом по целому ряду отраслей промышленности мы имеем такое установление сниженных цен, которое красноречиво говорит, что если мы не добьемся снижения себестоимости нашей продукции, то на хозяйственном фронте, в области этой важнейшей проблемы, важнейшей не только непосредственно для рабочего класса, но как проблемы, закрепляющей хозяйственную смычку между рабочим классом и крестьянством, имеющей, таким образом, колоссальное политическое значение, упремся в тупик. Если мы не добьемся перелома в смысле повышения производительности труда, в смысле сокращения накладных расходов, в смысле сбережения сырья и вспомогательных материалов, то совершенно несомненно мы или должны будем упереться в необходимость повышения сниженных цен, или поддерживать промышленность на дотационных домкратах, что, в свою очередь, в наших финансовых условиях способно подорвать твердость нашей налаживающейся финансовой системы.

Если мы не добьемся более или менее значительного снижения себестоимости продукции путем повышения производительности труда, то продажа промышленных товаров по ценам ниже себестоимости неизбежно вызовет разбазаривание основного и оборотного капиталов промышленности. А это не только подорвет всякую возможность путем постепенного переоборудования все более быстрым темпом повышать производительность труда, но способно создать угрозу подрыва основы нашего хозяйства в смысле закрепления современной системы и дальнейшего коммунистического строительства.

Эту железную необходимость снижения себестоимости продукции должен учитывать каждый хозяйственник, каждый профессионалист и каждый рабочий при предстоящем перезаключении коллективных договоров.

Наконец, последним фактором, характеризующим современное наше положение, является недород в целом ряде губерний, благодаря чему государство должно было бросить значительное количество средств на помощь пострадавшему от этого недорода населению. Эта помощь, которая в будущем, конечно, окупится сторицей, в этом году на нашем бюджете сказалась значительной тяжестью. Это указывает на то, что наше финансовое положение находится в напряженном состоянии, при котором дальнейшее требование помощи у государства со стороны кого-бы то ни было может привести к срыву нашего бюджета, к срыву твердой валюты.

Эти основные пять факторов, характеризующих современное экономическое положение, говорят нам о том, что при перезаключении коллективных договоров номинал заработной платы должен быть сохранен, но что у государства в настоящий момент нет возможности увеличить заработную плату путем увеличения

номинала. Поэтому государство идет на увеличение реальной заработной платы путем снижения цен и большего требовать от него, не подрывая его экономической мощи, нельзя.

Увеличение номинальной заработной платы в настоящий момент грозило-бы тем, что фактически она не была бы увеличена, ибо оно неизбежно привело-бы к увеличению цен, к подрыву нашей хозяйственной мощи.

В связи с перезаключением коллективных договоров каждому хозяйственнику и профессионалисту необходимо хорошо продумать вопрос о системах заработной платы и о тех улучшениях, которые в этом смысле могут быть и должны быть сделаны.

То положение, при котором на целом ряде трестов, целом ряде предприятий процент приработка был строго ограничен, привело к тому, что рабочий не мог выявить и не выявлял полностью своей интенсивности.

Так, например, на Надеждинском заводе рабочие листо-прокатного цеха работали из 6-ти часов—только $4\frac{3}{4}$ час., потому что свою норму они выполняли в $4\frac{3}{4}$ часа, а последние $1\frac{1}{4}$ часа не использовались и в течение этих $1\frac{1}{4}$ часа железо в печах горело до тех пор, пока не приходила следующая смена. В результате железо перегорало и предприятие несло убытки, благодаря увеличению брака. Такие случаи, когда рабочие, ограниченные процентом приработка экономически не заинтересованы в выявлении возможной напряженности труда, очень часты.

Необходимо установление таких норм выработки, которые-бы соответствовали техническим возможностям данного предприятия. Здесь не обязательно, чтобы норма была такова, какой она была в 13 году, ибо это зависит от того, в каком положении находится данное предприятие, но максимальная норма выработки при данном состоянии предприятия должна быть назначена. После установления этих норм процент приработка по мере дальнейшего увеличения производительности систематически будет расти.

Примеров, указывающих на возможность увеличения нормы выработки, можно привести значительное количество. Для иллюстрации приведем один пример из докладной записки члена Уральского окружного комитета РКП, т. Гулина, который указывает, что в октябре месяце рабочие за сверловку ватер-жакетных кессонов получали оплату за 72 часа, а в настоящее время эта же работа выполняется тем же рабочим в 28 часов и при выполнении этой работы в 28 часов эти рабочие получают приработка 75%. Оказалось, что даже при почти в три раза увеличенной норме, приработок составляет очень значительный процент.

При использовании рабочего дня,—необходимо учесть колоссальную незагруженность рабочего дня не только основных рабочих, но главным образом, рабочих вспомогательных и здесь возможно проведение целого ряда таких же мероприятий, которые сделали бы возможным лучшее использование рабочего дня, как производственного, так и вспомогательного рабочего, путем перехода на неограниченную сдельщину. Лучшее использование рабочего на вспомогательных работах, возможно путем перехода к артельным работам, при которых рабочий получает не поденную плату, а заработную плату на всю артель за проделанную работу, независимо от того, сколько дней она будет работать. В данном

случае, подсобные рабочие, время которых загружено в очень незначительной степени, экономически будут заинтересованы в том, чтобы свое рабочее время использовать наиболее целесообразно. Между тем, современная оплата вспомогательных рабочих приводит к тому, что их рабочий день фактически сводится к 20—50% восьмичасового рабочего дня.

Такая система оплаты, даст возможность этим рабочим в большей степени выявить производительность их труда и позволит нашим предприятиям разгрузиться от того колоссального количества вспомогательных рабочих, которые часто являются тяжелым бременем для наших предприятий.

Нельзя сказать, что у нас все благополучно обстоит в смысле использования рабочего дня. В печати появилось значительное количество данных хронометража, которые говорят о том, что рабочий день не загружен в очень значительной степени. Все без исключения данные хронометражных обследований и анализ их показывают картину колоссальной незагруженности дня рабочего. Если взять на выдержку данные по Надеждинскому заводу в сорто-прокатном цехе, то там мы имеем категорию рабочих, рабочий день которых равен четырем часам. Из четырех часов рабочий фактически занят производственной работой 45 минут. Как массовое явление в сорто-прокатном цехе Надеждинского завода часть рабочего времени, фактически используемая на производство, колеблется от 1 ч. до 2 часов из 4-х часового рабочего дня. Все это говорит о том, что в смысле улучшения самой организации производства, так и в смысле увеличения интенсивности возможны очень значительные улучшения. Установленные нормы выработки далеко не всегда соответствуют технически возможным. Говорить о том, что мы имеем в настоящее время максимальные нормы выработки не приходится; нормы выработки должны быть пересмотрены. Пересмотрены *в сторону приведения их в соответствие с техническими возможностями.* Здесь нужно оговориться, что нормы выработки не должны быть пересматриваемы очень часто, по этому вопросу разногласий быть не может, но пересматриваться они должны, потому что закрепление раз навсегда общих норм выработки говорило бы о том, что мы вместо хозяйственного продвижения вперед будем стоять на одном месте. Сроки между пересмотрами должны быть длительными, чтобы рабочий был уверен в том, что если он приложит более усилий к тому, чтобы наиболее целесообразным образом использовать и оборудование и свою рабочую силу, то в следующем месяце успех его не будет ликвидирован новым пересмотром норм выработки.

Нельзя говорит и о, хотя бы, более или менее нормальном использовании сырья, оборудования и т. д. На целом ряде предприятий мы имеем очень непривлекательную картину. Можно привести колоссальное количество примеров, которые имеются у нас, когда небрежное отношение к оборудованию приводило к частичной, а иногда и общей остановке предприятия. А система оплаты труда не всегда соответствует тому, чтобы рабочий был заинтересован в том, чтобы использовать наиболее целесообразно оборудование, которое имеется налицо.

Очень часто рабочий получает приработок независимо от того, работает стан или стоит. Поэтому, мы и имеем целый ряд таких примеров, когда машина останавливается благодаря небрежному

к ней отношению. Это говорит о том, что мы в смысле оплаты труда должны эту систему сконструировать таким образом, чтобы не только сознательные рабочие использовали свой рабочий день целесообразно, но чтобы и менее сознательные рабочие экономически были заинтересованы в максимальном использовании оборудования. Если нельзя положиться в данном случае на сознательность, то нужно чтобы сама система оплаты труда заставляла рабочего бережно обращаться с орудиями производства, потому, что мы не только терпим величайший ущерб от того, что не используем рабочую силу, но и от того, что небрежное отношение к орудиям производства приводит к колоссальным накладным расходам. На целом ряде предприятий, в качестве такой меры можно использовать систему прогрессивных расценок. Введение прогрессивных расценок имеет некоторые отрицательные стороны, но, с другой стороны имеет и ту положительную сторону, что при такой системе рабочий всегда будет стремиться к тому, чтобы в максимальной степени использовать оборудование и свою рабочую силу, чтобы получить при данных условиях максимальную заработную плату. В данном случае предприятие и государство в целом, достигает значительных успехов не только потому, что будет использовано полностью рабочее время, а, главным образом, потому, что будет полностью и рационально использовано наличное оборудование. Это максимальное использование оборудования даст нам возможность пойти гораздо более быстрым темпом к полному переоборудованию нашей промышленности. А при тех условиях, которые мы имеем в настоящее время, когда и оборудование и рабочая сила не используются полностью, процесс переоборудования будет происходить гораздо более медленным темпом, чем он мог бы происходить в действительности.

Из всей характеристики нашего хозяйственного положения и из характеристики того, в каком положении находится фактически использовывание рабочей силы и фактическое использовывание оброудования, мы должны сделать совершенно определенный вывод: в результате этой кампании по перезаключению коллективных договоров мы должны добиться такого повышения производительности труда, которое нам дало бы возможность подвести экономическую базу под дальнейшее снижение цен и при следующем перезаключении коллективных договоров перейти к увеличению заработной платы, не только путем снижения цен, но и путем увеличения номинала.

П. Александров.

К задачам партии в деревне.

(О крестьянских комитетах взаимопомощи).

Всем ходом экономического развития Советского Союза все более выдвигается на первый план наша работа в деревне, все более настоятельно требуют своего разрешения задачи руководства стихийными процессами деревенской жизни. Перед партией все более остро встает задача всестороннего охвата жизни деревни. Наряду с очередными боевыми вопросами (перевыборы советов), из поля нашего зрения, отнюдь не должны выпадать и наиболее длительные задачи по перестройке всего экономического уклада деревенской жизни; работа по кооперированию крестьянства, землеустройство и помощь в коллективизации сельского хозяйства ни на минуту не должны забываться, ибо здесь и только здесь кроется окончательное разрешение всех вопросов, связанных с особенностями экономического строя нашей деревни.

Одним из основных методов работы по регулированию возникающих в связи с НЭП'ом процессов хозяйственного расслоения крестьянства и одновременно по установлению хозяйственной связи города и деревни и под'ему производительных сил сельского хозяйства, является работа Крестьянских Комитетов Взаимопомощи. Будучи организациями, прежде всего, бедноты и среднего крестьянства и вовлекая в то же время в свою работу все население деревни, Крестьянские Комитеты Взаимопомощи помогают под'ему сельского хозяйства безболезненного обострения процессов расслоения деревни, без подчинения бедноты хозяйственной гегемонии кулачья.

Начало организации кресткомов было положено еще декретом от 14-го мая 1921 г. Тогда они получили задачу организовать в деревне, как общественную взаимопомощь, так индивидуальную помощь семьям красноармейцев, инвалидам, погорельцам, жертвам войны, сиротам; общественные запашки, поддержка школ, избчитален, яслей и т. д. XIII партийный с'езд, поставивший вопрос о расслоении деревни, не отбрасывая этих собесовских функций кресткомов, расширил их, включив в задачу кресткомов все дело усиления их влияния, организации простейших об'единений маломощных в кооперацию, путем предоставления им различных льгот, усиления их влияния, организации простейших об'единений маломощных вокруг наиболее доступных приемов общественного труда и содействия в «выдвигании маломощных на обще-деревенские, советские посты» *).

*) См. резолюцию „О работе в деревне".

Указывая на необходимость увязки работы Всеработземлеса с организациями взаимопомощи, XIII с'езд отметил необходимость всяческого содействия организации кресткомов со стороны Всеработземлеса «в целях облегчения и развития союза батрака и маломощного с середняком против растущей кулацкой верхушки». Наконец, последним документом о кресткомах является декрет от 28-го сентября с. г.

Кресткомы, бывшие до XIII с'езда по существу организациями социального обеспечения в деревне, определяются теперь, как организации маломощных слоев деревни, которые должны помогать в союзе с батраком и середняком разрешить социальные вопросы в деревне в условиях нэпа.

Вопрос о роли кресткомов и методах их работы может быть правильно поставлен и понят лишь под углом зрения общей линии крестьянской политики партии на настоящем этапе ее развития.

Прежде всего, кресткомы,—как по их задачам, так и методам работы следует отличать от комитетов бедноты периода военного коммунизма, хотя они, как комбеды, являются органами деревенских низов.

Комбеды были органами классового господства деревенской бедноты для непосредственного подавления в деревне всякого сопротивления кулацких верхушек, расширяющийся и на деревню пролетарской революции, установления в деревне пролетарской власти, которая и воплотилась в жизнь в форме деревенских советов.

После завоевания пролетариатом влияния в деревенских советах, основной задачей стала задача правильного отношения к среднему крестьянству. Это отношение было исчерпывающе охарактеризовано В. И. Лениным на VIII с'езде партии. Ленин тогда говорил: «Задача должна быть поставлена здесь совсем иначе. Тут речь идет не о том, чтобы сломить сопротивление заведомых эксплоататоров, победить их, низвергнуть, задача, которую мы ставили раньше... Больше всего мы должны основываться на той истине, что здесь методами насилия по сути дела ничего нельзя достигнуть. Здесь экономическая задача стоит совсем иначе... Той верхушки, которой в городе были капиталисты, здесь нет... Здесь нужна работа длительного воспитания. Крестьянину, который не только у нас, а во всем мире является практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры, в доказательство того, что «коммуния» лучше всего».

Нэп был целиком проектирован и построен на основе именно выдвинутого В. Лениным на VIII с'езде отношения партии к крестьянству. Основная задача — союз рабочего класса с крестьянством—делается при нэпе наиболее актуальной. Нэп, сам по себе явился ни чем иным, как системой методов и путей осуществления союза с крестьянством в области хозяйственного строительства, хозяйственной политики партии. При нэпэ мы имеем в полной неприкосновенности политическую власть пролетариата, союз пролетариата с крестьянством, единственно рациональную хозяйственную политику пролетариата, направленную своим острием в сторону укрепления союза с крестьянством — сочетание социалистического способа хозяйствования в области крупной промышленности, транспорта, крупной торговли, находящихся вместе с землей в руках пролетарского государства, со свободным развитием мелко-

буржуазного, мелкого крестьянского хозяйства, при неуклонном движении к постепенной социализации мелкого хозяйства через кооперацию, госторговлю, сельско-хозяйственный кредит, через его рационализацию и машинизацию.

Вполне понятно, что проблема расслоения деревни, борьбы с кулачеством и организации деревенской бедноты, поставленная перед партией в связи с наличием капиталистического развития в деревне, приобретает при нэпе совершенно иную постановку, нежели в период комбедов. При нэпе мы имеем классовое господство пролетариата в деревне в виде советов. Основная задача в этих условиях — правильное отношение к крестьянству в его основной массе — бедняков и середняков.

В чем же заключается проблема расслоения деревни в период нэпа и как увязывает партия разрешение этой проблемы в общей системе своей деревенской политики?

Прежде всего, факт расслоения деревни, усиление его бедняцкой и кулацкой групп, отнюдь не вносит сколько-нибудь принципиальных изменений в общее направление крестьянской политики партии, в ее ориентацию на союз рабочего класса с крестьянством. Крестьянство остается, и останется на целую историческую эпоху классом мелких деревенских хозяев, по отношению к которым единственно правильная политика пролетариата, стоящего у власти, может быть не подавление и экспроприация, а завоевание на свою сторону и перевоспитание в процессе хозяйственного строительства социализма методами нэпа.

При основном условии — сохранения союза рабочего класса с крестьянством, перспектива дальнейшего экономического развития деревни была намечена XIII с'ездом партии, как борьба двух линий этого развития социалистической и капиталистической. Первая линия — через укрепление кооперации — к постепенному увязыванию крестьянского хозяйства в русло социалистического хозяйства пролетариата.

Вторая линия — через расслоение деревни, через накопление труда и капитала — к капиталистической эксплоатации — к капитализму. Вопрос о победе того или другого направления развития решается борьбой социалистических элементов хозяйства с капиталистическими. Отсюда основная задача — укрепление и развитие деревенской кооперации, смычка геспромышленности с крестьянским хозяйством и проч. — как главное орудие в борьбе с развивающимся капитализмом. Отсюда — и решение вопроса о расслоении в общей перспективе социалистического строительства в деревне.

В соответствии с этой общей перспективой, перед партией встает задача—уже теперь приняться за регулирование хозяйственного и политического развития деревни в сторону общего под'ема сельского хозяйства, на основе самодеятельности низов деревни против капиталистических, кабально-кулацких зародышей.

Расслоение деревни, рост ее кулацких групп, быстро идет вперед. Кулак, с укреплением его экономической силы, делается активнее в своих эксплоататорских стремлениях, в нем соответственно пробуждается и политическая активность. С другой стороны, ухудшение положения бедноты, усиление ее эксплоатации вызывает ее на борьбу с кулаком. Перед партией встает задача реагировать на развивающуюся борьбу маломощных слоев деревни

с кулацкой верхушкой и, прежде всего, ввести ее в рамки общественной, советской организации. Не теряя из вида общей перспективы хозяйственного развития деревни, целиком сохраняя курс на укрепление союза рабочего класса с крестьянством, партия ставит перед собой задачу организации маломощных слоев деревни. Необходимость такой организации диктуется при этом именно интересами укрепления союза пролетариата и крестьянства. Политическая активность кулака, выражающаяся в стремлении завладеть деревенским советом и на основе своей экономической силы стать руководителем деревни, является угрозой этому союзу. Такой же угрозой смычке является беспомощное положение деревенского бедняка, подпадающего под экономическое, а наряду с ним, часто и политическое руководство кулачества, особенно понятное в условиях хозяйственного обнищания и тяжелого хозяйственного положения деревни.

Задачи кресткомов определяются сложившейся обстановкой в деревне — социально-политической и экономической. Политически важнейшим фактором здесь является наличие пролетарской классовой власти советов, обеспечивающей в общем и целом политику пролетарской диктатуры в деревне. Местами растущее кулачество, пролезая в советы, вкладывает в них свое классовое содержание и использует их в своих целях эксплоатации бедного и маломощного крестьянства. Крестком, как организация, руководимая беднотой и маломощными, является организацией, стоящей в союзе с крестьянским советом и одной из ее задач является борьба со всяческими попытками кулацкого засилья в совете. Эта задача формулирована и в декрете о кресткомах. Там говорится: для обеспечения интересов маломущей части крестьянского населения, общество взаимопомощи ставит своей задачей выдвижение своих деловых кандидатов на советские и кооперативные посты». (Пункт 7. «и»).

Экономически, наряду с растущим кулачеством в деревне, происходит об'единение маломощных слоев, усиление эксплоатации бедноты.

Естественно, что кресткомы одной из своих основных задач должны ставить, как оказание помощи хозяйству бедняка, так и защиту его от эксплоататорских стремлений кулачества. Здесь выступает правовая помощь бедняку и маломощному, в деле распределения земли, квартирного вопроса, наблюдения за распределением различных льгот и т. п., и непосредственно индивидуальная помощь маломощному хозяйству. Но назначение кресткомов — не только собесовские функции, ибо социальное обеспечение, само по себе, еще не решает проблемы хозяйственного укрепления маломощных слоев деревни.

Совершенно ясно, что для хозяйства маломощного крестьянства, крестьянской бедноты есть лишь два пути: или к разорению, полной экспроприации кулаком, или к укреплению и развитию по руслу социалистического развития деревенской экономики. Задачей кресткомов является — ориентация на этот второй путь. Это путь вовлечения маломощных в кооперацию, организацию маломощных вокруг простейших форм общественного труда, организацию коллективных хозяйств и проч. Здесь, несомненно,—основное, главное русло, по которому должна пойти работа кресткомов. Этот путь, намеченный партией для крестко-

мов, облегчается и советским законодательством. Декрет дает кресткомам чрезвычайно широкие права: право приобретения и свободного распоряжения имуществом, право снимать в аренду землю, заключать займы. Декрет освобождает кресткомы от всех налогов, сборов и пошлин в их деятельности, направленной к поднятию хозяйства маломощных. Эта задача кресткомов, поднятие хозяйства маломощных — налагает свой отпечаток и на характер их организации, и на методы их работы.

Прежде всего, кресткомы, являясь по идее XIII с'езда партии организацией помощи и укрепления хозяйства бедняков и маломощных, по своему составу должны, в отличие от комбедов, об'единять не только бедноту, но и середняцкую часть деревни. Их задача — об'единять всю бедняцкую и середняцкую деревню против кулацкой верхушки. Такая постановка вопроса вполне оправдывается, как соображениями политическими, так и экономическими. Политически — чрезвычайно важен союз бедняка с середняком, как основной массой деревни, как тем ее слоем, союз с которым для пролетариата необходим с точки зрения политического укрепления советской власти. Экономически — бедняк маломощен, недостаточно силен для того, чтобы отказаться от совместной работы с середняком по поднятию крестьянского хозяйства. Успешность работы кресткомов по привлечению середняка, обеспечивается при этом и заинтересованностью самого середняка во взаимопомощи. В деревне дело идет о процессе расслоения, и сегодняшний середняк, завтра может стать бедняком.

Очерченная выше постановка вопроса, целиком отвечает общей политике партии по отношению к крестьянству, как к такой социальной группе, которая может быть подведена к социализму лишь методами длительного перевоспитания, убеждения и практического примера.

Таким образом, кресткомы, будучи организациями, руководимыми беднотой и маломощными, должны в то же время об'единять и середняка. Центр тяжести их работы, как мы видели, должен лежать в укреплении поднятия хозяйств маломощных, в хозяйственной их деятельности. Наряду с защитой маломощных крестьян от эксплоатации кулачеством, наряду с борьбой против всяких попыток этого кулачества пролезать в советы, захватывать в свои руки политическую власть в деревне, кресткомы, как мерами индивидуальной помощи, взаимопомощи, организации общественных запашек, трудовой помощи, помощи скотом и инвентарем, так и, главным образом, путем вовлечения в кооперацию, организации артелей, коллективов, машинных товариществ маломощных, должны будут занять видное место в хозяйственной жизни деревни. Это, однако, недостижимо без тесного союза бедного и среднего крестьянства. Поэтому, осторожное отношение к середняку, вовлечение его в работу кресткомов является одной из важных задач. Кресткомы должны стать организациями, которые, будучи одним концом направлены против кулака, другим должны быть направлены в сторону сотрудничества с середняком, отрыва его от кулака, привлечение его к борьбе с кулаком.

Наряду с хозяйственными задачами, в деревне перед кресткомами стоят и большие культурные задачи. Содействие в оборудовании, содержании и снабжении больниц, школ, детских домов,

очагов, яслей, столовых, изб-читален делают их центром культурной жизни деревни.

Весьма важно соблюдение правильных методов, как в работе партии по организации и руководству кресткомов, так и в работе их самих. Здесь, прежде всего, необходимо отказаться от административного давления и вмешательства советских органов в дело организации и работы кресткомов. Партия должна, завоевывая и оставляя за собой руководство кресткомами, придать работе кресткомов формы максимальной самодеятельности общественности, инициативы организованного в общество взаимопомощи крестьянства. Выборность сельских и волостных комитетов крестьянских обществ взаимопомощи и вовлечение всей массы крестьянства в дело взаимопомощи должны быть обязательно осуществляемы.

Большую роль могут и должны сыграть кресткомы и в связи с другим явлением в деревне — растущей общественно-политической активностью крестьянства. Кресткомы, наряду с другими общественными организациями в деревне (ОДВФ, Доброхим, Добрози и проч.) должны стать точками приложения этой растущей активности, развития этой активности по советскому руслу.

Ясно, что работа кресткомов лишь в том случае будет стоять на должной высоте и отличаться гибкостью, необходимой для осуществления поставленных задач, если партия уделит им максимальное внимание.

Несомненно, что одной из больших опасностей для партии является возможность захвата со стороны кулаков руководства в кресткомах и вытекающего отсюда извращения их работы. Такая опасность существует, она неизбежна уже потому, что кулачество не может быть уничтожено в деревне, а могут быть подавляемы лишь его эксплоататорские или контр-революционные поползновения. Единственным противоядием кулацкому засилью в кресткомах может быть обеспечение в них партийного, бедняцкого руководства. Только повседневная работа партии в кресткомах, может дать это обеспечение.

ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ.

Марксизм и „Наша Заря“ [1]).

В № 4 „Звезды“ было справедливо отмечено в обзоре печати, что ликвидаторство, а в связи с ним оценка вопроса о гегемонии, интересует в настоящее время марксистские круги и что полемика по этому важному вопросу, в интересах плодотворности, должна быть принципиальной, „а не личной и злостной полемикой „Нашей Зари“ [2]).

Вполне разделяя это мнение, я обойду полным молчанием выходки этого журнала по поводу того, будто понять можно лишь о ком, а не о чем идет речь („Н. З.“ № 11, с. 47). Я возьму прямо журнал „Наша Заря“ за год—это будет как раз кстати по поводу годового юбилея этого органа—и постараюсь рассмотреть, о чем идет в нем речь.

Первый номер „Н. Зари“ вышел в январе 1910 г. Уже во втором, февральском номере, г. Потресов провозгласил, что к числу „пустяков“ относится и спор махистов с марксистами и вопрос о ликвидаторстве. „Ибо может-ли существовать, спрошу я у читателя—писал г. Потресов—в лето 1909-ое, не как фантом в больном воображении, а как подлинная реальность, течение ликвидационное, течение, ликвидирующее то, что уже не подлежит ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого“ (с. 61) [3])

1) „Марксизм и „Наша Заря“ была помещена в газете „Современная Жизнь“, выходившей в Баку в 1911 г. Всего вышло три номера (1—26 марта; 2—8 апреля; 3—22 апреля) в последнем и была напечатана настоящая статья за подписью В. Ильин. Газета выходила при ближайшем участии покойного Степана Шаумяна и „Авеля“—Енукидзе. В. И. написал для четвертого номера статью „о страховой кампании“ которая не увидела света (на 3-ем номере газета была прикрыта). После последовавших затем арестов и тюрьмы редакторов, архив газеты и эта статья по мнению т. Енукидзе должны были бы находиться в бумагах Шаумяна.

Примечание к настоящей статье В. И. Ленина, как и помещенным ранее в „Б-ке“, принадлежит тов. Вешкину.

2) В. И. Ленин имеет в виду заметку „Противоречие“, помещенную в указываемом 4 № „Звезды“ 1911 г. на 3 стр., в отделе „Обзор печати“.

Г. Потресов этой неудачной попыткой обойти вопрос дал наилучшее, неожиданное, по Геростратовской смелости, подтверждение тому взгляду, который он собирался опровергнуть. Именно в январе и феврале 1910 года г. Потресов не мог не знать, что с его оценкой фактического положения вещей не согласятся его противники. Значит, попытаться отделаться тем, что де „нет“, „на нет и суда нет“—невозможно. Вопрос не в том, равняется ли на практике нулю одна десятая или одна двадцатая или одна сотая или какая угодно другая дробь. Вопрос в том, есть ли течение, считающее эту дробь ненужностью. Вопрос в том есть-ли принципиальное расхождение о значении дроби, об отношении к ней, об увеличении ее и т. д. Отвечая по сути дела на этот именно вопрос тем, что „нет“, „ноль“. „ноль и есть ноль“, г. Потресов вполне выразил отрицаемое им ликвидаторское течение. В его выходке была только сугубая „злостность“ (по меткому выражению обзора печати в № 4 „Звезды“) был только недостаток прямоты, публицистической ясности. Но именно потому, что вопрос идет не о лицах, а о течении, на помощь Петербургу пришла Москва. Московское „Возрождение“ в № 5, от 30 марта 1910 г., сочувственно цитируя г. Потресова, писало: „Ликвидировать нечего, и, прибавим мы от себя,—мечта о восстановлении этой иерархии—в ее старом“ и т. д. „виде просто вредная, реакционная утопия“ (стр. 51) [4])

Совершенно очевидно, что речь идет как раз не о старом виде, а о старой сущности. Совершенно очевидно также, что вопрос о „ликвидировании“ неразрывно связан с вопросом о „восстановлении“. „Возрождение“ сделало маленький шаг вперед против г. Потресова, чуточку яснее, прямее, честнее выразило ту же мысль. Тут не лица, тут течение. Лица могут отличать-

3) Цитата приведена из статьи А. Потресова: „О том, почему пустяки одолели „Критические наброски“. Н. З., № 2, 1910.

4) Речь идет о заметках В. Мирова „Журнальное обозрение“ в № 5 и 6 „Возрождения“.

ся не прямотой, а увертливостью, течения же, обнаруживают себя самыми различными случаями, видами, формами.

Вот, например, г. Базаров был некогда большевиком и может быть, продолжает считать себя таковым—в наше время курьезы бывают всякие. А в апрельской книжке „Н. Зари" он так удачно, так счастливо (для Потресова) опровергал г. Потресова, что об'явил буквально „одним из крупнейших и пустяковейших недоразумений" „пресловутый вопрос о гегемонии (стр. 87). [5] Заметьте: г. Базаров называет этот вопрос „пресловутым", т.-е. уже поднятым, уже известным в апреле 1910 года. Отмечаем этот факт—он крайне важен. Отмечаем, что заявление г. Базарова будто о „гегемонии не будет и помину" (стр. 88) при условии, что мелкая буржуазия городов и деревень „будет достаточно радикально настроена против политических привилегий" и т. д., „не проникнута резким националистическим духом",—есть на деле полное непонимание идеи гегемонии и отречение от нее. Именно борьба с „национализмом, именно очистка от него" настроений, предположенных Базаровым и есть дело „гегемона". Спешность этого дела не измеряется немедленными, непосредственными, сегодняшними результатами. Бывают времена, когда результаты отпора национализму, буржуазии, кстати сказать, есть такое же проявление влияния на пролетариат, как и национализм, захватывающий иногда часть рабочих,—бывают времена, когда эти результаты сказываются лишь спустя годы, спустя долгие иногда годы. Бывают, что годами чуть тлеет искорка, которую мелкая буржуазия считает, об'являет, провозглашает несуществующей, ликвидированной, умершей и т. д., и которая на деле живет, дает отпор духу уныния и отреченства, проявляет себя после долгого периода. Оппортунизм всегда и везде на свете цепляется за минуту, за момент, за сегодня, не умея понять связи между „вчера" и „завтра". Марксизм требует ясного сознания этой связи, сознания не на словах, а на деле. Марксизм находится поэтому в непримиримом противоречии с ликвидаторским течением вообще, с отрицанием гегемонии—в частности.

[5]) Статья В. Базарова: „О том, почему важные вещи кажутся иногда пустяками.

За Петербургом—Москва. За меньшевиком г. Потресовым—бывший большевик г. Базаров. За Базаровым—г. В. Левицкий, более прямой, более честный противник, чем г. Потресов. В июльской книжке „Н. Зари" г. В. Левицкий пишет: „Если прежняя (форма сплочения сознательных рабочих)" была гегемоном в общенациональной борьбе за политическую свободу, то будущая будет классовой (курсив г. Левицкого) партией вступающих в свое историческое движение масс". (Стр. 103) [6]).

В одной этой фразе замечательно удачно выражен, сконцентрирован, запечатлен дух всех писаний г. В. Левицких, Потресовых, Базаровых, всего „Возрождения", всей „Нашей Зари"—всего „Дела Жизни". Сотнями цитат можно было бы дополнить, заменить, развить, пояснить приведенную цитату В. Левицкого. Это—такая же „классическая" фраза, как знаменитое Бернштейновское „движение—все, конечная цель ничто", или как Прокоповическое (из credo 1900 г.): рабочим—экономическая, либералам—политическая борьба.

Г. Левицкий теоретически неправ, когда противополагает гегемонию—классовой партии. Одного этого противопоставления достаточно, чтобы сказать: не марксизм, а либерализм составляет ту партию, которой на деле следует „Н. Заря". Только теоретики либерализма во всем мире (вспомните хоть Замарта и Бретано) понимают классовую рабочую партию так, как ее „понимает" Левицкий. С точки зрения марксизма класс, отрицающий идею гегемонии или не понимающий ее есть не класс или еще не класс, а цех или сумма различных цехов.

Но, будучи неверен марксизму, г. Левицкий вполне верен „Нашей Заре", то-есть течению ликвидаторскому. Он сказал святую истину о сущности этого течения. В прошлом для сторонников этого течения была

[6]) Статья Левицкого „Ликвидация или возрожение", „Н. З." № 7.

„гегемония“, в будущем ее не будет, не должно быть, а в настоящем. есть тот бесформенный аггломерат, который составляет круг писателей и друзей — читателей „Нашей Зари“, „Возрождения“, „Дела Жизни“ и который сейчас, в лето 1911-ое, занят как раз проповедью необходимости, обязательности, полезности, закономерности перехода от прошлой гегемонии к будущей бретановски-классовой (можно сказать с равным правом: струвенски или изгоевски-классовой партии). Что бесформенность есть один из принципов ликвидаторства это прямо сказали его противники еще в 1908 году, за год до „Н. Зари“. Если г. Маевский в декабре 1910 года спрашивает, что такое ликвидаторство [7]), то пусть он обратится к ответу, данному отрицательно ровнехонько два года тому назад. Он увидит в этом ответе характеристику, точнейшую и полнейшую „Нашей Зари“, возникшей год спустя после этого отзыва. Как это возможно. Это возможно было потому, что речь шла и идет не о лицах, а о течении, которое в 1907 году намечалось (см. хотя бы в конце брошюры самого г. Череванина о событиях весны 1907 г.), в 1908 году явно выразилось, в конце 1908 года оценено его противниками, в 1910 году создало себе открытый печатный орган.

Сказать: в прошлом гегемония, а в будущем должна быть „классовая партия“, значить наглядно показать связь ликвидаторства с отречением от гегемонии и разрыв этого течения с марксизмом. Марксизм говорит: так как в прошлом „гегемония“, то, следовательно, из суммы профессий, специальностей, цехов вырос класс, ибо именно создание идеи гегемонии, именно воплощение ее в жизнь своею деятельностью превращает сумму цехов в класс. А раз доросли до „класса“, никакие внешние условия, никакие тяжести, никакое сведение целого к дроби, никакое ликование веховцев, никакое малодушие оппортунистов не в силах задушить этого ростка. Пусть его не „видно“ на поверхности (г. г. Потресовы

7) Имеется в виду статья Маевского „Что такое ликвидаторство“, в № 11—12 „Н. З.“ 1910.

не видят или делают вид, что не видят его, потому что не хотят видеть), но он жив, он живет, он сохраняет и в настоящем „прошлое“, он его переносит в будущее. Так как гегемония была в прошлом, то поэтому марксисты обязаны, вопреки всем и всяким отреченцам отстоять ее идею в настоящем и будущем, — каковая идеологическая задача вполне соответствует тем материальным условиям, которые из цехов создали класс, продолжает создавать, расширять, укреплять класс, укрепляет его отпор всем „проявлениям влияния буржуазии“.

Журнал же „Наша Заря“ за целый год как раз и концентрирует в себе проявление влияния буржуазии на пролетариат. Ликвидаторство не только существует, как течение среди людей, желающих быть сторонниками данного класса, но представляет из себя лишь один из ручейков того широкого, общего нескольким классам „понятного“ потока, который свойствен всему трехлетию 1908—1910 годов и возможно, будет свойственен еще нескольким годам. В настоящей статье я должен был ограничиться характеристикой этого ручейка по цитатам из №№ 2—7 „Нашей Зари“. В следующих статьях я надеюсь остановиться на №№ 10, 11 и 12 этого журнала, а также на подробном доказательстве той мысли, что ручеек ликвидаторства есть лишь часть потока веховщины.

Н. Ленин.

Л. Троцкий.

Избыток усердия.

В № 10-м «Большевика» тов. Вардин посвятил около пяти страниц моей книге «О Ленине». На этих пяти страницах сосредоточено столько теоретического вздора, политической фальши, нескладицы вообще, что можно говорить об установлении тов. Вардиным нового советского рекорда уплотненной путаницы. Следовало бы, пожалуй, пройти мимо этих пяти страниц, если бы не важность и значительность темы. Вот из уважения к этой последней я считаю необходимым привести важнейшие соображения тов. Вардина и показать чего они стоят.

I.

Автор цитирует мои слова: «Еслиб мы не взяли власти в октябре, мы ее не взяли бы совсем», и заявляет, что в таком категорическом виде это утверждение не верно. «...Если партия восходящего класса данный благоприятный момент почему-либо упустила, — раз'ясняет Вардин, — то это не значит, что уже все пропало (!), что никогда (!!) более подходящая для захвата власти обстановка не повторится». Таким образом Вардин решается представить дело так, будто я считаю, что пролетариат каждой данной страны имеет возможность только один раз во всем ходе мировой истории сделать попытку захвата власти, подобно тому, как живые организмы один раз рождаются и один раз умирают. Совершенно непонятно, каким образом подобного рода чепуха может притти в человеческую голову! Может быть, однако, это просто неловкое выражение? Нет, Вардин подчеркивает, повторяет и усугубляет эту чепуху. «Троцкому кажется, — пишет он, — что один раз в жизни приходит "час" пролетариата, и если он этот «час» упустил, тогда прощай мечта о захвате власти. Это — политическая метафизика». Какая тут политическая метафизика? Тут нет материала и для метафизки, тут вопиющий вздор — и только. Но Вардин и на этом не успокаивается. «Свой метафизический «закон»,—продолжает критик, — об одном обязательном сроке для совершения переворота, тов. Троцкий применяет к Германии. Он рассуждает следующим образом. Большевики совсем не взяли бы власти, если бы не взяли ее в октябре 1917 г. Из всех (?!) его рассуждений вытекает, что немецкие коммунисты не возьмут более власти, ибо они не взяли ее в идеально благоприятный срок, — в октябре 1923 г.». Предел нелепости, как видит читатель, превзойден окончательно. Выходит, будто немецкий пролетариат, упустивший, по вине партийного руководства, классическую революционную ситуацию 1923 г., навсегда приговаривается к лишению прав на захват вла-

сти! Известно (всем тем, кому это известно), что Маркс в своей «Гражданской войне» обвинял парижский пролетариат в том, что он не сделал всех необходимых выводов из парижской коммуны и не захватил власти во Франции. С точки зрения, которую для меня так любезно, но неуклюже фабрикует Вардин, вытекает, что и французский пролетариат не может более надеяться на захват власти. Привлекши таким же методом историю чартизма, можно придти к выводу, что английскому пролетариату не видать власти, как своих ушей.

Но откуда же, откуда весь этот несосветимый вздор? Вардин пытается вывести его из единственной цитированной выше фразы: «Еслиб мы не взяли власти в октябре, мы ее не взяли бы совсем». Но о чем идет у меня речь? Я полемизирую с теми товарищами, которые теперь, несколько лет спустя, думают, что мы могли бы взять власть не только в октябре, но и три месяца или полгода спустя. Я утверждаю, что октябрь был уж, пожалуй, последним сроком, что дальше начинался отлив, и что если бы мы не взяли власти в октябре, мы не взяли бы ее ни на три, ни на шесть месяцев позже, «мы ее не взяли бы совсем». Эти последние слова относятся, очевидно, не ко всему течению человеческой или российской истории, а к той конкретной революционной ситуации, которая создана была войной и разрешилась сперва февралем, а затем Октябрем. Я спорю против того выжидательного фатализма, который считает, что если мы усиливались в августе, сентябре, октябре 1917 г., то мы еще более усилились бы к январю, февралю, марту 1918 г. Нет, говорю я, это не так. Революционная ситуация имеет свой момент высшего обострения, момент, который длится недели, но никак не годы, и после которого наступает резкое изменение соотношения сил в пользу контр-революционных классов, если революционный класс не с'умеет и не успеет овладеть властью. На эту тему, как известно, накануне Октября шла в партии ожесточенная полемика. Именно Ленин в последние недели перед Октябрем ставил вопрос так: сейчас или никогда! Вот несколько живых иллюстраций. 29 сентября Ленин пишет: «Не брать власти теперь, «ждать», болтать в ЦИК,е, ограничиться «борьбой за орган» (Совет), «борьбой за с'езд», значит погубить революцию». Погубить революцию! Вечером 24 октября Ленин пишет: «Положение до нельзя критическое. Яснее ясного, что теперь уже поистине промедление в восстании смерти подобно». Какая ужасающая метафизика! Неужели же если пролетариат не возьмет в положенный ему «час» власти, то этим самым он обрекает себя на гибель («смерти подобно»), ибо известно, что после смерти никто власти не брал. Дальше, в том же письме: «Нельзя ждать! Можно потерять все!! Как так: потерять «все»? Ведь мы слышали от Вардина, что упустивший срок пролетариат хотя и бывает бит, но зато крепко научается и тем самым становится способен к захвату власти.

Совершенно верно, что пролетариат учится из поражений, но учится он от тех именно, которые говорят ему: упущение революционной ситуации есть величайшее и опаснейшее поражение. Оно отодвигает революцию в неопределенное будущее. Два-три таких поражения в Европе, какое произошло в прошлом году в Германии, — и американский капитал может успеть на-долго приду-

шить Европу. Она и при этом когда-нибудь (например, после революции в Америке) воспрянет. Но лишь «когда-нибудь». А мы хотим, чтобы она воспряла теперь.

Против ультимативной постановки вопроса Лениным (сейчас или никогда!) решительно возражало известное письмо «К текущему моменту». «Глубокой исторической неправдой, — говорило это письмо, — будет такая постановка вопроса о переходе власти в руки пролетарской партии: или сейчас или никогда. Нет! Партия пролетариата будет расти, ее программа будет выясняться все более широким массам. Она будет иметь возможность в еще более широкой форме продолжать беспощадное разоблачение политики меньшевиков и эсэров, которые стали на пути действительного перехода власти в руки большинства народа. И только одним способом может она прервать свои успехи, именно тем, что она в нынешних обстоятельствах возьмет инициативу выступления и тем подставит пролетариат под удары всей сплотившейся контрреволюции, поддержанной мелко-буржуазной демократией. Против этой губительной политики мы подымем голос предостережения». Письмо это было написано 14 октября, то-есть за две недели до октябрьского переворота.

Ленин вел беспощадную войну против того ложно-оптимистического фатализма, который политически означал выжидательную пассивность. Ленин ставил вопрос ребром: сейчас, немедленно, теперь же! Он, конечно, не создавал этим вардинского метафизического закона, в силу которого история на всем своем течении отпустила будто бы пролетариату каждой нации только один час на захват власти. Над таким ребяческим вздором взрослые люди вообще не останавливаются. Когда Ленин провозглашал: «сейчас или никогда», он имел в виду не исторический процесс в целом, а данную, живую, конкретную революционную ситуацию; пролетариат возьмет власть либо на данном этапе развития революции,— говорил он, — либо не возьмет ее вовсе. Если упустим момент, обстановка резко изменится к невыгоде для пролетариата, и нужно будет ждать неопределенно долгое время возрождения революционной ситуации. Та же самая мысль выражена мною в цитированной Вардиным фразе.

Еслиб я ограничился даже только этой единой фразой, и тогда ее нельзя было бы, без злой воли, понять иначе, чем она сказана. Но у меня есть к этой фразе дальнейшие пояснения, которые не только не оставляют места добросовестным сомнениям, но исключают самую возможность каких бы то ни было софистических истолкований. Я раз'ясняю далее (стр. 66), что если бы мы стали медлить и выжидать, масса отлила бы от нашей партии, потеряв к ней доверие, буржуазия получила бы передышку, и в результате «соотношение сил могло бы радикально измениться, и пролетарский переворот отодвинулся бы в неопределенную даль». В неопределенную даль, т Вардин! Таким образом, здесь всеми буквами сказано, что упущение времени означало бы не то, что пролетарский переворот стал бы невозможен до окончания веков, а лишь то, что он отодвинулся бы на совершенно неопределенное время. Теперь, надеюсь, уж совершенно ясно, что весь этот великолепный «закон» насчет того, будто пролетариату один раз в истории предоставляется (господом-богом, что-ли?) возможность захватить власть, изобретен тов. Вардиным не только в противоречии со здравым смыслом, но и наперекор совершенно точному, ясному, недопускающему никаких лжетолкований тексту той самой книги, о которой наш обличитель метафизики рассуждает.

Теперь специально о Германии. Еслиб я даже совершенно нигде не высказывался по поводу перспектив немецкой революции, и тогда тов. Вардин не имел бы ни малейшего права приписывать мне те невероятные выводы, какие он разворачивает в своей статье. Но положение усугубляется тем, что я со всей точностью и конкретностью высказывался по этим вопросам в печати, и при том не раз. Я считаю необходимым привести две цитаты, которые, надеюсь, бросят необходимый свет и на вопрос о немецких революционных перспективах и на вопрос о полемических приемах Вардина.

В предисловии к своей книге: «Пять лет Коминтерна», помеченном 22 мая 1924 года, я писал: «Школа буржуазной реакции, надо надеяться довольно скоро заставит германский пролетариат в подавляющем его большинстве усвоить себе революционную ориентировку, на этот раз более определенно и крепко. Нужно всемерно помогать этому процессу. Нужно ускорять его. Но никак нельзя перескочить через его неизбежные этапы. Представлять себе дело так, будто ничего особенного не случилось, будто произошла лишь некоторая заминка и пр., было бы в корне неправильно и грозило бы величайшими ошибками стратегического порядка. То, что случилось, — не поверхностная заминка, а огромное поражение. Смысл его должен быть усвоен авангардом пролетариата... Революционный прилив, затем отлив, и новый прилив— эти процессы имеют свою внутреннюю логику и свой темп. Революции не только развертываются, — говорили мы, — революции организуются. Но организовать революцию можно только на основе ее внутреннего развития... Самая лучшая революционная партия не может по произволу вызвать новую революцию на второй день после поражения, как самый лучший акушер не может вызывать роды каждые три или каждые пять месяцев... Немецкому пролетариату нужно пройти через стадию восстановления и собирания сил для новой революционной кульминации, прежде чем коммунистическая партия, оценив обстановку, сможет дать сигнал к новому штурму...

Два величайших урока отмечают историю германской коммунистической партии: март 1921 года и ноябрь 1923 года. В первом случае партия приняла собственное нетерпение за созревшую революционную ситуацию: во втором случае она не узнала созревшей революционной ситуации и упустила ее. Это те предельные опасности «слева» и «справа», меж которых вообще проходит политика пролетарской партии в нашу эпоху. Будем твердо надеяться, что богатой боями, поражениями и опытом немецкой коммунистической партии удастся в нестоль отдаленном будущем провести свой корабль между «мартовской» Сциллой и «ноябрьской» Харибдой и обеспечить германскому пролетариату то, что он честно заслужил: победу»!

Примерно, через месяц после написания этой статьи, которая вошла также в мой сборник «Запад и Восток», я говорил на медицинском с'езде 21 июня 1924 года:

«После поражения 1905 года нам понадобилось семь лет, чтобы движение, под влиянием Ленского толчка, снова быстро пошло в гору, понадобилось двенадцать лет, чтобы вторая революция дала победу пролетариату. Германский пролетариат потерпел в прошлом году величайшее поражение. Ему нужен известный и при том значительный промежуток времени, чтобы переварить это поражение, усвоить его урок и оправиться от него, заново собрать свои силы, причем обеспечить ему победу коммунистическая партия сможет лишь в том случае, если полностью и целиком сама усвоит уроки прошлого года. Сколько времени понадобиться на эти процессы? Пять лет? Двенадцать лет? Никакого точного ответа на этот вопрос дать нельзя. Можно лишь высказать то общее соображение, что темп развития, в смысле радикального изменения политической обстановки, стал после войны гораздо более быстрым, лихорадочным, чем до войны... В этом и состоит глубоко революционный характер всей нашей эпохи, и этот характер заставляет нас делать тот вывод, что торжество контр-революции в Германии не может быть длительным».

Читатель, надеюсь, видит, что все это так же похоже на «метафизический закон», как литературные приемы тов. Вардина похожи на добросовестность.

Вот каким образом обстоит дело с основной, наиболее принципиальной «ошибкой», открытой в моей книге усердным критиком.

II.

В главе о Брест-Литовске я сравниваю отказ от подписания мира в начале 1918 г. с походом на Варшаву в 1920 г. И там и здесь руководящим началом было стремление дать с востока толчек европейской революции. В одном случае был расчет на то, что попытка немецкого милитаризма наступать на пролетарскую революцию, отказавшуюся от продолжения войны, чрезвычайно углубит революционные противоречия в Германии и ускорит их взрыв. В другом случае был расчет на то, что военный удар, нанесенный польской реакции, ускорит революцию в Польше и на запад от нее. Я говорю мимоходом в своей брошюре, что принципиальной разницы в подходе к вопросу в обоих этих случаях не было: и там и здесь политическая линия строилась под углом зрения международной революции. «Принципиальной разницы нет,—пишу я,—но есть разница в степени риска». По этому поводу тов. Вардин разражается олимпийскими громами: моя постановка вопроса есть, видите ли, «образчик чисто отвлеченного, формального подхода к вопросу, — без конкретного анализа, без учета конкретной обстановки». Давши свой «конкретный анализ», т. е. перечисливши кое-как условия, давно проанализированные и всем известные, Вардин приходит к тому выводу, что рисковать в условиях Бреста, значило «рисковать головой революции»; иное дело, говорит он, поход на Варшаву: «рисковать в данном случае не значит рисковать головой революции». Прекрасно, но ведь это именно и значит, что тут была разница в степени риска: в одном случае рисковали головой, а в другом только рукой или ногой (частью территории, например). Вооруженный до зубов своим конкретным анализом, Вардин лишь пересказывает своими словами сказанное у меня в книжке на стр. 88-й: «...то, что знаменательно для Ленина в идее варшавского похода, — говорится там, — это—мужественность замысла. Риск был велик, но цель превосходила риск. Возможная неудача плана не несла с собою опасности самому существованию советской республики, а только ее ослабление...». Таким образом, у меня совершенно ясно и точно сказано еще прежде, чем на Вардина снизошла благодать «конкретного анализа», почему риск похода на Варшаву, несмотря на обнаружившуюся несостоятельность этого похода, был законным революционным риском, и, наоборот, почему незаконным и недопустимым был риск неподписания брест-литовского мира, после того как все остальные политические рессурсы были исчерпаны. Ничего ровно тов. Вардин к моим соображениям не прибавил. Ему, очевидно, кажется, что я «ослабляю» или «смягчаю» ошибку, говоря, что принципиальный критерий был тот же в дни Бреста и в дни Варшавы. Но его опасения неосновательны. Если неправильное применение революционного критерия к конкретной обстановке грозит гибелью революции, то революции не легче от того, что критерий правильный. Разница лишь та, что человек с правильным общим критерием легче способен понять неправильность данного конкретного применения и, следовательно, научиться из собственной ошибки. Так, например, когда критик подходит к книге с марксистским критерием, то, хотя он и не застрахован этим одним от ошибок, но с ним легче дотолковаться. Когда же критик подходит к книге с таким «критерием»: во что бы то ни стало найти ошибки, — то с такого критика взятки гладки.

Теперь самое главное. Формулу эту — разница не в принципе, а в степени риска — я даю потому, что она, как мне кажется, выдвигает вперед именно ту черту Ленина, которая в этом случае особенно ярко сказалась: не в каком-нибудь особенном принципиальном подходе Ленина к вопросу было тут дело, а в его чутье, в его глазомере, в его сметке, в его великой политической интуиции. «Доводы» вообще являлись у него в таких случаях потом. И хотя проверка «от разума» производилась глубокая и архитщательная, но первую, в большинстве безошибочную, наметку решения давала интуиция. Секрет гениальности (один из ее секретов) и состоит в гармоническом равновесии между подсознательным и разумом — при соответственной мощности обоих.

Но это вне интересов нашего критика. Он ищет не иначе, как фальшивого следа.

III.

На стр. 102 моей книги «О Ленине» рассказано:

«Газеты особенно ухватились за слова «грабь награбленное» и ворочали их на все лады: и в передовицах, и в стихах, и в фельетонах.

— И далось им это «грабь награбленное», — с шутливым отчаянием говорил раз Ленин.

— Да чьи это слова? — спросил я. — или это выдумка?

— Да нет же, я как то действительно это сказал,—ответил Ленин, — сказал да и позабыл, а они из этого сделали целую программу. — И он юмористически замахал руками».

Негодованию тов. Вардина по поводу этого эпизода нет конца. Он напоминает, что этот рассказ уже вызвал в нашей печати «законнейший протест». Да и могло ли быть иначе? Ведь в сущности я почти — что покушаюсь — задним числом! — на экспроприацию экспроприаторов, на ликвидацию помещичьей и капиталистической собственности, на раскулачивание кулака. Вардин прямо говорит, что это есть «переоценка нашего прошлого». Так всеми буквами и напечатано! Буквально теряешься, с какого конца подступить к такого рода уплотненному вздору.

Подойдем сперва к вопросу политически. Отношение к процессу экспроприации, к ходу его, к методам его, — а ведь в этом именно и состоит «наше прошлое» — можно, казалось бы, определить на основании более положительных признаков, чем мои воспоминания о том, как Ленин в известный момент отнесся к той или другой собственной агитационной формулировке. Верно или неверно моя память передает мне весь рассказанный эпизод, — об это мы еще потолкуем, — но поистине непристойно говорить по этому поводу о «переоценке нашего прошлого». Переоценка — каким методом? Не таким ли, что я Ленина заставляю каяться в своих грехах по части экспроприации имущих? Или ваши слова о переоценке не нужно брать столь в серьез? Может быть вы не это желали выразить? Что же вы желали «выразить»? Свое невыразимое усердие?

Подойдем к вопросу психологически. Я писал свою книжку исключительно по памяти. Эпизод, который рассказан мною выше, имел для меня, как и для читателя, надеюсь, совершенно, так сказать, нейтральное значение: никакой по этому поводу полемики в партии не было, никаких разногласий, оттенков, группировок. Самый этот период и ленинская агитационная формулировка отошли давно в прошлое. Искать поэтому какой-либо политической тенденции в мимоходом рассказанном третьестепенном эпизоде — совершеннейшая бессмыслица, свидетельствующая разве лишь о том, до чего доходит у иных избыток усердия.

Подойдем, наконец, к вопросу лингвистически *). Уже до Вардина мне пытались популярно об'яснить, что «грабь награбленное» — это тебе не латынь, а наше, настоящее революционное, большевистское и пр. Что Ленин воспользовался в известный момент фразой старика-агитатора, который, в ответ на обвинения большевиков в грабительстве, ответил: да, мы грабим награбленное, — это, конечно, в порядке вещей и целиком так сказать, входит в ленинскую методу. Однако же, делать из этого «программу» не годится. Это уж пустосвятство. Мы проводили в известный период политику красного террора. В ответ на кадетски-меньшевистские обвинения против нас в погроме интеллигенции, мы могли ответить: да, мы за красный погром против черного или белого. Допустимо ли это было? Думаю, что вполне допустимо. Но мы обошлись без такой агитационно - полемической формулировки,

*) Лингвистика—познание языков.

оставаясь при латинском терроре. Ничто не пошатнулось. Террор наш был настоящим большевистским террором...

Это тебе не латынь! — вопят с запозданием на семь лет наши ух-радикалы. Но у Ленина, в подслушанной им формулировке, которая сама по себе имеет не погромный а агитационно-образный характер, нет, разумеется, ни малейшего намека на этакое ухарское отношение к латыни. Он говорит лишь, с иронией над противниками, о «переводе» с латинского языка. Да и откуда у марксиста взяться такому вот презрению к латыни, которое к лицу скорее вставшему на дыбы семинаристу или запорожцу. «Дурни были латинцы — поучал еще Тарас Бульба — не знали горилки». Экспроприация экспроприаторов — это ведь наша латынь, и при том вполне программная. Само слово программа ведь тоже латынь *). В названии нашей партии латынь играет не малую роль, ибо и коммунизм и партия латинского происхождения. Диктатура пролетариата — опять латынь. И эти выражения можно бы, пожалуй, с большим или меньшим успехом агитационно перевести на русский язык. Например, в ответ на буржуазные и меньшевистские обвинения, что у нас не диктатура, а самоуправство, что за нами не пролетариат, а чернь и пр., тот же Ленин мог, мне кажется, в какой-либо речи воскликнуть: да, мы за революционное самоуправство черни против векового самоуправства белой кости. Наши агитаторы могли бы эту фразу понести в массы, она вероятно, оказала бы свое действие. Но ни Ленин и никто другой этого выражения не употребил (не случилось), и мы обходились и обходимся при помощи латинского (латынь!) термина (латынь!) диктатура (латынь!) пролетариата (латынь!). Поменьше усердия! Поменьше пустосвятства!

Но как же все-таки с рассказанным мною эпизодом? Верен ли он? И в чем его смысл. Вардин доказывает невозможность этой беседы с Лениным на том основании, что я будто бы отношу ее к первым неделям после переворота, т. е. к тому именно времени, когда Ленин пустил в оборот формулу о грабеже награбленного. Это единственное соображение Вардина, которое имело бы вес, если бы я действительно относил беседу к первым неделям октября. Но нигде я этого не говорю, и мне непонятно, из чего Вардин вывел свое хронологическое заключение. Наоборот, слова Ленина: «я как-то действительно это сказал, — сказал да и позабыл», свидетельствуют о том, что беседа могла относиться только к более позднему периоду. Я не определял и не пытался определить сколько - нибудь точно момент, когда происходил этот разговор. Привел я его, как уже сказано, не потому, что придавал ему политический вес, а просто, как осколок воспоминаний, хотя бы и малозначительный сам по себе, но связанный с Лениным. Никто не может думать или требовать, чтобы память передала через несколько лет каждое слово и выражение с буквальной точностью. Я это тщательно оговариваю в своей книжке, указывая кроме того, что при писании воспоминаний я сознательно не пользовался никакими пособиями, источниками, справочниками и пр., иначе это

*) Во ограждение себя от возможных филологических громов (такие громы бывают иногда очень полезны для оглушения читателя) отмечаю, что я к „латыни" отношу здесь и слова греческоoo происхождения: надеюсь, что под интересующим нас углом зрения эта тонкость не имеет значения.

был бы совсем уж другой метод работы, который требовал бы других масштабов и налагал бы другую ответственность. «Материалом для биографа» я назвал свои воспоминания в том именно смысле, что они почерпнуты только из памяти и не подвергнуты об'ективной проверке через документы, сопоставления с другими воспоминаниями и пр. Все это относится полностью и к разбираемому эпизоду. Но раз рассказанный мною по памяти маленький диалог подвергается столь тяжеловесной принципиальной оценке, то нужно сделать это уж как следует быть и, прежде всего, установить необходимые политические и, следовательно, хронологические рамки.

Первый период бури и натиска длился, примерно, от октября 1917 года до февраля 1918 года. Это был период Смольного. Разговор же происходил, как явствует из смысла его, значительно позже. С этим вполне совпадает показание моей памяти о том, что самый разговор происходил в Москве, не в Смольном, а в Кремле. Переломным моментом от первого периода ко второму явился февраль. Сопротивление эксплуататоров к этому моменту сломлено, экспроприация вчерне произведена, но учет и организация ужасающе отстали от экспроприации. Теперь выдвигаются новые задачи, новые лозунги: контроля, самодисциплины, учета, производительности труда. В центре внимания становится декрет о личной диктатуре на железных дорогах. По этой новой линии идут бои. Меньшевики обвиняют нас в восстановлении только-что разрушенной свирепой дисциплины. Левые эсеры поворачивают фронт против нашей трезвенности и узкого практицизма. Левые коммунисты протестуют против измены заветам Октября. 29-го апреля Ленин писал: «Попробуйте сопоставить с обычным, ходячим понятием «революционера» лозунги, вытекающие из особенностей переживаемой полосы: лавировать, отступать, выжидать, медленно строить, беспощадно подтягивать, сурово дисциплинировать, громить распущенность... Удивительно ли, что некоторых «революционеров», когда они слышат это, охватывает благородное негодование, и они начинают «громить» нас за забвение традиций Октябрьской революции...» (Собр. сочин. том XV, стр. 224). Ленин не отрекается, конечно, от лозунгов дофевральского периода, в том числе и от «грабежа награбленного», но для него они уже относятся к прошлому, они уже исчерпали себя. Повторять их теперь значит не просто играть в бирюльки, но делать дело другого класса. В заседании ВЦИК 29-го апреля, защищая лозунги суровой дисциплины и хозяйственного контроля, которые, по мнению критиков, будто-бы будут не поняты массами и отвергнуты ими, Ленин сказал: «Беднота крестьянская, которая ничего не выигрывает от грабежей награбленного, она на нашей стороне. Там наши лозунги пройдут. Мы превосходно знаем и наблюдаем, как в деревнях понимают лозунг — грабь награбленное... Пролетариат, масса крестьянства, разоренного и безнадежного в смысле хозяйства, индивидуального, будет на нашей стороне, потому что прекрасно понимает, что простым грабежом Россию удержать нельзя. Нам всем это хорошо известно, и каждый у себя на месте видит это и чувствует это». (Собр. сочин.. том XV, стр. 249). Как видим, и здесь речь идет о грабеже награбленного, но уже по другой, можно сказать, по противоположной линии. Кто пойдет с нами, с нашими лозунгами? — оказывается, те, которые ничего не выигрывают от грабежа награбленного. Стоять дальше на программе «грабежа награбленного» могут только кулаки и их идейные представители. «Мы превосходно знаем и наблюдаем, как в деревнях понимают лозунг грабь награбленное», — понимают по кулацки, т.-е. на место старого грабежа закладывают потихоньку да полегоньку новый. Но мы, передовые пролетарии, знаем: «простым грабежом России удержать нельзя». В натиске на богачей и их богатство мелкий буржуа шел рядом с рабочим и даже нередко дальше и неистовее его. Но когда встал вопрос учета, контроля и организации производства, мелкий буржуа, в лице хотя бы тех же левых эсеров, встал на дабы. Здесь дороги уже расходились. Взбесившийся мелкий буржуа и впредь готов был признавать только одну программу: грабь награбленное. А передовой рабочий стал его за это понемножку расстреливать. Меньшевистская и полуменьшевистская печать злорадно показывала изо дня в день большевикам язык: ведь это же вы выкликали — «грабь награбленное», — ведь это же ваше евангелие, ваша программа; теперь вы не можете справиться с вызванным вами духом. А с другой стороны, левые эсеры и отчасти левые коммунисты говорили: завладевши властью, вы уже отказываетесь от «пламенных» лозунгов революции, а переходите снова на латынь: контроль, дисциплина, организация. Очень вероятно, к тому же, что некоторые благомыслящие, но не в меру усердные журналисты нашей собственной печати, продолжали трескотню на тему «грабь награбленное», тогда как задачи партийной политики успели уже радикально передвинуться в другую плоскость. Вот перед лицом всех этих явлений, разнообразных, но друг друга дополняющих, Ленин должен был с бешенством или, по меньшей мере, с ироническим отчаянием говорить о лозунге «грабь награбленное»: да, было в известный момент... сказал, и сказал правильно, но это — не евангелие, не на вечные времена, — не повторяйте, как попугаи... надо переучиваться; сейчас другие задачи...

Если представить себе, что приведенный у меня разговор происходил после только что намеченного знаменательнейшего перелома нашей революционной политики, то все окажется на месте, и все станет ясно, и политически и психологически, и даже лингвистически. Ленин не раз, с такой же вот досадой, с полуироническим отчаянием, с особым этаким выразительнейшим покряхтыванием отмахивался обеими руками от тех друзей и врагов, которые ему полемически преподносили его же собственные лозунги, формулы или просто выражения, в известных условиях и на известный предмет сказанные, но ходом вещей уже до дна исчерпанные. Словом, чем тщательнее и детальнее я сопоставляю расказанный мною эпизод с тогдашней обстановкой и с нынешними протестами недугов латинщины, тем больше я убеждаюсь в том, что моя память меня не обманула.

Единственное, что, на первый взгляд, непонятно в этом эпизоде и что, к слову сказать, критиком вовсе не замечено, состоит в том, что я не знал тогда (иначе не приходилось бы спрашивать) тех речей Ленина, в которых он говорил о «грабеже награбленного». Как это могло случиться и могло ли? Думаю, что

вполне могло. Времени на чтение газет совершенно не хватало. Сколько раз в те дни приходилось с изумлением убеждаться, что не знаешь фактов первостепенной важности. Помню, как жаловался однажды Владимир Ильич: «Если успеешь заголовки прочесть — и то хорошо!».

Таковы главные, принципиальные, программные возражения Вардина. Мы видели, чего они стоят. За вычетом этих трех моментов: «метафизического закона», «разницы в степени риска» и «переоценки нашего прошлого» (через латынь) — остаются совершенно неоформленные выпады, умысел которых гораздо яснее их обоснования. Так, Вардин находит у меня в книге «довольно прозрачные намеки, основная тенденция которых создать представление, что в решающие моменты только он, Л. Д. Троцкий, был с Лениным, что все, кроме него, колебались, ошибались, заблуждались». В этой небольшой фразе несколько неправд. Моя книга не есть ни история Октябрьского переворота, ни биография или материал для биографии всех руководящих участников Октябрьского переворота. Эта книга — о Ленине. О других, в том числе и о себе, я говорю постольку, поскольку мне это необходимо, чтобы выделить или оттенить ту или другую сторону деятельности Ленина или его личную черту. В этом без труда убедится всякий внимательный и непредвзятый читатель. В главах «Перед Октябрем» и «Переворот» речь идет о таком периоде, когда у меня не было никаких разногласий с Лениным. Выдумывать их задним числом для удовольствия т. Вардина, мне кажется, нецелесообразным. Мнимое разногласие насчет срока восстания, порожденное отсутствием Ленина из Петрограда, раз'яснилось в ходе событий полностью и целиком. Неправда, будто на основании моей книги можно сделать тот нелепый вывод, что я один (!) шел в этот период с Лениным: с ним шло подавляющее большинство партии и большинство Центрального Комитета. О борьбе Ленина с меньшинством ЦК я говорю лишь постольку, поскольку мне это безусловно нужно для характеристики ленинской работы того периода. Думаю, к слову сказать, что было бы более, чем своевременным, собрать и издать все важнейшие документы, характеризующие эту эпоху, и, прежде всего, протоколы апрельской конференции 1917 года. Думаю также, что пора теоретически проработать эту эпоху, — не для того, разумеется, чтобы показать, кто и как в Октябрьской революции путал, ошибался и уклонялся — такая цель была бы столь же мизерна, как и стремление «не касаться» Октября только для того, чтобы не напоминать о старых ошибках, — проработать Октябрьскую революцию на основании полного собрания материалов, нам нужно прежде всего для того, чтобы облегчить иностранным партиям совершение их Октября.

В главе о Брест-Литовске я говорю о своих разногласиях с Лениным, о том, как они возникли, и какие изменения претерпели, опять-таки лишь в той мере, в какой мне это нужно для того, чтобы обрисовать путь ленинской мысли и ее напор. В главе о разгоне учредительного собрания я упоминаю о моменте, когда я, вместе со всеми остальными членами ЦК, голосовал против Ленина, оказавшегося в единственном числе по вопросу об отсрочке учредительного собрания. И хотя сам Ленин позже и говорил, что так вышло лучше и чище, тем не менее я думаю и сейчас, что Ленин был прав против всего ЦК, когда требовал отсрочки учредительного собрания. Незачем было в той трудной обстановке увеличивать риск и создавать необходимость второй дополнительной революции в виде разгона учредилки. По вопросу о переезде правительства в Москву, я ничего не говорю в книге о личных группировках и, следовательно, вообще не даю никакого материала для выводов в интересующем Вардина направлении. Но я действительно поддерживал предложение Ленина о переводе правительства в Москву.

Остается, наконец, еще один вопрос, последний по счету, но не последний по значению. «Если книгу тов. Троцкого прочтет человек, незнакомый с прошлым нашей партии,—так пишет Вардин, — то он придет к убеждению, что никогда никаких разногласий между Лениным и Троцким не было... Почему из истории этих «боев» тов. Троцкий не привел «для биографа» ни единой строчки? На это отвечу. Для читателя, незнакомого с историей нашей партии, в книге моей останется непонятным многое и многое из того, что относится к политике, т. е., по крайней мере, три четверти книги. Это верно, что книга моя предполагает у читателя знакомство с основными моментами истории партии и революции. Почему я писал прежде всего о тех периодах, когда я близко соприкасался с Лениным, работая с ним рука об руку, а не о тех, когда расходился с ним? Вопрос этот уже заключает в себе ответ или, по крайней мере, значительную часть ответа. Желая дать не по книгам и цитатам, а по личному живому общению характеристику известных сторон, этапов и черт деятельности Ленина, — прибавить материал для биографа, — я, конечно, должен был взять те периоды, когда я теснее всего работал с Лениным. Период старой «Искры» я взял в первую голову потому, что об этом периоде уже почти некому рассказывать. Об этом основном мотиве я говорю в самой книге. Почему я далее взял период Октября? Думаю, что и этот вопрос заключает в себе ответ: именно потому, что это — период Октября, т. е. важнейший из всех периодов, через которые проходила не только наша партия, но и рабочий класс и все вообще человечество. Я уже предупреждал, что намерен над этой книгой работать и впредь. Мне, несомненно, придется говорить о Ленине и тех периодов, когда я расходился с ним по частным или второстепенным, или же по глубоко принципиальным вопросам. И к таким периодам я собираюсь подходить под углом зрения освещения личности и деятельности Ленина: исправлять историю задним числом у меня нет никакого побуждения, несмотря на то, что в основном вопросе долголетних разногласий — о путях развития партии — правота была полностью и целиком на стороне Ленина. Работа революционных годов, в которой тоже были свои разногласия, но уже чисто эпизодические, до такой степени отодвинула старые внутрипартийные разногласия в историю, что к ним, мне кажется, можно подходить без всякой предвзятости, т. е. именно, как к историческому материалу. Однако, у меня нет основания упреждать — да еще в связи со статьей т. Вардина — не написанные главы моей книги. Довольно и того, что сказано выше.

Главный вывод из всего написанного ясен: избыток усердия не доводит до добра. Можно, однако, почти не сомневаться, что

по поводу моих раз'яснений непродуманной и неряшливой статьи т. Вардина критик наш приведет, примерно, еще сто одно соображение, совершенно не относящееся к тем вопросам, которые он же поднял и которые мне пришлось разбирать. Существуют литературные стратеги, которые считают, что лучшим выходом из неприятного полемического положения является увеличение радиуса путаницы. У меня есть все основания думать, что т. Вардин принадлежит к этим стратегам.

По поводу статьи тов. Троцкого.

(Ответ редакции).

Помещая статью тов. Троцкого «Излишек усердия», редакция не считает нужным особо останавливаться на том «излишке запальчивости», который обнаруживает тов. Троцкий в своих выпадах по адресу тов. Вардина. Мимо этой стороны дела нужно поскорее пройти, так как эти выпады не делают чести их автору и ни в коей мере не уясняют вопроса по существу. Между тем, вся партия заинтересована именно в анализе этого существа, а вовсе не в изысканных словесных упражнениях, как бы блестящи они ни были.

Остановимся, прежде всего, на пункте о пропущенных сроках восстания. Если бы тов. Троцкий утверждал только одно, а именно, что нельзя зевать, что нужно использовать до конца революционную ситуацию, и когда она достигла своего наивысшего выражения, бросаться в бой, вводя в него все силы революции — тогда не о чем было бы спорить. Это был бы политический трюизм, истина, известная даже школьникам от революции. Однако, вовсе не об этом в действительности идет спор. Вопрос стоит совсем не в такой абстрактной, формальной и поэтому довольно пустой формулировке. Речь идет о последствиях германского поражения в октябре месяце тысяча девятьсот двадцать третьего года, т.-е. о последствиях совершенно конкретного факта, об его оценке. И в связи с этим, речь идет о той совершенно конкретной международной ситуации, которая сложилась после октябрьского поражения германского пролетариата и в известной мере под непосредственным влиянием этого поражения.

Следовательно, спор идет вовсе не «вопче», а по совершенно конкретному поводу.

В чем здесь теоретически неправильная и политически вредная тенденция тов. Троцкого? В том, что тов. Троцкий переоценивает результаты тяжкого поражения германской революции, недооценивает революционные перспективы, а потому создает концепцию «всеамериканского мира», представляя дело таким образом, что уже образовался единый мировой трест, который всю Европу сажает на паек, регулирует все отношения, почти

устраняет все противоречия и открывает всерьез начало новой эры грабительского, но все же пацифизма. Эту концепцию тов. Троцкий защищал в целом ряде своих выступлений. Как логическая схема, как закругленное построение, эта концепция привлекала кое-кого своей стройностью. Но беда-то в том, что она, к сожалению, представляет собой в значительной степени одно умствование, «перистальтику мозга», а не отражение об'ективной действительности. Она — надуманная схема, в которой и по отношению к буржуазному миру проявляется переоценка того же «планового начала», которое тов. Троцкий так переоценивал при обсуждении вопросов практической политики нашей партии. А так как партия пролетариата не может строить своей политики на иллюзиях, то нетрудно понять, почему эта тенденция тов. Троцкого — политически вредна. Она чрезвычайно легко может сбиться на своеобразное ликвидаторство по отношению к революции, в особенности, если тов. Троцкий, из любви к кричащим формулировкам, заявляет, что проигравши сражение, «мы ее (власти) не взяли бы совсем». Вся эта оценка международного положения (погибшая революция в Германии, пан-американский мир, «пайки» для Европы и т. д.) уже безжалостно разбита жизнью. Она уже лопнула, как мыльный пузырь. Она уже обанкротилась, будучи опровергнута фактами. Высокие слова о новой, так сказать, американской «эре» оказались таким преувеличением, которое превращает их во фразу, самое опасное для глубоко реалистической по существу политики коммунистической партии.

Второй пункт разногласий — оценка «Бреста» и «Варшавы». В своей брошюре тов. Троцкий пытался доказать, что «между Брестом и Варшавой принципиальной разницы нет, но есть разница в степени риска». Другими словами, разница между ошибкой левых коммунистов и тов. Троцкого—с одной стороны, и просчетом Ленина—с другой, не так уж велика: «разница в степени риска». Получивши раз'яснение о принциальной разнице, тов. Троцкий в ответ приводит, поистине, курьезную аргументацию: «В одном случае—пишет он: рисковали головой, в другом случае только рукой или ногой». «Это же и есть разница в степени риска!»

Ну, что можно сказать на такой «довод»?! Ведь, с этой точки зрения вообще никогда не бывает «принципиальной разницы». Нет такой разницы между больным и здоровым, а есть разница «в степени здоровья»; нет разницы между глупым и умным, а есть разница «в степени ума»; нет принципиальной разницы между толстым и тонким, и даже нет разницы—как это ни странно—между живым и мертвым. Это чудовищное утверждение содержится... в сравнении тов. Троцкого, который великолепно побивает сам себя. Ибо риск головой есть риск жизнью. Здесь стоит вопрос: «быть или не быть». Риск «только рукой» не

есть вопрос о том, «быть или не быть». Если утверждать, как делает тов. Троцкий, что здесь нет «принципиальной разницы», это и значит признавать абсурдное положение, что нет разницы между живым (безруким) и мертвым («без головы»). Неужели это не ясно? И неужели нужно настаивать на такой всем видимой, всем понятной, в высшей степени элементарной, ошибке?!

В этом пункте, как и в предыдущем, сквозит тот же формальный, метафизический, рационалистический подход к вопросу, который свойственен тов. Троцкому, и который так резко отличается от диалектического, в высшей степени гибкого, а потому и глубоко жизненного, практического, действенного подхода тов. Ленина. Для Ленина, человек, который не видит разницы между потерей жизни и потерей руки, который так — мы бы сказали: «астрономически-надзвездно»—подходит к проблемам современности, есть именно звездочет, а не политик. Разве не ясно, что, сделай мы ошибку во время Бреста, вся история пошла бы по другому пути на целый ряд лет! Вспомним, как высмеивал Ленин одну лево-коммунистическую резолюцию, которая предлагала пожертвовать советской властью («головой»), ради интересов международной революции»! Об'ективно такая постановка вопроса была нелепой игрой, которая именно не понимала всей глубины, всего значения разницы между «рукой» и «головой».

Для руководящих политиков нашей партии необходимо, прежде всего, уменье связывать широту взгляда с анализом конкретного, детального, особого, оригинального. Ибо если частный предприниматель делает просчет в своих расчетах, он терпит убыток в масштабах одного хозяйства, маленькой единицы. Если делается ошибка руководителем советского корабля, то эта ошибка выростает в той же мере, в какой государство больше частного предприятия. Вот почему нам нужна величайшая конкретность, а не такая «принципиальность», которая не отличает головы от руки, у которой «все кошки серы».

Если «углублять» данный вопрос дальше, то без труда можно найти корень ошибки тов. Троцкого: он забывает, что количество («степень») переходит в качество. Он мыслит метафизически. В этом основа почти всех ошибок тов. Троцкого и, в частности, той ошибки, которую мы разбираем здесь.

Переходим к третьему пункту возражений тов. Троцкого, пункту о лозунге: «Грабь награбленное».

Об'яснения тов. Троцкого, которые он приводит в вышенапечатанной статье, — очень кстати, но появляются, к сожалению, слишком поздно. В прежней формулировке рассказа как раз был опущен такой важный для характеристики Ленина и большевистской политики момент, как уменье связывать партию с массами через и посредством лозунгов, наиболее понятных в данной обста-

вовке самым широким—и даже самым отсталым — слоям. У Ленина не было никогда и нигде преклонения перед «словесностью», «формой» и т. д. Ему важно было лишь, чтобы получилась нужная сцепка с массовой психологией, и он частенько не стеснялся в выражениях, которые «коробили» с точки зрения книжного интеллигентного языка. И в этом смысле лозунг «грабь награбленное» типичен. Нечего изображать его поэтому какой-то случайностью и абсолютным пустячком. Он целиком укладывается в ту характеристику большевизма, которая отмечает связь с массами.

Тов. Троцкий совершенно правильно, на наш взгляд, об'ясняет, почему лозунг «грабь награбленное» был «изжит», почему он потерял на определенной ступени развития революции свое значение, почему он даже превратился в свою собственную противоположность. Но беда тов. Троцкого в том, что он совершенно не примечает, как этими рассуждениями он опять целиком бьет самого себя, бьет беспощадно, до тла уничтожает свою аргументацию и—о, ужас! — поддерживает позицию своего противника.

В самом деле, что либо одно из двух:

Либо лозунг «грабь награбленное» был случайной обмолвкой, ляпсусом, язык у Ленина «оступился», и никакого значения этот «лозунг» не имеет, т.-е. это вовсе и не лозунг.

Либо это действительно лозунг, имевший определенное историческое значение, двигавший массы, но, как и всё на этом грешном свете, относительный и потому, в конце концов, изживший самого себя.

В книге тов. Троцкого мы имеем первый вариант. В статье тов. Троцкого мы имеем защиту этого первого варианта. Но в этой «защите» тов. Троцкий, об'ясняя историческую смену лозунгов, рассказывая, как и почему лозунг «грабь награбленное» был изжит и т. д., по сути дела выставляет эти два слова именно как лозунг, а не случайную обмолвку, то-есть, защищая первый вариант, по существу защищает второй, прямо противоположный. Ибо было бы верхом курьёза распространяться на тему о том, как и почему была «до дна исчерпана» пустяковая обмолвка!

И здесь тов. Троцкий скользит по поверхности, хотя и весьма виртуозно, красиво, даже великолепно, как искусный конькобежец по льду. Только беда в том, что все это одни узоры, далекие от практического существа.

Наконец, мы вынуждены остановиться еще на одном—последнем—пункте.

Тов. Троцкий признает, что «в основном вопросе долголетних разногласий — о путях развития партии — правота была полностью и целиком на стороне Ленина». Но тов. Троцкий не считает обязательным рассказывать о периодах своих столкновений с Лениным.

Это большая ошибка.

В самом деле, даже в формулировке тов. Троцкого о ленинской правоте сквозит неполное понимание сути дела, ее одностороннее понимание. Ибо обозначать разногласия только как разногласия «о путях развития партии» (какой партии? ведь, «развилось» две партии?), тогда как речь идет о развитии борьбы между большевизмом и меньшевизмом, коммунизмом и социал-демократией, коммунистической «Горой» и «социалистической» «Жирондой», между пролетариатом и буржуазными агентами в среде пролетариата,—так обозначать эти разногласия, значит уменьшать их, недооценивать, смазывать, затушевывать вопрос. На определенной ступени борьбы она (эта борьба), действительно, развертывалась, прежде всего, на внутрипартийных вопросах. Но в зародыше уже здесь были предвосхищены такие проблемы, которые потом развели людей навсегда и поставили их по разные стороны баррикады.

На ошибках надо учиться. И если теперь есть время на ученье, то, конечно, тов. Троцкий должен был бы сам воспроизвести для партии тот урок, который он извлек для себя, хотя и не в достаточной степени. Это тем более, ведь, возможно, что, по мнению самого-то тов. Троцкого, все «долголетние разногласия» отодвинуты в историю и к ним «можно подходить без всякой предвзятости». Мы надеемся, что это положение будет у тов. Троцкого не случайной обмолвкой, а настоящим лозунгом, который долго не будет «исчерпан до дна».

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

«РОССИЯ».
ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ, № 2—1924 г.

Одному «тихому человеку» по фамилии—Лежневу, по должности—редактору «России» попался в руки впервые после долгого отсутствия серебряный полтинник. Совсем новый, блестящий, полновесный!.. Почтенный редактор «брякнул» его о стол и мелодичный звон металла вызвал приятные воспоминания—воспоминания о тех временах, когда этот «презренный» металл бывал более частым гостем в карманах нашего публициста (чай и гонорары тогда были не то, что теперь, и попадали то они исключительно благородной касте служителей литературы, а не каким-нибудь рабкорам!).

Но неприятно резнул глаз лирически-настроенного писателя, вычеканенный на новом полтиннике герб, и радужное настроение мгновенно сменилось угрюмым раздумьем. Не воскрешает современный полтинник старых времен, недаром двухглавый хищник сменился серпом и молотом, недаром старый серебряный унизился до котировки в ⅓ советского и не дерзает отстаивать свои демократические права. Между ними пропасть. Однако через пропасть можно также перекинуть мостик.

И подобно ржанию молодой лошади (см. патетический диалог между писателем и политиком: «Радуги земли» в том же номере журнала), серебряный полтинник породил в голове Лежнева ряд глубокомысленных и достопримечательных размышлений о прошлом, о современности, о путях будущего. Они то нас и интересуют больше всего, поскольку представляют гвоздь второго номера «России» и наиболее четко выявляют ее классовую сущность.

***

Как подобает всякому серьезному исследованию, статья Лежнева: «О чем звенел полтинник» начинается историческим обзором.

> «Девять месяцев февральской революции, великой и бескровной, три года военного коммунизма, три года НЭП'а совзначного, три месяца НЭП'а твердого серебряного,—как уложить эти противоречивые меж собою этапы в один обобщающий образ? Как охватить внутренний, интимный и единосущный лейт-мотив совершений?».

Этот «единосущный лейт-мотив» революции, оказывается, заключается по Лежневу: в «убиении нулей», в уничтожении «склерозных, окаменелых и тормозящих частей социального тела, дегенеративных и рахитичных, слабых и лишних».

> «Февраль скостил царизм и распутиновщину. Октябрь мечем гражданской войны костил белую кость дворянства (только-ли? Случайно ли Лежнев забыл буржуазию, или она, может быть, не принадлежит к рахитичным частям социального тела?), белую армию, белую вошь... Все белое или рядом с белым лежащее, лишнее или казавшееся лишним—например, белую булку, чтобы не итти дальше этого».

Больше всего нулей было уничтожено, конечно, с введением благословенного НЭП'а.

> «Стали закрываться одно за другим бездельные предприятия, стали отметаться хозяйственные нули, которые на бумаге значились хозяйственными единицами, какое спасительное убиение нулей! Госснабжение отменено. Хлебная карточка—этот символ хлеба и продуктовая—символ продуктов—сброшены в мусорный ящик вместе с другими нулями. Вся многозначная символика нулей низложена. Скошен весь потусторонний и умопостигаемый платоновский мир идей (как изящно пишет наш редактор!—его образы подчас также живописны, как изделия владимирских богомазов), где покоились первообразы—Главрыба, Главстекло, Главсоль»...

Словом, военный коммунизм не больше, как один круглый нуль. Отсюда слава и трижды слава НЭП'у. Рассуждения достойные всякого порядочного сменовеховца.

Посмотрим теперь, какие же перспективы рисует нам наш талантливейший журналист в связи с хозяйственными успехами и стабилизацией рубля. Прежде всего предлагается воздержаться «от чрезмерных восторгов»..., ибо мы находимся в самом начале длительного и тяжелого пути „изрезанного вдоль и поперек коварными и неприметными для глаза волчьими ямами».

Здесь необходимо прежде всего сделать следующие замечания: Лежнев во всех своих писаниях упорно и непрестанно употребляет местоимение: «мы». Этим приемом он старается убедить доверчивого читателя в том, что именно «Россия» и ее спутники и сотрудники являются вернейшими защитниками диктатуры пролетариата, что он, Лежнев и компания, лучше и правильнее многих, а, может быть, и всех коммунистов понимают интересы и задачи революции, а затем под прикрытием максимальной революционности и лойяльности протащить идейки, не совсем лойяльные, и не совсем революционные. Вкрадчивое сменовохвостье (выражение Троцкого) сменяется, верней, дополняется здесь чисто нэпманской наглостью.

У нас с вами, господин Лежнев, однако, имеются все-таки «маленькие» разногласия, которые по терминологии неогегельянства (так в свое время именовал марксизм редактор «России», повествуя о крахе идей дарвинизма и неогегельянства) называется противоречием классовых интересов, каковое сейчас же и обнаруживается при дальнейшем разборе статьи.

> «Чтобы удержать рубль нам (?) неизбежно продвигать вперед стабилизацию хозяйства».

Святая истина! Но какими путями, ; использованием каких методов?—вот основной вопрос, кардинальной важности.

По Лежневу оказывается, что единственным спасительным средством „ведущим прямо к стабилизации, является ни что иное, как неограниченная свобода конкуренции, неограниченная рыноч-

ная стихия, ибо «нет любви без ревности и нет хозяйственного роста без конкуренции».

> «Конкурентное начало чем дальше, тем все больше будет утверждать себя. Легкая жизнь за счет казенной субсидии вечно длиться не может, а серебряный полтинник будет подторапливать и подгонять».

Только конкуренция оказывается может произвести отбор «наиболее жизненных и полнокровных» предприятий, и заставить закрыться технически-рутинные, экономически нерациональные предприятия, и тем самым произведет оздоровление нашего хозяйства. Вот видите, как все просто! К чему Наркомвнуторг, Госплан и все прочие «искусственные рогатки и шлагбаумы?». Дайте полный простор конкуренции и все будет прекрасно! Кстати: проповедуя жестокое сокращение промышленных предприятий, Лежнев оговаривается, что это сокращение не должно было бы распространяться на ВУЗ'ы, так как «ВУЗ'ы все таки не нули, а единицы». Конечно, увеличение безработицы—это не существенно, но вот уменьшение баласта в нашей высшей школе может, по разумению нашего благожелательного нэпа-сменовеховца, принести значительный вред без сомнения, особенно, если в числе уволенных окажутся поклонники и последователи «России» и редактора ее. Расчет скрывающийся под этим выпадом, довольно тонок—попытаться нащупать себе почву среди активной части вычищенного студенчества, как наиболее восприимчивого к всякой нэпманской идеологии; ведь недаром тот же Зиновьев, на которого так любит ссылаться Лежнев, говорил о зарождении нового меньшевизма среди некоторой части учащейся молодежи.

> «Мы знаем: в неравной борьбе, которую ведут между собой дотация и конкуренция, победа суждена последней. Это христианская мораль проповедует жалость к малым сим и равнение по слабейшему. Революция в грозе и буре вскрывает сокровенные тенденции и дает первенство подлинно сильным. Равнение по сильнейшему и убиение нулей—вот завет революции, воплощаемый в хозяйстве через НЭП».

В этом рассуждении характерно, главным образом, то, что г-н Лежнев не допускает организованного, планового хозяйства без дотации. Или конкуренция или дотация. Третьего не дано. Здесь наиболее ярко выявляется затаенная вражда к зачаткам социализма в нашем хозяйстве, которые обрекаются на неизбежную гибель перед лицом всесильной конкуренции—психология типичнейшего буржуазного интеллигента и интеллигентного буржуа, прикрывающегося и приспособляющегося к советскому «этикету», но в то же время всеми фибрами души приветствующего лозунг: «назад к капитализму!».

О подобных же чаяниях и мечтаниях свидетельствуют и дальнейшие рассуждения автора.

Нам рисуется застой советского хозяйства, безработица в городе, «лишние люди» в деревне, наростающий антагонизм между пролетариатом действующим и пролетариатом потенциальным и прочие страшные вещи.

«В чем же выход?».—чревовещательно вопрошает наш публицистующий маг и волшебник и выход, конечно, находится, исключительно, в... привлечении иностранного концессионного капитала.

> «С подлинно футуристическим ускорением пойдет тогда индустриализация страны. Небывало усилится в стране хозяйственное кровообращение, возрастает покупательная способность, увеличится емкость внутреннего рынка»... и т. д. и т. п. «Нужно ли еще прибавлять, что в обрисованной обстановке рубль наш будет тверд, как гранит и не будет нуждаться в орошении ни слез утраты, ни казенной монопольки отчаяния».

Преклонение перед иностранным капиталом переходит здесь уже в чисто верноподданническое раболепство. Но восторгом дело не ограничивается, в подданство к иностранному капиталу под разными страшнейшими угрозами, зовут также и нас.

> «Два года назад мы (??) Уркварту отказали. И правильно (!)... должны отчетливо представить себе тенденции нашей экономической и всей социальной (Ой как страшно!) жизни и ясно видеть какие открываются перспективы в случае сговора и в случае его срыва».

Итак, всесильная неограниченная конкуренция и открытие двери для иностранного капитала—вот два кита, на которых должна строиться наша экономическая политика.

> «Отказаться от этих последних возбудителей энергии (не порекомендует ли нам г-н Лежнев в качестве «предпоследнего возбудителя энергии»—восстановить частную собственность в полном размере?), значит выхолостить в хозяйственном творчестве все непосредственное и живое и обратиться вновь, как во время военного коммунизма (г-н Лежнев вероятно и своих детей пугает вместо «буки»—военным коммунизмом), к алгебраически-ходульной и резонерской агитке об общей пользе и об артельном котле».

«Маленькие» разногласия между «Россией» и... РКП теперь достаточно ясны. Куда должно идти дальнейшее развитие—к социализму или капитализму? РКП скромно содействует первому; «Россия» всячески поощряет второй путь. Укрепление и развитие начал капиталистического неорганизованного хозяйства в нашей экономике, поощрение чуждых экономических образований—вот тот мостик, которым провиденциальное воображение господина редактора соединяет пропасть между двумя полтинниками, как символом двух эпох.

***

Тяжеловесными рассуждениями из области экономики нить размышлений нашего уважаемого автора однако не ограничивается. Журналистская бойкость немедленно выводит его в более соответствующую область социально-политических экскурсов. Эзоповски осторожные экономические выкладки все время перемежаются с необдуманно-задорными выпадами на легкомысленный мотив песенки: «Когда уйдут большевики».

Почти половина статьи посвящена т. н. малой «гражданской войне»,—войне между отдельными советскими ведомствами. Яркими красками г-н Лежнев рисует ожесточенные стычки различных учреждений, при чем коммунисты и спецы одного наркомата, хозоргана и т. д. оказываются на одной стороне баррикады против коммунистов и спецов другого административного или хозяйственного учреждения. Конечно; «гражданская война» и «барри-

кады» заключены в иронические ковычки, как образные выражения. Однако под этими профессиональными ужимками заправского журналиста скрывается и нечто более серьезное. Из дальнейшего изложения следует, что иронические кавычки должны неизбежно исчезнуть.

«Стычки между промышленниками и финансистами представляют собою один из участков разветвленной линии боев. Интересы фиска и производства всегда противоположны друг другу... обычно в буржуазных государствах интересы ее (промышленности) представительствует особая партия».

Серьезные конфликты имеются у нас по примеру капиталистических государств не только между фиском и производством, но и в самой советской государственной промышленности.

«Первый и наиболее серьезный из них—между тяжелой и легкой индустрией. Это противоречие также не новое. Оно повсеместно, во всех странах, так сказать, почетное и потомственное, а у нас в России даже исконное. На подпочве этих экономических усобиц мы имели в Англии две могущественные политические партии: виги и тори. У нас в России, как ни был хил наш отечественный капитализм, мы наблюдали такое же столкновение интересов двух промышленных групп. У нас, как и в Англии; экономическое противоречие давало свой рефлекс в политике. Легкая индустрия была либеральна (... левое кадетов), тяжелая — реакционна (монархична)».

При чтении подобной тирады читатель, несмотря на убедительнейшие исторические аналогии, может быть захочет возразить, что отожествление нашего хозяйства с капиталистическим во всех его деталях несколько, мягко выражаясь, ... беспардонно, теоретически безграмотно. Ведь, как ни как, а все же в НКФ и в ВСНХ, в ГОМЗА и в ВТС у нас сидят не виги и тори, а члены пролетарской партии. К тому же и наше хозяйство по своей структуре чуточку отличается от капиталистического, хотя бы тем, что у нас имеются единые, регулирующие органы, подчиняющие интересы промышленности, «алгебрически-ходульной агитке об общей (т.-е. государственной) пользе», наконец, и в стране господствует у нас не тот класс, что в Англии и в царской России.

Но нет! Все эти возражения никчемны и неубедительны.

«Не будем тешить себя праздными, вздорными иллюзиями — могущественно признается Лежнев—будто противоречия эти падают, благодаря политическому единомыслию руководителей госпромышленности... возбудить в кругу ответственных перед государством хозяйственных работников крепкие положительные, «прогрессивные» производительные и организаторские инстинкты, не возбуждая одновременно отрицательных инстинктов собственничества... задача безмерно трудная».

Приведенная цитата легкомысленно выдает с головой «Российских» мудрецов. Под лапидарно — благонамеренными рассуждениями здесь скрывается та же сущность, что и под злобными выкриками эмигрантских экс-политиков. Страстное желание вызвать раскол в партии, если не удалось свалить большевиков в открытой вооруженной борьбе, — вот что об'единяет и черносотенных борзописцев «Нового Времени» и лойяльнейшего редактора «почти-советской» «Россия» (впрочем, если Лежнев очень шокирован этой компанией, сюда можно прибавить еще, например, меньшевистский «Социалистический Вестник», кадетский «Руль» и т. д.). Разница лишь в том, что пропаганда «России» значительно опасней, чем бредни политических мертвецов из эмигрантского кладбища. Об'единяя вокруг своей платформы известные слои советских специалистов, занимающих часто виднейшие посты, находящихся в непрерывном общении с коммунистическими хозяйственниками и оказывающих на них, не будем закрывать на это глаза, некоторое влияние, наши переодетые нэпо-сменовеховские идеологии, могут серьезно способствовать усилению капиталистических тенденций в нашей экономике. А там, даст бог, к всеобщей радости «тори», Серебровские окажутся на баррикаде против «вига» Таратуты, (вот на какой стороне будет Сокольников— пусть решит сам Лежнев). Заграничная контр-революция в настоящее время усиленно ищет себе союзников на легальной советской арене, перетасовывая и подновляя для этой цели свои тактические лозунги и теоретические платформы. Социальное назначение вдохновителей «России» в том и заключается, что они играют роль как бы «русских агентов» этой обновляющейся эмиграции. Ихней специальностью является, в частности, завоевание «работающей под Советами» интеллигенции, на которую возлагается особенно много надежд и упований.

На оценке литературно-беллетристической части номера мы останавливаться не будем, т. к. наша рецензия и без того чрезмерно растянулась. Отметим лишь то любопытное и знаменательное явление, что именно вокруг нэпо-сменовеховского журнала с особенной охотой группируются крупнейшие «звезды» «попутнической литературы.—«Своя своих познаша».

В. Богданов.

О НОВОЙ КНИГЕ ГЕОРГА ЛУКАЧА «ЛЕНИН» [1].

„Было бы, конечно, глубоко печально, если бы „левые" стали проявлять беззаботность к теории марксизма в такое время, когда создание III Интернационала возможно только на базе не-вульгаризованного марксизма".

Н. Ленин („О брошюре Юниуса").

Процесс большевизации коммунистических партий есть одновременно процесс изживания ими с.-д. предрассудков, наследия их недавнего прошлого. Совершается он одновременно по двум направлениям: по линии организационного размежевания с оппортунистическими, меньшевистскими элементами типа Леви, Фроссара или Транмеля и по линии внедрения большевистской теории во все более и более широкие круги партии. В этом отношении западное коммунистическое движение наверстывает теперь, в новых условиях, тот же самый опыт, который накопила наша партия в двадцатилет-

[1]) Georg Lucács. Lenin. Malik—Verlag Berlin. 1924.

ней организационной и идейной борьбе с меньшевизмом, в огне и испытаниях двух революций.

Чистота теоретического знамени партии играет в борьбе пролетариата важнейшую роль. Ленин писал, что «без революционной теории не может быть и революционного движения». Одной из отличительных черт оппортунизма всех мастей была всегда беззаботность по части теории, терпимость к теоретическим уклонам внутри партии. Урезывая свои революционные задачи, оппортунизм всегда был врагом неурезанного марксизма. Наоборот, никто так не настаивал на роли теории-руководства к действию, как Ленин. Самые абстрактные, философские споры неразрывно связаны с самой земной человеческой практикой. Уже само пренебрежение к теории есть теория, и при том весьма вредная. «Спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны уклонения от него, всегда связан «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим течением» — иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим, и не течением. Отрицать «реальность» этой связи могут только ограниченные «реальные политики» реформизма или анархизма» [1]).

Беззаботность по части теории представляет собой политическую опасность даже в том случае, если в данный момент она соединяется с правильной политической линией. На почве такой беззаботности к этой линии примыкают неустойчивые, теоретически шаткие элементы, беззаботность в теории неизбежно приводит к теоретически ошибочным построениям и от них к политическим промахам. Мы, к сожалению, до сих пор еще не всегда умеем видеть в политических ошибках отражение ложной теории, уклон от марксисткого метода, не всегда умеем додумывать до последних практических выводов теоретически ошибочные положения. Можно сказать, что воспитать в коммунистических партиях бдительность в области теории, составляет одну из важнейших политических задач нашего времени.

**
*

Лукач принадлежит к той группе зап.-европ. марксистов (Лукач, Корш, Фогараши и др.), которая, примыкая к коммунистическому движению, ревизует в марксизме его философию. Разрабатывая вопросы диалектики в нашем мировоззрении, исходя главным образом из Гегеля, Лукач и др. отрицают в философии марксизма ее материализм, пытаются истолковать ее на идеалистический лад.

Уже одно это заставляет нас отнестись к новой книге Лукача—к тому же первой книге о ленинизме в зап.-европ. литературе—особенно внимательно. И действительно. Наряду с подчас блестящими характеристиками применения Лениным диалектики к вопросам тактики и политики, мы находим у Лукача положения, которые свидетельствуют о непонимании им не только некоторых отдельных деталей учения Ленина, но и самых основ ленинизмаа.

Разобрать две такие ошибки и составит нашу задачу.

———

[1]) Мысль, 1910 г., № 3, статья Ленина „Наши упразднители", стр. 48.

**
*

Первая ошибка т. Лукача, на которой мы хотели бы несколько подробнее остановиться, заключается в выяснении вопроса о характере и движущих силах нашей революции. Уже на ее разборе мы сможем иллюстрировать в чем заключается недостаток метода Лукача.

Разбирая предпосылки нашей революции, Лукач задается такими двумя вопросами: «Какой характер эта революция будет иметь? И в тесной связи с этим: какой класс будет в ней играть руководящую роль? (стр.7).

Если правы народники, если Россия сможет перейти непосредственно от сельской общины к коммунизму, то движущим классом революции должно быть крестьянство, то ее идеологическим знаменем не может быть исторический материализм, как теория пролетариата. Если Россия должна пройти через период капиталистического развития, то тогда руководящую роль в революции будет играть пролетариат, тогда революция сама будет пролетарской.

Таков ход мысли Лукача, такова историческая проблема, которая, по его мнению, стояла перед Россией в начале этого века.

Ленинская тактика была расчитана на рост пролетариата, на близость революции, на руководящее в ней значение пролетариата, в то время, как тактика меньшевиков исходила из рассмотрения революции не как вопроса дня, а как далекой конечной цели. Ленинская перспектива оказалась правильной, хотя остается под вопросом: была-ли бы правильна меньшевистская тактика даже в том случае, если бы была принята меньшевистская историческая перспектива.

В чем ошибки во всех этих рассуждениях Лукача?

Основная ошибка заключается в смешении вопроса о характере революции с вопросом о ее движущих силах. Ленин на этот счет высказывался в недопускающих никаких сомнений выражениях, в статье «Цель борьбы пролетариата в нашей революции», против Плеханова:

«Ошибка Плеханова — смешение «общего характера» революции в смысле ее общественно-экономического содержания с вопросом о движущих силах революции. Марксисты не могут смешивать этих вопросв, не могут даже непосредственно выводить ответ на второй вопрос из ответа на первый без особого конкретного анализа» [1]).

Формула большевиков в резолюции 1905 г. гласила: «движущая сила революции — «пролетариат, ведущий за собой крестьянство». Но означала ли эта формула социалистический характер осуществляемой под руководством пролетариата революции? Ни в малой степени. Именно в смешении этих различных вопросов и заключалась ошибка в 1905 г., в данном случае, недалекого от Лукача т. Троцкого с его «теорией перманентной революции». — «Основная ошибка т. Троцкого,—писал в 1909 г. Ленин,— игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической» [2]). Провозглашение в тогдашних условиях социалистической революции было бы лишь обратной стороной мень-

———

[1]) Н. Ленин, собр. сочин., т. XI, ч. 1, стр. 230. [2]) Там же, стр. 226.

шевистского и экономистского преклонения перед стихийностью, чего никак не может понять Лукач. Именно сюда были направлены возражения Ленина, когда он писал: «Нельзя смешивать демократический и социалистический перевороты—борьбу за республику (включая сюда и всю нашу программу—минимум) и борьбу за социализм. Пытаясь немедленно поставить своей целью социалистический переворот, социал-демократия лишь осрамила бы себя. Именно против подобных смутных и неясных идей наших «социалистов-революционеров» и воевала всегда социал-демократия. Именно поэтому настаивала она всегда на буржуазном характере предстоящей России революции, именно поэтому строго требовала отделение демократической программы-минимум от социалистической программы-максимум. Забыть все это могут во время переворота отдельные социал-демократы, склонные пасовать перед стихийностью (курсив наш Н. К.), но не партия в целом. Сторонники этого ошибочного мнения впадают в преклонение перед стихийностью, думая, что ход вещей заставит социал-демократию в таком положении взяться вопреки ее воле за осуществление социалистического переворота. Если бы это было так, тогда, значит, неверна была бы наша программа, тогда она не соответствовала бы «ходу вещей». Преклоняющиеся перед стихийностью люди как раз боятся этого, боятся за верность нашей программы. Но их боязнь... не основательна до последней степени. Наша программа верна. Именно ход вещей подтвердит ее непременно, и чем дальше, тем больше» [1]). Значит ли это, что социалистический переворот откладывается на веки вечные? Нет, не значит.

Победоносная демократическая революция в России 1905 г. могла вызвать социалистическую революцию в Европе и эта последняя своим отраженным светом перевести и нас в более высокий исторический класс. Об этом «мечтал» Ленин [2]) но не это было конкретной задачей, программой сегодняшнего дня.

Не прав Лукач, когда он думает, что может возникнуть хоть какой-либо вопрос о правильности меньшевистской тактики. Размах и демократической революции зависел прежде всего от поведения социал-демократии, от ее активности и самостоятельности. «Двигать революцию вперед» ни при каких условиях нельзя было поддержкой буржуазии и соглашениями с ней, а лишь самостоятельной борьбой рабочего класса во главе крестьянства против царизма и против шатающейся буржуазии. Во всех случаях большевистская тактика оставалась единственно правильной.

Но в чем же важный для нас в данном случае методологический корень ошибки Лукача? Он заключается в понимании им диалектики.

Как известно диалектика издавна являлась красным платком, который дразнил быков оппортунизма. Еще Бернштейн все беды революционности Маркса выводил из пристрастия учителей марксизма к диалектике. В противоположность недиалектической, нереволюционной точке зрения ревизионизма левое крыло социал-демократии всегда настаивало на значении диалектики исторического развития. Но и здесь есть диалектика и диалектика. И Мартов себя называл диалектиком, когда ставил в упрек большевикам, что

[1]) Н. Ленин, собр. сочин., т. VI, стр. 134—5.
[2]) См. там же, стр. 129.

они хотят воспитывать пролетариат, позабыв, что воспитатель сам должен быть воспитан. Чисто формальное рассуждение, т.-к. и воспитатель и воспитываемые одинаково находятся во взаимодействии друг с другом, вместе воспитываются на опыте борьбы и строительства нового мира. У Мартова мы имеем только диалектическую словесность. Но зато в добавление к нему у многих ультралевых мы находим только диалектическую форму, без анализа конкретного содержания вопросов, диалектическую внешность. У Лукача она вытекает из его общефилософских идеалистических предпосылок. Уже в выше приведенном рассуждении Лукача, легко видеть, как формально он ставит вопрос об историческом материализме, как теории пролетариата, полагая, что если это так, то теория исторического материализма не может быть применена к непролетарскому движению. Мы все прекрасно знаем, как хорошо теория Маркса об'ясняет и буржуазные революции, как хорошо она может служить руководством к действию и в демократическом перевороте. Ошибка Лукача в том, что диалектика для него не закон жизни, который надо изучать на конкретном материале самой жизни, а закон человеческого сознания. Лукач—идеалист. Диалектика же, лишенная материалистического базиса, есть пустая форма, пустая схема. Именно материализм требует руководиться при исследовании вопроса не ко всему пригодными схемами, а изучением всех конкретных особенностей положения, его материальных движущих сил. Как раз этого мы и не находим у Лукача. У него есть схема—буржуазная революция—руководит класс буржуазии, пролетарская—пролетариат—и вопрос решен. Раз революцию делает пролетариат, борящийся за социализм, то значит, она должна стать социалистической. Точно также как Лукач навязывает Ленину в споре с народниками основной аргумент в такой формулировке, что в России должен быть капитализм, в то время, как Ленин настаивал прежде всего на том, что он уже есть.

Так методологическая ошибка ведет в конце-концов и к ошибке политической. Это не значит, конечно, что всегда и всюду формальное понимание диалектики непременно соединяется с идеализмом в таком же виде, в каком мы встречаем это у Лукача. Но всегда и всюду этот формализм сочетается именно с неумением давать совершенно конкретный анализ положения, с подменой организационной, административной, технической задачей, задачи изучения содержания явления, его движущих классовых сил.

**
*

Та же самая ошибка встречается нами во втором положении Лукача, на котором мы хотели остановиться.

Описывая роль Ленина во время войны, Лукач уделяет несколько страниц вопросу о характеристике империализма. Признавая за Лениным крупные теоретические заслуги и в этом отношении, Лукач видит их, однако, не там, где их привыкли искать мы. Для него заслуга Ленина заключается в ленинской практической революционной постановке проблемы империализма. Экономическую же теорию империализма Ленина Лукач считает «не выдерживающей никакого сравнения с удивительным развитием Розой Люксембург марксовой теории воспроизводства» (стр. 37).

Разберем подробно, что утверждает в данном случае наш

автор. Уже с самого начала весьма странно, что Лукач, настаивающий везде и всюду на связи теории с практикой, видит заслугу Ленина в установлении этой связи при наличии неправильного исходного теоретического положения. Что Ленин не был согласен с Розой в теории империализма, — общеизвестно (см. его ранние статьи против народников и прямые указания в библиографическом указателе марксистской литературы в словаре Граната и в статье «О восхождении на высокие горы»). Каким же образом человек, непонявший во всей глубине проблему империализма, смог быть глубочайшим теоретиком рабочего класса именно в условиях империалистической эпохи? И почему, наоборот, Роза Люксембург, по Лукачу, давшая самую глубокую теорию империализма, именно в вопросе, связанном теснейшим образом с ним, в национальном вопросе, — заблуждалась?

Вот проблема, подлежащая нашему анализу. Мы должны, однако, оговориться, что нашей целью ни в какой степени не является давать полную оценку деятельности Розы; вслед за Лениным о ее ошибках нужно сказать, «что если орлам случается и ниже кур спускаться, то курам никогда под небо не подняться».

Нас интересует лишь выяснение методологических корней того, что в Розе было тленного с точки зрения пролетарской борьбы, ее тактических и теоретических промахов.

Это тем более важно, что кое-где среди западных коммунистических партий делаются иногда попытки противопоставления Ленина и Розы Люксембург [1]).

Нам кажется, что все ошибки Розы увязываются в эту одну общую теоретическую ошибку в теории империализма. Попробуем хотя бы в самых кратких чертах нарисовать эту их взаимную связь [2]).

Как известно, исходным пунктом теории империализма Розы Люксембург является признание невозможности реализации в чистом капиталистическом обществе, необходимости для него иметь внешний некапиталистический рынок отсталых и колониальных стран. Отсюда с капитализмом неразрывно связывается империалистическая политика. Однако, если империализм есть необходимый спутник капиталистического развития, если без эксплоатации колониальных и отсталых стран вообще невозможно капиталистическое общество, то в таком случае, само по себе вовлечение в сферу влияния капитала все новых и новых областей и стран, давая необходимую пищу для его существования, готовит ему же гибель. В тот же самый момент, когда капитализм восторжествует окончательно на всем земном шаре — он станет невозможен. Внешне как будто бы чисто диалектическая постановка проблемы. Но только внешне. Теория крушения капитализма при этих условиях приобретает чисто абстрактный характер. Если сравнить ее с теорией империализма как н о в е й ш е г о этапа капитализма Ленина, то все ее недостатки сразу станут очевидными. Прежде всего из нее вытекает недооценка роли национальных освободительных движений.

---

[1]) См. статью К. Корша „Л е н и н и К о м и н т е р н" в „Internationale" № 10—11 за этот год.

[2]) В нашу задачу совсем не входит теоретико-экономическая критика Розы по существу; в этом случае мы целиком исходим из работы тов. Бухарина „Империализм и накопление капитала", печатаемой в журнале „Под Знаменем Марксизма" за этот год.

По Ленину империализм — о с о б ы й этап в развитии капитализма, который в самой основе своей подрывается национальными движениями, имеющими таким образом прогрессивный характер. В своей же известной брошюре о кризисе с.-д., разработанной Лениным, Роза утверждала, что в наше время «не может быть больше национальных войн». Еще тогда Ленин писал, что «только софист мог бы стирать разницу между империалистической и национальной войной на том основании, что одна может превратиться в другую. Диалектика не раз служила—и в истории греческой философии—мостом к софистике. Но мы останемся диалектиками, борясь с софистами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа д а н н о г о, в его обстановке и в его развитии [1]).

Наоборот, Ленин уделял такое большое внимание национальному и колониальному освободительным движениям именно потому, что они, ударяя по империалистическим гигантам, лишают их излишков той сверхприбыли, на которую они имеют возможность подкупать верхушки рабочего класса, и с помощью оппортунистов поддерживать свое господство у себя в метрополии. Отсюда же у Розы из непонимания природы империализма и методов его господства вытекало непонимание социальной природы социал-демократического шовинизма. Ленин пишет, что выдвигая во время войны против нашествия врага классовую борьбу, Роза применила «марксову диалектику лишь на половину, сделав один шаг по верному пути и сейчас же уклонившись с него. Марксова диалектика требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации. Что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия — это верно и по отношению к буржуазии, свергающий феодализм, и по отношению к пролетариату, свергающему буржуазию. Именно потому, что это верно по отношению ко в с я к о м у классовому угнетению, это слишком о б щ е и потому н е д о с т а т о ч н о по отношению к данному особому случаю. Гражданская война против буржуазии е с т ь тоже один из видов классовой борьбы, и только данный вид классовой борьбы избавил бы Европу (всю, а не одну страну) от опасности нашествия. «В е л и к о-Г е р м а н с к а я р е с п у б л и к а», е с л и б ы о н а с у щ е с т в о в а л а в 1914—1916 г.г. в е л а б ы т а к у ю ж е и м п е р и а л и с т и ч е с к у ю п о л и т и к у» (курсив наш Н. К.) [2]).

Ленинская критика в данном случае била прямо в цель. Она показывала именно н е д о с т а т о ч н о с т ь м е т о д а Розы.

Из абстрактной же теории капиталистического крушения вытекало у Розы и недостаточное понимание роли партии в пролетарской революции, организации революции.

Во внутренно-присущем капитализму развитии, заканчивающемуся его гибелью, в построении Розы как-то скрадывается роль пролетариата, как активного борца за новый строй. Капитализм сам по себе стихийно должен погибнуть, разрушив все отсталые, предшествовавшие ему хозяйственные формы. В теории революции Роза не дооценивает роль ее организации. В своей «Всеобщей стачке и немецкой социал-демократии» она пишет, оценивая революцию

---

[1]) Р. Люксембург „Кризис социал-демократии" с приложением статьи Ленина. „Красная Новь"; 1924 г., стр. 118.

[2]) Там же, стр. 126—27.

1905 г.: «Короче говоря, в России элемент стихийности играл такую преобладающую роль в массовых стачках не потому, что российский пролетариат« не воспитан», а потому, что революции не поддаются воспитанию» [1]).

Мы знаем, что из событий 1905 года, Ленин делал как раз обратный вывод о необходимости организовать революцию. Или в другом месте: «Итак, если русская революция нас чему-нибудь учит, то прежде всего тому, что массовую забастовку нельзя искусственно «делать», что ее нельзя «постановлять» на ветер, или «пропагандировать», а что она историческое явление, которое в известный момент с исторической неизбежностью вытекает из общественных отношений» [2]).

Таким образом и у Розы мы находим непонимание того основного, что еще со времени «Что делать?» внес Ленин в рабочее движение—установления правильного соотношения между стихийностью и сознательностью в классовой борьбе пролетариата. Отсюда же вытекали и все ошибки Розы по организационному вопросу во время II с'езда РСДРП.

Итак, ошибка Лукача в определении роли ленинской теории империализма очевидна. Ленин был не только гениальным практиком, но и гениальным теоретиком нашего времени. То, что Лукач в данном случае противопоставил его Розе, тем более странно, что сам Лукач, как «левый» идеалист, иногда склонен был переоценивать роль сознательности. Но не даром говорят, что крайности сходятся.

Ленинская теория империализма остается непревзойденным по размаху и глубине анализом всей современной эпохи заката капитализма. Только поняв ее, можно понять и саму эпоху и задачи, которые она ставит перед пролетариатом. Усвоить ее со всеми ее выводами — важнейшая очередная задача западного коммунистического движения по пути его большевизации, по пути изживания в нем социал-демократических предрассудков и по пути уразумения роли самой современной социал-демократии. И лишь эликсир этого познания может дать верное противоядие против всяких рецедивов в коммунистических партиях оппортунистического яда, под каким бы соусом—ультра-левым или правым—он не подавался.

Ник. Карев.

Е. ПЕТРОВА. — УЧЕБНИК ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ. (Вторая ступень политграмоты). Для школ фабр.-зав. уч. и старших классов трудовой школы I ст. Допущено научно-педагогической секцией Гос. Уч. Совета. ГИЗ. Ленинград. 1924.

«Смотри в оба»

(из рецензируемой книги).

Составление учебника обществоведения для школ фабзавуча и I ступени дело, действительно, настолько деликатное, что приходится «смотреть в оба» и в буквальном, и в переносном смысле. Учебник Е. Петровой является попыткой построить популярный

[1]) Р. Люксембург „Всеобщая стачка и немецкая с. д.". Петоград 1919 г. стр. 43.

[2]) Там же, стр. 8.

курс обществоведения в согласии с новыми программами и методическими требованиями, модными сейчас в наших школах. В виде особого приложения «Указания для учителя» она дает даже описание своего нового метода, лабораторного.

Этот метод представляет из себя попытку построить преподавание исключительно на активной самодеятельности учащихся, путем комбинации экскурсий, самостоятельного чтения, беседы, письменных работ и пр. Относительно этой части работы, а также относительно конкретных методических указаний и пособий, помещенных в начале книги перед изложением предмета мы здесь не имеем возможности с достаточной полнотой высказаться, т. к. вопросы методики преподавания остаются до сих пор спорными, требуют специального обсуждения. Остановимся только на самом «содержании курса».

Изложить материал курса обществоведения для популярной аудитории — чрезвычайно ответственная, сложная задача. С одной стороны здесь необходима максимальная простота, ясность, даже примитивность изложения — истину, конечно, приходится давать не всю — и с другой стороны нельзя упрощать материал до такой степени, чтобы хотя в малейшей степени эту истину исказить, дать неверное представление учащимся об общественных явлениях. Многое, конечно, предопределяется порядком изложения, предопределяется стало быть программой, но все же основная доля ответственности за содержание курса ложится, несомненно, на автора учебника.

«Учебник обществоведения» Е. Петровой страдает такими промахами и недочетами, которые никак нельзя отнести за счет об'ективных трудностей написания популярного курса обществоведения.

Чтобы выяснить сущность капиталистической эксплоатации Е. Петровой захотелось дать вкратце и вчерне теорию прибавочной ценности. Здесь популяризаторские способности ей изменяют и вместо теории прибавочной ценности Маркса мы видим следующий шедевр:

> «И в использовании рабочего времени вся эксплоатация и заключается. Каждый выпускаемый товар оценивается количеством затраченного на него труда. За труд капиталист тратит сейчас же, наличными, это в общем обороте самый крупный расход и капиталист тем дороже расценивает товар, чем больше на него затрачено труда. Так расценивает не только капиталист. Каждый организатор производства необходимо будет вынужден признать труд мерилом ценности своего товара, мерилом ценности всякого товара... Мы убедимся, что каждый товар требует над собой работы целого общества; мы узнаем точно общественно-необходимое время для производства данной вещи. И вот перед нами встает вопрос, оплачивает ли капиталист все общественно-необходимое время полностью, все часы работы каждому из тех рабочих, в руках которых перебывала вещь?.. При сделке с покупателем товара, капиталист кладет в основу расценки именно время труда над каждым товаром, его трудовую стоимость, конечно, прибавляя

сверх того, смотря по обстоятельствам рынка. Иногда рыночная стоимость чуть не вдвое превышает трудовую»... (ст. 47—48. Курсив наш, И. К.).

В этой большой цитате вся суть учения Е. Петровой о ценности и прибавочной ценности и значительная доля промахов и путаницы, которыми в изобилии уснащено все изложение. Петрова здесь сказала по меньшей мере три неправды: 1) Всякому сколько-нибудь марксистски грамотному известно, что ни капиталист, ни «каждый организатор производства» не расценивают товара по трудовым затратам, не признают труд мерилом ценности. И здесь дело не только в упущении теоретических тонкостей, здесь скрытая апология капитализма и одновременно грубое извращение его природы. Ведь, если капиталист расценивает товар по трудовым затратам, то как возможна эксплоатация? Она должна выступать или в виде открытого, всем ясного грабежа рабочих, путем прямой недоплаты им, или в виде надувательства покупателей. Если дело в надувательстве капиталистами покупателей, то какое дело рабочему классу до капиталистической прибыли? Если капиталист у всех на виду нагло обсчитывает рабочих, то стоит лишь им быть пограмотнее, заняться подсчетами и капиталист будет прижат к стене. По Е. Петровой прибыль проистекает из обоих этих источников. Мы уже видели, что капиталист продает товар по трудовой ценности, «конечно, прибавляя сверх того» — в этом и заключается вторая ошибка нашего автора. Дальше, однако, мы находим, что и другой метод получения прибыли имеет свои права гражданства в «Учебнике обществоведения»:

> «Рабочий производит ценность, но он получает за свой труд не всю ту ценность, которую он произвел. Капиталист из вырученной суммы дает ему лишь прожиточный минимум, а остальное тратит: часть на покрытие прежних расходов по оборудованию фабрики, подвоза сырья и т. д., а самую крупную часть он оставляет себе на расширение предприятия и на свою роскошную жизнь» (стр. 48).

Не будем говорить о новой путанице, будто часть созданной рабочим ценности идет на «покрытие прежних расходов», будто «самую крупную часть вырученной суммы он оставляет себе» и пр. Эта цитата должна доказать, что все дело эксплоатации кроется в гнусном, открытом обсчитывании рабочих капиталистами. Как же, однако, они не раскрыли этого обмана, почему не восстановили справедливости? (кстати, Е. Петрова большой любитель подобных сентиментально-филистерских терминов) Петрова отвечает:

> «И не правы те, кто скажет, что рабочий получил свое и может уходить; рабочий никогда не получает полностью своего труда (?)... Но рабочий не понимает этого. Он не видит всей сложности производства, не умеет вычислить его» (стр. 49).

Извращать картину капитализма перед подрастающим поколением рабочих, не видевшим на практике всей системы капиталистической эксплоатации, подпускать розовой водички относительно справедливости и умения «высчитать» эксплоатацию, слишком опасное, слишком вредное занятие.

Е. Петрова считает своим долгом посвятить учеников I-й ступени во все тонкости капиталистического оборота. Мы видели во что превращается у нее «общественно-необходимое время», мы видели, что по ее мнению, капиталист должен бы (если делать «по справедливости») оплатить «все общественно-необходимое время полностью, все часы работы каждому из тех рабочих, в руках которых побывала вещь». При чем, тут «все общественно-необходимое время» и почему хозяин красильной мастерской должен оплатить все часы хлопководу, рабочему хлопкоочистительных заводов, прядильщику, ткачу и т. д. — об этом знает — да и то вряд ли — только Е. Петрова. Здесь уже второй раз пахнет чем-то знакомым. Прудон с его правом на полный продукт труда выглядывает из-за спины автора. Немного ниже этот отец мелко-буржуазного филистерства выступает совсем открыто:

> «Рабочий имеет право на полный продукт своего труда, он должен распоряжаться им сам, отдавая часть на развитие производства и на удовлетворение прочих общественных нужд. Продуктом труда должен пользоваться лишь тот, кто сам трудится. Это чувствует и сознает каждый рабочий (стр. 89).

К счастью, «каждый рабочий» еще не подвержен анархически-мелкобуржуазной утопии о том, что продуктом труда должен распоряжаться он сам и если Е. Петрова своим «Учебником» помогает превращению пролетария в трясущегося за «получение полностью своего труда» мелкого буржуа, то она делает трижды вредное архи-опасное дело, ни грана не понимая в революционном учении Маркса.

Но Е. Петрова отнюдь не думает посягать на марксистскую теорию. Пусть эта теория изложена настолько безалаберно, что не только ученик фабзавуча, но и сам Маркс ничего не поймет. Пусть одна ошибка упирается в другую — внешность марксистской терминологии соблюдена; чтобы выяснить суть капиталистического обращения, она разражается следующим каскадом премудрости:

> «Из вырученных при продаже товара сумм, из прибавочной ценности капиталист покрывает свой постоянный капитал, и он остается лежать в основе всего предприятия — составит основной капитал. Он ему нужен для возобновления помещения, орудия производства, поставленных в начале (?) предприятия. Помещения, орудия производства обеспечены (?) основным капиталом. Оставшаяся (!) же часть (??) прибавочной ценности является прибылью (!!) капиталиста. Часть прибыли, самую большую часть, капиталист, пускает в оборот, закупает новое сырье, оплачивает вперед (?) рабочую силу; оборотный капитал возвращается ему, он снова пускает его в оборот и чем быстрее оборот совершается, тем больше предприниматель получает прибавочной ценности». (Стр. 52).

Что сей сон значит? У нетерпеливого читателя, вероятно, уже навертываются досадливые, не совсем цензурные слова. В числе лозунгов, методически облегчающих работу учителя в «Учебнике», мы читаем: «Смотри в оба» и затем, учись не только глазами и ушами, но и пальцами». Используя оба эти приема, попытаемся осилить несосветимую премудрость политграмоты. Итак. Вырученная сумма, которую назовем «прибавочная ценность», должна покрыть постоянный капитал, который в лежачем положении будем называть «основной капитал». Остальная часть прибавочной ценности называется «прибыль», которая, если ее пустить в оборот, называется оборотным капиталом — в нем и заключается источник увеличения прибавочной ценности. Непонятно? Пожалуй, авторы «раз'яснения циркуляра» в «Джетысуйской образованности» пишут проще.

Если путаница и извращение марксизма в анализе капитализма вредна и опасна, то ошибки в рассуждениях о строе Советского Союза прямо портят молодое поколение рабочих, затрудняют текущую работу партии и Советского государства. Е. Петрова ровнехонько ничего не понимает, в особенностях строя пролетарской диктатуры.

> «Вся эксплоатация заключается в увеличении прибавочной ценности. Прибавочная ценность получается и в Советском государстве». (Стр. 49).

Или:

> «У нас капитал подчинен государству, мы не могли его изгнать совсем, но заставили подчиняться законам трудящихся... Так медленно приближаемся мы к обществу будущего, где все противоречия нашего современного мира будут уничтожены. Одним из главных противоречий нашего общестенного строя является несправедливость в производстве и в распределении» (Стр. 53).

Чего заслуживает распространение подобных «ученых идей» среди наших рабочих подростков — ясно и без комментариев.

Кампания за повышение производительности и интенсивности труда, захватившая на длительный промежуток времени все наше внимание, является кампанией за упрочение и развитие пролетарской промышленности, кампанией за вытеснение частного капиталиста, частного посредника, кампанией за утверждение основ коммунизма. А. Е. Петрова, чтобы найти качества, отличающие Советское государство от капитализма в выгодную сторону, пишет:

> «Прибавочная ценность получается и в Советском государстве... Но у нас прибавочная ценность не так велика сравнительно с заработной платой, а главное, прибавочной ценностью распоряжается не частный капиталист, а наше правительство». (Стр. 49).

И дальше:

> «Советская страна не может так (!) эксплоатировать рабочих, как это делает капиталист, не может увеличивать прибавочной ценности». (Стр. 58).

Облыжное приравнивание всякого прибавочного продукта к прибавочной ценности и, таким образом, к эксплоатации заставляет Е. Петрову говорить эту вредную чепуху о том, что мы хоть и эксплоатируем рабочих, но «не так», как капиталисты — помягче — что мы не хотим повысить «прибавочную ценность», то-есть увеличить производительность наших предприятий. Такие заключения вполне, конечно, вяжутся с общей мелко-буржуазной концепцией автора, но они вредны, когда преподносятся рабочему молодняку, хотя бы и в форме методически-продуманного сюсюканья о том, что вот, мол, какое у нас хорошее государство. По сути дела здесь подрыв доверия к системе Советского Союза; подрыв доверия к текущей работе партии.

Зато капиталисты в «Учебнике» выступают подчас в совсем невинном виде, почти что благодетелей рабочих. Заработную плату капиталист дает достаточную для приобретения средств существования и это вовсе не потому, что так поступать его заставляют стихийные факторы рынка,—нет, здесь сознательный расчет:

> «Его (рабочего) охотно берут и, чтобы он не ослабевал, не терял этой драгоценной для производства силы, поддерживают его существование, существование его семьи... Даже самый жадный собственник-капиталист будет поддерживать жизнь рабочего, потому что рабочий ему нужен... И он заработную плату определяет по прожиточному минимуму». (Стр. 46).

Капиталист (особенно, если он не «самый жадный») выглядит совсем ангелом, если мы посмотрим, чем же в этой области отличается Советский Союз. Оказывается:

> «Уже в Советском государстве стараются установить одинаковый уровень заработной платы в зависимости от того, как дорога жизнь, от прожиточного минимума местности». (Стр. 46—47).

Таким образом, то, что в капиталистических государствах проделывают «самые жадные собственники - капиталисты», является, по-Петровой, идеалом для Советской России.

Не менее благоразумно и гуманно капиталисты поступают и в определении условий труда:

> «Врачи (!) точно установили, что в условиях машинного производства работать больше восьми часов в сутки губительно для здоровья человека... (Длинный рабочий день) изнуряет рабочего, влияет, особенно, если это женщина или подросток, на его умственные способности; в конце концов, изнуряющий труд сможет лишить и капиталиста нужных ему сил». (Стр. 47).

Очевидно поэтому:

> «Он начинает понимать, что в погоне за выгодой обсчитал самого себя. Он начинает подсчитывать и убеждаться, что постоянный 12-часовой день менее выгоден, чем 10-часовой; то же относительно питания, острой нужды в одежде, особенно вредных условий жилища, отсут-

ствие врачебной помощи и т. д. Поэтому капиталистические страны часто идут на ограничение эксплоатации рабочего класса, создают фабричное законодательство, вырабатывают правила рабочего дня (от 10 до 12-ти), об охране труда женщин и детей...» и т. д. (Стр. 83).

Смотрите, какие капиталисты хорошие, — и зачем только их свергать было! Конечно, мы не подозреваем ни на минуту автора «Учебника» в желании привести к такому выводу, но из некоторых ляпсусов и ошибок его, такой вывод, несомненно, следует.

В главе о диктатуре пролетариата розовенькая мелко-буржуазная водица также дала себя знать. Советское государство охарактеризовано так:

«Это—организация трудящихся, охраняющая права трудящихся на общественные средства производства и общественное равноправие». (Стр. 96).

И сколько страшных слов о революционном насилии ни будь написано, — это «общественное равноправие» останется ядом мелко-буржуазно-демократических иллюзий.

Дальше автор стремится доказать, что мы — самая демократическая страна в мире. И это, конечно, правильно, если не сбиваться на воспевание демократии самой по себе, а этим, нам кажется, страдает наш «Учебник». Е. Петрова почти извиняется, что мы не осуществляем целиком избирательной четыреххвостки.

«Косвенные выборы дешевле и скорее, особенно в условиях нашего напряженного труда по восстановлению страны... В переходное время борьбы приходится некоторые слои общества лишить избирательных прав, как раньше их лишали полной свободы». (Стр. 99).

Зачем такой виноватый тон? Разве теперь все еще 17—18 год, когда мы возились с Учредилкой, когда мы должны были считаться с конституционными иллюзиями широких масс? Надо сказать, эти рассуждения попадают в тон другим ошибкам того же автора.

Только концентрация такого количества ошибок в учебнике заставила нас так подробно на них остановиться. Учебник допущен ГУС'ом, разойдется в десятках тысяч экземпляров и будет отравлять молодые головы подрастающего поколения рабочих тонко, незаметно, под видом преподавания и усвоения официально-коммунистической дисциплины — обществоведения.

Мы не остановились на ряде мелких промахов по существу и методических. Например, автор в своем увлечении техническим прогрессом, колоссально переоценивает увеличение производительности труда при введении машин; в качестве методического пособия к отделу «Товар», он рекомендует тему: I. «Как доисторическое дерево стало товаром?» (стр. 105). Вообще, курьезов в рецензируемой книжке — хоть отбавляй, но смеха они отнюдь не вызывают.

По отношению к популярным книжкам по обществоведению, особенно претендующим на роль учебника, по-неволе хочется повторить слова т. Ленина, взятые Е. Петровой в качестве эпиграфа к своей книжке:

«Лучше меньше, но лучше».

И. Капитонов.

П. ЗАЛУЦКИЙ.—ЧТО ТАКОЕ МЕЛКО-БУРЖУАЗНЫЙ УКЛОН ОППОЗИЦИИ? 52 стр. Ленинград, Прибой, 1924 г. Тираж 10.000.

Нет никакого сомнения в том, что партийный молодняк можно и следует воспитывать на критическом анализе мелко-буржуазных уклонов в нашей партии.

Понятно поэтому, что анализ платформы оппозиции по внутрипартийным вопросам, осужденной последней Всероссийской Партийной Конференцией и 13 с'ездом партии, имеет значительный политико-педагогический смысл. Неудивительно посему и то обстоятельство, что тов. П. Залуцкий решил написать именно для партийного молодняка брошюру «Что такое мелко-буржуазный уклон оппозиции».

Однако, признание важности и своевременности такой темы, конечно, еще не решает вопроса о том, сколь эта брошюра полезна, насколько ценна она с точки зрения политической, какую педагогическую ценность она из себя представляет. Именно сугубая политико-педагогическая важность темы делает автора брошюры особенно ответственным за ее содержание, построение, форму изложния.

С точки зрения теоретико-политической повергает в некоторое сомнение центральное положение автора: «Ставка оппозиции — не рабочий класс, а идеальный госаппарат». (Так озаглавлен специальный абзац на стр. 6-ой). Заметьте: «не рабочий класс, а идеальный госаппарат».

Оппозиция — по мнению тов. Залуцкого — «классовую суть политики оставила в стороне и упустила из виду, выплеснула ее из ванны вместе с классом и ставила свою ставку, видела спасение от всех бед и напастей в «идеально построенном, в приглаженном и подстриженном госаппарате: на деле оппозиция явилась поборником идеализированной аппаратчины, романтиком всемогущества разума».

Боязно подумать, что молодой партиец может понять сие превратно.

«Идеальный» госапарат — вещь не совсем плохая. Не его ли образ представлялся тов. Ленину, когда он писал свои знаменитые статьи о рабкрине?

Но тов. Залуцкий настроен весьма решительно.

«В чем — вопрошает он — суть ленинизма в переживаемый нами ныне исторический и политический момент? *)

Во-первых, в том, что наша партия продолжает политическую борьбу в направлении развития и углубления революции, как революции рабочего класса, как пролетарской революции. Учитывая

---

[1], На счет сути ленинизма вообще не мешало бы формулировать точнее и осторожнее. Когда после такого большого вопроса о сути следует ничего не говорящий ответ об углублении революции и т. под., то, право, неловко становится.

реальную революционность рабочего класса в настоящее время, наша партия это свое движение вперед совершает совместно с рабочим классом, как движение рабочего класса, не подменяя его никаким (? ! А. С.) госаппаратом, руководя этим движением в каждый данный момент, умея, находить и выдвигать те вопросы, которые лучше всего выражают интересы рабочего класса.

«Не подменяя его никаким госаппаратом».

Это противопоставление партии и рабочего класса «никакому госаппарату» — по меньшей мере неосторожно.

Это «никакое государство» — есть рабочее государство, руководимое нашей партией.

Противопоставлять партию, рабочий класс и Советское государство нельзя. Это различные круги одного и того же концентра.

Партия руководит рабочим классом, который представляет руководящую силу рабочего государства.

Мы тоже за идеальное рабочее государство.

Центр тяжести борьбы с оппозицией в вопросе о государстве лежал в критике неправильного политического курса, намечаемого оппозицией для этого рабочего государства.

Таким образом, в центральном критическом положении тов. Залуцкий скатывается к неправильной, не-ленинской постановке вопроса.

Но, может быть, т. Залуцкий дал хороший анализ платформы оппозиции по организационно-партийному вопросу? Может быть, он показал, как много ошибок переплетается у вождей оппозиции в вопросах о принципах большевистской организации, о партийных поколениях и т. под.

Нет, это т. Залуцкого интересует мало. Об этом в брошюре не пишется совсем, в брошюре, именуемой: «Что такое мелко-буржуазный уклон оппозиции!» Таким образом, подходя к брошюре с точки зрения теоретико-политической, мы обнаруживаем, что критика по основной линии отсутствует, а по линии производной дается критика теоретически и политически неверная.

С точки зрения педагогической мы вправе требовать от автора брошюры известной слаженности различных глав, определенной целостности.

Брошюра посвящена анализу уклона. — Значит, все части брошюры должны быть подогнаны к освещению именно уклона.

Этому требованию брошюра не отвечает.

Странным образом, после неудачной критики уклона, мы попадаем со стр. 33 в полосу рассуждений «вообче».

Автору захотелось поговорить о задачах РЛКСМ в деревне. Это он обещает в оглавлении. Однако, глава трактует с удивительной всеоб'емлемостью обо всем. — только не о задачах Союза Молодежи.

Автор констатирует в этой главе господство капитализма в мировом масштабе и крупный удельный вес мелкой буржуазии внутри Союза С. С. Р. и предлагает партии «обезвредить (!) эту уязвимую ахиллесову пяту нашей действительности».

После столь точной характеристики наших задач т. Залуцкий говорит о смычке, о кооперации, о борьбе за низкие цены, о внешней политике и распроклятом II Интернационале и т. д. «У дедушки Якова товару про всякого».

Брошюра заключается главой «Пролетарская молодежь непобедима». В этой главе мы встречаем еще более точное определение наших задач.

«В нашей классовой партийной политике мы сейчас должны иметь две стороны, два направления: во-первых — аппаратскую, как средство для достижения наших целей, во-вторых — партию в классе, партию в массах, как суб'ект, как класс, борющийся за эти цели». Мнится нам, что этих определений не поймет и сам тов. Залуцкий.

Тем не менее из этих положений «с неумолимой логикой» автор выводит заключение о росте силы комсомола и его блестящих перспективах.

Мы скромно отнесли эту цепь ляпсусов к недостаткам педагогическим. И все это богатство мыслей спресовано менее чем на 2 печатных листах.

На критике уклонов можно и следует воспитывать партийный молодняк, но на всякой ли критике?

Нам представляется, что не на всякой, и, во всяком случае, не на критике т. Залуцкого.

А. Слепков.

ВЛ. ВИЛЕНСКИЙ (СИБИРЯКОВ).—СУНЬ-ЯТ-СЕН. ОТЕЦ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Изд. «Кр. Новь», Москва, 1924 г. Стр. 182.

«Настоящая работа, — говорит автор в предисловии, — есть сгусток подготовляемой нами большой работы о китайской революции, а равно представляет собой выдержки некоторых глав из подготовляемых нами к печати сочинений Сунь-Ят-Сена».

Всем известно, как трудно бывает автору избежать излишнего суб'ективизма при оценке собственных произведений. Не избежал этого недостатка и Вл. Виленский (Сибиряков), утверждая, что «настоящая работа... равно представляет собой выдержки», когда на самом деле «выдержки» составляют более четырех-пятых его работы, приблизительно, сто сорок, сто пятьдесят страниц из ста восьмидесяти двух.

Впрочем, это не столь уже важно, ибо, если 150 страниц «выдержек» являются ценным материалом, а 30 страниц, плод оригинального творчества, — ценными комментариями и дополнениями, то всем изучающим Китай остается только благодарить автора за то, что он дал, а не требовать от него невозможного.

Итак, начнем с «выдержек». Вероятно, большая половина этих выдержек есть перевод с китайского, а потому ценность их в значительной степени зависит от знания и способности переводчика. В своем предисловии В. Виленский-Сибиряков чистосердечно признается: — «ученых китаеведов (синологов), говорит он, мы, вероятно, огорчим нашей книжкой, ибо мы допускаем, что приводимые нами переводы документов с китайского имеют те или иные неточности. Китайская грамота мудрена, она полна даже в политической литературе древними изречениями, которые трудно переводимы. Но (утешает себя автор) это более формальная сторона, что же касается существа передачи переводимых основных идей и мыслей, мы склонны думать, что мы не грешим против них».

Посмотрим, так ли это? Вот несколько образчиков даваемых переводов:

«И почему они желают стрелять в нас, когда мы справедливо требуем таможенные доходы, собранные на территории моего правительства по уплате, надлежащей доли иностранных долгов, лежащих на таможенных доходах всего Китая»...

«С момента начала гражданской войны количество солдат в Китае во много раз увеличилось; эти солдаты вышли все из народа, но не добровольно, а принужденные этой незаконной военной силой. Однажды мы лишили их силы, многие поплатились жизнью — но это не хорошо».

«Действительно не хорошо, ибо подобные переводы есть не только клевета на китайский язык, но и на «Отца китайской революции», который, смеем заверить, пишет по-китайски ясно и вразумительно. Вл. Виленскому-Сибирякову, может быть, и следует «выразить свою признательность советским китаеведам-синологам... за их труды по переводу некоторых из рукописей Сунь-Ят-Сена», но мы не думаем, чтобы самому Сунь-Ят-Сену было за что благодарить «китаеведов-синологов», для которых и русская грамота, повидимому, столь же «мудрена», как и китайская.

Несмотря, однако, на убийственность некоторых переводов, нужно отдать справедливость Вл. Виленскому - Сибирякову: 150 страниц печатаемых им «выдержек» и документов заслуживают внимания всех желающих ознакомиться с историей китайского революционного движения. Так, отрывки из книги Сунь-Ят-Сена «Записки о китайской революции», затем письма последнего к президенту Вильсону, японскому военному министру Танака и, наконец, Карахану, как и оценка Сунь-Ят-Сена, даваемая одним из видных членов Гоминдана, бесспорно представляют значительный интерес. К сожалению, желание автора втиснуть во что бы то ни стало обширные документы в тощие главы своего оригинального творчества, неблагоприятно отражается на композиции книги. Книга значительно выиграла бы, если бы все свои рассуждения о Сунь-Вен'е и китайской революции автор об'единил в одно целое и поместил в виде предисловия. Совершенно, например, непонятно для чего ему понадобилось разорвать одну из своих старых статей, появившуюся еще во втором номере «Нового Востока» на несколько частей и рассовать между документами, как отдельные главы.

Посмотрим, однако, что дает Вл. Виленский-Сибиряков помимо выдержек. Вот глава первая: «Отец китайской революции»; под заголовком в виде эпиграфа цитата из речи Троцкого, в средине письма в десять страниц одного из лидеров Гоминдана, на остающихся девяти автор пытается дать характеристику Сунь-Ят-Сена, пуская в ход все краски своей палитры.

«Китай, это — безбрежное людское море. Всколыхнуть это море, вызвать революционный тайфун, это значит вывести из равновесия огромную людскую стихию, волны которой могут захлестнуть какое угодно судно мореплавателя революции. Еще труднее овладеть этой революционной стихией, заставить ее успокоиться и найти свое новое русло. Поэтому мы должны удивляться не тому, что Сунь-Ят-Сен на тридцать девятом году своей революционной деятельности (он начал ее в 1885 году), на тринадцатом году китайской революции не только не погиб в волнах бушующей страстями гражданской войны, стихии китайской революции, не вышел в политический тираж, но продолжает борьбу революционера за свои идеи» и т. д. в том же духе на продолжении всех девяти страниц. Впрочем, есть места еще более любопытные, например:

«Все это делает Сунь-Ят-Сена идеологом реформации Китая, который, выдвигая грандиозные планы реформации, является вместе с тем политиком, который борется за создание таких политических условий в Китае, которые обеспечили последнему возможность этой реформации».

Видите, как просто и в то же время точно выражает автор самые сложные и глубокие мысли!..

Вл. Виленский-Сибиряков — большой поклонник Сунь-Вен'я и в этом, нет разумеется ничего плохого, плохо только то, что в своих панегириках ему не удается сохранить ни хладнокровия, ни чувства меры.

«Сунь-Вень, несомненно, должен быть назван одним из крупнейших людей нашей эпохи. Имя его будет вписано в историю, как одного из крупнейших революционеров начала XIX века»...

...«Великий китаец-революционер, мало имеющий себе подобных даже в истории европейских революций».

«Сунь-Ят-Сен сочетал в себе и практика и теоретика революции. Вместе с тем, он обнаружил исключительные способности политика».

«Читатель увидит, обещает автор,—каким опытным и дальновидным политиком является Сунь-Ят-Сен на всем протяжении своей политической деятельности»; но обещаний своих автор не держит, ибо в тех редких случаях, когда он пытается доказывать свои утверждения, получается не совсем убедительно.

«Когда в 1911 году, читаем мы, в У-чане вспыхивает восстание, Сунь-Ят-Сен находится в Америке. Весь мир облетает известие о победоносной китайской революции и о том, что президентом новой Китайской Республики намечается Сунь-Ят-Сен. Вероятно, это было бы достаточным основанием, чтобы Сунь-Ят-Сену спешить в Китай. И другой на его месте, вероятно, так бы и сделал. Сунь-Ят-Сен обнаружил здесь исключительную дальновидность политика, который взвесил международную обстановку и поехал в Лондон для того, чтобы предпринять ряд шагов, которые должны были укрепить международное значение китайской революции».

Вл. Виленский-Сибиряков, повидимому, крепко верит в то, что поездка Сунь-Ят-Сена в Лондон имела решающее значение для судеб китайской революции!

Далее. Сунь-Ят-Сену «вменяется в вину его соглашательство с Юань-Ши-Каем, когда в 1912 г. он уступил президентский пост будущему китайскому Бонапарту».

Вначале автор как будто соглашается, что в данном случае Сунь-Вень ошибся: «Допустим, говорит он — что такое соглашательство есть, действительно, роковая политическая ошибка. И это так, если взять этот эпизод абстрактно, вне зависимости от соотношения революционных сил». Если же принять во внимание это соотношение, то «уступка власти и соглашательство больше являются вынужденными, чем ошибкой в истинном смысле этого слова». Несколькими строками ниже мы узнаем, что Сунь-Вень «отнюдь не видел в этом капитуляции, ибо он исходил из интересов китайской революции и рассчитывал этим соглашением утвердить Китайскую Республику на базе об'единения юга с севером Китая». Таким образом, никакой ошибки Сунь-Вень как будто и не совершил. В конце концов оказывается, что роковую политическую ошибку он все-таки совершил, но что в этом, главным образом, виноват не он сам, а китайская революция: «История,— заявляет автор, — восстановит в свое время полную картину ошибки китайской революции, — мы подчеркиваем ошибки китайской революции, а не одного Сунь-Ят-Сена».

Говоря о том, что Сунь-Ят-Сен «не понял значения классовой борьбы и ее исторического значения», Вл. Виленский-Сибиряков приводит следующие, смягчающие вину обстоятельства: «Возможно, — говорит он, — что Сунь-Ят-Сен не доценил значение рабочего класса потому, что в начале своей революционной деятельности, он не видел в Китае рабочего движения, которое началось позднее и с которым «Отец китайской революции» в последнее время начинает серьезно считаться». (Т.-е. приблизительно, на тридцать девятом году своей революционной деятельности!).

«Он еще не заявил себя сторонником советской системы, но мы отнюдь не удивимся, если его интерпретация и принципов и конституции получит тот или иной советский уклон».

«Почему? — спрашивает Вл. Виленский-Сибиряков и тут же, как истый марксист, отвечает: «Да потому, что Сунь-Ят-Сен — революционер. Его историческая роль для Китая, — роль революционера, бунтаря, который ломает тысячелетнюю косность Китая для того, чтобы построить новый Китай. Он—вечная оппозиция китайской реакции, он—кипучая, неукротимая борьба. Но ведь это нужно для того, чтобы всколыхнуть до самых глубин страну Конфуция, чтобы привести в движение это безбрежное людское море и не дать ему вновь погрузиться в спячку. Эту роль Сунь-Ят-Сен выполняет с честью». К сожалению, мы не можем сказать, чтобы сам автор выполнил с честью ту роль, за которую он добровольно взялся. Его характеристика «Отца китайской революции» по существу ничего, как вы видите, кроме витиеватых фраз и напыщенных похвал, не заключает. А между тем, отнесись Вл. Виленский-Сибиряков несколько более серьезно к своей задаче, проанализируй более внимательно, хотя бы собранные им в книге материалы, он сумел бы, мы в этом уверены, дать более реальный, более живой образ знаменитого китайского революционера. Сунь-Вень не образец совершенства, но все же он настолько крупная фигура, что ни в каких ходулях, на которые пытается взгромоздить его Вл. Виленский-Сибиряков, не нуждается. Что же касается советской молодежи, для которой автор предназначает свой труд, то и она, вероятно, больше нуждается в точных сведениях о Китае и его деятелях, чем в приукрашенных и фальсифицированных.

Но может быть автор лучше справился с задачей «познакомить широкого читателя с основными идеями китайской революции и вкратце рассказать историю борьбы китайского народа за утверждение республики?». И этого мы сказать не можем. Правда, главы: «12 лет гражданской войны», «Борьба классов в современном Китае», «Задачи китайской революции»—выгодно отличаются от разобранной нами главы своим более простым и удобопонятным языком, но все же удовлетворительными и их назвать нельзя. Отметить здесь все погрешности автора не представляется возможным, ибо каждая, положительно каждая страница свидетельствует о неполном знакомстве автора с излагаемыми им фактами. Идет ли дело о клубе Ань-фу или о том, как «Сунь-Ят-Сен не побоялся угрозы иностранного вмешательства и наложил свою руку на излишек таможенных доходов в Гуандуне», или, наконец, о таком избитом сюжете, как китайские «дуцзюны» и «генерал-инспекторы»—всюду автор обнаруживает лишь приблизительное знание предмета. Точно также утверждения, что Цао-Кунь «крепко сросся с буржуазией Срединного Китая» и что «борьба между Чжан-Цзо-Лином и У-Пей-Фу, это есть по существу борьба между двумя фракциями китайской буржуазии за гегемонию над Китаем», суть не более, как поспешные заключения, сделанные на основании весьма незначительного количества, притом мало изученных автором, данных. Почитайте китайские буржуазные органы, и вы увидите насколько «крепко сросся» теперешний президент с буржуазией. В самой столице, Пекине, торговый квартал Цьенмэн охраняется специальной милицией, организованной китайскими коммерсантами, и охраняется, главным образом, от солдат Цао-Кун'я!

Вопрос о «сращивании милитаризованного мандарината с буржуазией» — вопрос весьма любопытный, но в то же время гораздо более сложный, чем то думает Вл. Виленский-Сибиряков. Не изучив предварительно экономики Китая, не уяснив себе истинных взаимоотношений торгово - промышленных и финансовых групп, как между собой, так и с «дуцзюнами», губернаторами, генерал-инспекторами и самим «центральным правительством», пускаться в какие либо обобщения относительно характера и темпа эволюции «милитаризованного мандарината», не приходится. Иначе может получиться лишь один конфуз, «потеря лица»—сказали бы китайцы, как это и случилось с нашим автором, открывшим (ведь вот какой Колумб!), что Чилийско - Фэнтьенский конфликт был,

главным образом, вызван желанием манчжурских буржуа захватить гегемонию над всем четырехсотмиллионным Китаем!

Впрочем, rira bien qui rira le dernier и, может быть, в подготовляемой Вл. Виленским-Сибиряковым «большой работе о китайской революции» он документальными данными докажет всему миру существование столь черных замыслов у подданных Чан-Тсо-Лина. Что-же? Поживем — увидим, а пока пожелаем автору удачи в его трудном предприятии!

А. Ивин.

Редакция: **В. Астров, Н. Бухарин, Ил. Вардин, Л. Каменев, А. Слепков.**

БОЛЬШЕВИК

№ 14

5 НОЯБРЯ

1924
МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 5 НОЯБРЯ 14

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 4
М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
П Р А В Д А

Главлит № 28114. Тираж 36.000.
Типо-литография „Искра Революции" (б. 7-я) Мосполиграф. Филипповский, 11.

О путях к Октябрю.

Семь лет диктатуры пролетариата, — какой громадный пробег истории!

Семь лет, которые потрясли капиталистический мир, создали и укрепили Союз Советских Социалистических Республик.

Семь лет, в итоге которых мы вступили на путь явного хозяйственного под'ема, укрепляющего экономический фундамент социализма.

История поработала это семилетие за нас.

Но такие итоги мы имеем потому, что не ждали с терпеливым фатализмом от истории ее подарков. Эти итоги достигнуты в результате непрестанных боев, сознательного вмешательства партии в стихийные процессы, непрерывного напряжения активности пролетарских революционных организаций.

Октябрь был подготовлен большевизацией рабочего класса, упорной работой над повышением революционной сознательности масс в течение двух десятилетий предоктябрьского периода.

Отрицание или замалчивание э т о г о факта скрывает глубокое непонимание сущности и исторической роли нашей партии, таит в себе отмежевание от славного революционного большевистского прошлого, как недопустимо и замалчивание того, что положительные итоги семилетия имеют своей непременной предпосылкой большевистскую выдержку нашей партии в тяжелые годы гражданской войны и эпохи первоначального строительства социализма.

Октябрь подготовлен д о - октябрьской борьбой коммунистической партии. Завоевания Октября удержаны и закреплены п о с л е - октябрьской политикой большевизма. Большевизм нельзя принять частично, признав лишь одну, хотя бы и важнейшую, его особенность; большевиком является т о л ь к о тот, кто принимает большевизм ц е л и к о м, стоит на почве и с т о р и ч е с к о г о большевизма.

«Только история большевизма за в е с ь период его существования, — пишет Ленин, — может удовлетворительно об'яснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, н е о б х о д и м у ю д л я п о б е д ы большевизма».

---

*) См. „Детская болезнь левизны в коммунизме".

Октябрь был детищем дооктябрьского большевизма. Без большевизации рабочего класса в дооктябрьский период мы не смогли бы победить в октябре.

А если говорить конкретно о содержании работы по большевизации рабочего класса, то она сводилась, прежде всего:

1) к построению партийной организации на основе специфически - большевистских принципов;

2) к усвоению рабочим классом тактики революционно - политического реализма, т. - е. тактики, чуждой соглашательству, но пронизанной обязательной для политика революционной трезвостью.

Большевистская организация партии — это первое условие, первая, необходимейшая предпосылка октябрьской победы.

«Опыт победоносной диктатуры пролетариата в России показал наглядно тем, кто не умеет думать или кому не приходилось размышлять о данном вопросе, что безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата являются одним из основных условий для победы над буржуазией» *).

Итак, большевистский тип построения партии — это одно «из основных условий для победы над буржуазией».

А этот тип построения партии определился почти за пятнадцать лет до Советского переворота.

За полтора десятка лет до установления диктатуры — большевики обеспечивали победу этой диктатуры правильным построением рядов авангарда пролетариата, ведшего рабочие массы в наступление и осуществлявшего организованное отступление для подготовки к новым, решающим атакам.

Партия нужна рабочему классу для того, чтоб сознательным единодействием ее парализовать в пролетариате центробежные тенденции, обусловленные различием в положении, сознательности, опыте, организованности различных частей рабочего класса.

Партия, в свою очередь, не лишена этих центробежных тенденций, ибо и она в капиталистическом обществе вообще, и в российских условиях в особенности, отличается значительной пестротой состава по социальному признаку, стажу, возрасту, культурному уровню, степени сознательности и т. д.

Такая пестрота партии — в условиях сильного влияния буржуазии и мелкой буржуазии — является об'ективной предпосылкой дезорганизации партийных рядов, колебаний и перехода отдельных частей партии на непролетарскую позицию, разнобоя в действиях различных отрядов партийного целого.

*) См. „Детская болезнь левизны в коммунизме", гл. „Одно из основных условий успеха большевизма".

Централизованность партии — в этих условиях — обеспечивает руководящую, направляющую роль старой партийной гвардии, состоящей из наиболее сознательных и опытных передовиков партии.

Централизованность в построении партии — обеспечивает в этих условиях ее единодействие, преодоление внутренних противоречий, единство боевого фронта.

Поскольку меньшевизм выступал против централизованного построения партии, — он выступал против основной предпосылки правильного и единого боевого действия партии.

Обеспечивая централизованностью преодоление внутренних противоречий партии и единодействие ее, — большевизм одновременно боролся за устранение моментов, усугублявших эти противоречия: он боролся против разжижения состава партии, за подбор в нее исключительно лиц, стоящих на точке зрения пролетарской революции и считающих своей профессией борьбу за эту революцию, т.-е. профессиональных революционеров.

Такая позиция большевизма, несомненно, отталкивала от партии «рыцарей на час», попутчиков из буржуазно-демократической интеллигенции, либеральных «профессоров и гимназистов», не возражающих против фронды, но чуждых революции.

Но большевизм никогда не ориентировался на попутчиков: он базировался на растущей активности сознательных передовиков пролетариата и беззаветно преданных ему интеллигентов-профессионалов.

Говорить о пролетарской революции и не понимать необходимости создания централизованной, единодействующей, и состоящей из настоящих профессиональных революционеров партии— это значит об'ективно бороться против пролетарской революции.

Успех революции обеспечивает не фраза, а действительная борьба за создание ее предпосылок, в первую очередь за создание партии, построенной по-ленински. Вот почему наша партия с таким упорством разоблачала лже-революционность меньшевизма, говорящего о революции, и стремящегося превратить партию революции в пеструю коалицию групп и группочек, аморфное об'единение аморфных организаций, годных для всего, только не для руководства революцией пролетариата.

Вот почему наша партия вела жестокую борьбу с так называемым «августовским» блоком, возглавляемым тов. Троцким, вместо боевой задачи создания боевой партийной организации, поставившим задачу об'единения всех групп социал-демократии во что бы то ни стало.

Подобно тому, как II Интернационал, по определению самого тов. Троцкого имеет своим лозунгом: «Да погибнет мир и да здрав-

ствует парламентское большинство!», — подобно этому позиция августовского блока тов. Троцкого — об'единяла силы российского меньшевизма под лозунгом «Да погибнет мир и да здравствует единство социал-демократии!».

В борьбе с меньшевизмом большевики вынуждены были пойти на раскол, ибо об'единение с ликвидаторами есть ликвидация революции. И этот раскол подготовил об'единение широчайших масс вокруг революционных лозунгов.

Говорить об Октябрьской революции и замолчать, что основным, важнейшим, непременнейшим условием победы ее является создание ленинской партии, большевистское построение партии пролетариата, — это значит оплевать Октябрь!

Но эта боевая организация партии, ее большевистское построение мыслимо только на почве большевистской политики партии.

«Чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? Чем она проверяется? Чем подкрепляется?» — ставит вопрос тов. Ленин и, отмечая в ответе сознательность авангарда пролетариата и его уменье связаться с массами, продолжает:

«Правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы собственным опытом убедились в этой правильности».

Мы имели победы и будем их иметь потому, что всегда были и будем партией революционно-политического реализма; партией революционной, ибо, идя на соглашения и заключая компромиссы, мы никогда не уступаем в этих соглашениях основных классовых позиций пролетариата; партией реалистической, ибо никогда не вели и не собираемся вести политики, не основанной на строгом учете об'ективных условий и возможностей.

В борьбе за об'единение масс вокруг революционно-реалистических лозунгов большевизма, партия пролетариата вынесла длинную цепь схваток с явным оппортунизмом меньшевиков и левым авантюризмом, политикой «революционной» фразы.

«Большевизм вырос, окреп и закалился, — пишет т Ленин,— в «детской болезни», во-первых в борьбе против оппортунизма, который в 1914 году окончательно перерос в социал-шовинизм, окончательно перешел на сторону буржуазии против пролетариата»...

«Большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против мелко-буржуазной революционности, которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует, отступает в чем бы то ни было существенном от условий и

потребностей выдержанной пролетарской классовой борьбы... «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа, это—социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением,—все это общеизвестно».

Позорной лентой развертывается в истории российского рабочего движения оппортунизм, переросший из организационного в тактический оппортунизм еще перед революцией 1905 года, во время «комедийных действ» земской кампании по плану «Искры»; выдвинувший законченно - предательскую тактику в период первой российской революции, гнусаво прошамкавший отречение от революции в период ликвидаторства; взвывший от избытка патриотических чувств или стыдливо прикрывший свою измену пролетариату пацифистской фразой в эпоху империалистической войны, ставший в военный лагерь буржуазии в эпоху гражданской войны, открытой 17-м годом.

С другой стороны, твердость революционных рядов пролетариата нарушается «истерическими порывами» левого авантюризма.

Когда большевизм об'единяет в революции 1905 года рабоче-крестьянские массы под лозунгом борьбы за «демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, — группа тов. Троцкого выставила лозунг «чистой» диктатуры пролетариата.

Т. Троцкий утверждает теперь, что он был прав в 1905 году, ибо диктатура пролетариата осуществилась в 1917 году. Но кого может убедить эта аргументация, если всем и каждому известно. что история прошла между первой и второй революциями громадное расстояние, что первая революция справедливо определялась большевиками, как буржуазно-демократическая революция, а вторая—непосредственно подвела нас к строительству социализма. В разные эпохи — один и тот же лозунг! Это ли не «достоинство», это ли не «революционная прозорливость»!

Ленин считал самым необходимым и обязательным для массовой партии, возглавляющей масовую революцию, — отыскание правильных путей к социализму.

Если бы армия имела задание занять определенный стратегически важный пункт, а ее руководители не знали пути к этому пункту, — армия никогда не выполнила бы своего задания.

Указать массам правильный путь к диктатуре пролетариата в условиях первой российской революции — это значит правильно наметить операции по занятию ближайших пунктов, достижимых в настоящий момент.

В 1905 году этим пунктом была «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». ибо центральным вопросом рево-

люции был аграрный вопрос и основной задачей революции, революционное свержение крепостничества.

Революционный реализм большевиков натолкнулся на политику фразы, и эту политику он отверг, как вредную для пролетариата. Ту же политику фразы вели противники использования легальных возможностей «левые» большевики, «впередовцы», подковывавшие свою практическую позицию левого авантюризма богостроительской философской теорией. И они встретили железную стену со стороны основных кадров партии революционно-политического реализма.

И меньшевистский оппортунизм и левый авантюризм, несомненно, были родственными течениями.

Идеологи мелкой буржуазии или плетутся за капиталом или показывают облик «взбесившегося от ужасов капитализма» мелкого буржуа. Они или с покорностью мирятся с господством капитала, или «прорываются» в «несуразно-левой» вспышке против капитала.

Фаталистическое примиренчество с капитализмом у наиболее живых представителей мелкой буржуазии переходит в идеалистический волюнтаризм, питающий политику «прямого действия» без масс, политику авантюристических выступлений небольших группок...

Бывают переходы и в обратном порядке.

«Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным течением,—все это общеизвестно *). Эволюция «троцкизма» является нагляднейшим примером этой неустойчивости.

1) Меньшевизм 1903 года — в организационных вопросах. Тов. Троцкий в рядах меньшевиков. Вместе с меньшевиками он не понимает роли боевого штаба революции.

2) Земская кампания и план «Искры» — меньшевизм чувствует приближение буржуазной революции, но он не желает, чтобы пролетариат возглавил эту революцию. Поэтому меньшевики предлагают передать руководство развертывающимся движением нереволюционной буржуазии. Тов. Троцкий с меньшевиками, видящими революцию, но не понимающими, что революцию надо сделать. Он разделяет позицию фаталистического пассивизма меньшевиков.

3) 1905 год. Меньшевики против захвата власти пролетариатом и крестьянством, намечаемой и подготовляемой большевиками. Тов. Троцкий «левее» большевиков: он за «чистую» диктатуру

*) Ленин „Детская болезнь левизны".

пролетариата. Политика революционной фразы отделяет его в этот период от большевиков.

4) Реакция и пред'военная обстановка. Тов. Троцкий не отказался от фразы, но он борется против практического обеспечения революционных побед: он против создания штаба революционного действия, против организации партии по большевистскому типу. Он — вновь с меньшевиками. Он скатывается в болото ликвидаторства.

5) Война. Тов. Троцкий и «левее», и «правее» большевиков. Последние еще за «демократическую диктатуру». Он как и в 1905 г., за «чистую диктатуру». Фразе отдана дань. Но он не может понять, что за эту диктатуру надо бороться революционным способом. Он против большевистского лозунга «превращения империалистической войны в гражданскую», ибо,—по его мнению,—массы можно об'единить только на платформе борьбы за мир, а не призывами к новой войне (хотя бы и гражданской). Тов. Троцкий выступает мелко-буржуазным пацифистом.

Революционный лозунг «чистой» диктатуры — повисает голой, никчемной, жалкой фразой, когда он сопровождается отказом от гражданской войны.

Вот эта мелко-буржуазная «революционость», о которой Ленин писал, как о «бесплодной», обладающей свойством «быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику».

В борьбе с нею вырос большевизм. Преодоление ее подготовило октябрь, обуславливало наши успехи в октябре.

Мы сильны опытом и традициями исторического большевизма, создавшего стальную партию, выковавшего определенный тип революционно - реалистической тактики, умеющего бороться с проявлениями мелко-буржуазного влияния на пролетариат.

Ни на шаг от этого исторического большевизма!

М. Покровский.

Советская глава нашей истории *).

Мы все еще не сборались написать истории Октябрьской революции,—а уже прошло семь лет послереволюционной нашей истории. И каких лет! Одна гражданская война стоила бы пяти французских Вандей, ибо Вандея, о которой слыхал всякий грамотный человек, это немного побольше нашей Антоновщины—и поменьше Антоновщины и Махновщины, вместе взятых. И о Вандее слыхал всякий грамотный человек, а о нашей гражданской войне впятеро больше написали русские эмигранты, использовывая предоставленный им нами досуг, чем коммунисты. Даже наши хроники революционного периода останавливаются пока на первом его годе, а идет уже восьмой год, как революция одержала победу и скоро пойдет девятый с того дня, когда революция началась.

Самобичеванием и сожалениями, конечно, тут делу не поможешь. Единственный способ реального продвижения вперед состоит в том, чтобы поставить революционный период темой для семинарской работы какого-нибудь учебного заведения типа Института Красной Профессуры. Для гражданской войны это уже и сделано. Если дело пойдет не хуже, чем с революцией пятого года и межреволюционным периодом, через год мы будем иметь ряд монографий, опирающихся, отчасти, на архивный материал. Но этим будет освещен лишь один эпизод истории семи лет, — правда, эпизод самый яркий, если не самый важный: Ленин еще в 1905 году предсказал, что защита завоеваний революции будет труднее, чем самые завоевания **).

---

*) **ОТ РЕДАКЦИИ.** Помещая интересную статью тов. Покровского, редакция оговаривает свое несогласие со „схемой“ автора.

Во-первых, редакция не согласна с тем, что «схемы» играют служебно-техническую роль. «Схема» имеет положительный смысл только в том случае, если она более или менее верно отражает определенный тип действительных, реальных существующих отношений. Но если она таковой отражает, она играет более, чем служебную роль. В этом смысле, например, историческая периодизация Маркса требует к себе бережного отношения (ибо она верна и не может быть заменена другой).

Во-вторых, нельзя периодизировать революцию по типу иллюзий, распространенных в различные моменты революции (хотя изучение этих иллюзий и представляет определенный интерес).

В-третьих, редакция не согласна с некоторыми частными положениями, вытекающими из общей ошибки (так, например, нельзя характеризовать период гражданской войны непосредственно после октября, как период «пацифистских иллюзий»).

**) „Если русское самодержавие не сумеет вывернуться даже теперь, отделавшись куцой конституцией, если оно будет не только поколеблено, а действительно свергнуто, тогда, очевидно, потребуется гигантское напряжение революционной энергии всех передовых классов, чтобы отстоять это завоевание“ („Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“. „Вперед“ № 14, 30/III—1905 г.)

Но монографии помогут нам понять отдельные эпизоды, — они не дадут нам схемы всего периода. Пищущий эти строки небольшой поклонник схематизации и периодизации в истории. Этим очень любили заниматься русские историки конца XVIII — начала XIX в.в., т.-е. до-диалектического периода нашей исторической литературы. Как только повеяло духом диалектики, хотя и в идеалистической ее форме, Соловьев стал говорить, что дело историка «не дробить, не делить историю на периоды», а попытаться выяснить внутреннюю связь исторических перемен. В новейшее время произошло некоторое возрождение вкуса к периодизации, и любитель схем, Н. А. Рожков, находит много поклонников. Можно думать, что это не свидетельствует о чрезмерной диалектичности мышления последних. Но нельзя отрицать, что, будучи научно весьма слабым приемом, периодизация весьма полезна педагогически. Если не фетишизировать вех, нами самими расставленных на пути истории, а пользоваться ими,—как и полагается пользоваться вехами,—лишь для ориентировки, начинающему они помогут понять особенности важнейших этапов прошлого.

С этой точки зрения имеет некоторое себе оправдание и попытка периодизации «истории семи лет», которой посвящены нижеследующие страницы. Она не опирается на изучение архивов или даже хотя бы исчерпывающее знакомство с печатным материалом. Факты, которыми я пользуюсь, более или менее, общеизвестны. Мы все их переживали, и благополучно забывали их, как только они были пережиты. Между тем, если их припомнить, в их хронологической последовательности, получается любопытная картина тех напластований, из которых постепенно сложился теперешний Союз советских республик.

Так как у схемы должен быть какой-нибудь основной принцип, то я беру лишь одну сторону исторического процесса, которая мне представляется важнейшей: положение пролетарской диктатуры в ее отношении к непролетарским элементам, как внутри страны, так и во внешнем мире, за границей. Против этого можно возразить, что исходной точкой тут является не экономика, не развитие производительных сил, но политика. Я думаю, однако, что для данного периода это совершенно правильно. Поскольку Россия 1914 г. была уже определенно империалистической страной, экономика, определявшая ее судьбы, была не местная, но мировая: из этой мировой экономики можно об'яснить империалистскую войну (политический факт), разрушившую хозяйство царской России и тем вызвавшую революцию 1917 года; из туземных же экономических условий об'яснить участие России в империалистической войне нельзя *).

Что при таких условиях наша революция с самого начала должна была принять характер той социалистической революции, о которой в 1905 году приходилось говорить, как о более или менее отдаленной возможности, разумеется само собой. В первые годы нэпа в наши ряды, несомненно, стала просачиваться

---

*) См. мою вступительную статью к русскому переводу книги Каутского „Как возникла мировая война“ и мою же статью „Как русский империализм готовился к войне?“ („Большевик“ № 9).

меньшевистская концепция Октябрьской революции, как переворота, по существу еще буржуазного, не выходящего непосредственно из пределов капиталистического хозяйства. У меньшевиков эта точка зрения обстоятельнее всего развивалась Далиным, в его книге «После войн и революций». Отзвуки этой концепции продолжают слышаться и до сих пор — и мне на одном докладе была подана записка, автор которой, со ссылкою на слова тов. Ленина, пытался обосновать Далинскую мысль. Лишь поскольку такие мысли бродят еще в наших головах, стоит посвятить этому вопросу несколько строк, хотя бы для того, чтобы напомнить подлинные и пророческие слова тов. Ленина, в его брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанной в середине сентября 1917 г. Здесь, в числе «главнейших мер» для предупреждения грозящей катастрофы, на первом месте названы такие: «1. Об'единение всех банков в один, государственный контроль над его операциями или национализация банков. 2. Национализация синдикатов, т.-е. крупнейших, монополистических союзов капиталистов (синдикаты: сахарный, нефтяной, угольный, металлургический и т. д.)».

Считать эти мероприятия (действительно проведенные в жизнь в течение 1918 года, едва ли стоит об этом упоминать), не выходящими из рамок капиталистического строя, мог бы только человек, чрезвычайно «либерально» понимающий слово капитализм. Конечно, бывали, ведь, люди, которые, вообще, крупное производство отождествляли с капитализмом: при таком понимании дела капитализм всегда останется. Но если понимать под капитализмом то, что он, действительно, собой представляет — частную собственность на орудия крупного производства, то предлагавшиеся в сентябре 1917 года тов. Лениным меры были, конечно, уже мерами социалистическими. Ленин ставил этот вопрос совершенно отчетливо, в его брошюре имеется специальная глава, под названием: «Можно ли итти вперед, боясь итти к социализму?», где мы находим такие строчки: «Предшествующее изложение легко может у читателя, воспитанного на ходячих оппортунистических идеях эсэров и меньшевиков, вызвать такое возражение: большинство описываемых здесь мер, в сущности, не демократические, а уже социалистические меры...», и дальше, обличив эсэров и меньшевиков в непонимании того, что такое империалистические монополии, что такое государство, что такое революционная демократия, Ленин кончает: «поняв это, нельзя не признать, что нельзя итти вперед, не идя к социализму». «Ибо, если крупнейшее капиталистическое предприятие становится монополией, значит, оно обслуживает весь народ. Если оно стало государственной монополией, значит государство (т.-е. вооруженная организация населения, рабочих и крестьян, в первую голову, при условии революционного демократизма) — государство направляет предприятие, в чьих интересах? Либо в интересах помещиков и капиталистов,—тогда мы получаем не революционно-демократическое, а революционно-бюрократическое государство, империалистическую республику; либо в интересах революционной демократии, — тогда это и есть шаг к социализму».

Таким образом, уже за полтора месяца до захвата власти в России пролетариатом, вождь этого последнего прекрасно предвидел социальные и экономические последствия этого захвата,—последствия, совершенно неизбежные, с железной логикой вытекавшие из того обстоятельства, что революция наша была бунтом против империализма, т.-е. монополистического капитализма, т.-е. той формы капитализма, которая в данный момент господствовала на земном шаре. И Ленин, на которого ссылался мой оппонент, был, конечно, против не этого низвержения империализма, — к нему он звал, а против изничтожения сразу, без всяких промежуточных мер, тех отсталых, до-монополистических форм частно-хозяйственного производства, которые определяющей роли уже не играли, но к социализации еще не были готовы. Для этих отсталых предприятий им и предлагалась такая промежуточная мера: «... 4. Принудительное синдицирование (т.-е. принудительное об'единение в союзы) промышленников, торговцев и хозяев вообще».

Из этого следует, разумеется, что Ленин был против военного коммунизма в том его проявлении, когда милиционер отнимал молоко у привезшей его в город крестьянки и выливал оное на мостовую, во славу государственной монополии торговать молоком. У тов. Бухарина эта картина вызвала восклицание, что это не социализм, а чорт знает что. Чорт знает с чем, планы Ленина, конечно, ничего общего не имели, но социалистический, в настоящем понимании этого слова, характер нашей революции был им поставлен совершенно твердо и отчетливо.

Из характера нашей революции, как антиимпериалистического бунта, следовал непримиримый антагонизм Советского государства со всем империалистическим миром. Но было бы крайней наивностью понимать этот антагонизм, как состояние формальной и открытой войны с этим миром, — точка зрения, не чуждая некоторым из «левых коммунистов» эпохи Брестского мира. Такой взгляд был явным пережитком идеологического об'яснения международных отношений, которое так свойственно было Второму Интернационалу. Это идеологическое об'яснение учило, что феодальное государство в своей внешней политике всегда, безусловно, враждебно буржуазному, а буржуазное всегда будет враждебно социалистическому, и т. д. На самом деле, реальные отношения между странами диктуются реальными интересами их господствующих классов, а вовсе не идеологией этих последних. Теперь, когда мы знаем, что дворянская, крепостническая Россия в 1848 году искала союза республиканской, демократической и, во всяком случае, буржуазной Франции, Ламартина и Кавеньяка, когда мы вспомним, что франко-русский союз завязался в ту именно пору, когда в России Александра III свирепствовала жесточайшая дворянская реакция, а во Франции только что подошла к власти партия радикалов, — иллюзии Второго Интернационала кажутся весьма наивными и пригодными лишь для того, чтобы облегчить германской социал-демократии поддержку Вильгельма в его борьбе с царской Россией. Нет никакого сомнения, что правившие Германией осенью 1917 года фабриканты, помещики и банкиры с чрезвычайной охотой и удовольствием расстреляли бы большевиков, но их реальные интересы заставляли их не только вести с большевиками переговоры, но и быть с ними крайне предупредительными и вежливыми. И это обстоятельство мы должны были использовать для упрочения пролетарской диктатуры, если только мы не были окончательными дураками. Ибо, помимо того, что мы шли к власти с мандатом заключить мир во что бы то ни стало, это было непременное условие, под которым мы взяли

власть, и если бы мы этого условия не выполнили, то нас постигла бы участь Керенского, — не говоря уже об этом, Брестский мир был великолепным **стратегическим** маневром, создав из германского фронта прикрытие для нас, в самый трудный момент нашего существования, от гораздо более опасных для нас антантовских фронтов. Если бы английские, французские и американские империалисты имели с нами непосредственную границу, с нами легко могло бы приключиться то, что полтора года спустя случилось с советской Венгрией. Если нас не постигла участь последней, то, отчасти, благодаря тому, что англичане имели возможность высаживаться только в таких отдаленных от наших жизненных центров местах, как Мурман и Архангельск.

Итак, Брестский мир был чрезвычайно для нас спасительным. Но это нисколько не мешало ему быть не правилом, а исключением в том антиимпериалистском бунте, который мы начали. Это не был ни прочный, ни, главное, **настоящий** мир. И, вот, это последнее обстоятельство, что мир был не настоящий, был **худым** миром, который лучше только доброй ссоры, это обстоятельство в 1917 году, несомненно, ускользало от внимания наших широких кругов. От иллюзии неизбежной формальной войны с империализмом, мы легко скатывались к иллюзии настоящего, хотя и непродолжительного, мира с империалистами. Вот почему этот период нашей после-революционной истории, период, охватывающий время от октября 1917 по август, примерно, 1918 года, можно назвать периодом **пацифистских иллюзий**.

Иллюзии эти в массовой работе принимали самые разнообразные формы. То мы собирались разбазаривать десять миллионов аршин ткани из интендантских складов старой армии, и торговались с Красной армией, только что возникавшей тогда, из-за каждого миллиона аршин; то мы отпускали на все четыре стороны московский комитет кадетской партии, на аресте которого настаивали рабочие; то мы позволяли, под самым у себя носом, эсэрам заключать договоры с французской миссией на предмет спускания под откос советских поездов и взрыва мостов на наших железных дорогах, позволяли тем же эсэрам партиями свозить белогвардейское офицерство и генералитет в Поволжье, готовя контр-революционный взрыв, в то время, как эсэровская фракция легально продолжала заседать во ВЦИ'ке; то мы собирали отборных академических зубров и пытались, «по соглашению» с ними, выработать новый устав высшей школы, и т. д., и т. д., словом, всех наших пацифистских глупостей того периода и не перечтешь. И не мудрено, что совершенной неожиданностью для большинства из нас было чехо-словацкое восстание конца мая 1917 года, — а оно было началом вполне обдуманной и издалека подготовлявшейся интервенции, которая, в виду прикрывавшего нас от непосредственной атаки со стороны Антанты германского фронта, не могла принять какой-либо иной формы.

Ряд ударов лета 1917 года, восстание левых эсэров в Москве, восстание правых эсэров в Самаре, восстание савинковцев в Ярославле, убийство Володарского, убийство Урицкого, наконец, покушение на Ленина 30 августа, ликвидировали наш пацифизм до тла. Осенью 1918 года мы об'явили красный террор, бросили все живое на фронты гражданской войны, начали ту героическую борьбу, которая наполнила **второй период** истории последних 7-ми лет, период гражданской войны, в тесном смысле этого слова, тянущийся с августа 1918 года до весны 1920 года. Я не ставлю своей задачей описывать этот период: вкратце он всем известен, подробное его изучение будет поставлено на твердые рельсы, будем надеяться, тем семинарием Института Красной Профессуры, о котором говорилось вначале. Здесь важно отметить, что этот период внес в нашу психологию, если не в нашу идеологию, определенные новые черты, чуждые ей в 1917—18 г.г. Я никогда не забуду наших молодых коммунистов-просвещенцев, уезжавших на фронт со всем обличием, приемами и манерами человека пера и книжки, и возвращавшихся с фронта бравыми военными людьми, с наружностью, немного даже неприятно напоминавшей прапорщиков и поручиков доброго старого времени. Да, простят мне эти товарищи это беглое воспоминание об их наружности. Внутренно они, конечно, остались тем, чем были — добрыми коммунистами. Они даже стали лучшими коммунистами, чем были, ибо, раньше наполовину теоретическая, борьба с империализмом стала для них теперь живой и суровой действительностью. Но они вернулись **военными коммунистами**. Вернулись с уверенностью, что то, что дало такие блестящие результаты по отношению к колчаковщине и деникинщине, поможет справиться со всеми остатками старого в любой иной области.

Начался период милитаризации. Все милитаризировалось, до народного просвещения включительно. Сам Наркомат был построен по военному типу, — с планирующим и составляющим диспозицию штабом, государственным ученым советом и «оперативными» частями, Главками. Милитаризировалась высшая школа, появились медвоенкомы, и т. д., и т. д.

Больше всего подверглось, конечно, милитаризации народное хозяйство, появились «трудармии» и т. п. Под конец вся деревня была подчинена, фактически, полувоенному режиму, — и курьезнее всего, что инициатором этой последней милитаризации был один из главных антимилитаризаторов того периода. Это показывает, как могущественна была зараза.

Что соблазняло и увлекало нас в этом угаре милитаризации? Две вещи, по-моему. Во-первых, к этому времени уже определенно выяснилось, что рабочая революция на Западе запаздывает, что ожидать появления социалистического хозяйства в капиталистических странах Западной Европы с сегодня на завтра не приходится. Приходилось создавать это социалистическое хозяйство, которое в первый, «пацифистский» период мыслилось в общеевропейском плане; Россия только «начинала» создавать собственными, «национальными» силами. Это, с одной стороны. С другой, быстрота ликвидации белых фронтов, окончание гражданской войны, сулившей бесконечные годы бойни, всего в 2 года, порождало надежду, что дело пойдет также быстро и в хозяйственном строительстве, стоит только пустить в ход военные приемы. Все это, вместе взятое, и обеспечило военному коммунизму, хотя короткий, но блестящий успех.

Читатель видит, что я выделяю военный коммунизм в особый, **третий период** истекшего 7-летия. Я решительно отказываюсь причислять к «военному коммунизму» наши социалистические мероприятия 1918 года. Ничего военного в этих мероприятиях не было. Важнейшие из них,—национализация банков,—было про-

ведено нами в разгаре наших пацифистских иллюзий, когда в возможность настоящего мира, хотя бы на короткий срок, верил, кажется, даже тов. Ленин. Проводился этот первоначальный социализм вовсе не военными приказами сверху, а под нажимом рабочей массы. Плановое хозяйство складывалось довольно стихийно и разрозненно, и отвечало необходимости как-нибудь увязать, лишенную банкового руководства, промышленность. Словом, тут все шло от экономики, а не от политки. Между тем, характерной особенностью подлинного военного коммунизма 1920 года и было то, что в нем экономика должна была плясать под дудку политики. Забыта была фраза тов. Ленина, написанная не очень задолго до этого, в 1916 году: «экономике нельзя приказывать».

Весною 1921 года эта фраза тов. Ленина и оправдалась. Построенная в шеренгу, экономика расстроила ряды и «замитинговала». Это обстоятельство заставило изменить не направление, по которому мы шли, как показалось в первую минуту некоторым близоруким людям, а темп нашего движения и приемы нашего действия. С этим изменились и наши отношения к непролетарскому миру, как за границей, так и внутри страны. Тов. Ленин в своей речи перед X с'ездом, назвал поворот в нашей политике «крестьянским Брестом». Это было очень меткое название в том смысле, что, как Брест 1918 года покончил с идеологическим и, по существу, идеалистическим подходом к международным отношениям, так новая экономическая политика покончила с идеалистическим подходом к деревне. Мы стали исходить не от воображаемого нами плана будущей деревни, а от реальных возможностей деревни настоящей, «деревни, как она есть». Это никоим образом не значило, что по отношению к деревне мы отказались от коммунизма: мы отказались только от военных методов проведения коммунизма в деревне, вот и все.

Новый период истории 7-летия, по счету четвертый, на первых порах был связан с целым рядом иллюзий, уподобляясь в этом отношении первому периоду. Отличие было в том, что на этот раз иллюзии были двухсторонние. В 1918 году мы заблуждались относительно истинных намерений и чувств буржуазии, в особенности отечественной. В 1921 году заблуждались — далеко в меньшей степени, чем в 1918 — и мы, но гораздо больше заблуждалась на наш счет буржуазия. Наши собственные иллюзии сводились, главным образом, к переоценке личной инициативы и, в связи с этим, частно-хозяйственного почина в деле поднятия промышленности. В «реакционном», по отношению к «военному коммунизму», настроении нам казалось, что стоит отказаться от методов «военного коммунизма», и, можно сказать, эта самая инициатива попрет из земли, а вместе с нею явятся в промышленность и скрывавшиеся на нелегальном положении частные капиталы. Это дополнялось другой иллюзией, будто и заграничные, и частные капиталы немедленно возжаждут использовать открывшиеся в России возможности, которые нам, опять-таки по контрасту с «военным коммунизмом», представлялись огромными.

Ни того, ни другого не случилось, и не могло случиться. Частный капитал из нелегальной спекуляции переместился в легальную торговлю, в особенности розничную и полурозничную, с ее быстрым оборотом, но в промышленность, с ее, сравнительно, медленным оборотом и невысоким уровнем барыша, этот, вскормленный бешеной спекуляцией предшествующего периода, частный капитал не пошел. Промышленность пришлось восстановлять пролетарской диктатуре собственными усилиями, без какой-либо помощи даже из-за границы, ибо и европейский капитал неохотно шел в советскую обстановку, пока он мог работать в привычных для него условиях буржуазного общежития. Только когда дома почва начинала становиться очень уже горячей, западные капиталисты начинали поглядывать и на обновленную, в смысле экономической политики, Россию: так было с германским капиталом в период наибольшей остроты германского рабочего движения. Но и это было явление временное и преходящее. Европейская и американская буржуазия выжидала «дальнейшего развития» нэпа.

Вот тут-то и имело место следующая, уже не наша, а ихняя, буржуазная иллюзия. По мере того, как выяснялось действительное отношение частно-хозяйственной инициативы к возрождению советской промышленности, льготы для частного капитала у нас, естественным образом, должны были не увеличиваться, а уменьшаться. Нэп был создан вовсе не для кормежки спекулянтов. И, к горькому разочарованию заграничных буржуазных наблюдателей, вместо дальнейшего развития капиталистического хозяйства, у нас начала происходить «коммунистическая реакция». Это в то время, как по законам всех приличных революций оные должны были кончаться реакцией буржуазной.

Это так огорчало буржуазных наблюдателей, приезжавших взглянуть на «обновленную» Россию, что у них начались буквально галлюцинации. Иначе нельзя об'яснить то, например, что пишет о Москве гостивший здесь многие месяцы американский профессор Гольдер *). Там, где его глаз в 1922 году, в разгаре иллюзий нэпа, видел величайшее коммерческое оживление, в 1923 пред ним расстилалась пустыня, на которую смотрели заколоченные окна магазинов и среди которой блуждали остатки голодающего населения. Так как наш глаз ничего подобного усмотреть не может, то остается одно из двух предположений: или страдает галлюцинациями профессор Гольдер или галлюцинирует полтора миллиона жителей Москвы. А так как индивидуальные галлюцинации все-таки более обычное явление, нежели массовые, притом для миллионов людей сразу, то, рассуждая совершенно об'ективно, медицинским образом, приходится решать вопрос не в пользу проф. Гольдера.

Этот профессор, историк по специальности, и дает нам в своей хронологии точку опоры для периодизации нэпа. Эра новой экономической политики естественным образом распадается на два периода — период, когда на глазах проф. Гольдера были розовые очки, и период, когда он их сменил черными. Это 1923 год с его «ножницами» и финансовой реформой. «Ножницы» были своеобразной экономической реакцией на все предшествующие периоды в области соотношения цен на сельско-хозяйственные продукты и на фабрикаты. Октябрьская революция нашла резкое нарушение тех соотношений в этой области, к которым привыкла довоенная Россия. Если мы возьмем цену ржаной муки 1913 года за сто, то, в до-военных копейках, на первое января 1921 года мы получим

*) „Current History“ February. Изд. Нью-Иорк „Таймс.“ „The tragic Failure of Soviet Policies“, („Трагический крах советской политики“) Frank A. Golder.

139,—тогда, как, если мы возьмем за сто же цену пары сапог, мы получим на то же число только 130. Такие же цены держались еще и в 1922 году: на первое апреля этого года цены на хлеб стояли, в советских дензнаках, почти в три миллиона выше довоенного, а цены на продукты промышленности только в два миллиона раз. Обратное отношение, развернувшееся в 1923 году, и было своеобразной реакцией, показывавшей, по существу дела, что мы вышли из военного периода нашей экономики, когда города и промышленные районы представляли собою нечто, в роде осажденных крепостей, при чем осаждающие опирались как раз на производившие хлеб окраины. К 1923 году не только осада была снята, но вымерли окончательно и сложившиеся в осадный период соотношения цен, наступила, повторяю, экономическая реакция, и палку пришлось перегибать уже искусственно в противоположную сторону, чтобы в положении осажденной крепости не оказалась деревня.

Это было далеко не единственным отражением гражданской войны на нашей экономике. Я не помню, чтобы кто-нибудь подходил с этой точки зрения к голоду 1921 года: а, между тем, если вы наложите карту наиболее остро голодавших районов на карту белых фронтов 1918—1920 годов, вы получите удивительнейшее и чрезвычайно красноречивое совпадение. Голодал, как правило, бывший театр гражданской войны, где хозяйство было подшиблено перекатывавшимися через деревню по несколько раз в том и другом направлении фронтами. Наоборот, то, что Советская власть прочно держала в руках, куда не заходил ни Колчак, ни Деникин, то не только уцелело от голода, но в 1921 году давало даже картину исключительного процветания: Московская губерния, в некоторых уездах, не запомнит такого урожая, как в этот «голодный» год. Мы, по старой привычке, все больше считаемся со стихийными, природными силами, и, конечно, считаться с ними нужно, но забывать социальные причины отнюдь не следует. Засуха, конечно, засухой, но без помощи Колчака, Деникина и Врангеля до каннибализма засухе все же довести дело не удалось бы.

То, что наблюдателю в черных очках показалось коммунистической реакцией, на самом деле, было просто ликвидацией последствий гражданской войны, притом ликвидацией, совершенной нашими собственными силами. В этом главное: если бы добрая буржуазия, сожалеющая ныне о запустении московских улиц, в свое время, в 1921 году, снабдила нас капиталами на поправку, тяготение этих капиталов, несомненно, заставляло бы нас больше считаться с нэпом, нежели это имело место в действительности. Громадным выигрышем было, что первые, самые трудные шаги мы сделали исключительно на своих ногах. В особенности, что мы исключительно собственными средствами ликвидировали—главный остаток военного периода, военную валюту.

Ассигнации,—а наш советский дензнак побил все рекорды всех ассигнационных карьер, всех времен и народов, оставив позади себя ассигнаты великой французской революции так далеко, что их не видно *),—всюду и всегда были военными деньгами. Почти во всем мире они возродились именно во время большой

*) Самым низким курсом французского ассигната, летом 1796 года, было 384 бумажных ливра за один металлический: а у нас при ликвидации старой советской валюты один червонный рубль был приравнен 50 миллиардам рублей в дензнаках 1921-го года!

войны, и у нас, в России, благополучно достигли одной двадцатой их номинальной стоимости еще до Октябрьской революции: от Керенского мы получили в наследство рубль, равный пятачку. Если сравнить возможности Керенского, при котором продукция русской промышленности равнялась еще 4 миллиардам, тогда как у нас сейчас нет и двух, то можно оценить, каким достижением было поднять рубль в семь раз выше рубля Керенского. Можно опасаться, что после такого анекдота черные очки с носа некоторых наблюдателей не слезут до светопреставления, по крайней мере, до преставления буржуазного света.

Если первый период нэпа носит следы некоторого колебания и компромисса между государственным и частным капитализмом, то второй период дает уже четкое проявление настоящего государственного капитализма при условии пролетарской диктатуры, т.-е. того состояния вещей, которое всюду и всегда нормально признавалось, как первый акт социалистической революции.

Таким образом, взяв историю 7 послереволюционных лет в аспекте пролетарской диктатуры и ее отношения к непролетарским слоям и элементам у себя дома и за границей, мы получаем следующие пять периодов:

1. 1917—1918 г.г. — переход к социалистическому хозяйству в (воображаемых нами) условиях мирной обстановки.

2. 1918—1919 г. — перерыв начавшегося процесса мировой социализации, под давлением гражданской войны; постепенная стихийная милитаризация, переходящая в

3. период военного коммунизма (1920 до весны 1921 года).

4. Период реакции против военного коммунизма, период первоначального нэпа, с его иллюзиями с обоих сторон (1921—1923).

5. Период постепенного возвращения к плановому хозяйству, в условиях уже не воображаемой, а, действительно, мирной обстановки, с введением нэпа в границы абсолютно необходимого (1923 — ?).

Хотя в начале я оговорился, что периодизация — дело не диалектическое, тем не менее, скрыть историческую диалектику никакая периодизация не может, и в приведенном выше делении эта диалектика чувствуется достаточно отчетливо, хотя и в суб'ективной, к сожалению, форме. Мы имеем перед собой одну законченную триаду, и одну только начавшуюся. Первая триада может быть сведена к трем таким этапам: мирный социализм, война, военный коммунизм. Вторая триада начинается с реакции против военного коммунизма, продолжается на наших глазах выпрямлением коммунизма вообще, и должна закончиться окончательным установлением социалистического хозяйства. Этот последний третий член второй триады — наше ближайшее будущее. В суб'ективном отражении эта диалектика является перед нами, как смена, в обоих случаях, поры иллюзий возвратом к суровой действительности, с тем, чтобы в следующей, третьей стадии, то, что было в первой стадии закутано в пелену иллюзии, явилось, как твердо проводимый, отчетливый план.

М. Шефлер.

Экономическая политика Рабоче-Крестьянской власти за 7 лет.

Долговременная хищническая политика царского правительства, опиравшегося на помещиков и буржуазию, довела Россию до такого экономического положения, при котором возникли резкие противоречия между благосостоянием правящего класса, с одной стороны, и нищенским угнетенным положением рабочего класса и крестьянства, — с другой стороны.

Эти резкие противоречия достигли своего крайнего развития в период неимоверно напряженной империалистической войны, начавшейся в 1914 году.

Февральская революция, явившаяся, несомненно, ближайшим последствием этих резких противоречий, между интересами правящего класса — дворянства и буржуазии — и интересами рабочего класса и крестьянства, выдвинула к власти, так называвшееся, «коалиционное» правительство из представителей либеральных буржуазных и мелко-буржуазных партий.

Само собой разумеется, что такое правительство, как бы пророчески, называвшееся «временным», не только совершенно не отвечало воле трудящихся масс, но и было не в состоянии справиться с тяжелым экономическим положением страны и сгладить резко выраженные противоречия классовых интересов буржуазии и пролетариата, помещиков и крестьянства.

Двоедушная политика «коалиционного» правительства, продолжавшего разорительную войну, стремительный рост цен на продукты и предметы широкого потребления, расстройство транспорта, кризис промышленности, начавшаяся дезорганизация сельского хозяйства, — все это вызвало в октябре 1917 года, в качестве неизбежного следствия, новый взрыв, — революцию рабочего класса, дружно поддержанного крестьянскими массами.

Октябрьской революцией 1917 года впервые в мире пролетариат, предводимый партией большевиков, завоевал диктатуру и поставил к власти первое в мире Рабоче-Крестьянское Правительство.

В наследство от прежних правительств, однако, Рабоче-Крестьянской власти досталось сильно надорванное, истощенное, экономически и технически почти беспомощное народное хозяйство.

В то же время буржуазия и дворянство не так-то легко расставались с властью и со своими личными имущественными правами, продолжая еще длительное время вести борьбу всеми способами за власть, за свои поместья, за право собственности, за фабрики, заводы и т. п.

В первые годы после Октябрьской революции, в период, так называемого, военного коммунизма, поэтому все силы пролетариата и идущего за ним крестьянства были направлены на продолжение борьбы, на отстаивание завоеваний Октябрьской революции.

Борьба велась упорная, тяжелая, требовавшая от пролетариата и крестьянства больших жертв и лишений, не дававшая возможности налаживать на новых началах народное хозяйство и лишь способствовавшая еще большей разрухе отдельных отраслей хозяйства.

В этот период первых лет после Октябрьской революции были, однако, установлены основные вехи экономической политики пролетарского государства и, в частности:

была завершена национализация промышленности и транспорта;

были национализированы все банки и финансовые учреждения;

была закончена аграрная революция, путем перехода всех частных земель в собственность государства и передачи их в использование крестьянству;

были твердо декретированы основы охраны трудящихся от эксплоатации;

созданы сильные профессиональные организации;

была произведена национализация всех крупных частных торговых складов, элеваторов, мельниц и проведена твердая система государственных заготовок продуктов и предметов широкого потребления и распределения их продовольственным советским аппаратом, на основе классовых принципов удовлетворения в первую очередь потребителей трудящихся.

Лишь жесткая политика сосредоточения основных сил на борьбу с буржуазией и дворянством, поддержанных и правительствами большинства капиталистических государств, лишь величайшее напряжение пролетарского государства и готовность рабочего класса итти на величайшие жертвы и лишения, создали возможность закончить этот период величайшей в мире гражданской войны победой пролетариата и крестьянства и укреплением власти трудящихся.

Отбросив врагов революции на всех фронтах, справившись и с иностранной интервенцией, и блокадой, рабочий класс и крестьянство, под руководством Российской Коммунистической партии (большевиков), приступила к новой борьбе, — борьбе с разрухой, борьбе за восстановление народного хозяйства и пересоздание его на новых началах.

Завоевания Октябрьской революции были сохранены, и именно они являлись основой для дальнейшей экономической политики Рабоче-Крестьянского государства. Национализация промышленности и транспорта, национализация банков и финансовых учреждений, национализация земель и передача их в использование крестьянству, Кодекс законов о Труде, — все эти основы экономической политики Рабоче-Крестьянской власти явились фундаментом и для дальнейшего строительства.

Однако, на ряду с сохранением этих основных начал экономической политики, период окончания военной борьбы за револю-

цию выдвинул ряд новых требований к экономической политике государства трудящихся.

Следовало найти, и Коммунистическая партия, в лице своего вождя В. И. Ленина, нашла такие методы строительства, которыми возможно было бы, осуществляя диктатуру пролетариата в экономической политике, в то же время опираться на крестьянство и вместе с ним переходить от старых, весьма различных и отсталых форм хозяйства к новым формам.

В. И. Ленин в своей брошюре: «Главная задача наших дней», изданной еще в 1918 году, определяет это разнообразие форм хозяйства России перечислением следующих, существующих в России, типов хозяйства:

«1) Патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3) частно-хозяйственный капитализм;

4) государственный капитализм;

5) социализм.

Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом».

Именно это разнообразие типов общественно-экономического уклада хозяйства побудило В. И. Ленина, а с ним вместе и всю Коммунистическую партию, выдвинуть, в качестве основной, переходной к социалистическому хозяйству формы, государственный капитализм и, опираясь на него, вести работу по подтягиванию к новым формам и методам всего народного хозяйства России.

Переход к государственному капитализму, как к временной переходной стадии, выдвинул необходимость внесения следующих коррективов в экономическую политику.

Снятие государственных хозяйственных органов и предприятий с госбюджета и перевод их на самостоятельный хозяйственный расчет.

Предоставление бо̀льшей хозяйственной инициативы и самодеятельности всем государственным хозорганам и предприятиям и децентрализация управления всеми мелкими отраслями хозяйства.

Разгрузка государственных органов от управления мелкими хозяйственными предприятиями, путем сдачи их в аренду кооперативам, артелям и частным лицам на определенных договорных условиях.

Предоставление рабочим и служащим таких условий оплаты труда, которыми обеспечивалась бы рациональная постановка дела каждого хозучреждения и создавался бы стимул к расширению производительности.

Введение более рациональных методов товарооборота между сельским хозяйством и промышленностью и. в частности, укрепление и развитие кооперативной сети.

Переход от продразверстки к продналогу, как к более современной и планомерной форме обложения крестьянского хозяйства, обеспечивающей ему свободу распоряжения излишками производимой им продукции.

Оставляя без изменения коренные начала своей экономической политики, основывающейся на национализации земель и всех крупных хозяйственных предприятий, на незыблемости финансовой политики государства, на монополии внешней торговли, Коммунистическая партия этими коррективами совершила переход к, так называемой, новой экономической политике, т.-е. политике, базирующейся на государственном капитализме, сочетаемом с частно-хозяйственными мелко-товарными формами хозяйства.

Новой экономической политикой закреплялся союз между рабочим классом и крестьянством, устанавливалась постоянная гибкая связь между городом и деревней и, тем самым, создавались условия для одновременного поднятия и укрепления всех отраслей народного хозяйства, на каких бы ступенях развития они не стояли.

К концу седьмой годовщины Октябрьской революции рабочий класс Союза Социалистических Советских Республик уже может констатировать несомненное общее укрепление народного хозяйства и, хотя и медленный, но верный рост благосостояния трудящихся масс.

В частности, к ноябрю 1924 года можно указать на следующие основные достижения:

Транспорт, на который были обращены все силы пролетариата в самом начале хозяйственного строительства, приведен в порядок и работает без перебоев.

Добыча топлива расширилась, — угольные бассейны и нефтяные промыслы на три четверти восстановлены, и годовая их добыча превышает годовую потребность.

Металлургическая промышленность, хотя медленно, но все же укрепляется и возобновляет постепенно, как добычу, так и обработку металла.

Сельское хозяйство, несмотря на катастрофическую засуху 1921 года и крайнее сокращение всех средств производства, тем не менее, уже дает возможность не только покрыть потребности городов и Красной армии в продовольствии, но и оставляет, хотя небольшие, излишки для вывоза за границу, тем самым поднимая нашу внешнюю торговлю.

Легкая индустрия и производство предметов широкого потребления в некоторых отраслях развертываются почти до размеров довоенного уровня.

Наконец, в качестве завершения восстановления этих отраслей народного хозяйства, можно констатировать и укрепление государственных финансов и переход к твердой денежной валюте, без чего немыслимо было бы дальнейшее хозяйственное строительство и,

что самое важное для благосостояния трудящихся, — рост реальной заработной платы рабочих и укрепление бюджета крестьянского хозяйства.

Эти достижения, однако, пока являются лишь показателем успешности взятого Коммунистической партией курса на новую экономическую политику, но для действительного укрепления хозяйства требуют дальнейших огромных усилий.

Задачи дальнейшего хозяйственного строительства еще более сложные и требуют сосредоточения на них всей воли пролетариата и всей энергии рабочего класса и крестьянства.

В частности, ближайшие задачи таковы:

поднять производительность труда и развить на новых, более рациональных, началах сельское хозяйство и. в частности, путем

перехода к новым приемам, обеспечить сельское хозяйство Юга и Юго-Востока от новой угрозы засухи;

завершить денежную реформу, путем максимального сжатия расходов государства и поднятия доходности государственных предприятий и хозяйственных органов;

улучшить и укрепить кооперативную сеть и государственные органы для достижения наилучших простых и дешевых методов товарооборота сельского хозяйства и промышленности, обеспечивающих все отрасли производства, как от кризиса сбыта, так и от недостатков продуктов и предметов широкого потребления;

обеспечить дальнейший рост реальной заработной платы рабочих и служащих;

завершить построение системы кредитных учреждений и, в частности, системы сел.-хоз. кредита для обеспечения крестьянскому хозяйству возможно лучшего и дешевого снабжения средствами производства и лучших условий переработки и сбыта сельско-хозяйственной продукции.

Разрешение этих основных ближайших задач завершит первый период новой экономической политики, период сочетания государственного капитализма с ростом мелко-товарного производства крестьянского хозяйства, период, которым рабочий класс обеспечивает дальнейший планомерный переход к новым социалистическим формам хозяйства трудящихся.

Н. Бухарин.

Хозяйственный рост и проблема рабоче-крестьянского блока.

Новая полоса нашего развития характеризуется нашим ростом. Это отличительная черта «текущего момента», в широком смысле слова. Мы имеем внешне-политический рост Союза (признание Англией, Францией и т. д.); на лицо укрепление нашей промышленности (увеличение общей ее продукции за истекший год на 30%), сельского хозяйства (превышение на 19% продукции технических культур, при уменьшении на 6% производства зерна; расширение посевной площади; рост наличного скота и т. д.; увеличение товарной части крестьянской продукции); улучшение транспорта; проведение денежной реформы (которой предрекали гибель ликвидаторски настроенные «маловеры»); начало упорядоченного построения госбюджета (ликвидация эмиссионного налога и дефицитности, покрываемой этим налогом); рост государственной и кооперативной торговли и начало вытеснения частного купца не мерами административного воздействия, а мерами хозяйственной борьбы, т.-е., в первую голову, хозяйственной конкуренцией, а затем, на ее основе, плановым регулированием. Линия на под'ем обозначилась резко и отчетливо. Из этого основного факта нашей действительности и нужно исходить при анализе положения и при выработке нашей практическо-политической линии.

1. Хозяйственный под'ем и классовая расстановка.

Развязывание хозяйственных сил и процесс роста всего народного хозяйства проходят у нас в противоречивых формах и поэтому таит в себе опасности нового типа.

Мы не будем здесь говорить об опасности, вытекающей из роста частного капитала. Этот вопрос достаточно ясен и осознан всей партией. Гораздо меньше осознан другой вопрос: о непосредственном соотношении между госпромышленностью и крестьянским хозяйством, вопрос о рабочем и крестьянине, как социальных

носителей этих экономических категорий, вопрос об их союзе (но не «вообще», а именно теперь, именно в новых, складывающихся условиях). Здесь, прежде всего, следует отметить такие пункты:

1. Новая буржуазия не успела еще развиться настолько, чтобы обнаружить в сознании крестьян свой эксплуататорский характер. Госпромышленность и, в особенности, госторговля, в свою очередь, не успели еще настолько развиться, чтобы хозяйственно разоблачить новую буржуазию (т.-е. продавать всюду и везде дешевле частного предпринимателя, купца, лавочника). Поэтому, крестьянство не «проголосовало» еще за госторговлю и кооперацию против частного посредника. Здесь пока идет лишь борьба.

2. Соотношение между рабочим и крестьянином обнажилось, при чем пока момент противоположности часто превалирует (господствует) над моментом единства. В самом деле, где резче всего сказывается различие непосредственных интересов крестьянина и рабочего? В сфере борьбы за хлебные цены (когда рабочий продает, то сюда входит и борьба за цены на продукты промышленности). Различие непосредственных интересов, даже противоположность их, выступает, прежде всего, как противоположность интересов покупателя и продавца (ср., например, вопрос о «лимитах»).

3. Рост производительных сил есть рост товарности крестьянского хозяйства. Следовательно, именно отсюда вырастает осознание противоположности непосредственных интересов, осознание того, что разделяет оба класса, союз между которыми является необходимой предпосылкой всякого дальнейшего развития «на новых путях». Другими словами: рост народного хозяйства таит в себе возможность (вернее, определенный момент таковой возможности) раскола между трудовыми классами советского общества.

Итак: прежде трения внутри рабоче-крестьянского блока росли на фоне хозяйственного обнищания и имели свою форму (продразверстка и недовольство, связанное с нею, реквизиции и т. д.); теперь речь идет о недовольстве, связанном с хозяйственным укреплением, растущей товарностью крестьянского производства.

Как идеологически формулируется эта сторона дела (мы касаемся пока только экономики)?

Со стороны рабочих (не понимающих длительных и общих интересов и видящих только непосредственные интересы рабочего класса) мы наблюдаем такую цепь положений: политически мы укрепились, сдвинули промышленность (нашу) с

мертвой точки, ведем борьбу за скорейшее накопление, за «диктатуру промышленности»; не нужно делать «уступок деревенщине». Нужно с нее брать, елико возможно больше, во славу пролетарской промышленности. Подлаживание к крестьянскому рынку есть народническая точка зрения и т. д.

Со стороны крестьянства идет противоположная тенденция: город нас обирает, рабочие мало работают, мы, крестьяне, кормим город и его рабочих; нужно немножко понаперeть на рабочих, в первую очередь, путем дорогих хлебных цен (повторяем, мы оставляем пока без анализа политическую формулировку этого же явления).

Таким образом, обе стороны могут развивать тенденции к разрыву блока, к разрыву, который был бы губителен для обеих сторон. Само собой разумеется, что наибольшая опасность разрыва идет со стороны деревни. С другой стороны, наибольшая ответственность ложится на руководящую силу блока, т.-е. на рабочий класс.

2. Хозяйственная гегемония, как очередная задача дня.

В другом месте мы показали (см. наши статьи против Розы Люксембург и Туган-Барановского, в журнале «Под знаменем марксизма»), что теория независимости процесса капиталистического воспроизводства от потребительского рынка является сущим вздором. Но потребительский рынок нашей промышленности являлся в значительной мере крестьянским рынком, — этого не нужно упускать из виду. До войны 40% всей индустриальной продукции и 60% фабрикатов реализовалось на деревенском рынке (это, несмотря на то, что царизм осуществлял «экспансию капитала»!). Не следует позабывать также «мелочь»: ведь крушение царизма имело своей самой глубинной подосновой противоречие между развитием производительных сил и слабой емкостью внутреннего рынка, что царизм пытался компенсировать внешними завоеваниями. Тем, кто нашу политику величает «народнической», не мешало бы помнить эти азы марксизма в его применении к анализу социально-экономических противоречий царской империи. Упреки в «народничестве» или в «крестьянском уклоне» нелепы и теоретически. Ведь народники утверждали, что накопление невозможно вообще без «третьих лиц» (например, крестьян). Это положение неверно. Но с этим нельзя спутывать другого вопроса, а именно: если дана такая система экономических отношений, где промышленность уже работала на крестьянский рынок, где она не может быть вне связи с этим рынком, то промышленная коньюнктура, темп накопления и т. д. не может не зависеть от роста производительных сил сельского хозяйства. То обстоятельство, что пролетаризация крестьян-

ства создает тоже «внутренний рынок» для капитализма (это прекрасно было показано Лениным в «Развитии капитализма»), ни капли не опровергает этого положения, ибо пролетаризацию нужно отличать от простого обнищания (пауперизация), от равенства в нищете. Тип первого — Соединенные Штаты; тип второго — Ирландия, отчасти царская Россия, Индия. В связи с этим и находился быстрейший темп накопления капитала в Соединенных Штатах, медленный — в Ирландии. На относительном сужении внутреннего рынка крахнул царизм.

Между тем, этой простой истины многие не понимают до самого последнего времени, хотя это непонимание, эта прикладная туган-барановщина, неизбежно должна оказаться душегубской политикой по отношению к народному хозяйству Союза и, политически, по отношению к советской власти *).

Тот, кто рассматривает проблему воспроизводства и соотношения между госпромышленностью и сельским хозяйством исключительно с точки зрения борьбы за высокие цены, т.-е. за дележ данного национального дохода, тот, — это заранее можно сказать, — никогда не сможет решить проблемы, ибо он не может даже правильно ее поставить.

Поскольку так ставят вопрос коммунисты, на лицо мы имеем. в лучшем случае, пережитки военного коммунизма, потребительско-распределительную точку зрения (дележ данного. уже произведенного, и полная беззаботность насчет будущего процесса воспроизводства), либо, в худшем случае, своеобразный трэд-юнионизм, цеховщину, которая блюдет узкие и непосредственные интересы рабочего класса и предает интересы общие. т.-е. коммунизм (об этом ниже).

Приглядимся к этой точке зрения. В чем ее основная ошибка? В том, что она не видит целого, она не видит всего народного хозяйства и поэтому не понимает взаимозависимости и взаимной обусловленности его частей. Другими словами: она не видит динамики хозяйства и наблюдает лишь за его статикой. Если бы задача исчерпывалась однократным дележом между крестьянами и рабочими раз навсегда данного прибавочного продукта, то «истинно-рабочая» политика состояла бы в том, чтобы получить максимальную долю из этого дохода. Но тогда не было бы ни вопроса о воспроизводстве, ни вопроса о движении к коммунизму, ни вопроса о блоке рабочих и крестьян.

Действительность диктует нам другие предпосылки, другие цели, другие задачи, другую линию.

*) См. напр. статью И. Жирковича: Емкость рынка и цены „Соц. Хоз-во", 1924. № 1, стр. 215 и след.

На плечах рабочего класса теперь лежит забота о народном хозяйстве, о процессе воспроизводства и об обеспечении этому процессу правильного (т.-е. коммунистического) маршрута. Не о дележе данного, с наибольшей выгодой, идет речь, а о повышении продукции и тем самым о постоянном повышении совокупного, подлежащего «дележу», прибавочного продукта.

Нелепая, узкая, цеховая, «промышленная» точка зрения, казалось бы, в достаточной степени раскроила себе череп на осеннем кризисе прошлого года. В самом деле, разве наши промышленные организации не пытались «для ради» наибольшей «выгоды» промышленности заграбастать возможно больше с деревенского потребителя? И что вышло? Получив раз и два очень много (на небольшом количестве проданного), они уперлись в тупик: рынок сжался, кризис сбыта схватил промышленность за горло, процесс воспроизводства застопорился. Стоило только нажать на цены, как оказалось, что: 1) промышленность стала развиваться гораздо быстрее, и спрос стал перегонять предложение; 2) что прибыли промышленности вовсе не исчезли; 3) что темп накопления возрос; 4) что одновременно стало быстрее расти сельское хозяйство, т.-е. 5) что в результате получился хозяйственный рост по всей линии.

А между тем, находились мудрецы, которые писали:

«Под'ем уровня цен продуктов сельского хозяйства... не расширит и не может расширить общей емкости рынка для продуктов индустриальной промышленности» *).

Теперь, ведь, совершенно ясно, в чем дело. Все искусство экономической политики состоит в том, чтобы заставить задвигаться («мобилизовать») факторы производства, которые лежат под спудом, «мертвым капиталом». В этом гвоздь, а вовсе не в дележе уже данного, как единственной задаче. Наоборот: самый «дележ», т.-е. проблему распределения, нужно подчинить интересам воспроизводства, ибо только тогда будет расти совокупный прибавочный продукт, и только тогда можно будет повышать жизненный уровень и рабочих, и крестьян.

Но нельзя мобилизовать скрытые запасы энергии, подрезывая внутренний рынок промышленности. Поэтому осенью прошлого года нужно было начать с понижения цен: иначе немыслимо было и «увеличить продукцию».

А ведь некоторые товарищи писали:

«Выход из создавшегося положения не в понижении цен, а в увеличении продукции **). Точно можно было «увеличить продукцию», не реализуя уже имеющейся! И здесь мы видим то же представление: люди не понимают. что часто весь вопрос заключается

*) Ibid стр. 221.

**) Султан Заде: Проблемы кризиса сбыта. Там же, стр. 212.

в том, чтобы мобилизовать, привести в движение связанные элементы хозяйства, обеспечить им влияние друг на друга, сделать возможным их взаимодействие, которое и будет иметь своим результатом рост производительных сил, следовательно, рост приб. продукта, следовательно, абсолютный рост «доль» при «дележе». В этом заключается, к слову сказать, изрядный процент смысла «новой экономической политики».

Интересно попутно отметить, что у нас об'ективные условия оптимума воспроизводства совпадают с длительными интересами руководящего класса, пролетариата. Этого не было до завоевания рабочим классом власти. До завоевания власти длительный и общий интерес рабочего класса состоял не в том, чтобы поддерживать единство общества и замазывать его противоречия, а в том, чтобы разрушить это общество. Вот почему все ламентации «сверхклассовых» теоретиков, вроде П. П. Маслова *), их призывы поддержать об'ективные интересы народного хозяйства, отказаться от классового своекорыстия, поддержать и обеспечить общественное единство и т. д., всегда и неизменно оказывались в условиях революционной эпохи пустой фразеологией оппортунистов. Совершенно иначе стоит вопрос для того периода, когда промышленность в руках рабочего класса, когда политический строй есть диктатура пролетариата и т. д. При этих предпосылках общий и длительный интерес пролетариата совпадает с условиями производства максимума продуктов на основе социализирующихся производственных отношений.

Поэтому принимать во внимание величину емкости крестьянского рынка, заботиться об увеличении этой емкости и проч., это не только не значит отступать от классовой позиции пролетариата: наоборот, это значит общие и длительные (т.-е. революционные) интересы его ставить на первый план и из них исходить. Кто поступает иначе, тот по сути дела защищает цеховую, оппортунистическую точку зрения, которая не только приводит к разрыву с крестьянством, но через некоторое время загоняет в тупик и развитие промышленности, которая неизбежно должна будет споткнуться, натолкнувшись на суженный крестьянский рынок.

Вопрос имеет и другую—тоже в высшей степени принципиальную — сторону. Революционный рабочий класс, осуществляющий диктатуру, вовсе не проповедует вечного царства пролетариата. Он ставит своей задачей преодоление классов. Другими словами: он все время ведет такую политику, что стремится поднять крестьянство до себя, его хозяйственно и культурно переработать, растворить—и самому раствориться в безклассовом обществе. Конечно, это—«музыка будущего». Но сюда устремляются усилия революционного рабочего. Наоборот, трэд-юнионист, цеховик, оппортунист в условиях пролетарской диктатуры будет смотреть на крестьянское хозяйство лишь как на свой внутренний колониальный рынок, причем царство пролетариата, как класса, да будет вечным. Такая «точка зрения», разумеется, ничего общего с марксизмом и ленинизмом не имеет.

*) Ср. напр., П. Маслов: Мировая социальная проблема.

Возвратимся теперь к более конкретной постановке вопроса. Итак, рабочий класс должен обеспечить взаимодействие хозяйственных факторов и сил. Под этим углом зрения нужно рассматривать и отдельные задачи нашей экономической политики. Конечно, при всем этом речь может итти о таких мероприятных, которые идут по линии относительного роста социалистических элементов хозяйственной системы. Развязывание противоположных сил рассматривается лишь, как средство (поэтому, напр., нельзя сдавать командных высот иностранному капиталу, несмотря на то, что производительные силы «вообще» от этого росли бы, при определенных условиях, даже быстрее).

Возьмем вопрос о протекционизме и ввозе иностранных товаров. Поставим, скажем, вопрос о ввозе тракторов.

Самым простым, «истинно-рабочим», «пролетарским», «диктаторско-промышленным» было бы, примерно, такое рассуждение: тракторов ввозить нельзя, ибо это губит наше тракторостроение, подрезывает развитие нашей собственной металлической промышленности. Дайте нам столько же денег и мы построим почти столько же тракторов. Если же вам дадут за границей кредит, то все же ввозить тракторов нельзя: нельзя губить в зародыше наши тракторные заводы.

Правильна ли такая аргументация? Отнюдь нет. Ибо она слишком проста. А простота здесь, поистине, хуже воровства. Предположим, что реальный спрос на тракторы выражается в сумме 5.000 х. Предположим, что при данных возможностях госфинансирования наша собственная промышленность может дать только 1.000 х. Предположим далее, что заграница отпускает в кредит сколько угодно тракторов, во всяком случае не меньше недостающих 4.000 х. Можем ли мы их ввезти?

Конечно. Не только можем, но и должны. Ибо мы тем самым меняем весь темп развития хозяйства в целом, а, следовательно, и самой промышленности.

Что делает ввезенный трактор? Он немедленно увеличивает с.-хоз. продукцию. Это значит: увеличение емкости внутреннего рынка, увеличение спроса на продукты промышленности (и на средства потребления и на средства производства), повышение

с.-х. экспорта; тракторы сами создают спрос на ряд промышленных продуктов: на нефть, напр.; расширение спроса на нефть, в свою очередь, дает себя знать на целом ряде отраслей, связанных с нефтяным производством и т. д. Но, в конце концов, все это создает и добавочный спрос на тракторы. Ибо общий под'ем с.-хозяйства, экспорта и т. д. раздвигает все быстрее границы этого спроса. Совершенно нелепо представление о неизменном спросе и даже о неизменном темпе накопления. Другими словами: базис для домашнего тракторостроения отнюдь не уничтожается, и нужно во-время подтягиваться и бросать в оборот свою продукцию, как только раздвинутся границы производства. Тогда мало-по-малу будет понижаться и % ввозимых тракторов.

Если же достаточных кредитов для собственного тракторостроения нет, мы сами можем давать поэтому лишь небольшое количество тракторов, а ввозить тоже не ввозим из-за соображений о защите промышленности во всей «принципиальной» чистоте и «святой абстрактности», то тем самым мы замедляем общий темп накопления, а поэтому и темп развития социалистической промышленности, в том числе, как это ни странно на первый взгляд, и социалистического тракторостроения.

Ошибочность такой политики опять-таки опирается на непонимание того факта, что развитие промышленности—есть функция развития всего народного хозяйства, что обе части народного хозяйства находятся во взаимодействии и взаимно оплодотворяют друг друга.

Из всего вышеизложенного вытекает, что необходима хозяйственная гегемония советского государства. Только тогда можно будет парализовать и начисто уничтожить трения между рабочим классом и крестьянством, вытекающие из-за обнаженности вопроса о ценах, когда станут видны и крестьянству выгоды более быстрого развития: 1) процесс удешевления цен на продукты промышленности и возрастающее насыщение крестьянского рынка; 2) появление на крестьянском рынке квалифицированных средств сельскохозяйственного производства; 3) инициатива советского государства во всех культурно-экономических вопросах современной деревенской жизни. Эту задачу нужно поставить. Эту задачу нужно решить.

3. Экономика и политика в текущий момент.

Если хозяйственная гегемония рабочего класса будет обеспечена, то, несомненно, будет обеспечена и его политическая гегемония, т.-е. его диктатура в советском обществе.

Трения, которые мы анализировали при разборе чисто-экономических отношений, получают и свое политическое выражение. В каких формах? И что подкрепляет эту политическую трещину, которая кое-где, как симптом, намечается теперь?

Будем помнить, что нужно иметь в виду и здесь то особое, что отличает именно эту «трещинку» от тех, которые были и раньше, которые замазывались ходом общей борьбы. Новое и здесь — рост. В данном случае речь идет о росте политической активности, о тяге к организации, о растущей самодеятельности среди крестьянства всех категорий: и среди кулаков, и среди середняков, и среди культурно выросшей, хотя и страдающей от перенаселения в деревне, бедноты.

Плохая хозяйственная смычка и отсутствие хозяйственной гегемонии пролетариата приводит иногда к желанию эмансипироваться от руководящей роли коммунистов и коммунистических советов, к требованию особых организаций против них, или для их «исправления» и т. д. Возникает и мысль о «несправедливости» руководящей роли пролетариата, пролетарского города и т. д., которые «утесняют» крестьянское большинство. Само-собой понятно, что застрельщиком такой идеологии, а равно и соответствующих действий, ежели они бывают, является кулак, деревенский ростовщик и т. д. Он действительно утеснен невозможностью земельной спекуляции, кодексом законов о труде и другими безбожными вещами. Но в своей агитации он опирается на недовольство ценами, что касается всего крестьянства. Он опирается и на устарелость методов и приемов нашего хозяйственного и политического администрирования, которые уже не соответствуют теперешним экономическим отношениям, не могут быть «формами развития».

Что экономика наша растет, усложняется, развивается, словом, движется — этого, кажется, никто не оспаривает. Однако, нередко позабывают, что политика, это — «надстройка» над экономическим базисом, и что она не может стоять на месте, когда под ней «все течет, все изменяется».

Из этого вовсе не следует, что должно измениться классовое содержание власти, как то пророчат бесперечь все сороки меньшевизма, эсеровства, нео-меньшевизма и нео-эсеровства, купно с врангелевцами, Милюковыми и прочими «демократами». Меньшевистский quasi-марксизм опирается на перспективу «неизбежной» победы капитала в экономике страны. Для такого прогноза у нас нет, поистине, никаких оснований. Поэтому нам нечего бояться меньшевистских кликуш.

Но в пределах данного классового господства совершенно неизбежно изменение форм и методов этого господства. Это мы видели уже на переходе от военного коммунизма к новой экономической политике. Разве не изменились методы и формы управления? Разве «ВЧК» не сменилась «ГПУ»? Разве не разда-

лись голоса о «советской законности»? Разве с тех пор не выросла целая система норм «советского права»? Если диктатура определяется в своем узком значении, как власть, не связанная никаким формальным законом, то диктатура советов все же оказалась «связанной» своими же законами. Иначе и не могло быть. Ибо формы диктатуры, соответствовавшие осадной экономике, реквизициям, продразверстке, гражданской войне, оказались несоответствующими, противоречащими новому периоду, когда была «всерьез и надолго» провозглашена «новая экономическая политика».

Что же нужно теперь? Форсированная «нормализация» советского режима — во-первых.

Роль хозяйственных стимулов, хозяйственного предвидения, хозяйственного расчета будет все время повышаться в той мере, в какой крестьянин будет переходить (а он сейчас прямо бежит по этому пути) от потребительски-натурального к производящему товарному хозяйству. Всякий элемент административного произвола, «маленьких недостатков механизма», волокиты, неразработанности и нелепости административных распоряжений и т. д. будет все больнее ощущаться крестьянином, который все рациональнее относится к хозяйственным вопросам. Остатки методов военного коммунизма приходят тут в противоречие с потребностями развития крестьянского хозяйства. И это противоречие необходимо устранить. Крестьянин должен иметь перед собой советский порядок, советское право, советский закон, а не советский произвол, умеряемый «бюро жалоб», неизвестно где обретающимся. Нужно раз навсегда понять и усвоить, что административное дерганье вверху отражается внизу серьезными хозяйственными катастрофами. И чем больше упорядочивается хозяйственная жизнь вообще, тем острее чувствуется всякое произвольное вмешательство, идущее вразрез с действующей системой советских норм. «Порядок» — должен стать решительно на место «произвола».

В связи с этим стоит и проблема втягиванья в работу крестьян, в особенности поскольку речь идет о работе советов. Методы управления «ревкомами» или «парт'ячейками» были пригодны в военный период. Теперь на этом далеко не уедешь. Нужна и внизу такая форма управления, которая обеспечивала бы точную разработку общих норм применительно к местным условиям; которая обеспечивала бы прощупывание настроения, нужд, жалоб, потребностей наиболее широких кругов крестьянства; которая бы способствовала вовлечению наиболее активных элементов в советскую работу, перекладывала бы на них частицу ответственности за управление государством, воспитывала бы их на опыте местных дел и местных нужд

к роли управления государством и втягивала бы их в обсуждение все более широких проблем хозяйственного и политического строительства. А всего этого можно достигнуть только при оживлении уездных, волостных и сельских советов, которые должны стать маленькими трудовыми «парламентами», действительно прорабатывающими вопрос. Разумеется, проведение этой политики требует больших затрат энергии на «убеждение», бо́льшей работы. Но только так можно и должно подходить сейчас нашим партийным организациям к деревенской работе.

* * *

Таковы главные линии стоящих на очереди дня проблем. Следовало бы остановиться еще на «культурной» работе в узком смысле этого слова. Но об этом мы уже писали в нашем журнале раньше. Скажем лишь, что растущая активность масс в деревне властно требует от нас занятия всех идеологических командных высот. Без этого мы можем быть обойдены с тыла кулаком или анти-советским интеллигентом.

Партия должна взять решительную линию на укрепление союза рабочих и крестьян. И в новой обстановке нам нужно действовать новыми методами, пролагая им путь по всем главным линиям нашей общественной жизни.

И. Краваль.

Проблема металла.

„(Мы знаем, что спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве,—этого еще мало,— не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления,—этого тоже еще мало,— нам необходима также тяжелая индустрия... Мы знаем, что без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности. Без нее же мы вообще погибнем, как самостоятельная страна").
(См. Ленин. Реч на IV конг. Комм. Интернационала).

Металлопромышленность — одна из основных отраслей народного хозяйства, развитие или упадок которой является одним из основных показателей роста или упадка народного хозяйства в целом.

Самое важное и основное при этом то, что развитие металлопромышленности означает собой, прежде всего, усиление накопления, в первую очередь основного капитала страны, потому что главная масса ее продукции идет не на удовлетворение нужд непосредственного «потребления», а для изготовления орудий и средств производства, для развития транспорта, разных видов строительных работ и т. д.

Темп восстановления основного капитала во всех отраслях промышленности, кроме целого ряда других условий, будет в очень значительной степени зависеть также и от того, в какой мере металлопромышленность будет в состоянии удовлетворять этот все возрастающий спрос. Быстрое развертывание производства продуктов массового потребления невозможно без еще более быстрого расширения производства средств производства. Быстрый под'ем производительности труда во всех отраслях промышленности в очень значительной степени будет зависеть от темпа восстановления металлопромышленности—как поставщика все более и более усовершенствованных орудий производства. История развития целого ряда капиталистических стран говорит нам о том, что наряду с ростом производства предметов массового потребления еще более быстрым темпом идет рост производства средств производства. Так, например, данные, относящиеся к 2-м переписям германской промышленности, дают следующую картину по Пруссии *):

*) См. Металлопромышленность республики и ее нужды изд. Гумп, с. 12.

	Число занятых лиц в тысячах.		Увеличение в процентах.
	1896 г.	1907 г.	
Горное дело	458,5	736,4	60,6
Обработка металлов	383,9	573,4	49,3
Приготовление машин и инструментов	329,4	655,8	99,1
Химическая промышленность	66,7	106,0	59,0
Строительная промышленность . . .	596,7	919,7	54,1
Текстильная промышленность	441,9	445,5	0,8
Обработка пищев. веществ	586,4	706,7	20,5

В то время, как число рабочих увеличилось в текстильной промышленности на 0,8%, число рабочих, занятых приготовлением машин и инструментов, увеличилось на 99,1%; таково расстояние между текстильной и машиностроительной промышленностью, обусловившее в дальнейшем очень быстрый рост выпуска продукции на одного занятого рабочего наряду с текстильной промышленностью также и во всех остальных отраслях промышленности. Удивительно ли поэтому, что американские станко-строительные заводы увеличили свою продукцию с 32 милл. долларов в 1914 г. до 212 милл. долларов в 1919 г.

Если столь большое значение играет металлопромышленность в капиталистических странах, то еще большее значение должно быть ей отведено в Советской России.

Нельзя упускать из виду, что и в довоенное время, несмотря на сравнительно быстрое развитие русской промышленности в последнее десятилетие перед войной, она все же не справлялась с пред'являемым к ней требованием, и рынок пополнялся в значительном количестве иностранным ввозом. Так, например, в 1911 году ввезено было готовых изделий разного рода на 390 милл. руб., сырых и полуобработанных материалов на 553.143 тыс. руб., а всего ввезено было товаров на 1.161.682 тыс. рублей *).

И все-таки и быстрым темпом развивающаяся русская промышленность (в значительной степени за счет иностранных капиталов) и значительный иностранный ввоз лишь в весьма малой степени удовлетворяли потребности страны в изделиях промышленности, что наглядно видно при сравнении нашего потребления с потреблением наиболее передовых стран **).

Возьмем для иллюстрации несколько наиболее характерных цифр потребления на душу населения в 1911 г.

*) См. Статистический ежегодник на 1911 г. под редакцией Шараго стр. 774
**) стр. 719—21 кроме данных за 1923—24 г.г.

	Россия.		Соед. Шт.	Германия.	Англия.
	1911	1923—24	1 9 1 1		
Чугун (пуд.)	1,34	0,29	18,4	13,4	9,2
Медь (фунт.)	0,44	0,05	14,9	8,0	18,5
Камен. уголь (пуд.)	13,5	7,02	318,3	205,4	284,5
Сахар (фун.)	17,2	6,9	84,0	46,3	101,7
Хлопок	5,6	2,24	27,4	16,2	46,6

Из этой таблицы мы видим, что потребление на душу населения чугуна в 1923—24 г. даже в сравнении с 1911 г. упало в 4,6 раза, потребление меди, почти в 9 раз и т. д. Эта таблица говорит о том, что, несмотря на значительный хозяйственный под'ем, который мы имеем в течение последних лет, мы все-таки страшно бедны, что производительность труда у нас страшно низка, что процесс восстановления средств производства, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, происходит страшно медленно. Мы в настоящее время потребляем чугуна в 61 раз меньше, чем потребляли Сев.-Амер. Соед. Штаты в 1911 году, за этот промежуток времени далеко шагнувшие вперед.

Между тем, перед нашим С.С.С.Р стоит задача не простой замены устарелого, изношенного и в значительной степени разрушенного оборудования — аналогичным ему — новым, а полная реконструкция хозяйства нашего Союза на основе электрификации промышленности и сельского хозяйства, которая станет возможной только при условии достаточного развития металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Электрификация, кроме постройки крупных районных электрических станций, дающих дешевую и удобную энергию, требует также и приспособления оборудования к ее потреблению, что потребует значительного расширения металлопромышленности.

Перед нашей металлопромышленностью стоят задачи гораздо более грандиозные и заманчивые, но и гораздо более трудные, чем перед металлопромышленностью любой из капиталистических стран.

Наша металлопромышленность обязана вывести наше сельское хозяйство из того положения, в каком оно находилось в смысле снабжения с.-х. инвентарем при самодержавном правительстве, когда «сох и косуль в Великороссии насчитывалось 59,3% общеимперского количества, деревянные бороны с деревянными же зубьями также многочисленны в северной полосе, где в некоторых губерниях они составляют 70% этих зарегистрированных почворазрыхляющих орудий» *).

*) См. Измайловская. Русское сельско-хоз. машиностроение изд. ВСНХ, 1920 г.

Можно сказать с полной уверенностью, что от быстроты ликвидации этих допотопных орудий обработки земли будет в очень значительной степени зависеть темп под'ема нашего сельского хозяйства, а, следовательно, и нашей промышленности, поскольку спросом со стороны сельского хозяйства на продукты промышленности в очень значительной степени определяются возможности для развертывания последней, не говоря уже о том, что сельское хозяйство является основным поставщиком сырья для нашей промышленности. Поскольку же наши предприятия по сельскохозяйственному машиностроению не в состоянии, в силу финансовых и др. затруднений, справиться полностью с задачей снабжения сельского хозяйства достаточным количеством орудий производства по доступным для крестьянина ценам, постольку совершенно несомненно встанет вопрос об экономической целесообразности ввоза достаточного количества сельско-хозяйственных машин из-за границы, потому что всякая искусственная задержка под'ема сельского хозяйства является в то же время и тормазом для развертывания нашей промышленности *).

После того, как вопрос о снабжении нашей промышленности и транспорта достаточным количеством топлива разрешен в положительном смысле, вопрос о развитии производства черного металла (чугуна, железа, стали) становится вопросом первоочередной важности, потому что без железа немыслимо восстановление в сколько-нибудь широком размере ни одной отрасли народного хозяйства. Нет такой отрасли народного хозяйства, которая в большей или меньшей степени не нуждалась бы в металле. Без расширения производства железа и стали, невозможно развитие металлообрабатывающей промышленности и, в частности, электротехнической. Представители всех отраслей промышленности, транспорта и сельского хозяйства вынуждены обращаться к металлопромышленности для восстановления своего оборудования. Отсюда ясно, что «только при мощном развитии машиностроения для создания новых средств производства можно говорить о дальнейшем расширении производительности других отраслей народного хозяйства» **).

Если мы сами не справимся со снабжением сельского хозяйства нашего Союза металлом в достаточном количестве, то мы вынуждены будем этот металл ввозить из-за границы. Ибо, если без значительного потребления металла не может существовать ни одна сколько-нибудь развитая в культурном отношении страна, то тем более не сможет существовать страна, ставящая своей задачей реконструкцию всего народного хозяйства, в целях коммунистического строительства. «Металл—это основа современной культуры и промышленности во всех видах и отраслях ***).

При отсутствии своей развернутой металлопромышленности может быть поставлена под сомнение возможность самостоятельного экономического и политического существования страны, поскольку металлопромышленность является не только основой для хозяйственного развития страны, но и основой обороноспособности страны.

*) См. Н. Бухарин. Наш рост и проблема хозяйственного блока. „Большевик“ № 14.
**) См. План электрофикации РСФСР. изд. ВСНХ, стр. 171.
***) См. Металлопромышленность республики и ее нужды, стр. 6.

Те же, кто будет поставщиком для страны металла, не могут не стать постепенно хозяевами и других отраслей народного хозяйства, поскольку все отрасли промышленности основываются на широком применении машин и металла.

Поэтому проблема развертывания нашей советской металлопромышленности должна стать центральной проблемой нашего хозяйственного строительства, и максимум усилий рабочего класса и нашей партии должен быть направлен на разрешение этой первоочередной важности задачи.

* * *

Наша металлургическая промышленность, больше всего пострадавшая в результате гражданской войны, в течение последних четырех лет пережила значительный восстановительный процесс, что видно из следующей таблицы (в тысячах пудов) *):

	Чугун.	% к 1920/21 г.	Сталь.	% к 1920 г.	Прокат.	% к 1921 г.
Производство в 1913 г. **)	256.837		259.268		214.220	
„ „ 1920/21 г.	7.060	100	10.534	100	9.324	100
„ „ 1921/22 г.	10.389	147	19.368	184	15.642	168
„ „ 1922/23 г.	18.333	260	36 355	345	28.182	302
„ „ 1923/24 г.	39.888	535	60.650	545	41.776	448
Программа на 1924/25 г.	59.681	845	81.568	774	58.094	623
% выпуска 23/24 г. к 1913 г.	15,4		24,1		19,5	
% програм. 24/25 г. к 1913 г.	23,2		32		27	

Таким образом, мы видим, что, несмотря на то, что, в сравнении с 1920—21 г. наша металлургия увеличила свою продукцию в 1923—24 г. по чугуну в 5,6 раз, по стали в 5,4 раз и по прокату в 4,5 раз, все же к началу 1924—52 опер. года мы достигли по чугуну всего 15%, по стали 24,1% и по прокату 19,6% довоенного производства в границах С.С.С.Р. Если же принять во внимание колоссальную отсталость русской металлургической промышленности в сравнении с западно-европейской и в довоенное время, о чем свидетельствует вышеприведенная таблица потребления чугуна на душу населения, то картина будет еще менее отрадной.

Эти цифры говорят о том, что, несмотря на очень значительный темп восстановления нашей металлургической промышленности, общий об'ем ее производства еще незначителен по сравнению с 1913 г., и современный уровень ее производства не в состоянии удовлетворить насущных нужд страны в металле.

*) Данные центрального отдела статистики ВСНХ и Главметалла.

**) В границах нынешнего СССР. См. Технико-эконом. Вестник ст. т. Жданова. Металлургическая промышленность России в 1922—23 г.г.

Другим значительным достижением в области металлопромышленности является то значительное удешевление металла, которое произошло в течение последнего оперативного года. Так, вместо предполагаемого коэффициента вздорожания 2,03, достигнут 1,74, а на 1924—25 год предвидится 1,51. Отпускная цена чугуна доведена с 1 руб. 50 коп. за пуд до 95 коп. на 1/X 1924 г. Столь же значительное снижение цен мы имеем и на другие металлоизделия. Но нельзя упускать из виду, что если снижение цен значительно способствует более полному удовлетворению страны в металле, расширяя спрос, то, с другой стороны, это и дальнейшее снижение цен будет безболезненным только при условии углубления кампании по поднятию производительности труда, рационализации производства и самой решительной и систематической борьбы за снижение всех элеметов себестоимости.

На снижение цен массовый крестьянский рынок ответил таким увеличением спроса на ходовые товары, что к концу операционного года начал сказываться значительный недостаток товаров, что заставляет наши металлотресты обратить внимание на увеличение производства за счет предметов широкого потребления.

В дальнейшем снижении себестоимости следует видеть лучшую гарантию продвижения металоизделий к потребителю, что должно, безусловно, благотворно отразиться на хозяйстве всего Союза С. С. Р., сузившего свои потребности в металле до катастрофически ничтожных размеров.

В качестве третьего достижения металлопромышленности в истекшем году следует отметить также расширение роли широкого рынка, в качестве потребителя металлопродукции, с 8% в 22—23 г. до 15,3% в 1923—24 г., за счет уменьшения значения госзаказчиков. Роль госзаказчиков (промышленность, госторговля, коммунхозяйства, НКПС и т. д.) упала с 92% в 1922—23 г. до 84,7% в 1923—24 г. Но усиление продажи госорганам, не состоящим на госбюджете, и на широкий рынок потребовала все более и более усиливающегося кредитования металлопромышленностью всех потребителей.

Так, например:

В I квартале 1923-24 опер. г. % векселей составлял 29% и наличность 71 %
Во II „ „ „ „ „ „ „ „ 47 „ „ „ 53 „
В III „ „ „ „ „ „ „ „ 52 „ „ „ 48 „
В IV „ „ „ „ „ „ „ „ 51 „ „ „ 49 „

Причем сроки векселей также удлинялись, если в 1 квартале все 100% были краткосрочными (2—4 мес.), то в IV Югосталь имеет уже 40% долгосрочных (4—9 мес.), Гомза — 73% и т. д. Все это неизбежно вызывает финансовое напряжение металлопромышленности и требует для бесперебойной работы усиления планомерного кредитования металлопромышленности со стороны наших банков.

* * *

Программа по всей металлопромышленности намечается в тысячах довоенных рублях на 1924—25 год в следующем виде:

ОТРАСЛИ.	Выпуск 1923/24 г.	Программа 1924/25 г.	Увеличение в %.
Металлургия черного металла	78 349	115.643	48%
Металлургия красного металла	24.857	41.779	68%
Машиностроение	62.890	96.728	56%
Сельско-хозяйствен. машиностроение	13.410	29.586	121%
Металл. изделия	9.337	11.666	25%
Судостроение	6.231	6.923	11%
Прочие	1.675	1.306	—
ИТОГО	195.386	304.064	54%

При этом, при полном выполнении этой программы, выпуск чугуна достигает всего 23,2%, стали 32% и проката 27% от выпуска 1913 года в рамках нынешнего С. С. С. Р.

Кроме того, если взять средний годовой прирост производства металла за последние пять лет перед войной и предполагаемый прирост на 1924—25 г. (в пудах), то мы увидим, что по чугуну это составит 92%, по стали 98% и по прокатным изделиям 77% от довоенного прироста, и это, несмотря на то, что уже, начиная с 1915 года, мы не имели процесса нормального восстановления основного оборудования ни в одной из основных отраслей нашего народного хозяйства.

Совершенно несомненно, что страна, в течение последнего десятка лет не имевшая возможности удовлетворить свои потребности в металле, могла бы потребовать металла значительно большее количество. Лучшим доказательством тому может служить усиленный рост спроса на металл в течение последнего года, как со стороны города, так и деревни. Развертывающееся производство не в состоянии было удовлетворить еще более быстрым темпом возрастающий спрос на металлоизделия.

Исходя из размеров этой программы, на 1924—25 г. намечены значительные технические достижения. Для выполнения этой программы понадобится увеличение числа рабочих с 194.793 до 219.642, или на 13%, при том же количестве служащих и при росте продукции на 54%.

Средний выпуск изделий на одного рабочего предполагается увеличить с 1.006 рублей до 1.374 руб., или на 36%, по всей металлопромышленности. По металлургии черных металлов вместо 897 рублей отчетных в 1923—24 г. предполагается выпуск на 1 рабочего в год в 1.201 рубль, увеличение на 34%. По общему машиностроению увеличение продукции с 806 рублей в 1923—24 г. до 1.140 рублей в 1924—25 году, или на 40%, по судостроению увеличение выпуска на 15% и т. д. Среднее увеличение выпуска на одного рабочего по всей металлопромышленности 1.010 руб. до 1.390 или на 37%.

Кроме того, при увеличении программы металлопромышленности на 54%, в сравнении с 1923—24 г., расход условного (700 кал.) топлива предполагается увеличить всего на 10%, против 1923—24 года. Таким образом, расход топлива в новом операционном году на единицу изделий должен будет составлять всего 61% от расхода в истекшем году.

Само собой разумеется, что все эти технические измерители окажутся реальными, при условии не снижения размеров производства, планового и бесперебойного кредитования и дальнейшего углубления кампании по поднятию производительности труда. Всякий пересмотр программы в сторону ее сокращения вызывает ухудшение перспектив в смысле снижения себестоимости и улучшения технических результатов.

А увеличение себестоимости, при условии отказа от увеличения отпускных цен, с неизбежностью приведет к необходимости увеличения дотации металлопромышленности со стороны государства, что ни с какой точки зрения нельзя признать целесообразным.

Первенствующее значение для судеб нашей промышленности в течение ближайших лет будет иметь вопрос о заказах со стороны госпотребителей и кредитовании.

Наша металлопромышленность, так же, как и металлопромышленность любой другой страны, не может опираться в своих расчетах только на рынок массового потребления. Овладение этим рынком есть решение только части программы. Не в меньшей, а в еще большей степени, судьбы нашей металлопромышленности зависят от заказов со стороны остальной промышленности и транспорта.

1924—25 год является первым годом, когда транспорт, ставший бездефицитным, сможет, независимо от государственной дотации, дать металлопромышленности значительный заказ. Этот заказ по программе на 1924—25 год определяется в 118 миллионов червонных рублей. Аналогичный расход министерства путей сообщения в довоенное время составлял около 200 миллионов рублей. Следовательно, если принять во внимание, что длина эксплоатируемых путей сейчас не меньше, а больше довоенного, и что транспорт, начиная с 1915 года не производил значительного обновления рельс, мостов и сооружений, нельзя не признать эту сумму затрат необходимой в интересах самого же транспорта. Эта сумма НКПС должна быть из своего бюджета выделена и, главное, своевременно, по мере выполнения заказов, выплачиваема.

Потому что нельзя признать нормальным такое положение, когда несвоевременная оплата заказов приводит к необходимости задерживать оплату труда на 1—2, а иногда и 3 месяца, и тем срывает возможность увеличения производительности труда, а, следовательно, и снижения себестоимости.

Из необходимости удовлетворения минимальных потребностей народного хозяйства в металле и учитывая платежеспособность потребителей, исходит программа по металлопромышленности и в своих расчетах на заказы со стороны отдельных потребителей (промышленность коммунальное хозяйство, сельское хозяйство и широкий рынок).

Не менее важное значение для ближайших перспектив нашей металлопромышленности имеет и вопрос о кредитах. Такую форму

кредитования металлопромышленности, при которой целый ряд трестов производил расширение производства за счет систематической задержки в выплате зарплаты нельзя признать целесообразной ни с точки зрения чисто экономической, ни, тем более, с точки зрения политической. Такой кредит экономически страшно невыгоден, потому что он приводит к колоссальному понижению производительности труда и дезорганизации производства, а политически он приводит к обострению взаимоотношений между рабочим классом и хозяйственниками, что тоже отнюдь не может содействовать нормальному ходу производства.

Поэтому, исходя из необходимости пополнения оборотных средств металлопромышленности до уровня, необходимого для выполнения производственной программы, а также учитывая необходимость скорейшей ликвидации задолженности по зарплате. Высшая правительственная комиссия по металлопромышленности считает для этого необходимым увеличение кредитов в 1924—25 операционном году на 46 миллионов *), доведя до 81 миллиона рублей, вместе с имеющейся уже задолженностью банкам в 35 миллионов рублей (не считая кредитования сельско-хозяйственного машиностроения). Ибо недостаточность оборотных средств, как показывает опыт, приводит к задержкам в снабжении сырьем, инструментами и другими вспомогательными материалами, что приводит к простою, как оборудования, так и рабочей силы, и ложится значительным расходом на единицу изделия.

Но, с другой стороны, наряду с необходимостью налаживания планового и достаточного кредитования металлопромышленности, следует об'явить решительную борьбу «стихийщине», которая процветает на местах, когда целый ряд трестов производят не предусмотренное программой расширение производства и ремонт оборудования и ставят высшие правительственные органы перед необходимостью оказания новых кредитов и дотации, непредусмотренных бюджетом. Это дезорганизует не только плановую работу треста, но и возможность планового ведения всего хозяйства. Государство же, поставленное перед фактом задержки выплаты заработной платы рабочим, вынуждено оказывать срочную помощь тому или другому тресту, за счет сокращения расходов по другим статьям, иногда даже более важным в данный момент.

* * *

Резюмируя все вышеизложенное, можно притти к следующему выводу:

I. Металлопромышленность за последние годы пережила значительный восстановительный процесс и достигла значительных успехов в смысле удешевления производства.

II. Металлопромышленность стоит на верном пути расширения производства предметов массового потребления и ориентируясь на завоевание широкого рынка (увеличение производства с.-х. машин в 2,2 раза и т. д.).

III. Дальнейшее движение вперед возможно лишь при самом бережном и вдумчивом отношении к нуждам металлопромышленности. В первую очередь необходимо создание таких условий, при которых металлопромышленность, перед которой стоят крупнейшие организационные задачи, по поднятию и удешевлению производства, была бы избавлена от обязанности тратить силы и энергию на вырывание средств, принадлежащих ей по праву, за выполненные заказы или по утвержденным правительством ассигновкам. Урегулирование отношений с госбюджетными заказчиками в сторону выполнения последними договорных обязательств, сыграет большую роль в деле снижения себестоимости столь необходимого С. С. С. Р. металла.

*) См. Экономическая Жизнь № 316 от 22 октября.

IV. Для дальнейшего развития металлопромышленности необходимо обеспечение оборотными средствами, путем планомерного кредитования, и усиления ее основного капитала, за счет дотации, для капитальных затрат, организации текстильного машиностроения и т. д.

V. Необходимо углубление кампании по поднятию производительности труда и снижению норм расходования сырья, топлива и вспомогательных материалов.

VI. Необходимо об'явить решительную борьбу всякому «стихийному», выходящему за рамки принятых программ, расширению производства, дезорганизующему нормальный ход производства.

VII. Только при условии коллективной работы над разрешением проблемы металлопромышленности, не только со стороны всех хозяйственных, партийных и профессиональных организаций, но и всех рабочих металлистов, можно сказать с полной уверенностью, что уже в течение текущего хозяйственного года границы, намеченные программой, в смысле технических достижений и снижения себестоимости, будут превзойдены и этим будет создана финансовая база для дальнейшего, еще более быстрого, развертывания металлопромышленности. Мы ни на одну минуту не должны упускать из виду, что без ее развертывания мы не только не сможем построить коммунистического общества, но что без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна, на что совершенно своевременно указал Владимир Ильич в одной из последних своих речей (см. речь на IV конгрессе Коминтерна).

Д. Марецкий.

Юбилей трупа непогребенного.

(К семидесятилетию со дня рождения Карла Каутского).

Имя Каутского известно каждому политически-грамотному гражданину СССР. Имя это покрыто черным ореолом измены, имя это пробуждает чувство острой ненависти и жгучего презрения со стороны всякого революционера и занесено оно не на мраморные скрижали пламенных борцов за пролетарское дело, но на позорную доску заклятых врагов его. Интернационал социалистических союзников фашизма, II Интернационал, печально знаменитой звездой которого был и является до сих пор Карл Каутский, с помпой отпраздновал недавно его семидесятилетний юбилей, а берлинские остатки русского меньшевизма паточными устами Ф. Дана пропищали многолетие своему дорогому «Карлу Ивановичу». Революционный пролетариат мира, с отвращением пройдя мимо этой сцены, столь трогательно умиляющей Данов и Черновых, все же скажет Каутскому свое бичующее слово и даст ему свою суровую оценку. Каутский, как вождь, давным давно умер для революционного пролетариата. Но как отступник пролетарского лагеря, Каутский для него больше чем просто свихнувшийся на старости лет «Карл Иванович». Каутский персонифицирует собой международное социал-предательство, он—классическое воплощение последнего, законченный тип ренегата. Поэтому можно и должно выделить Каутского из сонма наших неприятелей и сказать о нем то, что он заслуживает.

I. Каутский прошлого и Каутский закатного десятилетия (1914—1924).

Пролетариату незачем замалчивать заслуги Каутского в прошлом. Заслуги эти навсегда останутся заслугами. В течение десятков лет Каутский служил главным рупором международной социалистической пропаганды. Он был бесспорно идейным гегемоном в интернациональном рабочем движении на перевале обоих столетий. Неспроста некоторые нервные журналисты из буржуазного стана патетически величали его «великим инквизитором» от марксизма. Пролетариат нашего Союза, так ненавидящий нынешнего Каутского, уже тем воздает его прошлому, что в десятках тысяч экземпляров печатает его произведения, по которым учится наша советская молодежь, и еще существует вопрос, где больше читаются работы Каутского — в Германии или в России, упоминание о некультурности и безграмотности которой в пасквилях самого Каутского, стало своего рода знаком препинания.

Начало оппортунизма у Каутского принято относить к началу мировой войны. Обычно представляют себе дело таким образом, как-будто четвертое августа 1914 года стало роковой гранью для Каутского, произвело в нем психологический переворот, как-будто до об'явления войны он был чистым марксистским голубем и лишь кровавый Марс его оппортунистически попутал. Это не так. Никаким таким метафизическим волшебным ковром-самолетом, на котором Каутский мог бы мгновенно перенестись из храма марксистского целомудрия в дремучие леса ревизионизма, история его не снабдила. День 4-го августа для Каутского, как и для многих других, был лишь эффектным днем реформистского преображения. В действительности же измена Каутского имела длительную историческую подготовку: и еще задолго до войны не одна тропа вела Каутского в дебри военного и послевоенного оппортунизма. Напомним здесь про его ошибки в полемике с анархистами. Напомним про его сомнительное опровержение бернштейниады, про его фактическую сдачу позиций в вопросе о теории обнищания. Напомним, наконец, что еще в 1889, т.-е. целых 35 лет тому назад, Каутский совершенно недвусмысленно выдвигал теорию внеклассового государства, по которой государственная власть является не политическим инструментом господствующего класса, но особой надклассовой силой, наделенной самодовлеющим бытием, и как таковой парящей в социальной среде. Можно было бы привести и ряд других «уклонов» из самых разнообразных областей «до-военной» идеологии Каутского *). Весьма характерно, что Каутский всегда плохо разбирался в проблемах партийного руководства и недооценивал перспектив внутрипартийной борьбы. Рассказывают, между прочим, что когда Каутскому прежде приходилось сталкиваться с борьбой между большевистским ЦК и меньшевистским О.К., он беспомощно разводил руками и говаривал лишь: «Sie haben Z.K., O.K. und Gott weiss noch welche K.» (у вас ЦК, ОК и бог весть еще какие К.». О том, что меньшевистская ОК'а через несколько лет будет готовить вооруженные заговоры против «ЦК», Каутскому не могло тогда и грезиться. Зевес II Интернационала любил себя ставить выше партийно-эмигрантских дрязг. Что эти «дрязги», что жестокие внутрипартийные битвы являются неизбежным мучительным этапом в историческом процессе отбора, революционного откристаллизовывания кадров подлинной пролетарской партии, Каутский не понимал еще задолго до своего старческого «заката».

Мы видим, таким образом, что семена оппортунизма были заложены в воззрениях Каутского очень давно, и что период кровавой катастрофы 1914 года принес с собой лишь пышные всходы. Год величайшего исторического экзамена, на котором с таким треском провалилась международная социал-демократия, сделали

---

*) Уклоны имеются даже в высокой сфере философии. Чтобы не ходить далеко расскажем про один маленький курьез Редакция теоретического органа германской с. демократии „Die Gesellschaft“ („Общество“) выпустило к юбилею Каутского специальный посвященный ему номер В этом номере профессор Карл Форлендер, прославившийся своим неудачным „этическим“ сводничеством Маркса с Кантом, в статье „Каутский как философ“ (что само по себе звучит гордо!) открывает задним числом у Каутского ревизионистские взгляды. Форлендер утверждает, что в известной „Этике и материалистическое понимание истории“ в решении проблемы связи между причинностью и телеологией Каутский приближается к неокантианской трактовке. Насколько в настоящее время юбиляру „философу“ приятны такие неокантианские комплементы, судить не беремся.

лишь явным то, что было раньше скрыто, то, что дремало в потенциях, и то, что можно было обнаружить только под специальной лупой острого социологического анализа. И только в таком условном смысле оппортунистическим в биографии Каутского позволительно считать лишь хронологический отрезок истории с 1914 года по сей день.

Начиная с мировой войны, оппортунизм Каутского проходит две основные фазы. Первая фаза — центристская, межеумочная, с культом «независимых» иллюзий, с обильным потоком революционной фразеологии. Вторая фаза — начиная с «об'единения» с Шейдеманами и Носке — фаза откровенного предательства и переход на сторону буржуазии.

Центристские шатания Каутского, вызывали в свое время не мало несбывшихся надежд на его счет. Но, несмотря на то, что своей марксистской фразой Каутский, по видимости, еще иногда тяготел к революционному флангу пролетарской армии, каждое новое политическое событие, требуя от него дела и недвусмысленных лозунгов, каждый раз все решительнее и решительнее срывало с него хамелеонообразный покров центристского примиренчества. Как раз к этому периоду относятся безжалостные разоблачения каутскианства Лениным, разоблачения, которые всегда приводили то в негодование, то в недоумение забытых теперь всеми «четверть большевиков» из «Новой Жизни». Центризм в истории Каутского по самому существу своему должен был быть и был переходным. Жернова истории имеют тенденцию размалывать межеумочные группировки, а эклектические промежуточные идеологии никогда не могут претендовать на длительное существование. В эпоху революционного «Sturm und Drang'a», это положение можно считать непреложным законом. От огромной, многомиллионной в былые исторические часы партии «независимых» вскоре остались лишь жалкие черепки, за собиранием которых мы можем теперь застать только уныло-одиноких путников, вроде Ледебура. Каутскому же, который по натуре своей вовсе не пловец «против течения», хотя бы даже в мало героическом ледебуровском смысле—Каутскому не улыбнулась судьба честного «центристкого» одиночества, и он покорно отдался в об'ятия Мюллеров и Вельсев. За теоретическим разузориванием политических шашен этих прожженных реформистов и застает Каутского его семидесятилетняя годовщина.

Предательство вождей часто губит дело рабочего класса. Но оно имеет свою положительную сторну в том, что всегда, в конце-концов, проясняет сознание пролетариата. История грехопадения Каутского типична и потому поучительна. Мы отказываемся здесь дать эту историю и ограничим свою задачу тем, что, взяв Каутского таким, каким он есть теперь, Каутского на современном зените его оппортунистического бесславия, Каутского, так сказать, химически чистой пробы,—попытаемся дать беглый набросок каутскианства, как логически законченной системы оппортунистических взглядов.

II. Отречение от «аза» и логика измены.

Где зарыта основа ревизионистого перерождения Каутского? В чем, собственно, следует усматривать забвение им марксизма? Нет ничего легче, чем изобличить анти-марксистские уклоны Каутского в самых разнообразных вопросах. Ошибок, наделанных Каутским, злокачественных искажений, фальсификаций, неясностей, противоречий — целая тьма. Одна простая регистрация этих ошибок и заблуждений потребовала бы от нас целых страниц. Но сквозь густой слой больших и малых грехов Каутского просачивается некая единая тенденция, которая оплодотворяет собой и определяет до деталей весь идеологический рисунок современного каутскианства. Под все мало-мальски важные частные ошибки и идейные промахи каутскианства можно, оказывается, подвести некоторый общий теоретический знаменатель. Знаменатель этот крайне элементарен и заключается он в забвении величайшего революционного принципа марксизма, в забвении учения о классовой борьбе. И поскольку в воззрениях Каутского парализован центральный нерв марксизма, поскольку классовая борьба выброшена из них за борт, постольку из всего идейного сооружения Маркса вытравляется, выветривается его революционный дух и все отдельные положения марксизма подвергаются автоматическому самосожжению. Правда, Каутский никогда и нигде не заявлял, что он от учения о классовой борьбе отказывается. Правда, он попрежнему считает себя ревностным ортодоксальнейшим адептом этого священного аза марксизма. Правда, официально он попрежнему признает классы, классовые противоречия и классовую борьбу. Но, ведь, и буржуазные социологи «признавали» и «признают» факт классовой борьбы. «Признавали» его и прежние ревизионисты, вести решительную борьбу с которыми Каутский когда-то считал своим первым долгом. Очевидно, тут дело сводится не к дешевому декларативному признанию классовой борьбы, но к чему-то другому. Это другое — не только словесное признание классовой борьбы де-юре — но последовательное и беспощадное теоретическое проведение ее де-факто, бесповоротная ориентация на классовую борьбу, как на руководящий принцип по всей линии социально-политических и научных проблем. И вот такой социально-классовой ориентации днем с огнем не сыщешь в современных работах Каутского.

Взятый в определенном разрезе марксизм слагается из двух элементов. С одной сторны, марксизм является учением об об'ективных закономерностях общественного целого. Вместе с тем, марксизм есть учение о классах и классовой борьбе. Оба момента в марксизме неразрывно спаяны. Поддержание и развитие общественного целого, как раз и осуществляется через посредство людей, разгруппированных на классы, данные в определенных сочетаниях и ведущие между собою борьбу. В писаниях нынешнего Каутского, наоборот, оба момента всегда разорваны. Его излюбленная манера аппелировать к об'ективной закономерности, к фактам суровой реальности против классовой борьбы. Для него она (т.-е. «об'ективная закономерность»), всегда служит суверенным аргументом против разжигания классовых инстинктов, заветной реформистской уздечкой, на каждом шагу осаживающей назад поступательный ход рабочего движения. Диаметриально противоположен подход подлинного революционняго марксизма. Для последнего изучение «об'ективного», так наз. «холодный язык фактов», постоянно является лишь могучим стимулом для классовой борьбы, лучшей питательной почвой для нее. Именно поэтому марксизм всегда, даже в эпохи мирного органического процветания капитализма, оставался всегда самой революционной общественной

ной идеологией, потому, что трезвая оценка реальных перспектив служила для него средством изыскания самых благоприятных путей для максимального форсирования классовой борьбы. Об'ективное здесь двигает классовую борьбу вперед, тогда как у Каутского оно ее лишь тормозит. В нынешнюю эпоху «войн и революций», эпоху кульминационного напряжения классовых противоречий конфликт между «об'ективным» и принципом классовой борьбы в учении Каутского принимает особенно нестерпимый характер. И Каутский, конечно, целиком на стороне «об'ективного»; классовая борьба для него преступное «бунтарство», поощрение ее сейчас, по его словам, удел «демагогов».

Хребет, на котором должны располагаться ошибки Каутского, мы теперь знаем. Посмотрим же, какие эти основные ошибки, которые как бы по радиусам расходятся из единого центра: из забвения марксистского учения о классах.

1) Концепция государства и роль госаппарата. Сущность государственной власти под углом зрения революционного марксизма, находящего свое наивысшее завершение в ленинизме, такова. Государство есть орудие классового господства. При развитии капитализма происходит количественный рост пролетариата, одновременно прогрессирует качественная дистиляция классов и вместе с тем, усугубляются классовые противоречия. Держать в повиновении усилившиеся качественно и количественно массы эксплоатируемых становится делом более трудным и сложным. Это еще более повышает значимость государственной власти, как классового инструмента. Взорвать капитализм без «разбития» государственной машины и установления диктатуры пролетариата становится бессмысленной утопией.

Иной результат мы получим, если вместе с Каутским откажемся от социально-классового подхода к «государственной» проблеме. Тогда государство не представится чисто-классовым механизмом. Развитие государства пойдет не по классовой линии. Эволюционирует не классовое содержание государственой власти, но ее формально-юридическая природа. А это обрекает Каутского на постоянную подмену анализа социального существа государства, поверхностным анализом его «правительственной формы». Форма у Каутского начинает вытеснять содержание; республика в его глазах получает совершенно фантастические преимущества перед монархией; перед республикой он всегда религиозно благоговеет, какие бы фашистские оргии не справлялись за республиканскими кулисами. Культ республики сопряжен у него с культом парламентаризма, с верой в чудодейственную силу избирательной арифметики. Конституционные фетиши становятся для него самоцелями и «по пути демократии», по его словам, общество может беспрепятственно развиваться в направлении к социализму. Управление государством мало-по-малу переходит в руки просвещенных избирателей, которые услужливо «примиряют» деликатно, на пятачок, где-то на задворках враждующие между собой «классы»; тем временем энергично преуспевает социалистическая пропаганда, «все» понемногу начинают убеждаться в преимуществах социалистического способа производства, и капитализм сам-собой, демократически, «бездиктатурно» перерастает в социализм. И на воздушных рельсах такой эволюционной мечты Каутский переносит своих читателей в заманчивые социалистические дали.

Фанатическое преклонение Каутского перед принципами демократии фатально влечет его за собой и бешеную атаку на принцип пролетарской диктатуры, которая является, ведь, ничем иным, как отрицанием «демократии» в пользу государственного «насилия». Диктатура пролетариата по Каутскому тождественна с «государственным рабством *).

Но, ведь, сами творцы научного социализма Маркс и Энгельс указывали на Парижскую Коммуну, как на образец диктатуры пролетариата? Да, это так соглашается Каутский. Но методы пролетарской диктатуры, которые применяла в свое время Парижская Коммуна, находят свое историческое оправдание в том, по мнению Каутского, что Парижской Коммуне пришлось иметь дело со старой, гигантски разросшейся «военно-бюрократической» монархией. Разбить такую старую военно-бюрократическую машину Каутский милостиво разрешает. Но с тех пор, со времен Коммуны, прошли десятилетия решительных успехов демократии. На фоне этого процветания демократии значение государственной власти, как капиталистической классовой машины, прогрессивно убывало. А вместе с этим исторически исчезало основание для возобновления методов пролетарской диктатуры.

Нечего и говорить, что такая произвольно сконструированная Каутским «гипотеза» о своего рода убывающем значении государственного аппарата параллельно росту демократии прямо противоположна действительным историческим фактам. В действительности, не взирая на рост «демократии» и вместе с этим ростом, непрерывно возрастали функции государства и в их об'еме, и в их интенсивности. Капитализм новейшей империалистической формации еще более подчеркнул тенденцию к усилению «значимости» государственной власти. Государственно-капиталистический единый трест-комбинат стал самым модным словом в истории буржуазного общества. Стоит только сравнить бюджеты старого капиталистического государства с современными госбюджетами, чтобы наглядно представить себе всю вздорность утверждения Каутского. То, что раньше поглощал весь госаппарат, теперь приходится на бюджет его отдельного, незначительного ведомства. И тот «военно-бюрократический» характер прежних монархий, которым пытается запугать своих читателей Каутский, ни капли не исчезает. Напомним про военные бюджеты, про лихорадочный рост милитаризма и, наконец, про войны, которые как раз и характеризуют последнее «демократическое» десятилетие*). Государственные «военно-бюрократические» чудовища современности, безразлично республиканского или монархического цвета в бесчисленное число раз превосходят государственно-бюрократических пигмеев времен Коммуны и потому в тысячи раз с большим правом могут требовать булатного меча диктатуры для своего поражения.

Непонимание классовой сущности и динамики государствен-

*) Один из озлобленнейших памфлетов Каутского против Советской России как раз и носит такой характерный заголовок „От демократии к государственному рабству".

**) Забавно, что когда Каутский ближе подходил к вопросам о милитаризме и войне, он наоборот перегибал палку в другую сторону, преувеличивая милитаристический характер современного государства настолько, что в 1915 году пытался „об'яснять" войну мобилизациями.

ной власти влечет за собой неизбежное «непринятие» знаменитого положения Маркса о том, что между капитализмом и социализмом лежит переходный период пролетарской диктатуры. И Каутскому ничего другого не остается сделать, как произвести ошеломляющую «вариацию» великого тезиса Маркса, «вариацию» теперь уже прочно вошедшую в арсенал критических аргументов рядового немецкого коммунистического агитатора, — «вариацию», гласящую, что между капитализмом и социализмом лежат прелести «коалиционного» правительства. Мы видим опять, что на место государства определенно отчеканенного классового типа, ставится юридическая «правительственная форма» соглашательской коалиции.

2) Искажение задач международного социализма. Величайшая задача, которая когда-либо практически стояла перед международным социализмом, была борьба с военной опасностью, предотвращение войны, и в случае, если бы война разразилась, активное противодействие ей. II Интернационал и вместе с ним Каутский позорно спасовали перед этой задачей. Почему это случилось? Легко видеть, что и здесь секрет заключается в забвении «начала всех начал» в революционном марксизме. Раз забыта ориентация на классовую борьбу, раз посеяно недоверие к классовой активности пролетариата, то лозунг «война войне», сам собой становится потусторонним мифом. И если война стала трагическим фактом, если и капиталистическое «государство», и капиталистическое «общество» стали единым милитаристическим кулаком, то говорить в такой обстановке о продолжении классовой борьбы означало бы: «пораженчество», «государственную измену», «превращение империалистической войны в гражданскую» — означало бы, другими словами, боевой революционный ленинизм. Но так как заповедями Каутского, гражданская война решительно запрещена, то это значит, что на время военного ненастья Интернационал должен «отрицать» самого себя, закрыть за ненадобностью свою лавочку и очистить место великой каутскианской формуле — «Интернационал—орудие мирной эпохи» — на чем и успокоить рабочих, бессмысленно погибающих в траншеях.

3) Непонимание своеобразия переходной эпохи. Касаясь проблемы переходного периода к социализму, Каутский и ее разрешает в полном согласии со своим испытанным «внеклассовым» методом. Переходная эпоха в изображении Каутского это—гладкая, мирная эволюционная дорога, не омрачаемая никакими вредными «социальными» эспериментами. На этом сентиментальном пути органического «врастания» в социализм совсем не существует возвещенной в «Капитале» экспроприации экспроприаторов, которая предусмотрительно заменяется Каутским оправедливым «выкупом» собственности у капиталистов. Никакой революционной потасовки, могущей расстроить плавный ход хозяйственной машины, переходный период Каутского не терпит. Как не допускается классовая борьба, так не допускается и связанное с ней нарушение процесса общественного воспроизводства. Неизбежность распада всех прежних производственных и «надстроечных» классовых связей, неизбежность временного экономического краха отрицается. Принцип «безостановочности производства» становится незыблемой догмой. (Заметим здесь в скобках, что по этому вопросу в общей кампании с Каутским оказался один

из печально «левых» теоретиков III Интернационала, что и было отмечено на последнем конгрессе Коминтерна).

Совершенно иную природу, чуждую ревизионистской романтике Каутского, имеет переходный период в действительности. Постигнуть его специфичность возможно лишь на основе теории классовой борьбы.

Переходный период в целом, сам распадается на ряд составных «переходных периодов», из которых особую важность имеют два. Первый переходный период или, вернее, подготовка к переходному периоду, есть неотвратимый этап революционного взрыва, распадения старых связей, период гражданской войны, расправы и подавления классовых врагов и чисто-физического захвата правящих «командующих высот». И только после такого закрепления позиций, после этого революционного пролога, утверждающего пролетарскую диктатуру, может начаться следующий основной «переходный период в переходном периоде». И только здесь вступает в свои права эволюция, смягчение противоречий, отмирание собственности, отмирание классов, отмирание государства и постепенное органическое врастание в социализм.

На просмотре той внутренней железной связи, которая существует между обоими главными фазисами переходного времени и который, в свою очередь, обусловлен «просмотром» классовой борьбы — и воздвигнута вся каутскианская фантазия о «бездиктатурном» вызревании социализма.

4) Теория нереволюционной революции. В тесной связи с предыдущим состоит своеобразное учение о пролетарской революции, развиваемое Каутским. Постановку им проблемы революции мы можем теперь угадать априори. Требуется соорудить такую теорию революции, в которой на долю классовой борьбы приходилось бы самое большое — роль стилистического придатка. Как же Каутский решает такую хитрую задачу, которая иному могла бы показаться кое-чем вроде квадратуры круга? Сущность пролетарской революции Каутский поясняет сопоставлением ее с революцией буржуазной. «... Между тем, как исходной точкой развития буржуазной революции», — говорит Каутский,—«является борьба за демократию»... «Пролетарская революция развивается... на основе демократии *). Во-вторых, утверждает Каутский, в то время, как темп буржуазной революции отличается все возрастающей имманентной стремительностью, пролетарская революция от начала до конца проходит спокойной и медленной поступью, осторожно, без всякого треска и шума. Мнение Розы Люксембург, по которому бурный темп и стремительность являются «законом жизни всякой великой революции» Каутский считает верным лишь в отношении революции буржуазной, в применении же к пролетарской революции он его считает большевистским заблуждением. Наконец, в-третьих, тогда, как «улица», вооруженное восстание и гражданская война для буржуазной ревоэюции служат обычными спутниками—в процессе революции пролетарской гражданская война, по Каутскому, мож т

*) Взято из большой книги Каутского „Die proletarische Revolution und ihre Programm. Berlin 1922 г.", которая является сводкой его последнего ревизионистского credo.

фигурировать только, как уродливое, сугубо «ненормальное явление». Присоединяя затем к посылкам, данных в этих сопоставлениях то, что отсутствие демократии, бурный темп и гражданская война в максимальной степени были присущи последней русской революции, Каутский ее естественно зачисляет по буржуазному разряду *).

Свои соображения о различии в характере буржуазной революции Каутский старается подпереть той известной цитатой из «Восемнадцатого Брюмера», в которой Маркс самокритику и строгость к себе квалифицирует, как признак, отличающий пролетарскую революцию. Имеет ли, однако, это место из Маркса хоть что-нибудь общее, с только что выведенным у Каутского, образом пролетарской революции. Конечно, ничего общего не имеет. Самокритика и сообразование своих великих маневров с об'ективным научным диагнозом данной конкретной исторической ситуации — вот чего лишь строго требовал от пролетарской революции Карл Маркс. Настоящей пролетарской революции, с огромностью ее исторического размаха, с ее гигантскими задачами и гигантскими средствами их решения настоящей пролетарской революции, такая беспощадная самокритика в духе Маркса не только не «противоречит», но она ей необходима, как кислород. Эта самокритика совсем другого рода и ее никак нельзя смешивать с девизом «трусость, трусость и еще раз трусость», которую Каутский превращает в категорический императив для своей улиточной «пролетарской революции».

Предположим, однако, на минуту, что прав не Маркс, а Каутский. Но что же представляет собой его пролетарская революция? Если в ней нет «улицы», нет вооруженных боев, нет гражданской войны, нет никакого насилия, нет ни малейших заминок в хозяйственной жизни, нет экспроприаций экспроприаторов, нет никаких таких «внешних эффектов», которые Каутскому угодно обозначать почему-то «буржуазными» — если ничего этого нет, то где же, спрашивается, в чем же революция, и почему собственно вся эта идиллическая история называется революцией. Тут может быть все, что угодно: и дворцовый переворот, и новая парламентская комбинация, — но революции тут ни пролетарской, ни даже буржуазной нет и следа.

В известном смысле революцию можно представить, как сумму от слагаемых: классовая борьба плюс «улица», классовая борьба плюс вооруженное восстание, классовая борьба плюс гражданская война. У Каутского нет ни одного из этих слагаемых. Но в таком случае не наша вина, если у него нет и самой революции. Его теория революции есть только слово революция, лишенное всякого конкретного содержания.

5) Аграрный вопрос в связи с проблемой крестьянства. Мы не собираемся здесь касаться тонкостей

*) В книжке Каутского „Пролетарская революция и ее программа“ указан еще один из „критериев“ различения буржуазной и пролетарской революции. В буржуазной революции главной движущей силой было население столицы, в пролетарской—должна, видите ли, быть провинция. А так как в российской революции первенствующую роль сыграли революционные массы Москвы и Ленинграда, то отсюда Каутский вновь делает заключение о... буржуазном характере русской революции. И за подобные перлы „марксистского анализа“ восхищенный меньшевик Абрамович именует Каутского „мастером общественной алгебры“. Хороша алгебра!

проблем аграрной теории, хотя и в этой области Каутский, когда-то пользовавшийся репутацией лучшего марксистского специалиста-аграрника, заметно отходит от своих прежних ортодоксальных позиций. В центральном вопросе аграрной теории, в проблеме соотношения между крупным и мелким сельским хозяйством он становится ныне на половинчатую точку зрения, не отдающую преимуществ ни крупному и ни мелкому хозяйству и утверждающую лишь равноценность шансов для обоих конкурирующих экономических форм. Мы отметим здесь другую сторону дела, политически более существенную. В современных государствах, где рабочий класс ведет свою борьбу, имеются в большей или меньшей степени массы крестьянского населения. Не дооценивая классовой борьбы пролетариата, Каутский естественно и подавно не дооценивает роли крестьянства, как революционной силы, точно также, как он совершенно чужд той мысли, что крестьянство может стать политическим союзником пролетариата в социалистической революции. Для Каутского наличность крестьянства — сплошной аргумент против революции. Немудрено, что мы то и дело застаем его за перепеванием на разные лады мотива о том, что простое товарное хозяйство и крестьянское население в России представляет большинство, чем еще и еще раз он услаждает свою навязчивую идею относительно буржуазного характера русской революции.

6) Колониальная проблема. Ее Каутский в настоящее время не очень-то любит затрагивать, что само по себе достаточно яркий симптом. Марксистски разобраться в колониальном вопросе возможно лишь при условии, если он будет взят в общемировой орбите классовой и империалистической борьбы, если будет понятна связь между перипитиями классовой борьбы в метрополиях и империалистическим нажимом на колонии и если будет учтена историческая необходимость превращения нынешних об'ективов империалистической политики в суб'екты международной революции. Нечего и говорить, что такой постановки вопроса мы стали бы тщетно искать у Каутского. Было, правда, время, когда Каутский, хотя и смутно, но все-таки сознавал грандиозность задач колониального движения. В 1902 году он писал: «В настоящее время поле борьбы охватывает весь мир. В настоящее время сражения освободительной борьбы трудящегося и эксплоатируемого человечества, разыгрываются не только на берегах Шпре и Сены, но и на Гудзоне и Миссисипи, на Неве и Дарданеллах, на Ганге и Гоанго («Путь к власти». М. 1918, стр. 79). Теперь от Каутского, конечно, ни за что не услышишь ни слова о революции, на «Ганге», ни на «Гоанго». Зато от Каутского постоянно можно слышать о «советском Туркестане», как о наистрашнейшем огородном пугале, которое знавало история.

Можно было развернуть еще целый дополнительный веер других ошибок, наделанных Каутским, но уже и приведенного хватает, чтобы с полной определенностью судить о научно-политической физиономии Каутского наших дней.

III. Социальные пружины каутскианства.

Переживаемая эпоха каждый день сызнова ставит перед нами вопрос: выдержит или не выдержит капитализм, получит ли он долгую историческую отсрочку, или он уже придвинут к краю про-

пасти, удастся или не удастся курс на сохранение, стабилизацию буржуазного способа производства?

Эта общая социально-экономическая проблема представляется и в иной специальной классовой формулировке в недрах рабочего движения. Рабочий класс стихийно колеблется между обоими возможностями. Основной поток его симпатий и настроений зачастую меняет свое направление. В один исторический миг чашка весов склоняется на одну сторону, в следующий — в другую. Существуют, однако, внутри пролетарского класса группы, к которым настроения определенного типа прилипают более или менее устойчиво, длительно. Рабочий класс не представляет собой единой, однородной массы. Он делится по квалификациям, разным отраслям производства, разным профессиям. Рабочим некоторых отраслей производства и професии особенно свойственно проникаться настроением, которое можно было бы назвать «стабилизаторским». Основной костяк этой группы образует собой так наз. «рабочую аристократию». Рабочая аристократия, даже и при сохранении капитализма, может быть спокойной за свой завтрашний день, она поэтому держит определенный курс на «стабилизацию». Форсирование классовой борьбы, революционизирование пролетариата в целом для слоя рабочей аристократии не только нежелательно, но даже опасно, поскольку оно угрожает капитализму, соками от которого рабочая аристократия питается. Глашатаем ее интересов и повседневных требований и выступает современный Каутский. Его реформизм об'ективно есть не что иное, как политическая идеология рабочей аристократии. Интересно, что Каутский делает на сей предмет достаточно четкие признания... «Пролетариат распадается на два слоя. Один из них, благодаря особому экономическому положению или благодаря законодательству, находится в благоприятном положении, создает сильные организации, защищающие его интересы. Этот слой образует процветающую часть пролетариата «аристократию», умеющую столь успешно бороться с принижающими тенденциями капитализма». («Пролетарская революция». Стр. 112—113. Рус. Пер.).

Само собой понятно, что Каутский целиком отдает свои симпатии этой группе, ее «боеспособным отрядам», могущим начать всерьез «борьбу за власть». Другое дело... «большая армия пролетариев, поставленных в неблагоприятные условия», и. «благодаря невежеству и неопытности»... легко становящихся добычей всякого рода демагогов. По отношению к этой «большой армии пролетариев» Каутский, понятное дело, ставит себе задачу уговорами и просвещением вновь из'ять ее из рук «демагогов», чтобы затем впрячь в телегу ревизионизма.

В былые, достославные времена идеология рабочей аристократии была представлена учением Эдуарда Бернштейна. Прошли года и путем довольно сложной органической «эволюции» сам Каутский благополучно «врос» в Бернштейна. Однако, современное каутскианство не есть второе издание старинной бернштейниады. Бернштейниада была выражением стихийного «экономизма» в рабочем движении, в этом смысле она была нормальным историческим продуктом капитализма высоких кон'юнктур. Современный каутскианский реформизм, наоборот, идейный продукт мнимых кон'юнктур и периода капиталистической деградации.

Оппортунизм Бернштейна был открытым и циничным. Оппортунизм Каутского упадочен и насквозь лицемерен. Но как и раньше, бернштейниада, так и каутскианство будет смыто прочь приливом здорового рабочего движения. Огромнейшие массы пролетариата выйдут на широкий революционный путь и под аккомпанимент старушечьего дребезжания Каутских водрузят красное знамя своей диктатуры.

Р. Федоров.

Провал Макдональда.

Все в этом мире преходяще — и слова и министерское кресло. Преходяще оказалось и министерство Макдональда,—даже более преходяще, чем он сам ожидал. Это и натурально, и было с самого начала предрешено соотношением партий в парламенте. У Макдональда не было парламентского большинства, и он зависел исключительно от доброй воли либералов. Либералам в один прекрасный день захотелось его сбросить, и они его сбросили. Тем не менее катастрофа произошла весьма неожиданно, как для самого Макдональда, так и для наблюдающей публики. Об этом стоит рассказать.

Макдональд взял власть, хотя, как только что указано было, он не имел большинства. Наиболее многочисленную фракцию составляли консерваторы, на другом конце стояли либералы, а рабочая фракция с Макдональдом занимала середину. Макдональд мог отказаться от чести образовать кабинет, и тогда пришлось бы составлять правительство либералам при поддержке рабочей партии, или парламент пришлось бы вновь распустить. Макдональд, однако, решил взять власть. Он заявлял, — а с ним и вся рабочая партия заявляла,—что было бы трусостью отказаться от выпавшей на их долю ответственности. Рабочая партия имеет право занять правительственные скамьи и должно воспользоваться случаем, чтобы показать миру свою способность управлять британской империей. Все, знавшие Макдональда и его ближайших сотрудников, понимали, что речь идет не о том, чтобы поставить рабочий класс у власти, не о том, чтобы использовать сложившуюся парламентскую ситуацию с целью мобилизовать и организовать рабочий класс, а о том, чтобы «легитимизировать» рабочую партию, до тех пор стоявшую в оппозиции к правительству его величества, как партию не хуже другой в смысле лойяльности и хранения заветов британской империи. Задолго до этого, в течение всех последних лет, вожди рабочей партии горячо протестовали против обвинения противников, будто они, составив правительство, правили бы в интересах класса, а не всей «нации», и доказывали, что они ничего общего не имеют с большевистскими лозунгами о диктатуре пролетариата и что их правительство было бы не классовым, а общенародным. Теперь им представился случай оправдать себя на деле. К этому присоединилось, несомненно, и честолюбие самого Макдональда и его ближайших сподвижников. Скромность и бескорыстный идеализм не принадлежат к числу добродетелей, украшающих современных вождей рабочего класса Англии. Ничто так не может подкупить их, как почесть и даже простой снисходительно-дружеский жест со стороны влиятельных и сильных мира сего. Они все неизлечимо страдают недугом, известным в

Англии под именем «снобизма». На этой слабости английская буржуазия в прошлом умела играть с искусством неподражаемых виртуозов и всегда достигала больших эффектов. Этим средством еще более, чем прямым подкупом, она укрощала самых строптивых главарей английского рабочего движения, начиная от Аппельгартов и кончая Гендерсонами.

Макдональд и его товарищи образовли министерство не без некоторого трепета. Как они продержутся у власти, какими средствами они могут заставить своих политических противников терпеть их на правительственных скамьях сколько-нибудь продолжительное время? Но Макдональд верил в свою счастливую звезду, в свое личное обаяние, в свое красноречие и неотразимое действие своего идеализма и в свой дипломатический талант. Нужно сказать, вопреки составленному о нем людьми, его никогда не встречавшими, мнению, что Макдональд, по существу, фигура довольно посредственная. Ни большим умом, ни большими знаниями, ни сильным характером он не блещет, но он не лишен апломба, обладает даром слова и по-шотландски хитер, т.-е. умеет нащупать слабые стороны своего противника и «обходить» его. Он также не неискусен в интригах. Рядом с ним всегда стояли люди, во много раз превосходившие его умом, способностями и характером, но он всегда умел оттирать их и занимать видное место. Долголетний успех в карьере, несомненно, окрылил его надеждой и на этот раз. Пацифизм в установленных буржуазным радикализмом пределах, внутренние реформы, не идущие дальше дозволенных буржуазным обществом, рамок, осторожная трактовка колониальных вопросов и не меньшая осторожность во внешней политике— такова была программа при проведении которой он надеялся встретить если не прямую поддержку, то, по крайней мере, благосклонный нейтралитет со стороны либералов. Само министерство он составил с чрезвычайной осторожностью. Лучшим знатоком иностранной политики в рабочей партии является Эдмунд Морель, человек, уже 30 лет работающий на этом поприще, который в свои либеральные дни мог рассчитывать на министерский пост и, действительно, представляет из себя одну из самых интересных и ярких фигур в Англии. В области внутренней политики одним из самых популярных людей среди английской рабочей массы является Джордж Лансбери, немного сентиментальный, но все же очень искренний социалист, имеющий за собой чуть-ли не сорокалетний стаж практической работы. Но ни того, ни другого Макдональд не ввел в свой кабинет. Морель во время войны вел страстную борьбу против нее и резко обличал империалистические цели союзников. За это он был прозван германским агентом и поплатился шестимесячным заключением в тюрьме. Лансбери за свою деятельность по общественному призрению в знаменитом Попларском округе тоже стал одиозной фигурой в глазах буржуазии. Макдональд не посмел пойти против течения и вместо этих людей ввел в кабинет лордов Чельмсфорда и Хольдена, из коих первый был всего несколько лет тому назад вице-королем Индии, а второй, старый соратник Асквита, был долгое время военным министром в либеральных кабинетах. Он был творцом территориальной армии, специально на предмет тогда еще предстоявшей войны с Германией и под конец восседал председателем в палате лордов в качестве лодра канцлера. Взяв этих людей в кабинет,

Макдональд тем самым давал буржуазному обществу гарантию, что никаких революционных целей он и его правительство преследовать не будут.

С такой осторожностью он проводил свою внутреннюю и внешнюю политику. Во внутренней политике он едва осмелился сделать попытку решить наболевший жилищный вопрос, который, как и у нас, приобрел в Англии огромную важность. Либеральные и консервативные предшественники кабинета Макдональда, несмотря на все свои обещания, ничего не успели сделать в этой области. Макдональд решил показать, что рабочий кабинет не только дает обещания, но и исполняет их. В результате был создан грандиозный проект, расчитанный на 15 лет и на сооружение чуть-ли не 2 миллионов квартир. Но из проекта ничего не вышло. Либеральные и консервативные противники оказали сильнейшее противодействие, и Макдональд струсил и отступил, не желая поставить на карту существование кабинета. В области безработицы, которая вот уже 4½ года неослабно свирепствует в Англии, он тоже ничего не сделал, несмотря на велеречивые декларации и грозные филиппики по адресу буржуазного общества, которые им и всей рабочей партией произносились в прежнее время и еще во время избирательной кампании, приведшей их к власти. О налоге на «капитал», с которым рабочие вожди так рьяно выступали, когда были в оппозиции, о национализации железных дорог и горных богатств, с которыми рабочая партия носится вот уже лет десять,—об этом и о многом другом, обещанном и возвещенном многократно и торжественно, не было за 9 месяцев пребывания рабочего кабинета у власти ни звука. Ничего не было сделано и в области колониального управления. В Индии, за которую Макдональд когда-то ратовал и в парламенте, и на собраниях, не было проведено ни одной самой малейшей реформы. Зато аресты и судебные процессы, направленные против националистов, продолжались с неослабной силой, и бастующие рабочие попрежнему подвергались репрессиям вплоть до расстрелов. В Ираке продолжалась та же политика усмирения при помощи аэропланов, и на запрос в парламенте, министр воздухоплавания, господин Линч, человек весьма благочестивый и известный даже, как проповедник, мог только защищаться ссылкой на то, что производимые по его приказу воздушные бомбардировки в иракских селениях были «очень маленькие». По отношению к Египту и Судану та же великодержавная колонизаторская политика, которая ничем не отличалась от керзоновской. Судан, который требует своего воссоединения с Египтом, был за эти несколько месяцев многократно сценой кровавых расправ с туземной интеллигенцией и бунтовавшими туземными войсковыми частями. В Египте премьеру Заглулу Макдональд прямо повторил прежнюю керзоновскую формулу: Англия никогда не выведет своих войск с территории Египта и будет продолжать держать Суэцкий канал в своих руках в интересах британской империи. Нужно ли вспоминать агрессивные действия английских агентов в Персии и в Афганистане, а также в Китае за время макдональдовского режима? В этой области не было никаких изменений, а поскольку они были, они ухудшали положение даже по сравнению со временами Керзона. И в Афганистане, и в Персии подчиненные Макдональду дипломаты и агенты подстрекали реакционные племена к восстанию против центральной власти, снабжали их оружием и, когда нужно, укрывали их с тем, чтобы содействовать разложению этих государств и таким путем обеспечить английское влияние. В Китае эти дипломаты и агенты открыто интервенировали в пользу своих ставленников, угрожая целостности республики.

Только в области внешней политики Макдональд дерзнул на некоторые шаги, которые могли казаться смелыми. В первую очередь, он решился признать Советскую республику и заключить с советским правительством договор. Но всякий помнит хорошо обстановку, в которой это произошло. От признания Советской власти он тем менее мог отказаться, что даже либералы во время выборов сделали это признание одним из главных пунктов своей программы. Макдональд, помимо того, что не смел по этому вопросу разочаровывать сочувствующие нам огромные массы рабочего класса, знал, что, давая нам признание, он крайне обяжет либералов, которым очень не хотелось производить эту операцию своими руками. При этом он все же не раз заколебался под напором реакционной части консерваторов. Он десять дней «размышлял» и обсуждал, прежде, чем послать нам ноту о признании. Вероятно, он колебался бы и размышлял бы еще дольше, если бы рабочая масса не заволновалась и в самом органе рабочей партии не появились угрожающие письма и протесты со стороны как целых организаций, так и отдельных влиятельных вождей.

Затем начались переговоры, но и тут шатания и колебания были приметны на каждом шагу. Сейчас можно рассказать маленький секрет в связи с назначением тов. Ротштейна генеральным секретарем и членом нашей делегации. Это назначение вызвало целую бурю в рядах консерваторов, и сам Керзон выступил в палате лордов с пламенным протестом. Дело в том, что тов. Ротштейн долго жил в Англии и его знали, как большевика и противника британского империализма. Но особенно он стал ненавистен с того времени, как он, в качестве нашего полпреда в Персии, вел борьбу с английским влиянием и успешно преодолел его. Протест лорда Керзона против его назначения столь сильно подействовал на нервы Макдональда, что он попросил наше правительство не посылать такой одиозной фигуры в Лондон. В порядке самих переговоров, он почти с наивной откровенностью становился на позицию бондхольдеров и банкиров, требуя с нашей стороны отказа от аннулирования царских долгов и акта о национализации и не соглашаясь, вместе с тем, давать или гарантировать нам займ. Только под сильным давлением рабочих кругов, давлением, доходившим почти до угроз, Макдональд в конце концов дал свое согласие на предоставление нам гарантированного займа и на такую формулу нашего согласия удовлетворить британские претензии, которая не включала отказа от достижений нашей революции.

В сущности, этими двумя актами ограничились все достижения Макдональда в области внешней политики, так как никоим образом нельзя считать достижением то успешное содействие, которое он оказал осуществлению плана Дауэса на лондонской конференции. Не только с его стороны не было ни малейшей попытки отстоять интересы германского народа, но и все его участие в этом деле явилось лишь исполнением программы его консервативных предшественников. Осуществлением этого пресловутого плана закабаления Германии, Макдональд не стяжал себе никаких лав-

ров ни в смысле оригинальности, ни в смысле услуги народам Европы. Зато на Лиге Наций он произнес сентиментально-пацифистскую речь, которая привела в восторг всех дипломатов, и помог составить резолюцию об арбитраже, безопасности и разоружении, которая самими буржуазными кругами Англии была почти единодушно отвергнута. Зато также он приложил свою руку к обсуждению вопросов о Грузии на той же сессии Лиги Наций,—хотя не столько, может быть, в качестве премьера Англии, сколько в качестве видного вождя II Интернационала.

Вот, каково было внутреннее содержание 9-месячного периода власти рабочего правительства Макдональда. Нужно ли удивляться тому, что он был уверен если не в вечности, то в очень большой длительности своего правительства. Ведь, он ничего не сделал такого, что могло быть дезавуировано консервативно-либеральным составом палаты и что могло бы на него навлечь малейшее подозрение в нелойяльности имперских и капиталистических интересов «нации». Если к этому прибавить еще то, что он встречал весьма дружеский прием при дворе и в аристократическом обществе вообще, что он, будучи в Женеве, со всех сторон встречал самые яркие выражения дружбы и даже преклонения, что на страницах буржуазной—в особенности, либеральной и демократической—прессы всей Европы на всех языках он имел возможность читать нескончаемые дифирамбы своему идеализму и своей гениальности, то не будет удивительно, что у него довольно заметно вскружилась голова и что он вообразил себя крупнейшей фигурой современности, которой даже противники его имели основание гордиться. Тут повторилась та же история, что и с провинциальным профессором Вильсоном, попавшим неожиданно в президенты американской республики, который, благодаря лести умных дипломатов, вообразил себя спасителем человечества и не замечал, что за спиной его те же дипломаты не могут удержаться от улыбки на подобие шарлатанствующих римских авгуров.

И конец был тот же. В один прекрасный день Макдональду вдруг пришлось услышать, что его хотят сбросить. Вначале он даже не верил, как это можно святотатственно поднять руку на такую фигуру, как он, но ему пришлось убедиться, что это, действительно, так. Придравшись к заключенному им советскому договору и к одному незначительному делу, известному под именем дела Кэмпбеля, либералы вдруг заявили о своей солидарности с консерваторами и об'явили Макдональду войну. Макдональд был искренне уязвлен и взбешен. Совершенно очевидно было, что либералы только придумали предлог, чтобы вести его на плаху, и что истинные мотивы лежат где-то в другой области—где, и сам Макдональд не знал. Но нам со стороны яснее было. Макдональд, действительно, не сделал ничего такого, что могло бы создать против него лично и против его кабинета недружелюбное отношение: и дело Кэмпбеля и англо-советский договор представляли из себя сущие пустяки, от которых никто ни в какой мере не пострадал. Какая важность в том, что судебные преследования против коммуниста были приостановлены! Разве такие казусы не происходили и раньше? Не мало было случаев, когда и в прошлом против коммунистов (или, как они тогда еще назывались, социалистов) предпринимались шаги к судебному преследованию, и дело оканчивалось ничем. Были даже случаи, когда выпускались листовки с призывом к солдатам и морякам не стрелять в статечников, и дело ограничивалось простой конфискацией листовок или газет, а в худшем случае обыском в редакции или в комитете партии. Также и англо-советский договор ничего дурного из себя не представлял и, во всяком случае, мог быть, по желаниям либерально-консервативного большинства, изменен. Сам Макдональд, при внесении его в парламент 7 августа, пригласил палату высказать свое мнение и вносить свои поправки. Значит, и тут не было ничего такого, что могло бы оправдать такой шаг, как свержение правительства. Мотивы либералов, в руках которых лежала судьба Макдональда, действительно, были совсем иного порядка. Как ни осторожно Макдональд вел свою политику, как ни мало он делал для рабочего класса, как ни лойяльно он не придерживался принципа преемственности в английской внешней политике, однако, одним своим существованием рабочее правительство производило незаметную революцию в умах рабочего класса.

Английский рабочий класс никогда не ставил того, что мы называем проблемой власти, в сколько-нибудь конкретной форме. Для него рабочее правительство было отвлеченной идеей, в которую он не вкладывал никакого определенного содержания. Англия была знакома с правительствами консервативными и либеральными; почему не быть у ней правительства рабочего? Политически и социально рабочее правительство рисовалось рабочим умам в таком же свете, в каком они всегда воображали себе рабочее «представительство» в парламенте. Отдельные интересы буржуазии и поземельной аристократии, интересы лэндлордов, арендаторов, банкиров, железнодорожных директоров, адвокатов, учителей и т. д., имели своих представителей в парламенте; в таком же роде, рабочие рассуждали, могли и они иметь своих представителей. Никакой классовый момент в эту концепцию не входил. Столь же мало он входил в концепцию рабочего представительства. Английским рабочим казалось вполне естественно, что подобно тому, как либеральное и консервативное правительства представляли «нацию» в целом, хотя иной раз и злоупотребляли своим положением, чтобы помочь тому или иному классу, точно также и рабочее правительство могло бы править страной в общих интересах «нации» с той только разницей, что оно уделяло бы больше внимания интересам рабочего класса. Интересы рабочего класса нисколько не противоречили интересам «нации», а скорее составляли часть их. Фактическое пребывание рабочего правительства у власти показало, однако, рабочему классу нечто другое, а именно, что забота о так называемых национальных интересах не совсем совпадает с заботой об интересах рабочего класса и что то, что обычно называется «нацией», является по существу только аристократической и буржуазной частью ее. Без всяких теоризирований, а действуя исключительно под импульсом своего классового инстинкта, английские рабочие стали фактически на позицию диктатуры пролетариата: рабочее правительство должно бороться против буржуазии и отстаивать всегда и повсеместно интересы рабочего класса. Если же буржуазия оказывает такому уклону сопротивление, то этому сопротивлению не следует уступать, а его следует преодолеть тем или иным способом—хотя бы даже внепарламентским. На борьбе за наше признание и за заключение с

нами договора очень ярко выявилась эта новая позиция английского рабочего класса.

Мало того, многочисленные элементы в рабочем классе все еще стояли в стороне от рабочей партии и либо относились враждебно, либо совершенно равнодушно к идее рабочего представительства в парламенте и, в особенности, рабочего правительства. Соответственно этому многочисленные слои рабочего класса голосовали за либералов и даже за консерваторов или вовсе не принимали участия в политической жизни страны, лишь изредка выволакиваясь из пивных к избирательным урнам красноречием или подарками буржуазных парламентских кандидатов. Вот, эти слои постепенно почувствовали интерес к рабочему правительству. Каким-то образом и у них стал просыпаться классовый инстинкт, и подобно тому, как английский рабочий класс в целом с самого начала нашей революции стал чувствовать, что где-то в далекой и таинственной стране делается близко их касающееся огромное дело, так и индиферентные слои его сейчас стали чувствовать, что правительство Макдональда является чем-то близким им. Идея правительства рабочего класса стала пускать корни и в этих слоях, отрывая их от прежней либеральной или консервативной традиции и заставляя их даже в пивных прислушиваться к голосу рабочих министров в парламенте.

Это-то и было чревато опасностью для либералов, вся традиционная политика которых была построена на их роли политического буфера, смягчающего классовые столкновения и отделяющего рабочий класс от собственной рабочей партии. В течение трех поколений английский либерализм деятельно разыгрывал эту роль с громадным успехом, мешая возникновению рабочей партии и противодействуя ее развитию, когда она тем не менее возникла. Сейчас этой роли стала угрожать опасность быть сведенной постепенно к нулю.

Если вся рабочая масса сгруппируется вокруг идеи собственного правительства, то историческая миссия либерализма придет к концу, классовые линии обнажатся и буржуазное общество в политическом отношении станет той же противоположностью двух социальных слоев, какую оно представляет экономически. И с точки зрения партийных интересов, и с точки зрения высших интересов буржуазного общества, такая эволюция недопустима: тенденции, идущие в этом направлении, должны быть оборваны, и сами факторы, порождающие их, должны быть устранены. По этой причине либералы и решили избавиться от рабочего правительства. Когда они поставили его у власти, они исходили из тех же «буферных» соображений: не следует проявлять враждебность к идее рабочего правительства, а нужно, напротив, дать ему возможность осуществиться для того, чтобы рабочая масса не усмотрела в либералах своего классового врага. Эксперимент оказался неудачным: то, что должно было предупредить нежелательное явление, как раз явилось стимулом к нему. И либералы решили исправить свою ошибку, пока не поздно было.

Нужно только прочитать первые после кризиса речи Макдональда, чтобы видеть, как глубоко он был возмущен и разочарован таким поведением либералов. Для него глубокие мотивы их действия остались скрытыми и сами действия представлялись ему в виде неприличной интриги и безответственного посягательства

на его личность и его плодотворную деятельность. Он громил их варварами, разрушившими великое дело цивилизации, и протестовал против такого порядка вещей, при котором возможны были такие случаи. Ни в одной из своих речей он не поднимал принципиального вопроса о существе рабочей власти и о классовой подоплеке политики либералов, и все они вращались в шаблонных рамках персональных нападок и критики парламентских приемов. Президенту Вильсону пришлось за свою ошибку заплатить здоровьем и жизнью; Макдональд, как человек более здоровый и менее впечатлительный, был только подавлен и оскорблен постигшей его катастрофой.

Надо полагать, что исход выборов был для него еще более глубоким персональным разочарованием. Несомненно, бешеная и недобросовестная агитация его политических противников, превратившая его и его партию в архи-революционеров и сокрушителей буржуазных устоев, сыграла, в особенности в связи с мнимым письмом Зиновьева, немалую роль в отвлечении от него некоторой части тех рабочих слоев, которые постепенно уже начали приближаться к нему. Еще более, однако, подействовала эта агитация на те многочисленные мелкобуржуазные элементы, которые до сих пор облипали рабочую партию, как проказа. Эти мелкобуржуазные элементы состояли не из одних только мелких лавочников; к ним идейно примыкали даже такие по существу пролетарские слои, как домашняя прислуга, учительство, служащие банков и контор и отчасти приказчики. Перепуганные на смерть красным призраком, эти элементы в последний момент, повидимому, дрогнули и сбежали от рабочих кандидатов. Если бы Макдональд и его друзья были хоть немного похожи на те фигуры, которые из них изображали их противники, они должны были бы радоваться такому очищению партии от незрелых или ненадежных элементов. Отныне рабочая партия, действительно, стала партией пролетариев и только, как таковая, она сможет привлекать в свои ряды элементы более пролетарские, до сих пор кормившиеся у груди буржуазии. Но Макдональд и его друзья не принадлежат к революционерам. Для них и эта потеря мелкобуржуазных голосов представляет сильнейший удар по самолюбию, как стратегов, строивших все свои планы именно на поддержке этих элементов. Ради них они в течение 25-ти лет принижали программу партии, ради них они пугались одного имени социализма, ради них они проводили на практике умереннейшую и аккуратнейшую политику оппортунизма и ради них они с такой решительностью отмежевывались от коммунистов и большевиков. И если, несмотря на все эти усилия, в критический момент вся эта стая мелкобуржуазных элементов от них сбежала, то для них это равносильно политическому банкротству. В их политике, которую они так усердно и с неслыханной для них энергией отстаивали против коммунистов, выпало, так сказать, дно, и через образовавшуюся дыру они на выборах провалились так основательно, как никогда.

Надо полагать, что если не всем, то, по крайней мере, Макдональду этот провал обойдется очень дорого. Макдональд был главным теоретиком-апологетом и практическим проводником этой ориентировки на мелкобуржуазное миросозерцание полупролетарских элементов. Макдональд являлся, если не прямо создателем, то одним из творцов рабочей партии и ее оппортунистического укло-

на. Макдональд был главным противником «катастрофической теории революции» и в многочисленных своих писаниях и на практике отстаивал идею эволюционного и органического врастания буржуазного в социалистическое общество. Макдональд, наконец, был главным вождем в борьбе с коммунизмом, хотя любил выдвигать в качестве «браво» других, пользующихся бо̀льшим влиянием непосредственно в массе. И вдруг вся эта политика и вся эта тактика потерпела крушение на этих выборах. Не будет удивительно, если он, запачкавшись, к тому же, в грязном деле с мнимым письмом Зиновьева, окажется смещенным с роли официального лидера рабочей партии и будущего премьера нового рабочего правительства.

История, несомненно, пройдет мимо него. Огромная победа, доставшаяся консерваторам и обеспечившая их правительству существование на все пять лет парламента, откроет собой эру такой реакции во внутренней и внешней политике, какую Англия не испытывала уже давно. Нужно иметь в виду, что, не считая короткого эпизода министерств Бонар Лоу и Болдуина до выборов 1923 года, в Англии уже не было подлинного консервативного правительства вот уже 20 лет. Последнее такое правительство существовало 7 лет, от 1898 года до 1905 года, и вписало тогда одну из самых темных страниц в новейшей истории Англии. За эти 7 лет консерваторы успели навести такую реакцию в Англии в области школьной, социального обеспечения и поземельной, от которой она и по сию пору еще не оправилась; а что касается до внешней политики, то достаточно упомянуть позорную бурскую войну, окончившуюся уничтожением двух маленьких республик, разбойный поход в Китай в связи с боксерским восстанием и заключение «сердечного согласия» с Францией, чтобы характеризовать ее содержание. Сейчас предстоит, несомненно, нечто еще худшее. В порядке дня стоит протекционизм, т.-е. обложение высокими пошлинами предметов питания и потребления вообще и агрессивная внешняя политика, сопровождаемая ростом вооружений, во всех странах Востока и, в частности, против нас. Именно громадный размер избирательной победы окрылит смелость консерваторов и толкнет их на шаги, над которыми они дважды задумались бы, если бы им предстояли в ближайшее время новые выборы. Но это окажет свое действие и на рабочий класс. Английский рабочий класс за время после войны проделал огромную внутреннюю эволюцию, которая стоит в полном противоречии с его традиционным соглашательством. Английский рабочий уже не тот «паинька», который когда-то был предметом радости и гордости буржуазии не только английской, но и международной. Под влиянием результатов войны, безработицы и нашей революции английский рабочий осознает себя все больше и больше и все решительнее выступает на непосредственную борьбу с капиталистическим классом. Совершенно неверно, как стараются его изобразить вожди, что он непоколебимо верит в конституционные и парламентские методы борьбы. Он уже имел опыт во вне-парламентских действиях,—в том, что на его языке называется прямым воздействием, т.-е. забастовкой в политических целях. Никакие старания Макдональдов и Томасов не остановят его перед применением тех же методов, когда он увидит, что окопавшееся на пять лет в парламенте консервативное правительство, надеясь на безнаказанность, предпринимает меры, направленные против рабочего класса. В

связи с безработицей и предстоящим вздорожанием жизни, благодаря протекционистским мерам консерваторов, рабочий класс будет пребывать в состоянии хронического возмущения, которое будет ждать только момента, чтобы вылиться в грозное действие. В недалеком будущем мы вновь увидим английского рабочего под революционным знаменем, которое с такой честью поднимали когда то старые чартисты.

А. Иоффе.

Советско-Британские договоры.

Хотя, в виду изменившейся политической обстановки в Великобритании, вряд ли можно рассчитывать на ратификацию подписанных в Лондоне 8-го августа 1924 года советско-британских договоров, но тем не менее, было бы чрезвычайно ошибочным рассматривать эти договоры, как лишь исторические документы, не имеющие практического значения. Ибо нет никакого сомнения, что будущие соглашения СССР с Великобританией, которые неизбежны, несмотря ни на какие перемены в составе великобританского правительства, — по существу должны будут строиться на базе этих, подписанных 8-го августа, договоров, представляющих вместе с тем, как известно, согласно постановления последней сессии ЦИК СССР, — предел наших уступок Великобритании и, так сказать, прототип наших договоров с другими государствами.

Поэтому более детальное ознакомление с этими договорами является не только интересным, но и политически необходимым.

История заключения договоров.

Как известно, РСФСР была признана Великобританией de facto еще в марте 1921 года, после краха интервенционистской политики Великобритании, когда правительство Ллойд-Джорджа увидело себя вынужденным прекратить интервенцию и притти с нами хоть к какому-нибудь соглашению. Тогда был выработан договор, подписанный 16-го марта 1921 года с нашей сторны тов. Л. Б. Красиным, а со стороны Великобритании — сэром Робертом Горном, консервативным депутатом и министром финансов в коалиционном консервативно-либеральном кабинете Ллойд-Джорджа. Этот договор представляет собою ненормальный тип торгового договора, ненормальный потому, что, кроме обычных статей торгового соглашения, в этом договоре имеются и политические статьи, главным образом, по ближне и дальневосточным вопросам.

Но даже коалиционное правительство Великобритании все время понимало, что таким договором удовлетвориться нельзя, что необходимо договориться до конца и разрешить все вопросы, разделяющие оба государства. В Генуе и в Гааге Ллойд-Джордж пытался разрешить эту проблему, но оба раза соглашение разбивалось о непримиримость бывших британских собственников национализированного советской властью имущества, с интересами которых правительство Ллойд-Джорджа, несмотря на постоянные заявления последнего, что он «имеет в виду два миллиона своих безра-

ботных», конечно, считалось, в первую очеред. Когда десять месяцев назад, в Великобритании пал консервативный кабинет, благодаря выдвинутому этой партией лозунгу таможенных пошлин на предметы питания в пользу ввоза таковых из британских колоний, — парламентские выборы в значительной мере шли под знаком русского вопроса. Рабочая партия почти открыто обязалась перед своими избирателями провести признание СССР de jure, если она придет к власти.

Выборы, как известно, не дали большинства ни одной из боровшихся в стране партий. Рабочее правительство могло создаться только при поддержке либералов. В этих условиях рабочая партия — вторая по силе парламентская партия (первой по прежнему, оставалась консервативная), организуя свой кабинет по собственному выражению Макдональда, «получала не власть, а только управление», и целиком зависила от милости либералов, значит, по существу могла вести не рабочую, а либеральную политику.

Но свое обязательство признания СССР de jure, Макдональд должен был выполнить, что было не особенно трудно, главным образом, в виду отсутствия действительного противодействия этому признанию со стороны не только либералов, но и более благоразумной и политически мыслящей части консерваторов.

Признание последовало. За ним должны были начаться советско-британские переговоры по всем разделяющим оба государства вопросам.

С самого начала было ясно, что переговоры должны вестись о заключении двух договоров: во-первых, общего, во-вторых, торгового.

Так как советская власть, аннулировав все царские договоры и в этом смысле оставила пустое место, то необходимо было, конечно, рассмотреть старые договоры и установить, какие из них могут быть удержаны в новых условиях, а какие должны быть заменены новыми.

Советская делегация пыталась при этом пересмотре старых договоров выяснить советско-британские взаимоотношения по всем вопросам мировой политики, но трусливое правительство Макдональда чрезвычайно боялось все время такой широкой постановки вопросов и поэтому пришлось ограничиться лишь разделением старых договоров на такие, которые должны отпасть, такие, которые должны быть частично переделаны и заменены и такие, которые могут временно еще сохранить силу, не внося, однако, никаких конкретных поправок в подлежащие исправлению договоры и не вырабатывая новых, взамен уничтоженных. Все это оставлено для работы в будущем.

Более сложным является вопрос о взаимных претензиях. С самого начала предлагалось, что советская делегация будет параллельно с переговорами с британским правительством вести переговоры и с британскими претендентами. Таких категорий имеется две: «бондгольдеры» — держатели русских бумаг, аннулированых Советской властью займов и частные собственники национализированных советской властью предприятий.

Имелось в виду, что, когда советская власть договорится с этими своими кредиторами, в общий договор внесены будут конкретные суммы и условия этого соглашения, и этот вопрос, таким образом, тоже будет окончательно урегулирован.

Но этот план не удался. И не удался по следующим причинам. Трехмесячные переговоры советской делегации с так называемым «комитетом бондгольдеров», ни к чему не привели, и этот комитет, даже, по мнению самого британского правительства, показал себя совершенно импотентным в разрешении стоявших перед ним вопросов.

Дело в том, что в Англии нет об'единения держателей русских ценностей; там об'единены держатели всех вообще иностранных бумаг. Так как советская делегация с самого начала определенно и весьма вразумительно заявила, что не может быть речи о том, чтобы СССР платил полностью по займам, находящимся в руках британских держателей, то для собственников всяких мексиканских, перувианских, боливийских и т. п. бумаг, входящих в об'единение британских бондгольдеров, но не владеющих русскими ценностями и поэтому заинтересованных не в том, чтобы платил СССР, а в том, чтобы полностью платили Мексика, Перу, Боливия и т. п., создавалась опасность прецедента, неполного платежа по займам, и они всячески саботировали соглашение держателей русских бумаг, готовых пойти на уступки для того, чтобы получить от нас хоть что-нибудь, вместо того, чтобы не получать ничего.

С другой стороны правительство Макдональда имело все основания спешить с окончанием переговоров. Переговоры, по настоянию британской делегации, велись втайне; даже парламенту ничего не сообщалось о ходе их, несмотря на частые запросы членов буржуазных партий. Однако, Макдональд обязался в весьма категорической форме представить парламенту доклад о советско-британских переговорах до роспуска последнего на летние каникулы. — Этот роспуск должен был иметь место между 7 и 9-м августа. — Когда выяснилось, что соглашения с бондгольдерами и частными собственниками к этому сроку достигнуть не удастся,— весь договор в этой, своей части, должен был принять иную форму: вместо конкретных цифр и условий могли быть установлены только общие формулы соглашения, и договор, естественно принимал форму прелиминарного, предварительного.

Понятно также, что переговоры об общих формулах затрудняли в сильнейшей степени работы обоих делегаций: советская делегация стремилась к тому, чтобы такие общие формулы, по возможности, менее связывали СССР, британская—к тому, чтобы они, по возможности, все же были достаточно ясными и максимально обязательными.

Поэтому-то по самому болезненному вопросу, на котором в свое время разорвались переговоры и в Генуе, и в Гааге, по вопросу о претензиях частных собственников национализированного у нас британского имущества, такой удовлетворяющей, обе стороны формулы найти не удалось, и в ночь с 6 на 7-е августа советско-британские переговоры были разорваны.

Понадобились переговоры президиума советской делегации с ближе, нежели рабочее правительство, связанными с массами, лидерами рабочей партии, выяснение последним советской точки зрения, их согласие с нею и их нажим на правительство, для того, чтобы переговоры опять возобновились, общая формула была найдена и договоры были подписаны в том виде, в котором они распубликованы.

Основные положения договоров.

Главнейшими постановлениями договоров, понятно, являются те, которые подвергаются особым нападкам со стороны буржуазии.

В «Договоре о торговле и мореплавании», таким пунктом является признание нашей монополии внешней торговли и вытекающие отсюда постановления об экстерриториальности и иммунитете «Торгового представителя и его помощников» и их служебных помещений и о том, что, хотя торговля, осуществляемая советским торгпредством, «подчиняется законам и судам Великобритании и Северной Ирландии», но, «в виду ответственности за эти сделки (производимые торгпредством), которая принята на себя правительством Союза, ни ему (торгпреду); ни его представителям, не будет предлагаться давать обеспечение в том, что они будут выполнять постановления суда». Довольно странным является то, что через семь лет после Октябрьской революции, в Англии находятся деловые люди, настолько еще плохо понимающие положение, что, могут воображать, будто от СССР возможно добиться отказа от монополии внешней торговли. Правда, что таких наивных людей немного и большинство теснее связанных с нами торгово-промышленных кругов Великобритании, уже прекрасно усвоили, что в торговом договоре с СССР необходимо исходить из нашей монополии внешней торговли.

В этом же случае все остальные возражения против постановлений торгового договора основаны на простом недоразумении.

В самом деле, если внешняя торговля составляет государственную монополию, то во взаимоотношениях с другими государствами возможны только два пути: либо можно сказать, что так как официальные представители другого государства и их организации экстерриториальны, согласно духу международного права— их вообще не может существовать на территории другого государства, либо нужно признать, что эти представители, хотя и экстерриториальные, в своей оперативной деятельности подчиняются законам того государства, где работают.

На заре нашей революции, когда наш строй был еще совершенно непонятен буржуазному миру, последний стоял на первой точке зрения и, например, в 1918 году германское правительство предложило пишущему эти строки, бывшему тогда советским послом в Берлине, ликвидировать в Германии отделения «Соединенного Банка», после изданного Советским Правительством декрета о национализации банков, с тою мотивировкой, что после национализации эти отделения становятся государственными предприятиями, как таковые являются экстерриториальными, не могут нести ответственности перед германскими судами и, следовательно, не должны существовать на германской территории.

По существу, при монополии внешней торговли, когда советское правительство выступает единственным контрагентом,—такая точка зрения означает полный отказ от торговых сношений с СССР. А так как буржуазный мир с нами торговать очень хочет, то эта позиция не могла долго удержаться, и все государства очень скоро пришли к указанному компромиссу: экстерриториальность торгпредства, но ответственность его по законам

страны за все производимые в данной стране сделки. При этом, конечно, престиж СССР требует, чтобы меры предварительного воздействия (арест на имущество и т. п.) не применялись в отношении торгпредства.

Это именно и сказано во всех наших последующих торговых договорах, в том числе и в советско-британском. После подписания договоров, деловые люди Англии, получавшие в частных беседах с членами советской делегации вышеизложенные раз'яснения, — очень скоро сообразили, что ничего лучшего не придумаешь и что против этих постановлений торгового договора, спорить не приходится, так как единственный путь, заставить нас отказаться от того, от чего мы отказываться не желаем, в данном случае от монополии внешней торговли, есть путь силы, а он, как известно, в свое время довольно энергично применялся Великобританией, только без всяких полезных для нее результатов... Последнее тоже весьма популярно раз'яснялось нами британским деловым кругам.

В общем договоре самым большим нападкам, как известно, подвергается пункт о правительственной гарантии займа СССР в Великобритании и зависимость всех принимаемых советским правительством на себя обязательств от этого займа.

Точка зрения советского правительства и советской делегации все время была такова. СССР — единственное государство, экономически даже более других пострадавшее от войны, ее последствий и революции, которое все же, без всякой иностранной помощи, не только стабилизировало свою валюту, но и укрепило общее свое экономическое положение. Эту стабилизацию СССР может и впредь развивать совершенно независимо и самостоятельно, но тем не менее, положение все же таково, что нормальный процесс экономической стабилизации немедленно будет нарушен, как только СССР примет на себя новые материальные обязательства, которые до сих пор не входили в его расчеты. Поэтому в таком случае необходима помощь извне, т.-е. заем, при чем заем должен быть таким, чтобы, вложенный в советское хозяйство, он ежегодно давал больший процент дохода, нежели тот расход, который СССР придется ежегодно нести в виде процентов по самому этому займу и его погашению и погашению признанных СССР старых обязательств.

Нужно сказать правду, что, несмотря на сильнейшую контр-агитацию, эта точка зрения в конце-концов, все же была воспринята и признана деловыми кругами Великобритании, искренне желающими серьезных экономических сношений с СССР.

И если все же советско-британский договор сделался могильщиком рабочего правительства, то этому были совершенно иные причины.

Кампания против советско-британских договоров.

Буржуазную кампанию против советско-британских договоров можно рассматривать с двух точек зрения. С одной стороны — это кампания деловая; с другой — чисто-политическая.

Деловая кампания претерпела несколько различных видоизменений.

Наиболее ясная, отчетливая и резко-классовая точка зрения была выражена крупнейшей либеральной газетой «Daily News» в статьях ее сити-редактора, т.-е. как раз редактора, связанного с деловыми, торгово-промышленными кругами.

Здесь прямо заявлялось, что неприемлем советско-британский договор в виду содержащегося в нем косвенного признания наших декретов об аннулировании царских займов и национализации частной собственности (во вступлении к соответственным статьям, в словах: «в из'ятие из декрета от 28-го января 1918 года об аннулировании долгов бывших императорского и временного правительств»... Ст. 6 Общего Договора и «в из'ятие из декретов о национализации промышленных предприятий и земли»... ст. 10 того же договора).

Всякое государство может об'явить себя банкротом и лишь частично не платить своих долгов или даже совсем их не платить, — рассуждала «Daily News» или, вернее, ее устами принципиальная буржуазия из Сити. В этом еще нет ничего принципиально — недопустимого. Но принципиально недопустимо нежелание платить, ссылка на закон об аннулировании долгов. Пусть СССР ничего не платит нам, но пусть она принципиально признает, что она обязана платить. В скобках отметим, что такова же, приблизительно, давнишняя точка зрения глашатая буржуазного права и пророка буржуазной морали, мистера Юза, министра иностранных дел Соединенных Штатов Северной Америки.

Другую точку зрения заняли британские торговые палаты. Сначала Лондонская Торговая Палата приняла постановление, что договоры от 8-го августа не годятся потому, что в них нет отделения межгосударственных расчетов от расчетов между гражданами и нет указаний на право частных британских граждан требовать с частных советских граждан. К этой резолюции лондонской торговой палаты присоединялся комитет ассоциации британских торговых палат, разославший всем торговым палатам Великобритании запрос об их отношении к советско-британским договорам, с изложением вышеуказанной точки зрения самого комитета. Все торговые палаты, за исключением одной только русско-британской, одобрившей договоры,—присоединились к этому мнению лондонской торговой палаты и комитета ассоциации.

Если ближе присмотреться к этому решению, то тут—совершенно явный шантаж. — «Общий договор признает три категории британских претензий: 1) претензии бондгольдеров; 2) смешанные претензии (за реквизированные во время войны и революции автомобили, мебель и т. п. мелочи), которые должны быть покрыты уплатой СССР британскому правительству поушальной суммы, по соглашению с последним, а не с заинтересованными лицами и 3) претензии британских собственников, национализированных советской властью предприятий. При этом в договоре оговорено, что по первой и третьей категории претензий, должно состояться соглашение между советским правительством и самими заинтересованными претендентами и определенно подчеркнуто, что полностью по этим претензиям СССР платить не должен.

Постановление торговых палат выдвигает четвертую категорию претензий частных граждан и юридических лиц одной

стороны, к частным же гражданам и юридическим лицам, другой. Но так как советские граждане и фирмы всегда могут ответить, что их имущество советскою властью национализировано, то по существу, это — новая категория претензий вовсе не к советским гражданам, а опять-таки к советскому правительству. Для чего? Для того, чтобы при предусмотренном договором соглашении с самими претендентами, повысить общий размер претензий и, таким образом, побольше получить. И для того также, чтобы иметь возможность пред'являть претензии к находящимся в Великобритании суммам и имуществам национализированных российских граждан и предприятий, которые на основании ст. 10 соглашения от 16-го марта 1921 года, находятся под запретом и не могут быть тронуты ни советским правительством, ни бывшими собственниками.

Как сказано, эта претензия есть чистейшей воды шантаж.

Наконец, когда страсти несколько поулеглись и когда заинтересованные в экономических сношениях с СССР британские деловые круги сами начали выступать в защиту договоров от 8-го августа, когда, по существу от деловой «критики» этих договоров ничего не осталось, — сделана была последняя попытка выступить еще с новой точкой зрения.

Манчестерская торговая палата обратилась с открытым письмом к правительству, в котором уже ничего не говорилось ни о принципиальной (с точки зрения крупно-капиталистической буржуазии), недопустимости указанных положений договоров, ни о пред'явлении новых категорий претензий к СССР, но возражалось лишь против той статьи «Общего Договора», в которой «правительство Его Британского Величества признает, что финансовое и экономическое положение Союза делает невыполнимым полное удовлетворение претензий... и т. д.».

Письмо манчестерской торговой палаты подвергает детальному анализу финансовое и экономическое положение СССР и приходит к выводу, что вышецитированное положение глубоко неправильно, что в крайнем случае, можно еще было бы говорить о предоставлении советскому правительству моратория, отсрочки в уплате платежей, но ни в коем случае нельзя говорить, что СССР вообще не может платить полностью, ибо последний потенциально достаточно богат, чтобы иметь возможность платить и гораздо большие суммы.

Это было последней попыткой в плоскости установления общих формул протащить такие, которые заставили бы нас как можно больше платить.

Гораздо серьезнее была политическая кампания против договоров от 8-го августа.

Эта кампания, собственно говоря, была направлена не столько против нас, сколько против рабочей партии и рабочего правительства.

Как сказано, рабочее правительство в Великобритании стало вообще возможным только при поддержке либералов.—Если верно, что в нашу революционную эпоху мировая буржуазия нигде не может уже царствовать непосредственно, а повсюду нуждается в соглашательском орудии из верхушечного предательского кадра рабочих социалистических партий, то это верное, само по себе положение, все же нуждается в серьезнейших модификациях, и особенно для Великобритании.

В Великобритании огромную роль играют политические традиции. В продолжение столетий Англия привыкла к системе двух партий, при которой власть периодически переходила из рук либералов в руки консерваторов и обратно. Уже одно появление на политической арене третьей сильной политической партии, рабочей, для английских условий означало чуть ли не революцию.

С другой стороны, британская либеральная партия одним своим крылом опирается на крупно-капиталистическую буржуазию, почти уходящую в консервативный лагерь, а другим на широкого демократического избирателя, почти сливающегося с правым крылом рабочей партии. Либеральная партия посадила на трон Макдональда для того, чтобы он творил ее волю. Но, быть может, именно благодаря своему оппортунизму, правительство Макдональда, за 9 месяцев не сделавшее ничего такого, чего не могла бы сделать и либеральная партия, стал опасен последней, так как показал левому ее мелкобуржуазному, наиболее трусливому флангу, что ничего страшного в рабочем правительстве нет и грозил поэтому оторвать этот левый фланг от либералов. С другой стороны, правое крыло либеральной буржуазии, руководимое Ллойд-Джорджем, явственно поняло (особенно на истории с советским договором), что как ни прекрасен сам по себе Макдональд и соглашательская верхушка, но пролетарская масса гораздо левее их, и постоянное давление последней на рабочее правительство, в конце-концов, заставит его принять политику, нежелательную либералам. Отсюда — отказ либеральной партии дальше поддерживать рабочее правительство, с угрозой правого крыла отойти к консерваторам, резкая борьба этого правого крыла против рабочей партии и правительства и падение последнего.

Правда, эта борьба означает крах английского либерализма, теряющего свою политическую физиономию и идущую на поводу у консерваторов, но как раз правому крылу либеральной партии это безразлично, ибо оно и без того готово уйти в консервативный лагерь, а Ллойд-Джордж уже давно в мечтах своих видит себя лидером консервативной партии, которая, кстати сказать, и не имеет подходящего лидера.

То, что сейчас происходит в Англии—это об'единение буржуазии против пролетариата, конечно, как всегда, бывает в подобные эпохи не под либеральным, а под консервативным знаменем. Промежуточные партии — в Великобритании, таковою является либеральная — естественно, изживаются. Поэтому совершенно неизбежен и заранее ясен был имевший место на последних выборах разгром либеральной партии.

Но об'единение буржуазии и поправение ее, укрепление реакции на одном фланге, неизбежно приводит к об'единению пролетариата и революционизированию пролетарских масс на другом.

Недаром парламентские выборы в Великобритании проходили под знаком небывалого классового ожесточения, когда, по выражению той же «Daili News», каждый, даже самый лойяльный и правый рабочий, «должен выступать, как большевик». И недаром буржуазии для одержания победы необходимо было выдвинуть старое, испытанное средство запугивания мещанских масс красным призраком коммунизма и создать фальсифицированный заговор с подложным письмом т. Зиновьева.

Перспективы советско-британских договоров.

Какие же в этих условиях существуют возможности для советско-британских договоров от 8-го августа?

Согласно британской конституции, международные договоры вообще не ратифицируются парламентом, но королем. Однако, со времен мировой войны узаконена практика, по которой каждый международный договор «лежит на столе» в парламенте 21 парламентский день. В этот период договор дебатируется, но никакого голосования не происходит. Для того, чтобы имело место голосование, нужно, чтобы какая-нибудь парламентская фракция внесла вотум недоверия правительству. Тогда происходит голосование этого вотума недоверия, косвенно, следовательно, и самого договора, по поводу которого внесен вотум.

Можно определенно сказать, что, если бы в Великобритании не произошло такого разкого обострения классовой борьбы, — советско-британские договоры 21 парламентский день подвергались бы жесточайшим нападкам со стороны и либералов, и консерваторов, но в виду того, что в самом договоре от 8-го августа предусмотрено заключение второго договора (а билль о займе должен голосоваться парламентом); в виду того, что деловая критика этих договоров по существу не выдержала никакой критики и в виду, наконец, того великого энтузизма, с которым многомиллионные пролетарские массы единодушно поддерживают эти договоры — ни одна из буржуазных партий не рискнула бы вносить вотума недоверия на этом вопросе. И договор был бы преспокойно ратифицирован королем, а затем начался бы еще более ожесточенный бой по второму советско-британскому договору, главным образом, по вопросу о правительственной гарантии займа.

Но теперь этого не может быть. Ибо в день роспуска парламента, либеральная партия в азарте борьбы против рабочей, внесла на рассмотрение парламента петицию к королю о не-ратификации советско-британских договоров от 8-го августа. Эта сессия парламента была чрезвычайной, созванной специально по ирландскому вопросу. Согласно конституции при возобновлении работ парламента, в первую очередь должны обсуждаться запросы, оставшиеся от прошлой сессии, в том числе, конечно, и внесенная Асквитом петиция королю по русскому вопросу.

Конечно, парламент может этого не делать, опираясь на то, что за это время произошел роспуск старого парламента и новые выборы, имеется новый парламент и новое правительство. Но так как последние выборы были, так сказать, русскими выборами и в центре их стояли именно вопросы об отношении к советско-британским договорам и СССР вообще, и так как кроме того, борьба буржуазии против пролетариата выборами не заканчивается, а теперь только развивается, то трудно себе представить, чтобы буржуазное большинство парламента согласилось замазать русский вопрос. Вернее всего, что он немедленно встанет во весь рост при открытии сессии нового парламента 19-го ноября и вернее всего, что договоры от 8-го августа не будут ратифицированы.

Но с другой стороны, ни одна партия в Великобритании, даже консерваторы, не смеет открыто заявлять, что не хочет соглашения с СССР, а подпись на договоре премьер-министра Великобритании,

хотя бы и падшего, что-нибудь, да значит. Наконец, рабочая партия, несмотря на об'единение буржуазии, входит в новый парламент, имея за своей спиной пяти с половиной миллионную, сплоченную и решительную пролетарскую армию. И с этой силой должно будет считаться всякое правительство Великобритании. Рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, любое правительство Великобритании должно будет притти с СССР к тому самому соглашению, которое, и консерваторы, и либералы ныне так стараются похоронить.

С. Тимов.

МССР, бессарабская проблема и румынская буржуазия.

Наш Союз обогатился новой республикой — Молдавской.

Молдаване — это румыны, населяющие Молдавию, Бессарабию, Подолию, Херсонщину и отчасти Екатеринославщину. Это — потомки древнего народа д а к о в, смешавшихся еще в первые века христианской эры с римлянами-завоевателями; они до сих пор сохранили свой национальный быт и язык, представляющий диалект романского (латинского) происхождения, подвергнувшийся влиянию славянских и балканских языков. В частности, язык приднестровских молдаван подвергнулся сильному влиянию русского, или вернее украинского языка.

По преимуществу земледельцы, молдаване в бывшей царской России были одним из самых угнетенных и культурно-отсталых народов, представляя предмет самой невероятной эксплоатации со стороны правящего класса. В пределах нашего Союза молдаване населяют компактными массами приднестровскую полосу, где составляют свыше 400 тысяч населения. Молдаванам не принадлежит абсолютное большинство, но зато они располагают относительным большинством по отношению к другим национальностям. Вот почему трудящиеся Украины и решили выделить это население в самостоятельную национальную единицу, А в т о н о м н у ю М о л д а в с к у ю С о ц и а л и с т и ч е с к у ю С о в е т с к у ю Р е с п у б л и к у.

Выделение молдавского населения в самостоятельную государственно-национальную единицу будет иметь неизмеримо великое значение в деле национального и экономического возрождения молдавского народа. Вместе со всей Украиной, молдавское Приднестровье было об'ектом международного империализма и нашествия контр-революционных банд, которые разоряли страну. Еще в 1914 г., когда только вспыхнула война, Германия, желая привлечь на свою сторону Румынию, обещала ей, в случае победы, не только Бессарабию, но и нынешнюю территорию Молдавской Республики, включая Одессу. Этот исторический факт не безынтересно напомнить именно теперь, потому что он неопровержимо свидетельствует, что судьба молдавского населения (как, впрочем, и всякого национального меньшинства) осужденного, при буржуазном строе, только на роль об'екта эксплоатации и спекуляции. Теперь же трудящиеся молдаване, знавшие гнет турецких беев, румынских бояр и русских помещиков, впервые получают возможность собственными усилиями, при помощи трудящихся

всего Советского Союза залечивать раны, нанесенные своему хозяйству мировыми хищниками, и возрождать свою древнюю культуру.

Однако, создание Молдавской Республики имеет не только внутреннее, для нашего Союза, но и м е ж д у н а р о д н о е значение. Не даром иностранная печать так внимательно следила и сообщала о каждом шаге, предпринимавшемся в этом направлении.

В с в о е й и с т о р и ч е с к о й п е р с п е к т и в е, М о л д а в с к а я Р е с п у б л и к а с в я з а н а с б е с с а р а б с к о й п р о б л е м о й. Не без основания румынская буржуазия восприняла весть о создании республики, как прямой вызов по своему адресу. «Они» (т. е. мы, большевики), писала одна румынская газета при первых известиях о республике, — «создают там румынскую ирреденту (?!), источник действий для последующего присоединения Бессарабии — если даже не всей Румынии!!... к молдавской республике». Само собой разумеется, что дело не в наших «кознях», а в том, что в Румынии национальности угнетены, что в тисках иностранного гнета находятся не только народы Трансильвании, Добруджи и Буковины, но и сами бессарабские молдаване, столь родственные запрутским румынам. Национальное самоопределение приднестровских молдаван, поэтому, об'ективно представляет угрозу румынскому господству над чужими национальностями. Впрочем, не только румынскому. Балканы и юго-восточная Европы — это конгломерат господствующих и угнетенных национальностей и каждый шаг в деле национального раскрепощения, предпринимаемый в нашем Союзе, представляет угрозу для господствующей буржуазии этих стран.

Бессарабия непосредственно соприкасается с территорией Молдавской республики. Что все симпатии бессарабского населения на стороне Советов — об этом достаточно свидетельствуют последние восстания в этом крае. Национальное самоопределение молдаван по эту сторону Днестра только усилит эти симпатии. Но Бессарабия, представляющая очаг революции в Румынии, непосредственно соприкасается с Добруджей, Буковиной и даже Галицией и всякое событие в ней отдается эхом во всех этих угнетенных крестьянских провинциях. Вот почему иностранная буржуазия так болезненно реагирует на практическое осуществление национальной политики нашей партии.

Румынская буржуазия зорко следит за событиями в СССР. Она уже начинает точить зуб против новой республики. «Может случиться, — писал в конце сентября «Адеверул», — крупная буржуазная румынская газета, — что ничего не выйдет, но также может случиться, что получится как раз обратное тому, что думает Москва. Бессарабия добровольно (??) вернулась к нам. Кто знает — тайны будущего настолько неизвестны (?) — кто знает, не протянет ли и она — Молдавская республика, Заднестровье нам руку? Русские играются. Но не пожалеют ли они когда-нибудь?».

Таков тон всей румынской печати. Румынские правящие круги смертельно напуганы осуществлением нашей национальной политики на берегу Днестра и тешат себя надеждой, что этот «инструмент» может обратиться против нас. Чем бы дитя не те-

шилось, лишь бы не плакало! Но все же, если невеждам из румынской буржуазной печати неизвестны движущие силы истории, то мы ни на минуту не сомневаемся не только в классовом инстинкте приднестровских молдаван, но и заднестровских.

Создание Молдавской республики, с одной стороны, и сентябрьское восстание в Бессарабии, с другой, выдвинули в самой Румынии вновь бессарабскую проблему. Буржуазное общественное мнение Румынии начинает себе отдавать отчет в том, что рано или поздно, но Бессарабия должна будет выскользнуть из ее владения. Поэтому оно начинает прилагать усилия к тому, чтобы хотя бы несколько, но отдалить этот момент.

Один видный публицист недавно писал, что: «...нельзя оспаривать, что Бессарабия — румынская не столько потому, что одно революционное собрание (речь идет о «Сфатул Церии», постановление о присоединении к Румынии которого служит главным аргументом румынского правительства в оспаривании прав на Бессарабию. С. Т.) вотировало воссоединение с румынским королевством, сколько в силу того, что запрутская Молдавия была отнята актом предательства и насилия... Если все же Бессарабия кажется нам находящейся под угрозой, то это беспокойство исходит не из внешних обстоятельств, смысл которых заключается в соблюдении мира и границ, существующих между нациями, а обязано, — мы должны это признать, — тому обхождению, которое практиковалось нами по отношению к Бессарабии и которое возмущало и продолжает возмущать румынское сознание жителей этой провинции». И автор призывал «все политические партии сложить свои орудия борьбы на берегу Прута и об'единиться на время в общем деле национализации, изучения и гармонического облегчения нужд всех классов (?!). Нужно создать для Бессарабии специальный режим мира, свободы и справедливости и об'единить все политические силы для подготовки румынского самоопределения сознания бессарабцев» (!).

Таким образом, сама румынская буржуазия вынуждена признать: 1) что присоединение, вотированное в свое время «Сфатул Церием» не стоит ломанного гроша и 2) что население враждебно румынскому господству. Эти признания приобретают особенное значение именно в настоящий момент, когда у нас в Союзе приступают к национальному самоустроению молдавского населения.

В целях приобретения симпатии (это после подавления сентябрьского восстания) бессарабского населения, румынское правительство предприняло «культурное наступление», сопровождаемое... усилением белого террора. Для этой цели в край отправляются для устройства школ и ячеек румынской пропаганды учителя, кстати сказать, выполняющие одновременно роль агентов охранки в школе, попы и... жандармы, так что даже буржуазная печать вынуждена была заметить, что все эти мероприятия «являются очень слабым ответом на жалобы жителей на совершаемые несправедливости» (какие изыскано мягкие выражения!). В то же время она предприняла маневры флота в дунайских водах против Бессарабии в целях демонстрации своей мощности «против опасностей революции» в Бессарабии.

Но сколько бы румынская буржуазия не предпринимала шагов с целью расположить к себе бессарабское крестьянство и рабочих, все эти меры заранее обречены на неудачи, потому что они, в конечном счете, имеют целью не улучшение их положения, а закрепление господства буржуазии. Между заднестровским и приднестровским молдаванством существует постоянная живая связь; заднестровские молдаване видят, как свободно живут на этой стороне их национально-классовые собратья и это обстоятельство еще больше оттеняет то русское положение, в котором оно находится. Теперь этот контраст еще больше увеличится. Факт существования Молдавской республики послужит новым стимулом в той героической борьбе за национальное и социальное освобождение, которое ведет бессарабское крестьянство и которое недавно воплотилось в восстании на юге Бессарабии.

Мы уже в другом месте указывали, что, наряду с финансовым кризисом, переживаемым сейчас румынской олигархией, вторым актуальным вопросам, сильно озабачивающим ее, является бессарабская проблема. Бессарабский вопрос стал для румынской буржуазии камнем преткновения не только во внутренней жизни страны, но и во внешней политике. Италия, по всей видимости, не склонна ратифицировать бессарабского протокола. Япония тоже. Малая Антанта определенно не хочет брать на себя какие бы то ни было обязательства в этом вопросе, а Юго-Славия даже довольна осложнениями между Румынией и СССР на этой почве. В бессарабском вопросе Румыния совершенно изолирована, ибо даже те государства, которые не настроены враждебно к Румынии, не хотят притти ей в данном вопросе на помощь, чтобы не испортить себе отношений с СССР (например, Чехо-Словакия). Те же государства, которые до сих пор ратифицировали бессарабский протокол, как, например, Франция, требуют себе мзду за это в виде концессий и пр. услуг, что также не выгодно для румынской буржуазии, борющейся сейчас за монопольную эксплоатацию румынского крестьянства и пролетариата, введением ограничительных мер против иностранного капитала.

Резюмируя, мы можем сказать, что после 6 лет господства в Бессарабии, румынская буржуазия добилась только смертельной ненависти бессарабских трудящихся. Создание Молдавской республики послужит не только громкой пощечиной для националистической буржуазии, но и явится стимулом для молдаван, украинцев, мадьяр, немцев, населяющих «Великую» Румынию к национально- освободительной борьбе против господствующей иностранной румынской буржуазии. Развитие молдавского народа по эту сторону Днестра будет служить одним из залогов развития классового и национального самосознания молдаван по ту сторону Днестра, что далеко не безразлично для судеб национально освободительного и рабочего движения в самой Румынии.

Румынская буржуазия надеется обратить МССР против нас, мы же глубоко уверены, что она послужит одним из тех остриев, которые пронзят румынскую олигархию.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

И. Степанов.

О моих ошибках, „открытых и исправленных" тов. Стэном.

Ян. Стэн (см. «Большевик» № 11, стр. 82 и сл.) захотел, чтобы на ошибки, открытые им у меня, обратили совершенно исключительное внимание. Не ограничиваясь тем, что он выписал название рецензируемой книги («Г. Гортер. Исторический материализм. Приложение: И. Степанов» и т. д.), как вообще принято в отделе «Критика и библиография», он пишет наверху особенный заголовок: «О б ошибках Гортера и тов. Степанова». Конечно, этак оно вышло ярче, и сотни тысяч читателей «Правды» об'явлениями содержанием очередного номера «Большевика» предуведомлены, что Степанов наделал ошибок и дождался заслуженной расправы от Ян. Стэна.

Но в таком случае пусть же и Стэн не посетует на меня за то, что я привлеку вполне заслуженное внимание к его рецензии.

Начну со второй из двух грубых ошибок, найденных у меня Стэном. По словам Стэна, «вторым следствием невнимания тов. Степанова к диалектике является его движение вспять от диалектического материализма к материализму механическому». А для того, чтобы «уяснить методологическую природу диалектического материализма», — продолжает Стэн, — «мы вкратце остановимся на этапах развития материализма в новое время». Это «мы остановимся» сводится к тому, что Стэн «своими словами» излагает страницы Энгельса, посвященные истории материализма до Фейербаха (см. L. Feuerbach, нем. изд. 1910 г., стр. 19 и сл.). Впрочем, не просто излагает, но и дополняет некоторыми выписками из ученических тетрадок по истории философии.

Я могу сообщить Стэну, что Энгельс в этом случае в основном воспроизводит ту характеристику старого материализма, которая была дана в «Святом семействе», работе, относящейся к 1844—1845 году (см. «Aus dem literarischen Nachlass», II B., стр. 232 и сл.).

Маркс дал здесь блестящую критику н е к о т о р ы х течений «механического материализма» и показал, между прочим, что в лице отдельных своих представителей этот материализм является возвратом к идеализму.

Но какое имеет все это касательство к воззрениям, развиваемым мною в послесловии к Гортеру? Стэн не ставит этого вопроса. Он строит свою аргументацию так: механический материализм XVII—XVIII века давно отвергнут и превзойден. Степанов же отстаивает механистическое понимание природы. Следовательно, Степанов со своими закорузлыми, чисто личными воззрениями просто примазывается к ортодоксальному марксизму.

Однако Стэн, следуя за Энгельсом, пишет: «материализм не есть какая-нибудь постоянная, неизменная и самой себе равная величина, он имеет свою историю развития». А что же, у термина «механический» или «механистический» нет никакой истории развития? Что же, его значение осталось неизменным с 1845 года, к которому относится «Святое семейство», и до настоящего времени?

Не подобает механически повторять слова и фразы, не понимая их смысла. Неужели Стэн думает, что это утверждение сколько-нибудь опорочивает механику?

Что такое представляет механистическое понимание природы, за которое Стэн придает меня публичной казни? Так как рецензент, ухватившись за слово «механистическое», не дает ни малейшего представления о действительном содержании моего послесловия, то я вынужден сделать из него выписку:

«Современное естествознание — говорю я на стр. 166—167, — смотрит на растение и на всякий живой организм, как на чрезвычайно сложный, тонкий, но тем не менее все же механизм, который усваивает энергию из внешнего мира и превращает, претворяет ее из одних форм в другие... Во всех случаях она (современная наука) показывает, что з а к о н с о х р а н е н и я э н е р г и и о с т а е т с я в п о л н о й с и л е п о о т н о ш е н и ю к р а с т и т е л ь н о й ж и з н и. Нигде не находится места для какой-то особой «жизненной силы», представляющей в своем действии из'ятие из закона сохранения энергии. И нигде не удается открыть никакого надбавка к тем количествам энергии, которые усваиваются растением из внешнего мира, и н и к а к и х о с о б ы х т а и н с т в е н н ы х ф о р м э н е р г и и с в е р х т е х, к о т о р ы е в о о б щ е н а б л ю д а ю т с я в х и м и ч е с к и х и ф и з и ч е с к и х п р о ц е с с а х.

«Марксист должен прямо и открыто сказать, что он принимает э т о т а к н а з ы в а е м о е м е х а н и с т и ч е с к о е в о з з р е н и е н а п р и р о д у, м е х а н и с т и ч е с к о е п о н и м а н и е е е».

Затем, упомянув о том, как идеалисты ищут последнего прибежища для «непознаваемого», непостижимого» и т. д. в области психической жизни, я продолжаю: «механистическое понимание природы, раскрывая, что и о б л а с т ь п с и х и ч е с к о й ж и з н и н е д а е т и с к л ю ч е н и й и з з а к о н а с о х р а н е н и я э н е р г и и, идет к своему завершению и вместе с тем к величайшему торжеству».

Положительно чудовищно, что человек, мнящий себя теоретиком марксизма, не просто отвергает эти воззрения, но и старается опорочить их в глазах партии.

Почтеннейший тов. Стэн, неужели вы не почувствовали, что защите, между прочим, и этих воззрений посвящен «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина?

Стэн воображает, напр., что он окончательно добивает меня, приводя следующие слова Ленина: «Это, конечно, сплошной вздор, будто материализм утверждал... обязательно «механическую», а не электромагнитную, не какую-нибудь еще неизмеримо более

сложную картину мира, как движущейся материи» *). Это сказано Лениным в связи с некоторыми новыми воззрениями на строение материи. Автор рецензии не понимает, что это не имеет никакого касательства к механистическому пониманию природы. Настолько не имеет касательства, что в своей «Электрификации» я дал как раз электромагнитную теорию строения вещества и до сих пор не расстался с нею.

Кстати сказать: первая глава моей «Электрификации» («Энергетика процессов природы»), а затем отдельные места в других главах дают именно то понимание процессов природы, которое я излагаю теперь в послесловии к Гортеру. Это прямо указано в моем послесловии. Знает ли Стэн, какой отзыв дал Владимир Ильич об этой работе и как в частности он отнесся к упомянутой главе, которая и была-то написана после совещаний с ним? Поразительно, как это Владимир Ильич не разнес меня за то, что свои личные взгляды я выдаю за марксизм!

Кто не знает, какую настойчивую борьбу вел Ленин с университетскими противниками тех воззрений, которые я изложил в «Энергетике процессов природы» и затем еще раз — в дополнении к книге Гортера?

И сколь беззаботным по отношению к естествознанию надо быть для того, чтобы проглядеть, что великое дело жизни К. А. Тимирязева, одного из наших величайших ученых, заключалось в развитии и пропаганде этих воззрений **).

Но здесь мне скажут: зачем же я ввел в искушение невинного младенца от марксизма и естествознания? Зачем изобрел свой термин «механистическое понимание природы» и тем самым заставил Стэна рыться в своих ученических записях и разыскивать, нет ли там чего-нибудь противо-«механического» вообще?

На беду Стэна термин не выдуман мною, а давно употребляется в иностранной биологической литературе. Впрочем, незачем предпринимать заграничное путешествие, — достаточно лишь слегка посмотреть текущую биологическую литературу в РСФСР, чтобы разом найти «механистическое понимание природы», именно в том значении, как это слово употребляется у меня. Вот, напр., сборник «Философия науки. Ч. II—биология», вышедший под редакцией проф. М. и Б. Завадовских, продолжателей К. А. Тимирязева (Гиз. 1923 г.). На стр. 7—8 мы читаем: «До настоящего времени каузально-аналитический метод с очевидностью показывает, что в пределах организма действуют те же виды энергии, что и в неживой природе»... Авторы «отдают предпочтение каузально-аналитическому методу, перед телеологическим, механистическим концепциям перед виталистическими, уже в силу несоизмеримой их продуктивности».

*) Стэн не указывает, каким изданием „Материализма“ он пользовался. В издании 1920 г. использованные им места стоят на стр. 265—266 и 284. Очень рекомендую читателю отыскать эти места и посмотреть, как использованы они у Стэна. Веселые минуты обеспечены.

**) На 5 стр. его „Жизни растения“, М. 1920, мы сразу встречаемся с таким положением: „Для того, чтобы об'яснять явления жизни, т. е. свести их на более простые физические и химические явления, в чем и заключается задача физиологии,—для этого нужно предварительно быть знакомым с этими последними явлениями“. Сравн. в моем послесловии стр. 146 и только что цитированное место. Сравн. также речь К. А. Тимирязева „Витализм и наука“: „Все, что приобретено физиологией до сих пор, приобретено только благодаря приложению к жизненным явлениям физических и химических методов исследования, благодаря распространению на них физических и химических законов“ (Сборник „Философия науки“. Часть II. Гиз. 1923 П. Стр. 67).

Или вот еще очень ценный сборник: «Очерки по теории эволюции» (Изд. «Кр. Новь». М. 1924). Составители его пишут, что они «стремятся дать наиболее механистические об'яснение эволюционного процесса, на основе отказа от всяких представлений, связанных с жизненной силой, и антропоморфического представления о целесообразности». Следовательно, и в этом случае, как у меня, вопрос ставится ребром: или механистическое понимание процессов жизни — или витализм. Начинает ли схватывать Стэн, какую желтую чепуху преподнес он читателям своей борьбой против ясно формулированных мною механистических воззрений?

Для всякого не абсолютно безграмотного в естествознании человека «механистическое понимание» означает, что виды энергии, действующие в живой природе, признаются теми же самыми видами ее, которые действуют в неживой природе. В самом названии необходимо подчеркнуть этот плодотворнейший принцип всего современного естествознания. «Диалектическое понимание» — слишком общее название. Для настоящего времени диалектическое понимание природы конкретизируется именно как механическое понимание, т.-е. как сведение всех процессов природы исключительно к действию и превращениям тех видов энергии, которые изучаются физикой и химией [1]).

Но тов. Стэн скажет: вот здесь-то Степанов и обнаруживает всю глубину своего марксистского падения. Степанов, сам не замечая того, уходит от тонкой диалектики Маркса-Энгельса к грубой механике естествознания.

Так как мышление у тов. Стэна вообще подменяется цитатами, то постараюсь растолковать дело понятным для него способом.

А. Деборин. «Введение в философию диалектического материализма». Гиз. 1922. Прим. на стр. 159. «Борьба между материализмом и феноменализмом (подчеркнуто, как и дальше, тов. Дебориным), сводится, таким образом, к борьбе между признанием материалистически-механической структуры действительности, количественной ее определяемости и метода об'яснения, с одной стороны, и психологически-феноменальной структуры действительности, качественной ее определяемости и метода описания — с другой».

Не хотите принимать материалистически - механистических об'яснений, так идите к Маху, Авенариусу, Оствальду и проч., — вот что говорит тов. Деборин. Ясно? Утешительно?

Г. В. Плеханов, примечания к «Л. Фейербаху», Энгельса, как раз к тому месту, которое дало тов. Стэну бо̀льшую часть его рецензии, и открыло его глаза и уши (Степанов защищает «механические» воззрения, а Энгельс их отвергает) к восприятию моих ошибок (Г. В. Плеханов. Сочинения, т. VIII. Гиз. 1923. Стр. 396): «По этому поводу можно заметить, пожалуй, что и химия, и биология, в конце концов, сведутся, вероятно, к молекулярной

*) Пользуясь случаем, не могу не указать на замечательно, редкостно для англичан выдержанную и очень сжатую книжку А. Шефера: „Жизнь, ее природа, происхождение и сохранение“. Гиз, без указания года издания.

механике. Но читатель видит, что Энгельс говорит не об этой механике, которой не имели, да и не могли иметь в виду французские материалисты, равно как и Декарт, их учитель, в деле построения «животной машины».

Отчетливо? Ведь, это, как-будто, специально по адресу тов. Стэна: когда в современной литературе встретишь «механику» и «механистический», не думай ниспровергнуть их, приведя то, что Энгельс говорил о французских материалистах и Декарте. А вся, буквально вся, разница тов. Стэна свелась к тому, что он, просто, повторил несколько соответствующих страничек из Энгельса, воображая, что они имеют какое-нибудь касательство к современным механистическим воззрениям.

Нет, тов. Стэн, так дело не пойдет! Не выйдет никакого толка, если вы просто будете долбить: не механистический, а диалектический, ровнехонько ничего не понимая, что означает то и другое.

А теперь несколько слов о моей первой грубой ошибке, открытой Стэном. Гортер признает, что последовательное современное миропонимание требует выдержанно материалистического понимания общества. Но, полагает он, можно быть хорошим историческим материалистом — и в то же время давать идеалистическое истолкование явлениям природы. Конечно, я решительнейшим образом выступил против этого «философского нейтрализма». Но, уверяет Стэн, при этом сам Степанов «ухитрился совершенно обойти вопрос о диалектике и диалектическом материализме». «Тов. Степанову,— вещает Стэн, — не проходит даром такое холодное равнодушие к материалистической диалектике. Первым следствием такого невнимания к диалектике у тов. Степанова является управление марксистской философии. Ввиду того, что материалистическая диалектика исчезла из поля внимания Степанова, ему приходится об'явить тождество философского материализма и современного естествознания. По этому поводу он (т.-е. Степанов) пишет: «Исторический материализм продолжает то дело, которое в одной своей части выполнено философским материализмом, или, употребляя более ясное и прямое название, выполнено современным естествознанием: для марксизма не существует области какого-то «философствования», отдельной и обособленной от науки: материалистическая философия для него — последние и наиболее общие выводы современной науки».

Чтобы читатели яснее почувствовали весь комизм поучений Стэна, я продолжу цитату из своего послесловия. «Идеалистическую философию он (марксизм) отвергает потому, что она мнит, будто бы обладает какими-то иными способами познания мира, кроме применяемых наукой, а на практике подменяет действительное знание произвольными построениями и прямыми фантазиями. Таким образом, идеалистическая философия не раскрывает мир, а обволакивает его туманами и, частью сознательно для идеалистов, частью бессознательно, задается целью подчинить людей власти фантазий вместо того, чтобы люди подчинили себе мир посредством труда, направляемого знанием».

Я, говоря о научном понимании природы, заявил, что для марксиста не существует области какого-то «философствования», отдельной и обособленной от науки: материалистическая философия для марксиста — последние и наиболее общие выводы современной науки.

Чтобы дать Стэну добавочный материал для расправы, я выволоку еще одного автора, который в данном случае говорит о понимании не природы, а общества, и приходит к таким выводам:

«Там, где прекращается спекуляция, т.-е. у порога реальной жизни, начинается реальная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей. Исчезают фразы о сознании, их место должно занять реальное знание. Когда начинают изображать действительность, теряет свое raison d'être самостоятельная философия. На ее место может, в лучшем случае, стать суммирование наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей» (Чем отличается это от моих «последних и наиболее общих выводов современной науки»? И. С.). «Но абстракции эти сами по себе, обособленные от реальной истории, не имеют никакой ценности» (А это что такое, как не отрицание «философствования», отдельного и обособленного от науки»? И. С.).

Конечно, читатели уже по стилю узнали этого автора. Конечно же, это Маркс [1]).

Великолепный Стэн так поучает меня (а теперь оказывается, и Маркса); «Забыв, что существует метод материалистической диалектики, и что основная задача марксистской философии и заключается в выработке научной методологии, логики науки, тов. Степанову ничего не осталось делать, как свести понятие марксистской философии к плоскому определению: «последние и наиболее общие выводы современной науки». В окончательное посрамление меня Стэн приводит следующие слова Энгельса: «От всей прочей философии остается еще, в качестве самостоятельной науки» (науки, заметьте это, Стэн), «учение о мышлении и его законах— формальная логика и диалектика. Все прочее относится к положительной науке о природе и истории».

Очень хорошо. Но, во-первых, об этом, как мы только что видели, забыл и Маркс. И во-вторых, что сказали бы мы о таком комике, который, встретившись с разделением наук на науки о природе и науки об обществе, с видом величайшего умника спросил бы: «а позвольте вас спросить, куда вы девали низшую и высшую математику?» И заметьте, Энгельс (Dühvings Umwäbrung, стр. 137) действительно сближает элементарную математику с формальной логикой, а высшую математику — с диалектикой.

Как ни надоело мне возиться со Стэном,—а надоело убийственно, невыразимо, — еще одна цитата: «Если мы станем выводить мировую схематику не из головы, а лишь посредством головы из действительного мира, выводить основы бытия из того, что есть, то нам для этого нужна не какая-либо философия, а положительные знания о мире и о том, что в нем совершается; и то, что при этом получается, опять-таки не какая-либо философия.

*) „Архив К. Маркса и Ф. Энгельса". Книга I М. 1924. 216. Тов. Д. Б. Рязанову принадлежит заслуга открытия и опубликования поразительно ценной работы Маркса, которая еще долго мариновалась бы германской с.-д. Эта работа представляет часть „Немецкой идеологии".

а положительная наука... Затем, если уже нет никакой необходимости в философии, то нет необходимости и в какой-либо системе, даже в какой-либо естественной системе философии. Понимание того, что совокупность процессов природы находится в систематической связи, побуждает науку повсюду, как в частностях, так и в целом, раскрывать эту связь». Этот автор, который дошел до плоского упразднения всякой философии и, забыв о формальной логике и диалектике, целиком заменил ее положительной наукой, не кто иной, как Энгельс (там же, стр. 23) *).

А, впрочем, вот еще пример «плоского упразднения философии», задача диалектического материализма была, таким образом, предначертана заранее. Философия, оказавшая в прошлые столетия огромные услуги естествознанию, должна была теперь освободить социальную науку из лабиринта ее противоречий. По выполнении этой задачи философия сможет сказать: «я сделала свое дело, я могу уйти, так как в будущем точная наука должна сделать бесполезными гипотезы философии».

Это — из «Очерков по истории материализма» Г. В. Плеханова («Сочинения». Т. VIII. Стр. 145).

Тов. Стэну остается только грызть и изворачивать это ясное положение.

Но как же все-таки обстоит дело с моим отношением к диалектическому материализму? И не грешит ли на этот счет мое послесловие к Гортеру?

Обращаемся опять к Стэну.

Обрисовав механический материализм XVII—XVIII века, он продолжает: «отсутствие диалектического метода не дало возможности точно и ясно установить конкретные особенности, качественную определенность механических процессов в отличие от органических и наоборот». Но уже Гегель показал, что «познать закономерность всякого развития, заключающегося в исчезновении старых и возникновении новых, особенных состояний, можно только на основе качественно-конкретного исследования. Категория качества указывает ту линию, по которой проходит грань между формальной логикой и логикой диалектической». «Из материалистов уже Фейербах понял важное значение качественно-конкретного момента». И, наконец, у Маркса и Энгельса диалектический материализм становится высшей формой материализма, «которая «отменяет» в гегелевском смысле этого слова прежние, ограниченные формы материализма и покоится на изучении всей природы и человеческой истории» (стр. 86—87).

Если бы не последняя фраза, то история новейшего материализма превратилась бы у Стэна в историю «саморазвития духа, «саморазвития диалектического метода». Однако, мы сейчас увидим, что Стэн равнехонько ничего не понимает в том, как это диалектический материализм связан в своем развитии с развитием положительной науки.

Посмотрим, как это дело выясняется у Энгельса.

---

*) Предупреждение для читателей: почти каждый раз, когда я хотел привести цитату из Анти-Дюринга по изданию 1923 г. Гиза, я открывал либо вольное изложение вместо перевода, либо прямые искажения. Нигде не проставлено имени лица, ответственного за перевод. Когда же этому будет положен конец?

Останавливаясь на причинах ограниченности материализма у Фейербаха, Энгельс говорит, что, хотя три решающих для современного естествознания открытия: клеточка, закон превращения энергии и эволюционная теория Дарвина, были сделаны при жизни Фейербаха, однако, последний жил в такой мурье, что для него осталось недоступным «сделавшееся теперь возможным историческое понимание природы, устраняющее все односторонности французского материализма» (L. Feuerbach, стр. 21—22).

В последнем предисловии (1885 г.) к «Анти-Дюрингу» Энгельс обстоятельно показывает, почему так важны для развития диалектического материализма упомянутые три открытия. Еще лет десять тому назад,—говорит он,—основной закон движения понимался просто как закон сохранения энергии. «Теперь это узкое отрицательное выражение все более вытесняется положительным выражением превращения энергии, при котором только и воздается должное качественному содержанию процесса». Теперь уже можно особенно не останавливаться на том, что количество движения во всех превращениях его из одной формы в другую остается неизменным: закон превращения энергии дает прочный базис для много более богатого содержанием исследования «самого процесса превращения, этого великого основного процесса, в познании которого резюмируется все познание природы» (стр. XVII—XVIII).

Мы уже видели, что, когда я сжато формулировал «этот великий основной процесс, в познании которого резюмируется все познание природы», и которым воздается должное качественному содержанию явлений природы, Стэн вытряхнул несколько цитат, в которых встречается слово «механический», и потребовал «качественно-конкретного исследования». Не знает ли кто-нибудь, какое словцо пустил бы Влад. Ильич по адресу такого критика?

Следуем дальше за Энгельсом.

«С того времени, как биология пользуется светом эволюционной теории, в области органической природы рушатся одна за другой закостенелые пограничные линии классификации» и т. д.

А наш рецензент умудрился не упомянуть ни единым словом, что я даю сжатый очерк именно этих воззрений на развитие органической природы,—именно этих диалектических воззрений.

Указав дальше, что было привнесено в диалектическое понимание природы открытием клеточки, Энгельс продолжает: «Но именно эти представлявшиеся непримиримыми и неустранимыми противоположности, эти насильственно фиксированные разграничительные линии и классификационные различия придавали современному теоретическому естествознанию его ограниченно-метафизический характер».

А наш рецензент и не заметил, что значительная часть моего послесловия посвящена как раз изображению того, чем становится современное естествознание, освобождаясь от метафизической ограниченности!

И, наконец, говорит Энгельс, «понимание того, что, хотя эти противоположности и различия встречаются в природе, однако, имеют лишь относительное значение, что, напротив, упомянутая

выше кажущаяся закостенелость и абсолютность вносятся в природу только нашей рефлексией, — понимание этого составляет ядро диалектического воззрения на природу».

Всякий, кто прочитает мое послесловие, признает, что в нем как раз и дана попытка раскрывать это ядро современного диалектического понимания природы.

А вот наш великолепный Стэн ничего этого не заметил. Да и не мог заметить. «Анти-Дюринг» остался для его понимания книгой за семью печатями. Для того, чтобы написать ее, для того, чтобы поднять диалектический материализм до такой высоты, требовался именно Энгельс с его жадным интересом к естествознанию, с его неустанными работами в этой области, с его поразительным чутьем тех открытий, которые действительно составили эпохи в истории естествознания. Для того, чтобы понимать «Анти-Дюринга», надо быть знакомым хотя бы с элементами современного естествознания. А Стэн, — ну, что же сказать о нем, если его возмущает одна мысль об упразднении «философствования, отдельного и обособленного от науки». Очевидно он предпочитает и видит свое особое преимущество в том, чтобы, отгородившись от положительной науки, целиком отдаться «философствованию», не стесняемому связью с наукой.

И вот этот-то начетчик от марксизма имеет, мягко выражаясь. «смелость» закончить свою рецензию таким увещанием: «Если тов. Степанов считает возможным не отнестись к этому (к критике Стэна) серьезно, то мы можем дать ему только единственный совет, не выдавать того, что является его «личным», «индивидуальным» взглядом, за марксистскую философию, за ортодоксальный марксизм».

Больно, обидно, досадно становится, когда приходится ухлопывать время не на положительную работу, а на возню с «марксистом-машиной», построенным не по Декарту и не Ламетри, а по Эдисону.

Когда Владимир Ильич прочитал мою «Электрификацию», он прислал мне предисловие и препроводительную записку, в которой, между прочим, писал: «... от этой книги я в восторге. Вот это дело! Вот это—образец того, как надо русского дикаря учить с азов» (два раза подчеркнуто), «но учить не полунауке, а всей науке». «Азы» — это глава об «Энергетике процессов природы», положенная в основу моего послесловия к Гортеру.

Владимир Ильич не мог предвидеть, что найдутся люди, которые вместо того, чтобы поучиться азбуке, с большим самодовольством станут учить ее составителя.

Ив. Теодорович.

Много шуму из ничего.

В «Большевике» (№ 7—8) помещена статья тов. Я. Берзтыса, посвященная разбору напечатанных в первом выпуске «Трудов Земплана» работ проф. Кондратьева и Огановского о перспективах развития сельского хозяйства С.С.С.Р.

Тов. Берзтыс привел ряд аргументов и соображений, которые, видимо, казались ему убедительными и достаточными для того, чтобы сделать нижеследующий «сокрушительный» вывод: «появление работы Кондратьева и Огановского под фирмой Земплана служит показателем того, насколько сильно влияние буржуазных аграрников д а ж е (курсив тов. Б.) в руководящих правительственных учреждениях. На этом примере мы лишний раз убеждаемся в том, насколько небрежно относится наша партия к аграрной теории». (Стр. 113).

С самого начала я должен заявить, что статья проф. Кондратьева и Огановского не являются их индивидуальным творчеством; что основные положения статей разработаны и обсуждены полным составом Земплана, под моим, автора этих строк, руководством, по прямым директивам Коллегии НКЗема и что последняя, равно как и с.-х. секция госплана, утвердила соответствующий доклад Земплана. Таким образом, крайне суровый отзыв т. Берзтыса получает большой не только литературный, но и общественный интерес. Вот почему я не могу оставить без ответа выступление тов. Берзтыса.

Перечитаем еще раз его отзыв. Вряд ли сам гоголевский капитан Копейкин выразился бы более «энергично» об английской интриге! По истине, «все смешалось в доме Облонских». Наркомзем, Земплан, сама партия — изобличены, посрамлены, а тов. Берзтыс стоит, как купец из знаменитого рассказа Глеба Успенского, словно Минин и Пожарский на Красной площади, а вокруг него «пространство распространено».

Нам остается только взглянуть, действительно ли так «монументален» тов. Берзтыс с его аргументацией?

Тов. Б. начинает свою критику со статьи проф. Кондратьева. Эта последняя, прежде всего, «констатирует, как факт, наличие определенного вида основных тенденций развития сельского х-ва в 1900—16 г. (стр. 3). У т. Б. нет ни малейшего указания на то, что он считает в какой бы то ни было мере неправильной характеристику этих тенденций. Бой начинается совсем по другому поводу. а именно по вопросу, с какими причинами и факторами были связаны эти тенденции. Проф. Кондратьев перечисляет ряд таких факторов, и вот тут-то тов. Берзтыс бросается в атаку.

«Начнем,—говорит он,—с первого и, повидимому, самого главного фактора *)—роста населения».

Ну, что-ж, начнем!

Прежде всего приходится спросить, к кому же собственно относится слово «повидимому»? Кому видится», будто рост населения есть самый главный фактор? Так как из текста рецензии т. Б. ясно, что он в таком грехе не повинен, то, очевидно, что так должен думать как раз критикуемый автор. Но это — прямая неправда. Во всей работе проф. Кондратьева нет и намека на то, что он считает рост населения не то что самым главным, а даже просто главным фактором. Напротив, на стр. 7 он пишет: «оговариваемся, что мы не занимаемся здесь исканием какого-то одного основного (т.-е. «самого главного!» И. Т.) фактора; мы говорим о совокупности органически связанных между собой условий». И несколькими строчками ниже заявляет: «для удобства изложения начнем анализ с указания на рост населения». Итак, с роста населения проф. Кондратьев начинает не потому, что считает его «самым главным» фактором, а по более прозаической причине: «для удобства изложения».

Итак, констатируем, что т. Б. начать то начал, но начал нехорошо: с передержки, с подсовыванья противнику того, чего тот не говорил. Дурное предзнаменование для нашего путешествия по «распространенному пространству!».

Но идем дальше.

Тов. Б. продолжает: «Прирост населения в 19% связывается (у Кондратьева) с таким же увеличением дохода от сельского хозяйства в первом (до-военном Ив. Т.) и в третьем (после-нэповском Ив. Т.) периодах; уменьшение населения во второй период вызывает деградацию сельского хозяйства; наконец, «темп прироста сельского населения мы можем признать за минимальный темп развития и самого сельского хозяйства» (это цитата из Кондратьева Ив. Т.) в будущем. Словом, плодитесь и размножайтесь и уплотняйте Советскую территорию—вот вернейший рецепт для под'ема сельского хозяйства!» (стр. 109).

Развернем критикуемую т. Берзтысом книгу на стр. 40—41. Там мы читаем: «На известной ступени плотность земледельческого населения также является фактором, толкающим крестьянское хозяйство к рынку. При отсутствии же рынка высокая плотность становится не фактором, а тормазом сельско-хозяйственного прогресса. Именно такой момент наступает у нас в большинстве районов России».

Теперь я попрошу читателя сопоставить два последних курсива: из статьи т. Б. и из разбираемой книги. Что прикажете делать с критиком, позволившим себе на глазах у читателя, среди белого дня, превратить «тормаз с.-х. прогресса», в «вернейший рецепт для под'ема сельского хозяйства? Нехорошо, тов. Берзтыс, очень нехорошо! «Роза» вашей убийственно грациозной иронии,—говоря языком одного из персонажей Чехова,—«стала издавать запах вспотевшей лошади»: ибо, т. Б.,—то, что вы проделываете, есть наездничество самого дурного тона.

*) Все курсивы, если я не оговариваю их особо, принадлежат мне. Ив. Т.

Но и, кроме этого, бесподобного перла — «плодитесь и размножайтесь» — выписанные ранее слова нашего критика заключают в себе ряд других искажений и передержек: например, увеличение дохода от с.-х. в первый период (кстати, не на 19%, как пишет т. Б., а на 33,8%) вызывается, по Кондратьеву (стр. 4) вовсе не ростом населения, а «повышением производительности труда; деградация же с.-х. во второй период об'ясняется не уменьшением населения, как «излагает» т. Б., а целью совсем других причин (см. стр. 12, где перечисляется целых семь причин).

Допустив такие непозволительные передержки в первых же 8 строках своей «критики», т. Б. не унимается и далее. У него постоянно проскакивают такие «формулировки», якобы, мыслей проф. Кондратьева: «движение производительных сил сельского хозяйства прямо пропорционально движению прироста народонаселения»; «прирост населения верный барометр развития производительности сельского хозяйства», «рост населения—причина возникновения общественного разделения труда, отделения промышленного труда от сельского хозяйства» и т. д. и т. п.

Нечего и говорить, что подобные «формулировки» мыслей проф. Кондратьева самым недобросовестным образом навязаны ему т. Б., и что в действительности проф. Кондратьев не утверждает ничего подобного, ни в одном месте своей статьи.

Один из героев О. Генри откровенно и простодушно говорил о себе: «я корреспондировал одно время в Спрингфильдскую газету, и когда у меня не было фактов, я их сочинял». Неужели тов. Б. думает, что пример этого милого литератора достоин подражания?

В чем же, наконец, дело? Где зарыта собака и какая?

А дело в том, что проф. Кондратьев, хотя и не считает «фактор» народонаселения «самым главным», «основным», «причиной причин», верным барометром и пр., тем не менее находит, что действие этого фактора — иногда отрицательное, иногда положительное, — приходится учитывать, приходится подвергать тщательному конкретному изучению и анализу в цепи других факторов и причин.

Тов. Б. считает такой взгляд явным буржуазным предрассудком. Но попробуем справиться на этот счет у настоящих учителей марксизма.

«В земледелии, (если оно ведется капиталистически), постоянно имеется налицо то относительное перепроизводство, которое само по себе тождественно с накоплением, и которое при других способах производства непосредственно вызывается ростом населения». (К. Маркс, III т., стр. 212).

«Стимулом прогресса капиталистического земледелия является рост населения, рост конкуренции (т.-е. рынка — Ив. Т.), рост индустрии» (Ленин. т. IX «Капитализм в сельском хозяйстве», стр. 40).

Ленин говорит о капиталистическом земледелии, Макрс — о земледелии при других способах производства, — но оба автора, с неоставляющей никакого места для сомнений отчетливостью, говорят о громадной роли фактора народонаселения. В «Основных вопросах марксизма», в работе, которую — скажу во избежание возможных придирок т. Б.—т. Бухарин называет «лучшей рабо-

той по теории исторического материализма», Плеханов говорит: «фактор» народонаселения, как выражается А Кост, бесспорно оказывает очень большое влияние на общественное развитие» (стр. 59). Итак, Маркс, Ленин, Плеханов — все в один голос свидетельствуют, что серьезному исследователю общественных явлений нужно очень и очень считаться с разбираемым фактором. Вряд ли поэтому можно назвать иначе, чем легкомысленными, упреки, бросаемые тов. Берзтысом по адресу проф. Кондратьева, который — вольно или невольно — но не разошелся с указаниями лучших учителей марксизма, когда считал необходимым учет действия фактора народонаселения. Почему же тов. Берзтыс попал в такой просак? Мне кажется потому, что он слишком упрощенно и прямолинейно понял знаменитую формулу Маркса о всерешающем значении уровня развития производительных сил.

Тов. Берзтыс, подобно солдатам армии Кромвеля, провозглашавшим: «Иисус Христос—и никакой пощады», твердит с пугающей мрачностью: степень развития производительных сил и к чорту все остальное! А между тем прав, разумеется, Плеханов, который со свойственной ему тонкой иронией высмеивал подобных упростителей марксизма. «Хотя у Маркса всякое общественное движение об'ясняется экономическим развитием общества (т.-е. уровнем развития производительных сил — И. Т.), но оно очень часто об'ясняется им лишь в последнем счете, т.-е. предполагает промежуточное действие целого ряда других «факторов» (l. с., 61 стр.).

Теперь спросим себя, каково же «промежуточное действие» нашего фактора народонаселения? При каких условиях оно является положительным и при каких—отрицательным? Тут нам приходится опять процитировать тов. Берзтыса, склонного высказаться за «отрицательное». «Если,—говорит он,—в результате прироста населения за одним плугом стали бы ходить два рабочих, или вместо прежнего одного пустили в работу два плуга, то от этого не повысилась, а понизилась бы производительность труда, следовательно и сельского хозяйства» (стр 109). Когда мы прочитали эти строчки у тов. Б., они показались нам подозрительно знакомыми. И действительно, пример с плугом позаимствован автором у Каутского, без всякой ссылки на последнего. (Боюсь, что такая литературная манера делается у нас через чур модной!). Но гораздо хуже то обстоятельство, что т. Берзтыс вдобавок взял да и исказил мысль Каутского. «Если имеется только один плуг,—пишет последний,—то прибавка еще второго работника, нисколько не увеличит производительности этого плуга. Скорее будет более выгодно употребить в дело вместо одного плуга два. При этом поле было бы вспахано гораздо быстрее, и можно было бы раньше приступить к посеву». — («Размножение и развитие в природе и обществе», стр. 56).

Не без умысла, конечно, т. Б. не передал того оттенка мысли Каутского, который имеется в подчеркнутых нами словах. Дело в том, что, приведя этот пример и еще ряд других, Каутский дает формулу, которая очень точно изображает соотносительные роли формы хозяйства и густоты населения, т.-е. как раз то, что нас интересует в споре с т. Берзтысом. Вот что утверждает Каутский:

«Всякая форма хозяйства предполагает определенное количество работников, а следовательно, и определенную степень густоты населения, при отсутствии которой она не может быть использована как следует. Но она не может применять с успехом добавочные рабочие силы дальше определенного максимума (l. с., стр. 57) и затем: «каждое улучшение, каждый технический прогресс требует определенного количества труда. Это количество вовсе не должно быть неизменным. Но всегда существует определенный минимум труда, без которого вообще немыслимо провести это улучшение, и максимум, при превышении которого всякая дальнейшая прибавка труда бесполезна», (стр. 58). И еще: «Каждый способ ведения с.-х. требует определенной плотности населения; пока не достигнута эта плотность, хозяйство не развернет всей своей производительности» (стр. 265). Поэтому-то «для каждой исторической эпохи приходится особо изучать законы изменения уровня средств существования, как и законы прироста народонаселения» (стр. 268).

Трудно, думается нам, яснее выразить мысль о роли фактора населения и о пределах этой роли.

Мы видели, что т. Б. знаком с вышеупомянутой работой Каутского, но он недостаточно понял ее основные положения, а между тем работа эта должна быть признана образцом марксистского анализа вопроса о роли населения. Я приведу из нее несколько цитат, и пусть т. Б. попробует доказать, что рецензируемая им книга в оценке и в учете роли плотности населения идет в разрез с положениями Каутского.

«Разделение труда, которое до того имело место только между различными полами и возрастами, распространилось и на различные занятия. Одно ремесло за другим отрывается от земледелия, по мере того, как растут излишки продуктов земледелия и по мере того, как в одной и той же местности увеличивается число людей, производящих такие излишки, т.-е. по мере того, как возрастает также общая сумма излишков в одной и той же местности» (стр. 72). И дальше: «Существует еще один отводный канал для излишков крестьянского населения, который играет огромную роль в процессе исторического развития: города, существование и процветание которых было бы немыслимо без постоянного притока новых элементов из деревни (стр. 137) и наконец: «Мы уже указали, какую важную роль в развитии общества играет излишек людей, доставляемых крестьянским хозяйством, что особенно большое значение для этого развития имеет тот излишек, который направляется в города... Разделение труда в городах дает возможность ремеслу производить орудия и инструменты, в которых нуждается крестьянское хозяйство, в более совершенном виде... Ремесло, таким образом, повышает производительность крестьянского труда» (стр. 140). Если читатель внимательно вдумается в последние три цитаты, то он, разумеется, согласится со мною, что те же мысли—и только те же—высказывает проф. Кондратьев, когда пишет: «С ростом плотности населения, как всегда, должно было итти и, действительно шло увеличение разделения труда среди населения. Это разделение шло, прежде всего, в форме дифференциации между городом и деревней... Это создавало не-

обходимые предпосылки для применения лучшей техники с.-х. производства» (стр. 7). А между тем именно эти строки проф. Кондратьева вызвали особенно «язвительное» настроение у тов Б. Процитировав их, он непосредственно вслед за ними спрашивает: «Значит рост населения—*причина* возникновения общественного разделения труда, отделение промышленного труда от сельского хозяйства?» (стр. 109). Читатель уже знает, что слово «причина» подсунуто проф. Кондратьеву, и что последний не хотел сказать больше того, что говорит и Каутский, указывающий — в более скромных чем «причина» выражениях — лишь на «важную роль», «особенно большое значение» фактора населения. Почему же так «язвителен» т. Б.? Не потому ли, что, как выражается один из персонажей О. Генри, «он уже взобрался на ходули и не хочет вниз нипочем»!

В силу всего вышесказанного мы совершенно отвергаем тот окончательный вывод, к которому пришел т. Б. по вопросу о роли населения. Он пишет: «Словом, рост населения совершенно не пригоден для об'яснения под'ема сельского хозяйства или его регресса» (стр. 110). Наоборот, имея за собой мнения Маркса, Ленина. Плеханова и Каутского, мы утверждаем: без учета «роли» и «значения» фактора народонаселения—в известных условиях—мы рискуем скатиться в плоскость бессодержательных, лишенных и тени конкретности, общих формул А такое неакадемическое учреждение, как Земплан, призван, разумеется, давать не общие алгебраические формулы, а конкретный анализ конкретной действительности. А его-то ни единым звуком и не коснулся т. Берзтыс.

Итак, каковые же результаты нашего рассмотрения критических замечаний т. Б.? Их два: во-1-х, мы констатировали сличением цитат, что т. Б. исказил точку зрения критикуемой им работы, подсовывая ей не то, что она утверждала, и во 2-х, мы видели, что т. Берзтыс не усвоил себе подлинной точки зрения марксизма на обсуждаемый им вопрос, а потому и не мог заметить, что решительно никакого расхождения между этой точкой зрения и положениями разбираемой им книги — не имеется.

«Перейдем, — продолжает т. Б., следуя за проф. Кондратьевым,—к другим факторам—разделению труда между городом и деревней, между отдельными с.-х. районами и затем к рынку» (стр. 110). Он делает несколько замечаний об «экономической сущности рынка», не идущих большею частью совершенно к делу и излагающих общеизвестные истины, впрочем, и тут со свойственной нашему критику неотчетливостью и упрощенностью *). Все эти замечания понадобились т. Б. для того, чтоб сделать нижеследующий победоносный вывод: «Основной фактор расширения общественного разделения труда в сельском хозяйстве и углубления рынка сбыта продуктов сельского хозяйства—*это прогресс промышленного производства*». Разумеется, автору кажется, что этот вывод целиком направлен против проф. Кон-

*) Например, он пишет: „Отделение обрабатывающей промышленности от с. х. превращает само земледелие в отрасль хозяйства, производящую на рынок“. Это до последней степени упрощено и неточно. Предлагаю вниманию тов. Б. хотя бы следующее место из „Новых данных о законах развития капитализма в земледелии“—Ленина: „общеизвестно, что натуральное хозяйство, т. е. производство не на рынок, а на собственное потребление хозяйствующей семьи, именно в земледелии играет сравнительно *очень большую роль*, и *особенно медленно уступает место торговому земледелию*“. стр. 54.

дратьева. Но послушаем последнего: «Необходимо учесть еще один фактор, значение которого трудно преувеличить: это рост рынка и повышение рыночных коньюнктур. Несомненно, высокие рыночные кон'юнктуры и особенно на продукты интенсивных отраслей форсировали развитие сельского хозяйства и, в особенности, рост наиболее интенсивных отраслей его. Само повышение рыночных кон'юнктур было обусловлено ростом емкости потребительских рынков, ростом индустриализации России и Европы» (стр. 7) *).

Тов. Берзтыс говорит о «прогрессе промышленного производства», как о факторе углубления рынка; проф. Кондратьев говорит об «индустриализации России и Европы», как о процессе, «обусловившем» развитие рынка. Пусть же т. Б. попробует раз'яснить нам разницу между «прогрессом промышленного производства» и ростом «индустриализации»? Разумеется, это ему не удастся.

Запомним же, что т. Б. не повезло и при рассмотрении «*других факторов*» так же, как и при разборе фактора народонаселения. Но на этот раз он применил новый прием: исказил подлинное мнение своего противника тем, что не процитировал того, что процитировал бы на его месте всякий добросовестный критик.

Вслед за этим т. Б. переходит к подведению итогов. «Таким образом,—резюмирует он,—*авторы* ограничились только анализом *второстепенных* взаимодействующих факторов развития сельского хозяйства, на основании изучения конкретно-статистического материала *вне связи с основным*. Поэтому вывод, что с.-х. прогресс довоенного периода, выражавшийся в пяти тенденциях, *вызван совокупностью этих второстепенных* факторов, является *теоретически* (курсив т. Б.) необоснованным».

Выше мы видели, что один из атакуемых т. Б. авторов — проф. Кондратьев—не хуже т. Б. понимает коренное значение для с.-х. факта индустриализации страны. Впрочем, может быть другой автор — проф. Огановский — этого не понимает? Но вот как он начинает свою статью: «Современное состояние народного хозяйства России, как нельзя более ясно показывает, какая тесная зависимость существует между двумя главными его отраслями — сельским хозяйством и индустрией» (стр. 37).

Правда, т. Берзтыс, насчет зависимости между с.-х. и индустрией мыслит до последней степени «самобытно». Он думает, что «основным фактором, определяющим общее направление развития сельского хозяйства, является... крупное промышленное производство, в *системе которого сельское хозяйство составляет лишь отдельную отрасль, подчиняющуюся общим законам развития капиталистической промышленности*» (стр. 112). Ниже мы цитатами из наших учителей покажем, какую совершенно неприличную карри-

*) В работе Кондратьева повсюду разбросаны аналогичные указания на решающую роль индустрии. Но т. Б. делает вид, что их не замечает. Вот например, на стр. 19 Кондратьев пишет: „с осени 1922 г. обнаружилась глубокая депрессия на внутреннем рынке продуктов сельского хозяйства. Она обусловливается... *значительной глубиной разрушения индустрии и городов страны*. И ниже—„рыночный оборот... будет расширяться внутри страны под влиянием—роста разделения труда, дифференциации районов и *восстановления промышленных и городских центров*“ и т. д.

катуру на марксистское учение представляют подчеркнутые нами строки. Теперь же сопоставим цитату из Огановского со следующей мыслью Каутского: «если прогресс с.-х. обусловливается высотой развития и формой городской индустрии, то прогресс последней, в свою очередь зависит от размеров и формы излишков, производимых почвой» *) (стр. 141). Кто поймет эту очень верно и точно формулированную мысль Каутского, тот согласится и с Огановским, и с утверждением Кондратьева, что «прогресс с.-х. был вызван совокупностью глубоких и органически связанных условий». По Кондратьеву эти «органически связанные» условия таковы: рост индустриализации России и Европы, углубление рынка как в форме разделения труда между городом и деревней, так и в виде дифференциации районов, и, наконец, та или иная степень плотности населения. Умышленно «проглядев» у Кондратьева и Огановского категорическое указание на роль индустриализации, т. Б. называет остальные факторы «второстепенными».

Выше мы цитировали из Ленина: «Стимулом прогресса капиталистического земледелия **) является рост населения, рост конкуренции (т.-е. рынка с его специализацией—И. Т.), рост индустрии». Пусть осмелится т. Б. поупражняться на тот счет, что и Ленин в этой своей краткой, но вполне исчерпывающей формуле путает «основной фактор» со второстепенными. Мы уже можем с полным удовлетворением констатировать тот факт, что сотрудники Земплана учли те же самые моменты, которые считал важным учитывать и Ленин.

Перейдем теперь ко второму выводу, сделанному т. Б. Указав на то, что не понимая (будто бы?) прошлого в развитии сельского хозяйства, авторы не могут понять и его будущего, наш критик совершенно несправедливо начинает придираться к Кондратьеву за нижеследующее.

Кондратьев, опираясь на факты, установил, что после провозглашения новой экономической политики, в развитии с. х. обнаружились в основных чертах те же самые тенденции, какие намечались и в довоенный период. Об'ясняя это явление, Кондратьев сослался на «внутреннюю инерцию с. х.». Разумеется, всякий сведущий читатель не найдет в этой мысли ничего такого, чего бы не констатировали десятки и сотни статей самых ответственных хозяйственников-коммунистов. Ведь стало общим местом то положение, что НЭП, развязав рынок, вызвал—в той или иной степени — возрождение тех же самых линий развития, какие наблюдались в сельском хозяйстве и в до-военный период. Но т. Б. отказывается понять эту несложную мысль. Больше того, он разрешает себе посмеяться над противником. «Как философов-идеалистов из всех трудных положений,—замечает т. Б.—выручал бог, так экономистов народнического толка выручает «внутренняя инерция», особые (иронический курсив самого т. Б.) законы развития сельского хозяйства» (стр. 111). Итак, т. Б., «особые законы развития сельского хозяйства», по вашему, такая же

*) Напоминаем читателю еще раз, что при определении размеров и формы излишков с.-х. Каутский категорически указывает на „очень важную" роль фактора народонаселения. см. выше.

**) Нечего и добавлять, что прогресс русского сельского х-ва в 20 в. был пенно прогрессом капиталистического земледелия. Ив. Т.

смешная чертовщина, как и «бог» философов-идеалистов. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним! Раскроем Ленина, т. IX, стр. 10. Там мы находим такие строки: «Каутский, прежде всего, дает в высшей степени точную и правильную постановку вопроса. Он самым решительным образом заявляет: «Не подлежит никакому сомнению, что сельское хозяйство не развивается по тому же шаблону, как и индустрия: оно подчиняется особым законам». Неправда ли, как это суждение похоже на вышеприведенную каррикатурную формулировку т. Берзтыса: «Сельское хозяйство составляет лишь отдельную отрасль, подчиняющуюся общим (Sic) законам развития капиталистической промышленности *) (Sic). Итак,—заключаем,— т. Берзтыс считает «чертовщиной» то, что Ленин находил «в высшей степени точным и правильным».

Увы, что сделать, итальянец в силе?
Его пугает вид эпитрахили.
Француз же не боится ничего:
Он нападет на папу самого!

По-истине, французский темперамент у этого т. Берзтыса!

В последней части своей работы т. Б. останавливается на тех задачах и целях сельско-хозяйственной политики, которые мы должны преследовать и на той «системе государственных мероприятий», которая должна послужить рычагом для осуществления этих задач и целей. И в этой части его критических замечаний мы наталкиваемся на груду передержек, путаницы, несправедливых придирок.

Для удобства изложения мы начнем «с конца»,—с заключительного вывода т. Б.: «выдвинутые авторами положения следовало бы заменить другими, а именно: 1) развитие производительных сил сельского хозяйства и постепенное направление их из русла индивидуального в русло коллективного хозяйствования, 2) поддержание соответствия между развитием производительных сил в промышленности и в сельском хозяйстве, 3) укрепление политического союза рабочего класса с беднейшим крестьянством».

Мы заявляем самым категорическим образом, что никакой замены по существу т. Б. здесь не предлагает, что в только что приведенных своих тезисах он дает только ухудшение формулировки того же, на что указывает и Кондратьев. Судите сами. Возьмем первую часть пункта первого: «развитие производительных сил сельского хозяйства». Сказать: развивайте производительные силы, значит ничего еще не сказать. Кондратьев совершенно справедливо замечает, что нельзя ограничиться таким положением. Вот что он пишет: «наиболее бесспорным и очевидным критерием расценки необходимо считать принцип разви-

*) Предлагаю вниманию т. Берзтыса еще следующие слова Ленина; „Есть особенности земледелия, которые абсолютно неустранимы... Вследствие этих особенностей крупная машинная индустрия в земледелии никогда не будет отличаться всеми теми чертами, которые она имеет в промышленности. (IX т. стр. 82). Подумайте, тов. Б. Даже „машинная индустрия в земледелии",—не говоря уже о других формах сельско-хозяйственного производства.

тия производительных сил. Однако, принцип развития производительных сил народного хозяйства в общем виде является принципом слишком отвлеченным и поэтому недостаточно содержательным. Необходимо вложить в него совершенно определенное содержание, в соответствии с современными экономическими и политическими условиями жизни страны стр. 21). И это содержание Кондратьев видит, конкретно, в ставке: 1) на интенсификацию определенных районов, 2) на рационализацию экстенсивного хозяйства многоземельных районов, 3) на повышение товарности крестьянского хозяйства и 4) на индустриализацию с. х. Т. Б., ни единым звуком не критикуя этой конкретной расшифровки формулы «развития производительных сил», делает шаг назад, когда выбрасывает конкретное содержание и ограничивается пустой, ничего не говорящей, в данном случае, абстракцией.

Далее. Вторая часть пункта первого: «постепенное направление производительных сил из русла индивидуального в русло коллективного хозяйствования». На этом положении мы вынуждены остановиться несколько подольше. Оно, по мысли т. Б., должно заменить следующую формулировку Кондратьева: «стремиться к организации самодеятельности населения, в частности, к кооперированию крестьянских масс» (стр. 35). Почему же т. Б. не доволен формулой Кондратьева? Какой новый оттенок привносит он своей формулой?

Заглянем в сочинения Ленина. В статье «О кооперации» читаем: «Раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас действительной задачей осталось только кооперирование населения... В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэп'а есть все, что нам нужно... Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения. «Эти мысли Ленина будут совершенно недостаточно поняты теми, кто забыл бы его основные построения, данные в брошюрах: «О левом ребячестве и о мелкобуржуазности» и «О продовольственном налоге». Их крайне необходимо напомнить читателю. В современной России Ленин констатирует наличие элементов пяти различных общественно-экономических укладов. Эти уклады располагаются ступенями так, что каждый нижележащий уклад является более отсталым, более реакционным, чем следующий за ним. Вытеснение ниже лежащего одним из следующих — в известной закономерности — было бы огромным шагом вперед. «Как же быть? — пишет Ленин. Либо попытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.-е. торговли, т.-е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей. Такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее... либо (последняя, возможная и единственно разумная политика), не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло государственного капитализма».

(О продналоге, стр. 15). «Весь вопрос, как практический, так и теоретический — состоит в том, чтоб найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма». (Там же, стр. 16). И, наконец, с поразительной ясностью мысли, многими недостаточно понятой, с решительностью, многими недооцененной, Ленин заявляет: «Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму. Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности, направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил (стр. 21).

Какое же отношение к вопросу о кооперации имеют эти суждения Ленина?

Самое непосредственное. Установив, что «государственный капитализм был бы у нас гигантским шагом вперед», Ленин продолжает: «Кооперация есть тоже вид государственного капитализма... Кооперация мелких товаропроизводителей неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения... Свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают свободу и права капитализму. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью или преступлением. Но «кооперативный капитализм», в отличие от частно-хозяйственного капитализма является, при советской власти, разновидностью государственного капитализма и, в качестве такового, он нам выгоден и полезен... Нам необходимо приложить усилия, чтоб это развитие капитализма ... направить в русло коперативного капитализма... Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам под'ем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного об'единения (18—19 ст.).

Теперь нам будут «до полной прозрачности» понятны мысли Ленина о кооперации. Итак, — не бояться неизбежного при наличии в стране многомиллионной мелкобуржуазной массы развития капитализма; переводить это развитие в русло государственного капитализма, в частности, в русло его могучей разновидности — кооперативного капитализма; в меру успехов «кооперирования населения» будет все «необходимое и достаточное» для «построения социалистического общества».

Вернемся теперь к формуле т. Б.: «постепенное направление производительных сил из русла индивидуального, в русло коллективного хозяйствования. «Если здесь под словами «коллективное хозяйствование», разумеется процесс «кооперирования», — то т. Б. не сказал ничего нового и оригинального по сравнению с Кон-

дратьевым. Если же здесь он разумеет то, что говорил несколькими строками выше о «расширении социалистического оазиса в производстве», — то здесь мы можем констатировать полнейшую потерю перспективы, против чего с особенной настойчивостью предостерегал Ленин, хотя бы в следующих строках: «Перечень всех — непременно всех без из'ятия — составных частей, всех разнородных укладов общественного хозяйства в нашей экономике *необходимо иметь перед глазами, чтобы это отчетливое представление не забывалось*. «Мы, авангард, передовой отряд пролетариата, переходим непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариата, который, в свою очередь, есть лишь небольшая часть всей массы населения. И чтобы «мы» могли успешно решить задачу нашего *непосредственного* перехода к социализму, для этого надо понять, *какие посредствующие пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода докапиталистических отношений к социализму. В этом весь гвоздь* (стр. 20). И этого «гвоздя» совершенно не видит т. Б. Задачей более отдаленной он заменяет задачу злободневную, непосредственно перед нами стоящую. Разумеется, — говоря словами резолюции XIII партс'езда, — «кооперированное крестьянское хозяйство неизбежно *будет* терять свой индивидуальный характер, превращаясь в хозяйство коллективное». «Здесь резолюция повторяет слова Ленина: «политика кооперативная... даст нам *под'ем* мелкого хозяйства и *облегчение его перехода в неопределенный срок* к крупному производству на началах добровольного об'единения». Но для данного момента, для завершения построения главнейших узлов государственного капитализма, у нас важнейшая ставка — это ставка на «кооперирование масс». В понимании этого, Земплан, как видим, ничуть не разошелся с Лениным.

Итак, предложенный тов. Берзтысом «взамен формулировок Кондратьева, пункт первый, не выдержал критики: он говорит о том же самом, но говорит хуже, сбивчивее и неопределеннее. Посмотрим, не будет ли т. Б. более счастлив в пункте втором.

Этот последний у него гласит: «поддержание соответствия между развитием производительных сил в промышленности и в сельском хозяйстве». Прочитаем, что говорит на эту тему Кондратьев: «если государство не может отказаться от планомерного хозяйства в области промышленности и торговли, то тем самым оно не может отказаться и от *теснейшей координации* этого плана с планом возрождения сельского хозяйства, как наиболее независимой переменой» (стр. 36). Тов. Б., по обыкновению, не *заметил* и этой мысли Кондратьева, почему и выдвинул свой второй пункт, как нечто новое, как нечто упущенное. Пусть мудрейший т. Берзтыс раз'яснит нам, какая разница между «соответствием», с одной стороны, и теснейшей координацией, с другой.

Но мы боимся, что т. Б. все-таки хотел здесь ввести какой-то свой «ньюанс». Выше, на стр. 112, он сочиняет крайне загадочную и маловразумительную фразу: «*исходя из перспектив развития нашей промышленности на ближайшее будущее*. . . . . мы могли бы дать нужное теоретическое обоснование своим представлениям о желательном развитии сельского хозяйства». Если только можно понять эту фразу, то ее при-

ходится толковать следующим образом: мы постулируем определенные перспективы развития нашей индустрии, и эти последние показывают нам, чего мы должны добиваться от сел. хоз. Но если мы верно расшифровали мысль т. Берзтыса, то перед нами — чистейший вздор. Декабрьская резолюция ЦКРКП, затрагивая как раз эту тему, говорит следующее: «XII с'езд партии... подчеркнул указание на то, что *темпу развития нашей государственной промышленности поставлены об'ективные рамки, определяемые состоянием крестьянского хозяйства*, и что *тщательное согласование всей хозяйственной политики с уровнем развития крестьянского хозяйства составляет важнейшую задачу*, неправильное решение которой неизбежно влечет гибельные последствия не только в экономической, но и политической области. Только коренное изменение нынешней политической и экономической обстановки в промышленных странах Европы и победа там рабочего класса могли бы серьезно *ослабить непосредственную зависимость государственной промышленности от состояния крестьянского хозяйства*». Стоит ли добавлять, что и в этом случае формулировка Кондратьева вполне выдержала — в противоположность «мысли» тов. Б. — необходимое испытание.

Таким образом, и со вторым пунктом т. Берзтыса получился предательский конфуз.

Посмотрим, наконец, на последний, — третий по счету, — «заменяющий пункт». Он гласит: «укрепление политического союза рабочего класса с беднейшим крестьянством». В сущности говоря, это — не заменяющий, а дополняющий пункт, ибо само собою разумеется, что Земплан не имеет своей задачей обсуждать политические проблемы. Но, конечно, всей работой Земплана, в настоящий конкретный момент руководит основная идея нашей партии, наиболее блестяще формулированная Лениным: «*Начать надо с крестьянства*. Кто не понимает этого, кто склонен усматривать в *этом выдвигании крестьян на первое место* «отречение» или подобие «отречения» от диктатуры пролетариата, тот просто не вдумывается в дело, отдает себя во власть фразе... *Неотложнее всего* теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно»... (О продналоге, стр. 13). И всякому разумному коммунисту совершенно ясно, почему это так. Развитие производительных сил крестьянского хозяйства укрепляет нашу индустрию, эту основную базу диктатуры пролетариата. В меру укрепления этой базы у пролетариата растет возможность *реальной* поддержки крестьянской бедноты, а, следовательно, и укрепления «политического союза рабочего класса с беднейшим крестьянством». Итак, «начать»-то все-таки «надо с крестьянства»... Не правда ли, т. Б.?

Мы разобрали все три пункта тов. Берзтыса, «заменяющих», по его словам, положения Земплана. Мы констатировали, что эти пункты, либо не выражают решительно ничего нового по сравнению с тем, что сказано в статьях Кондратьева и Огановского, либо дают более сбивчивые варианты, ибо т. Б. сплошь и рядом теряет истинную реальную перспективу и отделывается общей фразой там, где требуется конкретность. Вот, почему до последней степени курьезно звучит его «последнее слово»: «Если мы заменим эти

положения (т.-е. положения Землана—Ив. Т.), только что намеченными (речь идет о разобранных нами его «трех пунктах»—Ив. Т.), то мы чисто-капиталистическую линию развития сельского хозяйства заменим линией развития... через кооперацию»... Мы уже видели, чего стоит замена «положения Землана» «пунктами» т. Берзтыса. Но и вторая «замена» — одной (капиталистической) линии развития другой (очевидно, не капиталистической), стоит не бо́льшего. И в этом случае наш критик не видит ясно перспективы, не понимает происходящих в стране общественных хозяйственных процессов. «Мы, — говорит Ленин, — добьемся того, чтоб направить неизбежное, в известной мере, и необходимое нам развитие капитализма в русло государственного капитализма» (стр. 26). А ведь кооперация — лишь один из видов государственного все же капитализма. Отчетливая, глубоко реальная перспектива Ленина— от капитализма через русло государственного капитализма к построению социалистического общества — искажена у т. Берзтыса мнимо-революционной фразой.

На этом мы кончаем с т. Б. Мы чрезвычайно подробно рассмотрели по вполне понятным читателю мотивам — все до одного замечания нашего критика. Мы установили целый ряд передержек, навязыванья противнику мнений, им не разделяемых; мы видели, как критик «не замечает» того, что говорят критикуемые им авторы, как он, либо совсем не цитирует, когда цитировать надо, либо обрывает цитату там, где делать этого нельзя. И все эти приемы были пущены в ход для того, чтоб назидательно высказать несколько суждений, выдаваемых за «марксистские». Последнее обстоятельство вынудило нас—против нашей воли—перегрузить статью цитатами из работ наших учителей, чтобы у непредубежденного читателя получилась возможность сопоставить подлинные марксистские суждения с упражнениями нашего критика.

Старик Казанова говорил: «В Риме каждый человек, либо аббат, либо старается им казаться. «Нет ничего удивительного, что в Москве, если не все, то многие «стараются казаться» марксистами. Мы видели, что т. Берзтысу решительно не удалось показаться нам марксистом. Вот, почему за его «сокрушительным» и «убийственным» отзывом насчет «сильного влияния буржуазных аграрников», нет ни тени основания и убедительности. Такая «критика» — плохой помощник в архитрудной, в архиответственной работе «руководящих правительственных учреждений».

У Куприна бравый унтер-офицер «разносит» солдата, примерно, такими словами: «Ну, что я с тобой буду делать?! Вот только рогов у тебя нет, а то ты совсем, как верблюд!»...

Побойтесь бога, т. Берзтыс: не учиняйте подобных «разносов»! Надо же хоть сколько-нибудь уважать зоологическую науку.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

КАК ПОДХОДИТЬ К ИСТОРИИ ОКТЯБРЯ?

(По поводу «Уроков Октября» тов. Троцкого).

Число исторических работ, воспоминаний, сборников документов, посвященных 1917 году и Октябрьскому перевороту, быстро растет. Тем не менее и 1917 год и Октябрь еще ждут своего историка. Нельзя не согласиться с тов. Троцким в том, что «до сих пор еще у нас нет ни одной работы, которая давала-бы общую картину Октябрьского переворота, выделяя его важнейшие политические и организационные моменты». («Уроки Октября», вводная статья в недавно вышедшем III томе сочинений). Нельзя не согласиться с тов. Троцким, что нужно усилить изучение Октября. Но, никак нельзя согласиться с теми методами «изучения Октября», которые применяет тов. Троцкий, равно как и с выводами, которые он извлекает из этого изучения. Именно потому, что история подготовки Октября и история Октябрьского переворота существуют только в фрагментах, что документы не собраны, не систематизированы, что ряд важнейших фактов вообще не зафиксирован документально, всякий пишущий о событиях 1917 года, если для него имеет цену близость к исторической правде, если он сознает ответственность перед иным, верящим ему на слово читателем, обязан с величайшей тщательностью собирать и проверять факты, на которых он строит свои обобщения. История Октября написана тов. Троцким не в этом стиле, и этого нельзя не поставить ему в укор. В самом деле, взяв с определенным «умыслом» стержнем своей работы разногласия в руководящей верхушке большевиков в 1917 году, он, роковым образом сбивается (несмотря на повторные, очень декоративные, но тем менее убедительные оговорки о «мизерности» попыток делать из октябрьских ошибок некоторых большевиков, орудие борьбы против них теперь), с позиции «летописца» и «педагога» на позицию пристрастного прокурора, по заданию лихо сочиняющего обвинительный акт. Но, от этого прокурорски-разоблачительного подхода безнадежно пострадали методы «изучения» Октября, ибо прокурор неизбежно сбивается на доказательство при помощи чтения в сердцах косвенных улик, ссылок на «благонадежных», но уже не могущих взять слово свидетелей и т. п., т.-е. прибегает к способам не столько выясняющим, сколько запутывающим дело. Начнем с примера, имеющего значение второстепенное, но тем не менее рельефно показывающего, как т. Троцкий «переворачивает» историю Октябрьского переворота.

Этот пример — история апрельской демонстрации. «Речь Ленина на Финляндском вокзале о социалистическом характере русской революции произвела на многих руководителей партии впечатление взорвавшейся бомбы. Полемика между Лениным и сторонниками «завершения демократической революции» началась с первого-же дня. Предметом острого столкновения явилась вооруженная апрельская демонстрация, в которой раздался лозунг «Долой временное правительство». Это обстоятельство дало повод отдельным представителям правого крыла обвинить Ленина в бланкизме: низвержение временного правительства, поддерживавшегося в тот период советским большинством, могло-де быть достигнуто только в обход большинства трудящихся. Формально упрек мог казаться не лишенным убедительности, но по существу в ленинской апрельской политике не было и тени бланкизма. Апрельская манифестация, взявшая «левее», чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством... Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения временного правительства»... Так, пишет тов. Троцкий. В его изложении 1) вооруженная апрельская демонстрация является предметом острого столкновения Ленина со многими руководителями партии; 2) Ленин был за вооруженную апрельскую демонстрацию, бравшую «левее» под лозунгом «долой временное правительство», как за разведку после которой снял этот лозунг; 3) позиция Ленина по отношению к апрельской демонстрации дала повод к обвинениям его «правым крылом» в бланкизме. Заглянем в документы. Вот статья Ленина в «Правде» от 23-го апреля — «Уроки кризиса». Ленин заканчивает статью так: «Урок ясен, товарищи рабочие. Время не ждет. За первым кризисом последуют другие. Все силы отдайте делу просвещения отсталых... Все силы на собственное сплочение... Не давайте сбить себя ни мелко-буржуазным «соглашателям» с капиталистами-оборонцами, сторонникам «поддержки», ни одиночкам, склонным торопиться, и, раньше прочного сплочения большинства народа, восклицать «долой временное правительство». Кризиса нельзя изжить насилиями отдельных лиц над другими, частичными выступлениями маленьких групп вооруженных людей, бланкистскими попытками «захвата власти», «ареста временного правительства» и т. д. (разрядка наша). Лозунг дня: раз'ясняйте точнее, яснее, шире линию пролетариата, его путь к окончанию войны... Сплачивайтесь вокруг своих советов, внутри их товарищеским убеждением и перевыбором отдельных членов старайтесь сплотить вокруг себя большинство.

В том-же номере «Правды» в статье «Как запутывают ясный вопрос» Ленин, высмеивая искажение банковской газетой «День» истинной позиции большевиков, пишет: «попытка взять власть была-бы авантюрой или бланкизмом («Правда» особо, специально, точно, ясно, недвусмысленно предостерегала против этого) пока нет поддержки большинства народа. В России теперь такая свобода, что волю большинства можно определить составом Советов Раб. и Солдатских Деп.; значит, чтобы серьезно, не по бланкистски, итти к власти, пролетарская партия должна бороться за влияние внутри Советов». Наконец, 25 апреля Ленин выступает со статьей

«Неумное злорадство».—«Рабочая Газета» (меньшевистская),—пишет он,—злорадствует и пляшет по поводу последней резолюции Ц. К. (содержание резолюции совпадает с содержанием цитированной статьи Ленина — «Уроки кризиса» Г. Сок), обнаружившей (в связи, между прочим, с напечатанным уже заявлением представителей большевистской фракции Совета *) известные несогласия внутри нашей партии. Пусть злорадствуют и пляшут меньшевики. Нас это не смутит... Убедительно-ли, что люди без организации, без партии с легким сердцем пляшут и играют по поводу обнаруженного недостатка в чужой организации... Нам нечего бояться правды... Кризис обнаружил очень слабые попытки взять «чуточку полевее» нашего Ц. К. Наш Ц. К. не согласился, и мы ни на минуту не сомневаемся, что согласие в нашей партии уже восстанавливается и притом добровольное, сознательное, самое полное». Итак, Ленин в апреле 1) против одиночек, склонных торопиться и восклицать: «долой временное правительство», раньше прочного сплочения большинства народа, 2) против бланкистских попыток и частичных выступлений маленьких групп вооруженных людей, 3) осуждает очень слабые попытки взять «чуточку левее» Ц. К., а раздувание меньшевиками этого очень слабого несогласия внутри нашей партии клеймит, как «неумное злорадство». Но с кем-же было раздутое тов. Троцким загадочное «острое столкновение» по поводу апрельской демонстрации? Оно было вопреки тов. Троцкому, не с «правым крылом» руководителей партии, а с небольшой группой питерских работников во главе с тогдашним секретарем Ц. К-та тов. Богдатьевым. Эти товарищи взяли «чуточку полевее» Ц. К-та и именно их осуждала и резолюция Ц. К-та и статья Ленина, отвергавшая их выступление как бланкистскую попытку «захвата власти», «ареста» временного правительства и т. д. Итак, тов. Троцкий, претендующий на «глубокий» анализ, спутал все: 1) апрельская демонстрация не была предметом ни острого, ни какого-либо иного столкновения между Лениным и другими членами Ц. К, 2) Ленин не был за направление демонстрации левее линии Ц. К., 3) не Ленин был по случаю апрельской демонстрации обвинен «правым крылом» в бланкизме.

---

*) Это заявление равно как и примечание к нему редакции были напечатаны в «Правде», № 39. Приводим их полностью:

ВНИМАНИЮ ТОВАРИЩЕЙ.

Товарищи Лангевич (Лашевич? Г. С.), Крымов и Маврин, уполномоченные большевистской фракции Сов. Раб. и Солд. Деп., просят нас заявить, что подавляющее большинство рабочих, участвовавшие в манифестациях 20 и 21 апреля и несших плакаты: «Долой Временное Правительство», понимали этот лозунг исключительно в том смысле, что вся власть должна перейти к советам, и что рабочие хотят взять власть, лишь завоевав большинство в Советах Раб. и Солд. Деп. Данный состав Совета выражает не вполне точно волю большинства рабочих и солдатских масс. Поэтому фракция большевиков считает резолюцию Ц. К. от 22 апреля не точно характеризующей положение дела в данный момент.

От редакции: Само собой разумеется, что вовсе не против организаторов массовых демонстраций направлена резолюция Ц. К. и что при таком понимании указанного лозунга исключена всякая мысль о легкомыслии или авантюризме. Во всяком случае, громадной заслугой названных товарищей, как представителей организаторов манифестации, является мирный и внушительный массовый характер их. Они единственно организовали достойный отпор буржуазии, демонстрировавшей в пользу своего Временного правительства.

а Ленин, в связи с ошибками маленькой группки, при проведении апрельской демонстрации, выступил против бланкистской тактики (прения на апрельской конференции ничего не меняют в этой картине). Как могла приключиться такая ошибка у тов. Троцкого? Ошибка, соответствующая «истории», как она писалась газетой «День» и как она записана меньшевиком Сухановым, но стоящая в противоречии с действительной историей нашей партии? Именно потому, что он увлекается прокурорскими методами доказательства для заранее поставленной цели, что вместо точного анализа разногласий, колебаний, ошибок, вместо установления их подлинных пределов, изображения их в исторической связи с развитием ленинской линии, как отклонений в ту или другую сторону, но отклонений, тем или другим концом всегда примыкающих, при всей остроте расхождения, к основному стержню большевизма, он пытается изобразить историю большевизма перед Октябрем, как борьбу двух партий борющихся внутри одной партии.

Именно, поэтому тов. Троцкому вопреки истории и приходится утверждать, что «расстановка фигур» при Октябрьском восстании была за несколько месяцев до того дана «расстановкой фигур» во время апрельского похода т. Богдатьева и «индивидуалиста» Линде на Мариинский дворец. Тов. Троцкому до-зарезу нужно показать всю «закономерность» разногласий имевших место в Октябре. Именно поэтому у него «апрель» предвосхищает «Октябрь». В этой ошибке тов. Троцкого, и это, особенно важно, полностью отразились все специфические черты его «исследования»: очень плохая осведомленность, очень большое «злорадство» и подход враждебно-настроенного «прокурора».

Обратимся теперь к периоду сентябрь-октябрь. Излагая позицию Ленина и позицию Ц. К. партии со времени демократического совещания по день восстания, тов. Троцкий «искусно» делит имевшие место расхождения между Ц. К. и тов. Лениным на две категории: 1) те, где тов. Троцкий разделял предложения т. Ленина— в этих случаях по нынешнему изложению тов. Троцкого Ц. К. уклонялся на позицию правого крыла и впадал в «социал-демократизм», 2) те, где тов. Троцкий разделял позицию Ц. К. и расходился с тов. Лениным — в этих случаях тов. Троцкий готов «оправдать» Ц. К. Так, по поводу опротестования Петроградским Советом приказа Керенского о выводе части гарнизона на фронт, тов. Троцкий замечает: «Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении». И там-же: «он (Ленин) не имел возможности из своего подполья оценить тот коренной перелом уже не в настроениях только, но и в организационных связях, во всей военной субординации и иерархии, после «тихого» восстания столичного гарнизона к середине Октября»...

Искусное маневрирование разногласиями между Ц. К. и т. Лениным, — при чем дело представляется так, что Ц. К. прав тогда, когда согласен с т. Троцким, а Ленин неправ тогда, когда несогласен с тов. Троцким, — имеет в виду представить Ц. К. партии перед Октябрем, как учреждение, находящееся в плену у правого крыла, и «принимающее» восстание только после «настойчивого, неутомимого, непрерывного напора» Ленина. Это не изложение, а искажение истории Октября. Конечно, «настойчивый, неутомимый, непрерывный напор Ленина на Центральн. Комитет в течение сентябрь—октябрь» — напрягал энергию Ц. К., ни на минуту не

позволял забыть о задаче восстания, буквально электризовал Ц. К. и организации партии. Так именно действовал, и не мог не действовать Ленин. Но Ц. К. как непосредственный организатор восстания, ни на минуту не расходясь с боевыми директивами Ленина, должен был в то-же время точно оценивая ситуацию, выбирать формы, место, сроки восстания, обеспечивающие его победу. И участие в демократическом совещании и участие в предпарламенте, были проведены в значительной мере благодаря предостережениям Ленина против опасных уклонов так, что не дали тех отрицательных результатов, которые конечно были возможны и которых справедливо опасался Ленин, а позволили большевикам политически и организационно придвинуться к восстанию. Именно историк теперь может сказать это спокойно и беспристрастно. Но если участие в демократическом совещании и предпарламенте *) вызывало осуждение со стороны Ленина, то еще более резко характеризовал он политику Ц. К. с конца сентября до дня восстания,—связывание восстания с созывом С'езда Советов, что представлялось ему политикой ненужных «оттяжек». Тов. Троцкий приводит эти отзывы Ленина: «У нас в Ц. К. и в верхах партии,—пишет Ленин 29 сентября,—есть течение или мнение за ожидание С'езда Советов, против немедленного взятия власти, против немедленного восстания. Надо побороть это течение или мнение». В начале октября Ленин пишет: «М е д л и т ь — п р е с т у п л е н и е, ж д а т ь С'е з д а С о в е т о в — р е б я ч е с к а я и г р а в ф о р м а л ь н о с т ь, в з д о р н а я и г р а в ф о р м а л ь н о с т ь, п р е д а т е л ь с т в о р е в о л ю ц и и» (разрядка наша). В тезисах для Петербургской конференции 8 октября Ленин говорит: «Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на С'езд Советов»... Что-же говорит тов. Троцкий по поводу т а к о й характеристики Лениным подготовки С'езда Советов? Тов. Троцкий, с таким «злорадством» ловящий всякое гневное замечание Ленина, брошенное по адресу того или иного большевика, наивно игнорирующий в этих случаях тактический умысел Ленина, который скрыт за тем или иным выражением и сознательный «перегиб палки», если он может раздуть его в указание на «кризис партии», как он оценивает тут ленинскую оценку, попадающую в план Ц. К., с которым был согласен и тов. Троцкий? Тов. Троцкий на этот раз не принимается за вдохновленные доказательства того, что «предательство революции» и «конституцион-

---

*) По поводу Демократического Совещания Ленин в статье „О героях подлога“ напечатанной в „Рабочем Пути“ 24 сентября писал: „Участие большевиков в этом гнусном подлоге, в этой комедии имело исключительно такое-же оправдание, как участие наше в III-ей Думе: и в „хлеву“ надо отстаивать наше дело, и из „хлева“ давать разоблачающий материал в поучение народа“. Иначе оценивает он участие в письме датированном 22 сент., но писанном, повидимому, позднее статьи: „Надо было бойкотировать Демокр. Сов., мы все ошибались не сделав этого, ошибка в фальш не ставится. Ошибку мы поправим, было-бы искреннее желание стать за революционную борьбу масс“... Таковы были два варианта Ленина по поводу участия в Демокр. Совещании. Это не мешает бесцеремонному автору примечаний к книге т. Троцкого утверждать: „Ленин в разногласиях по вопросу об участии в Демократическом Совещании и бойкоте Предпарламента самым категорическим образом поддерживал бойкотистов“. Послушайте т. примечатель: Можно... „примечать“, но все-же надо знать и меру! и за такие то „примечания“ берет на себя ответственность т. Троцкий! Под таким „соусом“ подается история октября! Впрочем, все это неудивительно, поскольку сам т. Троцкий взял совершенно ложный, н е л е н и н с к и й т о н по вопросу об октябрьских ошибках нескольких большевиков.

ные иллюзии» ведут прямо к буржуазному парламентаризму и т. п. Тов. Троцкий не спешит, ухватившись крючкотворски за буквальный смысл ленинской фразы, записаться сам в социал-демократы; обвинения, попадающие в него самого, он расценивает не как злопыхательствующий разоблачитель, а как политик. В других случаях—он находит этот метод «излишним». Он начинает со скромного замечания: «Все эти письма, где каждая фраза ковалась на наковальне революции, представляют исключительный интерес и для характеристики Ленина, и для оценки момента». После чего основательно доказывает, что конкретный план восстания, проводившийся Ц. К-м, был далеко не плох. Впрочем, тов. Троцкий несомненно впадает в преувеличение, когда изображает гибельные последствия, которые мог-бы иметь план начала восстания в Москве, о котором говорил Ленин. Напрасно, совершенно напрасно, тов. Троцкий изображает дело так, как будто Ленин чуть не погубил успех восстания неудачным планом назначения начала восстания в Москве! К чему это?

> Примечание: И опять-таки, тов. Троцкий неточно передает Ленинскую постановку вопроса о сроках восстания. Тов. Троцкий пишет: «В сентябре, в дни демократического совещания, Ленин требовал непосредственного перехода к восстанию». Нет, Ленин гораздо осторожнее формулировал свое «требование». Как, в самом деле, заканчивает Ленин знаменитый абзац об окружении Александрийки, занятии Петропавловки, аресте генер. штаба и правительства и т. д. в письме в Ц. К., писанном в дни демократического совещания. Предлагал-ли он в самом деле немедленный захват Александрийки и т. д.? Ленин заканчивает свою «деловую программу» восстания следующей фразой: «Это все примерно, конечно, лишь для иллюстрации того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, не относясь к восстанию, как к искусству». В другом письме в Ц. К., писанном в те-же дни, Ленин говорит уже вполне ясно: «Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массой... Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати».

Вряд-ли имеет смысл гадать о том, как вел-бы подготовку восстания Ленин, если-бы не должен был скрываться от ищеек Керенского. Вряд ли имеет смысл разбирать теперь вопрос о том, могло ли восстание успешно быть проведено месяцем раньше. Бесспорно только одно: ленинская критика участия большебольшевиков в демократическом совещании и предпарламенте полностью увязана с планом восстания осуществляемым вне зависимости от С'езда Советов; тактика Центр. Комитета в отношении демократич. совещания и не столько «вхождения», сколько «прохождения» через предпарламент (вхождение для действительного «участия» в предпарламенте — конечно было-бы опасной ошибкой, но эта ошибка вовсе не была сделана) увязана с планом про-

возглашения Советской Власти на С'езде Советов и обеспечения этой власти, одновременно, путем вооруженного свержения правительства Керенского (конечно, весь «нажим» Ленина против возможной опасности «конституционных иллюзий» и подмены задачи захвата власти задачей получения большинства на С'езде Советов был архи-нужен и полезен); тов. Троцкий в свое время поместился по середине между этими двумя вариантами повстанческой стратегии, конечно, не заключавшими в себе ничего, кроме чисто деловых, непринципиальных расхождений. Тов Троцкий пытается теперь использовать выгоды этого среднего положения, представляя в двусмысленном виде и Ц. К. и Ленина. На самом деле именно сочетание ленинского принципиального руководства партией и конкретного руководства по подготовке восстания со стороны Ц. К-та, и Петроградского и Московского К-та обеспечило победу Октября, несмотря на ошибки отдельных виднейших большевиков. Еще и еще раз: Ц. К-т и Ленин были едины, но именно это глубочайшее единство, которое выражало собой единство Ленина и партии, позволяло Ц. К-ту вовсе не рассматривать Ленина, как противостоящую Ц. К-ту инстанцию, каждое «распоряжение», которой подлежит буквальному исполнению. Именно в порядке этого глубочайшего единства и сотрудничества Ц. К-т претворял политическое руководство Ленина в практическую работу партии. Не было-бы подлинного единства если-бы не было этого сотрудничества внутри Ц. К-та между Лениным и прочими членами Ц. К. (в том числе и тов. Троцким, который в те дни, умел работать, как член коллектива) буквоедские попытки противопоставить их смешны, Ц. К. не имел иной «линии», кроме «линии» Ленина.

Здесь полезно восстановить для истории и для правильной характеристики отношений Ц. К-та и Ленина ряд «расхождений», имевших место между Лениным и Ц. К-том в период между июлем и октябрем. Ленин после июльских дней предложил совершенно снять лозунг «власть советам» до захвата власти и создания тогда новых, революционных советов. В этой категорической форме предложение Ленина не было принято. Корниловский заговор, давший вновь возможность большевикам начать с успехом работу за завоевание большинства в Советах, подтвердил справедливость более осторожной линии Ц. К., с которой затем согласился и Ленин. В связи с этим было и другое расхождение: Ленин советовал переводить партийный аппарат на нелегальное положение, готовиться к изданию нелегальной газеты, не верил в возможность дальнейшего сохранения легального органа Ц. К. в Петрограде. Между тем, Ц. К-т решил сохранять открытую организацию и легальную печать, конечно, во всех нужных случаях комбинируя «легальность» и «конспирацию». VI-й С'езд партии удалось провестисти вскоре после июльских дней, в Петрограде, с минимальными конспиративными предосторожностями. Контр-революция не была еще настолько организована и сплочена, чтобы иметь возможность в самом деле раздавить нашу прессу и организацию. Орган Ц. К. запрещался под одним заглавием, но вновь начинал выходить под другим и т. д. В корниловские дни Ленин выступил со статьей «О компромиссах». Редакция Ц. О. высказалась против помещения статьи, считая, что обстановка не дает оснований для предложения «компромисса». Ленин настоял на помещении статьи,—она была

напечатана в «Рабочем Пути» через два дня; конечно, в этом случае прав был Ленин, а не редакция Ц. О., желавшая взять «чуточку левее» Ленина. В чем-же состоял-бы компромисс, условно предлагавшийся Лениным? Ленин писал: «Компромисс состоял-бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве, (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства) отказались-бы от выставления немедленного требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование (разрядка наша). Условием само-собой разумеющимся и не новым для эсеров и меньшевиков, была-бы полная свобода агитации и созыва Учредительного Собрания, без новых оттяжек или даже в более короткий срок». Это предлагал Ленин. Этот тактический ход он делал 3 сентября 1917 г. Обо всем этом у тов. Троцкого — ни словечка. Между тем, тот, кто хочет дать подлинную картину большевизма перед Октябрем и в дни Октября не может пройти мимо статьи «О компромиссах». Без ее учета — нет картины ленинской тактики, без ее учета—непонятен истинный характер колебания Зиновьева, Каменева, непонятно отношение Ленина и партии к их колебаниям. Тот, кто хочет не раз'яснения, а запутывания, действительно должен замалчивать статью Ленина «О компромиссах». К сожалению, так и поступил тов. Троцкий.

Эти беглые замечания не претендуют, конечно, ни в какой мере на то, чтобы осветить «общую картину Октябрьского переворота». Их задачей является — показать всю придуманность «схемы» тов. Троцкого, наметить действительные отношения в партии перед Октябрем, такими, какими они были. У тов. Троцкого все идет по прямой линии, проведенной по линейке: но факты нельзя выстроить в шеренгу, как солдат на параде. Отсюда явные ошибки, противоречия, крупные искажения, которыми пестрит «исследование» тов. Троцкого. В живой действительности все было иначе. Ленин вместе с Ц. К-том, вместе с основными большевистскими кадрами, маневрировал в сложнейшей и круто-меняющейся обстановке; и Ленину и другим случалось ошибаться (конечно, ленинские «ошибки» были особого характера), нащупывая путь, и признавать свои ошибки; на крутых поворотах одни отставали, другие забегали вперед; но фронт неизменно выравнивался в короткий срок. Пройти без разногласий, без уклонений, без ошибок путь от февраля до Октября никакая политическая партия не могла бы. Большевистская партия прошла этот путь дружнее, чем прошла-бы его всякая иная партия. Конечно, партия не действовала в безвоздушном пространстве. Она претерпевала давление смежных классов и слоев. В известной мере она обязательно должна была с ними считаться, к ним приспособлять свою тактику. В свою очередь, она стремилась подчинить их своему руководству. Когда уступить и выждать, до каких пор выжидать, до каких пределов уступать? Эти вопросы не существовали и не существуют только для тех, кто воображает, что в политике, как в геометрии, прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками. Ленин, в противоположность подобным политикам, маневрировал, шел в обход, отступал—и

бросался в бешеное наступление. Разногласия среди большевиков в 1917 году могут быть представлены, как борьба двух партий в одной партии, только при нарочитом подходе, естественном только для историка, судящего о партии со стороны. Если-бы был прав т. Троцкий в своем суждении о внутренних разногласиях среди большевиков, если-бы были две партии в одной партии, то разногласия обязательно приводили-бы к тем кризисам внутри партии, т.-е. к таким кризисам, в которых организации раскалывались-бы между собой или с Ц. К-том. Но именно этого-то и не было в 1917 г. Разногласия весной 1918 г. в связи с Брестским миром, гораздо сильнее задели партию, чем Октябрьские разногласия, промелькнувшие на верхах. Если теперь тов. Троцкий поставил октябрьские ошибки нескольких большевиков в центре своего «изучения Октября», то он тем самым, осудил свою попытку «изучения» на полную неудачу. Но, наконец, в чем состоят уроки, извлеченные тов. Троцким из «изучения Октября»? Увы, он не формулирует выводов. Почему-же? Да, потому что эти выводы таковы, что автору пожалуй даже самому неловко их «формулировать». Поэтому все сводится к намекам на необходимость такого «руководящего персонала», который-бы не «дрейфил», и к усиленному обстрелу химическими снарядами нынешнего партийного руководства под прикрытием белого флага «изучения Октября». Но это вовсе не новый урок, а «повторение пройденного», зады прошлогодней «дискуссии». И так-как это «пройденное» у всех еще вполне свежо в памяти и ни у кого нет охоты, еще раз «повторять пройденное» то, поистине, напрасно тов. Троцкий поддается «неведомой силе», которая вновь и вновь влечет его к «грустным берегам» дискуссионных потоков!

Г. Сокольников.

М. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX в.в. (курс лекций).

Красная Новь. Г. П. П. Москва. 1924 г., 229 стр. Тираж 75 тыс.

Настоящая книга тов. М. Н. Покровского заслуживает исключительного внимания не только потому, что она принадлежит перу остро-талантливого, наиболее крупного русского историка; не только потому, что она является массовым пособием, но и потому что в ней заключен ряд спорных, с нашей точки зрения, неверных положений по довольно существенным вопросам новейшей истории России.

Все оспариваемые нами положения тов. Покровского имеют свою литературную историю, ибо в менее чеканном виде они имелись в более ранних работах автора.

Первое, на чем следует остановить внимание в настоящей работе тов. М. Н. Покровского, — это вопрос о социальной сущности самодержавия.

Автору книги принадлежит крупная заслуга выявления исторической роли торгового капитала в России, влияния этого капитала на процесс об'единения России под властью самодержавия. Этот в высшей степени важный для понимания истории России мотив развит в работах тов. Покровского очень сильно, убедительно, интересно *).

*) В литературном споре тов. Покровского с тов. Троцким по этому вопросу — прав, несомненно, тов. Покровский.

Однако, особенностью автора всегда являлся известный перегиб палки. Желание дать выпуклую постановку вопроса, приводило часто к некоторому нарушению правильных пропорций. Тоже случилось и здесь.

Торговый капитал заполонил всю русскую историю. Он глядит на вас суровым оком Грозного Ивана, предстоит в образе неистового, нервного и грубого Петра I, женщин на троне и последнего царя, живущего в условиях господства мирового финансового капитала, буржуазной цивилизации.

«В Мономаховой шапке ходил по русской земле именно торговый капитал, для которого помещики и дворяне были только агентами, были его аппаратом.

Нужно было торговому капиталу, — и при Петре помещика гнали на войну, и держали под ружьем в течение 20 лет подряд, не давая ему вернуться домой. Нужно было торговому капиталу, — и он вводил огромные ввозные пошлины, опустошавшие карман помещика...».

«Если мы, став на эту точку зрения, будем рассматривать самодержавие, как политически организованный торговый капитализм, мы поймем всю трагедию истории революционного движения» (16 стр.).

Не изменилось дело и в XX веке.

В полном согласии с этими положениями, Столыпин рассматривается, как агент торгового капитала, и только в феврале 1917 года власть торгово-капиталистического самодержавия рушится под напором рабочей революции.

Такая сплошная характеристика социальной физиономии самодержавия не отражает, не охватывает его динамики, диалектики его развития,—и потому не может быть принята.

Нам представляется вполне убедительной характеристика эпохи Ивана Грозного, как эпохи утверждения господства самодержавия, являющегося аппаратом торгового, купеческого капитала и помещиков, торгового дворянства.

Однако, нельзя ставить за одни скобки эти две господствующие социальные группы. Они вошли в соглашение в эпоху Грозного, ибо и во внутренней, и во внешней политике у них были общие задачи (закрепощение крестьян — во внутренней политике, захват новых территорий — во внешней).

Но тотчас же после захвата власти между этими двумя господствующими группами начинается борьба за преобладающее влияние на государственную политику. В эпоху Петра I купеческий торговый капитал одерживает верх над помещиками, при наследницах Петра помещики усиливаются, купцы ограничиваются в правах.

Любопытно, с этой точки зрения, проследить борьбу торгового, купеческого капитала с помещиком в Екатерининской комиссии для сочинения нового уложения. Помещики в этой комиссии выступали «либералами» за предоставление крепостным крестьянам права торговли, купцы — против.

Мотивы, как тех, так и других, здесь совершенно ясны:

В связи с этим, частным вопросом удобно разрешить важный вопрос: можно ли помещика и купца об'единять в одну категорию торговых капиталистов?

Конечно, нельзя. Купец и помещик играют различную роль в процессе производства; они имеют поэтому и различные источники дохода.

В данном конкретном случае, в споре о том, имеет или не имеет право крепостной крестьянин торговать, помещик боролся за сохранение «ренты» в максимальных размерах, купец же боялся сокращения своей «торговой прибыли».

После Петра I определяющей государственной силой сделался помещик, правда, считающийся с купцом, ибо поскольку помещик был, кроме того, и торговцем, он имел некоторые общие интересы и с купцом.

Во второй половине XIX века происходит социальное перерождение и помещика, и помещичьего самодержавия. Под влиянием мировых экономических связей и роста вывоза хлеба, помещик капитализирует свое хозяйство; помещичье же государство строит желдороги, являющиеся крупно-капиталистическими предприятиями, и поощряет развитие индустрии, связанное с желдорстроительством.

Таким образом, помещичье государство неизбежно обнаруживает в своей политике элементы буржуазного, капиталистического порядка.

Это и не могло быть иначе в условиях «мирового капиталистического окружения».

Поскольку в начале XX века промышленный капитал перерастает в финансовый, помещичье самодержание контактируется с финансовым капиталом. Картина будет еще более ясной, если принять во внимание, что помещичьи земли были заложены в банках: помещик уже был экономически пленен банковым капиталом.

Можно ли, учитывая эту динамику социального содержания самодержавия, утверждать, что «самодержавие — политически организованный торговый капитализм?». Разумеется, нет.

**
*

Тов. М. Н. Покровский один из первых приступил к конкретному изучению мотивов участия России в мировой войне.

Вместо общих положений о неизбежности войн в эпоху империализма, он попытался конкретно-исторически, с цифрами в руках, вскрыть причины, толкнувшие русское самодержавие на военную борьбу против Германии, в союзе с Англией и Францией. В частности, несомненной заслугой его является выяснение роли конкуренции русского помещика и германского юнкера в области хлебной торговли, как фактора борьбы. Однако, неправильная методологическая установка мешала тов. Покровскому разрешить поставленную им проблему в целом.

Еще в сборнике статей «Внешняя политика», тов. Покровский смазывал разницу между внешней политикой торгового, промышленного и финансового капитала.

Понятие «империалистической» политики покрывается у тов. Покровского понятием «агрессивной».

Историческая исключительность каждой фазы капитализма и обусловленность внешней политики — имманентными тенденциями капитализма данной стадии — ускользнула из сознания лучшего нашего историка. Все войны — от войн древнего мира до послед-

ней мировой войны — выступают, таким образом, как войны «империалистические».

Но если в прежних работах тов. Покровского было неправильное понимание характера империалистической политики, то в рецензируемой нами книге дается защита и обоснование этой неправильной точки зрения.

На этой аргументации тов. Покровского следует остановиться.

Для характеристики точки зрения автора необходимо привести довольно длинную цитату, сразу обнаруживающую его основную ошибку.

«До тех пор, пока мы понимали империализм и империалистскую войну по Гильфердингу, т.-е. представляли себе, что империализм есть внешняя политика финансового капитала, а признаком господства этого финансового капитала для нас были синдикаты и тресты, трестизация и синдикализация промышленности и торговли, до тех пор нам, конечно, трудно было ввести в формулу империализма императорскую Россию даже в 1914 году, не говоря о временах, более ранних; ибо, хотя у нас были синдикаты и тресты, но они вовсе не играли определяющей роли, они никоим образом не были, даже в 1914 году, господами положения. Но они не были господами положения в то время и во Франции, не были господами положения в то время и в Англии, хотя и во Франции, и в Англии они были, но под формулу Гильфердинга помещались только две страны, более или менее чистоганом: с одной стороны Соединенные Штаты, с другой стороны — Германия. Поэтому, с точки зрения Гильфердинга, было трудно говорить даже об английском и французском империализме, потому что основного признака империализма по Гильфердингу, — господство финансового капитала с трестами и синдикатами, — не было ни тут, ни там.

Во Франции и в Англии, конечно, было господство финансового капитала, но оно принимало иные формы. В России тоже, конечно, было господство финансового капитала, но опять-таки в иной форме.

Ленин в своей книге «Империализм, как последний этап капитализма», внес чрезвычайно существенную, плодотворную поправку к формуле Гильфердинга, которую вы, наверное, помните. Он рассматривает империализм не как специфическую внешнюю политику финансового капитала только, а как определенную тенденцию этого капитала и капитализма вообще к установлению монополий, при чем отличие этих монополий от монополий более раннего периода заключается в том, что те не вытекали с необходимостью из экономической структуры капиталистического общества в данный момент, а что касается эпохи империализма, то тут уже буржуазия не может жить без монополии. Она должна установить монополию. Все страны уже не могут уместиться на мировом рынке; одни из них должны душить другие для того, что бы иметь возможность развернуться. Так что эти новые монополии вытекают с железной необходимостью из общего положения капитализма в этот период.

Но суть дела не в синдикатах и трестах, а суть дела именно в этом стремлении к монополии, в какие бы формы оно не выливалось. Синдикаты и тресты попадают сюда, как частный случай. Как частный случай, они, само собой разумеется, являясь средством установления монополии на данной территории для той или иной группы предпринимателей, — этим покрывается, но самая формула шире.

С этой точки зрения, для того, чтобы оценить, вошла ли страна в империалистический период, нужно присматриваться не к тому, имеются ли у нее в достаточном количестве тресты и синдикаты, а к двум другим признакам, которые отмечает и Гильфердинг.

Этими признаками являются: во-первых, высокие таможенные пошлины, которые делают территорию страны монопольным достоянием отечественной промышленности, все равно, синдицированной, или нет, а, с другой стороны, — стремление раздвинуть таможенные границы возможно дальше, стремление захватить в эти границы возможно более широкую территорию» (118—119 стр.).

В этом отрывке заключен ряд ошибочных положений.

Во-первых, не верно, что Ленин, в противоположность Гильфердингу, не считает синдицирование и трестирование промышленности весьма характерным признаком эпохи финансового капитализма.

Ленин в этом вопросе, как и все марксисты, согласен с Гильфердингом *).

Во-вторых, исторически неверно, что синдицирование и трестирование характерно только для Соединенных Штатов и Германии.

Во Франции и особенно в Англии, действительно позже, чем в Соединенных Штатах и Германии, произошло синдицирование и трестирование промышленности.

Однако, уже перед войной это были страны «организованного» капитализма.

Мы не можем здесь приводить цифровых данных, но предлагаем обратиться, хотя бы к книге R. Liefmann'a: «Beteilungs-und Finanzierungsgesellschaften», приводящего данные о регулирующих об'единениях в капиталистической промышленности различных стран.

В-третьих, абсолютно неверно, что Ленин «рассматривает империализм не как специфическую внешнюю политику финансового капитала только, а как определенную тенденцию этого капитала и капитализма вообще к установлению монополий».

Мы вынуждены привести общеизвестную классическую формулировку Ленина об эпохе империализма.

«Не забывая условного и относительного значени всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии, следует дать такое определение империализма, которое бы включало следующие пять основных его признаков: 1) концентрацию производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на

*) Ленин тем отличается от Гильфердинга в трактовке империализма, что он понимает под империализмом не внешнюю политику финансового капитала, а „новейшую стадию капитализма", т. е. ставит знак равенства между „империализмом" и финансовым капитализмом. Но это разногласие терминологическое.

базе этого «финансового капитала» финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами.

Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами».

(Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 305—306).

И когда, вместо этой полной, всесторонней, охватывающей и внутреннюю динамику, и внешние тенденции финансового капитализма, характеристики империализма, Ленину приписывается понимание империализма только, как «тенденции капитала и капитализма вообще к установлению монополий», — мы не можем с этим согласиться.

Тов. М. Н. Покровский, правда, пытается оговориться, что между монополистическими тенденциями эпохи промышленного протекционизма и эпохи империализма существует разница. Однако, по тов. Покровскому, это — разница количественная, а не качественная. «Отличие этих монополий от монополий более раннего периода заключается в том, что те не вытекали с необходимостью из экономической структуры капиталистического общества в данный момент, а что касается эпохи империализма, то тут уже буржуазия не может жить без монополий» *).

Дело не в том, что одни (тенденции) вытекают «с необходимостью», а другие «без необходимости».

Протекционистская политика, как и связанная с ней политика борьбы за колонии, являющиеся сферами торгового сбыта, несомненно, вытекала «с необходимостью» из отношений эпохи первоначального капитализма, как агрессивно-колониальная политика эпохи империализма вытекает «с необходимостью» из отношений этой новой, «высшей стадии капитализма».

Разница не в том, что в первом случае не было «необходимости», а во втором она была.

Разница заключается в различии самих «необходимостей».

Капитализм первоначального периода нуждался в протекционистской политике, таможенных пошлинах и расширении таможенных границ для закрепления за собой определенной сферы сбыта товаров.

Империализм возвращается после периода промышленного фритредерства к системе почти запретительных тарифов и колониально-агрессивной политике для обеспечения рынков сбыта, рынков с ы р ь я и с ф е р ы п р и л о ж е н и я к а п и т а л а.

В первом случае мы имеем оборонительно-таможенную политику, во втором — наступательную.

*) Несомненно неправильным является узкое толкование монополистической тенденции финансового капитала, как только тенденции к установлению таможенных пошлин.

Во-первых, монополистическая политика не непременно сопровождается ограждением таможенной стеной; во-вторых, если таможенные пошлины есть, они являются лишь частным проявлением монополии.

Радикально меняется тип связей между странами, тип экономических структур, а отсюда и внутренняя подкладка экспансии капиталистических государств.

Поскольку тов. Покровский отказался от анализа и характеристики внутренней структуры финансово-капиталистической системы, он не мог оценить и принципиальное различие внешней политики эпохи первоначального капитализма и империализма.

Нам кажется, что автор, отличающийся редкой особенностью строго-критического отношения к себе, как к исследователю и историку, признает неосторожность и небрежность, приводимых нами формулировок об империализме. В этом мы почти уверены, ибо именно тов. Покровский и в этой же книге пишет: «Наша рабочая революция, — это, как все мы прекрасно понимаем..., есть явление м и р о в о е. Это н е е с т ь н а ц и о н а л ь н а я революция, об'ясняимая в узких рамках, вытекавшая исключительно из русских условий, местных и временных условий России».

Такая характеристика русской революции обязывает к анализу м и р о в ы х с в я з е й э п о х и ф и н а н с о в о г о к а п и т а л а, т.-е. характеристики с п е ц и ф и ч е с к о й структуры «новейшего этапа капитализма».

Она обязывает при об'яснении мотивов участия царской России в мировой войне, к учету влияния союзнического финансового капитала на русское хозяйство и политику. Она обязывает к рассмотрению России, как элемента мирового хозяйства.

Но при этой точке зрения тов. Покровскому необходимо было бы расширить круг исследуемых им проблем.

* * *

Столь же сплошной нам представляется постановка вопроса о социальном характере крестьянского движения.

«В России капитализм в сельском хозяйстве может развиваться только, опираясь, в первую голову, на своеобразное русское фермерство, на русского мелкого сельского производителя.

П о к а к р е с т ь я н и н н е с т а н е т т а к и м с в о б о д н ы м м е л к и м с е л ь с к и м п р о и з в о д и т е л е м, в Р о с с и и н е б у д е т п о ч в ы д л я р а з в и т и я к а п и т а л и з м а в т у з е м н ы х у с л о в и я х.

Так ставил Ленин дело в 1905—7 г.г., не подозревая, что через 10 лет наша капиталистическая верхушка уже перегниет через капитализм, и что придется устанавливать своеобразный компромисс между диктатурой пролетариата и социалистическим хозяйством, с одной стороны, и этим м у ж и ц к и м к а п и т а л и з м о м, — с другой».

Здесь налицо некоторая неточность. Во-первых, Ленин никогда не утверждал, что «в России не будет почвы для развития капитализма в туземных условиях, пока крестьянин не станет свободным мелким сельским производителем».

Ленин намечал д в а возможных п у т и исторического развития капитализма: прусский и американский; путь медленного эволюционного перерастания полукрепостнического капитализма в культурный капитализм, и путь революционного быстрого переворота, совершенного против помещика и открывающего дорогу фермерскому типу сельско-хозяйственного развития.

До революции 1917 г. капитализм развивался в России по прусскому типу, хотя партия пролетариата в течение полутора десятка лет сражалась за обеспечение условий американского типа развития, ускоряющего темп подготовки социализма.

Во-вторых, очень сплошной является эта социально-экономическая характеристика деревни, как «мужицкого капитализма». При ближайшем знакомстве с освещением этого вопроса у тов. Покровского мы обнаруживаем и здесь некоторую неисторичность подхода к крестьянскому движению.

«В течение 300 лет боролось мелкое крестьянское хозяйство с крупным, помещичьим, боролось за свое существование» (стр. 8).

Тов. Покровский, желая показать, что крестьянская революция имеет глубокие исторические корни, допускает еще раз перегиб палки. «На самом деле, как доказал еще Рожков, лет, примерно, 20 назад, наше крупное и среднее помещичье землевладение XVI века возникло на развалинах мелкой свободной крестьянской з е м е л ь н о й с о б с т в е н н о с т и, следов которой в тогдашних писцовых книгах мы найдем сколько угодно, найдем уже в состоянии вымирания, но не совсем естественной смертью» (8—9 стр.).

Здесь вновь неосторожная формулировка. До сих пор мы полагали, что земельная собственность развилась из феодального землевладения, что первым собственником был феодал, раньше крестьянской массы захваченный товарным обращением.

Если это, с точки зрения тов. Покровского, неверно, то тогда следовало бы не ограничиваться вскользь брошенным замечанием, и развить свое положение; если же это, и по мнению автора книги, верно, то тогда нужна большая ясность и точность.

Однако, у тов. Покровского в цепи этих цитат заковано одно положение, логика которого подчиняет себе частности.

«1905 год напомнил, что и н с т и н к т ы мелкого производителя глубоко сидят в крестьянине».

«В 1917 году он добился своего: помещик-паразит был разбит, помещичьи земли перешли в руки крестьян, и та база для русского н а т у р а л ь н о г о туземного мужичьего к а п и т а л и з м а, о которой говорил тов. Ленин в 1905—6 годах, была, наконец, найдена» (9 стр.).

«Как видите, товарищи, это современность, настолько современность, что нам с вами, как партийным людям, придется каждый день решать вопросы, связанные с тем фактом, что крестьянин в настоящее время является своеобразным зачатком русского капитализма. Нам придется этот капитализм тренировать, вводить его в рамки государственного капитализма и сочетать его с пролетарской диктатурой. Это все самое современное, и от этого зависит наше будущее. А корни этого факта уходят в XVI столетие».

Современное революционное крестьянское движение, разумеется, имеет известную историческую преемственность с прежним революционным движением крестьян. Однако функциональный исторический смысл крестьянского движения в различные эпохи различен, как различен и социальный облик крестьянства. Крестьянское революционное движение периода Разиновщины и Пугачевщины, — это антикрепостническое движение задавленного крестьянства, еще не имеющего ярко-выраженного буржуазно-демократического характера: крестьянство больше боролось за восстановление до-крепостнических отношений или отношений раннего феодализма, чем за буржуазные условия развития.

Крестьянское движение 1905 года было, несмотря на дифференциацию среди крестьянства, в общем и целом общекрестьянским фронтом против помещика за буржуазно-демократический переворот, за американски-фермерский путь развития.

В 1917 году мы видим более сложную картину. Масса бедного и среднего крестьянства разносит помещика и кулака, под руководством пролетариата, держащего в своих руках государственную власть.

Тот ли это «мужицкий капитализм», что в 1905 году?

Крестьянское хозяйство осталось частно-собственническим и товарным, но, во-первых, кулак сделался об'ектом революционного движения, а не суб'ектом. Во-вторых, и это самое важное, победа крестьянского движения была обусловлена в революции 1917 года победой социалистического пролетариата в его борьбе за власть.

Мелко-буржуазные устремления крестьянства могли быть осуществлены в нашей революции только в том случае, если социалистический пролетариат установит и укрепит свою диктатуру.

В силу этого крестьянское движение приобрело совершенно иной смысл.

Здесь нельзя сказать просто «мужицкий капитализм». Если бы дело обстояло так, то наши перспективы были бы безнадежны.

С одной стороны, развитие товарных отношений имеет своим следствием развитие в крестьянстве капиталистических отношений и рост буржуазии. Но, с другой стороны, масса среднего крестьянства является нашей опорой в борьбе против капитала.

Наша задача заключается не в том, чтобы «тренировать мужицкий капитализм», а бороться за социалистическое кооперирование крестьянства.

У тов. Покровского проскальзывает такая точка зрения, что мужицко-капиталистический «инстинкт» питал революционное крестьянское движение в течение 300 лет и прорвал плотину в 1917 г. Крестьянство, социальный характер его, степень дифференциации, об'ективный смысл этого движения выступают здесь подстриженными под один гребешок для разных эпох.

Гребешком этим тов. Покровский работает, поистине, мастерски. Даже декабрист Пестель, наиболее левый из буржуазных революционеров начала XIX века, после стрижки под этот гребешок, выступает чуть ли не идеологом крестьянства, а его аграрная программа представляется прототипом декрета о земле Советского Правительства.

* * *

Мы заострили внимание читателя на тех моментах рецензируемой книги, которые, с нашей точки зрения, обнаруживают не вполне правильный подход автора к некоторым историческим явлениям.

Это не мешает нам расценивать книгу, как незаурядное явление.

Живой, образный язык, оригинальный рисунок, новая комбинировка материала, с привлечением некоторых свежих данных де-

лают книгу интересной, дающей ценные сведения и постановку ряда проблем по новейшей истории.

Однако, требованиям учебника эта книга удовлетворяет, как нам кажется, меньше, чем «Русская история в сжатом очерке», продолжения которой партия и учащееся поколение ждет от автора.

А. Слепков.

Георгий Малис. Психоанализ коммунизма. С предисловием проф. К. И. Платонова. Изд. «Космос». 1924 г., стр. 86.

Психоанализ, несомненно является одной из самых модных теорий нашего времени. Несмотря на довольно давнее появление в свет, особенное распространение он получил в последние годы после войны в условиях революционного разложения капиталистического мира. В Советской России он приобретает особую известность после перехода к нэп'у, когда значительная часть наименее устойчивых мелко-буржуазных и интеллигентских попутчиков революции заколебалась в условиях возрождающегося товарного хозяйства и видимого спада, для поверхностного глаза, революционной волны. Мелкий буржуа и интеллигент, не понимая в новых условиях положительных задач строительства социалистического хозяйства, ушел в свое личное «я», в вопросы пола, найдя себе на этом пути верного проводника, в лице глубоко суб'ективной целиком построенной на ковырянии в душах, теории Фрейда. Вокруг теории закружился какой то дикий хоровод из протестантских попов, мистиков, психиатров, зараженных своими больными... и марксистов, не весьма твердых в марксизме и падких ко всему сенсационно-новому.

Те крупицы истины, которые мог еще дать психоанализ для изучения некоторых болезненных явлений нашей психики, и те, весьма преклонного возраста, истины, которые в нем заключаются, в виде признания причинной обусловленности всех проявлений нашей психической деятельности и т. д., потонули в океане всеоб'емлющей теории, долженствующей, с своей точки зрения, об'яснить все и вся и открыть новый свет заблудшим наукам.

Но именно в такой всеоб'емлющей постановке и вскрывается ярче всего упадочность философии фрейдизма, этого трупного червя современной буржуазной науки.

Насколько глубоко фрейдизм проникает у нас, не получая до сих пор должного отпора со стороны марксистов, свидетельствует рецензируемая книжка. Напечатана она в Полтаве и пытается обосновать, с психоаналитической точки зрения, ни более не менее, как коммунизм. Конечно, при этом не обходится без соединения Фрейда с Марксом, ибо еще Плеханов писал, что путанику, лишь было бы желание, можно с Марксом соединить и Фому Аквинского. Мы хотим подробнее остановиться на этой книжке именно потому, что, независимо от того, совпадает ли во всем ход ее рассуждений со взглядами самого Фрейда, она дает наиболее отчетливое представление о тех путях, какими пытаются притянуть Фрейда за уши к марксизму и коммунизму.

* * *

Как известно, в основе учения Фрейда лежит представление о бессознательном, составляющем подпочву нашей психики. Что

такое это бессознательное, автор раскрывает на стр. 38 своей брошюры:

> „До сих пор учтены только самые поверхностные моменты спиритизма и телепатии. Если впоследствии нам придется действительно встретиться с явлениями метафизическим, т. е. лежащими в другой плоскости четвертого измерения (курсив везде наш, Н. К.), то сознательно изучить эти явления мы сможем только через бессознательное. Ибо бессознательные переживания также неподчинены законам нашего времени и пространства“.

Но, так понимаемое, Бессознательное (при том еще с большой буквы, т.-е., как некая самостоятельная сущность), есть путь к чистейшей чертовщине и поповщине.

Как известно, марксизм в философии есть, прежде всего, материализм, признающий время и пространство формами бытия материи. Все вещи находятся не только в нашем представлении во времени и пространстве, но об'ективно, на самом деле, занимают то или иное место в пространстве в тот или иной промежуток времени. Наоборот, у философа, очень далекого от материализма, излюбленного философа ревизионистов Канта, время и пространство не существуют в действительности, они лишь формы нашей чувственности и не применимы к вещам так, как они существуют сами по себе, к noumena, по терминологии Канта.

Критикуя Канта с точки зрения учения о бессознательном, наш автор пишет, что основная ошибка Канта то, что

> „Noumena, лежащие вне плоскости нашего времени и пространства, подлежат нашему изучению уже по одному тому, что у нас есть представление о них.“ (31).

Таким образом, критик, в сущности говоря, стоит целиком на точке зрения критикуемого: признает, что вещи в себе, лежат вне времени и пространства и каким-то сверхестественным образом отражаются в бессознательном.

Он признает какое-то метафизическое (?!!), никому неизвестное, четвертое измерение мистиков и при помощи его об'ясняет все тайны спиритизма и телепатии.

Это — идеализм худшей марки, и переход к нему совершенно неизбежен, исходя из основных предпосылок фрейдовской теории *). Что марксизм тут совершенно не при чем, конечно, ясно всякому, запомнившему не только слова в марксизме.

* * *

Присмотримся, однако, далее к «Бессознательному» фрейдизма. Согласно нашему автору, содержание его:

> „составляют главным образом либидинозные тенденции, связанные с половым чувством, с инстиктом сохранения рода.“ (стр. 43—4.

В связи с этим он набрасывает любопытную философию истории, долженствующую соорудить мостик между Фрейдом и Марксом.

---

*) См. дающую много интересного для критики фрейдизма статью тов. В. Юринца „Фрейдизм и марксизм“ в №№ 8—9 „Под знаменем марксизма“.

„Через этот последний (инстинкт сохранения рода) libido и представляет источник большинства психических моментов социального порядка. Ибо, как уже было указано, половое чувство связано с стремлением к сохранению не отдельного индивидуума (это—задача голода), а всего рода, социального целого“ (стр. 44).

Таким образом здесь ставится знак равенства между социальным и половым, — тенденция распространенная в нашей псевдо-марксистской фрейдистской литературе. В другом месте отличающийся похвальной последовательностью Г. Малис так и пишет: экономика первобытной родовой общины была, в конечном счете, «наиболее благоприятна для удовлетворения половых, социальных стремлений человека» (67). Это — лейт-мотив всей песни. Отсюда же, по аналогии с развитием libido, полового стремления в отдельном индивиде, автор строит и всю человеческую историю:

„Поскольку развитие отдельного человека повторяет развитие человечества в целом (?), каждой стадии libido соответствует определенная ступень в истории человеческого рода“ (50).

Из этой цитаты совершенно очевидна основная методологическая ошибка всех социологов-фрейдистов: у них законы биологического развития целиком переносятся на развитие общества. Биологический закон, устанавливающий, что развитие индивида повторяет в сокращенном виде путь развития рода, переносится на историю человеческого общества. Получается чистейшая метафизика, конечно, ничего общего с марксизмом не имеющая, так как марксизм учит именно своеобразию развития общественного человека, употребляющего орудия труда.

Чтобы лучше выяснить самые основания ошибок нашего автора, приведем еще одну цитату. Мы видели выше, что первобытная родовая община удовлетворяла половые, социальные стремления человека. В чем же тогда причина ее крушения, если в основе общественного развития лежит именно половое чувство? Здесь Г. Малис выдвигает другую нашу, тоже биологическую, потребность — голод, и на основе ее развивает целую теорию, которая в этом своеобразном синтезе должна быть как бы представителем марксизма:

„Под флагом удовлетворения голода начинается и протекает до сих пор все развитие общества. Клеймо погони за едой (?) ложится на экономику, через нее отражается в идеологии. Поскольку потребность питания есть личная потребность каждого отдельного индивидуума, этот индивидуализм начинает господствовать и в общественной жизни. В борьбе за существование возникает дифференциация, образуются классы“ (стр. 67).

Тут, что ни слово, то перл, и на всем построении неоспоримо лежит клеймо непонимания самых основных истин марксизма.

Ошибки очевидны. Выводить из того, что потребность питания есть личная потребность отдельного человека, индивидуализм в общественной жизни можно только ради курьеза. Это та же старая погудка, стремящаяся непосредственно из биологических потребностей человека вывести формы общества. На деле же для того, чтобы есть, пить, иметь жилища, одеваться и т. д., люди должны предварительно произвести необходимые материальные средства существования. Именно на почве этого производства и воспроизводства материальной жизни между ними устанавливаются те или иные общественные связи. Формы общества определяются именно тем способом, каким совершается это производство. Индивидуализм в общественной жизни, разделение общества на классы, есть результат частной собственности на средства производства, а не на продукты потребления. Потребность питания остается личной потребностью и в коммунистическом обществе, за которое, как-будто, тоже ратует наш автор, но производство и распределение продуктов для этого личного потребления будут там в руках общества.

Таким образом, погоня за едой (и другими средствами к жизни), которая в индивидуальной жизни людей означает не что иное, как производство и воспроизводство материальной жизни людей, оказывается вовсе не тем змием, который нарушил идиллию первобытного полового союза, а движущей силой общественного развития.

Мы имеем две совершенно противоположные философии истории: а) марксистскую, рассматривающую общество, как производственную организацию и об'ясняющую его историю из смены способов производства; б) фрейдистскую, нашего автора, кладущую в основу общества libido и историю общества строющую по аналогии развитие полового чувства.

Какого рода помешательством страдают те, кто стремится об'единить то и другое, параноики *) они или что-нибудь другое, мы сказать не беремся, но что это не имеет абсолютно ничего общего с марксизмом, — совершенно несомненно.

* * *

Как далеко заводит метод Фрейда, можно видеть у нашего автора и на отдельных конкретных об'яснениях общественных явлений.

Так как в основе истории общества лежит развитие полового чувства, аналогичное развитию его в отдельном индивиде, то та или другая идеология неизбежно превращается из категории исторической в категорию возрастную, как ни чудовищно подобное построение.

Последовательно ревизуя марксизм с точки зрения Фрейда, наш автор заявляет, прежде всего, что «экономический базис отражается на форме идеологической надстройки, а не на сущности (?) ее» (стр. 52). Отсюда следует об'яснение религии. В согласии с Фрейдом, он утверждает, что первыми об'ектами любви ребенка являются родители. Тогда, согласно параллели между индивидуальным и родовым развитием человека, в развитии рода этому «Эдиповскому комплексу» (любви к матери) соответствует религиозное (курсив автора. Н. К.) чувство общества» (51). И в другом месте: «религиозные системы построены на детских бессознательных влечениях эдиповского комплекса» (стр. 55, курсив автора). Не бесплодно ли мы отучаем своих пионеров от веры в бога?

Мы обходим целый ряд красот, в роде выведения жестокостей во время войны из предрасположения к ним «в глубине ду-

*) С точки зрения некоторых психоаналитиков марксизм есть выражение паранои!..

ши» каждого солдата, выведение скупости из сублимации (переработки) бережливого отношения маленьких детей к их выделениям и т. д., и т. п. Пониманием общественных причин явлений нитде и не пахнет. Сосредоточим свое внимание еще на двух вопросах, — на понимании отношений коллектива и личности и на малисовском коммунизме.

Совершенно естественно, что если движущая сила общественного развития libido, половое чувство, то тогда и коммунизм — не исторически возникшая перед определенным классом, в определенных условиях, задача, а вечная цель, к которой стремится, охваченная половым влечением, личность, рвется тысячелетиями, вместе с коллективом, «биологически предопределенными путями» (курсив наш, стр. 71).

Таким образом, перед нами медленно плетущаяся кляча экономики, сковывающая формы проявления полового чувства, и на ней — нетерпеливый седок, — личность, рвущаяся «биологически предопределенными путями» к будущему! Разве не величественная картина?!

Автор несколько раз возвращается к этой теме:

„На какой бы степени не стояло человечество, мы видим всегда одно и то же психологическое обоснование данной структуры общества. Ее определяет борьба с голодом, стремление к накоплению материальных ценностей. Человек занимает заранее указанное ему экономикой место, и уходит, ничего не видав за ближайшими, извне ему навязанными, об'ектами. Если он претендует на большее, чем может получить,—он погибает. Так погибли все преждевременные революции, изобретения—обладающие полным идеологическим обоснованием, но не имеющие экономического базиса" (67).

И, в заключение, такой перл:

„В момент возникновения им изобретениям и преждевременным революциям не было места в общественной системе накопления материальных ценностей, именуемой „государством" (67).

Разве не сногсшибательное откровение для марксистов, до сих пор считавших государство орудием классового господства?

И в другом месте:

„Нам понятен общий ход процесса капиталистического производства, появление механизмов или источников энергии, которые ему необходимы, завершение его рациональной, социалистической организации труда. Но, ведь был целый ряд изобретений, равно как и общественных движений, отнюд не вызванных окружающей обстановкой, даже раздавленных ею, следствии ею. Корни этих исторических вспышек мы должны искать в самой личности. И сделать это поможет нам психоанализ" (64).

Тем самым раскрывает тайна влечения к психоанализу некоторых горе-марксистов. Они не удовлетворяются марксистским, материалистическим анализом психики. Их влечет в лоно идеалистического суб'ективизма, и они находят эквивалент ему в фрейдовском бессознательном, глубоко-суб'ективном, влекущем личность по своим законам, и борющемся с реальностью. Недаром Г. Малис ухитряется и основное положение марксизма изуродовать в тон этому:

„Поскольку основная формула марксизма: „бытие определяет сознание", учение Фрейда психологически показывает нам, как это бытие, т. е. столкновение индивидуальных бессознательных тенденций с социальной действительностью переломляется и отражается на (?) сознании" (стр. 66).

Не производственный процесс, не борьба классов, а столкновение индивидуальных бессознательных влечений с действительностью, лежит в основе общественного бытия. Вся эта концепция строго выдержана в духе Фрейда.

Понятно тогда, что и коммунизм, прежде всего, — не общественная организация производства, а третья, «биологически-предопределенная» стадия истории человечества, стадия «свободного выбора об'екта», освобожденного от гнета и клейма экономики полового чувства.

Те идеологические формы, сущность которых не может изменить экономика, призвано отменить освобожденное половое чувство, которое перестанет в них сублимироваться:

„Вот почему в прежнем смысле слова в коммунистическом обществе не будет ни неврозов, ни религии, ни философии (!?), ни искусства (как l'art pour l'art) (76).

Таким образом, самое отмирание религии мыслится совершенно иначе, чем в марксизме. Это — коммунизм, совершенно особого типа выбитых революцией из колеи интеллигентов.

Мы кончили. Предисловие к брошюре проф. К. И. Платонова совершенно бесцветно, и о нем сказать нечего.

Мы видим, что автор весьма добросовестно пытался соединить с марксизмом и коммунизмом самые основные положения фрейдизма, а не склеивать с ними те или другие поверхностные мелочи, и потому мы уделили ему столько внимания.

Разбор показал, что между тем и другим лежит пропасть. Предупредить возможные дальнейшие попытки такого противоестественного смешения—задача марксистской критики. Тем более, что, к сожалению, у нас некоторые весьма авторитетные товарищи, хотя и в скрытой форме, высказывались за Фрейда. Мы живем в такой обстановке, когда в воздухе носится, вполне об'яснимое соответственным ростом чуждых нам стихий, пока еще неоформленное, влечение к ревизии ортодоксального марксизма. Если общественно-политическая неустойчивость облекается в костюм священнослужителей, сочетающих столь далекую друг другу пару, как Маркс и Фрейд, то остается лишь пожалеть тех, кто удовлетворяется такой теоретически-нищенской и эклектической пищей, и предостеречь тех, кто хочет быть верным Марксу.

Ник. Карев.

Редакция: **В. Астров, Н. Бухарин, Ил. Вардин, Л. Каменев, А. Слепков.**

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ОПЕЧАТКИ.

			НАПЕЧАТАНО:	СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ:
Стр. 5	строка	10 снизу	остальных	отсталых
„ 6	„	17 сверху	В этом нельзя не сомневаться	в этом нельзя сомневаться
„ 12	„	6 „	последни	последних
„ 16	„	17 „	не посредственно	не непосредственно
„ 26	„	9 снизу	к типу	и типу
„ 31	„	21 сверху	Эначит	Значит
„ 75	„	5 „	неурожаемые	неурожайные
„ 79	„	27 „	поступления налога	поступления налога (в милл. рублей):
„ 84	„	6 „	изолюции	изоляции
„ 84	„	9 снизу	переходя	переходящее
„ 85	„	5 сверху	орентации	ориентации
„ 87	„	1 „	кон'юктуры	кон'юнктуры
„ 88	„	2 „	увеличив	увеличивать
„ 91	„	3 „	федеративное	федеральные
„ 91	„	6 „	федеративных	федеральных
„ 91	„	11 „	политическими	патетическими
„ 93	„	34 „	было бы концом	было не концом
„ 110	„	25 „	Речь идет о том	речь идет не о том
„ 114	„	5—6 снизу	Лучше следите за их «внутренней инерцией»	Лучше следите за «внутренней инерцией» буржуазных профессоров
„ 118	„	18 сверху	становится на пути	становится на путь
„ 123	„	29 „	физико-механических	физико-химических
„ 137	„	13 „	историю аазработки	историю разработки
„ 144	„	15 „	направить	натравлять
„ 145	„	34 „	писак буржуазных оппортунистов	писак буржуазных и оппортунистических
„ 148	„	5 снизу	первонач. капитал	переменный капитал
„ 149	„	6 „	поверхности	поверхностности
„ 150	„	22 сверху	некрундированных	нефундированных
„ 151	„	5 снизу	Одного	Однако,

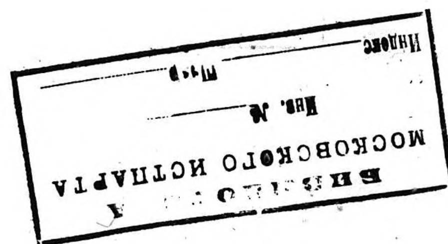
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

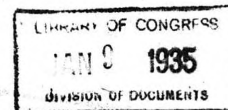
БОЛЬШЕВИК

№ 10 ДЕКАБРЯ 15—16

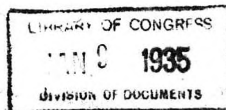
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 4
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит № 30303
Типография „Правда" и „Беднота", Серебрянический

Главлит № 30303 Тираж № 46.000
Типография „Правда" и „Беднота", Серебряническая наб., д. 23-а.

Троцкизм и диктатура пролетариата.

Не бывает худа без добра. Так, последнее фракционное выступление тов. Троцкого с «Уроками Октября», наносящее несомненный вред партии и Коминтерну, в то же время заставило партийную массу еще и еще раз обратиться к основам ленинизма и к партийной истории, чтобы тем сознательнее и продуманнее оказался ее решительный и абсолютный единодушный отпор троцкизму.

Рост интереса к ленинской теории в связи с выступлениями т. Троцкого—факт не подлежащий сомнению, подтверждаемый всеми, и он показывает, насколько жизненна наша партия, насколько в ней силен революционный ленинский дух. «Без революционной теории не может быть революционного движения»,—говорил Ленин.—Если бы в нашей партии стал угасать интерес к теории, это было бы плохим знаком, сигналом о нездоровых процессах, происходящих в партийной среде. Но мы наблюдаем обратное.

Иначе и не может быть, ибо ленинская теория сильна своим практическим значением, ощутимым для масс. Вопрос о смычке с крестьянством, вопрос о единстве нашей партии,—все это имеет слишком очевидное для всех практическое значение, чтобы не пробудить внимание и живейший интерес в массе к теоретической дискуссии на эти темы. А вопрос о троцкизме есть именно вопрос о судьбах смычки пролетариата с крестьянством и о судьбах единства нашей партии. Если же троцкизм взять не только в российском, но и в международном масштабе, он ставит перед нами вопросы о единстве Коминтерна и о путях пролетарских революций во всех странах.

Отсюда бесчисленные отклики на выступление Троцкого, отсюда горы резолюций резкого осуждения троцкизма, стекающиеся как со всех концов нашей страны, так и от коммунистических партий Запада.

Троцкизм, в своем развитии, угрожает основам диктатуры пролетариата в России, поскольку он связан с непониманием этих основ.

Тов. Ленин в дискуссии о профсоюзах говорил о механизме диктатуры пролетариата, как о сложной «системе нескольких зуб-

чатых колес», из которых главнейшие—партия, профсоюзы, советы. Партия «осуществляет диктатуру пролетариата»; профсоюзы—«привод от авангарда к массе передового класса»; советы—привод от пролетариата «к массе трудящихся», в России—к крестьянству.

Не случайно Ленин высказал эти положения в 1921 году именно в полемике с Троцким:

«Когда в первом тезисе т. Троцкий говорит, указывая на «идейную сумятицу», о кризисе специально и именно профсоюзов, то тут в основном есть нечто принципиально неверное. Если говорить о кризисе, то можно говорить о нем лишь после анализа политического момента. «Идейная сумятица» получается именно у Троцкого, потому, что он как раз в основном вопросе о роли профсоюзов с точки зрения переходной от капитализма к коммунизму упустил из виду, не учел того, что здесь имеется сложная система нескольких зубчатых колес и не может быть простой системы, ибо нельзя осуществлять диктатуры пролетариата через поголовно организованный пролетариат. Нельзя осуществлять диктатуры без нескольких «приводов». От авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся. В России эта масса крестьянская, в других странах такой массы нет, но даже в самых передовых странах есть масса непролетарская или не чисто пролетарская. Уже отсюда идейная путаница действительно, выходит. Троцкий только напрасно в ней обвиняет других» [1]).

Не случайно, повторяем, Ленин никому другому, а Троцкому раз'яснял этот «механизм самой основы диктатуры пролетариата, самой сущности перехода от капитализма к коммунизму», по его выражениям, здесь, в непонимании основ пролетариата диктатуры лежал корень профсоюзной ошибки тов. Троцкого. В непонимании тех же основ коренятся и все другие крупные ошибки его в после-октябрьский период: Брест, оппозиция 1923—24 г. И ко всем этим ошибкам вел Троцкого тот «путь», по которому он «шел к Ленину с боями» и от которого он, к сожалению, не отрекся целиком раз и навсегда.

Из этого ухабистого «пути» тов. Троцкий, как известно, вынес и пронес через 7 лет пролетарской диктатуры не-ленинскую, взятую у Парвуса «теорию перманентной революции», недоучитывающую роль крестьянства. В письме к Ольминскому он в 1921 году заявил о своей правоте в оценке движущих сил русской революции («Правда», № 280).

В брошюре «Новый курс» он написал:

«Что касается теории перманентной революции», то я не вижу

[1]) Речь на фракции РКП VIII Всероссийского С'езда Советов, 30 декабря 1920 г. Соч., том XVIII, ч. I стр. 9.

решительно оснований отрекаться от того, что писал по этому поводу в 1904—05—06 г.г. и позже. Я и сейчас считаю, что основной ход мыслей, развивавшихся мною тогда, несравненно ближе к действительной сущности ленинизма (!!!), чем многое и многое из того, что писалось рядом большевиков того времени» [1]).

Это надо понимать так, что в 1905 г. ленинистом был не Ленин, а... Троцкий. Но мы пройдем мимо этого. Посмотрим, что сулит (или чем грозит) партии этот «якобы ленинизм».

Отдельные молодые товарищи, которым нравится, по молодости, все «самое левое» и «самое революционное», могли еще в первый момент поддаться на удочку «теории», которую тов. Троцкий призвал их изучать «с карандашом в руках». Но даже им легко об'яснить и показать, как у т. Троцкого «левая» фраза в данном случае прикрывала правое поведение.

Мы не будем останавливаться на наиболее... не-революционных периодах в биографии тов. Троцкого, когда его теория не мешала ему поддерживать ликвидаторскую «петиционную кампанию» или избирательные соглашения с кадетами в 1906 г. Возьмем центральный лозунг «теории перманентной революции»: «без царя, а правительство рабочее». Выражал ли он, вплоть до Октября, задачи борьбы пролетариата с буржуазией последовательно или нет?

Нет, ибо основной предпосылкой завоевания власти пролетариатом в нашей стране был союз его с крестьянством и гегемония его в этом союзе, а лозунг «рабочее» правительство игнорировал крестьянство, пытался вести пролетариат к власти в крестьянской стране, минуя ворота крестьянской революции, «перепрыгивая» через крестьянство.

Троцкизм означал добровольный отказ от пролетарской борьбы за гегемонию по отношению к крестьянству, очищение перед буржуазией пути к ее гегемонии над крестьянством, сдачу буржуазии этой гегемонии. В этом смысле троцкизм об'ективно творил дело всего меньшевизма, роль которого всегда состояла в подрыве гегемонии пролетариата в революции, в отдаче крестьянства и остальных слоев пролетариата под гегемонию буржуазии.

Только большевизм активно готовил на всем протяжении буржуазно-демократической революции в России тот союз рабочих и крестьян, который победил в Октябре и обеспечивает дальнейшие успехи социализма. Только большевизм боролся за гегемонию пролетариата по отношению к крестьянству, определив с 1905 года ближайший этап революции, как создание рабоче-крестьянского правительства («революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»).

[1]) «Новый курс» стр. 50.

Только большевизм в 1917 году вел пролетариат к власти по верному пути, дав лозунг «власть советам»,—в корне отличный от лозунга «рабочее правительство», ведший пролетариат к власти не мимо ворот, а сквозь ворота крестьянской революции. На этом пути наша партия прихватила с собой и т. Троцкого, но только потому что он спрятал свои особые лозунги и теории в карман,—к сожалению, лишь за тем, чтобы через семь лет, в надежде на незнание нашим молодняком истории партии, выдавать их за ленинизм «чистой пробы».

Тов. Троцкий «решительно» отстаивает все, что им писано о перманентной революции в 1904—06 гг. Пусть он попробует подтвердить, например, такое свое «пророчество» 1905 года:

«Без прямой государственной (курсив наш. Ред.) поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя не сомневаться ни минуты» [1]).

«Длительна» ли социалистическая диктатура, которая держится в России 7 лет? Или тов. Троцкий, как в дни прошлогодней дискуссии, в скором времени ожидает ее «гибели» (историческое заявление оппозиции: «привели страну к гибели») ? Держится ли эта диктатура «государственной поддержкой» западного пролетариата, или чем-то другим?

Международный пролетариат оказывает нам большую поддержку, но еще не «государственную». Наша диктатура держится, вместе с тем, на союзе пролетариата с крестьянством, с этим «вторым» союзником российского рабочего класса, союзником, в которого Троцкий не верил, роли которого он не доценивал, не дооценивает и сейчас.

Разве брестская ошибка Троцкого не примыкает целиком к выше приведенному положению о возможности удержания диктатуры пролетариата в России только при «государственной» поддержке со стороны победившего европейского пролетариата? Против подписания брестского мира мог быть тот, кто не дорожил союзом с крестьянством, неспособным и не желавшим тогда воевать сразу, после четырех лет войны, все с тем же «немцем»,—тот, кто отчаивался во внутренних силах нашей революции.

Те же «шоры» на глазах тов. Троцкого, закрывающие от него крестьянство, дали себя знать и на другом историческом повороте—в дискуссии о профсоюзах, когда к частному вопросу о профсоюзах т. Троцкий подошел без учета общеполитического состояния страны. Он предлагал «завинчивать гайки» военного коммунизма профсоюзов (сращивание их с производством) в тот момент, когда вся система военного коммунизма пришла в решительное противоречие с интересами крестьянства.

[1]) «Итоги и перспективы». Сб. «Наша революция». Стр. 278.

И снова та же ошибка—в 1923 году, в вопросе о «плановости» и в вопросе о денежной реформе. Защита жесткого плана развертывания промышленности—при скептическом отношении к проведению твердой валюты, этой единственно реальной предпосылки плана в стране, где деньги служат основной экономической связью между миллионами крестьянских хозяйств,—такова была позиция тов. Троцкого.

Мы видим определенную, не раз выявившую себя на практике, тенденцию троцкизма к недооценке крестьянства и вместе с тем имеем прямое указание тов. Троцкого на ее теоретические корни. Все знают, как Ленин о «теории перманентной революции» говорил, что она берет у меньшевиков «отрицание роли крестьянства».

Итог: троцкизм ошибается в вопросе о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства, не дооценивает последнего, как нашего союзника. Недооценка крестьянства грозит утерей гегемонии пролетариата над крестьянством. В конечном счете, это вело бы к гибели диктатуры пролетариата в России, ибо «механизм диктатуры» («система зубчатых колес») опирается у нас на два указанных класса.

Подойдем к тому же «механизму» с другой стороны, с «верхушки», с партии. Она «осуществляет диктатуру пролетариата», она бережет и союз его с крестьянством. Нечего и говорить, что она не свернет на троцкистскую дорожку... Но поставим перед собой вопрос: понимает ли тов. Троцкий роль партии, значение ее единства для дела осуществления диктатуры пролетариата?

На это лучше всего отвечают дела тов. Троцкого. Он из года в год систематически трясет партию, расшатывает этот позвоночный столб диктатуры пролетариата. В 1923—24 г.г. он открыто выступает с меньшевистскими по духу предложениями по вопросам строительства партии. Нарядившись в тогу внутрипартийного демократа он бьет с плеча по партийному аппарату, следуя традициям меньшевиков в их борьбе с большевистским централизмом и монолитностью. Словечками о «перерождении» и т. п. он стреляет в тех самых «учеников» Ленина, с которыми боролся 14 лет под-ряд до своего вступления в нашу партию. Льстя молодежи, он пытается натравить ее на ту старую гвардию, которая получила отсутствующую у Троцкого большевистскую закваску со времен подполья. Наконец, он считает возможным допустить группировки в партии, а сам своим поведением содействует образованию группировок во время дискуссии.

В последнем проявляется отрыжка старого троцкистского взгляда на единство партии, когда под единством понимается об'единение различных идейных течений в одной партии. Идя за ликвидаторами, Троцкий однажды пытался провести в жизнь этот троцкистский взгляд на единство партии (августовский блок 1912 года). Тогда этот блок удался ему только на платформе борьбы с большевизмом. Теперь же большевизм не допустит антибольшевистских экспериментов внутри своей партии.

Большевизм рассматривает единство партии, как единство на основе одного идейного течения — ленинизма, как идейную монолитность партии. В этом основной залог единодействия партии, наибольшая гарантия от расколов и откол ов, которые могут быть губительны для диктатуры пролетариата, проводимой коммунистической партией.

Троцкий подтачивает идейные и организационные устои партии. Наконец, он искажает историю партии, историю Октября, роль в нем Ленина и ЦК партии. И все это, с удивительной беззаботностью, проделывается сейчас же, вслед за партийным с'ездом, резко, решительно, определенно и категорически запретившим фракционные выступления.

Такое поведение т. Троцкого внутри партии говорит о недоучете им окружающих партию опасностей, в первую голову мелкобуржуазных влияний на нашу партию. Тов. Троцкий не хочет видеть, как он уже стал рупором этих влияний, как об'ективная обстановка делает его орудием разложения большевистской партии. Эта слепота т. Троцкого внутренне связана с его непониманием роли крестьянства.

Что бы не думал о себе т. Троцкий, — партия не допустит троцкизма, как течения внутри партии. Этой уступки мелкобуржуазная стихия не дождется от большевизма. Мы не позволим полуменьшевистским ручьям размывать идейное единство нашей партии, созданной Лениным и на основе ленинизма.

Таков смысл решительно всех резолюций, принятых единодушно всей партией.

Н. Бухарин.

Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок.

(К вопросу об экономическом обосновании троцкизма).

Очень часто бывает, что какой-нибудь исторический поворот вызывает идейные споры, которые прорываются сперва по совершенно «случайному» поводу, развиваются по «случайным» направлениям и на первый взгляд представляют из себя нечто совершенно непонятное. Лишь через некоторое время откристаллизовываются определенные идеологические узоры, и последующий анализ без особого труда открывает совершенно определенные классовые или групповые общественные течения, имеющие совершенно определенное социальное значение и играющие совершенно определенную социальную роль.

Мы сейчас подошли вновь к некоторому поворотному пункту в развитии нашей революции. Конец блокады, ряд признаний; в то же время заминка в развитии международной революции. Начало довольно быстрого хозяйственного под'ема, и в то же время новое соотношение между рабочим классом и крестьянством. Словом новая обстановка. Естественно, что в партии должна была получиться какая-то реакция на эту новую обстановку, и также естественно, что не сразу мы доходим до своего, так сказать, «самосознания».

Тов. Троцкий выступил с «Уроками Октября». Казалось бы, спор чисто литературный. Но этот литературный спор вырос в целую партийно-политическую кампанию. Было бы странным видеть здесь спор «лиц». Разве «лица» могли бы вдохнуть такую страстность в обсуждение, в дискуссию? Очевидно, что были и есть какие-то об'ективные моменты, которые способствовали спору, лежали в его основе и которые показались в первый момент на поверхность в виде «литературной» полемики.

Так было. А теперь уже довольно ясно видно, что подняты глубочайшей важности принципиальные вопросы, которые являются решающим для всей нашей партии. Эти вопросы «сомкнулись» с об'ективным положением в стране. Они «соответствуют» этому положению, они вырастают отсюда. Вот почему вся партия сейчас мучительно разбирает такие, казалось бы, «непрактические» проблемы, как вопрос о «перманентной революции». Новая обстановка вызывает потребность в продуманной ориентации. А так как новая обстановка складывается по основным линиям развития (внешний мир, хозяйство, классы в стране), то немудрено, что партия поднимает некоторые об-

щие вопросы: это и есть выражение генерального продумывания и обдумывания нашего пути.

Это обстоятельство находит свое выражение в том, что отдельные проблемы и отдельные разногласия увязываются сейчас в основные, «теоретические» узлы, в целые системы мыслей, в более или менее стройные «теории». То, что в прошлую дискуссию было разбросано по клочкам: денежная реформа и вопрос о поколениях в партии, вопрос о ценах и об «аппаратчиках», вопрос о «ножницах» и «внутрипартийной демократии», вопрос о «плане» и о «товарной интервенции»,—все это теперь сводится к некоторым основным линиям, упирается в такие общие проблемы, как теория перманентной революции, оценка движущих сил нашей революции, общая оценка ее перспектив и т. д. А осью, около которой вертятся все эти, сами по себе крупнейшие, вопросы, является проблема рабоче-крестьянского блока.

Учение о рабоче-крестьянском блоке есть существеннейшая оригинальная черта ленинизма. Совершенно напрасна всякая попытка увернуться от ответа на вопрос о том, верно или неверно учение Ленина, верна или неверна линия большевистской партии. Тут нужно выбирать. Вот почему партия реагировала так бурно на работу тов. Троцкого: она увидела здесь—и совершенно справедливо увидела—попытку пересмотреть основы ленинского учения.

Эти попытки делались и раньше. Но они проходили незамеченными: время было военное, и все задачи стояли, как задачи непосредственного боевого действия. Гораздо сложнее стали они теперь, именно теперь. И понятно, что когда, под предлогом извлечения «Уроков Октября», партии стремятся дать изрядную дозу антиленинских порошков, она, партия, резко протестует.

У нас пока известное затишье в революционном движении. По Ленину эта вещь не смертельная; мы медленной дорогой пойдем себе помаленечку вперед, таща за собой крестьянскую колымагу. Ленин, ведь, не рассуждал по схеме: пролетарская революция, когда много промышленности, гибель пролетарской революции, когда страна мелкобуржуазна. Не раз он подчеркивал всю оригинальность нашей революции, особое сочетание исторических условий, которые дали нам победу (см., напр., его заметки по поводу книжек Н. Суханова). А тов. Троцкий? А тов. Троцкий видел одну гибель, если скоро не придет мировая революция. Почему?

Потому, что была основная разница, разница в оценке движущих сил.

Ведь, еще в 1922 г. тов. Троцкий, настаивая на правильности своей теории «перманентной революции», писал:

«Пролетариат после захвата власти придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только... на арене мировой революции пролетариата» («1905 г.», предисл., стр. 4 и 5).

Ленин учил: конфликт рабочего класса с крестьянством вовсе не неизбежен. Троцкий учит: конфликт этот обязателен. Ленин учил: ваше спасение в том, чтобы ужиться с мужиком, и это вполне можно сделать и, даже при самом долгом сроке западных побед, удержаться и укрепиться. У Троцкого другое: гибель пролетариата неизбежна, если не будет скоро мировой победы; пролетарий погибнет под ударами со стороны «широких масс крестьянства», которые когда-то помогали ему победить. У Ленина крестьянство на всем протяжении переходного периода должно явиться неизбежным союзником рабочего класса, хотя и ворчливым; у «перманентников» оно обязательно должно превратиться во врага. У Ленина отсюда вытекает—и с этим связано—своеобразная теория «аграрно-кооперативного» социализма; у сторонников другой позиции совсем иное представление о путях нашего дальнейшего развития.

Разве не ясно, что при таком коренном различии оно, это различие, будет неизбежно проглядывать в целом ряде самых разнообразных вопросов? Конечно. Но теперь уже делаются попытки свести воедино эти «особенности», эти отклонения от ленинской линии. Мы хотим здесь разобрать экономическую сторону антиленинской концепции. Она дана в работе тов. Преображенского: «Основной закон социалистического накопления» («Вестник Комм. Академии», кн. 8). Эта работа, интересная по замыслу и по постановке вопроса, в то же самое время теоретически исходит из предпосылок, родственных предпосылкам, тов. Троцкого (данное обстоятельство показывает лишь, что здесь дело не только, а, может быть, и не столько, в лицах). Следовательно, она исходит из теоретически неверных предпосылок. В то же время она делает и ряд практически-политических выводов, выводов крайне опасных для нашей партии, рабочего класса, всей страны. На критике этой теоретической работы, как на примере неверной, совсем не пролетарской, а тред-юнионистской, цеховой идеологии, нам и хотелось бы остановиться в нашей работе.

1. Коммунизм или „царство пролетариата“?

Основной закон социалистического накопления, открытый тов. Преображенским, гласит:

«Чем более экономически-отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской, является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной (социалистической? Н. Б.) революции,—тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опереться на эксплоатацию досоциалистических форм хозяйства, и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т.-е. тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности. Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная (социалистическая? Н. Б.) революция, чем больше то материальное наследство в виде высоко-развитой индустрии и капиталистического организованного земледелия, которое получает пролетариат этой страны от буржуазии после нацио-

нализации, чем меньше удельный вес в данной стране докапиталистических форм производства, и тем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить *неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты колонии*, т.-е. уменьшить *эксплоатацию последни*, тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т.-е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и *собственного земледелия*». (Все курсивы мои. Н. Б.).

Такова дословно выписанная формулировка «основного закона»... данная тов. Преображенским. Здесь мы *пока* не трогаем «закона» по существу. Но мы обращаем внимание на следующие два положения т. Преображенского, которые на первый взгляд кажутся лишь терминологической неточностью или же своеобразным литературным кокетством.

Первое положение: социалистическое накопление идет в той или иной мере за счет *эксплоатации* мелких производителей.

Второе положение: эти мелкие производители (т.-е. совокупность их хозяйств) есть не что иное как *колонии* пролетарской промышленности [1]. Вот на этих утверждениях тов. Преображенского нам и нужно, прежде всего, остановиться. Мы здесь имели бы полное право закричать «караул!»—до такой степени противоречат эти «словесные ярлычки» всем традициям нашей марксистско-ленинской теории. Но мы полагаем, что, пожалуй, гораздо лучше *спокойно разобрать* их и посмотреть, что же скрывается за этими ярлычками, и почему эти ярлычки по сути дела есть не что иное, как выражение целой системы *своеобразных взглядов на значение и судьбы рабоче-крестьянского блока*.

Тов. Преображенский в одном месте своей работы пишет:

> «Только при полной беззаботности насчет теории, можно в социалистическом протекционизме видеть полную аналогию с протекционизмом капиталистическим». (Стр. 90).

Это замечание совершенно правильно. Но тов. Преображенский сам обнаруживает «полную теоретическую беззаботность», когда он без всякой критики и без всяких оговорок употребляет вопиюще-неправильные обозначения и *играет* аналогиями. Впрочем, как мы покажем ниже, здесь не только простая «игра».

Возьмем, прежде всего, вопрос об *эксплоатации* пролетариатом мелких производителей. Тов. Преображенский именно так и изображает дело: рабочий класс сидит верхом на мелких производителях. Отношение между основными классами рабоче-крестьянского двухклассового (в основном) общества есть, следовательно, отношение *эксплоатации*. Эксплоататорским классом является пролетариат (и это очень хорошо экономически), эксплоатируемым—класс мелких производителей. И чем более отсталой является страна, проделывающая социалистический переворот, тем более ярко виден эксплоататорский характер проле-

[1] Из изложения тов. Преображенского не совсем ясно, входят сюда крестьяне только бывших колоний или все мелкобуржуазные хозяйства. По существу это мало меняет дело, ибо, например, у нас, за исключением Великоруссии, сюда войдет огромное количество крестьян. Не подлежит сомнению, что тов. Преображенский у рабочего государства видит колонии.

тариата, и, следовательно, тем более эксплоатируемым является мелкий производитель.

Не правда ли, *смело* нарисованная картина? А, ведь, она *неизбежно* получается, если принять всерьез (а научные исследовании, мы полагаем, пишутся всерьез) формулировки тов. Преображенского.

Получает ли социалистическая промышленность добавочные ценности в фонд накопления со стороны мелких производителей? Да. Это не подлежит никакому сомнению. Есть ли здесь, таким образом, переход ценности из рук одного класса в руки другого господствующего? Да. И это не подлежит никакому сомнению. Но можно ли это своеобразное отношение, используя грубейшим образом аналогию с капиталистическим обществом («теоретическая беззаботность»), назвать отношением *эксплоатации*? Можно ли на этом основании назвать пролетариат *эксплоататорским классом* (что неизбежно вытекает из предыдущего положения)?

Нет! И тысячу раз нет! И вовсе не потому, что это «плохо звучит», или что у нас здесь обнаруживается трусость мысли перед фактами, которые мой храбрый друг смело называет их собственными именами. А потому, что такие «имена» не соответствуют—мало того, *противоречат*—об'ективной действительности и нашим историческим задачам.

В самом деле, возьмем действительное и бесспорное отношение эксплоатации, напр., *капиталистическую* эксплоатацию. Это есть определенное производственное отношение, выражающее определенный способ производства. Класс капиталистов получает прибавочную ценность. Производство, есть производство прибавочной ценности. Весь процесс в целом постоянно *воспроизводит—и притом на расширенной основе—это отношение эксплоатации*. Другими словами, функция накопления состоит здесь в том, что постоянно воспроизводится отношение эксплоатации. *Переход ценности из рук одного класса в руки другого класса постоянно расширяет классовую противоположность, постоянно воспроизводит отношение между капиталистическим господином и его наемным рабом*. То же самое мы видим в любом эксплоататорском обществе. Повторяем: *в любом*.

А что выражает переход ценностей от мелких производителей в руки пролетарской промышленности? Он выражает прямо *противоположную* тенденцию, а именно тенденцию к *преодолению* противоположности между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством, между социалистическим и мелкобуржуазным хозяйственным кругом. Ибо мы идем вовсе не к *закреплению* междуклассовых отношений, а к их *уничтожению*. И чем быстрее идет накопление в социалистическом хозяйственном круге и его *становящейся* социалистической периферии, тем *быстрее* идет и уничтожение противоположности.

Можно ли *этот* процесс назвать процессом *эксплоатации* мелких производителей? Нельзя. Ибо это и значит упускать все *своеобразие* процесса, не понимать его об'ективного значения, играть в аналогии, обнаруживать, говоря словами автора, «теоретическую беззаботность». А упускать *своеобразие* процесса, в свою очередь, значит не понимать его *исторической*

нализации, чем меньше удельный вес в данной стране докапиталистических форм производства, и тем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить *неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты колонии*, т.-е. уменьшить *эксплоатацию последни*, тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т.-е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и *собственного земледелия*». (Все курсивы мои. Н. Б.).

Такова дословно выписанная формулировка «основного закона»... данная тов. Преображенским. Здесь мы *пока* не трогаем «закона» по существу. Но мы обращаем внимание на следующие два положения т. Преображенского, которые на первый взгляд кажутся лишь терминологической неточностью или же своеобразным литературным кокетством.

Первое положение: социалистическое накопление идет в той или иной мере за счет *эксплоатации* мелких производителей.

Второе положение: эти мелкие производители (т.-е. совокупность их хозяйств) есть не что иное как *колонии* пролетарской промышленности [1]. Вот на этих утверждениях тов. Преображенского нам и нужно, прежде всего, остановиться. Мы здесь имели бы полное право закричать «караул!»—до такой степени противоречат эти «словесные ярлычки» всем традициям нашей марксистско-ленинской теории. Но мы полагаем, что, пожалуй, гораздо лучше *спокойно разобрать* их и посмотреть, что же скрывается за этими ярлычками, и почему эти ярлычки по сути дела есть не что иное, как выражение целой системы *своеобразных взглядов на значение и судьбы рабоче-крестьянского блока*.

Тов. Преображенский в одном месте своей работы пишет:

> «Только при полной беззаботности насчет теории, можно в социалистическом протекционизме видеть полную аналогию с протекционизмом капиталистическим». (Стр. 90).

Это замечание совершенно правильно. Но тов. Преображенский сам обнаруживает «полную теоретическую беззаботность», когда он без всякой критики и без всяких оговорок употребляет вопиюще-неправильные обозначения и *играет* аналогиями. Впрочем, как мы покажем ниже, здесь не только простая «игра».

Возьмем, прежде всего, вопрос об *эксплоатации* пролетариатом мелких производителей. Тов. Преображенский именно так и изображает дело: рабочий класс сидит верхом на мелких производителях. Отношение между основными классами рабоче-крестьянского двухклассового (в основном) общества есть, следовательно, отношение *эксплоатации*. Эксплоататорским классом является пролетариат (и это очень хорошо экономически), эксплоатируемым—класс мелких производителей. И чем более отсталой является страна, проделывающая социалистический переворот, тем более ярко виден эксплоататорский характер пролетариата, и, следовательно, тем более эксплоатируемым является мелкий производитель.

[1]) Из изложения тов. Преображенского не совсем ясно, входят сюда крестьяне только бывших колоний или все мелкобуржуазные хозяйства. По существу это мало меняет дело, ибо, например, у нас, за исключением Великоруссии, сюда войдет огромное количество крестьян. Не подлежит сомнению, что тов. Преображенский у рабочего государства видит колонии.

Не правда ли, *смело* нарисованная картина? А, ведь, она *неизбежно* получается, если принять всерьез (а научные исследовании, мы полагаем, пишутся всерьез) формулировки тов. Преображенского.

Получает ли социалистическая промышленность добавочные ценности в фонд накопления со стороны мелких производителей? Да. *Это* не подлежит никакому сомнению. Есть ли здесь, таким образом, переход ценности из рук одного класса в руки другого господствующего? Да. И это не подлежит никакому сомнению. Но можно ли это своеобразное отношение, используя грубейшим образом аналогию с капиталистическим обществом («теоретическая беззаботность»), назвать отношением *эксплоатации*? Можно ли на этом основании назвать пролетариат *эксплоататорским классом* (что неизбежно вытекает из предыдущего положения)?

Нет! И тысячу раз нет! И вовсе не потому, что это «плохо звучит», или что у нас здесь обнаруживается трусость мысли перед фактами, которые мой храбрый друг смело называет их собственными именами. А потому, что такие «имена» не соответствуют—мало того, *противоречат*—об'ективной действительности и нашим историческим задачам.

В самом деле, возьмем действительное и бесспорное отношение эксплоатации, напр., *капиталистическую* эксплоатацию. Это есть определенное производственное отношение, выражающее определенный способ производства. Класс капиталистов получает прибавочную ценность. Производство, есть производство прибавочной ценности. Весь процесс в целом постоянно *воспроизводит—и притом на расширенной основе—это отношение эксплоатации*. Другими словами, функция накопления состоит здесь в том, что постоянно воспроизводится отношение эксплоатации. *Переход ценности из рук одного класса в руки другого класса постоянно расширяет классовую противоположность, постоянно воспроизводит отношение между капиталистическим господином и его наемным рабом*. То же самое мы видим в любом эксплоататорском обществе. Повторяем: *в любом*.

А что выражает переход ценностей от мелких производителей в руки пролетарской промышленности? Он выражает прямо *противоположную* тенденцию, а именно тенденцию к *преодолению* противоположности между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством, между социалистическим и мелкобуржуазным хозяйственным кругом. Ибо мы идем вовсе не к *закреплению* междуклассовых отношений, а к их *уничтожению*. И чем быстрее идет накопление в социалистическом хозяйственном круге и его *становящейся* социалистической периферии, тем *быстрее* идет и уничтожение противоположности.

Можно ли *этот* процесс назвать процессом *эксплоатации* мелких производителей? Нельзя. Ибо это и значит упускать все *своеобразие* процесса, не понимать его об'ективного значения, играть в аналогии, обнаруживать, говоря словами автора, «теоретическую беззаботность». А упускать *своеобразие* процесса, в свою очередь, значит не понимать его *исторической*

сущности. Это очень большой, можно сказать, «смертный», грех в теории, «грех», который должен обязательно отразиться на практических, прикладных построениях «грешника».

Перейдем теперь к вопросу о «колониях». Тов. Е. Преображенский берет, повидимому, понятие колонии, как совокупности «третьих лиц» (народническо-люксембургианское обозначение некапиталистических производителей в капиталистической системе). Можно, конечно, спорить, верно ли это обозначение в применении к капиталистическому строю или оно не подходит и к нему. Но это—вопрос особый, и нам его здесь нечего ставить и тем более разбирать. Не так существенно и то, понимает ли т. Преображенский под колониями совокупность мелкобуржуазных хозяйств, действительно входивших в состав колоний, или всех мелкобуржуазных хозяйств. Суть же в том, что тов. Преображенский применяет этот термин, ни капли не смущаясь, к эпохе пролетарской диктатуры. Другими словами, в эту эпоху, с экономической точки зрения, мы, по т. Преображенскому, имеем в социалистической промышленности пролетарскую «метрополию», в хозяйстве крестьянства (хотя бы и не всего)—его мелкобуржуазные «колонии». Отношение рабочего класса к крестьянству построено и тут по типу отношений плантатора к колониальному об'екту эксплоатации. Как мы видим, эта «точка зрения» вполне «увязана» с рассуждением тов. Преображенского об «эксплоатации». Другими словами: здесь не случайные обмолвки, не lapsus linguae, не «неудачное выражение»; у тов. Преображенского есть своя последовательность, есть своя логика; но эта «логика» и эта «последовательность» есть логика и последовательность систематически развиваемой ошибки.

В самом деле, в чем сущность понятия колонии? В том, что она (колония) есть об'ект эксплоатации; в том, что ее развитие систематически задерживается в интересах «метрополии»; в том, что она является, при всех и всяких обстоятельствах, об'ектом экономического и политического порабощения. Никогда колония не выступает в качестве союзника «метрополии», никогда «метрополия» не ставит себе задачей поднять колонию до своего собственного уровня и т. д.

Но раз это так,—а это именно так—то прямо комично определять крестьянское хозяйство и мелкобуржуазную хозяйственную периферию вообще, как колонию пролетарской промышленности. Это до такой степени очевидно, что вряд ли нужно развивать нашу мысль дальше.

Только в одном случае формулировки тов. Е. Преображенского оказались бы правильными. А именно тогда, когда речь шла бы не о движении к бесклассовому коммунистическому обществу, а к закреплению навеки пролетарской диктатуры, к консервированию господства пролетариата, и при том к его вырождению в действительно эксплоататорский класс. Тогда понятие эксплоатации было бы безоговорочно правильно в применении к такому строю. Равным образом было бы правильным также и обозначение мелкобуржуазного крестьянского хозяйства, как, с позволения сказать, «пролетарской» колонии.

Но страшен сон, да милостив бог. Своеобразная цеховая, трэд-юнионистская система взглядов, которая сквозит в статье т. Преображенского, к счастью, не опирается на реальную практику. Это лишь некоторый индивидуально-теоретический вывих,

который не пользуется—по крайней мере, сейчас—кредитом в наших рядах.

2. „Пожирание“ мелкобуржуазного хозяйства или его переделка.

Относительно связи между социалистической промышленностью и частным хозяйством (т.-е. в первую очередь, мелкобуржуазным) тов. Преображенский, между прочим, пишет: нелепо считать, будто

> «социалистическая система и система частно-товарного производства, включенные в одну систему национального хозяйства, могут существовать рядом одна с другой на основе полного экономического равновесия между ними. Такое равновесие длительно существовать не может, потому что одна система должна пожирать другую. Здесь возможны: либо деградация, либо развитие вперед («развитие назад» не есть развитие. Н. Б.), но невозможно стояние на одном месте». (Стр. 78).

Если сопоставить это место с концом формулы «основного закона», где тов. Преображенский говорит о «собственном (т.-е. пролетарском) земледелии», то у нас будет достаточно ясное представление о том, как мыслит себе автор «основного закона» неизбежную победу социалистического режима в хозяйстве. Госпромышленность разрушает и вытесняет («пожирает») мелкое хозяйство деревни, которое замещается (каким образом—пока еще не совсем ясно) «собственным земледелием» пролетариата. Мелкое хозяйство разрушается («пожирается») путем систематической эксплоатации (неэквивалентный обмен, налоги и различные средства внеэкономического давления), а пролетариат действует по аналогии с рыцарями первоначального накопления.

Если бы перспектива была (вернее, если бы она могла быть) такой какой ее рисует тов. Преображенский, то поистине странными являются наши заботы о крестьянском хозяйстве. Но, впрочем эту тему развивать здесь рано. Перейдем прямо к делу. Правда ли, что мы обязательно пойдем через разрушение («пожирание») сельскохозяйственного мелкого производства? Верно ли это?

Мы думает, что в корне неверно. Мы думаем, что эта совершенно не ленинская (я говорю это отнюдь не для полемики в скучно-мелком смысле этого слова) постановка вопроса абсолютно не отвечает наметившимся путям развития в сторону социализма.

Что мы выдвигаем сейчас и на что мы ориентируемся в первую голову? На госторговлю и кооперацию. Какой план выдвинул Ленин, какую генеральную линию политики он дал для превращения мелкого производителя в члены будущей социалистической общины? Кооперативное об'единение крестьян под руководством не буржуазии, а пролетарского государства, с его банками, с его кредитом, с его промышленностью и транспортом и т. д., и т. п. Согласен с этим планом тов. Преображенский или нет?

Если он не согласен, тогда он обязан был выставить ряд доводов против «утопичности» (или чего другого: мы уже не знаем) этого плана. Если он согласен, тогда все его построение никуда не годится.

Ибо, ведь, ясно «как апельсин», что в этом случае речь идет вовсе не об уничтожении, вовсе не о пожирании (путем «экс-

плоатации» и на манер периода первоначального накопления), а о постепенной переделке крестьянских хозяйств на основе их экономического роста. А это песня из совсем, совсем другой оперы, отнюдь не оттуда, откуда доносится «ужасно-пролетарская» (а на самом деле цеховая) «песнь» тов. Преображенского.

И здесь у тов. Преображенского та же игра в аналогии с капиталистическим развитием. И здесь тов. Преображенский совершенно не понимает основного своеобразия процесса как раз для таких аграрно-крестьянских стран, о которых он в первую очередь и рассуждает. К социалистическому производству на земле мы придем не путем вытеснения крестьянских хозяйств советскими хозяйствами на почве разорения крестьянских хозяйств, а совершенно иным путем, а именно путем вовлечения крестьянства в кооперацию, связанную с нами и зависимую экономически от государства и его институтов; мы придем к социализму здесь через процесс обращения, а не посредственно через процесс производства; мы придем сюда через кооперацию [1]).

Как упомянуто, тов. Преображенский не ставит даже этого вопроса, хотя ленинские статьи были весьма убедительны.

Черного и белого не покупайте.

«Да» и «нет» не говорите.

Тов. Преображенский не говорит ни «да», ни «нет» открыто.

По существу же он говорит «нет».

Однако, у него есть одно характернейшее местечко, где это «нет» звучит довольно открыто, хотя и не без робости. Вот что пишет тов. Преображенский по этому поводу:

> «Что... касается непосредственных взаимоотношений между государственным хозяйством и мелкобуржуазным способом производства, то такие отношения вполне возможны и должны внести нечто столь же новое в экономическую историю человеческого общества, как и вся новая социалистическая экономика вообще. Подчиняя себе неокапитализм, государственное хозяйство подчиняет себе и его (sic!) подчиненных, т.-е. те элементы простого товарного производства, на которых этот капитализм второго издания возникает. Но рядом с этим неизбежна целая система непосредственных взаимоотношений между мелким производством и государственным хозяйством. Сущность этих взаимоотношений должна определяться следующим. Мелкое производство разбивается на три части. Одна часть остается мелким производством; другая—кооперируется капиталистическим путем; третья, в обход этого последнего процесса об'единяется на основах какой-то (!) новой кооперации, представляющей из себя особый тип перехода мелкого производства к социализму не через капитализм и не через простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством.
>
> Эта новая форма кооперации при диктатуре пролетариата, одним из ручейков которой являются, повидимому, крестьянские коммуны и артели, еще должна только развиться. Мы не можем поэтому давать теоретический анализ того, что еще не существует, а только должно возникнуть». (100—101).

[1]) Здесь указан лишь основной процесс; само собою разумеется, что и сел.-хоз. коммуны и артели, и др. производительные об'единения тоже будут делать свое дело.

Вот и все. C'est tout.

Прежде всего, здесь нас поражает скромность величия тов. Преображенского: прямо хоть святым его на небо возноси: он не полемизирует с Лениным, который выставил, ведь, определенный громадный план, являющийся в то же время теоретическим предвидением; он «просто» заявляет, что нельзя давать теоретический анализ «того, что еще не существует, а только должно возникнуть». По-нашему, это—увертка. Ибо, вот мы в нашей стране только-только приступили к социалистическому накоплению (не так ли?), в других странах это лишь «должно возникнуть». А тем не менее тов. Преображенский уже поспешил, ведь, вывести «основной закон» (основной—имейте в виду!) этого социалистического накопления. А этот основной закон говорит о движении накопления, о накоплении в разных странах и проч. Так что совершенно напрасно тов. Преображенский так уж скромничает. Некругло это выходит у него!

Ну, а по существу?

По существу эволюция крестьянского хозяйства идет у тов. Преображенского по трем направлениям.

1. Мелкое хозяйство «остается» мелким хозяйством.

2. Мелкое хозяйство через капиталистическую кооперацию становится капиталистическим.

3. Мелкое хозяйство кооперируется неизвестным пока социалистическообразным путем, при чем зародышем этого является с.-х. артель и коммуна.

Мы прежде всего с изумлением констатируем, что здесь нет места для ленинской кооперации, ведущей крестьянство к социализму. Здесь нет кооперации в обращении, через которую, при помощи наших командных высот, мы втаскиваем массу крестьянства в общесоциалистическую хозяйственную систему. Вместо этого тов. Преображенский выставил второстепенные по своему значению и непосредственно производственные «с.-хоз. коммуны». Слона тов. Преображенский не приметил.

Далее. Кого же государственное хозяйство будет «пожирать»?

Очевидно, не коммуны.

Капиталистически кооперированных крестьян?

Но таких будет лишь некоторое меньшинство.

Следующий главный метод настоящей хозяйственной «социализации» есть метод «пожирания» («простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством», как в этой связи выражается тов. Преображенский). И это есть метод по отношению к главной массе мелких производителей.

Нужно ли говорить, что это—самая настоящая утопия? Тов. Преображенский и здесь не видит своеобразия тех путей, которые даны вместе с пролетарской диктатурой. Тов. Преображенский думает, что законы эволюции сельского хозяйства при власти пролетариата остались теми же, что и при капитализме. На самом же деле, «некапиталистическая эволюция», которую проповедывали некоторые писатели при капитализме («кооперативно-аграрный социализм») становится реальностью при диктатуре пролетариата. Если в условиях буржуазной власти, буржуазных банков, капиталистического кредита, капи-

талистических организаторских кадров и гегемонии капиталистической идеологии в стране, кооперативные организации крестьянской массы (даже массы) неизбежно «врастали» в капитализм, то совсем иное будет, совсем не туда будут «врастать» (и уже фактически «врастают») эти организации при пролетарских командных высотах, при пролетарской власти, банках, кредите, промышленности, кадрах, господствующей идеологии и т. п.

Этого не понял т. Преображенский. Но и здесь у него есть своеобразная логика: «эсплоатации», «колониям» и т. д., вполне соответствует и идея «пожирания». Это опять совсем не из той оперы, не из ленинской оперы, тов. Преображенский!

3. Классовое порабощение или классовый союз и классовое руководство.

Рассматривая соотношение сил в такой стране, как СССР, нужно понять, что диктатура пролетариата означает одно отношение между пролетариатом и буржуазией и другое отношение между пролетариатом и крестьянством. Пролетариат господствует над буржуазией. Но пролетариат руководит крестьянством, используя при этом и свою концентрированную власть. Рабочий класс «опирается» на крестьянство, и поэтому его диктатуру нельзя рассматривать в ее отношении к крестьянству по тому же типу, что диктатуру буржуазии над пролетариатом. А именно так по сути вещей рассматривает дело т. Преображенский.

Государство у нас в точном смысле не «рабоче-крестьянское», а рабочее. Но рабочее государство опирается на крестьян,—отношение очень своеобразное, и в этом своеобразии его нужно «теоретически схватить».

Как раз этого своеобразия и не схватывает тов. Преображенский.

Весь его анализ построен на аналогии с периодом первоначального накопления капитала. Там был грабеж крестьян — и здесь «эксплоатация». Там на основе этого грабежа утверждались предпосылки для расцвета нового порядка вещей,—и здесь закон социалистического накопления требует аналогичных предпосылок. Там было катастрофически—быстрое «пожирание» старых форм,—и здесь то же самое. И т. д.

Словом, совсем как в самых порядочных семьях!

Но только на самом-то деле все обстоит не так просто и «мило», как изображает сие тов. Преображенский.

Мы до сих пор останавливались на этом вопросе с точки зрения анализа различных хозяйственных форм. А теперь мы поставим резко вопрос под углом зрения классовых соотношений.

Тов. Преображенский исходит из того, что он проводит аналогию между отношением рыцарей первоначального накопления к мелкому производителю и отношением к нему со стороны пролетариата.

Но разве это вообще не чудовищная аналогия? Опять-таки мы говорим это не из страха перед реальными фактами и их возможным «нехорошим» привкусом, а просто-напросто из желания хотя какой-нибудь близости к об'ективной действительности.

Мы кричим на все лады о рабоче-крестьянском союзе, блоке и т. д. Ведь до сих пор никто не говорил против этого блока. Ведь это как-будто считается аксиомой в наших рядах. Не так ли?

А где и когда в эпоху первоначального накопления капитала была речь о блоке между рыцарями этого накопления и их жертвами? Пусть кто-нибудь укажет хоть что-либо подобное.

Никто не укажет. Ибо указать нельзя. Ибо само предположение такого блока есть абсурдное предположение.

А рабоче-крестьянский блок у нас был, есть и, мы надеемся, будет реальностью.

Как же можно делать такие аналогии? Как же можно на их основе строить целые теории? А потом—мы увидим это ниже— определять линию экономической политики пролетарского государства?

И опять: и эта «аналогия» т. Преображенского «увязана» с его вышеразобранными утверждениями. (Нетрудно видеть, что если бы партия прониклась такой «преображенской» идеологией, она разрушила бы основу своей собственной силы: рабоче-крестьянский блок).

Если уж искать аналогий в буржуазном обществе, аналогий с отношениями между рабочими и крестьянами, то нужно искать этих аналогий совсем не там, где их ищет т. Преображенский. Постараемся найти их сами.

Сейчас у рабочего класса власть и промышленность; у крестьянина—фактически—земля и сельское хозяйство [1]); крестьянин—продавец с.-х. продуктов и покупатель продуктов промышленности; рабочий, в общем, наоборот. Непосредственные интересы сталкиваются именно по этой линии. Крестьянин к тому же—остаток старинного времени, хотя и громадный по своему удельному весу «остаток».

Это похоже вовсе не на отношение между рыцарями накопления и крестьянами. Это похоже на отношение между промышленной буржуазией и землевладельцами в определенный период развития их отношений, хотя, конечно, даже здесь аналогия крайне условна и идет далеко не по всем направлениям.

У буржуазии—власть и фабрики. У землевладельцев—земля. Противоречие интересов идет по линии цен. Отсюда их борьба, иногда при определенных условиях, довольно острая. Но в то же время (мы говорим о периоде власти буржуазии) есть блок, союз капиталиста и помещика против рабочего класса. Буржуазия руководит этим блоком, буржуазия опирается на землевладельцев и поддерживается ими.

Какова же была за последнее время эволюция этих классов? Она заключалась в том, что через процессы обращения, через банки, через форму акционерных компаний и т. д., и те, и другие (т.-е. и промышленные капиталисты, и землевладельцы) в значительной мере стали превращаться в нечто единое, в получателей дивиденда. Дивиденд стал, так сказать, синтезом прежде разнокалиберных видов дохода,—такова, по крайней мере, была (и есть) основная тенденция развития в разбираемой сфере отношений.

---

[1]) Хотя то обстоятельство, что земля юридически есть собственность рабочего государства, играет громадную роль.

Нечто формально сходное будет происходить,—если брать широкие исторические масштабы,—и с рабоче-крестьянским блоком. По мере того, как через процесс обращения крестьянское хозяйство будет все более и более втягиваться в социалистическую орбиту, будут стираться классовые грани, которые потонут в бесклассовом обществе.

Разумеется, это—музыка будущего. Разумеется, на очереди дня стоят сейчас иные проблемы. Но нам нужно видеть перспективу, чтобы знать, куда мы хотим «гнуть» свою линию. И та перспектива, из которой исходит тов. Преображенский, в корне неправильна.

4. Рабоче-крестьянский блок и экономическая „политика" тов. Преображенского.

Из вышеприведенных теоретических соображений тов. Преображенский делает и соответствующие практически-политические выводы. «Установив», что неизбежно «пожирание» несчастных «третьих лиц», т.-е. обитателей «унутренних и унешних колоний», т. Преображенский пишет:

№ 1. «Таким образом, мы подходим к третьему, не только возможному, но неизбежному в наших условиях случаю, т.-е. к политике цен, сознательно рассчитанной на эксплоатацию частного хозяйства во всех его видах». (Стр. 79).

Извиняясь перед читателем за последующие километрические выписки, мы все же вынуждены их сделать для того, чтобы добросовестно проследить ход мыслей т. Преображенского. Для удобства последующей критики обозначим отдельные положения автора специальными номерками, начиная с вышеприведенной цитаты.

№ 2. Стр. 59. «Во всяком случае мысль о том, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не трогая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского хозяйства, является, несомненно, реакционной мелкобуржуазной утопией. Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого хозяйства страны».

№ 3. Стр. 69 — 70. «То, что будет отбито от частной торговли, при прочих равных условиях, будет завоевано в фонд государственного хозяйства. Я говорю,—при прочих равных условиях, потому что здесь возможна торговая политика и не в интересах социалистического накопления, а в интересах мелкобуржуазных производителей, имеющая своей целью сокращение вычетов из их доходов. Целесообразна ли такая политика, это вопрос другой (!!). Экономически же она означает, несомненно, сокращение фонда социалистического накопления и подарок частному производству,—подарок, тем более, тяжелый для государственного хозяйства, чем беднее это хозяйство капиталами и чем менее выгодно для него занимать в филантропической (!) по своей доходности торговле часть тех капиталов, которых нехватает в самом производстве». (Курсив самого автора. Н. Б.).

№ 4. Стр. 99. «Власть пролетарского государства, которая распространяется на прибавочный продукт частного хозяйства (конечно, в пределах экономически возможного и технически досягаемого) не только является сама орудием первоначального накопления, но и постоянным резервом этого накопления, так сказать, потенциальным фондом государственного хозяйства». (Курсив наш. Н. Б.).

Итак: 1) нужно вести политику высоких цен для эксплоатации крестьянского хозяйства (что важно с точки зрения социалистического накопления); 2) здесь нужно (№ 4) брать все то, что брать экономически возможно и, что можно технически достать; 3) под «экономически возможной» (в высшей степени неясное выражение) политикой необходимо, однако, разуметь такую политику, которая никак не ставит своей целью брать меньше, чем брал капитализм; 4) такая политика была бы мелкобуржуазной, была бы подарком крестьянину, ущербом для промышленности, а вместе с нею и для дела социализма. Вот концепция т. Преображенского в области «политики цен». «Бери дороже!»—вот вся премудрость, основывающаяся на «основном законе» тов. Преображенского.

Возьмем под критическую лупу эту премудрость преображенной т. Преображенским «партийной» политики.

Присмотримся к цитате № 2 насчет мелкобуржуазной политики нашей партии (ибо всякий видит, что т. Преображенский спускает с тетивы критическую стрелу своего анализа именно в действительную политику нашей партии). Мысль т. Преображенского состоит здесь из двух положений: первое—нельзя руководствоваться целью брать меньше, чем брал капитализм и второе—мы будем брать больше, ибо доход крестьянина будет больше, а будет он больше, потому что его хозяйство будет более рациональным, а стало-быть и более доходным.

Во втором положении т. Преображенского есть много здравого смысла в хорошем значении этого слова. Но это второе положение противоречит всему остальному, является невольной данью ленинскому учению, данью, затерявшейся в горе антиленинских построений автора.

В самом деле. Если т. Преображенский думает, что мы будем брать больше, ибо доходы крестьянского хозяйства будут больше («рационализация» и т. д.), то как же это примирить с теорией «пожирания»? Ведь здесь вопиющее противоречие, и притом отнюдь не диалектическое, а совершенно плоское!

Что-либо одно из двух: или ведется линия «колониальная» на эксплоатацию, на вытягивание всего «технически достижимого»: тогда мы будем иметь хирение крестьянского хозяйства, падение его дохода, исчезновение и разрушение крестьянского хозяйства, его «пожирание». Но тогда неоткуда появиться «большому доходу», «рационализации» и прочему, что в двух строчках обещает «милостивец» т. Преображенский мелкобуржуазным производителям.

Или пролетарское государство действительно может больше получать на основе растущей рационализации и растущей доходности крестьянского хозяйства. Это — действительно правильная политика. Но тогда все—или почти

все—положения т. Преображенского нужно перевернуть. Никакого «пожирания» мелкобуржуазных хозяйств не будет (само собою разумеется, что мы здесь говорим о главной массе середняцкого хозяйства, и что это не исключает частичного исчезновения мелких хозяйств в связи с выталкиванием избыточного населения в города под процессом пролетаризации, каковой будет происходить и при строе пролетарской диктатуры). Будет их превращение, их трансформация, на кооперативной основе. Растущая доходность, растущая рационализация и т. д. будет в то же время означать и втягивание этих хозяйств через кооперацию в общую систему нашей социализирующейся экономики. Не на изничтожение нужно держать курс, а на вовлечение крестьянского хозяйства в систему госхозяйства.

Но если мы «больше будем брать» по мере роста доходности, то ясно, что нам отнюдь не безразличен вопрос о «накоплении» (мы берем этот термин в ковычки, так как это—специфический термин капиталистической экономики) в крестьянском хозяйстве. А если мы заинтересованы и в этом накоплении, то нам нельзя ограничиться лозунгом: «бери возможно больше». Тогда нам нельзя говорить о границе «выкачивания», как о «технически-возможной». Тогда нельзя говорить о тяжелом для социализма «подарке» мелкой буржуазии. Тогда нам нельзя говорить о филантропии и прочем. И тогда нам нельзя формулировать и самую проблему так грубо упрощенно, как формулирует ее товарищ Преображенский.

В третьем № «положений» тов. Преображенский всю проблему сводит к проблеме арифметического сложения, вычитания, деления. Разделить данное, чтобы больше досталось пролетарской промышленности. Вычесть из крестьянского хозяйства. Нельзя вычесть меньше, ибо это значит вычесть у социалистической промышленности и прибавить к крестьянскому хозяйству и т. д.

Но, ведь, все это—поистине младенческая «мудрость» а вовсе не пролетарская.

Ибо дело отнюдь не ограничивается проблемой дележа уже данного «национального дохода» между рабочим классом и крестьянством (в целях упрощения проблемы мы отвлекаемся здесь от частного капитала). Гвоздь проблемы вовсе не здесь, не в этом. Вот чего никак не может понять тов. Преображенский.

Гвоздь проблемы заключается в увеличении «национального дохода», т.-е. в под'еме производительных сил, и притом в такой форме, чтобы был обеспечен рост социалистических производственных отношений.

А это такая проблема, которая вовсе не сводится к простой дележке данного запаса, к операциям сложения, вычитания, деления над уже данными величинами.

Ибо задача состоит в том, чтобы эту «данную величину» «национального дохода» постоянно повышать. Вот почему вопрос о «накоплении» в социалистической промышленности выступает неизбежно, как вопрос, связанный с проблемой «накопления» в крестьянском хозяйстве, которое образует рынок для промышленности и совокупность хозяйственных единиц, подлежащих втягиванию в государственное хозяйство и постепенной переработке.

Вопрос о емкости внутреннего рынка даже не поставлен тов. Преображенским. Между тем, это—центральный вопрос нашей экономики. Только в одном месте своей работы тов. Преображенский пишет:

> «Препятствия, которые встречает на этом пути (т.-е. на пути т. Преображенского. Н. Б.) государственное хозяйство, заключается не в недостатке у него экономической силы для проведения этой политики, а прежде всего в слабой покупательной способности частного хозяйства». (Стр. 80, курсив наш. Н. Б.).

И больше ни слова. А между тем, казалось бы, что именно над этим вопросом и следовало бы поразмыслить.

Если такое «препятствие» налицо, то можно ли не считаться с этим «препятствием»? Предположим, что мы, по желанию тов. Преображенского, не «делаем вычета» «из социалист. промышленности», не занимаемся «филантропией», а, несмотря на «препятствие», проводим «линию» тов. Преображенского, гнем ее «до победоносного конца». Что мы неизбежно получим? Сокращение спроса, кризис сбыта, застопорившийся процесс общественного воспроизводства, упадок промышленности и т. д. Другими словами: из «социалистически-пролетарской», «антифилантропической» и проч. позиции тов. Преображенского целиком вытекает подрыв и разорение социалистической промышленности и всего народного хозяйства в целом.

Методологический корень ошибки тов. Преображенского весьма «на виду»: во-первых, он берет вопрос в статике, а не в динамике (дележ данного, а не изменяющегося); во-вторых, он берет социалистическую промышленность изолированно, а не в связи с крестьянским хозяйством (вся «связь» у него—только в вычетах; он не понимает, что накопление в социалистической промышленности при большом удельном весе крестьянских хозяйств—есть функция накопления в крестьянском хозяйстве).

Грубо говоря: тов. Преображенский предлагает пролетариату зарезать курицу, несущую золотые яйца, и исходит притом из того соображения, что кормить курицу это значит заниматься филантропией. Замечательная хозяйственная сообразительность.

Но крестьянство—это для пролетариата такая «курица», которая должна превратиться в человека. И пролетариат этому должен, ради своего собственного дела, всемерно помочь. Не видеть этой цели значит быть своеобразным оппортунистом, не видящим основных революционных задач рабочего класса, значит—в данной связи—быть нерасчетливым скопидомом, скрягой, который боится выпустить в оборот копейку (как бы она не пропала!) Неправда, что нужно брать наибольшую цену. Нужно брать такую цену, которая обеспечивает, не на один хозяйственный год, возрастающий доход социалистической промышленности, стремясь постоянно к ее понижению. А такая политика цен не строится на основе примитивной формулы: бери все, что «технически достижимо». Это—вульгарное представление, которое никак не может быть положено в основу политики цен.

Тов. Преображенский в одном месте, сам чувствуя слабость своей позиции, говорит:

(«Я сознательно избегаю говорить «на основании повышения цен», потому что обложение не только возможно при падающих ценах, но у нас оно как раз будет происходить именно при падающих или неизменных ценах; это возможно потому, что при удешевлении себестоимости продуктов, снижение цен происходит не на всю сумму снижения, а на меньшую, остаток же идет в фонд социалистического накопления») (80).

Но и это сиротливо притаившееся у т. Преображенского в скобках местечко, «смягчающее» «промышленный» задор автора, тоже не спасет дела.

Ну, скажите пожалуйста, не чудовищна ли сама по себе такая «уступка» со стороны тов. Преображенского: «Я сознательно избегаю говорить: на основании повышения цен».

Еще бы! Вряд ли нашелся бы хоть один смельчак, который ставил бы себе задачу все время повышать цены, из года в год и из месяца в месяц. Вряд ли кто мог бы выступить в защиту такого милого строя, который открыто писал бы на своем знамени этакую цель. И вряд ли нашлись бы дураки, которые этакий порядочек бы терпели. Так что такая декларация тов. Преображенского производит, ей-ей, странное впечатление.

Но тов. Преображенский рисует перспективу падающих или неизменных цен. Мы же говорим: нужно всемерно стремиться к тому, чтобы цены падали, чтобы у нас был исключен экономический застой, и что таким образом в общем итоге дело социализма выиграет, ибо будет гораздо более быстрый темп накопления во всей стране и особенно быстрый темп накопления в социалистической промышленности, действительно имеющей возможность получать добавочную прибыль и опираться на громадную концентрированную мощь всего государственного аппарата в целом.

Два слова о путях к социализму и «филантропии». Ленин сказал:

«Собственно говоря, осталось «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации, и наладить это участие. «Только» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму... Поэтому нашим правилом должно быть как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас» (О кооперации).

И несколько раньше:

«Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса... Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный» (там же).

Приводить из Ленина цитаты, где он говорит о том, что мы должны стремиться показать крестьянину большую дешевизну нашего производства по сравнению с капиталистическим—излишне.

Между системой взглядов, развитых тов. Преображенским, с одной стороны, и ленинским учением о хозяйственном блоке рабочих и крестьян—«дистанция огромного размера», как видит всякий непредубежденный читатель. Пора нам действительно понять, что нужно поменьше «мудрствований и выкрутас» и побольше ленинской мудрости, которая проста, как просто все великое, но проста особой простотой, которую нужно видеть и прочувствовать до конца.

5. Монополистический паразитизм или социалистическое движение вперед?

Вопрос о политике цен имеет очень крупное значение и с другой общей точки зрения. А именно: всякая монополия таит в себе некое консервативное начало. Совершенно верно отмечает тов. Преображенский, что нельзя проходить мимо того основного факта, что социалистическая промышленность строится на развалинах монополистического капитализма. Точно также справедливо положение тов. Преображенского о том, что эта монополистическая структура при господстве пролетариата получает свое дальнейшее развитие, и что поэтому в руках у пролетариата концентрируется громадной мощности экономический кулак.

Все это верно и даже настолько верно, что является истиной, всем известной. Но вот что позабывает тов. Преображенский, вот что он проглядел: монополистический капитализм имел и имеет в себе самом зародыш, который тормозил и тормозит развитие производительных сил. Движущим мотивом капитализма является прибыль. Развитие производительных сил в капиталистическом обществе шло через механизм конкуренции. Ибо любой капиталист, вводивший технические улучшения и т. д., получал добавочную прибыль («дифференциальную прибыль»). Конкуренция тащила других сюда же, борьба шла на новой основе, «передовые» капиталисты вводили еще большие новшества, развертывали еще более массовое производство и т. д. Средством борьбы были дешевые цены, что и являлось рыночным выражением роста производительных сил. В этом заключалась, между прочим, одна из главных исторически-прогрессивных сторон капитализма по сравнению со всеми докапиталистическими способами производства. Когда капиталистическое развитие замыкает свой предначертаный историей круг, оно приводит к монопольно-капиталистическим формам «Жало конкуренции» в значительной мере исчезает. Прибыль обеспечена монопольной формой. Нечего спешить. Нечего двигать производство дальше тем же бешеным темпом. Ибо гарантирована добавочная, картельная сверхприбыль.

Правда, международная конкуренция не дает успокоиться. Но ее действие внутри страны парализуется высокими таможенными пошлинами. Вот почему налицо элементы так называемого «загнивания».

Посмотрите теперь на наше положение. Вот что пишет о нем тов. Преображенский. Утверждая, что мы должны вести политику, «сознательно рассчитанную на эксплоатацию частного хозяйства во всех его видах», автор продолжает:

«Такая политика возможна, потому что государственное хозяйство пролетариата возникает исторически на базисе монополистического капитализма. Последний же в результате ликвидации свободной конкуренции приводит к созданию монопольных цен на внутреннем рынке на продукты собственной промыш-

ленности, получает добавочную прибыль вследствие эксплоатации мелкого производства и тем подготовляет почву для политики цен периода первоначального социалистического накопления. Но сосредоточение всей крупной промышленности страны в руках единого треста, т.-е. в руках рабочего государства, в огромной степени увеличивает возможности проведения на основе монополии такой политики цен, которая будет лишь другой формой налогового обложения частного хозяйства». Далее идет место о «препятствиях», в том числе о слабости внутреннего рынка, которое мы цитировали в предыдущем изложении (см. стр. 79—80, курсив наш. Н. Б.).

Хорошо. Что же у нас получается?

Монополистская тенденция увеличена.

Возможность получать «на готовенькое» добавочную прибыль увеличена.

Это факты. Но не вытекает ли из этого увеличенная опасность паразитического загнивания и застоя? И что является гарантией против этого застоя?

Вот над этой проблемой, проблемой громаднейшей, мы бы сказали, исключительной важности проблемой, нужно было бы подумать тов. Преображенскому. И если бы он над этой проблемой подумал, он бы заново перестроил всю свою теорию первоначального социалистического накопления.

Конкуренции у нас нет. Гарантированная прибыль не поступает в распоряжение частных лиц. Хозяйственники—кадр пролетарских борцов, но они тоже подвержены человеческим слабостям и могут соскользнуть на положение покоя, вместо беспокойства, тревоги и заботы в движении к коммунизму. Что же толкает наше производство вперед? Что? Где стимул, который заставляет (именно заставляет) двигаться вперед, гарантирует это движение вперед, заменяет частнохозяйственные стимулы прибыли, идущей в пользу частного владельца предприятия? Где своеобразная механика в экономике нашей переходной эпохи?

Мы утверждаем, что гарантия лежит в давлении широких масс, прежде всего рабочих, а затем и крестьянских масс. Несмотря на то, что у нас сохранилась пока капиталистическая форма «прибыли», что у нас все расчеты и калькуляции проходят в этих формах, все же рычаги движения вперед у нас иные. Мы сами, т.-е. руководящие круги в стране, т.-е. партии в первую голову, выражаем и отражаем («регулируя», «контролируя», «поправляя» и т. д.) этот рост потребностей массы. Другими словами: несмотря на существование рынка и капиталистические формы нашего госхозяйства, мы уже начинаем переходить от типа хозяйства, руководствующегося прибылью, к типу хозяйства, руководствующемуся прибылью, к типу хозяйства руководствующемуся покрытием потребностей масс (это есть один из признаков социалистического хозяйства).

Это отнюдь не означает, что у нас, при этом типе отношений, накопление должно итти медленное. Наоборот (и это нужно подчеркнуть из всех сил!): именно потому, что нам нужно ставить своей задачей покрытие потребностей, именно потому, что будет все расти давление этих потребностей, имен-

но поэтому руководящие круги нашей промышленности и государство в целом будут вынуждены улучшать всеми мерами производство, расширять его, делать его более дешевым. В этом заложена гарантия нашего роста. Конечно, на это могут сказать, в особенности под влиянием ряда трудностей, возникающих на пути, что мы идем по линии «против хозяйственников». Но это было бы вздором. Мы уже упоминали о необходимости «регулирования», контролирования» etc «давления потребностей». Но, смотря на весь процесс об'ективно-исторически, нельзя не признать, что именно здесь лежит основной рычаг нашего хозяйственного прогресса.

Возвращаясь к политике цен в этой связи различных проблем, мы придем к такой постановке вопроса.

1. Мы ведем политику повышающихся цен, используя свое монопольное положение. С данной точки зрения ясно, что это—максимальное выражение паразитического загнивания монопольного хозяйства.

2. Мы ориентируемся на неизменные цены. Это будет «нормальным» загниванием, хозяйственным застоем, до крайности медленным накоплением в стране, хозяйственным прозябанием.

3. Мы ориентируемся на все более низкие цены. Это будет выражением роста производительных сил, расширением производства и т. д. Это будет выражением движения вперед, т.-е. в наших условиях движением к социализму, и притом движением с максимально быстрым темпом накопления.

Здесь нужно избежать того, чтобы дать повод к неправильным возражениям.

Во-первых, нужно иметь в виду, что, как правильно указал сам тов. Преображенский, и при понижающихся ценах на продукты нашей госпромышленности мы можем получать добавочную «прибыль» за счет мелкобуржуазного хозяйства; весь вопрос как раз и состоит в том, должны ли мы, имея в кармане гарантированную монопольную прибыль, успокоиться или итти вперед; а итти вперед быстрым темпом нельзя, не понижая цен, не развивая производительных сил и т. д.

Во-вторых, было бы вздорным с нашей стороны отказываться от использования нашего монопольного положения; но мы должны это использование вводить в такие рамки, чтобы не сокращать, а увеличивать емкость внутреннего рынка,—это раз; затем: всякий прирост мы должны употреблять так, чтобы от этого получалось расширение производственного поля, удешевление производства, снижение себестоимости и, следовательно, более дешевые цены в каждом последующем цикле производства.

Или иначе:

По Преображенскому дело обстоит так:

Мы должны обеспечить возможность «на основе монополии такой политики цен, которая будет лишь другой формой налогового обложения (при чем налоги-то остаются, и у т. Преображенского речь идет отнюдь не о замене открытых налогов скрытой их формой. Н. Б.). Препятствия... заключаются прежде всего в слабой покупательной способности» и т. д.

По-нашему же, дело обстоит совсем не так, а именно: Мы должны ориентироваться на возможно более низкие це-

ны, удовлетворяющие массы и т. д. Но *препятствием* этому служит дороговизна нашего производства, высокая себестоимость и т. д. *Поэтому* мы должны делать все, чтобы эту себестоимость снизить.

Нетрудно видеть всю принципиальную разницу между позицией тов. Преображенского и нашей. Нетрудно также видеть, что политика тов. Преображенского в своем развернутом виде приводит к позиции *монополистического паразитизма*.

Если теперь снова вспомнить все, что говорилось выше об «эксплоатации», «колониях», «пожирании» и т. д. то опять-таки нетрудно констатировать, что все эти теоретические положения *увязаны* у т. Преображенского с теорией, мы бы сказали, «монополистического самодовольства», которая грозит превратиться в теорию «*монополистического паразитизма*»: «аналогия» с «загнивающим» капитализмом была бы полная, но от этой «аналогии» вряд ли поздоровится «социалистическому накоплению»! [1]).

6. Рабоче-крестьянский блок под политическим углом зрения и позиция тов. Преображенского.

Из предыдущего вытекает, что позиция тов. Преображенского угрожает блоку рабочих и крестьян, блоку, на котором строилась и строится вся позиция ортодоксального большевизма. Ибо нетрудно понять, что в тот период, когда рабочий класс стоит у власти, его политическая гегемония, его политическое руководство не может быть прочным, если под него не подведен базис *хозяйственной гегемонии*. А эта хозяйственная гегемония не может быть осуществлена иначе, как приспособлением промышленности к крестьянскому рынку, постепенным овладеванием этим рынком, внедрением новых методов в сельско-хозяйственное производство благодаря помощи индустрии, постепенным вовлечением крестьянства в кооперативную сеть и, наконец, подведением нового технического фундамента (электрификации) по мере роста социалистического накопления.

---

[1]) Мы не можем здесь входить в подробный анализ одного общего теоретического положения тов. Преображенского, где он Преображенский изображает процесс социалистического накопления. как борьбу двух законов: закона социалистического накопления и закона ценности. По мнению тов. Преображенского, закон социалистического накопления частью парализует, частью «отменяет» закон ценности, который в данный период отходит совершенно на задний план.

Здесь мы заметим лишь следующее: добавочная «прибыль» высоких хозяйственных комплексов получается: 1) из того факта, что индивидуальная себестоимость здесь ниже общественной, т.-е. на основе закона ценности; 2) из факта монополии. Если рассматривать большой промежуток времени, то нетрудно увидеть, что первый закон выражает и опирается на *развитие* производительных сил, тогда как второй более или менее связан с консервативными тенденциями в том смысле, о котором мы говорили в тексте. С другой стороны, закон ценности, который в неорганизованном обществе есть и закон распределения общественного труда, является определенной границей для монополии. Ибо есть об'ективная граница в распределении производительных сил; если эта граница перейдена, неизбежен резкий кризис. Наконец, универсальная «монополия», т. е. всеобщая организация общества, превращает стихийный закон ценности в плановой сознательный «закон» экономической политики, закон рационального распределения производительных сил. Таким образом, дело обстоит гораздо сложнее, чем у т. Преображенского.

Та политика, которую предлагает тов. Преображенский, означает разрыв рабоче-крестьянского блока, или, по крайней мере, его сильный *подрыв*.

При этом чрезвычайно характерно, что тов. Преображенский как-то совершенно в духе старых «экономистов» резко отделяет экономику от политики, точно политика это не «концентрированная экономика», а некая «вещь в себе», от которой можно отвлечься и без которой можно «делать дела» в духе «социалистического накопления».

Мы помним, как мало тов. Преображенский остановился на значении основного «препятствия» для своей политики, на вопросе о емкости внутреннего рынка. Теперь добавим, что вслед за этим упоминанием мы находим у него такое место:

«Я не говорю здесь, наконец, о затруднениях политического свойства, вытекающих из взаимоотношений рабочего класса и крестьянства...» (80).

И он сдерживает свое обещание: больше не говорит.

Впрочем, есть все же одно место в его работе, которое отражает всю непродуманность и эклектичность построений тов. Преображенского.

«Играя» своими аналогиями («играя» всерьев), тов. Преображенский, между прочим, пишет:

> «Что касается колониального грабежа, то социалистическое государство, проводящее политику равноправия национальностей и добровольного вхождения их в то или иное национальное об'единение, принципиально отвергает все насильственные методы в этой области. Этот источник первоначального накопления для него с самого начала и навсегда закрыт.
>
> Совсем иначе обстоит дело с эксплоатацией в пользу социализма всех досоциалистических экономических форм. Обложение (их. Н. Б.)... должно получить огромную, прямо решающую, роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз». (58).

Мы не будем останавливаться на целом ряде мелких противоречий, которые есть у автора по данному вопросу. Мы возьмем быка за рога. Мы спросим у тов. Преображенского, почему же в *этом* случае (с национальностями) *политический* мотив («политика равноправия») заставляет автора подправить (впрочем, только на одной странице, ибо на других говорится не совсем то) свой «основной закон», тогда как в случае с рабоче-крестьянским блоком автор ограничивается заявлением:

«Я *не говорю*... о затруднениях политического свойства»? Ведь, это беспринципность, непоследовательность, неумение свести концы с концами!

Это все тем более странно, что вопрос об экономической политике и политике вообще в *бывших* (*бывших*, тов. Преображенский!) колониях есть лишь *усложненный*, несколько измененный, вопрос *об отношении рабочего класса к крестьянству вообще*! Ведь, эта истина, казалось бы, достаточно разжевана в литературе, в решениях конгрессов и с'ездов. Но вот поди ж ты! И такие товарищи, как Преображенский, спотыкаются на «эфтом месте», хотя оно, это место, приведено в весьма добропорядочное состояние.

Несколько комично разбирать аргументацию тов. Преображенского по существу. Ну, возьмем только для примера, его положе-

ние о недопустимости «колониального грабежа» «по случаю» национального вопроса. А такие штуки, как законы «об огораживании» (конечно, не в прямом смысле слова) «допустимы» там, где нет «национального вопроса»? А если нет, то почему?

Стоит только поставить, этот, один единственный, вопрос, чтобы увидеть всю фальшь «преображенской» линии.

Эта линия противоречит основам политики рабоче-крестьянского блока.

Линия же на этот блок есть существо всей политики переходного периода. Ибо для переходного периода характернейшей чертой является в основном двухклассовое общество, где проблема города и деревни, индустрии и сельского хозяйства, крупного и мелкого производства, рационального плана и анархического рынка и т. д., и т. п. выражает главную классовую проблему, проблему соотношения между рабочим классом и крестьянством. Оторвать экономику от политики, да еще по всему фронту, увертываться от этой политики,—это значит не понимать проблемы в ее целом, не видеть ее исторического смысла, упускать основное, от чего нельзя скрыться, улизнуть, спрятаться.

Или мы в переходный период ориентируемся на блок рабочих и крестьян под руководством пролетариата,—тогда эта линия должна быть основным принципом нашей деятельности всюду и везде.

Или это для нас—«красное словцо». Тогда мы можем допустить те «вольности дворянства», которые намечает тов. Преображенский. Но тогда мы должны ясно видеть, что это идет против рабоче-крестьянского блока, что здесь иная, не ленинская, оценка движущих сил революции, что здесь в основе иное представление о ходе всего революционного процесса.

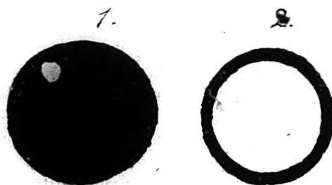
И тогда нужно выбирать.

Нам нечего доказывать, какой должен быть наш выбор. Ибо ленинизм подтвержден не только логическими аргументами, хотя бы и самыми совершенными, но и опытом трех революций, по меньшей мере.

7. „Закон" тов. Преображенского в целом.

Нам хотелось бы сказать теперь несколько слов по поводу общей формулировки «закона». Прежде всего, необходимо отметить путаницу в самом содержании этого «закона», путаницу, которая на первый взгляд скрыта, не видна, спрятана.

Представим себе два типа стран: промышленная страна с незначительным крестьянско-аграрным привеском и страна крестьянская со слабой индустрией. Для ясности изобразим дело графически:

Белая часть—крестьянск. хоз. Черная — промышленность и крупное сельское хозяйство, которое переходит к пролетариату.

После социалистического переворота черная часть (промышленность и крупн. сельск. хозяйство) попадает в руки пролетариата. Когда начинается процесс накопления, то немудрено, что в первом случае «удельный вес» прибавочного труда промышленности будет иметь большое значение для социалистического накопления, а во втором—неизмеримо меньшее. Но это положение является поистине трюизмом, ибо это—только другое выражение того факта, что в первом случае «удельный вес» промышленности гораздо больше, чем во втором.

Однако, тов. Преображенский, на ряду с этим, ставит другое положение и связывает его вместе с «трюизмом», что неверно, ибо не всегда обязательно. А именно: тов. Преображенский говорит об эквивалентности или, вернее, о неэквивалентности обмена между городом и деревней, при чем выходит, будто, чем больше удельный вес крестьянского хозяйства, тем менее эквивалентен должен быть обмен и наоборот. Однако, это, как упомянуто, вовсе не обязательно. Пусть перед нами высоко развитый хозяйственный комплекс. Пусть, следовательно, крестьянское хозяйство в нем—совершенно незначительная величина (доминирует крупное с-хоз. производство и концентрированная промышленность). Значит, ли это, что удельный вес прибавочного труда, идущего с крестьянина в фонд социалистического накопления, велик? Нет, он ничтожен. Но значит ли это, что здесь обязательно имеется эквивалентный обмен? Ничуть. Ибо как раз неэквивалентность может быть очень велика в силу громадной разницы в технико-экономической структуре. Даже при весьма дешевой цене (самой по себе) продуктов промышленности крестьянин будет получать не полный эквивалент, ибо его индивидуальные издержки на единицу хлеба будут гораздо выше издержек в крупном сельском хозяйстве, и потому неизбежно расхождение, трудовых ценностей при обмене, если даже считать по «двум системам», как считает здесь тов. Преображенский.

Вопрос, таким образом, не так уж прост, как он выглядит у тов. Преображенского.

Чтобы ближе присмотреться к «закону», мы должны сперва проанализировать, что же, в сущности, понимает тов. Преображенский под «социалистическим накоплением» и т. д. Послушаем самого автора.

> «Социалистическим накоплением мы называем присоединение к основному капиталу производства прибавочного продукта, который не идет на добавочное распределение среди агентов социалистического производства, а служит для расширенного воспроизводства. Наоборот, первоначальным социалистическим накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов, главным образом из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства. (Этот курсив наш. Н. Б.). Это накопление в отсталой крестьянской стране должно играть колоссально важную роль, в огромной степени ускоряя наступление момента, когда ...это (т.-е. государственное Н. Б.) хозяйство получит, наконец, чисто экономическое преобладание над капитализмом. ...Накопление первым способом, т.-е. за счет негосударственного круга, явно преобладает в этот период. Поэтому весь этот этап мы должны наз-

вать периодом *первоначального* или *предварительного* социалистического накопления... Основным законом нашего советского хозяйства как раз и является *закон первоначального или предварительного* (наш курсив. Н. Б.) социалистического накопления. Этому закону подчинены все основные процессы экономической розни в круге государственного хозяйства. Этот закон, с другой стороны, изменяет и частью ликвидирует закон стоимости... Следовательно, *мы не только можем говорить о первоначальном социалистическом накоплении, но мы ничего не сможем понять в существе советского хозяйства, если не поймем той центральной роли, какую играет в этом хозяйстве* **закон социалистического накопления**». (Курсив автора; двойной курсив наш. Н. Б.).

Сперва отметим ряд мелочей. Во-первых, к *капиталу* нельзя прикладывать *продукт*; во-вторых, накоплением называется присоединение не только добавочного *основного* капитала (а превращенное в капитал сырье?); в-третьих, нельзя противопоставлять («не», «а») «добавочное распределение среди агентов соц. производства» «расширенному воспроизводству»: если, напр., в процесс производства вступают новые рабочие, это *есть* расширение производства. Но все это, конечно, сравнительные мелочи.

Существенно серьезное обстоит дело, когда мы перейдем к основным «определениям» тов. Преображенского.

Он резко разделяет два понятия: понятие социалистического накопления и понятие первоначального социалистического накопления. Он прямо говорит: «социалистическим накоплением» называется то-то и то-то. «*Наоборот, первоначальным* социалистическим накоплением» называется то-то и то-то.

Соответственно этому он говорит о законе первоначального социалистического накопления. Но каково же будет наше удивление, когда мы увидим, что вслед за этим, буквально через несколько строк, словечко «первоначальный» выпадает! И каково же будет наше удивление дальше, когда мы узрим, что в основной формулировке основного закона (той, что приводили выше) это слово *тоже* исчезает! Там сказано:

> «Основной закон социалистического накопления является центральной движущей пружиной всего советского государственного хозяйства. Но, вероятно, этот закон имеет универсальное значение» (92; далее следует «формула»).

Итак, скажите же, ради бога, о *каком* законе идет речь?

Читатель, может быть, думает, что здесь случайная обмолвка, и что на все это не следует обращать внимания: мало ли с кем грех случается при спешной работе! Мы, однако, позволим себе поискать некоторых *корней* этой явной неразберихи.

Как мы видели, период первоначального накопления определяется, как период, *главным образом*, эксплоатации частного хозяйства: длится он, как подчеркивает тов. Преображенский, пока госхозяйство не «*получит, наконец, чисто экономическое преобладание над капитализмом*».

Здесь нам дано: 1) материально-экономическое *содержание* процесса; 2) *его исторические границы*.

Попробуем теперь рассмотреть эти положения.

Казалось бы, раз тов. Преображенский говорит об основных законах и т. д., то можно было бы предположить, что речь идет о капитализме *той самой страны*, где пролетариат захватил власть.

Тогда «преобладание» («командные высоты») обеспечено довольно быстро. Это *есть* «экономическое преобладание над капитализмом», которое можно при неправильной политике *утерять*. Но оно есть, ибо в руках у пролетариата при восходящей кривой производительных сил имеется *закон крупного производства*.

Если это так, тогда, как это совершенно очевидно, не может быть дана та формулировка основного закона, которую дает тов. Преображенский. Ибо эта формулировка рассчитана на *гораздо более длительный период*.

Но предположим, что речь идет о капитализме других стран, более прогрессивных технически.

Тогда совершенно ясно, что «*первоначальное* накопление» вообще сливается с накоплением. Ибо, напр., пока в СССР мы дойдем до американского уровня, уйдет очень много времени. И все это будет значиться в графе *первоначального* накопления! Это «первоначалие» становится таким образом поистине перманентным!

Вот здесь зарыта собака. Тов. Преображенский незаметно превращает *первоначальное* социалистическое накопление в просто социалистическое накопление. Параллельно идет превращение закона из «*первоначального*» в *просто* закон. А все сие нужно для того, чтобы политику того периода, когда *промышленность жила за счет крестьянства, растянуть вплоть до электрификации*.

Таким образом, и в этих чудесных превращениях есть *та же самая логика*, какую мы обнаружили на всех предыдущих стадиях нашего анализа. Это есть логика неправильного понимания тех взаимоотношений, которые должны складываться между пролетариатом и крестьянством, и как политически связанными классами, и как классовыми носителями определенных хозяйственных форм. Стержень у тов. Преображенского есть и здесь. Беда только в том, что этот стержень гнилой.

Читатель, привыкший иметь дело с анализом различных идеологических оттенков, сразу распознает здесь цеховую идеологию, которой «нет дела» до других классов, которую не заботит основная проблема пролетарской политики, проблема рабоче-крестьянского блока и пролетарской гегемонии в этом блоке. Один шажок в сторону в том же направлении, и тогда у нас полностью дана полуменьшевистская идеология законченных трэд-юнионистов российского образца: наплевать на деревенщину, больше концессий иностранному капиталу, ни копейки на кооперативные бредни и аграрщину, усиленный нажим на крестьянство во славу «пролетариата» и т. д. *Сюда* «растет» эта идеология. И совершенно понятно, если подавляющая масса членов партии отвергает—и притом в очень резкой форме—такие или родственные «теории». Эти «теории» могут *погубить* (если бы только они имели шанс на «овладение» массами, чего, к счастью, нет и чего не будет) рабоче-крестьянский блок, ту гранитную основу, на которой построено рабочее государство, наш Советский Союз.

С. Гусев.

Наши разногласия в военном деле [1]).

Вопросы строительства Красной армии вновь ставятся в порядок дня.

Двухлетний опыт проведения милиционной системы, переход к регулярному комплектованию с двухлетним сроком службы, начатая весной этого года широкая реорганизация Красной армии,—все это знаменует начало нового этапа в развитии вооруженных сил СССР.

Но гораздо глубже и значительнее те изменения в составе Красной армии, которые отражают происшедшие за три года нэп'а изменения классов, их общественных отношений, их настроений и идеологии. С роспуском прошлых годов и с призывом контингента 1902 года Красная армия окрестьянилась.

Но и крестьянин, пришедший теперь в Красную армию, не тот, что прежде: трехлетней школы гражданской войны он не прошел, а прошел трехлетнюю школу нэп'а.

Нэп—двухсторонний процесс, одновременное противоречивое развитие социализма в городе, капитализма в деревне. Хозяйственные успехи городского социализма больше, чем рост деревенского капитализма. Но идеологические успехи кулака среди крестьян больше, чем успехи пролетария. Союз рабочих и крестьян в эпоху гражданской войны вовсе не означал усвоения крестьянством пролетарской идеологии. Кронштадтское восстание и повальное бегство из партии красноармейцев-крестьян в 1921 году показали, что союз рабочих и крестьян в гражданской войне скреплялся общностью врагов, а не общностью идеологии. Идеология у крестьянина осталась старая, направленная в сторону кулака, который персонально выражает капиталистическую тенденцию развития крестьянского частно-собственнического хозяйства. Вот почему идеологические успехи кулака превышают, обгоняют его хозяйственные успехи. Идеологическое влияние кулака в крестьянстве больше, чем это ему «полагается» по его экономической силе.

И контингент 1902 года, пришедший в этом году в Красную армию, не мог не отразить сдвигов и изменений, происшедших не только в крестьянском хозяйстве, но и в крестьянской идеологии.

Красная армия периода гражданской войны перестала существовать. На ее месте возникает Красная армия периода нэп'а. Такие глубокие изменения требуют пересмотра оставшегося нам от периода гражданской войны наследия. Вопросы, не имевшие в этот период политического значения, теперь таковое приобретают. Вопросы, бывшие третьестепенными, получают теперь пер-

[1]) Первые две главы из брошюры т. Гусева.

востепенное значение. Старые вопросы приходится по-новому ставить и по-новому решать.

Пересмотр наследия прошлого совпадает с попыткой учета опыта гражданской войны в целях дать пролетариату тех стран, где диктатура буржуазии еще не свергнута, возможность использовать его. Таким образом с разных сторон и с неодинаковыми задачами начинается «переоценка ценностей».

I. Марксизм и военная наука.

(Политика и техника).

Вопрос об отношении марксизма к военной науке, к военному искусству, к военному делу, к военной истории возник вскоре после окончания гражданской войны. У красных командиров, переживших огромный опыт трехлетней гражданской войны, появилась сильнейшая потребность теоретически осмыслить этот опыт, не укладывавшийся в рамки той военной науки, которая была унаследована от царизма. С величайшей энергией они набросились на изучение марксизма и диалектики. В этом несомненно здоровом течении были с их стороны некоторые перегибы: новички в марксизме, они еще нетвердо ходили на «марксистских ногах» и делали ошибки в применении марксистского метода к военным вопросам.

Увлечение марксизмом вызвало в военных кругах обратную реакцию, против марксизма, началась борьба по вопросу о применимости марксизма к военной науке и к военному делу, при чем в общем сложилось такое деление: за марксизм—молодежь из краскомов, против марксизма—старые военспецы.

Против применения марксизма к военному делу выступил и т. Троцкий. (Подробно об этом рассказал т. Тухачевский на стр. «Красной Звезды»,—№ 185, от 17 сентября 1924 г.).

На совещании военных делегатов XI с'езда РКП, которое происходило 1-го апреля 1922 г., тов. Троцкий вопрос о марксизме ставил так: «Разве уставы наши создавались марксистскими методами? В первый раз об этом слышу. Уставы резюмируют военный опыт. Но как же их свести воедино марксистским методом? Это метод исторической, общественной науки... Военной «науки» нет и не было. Есть целый ряд наук, на которые опирается военное дело. Война не есть наука,—война есть практическое искусство, умение. Война есть «ремесло» для тех, которые правильно изучают военное дело. Превратиться в науку война не может по самой своей природе, как не может стать наукой архитектура, коммерция, ветеринарное дело и пр. То, что называют теорией войны или военной наукой, не есть совокупность законов, об'ясняющих об'ективные явления, а есть совокупность практических приемов, способов приспособления сноровок, отвечающих определенной задаче: разбить врага... Каким образом можно приемы военного ремесла строить при помощи марксистского метода? Это то же самое, что строить при помощи марксизма теорию архитектуры или ветеринарный учебник [1]). Историю вой-

[1]) Может ли марксизм научить плести лапти?—спрашивал тов. Троцкий на заседании ВНО 8-го мая 1922 г.

С. Гусев.

Наши разногласия в военном деле [1]).

Вопросы строительства Красной армии вновь ставятся в порядок дня.

Двухлетний опыт проведения милиционной системы, переход к регулярному комплектованию с двухлетним сроком службы, начатая весной этого года широкая реорганизация Красной армии,—все это знаменует начало нового этапа в развитии вооруженных сил СССР.

Но гораздо глубже и значительнее те изменения в составе Красной армии, которые отражают происшедшие за три года нэп'а изменения классов, их общественных отношений, их настроений и идеологии. С роспуском прошлых годов и с призывом контингента 1902 года Красная армия окрестьянилась.

Но и крестьянин, пришедший теперь в Красную армию, не тот, что прежде: трехлетней школы гражданской войны он не прошел, а прошел трехлетнюю школу нэп'а.

Нэп—двухсторонний процесс, одновременное противоречивое развитие социализма в городе, капитализма в деревне. Хозяйственные успехи городского социализма больше, чем рост деревенского капитализма. Но идеологические успехи кулака среди крестьян больше, чем успехи пролетария. Союз рабочих и крестьян в эпоху гражданской войны вовсе не означал усвоения крестьянством пролетарской идеологии. Кронштадтское восстание и повальное бегство из партии красноармейцев-крестьян в 1921 году показали, что союз рабочих и крестьян в гражданской войне скреплялся общностью врагов, а не общностью идеологии. Идеология у крестьянина осталась старая, направленная в сторону кулака, который персонально выражает капиталистическую тенденцию развития крестьянского частно-собственнического хозяйства. Вот почему идеологические успехи кулака превышают, обгоняют его хозяйственные успехи. Идеологическое влияние кулака в крестьянстве больше, чем это ему «полагается» по его экономической силе.

И контингент 1902 года, пришедший в этом году в Красную армию, не мог не отразить сдвигов и изменений, происшедших не только в крестьянском хозяйстве, но и в крестьянской идеологии.

Красная армия периода гражданской войны перестала существовать. На ее месте возникает Красная армия периода нэп'а. Такие глубокие изменения требуют пересмотра оставшегося нам от периода гражданской войны наследия. Вопросы, не имевшие в этот период политического значения, теперь таковое приобретают. Вопросы, бывшие третьестепенными, получают теперь первостепенное значение. Старые вопросы приходится по-новому ставить и по-новому решать.

[1]) Первые две главы из брошюры т. Гусева.

Пересмотр наследия прошлого совпадает с попыткой учета опыта гражданской войны в целях дать пролетариату тех стран, где диктатура буржуазии еще не свергнута, возможность использовать его. Таким образом с разных сторон и с неодинаковыми задачами начинается «переоценка ценностей».

I. Марксизм и военная наука.

(Политика и техника).

Вопрос об отношении марксизма к военной науке, к военному искусству, к военному делу, к военной истории возник вскоре после окончания гражданской войны. У красных командиров, переживших огромный опыт трехлетней гражданской войны, появилась сильнейшая потребность теоретически осмыслить этот опыт, не укладывавшийся в рамки той военной науки, которая была унаследована от царизма. С величайшей энергией они набросились на изучение марксизма и диалектики. В этом несомненно здоровом течении были с их стороны некоторые перегибы: новички в марксизме, они еще нетвердо ходили на «марксистских ногах» и делали ошибки в применении марксистского метода к военным вопросам.

Увлечение марксизмом вызвало в военных кругах обратную реакцию, против марксизма, началась борьба по вопросу о применимости марксизма к военной науке и к военному делу, при чем в общем сложилось такое деление: за марксизм—молодежь из краскомов, против марксизма—старые военспецы.

Против применения марксизма к военному делу выступил и т. Троцкий. (Подробно об этом рассказал т. Тухачевский на стр. «Красной Звезды»,—№ 185, от 17 сентября 1924 г.).

На совещании военных делегатов XI с'езда РКП, которое происходило 1-го апреля 1922 г., тов. Троцкий вопрос о марксизме ставил так: «Разве уставы наши создавались марксистскими методами? В первый раз об этом слышу. Уставы резюмируют военный опыт. Но как же их свести воедино марксистским методом? Это метод исторической, общественной науки... Военной «науки» нет и не было. Есть целый ряд наук, на которые опирается военное дело. Война не есть наука,—война есть практическое искусство, уменье. Война есть «ремесло» для тех, которые правильно изучают военное дело. Превратиться в науку война не может по самой своей природе, как не может стать наукой архитектура, коммерция, ветеринарное дело и пр. То, что называют теорией войны или военной наукой, не есть совокупность законов, об'ясняющих об'ективные явления, а есть совокупность практических приемов, способов приспособления сноровок, отвечающих определенной задаче: разбить врага... Каким образом можно приемы военного ремесла строить при помощи марксистского метода? Это то же самое, что строить при помощи марксизма теорию архитектуры или ветеринарный учебник [1]). Историю вой-

[1]) Может ли марксизм научить плести лапти?—спрашивал тов. Троцкий на заседании ВНО 8-го мая 1922 г.

ны, как и историю архитектуры, можно написать с марксистской точки зрения, ибо история есть наука. Но иное дело так называемая теория войны, т.-е. практическое руководство. При помощи марксистского метода можно облегчить себе в высокой мере общественно-политическую и международную ориентировку... Но при помощи марксизма нельзя построить полевой устав».

Вопрос поставлен т. Троцким с полной ясностью и определенностью. Марксизм—для политики («для общественно-политической и международной ориентировки»), но не для военного дела, не для военного опыта, не для полевого устава. Военной науки нет, а потому к «теории войны, т.-е. практическому руководству» марксизм отношения не имеет. К истории же войн доступ марксизму не воспрещается.

Между марксизмом и военной наукой, военным искусством, военным делом, военным опытом у т. Троцкого—глубокая метафизическая пропасть. Что война, как общественное явление, как часть или сторона общественной жизни, марксизму «подведомственна»,—об этом т. Троцкий как бы совершенно забывает. К прошлому «военному опыту» (история войн) он марксизм еще допустить готов, но к современному—ни в коем случае.

Тов. Троцкий неоднократно возвращался к вопросу об отношении марксизма к военному делу. Так, в предисловии к сборнику статей Энгельса о войне 1870—71 гг. он писал:

«Беспощадно изгоняя из своего анализа всякие абстракции, рассматривая войну, как материальную цепь операций, анализируя каждую операцию с точки зрения наличных сил, средств и их применения, великий революционер поступает, как... военный специалист, т.-е. как человек, который, уже в силу своего призвания или своей профессии, исходит из внутренних факторов военного дела. Недаром же статьи Энгельса приписывали тогдашним военным знаменитостям, вследствие чего и за самим Энгельсом укрепилось в близком кругу прозвище «генерал». Да, он подходил к военным вопросам, как «генерал», может быть, и со значительными пробелами в отдельных военных областях и без необходимого военного стажа, но зато наделенный такою головою, какую можно найти на плечах не у всякого генерала».

Энгельс подходил к военному делу, как военный специалист,—подчеркивает т. Троцкий.—Военный же специалист исходит из «*внутренних* факторов военного дела». Марксизму там нечего делать.

«Но где же, в таком случае, марксизм?—ставит вопрос и сам т. Троцкий.—Можно сказать, что в этом-то он как раз—до известной степени—и состоит».

В чем это «в этом»? В отсутствии марксизма? Марксизм состоит «до известной степени» в отсутствии марксизма?

«Одна из основных философских марксистских предпосылок,—продолжает т. Троцкий,—гласит, что истина всегда конкретна. Это значит, что нельзя военное дело и его вопросы растворять в социальных и политических категориях. Военное дело есть военное дело, и марксист, который хочет о нем судить, должен помнить, что и военная истина конкретна. Вот этому и учит книга Энгельса в первую голову. Но не только этому».

Что военная истина конкретна, это бесспорно. Но ведь и политическая истина конкретна. А между тем, несмотря на то, что политическая истина конкретна, или, вернее, именно потому, что

политическая истина конкретна, марксизм к ней и применим. Никто не скажет, что вследствие конкретности политической истины марксизм по отношению к ней состоит «до известной степени» в отсутствии марксизма. Конкретность военной истины никак не может служить препятствием для применения к ней марксизма.

«Если нельзя,—продолжает т. Троцкий,—военные вопросы растворят в общих политических вопросах, то столь же недопустимо отрывать первые от вторых».

Дважды т. Троцкий повторяет, что «нельзя военное дело и его вопросы» (второй раз сказано «военные вопросы») «растворять в социальных и политических категориях» (второй раз сказано: «в общих политических вопросах»). О каких «военных вопросах» или «вопросах военного дела» идет речь у т. Троцкого? О военно-социальных или военно-технических? Погидимому, о военно-технических. Ибо странно, очень странно звучало бы утверждение, что военно-социальные вопросы, которые потому и называются социальными, что составляют часть социальных вопросов, нельзя «растворять в социальных и политических категориях».

Итак, военно-технические вопросы нельзя растворять в общих политических вопросах. Но «столь же недопустимо,—по мнению тов. Троцкого,—отрывать первые (военно-технические) от вторых (общих политических)».

«Война,—продолжает т. Троцкий,—как мы выше уже напоминали, есть продолжение политики особыми средствами. Эту глубоко-диалектическую мысль формулировал «спец» Клаузевиц. Война есть продолжение политики: кто хочет понять «продолжение», тот должен уяснить себе, что ему предшествует. Но продолжение «другими средствами»: значит, недостаточно быть ориентированным в политике, чтобы тем самым уже правильно оценивать «другие средства войны».

Это только переложение другими словами тезиса, о том, что марксизм не может научить плести лапти.

«Величайшее, ни с чем несравнимое преимущество Энгельса,—продолжает тов. Троцкий,—состояло в том, что понимая *глубоко самостоятельный характер военного дела* (курсив мой)—с его внутренними техникой, структурой, методами, традициями и предрассудками,—он был в то же время величайшим знатоком той политики, которой военное дело, в последнем счете, подчинено».

Между марксизмом и военным делом у т. Троцкого та же метафизическая пропасть, что и раньше. Для изучения военного дела не надо быть марксистом, для этого достаточно быть военным специалистом. Военное дело есть военное дело, военное дело имеет «глубоко самостоятельный характер» и т. д.

Но на этот раз т. Троцкий чувствует, что тут что-то не ладно, и потому торопится перебросить диалектический мостик через метафизическую пропасть. Недопустимо,—заявляет он,—отрывать военные (т.-е., как мы видели уже, военно-технические) вопросы от политических, ибо война ведь есть продолжение политики.

Конечно, недопустимо. Но на голой декларации о недопустимости отрыва далеко не уедешь. Одной фразой о недопустимости отрыва из противоречия, в которое попал т. Троцкий, не выпутаешься. У т. Троцкого, с одной стороны—«глубоко-самостоятельный характер военного дела» (очевидно, военно- тех-

нического дела, ибо о глубоко самостоятельном и независимом от марксизма характере военно-социального «дела» не может быть и речи), а с другой—«недопустимо отрывать» военно-технические вопросы от общих политических.

Как же выпутаться из этого противоречия? Да очень просто: отказаться от метафизического деления «вопросов» на две самостоятельные части,—политические вопросы и военные. Т. Троцкий повторяет формулу Клаузевица—«война есть продолжение политики», но диалектического значения ее не усваивает. Если война есть продолжение политики, но другими средствами, то, значит, война есть политика, но проводимая другими средствами, «военное дело» есть продолжение «политического дела». Поэтому, с точки зрения марксистской диалектики, нет и не может быть раз навсегда данного, навеки застывшего, строго разграниченного деления «вопросов» на две группы, —политических и военных: каждый военный вопрос (в том числе и военно-технический) может, при известных условиях, стать политическим и, наоборот, каждый политический вопрос может, при известных условиях, потребовать своего решения военными методами. Только при таком диалектическом подходе к делу устраняется противоречие между положением, что война есть продолжение политики, и принятым на практике и для практики условным подразделением вопросов на политические и военные.

В ноябре 1924 г. («Правда» № 250) тов. Троцкий снова возвращается к этому же вопросу, об отношении марксизма к военному делу в предисловии ко 2-й части III-го тома «Как вооружалась революция». Вот что он пишет на этот раз:

«Наше время характеризуется прежде всего неустойчивостью социальных отношений, резкими политическими поворотами и потрясениями. Военное дело сочетается с политикой теснее и непосредственнее всего через гражданскую войну, которая нашей эпохой во всех странах мира поставлена в порядок дня. Серьезный военачальник нашего времени не может не быть политиком. Военное искусство сохраняет всю свою специфичность и—в этом смысле—самостоятельность; более того, оно чрезвычайно усложняется в связи с ростом многообразия и силы действия орудий современной военной техники и следовательно требует повышенного, чисто военного знания и умения. А в то же время в войнах будущего, военное дело будет более тесно и непосредственно, чем когда бы то ни было, сочетаться с революционной (или контр-революционной), политикой (восстания, фашизм и пр. и пр.). Поэтому в воспитании нашего красного военачальника развитие способности к синтетической оценке сотрудничества и взаимодействия всех родов современного оружия должно идти рука об руку с усвоением правильной общественно-политической ориентировки, которая дается методом марксизма и проникает собой все предпосылки чисто-военного знания».

Все то же: с одной стороны—«военное искусство сохраняет всю свою специфичность и—в этом смысле (очевидно, в специфически военном, техническом. С. Г.)—самостоятельность», а с другой—«общественно-политическая ориентировка, которая дается марксизмом».

Не помогает делу и диалектический мостик в виде брошенной в конце предисловия фразы о том, что «общественно-политическая ориентировка», «которая дается методом марксизма», «проникает собой предпосылки чисто военного знания». Это—одна из тех благоприличных и пустопорожних фраз, которые обычно выставляются в конце письма: остаюсь с совершенным уважением и почтением.

Остаюсь с совершенным уважением и почтением к марксизму,—вот единственный смысл этой фразы о «предпосылках чисто-военной науки». В противном случае, если она и этого смысла лишена, то она вообще никакого смысла не имеет. В самом деле, что такое чисто-военное знание? Скажем, фортификация, артиллерия—чисто-военные знания или нет? Что же, их «предпосылки»—математика, баллистика, механика, сопротивление материалов—проникнуты основанной на марксизме общественно-политической ориентировкой? Вздор. Или, может быть, речь идет о тактике?Предположим. Но и в этом случае получается не лучше. Каковы «предпосылки» тактики? Вот что говорит на этот счет Энгельс в «Антидюринге»: «Вся организация и боевой метод (тактика С. Г.) армии. оказываются зависящими от материальных, т.-е. экономических условий, от человеческого материала и от оружия, следовательно—от качества и количества населения и от техники». «Предпосылки» тактики—качество и количество населения и техника. Теперь подумайте, что получается из формулы т. Троцкого: основанная на марксизме общественно-политическая ориентировка проникает собой количество и качество населения и технику.

Хотел т. Троцкий сказать что-то марксистское, а получилось у него, что основанная на марксизме общественно-политическая ориентировка проникает собой предпосылки... плетения лаптей. Безвыходная путаница.

Война ведется людьми, война составляет часть общественных явлений, часть жизни классового общества. Война ведется армиями, представляющими «военный слепок» с существующего строя общества. Уже этого достаточно, чтобы видеть, какое широчайшее применение имеет марксизм к вопросам войны. Нет ни единого вопроса, касающегося научной оценки социальной стороны войны, к которому марксизм не подходил бы с таким же правом, как к любому вопросу жизни общества. Марксизм дает ключ к пониманию общественной жизни, а следовательно и той части жизни общества, которая называется войной.

«Но не об этом идет речь у тов. Троцкого»—раздаются нетерпеливые голоса.—«Этой роли марксизма тов. Троцкий не отрицает. Он говорит об отношении марксизма к чисто-военным вопросам, к военной технике».

Возможно, что применение марксизма к военно-социальным вопросам тов. Троцкий и не отрицает, хотя, странным образом. об этой важнейшей задаче совершенно умалчивает.

Что же касается чисто-военных вопросов,—можно ли при помощи марксизма составить ветеринарный учебник, может ли марксизм научить плести лапти и можно ли при помощи марксизма построить полевой устав, то самая постановка таких вопросов показывает, что автор их безнадежно запутался в тех самых силках софистики, схоластики, доктринерства и метафизики, которые сам же поставил против других.

При известных условиях каждый технический вопрос может стать предметом теоретической и политической оценки с точки зрения марксизма и классовых интересов пролетариата.

Это бывает тогда, когда тот или иной «чисто» технический вопрос становится предметом теоретических и политических споров, теоретической и политической борьбы, борьбы партий, групп, фракций и т. п.

Попытаемся на нескольких примерах выяснить это.

Года три назад в «Военном Вестнике» велась длинная и бесплодная дискуссия о стрелковых доктринах. Спорящие разбились на две главные группы: «индивидуалисты»—сторонники индивидуального обучения с целью выработки из красноармейцев максимального числа превосходных стрелков, «артистов-стрелков», способных к индивидуальной стрельбе, и «коллективисты», высказывавшиеся против индивидуальной обработки стрелка и за обучение приемам коллективной стрельбы, под руководством артистического огневого руководителя из комсостава. Обе стороны приводили солидные технические аргументы, но у обоих сторон была общая социальная предпосылка,—о каком-то абстрактном солдате, живущем вне времени и пространства. («Коллективисты» пытались подвести под свою доктрину «социальную» базу посредством ссылки на то, что коллективизм-де сродни коммунизму и прочее, но такой «социальный» подход ни чего кроме смеха вызвать не может).

Обе стороны, и «индивидуалисты» и «коллективисты», делают одну и ту же идеалистическую ошибку, апеллируя к абстрактному солдату,—ошибку, которая осуждает все их дальнейшие споры на бесплодие. Это очень часто встречающаяся в военном деле ошибка.

Тов. Троцкий также не чужд этой идеалистической ошибке. В брошюре: «Единая военная доктрина и мнимо-военное доктринерство» (стр. 8—9) тов. Троцкий, правильно возражая против утверждения, что законы войны вечны, писал: «Суб'ектом войны является человек, который имеет известные устойчивые анатомические. и психические черты и вытекающие из них приемы и навыки. Человек действует в определенной и сравнительно устойчивой географической среде. Таким образом, во всех войнах, всех времен и народов были некоторые общие относительно устойчивые (но вовсе не абсолютные) черты. На их основе развивается историческое военное искусство. Его методы и приемы меняются так же, как и общественные условия, его определяющие (техника, классовое строение, форма государственной власти»).

Это—типичнейшая эклектическая теория,—соединение марксизма с вульгарной, не раз уже марксизмом разоблаченной, идеалистической теорией, об'ясняющей общественные явления анатомическими и психическими чертами человека. К тому же и эклектика-то эта весьма трусливого свойства: «относительно устойчивые черты», которые оказываются общими для «всех войн всех времен и народов», именно и суть абсолютные черты, которые т. Троцким трусливо названы относительными. Эти относительно (т.-е. абсолютно) устойчивые черты выводятся т. Троцким из «известных» (т.-е. неизвестных, марксизму неизвестных) устойчивых (очевидно, относительно, т. е. для всех времен и для всех народов, т. е. абсолютно) анатомических и психических черт и вытекающих из них приемов и навыков». На основе относительно-абсолютных черт, общих войнам всех времен и всех народов, у т. Троцкого «развивается историческое военное искусство».

Вечные законы войны, изгнанные т. Троцким через марксистскую дверь, благополучно возвращаются через идеалистическое окно. После всего этого для марксизма тут уже не остается места. И дальнейшая марксистская привеска относительно общественных условий, определяющих изменение методов и приемов военного искусства, играет роль лишь трусливого фигового листка, который должен прикрыть наготу всего этого идеалистического рассуждения».

Вернемся к стрелковым доктринам.

Этот технический спор не может быть разрешен без ответа на вопрос, куда, в каком направлении развиваются вооруженные силы СССР, а т. к. армия есть военный слепок с существующего строя, то, следовательно, на вопрос—куда, в каком направлении этот строй развивается—и здесь без марксизма не обойтись.

В каком же направлении развиваются вооруженные силы СССР?

Мы наметили путь развития наших вооруженных сил—к милиционной системе. Каковы будут последствия милиционной системы, когда она разовьет настолько широко, что количество начнет переходить в качество? На этот счет у нас тоже есть определенный взгляд, не только теоретически обоснованный Энгельсом (солдат, который «умеет сам себе помочь», самодеятельный боец), но и практически проверенный, правда, на очень скудном опыте гражданской войны, показавшей нам первые зачаточные элементы самодеятельности красногвардейца и красноармейца, отмеченные даже нашими врагами. Если развитие наших вооруженных сил действительно пойдет таким путем—к самодеятельному солдату, то ясно, что в споре между «индивидуалистами» и «коллективистами» по вопросу о стрелковых доктринах мы выскажемся за первых, так как развитие самодеятельности будущего бойца пролетарской армии даст возможность и сделает необходимым выработку из него артиста-стрелка.

Но все это—музыка будущего. А для настоящего периода развития наших вооруженных сил этот вопрос должен быть разрешен в пользу «коллективистов», ибо квалифицированный боец, умеющий сам себе помочь, еще не народился, а имеется налицо боец неквалифицированный, который без начальства ничего почти не умеет делать, не умеет в бою правильно выбрать стрелковые цели, устанавливать прицел и т. д., а потому постоянно нуждается в указке. При этом, понятно, сам указчик, огневой руководитель, должен быть мастером своего дела.

Вот пример того, как марксизм должен подходить к разрешению технического вопроса.

Возьмем другой пример. Сейчас в большой моде так наз. «групповая» тактика. Отделения разбиваются на мелкие группы (8—12 человек), каждая группа имеет легкое ружье-пулемет и получает значительную свободу действий. От группы требуется большая самодеятельность. Не представляет ли такая тактическая самодеятельность группы известную политическую опасность, особенно, когда война будет вестись против революционной социалистической страны? Не будут ли группы, пользуясь своей независимостью, перебегать на сторону революционных войск? И не придется ли в таком случае от групповой, тактики отказаться или изменить ее?

Не есть ли это политическая оценка тактического (т. е. военно-технического) вопроса?

Еще пример из того самого тома, который, по мнению тов. Троцкого, Энгельс писал в военспецовском мундире.

Энгельс разбирает прусскую систему отбывания воинской повинности.

«Провидение всегда на стороне больших батальонов, вот каким образом—пишет Энгельс.—Наполеон любил об'яснять выигранные и проигранные битвы. Пруссия поступила по этому принципу. Она позаботилась обзавестись «большими батальонами». Когда в 1807 году Наполеон запретил ей иметь армию числом более 40.000 человек, она стала демобилизовать своих рекрутов после шестимесячного обучения и производить свежий набор, и в 1813 г. она была в состоянии дать полевую армию в 250.000 человек, в то время, как все ее население достигало четырех с половиной миллионов. Впоследствии этот же принцип краткосрочной действительной службы и долговременного пребывания в запасе был разработан полнее и помимо этого приведен в гармонию с необходимостью иметь абсолютную монархию. Людей оставляли на действительной военной службе от двух до трех лет не только для того, чтобы обучить военному делу, но и для того, чтобы приучить к безусловному повиновению. Вот в чем слабое место прусской системы. Она должна примирить две различных и в конце концов несовместимых цели. С одной стороны, она претендует на то, чтобы каждый физически здоровый человек был солдатом, на то, чтобы иметь постоянную армию, единственная цель которой стать школой, в которой граждане обучаются употреблению оружия, школой, являющейся ядром, вокруг которого они сосредоточиваются во время атаки извне. Эта система кажется чисто оборонительной. Но, с другой стороны, та же армия представляет собой вооруженную опору, главную поддержку квази-абсолютного правительства; для этой цели школа военного искусства для граждан должна быть изменена в школу абсолютного подчинения начальникам, в школу роялистских чувств. Этого можно достичь только посредством длительной службы. Вот тут несовместимость становится очевидной. Оборонительная иностранная политика требует обучения большого числа людей в течение небольшого периода времени, так, чтобы иметь большое число солдат в запасе на случай нападения извне; внутренняя же политика требует обучения ограниченного числа людей в течение более длительного периода времени, так, чтобы иметь надежную армию в случае внутреннего восстания. Квази-абсолютная монархия избрала промежуточный путь. Она оставляла людей целые три года на действительной службе и ограничивала число рекрутов согласно своим финансовым средствам. На самом деле не существовало всеобщей воинской повинности, она была заменена принудительным набором, единственным отличием которого от набора других стран является его большая суровость. Он стоит больше денег, требует большее число людей и оставляет их в запасе армии на более долгий срок, чем это делают в других государствах. И в то же время, то, что первоначально было народом, вооруженным для самозащиты, превращается теперь в послушную армию, готовую для нападения, в орудие политики правительства».

Как видите, Энгельс здесь вопрос «технический» (о сроках службы) по-марксистски связывает с внутренней и внешней политикой.

Можно подойти к этому вопросу и технически (что Энгельс дальше и делает): обсудить преимущества длинных и коротких сроков службы и пребывания в резерве для боевой подготовки солдата, разобрать методы обучения при длинных и коротких сроках службы и т. д. Но все это допустимо лишь на основе предварительной политической оценки. Марксист иначе не может действовать, он в первую очередь должен рассмотреть вопрос со стороны политической, ибо «война есть продолжение политики».

Могут сказать, что при технической оценке и разработке вопроса марксизм неуместен. Ну, конечно, неуместен. Ветеринарии и плетению лаптей марксизм обучать не может. Но из этого вовсе не вытекает, что можно все вопросы разделить на две категории, как это делает т. Троцкий: одни-по-марксистскому «ведомству», другие—по-военному. Наоборот, один и тот же вопрос оценивается и с марксистской (теоретической), и с политической (практической), и с военспецовской (технической) стороны. При этом на практике сплошь и рядом происходит смешение этих оценок, а частенько случается, что техническая оценка (спецовская) становится в противоречие с политической (классовой).

Связь между политикой и техникой, влияние техники на политику и политики на технику это—марксистская азбука». Введение огнестрельного оружия—говорит Энгельс в «Антидюринге»—повлияло революционизирующим образом не только на самое ведение войны, но и на политические отношения господствующих и угнетенных классов». Техника изменила политику.

Но и обратно, политика «изменяет» технику. Империалистская политика создала свое специфическое военное орудие против колоний в виде бронированных крейсеров и сверхдредноутов, а теперь спешно строит воздушные дредноуты. Сверхдредноут и цеппелин (техника) так же отражает определенные общественные отношения (отношения между угнетающими и угнетенными нациями), как тяжелые рыцарские латы-средневековый строй.

Возьмем еще один, последний, пример из Энгельса.

Вот, что писал Энгельс по поводу русской армии в 1852 г.:

«Русские по самой природе их армии приспособлены к военной системе, которая близко подходит к современной. Их армия состоит, главным образом, из массивной полуварварской, тяжелой на под'ем пехоты и многочисленной легкой, также полуварварской, нерегулярной кавалерии. Русские в решительных случаях в больших сражениях никогда не применяли другой тактики, кроме массовой. Суворов понимал это еще при штурме Измаила и Очакова. Подвижность не является характерным признаком русской армии, но отсутствие ее возмещается обилием нерегулярной кавалерии, которая окружает армию со всех сторон и маскирует ее движения. Именно эта тяжелая массивность русской армии делает ее великолепно приспособленной к тому, чтобы быть ядром и спинным хребтом коалиционной армии, которая всегда отличается большей неповоротливостью, чем национальные армии. Эту роль русские великолепно выполняли в 1813—14 г.г., и в кампании указанных лет не было ни одного плана сражения, в котором бы на долю глубоких и густых русских колонн не отводилось

решающего значения». («Перспективы войны Франции против Священного Союза»).

Итак, тактику русской армии Энгельс об'яснял полуварварским характером русской пехоты и русской кавалерии, который, в свою очередь, зависел от крепостного строя и от крепостной крестьянской общины. Выходит, что марксизм, который дает ключ к пониманию общественных явлений, дает вместе с тем ключ и к пониманию тактики (т.-е. полевого устава). И не только к пониманию прошлых уставов, как, повидимому, склонен думать т. Троцкий, считающий, что историю военного искусства (т.-е. историю стратегических и тактических приемов ведения войны) можно написать при помощи марксизма, но и к современным уставам.

Вот если бы, пользуясь методом Энгельса, рассмотреть изменения, происшедшие в русском крестьянстве после освобождения от крепостничества, и влияние этих изменений на тактику русской армии, если бы изучить влияние тех изменений, которые сейчас происходят в крестьянстве, на тактику пехоты и кавалерии (одновременно, понятно, принимая во внимание изменения, происшедшие в вооружении армии), то такое изучение, при котором без марксизма шагу нельзя было бы сделать, могло бы дать указания, куда развивается наша тактика и в какую сторону нам следует уставы менять). Добавим, что в данный переходный период в жизни Красной армии эта задача представляет чрезвычайные, почти непреодолимые трудности. Позже, когда на почве хозяйственной смычки вырастет смычка военная, задача будет гораздо проще).

Не напрасно ли т. Троцкий похвалялся, что он впервые слышит о том, что уставы можно составлять при помощи марксистских методов? Посмотрим, удастся ли ему обойтись без марксистских методов при составлении устава гражданской войны?

Иногда т. Троцкий бродит вокруг правильной марксистской постановки вопроса, но ухватить ее по своей метафизической природе никак не может. Так, в брошюре «Вопросы гражданской войны» он пишет: «Нельзя мерить политику военным аршином, но и военное дело нельзя мерить одним лишь политическим аршином». Как известно, когда двое говорят одно и то же, то это не одно и то же. Посмотрите, как расшифровывает эту полумарксистскую формулу т. Троцкий, иллюстрируя ее примером времени. «В подготовительный (к вооруженному восстанию) период—пишет он—мы измеряем время политическим аршином, т.-е. годами, месяцами, неделями. В период вооруженного восстания мы измеряем время часами и днями».

Пример не соответствует общей формуле. Из примера вытекает такая формула: для политики один аршин времени, для восстания—другой. То же отделение политики и военного дела, что и раньше. От такой сбивчивой формулы до марксистского аршина еще очень далеко.

Вопрос об отношении между наукой и искусством поставлен тов. Троцким также метафизически.

Возьмите пример с архитектурой, на который пытается опереться т. Троцкий. Постройка сводов и мостов в течение многих столетий была искусством, т.-е. производилась по выведенным из опыта приблизительным правилам, причем мастера, искусники, которые эти правила подметили, и сами не могли определить, почему свод должен иметь такую-то кривизну, а не иную. Так продолжалось до появления высшей математики, которая дала точные формулы кривых сводов и мостов и сделала возможным, в связи с развитием механики, производить математически точный расчет давления на единицу площади. С этого момента постройка мостов и сводов чрезвычайно упростилась, перестала быть искусством, стала наукой. Современный инженер берет справочную книжку Хютте и находит в ней все научные формулы, необходимые для его расчетов. Более того, развитие математики дало возможность вычислять такие кривые, которые прежним искусникам были совершенно недоступны. Таким образом, создана была база для нового искусства.

Возьмем еще пример, более близкий к военному делу—стрелковое искусство. До изобретения прицельной рамки, которое стало возможным лишь благодаря развитию баллистики, изучившей полет пули, стрелковое искусство было труднее, чем теперь. Прицельная рамка дает возможность механически устанавливать прицел на различные расстояния, вследствие чего искусство стрельбы упростилось, стрельба механизировалась, стала более «научной». Но осталось еще достаточное количество элементов, которые не могут быть полностью учтены наукой, и требуют от стрелка известных навыков, т.-е. известного искусства.

Между наукой и искусством нет той метафизической границы, которую пытается установить т. Троцкий. Наука развивается за счет искусства, искусство основывается на завоеваниях науки и этот процесс бесконечен.

Не наука, а искусство,—так может говорить только метафизик. Наука есть «продолжение» искусства, в свою очередь искусство становится «продолжением» науки. Всякое искусство более или менее «научно», всякая наука не настолько «научна», чтобы обойтись без дополнения искусством. То, что в «рассмотрении» является законом, в действии становится правилом. Что в науке закон, то в искусстве—правило.

Разрыв между наукой и искусством это—разрыв между прошлым и настоящим, между теорией и практикой. Такой разрыв противен духу марксизма.

Вопрос об отношении между марксизмом и военной наукой не был бы исчерпан, если бы мы не разобрали позиции т. Троцкого по этому вопросу, на которой он стоял в 1919 г.

В журнале «Военное Дело» (23 февраля 1919 г.) была помещена речь т. Троцкого на совещании редакторов и сотрудников военных изданий по вопросу о том, какой журнал нужен Красной армии. Речь эта—лучшее из всего, что входит в четыре вышедших книги «Как вооружалась революция». Она представляет блестящую «распеканцию», направленную против «господ педантов от военной псевдонауки». (По части «распеканций» т. Троцкий—непревзойденный мастер). Начинается она таким заявлением: «К военной науке, поскольку она заслуживает этого имени, т.-е. поскольку она обобщает накопленный военный опыт, я отношусь с достаточным уважением». (Отметим в скобках, что это было до упразднения т. Троцким военной науки и что до этого злосчастного для военной науки дня т. Троцкий неоднократно выражал свое уважение к ней). «Нужно только»—продолжает т. Троцкий—чтобы это была действительная военная наука и что бы журнал, претендующий на наименование военго научного дей-

ствительно выполняла свою задачу, т.-е. проверяла старые выводы военной науки на нынешнем опыте, в нынешней социальной среде и исторической обстановке. В «Военном Деле» этого нет, или почти нет. Господа писатели пытаются говорить вневременным языком и излагать какие-то вневременные истины». Т. Троцкий громит затем старых спецов за их отрыв от жизни Красной армии и настаивает на необходимости внутренней, идейной, органической связи журнала с армией». Возьмем вопрос о социальном составе нашей армии—продолжает он.—Мы ее строим на классовой основе. Этот вопрос подвергнут ли был обследованию с точки зрения военного дела?——Ни разу. Или, может быть, этот вопрос с военной точки зрения безразличен? Но глядите: на Украине Скоропадский сделал другую попытку построения армии на классовом принципе. Он мобилизовал хлеборобов, имеющих не менее 25 десятин земли. Мы имели, наконец, попытку учредиловцев построить «народную» армию на внеклассовой основе. Эти попытки рассыпались прахом. Стало быть, мы живем в эпоху, когда классовый принцип построения армии навязывается сам собой. Какой отсюда вывод для военного дела, для формирования, для воспитания, для тактики? Какие практические боевые последствия?» (Курсив мой).

Здесь т. Троцкий сумел подойти к вопросу, как марксист, сумел увязать политику и технику (классовый принцип построения армии с тактикой), сумел один и тот же вопрос поставить и как политический и как технический.

Жаль только, что по-марксистски т. Троцкий говорит очень редко и случайно, а в подавляющем большинстве случаев ограничивается повторением марксистских и большевистских формул, без проникновения в их действительный смысл и без учета всех выводов, из этих формул вытекающих. Т. Троцкий «подгоняет» эти формулы под троцкизм. Вот почему у него получается «троцкизированный» марксизм и ленинизм.

И жаль, что т. Троцкий в апреле 1922 г., когда он говорил с коммунистами, сжег все, чему поклонялся в феврале 1919 г., когда вел беседу со спецами.

Метафизический отрыв марксизма от военного дела, политики от военной техники,—не новость в нашей партии.

В 1905 году мы спорили с меньшевиками о вооруженном восстании, к которому у них не было ни малейшего аппетита. Не имея мужества открыто выступить против лозунга вооруженного восстания (уж больно не по-марксистски вышло бы, а марксистскую совесть они тогда еще не совсем потеряли), они на деле применяли всевозможные способы для того, чтобы не допустить пропаганду и агитацию за этот лозунг. Вскоре после 9-го января 1905 г. они на требование со стороны питерских рабочих оружия ответили им: не оружием нам надо вооружаться, а страстным стремлением к самовооружению. «Разрыв» между политикой и военным делом (вооруженным восстанием) у них получился полный: не понимали того, что вооруженное восстание есть продолжение политики, но только другими средствами и что никаким иным путем, без этих средств (без техники, к которой они относились с великолепным презрением) политика победить не может.

Спорили мы по вопросу о политике и технике и с отзовистами в 1908—09 г.г. Отзовисты совершенно не поняли, что революционной ситуации в 1909 г. уже не было и продолжали на мелко-буржуазный лад возиться с вопросами вооруженного восстания в расчете на то, что вот вспыхнет вновь восстание и они выскочат из подполья в готовом для вооруженных действий виде.

У меньшевиков пропадала одна половина формулы (была политика, не было восстания), у отзовистов—другая (было восстание, не было политики). С этой стороны отзовизм был меньшевизмом наизнанку. Оба течения имели общую подоплеку: неумение увязать политику с техникой, разрыв между политикой и техникой.

Левые коммунисты возродили меньшевистское презрение к технике. «Зачем нам регулярная армия?—говорили они.—Регулярная армия и революционная война—понятия, исключающие одно другое». Отказ от такого могучего технического средства, как регулярная армия, был равносилен полному отказу от техники. И тут пред нами тот же разрыв между политикой (революционная война) и техникой (регулярная армия).

Но имеет ли какое-нибудь политическое значение этот вопрос теперь? Надо ли его теперь обсуждать?

Мы уже сказали, что тов. Троцкий применения марксизма в области военно-социальных вопросов, может быть, и не отрицает, но об этой важнейшей задаче систематически умалчивает. Несколько раз он говорил и писал об отношении между марксизмом и военным делом и ни разу не удосужился поставить вопрос об облегчении марксизму доступа в область военно-социальных вопросов. Именно об этом надо было прежде всего подумать и позаботиться. Марксистов среди наших знатоков военного дела очень мало. Наши военно-учебные заведения, наши военные журналы полны старыми спецами, которые, если даже они не враждебны марксизму, если они даже настроены к нему дружелюбно [1]), то неспособны понять его и продолжают излагать те анти-марксистские взгляды, которые стали их второй натурой. Загляните в любую книжку военного журнала,—и вы там обязательно наткнетесь на анти-марксистские взгляды. То вам по вопросу о принципах организации армии преподнесут тектологию Богданова, то по вопросу о методах военной науки нагородят идеалистическую ахинею, то начнут разводить буржуазно-либеральные теории о «народном» характере армии. Вам будут доказывать, что война вечна, была, есть и будет, вас начнут уверять, что законы психологии толпы вечны и одинаковы для всех времен и общественных строев и на основании этих вечных законов в пару часов сфабрикуют науку, именуемую военной психологией. А какая безграничная идеалистическая путаница господствует в истории военного искусства в связи с попытками вывести все методы и способы войны из свойств человека, человека вообще, вне времени, вне пространства, вне общества, вне классов! Веками накопившийся хлам софистики, схоластики, доктринерства, метафизики, идеализма, всегда пускавшийся в ход против марксизма, нашел себе приют в наших военных журналах. И марксизму тут предстоит еще огромная работа.

---

[1]) Один из таких друзей марксизма договорился до слияния марксизма с «марсизмом» (от слова Марс—бог войны).

На эту важнейшую задачу т. Троцкий внимания не обращает, он сосредоточил все свои силы на том, чтобы марксизм «не пущать» к ветеринарии и к лаптям. Он хвалит Энгельса за то, что тот свои военные статьи писал, якобы сложив марксизм в ящик письменного стола и облачившись в генеральский мундир, но молчит о тех статьях Энгельса (хотя бы в том же томе), в которых Энгельс дает блестящие образцы применения марксизма к военно-техническим вопросам.

Посмотрите, как ставят вопрос о марксизме спецы (редакционная статья в журн. «Военное Обозрение», Декабрь 1921 г., Ленинград):

«Не стремиться насильственно (!) создать систематизацию особенностей военного искусства в условиях классовой борьбы на базе теории революционного марксизма»—таков основной тезис редакции. Умные речи приятно и слышать. «Военное искусство—продолжает редакция—едино, интернационально (вот мы как! Мы тоже за интернационализм!), как арифметика, и давным давно систематезировано.... Далеко не все стороны военного дела, особенно в своей прикладной технической части, приличествует (ну, еще бы!) обволакивать идеями марксизма. Эти последние, по существу, должны быть руководителями, главным образом, в области высшей военной политики и стратегии, не спускаясь ниже—в военную технику (неприлично марксизму заниматься «низкими» делами)... На одной стороне (на стороне Красной армии)—прочная государственная организация, на другой (у белых)—беспочвенная и шаткая импровизация; следовательно, на одной стороне—государственное начало, на другой—бунт... Гражданская война, уподобляемая подавлению бунта, и не могла дать много». Умри, Денис, лучшего ты не напишешь.

Поистине этот документ должен был бы стать манифестом всех противников применения марксизма к военному делу.

За борьбой между старыми спецами и краскомами по вопросу о марксизме [1]) скрываются определенные политические, т.-е. классовые тенденции. В этом для марксиста-ленинца ни на минуту не может быть сомнения.

Но этим далеко не исчерпывается политическая сторона вопроса. При тех изменениях в составе Красной армии, о которых мы уже говорили, политическое значение делаемой т. Троцким теоретической ошибки [2]) возрастает в огромной степени. Невозможно вести правильную военную политику и производить правильную политическую оценку организационных и технических вопросов без правильной теории, т.-е. без марксизма.

[1]) Борьба между старыми спецами и краскомами ведется не только в теоретической области. В докладе, адресованном ЦКРКП, Бюро Комячеек Военной Академии писало о «насаждении спецов и лжеспецов», (которые пошли в армию по окончании гражданской войны), о «мощи спецевской касты», об усилении идеологического влияния спецов» о «монополизации военного знания в руках спецов». Не мало интересного по вопросу о борьбе между старыми спецами и краскомами можно найти на страницах „Красной Звезды“.

[2]) В качестве эпиграфа к брошюре „Военная доктрина или мнимовоенное доктринерство“ т. Троцкий избрал изречение Клаузевица: „В искусствах практических не следует гнать слишком вверх цветы и листья теории, но держать их поближе почвы опыта“ Вот уж действительно совет во время и впопад. Клаузевиц писал после длинного ряда Наполеоновских войн, когда буржуазная военная наука уже приняла законченные формы. Клаузевиц был самый теоретический из военных теоретиков.—недаром его прозвали „военным философом“. Ему-то легко было говорить: „довольно теоретизировать“, когда сам то он натеоретизировался до-сыта до-отвала А у нас, где уж там о цветах и листьях теории говорить когда мы еле несколько собственных зерен теории собрали.

Неверная теория—фундамент неверной практики. Кто отрывает марксизм от военного дела в теории, тот будет отрывать его и на практике,— и в вопросах политического воспитания красноармейца, и в вопросах организации армии.

(Продолжение следует).

В. Астров.

Существует ли троцкизм в организационных вопросах?

I.

Вопрос о троцкизме, как о течении.

Перед партией новое выступление тов. Троцкого («Уроки «Октября»).

Было бы детской наивностью об'явить это выступление «чисто-литературным» упражнением, «неполитическим» и «нефракционным». Когда в памяти всех членов нашей партии (включая ленинцев, которые уже в те дни прислушивались к нашим спорам) свежа «дымящаяся рана» недавней дискуссии; когда весь Коминтерн ярко помнит эти лихорадочные дни, которые он переживал вместе с нашей партией; когда весь буржуазный мир, в Европе и Америке,—не говоря уже о русском меньшевизме и белогвардейщине за границей и внутри страны,—смотрит на тов. Троцкого, как на «протестанта» против большевистской диктатуры,—в такой обстановке человек, который взялся бы с серьезным лицом доказывать «неполитический» характер «литературы» тов. Троцкого «об Октябре», был бы попросту глупцом, или, в противном случае, не проявляющим политической добросовестности.

Мы имеем определенное политическое, фракционное выступление, направленное к дискредитации ЦК РКП, Исполкома Коминтерна и основных кадров старой большевистской гвардии, ведущих ленинскую политику, выступление, с литературной ловкостью задрапированное в форму дискредитации отдельных лиц, членов Политбюро нашей партии и президиума Исполкома Коминтерна.

Новое выступление т. Троцкого есть ухудшенное издание его дискуссионных выступлений. Желая вновь поднять дискуссию, тов. Троцкий уронил ее с той принципиальной высоты, на какой она стояла перед XIII с'ездом (спор о группировках в партии, о партаппарате, о молодежи и стариках и т. д.), пытаясь заставить партию спорить об отдельных лицах из среды вождей.

Партия не может быть благодарна тов. Троцкому за выступление подобного сорта. Задача партийного актива и партийной печати—отвечать тов. Троцкому так, чтобы поднять спор на принципиальную высоту, выявить принципиальные расхождения тов. Троцкого с партией, в лице ее подавляющего большинства. Только такой спор можно выносить на суд массы, только на идейно-доброкачественном материале можно и должно воспитывать массу.

Вот почему первый вопрос, который должна поставить перед собой партия в ответ на повторные выступления т. Троцкого, и на ошибки, которых он не признает ошибками, есть вопрос о политической тенденции, проявляющейся в цепи этих ошибок, иными словами вопрос о троцкизме, как о течении: существует ли троцкизм, как течение, особое от ленинизма, противостоящее ленинизму, и в чем оно заключается?

Только после определенного ответа на этот вопрос партия сможет правильно оценить и отдельные выступления т. Троцкого и правильно реагировать на них, исходя из интересов пролетарской революции.

Чтобы ответить на вопрос о существовании и о сущности троцкизма, как течения, недостаточно рассмотреть и осудить какую-либо одну ошибку т. Троцкого. Надо найти ее место именно как звена в целой цепи ошибок, которые делал тов. Троцкий на протяжении долгого ряда лет, борясь с большевизмом как внутри одной партии, так и извне, когда он обстреливал большевизм из меньшевистских газет и организаций. Надо взять течение в целом, в его историческом развитии, вскрывая его внутреннюю логику, выясняя преемственность в ошибках.

Если бы этой преемственности и внутренней логики развития в ошибках т. Троцкого не оказалось, то мы лишились бы права говорить о троцкизме, как о течении, и тогда троцкизм нам был бы менее опасен. Об отдельных ошибках, признанных самими ошибавшимися, исправленных в работе и не повторяющихся, тов. Ленин вспоминать «без особой нужды» не рекомендовал.

Другое дело—определенное течение, которое, как видно из многих примеров прошлого и настоящего, грозит ошибками и опасностями для партии в будущем. Последнее обстоятельство особенно опасно для партии и продумать его исключительно важно.

Таким образом, подходя к вопросу о троцкизме, мы должны искать корней нынешних ошибок т. Троцкого в его прошлом. Без этого мы не поймем троцкизма, ошибемся в нашей оценке нынешних выступлений Троцкого, подойдем к ним однобоко и узко.

Пару слов о характере и политическом смысле экскурсов в историю партии. Напомним, что не было ни одного серьезного спора с участием В. И. Ленина, когда он не апеллировал бы к истории партии. Борясь с меньшевизмом и ликвидаторством 1903—1914 годов, он доказывал их социальное и политическое происхождение от экономизма 1898—1903 годов. Русский социал-патриотизм в годы войны Ленин рассматривал, как развитой этап ликвидаторства. Споря о Брестском мире, Ленин вспоминал борьбу с отзовистами.

Итак, у нас все основания прибегнуть к свидетельским показаниям истории.

Кстати сказать, тов. Троцкий первый поставил дискуссию на рельсы споров о прошлом, когда заговорил о «перерождении учеников», т.-е. старой гвардии большевизма. Поневоле партии пришлось заняться выяснением того, как, чем и когда сам тов. Троцкий «застраховал» себя от «перерождения»,

т. е. «шарить в прошлом», как потом выразился наивно (!) удивившись неизбежному результату своего собственного поведения тов. Троцкий.

Большевизм, конечно, предпочитает смотреть вперед.

Но, к счастью, если его принуждают оглянуться назад, на уроки истории, он и отсюда черпает только новую уверенность в победе, ибо у него за плечами славнейшая в мире история четверть-вековой борьбы за интересы пролетариата.

Обращаясь к троцкизму, мы не собираемся исчерпать вопрос о нем, как о течении, в одной статье. Мы возьмем здесь только одну область политики—партийно-организационные вопросы, поскольку в этой области лежат большие практически-политические ошибки тов. Троцкого за последний год [1]).

Нашей целью будет выяснить, является ли нынешний «организационный троцкизм» продуктом исключительно сегодняшнего дня или же, наоборот, закономерным историческим этапом в развитии течения, имеющего за своей спиной пару десятков лет?

II.

Группировки, партаппарат, старая гвардия большевиков.

Все помнят, что в дискуссии до XIII с'езда т. Троцкий отстаивал свободу группировок [2]), атаковал партийный аппарат и бил по основным большевистским кадрам нашей партии.

В дискуссии уже указывалось, что его организационные позиции сегодняшнего дня исторически коренятся в той «примиренческой» политике, которую тов. Троцкий вел в период борьбы большевизма с ликвидаторством.

Но к недавним выступлениям тов. Троцкого, даже от его брошюры «Наши политические задачи», написанной в 1904 году в защиту меньшевизма и в «опровержение» большевизма, ведет прямая логическая и историческая нить. Выступления тов. Троцкого в 1923 и 1924 году есть явная отрыжка, возрождение старого троцкизма, троцкизма 1904 года.

Вот, что писал в 1904 году т. Троцкий, заглядывая вперед, об эпохе диктатуры пролетариата:

«Если мы хоть сколько-нибудь представляем себе колоссальность задач—не организационно-заговорщических, а социально-экономических и социально-политических, которые выдвигает диктатура пролетариата, открывающая новую историческую эпоху; другими словами, если для нас диктатура пролетариата не пустая фраза, увенчивающая во внутри-партийной борьбе нашу формалистическую «ортодоксальность», а живое понятие, вытекающее из анализа, все более широко разворачивающейся и обостряющейся социальной борьбы пролетариата с буржуазией, тогда мы не сделаем вместе с уральцами [1]) того жалкого вывода, что коммуна не удалась, потому что не имела диктатора, тогда мы не обвиним коммуну в том, что у нее было «много спору и мало дела», и не порекомендуем ей, задним числом, устранить «спорщиков», интриганов, дезорганизаторов и подсиживателей коммуны — посредством «раскассирований» и «лишений прав». Задачи нового режима так сложны, что они не могут быть решены иначе, как путем соревнования разных методов экономического и политического строительства, путем долгих «споров», путем систематической борьбы—не только социалистического мира с капиталистическим, но и различных течений внутри социализма, течений, которые неизбежно появятся, как только диктатура пролетариата выдвинет десятки и сотни новых, ни кем не предрешенных проблем. И никакая «сильная, властная организация» не сможет в целях ускорения и упрощения процесса подавить эти течения и разногласия, ибо слишком ясно, что пролетариат, способный к диктатуре над обществом, не потерпит диктатуры над собой». «Рабочий класс, ставший у государственного руля, несомненно принесет в своих рядах много политических инвалидов, а в своем обозе—много идейного балласту. Ему необходимо будет в эпоху диктатуры, как необходимо и теперь, очищать свое сознание от ложных теорий, от буржуазных переживаний и освобождать свои ряды от политических фразеров и революционных стародумов... Но этой сложной работы нельзя заменить (курсив Троцкого), поставив над пролетариатом хорошо подобранную группу лиц, или, еще лучше, одно лицо, снабженное правом раскассирования и разжалования». (Стр. 104—105. Неоговоренный курсив наш. В. А.).

Здесь прямо говорится об эпохе диктатуры пролетариата, вследствие чего данное рассуждение очень легко поддается «примерке» к современному советскому масштабу. Разберемся же, какие «руководящие» идеи заключены здесь и не действует ли сейчас тов. Троцкий «по писанному» (им, в 1904 году)?

Во-первых, главная мишень, главный враг троцкизма в 1904 году это—«хорошо подобранная группа лиц» (во главе с Лениным—об этом прямо говорится в брошюре), «или, еще лучше одно лицо» (Троцкий прямо называет в брошюре это «одно лицо» Лениным—Робеспьером, «Максимилианом-Лениным» и т. д.), или, как более общо выражается Троцкий,—«сильная властная организация». Вот—главный враг троцкизма (и всего меньшевизма) в 1904 году. Этот враг—большинство партии и его большевистский партийный аппарат.

Бросая из исторического далека 1904 года взгляд на эпоху диктатуры пролетариата, тов. Троцкий как бы предрешает свою линию поведения в 1923—24 годах: борьба «меньшинства» (увы! очень ничтожного „меньшинства) с ленинским большинством,

[1]) Вопрос о троцкизме в тактических вопросах потребует особой статьи.

[2]) В постановлении XIII партконференции, утвержд. XIII Партийным С'ездом, это зафиксировано в следующем пункте:

„одним из наиболее спорных пунктов при выработке резолюции политбюро и президиума ЦКК был вопрос о фракциях. При выработке резолюции политбюро и президиума ЦКК тов. Троцкий сначала не возражал против запрещения фракций, но в то же время настаивал на том, чтобы не была запрещена свобода группировок. Тем не менее удалось выработать единогласный текст, который в вопросе о фракциях ссылался на постановление XIII с'езда.

[1]) Речь идет об уральцах-большевиках.

удары по «хорошо подобранной группе лиц» и по «сильному и властному» (разве это плохие качества в большевистской партии?) партийному аппарату.

Во-вторых, строительство социализма не мыслилось в 1904 году тов. Троцким без «соревнования» и «систематической борьбы» «течений, которые неизбежно появятся, как только диктатура пролетариата выдвинет десятки и сотни новых, никем не предрешенных проблем...» Речь идет о течениях, появляющихся после пролетарской революции. В приложении к современности, это—не меньшевики и эсеры, легализовать которых никто в нашей партии не предлагает, а о «течениях», которые могут возникать и будут возникать внутри единственной монопольно-легальной коммунистической партии.

Таковые течения действительно, как показала жизнь, возникают и в годы нэп'а политически и организационно оформляются довольно быстро: «Рабочая Правда», «Рабочая Группа», вышедшая из рядов внутрипартийной «рабочей оппозиции». Наконец, сам тов. Троцкий, настаивая на своих «дискуссионных» ошибках и открыто противопоставляя троцкизм ленинизму («перманентная революция») пытается такое «течение» создать, точнее—возродить [1]).

По старой схеме троцкизма, как известно, развитой т. Троцким в годы реакции, партия должна представлять из себя коалицию фракций и групп («живи и жить давай другим»). Сейчас т. Троцкий выступает не за все «течения», но за свое собственное, во всяком случае: выступал и за «свободу группировок». Он действует по своим меньшевистским прописям 1904 года, когда он заявлял о неизбежном при диктатуре пролетариата «соревновании» «методов» и «течений».

В-третьих. В 1904 году т. Троцкий, признавая, что в партии в эпоху диктатуры пролетариата останутся «политические инвалиды» и «много идейного балласту», признавая, что партии придется «освобождать свои ряды от политических фразеров и революционных стародумов», однако, считал это столь «сложной работой», что ее невозможно и недопустимо выполнять методом «раскассирования и разжалования» со стороны «хорошо подобранной группы лиц» В 1923—1924 году т. Троцкий занимается политической, платформенной, фракционной критикой партаппарата за «методы назначенства», «бездушного формализма», защищает группировки от «давления» этого партаппарата и пр., и пр.

Даром, видимо, прошли для тов. Троцкого эти двадцать лет, с 1904 по 1924, если он продолжает заниматься старыми погудками на старый лад?..

---

[1]) Оговоримся. Мы употребляем здесь слово „течение" в применении к идейному содержанию троцкизма для того, чтобы резче подчеркнуть разницу между отдельными эпизодическими ошибками, которые признаются и исправляются, с одной стороны, и исторически сложившейся тенденцией к определенного рода ошибкам—с другой. Речь идет о троцкизме, как об идейном течении и только. Особым же „течением" в широком историческом смысле слова, т.-е. в смысле прочных его корней в массах, подобно большевизму и меньшевизму в русском рабочем движении, троцкизм никогда не был. В этом смысле он был одним из „левых" ручейков меньшевистского течения.

III.

О дисциплине и о логике фактов.

Факты имеют свою об'ективную логику, которая посильнее логики слов. Эти факты—борьба т. Троцкого с большевизмом внутри большевистской партии—грозят завести т. Троцкого слишком далеко. Логику фактов тем более, следует продумывать глубже и последовательнее,—продумывать до-конца, что в истории нашей партии и в биографии тов. Троцкого такая логика фактов имела однажды место (если можно сказать «однажды» о периоде времени в 14 лет). Было время когда т. Троцкий начал борьбу с большевизмом, находясь в меньшинстве в партии, большинство которой было ленинским, большевистским, а кончил—полным разрывом с партией, образованием самостоятельной группки меньшевиков, якшавшейся с социал-лакеями ликвидаторами и оборонцами.

Эта логика фактов началась с 1903 года, со второго с'езда партии. Тогда тов. Троцкий понимал эту логику и шел на нее вполне сознательно. В 1904 году в брошюре «Наши политические задачи» он, между прочим, трактовал и вопрос о дисциплине в партии. Вот, что он тогда писал:

«Разумеется, такое состояние партийных отношений, когда дисциплина фигурирует лишь, как обуза, с одной стороны, как угроза, с другой, не может считаться нормальным; наоборот, оно свидетельствует о глубоком кризисе в партии. Но, «перекричать» кризис нельзя, хотя бы для этого и имелись люди, готовые кричать до хрипоты.

«Что же делать? Нужно под сферой разлагающейся дисциплины найти такие реальные запросы и нужны движения, которые одинаково общи всем и вокруг обслуживания которых можно об'единить наиболее ценные и влиятельные элементы партии. По мере сплочения таких сил вокруг жизненных лозунгов движения, раны, нанесенные с обеих сторон партийному единству, будут залечиваться, о дисциплине перестанут говорить, потому что ее перестанут нарушать. Кто под этим углом зрения попытается обозреть работу двух борющихся течений нашей партии, тот не затруднится ответить на вопрос: какое из них ведет партию к реальному (курсив т. Троцкого) об'единению.

«Если на пути к этой цели «меньшинству» приходилось нарушать то, что большинство считало дисциплиной, то остается лишь сделать вывод: да погибнет та «дисциплина», которая подавляет жизненные интересы движения: «История» бесспорно сделает этот вывод. Ибо, в отличие от Екатеринославского (большевистского. В. А.) комитета, она не придерживается идеалистического принципа: «Да сгинет мир—и да здравствует дисциплина!»

Наоборот, как диалектическая материалистка, она всегда в конце-концов признает, что в случае внутрипартийного столкновения прав тот, на чьей стороне победа,—потому что победа в конечном счете (курсив т. Троцкого) всегда окажется на стороне того, кто лучше, полнее и глубже понимает задачи революционного дела».

«Поэтому мы с доверием смотрим в глаза будущему». (Стр. 72. Неоговоренный курсив принадлежит нам. В. А.).

Мы видим, здесь развитый впоследствии еще более рельефно т. Троцким взгляд на партию, как на механическое об'единение фракций вокруг задач, которые «общи всем», т. е., по сути дела, в блок фракций. Ясно, что в таком блоке о дисциплине «перестанут говорить» и ее «перестанут нарушать», потому что никакой сознательной партийной дисциплины, основанной на идейном единстве, просто-напросто не будет.

Но мы обращаем здесь внимание на то, что во всех высказанных т. Троцким положениях безусловно есть логичность, последовательность и договоренность до конца. Раз человек смотрит на задачи партии в корне иначе, раз он считает себя «полнее и глубже понимающим задачи революционного дела», чем партийное большинство, раз он «с доверием смотрит в будущем», считая свою победу обеспеченной, раз «история» за него; словом, раз человек видит два пути, лежащих перед партией, (а жизнь показала, что это были пути двух партий, —то для такого члена партии дисциплина превращается в «обузу», в «угрозу», в бессмысленный «идеалистический принцип», которого глупо и смешно придерживаться:

— «Да погибнет дисциплина!». Таков логический и правильный, с точки зрения меньшевизма 1904 года, клич, который разрушал партию большевиков. И не менее логичны следующие строки, написанные все в той же брошюре т. Троцким:

«Но где же можно найти такое глупое направление, хотя бы и «оппортунистическое», которое позволило бы себя «раскассировать», а своих сторонников «лишить прав», не оказавши предварительно всего противодействия, (курс. Троцкого), на которое оно способно?» Неужели так трудно понять, что всякое сколь-ко-нибудь серьезное и значительное течение (а с несерьезным и незначительным не стоит и бороться!) пред которым стоит альтернатива: молчаливое самоупразднение из чувства дисциплины (курс Троц.) или борьба за существование, несмотря ни на какую дисциплину (курс Тр.)—несомненно выберет второй путь? Потому что дисциплина имеет смысл лишь до тех пор, пока обеспечивает возможность бороться за то, что считаешь правильным, и во имя чего налагаешь на себя дисциплину. Но когда известное направление поставлено пред перспективой «лишения прав», т. е. лишения возможности бороться за идейное влияние, тогда вопрос его существования из Rechtfrage (вопроса права) превращается для него в Machtfrage (вопрос силы).

«В этом последнем случае, представители крамольного течения—в зависимости от остроты положения—либо раскалывают партию, ставя реальную дисциплину по отношению к своим принципам выше «принципов» формальной дисциплины, либо остаются в партии, стараясь давлением своего влияния свести ограничения связывающей их партийной дисциплины к минимуму, чтобы тем самым обеспечить себе максимум свободы действия и противодействия вредным тенденциям. Поскольку они, будут сознательно (курсив Троцкого) высвобождать себя из-под узды партийной принудительности—во имя интересов партии, как они их понимают, и поскольку их влияние позволит (курсив Троцкого, В. А.) им это делать—постольку жалким суеверием будет всякая попытка противной стороны удержать их повторением слова «дисциплина». (Стр 72).

Продумывает ли т. Троцкий и сейчас так же, до конца, логику своего поведения? Совершенно очевидно, что выступление его после XIII с'езда, «лишившего его возможности бороться за идейное влияние» (в фракционном смысле этого слова), однозначно лозунгу «да погибнет дисциплина»,—с соответствующими последствиями этого лозунга.

Ибо, если мы требуем дисциплины с каждого вновь пришедшего ленинца, то во сколько же раз строже мы должны отнестись к одному из вождей партии? И наоборот, если мы не потребуем дисциплины с вождя партии,—где наше право требовать ее с рядового партийца?

Не остается ли заключить, что политический вождь, выступающий так, как это делает т. Троцкий, выбрал второй путь? Он не «раскалывает партию», но «остается в партии, стараясь давлением своего влияния свести ограничения, связывающей его партийной дисциплины к minimum'у, чтобы тем самым обеспечить себе maximum свободы действия и противодействиям вредным» (с его точки зрения,—полезным с точки зрения партии) «тенденциям».

Но если это так, то это и есть отстаивание троцкизма, особого течения внутри нашей партии, борющегося с ленинизмом.

Логика фактов в 1904 году для т. Троцкого целиком укладывалась в логику его слов. Слово его не расходилось с делом,—он открыто и сознательно бился с большевизмом.

В 1924 году с логикой слов у т. Троцкого дело обстоит слабее. Мы видим, как он клянется большевизмом и ленинизмом, но дела его, идут совсем не по линии ленинизма, а явно против ленинизма, и против единства болшевистской партии. При этом, тов. Троцкий выступает по внутрипартийным вопросам как раз так, как сказано в брошюре «Наши политические задачи».

Вот почему приходится сказать, что троцкизм сменил рубашку, словесную оболочку, но не свою суть. Троцкизм на деле оказывает себя таким, каким он был двадцать лет тому назад.

От этого вывода никуда не уйдет тов. Троцкий, ибо за этим выводом—логика его поведения, известного каждому члену партии. А логика фактов самая упрямая логика, пробивающая себе дорогу в самые путанные мозги...

Войдя в большевистскую партию, работая с большевиками целых семь лет, тов. Троцкий все еще не сумел обольшевичиться. Он остался троцкистом. И он, по сути дела, открыто признал это в своей брошюре «Новый курс», где написал (на 48-й странице):

«Я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути. Я шел к Ленину с боями, но я пришел к нему полностью и целиком. Кроме своих действий на службе партии, я никому никаких дополнительных гарантий дать не могу».

О каких «дополнительных гарантиях» говорит здесь тов. Троцкий?

Внутренняя убежденность в безусловной правоте Ленина и его пути, ленинцев и их пути, была бы, действительно, такой гарантией, которая могла бы (этого хватило бы!) гарантировать партии большевистский характер «действий» тов. Троцкого в будущем.

Но тов. Троцкий не может дать партии такого рода гарантии, он считает свой «путь к ленинизму» не менее надежным и прочным, чем другие, он делает все новые ошибки и их не признает ошибками.

Можно ли принудить человека стать большевиком, признать свои ошибки? Этого сделать нельзя никакой дисциплиной; нелепо говорить о признании ошибок в порядке партийной дисциплины.

Остается единственная гарантия, которую может дать тов. Троцкий на службе партии,—гарантия действием.

Тов. Троцкий обещал «действием» гарантировать партии свою лойяльность большевизму, проще сказать,—обещал подчиниться в силу дисциплины там, где он не считает правой партию.

Выполнил ли он хотя бы это?

Не выражают ли его слова: «я шел к Ленину с боями» только одну половину правды, не доказывают ли его дела, что он намерен и впредь «вести бои»?

Позволит ли это ему ленинская партия?..

И. Капитонов.

Хозяйственное оздоровление деревни.

(Экономические корни роста политической активности крестьянства).

Деревня, мужик все больше начинают приковывать к себе внимание партии. Повышение политического интереса крестьянина, стремление его активно участвовать в разрешении основных хозяйственно-политических вопросов создают обстановку нового этапа в отношениях пролетариата и крестьянства. Эта тяга мужика к политике должным образом может быть учтена и использована нами только в том случае, если мы вскроем ее основные причины.

Не в первый раз за время революции мужик становится в центр всех вопросов, не в первый раз деревня переживает полосу стремления активно вмешаться в общую политику. До сих пор периоды обостренного внимания к деревне, обычно совпадали с периодами обострения отношений города и деревни, периодами нажима крестьянских масс на политику пролетарского государства. Отдельные примеры могут только подтвердить это положение.

В результате разрешения вопроса о вовлечении деревни на революционный путь внутридеревенскими методами—при помощи политики комбедов, мы встали перед опасностью хозяйственного разложения деревни и отпора со стороны основной массы крестьянства. Задача скручивания кулачества комбедами была разрешена и комбедам противостояла основная середняцкая масса крестьянства. Деревня начинает резко протестовать против политики комбедов—посевная площадь сокращается, а крестьянские восстания учащаются,—партия делает поворот и берет «курс на середняка». Волна политического протеста вызывается в данном случае угрозой хозяйственного разорения.

Подобная же картина наблюдалась и в дни Кронштадского «протеста». Оставшиеся в силе продразверстка и запрещение торговли уничтожали основные побудительные причины к развитию индивидуалистического крестьянского хозяйства. Ликвидация белогвардейщины отдалила помещичью опасность и развязала руки мужику в сторону нажима на Советскую власть для защиты от окончательного хозяйственного разорения. На почве этого разорения и угрозы разорения еще большего поднимается волна массового политического протеста крестьян. Кронштадт был лишь политической формулировкой недовольства разоряющегося крестьянства. Таким образом, и в этом случае материальной основой волны массового политического протеста был упадок крестьянского хозяйства.

Нэп дал возможность крестьянину поставить на ноги свое хозяйство, дал возможность мужику развиваться, прогрессировать

хозяйственно. И первые годы нэп'а крестьянин, как мы видим, действительно использовал для своего хозяйственного возрождения. Общие вопросы политики отошли пока на задний план, мужик с головой ушел в свое хозяйство.

Даже такие крупные потрясения, как голод 21 года, не вызывают массового политического возбуждения. Никакого «голодного движения» против Советской власти, никакого «голодного Кронштадта», чего так страстно желали, и что, задыхаясь от приятного возбуждения, предрекали «наши заграничные умники»—ничего этого не произошло. Политика Советской власти дала возможность изжить без всяких поворотов курса тягостные последствия стихийного бедствия.

Не вызвали особого политического оживления в деревне даже прошлогодние «ножницы», так больно ударившие по крестьянскому хозяйству. Крестьянство дало нам урок экономическим отпором—отказом покупать продукты городской промышленности, результатом чего и явился прошлогодний осенний кризис. Но ярко выраженного политического под'ема в деревне это еще не вызвало.

Сейчас же мы имеем противоположную картину. Политическое оживление крестьянства (тяга в партию, стихийный рост Комсомола, разговоры о «крестьянском союзе», отчасти Грузия и пр.)—вне сомнения, и в то же время на первый взгляд нет никаких резких видимых экономических причин, которые вызвали бы в массе крестьянства это оживление.

Общие условия нашей деревенской политики безусловно дают простор развитию крестьянского хозяйства и оно, как мы увидим, развивается, большими шагами идет вперед; с ценами и сельскохозяйственных и промышленных продуктов дело обстоит несравненно лучше, чем в прошлом году; неурожай на Юго-Востоке, безусловно, менее значителен, чем голод 1921 года; налог не представляет невыносимой тяготы для крестьянского хозяйства. И все-таки мы имеем повышенную и повышающуюся политическую активность крестьянства.

Процесс развития сельского хозяйства в условиях нэп'а в известной мере неизбежно связан с классовым расслоением крестьянства. Может быть, развившийся и почуявший почву под ногами кулак—это и есть представитель политически-активного крестьянства. Может быть, рамки законодательства государства пролетарской диктатуры уже тесны «познавшему себя» кулаку и он ведет политическую сапу на основе экономического «утеснения»?

Факты говорят против такого допущения. Данные налоговых списков за 1922—23 год, которые приводил т. Смирнов в своем докладе на пленуме Ц. К., доказывают, что по величине запашек до сих пор происходит снижение в группе крепких, зажиточных хозяйств.

На 1 едока в % приходилось:

	до 0,5 дес.	0,51—1 дес.	1,01—2,5 дес.	свыше 2,5 д.	итого
В 1922 г. . . .	15,8	36,0	44,7	3,5	100
В 1923 г. . . .	16,9	37,7	43,2	2,2	100

Таким образом в области обеспеченности землей мы не только не наблюдаем резких процессов классовой дифференциации, а наоборот, данные говорят о том, что полоса «черного передела»

еще не окончательно изжита и что происходит продолжение процесса раскулачивания.

О том же говорят и данные об обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим скотом.

Процент хозяйств.

	по 22 губ.		по 48 губ.		
	1917 г.	1921 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.
Без раб. скот	29,0	27,6	26,6	31,1	30,6
С 1 лошадью	49,2	63,6	51,0	50,0	54,6
„ 2 „	17,0	7,0	13,6	9,0	11,0
„ 3 „	3,4	0,7	4,3	1,9	3,4
„ 4 „	1,4	0,2	4,5	1.1	1,4

Анализ этих цифр доказывает, что сигнализации о кулацком перерождении деревни мы и отсюда получить не можем.

Национализация земли и «черный передел» вырвали из под ног кулачества основной базис их хозяйственного роста. Кулак в условиях Советского государства идет не непосредственно из земледелия, он вынужден избирать окольные пути торговых связей и пр., чтобы добиться хозяйственного влияния в деревне. Одно это условие служит нам гарантией за то, что за два—три года наша деревня переродиться в кулацкую не может.

Конечно, все это отнюдь не означает, что кулака в деревне вовсе нет, что процессов классовой дифференциации вовсе не происходит. Кулацкий слой в деревне есть и он растет, но мы все это пока имеем—с точки зрения общей политики—в микроскопических дозах. Физиономию деревни определяет не кулак, развитие ее характеризует в основе пока не классовое расслоение. Пока что кулак от имени деревни говорить не имеет силы.

Разумеется он заговорит таким образом, если мы сами не сумеем использовать возникшую пока не на кулацкой, в общем основе политическую активность крестьянства. Кулак тоже, конечно, активен, но не он «причина всех причин»,—поэтому и борьба с ним пока далеко не безнадежна.

Таким образом, вопрос о повышенной политической активности крестьянства отнюдь нельзя разрешать шаблонным ответом: «недовольный кулак бузит». Кулак еще не имеет под собой достаточной экономической почвы, чтобы суметь сделать большую политику».

Кажущееся отсутствие какой-либо непосредственной экономической базы под ростом активности крестьянства заставляет искать эту базу исключительно в влияниях чисто политического порядка. И действительно, есть соблазн все об'яснить притоком культурно-развитых демобилизованных красноармейцев в деревню, не всегда удачной политикой местных парт'ячеек, не дающих возможности приложения сил развитым, активным политически крестьянам и тому подобными чисто политическими мотивами.

На самом же деле существует самая веская экономическая причина повышения политического интереса крестьянства—его рост и хозяйственное укрепление. Мы так привыкли всякое крестьянское политическое движение связывать с «бузой», что при проявлении повышенного политического интереса обязательно ищем экономических причин недовольства. Между тем, задачи связанные с хозяйственным ростом также выдвигают политические моменты, также способны приводить массы к политике. Сюда и следует направить наше внимание.

За последний хозяйственный год мы имеем рост и укрепление крестьянского хозяйства во всех отношениях, он то и служит основной причиной массовой тяги крестьянства к политике.

Обратимся к отдельным сторонам крестьянского хозяйства. Что касается до основной отрасли сельского хозяйства—полеводства, то изменения в размерах его, по материалам Центрального Статистического Управления, рисуются в следующем виде:

Посевная площадь

(полевых и усадебных посевов).

РАЙОНЫ.	Миллионов десятин					Тоже в %% к 1916 г.			
	16 г.	20 г.	22 г.	23 г.	24 г.	20 г.	22 г.	23 г.	24 г.
1. Потребляющий	12,1	8,2	10,6	11,2	12,1	68	88	93	100
2. Производящий	36,1	30,7	21,4	27,6	30,1	85	59	76	83
3. Юго-Восток . .	8,4	8,1	4,6	6,0	6,2	96	55	71	74
4. Киргизская . .	4,2	3,3	1,9	1,9	2,1	78	45	45	50
С. С. С. Р.									
5. Сибирь	5,1	5,3	4,0	4,5	4,9	104	78	88	96
Итого по РСФСР	65,9	55,6	42,5	51,2	55,4	84	64	78	84
Украин. С. С. Р. .	20,6	18,8	16,1	18,8	20,0	91	78	92	97
Всего по СССР .	86,5	74,4	58,6	70,0	75,4	87	68	81	87

Минимальные размеры полеводства были в 1922 году, когда было засеяно всего 58,6 милл. десятин; против 1916 г. образовалась огромная площадь недосева, определяемая в 28 милл. десятин, составляющая $^1/_3$ площади этого года. Принимая средний урожай в 40 пуд. с одной десятины, потери от сокращения посевного фонда полеводства определялись, следовательно, в 1.120 милл. пуд. зерна.

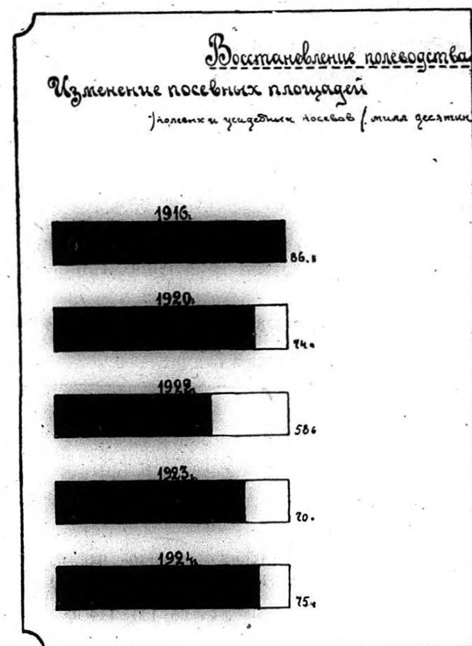
Впервые за годы революции в условиях мирной обстановки, а также при относительно благоприятных результатах урожая, крупной государственной помощи, приступил крестьянин к посеву 1923 года. Впервые за годы революции 1923 год дал повсеместное расширение посевной площади. В целом по стране она увеличилась на 11,4 милл. десятин, превысив площадь 1922 года на 19%.

В 1924 году восстановительный процесс был несколько снижен, благодаря неблагоприятным метеорологическим условиям осени 1923 года на юге страны и, главным образом, режиму засухи, установившемуся на Юго-Востоке в течение почти всего лета 1924 года и вызвавшему значительное сокращение в посевах поздних яровых хлебов. Несмотря на это, площадь посевов в 1924 г. дала новое расширение на 5,5 милл. десятин, превысив площадь 1922 года на 17 милл. десятин, т.-е. на 28%.

В целом по стране (без ДВО, Туркестана и Закавказья), посевная площадь в 1924 году достигла 75,4 милл. десятин и, следовательно, дала превышение против площади 1920 г. на 1 милл. десятин, составляя 87% площади 1916 года.

Таким образом, недосев, образовавшийся под воздействием неурожая 1920 года и голода 1921 г., оказался ликвидированным с избытком; в отношение же 1916 года площадь недосева достигает все же внушительных размеров в 11,1 милл. десятин.

Восстановительный процесс развивался различным темпом в разных районах СССР. Потребляющий район, как мы видим,

на 100% восстановил свою посевную площадь, почти такой же нормы достигла Сибирь, зато Киргизия и Юго-Восточный район, несмотря на энергичный восстановительный процесс все еще далеко не могут, благодаря повторной засухе, ликвидировать своего знаменитого значительного недосева.

Особый интерес представляет состояние полеводства Украинской ССР. Там мы в 1924 году имеем 97% площади посева 1916 г., или недосев в 600 тыс. десятин. Если же посевную площадь 1924 г. сравнить с площадью только крестьянских посевов в 1916 г., которая равнялась 15,7 милл. дес., то мы увидим абсолютный рост крестьянских запашек на 4,3 милл. дес. Украинский крестьянин не только распахал всю находившуюся в его пользовании землю, но и увеличил запашки на 11,5% за счет

нетрудовых земель. Здесь, следовательно, крестьяне сумели не только захватить помещичьи земли, но и хозяйственно их освоить.

Таким образом, в области запашек мы имеем несомненный массовый прогресс, по отдельным районам достигший довоенного уровня, а кое-где шагающий и дальше, через эту грань.

Но не только в расширении посевной площади сказалось восстановление полеводства. Нарушение связи с рынком, расстройство денежной системы и внешняя блокада вызвали сокращение производственных задач крестьянского хозяйства, превышающих продовольственные потребности его. Произошло усиление потребительского характера хозяйства, вследствие чего к 1922 году резко проявились изменения внутреннего состава полеводства, выразившиеся в сильнейшем сокращении культуры ценных рыночных хлебов и замене их малоценными хлебами проса и кукурузы.

Качественное ухудшение полеводства было остановлено восстановлением рыночного оборота и возобновлением хлебного экспорта, под воздействием которых в последние годы происходил обратный процесс: максимум расширения посевов приходилось на долю рыночных культур—пшеницы, ячменя и овса, при заметном сокращении площади проса и кукурузы.

Подтверждение этому мы находим в следующей таблице, в которой показаны площади отдельных культур 1924 года в %% к площади 1922 года, а также 1916 года принятой за 100 [1]).

Таблица изменения посевных площадей по культурам

(В процентах).

РАЙОНЫ.	Годы.	Рожь.	Пшеница.	Ячмень.	Овес.	Гречиха.	Просо.	Кукуруза.	Картофель.	Лен.	Конопля.	Подсолнухи.
По РСФСР												
В %% к 1922 г. . .	1923	118	138	147	129	140	94	69	112	107	120	120
	1924	122	17	177	145	146	76	74	119	122	146	147
„ „ „ 1916 г. . .	1924	102	56	54	66	111	144	203	145	71	108	108
Украина												
В %% к 1922 г. . .	1923	134	92	199	96	97	64	65	114	117	117	117
	1924	136	124	293	91	92	48	58	106	94	124	124
„ „ „ 1916 г. . .	1924	142	78	60	60	114	131	126	132	72	126	126
Итого по СССР:												
В %% к 1922 г. . .	1923	121	133	174	125	123	87	67	109	102	119	99
	1924	124	172	172	137	114	72	65	116	120	129	117
„ „ „ 1916 г. . .	1924	108	64	61	66	118	-140	151	144	71	116	210

[1]) Здесь, как и в дальнейшем, графы взяты из материалов Ц. С. У.

В целом по стране посевы пшеницы и ячменя возросли на 72%, овса на 37%, в меньшей степени увеличились посевы ржи (24%), и гречихи (14%), в то время, как просо и кукуруза сократили свои площади на 28—35%. Такой характер изменений наблюдается во всех районах, однако, количественные выражения их не везде одинаковы.

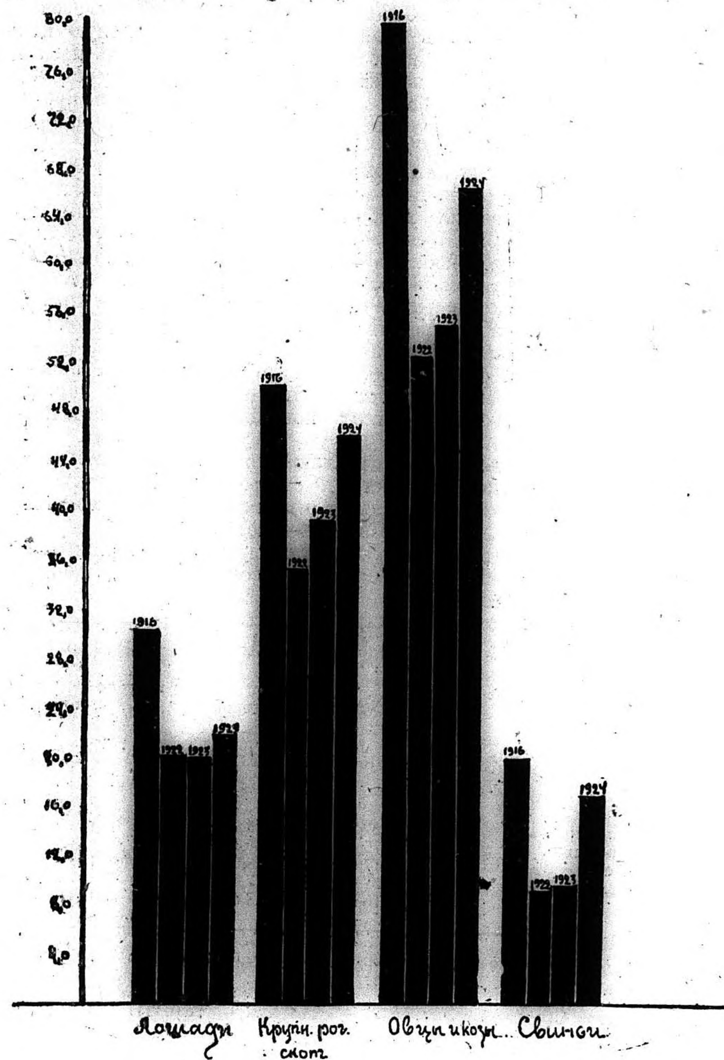
Весьма интенсивный восстановительный процесс отмечен и для масляничных культур, имеющих большую рыночную ценность,—льна, конопли и подсолнуха, при чем площадь последнего увеличилась против площади этой культуры 1916 года более чем в два раза, а конопли на 16%, заметный недосев против этого года имеет культура льна, площадь которой меньше довоенных размеров на 30%.

Повышение роли ценных рыночных культур говорит языком цифр, что теперь мы начинаем иметь дело не с тем исключительно-продовольственным хозяйством времени перехода к нэпу, лозунгом которого было: «не до жиру,—быть бы живу»,—теперь в лице крестьянского хозяйства мы имеем отдифференцированный хозяйственный организм, который немыслим без остальных элементов народного хозяйства. Рыночная связь все более превращается из случайного средства дополнительных поправочек в хозяйстве в регулярный, необходимый, часто решающий момент всего направления развития крестьянского хозяйства. Рынок со всеми его условиями теперь ощущается крестьянином, как неизбежное звено его собственных повседневных хозяйственных забот.

Изменение размеров и направления полеводства нарисовало нам картину неуклонного роста и оздоровления крестьянского хозяйства. Подобный же результат мы имеем и по другой важнейшей отрасли сельского хозяйства—скотоводству.

По данным Центрального Статистического Управления, изменения в общей численности скота за последние годы происходили следующим образом:

РАЙОНЫ.	Численность всего скота						
	Миллионов голов				1924 г. в %% к		
	1916	1922	1923	1924	1922	1923	1916
Потребляющий	27,2	30,0	33,2	36,7	122	110	135
Производящий	75,4	31,4	39,7	53,8	156	135	71
Юго-Восток	17,9	8,4	8,5	9,5	113	112	53
Киргизская ССР	22,[illegible]	7,1	7,6	10,0	141	132	45
Сибирь	16,6	14,3	13,5	18,6	130	138	111
Итого по РСФСР	159,3	94,2	102,5	128,6	136	125	81
Украинская ССР	23,9	23,3	21,8	26,0	111	119	109
Всего по СССР .	183,2	117,5	124,3	154,6	131	124	84

В целом по всей стране минимальная численность всего скота относилась также к 1922 году, когда убыль его против 1916 года определялась в 66 милл. голов.

В 1924 г. восстановление скотоводства отмечено повсеместно, при чем более энергично оно происходило в производящих губерниях, в Киргизских степях и в Сибири, где годовой прирост скота определился в 32—38%; заметнее увеличение скота было и на Украине (19%); скотоводство Юго-Востока, наиболее обессиленное голодом 1921 г., в результатах восстановления несколько отстало от других районов, увеличив численность скота всего на 12%.

В итоге по всей стране количество скота в 1924 году достигло 154,6 милл. голов, превысив численность его в 1922 г. на 37 милл. голов, т.-е. на 31%; в отношении 1916 года оно составляет 84% и, следовательно, убыль в скоте осталась непокрытой на 28 милл. голов.

Итак, по скотоводству мы имеем ту же картину, что и по посевным площадям: повсеместное повышение количества скота, не ликвидировавшее, правда, всего упадка целиком, но по отдельным районам вступающего и уже вступившего на путь нормального хозяйственного развития. Так же, как и в полеводстве, в силу общеизвестных причин, отстают Юго-Восток и Киргизская ССР.

По вполне понятным причинам темп восстановления скотоводства несколько медленнее темпа общего под'ема сельского хозяйства,—необходим большой запас молодняка, чтобы размеры скотоводства могли сразу дать значительное расширение, а это требует времени.

Восстановление скотоводства по отдельным видам его характеризуется следующими цифрами:

Количество скота в 1924 г.

РАЙОНЫ.	Лошади.				Крупн. рогат. скота.			
	Тысяч голов.	В % к			Тысяч голов.	В % к		
		1922	1923	1916		1922	1923	1916
Потребляющий .	4.972,4	109	105	106	10.763,7	111	107	115
Производящий . .	6.968,4	126	114	61	15.133,6	161	125	86
Юго-Восток . .	1.136,9	102	102	48	3.361,5	118	109	68
Киргизская ССР .	1.623,6	121	121	46	3.348,3	158	141	63
Сибирь	3.295,6	95	111	87	4.608,1	133	128	90
Украинская . . .	3.927,4	95	103	71	8.419,3	112	113	106
СССР . . .	21.924,3	95	109	70	45.634,5	110	130	91

РАЙОНЫ.	Овцы и козы.				Свиньи.			
	Тысяч голов.	В %% к			Тысяч голов.	В %% к		
		1922	1923	1916		1922	1923	1916
Потребляющий .	16.508,2	117	109	146	4.424,0	122	133	107
Производящий . .	26.396,0	161	134	69	5.214,8	467	274	85
Юго-Восток . .	3.954,7	97	102	46	1.089,9	302	192	58
Киргизская ССР .	4.513,9	128	118	35	179,7	168	198	36
Сибирь	7.978,6	121	132	139	1.479,3	205	172	73
Украинская ССР	9.270,7	102	111	143	4.374,1	165	183	94
СССР . . .	68.622,1	105	130	83	16.761,8	107	196	87

В пределах потребляющей полосы определенно отмечается вполне благоприятное состояние всех отраслей скотоводства. Неуклонный рост численности скота за последние годы дал здесь заметное приращение стада всех видов скота в сравнении и даже с 1916 г. Из всех отраслей его более стремительное развитие получило крупное рогатое скотоводство и особенно овцеводство, размеры которых выросли против 1916 г. на 15—41%. За последний год здесь весьма интенсивный рост дает и свиноводство, при чем численность, свиней увеличилась в сравнении с предыдущим годом на 33%, превысив 1916 на 7%.

Для остальных районов цифровые данные свидетельствуют о том, что восстановительный процесс захватил все отрасли скотоводства, при чем темп его и достигнутые результаты были далеко не одинаковы.

Стихийно происходило восстановление свиноводства.

В целом по стране количество свиней выражается в 16,8 милл. голов, что составляет 87% численности 1916 года. Убыль против этого года осталась еще в количестве 2,5 милл. голов.

Одной из главнейших отраслей скотоводства является несомненно крупное рогатое скотоводство, в силу особой полезности и разнообразия его продуктов. Вполне понятно, что при общем упадке скотоводства к 1922 году наименьшему сокращению подвергся этот его вид, благодаря чему и значение его среди прочих видов скота заметно усилилось.

Неблагоприятные экономические условия революционной эпохи, а также неурожаи обрушились, главным образом, на мясную часть стада, которая обнаружила катастрофическое сокращение при общем сжатии всего скотоводства. Сокращение молодняка захватило не только мясную часть, но также и ремонт стада, сильно сузив возможности пополнения и восстановления молочной части его. Почти по всей стране произошло увеличение молочно-потребительского направления.

Уничтожение молодняка отрезало всякую возможность быстрого восстановления скотоводства,—уменьшение значения в стаде молодняка в данном случае лишь отражает общий процесс упадка скотоводства и сельского хозяйства вообще. Восстановительный процесс сельского хозяйства в области скотоводства выразился

поэтому естественно в стихийном росте молодняка и его относительного значения.

В этом стихийном росте молодняка проявляются стремления не только к обеспечению ремонта молочной части скота, но и восстановления мясного направления рогатого скотоводства. Последнее наглядно подтверждается следующими цифрами, показывающими отношение молодняка к коровам:

РАЙОНЫ	На 100 коров приходилось молодняка.							
	Старше $1^1/_2$ лет.				До $1^1/_2$ лет.			
	1916	1922	1923	1924	1916	1922	1923	1924
Потребляющий	9	12	9	8	65	49	57	57
Производящий	16	7	9	10	93	40	72	96
Юго-Восток	36	16	16	16	122	82	94	107
Киргизская ССР	25	16	17	17	128	77	104	128
Сибирь	24	17	14	16	71	56	55	89
Украинская ССР	15	19	10	12	102	63	61	85
СССР . . .	18	18	10	11	90	53	69	84

Действительно, в общей сумме по Союзу количество молодняка до 1—2 лет на 100 коров почти достигало нормы 1916 года; в больших размерах недостаток наблюдается все же в южных районах, а именно на Украине и Юго-Востоке, где, однако, норма выращивания его значительно превышает остальные районы.

Большой недостаток молодняка старше $1^1/_2$ лет имеется во всех районах, при этом в более резкой форме он проявляется в районах производящей полосы, Юго-Востока и Украины, где современное количество его составляет лишь половину нормы 1916 г.; в этих районах он и в текущем году подвергся новому сокращению, вызванному недостатком в более молодых возрастных группах, имевшим здесь место в прошлом году.

Однако, интенсивное накопление молодняка до $1^1/_2$-летнего возраста позволяет думать, что в будущем году этот недостаток в значительной мере будет ликвидирован и состав стада примет почти нормальный вид, обеспечивающий последующее развитие этой важнейшей отрасли скотоводства в целом.

Такую же картину мы наблюдаем и по отношению к лошадям. Молодняка по расчету на 100 рабочих лошадей приходилось:

РАЙОНЫ.	1916	1922	1923	1924
Потребляющий	19,3	16,9	17,7	20,2
Производящий	29,2	14,8	18,0	26,7
Юго-Восток	32,2	22,7	26,0	30,1
Киргизская ССР	52,5	32,9	47,9	56,2
Сибирь	34,7	31,4	27,3	31,7
Украинская ССР	23,7	19,5	20,9	23,2
СССР . . .	29,7	20,4	21,9	27,2

Количество выращиваемого молодняка в нынешнем году заметно превышает предыдущие два года и незначительно отстает от нормы 1916 года. Это дает основание сделать весьма благоприятный вывод о возможности восстановления конского стада в ближайшие годы.

Таким образом, мы видим сильнейшее стремление крестьянского хозяйства к восстановлению во всех отношениях. Если это восстановление происходит в некоторых районах недостаточно быстрым темпом, то это зависит всецело от об'ективных обстоятельств, в первую голову от урожайности, зависящей в свою очередь от метеорологических условий.

В какой мере отразились метеорологические условия на урожае отдельных хлебов, мы видим из следующей таблицы:

Урожай с 1 десятины (пудов) в среднем по СССР.

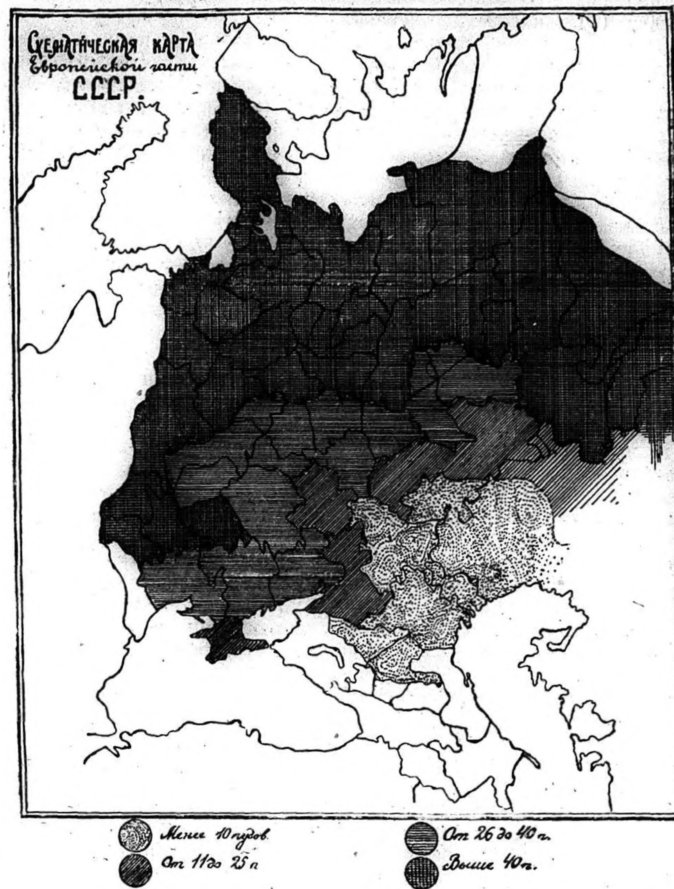
ГОДЫ.	Рожь.	Пшеница.	Ячмень.	Овес.	Гречиха.	Просо.	Кукуруза.	Средний высев хлебов.	
Средний 1905 - 14 г.	50,0	44,6	55,3	53,2	39,3	45,7	76,5	51 0	100
1920	35,1	27,6	51,0	44,6	37,2	37,2	74,4	38,3	75
1921	37,2	23,4	28,7	38,3	3[illegible],[illegible]	33,0	63,8	34,0	67
1922	35,1	41,8	6 ,0	58,[illegible]	39,3	39,3	67,0	54,2	106
1923	44,6	33,0	44,6	46,8	35,1	39,3	[illegible]2,9	44,6	88
1924	40,3	38,[illegible]	33,3	39,8	28,5	24,2	69,1	37,1	73

Сильно снизилась урожайность гречихи и проса, давших за последнее пятилетие минимальную урожайность в нынешнем году; значительно упал урожай с одной десятины овса и ячменя, для которых он оказался немногим выше памятного 1921 г.; в меньшей мере в сравнении с прошлым снизился сбор с одной десятины ржи и пшеницы (до 10%), однако, по отношению к среднему урожаю ржи собрано до 80%, а пшеницы—70%. В среднем для всех хлебов урожай с одной десятины определился в нынешнем году в 37,1 пуд., составляя 73% нормального среднего урожая. В отношении прошлого года он ниже на 17%, превышая среднюю урожайность 1921 года всего на 9%.

Если обратиться к картограмме—«урожай хлебов с одной десятины», то увидим, что район пониженного урожая охватил несомненно большую территорию, в состав которой вошли губернии Нижней Волги, Дона и частично горские республики. Среди этих губерний особенно сильно были поражены засухой южные уезды Самарской губернии, центральные и восточные уезды Саратовской губ., Немецкая республика, Царицынская губ.; юго-восточная часть Воронежской губ.; Астраханская губ., Калмыцкая область, Киргизская ССР, части Донской, Ставропольской и Терской губ.; Кабардино-Балкарская область и на Украине два уезда Харьковской губ., в которых чистый сбор на 1 душу сельского населения дает менее 6 пудов хлеба. В приведенном списке губерний встречаются в большей части те же губернии, которые были охвачены неурожаем в 1921 году, не успевшие еще в полной мере залечить раны, нанесенные их хозяйственному организму.

В общей сумме неурожай поразил 13 губерний с сельским населением в 7611 тысяч душ и с посевной площадью в 7220 тыс. десятин; в отношении всего Союза это составит 7% населения и 10% посевной площади; по сравнению же с 1921 г.,

Урожай с 1-й десятины в 1924 г.

когда пораженный район занял 30 губерний, неурожай 1924 года составляет по численности населения 25%, а по размерам посевной площади—24%.

Несмотря на эти естественные препятствия, несмотря на то, что в настоящем году расширение площади посевов не вызвало соответствующего увеличения сбора хлебов, мы все же можем сказать, что элементы здорового роста превалируют в подавляющем большинстве районов. Количественное расширение и каче-

ственное улучшение крестьянского хозяйства стало фактом, окрашивающим основную линию развития деревни [1]).

Крестьянство в своей основной массе подходит или уже подошло к довоенному уровню и перед ним встает задача дальнейшего роста, дальнейшего прогресса. Мужик подошел вплотную к довоенному положению и теперь в новой формулировке сталкивается со старыми задачами хозяйственного развития в условиях перенаселенной деревни.

Переносить все надежды на «земельное поравнение» теперь уже невозможно, т. к. это «поравнение» самым радикальным образом уже произведено. Крестьянство стоит перед задачей улучшения системы землепользования, перед интенсификацией хозяйства. Эти задачи поневоле ставят перед деревней ряд политических вопросов. Инициатива, самодеятельность широких масс—обязательное условие хозяйственного прогресса деревни в настоящих условиях. Экономическая обстановка настоятельно требует от крестьянства проявления хозяйственной инициативы—что же удивительного, если эта инициативность, активность крестьянских масс перекидывается и на область политических вопросов. Кроме того, конкретная обстановка сегодняшнего дня дает дополнительные мотивы к повышению **политической** активности и к некоторым опасениям, что эта политическая активность не всегда пойдет по советской линии.

Хозяйственное развитие деревни некоторыми своими сторонами снова упирается в отношения деревни с городом.

Хлебные цены, взлетевшие к началу заготовительного сезона на чрезмерную высоту, сейчас выдерживают сознательное организованное давление со стороны государственных хлебозаготовительных органов. Мы не можем отказаться от этого нажима, т. к. чрезмерно вздутые цены угрожают нашей твердой валюте и через нее всему нашему хозяйственному росту, но все же мы должны отдавать себе отчет, что снижение хлебных цен с какого угодно уровня непосредственно воспринимается крестьянством, как мера, направленная против его, крестьянства, интересов.

С другой стороны, в том же направлении действует недостаток, доходящий иногда до полного отсутствия некоторых промышленных продуктов (ситец, сахар). Восстановление нашей промышленности, естественно, не могло достигнуть уровня восстановления сельского хозяйства и поэтому понятно, что наша промышленность не всегда умеет полностью удовлетворить потребности и нужды растущего и оздоровляющегося крестьянского хозяйства. Недостатков в этом отношении у нас много, они партией осознаны и это служит гарантией их устранения. Разрешение вопроса о невязке в отношениях города с деревней лежит в плоскости нашей работы по повышению производительности труда и по улучшению нашего торгово-промышленного аппарата.

Однако, все это еще не разрешает вопроса о повышенной политической активности крестьянства. В основе своей она не является порождением временных условий, она связана с новым этапом хозяйственного развития деревни. Эта активность, как мы видим, порождается нуждами здорового процесса развития, является по существу необходимым здоровым моментом хозяйственного прогресса деревни. Она вовсе не должна быть обязательно активностью, враждебно направленной против Советской власти и нашего коммунистического строительства. Нужны только подходящие формы и умелое использование этого настроения, чтобы накопившийся, боевой, работящий материал деревни превратить в строителей социалистического сельского хозяйства.

Нужно поменьше пугаться и чураться волны крестьянской самодеятельности, т. к. эта волна может пойти и пока идет по общему течению нашего строительства. Рост сельского хозяйства на основе нашей политики в деревне лучше всего подтверждает правильность общего курса этой политики.

О мерах привлечения крестьян к делу проведения нашей политики, об использовании политической активности широких масс деревни достаточно много писалось в партийной печати, мы же видим, что это дело не может рассматриваться, как временная, случайная кампания, а стоит перед нами, как задача на длительный период времени, и что повышение политической активности крестьянских масс в основе здоровое, положительное явление, которое мы можем и должны использовать для дела социалистического строительства в деревне.

---

[1]) Конечно, мы сознаем всю относительность точности приводимых нами цифр—тем более, что мы пока не имеем возможности оперировать цифрами, характеризующими на освещаемые процессы по отдельным группам хозяйств,—но процесс под'ема и оздоровления они характеризуют достаточно.

М. Лифшиц.

Две кампании.

В центре нашей хозяйственной жизни сегодняшнего дня стоят две кампании: хлебозаготовительная и сельхозналоговая.

Обе кампании тесно связаны друг с другом, поскольку успешное развитие одной содействует успеху другой и поэтому увязка обоих кампаний выразилась, главным образом, в согласовании сроков взимания налога с планом хлебозаготовок.

Хлебозаготовительная кампания.

Сельское хозяйство в экономике нашего Советского Союза играет доминирующую роль. Поэтому исключительна по своему значению и роль урожая,. Однако, до сих пор, состояние нашего сельского хозяйства, формы земледелия таковы, что мы еще не научились «организовать» урожай, что урожай зависит от стихий, которыми мы не овладели. И до тех пор, пока мы наше сельское хозяйство не реорганизуем на других, более культурных основаниях, экономика нашей страны в значительной части будет определяться случайным урожаем текущего года.

Урожай нынешнего года свел хлебный баланс с некоторым сокращением против прошлого года.

Исчисляемый разными учреждениями несколько разно, хотя больших расхождений нет, хлебный баланс в общем и целом определяется, примерно, в 2.750 тыс. пудов. Понижение валового сбора хлебов в нынешнем году ни в какой степени, конечно, не может повлиять на обеспечение хлебом населения внутри страны, но, при пестроте урожая нынешнего года, вопросом первостепенного значения является перераспределение хлеба внутри Союза. Поэтому при небольших излишках хлеба и опять-таки при пестроте урожая не только по большим районам, но и внутри губерний и уездов во весь рост встает вопрос о ценах, вопрос о регулировании хлебного рынка.

Общий пониженный урожай нынешнего года, срочная необходимость для государства обеспечить пострадавшие районы семенами, продовольствием и кормами и пестрота урожая создали на хлебном рынке настроение ажиотажа, спекуляции. Мы имеем ненормально высокие цены. В такой же степени, как нас в прошлом году тревожили чрезвычайно низкие цены,—в нынешнем году нас основательно должны были встревожить высокие цены. В самом деле, что обозначают ненормально высокие хлебные цены в условиях нашей действительности?

Это «обозначает неизбежно рост заработной платы, повышение бюджета, индекса, повышение цен всех товаров, и, следовательно,

величайшую опасность для нашей денежной реформы» [1]). Поэтому государство должно было активно вмешаться в дело регулирования хлебных цен, должно было само выступить хлебозаготовителем. Государство решило заготовить количество хлеба, достаточное для того, чтобы обеспечить неурожаемые районы, промышленные центры и иметь в своих руках такой хлебный резерв, при наличии которого в течение всего года можно было бы влиять на хлебный рынок, бороться с чрезмерно высокими ценами на хлеб.

Хлебозаготовительный план.

Исходя из нашего хлебного баланса нынешнего года, учитывая наши потребности, этот хлебозаготовительный план в конечном счете был установлен в 380 милл. пудов всех хлебов, которые по районам были распределены следующим образом: [2]).

Потребляющая полоса	13.000	тыс.	пуд.
Производящая полоса без Урала .	84.400	„	„
Урал	32.000	„	„
Юго-Восток	69.000	„	„
Сибирь	42.000	„	„
Киргизия	5.600	„	„
Украина	130 500	„	„
Крым	3 500	„	„
Итого	380.000	тыс.	пуд.

Совершенно очевидно, что важно не только заготовить намеченное планом количество хлеба, но, чтобы хлеб поступил нужными культурами.

Предусмотренные планом 380 милл. пудов хлеба должны поступить следующими культурами:

					%						%
Рожь . .	123.575	тыс. пуд.	или		32.5	Бобы . .	4.985	„	„	„	
Пшеница.	115.175	„	„	„	30,3	Крупа . .	23.640	„	„	„	6,3
Овес . .	40.670	„	„	„	10,7	Масличн.	16.185	„	„	„	4,3
Ячмень .	32.070	„	„	„	8,4	Жмых .	4.900	„	„	„	1,3
Кукуруза.	18.800	„	„	„	4,9						

Итого. 380.000 тыс. пуд. или 100%

По месяцам план должен быть выполнен следующим образом:

Август . . .	25.000.000	пуд.	Февраль . .	30.000.000	„
Сентябрь . .	55.000.000	„	Март	12.000 000	„
Октябрь . .	90.000.000	„	Апрель . . .	8.000.000	„
Ноябрь . . .	50.000.000	„	Май	5 000.000	„
Декабрь . .	60.000.000	„	Июнь . . .	5.000 000	„
Январь . . .	40.000.000	„			

Всего. 380.000.000 пуд.

Это количество хлеба должно быть заготовлено пятью главнейшими государственными и кооперативными хлебозаготовителями: Госбанком, Госторгом, Хлебопродуктом, Центросоюзом и Сельскосоюзом.

Был разработан точный план, сколько каждая организация в каждом районе каких культур должна заготовить.

[1]) Т. Каменев на докладе ответственных работников Моск. организации 22/VII—1924 г.

[2]) Данные о хлебозаготовительном плане по материалам Наркомвнуторга.

Для разрешения проблемы реализации урожая, проблемы успешного выполнения хлебозаготовительного плана, осталось разрешить два важных вопроса: о ценах и финансировании. Если последний вопрос стоит в зависимсcти от общего финансового положения страны и может быть разрешен более или менее легко, то второй вопрос о ценах является наиболее сложным.

Хлебные цены.

Как мы уже раньше говорили, к началу сельско-хозяйственного года, мы имели хлебные цены не только выше прошлогодних, но и довоенных цен. Вот эта табличка цен на рожь, по некоторым районам должна подтвердить сказанное: [1]).

РАЙОНЫ.	1913 г.	Август 1923 г.	Август 1924 г.
Западный	85	79	91
Центрально-Земледельческий	75	52	104
Волжский	58	58	119
Юго-Восток	65	39	79
Сибирь	50	74	74
Украина	70	46	107

Поэтому перед государством была поставлена задача: во что бы то ни стало понизить эти цены. Они угрожали крупнейшему достижению нашей экономической жизни,—успешному завершению денежной реформы.

Государство не заинтересовано в низкой цене на хлеб, по примеру прошлого года оно борется с такими ценами, но с другой стороны для нашего народного хозяйства нужна такая цена на хлеб, «которая была бы выгодна для крестьянства, но которая была по силам и рабочему классу и всему нашему государству» [2]).

Поэтому вопрос о понижении хлебных цен, вопрос об установлении таких цен, которые были бы выгодны и огромнейшему большинству крестьянства и рабочему классу, стал в центре внимания всех мероприятий правительства.

Государство должно было во что бы то ни стало вмешаться в хлебную торговлю, вмешаться в хлебный рынок.

Короче—государство должно было взять регулирование хлебной торговли в свои руки и этим самым, будучи наикрупнейшим хлебозаготовителем, обеспеченным деньгами, аппаратом, имеющим в своих руках транспорт, сможет влиять на хлебные цены в сторону их понижения до пределов экономически целесообразных, соответствующих экономике нашего народного хозяйства.

Факт выступления государства концентрированным крупным хлебозаготовителем, при наличии частного хлебозаготовителя, мо-

[1]) Цены Кон'юнктурного Института НКФ.
[2]) Тов. Каменев, там же.

жет, при некоторых обстоятельствах, дать и обратный результат, то-есть может цены на хлеб поднять, поэтому государство должно использовать все имеющиеся в его распоряжении возможности для удержания цен на том уровне, о котором мы выше говорили.

Задача заготовить хлеб по этой «справедливой цене» практически осуществляется в первую очередь путем лимитов, т.-е. путем установления директивных хлебных цен для главнейших хлебозаготовителей, выше которых они платить не должны.

Но чтобы крестьянин продавал хлеб по этим ценам, принимая во внимание конкретную обстановку нынешнего года, когда больших излишков в крестьянском хозяйстве нет, необходимо было принять меры, способствующие выбрасыванию крестьянами хлеба на рынок. Первой такой мерой считался сельско-хозяйственный налог. Предполагалось, что крестьянство выбросит известное количество хлеба на рынок, чтобы получить деньги для уплаты налога.

Второй—это обеспечить районы, в которых производятся хлебозаготовки достаточным количеством ходких товаров фабрично-заводской промышленности. Появление на рынке, крайне нужных крестьянству товаров, будет содействовать повышению предложений хлеба.

Вот некоторые из положений, легших в основание нашей политики цен, нашей политики регулирования хлебного рынка.

Финансирование.

Со вторым вопросом—финансированием хлебозаготовительной кампании дело обстоит благополучно. Денежные средства на хлебозаготовки вкладывались из следующих основных статей: собственные капиталы хлебозаготовителей, целевой кредит Госбанка, т.-е. кредит специально на хлебозаготовки государства и, наконец, подтоварный кредит, т.-е. кредит под пред'являемые железнодорожные документы на отправленный хлеб.

Не останавливаясь подробно на системе финансирования нужно сказать, что в общем она сводилась к тому, что хлебозаготовители должны были быть обеспечены деньгами для полного выполнения хлебного плана. За истекший период деньги аккуратно пересылались по назначению. Затруднений в финансировании плана не было еще и потому, что план выполнен только в размерах 70%, между тем как первые две основные статьи прихода, т.-е. капиталы хлебозаготовительных организаций и целевой кредит могли быть использованы целиком.

Выполнение хлебозаготовительного плана.

Переходя к анализу нынешнего состояния хлебозаготовительной кампании, к проверке, в какой степени первоначально намеченный план выполняется, не нужны ли кое-какие коррективы, необходимо отметить, что 1-ое ноября является наиболее крупным и первым отчетным периодом и для хлебозаготовительной и для сельхозналоговой кампании. Поэтому-то необходимо посмотреть, как выполнено было задание на 1-ое ноября.

	Задание.	Заготовлено.	% выполнения.
Июль—август	25 000 (авг.)	42.045,9	168
Сентябрь	55.000	34 577	63
Октябрь	90.000	41.264,6	46
Итого	170.000	117.887,5	69,3

Выполнение задания на 1-е ноября, в смысле общего количества заготовленного, нельзя считать благополучным. Мы имеем систематическое падение процента выполнения плана из месяца в месяц. Высокий процент выполнения задания за июль-август об'ясняется тем, что тогда хлеб заготавливался главным образом, как семянной материал, по довольно высоким ценам. Повышение заготовок в октябре против сентября на 6 милл. пудов при плане на октябрь на 40 милл. выше сентябрьского, конечно, большого значения иметь не может. Наконец, даже принимая во внимание высокий процент выполнения задания в июле и в августе, то и тогда задание на 1-е ноября выполнено всего лишь в размере 70%.

Не лучше обстоит вопрос и с выполнением плана по культурам.

Выполнение плана по культурам в %%.

СЕНТЯБРЬ.			ОКТЯБРЬ.		
Рожь.	Пшеница.	Масл. сем.	Рожь.	Пшеница.	Масл. сем.
40,3	74,5	389	24,2	34	166,3

К этим цифрам Бюллетень Наркомвнуторга № 59 говорит: «необходимо отметить, что план заготовок и по основным культурам (рожь и пшеница) почти не одним из заготовителей ни в сентябре, ни в октябре полностью не выполнен (единственное исключение Сельскосоюз в сентябре), в то время, как заготовка маслосемян у большинства заготовителей превышает плановое задание».

В общем и целом правильно будет сказать, что план хлебозаготовительной кампании в части на 1-е ноября, выполнен не совсем удовлетворительно и из этого необходимо сделать соответствующие выводы.

В чем причина недостаточного успеха хлебозаготовительной кампании, каковы ближайшие перспективы и что нужно исправить?

Нужно совершенно определенно сказать, что в общем и целом наша политика в области хлебозаготовок, наша политика цен безусловно правильна и если все же нужно внести некоторые коррективы, так это потому, что мы кое-где просчитали и кое-что недоучли. Повидимому, сам по себе заготовительный план в 380 милл. пудов следует считать несколько преувеличенным. Вернее,—не совсем правильно эти 380 милл. пудов распределены по районам.

Необходимы, наконец, некоторые коррективы в нашей политике цен.

Повидимому, в целом ряде районов все еще наблюдается товарный голод на крестьянские товары.

Самое главное—наш просчет во влиянии налога. Налоговые поступления не оказали того влияния на хлебозаготовки, которое предполагалось. Крестьянство считало для себя более выгодным уплачивать налог за счет продажи всяких других сельско-хозяйственных продуктов или заработков.

Сельхозналоговая кампания.

Единый сельско-хозяйственный налог занимает крупное место в доходной части нашего государственного бюджета и, как предполагалось в начале хозяйственного года, должен сыграть исключительную роль в хлебозаготовительной кампании. Соответственно этому, план выполнения сельхозналога и нужно было увязать с соображениями бюджетного характера и планом хлебозаготовок.

Общая сумма единого сельхозналога нынешнего года по Союзу составляет, приблизительно, 340 милл. рублей. Из них 250 миллионов идет в государственный бюджет и 90 миллионов—в местный бюджет.

Советом Труда и Обороны был утвержден следующий план поступления налога:

На 1 ноября.		На 1 января.		На 15 февраля.		На 1 апреля	
Рубли.	%	Рубли	%	Рубли.	%	Рубли.	%
145,8	42,89	96,6	28,40	60,6	17.83	37,0	10,88

Совнаркомам Союзных Республик закон предоставляет право вносить некоторые изменения в сроки поступления налога. Этим правом они воспользовались. После этих изменений на 1-е ноября должно было поступить не 45% годового задания, а только 43%, или вместо 153 милл. рублей—145,9 милл. рублей.

Начало и ход налоговой кампании.

Вместо прошлогодних разрядов по урожайности, нынешняя система налога установила разряды по обложению. Это значит, что в прошлом году, размер налога определялся в зависимости от урожая данного года, в нынешнем году размер налога определяется не только урожаем нынешнего года, но и общей доходностью крестьянского хозяйства от всех отраслей.

Таким образом, чтобы установить разряды по обложению нужно было учесть кон'юнктуру сельского хозяйства. Совершенно очевидно, что в условиях нынешнего года, при пониженном

урожае по всему Союзу, при поразительной пестроте урожая, при тех чрезвычайно высоких ценах на хлеб, которые мы имели в июле и августе месяцы,—говорить более или менее твердо о кон'юнктуре сельского хозяйства было немыслимо. Эта кон'юнктура была недостаточно ясна, не только в начале, но даже и в конце августа и поэтому к вопросу об установлении разрядов по обложению нужно было подойти сугубо осторожно.

Учитывая необходимость, чтобы налоговые поступления оказали наибольшее влияние на хлебозаготовки, налоговая кампания в первую очередь (в середине августа) и наиболее интенсивно, началась на Юго-Востоке и Украине, т.-е. в районах, играющих крупную роль в хлебозаготовительной кампании.

Следующая табличка рисует начало сбора налога в нынешнем году и в прошлом по главнейшим районам.

	1924/25 г.	1923/24 г.	По сравнении с прошл. годом, в 1924—25 г.	
			Раньше	Позже
			на дней	
Западный	24 сентября	19 сентября	—	5
Московско-Промышл.	24 "	21 "	—	8
Центр.-Земледел.	14 "	27 августа	—	17
Уральский	8 "	8 сентября	—	—
Юго-Восток	23 июля	25 августа	32	—
Крым	23 августа	10 сентября	17	—
Сибирь	20 сентября	25 "	5	—
Украина	16 августа	1 "	14	—

Первые сведения о поступлении налога поступили 1-го сентября. По этим сведениям поступила незначительная сумма. Вторая сводка, на 7-е сентября давала такое же небольшое поступление. Естественно появилась тревога, не только и не столько за успех налоговой компании, сколько за результаты влияния налоговых поступлений на хлебо-заготовки. Было совершенно очевидно, что при таком слабом поступлении налога не может быть и речи о серьезном влиянии налога на хлебозаготовки. Уже в сентябре начали приниматься меры к усилению налоговых поступлений и поступление налогов начало резко повышается.

На 1 сентября	1-ое	семидневье —	3.627,2
" 7 "	2-ое	"	4.908,4
" 15 "	3-ье	"	11.427,0
" 22 "	4-ое	"	7.659,5
" 1 октября	5-ое	"	7 804.5
" 7 "	6-ое	"	6.947,4
" 15 "	7 ое	"	14.690,2
" 22 "	8-ое	"	21.613,6
" 1 ноября	9-ое	"	48.912,2

Как видно, вторая неделя сентября дает резкое повышение поступлений. Это потому, что налог тогда взимался главным образом на Украине и Юго-Востоке, а к 15 сентября Украина имела выполнить свое первое задание.

Самым характерным является поступление налога в течение октября месяца. В течение одной четвертой недели октября поступило 49 милл. руб. или больше, чем в два раза против предыдущей недели, больше, чем в три раза против второй недели октября и почти в семь раз больше, чем в первую неделю октября.

Всего, таким образом, на 1-ое ноября поступило 127,5 мил. рублей или 87% задания.

По отдельным Союзным Республикам на 1-ое ноября поступило:

по РСФСР—75,1 мил. руб. или 84,2%
" БССР — 2,9 " " " 85% задания
" ЗСФСР— 2,7 " " " 30% и
" УССР —46,8 " " " 101% задания

По той части Советского Союза, где проводятся плановые хлебозаготовительные операции, налоговое задание выполнено в размере 101%.

Для того, чтобы покончить с оценкой хода поступлений налога в нынешнем году, интересно их сопоставить с поступлениями единого налога в прошлом году.

На 1-е ноября 1923 года поступило налога 102,2 милл. руб., в то время, как на 1-ое ноября нынешнего года поступило 127,5 мил. рублей.

Если же сопоставить поступления нынешнего года с поступлениями только денежной части прошлого года (исключить ту часть налога, которая в прошлом году сдавалась натурой), то в прошлом году на 1-е ноября поступило 72,8 милл. руб., а в нынешнем—127,5 милл. руб.

Все это говорит за то, что в нынешнем году мы имеем наиболее интенсивное поступление налога.

Недостатки кампании, перспективы и выводы.

Но успешность налоговой кампании определяется не только общей суммой поступлений, но и характером проведения кампании, планомерностью и систематичностью ее. Вот этой планомерности и систематичности и не было. Совершенно очевидно, что взыскание в течение одной недели чуть ли не 50 милл. руб., когда предыдущие недели давали в несколько раз меньше, не следует считать достаточно нормальным. Затем, положительное влияние налога на хлебозаготовки требовало не только поступления, в конечном счете, 100% задания, а более или менее равномерного поступления налога по неделям. Этого не было и в этом дефект истекшего периода налоговой кампании.

Ближайшие перспективы.

Какие же ближайшие перспективы налоговой кампании.

Как мы выше сказали, на 1-е января должно быть выполнено 242,8 милл. руб. Если вычесть поступившие на 1-е ноября 127,5 милл. руб., то на 1-е января остается получить 115,3 милл. руб.

Для взыскания первых 127 милл. рублей, сроку было менее 2-х месяцев, для взыскания же вторых 115 милл. руб. предо-

ставлено два месяца. Затем, при проведении первой части в налоговой кампании было много вопросов, требовавших еще разрешения и раз'яснения. Теперь все на местах уже ясно и собрать 115 милл. рублей в течение ноября и декабря можно.

Необходимо только собрать их более планомерно, более систематически. Нужно запомнить, что взимание налога, вообще налоговая работа в деревне, является делом чрезвычайной важности и в известной части она определяет наши взаимоотношения с деревней.

Крестьянство судит о советской власти и о партии, по их мероприятиям и в числе этих мероприятий значится и налоговая политика, налоговая работа.

Взыскание налога в таком порядке как он взыскивался в октябре месяце, т.-е. скачками, такой порядок несомненно вредно отражается на наших взаимоотношениях с крестьянством и это можно и нужно избегнуть.

Теперь остается конкретнее, цифрами ответить на один из основных вопросов, поставленных в начале статьи:

В какой степени налоговые поступления влияли на хлебозаготовки. Напоминаем, что в течение сентября и в первой половине октября слабое развитие хлебозаготовок ставилось в связь со слабым поступлением налога.

Имеющиеся теперь данные показывают, что мы здесь несколько просчитались.

РАЙОНЫ.	Хлебозаготовки	Поступление с. х. налога
	Заготовлено на 1-е ноября в %% к заданию.	Поступило на 1-е ноября в %% к заданию.
Потребляющая полоса	94,0	100,2
Производящая полоса	57,1	87,3
Урал	55,4	106,7
Юго-Восток	118,3	127,9
Сибирь	43,0	86,1
Киргизия	149,0	94 9
Украина	56,7	101,2
Крым	68,7	138,6
Итого	69,3	101,0

Эта табличка показывает, что по всем без исключения районам советского Союза процент выполнения налогового задания выше процента выполнения плана хлебозаготовок (исключение только составляет Киргизия, где в абсолютных цифрах всего должно было быть заготовлено 1.900 тысяч пудов).

По Союзу же по перечисленным районам налоговое задание выполнено в размере 101% и хлебозаготовительный план—в размере 69,3%.

Таким образом, налог обогнал хлебозаготовки и не оказал того решительного влияния на хлебозаготовки, которое от него ожидали. Главная причина—крестьянство не считало для себя выгодным усиленно выбрасывать хлеб. Учитывая общий недород нынешнего года, не совсем благоприятные виды на озимые хлеба в некоторых районах, крестьянство склонно расстаться с хлебом только в самую последнюю очередь.

Какие же ближайшие задачи в области этих двух кампаний на самое ближайшее будущее:

1) Налог должен поступать равномерно с таким расчетом, чтобы задание на 1-е января было полностью выполнено.

Нужно полагать, что теперь после того, как первая часть налога была выплачена за счет продажи не хлебных продуктов, взыскание второй части все же усилит предложение хлеба.

2) Нужно сосредоточить внимание на обеспечении хлебозаготовительных районов промышленными товарами.

3) Еще раз рассмотреть вопрос о ценах. «В политике цен полностью выявились уже необходимые коррективы. Речь идет о жизненных коррективах, ни в коем случае не об отказе от государственного регулирования вообще от политики лимитов в частности.

Лимиты, во-первых, должны варьироваться по районам, ибо совершенно естественно, что в нашем Союзе цены не могут не быть различными по отдельным местностям. Во-вторых, необходимо внимательнейшим образом присмотреться к тем конкретным ценам, которые получает крестьянин. Накладные расходы хлебозаготовительных организаций должны быть сведены к минимуму, ибо в отдельных местах из-за накладных расходов крестьянин получал несомненно все же низкие цены.

Эти дефекты в наступающий второй период заготовительной кампании должны быть полностью исправлены» [1]).

Что касается второго вопроса снабжения деревни промышленными продуктами, то «Наркомвнуторг уже приступил к составлению планов завоза важнейших промышленных продуктов в определенные хлебозаготовительные районы и имеет уже коекакой материал, доказывающий усиление хлебозаготовительных операций в связи с прибытием товаров».

«Наркомвнуторгу... надо принять ряд мер к тому, чтобы промышленные продукты дошли до крестьянина на самом деле по сниженным ценам».

Если все эти мероприятия будут проведены, то можно рассчитывать на повышение хлебозаготовок. Во всяком случае, обе кампании — налоговая и хлебозаготовительная должны стоять в центре местной работы.

Успешное проведение этих кампаний является одной из крупных задач нашей хозяйственной жизни.

---

[1]) Это и ниже—из передовой „Экономич. Жизнь“ № 337.

А. Стецкий.

Экономические пружины американского „наступления“.

I. Промышленный под'ем 1923 г.

Одним из важнейших моментов международного положения является поворот внешней политики Соединенных Штатов С. А. От политики гордой изолюции—«splendid isolation» и отстранения от европейских дел Соединенные Штаты на протяжении этого года переходят к активному вмешательству в эти дела и экономическому «наступлению» на Европу, что находит свое выражение в разработке вопроса о репарациях—плане Дауэса, в растущем экспорте капиталов в Европу—предоставлении займов Германии, Франции и стремлении расширить товарный экспорт в Европу. Эта активная политика носит чрезвычайно агрессивный характер, который вообще отличает высоко развитой финансовый капитал. Президентские выборы прошли под лозунгом активной внешней политики. Ее символом явилась кандидатура автора плана экспертов—Дауэса—дополнявшая кандидатуру Куллиджа. Этот принципиальный поворот, повидимому, определит американскую политику на более или менее продолжительное время. С ним необходимо считаться и необходимо присмотреться к тем экономическим процессам, которые его обусловили.

После окончания мировой войны кон'юнктура американского хозяйства приобретает чрезвычайно неустойчивый характер. Ее движение сопровождается резкими колебаниями, более резкими и с большим размахом, чем в остальных капиталистических странах (за исключением Германии, прошлогодний кризис которой пока стоит вне сравнения). Основой этих колебаний является то обстоятельство, что хозяйство С. Штатов, расширявшееся во время войны за счет военного спроса европейских стран, вышло из равновесия после того, как этот спрос прекратился и европейские страны вступили в полосу послевоенного кризиса—и до сих пор не может найти этого равновесия. Краткий под'ем 1919 г. сменяется жестоким кризисом 1920—21 года—самым острым из всех, которые когда-либо потрясали американское хозяйство. Вслед за тем начинается, однако, снова улучшение, переходя в под'ем 1923 года. Последний в свою очередь кончился в начале этого года.

Кризис 1921 года вызвал реакцию против Европы, которая представлялась главной виновницей бед, обрушившихся на Америку, и конкуренции которой опасались как фермеры, так и промышленники. Он вызвал к жизни идею изоляции. Последовавший затем под'ем 1922—23 г. укрепил надежды на стабилизацию капитализма и на возможность для американского хозяй-

ства обойтись без Европы и развиваться на базе своего внутреннего рынка. Следует остановиться на характеристике этого последнего под'ема, так как исход его разбил окончательно иллюзии американской буржуазии и послужил непосредственным толчком к новой ориентации американской политики.

Необходимо прежде всего отметить интенсивность и размах этого под'ема. Размеры производства в первый раз после войны перерастают уровень лучших годов военного расцвета. Этот под'ем производства прекрасно иллюстрируется индексом среднемесячного производства основных индустрий (уголь, нефть, сталь, текстильное производство и пр.) за военные и послевоенные годы. Этот индекс вместе с тем дает представление и о судорожных колебаниях американского хозяйства, колебаниях, которые показывают настоящую цену всех разговоров о стаблизации капитализма (ежемесячное производство 1919 г. принимается за 100) индекс американского Federal Resesue Board [1]).

1913 г. — 98	1917 г. —116	1921 г. — 80
1914 „ — 88	1918 „ —110,5	1922 „ — 98
1915 „ — 96	1919 „ —100	1923 „ —120
1916 „ —115	1920 „ —105	

Таким образом, в течение полутора лет после тяжелого кризиса, американская промышленность делает быстрый скачок вверх, увеличивая продукцию на 50% по сравнению с 1921 г.

Второй характерной чертой этого под'ема является то обстоятельство, что он происходил исключительно на основе внутреннего американского рынка. Об этом свидетельствуют следующие цифры внешней торговли Соединенных Штатов, приводимые тов. Варга (в миллионах долларов) [2]):

	1921	1922	1923
Вывоз	4.485	3.832	4.025
Ввоз	2.509	3.113	3.950
Излишки вывоза	1.976	719	75

Промышленный под'ем таким образом не сопровождался увеличением экспорта. Наоборот, его характерной чертой было увеличение импорта. Превышение экспорта над импортом было не только наименьшим за два последних десятилетия, но в течение четырех месяцев Соединенные Штаты имели пассивный торговый баланс—явление совершенно исключительное в их экономической истории.

		Ввоз.		Вывоз.	
Март	1923 г.	398.178	милл. дол.	341.377	милл. дол.
Апрель	„	364 230	„	325.492	„
Май	„	372.545	„	316 359	„
Июнь	„	320.357	„	319.957	„

Любопытно, что рост ввоза происходил, несмотря на введение новых запретительных пошлин: «емкость внутреннего рынка оказалась так велика, что сильно возросшая продукция Штатов не могла удовлетворить его: голландские кирпичи, французское железо, английский уголь—все шло в Америку и легко раскупалось» [3]).

Толчок под'ему был дан со стороны транспорта и строительства. Во время войны «реальное накопление было недостаточным

[1]) „Социалистическое Хозяйство“ IV 1924 г.
[2]) Варга. „Под'ем или упадок капитализма“ 1924 г., стр. 23.
[3]) Варга. Там же, стр. 23.

и в Соединенных Штатах. Слишком мало строили, слишком мало обновляли железнодорожное оборудование. Колоссальное оживление в строительной деятельности и чудовищно большие заказы железных дорог на ряду с автомобильной промышленностью явились важнейшими факторами экономического под'ема» [1]). Последний был таким образом **обусловлен процессами восстановления, а по некоторым отраслям расширения, основного капитала страны.**

Развертывание строительной деятельности и восстановление транспорта характеризуются следующими данными.

Стоимость законтрактованных построек составляла в среднем ежемесячно:

в 1920 г.	211.102 т. дол.
в 1921 г.	196.647 т. дол.
в 1922 г.	279.410 т. дол.

Количество паровозов, изготовленных для американских железных дорог составляло:

за 1921 г.	830
за 1922 г.	1066
за 1923 г.	2986

Производство автомобилей, которое равнялось в 1922 году 193,053 штуки пассажирских ежемесячно, в январе 1923 года составляет 223,653 и затем, непрерывно возрастая, доходит в мае 1923 г. до 350.073 штук. [2]).

Заказы железных дорог, расширение автомобильной промышленности и рост строительной деятельности должны были дать толчок прежде всего отраслям **тяжелой индустрии** и **производству строительных материалов**. Действительно, именно в этих отраслях под'ем достигает наивысшего уровня, в то время как производство предметов широкого потребления, хотя и переживает также под'ем, однако не в таком размере. Об этом можно судить по индексу месячного производства на высших точках под'ема (среднемесячное производство 1919 г. =100):

	Цемент и кирпич	Дерев. мат.	Железо сталь	Текстиль	Кожев. и обув произ.
1922 г. сред. мес.	126	114	99	107	97
Март 1923 г.	142	147	143	126	125
Апрель	149	138	140	123	112
Май	164	165	150	130	112

Таким образом, в то время как производство железа и стали поднялось в весенние месяцы прошлого года на 50% по сравнению с среднемесячным производством 1919 г., текстильное производство поднялось на 30% и кожевенное лишь на 20%. Это обстоятельство само по себе указывает на известную ограниченность под'ема, на то, что рост массового потребления, на котором прежде всего базируется легкая индустрия, отставал от роста промышленности. Как увидим далее, это действительно имело место по отношению к важнейшему потребителю Соединенных Штатов—классу **фермеров**. При таких условиях под'ем не мог долго продолжаться. Он должен был натолкнуться на ограниченность потребления и разбиться об это препятствие. В действительности это и произошло.

[1]) Варга. Там же, стр. 24.
[2]) Цифры из статьи Денике „Социалистическое Хозяйство" IV. 1924 г.

II. Причины перелома коньюктуры.

Высокая кон'юнктура продолжалась до весны этого года. С марта наступает депрессия, которая переходит летом в типичный кризис, сопровождающийся резким сокращением производства основных отраслей и сокращением товарооборота. Каковы причины этого резкого перелома кон'юнктуры? В одной из корреспонденции в № 30 Wirtschaftsdienst» от 25 июля дается довольно правильный ответ на этот вопрос. «Колоссальный искусственный рост спроса на американские продукты во время войны вызвал настолько чрезмерное расширение производственного аппарата, что теперешнее внутреннее потребление не может его удерживать на прежней высоте. Депрессия же европейской промышленности подействовала на американскую хозяйственную жизнь двояким образом. Она прежде всего уменьшила спрос на сельско-хозяйственные продукты Соединенных Штатов, чем в свою очередь ограничила покупательную способность фермерского хозяйства, от которой существенно зависит внутренний сбыт промышленной продукции. Она далее принудила европейские страны, расплачиваясь за неотложно необходимые покупки, обращаться к своим денежным резервам [1]). Отсюда непрекращающийся приток золота в Соединенные Штаты»...

Здесь указываются общие причины послевоенного кризиса американского хозяйства. Сказанное здесь одинаково приложимо и к кризису 1921 года. Однако, то обстоятельство, что теперь, после периода процветания снова и снова приходится возвращаться к этим общим проблемам, лишний раз доказывает всю тщетность усилий американской буржуазии создать самодовлеющее хозяйство, отгородившись от остальных стран, и таким путем найти выход из послевоенного мирового кризиса.

За время военного расцвета производственный аппарат американской промышленности расширился настолько, что теперь он не может быть использован (особенно в тяжелой индустрии) полностью даже во время самой высокой кон'юнктуры. Возможной производительности угольных копей в 750 миллионов тонн в год соответствовала в 1922 году при хорошей кон'юнктуре емкость рынка в 500 миллионов тонн. Металлургия расширилась за время войны на 50%. Следствием является то, что даже в рекордный месяц март этого года стальная индустрия работала лишь с 93,8% нагрузки, а в апреле нагрузка составляла уже только 76,8%. Невозможность полного использования производственных ресурсов в течение шести лет после окончания войны, не говоря уже о дальнейшем развитии их, развитии, которое является законом капиталистического производства, придает состоянию основных отраслей тяжелой индустрии характер хронического застоя, депрессии. Вместе с тем наличие неиспользуемого производственного аппарата обостряет движение кон'юнктуры: при малейшем толчке производство может быть легко расширено, доведено до предела, так как для этого не нужно производить никаких больших дополнительных затрат. Отсутствие задержи-

[1]) Автор заметки совершенно не учитывает запретительной политики Соед. Штатов, которая в этом отношении играет главную роль, ограничивая ввоз в Соединенные Штаты.

вающего момента—в виде необходимости при расширении производства строить дополнительные мастерские, увеличив оборудование—делает возможным быстрый и резкий под'ем производства и в результате такое же быстрое и неожиданное его сокращение.

Все это блестяще иллюстрируется развитием кон'юнктуры в течение последних двух лет. Крупные железнодорожные заказы, развитие строительной деятельности дают толчок промышленности. Продукция чугуна и стали в 1923 г. увеличивается в два с половиной раза по сравнению с 1921 г. С конца 1923 года железнодорожные заказы сокращаются: в марте 1923 года они составляли 2.316, в январе 1924 года всего лишь 376. Вместе с тем наступает сокращение строительной деятельности: в первом квартале этого года она значительно расширяется еще в Штате Нью-Йорк, зато в остальных Штатах она сокращается на 10% по сравнению с 1923 г. В результате резкий скачок производства вниз: производство основных отраслей тяжелой промышленности падает в течение летних месяцев почти в два раза по сравнению с предыдущим годом.

Сокращение железнодорожных заказов, которое говорит о завершении процесса восстановления железных дорог, и сокращение строительной деятельности отчасти вследствие того, что острый недостаток жилищ оказался в 1924 г. и, особенно в провинции, преодоленным в результате колоссального строительства последних лет, отчасти потому, что увеличение издержек строительства за последние годы и высота арендной платы сокращает спрос на жилища,—послужили непосредственной причиной перелома кон'юнктуры. Однако помимо этой непосредственной причины, которая скорее указывает на узость базы высокой кон'юнктуры прошлого года, действовала в направлении ухудшения другая причина—более общая и значительная. Дело в том, что параллельно под'ему промышленности развертывался кризис сельского хозяйства С. Штатов. Именно на этот кризис натолкнулась и на нем потерпела крушение высокая кон'юнктура американской промышленности.

Этот кризис сельского хозяйства Соединенных Штатов имеет то общее с кризисом их промышленности в послевоенный период, что он также является частью мирового кризиса, вызван теми изменениями и нарушениями равновесия, которые произвела в мировом хозяйстве война. Так же как и американская промышленность, американское сельское хозяйство расширялось во время войны за счет европейского военного спроса. Экспорт сельскохозяйственных продуктов непрерывно увеличивался во время войны за счет, главным образом, русского экспорта. В то время как до войны из всего урожая пшеницы экспортировалось 14%, во время войны экспортная доля урожая пшеницы возросла до 27%.

Сокращение европейского спроса в результате хозяйственного кризиса, восстановление связей между европейскими аграрными и промышленными странами, вызвали падение цен на продукты фермерского хозяйства С. Штатов. Действие этого понижения цен сельско-хозяйственных продуктов было усилено политикой трестов, направленной к повышению цен на промышленные товары. В результате—расхождение цен на промышленные и сельско-хозяйственные товары, появление американских «ножниц», которые сильно подрезали фермерское хозяйство. Индексы

американского Бюро Статистики Труда, относящиеся к октябрю прошлого года, дают следующую картину ножниц:

Общий индекс цен	153
Индекс с.-хоз. продуктов	144
Материи и платьев	199
Материалов для освещ. и отопления	172
Строительных материалов	182

Это неблагоприятное соотношение цен разоряло фермерское хозяйство. По данным департамента земледелия весь капитал, вложенный в сельское хозяйство, приносил 6,2% в 1919—20 г., 1,4% в 1921—22 г., 3,1% в 1922—23 г., и столько же в 1923—24 г. В то же время амортизация и уплата по разного рода обязательствам составляли 6,7%. Естественным следствием этого положения было оставление ферм и непрерывное сокращение посевной площади [1]).

В тысячах гектаров.

	1924	1923	1918/22	в % в 1918/22 г.
Озимая пшеница	14.932	15.994	17.273	86,4
Яровая	6.847	7.602	8.791	77,9

Таким образом, в текущем году посевная площадь озимой пшеницы уменьшилась на 13,6%, а яровой—на 22,1% по сравнению с 1918/22 г.

Параллельно сокращению посевной площади и понижению цен сельско-хозяйственных продуктов идет процесс уменьшения доходности сельских хозяйств. По данным департамента земледелия, чистый доход сельского хозяйства составлял [1]):

В миллионах долларов.

1919/20	1920/21	1921/22	1922/23	1923/24
4,954	438	865	1,916	1,863

За вычетом платежей по всем обязательствам соответственно: 4,057 милл. долл. для 1919—20 г., 964 милл. долл. для 1922—23 г. и в 921 милл. долл. для 1923—24 г.

Если учесть то значение, какое имеет фермерское хозяйство для американской промышленности, то станет ясно, что при таком ходе дел в первом под'ем промышленности не мог долго продолжаться. И приходится лишь удивляться тому, что высокая промышленная кон'юнктура могла продержаться в течение целых двух лет.

III. Кризис 1924 г.

Выше указывалось, что уже к январю произошло резкое сокращение железнодорожных заказов. Количество невыполненных заказов стального треста точно так же уменьшается к началу 1924 г. Однако тяжелая промышленность продолжает давать в течение первых месяцев этого года рекордные цифры продукции—в марте, напр., по углю 53 милл. тонн против 49 милл. средне-месячной продукции за прошлый год, по железу—3.500 тыс. тонн против 3,392 тысяч по стали 4.225 тысяч против 3.682 т. тонн. Однако в легкой индустрии уже к началу года начинает проявляться депрессия. Производство сокращается. Индекс

[1]) «Bulletin Statistique Agricole et Commercial», Octob. 1924 г.
[2]) «Economist» от 6/IX 1924 г., стр. 383.

производства текстильной и кожевенной промышленности дает следующие показания:

	I полугод. 1923 г.	II полугод. 1923 г.
Текстильная промышл.	121	101,5
Кожевенная и обувная	112	98,5

Этот ход развертывания кризиса подтверждает наше положение относительно того, что под'ем кон'юнктуры уперся в кризис сельского хозяйства и что главную роль в переломе кон'юнктуры сыграла ограниченность спроса со стороны фермеров. С апреля начинается сокращение производства тяжелой промышленности, при чем это сокращение происходит чрезвычайно резко: на протяжении трех месяцев продукция стали сокращается больше чем в 2 раза.

Относительно общего хода развертывания кризиса можно судить по тому же индексу производства основных индустрий (уголь, нефть, чугун, сталь, текстиль, кожевенная и табачная промышленность).

1924 г.					
и II	III	IV	V	VI	VII
120	116	114	103	93	94

В общем к июлю этого года производство основных индустрий составляло лишь около 70% производства прошлого года.

Индекс производства по отдельным отраслям дает еще более яркую картину быстрого и резкого развертывания кризиса [1]).

	1923 г.		1924 г.				
	VI	VII	III	IV	V	VI	VII
Чугун	147	144	131	127	101	81	70
Сталь	136	126	142	121	92	74	67
Потреб. хлопка	108	95	92	97	80	70	71
Потр. шерсти	114	112	101	97	93	88	83

Что касается абсолютных цифр продукции, то они дают следующую картину [2]):

	В милл. тонн.		
	VII 1923 г.	VII 1924 г.	в % к 1923 г.
Уголь	45.114	31.610	77%
Чугун	3.737	1 814	48%
Сталь	3.579	1.899	52%
Произ пас. автомобилей	378.000 шт.	243.000 шт.	64%

Если принять во внимание, что даже и в прошлом году производственные возможности тяжелой промышленности не были целиком использованы, то картина так резко развернувшегося кризиса станет еще ярче.

Статистика не указывает еще, к сожалению, какое влияние произвело это резкое сокращение производства на рабочий класс. Но не подлежит сомнению, что все эти явления должны были вызвать такое же резкое увеличение армии безработных и вместе с тем давление на заработную плату.

Одним из любопытнейших явлений этого кризиса было то, что он сопровождался избытком денежных капиталов и чрезвычайно низким учетным процентом. Обычно при развертывании

¹) „Statist“ от 26/IX 24 г.
²) Обзоры лондонского „Economist'а“ за август—сентябрь.

кризиса происходит как раз обратное: возникает острый недостаток денежных капиталов, и учетный процент подскакивает вверх. Между тем летом этого года американские федеративные банки не только не повышают учетный процент, но вынуждены понижать его по мере развития кризиса. В то время как в прошлом году учетные ставки федеративных банков составляли 4½%, а в 1920—21 году 7%, к августу этого года они снижаются до 3%. Кризис промышленности сопровождается кризисом банков, но не вследствие недостатка, а вследствие избытка денежных капиталов, не находящих себе применения. Корреспондент «Wirtschaftsdienst» следующими политическими словами характеризует состояние денежного рынка Соединенных Штатов в июле: «Никогда еще не существовало такого огромного количества средств, ищущих применения, никогда еще учетный процент федеративных банков не достигал такой ненормально низкой цифры 3½% (с тех пор он снизился до 3%! А. С.), в то время как процент за краткосрочный кредит снизился с марта по май с 4 до 2%. В результате этого банки, несмотря на все свои богатства, оказываются не в состоянии прибыльно работать и потому сейчас следует говорить о кризисе банковского кредита» [1]).

Эта своеобразная инфляция денежных капиталов явилась результатом непрерывного золотого потока, шедшего в Соединенные Штаты во время и после войны. Европейские страны, не имевшие возможности расплачиваться с Соедин. Штатами за свои покупки товарами, сначала вследствие мобилизации своей промышленности на военные нужды, а потом вследствие послевоенного кризиса и американских запретительных пошлин расплачивались и расплачиваются с Соединенными Штатами золотом. В то время как до войны вывоз золота превышает ввоз, с 1915 года начинается обратный поток. Излишки ввоза золота над вывозом составляли:

(бюджетный год по 30/VI)

1921 г.	511,309	тысяч долл.
1922 г.	440 965	„ „
1923 г.	235.068	„ „
1924 г.	406 816	„ „

«В то время как золотой запас страны составляет теперь около 4,5 миллиардов долларов, одни только федеральные банки сосредоточивают в своих руках около 3,2 миллиардов. По сравнению с 2 миллиардами в ноябре 1920 г. высшего пункта первой большой инфляции золота, это обозначает прирост золотых резервов федеральных банков на 1,2 миллиарда в течение 3 лет.

В то же время банковские вклады страны оцениваются в 50 миллиардов долларов, а банковские ссуды в 40 миллиардов [1])».

Эти неслыханные размеры золотой инфляции дали повод некоторым буржуазным экономистам считать самый хозяйственный кризис Соединенных Штатов следствием этой инфляции. Разумеется это не так. Буржуазные теоретики хватаются по своему обыкновению за побочное, хотя и наиболее бросающееся в глаза явление. Как условия под'ема, так и ход развертывания кризиса убеждают в том, что имеются более глубокие и общие

¹) „Wirtschaftsdienst“ № 30.
²) „Wirtschaftsdienst“ № 33 от 15/VIII

причины последнего—причины мирового масштаба, а именно: нарушение равновесия мирового хозяйства в результате войны, нарушение, которое действует, как на американскую промышленность, так и на сельское хозяйство. Избыток денежных капиталов, не находящих применения при наличии хозяйственного кризиса, является лишь доказательством глубины и серьезности этой болезни, против которой оказываются бессильны даже деньги, этот жизненный элексир и первый двигатель капиталистического общества. Вместе с тем явления денежного рынка, сопровождавшие кризис, показывают, что выход из положения не может быть найден внутри страны, своими средствами, а лишь путем «оздоровления» мирового хозяйства. Американский капитал предпринимает эту попытку теперь испытанными средствами финансового капитала, средствами насилия и закабаления других стран. На этой политике он сломит себе шею.

* * *

Кризис 1924 года окончательно разбил иллюзии изоляции и возможности существования Соед. Штатов, как обособленного, самодовлеющего хозяйственного организма. «Убеждение, что изолирование американского хозяйства внутри мирового, несмотря на могущество и об'ем первого,—попросту невозможно,—проникло повсюду. Эта иллюзия (изоляции) составляла, как известно, хребет американской политики со времени падения Вильсона. Теперь покровы ограниченности оказываются разорванными» [1]).

Упадок сельского хозяйства, кризис промышленности и кризис денежного рынка, необходимость найти сбыт избыточным товарам и приложение избыточным капиталам, не дающим внутри страны нормальной прибыли,—все это толкает американскую буржуазию на путь активной внешней политики, на путь экономического и политического наступления—прежде всего на Европу с целью овладеть рынками для сбыта товаров и для приложения своих капиталов.

«Во всяком случае, теперь возникла растущая склонность искать приложения для американского капитала за границей, где проценты выше и останутся выше некоторое время. Это несет с собой увеличивающееся «мирное проникновение» американского капитала в европейское хозяйство и в европейские политические отношения, по всей вероятности, также «долларизацию» европейских финансов и превращение доллара в мировые деньги» [2]).

Это «мирное» наступление американского капитала началось политически проведением плана Дауэса, который является ничем иным, как попыткой создать необходимые политические условия, установить «порядок», необходимый для возможности прибыльного приложения американского капитала в Европе—прежде всего в Германии—и для эксплоатации этой страны. Экономически это наступление началось в форме экспорта денежного капитала в европейские страны. За первые шесть месяцев этого года банками С. Штатов было вложено в иностранные займы 320.940 тысяч долларов, тогда как за весь 1923 г. было

[1]) «Wirtschaftsdienst» № 30.
[2]) «Wirtschaftsdienst» № 30.

инвестировано 242.845 тыс., за 1922 г.—431.305 т. и 379.270 за 1921 г. [1]).

Для осуществления этого наступления сомкнутым фронтом американские банки по последним сведениям организовали специальный банковский трест с капиталом в 30 милл. долларов для операций в Европе. Новый концерн образован по образцу «Америкэн энд Континенталь Кропорейшэн», занимавшийся давно операциями в Англии и на континенте, и последняя кампания участвует в новой. Концерн предполагает заняться исключительно международными банковскими операциями и первым полем его деятельности явится Германия [2]).

Каковы в действительности методы «мирного» проникновения» американского капитала можно видеть на примере Германии. Это «проникновение» осуществляется могущественной страной финансового капитала и отличается той агрессивностью, которая вообще свойственна высокоразвитому финансовому капиталу. Необходимым условием приложения капитала является гарантия прочности капиталистического порядка, гарантия возможности регулярного извлечения прибылей. Эти гарантии на вложенный капитал американская буржуазия стремится создать путем осуществления политического и экономического контроля над Германией, превращения ее в свою промышленную колонию.

Социал-демократы приветствуют выступление американского капитала в Европе, как начало новой эры пацифизма и сотрудничества между народами. Эту эру «сотрудничества» склонны переоценивать—в другой плоскости, конечно, как сотрудничества англо-американского капитала с целью эксплоатации Европы,—некоторые из наших товарищей [3]). Первые шаги проведения плана Дауэса—известное выступление верховного комиссара по поводу $25^0/_0$ отчисления с германского экспорта—у ж е опрокидывают эти построения. Эти конфликты на первых же порах осуществления англо-американского «сотрудничества» доказывают обратное: что принятие проекта Дауэса Лондонской конференцией было бы концом борьбы между англо-американским капиталом, а началом этой борьбы. Развертывание последней будет происходить по мере того, как будет расширяться фронт американского наступления на Европу.

IV. Ближайшие перспективы.

Хозяйственный кризис Соединенных Штатов, так резко развертывавшийся летом этого года, был осенью задержан в своем дальнейшем развитии. С конца июля начинается довольно определенное улучшение кон'юнктуры, которое сказывается и по линии производства и по линии обращения товаров и денежных капиталов. Это улучшение будет продолжаться—насколько можно предвидеть—в ближайшие месяцы, по всей вероятности, в течение всего предстоящего года. Чем же об'ясняется этот новый, неожиданный перелом кон'юнктуры в сторону повышения?

Он целиком обусловлен выяснившимися результатами как американского, так и мирового урожая хлебов. Эти результаты

[1]) «Statist». 1/XI 1924 г.
[2]) «Economist», 1/XI 1924 г.
[3]) См. выступления т.т. Троцкого и Радека.

и их следствия имеют и будут иметь в ближайшее время чрезвычайно важное значение для дальнейшего развития кон'юнктуры в Соедин. Штатах и потому необходимо на них остановиться.

Предварительные подсчеты дают следующую картину мирового урожая пшеницы в текущем году [1].

В миллионах двойных центнеров.

	1924	1923
Европа	300	344
Канада	79,4	129,1
Соедин. Штаты	227,7	213,8
Брит. Индия	99,1	101,4
Франц. Северн. Африка	12,8	18,0
Египет	10,1	11,1
Страны Южного Полушария	119,0	123,0
Мировой урожай	848,0	940,0

Таким образом, в текущем году мировой урожай круглым счетом на 10% ниже прошлогоднего. В Канаде урожай на 40% хуже прошлогоднего! *Понижение урожая дают все страны, за исключением Соединенных Штатов.* В последних, несмотря на сокращение посевной площади на 6,6% под озимую пшеницу и 10% под яровую—урожай на 6,5% выше, чем в прошлом году. Такова же картина по ячменю, овсу и лишь сбор кукурузы в Соединенных Штатах дает уменьшение.

Эти обстоятельства значительно меняют хозяйственную обстановку Соедин. Штатов и прежде всего положение фермеров. Последствия результатов мирового урожая уже сказались в Соед. Штатах ростом спроса на американскую пшеницу и увеличением ее вывоза в Европу, быстрым повышением хлебных цен и ликвидацией американских «ножниц».

Цены на пшеницу поднялись почти в *полтора раза* по сравнению с предыдущим годом. Цены за бушель пшеницы на короткие сроки дают следующую картину:

Октябрь 1923 г.	107,62 цента
Апрель 1924 г.	102,12 „
Октябрь „	146,25 „

Повышение по сравнению с октябрем прошлого года на 43%! Для фермеров представляется теперь полная возможность поправить свои дела. Если оценить урожай пшеницы Соед. Штатов по ценам октября, то стоимость этого урожая составит 1 246 милл. долларов, тогда как стоимость прошлогоднего урожая составляла по ценам октября 1923 г. всего лишь 864 милл. долларов. Это означает увеличение фермерского дохода в полтора раза. Вместе с тем повышение хлебных цен радикально меняет и соотношение цен на сельско-хозяйственные и промышленные товары: оно ликвидирует «ножницы». В октябре прошлого года при общем индексе в 153 индекс сельско-хозяйственных продуктов составлял 144. Теперь при общем индексе в 150 индекс цен на пшеницу составляет 215.

[1] «Wirtschaftsdienst», № 44 и «Bulletin Statistique Agricol et Commercial», Octobre 24.

Вполне понятным становится поэтому тот перелом кон'юнктуры и новое улучшение ее, которое начинается с осени этого года. Одна из важнейших причин так остро развернувшегося летом этого года кризиса—ограниченность фермерского спроса вследствие кризиса сельского хозяйства, оказывается на ближайшие месяцы парализованной. Исключительно благоприятная обстановка, создавшаяся для сельского хозяйства США в результате мирового урожая, неизбежно вызовет рост фермерского спроса на продукты промышленности и тем самым значительное увеличение емкости внутреннего рынка, которое и явится базой нового оживления кон'юнктуры и под'ема промышленности. Основные показатели уже говорят о расширении товарооборота и банковских операций, об увеличении промышленной продукции. По углю, чугуну и стали имеются следующие данные:

В миллион. тонн.

	VII 1924	VIII 1924
Уголь	36.347	37.968
	VII 1924	IX 1924
Чугун	1.814	2.049
Сталь	1.899	2.809

Общая сумма оборота рассчетных палат страны за первую неделю октября показывает оживление банковских операций даже по сравнению с прошлым годом.

В милл. долларов.

Перв. неделя октября 1923 г.	8.406
„ „ „ 1924 г.	9.331

Учетный процент продолжал, однако, оставаться в течение октября на прежнем низком уровне около $3^1/_4$%.

Американские дельцы, потирая руки, говорят о новом продолжительном периоде процветания—«prosperit », открывающемся теперь для США. Так ли это и действительно ли окажется прочным и продолжительным улучшение, которое теперь начинается.

Оно является результатом хорошего урожая в США и плохого урожая во всех остальных странах. Таким образом, оно обусловлено совершенно случайным и временным стечением обстоятельств. Будь в остальных странах средний урожай, в Советском Союзе тоже картина была бы совершенно иная: целый ряд новых позиций у американского сельско-хозяйственного экспорта был бы отвоеван, этот экспорт сократился бы еще больше и благоприятный урожай, который является теперь для С. Штатов ключем к благополучию, хотя и кратковременному, явился бы для них источником новых бедствий. Кризис сельского хозяйства и кризис промышленности обострились бы еще более и США имели бы повторение 1921 года. Случай выручил на этот раз американский капитализм.

Однако, само собой разумеется, что это стечение обстоятельств не является решением вопросов, стоящих перед С. Штатами. *Основные проблемы — проблемы внешнего рынка для американского сельского хозяйства, внешнего рынка для промышленности, экспорта перена-*

коплепных денежных капиталов — остаются, лишь смягчается их острота — самое большее до нового урожая. Американские дельцы отлично понимают это. Поэтому, говоря о новом открывающемся под'еме, они непременным условием его продолжают считать участие в «реконструкции» Европы, продолжение той политики, которая была начата планом Дауэса и моргановскими махинациями.

Наступление американского финансового капитала на Европу будет итти своим чередом. Но по мере развертывания этого наступления будут развертываться старые противоречия и конфликты между крупнейшими странами, вырастать новые, связанные с американским выступлением, обостряться классовая борьба внутри этих стран. Не пальмовую ветвь пацифизма, но меч новых военных потрясений и новых класовых битв несет с собою американский капитал.

Федоров.

К событиям в Египте.

Египет до сих пор занимает небольшое место в нашем общем внимании. Отныне он обещает оставаться в поле нашего зрения, как один из важнейших пунктов, концентрирующих империалистическую стихию капиталистического мира. О нем стоит поэтому рассказать несколько подробней.

Известно изречение Гегеля о географии, как «подкладке всемирной истории». Нет сомнения, что в истории Египта география сыграла огромную роль. Египет, прежде всего, является созданием реки Нила. Географически он является продолжением великой сахарской пустыни, и без Нила он был бы так же мертв, как и она. Но Нил—длиннейшая река не только Африки, но и всего мира —имеет свойство один раз в год разливаться и при этом оставлять на поверхности ил, содержащий особое органическое вещество, принесенное его водами с гор центральной Африки, откуда начинаются его истоки. Этот ил является тем удобрением, которое делает Египет одной из самых плодородных стран в мире. С другой стороны, Египет лежит на одном из важнейших перекрестков великих мировых торговых путей из Африки в Азию и из Азии в Европу, через Средиземное море. Благодаря этим двум особенностям, Египет уже за пять тысяч лет до нашего счисления, выступает на историческую сцену, как могущественное государство, развивает торговлю и промышленность и кладет основание ряду естественных и математических наук и изящных искусств, которые в течение дальнейших веков распространяются по всему побережью Средиземного моря и находят свое высочайшее выражение в культуре древней Греции. По той же причине, однако, Египет с древнейших времен является предметом вожделений соседних государств, и вся его история вплоть до XVI столетия нашей эры является одним непрерывным чередованием периодов порабощения и освобождения, при чем продолжительность времени, когда Египет находился во власти других держав, в совокупности, даже превышает те промежутки, когда он был свободен. В чьих только руках Египет не побывал! Над ним властвовали ассирийцы, вавилоняне, персы, греки, римляне, византийцы, опять персы, затем арабы и, наконец, турки. Во власти турок Египет как бы застыл на три столетия, благодаря тому, что с захватом турками Передней Азии и Передней Африки, вся громадная торговля с Востоком по сухому пути прекратилась, торговые пути перенеслись на Атлантический океан, и весь Восток, а с ним и Египет, замерли и экономически заглохли. Никто больше не интересовался Египтом: только турки извлекали оттуда богатые доходы, благодаря трудолюбию и бесправному положению его населения. Лишь в конце XVIII и в начале

XIX столетия Египет вновь выдвигается на историческую авансцену Наполеоном, который через Египет мечтает ударить в Индию по древнему пути, пролегающему через Суэцкий перешеек и Мессопотамию. Затем, однако, Египет опять исчезает с европейского горизонта до конца 60-х годов. В это время с Египтом происходит большое несчастье: французская техника и французский капитал прорезывают Суэцкий перешеек каналом, соединяющим Средиземное море с Красным и создающим кратчайший морской путь в Индию из европейских вод. Для Англии, владычицы морей и владычицы Индии, это событие имеет кардинальное значение, и немедленно она ставит задачей своей политики захват этого пути. Она опутывает правителей Египта густой паутиной займов, и когда правителей, как и можно было ожидать, постигает банкротство, она устраивает для Египта нечто в роде плана Дауэса: назначается международная финансовая комиссия, в которой Англия играет главную роль, под обеспечение платежей захватываются поступления из таможен и из налогов, на все главные посты ставятся иностранные и, главным образом, английские чиновники, и, в виде прототипа нынешнего генерального агента по репарациям, английский генеральный консул превращается в негласного резидента, фактически управляющего всем государством. Так как ни правителям Египта, ни народу такой режим не приходится по вкусу и в стране начинается революционное движение, то англичане вводят войска и окончательно воцаряются в долине Нила. Формально Египет остается провинцией оттоманской (турецкой) империи. Формально правитель Египта, носящий титул хедива, продолжает считаться генерал-губернатором и наместником турецкого султана в Константинополе. Формально само английское правительство не перестает уверять и Турцию, и Египет, и европейские державы в том, что ее оккупация лишь временная, вызванная необходимостью упорядочить египетские финансы, и что она нисколько не намеревается превращать Египет в свою колонию, а напротив, уйдет оттуда при первой же возможности. Но сущность, скрывавшаяся за этими формальностями, ничем не отличалась от колониального господства. Англия распоряжалась в Египте, как в любой из своих коронных колоний, держа весь финансовый, административный, судебный, школьный—словом, весь государственный аппарат—в своих руках, не подавая ни малейшего признака какого бы то ни было желания уйти, несмотря на то, что уже в начале 90-х годов финансовое состояние Египта перестало внушать кредиторам какие бы то ни было опасения. За этот период времени, в интересах ланкаширских прядилен, англичане развили в Египте огромную хлопковую плантацию и завели обширную оросительную систему специально на предмет расширения и укрепления хлопкового хозяйства, и, таким образом, приобрели сугубый интерес в сохранении за собой Египта в дополнение к тому, который она питала к Суэцкому каналу.

Так продолжалось вплоть до мировой войны. Нужно заметить, что и Франция со времени Наполеона не переставала мечтать о захвате этой интересной страны, и Англии за все время своей оккупации приходилось энергично отбиваться от французских притязаний. Только в 1914 году при заключении пресловутого «сердечного согласия» (антанты), соперницы пришли к соглашению: Англия отдала Франции непринадлежащее ей Марокко, а

Франция отдала ей непринадлежащий ей Египет. На этом разбойничьем дележе, прославленном в современной политической хронике, как «закрепление всеобщего мира», обе стороны сошлись, и Англия осталась единовластной госпожей нильской долины. Сам Египет реагировал на это непрошенное вмешательство и распоряжение его судьбами довольно слабо, и это об'яснялось его социальной структурой. Большую часть населения его составляли и составляют крестьяне, так называемые «феллахи», работающие отчасти на карликовых хозяйствах, но преимущественно на землях больших помещиков в качестве оброчных, половников или просто батраков. Нищета феллахов вошла в свое время в пословицу. Веками, можно сказать десятками веков, пребывая в состоянии невольничества или кабалы, египетские крестьяне, как и крестьяне во всем Востоке, глухо и беззвучно терпели экономическую эксплоатацию и политическую тиранию своих помещиков и своих правителей, неспособные к организации или к восстанию. На другом общественном полюсе стояла горсточка богатых помещиков и высших чиновников из пашей и беев, большей частью, даже не арабского, а турецкого происхождения, которые владели землей и феллахами, выкачивая несметные богатства из нильского ила и феллахского пота. Между обоими классами общественные поры заполнялись греками и армянами, которые представляли из себя торговый и финансовый элемент—скупщиков продуктов, ростовщиков, банкиров и прочее. В то время, как феллахи терпели английское иго, потому что они привыкли терпеть десятки веков всевозможные ига иностранцев, правящий класс пашей и беев легко мирился с английским владычеством, которое приобщало их к своему большому хлопковому делу. Что же касается до греков и армян, то они меньше всего имели оснований возмутиться оккупацией, так как они являлись посредниками между помещиками и феллахами, с одной стороны, и английскими банками, и английскими фирмами—с другой. Лишь в начале текущего столетия появляются первые ростки национального освободительного движения, носительницей которого, однако, являлись не феллахи и не высший класс, а молодая туземная интеллигенция, вышедшая отчасти из кулацких крестьян, а частью из буржуазных и помещичьих слоев, которая получила образование в европейских (преимущественно французских и швейцарских) университетах и не находила приложения своим силам в виду занятия лучших чиновничьих постов и «либеральных» профессий иностранцами, преимущественно англичанами. Во главе этой неспокойной интеллигенции становится, правда, один из пашей в лице молодого Мустафы-Кемаля. Но этот «паша» был из захудалых и только потому приобрел значение, что его тайком поддерживал сам хедив, которого англичане очень грубо третировали. Движение это одно время приняло острые формы, выливаясь даже в террористические акты, но англичане быстро овладели им, так как оно не имело под собой никаких народных корней.

Империалистическая война сразу изменяет положение. Как только Турция вступила в войну на стороне германской коалиции, англичане об'явили Египет независимым от оттоманской империи и провозгласили свой протекторат. Маргариновый парламент, который они сами же создали за пару лет до этого в виде уступки национальному движению, был упразднен, хедив, сочувствовав-

ший туркам, был низложен и на его место посажен другой, более надежный, с титулом султана, и формальная независимость Египта пришла к концу. Маска, которой англичане пользовались в течение 30 слишком лет, была, таким образом, сброшена, и все старые обещания, обязательства и договоры, которые определяли пребывание англичан в Египте лишь как оккупацию, были одним росчерком пера аннулированы. Египет опять не реагировал, несмотря на то, что англичане, повидимому, почувствовали некоторые опасения и ввели военное положение. Отчасти эта пассивность происходила от того, что одновременно англичане торжественно об'явили Египту, что не потребуют от него никакого участия в войне и не возложат на него никаких тягот для войны, но, главным образом, потому, что в египетском обществе, действительно, не было еще элементов, достаточно многочисленных и достаточно сильных, для национального революционного движения. Если бы англичане сдерживали свое слово и действительно все время войны оставили Египет в покое, их владычество, вероятно, и поныне не было бы поколеблено. В годы войны Египет, как и другие «нейтральные» страны, мог бы нажиться на военных поставках, мог бы доставлять по высоким ценам продовольствие и хлопок на военные нужды и вышел бы из войны не только невредимым, но и довольным. Англичане сами, однако, заложили под себя мину, из которой произошел революционный взрыв. Война, которая началась в Европе, очень скоро придвинулась к Египту в виде германо-турецкого наступления на Суэцкий канал и, одновременно, наступления англичан на галлиполийском полуострове для форсирования проливов. Англичане, не теряя времени, об'явили набор для создания «трудовых колонн» для работ по рытью окопов и созданию временных укреплений на канале и в Галлиполе. Вначале, проходивший под видом найма добровольцев, набор вскоре принял принудительные формы. По деревням ловили молодых, наиболее крепких феллахов и отправляли в рабочие батальоны, которые общей численностью никогда не падали ниже 150.000 человек. Работая под градом пуль и шрапнелей, в высшей степени тяжелых и несанитарных условиях страдая от недостатка пищи и одежды, состав этих батальонов гиб тысячами каждый день, и каждый день восполнялся свежими силами из египетского населения. Крестьяне пробовали восставать, разбегаться, но их ловили, жестоко наказывали и угоняли в неведомые края. Крестьянские хозяйства гибли сотнями, и стон стоял по всей стране. Не довольствуясь этим, англичане стали реквизировать вьючный и рогатый скот для транспорта и мясных заготовок. Деревня совершенно лишилась живой рабочей силы человеческой и животной и голод стал добивать уцелевшее население. И как бы в завершение этих злодейств, англичане под предлогом сбора в пользу Красного Креста (в магометанской-то стране) стали накладывать денежные контрибуции на богатых, выкачивая, таким образом, из страны миллионы для поддержания в Лондоне курса стерлингов. Все классы египетского народа были чувствительнейшим образом затронуты в своих жизненных интересах: даже помещики, которые очутились перед недостатком рабочих рук и рабочего скота на своих плантациях, почувствовали впервые ненависть к английскому игу, и, таким образом, в Египте создалась база для действительно национального движения. Оно и вырвалось наружу, как только в ноябре

1918 года заключено было перемирие на основе знаменитых 14 вильсоновских пунктов.

Оно началось с демонстраций, с требований уничтожения протектората и восстановления независимости Египта на основе провозглашенной союзниками программы самоопределения малых народов. А когда эти демонстрации стали подавляться английскими военными силами, движение приняло бурные формы кровавых столкновений и всеобщих забастовок. Бастовали студенты и учащиеся, так называемые либеральные профессии, и духовенство, чиновничество и туземная полиция, не взирая ни на какие репрессии, ни на какие угрозы. К движению присоединились на этот раз феллахи в деревнях, избивавшие английских чиновников и поджигавшие их дома или разбиравшие железнодорожные пути, по которым провозились войска, а напоследок в Александрии и Танте, двух наиболее крупных индустриальных городах, к движению пристал и городской пролетариат в лице железнодорожников, трамвайных служащих и рабочих на хлопкоочистительных и других немногих заводах и фабриках. Таким образом, движение охватило буквально все слои населения, оно шло волнами, то поднимаясь, то опускаясь, как у нас в 1905 г., приводя в замешательство английских хозяев и вынуждая английское правительство делать всевозможные и безуспешные попытки найти компромисс. Общий лозунг движения был—полная независимость и суверенитет Египта, включая вывод английских войск с египетской территории, удаление всех английских чиновников и воссоединение с Египтом Судана. Последний некогда был египетской колонией, потом отпал и был вновь покорен египетскими войсками под начальством английских генералов и превращен, фактически, в английскую колонию под видом «совместного» управления Египтом и Англией: Египет нес все расходы, а Англия поставляла генерал-губернаторов и чиновников. Причина, почему требование о возвращении Судана входило в национально-революционный лозунг, заключалась в том, что в горах и в озерах Судана получал свои истоки Нил, так что от того, кто владел Суданом, зависела вся жизнь Египта.

Всему этому англичане, конечно, долго не уступали и противопоставляли свою военную мощь. Дать независимость Египту означало распрощаться со всей политикой предыдущего столетия; вывести войска из Египта означало передать ему Суэцкий канал, одну из важнейших артерий британской империи; наконец, вернуть Египту Судан означало распроститься не только со своей властью над Египтом, но и пожертвовать теми огромными капиталами, которые англичане вложили в развитие хлопкового хозяйства в Судане. Между прочим, как уже было отмечено в нашей прессе, в этом хлопковом хозяйстве были заинтересованы материально самые высокопоставленные лица Англии, в том числе сам Керзон и вождь либералов Асквит. Ллойд-Джорж, в бытность свою премьером, совершенно откровенно заявил в палате, что Англия не может отдать Судан, дабы не подвергнуть опасности вложенные там английские капиталы. Только тогда, когда рабочие депутаты отозвались на это признание ироническим рукоплесканием, Ллойд-Джорж, спохватившись, прибавил, что Англия также взяла на себя «моральное» обязательство вывести Судан из состояния варварства и приобщить его к общечеловеческой культуре!

Около четырех лет длилась эта борьба, пока, наконец, англичане не решились на крайнюю меру: торжественной декларацией от 28-го февраля 1922 года Англия об'явила египетскому народу, что аннулирует протекторат и признает Египет независимым и суверенным государством, управляемым конституционным монархом, но вместе с тем, оставляет за собой решение совместно с египетским правительством вопросов о присутствии английских войск на египетской территории для защиты путей сообщения британской империи, о правах иностранцев, о государственном статуте Судана и о некоторых других, более мелких материях. Другими словами она возвращала Египту его независимость, давала ему право создавать парламент и ответственное министерство, отказывалась от прав и вмешательства в его внутренние и внешние политические дела, но оставляла за собой право содержать войска на египетской территории и управлять Суданом до того времени, как она придет к окончательному урегулированию этих вопросов в переговорах с египетским правительством!!

Нужно отметить, что в египетском национальном движении были три партии, из коих одна, так называемая «либерально-конституционная», под предводительством некоего Адли-паши, представляла из себя, в сущности, лишь английскую ширму, а другая, так называемая партия Ватан, представляла из себя наиболее революционно настроенную, вышедшую из первоначальной партии Мустафы-Кемаля группу, имевшую в своих рядах боевую террористическую организацию. Между обеими партиями, в виде национального центра, стояла партия Вафд под предводительством Заглула-паши, который до войны был противником Ватана и охотно принимал милости из рук англичан, но во время и после войны ставшего во главе разочарованных английскими поборами помещиков и богатых профессиональных классов. Для партии Адли-паши уступки, сделанные англичанами, были предостаточными, и она сразу перешла на сторону их, предлагая сформировать правительство для осуществления принципов, провозглашенных в декларации от 28-го февраля. Напротив же, Ватан с презрением оттолкнул предложенную англичанами масличную ветвь мира, заявив, что он будет продолжать борьбу против англичан до тех пор, пока ни один англичанин не останется на египетской территории и вся национальная программа не будет осуществлена целиком усилиями самого египетского народа. Партия Заглула тоже принципиально высказалась против декларации, но согласилась принять ее с тем, чтобы осуществить формальную независимость и затем начать дипломатическую борьбу с англичанами для разрешения резервированных ими вопросов в благоприятном для Египта духе. Огромное большинство пашей и интеллигенции пошли за Заглулом, тем более, что он в период революционной борьбы стяжал себе ореол мученика от рук англичан, дважды арестовывавших и выславших его на поселение в английские колонии. Фактически, таким образом, буржуазия и помещики, с оговорками и без оговорок, стали на платформу, предложенную англичанами. В последовавших затем выборах в первый парламент (выборах, происходивших на основе чрезвычайно «куцой» конституции и весьма реакционной избирательной системы) заглулисты получили подавляющее большинство, и Заглул стал первым премьером «независимого» и конституционного Египта. Напрасно ватанисты и вновь народившаяся в Александрии и отчасти Каире маленькая коммунистическая партия протестовала как против выборов, так и против всей тактики заглулистов и адлистов; их голос затерялся в общем ликовании победивших на выборах заглулистов, которые как некогда наши кадеты, мечтали закрепить «конституционным» путем сданные односторонним актом англичан позиции, а затем уже полагались на свое дипломатическое искусство и на легальные средства вообще, чтобы отторговать у них национальные права египтян и по остальным вопросам. С целью продемонстрировать свой конституционализм Заглул-паша тоже, как некогда наши кадеты,—обрушился всей силой своего красноречия и полицейского аппарата на крайние партии, рассаживая ватанистов и коммунистов по тюрьмам и устраивая им различные процессы за «заговоры» и подстрекательства к мятежу. Таким образом, между прочим, была разгромлена и маленькая коммунистическая партия, и разогнаны были небольшие, образовавшиеся в последний год, профсоюзы.

Увы, это все были «напрасные усилия любви»! Англичане поблагодарили Заглула за его умелое подавление беспокойных элементов и успокоение страны, но не обнаруживали никакого желания вступить с ним в переговоры по щекотливым вопросам о пребывании английских войск в Египте и о Судане. Напротив, когда летом этого года вопрос о Судане был поднят во вновь испеченном египетском парламенте, английское правительство в лице самого Макдональда и его коллеги, знаменитого пацифиста и представителя Англии в Лиге Наций, лорда Палмура, категорически заявило, что никаких уступок по этому вопросу не будет и не может быть. Это вызвало большое смятение в рядах заглулистов, и Заглулу, которому очень не хотелось ребром ставить эти вопросы, пришлось все же отправиться в Лондон, чтобы начать по ним переговоры. Переговоры оказались дружескими, но весьма лаконическими: с первых же слов Заглулу пришлось услышать от Магдональда, что английское правительство, даже рабочее, стоит обеими ногами на платформе своего предшественника—правительства Болдуина и Керзона. Макдональд даже предложил ему ту же комбинацию, которую еще в 1919 году предлагал Египту Керзон, а именно «союзный договор», который возложил бы на Англию «обязанность» охранять безопасность Египта и узаконил бы пребывание ее войск на египетской территории и управление Суданом на правах друга и союзника. Заглул, вероятно, знает Талейрана лишь по наслышке, но и он понял, что такой союз был бы, по выражению знаменитого французского дипломата, «союзом между всадником и лошадью». Заглулу оставалось лишь поблагодарить Макдональда за любезное предложение и двинуться обратно домой ни с чем.

Этот печальный исход и привел к последнему острому кризису. Опять, как в дни последовавшие за перемирием, учащиеся, духовенство, адвокаты, врачи и чиновники об'явили генеральную забастовку и вышли на улицу с демонстрациями против английского правительства. Но на этот раз к движению присоединился и Судан: не только местные туземные чиновники, но и расположенные там египетские воинские части вместе с суданскими об'явили себя солидарными с Египтом и на улицах Хартума и Омдурмана появились впервые враждебные англичанам массовые демонстрации. Возмущение военных частей особенно привело англичан

в негодование. Заработали военные суды, и множество офицеров и рядовых суданской армии жестоко поплатились за свое выступление. Макдональд и его «рабочее» правительство не постеснялись громогласно обвинить египетских националистов в подстрекательстве повстанческого движения в Судане. Египетский парламент торжественно отверг это обвинение, но нет сомнения, что египетские националистические агитаторы действительно участвуют в суданском движении. Ничего предосудительного в этом, однако, нет, и во всяком случае усилия их, несомненно, разбились бы о пасивность суданцев, если бы и среди последних не царило возмущения. Суданское правительство, т.-е. английские военные власти с генерал-губернатором и главнокомандующим английскими войсками во главе, с генералом Ли Стаком, понятно, отвечало на все выступления суданцев жесточайшими репрессиями, и в результате их сам Ли Стак поплатился жизнью: 19-го ноября, будучи в Каире и, собираясь вернуться на свой пост, Ли Стак, при выходе из своего автомобиля был встречен несколькими залпами со стороны семи студентов, выстроившихся на панели шеренгой. Он сам был смертельно ранен и на другой день умер, и с ним пострадало два лица, которые его сопровождали.

И в прошлые годы, даже после знаменитой декларации 28-го февраля, множество английских чиновников и офицеров пали жертвой террористических актов. Замечательно при этом было то обстоятельство, что ни в одном случае убийцы не были найдены, и никакие усилия полиции и никакие репрессии в виде огромных денежных штрафов против целых районов и городов не могли заставить население найти и выдать укрывшихся убийц. Так оно было и теперь: террористы по совершении акта сели в поджидавший их автомобиль и спокойно уехали, и не только их никто не задержал, но и по сию минуту никто из них не разыскан. Заглул-паша, конечно, бросился принести свои извинения высокому комиссару генералу Алленби и обещал произвести строжайшее расследование. Но для англичан этого было мало. Они решили воспользоваться случаем, чтобы разрубить гордиев узел и потребовали компенсации для семьи убитого генерала в размере 500.000 фунтов стерлингов, увода всех египетских войск из Судана и принятия английских финансовых и юридических советников. Египетское правительство соглашалось уплатить компенсацию, но отказалось принять последние два требования. Любопытно упомянуть для характеристики английской колонизаторской цивилизации, что для пред'явления своей ноты лорд Алленби направился к Заглулу в сопровождении целого полка и затем, ворвавшись к нему в кабинет и спросив его: понимает ли он по-английски, прочел ему, не дожидаясь ответа, свои требования. Когда же египетский министр финансов, во исполнение его финансовых требований, явился к нему с полумиллионным чеком, то он не удостоил его даже принять и выслал к нему одного из своих второстепенных секретарей. Так как египетское правительство отказалось вывести свои войска из Судана, ссылаясь на свои права, оговоренные в англо-египетском соглашении 1909 года, на основе коего до сих пор Судан управлялся, то англичане односторонним актом распорядились выслать их, а когда часть их отказалась итти, они окружили ее со всех сторон своими вооруженными силами и заставили ее сложить оружие. Англичане разрешили таким образом спор о пребывании египетских войск и о том, кому принадлежит Судан, обычным приемом империалистических насильников—мечом. Заглул-паша, ныне моральный банкрот, сдал бразды правления и ушел; преемник же его назначен англичанами из партии адлистов. Он распустил парламент и отдал приказ остальным частям египетских войск очистить Судан. Агрессивная политика нового консервативного кабинета Болдуина и его представителя в Египте, генерала Алленби, вызвала сильнейшее возбуждение, как в самой Англии, так и за границей. В самой Англии рабочая партия старается громким протестом затушевать тот факт, что ответственность за эти происшествия падает в первую голову на Макдональда. Смущение чувствуют и либералы в виду нового акта банкротства Лиги Наций, к которой английское правительство и не думало обратиться за посредничеством и которая сама отвергла протест, посланный ей египетским парламентом. Плохо, однако, чувствует себя и само консервативное правительство, которое, к своему неприятному изумлению, услыхало резкие голоса осуждения и во Франции и даже Соединенных Штатах. Конечно, это осуждение не совсем искреннее. Франция еще 20 лет тому назад отказалась от всякой заинтересованности в Египте; что же касается Соединенных Штатов, то и их правительство совершенно недавно оказалось повинным в подобной же агрессии по отношению к Персии: по случаю убийства американского вице-консула в Тегеране от рук толпы, которую он спровоцировал открытым актом неуважения к ее религиозным чувствам, оно заставило уплатить себе компенсацию в 60.000 долларов и вынудило казнь трех лиц, уличенных в участии в убийстве, несмотря на то, что один из них был несовершеннолетний, а другой—«сеид», т.-е. потомок Магомета, который по законам корана не подлежит смертной казни. И это, несмотря на все мольбы персидского правительства, которое указывало на эти обстоятельства и обязывалось содержать обоих виновников в пожизненном заключении. Но цивилизованным американцам нужна была кровь и она была пролита: три жизни за одну. Все же выраженное Соединенными Штатами и Францией осуждение политики Англии является для последней неприятным сюрпризом, как симптом существующего у них недоброжелательства к Англии.

Что происходит в самом Египте, сейчас еще неизвестно. Несомненно, заглулисты отныне сойдут со сцены, и руководство национальным движением перейдет к ватанистам впредь до того времени, как наша коммунистическая партия окрепнет и сумеет увязать национальные стремления египетского народа с материальными нуждами городского пролетариата и сельских феллахов. История английского владычества в Египте вообще была классическим образчиком империалистического проникновения и насилия. Последний его акт является звонким аккордом, венчающим всю пьесу и выявляющим ее внутренний смысл. В числе центробежных сил, разлагающих британскую империю, эту гигантскую организацию угнетения и эксплоатации сотен миллионов человеческих существ, египетское национальное освободительное и революционное движение, которому последний насильнический акт даст, без сомнения, новый толчок, займет далеко не последнее место.

Д. Марецкий.

Еще больше шуму или т. Теодорович гневается.

„Размахнулся тогда Кирибеевич“.

Напечатанная в «Большевике» № 7—8 неодобрительная рецензия т. Я. Берзтыса на книгу проф. Кондратьева и Н. П. Огановского «Перспективы развития сельского хозяйства СССР». по-человечески естественно вызвала острое неудовольствие тов. И. Теодоровича, под общей редакцией которого зародился и вышел в свет труд обоих вышеупомянутых ученых, и дало ему повод зело саркастически свое неудовольствие выявить в приведенной в прошлом номере статье «Много шума из ничего». Заголовок статьи, несмотря на его похвальное родство с изящной словесностью, несколько странен, поскольку по мысли т. Теодоровича он очевидно относится к тов. Берзтысу и редакции «Большевика». Ибо, если в ответ на небольшую журнальную рецензию пишется длиннущая статья, то даже беря за критерий столь обожаемый самим т. Теодоровичем принцип «распространения пространства», заслуженную пальму победы по части «многошумности» придется вручить ему самому. Тов. И. Теодорович легко и сам это заметит, когда несколько «внимательнее и добросовестнее» поприглядится на себя в зеркало.

Для того, чтобы до основания сокрушить неприятную деловую рецензию, тов. Теодорович счел нужным не больше и не меньше, как мобилизовать художественно-сатирическую литературу обоих полушарий и целой лавиной стремительно двинуть ее на ничего не подозревающего товарища Берзтыса. Чего, чего только нет у т. Теодоровича! И персонажи гоголевские, и персонажи купринские, и американец Генри и Антоша Чехонте, и старик Казанова, и даже солдаты армии Кромвеля и так далее, и тому подобное, невольно заставляющее нас порой забывать, что спор идет не по веселым стезям Наркомпроса, а всего лишь по будничной линии Наркомзема. И, конечно, целые пуды презрения, целые тонны сарказма выливает т. Теодорович на преступную голову неосторожного рецензента: тут и «пугающая мрачность» и «наездничество самого дурного тона» и «непозволительные передержки», и «подсовыванье противнику», и заключенная в самые позорные кавычки «монументальность» т. Берзтыса и «постигающий последнего «предательский конфуз» и «запах вспотевшей лошади» и даже грозное обвинение т. Берзтыса во «французском темпераменте».

Читая т. Теродовича, взирая на фонтан красноречия, им производимый, любуясь его «темпераментом» громовержца, так и тянет тебя вместе с Миргородским судьей, читающим кляузу Ивана

Ивановича Перерепенки, благовейно сложить руки и шептать про себя: «Что за бойкое перо. Господи боже. Как пишет этот человек!»

Итак, мы подходим вплотную к существу «наших разногласий» с проф. Кондратьевым, защиту которого тов. Теодорович сделал своей добровольной обузой. Почему мы выступили против положений проф. Кондратьева и почему мы теперь вынуждены выступить против положений его неумеренного адвоката?

В рецензии «Большевика» выдвинуто утверждение, что исследование динамики сельского хозяйства СССР, данное проф. Кондратьевым, будучи им помещено на теоретически неправильную плоскость поверхностно, а потому ошибочно; что роль факторов сельско-хозяйственного прогресса Кондратьевым учтена неверно, и, что наконец, та «система мероприятий» в области сельского хозяйства, которую проф. Кондратьев намечает на будущее, не может считаться приемлемой. В особенности, подчеркнуто в рецензии т. Берзтыса, что проф. Кондратьев переборщил по части «фактора народонаселения», поставив его во главу угла в ряде моментов, определяющих движение сельского хозяйства.

Тов. Теодорович делает генеральный отвод всем этим утверждениям. Более того, он пытается доказать, что все они высосаны тов. Берзтысом из пальца, представляя собой недоброкачественный продукт «навязывания» противнику «мнений им разделяемых».

Попробуем вникнуть в истинную «природу», занимающих нас ныне «вещей».

Возьмем вопрос о «народонаселении», бывший центральным предметом спора, и полюбуемся, как стратегически «тонко» строит свою защиту проф. Кондратьева тов. Теодорович.

Тов. Берзтыс, разбирая вопрос о соотношении движения населения и динамики сельского хозяйства, осмелился высказать суждение, что если мы вместе с проф. Кондратьевым будем чрезмерно выпячивать на первый план «фактор народонаселения», то нам неминуемо придется сделать тот логический вывод, что прогресс народонаселения, размножение, «уплотнение Советской территории» и может служить «вернейшим рецептом для под'ема сельского хозяйства». Тов. Теодорович против этого решительно восстает и думает поймать здесь т. Берзтыса с поличным на «подсовывании» проф. Кондратьеву собственной логики, для чего апеллирует к высшему арбитру в таких случаях, к сличению цитат из «документов».

«Развернем критикуемую т. Берзтысом книгу на стр. 46—47», победоносно заявляет т. Теодорович, и мы прочтем там, что при известном условии «высокая плотность (населения—Д. М.) становится «не фактором», а «тормозом сельско-хозяйственного прогресса».

Затем «сопоставляя» оба места: из статьи г. Берзтыса и разбираемой книги», т. Теодорович негодующе вопрошает:

«Что прикажете делать с критиком, позволившим себе ... среди бела дня превратить «тормоз с.-х. прогресса» в «вернейший рецепт для под'ема с.-х.».

После этого проф. Кондратьев может почитать себя спасенным, а на несчастного Берзтыса натурально опрокидывается целая волна всевозможных художеств: «Роза» его «грациозной иронии», начинает «издавать запах вспотевшей лошади», а все его пропа-

щее дело вообще есть не что иное, как «наездничество самого дурного тона».

Трудно, конечно, сохранить присутствие духа перед лицом такого уничтожающего аргумента. Однако, мы попросим читателя на минуту быть хладнокровнее и обратить его внимание на одну маленькую «деталь», чтобы ему стала ясной вся тайна великолепного сооружения т. Теодоровича.

Почему, спрашивается, для посрамления Берзтыса, критикующего Кондратьева, т. Теодорович цитирует «критикуемую им (т.-е. Берзтысом) книгу»? Почему т. Теодорович, как бы невзначай, возможно для стилистического разнообразия в начале оперирует именем собственным, а затем именем нарицательным и почему нас, собственно говоря, такой пустяковый и казалось бы праздный вопрос интересует? Да потому, что—позволим себе раскрыть секрет т. Теодоровича—потому что цитата из «критикуемой книги» принадлежит не перу проф. Кондратьева, которого критикует т. Берзтыс, а перу совсем другого лица... проф. Огановского. «Стратегия» плана т. Теодоровича до прозрачности очевидна: не всякий прочитавший его статью, прочтет «критикуемую книгу», не всякий даже критикуемую книгу читавший, будет помнить, что «на стр. 46—47 «кончен» уже проф. Кондратьев и «начат» проф. Огановский, и не всякий сможет сообразить поэтому, как при помощи «трансформации» проф. Огановского, проф. Кондратьева, последний спасается от атаки тов. Берзтыса. Выраженный полуалгебраически поступок т. Теодоровича имеет такой вид:

Б нападает на К. Т хочет выручить К из беды. Для этого Т сшибает лбами цитату из Б с цитатой из О, открывает между ними «противоречие» и заявляет, что поэтому прав К, а Б положен на обе лопатки. О том, что К и О не одно итоже, т. Теодорович, рассчетливо спекулирующий на доверие читателей, считает своей обязанностью стыдливо умолчать [1]).

Теперь спросим самого т. Теодоровича, взывающего к должному почтению «перед зоологической наукой»—запахом какого нехорошего «животного» отдает подобное предприятие и как следует квалифицировать такого рода бонтонное «наездничество?» И не отыщет ли тов. Теодорович подходящий литературный «коррелят» для своего поступка, хотя бы в шашечных поступках гоголевского Ноздрева?

Первый выстрел т. Теодоровича оказался холостым.

Пойдем дальше. Т. Теодорович хочет уверить нас, что проф. Кондратьев (на этот раз настоящий проф. Кондратьев) не только не извратил роль «фактора народонаселения», не только не изобразил его как «самый главный», но что, напротив того, он добросовестно анализировал его по всем правилам марксистского искусства, и что если проф. Кондратьев и «начал» с фактора населения, то сделал это, по его собственным словам, исключительно «ради удобства изложения». Вообще же говоря, проф. Кондратьев не выискивал какого-либо «одного основного фактора», а говорил «лишь о совокупности органически связанных между собой условий».

[1]) Нельзя думать, что т. Теодорович не „упомянул“ имени Огановского, поставив его за одну скобку с Кондратьевым, в силу простой неряшливости. Тов. Теодорович сам отметил в своей статье, что в данной связи критика Берзтыса относилась к докладу проф. Кондратьева. По адресу проф. Огановского в рецензии также были критические замечания. Мы их ниже коснемся.

Другими словами, вся каша заварилась исключительно из-за «удобства изложения». Так ли это на самом деле? Мы ознакомились, как только что т. Теодорович «ради удобства изложения», занялся «переселением души» проф. Огановского в «душу» проф. Кондратьева. Попробуем узнать, теперь, в чем состоит «удобство изложения» у проф. Кондратьева и не заключает ли в себе какое-либо об'ективное «неудобство»... «Во избежание возможных придирок» т. Теодоровича предоставим слово самому проф. Кондратьеву. «Каковы же причины (курсив здесь и дальше наш. Д. М.) начавшегося возрождения сельского хозяйства»—спрашивает проф. Кондратьев—и отвечает:

1) Мы должны прежде всего считаться с фактом прироста населения...

2) Отсюда (т.-е. из роста населения; вторая причина обусловлена, как видим, первой—Д. М.) увеличение плотности населения и неизбежные стремления его к расширению производства и более рациональной организации труда.

3) Эта рационализация и организация труда (производные, как мы видели, от первой причины—Д. М.) выражается прежде всего в увеличении его разделения. Мы отмечали, уже, что разделение труда сказывается в восстановившемся процессе дифференциации районов. Оно начинает обнаруживаться и в процессе дифференциации между деревней и городом»... Дальше проф. Кондратьев указывает еще на три момента: улучшение транспорта, связанное с этим повышение производительности труда и «факт восстановления рынка», явившейся «необходимым сопутствующим условием» для роста сельского хозяйства.

Если г. Теодоровича зрение не обманывает, то он легко уяснит «порядок и связь» причин и следствий, согласно приведенной цитате. Из шести «причин под'ема сельского хозяйства» целых три сводятся к «фактору народонаселения». Рост населения вызвал (на правах причины) повышение его плотности и рост организации и рационализации труда, которые «выразились», сказались» и «обнаружились» в росте разделения труда, в процессе дифференциации районов и в дифференциации между деревней и городом. А раз это так, то согласитесь же, т. Теодорович, что на долю «фактора народонаселения» у проф. Кондратьева приходится довольно-таки жирный кусочек.

И посудите сами, имеете ли вы после этого достаточное основание сердиться на рецензента, заметившего, что в концепции проф. Кондратьева народонаселение играет роль «повидимому, самого главного фактора»? По совести говоря, не имеете.

Или быть может т. Теодорович начнет вновь утверждать, что «установка причин», данная проф. Кондратьевым в цитированном месте, проделана им только «ради удобства изложения»; быть может, проф. Кондратьев из-за «удобства изложения» с тем же правом мог бы утверждать совершенно противоположное, и скажем наоборот, рост населения об'яснять ростом разделения труда или ростом его рационализации, или, например, «факт восстановления рынка» об'яснять «улучшением транспорта»? Пусть будет так. Но тогда мы будем знать, что имеем дело не с научной рабо-

той, а с игрой в бирюльки, которой занимаются под эгидой Земплана «ради удобства изложения».

Тов. Теодорович и сам, повидимому, чувствует, что с факторами народонаселения у проф. Кондратьева обстоит не так уже благополучно, что он принимает у него достаточно нескромные размеры. Поэтому т. Теодорович подходит к своему безнадежному делу защиты Кондратьева и с другого конца. Легкомысленно позабыв свою злую иронию насчет неразумности и суетности «распространения пространства», т. Теодорович организует грандиозную демонстрацию цитат из великих людей: Маркса, Ленина, Плеханова и Каутского, где говорится о населении и о роли последнего. Расчет т. Теодоровича таков. И Маркс, и Ленин, и Каутский, и Плеханов в один голос твердят в понабранных им цитатах о роли населения, о «громадности» и «важности» этой роли, о стимулирующем значении населения для прогресса сельского хозяйства. Естественно, что после того, как терпеливый читатель будет прогнан сквозь длинный строй таких авторитетных цитат, ему не избежать впечатления, что проф. Кондратьев «тоже» говорящий о большой роли народонаселения, только и делает, что повторяет зады из Маркса и из Ленина, так-что в этом пункте нападки т. Берзтыса на проф. Кондратьева фактически суть нападки на ортодоксальный марксизм. Сейчас увидим, к каким результатам приводят т. Теодоровича его «цитатные» подкрепления мыслей проф. Кондратьева.

Напомним пока лишь, о чем идет спор. Речь идет о том, «играет» или «не играет» фактор народонаселения роль, точно так же как не о том, «важна» или «неважна» эта роль. Что фактор народонаселения важную роль играет, на эту святую истину никто не покушался. Весь вопрос в том, в чем эта важная роль заключается? В каком соотношении, и раньше всего, в каком причинном соотношении с другими социально-экономическими моментами находится «момент населения», правильно ли это соотношение очерчено проф. Кондратьевым и подтверждают ли трактовку последнего изобильно приведенные т. Теодоровичем высоко авторитетные цитаты? Думается, что нет.

Действительно, какова роль момента населения согласно «цитатам». Сам т. Теодорович из них вычитал, что действие «фактора народонаселения» является «промежуточным». Очень хорошо! Значит фактор народонаселения есть фактор «промежуточный», есть, следовательно, величина производная от других факторов.

От каких или от какого фактора? На эту тему т. Теодорович красноречиво молчит. Молчит и протежируемый им проф. Кондратьев по той простой причине, что у него такого теоретически исходного, определяющего «фактор народонаселения», фактора нет, нет и ни малейшего намека на него [1]). Напротив, как мы выше

---

[1]) Держа «курс» на невнимание читателей, т. Теодорович делает вид, что интересуется выяснением „промежуточной роли фактора населения. Он спрашивает: „..каково же промежуточное действие“ нашего фактора народонаселения? При каких условиях оно является положительным и при каких отрицательным? И дальше занимается „распространением пространства“ в ответ на второй, кстати сказать, никем не задаваемый вопрос. Нетрудно однако заметить, что первый и второй из „вопросов“ т. Теодоровича отнюдь не тождественны Одно дело вопрос положительно или отрицательно действие фактора народонаселения.—Совсем другое дело анализ вопроса, в каком смысле следует понимать промежуточный характер этого факта. Промежуточное есть то, что находится между чем-нибудь. Это промежуточное и требуется расшифровать. У проф.

убедились из слов самого Кондратьева, другие социально-экономические моменты (разделение, организация труда, дифференциация города и деревни) являются у него по отношению к «фактору населения» производными, зависимыми, переменными; они оттеснены у него на «промежуточные» позиции. Как видим, «цитаты» из «деяний апостольских» оказали медвежью услугу т. Теодоровичу, явно поссорив его из-за «промежуточного» фактора с проф. Кондратьевым.

И стоило ли вам, т. Теодорович, весь ваш цитатный огород городить для того, чтобы притти к столь неутешительным для вас результатам. Извините, если мы здесь «процитируем» вам еще один из мудрых советов Кузьмы Пруткова: «Бросая в воду камешки, смотри на круги ими образуемые,—иначе такое бросание будет пустою забавою».

Но предположим, что в своей защитительной статье тов. Теодорович развернул только неправильную аргументацию, неудачно сославшись на «промежуточное» значение злосчастного фактора народонаселения. Предположим, что ему следовало бы придерживаться теоретических рамок, намеченных самим Кондратьевым, и говорить о народонаселении только как об одном из факторов в общей совокупности органически связанных между собой условий.

Но тогда:

во-первых,—нам придется констатировать, что шуйца тов. Теодоровича не ведает, что творит его десница, ибо не тоже в той же самой статье преподносить читателям «фактор народонаселения», однажды, как «промежуточный»,—а затем узаконивать этот фактор в качестве действительного равноправного члена единой семейки «органически связанных между собой условий», а

во-вторых,—защита той версии, по которой население является «одним из органически связанных между собой условий», логически обрекает тов. Теодоровича на отказ от марксизма. Ибо точка зрения совокупности органически связанных условий, точка зрения, по которой каждый из факторов вполне самостоятелен и может только взаимодействовать с любым из других факторов, такого рода «органическая» демократия «факторов» есть старинная, давным-давно марксизмом осмеянная буржуазная «теория факторов». Марксизм есть принципиально с ног до головы монистическая концепция. Теория факторов есть, напротив, такая «теория», которая позволяет исследуемые социально-экономические феномены «об'яснять» на разные лады; как, например, в интересующем нас вопросе «сельско-хозяйственный прогресс» попеременно и по произволу «ради удобства изложения» зарождать от всевозможных мамаш: то от прогресса населения, то от «индустриализации России и Европы», то от еще чего-нибудь и т. д. Такого рода жонглирование «факторами» и есть то, что называется скольжением «по поверхности», за которое совершенно спра-

---

Кондратьева фактор населения отнюдь не в „промежутке“, почему попытка тов. Теодоровича зачислить его в одну общую компанию с Марксом, Лениным и Плехановым имеет все шансы считаться провалившейся.

Кстати опять-таки „во избежание возможных придирок“ тов. Теодоровича укажем наперед что отмеченный проф. Кондратьевым факт, что война определила собой обратные „тенденции“ в движении населения, не может играть роли искомого теоретически определяющего момента, от которого зависит фактор народонаселения.

В этой связи война есть фактор сугубо „пертурбационного порядка.

ведливо упрекал проф. Кондратьева тов. Берзтыс. Нам бесконечно жаль, но что поделаешь, если сам тов. Теодорович вынуждает нас его поздравить с нечаянной подменой марксизма теорией факторов. И мы охотно готовы взять назад наше поздравление, если тов. Теодорович откажется от «органически связывающих» его с проф. Кондратьевым «условий».

Теперь довольно, пожалуй, заниматься «распространением пространства» из-за надоевшего уже всем «фактора народонаселения». Резюмируем, что в итоге своей «архитрудной и архиответственной» защиты Кондратьева тов. Теодоровичу пришлось прогуляться по целым трем различным «теоретическим» платформам:

1) Пришлось защищать проф. Кондратьева, у которого, как вытекает из цитированного нами места из его доклада, «народонаселение»—(«вольно или невольно»)—имеет тенденцию быть главнейшим фактором сельско-хозяйственной динамики.

2) Пришлось признать действия фактора народонаселения «промежуточным», не отдавая, правда, себе точного отчета, в чем это «промежуточное» действие заключается, а также несправедливо навязывая такую точку зрения проф. Кондратьеву.

3) Пришлось, наконец, вопреки предыдущему, встать на всепримиряющую позицию буржуазной «теории факторов»[1]).

От теоретической основы кондратьевщины перейдем в самых беглых чертах к тем нормативным выводам из них для экономической политики, к существу той «системы мероприятий», которая Кондратьевым предлагаются. Но предварительно коснемся одного чрезвычайно важного пункта, который почему-то решил обойти тов. Теодорович.

Тов. Теодорович, подходя к концу своей статьи, пишет, что он... «чрезвычайно подробно рассматривал... все до единого (курсив наш. Д. М.) замечания нашего критика». Это «замечание» тов. Теодоровича, выражаясь мягко, не соответствует действительности. Правда, никто, конечно, и не требовал от тов. Теодоровича, чтобы он рассматривал «все до единого» возражения противника, но обязательно, с другой стороны, чтобы он не оставлял «за порогом своего внимания» наиболее существенные возражения.

К числу таких, наиболее существенных, возражений т. Берзтыса, относится указание на то, что в докладе проф. Огановского не дано анализа дифференциации крестьянства и всех тех огромной важности социально-экономических явлений, которые дифференциацию крестьянства сопровождают. Напомним читателю, что однажды мы уже встретились с проф. Огановским, когда он фигурировал перед нами по воле тов. Теодоровича в роли таинственного незнакомца. И сейчас тов. Теодорович, несмотря на интерес к проф. Огановскому, проявленный критикой, все-таки не желает нас с ним открыто познакомить. А между тем—добавим от себя—«особенность» анализа проф. Огановского (не касаться тех молеку-

[1]) Для того, чтобы читатель мог понагляднее судить о существе той „внутренней инерции“, которая управляет теоретическими представлениями проф. Кондратьева, сообщим читателю тот характерный штришок, что в его работе средства производства называются капиталом, и оба понятия употребляются как синонимы. Льстим себя надеждой, что по этому поводу тов. Теодоровича, даже несмотря на то, что он „редактировал“ работу Кондратьева, не отважится на „распространение“ цитат из великих марксистов в защиту проф. Кондратьева. В противном случае наше любопытство целиком к его услугам.

лярных экономических процессов, которые происходят в среде самого крестьянства) на полные сто процентов разделяет и работа проф. Кондратьева.

Теперь спросим тов. Теодоровича: возможно ли дать правильную оценку хотя бы самых общих «перспектив развития сельского хозяйства СССР» не касаясь процессов внутрикрестьянского расслоения? И возможно ли наметить верно «систему государственных мероприятий», не опираясь на предварительный анализ подобных процессов? И разве неизвестно т. Теодоровичу, что здесь, именно здесь (в вопросе о дифференциации), лежала та грань, которая разделяла аграрников-марксистов от аграрников иного толка? Пусть попробует тов. Теодорович указать хотя бы одну марксистскую работу на аналогичную тему, в которой бы проблема дифференциации крестьянства была во имя тех или иных соображений опущена.

Неправда ли, тов. Теодорович, такая задача для вас непосильна, так как абстракция от социально-классового момента была бы самоубийством для марксизма.

Ну, а в работе проф. Кондратьева, основанной на такого рода «абстракции», можно ли ожидать указания на нужную «желательную» для нас «систему мероприятий» в области сельского хозяйства? Разумеется, очевидно, что нельзя.

Но, тов. Теодорович думает, что «системой», рекомендуемой проф. Кондратьевым, следует все-таки удовлетвориться. Он даже силится уверить нас, что система эта развернута по вехам, проложенным тов. Лениным. Приводя очень длинные и очень хорошие места из Ленина и из резолюции XIII С'езда партии, которые в тысячу раз более уместно было бы «процитировать» не для прикрытия Кондратьева, а в качестве корректирующего предисловия к его книге—приводя эти цитаты тов. Теодорович полагает, что они лишь иллюстрируют полную надежность — по Ленину — рецепта проф. Кондратьева.

Тов. Теодорович рассуждает так. Ленин говорил о необходимости развития производительных сил в сельском хозяйстве. И проф. Кондратьев говорит то же самое. Ленин требовал развития кооперации, и то же самое требует проф. Кондратьев. А потому «вольно или невольно», но проф. Кондратьев ведет себя в данной работе, как самый безукоризненный ленинец.

Но в том-то и суть, тов. Теодорович, что есть кооперация и кооперация, бывают производительные силы и производительные силы.

Конкретно расшифровывая содержание своего требования развития производительных сил, указывая на ряд хозяйственно-технических мероприятий, долженствующих это развитие стимулировать, проф. Кондратьев «ни одним звуком» не обмолвливается относительно той социально-классовой основы, на которой движение производительных сил должно развертываться. А ведь оно может развернуться и на основе форсированного выделения кулачества, на прогрессивном укреплении экономической мощи последнего—может двинуться и в каком-либо ином социальном направлении. Учтены ли проф. Кондратьевым перспективы в этом решающем отношении? Нет, не учтены.

Точно так же вопрос о кооперации. И Ленин и проф. Кондратьев держат «ставку» на рост кооперации. Но тов. Ленин, как

всякий легко увидит из приведенного тов. Теодоровичем места, предлагал не просто развивать кооперацию, но, развивая ее, одновременно направлять в русло государственного капитализма, **советского** государственного капитализма, другими словами, ориентировать весь процесс по социалистической линии. Есть ли что-нибудь подобное в докладе проф. Кондратьева? Требует ли его «система мероприятий», чтобы развитие кооперации направлялось по рельсам государственного капитализма. Нет, не требует.

Наконец, момент укрепления смычки рабочего класса с крестьянством точно так же опущен у проф. Кондратьева. Тов. Теодорович говорит, что это не заменяющее, а «дополняющее» проф. Кондратьева положение. Охотно соглашаемся, но пусть согласится и тов. Теодорович, что без такого «дополнения» едва ли можно довериться «системе» проф. Кондратьева.

И вообще не слишком ли много берет на себя тов. Теодорович, когда он обеими руками подписывается под докладом проф. Кондратьева, и под такой его «системой», в которой нет ни смычки, ни развития кооперации по пути государственного капитализма, ни осознания социально-классовых перспектив прогресса сельского хозяйства. Как не вспомнились здесь ему предостерегающие слова поэта:

«Мария, бедная Мария,
Краса черкасских дочерей,
Не знаешь ты какого змия
Ласкаешь на груди своей».

«Змий»—Кондратьев не столь уж страшен, напротив, он может быть очень и очень полезным. Но совершенно неуместны, тов. Теодорович, многошумные ласки, которые вы ему расточаете.

Будьте на чеку и лучше следите за их «внутренней инерцией», чтобы потом Вам не пришлось их лицемерно прятать за спиной большевистского великана.

Иначе только Вы сами будете виноваты, если мы вновь застанем Вас греховно предающимся «распространению пространства» на весьма неблаговидные темы.

Ян Стэн.

О том, как т. Степанов заблудился среди нескольких цитат из Маркса и Энгельса *).

Введение.

В 14-ом номере Большевика напечатан ответ тов. Степанова на мою рецензию, в котором он выражает большое удивление и недоумевает по поводу того, что на его ошибки было обращено такое «исключительное внимание».

Но это недоумение у Степанова означает только то, что он считает совершенно непонятным, как это какой-то Стэн имеет право говорить об его ошибках.

Поэтому Степанов, узрев такой возмутительный факт, принимает высокомерно-воинственную позу, подбирает в своем голосе генеральскую ноту и открывает против меня уничтожающий военный поход.

Но я был бы неточен в характеристике военных приемов и родов оружия, употребляемых Степановым, если бы сказал, что он только рассуждает «генеральским басом». Нет, он делает не только это.

Он выступает перед нами в разноцветном костюме, сшитом из наспех надерганных цитат и старается уверить читателя в том что не он Степанов—«начетчик»от марксизма, а что таковым является Стэн, механически употребляющий слова Энгельса.

Это, тов. Степанов, старый и избитый прием, кричать о другом, когда у самого «горит».

Теперь мы постараемся заняться тем, как тов. Степанов в отдельных случаях употребляет свое оружие.

I.

Существует ли марксистская философия?

Тов. Степанов, стараясь во что бы то ни стало защитить свой ложный тезис об отсутствии марксистской философии, безжалостно запутал вопрос.

Я в своей рецензии указал на то, что Степанов неправильно отождествляет марксистскую философию с современным естествознанием и дает неверное определение марксистской философии, как совокупности «последних и наиболее общих выводов современной науки».

В своем ответе на мою рецензию тов. Степанов старается полностью защитить свой ход мыслей, развитый по этому вопросу в послесловии к книжке Гортера. Степанов доказывает, что марксистская философия, с одной стороны, есть последние, наиболее

*) **От редакции.** В виду того, что спор между т. т. Стэном и Степановым принял специальный характер редакция предлагает перенести дальнейшую дискуссию в журнал «Под Знаменем Марксизма».

всякий легко увидит из приведенного тов. Теодоровичем места, предлагал не просто развивать кооперацию, но, развивая ее, одновременно направлять в русло государственного капитализма, **советского** государственного капитализма, другими словами, ориентировать весь процесс по социалистической линии. Есть ли что-нибудь подобное в докладе проф. Кондратьева? Требует ли его «система мероприятий», чтобы развитие кооперации направлялось по рельсам государственного капитализма. Нет, не требует.

Наконец, момент укрепления смычки рабочего класса с крестьянством точно так же опущен у проф. Кондратьева. Тов. Теодорович говорит, что это не заменяющее, а «дополняющее» проф. Кондратьева положение. Охотно соглашаемся, но пусть согласится и тов. Теодорович, что без такого «дополнения» едва ли можно довериться «системе» проф. Кондратьева.

И вообще не слишком ли много берет на себя тов. Теодорович, когда он обеими руками подписывается под докладом проф. Кондратьева, и под такой его «системой», в которой нет ни смычки, ни развития кооперации по пути государственного капитализма, ни осознания социально-классовых перспектив прогресса сельского хозяйства. Как не вспомнились здесь ему предостерегающие слова поэта:

«Мария, бедная Мария,
Краса черкасских дочерей,
Не знаешь ты какого змия
Ласкаешь на груди своей».

«Змий»—Кондратьев не столь уж страшен, напротив, он может быть очень и очень полезным. Но совершенно неуместны, тов. Теодорович, многошумные ласки, которые вы ему расточаете.

Будьте на чеку и лучше следите за их «внутренней инерцией», чтобы потом Вам не пришлось их лицемерно прятать за спиной большевистского великана.

Иначе только Вы сами будете виноваты, если мы вновь застанем Вас греховно предающимся «распространению пространства» на весьма неблаговидные темы.

Ян Стэн.

О том, как т. Степанов заблудился среди нескольких цитат из Маркса и Энгельса *).

Введение.

В 14-ом номере Большевика напечатан ответ тов. Степанова на мою рецензию, в котором он выражает большое удивление и недоумевает по поводу того, что на его ошибки было обращено такое «исключительное внимание».

Но это недоумение у Степанова означает только то, что он считает совершенно непонятным, как это какой-то Стэн имеет право говорить об его ошибках.

Поэтому Степанов, узрев такой возмутительный факт, принимает высокомерно-воинственную позу, подбирает в своем голосе генеральскую ноту и открывает против меня уничтожающий военный поход.

Но я был бы неточен в характеристике военных приемов и родов оружия, употребляемых Степановым, если бы сказал, что он только рассуждает «генеральким басом». Нет, он делает не только это.

Он выступает перед нами в разноцветном костюме, сшитом из наспех надерганных цитат и старается уверить читателя в том что не он Степанов—«начетчик»от марксизма, а что таковым является Стэн, механически употребляющий слова Энгельса.

Это, тов. Степанов, старый и избитый прием, кричать о другом, когда у самого «горит».

Теперь мы постараемся заняться тем, как тов. Степанов в отдельных случаях употребляет свое оружие.

I.

Существует ли марксистская философия?

Тов. Степанов, стараясь во что бы то ни стало защитить свой ложный тезис об отсутствии марксистской философии, безжалостно запутал вопрос.

Я в своей рецензии указал на то, что Степанов неправильно отождествляет марксистскую философию с современным естествознанием и дает неверное определение марксистской философии, как совокупности «последних и наиболее общих выводов современной науки».

В своем ответе на мою рецензию тов. Степанов старается полностью защитить свой ход мыслей, развитый по этому вопросу в послесловии к книжке Гортера. Степанов доказывает, что марксистская философия, с одной стороны, есть последние, наиболее

*) **От редакции.** В виду того, что спор между т. т. Стэном и Степановым принял специальный характер редакция предлагает перенести дальнейшую дискуссию в журнал «Под Знаменем Марксизма».

общие выводы науки, а с другой стороны, что марксистская философия совсем и не существует.

Конечно, если марксистская философия тождественна с современным естествознанием, то может быть только один последовательный вывод, что марксистской философии нет. Но последовательность ведь для тов. Степанова необязательна и она невыгодна, когда хочешь защитить во что бы то ни стало безнадежный и явно запутанный тезис. Поэтому Степанов, ради того, чтобы защитить, в полном об'еме, свой первоначальный тезис, выдергивает цитаты из Маркса, Энгельса и Плеханова, которые с одной стороны должны доказать отсутствие марксистской философии, а с другой стороны, превратить ее в сумму выводов отдельных наук.

Ведь вы, тов. Степанов, этим сами доказали только то, и в этом главная заслуга вашей статьи, *что способом выдергивания цитат, методом «цитатного мышления» ясности в этом коренном вопросе достигнуть нельзя.*

В моменты, когда тов. Степанов чувствует благоприятное расположение духа и благоизволит признать существование марксистской философии, он считает ее совокупностью общих выводов наук. Но такая философская «ветренность» и легкомыслие ведет тов. Степанова прямиком от отрицания марксистской философии в царство плоских и избитых определений философии буржуазными философами.

Ведь, так называемая, буржуазная «научная философия», тоже, тов. Степанов, не признает самостоятельной области философствования, отрицает специфические философские методы исследования, [1]) и считает своей задачей, как это прямо говорит Вундт, соединение всех данных, добытых отдельными науками в одно целое. [2]). Для Огюста Конта философия есть «общая система человеческих знаний». Спенсер называет философию «вполне об'единенным знанием».

Выходит, что в моменты благодушия, тов. Степанов определяет философию по Конту, Спенсеру и Вундту.

Ну, что-ж, мы против этого ничего не можем иметь. Ведь всякий волен определять философию, как ему заблагорассудится. Но все дело заключается в том, что тов. Степанов это называет марксистской философией и всеми силами старается приписать такое понимание Марксу и Энгельсу. Но с этим мы уже ни в коем случае не можем согласиться и считаем нужным возражать самым категорическим образом.

Для того, чтобы не уподобиться тов. Степанову и не заняться выдергиванием цитат, а понять характер развития философии, уяснить переход одного этапа философии в другой, необходимо остановиться на главных решающих фазисах философского развития, хотя бы в истории новой философии. *Только такая постановка вопроса может помочь нам выяснить, каковы те задачи, которые были переданы в руки марксистской философии историческим развитием философской мысли и чем является марксистская философия по отношению к отдельным научным дисциплинам.*

---

[1]) Навиль. Опр деление философии.
[2]) Вундт. Система философии.

Мы здесь не сможем остановиться на рассмотрении того, как это философское развитие включается в процесс общего исторического развития и определяется в своем движении развитием общественного бытия. Поэтому, пусть тов. Степанов не начинает кричать о том, что у меня вместо материализма получается какое-то «саморазвитие духа», как это он делает относительно краткого обзора истории материализма в моей рецензии, приведенного для того, чтобы показать, чем отличается по своей природе диалектический материализм от форм материализма, ему предшествовавших.

Тов. Степанов в этом ничего не понял. Но на этом мы остановимся в дальнейшем, когда будем говорить о механическом понимании природы.

Если мы посмотрим на развитие философии в новое время с точки зрения смены функций и задач, принадлежавших философии в разные периоды, то нам придется отметить три фазиса развития философии. Это — фазис метафизики, фазис гносеологический и фазис методологический.

Первый фазис характеризуется расцветом метафизики, которая находится в прислужничестве у религии и заимствует свое содержание у схоластики. Предметом метафизики являются готовые, абсолютные, заранее данные предметы. Метафизика, как выражался Гегель, «размышляла о предмете внешним образом, потому что находила определения (сказуемое) готовыми в сознании и извне переносила на предмет».

Догматическая метафизика воображала, что она познает последние сущности действительности, а в самом деле навязывала действительности фантастические, несуществующие вещи, порожденные определенным социальным строем.

Рост и развитие нового общественного класса, класса буржуазии подрывало основы метафизики и религии, освящавшие старые общественные отношения и для того, чтобы «сокрушить религию и догматическую метафизику в их основании», [1]), как на это правильно указывает тов. Деборин, буржуазная философия выступила в форме критики способностей человеческого разума, в форме гносеологии.

Это, конечно, не мешало Канту, вследствие определенных исторических уловий, сочетать веру и науку. Эта же революционная роль, сыгранная гносеологическим принципом, не помешала ему превратиться в принцип реакционный.

Основной идеей гносеологии является идея о том, что для того, чтобы познавать, необходимо сперва поставить вопрос о возможности познания вообще, о пределах человеческих познавательных способностей.

Кант создал два метафизических друг другу противопоставленных мира, мир «вещей в себе» и мир явлений, мир непознаваемый и мир познаваемый.

Человеческое сознание у Канта приняло абсолютные неподвижные формы, которые навязывают закономерность природе.

К решению гносеологической проблемы Кант подходил метафизически, абстрактно-теоретически.

---

[1]) Под Знаменем Марксизма. 1923 г. № 10, стр. 7, статья тов. Деборина «Маркс и Гегель».

Гегель первый подверг критике гносеологический принцип. Гегель указал на то, что сама постановка вопроса о необходимости исследовать способности познания перед тем, как приступить к познанию, заключает в себе внутреннее противоречие. Природа познания может быть раскрыта только ее деятельностью. «Хотеть знать, прежде чем приступить к познанию, это так же нелепо, как и умное намерение того схоластика, который хотел выучиться плавать, прежде чем итти в воду» [1]).

Гегель правильно подмечает, ибо уже в его время гносеологический принцип начал становиться принципом реакционным, что «то, что называется страхом перед заблуждением, скорее познается, как страх перед истиной» [2]).

Гносеологический принцип, сыгравши свою революционную роль, начал культивировать «страх перед истиной».

Гегель решительно порывает с кантовским, метафизическим, абстрактно-теоретическим подходом к решению вопроса о возможности об'ективного познания. В своей «Феноменологии духа» [3]) он становится на пути исторического понимания человеческого сознания. А вопрос о возможности об'ективного познания Гегель решает под углом зрения всемирно-исторической практики человечества.

Формы сознания развиваются вместе со всеми остальными сторонами общественной жизни. Вместе с тем отрицается абсолютность и неподвижность форм сознания. Само выступление науки на историческую сцену, ее развитие от незнания к знанию, от ложного знания к истинному знанию, доказывает несостоятельность всех сомнений относительно возможности познания.

Диалектический, исторический подход к проблеме познания разрушает гносеологический принцип и превращает теорию познания в историю познания, вскрывающую возможность познания на основе всемирной истории человечества.

Гегелевская критика гносеологии открывает новый фазис в историческом развитии философии. Главной положительной задачей философии становится выработка методологии науки или, как выражается Гегель, «науки логики». Решением этой задачи и занимается «наука логики» Гегеля. В этом сочинении Гегель разбирает все основные категории диалектического метода. Конечно, они одеты у Гегеля в идеалистические одежды, очень часто сияют мистическим светом и переход одной категории в другую часто совершается совершенно произвольно путем разных словесных комбинаций. И задача изучения Гегеля, как на это правильно указывает Энгельс в своем письме к Конраду Шмидту [4]), вовсе не заключается в том, чтобы по-школьному раскрывать эти словесные передержки и по поводу них писать глубокомысленные рассуждения. «Гораздо важнее отыскать под

[1]) Гегель. Энциклопедия. Русс. пер. Чижова. 1861 г. стр. 12.

[2]) Гегель. Феноменология духа, русс. изд. 1913 г. стр. 36.

[3]) Тов. Степанову, так остроумно издевающемуся над ученическими тетрадками, не мешало бы обязательно с тетрадками в руках изучить это изумительное сочинение. Вообще изучение Гегеля могло бы тов. Степанова предостеречь от тех невероятных несуразностей, которыми полон его ответ.

[4]) Маркс и Энгельс. Письма. Пер. Адоратского. Изд. «Московский Рабочий» 1923 г., стр. 321.

неправильной формой и в искусственной связи справедливое и гениальное» [1]).

В «Анти-Дюринге» Энгельс указывает на то, что диалектические законы, которые проявляются в человеческой истории и природе и постепенно уясняются сознанием мыслящего человека впервые были развиты широко, но в мистической форме Гегелем, и которые извлечь из этой мистической формы, ясно представить во всей их простоте и всеобщности было одним из наших стремлений [2]).

Основоположники научного коммунизма прекрасно понимали, что, несмотря на то, что Гегель был идеалистом, он очень много и основательно поработал в деле разработки диалектического метода.

Таким образом, мы видим, что философия, превратившись *из гносеологии в методологию науки, сосредоточивала свое внимание на выработке диалектического метода*, вместе с тем, конечно, не отбрасывая формальной логики.

Маркс и Энгельс как раз и продолжают эту тенденцию философского развития. Они превращают идеалистическую диалектику в материалистическую и этим порывают с теми непоследовательностями и противоречиями, которые вытекают у Гегеля из его абсолютного идеализма. Философия Гегеля хотела дать не только формулировку диалектического метода, но и систему абсолютного знания. Поэтому, как правильно указывает Энгельс, она впадала в неразрешимое внутреннее противоречие [3]). С одной стороны она признает человеческую историю развивающимся процессом, который не может завершиться в сфере человеческого знания открытием абсолютной истины. Но с другой стороны, система претендует на то, что в ней заключается абсолютная истина. Но такого рода система абсолютного знания находится в явном противоречии с диалектическим методом.

Маркс и Энгельс, выработав метод материалистической диалектики и рассматривая с его точки зрения все явления природы и человеческой истории в их взаимной связи и развитии, *признали ненужность философских систем. И в этом заключается дальнейший последовательный шаг превращения философии, выступавшей в форме гносеологии философских систем, которые присущи философии на всех стадиях ее домарксистского существования, в методологию науки.*

До выступления на историческую сцену материалистически-диалектического метода, выясняющего действительную связь между всеми процессами природы и истории, философские системы обязаны были сшивать идеалистическими, фантастическими нитками в одно целое разорванные части действительности. Но если материалистически-диалектическое исследование внутри самих положительных наук вскрывает реальное превращение одних процессов в другие, то с полной очевидностью обнаруживается идеалистическая сущность и ненужность философских систем.

Все заявления Маркса и Энгельса относительно того, что философия отрицается, что философия становится ненужной, име-

[1]) Там же. стр. 321.

[2]) Энгельс. «Анти-Дюринг». Русс. пер. Изд. Яковенко. СПБ. 1907 г. стр. 6.

[3]) Энгельс. «Анти-Дюринг», ук. изд. стр. 17.

ют только тот смысл, что **уничтожается философия как особая система, стоящая над отдельными науками.** Об этом Энгельс недвусмысленно заявляет, как в «Анти-Дюринге», так и в своем «Людвиге Фейербахе». И только тов. Степанов, не понимающий смысла тех цитат, которые им приводятся, может на этом основании отрицать марксистскую философию, конечно, для того, чтобы в следующую минуту перейти к ее утверждению в форме общих выводов науки. Нашего оскорбленного рыцаря губит гневная страсть. Он начинает забывать, что мало выразить чувство обиды, а надо связно доказывать.

Этот разрыв с философией, как с системой, Энгельс в особенности подчеркивает потому, что в этом заключается тот новый шаг, который завершил процесс превращения философии в методологию. Критика гносеологии и превращение философии в методологию были начаты Гегелем, но он остановился на полпути. Его дело завершил Маркс и Энгельс.

Что марксистская философия не может быть рассматриваема, как теория познания в обычном смысле этого слова, на это правильно указывает тов. Деборин в следующих словах: «Значение диалектики, как методологии, противопоставляемой теории познания сознавалось в полной мере основоположниками марксизма и наиболее крупными его представителями» [1]). В самом деле, стоит только вспомнить второй тезис Маркса о Фейербахе, в котором он заявляет, что вопрос об истинности мышления решается не теоретически, а практически, чтобы ясно заметить противоположность марксистского решения вопроса о возможности познания решению гносеологическому.

Поэтому процесс философского развития, который выдвинул марксистскую философию, надо понимать в том смысле, что философия в форме гносеологии (употребляя это слово в конкретном историческом смысле) и систем была отменена и обнаружила в лице марксистской философии свой реальный смысл существования, в форме методологии науки. Что Энгельс говорит не только об устранении философии в вышеуказанном смысле, но и об ее сохранении, этого могут не заметить только такие беспочвенные высокомерные люди, как тов. Степанов.

«Философия, таким образом, «устранена», т.-е. одновременно превзойдена и сохранена, превзойдена формально, сохранена в смысле реальности содержания» [2]).

Поэтому еще раз осмеливаюсь посоветовать тов. Степанову основательно изучить вопросы марксистской философии, а потом только об них рассуждать, иначе кроме конфуза ничего не получается.

Но как же быть, спросит все же читатель, с теми заявлениями, которые можно иногда встретить в нашей среде и в которых марксистская философия именуется мировоззрением. Этого вопроса нам надо коснуться для того, чтобы рассеять ту путаницу, которую создал тов. Степанов, понимая марксистскую философию, как совокупность общих выводов науки. Энгельс прямо говорит, что мировоззрение не может существовать помимо отдельных наук, что оно ищет своих доказательств и проявляется не в особой науке наук, а в самых реальных науках [1]). Поэтому марксистская философия не может быть особой наукой о мировоззрении, но как особая самостоятельная наука (именно наука, тов. Степанов, но наука, не сливающаяся с науками о природе и истории), существует в виде учения о формальной логике и диалектике, т.-е. в виде методологии, [2]) логики науки. Поэтому мировоззрением можно назвать не марксистскую философию, а **весь марксизм в его совокупности, стремящийся понять мир, как единый реальный процесс диалектического развития.**

[1]) Под Знаменем Марксизма. 1923 г. № 10, стр. 5, стат. Деборина «Маркс и Гегель».

[2]) Энгельс. «Анти-Дюринг», указ. изд. стр. 114.

Но становление сознательно-диалектических положительных наук, выясняющих не только связь явлений в своей сфере, но и раскрывающих свое положение по отношению общей связи явлений, есть процесс противоречивый и длительный.

Современное естествознание разрабатывается учеными, связанными с интересами буржуазии—господствующего класса капиталистического общества—и поэтому враждебно настроенными к диалектическому материализму. Диалектический материализм только стихийно прокладывает себе путь в современном естествознании. Поэтому отдельным марксистам приходится как-бы извлекать из отдельных наук частные данные и давать им материалистически-диалектическое освещение. Но в этом только проявляется активная роль марксистской философии по отношению к современному естествознанию. Диалектический материализм стремится стихийно-диалектические настроения естествознания поднять до уровня сознательности, старается воспитать в естественных науках диалектическое самосознание.

Это выделение и диалектическое освещение отдельных данных из наук, сейчас разрабатываемых буржуазными учеными, только выражает собою **процесс противоречивого становления сознательно-диалектических наук в антагонистическом классовом обществе.** Поэтому такого рода работа не может быть понята, как работа создания марксистской философии в виде общего мировоззрения, возвышающегося над науками, а это есть работа «диалектизации» наук.

Степановское пассивное об'единение в марксистскую философию общих выводов науки даже не выражает и ни в коей мере не передает этого действительного процесса активного воздействия метода материалистической диалектики на современное естествознание.

Энгельс прекрасно понимал и выпукло подчеркивал сознательную активную роль марксистской философии по отношению к естествознанию. «Во всяком случае,—пишет Энгельс,—естествознание подвинулось так далеко, что оно не может уже ускользнуть от диалектического обобщения. Но оно облегчит себе этот процесс, если не будет забывать, что результаты, которыми обобщаются данные его опыта, суть понятия, и что искусство оперировать с понятиями не врожденно и не дается обыденным, повседневным сознанием, но требует действительного мышления, которое также

[1]) Энгельс. «Анти-Дюринг», указ. изд., стр. 114.

[2]) Диалектическая логика конечно не может быть противопоставлена действительности, а сама является выражением основных закономерностей действительности. Диалектика утверждает единство сущности и явления, формы и содержания, метода и действительности.

имеет за собой долгую эмпирическую историю, не более ни менее чем эмпирическое естествознание. Усвоивши себе результаты длящегося три с половиной тысячелетия развития философии, оно, с одной стороны, избавится от всякой особой, вне его и над ним стоящей натур-философии, с другой—от свойственного ему, заимствованного от английского эмпиризма ограниченного метода мышления» [1]).

Мы видим, таким образом, что марксистская философия существует, и что тов. Степанов, приводящий цитаты, якобы отрицающие существование марксистской философии, ничего не понял в смысле этих цитат. С другой стороны, марксистская философия не имеет ничего общего с степановскими «общими выводами наук» [2]).

II.

Диалектический материализм и механическое понимание природы.

К решению вопроса о том, совместим ли диалектический материализм с механистическим пониманием природы, тов. Степанов подходит тоже на основе цитат.

Вытащив нужное количество цитат, он весьма «авторитетным басом» заявляет, что Стэн некстати повторил оценку Энгельсом механического материализма, и не понял того, что на основе этой оценки нельзя критиковать современного механистического понимания природы. Ведь, говорит Степанов, с веселым и победоносным видом, свою историю имеет не только материализм, но и понятие механического. Совершенно правильно, тов. Степанов. Но если вы такой «вумный» человек, то почему же вы не могли понять того, о чем у меня шел разговор?

Ведь краткий обзор истории материализма в новое время мною был приведен для того, чтобы показать, каким образом отдельные формы додиалектического материализма, основываясь не на изучении всей действительности, а на изучении какого-нибудь частного вида процессов, хотели схемой, полученной на основе изучения части действительности, охватить всю действительность. Диалектический же материализм уничтожил эту ограниченность прежних форм материализма и покоится, как я указал в своей рецензии, на изучении всей природы и человеческой истории. Диалектический материализм рассматривает природу и человеческую историю, как единый процесс развития. И поэтому именно, тов. Степанов, что диалектический материализм изучает всю природу и человеческую историю в непрерывности и прерывности их развития, нельзя исчерпать всю действительность механическим процессом, являющимся только частным видом физических процессов. И оттого, что меняется наше представление и углубляется наше знание о механическом процессе, он все-таки не становится всеобщим, всеисчерпывающим процессом.

Но тов. Степанову угодно заявить, что под механистическим пониманием природы надо понимать, «что виды энергии, действующей в живой природе, признаются теми же самыми видами ее, которые действуют в неживой природе». («Большевик», № 14, стр. 85).

«Для настоящего времени диалектическое понимание природы конкретизируется именно, как механическое понимание, т.-е. как сведение всех процессов природы исключительно к действию и превращению тех видов энергии, которые изучаются физикой и химией». («Большевик», № 14, стр. 85).

В этом и сказывается, тов. Степанов, ваше непонимание методологии диалектического материализма и диалектической природы современного естествознания. У вас все спутано вместе, и механический и физический и химический процесс. Понимание качественной определенности этих процессов недоступно для вас. Исходя из вашей перекраски физико-химических процессов в механический цвет, нельзя никак понять внутреннего процесса развития современной физики. Физика делилась в основном на три главных отдела: механику, электро-динамику и термо-динамику. Может быть и тов. Степанову не безызвестно, какими трудностями и противоречиями полон путь об'единения современной физики в единое здание, не на основе механики, а на основе электродинамики [1]). Если все физико-химические процессы растворены в механическом, то никаких затруднений сведения в области физико-механических наук не должно было существовать. Под механическим мировоззрением, как на это указывает Планк, надо понимать миросозерцание: «согласно которому все физические явления могут быть сведены без остатка к движению неизменяемых материальных точек и однородных элементов» [2]). Короче говоря, механически понимать физические процессы значит свести их все к процессу механическому. Но когда мы ставим вопрос о биологических и психических явлениях, то можем ли мы сказать, что их можно без промежуточных звеньев свести непосредственно к механическому процессу? Можно ли биологический и психический процессы об'яснить, исходя из количественных изменений в разных направлениях однородной материальной точки, без учета действия новых качеств, возникающих в процессе развития природы на промежуточных ступенях между механическим и биологическим и психическим процессами. Иначе говоря, возможно ли прямое механическое об'яснение биологических и психических процессов. Дает ли в своем развитии природа непосредственный скачок от механического к биологическому и психическому процессам или же они отделяются и связываются целой сетью скачков. Здесь мы подхо-

---

[1]) Энгельс. «Анти-Дюринг», указ. изд., стр. 9.

[2]) Гносеология марксистской философией отрицается диалектически и поэтому включается в учение о дислектике. По этому поводу тов. Ленин пишет: «А дислектика, в понимании Маркса и согласно также Гегеля, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию». (Ленин. Собрание сочинений т. XII, ч. II, стр. 323. Москва Государственное изд. 1924 г.).

[1]) Электродинамика в новом виде конечно теряет черты противопоставления механике, так как сама включает в себе механику, как частный случай.

[2]) Планк. Отношения новейшей физики к механическому мировоззрению Русс. изд. 1911 г.

дим к вопросу о соотношении количественного и качественного исследования природы.

В этом вопросе у тов. Степанова тоже невероятная путаница. У него существуют две версии. Первая заключается в том, что с материалистической точки зрения можно говорить только о количественном исследовании действительности. С одной стороны, количество и метод об'яснения, а с другой стороны, качество и метод описания. Противоположность между качественной и количественной точкой зрения есть противоположность между материализмом и феноменализмом. Кто хочет говорить о качественном моменте исследования природы, того тов. Степанов со свойственным ему высокомерием без колебаний отсылает к Маху, Гельму и Оствальду [1]).

Но тов. Степанову подвернулась другая цитата и он сразу начал проповедывать другой взгляд на качество. Он приводит цитату из Энгельса о том, что с тех пор, как узкое отрицательное выражение закона сохранения энергии заменилось его положительным выражением—превращением энергии, представилась возможность подчеркнуть качественный характер процессов.

И вот, процитировав Энгельса, Степанов начинает говорить о том, что он ведь, в сущности, говоря о превращении различных видов энергии, и подчеркивал качественную сторону процессов природы.

Тов. Степанов, вы наверное очень веселый человек и любите смешить народ, но нельзя быть все-таки столь беспощадным по отношению к читателям. Ведь никак нельзя знать, когда вы говорите правду. Тогда ли, когда абстрактно противопоставляете количество и качество, или когда признаете возможным считаться с качественной стороной процесса. И становитесь ли вы махистом в тот момент, когда заговариваете или приводите цитату о качественной стороне процесса. Как же быть тов. Степанов? Можно ли говорить о качественном моменте в исследовании природы с точки зрения диалектического материализма, или же это воспрещается под страхом немедленной ссылки в царство махистов? И если можно, то чем отличается качество, диалектически понимаемое, от качества феноменалистского, ну скажем, хотя бы от качества, так называемой, энергетической физики. Ведь всех этих вопросов вы, тов. Степанов, не ставите и вместо этого приводите несколько цитат, плохо вами понятых и среди которых вы безнадежно запутались.

Так было с вами, тов. Степанов, в вопросе о понимании марксистской философии, то же самое имеет место у вас и в вопросе о соотношении количественного и качественного исследования природы.

Да, воистину, веселый вы человек! Если мы до сих пор имели старую и веселую историю о том, как некто заблудился среди трех сосен, то вы, тов. Степанов, позаботились о том, что теперь мы имеем новейшую и веселейшую историю о том, как человек, желающий считать себя диалектическим материалистом,

[1]) Ссылка на т. Деборина сделана совершенно некстати. Степанов не понял, для чего и когда Дебориным была дана такая формулировка в борьбе с феноменализмом. Т. Деборину как раз принадлежит заслуга подчеркивания качественного момента, конечно, понимаемого диалектически, а не феноменалистски. См. Под Знаменем Марксизма 1924 г. № 3, статья т. Деборина: Маркс и Гегель.

заблудился, в буквальном смысле этого слова, среди нескольких цитат из Маркса и Энгельса.

Оставляя в стороне путаницу тов. Степанова, мы все-таки постараемся вкратце остановиться на том, в каком смысле надо понимать качественную сторону процессов природы с точки зрения диалектического материализма.

В введении «к критике политической экономии» Маркс говорит о пути усвоения и познания человеческой мыслью действительности и разбирает вопрос о соотношении конкретного и абстрактного в методе познания.

«Конкретное,—пишет Маркс,—потому конкретное, что оно заключает в себе множество определений, являясь единством в многообразии. В мышлении оно выступает, как процесс соединения, как результат, но не как исходный пункт, хотя оно является исходным пунктом в действительности, следовательно, также исходным пунктом наглядного созерцания и представления» [1]). «Первое конкретное», выступающее в нашем наглядном созерцании, чтобы быть познанным должно быть разложено на абстрактные категории. Для того, чтобы получить второе «познанное конкретное», необходимо из абстрактных определений вновь восстановить разложенную действительность.

Вопрос о соотношении конкретного и абстрактного есть только более общая постановка вопроса о соотношении качества и количества.

Если мы возьмем естественно-научное исследование, то мы увидим, что первой стадией исследования является определение качественной связи между изучаемыми факторами природы.

Потом наступает стадия установления количественных отношений между изучаемыми величинами. После установления количественных связей и эмпирических правил наступает, как выражаются естествоиспытатели, стадия теоретического об'яснения явлений. На этой ступени естествоиспытатель старается построить модель или схему явлений, исходя из которой он мог бы математически точно получить не только данные, добытые уже экспериментатором и для об'яснения которых построена схема, но и предсказать новые виды данного рода явлений, до сих пор не наблюдавшиеся. В этом кратком описании естественно-научного исследования мы можем наблюдать переход от качества к количеству и от количества к качеству. В результате мы получаем познанные и изученные явления, которые есть единство качества и количества—мера. Но это есть процесс познания и усвоения нами рассматриваемых явлений, это есть процесс исследования данной меры, но не есть процесс ее действительного возникновения. Когда мы говорим о переходе количества в качество в действительном развитии мира, то мы должны иметь в виду не абстрактные количественные изменения неизвестно чего-то, а количественные изменения качественной величины—меры, дающие, как говорит Гегель, «специфические различия». Переход количества в качество является узловой линией отношения мер. При переходе количества в качество происходит превращение одной качественной величины в другую качественную величину.

[1]) Основные проблемы политической экономии, Госизд. 1922 г. стр. 25.

И когда мы исследуем и стараемся об'яснить, скажем, психические явления, то не совсем безразлично, где мы ищем той меры, на количественные изменения которой мы хотим свести психический процесс. Одинаковые количественные изменения различных мер дают различные качества.

Развитие природы и заключается в том, что количественные изменения определенной меры путем скачка дают новую меру нового качества, количественные изменения которой опять дают новую меру нового качества и т. д. Поэтому вовсе нельзя сказать, что все качества природы могут быть непосредственно сведены к движению материальной однородной точки. Все многочисленные качества мы можем об'яснить только тогда, когда учтем все те многочисленные скачки, поворотные переходы количества в качество, которые отделяют однородную материальную точку от сложного процесса развития пророды. Поэтому и задача исследования, задача науки вовсе не может заключаться в том, чтобы все наличные различия свести к абстрактным тождествам, а в том, чтобы раскрывать решающие поворотные переходы количества в качество в процессе развития природы, чтобы уяснить процесс и законы развития природы. Это достигается сочетанием аналитического и синтетического и единством количественного и качественного исследования мира.

Мы видим, что диалектически понимаемое качество не есть нечто независимое от количества, а существует только в единстве с количеством и возникает, как результат количественных изменений качественной величины.

Тов. Степанов, повидимому, представления не имеет о том, что Маркс применяет категорию меры. Ведь тов. Степанов полон высокомерия и поэтому не смог у Маркса приметить такой скромной вещи, как категория — меры [1]). Это незнание и непонимание категории меры заставило Степанова противопоставить количество качеству. Конечно, качество энергетической физики не имеет ничего общего с диалектически понимаемым качеством. Качество Маха, Оствальда и Дюгема, есть качество несводимое, качество рассматриваемое, как самостоятельная индивидуальность. Поэтому и энергетическая физика приходит к методу чистого описания.

Диалектический материализм, признавая единство количественного и качественного исследования природы и разлагая при об'яснении данной группы явлений их качество на количественные изменения вместе с тем требует найти меру сводимости данных явлений. Поэтому диалектический материалист в понимании природы может стоять только на диалектически-материалистической точке зрения, а не на точке зрения механической, которая сводится к голому количеству.

Цитаты, приводимые тов. Степановым из отдельных естествоиспытателей в пользу того, что единственным плодотворным методом исследования является метод механистический, каузально-аналитический, только доказывает, что он не понимает того, что исследование сводится не только к анализу, не только к изображению сложных биологических процессов в

[1]) Рекомендуем т. Степанову изучить „Капитал“ Маркса не только, как экономическое и историческое сочинение, но и как сочинение, дающее ценнейшие указания по вопросам марксисткой методологии.

схемах и моделях механических процессов, а задача заключается в раскрытии действительного перехода не механических, а физико-химических процессов в органические.

Сведение даже в пределах физико-химических наук сейчас не обязательно к механическим явлениям. Это сведение на механические процессы в пределах физико-химических наук получило большие затруднения со стороны проблемы эфира и со стороны всего движения, сейчас совершающегося вокруг принципа относительности Эйштейна [1]).

Но мы здесь не можем останавливаться на конкретном рассмотрении диалектических связей отдельных процессов исследуемых современным естествознанием [2]).

Сказанного достаточно для того, чтобы понять разницу между диалектическим и механическим пониманием природы. Но тов. Степанов ведь и не хочет быть диалектическим материалистом [3]). Он прямо заявляет, что «заботливое отмежевание от «механического материализма» опять способно увести мысль читателя не в надлежащую сторону, скрыть от него действительное соотношение между историческим материализмом и современным естествознанием» [4]).

Тов. Степанов, вами сведены воедино все «изумительные мысли вашего послесловия. Ведь вы во всем своем послесловии не ставите вопроса о соотношении диалектического материализма и современного естествознания, а ставите только вопрос о соотношении исторического материализма и естествознания. Для вас существует только, с одной стороны, механическое понимание природы, которое и вы именуете «механическим материализмом», а с другой стороны исторический материализм. Марксистская философия в виде методологии вами выкинута за борт. И вам приходится или признать «методологический дуализм», механистическое об'яснение для явлений природы и диалектическое для общественных процессов, или же последовательно перейти и к механическому об'яснению общественной жизни. Выбирайте или механистическую последовательность или начинайте питаться жиденькой кашей эклектики. Третьего пути не дано. Поздравляем, тов. Степанова с переходом на новый вид пищи!

---

[1]) См. Планк. Отношение новейшей физики к механическому мировоззрению и Эйнштейн. Эфир и принцип относительности.

[2]) Этому вопросу я намерен посвятить особую статью в журнале «Под Знаменем Марксизма». Конечно, не для того, чтобы продолжать спор с т. Степановым. Охотников на такой спор в «такой плоскости» как поставил вопрос тов. Степанов не найти.

[3]) Совершенно напрасно тов. Степанов в защиту своего механистического взгляда ссылается на тов. Ленина. В главе „Энергетика процессов природы“ в своей книге „Об электрификации“ тов. Степанов рассматривал, главным образом, те превращения видов энергии, на которых покоится современная техника, и не развивал своей широкой „механистической философии“. Задачей Степанова не было изложение диалектики современного естествознания. А для пропаганды даже простое изложение старой механики имеет крупное значение. Тем более, что механика, получая новое теоретическое освещение, сохраняет свою практическую применимость. Ведь тов. Ленин сознавал важное значение стараго материализма для антирелигиозной пропаганды. Тов. Степанов же решил во все трудные минуты своей жизни ссылаться на похвалу Владимира Ильича, данную им по определенному поводу. Но и скромный же человек, этот тов. Степанов.

[4]) Гортер. „Исторический материализм“. Послесловие Степанова. Стр. 167

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Ленинский сборник I. Под редакцией Л. Б. Каменева. Москва—Ленинград. 1924 г.

Издание „Ленинских сборников" не нуждается в нашем приветствии. Всякий понимает, что они представляют из себя самое ценное из всей издающейся у нас литературы, ибо в них впервые выходят в свет до сих пор не опубликованные статьи, письма и документы Владимира Ильича Ленина. Здесь Ленин встает перед нами неумерший и неумирающий, открывая для партии и всего пролетариата все новые и новые стороны своей всеохватывающей гениальности.

Опубликование материалов ленинского архива есть только первый шаг к изучению и научной систематизации ленинского литературного наследства. Для такового изучения и систематизации нужны годы серьезной работы лучших теоретиков партии. Здесь же наша задача—очертить краткими чертами основное идейное содержание „Сборника I".

Начнем с писем Ленина к М. Горькому, выпущенных уже и особым изданием. В „Сборнике I" помещены 34 письма, в хронологическом порядке; первое письмо от 9 января 1908 г. и последнее от декабря 1913 г. Между письмом 11-м от 19 апреля 1908 г. и 12-м от 11 апреля 1910 г. имеется большой двухгодовой перерыв. Велась ли за эти два года переписка между Горьким и Лениным—редакция „Сборников" пока не установила.

Таким образом, письма относятся к эпохе реакции и годам предвоенного под'ема. Это период, когда большевизм выполнял задачу „построить из фракции партию", по формуле Ленина.

Только на отсечении ликвидаторства и отзовизма, левого и правого „уклонения" можно было построить монолитную и единую большевистскую партию, и Ленин ее строил путем непримиримой идейной и организационной борьбы на обоих флангах. Письма к Горькому вводят нас в уголок ленинской лаборатории мысли в ту эпоху ожесточенной фракционной и партийной борьбы. Они написаны преимущественно на внутрипартийные темы и в них значительное место занимают вопросы единства и раскола партии.

„Очищение социал-демократической партии от ее опасных „уклонений", от ликвидаторства и отзовизма идет вперед неуклонно; в рамках об'единения [1]) оно подвинулось значительно дальше,

[1]) Речь идет об об'единительной попытке, предпринятой январским пленумом 1910 г.

чем прежде. С отзовизмом мы уже покончили идейно, в сущности, до пленума. С ликвидаторством не докончили тогда, меньшевикам удалось на время скрыть змею, а теперь ее вытащили на свет божий, теперь ее все видят, теперь ее будем уничтожать и уничтожим!".

„И это очищение—вовсе не одна только „идейная" задача, как думает... [1]) Потресов, так же заступающийся за махистов, как заступались меньшевики в пленуме за „впередовцев". Нет, это очищение неразрывно связано с самой гущей рабочего движения, которое учится постановке социал демократической работы в теперешнее время, именно путем отрицания учится, путем отрицания ликвидаторства и отзовизма выходит на дорогу. Только... [2]) Троцкий воображает, что можно это отрицание обойти, что это лишнее, что рабочих это не касается, что вопросы ликвидаторства ставятся не жизнью, а печатью злых полемистов" (стр. 109, письмо 12-е).

Вопрос о расколе с отзовизмом и ликвидаторством ставился „жизнью", выплывал из „самой гущи рабочего движения". И потому В. И. Ленин не жалел резких эпитетов не только по отношению к отпетым социал-предателям, вроде Потресова, но и по отношению к тов. Троцкому, который тогда, на словах отмежевываясь и от ликвидаторства, и от отзовизма, говоря о примирении всех и вся в одной партии, на деле выступал общим фронтом с ликвидаторами и отзовистами против большевиков (попытка антибольшевистского „августовского блока" 1912 г.). Именно этот период дает особенно много поучительного для понимания организационных принципов большевизма в противопоставлении их троцкизму, вопрос о котором снова всплыл у нас в партии.

Чтобы оттенить характер писем Ленина к Горькому, в частности трактовку вопроса о расколе в этих письмах, следует на минуту представить себе характер и фигуру об'екта воздействия этих писем —М. Горького. Большой художник, принесший огромную пользу рабочему классу своими произведениями, вышедший из народных низов талант, человек, которого любил Ильич. М. Горький—круглый обыватель и дитя в вопросах политики. Поэтому, помимо политических расхождений, которые имелись в тот период у Ленина с Горьким, спутавшимся с „впередовцами" (отзовистами), в письмах этих двух людей занимает известное место особый мотив, который совсем не имел бы места в переписке, скажем, между двумя большевиками. Этот мотив следующий.

Горькому, с его глубокой, сидящей „в нутре" интеллигентщиной, трудно было разобраться об'ективно в политических и принципиальных расхождениях потому, что его отталкивала конфликтная, „склочная" сторона внутрипартийной борьбы. И вот, надо видеть, с какой особой внимательностью и любовью Ильич буквально нянчился с Горьким, об'ясняя, втолковывая ему вещи, само собой казалось бы понятные. Ленин пишет в том же, цитированном нами письме:

„Сидеть в гуще этого „анекдотического", этой склоки и скандала, маяты и „накипи" тошно; наблюдать все это—тоже тошно. Но непозволительно давать себя во власть настроения. Эмигрантщина

[1]) Потресов правейший ликвидатор. Многоточием редакция „Сборника" заменила резкий эпитет.

[2]) Точками ред. „Сборника" заменила резкий эпитет.

теперь в сто раз тяжеле, чем было до революции. Эмигрантщина и склока неразрывны. Но склока отпадет; склока останется на $^9/_{10}$ за границей; склока—это аксессуар. Развитие партии, развитие социал-демократического движения идет и идет вперед через все дьявольские трудности теперешнего положения" (108 стр.).

И Ленин противопоставляет обывательскому подходу к политическим разногласиям—подход принципиальный, политический:

„Нет, кроме шуток; нехорошую вы манеру взяли, обывательскую, буржуазную—отмахиваться: „все вы склокисты". Посмотрите-ка на новую эсеровскую литературу: „Почин", „Известия заграничной областной организации",—сравните с „Революционной Мыслью", с „Революционной Россией", а там еще с Ропшиным-Савинковым и etc. Вспомните вехи и полемику (quasi-полемику) с ними Милюкова, Гредескул (который ныне открыл, что не нужна вторая революция в России) и т. д. и т. д. Сопоставьте все это в целом, всю сумму идейных течений 1908—12 г.г. у эсеров, трудовиков, беззаглавцев, кадетов с тем, что было и есть у эсеров (кто-нибудь когда-нибудь—историк, вероятно, сделает эту работу непременно). Вы увидите, что все, буквально все вне социал-демократов решали те же самые, буквально те же самые вопросы, из-за которых откололись у нас группки от партии в сторону ликвидаторства и отзовизма.

„О склоке" у эсдеков любят кричать буржуа, либералы, эсеры, которые к „больным вопросам" относятся не серьезно, плетутся за другими, дипломатничают, пробавляются эклектизмом. Разница социал-демократов от всех них та, что у эсдеков склокой облечена борьба групп с глубокими и ясными идейными корнями, а у них склока внешне приглажена, внутренне пуста, мелочна, мизерна. Никогда, ни за что не променял бы я резкой борьбы течений у эсдеков на прилизанную пустоту и убожество эсеров и К°". (Письмо 18, 1 августа 1912 г.).

В письме, непосредственно следующем за только-что цитированным, после ответа Горького Ленин пишет:

„Если вы признаете, что „склока наша вызвана непримиримым различием идейных корней",—что у эсеров то же—(что у кадетов то же—„Вехи",—этого вы не добавили, но тут сомнений нет), что слагается реформистская (удачное слово!) партия, тогда нельзя говорить и ликвидатору и его врагу: „оба вы склокисты". Тогда дело тех, кто понял идейные корни „склоки", не участвуя в ней, помогать массе разыскивать корни, а не оправдывать массу за то, что она рассматривает споры, как „личное генеральское дело". (Письмо 19, август—сентябрь 1912 г., стр. 124).

Нам кажется, все это имеет прямое отношение к близкой к нам действительности. В минувшей дискуссии многие не разбирающиеся товарищи, по-обывательски подходя к политическому спору, отмахиваясь от политических доводов, говорили: „Зачем обижают товарища Троцкого?" Такие „заступники" вполне подходят под параллель с обывателем в политике, с Горьким, и им следует читать и читать ленинские уроки Горькому: разыскивайте идейные корни разногласий, не принимайте идейную борьбу в партии за „генеральское дело".

Не верьте на слово, живите своим умом,—но умом, а не обывательской и куриной слепотой, не „смакованием" склочной стороны серьезных политических столкновений.

* * *

Много внимания в письмах к Горькому Ленин уделяет расколу с Богдановым и другими отзовистами. По письмам можно проследить (жаль лишь, что отсутствует переписка за 1909 г., если она велась) ход этого раскола.

„Летом и осенью 1904 г.,—пишет Ленин,—мы окончательно сошлись с Богдановым, как большевики, и заключили тот молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который просуществовал все время в революции и дал нам возможность совместно провести в революции ту тактику революционной социал-демократии (=большевизма), которая, по моему глубочайшему убеждению, была единственно правильной. Философией заниматься в горячке революции приходилось мало". (Письмо 5, 25 февраля 1908 г., стр. 91).

Летом 1906 г. Ленин уже написал Богданову „об'яснение в любви"—„письмецо по философии в размере 3-х тетрадок" (затерянные „Заметки рядового марксиста в философии"). В 1909 году, как известно, Ленин, засевший всерьез за философию, выпустил свой „Материализм и эмпириокритицизм". В этом же году произошел организационный разрыв большевиков с отзовистами. Разрыв этот, однако, был продиктован соображениями политическими. Философские расхождения сами по себе не служили причиной к разрыву. В том же письме (февраль 1908) Ленин пишет:

„Некую драку между большевиками по вопросу о философии я считаю теперь совершенно неизбежной. Раскалываться из-за этого было бы, по-моему, глупо. Мы заключили блок для проведения в рабочей партии определенной тактики. Мы эту тактику вели и ведем до сих пор без разногласий (единственное разногласие было о бойкоте 3-й думы), но оно, во-первых, никогда не обострялось между нами даже до намека на раскол; во-вторых, оно не соответствовало разногласию материалистов и махистов, ибо, например, махист Базаров был, как и я, против бойкота".

На данной стадии идейной борьбы с махизмом Ленин из письма в письмо настойчиво твердит Горькому, что филисофский спор надо отделить от фракционного:

„Мы должны подраться из-за философии так, чтобы „Пролетарий" и большевики, как фракция партии, не были этим задеты". (Письмо 5).

„Надо отделить всю эту драку от фракции". „До сих пор писали „на стороне", вне фракционных изданий, пишите и дальше так". „Подеритесь на стороне, фракция пока подождет. Если есть возможность ослабить неизбежное озлобление, то только так, по-моему"... „А если философская драка будут итти вне фракции, то меньшевики будут сведены на политику и тут им смерть". (Письмо 8, март 1908 г.). О том же в письмах 10 и 11.

Однако, уже летом 1909 г. „Пролетарий" в статье тов. Каменева „Не по дороге" (напечатание ее было одобрено „совещанием расширенной редакции „Пролетария" в Париже, в июне 1909 г.) отмежевывается от махизма и богостроительства. К этому моменту политические разногласия обострились настолько, что „молчаливо устранять" философию, как „нейтральную область" уже не было надобности. Большевизм официально отмежевался от махизма, который Богданов, к злорадству меньшевиков, пытался навязать большевизму, как его философию. В 1910 году Ленин пишет о перипетиях раскола с „впередовцами" (отзовистами):

„Одно время мне казалось, что и внутри этой группы есть два течения: к партии, к марксизму, к отказу от махизма и от отзовизма и обратное"... „Но второе течение, видимо, берет у них верх". (Письмо 12, стр. 108).

Не идя на раскол до тех пор, пока борьба по политической линии не достигла определенной остроты, Ленин, вместе с тем, видел связь между философскими и политическими ошибками Богданова и Ко. В декабре 1913 г. он писал М. Горькому по поводу „богоискательских" занятий последнего:

„По вопросу о боге, божественном и обо всем, связанном с этим, у вас получается противоречие, то самое, по моему, которое я указывал в наших беседах во время нашего последнего свидания на Капри: вы порвали (или как бы порвали) с „впередовцами", не заметив идейных основ „впередовства". (Письмо 34, стр. 149).

По вопросу о богостроительстве письма Горького содержат много необыкновенно выпуклых, бичующих замечаний об идеалистической философии, вроде такого:

„Католический поп, растлевающий девушек (о котором я сейчас случайно читал в одной немецкой газете), гораздо менее опасен именно для „демократии", чем поп без рясы, поп без грубой религии, поп идейный и демократический, проповедующий созидание и сотворение боженьки. Ибо первого попа легко разоблачить, осудить и выгнать,—а второго нельзя выгнать так просто, разоблачить его в тысячу раз труднее, „осудить" его ни один „хрупкий и жалостливо-шаткий" обыватель не согласится". (Письмо 32, стр. 146). И т. п.

* * *

Помимо писем к Горькому, исключительный интерес представляет помещенная в I «Ленинском Сборника» запись Ленина: «Как чуть не потухла «Искра» (2 сентября 1900 года). Этот документ не поддается никакому пересказу,—его надо прочесть, чтобы представить себе Ильича таким, каким он был в момент, когда входил в ряды руководителей российской социал-демократии, чтобы скоро стать первым среди равных, а затем и—единственным. Документ этот из всего опубликованного ленинского наследства стоит особняком по той необычайной интимности, с какой Ленин касается здесь своих личных переживаний [1]). Он описывает здесь первую трещину в отношениях с Плехановым, имевшую место за три года до раскола на большевиков и меньшевиков, при переговорах о создании «Искры». Ленин выступает перед нами новой стороной, обычно скрытой от глаз читателя его статей, книг и речей. Он говорит о своем поклонении и «влюбленности» в Плеханова, как в обаятельную личность и признается в тяжелых личных переживаниях, сопутствовавших этой первой размолвке, после которой совместная работа продолжалась, но прежнюю «влюбленность» «как рукой сняло».

«По внешности, как будто бы ничего не произошло, вся машина продолжала итти, как и шла,—только внутри порвалась какая-то струна и вместо прекрасных личных отношений наступили деловые, сухие, с постоянным рассчетом: по формуле si vis pacem, para bellum (хочешь мира, готовься к войне). (Стр. 47).

[1]) Отчасти такой же характер носит и опубликованная здесь же запись 29 декабря 1900 года о свидании со Струве (стр. 72).

Что касается политических оттенков, то в этом первом столкновении Плеханова и Ленина, о котором знал вообще лишь крайне тесный круг лиц, их разделяло различное политическое отношение к Струве и к «экономистам». Плеханов в 1900 году выступает перед нами более непримиримым противником соглашений как с тем, так и с другими. Недолговременный и скоро разорванный «блок» со Струве заключается по инициативе Ленина, точно так же, как и попытки добиться «мира» с экономистами.

Ни блок со Струве, ни попытки примирения с «экономистами» не оставили заметного следа в истории партии: но было бы ошибкой на этом основании считать правым Плеханова, который с самого начала вел тактику срыва «соглашательских» стремлений Ленина. Попытки, которые делал Ленин, следовало делать, поскольку еще не были потеряны все надежды использовать либеральное движение (в лице Струве) в интересах социал-демократии и поскольку была надежда перевести на рельсы революционной с.-д. хотя бы часть русских с.-д. практиков, которые еще шли за «Рабочим Делом».

Разумеется, ни о каком отказе от непримиримой идейной борьбы с либерализмом и экономизмом Ленин не помышлял. Достаточно напомнить, что виднейшие и наиболее ранние литературные выступления против легального марксизма (статья в сожженном цензурой сборнике 1895 г.) и экономизма («Протест» против «Credo»,—1899 г.) принадлежали Ленину, да и вся его последующая деятельность доказала, что совсем не он (а Плеханов) пошел на поводу у кадетов и очутился в рядах оппортунистов.

Таким образом, уже в 1900 г., при первом столкновении Плеханова и Ленина обнаружились их индивидуальные особенности, как политических вождей: Плеханов—по преимуществу теоретик, плутающий в вопросах практической политики, и Ленин—умеющий сочетать теоретическую непримиримость с чутьем реальной действительности, не ошибающийся в оценке ее «пропорций».

В «Сборнике I» помещено также письмо Ленина к Н. К. Крупской и письмо к неизвестному товарищу («Х») с ответом последнего, дающие ценное дополнение к характеристике того периода, в который чуть было не потухла, но, в конце-концов, разгорелась «Искра». Все указанные письма датированы сентябрем 1900 года.

Сборник содержит также письмо Ленина П. Аксельроду (1897 г.) и два письма тов. А. Луначарскому (1908 г.).

Помимо ленинских писем и рукописей, публикуемых в «Ленинских Сборниках», первый сборник содержит ряд ценных отделов, составленных редакцией. Здесь «Основные вехи жизни В. И. Ленина». «Из подготовительных работ к научной биографии В. И. Ленина» «Хроника Института» (имени В. И. Ленина), «Библиография» (что вышло о Ленине) и др.

Каждый отдел ленинских материалов снабжен особым предисловием и комментариями, принадлежащими редактору «Ленинских Сборников» тов. Л. Б. Каменеву. Ему же принадлежит общее предисловие и некоторые заметки в редакционных отделах. И по теоретическому смыслу и по компетентности в вопросах биографии В. И. Ленина комментарии тов. Каменева не оставляют желать ничего лучшего и служат превосходной оправой ленинскому тексту.

К каждому отделу и даже к некоторым отдельным письмам Ленина «Институт» дает архивную справку.

Техника издания «Сборников»—безукоризненна. Особенное внимание привлекают оригиналы рукописей, переданные с изумительной фотографической точностью, вплоть до следов времени на пожелтевшей и смятой бумаге писем.

Издание «Ленинских Сборников» с полным правом заслуживает название научного издания.

В. Астров.

I.

О „Ленинском Сборнике“ II. Центральным местом «Ленинского сборника» № 2 являются впервые опубликованные материалы по выработке программы РСДРП.

Они представляют не только исторический интерес. Они имеют актуальное значение для нашей партии, именно потому, что дают чрезвычайно много для понимания метода ленинизма, для выяснения истоков глубокого методологического и политического различия большевизма и меньшевизма.

* * *

Ленин является вождем революционной партии пролетариата эпохи империализма, пролетарских восстаний, диктатуры и строительства нового общества. В частности и прежде всего он был вождем пролетариата России—той страны, которая по прекрасному выражению т. Сталина была «узловым пунктом всех... противоречий империализма», которая «потому... была беременна революцией более, чем какая-либо другая страна» и первой разрешилась пролетарским октябрем, первая начала строить новое общество.

Ленин, т. о., должен был теоретически и практически руководить пролетариатом, который борется за власть, ведя за собою остальную массу угнетенных, в чрезвычайно сложной исторической обстановке при быстро меняющемся соотношении классовых сил. Чтобы пролетариат, особенно российский, в этих условиях мог победоносно бороться, нужно, чтобы партия, руководящая его борьбой умела сочетать преданность и глубочайшие внимание к основным целям пролетарской борьбы с величайшей способностью практически бороться за них, осуществлять их в каждый данный момент—при непрерывно меняющейся сложнейшей обстановке революционной эпохи,—по новому, сообразно новым условиям. Поэтому, партии, руководящей борющимся пролетариатом, нужна была такая теория, которая являлась бы лучшим «руководством к действию», непрерывно проверяемым революционной практикой. Нужен был такой метод, т.-е. такое теоретическое, научное оружие мышления, при помощи которого можно было бы охватить все особенности данного времени и места; учесть все диалектические противоречия и в с ю с л о ж н о с т ь н о в о й о б с т а н о в к и, связей и отношений, понять поэтому главную конкретную задачу момента борьбы; отыскать и выделить то звено, за которое нужно ухватиться в данный момент, чтобы вытянуть всю цепь.

Таким методом являлся диалектический метод Ленина. Этот метод есть не что иное, как диалектический метод Маркса, примененный в эпоху империализма, войн и пролетарских революций.

«Важно понять,—писал Ленин,—что в революционные времена об'ективная ситуация меняется так же быстро и круто, как быстро вообще течет жизнь. А мы должны **с у м е т ь п р и с п о с о б и т ь** свою тактику и свои ближайшие задачи к **о с о б е н н о с т я м к а ж д о й** данной ситуации» (курсив Ленина. Ленинский сборник, II, «Письма издалека», письмо III «О пролетарской милиции», стр. 354).

Отсюда у Ленина, естественно, выпячивание, подчеркивание, особое значение получило положение марксовой и энгельсовской диалектики о конкретности истины? Это значит, что истина тогда становится верной и наполненной, когда она не только выражает в абстрактной формуле закона общую реальную закономерность процесса жизни, но и когда она берет этот закон в своеобразно-качественных формах, в специфическом его проявлении в данных условиях развития, при данных обстоятельствах, при всех конкретных связях и опосредствованиях, при данных «возмущающих влияниях». Истина конкретна, т.-е. она есть закон всегда **о п р е д е л е н н о й**, всегда **о с о б е н н о й ф о р м ы** общего процесса. Потому надо уметь находить общее в особенном и видеть, как особенное видоизменяет общее, придает ему **к а ж д ы й р а з** своеобразное характерное только для данного времени лицо. Только при этом истина является нам конкретной, наполненной и позволяет верно учитывать и определять тенденцию своеобразно-общего процесса развития.

Ленин в своем методе с чрезвычайной силой выдвинул, разработал, заострил это положение марксизма и превосходно применял его в теории и практике борьбы пролетариата в революционную эпоху. Все его теоретические и политические работы, вся его практика вождя революционного пролетариата, идущего и пришедшего к победе, доказали всю важность этого методологического положения.

Суть ленинского метода, ленинской диалектики в его словах:—«самая суть, живая душа марксизма в конкретном анализе конкретной ситуации», и «было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся задачи революции в прокрустово ложе узкопонятой «теории», вместо того, чтобы видеть в теории прежде и больше всего **р у к о в о д с т в о к д е й с т в и ю**» (Лен. сборник, стр. 353).

Методу ленинизма чужды шаблонность, схематизм, абстрактность, затушевывание конкретной сложности диалектических противоречий революционной эпохи.—Во всем этом меньше всего нуждается борющийся пролетариат. Недаром Ленин—его вождь, со всей свойственной ему теоретической прямотой и беспощадностью разоблачал метафизику, как фаталистического, так и волюнтаристического отношения к действительности в рядах своей партии, недаром он боролся против догматизма и схематизма мышления, недаром он всякий уклон в тактике, в организационных вопросах или в каком-либо вопросе программы связывал с неправильной методологической позицией «уклонистов».

Но ничто не было так противоположно и в корне враждебно ленинскому диалектическому методу, как методология меньшевизма, II Интернационала, методология, которая так соответствовала оппортунизму и контр-революционной сущности этого наиболее тонкого и опасного защитника буржуазного порядка.

Методология меньшевизма характеризуется отказом от марксовой диалектики и возвратом к буржуазной метафизике. Это совершилось постепенно—не только в неприкрытой форме ревизионизма, но и в тонко завуалированной форме комментариев, раз'яснений, наполненных общими фразами и пустейшими абстракциями. Именно тогда, когда капитализм вступил в свою последнюю фазу—в полосу загнивания и разрешения,—когда т. о. история поставила в порядок для вопрос о пролетарской революции, т.-е. тогда, когда потребовалось величайшее умение облекать конкретной плотью марксовы метод и теорию, именно в это время теоретики II Интернационала всеми средствами из марксизма выхолащивают мощь его метода, и всякую конкретность, всякую определенную революционность теории топят в море общих отвлеченных рассуждений, в океанах каучуковых резолюций.

Вместо того, чтобы ставить практически и конкретно — по-революционному [1])—вопрос о новой полосе капитализма и о необходимости разрушения буржуазного строя и борьбы за диктатуру пролетариата, теоретики II Интернационала рассуждали о капитализме и демократии вообще, о «мирном врастании», о классовой борьбе вообще, отодвигая историческую задачу пролетариата в неопределенное будущее. Т. о., вместо того, чтобы пользуясь диалектическим методам Маркса, развивать революционную теорию применительно к новой исторической эпохе и решительной борьбе пролетариата за власть, вместо этого меньшевизм опошляет эту теорию, подменяет ее пустыми догмами, схематикой, бессодержательной абстракцией, метафизической эклетикой. Теория и метод Маркса, т. о., не только не служили во II Интернационале руководством для революционного действия, но, напротив,—было сделано все, чтобы превратить их в худшую догму, в средство для бездействия пролетариата, для его покорности буржуазному строю.—Какая насмешка над великим Марксом!

В этом—суть методологии и теории II Интернационала, соответствующая его делам.

Ленин превосходно видел эти суть и характер метода и теории II Интернационала. В письме к Шляпникову, от 27/IV 1914 г., опубликованном в II «Ленинском Сборнике», Владимир Ильич выражает это следующими словами: «Нет на свете ничего более вредного и опасного для идейной самостоятельности пролетариата, как это поганое самодовольство и мерзкое лицемерие Каутского (идейного вождя II Интернационала в ту эпоху П. С.), желающего все затушевать и замазать, успокоить софизмами и якобы ученым многоглаголением разбуженную совесть рабочих» (стр. 200—201).

Очевидно, т.о., что метод, теория, тактика, ленинизма и оппортунизма в корне противоположны и враждебны друг другу. Недаром Ильич вел борьбу с оппортунизмом в самых различных его проявлениях. Недаром он так умел разглядеть, вскрыть оппортунизм в самом его зародыше, усмотреть тенденции его развития.

[1]) Действительно конкретная (в марксистско-ленинском самысле) постановка вопроса есть всегда постановка его по-революционному.

* * *

Это было в 1902 г. Редакция «Искры» и группа «Освобождение Труда» вырабатывали программу российской пролетарской партии. И вот при выработке этой программы обнаружились две приниципиально—методологически и политически—различных точки зрения—Ленина с одной стороны и Плеханова и комиссии, т.-е. будущих меньшевиков—с другой.

Первый проект написал Плеханов. Но, этот проект сразу же встретил со стороны Ленина отпор. Ленин указал, что проект Плеханова страдает рядом теоретических погрешностей, пассивизмом, абстрактностью и смазанностью формулировок во многих важных местах.

Убедившись в неприемлемости для себя первого плехановского проекта, Ленин написал свой проект программы, историю аазработки которого мы находим в сборнике. Об этом ниже.

Плеханов представил второй проект программы, значительно переработанный и разработанный. Но второй проект встретил также решительный отпор Ленина. И замечания и отзыв Ленина на этот проект чрезвычайно важны для понимания методологической и политической сущности ленинизма и меньшевизма.

В замечаниях и отзыве Ильича говорит революционный, гениальный вождь пролетариата, ведущего историческую борьбу за власть. «Самым общим и основным недостатком, который делает этот проект программы неприемлемым, считаю,—пишет Ленин,—весь тип программы, именно: это не программа практически борющейся партии, а Prinzipienerklärung, это скорее программа для учащихся (особенно в самом главном отделе, посвященном характеристике капитализма), и притом учащихся первого курса, на котором говорят о капитализме вообще, а еще не о русском капитализме» (стр. 65). Или в другом месте: «этот проект дает не программу пролетариата, борющегося против весьма реальных проявлений, весьма определенного капитализма, (здесь курсив наш. П. С.), а программу экономического учебника, посвященного капитализму вообще». (Стр. 88). Или еще—проект страдает «крайней абстрактностью многих формулировок, как-будто бы они предназначались не для боевой партии, а для курса лекций» (стр. 86).

«В особенности, продолжает Ленин, не пригодна программа для партии русского пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще. Партия русского пролетариата должна в своей программе самым недвусмысленным образом изложить обвинение ею русского капитализма, об'явление ею войны русскому капитализму... Отделаться же тем, что капитализм» в своем развитом виде отличается вообще такими-то свойствами,—а в России капитализм «становится преобладающим», значит уклониться от того конкретного обвинения и об'явления войны, которое для практически борющейся партии всего важнее (стр. 88—89).

«Программа русской социал-демократической партии (так тогда называлась наша партия. П. С.),—подчеркивает Ленин,—должна начаться характеристикой (и обвинением) русского капитализ-

ма,—и затем уже подчеркнуть международный характер движения, которое по форме своей—говоря словами Коммунистического Манифеста — необходимо является началом национальным» (стр. 66).

Проект не достигает поэтому одной из главных целей программы: дать партии директиву для ее повседневной пропаганды и агитации по поводу всех разнообразных проявлений русского капитализма» (стр. 89).

Так формулирует Ленин основное несогласие, основное методологическое и, тем самым, политическое расхождение с Плехановым (ибо за методологическими разногласиями скрываются политические и обратно,—что особенно видно из этого спора Ленина с Плехановым). Это разногласие являлось одним из первых столкновений между методологией Ленина и II Интернационала. Критикуя плехановский проект, Ленин очертил суть меньшевизма и оппортунизма всех стран, рассыпающего в эпоху борьбы пролетариата за власть фразы о капитализме и борьбе вообще.

Но такова уж диалектива пролетарской борьбы, что тот, кто остается в эту эпоху на почве обоих рассуждений, общих фраз, расплывчатых замазанных формулировок, пустых абстракций, кто рассуждает на словах о капитализме и империализме вообще, и не ставит по-революционному, конкретно вопрос о борьбе со *своим* капитализмом, оказывается на деле прикованным к колеснице данного капитализма, а тем самым и капитализма «вообще»; кто же, напротив, изучает диалектику конкретных особенностей и своеобразия капитализма, а следовательно и условий борьбы с ним, в каждом данном времени и месте, кто недвусмысленно определенно резко ставит и решает практически по-революционному вопрос о *разрушении своего* капитализма, т.-е. о борьбе с существующим в данной своей стране национальным отрядом мировой буржуазии, тот оказывается в первых рядах международной армии пролетариата, действительно борющегося за свое освобождение.

Вот почему Ленин и подчеркивал, что революционная партия пролетариата эпохи борьбы за власть должна не только критиковать (и притом недвусмысленно) и звать к свержению капитализма и империализма вообще; она должна конкретно учесть особенности борьбы прежде всего против *своего непосредственного ближайшего врага*, того, который ей ближе и потому—вреднее, опаснее всего—должна практически поставить и решать вопрос прежде всего о *его* свержении и разрушении, о завоевании власти и диктатуре пролетариата *у себя* в стране; сочетая, конечно, эту борьбу и т. д. с борьбой международного пролетариата.

Именно, это имел в виду Ленин, критикую в плехановском проекте суть будущего меньшевизма.

Любопытно, что эти две точки зрения представлены Лениным и Плехановым.

Плеханов—глубокий, превосходный популяризатор Маркса, блестящий борец за марксистскую теорию против русских «критиков» ее, однако, не был и не мог быть вождем и представителем борющегося пролетариата. Его роль для пролетариата развернулась и ограничилась, главным образом, концом прошлого столетия, когда пролетариат России еще только выходил на историческую арену и путался в сетях народнических, буржуазных и даже царистско-крепостнических иллюзий и влияний—от Михайловского и его эпигонов, через Струве и до монархических проповедников, Плеханов нашел тогда общее теоретическое оружие для «критики критиков» и для разоблачения враждебных пролетариату иллюзий и теорий в учении К. Маркса и блестяще доказал, что оно есть единственная теоретическая основа пролетарского движения.

Но практически Плеханов оставался не связанным с русским и международным революционным рабочим движением. Он не знал его своеобразных особенностей и условий развития. Не ему, а Ленину суждено было дать анализ развития капитализма в России и стать во главе пролетарской борьбы за освобождение от русского и мирового капитализма.

Плеханов же, роль которого ограничивалась только ролью учителя марксизма на заре русского рабочего движения и «критика критиков», привык оперировать общими законами марксизма, но не умел приложить их к условиям и обстановке российской борьбы, к категориям новой эпохи, нового этапа капитализма. Здесь он оказывался беспомощным и всегда занимающим поэтому неверную позицию. Этим были определены и предрешены не только его методологическая позиция при выработке программы, но и дальнейший политический отход от борющегося пролетариата, приведший его в болото социал-шовинизма.

Не случайно, т. о., две точки зрения, два метода столкнулись при выработке программы РСДРП в лице Ленина и Плеханова.

В той же методологической плоскости, по той же политической линии идут и некоторые другие возражения Ленина Плеханову.

Ленин, например, возражает против плехановской формулировки вопроса—что в капиталистическом обществе «постоянное усовершенствование техники»... вызывает...—«увеличение значения крупного производства... сужение роли мелкого». Это общая, абстрактная, неотчетливая, не конкретная, не революционная постановка вопроса, говорит Ленин. «Вместо этого нужно было сказать—«вытеснение мелкого производства крупным». Почему? Да потому, что первая формулировка «выражает только этот процесс *более туманно и более расплывчато*» (стр. 71).

«Слово же «вытеснение» каждому мастеровому и каждому крестьянину приведет на мысль десятки и сотни знакомых ему примеров» (стр. 71). «И с точки зрения стиля нежелательны эти слова «увеличение значения и сужения роли» вместо вытеснения. Это—не язык революционной партии, а язык «Русских Ведомостей». Это—не термин социалистической проповеди, а термин статистического сборника. Эти слова точно нарочно подобраны для того, чтобы читатель вынес впечатление, будто характеризуемый процесс, есть процесс не резкий, не заканчивающийся ничем определенным, процесс безболезненный. А так как в действительности все это обстоит как раз наоборот, то *постольку* эти слова являются прямо неверными. Мы не можем и не должны выбирать наиболее *абстрактные* формулировки, ибо мы пишем не статью против критиков, а программу боевой партии, обращающейся к массе кустарей и крестьян! Обращаясь к ним,— подчеркивает Ленин,—мы должны сказать klippund klar (ясно), что капитал «делает их слугами и данниками», «разоряет» их, «вытесняет» их в ряды пролетариата. Только такая формулировка будет верным изображением того, чему тысячи примеров знает ка-

-ждый кустарь и каждый крестьянин. И только из такой формулировки будет вытекать *неизбежно* вывод: единственное спасение для вас—примкнуть к партии пролетариата» (стр. 72).

С этой же методологической и политической точки зрения Ленин, например, пишет—«по поводу характеристики социальных последствий капитализма надо сказать, что проект тут в особенности страдает *абстрактностью*, ограничиваясь совершенно недостаточным положением: «умножение трудностей борьбы за существование и всех связанных с ней лишений и страданий». Указать *более определенно* (курсив здесь везде автора П. С.), именно на те социальные последствия, которые особенно тяжело ложатся и на рабочий класс, и на мелких производителей, представляется мне безусловно необходимым» (стр. 76).

Одним из основных пунктов разногласия между Плехановым и Лениным, «имеющими также до сих пор актуальный характер», был спор по вопросу о характеристике роли и взаимоотношений мелких производителей (крестьянства) и пролетариата, в подготовке и в осуществлении пролетарской революции.

Проект Плеханова и комиссии по выработке программы формулировал ответ на этот вопрос так: «растет недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы существующим порядком вещей, обостряется ее борьба—и прежде всего борьба ее передового представителя—пролетариата... «Международная социал-демократия стоит во главе освободительного движения трудящейся и эксплоатируемой массы. Она организует ее боевые силы» и т. д.

Ленин показывает комиссии в чем заключается неверность этих формулировок с точки зрения марксизма.

«Они *в совершенно односторонней и неправильной форме* изображают отношение пролетариата к мелким производителям.. Они прямо противоречат основным положениям и «Коммунистического Манифеста» и статутов Интернационала и... открывает настежь двери для народнических, «критических» и всяких мелко-буржуазных недоразумений... «Растет недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы»—это верно, но недовольство пролетариата и недовольство мелкого производителя совершенно неправильно отождествлять и сливать, как это здесь сделано. Недовольство мелкого производителя очень часто порождает (и неизбежно должно в нем или в значительной части его порождать) стремление *отстоять свое существование как мелкого собственника*, т.-е. отстоять основы современного порядка и даже повернуть его назад.

Т. о., по мнению Ленина, проект Плеханова и комиссии выпячивает положительную роль мелкой буржуазии и замазывает ее консервативную, реакционную сторону, заглушевывает, что «помимо пролетариата, другая часть» трудящейся и эксплоатируемой массы» (т.-е. главным образом мелкие производители) *лишь отчасти* революционны в своей борьбе с буржуазией» (стр. 89). А между тем «мы обязаны указать на консервативность мелкой буржуазии. И *лишь в условной форме* мы должны указать на ее *революционность*. Только такая формулировка, говорит Ленин, будет в точности соответствовать всему духу учения Маркса» (стр. 79—80).

«Затем место «диктатуры пролетариата» (в проекте программы. П. С.) заняла—«революция, которую предстоит совершить пролетариату, поддержанному другими слоями населения, страдающего от капиталистической эксплоатации» (стр. 89). «А между тем,—настойчиво подчеркивает Ленин,—«признание необходимости *диктатуры* пролетариата *самым тесным и неразрывным образом* связано с положением Коммунистического Манифеста, что пролетариат *один только* есть действительно революционный класс» (стр. 81), что другие слои хотя и будут его поддерживать (и нужно чтобы они поддерживали), но будут это делать колеблясь и изменяя. Поэтому Ленин и подчеркивает необходимость резко формулировать в программе пункт о диктатуре пролетариата и выступает на защиту того, что он потом практически подготовлял, и, как вождь восставшего пролетариата, проводил, осуществлял, укреплял. И не случаен, как им уже говорили, тот факт, что противником этой позиции Ленина выступал Плеханов, будущий наиболее последовательный из российских социал-шовинистов.

Здесь в теоретическо-политической форме столкнулось т. о. то, что потом практически развело Ленина с Плехановым и меньшевиками по разные стороны баррикад Октябрьской революции.

Эти формулировки Плеханова, как верно замечает тов. Каменев, «методологически топили специфическую роль пролетариата в общем «недовольстве» всей «трудящейся и эксплоатируемой массы» (стр. 12). Политически же они означали отказ от роли пролетариата, как гегемона революции, как *единственно до конца* революционного класса, класса, на котором (и только на нем) лежит историческая миссия освобождения всего человечества. Они таили в себе будущую меньшевистскую позицию отказа от диктатуры пролетариата—недаром о ней ни слова не говорилось во втором плехановском проекте программе. Они означали — «тенденцию превращения с.-д. не в пролетарскую боевую партию, а в партию мелкой буржуазии—«с.-д..., организует ее боевые силы». Здесь т. о. неверные методологические позиции Плеханова и комиссии, принявшей его проект за основу, обнаружили уже совершенно ясно свое политическое лицо, лицо обращенное фактически против революционного пролетариата. Недаром Ленин подверг особенно жестокой критике этот пункт программы.

Ленин лучше других понимал, что пролетариат, для совершения революции против буржуазии должен заключить союз с трудящимися не эксплоатирующими массами города и особенно деревни. Он знал, что для этого со стороны революционного пролетариата нужны реальные «уступки» трудящемуся крестьянину. Но он превосходно знал, что пролетариат может *вести* за собой этот колеблющийся класс, только тогда когда отчетливо видит свои особые цели, когда имеет ясное представление о том, кого хочет вести, с кем будет в «союзе», когда пролетарская партия не двусмысленно, не замазывая ничего, покажет и самому трудящемуся крестьянину, как она *со своей точки зрения* смотрит на его бедственное при капитализме положение, какой выход, какую и за что она ему предлагает и что сулит ему союз с рабочим классом против буржуазии. Краеугольным камнем ленинской политической методологии было положение: чтобы об'единиться, надо прежде размежеваться,—«обязательно *сначала* отгородить себя от всех, выделить один только *единственно* и *исключительно*, пролетариат,—а *потом* уже заявлять что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает». Не отгородившись сначала, не подчеркнув резко свою особую пози-

цию и свои особые цели, свое отношение к возможному и необходимому союзнику, пролетариат и его партия вместо того, чтобы твердо в е с т и з а с о б о й массы, сам растворится в колеблющемся «союзнике», сам подпадет под его влияние и этим оттолкнет массу, которую хочет взять в союз—к союзу с буржуазией. И «чем более в практической части нашей программы—подчеркивает Ленин—проявляем мы «доброты» к мелкому производителю (например, крестьянину), тем «строже» должны быть к этим ненадежным и двуличным социальным элементам в п р и н ц и п и а л ь н о й части программы, ни на иоту не переступаясь с в о е й точкою зрения» (стр. 83).

Только т о г д а мы можем повести их за собой. Если же поступать иначе, то «это было бы лучшим средством разрушить веру в нас, как раз у тех половинчатых и дряблых союзников, которым и без того не хватает веры в нас». (стр. 82—83).

Ленин всегда определенно указывал, что крестьянству, если оно хочет добиться разрешения своих наболевших вопросов, необходимо итти за пролетариатом, под его твердым руководством, принимая основы его позиции; передовому же сознательному авангарду пролетариата—партии—чтобы дать это крестьянству и тем укрепить союз с последним пролетариата, поддержку его крестьянством, необходимо решительно отстаивать классовую выдержанность и революционную определенность с в о е й программы, с в о е й тактики, своей стратегии, блюсти строго пролетарский характер своих рядов, строить свою организацию на принципах, соответствующих именно п р о л е т а р с к и м задачам и их б о е в о м у решению.

Вся история большевизма, Октябрьской революции и строительство Советского государства показывает, насколько верна эта ленинская позиция и насколько важны тогдашние его споры с Плехановым и комиссией при выработке программы.

Убедившись, что весь предлагавшийся Плехановым тип программы для партии борющегося пролетариата методологически неверен, что в ряде существеннейших вопросов этот проект скатывается от марксизма в болото мелко-буржуазных формулировок, Ленин выдвинул свой проект, начало работы над которым относится еще к 1896 году. Уже тогда, а затем в проекте программы от 1900 года отчетливо видна указанная нами выше характерная черта ленинского диалектического метода—его умение конкретно ставить и конкретно решать вопросы.

Те требования к программе борющейся партии рабочего класса, которые выставил Ленин, критикуя плехановский проект сугубой конкретности, отчетливости, резкости формулировок, заострения вопроса о развитии российского капитализма и его своеобразных особенностей, об особых великих задачах пролетариата, о его роли, как гегемона революции и вождя трудящихся и эксплоатируемых масс, в особенности крестьянских—все это есть в первоначальном виде и в программе 1900 года.

Но только в проекте программы 1902 г. эти моменты получили у Ленина то законченное и отточенное выражение, которое должно быть по его мнению в программе российской пролетарской боевой партии.

Комиссия положила в основу программы плехановский, а не ленинский проект. Особенно резко отозвался о последнем Плеханов. Он назвал его совершенно непригодным и заявил, что,

если этот проект будет принят, то «выйдет что-то вроде нового раскола». К сожалению, подробной критики Плехановым ленинского проекта не имеется.

Ленин мог добиться только того, что ряд формулировок плехановского проекта был комиссией частью изменен, частью заострен в программе. Так, была принята ленинская формулировка—«вытеснение мелких самостоятельных производителей», в более ярких выражениях обрисованы социальные бедствия и противоречия капитализма, сказано о необходимости для социальной революции завоевания пролетариатом власти и о его классовой диктатуре. Наконец, полнее формулирован пункт об остатках крепостничества и его реакционной роли.

Но общий характер программы остался Плехановским, попрежнему осталась та же формулировка отношений пролетариата и мелкой буржуазии, попрежнему (хотя и в иных выражениях) смазана роль пролетариата, как единственно революционного класса и гегемона революции.

Проект комиссии с некоторыми изменениями (главным образом в практической части) был, как известно, принят II с'ездом РСДРП. Ленин своего контр-проекта не выдвинул и поддерживал проект комиссии. Причины этого требуют еще дальнейшего выяснения.

Таковы эти интереснейшие и важнейшие для понимания методологии ленинизма и корней расхождения меньшевизма и большевизма, материалы, опубликованные Ленинским институтом в «Сборнике» № 2. Они представляют, как мы видели, колоссальнейшую ценность для изучения ленинизма, чему много помогает научная тщательность, с которой выполнены их разбор и опубликование.

II

Чрезвычайно интересным материалом, который публикуется далее во II-м Ленинском сборнике—являются письма Владимира Ильича и Надежды Константиновны к тт. Шляпникову и Коллонтай за время от начала войны до февральской революции.

С маленькой еженедельной газетой против всей своры буржуазной, социал-шовинистической и социал-пацифистской прессы, с небольшой группой большевиков и революционных соц.-демократов западных стран, против всего течения стихии войны, почти лишенный связи с Россией, Владимир Ильич тем не менее упорно ведет пропаганду своих взглядов, ставших платформой циммервальдской левой,—и работу над собиранием сил будущего Коммунистического Интернационала. При этих условиях, конечно, он придает большое значение переписке, как одному из средств вербовки своих сторонников, в о с п и т а н и я их, руководства их работой. В частности, с тов. Шляпниковым он ведет особенно значительную переписку, в которой неустанно, тщательно, терпеливо развивает свои взгляды и направляет работу последнего; это об'ясняется тем, что Шляпников после ареста ЦК, редакции и думской пятерки, был почти единственной важной связью с Россией.

Вот почему эти письма весьма важны для нас, как документы, в которых ленинский метод, ленинская теория, и тактика получают нередко заостренную, подчеркнутую формулировку.

Империалистическая война показала, что капитализм зашел в тупик, что наступила пора его распада, гибели, и что в порядке дня стоит борьба за диктатуру пролетариата. Но, чтобы разглядеть это за завесой империалистического угара, разгула национальной ненависти и смердящего разложения II Интернационала, нужен был гений Ленина, оружие его диалектического метода и та глубочайшая классовая ненависть, которой платил Ленин буржуазии и ее лакеям из II Интернационала.

Война—неизбежное следствие загнивания монополистического капитализма—по своим целям и характеру империалистическая, захватническая, грабительская, в корне враждебная интересам пролетариата. Социал-шовинисты и оппортунисты, прикрывают эту суть новой, империалистической войны, лозунгами обороны отечества, гражданского мира и т. д., т.-е. помогают буржуазии направить рабочих и трудящихся друг на друга.—Поэтому,—подчеркивает Ленин,—необходимо беспощадное разоблачение и полный разрыв с оппортунистами.

«Наше дело теперь,—пишет он Шляпникову,—беспощадная война с шовинизмом..., особенно с «социалистическим шовинизмом» Плеханова, Гэда, Каутского (самый подлый из всех лицемер) и к-о» (стр. 204).

«Весь гвоздь задачи в России,—пишет он Шляпникову 27/X 1914 г.—организовать идейный отпор оппортунистам»...

В «Письме к лиге социалистической пропаганды в Америке» Ленин твердит... оппортунисты «должны быть исключены из партии, особенно после предательского поведения их во время войны»..., «мы настаиваем на р а з р ы в е с соглашателями» (стр. 256—257).

Почему же Каутского назвал Ленин «самым подлым» из всех опортунистов?

Каутский во время войны стал вождем т. н. центра; суть его позиции заключалась в том, что он замазывал действительные цели войны, ее захватнический и в корне враждебный пролетариату характер, говорил об империализме вообще и «не разоблачал конкретных империалистических намерений с в о е г о правительства», не призывал к его свержению, не порывал с оппортунистами, ограничивался «общим пожеланием», «добренького» мира без захватов и т. д., замалчивая, что это невозможно по самой природе империализма, пока не будет прорвана его цепь.

«Чтобы не прикрашивать империалистической войны, чтобы не помогать буржуазии облыжно выдавать такую войну за национальную, за освобождающую народы, чтобы не оказываться на позиции буржуазного реформизма, надо было бы говорить не так, как Каутский и Туратти, а так, как говорил Карл Либкнехт, надо было заявить с в о е й буржуазии, что она лицемерит, толкуя о национальном освобождении, что демократический мир невозможен в связи с данной войной, если пролетариат не «обратит оружия» против своих правительств» (статья «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» (стр. 305).

«Не тот,—продолжает Ленин,—работает действительно на пользу демократического мира, кто повторяет общие, ничего не говорящие, ни к чему не обязывающие, добренькие пожелания пацифизма, а тот кто разоблачает империалистский характер и данной войны и подготовляемого ею империалистского мира, кто призывает народы к революции против преступных правительств» (там же стр. 306). Каутский же «бросает на ветер прекраснодушные фразы, об'ективное значение которых совершенно равносильно христианской святой водице, окропляющей коронованных и капиталистических разбойников» (стр. 303).

«Оппортунисты,—пишет Ленин. Шляпникову,—зло явное. «Центр» немецкий с Каутским во главе—зло прикрытое, дипломатически подкрашенное, засоряющее глаза, ум и совесть рабочих, опасное более всего» (стр. 195). «До того опасна и подла его софистика, прикрывающая самыми гладкими и прилизанными фразами пакости оппортунистов» (в Neue Zeit») (стр. 194—195). Если,—пишет пророчески Ленин 27/X—1914 г.,—это удастся, он (т.-е. Каутский. П. С.) станет главным представителем буржуазной гнили в рабочем движении» (стр 201).

Поэтому Ленин и говорит о Каутском:—«Каутский всех лицемернее, всех отвратительней, всех вреднее» (стр. 198); «Каутского ненавижу и презираю сейчас хуже всех» (стр. 200).

Гвоздь момента для революционной с.-д.—в полном разрыве со всяческим оппортунизмом и соглашательством, и Ленин настойчиво предостерегает Шляпникова: «Ни малейшего доверия ни прямо, ни косвенно не выражайте никому из оппортунистов, ни немцам, ни французам» (стр. 203).

Шляпников имел совещание с Трульстрой (центристом-каутскианцем) в Стокгольме 23/V—24 г. Ленин твердит Шляпникову: «Жалею, что вы метали бисер перед ним» (201)... «Трульстра вас обманул или ввел в заблуждение. Он—архиоппортунист и агент интриг самого подлого центра самых подлых оппортунистов—немецких с.-д. (с Каутским во главе, подло защищающим оппортунистов) и с их подлейшим Форштандом. Ни на какие конференции, ни на какие шаги по инициативе подобных мерзавцев мы не пойдем» (стр. 203).

Против ленинской позиции, ставшей платформой циммервальдской левой (ячейки будущего III Интернационала) и вызвавшей бешеный злобный натиск всей своры «теоретиков» и писак буржуазных оппортунистов, выступил, как известно, также и тов. Троцкий в издаваемых им тогда в Париже газетах «Голос», а затем «Наше Слово».

Позиция т. Троцкого сводилась тогда к следующему. Он разоблачал грабительскую сущность войны и высказывался против социал-шовинизма, но он, во-первых, был п р о т и в лозунга пораженчества и гражданской войны, противопоставляя им лозунг: ни побед, ни поражений, а борьба за мир; во-вторых, он не порвал р е ш и т е л ь н о с оппортунистами, с меньшевистским ОК и с меньшевистской фракцией Чхеидзе, вместе с тем высказываясь против циммервальдской левой.

Всем этим он, как известно, вызвал заслуженное решительное и резкое разоблачение оппортунизма его позиции со стороны Ленина в «Социал-Демократе» и «Коммунисте».

Статьи Ленина, разоблачающие вредность позиции Троцкого во время войны, опубликованы и в сборнике «Против течения» и в XIII томе Собр. соч. В письмах к Шляпникову Ленин тоже дает характеристику позиции т. Троцкого, главным образом, по вопросу об его единстве с оппортунистами.

Троцкий, как известно, до войны, во время борьбы большевиков с ликвидаторами занимал позицию «внефракционности» на словах, на деле же помогал борьбе ликвидаторов (т.-е. отчаян-

нейших и вреднейших оппортунистов) не только тем, что был против решительного разрыва с ними, но и тем, что он устраивал с ними блоки против большевиков (т. н. августовский блок.). Тем более поэтому было опасно во время войны его нежелание разорвать определенно и решительно, не на словах, а на деле с оппортунистами из фракции Чхеидзе (русскими каутскианцами), а тем самым и с ОК меньшевиков, т.-е. с социал-шовинистами. Вместе с его позицией против лозунга пораженчества и гражданской войны и против циммервальдской левой, это означало со стороны методологической—неумение диалектически поставить и решить вопросы, сидение на стуле метафизической фразы; политически же—в ту эпоху бешеного невиданного расцвета предательства, оппортунизма, социал-шовинизма, каучуковых, насквозь лживых фраз, в эпоху, когда только маленькая группка солидарных с Лениным товарищей шла против этого течения, нежелание порвать окончательно с оппортунизмом и борьба против позиции и организации левой циммервальдской, были не что иное, как один из наиболее тонких и потому наиболее опасных, вредных видов поддержки социал-шовинизма и через его посредство буржуазной войны.

Вот как оценивает Ленин методологически эту позицию Троцкого в письме к тов. А. Коллонтай (лето 1915 года).

«Роланд-Хольст, как и Троцкий, по-моему, в с е вреднейшие «каутскианцы», в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах п р и к р а ш и в а ю т оппортунизм, все проводят (по-разному) эклектицизм вместо революционного марксизма» (курсив здесь и ниже Ленина, стр. 245).

А вот и определенная политическая оценка тогдашней позиции Троцкого (в письме к Шляпникову от сентября 1916 года):

«Главным партийным вопросом в России был и о с т а е т с я вопрос о «единстве». Троцкий в 500—600 №№ своей газеты так и не договорил и не додумал до конца: единство с Чхеидзе, Скобелевым и К-о или нет... Примиренчество и об'единительство есть вреднейшая вещь для рабочей партии России, не только идиотизм, но и г и б е л ь партии. Ибо на д е л е «об'единение» (или примирение и т. п.) с Чхеидзе и Скобелевым (в них гвоздь, ибо они выдают себя за «интернационалистов», есть «единство» с окистами, а через него с Потресовым [1]) и К-о, т.-е. на деле л а к е й с т в о перед социал-шовинистами. Если Троцкий и К-о этого не поняли, тем хуже для них»... (стр. 278).

«Чхеидзе и К-о,—пишет Ленин Шляпникову 23/VIII—1915 г. явно виляют: они верные друзья «Нашего Дела», ими доволен Алексинский... и они же «играют» в левизну при помощи Троцкого. Думаю,—добавляет Ленин,—сознательных правдистов не проведут» (стр. 240).

В другом письме к Шляпникову (осень 1915 года):

— «Троцкий и К-о заграничных лакеев оппортунизма напрягают все усилия, чтобы «замазать» разногласия и «спасти» оппортунизм «Нашей Зари» при посредстве обеления и превознесения фракции Чхеидзе (вернейших друзей «Нашей Зари») (стр. 243).

[1]) Вождь ликвидаторов справа, социал-шовинист.
[2])

Чтобы еще более подчеркнуть суть вреда подобной позиции, Ленин в цитированном уже письме к Шляпникову от сентября 1916 года после слов о позиции Троцкого подчеркивает: «Вообще по в с е м вопросам партийной практики «единство» с Чхеидзе и К-о есть г в о з д ь сейчас. Полагаться мы можем на тех, кто понял весь обман идеи единства и всю необходимость раскола с этой братией (с Чхеидзе и К-о) в России. Беленину (т.-е. Шляпникову. П. С.) надо бы сплотить т о л ь к о таких людей для роли руководителей» (стр. 278).

В письмах Ленина к Шляпникову и Коллонтай затронут еще ряд существеннейших вопросов программных, тактических и организационных. На всем протяжении их мы видим, как Владимир Ильич внимательно, настойчиво, твердо руководит идейной линией и практикой, как он пробует все пути, не упускает мелочей, чтобы пробудить сознание рабочих масс, чтобы наладить работу, чтобы привлечь преданных левой Циммервальда товарищей, чтобы пробить еще лишнюю брешь в стене шовинизма и оппортунизма. При этом у него, как всегда, колоссальная вера в рабочих и надежда именно на их поддержку.

Письма показывают нам не только, как Ленин руководит работой товарищей, но и как он заботится о них, подбадривает их и проч. Сам же Ильич в это время мужественно переносит все невзгоды и тяжелые материальные условия жизни, не жалуясь. Только совсем изредка у него прорывается: «О себе лично скажу,—пишет он Шляпникову, в конце того же письма (стр. 279),—что заработок нужен, иначе прямо околевать, ей-ей. Дороговизна дьявольская, а жить нечем», и затем просит наладить получение денег за статьи и «насчет п е р е в о д о в». «Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне». Каким же должно было быть материальное положение вождя рабочего класса, т а к о г о вождя и такого человека, как Ленин, если он написал эти «скупые, но потрясающие слова».

Мы сознательно ограничили себя рассмотрением только указанных материалов сборника. Недостаток места не позволяет почерпать все богатства этого сборника, являющегося, поистине, ценнейшим подарком партии от института имени В. И. Ленина.

П. Сапожников.

Томас Н. Ашкрофт. Очерк современного империализма. Перевод с английского А. И. Ромма. „Красная Новь“. Москва. 1924 г. Стр. 159.

Глубокое разочарование ожидает любознательного читателя, надеющегося в рецензируемом „очерке“ найти теоретический анализ тенденций развития империалистической стадии капитализма или, по крайней мере, удовлетворительное историко-систематическое изложение „основ“ империалистической политики. Ни того, ни другого книжка Ашкрофта в сущности не дает, хотя автор, выпуская ее в свет в качестве у ч е б н и к а для английских пролетариев, явно претендовал и на то и на другое.

Вступать в длительную полемику с автором по поводу великого множества погрешностей „против истины“—значит слишком переоценивать качества „произведения“ Ашкрофта. Приходится поэтому ограничиться характеристикой лишь отдельных, наиболее интересных моментов. К числу последних относятся, прежде всего, первая и по-

следняя главы книжки, претендующие быть названными „теоретико-экономическими“. Уже первые строки об „экономике империализма“ поражают исключительно ясным, чеканным мышлением и проникновением в „глубь вещей“: „История современной Европы и ее войн сама собой (!) естественно (!!) распадается на три части. Это — периоды меркантилизма, национализма (!!!) и империализма“... (Стр. 9). Нельзя, конечно, возражать вообще против деления „истории современной Европы“ на периоды, но против *такой* „периодизации“ следует категорически протестовать, ибо ничего, кроме чистой „словесности“, в ней нет. В самом деле, если критически проверить эту, с позволения сказать, „схему“ по тому признаку, который положен в основу деления рассматриваемой эпохи, то от периодов не остается и следа. Период меркантилизма характеризуется борьбой „за захват торговых рынков и монополий в других частях света. То был долгий период больших и малых войн“... (Стр. 9). Период же империализма характеризуется проблемой „как быть с излишками производства?“ (стр. 12), разрешаемой „подысканием или созданием в сравнительно отсталых странах новых областей для выгодного помещения капиталов“ (стр. 18). В первом случае захватываются рынки и ведутся войны; во втором случае... захватываются рынки и ведутся войны (иллюстрация — вся книга!). А где же разница?! *Исчезла яко воск пред лицом огня!* Ошибка автора совершенно очевидна: основным критерием, лежащим в основе деления на периоды, взяты не внутренне-структурные признаки данной экономической системы, а ее внешне-политические спутники. Непонимание этого автором особенно ярко иллюстрируется так назыв. „периодом национализма“, сущность которого заключается, видите ли, в том, что „с развитием капитализма все нации были охвачены стремлением (!) к установлению *географических* границ“... (курсив автора реценз. книги (стр. 9). „Чтобы достичь *этой цели* (слушайте!), молодой класс капиталистов-промышленников добивался политической власти и очищал свой путь от старых барьеров и рогаток, оставшихся от феодальной системы и политики меркантилизма“... т. п. (стр. 10). Все чрезвычайно просто! Развивается капитализм, нации стремятся к установлению границ, класс капиталистов захватывает власть и... получается „период национализма“!.. Но все это лишь „пролегомены ко всякой будущей“... тарабарщине — именно „теории“ империализма. В сущности *единой* теории у Ашкрофта нет: по самым скромным подсчетам у него три „теории“, все имеющие одну и ту же общую черту — несостоятельность. Прежде всего мы узнаем, что „основная движущая сила современного империализма — это эксплоатация трудящихся на родине“ (стр. 18). „Эксплоатация трудящихся на родине, — читаем мы в другом месте, — сужение внутреннего рынка, происходящее (!) от того, что уровень жизни трудовых масс снижается до самой крайней степени, — вот основная (!) причина, заставляющая капитал искать выгодного помещения на стороне“... (стр. 13). Таким образом, центральным пунктом экономической системы империализма делается „теория обнищания“, в ее упрощенно-вульгарной трактовке à la Родбертс. Оставляя в стороне даже то обстоятельство, что „теория“ Ашкрофта имеет своей подосновой нелепое представление о распадении совокупного общественного продукта на два элемента (первонач. капитал и прибавочн. ценность), несостоятельность ее обнаруживается уже в *факте повышения* уровня жизни рабочих в метрополиях за счет усиления нажима эксплоатационного пресса в колониях, в факте, долженствующем устранить — по Ашкрофту — самую *необходи-*

мость империализма. Такова „теория“ № 1. „Теория“ № 2 ошеломляет „бездной“ экономической премудрости и прямо-таки перлами „новых открытий и изобретений“. Сюда относится прежде всего следующее „откровение“: „Когда преобладающей отраслью промышленности становится уже не *текстильное*, а *металлургическое*[1]) производство, то мы имеем дело с самой поздней и с самой (!) высшей (!!) стадией капиталистического развития“... (стр. 13). А империализм является „следствием (!!) перехода от преобладания в производстве и вывозе текстильных товаров к преобладанию товаров металлургических“... (стр. 139). Но так как это еще ничуть не об'ясняет железной *необходимости* империализма, то к сему присовокупляется такое соображение о трудности реализации продуктов металлургической промышленности: „С железными и стальными товарами дело обстоит не так просто (как с текстильными *С. Р.*). Во первых, эти товары используются (!) и окупаются, а стало быть (!!), и продаются, — очень медленно (?!). А когда ценности производятся не для прямого (!!!) использования, а для получения прибыли, то это очень серьезное затруднение“... (стр. 12). Действительно, велико затруднение для читателя продолжать чтение книжки, после такого образчика безграмотной болтовни, могущей затмить своей нелепостью писания „классических“ вульгаризаторов политической экономии в роде Сэ-Бастиа. Выходит, что корни империализма таятся в замедленном темпе реализации железа и стали, тогда как при реализации продуктов текстильной индустрии „нужно было только (!) продать или променять (!) свой товар“... Почему при реализации пресловутых „стали и железа“ требуется целая система „агрессивного экономического империализма“ (терминология автора. *С. Р.*), а при реализации „текстиля“ не требуется — остается сокровенной тайной Т. Ашкрофта. Позволительно в связи с этим отметить еще одну черту „теории“ № 2. Из всего контекста следует, что сущность империализма заключается „в выгодном помещении капитала на стороне“. С другой стороны, Ашкрофт видит сущность такового в „экспорте средств производства“, ставя очевидно знак равенства между средствами производства и капиталом и скатываясь тем самым в болото „логических“ категорий капитализма. Как велика сила абстрактно-теоретического мышления автора, показывает определение им категории средств производства: „Так называются ценности (железные и стальные рельсы, машины, строительные материалы), которые обслуживают потребителя не *прямо*, а *косвенно* (курсив автора. *С. Р.*) т.-е. принимая участие в производстве пищи, одежды и проч. предметов непосредственного потребления“... (стр. 153). Надо полагать, что приведенная цитата делает уже не нужным дальнейшую характеристику „теории“ № 2, „железо-стальное“ обоснование которой нисколько не гарантирует ее состоятельность. В своей третьей „теории“ автор как будто ближе подходит к истине. Но только „подходит“, ибо его понимание империализма, как завершения перехода „капиталистического производства от конкуренции к монополизму“, носит специфически присущие Ашкрофту черты поверхности и необоснованности. Для него это всего лишь „другая сторона“ вопроса и, *как таковая* окрашивается всеми цветами спектра вышеизложенных теорий. Монополистический капитализм имеет, видите ли, своей причиной „падение (!) прибылей, вызываемое (?!?) неуклонным удешевлением товаров“ (стр. 140). Заметим кстати, что Ашкрофта мало бес-

---

[1]) Курсив наш. *С. Р.*

покоит отмеченная на стр. 21—*вопреки* этому новому „закону“— тенденция к неуклонному вздорожанию их“, которая „сразу“ (!) повысила (!!) количество капиталов“... и т. д. Не желая утруждать читателя критикой нового „закона“ о падении прибылей, укажем лишь на ту каутскианско-оппортунистическую вермишель, которой автор венчает свою „теорию“ № 3. „Современный нам период,—вещает сей муж „велиего разумения“, — это период организации мирового треста“... „Рано или поздно все национальные капиталы *будут* (?!?)[1] поглощены единым международным трестом, который сперва будет распадаться по отдельным производствам, а потом охватит их все“.. (стр. 141). ... „Мировая война, которой суждено (!) создать мировое капиталистическое единство, должна итти в ничью“... „Борьба, с некоторого (!!!) времени идущая в капиталистическом мире, теперь, вероятно, примет форму установления мирового равновесия (!!!) держав“... (стр. 148). И все это преподносится прямо-таки в аподиктической форме, не допускающей никаких возражений. „Таковы „теории“ империализма Ашкрофта, лишенные какой-либо внутренней связанности, преподносимые в виде словесно амальгамированной *единой теории* и долженствующие явиться *основой* для об‘яснения империалистической политики. Естественно, что конкретно-историческая часть (составляющая ⁵/₆ всей книжки), при *таких* социологически-некрундированных теоретических предпосылках, не может не разделять недостатков последних. Здесь автор увязает в обилии деталей, хронологических дат, характеристик исторических персонажей, тем самым придавая исследованию „империалистической экспансии“ *летописно-повествовательный* характер. Царственные особы, начиная от „молодого и способного монарха“ Вильгельма II и кончая „его величеством царем царей Эфиопии“ Менеликом, их визиты, путешествия и бракосочетания; президенты, генералы, дипломатические чиновники и просто политические деятели; поток хронологических дат, преподносимых с педантичностью гимназического учителя, все это обволакивает экономический материал, привлекаемый автором для об‘яснения империалистической политики.

После прочтения „учебника“ Томаса Ашкрофта встает единственный вопрос: для чего издательству „Красной Нови“ понадобилось переводить книжку на русский язык, не оставив ее для внутреннего употребления аборигенам „соединенного королевства“?

С. Р—ин.

Я. А. Пилецкий. Две теории империализма (Марксистская легенда и возврат к Марксу). Изд. «Пролетарий», Харьков, 1924 г. 200 стр.

«Гильфердинг или Люксембург?—Теория империализма, исходящая из анализа денег, денежного капитала, банков и т. д., или теория кладущая в основу процесс производства и воспроизводства?»—Такой вопрос ставит Я. Пилецкий в начале своей книжки. Автор является сторонником «теории империализма» Розы Люксембург. Как известно, эта теория есть не что иное, как попытка Розы об‘яснить империализм из ее особой теории накопления (воспроизводства) капитала. Роза предлагает свою теорию накопления, как «завершение» и «дополнение» марксовой теории воспроизводства, т.-е. она предлагает теорию накопления, отличную от марксовой. Согласно теории Розы,

[1]) Курсив наш. *С. Р.*

расширенное воспроизводство (накопление) невозможно в «чистом» капиталистическом обществе (обществе, состоящем лишь из двух классов—рабочих и капиталистов), ибо в силу ограниченного потребления рабочих, а также капиталистов, здесь невозможна реализация «прибавочного продукта». Накопление капитала, а следовательно, существование капитализма, возможно только при существовании «некапиталистической среды» (крестьяне, ремесленники), благодаря которой реализуется прибавочный продукт и возможно накопление. Поскольку капитализм идет к превращению «некапиталистической среды» в капиталистическую, он идет к об‘ективной границе всего существования, полагаемой невозможностью реализовать прибавочный продукт.

Исходя из невозможности для капитализма накоплять без некапиталистической среды, т.-е. предлагая свою теорию накопления, Роза связывает с ней об‘яснение империализма, определяемого ею как «политическое выражение процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды». Таким образом, согласно теории Розы экономические корни империализма скрываются в самом законе накопления капитала, т.-е. капитализм империалистичен уже с начала своего зарождения. Характерные черты империализма как новейшей фазы капитализма, с его особыми отличиями экономической структуры, у Розы по существу стираются. Ошибочность немарксисткой теории накопления Розы особенно ярко вскрывается в статьях по теории рынков В. И. Ленина, статьях хотя и написанных еще в 90-х годах против народников, но сохраняющих и посейчас все свое значение против Розы. Не отрицая факта огромного противоречия между производством и потреблением при капитализме, противоречия, являющегося одной из причин кризисов, Ленин, однако, (вместе с Марксом) не рассматривает это противоречие как невозможность накопления капитала в условиях идеально развитого капитализма. «Прибавочный продукт» реализуется по Ленину путем увеличения основной части капитала и дальнейшего расширения производства, через новые противоречия и кризисы.

Таким образом теория империализма Розы связана с ее особой теорией накопления. Больше того, единственно оригинальным и теоретически важным в теории империализма Розы является именно обоснование империализма особой теорией накопления. Если откинуть теорию накопления Розы, то исчезает всякий смысл существования ее «теории империализма», как теории.

Что же мы видим у Я. Пилецкого? Во всей его книжке мы не найдем и намека на анализ теории накопления Розы. Все цитаты, приводимые Пилецким из «Накопления капитала», совершенно не касаются вопроса теоретического обоснования теории накопления Розы. Больше того, Пилецкий всячески замазывает основные отличия теории накопления и, следовательно, империализма Розы. Так на стр. 10 он пишет: «На Розу Люксембург критика... обрушилась за найденную автором мнимую ошибку Маркса будто в условиях чистого капитализма невозможно расширенное воспроизводство, та же критика совершенно просмотрела главное в «Накоплении капитала»: рассмотрение современного капитализма под углом производства и воспроизводства и попытку именно здесь, в установлении согласно с Марксом первенства производства, найти разрешение вопроса. Между тем, длительная ценность каждой работы зависит именно от правильности общих позиций, а не от отдельных частностей».

Как видим, для Пилецкого основное положение теории накопления Розы о невозможности «расширенного воспроизводства в усло-

виях чистого капитализма», т.-е. вся сущность теории накопления и, следовательно, империализма, Розы — отдельная, частность. Проще говоря, «теория империализма» Розы, как таковая для нашего автора вовсе и не существует. Но почему же в таком случае Пилецкий на протяжении 200 страниц ратует за теорию империализма Розы? Из его слов следует: потому что Роза рассматривает современный капитализм «под углом зрения производства и воспроизводства». Таким образом, если верить приведенной цитате, от теории Розы в трактовке нашего горе-розиста остаются рожки да ножки.

Но, быть может, Пилецкий, являясь сторонником «теории империализма» Розы, не является сторонником ее теории накопления? Такое предположение нелепо для всякого, кто еще не потерял способности мыслить, ибо в таком случае Пилецкий ухитряется быть сторонником теории, которая не существует. Читатель начинает теряться в предположениях, но почтенный автор приходит к нему на помощь: «Полемика против «накопления капитала» сосредоточилась главным образом, вокруг одного, достаточно второстепенного пункта: может ли быть(?) «чистое» капиталистическое производство, т.-е. строй, в котором существуют капиталисты и рабочие. Маркс этого вопроса никогда не ставил и не исследовал... Люксембург решила его отрицательно» (125).

Итак, согласно приведенных слов, весь вопрос в том: «может ли быть (!) чистое капиталистическое производство», в то время, как на самом деле вопрос в том, возможно ли расширенное воспроизводство в «чистом» капитализме. Понятно, что Пилецкий нигде не нашел у Маркса «такого вопроса».

Положение становится совершенно ясным: Пилецкий взялся писать о теории империализма в связи с теорией накопления, ровно ничего не понимая в последней. Он поспешил стать сторонником теории Розы прежде, чем понял что-либо в этой теории.

Ублажая себя рассмотрением империализма под «углом зрения производства и воспроизводства», он проглядел основные принципиальные отличия, главные методологические и теоретические основания «Накопления капитала». Поэтому, пребывая в состоянии полной невинности, он считает второстепенным пунктом о с н о в н о е теоретическое положение Розы, твердит про свой «угол зрения» и премудро сочетает и синтезирует теорию Розы с теорией ее противников. Так он, говоря о теории имериализма Розы, пишет: «Близок по духу в ряде положений и В. И. Ленин. С чего он начинает свое изложение, которое логически должно привести к империализму? С концентрации производства и создающейся на этой почве монополии... Далее автор рассматривает, как растет концентрация (т. е. накопление) и как на ее почве вырастают капиталистические монополии». (Стр. 170—171).

Итак, Ленин близок к Розе потому, что он начинает как и Роза с накопления, что «логически должно привести к империализму». Но ведь, совершенно ясно, что Ленин начинает здесь иначе, чем Люксембург, просто потому, что он не начинает с теории накопления Розы. Как видим, удивительное недомыслие Пилецкого сочетается с огромной бесцеремонностью. Поистине, бездна бездну призывает!

Однако, кроме причин суб'ективного характера, для об'яснения недвусмысленного положения нашего горе-розиста существует и причина внешняя. Дело в том, что Пилецкий ушиблен... Гильфердингом. Сочувствие к теории империализма Розы у Пилецкого получило свой колоссальный размах при чтении Гильфердинга, при чем у нашего

чтеца запестрило в глазах, и заклокотала злоба на «немецкого Струве». У Гильфердинга только де и разговору, что о деньгах, банках, о норме прибыли и ничего о производстве и воспроизводстве при об'яснении империализма. И вот наш розист начинает критиковать Гильфердинга. Следует, действительно, согласиться, что у Гильфердинга есть ошибки, половинчатость, оппортунизм в теории империализма. Так Пилецкий прав, когда он «подмечает» (вслед за Бухариным и Степановым) неправильное определение Гильфердингом финансового капитала, как современного банковского капитала, г о с п о д с т в у ю щ е г о над промышленным, тогда как нужно говорить о сращивании банковского и промышленного капитала. Но, прочитавши об этой ошибке Гильфердинга у Степанова, Пилецкий теряет душевное равновесие и спрашивает: «Что такое банк? Спекулятивное учреждение, торгующее деньгами. Оно связывается с предприятием лишь в той мере, в какой оно может спекулировать» (52 стр.). И дальше всячески обосновывает это нелепое определение современного банка, финансирующего промышленность. Пилецкий так постарался здесь быть непохожим на Гильфердинга, что дал совершенно неверное определение банка. Так дело обстоит на протяжении всей первой главы книжки, трактующей о Гильфердинге. Пилецкий рвет и мечет на Гильфердинга даже там, где рвать и метать нечего, где Гильфердинг высказывает правильные положения. Говоря об империализме, как о монополистическом капитализме, Гильфердинг пишет, что капитал «приходит к новому методу получения прибыли... при помощи монопольного повышения цен». Пилецкий негодует: „тут все... не по марксистски». Новые методы получения прибыли (распределение), новые методы исчисления цен (обмен), но ни слова о производстве, об изменениях, происшедших в нем (22). Слова „прибыль“, „цены“ и пр. действуют на Пилецкого как красная тряпка на быка и он долго “громит“ Гильфердинга, хотя прибыль и цены существуют совсем не по вине последнего. Негодование против прибыли и любовь к воспроизводству так велики у Пилецкого, что он обрушивается даже на Ленина. Цитируя слова Ленина „необходимость вывоза капитала создается тем, что в немногих странах капиталу недостает... поприщ „прибыльного помещения“, Пилецкий сердито замечает:... „здесь сильны Гильфердинговы ноты о высоте процента, как движущие силы в экспорте, капитала“. Вот, если бы Ленин произнес слово „производство“, Пилецкий бы несомненно пришел в радость, а не в раздражение! Как видим, не разобравшись как следует в „финансовом капитале“, наш автор вынес из его чтения одно ощущение — своего рода „классовую“ ненависть к ценам, к прибыли и любовь к воспроизводству. Ничего не поняв в „Накоплении капитала“ Розы, но явно узрев здесь воспроизводство, он обеими руками ухватился за „теорию империализма“ Розы, проглядев ее главное теоретическое содержание.

Только таким образом мы и можем об'яснить розизм Пилецкого.

Трактуя, наконец, о расширении капитала вширь и вглубь, Я. Пилецкий пишет в примечании: „Сходство взглядов Ленина и Люксембург по вопросу о процессе об образовании рынков очень большое. Именно они целиком сходятся при конкретном об'яснении исторических фактов, несколько расходясь в теории. Но отправные точки зрения у обоих авторов одинаковы... да и иначе быть не может. Оба они, в противовес Гильфердингу, связывают различие капитализма и процесс создания все растущего капиталистического рынка с условиями производства и воспроизводства и их анализом“. (Стр. 149). Итак, „оба они“ связывают развитие капитализма и процесс создания

рынка с условиями производства и воспроизводства и их анализом. Но ведь совершенно ясно, что анализ воспроизводства Ленина коренным образом отличается от теории воспроизводства Розы Люксембург, что поэтому Ленин рассматривает теоретически империализм, как новейший этап капитализма, а Люксембург, как „политическое выражение накопления“ вообще. Какое дело до этого Пилецкому? Люксембург и Ленин, „несколько расходясь в теории“, имеют одинаковые „отправные точки зрения“. Последнее выражение является для Пилецкого общей фразой, которая прикрывает смысл теоретических отличий теории образования рынков Люксембург и Ленина и наш автор выходит сухим из воды. Как видим, „метод исследования“ Пилецкого не отличается особенной сложностью и заключается в том, что произносят слово „жупел“ или „металл“ („Воспроизводство“) и этим дело кончается. Непроницаемый туман, окутывающий у Пилецкого вопрос о накоплении и империализме не мешает однако автору храбро итти вперед и с неподражаемым апломбом совершать своего рода „переворот в науке“ и соединять „теорию империализма“ Розы с теорией Ленина. Роза рассматривает империализм, как политику. Ленин, как капитализм на определенной стадии развития, а наш автор выступает супер-арбитром и решает: „Но в таком случае лучше брать основу, чем надстройку, т. е. понимать под империализмом капиталистический строй, в котором процессы накопления достигают в конце-концов такой силы, что дальнейшее капиталистическое развитие в общем мировом масштабе становится невозможным и совершается в одних странах за счет других стран“ (стр. 178) Итак, Роза и Ленин „синтезированы“, а наш автор превзошел их обоих и продолжает: „тут мы имеем действительно принципиальное отличие современного капитализма от всех предыдущих его стадий, капитализм переживающий последние фазы своего существования“. В примечании он пишет: „И Люксембург и Ленин писали свои работы, когда экономический смысл империализма не проявился с такой последовательностью, как в настоящее время“ (178). Как видим, и Роза и Ленин не могли дать того, что дает Пилецкий. Он живет не в 14, а в 24 году (шутка ли!) когда можно сказать, что „дальнейшее капиталистическое развитие в общем мировом масштабе становится невозможным“, чего не сказали ни Ленин, ни Роза.

Выступая уже в качестве реформатора в науке, Пилецкий дает такое определение империализма, которое „все охватывает“, „синтезирует“ и наш автор необычайно доволен собой. Роза определила в империализме основное, главное—„роль накопления“, Ленин, „дал гораздо больше, чем Люксембург“ в определении его „вторичных признаков“, а Пилецкий дает и то и другое! Одного искать в книжке Пилецкого сколько нибудь отчетливого понимания теории империализма Розы Люксембург, Гильфердинга и Ленина мы читателю не посоветуем. Теоретическая безграмотность и вульгарный эклектицизм—вот основные отличия этой книжки.

П. Александров.

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, В. Ярославский, Л. Каменев, А. Слепков.

ОГЛАВЛЕНИЕ.